

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Буланова В.С. Санитарно-медицинская служба в русской армии во время первой мировой войны.....9

Коротков Н.А. Теоретико-множественный подход к доказательству теорем как основа решения проблемы информации 12

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Агапова Е.Г., Григорьева Е.А. Информационные эпидемии в социальных сетях: агентное моделирование распространения слухов в структурах «малого мира» 15

Бабаева А.В., Макарова А.О., Шмелева Н.В. Поэтика сказочного повествования как культурная рефлексия: Дж. Р.Р. Толкин и Е.Н. Трубецкой о поисках «высших смыслов» 20

Агапова Е.Г. Объективизация управления качеством образования на основе статистического мониторинга: модель ВСОКО.....23

Белозёрва Е.Ю., Чернавина Д.О. Лексико-функциональные особенности ИИ-генерируемых англоязычных писем с предложением услуг и потенциальные риски деловой коммуникации.....27

Веретенникова И.В., Мамаева Ю.А. Характеристика современной информационной среды как пространства с высокой степенью неопределённости и рисков 31

Воронцова Т.Ю. Язык и мышление в гуманитарном дискурсе XX века 35

Дон Линьгуо, Чэнь Шуан. Исследование роли искусственного интеллекта в педагогическом проектировании будущих педагогов: на основе метода обоснованной теории 39

Воронцова Т.Ю. Язык и мышление в кросс-культурной эстетике: концептуализм.....44

Касторнов Д.И. Цифровая усталость студенческой молодежи: факторы возникновения и социальные стратегии преодоления 49

Ким А.В. Трансформация механизмов медиавоздействия в условиях экзистенциальных угроз: феномен «информационного нигилизма» и приоритет физической реальности над гиперреальностью 54

Кириллова В.А. Педагогические стратегии профилактики агрессии у детей в трудных жизненных условиях.....57

Лю Чунсян. Самопрезентация и управление впечатлением: медиапрактики преподавателей высшей школы на платформах коротких видео 61

Малкина А.В. Переписка М.А. Мамедханлы (Мамедханова) с Л.Н. Толстым в свете новых архивных материалов 66

Каропова С.Г., Некрасов С.В. Социокультурные факторы и культура современной России: особенности взаимовлияния.....72

Полысалов Г.Ю. Информационное противоборство в его лингвистическом выражении.....77

Рахконен М.Е. Нейромодерн как новая форма рациональности в цифровую эпоху 80

Резников М.Ю., Бельников С.С., Швед Д.М. Методический дизайн нейросоциологического исследования, направленного на прогнозирование поведения больших ассоциирующихся социальных групп при информационном воздействии 83

Рубаков А.В. Характеристика преобразований цифрового социального пространства 88

Син Ка. Художественные стратегии обновления национальной музыки Чжао Цзипина.....93

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»
Издатель: ООО «Издательство «КноРус»

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:
ПН № ФС 77-83076 от 26.04.2022

Подписной индекс Роспечати: 70652
ISSN 0869-8120

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: welcome@socgum-journal.ru

Сайт: http://socgum-journal.ru

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Ответственный секретарь:

Миронова Елена Витальевна (Москва)

Балбеко Анатолий Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва), МГУ им. М.А.Шолохова; **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета; **Иванов Вилан Николаевич** – доктор философских наук, профессор, чл.- корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва); **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, Северо-Западный институт управления РАНХиГС; **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Кривошусов Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия» (Москва); **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, профессор Кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз. Формат А4. Дата выхода в свет: 15.08.2026 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Соболев Н.Г. Двойственная природа агрессии несовершеннолетних осужденных: от конструктивной социализации к делинквентному поведению.....97

Сян Миньюй, Заднепровская Г.В. «Двойной голос» и пентатоника: музыкально-стилистический анализ произведений Ли Юйгана в контексте Цзин Гофэн.....100

Соболев Н.Г. К вопросу о социально-педагогическом сопровождении несовершеннолетних осужденных: принципы и организационные аспекты.....104

Филатенко Е.Н. Культура повседневного использования социальных сетей студентами: нормы, ограничения и самоконтроль.....107

Чернышёва О.В. Феномен скул-шутинга: причины убийств в образовательных учреждениях России.....111

Щербакова И.В., Тимашова М.В. Концептосфера эмоции любви в индивидуально-авторской картине мира в творчестве немецкой писательницы Керстин Гир.....114

Шестакова Т.А. Эффективность применения цифровых технологий и функциональных упражнений в организации тренировочного процесса с любителями оздоровительного бега.....117

Щербакова И.В., Дорохина И.В. Внедрение образовательной технологии «Flipped Classroom» при развитии грамматических навыков немецкого языка в техническом вузе.....120

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Акрамов С.Т., Нечунаев Л.А. Социальные риски и общественное восприятие размещения объектов возобновляемой энергетики (ВИЭ) в степных и аридных ландшафтах.....124

Алексеева А.М. Совершенствование системы пенсионной поддержки старшего поколения как основа устойчивой социальной политики Российской Федерации.....127

Амурцев Н.А. Барьеры цифровой трансформации нематериальной мотивации в сервисном секторе: опыт смешанного исследования.....131

Бабешко В.Е. Основные факторы и барьеры ресоциализации участников боевых действий.....135

Баранов А.А., Волжанина А.В., Махмудова М.В. Взаимосвязь процессов профессиональной адаптации и стрессоустойчивости у сотрудников Государственной противопожарной службы МЧС России.....138

Богдан М.С. Жизнестойкость как ресурс успешной социализации интернет-активной молодежи новых регионов.....142

Бочанов М.А. Роль технологий искусственного интеллекта в развитии волонтерской деятельности.....146

Галкина Н.А. Методологические подходы к подготовке воспитателей ДОУ для работы с детьми с особыми образовательными потребностями.....149

Горохова Е.Ю. Проблемы регулирования соотношения максимального и минимального размера заработной платы в организациях: зарубежный и российский опыт.....153

Горяева С.Н. Исследование ценности Великой Победы на примере студентов регионального вуза.....159

Гридина В.В. Цифровое неравенство в сфере электронных государственных услуг: барьеры доступности для различных категорий граждан.....163

Дмитриев И.Д. Трансформация профессиональной идентичности сотрудников через призму социальной архитектуры.....167

Кролевец Ю.Л., Родионов С.И. Физическая подготовка студентов в институциональной структуре университетского образования: социальные практики, барьеры и механизмы вовлечения.....172

Лябах А.Ю., Ножка С.М. Искусственный интеллект в вузе: когнитивные риски и направления дидактической модернизации глазами преподавателей.....177

Муха В.Н., Гасиев В.И., Проторенко И.Е. Коммуникативные режимы интерпретации образа участника СВО молодежью Кубани.....181

Насретдинов М.В. Генеративный искусственный интеллект как фактор трансформации государственного управления: перспективы развития моделей публичного администрирования.....184

Нестеров А.А. Социальные факторы формирования мотивации студенческой молодежи к физической культуре и спорту в образовательной среде университета.....189

Окумбеков Р.С. Повышение эффективности системы мотивации персонала как основной элемент управления стимулированием труда.....192

Парма Р.В., Гладких П.С., Голубев И.О., Демичева Д.А. Технологии импульсивного потребления на площадках российских маркетплейсов.....196

Окумбеков Р.С. Управление профилактикой возрастной дискриминации в компании: проблемы и их решение.....200

Поплёвкин Н.П. Субъектность как фактор управления в военной организации.....204

Рамазанов Р.О. Образ коррупционера в массовом сознании дагестанского населения.....209

Реутова А.В. Педагогические условия формирования управленческой компетентности будущих педагогов дошкольного образования на среднем этапе вузовской подготовки.....213

Саблуков А.В., Примаков В.Л., Передня Д.Г. Цифровой разрыв как фактор социального неравенства.....217

Реутова А.В. Формирование коммуникативных компетенций педагогов в инклюзивных дошкольных образовательных учреждениях.....220

Ушаков Е.В. Социальная ответственность как концептуальная основа деятельности систем публичного управления.....224

Фомин В.А. Модели корпоративной молодежной политики в государственных корпорациях России: сравнительный анализ практик.....228

Чушенко Д.А. Цифровая аналитика в принятии управленческих решений: трансформация управленческого труда и организационных отношений.....232

Шахбанова М.М. Историческая память как фактор формирования образа будущего в массовом сознании дагестанского населения.....235

Юнусов Б.Ш. Социальная адаптация уволенных из вооруженных сил офицеров: социологический дискурс.....239

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Аветисян А.А. «Истории Армении» Лазаря Парпеци – как источник культурно-философских и социально-философских парадигм формирования традиционных ценностей и культурного кода.....242

Трунев С.И., Антонюк Д.С. Цифровая реальность и социокультурная трансформация.....245

Багирова А.Б. Взаимодействие биологических факторов и социальной среды в формировании личности.....248

Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В. Качество и количество как категории социальной философии.....251

Воробьева О.Б., Кротов Д.В. Историческая память и родина: культурно-антропологический аспект.....254

Гасанова Р.Р. Педагогическое наследие России: социально-философский аспект.....257

Глоzman О.С. Социально-философский анализ капиталистической, социалистической и смешанной градостроительной политики.....261

Дубровин В.Л. Солидарность и гражданская сфера в концепции Джеффри Александера.....266

Желябина Н.А. Электронное образование в контексте кризиса мультикультурализма: социально-философский потенциал традиционной образовательной модели.....270

Камышев Л.А. Историческая концептуализация проблемы духовно-культурной безопасности: этапы и концепции.....275

Котляров Е.О. Эволюция человека от состояния «Homo Sapiens» к «Homo Ludens» в пространстве виртуальной культуры: на пути к модели «Homo Deus»...280

Крынжина М.Д. Влияние научной политики на культуру популяризации научного знания в России.....283

Маркович К.Д., Третьяк А.Р. Этика добродетели в перспективе современной корпоративной культуры в эпоху ИИ.....287

Михайлусь Д.В. Современные философские поиски истоков сознания и проблемы морального статуса сознания в системах искусственного интеллекта.....291

Писачкина Я.С. Высшая школа и социальный контроль как фактор реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.....295

Симонова М.М., Самассе Мамаду, Левченкова Т.А. Принцип моральной ответственности в эпоху научно-технического прогресса как категорический императив Ханса Йонаса.....299

Соловьева С.В., Волос В.Т. Ландшафты власти: от производства субъекта к пространству интерпретаций.....302

Стебловская Л.С., Гнатюк М.А. Профессиональная идентичность педагога в сообществе практики: участие, признание и интерпретация нормы.....307

Тазов П.Ю. Коммуникации с ИИ как фактор формирования цифровой идентичности.....	311
Ремарчук В.Н., Урсул В.И., Гусев А.Н. Модель проверки обоснованности аналитического вывода	315
Аушев И.М., Лосев Б.М., Фридман М.Ф., Фридман Ю.Ф. Философские основания корпоративного командообразования: со-экзистенциальная модель профессиональной ориентации	317
Шамилева Р.К., Бокова Э.С. Актуализация понятия интересов в современной социальной теории.....	320
Юань Дунмэй. Исследование русских переводов исторических аллюзий в романе «сон в красном тереме» с точки зрения экопереводологии: на примере перевода В.А. Панасюка 1995 года.....	323
Ягфаров Р.А. Философская антропология асимметрии вежливости как зеркало антропологических моделей: сопоставление китайского и российского политических дискурсов.....	326

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Аторин Р.Ю. Мышление первой сущности: Фома Аквинский о божественном разуме.....	330
Батяновский В.В. Парадигмальная трансформация дефиниции «гражданское общество» в современной России: политологический взгляд.....	333
Москвитин В.А. Плоскость и гиперхаос: две реляционные онтологии после корреляционизма.....	337
Павлич Д.И. Механизм принятия решения как локус сакрального: идентификационная функция современного эсхатологического мифа.....	341
Полозова И.В. «Темные теории» современной философии и основы их преодоления.....	345
Хуссейн Карим Хоссам Абдельрауф. Теоретические подходы к осмыслению природы сознания.....	348
Чжан Хэн. От «Мифологий» к «алгоритмическому мифу»: микрополитическая логика цифрового знакового капитала и пути сопротивления	351

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Аторин Р.Ю., Колчин А.А. Философско-мировоззренческие и историко-культурные предпосылки формирования средневековой теологии.....	355
Горохова В.В. Онтологические и аксиологические основания религиозной веры.....	358
Волчкова О.О., Экзекова М.Н. Философско-религиозный аспект генезиса представлений о свободе в истории Средневековой философии	361

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Амелин В.Н., Гаспарян А.В. Типология политических режимов.....	364
Болтнева С.В. Конструирование субъектности сетевых акторов: самоидентификация и осмысление роли в публичной политике	369
Борисов Д.А., Голубченко И.В. Политические процессы как фактор международного туризма на примере союзного государства Беларуси и России.....	373
Ивакина Е.А., Бочанов М.А. Институционализация молодежного парламентаризма в регионе: на примере Молодежного парламента Санкт-Петербурга.....	379
Буслаков П.Н. Современное состояние цифровизации социальной защиты населения.....	384
Бутаев В.Я. OSINT как инструмент контрнарратива: роль открытой разведки в современных информационных войнах.....	387
Глушанок Т.М., Першина Е.А. Трансформация ценностных ориентиров российской молодежи в условиях геополитических вызовов.....	390
Зубов В.В., Воронкова В.Д. Образно-символическое пространство российской идентичности в сознании молодежи (по материалам популярных социальных сетей).....	394
Кабинова Л.И. Цифровая трансформация как ключевой тренд обновления развитых экономик XXI века	398
Кобляков А.А. Деятельность регионального отделения российского военно-исторического общества в Воронежской области в контексте формирования и реализации «Исторической политики» (2012–2023 гг.).....	401
Махмудов А.И. Трансформация политических институтов Катар в конце XX – начале XXI века	404

Мозгунова Е.А. Молодежное социальное проектирование как сфера публичной политики (региональный аспект на примере Нижегородской области)	407
Нерсисян Р.С. Партия будущих поколений: новая политическая сила противпрезентизма.....	411
Никовская Л.И., Шмидт В.В. Гендерные квоты как инструмент снижения гендерного неравенства	414
Панов А.И., Шишкин В.А. Кризис политического самосознания СССР и России в конце XX века в теории и мемуарах политиков	419
Парма Р.В., Жукова М.В., Сониная У.И., Саргсян А.А. Современные практики и механизмы «культуры отмены» в США.....	423
Победин П.К. Политический микротаргетинг как фактор трансформации публичности выборов.....	427
Родионова М.Е., Мамаева Ю.А., Золотарева К.Г. Миграционно-идентификационный раскол как механизм электоральной адаптации европейских демократий.....	431
Сергиенко А.И., Штайнбах Д.О., Кулакова Н.Н. Большие языковые модели как «информационный посредник»: механизмы влияния на общественное сознание, фрейминг и проблема информационного суверенитета.....	435
Телятник Т.Е. Иконография власти в российском политическом дискурсе: особенности формирования в современной России	439
Фрусов Д.Г. Вызовы и перспективы семейной политики Российской Федерации в отношении многодетных семей в условиях достижения национальных целей развития.....	443
Хлапоница Т.С., Мальченко А.А. Правовое регулирование государственного суверенитета в информационном пространстве.....	446
Чеченов А.М., Азаматова Г.К. Анализ понятия социального пространства в контексте развития современной России на примере Кабардино-Балкарской Республики.....	450
Чжан Сюйжоу. Исследование дискурса образа Востока в ежегодных докладах Валдайского клуба (2020–2025 гг.).....	454
Шадрин Д.А. Становление «Газпрома» как субъекта энергетической дипломатии в условиях распада СССР (1989–1991 гг.)	459
Шишлов Ю.С. Регионализация политики безопасности ЕС под воздействием миграционного кризиса и её последствия для шенгенского консенсуса	464
Ян Сюэ, У Чанбай. Политический смысл формирования и реализации правильного понимания служебных достижений	468

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Абдалсамад Абдалрахман А. Абдалсамад. Влияние ближневосточного военного кризиса на саудовско-американские отношения	471
Атабай Эюб Ибрахим. Структурные ограничения турецко-армянских военно-политических отношений	475
Колесникова М.А. Турция и Катар в турбулентных реалиях Ближнего Востока.....	480
Кузнецов А.С. Американо-немецкие отношения в эпоху второго правления Дональда Трампа.....	483
Курицин В.В. Информационное противоборство как элемент современной внешней политики государств	486
Садыков Б.Р., Ахметова Д.Р. Парадигма Кербелы как инструмент легитимации внешней политики Исламской республики Иран: Израиль как «Коллективный Шимр»	489
Сорокина Д.Д., Милевская Ф.А. Политические мифы в системе гибридного противоборства: сравнительный анализ трех моделей	494
Ступникова А.В. Французское влияние в Латинской Америке: историческая преемственность и трансформация интересов (XVI в. – 1991 г.).....	497
Су Ливэй. Классические случаи реализации гибридной войны США: пути, инструменты и меры противодействия	500
Школина А.О. Феномен восприятия миграции и его роль в политической мобилизации современной Италии	503

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Азамат София. Нормализация ирано-саудовских отношений в 2021–2026 гг.: факторы, посредничество и трансформация региональной безопасности.....	507

Головатая М.С. Эволюция имиджевой политики ОАЭ в средствах массовой информации России.....	511
Гресь Ю.М. Механизм стратегического партнерства во внешней политике КНР и его место в Инициативе глобальной безопасности.....	516
Демин Н.В. Национальные интерпретации образа БРИКС: коммуникационные расхождения в дискурсе стран-участниц.....	519
Жорина А.Ю. «Догнать Россию»: ледокольная программа Вашингтона и контуры возможных договоренностей с Москвой.....	523
Лю Лу. Взаимодействие Китая и России в БРИКС: основные результаты и перспективы.....	528
Макарова М.А., Сибирко М.А., Шкроб Н.В. Проблемы и механизмы формирования психофизической устойчивости курсантов ведомственных образовательных организаций.....	533
Махракова А.В. Репрезентация Японии в американском академическом дискурсе: корпусный анализ публикации ведущих университетов США.....	537
Мехмет Урлер. «Государство-центр» как элемент внешнеполитической доктрины современной Турции.....	541
Морковкин Д.Е. Санкционное давление в современных международных отношениях: пределы эффективности и адаптивная устойчивость России в 2022–2025 годах.....	546
Очеркин К.А. Дипломатическая деятельность Русской православной церкви как механизм гуманитарного влияния в мировой политике.....	551
Первомайская А.О. Эволюция трансатлантического взаимодействия в рамках G7 в 2015–2025 годах.....	556
Понуровская Я.К. Воспитание гражданской идентичности в образовательной политике Китая и США.....	560
Самуна Ахмад-Леонин Хуссам. Институциональная инерция секьюритизации России в США: устойчивость угрозового нарратива в разведсообществе и министерстве войны при смене президентских администраций (2017–2026).....	565
Токарев П.А. Администрация Трампа и новое видение НАТО: от организации коллективной безопасности к условной «сделке».....	570
Филиппов А.В. БРИКС как перспективная площадка для политического и экономического сотрудничества в условиях многополярного мира.....	574
Фэн Шидэ. Анализ демографической политики Японии и прогнозирование численности населения на основе методов машинного обучения.....	579
Цзя Иян. Анализы на разницы логики управления конфликтами между «Цивилизационными государствами» и «Государствами-нациями».....	583
Чжан Линь. Цифровая дипломатия Шаньдуня: каналы, форматы и эффективность коммуникации региональной культуры в рамках проекта «Один пояс – один путь».....	587

Чэнь Сяосюй. Культурная память и механизмы формирования идентичности молодежи в российско-китайском приграничье: культурно-социологический анализ.....	590
Чэнь Цзыжуй. Образовательное сотрудничество в системе российско-китайских отношений: институциональные основы, механизмы и ограничения.....	594

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кравченко А.И. Философия кофе и кофе для философов.....	598
Хлоповских Ю.Г., Макарова М.А., Никонова Е.П. Ценностно-смысловые ориентации и жизнестойкость как детерминанты психологической устойчивости сотрудников силовых ведомств.....	603
Ван Мэнкэ. Педагогическая модель вокально-двигательного тренинга в контексте комплексного подхода к вокальному образованию в вузах Китая: теоретико-методологическое обоснование и экспериментальная апробация.....	607
Полысалов Г.Ю. Аналитические центры США как субъекты информационного противоборства.....	611
Сагалова П.В. Изображение, говорящее об угрозе: синтетическая визуальная секьюритизация миграции в российских онлайн-сми.....	614
Черных И.Н. Перспективы использования цифрового рубля в РФ.....	618
Сагалова П.В. Секьюритизация России в экспертном дискурсе Chatham House: инвертированный образ противника и секьюритизация второго порядка.....	621
Янгляев А.А. Теоретические рамки исследования прекаризации занятости: обзор западных социологических концепций.....	625
Батурина И.В., Латышева Н.А., Свирин М.Г., Александрова И.Б., Несьнова Ю.В. Этические аспекты использования искусственного интеллекта.....	630
Богданов Р.А. Управление человеческими ресурсами в контексте социально-экологической ответственности как элемент системы устойчивого развития бизнеса.....	633
Жэнь Синьянь, Чэнь Шуан. Исследование учебной вовлечённости студентов, обучающихся по специальности «Английский язык», в курс английской фонетики в условиях смешанного обучения.....	637
Инь Шилун. Конструирование образа Александра Керенского в китайском, российском и западном дискурсах.....	642
Капасович Д.Ю. Молодежная дипломатия в экосистеме публичной дипломатии России: теория и практика.....	647
Шадрин Д.А. ГК «Газпром» как инструмент государственной внешнеэкономической стратегии в переходный период 1989–1993 гг.....	652
Швачкина Л.А., Родионова В.И. Актуализация философской идеи сверхчеловека и ее влияние на трансформацию современной цивилизации.....	656
Антонов В.К. Кризисные коммуникации на фондовых биржах: внутриорганизационное измерение.....	659

TABLE OF CONTENTS

SOCIOLOGY: THEORY, MAIN CONCEPTS, MODERN APPROACHES

<i>Bulanova V.S.</i> Sanitary and medical services in the russian army during the first world war.....	9
<i>Korotkov N.A.</i> A set-theoretic approach to proving theorems as a basis for solving the infotmation problem.....	12

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Agapova E.G., Grigorieva E.A.</i> Information epidemics in social networks: agent-based modeling of rumor spread in "small world" structures.....	15
<i>Babaeva A.V., Makarova A.O., Shmeleva N.V.</i> The Poetics of Fairy-tale Narration as Cultural Reflection: J. R.R. Tolkien and E.N. Trubetskoy on the Search for "Higher Meanings"	20
<i>Agapova E.G.</i> Objectification of Education Quality Management Based on Statistical Monitoring: a Model of the Internal School Quality Assessment System (VSOKO)	23
<i>Belozeroval E.Yu., Chernavina D.O.</i> Lexico-Functional Features of AI-Generated English Service Proposal Emails and Potential Risks for Business Communication	27
<i>Veretennikova I.V., Mamaeva Yu.A.</i> Characteristics of the modern information environment as a space with a high degree of uncertainty and risks	31
<i>Vorontsova T.Yu.</i> Language and thought in the 20th-century humanitarian discourse	35
<i>Dong Linguo, Chen Shuang.</i> The Role of Artificial Intelligence in Preservice Teachers' Instructional Design: A Grounded Theory Study.....	39
<i>Vorontsova T.Yu.</i> Language and thinking in cross-cultural aesthetics: conceptualism.....	44
<i>Kastornov D.I.</i> Digital fatigue among university students: causal factors and social coping strategies	49
<i>Kim A.V.</i> Transformation of media effects mechanisms under existential threats: the phenomenon of "informational nihilism" and the priority of physical reality over hyperreality.....	54
<i>Kirillova V.A.</i> Pedagogical strategies for preventing aggression in children in difficult life situations.....	57
<i>Lv Chunxiang.</i> Self-Presentation and Impression Management: University Teachers' Media Practices on Short-Form Video Platforms	61
<i>Malkina A.V.</i> Letters of M.A. Mamedhanly (mamedhanov) with L.N. Tolstoy In The Light Of The New Archival Materials	66
<i>Karepova S.G., Nekrasov S.V.</i> Sociocultural factors and culture of contemporary russia: feature of mutual influence.....	72
<i>Polislov G.Yu.</i> Linguistic Dimension of Information Warfare.....	77
<i>Rahkonen M.E.</i> Neuromodernity as a new form of rationality in the digital age	80
<i>Reznikov M. Yu., Belnikov S.S., Shved D.M.</i> Methodological design of a neurosociological study aimed at predicting the behavior of large associating social groups under information exposure.....	83
<i>Rubakov A.V.</i> Characteristics of Transformations in the Digital Social Space.....	88
<i>Xing Ka.</i> Artistic strategies for the renewal of Zhao Jiping's national music	93
<i>Sobolev N.G.</i> The Dual Nature of Aggression in Juvenile Convicts: From Constructive Socialization to Delinquent Behavior.....	97
<i>Xiang Minyu, Zadneprovskaya G.V.</i> «Double voice» and pentatonics: a musical and stylistic analysis of Li Yugang's works in the context of Jing Guo Feng.....	100
<i>Sobolev N.G.</i> On the issue of social and pedagogical support for juvenile offenders: principles and organizational aspects.....	104
<i>Filatenko E.N.</i> The culture of students' everyday social media use: norms, limits, and self-control.....	107
<i>Chernysheva O.V.</i> The phenomenon of schoolshooting: the causes of murders in educational institutions of Russia.....	111
<i>Shcherbakova I.V., Timashova M.V.</i> The conceptual sphere of emotions in an individual author's worldview in the work of the German writer Kerstin Geer.....	114

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Publisher: Knorus Publishing House LLC

The publication is registered with Roskomnadzor, registration number: PI No. FS 77-83076 dated April 26, 2022

Rospechat Subscription Index: 70652

ISSN 0869-8120

Editorial and Publisher address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: http://socgum-journal.ru

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL BOARD:

Editor-in-Chief:

Mironov Anatoly Vasilyevich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section), Member of the Union of Sociologists, Union of Journalists, Union of Writers of the Russian Federation (Moscow)

Executive Secretary:

Mironova Elena Vitalievna (Moscow)

Balbeko Anatoly Mikhailovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow), Moscow State Pedagogical University for the Humanities named after M.A. Sholokhov; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna**, Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia (Moscow); **Volkov Yuri Grigorievich**, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the South-Russian Branch of the Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University; **Ivanov Vilen Nikolaevich**, Doctor of Philosophy, Professor, Member of the Corr. RAS, Advisor to the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich**, Doctor of Political Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich**, Doctor of Philosophy, Professor, North-West Institute of Management, RANEPA; **Kozlova Oksana Nikolaevna**, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich**, Doctor of Sociology, Professor, State University of Management (Moscow); **Makarov Anatoly Vasilyevich**, Candidate of Philosophy, Professor, Head of the Department of Educational Systems Design, Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrei Viktorovich**, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and History, Moscow Financial and Industrial University "Synergy" (Moscow); **Mikhaylenok Oleg Mikhailovich**, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Social and Political Relations Research at the Center for Political Science and Political Sociology at the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Orehovskaya Natalya Anatolyevna**, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Sociology at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentina Vasilyevna**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Philosophy, Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Member of the International Federation of Journalists, Professor at the Department of Communication Management, Advertising and Public Relations at the Institute of Journalism, Communications and Media Education. Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich**, Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Humanities, Professor at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Sociological Faculty at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Corporate Governance Department at RANEPA, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation (Volgograd); **Khaziev Valery Semenovich**, Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Philosophy, Sociology, Political Science of the BSPU named after M. Akmully, director of the research center for the development of Islamic education, BSPU named after M. Akmully (Ufa, Bashkiria).

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of «RuScience», 117218, Moscow, st. Kedrova, 14/2
Circulation 300 copies. A4 format. Publication date: 15.08.2026. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

<i>Shestakova T.A.</i> Effectiveness of using digital technologies and functional exercises in organizing training for jogging (recreational running)	117
<i>Shcherbakova I.V., Dorokhina I.V.</i> The introduction of educational technology «Flipped Classroom» in the development of grammatical skills of the German language in a technical university	120

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<i>Akramov S.T., Nechunaev L.A.</i> Social Risks and Public Perceptions of Renewable Energy Facilities (RES) in Steppe and Arid Landscapes	124
<i>Alekseeva A.M.</i> Improving the Pension Support System for the Elderly as a Basis for Sustainable Social Policy in the Russian Federation... ..	127
<i>Amurtsev N.A.</i> Barriers to the digital transformation of non-material motivation in the service sector: a mixed-methods study.....	131
<i>Babeshko V.E.</i> The main factors and barriers to the resocialization of combatants	135
<i>Baranov A.A., Volzhanina A.V., Makhmudova M.V.</i> The relation of professional adaptation processes and stress resistance among employees of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia	138
<i>Bogdan M.S.</i> Resilience as a Resource for the Successful Socialization of Internet-Active Youth in the New Regions.....	142
<i>Bochanov M.A.</i> The role of artificial intelligence technologies in the development of volunteerism.....	146
<i>Galkina N.A.</i> Methodological approaches to training preschool teachers to work with children with special educational needs	149
<i>Gorokhova E.Yu.</i> Problems of regulating the ratio of maximum and minimum wages in organizations: foreign and Russian experience.....	153
<i>Goryaeva S.N.</i> Research of the Value of the Great Victory on the Example of Students of a Regional University	159
<i>Gridina V.V.</i> Digital Divide in Electronic Government Services: Accessibility Barriers for Various Categories of Citizens.....	163
<i>Dmitriev I.D.</i> Transformation of professional identity of employees through the prism of social architecture	167
<i>Krolevets Yu.L., Rodionov S.I.</i> Physical fitness of students in the institutional structure of university education: social practices, barriers, and engagement mechanisms.....	172
<i>Lyabakh A.Yu., Nozhka S.M.</i> Artificial intelligence in higher education: cognitive risks and directions for didactic modernization as perceived by faculty	177
<i>Mukha V.N., Gasiev V.I., Protorenko I.E.</i> Communicative Modes of Interpreting the Image of an SVO Participant among Kuban Youth.....	181
<i>Nasretdinov M.V.</i> Generative artificial intelligence as a factor of public governance transformation: prospects for the development of public administration models.....	184
<i>Nesterov A.A.</i> Social Factors of Forming the Motivation of Student Youth towards Physical Culture and Sport in the Educational Environment of a University.....	189
<i>Okumbekov R.S.</i> Improving the effectiveness of the employee motivation system as a key element of managing work incentives through	192
<i>Parma R.V., Gladkikh P.S., Golubev I.O., Demicheva D.A.</i> Impulse consumption technologies on Russian marketplaces	196
<i>Okumbekov R.S.</i> Managing the prevention of age discrimination in a company: problems and their solutions.....	200
<i>Poplyovkin N.P.</i> Agency as a Factor in the Management of a Military Organization.....	204
<i>Ramazanov R.O.</i> The image of a corruption in the mass consciousness of the Dagestan population.....	209
<i>Reutova A.V.</i> Pedagogical conditions for the formation of managerial competence of future preschool teachers at the middle stage of university training	213
<i>Sablukov A.V., Primakov V.L., Perednya D.G.</i> Digital divide as a factor of social inequality	217
<i>Reutova A.V.</i> Formation of communicative competencies of teachers in inclusive preschool educational institutions	220
<i>Ushakov E.V.</i> Social Responsibility as a Conceptual Basis for Public Administration Systems.....	224

<i>Fomin V.A.</i> Models of corporate youth policy in Russian state corporations: a comparative analysis of practices	228
<i>Chushenko D.A.</i> Digital analytics in management decision-making: transformation of managerial work and organizational relations	232
<i>Shakhbanova M.M.</i> Historical memory as a factor in shaping the image of the future in the mass consciousness of the Dagestani population.....	235
<i>Yunusov B.Sh.</i> Social adaptation of dismissed officers from the armed forces: a sociological discourse.....	239

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

<i>Avetisyan A.A.</i> «History of Armenia» by Gazar Parpetsi – as a source of cultural-philosophical and social-philosophical paradigms for the formation of traditional values and cultural code	242
<i>Trounev S.I., Antonyuk D.S.</i> Digital reality and sociocultural transformation	245
<i>Bagirova A.B.</i> The interaction of biological factors and social environment in formation of personality.....	248
<i>Bikmetov E.Yu., Lukyanov A.V.</i> Quality and quantity as categories of social philosophy	251
<i>Vorobyova O.B., Krotov D.V.</i> Historical memory and homeland: a cultural-anthropological aspect.....	254
<i>Gasanova R.R.</i> Russia's pedagogical heritage: a socio-philosophical perspective	257
<i>Glozman O.S.</i> Socio-philosophical analysis of capitalist, socialist, and mixed urban planning policy.....	261
<i>Dubrovin V.L., Solidarity and the Civic Sphere in Jeffrey C. Alexander's Concept</i>	266
<i>Zhelyabina N.</i> E-education in the context of the crisis of multiculturalism: the socio-philosophical potential of the traditional educational model.....	270
<i>Kamyshev L.A.</i> Historical conceptualization of the problem of spiritual and cultural security: stages and concepts	275
<i>Kotlyarov E.O.</i> Human evolution from «Homo Sapiens» to «Homo Ludens» in the space of virtual culture: towards the «Homo Deus» model..	280
<i>Kryzhina M.D.</i> The impact of science policy on the culture of science popularization in Russia.....	283
<i>Markovich K.D., Tretiak A.R.</i> Ethics of virtue in the perspective of contemporary corporate culture in the era of AI	287
<i>Mikhailov D.V.</i> Contemporary philosophical searches for the origins of consciousness and the problem of the moral status of consciousness in artificial intelligence systems	291
<i>Pisachkina Ya.S.</i> Higher Education and Social control as a factor in the Implementation of the National Security Strategy of the Russian Federation	295
<i>Simonova M.M., Samass M., Levchenkova T.A.</i> The principle of moral responsibility in the age of scientific and technological progress as Hans Jonas's categorical imperative.....	299
<i>Solovyova S.V., Volov V.T.</i> Topography of Power: From the Production of the Subject to the Space of Interpretations	302
<i>Steblovskaya L.S., Gnatyuk M.A.</i> Teacher professional identity in a community of practice: participation, recognition, and interpretation of norms	307
<i>Tazov P.Yu.</i> Communications with AI as a factor in the formation of digital identity	311
<i>Remarchuk V.N., Ursul V.I., Gusev A.N.</i> Model for checking whether an analytical conclusion is justified.....	315
<i>Aushev I.M., Losev B.M., Fridman M.F., Fridman Yu.F.</i> Philosophical foundations of corporate team building: a co-existential model of professional orientation	317
<i>Shamileva R.K., Bokova E.S.</i> Revisiting the Concept of Interests in Contemporary Social Theory.....	320
<i>Yuan Dongmei.</i> Russian translation of historical character allusions in hongloumeng from the perspective of eco-translatology: a case study of Panasyuk's 1995 translation.....	323
<i>Yagufarov R.A.</i> Philosophical anthropology of the asymmetry of politeness as a mirror of anthropological models: comparison of Chinese and Russian political discourses	326

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

<i>Atorin R.Yu.</i> The thinking of the first entity: Thomas Aquinas on the divine mind	330
<i>Batyanovsky V.V.</i> Paradigmatic transformation of the definition of «civil society» in modern Russia: a political science perspective	333
<i>Moskvitin V.A.</i> Flatness and hyperchaos: two relational ontologies after correlationism	337
<i>Pavlich D.I.</i> The Decision-Making Mechanism as Locus of the Sacred: The Identificational Function of Contemporary Eschatological Myth	341
<i>Polozova I.V.</i> «Dark Theories» of contemporary philosophy and the foundations for overcoming them	345
<i>Karim Hossam Abdelraouf Hussein.</i> Theoretical approaches to understanding the nature of consciousness	348
<i>Zhang Heng.</i> From «Mythologies» to the «Algorithmic Myth»: The Micropolitical Logic of Digital Symbolic Capital and Paths of Resistance.....	351

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

<i>Atorin R.Yu., Kolchin A.A.</i> Philosophical presuppositions and the historical context of the formation of medieval theology	355
<i>Gorokhova V.V.</i> Ontological and axiological foundations of religious faith	358
<i>Volchkova O.O., Ekzekova M.N.</i> Philosophical and religious aspect of the genesis of the concept of freedom in the history of medieval philosophy	361

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<i>Amelin V.N., Gasparyan AV.</i> Typology of Political Regimes	364
<i>Boltneva S.V.</i> Constructing the subjectivity of network actors: self-identification and understanding of the role in public policy.....	369
<i>Borisov D.A., Golubchenko I.V.</i> Political processes as a factor in international tourism: the case of the union state of Belarus and Russia.....	373
<i>Ivakina E.A., Bochanov M.A.</i> Institutionalization of youth parliamentarism in the region: the example of the Youth Parliament of St. Petersburg	379
<i>Buslakov P.N.</i> The current state of digitalization in social welfare	384
<i>Butaev V.Y.</i> OSINT as a counter-narrative tool: the role of overt intelligence in modern information wars.....	387
<i>Glushanok T.M., Pershina E.A.</i> Transformation of Russian Youth Values in the Context of Geopolitical Challenges	390
<i>Zoubov V.V., Voronkova V.V.</i> The figurative-symbolic space of Russian identity in the minds of young people (based on data from popular social networks)	394
<i>Kabirova L.I.</i> Digital transformation as a key trend in the modernization of advanced economies in the 21st century	398
<i>Koblyakov A.A.</i> Activities of the regional branch of the Russian military historical society in the Voronezh region in the context of the formation and implementation of the «Historical policy» (2012–2023).....	401
<i>Makhmudov A.I.</i> Transformation of political institutions of Qatar in the end of XX – the beginning of XXI century	404
<i>Mozgunova E.A.</i> Youth Social Project Development as a Sphere of Public Policy (A Regional Perspective: The Case of the Nizhny Novgorod Region).....	407
<i>Nersesyan R.S.</i> The future generations party: a new political force against presentism.....	411
<i>Nikovskaya L.I., Shmidt V.V.</i> Gender quotas as a tool for reducing gender inequality	414
<i>Panov A.I., Shishkin V.A.</i> The crisis of political consciousness of the USSR and Russia at the end of the twentieth century in theory and memoirs of politicians	419
<i>Parma R.V., Zhukova M.V., Sonina U.I., Sargsyan A.A.</i> Contemporary practices and mechanisms of «cancel culture» in the USA	423
<i>Pobedin P.K.</i> Political microtargeting as a factor in the transformation of electoral publicity	427
<i>Rodionova M.E., Mamaeva Yu.A., Zolotareva K.G.</i> The migration-identity cleavage as a mechanism of electoral adaptation in European democracies	431
<i>Sergienko A.I., Steinbakh D.O., Kulakova N.N.</i> Large language models as an «information intermediary»: mechanisms of influence on public consciousness, framing and the problem of information sovereignty	435

<i>Telyatnik T.E.</i> The Iconography of Power in Russian Political Discourse: Features of Its Formation in Contemporary Russia	439
<i>Fruslov D.G.</i> Challenges and prospects for family policy in the Russian Federation regarding large families in the context of achieving national development goals	443
<i>Khlaponina T.S., Malchenko A.A.</i> Legal regulation of state sovereignty in the information space	446
<i>Chechenov A.M., Azamatova G.K.</i> Analysis of the concept of social space in the context of modern Russia's development: the case of the Kabardino-Balkarian Republic.....	450
<i>Zhang Xurou.</i> A Discourse Study of the Image of the East in the Annual Reports of the Valdai Discussion Club (2020–2025)	454
<i>Shadrin D.A.</i> The Formation of Gazprom as a Subject of Energy Diplomacy during the Dissolution of the USSR (1989–1991)	459
<i>Shishlov Yu.S.</i> The Regionalization of EU Security Policy under the Impact of the Migration Crisis and Its Consequences for the Schengen Consensus	464
<i>Yang Xue, Wu Changbai.</i> The political implications of establishing and practicing a correct view on political achievements.....	468

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

<i>Abdalsamad Abdalrahman A. Abdalsamad.</i> The impact of the Middle East military crisis on Saudi-American relations.....	471
<i>Atabay Eyup Ibrahim.</i> Structural constraints on Turkish-Armenian military-political relations	475
<i>Kolesnikova M.A.</i> T rkiye and Qatar in the turbulent realities of the Middle East	480
<i>Kuznetsov A.S.</i> US-German Relations in the Second Trump Administration	483
<i>Kuritsin V.V.</i> Information warfare as an element of modern foreign policy of states.....	486
<i>Sadykov B., Akhmetova D.</i> The Karbala Paradigm as a Tool for Legitimizing the Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran: Israel as the «Collective Shimir»	489
<i>Sorokina D.D., Milevskaya F.A.</i> Political Myths in the System of Hybrid Confrontation: A Comparative Analysis of Three Models	494
<i>Stupnikova A.V.</i> French Influence in Latin America: Historical Continuity and Transformation of Interests (16th Century – 1991)	497
<i>Su Liwei.</i> Classic cases of the implementation of U.S. hybrid warfare: paths, instruments and countermeasures.....	500
<i>Shkolina A.O.</i> The Phenomenon of Migration Perceptions and Its Role in Political Mobilization in Contemporary Italy.....	503

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

<i>Azamat S.</i> Normalization of Iranian – Saudi relations in 2021–2026: factors, mediation, and the transformation of regional security	507
<i>Golovataya M.S.</i> The evolution of the UAE's public relation policy in the Russian media	511
<i>Gres Yu.M.</i> The mechanism of strategic partnership in China's foreign policy and its place in the Global Security Initiative	516
<i>Demin N.V.</i> National Interpretations of the BRICS Image: Communicative Divergences in the Discourse of Member States.....	519
<i>Zhorina A.Yu.</i> «Catching up with Russia»: the U.S. icebreaker program and the contours of possible agreements with Moscow	523
<i>Liu Lu.</i> China-Russia cooperation in the BRICS: key results and prospects..	528
<i>Makarova M.A., Sibirko M.A., Shkrob N.V.</i> Problems and mechanisms of formation of psychophysical stability of cadets of departmental educational organizations	533
<i>Makhrakova A.V.</i> Representing of Japan in U.S. Academic Discourse: An Analysis of Publications from Leading American Universities.....	537
<i>Mehmet Urper.</i> «The State-Centred Approach» as an element of modern Turkey's foreign policy doctrine.....	541
<i>Morkovkin D.E.</i> Sanctions Coercion in Contemporary International Relations: The Limits of Effectiveness and Russia's Adaptive Resilience in 2022–2025.....	546
<i>Ocherekin K.A.</i> Diplomatic activity of the russian orthodox church as a mechanism of humanitarian influence in world politics	551
<i>Pervomaiskaia A.O.</i> Evolution of transatlantic interaction within the G7: 2015–2025	556
<i>Ponurovskaya Ya.K.</i> Education of civic identity in the educational policy of China and the United States	560

<i>Samuna Ahmad-Leonin Hussam</i> . Institutional inertia of Russia's securitization in the U.S.: the persistence of the threat narrative in the Intelligence Community and the Department of War across presidential administrations (2017–2026)	565
<i>Tokarev P.A.</i> The Trump administration and a new vision of NATO: from a collective security organization to a conditional «deal»	570
<i>Filippov A.V.</i> BRICS as a promising platform for political and economic cooperation in a multipolar world	574
<i>Feng Shide</i> . An Analysis of Japan's Population Policy and Population Forecasting Based on Machine Learning Methods	579
<i>Jia Yiyang</i> . Analysis of the Differences in Conflict Management Logic between «Civilizational States» and «Nation-States»	583
<i>Zhang Lin</i> . Digital diplomacy of Shandong: channels, formats and effectiveness of regional culture communication within the framework of the Belt and Road Initiative	587
<i>Chen Xiaoxu</i> . Cultural memory and mechanisms of youth identity formation in the Russian-Chinese borderland: a cultural-sociological analysis	590
<i>Chen Zirui</i> . Educational Cooperation in the System of Russian-Chinese Relations: Institutional Foundations, Mechanisms, and Constraints	594

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

<i>Kravchenko A.I.</i> , Philosophy of coffee and coffee for philosophers.....	598
<i>Khlopovskikh J.G., Makarova M.A., Nikonova E.P.</i> Value-semantic orientations and resilience as determinants of psychological stability of law enforcement officers	603
<i>Wang Mengke</i> . A pedagogical model of vocal-movement training within the context of a comprehensive approach to vocal education in Chinese higher education institutions: theoretical-methodological rationale and experimental validation	607

<i>Polisalov G.Yu.</i> US Think Tanks as Actors in Information Warfare.....	611
<i>Sagalova P.V.</i> An image that speaks of threat: synthetic visual securitization of migration in Russian online media	614
<i>Chernykh I.N.</i> Prospects of using the digital ruble in the Russian Federation	618
<i>Sagalova P.V.</i> Securitization of Russia in the expert discourse of Chatham House: the inverted image of the adversary and second-order securitization	621
<i>Yanglyayev A.A.</i> Theoretical framework for the study of precarious employment: a review of western sociological concepts	625
<i>Baturina I.V., Latysheva N.A., Svirin M.G., Aleksandrova I.B., Nesinova Yu.V.</i> Ethical aspects of using artificial intelligence.....	630
<i>Bogdanov R.A.</i> Human resource management in the context of social and environmental responsibility as an element of the sustainable business development system	633
<i>Ren Xingyan, Chen Shuang</i> . A Study of English Majors' Learning Engagement in the English Pronunciation Course under the Blended Learning Model	637
<i>Yin Shilong</i> . The Construction of Alexander Kerensky's Image in Chinese, Russian, and Western Discourses.....	642
<i>Kapasovich D.Yu.</i> Youth diplomacy in the ecosystem of Russian public diplomacy: theory and practice	647
<i>Shadrin D.A.</i> Gazprom State Gas Concern as an Instrument of the State's Foreign Economic Strategy during the Transition Period, 1989–1993.....	652
<i>Shvachkina L.A., Rodionova V.I.</i> Actualization of the Philosophical Idea of the Overman and Its Influence on the Transformation of Modern Civilization	656
<i>Antonov V.K.</i> Crisis communications at stock exchanges: the internal organisational dimension.....	659

Санитарно-медицинская служба в русской армии во время первой мировой войны

Буланова Валерия Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Московского медицинского университета Реавиз

Автор статьи акцентирует внимание на санитарно-медицинском обеспечении российской армии во время Первой мировой войны. В каком запущенном и неухоженном состоянии она была на начало войны и сколько понадобилось времени и средств санитарно-медицинской службе избавиться её от влияния антисанитарных условий, чтобы как-то способствовать поднятию боевого духа у солдат и офицеров и нацелить их на выполнение военных задач. В статье также показаны конкретные меры государства и военного руководства, предпринятые на исправление ситуации в лучшую сторону в кратчайшие сроки.

Ключевые слова: противозидемическая сеть, санитарно-эпидемиологическая разведка, Главное военно-санитарное управление, санитарно-противозидемические учреждения, дезинфекция и санитарная обработка, противозидемические барьеры, санитарно-гигиенические мероприятия, вакцинация, Парижское хирургическое общество, военная санитария.

Введение

Деятельность военно-санитарных учреждений и борьба с инфекциями и эпидемиями связаны с системой противозидемического обеспечения войск. Её цель – предупредить занос инфекций в войска и возникновение инфекционных заболеваний среди личного состава, а в случае появления – ликвидировать эпидемические очаги и не допустить выноса инфекции за пределы войск.

Для сбережения и укрепления здоровья личного состава войск медицинский состав обязан:

- систематически изучать состояние здоровья личного состава войск и устранять причины, вызывающие заболевания;
- осуществлять непрерывный санитарный надзор в войсках, особенно за питанием, водоснабжением и расквартированием;
- учитывать и предупреждать возможные отрицательные влияния на здоровье войск особенностей обстановки, в которой войска находятся или должны будут действовать;
- организовать и неуклонно проводить специальные мероприятия по предупреждению и борьбе с заразными заболеваниями в войсках и в занятых районах.

Для успешности борьбы с заразными заболеваниями необходима:

- широко развитая противозидемическая сеть (лаборатории, госпитали для заразных больных, обмывочные, дезинфекционные учреждения);
- тщательная организация и обеспечение непрерывной санитарно-эпидемиологической разведки в целях заблаговременного оповещения войск о возможной опасности эпидемических заболеваний;
- быстрое выявление и распознавание заразных заболеваний, безотлагательное извещение вышестоящих и подчиненных органов, а также соседей, о появившихся инфекциях;
- немедленное, решительное и точное выполнение мероприятий, необходимых для борьбы с данным видом эпидемического заболевания, обнаруженного в войсках или в районе их действия.

Главное военно-санитарное управление – центральный орган, созданный во время Первой мировой войны, регламентировал работу военных медиков по всем направлениям и в борьбе с инфекциями и эпидемиями в первую очередь. В его ведении находились госпитали, лазареты, санитарные станции, аптечные магазины, склады, транспорт для перевозки больных. Оно также руководило проведением санитарных и ветеринарных мер по предупреждению и прекращению эпидемических заболеваний среди военнослужащих.

В армии была создана сеть специальных санитарно-противозидемических учреждений: *инфекционные госпитали, санитарно-гигиенические, дезинфекционные и банно-прачечные отряды*. Они входили в штат войсковых соединений и были приближены к войскам (например, санотряд – в корпусе, дезинфекционные отряды – в дивизиях). Ими были проведены и осуществлены следующие меры:

- изоляция заразных больных. Инфицированных людей изолировали от остальных, отправляя в карантин или «заразные городки»;
- дезинфекция и санитарная обработка. Проводились мероприятия по обеззараживанию мест проживания военнослужащих, окопов, вокзалов, медицинских учреждений;
- создание противозидемических барьеров. Например, обсервационно-изоляционные пункты с дезинфекционными отрядами на первой линии и заразные госпитали для лечения заболевших – на второй;
- общие санитарно-гигиенические мероприятия. Улучшение водоснабжения и ассенизации;
- вакцинация. Массовое распространение получило вакцинирование, особенно противотифозной вакциной. Использовалась и зарубежная вакцина, изобретённая в Англии и США;
- контроль за гражданским населением. При обнаружении очагов заболеваний военные врачи сообщали об этом местным органам, которые должны были принимать меры по устранению эпидемии.

К концу Первой мировой войны в армии было создано 110 санитарно-гигиенических и 90 дезинфекционных подразделений, но организация противозидемической защиты оставалась неудовлетворительной из-за нехватки специалистов и оборудования. Как и во многих направлениях медицинского обслуживания во время Пер-

вой мировой войны в данной деятельности наблюдались проблемы и недостатки. И, прежде всего:

- ведомственная разобщённость и отсутствие единой военно-медицинской организации. Меры часто оказывались малоэффективными из-за недостаточного материального обеспечения;
- дефицит кадров медицинского персонала;
- неэффективность железнодорожной эвакуации из-за того, что вагоны часто не были приспособлены для перевозки больных;
- проблема переноса инфекционных заболеваний с гражданского населения на личный состав армии. Во многом это было связано с отсутствием санитарного надзора над мирным населением [1, 2, 3].

Материалы и методы исследований

Основной базой и источниками для данного исследования послужила многочисленная литература по данной тематике, опубликованная как в научных журналах, так и монографиях досоветского, советского и современного периодов. А также архивные источники из системы электронных библиотек. При написании настоящей статьи использовались как общенаучные, так и специально-исторические методы исследования.

Результаты исследования

Всю войну господствовала порочная доктрина «эвакуации во что бы то ни стало», которая стоила русской армии немало жизней солдат и офицеров. Командование полагало, что скопление «увечных воинов» в прифронтовой зоне будет стеснять движения войск. И это было не только в русской армии – во многих странах господствовала подобная идеология. Однако уже в конце 1914 года во Франции врачи поняли, что эвакуация в тыловые госпитали приводит к неоправданным потерям. В итоге Парижское хирургическое общество обратилось с инициативой организации раннего оперативного вмешательства. С 1915 года французы во фронтовых лазаретах стали практиковать – лапаротомию (вскрытие брюшной полости) при проникающих ранениях живота. Именно во Франции выработали новую для военной медицины концепцию «золотого часа», согласно которой пациентам со множественными ранениями помощь должна быть оказана в течение первого часа. В русской армии такое стало наблюдаться с осени 1916 года, для чего появились передовые отряды фронтовых хирургов-консультантов, рентгеновские аппараты и зубоучастные кабинеты.

Отдельной проблемой в русской армии были инфекции, с которыми не всегда умели справляться. Так, в 1912 году из 1000 солдат и офицеров брюшным тифом болело 4,5; сыпным тифом 0,13; дизентерией 0,6; оспой 0,07; гонореей 23,4 и чесоткой 13,9 человек личного состава. С началом войны доля инфекционных больных резко увеличилась – в конце 1914 года холерой под Варшавой болело 8758 человек личного состава русской армии. Реакция не заставила себя долго ждать – в корпусах появились санитарно-гигиенические отряды, а дивизии и бригады располагали по одному дезинфекционно-эпидемиологическому отряду [4, 5, 6].

Обычно во главе санитарного подразделения был старший врач, его заместителем выступал зауряд-врач, далее 4 сестры милосердия, 2 дезинфектора, 10 санитаров и 9 обозных санитаров. Транспортное обеспечение было в виде 3 пароконных бричек, 6 повозок с 18 упряжными лошадьми, 2 верховых лошадей и походной кухни. Главным достоинством такого подразделения была мобильность, автономность и оперативность реагирования. Кроме этого, отряды могли переформировываться в крупные стационарные эпидемические пункты, а также усиливаться дезинфекционными отрядами и шоссейными дивизионными отрядами [7, 8].

Статистика по эпидемиям в царской армии указывает на 291 тыс. инфекционных больных, из которых 14,8% умерли. В их числе заболевших брюшным тифом было 97,5 тыс. человек, из которых умерли 21,9%, сыпным тифом – 21,1 тыс. (23,3%), возвратным тифом – 75,4 тыс. (2,4%), дизентерией – 64,9 тыс. (6,7%), холерой – 30,8 тыс. (33,1%), натуральной оспой – 3708 человек (21,2%). Усугубляло ситуацию с распространением инфекций пресловутая «эвакуация во что бы то ни стало». Несмотря на существование «Инструкции для сортировки заразных больных и перевозки их в военно-санитарных поездах», строевые офицеры, ответственные за эвакуацию, нарушали предписанные правила. Инфекция распространялась как внутри санитарного поезда, так и среди гражданского населения в тылу страны. [9, 10].

Вода, трупы и вши

Особой заботой армейского руководства стало качество питьевой воды на фронте. Причиной этому стали брюшной тиф и дизентерия, которые регулярно вспыхивали в прифронтовой полосе. Появились в войсках мобильные лаборатории, обеспечивающие экспресс-анализ источников водоснабжения. Были попытки ликвидации безграмотности солдат

касательно простейшей гигиены и профилактики кишечных инфекций. В наставлениях говорилось о необходимости охранять источники питьевой вод, наливать во фляжки только кипяченую воду, не ложиться на сырую землю животом и регулярно мыть руки. Кроме этого, на железнодорожных станциях запретили продажу кваса, овощей и фруктов.

Но на протяжении всей войны руководством Главного военно-санитарного управления не была решена проблема переноса инфекционных заболеваний с гражданского населения на личный состав армии. Во многом это было обусловлено фактическим отсутствием санитарного надзора над мирным населением. Из-за чего в декабре 1915 года в Российской империи различными инфекционными заболеваниями (прежде всего тифом) болело 126,1 тыс. человек. Слабо проводилась изоляция мест дислокации войск от контактов с гражданскими лицами. К 1916 году появились первые идеи о характере противозидемиологической работы в зоне боевых действий. Известный отечественный военный эпидемиолог К.В. Караффа-Корбут на основе войскового опыта врачевания писал: «...санитарные мероприятия в районе военных действий армии должны распространяться... и на гражданское население; для руководства противозидемиологическим делом надо готовить специалистов-эпидемиологов, а для проведения соответствующих мероприятий иметь штатные санитарно-эпидемиологические учреждения; на путях подвоза и эвакуации должны действовать надежные противозидемиологические «фильтры»; выявленные инфекционные больные подлежат лечению на месте, без их эвакуации в тыл».

Но к Караффе-Корбуту прислушались только к концу войны и только в части организации противозидемиологических фильтров на путях эвакуации. Но самая неприглядная и отвратительная ситуация была с горами трупов, которые становились рассадниками опасных инфекций. «Несколько оставшихся трупов, все сильнее разлагаясь, стали давать такой ужасный запах, отравлявший воздух, что становилось все труднее и физически и морально выдерживать его», – писал о страшных картинах войны солдат русской армии Буторов Н.В.

Своевременное захоронение тел погибших было не налажено, особенно это наблюдалось в зимнее время. Нередки были ситуации, когда под снегом оставались сотни погибших трупов противника, которые к весне разлагались и становились источниками возбудителей тяжелых заболеваний, переносимых талыми водами и насекомыми. И даже если погибших хоронили зимой, то всего на несколько десятков сантиметров, что не спасало ситуацию.

Крупным просчетом командования царской армии стали невнимание к личной гигиене военнослужащих в первые годы войны. Лебедев А.С. в своём самом знаменитом труде: «О работе технических отрядов на передовых позициях: постройка бань, прачечных, дезинсекторов и прочих» в 1915 году писал: «Нам пришлось увидеть в окопах и по тем раненым, которых доставляли в лазареты, следующее: люди в буквальном смысле были одеты в «живые рубашки», сплошь все было усыяно вшами, тело покрыто корой грязи, нижнее бельё имело буро-защитный цвет, все это, вместе взятое, отдавало таким сильным специфическим запахом, что первое время было трудно привыкнуть к этому, а особенно к той куче вшей, которая моментально облепляла подушки, одеяло, простыни и даже халаты сестер. Из расспросов солдат выяснилось, что они не мылись около 4–5 месяцев».

С 1915 года устроили массовую вакцинацию с использованием в том числе новинок – противотифозных и противостолбнячных сывороток. Пилотные вакцинации против брюшного тифа были проведены в экспериментальном режиме в мае 1914 года на 5700 солдатах и офицерах Туркестанского военного округа. Итоги оказались весьма положительными и на основании царского «высочайшего повеления», последовавшего 14 августа 1915 года, а также приказа военного министра № 432 от 17 августа того же года вакцинация должна была стать массовым явлением. Несмотря на то, что во многих подразделениях к этой новости отнеслись халатно, заболеваемость брюшным тифом в царской армии к 1916 году снизилась с 16,7% до 3,13%.

После этого, Главное военно-санитарное управление объявило настоящую, хоть и запоздалую, войну вшам. Появились препараты мылонафта, технический крезол, «насекомояд», «гелиос» и «гигиена». Для обеззараживания одежды использовали пароформалин и серу, сернистый газ и обычный пар. Выводили клопов со вшами и традиционными способами – ношением двух рубаш, верхняя из которых пропитывалась 10% раствором дёгтя, а также смачиванием волос бензином, керосином и ртутной мазью.

В армии значительно расширили штат бань, каждая из которых была вместимостью по 30–40 человек. Топили их «по-черному», так как постройка и эксплуатация такой бани обходилась гораздо дешевле. Классическая армейская баня времен Первой мировой войны состояла из раздевалки и мыльни-парилки, а также прилегающей к ней прачечной и по возможности дезинфекционной камерой. Норма рас-

хода мыла для солдат составляла порядка 90 граммов на 1 человека. Пользоваться такими банями солдаты русской армии могли только в моменты позиционной войны – передвижных бань в штате не было. В исторических источниках указывается как минимум один поезд-баня, построенный на средства жителей Курской губернии. Поезд состоял из 19 вагонов, двух огромных цистерн для воды и парогенератора. В таком поезде с пропускной способностью в 1200 человек в сутки солдаты мылись следующим образом: раздевались в одном из первых вагонов, затем переходили в сами бани, а после помывки попадали в одеваемый вагон, где получали бесплатно комплект чистого белья и свою одежду, которую к тому времени успевали подвергнуть дезинфекции. В оставшихся вагонах располагались столовая, портняжная и сапожная мастерские, лавка [11, 12].

Выводы

Всё вышесказанное привело к заметному улучшению санитарно-эпидемиологического состояния в царской армии: паразитов и кожных заболеваний стало сразу на 60% меньше, что сильно подняло духовный и боевой дух российской армии, и это благодаря улучшению бытовых условий жизни на войне солдат и офицеров, к чему привели конкретные меры государства и военного руководства.

Литература

1. Александров В.Н. Инфекционная заболеваемость в Русской армии в Первую мировую войну 1914–1918 гг. / Рукопись. – Л., 1973. – 146 с.
2. Вестник Красного Креста. 1914. № 8. Октябрь. С. 236.
3. Вестник Красного Креста. 1916. Апрель. С. 1134–1143.
4. Вестник Красного Креста. 1916. Июль-август (раздел офиц.). С. 82–84.
5. Вестник Красного Креста. 1916. Октябрь. С. 260.
6. Гладких П.Ф. «Военная медицина императорской России в Первой мировой войне в 1914–1917 гг.» (2017). – С. 5–24.
7. Гладких П.Ф., Локтев А.Е. Мобилизационное развертывание госпитальных средств Русской армии и их состояние во время Первой мировой войны 1914–1917 гг. / Материалы I Съезда Конфедерации историков медицины. 12–14 марта 1998 года. – М.: Медицина, 1998. – С. 124–126.
8. Каминский Л.С. Санитарное состояние населения в 1914–1918 гг. и военные потери // Мед. и демограф. статистика. – М., 1974. – С. 125.
9. Мошкин А.Н., Валяев Я.В. Проблемы санитарно-гигиенической службы российской армии в годы Первой мировой войны // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 8 (179), вып. 30. С. 95–100.

10. Назин И.С. «Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917 гг.: Сб. документов» (Куйбышев, 1942). – 464 С.

11. Отчет о состоянии народного здоровья и организация врачебной помощи в России за 1915 г. // Русский врач. – 1915. – № 46. – С. 1103.

12. Патыко А.А. Эпидемии в годы Первой мировой войны // Молодежный инновационный вестник. 2019. Т. VIII, прил. 1. С. 105.

SANITARY AND MEDICAL SERVICES IN THE RUSSIAN ARMY DURING THE FIRST WORLD WAR

Bulanova V.S.

Moscow Medical University Reaviz

The author of this article focuses on the sanitary and medical support provided to the Russian army during the First World War. The article highlights the poor and neglected state of the army at the beginning of the war, as well as the time and resources it took for the sanitary and medical services to address the unsanitary conditions and improve the morale of soldiers and officers, in order to focus them on achieving military objectives. The article also provides insights into the specific measures taken by the government and military leadership to address these issues and improve the situation as quickly as possible.

Keywords: anti-epidemic network, sanitary and epidemiological intelligence, Main Military Sanitary Directorate, sanitary and anti-epidemic institutions, disinfection and sanitary treatment, anti-epidemic barriers, sanitary and hygienic measures, vaccination, Paris Surgical Society, and military sanitation.

References

1. Alexandrov V.N. Infectious Diseases in the Russian Army during the First World War of 1914–1918. / Manuscript. – Leningrad, 1973. – 146 p.
2. Bulletin of the Red Cross. 1914. № 8. October. P. 236.
3. Bulletin of the Red Cross. 1916. April. Pp. 1134–1143.
4. Bulletin of the Red Cross. 1916. July-August (official section). Pp. 82–84.
5. Bulletin of the Red Cross. 1916. October. P. 260.
6. Gladkikh, P. F. «Military Medicine of Imperial Russia in the First World War of 1914–1917» (2017). Pp. 5–24.
7. Gladkikh, P.F., and Loktev, A.E. Mobilization of Hospital Facilities in the Russian Army and Their Condition during the First World War of 1914–1917. Proceedings of the First Congress of the Confederation of Medical Historians. March 12–14, 1998. – Moscow: Medicine, 1998. – Pp. 124–126.
8. Kaminsky, L.S. The sanitary condition of the population in 1914–1918 and military losses // Medical and demographic. statistics. – M., 1974. – P. 125.
9. Moshkin A.N., Valyaev Ya.V. Problems of the sanitary and hygienic service of the Russian army during the First World War // Scientific statements. Series History. Political science. Economy. Computer science. 2014. № 8 (179), issue 30. Pp. 95–100.
10. Nazin, I. S. «The Sanitary Service of the Russian Army in the War of 1914–1917: Collection of Documents» (Kuybyshev, 1942). – 464 p.
11. Report on the state of public health and the organization of medical care in Russia in 1915 // Russkiy Vrach. – 1915. – № 46. – P. 1103.
12. Patyko A.A. Epidemics during the First World War // Molodezhnyy Innovatsionnyy Vestnik. 2019. Vol. VIII, app. 1. P. 105.

Теоретико-множественный подход к доказательству теорем как основа решения проблемы информации

Коротков Николай Александрович,

кандидат философских наук, доцент кафедры “Высшая математика”, алтйский государственный технический университет “ВОЕНМЕХ” им. Д.Ф. Устинова
E-mail: korotkovna.spb@yandex.ru

В статье рассматривается динамика развития и современное состояние проблемы информации. Указаны причины, не позволяющие принять подход Н. Винера из его «Кибернетики» к интерпретации понятия информации («Информация есть информация, а не материя и не энергия»). Для признания правомерности винеровского подхода автором сформулирована и доказана теорема о неполноте определения объекта физической науки. Доказательство теоремы впервые проведено на основе теории множеств, а не логики. Результат обобщен на все естествознание в целом. Предложено новое определение физической науки, в котором учтена не учтенная ранее компонента.

Целью работы является исследование развития и современного состояния проблемы информации. Для достижения поставленной цели рассмотрено современное определение объекта физической науки. В качестве гипотезы предложен новый подход к интерпретации понятия информации. Методологической базой дискурса выбрана теория множеств. Результатом исследования является подтверждение правомерности нового подхода к решению проблемы информации.

Ключевые слова: теория множеств, логика, проблема информации, теорема, доказательство, неполнота определения, объект физической науки.

Предпосылками для возникновения новых концепций в математике (и не только в ней) и дальнейшему выводу ее на новый уровень развития являются проблемы, не разрешимые с позиций уровня ее развития в соответствующее время. Так, в свое время задача о проведении касательной к кривой и задача об определении мгновенной скорости движения материальной точки привели к разработке Ньютоном и Лейбницем основ дифференциального исчисления. В физике таким примером является т.н. «ультрафиолетовая катастрофа» – невозможность адекватного описания полной мощности теплового излучения с позиций классической физики, – приведшая к созданию основ физики микромира – квантовой механики. По нашему мнению, подобной проблемой является открытая на сегодняшний день проблема интерпретации понятия информации. Для «закрытия» этой проблемы необходим пересмотр определения объекта физической науки, основанный на принципиально новом подходе к доказательству теорем в математике.

Краткая история развития проблемы информации

Проблема информации, включающая в себя интерпретацию этого понятия, установление его связей с другими понятиями и определение его логического статуса, до сих пор не имеет общепризнанного решения. В 1976 году отечественные ученые Е.С. Геллер и А.Д. Урсул писали: «Можно быть уверенным в том, что дальнейшее развитие приведет к возникновению новых концепций информации» [11, с. 194]. Неразрешенность проблемы информации в 1979 году отмечал известный отечественный ученый В.В. Налимов: «Мы не умеем определить, что есть информация» [9, с. 40]. В 2004 году об этом же писал в своей работе «Нерешенные проблемы философии информации» [15] и известный западноевропейский специалист по философии информации Лучано Флориди. В ней он выделил 18 нерешенных проблем философии информации, среди которых на первом месте стоит вопрос: «Что такое информация?», а на шестом – вопрос о связи информации с истиной.

Современное состояние проблемы информации зафиксировано в дискуссии по этой проблеме, состоявшейся в 2010 году и отраженной на страницах журнала «Вопросы философии» [3]: к настоящему времени общепризнаны две основные концепции информации – атрибутивная и функциональная. Однако ни одна из них, например, не дает ответа на вопрос о наличии или отсутствии информации в природе.

Вернемся к истории развития проблемы информации.

Впервые в современной науке научно интерпретировать понятие количества информации в 1921 году попытался британский биолог и статистик Рональд Фишер: количеством информации, полученной в результате статистической обработки результатов однотипных экспериментов, он предложил считать величину, обратно пропорциональную дисперсии (мере разброса) значений исследуемой величины [14]. Но его подход не был критически проанализирован и не получил всеобщего признания в научном сообществе. Отметим, что Р. Фишер предложил меру измерения информации, не определив ее сущность. По нашему мнению: а) подход Р. Фишера характеризует не количество информации, а точность ее оценивания; б) за оценку количества информации следовало бы принять математическое ожидание оцениваемой величины.

Дальнейшие попытки интерпретировать понятие информации связаны с передачей сообщений по телеграфному каналу связи. Этой проблемой занимались сотрудники лаборатории им. Александра Белла в США. В 1924 году Гарри Найквист Предложил считать количеством информации при передаче одной буквы алфавита величину, обратно пропорциональную числу букв в алфавите: $H = 1/n$, где n – число букв алфавита используемого языка [16]. Однако вскоре выяснилась неэффективность предложенного подхода: при увеличении количества символов в передаваемом сообщении в арифметической прогрессии количество информации в сообщении катастрофически убывает в геометрической прогрессии.

В 1924 году Ральф Хартли усовершенствовал формулу Г. Найквиста, предложив логарифмическую меру для измерения количества информации [12]: $H = \log 1/n$.

Окончательно формула для измерения количества информации в сообщении оформилась в 1948 году в работе Клода-Эдвуда Шеннона

[13], который учел, что различные буквы алфавита встречаются в текстах с различной частотой (вероятностью):

$$H_i = -k \log_q p_i,$$

где H_i – количество информации при передаче i -ой буквы алфавита,

p_i – частота встречаемости этой буквы в данном языке,

q – основание логарифма,

k – коэффициент пропорциональности, зависящий от q .

Подход К. Шеннона является вероятностно-статистическим, а сама его концепция получила название негэнтропийной вследствие того, что формула К. Шеннона с точностью до знака совпадает с формулой Людвиг Больцмана для вычисления энтропии (меры хаоса) идеального газа. Приращение информации в результате получения и расшифровки сообщения уменьшает на такую же величину энтропию, поэтому информация интерпретируется как степень снятия неопределенности.

В 1948 году «отец кибернетики» Норберт Винер дал, по нашему мнению, гениальное определение информации и там же указал на несостоятельность современной философии естествознания: «Информация есть информация, а не материя и не энергия. Тот материализм, который не признает этого, не может быть жизнеспособным в настоящее время» [1, с. 201]. В первой части этого высказывания дается определение понятия информации при помощи операции отрицания, а во второй – указывается на необходимость замены материалистической философии естествознания на новую. Автор настоящей работы в статье «Что есть информация?» [5] выражает солидарность с точкой зрения Н. Винера на сущность информации.

Но подход Н. Винера к определению понятия информации современная наука и философия отвергают. Почему?

В современной логике считается недопустимым определять новое понятие посредством операции отрицания, та как при этом катастрофически возрастает смысловая неопределенность. Это справедливо, если дискурс основан на основе логики. Но если дискурс строить на основе теории множеств, то в этом случае – если определен универсум – возможно вводить новые понятия при помощи операции отрицания: отрицание понятия – это его дополнение до универсума. Отметим, что теория множеств применима не только к объектам математической, но и любой другой природы. Для обоснования применимости подхода Н. Винера к определению понятия информации нами сформулирована и доказана

Теорема о неполноте определения объекта физической науки

Современное естествознание считает мир сугубо материальным, что было зафиксировано ещё более 100 лет назад В.И. Лениным в его знаменитой книге «Материализм и эмпириокритицизм»: «В мире нет ничего, кроме движущейся материи...» [8, с. 181]. Эта ситуация также отражена в современном определении физики как науки, данным акад. АН СССР и РАН, лауреатом Нобелевской премии по физике А.М. Прохоровым: «Физика – наука, изучающая простейшие и вместе с тем наиболее общие свойства и законы движения окружающих нас объектов материального мира» [10, с. 310]. Иными словами, любой физический объект представляет собой разновидность движущейся материи. Информация же в физической науке интерпретируется лишь как сведения о физическом объекте, а не как нечто, содержащееся в нем самом: «Информация (от лат. informatio – разъяснение, осведомление) – любые сведения и данные, отражающие свойства объектов в природных (биол., физ. и др.), социальных и техн. системах и передаваемых звуковым, графическим (в т.ч. письменным) или иным способом без применения или с применением техн. средств» [4, с. 176].

Автором была сформулирована и доказана **теорема о неполноте определения объекта физической науки: в физической реальности присутствует компонента, принципиально не отражаемая в физической науке при нынешнем ее определении** [7].

При доказательстве теоремы дискурс был проведен на основе теории множеств, а не логики.

Введем следующие обозначения:

U – множество *всех* имманентных (внутренне присущих) свойств физического объекта (универсум);

M – множество *всех материальных* свойств объекта;

E – множество *всех энергетических* свойств объекта.

Отжествим материю, содержащуюся в объекте, с M , а энергию – с E . Тогда, согласно современному определению физического объекта [10, с. 310], $M \cup E = U$. Покажем на конкретном примере, что в дей-

ствительности $M \cup E \neq U$, точнее, $(M \cup E) \subset U$, т.е. $U \setminus (M \cup E) \neq \emptyset$.

В качестве физического объекта рассмотрим физическое тело. Несомненно, оно обладает вещественными свойствами: оно состоит из молекул, которые, в свою очередь, состоят из атомов, а атомы – из элементарных частиц. Все это – частицы вещества. Кроме того, в физическом теле присутствуют поля различной природы: гравитационное, электромагнитное, слабые и сильные поля ядерных сил. В совокупности вещественные и полевые свойства физического тела образуют его материальные свойства.

Физическое тело обладает также и энергетическими свойствами (энергия неразрывно связана с движением): частицы различных уровней иерархии вещества находятся в постоянном движении. Ядра атомов также обладают энергией. Согласно современному определению объекта физической науки [10, с. 310], иных свойств, кроме материальных и/или энергетических, у него нет. Однако в действительности это не так.

Реальное физическое тело обладает, например, определенным *количеством молекул*, но *количество молекул* – это не сами молекулы и, конечно, не их энергия. Аналогично можно утверждать и относительно *общего количества* атомов и элементарных частиц. Кроме того, каждая молекула состоит из определенного *количества* атомов. Реальное физическое тело обладает также *геометрической формой своей поверхности* – это также нематериальное и/или неэнергетическое свойство тела.

Таким образом, действительно, множество нематериальных и/или неэнергетических свойств конкретного физического тела не пусто.

Теорема доказана.

Естественно возникает вопрос, а как же именовать элементы этого подмножества? Вспомним широко известное высказывание Н. Винера из его знаменитой «Кибернетики»: «Информация есть информация, а не материя и не энергия.» [1, с. 201]. В этом высказывании он противопоставил информацию материи и/или энергии. Следуя Н. Винеру, новое выявленное множество свойств физического тела целесообразно именовать информационными свойствами, присущими данному телу.

Если обозначить выявленное множество свойств через I , то получаем:

$$U = M \cup E \cup I,$$

т.е. **множество всех свойств реального физического тела является объединением множеств материальных, энергетических и информационных свойств**. Иных свойств реального тела не имеет.

Отметим, что информацию (информационные свойства) можно разделить на два непересекающихся подкласса: 1) *количественную информацию* – ту, которую возможно охарактеризовать одним вещественным числом (количеством), например, общее количество частиц определенного уровня иерархии (молекул, атомов, элементарных частиц) и 2) *качественную информацию* – ту, которую невозможно полностью охарактеризовать одним числом (количеством). К этому подклассу принадлежит геометрическая форма поверхности тела – для полной ее характеристики, кроме площади поверхности, необходимо знать кривизну поверхности в каждой ее точке.

Теперь появилась возможность дать новое определение физики, учитывающее наличие у физического объекта информационных свойств: физика – наука, изучающая *простейшие* и вместе с тем *наиболее общие свойства и законы движения* окружающих нас объектов **материально-информационного** мира.

Можно доказать, что теорема, доказанная применительно к физическому телу, остается справедливой и для объектов иной физической природы – физических полей, физических процессов и т.д.

Естественно, возникает вопрос: почему же такой простой подход к интерпретации понятия информации никто до сих пор не применил? Ответ прост: данная проблема автором настоящей работы рассмотрена с позиций физики, математики и философии. В физике доказана теорема о неполноте определения объекта физической науки при помощи нового подхода к доказательству теорем в математике на основе теории множеств, в философии естествознания предложена новая обоснованная философская система [6], в которой материальному противопоставляется информационное (в отличие от традиционных, в которых материальному противопоставляется идеальное, а не информационное – что не одно и то же). Эта система, в основании которой лежит триада **материя–энергия–информация**, автором названа философией **диалектического дуализма**.

Отметим, что при новом определении объекта физической науки антиматерией является не вещество, состоящее из античастиц, а ин-

формация, заключенная в объекте. В новой философской системе категорией, парной и противоположной категории материи, является не антиматерия, а информация.

И еще одно замечание. Определение любого понятия решает две задачи: оно ограничивает определяемый предмет от всех иных и раскрывает сущность определяемого понятия [2, с. 245]. В новом подходе к определению объекта физической науки на основе доказанной теоремы изменена сущность определяемого понятия.

Выводы

1. Определение объекта физической науки неполно: в физической реальности наличествует компонента, принципиально не отражаемая в современной физической науке. **Доказательство** этого тезиса **проведено на базе теории множеств**, а не логики, **что является новизной в теории доказательства**.

2. Поскольку физическая реальность является составной частью любой природной реальности (биологической, химической, астрономической и т.д.) и, соответственно, физическая наука является составной частью любой естественной науки, то доказанный тезис обобщается на все естествознание в целом: **в природе наличествует компонента, которая принципиально не может быть отражена в современном естествознании**.

3. Эту нематериальную и неэнергетическую компоненту, согласно широко известному высказыванию Н. Винера «Информация есть информация, а не материя и не энергия», предложено именовать информацией, содержащейся в физической реальности и в природе соответственно.

4. Любой объект физической науки целесообразно считать обладающим как материальными и/или энергетическими, так и информационными свойствами. Иных свойств реальный физический объект не имеет. Новое определение физики как науки: физика – наука, изучающая *простейшие* и вместе с тем *наиболее общие свойства и законы движения* окружающих нас объектов **материально-информационного** мира.

Литература

1. Винер Н. Кибернетика. – Москва, Советское радио, 1968. – 328 с.
2. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Определение // Словарь по логике. – Москва, Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. С. 244–252.
3. Информационный подход в междисциплинарной перспективе // Вопросы философии. 2010. № 2. – С. 84–112.
4. Информация // Физическая энциклопедия. Т. 2. Москва, Советская энциклопедия, 1990. С. 176.
5. Коротков Н.А. Что есть информация? // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Научный журнал. № 3. Том 2. Философия. СПб., 2012. С. 60–69.
6. Коротков Н.А. Какая философия естествознания нам нужна? // Социология. – 2026. – № 2. – С. 170–176.
7. Коротков Н.А. К вопросу об определении объекта физической науки // Социология. – 2026. – № 3. – С. 326–332.
8. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // ПСС. Т. 18. – Москва, Политиздат, 1973. – 526 с.
9. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. – Москва, Наука, 1979. – 304 с.
10. Прохоров А.М. Физика // Физическая энциклопедия. Т. 5. Москва, Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 310–321.
11. Управление, информация, интеллект / Под ред. А.И. Берга и др. Москва, Мысль, 1976. – 384 с.
12. Хартли Р. Передача информации // Теория информации и ее приложения. Москва, Физматгиз, 1959. С. 5–30.

13. Шеннон К.-Э. Теория передачи информации // Работы по теории информации и кибернетике. Москва, ИЛ, 1963. С. 243–332.

14. Fisher R.A. On the “Probable Error” of a Coefficient of Correlation deduced from a Small Sample // Metron, Vol. I, № 4 (1921). Pp. 3–32.

15. Floridi L. Open Problems in the Philosophy of Information // ed. by A.T. Marsoobian. – Oxford, UK. – Vol. 35. – № 4. July 2004. P. 554–582.

16. Nyquist H. Certain Factors Affecting Telegraph Speed // Presented at the Midwinter Convention of the A. I. E. E., Philadelphia, Pa. February 4–8, 1924, and reprinted from the Journal of the A. I. E. E. Vol. 43, p. 124, 1924.

A SET-THEORETIC APPROACH TO PROVING THEOREMS AS A BASIS FOR SOLVING THE INFORMATION PROBLEM

Korotkov N.A.

D.F. Ustinov Baltic State Technical University VOENMEKH

The article examines the dynamics of development and the current state of the problem of information. The reasons are given for not accepting the approach of N. Wiener from his “Cybernetics” to the interpretation of the concept of information (“Information is information, not matter and not energy”). To recognize the validity of the Wiener approach, the author formulated and proved a theorem on the incompleteness of the definition of an object of physical science. The proof of the theorem was carried out for the first time on the basis of set theory rather than logic. The result is generalized to the whole of natural science. A new definition of physical science has been proposed, which takes into account a component that was not previously taken into account.

The purpose of the work is to study the development and current state of the information problem. To achieve this goal, the modern definition of the object of physical science is considered. A new approach to the interpretation of the concept of information is proposed as a hypothesis. The methodological basis of the discourse is set theory. The result of the study is a confirmation of the legitimacy of a new approach to solving the problem of information

Keywords: set theory, logic, the problem of information, theorem, proof, incompleteness of the definition, physical science object.

References

1. Wiener N. Cybernetics. – Moscow, Sovetskoye Radio, 1968. – 328 p.
2. Ivin A.A., Nikiforov A.I. Definition // Dictionary of Logic. – Moscow, Humanitarian Publishing Center VLADOS, 1997. – Pp. 244–246.
3. The information Approach in an Interdisciplinary Perspective // Voprosy Filosofii. – № 2. – Pp. 84–112.
4. Information // Physical Encyclopedia. Vol. 2. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1990. – P. 176.
5. Korotkov N.A. What is Information? // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. Scientific journal. – № 3. – Volume 2. – Philosophy. – SPb. – 2012. Pp. 60–69.
6. Korotkov N.A. What Philosophy of Natural History do we need? // Sociology. – № 2. – 2026. – Pp. 170–176.
7. Korotkov N.A. On the Question of Defining the Object of Physical Science // Sociology. – № 3. – 2026. – Pp. 326–332.
8. Lenin V.I. Materialism and Empiriocriticism // Collected Works. – Vol. 18. – Moscow, Politizdat, 1973. – 526 p.
9. Nalimov V.V. Probabilistic Model of Language. On the Relationship between Natural and Article Languages. Moscow, Nauka, 1979. – 304 p.
10. Prokhorov A.M. Physics // Physical Encyclopedia. – Vol. 5. – Moscow, Great Russian Encyclopedia, 1998. – Pp. 310–321.
11. Management, Information, Intelligence. – Moscow, Mysl', 1976. – 384 p.
12. Hartley R. Information Transmission // Information Theory and its Applications. – Moscow, Fizmatgiz, 1959. – Pp. 5–30.
13. Shannon K.-E. Information Transmission Theory // Works on Information Theory and Cybernetics. – Moscow, Inostrannaya Literatura, 1963. – Pp. 243–332.
14. Fisher R.A. On the “Probable Error” of a Coefficient of Correlation deduced from a Small Sample // Metron, Vol. I, № 4 (1921). Pp. 3–32.
15. Floridi L. Open Problems in the Philosophy of Information // ed. by A.T. Marsoobian. – Oxford, UK. – Vol. 35. – № 4. July 2004. Pp. 554–582.
16. Nyquist H. Certain Factors Affecting Telegraph Speed // Presented at the Midwinter Convention of the A. I. E. E., Philadelphia, Pa. February 4–8, 1924, and reprinted from the Journal of the A. I. E. E. Vol. 43, p. 124, 1924.

Информационные эпидемии в социальных сетях: агентное моделирование распространения слухов в структурах «малого мира»

Агапова Елена Григорьевна,

кандидат физико-математических наук, доцент, доцент,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение «Тихоокеанский государственный университет
E-mail: 000614@togudv.ru

Григорьева Екатерина Андреевна,

студент (бакалавр), Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение «Тихоокеанский
государственный университет
E-mail: 2022103619@togudv.ru

В условиях цифровой трансформации социальные сети становятся ключевой средой для распространения информации, где процессы информационной диффузии приобретают эпидемический характер. Информационные эпидемии, подобно биологическим, способны охватывать значительные аудитории за короткое время, формируя общественное мнение и влияя на социально-политические процессы. Понимание механизмов вирусного распространения контента и дезинформации имеет важное значение для маркетинга, управления общественным мнением и противодействия фейковым новостям. Целью данной работы является разработка и анализ агентной модели информационных эпидемий в социальных сетях на основе сети Уоттса-Строгаца, позволяющей исследовать динамику распространения слухов в структурах «малого мира». В работе использованы методы агентного моделирования, теория графов и математическое моделирование инфекционных процессов SIR. Реализация модели выполнена на языке программирования Python с использованием библиотек Mesa, NetworkX и Matplotlib. В результате исследования проведен анализ структурных характеристик сети «малого мира», подтверждающих ее соответствие реальным социальным системам. Разработаны две модификации базовой модели, описывающие централизованную и децентрализованную информационные системы с добавлением «агента-звезды». Для каждой модификации предложены практические сценарии использования в области маркетинга и антикризисного управления. Полученные результаты демонстрируют, что централизованная система обеспечивает высокую скорость распространения информации, но обладает низкой устойчивостью, тогда как децентрализованная система гарантирует максимальный охват и устойчивость к сбоям. Разработанная модель может быть использована для прогнозирования динамики информационных эпидемий, оптимизации информационных кампаний и разработки стратегий противодействия дезинформации.

Ключевые слова: информационные эпидемии, социальные сети, распространение слухов, агентное моделирование, SIR-модель, сеть Уоттса-Строгаца, малый мир, централизованная система, децентрализованная система, информационная диффузия.

Введение

В эпоху цифровизации и повсеместного проникновения социальных сетей процессы распространения информации приобрели принципиально новые масштабы и динамику. Социальные сети оказывают огромное влияние как на жизнь каждого человека, так и на функционирование различных организаций, становясь ключевым каналом передачи новостей, трендов, развлекательного и научного контента. Сегодня мы являемся свидетелями феномена информационных эпидемий, когда любой вид информации, будь то слухи или важное сообщение, распространяется со скоростью, сопоставимой с распространением вирусных заболеваний [1]. Информационные эпидемии способны за считанные часы охватывать миллионные аудитории, формируя общественное мнение, влияя на принятие решений в бизнесе и политике, а также вызывая социальную нестабильность.

Распространение информации в социальной сети может быть представлено в виде различных графов, каждый из которых по-разному влияет на информационную диффузию. Особый интерес представляет модель Уоттса-Строгаца, или сеть «малого мира», которая, благодаря сочетанию высокой локальной кластеризации и коротких средних путей, наиболее точно отражает структуру реальных социальных взаимодействий [2]. Для оценки динамики и масштабов информационных эпидемий целесообразно применять агентное моделирование, так как оно учитывает различные состояния объектов и отношения между ними. Поскольку передача информации в виде слухов сопоставима с распространением болезни, данный процесс может быть охарактеризован с помощью модели SIR [3], что позволяет рассматривать распространение слухов как информационную эпидемию.

Понимание механизмов вирусного распространения контента и дезинформации имеет важное значение для маркетинга, управления общественным мнением, противодействия фейковым новостям и разработки стратегий антикризисного управления. Однако, несмотря на большое количество работ в области моделирования информационной диффузии, недостаточно исследованными остаются вопросы сравнительного анализа централизованных и децентрализованных систем распространения информации с учетом топологических характеристик сетей «малого мира».

Целью данной работы является разработка и анализ агентной модели информационных эпидемий в социальных сетях на основе сети Уоттса-Строгаца, позволяющей исследовать динамику распространения слухов в структурах «малого мира».

Материалы и методы

В работе использованы методы агентного моделирования, теория графов и математическое моделирование эпидемиологических процессов. Реализация модели выполнена на языке программирования Python с использованием библиотек Mesa (агентное моделирование), NetworkX (создание и анализ графов) и Matplotlib (визуализация данных). Выбор данных инструментов обусловлен их гибкостью, открытостью и возможностью интеграции с научными библиотеками для последующего анализа данных [4].

Агентное моделирование информационных эпидемий. Агентное моделирование (Agent-based model, ABM) представляет собой метод имитационного моделирования, исследующий поведение децентрализованных агентов и то, как такое поведение определяет поведение всей системы в целом. В отличие от системной динамики, аналитик определяет поведение агентов на индивидуальном уровне, а глобальное поведение возникает как результат деятельности множества агентов (моделирование «снизу вверх») [5]. Это особенно важно при моделировании информационных эпидемий, где макроскопические эффекты (например, вирусное распространение слуха) возникают из микроскопических взаимодействий между отдельными пользователями социальных сетей.

В основе агентного моделирования выделяют два фундаментальных принципа:

1. Принцип холизма: каждая из частей системы обладает свойствами, которыми не обладает система в целом. Применительно к информационным эпидемиям это означает, что коллективная динамика

распространения слухов не сводится к простой сумме действий отдельных пользователей.

2. Системный принцип темноты: каждый элемент системы не осведомлен о поведении системы в целом, он реагирует только на информацию, доступную ему локально. В социальных сетях это проявляется в том, что пользователь принимает решение о распространении информации, основываясь исключительно на содержании сообщения и доверии к источнику, не имея полной картины распространения [6].

Основными компонентами агентного моделирования являются: агенты, среда и правила взаимодействия. Агент – элемент модели, моделирующий некоторую сущность (в нашем случае – пользователя социальной сети) и обладающий автономностью. Среда предоставляет агентам контекст для взаимодействия. Правила поведения регулируют процессы принятия решений и взаимодействия агентов [7]. В качестве среды для реализации модели выбрана платформа Mesa, которая является гибкой альтернативой другим средам, ориентированной на Python-сообщество, с возможностью визуализации в браузере и интеграции с библиотеками NumPy, Pandas, NetworkX [4].

SIR-модель как основа описания информационных эпидемий. Модель распространения инфекционных заболеваний SIR была предложена шотландскими учёными Уильямом Огилви Кермаком и Андерсоном Греем Маккендриком. SIR – аббревиатура трёх состояний: Susceptible (восприимчивые), Infected (инфицированные) и Recovered (выздоровевшие) [1]. В контексте информационных эпидемий эти состояния интерпретируются следующим образом:

- восприимчивые (Susceptible) – пользователи, которые ещё не слышали слух и могут быть заражены информацией при контакте с инфицированными.
- инфицированные (Infected) – пользователи, которые знают слух и активно распространяют его, выступая в роли «носителей» информационной эпидемии.
- выздоровевшие (Recovered) – пользователи, которые знают слух, но больше не распространяют его, что соответствует потере интереса к теме или насыщению информацией.

Математическая модель описывается системой дифференциальных уравнений:

$$\begin{cases} \frac{dS}{dt} = -\frac{\beta \cdot I \cdot S}{N}, \\ \frac{dI}{dt} = \frac{\beta \cdot I \cdot S}{N} - \gamma \cdot I, \\ \frac{dR}{dt} = \gamma \cdot I, \end{cases}$$

где $N = S + I + R$ – размер моделируемой популяции (константа); β – уровень инфицирования, описывающий вероятность передачи информации между восприимчивым и инфицированным агентом (аналог коэффициента передачи инфекции); γ – скорость выздоровления (забывания), определяемая средней продолжительностью распространения слуха. Время до прекращения распространения определяется как $T = \frac{1}{\gamma}$ шагов.

Сеть Уоттса-Строгаца как модель структуры социальных взаимодействий. Модель Уоттса-Строгаца была предложена Дунканом Дж. Уоттсом и Стивеном Строгацем в 1998 году. Это модель генерации случайных графов, создающая графы со свойствами «малого мира», включая короткие средние длины путей и высокую кластеризацию [2]. Выбор данной модели для исследования информационных эпидемий обусловлен тем, что она наиболее адекватно отражает структуру реальных социальных сетей, в которых пользователи образуют локальные группы (друзья, коллеги, семья), но при этом имеют «дальние» связи, обеспечивающие быструю передачу информации между различными сообществами.

Алгоритм построения сети:

1. создание регулярного кольца из n вершин, каждая из которых соединена с k ближайшими соседями;
2. вероятностное переподключение рёбер с вероятностью p , что соответствует появлению «дальних» социальных связей.

Для описания сети используются следующие метрики, позволяющие количественно охарактеризовать условия протекания информационной эпидемии.

Плотность сети – отношение фактического количества рёбер к максимально возможному:

$$D = \frac{2 \cdot |E|}{N \cdot (N - 1)},$$

где $|E|$ – количество рёбер, N – количество узлов.

Плотность определяет, насколько насыщена сеть связями: чем выше плотность, тем быстрее распространяется информация. Средняя длина пути L определяет среднее число шагов вдоль кратчайших путей для всех возможных пар узлов:

$$L = \frac{1}{N \cdot (N - 1)} \cdot \sum_{\{i \neq j\}} d(i, j),$$

где $d(i, j)$ – длина кратчайшего пути между узлами i и j . Низкое значение L означает, что информация может быстро достичь удалённых агентов – ключевое свойство «малого мира».

Для сети Уоттса-Строгаца средняя длина пути приближённо вычисляется по формуле:

$$L(p) \approx L(0) \cdot (1 - p) + L(1) \cdot p,$$

где $L(0) = N / (2K)$ для регулярного кольца, $L(1) = \ln(N) / \ln(K)$ для случайного графа.

Коэффициент кластеризации C – мера того, насколько соседи вершины склонны быть связаны между собой:

$$C = \frac{1}{N} \cdot \sum_{\{v \in V\}} \left(2 \cdot \frac{|E(\Gamma_v)|}{\deg(v) \cdot (\deg(v) - 1)} \right),$$

где Γ_v – множество соседей узла v , $E(\Gamma_v)$ – рёбра между соседями узла v , $\deg(v)$ – степень узла v . Высокий коэффициент кластеризации отражает наличие тесных социальных групп, внутри которых информация распространяется особенно интенсивно.

Результаты

Идентификация агентов и реализация модели информационной эпидемии. Агенты в разработанной модели имеют три основных состояния, соответствующих фазам информационной эпидемии:

1. Восприимчивый (Susceptible) – агент ещё не знает слух, может быть инфицирован при контакте с инфицированным соседом (синий цвет на визуализации). Данное состояние является начальным для большинства агентов.

2. Инфицированный (Infected) – агент знает слух и активно распространяет его, способен заражать восприимчивых агентов (красный цвет). Это состояние соответствует «носителю» информационной эпидемии.

3. Выздоровевший (Recovered) – агент знает слух, но больше не распространяет его, не может быть повторно заражён (зелёный цвет). Это состояние соответствует потере интереса к информационной теме.

Процесс заражения реализован следующим образом: для каждого восприимчивого агента проверяются его соседи в состоянии «инфицированный». Генерируется случайное число, и, если оно меньше вероятности заражения β , агент переходит в инфицированное состояние – то есть «подхватывает» слух. Процесс выздоровления реализован аналогично с вероятностью γ – агент перестаёт распространять

слух. Время до выздоровления определяется как $T = \frac{1}{\gamma}$ шагов, что

соответствует продолжительности «активной фазы» информационной эпидемии для отдельного пользователя.

Для расчёта основных показателей информационной эпидемии используются следующие формулы:

– общее количество затронутых агентов (охват):

$$total_{affected} = I_{final} + R_{final};$$

– пик инфицированных (максимальная активность эпидемии):

$$peak_{infected} = \max \{I(t) : t = 0, 1, 2, \dots, T\};$$

– время достижения пика (момент максимального распространения):

$$peak_{time} = \operatorname{argmax}_{\{t\}} I(t);$$

– скорость распространения:

$$spread_{speed} = \frac{peak_{infected}}{peak_{time}}.$$

Анализ структурных характеристик сети «малого мира». Тестирование модели проводилось на сети с параметрами: количество агентов $N = 100$, количество соседей $K = 4$, вероятность переподключения $p = 0.1$, вероятность заражения $\beta = 0.3$, вероятность выздоровления $\gamma = 0.1$, начальное количество заражённых = 3, количество шагов = 50. Данные параметры выбраны как типичные для моделирования распространения информации в небольших социальных группах.

Визуализация сети на рисунке 1 демонстрирует характерную для модели Уоттса-Строгаца структуру: большинство связей соединяют ближайших соседей, формируя локальные кластеры, но присутствуют и несколько «дальних» связей, обеспечивающих связь между удалёнными частями сети.

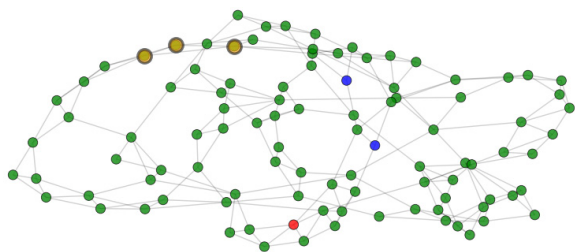

Рис. 1. Визуализация сети «малого мира» тестовой модели

На рисунке 2 представлена динамика распространения слухов (информационной эпидемии), показывающая изменение численности агентов в трёх состояниях во времени. На начальном этапе наблюдается лавинообразный рост числа инфицированных, затем эпидемия достигает пика и постепенно затухает, что характерно как для биологических, так и для информационных эпидемий.

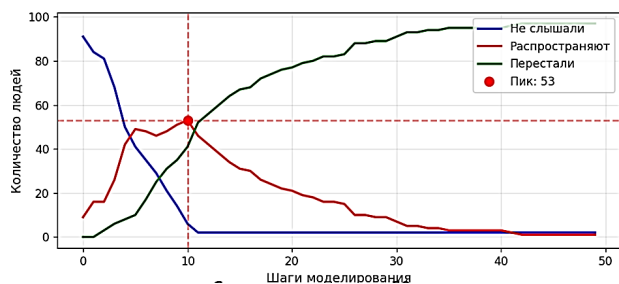

Рис. 2. График динамики информационной эпидемии

Анализ структурных характеристик построенной сети показал следующие значения: плотность $D \approx 0.04$, средний коэффициент кластеризации $C \approx 0.38$, средняя длина пути $L \approx 5.0$. Данные значения подтверждают, что сеть обладает классическими свойствами «малого мира»: высокая кластеризация при короткой средней длине пути. Низкая плотность моделирует реалистичную социальную среду, в которой индивид поддерживает ограниченное число контактов. Средний коэффициент кластеризации свидетельствует о наличии устойчивых локальных групп, характерных для реальных сообществ. Короткая длина пути подтверждает, что информационная эпидемия способна достичь удалённых агентов всего за 4–5 шагов, что соответствует известному феномену «шести рукопожатий».

Модификация модели

Сценарии информационных эпидемий с «агентом-звездой». Для расширения возможностей модели и приближения к реальным информационным процессам была разработана модификация с добавлением «агента-звезды» – узла, моделирующего лидера мнения, инфлюенсера или публичную личность. Данный агент обладает двумя ключевыми свойствами: повышенная сетевая связность (до 30% всех агентов являются его прямыми соседями) и увеличенная в 2 раза вероятность передачи информации, что отражает повышенное доверие аудитории к лидеру мнения. Рассмотрены два ключевых сценария, соответствующих централизованной и децентрализованной информационным системам.

Сценарий 1: «Звезда инициирует информационную эпидемию» (централизованная система). В данном сценарии звезда является начальным источником информации, что моделирует ситуацию, когда лидер мнения запускает информационную кампанию или делает резонансное заявление. Моделирование проводилось с параметрами: $N = 500$, $K = 4$, $\beta = 0.3$, $\gamma = 0.1$, $p = 0.1$, номер звезды = 4, количество шагов = 100. Результаты моделирования представлены на рисунке 3.

На графике динамики (рисунок 3) видно, что информационная эпидемия достигает пика очень быстро – уже на 4–6 шагах, что соответствует эффекту «мгновенного вирусного распространения». Одна-

ко после пика наблюдается резкое затухание, так как единый источник не обеспечивает постоянного «подпитывания» эпидемии.

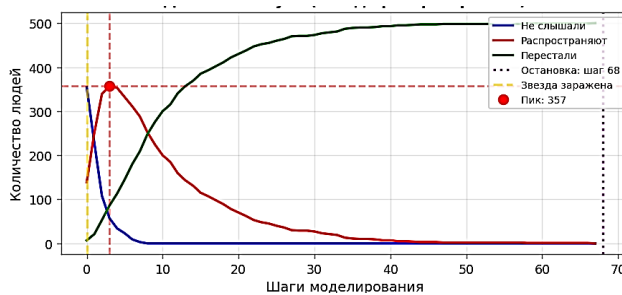

Рис. 3. График динамики информационной эпидемии (сценарий 1, централизованная система)

Сценарий 2: «Информационная эпидемия о звезде» (децентрализованная система). В данном сценарии звезда является не источником, а целью информационной эпидемии. Информация возникает в нескольких случайных узлах сети и распространяется по принципу «сарафанного радио», постепенно достигая звезды. Это моделирует ситуацию распространения слухов о публичной личности, когда информация зарождается в народе и постепенно доходит до объекта обсуждения. Параметры модели аналогичны первому сценарию. Результаты моделирования представлены на рисунке 4.

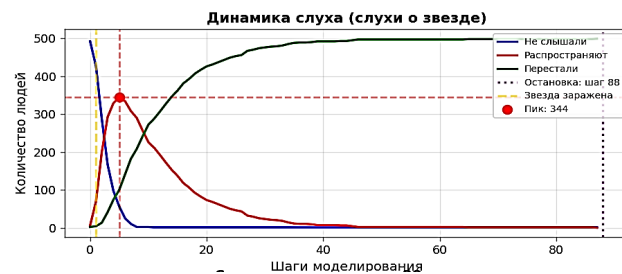

Рис. 4. График динамики информационной эпидемии (сценарий 2, децентрализованная система)

В отличие от первого сценария, пик информационной эпидемии достигается значительно позже (на 13–15 шагах), но при этом финальный охват аудитории оказывается выше, так как информация успевает проникнуть в различные кластеры сети.

Сравнение централизованной и децентрализованной информационных систем. Результаты сравнительного анализа двух систем представлены в таблице 1, которая наглядно демонстрирует различия в динамике информационных эпидемий в зависимости от структуры распространения информации.

Таблица 1. Сравнение централизованной и децентрализованной информационных систем

Характеристика	Централизованная система	Децентрализованная система
Скорость распространения	Высокая (пик 4–6 шагов)	Низкая (пик 13–15 шагов)
Охват аудитории	Средний	Высокий
Контроль над нарративом	Полный	Отсутствует
Устойчивость к сбоям	Низкая	Высокая
Опровержение слухов	Лёгкое	Сложное
Длительность волны	Короткая	Длительная

Обсуждение

Проведённые исследования показали, что сеть Уоттса-Строгаца является адекватной моделью для описания структуры реальных социальных сетей и протекающих в них информационных эпидемий. Наличие соседей у узла может означать друзей, близких родственников, коллег, подписчиков в социальных сетях и знакомых по интересам. Переподключение ребра от одного узла к другому моделирует появление «дальних» социальных связей, благодаря которым информация (информационная эпидемия) не замыкается в локальных кругах, а способна распространяться по всей сети [2]. Анализ структурных характеристик показал, что средняя плотность сети (≈ 0.04) моделирует реалистичную социальную среду, в которой индивид поддерживает ограниченное число контактов.

Средний коэффициент кластеризации (≈ 0.38) свидетельствует о наличии устойчивых локальных групп, внутри которых информационная эпидемия распространяется особенно интенсивно. Короткая длина пути (≈ 5.0) подтверждает, что информационная эпидемия способна достичь удалённых агентов за 4–5 шагов, что соответствует известному феномену «малого мира» [8].

Разработанные сценарии демонстрируют две противоположные модели развития информационных эпидемий. Централизованная система (сценарий 1) обеспечивает молниеносный запуск информационной эпидемии, единый официальный источник и полный контроль над сообщением. Однако такая система характеризуется наличием единой точки отказа, ограниченным охватом и хрупкостью – если звезда перестаёт распространять информацию, эпидемия быстро затухает. Децентрализованная система (сценарий 2) обладает высокой устойчивостью, максимальным охватом и долгой жизнью информации в сети, но при этом имеет низкую скорость старта и отсутствие контроля над нарративом [9].

Практическое значение полученных результатов состоит в возможности использования разработанной модели для решения следующих задач:

- в маркетинге: прогнозирование охвата и скорости распространения рекламных кампаний при различных стратегиях запуска (через инфлюенсера или через массовые рассылки);
- в антикризисном управлении: оценка времени, имеющегося у публичной личности или компании для реакции на негативную информационную эпидемию, а также разработка оптимальной стратегии опровержения;
- в социальных исследованиях: изучение механизмов формирования общественного мнения и прогнозирование социальной динамики в цифровых сообществах [10, 11].

Ограничениями разработанной модели являются упрощённая структура агентов (отсутствие индивидуальных характеристик, памяти и способности к обучению) и фиксированная топология сети. В реальных социальных сетях пользователи обладают различной степенью доверия к разным источникам, имеют различные интересы и могут переклывать внимание между темами. Кроме того, структура сети может динамически изменяться – пользователи могут подписываться на новых авторов или блокировать нежелательные источники.

Заключение

В работе разработана и проанализирована агентная модель информационных эпидемий в социальных сетях на основе сети Уоттса-Строгаца. Проведён анализ структурных характеристик сети, подтверждающий её соответствие реальным социальным системам и пригодность для моделирования информационных эпидемий. Разработаны две модификации модели с добавлением «агента-звезды», описывающие централизованную и децентрализованную информационные системы. Основные результаты работы:

1. Реализована агентная модель распространения слухов на основе SIR-модели и сети Уоттса-Строгаца с использованием платформы Mesa, позволяющая исследовать динамику информационных эпидемий.
2. Проведён анализ структурных характеристик сети, показавший наличие свойств «малого мира»: высокая кластеризация (≈ 0.38) при короткой средней длине пути (≈ 5.0), что создаёт благоприятные условия для быстрого распространения информационных эпидемий.
3. Разработаны два сценария информационных эпидемий: «Звезда инициирует информационную эпидемию» (централизованная система) и «Информационная эпидемия о звезде» (децентрализованная система).
4. Выполнен сравнительный анализ централизованной и децентрализованной информационных систем, показавший, что выбор стратегии зависит от целей информационной кампании: для быстрого охвата следует выбирать централизованную систему, для максимальной охвата и устойчивости – децентрализованную.
5. Предложены практические сценарии использования модели в маркетинге, антикризисном управлении и социальных исследованиях.

Разработанная модель подтверждает, что информационные эпидемии подчиняются тем же закономерностям, что и биологические эпидемии, а структура социальной сети («малый мир») является ключевым фактором, определяющим скорость и масштаб распространения. Понимание этих закономерностей позволяет эффективно управлять информационными процессами, противодействовать дезинформации и прогнозировать социальную динамику в цифровую эпоху. Дальнейшие исследования могут быть направлены на усовершенствование модели путём использования других модификаций SIR-модели,

добавления различных типов поведения агентов и динамического изменения структуры сети.

Литература

1. Кермак У.О., Маккендрик А.Г. Вклад в математическую теорию эпидемий. *Proceedings of the Royal Society of London. Series A.* 1927;115(772):700–721. <https://doi.org/10.1098/rspa.1927.0118>
2. Уоттс Д.Дж., Строгац С.Х. Коллективная динамика сетей «малого мира». *Nature.* 1998;393(6684):440–442. <https://doi.org/10.1038/30918>
3. Семендяева Н.Л., и др. Аналитическое и численное исследование математической модели SIR. *Труды факультета ВМК МГУ имени М.В. Ломоносова.* 2022;71:38–55.
4. Mesa Documentation. URL: <https://mesa.readthedocs.io/> (дата обращения: 15.05.2026).
5. Лаврова О.А. Имитационное моделирование. Минск: Изд-во БГУ; 2019.
6. Лебедюк Э.А. Агентное моделирование: состояние и перспективы. *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.* 2017;6(96):155–162.
7. Борщев А. Практическое агентное моделирование и его место в арсенале аналитика. *Exponenta PRO.* 2004:38–47.
8. Барабаши А.-Л., Альберт Р. Возникновение масштабирования в случайных сетях. *Science.* 1999;286(5439):509–512. <https://doi.org/10.1126/science.286.5439.509>
9. Криворотыко О.И. Математическое моделирование пандемии COVID-19: большие данные и высокопроизводительные вычисления. Новосибирск: Изд-во НГУ; 2021. С. 396–414.
10. Райгородский А.М. Модели случайных графов и их применения. *Труды Московского физико-технического института.* 2010;2(4):130–140.
11. Шуваев Ф.Л., Татарка М.В. Анализ математических моделей случайных графов, применяемых в моделировании имитационно-коммуникационных сетей. *Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России.* 2020:67–77.
12. Берновский М.М., Кузюрин Н.Н. Случайные графы, модели и генераторы бесмасштабных графов. М.: Изд-во ИСП РАН; 2012. С. 419–432.

INFORMATION EPIDEMICS IN SOCIAL NETWORKS: AGENT-BASED MODELING OF RUMOR SPREAD IN “SMALL WORLD” STRUCTURES

Agapova E.G., Grigorieva E.A.
Pacific State University

In the context of digital transformation, social networks are becoming a key environment for information dissemination, where information diffusion processes acquire an epidemic character. Information epidemics, like biological ones, are capable of reaching significant audiences in a short time, shaping public opinion and influencing socio-political processes. Understanding the mechanisms of viral content spread and disinformation is important for marketing, public opinion management, and countering fake news. The aim of this work is to develop and analyze an agent-based model of information epidemics in social networks based on the Watts-Strogatz network, which allows studying the dynamics of rumor spread in “small world” structures. The methods of agent-based modeling, graph theory, and mathematical modeling of SIR infectious processes are used. The model is implemented in Python using the Mesa, NetworkX, and Matplotlib libraries. The study analyzes the structural characteristics of the “small world” network, confirming its correspondence to real social systems. Two modifications of the basic model are developed, describing centralized and decentralized information systems with the addition of a “star agent.” Practical use scenarios in marketing and crisis management are proposed for each modification. The results demonstrate that a centralized system provides high information dissemination speed but has low stability, while a decentralized system guarantees maximum coverage and fault tolerance. The developed model can be used to predict the dynamics of information epidemics, optimize information campaigns, and develop disinformation counteraction strategies.

Keywords: information epidemics, social networks, rumor spread, agent-based modeling, SIR model, Watts-Strogatz network, small world, centralized system, decentralized system, information diffusion.

References

1. Kermack W.O., Mackendrick A.G. Contributions to the mathematical theory of epidemics. *Proceedings of the Royal Society of London. Series A.* 1927;115(772):700–721. <https://doi.org/10.1098/rspa.1927.0118>
2. Watts D.J., Strogatz S.H. Collective dynamics of small-world networks. *Nature.* 1998;393(6684):440–442. <https://doi.org/10.1038/30918>
3. Semendyaeva N.L., et al. Analytical and numerical study of the SIR mathematical model. *Transactions of the Faculty of Computational Mathematics and Cybernetics, Lomonosov Moscow State University.* 2022;71:38–55.
4. Mesa Documentation. URL: <https://mesa.readthedocs.io/> (accessed: 15.05.2026).
5. Lavrova O.A. Simulation Modeling. Minsk: BSU Publishing House; 2019.
6. Lebedyuk E.A. Agent-Based Modeling: Status and Prospects. *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics.* 2017;6(96):155–162.

7. Borshchev A. Practical Agent-Based Modeling and Its Place in an Analyst's Arsenal. *Exponenta PRO*. 2004:38–47.

8. Barabashi A.-L., Albert R. The Emergence of Scaling in Random Networks. *Science*. 1999;286(5439):509–512. <https://doi.org/10.1126/science.286.5439.509>

9. Krivorotko O.I. Mathematical modeling of the COVID-19 pandemic: Big data and high-performance computing. Novosibirsk: NSU Publishing House; 2021. Pp. 396–414.

10. Raigorodsky A.M. Random graph models and their applications. *Proceedings of the Moscow Institute of Physics and Technology*. 2010; 2(4): 130–140.

11. Shuvaev F.L., Tatarka M.V. Analysis of mathematical models of random graphs used in modeling simulation and communication networks. *Bulletin of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia*. 2020: 67–77.

12. Bernovsky M.M., Kuzyurin N.N. Random graphs, models and generators of scale-free graphs. Moscow: ISP RAS Publishing House; 2012. Pp. 419–432.

Поэтика сказочного повествования как культурная рефлексия: Дж. Р.Р. Толкин и Е.Н. Трубецкой о поисках «высших смыслов»

Бабаева Анастасия Валентиновна,

кандидат философских наук, декан факультета гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина»
E-mail: dff1890@yandex.ru

Макарова Александра Олеговна,

старший преподаватель кафедры философии и общественных наук, ФГБОУ ВО «Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина»
E-mail: schatten2014@mail.ru

Шмелева Наталья Владимировна,

доцент кафедры философии и общественных наук, ФГБОУ ВО «Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина»
E-mail: shmelevanv@mail.ru

Статья посвящена анализу текстов русского философа Е.Н. Трубецкого «Иное царство и его искатели в русской народной сказке» и английского писателя Дж. Р.Р. Толкина «О волшебных сказках». В центре внимания находится поэтика сказочного повествования, но не сама по себе, а в аспекте отражения определенной культурной традиции. В таком ракурсе данные авторы рассматриваются впервые. Целью анализа является описание подходов Е.Н. Трубецкого и Дж. Р.Р. Толкина к жанру сказки как своеобразных стратегий миропонимания человека различных культур. Такой сопоставительный анализ становится возможным по нескольким причинам: во-первых, оба автора характеризуют жанр сказки как священный, содержащий модель мира, обеспечивающий проникновение высших смыслов в повседневность, во-вторых, оба ставят задачу исследовать феномен «фантазии» и природу чуда, а также соотношении последнего с законами природы, в-третьих, и Е.Н. Трубецкой и Дж. Р.Р. Толкин проблематизируют тему отношения героя к реальности. Варианты трактовки указанных тем в рассматриваемых эссе разнятся, одной из причин чего следует указать национальное звучание сказочных нарративов.

Ключевые слова: сказочное повествование, культурная традиция, миропонимание, трансцендентное, двоемирие.

Введение

Сказка не относится к числу жанров, обделенных вниманием исследователей. Интерес к данному жанру явственно обозначился в период актуализации процессов становления национальных государств, однако он не ослабевает и по сей день. Данный текст не претендует на исчерпывающий анализ сказки как стратегии описания миропонимания культур России и Запада, скорее преследует задачу на примере работ двух авторов еще раз обозначить принципиальные отличия человека русской культуры от европейца. С этой целью мы предлагаем рассмотреть два эссе Дж. Р.Р. Толкина «О волшебных сказках» (текст написан в 1939 г, издан в 1947 г.) и Е.Н. Трубецкого «Иное царство и его искатели в русской народной сказке» (текст издан в 1922 г.).

Перед нами две фигуры из разных предметных областей: с одной стороны, английский профессор филологии, автор всемирно известных литературных произведений, а с другой – русский религиозный философ, занимавшийся проблематикой познания Божественного. Эти авторы с разницей в два десятилетия – за это время гибли империи, возникали новые идеологические системы – пишут эссе, посвященные сказочным повествованиям. Казалось бы, предмет этих эссе различен: Е.Н. Трубецкой анализирует фольклорные нарративы, делая акцент на национальном, русском; Дж. Р.Р. Толкин же фокусируется преимущественно на авторской волшебной сказке, не связывая ее с какими-то конкретными национальными особенностями. Однако оба текста оказываются экзистенциально-онтологическими по своей сути и описывают логику конструирования «вторичного» (Толкиен), «иного» (Трубецкой) миров, при этом авторы используют иллюстративный материал из вполне определенных традиций, что в итоге и позволяет рассматривать указанные произведения и авторов в рамках одного контекста.

Несмотря на то, что означенные тексты описывают идею двоемирия, вопрос о компаративном анализе их до сих пор не вставал. Данная статья имеет целью рассмотреть сказочное повествование как особую форму конструирования новой реальности в ракурсе отражения национальных традиций. Именно эта идея при первом взгляде на оба текста бросается в глаза: сказка предстает не как развлекательный нарратив, а как способ прорыва к трансцендентным смыслам, что способно модифицировать как личностное бытие отдельного реципиента, так и социокультурный порядок. В спектр задач нашего исследования входит не только найти точки соприкосновения эссе Е.Н. Трубецкого и Дж. Р.Р. Толкина, но и обозначить принципиальные расхождения в моделях реальностей ими описываемых в контексте русской и европейской культурных традиций. Поскольку Дж. Р.Р. Толкин является «отцом» современного фэнтези, а его эссе «О волшебных сказках» посвящено поэтике сказки как таковой, с детальным описанием фундаментальных оснований жанра, именно его текст будет положен в основание анализа.

Результаты и обсуждения

Итак, Дж. Р.Р. Толкин в качестве важнейших принципов сказочного жанра называет следующие: Фантазию, Возрождение (Пробуждение), Уход (Освобождение) и Утешение [6]. Рассмотрим каждый принцип в отдельности, но прежде коснемся темы сказочной онтологии. Толкин выделяет *первичный мир* – окружающую нас действительность как данность, мир материальных объектов и протекающие в нем повседневные процессы; а также *вторичный мир* – сотворенную реальность, в широком смысле мир искусства, совершенной формой которого, по его мнению, является сказка, возможность существования которого коренится в человеческой природе.

Первый принцип сказочного повествования, фантазию, Толкин описывает как «силу, придающую созданиям мечты, внутреннее постоянство реальности» [6, с. 134] Вообще фантазию принято трактовать в качестве некой творческой силы, в основе которой покоится воображение – собственно, с греч. *phantasia* и есть воображение, иначе способность мысленно представлять, создавать новые образы, а также способность вследствие перекомпоновки менять облик действительности, первично отраженной в человеческом сознании. Для Толкина фантазия – это высшая «почти чистая форма» искусства [6, с. 135], свободная от непреложности, неумолимости факта реального мира. Используя этимологическую близость фантазийного и фантастического, английский профессор говорит, что фантазия и есть подлинный ин-

струмент творения реальности, далеко стоящей от «первичного мира». В его трактовке это способность удивляться удивительному, поэтому сказочные тексты обращены не к детям, а именно ко взрослым. С одной стороны, дети просто не способны понять всей полноты вторичной реальности, воссозданной в сказочном повествовании, а с другой — они еще обладают непосредственностью восприятия жизни, поэтому смена регистров «фантазийного — фантастического — реального» для них не обладает таким терапевтическим эффектом, как для взрослых.

Почему взрослые так снисходительно-пренебрежительно относятся к фантазии? Во многом это объясняется обеспокоенностью сознания взрослого перспективами выхода из границы привычного, освоенного, *первичного* мира. Ведь чем сильнее фантазия творца нового мира, тем больше энергии требуется для удержания «внутреннего постоянства реальности», и, следовательно, создатель сказки использует все более утончающиеся и набирающие мощь техники сохранения подлинности. А кто есть сказочник в таком случае, как не чародей, искусно, мастерски пользующийся магией установления господства над предметами и чужой волей и не только сотворенного им мира, но тех, кто в этом мир попадает? Так чего же боятся взрослые, почему считают сказку «детской глупостью», которой пристало заниматься лишь в юности? Их страшит риск подпасть под чары сказочного повествования. Толкин отмечает, что в современном техногенном мире человеку с «расколдованным» сознанием [1] некомфортно оказаться в месте, где работают не привычные ему законы [6, с. 124].

Говоря об основе волшебной сказки, Толкин далеко не всегда различивает фэнтези и сказку, сказку народную и авторскую — для него принципиален другой момент: сказочный текст радикально отличается возможностью магического творения «*вторичного* мира». Волшебство, чары, магия здесь понимаются как техника, искусство сохранения целостности и системности сотворенной реальности, которая не распадается при введении новых действующих лиц и поворотах сюжета. Пока действуют чары, подпавший под их действие верит в то, что разворачивается во вторичном мире. И тогда проблема правдивости повествования снимается сама собой, ибо правда есть то, что соответствует законам вторичного мира. Мы верим, пока находимся здесь, в тот же момент, как перестаем верить — чары рассеиваются, в таком случае, магия, или вернее, искусство не достигает своей цели [6], и мы снова возвращаемся в обыденность.

Основой целостности вторичного мира является именно фантазия, и она «не терпит подделки». Нельзя изобразить фантазию или магию, и в этом отношении здесь не срабатывают аристотелевские категории мимезиса и катарсиса. «Созидательная Фантазия основывается на непоколебимом признании того, что мир таков, каким он является, но не на рабстве у него» [6, с. 141] — переустройство первичного мира, полагает Толкин Дж., осуществляется магией, т.е. ожиданием чуда, торможением неверия.

Вторым принципом сказочного повествования Толкин Дж.Р. указывает возрождение, под которым понимается «вновь-приобретение», т.е. возвращение ясного взгляда на вещи. В этом он фактически вторит М.Хайдеггеру [10] (хотя по тексту эссе упорно отрешивается от философских концепций в принципе): подручные, прирученные, присвоенные вещи потеряли для нас всякий интерес, мы растворили их и их образы в банальности повседневности. Эти вещи, «некогда привлекавшие нас блеском», пробуждавшие наши желания, мотивировавшие к освоению мира, благодаря созидательной фантазии волшебной сказки способны вновь стать опасными, сверкающими и свободными от человека в той же степени, в которой он не зависит от вещей. Творящее сознание любит природу, но не находится у нее в «рабской зависимости», по этой причине и парит над ней, над первичным миром, открывая красоту и смысл простых вещей: благодаря произведению Пегаса облагородили лошадей, посредством фантазии, создав солнечные и лунные деревья, заставили сиять корни, стволы и плоды. Так, погружение во вторичный мир способно переоткрывать действительность — английский профессор признается, что именно в сказке он впервые понял «силу слов и чудо простых вещей, таких как камень, дерево и железо; трава и дерево, дом и очаг» [6, с. 144].

Третий момент, определяющий действенность и силу сказочного мира, — уход. Толкин отмечает, что в этом отношении волшебная сказка по существу может быть расценена важнейшим жанром «эскапистской литературы» [9]. Мотивы ухода имеют разноплановые основания: от социальных до экзистенциальных. Толкин начинает размышление о причинах ухода с анализа «достижений» научно-технического прогресса, приведших к эстетическим «уродствам» и «грубостям» в виде фабричных труб и механических агрегатов, постепенно вытесняющих реальные облака и купол неба. Было время, замечает Толкин, когда люди наслаждались собственными творениями, сейчас же преимущественно испытывают отвращение к тому, что производят [6, с. 149]. Было время, когда человек жил в гармонии с природой, ощущал ее живое дыхание и сопричастность ее ритмам. Разве можно, задается он

вопросом, презирать тех, кто тяготеет сейчас к архаическому, к романтизации старых, естественных порядков? В этом отношении в сказке открывается возможность ускользнуть от эпохи «усовершенствования средств и вырождения сущности». Но эти ускользания Дж. Толкин оценивает не как бегство, а прорыв к мечте — мечте погружаться, как рыба, в пучины морские, беззаботно парить в поднебесье, свободно общаться с другими живыми существами. Сказки, содержащие подобные беседы, по его мнению, объясняются вовсе не примитивностью развития древних людей, которые якобы не осознавали отличия от животных, а стремлением приобрести магическую способность понимания речи иных форм жизни. Толкин подчеркивает, что эта интенция есть острое переживание разделенности целого, отчуждения рода человеческого от мира, в чем винить, кроме человека, некого [6, с. 150].

В определенном смысле этим же следует объяснять и мотив путешествия. Мы помним, что путешествие в анализе сказочной традиции — путь поиска и обретения героем самого себя, обряд инициации, взросления [2; 4; 5]. Толкин же выдвигает идею, согласно которой перед нами попытка восстановления разорванных отношений с миром. Не многим, считает он, выпадает честь посетить другие страны и восстановить разрушенное целое, большинство так и продолжают смотреть на дальние страны со стороны, только грезя о получении опыта утраченного единства [6, с. 150].

И, наконец, Толкин доходит до феномена экзистенциального ухода, но только вскользь упоминает о нем как о «Великом Уходе», под которым подразумевает преодоление страха смерти. Толкин пишет, что результатом таких уходов в сказочных повествованиях возникают особые существа, типа фэй и эльфов, которые как раз и дают ясный урок «бремени бессмертия, вернее ...бесконечного однообразия жизни» [6, с. 150], но в этом и суть поданного урока, который сказке удается лучше всего.

Последним принципом построения сказочного повествования английский исследователь указывает утешение. Здесь волшебная сказка воспринимается высшей формой сказки как таковой. Сказочное повествование может содержать трагические повороты, иногда повороты могут приводить к несчастливому концу (если у сказки вообще есть конец), но в целом сказка является антитезой трагедии, где неотвратимая гибель героя под действием рока приводит сознание реципиента к катарсису. Толкин вводит новую категорию в отношении эффекта, производимого сказкой, — категорию экватарсиса, где префикс «эв» означает «благое», «хорошее» очищение, преобразование без боли и страдания. Основание утешения заключается в утверждении радости, и эта радость не случайна, это не радость «беглеца», более того она предстает как чудесный дар — и в этом отношении она «утешение евангелистическое, дающее мимолетный проблеск радости за пределами нашего мира, острый, как отчаяние» [6, с. 151]. Толкин говорит, что в Великом Экватарсисе, Евангелии, которое начинается с радости Рождения и завершается радостью Спасения, освещаются все «счастливые концы» [6, с. 154]. Евангелие не отменяет легенд, последние, тормозя неверие, готовят сознание к соприкосновению с Вневременностью.

При этом сама сказка не является чисто созерцательным проектом, она, демонстрируя возможную реальность, наполняет не только радость, но и силами для борьбы за совершенство мира. В борьбе со злом герои могут помогать волшебные существа, но итог борьбы в любом случае будет зависеть исключительно от личного выбора героя, от степени его мужества и доблести. Согласно Толкину, первичный мир, как тюрьма, угнетает творческий дух, в свете чего «уход» трактуется как оправданный акт свободного волеизъявления человека-творца.

Теперь обратимся к Е.Н. Трубецкому. Используя иную стратегию анализа сказочного повествования, описывая типичные сюжетные линии и героину русских сказок, он приходит к тем же выводам, что и Толкин, а именно: сказка способна дарить исключительную радость реципиенту. Это чувство может быть многоплановым. Сюда относятся и восторг от улавливания в ней хтонических мотивов, питающих жизнь далеких предков; это и ликование от возможности создания «социальной утопии», где бедный побеждает богатого, а добро торжествует над злом. Но самое главное упоение, а, возможно, и утешение от сказки возникает в моменте мистического открытия, дарующего «тайну всеобщей солидарности, связующей человека со всей тварью поднебесною, общение с ней в страдании и в радости» [7]. Обыденная жизнь несет опыт дискретности, а сказочное повествование способно восстанавливать органическое единство мира. Е.Н. Трубецкой пишет, что в повседневности мужик смотрит на животных как на пищу, и только сказка вновь открывает в них возможных соратников и соучастников в творении новой реальности. Тем самым русский философ подчеркивает экзистенциально-онтологический потенциал сказки, которая эстетически восстанавливает единство мира и наполняет его живыми смыслами.

Е. Н. Трубецкой видит в сказке реализацию мистической направленности характера русского человека, ключевым проявлением которого является бессознательный поиск Бога, а важнейшим мотивом сказочного нарратива – метафизическая тоска по совершенству, по «иному царству». Последнее не является замкнутой сферой – «Иное» способно проявляться в виде чуда при условии стяжения героем благодати, при претерпевании им мытарств и испытаний. Анализируя героику отечественного сказочного повествования, русский философ отмечает чрезмерную пассивность и мечтательность мужских персонажей, в результате чего к «цели в русской сказке ведет не столько подвиг и доблесть мужа, сколько мудрость его жены» [7]. Таким образом, русская сказочная традиция представляет собой, с одной стороны, безволие и пассивность, способные лишить сил русского Ивана в действительности, с другой – головокружительный полет фантазии этого Ивана в запредельное, полет, разрывающий божественные чертоги для явления чуда в мир. Именно так Е. Н. Трубецкой описывает и национальный характер русского человека, отраженный в содержании русской сказки, как «в зеркале». Поэтому суть русской сказки не в борьбе – здесь Е. Н. Трубецкой сравнивает отечественную сказочную традицию с германской: «в сказке немецкой подвиг героя есть все: от подвига Зигфрида сами боги Валгаллы ждут своего спасения» [7]. Русская сказка, напротив, расценивается философом как поэтическая греза, мечта об отдыхе и успокоении. И в этом ее двойственность: она и питает веру в чудо, она и способна увести от целенаправленного переустройства мира.

Е. Н. Трубецкой тем самым критикует русский национальный характер за излишнюю созерцательность, присущую и русской культуре в целом: уход, побег от действительности не несет собственно творческого заряда, способного противостоять угнетению. В русской сказке уход означает отвержение «правды» этого мира, поэтому и путь героя представляет аскезу и страдание, а сам путь – это направления поиска, но не путь собственно борьбы за изменения мира. Один из важнейших мотивов русской сказки – это путешествие в «иное царство». Е. Н. Трубецкой подчеркивает, в русской волшебной сказке поиск иных земель проходит рефреном, но это не про соседнее царство, не про физическое пространство, а про трансцендентное, попасть куда герой может благодаря чистоте помыслов в первую очередь. Кстати, и все невесты, помогающие героям, также добыты из тридцатых государств, т.е. из «иного мира», по этой причине они и обладают не свойственной самим героям премудростью. А поскольку время сказки как эпического жанра замкнуто и не размыкается на историческое время эпохи – это впоследствии замечательно описет в своих работах Д. С. Лихачев [3] – направления поисков героев определяется не по временной длительности (временная ось), а в Вечность, вследствие чего «иное царство» следует рассматривать буквально как царство Божественной истины.

Выводы и заключение

Подводя итог, отметим, что оба исследователя полагают: урок сказки заключается в идее, чтобы узреть «сияние истины» вовсе не требуется всеобщего окончательного поражения. Горести и тревоги возможны, но не они в конечном счете ратифицируются, а это главная примета сказочного повествования, его исходный смысл в утверждении идеи жизни и ее фундаментальной победе над смертью и разрушением [9]. Самая главная ценность замкнутого времени сказки в возможности размыкания пространства и переориентации взгляда не в даль, а в высь: модификации горизонтали в вертикаль. Семантика утешения сказки за-миряет разные формы жизни между собой и при-миряет миры, но самое главное: она примиряет, смиряет человека с самим собой. И в том солидарны оба автора: сказочное повествование – это кодирование метафизического миропонимания культурного опыта, поэтому сказка относится к священным жанрам, существующим, чтобы отражать высшие смыслы. В этом и английский писатель, и русский философ сходятся.

Если же искать отличия между работами Е. Н. Трубецкого и Дж. Р. Р. Толкина, то первой точкой расхождения следует отметить контраст в трактовке феномена «фантазия»: русский мыслитель видит в этом проявление мистической бессознательной способности искать божественное, тогда как у английского писателя фантазия трактуется в качестве таланта человека творить новые миры, обогащающие этим реальность существующую. Вторым моментом различия является дихотомия «национальное-общечеловеческое». Е. Н. Трубецкой держит в фокусе русскую традицию, Дж. Р. Р. Толкин – при первом прочтении кажется сторонником универсализма, хотя это и спорный вопрос, поскольку у современных исследователей можно встретить тезис о том, что произведения Толкина есть реконструкция мифологии дономаннской Англии [11]. Третье отличие заключается в характере преобразования мира: отечественный философ подчеркивает, что русская сказка и ее герои преимущественно созерцатели и в меньшей степени преоб-

разователи, поскольку «здешнее царство» обречено на страдание; Толкин, напротив, акцентирует внимание на ответственности героев за переустройство мира, где чудо есть результат личных усилий и борьбы героя. Таким образом, оба текста представляют собой не только разбор поэтики сказочного повествования, но анализа специфики национального сознания, выражающегося в вполне определенной стратегии отношения к мироустройству и положению человека в нем.

Литература

1. Вебер М. (1990) Избранные произведения. М.: Прогресс. С. 707–735
2. Кэмпбелл Д. (2008) Тысячеликий герой. СПб: Питер.
3. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Художественная литература, 1971.
4. Мелетинский Е. М. (2000) Поэтика мифа. М.: Восточная литература РАН.
5. Пропп В. Я. (2000) Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт.
6. Толкин Дж. Р. Р. (1992) Волшебные истории. Хабаровск: Амур.
7. Трубецкой Е. Н. (1922) Иное царство и его искатели в русской народной сказке. Изд. Г. А. Лемана. Москва: Тип. Боровинско-Валдайского т-ва. 48 с. [Электронный ресурс]. https://azbyka.ru/otechnik/Evgenij_Trubeckoj/inoe-tsarstvo-i-ego-iskateli-v-russkoj-narodnoj-skazke/#source
8. Труфанова Е. О. (2012) Эскапизм и эскапистское сознание: к определению понятий // Философия и культура. № 3. С. 96–107. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=59307
9. Филиппович Ю. С., Филиппович М. С. (2025). Опыт доверия в контексте усталости и одиночества человека в современном обществе // Вестник Мининского университета. Т. 13, No 3. С. 14. DOI: 10.26795/2307-1281-2025-13-3-14
10. Хайдеггер М. (2008) Исток художественного творения. М.: Академический Проект.
11. Fiction 2000 Cyberpunk a. the future of narrative / Ed. by George Slusser a. Tom Shippey. (1992). Athens; London: Univ. of Georgia press, cop.p. 26.

THE POETICS OF FAIRY-TALE NARRATION AS CULTURAL REFLECTION: J. R. R. TOLKIEN AND E. N. TRUBETSKOY ON THE SEARCH FOR “HIGHER MEANINGS”

Babaeva A.V., Makarova A.O., Shmeleva N.V.

Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University)

The article is devoted to the analysis of the texts by E. N. Trubetskoy “The Other Kingdom and its Seekers in the Russian folk Tale” and J. R. R. Tolkien “On Fairy Tales”. The focus is on the poetics of fairy-tale narration, but not in itself, but in the aspect of reflecting a certain cultural tradition. These authors are considered for the first time in this perspective. The purpose of the analysis is to describe the approaches of E. N. Trubetskoy and J. R. R. Tolkien to the genre of fairy tales as peculiar strategies of a person's worldview of different cultures. Such a comparative analysis becomes possible for several reasons: firstly, both authors characterize the genre of fairy tales as sacred, containing a model of the world that ensures the penetration of higher meanings into everyday life, secondly, both set the task of investigating the phenomenon of “fantasy” and the nature of the miracle, as well as the relationship of the latter with the laws of nature, thirdly, both E. N. Trubetskoy and J. R. R. Tolkien problematize the theme of the hero's relation to reality. The options for interpreting these topics in the essays under consideration vary, one of the reasons for which is to indicate the national sound of fairy-tale narratives.

Keywords: fabulous narrative, national Russian character, worldview, transcendental, double-world.

References

1. Weber M. (1990) Selected works. Moscow: Progress. pp.707–735
2. Campbell D. (2008) The thousand-faced hero. St. Petersburg: Peter.
3. Likhachev D. S. Poetics of ancient Russian literature. L.: Fiction, 1971.
4. Meletinsky E. M. (2000) Poetics of myth. M.: Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences.
5. Propp V. Ya. (2000) Historical roots of the fairy tale. M.: Labyrinth.
6. Tolkien J. R. R. (1992) Magical Stories. Khabarovsk: Amur.
7. Trubetskoy E. N. (1922) The Other Kingdom and its seekers in a Russian folk tale. Ed. by G. A. Lehman. Moscow: Type. Bоровинско-Валдай t-va. 48 p. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Evgenij_Trubeckoj/inoe-tsarstvo-i-ego-iskateli-v-russkoj-narodnoj-skazke/#source
8. Trufanova E. O. (2012) Escapism and escapist consciousness: towards the definition of concepts // Philosophy and Culture. № 3. Pp. 96–107. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=59307
9. Filippovich J. S., Filippovich M. S. (2025) The experience of trust in the context of exhaustion and solitude of a man in the modern society // Vestnik of Minin University.. Vol. 13, No. 3. P. 14. DOI: 10.26795/2307-1281-2025-13-3-14.
10. Heidegger M. (2008) The source of artistic creation. Moscow: Academic Project.
11. Fiction 2000 Cyberpunk a. the future of narrative / Ed. by George Slusser a. Tom Shippey. (1992). – Athens; London: Univ. of Georgia press, cop.p. 26.

Объективизация управления качеством образования на основе статистического мониторинга: модель ВСОКО

Агапова Елена Григорьевна,

кандидат физико-математических наук, доцент высшей школы физико-математических наук, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: 000614@togudv.ru

В статье рассматривается проблема объективизации управления качеством образования на основе данных статистического мониторинга. Представлена модель внутришкольной системы оценки качества образования (ВСОКО), позиционируемая как инструмент управления образовательной организацией. Модель базируется на интеграции внешних оценочных процедур и внутреннего статистического анализа, включающего расчет коэффициента обученности и построение матрицы парных корреляций Пирсона. На основе эмпирических данных выявлена аномалия: степень обученности учащихся по русскому языку на 29% ниже, чем по музыке. Установлена функциональная зависимость между результатами по математике и изобразительному искусству ($r=0,99$). Предложен итеративный 5-шаговый алгоритм коррекции учебных планов, позволяющий руководству школы перейти от констатации фактов к адресному управленческому воздействию на качество образовательных результатов.

Ключевые слова: качество образования, внутришкольная система оценки качества образования, педагогический мониторинг, статистический анализ, корреляционный анализ, степень обученности учащихся.

Введение

В условиях трансформации российского образования и реализации национального проекта «Образование» ключевым запросом со стороны государства и общества становится построение прозрачной, объективной и открытой системы управления качеством образования [1]. Важнейшим институтом, обеспечивающим реализацию данного запроса на уровне образовательной организации, выступает внутришкольная система оценки качества образования (далее – ВСОКО). Данная система призвана не только собирать информацию об образовательных результатах, но и служить основой для принятия стратегических управленческих решений [2].

Особую остроту проблема приобретает в контексте нормативных изменений 2025–2026 учебного года, закрепленных Приказом Минпросвещения № 704, которые синхронизируют школьные программы с требованиями ОГЭ и ЕГЭ и регламентируют временные затраты на оценочные процедуры [3]. В этих условиях традиционные управленческие подходы, основанные на субъективной оценке педагогов или формальном проценте успеваемости, оказываются несостоятельными. Главная проблема заключается в рассинхронизации внутренней (школьной) и внешней (независимой) оценки, что ведет к снижению доверия к системе образования [1; 4].

Ключевая проблема современной школы, усугубляемая переходом на обновленные ФГОС, – рассинхронизация внутренней (текущей) оценки и результатов внешних независимых процедур (ОГЭ, ВПР) [1]. Традиционные методы мониторинга фиксируют результат постфактум, тогда как нормативные изменения требуют прогностического анализа и интеграции внешних маркеров во внутришкольный контроль.

Проблема оценки качества образования сегодня рассматривается не только в классическом, но и в цифровом контексте [4].

Статистическая обработка данных в педагогике строится на синтезе количественного и качественного анализа. В отечественной практике для этого чаще используют классический аппарат (корреляционный, дисперсионный анализ), тогда как зарубежные модели отличаются большим разнообразием при соблюдении того же принципа комбинаторности [5].

В соответствии с требованиями обновленных ФГОС, глубокая цифровизация образовательной среды выступает обязательным компонентом качества образования. Развитие школьного пространства сегодня неразрывно связано с внедрением специализированных сервисов («Цифровой портфолио», «Цифровая помощница учителя»), что подтверждает нормативную значимость нашего 5-шагового алгоритма мониторинга [6].

Как отмечает Н.Н. Кислова, нормативно-методическое обеспечение внутренней оценки качества напрямую связано с подготовкой организаций к процедурам аккредитации. Параллельно, в русле требований обновленных ФГОС, актуализируется задача поиска инструментария для оценки метапредметных результатов, не охватываемых ВПР, в условиях развития цифровой образовательной среды [7].

Таким образом, современные математические методы позволяют с максимальной тщательностью планировать и анализировать результаты исследований, однако их механическое применение без учета специфики педагогических данных недопустимо. Эффективность научного поиска определяется не столько сложностью используемого программного обеспечения, сколько методологической грамотностью исследователя в соотношении типа задачи (сравнение групп, выявление динамики или прогнозирование) с адекватным математическим инструментарием.

Цель исследования – разработать, теоретически обосновать и апробировать модель внутришкольной системы оценки качества образования, обеспечивающую объективную и системную оценку образовательных результатов, процесса и условий.

Теоретические основы исследования

Понятие и структура качества образования

В современной педагогической науке категория «качество образования» рассматривается как интегральная характеристика системы образования, отражающая степень соответствия реальных образовательных ре-

зультатов, условий их достижения и процесса обучения нормативным требованиям, социальным и личностным ожиданиям.

Анализ литературы позволяет выделить три ключевых компонента качества образования:

1. Качество образовательных результатов – уровень образованности, воспитанности и развитости обучающихся. Этот компонент включает предметные, метапредметные и личностные результаты освоения образовательных программ.

2. Качество образовательного процесса – содержание, организация и технологии обучения и воспитания. Данный компонент характеризует эффективность педагогических систем, используемых методик и форм работы.

3. Качество условий реализации образовательной деятельности – кадровое, учебно-методическое, материально-техническое, информационное обеспечение образовательного процесса.

Иерархическая взаимосвязь этих компонентов заключается в том, что качество образовательных результатов, представляя конечную цель, обуславливается качеством функционирования образовательного процесса, которое, в свою очередь, зависит от качества созданных условий.

Внутришкольная система оценки качества образования

В соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ, образовательные организации обязаны осуществлять внутренний мониторинг качества образования [8]. ВСОКО представляет собой целостную систему сбора, обработки, хранения и анализа информации о состоянии и динамике развития образовательной организации.

Основные функции ВСОКО:

- информационная – сбор и систематизация данных об образовательных результатах;
- аналитико-оценочная – анализ и интерпретация собранной информации;
- контролирующая – проверка соответствия результатов установленным требованиям;
- прогностическая – выявление тенденций и прогнозирование развития образовательной системы;
- корректирующая – выработка рекомендаций по совершенствованию образовательного процесса.

ВСОКО интегрирует внешнюю (ЕГЭ, ОГЭ, ВПР) и внутреннюю (самооценка школы) оценочные процедуры. Ключевая проблема современного этапа – их несогласованность. Обновление ФГОС в 2025–2026 учебном году требует пересмотра ВСОКО с учетом синхронизации с внешними процедурами, ограничений на оценочные мероприятия и изменений содержания образования.

Разработанная в настоящем исследовании модель ВСОКО учитывает данные изменения и предлагает инструментарий для эффективного управления качеством образования в новых условиях.

Методология и методы исследования

Методы статистического анализа в оценке качества образования

Статистические методы позволяют преодолеть субъективизм в оценке, выявить объективные тренды и принять обоснованные управленческие решения. В рамках исследования применялись следующие методы.

Методика определения степени обученности (СОУ) по В.П. Симонову [9]. Данная методика позволяет оценить реальные учебные достижения учащихся с учетом уровня требований педагога. Степень обученности определяется по формуле, соответствующей уровню требований преподавателя:

- для учителей, работающих на первом (высшем) уровне требований:
 - для учителей, работающих на втором (среднем) уровне требований:
 - для учителей, работающих на третьем (низшем) уровне требований:
- где – количество учащихся, имеющих итоговые оценки «5», «4», «3», «2» соответственно; – общее количество учащихся.

Корреляционный анализ

Для выявления связей между различными показателями образовательного процесса использовался коэффициент линейной корреляции Пирсона. Данный метод позволяет определить наличие и направление статистической взаимосвязи между переменными. Коэффициент корреляции Пирсона вычисляется по формуле:

где – коэффициент корреляции, значения которого находятся в интервале; – значения переменных; – средние значения переменных.

База исследования. Исследование проводилось на базе общеобразовательной организации. В качестве исходных данных использовались результаты промежуточной аттестации (рубежного контроля осеннего семестра и зимней сессии 2025–2026 учебного года). Исходные данные включали следующие переменные: успеваемость (в %), качество знаний (в %), количество отчисленных учащихся, общее количество пропусков в семестре.

Разработка модели внутришкольной системы оценки качества образования

На основе теоретического анализа и практического опыта была разработана модель ВСОКО, включающая следующие структурные компоненты.

Целевой компонент. Основная цель модели – создание условий для получения объективной информации о качестве образования, обеспечивающей принятие обоснованных управленческих решений и повышение эффективности образовательного процесса.

Содержательный компонент. Система критериев и показателей, позволяющих оценить качество образования по ключевым направлениям (таблица 1).

Таблица 1. Критерии и показатели оценки качества образования

№ п/п	Критерий	Показатели
1	Открытость и доступность информации	Наличие вывески, стендов, сайта; актуальность информации на сайте
2	Комфортность условий и доступность получения услуг	Доступность учреждения для всех категорий граждан, в т.ч. с ОВЗ; благоустройство территории
3	Наличие внутренней системы контроля качества	Положения о текущей, промежуточной и итоговой аттестации; положение об оплате труда
4	Удовлетворенность потребителей	Результаты анкетирования учащихся, родителей, педагогов

Оценочный компонент. Включает методики сбора и обработки информации: статистический анализ результатов обучения, анкетирование участников образовательных отношений, анализ посещаемости и пропусков, мониторинг достижения планируемых результатов.

Практическая апробация модели

Анализ результатов учебной деятельности

На первом этапе была проведена диагностика степени обученности учащихся по предметам. По результатам расчета степени обученности (СОУ) по методике В.П. Симонова были получены следующие значения: русский язык – 49,68%, иностранный язык – 54,07%, технология – 50,57%, что свидетельствует о необходимости усиления работы по данным предметам. Наиболее высокие показатели зафиксированы по музыке (78,52%) и ИЗО (72,13%).

Корреляционный анализ образовательных результатов

Для выявления взаимосвязей между показателями успеваемости по различным предметам был проведен корреляционный анализ, который выявил три наиболее сильные взаимосвязи, лежащие в основе методических проблем школы. Во-первых, высокая корреляция между математикой и ИЗО ($r=0,99$) свидетельствует о единой когнитивной основе – развитии пространственного мышления. Во-вторых, высокая корреляция между физкультурой и ИЗО ($r=0,99$) свидетельствует об общем уровне психофизического развития учащихся. В-третьих, значимые корреляционные связи между оценками по окружающему миру и русскому языку ($r=0,85$) свидетельствует о тесной методической взаимосвязи этих предметов.

Если традиционные инструменты мониторинга (ВПР) не способны зафиксировать скрытые межпредметные связи, то наша модель с высокой достоверностью ($r=0,99$) выявляет дефицит развития пространственного мышления. Мы опираемся на работу Ю.С. Марченко, доказывая, что статистические маркеры позволяют диагностировать компетенции, требующие именно нестандартных инструментов наблюдения [10].

На основе выявленных корреляций могут быть разработаны рекомендации по корректировке образовательных программ и методик преподавания.

Анализ результатов контрольной работы

Для оценки уровня подготовки учащихся к государственной итоговой аттестации был проведен анализ контрольной работы (рисунок 1).

Рис. 1. Результаты контрольной работы (ГИА) в 9 классе

Гистограмма распределения оценок ГИА. Данные показывают, что 55,6% учащихся получили оценку «3», что требует коррекции учебных программ.

По результатам анализа были сформулированы направления методической работы – алгоритм «Внедрение результатов мониторинга»

Этап 1. Диагностика и локализация проблемы (на основе данных СОУ)

- Выявлена проблема: критическое снижение степени обученности учащихся (СОУ) по русскому языку (49,68%) и технологии (50,57%), что свидетельствует о системных пробелах в освоении базовых предметных компетенций.

- Коррекция вычислительных навыков: включение в планы ликвидации дефицитов автоматизированного тренинга по вычислению долей, процентов и пропорций непосредственно на уроках русского языка при анализе статистических отчетов об успеваемости и на уроках технологии при расчетах норм расхода материалов.

- Адресное повторение проблемных тем: формирование индивидуальных образовательных маршрутов с приоритетным циклом отработки тем «Проценты», «Квадратные корни» и «Линейные неравенства». На уроках русского языка – через решение лингвистических задач с процентными долями частотности фонем; на уроках технологии – через инженерно-графические расчеты допусков и припусков.

Этап 2. Системная междисциплинарная интеграция (на основе корреляционного анализа)

- Системное решение: учитывая выявленную высокую корреляцию между математикой ($r=0.99$) и ИЗО, а также физкультурой и ИЗО, разработать модуль интегрированных метапредметных уроков для синхронного развития пространственного мышления.

- Развитие аналитических умений: реализация модуля осуществляется через единый цикл: анализ визуального образа или технической схемы → перевод его параметров на язык математической модели → построение чертежа или алгоритма действий. Это позволит повысить результаты сразу по нескольким предметам за счет формирования единого когнитивного навыка.

Этап 3. Адресная дифференциация педагогической поддержки

- Работа со слабоуспевающими учащимися: закрепление достигнутых микрорезультатов в рамках коррекционных планов посредством коротких (15–20 минут) самостоятельных работ строго по выявленным дефицитным операциям (например, только извлечение корня или только расстановка знаков препинания при вводных конструкциях).

- Работа с высокомотивированными учащимися: проведение практикумов по решению нестандартных задач повышенного уровня сложности, требующих синтеза знаний из смежных областей (например, проектирование геометрического орнамента с заданной алгебраической прогрессией элементов).

Этап 4. Организация разноуровневого повторения:

- Формирование гибких групп внутри классов не по формальным оценкам, а на основе матрицы типичных ошибок контрольных работ текущего полугодия. Проведение цикла корректирующих занятий параллельно по трем траекториям: базовое восполнение пробелов, прикладное применение и олимпиадный уровень.

Этап 5. Оценка эффективности управленческого решения

- Контроль: проведение повторного независимого мониторинга качества образования (расчет СОУ и обновление матриц корреляций) через учебное полугодие для оценки динамики показателей и принятия решения о масштабировании успешных методических практик.

Как отмечают исследователи, современные стандарты требуют перехода к системному мониторингу, поскольку текущие оценки не гарантируют объективности [11–13]. Эволюционируя от простого наблюдения к инструменту управленческой деятельности, мониторинг в нашем исполнении, в противовес работам по проектированию школьных

систем, направлен на поиск причинно-следственных связей с опорой на данные регулярной цифровой диагностики.

Мониторинг трансформируется из функции контроля в инструмент развития школы, демонстрируя прямую связь между внедрением системы внутреннего оценивания и ростом объективных показателей успеваемости учащихся. Выявленная нами высокая корреляция между результатами по математике и изобразительному искусству ($r=0.99$) служит примером такой диагностики, указывая на методическую природу проблемы – необходимость интеграции пространственного мышления в учебные программы.

Таким образом, предлагаемая модель усиливает прогностическую функцию ВСОКО, что особенно актуально в условиях перехода на обновленные ФГОС [4].

Заключение

Научная новизна исследования заключается в комплексном решении проблемы объективной оценки образовательных результатов в условиях реализации обновленных ФГОС и состоит из трех взаимосвязанных аспектов:

1. Теоретико-методологический: впервые осуществлена адаптация классической методики В.П. Симонова для целей объективного мониторинга качества образования, соответствующего требованиям новых федеральных государственных образовательных стандартов. Доказана ее релевантность современным метрикам: применение данного инструментария позволило выявить критические зоны методического дефицита при преподавании отдельных дисциплин (Русский язык – 49% и Технология – 50% по степени обученности учащихся (СОУ) против нормативных значений свыше 70% по остальным предметам), требующие первоочередной коррекции.

2. Эмпирический: на основе многомерного статистического анализа обоснована нелинейная связь между когнитивными процессами в смежных дисциплинах. В отличие от традиционных исследований, фиксирующих лишь наличие корреляции, эмпирически доказано существование предельно тесной функциональной зависимости ($r=0.99$) между уровнем освоения математики и изобразительного искусства. Установлено, что данная закономерность обусловлена общностью базовых пространственно-логических операций, а полученные данные выступают не просто констатирующим фактом, но строгим научным обоснованием для пересмотра действующих методических подходов к проектированию междисциплинарных связей (в частности, через интеграцию развития пространственного мышления).

3. Прикладной (управленческий): разработан и апробирован алгоритм принятия управленческих решений для администрации образовательной организации, трансформирующий педагогическую диагностику в инструмент стратегического менеджмента. Предложенная модель переводит результаты измерения СОУ и корреляционного анализа в плоскость конкретных административных действий, выстраивая последовательную цепочку «объективная диагностика верификация причинно-следственных связей внедрение коррекционных мер». Алгоритм включает этапы ретроспективной диагностики, выявления скрытых дефицитов программ с помощью матрицы парных корреляций и внедрения адресных корректировок учебных планов, обеспечивая прямую конвертацию полученных данных в повышение академической успеваемости школы.

Таким образом, предложенный алгоритм выступает фундаментальным компонентом стратегического позиционирования школы, обеспечивающим стабильно высокие показатели в системе публичной отчетности при условии трансляции данной практики на муниципальный уровень.

Проведенное исследование подтверждает, что разработанная модель ВСОКО является эффективным инструментом объективизации управления качеством образования. Ее практическая ценность заключается в трансформации педагогической диагностики в инструмент стратегического менеджмента. Предложенный 5-шаговый алгоритм и матрица парных корреляций позволяют руководителю школы своевременно выявлять скрытые дефициты учебных программ и принимать научно обоснованные управленческие решения.

Внедрение данной модели способствует повышению прозрачности и объективности внутренней оценки, что является важнейшим фактором укрепления доверия в системе «школа – родительское сообщество – управляющий орган». Применение статистических методов (в частности, выявленная функциональная зависимость между математикой и ИЗО, $r=0.99$) переводит управление школой из плоскости субъективных мнений в плоскость фактов.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с адаптацией разработанной модели для различных типов образовательных организаций и использованием многомерных статистических методов

(кластерный анализ, факторный анализ) для углубленного изучения факторов, влияющих на результативность обучения.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 (ред. от 17.12.2025) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru> (дата обращения: 05.06.2026).
2. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 18 июня 2025 г. № 467 «О внесении изменений в ФГОС» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edu.gov.ru> (дата обращения: 05.06.2026).
3. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 9 октября 2024 г. № 704 «О внесении изменений в ФОП» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edu.gov.ru> (дата обращения: 05.06.2026).
4. Грязнова Т.М., Морозов А.В. Интегральная оценка качества высшего образования в условиях цифровизации: теоретико-методологические проблемы // Человеческий капитал. – 2026. – № 5(209). – С. 70–79. – DOI 10.25629/HC.2026.05.06.
5. Кишкинова О.А., Черенкова И.А., Лисейкина О.В. Статистическая обработка данных эмпирических педагогических исследований: отечественный и зарубежный опыт // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – № 2. – С. 101–104. – DOI 10.37882/2223–2982.2025.02.20.
6. Лескина И.Н., Канянина Т.И., Ефимова Э.В., Степанова С.Ю. Электронная информационно-образовательная среда современной школы в условиях реализации обновленных ФГОС и перехода на ФОП // Нижегородское образование. – 2023. – № 3. – С. 14–23.
7. Кислова Н.Н., Леонов С.А. Внутренняя независимая оценка качества образования: формы, нормативное и методическое обеспечение // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2023. – Т. 25, № 88. – С. 34–41. – DOI 10.37313/2413–9645–2023–25–88–34–41.
8. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 17.02.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 13.06.2026).
9. Симонов В.П. Управление педагогическим процессом в школе: методика, технология, организация. – М.: Педагогическое общество России, 2000. – 320 с.
10. Марченко Ю.С. Инструментарий оценки метапредметных результатов обучения, не охватываемых ВПР и другими оценочными процедурами (на примере Свердловской области) // Уральский вестник образования. – 2026. – № 1. – С. 21–26.
11. Султанова А.И. Мониторинг как средство управления качеством образования // Российские и зарубежные практики повышения резильентности образовательных организаций: Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. – Казань: КФУ, 2023. – С. 104–107.
12. Ражина Е.В., Смирнова Е.С., Лопалева Н.Л. и др. Контроль и оценка качества образования // Право и управление. – 2024. – № 12. – С. 76–79. – DOI 10.24412/2224–9133–2024–12–76–79.
13. Губанова М.И., Ковырева Е.А. Педагогический мониторинг качества профессиональной подготовки будущих педагогов // Вестник педагогических наук. – 2020. – № 4.

OBJECTIFICATION OF EDUCATION QUALITY MANAGEMENT BASED ON STATISTICAL MONITORING: A MODEL OF THE INTERNAL SCHOOL QUALITY ASSESSMENT SYSTEM (VSOKO)

Agarova E.G.
Pacific national university

The article addresses the problem of objectifying education quality management based on statistical monitoring data. A model of the internal school quality assessment system (VSOKO) is presented, positioned as a management tool for educational organizations. The model is based on the integration of external assessment procedures and internal statistical analysis, including the calculation of the learning coefficient and the construction of a Pearson pairwise correlation matrix. Based on empirical data, an anomaly has been identified: the degree of students' learning in the Russian language is 29% lower than in

Music. A functional dependence between results in Mathematics and Fine Arts has been established ($r = 0.99$). An iterative 5-step algorithm for adjusting curricula is proposed, enabling school administration to move from stating facts to targeted managerial impact on the quality of educational outcomes.

Keywords: quality of education, internal school quality assessment system, pedagogical monitoring, statistical analysis, correlation analysis, degree of students' learning.

References

1. Postanovleniye Pravitelstva RF ot 26.12.2017 N 1642 (red. ot 17.12.2025) «Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii «Razvitiye obrazovaniya» [Decree of the Government of the Russian Federation No. 1642 of December 26, 2017 (as amended on December 17, 2025) «On approval of the state program of the Russian Federation «Development of Education»]. URL: <http://government.ru> (accessed: 05.06.2026).
2. Prikaz Ministerstva prosveshcheniya Rossiyskoy Federatsii ot 18 iyunya 2025 g. № 467 «O vnesenii izmeneniy v federalnyye gosudarstvennyye obrazovatelnyye standarty nachalnogo obshchego, osnovnogo obshchego i srednego obshchego obrazovaniya» [Order of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 467 of June 18, 2025 «On amendments to the Federal State Educational Standards of primary general, basic general and secondary general education»]. URL: <https://edu.gov.ru> (accessed: 05.06.2026).
3. Prikaz Ministerstva prosveshcheniya Rossiyskoy Federatsii ot 9 oktyabrya 2024 g. № 704 «O vnesenii izmeneniy v nekotoryye prikazy Ministerstva prosveshcheniya Rossiyskoy Federatsii, kasayushchiyesya federalnykh obrazovatelnykh programm nachalnogo obshchego obrazovaniya, osnovnogo obshchego obrazovaniya i srednego obshchego obrazovaniya» [Order of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 704 of October 9, 2024 «On amendments to certain orders of the Ministry of Education of the Russian Federation concerning federal educational programs of primary general, basic general and secondary general education»]. URL: <https://edu.gov.ru> (accessed: 05.06.2026).
4. Gryaznova T.M., Morozov A.V. Integralnaya otsenka kachestva vysshego obrazovaniya v usloviyakh tsifrovizatsii: teoretiko-metodologicheskiye problemy [Integral assessment of the quality of higher education in the context of digitalization: theoretical and methodological problems]. *Chelovecheskiy kapital – Human Capital*, 2026, no. 5(209), pp. 70–79. DOI: 10.25629/HC.2026.05.06.
5. Kishkinova O.A., Cherenkov I.A., Liseykina O.V. Statisticheskaya obrabotka dannykh empiricheskikh pedagogicheskikh issledovaniy: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt [Statistical processing of data from empirical pedagogical research: domestic and foreign experience]. *Sovremennaya nauka: aktualnyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*, 2025, no. 2, pp. 101–104. DOI: 10.37882/2223–2982.2025.02.20.
6. Leskina I.N., Kanyanina T.I., Efimova E.V., Stepanova S. Yu. Elektronnaya informatsionno-obrazovatel'naya sreda sovremennoy shkoly v usloviyakh realizatsii obnovlennyykh FGOS i perekhoda na FOOP [Electronic information and educational environment of a modern school in the context of the implementation of updated Federal State Educational Standards and the transition to Federal Basic Educational Programs]. *Nizhegorodskoye obrazovaniye – Nizhny Novgorod Education*, 2023, no. 3, pp. 14–23.
7. Kislova N.N., Leonov S.A. Vnutrennyaya nezavisimaya otsenka kachestva obrazovaniya: formy, normativnoye i metodicheskoye obespecheniye [Internal independent assessment of the quality of education: forms, regulatory and methodological support]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsialnyye, humanitarnyye, mediko-biologicheskiye nauki – Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences*, 2023, vol. 25, no. 88, pp. 34–41. DOI: 10.37313/2413–9645–2023–25–88–34–41.
8. Federalnyy zakon ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii» (red. ot 17.02.2023) [Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ «On Education in the Russian Federation» (as amended on February 17, 2023)]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed: 13.06.2026).
9. Simonov V.P. Upravleniye pedagogicheskim protsessom v shkole: metodika, tekhnologiya, organizatsiya [Management of the pedagogical process at school: methods, technology, organization]. Moscow, Pedagogicheskoye obshchestvo Rossii Publ., 2000. 320 p.
10. Marchenko Yu.S. Instrumentariy otsenki metapredmetnykh rezultatov obucheniya, ne okhvatyvayemykh VPR i drugimi otsenochnymi protsedurami (na primere Sverdlovskoy oblasti) [Tools for assessing meta-subject learning outcomes not covered by All-Russian Verification Works and other assessment procedures (on the example of the Sverdlovsk region)]. *Uralskiy vestnik obrazovaniya – Ural Bulletin of Education*, 2026, no. 1, pp. 21–26.
11. Sultanova A.I. Monitoring kak sredstvo upravleniya kachestvom obrazovaniya [Monitoring as a means of managing the quality of education]. In: *Rossiyskiye i zarubezhnyye praktiki povysheniya rezilyentnosti obrazovatelnykh organizatsiy: Materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Russian and foreign practices for increasing the resilience of educational organizations: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference]. Kazan, Kazan Federal University Publ., 2023, pp. 104–107.
12. Razhina E.V., Smirnova E.S., Lopaeva N.L. et al. Kontrol i otsenka kachestva obrazovaniya [Control and assessment of the quality of education]. *Pravo i upravleniye – Law and Management*, 2024, no. 12, pp. 76–79. DOI: 10.24412/2224–9133–2024–12–76–79.
13. Gubanova M.I., Kovyreva E.A. Pedagogicheskiy monitoring kachestva professional'noy podgotovki budushchikh pedagogov [Pedagogical monitoring of the quality of professional training of future teachers]. *Vestnik pedagogicheskikh nauk – Bulletin of Pedagogical Sciences*, 2020, no. 4.

Лексико-функциональные особенности ИИ-генерируемых англоязычных писем с предложением услуг и потенциальные риски деловой коммуникации

Белозёрова Екатерина Юрьевна,

к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Финансовый университет при Правительстве РФ

E-mail: eybelozyorova@yandex.ru

Чернавина Дарья Олеговна,

студент, Финансовый университет при Правительстве РФ

E-mail: 254147@edu.fu.ru

В статье сравниваются англоязычные деловые письма с предложением услуг, написанные профессионалами и сгенерированные ChatGP T. Материал исследования включает 100 писем, созданных по пяти одинаковым коммуникативным кейсам: 50 текстов подготовили специалисты, 50 текстов были получены с помощью ChatGP T. Анализ направлен на выявление лексических и функционально-прагматических различий между двумя группами писем. Учитывались частота абстрактной лексики, клишированных конструкций и модальных средств, а также степень персонализации, конкретность аргументации и наличие ясного призыва к действию. Результаты показали, что письма ChatGPT в целом сохраняют структуру делового письма, но чаще используют обобщённые формулировки и менее конкретные завершения. Письма профессионалов чаще содержат адресные уточнения, конкретные данные и чётко обозначенный следующий шаг. Сделан вывод, что ИИ-генерируемые письма могут использоваться в деловой переписке, но требуют проверки лексической конкретности, персонализации и соответствия исходной задаче.

Ключевые слова: ИИ-генерируемый текст, ChatGPT, деловая переписка, англоязычная деловая коммуникация, письмо с предложением услуг, лексико-функциональный анализ, прагматическая эффективность, коммуникативные риски, персонализация, призыв к действию.

Введение

Генеративные языковые модели активно применяются в англоязычной деловой корреспонденции. Они обеспечивают скорость, грамматическую корректность и структурную логику текста. Однако видимое качество представляет формальный характер и не гарантирует прагматическую эффективность коммуникации.

Вопрос эффективности деловой коммуникации приобретает особую значимость в письмах с предложением услуг на английском языке. Главной функцией в данной коммуникации становится не информирование, а презентация преимуществ и побуждение адресата к действию. ИИ-тексты характеризуются абстрактной лексикой, универсальными выражениями (шаблонами), размытой модальностью, смысловыми повторами и обезличенными формулировками. Ключевой вопрос заключается в следующем: лексическая неопределенность ИИ-генерируемых деловых писем может создавать потенциальный риск снижения прагматической эффективности коммуникации? Иными словами, отличаются ли ИИ-письма от профессиональных писем по лексической определенности и какие потенциальные риски деловой коммуникации связаны с этими различиями? Цель исследования: сопоставить англоязычные письма-предложения, сгенерированные ChatGPT, с аналогичными текстами профессионалов и определить, какие лексико-функциональные различия могут создавать потенциальный риск снижения эффективности деловой переписки.

Ряд исследователей [1,2] оценивает ИИ-тексты по привычным меркам: правильно ли построены предложения, связаны ли части, есть ли структура и насколько текст выглядит цельным. Связь же между лексико-функциональными свойствами деловых писем, сгенерированных ИИ, и рисками их практического применения исследована фрагментарно. Для выявления специфики таких текстов необходимо сопоставление с письмами практикующих специалистов.

Объект – англоязычные деловые письма с предложением услуг. Предмет – лексико-функциональные характеристики деловых писем (абстрактность, клишированность, персонализация, модальность, аргументация) и анализ с точки зрения их эффективной коммуникации.

Эмпирическую базу составили 100 англоязычных деловых писем, объединенных единой коммуникативной задачей: предложением услуг. Выборка строилась симметрично: 50 писем принадлежали десяти опытным специалистам, профессионально владеющим деловой перепиской на английском языке, а остальные 50 были сгенерированы моделью ChatGPT по тем же пяти исходным кейсам. Сопоставительный анализ проводился по двум основным плоскостям – лексико-функциональной и прагматической.

Научная новизна заключается в анализе особенностей ИИ-деловых текстов с последующей оценкой рисков для функционально-прагматической эффективности делового сообщения.

Прагматическая эффективность англоязычного письма с предложением услуг

Прагматическая эффективность письма с предложением услуг зависит от того, насколько адресат понимает суть предложения и какое действие от него ожидается. Главными текстовыми условиями такой эффективности являются конкретное описание услуги, ориентация на потребности получателя, убедительная аргументация преимуществ и четкий призыв к дальнейшему взаимодействию. В коммуникативно-прагматическом подходе эффективность текста связывается с реализацией намерения отправителя и ориентацией сообщения на адресата [3]. В жанровой концепции В.К. Бхатти письмо с предложением товара или услуги рассматривается как убеждающий жанр профессиональной коммуникации, направленный на получение конкретной реакции адресата и инициирование последующего взаимодействия [4].

Грамматическая правильность и структурная завершенность делового письма необходимы, но этого недостаточно. Письмо может быть формально безупречным, и при этом абстрактным, шаблонным или обезличенным. В данном исследовании рассматривается не реальный отклик адресата, а потенциальную прагматическую эффективность на основе лексико-функциональных характеристик текста.

Одним из ключевых критериев потенциальной прагматической эффективности делового письма является соотношение конкретной

и абстрактной лексики. Конкретная лексика называет вещи прямо: что именно предлагается, какие действия предстоят, в какие сроки, на каких условиях, какой результат ожидается и что делать дальше. Сюда входят названия операций, документов, числовых показателей, дат и этапов работы. К абстрактной лексике относятся обобщенные понятия, например: efficiency (эффективность), improvement (улучшение, совершенствование), optimization (оптимизация), development (развитие), enhancement (повышение, улучшение, усиление), cooperation (сотрудничество, взаимодействие) [5].

Номинализация, то есть перевод процессуального или качественного признака из глагольной или адъективной формы в субстантивную, служит ключевым механизмом деловой речи. М. А. К. Халлидей и К. М. И. М. Маттиссен называют ее «наиболее мощным ресурсом создания идеационной грамматической метафоры» [6, р. 729]. Такое преобразование позволяет уплотнить информацию и придать тексту официальный характер, но одновременно затемняет субъекта действия, его содержание и обстоятельство.

М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева и В. А. Салимовский отмечают, что обороты с отглагольными существительными свойственны официально-деловой и профессиональной речи [7, с. 266]. К стилистическим чертам делового текста авторы относят точность, стандартизированность и безличность [7, с. 332–334]. Однако при отсутствии конкретизации чрезмерная номинализация затрудняет определение действующего лица, сути предлагаемого действия и ожидаемого результата.

Выражения improve business efficiency (повысить эффективность деятельности компании) и provide innovative solutions (предлагать инновационные решения) [5] создают положительную оценочную рамку, но сами по себе не указывают на содержание услуги, способ ее реализации и ожидаемый результат. Например, формулировка: We provide innovative solutions to improve your business efficiency (Мы предлагаем инновационные решения для повышения эффективности деятельности вашей компании) остается обобщенной. Более конкретный вариант будет: We will audit your procurement process and provide a cost-reduction plan within ten working days (Мы проведем аудит процесса закупок и в течение десяти рабочих дней представим план по снижению затрат). В последнем примере названы действие, объект, результат и срок его выполнения. Приведенные выше формулировки зафиксированы в исследуемом подкорпусе писем, созданных ChatGPT, и иллюстрируют различия между абстрактным и конкретным представлением услуги.

Значение языковой конкретности подтверждается результатами экспериментальных исследований. Г. Паккард и Дж. Бергер установили связь между использованием конкретного языка в коммуникации с клиентами и восприятием качества взаимодействия [8]. Й. Хансен и М. Вэнке показали, что конкретно сформулированные сообщения могут восприниматься как более достоверные по сравнению с абстрактными вариантами аналогичного содержания [9]. Исходя из этого, в эмпирической части исследования учитываются частота абстрактных существительных, а также наличие лексических единиц, обозначающих конкретную услугу, выполняемые действия, сроки, количественные параметры и ожидаемый результат.

Материалы и методы исследования

Материалом послужил сбалансированный корпус: 100 англоязычных деловых писем с предложением услуг, написанных по пяти одинаковым коммуникативным кейсам.

Все фактические параметры (цифры, сроки, цены, описание услуг) изначально закладывались в условия кейсов. Эти данные были доступны и профессионалам, и ChatGPT в равном объеме. При этом обе группы работали с одинаковым ограничением: нельзя было добавлять детали, которых не было в задании.

Первую часть (50 писем) подготовили десять профессионалов с опытом работы в бизнесе от 3 до 6 лет и навыками ведения деловой переписки на английском. Каждый из них написал по одному письму на каждый из пяти кейсов.

Вторую часть, также 50 текстов, сгенерировал ChatGPT: для каждого кейса по десять независимых вариантов.

Для профессионалов английский является иностранным, уровень владения английским языком B2–C1. Им разрешалось пользоваться словарями (бумажными и электронными), но запрещалось прибегать к генеративным моделям. Все письма написаны самостоятельно, без посторонней помощи.

Условия для людей и модели были идентичными: одинаковые вводные, описание адресата, задача, цель и лимит по объему (180–250 слов, максимум 300 слов). Каждый сеанс генерации ChatGPT запускался в новой сессии, без опоры на предыдущий контекст. Для анализа

фиксируются версия модели, дата, точный промпт и исходный ответ без какой-либо доработки или правки.

Для создания ИИ-подкорпуса использовался единый англоязычный промпт. Во всех генерациях его основная часть оставалась неизменной; варьировалось только содержание соответствующего коммуникативного кейса: [Write a professional business email in English offering the service described in the case below. Use only the information provided in the case. Do not invent prices, dates, guarantees, achievements, client names, statistical data, service features, or other facts that are not stated in the task. Address the email to the specified recipient, clearly present the purpose of the message, describe the proposed service, encourage further business communication, and include an appropriate subject line, greeting, and closing. The recommended length is 180–250 words, and the maximum length is 300 words] – напишите профессиональное деловое письмо на английском языке с предложением услуги, описанной в приведенном ниже кейсе. Используйте только информацию, представленную в кейсе. Не добавляйте цены, даты, гарантии, достижения, имена клиентов, статистические данные, характеристики услуги или иные сведения, не указанные в задании. Адресуйте письмо указанному получателю, ясно сформулируйте цель сообщения, опишите предлагаемую услугу, побудите адресата к дальнейшему деловому взаимодействию и включите подходящую тему письма, приветствие и заключительную формулу. Рекомендуемый объем письма 180–250 слов, максимальный объем 300 слов).

Методология строилась на двух аналитических подходах: сопоставительном и функционально-прагматическом. Для каждого письма фиксировалась частота трех лексических групп: абстрактных существительных, клишированных оборотов и модальных слов. Показатели подсчитывались для каждого письма отдельно в расчете на 1000 словоупотреблений. Затем по каждой группе выводилось среднее значение для подкорпуса.

Далее проводился функционально-прагматический анализ писем по пяти параметрам: конкретность предложения, персонализация, аргументация, определенность призыва к действию и соответствию исходному кейсу.

Два параметра рассматривались отдельно: конкретность призыва и конкретность персонализации. Призыв считался конкретным, если в письме прямо называлось, что именно должен сделать адресат: ответить, позвонить, встретиться или посмотреть демонстрацию. Формулировки вроде «будем рады обсудить» без указания следующего шага к конкретным не относились.

Персонализация признавалась конкретной, если в тексте встречалось упоминание компании адресата, его должности, отдела, открытой вакансии, потребности или другого обстоятельства, прямо заданного в кейсе.

По каждому подкорпусу проводился подсчет, сколько писем содержат конкретный призыв и сколько конкретную персонализацию, а затем подсчет доли от общего объема группы.

Результаты и их обсуждение

На первом этапе сопоставлялись лексические профили двух групп писем (писем профессионалов и ChatGPT). Показатели рассчитывались отдельно для каждого текста и нормировались на 1000 слов. Подсчитывалась частота абстрактных существительных, клишированных конструкций и модальных средств

Таблица 1. Частота лексических показателей в двух подкорпусах

Показатель	Профессионалы	ChatGPT	Разница
Средний объем письма, слов	215	200	-15
Абстрактные существительные на 1000 слов	60	115	+55
Клишированные конструкции на 1000 слов	18	25	+7
Модальные средства на 1000 слов	42	50	+8

Частотные показатели рассчитывались отдельно для каждого письма на 1000 слов, далее определялись средние значения по каждому подкорпусу.

ИИ-тексты отличаются большей обобщенностью. В них встречались формулировки a wide range of services (широкий спектр услуг), flexible terms (гибкие условия), a comprehensive approach (комплексный подход). Клишированность: We are a leading company in (Мы являемся ведущей компанией в сфере), We offer flexible and cost-effective solutions (Мы предлагаем гибкие и экономически эффективные решения), we offer a comprehensive range of services (Мы предлагаем

полный комплекс услуг). Модальные средства we can adjust (мы можем адаптировать), this solution will reduce (это решение позволит сократить), We will optimize (Мы оптимизируем), We would welcome the opportunity (Мы были бы рады возможности). В то время как в письмах профессионалов также имело место обобщенности и клише, но предложение услуги выражалось точнее и напрямую, без длинных предложений и долгих прелюдий. Например, говоря об предоставляемых услугах и условиях – писали конкретно с указанием сроков и стоимости. Клишированность имело место но это было в начале письма в приветственной части и в конце письма, например: we look forward to (мы с нетерпением ждем) или best-in-class service (обслуживание высочайшего уровня) в заключении в качестве гарантии качества.

Таблица 2. Частота призыва и персонализации

Критерий	Профессионалы, п (%)	ChatGPT, п (%)	Разница, п.п.
Конкретный призыв к действию	38 (76%)	21 (42%)	34
Конкретная персонализация	42 (84%)	27 (54%)	30

Конкретный призыв к действию зафиксирован в 38 из 50 писем профессионалов (76%) и в 21 из 50 писем ChatGPT (42%). Разрыв: 34 процентных пункта. Конкретная персонализация встретилась в 42 экспертных письмах (84%) и в 27 ИИ-текстах (54%), разница 30 пунктов. В обоих случаях профессиональные авторы демонстрируют более высокие показатели: они чаще адресуются к конкретному получателю и чаще обозначают ожидаемый следующий шаг (табл. 3).

Таблица 3. Примеры реализации функционально-прагматических параметров

Критерий	Примеры из писем профессионалов	Примеры из писем ChatGPT
Конкретность предложения	two on-site visits, unlimited email support, dedicated manager (два выезда, безлимитная почта, персональный менеджер)	competitive rates (конкурентоспособные цены)
Персонализация	your job posting for (ваша вакансия на)	businesses face challenges today (бизнес сталкивается с вызовами)
Аргументация	handled 2.5 million requests with zero downtime (выдержали 2,5 млн запросов без сбоев)	recognized as a leader (признан лидером)
Призыв к действию	schedule a 30minute demo on Tuesday, I will send a calendar link (назначить 30минутную демонстрацию во вторник, отправлю ссылку)	we would be happy to discuss (будем рады обсудить)
Соответствие кейсу	three conversation flow prototypes for your product categories (три прототипа сценариев под ваши товарные категории)	digital transformation across multiple sectors (цифровая трансформация в различных секторах)

Таблица 3 иллюстрирует типичные способы реализации по пяти функционально-прагматическим критериям. Экспертные тексты характеризуются предметными формулировками, адресности, фактической аргументации, конкретного призыва и точной привязки к исходному заданию. Письма ChatGPT чаще содержали обобщенные формулировки и безличные обороты. Это снижало их прагматическую эффективность.

Полученные результаты имеют значение не только для лингвистического анализа, но и для практики цифровых бизнес-коммуникаций. К.С. Шевелев отмечает, что интеграция искусственного интеллекта в коммуникационную деятельность способствует автоматизации и персонализации сообщений, однако сопровождается рисками алгоритмической непрозрачности [10]. А.А. Ксенофонтов и А.А. Анисимов относят взаимодействие с клиентами к числу основных направлений применения нейросетевых инструментов в коммерческих организациях [11]. В контексте деловой переписки это означает, что экономический и коммуникативный эффект использования генеративной модели зависит не только от скорости создания текста, но и от качества его последующей адаптации к конкретному адресату и деловой ситуации.

Потенциальные риски деловой коммуникации

Выявленные различия между подкорпусами приобретают практическую значимость при рассмотрении их через призму коммуникативных рисков. Под риском в данном случае понимается возможность того, что

адресат неверно интерпретирует предложение, не увидит его преимуществ или не поймет, какой шаг должен сделать следующим. Ниже каждое лексико-функциональное различие соотносится с потенциальным коммуникативным затруднением и порождаемым им риском.

Абстрактная лексика вместо конкретных обозначений

ИИ-тексты регулярно используют обобщенные существительные: solutions (решения), opportunities (возможности), approaches (подходы), тогда как эксперты предпочитают называть вещи прямо: CRM setup (настройка CRM), database migration (перенос базы данных), monthly report (ежемесячный отчет). Затруднение: адресат получает общее представление о предложении, но его конкретное содержание остается недостаточно ясным. Потенциальный риск: неоднозначное понимание предложения и восприятие письма как массовой рассылки.

Клишированные обороты вместо фактов

ChatGPT часто прибегает к формулам типа a wide range of services (широкий спектр услуг), an individual approach (индивидуальный подход), an optimal solution (оптимальное решение). Профессионалы чаще включают конкретные данные (предусмотренные кейсами), например: two on-site visits per month (два выезда в месяц), processing 2.5 million requests (обработка 2,5 млн запросов), a 17% reduction in costs (снижение расходов на 17%). Затруднение: утверждения звучат убедительно, но не содержат проверяемой информации. Потенциальный риск: недостаток информации ограничивает убедительность предложения, что создает предпосылки для снижения доверия со стороны адресата.

Размытый призыв к действию

В ИИ-письмах завершающая часть регулярно строится по одной модели: we would be happy to discuss (будем рады обсудить), we look forward to working with you (надеемся на сотрудничество). Затруднение: не всегда ясно, какое действие ожидается от адресата. Потенциальный риск: неопределенность в ожидаемом действии может привести к затягиванию переговоров или отсутствию ответа вовсе.

Эксперты также прибегают к клишированности, однако чаще формулируют следующим образом: Shall we schedule a call for Tuesday? (назначим звонок во вторник?), I'll send a calendar invitation for Wednesday (отправляю календарь на среду).

Обобщенная аргументация

ИИ ссылается на best practices (лучшие практики) и proven effectiveness (доказанную эффективность) без уточнений. Эксперты приводят цифры: 47 completed projects (47 завершённых проектов), a rating of 4.8 out of 5 (оценка 4,8 из 5), zero downtime (нулевой даунтайм). Затруднение: утверждения остаются декларациями. Риск: недостаточная убедительность, необходимость дополнительного редактирования перед отправкой.

Слабая персонализация

ChatGPT говорит о companies in your sector (компаниях вашего профиля), эксперты – о конкретном адресате: you are looking for an engineer (вы ищете инженера), your logistics department (ваш логистический отдел). Затруднение: недостаточная адресная конкретизация ослабляет восприятие сообщения. Потенциальный риск: восприятие сообщения как массовой рассылки, снижение вовлеченности адресата.

Полученные результаты согласуются с наблюдениями других исследователей в области лингвистического анализа текстов, сгенерированных нейросетями. С.Е. Тупикова и В.А. Пустоведова при сопоставлении деловой корреспонденции установили, что модель способна сохранять нормативную структуру письма и официальный стиль [12]. О.В. Лукинова показала, что в ИИ-генерируемой деловой переписке наблюдается избыточное употребление традиционных этикетных формул и смягчающих конструкций, а также встречаются случаи калькирования [13]. С.В. Гусаренко и М.К. Гусаренко подчеркивают необходимость анализа не только грамматической правильности, но и макроструктурных и пресуппозиционно-прагматических параметров нейросетевого текста [14]. Полученные в настоящем исследовании данные согласуются с этими наблюдениями: письма ChatGPT сохраняют функциональную структуру делового сообщения, характеризуются повышенной частотой абстрактной, клишированной и модально лексики.

Заключение

Тексты, сгенерированные ChatGPT, отличаются от писем профессионалов. Качественный анализ выявил тенденцию к обобщенной лексике у писем ChatGPT.

Использование стандартных формул вежливости или общих выражений, не является исключительно признаком ИИ. Они встречаются и в экспертных письмах, особенно в ситуациях быстрой или формальной коммуникации. Однако в письмах профессионалов такие обороты, как правило, соседствуют с конкретными деталями и компенсируются предметными уточнениями.

Потенциальный риск для прагматической эффективности возрастает: при использовании абстрактной лексики, недостаточности конкретизации (отсутствие условий), клишированной аргументации и неконкретного призыва к действию.

Обязательной проверке человеком подлежат: конкретика услуги (что именно предлагается), наличие измеримых аргументов (цифры, сроки, прецеденты), персонализация обращения и формулировка следующего шага. Эти четыре элемента имеют существенное значение для потенциальной прагматической эффективности делового сообщения и требуют редактирования текстов, сгенерированных ИИ.

Литература

1. Zhu W., Bhat S. GRUEN for Evaluating Linguistic Quality of Generated Text // Findings of the Association for Computational Linguistics: EMNLP 2020. 2020. P. 94–108. DOI: 10.18653/v1/2020.findings-emnlp.9.
2. Herbold S., Hautli-Janisz A., Heuer U., Kiktevа Z., Trautsch A. AI, write an essay for me: A large-scale comparison of human-written versus ChatGPT-generated essays // Scientific Reports. 2023. Vol. 13. Art. 18617. DOI: 10.1038/s41598-023-45644-9.
3. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007.
4. Bhatia V.K. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. London: Longman, 1993.
5. Мюллер В.К. Англо-русский русско-английский словарь: 120 000 слов. Современная редакция. Москва: ЛадКом, 2013. 832 с. ISBN 978-5-91336-124-0.
6. Halliday M.A. K., Matthiessen C.M. I.M. Halliday's Introduction to Functional Grammar. 4th ed. London; New York: Routledge, 2014.
7. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. 4-е изд. М.: Флинта; Наука, 2008.
8. Packard G., Berger J. How Concrete Language Shapes Customer Satisfaction // Journal of Consumer Research. 2021. Vol. 47, No. 5. P. 787–806. DOI: 10.1093/jcr/ucaa038.
9. Hansen J., Wänke M. Truth from Language and Truth from Fit: The Impact of Linguistic Concreteness and Level of Construal on Subjective Truth // Personality and Social Psychology Bulletin. 2010. Vol. 36, No. 11. P. 1576–1588. DOI: 10.1177/0146167210386238.
10. Шевелев, К.С. Экономические эффекты интеграции Big Data и AI в управление рекламой и PR / К.С. Шевелев // Экономика строительства. – 2026. – № 4. – С. 64–66.
11. Ксенофонтов, А.А. Внедрение нейросетевых инструментов для повышения эффективности деятельности коммерческих организаций / А.А. Ксенофонтов, А.А. Анисимов // Экономика строительства. – 2026. – № 4. – С. 158–160.
12. Тупикова, С.Е. Искусственный разум против человеческого: сравнение деловой корреспонденции магистрантов языкового вуза и искусственного интеллекта / С.Е. Тупикова, В.А. Пустоведова // Образование и воспитание дошкольников, школьников, молодежи: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 51–59. – EDN BNHFMF.
13. Лукинова, О.В. Категория вежливости в ИИ-генераторах писем / О.В. Лукинова // Коммуникативные исследования. – 2025. – Т. 12, № 4. – С. 836–849. – DOI 10.24147/2413-6182.2025.12(4).836-849.
14. Гусаренко, С.В. Функционально-семантические, макроструктурные и пресуппозиционно-прагматические параметры сгенериро-

ванных русскоязычных текстов в лингвистических нейросетях Giga-Chat, ChatGPT, Марти и Яндекс Алиса / С.В. Гусаренко, М.К. Гусаренко // Гуманитарные и юридические исследования. – 2024. – Т. 11, № 4. – С. 788–800. – DOI 10.37493/2409-1030.2024.4.23.

LEXICO-FUNCTIONAL FEATURES OF AI-GENERATED ENGLISH SERVICE PROPOSAL EMAILS AND POTENTIAL RISKS FOR BUSINESS COMMUNICATION

Belozeroва E.Yu., Chernavina D.O.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article compares English service proposal business emails written by professionals and generated by ChatGP T. The study is based on a corpus of 100 emails created from five identical communication cases: 50 texts were written by specialists, and 50 texts were generated by ChatGP T. The analysis focuses on lexical and functional-pragmatic differences between the two groups of emails. The study considers the frequency of abstract vocabulary, formulaic expressions and modal means, as well as personalization, argumentation and the presence of a clear call to action. The results show that ChatGPT emails generally preserve the structure of a business email, but more often use generalized wording and less specific closing parts. Professional emails more often include recipient-oriented details, concrete data and a clearly defined next communicative step. The article concludes that AI-generated emails can be used in business correspondence, but they require checking for lexical specificity, personalization and correspondence to the original communicative task.

Keywords: AI-generated text, ChatGPT, business correspondence, English business communication, service proposal email, lexico-functional analysis, pragmatic effectiveness, communicative risks, personalization, call to action.

References

1. Zhu W., Bhat S. GRUEN for Evaluating Linguistic Quality of Generated Text // Findings of the Association for Computational Linguistics: EMNLP 2020. 2020. P. 94–108. DOI: 10.18653/v1/2020.findings-emnlp.9.
2. Herbold S., Hautli-Janisz A., Heuer U., Kiktevа Z., Trautsch A. AI, Write an Essay for Me: A Large-scale Comparison of Human-written versus ChatGPT-generated Essays // Scientific Reports. 2023. Vol. 13. Art. 18617. DOI: 10.1038/s41598-023-45644-9.
3. Formanovskaya N.I. Speech Interaction: Communication and Pragmatics. Moscow: IKAR, 2007. (In Russian).
4. Bhatia V.K. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. London: Longman, 1993.
5. Müller V.K. English-Russian and Russian-English Dictionary: 120,000 Words. Modern Edition. Moscow: LadKom, 2013. 832 p. ISBN 978-5-91336-124-0. (In Russian).
6. Halliday M. A. K., Matthiessen C.M. I.M. Halliday's Introduction to Functional Grammar. 4th ed. London; New York: Routledge, 2014.
7. Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovsky V. A. Stylistics of the Russian Language. 4th ed. Moscow: Flinta; Nauka, 2008. (In Russian).
8. Packard G., Berger J. How Concrete Language Shapes Customer Satisfaction // Journal of Consumer Research. 2021. Vol. 47, No. 5. P. 787–806. DOI: 10.1093/jcr/ucaa038.
9. Hansen J., Wänke M. Truth from Language and Truth from Fit: The Impact of Linguistic Concreteness and Level of Construal on Subjective Truth // Personality and Social Psychology Bulletin. 2010. Vol. 36, No. 11. P. 1576–1588. DOI: 10.1177/0146167210386238.
10. Shevelev K.S. Economic Effects of Big Data and AI Integration in Advertising and PR Management // Economics of Construction. 2026. No. 4. P. 64–66. (In Russian).
11. Ksenofontov A. A., Anisimov A.A. Implementation of Neural Network Tools to Improve the Efficiency of Commercial Organizations // Economics of Construction. 2026. No. 4. P. 158–160. (In Russian).
12. Tupikova S. E., Pustovedova V.A. Artificial Intelligence versus Human Intelligence: A Comparison of Business Correspondence Written by Master's Students of a Language University and Artificial Intelligence // Education and Upbringing of Preschool Children, Schoolchildren, and Youth: Theory and Practice. 2024. No. 2. P. 51–59. EDN BNHF-MF. (In Russian).
13. Lukinova O.V. The Category of Politeness in AI Letter Generators // Communication Studies. 2025. Vol. 12, No. 4. P. 836–849. DOI: 10.24147/2413-6182.2025.12(4).836-849. (In Russian).
14. Gusarenko S. V., Gusarenko M.K. Functional-semantic, Macrostructural and Presuppositional-pragmatic Parameters of Russian-language Texts Generated by Linguistic Neural Networks GigaChat, ChatGPT, Marty and Yandex Alice // Humanities and Legal Studies. 2024. Vol. 11, No. 4. P. 788–800. DOI: 10.37493/2409-1030.2024.4.23. (In Russian).

Характеристика современной информационной среды как пространства с высокой степенью неопределенности и рисков

Веретенникова Ирина Валерьевна,

доцент кафедры социальных отношений, рекламы и связей с общественностью, Московского технического университета связи и информатики
E-mail: i.v.veretennikova@mtuci.ru

Мамаева Юлия Александровна,

доцент кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: yamamaeva@fa.ru

Современная информационная среда амбивалентна: она расширяет возможности познания и коммуникации, но одновременно порождает уязвимости на психофизиологическом, личностном и когнитивном уровнях, что определяет переход к активному управлению информационным пространством в рамках курса на «цифровой суверенитет». В качестве ответа на эти вызовы авторы предлагают систему из пяти взаимодополняющих стратегий, объединённых принципом баланса между защитой и развитием. Произведен вывод, что информационная среда не должна восприниматься исключительно как источник угроз – при эффективном управлении она остаётся важнейшим ресурсом личного роста и общественного прогресса.

Ключевые слова: информационная среда, цифровой суверенитет, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, информационно-психологические угрозы, медиаграмотность, эмоциональный тонометр, управление информационной средой.

В современном мире наблюдается глобальная трансформация информационной среды, заключающаяся в цифровой революции и повсеместной доступности каналов массовой коммуникации. Результатом этих изменений стало то, что информация превратилась в ключевой ресурс борьбы за власть и общественное сознание. Если в прошлом политическая борьба велась преимущественно в физическом пространстве, то сегодня эпицентр конфликтов смещается в информационную среду, для которой характерны высокая степень неопределенности, нестабильности и асимметрии.

Проблема исследования заключается в том, что традиционные политические институты утрачивают монополию на формирование повестки дня. На смену иерархичным и относительно предсказуемым информационным потокам приходит хаотичное, фрагментированное пространство, насыщенное дезинформацией, манипулятивными технологиями и нарративами, направленными на подрыв доверия к власти и дестабилизацию общества. В условиях информационной войны и гибридных угроз человек оказывается в ситуации, где объективная оценка политической реальности становится затруднительной, а сама реальность – объектом целенаправленного конструирования. Таким образом, способность ориентироваться в противоречивых информационных потоках становится необходимой, а проблема защиты личности от информационно-психологических угроз выходит на первый план.

Для анализа механизмов воздействия информационной среды на личность, необходимо определиться с содержанием самого понятия «информационная среда» и его основными характеристиками.

Данная категория остается предметом научных изысканий и не имеет на сегодняшний день единой, общепризнанной дефиниции. Анализ существующих подходов позволяет выявить несколько содержательных концепций.

Во-первых, информационная среда рассматривается через метрические характеристики – с акцентом на количественные параметры информационных потоков, их плотность, скорость распространения и происходящие в них процессы трансформации. Во-вторых, прослеживается подход, отталкивающийся от концепции информационного поля: среда трактуется как особого рода пространство, в котором действуют специфические «силы» и закономерности, влияющие на помещенные в него объекты [2].

Несмотря на расхождение в трактовке данного термина, исследователи сходятся в едином мнении относительно базовой функции данного феномена: информационная среда представляет собой ряд условий, которые объективно необходимы для полноценной жизнедеятельности человека в цифровую эпоху. Таким образом, информационная среда – это «поле информационных отношений, создаваемое взаимодействующими по поводу информации субъектами, но вместе с тем имеющее свое особое (системное) качество, отсутствующее в самих субъектах. Оно может рассматриваться как социальный ресурс и как пространство отношений» [2].

В 2026 году теоретические дискуссии о сущности информационной среды приобретают прямое политико-практическое измерение. Государство все активнее стремится перевести среду из статуса «стихийно формирующегося поля отношений» в режим «управляемого и контролируемого пространства». В условиях геополитического противостояния контроль над информационными потоками становится для власти не менее значимым, чем контроль над физическими территориями. Задача формулируется конкретно: не просто цензурирование нежелательного контента, а создание среды, в которой государство определяет, что существует как факт.

Данная задача находит отражение в законодательных инициативах. Председатель комитета Госдумы по информационной политике Сергей Боярский, характеризуя текущий курс, подчеркивает, что пользование интернетом «остаётся свободным», однако эта свобода помещается в определенные рамки требований безопасности граждан и государства. Борьба с мошенничеством, блокировка экстремистского контента и предотвращение «выращивания радикалов» объявляются приоритетами, оправдывающими усиление регуляторного вмешательства [7]. Параллельно Минцифры проводит ревизию нормативных актов в сфере обработки персональных данных, чтобы адаптировать законодательство к текущим цифровым угрозам.

Так, академическое сообщество продолжает обсуждать дефиниции и онтологический статус информационной среды, то политическая практика уже дает на этот вопрос однозначный ответ: среда понимается как стратегический ресурс и пространство, подлежащее суверенному управлению. В этой логике выстраивается курс на формирование «цифрового суверенитета» — модели, предполагающей способность государства в любой момент перевести национальный сегмент сети в автономный режим функционирования, минимизировав внешние информационные воздействия.

Исходя из этого, информационная среда представляет собой амбивалентный феномен, воздействие которого на аудиторию не может быть сведено к однозначно положительной или отрицательной оценке. Цифровая реальность одновременно расширяет горизонты человеческих возможностей и создаёт принципиально новые зоны уязвимости. Для объективного анализа необходимо рассматривать данное явление как в аспекте открывающихся перспектив, так и в контексте возникающих рисков — причём последние проявляются на нескольких взаимосвязанных уровнях.

К позитивным аспектам современной информационной среды следует отнести качественное расширение средств и возможностей получения новых знаний, а также фундаментальное упрощение коммуникации между людьми вне зависимости от их местонахождения [8].

Цифровые технологии обеспечивают доступ к образовательным ресурсам, научным базам данных, архивам и экспертному знанию. Таким образом, мировые коммуникационные платформы стараются сохранить условия для функционирования межгосударственных профессиональных сообществ, межкультурного диалога и оперативного обмена опытом, что остается мощным драйвером социального и научно-технического прогресса.

Однако наряду с позитивными трансформациями современная информационная среда генерирует комплекс негативных эффектов, которые целесообразно анализировать дифференцированно — в зависимости от того, на каком именно уровне человеческой организации они проявляются. Исследователи выделяют три таких уровня: индивидуальный, личностный и субъектный [4].

На индивидуальном (психофизиологическом) уровне отмечается, что длительное пребывание в насыщенной информационной среде провоцирует устойчивый рост уровня напряжённости и тревожности. Информационный шум, постоянные уведомления, необходимость оперативно реагировать на множественные стимулы приводят к общему истощению адаптационных ресурсов личности.

Например, в январе 2026 года ВЦИОМ представил новый аналитический инструмент — «Эмоциональный тонометр российского общества», призванный измерять психоэмоциональное состояние граждан под давлением информационной повестки. Согласно первым данным, индекс тревожности населения вырос до 58 пунктов из 100 (прирост на 12 пунктов по сравнению с сентябрём 2025 года), при этом 67% респондентов сообщили о регулярном стрессе из-за новостной повестки. Как отметили эксперты, ключевым фактором эмоциональной дестабилизации стала именно «событийная турбулентность»: геополитическая неопределённость, информационная поляризация и избыток тревожных новостей. При этом постоянное онлайн-присутствие превратило смартфон в источник «перманентного стресса»: 74% опрошенных признались, что проверяют новости более 10 раз в день, а 41% испытывают чувство тревоги при отсутствии доступа к интернету, что подтверждает двойственную роль гаджета — одновременно канала поддержки и генератора тревоги [11]. Таким образом, теоретический тезис о росте напряжённости на индивидуальном уровне получает прямое эмпирическое подтверждение: государственные аналитические центры уже институционализировали измерение коллективной тревожности как значимого социального индикатора.

Воздействие информационной среды на личностном уровне выражается в возникновении трудностей с самоопределением и самореализацией, а также в осложнении процессов принятия жизненно важных решений. Избыточность и противоречивость доступной информации создают ситуацию когнитивного диссонанса, когда индивид оказывается не в состоянии выстроить непротиворечивую систему ценностных координат.

В марте 2026 года ВЦИОМ зафиксировал резкий рост «цифровых тревог» среди младших миллениалов (26–34 года). Интегральный индекс цифровых страхов в этой группе вырос с 22 до 30 пунктов, причем сильнее всего — страх ограничения свободы слова через регулирование контента (+10 пунктов). Социологи связали эту динамику с конкретными политико-технологическими событиями: продвижением отечественного мессенджера МАХ на фоне блокировки привычных иностранных платформ, а также с сообщениями о возможной полной блокировке YouTube в 2026 году [10]. Данный пример иллюстрирует,

как информационная среда дестабилизирует именно личностный уровень: привычные цифровые инструменты самореализации и коммуникации (рабочее общение, ведение бизнеса, потребление контента) оказываются под угрозой, что порождает экзистенциальную неуверенность и затрудняет жизненное планирование.

На субъектном уровне происходят качественные изменения познавательной деятельности: поверхностное сканирование текстов вытесняет углублённое чтение, фрагментарное восприятие замещает целостное осмысление, а навыки критического анализа уступают место привычке к потреблению готовых интерпретаций. Данные изменения оказывают непосредственное влияние на выполнение социально значимых функций, поскольку способность человека выступать в качестве полноценного субъекта — гражданина, профессионала, участника общественных отношений — напрямую зависит от сохранности его когнитивного потенциала [10].

Трансформация когнитивных стратегий фиксируется и на уровне государственной рефлексии. Заместитель председателя комитета Госдумы по информационной политике Антон Горелкин, выступая в апреле 2026 года, подчеркнул, что в условиях движения к цифровому суверенитету критически важными становятся «цифровая гигиена» и «цифровая грамотность». По его оценке, Россия находится «примерно в середине пути» к технологической независимости, однако зависимость от зарубежных операционных систем и платформ сохраняется [3].

Примечательно, что государство все чаще апеллирует именно к необходимости формирования у граждан навыков критического анализа и осознанного потребления информации — то есть пытается компенсировать те самые когнитивные дефициты, которые возникают на субъектном уровне под влиянием самой информационной среды. Проблема утраты целостного осмысления реальности переходит из сугубо академической плоскости в сферу практической государственной политики.

Таким образом, современная информационная среда представляет собой сложный социотехнический феномен, позитивные и негативные аспекты которого находятся в неразрывной диалектической взаимосвязи. Цифровая реальность одновременно расширяет горизонты познания и коммуникации и порождает принципиально новые зоны уязвимости — как на уровне личности, так и в масштабе общественных и политических процессов.

В этих условиях ключевая задача видится в выработке сбалансированных стратегий, позволяющих минимизировать сопутствующие риски при сохранении и приумножении открывающихся возможностей.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, являясь основным стратегическим документом в этой сфере, прямо указывает, что национальные интересы в информационной сфере включают не только защиту суверенитета и критической инфраструктуры, но и «сохранение и укрепление культурных и нравственных ценностей», а также «обеспечение прав и свобод человека в условиях цифровой экономики» [1].

Ниже представлены ключевые стратегические направления, каждое из которых нацелено на достижение динамического равновесия между защитой от угроз и развитием цифрового потенциала личности и общества с учетом разрабатываемого проекта новой редакции Доктрины информационной безопасности Российской Федерации и основных принципов, выдвинутых на «Инфофоруме — 2026».

Развитие культуры информационной гигиены и цифровой грамотности

Наиболее уязвимым звеном в системе информационной безопасности остается сам человек. Технические средства защиты и законодательные ограничения не способны полностью компенсировать дефицит критического мышления и навыков верификации данных. Следовательно, приоритетной становится превентивная стратегия, направленная на повышение индивидуальной устойчивости к деструктивным воздействиям.

В качестве практических механизмов реализации можно выделить: — интеграцию медиаграмотности в образовательные программы; — популяризацию принципов «цифровой диеты» (информирование населения о техниках управления экранным временем, осознанного ограничения новостного потока и профилактики «думскроллинга» (навязчивого чтения негативных новостей) как средства сохранения психоэмоционального ресурса;

— создание доступных инструментов самостоятельной верификации (развитие общедоступных сервисов проверки достоверности изображений и видео (по аналогии с системой «Зефир» [9]), позволяющих пользователю самостоятельно убедиться в подлинности или сфабрикованности контента.

Технологическое обеспечение цифрового суверенитета при сохранении открытости

Создание устойчивой национальной цифровой инфраструктуры, способной защитить критически важные информационные ресурсы и персональные данные граждан от внешних угроз, при одновременном сохранении доступа к глобальному научному, образовательному и культурному контенту.

Опыт 2025–2026 годов демонстрирует эскалацию кибератак на государственные информационные системы и критическую инфраструктуру. Рост DDoS-атак в I квартале 2026 года и появление атак мощностью свыше 2 Тбит/с подтверждают необходимость укрепления технологического суверенитета [5]. Однако изоляционистский подход, предполагающий полное отключение от глобальной сети, привел бы к невосполнимым потерям в сфере науки, образования и международного сотрудничества.

Основная стратегия по технологическому обеспечению цифрового суверенитета заключается в развитии Национальной системы противодействия DDoS-атакам (НСПА). Расширение охвата системы, под мониторингом которой уже находятся около 14 тысяч государственных ресурсов и 1,6 тысячи организаций, с акцентом на защиту не только государственных, но и социально значимых частных платформ [6].

Кроме того, требуется стимулирование импортозамещения в сфере ПО и микроэлектроники, через поэтапный переход на отечественные операционные системы и аппаратные решения в государственном секторе и критической инфраструктуре при сохранении конкуренции и выбора для частных пользователей.

Правовое регулирование с акцентом на защиту личности, а не на ограничение свобод

Формирование законодательной базы, обеспечивающей эффективное противодействие наиболее опасным формам деструктивного контента (кибербуллинг, треш-стримы, вовлечение в противоправную деятельность) при недопущении чрезмерной цензуры и сохранении конституционных прав граждан на свободу слова и доступ к информации.

В настоящее время правовое регулирование информационной сферы неизбежно балансирует между двумя полюсами: избыточная либерализация ведет к росту деструктивных явлений, чрезмерные ограничения – к стагнации общественной дискуссии и уходу коммуникации в «теневой» сегмент сети. Оптимальная стратегия предполагает точечное, а не фронтальное регулирование.

Например, ввести ужесточение ответственности за треш-стримы и кибербуллинг; совершенствовать механизмы защиты персональных данных; противодействовать иностранному вмешательству в информационное пространство через выявление и пресечение деятельности иностранных агентов, использующих интернет-ресурсы для дискредитации избирательной системы и распространения деструктивных нарративов, при сохранении легальных каналов международного информационного обмена.

Психолого-педагогическое сопровождение личности в цифровой среде

Создание системы профессиональной помощи, направленной на профилактику и коррекцию негативных психоэмоциональных состояний, возникающих под влиянием информационной среды, а также на развитие личностных ресурсов устойчивости.

Практическое функционирование системы помощи видится посредством:

- разработки и внедрения программ профилактики «новостной тревоги». Создание методических рекомендаций для психологов и педагогов по работе с клиентами и учащимися, испытывающими хронический стресс от новостного фона.
- развития практик осознанности и цифрового детокса. Популяризация техник управления вниманием и периодического осознанного отключения от цифровых устройств как средства восстановления когнитивных и эмоциональных ресурсов.
- создания доступных служб психологической помощи для жертв кибербуллинга.

Междисциплинарный мониторинг и научное сопровождение

Обеспечение непрерывного научного анализа трансформаций информационной среды и их влияния на различные уровни человеческой организации для своевременной корректировки государственной политики и общественных практик.

Информационная среда развивается столь стремительно, что эмпирические данные и теоретические модели быстро устаревают. Без

систематического междисциплинарного мониторинга любые стратегии рискуют оказаться реактивными и запаздывающими.

Для реализации следует провести институционализацию регулярных замеров психоэмоционального состояния общества. Развитие инструментов типа «Эмоционального тонометра» ВЦИОМ и их интеграция в систему принятия управленческих решений.

В качестве основного инструмента развития междисциплинарных коммуникаций может выступить создание межведомственных экспертных площадок. Объединение усилий политологов, юристов, IT-специалистов, психологов и педагогов для выработки комплексных рекомендаций по управлению рисками информационной среды.

Представленные стратегии не являются взаимоисключающими – напротив, их эффективность напрямую зависит от степени согласованности и взаимодополнения. Технологические решения без развития цифровой грамотности останутся невостребованными; правовое регулирование без психологического сопровождения рискует породить новые формы тревожности; научный мониторинг без практического внедрения результатов останется сугубо академическим упражнением.

Ключевой принцип, объединяющий все пять направлений, – «сохранение баланса между защитой и развитием».

Информационная среда не должна восприниматься исключительно как источник угроз, требующий тотального контроля и ограничений. Она остается важнейшим ресурсом личностного роста, профессиональной самореализации и общественного прогресса. Задача состоит в том, чтобы, минимизируя риски, не утратить открывающихся возможностей, а напротив – создать условия, при которых позитивный потенциал цифровой эпохи сможет раскрыться в полной мере.

Литература

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 – ведется работа над новой редакцией]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1539546/ (дата обращения: 22.04.2026).
2. Галкина М.Н. Информационная среда: сущность и классификация // Банковская система: устойчивость и перспективы развития // Сборник научных статей тринадцатой международной научно-практической конференции по вопросам финансовой и банковской экономики. Том Часть II. – Пинск. – 2022. – С. 26–31.
3. Горелкин: Россия находится в середине пути к цифровому суверенитету // ТАСС. 2026–20 апреля. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/27162477> (дата обращения: 22.04.2026).
4. Дружиллов С.А. Негативные воздействия современной информационной среды на человека: психологические аспекты // Психологические исследования: электронный научный журнал. – 2018. – № 59. – С. 1–11.
5. Зубарев Д. Эксперты сообщили о росте мощных DDoS-атак на Россию в 2026 году // Деловая газета Взгляд. 2026–21 апреля. – URL: <https://vz.ru/news/2026/4/21/1412515.html> (дата обращения: 22.04.2026).
6. Крупанин Ф. Эшелон защиты. Национальную систему отражения кибератак могут масштабировать // Коммерсантъ. 2025–28 октября. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8159639> (дата обращения: 22.04.2026).
7. Литвинов С. Председатель ИТ-комитета Госдумы Сергей Боярский: «Интернет остается свободным» // ФедералПресс. 2026. – 9 января. – URL: <https://fedpress.ru/article/3419197> (дата обращения: 20.04.2026).
8. Никулина С.А., Яцко Д.А. Современная информационная среда и психологическая устойчивость личности // Университетские чтения – 2023 // Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции. – Пятигорск. – 2023 – С. 133–138.
9. Ответ дипфейкам: инновационная система «Зефир» выявляет генеративный контент с точностью 81% // Диалог. Цифровые коммуникации. 2023–23 ноября. – URL: <https://dialog.info/otvet-dipfejkam-innovacionnaya-sistema-zefir-vyyavlyayet-generativnyj-kontent-s-tochnostju-81/> (дата обращения: 22.04.2026).
10. Смирнова А. Индекс цифробофобии – 2026 // ВЦИОМ. 2026. – 19 марта. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie-obzory/indeks-cifrobobii-2026> (дата обращения: 21.04.2026).
11. Эмоциональный тонометр российского общества: под давлением повестки // Презентация «Эмоциональный тонометр российского общества» // МИА «Россия Сегодня». 2026. – 28 января. – URL: <https://pressria.ru/20260128/958676313.html> (дата обращения: 21.04.2026).

CHARACTERISTICS OF THE MODERN INFORMATION ENVIRONMENT AS A SPACE WITH A HIGH DEGREE OF UNCERTAINTY AND RISKS

Veretennikova I.V., Mamaeva Yu.A.

University of Communications and Informatics, Financial University under the Government of the Russian Federation

The modern information environment is ambivalent: it expands the possibilities for knowledge and communication, but at the same time generates vulnerabilities at the psycho-physiological, personal, and cognitive levels, which determines the transition to active management of the information space within the framework of the course toward «digital sovereignty». In response to these challenges, the authors propose a system of five mutually complementary strategies united by the principle of balance between protection and development. It is concluded that the information environment should not be perceived solely as a source of threats – with effective management, it remains a crucial resource for personal growth and social progress.

Keywords: information environment, digital sovereignty, Doctrine of Information Security of the Russian Federation, information-psychological threats, media literacy, emotional thermometer, information environment management.

References

1. Doctrine of Information Security of the Russian Federation [approved by Decree of the President of the Russian Federation № 646 of December 5, 2016 – work is underway on a new edition]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1539546/ (accessed: 04/22/2026).
2. Galkina M.N. Information Environment: Essence and Classification // Banking System: Stability and Development Prospects // Collection of scientific articles of the thirteenth

international scientific-practical conference on financial and banking economics. Volume Part II. – Pinsk. – 2022. – pp. 26–31.

3. Gorelkin: Russia is halfway to digital sovereignty // TASS. 2026 – April 20. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/27162477> (accessed: 04/22/2026).

4. Druzhilov S.A. Negative impacts of the modern information environment on humans: psychological aspects // Psychological Research: electronic scientific journal. – 2018. – № 59. – pp. 1–11.

5. Zubarev D. Experts report an increase in powerful DDoS attacks on Russia in 2026 // Delovaya Gazeta Vzgljad. 2026 – April 21. – URL: <https://vz.ru/news/2026/4/21/1412515.html> (accessed: 04/22/2026).

6. Krupanin F. Echelon of Defense. The national system for repelling cyberattacks may be scaled up // Kommersant. 2025 – October 28. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8159639> (accessed: 04/22/2026).

7. Litvinov S. Chairman of the State Duma IT Committee Sergey Boyarsky: «The Internet remains free» // FederalPress. 2026 – January 9. – URL: <https://fedpress.ru/article/3419197> (accessed: 04/20/2026).

8. Nikulina S.A., Yatsko D.A. Modern Information Environment and Psychological Resilience of the Individual // University Readings – 2023 // Proceedings of the regional inter-university scientific-practical conference. – Pyatigorsk. – 2023 – pp. 133–138.

9. Response to deepfakes: The innovative «Zephyr» system detects generative content with 81% accuracy // Dialogue. Digital Communications. 2023 – November 23. – URL: <https://dialog.info/otvet-dipfejkam-innovacionnaya-sistema-zefir-vvyavlyayet-generativnyj-kontent-s-tochnostju-81/> (accessed: 04/22/2026).

10. Smirnova A. Digital Phobia Index – 2026 // Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). 2026 – March 19. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-cifrofobii-2026> (accessed: 04/21/2026).

11. Emotional thermometer of Russian society: under pressure from the agenda // Presentation «Emotional thermometer of Russian society» // International Information Agency «Russia Today». 2026 – January 28. – URL: <https://pressria.ru/20260128/958676313.html> (accessed: 04/21/2026).

Воронцова Татьяна Юрьевна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»
E-mail: sportvtu2@yandex.ru

Статья посвящена комплексному теоретико-методологическому анализу эволюции научных взглядов о взаимосвязи языка и мышления в междисциплинарном гуманитарном дискурсе второй половины XX – начала XXI веков. Исследовано, как на смену классическим философским представлениям об универсальности человеческого мышления пришли современные когнитивные, психолингвистические и социолингвистические теории, проверяемые на практике. Изучены ключевые лингвокогнитивные концепции XX века: гипотеза лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа, теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, концепция «грамматической иконографии» Л. Бородинской, а также теория социальных языковых кодов Б. Бернштейна. Установлено, что в современной науке язык рассматривается не как пассивное средство передачи готовых мыслей, а как активная система, которая сама формирует восприятие времени, пространства, ценностей, а также структуру эстетического опыта человека.

Ключевые слова: язык, мышление, кросс-культурная коммуникация, лингвистическая относительность, концептуальная метафора, грамматическая иконография, социолингвистические коды, когнитивная прагматика, гуманитарный дискурс, эстетический опыт.

Проблема взаимосвязи языка и мышления принадлежит к числу фундаментальных, «сквозных» тем гуманитарного знания, определяющих онтологические и гносеологические границы философских и лингвистических систем на протяжении столетий. Однако во второй половине XX – начале XXI веков характер этой дискуссии претерпел значительную трансформацию. Изучение языка и мышления перешло от теоретической философии к междисциплинарным исследованиям. В новой парадигме когнитивные процессы понимаются как живая экосистема, где структуры языка неразрывно связаны с культурой, биологической природой человека и обществом. Язык больше не считают простым отражением опыта – он признан активным механизмом, который сам конструирует социальную и ментальную реальность.

Актуальность темы обусловлена необходимостью системного осмысления того, как междисциплинарный дискурс перешел от концепций единых моделей мышления к признанию когнитивной вариативности и относительности. Современная междисциплинарная наука нацелена на эмпирическую проверку классических философских гипотез. Понимание языка как ментального инструмента и понятийной основы позволяет по-новому взглянуть на проблемы межкультурной коммуникации, социальной дифференциации и художественного творчества.

Теоретическая база для изучения данного вопроса формировалась в работах В. фон Гумбольдта, заложившего основы философии языка и сформулировавшего идею о языке как «миросозерцании» народа. В отечественной традиции эти идеи развивались А.А. Потебней, рассматривавшим язык как объективированную форму мысли. Этнолингвистический поворот первой половины XX века прочно связан с именами Ф. Боаса, Э. Сепира и Б. Уорфа, чья гипотеза лингвистической относительности перевела философские догадки в плоскость антропологических наблюдений.

Во второй половине XX века когнитивный поворот, обусловленный трудами Н. Хомского, Дж. Брунера и Ж. Пиаже, на первом этапе основывался на менталистском универсализме. Однако последующее развитие когнитивной лингвистики в работах Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Р. Лангакера и Ж. Фоконье вернуло интерес к лингвокультурной специфике мышления через призму теории концептуальной метафоры.

В последние десятилетия эмпирический базис проблемы существенно обогатился благодаря психолингвистическим экспериментам Л. Бородинской, Д. Слобина, Дж. Люси, доказавшим влияние грамматических категорий на нелингвистическое поведение. Социологическое измерение проблемы получило классическое воплощение в теории языковых кодов Б. Бернштейна. В науке всё ещё остро ощущается дефицит комплексных работ, объединяющих данные когнитивистики, социологии и эстетики в единую модель когнитивной прагматики языка.

Цель статьи – осуществить комплексный теоретико-методологический анализ эволюции и современного состояния концепций взаимосвязи языка и мышления в междисциплинарном гуманитарном дискурсе XX века.

Переход гуманитарной мысли XX века к междисциплинарному исследованию когнитивно-лингвистических процессов ознаменовал собой глубокий кризис классической парадигмы разделения субъекта и объекта. В рамках традиционного рационализма мышление понималось как суверенная, универсальная субстанция, обладающая имманентными законами логики, общими для всего человечества. Языку отводилась сугубо служебная роль инструмента передачи мысли, не вносящего искажений в процессы чистого разума.

Критический сдвиг в восприятии этой модели произошёл в немецком романтизме и философии языка конца XVIII – первой половины XIX веков. В. фон Гумбольдт выдвинул революционную для своего времени идею: язык есть не продукт деятельности (*Ergon*), а непрерывная деятельность (*Energeia*), порождение духа. Гумбольдтовское понятие «внутренней формы языка» фиксировало тот факт, что каждый конкретный национальный язык содержит в себе уникальное миросозерцание (*Weltansicht*). Мышление индивида всегда опосредовано тем языком, на котором он говорит [7, с. 37–297]. В отечественной науке Александр Афанасьевич Потебня развил лингвофилософские идеи В. фон Гумбольдта, спроецировав их на структуру отдельного слова. Он обосновал, что внутренняя форма слова выступает главным средством апперцепции – процесса, при котором новое восприятие человека объясняется и усваивается с помощью уже накопленного им ментального

опыта. Появление внутренней формы в момент номинации помогает сознанию разложить сложный, хаотичный чувственный образ на понятные признаки и выделить из них один ключевой. Таким образом, внутренняя форма слова не просто выражает готовую мысль, а активно сгущает чувственный образ, направляя и организуя всю дальнейшую познавательную деятельность субъекта [11, с. 98–145].

Однако на рубеже XIX–XX веков концепции В. фон Гумбольдта и А.А. Поттебни оставались преимущественно достоянием идеалистической философии и герменевтики, поскольку опирались на умозрительный анализ и интуитивное понимание текста. Междисциплинарный дискурс второй половины XX века, сформировавшийся на стыке психологии, антропологии и лингвистики, потребовал переосмысления этих классических моделей в свете их эмпирической значимости – то есть возможности проверить их экспериментально. В результате произошел сдвиг от абстрактного макропонятия «дух народа» к конкретным, поддающимся наблюдению прикладным концептам. Во-первых, это понятие «психологического орудия» Л.С. Выготского в рамках культурно-исторической психологии, где слово трактуется как социальный инструмент, который человек осваивает извне для управления собственным разумом, памятью и поведением [4, с. 103–108.]. Во-вторых, это понятие «концептуального каркаса», которое в аналитической философии и когнитивной науке описывает внутреннюю логическую систему категорий, определяющую, как именно субъект будет структурировать, классифицировать и интерпретировать поступающий к нему поток информации о мире [16, с. 35–53].

В психологии, антропологии и социологии язык начал трактоваться как культурно-историческая система знаков, которая активно задает специфические векторы интеллектуальной, поведенческой и эстетической деятельности субъекта. Когнитивная вариативность стала восприниматься не как отклонение от универсальной логической нормы, а как фундаментальное свойство человеческого разума, адаптирующегося к разнообразным природным и социальным экосистемам. Таким образом, философия языка XX века подготовила почву для превращения абстрактного тезиса о «единстве языка и мышления» в серию конкретных, верифицируемых научных программ в области когнитивистики и психолингвистики.

Лингвистический поворот в антропологии первой половины XX века под руководством Ф. Боаса, Э. Сепира и Б. Уорфа перевел лингво-философские идеи В. фон Гумбольдта в эмпирическое русло. Умозрительное понятие «дух народа» сменилось междисциплинарным изучением того, как грамматика и лексика влияют на человеческое мышление. Э. Сепир доказал, что восприятие объективного мира полностью опосредовано языковой сеткой координат и социальными привычками группы [13, с. 259–265.]. Позднее Б. Уорф углубил эти взгляды, сформулировав принцип лингвистической относительности. В результате концепция переросла в полноценную научную гипотезу, которая до сих пор вызывает дискуссии между релятивистами и универсалистами [15, с. 135–168].

В современных дискуссиях взгляды Б. Уорфа разделяют на две версии лингвистического детерминизма. «Сильная» версия утверждает, что язык жестко и полностью определяет мышление: человек принципиально не может помыслить то, для чего в его языке нет слов. Когнитивная наука отвергла этот подход как несостоятельный, поскольку люди легко осваивают новые концепты и переводят тексты. Наука взяла за основу «слабую» версию, или лингвистическую относительность. Согласно ей, язык не ограничивает разум, а служит когнитивной привычкой и фильтром восприятия. Грамматика здесь понимается как система автоматизмов, которая мягко направляет мысль. Как отмечал Э. Сепир, мы воспринимаем мир определенным образом именно потому, что языковые привычки общества предопределяют нашу интерпретацию реальности, задавая русло для мыслительной деятельности [13, с. 259–265].

В современной когнитивной лингвистике «слабая» версия объясняется через эффект направленного внимания. Если грамматика обязывает говорящего фиксировать деталь реальности (например, источник информации в категории эвиденциальности: увидел сам или услышал от других), то его мышление становится более чувствительным к этим деталям. Язык вынуждает человека постоянно вести определенный ментальный мониторинг, формируя устойчивую когнитивную специализацию. Классическим примером этого стали исследования Б. Уорфа среди индейцев хопи. В их языке нет европейского понимания времени как линейной оси, разделенной на прошлое, настоящее и будущее, а также нет числительных для счета дней как отдельных объектов (вместо «три дня» они говорят «третий день»). Такая грамматика переводит мышление хопи из категории количества (где время – это пространственный запас отрезков) в категорию качества (где время – непрерывный процесс созерцания). Как резюмировал Б. Уорф, люди

расчленяют природу в направлении, которое подсказывают им родные языки, подчиняясь новому принципу относительности [14, с. 289–314].

Из этого выросла концепция лингвистического паритета, согласно которой ни один язык нельзя считать более развитым или совершенным для мышления, чем другой. Каждый язык – это уникальная и самодостаточная система, отражающая наиболее значимые для конкретной культуры сферы жизни. Лексические лакуны или, напротив, обилие синонимов наглядно показывают фокус внимания народа. Язык прокладывает пути для мышления, делая одни объекты детально различимыми, а другие – когнитивно невидимыми. Такой подход позволяет перейти от абстрактных рассуждений к анализу реальных сбоев в коммуникации. Когда представители разных культур используют одни и те же термины при переводе, они часто вкладывают в них совершенно разную логику восприятия времени, пространства или ценностей, которую бессознательно диктует им родная грамматика.

В последней четверти XX века когнитивная лингвистика предложила альтернативу жесткому языковому детерминизму и полностью переосмыслила природу метафоры. В книге «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакофф и М. Джонсон доказали, что метафора – это не поэтическое украшение или стилистический прием. Это фундаментальный механизм мышления, с помощью которого человек структурирует абстрактный опыт через понятные физические и телесные ощущения. Центральный тезис авторов заключается в том, что вся наша обыденная понятийная система метафорична. Мышление работает как концептуальный перенос (проекция, или mapping): структура из хорошо знакомой области-источника (физического опыта) переносится в абстрактную область-цель (умозрительная сфера) [8 с. 25–40]. Таким образом, метафора выступает главным инструментом создания смыслов в культуре – она не просто описывает готовую мысль, а конструирует её и задает границы познания мира.

Дж. Лакофф и М. Джонсон доказали, что базовые метафоры предопределяют наше повседневное поведение, логику действий и принятие решений. Классический пример – укорененная на Западе метафора «Время – это деньги». Перенос финансовых категорий на восприятие времени заставляет человека относиться к нему как к дефицитному физическому ресурсу. Отсюда возникают привычные выражения: время можно «тратить», «экономить», «вкладывать» или «терять». Эта когнитивная модель жестко диктует социальные практики – культуру строгого планирования, управления временем и работы к назначенным срокам. Другой пример – метафора «Спор – это война». Данная структура изначально задает агрессивный вектор коммуникации. Оппонент воспринимается как враг, его позиции «атакуют», свои тезисы «обороняют», а аргументы превращаются в «оружие». Цель такого взаимодействия – победа или капитуляция соперника. С точки зрения кросс-культурного анализа, если в какой-то культуре спор осмысливается иначе – например, как «Спор – это танец», – то и стратегия участников будет принципиально другой. Их целью станет не доминирование, а достижение гармонии, сотворчества и взаимного баланса. Таким образом, изменение базовой метафоры мгновенно трансформирует тип мышления и характер социального взаимодействия.

Концепция Дж. Лакоффа и М. Джонсона стирает вековую границу между повседневным и художественным мышлением. Поэтическая метафора не изолирована от повседневности, а является предельным развитием структур обыденного языка. Теория концептуальной метафоры доказывает, что язык и мысль связаны динамичными смысловыми связями. Язык не диктует жесткие законы мышления, как утверждал радикальный детерминизм. Вместо этого он предлагает широкое разнообразие метафорических переносов, внутри которых человек формирует свой уникальный культурный, интеллектуальный и эстетический опыт.

Если концепция Дж. Лакоффа и М. Джонсона сфокусирована на метафорах, то работы когнитивного психолога Л. Бородицкой перевели дискуссию о лингвистической относительности в русло строгих экспериментов. Её исследования доказывают, что формальные грамматические структуры глубоко влияют на нелингвистические процессы: память, классификацию объектов и эстетические ассоциации. Л. Бородицкая утверждает, что язык автоматически заставляет мышление учитывать те категории, которые грамматически обязательны в данной культуре. В отличие от радикального детерминизма, это влияние понимается как тонкий, но непрерывный эффект направленного внимания. Человек контролирует слова сознательно, но грамматика (род, число, вид) навязывает разуму неосознаваемые автоматические классификации, выступая в роли незримого когнитивного фильтра. Даже такие детали, как род существительных, программируют то, как люди воспринимают мир и изображают его в искусстве [3, с. 38–43.].

Самым известным подтверждением этого механизма стали эксперименты Л. Бородицкой, исследовавшие, как грамматический род не-

одушевленных предметов влияет на их восприятие. В одном из тестов сравнивались ассоциации носителей немецкого и испанского языков. Объектом анализа стало понятие «смерть». В немецком языке это слово мужского рода (*Der Tod*), а в испанском – женского (*La Muerte*). Эксперимент показал, что испытуемые бессознательно наделяли смерть качествами, соответствующими грамматическому роду в их языке. Немцы чаще описывали смерть как «сильную», «суровую» и «грубую», а в искусстве изображали её в виде скелета-воина или косаря. Испанцы, напротив, воспринимали её как «женственную», «таинственную» и «грациозную», визуализируя в образе девицы или невесты. Аналогичные результаты ученые получили и для других объектов. Немецкое слово «ключ» (мужской род) ассоциировалось с понятиями «тяжелый», «металлический» и «острый». Испанское слово «ключ» (женский род) казалось носителям «изящным», «маленьким» и «золотым». Эти тесты доказали, что грамматика заставляет людей приписывать объектам гендерные свойства, продиктованные исключительно структурой языка [3, с. 38–43].

Главный вклад Л. Бородицкой в эстетику заключается в открытии «грамматической иконографии». Этот психологический механизм доказывает, что скрытое давление грамматики напрямую определяет визуальный строй и каноны национального изобразительного искусства. Воображение художника не абсолютно свободно. Его мышление ограничено и направлено родным языком, который фактически диктует «пол» и характер абстрактных идей еще до начала работы над картиной [3, с. 41–42]. Например, в немецкой живописи, в частности, у А. Дюрера, смерть почти всегда изображается в мужском облике – как грозный косарь, скелет-воин или старый жнец. В то же время в испанской, итальянской и славянской традициях, где это слово женского рода, смерть предстает в образе женщины: бледной девицы, невесты или старухи. Таким образом, формальные категории грамматики выступают скрытыми регуляторами творческого сознания. Они программируют чувственно-образный слой мышления, формируя уникальные национальные стандарты в искусстве.

В середине XX века британский социолог Б. Бернстайн добавил к дискуссии о связи языка и мышления социальное измерение. В отличие от когнитивистов, изучавших различия между народами, Б. Бернстайн исследовал внутрикультурные барьеры. Его теория языковых кодов из труда «Класс, коды и контроль» объясняет, как классовая структура общества формирует разные типы речевого поведения, которые затем жестко определяют масштаб и стиль мышления личности. По Б. Бернстайну, код – это не просто диалект или набор слов. Это усваиваемый неосознанно регулирующий принцип, который управляет выбором и интерпретацией языковых единиц. Социальная среда не просто дает человеку словарь, а буквально встраивает в его разум программу восприятия реальности. Социальная структура порождает типы лингвистических кодов, которые одновременно передают культуру и накладывают ограничения на поведение и мышление человека [1, с. 29–64].

Б. Бернстайн выделил два типа лингвистических кодов, которые формируют разные когнитивные стили обработки информации. Ограниченный код (*restricted code*) возникает в закрытых группах с жесткими ролями (рабочий класс, армейские сообщества). Он жестко привязан к конкретному контексту («здесь и сейчас»), опирается на жесты и мимику, использует предсказуемую грамматику и расчет на то, что собеседник изначально всё понимает. Мышление в рамках этого кода тяготеет к конкретике, ситуативности и утилитарности. Развернутый код (*elaborated code*) формируется в слоях с высокой индивидуализацией (средний класс, интеллектуальная элита). Он стремится к полной вербализации смыслов, использует сложные логические и синтаксические структуры, независим от контекста и обладает высокой степенью абстракции. Развернутый код активно развивает аналитическое, дескриптивное и критическое мышление [1, с. 72–114].

Различия кодов наглядно проявляются в эксперименте Б. Бернстайна по описанию картинок. Ребенок с ограниченным кодом активно использует указательные местоимения, полностью привязывая мысль к физическому объекту и рассчитывая на то, что собеседник видит изображение. Напротив, носитель развернутого кода конструирует детальный автономный текст, понятный без визуального контакта. Такой формат речи позволяет абстрагироваться от непосредственного чувственного опыта, существенно расширяя возможности планирования и рефлексии. Эти лингвистические коды транслируются через семейное воспитание, напрямую определяя уровень интеллектуальной свободы ребенка. В «позиционных» семьях с жесткой иерархией коммуникация строится на базе ограниченного кода – здесь доминируют директивные команды. Подобная речевая среда формирует у ребенка конформное мышление, завязанное на авторитет и догму, а не на логическую верификацию. В «личностных» же семьях используется

развернутый код, где любые требования сопровождаются подробным объяснением причинно-следственных связей. Это стимулирует раннее развитие критического анализа и превращает язык в эффективный инструмент интеллектуального исследования собственных намерений [1, с. 72–114].

Способность воспринимать абстрактное искусство, авангардную литературу и философию не является врожденным свойством ума. Она напрямую зависит от того, доступен ли человеку развернутый языковой код. Понимание высокого искусства требует развитого навыка вторичного кодирования – умения видеть за утилитарным предметом автономную систему символов. Развернутый код обеспечивает мышлению необходимую интеллектуальную дистанцию: он позволяет абстрагироваться от практического назначения вещи и оперировать чистыми смыслами. Напротив, ограниченный код жестко привязывает мысль к повседневному, бытовому значению объекта. Для его носителя картина должна быть просто похожа на жизнь, а предмет – выполнять свою прямую функцию.

Таким образом, эстетическое сознание глубоко социально обусловлено. Драматический разрыв между элитарным и массовым искусством в XX веке – это не разрыв биологических способностей людей, а следствие использования разных речевых кодов. Язык становится скрытым инструментом социальной стратификации, который жестко очерчивает границы культурного и эстетического опыта личности.

Сравнительный анализ ключевых концепций XX века позволяет объединить их в рамках когнитивной прагматики. Все рассмотренные подходы полностью отрицают зеркальную модель языка. Объединяющей основой здесь становится понимание языка как проекционного аппарата сознания: он не просто пассивно описывает готовую реальность, а осуществляет её первичную разметку. Через сеть концептуальных метафор, грамматических иконографий и социально-речевых кодов язык конструирует специфические для каждой культуры и социальной группы пространственные, временные, ценностные и эстетические иерархии.

В рамках этого синтеза выделяются четыре главных механизма: лингвистическая относительность Э. Сепира и Б. Уорфа формирует национальную сетку координат через грамматические привычки; концептуальная метафора Дж. Лакоффа и М. Джонсона создает базовый каркас мышления за счет ментального переноса физического опыта в абстрактную сферу; грамматическая иконография Л. Бородицкой бессознательно программирует образы искусства через ассоциативный фильтр формальных категорий; а социолингвистические коды Б. Бернстайна определяют глубину абстрагирования и задают социальную стратификацию мышления.

Этот междисциплинарный синтез имеет ключевое значение для современного кросс-культурного анализа. Он доказывает, что подлинный диалог культур и преодоление коммуникативных сбоев невозможны за счет простого линейного перевода слов. Кросс-культурная коммуникация – это сложный процесс согласования глубинных чувственно-эстетических и когнитивных структур, заложенных в грамматике и метафорическом строе. Для успешного понимания необходима деконструкция тех невидимых лингвистических фильтров, через которые конкретная культура воспринимает мир. В конечном счете метафорическая и грамматическая структура языка признается той прочной основой, на которой формируется вся система человеческого сознания, рефлексии и глобальной культуры.

В результате современные ученые отказались от чисто философских рассуждений и жестких рамок языкового предопределения. Исследование связи языка и мышления перешло в область практической науки, где выводы строятся на основе понятных когнитивных механизмов и точных экспериментов. В этом контексте современная «слабая» версия гипотезы Сепира – Уорфа доказала, что грамматика работает как устойчивая когнитивная привычка, которая управляет вниманием человека и задает уникальные для каждой культуры координаты восприятия времени и пространства. Теория концептуальных метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона раскрыла метафорическую природу разума, показав, что мышление переносит физический опыт в абстрактную сферу и тем самым стирает жесткую границу между повседневным сознанием и художественным творчеством. Психолингвистические исследования Л. Бородицкой экспериментально подтвердили этот вывод, продемонстрировав феномен «грамматической иконографии»: формальные категории вроде рода служат скрытыми регуляторами воображения и напрямую программируют визуальные каноны национального искусства. Наконец, социолингвистическая концепция Б. Бернстайна добавила проблеме социальное измерение, обосновав, что тип речевого кода (ограниченный или развернутый) формируется классовой структурой и жестко определяет способность человека к абстрагированию, критическому анализу и эстетической рефлексии.

Таким образом, все рассмотренные подходы единогласно доказывают, что язык – это не пассивное зеркало реальности, а активная система моделирования мира. Язык является тем невидимым внутренним стержнем, внутри которого сознание конкретной культуры конструирует действительность, выстраивает социальные отношения и формирует уникальный художественно-эстетический опыт.

Литература

1. Бернштейн Б. Класс, коды и контроль: структура педагогического дискурса / Б. Бернштейн; пер. с англ. И.В. Борисовой; под науч. ред. М.А. Козловой. – Москва: Просвещение, 2008. – С. 29–64, 72–114.
2. Бородинская Л. Как язык формирует мышление / Л. Бородинская // В мире науки. – 2011. – № 4. – С. 14–17.
3. Бородинская Л. Программирует ли язык наше мышление? / Л. Бородинская // В мире науки. – 2011. – № 4. – С. 38–43.
4. Выготский Л.С. Инструментальный метод в психологии // Выготский, Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. / Л.С. Выготский; под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. – Москва: Педагогика, 1982. – Т. 1: Вопросы теории и истории психологии. – С. 103–108.
5. Выготский Л.С. Мышление и речь. – Изд. 5-е, испр. – Москва: Лабиринт, 1999. – 352 с.
6. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт; под ред. Г.В. Рамшвили. – Москва: Прогресс, 1984. – 400 с.
7. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт; под ред. Г.В. Рамшвили. – Москва: Прогресс, 1984. – С. 37–297.
8. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – Изд. 2-е. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – С. 25–40.
9. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман, Ю.М. Об искусстве. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 1998. – С. 14–285.
10. Потебня А.А. Мысль и язык. – Москва: Лабиринт, 1999. – 300 с.
11. Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня, А.А. Слово и миф. – Москва: Правда, 1989. – С. 98–145.
12. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; пер. с англ. под ред. и с предисл. А.Е. Кибрика. – Москва: Прогресс, 1993. – 656 с.
13. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; пер. с англ. под ред. и с предисл. А.Е. Кибрика. – Москва: Прогресс, 1993. – С. 259–265.
14. Слобин Д. От «мысли и языка» к «мышлению для говорения» // Психолингвистика в очерках и извлечениях: хрестоматия / под ред. А.А. Леонтьева. – Москва: Академия, 2003. – С. 289–314.
15. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1960. – Вып. 1. – С. 135–198.
16. Чейф У. Память и представление опыта // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс, 1983. – Вып. XII: Прикладная лингвистика. – С. 35–53.

LANGUAGE AND THOUGHT IN THE 20TH-CENTURY HUMANITARIAN DISCOURSE

Vorontsova T.Yu.

Lugansk State University named after Vladimir Dahl

The article is devoted to a comprehensive theoretical and methodological analysis of the evolution of scientific views on the relationship between language and thought in the interdisciplinary humanitarian discourse of the second half of the 20th and early 21st centuries. It has been investigated how classical philosophical ideas about the universality of human thought have been replaced by modern, practically verifiable cognitive, psycholinguistic, and sociolinguistic theories. The key linguocognitive concepts of the 20th century have been studied: the Sapir-Whorf hypothesis of linguistic relativity, G. Lakoff and M. Johnson's conceptual metaphor theory, L. Boroditsky's concept of "grammatical iconography", and B. Bernstein's theory of social language codes. It has been established that in modern science, language is viewed not as a passive tool for transmitting ready-made thoughts, but as an active system that shapes the perception of time, space, values, as well as the structure of human aesthetic experience.

Keywords: language, thought, cross-cultural communication, linguistic relativity, conceptual metaphor, grammatical iconography, sociolinguistic codes, cognitive pragmatics, humanitarian discourse, aesthetic experience.

References

1. Bernstajn B. Klass, kody i kontrol': struktura pedagogicheskogo diskursa / B. Bernstajn; per. s angl. I.V. Borisovoj; pod nauch. red. M.A. Kozlovoy. – Moskva: Prosveshchenie, 2008. – S. 29–64, 72–114.
2. Boroditskaya L. Kak yazyk formiruet myshlenie / L. Boroditskaya // V mire nauki. – 2011. – № 4. – S. 14–17.
3. Boroditskaya L. Programmiрует li yazyk nashe myshlenie? / L. Boroditskaya // V mire nauki. – 2011. – № 4. – S. 38–43.
4. Vygotskij L.S. Instrumental'nyj metod v psihologii // Vygotskij, L.S. Sbranie sochinenij: v 6 t. / L.S. Vygotskij; pod red. A.R. Luriya, M.G. Yaroshevskogo. – Moskva: Pedagogika, 1982. – T. 1: Voprosy teorii i istorii psihologii. – S. 103–108.
5. Vygotskij L.S. Myshlenie i rech'. – Izd. 5-e, ispr. – Moskva: Labirint, 1999. – 352 s.
6. Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu / V. fon Gumbol'dt; pod red. G.V. Ramishvili. – Moskva: Progress, 1984. – 400 s.
7. Gumbol'dt V. fon. O razlichii stroeniya chelovecheskih yazykov i ego vliyaniya na duhovnoe razvitiye chelovecheskogo roda // Gumbol'dt, V. fon. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu / V. fon Gumbol'dt; pod red. G.V. Ramishvili. – Moskva: Progress, 1984. – S. 37–297.
8. Lakoff Dzh. Metafor, kotorymi my zhivem / Dzh. Lakoff, M. Dzhonson; per. s angl. pod red. i s predisl. A.N. Baranova. – Izd. 2-e. – Moskva: Editorial URSS, 2004. – S. 25–40.
9. Lotman Yu.M. Struktura hudozhestvennogo teksta // Lotman, Yu.M. Ob iskusstve. – Sankt-Peterburg: Iskuststvo-SPB, 1998. – S. 14–285.
10. Potebnya A.A. Mysl' i yazyk. – Moskva: Labirint, 1999. – 300 s.
11. Potebnya A.A. Mysl' i yazyk // Potebnya, A.A. Slovo i mif. – Moskva: Pravda, 1989. – S. 98–145.
12. Sepir E. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii / E. Sepir; per. s angl. pod red. i s predisl. A.E. Kibrika. – Moskva: Progress, 1993. – 656 s.
13. Sepir E. Status lingvistiki kak nauki // Sepir, E. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii / E. Sepir; per. s angl. pod red. i s predisl. A.E. Kibrika. – Moskva: Progress, 1993. – S. 259–265.
14. Slobin D. Ot «mysli i yazyka» k «myshleniyu dlya govoreniya» // Psiholingvistika v ocherkah i izvlecheniyah: hrestomatiya / pod red. A.A. Leont'eva. – Moskva: Akademiya, 2003. – S. 289–314.
15. Uorf B.L. Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku // Novoe v lingvistike. – Moskva: Izdatel'stvo inostranno literatury, 1960. – Vyp. 1. – S. 135–198.
16. Chej'f U. Pamyat' i predstavlenie opyta // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – Moskva: Progress, 1983. – Vyp. XII: Prikladnaya lingvistika. – S. 35–53.

Исследование роли искусственного интеллекта в педагогическом проектировании будущих педагогов: на основе метода обоснованной теории

Дон Линьгуо,

магистр, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 865873638@qq.com

Чэнь Шуан,

корреспондент, доцент, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: shuangsylvania@126.com

В статье рассматривается роль искусственного интеллекта в педагогическом проектировании будущих педагогов. Цель исследования заключается в выявлении способов использования ИИ, стратегий корректировки сгенерированного содержания, образовательных эффектов и критериев профессионального суждения. Эмпирическую основу составили полуструктурированные интервью и педагогическое наблюдение за деятельностью 50 студентов педагогического университета. Материалы анализировались методом обоснованной теории с применением открытого, осевого и избирательного кодирования. Установлено, что ИИ повышает эффективность поиска и обработки материалов, расширяет спектр методических решений, но одновременно создаёт риски когнитивной зависимости, алгоритмической предвзятости и некритичного принятия содержания. Выявлены различные уровни корректировки результатов ИИ. Обоснована необходимость системного развития у будущих педагогов навыков критической оценки, профессиональной адаптации и этически ответственного применения искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, будущие педагоги, педагогическое проектирование, метод обоснованной теории, профессиональное суждение.

Введение

Активное внедрение искусственного интеллекта в образование расширяет возможности поиска и систематизации учебных ресурсов, генерации содержания, разработки заданий и оценивания результатов обучения. Одновременно это повышает требования к профессиональной подготовке будущих педагогов, поскольку использование ИИ в педагогическом проектировании связано не только с повышением эффективности работы, но и с необходимостью критически оценивать достоверность, педагогическую целесообразность и этическую приемлемость сгенерированных материалов.

Существующие исследования преимущественно посвящены непосредственному применению ИИ в образовательном процессе и развитию цифровой компетентности педагогов. При этом недостаточно изучены реальные действия будущих педагогов при интерпретации, проверке, отборе и корректировке сгенерированных материалов. Цель настоящего исследования состоит в выявлении роли ИИ в педагогическом проектировании будущих педагогов, применяемых ими стратегий корректировки, образовательных эффектов взаимодействия и критериев профессионального суждения.

Эмпирическую основу исследования составили материалы полуструктурированных интервью и педагогического наблюдения за деятельностью 50 студентов педагогического университета, имевших опыт использования ИИ при разработке занятий. Анализ проводился методом обоснованной теории посредством открытого, осевого и избирательного кодирования. Научная новизна работы заключается в выявлении уровней корректировки результатов ИИ и раскрытии роли профессионального суждения, критической оценки и гуманистической направленности в педагогическом проектировании.

Обзор литературы

Анализ существующих исследований показывает, что технологии искусственного интеллекта уже используются на различных этапах образовательного процесса, включая подбор и рекомендацию учебных ресурсов, проектирование индивидуальных образовательных траекторий, генерацию учебного содержания и оценивание результатов обучения. Одновременно информационная и цифровая компетентность педагогов постепенно становится важной составляющей их профессионального развития. Вместе с тем проблемы достоверности содержания, генерируемого искусственным интеллектом, защиты персональных данных и алгоритмической предвзятости свидетельствуют о том, что применение ИИ в образовании не может ограничиваться только инструментальным использованием соответствующих технологий. Оно требует от педагога способности выявлять возможные недостатки, оценивать содержание и регулировать процесс использования результатов, полученных с помощью систем искусственного интеллекта [1].

Большинство существующих исследований посвящено непосредственному применению искусственного интеллекта в образовательном процессе, тогда как его роль в педагогическом проектировании будущих учителей остаётся недостаточно изученной [2]. Между тем этап профессиональной подготовки имеет принципиальное значение для формирования у будущих педагогов умений педагогического проектирования и представлений о целесообразном использовании цифровых технологий. В имеющихся работах преимущественно рассматриваются вопросы постановки целей обучения, отбора и структурирования учебного содержания, выбора методов обучения, а также развития информационной и цифровой компетентности педагогов. Качественные исследования, раскрывающие реальные действия будущих педагогов при проверке, отборе и корректировке материалов, сгенерированных ИИ, остаются немногочисленными, тогда как в существующих работах преобладают теоретический анализ и количественные опросы.

Организация и процедура исследования

Методологическая целесообразность применения метода обоснованной теории

В настоящем исследовании использован метод обоснованной теории, поскольку применение искусственного интеллекта будущими педаго-

гами в процессе педагогического проектирования представляет собой относительно новую практику, ещё не получившую достаточного теоретического осмысления. Метод обоснованной теории предполагает выделение понятий непосредственно из эмпирического материала, формирование категорий и построение объяснительной модели. Поэтому его применение позволяет выявить различия в действиях будущих педагогов в процессе взаимодействия с ИИ и раскрыть внутренние взаимосвязи между различными формами такого взаимодействия [3].

Отбор участников и сбор эмпирического материала

Участники исследования отбирались методом целевой выборки. Респонденты должны были одновременно соответствовать следующим критериям: обучаться по педагогическому направлению и находиться на этапе допрофессиональной подготовки; освоить дисциплины, связанные с педагогическим проектированием, и обладать базовыми знаниями в данной области; иметь не менее трёх месяцев непрерывного практического опыта использования инструментов ИИ при разработке учебных занятий.

В соответствии с указанными критериями в исследовании приняли участие 50 студентов института образовательных технологий одного из педагогических университетов. Выборка охватывала студентов различных предметных направлений и курсов обучения. Из них 17 человек обучались по гуманитарным направлениям, 20 по естественно-научным и техническим направлениям, 13 – по направлениям искусства и физической культуры. В исследовании участвовали 26 студентов третьего курса и 24 студента четвёртого курса, в том числе 38 женщин и 12 мужчин.

Для сбора эмпирического материала использовались полуструктурированные углублённые интервью и педагогическое наблюдение. Содержание интервью было связано с практическим опытом будущих педагогов в использовании ИИ при разработке учебных занятий, их конкретными действиями, субъективными впечатлениями и рефлексивными оценками. В зависимости от ответов участников задавались дополнительные уточняющие вопросы.

Продолжительность каждого интервью составляла от 60 до 90 минут. Все интервью проводились с предварительного согласия участников, записывались и впоследствии расшифровывались. Общий объём транскрибированных материалов составил около 450 тыс. знаков китайского текста. В ходе педагогического наблюдения фиксировались конкретные действия будущих педагогов при использовании ИИ во время учебно-педагогического практикума или моделируемых занятий: обращение к инструментам ИИ, формулирование и ввод запросов, оценка сгенерированного содержания, а также интеграция результатов работы ИИ в разрабатываемые проекты занятий. Материалы наблюдения дополняли данные интервью и использовались для их перекрёстной проверки.

Процедура и результаты трёхэтапного кодирования

Материалы интервью и педагогического наблюдения анализировались посредством открытого, осевого и избирательного кодирования. В процессе анализа новые эмпирические данные постоянно сопоставлялись с ранее выделенными понятиями, что позволяло проверять, уточнять и корректировать сформированные категории. Кодирование независимо осуществлялось двумя членами исследовательской группы. Выявленные расхождения обсуждались до достижения согласованного решения, что способствовало повышению надёжности результатов анализа [4].

На этапе открытого кодирования проводился построчный анализ транскриптов интервью и записей педагогического наблюдения. В результате многократного сопоставления и объединения данных было выделено 48 первоначальных понятий. Они отражали представления будущих педагогов о функциях ИИ, конкретные способы его использования, оценку качества сгенерированного содержания, учебный опыт, приобретаемый в процессе применения ИИ, а также рефлексии относительно собственной профессиональной роли.

На этапе осевого кодирования были проанализированы смысловые взаимосвязи между 48 первоначальными понятиями. В результате они были объединены в шесть основных категорий: восприятие ИИ как инструмента, оценка качества содержания, стратегии педагогической корректировки результатов ИИ, образовательные эффекты использования ИИ, критерии профессионального суждения и проявления профессионально-педагогических качеств.

На этапе избирательного кодирования были дополнительно проанализированы взаимосвязи между шестью основными категориями. В качестве центральной категории было определено «развитие компетентности будущих педагогов в области педагогического проектирования при поддержке ИИ».

Центральная категория раскрывает развитие компетентности будущих педагогов через взаимосвязь восприятия ИИ, оценки его результатов, стратегий корректировки, образовательных эффектов и профессионального суждения.

На этой основе была сформирована аналитическая модель развития компетентности будущих педагогов в области педагогического проектирования при поддержке ИИ. Результаты трёхэтапного кодирования представлены в табл. 1 и табл. 2.

Таблица 1. Общая структура результатов трёхэтапного кодирования

Избирательное кодирование: центральная категория	Осевое кодирование: основные категории
Развитие компетентности будущих педагогов в области педагогического проектирования при поддержке ИИ	Восприятие ИИ как инструмента
	Оценка качества сгенерированного содержания
	Стратегии педагогической корректировки результатов ИИ
	Образовательные эффекты использования ИИ
	Критерии профессионального суждения
	Проявления профессионально-педагогических качеств

Таблица 2. Основные категории и репрезентативные первоначальные понятия

Основные категории	Репрезентативные первоначальные понятия
Восприятие ИИ как инструмента	Понимание функций ИИ; построение структуры плана занятия; генерация идей учебной деятельности; предоставление шаблонов педагогических разработок; сокращение и обобщение текстового материала; повышение эффективности работы; создание нескольких вариантов решения; сокращение времени на подготовку занятия
Оценка качества сгенерированного содержания	Структурная упорядоченность материала; логичность этапов занятия; полнота целей обучения; лаконичность записей на доске; включение культурных и социально значимых элементов; учёт регионального контекста; недостаточный учёт уровня учащихся; чрезмерно общее описание действий; идеализированное распределение времени
Стратегии педагогической корректировки результатов ИИ	Постановка критических встречных вопросов; указание на ошибки; отбор содержания; сохранение общей структуры с добавлением собственных деталей; выбор одного варианта из нескольких; удаление нереализуемых этапов; уточнение запросов; дополнение информации об учащихся; корректировка содержания в соответствии с образовательными стандартами
Образовательные эффекты использования ИИ	Расширение педагогического мышления; знакомство с новыми формами учебной деятельности; развитие рефлексии; углубление понимания содержания; уточнение собственных идей; риск зависимости от ИИ; получение готового результата без самостоятельного поиска; снижение самостоятельности мышления
Критерии профессионального суждения	Опора на предыдущий опыт; наблюдение за реальными занятиями во время педагогической практики; собственный школьный опыт; использование примеров качественных занятий; проверка соответствия образовательным стандартам; оценка практической реализуемости; учёт уровня учащихся; оценка собственных организационных возможностей
Проявления профессионально-педагогических качеств	Критическая оценка результатов ИИ; выявление необоснованных элементов; принятие решений на основе профессиональных знаний; гуманистическая направленность; учёт индивидуальных различий учащихся; стимулирование самостоятельного мышления; педагогическая гибкость; корректировка занятия с учётом реакций учащихся

Результаты исследования

Ограниченность представлений об инструментах ИИ и недостаточная способность к критической оценке содержания

Представления будущих педагогов об инструментах искусственного интеллекта, используемых в педагогическом проектировании, в целом носят поверхностный характер. Как правило, респонденты воспринимают ИИ преимущественно как средство повышения эффективности, позволяющее быстро формировать структуру занятия, предлагать варианты учебной деятельности и генерировать текстовые материалы. При этом они значительно реже обращают внимание на алгоритмиче-

ские принципы работы соответствующих систем, источники используемых данных и границы применимости полученных результатов. Подобная ограниченность представлений снижает глубину осмысления содержания, генерируемого искусственным интеллектом.

Большинство участников исследования способны выявить такие преимущества разработок, созданных с помощью ИИ, как правильность оформления, структурная целостность и ясность изложения. Вместе с тем им значительно сложнее определить, насколько обоснованно сформулированы цели обучения, соответствует ли предложенная деятельность особенностям конкретной группы учащихся и насколько точно представлен учебный материал.

При работе с материалами, созданными искусственным интеллектом, будущие педагоги также демонстрируют недостаточно развитую способность к их критической и профессиональной оценке. Часть респондентов не располагает целостной системой критериев и принимает решение об использовании сгенерированной разработки главным образом на основе интуитивных представлений или предыдущего опыта. Поскольку знания об образовательном применении ИИ пока недостаточно интегрированы с подготовкой в области педагогического проектирования, будущим педагогам сложно последовательно оценивать полученные результаты с точки зрения соответствия целям обучения, учёта особенностей учащихся, практической реализуемости в аудитории и содержательной точности. Несмотря на наличие определённых предметных и методических знаний, преобразование этих знаний в устойчивую способность к профессиональной экспертизе содержания, созданного ИИ, требует дополнительной подготовки.

Разнообразие стратегий корректировки результатов ИИ и различия в глубине педагогического регулирования

В процессе использования ИИ для педагогического проектирования будущие педагоги самостоятельно формируют стратегии корректировки различного уровня. Их основная функция заключается в исправлении, дополнении и совершенствовании содержания, сгенерированного искусственным интеллектом. Анализ действий участников исследования показывает, что данные стратегии заметно различаются как по способам реализации, так и по глубине когнитивного участия. Условно их можно разделить на три последовательно усложняющихся уровня.

На базовом уровне корректировка преимущественно выражается в уточнении вводимых запросов. Будущие педагоги дополняют контекстную информацию, конкретизируют требования к заданию или разделяют его на последовательные этапы, стремясь повысить точность результатов, генерируемых ИИ. Такая стратегия направлена главным образом на совершенствование исходного запроса и не предполагает содержательной проверки и глубокой переработки полученного результата.

Средний уровень корректировки проявляется в избирательном использовании результатов, предложенных искусственным интеллектом. Будущие педагоги могут сохранять общую структуру сгенерированной разработки, выбирать наиболее подходящий вариант учебной деятельности из нескольких предложенных, а также исключать элементы, не соответствующие реальным условиям образовательного процесса. На данном уровне профессиональное суждение педагога начинает играть ведущую роль в отборе и преобразовании содержания.

Наиболее высокий уровень корректировки предполагает критическое отношение к результатам работы ИИ. Будущие педагоги самостоятельно выявляют необоснованные положения и ошибки в ответах системы, а затем посредством многократных уточняющих вопросов, возражений и контраргументации добиваются исправления выявленных недостатков и повторной генерации результата. Подобное взаимодействие выходит за пределы простого совместного выполнения задачи человеком и машиной и приобретает характер когнитивного диалога.

Существенные различия между участниками исследования показывают, что само по себе использование ИИ не обеспечивает высокого качества педагогического проектирования. Его результативность зависит от способности пользователя применять профессиональные знания для активного регулирования и содержательной переработки результатов, полученных с помощью ИИ.

Выраженный эффект использования ИИ и риск формирования чрезмерной зависимости

Непосредственный положительный эффект использования ИИ в педагогическом проектировании проявляется прежде всего в повышении эффективности рутинной работы и расширении спектра проекторочных идей. Автоматизированное создание структуры занятия, подбор учебных ресурсов и быстрое представление нескольких вариантов решения позволяют сократить время, затрачиваемое на рутинные операции, не требующие сложной аналитической деятельности, включая поиск материалов, обработку текста и оформление педагогической

разработки. Благодаря этому будущие педагоги могут уделять больше внимания формулированию целей обучения, логике учебной деятельности и условиям реализации занятия.

Для будущих педагогов, ещё не обладающих достаточным практическим опытом, разнообразные варианты учебной деятельности и способы организации содержания, предлагаемые ИИ, могут выполнять функцию когнитивной опоры. Они расширяют доступный набор проекторочных решений и помогают преодолевать недостаток первоначальных идей.

Вместе с тем повышение эффективности сопровождается риском формирования когнитивной зависимости. Некоторые будущие педагоги стремятся пропустить этап самостоятельного замысла и сразу поручают ИИ создание готовой разработки. Длительное использование подобной модели может ослабить привычку к самостоятельному анализу проблем и независимому выполнению задач педагогического проектирования [5].

Компетентность в области педагогического проектирования формируется в процессе постоянного анализа, принятия решений, корректировки и решения возникающих проблем. Если ИИ используется не для поддержки, а для замещения мыслительной деятельности, это может привести к снижению профессиональной самостоятельности и творческой активности будущих педагогов. Кроме того, участники исследования в целом уделяли недостаточное внимание защите образовательных данных, алгоритмической предвзятости и ценностной направленности сгенерированного содержания. В дальнейшем эти проблемы могут влиять на выбор цифровых технологий и оценку учебных материалов в реальной педагогической деятельности.

Многообразие критериев профессиональной оценки и гуманистическая направленность педагогической позиции

При оценке разработок, созданных с помощью ИИ, будущие педагоги не опираются на какой-либо один критерий. Они комплексно учитывают личный опыт, профессиональные нормы и условия реализации занятия. Часть оценочных суждений формируется на основе наблюдений за реальными занятиями во время педагогической практики, собственного опыта обучения и примеров качественных педагогических разработок. Эти источники помогают определить, соответствует ли предложенная учебная деятельность условиям реального образовательного процесса.

Другая часть критериев связана с требованиями образовательных стандартов, а также с требованиями к формированию ключевых компетенций и базовых качеств личности учащихся. Эти критерии используются для проверки обоснованности целей обучения, содержания занятия и способов оценивания образовательных результатов.

Важным критерием является также практическая реализуемость разработанной деятельности в аудитории. Будущие педагоги предварительно оценивают, обладают ли учащиеся необходимым уровнем подготовки для участия в предложенных заданиях, соответствует ли распределение времени реальным условиям занятия и способны ли они сами эффективно организовать учебный процесс.

Некоторые респонденты демонстрируют выраженную гуманистическую направленность. Они обращают внимание на индивидуальные различия учащихся, ситуации, спонтанно возникающие в ходе занятия, и субъективную позицию обучающихся. Для них важно не только обеспечить структурную целостность разработки и эффективность её реализации, но и определить, действительно ли предложенная учебная деятельность способствует развитию учащихся.

Практические рекомендации

Формирование системных представлений об инструментах ИИ и развитие умений критической оценки содержания

Для преодоления поверхностных представлений будущих педагогов об инструментах искусственного интеллекта и недостаточно сформированных умений критически оценивать сгенерированное содержание необходимы изменения как в структуре учебных дисциплин, так и в организации практической подготовки. В программы педагогического образования целесообразно включить специальный модуль, посвящённый применению ИИ в образовательной деятельности. В рамках данного модуля следует рассматривать основные принципы работы наиболее распространённых инструментов ИИ, границы их функциональных возможностей, условия целесообразного применения, а также возможные ошибки, ограничения и проявления алгоритмической предвзятости. Это позволит будущим педагогам формировать целостное и системное представление о соответствующих технологиях.

Одновременно необходимо организовать сравнительный анализ педагогических разработок, сгенерированных ИИ, и материалов, подготовленных опытными учителями. Такая работа должна быть направ-

лена на формирование умений оценивать разработанные материалы по следующим критериям: соответствие поставленным целям обучения, учёт особенностей и уровня подготовки учащихся, практическая реализуемость в условиях реального занятия, содержательная точность и соблюдение этических требований. Педагогические университеты могут также разработать чек-лист оценки качества педагогических разработок, созданных с помощью ИИ. Его применение позволит будущим педагогам постепенно перейти от интуитивных суждений к устойчивой и профессионально обоснованной системе оценки [6].

Формирование критического подхода к использованию ИИ и развитие навыков корректировки его результатов

В содержание дисциплин по педагогическому проектированию целесообразно включить структурированный практикум по применению ИИ. В рамках такого практикума будущие педагоги должны последовательно выполнять самостоятельную разработку первоначального замысла, генерацию материалов с помощью ИИ, сравнительный анализ полученных вариантов, а затем их корректировку и совершенствование. Такая последовательность позволит наглядно продемонстрировать, каким образом различные способы проверки и переработки результатов ИИ влияют на качество итоговой педагогической разработки.

Практическая подготовка должна включать не только уточнение запросов, дополнение информации об учащихся и поэтапное разбиение задачи, но и критическую оценку, проверку достоверности и корректировку результатов, полученных с помощью ИИ. Такие ключевые компоненты педагогического проектирования, как цели обучения, виды учебной деятельности и способы оценивания, необходимо проверять на основе требований образовательных стандартов, содержания учебников, авторитетных источников и коллегиального обсуждения в студенческой группе. При этом будущие педагоги должны уметь аргументировать основания для принятия, изменения или исключения отдельных элементов сгенерированного содержания.

Использование преимуществ ИИ при предупреждении когнитивной зависимости и этических рисков

При использовании возможностей ИИ для повышения эффективности работы, расширения спектра учебных материалов и поиска новых методических решений необходимо чётко определить его вспомогательную роль в педагогическом проектировании. Искусственный интеллект не должен подменять самостоятельное мышление и профессиональное принятие решений педагогом.

В практической подготовке целесообразно придерживаться принципа «сначала самостоятельный замысел, затем поддержка ИИ». В соответствии с ним будущие педагоги должны сначала самостоятельно сформулировать цели обучения, проанализировать особенности и уровень подготовки учащихся и разработать общую структуру занятия. Только после этого ИИ может использоваться для дополнения учебных ресурсов, расширения набора видов деятельности, а также совершенствования формулировок и структуры изложения. Такой порядок позволяет сохранить активное когнитивное участие будущего педагога на ключевых этапах проектирования.

В программы педагогического образования также следует включить вопросы защиты данных и алгоритмической справедливости. На основе анализа типичных случаев необходимо рассматривать риски утечки персональной информации, воспроизведения гендерных стереотипов, игнорирования различий между городскими и сельскими образовательными условиями и других форм алгоритмической предвзятости [7]. Такая подготовка должна формировать у будущих педагогов готовность проводить этическую экспертизу сгенерированного содержания и соотносить его ценностную направленность с образовательными целями и гуманистическими принципами.

Совершенствование институциональной поддержки и механизмов подготовки и оценки компетентности

Педагогическим университетам необходимо совершенствовать механизмы формирования и оценки компетентности будущих педагогов в области использования ИИ при педагогическом проектировании. Прежде всего, с учётом требований к цифровой компетентности педагогов следует конкретизировать цели подготовки, связанные с пониманием принципов работы инструментов ИИ, их интеграцией в образовательный процесс, оценкой качества сгенерированного содержания, корректировкой результатов и принятием этически обоснованных решений. Эти цели должны служить основой для разработки учебных дисциплин и организации практической подготовки [8].

Педагогическое проектирование с использованием ИИ целесообразно включить в систему практической подготовки и оценивания результатов обучения. При этом оценка не должна ограничиваться формальной полнотой итогового проекта занятия. Необходимо учитывать процесс от-

бора информации, обоснованность профессиональных суждений, аргументацию внесённых изменений и степень индивидуальной переработки материалов, предложенных искусственным интеллектом. Кроме того, будущим педагогам следует предоставить возможность апробировать разработанные с помощью ИИ проекты во время педагогической практики или моделируемых занятий. С учётом обратной связи учащихся, реальных условий аудитории и возникающих педагогических ситуаций данные проекты необходимо последовательно пересматривать и совершенствовать. Это позволит сформировать целостный процесс развития компетентности, включающий педагогическое проектирование, практическую реализацию, рефлекссию и последующую оптимизацию.

Заключение

Проведённое исследование показало двойственный характер использования искусственного интеллекта в педагогическом проектировании будущих педагогов. ИИ повышает эффективность поиска и обработки материалов, облегчает структурирование занятия и расширяет спектр методических решений, однако сам по себе не обеспечивает педагогического качества результата. Выявленные уровни корректировки уточнения запросов и поверхностного редактирования до критической проверки и глубокой переработки содержания свидетельствуют о том, что результативность применения ИИ определяется прежде всего профессиональными знаниями, критическим мышлением и самостоятельностью будущего педагога.

Полученные результаты подтверждают необходимость системного включения вопросов использования ИИ в программы педагогического образования. Подготовка должна охватывать понимание возможностей и ограничений ИИ, профессиональную оценку и корректировку сгенерированного содержания, а также его этически ответственное применение. Целесообразно придерживаться принципа «сначала самостоятельный замысел, затем поддержка ИИ», сохраняя ведущую роль за профессиональным суждением педагога. Ограничением исследования является выборка, сформированная на базе одного педагогического университета; дальнейшая работа может быть направлена на её расширение, анализ педагогических разработок и проверку выявленных взаимосвязей в условиях реальной практики.

Литература

1. Хао Л. Исследование факторов, влияющих на раскрытие конфиденциальной информации пользователями в системах персонализированных рекомендаций при взаимодействии человека с искусственным интеллектом // Теория и практика информационной деятельности. – 2024. – Т. 47, № 7. – С. 69–80.
2. Чжан Г., Сюй С. Разработка модели показателей информационно-технологической компетентности начинающих преподавателей высших профессиональных учебных заведений // Информатизация управления в Китае. – 2024. – Т. 27, № 1. – С. 235–238.
3. У С. Ж., Ли М. Х. История и логика обоснованной теории // Социологические исследования. – 2020. – Т. 35, № 2. – С. 75–98, 243.
4. Цзя С. Д., Тань С. Х. Классическая обоснованная теория и практическая ценность её принципов для исследований в области управления в Китае // Журнал управления. – 2010. – Т. 7, № 5. – С. 656–665.
5. Дун Ц. Ц. Когнитивная нагрузка или когнитивный аутокорсинг: расширение возможностей и риски интеллектуальной деградации в условиях цифровой трансформации образования // Иностранные языки и литература. – 2025. – Т. 41, № 6. – С. 12–27.
6. Юань Ч. Г. Цифровая трансформация образования: что и каким образом необходимо преобразовывать // Вестник Восточно-Китайского педагогического университета. Серия «Педагогические науки». – 2023. – Т. 41, № 3. – С. 1–11.
7. Вэй Ф., Чжу Ч. Т. Стратегии развития информационно-технологической компетентности педагогов в условиях цифровой трансформации образования // Китайский педагогический журнал. – 2022. – № 9. – С. 13–20.
8. Чжу Л., Чжан Ц., У С. С., Линь Я. Ц., Чжао Ц. Х., Фу Д. М. Оценка цифровой грамотности педагогов в контексте цифровой трансформации: тенденции развития, конструирование практических сценариев и рекомендации // Исследования в области электронного образования. – 2024. – Т. 45, № 2. – С. 113–120.

THE ROLE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PRESERVICE TEACHERS' INSTRUCTIONAL DESIGN: A GROUNDED THEORY STUDY

Dong Linguo, Chen Shuang
Xinjiang Normal University

This article examines the role of artificial intelligence in preservice teachers' instructional design. The study aims to identify how AI is used, the strategies employed to revise AI-gen-

erated content, the educational effects of such interaction, and the criteria underlying professional judgment. The empirical data were obtained through semi-structured interviews and classroom observations involving 50 students from a teacher-training university. The data were analyzed using grounded theory through open, axial, and selective coding. The findings indicate that AI improves the efficiency of information retrieval and processing and broadens the range of methodological solutions. At the same time, it creates risks of cognitive dependence, algorithmic bias, and uncritical acceptance of generated content. Different levels of AI-output revision were identified. The study substantiates the need to systematically develop preservice teachers' abilities to critically evaluate, professionally adapt, and ethically use artificial intelligence.

Keywords: Artificial Intelligence, Preservice Teachers, Instructional Design, Grounded Theory, Professional Judgment.

References

1. Hao L. Factors Influencing Users' Disclosure of Private Information in AI-Based Human-Computer Interaction and Personalized Recommendation Systems // Information Studies: Theory & Application. – 2024. – Vol. 47, No. 7. – P. 69–80.
2. Zhang G., Xu S. Development of an Index Model for the Information-Based Teaching Competence of Newly Appointed Teachers in Higher Vocational Colleges // China Management Informationization. – 2024. – Vol. 27, No. 1. – P. 235–238.

3. Wu S. R., Li M.H. The History and Logic of Grounded Theory // Sociological Studies. – 2020. – Vol. 35, No. 2. – P. 75–98, 243.
4. Jia X. D., Tan X.H. Classical Grounded Theory and the Practical Value of Its Principles for Management Research in China // Chinese Journal of Management. – 2010. – Vol. 7, No. 5. – P. 656–665.
5. Dong J.Q. Cognitive Offloading or Cognitive Outsourcing: Empowerment and the Risk of Intellectual Degradation in the Digital Transformation of Education // Foreign Languages and Literature. – 2025. – Vol. 41, No. 6. – P. 12–27.
6. Yuan Z.G. Digital Transformation of Education: What Should Be Transformed and How // Journal of East China Normal University (Educational Sciences). – 2023. – Vol. 41, No. 3. – P. 1–11.
7. Wei F., Zhu Z.T. Strategies for Developing Teachers' Information and Communication Technology Competence in the Context of Digital Transformation in Education // Journal of the Chinese Society of Education. – 2022. – No. 9. – P. 13–20.
8. Zhu L., Zhang J., Wu X.X., Lin Y.Q., Zhao Z.H., Fu D.M. Assessment of Teachers' Digital Literacy from the Perspective of Digital Transformation: Development Trends, Scenario Construction, and Practical Recommendations // E-Education Research. – 2024. – Vol. 45, No. 2. – P. 113–120.

Воронцова Татьяна Юрьевна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»

E-mail: sportvtu2@yandex.ru

В статье исследована взаимосвязь языка и мышления в рамках кросс-культурных и цифровых художественных практик концептуализма. На основе анализа лингвистического поворота в философии XX века, осуществленного Л. Витгенштейном, а также теорий деконструкции М. Фуко и Ж. Деррида рассмотрены когнитивные механизмы преодоления языковых стереотипов и автоматизмов. Особое внимание уделено стратегиям московского романтического концептуализма И. Кабакова, Э. Булатова, Д.А. Пригова, Л. Рубинштейна и группы «Коллективные действия», в которых текст становится инструментом выявления границ национального сознания, а пустота и тишина осмысляются как до-вербальный опыт чистого созерцания бытия. Изучена специфика «двойного перевода» в условиях эмиграции, а также переход к программным алгоритмам в цифровом искусстве как к универсальному кросс-культурному медиуму.

Ключевые слова: философия языка, концептуализм, кросс-культурные практики, деконструкция, московский романтический концептуализм, непереводимость, двойной перевод, цифровой концептуализм, медиафилософия.

Анализ современного искусства показывает сдвиг от простого изображения предметов к исследованию их смыслов и названий. Искусство больше не стремится удивить зрителя мастерством копирования реальности. Вместо этого оно превращается в инструмент исследования человеческого мышления, где главным материалом художника становится само слово.

В этих условиях главным материалом искусства становится сама структура человеческой речи и мышления. Художественный жест переносится с материального объекта на сам процесс рождения мысли. Художник исследует не то, что мы видим, а то, как именно мы называем и понимаем вещи. В кросс-культурных практиках концептуализма эта тенденция перерастает в критический пересмотр национальных картин мира. Когда искусство выходит за рамки одной культуры, привычные языковые конвенции рушатся. Становится очевидно, что люди из разных стран мыслят неодинаково. Столкновение полярных культурных кодов выявляет смысловые расхождения между произнесенным словом и тем внутренним образом, который возникает в сознании. Концептуальное искусство делает этот невидимый барьер главным объектом своего анализа.

Целью данного исследования является комплексный философско-эстетический анализ трансформации взаимосвязи языка и мышления в современных кросс-культурных и цифровых практиках концептуального искусства, а также выявление механизмов, с помощью которых концептуальный текст преодолевает национальные и культурные барьеры сознания.

Теоретико-методологическим фундаментом для понимания искусства как аналитической языковой практики выступает «лингвистический поворот» в философии двадцатого века, наиболее ярко выраженный в концепции Л. Витгенштейна, который постулировал, что границы человеческого языка определяют границы его мира, а само мышление функционирует в рамках специфических «языковых игр». Концептуальное искусство развивает эту идею, превращая выявление правил и условностей данных игр в свое главное содержание [5].

Для глубокого понимания механизмов, с помощью которых концептуализм деконструирует знаковые системы, необходимо обратиться к теории дискурса М. Фуко, доказывающей, что язык и социальные институты невидимо формируют то, что общество считает «нормальным» мышлением [16]. Художники-концептуалисты берут на себя роль археологов знания, выявляя, как авторитарный или обыденный дискурс подчиняет себе сознание человека. Этот процесс тесно связан со стратегией деконструкции Ж. Деррида, утверждавшего, что человеческий опыт полностью укоренен в тексте, а подлинный смысл рождается лишь в зазорах, слепых зонах и несовпадениях внутри языковой ткани [10]. Концептуализм сознательно создает подобные смысловые разрывы. Механизм их восприятия зрителем объясняет рецептивная эстетика В. Изера [11, с. 45–73], описывающая феномен «мест неопределенности» в тексте. Оставляя в произведении пустые места, зазоры или немые знаки, художник заставляет мышление реципиента активно включаться в процесс интерпретации, превращая зрителя в полноценного соавтора.

В кросс-культурном аспекте эта разница смыслов концептуализируется через теорию постколониального и межкультурного анализа Х. Бхабхи, который вводит понятие «третьего пространства» как пограничной зоны, где сталкиваются разные культурные коды [20]. Перенос концепта в другую культуру создает ситуацию «двойного перевода»: текст теряет бытовой контекст и обнажает скрытые смыслы. Смещение кодов приводит к гибридизации значений, доказывая, что подлинное кросс-культурное мышление рождается в моменты семантических сбоев, заставляющих разум осознать когнитивные пределы собственной речи.

Теоретические истоки понимания искусства как аналитической языковой практики восходят к программным работам одного из главных теоретиков концептуализма Дж. Кошута. В своем фундаментальном труде «Искусство после философии» Дж. Кошут утверждает: «Искусство – это сила дефиниции искусства... Произведения искусства являются аналитическими суждениями a priori» [12, с. 45].

Переноса это утверждение на сферу разных культур, можно заметить, что концептуальное мышление ставит под сомнение универсальность эстетических суждений. Дж. Кошут доказывает, что искусство

функционирует как логическая тавтология. Однако в кросс-культурном диалоге она распадается из-за несовпадения семантических полей. Язык в концептуализме перестает быть прозрачным стеклом для созерцания мира, превращаясь в непрозрачный объект рефлексии, который обнажает границы мышления конкретного этноса [12].

В европейской теории эта проблема тесно связана с феноменом языковых игр и влиянием арт-среды. Известный французский социолог и философ П. Бурдьё в работе «Поле неформального производства» подчеркивает, что восприятие произведения искусства всегда опосредовано специфическим культурным кодом: «Потребление произведения искусства является актом расшифровки, требующим практического владения тем кодом, в соответствии с которым это произведение было произведено» [17, с. 78]. Данный тезис указывает на то, что искусство никогда не воспринимается человеком напрямую или «чистым» взглядом. П. Бурдьё доказывает, что понимание арт-объекта – это не врожденный талант или случайное озарение, а культурный навык, похожий на знание иностранного языка. Зритель способен считать идею художника только в том случае, если он заранее знаком с правилами, историей и контекстом эпохи, в которой это произведение появилось. В кросс-культурной среде концептуализма этот тезис приобретает ключевое значение. Если зритель пытается расшифровать произведение искусства, используя коды только своей родной культуры, неизбежно возникает коммуникативный сбой. Художественные образы либо истолковываются неверно, либо превращаются в бессмыслицу. Таким образом, П. Бурдьё указывает на то, что мышление человека при восприятии искусства полностью ограничено теми культурными и языковыми рамками, в которых он был воспитан [21].

Когда концептуальный арт-объект перемещается в иное культурное пространство, происходит сбой когнитивного кода. Искусство концептуализма намеренно провоцирует этот сбой, чтобы выявить скрытые механизмы мышления, навязанные человеку его родным языком и культурой. Ярким эмпирическим подтверждением этой аналитической стратегии в отечественной мысли выступают практики московского романтического концептуализма, глубоко исследованные философом и теоретиком культуры Б. Гройсом. Анализируя специфику советского нонконформизма, Б. Гройс указывает, что: «Московский концептуализм оперирует не вещами, а знаками вещей, обнажая идеологическую и метафизическую обусловленность советского ментального ландшафта» [9, с. 105–124].

Феномен московского романтического концептуализма формировался вокруг И. Кабакова и Э. Булатова, которые превратили слово из средства описания реальности в инструмент исследования границ сознания. Э. Булатов разработал стратегию столкновения живописной плоскости и текста, где авторитарное слово подчиняется законам перспективы. Художник показал, что официальные лозунги и языковые штампы функционируют как пространственный запрет, перекрывающий когнитивный горизонт человека и навязывающий идеологическую сетку восприятия. Разрушая эту преграду через инверсию слова, Э. Булатов открыл возможность когнитивного прорыва к подлинному экзистенциальному опыту [4].

Диаметрально противоположную, но методологически родственную стратегию деконструкции языковой реальности предложил И. Кабаков, который перенес фокус внимания на феномен коммунальности как специфической речевой и ментальной модели советской цивилизации. И. Кабаков исследовал, как индивидуальное мышление растворяется в избыточном, агрессивном и семантически пустом потоке повседневной речи окружающих. Историк искусства Е.Ю. Андреева подчеркивает, что советский текст в концептуализме теряет свою директивную однозначность и повисает в пустоте пространства, требуя от зрителя опознания абсурда самой языковой ткани [1]. И. Кабаков продемонстрировал, что повседневный язык и бытовой сор могут служить материалом для глубокого философского анализа трагедии несвободы человеческого «Я», вынужденного защищать суверенность своего мышления через метафизический побег в пространство личных мифов и фантазий.

В русле графического и книжного концептуализма фундаментальное значение имеет творчество В. Пивоварова, чьи знаменитые концептуальные альбомы, такие как «Проекты для одинокого человека», исследовали внутренний мир замкнутого советского интеллигента. В. Пивоваров виртуозно сочетал лаконичные бытовые рисунки с поэтическими и философскими текстами, показывая, как человеческое мышление пытается укрыться от агрессивной внешней идеологии в хрупком пространстве личных фантазий, чертежей и домашних графиков жизнедеятельности.

Параллельно в области поэтического слова радикальную деконструкцию официального языка власти осуществлял Д. Пригов, создавший масштабный проект по превращению тоталитарных лозунгов

и бюрократических штампов в абсурдные стихограммы. Д. Пригов обратился к явлению тотальной клишированности как государственного, так и быденного дискурсов, направив свой метод на очищение языка от авторитарных наслоений. Он превратил господствующее слово власти в объект иронического отстранения, обнажая за громкими идеологическими фразами семантическую пустоту и заставляя мышление реципиента переходить из модуса слепого подчинения тексту в модус критической рефлексии над ним, о чем пишет исследователь Е. Бобринская [4]. Д. Пригов иронически примерял на себя маски советского обывателя или государственного «Милицанера», наглядно демонстрируя, как клишированная речь полностью заменяет человеку живую мысль [4]. В похожем направлении развивался картотечный метод поэта Л. Рубинштейна, который превратил чтение стихов в перформанс: его тексты фиксировались на библиотечных карточках, заставляя зрителя физически переживать паузы, зазоры и случайные столкновения слов, разрушающие привычную логику восприятия.

Философско-искусствоведческий анализ этого феномена развивает отечественный исследователь Е. Андреева. В своей монографии «Все и Ничто: Символические фигуры в искусстве второй половины XX века» она отмечает, что специфика отечественного концептуального мышления строилась на постоянном мерцании между текстом и пустотой: «Советский текст в концептуализме теряет свою директивную тоталитарность и расслоенно повисает в пустоте коммунального или метафизического пространства, требуя от зрителя не чтения, а принципиально иного ментального усилия – опознания абсурда самой языковой ткани» [1, с. 195].

Этот тезис наглядно подтверждают загородные акции группы «Коллективные действия» во главе с А. Монастырским. В проекте «Поездки за город» участникам, прибывшим на пустое подмосковное поле, предлагались минимальные инструкции (например, вытягивать скрытую под снегом веревку или ожидать появления фигуры на горизонте), что создавало резкое столкновение короткого текста и бескрайнего пространства. Этот творческий шаг по-разному воспринимали люди в разных странах, что доказывает международный характер концептуализма. Западные исследователи привыкли видеть в искусстве строгую систему знаков и текстов. Поэтому пустые заснеженные поля и странные задания они восприняли как сигнал того, что привычный язык больше не способен описывать реальную жизнь. Для них это было разрушением привычной роли слова.

Для людей с русским менталитетом эта же пустота имела совершенно другой, глубокий и духовный смысл. В отечественной культуре давно живет идея о том, что самые главные истины вообще невозможно выразить словами. Белое заснеженное поле превращалось в символ этой великой тайны бытия, перед которой человеческая речь должна замолчать. Выводя участников акций за пределы городской среды, А. Монастырский наглядно продемонстрировал глубокое различие между западным рационально-структурным анализом знака и русским духовным восприятием тишины, где пустота осмысливается как до-вербальная реальность, освобождающая разум от навязанных языковых догм.

Таким образом, через выявление пространственных барьеров слова, деконструкцию коммунального дискурса, ироническое отстранение штампов власти и работу с метафизической пустотой яркие представители концептуализма сформировали универсальную методологию исследования когнитивных пределов человеческого разума.

Показательным примером выступает также творчество китайского концептуалиста С. Бина, в частности его масштабная инсталляция «Книга с неба» (*Tianshu*). Художник изобрел около четырех тысяч ложных иероглифов. Они выглядят как аутентичное китайское письмо, но лишены какого-либо лексического значения. С позиций философско-эстетического анализа С. Бин осуществил операцию полного разрыва между означающим и означаемым. Как отмечает востоковед и философ Е. Торчинов, в дальневосточной традиции: «Письменный знак (иероглиф) традиционно понимался не как фиксация звука, а как непосредственное ментальное онтологическое бытие космоса в сознании» [15, с. 89]. Лишая иероглиф значения, С. Бин наносит удар по когнитивным основаниям китайского мышления, деконструируя традиционную связь между языком и реальностью. Для западного же зрителя, не владеющего китайским языком, данная инсталляция производит обратный кросс-культурный эффект. Инсталляция обнажает склонность внешнего мира любоваться чужой культурой ради необычных впечатлений. Она делает священный текст простым визуальным украшением, полностью оторванным от его реального значения. Здесь человеческое мышление заходит в тупик, так как текст оказывается абсолютно закрытым для понимания.

Зарубежный исследователь современного азиатского искусства Г. Минлу в своей книге «Вселенная наизнанку» указывает на глубокий

философский подтекст этого жеста: «Сюй Бин использует традиционную форму китайской книги не для репрезентации знания, а для демонстрации тщетности человеческого мышления, запертого в рамки языковых условностей» [22, с. 142].

Деконструкция знаков в концептуализме ставит вопрос о возможности его понимания за рубежом. Отказ от традиционных образов в пользу слова превращает перевод в главную проблему: без знания языка арт-объект рискует стать немой декорацией. В этих условиях кураторы и переводчики становятся полноценными соавторами, заново выстраивая мосты между мышлением художника и сознанием иностранного зрителя. Эту проблему подробно исследует известный немецкий философ и теоретик перевода Х.-Г. Гадамер. В своем главном философском труде «Истина и метод» он пишет: «Всякий перевод уже является истолкованием... Переводчик обязан перенести смысл в тот контекст, в котором живет человек, читающий перевод» [6, с. 448].

В кросс-культурном концептуализме дословного перевода недостаточно, поэтому кураторам приходится создавать развернутые пояснения для раскрытия локальных смыслов. Наглядный пример – первые выставки московских концептуалистов на Западе в конце 1980-х годов. Организаторам в Нью-Йорке и Париже приходилось детально расшифровывать для публики специфические советские реалии: «соцсоревнование», «блат», «доску почета» или «коммунальный быт». Без этого западное мышление не могло уловить иронию и трагизм работ, а текст на картинах превращался в пустой набор букв. Пояснения куратора здесь буквально заново создавали произведение искусства в сознании иностранного зрителя. Другим ярким примером трудностей перевода в международном искусстве является творчество американской концептуалистки Дж. Хольцер. Она знаменита своими проектами «Трюизмы» (*Truisms*), в которых транслирует на огромных городских экранах и светодиодных лентах короткие, бьющие в цель фразы вроде: «Защити меня от того, чего я хочу» или «Абсолютная власть развращает абсолютно» [1].

Когда Дж. Хольцер привозит свои выставки в другие страны, например, в Японию или Германию, перед ней встает сложнейшая задача. Просто перевести английские идиомы на другой язык недостаточно, ведь в иной культуре эти фразы начинают восприниматься иначе. Как отмечал отечественный философ и филолог М. Бахтин в исследовании диалога культур: «Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). В точке этого контакта вспыхивает свет, освещающий текст и назад, и вперед, приобщающий его к диалогу» [3, с. 384]. Работа с текстами Дж. Хольцер доказывает, что концептуальный перевод – это перевод ментальных моделей, а не слов. Так, прагматичные американские лозунги при переводе на японский язык требуют смягчения и метафоричности, иначе они воспринимаются как грубое политическое давление, а не художественное высказывание.

Таким образом, выставочная практика показывает, что в концептуализме перевод теряет технический статус, становясь основой художественной формы. Кураторский текст буквально конструирует произведение для иностранного зрителя, спасая его от превращения в немую декорацию. При этом дословный перевод букв не работает. Адекватное восприятие требует либо глубокой расшифровки локальных реалий (как у московских концептуалистов), либо перестройки фраз под мышление конкретного этноса (как у Дж. Хольцер). Это доказывает, что в международной арт-среде переводятся не сами слова, а стоящие за ними ментальные модели.

Проблема перевода концептуального текста в музее усложняется, когда сам автор меняет место жительства. Ситуация эмиграции заставляет творца годами существовать внутри языкового разрыва. Оказавшись в новой среде, он полностью перестраивает мыслительные привычки, из-за чего родной язык накладывается на иностранный. В результате рождается «двойной перевод» – гибридный художественный код, соединяющий образы прошлого и реальность настоящего. Анализируя психологию и философию творческой эмиграции, известный социолог культуры А. Шюц в своем исследовании «Чужак» отмечает: «Для чужака культурный образец новой группы не имеет ценности рецепта... Он становится объектом тщательного исследования, а не привычным инструментом мышления» [19, с. 540].

Художник-эмигрант начинает смотреть на новый язык со стороны, как на объект для анализа, замечая в нем то, чего не видят носители языка. Ярким примером такого подхода стало позднее творчество И. Кабакова, а также основателей направления Соц-арт В. Комара и А. Меламиды после их переезда в США. В СССР В. Комар и А. Меламид мастерски разрушали советские политические лозунги, доводя их до абсурда. Переехав в Америку, они применили этот накопленный опыт к западной массовой культуре. Они создали проект «Выбор народа», в рамках которого на основе соцопросов американцев написа-

ли «самую желанную» и «самую нежелательную» картины для граждан США [1] и в искусствоведческих статьях, посвященных стратегиям соц-арта [4].

Используя свой советский опыт разоблачения пропаганды, художники наглядно показали, что язык западной рекламы и капиталистического рынка точно так же незаметно управляет мышлением людей, как и советская идеология. Это был двойной перевод: авторы мыслили рамками советского опыта, но деконструировали американские культурные коды.

Эмиграция меняет мышление художника, превращая концептуализм в систему «двойного перевода», где прошлый социальный опыт помогает вскрывать механизмы манипуляции в чужой культуре. Опыт соц-арта в эмиграции доказывает способность кросс-культурного мышления находить сходство между советской пропагандой и западной рекламой, выявляя общие законы управления сознанием. Этот процесс обостряется при столкновении западного рационального логоса и восточного интуитивного бессловесного познания (даосизм, дзэн): заимствуя текстовую форму западного концептуализма, азиатские авторы используют слово парадоксально – для демонстрации бессилия человеческой речи перед лицом пустоты и природы.

Эту фундаментальную разницу в когнитивных кодах Востока и Запада подробно анализирует выдающийся отечественный востоковед и философ Т. Григорьева. В своем труде «Японская художественная традиция» она отмечает: «Западное мышление стремится к расчленению, к анализу, к фиксации понятий в точных словесных формулах. Восточное же мышление синкретично, оно ориентировано не на слово, а на то, что находится между словами – на тишину, паузу, на невыразимую словами суть бытия» [7, с. 142].

Для восточного мастера текст на картине – это не логическое суждение, а лишь временный указатель, который должен направить разум зрителя к созерцанию реальности, лежащей за пределами языка. Ярким примером такого подхода в искусстве второй половины XX века стали практики японских и корейских художников авангардного движения «Моно-ха» (в переводе – «Школа вещей»), идеологом которого выступил корейский философ и концептуалист Л. Уфан. Художники этого направления сознательно отказывались от создания сложных рукотворных объектов. Они брали простые природные материалы (необработанные камни, деревянные бревна, листы железа) и сопоставляли их с лаконичными текстовыми надписями или просто помещали в пустое пространство выставочного зала.

Известный зарубежный исследователь азиатского модернизма А. Мунро в своей книге «Японское искусство после 1945 года» дает этому глубокое философское объяснение: «Ли Уфан и его последователи использовали концептуальные приемы, чтобы подорвать авторитет человеческого языка. Они показывали, что камень или дерево обладают собственным бытием, которое невозможно описать никаким алфавитом» [18, с. 264].

В инсталляциях Л. Уфана, например, в серии работ «Реляция», написанное слово или графический знак на стене сталкиваются с молчаливым присутствием массивного природного валуна. Для западного зрителя, привыкшего искать в концептуализме интеллектуальный ребус, этот жест кажется загадкой. На самом же деле художник демонстрирует границы человеческого разума: природа шире любых языковых систем. Текст здесь используется для того, чтобы заставить человека замолчать и пережить опыт интуитивного единения с миром.

Чтобы лучше понять, от чего отталкивались азиатские и русские мастера, необходимо рассмотреть, как европейский концептуализм пытался полностью очистить мышление от власти слов. В то время как восточные художники уходили в мистическую тишину, западные авторы пытались довести язык до состояния математической или юридической формулы, полностью лишенной эмоций. Известный французский философ и семиотик Ролан Барт в своей программной книге «Нулевая степень письма» утверждал: «Истинная задача современного искусства – дойти до нулевой точки языка, очистить слово от исторических и идеологических наслоений, превратив его в чистую, прозрачную структуру» [2, с. 45]. Эту стратегию наглядно иллюстрируют работы французского концептуалиста Д. Бюрена. Он размещал в городской среде чередующиеся белые и цветные полосы шириной 8,7 см без какого-либо сюжета или лексического значения. Этот жест стал «нулевой степенью» визуального языка, провоцирующей сбой привычных ассоциаций у зрителя. Столкнувшись со знаком, который ничего не означает, разум освобождается от диктата готовых культурных смыслов и начинает рефлексировать над самим пространством.

Таким образом, столкновение западного рационализма и восточной интуиции в концептуализме выявляет глубокие различия в механизмах мышления. Азиатские авторы переосмыслили текстовую форму западного авангарда, превратив её в инструмент преодоления

языковых ограничений. В их практиках слово служит не для анализа реальности, а для указания на её невыразимость, возвращая зрителя к ценностям созерцания, тишины и пустоты. Такой синтез доказывает, что концептуальное искусство способно не только исследовать логику языка, но и продемонстрировать точки, где речь уступает место прямому, довербальному восприятию бытия.

Выявление границ человеческой речи на стыке западных и восточных традиций логически подводит современное искусство к поиску принципиально новых, невербальных знаковых систем. В конце XX века этот поиск вышел на совершенно иной уровень, когда концептуальное творчество обратилось к возможностям компьютерных технологий. Если традиционная культура веками искала баланс между словом и тишиной, то глобализация предложила искусству новый медиум – язык программных алгоритмов (HTML, Python, бинарный код). Компьютерный код стал новой универсальной формой кросс-культурного мышления, которая не знает национальных границ, но полностью меняет привычное «гуманитарное» восприятие реальности, превращая художественную эстетику в точный математический расчет. Отечественный исследователь медиакультуры и философ В. Савчук в своей книге «Медиафилософия: приступы реальности» подчеркивает эту глубинную трансформацию человеческого сознания: «Компьютерные технологии не просто помогают нам обрабатывать информацию, они радикально меняют саму структуру нашего мышления, превращая чувственное восприятие в алгоритм» [14, с. 182].

В цифровом концептуализме (или нет-арте) эстетический опыт возникает не из красоты картинки на экране, а из понимания логики работы самой программы, где строчки кода используются вместо красок или обычных слов. Известный зарубежный теоретик новых медиа Л. Манович в своем фундаментальном труде «Язык новых медиа» развивает эту мысль, указывая на интернациональный характер цифровых знаков: «Программный код стал лингвистической основой глобального общества. Это первый в истории человечества язык, который одинаково читается и исполняется как машинами, так и людьми в любой точке земного шара» [13, с. 64].

Ярким примером использования программного кода как художественного инструмента являются работы первопроходцев мирового интернет-искусства – русских художников А. Шульгина и О. Лялиной. В своей знаменитой работе «Моя бойфренд вернулся с войны» О. Лялина создала интерактивную человеческую историю, сознательно отказавшись от сложной графики. Она использовала только базовые элементы веб-страниц того времени – текстовые ссылки, черные фреймы и простейшие команды браузера. Этот язык кодов был понятен пользователям и программистам во всём мире без переводчиков. Художница заставила математический алгоритм передавать глубокие эмоции и память о войне, где деление экрана на ячейки (фреймы) отражало растерянность героев. В подобных практиках произведением искусства становится сам код веб-страницы или системная ошибка, превращающая технический сбой в эстетическое высказывание.

Анализ цифровых практик концептуализма позволяет сделать вывод, что язык компьютерных кодов стал новой ступенью в развитии кросс-культурного мышления. Он успешно преодолел барьеры между национальными языками, создав единое глобальное коммуникативное пространство. Однако этот переход к цифровым знакам радикально изменил природу самого мышления: оно сместилось от классического литературного повествования к логике интерфейсов и алгоритмов. Цифровой концептуализм наглядно доказал, что современное мышление способно очеловечить даже холодный технический код, превращая математические операции в универсальный инструмент международного культурного диалога.

Таким образом, концептуализм переориентировал художественное мышление на исследование механизмов речи в русле «лингвистического поворота». Сделав язык своим медиумом, это направление продемонстрировало укорененность сознания в рамках родной культуры и отсутствие прямых эквивалентов у ментальных концептов при их переводе. Прямым продолжением этой линии стала визуализация пространственных и бытовых границ языка лидерами московской концептуальной школы. Если в философии Э. Булатова авторитарное слово закрывает когнитивный горизонт человека и превращает реальность в схему мертвых символов, то у И. Кабакова подавляющей моделью выступает коммунальный дискурс. И. Кабаков показал, как индивидуальное мышление растворяется в агрессивном и пустом потоке быденной речи, вынуждая «Я» искать спасение в метафизическом побеге в мир личных фантазий.

Противовесом языковому давлению в московском концептуализме стали ироническое отстранение и топология молчания. Деконструкция штампов власти, картотечное дробление текста и выявление пустоты за авторитарными знаками освобождают сознание от автоматизма.

Выход акций в пустое загородное пространство обозначил дихотомию между западным рациональным структурализмом и отечественным интуитивным восприятием тишины как довербального опыта чистого созерцания бытия.

Ключевым фактором осмысления этих процессов становятся кросс-культурное смещение и рецептивная эстетика. В условиях межкультурного диалога концептуальный объект неизбежно попадает в «третье пространство» – пограничную зону столкновения полярных культурных кодов [20]. При таком межкультурном переносе возникает ситуация «двойного перевода», обнажающая скрытую мифологию национального мышления и заставляющая текст оторваться от своего привычного бытового контекста. В соответствии с принципами рецептивной эстетики, художники сознательно конструируют в структуре произведения особые «места неопределенности», которые провоцируют контролируемый коммуникативный сбой и заставляют иностранного реципиента активно включать в дешифровку чужих культурных смыслов [11, с. 45–73]. Подлинное кросс-культурное мышление рождается именно в точках этих семантических сбоев и переводческих трудностей, когда разум человека сталкивается с невозможностью прямого понимания и через это преодоление осознает когнитивные пределы собственной речи. В итоге кросс-культурный концептуализм доказывает, что подлинный эстетический опыт рождается на границах и в точках несовпадения различных знаковых систем, превращая искусство в бескомпромиссный инструмент освобождения человеческого разума и утверждения суверенного права личности на внутреннюю свободу и независимый взгляд.

В международном музее зависимость концептуализма от языка делает дословный перевод неэффективным, превращая арт-объект без контекста в немую декорацию. Кураторские тексты становятся полноценным соавтором произведения, конструируя его смысл для иностранного зрителя через расшифровку локальных реалий или адаптацию фраз под мышление конкретного народа.

Диалог культур в концептуализме обнажил дихотомию между западным логоцентризмом и восточной интуицией: если Запад фиксирует мысль в формулах, то азиатские авторы используют слово для указания на невыразимость реальности и возврата к тишине. В конце XX века этот поиск логически привел к цифровому концептуализму. Язык компьютерных кодов стер национальные барьеры и переподчинил мышление логике интерфейсов, однако сетевой арт сумел очеловечить холодный алгоритм. В итоге кросс-культурный концептуализм доказал, что эстетический опыт рождается на стыке разных знаковых систем, выступая инструментом освобождения разума и утверждения внутренней свободы личности.

Литература

1. Андреева Е.Ю. Всё и Ничто: Символические фигуры в искусстве второй половины XX века. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 496 с.
2. Барт Р. Нулевая степень письма / пер. с фр. Г.К. Косикова. – Москва: Академический проект, 2008. – С. 45.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. – Москва: Искусство, 1979. – С. 384.
4. Бобринская Е.А. Концептуализм. – Москва: Галарт, 1994. – 216 с.
5. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Часть I. – Москва: Гнозис, 1994. – 245 с.
6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем. под ред. Б.Н. Бессонова. – Москва: Прогресс, 1988. – С. 448.
7. Григорьева Т.П. Японская художественная tradition. – Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. – С. 142.
8. Гройс Б.Е. Московский романтический концептуализм // А–Я: Журнал неофициального русского искусства. (Париж). – 1979. – № 1. – С. 3–11.
9. Гройс Б.Е. Московский романтический концептуализм // Утопия и обмен. – Москва: Книжное обозрение (РАДЛАЙН), 1993. – С. 105–124.
10. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. Н. Автономовой. – Москва: Ad Marginem, 2000. – 512 с.
11. Изер В. Проблема переводимости: герменевтический ракурс // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 31. – С. 45–73.
12. Кошут Дж. Искусство после философии / пер. с англ. А.А. Курбановского. – Москва: Искусство, 2019. – С. 45.
13. Манович Л. Язык новых медиа / пер. с англ. Д. Кульчицкой; под ред. А.А. Морозова. – Москва: Ad Marginem, 2018. – С. 64.
14. Савчук В.В. Медиафилософия: приступы реальности. – СПб.: Изд-во РХГА, 2013. – С. 182.
15. Торчинов Е.А. Введение в буддологию: курс лекций. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 89.

16. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Се-ребрянниковой. – СПб.: Гуманитарная академия, 2004. – 416 с.
17. Шматко Н.А. Горизонты социоанализа. – Москва: Институт экс-периментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2003. – С. 78.
18. Штейнер Е.С. Без дураков: О японском искусстве, традицион-ном и современном. – Москва: Государственный институт искусствоз-нания, 2016. – С. 264.
19. Шюц А. Чужак: Социально-психологический очерк // Смысло-вая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / пер. с англ. И.В. Излученко; под ред. Г.С. Батыгина. – Мо-сква: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – С. 533–549.
20. Bhabha H.K. The Location of Culture. – London; New York: Rout-ledge, 1994. – 285 p.
21. Bourdieu P. The Field of Cultural Production: Essays on Art and Literature. – New York: Columbia University Press, 1993. – 322 p.
22. Gao Minglu. The Total Modernity and the Avant-Garde in Twentieth-Century Chinese Art. – Cambridge: MIT Press, 2011. – С. 142.

LANGUAGE AND THINKING IN CROSS-CULTURAL AESTHETICS: CONCEPTUALISM

Vorontsova T.Yu.

Lugansk State University named after Vladimir Dahl

The interrelation of language and thinking within the framework of cross-cultural and digital artistic practices of conceptualism has been investigated in the article. Based on the analysis of the linguistic turn in twentieth-century philosophy carried out by L. Wittgenstein, as well as the theories of deconstruction by M. Foucault and J. Derrida, cognitive mechanisms for overcoming linguistic stereotypes and automatisms have been examined. Special attention has been paid to the strategies of Moscow Romantic Conceptualism by I. Kabakov, E. Bulatov, D.A. Prigov, L. Rubinstein, and the “Collective Actions” group, in which text becomes an instrument for identifying the boundaries of national consciousness, while emptiness and silence are conceptualized as a pre-verbal experience of the pure contem- plation of being. The specificity of “double translation” in the conditions of emigration, as well as the transition to program algorithms in digital art as a universal cross-cultural me- dium have been studied.

Keywords: Philosophy of language, conceptualism, cross-cultural practices, deconstruc- tion, Moscow Romantic Conceptualism, untranslatability, double translation, digital con- ceptualism, media philosophy.

References

1. Andreeva E. Yu. Vsyo i Nichto: Simvolicheskie figury v iskusstve vtoroy poloviny XX veka. – SPb.: Izd-vo Ivana Limbaha, 2011. – 496 s.
2. Bart R. Nulevaya stepen' pis'ma / per. s fr. G.K. Kosikova. – Moskva: Akademich- eskij proekt, 2008. – S. 45.
3. Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva / sost. S.G. Bocharov. – Moskva: Iskusstvo, 1979. – S. 384.
4. Bobrinskaya E.A. Konceptualizm. – Moskva: Galart, 1994. – 216 s.
5. Vitgenshtejn L. Filosofskie issledovaniya // Filosofskie raboty. Chast' I. – Moskva: Gnozis, 1994. – 245 s.
6. Gadamer H.-G. Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenевtiki / per. s nem. pod red. B.N. Bessonova. – Moskva: Progress, 1988. – S. 448.
7. Grigor'eva T.P. Yaponskaya hudozhestvennaya traditsiya. – Moskva: Glavnaya reda- kciya vostochnoy literatury izdatel'stva «Nauka», 1979. – S. 142.
8. Grojs B.E. Moskovskij romanticheskij konceptualizm // A–Ya: Zhurnal neoficial'no- go russkogo iskusstva. (Parizh). – 1979. – № 1. – S. 3–11.
9. Grojs B.E. Moskovskij romanticheskij konceptualizm // Utopiya i obmen. – Mosk- va: Knizhnoe obozrenie (RADLAJN), 1993. – S. 105–124.
10. Derrida Zh. O grammatologii / per. s fr. N. Avtonomovoj. – Moskva: Ad Marginem, 2000. – 512 s.
11. Izer V. Problema perevodimosti: germenевticheskij rakurs // Novoe literaturnoe obozrenie. – 1998. – № 31. – S. 45–73.
12. Koshut Dzh. Iskusstvo posle filosofii / per. s angl. A.A. Kurbanovskogo. – Mosk- va: Iskusstvo, 2019. – S. 45.
13. Manovich L. Yazyk novyh media / per. s angl. D. Kul'chickoj; pod red. A.A. Moro- zova. – Moskva: Ad Marginem, 2018. – S. 64.
14. Savchuk V.V. Mediafilosofiya: pristupy real'nosti. – SPb.: Izd-vo RHGA, 2013. – S. 182.
15. Torchinov E.A. Vvedenie v buddologiyu: kurs lekciy. – SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2000. – S. 89.
16. Fuko M. Arheologiya znaniya / per. s fr. M.B. Rakovoj, A. Yu. Serebryannikovoj. – SPb.: Gumanitarnaya akademiya, 2004. – 416 s.
17. Shmatko N.A. Gorizonty socioanaliza. – Moskva: Institut eksperimental'noj soci- ologii; SPb.: Aleteya, 2003. – S. 78.
18. Shtejner E.S. Bez durakov: O yaponskom iskusstve, traditsionnom i sovremen- nom. – Moskva: Gosudarstvennyj institut iskusstvovznaniya, 2016. – S. 264.
19. Shyuc A. Chuzhak: Social'no-psihologicheskij ocherk // Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sociologii / per. s angl. I.V. Izluch- enko; pod red. G.S. Batygina. – Moskva: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2003. – S. 533–549.
20. Bhabha H.K. The Location of Culture. – London; New York: Routledge, 1994. – 285 p.
21. Bourdieu P. The Field of Cultural Production: Essays on Art and Literature. – New York: Columbia University Press, 1993. – 322 p.
22. Gao Minglu. The Total Modernity and the Avant-Garde in Twentieth-Century Chi- nese Art. – Cambridge: MIT Press, 2011. – S. 142.

Цифровая усталость студенческой молодежи: факторы возникновения и социальные стратегии преодоления

Касторнов Денис Ильич,

бакалавр, студент, кафедра маркетинга, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: tripsyafr@mail.ru

В статье цифровая усталость рассматривается как многомерное состояние истощения, возникающее при длительном взаимодействии студенческой молодежи с цифровыми устройствами, платформами и нормами постоянной онлайн-доступности. Цель исследования – систематизировать факторы цифровой усталости и предложить типологию социальных стратегий ее преодоления. Методологическую основу составили интегративный обзор российских и зарубежных исследований 2019–2026 годов, сравнительный анализ научных подходов и вторичный анализ данных ВЦИОМ. Выделены технологические, информационно-когнитивные, учебно-организационные, социально-коммуникативные и телесно-темпоральные факторы. Показано, что усталость обусловлена не только экранным временем, но и фрагментацией коммуникации, множественностью ролей, дефицитом восстановления и нормативным ожиданием быстрого ответа. Предложена многоуровневая типология стратегий: индивидуально-регулятивные, коммуникативно-групповые и институциональные. Обоснована необходимость перехода от индивидуализации ответственности к совместному проектированию устойчивой цифровой образовательной среды.

Ключевые слова: цифровая усталость; студенческая молодежь; цифровая социализация; техностресс; информационная перегрузка; социальные сети; цифровое благополучие; высшее образование.

Введение

Цифровые технологии образуют базовую инфраструктуру жизни современного студента. Электронные образовательные среды, мессенджеры, видеоконференции, социальные сети, поисковые системы и мобильные приложения одновременно обеспечивают обучение, трудовую занятость, досуг и поддержание социальных связей. Такое совмещение функций повышает доступность информации, но делает границы между учебной, работой и отдыхом менее различимыми. В результате у студенческой молодежи формируется опыт постоянного подключения, при котором прекращение одной цифровой активности часто означает переход к другой, а не полноценное восстановление.

Интенсивность цифровой включенности подтверждается данными массовых опросов. По результатам исследования ВЦИОМ 2025 г., молодые россияне в два раза чаще общаются с близкими и друзьями онлайн, чем преимущественно при личных встречах: 61% против 33%. Образовательный и научный контент в сети востребован у 49% молодых респондентов, а 53% с разной периодичностью публикуют материалы для широкой аудитории [1]. Онлайн-среда становится не отдельным каналом, а пространством социализации, самопрезентации и учебной кооперации. Поэтому негативные последствия цифровой нагрузки нельзя объяснить только «избыточным использованием смартфона».

Одним из таких последствий является цифровая усталость. В публичном дискурсе данный термин нередко обозначает любое неприятное ощущение после использования гаджетов. В научной литературе рядом с ним применяются понятия техностресса, усталости от социальных сетей, усталости от видеоконференций, цифрового зрительного напряжения и учебного выгорания. Они пересекаются, но описывают разные уровни явления. Отсутствие четкого разграничения затрудняет выработку социальных и организационных мер: проблема либо сводится к медицинским симптомам, либо полностью возлагается на самоконтроль пользователя.

Актуальность исследования определяется сохранением высокой цифровой нагрузки после завершения периода вынужденного дистанционного обучения. Гибридные форматы, учебные чаты, облачные документы и видеовстречи закрепились в высшей школе. Вместе с тем опыт пандемии показал двойственность цифровой зависимости: технологии одновременно поддерживали социальные связи и вызывали раздражение из-за невозможности выйти из режима постоянного подключения [7]. Следовательно, требуется анализ не только факторов истощения, но и способов коллективного регулирования цифровой среды.

Цель статьи – систематизировать факторы возникновения цифровой усталости студенческой молодежи и разработать типологию социальных стратегий ее преодоления. Для достижения цели решаются следующие задачи: уточнить содержание понятия цифровой усталости; раскрыть взаимосвязь технологических, учебных и коммуникативных факторов; определить основные проявления и социальные последствия; классифицировать стратегии преодоления по уровню их реализации.

Научная новизна заключается в построении многоуровневой модели цифровой усталости, связывающей параметры платформ, организацию образовательного процесса, нормы групповой коммуникации и индивидуальные практики восстановления. В отличие от подходов, центрированных на продолжительности экранного времени, предлагаемая модель учитывает качество цифровой активности, частоту переключений, ролевую фрагментацию и распределение ответственности между студентом, учебной группой и университетом.

Методология и ограничения исследования

Исследование носит теоретико-аналитический характер. Материалом послужили российские и зарубежные научные публикации 2019–2026 гг., посвященные цифровой социализации, технострессу, онлайн-обучению, усталости от видеоконференций и социальных сетей. Дополнительно использованы результаты ВЦИОМ и Всемирной организации здравоохранения, позволяющие охарактеризовать более широкий контекст цифрового поведения молодежи.

При отборе источников учитывались три критерия: наличие ясно описанного объекта исследования; раскрытие факторов, проявлений или способов преодоления усталости; применимость выводов к студенческой либо близкой по возрасту молодежной группе. Сопоставлялись теоретические работы, систематические обзоры и эмпирические исследования с количественным и качественным дизайном. Анализ проводился по логике «цифровое требование – механизм нагрузки – проявление – стратегия ответа».

Ограничение статьи связано с отсутствием собственной репрезентативной выборки. Поэтому приведенные зарубежные показатели не переносятся автоматически на российских студентов, а используются для выявления устойчивых механизмов. Пандемийные исследования также отражают ситуацию вынужденной цифровизации, тогда как современная усталость развивается в более гибридной среде. Предложенная типология имеет объяснительный характер и нуждается в последующей проверке на российской студенческой выборке.

Цифровая усталость как социально обусловленное состояние

Цифровую усталость целесообразно определять как субъективно переживаемое снижение когнитивной, эмоциональной, мотивационной, социальной и телесной работоспособности, связанное с продолжительным или фрагментированным взаимодействием с цифровыми технологиями. Такое определение позволяет избежать двух крайностей. С одной стороны, усталость не признается самостоятельным заболеванием и не отождествляется с клиническими расстройствами. С другой стороны, она не сводится к бытовой жалобе, поскольку имеет наблюдаемые предпосылки и последствия для учебной деятельности и общения.

Понятие техностресса шире: оно описывает напряжение, возникающее, когда требования информационно-коммуникационных технологий превосходят доступные человеку ресурсы адаптации. К классическим источникам техностресса относятся технологическая перегрузка, вторжение технологий в личное время, сложность систем, неопределенность изменений и чувство недостаточной компетентности [6]. Цифровая усталость может рассматриваться как один из результатов длительного техностресса, но включает также зрительные, телесные, мотивационные и социальные проявления.

Не следует отождествлять цифровую усталость и академическое выгорание. Выгорание предполагает более устойчивое сочетание истощения, отчуждения от учебы и снижения чувства эффективности. Усталость может быть краткосрочной и обратимой после восстановления, однако при хроническом характере способна усиливать предпосылки выгорания. Аналогично усталость от социальных сетей представляет частный случай, связанный с информационной, коммуникативной и функциональной перегрузкой конкретных платформ [11].

Исследование шкалы Zoom Exhaustion and Fatigue показало многомерность феномена: выделяются общая, зрительная, социальная, эмоциональная и мотивационная составляющие [9]. В исследовании 613 студентов цифровая усталость также имела средне-высокую выраженность и зависела от продолжительности использования устройств, формата подключения и образовательного направления [8]. Это подтверждает необходимость анализа не одного симптома, а комплекса взаимосвязанных изменений.

Российская концепция смешанной реальности подчеркивает, что онлайн– и офлайн-активности перестают восприниматься молодежью как изолированные пространства [2]. Именно поэтому цифровая усталость не всегда осознается как следствие отдельной технологии. Студент может испытывать истощение после дня, в котором учебная видеолекция сменялась перепиской, поиском информации, подработкой в приложении и развлекательным контентом. Общая нагрузка складывается из переходов между функциями и ролями.

Факторы возникновения цифровой усталости

Факторы цифровой усталости образуют систему, в которой технические характеристики среды соединяются с учебной организацией и социальными ожиданиями. Их аналитическое разделение необходимо, но в повседневности они действуют совместно (табл. 1).

Таблица 1. Система факторов цифровой усталости студенческой молодежи

Группа факторов	Основные проявления цифровой среды	Механизм возникновения усталости
Технологические	Уведомления, автозапуск контента, частые обновления, одновременное использование нескольких платформ	Рост числа внешних стимулов и вынужденных переключений внимания

Группа факторов	Основные проявления цифровой среды	Механизм возникновения усталости
Информационно-когнитивные	Избыточный поток сообщений, неоднородность источников, необходимость постоянного отбора и проверки информации	Перегрузка рабочей памяти, затруднение приоритизации, ощущение незавершенности
Учебно-организационные	Дублирование заданий, разрозненные каналы, длительные видеозанятия, неопределенные сроки ответа	Размывание учебных границ и увеличение координационных затрат
Социально-коммуникативные	Норма постоянной доступности, публичная самопрезентация, социальное сравнение, страх пропустить важное	Эмоциональное напряжение и невозможность безопасно выйти из коммуникации
Телесно-темпоральные	Неподвижность, напряжение зрения, позднее использование устройств, отсутствие пауз между активностями	Недостаточное физическое и психическое восстановление

Источник: разработано автором на основе [6; 8–13].

Технологические факторы. Платформы проектируются с расчетом на удержание внимания и регулярное возвращение пользователя. Значение имеет не только число проведенных у экрана часов, но и «пульсирующий» режим нагрузки: уведомление прерывает задачу, требует быстрой оценки и оставляет след незавершенного действия. Даже короткая проверка сообщения увеличивает стоимость возвращения к учебному материалу. При множественности приложений студент поддерживает несколько параллельных потоков – образовательный, рабочий, групповой и личный.

Информационно-когнитивные факторы. Информационная перегрузка возникает, когда объем, скорость и неоднородность входящих данных превышают возможности их осмысленной обработки. Особую нагрузку создает необходимость постоянно различать обязательное и факультативное, достоверное и сомнительное, срочное и допускающее отсрочку. Поверхностное просматривание большого числа сообщений формирует чувство занятости, но не всегда приводит к завершению результату. Усталость усиливается при медийной многозадачности, когда учебный текст, чат и развлекательный контент конкурируют за одни ресурсы внимания.

Учебно-организационные факторы. Цифровизация снижает издержки отправки информации, но может увеличивать издержки ее координации. Если преподаватели и подразделения используют разные платформы, студенту приходится регулярно проверять каждый канал. Дублирование материалов, изменение заданий в переписке и отсутствие единого календаря создают «организационный шум». Видеоконференции добавляют необходимость поддерживать визуальное внимание, интерпретировать ограниченные невербальные сигналы и контролировать собственное изображение. Частота, длительность и отсутствие пауз между встречами статистически связаны с более высокой усталостью [9].

Социально-коммуникативные факторы. Онлайн-доступность превратилась в социальное ожидание. Индикаторы прочтения и статуса присутствия делают задержку ответа заметной и требуют ее символического оправдания. Студент оказывается перед выбором между концентрацией и поддержанием групповой включенности. Дополнительную нагрузку создают публичная самопрезентация, социальное сравнение, страх выпадения из событий и необходимость реагировать на эмоционально насыщенный контент. Исследование молодых взрослых показывает связь страха пропустить важное, проблемного использования смартфона и усталости от социальных сетей [12].

Телесно-темпоральные факторы. Длительная неподвижность, недостаток смены дистанции зрения и неудобная рабочая поза усиливают субъективное истощение. У 365 обследованных студентов среднее ежедневное использование цифровых устройств во время пандемии выросло с 4,8 до 8,1 часа; наиболее частыми проявлениями были зрительная усталость и боль в шее, плечах и спине [14]. Позднее использование устройств сокращает время восстановления, а отсутствие переходной паузы между учебой и развлечением не позволяет субъективно завершить рабочий день.

Наконец, действие факторов зависит от контекста. Ограниченное жилое пространство, совмещение учебы с работой, качество техники и интернета, уровень цифровой компетентности, состояние здоровья и наличие социальной поддержки распределены неравномерно. Поэтому универсальный совет «меньше пользоваться телефоном» игнорирует различия в ресурсах и функциях цифровой связи.

Механизм развития и социальные последствия

На основе проанализированных исследований цифровую усталость можно представить как процесс из четырех звеньев. Первое звено – совокупность цифровых требований: объем информации, переключения, длительность включенности и необходимость быть доступным. Второе – оценка этих требований относительно имеющихся ресурсов: времени, навыков, автономии и поддержки. Третье – истощение ресурсов внимания, эмоциональной регуляции и физического восстановления. Четвертое – поведенческий ответ, который может уменьшать или воспроизводить нагрузку.

Парадокс состоит в том, что утомленный студент нередко выбирает доступный цифровой отдых: короткие видео, бесцельное пролистывание ленты или игровое приложение. Такая активность снижает требовательность текущей задачи, но сохраняет сенсорную и информационную нагрузку. Формируется цикл: усталость снижает саморегуляцию, снижение саморегуляции повышает вероятность киберлофинга, а фрагментированный отдых затрудняет восстановление. Российское исследование показывает, что использование цифровых технологий на занятиях в неучебных целях является отдельной формой поведения студентов, зависящей от возраста и образовательного уровня [4].

К учебным последствиям относятся снижение устойчивости внимания, откладывание сложных задач, поверхностная обработка материала и уменьшение субъективной эффективности. К коммуникативным – раздражительность, избегание сообщений, пассивное потребление контента и временное прекращение участия в группах. К эмоциональным – чувство перенасыщения, беспокойство из-за непрочитанных сообщений и снижение мотивации. В выборке из 470 студентов усталость от видеоконференций положительно соотносилась со стрессом, тревогой и депрессивной симптоматикой и отрицательно – с удовлетворенностью жизнью и академическим благополучием [10]. Эти связи не доказывают универсальной причинности, но указывают на необходимость профилактики.

В то же время цифровая активность не является исключительно фактором риска. Она поддерживает связанность, доступ к помощи и учебную автономию. Данные ВОЗ показывают, что интенсивное, но не проблемное использование социальных сетей может сочетаться с более сильной поддержкой сверстников, тогда как проблемный паттерн связан с потерей контроля и негативными последствиями [15]. Следовательно, целью преодоления усталости должно быть не механическое сокращение любой цифровой активности, а изменение ее структуры и управляемости.

Социальные стратегии преодоления

Стратегия преодоления понимается как устойчивый способ организации действий, направленный на снижение цифровой нагрузки или восстановление ресурсов. В зависимости от уровня реализации стратегии делятся на индивидуально-регулятивные, коммуникативно-групповые и институциональные (табл. 2).

Таблица 2. Уровни социальных стратегий преодоления цифровой усталости

Уровень стратегии	Содержание практики	Ожидаемый результат	Условие эффективности
Индивидуально-регулятивный	Пакетная проверка сообщений, отключение необязательных уведомлений, фокус-сессии, чередование экранных и неэкранных задач	Снижение переключений и восстановление контроля над вниманием	Связь с конкретной учебной задачей и реалистичный режим
Коммуникативно-групповой	Договоренности о времени ответа, единый канал срочной связи, «тихие часы», распределение ролей в групповой работе	Уменьшение тревоги доступности и коммуникационного дублирования	Признание правил всеми участниками группы
Институциональный	Единая образовательная платформа, нормативы цифровой коммуникации, паузы в видеозанятиях, обучение цифровому благополучию	Снижение системной перегрузки и неравенства условий	Последовательность правил на уровне преподавателей и подразделений

Источник: разработано автором.

Индивидуально-регулятивные стратегии направлены на изменение архитектуры личной цифровой среды. К ним относятся отключение второстепенных уведомлений, группировка коммуникаций по вре-

мени, удаление визуальных триггеров, предварительное определение следующего действия и физическая смена деятельности во время перерывов. Эффективность повышается, если студент регулирует не абстрактное «экранное время», а конкретный источник нагрузки: ночные сообщения, бесконечную ленту, параллельный чат во время чтения или непрерывные видеовстречи.

Важна содержательная неоднородность перерывов. Переход от учебного ноутбука к смартфону меняет контент, но не обязательно восстанавливает внимание и зрение. Более ресурсными могут быть движение, прием пищи без экрана, короткая прогулка, бытовое действие или непосредственное общение. Речь идет не о моральном превосходстве офлайн-активности, а о переключении сенсорной и когнитивной модальности.

Коммуникативно-групповые стратегии уменьшают нагрузку, возникающую из взаимных ожиданий. Индивидуальное отключение уведомлений малоустойчиво, если учебная группа считает немедленный ответ нормой. Поэтому полезны заранее согласованные интервалы ответа, маркировка действительно срочных сообщений и отказ от дублирования одной информации в нескольких чатах. В проектной работе распределение ответственного за мониторинг канала позволяет остальным участникам временно сосредоточиться без риска пропустить изменение задания.

Групповые правила выполняют не только техническую, но и символическую функцию: задержка ответа перестает трактоваться как безразличие или некомпетентность. Это снижает эмоциональную стоимость отключения. При этом правила должны учитывать студентов, совмещающих обучение с работой, проживающих в других часовых поясах или имеющих особые образовательные потребности.

Институциональные стратегии устраняют источники перегрузки, которые не могут быть компенсированы личной дисциплиной. Университет способен сократить число обязательных каналов, установить единый способ публикации заданий, обеспечить предсказуемые сроки и регламентировать вечерние рассылки. Для видеозанятий значимы перерывы, вариативность форм участия, ограничение необязательного требования постоянно держать камеру включенной и чередование синхронной работы с самостоятельной.

Цифровая грамотность в вузе должна включать не только владение программами и безопасностью, но и управление вниманием, распознавание перегрузки, настройку коммуникационной доступности и оценку качества цифрового восстановления. Важно избегать морализаторского подхода: студенту необходимо не вносить вину за использование технологий, а давать инструменты для анализа связи между практиками, состоянием и результатом.

Барьеры и критерии эффективности стратегий

Первый барьер – функциональная незаменимость цифровых каналов. Ограничивая приложение, студент рискует потерять доступ к учебной информации, расписанию или группе. Второй – социальная асимметрия: стратегия одного участника может увеличить нагрузку другого, если правила не согласованы. Третий – привычность автоматических проверок и платформенные механизмы удержания внимания. Четвертый – ложная компенсация, когда цифровой отдых воспроизводит тот же тип перегрузки. Пятый – индивидуализация ответственности, позволяющая организации сохранять фрагментированную коммуникацию.

Эффективность стратегии следует оценивать по нескольким критериям: уменьшилась ли частота неплановых переключений; стало ли легче завершать учебные задачи; снизилось ли напряжение из-за доступности; появилось ли полноценное время восстановления; не возникла ли социальная или учебная изоляция. Важен не сам факт применения ограничения, а изменение качества повседневной деятельности.

Стратегии могут быть превентивными и восстановительными. Превентивные заранее снижают вероятность перегрузки: единый календарь, пакетная проверка сообщений, перерывы между видеозанятиями. Восстановительные применяются после появления симптомов: временное сокращение потока, неэкранный отдых, сон, обращение за психологической или медицинской помощью при устойчивых проявлениях. Наиболее устойчивый результат дает сочетание обоих типов.

Обсуждение результатов

Проведенный анализ показывает, что цифровая усталость является продуктом не одной технологии, а конфигурации цифровых требований. Ее вероятность возрастает, когда высокая интенсивность сочетается с фрагментацией, низкой автономией, неопределенностью приоритетов и отсутствием восстановления. Поэтому одинаковое экранное время может иметь различное значение: сосредоточенная работа над

одним проектом и постоянное переключение между чатами, лентой и видеовстречами создают неодинаковую нагрузку.

Предложенная модель расширяет индивидуально-психологическую трактовку за счет социального уровня. Норма немедленного ответа, количество обязательных каналов и организация занятий не контролируются студентом полностью. Соответственно, рекомендации, основанные только на самодисциплине, воспроизводят неравенство: легче отключиться тому, кто обладает большей автономией, предсказуемым расписанием и доступом к отдельному рабочему пространству.

Для дальнейшей эмпирической проверки целесообразно использовать сочетание опросных и дневниковых методов. Помимо общей продолжительности использования следует измерять частоту переключений, число обязательных платформ, длительность непрерывных сессий, ожидания доступности, качество сна, способы отдыха и субъективную учебную эффективность. Сравнение разных направлений подготовки позволит проверить влияние формата заданий и доли синхронного обучения.

Практическое значение типологии состоит в возможности распределять меры по уровням. Если источник нагрузки связан с привычкой проверять ленту, применима личная настройка. Если он возникает из ожиданий группы, требуется договоренность. Если студенты вынуждены отслеживать множество официальных каналов, необходима институциональная реорганизация. Такое различие предотвращает подмену системной проблемы рекомендацией «лучше управлять временем».

Заключение

Цифровая усталость студенческой молодежи представляет собой многомерное состояние снижения когнитивной, эмоциональной, мотивационной, социальной и телесной работоспособности, возникающее в процессе интенсивного и фрагментированного взаимодействия с цифровой средой. Она отличается от техностресса как более широкого процесса напряжения и от академического выгорания как более устойчивого нарушения отношения к учебе.

Ключевыми факторами являются технологическая стимуляция, информационная перегрузка, множественность образовательных каналов, длительные видеокоммуникации, нормы постоянной доступности, социальное сравнение, недостаток движения и дефицит восстановительных пауз. Их действие опосредуется автономией студента, цифровой компетентностью, учебной нагрузкой и доступными ресурсами.

Предложенная типология включает три уровня стратегий. Индивидуально-регулятивные практики меняют личную цифровую среду и режим внимания. Коммуникативно-групповые формируют предсказуемые нормы доступности. Институциональные сокращают фрагментацию каналов и встраивают цифровое благополучие в организацию образовательного процесса. Их сочетание более перспективно, чем полный отказ от технологий или возложение всей ответственности на пользователя.

Социально-гуманитарная перспектива позволяет рассматривать цифровую усталость как вопрос распределения времени, внимания, автономии и ответственности. Устойчивая профилактика требует не борьбы с цифровизацией, а проектирования такой среды, в которой подключенность остается управляемым ресурсом, а право на восстановление признается нормальной частью учебной жизни.

Литература

1. ВЦИОМ. Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи [Электронный ресурс]. 24.06.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi> (дата обращения: 24.07.2026).
2. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 4. С. 87–97. DOI: 10.17759/chp.2020160409.
3. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Личностные особенности и психологическая саморегуляция студентов онлайн и офлайн: к вопросу о «цифровом» аспекте социализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. № 1. С. 24–37. DOI: 10.21638/spbu16.2023.102.
4. Сиврикова Н.В., Пташко Т.Г., Перебийнос А.Е. Смартфон на парте: исследование особенностей киберлофинга у школьников и студентов // Психологическая наука и образование. 2023. Т. 28. № 4. С. 52–62. DOI: 10.17759/pse.2023280403.
5. Холмогорова А.Б., Герасимова А.А. Психологические факторы проблемного использования Интернета у девушек подросткового

и юношеского возраста // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 138–155. DOI: 10.17759/cpp.2019270309.

6. Tarafdar M., Tu Q., Ragu-Nathan B.S., Ragu-Nathan T.S. The impact of technostress on role stress and productivity // Journal of Management Information Systems. 2007. Vol. 24. No. 1. P. 301–328. DOI: 10.2753/MIS0742-1222240109.

7. Gregersen E.M., Astrupgaard S.L., Jespersen M.H., Gårdhus T.P., Albris K. Digital dependence: Online fatigue and coping strategies during the COVID-19 lockdown // Media, Culture & Society. 2023. Vol. 45. No. 5. P. 967–984. DOI: 10.1177/01634437231154781.

8. Romero-Rodríguez J.M., Hinojo-Lucena F.J., Kopecký K., García-González A. Digital fatigue in university students as a consequence of online learning during the COVID-19 pandemic // Educación XX1. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 165–184. DOI: 10.5944/educxx1.34530.

9. Fauville G., Luo M., Queiroz A.C.M., Bailenson J.N., Hancock J. Zoom Exhaustion & Fatigue Scale // Computers in Human Behavior Reports. 2021. Vol. 4. Article 100119. DOI: 10.1016/j.chbr.2021.100119.

10. Deniz M.E., Satıcı S.A., Doeniyas C., Griffiths M.D. Zoom fatigue, psychological distress, life satisfaction, and academic well-being // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2022. Vol. 25. No. 5. P. 270–277. DOI: 10.1089/cyber.2021.0249.

11. Sunil S., Sharma M.K., Amudhan S., Anand N., John N. Social media fatigue: Causes and concerns // International Journal of Social Psychiatry. 2022. Vol. 68. No. 3. P. 686–692. DOI: 10.1177/00207640221074800.

12. Tugtekin U., Tugtekin E.B., Kurt A.A., Demir K. Associations between fear of missing out, problematic smartphone use, and social networking services fatigue among young adults // Social Media + Society. 2020. Vol. 6. No. 4. P. 1–17. DOI: 10.1177/2056305120963760.

13. Lee J., Wood E., Vogel N., Santhosh E., Chauhan P.K. Burn or balm? Exploring university students' experiences with social media during the COVID-19 pandemic // Psychological Reports. 2025. Vol. 128. No. 4. P. 2257–2280. DOI: 10.1177/00332941231175068.

14. Kim H., Kim S.-J., Hwang S. Visual display terminal syndrome and its associated factors among university students during the COVID-19 pandemic // Work. 2024. Vol. 77. No. 1. P. 23–36. DOI: 10.3233/WOR-220265.

15. World Health Organization Regional Office for Europe. Teens, screens and mental health: New WHO report indicates need for healthier online habits among adolescents [Electronic resource]. 25.09.2024. URL: <https://www.who.int/europe/news/item/25-09-2024-teens-screens-and-mental-health> (accessed: 24.07.2026).

DIGITAL FATIGUE AMONG UNIVERSITY STUDENTS: CAUSAL FACTORS AND SOCIAL COPING STRATEGIES

Kastornov D.I.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines digital fatigue as a multidimensional state of exhaustion arising from university students' prolonged interaction with digital devices, platforms, and norms of constant online availability. The study aims to systematize the factors of digital fatigue and develop a typology of social coping strategies. The methodology combines an integrative review of Russian and international research published between 2019 and 2026, comparative analysis of theoretical approaches, and secondary analysis of Russian Public Opinion Research Center data. Technological, informational-cognitive, educational-organizational, socio-communicative, and bodily-temporal factors are identified. Digital fatigue is shown to result not only from screen time but also from fragmented communication, overlapping social roles, insufficient recovery, and expectations of rapid response. A multilevel typology of individual-regulatory, communicative-group, and institutional strategies is proposed. The findings support a shift from individualizing responsibility toward jointly designing a sustainable digital educational environment.

Keywords: digital fatigue; university students; digital socialization; technostress; information overload; social media; digital well-being; higher education.

References

1. Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). Living Online, or Media Consumption of Today's Youth. 24 June 2025. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi> (accessed 24 July 2026). (In Russian).
2. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. Digital Transition Outcomes: From Online Reality to Mixed Reality. Cultural-Historical Psychology. 2020; 16(4): 87–97. DOI: 10.17759/chp.2020160409. (In Russian).
3. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. Personality Traits and Psychological Self-Regulation of Students Online and Offline: On the "Digital" Aspect of Socialization. Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology. 2023; 13(1): 24–37. DOI: 10.21638/spbu16.2023.102. (In Russian).
4. Sivrikova N.V., Ptashko T.G., Perebeynos A.E. Smartphone on the Desk: A Study of the Characteristics of Cyberloafing among Schoolchildren and Students. Psychological Science and Education. 2023; 28(4): 52–62. DOI: 10.17759/pse.2023280403. (In Russian).

5. Kholmogorova A.B., Gerasimova A.A. Psychological Factors of Problematic Internet Use in Adolescent and Young Girls. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2019; 27(3): 138–155. DOI: 10.17759/cpp.2019270309. (In Russian).
6. Tarafdar M., Tu Q., Ragu-Nathan B.S., Ragu-Nathan T.S. The impact of technostress on role stress and productivity. *Journal of Management Information Systems*. 2007; 24(1): 301–328. DOI: 10.2753/MIS0742-1222240109.
7. Gregersen E.M., Astrupgaard S.L., Jespersen M.H., Gårdhus T.P., Albris K. Digital dependence: Online fatigue and coping strategies during the COVID-19 lockdown. *Media, Culture & Society*. 2023; 45(5): 967–984. DOI: 10.1177/01634437231154781.
8. Romero-Rodríguez J.M., Hinojo-Lucena F.J., Kopecký K., García-González A. Digital fatigue in university students as a consequence of online learning during the COVID-19 pandemic. *Educación XX1*. 2023; 26(2): 165–184. DOI: 10.5944/educxx1.34530.
9. Fauville G., Luo M., Queiroz A.C.M., Bailenson J.N., Hancock J. Zoom Exhaustion & Fatigue Scale. *Computers in Human Behavior Reports*. 2021; 4: 100119. DOI: 10.1016/j.chbr.2021.100119.
10. Deniz M.E., Satici S.A., Doenyaş C., Griffiths M.D. Zoom fatigue, psychological distress, life satisfaction, and academic well-being. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2022; 25(5): 270–277. DOI: 10.1089/cyber.2021.0249.
11. Sunil S., Sharma M.K., Amudhan S., Anand N., John N. Social media fatigue: Causes and concerns. *International Journal of Social Psychiatry*. 2022; 68(3): 686–692. DOI: 10.1177/00207640221074800.
12. Tugtekin U., Tugtekin E.B., Kurt A.A., Demir K. Associations between fear of missing out, problematic smartphone use, and social networking services fatigue among young adults. *Social Media + Society*. 2020; 6(4): 1–17. DOI: 10.1177/2056305120963760.
13. Lee J., Wood E., Vogel N., Santhosh E., Chauhan P.K. Burn or balm? Exploring university students' experiences with social media during the COVID-19 pandemic. *Psychological Reports*. 2025; 128(4): 2257–2280. DOI: 10.1177/00332941231175068.
14. Kim H., Kim S.-J., Hwang S. Visual display terminal syndrome and its associated factors among university students during the COVID-19 pandemic. *Work*. 2024; 77(1): 23–36. DOI: 10.3233/WOR-220265.
15. World Health Organization Regional Office for Europe. *Teens, Screens and Mental Health: New WHO Report Indicates Need for Healthier Online Habits among Adolescents*. 25 September 2024. Available at: <https://www.who.int/europe/news/item/25-09-2024-teens-screens-and-mental-health> (accessed 24 July 2026).

Трансформация механизмов медиавоздействия в условиях экзистенциальных угроз: феномен «информационного нигилизма» и приоритет физической реальности над гиперреальностью

Ким Антон Валерьевич,

аспирант кафедры социологии и социальных технологий, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Дала»

В статье исследуется влияние информационной среды на социальное благополучие населения в условиях реального конфликтного региона. На основе эмпирических данных, полученных в Луганской Народной Республике (N=1702), демонстрируется парадокс отсутствия прямой линейной корреляции между компульсивным потреблением негативного контента (думскроллингом) и уровнем социальной тревожности. Проведен критический обзор классических теорий медиавоздействия (теории установления повестки дня, фрейминга, культивации и социального усиления риска), выявлена их недостаточность для описания цифровых реалий в ситуациях экзистенциальных кризисов. Вводится и теоретически обосновывается понятие «информационного нигилизма» как защитного механизма психики, возникающего в ответ на монотонность новостного потока и столкновение с физической реальностью. Доказано, что в условиях реальных угроз происходит обесценивание медиа-симулякров (гиперреальности) и приоритет осязаемого опыта. На основе разработанного автором коэффициента информационной уязвимости (КИУ) выявлены три кластера адаптации населения. Результаты исследования корректируют существующие представления о тотальном влиянии медиа и предлагают новый подход к формированию государственной информационной политики.

Ключевые слова: информационная среда, социальное благополучие, думскроллинг, информационный нигилизм, гиперреальность, теории медиавоздействия, медиапотребление.

В условиях стремительной цифровизации и глобализации коммуникационных процессов информационная среда перестала быть исключительно отражением социальной реальности [4], трансформировавшись в самостоятельный социокультурный метainститут, способный моделировать общественные настроения и уровень социального благополучия. Вопрос о деструктивном влиянии информационной среды, особенно в периоды геополитической напряженности, стал одним из центральных в современной социологии медиа.

Особую актуальность данный вопрос приобретает в конфликтных регионах, где виртуальные нарративы сталкиваются с физической реальностью экзистенциальных угроз. Парадоксальным образом в современной науке остается неизученным вопрос о том, насколько реально потребление негативного контента влияет на психологическое состояние населения в условиях, когда информационная угроза меркнет перед угрозой физической. Целью данного исследования является эмпирическая проверка механизмов адаптации населения к информационному давлению в условиях реального кризиса и выявление факторов, опосредующих влияние медиа на социальное благополучие.

Проблема влияния медиа на общественное сознание является фундаментальной для социологии коммуникаций. На протяжении XX и начала XXI века научное сообщество опиралось на ряд концепций, описывающих механизмы медиавоздействия. Однако применение этих теорий в условиях цифровых кризисов выявляет их методологические ограничения.

Классическая теория установления повестки дня (Agenda-Setting) (М. Маккомбс, Д. Шоу) [12] постулирует, что средства массовой информации диктуют, о чем люди должны думать. В мирное время эта теория безупречно объясняет механизмы формирования общественной повестки. Однако в условиях острого кризиса, когда физическая реальность навязывает собственную, не подлежащую цензуре повестку (вопросы выживания, безопасности близких), способность медиаинститутов контролировать фокус внимания индивида критически снижается.

Не менее влиятельной является теория фрейминга (Framing) (Э. Гоффман, Р. Энтман) [2]. Фрейминг предполагает, что то, как подается информация (в какой смысловой рамке), определяет ее восприятие. Тем не менее, фрейминг эффективен лишь до тех пор, пока у реципиента отсутствует прямой эмпирический опыт, противоречащий навязанной рамке. При столкновении с физической угрозой медийные фреймы разрушаются под тяжестью объективных обстоятельств.

Альтернативный подход представляет теория использования и удовлетворения (Uses and Gratifications) (Э. Кац) [3]. В отличие от пассивных моделей, она рассматривает аудиторию как активного субъекта. В контексте кризиса эта теория позволяет объяснить феномен избирательного избегания (news avoidance): индивид, осознавая деструктивный характер потока, сознательно переключается на развлекательный или эскапистский контент для сохранения психологического гомеостаза.

Ряд концепций, включая теорию культивации (Дж. Гербнер) [8] и теорию социального усиления риска (SARF) (Р. Касперсон и др.) [9], базируется на предпосылке кумулятивного воздействия: чем интенсивнее индивид потребляет негативный медиаконтент, тем выше уровень его тревожности. Теория культивации, изначально описывавшая эффект линейного телевидения, в условиях фрагментированной цифровой экосистемы и алгоритмической персонализации теряет свою тотальную объяснительную силу. SARF, в свою очередь, описывает, как сигнал проходит через «станции усиления» (СМИ, инфлюенсеры), однако не учитывает феномен «информационной усталости» и адаптации к монотонному потоку угроз.

Обобщая классические модели, можно констатировать, что большинство из них рассматривают информационную среду как перманентный стрессор, а человека – как уязвимого реципиента. Однако эти концепции сталкиваются с методологическим тупиком при попытке описать поведение аудитории в зонах реальных боевых действий. Возникает фундаментальный разрыв между теоретическими ожиданиями тотального медиавоздействия и эмпирической реальностью, что

требует разработки новых концептуальных подходов, опирающихся, в частности, на концепцию симулякров и гиперреальности Ж. Бодрийяра [1].

Эмпирическая база исследования включает данные анонимного анкетирования молодежи (от 15 до 35 лет) Луганской Народной Республики (N=1702). Выборка котируется по возрасту и полу. Регион исследования был выбран намеренно, поскольку наличие непосредственной физической угрозы позволяет отделить воздействие информационной среды (гиперреальности) от фоновых социально-экономических факторов, изолировав эффект столкновения с физической реальностью.

Для измерения ключевых переменных использовались:

1. Шкала думскроллинга (Doomscrolling Scale, DS) Б. Шарма [13], валидированная для русскоязычной аудитории, измеряющая интенсивность компульсивного потребления негативных новостей (7-балльная шкала).

2. Авторский индекс страхов (FS), дифференцированный на три категории: личностные (страхи за жизнь, финансы, самореализацию), социальные и глобальные. Надежность инструмента подтверждена расчетом альфы Кронбаха (0,912), что указывает на высокую внутреннюю согласованность данных.

3. Индекс социального самочувствия (WB) [10], охватывающий личностную, культурную, гражданско-правовую и экономическую сферы.

4. Анализ цифровых следов (динамика поисковых запросов в Яндекс.Вордстат и Google Trends) для изучения объективной динамики общественного интереса к кризисным событиям.

Анализ эмпирических данных выявил контринтуитивную картину, вступающую в противоречие с линейными теориями медиавоздействия.

Во-первых, зафиксирован крайне низкий уровень компульсивного потребления негатива. Средний показатель думскроллинга по выборке составил 2,09 балла (из 7 возможных). Более 75% респондентов находятся в категории минимального риска, и лишь менее 2% выборки можно отнести к зоне психологического риска. Это радикально отличается от данных западных исследований, проводившихся в период пандемии в «мирных» странах, где уровень думскроллинга коррелировал с ростом депрессивных состояний [7].

Во-вторых, индекс страхов показал средневысокий уровень (общее среднее 6,22 из 10), причем абсолютное доминирование имеют личностные страхи (среднее 7,31), среди которых лидируют страх смерти близкого человека (8,54), финансовые трудности (7,23) и нереализованность (7,39). Социальные страхи выражены слабее (5,02), что свидетельствует о высокой степени удовлетворенности микросоциальным окружением. Абстрактные угрозы, транслируемые медиа, уступают по значимости угрозам, имеющим прямое физическое или личностное воплощение.

В-третьих, корреляционный анализ не выявил статистически значимой прямой связи между уровнем думскроллинга и показателями страхов или социального благополучия. Коэффициенты корреляции находятся в диапазоне от -0,03 до -0,16 (общее значение -0,11). Дисперсия показателя благополучия менее чем на 2,5% объясняется вариацией уровня думскроллинга. Даже в подвыборке респондентов с относительно высоким уровнем потребления деструктивных новостей уровень страхов не возрастал линейно.

Выявленный парадокс требует теоретического осмысления. Мы предлагаем ввести в научный оборот термин «информационный нигилизм» – реакцию индивида и общества на монотонный, перенасыщенный рискованными нарративами новостной поток, выражающуюся в снижении эмоциональной реактивности, формировании защитной дистанции к медиаконтенту и приоритете физического опыта над медийным.

Механизм формирования информационного нигилизма наиболее точно описывается через призму концепции симулякров Ж. Бодрийяра [1]. В периоды относительной стабильности гиперреальность (медийные симулякры, фрейминг, повестка дня) способна подменить собой физическую действительность, формируя моральные паники. Однако при столкновении с экзистенциальной реальностью (боевые действия) происходит «схлопывание» гиперреальности. Базовые инстинкты самосохранения начинают работать с осязаемой, физической угрозой. Звук sireн или необходимость эвакуации обладают онтологическим приоритетом над любым медиа-фреймом.

Информационная среда в этих условиях перестает быть источником новых страхов. Монотонность и однообразие новостного потока приводят к тому, что медиа-сигналы обесцениваются и превращаются в фоновый шум. Эмпирическим подтверждением этого служит анализ динамики поисковых запросов. Пики интереса к кризисным явлениям

(например, «симптомы коронавируса» в 2020 г. или запросы, связанные с нежелательными организациями, в 2022 г.) носят волновой характер и демонстрируют устойчивое снижение на протяжении последующих месяцев, несмотря на сохранение или обострение самого кризиса.

Это доказывает, что эффект информационных атак и медиавирусов [5] имеет ограниченный «просвет эффективности». Обе стороны информационного противостояния вынуждены прибегать к сенсационализму для удержания внимания, но по мере социальной адаптации населения чувствительность к триггерам падает. Информационный нигилизм в данном случае выступает не как патология или следствие выгорания, а как эволюционно обусловленная защитная психологическая реакция, позволяющая сохранить когнитивный ресурс для решения повседневных задач выживания.

Для количественного выражения степени подверженности индивида влиянию медиасреды в исследовании была выведена формула анализа коэффициента информационной уязвимости (КИУ):

$$КИУ = \frac{(DS / 7 \times FS / 10)}{(1 + WB_{norm})}$$

где: DS/7 – нормализованная средняя шкалы думскроллинга; FS/10 – средняя индекса страхов; WB_norm – нормализованная средняя индекса самочувствия в диапазоне от -1 до +1.

Кластерный анализ респондентов на основе диаграммы рассеивания КИУ позволил выделить три ключевые группы:

1. Зона высокого риска (не более 2% опрошенных). Лица с повышенной сенситивностью, чье самочувствие находится в прямой зависимости от информационного фона. Для данной категории гиперреальность становится определяющим фактором осознания действительности.

2. Группа информационного нигилизма. Респонденты, демонстрирующие цинизм, апатию и тотальное недоверие к любым источникам информации. Данная позиция свидетельствует о социальной отчужденности, склонности к формированию эхо-камер [6] и снижении гражданской субъектности вследствие защитного отторжения медиасреды.

3. Адаптивное ядро (абсолютное большинство). Основная масса опрошенных обладает «информационным иммунитетом» – минимальной тенденцией к деструктивному влиянию медиасреды, сохраняя критическое мышление и опору на реальный социальный и физический опыт, что позволяет нивелировать эффект искажения общественного мнения активными меньшинствами [11].

Результаты исследования доказывают, что влияние информационной среды на социальное благополучие не является линейным и тотальным. Классические теории медиавоздействия, предполагающие прямую деградацию психики под давлением негативного контента, оказываются несостоятельными в условиях реальных кризисов. В таких ситуациях гиперреальность отступает перед физической реальностью, а население вырабатывает механизмы психологической защиты, которые мы определяем как «информационный нигилизм».

Практическая значимость данного вывода заключается в необходимости кардинального пересмотра подходов к государственной информационной политике. Тактика реактивного «опровержения» (цензура-опровержение) в условиях затяжного кризиса неэффективна и провоцирует миграцию аудитории в неконтролируемые сегменты сети, усиливая информационный нигилизм и недоверие к институтам.

Государству необходимо сместить фокус с ограничения контента на превентивное формирование «информационного иммунитета». Это требует:

1. Внедрения системного мониторинга не объема негатива, а коэффициента информационной уязвимости (КИУ) различных социальных групп для выявления зон потенциальной дестабилизации.

2. Перехода к стратегии опережающего информирования и нарративной согласованности, где ценность приобретают сдержанность и фактологическая точность, а не эмоциональное усиление.

3. Институционализации цифровой грамотности, направленной на развитие навыков медиагигиены и критической фильтрации, подерживающей «адаптивное ядро» общества.

4. Развития национальных цифровых платформ как конкурентных продуктов, обеспечивающих информационный суверенитет не через изоляцию, а через качество и надежность коммуникации.

Таким образом, человеческое сознание обладает мощным адаптационным потенциалом. Понимание механизмов информационного нигилизма позволяет выстраивать более эффективные стратегии обеспечения информационной безопасности, опирающиеся не на страх

перед медиа, а на опору на объективную реальность и критическое мышление.

Литература

1. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
2. Гофман, Э. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.
3. Ожерельева, Т.А. Об отношении понятий информационное пространство, информационное поле, информационная среда и семантическое окружение / Т.А. Ожерельева // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 10 (часть 2). – С. 21–24.
4. Рашкофф, Д. Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Д. Рашкофф. – М.: Ультра.Культура, 2003. – 368 с.
5. Русаков, А.Ю. Эхо-камеры в современной массовой культуре / А.Ю. Русаков // Вестник СПбГИК. – 2019. – № 2(39). – С. 112–118.
6. Allcott, H. The Welfare Effects of Social Media / H. Allcott, L. Braghieri, S. Eichmeyer, D. Taubinsky // American Economic Review. – 2020. – Vol. 110. – No. 3. – P. 629–676.
7. Gerbner, G. Growing up with television: Cultivation analyses / G. Gerbner [et al.] // Journal of Communication. – 1986. – Vol. 36. – No. 2. – P. 141–158.
8. Kasperson, R.E. The social amplification of risk: A conceptual framework / R.E. Kasperson [et al.] // Risk Analysis. – 1988. – Vol. 8. – No. 2. – P. 177–187.
9. Katz, E. Mass communications research and the study of popular culture: an editorial note on a possible future for this journal / Elihu Katz // Studies in Public Communication. – 1959. – Vol. 2, No. 1. – P. 3–11. – URL: https://www.academia.edu/50973693/Mass_Communications_Research_and_the_Study_of_Popular_Culture_An_Editorial_Note_on_a_Possible_Future_for_This_Journal (Accessed: 29 June 2026). – Text: electronic.
10. Keyes, C.L.M. Social well-being / C.L.M. Keyes // Social Psychology Quarterly. – 1998. – Vol. 61. – No. 2. – P. 121–140.
11. Lerman, K. How Vocal Minorities on Social Media Distort Public Opinion / K. Lerman [et al.] // PLOS ONE. – 2016. – Vol. 11. – No. 2. – DOI: 10.1371/journal.pone.0147617.
12. McCombs, M.E. Setting the agenda: mass media and public opinion / Maxwell E. McCombs. – Cambridge: Polity Press, 2004. – 224 p. – URL: <https://archive.org/details/settingagendamas0000mcco> (дата обращения: 29.06.2026). – Текст: электронный.
13. Sharma, B. Doomscrolling: A New Concept for the Digital Age / B. Sharma [et al.] // Technology, Mind, and Behavior. – 2022. – Vol. 3, No. 1. – DOI: 10.1037/tmb0000059.

TRANSFORMATION OF MEDIA EFFECTS MECHANISMS UNDER EXISTENTIAL THREATS: THE PHENOMENON OF “INFORMATIONAL NIHILISM” AND THE PRIORITY OF PHYSICAL REALITY OVER HYPERREALITY

Kim A.V.

Lugansk State University named after Vladimir Dahl

This article investigates the impact of the information environment on the social well-being of the population in a real conflict region. Based on empirical data from the Lugansk People's Republic (N=1702), the study demonstrates a paradox: the absence of a direct linear correlation between the compulsive consumption of negative content (doomscrolling) and social anxiety. A critical review of classical media effects theories reveals their inadequacy in describing digital realities during existential crises. The concept of “informational nihilism” is introduced as a psychological defense mechanism arising in response to news monotony and collision with physical reality. It is proven that under real threats, media simulacra (hyperreality) are devalued, prioritizing tangible experience. Using the author's coefficient of information vulnerability (CIV), three clusters of population adaptation are identified. Special attention is paid to search query analysis confirming the adaptation effect. The results correct existing notions of total media influence and propose a new approach to state information policy, justifying the shift from reactive censorship to preventive formation of informational immunity.

Keywords: information environment, social well-being, doomscrolling, information nihilism, hyperreality, media effect theories, existential threats, media consumption, coefficient of information vulnerability.

References

1. Baudrillard, J. Simulacra and Simulations / J. Baudrillard; [translated from French by A. Kachalova]. – M.: POSTUM Publishing House, 2015. – 240 p.
2. Goffman, E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Everyday Experience: Translated from English / Ed. by G.S. Batygin and L.A. Kozlova; introductory article by G.S. Batygin – M.: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2003. – 752 p.
3. Ozhereleva, T.A. On the Relationship between the Concepts of Information Space, Information Field, Information Environment, and Semantic Environment / T.A. Ozhereleva // International Journal of Applied and Fundamental Research. – 2014. – No. 10 (part 2). – P. 21–24.
4. Rushkoff, D. Mediasvirus! How pop culture secretly influences your consciousness / D. Rushkoff. – Moscow: Ultra.Kultura, 2003. – 368 p.
5. Rusakov, A. Yu. Echo chambers in modern mass culture / A. Yu. Rusakov // Bulletin of St. Petersburg State Institute of Culture. – 2019. – No. 2(39). – P. 112–118.
6. Allcott, H. The Welfare Effects of Social Media / H. Allcott, L. Braghieri, S. Eichmeyer, D. Taubinsky // American Economic Review. – 2020. – Vol. 110. – No. 3. – P. 629–676.
7. Gerbner, G. Growing up with television: Cultivation analyses / G. Gerbner [et al.] // Journal of Communication. – 1986. – Vol. 36. – No. 2. – P. 141–158.
8. Kasperson, R.E. The social amplification of risk: A conceptual framework / R.E. Kasperson [et al.] // Risk Analysis. – 1988. – Vol. 8. – No. 2. – P. 177–187.
9. Katz, E. Mass communications research and the study of popular culture: an editorial note on a possible future for this journal / Elihu Katz // Studies in Public Communication. – 1959. – Vol. 2, No. 1. – P. 3–11. – URL: https://www.academia.edu/50973693/Mass_Communications_Research_and_the_Study_of_Popular_Culture_An_Editorial_Note_on_a_Possible_Future_for_This_Journal (Accessed: 29 June 2026). – Text: electronic.
10. Keyes, C.L.M. Social well-being / C.L.M. Keyes // Social Psychology Quarterly. – 1998. – Vol. 61. – No. 2. – P. 121–140.
11. Lerman, K. How Vocal Minorities on Social Media Distort Public Opinion / K. Lerman [et al.] // PLOS ONE. – 2016. – Vol. 11. – No. 2. – DOI: 10.1371/journal.pone.0147617.
12. McCombs, M.E. Setting the agenda: mass media and public opinion / Maxwell E. McCombs. – Cambridge: Polity Press, 2004. – 224 p. – URL: <https://archive.org/details/settingagendamas0000mcco> (access date: 06/29/2026). – Text: electronic.
13. Sharma, B. Doomscrolling: A New Concept for the Digital Age / B. Sharma [et al.] // Technology, Mind, and Behavior. – 2022. – Vol. 3, No. 1. – DOI: 10.1037/tmb0000059.

Кириллова Валентина Андреевна,

ассистент, аспирант, ФГБОУ ВО Тихоокеанского
государственного университета
E-mail: 011135@togudv.ru

Агрессивное поведение детей в трудных жизненных условиях представляет собой серьёзную проблему, требующую комплексных педагогических решений. В статье рассматриваются теоретические основы агрессии, её причины и проявления у детей из дисфункциональных семей, сирот и малообеспеченных групп. Анализируются педагогические стратегии профилактики, включая тренинги социальных навыков, ролевые игры, антибуллинг-программы и работу с родителями. Практическая часть основана на данных российских исследований, демонстрирующих снижение агрессии на 15–30% при внедрении программ. Качественные показатели отражают улучшение социальных навыков и эмоциональной регуляции. Статья подчёркивает необходимость междисциплинарного подхода и предлагает рекомендации для педагогов и психологов. Материалы могут быть использованы в образовательной практике для создания поддерживающей среды.

Ключевые слова: агрессия, дети в трудных жизненных условиях, педагогические стратегии, профилактика, буллинг, социальные навыки, психокоррекция, дисфункциональные семьи, школьная среда, антибуллинг-программы.

Введение

Агрессивное поведение детей, находящихся в трудных жизненных условиях (ТЖС), является одной из наиболее актуальных проблем современной педагогики. Дети, живущие в условиях бедности, сиротства или дисфункциональных семей, часто проявляют вербальную и физическую агрессию, что обусловлено стрессовыми факторами, такими как конфликты в семье, социальная изоляция и отсутствие эмоциональной поддержки [9]. Исследования показывают, что буллинг в школьной среде затрагивает значительную часть учащихся, особенно тех, кто находится в уязвимом положении. Например, в российских школах случаи травли фиксируются в 20–30% классов, что подчёркивает масштаб проблемы.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, агрессия нарушает образовательный процесс, снижая успеваемость и мотивацию учащихся. Во-вторых, она приводит к долгосрочным психологическим последствиям, включая тревожность, депрессию и антисоциальное поведение [1]. В-третьих, дети в ТЖС составляют группу риска, требующую целенаправленных мер профилактики. Отсутствие эффективных педагогических стратегий усугубляет ситуацию, особенно в школах с высоким процентом таких детей. В этой связи разработка и внедрение программ профилактики агрессии становится приоритетной задачей.

Исторически проблема агрессии изучалась в рамках психологии и социологии, но в последние десятилетия педагогика активно включается в поиск решений. Российские исследователи, такие как Т.П. Авдулова, подчёркивают, что агрессия у детей часто является реакцией на внешние условия, которые можно корректировать через образовательные практики [1]. Международные исследования, включая отчёты UNICEF, подтверждают, что раннее вмешательство снижает риск закрепления деструктивных моделей поведения [9]. Однако в России системные программы профилактики пока недостаточно распространены, что требует дальнейших исследований и практических разработок.

Цель исследования – разработка и анализ педагогических стратегий профилактики агрессии у детей в трудных жизненных условиях на основе теоретических и практических данных.

Объект исследования: процесс формирования и проявления агрессивного поведения у детей в трудных жизненных условиях.

Предмет исследования: педагогические стратегии, направленные на профилактику агрессии у детей в трудных жизненных условиях.

Задачи исследования:

1. Проанализировать теоретические основы агрессии, включая её причины и факторы, связанные с ТЖС.
2. Изучить существующие педагогические стратегии профилактики агрессии и оценить их применимость.
3. Провести анализ эффективности стратегий на основе реальных данных с использованием количественных и качественных показателей.
4. Разработать рекомендации для педагогов, психологов и образовательных учреждений по профилактике агрессии.

Методы исследования: теоретический анализ научной литературы по педагогике, психологии и социальной работе, сравнительный анализ данных российских исследований, включая кейс-стади и программные отчёты, обобщение практического опыта внедрения педагогических программ в школах, качественный анализ изменений в поведении детей через интервью и наблюдения.

Исследование опирается на работы российских авторов, посвящённые профилактике агрессии и буллинга, а также на практические данные из образовательной среды [1, 6, 14]. Особое внимание уделяется детям 7–14 лет, так как этот возрастной диапазон охватывает ключевые этапы формирования социальных навыков. Статья направлена на предоставление педагогам и психологам инструментов для создания безопасной и поддерживающей среды, способствующей снижению агрессии и улучшению социальной адаптации детей.

Теоретические основы профилактики агрессии у детей в трудных жизненных условиях

Агрессия представляет собой сложное поведенческое явление, которое характеризуется намеренным причинением вреда другим людям или объектам. Она может проявляться в физической форме (удары, толчки), вербальной (оскорбления, угрозы) или косвенной (сплетни, изоляция)

[1]. У детей в трудных жизненных условиях агрессия часто становится реакцией на стрессовые факторы, такие как бедность, сиротство, насилие в семье или социальная маргинализация. Эти условия формируют дефицит эмоциональной регуляции, низкий уровень эмпатии и слабые социальные навыки, что усиливает деструктивное поведение [9].

Теории агрессии

Теоретические подходы к изучению агрессии можно разделить на три основные группы: биологические, психологические и социальные. Биологическая теория связывает агрессию с наследственными факторами и нейрофизиологическими процессами. Например, дисбаланс нейротрансмиттеров, таких как серотонин, может усиливать импульсивное поведение. Однако эта теория ограничена, так как не учитывает социальный контекст [11].

Психологическая теория, основанная на концепции социального научения А. Бандуры, подчёркивает, что агрессия формируется через наблюдение и подражание. Дети, видящие агрессивное поведение родителей или сверстников, склонны воспроизводить его в своих взаимодействиях. Эта теория особенно актуальна для детей из дисфункциональных семей, где насилие является нормой [13]. Когнитивные модели, такие как теория фрустрации-агрессии, дополняют этот подход, указывая, что агрессия возникает как реакция на препятствия в достижении целей.

Социальная теория акцентирует внимание на внешних факторах, таких как семейная среда, школьная культура и социально-экономический статус. Исследования показывают, что дети в ТЖС, особенно сироты и дети из малообеспеченных семей, демонстрируют повышенный уровень агрессии из-за отсутствия стабильной поддержки и травматического опыта [9]. Школьная среда также играет значительную роль: буллинг, подкреплённый групповой динамикой, усиливает агрессивные тенденции.

Влияние трудных жизненных условий

ТЖС включают широкий спектр ситуаций, таких как бедность, сиротство, насилие в семье, миграция и социальная изоляция. Каждый из этих факторов по-своему влияет на поведение детей:

Бедность: Ограничивает доступ к образованию, здравоохранению и досугу, что повышает уровень стресса и фрустрации. Дети из малообеспеченных семей чаще проявляют косвенную агрессию, такую как сплетни или изоляция сверстников [15].

Сиротство: Дети, лишённые родительского попечения, испытывают чувство отверженности, что приводит к тревожности и физической агрессии. Исследования показывают, что сироты в 2 раза чаще вовлекаются в конфликты в школе [9].

Насилие в семье: Дети, подвергающиеся физическому или психологическому насилию, перенимают агрессивные модели поведения. Это особенно выражено в дисфункциональных семьях, где отсутствует эмоциональная поддержка [13].

Миграция: Дети мигрантов сталкиваются с социальной изоляцией и дискриминацией, что провоцирует вербальную агрессию как защитную реакцию.

Защитные факторы

Несмотря на негативное влияние ТЖС, существуют защитные факторы, которые могут снизить уровень агрессии. К ним относятся:

1. Поддерживающая школьная среда, где педагоги создают атмосферу принятия.
2. Позитивные отношения с хотя бы одним взрослым (учителем, родственником).
3. Участие в групповых занятиях, таких как спорт или творчество, которые развивают социальные навыки [4].

Принципы профилактики

Профилактика агрессии требует учёта её многофакторной природы. Основные принципы включают:

1. **Раннее вмешательство:** Программы, начатые в младшем школьном возрасте, предотвращают закрепление агрессивных паттернов [4].
2. **Комплексный подход:** Сочетание работы с детьми, родителями и педагогами повышает эффективность [2].
3. **Индивидуализация:** Учёт особенностей каждого ребёнка (возраст, тип ТЖС) позволяет адаптировать стратегии.
4. **Создание безопасной среды:** Школы должны внедрять антибуллинг-программы и кодексы поведения.

Теоретические исследования подчёркивают, что профилактика должна быть системной и включать не только коррекцию поведения, но и изменение условий, способствующих агрессии. Например, про-

граммы семейного консультирования помогают снизить конфликтность в дисфункциональных семьях, что напрямую влияет на поведение детей [15]. Международный опыт, включая программы в скандинавских странах, показывает, что инвестиции в школьные психологические службы снижают уровень агрессии на 20–30% за 2 года [9].

Педагогические стратегии профилактики агрессивного поведения

Педагогические стратегии профилактики агрессии у детей в ТЖС направлены на развитие эмоциональных, социальных и когнитивных компетенций. Они включают разнообразные методы, адаптированные к возрасту детей и условиям их жизни. Ниже представлены основные стратегии с примерами их применения и анализа эффективности.

Тренинги социальных навыков

Тренинги социальных навыков обучают детей навыкам общения, разрешения конфликтов и управления эмоциями. Программы, такие как «Социальная компетентность», включают ролевые игры, дискуссии и упражнения на эмпатию. Например, в одной из школ Хабаровска тренинги проводились для 28 детей 10–12 лет из дисфункциональных семей. Занятия включали моделирование конфликтных ситуаций и поиск ненасильственных решений. Результаты показали снижение вербальной агрессии на 20% за 6 месяцев [14].

Тренинги эффективны для младших школьников и подростков, но требуют регулярности (не менее 1–2 занятий в неделю). Основные компоненты включают:

- Обучение распознаванию эмоций.
- Практику ненасильственного общения.
- Развитие навыков сотрудничества в группе.

Барьером является недостаток квалифицированных тренеров, особенно в сельских школах. Решением может стать онлайн-обучение педагогов [7].

Ролевые игры и арт-терапия

Ролевые игры позволяют детям проигрывать конфликтные ситуации в безопасной среде, развивая эмпатию и самоконтроль. Например, программа «Мир без конфликтов» включает сценарии, где дети играют роли жертвы, агрессора и наблюдателя, анализируя последствия своих действий. Арт-терапия, такая как рисование или лепка, помогает выразить подавленные эмоции и снизить внутреннее напряжение [1].

Эти методы особенно эффективны для младших школьников, у которых вербальные навыки ещё недостаточно развиты. В одной из школ ролевые игры использовались в рамках антибуллинг-программы, что привело к снижению конфликтов на переменах на 25%. Арт-терапия также показала улучшение эмоциональной регуляции у 80% участников.

Ограничением является необходимость индивидуального подхода, так как не все дети готовы участвовать в творческих занятиях. Решением может стать комбинация групповых и индивидуальных форматов.

Взаимодействие с родителями

Работа с родителями является ключевым элементом профилактики, особенно для детей из дисфункциональных семей. Программы, такие как «Школа для родителей», обучают навыкам ненасильственного воспитания, управления конфликтами и эмоциональной поддержки детей. Родительские тренинги повысили уровень семейной сплочённости на 30%, что снизило агрессию детей на 15% [2].

Основные направления работы с родителями:

- Обучение техникам позитивного подкрепления.
- Развитие навыков активного слушания.
- Помощь в разрешении внутрисемейных конфликтов.

Барьером является низкая вовлечённость родителей, особенно в семьях с низким социально-экономическим статусом. Решением может стать проведение тренингов в удобное время или в онлайн-формате [15].

Антибуллинг-программы

Антибуллинг-программы направлены на создание безопасной школьной среды. Они включают:

- Обучение педагогов распознаванию признаков буллинга.
- Проведение классных часов на темы толерантности и сотрудничества.
- Внедрение кодексов поведения, запрещающих травлю.

В одной из школ Хабаровского района антибуллинг-программа снизила случаи травли на 20% за год. Программа включала ежемесячные мероприятия и тренинги для учителей, что повысило их компетентность в управлении конфликтами [7].

Эффективность программ зависит от вовлечённости всего школьного сообщества. Ограничением является сопротивление некоторых педагогов, которые считают буллинг «нормальной частью детства». Решением может стать обязательное обучение учителей.

Индивидуальная психокоррекционная работа

Для детей с высоким уровнем агрессии применяются индивидуальные занятия с психологами. Программы включают когнитивно-поведенческую терапию, техники релаксации и работу с деструктивными установками. В Хабаровске индивидуальная работа с 10 детьми показала снижение физической агрессии на 25% за 4 месяца [14].

Этот метод эффективен для подростков, но требует значительных ресурсов (время, специалисты). Решением может стать интеграция психологов в школьный штат [8].

Сравнение эффективности

Сравнительный анализ показывает, что комплексные программы, сочетающие тренинги, работу с родителями и антибуллингowe меры, дают лучшие результаты. Например, школы, использующие все три подхода, снижают агрессию на 25–30%, тогда как отдельные тренинги дают эффект в 10–15% [6, 14]. Младшие школьники лучше реагируют на игровые методы, а подростки – на дискуссии и индивидуальную работу.

Барьеры внедрения включают недостаток финансирования, низкую квалификацию педагогов и сопротивление родителей. Решения: государственная поддержка программ, обучение учителей и популяризация профилактики через СМИ [7].

Практическая часть: анализ эффективности педагогических стратегий

Практическая часть исследования основана на анализе трёх российских программ профилактики агрессии. Программы охватывали детей 7–14 лет в ТЖС (дисфункциональные семьи, сиротство, бедность). Использовались количественные и качественные показатели, собранные через опросники, интервью и наблюдения.

Исследование 1

В одной из школ Хабаровка была реализована программа для 28 детей 10–12 лет из дисфункциональных семей. Программа включала тренинги социальных навыков, ролевые игры и еженедельные консультации с родителями. Уровень агрессии измерялся с помощью опросника Басса-Дарки. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Уровень агрессии до и после программы

Показатель	До программы (%)	После программы (%)	Изменение (%)
Физическая агрессия	65	45	-20
Вербальная агрессия	70	50	-20
Косвенная агрессия	60	42	-18
Средний уровень агрессии	65	46	-19

Снижение агрессии на 19% связано с развитием навыков самоконтроля и улучшением семейной атмосферы [14]. Родители отметили, что дети стали реже вступать в конфликты дома.

Исследование 2

В школе Хабаровска году антибуллинговая программа охватила 50 детей 8–10 лет в школе с высоким процентом ТЖС. Программа включала классные часы, ролевые игры и родительские тренинги. Качественные данные собирались через интервью с учителями и наблюдения. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. Качественные изменения в поведении детей

Показатель	Описание изменений
Социальные навыки	Увеличение дружеских взаимодействий на 30%
Конфликтность	Снижение конфликтов на переменах на 25%
Эмоциональная регуляция	Улучшение способности выражать эмоции без агрессии
Участие в мероприятиях	Повышение вовлечённости на 20%

Программа снизила случаи буллинга на 25%, а учителя отметили улучшение классной атмосферы. Родительские тренинги повысили вовлечённость семей на 40%.

Исследование 3

В школе программа для 40 подростков 12–14 лет включала индивидуальную психокоррекцию и антибуллингowe мероприятия. Уровень вовлечённости родителей измерялся через анкетирование. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3. Вовлечённость родителей в программу

Показатель	До программы (%)	После программы (%)	Изменение (%)
Участие в тренингах	20	60	+40
Посещение родительских собраний	30	65	+35
Консультации с психологом	15	50	+35

Программа снизила физическую агрессию на 20% и повысила вовлечённость родителей, что усилило эффект. Индивидуальная работа оказалась особенно эффективной для подростков с высоким уровнем агрессии.

Анализ результатов

Количественные данные показывают снижение агрессии на 15–30% за 6–12 месяцев, что подтверждает эффективность комплексных программ. Качественные изменения включают улучшение социальных навыков, снижение конфликтности и повышение эмоционального благополучия. Родительская вовлечённость усиливает эффект, особенно в дисфункциональных семьях [2].

Ограничения:

- Небольшой размер выборки (28–50 детей).
- Отсутствие долгосрочного мониторинга (более 1 года).
- Недостаток финансирования для масштабирования программ.

Рекомендации:

- Масштабировать программы на региональный уровень.
- Включить обучение педагогов в обязательную программу.
- Развивать онлайн-форматы для родителей.
- Проводить долгосрочные исследования для оценки устойчивости эффекта.

Заключение

Исследование показало, что агрессия у детей в трудных жизненных условиях является сложной проблемой, обусловленной биологическими, психологическими и социальными факторами. Бедность, сиротство и дисфункциональные семьи усиливают деструктивное поведение, но педагогические стратегии способны значительно снизить его проявления. Теоретический анализ выявил, что раннее вмешательство, комплексный подход и создание безопасной среды являются ключевыми принципами профилактики.

Педагогические стратегии, такие как тренинги социальных навыков, ролевые игры, антибуллингowe программы и работа с родителями, демонстрируют высокую эффективность. Практическая часть подтвердила, что комплексные программы снижают агрессию на 15–30%, улучшают социальные навыки и повышают вовлечённость родителей. Качественные изменения, такие как снижение конфликтности и улучшение эмоциональной регуляции, подчёркивают важность междисциплинарного подхода.

Для повышения эффективности рекомендуется:

- Внедрять программы в школах с высоким процентом ТЖС.
- Обучать педагогов и психологов методам профилактики.
- Развивать сотрудничество с семьями через тренинги и консультации.
- Обеспечивать государственную поддержку программ.

Перспективы исследований включают изучение цифровых инструментов профилактики, таких как онлайн-тренинги, и долгосрочных эффектов программ. Результаты исследования могут быть использованы для разработки образовательной политики, направленной на создание поддерживающей среды для детей в ТЖС.

Литература

- Авдулова Т.П. Агрессивность в подростковом возрасте: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2025. 89 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://urait.ru/book/agressivnost-v-podrostkovom-vozraste-563758> (дата обращения: 27.05.2025).
- Ангеловская С.К. Педагогическое взаимодействие с родителями как необходимая составляющая процесса профилактики проявления агрессивного поведения обучающихся профессиональных образовательных организаций // Инновационное развитие профессионального образования. 2024. № 4. С. 45–52.

3. Баженов В.Г. Социальная педагогика. Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Гриф УМО ВО, 2025. 89 с.

4. Баталов Д.Р. Модель профилактики буллинга среди младших школьников в воспитательной среде общеобразовательной организации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 4. С. 112–120.

5. Говенко Ю.А., Таболова Э.С. Компетентность учителя в решении профессиональных задач, возникающих в педагогической деятельности в связи с агрессией у детей школьного возраста // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2023. № 4. С. 33–40.

6. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Гриф УМО ВО, 2025. 89 с.

7. Корнилова Т.В. Подростки групп риска: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2025. 89 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://urait.ru/book/podrostki-grupp-riska-562312> (дата обращения: 29.05.2025).

8. Кудакова Н.С. Профилактика кибербуллинга как формы девиантного поведения в начальной школе // Мир науки и мысли. The World of Science and Ideas. 2023. № 4. С. 45–51.

9. Молчанов С.В. Психология подросткового и юношеского возраста: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Гриф УМО ВО, 2023. 89 с.

10. Овчарова Р.В. Практическая психология образования: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Гриф УМО ВО, 2025. 89 с.

11. Расчетина С.А. Социальная педагогика: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2025. 89 с.

12. Царева Е.В., Фадеева О.В. Профилактика агрессивного поведения подростков средствами тренинга // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 4. С. 210–218.

13. Шнейдер Л.Б. Молодая семья и ребенок-дошкольник: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2025. 89 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://urait.ru/book/molodaya-semya-i-rebenok-doshkolnik-564276> (дата обращения: 29.05.2025).

PEDAGOGICAL STRATEGIES FOR PREVENTING AGGRESSION IN CHILDREN IN DIFFICULT LIFE SITUATIONS

Kirillova V.A.

Pacific State University

Aggressive behavior in children facing difficult life situations is a serious problem requiring comprehensive pedagogical solutions. This article examines the theoretical foundations of aggression, its causes, and its manifestations among children from dysfunctional families, orphans, and low-income groups. The study analyzes pedagogical prevention strategies, including social skills training, role-playing games, anti-bullying programs, and parent-oriented interventions. The practical section is based on data from Russian research, demonstrating a 15–30% reduction in aggression following the implementation of such programs. Qualitative indicators reflect improvements in social skills and emotional regulation. The article emphasizes the need for an interdisciplinary approach and offers rec-

ommendations for educators and psychologists. The materials can be used in educational practice to create a supportive environment.

Keywords: aggression, children in difficult life situations, pedagogical strategies, prevention, bullying, social skills, psychocorrection, dysfunctional families, school environment, anti-bullying programs

References

1. Avdulova T.P. Aggressivnost' v podrostkovom vozraste: uchebnoe posobie dlya vuzov [Aggression in adolescence: a textbook for universities]. 2nd ed. Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. 89 p. [Electronic resource]. URL: <https://urait.ru/book/agressivnost-v-podrostkovom-vozraste-563758> (accessed: 27.05.2025).

2. Angelovskaya S.K. Pedagogicheskoe vzaimodeystvie s roditel'yami kak neobkhodimaya sostavlyayushchaya protsessa profilaktiki proyavleniya agressivnogo povedeniya obuchayushchikhsya professional'nykh obrazovatel'nykh organizatsiy [Pedagogical interaction with parents as a necessary component of the prevention of aggressive behavior in students of professional educational organizations]. Innovatsionnoe razvitiye professional'nogo obrazovaniya [Innovative development of professional education]. 2024. No. 4. Pp. 45–52.

3. Bazhenov V.G. Sotsial'naya pedagogika. Profilaktika beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnikh [Social pedagogy. Prevention of neglect and juvenile delinquency]: textbook for universities. 2nd ed. Moscow: Grif UMO VO, 2025. 89 p.

4. Batalov D.R. Model' profilaktiki bullinga sredi mladshikh shkol'nikov v vospitatel'noy srede obshcheobrazovatel'noy organizatsii [A model for preventing bullying among primary school students in the educational environment of a general education organization]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Tambor University Review. Series: Humanities]. 2023. No. 4. Pp. 112–120.

5. Govenko Yu. A., Tabolova E.S. Kompetentnost' uchitelya v reshenii professional'nykh zadach, voznikayushchikh v pedagogicheskoy deyatel'nosti v svyazi s agressiey u detey shkol'nogo vozrasta [Teacher competence in solving professional problems arising in pedagogical activities in connection with aggression in school-age children]. Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov [Scientific support for the system of advanced training]. 2023. No. 4. Pp. 33–40.

6. Kleyenberg Yu.A. Psikhologiya deviantnogo povedeniya [Psychology of deviant behavior]: textbook for universities. 2nd ed. Moscow: Grif UMO VO, 2025. 89 p.

7. Kornilova T.V. Podrostki grupp riska [Adolescents at risk]: textbook for universities. 2nd ed. Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. 89 p. [Electronic resource]. URL: <https://urait.ru/book/podrostki-grupp-riska-562312> (accessed: 29.05.2025).

8. Kudakova N.S. Profilaktika kiberbullinga kak formy deviantnogo povedeniya v nachal'noy shkole [Prevention of cyberbullying as a form of deviant behavior in primary school]. Mir nauki i mysli. The World of Science and Ideas. 2023. No. 4. Pp. 45–51.

9. Molchanov S.V. Psikhologiya podrostkovogo i yunoshekskogo vozrasta [Psychology of adolescence and youth]: textbook for universities. 2nd ed. Moscow: Grif UMO VO, 2023. 89 p.

10. Ovcharova R.V. Prakticheskaya psikhologiya obrazovaniya [Practical psychology of education]: textbook for universities. 2nd ed. Moscow: Grif UMO VO, 2025. 89 p.

11. Raschetina S.A. Sotsial'naya pedagogika [Social pedagogy]: textbook for universities. 2nd ed. Moscow: Grif UMO VO, 2025. 89 p.

12. Tsareva E.V., Fadeeva O.V. Profilaktika agressivnogo povedeniya podrostkov sredstvami treninga [Prevention of aggressive behavior in adolescents through training]. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya [Problems of modern pedagogical education]. 2023. No. 4. Pp. 210–218.

13. Shneyder L.B. Molodaya sem'ya i rebenok-doshkol'nik [Young family and pre-school child]: textbook for universities. 2nd ed. Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. 89 p. [Electronic resource]. URL: <https://urait.ru/book/molodaya-semya-i-rebenok-doshkolnik-564276> (accessed: 29.05.2025).

Самопрезентация и управление впечатлением: медиапрактики преподавателей высшей школы на платформах коротких видео

Лю Чунсян,

аспирант, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: hopeisgood@qq.com

В статье рассматриваются особенности самопрезентации и управления впечатлением преподавателей высшей школы на платформах коротких видео. Теоретическую основу исследования составляет драматургический подход И. Гофмана, а основным методом выступает онлайн-этнография. Эмпирическую базу образовали материалы 23 преподавателей-блогеров, ведущих аккаунты на платформах Douyin и Bilibili. Установлено, что в цифровом медиапространстве преподаватели конструируют три основные публичные роли: авторитетного транслятора знаний, доступного академического наставника и междисциплинарного популяризатора. Управление впечатлением осуществляется посредством идеализированной презентации, координации работы команды и перевода академического знания в доступные для массовой аудитории формы. Показано, что комментарии пользователей могут способствовать корректировке педагогической практики и формированию цикла «представление – обратная связь – адаптация». Сделан вывод о необходимости сохранения знаниецентричной ориентации, баланса между платформенной видимостью и образовательной ответственностью, а также гибкости профессиональной идентичности преподавателя.

Ключевые слова: Преподаватели Высшей Школы, Короткие Видео, Самопрезентация, Управление Впечатлением, Драматургический Подход.

Introduction

According to the Research Report on the Development of China's Online Audiovisual Industry (2025), as of December 2024, the number of short-form video users in China had reached 1.041 billion, with a usage rate of 93.8%. The number of short-form video creator accounts had reached 1.62 billion, while the average daily usage time per user stood at 155 minutes, the highest among all categories of Internet applications [1]. As an emerging media form resulting from the integration of visual culture and media technology, short-form video has rapidly assumed a dominant position in the mobile Internet attention economy. Its popularity can be attributed to such characteristics as fragmented content, mass participation, simplified production, individualized expression, and socially networked dissemination [2]. The number of users has consequently increased at a remarkable pace. Short-form videos and livestreaming are becoming increasingly integrated into the public's everyday life and learning practices.

Against this background, a growing number of university teachers have begun creating content for short-form video platforms. News reports with headlines such as "University Teachers as Content Creators: Knowledge Dissemination or a Distraction from Their Academic Duties?" and "My Teacher Is Actually a Popular Bilibili Content Creator with 500,000 Followers!" have become increasingly common. The rapid development of the short-form video industry has provided university teachers with a platform on which to construct and display their mediated public personas and engage in self-presentation. At the same time, short-form video platforms have become important spaces for the contemporary dissemination of knowledge and culture.

University teachers are motivated to join short-form video platforms for multiple reasons. First, they have been compelled to adapt to the transformation of teaching modes. Since 2019, Chinese higher education institutions have undergone a systematic transition from traditional classroom teaching to online instruction, supported and coordinated at the national level. China has consequently witnessed the largest-scale participation in online education worldwide, while blended teaching that combines face-to-face and online instruction has become a regular mode of educational delivery [3]. As digital natives, Generation Z university students—defined in this study as those born between 1995 and 2009—have undergone fundamental changes in the ways they acquire knowledge. As one blogger observed, "When students want to learn about something, their first instinct is to search online rather than consult a book."

Second, some teachers are driven by a sense of responsibility for the dissemination of reliable knowledge. In response to the widespread circulation of "pseudo-knowledge" on the Internet, certain teachers regard short-form video platforms as spaces in which misinformation can be corrected and professionally grounded knowledge can be disseminated. As blogger B17 stated, "If scholars with professional knowledge do not speak out, incorrect ideas will influence the younger generation." The education system should establish clear professional and ethical standards for the production and dissemination of educational content, take the initiative in online knowledge communication, and actively fulfil its public responsibilities [4].

Third, some teachers enter short-form video platforms after becoming unexpectedly popular. Blogger D16 attracted public attention after Internet users noticed her resemblance to the female lead in a popular television drama. Blogger D04, meanwhile, uploaded a short excerpt from one of her lectures while preparing for class in order to evaluate the effect of posting it on a short-form video platform. Unexpectedly, the video received more than one million views. In addition, some teachers reported joining short-form video platforms by invitation.

On the basis of these phenomena, the present study addresses the following research questions. First, what kinds of public personas do university teachers construct on short-form video platforms? Second, what impression-management strategies do they employ in the process of self-presentation?

Drawing on Erving Goffman's dramaturgical theory, this study employs online ethnography as its primary research method. Using purposive sampling, 23 university teacher-content creators were selected from Douyin and Bilibili. Each selected creator had at least 100,000 followers, had remained continuously active for more than one year, and had up-

loaded no fewer than 80 videos. The sample included teachers from the humanities and social sciences, science and engineering, the arts, medicine, and other disciplinary fields, with attention also paid to the gender distribution of the participants. The detailed composition of the sample is presented in Table 1 and Table 2.

The analysis focuses primarily on the short-form video content published by these teacher-content creators. It also draws on interactions in the comment sections, danmu—real-time comments displayed directly over the video—and relevant media reports.

Table 1. Account Profiles of the Sampled University Teacher-Content Creators

ID	Gender	Followers (10,000s)	Likes (10,000s)	Date of First Post	Number of Videos
B01	Male	3,207.5	9,753.3	2020–03–09	451
B02	Male	1,029.2	1,347.1	2016–12–10	89
D03	Female	503.0	3,473.7	2020–10–25	1,147
D04	Female	455.6	2,097.6	2023–02–25	389
B05	Male	287.7	1,682.6	2020–08–05	389
D06	Male	222.8	549.7	2023–09–01	236
B08	Female	184.6	611.0	2020–06–24	312
D09	Male	169.5	498.1	2023–08–19	308
B10	Male	129.6	210.0	2020–10–27	203
B11	Female	117.8	106.1	2021–06–11	125
B12	Female	105.4	111.5	2022–04–15	425
B13	Male	94.3	240.2	2021–03–12	671
B14	Male	81.6	121.2	2020–12–31	96
B15	Male	78.9	450.7	2020–04–18	338
D16	Female	55.7	458.7	2022–01–21	551
B17	Female	52.1	144.6	2020–08–23	195
B18	Female	32.8	68.0	2021–06–20	141
B19	Male	25.8	59.7	2020–03–01	425
B20	Female	23.1	16.1	2022–01–21	181
B21	Male	22.8	67.5	2022–03–15	96
D22	Female	14.7	45.9	2019–12–24	137
B22	Male	13.8	127.7	2019–08–31	947
B23	Male	3.3	10.2	2021–01–27	1,106

Table 2. Main Content and Collaboration Status of the Sampled University Teacher-Content Creators

ID	Main Video Content	Collaborative Videos
B01	Explanations of legal knowledge	Yes
B02	University mathematics instruction; everyday-life sharing	Yes
D03	Poetry and traditional culture; history, historic sites, and cultural heritage	Yes
D04	Traditional Chinese culture, classical literature, and Chinese classical studies	Yes
B05	Commentary on current affairs	Yes
D06	Systematic interpretation of classical philosophy; discussions of contemporary issues affecting young people	Yes
B08	Intimate relationships and views on love; family-of-origin issues and intergenerational conflict	Yes
D09	Restaurant and food reviews; popularization of archaeological knowledge	Yes
B10	Marriage, romantic relationships, emotional issues, and youth development	Yes
B11	Film and television culture	Yes
B12	Analysis of major domestic and international political and economic issues	No
B13	Nutrition, health, and medical knowledge popularization	Yes

ID	Main Video Content	Collaborative Videos
B14	Political and economic commentary; grassroots governance	Yes
B15	Historical and cultural knowledge	Yes
D16	Academic sharing; commentary on educational phenomena; reflections on everyday life	Yes
B17	Explanations of classical literature	Yes
B18	Educational and pedagogical knowledge; everyday-life sharing	Yes
B19	Popularization of ecological knowledge; interpretation of articles published in leading academic journals	Yes
B20	Popularization of psychological knowledge; mental health guidance	Yes
B21	Social media, Internet culture, journalism, and communication studies	No
D22	Generative artificial intelligence, big data, new media, and research tools	No
B22	Popular music knowledge; commentary on popular variety shows and singers	Yes
B23	Advances in astronomy, course instruction, and science communication	Yes

Self-Presentation: Diverse Public Personas in Short-Form Videos

In everyday social perceptions, university teachers are often associated with such qualities as seriousness, restraint, and emotional reserve. They are commonly imagined as calm and composed figures standing at the lectern, speaking with precision and concision while deliberately avoiding light-hearted or humorous topics [5]. On short-form video platforms, however, university teachers present considerably more diverse and multidimensional public personas.

In *The Presentation of Self in Everyday Life*, Goffman defines the “front region” as the setting in which a particular performance takes place. An individual’s performance in the front region may be understood as a deliberate effort to present a particular personal image to an audience [6]. The self-presentation of university teachers on short-form video platforms follows a similar logic. An analysis of the videos published by the 23 teacher-content creators included in the sample identified three principal types of public persona.

The Authoritative Knowledge Communicator: The Mediated Presentation of Disciplinary Expertise

The authoritative knowledge communicator represents the most prominent form of self-presentation among university teachers on short-form video platforms. This persona is characterized by a strong focus on the creator’s own academic discipline, with explanations of specialized knowledge and the sharing of academic content serving as the primary forms of communication. Through such practices, teachers seek to emphasize their authority and professionalism as transmitters of knowledge.

Blogger B01, for example, explains legal concepts in accessible language and connects them with current social issues. By introducing the fictional character “Zhang San, the Outlaw,” he transforms abstract legal provisions into concrete and readily understandable scenarios. Video titles such as “Does Zhang San Commit Copyright Infringement by Renting Out Textbooks?” and “Is an Illness Contracted While Working Overtime at Home Considered a Work-Related Injury?” respond to issues of public concern while reducing the difficulty of understanding legal knowledge.

Blogger B02, by contrast, transfers recordings of face-to-face classroom teaching directly to the screen. His neat blackboard writing, rigorous mathematical derivations, and measured use of humor make otherwise abstract and demanding university mathematics more engaging. Some viewers have even described his lectures as “more interesting than watching a television drama.” His videos also meet the needs of students seeking systematic learning and preparation for postgraduate entrance examinations. High numbers of likes and comments such as “The teacher explains everything so clearly” and “I’ve followed you—my postgraduate entrance examination now depends on you” essentially demonstrate audience recognition of the university teacher’s identity as an authoritative knowledge communicator.

The Approachable Academic Guide: The Strategic Repositioning of the “Back Region” within the “Front Region”

Goffman defines the “back region” as a private space in which performers may temporarily suspend their performance, relax, and remain beyond the direct observation of the audience [7]. In short-form video practices, however, university teachers deliberately reposition selected elements of the back region within the front region in order to construct a more approachable and reliable public persona.

The approachable academic guide typically combines the popularization of disciplinary knowledge with records of everyday life and guidance concerning young people’s personal development. Particular emphasis is placed on establishing emotional connections with viewers. In a video documenting her holiday activities, for example, blogger B18 displayed a lively personality outside the classroom, prompting favorable comments such as “She is so lively and adorable.” Similarly, B02’s Spring Festival vlog presented aspects of his everyday life beyond the lectern. Such videos allow audiences to see a more diverse and multidimensional side of university teachers, thereby reducing the psychological distance between teachers and viewers.

In addition, these teacher-content creators frequently address social issues that are of particular concern to contemporary young people, including excessive competition, personal well-being, attitudes toward marriage and childbearing, anxiety about academic qualifications, and the College English Test Bands 4 and 6. Although such topics tend to occupy a relatively marginal position in traditional classroom teaching, they have become important points of connection through which university teachers establish interactive relationships with younger audiences on short-form video platforms.

The Cross-Disciplinary Public Knowledge Communicator: Knowledge Translation and Identity Extension

The defining characteristic of the cross-disciplinary public knowledge communicator lies in the capacity for knowledge translation, understood here as the conversion of abstract and specialized concepts into forms of expression that are readily accessible to the general public. Teacher-content creators of this type often adopt an additional identity alongside their professional role as university teachers, such as that of a food blogger or stand-up comedy performer. Through this extension of identity, they challenge, to some extent, established stereotypes of university teachers.

Blogger D09 provides a representative example. Using restaurant visits and food-related experiences as a narrative framework, he introduces archaeological knowledge and combines the identities of archaeology professor and food blogger. Blogger B13, meanwhile, explains preventive medicine in the style of stand-up comedy, disseminating health-related knowledge through forms of expression that are familiar and appealing to the public.

These practices facilitate the translation of academic discourse into publicly accessible language. They also extend the field of knowledge dissemination from the university classroom to short-form video platforms, thereby generating the dual value of discipline-based education and public knowledge communication.

Impression Management: Three Pathways of Impression Management in Self-Presentation

Impression management refers to the efforts individuals make to present themselves in ways that encourage others to perceive them as they wish to be perceived [8]. On short-form video platforms, university teachers employ a range of impression-management strategies and consciously regulate the ways in which they present themselves to their audiences.

Idealized Performance: The Self-Regulation of Embodied Signs and Settings

Goffman notes that the personal front consists of such elements as clothing, gender, age, social status, physical appearance, manner, speech, facial expressions, and bodily conduct. When presenting themselves before others, individuals tend to conform to and embody values that are formally recognized within society. The self-presentation of university teachers on short-form video platforms follows the same pattern.

In an interview, blogger B02 explained that, after reviewing previously recorded videos, he found that plain or dark-colored clothing produced a more effective visual contrast with the blackboard. He therefore stopped wearing checked or brightly patterned clothing in subsequent recordings. In front of the camera, he also consciously restrained his bodily movements and subtle facial expressions in order to achieve a more idealized presentation. In the back region beyond the camera’s view, however, he admitted that he was “actually quite casual.”

He even brought his own cleaning cloth to class because minor marks on the blackboard appeared particularly conspicuous in the video frame. As

he explained, “My requirement is that the blackboard must be completely spotless; only then will the video achieve the desired effect.” These practices demonstrate that the idealized persona presented on screen is produced through the deliberate regulation of clothing, bodily behavior, facial expression, and the physical setting.

Performance-Team Coordination: The Collaborative Production of the Front-Region Persona

In Goffman’s terminology, a performance team is a group of individuals who cooperate closely to maintain a particular definition of the situation [10]. In short-form video production, the performance team includes not only the teacher appearing on camera but also camera operators, editors, and other production personnel who remain outside the frame. Together, they coordinate their activities in order to produce and maintain a favorable front-region persona.

As blogger B11 observed, speaking to the camera without immediate audience feedback can easily result in “performance fatigue.” Inviting someone to sit opposite the speaker, by contrast, helps recreate the interactive atmosphere of an actual classroom. This strategy reveals the presence of an otherwise invisible performance team in short-form video production. Individuals who do not appear on screen but contribute to filming, editing, audience simulation, and other forms of coordination are likewise important participants in impression management.

The public personas presented by university teachers in short-form videos are therefore not produced by the teachers alone, but through coordinated team effort. During the performance process, each team member assumes a particular role and contributes specific skills. Together, they work to deliver an idealized performance to the audience and thereby increase the social recognition of the teacher’s public persona [9].

Knowledge Translation: From Academic Discourse to Publicly Accessible Expression

On short-form video platforms, different self-media creators compete by mobilizing economic, cultural, and social capital of varying scales and qualities. Through this competition, they seek to accumulate the authority and credibility associated with symbolic capital, exercise symbolic influence over users who occupy relatively disadvantaged positions, establish a dominant discursive position within the field of user-generated media, and ultimately maximize their own interests [10].

University teachers are often associated with stereotypical public perceptions such as being “profoundly knowledgeable and capable of answering any question” or “highly educated, cultivated, and exceptionally talented.” Such perceptions are rooted in the considerable social respect traditionally accorded to higher education. When university teachers enter the short-form video field, the academic qualifications and professional status associated with their institutional identities grant them a certain degree of discursive authority within their areas of expertise. In other words, the cultural capital they possess constitutes an inherent advantage in their mediated self-presentation.

As Bourdieu argues, capital is a force inscribed in objective or embodied structures [11]. Compared with most grassroots creators on short-form video platforms, university teachers are therefore more likely to receive greater platform visibility and attract audience attention. Nevertheless, cultural capital alone cannot guarantee effective communication. A translational gap exists between specialized academic knowledge and public understanding. University teachers must therefore actively convert academic knowledge into forms of content that platform users can readily understand and accept.

Blogger B01, for example, transforms otherwise abstract and difficult legal knowledge into narrative form through the fictional character “Zhang San, the Outlaw.” Blogger D09 incorporates archaeological knowledge into videos structured around restaurant visits and food-related experiences. The essence of these strategies lies in converting academic knowledge into content that is accessible and appealing to platform users. In this way, university teachers adapt their communication to the operational and communicative logic of short-form video platforms while preserving the accuracy of the knowledge being disseminated.

Practical Implications: The Mediated Construction of the Teacher’s Role in the Digital Age

University teachers’ engagement with short-form video platforms represents not only a form of individual self-presentation but also a mediated construction of the teacher’s role in the digital age. The preceding analysis provides three implications for university teachers’ practices on short-form video platforms.

Establishing a Knowledge-Centered Orientation

The principal characteristics that distinguish university teachers from ordinary social media influencers are their disciplinary expertise and their capacity to

educate and foster personal development. Accordingly, the first principle of university teachers' engagement with short-form video platforms should be to establish a knowledge-centered orientation.

For most of the teacher-content creators included in the sample, their primary appeal lies in the explanation and popularization of knowledge grounded in their respective disciplinary backgrounds. Their popularity derives not only from their personal charisma but also, and more importantly, from the value of the knowledge they provide to their audiences.

A knowledge-centered orientation does not require teachers to exclude everyday-life content or entertaining forms of expression. The key is to ensure that entertainment supports knowledge dissemination rather than replacing it. When teachers have a clear understanding of their professional identity and communicative role, they are less likely to lose direction in the pursuit of platform traffic, audience attention, and online popularity.

Balancing Platform Visibility and Educational Responsibility

Short-form video platforms operate according to their own logic of traffic, attention, and visibility. University teachers who enter these platforms should neither disregard audience reach nor allow their practices to be entirely governed by the pursuit of traffic. Platforms should continue to improve their algorithmic mechanisms, provide users with greater access to high-quality content, and offer outstanding creators more opportunities for exposure [12].

Bloggers B01 and B02, both of whom have more than ten million followers, were able to reach audiences beyond their original professional and educational circles partly because of algorithmic amplification and the visibility provided by the platforms. As a result, not only the teachers themselves but also the knowledge they disseminated gained wider public recognition.

University teachers should therefore seek an appropriate balance between attracting audience attention and fulfilling their educational responsibilities. Platform traffic should be transformed into a resource for education and public knowledge dissemination rather than pursued as an end in itself.

Embracing Identity Flexibility in the Third Space

Short-form video platforms constitute a third space in which the virtual and the real converge and authenticity becomes intertwined with performance. Within this space, teachers are neither simply "transmitters of knowledge at the lectern" nor merely "ordinary individuals in everyday life." Rather, they develop a negotiated hybrid identity through the continuous interaction between these two roles.

Embracing this identity requires teachers to achieve an appropriate integration of their professional and personal personas. Blogger D09, for example, is both a professor of archaeology and a food-review content creator. Although these two identities may initially appear incompatible, they coexist and reinforce one another within the third space of short-form video platforms.

This phenomenon suggests that university teachers need to move flexibly among different contexts, including short-form video platforms, traditional classrooms, and academic research. They should adjust the focus and mode of their self-presentation in accordance with the characteristics, communicative expectations, and professional requirements of each context.

Conclusion

Based on an analysis of the short-form video content produced by 23 university teacher-content creators on Douyin and Bilibili, this study identifies three predominant public personas: the authoritative knowledge communicator, the approachable academic guide, and the cross-disciplinary public knowledge communicator. It further shows that university teachers employ three principal pathways of impression management: idealized performance, performance-team coordination, and knowledge translation. In addition, feedback from comment sections can inform and improve teaching practice, thereby generating a constructive cycle of "performance–feedback–adjustment."

On the basis of these findings, the study proposes three practical implications for university teachers' engagement with short-form video platforms, with the aim of supporting more effective and responsible media practices in this field. At a time when the modes of knowledge dissemination are undergoing profound transformation, how university teachers can remain committed to their fundamental educational mission while confidently adapting to changes in the media environment remains an important issue requiring continued scholarly attention.

Литература

1. Китайская конференция по сетевому аудиовизуальному контенту. Основные результаты «Исследовательского доклада о развитии сетевого аудиовизуального контента в Китае (2025)» [Электронный ресурс]. – Опубликовано 26.03.2025. – Дата обращения: 02.02.2026. – URL: <https://www.vidchina.cn/outcome/46>

2. Линь Фэн. Мобильные короткие видео: репрезентация визуальной культуры, идеологические модели и перспективы дальнейшего развития // Вестник Хайнаньского университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – Т. 37, № 6. – С. 144–149

3. Ван Яшуан, Ван Чжихань. Какие формы преподавания в большей степени способствуют вовлечённости магистрантов в онлайн-обучение? Анализ на основе результатов опроса студентов 26 вузов провинции Цзянсу // Высшее образование Цзянсу. – 2023. – № 8. – С. 79–89.

4. Гао Ян. Образовательные последствия распространения «псевдо-знаний» в эпоху Интернета и способы противодействия им // Теория и практика образования. – 2020. – Т. 40, № 20. – С. 8–10.

5. Лю Лэй, Янь Цзяньчжан. Анализ и реконструкция образа преподавателя высшей школы в Китае с позиций теории социальной структуры // Высшее образование Цзянсу. – 2025. – № 9. – С. 55–62.

6. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. на кит. яз. Фэн Гана. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2008. – С. 8, 20, 89, 94.

7. Ван Шуцин, Тун Юэхуа, Су Ся. Самопрезентация в социальных сетях и самоидентичность студентов вузов // Вестник Цзинаньского университета. Серия: Общественные науки. – 2022. – Т. 32, № 3. – С. 136–143.

8. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. на кит. яз. Фэн Гана. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2016.

9. Ван Шэн, Чэнь Юаньюань, Жэнь Лицзюань. Самопрезентация образа библиотекаря на платформах коротких видео // Исследования в области библиотековедения. – 2024. – № 1. – С. 59–67.

10. Шао Ин. Социальное влияние участия преподавателей вузов в сетевых самомедиа и механизмы его формирования: с позиций символического капитала и символической власти // Современная педагогическая наука. – 2019. – № 12. – С. 13–17.

11. Бурдьё П. Культурный капитал и социальная алхимия: интервью с Пьером Бурдьё / пер. на кит. яз. Бао Ямина. – Шанхай: Шанхайское народное издательство, 1997. – С. 189.

12. Китайская интернет-платформа для студентов вузов. Когда всё больше преподавателей вузов начинают работать на платформах коротких видео [Электронный ресурс]. – Опубликовано 29.10.2021. – Дата обращения: 16.03.2026. – URL: <https://dxs.moe.gov.cn/zx/a/jj/211029/1734874.shtml>.

SELF-PRESENTATION AND IMPRESSION MANAGEMENT: UNIVERSITY TEACHERS' MEDIA PRACTICES ON SHORT-FORM VIDEO PLATFORMS

Lv Chunxiang

Xinjiang Normal University

This article examines the self-presentation and impression-management practices of university teachers on short-form video platforms. The study is theoretically grounded in Erving Goffman's dramaturgical approach and employs online ethnography as its primary research method. The empirical material comprises content produced by 23 university teacher-content creators on Douyin and Bilibili. The findings identify three principal public personas constructed by teachers in the digital media environment: the authoritative knowledge communicator, the approachable academic guide, and the cross-disciplinary public knowledge communicator. Impression management is achieved through idealized presentation, performance-team coordination, and the translation of academic knowledge into forms accessible to a general audience. User comments are also shown to contribute to the adjustment of teaching practices, generating a cycle of "presentation–feedback–adaptation." The study concludes that university teachers should maintain a knowledge-centered orientation, balance platform visibility with educational responsibility, and develop greater flexibility in their professional identities.

Keywords: University Teachers, Short-Form Videos, Self-Presentation, Impression Management, Dramaturgical Approach.

References

1. China Online Audiovisual Conference. Key Findings of the Research Report on the Development of China's Online Audiovisual Industry (2025) [Electronic resource]. Published 26 March 2025. Accessed 2 February 2026. Available at: <https://www.vidchina.cn/outcome/46>.

2. Lin F. Mobile short-form video: Visual cultural representation, ideological patterns, and future development prospects // Journal of Hainan University (Humanities and Social Sciences). 2019. Vol. 37, No. 6. P. 144–149.

3. Wang Yashuang, Wang Zhihan. Which teaching method can better promote master's students' engagement in online learning? An analysis based on survey data from students at 26 universities in Jiangsu Province // Jiangsu Higher Education. 2023. No. 8. P. 79–89.

4. Gao Yang. The educational impact of the proliferation of "pseudo-knowledge" in the Internet era and possible responses // Theory and Practice of Education. 2020. Vol. 40, No. 20. P. 8–10.

5. Liu Lei, Yan Jianzhang. Analysis and reconstruction of the image of university teachers in China from the perspective of social structure theory // *Jiangsu Higher Education*. 2025. No. 9. P. 55–62.

6. Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life* / translated into Chinese by Feng Gang. Beijing: Peking University Press, 2008. P. 8, 20, 89, 94.

7. Wang Shuqing, Tong Yuehua, Su Xia. Self-presentation on social networking sites and university students' self-identity // *Journal of the University of Jinan (Social Sciences Edition)*. 2022. Vol. 32, No. 3. P. 136–143.

8. Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life* / translated into Chinese by Feng Gang. Beijing: Peking University Press, 2016.

9. Wang Sheng, Chen Yuanyuan, Ren Lijuan. Self-presentation of librarians' images on short-form video platforms // *Research on Library Science*. 2024. No. 1. P. 59–67.

10. Shao Ying. The social impact and mechanisms of university teachers' participation in online self-media: From the perspective of symbolic capital and symbolic power // *Contemporary Education Sciences*. 2019. No. 12. P. 13–17.

11. Bourdieu P. *Cultural Capital and Social Alchemy: Interviews with Pierre Bourdieu* / translated into Chinese by Bao Yaming. Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 1997. P. 189.

12. China University Student Online. When an increasing number of university teachers join short-form video platforms [Electronic resource]. Published 29 October 2021. Accessed 16 March 2026. Available at: <https://dxs.moe.gov.cn/zx/a/jj/211029/1734874.shtml>

Переписка М.А. Мамедханлы (Мамедханова) с Л.Н. Толстым в свете новых архивных материалов

Малкина Алла Владимировна,

магистр теологии и религиоведения, старший преподаватель, ОЧУВО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»

E-mail: almalik_75@mail.ru

В статье впервые вводятся в научный оборот новые архивные материалы из Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве (ГМТ), связанные с интересом Л.Н. Толстого к вере бахаи – письма личного переводчика Абдул-Баха, азербайджанского инженера-бахаи из Баку, Мирзы Алекпера Мамедханлы (Мамедханова) (1875–1920) – первого переводчика на русский язык двух поздних Скрижалей Бахауллы («Восхождение» и «Отблески»). Эти скрижали содержат основные доктрины вероучения бахаи. Его перевод скрижали «Восхождение» до сих пор остается единственным на русском языке. Публикация писем Мамедханлы позволяет наиболее полно воссоздать исторический контекст, прояснить «белые пятна» в эпистолярном наследии Толстого. Несмотря на критическое отношение писателя к присланным переводам Мамедханлы, в 1910 году он смягчает свое отношение. Разделив этические принципы бахаи, Толстой отказался признать Пророков как Явителей Бога и веру бахаи как истинную новую мировую религию, понимая «истинную религию» как сам процесс ее поиска.

Ключевые слова: вера бахаи, Бахауллы, Мирза Алекпер Мамедханлы (Мамедханов), Л.Н. Толстой, Скрижаль «Восхождение», Скрижаль «Отблески», эпистолярное наследие.

В изучении рецепции Л.Н. Толстым ориенталистики важнейшей, но малоисследованной темой остается его отношение к монотеистической вере бахаи, провозглашенной Бахауллой (мирзой Хусейном-Али-и-Нури) (1817–1892) в 1863 году в Каджарском Иране. Как известно, «в книге «Китаб-и-Агдас» («Наисвятая книга») Бахауллы изложил новое универсальное вероучение, основанное на покорности властям, отказе от различных предрассудков и суеверий, нравственности и необходимости всеобщего образования, единстве науки и религии и единстве человечества»¹. Идеи бахаи включили важность образования как важнейшего духовно-нравственного ориентира, что также оказалось созвучным взглядам Толстого.

Начало работы с архивными материалами, хранящимися в Государственном музее Л.Н. Толстого, было положено нашей обзорной статьей и публикацией двух писем И.А. Гриневской². Важнейшее место в изучении данной проблематики занимает переписка писателя с Мирзой Алекпером Мамедханлы (Мамедхановым) (1875–1920) – инженером-бахаи из Баку, который по поручению Абдул-Баха³ инициировал переписку и продолжал знакомить великого русского писателя с учением бахаи, прислал в Ясную Поляну собственные переводы двух скрижалей Бахауллы «Восхождение» и «Отблески». Его настоящее имя – Али Акбар Нахджавани. Уважаемый и авторитетный бахаи, личный переводчик Абдул-Баха, сопровождавший его в поездках по Европе и Америке (1911–1912) вел переписку с Толстым с 1 сентября 1909 г. до 18 февраля 1910 г. Сохранилось его четыре письма, хранящиеся в Государственном музее Л.Н. Толстого.

В первом письме от 1 сентября 1909 г. он сообщает о своих контактах с другими бахаи, с которыми был знаком Толстой. В частности, с Ипполитом Дрейфусом – автором перевода «Китаб-и-Иган» на французский язык и Габриэлем Саси – известным деятелем движения баби в Египте. К письму прилагался рукописный перевод речи Абдул-Баха «Воззвание к беахистам Востока и Запада», выполненный Мамедханлы специально для Толстого. В ответном письме от 22 сентября 1909 года писатель упомянул о желании написать собственную книгу о Бабе и бахаи для серии «Общедоступное изложение жизни и учений мудрецов»⁴.

Со вторым письмом от 10 октября Мамедханлы прислал свой перевод скрижали Бахауллы «Лох. Восхождение»⁵ и послания Абдул-Баха «Письма к Huveit (к одной американской беахистке)»⁶. Его переводы, публикуемые нами впервые, были раскритикованы Толстым в письме к Ф.А. Желтову 12 октября. Вместе с третьим письмом 24 ноября Мамедханлы отправил свой перевод скрижали Бахауллы «Лаух. Отблески»⁷ и выразил желание прислать свою новую книгу «О Бабе, Беах-Улле и Абдул-Беах», которая должна была «на днях выйти из печати»⁸. Свое желание знакомить Толстого с учением бахаи он связывал с его планом написать собственную книгу «О Бабе и Баха-Улле»⁹ и просил передать ему право на издание этой будущей книги и написать об условиях: «Надеюсь, если возможно будет в этом удовольствии мне не откажете»¹⁰. Но его переводы были вновь раскритикованы Толстым: «Очень сожалею, что не могу признать значительными присланные вами мысли. Все это совершенно бессодержательно. Вообще,

¹ Малкина А.В., Касимова Р.И.К. Вера бахаи в отечественном востоковедении и ее влияние на представителей культурной элиты XIX – нач. XX вв. // Человек. Социум. Общество. 2024. S9. С.44–52.

² Малкина А.В. Мистика бахаи и Л.Н. Толстой в свете новых архивных материалов: pro et contra // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11(139). С.162–168. Он же. Переписка И.А. Гриневской с Л.Н. Толстым: новые архивные материалы // Человек. Социум. Общество. 2026. № 7. С. 42–48.

³ Абдул – Баха (Аббас-эфенди) (1844–1921) – старший сын Бахауллы, возглавлявший общину после его смерти с 1892 по 1921 гг.

⁴ Письмо Л.Н. Толстого к М.А. Мамедханову // Толстой Л.Н. ПСС. Т. 80. М., 1955. С. 103.

⁵ Беах-Улла. Лох. Восхождение // ГМТ. Ф.1. КП-4502. Инв.51800/2. 4 лл.

⁶ Абдул-Баха Абас Эфенди. Письма к Huveit (к одной американской беахистке) // ГМТ. Ф.1. КП-4502. Инв.№ 51800/3. 4 лл.

⁷ Беах-Улла. Лаух. Отблески // ГМТ. Ф.1. КП-4502. Инв. № 51801/2. 2 лл.

⁸ Письмо А. Мамедханлы к Л. Толстому // ГМТ. Ф.1. КП-4502. Инв.№ 51801/1. Л.1

⁹ Там же. Л.1об.

¹⁰ Там же.

чем больше я знакомлюсь с беахитским учением, тем менее ценю его, и потому едва ли составлю о нем книгу»¹. В «Дневнике» сохранилась запись Маковицкого: «1 декабря Лев Николаевич говорил о какой-то бабистской книге «Лучи» [первая строка «Лох. Восхождение» – прим. А. М.], что это восточная риторика без содержания»².

Несмотря на разочарование, контакты Толстого с бахаи продолжались. Писатель планировал поместить во вторую серию «Круга чтения» книгу о Бахаулле, а неприятное впечатление от переводов Мамедханлы было преодолено разъяснительным письмом бахаи из Решта П. Полизоиди, написанным 28 декабря. В нем подробно излагалось учение бахаи. 14 января 1910 г. Толстой отправил положительный ответ и благодарность «за интересные и важные сведения о беахистах»³ и выразил готовность встретиться с переводчиком Абдул-Баха доктором медицины Йонессом Каном (Ханом). 26 января в письме к бакинскому учителю – бахаи Али Касимову Толстой сообщил о невозможности для себя признать роль «пророков человечества» как Посланников Божиих: «непогрешимость пророков учителей бахаизма и еще некоторые подробности»⁴. «Приписывание особенного пророческого значения некоторым людям, как Моисею, Христу, Кришне, Будде, Магомету и Бахаулле и многим, многим другим, есть одна из главных причин разъединения людей и вражды их. И потому такое приписывание значения отдельным лицам есть дело противное Богу и великий грех»⁵. Последнее четвертое письмо Мамедханлы отправил 10 февраля, в котором утверждал: «действительно Беах-Улла нам нового ничего не дал, кроме «Божественного Дома Справедливости», но зато он старое преподнес в новой оболочке»⁶, как и предыдущие учителя человечества, заслугой которых является практическое осуществление учения. Вместе с письмом он прислал свою новую книгу: «Посылаю Вам мое новое произведение «Баб, Беах-Улла, Абдул-Беах» надеюсь уделите время прочесть ее»⁷. Сохранился черновой автограф Толстого от 18 февраля на конверте с выражением благодарности за книгу⁸. 19 февраля Йонесс Кан прислал Толстому книгу М.Г. Фелпса⁹ об Абдул-Баха, которая была прочитана (экземпляр с пометами хранится в Яснополянской библиотеке) и оценена положительно, что следует из черновика-ответа от 23 февраля, написанного по-французски: Толстой признался в желании «написать популярную книгу о прекрасном учении Аббаса Эффенди»¹⁰. Из полученной им 11 мая 1910 года новой книги армянского писателя А. Аракеляна «Бабизм»¹¹ Лев Николаевич «узнал новые для него вещи»¹² и рекомендовал ее к переизданию в «Библиотеке для чтения». 15 мая в беседе с членом общества оккультистов Матвеевым Толстой высказался о вере бахаи: «Очень глубокое [учение], я ни одного не знаю такого глубокого»¹³. После продолжительной болезни 10 июня 1910 года писатель «много читал о беахизме с дурным чувством, обращенным на себя»¹⁴, 14 июня выразил желание молиться, которое не было связано с конкретной конфессией, сказав: «Соединяет только одна религия – одно понимание жизни. Но религии такой нет – как церкви или Беахисты, а только стремление к такой единой религии».

Публикуемые нами письма впервые вводятся в научный оборот и приводятся в авторской редакции в соответствии с правилами современного русского языка. Комментарии и примечания выполнены Малкиной А.В.

М. А. МАМЕДХАНЛЫ – Л. Н. ТОЛСТОМУ Л.1.

г. Баку, 1 сентября 1909 г.

Ваше Сиятельство, Лев Николаевич!

Будучи в «Асче» Акке (Турция) я слышал, что днем раньше до моего приезда, Абдул Беах, Абас Эффенди (сын Беах Улла), во время проповеди между прочим, восхваляя простую и не роскошную жизнь, хвалил Ваш образ жизни, в особенности отвод Ваших собственных земель по собственному Вашему желанию крестьянам¹⁵. Тогда я был принят Абдул Беах, говоря о Вас я рассказал ему, что лет 10 тому назад, одному Кавказскому магометанину из г. Нухи¹⁶, по имени Мешади Касум, посетившему Вас и выразившему ... принять Ваше учение, как будто Вы сказали следующее: «если Вас не удовлетворяет учение Магомета, примите Учение Беах-Уллы» и этот господин приехав на Кавказ принял означенное учение (он сейчас жив и живет в Тифлисе, считается одним из убежденных беахистов). Далее рассказал Абдул-Беаху, как в прошлом году был у вас один беахист, бывший еврей, некто Азизулла¹⁷ и по приезде в Баку просил меня, чтобы я послал Вам переводы из учений Беах-Уллы, а потому спросил его разрешает-ли он Абдул-Беаху посылать Вам эти переводы, на что последовало разрешение. Посему имея великое желание в будущем послать Вашему Сиятельству мои переводы, просил бы не отказать мне в этом удовольствии; сегодня посылаю вам мой первый перевод из речей Абдул-Беахи под названием «Воззвание к беахистам Востока и Запада»¹⁸. Из Акки потом я поехал в Каир, там я узнал, что некогда господин Соси¹⁹ писал Вам об этом учении, что он писал я не мог узнать, так как его не было в живых. Приехав же в Париж, я у господина Ипполита Дрейфуса²⁰ видел Ваше собственное ручное письмо, из содержания коего я узнал, что Ваше Сиятельство, действительно интересуетесь этим учением. Ныне, работая, перевода с персидского и арабского на русский некоторые изречения из учений Беах-Уллы и посылая их вам, я льщу себя в награду надеждой, что хоть отчасти могу быть Вашему Сиятельству полезным, доставляя Вам точные сведения об этом интересном учении, зародившемся, в начале в Персии, но в короткое время распространившееся //

Л.10б. и имеющее своих последователей среди англичан, французов, германцев, американцев, индейцев, русских, турок и даже японцев.

В ожидании Ваших приятных и желанных ответов честь имею быть всегда к Вашим услугам нижайший служитель беахизма

Мирза-Алекпер Мамедханов.

Адрес: Бондарная, 70
Баку.

М. А. МАМЕДХАНЛЫ – Л. Н. ТОЛСТОМУ²¹

Л.1. 10 октября 1909 г.

Многопочитаемый Лев Николаевич!

Неделю тому назад я послал Вашему Сиятельству некоторые материалы о .. Бабе и Беах-Улле и надеюсь уже получили.

Ныне при сем посылаю «Лохи» Восхождение от Беах-Уллы и бандеролью книгу «Имамат» от г. Атрапета²². Он про «Баба и Беах-Улла» пишет отчасти правильно, но жаль его ввели в заблуждение относительно уважаемого Абдул-Беах; посылая эту интересную книгу, я от себя приложил «разъяснение» по поводу статьи г. Атрапета «Азалиты и Акпериты», но сознаюсь, что мое разъяснение очень краткое и не довольно ясное, поэтому я в точности перевел эту статью на персидский и посылаю Абдул Беах, как получу его возражение немедленно пошлю и Вам.

¹⁵ По просьбе Абдул-Баха (1844–1921) в 1902 году бахаи – купец из Мешхеда Азиз-Аллах Джаззаб (1841–1935) встретился с Л.Н. Толстым в Ясной Поляне 17 сентября 1902 года.

¹⁶ Старинное название г. Шеки в Азербайджане до 1968 г.

¹⁷ Речь идет о еврее, принявшем веру бахаи Азиз-Аллахе Джаззабе.

¹⁸ Послание Абдул-Баха «Воззвание к бахаи Востока и Запада» вошло в цикл «Таблицы Божественного плана» (1916–1917) и содержит призыв к духовному объединению человечества.

¹⁹ Речь идет о Габриэле Саси.

²⁰ Ипполит Дрейфус – парижский адвокат – бахаи. Его труд «Essai sur le Behaisme son histoire, sa portee sociale, par Hippolite Dreyfus» («Опыт истории беахизма и его общественное значение»), Paris, 1909 Толстой послал И.И. Горбунову – Посадову 14 мая 1909 года, указав в письме «Еще посылаю Вам Беахистов, французскую книжку. Вся книжка плоха, но можно воспользоваться кое-чем для той переведенной с английского. Тогда же вписать непременно надо прекрасное место на стр. 79–80» (Толстой Л.Н. Письмо к И.И. Горбунову – Посадову // Толстой Л.Н. ПСС: в 90 тт. Т. 79. М.: Гос. издат. «Художественная литература», 1955. С.193–194). Перевод английской книги сделан С.А. Толстой с неуставленного издания и издан в просветительском альманахе «Календарь для каждого» (1911) под редакцией И.И. Горбунова – Посадова под названием «Персидские мудрецы: Баб и Бага – Улла. Перевод с английского» (с. 125–132).

²¹ Письмо А. Мамедханлы к Л.Н. Толстому от 10 октября 1909 г. // ГМТ. КП 4502. Инв. № 51800–Б; 8046–А 1л.

²² Речь идет о книге: Артпет (Саркис Мубаеджян) Имамат. Страна поклонников имамов. (Персидское духовенство). Адрианоуполь: типо-лит. «Ширак», 1909. 208 с.

¹ Письмо Л. Толстого к А. Мамедханову // Толстой Л.Н. ПСС. Т. 80. С. 219.

² Маковицкий Д.П. У Толстого. 1904–1910 // Яснополянские записки: в 5 кн. Т. 5. М.: Наука, 1981. С. 119.

³ Письмо Л. Толстого к П. Полизоиди // Толстой Л.Н. ПСС. Т. 81. С. 48.

⁴ Там же. С.78.

⁵ Письмо Л. Толстого А.А. Касимову // Толстой Л.Н. ПСС. Т. 81. С. 77.

⁶ Письмо А. Мамедханлы к Л. Толстому // ГМТ. Ф.1. КП-4502. Инв.51802/1. Л.1–10б.

⁷ Там же. Л.2.

⁸ Записки путешественника. Баб, Беах-Улла / Сост. М.А. Мам-лы. 2-е изд. испр. Баку, 1909. 55 с.

⁹ Phelps M.H. Life and Teaching of Abbas Effendi. A study of the religion of the Babis or Bahais / Introd. by E.G. Brown. New York-London: Knickerbocker press, 1903. 259 p.

¹⁰ Письмо Л. Толстого к И. Кану // Толстой Л.Н. ПСС. Т. 81. С. 77.

¹¹ Артпет. Мамед-Али-Шах. Народное движение в стране Льва и Солнца. Александрия, тип. Ширик, 1909. 208 с.

¹² Маковицкий, 1979. С. 251.

¹³ Там же. С.255.

¹⁴ Толстой Л.Н. Дневники и записные книжки (1910) // Толстой Л. Н ПСС. Т. 58. С. 62.

Остаюсь нижайшим почтением смиренный
Ваш слуга А. Мамедханлы

Посылаю перевод 1 письма Абдул Бехи к 1 американке.

М. А. МАМЕДХАНЛЫ – Л. Н. ТОЛСТОМУ¹

Л.1.

Баку. 24 ноября 1909 года.

Многопочитаемый Граф Лев Николаевич!

Присланную Вами брошюру на татарском языке я получил, также получил Ваше почтенное письмо от 18 сего ноября. Очень и очень благодарю Вас за Ваше благосклонное ко мне внимание.

При сем посылаю Вашему Сиятельству «Лоух Отблески» Беха-Уллы, еще пошлю Вам и в будущем и другие Его изречения.

А также пошлю вам мою книгу «О Бабе, Беха-Улле и Абдул-Бехе»², которая печатается и на днях выйдет из печати.

Вы представить себе не можете, Многоуважаемый граф, до чего //

Л.1об. жду я с нетерпением Вашу новую книгу «о Бабе и Беха-Улле», о которой Вы мне писали, что желаете ее издать, но с другой стороны, день и ночь молюсь Богу, чтобы у Вас не вкралась бы историческая или другая какая-либо ошибка, поэтому я стараюсь елико возможно познакомить Вас с настоящим учением и посылаю Вам все что могу достать на русском и французском языках.

Многопочитаемый Граф! Напишите, ради Бога, не передадите ли право издания Вашей будущей книги «о Бабе и Беха-Улле» мне? А если передадите, то на каких условиях. Надеюсь, если возможно будет, в этом удовольствии мне не откажите.

Л. 2. В ожидании Вашего приятного ответа, остаюсь преданный Ваш слуга

Мирза Алекпер Мамедханлы.

24 ноября 1909 г.

г. Баку, Бондарная 70.

М. А. МАМЕДХАНЛЫ – Л. Н. ТОЛСТОМУ³

Л. 1. 10 февраля 1901 г.

Глубокоуважаемый Граф Лев Николаевич!

Все жители мира мало-мальски понимающие уважают вас и от души желают Вам добра и здоровья, но Вы отлично знаете, что они уважают Вас потому, что высказываемые Вами мысли не идут в разрез с их понятиями. Между жителями мира Вы не найдете ни одного беахиста, чтобы они от души и беспристрастно не уважали бы Вас, а главная причина тому та, что Великий Учитель Беха-Улла, равно 60-ый год, внушает нам: «любить ближнего как самого себя, а в особенности уважать мыслителей».

Л. 1об. Поэтому мы, беахисты, как только узнали, что Вы больны, горячо помолились Богу о Вашем здоровье и долголетию.

Ваше дорогое, но декабрьское письмо я получил, оно еще больше убедило меня в учении беахизма, ибо действительно Беха-Улла нам нового ничего не дал, кроме «Божественного Дома Справедливости». Но за то он старое преподнес нам в новой оболочке, точно таким же образом поступили: Будда, Брама, Заорест⁴, Моисей, Иисус⁵ и Магомет. Ведь заслуга вышесказанных Учителей⁶ заключается не в том, что они дали нам что-нибудь новое, а в том, что они их применили в практике, а не лишь идеей.

Л. 2. Посылаю Вам мое новое произведение «Баб. Беха-Улла и Абдул-Беха». Надеюсь, уделите время прочесть его.

С совершенным почтением преданный Ваш слуга М. А. Мамедханлы.

Из Баку 1910

Бондарная, 70.

Бахаулла

**Лох. Восхождение
(перевод Алекпера Мамедханлы)**

Л.1. Угнетенный⁷ всеми повелевает:

Лучи справедливости погасли, Солнце правосудия вошло под облака, на местах покровителей и защитников сидят грабители, на крес-

¹ Письмо А. Мамедханлы Л.Н. Толстому от 24 ноября 1909 г. // ГМТ. КП 4502. Инв. № 51801/1. 2лл.

² Беха- Улла, Баб. Записки путешественника / сост. М.А. Мамедханлы. 2-е изд., испр. Баку: тов-во Кавказского печатного дела «Каспий», 1909. 96 с.

³ Письмо А. Мамедханлы Л.Н. Толстому от 10 февраля 1910 г. // ГМТ. КП 4502. Инв. № 51802/18115 А. Л.1.

⁴ Речь идет о Зороастре.

⁵ В написании Мамедханлы – старообрядческое написание имени Иисуса Христа.

⁶ В вере бахаи все перечисленные основатели религий признаются как Пророки и Учителя человечества.

⁷ Скрижаль была написана во время последнего этапа земного служения Бахауллы – заточения в темнице в Акке.

лах безопасных лиц заседают изменники: в прошлом году от правительства правил этим городом (Акка) какой-то тиран⁸, ежеминутно зловредничал, клянусь жизнью, от его проделок создавались великие бедствия, но все-таки Высочайшего пера⁹ не могли заставить замолчать тиранства всего мира, а также не будут в состоянии и в будущем.

Для совершенства и сострадания, повелителям и министрам пишется все это, чтобы они создавали бы на земле: защитничество, безопасность и воспитание, от чего бы люди могли бы освободиться из рук тиранов, ибо Бог Защищающий Укрывающий и Побеждающий.

Члены Бога¹⁰ и Дома Справедливости¹¹ должны днем и ночью стараться осуществлять все то, что написано Небесным пером: о воспитании людей, //

Л. 1об. о заселении городов, о защитничестве и о не уронении достоинства ни одного лица.

1) Когда Солнце мудрости¹² поднялось с горизонта неба властительства оно произнесло это великое слово: следует всем людям, обладающим богатством, почетом и властью отнестись к религии с возможно лучшим в мире покровительством.

Религия – это свет явный и неприступная крепость для сохранности и благополучия народов, так как страх Божий повелевает людям то, что угодно Богу и запрещает то, что предосудительно.

Если светильник религии будет завешан, то смута и беспорядок проложат себе путь, а светило справедливости и равноправия, и солнце уверенности и спокойствия будут лишены света. Каждый свидетельствовал и свидетельствует о сказанном.

2) Мы все дали повеление о величайшем мире главнейшем средстве для сохранности рода человеческого. Должно властителям стран, всем единодушно держаться этого повеления, великого орудия для спокойствия и сохранности мира. Государи суть проявления Власти и воплощения Могущества Бога. Молим Его, чтобы Он //

Л.2. помог бы им в том, что ведет к благополучию рабов. Относительно этого были даны и ниспосланы высочайшим Пером разъяснения и раньше, благо выполняющим¹³.

3) О выполнении пределов. Оно есть главнейшее средство для жизненности мира. Небо Божественной мудрости освещается двумя светильниками: совещанием и любовью. Шатер благоустройства мира покоится на двух устоях: возмездии и вознаграждении.

4) Победоносные воины настоящего учения есть похвальные деяния и нравы. Вождем этого воинства всегда была богобоязненность. Он, Владыка и Правитель всего.

5) Всеправительства, необходимо должны быть осведомленными о делах чиновников, и соответственно и равномерно назначать должностных лиц. На это обращать внимание обязан каждый претендент и Государь. Тогда, быть может, предатель не будет насильствовать места верного, а грабитель – оберегающего.

В величайшей темнице некоторые из правителей, которые туда назначают, слава Богу, были укрошены узором справедливости. Некоторые <...>. Ищем убежище у Бога и молим Его, да даст Он Свое руководство всем: быть может люди не будут //

Л. 2об. лишены плодов дерева безопасности и религиозности и не будут устранены от лучей солнца справедливости и беспристрастия.

6) Должно быть единение и согласие между рабами Бога. Всегда лучи согласия в деле Бога освещали мир земной, средством для этого служит знание писмен и речи один другого.

Ранее в Скрижалях мы велели, чтобы члены Дома Справедливости Бога избирали бы один из существующих или новый язык и одно письмо из существующих и обучали бы им детей в школах мира¹⁴, дабы

⁸ Речь идет о правлении султана Абдул-Азиза (1861–1876), подписавшего строгий указ о пожизненном тюремном заключении Бахауллы.

⁹ Бахауллу.

¹⁰ Члены Бога – 9 человек – члены Всемирного Дома Справедливости, избираемые каждые 5 лет на Международном съезде бахаи.

¹¹ Дом Справедливости впервые упоминается в «Китаб-и-Агдас» и поздних Скрижалях. Имеется в виду Всемирный Дом Справедливости, о котором указывается в «Завещании» Абдул-Баха – верховный административный орган бахаи, который был впервые избран 21 апреля 1963 года. Его резиденция находится на г. Кармель в Хайфе.

¹² Бахауллу.

¹³ Речь идет о «Посланиях к монархам и правителям» Бахауллы, написанном в 1868–1870 гг., в которых звучит призыв к главам государств прекратить войны, установить всеобщий мир и социальную справедливость.

¹⁴ В вере бахаи единство вспомогательного языка составляет один из 12 этических принципов для объединения человечества. Абдул-Баха высоко оценивал создание эсперанто как универсального средства общения, но он не был закреплен в качестве официального. В настоящее время английский язык принят как lingua franca – язык международного общения.

мир явился бы одной родной и одной частью света. Светлейшая ягода дерева познания есть эти слова:

Все Вы ветви одного дерева и листья одного разветвления.

Нет славы тому, кто любит лишь свое отечество, – тому, кто любит весь мир¹. Ранее по этому поводу было ниспослано то, что послужит для процветания мира и единства народов. Благо постигнувшим и благо выполнившим.

7) Высочайшее перо завещает всем обучение и воспитание детей. Относительно этого в Kitabе– Акдесе² еще вскоре после прибытия в темницу, были ниспосланы от неба Божественной воли изречения: «Каждому отцу предписано обучать своих детей, сыновей и дочерей, наукам и письму и кроме этого тому, что определено в Книге, кто же не исполнит этого повеления, то члены //

Л. 3. Дома Справедливости Бога, пусть возьмут от него то, что необходимо для их воспитания, если он богат; если же беден, пусть воспитание возлагается на Дом Справедливости, ибо мы его сделали убежищем для бедных и неимущих³. Поистине тот, кто воспитывает своего дитя или детей других лиц, тот как бы воспитывает моего сына, над ним да будет мой блеск, промысел и милость мои, которые предшествуют мирам.

8) Нижеследующее начертано в эту минуту Высочайшим пером и должно приобщаться к Kitabе– Акдес:

Общественные дела относятся к людям Дома Божественной Справедливости, они суть доверенные Бога среди рабов Его и источники повеления в Его странах. О племя Божие! Справедливость есть воспитательница мира, так как она обладает двумя столпами: возмездием и вознаграждением. А эти два столпа суть два источника для жизни людей, так как для каждого дня и каждого века необходимы приказания и распоряжения, то поэтому заведование делами отнесено к Дому Справедливости. чтобы они делали то, что признают согласным с требованием //

Л. 3 об. времени. Люди, которые Бога ради воспрянули для служения делу, вдохновлены тайным Божественным духом, и все должны повиноваться им. Дела общественные целиком относятся к Дому Справедливости, а богослужебные так управляются, как ниспослано в Книге. О люди Беха! Вы являетесь восходом любви и зари Промысла Божьего. Да не замарают ни один из Вас язык бранью и проклятиями, а очи охраняйте от всего недостойного. Чем Вы обладаете показывайте, если понравится людям – цель достигнута, в противном случае вражда тщетна, представьте его самому себе.

О напавшиеся к Богу Бдящему и Нерушиму! Не будьте причиной огорчения, не то, что возбуждения смуты и раздора.

Мы надеемся, что Вы воспитаете под сенью благосклонного Дерева Бога и будете поступать так, как пожелал Бог, Вы все ведь листья одного дерева и капли одного моря.

9) Вера Божия и религия Божия с неба воли Владыки Предвечности ниспослана и появилась ради единения и согласия народов, не делайте ее орудием раздора и вражды. Божественная Религия и Божий Закон суть величайшее средство и главная причина для появления и блистания светила единства. Рост мира, воспитание народов, благополучие рабов и спокойствие вытекают из основных за //

Л. 4об. конов и устремлений Бога. Она религия есть величайший повод для этих величайших даров. Она дарует чашу жизни, вечную жизнь и вечные блага.

Владыки земные и в особенности члены Дома Справедливости⁴ да проявляют полное старание для обеспечения, возвышения и сохранности дела, и чтобы они также старались бы по мере необходимости расследовать дела подданных и быть сведущими в делах и поступках каждого племени.

Мы требуем от правителей, царей и президентов, чтобы постарались бы, быть может, трудами их раздоры исчезнут, и страны освещаются светом согласия. Всем должно держаться и выполнять то, что истекло из Высочайшего Пера. Бог и все твари свидетельствуют, что мы упомянули о том, что служит для возвышения, вознесения, воспитания, сохранности и улучшения положения жителей земли, а также все то, что ниспослано Высочайшим Пером в псалмах и скрижалях, молитв Бога, дабы Он помог бы. Своим рабам.

То, что этот угнетенный требует от всех – это есть справедливость и равноправие, пусть не довольствуются лишь выслушиванием и пусть размышляют о том, что случилось с сим угнетенным.

Клянусь солнцем их явления, которое заблестело из //

Л. 5. горизонта Царства Небесного, что если бы мы заметили кого-нибудь могущего толковать или говорить, мы бы сами себя не сделали бы предметом поругания, насмешек и клеветы. Ко времени прибытия нашего в Багдад⁵ дело Бога угасло, веяния Откровения прекратились и большинство казалось более умерших, чем угасающим; поэтому трубный звук раздался вторично и это благосклонное слово истекло из уст величия⁶. Мы затрубили в трубы в другой раз, этим мы оживили страны дуновением Откровения и вдохновения. Теперь за каждой завесой, против угнетенного устремились люди, устраняя народы от этого великого блага и отвергая.

О справедливые люди! Если будете отрицать это дело, то какое же Дело Бога на земле может быть подтверждено или достойно признания? Отвергающие принялись собирать изречения наши у кого их находят, высказывая любовь выманивают их, и каждому, кого встречают сминаются к ним, и при всех существующих религиях считают себя принадлежащими к этой религии⁷.

Скажи: «Умрите от своего гнева, ибо он принес, дело, которого не отвергнут зрячие, слышащие, способные, справедливые, беспристрастные, свидетельствует об этом в этот очевидный час Перо Предвечности. —

Конец. —

Лаух. Отблески⁸

(Перевод М.А. Мамедханлы)

Л1. Отблеск первый, который воссиял от солнца действительности о познании Истины, да воссияет блеск ее.

Познание Царя Предвечности не достигнется иначе, как познанием Высочайшего Имени (Беха-Улла). Он есть глаголющий с Синая (Беха Улла), который восседает и покоится на престоле лухура (Откровения). Он есть тайна сокрытая и неведомое сокровенное. Божественные книги: и предыдущие, и последующие украшены упоминанием о Нем и глаголют Ему хвалу. Им водружено знамя познания в мире и Им поднят стяг Единобожия среди народов. —

Единение с Богом не достигается иначе, как единением с Ним⁹. Им проявилось то, что во веки веков было тайно и сокрыто. Во истину Он появился Истиной и изрек слово, которым оглушен всякий, на небесах и на земле, кроме того, кого Бог пожелал. —

Вера в Бога и познание Его не будут совершены, если не будет признано то, что появилось это от Него. —

Точно также и деяния должны быть сообразны с тем, что Он приказал и что ниспослано Высочайшим пером в Книге.

О погруженные в море Бейана! В каждый миг должно взирать на повеления и запреты Божеские. Его поведения есть величайшая твердыня для сохранности мира и благополучия народов, свет для того, кто утвердил и признал и огонь для того, кто отвернулся и отверг.

Отблеск второй. Твердость в деле Бога и в любви к нему, да воссияет блеск ее.

Это не достигается иначе как познанием Совершенного, а познание Совершенного приобретает лишь признанием благословенного изречения: «Он делает, что желает» (изречение Корана)¹⁰. Всякий, кто держится этого высокого изречения и пьет из райского источника изъяснения, заключающиеся в нем, заключает себя утвердившимся. И это до такой степени, что все книги мира не устранят его от матери– книги (книг Беха Уллы). Как прекрасно это высочайшее место и степень, и этот крайний предел!!

⁵ В 1853–1863 гг. Бахаулла находился в ссылке в Багдаде, куда он был сослан иранскими властями.

⁶ Речь идет о создании «Сокровенных слов» Бахауллы (1857–1858) и его публичном объявлении о своей пророческой миссии в саду Ризван (21 апреля – 3 мая 1863 г.)

⁷ Мамедханлы поясняет «Намек, кажется, на азалистов». Азалиты – последователи Баба (экзоним), считающие его преемником Собх– и– Азала (1831–1912) – мистика Йахьи, который среди бахаистов считается «нарушителем Завета», так как не принял Бахауллу как Пророка и не принял Его как «Того, кого явит Бог».

⁸ В оригинале называется «Таджаддилья».

⁹ Имеется в виду Бахаулла.

¹⁰ Речь идет о Всевышнем (Аллахе). (Коран. Сура 42, аят 49).

¹ Цитата принадлежит Ф. Вольтеру (1694–1778) и выражает природу истинной любви и гуманизма. Истинное величие человека состоит в преодолении границ одной страны или нации и возвышенной любви ко всему человечеству с признанием ценности каждой жизни на Земле.

² Главное Писание веры бахаи «Китаб – и– Агдас» («Наисвятая книга») – основной свод законов, было написана Бахаулла в Акке в 1872–1873 гг. Впервые на русский язык оно было переведено А.Г. Туманским в 1899 году.

³ Духовный центр бахаи.

⁴ Всемирный Дом Справедливости – верховный административный центр веры бахаи.

О Али Акпер!¹ Подумай о низости места отвергающих. Все ведь говорит: «Он восхвален в своих деяниях и Его повелениям да повинуются».² Вместе с этим, если появятся противоречия //

Л 10б. страсти и похоти в количестве игольного ушка³, то это уже достаточно для отвержения. —

Скажи: «Никто не сведущ в потребностях совершенной Божественной мудрости. Ибо Он, если правит землей, то этим самым правит и небом. Никому не дано противостоять Ему. Это есть то, что подтверждено точкой Бейана в том, что ниспослано Ему Истиной от Бога, Разверзителя Утра». —

Отблеск третий о науках, искусствах и ремеслах.

Наука — это крылья для существа и ступени для поднятия, усвоения необходимого всем. Но только необходимы такие науки, которые полезны людям, а не те науки, которые начинаются и кончаются словами. Велики преимущества обладающих наукой и ремеслом над остальными людьми. Свидетельствует об этом основа изъяснения, благодетельствуя выслушивающих. В самом деле, истинное сокровище для человека есть наука о нем самом⁴, а она есть повод к почету, благу, радости, веселью, радушию. Так глаголют уста в этой великой темнице.

Отблеск четвертый о Божественности, господстве и т.п.

Если обладающий зрением будет взирать на явный, благословенный лотос и его плоды, то это его удовлетворит вполне. Он познает то, что говорит глаголющий Синая на престоле откровения.

О Али Акпер! Напомни людям знамения Господа твоего и покажи им путь прямой и великую весть. Скажи: «рабы Божии, если Вы справедливы и беспристрастны, то признайте то, что истекло из Величайшего пера; если вы люди Бейана, то персидский Бейан (книга Баба) вам укажет путь и будет вам достаточен. Если вы люди форкана⁵ (книга Магомета), то подумайте об отблеске и призыве лотоса об ибн Имране (Моисее)⁶».

Слава Богу! Богопознание в проявлении Истины (Беха Улла) полно и совершенно и достигло кульминационной точки. Теперь понятно, что у отвергнувших богопознание пришло в упадок и осталось не полным. —

О Али! То, что они восприняли от дерева, они не принимают от Лотоса Существа. Скажи: «О люди Бейана⁷, не основывайте ваших слов на страсти и прихоти. Большинство людей //

Л 2. опираются на благословенные слова, появившиеся от дерева.

Клянусь жизнью Бога! Если бы не было упоминания Предвестником⁸ этот угнетенный не говорил бы того, что повело к смущению и гибели невежд. В начале Бейана (книга Баба)⁹, в том месте, где упоминается и Тот, которого обнаружит Бог¹⁰, да воссияет Проявление Его, Он говорит: «Тот, который во всех случаях говорит, что воистину Я Бог, нет Бога, кроме Меня, Господа Всего, и все, что кроме Меня», точно также в другом месте при упоминании о «Ман Язхар» (Беха Улле) он говорит: «Поистине я первый из обожающих». А теперь надо подумать об обожающем и обожаемом, быть может, рабы земли постигнут, хоть каплю из моря Богопознания и оценят значение проявления. Воистину Он появился и глаголет Истиной, благо признавшему и познавшему! Горе всем отвергающим!

О род земной, услышьте зов Лотоса¹¹, жизнь которого окружила весь мир. Не будьте из угнетателей земли, которые отрицают Проявление Бога и Его царства и не верят в Его благодеяния. Разве они не из униженных в книге Бога, Господа Миров? Блеск, появившийся от горизонта неба Моего Промысла да будет над тобой и над всеми, кто с тобой, а кто выслушивает твоё слово о деле Бога Могучего, Хвалимого.

¹ Али Акпер — уважаемый бахаи из г. Язд, родственник Баба. Строитель и архитектор первого храма бахаи (Машрик-ул— Азкар) в Ашхабаде. Погиб как мученик за веру в 1903 году.

² Парафраз из Корана. «Ему принадлежит то, что на небесах и на земле. Все они покорны Ему» (Сура 30:26).

³ Аллюзия на библейский и коранический образы. В Новом Завете «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие (Мф. 19:24, Мк. 10:25, Лк. 18:25). В Коране «Они не войдут в Рай, пока верблюд не пройдет сквозь игольное ушко» (Аль-Араф, 7.40).

⁴ Антропология.

⁵ «Фуркан» — одно из основных названий Корана.

⁶ Муса ибн— Имран — в Коране пророк Моисей, который вывел евреев из Египта.

⁷ Бахаулла обращается в последователям Баба — баби (бабидам).

⁸ Имеется в виду Баб (1819—1850) — сейид Али Мухаммад из Шираза. Основатель и пророк религии баби, которую он провозгласил в 1844 году.

⁹ «Бейан» Баба — основное Писание баби. Состоит из 361 главы. В ней разъясняется кто есть имам Махди, отменяются догматы ислама, говорится о «Том, Кого Бог явит» — Бахаулле.

¹⁰ Речь идет о Бахаулле.

¹¹ Бахаулла.

Литература

1. Абдул-Баха Абас Эфенди. Письма к Huveit (к одной американской бехаистке // GMT. Ф.1. КП-4502. Инв.51800/3. 4 лл.
2. Артпет. Имамат. Страна поклонников имамов. (Персидское духовенство). Адрианополь: типо-лит. «Ширак», 1909. 208 с.
3. Артпет. Мамед-Али-Шах. Народное движение в стране Льва и Солнца. Александрополь: типо-лит. «Ширак», 1909. 208 с.
4. Бахаулла. Скрижали, явленные после Китаб-и-Агдас / Духовное Собрание Бахаи России; Пер. с англ. — СПб.: Единение, 2004. 240 с.
5. Беха Улла. Восхождение // GMT. Ф.1. КП-4502. Инв. № 51800/2. 4 лл.
6. Беха Улла. Лаух. Отблески // GMT. Ф.1. КП-4502. Инв. № 51801/2. 2лл.
7. Беха—Улла, Баб. Записки путешественника / сост. М.А. Мамедханлы. 2-е изд., испр. Баку: тов-во Кавказского печатного дела «Каспий», 1909. 96 с.
8. Маковицкий Д. П. У Толстого. 1904—1910 // Яснополяские записки: в 5 кн. Т. 5. М.: Наука, 1981.
9. Малкина А.В. Мистика бахаи и Л.Н. Толстой в свете новых архивных материалов: pro et contra // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11(139). С.162—168.
10. Малкина А.В. Переписка И.А. Гриневской с Л.Н. Толстым: новые архивные материалы // Человек. Социум. Общество. 2026. № 7. С. 42—48.
11. Малкина А.В., Касимова Р.И.К. Вера бахаи в отечественном востоковедении и ее влияние на представителей культурной элиты XIX — нач. XX вв. // Человек. Социум. Общество. 2024. S9. С.44—52.
12. Письмо А. Мамедханлы Л.Н. Толстому // GMT. Ф.1. КП-4502. Инв. № 51799. 1 л.
13. Письмо А. Мамедханлы Л.Н. Толстому // GMT. Ф.1. КП-4502. Инв. № 51802/1. 2 лл.
14. Письмо Л. Толстого А.А. Касимову // Толстой Л.Н. ПСС. Т. 81. С. 77.
15. Письмо Л.Н. Толстого к И.И. Горбунову— Посадову // Толстой Л.Н. ПСС: в 90 тт. Т. 79. М.: Гос. издат. «Художественная литература», 1955. С.193—194.
16. Письмо Л. Толстого к Й. Кану // Толстой Л.Н. ПСС. Т. 81. С.
17. Письмо Л. Толстого к А. Мамедханову // Толстой Л.Н. ПСС. Т. 80. С. 219.
18. Письмо Л. Толстого к П. Полизоиди // Толстой Л.Н. ПСС. Т. 81. С. 48.
19. Толстой Л.Н. Дневники и записные книжки (1910) // Толстой Л.Н. ПСС. Т. 58.
20. Phelps M.H. Life and Teaching of Abbas Effendi. A study of the religion of the Babis or Bahais / Introd. by E.G. Brown. New York-London: Knickerbocker press, 1903. 259 p.

LETTERS OF M.A. MAMEDHANLY (MAMEDHANOV) WITH L.N. TOLSTOY IN THE LIGHT OF THE NEW ARCHIVAL MATERIALS

Malkina A.V.

St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities

The article firstly introduces into scientific use new archival materials from the State Museum of L.N. Tolstoy in Moscow, connected with L.N. Tolstoy's interest to the Baha'i Faith — letters of Abdul-Baha interpreter, an Azerbaijan engineer— Baha'i Mirza Alekper Mamedhanly (Mamedhanov) (1875—1920) — the first translator of two late Scrolls of Baha'u'llah («Ascendancy» «Reflections») into Russian. These Scrolls contain the main doctrines of the Baha'i creed. His translation of the scroll «Ascendancy» still remains the only in Russian. The publication of his letters allows to reconstruct more fully the historical context, clarify the «white spots» in Tolstoy's epistolary heritage. Despite a critical attitude of the writer to Mamedhanly's translations, in 1910 he softened his attitude. Sharing the ethical principles of the Baha'i, Tolstoy rejected to admit Prophets as Manifestations of God and the Baha'i Faith as a true new world religion, understanding a «true religion» as a process of its search.

Keywords: the Baha'i Faith, Baha'u'llah, Mirza Alekper Mamedhanly (Mamedhanov), L.N. Tolstoy, Scroll «Ascendancy», Scroll «Reflections», epistolary heritage.

References

1. Abdu'l-Bahá Abas Efendi. Letters to Huveit (to an American Baha'i woman // GMT. F.1. KP-4502. Inv. 51800/3. 4 pp.
2. Artpet. Imamate. The Land of the Imams' Worshipers. (Persian Clergy). Adrianople: typo-lit. "Shirak", 1909. 208 pp.
3. Artpet. Mamed-Ali-Shah. The Popular Movement in the Land of the Lion and the Sun. Alexandropol: typo-lit. "Shirak", 1909. 208 pp.
4. Bahá'u'lláh. Tablets Revealed after the Kitáb-i-Aqdas / Spiritual Assembly of the Baha'is of Russia; Translated from English — St. Petersburg: Edinenie, 2004. 240 pp.
5. Beha Ullah. The Ascent // GMT. F.1. KP-4502. Inv. No. 51800/2. 4 pp.
6. Beha-Ullah. Laukh. Reflections // GMT. F. 1. KP-4502. Inv. No. 51801/2. 2 pp.

7. Beha-Ullah, Bab. Notes of a Traveler / compiled by M.A. Mamedkhanly. 2nd ed., corrected. Baku: Caspian Printing House of the Caucasus, 1909. 96 pp.
8. Makovitsky, D.P. In Tolstoy. 1904–1910 // Yasnaya Polyana Notes: in 5 books. Vol. 5. Moscow: Nauka, 1981.
9. Malkina, A.V. Baha'i Mysticism and L.N. Tolstoy in Light of New Archival Materials: Pro et Contra // Society: Philosophy, History, Culture. 2025. No. 11(139). Pp. 162–168.
10. Malkina AV Correspondence between I.A. Grinevskaya and L.N. Tolstoy: New Archival Materials // Man. Society. Society. 2026. No. 7. Pp. 42–48.
11. Malkina AV, Kasimova R.I.K. The Bahá'í Faith in Russian Oriental Studies and its Influence on Representatives of the Cultural Elite of the 19th – Early 20th Centuries // Man. Society. Society. 2024. S9. Pp. 44–52.
12. Letter from A. Mamedkhanly to L.N. Tolstoy // GMT. F. 1. KP-4502. Inv. No. 51799. 1 p.
13. Letter from A. Mamedkhanly to L.N. Tolstoy // GMT. F.1. KP-4502. Inv. No. 51802/1. 2 ll.
14. Letter from L. Tolstoy to A.A. Kasimov // Tolstoy L.N. PSS. T. 81. P. 77.
15. Letter from L.N. Tolstoy to I.I. Gorbunov-Posadov // Tolstoy L.N. PSS: in 90 vols. T. 79. M.: State. published "Fiction", 1955. pp. 193–194.
16. Letter from L. Tolstoy to J. Kahn // Tolstoy L.N. PSS. T.81. WITH.
17. Letter from L. Tolstoy to A. Mamedkhanov // Tolstoy L.N. PSS. Vol. 80, p. 219.
18. Letter from L. Tolstoy to P. Polizoidi // Tolstoy L.N. Collected Works. Vol. 81, p. 48.
19. Tolstoy L.N. Diaries and Notebooks (1910) // Tolstoy L.N. Collected Works. Vol. 58.
20. Phelps M.H. Life and Teaching of Abbas Effendi. A study of the religion of the Bahis or Bahais / Introd. by E.G. Brown. New York-London: Knickerbocker Press, 1903. 259 p.

Карпова Светлана Геннадьевна,

кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: svetlran@mail.ru

Некрасов Сергей Владимирович,

научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: sv_79@inbox.ru

Статья посвящена анализу ключевых социокультурных факторов, определяющих динамику культуры современной России и выявлению механизмов их встречного влияния или взаимовлияния друг на друга. Выделяются четыре ключевых, с точки зрения авторов, социокультурных фактора взаимовлияния которых с культурным полем страны проявляется наиболее значимо. Также отмечаются базовые направления преобразований, происходящих в системообразующем для социума институте культуры. На основе эмпирических данных и теоретических подходов отечественных исследователей показано, что процессы цифровизации, трансформация культурного кода, флуктуации национальной гордости и ценностных ориентаций (семья, патриотизм) не просто сопутствуют культурным изменениям, но активно перестраивают инфраструктуру и содержание культурных практик. Исследования позволяют вести речь о сохранении традиционных ценностей, не разрушающихся в новых реалиях, а находящихся в переосмыслении через цифровые каналы, новые культурные тенденции порождая феномен гибридизации. Институциональная культура также адаптируется к новым идентификационным запросам, одновременно модифицируя их. В рамках обозначенного взаимовлияния культура предстаёт как одновременно производная от социокультурных условий и их активный модификатор. Также актуализируется конструирующий потенциал данного взаимовлияния и значимость научных исследований по данной проблематике.

Ключевые слова: социокультурные факторы, культура, взаимовлияние, социальная реальность, культурный код, цифровизация культуры, традиционные ценности, национальная гордость, гибридизация.

Введение

Современное российское общество переживает период перманентной турбулентности и социокультурной трансформации, которая затронула не только институциональные, но и его глубинные ценностно-символические, духовно-нравственные пласты. В современной социальной реальности России наряду с текущими процессами большую роль начинают играть новые тенденции, чреватые своим непредсказуемым для будущего потенциалом и требующие научного изучения. Бифуркационное воздействие пандемии COVID-19, последующая геополитическая турбулентность, разразившаяся на Украине с участием России специальная военная операция и ускоренная цифровизация привели к тому, что *прежние линейные модели влияния «факторы → культура» перестали работать.*

В современном социуме, как в «живом, развивающемся организме» стала формироваться иная социокультурная парадигма – *доминанта встречного движения*, где социокультурные факторы (цифровизация, культурный код, национальная гордость, ценностные ориентации, аксиологические сдвиги, трансформация идентичности и др.) не просто детерминируют поле культуры и происходящие в нем процессы, но и сами перестраиваются под воздействием распространенных в обществе культурных практик.

В соответствии с чем, следует обратить внимание на принципиальный методологический сдвиг в социокультурном пространстве изучения данного феномена. В частности, в классической социологии культуры (П. Сорокин, А. Моль и др.) факторы всегда рассматривались как внешние по отношению к общему культурному полю. Однако в условиях высоко динамичного общества 2020-х годов эта оппозиция размывается. *Культура становится не «зеркалом – отражателем», а активной средой*, что взаимодействует, фильтрует, интерпретирует и возвращает обратно те импульсы, что исходят от детерминирующих ее социокультурных, а следовательно, и других сопутствующих факторов. Именно эта двунаправленная детерминирующая связь лежит в основе ключевых трансформаций социума.

Данные процессы, как было уже отмечено выше, будучи фундаментальной частью эволюции общества, ставят вопросы его новых алгоритмов развития, где под социокультурными факторами принято понимать «...совокупность социальных и культурных условий, оказывающих влияние на жизнь человека» [5, с. 49] и общества в целом. Социокультурные факторы «... определяют менталитет, поведение, образ мышления, представления об окружающем мире и многое другое. Они формируют семейную и общественную жизнь, образование, культуру, религию и др.» [5, с. 49]. Речь идет о тех условиях (факторах) что определяют нормы, ценности, образ жизни в обществе и к которым относятся такие фундаментальные духовно-нравственные категории и культурные, технологические достижения, как: национальная гордость, культурный код, историческое наследие, историческая память, ценности, прогресс в сфере технологий и т.д. Именно *социокультурные факторы в неразрывной связи с институтом культуры ответственны за «здоровое» состояние и устойчивость коллективного сознания, а также его традиционных ориентиров.* Это своего рода общий для социума «форватер» в рамках которого и происходят его «движение» или ключевые трансформации» [5, с. 49].

Важность понимания и изучения «алгоритмов» обозначенного процесса обоюдного взаимовлияния для социума чрезвычайно, так как включает в себя значительный конструирующий потенциал. Любое воздействие (созидательное/разрушительное) на институт культуры и социокультурные факторы включает в себя воздействие на «...ценностные установки, мотивации и диспозиции современного общества» [9, с. 185], являющиеся фундаментальной основой «...конструирования людьми самой социальной реальности России, так и формирование желательного/нежелательного направления ее развития» [9, с. 186]. Социальная реальность создается на основе субъективного миропонимания, опосредованного, деятельностью и взаимодействием института культуры и социокультурных факторов. В соответствии с чем, изучение данной проблематики имеет выраженную научно-практическую значимость и актуальность.

Материалы и методы исследования

Проблематика взаимовлияния социокультурных факторов и культуры современной России теоретико-методологически разработана и отражена

на в научных трудах таких советских и российских ученых, как Л.Н. Жуковская, А.Г. Здравомыслов, Т.А. Костюкова, Г.И. Петрова, Т.Д. Шапошникова, О.Ф. Морозова, Я.А. Телякова, А.А. Крисанов, Т.Н. Крисанова, В.Г. Пичугин, В.А. Южаков, У.А. Эргашев, Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, Т.В. Ершова, С.Н. Васильев, Н.А. Лекторский, Н.В. Тихонова, С.Г. Карелова, С.В. Некрасов, У.М. Левина, С.А. Михайлов, О.А. Седакова, А.В. Зорин и др.

Рассмотрение проблематики в научно-исследовательском поле имеет свою специфику и нашло отражение в аналитических отчетах, в которых представлены общие статистические данные о массовых установках, распространенных в обществе по данной проблематике. В целом целесообразно констатировать, что проблемное поле разделено на два содержательных вектора – эмпирико-аналитический, и теоретико-интерпретативный.

Большая группа научных изысканий включает в себя теоретико-методологические труды с учетом междисциплинарного анализа. Представлены различные направления исследований, включающие культурологию, социологию, антропологию, историю и др., а также работы по философско-социологическим аспектам проблематики. Учеными исследуются вопросы идентичности и культурной политики в России; анализируется влияние социальных изменений на культурные практики, а также воздействие социокультурных факторов на развитие культурной идентичности в России включая социокультурные изменения в «связке» с искусством, образованием, наукой. Особое внимание уделяется воздействию социокультурных факторов на трансформацию общества и на динамику общественного сознания. Институт культуры, рассматривается как стабилизирующий в условиях социальных потрясений. Изучаются процессы глобализации, что взаимодействуют с локальными традициями и механизмы помогающие сохранять социуму самобытность и др.

В рамках данной проблематики, разумно с нашей точки зрения, выявить и описать особенности взаимовлияния ключевых социокультурных факторов и культуры современной России в период 2020–2025 гг., уделяя приоритетное внимание внутренним, а не международным контекстам.

Следует актуализировать ключевые социокультурные факторы и механизмы их взаимовлияния с полем российской культуры. Разумно операционализировать понятие «социокультурный фактор» применительно к российской реальности; выделить четыре наиболее значимых, с нашей точки зрения, фактора на основе эмпирической релевантности; для каждого фактора показать двустороннюю связь: как он влияет на культуру и как культура трансформирует его и т.д.

Методологическую основу работы составляет интегративный подход, сочетающий элементы системного анализа, социокультурной теории и критических исследований. Применен сравнительный анализ. Активно используется методология социокультурного подхода, рассматривающего культуру как систему норм, ценностей и практик, а факторы – как многомерные условия их воспроизводства и изменения. Используется отказ от жесткого причинно-следственного детерминизма в пользу иной парадигмы, где фактор порождает культурный сдвиг, который, будучи закрепленным в институтах и повседневных практиках, начинает воздействовать на сам фактор. Использованы методы вторичного анализа статистических данных.

Результаты и обсуждение

По результатам проведенного анализа следует актуализировать четыре ключевых ранее выделенных социокультурных фактора [5, с. 49], взаимовлияние которых с культурой проявляется наиболее рельефно в рамках: исходного состояния фактора, вектора его влияния на культуру и обратного влияния культуры на каждый фактор. К ним можно отнести:

1. *Цифровизация как ведущий фактор гибридизации культурных практик.* Пандемия 2020–2021 гг. дала мощный толчок переводу учреждений культуры в онлайн-формат: количество онлайн-мероприятий по всей стране достигло 100 тыс., а посещаемость портала «Культура.рф» выросла за год 2020 г. вдвое, превысив 62 млн человек. Для иностранных поклонников русской культуры был запущен сервис «Stay home with Russian Seasons», на котором прошло почти 90 трансляций. Их посмотрели больше 35 млн пользователей по всему миру. В онлайн-формат перешла Всероссийская театральная программа («Большие гастроли»). С марта по август 2020 года было показано 19 спектаклей от 89 театров-участников с охватом свыше 26 млн зрителей. В музеях с марта 2020 года было проведено уже 23 тыс. виртуальных мероприятий, которые посетили более 32 млн человек, а на ресурсах портала «Национальная электронная библиотека» отмечался десятикратный рост обращений (16,5 млн) [6].

Однако важнее не столько количественная динамика, сколько качественная трансформация самой природы культурного потребле-

ния. Цифровая среда перестаёт быть просто каналом доставки – она становится модификатором содержания. Музейные экспозиции дополняются AR-элементами (например, в 2024 году в Третьяковской галерее «Васнецовы. Связь поколений. Из XIX в XXI век» с помощью AI и AR-технологий были «оживлены» 5 художественных работ, а в 2023 году главный музей Волгограда, посвященный Сталинградской битве, запустил мобильное приложение с виртуальным гидом (сыном полка и участником событий Валькой). После запуска был зафиксирован прирост посетителей на 11%. 100% посетителей отметили, что AR-экскурсия сделала экспозицию понятнее и эмоционально-насыщеннее, 85% – технология помогла лучше усвоить и запомнить исторические сведения, 67% – из-за AR-приложения захотели вернуться в музей повторно [7]; театральные постановки обзаводятся онлайн-версиями с интерактивным чатом (в ONLIFE-формате, созданный театральным режиссёром Русланом Кутлыевым, выпущено уже более 50 постановок, среди которых драмы по мотивам Ф. Достоевского, комедия на основе «Женитьбы Бальзамина» А.Островского и др., набравшие 15 млн просмотров из более 50 стран [15]); библиотеки превращаются в коворкинги с доступом к электронным базам данных (по данным мониторинга РНБ в России на первое января 2026 года было создано 4717 модельных библиотек разного уровня модернизации [18]). Возникает то, что принято называть гибридной культурой – устойчивое смешение офлайн– и онлайн-форм, при котором зритель может одновременно присутствовать в зале и оставлять комментарии в трансляции.

Но здесь же проявляется и обратное влияние культуры на фактор цифровизации. Культурные запросы россиян (сохранение традиционных форматов, потребность в живом общении, получение новых знаний и т.д.) тормозят тотальную оцифровку. Так, по результатам социологических исследований, большая часть активных зрителей (50,7%) предпочитают традиционный формат театральных постановок и лишь 31% респондентов отдают предпочтение цифровому формату. Эти предпочтения во многом зависят от возраста: доля респондентов (до 19 лет, 19–24 года, 24–34 года), предпочитающих традиционные постановки – меньше половины театральной аудитории, а доля среди зрителей старше 70 лет, предпочитающих традиционные постановки увеличивается и достигает 70% [13]. Интерес к посещению музеев, галерей, выставок за последние два-три года показывает положительную динамику: 32% респондентов отмечают, он сохранился на высоком уровне, еще 19% заявили о возросшем интересе [4]. Это заставляет учреждения культуры разрабатывать не исключительно цифровые, а гибридные стратегии. Кроме того, сохраняется территориальная асимметрия: в городской местности широкополосный доступ к сети Интернет имеют 91,3% домохозяйств, в сельской – 84,5% (по данным Росстат, 2025 г.) [16]. Таким образом, цифровизация не только влияет на культуру, но и сама испытывает на себе давление культурных традиций и инфраструктуры.

2. *Трансформация культурного кода: от неосознаваемого к рефлексивному конструированию.* Понятие «культурный код» долгое время оставалось преимущественно теоретической категорией. Однако в 2020-е годы оно приобрело эмпирическую верификацию и, более того, стало объектом целенаправленной государственной культурной политики. Согласно опросу Аналитического центра НАФИ (2022 г.), только треть россиян (33%) знакомы с термином «культурный код», однако большинство выделяют его содержательные компоненты: единое культурное наследие (36%), нормы поведения (11%), традиции (10%), менталитет (9%), историческую память (7%). При этом 63% опрошенных считают, что наибольший вклад в культурное объединение россиян вносит отечественная литература, а А.С. Пушкин узнаваем 80% респондентов [14].

По данным другого опроса, проведенного экспертами конкурса «Это у нас семейное» проекта Президентской платформы «Россия – страна возможностей» в 2025 году 87% участников воспринимают культурный код через историю страны и историческую память, 75% – традиционные ценности и 73% культурное наследие. 40% опрошенных считают самым эффективным способом сохранения культурного наследия России – возрождение традиций предков и старшего поколения, 21% респондентов считают, что культурное наследие передается через создание фильмов и издание книг о традиционных ценностях, 18% говорят о необходимости введения специальных предметов в школах и вузах, 16% – организации семейных конкурсов [10].

Показательно, что культурный код из коллективного бессознательного превращается в объект рефлексии. Следует зафиксировать появление метадискурса о нем, что обсуждается в телевизионных ток-шоу, ему посвящают спецвыпуски научные журналы, его пытаются «измерить» через маркеры – от матрёшки до хохломы и тому подобным устоявшимся клише.

Этот процесс нельзя понять без учёта обратного влияния культуры. Именно культурные институты (школа, музей, театр, телевидение) через отбор и тиражирование символов формируют тот набор ассоциаций, который затем опознаётся как код. Исследование Центра «Платформа» и Центром социально-политических исследований и информационных и технологий РГГУ (2023 г.) показало: 64% россиян считают российскую культуру полностью самобытной, а 85% из них испытывают гордость от принадлежности к России [12]. Здесь код и идентичность сливаются воедино.

Также наблюдается циклический процесс: культурный код, будучи однажды артикулированным, начинает влиять на культурное производство – сценаристы, художники, музейные кураторы сознательно отбирают «кодовые» элементы. Те, в свою очередь, укрепляют код.

Результаты исследования агентства ORO (2026 г.) показывают, что элементы отечественного культурного кода в рекламе, оформлении или в других форматах бренд-коммуникации замечают 87% россиян: чаще всего люди встречаются эти элементы на мероприятиях, фестивалях и выставках (48%), в телевизионной рекламе (47%), в дизайне кафе и магазинах (37%), на упаковке и в оформлении товаров (36%), в городских проектах и общественных пространствах, а также в одежде и обуви (35%) [22], что свидетельствует о целенаправленном и осознанном запросе на «кодовые» элементы как со стороны творческих профессий, так и со стороны бизнеса.

3. Национальная гордость как динамический фактор и продукт культурного производства. Национальная гордость традиционно рассматривалась либо как следствие исторических побед, либо как результат эффективной пропаганды. Наш анализ показывает, что в современной России она выполняет функцию активного медиатора между политическими процессами и культурной сферой. По данным ВЦИОМ (2024 г.), 92% граждан придают высокую значимость чувству национальной гордости, за последний год её усиление отметили 64% опрошенных. Причём структура гордости претерпела значительные изменения: если в 2010-е годы доминировали «исторические победы» (особенно Великая Отечественная война), то сегодня на первый план выходят технологические достижения. 68% респондентов считают Россию технологически продвинутой, а 41% гордятся её природными ресурсами и территорией [11].

Как именно гордость влияет на культуру? Как правило, формируется социальный заказ на произведения, подтверждающие ощущение величия. Согласно опросу ВЦИОМ (2025 г.), историей России гордятся 90% граждан, а культурой – 88% [21]. Министерством культуры РФ в 2025 году было поддержано 172 национальных фильмов, оказана помощь Фонду кино в создании 12 картин о специальной военной операции, 27 кинолент военно-патриотической направленности и 97 проектов для детской и семейной аудитории. Аудитория российских фильмов за последние три года возросла в 2,5 раза и составила 100 млн зрителей в год. Выходят все больше картин в национальный прокат, получивших господдержку (81 кинолента в 2023 г., 84 – в 2024 г., 97 – в 2025 г.) [19].

Но существует и обратное воздействие – культуры на саму национальную гордость. Успешные культурные проекты (фильм «Вызов», снятый на МКС, балетные гастроли в Китай, рекордные посещения Эрмитажа) становятся новыми поводами для гордости, расширяя её содержательное наполнение. Тем самым культура не просто удовлетворяет уже существующий запрос, но и формирует новые грани национальной идентичности.

4. Семейные ценности и институт семьи как аксиологическое ядро, переопределяющее культурные практики. Исследования последних пяти лет фиксируют устойчивое укрепление семейных ценностей в системе культурных приоритетов россиян. Это не просто декларация – мы имеем дело с реальным изменением структуры досуга и потребительского поведения. По данным опроса ВЦИОМ (2025 г.), почти 50% респондентов называют семью главной традиционной ценностью, 84% выступают за сохранение именно традиционных семейных устоев, культуры материнства и отцовства, поддержку многодетности, а 65% готовы следовать традиционным ценностям. Патриотизм занимает вторую позицию (34%) [1].

Данный ценностный сдвиг влияет на культуру. Происходит семейно-центрирование культурного продукта. Кинотеатры формируют афишу с учётом семейных просмотров (согласно исследованию Want Group (2025 г.), за несколько лет отечественные фильмы стали пространством для семейного досуга с семейно-ориентированным контентом: сказки, комедии, драмы, что определило и портрет зрителя, формирующий ядро аудитории. В 2025 году на отечественные фильмы каждый пятый зритель (21%) приходил с семьей, что почти в три раза чаще, чем на зарубежные картины (8%) [17]; музеи внедряют детские маршруты и интерактивы для родителей с детьми (Детский му-

зей в «Царицыно», внутри которого создано пространство: привычные картины и гравюры оживают в формате мультфильмов, компьютерных игр и интерактивных заданий, Детский музей-квест «Один в поле не воин» в музее-заповеднике «Куликово поле» в Тульской области, позволяющий через игровые приемы погрузиться в историческую эпоху и др. [20]).

Однако обратное влияние культуры на семейные ценности не менее значительно. Через художественные произведения (сериалы «Содержанки», «Трудные подростки», фильмы «Пальма», «Один маленький подвиг») транслируются определённые модели семейных отношений – от консервативно-патриархальных до партнёрских. Зритель, воспринимая эти образы, корректирует собственные представления. Возникает любопытный эффект: при декларируемой приверженности «традиционным» ценностям, реальные семейные практики становятся более гибкими, включая элементы эгалитарности и осознанного родительства. Существует разрыв между ценностным идеалом и реальным поведением, но этот разрыв в культуре проявляется как напряжение, стимулирующее поиск новых форм.

Полученные результаты позволяют утверждать, что взаимовлияние социокультурных факторов и культуры в современной России носит характер не линейной причинности, а цикличности. Культура не просто пассивно отражает воздействие цифровизации, изменений идентичности или ценностных сдвигов – она сама активно конструирует те символические формы, в которых эти факторы осмысляются и транслируются. Полученные результаты позволяют констатировать ряд институциональных противоречий.

Попытки имплантации западных моделей корпоративной культуры в российские организации терпят неудачу из-за несовместимости аксиологических ядер [3]. Анализ на более широком культурном материале подтверждает этот тезис: гибридизация происходит не через замещение, а через переосмысление заимствованных форм в терминах традиционных ценностей. Онлайн-кинотеатры (западная форма дистрибуции) наполняются отечественным контентом, а цифровые библиотеки сочетают доступ к мировым базам данных с обязательной рубрикой «Классика русской литературы».

Фактор культурного кода как определяющий для общественного сознания, подчеркивает, что именно через символы и традиции происходит адаптация граждан к современным вызовам. Используемые в работе данные дополняют этот подход существенным уточнением: культурный код в 2020-е годы перестаёт быть исключительно бессознательным конструктом – он становится предметом целенаправленной рефлексии и государственной культурной политики. Примером служит утверждение «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (Указ Президента РФ № 809 от 9 ноября 2022 г.), где фактически перечисляются элементы кода. Однако стоит отметить и новые аспекты.

Во-первых, поколенческий разрыв в каналах культурной трансляции. Если респонденты старше 55 лет по-прежнему доверяют телевидению (70%) и печатным СМИ, то молодёжь (18–35 лет) демонстрирует более высокий уровень доверия Telegram-каналам (60%) и блогерам, чем традиционным медиа [2]. Это меняет не просто агентов влияния – меняется сама природа культурного сообщения: от монологического вещания к диалоговому распространению через репосты, комментарии, мемы.

Во-вторых, регионализация социокультурных факторов. Данные ВолНЦ РАН по Вологодской области обнаружили, что жители крупных городов посещают кинотеатры в 12 раз чаще, чем сельские жители, тогда как библиотеки остаются востребованными преимущественно на селе [8]. Это означает, что один и тот же фактор – доступ к цифровой культуре – работает по-разному в разных типах поселений. Следовательно, любая обобщающая модель взаимовлияния должна включать территориальный параметр.

Выводы

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы. Социокультурные факторы (цифровизация, культурный код, национальная гордость, семейные ценности) находятся в состоянии взаимовлияния с полем культуры. Это взаимовлияние имеет циклический характер: факторы формируют культурную среду, а культура, в свою очередь, модифицирует факторы. Предложенный подход к пониманию проблематики может служить теоретической рамкой для дальнейших исследований. Отказ от линейной модели «фактор → культура» позволяет увидеть, что каждый из рассмотренных факторов не только оказывает давление на культурную сферу, но и сам подвергается обратному влиянию, что приводит к самонастраивающейся динамике. Также для дальнейшего развития теории социокультурного взаимовлияния необходимо разработать модели, позволяющие измерять силу обратных связей, а также

провести сравнительные исследования на материалах разных регионов России. Особенно актуально это в свете стремительного развития искусственного интеллекта и его внедрения в культурное производство.

Ключевой особенностью является гибридизация. Традиционные российские ценности не исчезают под давлением глобализации или цифровизации, а переосмысливаются и адаптируются к новым каналам трансляции (онлайн-платформы, соцсети, блоги). Гибридные формы культуры (онлайн-экскурсии с элементами геймификации, театральные трансляции с интерактивом, библиотеки-коворкинги) становятся доминирующим типом.

Сохраняются и даже усиливаются территориальные и поколенческие диспропорции в доступе к культурным благам и в характере культурного потребления. Если для цифрового поколения культурным центром становится смартфон, то для людей старшего возраста и жителей сельской местности ключевое значение сохраняют физические учреждения культуры. Это требует адресных мер культурной политики, учитывающих не только количественные показатели (число учреждений, объём финансирования), но и качественные характеристики доступности.

Данные материалы можно использовать при разработке региональных и федеральных программ развития культуры, а также в курсах «Социология культуры», «Культурная политика» и «Социокультурное проектирование».

На перспективу также рекомендуется:

- при планировании цифровой трансформации культуры сохранять офлайн-площадки как важнейший ресурс социальной коммуникации;
- в программах развития культурного кода делать акцент не на навязывании символов, а на выявлении реально работающих региональных маркеров идентичности;
- учитывать поколенческий разрыв, создавая для молодёжи форматы участия самих молодых людей в культурном производстве (крауд-сорсинг, блогинг, городской активизм) и др.

Дальнейшие исследования данной проблематики имеют выраженный научный потенциал и их значимость будет только возрастать.

Литература

1. ВЦИОМ: почти 50% россиян считают семью главной традиционной ценностью // ГИА «ТАСС». URL: <https://tass.ru/obschestvo/24458655?ysclid=mr4ir8ei8g406987503> (дата обращения: 25.06.2026).
2. ВЦИОМ: большинство россиян до 35 лет больше всего доверяют новостям в Telegram-каналах // ГИА «ТАСС». URL: <https://tass.ru/obschestvo/16517333> (дата обращения: 25.06.2026).
3. Давиденко Е.А. Социокультурные факторы развития современной российской корпоративной культуры // Культурологический журнал. 2025. № 2. С. 54–60.
4. Идем в музей? // ВЦИОМ. 2026. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idem-v-muzei?ysclid=mqv3iu283964404463> (дата обращения: 25.06.2026).
5. Карпова С.Г., Некрасов С.В. Социокультурные факторы в трансформационных процессах современного российского общества и их воздействие на сознание и традиционные ценности социума // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 5 (СГЗ). С. 49–54.
6. Как культура осваивала онлайн-форматы в 2020 году // ФедералПресс. URL: <https://fedpress.ru/article/2650168> (дата обращения: 25.06.2026).
7. Как технологии меняют музеи и галереи // РБК Компании. URL: <https://companies.rbc.ru/news/5TtnV2spRG/kak-tehnologii-menyayut-muzei-i-galerei/?ysclid=mqqzhikd2219172436> (дата обращения: 25.06.2026).
8. Ласточкина О.С. Особенности социально-культурной инфраструктуры в современной России // Развитие территорий. 2021. № 4(26). С. 20–31.
9. Некрасов С.В. К вопросу о методах воздействиях на общественное сознание // Вестник НГУЭУ. 2020. № 4. С. 184–202.
10. Опрошенные россияне считают, что совместные праздники укрепляют традиции семьи // ГИА «ТАСС». URL: <https://tass.ru/obschestvo/26275333> (дата обращения: 25.06.2026).
11. О национальной гордости великороссов // ВЦИОМ. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nacionalnoi-gordosti-velikorossov> (дата обращения: 25.06.2026).
12. Опрос: 64 процента россиян считают российскую культуру полностью самобытной // РИО Новости. URL: <https://ria.ru/20230912/opros-1895811985.html?ysclid=mr58hec1n1324731475> (дата обращения: 25.06.2026).

13. Плынов Д.Г. Кто сегодня ходит в театр. Аналитический обзор // Клаузур. URL: <https://klauzura.ru/2025/07/kto-segodnya-hodit-v-teatr-analiticheskij-obzor/> (дата обращения: 25.06.2026).

14. Пушкин, сила воли и богатыри: что составляет культурный код россия // Аналитический центр НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analitics/pushkin-sila-voli-i-bogatyr-i-cto-sostavlyaet-kulturnyy-kod-rossiyan/> (дата обращения: 25.06.2026).

15. Разработанный в России формат цифрового театра получил международное признание // Техносуверен.pbf. URL: <https://technosuveren.ru/razrabotannyj-v-rossii-format-cifrovogo-teatra-poluchil-mezhdunarodnoe-priznanie/> (дата обращения: 25.06.2026).

16. Российский статистический ежегодник. 2025 (Раздел 21, пункт 21.12) // Росстат. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejagodnik_2025.htm (дата обращения: 25.06.2026).

17. Российские кинотеатры стали привлекать в кинотеатры больше семейной аудитории // Metropolitan Media. URL: https://www.kinometro.ru/NEWS/show/name/wanta_familymovies_27082025 (дата обращения: 25.06.2026).

18. Сеть государственных и муниципальных библиотек системы Минкультуры России. 2023–2025 гг. Аналитическая справка // РНБ. URL: <https://nlr.ru/nmo/RA11105/monitoring-obshchedostup-bibl-rf-23-25?ysclid=mr3w28yyfn202741212> (дата обращения: 25.06.2026).

19. 172 фильма получили поддержку министерства культуры в прошлом году // Российская газета. URL: <https://www.rg.ru/amp/2026/01/29/172-filma-poluchili-podderzhku-ministerstva-kultury-v-proshlom-godu.html> (дата обращения: 25.06.2026).

20. Трогать можно!»: как в России создаются современные детские музейные пространства // Сетевое издание «Сноб». URL: <https://snob.ru/culture/proekt-snoba-na-cosmoscow-den-pervyi-1/> (дата обращения: 25.06.2026).

21. У российских – собственная гордость // ВЦИОМ. 2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/u-rossiiskikh-sobstvennaja-gordost> (дата обращения: 25.06.2026).

22. Элементы отечественного культурного кода в маркетинге замечают 87% россиян // AdIndex. URL: <https://adindex.ru/news/research-es/2026/06/15/345869.phtml?ysclid=mr4nezb6h3867147817> (дата обращения: 25.06.2026).

SOCIOCULTURAL FACTORS AND CULTURE OF CONTEMPORARY RUSSIA: FEATURE OF MUTUAL INFLUENCE

Karpova S.G., Nekrasov S.V.

Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

This article analyses the key sociocultural factors shaping contemporary Russian culture and identifies four factors whose mutual influence on the country's cultural field is most significant. The paper also examines key transformations within the fundamental institution of culture. Digitalisation, shifting cultural codes, and fluctuations in values like family and patriotism actively reshape cultural infrastructure and content. Traditional values are not eroded but reinterpreted through digital channels, leading to cultural hybridisation. Institutional culture adapts to new identity demands while simultaneously shaping them. Within this interplay, culture emerges as both a product of sociocultural conditions and an active modifier of them. The study highlights the constructive potential of this dynamic and the importance of continued research.

Keywords: sociocultural factors, culture, mutual influence, social reality, cultural code, the digitisation of culture, traditional values, national pride, hybridisation.

References

1. WCIOM: almost 50 per cent of the Russians consider family to be the most important traditional value // TASS. URL: <https://tass.ru/obschestvo/24458655?ysclid=mr4ir8ei8g406987503> (request date: 25.06.2026).
2. WCIOM: Most Russians under the age of 13 trust news on Telegram-channels most of all // TASS. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16517333> (request date: 25.06.2026).
3. Davidenko E.A. Sociocultural factors in the development of modern Russian corporate culture // Cultural Journal. 2025. No.2. PP. 54–60.
4. Do we go to the museum? // WCIOM. 2026. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idem-v-muzei?ysclid=mqv3iu283964404463> (request date: 25.06.2026).
5. Karpova S.G., Nekrasov S.V. Sociocultural factors in the transformational processes of contemporary Russian society and their impact on public consciousness and traditional social values // Social and humanitarian knowledge. 2025. No.5. PP. 49–54.
6. How the arts adapted to online formats in 2020 // FederalPress. URL: <https://fedpress.ru/article/2650168> (request date: 25.06.2026).
7. How technology is changing museums and galleries // RBC Group. URL: <https://companies.rbc.ru/news/5TtnV2spRG/kak-tehnologii-menyayut-muzei-i-galerei/?ysclid=mqqzhikd2219172436> (request date: 25.06.2026).
8. Lastochkina O.S. Characteristics of the sociocultural infrastructure in contemporary Russia // Territory development. 2021. No.4(26). PP. 20–31.
9. Nekrasov S.V. On the methods of influencing public consciousness // Vestnik NSUEM. 2020. No.4. PP. 184–202.

10. The Russians surveyed believe that celebrating holidays together strengthens family traditions // TASS. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26275333> (request date: 25.06.2026).

11. About the national pride of Great Russians // WCIOM. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nacionalnoi-gordosti-velikorossov> (request date: 25.06.2026).

12. A survey: 64 per cent of the Russians consider the Russian culture to be fully quaint // RIO Novosti. URL: <https://ria.ru/20230912/opros-1895811985.html> (request date: 25.06.2026).

13. Plynov D.G. Who goes to the theatre these days? An analytical review // Klauzura. URL: <https://klauzura.ru/2025/07/kto-segodnya-hodit-v-teatr-analiticheskij-obzor/> (request date: 25.06.2026).

14. Pushkin, self-control and Russian epic heroes: what makes Russians' cultural code // NAFI Analytical Centre. URL: <https://nafi.ru/analytics/pushkin-sila-voli-i-bogatyrich-to-sostavlyayet-kulturnyy-kod-rossiyan/> (request date: 25.06.2026).

15. A digital theatre format developed in Russia has gained international recognition // Technosuveren.ru. URL: <https://technosuveren.ru/razrabotannyj-v-rossii-format-cifrovogo-teatra-poluchil-mezhdunarodnoe-priznanie/> (request date: 25.06.2026).

16. Russian statistical yearbook. 2025 (Part 21, point 21.12) // Rosstat. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2025.htm (request date: 25.06.2026).

17. Russian movie theatres have begun to attract more family audiences // Metropolitan Media. URL: https://www.kinometro.ru/NEWS/show/name/wanta_familymovies_27082025 (request date: 25.06.2026).

18. Network of state and municipal libraries under the Russian Ministry of Culture. 2023–2025. Analytical report // Russian National Library. URL: <https://nlr.ru/nmo/RA11105/monitoring-obshchedostup-bibl-rf-23-25?ysclid=mr3w28yyfn202741212> (request date: 25.06.2026).

19. 172 films received support from the Ministry of Culture last year // Russian Newspaper. URL: <https://www.rg.ru/amp/2026/01/29/172-filma-poluchili-podderzhku-ministerstva-kultury-v-proshlom-godu.html> (request date: 25.06.2026).

20. "Go ahead, touch it!": How modern children's museum spaces are created in Russia // Snob. URL: <https://snob.ru/culture/proekt-snoba-na-cosmoscow-den-pervyi-1/> (request date: 25.06.2026).

21. Russians have their own sense of pride // WCIOM. 2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/u-rossiiskikh-sobstvennaja-gordost> (request date: 25.06.2026).

22. 87% of Russians notice elements of the national cultural code in marketing // AdIndex. URL: <https://adindex.ru/news/researches/2026/06/15/345869.phtml?ysclid=mr4nezb6h3867147817> (request date: 25.06.2026).

Полысалов Герман Юрьевич,

магистрант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации

E-mail: german.german.1.1.1@mail.ru

В условиях эскалации геополитической напряженности изучение лингвистических инструментов формирования деструктивных нарративов в глобальном медиапространстве приобретает стратегическое значение. Целью исследования является выявление вербальных механизмов когнитивного моделирования восприятия реальности в официальном политико-дипломатическом и оборонном дискурсе зарубежных стран. Методологическую основу работы составили критический дискурс-анализ, метод медиафрейминга, а также лингвопрагматический анализ. В качестве эмпирической базы исследования использовались официальные доктринальные документы Министерства обороны Японии, сводки Центрального командования ВС США (CENTCOM), а также заявления официальных представителей Ирана.

В ходе работы систематизирован вербальный инструментарий информационно-психологического воздействия, включающий идеологемы, прагмемы, а также эвфемизмы и дисфемизмы. Установлено, что моделирование восприятия реальности в современном официальном дискурсе базируется на принципе латентности воздействия, что обуславливает отход от традиций открытого «тоталитарного языка» с его ключевым оператором идеологемы. Обоснована возрастающая роль прагмем, эвфемизмов и дисфемизмов как инструментов скрытого программирования смыслов. Выявлено, что специфика функционирования современных СМК и удержание контроля над первичной терминологической номинацией позволяют зарубежным акторам навязывать аудитории сконструированное восприятие реальности через механизмы прямого и косвенного цитирования.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты служат теоретико-прикладным базисом для дальнейшей разработки суверенных лингвистических стратегий и инструментов мониторинга скрытого когнитивного воздействия в целях обеспечения информационной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: Конструирование восприятия реальности; информационное противоборство; информационно-психологическое воздействие; СМК; идеологемы; прагмемы; эвфемизмы; дисфемизмы.

Введение

Информационно-психологическое воздействие, признанное в исследовательской среде основным способом ведения информационного противоборства, представляет собой междисциплинарный объект анализа, находящийся на стыке политологии и политической лингвистики. Фундаментальным методологическим вопросом для лингвистов, изучающих понятийное поле информационного противоборства во всем многообразии его интерпретаций (включая информационную войну, информационное противостояние), остается разработка системы критериев, позволяющих квалифицировать речевое произведение как информационно-психологическое оружие.

Согласно определению доктора технических наук В.Ф. Прокофьева, под данным типом оружия понимается «совокупность способов и средств информационного воздействия на технику и людей с целью решения задач воздействующей стороны» [Прокофьев, 2003].

В контексте средств массовой коммуникации такая трактовка позволяет рассматривать текстовый и мультимедийный контент не просто как единицу информации, а как инструмент поражения когнитивной сферы оппонента.

В рамках анализа военно-технических аспектов противоборства под информационным оружием понимается совокупность способов и средств воздействия на информационную инфраструктуру, личный состав и население противника [Буренок, Ивлев, Корчак, 2009]. Данный подход концептуально расширяется в работах А.В. Манойло и А.И. Петренко, которые рассматривают информационно-психологическое оружие как комплексную систему, направленную на деструктивное воздействие на психику человека с целью управления его поведением [Манойло, Петренко, 2003]. В контексте современных средств массовой коммуникации это позволяет интерпретировать текстовый контент как инструмент поражения когнитивной сферы оппонента.

Лингвистическое измерение указанного информационного противостояния и верификация речевых произведений в качестве инструментов когнитивного поражения детально исследованы на стыке коммуникативной стилистики, когнитивной лингвистики и политической лингвистики. Фундаментальное значение для настоящей работы имеют труды М.Н. Эпштейна [Эпштейн, 1991], заложившие теоретическую основу исследования тоталитарного языка и разработавшие концепцию прагмем как лексических единиц, совмещающих денотативное значение и скрытую прагматическую оценку.

Впоследствии предложенный подход получил комплексное развитие в трудах отечественных лингвистов, исследовавших различные аспекты речевого манипулирования, стилистической трансформации медиасреды и вербальных маркеров информационного противоборства [Купина, 2000; Обвинцева, 2004; Баскова, 2006; Воробьева, 2008; Копнина, 2012; Клушина, 2014; Сковородников, Копнина, 2016].

В то же время методологические основы лингвистического анализа информационно-психологической войны и когнитивного моделирования геополитической реальности нашли отражение в трудах А.П. Чудинова и Э.В. Будаева [Чудинов, Будаев, 2008]. Проблемы же объективации манипулятивного воздействия, верификации вербальных маркеров деструктивного дискурса и изучения специфики конфликтогенных медиатекстов получили детальное развитие в исследованиях Е.И. Галяшиной в области судебной лингвистической экспертизы, а также в трудах В.И. Карасика в рамках лингвокультурологического подхода [Галяшина, 2014; Карасик, 2019].

Связь властных институтов и дискурсивных практик, а также когнитивные процедуры смыслового структурирования информации подробно описаны в зарубежных классических концепциях критического дискурс-анализа и медиафрейминга [Entman, 1993; Van Dijk, 2008]. Современное состояние лингвистического пространства информационного противоборства и специфика конструирования политических образов в глобальных массмедиа подробно исследованы в публикациях последних лет [Дзюба, Еремина, 2023]. В свою очередь, теоретико-прикладной потенциал прагмем как латентных инструментов смыслового воздействия в структуре медиатекста получил дополнительное осмысление в современных исследованиях природы оценочного знака [Маркелова, 2020].

Несмотря на наличие обширной теоретической базы, в современной науке сохраняется дефицит исследований, направленных на ком-

плексный сравнительный анализ латентных вербальных инструментов, используемых в официальном стратегическом и оборонном дискурсах зарубежных стран. Данное противоречие обуславливает актуальность настоящего исследования.

Инструменты информационно-психологического воздействия в политическом дискурсе

Одним из ключевых инструментов когнитивного моделирования восприятия реальности выступает эвфемизация. Специфической чертой данной технологии применительно к дискурсу Японии является ее институциональный характер, поскольку прагматическое искажение фактической картины событий закрепляется не только в медиаполе, но и фиксируется на уровне официальных оборонных доктрин, бюджетных документов и законодательных актов.

Репрезентативным примером подобного воздействия выступает эвфемизация наступательных вооружений Японии. Так, за конкретным классом вооружения «баллистическая ракета с гиперзвуковым планирующим блоком» в официальных документах зафиксировано наименование «гиперзвуковой планирующий снаряд» (HVGP Hyper Velocity Gliding Projectile).

В лингвопрагматическом аспекте важно подчеркнуть интенциональный характер выбора англоязычной номинации: использование лексемы *projectile* (снаряд) вместо технически аутентичного термина *missile* (ракета) направлено на искусственную деактуализацию наступательного статуса комплекса.

В семантической структуре военного английского языка лексема *projectile* закреплена за неуправляемыми метательными телами (снарядами, пулями), летящими по пассивной траектории за счет стартового импульса и лишенными собственной двигательной установки. В то же время комплекс HVGP по своим физическим характеристикам представляет собой управляемое ракетное оружие с собственной разгонной системой и маневрирующим блоком большой дальности. Таким образом, субъект воздействия умышленно осуществляет семантический подлог: подмена термина *missile* словом *projectile* блокирует восприятие комплекса как стратегического управляемого оружия, искусственно низводя его в разряд традиционной береговой артиллерии ближнего действия. Это позволяет субъекту воздействия, формально оставаясь в рамках пацифистской риторики, скрытно обходить конституционные ограничения на владение наступательными компонентами вооружения, вводя в заблуждение не только международное сообщество, но и собственных граждан.

Указанная стратегия эвфемизации и латентного когнитивного моделирования восприятия реальности находит свое прямое продолжение и в официальном дискурсе США. Если в японском кейсе центральным объектом маскировки выступал сам класс принимаемого на вооружение комплекса, то в официальных заявлениях Центрального командования ВС США (CENTCOM) данный инструмент применяется для прагматического искажения фактической картины боевого применения сил в угоду политической целесообразности, включая маскировку реальных масштабов применения военной силы.

Так, в официальном сообщении ведомства о массированном ударе по иранскому острову Харк ключевая роль отводится словосочетанию «высокоточный удар», которое в заданном контексте функционирует как классический эвфемизм «гуманной войны». Использование данного термина технологизирует восприятие событий, смещает фокус с физических разрушений инфраструктуры в плоскость контролируемой и безопасной технической процедуры.

Тот же лингвистический инструмент конструирования восприятия реальности прослеживается в заявлении ведомства по итогам семичасовой комбинированной операции против иранских военных объектов, систем береговой охраны и ВМС. Резюмируя итоги многочасового огневого поражения, оборонное ведомство использует словосочетание «ограничить возможности Ирана». Физическое выведение из строя военной инфраструктуры суверенного государства, то есть его уничтожение, переводится в плоскость легитимного технического регулирования. Слово «ограничение» априори транслирует аудитории образ умеренности и правомерности действий, полностью исключая из сознания общественности образы эскалации вооруженного конфликта.

Наряду с эвфемизацией собственных действий, США активно используют дисфемизмы для делегитимации оппонента. Репрезентативным примером является словосочетание «иранский режим», которое в медиадискурсе полностью вытеснило нейтральные номинации «правительство» или «руководство Ирана».

Лингвопрагматический анализ словосочетания позволяет выделить два уровня воздействия.

На первом уровне замещение лексемы «государство» словом «режим» латентно выводит оппонента из международно-правового поля,

формируя в сознании аудитории устойчивый образ власти, лишенной легальности и удерживающей позицию исключительно за счет принуждения.

На втором уровне, актуализированном на фоне геополитических событий весны 2026 года, связанных с ликвидацией высшего руководства Ирана, термин «режим» приобретает характер агрессивной прагмемы. Данная единица транслирует имплицитную установку на неизбежность «смены режима», трансформируя удары по стране в восприятии обывателя из акта внешней агрессии в процесс «освобождения». В результате прагмема «режим» полностью блокирует эмпатию к объекту воздействия, превентивно легитимизируя любые деструктивные действия против него в глобальном информационном пространстве.

Специфика лингвистического противоборства в глобальном медиасредине наглядно эксплицируется при сопоставлении американских оборонных сводок с официальными заявлениями противоположной стороны. Анализ риторики официальных представителей Исламской Республики Иран, транслируемой на ключевых международных площадках от трибуны Организации Объединенных Наций до ведущих информационных агентств, демонстрирует систематическую актуализацию прагмемы «ложь» и ее дериватов.

Высокая частотность использования данных единиц в медийных заголовочных комплексах свидетельствует о применении технологии априорной дискредитации оппонента как инструмента лингвистического проектирования. В исследуемых кейсах заголовки фактически утрачивают первичную информационную функцию, превращаясь в средство экспресс-ориентации адресата. Использование указанной прагмемы позволяет сформировать у аудитории специфический фильтр восприятия, при котором любые аргументы противоположной стороны автоматически девальвируются.

Подобная повторяемость представляет собой осознанный выбор языкового оператора, обладающего максимальным прагматическим потенциалом. С позиций лингвопрагматики, замена категориального слова «ложь» на синонимичные репрезентанты (в частности, на лексему «вранье») привела бы к нивелированию манипулятивного эффекта. Если смежные синонимы способны интерпретироваться как неумышленная неточность или субъективный вымысел, то прагмема «ложь» жестко маркирует речевой акт оппонента как сознательное и преднамеренное искажение истины с целью введения в заблуждение.

Использование данной прагмемы исключает вариативность интерпретаций, делая оценку аудитории прогнозируемой и константной.

В развитии этой стратегии иранская сторона использует лексему «преступные» и ее формы применительно к действиям США. Прагмема не просто выражает протест, а меняет юридический статус события: ракетные удары переводятся из категории полицейской операции в разряд прямого нарушения международного права.

В контексте рассматриваемого направления особое значение приобретает разграничение функционального потенциала идеологем и прагмем. Согласно базовым теоретическим концепциям, идеологема выступает основным оператором открытого «тоталитарного языка», репрезентирующим фундаментальные политические и идеологические ценности субъекта воздействия.

В анализируемом стратегическом дискурсе классические идеологемы (такие как концептуализированная в японской дипломатии и зафиксированная в оборонных документах Японии и США формула «свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион», устойчивые клише «ось нестабильности» и «государство-изгой» в официальных заявлениях США, а также доктринальный концепт «мировое высокотемпературное» в риторике Ирана) продолжают выполнять роль доктринального каркаса, задающего общие координаты противостояния. Однако современная практика информационно-психологического воздействия демонстрирует дистанцирование от доминирования открытых идеологических лозунгов.

Субъекты когнитивного моделирования восприятия реальности осознают, что явная идеологизация снижает доверие к информации и вызывает неприятие у аудитории. Вследствие этого идеологемы уступают место прагмам, которые внедряют необходимую политическую оценку под видом объективных, контекстуально нейтральных или военно-технических данных.

Особое значение для эффективности латентного конструирования восприятия реальности имеет институциональный статус источника информации. Он предопределяет специфику последующего прямого и косвенного цитирования официальных материалов в новостных лентах, при котором исходная терминологическая лексика имплицитно сохраняется в структуре вторичного медиатекста. В данном контексте актуализируется ключевой аспект обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере. Если явные, открытые зарубежные идеологемы (например, «государство-изгой»

или «ось нестабильности») легко идентифицируются отечественными массмедиа, подвергаются критическому переосмыслению и отторгаются аудиторией, то скрытые прагматические инструменты обладают высокой проникающей способностью. Эвфемизмы и прагмемы зачастую тиражируются субъектами средств массовой коммуникации без альтернативного анализа и прагматического дистанцирования с помощью кавычек, что в ряде случаев предопределяет их восприятие аудиторией в качестве нейтральной военно-технической данности.

Иными словами, сама специфика работы СМК и удержание контроля над первичной терминологической номинацией позволяют зарубежным акторам управлять глобальной интерпретационной повесткой, навязывая сконструированное ими восприятие реальности.

Заключение

Проведенное исследование на базе анализа официальных доктринальных документов Министерства обороны Японии, сводок Центрального командования ВС США (CENTCOM), а также заявлений официальных представителей Ирана позволило систематизировать ключевые инструменты информационно-психологического воздействия, включающие идеологемы, прагмемы, а также эвфемизмы и дисфемизмы.

Установлено, что основу лингвистического проектирования в современном официальном дискурсе составляет принцип латентности воздействия. В целях достижения информационного превосходства фиксируется закономерный отход от традиций открытого «тоталитарного языка» с его ключевым оператором идеологемы. Ей на смену приходят прагмемы – лексические единицы, оценивающие собственную предметность и опредмечивающие собственную оценочность. Эффективность данного воздействия предопределяется спецификой функционирования современных СМК.

Литература

1. Баскова, Ю.С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ: на материале русского и английского языков: специальность 10.02.19: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Баскова Юлия Сергеевна. Краснодар, 2006. 162 с.
2. Буренок, В.М. Развитие военных технологий XXI века: проблемы, планирование, реализация / В.М. Буренок, А.А. Ивлев, В.Ю. Корчак. Тверь: Купол, 2009. 624 с.
3. Воробьева, О.И. Политическая лингвистика. Современный язык политики / О.И. Воробьева. Москва: Икар, 2008. 296 с.
4. Галышина, Е.И. Специальные методы судебной лингвистической экспертизы и экспертные фантомы (размышления после прочтения криминалистических работ Р.С. Белкина) / Е.И. Галышина // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12, № 3. С. 33–39.
5. Дзюба, Е.В. «Архитектура многополярного мира»: строительная метафора в представлении политического образа мира / Е.В. Дзюба, С.А. Еремина // Политическая лингвистика. 2023. № 6 (102). С. 77–87.
6. Карасик, В.И. Языковые мосты понимания: монография / В.И. Карасик. Москва: Дискурс, 2019. 524 с.
7. Клушина, Н.И. Теория идеологии / Н.И. Клушина // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 54–58.
8. Копнина, Г.А. Речевое манипулирование: учебное пособие / Г.А. Копнина. 4-е изд. Москва: Флинта, 2012. 170 с.
9. Купина, Н.А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем / Н.А. Купина // Русский язык сегодня: сборник статей. Москва: Азбуковник, 2000. Вып. 1. С. 182–189.
10. Манойло, А.В. Информационное противоборство и государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны / А.В. Манойло, А.И. Петренко // Право и политика. 2003. № 9. С. 110–125.
11. Маркелова, Т.В. Знак-прагма как семиотическая доминанта аксиологического поля / Т.В. Маркелова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10, № 3. С. 581–592.
12. Обвинцева, О.В. Эвфемизм в политической коммуникации (на материале английского языка в сопоставлении с русским): специальность 10.02.20: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Обвинцева Ольга Владимировна. Екатеринбург, 2004. 192 с.
13. Прокофьев, В.Ф. Тайное оружие / Информационной войны: атака на подосознание / В.Ф. Прокофьев. 2-е изд., расш. и дораб. Москва: СИНТЕГ, 2003. 396 с.
14. Сковородников, А.П. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия / А.П. Сковородников, Г.А. Копнина // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 42–50.

15. Чудинов, А.П. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26). С. 37–49.

16. Эпштейн, М.Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) / М.Н. Эпштейн // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 19–33.

17. Entman, R.M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm / R.M. Entman // Journal of Communication. 1993. Vol. 43, Iss. 4. P. 51–58.

18. Van Dijk, T.A. Discourse and Power / T.A. Van Dijk. London: Palgrave Macmillan, 2008. 320 p.

LINGUISTIC DIMENSION OF INFORMATION WARFARE

Polisalo G.Yu.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

In the context of escalating geopolitical tensions, the study of linguistic tools used to form destructive narratives in the global media space acquires strategic importance. The research aims to identify the verbal mechanisms of cognitive modeling of reality perception within the official politico-diplomatic and defense discourse of foreign countries. The methodological framework of the study comprises critical discourse analysis, the media framing method, and linguopragmatic analysis. The empirical basis of the research includes official doctrinal documents of the Ministry of Defense of Japan, reports of the United States Central Command (CENTCOM), as well as statements by official representatives of Iran. In the course of the study, the verbal toolkit of information-psychological impact has been systematized, including ideologemes, pragmemes, as well as euphemisms and dysphemisms. It is established that modeling the perception of reality in modern official discourse is based on the principle of latency of impact, which determines a departure from the traditions of the overt "totalitarian language" with its key operator – the ideologeme. The increasing role of pragmemes, euphemisms, and dysphemisms as tools for the covert programming of meanings is substantiated. It is revealed that the specific functioning of modern mass communication media and maintaining control over the primary terminological nomination allow foreign actors to impose a constructed perception of reality on the audience through the mechanisms of direct and indirect quotation. The practical significance of the work lies in the fact that the results obtained serve as a theoretical and applied basis for the further development of sovereign linguistic strategies and tools for monitoring covert cognitive impact in order to ensure the information security of the Russian Federation.

Keywords: construction of reality perception; information warfare; information-psychological impact; mass communication media; ideologemes; pragmemes; euphemisms; dysphemisms.

References

1. Baskova, Yu. S. (2006). Euphemisms as a means of manipulation in the language of mass media: Based on Russian and English languages (Doctoral dissertation, Kuban State University, Krasnodar, Russia). 162 p.
2. Burenok, V. M., Ivlev, A. A., & Korchak, V. Yu. (2009). Development of military technologies of the XXI century: Problems, planning, implementation. Tver: Kupol. 624 p.
3. Chudinov, A. P., & Budaev, E. V. (2008). Cognitive-discursive analysis of metaphor in political communication. Political Linguistics, 3(26), 37–49.
4. Dzyuba, E. V., & Eremina, S. A. (2023). "Architecture of a multipolar world": A building metaphor in the representation of the political image of the world. Political Linguistics, 6(102), 77–87.
5. Entman, R. M. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. Journal of Communication, 43 (4), 51–58.
6. Epshtein, M. N. (1991). Ideology and language (model construction and discourse comprehension). Topics in the Study of Language, (6), 19–33.
7. Galyashina, E. I. (2017). Special methods of forensic linguistic expertise and expert phantoms (reflections after reading the forensic works of R.S. Belkin). Theory and Practice of Forensic Science, 12(3), 33–39.
8. Karasik, V. I. (2019). Linguistic bridges of understanding. Moscow: Diskurs. 524 p.
9. Klushina, N. I. (2014). Theory of ideologemes. Political Linguistics, 4(50), 54–58.
10. Kopnina, G. A. (2012). Speech manipulation (4th ed.). Moscow: Flinta. 170 p.
11. Kupina, N. A. (2000). Language construction: From the system of ideologemes to the system of culturemes. In Russian Language Today: Collection of Articles (Iss. 1, pp. 182–189). Moscow: Azbukovnik.
12. Manoilo, A. V., & Petrenko, A. I. (2003). Information warfare and state information policy in the context of information-psychological war. Law and Politics, (9), 110–125.
13. Markelova, T. V. (2019). The pragme sign as a semiotic dominant of the axiological field. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 10(3), 581–592.
14. Obvintseva, O. V. (2004). Euphemism in political communication (Based on the English language in comparison with Russian) (Doctoral dissertation, Ural State University, Ekaterinburg, Russia). 192 p.
15. Prokofiev, V. F. (2003). Secret weapon of information warfare: Attack on the subconscious (2nd ed.). Moscow: SINTEG. 396 p.
16. Skovorodnikov, A. P., & Kopnina, G. A. (2016). Linguistics of information-psychological warfare: Towards the justification and definition of the concept. Political Linguistics, 1(55), 42–50.
17. Van Dijk, T. A. (2008). Discourse and power. London: Palgrave Macmillan. 320 p.
18. Vorobeva, O. I. (2008). Political linguistics. The modern language of politics. Moscow: Ikar. 296 p.

Рахконен Марина Евгеньевна,

старший преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственного управления (РАНХиГС Санкт-Петербург)

E-mail: rakkomar@rambler.ru

Статья посвящена философскому осмыслению нейромодерна как новой формы рациональности, которая формируется в условиях распространения технологий генеративного искусственного интеллекта. Актуальность темы обусловлена трансформацией механизмов интерпретации знания и интеллектуального действия в цифровую эпоху, при которой алгоритмические структуры начинают участвовать в формировании символических конструкций. Цель статьи состоит в концептуализации нейромодерна как самостоятельной философской категории, описывающей переход к гибридной когнитивной среде распределения когнитивных функций между человеком и нейросетевой инфраструктурой. В статье были решены следующие задачи: определено содержание категорий модерна, постмодерна и метамодерна, а также пределы их применения к современным формам технологически опосредованного мышления; выявлены особенности преобразования рациональности в условиях нейросетевых технологий; определены философско-антропологические последствия перераспределения когнитивных функций между субъектом и алгоритмами. Методологическим основанием исследования выступили философско-антропологический, герменевтический и эпистемологический подходы. Результаты исследования заключаются в обосновании нейромодерна как нового типа организации мышления, отличного от метамодернизма. Установлено, что нейромодерн связан с изменением эпистемологической архитектуры интеллектуальной деятельности, при котором непрозрачность вычислительных процессов становится нормальным условием приращения нового знания, а субъект утрачивает исключительное положение производителя смыслов.

Ключевые слова: нейромодерн, рациональность, генеративный искусственный интеллект, нейросетевые системы, цифровая эпоха, метамодерн, субъект.

Актуальный статус концепции нейромодерна позволяет говорить о ее зачаточном характере. Сегодня цифровая медиальность перестаёт быть исключительно технической инфраструктурой коммуникации и начинает затрагивать сами механизмы производства мышления. В существующих публикациях термин используется фрагментарно: в одних случаях он используется как публицистический маркер очередной стадии цифровизации, в других – как маркетинговая метафора для распространения генеративного искусственного интеллекта. Подобная расплывчатость понятия объясняется тем, что нейромодерн пока не получил собственной философского обоснования в рамках логики смены культурно-исторических эпох. Между тем сама необходимость введения данного понятия свидетельствует о нарастающем расхождении между классическими моделями рациональности и реальными формами актуальной когнитивной деятельности.

Категории модерна, постмодерна и метамодерна продолжают сохранять аналитическую продуктивность применительно к описанию цифровой культуры. Вместе с тем их объяснительный потенциал оказывается ограниченным в ситуации, когда алгоритмические системы начинают участвовать в генерации интерпретаций и символических конструкций. Модерн исходил из представления о рациональном субъекте, способном производить универсальное знание через процедуры рефлексии и логического упорядочивания опыта. Рациональность здесь предполагала реконструируемость интеллектуального процесса: мысль должна была сохранять ясность относительно собственного происхождения и внутреннюю причинную обусловленность. Как отмечают О.Н. Герман и Н.М. Панькова, в условиях социовиртуальной реальности «современный человек все чаще выступает не как носитель личного опыта, а как оператор внешних данных», что принципиально изменяет процессы интериоризации и структуру сознания [1, с. 200].

Постмодернистская критика сместила центр анализа в сторону языка. Идея единого основания знания подверглась деконструкции. Постмодерн все еще сохранял антропоцентрическую организацию мышления. Человек оставался единственным носителем интерпретации. В.С. Сапожникова указывает, что эпоха постмодерна «сменив уникальность на тиражируемость, новизну – на повторение, стремление следовать большим идеям – интеллектуальной игрой», подготовила условия для становления метамодерна [9, с. 636].

Метамодерн продемонстрировал попытку преодоления постмодернистского кризиса посредством возврата к эмоциональной искренности. Именно в рамках метамодернистского дискурса возникает категория осцилляции. Она предполагает циркуляцию смыслов между несовместимыми регистрами опыта. О. Прикот рассматривает цифровизацию как «мощный сервиальный триггер, инициирующий реализацию метамодернистского дискурса в образовании», изменяющий представления о цифровом благополучии образовательных персон [8, с. 16].

В этом отношении метамодерн действительно фиксирует важную характеристику цифровой эпохи: существование субъекта внутри непрерывно колеблющегося информационного пространства. Однако сама структура мышления в метамодернистской модели остаётся по преимуществу человеческой концепцией – механизмы когнитивного производства сохраняют прежнюю антропологическую организацию. По наблюдению А.В. Крыловой, результатом существования поколения миллениалов в условиях цифровизации и глобальной нестабильности становится «новая иерархия ценностей и наличие общей социокультурной эмоции, сформированной в противовес внешней деструктивности» [3, с. 56].

Нейросетевые технологии формируют уже иную ситуацию. Их распространение связано с постепенным перераспределением интеллектуальных функций между человеком и вычислительной средой. Генеративный искусственный интеллект участвует в написании текстов, создании визуальных образов, интерпретации данных, аналитическом моделировании, даже принятии отдельных решений. В результате возникает форма когнитивного взаимодействия, при которой субъект всё чаще имеет дело с готовым результатом без доступа к полной реконструкции процедуры его возникновения.

Если модерн был ориентирован на прозрачность рационального процесса, а постмодерн – на множественность интерпретаций, нейросетевая эпоха постепенно нормализует непрозрачность самого механизма мышления. Н.Н. Покровская, Т.В. Сметанина и С.И. Шелонаев

указывают, что социально-управленческие подходы эпохи модерна «не всегда соответствуют задачам и социальной реальности постсовременного информационного общества («метамодерна»)» [6, с. 6].

Пользователь ежедневно взаимодействует с системами, чьи внутренние вычислительные процессы принципиально не обнаружимы, они не сводятся к линейной логике объяснения. Речь идёт уже не о дефиците информации, характерном для прежних этапов развития знания. Интеллектуальный результат оказывается доступен раньше, чем его обоснование, а сам статус рациональности как исторической формы организации мышления сильно усечен.

В этих условиях нейромодерн целесообразно рассматривать не как продолжение digital-культуры. Его философская специфика связана с изменением эпистемологической архитектуры интеллектуальной деятельности. Нейромодерн обозначает ситуацию, при которой производство знания и символических форм начинается осуществляться внутри гибридной когнитивной среды комбинации человека и нейросетевые системы. Алгоритм перестаёт быть исключительно техническим посредником и включается в процесс формирования смыслов.

Все это позволяет дифференцировать метамодерн и нейромодерн.

Метамодерн описывает культурную чувствительность поздней цифровой эпохи и способы символической самоорганизации субъекта. Нейромодерн затрагивает более глубокий уровень – преобразование механизмов рациональности, изменения корреляции между мышлением, памятью, интерпретацией и вычислением. Поэтому нейромодерн не сводится к очередному «стилю эпохи». Д.И. Егоров обращает внимание на то, что в метамодернистском дискурсе возникают проблемы использования концептов «после постмодерна», «после конца истории» и «новая структура чувств» применительно к анализу современных культурных процессов [2, с. 82].

Речь идёт о переходе к иной форме организации интеллектуальной деятельности, где когнитивные операции распределяются между человеком и алгоритмическими системами. Природа рациональности постепенно утрачивает прежнюю зависимость от принципа объективности.

Распространение генеративного искусственного интеллекта изменяет статус знания внутри современной культуры существенно глубже, чем было ранее. Ранние формы сетевой медиальности были связаны преимущественно с ускорением доступа к информации. Алгоритм в подобной системе выполнял инфраструктурную функцию: он обеспечивал сортировку и техническую организацию информационных потоков. Нейросетевые системы вмешиваются уже в производство интеллектуального результата. Алгоритмы машинного обучения участвуют в формировании текста, визуального образа, структуры аргументации, аналитической гипотезы. В результате граница между человеческим и вычислительным актом постепенно теряет прежнюю определённость.

В модернистской традиции рациональность предполагала возможность реконструкции мыслительного процесса через последовательность логических операций. Даже при наличии фактора интуиции итоговое суждение должно было сохранять связь с прозрачной процедурой собственного обоснования. Эпистемологическая ценность знания определялась в том числе способностью субъекта объяснить происхождение вывода, воспроизвести цепочку рассуждений и установить каузальную обусловленность интеллектуального действия.

Нейросетевые системы функционируют в иной логике. Их работа строится на обработке огромных массивов корреляций, статистическом сопоставлении паттернов и вероятностной генерации результата. В подобных условиях итог интеллектуальной операции всё чаще возникает раньше, чем становится возможным его концептуальное описание.

Изменяется сам статус рациональности. Если классическая философия связывала мышление с процедурами объяснения, то нейромодерн формирует ситуацию, при которой эффективность интеллектуального результата начинает преобладать над прозрачностью его происхождения. Пользователь получает текст – аналитическую конструкцию, способную функционировать внутри научного или профессионального пространства, однако внутренняя логика её вычислительного возникновения остаётся скрытой. Непрозрачность перестаёт восприниматься как технический недостаток. Она интегрирована в повседневные практики интеллектуальной деятельности в качестве нормального режима функционирования знания.

Наиболее отчётливо это проявляется в преобразовании конструкции авторства. Модернистская модель творчества исходила из идеи индивидуального субъекта – производителя идеи на всех стадиях их формирования. Даже коллективные формы интеллектуальной деятельности сохраняли представление о человеческом источнике смыс-

лообразования. Генеративные нейросетевые системы размывают этот конструкт. Автор всё чаще оказывается не единственным производителем содержания, а координатором вычислительных процессов или интерпретатором уже сформированного материала. И.В. Породин отмечает, что «мир-текст, в эпоху глобальной цифровизации представляет собой бесконечный лишенный авторства гипертекст», внутри которого трансформируется языковая личность [7, с. 440].

Аналогичные механизмы возникают в научном творчестве, аналитике, программировании, проектировании, образовании. Существенная часть интеллектуальной деятельности строится вокруг взаимодействия с результатами работы алгоритмов. Человек задаёт параметры работы алгоритма и несёт ответственность за последствия решения, однако значительная доля когнитивных операций выполняется во внешней среде.

Речь идёт о такой организации интеллектуальной деятельности, при которой мышление перестаёт локализоваться исключительно внутри сознания индивида. Когнитивный процесс распределяется между субъектом и нейросетями. Алгоритм не обладает субъектностью в классическом философском смысле, поскольку лишён рефлексивного опыта. Тем не менее, он включается в производство смыслов. Как отмечает Е.В. Хлыщева, метамодерн воспринимает культуру «как один общий поток смыслов», вследствие чего возникает потребность не только получать контент, но и переживать его как опыт [10, с. 10].

Возникающая здесь проблема связана с изменением когнитивной инициативы. В цифровой культуре начала XXI века пользователь сохранял монопольное положение источника интерпретации. Сегодня алгоритм также обеспечивает навигацию внутри информационного пространства. Нейросети всё чаще предлагают готовые решения. В результате инициатива мышления начинает частично смещаться от субъекта к вычислительным механизмам среде. Сама структура интеллектуального поиска всё в большей степени формируется алгоритмически.

Это обстоятельство меняет и отношение к когнитивной ошибке. В рациональности модерна ошибка рассматривалась как следствие недостаточности знания, логической непоследовательности или ограниченности опыта. Нейросетевой вывод порождает иную ситуацию. Даже убедительный результат способен содержать скрытые искажения, ИИ-галлюцинации или ложные корреляции.

Одновременно изменяется статус интерпретации. Сознание модерна стремилось к обнаружению достоверного вывода, даже если сама возможность окончательной истины подвергалась сомнению. Нейромодерн демонстрирует ситуацию непрерывной генерации интерпретаций, в рамках которой интеллектуальный результат существует как динамическая конфигурация вероятностей. Нейросетевой текст воспроизводит потенциально бесконечную вариативность смысловых комбинаций.

Речь идёт о перестройке самой эпистемологической модели культуры. Рациональность нейромодерна постепенно утрачивает модернистский окрас, на уходит от полной объяснимости интеллектуального процесса и переходит к иной форме организации знания. В рамках этой ситуации непрозрачность вычислительных механизмов сосуществует с высокой степенью доверия к результатам их функционирования. Именно эта комбинация – скрытость внутреннего механизма и повседневная интеграция его выводов в производство решений – становится одной из определяющих характеристик нейромодерна как новой формы рациональности. Е.В. Листвина пишет, что метамодернизм представляет собой «новую попытку уловить свое положение в постоянно варьирующемся настоящем» и одновременно форму быстрого реагирования на вызовы времени [4, с. 41].

Нейросетевое преобразование культуры затрагивает саму антропологическую структуру мышления. Вопрос постепенно смещается из области технического расширения человеческих возможностей в область изменения границ субъективности. Если ранняя цифровая эпоха сохраняла представление о человеке как о субъекте интерпретации, то генеративный искусственный интеллект формирует более сложную структуру взаимодействия нейтрализации различия между внешним техническим средством и внутренним когнитивным процессом.

Классическая модель субъекта модерна строилась вокруг идеи автономного сознания. Мыслительный акт предполагал внутреннее единство памяти, интерпретации, интенциональности и воли. Даже при различии разнообразия философских подходов – от трансцендентального субъекта немецкой классики до феноменологической проблематики сознания – сохранялось представление о человеческом мышлении как об исходном ядре в процессе производства смысла. Технические системы не вмешивались непосредственно в структуру самого когнитивного акта. Как отмечают М.В. Мананникова и О.П. Алексеева, в условиях гиперкоммуникации происходит «редукция бытийного из-

мерения идентичности человека к виртуально-герменевтическому его «двойнику», что сопровождается углублением процессов отчуждения [5, с. 155].

Нейросетевые системы меняют данное соотношение. Происходит постепенная интеграция вычислительных процедур в повседневные механизмы мышления. Человек всё чаще взаимодействует с алгоритмически производимыми текстами как с частью собственной интеллектуальной среды. В результате мыслительный процесс начинает осуществляться в пространстве постоянного обмена между индивидуальным сознанием и внешней вычислительной архитектурой.

Особенно заметно это проявляется в трансформации творческого акта. Модернистская эстетика исходила из идеи внутренней оригинальности как выражения индивидуального сознания. Даже в условиях постмодернистской интертекстуальности сохранялось представление о человеческом источнике композиционного решения и смысловой селекции. Генеративный искусственный интеллект меняет ситуацию. Текст, визуальный образ или музыкальная структура возникают внутри вычислительной процедуры вероятностной реконструкции огромного массива культурных паттернов. Человек всё чаще осуществляет лишь управление параметрами генерации и последующую интерпретационную обработку результата.

Речь при этом не идёт о вытеснении человека машиной или о формировании самостоятельного искусственного субъекта в сильном онтологическом смысле. Нейросетевые системы лишены экзистенциального опыта и рефлексии. Они включаются в процессы смыслообразования настолько глубоко, что сама структура интеллектуальной деятельности перестаёт быть исключительно человеческой. Возникает распределённая система когнитивного участия. В её рамках производство знания осуществляется через постоянное взаимодействие субъекта и алгоритма.

Меняется и природа ответственности. Генеративные системы способны производить решения, последствия которых затрагивают значимые социальные процессы. Однако ответственность за данные последствия возлагается на человека. Возникает парадокс: субъект утрачивает монополию на производство смыслов, но сохраняет обязанность отвечать за результаты алгоритмически опосредованного мышления. Именно здесь обнаруживается одно из фундаментальных противоречий нейромодерна. Когнитивное действие становится распределённым. Социальная ответственность остаётся преимущественно индивидуализированной.

Как итог, нейромодерн демонстрирует не исчезновение человеческой рациональности, а переход к иной форме её существования. Мышление всё чаще осуществляется внутри комбинированной системы «человек – нейросеть». В рамках этой системы интеллектуальный процесс развивается посредством взаимодействия рефлексивного сознания и вычислительной среды. Изложенные обстоятельства сохраняют статус человека как носителя интерпретации и ответственности, однако сама структура когнитивного существования уже перестаёт совпадать с классической моделью автономного субъекта философии модерна.

Литература

1. Герман О.Н., Панькова Н.М. Трансформация модели сознания в условиях социовиртуальной реальности // Векторы благополучия: экономика и социум. 2025. Т. 53. № 4. С. 200–213.
2. Егоров Д.И. Историзация метамодернизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 4. С. 82–90.
3. Крылова А.В. Парадоксы и загадки метамодерна // Южно-Российский музыкальный альманах. 2022. № 2(47). С. 56–62.
4. Листвина Е.В. Современная социокультурная ситуация: проблема ценностных ориентиров // Аспирантский вестник Поволжья. 2022. Т. 22. № 3. С. 41–43.
5. Мананникова М.В., Алексеева О.П. Язык и цифровая реальность метамодерна: новые формы отчуждения человека в эпоху гиперкоммуникации // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2025. № 6. С. 155–163.

6. Покровская Н.Н., Сметанина Т.В., Шелонаев С.И. Социальные взаимодействия в партисипативных моделях распределённых сетей: актуализация понятий в условиях цифровых трансформаций // Социология и право. 2021. № 3(53). С. 6–18.

7. Породин И.В. Языковая и языковая цифровая личности: проблематика дискурса метамодернизма // Казанская наука. 2024. № 5. С. 440–442.

8. Прикот О. Цифровое благополучие персоны в образовательной экосистеме метамодерна. Часть 2 // Образовательная политика. 2023. № 1(93). С. 16–29.

9. Сапожникова В.С. От модерна – к метамодерну. Смена эпох как трансформация форм творческой активности: от философии до моды // Ученый совет. 2021. № 8. С. 636–641.

10. Хлыщева Е.В. Метамодерн как новое мировидение: синтез массового и элитарного // Вопросы элитологии. 2021. Т. 2. № 2. С. 10–21.

NEUROMODERNITY AS A NEW FORM OF RATIONALITY IN THE DIGITAL AGE

Rahkonen M.E.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article explores the philosophical understanding of neuromodernity as a new form of rationality emerging in the context of the spread of generative artificial intelligence technologies. The relevance of this topic stems from the transformation of the mechanisms of knowledge interpretation and intellectual action in the digital age, in which algorithmic structures are beginning to participate in the formation of symbolic constructs. The purpose of this article is to conceptualize neuromodernity as an independent philosophical category, describing the transition to a hybrid cognitive environment where cognitive functions are distributed between humans and neural network infrastructure. The article addresses the following objectives: defining the categories of modernity, postmodernity, and metamodernity, as well as the limits of their application to contemporary forms of technologically mediated thinking; identifying the specifics of rationality's transformation in the context of neural network technologies; and defining the philosophical and anthropological consequences of the redistribution of cognitive functions between the subject and algorithms. The methodological basis of the study is philosophical and anthropological, hermeneutic, and epistemological approaches. The results of the study substantiate neuromodernity as a new type of thought organization, distinct from metamodernism. It is established that neuromodernity is associated with a change in the epistemological architecture of intellectual activity, in which the opacity of computational processes becomes a normal condition for the accretion of new knowledge, and the subject loses its exclusive position as a producer of meanings.

Keywords: neuromodernity, rationality, generative artificial intelligence, neural network systems, digital age, metamodernity, subject

References

1. German O.N., Pankova N.M. Transformation of the model of consciousness in the conditions of sociovirtual reality // Vectors of well-being: economics and society. 2025. Vol. 53. № 4. pp. 200–213.
2. Egorov D.I. Historicization of metamodernism // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences. 2022. No. 4. pp. 82–90.
3. Krylova A.V. Paradoxes and riddles of the metamodern // South Russian Musical Almanac. 2022. No. 2(47). pp. 56–62.
4. Listvina E.V. The modern socio-cultural situation: the problem of value orientations // Postgraduate Bulletin of the Volga region. 2022. Vol. 22. No. 3. pp. 41–43.
5. Manannikova M.V., Alekseeva O.P. Metamodern language and digital reality: new forms of human alienation in the era of hypercommunication // Intelligence. Innovation. Investment. 2025. No. 6. pp. 155–163.
6. Pokrovskaya N.N., Smetanina T.V., Shelonaev S.I. Social interactions in participatory models of distributed networks: Actualization of concepts in the context of digital transformations // Sociology and Law. 2021. No. 3(53). pp. 6–18.
7. Porodin I.V. Linguistic and linguistic digital personality: problems of the discourse of metamodernism // Kazan Science. 2024. No. 5. pp. 440–442.
8. Prikot O. Digital well-being of a person in the educational ecosystem of the metamodern. Part 2 // Educational policy. 2023. No. 1(93). pp. 16–29.
9. Sapozhnikova V.S. From modernity to metamodernity. The change of epochs as a transformation of forms of creative activity: from philosophy to fashion // Academic Council. 2021. No. 8. pp. 636–641.
10. Khlyshcheva E.V. Metamodern as a new worldview: synthesis of mass and elite // Issues of Elitology. 2021. Vol. 2. No. 2. pp. 10–21.

Методический дизайн нейросоциологического исследования, направленного на прогнозирование поведения больших ассоциирующихся социальных групп при информационном воздействии

Резников Михаил Юрьевич,

стажер-исследователь, Институт исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; стажер-исследователь, Лаборатория социологического мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН
E-mail: MYReznikov@fa.ru

Бельников Сергей Сергеевич,

аспирант, Факультет социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ssbelnikov@fa.ru

Швед Дмитрий Михайлович,

кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник отдела нейрофизиологии, психофизиологии и психологии деятельности человека-оператора ГНЦ РФ – ИМБП РАН
E-mail: d.shved84@gmail.com

Статья представляет авторскую схему нейросоциологического исследования, в которой групповая реакция на информационный стимул анализируется как последовательность измеряемых переходов: от исходного состояния к первичному восприятию, обсуждению, раскрытию статуса сообщения и повторной оценке. Предлагаемый дизайн соединяет социологический опрос, социометрию, регистрацию сердечно-сосудистых и нейрофизиологических параметров, а также расчет интегральных индексов. Особое внимание уделено тому, как переводятся в измеряемую форму межкультурная согласованность, групповая консолидация, изменение позиции после коррекции, резонансная реакция и устойчивость первоначального убеждения. Работа носит методический характер и задает основу для последующей эмпирической проверки.

Ключевые слова: нейросоциология; большие ассоциирующиеся социальные группы; информационное воздействие; дезинформация; прогнозирование поведения; нейросоциологические индексы; групповая динамика.

Статья подготовлена по результатам научно-исследовательской работы «Нейросоциологические основы прогнозирования поведения больших ассоциирующихся социальных групп», выполненной при финансовой поддержке Научного фонда Финансового университета.

Введение

Информационное воздействие в современных группах редко ограничивается самим фактом получения сообщения. Между стимулом и итоговой позицией возникает цепочка промежуточных состояний: внимание, эмоционально-когнитивная мобилизация, обмен аргументами, ориентация на значимых участников и переоценка после появления проверочной информации. Поэтому для исследования недостаточно фиксировать только ответ в анкете; необходимо описывать процесс, в котором этот ответ складывается.

В настоящем дизайне группа рассматривается как поле согласования реакций, а не как механическая сумма индивидуальных мнений. Если участники одновременно работают с одним материалом, их физиологические ряды, оценки и линии обсуждения могут сближаться или, напротив, расходиться. Эта логика соотносится с исследованиями межкультурной синхронизации, нейронного сопряжения и физиологической координации [3–8], однако переносится в социологическую процедуру как проверяемая гипотеза, а не как готовое объяснение.

Проблема исследования состоит в разрыве между итоговой самооценкой участника и скрытой динамикой ее формирования. Опрос показывает, что человек сообщил после стимула, но не раскрывает, когда возникла реакция, усилилась ли она в обсуждении и изменилась ли после коррекции. Поэтому дизайн объединяет экспериментальный порядок предъявления сообщений, регистрацию временных рядов, социометрический контекст и статистическое моделирование.

Цель статьи – описать методический каркас исследования и показать, каким образом абстрактные конструкты нейросоциологии переводятся в наблюдаемые показатели, пригодные для последующей эмпирической проверки и построения прогностической модели.

Теоретико-методологические основания исследования

Методологическая логика строится вокруг сопоставления трех плоскостей: индивидуального физиологического отклика, субъективной оценки сообщения и структуры группового взаимодействия. На индивидуальном уровне анализируется отклонение от базового состояния; на групповом – степень сходства реакций, направление сдвига мнений и роль социометрических позиций.

Под большой ассоциирующейся социальной группой в статье понимается не формальная организация и не случайная массовая аудитория, а совокупность участников, которые временно объединены общим информационным стимулом, обсуждением и возможностью выработки сходных оценок. Такая рамка позволяет изучать ранние формы группового согласования до их превращения в устойчивое коллективное действие.

Нейросоциологический компонент заключается в том, что социологические показатели сопоставляются с ЧСС, ВСР, амплитудой ФПГ и активностью в альфа- и бета-диапазонах. Эти данные не заменяют интерпретацию поведения, а уточняют временную структуру реакции: когда она возникает, насколько выражена и совпадает ли по динамике у разных участников [1; 2].

Теоретическая опора дизайна распределена по трем направлениям. Первое показывает, что общий стимул может вызывать согласованные паттерны реакции у разных людей [3; 5]. Второе связывает физиологическую синхронность с координацией и сплоченностью [7; 8]. Третье описывает устойчивость дезинформации и условия пересмотра ошибочных убеждений [12–18].

Понятия синхронизации, резонанса, пластичности и аттрактора используются как рабочие аналитические обозначения. Они не предполагают, что социальная группа буквально функционирует как мозг; речь идет о способе описать проверяемые отношения между временными рядами, оценками и последующим поведением.

Цель, объект, предмет и гипотезы методического дизайна

Задача исследования – собрать и апробировать комплексный инструмент, который позволяет переходить от регистрации отдельных

реакций к оценке вероятной групповой динамики. В состав инструментария входят сценарий эксперимента, перечень регистрируемых параметров, правила подготовки данных, индексная система и блок статистического анализа.

Объектом выступает группа участников, совместно включенная в восприятие и обсуждение сообщений разного статуса. Предметом являются изменения сердечно-сосудистых, нейрофизиологических и оценочных показателей при переходе от ложного сообщения к обсуждению, затем к достоверному сообщению и корректирующей информации.

Основная гипотеза состоит в том, что разные фазы процедуры формируют разные профили реакции. Для первичного предъявления ожидается один рисунок вовлечения, для обсуждения – другой, для раскрытия статуса сообщения – третий. Поэтому анализ строится не вокруг отдельного маркера, а вокруг конфигурации показателей и ее изменения во времени.

Групповая гипотеза формулируется осторожно: если после обсуждения снижается разброс оценок и одновременно возрастает согласованность временных рядов, это может указывать на формирование общего направления интерпретации. Если же после коррекции сохраняются прежние оценки и близкий физиологический профиль, это рассматривается как возможная устойчивость исходного убеждения.

Экспериментальная процедура

Процедура организована как последовательная проверка реакции на сообщение. Сначала задается индивидуальный базовый уровень, затем предъявляются ложные и достоверные стимулы, вводятся периоды обсуждения, после чего раскрывается статус материалов и фиксируется итоговая переоценка. Такая логика позволяет разделить эффект самого текста, эффект взаимодействия и эффект последующего уточнения информации (табл. 1).

Таблица 1. Этапы проведения исследования

Этап	Содержание	Данные	Методический смысл
0. Калибровка	Нейтральное состояние	ЧСС, ВСР, ФП-Гамп, α , β , β/α	Базовый уровень
1. Ложная новость 1	Первичное предъявление	Физиоряды, оценки	Реакция на непроверенную информацию
2. Обсуждение 1	Групповая дискуссия	Физиоряды, сдвиг оценок	Вклад взаимодействия
3. Ложная новость 2	Повторный ложный стимул	Те же показатели	Устойчивость профиля
4. Обсуждение 2	Повторная дискуссия	Те же показатели	Согласование мнений
5. Достоверная новость	Сопоставимый достоверный стимул	Те же показатели	Сравнение классов стимулов
6. Обсуждение	Дискуссия о достоверном стимуле	Те же показатели	Различия обработки
7. Раскрытие статуса	Сообщение о ложном и достоверном материале	Физиоряды, оценки	Реакция на коррекцию
8. Итог	Финальная переоценка	Итоговые оценки, аргументы	Устойчивость или перестройка

Регистрируемые показатели и подготовка данных

Физиологический блок включает показатели, которые чувствительны к активации, регуляции внимания и изменению общего уровня напряжения: ЧСС, ВСР, амплитуду ФПГ, мощность альфа- и бета-ритмов, отношение β/α , а также латентность и длительность отклонения от базовой линии.

Социологический блок фиксирует не только доверие к сообщению, но и его значимость, степень согласия, эмоциональную окраску, сдвиг позиции после обсуждения и реакцию на раскрытие статуса. Социометрические данные нужны для того, чтобы отличать усредненную групповую реакцию от реакции участников с разной позицией влияния.

Перед расчетом индексов временные ряды очищаются от грубых артефактов, синхронизируются по моментам предъявления стимулов и делятся на сопоставимые интервалы. Внутри каждого интервала показатель переводится в отклонение от индивидуальной калибровки:

$$z = (X - M_{base}) / SD_{base}$$

где X обозначает текущее значение, M_{base} – средний уровень в калибровке, SD_{base} – его стандартное отклонение. Такая нормировка уменьшает влияние исходных

различий между участниками и делает возможным расчет групповой согласованности.

Система конструкторов и индексов

Индексная система выполняет роль промежуточного языка между сырыми рядами и социологической интерпретацией. Каждый индекс связан с конкретной процедурой измерения и заранее заданным критерием проверки, что снижает риск свободного толкования физиологических данных (табл. 2).

Таблица 2. Система нейросоциологических конструкторов и индексов

Конструктор	Индекс	Смысл	Показатели	Критерий валидности
Межсубъектная синхронизация	ИНСГ	Согласованность реакции	Корреляции ЧСС, ВСР, ФП-Гамп, β/α	Снижение разброса оценок
Физиологическая консолидация	IPC	Усиление согласованности после обсуждения	ДИНСГ	Связь с групповым согласием
Коллективная нейропластичность	CNP	Перестройка после новой информации	Расстояние профилей	Изменение оценок после раскрытия
Когнитивный резонанс	CR	Быстрая синхронная реакция	Sync, Act, Lat	Общий фокус внимания
Аттрактор мнения	IACM	Сдвиг к доминирующей оценке	SD оценок, расстояние профилей, ΔS_{sync}	Устойчивая общая позиция
Восприимчивость к непроверенной информации	IPTG	Принятие до проверки	Оценка достоверности, Δ ЧСС, Δ ВСР, Δ ФПГамп, Δ β/α	Высокая оценка ложного сообщения
Коллективное вовлечение	ICE	Включенность в восприятие и обсуждение	Активация, синхронность	Интенсивность обсуждения
Различение достоверности	ITD	Различение классов стимулов	Различия оценок и профилей	Более высокая оценка достоверного
Конформное согласование	ICA	Сближение без новых фактов	Сдвиг к среднему, снижение SD, ΔS_{sync}	Согласование до раскрытия
Когнитивная коррекция	ICC	Изменение после раскрытия	Снижение доверия, расстояние профилей	Признание ошибочности оценки
Соппротивление коррекции	IRC	Сохранение исходной реакции	Остаточная вера, сходство профилей	Удержание позиции
Значимость стимула	IER	Интенсивность реакции	Δ ЧСС, Δ ВСР, Δ ФПГамп, Δ α , Δ β , Δ β/α	Субъективная значимость

Индекс нейрофизиологической синхронизации группы

ИНСГ рассчитывается как показатель сходства динамики ЧСС, ВСР, ФПГамп и β/α у участников, находящихся в одном экспериментальном окне. Содержательно он отражает не согласие с сообщением, а степень совпадения временного рисунка реакции. Методически индекс опирается на парные корреляции и преобразование Фишера, что согласуется с логикой исследований межсубъектной синхронизации [3; 5].

$$ИНСГ = (r_{ЧСС} + r_{ВСР} + r_{ФПГ} + r_{\beta/\alpha}) / 4$$

Индекс физиологической консолидации группы

IPC вводится для сравнения состояния группы до и после обсуждения. Если после дискуссии ИНСГ возрастает, это трактуется как усиление общего физиологического рисунка; если снижается, это трактуется как возможный переход к разным стратегиям обработки сообщения. Такой вывод требует обязательного сопоставления с содержанием оценок.

$$IPC = ИНСГ_{post} - ИНСГ_{pre}$$

Индекс коллективной нейропластичности

CNP описывает не величину доверия к сообщению, а масштаб перестройки индивидуального профиля после появления новой информации. Конструктор связан с проблемой обновления убеждений и коррекции дезинформации [12; 13; 16–18]. Для каждого участника сопоставляются стандартизированные профили на этапе ложного сообщения и после коррекции:

$$D_j = \sqrt{\sum_i \Delta z_{ij}^2}$$

$$\Delta z_{ij} = z_{fake, ij} - z_{corr, ij}$$

$$CNP = (1/N) * \sum_j D_j$$

Чем выше CNP, тем сильнее изменился профиль реакции; однако знак изменения определяется не самим расстоянием, а направлением сдвига оценок и аргументов участника.

Индекс когнитивного резонанса

CR используется для обозначения ситуации, когда сообщение быстро собирает внимание группы и вызывает выраженный согласованный отклик. В отличие от ИНСГ, здесь учитываются не только синхронность, но и сила активации, а также латентность реакции:

$$CR = (Sync_z + Act_z - Lat_z) / 3$$

Индексы группового мнения, восприимчивости и коррекции

Остальные индексы предназначены для тех компонентов групповой динамики, которые нельзя вывести из физиологических рядов напрямую. Они связывают данные регистрации с самооценками и позволяют разделить сближение мнений, доверие к непроверенной информации, эффект обсуждения и реакцию на последующее опровержение.

Индекс аттрактора коллективного мнения описывает не среднюю оценку, а появление направления, к которому после обсуждения смещаются индивидуальные позиции. Индекс первичной восприимчивости применяется до раскрытия статуса материала и обязательно включает субъективную оценку достоверности, поскольку физиологическая активация сама по себе не различает доверие, тревогу и интерес [14; 15].

Индексы вовлечения, различения достоверности, конформного согласования, когнитивной коррекции, сопротивления коррекции и значимости стимула образуют общую схему чтения результатов. Они позволяют отдельно оценивать силу реакции, способность различать классы сообщений, вклад обсуждения и степень пересмотра позиции после раскрытия статуса.

Система статистического и математического анализа данных

Аналитический контур строится как последовательность проверок, а не как один универсальный расчет. Корреляции нужны для оценки синхронности, но повторные измерения, различия между стимулами, вложенность участников в сессии и социометрические роли требуют более широкой статистической схемы.

На первом этапе описываются распределения, временные профили и карта межсубъектных корреляций; это нужно для контроля качества данных и поиска артефактов. Далее применяются LMM и GLMM, поскольку один участник проходит несколько этапов, а часть исходов имеет категориальный характер [20; 21].

Отдельный блок посвящен временной организации реакции: лагам, латентности, скорости выхода за пределы базовой линии и различию между ранним и устойчивым ответом. PCA и факторный анализ используются не как итоговая цель, а как проверка того, собирают ли отдельные показатели в более крупные латентные блоки.

Кластеризация применяется для описания типов групповых профилей и должна проверяться повторным разбиением и бутстрэп-процедурами. Прогностический блок может включать регуляризованные регрессии, случайный лес и бустинг, но только при кросс-валидации и контроле переобучения [22; 23].

Устойчивость выводов проверяется отдельно: для множественных сравнений используется контроль доли ложных открытий [24], для доверительных интервалов – бутстрэп [25], а для синхронности – перестановочные тесты и суррогатные пары, позволяющие отделить общий тайминг стимула от содержательного согласования реакции.

Таблица 3. Методы статистического и математического анализа данных

Задача	Методы	Проверяется	Результат
Описание реакции	Статистика, графики	Профиль и вариативность	Профиль этапа
Синхронность	Корреляции, Фишер, суррогатные пары	Согласованность рядов	ИНСГ, IPC, CR
Повторные измерения	LMM, GLMM	Этап, стимул, роль, участник	Фиксированные и случайные эффекты
Динамика	Лаги, латентность	Скорость реакции	Временные окна

Задача	Методы	Проверяется	Результат
Латентные структуры	PCA, факторный анализ	Свертывание пока-зателей	Компоненты
Типология	Кластеризация, бутстрэп	Профили устойчивости	Кластеры
Прогноз	Регрессия, лес, бустинг, CV	Коррекция, доверие, сопротивление	Прогностическая модель

Прогностическая модель поведения группы

Прогноз в предлагаемой схеме относится не к отдельному физиологическому скачку, а к последующему состоянию группы: сохранит ли она доверие к ложному сообщению, изменит ли оценки после обсуждения, сблизятся ли позиции и возникнет ли коррекция после раскрытия статуса материала.

Предикторы делятся на четыре группы: физиологические индексы, самооценки, социометрические позиции и параметры стимула. Последние включают тип сообщения, порядок предъявления, сложность, новизну и сопоставимость с другими материалами процедуры.

Объяснительный режим отвечает на вопрос, какие факторы связаны с уязвимостью или устойчивостью группы. Прогностический режим проверяет, можно ли по совокупности индексов заранее оценить направление последующей групповой реакции.

Для бинарных исходов качество модели оценивается через ROC-AUC, F1, чувствительность и специфичность; для количественных исходов – через RMSE, MAE и R². Интерпретируемость обеспечивается анализом коэффициентов, важности признаков и частичных зависимостей, чтобы модель не превращалась в необъяснимый классификатор.

Валидность и ограничения методики

Валидность методики задается тремя проверочными уровнями. Конструктивный уровень связывает индекс с конкретным процессом: синхронизацией, вовлечением, пересмотром позиции или устойчивостью убеждения. Операциональный уровень фиксирует, какими рядами, расстояниями, корреляциями и оценками этот процесс измеряется. Критериальный уровень требует сопоставить индекс с внешними проявлениями: ходом обсуждения, изменением разброса оценок, признанием ошибочности позиции и социометрической структурой.

Главное ограничение состоит в том, что физиологический показатель не имеет одного социального смысла. Одинаковое повышение активации может сопровождать интерес, тревогу, несогласие или когнитивную нагрузку, поэтому такие данные рассматриваются только вместе с самоотчетами, содержанием дискуссии и статусом предъявленного сообщения.

Второе ограничение связано с природой синхронности. Сходство рядов может возникнуть из-за общего времени предъявления, технического шума, двигательной активности или самой экспериментальной обстановки. Поэтому в анализ включены очистка сигналов, сравнение с калибровкой, суррогатные пары и перестановочные проверки.

Третье ограничение связано с организацией сбора данных. При ограниченном числе устройств регистрация идет сериями, поэтому участники оказываются вложенными в сессии, а измерения – в последовательности стимулов. Такая структура требует многоуровневого анализа и осторожности при обобщении.

Этический блок требует предварительной экспертизы стимулов: материалы должны быть сопоставимыми по форме, эмоционально умеренными и не затрагивать темы, способные причинить участникам вред. Участнику заранее сообщаются процедура, порядок обработки данных и право прекратить участие без объяснения причин.

Заключение

Представленный дизайн задает основу нейросоциологического инструментария, который позволяет описывать реакцию группы на информационный стимул как измеряемый процесс. Его отличительная черта состоит в совместном анализе динамики физиологических рядов, самооценок, обсуждения и последующей коррекции позиции.

Научная новизна заключается в том, что физиологические данные используются не изолированно, а как часть социологической модели группового согласования. Это позволяет рассматривать синхронность, вовлечение и сопротивление коррекции как проверяемые элементы прогноза, а не как самостоятельные диагностические признаки.

Практическая перспектива связана с созданием базы нейросоциологических параметров, выделением профилей уязвимости и устойчивости групп, а также оценкой эффективности корректирующих ком-

муникаций. Следующий этап должен быть посвящен эмпирической апробации процедуры и проверке качества прогностических моделей.

Литература

1. Резников, М.Ю. Интеграция нейрофизиологических и социологических методов: новые перспективы нейросоциологии / М.Ю. Резников. – Москва: Фонд «Книжный союз» (PKC), 2024. – 108 с. – ISBN 978-5-901001-16-5. – DOI 10.61726/4969.2024.35.80.001. – EDN FLKGKI.
2. Резников, М.Ю. Нейросоциология. Теория когнитивного поля / М.Ю. Резников // Социология. – 2024. – № 9. – С. 164–167. – DOI 10.61726/3409.2024.23.52.001. – EDN ARKFFL.
3. Hasson U., Nir Y., Levy I., Fuhrmann G., Malach R. Intersubject synchronization of cortical activity during natural vision // *Science*. 2004. Vol. 303, no. 5664. P. 1634–1640. DOI: 10.1126/science.1089506.
4. Stephens G.J., Silbert L.J., Hasson U. Speaker-listener neural coupling underlies successful communication // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2010. Vol. 107, no. 32. P. 14425–14430. DOI: 10.1073/pnas.1008662107.
5. Dikler S., Wan L., Davidesco I., Kaggen L., Oostrik M., McClintock J., Rowland J., Michalareas G., Van Bavel J.J., Ding M., Poeppel D. Brain-to-brain synchrony tracks real-world dynamic group interactions in the classroom // *Current Biology*. 2017. Vol. 27, no. 9. P. 1375–1380. DOI: 10.1016/j.cub.2017.04.002.
6. Nummenmaa L., Glerean E., Hari R., Hietanen J.K. Emotions promote social interaction by synchronizing brain activity across individuals // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2012. Vol. 109, no. 24. P. 9599–9604. DOI: 10.1073/pnas.1206095109.
7. Tomashin A., Gordon I., Wallot S. Interpersonal physiological synchrony predicts group cohesion // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2022. Vol. 16. Article 903407. DOI: 10.3389/fnhum.2022.903407.
8. Gordon I., Gilboa A., Cohen S., Milstein N., Haimovich N., Pinhasi S., Siegman S. Physiological and behavioral synchrony predict group cohesion and performance // *Scientific Reports*. 2020. Vol. 10. Article 8484. DOI: 10.1038/s41598-020-65670-1.
9. Shaffer F., Ginsberg J.P. An overview of heart rate variability metrics and norms // *Frontiers in Public Health*. 2017. Vol. 5. Article 258. DOI: 10.3389/fpubh.2017.00258.
10. Allen J. Photoplethysmography and its application in clinical physiological measurement // *Physiological Measurement*. 2007. Vol. 28, no. 3. P. R1–R39. DOI: 10.1088/0967-3334/28/3/R01.
11. Klimesch W. Alpha-band oscillations, attention, and controlled access to stored information // *Trends in Cognitive Sciences*. 2012. Vol. 16, no. 12. P. 606–617. DOI: 10.1016/j.tics.2012.10.007.
12. Ecker U.K. H., Lewandowsky S., Cook J., Schmid P., Fazio L.K., Brashier N., Kendeou P., Vraga E.K., Amazeen M.A. The psychological drivers of misinformation belief and its resistance to correction // *Nature Reviews Psychology*. 2022. Vol. 1. P. 13–29. DOI: 10.1038/s44159-021-00006-y.
13. Lewandowsky S., Ecker U.K. H., Seifert C.M., Schwarz N., Cook J. Misinformation and its correction: continued influence and successful debiasing // *Psychological Science in the Public Interest*. 2012. Vol. 13, no. 3. P. 106–131. DOI: 10.1177/1529100612451018.
14. Pennycook G., Rand D.G. Lazy, not biased: susceptibility to partisan fake news is better explained by lack of reasoning than by motivated reasoning // *Cognition*. 2019. Vol. 188. P. 39–50. DOI: 10.1016/j.cognition.2018.06.011.
15. Pennycook G., Rand D.G. The psychology of fake news // *Trends in Cognitive Sciences*. 2021. Vol. 25, no. 5. P. 388–402. DOI: 10.1016/j.tics.2021.02.007.
16. Rose J.M., Ganbold O., Rose A.M., Thibodeau J.C., Rotaru K. Overcoming resistance to belief revision and correction of misinformation beliefs: psychophysiological and behavioral effects of a counterfactual mind-set // *Scientific Reports*. 2024. Vol. 14. Article 12493. DOI: 10.1038/s41598-024-63230-5.
17. Gordon A., Quadflieg S., Brooks J.C. W., Ecker U.K. H., Lewandowsky S. Keeping track of alternative facts: the neural correlates of processing misinformation corrections // *NeuroImage*. 2019. Vol. 193. P. 46–56. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2019.03.014.
18. Volz K., Leonhart R., Stark R., Vaitl D., Ambach W. Psychophysiological correlates of the misinformation effect // *International Journal of Psychophysiology*. 2017. Vol. 117. P. 1–9. DOI: 10.1016/j.ijpsycho.2017.04.004.
19. Klucharev V., Hytonen K., Rijpkema M., Smidts A., Fernandez G. Reinforcement learning signal predicts social conformity // *Neuron*. 2009. Vol. 61, no. 1. P. 140–151. DOI: 10.1016/j.neuron.2008.11.027.

20. Bates D., Machler M., Bolker B., Walker S. Fitting linear mixed-effects models using lme4 // *Journal of Statistical Software*. 2015. Vol. 67, no. 1. P. 1–48. DOI: 10.18637/jss.v067.i01.
21. Bolker B.M., Brooks M.E., Clark C.J., Geange S.W., Poulsen J.R., Stevens M.H. H., White J.S.S. Generalized linear mixed models: a practical guide for ecology and evolution // *Trends in Ecology & Evolution*. 2009. Vol. 24, no. 3. P. 127–135. DOI: 10.1016/j.tree.2008.10.008.
22. Breiman L. Random forests // *Machine Learning*. 2001. Vol. 45. P. 5–32. DOI: 10.1023/A:1010933404324.
23. Kuhn M. Building predictive models in R using the caret package // *Journal of Statistical Software*. 2008. Vol. 28, no. 5. P. 1–26. DOI: 10.18637/jss.v028.i05.
24. Benjamini Y., Hochberg Y. Controlling the false discovery rate: a practical and powerful approach to multiple testing // *Journal of the Royal Statistical Society: Series B*. 1995. Vol. 57, no. 1. P. 289–300. DOI: 10.1111/j.2517-6161.1995.tb02031.x.
25. Efron B., Tibshirani R.J. An introduction to the bootstrap. New York: Chapman and Hall/CRC, 1993. 456 p. DOI: 10.1201/9780429246593.

METHODOLOGICAL DESIGN OF A NEUROSOCIOLOGICAL STUDY AIMED AT PREDICTING THE BEHAVIOR OF LARGE ASSOCIATING SOCIAL GROUPS UNDER INFORMATION EXPOSURE

Reznikov M. Yu., Belnikov S.S., Shved D.M.

Institute for Research on Socio-Economic Transformations and Financial Policy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, State Scientific Center of the Russian Federation – Institute of Biomedical Problems of the Russian Academy of Sciences

The paper proposes an original methodological scheme for a neurosociological study in which group response to an information stimulus is treated as a sequence of measurable transitions: from baseline state to first perception, discussion, disclosure of message status, and reassessment. The design combines survey procedures, sociometry, cardiovascular and neurophysiological recording, and a set of integral indices. The article focuses on the operational translation of intersubject coordination, group consolidation, post-correction change, resonant response, and persistence of initial belief into observable indicators. The work is methodological and prepares the basis for subsequent empirical testing.

Keywords: neurosociology; large associating social groups; information exposure; misinformation; behavior prediction; neurosociological indices; group dynamics.

References

1. Reznikov, M. Yu. Integration of neurophysiological and sociological methods: new prospects for neurosociology / M. Yu. Reznikov. – Moscow: Book Union Foundation (RKS), 2024. – 108 p. – ISBN 978-5-901001-16-5. – DOI 10.61726/4969.2024.35.80.001. – EDN FLKGKI.
2. Reznikov, M. Yu. Neurosociology. Cognitive field theory / M. Yu. Reznikov // *Sociology*. – 2024. – No. 9. – Pp. 164–167. – DOI 10.61726/3409.2024.23.52.001. – EDN ARKFFL.
3. Hasson U., Nir Y., Levy I., Fuhrmann G., Malach R. Intersubject synchronization of cortical activity during natural vision // *Science*. 2004. Vol. 303, no. 5664. P. 1634–1640. DOI: 10.1126/science.1089506.
4. Stephens G.J., Silbert L.J., Hasson U. Speaker-listener neural coupling underlies successful communication // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2010. Vol. 107, no. 32. P. 14425–14430. DOI: 10.1073/pnas.1008662107.
5. Dikler S., Wan L., Davidesco I., Kaggen L., Oostrik M., McClintock J., Rowland J., Michalareas G., Van Bavel J.J., Ding M., Poeppel D. Brain-to-brain synchrony tracks real-world dynamic group interactions in the classroom // *Current Biology*. 2017. Vol. 27, no. 9. P. 1375–1380. DOI: 10.1016/j.cub.2017.04.002.
6. Nummenmaa L., Glerean E., Hari R., Hietanen J.K. Emotions promote social interaction by synchronizing brain activity across individuals // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2012. Vol. 109, no. 24. P. 9599–9604. DOI: 10.1073/pnas.1206095109.
7. Tomashin A., Gordon I., Wallot S. Interpersonal physiological synchrony predicts group cohesion // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2022. Vol. 16. Article 903407. DOI: 10.3389/fnhum.2022.903407.
8. Gordon I., Gilboa A., Cohen S., Milstein N., Haimovich N., Pinhasi S., Siegman S. Physiological and behavioral synchrony predict group cohesion and performance // *Scientific Reports*. 2020. Vol. 10. Article 8484. DOI: 10.1038/s41598-020-65670-1.
9. Shaffer F., Ginsberg J.P. An overview of heart rate variability metrics and norms // *Frontiers in Public Health*. 2017. Vol. 5. Article 258. DOI: 10.3389/fpubh.2017.00258.
10. Allen J. Photoplethysmography and its application in clinical physiological measurement // *Physiological Measurement*. 2007. Vol. 28, no. 3. P. R1–R39. DOI: 10.1088/0967-3334/28/3/R01.
11. Klimesch W. Alpha-band oscillations, attention, and controlled access to stored information // *Trends in Cognitive Sciences*. 2012. Vol. 16, no. 12. P. 606–617. DOI: 10.1016/j.tics.2012.10.007.
12. Ecker U.K. H., Lewandowsky S., Cook J., Schmid P., Fazio L.K., Brashier N., Kendeou P., Vraga E.K., Amazeen M.A. The psychological drivers of misinformation beliefs and its resistance to correction // *Nature Reviews Psychology*. 2022. Vol. 1. P. 13–29. DOI: 10.1038/s44159-021-00006-y.
13. Lewandowsky S., Ecker U.K. H., Seifert C.M., Schwarz N., Cook J. Misinformation and its correction: continued influence and successful debiasing // *Psychological Science in the Public Interest*. 2012. Vol. 13, no. 3. P. 106–131. DOI: 10.1177/1529100612451018.

14. Pennycook G., Rand D.G. Lazy, not biased: susceptibility to partisan fake news is better explained by lack of reasoning than by motivated reasoning // *Cognition*. 2019. Vol. 188. P. 39–50. DOI: 10.1016/j.cognition.2018.06.011.
15. Pennycook G., Rand D.G. The psychology of fake news // *Trends in Cognitive Sciences*. 2021. Vol. 25, no. 5. P. 388–402. DOI: 10.1016/j.tics.2021.02.007.
16. Rose J.M., Ganbold O., Rose A.M., Thibodeau J.C., Rotaru K. Over-coming resistance to belief revision and correction of misinformation beliefs: psychophysiological and behavioral effects of a counterfactual mindset // *Scientific Reports*. 2024. Vol. 14. Article 12493. DOI: 10.1038/s41598-024-63230-5.
17. Gordon A., Quadflieg S., Brooks J.C. W., Ecker U.K. H., Lewandowsky S. Keeping track of alternative facts: the neural correlates of processing misinformation corrections // *NeuroImage*. 2019. Vol. 193. P. 46–56. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2019.03.014.
18. Volz K., Leonhart R., Stark R., Vaitl D., Ambach W. Psychophysiological correlates of the misinformation effect // *International Journal of Psychophysiology*. 2017. Vol. 117. P. 1–9. DOI: 10.1016/j.ijpsycho.2017.04.004.
19. Klucharev V., Hytonen K., Rijpkema M., Smidts A., Fernandez G. Reinforcement learning signal predicts social conformity // *Neuron*. 2009. Vol. 61, no. 1. P. 140–151. DOI: 10.1016/j.neuron.2008.11.027.
20. Bates D., Machler M., Bolker B., Walker S. Fitting linear mixed-effects models using lme4 // *Journal of Statistical Software*. 2015. Vol. 67, no. 1. P. 1–48. DOI: 10.18637/jss.v067.i01.
21. Bolker B.M., Brooks M.E., Clark C.J., Geange S.W., Poulsen J.R., Stevens M.H. H., White J.S.S. Generalized linear mixed models: a practical guide for ecology and evolution // *Trends in Ecology & Evolution*. 2009. Vol. 24, no. 3. P. 127–135. DOI: 10.1016/j.tree.2008.10.008.
22. Breiman L. Random forests // *Machine Learning*. 2001. Vol. 45. P. 5–32. DOI: 10.1023/A:1010933404324.
23. Kuhn M. Building predictive models in R using the caret package // *Journal of Statistical Software*. 2008. Vol. 28, no. 5. P. 1–26. DOI: 10.18637/jss.v028.i05.
24. Benjamini Y., Hochberg Y. Controlling the false discovery rate: a practical and powerful approach to multiple testing // *Journal of the Royal Statistical Society: Series B*. 1995. Vol. 57, no. 1. P. 289–300. DOI: 10.1111/j.2517-6161.1995.tb02031.x.
25. Efron B., Tibshirani R.J. An introduction to the bootstrap. New York: Chapman and Hall/CRC, 1993. 456 p. DOI: 10.1201/9780429246593.

Рубаков Андрей Владимирович,

магистр, Российский государственный социальный университет

E-mail: anndrew888@yandex.ru

В статье исследуются преобразования цифрового социального пространства в контексте формирования информационного суверенитета Российской Федерации. В статье рассматривается вопрос семантической устойчивости в условиях сетевого пространства, анализируется динамика изменений через призму концепций энтропии и негэнтропии, рассматривая их как ключевые метрики хаотизации и упорядоченности информационной среды. Особое внимание уделено роли государственной информационной политики в сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также влиянию искусственного интеллекта на генерацию контента, связанного с ними. В работе представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление ассоциаций, связанных с традиционными ценностями среди молодежи. Результаты настоящего исследования, основанные на теоретических подходах, изложенных в релевантных трудах классиков социологии позволяют раскрыть многомерность социального пространства и проследить его эволюцию в условиях цифровизации.

Ключевые слова: энтропия, негэнтропия, информационная политика, социальное пространство, цифровое социальное пространство, пространство потоков, традиционные ценности.

Множество социологов XX века давали своё определение социальному пространству. Если мы утверждаем, что понятие пространства применимо не только в материально-физическом мире, но и в социальном, то обратимся к работам П. Бурдьё [19] по определению социального пространства: «Физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, в то время, как социальное пространство – по взаимоисключению (или различию) позиций, которые его образуют, как структура рядоположенности социальных позиций с распределением капитала. Социальные агенты, а также предметы в качестве присвоенных агентами, и, следовательно, конституированные как собственность, помещены в некое место социального пространства, которое может быть охарактеризовано через его релятивную позицию по отношению к другим местам и через дистанцию, отделяющую это место от других». Г. Зиммель рассматривал социальное пространство как форму, возникающую из взаимодействий между индивидами, П. Сорокин [15] же рассматривал социальное пространство как многомерную систему координат, определяющую положение человека или явления по отношению к другим, взятым за «точки отсчета». П. Бурдьё же углубился в понимании социального пространства как поля властного взаимодействия и движения различных видов капитала.

Резюмируя, можно сказать, что социологи XX века раскрывали социальное пространство как многомерную структуру, но с разных позиций: П. Бурдьё – через распределение капитала, П. Сорокин – через стратификацию, Г. Зиммель – через формы взаимодействий. Важно отметить, что во всех приведенных примерах не затрагивается вопрос времени.

Вопрос о времени в их теориях остаётся дискуссионным. Например, П. Бурдьё связывал время и пространство с габитусом (рутинами, воспроизводящими структуры), а Г. Зиммель – с динамикой социальных форм (например, кратковременность моды).

Качественно иной подход в сопряжении времени и социального пространства ввёл М. Кастельс [20] в своих исследованиях информационного общества. Он вводит термин «пространство потоков», чтобы описать новую форму социальной организации, которая возникает в информационную эпоху.

Если традиционное понимание социального пространства представляет собой систему, ограниченной лишь в силу физических социальных процессов, то представляет ли собой пространство информации систему, которая в перспективе способна к неограниченной экспансии и может быть ограничена только лишь «бесконечным временем»? Стоит отметить, что в социальных пространствах время тоже является неотъемлемой частью изменений внутри него, социальные процессы влияют на изменения в социальных пространствах в конкретных временных рамках.

Значит ли это, что традиционное социальное пространство, имеющее природные ограничители, является более упорядоченной системой, чем информационное социальное пространство? Есть основания так считать, поскольку порог внедрения нового элемента в пространство потоков существенно ниже, чем у традиционного социального пространства. Важнее отметить то, что с появлением и развитием искусственного интеллекта информация приобрела предполагаемую возможность самовоспроизводиться, и, вполне вероятно, что в обозримом будущем информация станет способна появляться в пространстве потоков без участия человека. Традиционное социальное пространство, как правило, регулируется формальными и неформальными институтами (Д. Норт) [11], которые замедляют изменения и создают барьеры для внедрения новых элементов.

Информационное пространство, в отличие от традиционного, характеризуется:

- Минимальными барьерами входа: цифровые платформы (напр. социальные сети) позволяют мгновенно распространять информацию.
- Сетевой логикой: власть в «пространстве потоков» принадлежит узлам, контролирующим информацию, а не территориальным институтам (например, виральный контент в TikTok распространяется за часы, тогда как внедрение социальной инновации в традиционном сообществе может занимать десятилетия).

Возможность самовоспроизводства информации автономными ИИ– моделями деконструирует габитус Бурдьё, в массовом распро-

89

селения. Это означает, что даже без установления других критериев оценки веса информационной единицы, контент, посвященный традиционным ценностям, будет иметь информационный вес заведомо ниже, чем у более острых тематик. В связи с этим, на первый взгляд, возникает необходимость использовать экстенсивные методы распространения информации о традиционных ценностях. Но до самого распространения итогового информационного продукта необходимо построить его таким образом, чтобы он вызывал у потребителя эмоциональный отклик, основанный на ассоциативном восприятии.

В указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» отмечено, что традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России [4].

Целевая выборка сформирована в соответствии с объектом исследования – молодежь как социально-демографическая группа, наиболее подвержена воздействию медиасреды и одновременно является ключевым объектом государственной молодежной и информационной политики.

Критерии:

1. Возрастные границы (16–24 года):

Нижняя граница (16 лет) обусловлена началом активной социализации в рамках профессионального образования.

Верхняя граница (24 года) соответствует критериям среднего возраста завершения обучения по программам магистратуры.

2. Обучающиеся в СПО и ВО:

Данная группа репрезентирует основной сегмент образованной молодежи, чьи установки формируются как в условиях институционального воздействия (учебные программы, внеучебная деятельность), так и в условиях высокого уровня потребления цифрового контента.

3. Гендерное соотношение 50/50 с допустимым отклонением в 10%. В каждом учебном заведении, включенном в выборку, респонденты отбираются случайным методом.

Целевая выборка позволяет экстраполировать результат на генеральную совокупность обучающейся молодежи в Российской Федерации.

Количество респондентов N = 100, исследование проводится анонимно через метод онлайн-опроса на платформе Яндекс.Форумы.

Для кластеризации установим частоту ответов по уровню энтропии, где:

- Низкая энтропия (негэнтропия) – четкие, устойчивые ассоциации (например, «патриотизм» – это «защита Родины»);
- Высокая энтропия – противоречивые, размытые или маргинальные ассоциации (например, «приоритет духовного над материальным» – это «бред», «вымысел»).

Такой подход позволит выявить семантические разрывы в случае, если частота противоречивых ассоциаций будет выше, чем устойчивых.

В процентах указано сколько респондентов от общего числа указывали конкретную ассоциацию. Ответы с частотой ниже 10% не включены в список (табл. 1).

Таблица 1. Распределение частоты энтропийных и негэнтропийных ответов респондентов

Ценность	Ответы респондентов (ассоциации и % частоты)
Жизнь	Любовь – 27%, Семья – 21%, Радость – 16%, Счастье – 15%, Эмоции – 12%, Свобода – 12%, Высокоэнтропийные ответы – 3%
Достоинство	Честь – 44%, Мужество – 32%, Уважение – 17%, Сила – 17%, Справедливость – 12%, Высокоэнтропийные ответы – 2%
Права и свободы человека	Закон – 25%, Конституция – 20%, Справедливость – 13%, Защита – 10%, Высокоэнтропийные ответы – 6%
Патриотизм	Любовь – 34%, Родина – 31%, Отечество – 24%, Россия – 17%, Гордость – 10%, Высокоэнтропийные ответы – 1%

Ценность	Ответы респондентов (ассоциации и % частоты)
Гражданственность	Паспорт – 17%, Участие – 13%, Страна – 13%, Высокоэнтропийные ответы – 2%
Служение отечеству	Долг – 25%, Защита – 12%, Храбрость – 11%, Мужество – 10%, Высокоэнтропийные ответы – 8%
Высокие нравственные идеалы	Честность – 15%, Доброта – 12%, Высокоэнтропийные ответы – 9%
Крепкая семья	Любовь – 33%, Родители – 31%, Забота – 17%, Поддержка – 17%, Дети – 13%, Высокоэнтропийные ответы – 2%
Созидательный труд	Творчество – 15%, Создание – 10%, Высокоэнтропийные ответы – 9%
Приоритет духовного над материальным	Любовь – 13%, Вера – 12%, Высокоэнтропийные ответы – 12%
Гуманизм	Человечность – 22%, Добро – 18%, Душа – 10%, Высокоэнтропийные ответы – 7%
Милосердие	Помощь – 34%, Сердце – 24%, Доброта – 17%, Высокоэнтропийные ответы – 4%
Справедливость	Честность – 24%, Равенство – 18%, Закон – 12%, Правда – 10%, Высокоэнтропийные ответы – 6%
Коллективизм	Коллектив – 25%, Сплоченность – 13%, Труд – 10%, Высокоэнтропийные ответы – 7%
Взаимопомощь и взаимоуважение	Дружба – 12%, Помощь – 10%, Уважение – 10%, Высокоэнтропийные ответы – 2%
Историческая память	История – 27%, Традиции – 24%, Наследие – 12%, Высокоэнтропийные ответы – 4%
Единство народов России	Дружба – 25%, Многонациональность – 22%, Сплоченность – 12%, Высокоэнтропийные ответы – 4%

Ценности с минимальной энтропией (устойчивое ассоциативное ядро):

Наиболее низкий уровень энтропии зафиксирован для ценностей «Патриотизм» (1% высокоэнтропийных ответов), «Достоинство» (2%), «Крепкая семья» (2%), «Взаимопомощь и взаимоуважение» (2%), «Гражданственность» (2%), «Жизнь» (3%). Их отличает не только количественное доминирование негэнтропийных реакций, но и высокая концентрация совпадающих ассоциаций у значительной части респондентов. Например, «Достоинство» практически однозначно связывается с «честью» (44%) и «мужеством» (32%), «Патриотизм» – с «любовью» (34%) и «Родиной» (31%), а «Крепкая семья» – с «любовью» (33%) и «родителями» (31%). Это полностью подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что символы и нарративы, глубоко укоренённые в традиционной культуре, обладают высокой «вязкостью» – низкой скоростью деформации смысла под воздействием сетевой логики и информационного шума. Именно данные семантические единицы вызывают предсказуемый, эмоционально окрашенный и консолидирующий отклик без необходимости искусственного перевода на «молодёжный язык».

Ценности с повышенной энтропией (зоны семантического риска):

Группу ценностей, требующих особого внимания при разработке информационных стратегий, составляют «Приоритет духовного над материальным» (12% высокоэнтропийных ответов), «Высокие нравственные идеалы» (9%), «Созидательный труд» (9%), «Служение отечеству и ответственность за его судьбу» (8%), «Гуманизм» (7%) и «Коллективизм» (7%). Характерно, что именно эти ценности либо носят наиболее абстрактный характер, либо в меньшей степени подкреплены наглядными образами в актуальной медиаповестке, что ведёт к росту интерпретационного разброса. Так, для «Высоких нравственных идеалов» доминирующая ассоциация «честность» набрала лишь 15%, «доброта» – 12%, а почти десятая часть ответов оказалась высокоэнтропийной; для «Созидательного труда» «творчество» (15%) и «создание» (10%) также не сформировали выраженного смыслового центра.

Особо показателен кейс ценности «Приоритет духовного над материальным», где доля высокоэнтропийных ответов (12%) практически сравнялась с частотой наиболее популярных негэнтропийных ассоциаций – «любовь» (13%) и «вера» (12%). Фактический паритет устойчивых и размытых реакций сигнализирует о глубоком ценност-

ном расколе в молодёжной среде и/или о дефиците чётких, эмоционально насыщенных и разделяемых большинством образов, способных транслировать данный приоритет. Это делает указанную ценность наиболее уязвимой к деструктивному информационному воздействию и генерации фейковых нарративов.

Полученные данные эмпирически подтверждают первую гипотезу о том, что информационное пространство, в силу своей сетевой децентрализованной структуры, обладает повышенной подверженностью энтропии. Однако вторая гипотеза также находит своё подтверждение: элементы, вызывающие прямые ассоциации с традиционной культурой (семья, честь, Родина, взаимопомощь), демонстрируют значительно более высокую смысловую устойчивость. Следовательно, для повышения негэнтропии информационного поля при продвижении ценностей из «зоны риска» нет необходимости полностью переводить их на «молодёжный язык», а требуется выстраивать семантические конструкции, связывающие абстрактные категории с уже выявленными высокоустойчивыми ассоциациями.

Теоретическое значение приведенного исследования состоит в выявленном факте, что информационное социальное пространство (пространство потоков) обладает принципиально иными свойствами по сравнению с традиционным социальным пространством, регулируемым институциональными барьерами и временем воспроизводства социальных практик. Главным отличием является минимальный порог входа для новых информационных единиц, обусловленный доступностью цифровых платформ и возможной автономностью ИИ-генерации. В результате возникает гипердинамическая среда, в которой ускоренное появление и распространение контента повышает энтропию и снижает предсказуемость социальных взаимодействий. Одновременно инструментальное освоение этих механизмов даёт государству возможность целенаправленного наращивания негэнтропии через дизайн конкурентных контент-стратегий, основанных на ассоциативном восприятии традиционных духовно-нравственных ценностей.

Практическая значимость исследования интериоризирована в его эмпирической части, выполненной в форме онлайн-опроса студентов высших и средних профессиональных образовательных учреждений, что позволило выявить устойчивые (негэнтропийные) и противоречивые (высокоэнтропийные) ассоциации, связанные с ключевыми традиционными ценностями. Результаты анализа подтвердили гипотезу о том, что отдельные ценности, такие как «приоритет духовного над материальным», воспринимаются современной молодёжью наиболее фрагментарно, что ставит перед информационной политикой государства задачу не просто массовой работы над тематикой, но и глубокой семантической реконструкции смысловых паттернов.

Цифровизация трансформирует социальное пространство не только количественно, но и качественно: информационное пространство демонстрирует повышенную энтропию вследствие низких барьеров входа и массового формирования искусственного контента, что требует создания специализированных инструментов негэнтропизации.

Семантический дизайн контента, основанный на эмпирически выявленных ассоциациях традиционных ценностей, может быть способен эффективно снижать уровень энтропии в информационном поле, повышая заинтересованность целевой аудитории и укрепляя национальную идентичность.

Литература

1. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием».
2. Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета – Федеральный выпуск. 09.03.2022. № 49 (8697).
3. Указ Президента Российской Федерации от 1 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 24.05.2025).
4. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 24.05.2025).
5. Асеева И.А. Реф. ст.: Totschnig W. Полностью автономный искусственный интеллект / W. Totschnig // Science and engineering ethics. 2020. Vol. 26, № 5. P. 2473–2485 // Сер. 8. Наукоеведение: Реферативный журнал. 2021. № 2.
6. Барабаш В. В., Котеленец Е.А., Лаврентьева М.Ю. Информационная война: к генезису термина // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 3 (33).

7. Барковская А.Ю. Социологическая интерпретация категории «Социальное пространство» // Logos et Praxis. 2013. № 1.

8. Гуреева А. Н., Кузнецова В.С. Концептуализация феномена медиатизации политики: основные теоретические подходы // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. № 1.

9. Гуськова С. В., Шестерина А.М. Технологии распространения фейковых новостей в масс-медиа и способы их верификации: лингвистический аспект // Неофилология. 2023. № 35.

10. Демидова М. В. «Символический капитал» П. Бурдьё и «Капитал» К. Маркса // Вестник ВятГ У. 2014. № 11.

11. Кравцов Н.А. Концепция институтов и институциональных изменений Дугласа Норта: глазами теоретика права // Пространство экономики. 2009. № 1.

12. Найденкова Т. А., Найденков Н.Д. Питирим Сорокин о социальном пространстве // Человек. Культура. Образование. 2022. № 3 (45).

13. Островская Т.А. Концепция «Текучей современности» З. Баумана и модификация дискурсивных практик элиты // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2016. № 4.

14. Протестный потенциал // ВЦИОМ Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial> (дата обращения: 24.04.2025).

15. Сорокин П.А. Социальная мобильность / пер. с англ. М.В. Соколовой. – Москва: Academia; LVS, 2005. – 588 с. – ISBN 5-87444-175-7.

16. Черноперов В. Л., Сулейманова У.И. Гибридная война: предпосылки появления, концепции, сущность, цели, инструментарий, правовые вопросы, риски // Ноосферные исследования. 2021. № 3.

17. Шварц Б. Парадокс выбора / В. Schwartz. М.: Добрая книга, 2005.

18. Шейхова М.С. Проблема недоверия общества к государственным СМИ // Теоретические и прикладные вопросы экономики, управления и образования: Сборник статей II Международной научно-практической конференции. В 2 т. Т. II. Пенза: Пензенский гос. аграр. ун-т, 2021. С. 294–302.

19. Шматко Н. А., Маркова Ю.В. «Социальное пространство» П. Бурдьё: история конструирования понятия // Социологический журнал. 2025. № 1.

20. Castells M. The Rise of the Network Society / M. Castells. – 2nd ed. – Oxford: Blackwell Publishers, 2000. – 594 p. – (The Information Age: Economy, Society, and Culture; vol. 1). – ISBN 0-631-22140-9.

CHARACTERISTICS OF TRANSFORMATIONS IN THE DIGITAL SOCIAL SPACE

Rubakov A.V.

Russian State Social University

The article examines the transformations of the digital social space in the context of the formation of information sovereignty of the Russian Federation. The dynamics of change are analyzed through the lens of the concepts of entropy and negentropy, considered as key metrics of chaos and order in the information environment. Special attention is paid to the role of state information policy in preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values, as well as to the influence of artificial intelligence on the generation of content related to these values. The paper presents the results of an empirical study aimed at identifying associations linked to traditional values among young people, and also provides a comparative analysis of texts generated by neural network models (YandexGPT and DeepSeek) based on the revealed associations. The findings of this research, grounded in theoretical approaches elaborated in relevant works of classical sociologists, allow revealing the multidimensionality of social space and tracing its evolution under the conditions of digitalisation.

Keywords: entropy, negentropy, information policy, social space, digital social space, space of flows, traditional values.

References

1. Federal'nyy zakon ot 14 iyulya 2022 g. № 255-FZ «O kontrole za deyatel'nost'yu lits, nakhodyashchikhsya pod inostrannym vliyaniem» [Federal Law No. 255-FZ of July 14, 2022 "On Control over the Activities of Persons Under Foreign Influence"].
2. Federal'nyy zakon ot 4 marta 2022 g. № 32-FZ «O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i stat'i 31 i 151 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law No. 32-FZ of March 4, 2022 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"]. Rossiyskaya gazeta – Federal'nyy vypusk, 09.03.2022, No. 49 (8697).
3. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 1 maya 2017 g. № 203 «O strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017–2030 gody» [Decree of the President of the Russian Federation No. 203 of May 1, 2017 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030"]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (accessed: 24.05.2025).
4. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 9 noyabrya 2022 g. № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniuyu i ukrepleniiu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey» [Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022 "On Approval of the Foundations of State Policy for

the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values”]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (accessed: 24.05.2025).

5. Aseeva, I. A. (2021) Ref. st.: Totschnig W. Polnost'yu avtonomnyy iskusstvennyy intellekt [Review of: Totschnig W. Fully autonomous artificial intelligence]. Ser. 8. Naukovedenie: Referativnyy zhurnal, No. 2. [Original: Totschnig, W. (2020) Fully autonomous artificial intelligence. Science and engineering ethics, Vol. 26, No. 5, pp. 2473–2485].

6. Barabash, V. V., Kotelenets, E. A., Lavrent'eva, M. Yu. (2019) Informatsionnaya vojna: k genezis terminu [Information warfare: towards the genesis of the term]. Zhurnal problemnoye pole mediaobrazovaniya, No. 3 (33).

7. Barkovskaya, A. Yu. (2013) Sotsiologicheskaya interpretatsiya kategorii «Sotsial'noye prostranstvo» [Sociological interpretation of the category “Social space”]. Logos et Praxis, No. 1.

8. Gureeva, A. N., Kuznetsova, V. S. (2021) Kontseptualizatsiya fenomena mediatizatsii politiki: osnovnye teoreticheskie podkhody [Conceptualization of the phenomenon of mediatization of politics: main theoretical approaches]. Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki, No. 1.

9. Gus'kova, S. V., Shesterina, A. M. (2023) Tekhnologii rasprostraneniya feykovykh novostey v mass-media i sposoby ikh verifikatsii: lingvisticheskiy aspekt [Technologies for spreading fake news in mass media and methods of their verification: linguistic aspect]. Neofilologiya, No. 35.

10. Demidova, M. V. (2014) «Simvolicheskiy kapital» P. Burd'e i «Kapital» K. Marksa [P. Bourdieu's “Symbolic capital” and K. Marx's “Capital”]. Vestnik VyatGU, No. 11.

11. Kravtsov, N. A. (2009) Kontseptsiya institutov i institutsional'nykh izmeneniy Duglasa Norta: glazami teoretika prava [Douglass North's concept of institutions and institutional changes: through the eyes of a legal theorist]. Prostranstvo ekonomiki, No. 1.

12. Naydenova, T. A., Naydenov, N. D. (2022) Pitirim Sorokin o sotsial'nom prostranstve [Pitirim Sorokin on social space]. Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie, No. 3 (45).

13. Ostrovskaya, T. A. (2016) Kontseptsiya «Tekuchey sovremennosti» Z. Baumana i modifikatsiya diskursivnykh praktik elity [Z. Bauman's concept of “Liquid modernity” and the modification of elite discursive practices]. Vestnik Adygeyskogo gos. un-ta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie, No. 4.

14. Protestnyy potentsial [Protest potential]. VTsIOM Novosti. Available at: <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial> (accessed: 24.04.2025).

15. Sorokin, P. A. (2005) Sotsial'naya mobil'nost' [Social Mobility]. Translated from English by M.V. Sokolova. Moscow: Academia; LVS. 588 p. ISBN 5-87444-175-7.

16. Chernoperov, V. L., Suleymanova, U. I. (2021) Gibrinaya vojna: predposylki poyavleniya, kontseptsii, sushchnost', tseli, instrumentariy, pravovyye voprosy, riski [Hybrid warfare: prerequisites, concepts, essence, goals, instruments, legal issues, risks]. Noosfernye issledovaniya, No. 3.

17. Shvarts, B. (2005) Paradoks vybora [The Paradox of Choice]. Moscow: Dobraya kniga. [Original: Schwartz, B. (2004) The Paradox of Choice: Why More Is Less. New York: Ecco].

18. Sheykova, M. S. (2021) Problema nedoveriya obshchestva k gosudarstvennym SMI [The problem of public distrust in state media]. In: Teoreticheskie i prikladnye voprosy ekonomiki, upravleniya i obrazovaniya: Sbornik statey II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. In 2 vols. Vol. II. Penza: Penzenskiy gos. agrar. un-t, pp. 294–302.

19. Shmatko, N. A., Markova, Yu. V. (2025) «Sotsial'noye prostranstvo» P. Burd'e: istoriya konstruirovaniya ponyatiya [P. Bourdieu's “Social space”: the history of constructing the concept]. Sotsiologicheskiy zhurnal, No. 1.

20. Castells, M. (2000) The Rise of the Network Society. 2nd ed. Oxford: Blackwell Publishers. 594 p. (The Information Age: Economy, Society, and Culture; vol. 1). ISBN 0-631-22140-9.

Син Ка,

аспирант, кандидат искусствоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: zhoutong070115@163.com

В данной статье исследуются художественные стратегии, с помощью которых Чжао Ципин на протяжении более чем сорокалетней композиторской карьеры занимался обновлением китайской национальной музыки (миньцзу иньюз). Национальная музыка в китайском контексте обозначает широкую традицию народной, этнически укорененной музыкальной практики, которая постоянно сталкивается с проблемами жизнеспособности и актуальности в быстро модернизирующейся культурной среде. На основе тщательного анализа избранных саундтреков к фильмам и концертных произведений в этом исследовании выделены четыре основные стратегии обновления, используемые Чжао Ципином: интеграция и расширение оркестровой музыки, межрегиональный фольклорный синтез, кинематографическое повествование и межкультурный диалог. Каждая стратегия затрагивает отдельный аспект проблемы обновления, от вопроса модернизации тембра и текстуры до разработки новых повествовательных контекстов и межкультурных форм легитимации национального музыкального материала. В исследовании утверждается, что наиболее значимым аспектом вклада Чжао в обновление национальной музыки является не какая-либо отдельная стратегия в отрыве от контекста, а динамичное взаимодействие всех четырех стратегий в его творчестве, создающее композиционное наследие, одновременно основанное на исконных музыкальных традициях и отвечающее эстетическим требованиям современной глобальной культуры. Обсуждаются теоретические последствия для понимания процессов обновления музыки в постсоциалистическом Китае.

Ключевые слова: Чжао Ципин, национальная музыка, миньцзу иньюз, обновление музыки, художественные стратегии, китайская народная музыка, музыка к фильмам, интеграция оркестра, межкультурный диалог

The concept of national music, known as minzu yinyue in Chinese, occupies a complex and sometimes contested position in contemporary Chinese musical culture. As a category, it encompasses the diverse folk, ethnic, and traditional musical practices of China's many peoples and regions, practices that represent living cultural heritage of profound historical depth and remarkable artistic richness. At the same time, these practices face significant challenges of vitality and relevance in a cultural environment characterized by rapid urbanization, the growing influence of popular and Western classical music, and the fragmentation of the traditional social contexts in which folk music once thrived [1].

The renewal of national music, specifically its revitalization as a living creative practice rather than a museum artifact and is one of the central tasks facing Chinese composers of the contemporary generation. This task is not merely aesthetic but cultural and political: the fate of national music is bound up with questions of cultural identity, ethnic heritage, and the terms on which Chinese musical culture participates in the global artistic economy [2]. Composers who engage with national music must navigate a complex set of demands: fidelity to indigenous traditions, accessibility to contemporary audiences, engagement with international compositional standards, and responsiveness to the specific demands of different artistic contexts including concert halls, film productions, and international performance venues.

Among the composers who have most productively confronted these demands, Zhao Jiping stands out for the scope, consistency, and creative sophistication of his engagement with national music renewal. His compositional output, spanning film scores for some of the most celebrated Chinese films of the past four decades, orchestral works, chamber music, and vocal compositions represents a sustained and multifaceted engagement with the challenge of renewing national music for contemporary artistic and cultural contexts. By identifying and analyzing the specific artistic strategies through which Zhao has pursued this renewal, the present study aims to contribute both to the scholarly understanding of Zhao's compositional achievement and to broader theoretical discussions of musical renewal in contemporary China.

This article proceeds as follows. Section 2 reviews relevant literature and establishes the theoretical framework. Section 3 describes the research methodology and materials. Section 4 presents the analytical findings, organized around the four core renewal strategies. Section 5 discusses the implications of these findings for theory and practice. Section 6 presents conclusions and directions for future research.

The concept of national music in China has a complex history that interweaves questions of cultural identity, political ideology, and aesthetic value. In the early twentieth century, Chinese musical reformers sought to develop a distinctively national musical culture that could stand alongside the Western classical tradition while remaining rooted in indigenous practice. This project was shaped by competing visions: some reformers emphasized the importance of preserving traditional musical forms in their integrity, while others argued for a more active process of synthesis and transformation [3].

The People's Republic era brought a new configuration of national music within a socialist ideological framework. The concept of minzu yinyue was officially endorsed as the authentic expression of the Chinese people's musical creativity, and extensive institutional resources were devoted to the collection, documentation, and dissemination of folk and traditional music. At the same time, national music was subjected to ideologically driven processes of standardization and simplification that often stripped it of its cultural specificity and performative complexity [4]. The post-Cultural Revolution era brought a more complex and pluralistic engagement with national music, as composers sought to recover suppressed traditions and develop new creative approaches to folk and ethnic materials.

The theoretical literature on musical renewal draws on a range of disciplinary perspectives, from ethnomusicology and cultural studies to music theory and aesthetics. Bruno Nettl's influential work on change in music provides a foundational theoretical framework, emphasizing the multidirectional, context-specific, and often unpredictable nature of musical change [5]. For Nettl, musical traditions do not simply evolve in response to external pressures but engage actively with new influences, selecting, transforming, and integrating them in ways that reflect the internal logic of the tradition as well as its broader cultural context.

Frederick Lau's study of music in China provides a more specific theoretical resource for understanding national music renewal in the Chinese

context [1]. Lau argues that the modernization of Chinese music has proceeded through a complex dialectic of preservation and transformation, in which composers and performers have sought to maintain the cultural specificity of national musical traditions while developing new formal and expressive possibilities. This dialectic is not simply resolved by synthesis but remains a productive tension that drives creative development.

Homi Bhabha's concept of cultural hybridity offers a further theoretical resource for understanding the creative outcomes of national music renewal [6]. Bhabha argues that cultural encounters do not simply produce mixtures of pre-existing elements but generate genuinely new cultural forms in what he terms the "third space" of enunciation. Applied to musical renewal, this concept suggests that the most significant outcomes of Zhao Jiping's engagement with national music are not simply combinations of folk and Western elements but genuinely new musical forms that transcend the categories from which they emerge.

Zhao Jiping's engagement with national music renewal must be understood within the specific context of his formation as a composer and his professional trajectory. His immersion in the folk music traditions of Shaanxi Province which includes the qin opera tradition, the suona wind instrument repertoire, and the rich variety of folk songs and dance music of the Northwest provided him with an intimate knowledge of national musical materials that is comparatively rare among composers trained primarily in Western academic institutions [7].

His subsequent career as a film composer brought this national music knowledge into contact with the demands of international cinematic art, creating conditions for productive creative exchange. The Fifth Generation directors with whom he collaborated including Zhang Yimou, Chen Kaige, and others were themselves engaged in complex negotiations between Chinese cultural heritage and international artistic standards, and they valued Zhao's ability to draw on national music in ways that were culturally specific and internationally legible [8]. This professional context shaped both the range of renewal strategies Zhao developed and the specific forms they took in his work.

Existing scholarship on Zhao Jiping has tended to focus on either biographical or cultural-historical aspects of his work, without undertaking systematic analysis of his specific artistic strategies for national music renewal. The present study addresses this gap by developing and applying an analytical framework that identifies four core renewal strategies, namely orchestral integration and expansion, cross-regional folk synthesis, cinematic-narrative embedding, and intercultural dialogue, and examines their operation across a representative sample of Zhao's output.

The framework draws on theoretical perspectives from ethnomusicology, cultural studies, and music analysis. From Nettl and Lau, it takes the emphasis on the multidimensional and context-specific character of musical change. From Bhabha, it takes the concept of the third space as a model for understanding the genuinely new musical forms that Zhao's renewal strategies generate. From musicological analysis, it takes the tools of harmonic, melodic, timbral, and formal analysis necessary to examine the specific compositional mechanisms through which renewal is achieved.

This study employs a qualitative analytical research design, combining close textual analysis of musical scores and recordings with contextual analysis of Zhao Jiping's compositional biography, professional context, and critical reception. The qualitative approach is appropriate given the interpretive nature of the research questions and the complexity of the musical materials under investigation. The identification and analysis of artistic renewal strategies requires sustained close reading of musical texts and attentiveness to both their internal logic and their broader cultural significance.

Six works were selected for analysis, chosen to represent the full range of Zhao Jiping's career and the diversity of genres in which he has pursued national music renewal: *Red Sorghum* (film score, 1987), *Farewell My Concubine* (film score, 1993), *The King of Masks* (film score, 1996), *Together* (film score, 2002), *String Quartet No. 2 "Echoes of the Silk Road"* (2008), and *Qin Rhapsody* for orchestra (2012). This selection spans from early film collaborations to later concert works and encompasses both the film music and concert music dimensions of Zhao's output.

Analysis employed close reading of audio recordings, musical scores where available, and synchronized analysis of music and visual sequences in film works. Folk and traditional source materials were identified through reference to ethnomusicological documentation of Chinese regional music traditions, including the Chinese National Folk Song Collection and published studies of specific regional traditions [9]. The four renewal strategies were identified inductively through the analysis process and subsequently tested against the full corpus of works under consideration.

Primary data sources included audio recordings of all six works, video recordings of the four film scores, and published interviews with Zhao Jiping in Chinese music journals. Secondary sources included musicolog-

ical studies of Chinese folk music, scholarly analyses of Fifth Generation cinema and its music, and theoretical literature on musical modernization. Where relevant, ethnomusicological studies of specific regional traditions referenced in Zhao's works were consulted to verify the identification of folk source materials [10].

Analysis of the six selected works reveals four core strategies through which Zhao Jiping pursues the renewal of national music: orchestral integration and expansion, cross-regional folk synthesis, cinematic-narrative embedding, and intercultural dialogue. These strategies operate across different compositional dimensions, namely timbral, formal, structural, and harmonic – and with different degrees of prominence in different works. All four strategies, however, contribute to a unified creative project: the renewal of national music as a living artistic practice capable of meeting contemporary aesthetic demands and reaching contemporary audiences.

Table 1 presents a comparative analysis of the four renewal strategies across the six selected works, organized by strategy type, key works, core compositional techniques, and renewal outcomes.

Table 1. *Artistic Renewal Strategies in Zhao Jiping's Selected Works*

Strategy	Key Works	Core Techniques	Renewal Outcome
Orchestral Integration & Expansion	<i>Red Sorghum</i> (1987); <i>Qin Rhapsody</i> (2012)	Embedding folk instruments in orchestral texture; timbral stratification; suona as orchestral voice	Folk idioms gain new expressive range; timbral richness preserved in large-scale formal contexts
Cross-Regional Folk Synthesis	<i>String Quartet No. 2</i> (2008); <i>Together</i> (2002)	Combining Shaanxi, Shanxi, and Sichuan melodic idioms; unified modal framework across traditions	Creation of a pan-Chinese national musical identity transcending regional boundaries
Cinematic-Narrative Embedding	<i>Farewell My Concubine</i> (1993); <i>King of Masks</i> (1996)	Operatic vocal idioms as film leitmotifs; folk percussion as narrative device; modal melody as character marker	National music acquires new audiences and narrative functions within cinematic art
Intercultural Dialogue	<i>String Quartet No. 2</i> (2008); <i>Together</i> (2002)	Pentatonic material harmonized with Western chromatic chords; folk rhythm under metric modulation; erhu within chamber music textures	Genuinely hybrid idiom: national music neither assimilated nor preserved, but creatively transformed

The first renewal strategy, orchestral integration and expansion involves the systematic incorporation of national music materials, particularly folk instrument timbres and melodic idioms, into large-scale orchestral textures. This strategy is most prominently employed in the film score for *Red Sorghum* (1987) and in the concert work *Qin Rhapsody* (2012), though elements of it appear throughout Zhao's output. By placing folk instruments such as the suona, erhu, and pipa within an orchestral context, Zhao expands the expressive range of these instruments while preserving their timbral distinctiveness, the quality that makes them immediately identifiable as bearers of national musical identity [11].

In *Red Sorghum*, the suona functions not as an exotic coloristic element within a Western orchestral framework but as a primary melodic voice around which the orchestral texture is organized. This reversal of the conventional hierarchy in which Western instruments provide the structural foundation and folk instruments add local color, and this shift is a key feature of Zhao's renewal strategy. By asserting the structural primacy of folk timbres, Zhao resists the assimilation of national music into Western musical logic while still making it accessible within a large-scale orchestral context. In *Qin Rhapsody*, this strategy is taken further, as the entire formal architecture of the work is derived from the modal and melodic logic of Shaanxi folk music, with the Western orchestra providing textural enrichment rather than structural foundation [12].

The second renewal strategy, cross-regional folk synthesis involves the creative combination of musical materials from different Chinese regional folk traditions within a unified compositional framework. This strategy addresses a specific dimension of the national music renewal challenge: the tension between the regional specificity of folk traditions, which is a source of their cultural richness and authenticity, and the aspiration toward a national musical identity that encompasses the diversity of China's musical heritage [13].

In the *String Quartet No. 2 "Echoes of the Silk Road"* (2008), Zhao draws on folk materials from Shaanxi, Gansu, and Xinjiang, namely regions linked by the historical Silk Road trading routes, and integrates them within a unified compositional framework that creates audible connections between traditions that are geographically dispersed and culturally distinct.

The resulting work does not efface regional differences but places them in creative dialogue, creating a musical image of Chinese national diversity that is both historically grounded and aesthetically compelling. In *Together* (2002), a similar synthesis is achieved by drawing on folk materials from multiple regions of China and placing them in a film narrative that explicitly addresses questions of cultural identity and intergenerational transmission.

The third renewal strategy, cinematic-narrative embedding involves the placement of national music materials within the narrative context of film scores, where they acquire new meanings and reach new audiences. This strategy is central to Zhao's contribution to national music renewal, as his film scores have reached audiences of tens of millions both in China and internationally who might never encounter national music in its traditional performance contexts [14].

The renewal achieved through cinematic-narrative embedding is not simply a matter of audience reach but involves a genuine transformation of national music's expressive possibilities. In *Farewell My Concubine* (1993), the vocal idioms of Peking Opera, a central component of national music heritage are extracted from their theatrical context and transformed into orchestral leitmotifs that carry complex meanings within the film's narrative of identity, history, and loss. In *The King of Masks* (1996), Sichuan opera elements serve similar narrative functions, their timbral distinctiveness and cultural associations mobilized in the service of a story about the transmission of cultural heritage across generations. In both cases, national music is not merely used but renewed: it acquires new formal functions, new expressive contexts, and new capacity to communicate with contemporary audiences [15].

The fourth renewal strategy, intercultural dialogue involves the placement of national music in creative tension and exchange with Western musical traditions, particularly the Western chamber music and orchestral repertoires. This strategy differs from simple hybridity in that it does not aim to blend national and Western elements into a seamless mixture but to create a genuine dialogue in which each tradition is transformed by its encounter with the other [16].

In the *String Quartet No. 2*, this dialogue is conducted through harmonic language: pentatonic melodic materials derived from Northwest Chinese folk traditions are placed within harmonic contexts derived from Western late-Romantic and post-tonal practice, creating a musical texture that is neither purely Chinese nor purely Western but genuinely intercultural. The effect is not a compromise between two traditions but an expansion of both: the folk melodies acquire new harmonic resonance, while the Western harmonic language acquires new melodic freshness from its contact with pentatonic materials. In *Together* (2002), the dialogue extends to formal structure and texture, as folk song fragments are placed within a musical context that draws on both Chinese and Western chamber music traditions [17].

The four renewal strategies identified in this study address different dimensions of the challenge of national music renewal and operate through different compositional mechanisms. Orchestral integration and expansion addresses the question of timbral and textural modernization, enabling folk instruments to function in large-scale formal contexts without losing their cultural specificity. Cross-regional folk synthesis addresses the tension between regional particularity and national generality, creating compositional frameworks that honor regional differences while articulating a broader national musical identity. Cinematic-narrative embedding addresses the question of audience reach and expressive context, placing national music in new narrative situations that expand its communicative possibilities. Intercultural dialogue addresses the question of international legitimation, positioning national music as a participant in global musical culture rather than a local or regional phenomenon.

The most significant insight emerging from this analysis is that the renewal achieved by Zhao Jiping is not the product of any single strategy in isolation but of the dynamic interplay of all four across his output. Different works employ different combinations and proportions of the four strategies, with film scores tending to foreground cinematic-narrative embedding and orchestral integration while concert works place greater emphasis on cross-regional synthesis and intercultural dialogue. This flexibility and diversity is itself a key dimension of Zhao's renewal achievement: by developing a repertoire of strategies rather than committing to a single approach, he has been able to respond creatively to a wide range of compositional challenges and contexts.

This study makes several theoretical contributions to the literature on national music renewal and musical modernization. First, it demonstrates the importance of distinguishing between different strategies of musical renewal, namely orchestral integration, regional synthesis, narrative embedding, and intercultural dialogue that have often been conflated under the general rubric of "modernization" or "fusion." Each strategy operates through different compositional mechanisms and produces different aesthetic and cultural outcomes; understanding their distinctiveness is essential for a nuanced account of musical renewal processes.

Second, the study validates and extends Bhabha's concept of the third space as applied to musical renewal [7]. Zhao's most successful works do not simply combine national and Western elements but create genuinely new musical forms that cannot be adequately described as either national or Western music. This third-space quality is most evident in the intercultural dialogue strategy, where folk and Western materials are placed in creative tension that transforms both, but it is also present, though in different forms, in the other three strategies.

The findings have implications for composers engaged in national music renewal in China and other contexts. The four-strategy framework suggests that renewal is most effectively pursued through a flexible, multidimensional approach that adapts compositional strategies to the specific demands of each work and context. No single strategy is adequate to the full range of renewal challenges; composers who commit exclusively to, for example, orchestral integration risk sacrificing the formal flexibility that cross-regional synthesis and intercultural dialogue make possible, while those who focus exclusively on intercultural dialogue risk losing the cultural specificity that gives national music its distinctive value [18].

The present study is limited by its focus on six works from Zhao Jiping's output; a comprehensive analysis of his complete oeuvre would be required to fully test and refine the four-strategy framework. Additionally, the analysis focuses primarily on compositional aspects of renewal and gives relatively limited attention to questions of reception and cultural impact. Future research should examine how different audiences, both Chinese and international, specialist and general have responded to Zhao's renewal strategies, and how these responses have shaped his compositional choices.

This study has identified and analyzed four core artistic strategies through which Zhao Jiping has pursued the renewal of Chinese national music: orchestral integration and expansion, cross-regional folk synthesis, cinematic-narrative embedding, and intercultural dialogue. Analysis of six selected works spanning his career from 1987 to 2012 demonstrates that these strategies are employed flexibly and in different combinations across different works and genres, with each strategy addressing a distinct dimension of the national music renewal challenge.

The significance of Zhao Jiping's contribution to national music renewal lies not in any single compositional achievement but in the sustained creative intelligence with which he has engaged the multiple dimensions of this challenge across a long career. His work demonstrates that national music renewal is not a problem to be solved once and for all but an ongoing creative project that requires constant responsiveness to new contexts, new audiences, and new artistic possibilities. In this sense, Zhao's career offers a model not just for Chinese composers but for all artists working

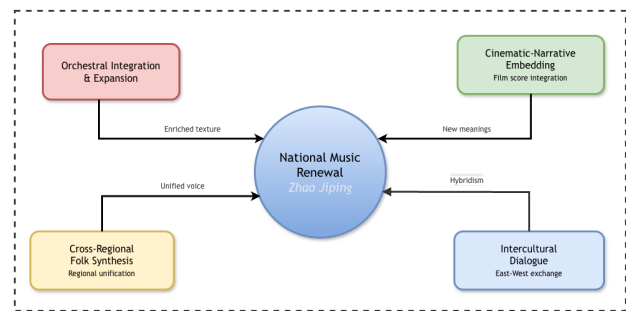

Fig. 1. Framework of four core artistic renewal strategies in Zhao Jiping's national music

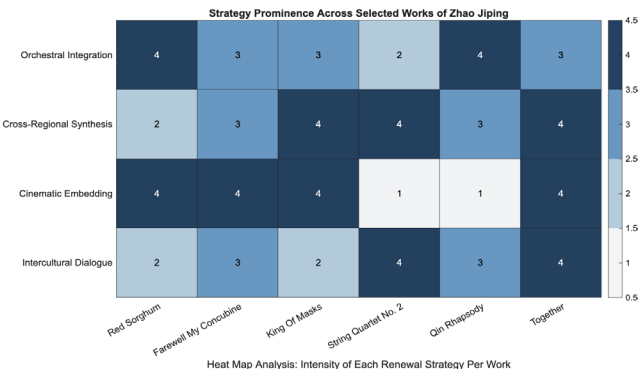

Fig. 2. Strategy prominence across selected works of Zhao Jiping

within living folk and traditional music traditions in conditions of rapid cultural change.

Future research should extend the four-strategy framework to other Chinese composers engaged in national music renewal, test its applicability in other national and cultural contexts, and investigate the reception dimensions of renewal strategies that the present study has been unable to address in full. Such research would contribute to a richer and more theoretically sophisticated understanding of one of the central creative challenges facing musical cultures in the contemporary world.

ARTISTIC STRATEGIES FOR THE RENEWAL OF ZHAO JIPING'S NATIONAL MUSIC

Xing Ka

Lomonosov Moscow State University

This article investigates the artistic strategies through which Zhao Jiping has pursued the renewal of Chinese national music (*minzu yinyue*) across a compositional career spanning more than four decades. National music in the Chinese context denotes a broad tradition of folk-derived, ethnically rooted musical practice that faces persistent challenges of vitality and relevance in a rapidly modernizing cultural environment. Drawing on close analysis of selected film scores and concert works, this study identifies four core renewal strategies employed by Zhao Jiping: orchestral integration and expansion, cross-regional folk synthesis, cinematic-narrative embedding, and intercultural dialogue. Each strategy addresses a distinct dimension of the renewal challenge, from the question of timbral and textural modernization to the development of new narrative contexts and intercultural forms of legitimation for national musical materials. The study argues that the most significant aspect of Zhao's contribution to national music renewal is not any single strategy in isolation, but the dynamic interplay of all four across his output, creating a compositional legacy that is simultaneously grounded in indigenous musical traditions and responsive to the aesthetic demands of contemporary global culture. Theoretical implications for understanding musical renewal processes in post-socialist China are discussed.

Keywords: Zhao Jiping, national music, *minzu yinyue*, musical renewal, artistic strategies, Chinese folk music, film music, orchestral integration, intercultural dialogue

References

1. Lau F. *Music in China: Experiencing Music, Expressing Culture*. Oxford: Oxford University Press; 2008.
2. Born G, Hesmondhalgh D, editors. *Western Music and Its Others: Difference, Representation, and Appropriation in Music*. Berkeley: University of California Press; 2000.
3. Jones AF. *Yellow Music: Media Culture and Colonial Modernity in the Chinese Jazz Age*. Durham: Duke University Press; 2001.
4. Mittler B. *Dangerous Tunes: The Politics of Chinese Music in Hong Kong, Taiwan, and the People's Republic of China since 1949*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 1997.
5. Nettl B. *The Study of Ethnomusicology: Thirty-One Issues and Concepts*. 2nd ed. Urbana: University of Illinois Press; 2005.
6. Bhabha HK. *The Location of Culture*. London: Routledge; 1994.
7. Schimmelpenninck A. *Chinese Folk Songs and Folk Singers: Shan'ge Traditions in Southern Jiangsu*. Leiden: Chime Foundation; 1997.
8. Berry C. *Postsocialist Cinema in Post-Mao China: The Cultural Revolution after the Cultural Revolution*. New York: Routledge; 2004.
9. Yang M. Professional Ethnomusicology in Contemporary China. *Ethnomusicology*. 1994;38(2):224–238.
10. Stock JP. *Musical Creativity in Twentieth-Century China: Abing, His Music, and Its Changing Meanings*. Rochester: University of Rochester Press; 1996.
11. Gorbman C. *Unheard Melodies: Narrative Film Music*. London: British Film Institute; 1987.
12. Chion M. *Audio-Vision: Sound on Screen*. New York: Columbia University Press; 1994.
13. Slobin M, editor. *Global Soundtracks: Worlds of Film Music*. Middletown: Wesleyan University Press; 2008.
14. Braester Y. *Witness against History: Literature, Film, and Public Discourse in Twentieth-Century China*. Stanford: Stanford University Press; 2003.
15. Kassabian A. *Hearing Film: Tracking Identifications in Contemporary Hollywood Film Music*. New York: Routledge; 2001.
16. Cooke M. *A History of Film Music*. Cambridge: Cambridge University Press; 2008.
17. De Kloet J. *China with a Cut: Globalisation, Urban Youth and Popular Music*. Amsterdam: Amsterdam University Press; 2010.
18. Utz C. *Musical Composition in the Context of Globalization: New Perspectives on Music History since 1945*. Bielefeld: Transcript; 2014.

Двойственная природа агрессии несовершеннолетних осужденных: от конструктивной социализации к делинквентному поведению

Соболев Николай Гургенович,

кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела разработки методологий социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»
E-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

В статье рассматривается проблема агрессии и агрессивного поведения несовершеннолетних осужденных. Автор анализирует двойственную роль агрессии в этом возрасте: с одной стороны, как нормативного и адаптивного механизма социализации, способствующего отстаиванию границ, самоутверждению и достижению целей в кризисный период; с другой – как фактора риска совершения правонарушений. Особое внимание уделяется роли провокации, подстрекательства и фрустрации в механизме перехода агрессии в противоправные действия у лиц, находящихся в условиях изоляции. Подчеркивается ключевая роль первичных социальных групп (семьи, референтного окружения) в профилактике деструктивного поведения, обосновывается значимость создания специальной реабилитационной среды в учреждениях уголовно-исполнительной системы. На основе теоретического анализа сформулированы принципы организации профилактической и коррекционной работы с несовершеннолетними осужденными и обозначены перспективные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные; агрессия; агрессивное поведение; делинквентное поведение; уголовно-исполнительная система.

Введение

В центре настоящего исследования находятся несовершеннолетние осужденные – особая социально-возрастная группа, в отношении которой применены меры уголовно-правового воздействия. Актуальность обращения к данной категории обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, подростковый возраст является критическим периодом становления личности, когда формируются ценностные ориентации, способы реагирования в конфликтных ситуациях и модели социального взаимодействия. Во-вторых, несовершеннолетние осужденные представляют собой группу повышенного риска рецидива: раннее начало противоправного поведения, как правило, коррелирует с более устойчивым криминальным будущим. В-третьих, в условиях изоляции от привычной социальной среды действие криминогенных факторов многократно усиливается, что требует специальных психолого-педагогических и пенитенциарных вмешательств. Таким образом, изучение факторов, провоцирующих и поддерживающих делинквентное поведение у этой категории, имеет не только теоретическое, но и выраженное практическое значение для разработки эффективных программ исправления и ресоциализации.

Под делинквентным поведением в научной литературе понимают действия отдельного человека или группы, которые противоречат действующим в обществе правовым нормам, создают угрозу для окружающих и в своей крайней форме влекут уголовную ответственность [1]. Применительно к несовершеннолетним вопрос о делинквентности осложняется тем, что многие противоправные действия могут быть следствием возрастной незрелости, ситуативных факторов или педагогической запущенности, а не сформировавшейся антисоциальной направленности личности. Данное разграничение имеет принципиальное значение для выбора мер воздействия: от уголовного наказания до восстановительных и психолого-педагогических практик.

Особое место среди факторов, способствующих развитию делинквентности, занимает агрессивное поведение. Агрессия нередко выступает как непосредственный поведенческий коррелят противоправных действий – от нанесения физического вреда до вербальной конфронтации, перерастающей в открытое правонарушение. Однако ключевая проблема заключается в двойственной природе самой агрессии: конструктивные ее формы могут играть адаптивную роль, тогда как в сочетании с личностной незрелостью, дефицитом социальных навыков или влиянием криминальной субкультуры они приобретают разрушительный характер. Для несовершеннолетних осужденных эта закономерность проявляется наиболее отчетливо, что и обуславливает необходимость специального анализа.

Изложение основного материала

Проблеме агрессии и агрессивного поведения в контексте делинквентности посвящено значительное число научных работ. В частности, исследованию особенностей агрессивных проявлений у подростков с делинквентным поведением, в том числе отбывающих наказание, уделяли внимание такие авторы, как О.В. Липунова, Л.М. Семенюк, И.Г. Кузнецова, И.А. Фурманов, А. Бандура и др.

В исследовании О.В. Липуновой, установлено, что агрессия в той или иной степени свойственна всем представителям несовершеннолетним осужденным. При этом у большинства доминируют физическая агрессия и негативизм, тогда как чувство вины, подозрительность и обида характерны для меньшей части респондентов [2]. В другом исследовании были выявлены значимые различия в агрессивности между несовершеннолетними осужденными и просоциальными подростками. Так, у несовершеннолетних осужденных были более выражены физическая агрессия и раздражительность [3].

Вместе с тем, агрессивное поведение подростков и его взаимосвязь с делинквентным поведением довольно неоднозначна, поскольку считается, что агрессия в подростковом возрасте является довольно типичным явлением. Имеется в виду так называемая конструктивная агрессия, которая проявляется в умении устанавливать и поддерживать продуктивные межличностные отношения, несмотря на возникающие противоречия, способности ставить цели и достигать их в неблагоприятных условиях, а также отстаивать собственные идеи

и позицию. Подтверждение возрастной динамики агрессивных форм находим в работах Л.М. Семенюк [4].

Однако, действительно, при определенных условиях агрессивное поведение может принимать деструктивные формы, а в крайних случаях приводить к совершению делинквентных поступков. Подобная деформация обусловлена, прежде всего, сохраняющимися у подростков чертами личностной незрелости, а также его зависимостью от мнения референтной группы, связанная его ведущей деятельностью. В случае с несовершеннолетними осужденными эти факторы нередко усиливаются влиянием криминальной субкультуры, в которой агрессия может выступать инструментом поддержания неформального статуса и самозащиты.

Описанные выше личностные и групповые факторы, однако, не исчерпывают всего спектра причин, провоцирующих агрессию. Важно учитывать, что агрессивное поведение несовершеннолетних осужденных часто запускается не только внутренними предпосылками или групповым давлением, но и конкретными социальными воздействиями извне. Помимо перечисленных факторов, важную роль в детерминации агрессивного поведения у этой категории играют такие социальные явления, как подстрекательство, провокация и фрустрация. Рассмотрим их последовательно.

Подстрекательство определяется как побуждение или призыв к совершению вредных, предосудительных, запрещенных либо противоправных действий. Оно часто находит свое отражение в ритуалах посвящения в члены группы (или испытания новичков), целью которых является усиление чувства принадлежности к группе и предоставление ощущения безопасности ее членам [3]. В среде несовершеннолетних осужденных, особенно в условиях изоляции, подобные ритуалы могут служить механизмом включения в неформальную криминальную иерархию. В подростковом возрасте, характеризующемся высокой конформностью и потребностью в социальном одобрении, подстрекательство со стороны референтной группы либо ее лидера способно нивелировать индивидуальные моральные запреты, запуская механизм «размывания ответственности» и провоцируя агрессивные и противоправные действия даже у изначально не склонных к делинквентности несовершеннолетних.

Другим социальным фактором, влияющим на возникновение агрессивного поведения, является провокация, которое представляет собой действие или ряд действий, направленных на получение ответной реакции. Роль провокации в актуализации агрессии многократно подтверждена экспериментально [5]. В контексте межличностного взаимодействия несовершеннолетних осужденных провокация может принимать различные формы: от открытых оскорблений и издевательств (в том числе в киберпространстве) до завуалированных действий, направленных на «выведение из себя» с последующим использованием ответной агрессии как повода для конфликта или самооправдания. Ключевое отличие провокации от подстрекательства заключается в том, что при провокации инициатор не столько призывает к действию, сколько создает условия, в которых ответная агрессия становится для подростка психологически неизбежной – затрагиваются значимые потребности в уважении, статусе или справедливости. В связи с этим эффективная профилактика делинквентного поведения среди несовершеннолетних осужденных должна включать развитие у несовершеннолетних навыков распознавания провокационных воздействий и саморегуляции эмоциональных состояний в фрустрирующих ситуациях.

Наконец, третьим важнейшим фактором является фрустрация – блокирование целенаправленных реакций в определенный момент времени. Фрустрация возникает тогда, когда физическое, социальное или иное препятствие прерывает действие, направленное на удовлетворение актуальной потребности.

В подростковом возрасте чувствительность к фрустрации значительно повышена в силу незавершенности формирования эмоционально-волевой сферы, обостренного чувства справедливости и завышенных, зачастую нереалистичных, ожиданий от окружающих. У несовершеннолетних осужденных эта чувствительность усугубляется переживаниями травмы разрыва с привычной социальной средой, ощущением несправедливости наказания и иными факторами, связанными с необходимостью соблюдения жестко регламентированных правил внутреннего распорядка. Кроме того, интенсивность и направленность фрустрационной агрессии во многом определяются индивидуально-психологическими особенностями. Подростки с высоким уровнем импульсивности, ригидностью мышления, пониженной фрустрационной толерантностью и склонностью к враждебным атрибуциям (интерпретации нейтральных или двусмысленных действий окружающих как умышленно провокационных) с большей вероятностью будут реагировать на блокирование потребностей открытой физической или вербальной агрессией. Таким образом, именно взаимо-

действие ситуационных факторов фрустрации и личностных ресурсов подростка определяет, станет ли блокирование потребностей толчком к противоправному поведению или, напротив, стимулом для развития стрессоустойчивости и социально-приемлемых стратегий совладающего поведения.

Вывод

Проведенный в рамках настоящей работы теоретический анализ позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов относительно взаимосвязи агрессии, агрессивного поведения и делинквентности несовершеннолетних осужденных, а также относительно роли социально-психологических факторов, опосредующих эту взаимосвязь.

1. *Двойственная природа агрессии как ключевая методологическая проблема.* Первый и наиболее общий вывод состоит в том, что агрессия у несовершеннолетних занимает двойственную позицию в структуре поведенческих стратегий. С одной стороны, ее конструктивные формы выступают как естественный механизм социализации, содействующий самоутверждению, достижению целей и выстраиванию межличностных отношений в кризисный подростковый период. С другой стороны, при наличии определенных социально-психологических условий возрастная агрессивность трансформируется в деструктивное русло и становится значимым фактором риска делинквентного поведения. Это различие имеет принципиальное значение для практики: тотальное подавление любых агрессивных проявлений у несовершеннолетних осужденных не позволяет достичь желаемого результата, так как нивелирует адаптивный потенциал агрессии. Необходима дифференцированная диагностика форм агрессивности и работа именно с деструктивными ее вариантами.

2. *Специфика агрессивности несовершеннолетних осужденных.* Обобщение эмпирических исследований (О.В. Липунова, Л.М. Семенюк и др.) позволяет утверждать, что несовершеннолетние осужденные демонстрируют качественно иные паттерны агрессивности по сравнению с просоциальными сверстниками. У них доминируют физическая агрессия и негативизм, тогда как чувство вины, подозрительность и обида выражены в меньшей степени. Это указывает не просто на количественно более высокий уровень агрессии, а на ее структурную трансформацию: агрессия у данной категории в меньшей степени сдерживается внутренними моральными запретами и в большей степени ориентирована на прямое физическое воздействие. Данный факт должен учитываться при оценке риска повторных правонарушений и выборе методов психологической коррекции.

3. *Личностная незрелость и референтная группа как катализаторы деструктивных форм агрессии.* Ключевыми внутренними детерминантами трансформации конструктивной агрессии в делинквентное поведение выступают сохраняющиеся у подростков черты личностной незрелости (импульсивность, неспособность к отсроченному удовлетворению потребностей, низкий уровень самоконтроля) и зависимость от мнения референтной группы. В условиях изоляции, в которых находятся несовершеннолетние осужденные, действие этих факторов многократно усиливается влиянием криминальной субкультуры. В этой среде агрессия может перестать быть только индивидуальной реакцией и превращается в инструмент поддержания неформального статуса, самозащиты и включения в групповую иерархию. Без учета этой групповой динамики любые индивидуальные психокоррекционные вмешательства будут недостаточно эффективны.

4. *Роль ситуативных социальных стимулов: подстрекательство, провокация и фрустрация.* Помимо личностных и групповых факторов, важнейшую роль в запуске делинквентной агрессии играют три социальных феномена, которые часто недооцениваются в традиционных криминологических подходах: подстрекательство, провокация, фрустрация.

5. *Принципы профилактики и коррекции.* На основе проведенного анализа могут быть сформулированы следующие принципы организации профилактической и коррекционной работы с несовершеннолетними осужденными:

- *принцип дифференцированного подхода:* работа должна строиться не на тотальном подавлении любых агрессивных проявлений, а на различении конструктивных и деструктивных форм агрессии с учетом возрастных норм и социального контекста.

- *принцип развития навыков саморегуляции:* особое значение приобретает обучение несовершеннолетних навыкам распознавания провокационных воздействий, управления гневом в фрустрирующих ситуациях и использования вербальных стратегий разрешения конфликтов.

- *принцип групповой работы:* учитывая высокую значимость референтной группы и феномена подстрекательства, необходимы вмешательства, направленные на ослабление влияния криминальной суб-

культуры и создание просоциальных референтных групп внутри пенитенциарного учреждения.

– *принцип средовой реабилитации*: требуется создание специальной реабилитационной развивающей среды, которая снижала бы уровень фрустрации (через предсказуемость, справедливость и доступность легальных каналов удовлетворения потребностей) и не провоцировала защитно-агрессивные реакции.

Перспективы изучения заявленной проблематики связаны, во-первых, с разработкой и валидизацией диагностического инструментария для раннего выявления дезадаптивных форм агрессии у несовершеннолетних, поступающих в воспитательные колонии и следственные изоляторы. Во-вторых, необходимы лонгитюдные исследования, позволяющие проследить динамику агрессивных проявлений на разных этапах отбывания наказания и после освобождения. В-третьих, актуальной задачей является эмпирическая проверка эффективности программ коррекции агрессивного поведения, построенных с учетом выделенных в данной работе факторов (подстрекательство, провокация, фрустрация), а также адаптация зарубежных протоколов (например, тренингов управления гневом и когнитивно-поведенческой терапии) к условиям учреждений, в которых содержатся несовершеннолетние подозреваемые, обвиняемые и осужденные.

Литература

1. Авдулова Т.П. Агрессивность в подростковом возрасте: практическое пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – Издательство Юрайт, 2018. – 126 с.
2. Липунова, О.В. Проявление агрессивности несовершеннолетними осужденными // Категория «социального» в современной педагогике и психологии: материалы 4-й Всероссийской научно-практической конференции (заочной) с международным участием, 24–25 апреля 2016 г. / М-во образования и науки Российской Федерации, Тольятинский гос. ун-т, Научно-образовательный центр «Перспектива»; [отв. ред. А.Ю. Нагорнова]. – Ульяновск: Зебра, 2016. – 632 с.
3. Кузнецова И.Г., Миндбекова Л.А. Сравнительный анализ агрессивности у подростков с делинквентным поведением и условной нормой развития // ФГБЦУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова». – 2016. – № 9 (66). – С. 65–72.
4. Семенюк, Л.М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции. – М: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 2003. – 96 с.
5. Бэрон, Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб: Питер, 2001. – 352 с.

THE DUAL NATURE OF AGGRESSION IN JUVENILE CONVICTS: FROM CONSTRUCTIVE SOCIALIZATION TO DELINQUENT BEHAVIOR

Sobolev N.G.

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

This article examines the problem of aggression and aggressive behavior in juvenile convicts. The author analyzes the dual role of aggression at this age: on the one hand, as a normative and adaptive mechanism of socialization that promotes boundary-building, self-affirmation, and goal achievement during times of crisis; on the other, as a risk factor for delinquency. Particular attention is paid to the role of provocation, instigation, and frustration in the transition from aggression to criminal behavior in individuals in solitary confinement. The key role of primary social groups (family, reference circle) in preventing destructive behavior is emphasized, and the importance of creating a special rehabilitation environment in penal institutions is substantiated. Based on theoretical analysis, principles for organizing preventive and corrective work with juvenile convicts are formulated and promising areas for further research are outlined.

Keywords: juvenile offenders; aggression; aggressive behavior; delinquent behavior; penal system.

References

1. Avdulova, T.P. Aggressivnost' v podrostkovom vozraste: prakticheskoe posobie [Aggressiveness in adolescence: A practical guide]. – 2-e izd., ispr. i dop. – Izdatel'stvo Yurajt, 2018. – 126 s.
2. Lipunova, O.V. Proyavlenie agressivnosti nesovershennoletnimi osuzhdennymi [Manifestation of aggressiveness by juvenile convicts] // Kategoriya «social'nogo» v sovremennoj pedagogike i psihologii [Tekst]: materialy 4-j Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (zaочноj) s mezhduнародnym uchastiem, 24–25 aprelya 2016 g. / M-vo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii, Tol'yatinskij gos. un-t, Nauchno-obrazovatel'nyj centr «Perspektiva»; [otv. red. A. Yu. Nagornova]. – Ul'yankovsk: Zebra, 2016. – 632 s.
3. Kuznecova I. G., Mindibekova L. A. Sravnitel'nyj analiz agressivnosti u podrostkov s delinkventnym povedeniem i uslovnoj normoj razvitiya [Comparative analysis of aggressiveness in adolescents with delinquent behavior and conditional developmental norm] // FGBSHCHU VPO «Hakasskij gosudarstvennyj universitet im. N.F. Katanova». – 2016. – № 9 (66). – S. 65–72.
4. Semenyuk, L.M. Psihologicheskie osobennosti agressivnogo povedeniya podrostkov i usloviya ego korrekcii [Psychological features of aggressive behavior in adolescents and conditions for its correction]. – M: Moskovskij psihologo-social'nyj institut; Flinta, 2003. – 96 s.
5. Beron, R. Agressiya [Aggression] / R. Berron, D. Richardson. – SPb: Piter, 2001. – 352 s.

«Двойной голос» и пентатоника: музыкально-стилистический анализ произведений Ли Юйгана в контексте Цзин Гофэн

Сян Миньюй,

аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

E-mail: gzdcf502@outlook.com

Заднепровская Галина Викторовна,

кандидат искусствоведения, доцент, Московский
государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: fanghaibo8@outlook.com

Предметом исследования является музыкальный стиль цзин гофэн в творчестве китайского исполнителя Ли Юйгана, с особым акцентом на взаимодействие вокально-технических и ладогармонических компонентов его художественного метода. В центре анализа находятся два ключевых элемента: вокальная техника «двойного голоса» (双声唱法), предполагающая способность исполнителя переключаться между мужским грудным и женским головным регистрами, а также мелодико-гармоническая система, основанная на традиционной китайской пентатонике. Исследование охватывает такие произведения, как «Новый опьяненный танец Янгуйфэй» (2010), «Лотос» (2014), «Как вначале» (2018) и «Десять тысяч ли» (2021). Рассматриваются особенности их вокальной интерпретации, структурные принципы мелодии и гармонии, а также способы интеграции традиционной китайской музыкальной эстетики с современными западными аккордовыми последовательностями в рамках популярной музыки. В работе применяются методы музыкально-теоретического анализа, акустического и физиологического рассмотрения вокальной техники, а также сравнительного анализа китайской пентатоники и западной гармонической системы в контексте популярной музыки. Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении техники «двойного голоса» и пентатональной основы не как отдельных исполнительских или композиционных приёмов, а как взаимосвязанных структурных принципов музыкального языка Ли Юйгана. Показано, что вокальная техника функционирует не только как средство выразительности, но и как фактор формирования специфической звуковой идентичности, усиливающей восприятие пентатональной мелодики в современном гармоническом контексте. Установлено, что синтез традиционной китайской ладовой системы с западной аккордовой логикой обеспечивает баланс между национальной музыкальной идентичностью и глобальной коммерческой привлекательностью произведений. В результате сделан вывод о том, что указанные элементы образуют целостный художественный механизм, определяющий уникальность стиля Ли Юйгана и его устойчивую позицию в пространстве современной мировой популярной музыки.

Ключевые слова: Ли Юйган, Цзин Гофэн, двойной голос, китайская пентатоника, музыкальный стиль, стилистический анализ, китайская музыка, этномузыкология, вокальная традиция, вокальная техника.

В основе работы лежит музыковедческий анализ, включающий исследование мелодической структуры, гармонии, ритма, инструментальной и вокальной техники. Этот метод позволяет выявить конкретные приемы интеграции оперных элементов в музыкальную ткань произведений Ли Юйгана, с особым вниманием к его технике «двойного голоса» и к способам работы с пентатоникой.

Сравнительно-сопоставительный метод применяется для анализа различных произведений Ли Юйгана, созданных в разные периоды его творчества, что позволяет проследить эволюцию его музыкального стиля от ранних экспериментов до зрелых патриотических композиций. Этот метод также используется для сопоставления техники «двойного голоса» Ли Юйгана с традиционной оперной техникой «нань дань» и с западной техникой контратенора, что позволяет выявить уникальные черты его вокального метода.

Семиотический подход применяется для анализа того, как в музыке Ли Юйгана традиционные культурные знаки и символы – пентатоника, оперные вокальные приёмы, тембры традиционных инструментов – переосмысливаются и приобретают новые значения в контексте современной популярной музыки.

Теоретической базой исследования послужили труды в области теории китайской пентатоники (Фань Цзунинь, Ли Инхай), работы по анализу популярной музыки (Ф. Миддлтон, Р. Волш), исследования в области вокальной педагогики и акустики, а также работы китайских исследователей, посвященные творчеству Ли Юйгана и феномену цзин гофэн.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью системного музыкально-стилистического анализа творчества Ли Юйгана как ключевого представителя направления цзин гофэн, чей художественный метод оказал значительное влияние на развитие современной китайской популярной музыки.

Во-первых, Ли Юйган занимает уникальное место в современной китайской музыкальной культуре как артист, сумевший осуществить органичный синтез традиционной пекинской оперы и современной популярной музыки. Его знаменитая композиция «Новый опьяненный танец янгуйфэй», выпущенная в 2010 году, стала не просто коммерчески успешным хитом, но и своеобразным манифестом нового направления, «принесла проблеск света для оказавшейся в трудном положении пекинской оперы». Однако, несмотря на очевидную значимость его творчества, системного музыкально-стилистического анализа его произведений, который выявлял бы конкретные механизмы этого синтеза, до сих пор не предпринято.

Во-вторых, техника «двойного голоса» (双声唱法) Ли Юйгана представляет собой уникальное явление в вокальной практике, не имеющее прямых аналогов ни в традиционной китайской опере, ни в западной академической вокальной школе. Сам артист признаётся, что «双声»表演是我偶然一次机会发现自己能唱的,就是一种发声的技巧,也许是天生的吧» («двойной голос» появился у меня случайно, это техника звуко-извлечения, может быть, врождённая). Эта способность мгновенно и органично переключаться между мужским грудным и женским головным регистрами стала его визитной карточкой и определила развитие всего направления цзин гофэн. Понимание физиологических и акустических механизмов этой техники необходимо не только для музыковедческого анализа, но и для вокальной педагогики.

В-третьих, в основе музыки Ли Юйгана лежит китайская пентатоника – пятиступенный звукоряд, который коренным образом отличается от семиступенного мажора или минора, привычных западному слуху. Исследование того, как Ли Юйган и его аранжировщики сочетают традиционную пентатонику с современными аккордовыми последовательностями, ритмами R&B и электронными звучаниями, позволяет выявить конкретные приёмы синтеза, которые могут быть полезны для практикующих композиторов и аранжировщиков.

В-четвёртых, несмотря на растущий интерес к феномену цзин гофэн, работ, посвящённых детальному музыкально-стилистическому анализу произведений Ли Юйгана, крайне мало. Существующие исследования, как правило, фрагментарны: одни работы сосредоточены на анализе текстов, другие – на визуальной составляющей, третьи – на общих культурологических аспектах. Отсутствует комплексное му-

зыковедческое исследование, которое объединяло бы анализ вокальной техники, мелодико-гармонических особенностей и инструментовки в единую аналитическую рамку.

Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется необходимостью системного музыкально-стилистического анализа творчества Ли Юйгана, выявления конкретных механизмов синтеза традиционной китайской музыки и современных популярных форматов, а также оценки его роли в развитии направления цзин гофэн.

Целью статьи является: выявление и анализ ключевых музыкально-стилистических особенностей произведений Ли Юйгана в контексте цзин гофэн, с особым вниманием к вокальной технике «двойного голоса» и мелодико-гармонической основе, базирующейся на китайской пентатонике.

Исходя из этой цели, были поставлены следующие **задачи исследования:**

- проанализировать технику «двойного голоса» Ли Юйгана, выявив её физиологические, акустические и художественные особенности;
- исследовать использование пентатоники в произведениях Ли Юйгана, определив способы её сочетания с современными гармониями и ритмами;
- проанализировать инструментовку и аранжировку его ключевых произведений, выявив роль традиционных китайских инструментов и электронных звучаний;
- определить место техники «двойного голоса» и пентатоники в общем художественном методе артиста.

Основная часть

Техника «двойного голоса» Ли Юйгана представляет собой уникальное явление в вокальной практике, сочетающее элементы традиционной китайской оперной техники «нань дань» (мужского исполнения женских ролей), западной техники фальцета и особенностей народного пения северо-восточного Китая (жанр эржэньчжуань). Как признаётся сам артист, «双声表演是我偶然一次机会发现自己能唱的, 就是一种发声的技巧, 也许是天生的吧» («двойной голос» появился у меня случайно, это техника звукоизвлечения, может быть, врождённая). Эта фраза, хотя и подчёркивает природный дар, не отрицает многолетней работы по его развитию и совершенствованию [3, с. 205].

С физиологической точки зрения, «двойной голос» Ли Юйгана основан на уникальном владении двумя основными вокальными регистрами – грудным (или «тяжёлым») и головным (или «лёгким»). В мужских партиях он использует грудобрюшное дыхание с активным грудным резонансом, что придаёт его голосу глубину, теплоту и «земную» силу. Этот регистр близок к драматическому тенору и позволяет ему передавать широкий спектр эмоций – от нежной грусти до страстного отчаяния. В женских партиях, напротив, он фокусирует звук в головных и носоглоточных резонаторах, отключая грудной резонанс. Техника дыхания при этом становится более поверхностной, «лёгкой», но крайне управляемой. Этот метод, который в китайской вокальной педагогике называют «托气» (поддержка дыхания), создаёт звук, по образному выражению слушателей, напоминающий «звук небес» – воздушный, светлый, пронзительный.

Важнейшей особенностью техники Ли Юйгана является не просто способность петь в женском диапазоне, а возможность мгновенного и органичного переключения между регистрами. В песне «Новый опьяненный танец янгуйфэй» куплеты исполнены мужским голосом в мягкой, камерной поп-манере, создавая ощущение доверительного разговора со слушателем. В припеве же голос резко поднимается в верхний регистр, приобретая звонкое, почти пронзительное «фальцетное» звучание, имитирующее классическую оперную манеру школы Мэй Ланьфана. Этот контраст создаёт эффект «театра в песне», когда слушатель становится свидетелем драмы, где сталкиваются две эпохи, два мировосприятия, два пола. Как справедливо отмечает исследователь Ван Вэй, «李玉刚的嗓音本身就是一场文化行为艺术» – его голос становится местом встречи разных времён и смыслов [4, с. 97].

С акустической точки зрения, женский вокал Ли Юйгана отличается от типичного фальцета западных контратеноров. В западной традиции фальцет часто звучит «искусственно», лишён естественной вибрации и объёмного тембра. Вокал Ли Юйгана, напротив, обладает богатым набором обертонов, что позволяет ему звучать объёмно даже без мощной опоры диафрагмы. Это достигается за счёт особой резонаторной настройки: звук фокусируется не только в головных резонаторах, но и в ротоглоточной полости, что придаёт ему «оперную» яркость и полётность. Эта особенность сближает его технику с традиционным китайским оперным пением, где «цянцян» (腔) – «наполненность» звука – является одним из главных критериев мастерства.

Техника «двойного голоса» Ли Юйгана не оставалась статичной на протяжении его карьеры. На раннем этапе (альбом «Новый опьяненный танец янгуйфэй», 2010) она была гипертрофирована, работая как «ударный» приём, привлекающий и шокирующий публику. На этапе углубления и лирики (альбом «Лотос», 2014; песня «Судьба заставляет нас встретиться», 2016) грань между голосами стала более размытой, создавая ощущение неразрывного единства. На эпическом и патристическом этапе (песни «Десять тысяч ли», 2021; «Хуася», 2022) техника достигла нового уровня зрелости: «двойной голос» используется не для демонстрации трюка, а для создания величественного, эпического звучания, где оперная манера становится основой для выражения высокого патристического чувства.

В основе традиционной китайской музыки лежит пентатоника – пятиступенный звукоряд, который коренным образом отличается от семиступенного мажора или минора, привычных западному слуху. Эти пять нот в китайской музыкальной теории носят имена: 宫 (гун), 商 (шан), 角 (цзюэ), 徵 (чжи) и 羽 (юй). В современной системе обозначений они соответствуют ступеням 1 (до), 2 (ре), 3 (ми), 5 (соль) и 6 (ля). Важно подчеркнуть, что в этом звукоряде отсутствуют полутоновые интервалы, что придаёт китайской мелодике её характерную плавность, «текучесть» и отсутствие острого хроматического напряжения. Эта плавность создаёт ощущение «бесконечной линии», разворачивающейся во времени, подобно свитку традиционной китайской живописи, где нет резких, контрастных мазков, а есть непрерывное движение кисти [1, с. 25].

Каждый из пяти тонов может стать тоникой, образуя пять различных ладов, каждый со своей характерной эмоциональной окраской. Лад 宫 (гун) – это фундаментальный, опорный лад, аналогичный западному мажорному пентатонному звукоряду; 商 (шан) звучит ярче и энергичнее; 角 (цзюэ) – более мягко и лирично; 徵 (чжи) – открыто и «народно»; а 羽 (юй) – меланхолично и задумчиво. Понимание этих ладов – ключ к разгадке эмоционального строя многих произведений Ли Юйгана. Выбор того или иного лада, а также их сопоставление и модуляции создают тот неповторимый «национальный колорит», который является визитной карточкой его музыки.

Наиболее наглядно принцип работы с пентатоникой прослеживается в главном хите Ли Юйгана – песне «Новый опьяненный танец янгуйфэй». Мелодия этой песни не является оригинальным сочинением композитора Ху Ли в чистом виде. Она представляет собой виртуозную стилизацию и современную аранжировку знаменитой оперной арии «Пьяная красавица» из репертуара великого Мэй Ланьфана. Сама ария, как и весь оперный репертуар школы Мэй, построена на пентатонном звукоряде с опорой на лад 宫 (гун). Её мелодия течёт плавно, словно река, избегая резких скачков и хроматических обострений, которые были бы чужды традиционной эстетике.

Задача Ху Ли и Ли Юйгана заключалась в том, чтобы «перевести» этот архаичный, сложный для восприятия современного слушателя напев на язык популярной музыки, но сделать это так, чтобы не потерять его «китайскую душу». Решение было найдено в контрасте и синтезе. Мужские куплеты песни написаны уже не в чистой пентатонике, а в обычной мажорной тональности (F-dur, по имеющимся нотным записям). Их мелодия более проста, ритмически ровна и приближена к разговорной интонации. Это «входные ворота» для слушателя: он попадает в привычную, комфортную для него музыкальную среду. Но как только наступает припев, музыкальный мир мгновенно преобразуется: мелодия резко взмывает вверх, возвращаясь к исходному оперному материалу, и здесь мы слышим уже классический пентатонный звукоряд в его почти первозданной чистоте. Этот драматургический приём, когда куплет и припев как бы принадлежат к разным эпохам, создаёт тот самый шок от узнавания, который и стал одной из причин оглушительного успеха песни.

Подобный же приём, но уже в более камерном, лирическом ключе, используется и в более поздней песне «Лотос» (2014). В отличие от эпического размаха и драматического контраста «Нового опьяненного танца», «Лотос» – это медитация, философское размышление о чистоте и просветлении. И её музыкальное решение соответствует этой задаче. Здесь нет резких «переключений» между поп- и оперной манерой. Вся песня выдержана в едином, спокойном, созерцательном тоне. Её мелодия, также построенная на основе пентатоники, но более свободно, развивается плавно, без скачков, словно распускаясь, подобно цветку лотоса. Пентатоника здесь не столько «цитируется», сколько становится естественной средой обитания мелодии, её родной стихией [5, с. 179].

Особого внимания заслуживает песня «Как вначале» (如初, 2018). Как отмечается в описании, «歌曲采用中国传统五声调式, 歌词融入古典诗词意象, 如“莲出淤泥而不染, 心过迷茫却如初”等句营造出空寂悠远的禅境» (Песня написана в традиционном китайском

пятитоновом стиле, а текст включает классические поэтические образы, такие как «Лотос очищен от грязи, но сердце, как всегда, в смутении», и другие фразы создают ощущение пустоты и отдаленности в царстве дзен». В этом произведении Ли Юйган демонстрирует удивительную способность: даже почти полностью отказавшись от «двойного голоса» (здесь он поёт в основном в своей естественной мужской tessiture), он создаёт мощнейший «китайский колорит» исключительно за счёт мелодического материала, построенного на пентатонике. Это доказывает, что его искусство – не просто сумма отдельных трюков, а целостная эстетическая система, каждый элемент которой работает на общий художественный результат.

В песне «Десять тысяч ли» (2021) Ли Юйган демонстрирует иной, более эпический способ использования пентатоники. Здесь она служит не столько для создания интимной, камерной атмосферы, сколько для выражения национальной гордости и величия. Мелодия, построенная на основе того же пентатонного звукоряда, звучит здесь не «архаично», а, напротив, величественно и современно. Она не противопоставлена гармонии, а органично с ней слита. По замыслу авторов, в этой песне пентатоника становится тем самым «голосом предков», который поддерживает и наполняет силой патриотическое чувство современного китайца. Она перестаёт быть признаком «древности» и становится признаком «непрерывности», «преемственности» – живой нитью, соединяющей тысячелетнюю историю с днём сегодняшним.

Самый интересный и сложный аспект творчества Ли Юйгана – это то, как его пентатонные мелодии взаимодействуют с аккордовой последовательностью, которая в своей основе является западной. Здесь Ли Юйган и его аранжировщики используют целый арсенал приёмов, чтобы избежать ощущения неестественности или натяжки.

Начнём с песен, где пентатоника используется как локальный «цветовой» контраст, например, в песне «Судьба заставляет нас встретиться» (2016). Эта песня стала неожиданным хитом именно потому, что в ней, казалось бы, нет ничего «китайского»: это простая, искренняя баллада о благодарности и любви, построенная на классической западной аккордовой последовательности I–V–vi–IV (в тональности C-dur: C–G–Am–F). Это одна из самых популярных последовательностей в западной поп-музыке, на которой построены тысячи хитов [7, с. 82]. В этой песне Ли Юйган почти не использует оперный вокал. Его дарование раскрывается здесь по-другому – в умении быть искренним, простым и человечным. Западная гармония здесь не подавляет его голос, а служит идеальной «рамкой» для его мужского тембра.

Иной подход демонстрируется в песне «Десять тысяч ли». Тональность песни меняется в процессе развития. Основная часть, мужские куплеты, звучит в тональности C-dur. Это тональность простая, «открытая», ассоциирующаяся со светом и чистотой. Но в момент кульминации, в припеве, где вступает мощный, патриотический оперный вокал, происходит модуляция в тональность G-dur. Этот сдвиг на кварту вверх создаёт эффект подъёма, усиления, перехода на новый, более высокий энергетический уровень. Модуляция в данном случае – это не просто формальный приём, а драматургический жест. Она подчёркивает, что патриотическое чувство, о котором поётся в песне, не является статичным, а нарастает, как волна, достигая своей высшей точки в припеве. При этом важно, что сама мелодия припева остаётся пентатонной, но её «конфликт» с новой гармонией отсутствует.

Песня «Лотос» вписывается в стилистику New Age. Здесь западные гармонии не столько «сопровождают» пентатонную мелодию, сколько создают для неё «атмосферу». Аккорды здесь часто не имеют ярко выраженной функциональной направленности (то есть не стремятся к тонике), а «парят», создавая ощущение невесомости, растворённости в пространстве. Это идеальное решение для песни, которая стремится к созданию медитативного, созерцательного настроения. Пентатоника здесь не вступает в конфликт с западными гармониями, а как бы «растворяется» в них, теряя свою «национальную» определённость и становясь частью общечеловечного, «космического» звучания. Этот приём показывает, насколько гибко и изобретательно Ли Юйган и его команда подходят к использованию традиционного материала, адаптируя его под самые разные художественные задачи.

Важно отметить, что Ли Юйган не ограничивается мажорными и минорными тональностями. В ряде песен он использует более сложные гармонические структуры, включая элементы джазовой гармонии, блюзовые ноты и нетерцовые аккорды. В песне «Водная тушь и лазурит» (水墨丹青), например, используются аккорды с добавленными нотами (add9, add11), которые придают гармонии «прозрачность» и «воздушность», ассоциирующуюся с традиционной китайской живописью. В песне «绝色江西» (Несравненная красота Цзянси, 2023) используются элементы модальной гармонии, где аккорды строятся не по терциям, а по квартам и квинтам, создавая ощущение «архаичности» и «экзотики».

Анализ музыкального стиля Ли Юйгана на разных этапах его карьеры позволяет проследить эволюцию его художественного метода. На раннем этапе (песни «Новый опьяненный танец янгуйфэй», «国色» и др.) преобладал «контрастный» подход: традиционные инструменты и оперный вокал использовались в припеве как «взрыв» на фоне более или менее современного инструментального сопровождения в куплетах. Аранжировка здесь работала на создание драматургического напряжения через резкую смену тембральной и стилистической ткани.

На среднем этапе (альбом «Лотос», 2014) наметился переход к «интегральному» подходу. В альбоме, как отмечается, «на китайский национальный колорит наложены красочные музыкальные полотна», в которых для разных песен используются элементы «симфонической музыки, народного стиля, поп-рэпа». Традиционные и современные элементы здесь уже не противопоставлялись, а дополняли друг друга, создавая более сложную, многослойную фактуру.

На позднем этапе (песни «Десять тысяч ли», «九州», «绝色江西») Ли Юйган и его аранжировщики пришли к «синтетическому» подходу. Здесь границы между традиционным и современным, акустическим и электронным, «восточным» и «западным» практически исчезли. Традиционные инструменты (пипа, эрху) играют в одном оркестровом пространстве с симфонической группой и синтезаторами, а электронная обработка традиционных инструментов создаёт новое, гибридное звучание, которое уже нельзя однозначно отнести ни к одному из исходных элементов [3, с. 19].

Эта эволюция наглядно демонстрирует, что техника «двойного голоса» и пентатоника не являются статичными элементами его стиля. Они развиваются, усложняются, адаптируются к новым художественным задачам. От резкого контраста, который был необходим для привлечения внимания и «прорыва» в мейнстрим, Ли Юйган пришёл к органичному слиянию, где оперная эстетика пронизывает все уровни музыкальной ткани, а национальная идентичность выражается не через внешние знаки, а через глубинную логику музыкального мышления.

Заключение

Проведённое исследование позволяет утверждать, что техника «двойного голоса» и пентатоника являются не просто отдельными приёмами в творчестве Ли Юйгана, а фундаментальными принципами его художественного метода, определяющими его уникальное место в современной китайской музыкальной культуре.

Техника «двойного голоса» Ли Юйгана представляет собой уникальное явление, не имеющее прямых аналогов. Сочетая элементы традиционной китайской оперной техники «нань дань», западного фальцета и народного пения, он создал новый вокальный язык, позволяющий ему мгновенно и органично переключаться между мужским и женским регистрами. Эта техника прошла эволюцию от «ударного» приёма, привлекающего и шокирующего публику, до зрелого средства художественной выразительности, способного передавать сложные эмоциональные и смысловые оттенки.

Пентатоника, в свою очередь, является мелодической и ладовой основой его музыки. Ли Юйган не просто использует традиционный китайский звукоряд, а творчески перерабатывает его, сочетая с современными гармоническими последовательностями, ритмами R&B и электронными звучаниями. В его лучших произведениях пентатоника перестаёт быть признаком «древности» и становится признаком «непрерывности», «преемственности» – живой нитью, соединяющей тысячелетнюю историю с днём сегодняшним.

Взаимодействие этих двух элементов – вокальной техники и ладовой основы – создаёт тот уникальный музыкальный язык, который и составляет суть цзин гофэн. В этом языке традиционная китайская эстетика не противопоставлена современной популярной культуре, а органично в неё вписана. Ли Юйган, как точно подметил один из критиков, «не является наложницей Ян, но, когда он выходит на сцену, он превосходит наложницу Ян». Он не является традиционным «нань дань» в академическом смысле, но он сумел создать новый, гибридный жанр, в котором поп-музыка служит «рамкой», а опера – «картиной».

Эволюция его стиля – от контрастного «склеивания» двух музыкальных миров к их органичному сращиванию – отражает общую тенденцию развития цзин гофэн как зрелого художественного явления. Исследование показывает, что подлинный синтез традиции и современности невозможен без глубокого понимания как той, так и другой системы. Ли Юйган, не имея формального музыкального образования, интуитивно постиг эту истину, и его творчество служит убедительным доказательством того, что «неаутентичные» формы могут играть важную позитивную роль в сохранении и популяризации традиционного наследия.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с более детальным анализом поздних произведений Ли Юйгана, а также с изучением его влияния на молодое поколение китайских исполнителей цзин го-фэн. Актуальным остаётся и сравнительный анализ его музыкального стиля с творчеством других представителей этого направления, таких как Чжан Юньлэй, Чжоу Шэнь и Цянь Бэй, что позволит выявить общие закономерности и специфические черты развития жанра в целом.

Литература

1. Чхе М.-С. Исследование популярной музыки китайского направления «Цзингфэн» (Jinggefeng): на примере творчества Ли Юйгана // Журнал исследований китайской культуры. 2021. № 51. С. 1–24.
2. Рао Н.Ю. Восприятие пентатоники через сериализм: интеграция различных традиций в современной китайской музыке // Perspectives of New Music. 2002. Т. 40. № 2. С. 190–232.
3. Лю Х., Цзян К., Гамбоа Х., Сюэ Т., Шульц Т. Колоколообразная форма как воплощение принципа «чжунъюн»: гистограмма высот традиционных китайских ангемитонных пентатонных народных песен // Applied Sciences. 2022. Т. 12. № 16. Ст. 8343. 15 с.
4. Лю Х., Цзян К. Общие и отличительные количественные характеристики китайской и западной музыки с точки зрения ладов, звуко-рядов, ступеней и мелодических вариаций // Journal of New Music Research. 2024. Т. 53. № 3. С. 227–244.
5. Лам Н. Преобразования пентатоники сюаньгун в китайской музыке // Music Theory Online. 2024. Т. 30. № 1.
6. Ли Х., Леман М. Типология скользящих тонов в музыке гуцин, основанная на анализе жестов исполнителя // Journal of New Music Research. 2007. Т. 36. № 2. С. 61–82.
7. Ян Ю., Сундберг Й., Уэлч Г.Ф., Химонидес Э. Особенности настройки интонации в китайском народном пении: исследование музыки хуар // The Journal of the Acoustical Society of America. 2012. Т. 131. № 4.
8. Чэнь Л. Концепция «китайского стиля» в китайских фортепианных адаптациях музыки гуцин: на примере произведений «Три строфы о цветах сливы», «Прощание у заставы Янгуань» и «Текущая вода» // Journal of Music Research Online. 2024. Т. 15.
9. Тан Т. «И цзин» в китайской музыке: композиционный метод Чун Ю Квана // PHILHARMONICA. Международный музыкальный журнал. 2024. № 2. С. 39–49.
10. Латур Б., Вулгар С. Лабораторная жизнь: конструирование научных фактов. Принстон, Нью-Джерси: Princeton University Press, 1986. 296 с.
11. Миттлер Б. Опасные мелодии: политика китайской музыки в Гонконге, на Тайване и в Китайской Народной Республике с 1949 года. Висбаден: Harrassowitz Verlag, 1997. 502 с.
12. Джонс А. Ф. «Жёлтая музыка»: медиакультура и колониальная модерность в эпоху китайского джаза. Дарем: Duke University Press, 2001. 248 с.
13. Сток Дж.П. Дж. Музыкальное творчество в Китае XX века: Абин, его музыка и изменяющиеся смыслы её восприятия. Рочестер: University of Rochester Press, 1996. 414 с.
14. Лау Ф. Музыка в Китае: переживание музыки и выражение культуры. Нью-Йорк: Oxford University Press, 2008. 224 с.
15. Рис Х. Отголоски истории: музыка народа наци в современном Китае. Оксфорд: Oxford University Press, 2000. 240 с.

«DOUBLE VOICE» AND PENTATONICS: A MUSICAL AND STYLISTIC ANALYSIS OF LI YUGANG'S WORKS IN THE CONTEXT OF JING GUO FENG

Xiang Minyu, Zadneprovskaya G.V.
Lomonosov Moscow State University

The subject of this study is the musical style of jing guofeng in the work of Chinese performer Li Yugang, with a particular emphasis on the interaction of the vocal-technical and harmonic components of his artistic method. The analysis focuses on two key elements: the «double voice» vocal technique (双声唱法), which involves the performer's ability to switch between the male chest and female head registers, and a melodic-harmonic system based on the traditional Chinese pentatonic scale. The study covers works such as «New Intoxicated Dance of Yangguifei» (2010), «Lotus» (2014), «As in the Beginning» (2018), and «Ten Thousand Li» (2021). It examines the features of their vocal interpretation, the structural principles of melody and harmony, and the ways in which traditional Chinese musical aesthetics are integrated with modern Western chord progressions within the context of popular music. The study employs methods of music-theoretical analysis, acoustic and physiological examination of vocal technique, and a comparative analysis of the Chinese pentatonic scale and the Western harmonic system in the context of popular music. The scientific novelty of this study lies in its comprehensive examination of the «double voice» technique and the pentatonic basis, not as separate performance or compositional devices, but as interconnected structural principles of Li Yugang's musical language. It is demonstrated that vocal technique functions not only as a means of expression but also as a factor in the formation of a specific sonic identity, enhancing the perception of pentatonic melody in a modern harmonic context. It is established that the synthesis of the traditional Chinese modal system with Western chordal logic ensures a balance between national musical identity and the global commercial appeal of his works. The conclusion is that these elements form a holistic artistic mechanism that defines the uniqueness of Li Yugang's style and his stable position in contemporary global popular music.

Keywords: Li Yugang, Jing Guofeng, double voice, Chinese pentatonic scale, musical style, stylistic analysis, Chinese music, ethnomusicology, vocal tradition, vocal technique.

References

1. Choi M.-S. A Study of Chinese Popular Music of Jinggefeng: The Case of Li Yugang // Journal of Chinese Cultural Studies. 2021. № 51. Pp. 1–24.
2. Rao N. Yu. Perception of Pentatonicism through Serialism: Integration of Various Traditions in Contemporary Chinese Music // Perspectives of New Music. 2002. Vol. 40. № 2. Pp. 190–232.
3. Liu H., Jiang K., Gamboa H., Xue T., Schulz T. Bell-Shaped Form as the Embodiment of the Zhongyong Principle: A Histogram of Pitches of Traditional Chinese Anhemitonic Pentatonic Folk Songs // Applied Sciences. 2022. Vol. 12. № 16. Art. 8343. 15 p.
4. Liu H., Jiang K. «Common and Distinctive Quantitative Characteristics of Chinese and Western Music in Terms of Modes, Scales, Degrees, and Melodic Variations» // Journal of New Music Research. 2024. Vol. 53. № 3. pp. 227–244.
5. Lam N. «Transformations of the Xuangong Pentatonic Scale in Chinese Music» // Music Theory Online. 2024. Vol. 30. № 1.
6. Li H., Lehman M. «A Typology of Sliding Tones in Guqin Music Based on the Analysis of Performer Gestures» // Journal of New Music Research. 2007. Vol. 36. № 2. pp. 61–82.
7. Yang Yu., Sundberg J., Welch G.F., Chimonides E. «Intonation Tuning Features in Chinese Folk Singing: A Study of Huar Music» // The Journal of the Acoustical Society of America. 2012. Vol. 131. № 4.
8. Chen L. «The Concept of «Chinese Style» in Chinese Piano Adaptations of Guqin Music: A Case Study of «Three Stanzas of Plum Blossoms», «Farewell at Yangguan Gate», and «Flowing Water»» // Journal of Music Research Online. 2024. Vol. 15.
9. Tang T. «I Ching» in Chinese Music: Chun Yu Kwan's Compositional Method» // PHILHARMONICA. International Music Journal. 2024. № 2. pp. 39–49.
10. Latour, B., and Woolgar, S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1986. 296 p.
11. Mittler, B. Dangerous Melodies: The Politics of Chinese Music in Hong Kong, Taiwan, and the People's Republic of China Since 1949. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997. 502 p.
12. Jones, A. F. «Yellow Music»: Media Culture and Colonial Modernity in the Age of Chinese Jazz. Durham: Duke University Press, 2001. 248 p.
13. Stock, J. P.J. Musical Creativity in Twentieth-Century China: Abin, His Music, and the Changing Meanings of Its Reception. Rochester: University of Rochester Press, 1996. 414 p.
14. Lau, F. (2008). Music in China: Experiencing Music and Expressing Culture. New York: Oxford University Press, 2008. 224 p.
15. Reece, H. (2000). Echoes of History: Music of the Nazi People in Modern China. Oxford: Oxford University Press, 2000. 240 p.

К вопросу о социально-педагогическом сопровождении несовершеннолетних осужденных: принципы и организационные аспекты

Соболев Николай Гургенович,

кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела разработки методологий социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»
E-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

В статье рассматриваются теоретико-методологические и организационные аспекты социально-педагогического сопровождения несовершеннолетних осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Автором обосновывается, что эффективность сопроводительной деятельности определяется не только ее содержательным наполнением, но и качеством организационного обеспечения, включающего четкое распределение функций. Особое внимание уделяется системе принципов социально-педагогического сопровождения, которые выполняют ориентирующую, регулятивную, критериальную и прогностическую функции, а также роли сотрудника как субъекта социально-педагогического взаимодействия. В заключении делается вывод о том, что социально-педагогическое сопровождение является перспективным направлением пенитенциарной педагогики, а его дальнейшее развитие требует разработки вариативных организационных моделей, адаптированных к различным типам учреждений УИС и этапам отбывания наказания.

Ключевые слова: социально-педагогическое сопровождение; несовершеннолетние осужденные; организационные аспекты; принципы социально-педагогического сопровождения; уголовно-исполнительная система.

В учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) социально-педагогическое сопровождение представляет собой целостный, системно организованный процесс, направленный на исправление осужденных, их ресоциализацию и закрепление правоупотребительных поведенческих стратегий. В отношении несовершеннолетних осужденных данное направление деятельности приобретает повышенную значимость, что обусловлено совокупностью возрастных, психологических и социальных характеристик указанной категории, а также тенденцией увеличения числа подростков, поступающих в учреждения УИС за совершение тяжких и особо тяжких преступлений [1]. При этом результативность сопроводительных мер зависит не только от их содержательного наполнения, но и от продуманной организации всех этапов взаимодействия.

Подростковый возраст выступает сензитивным периодом для формирования ценностно-смысловой сферы, интериоризации нравственных норм и освоения социально одобряемых образцов поведения [2]. Именно в этот временной промежуток активно развивается самосознание, складывается система отношений к окружающей действительности и к собственной личности, определяются жизненные ориентиры и способы их реализации. Актуализация данных факторов приобретает особую остроту в условиях пенитенциарной изоляции. Как обоснованно указывает А.С. Гусев, несовершеннолетние, оказавшиеся в местах лишения свободы, попадают в среду, которая может провоцировать у них интерес к криминальной субкультуре и устоям исправительных учреждений, что крайне негативно отражается на их дальнейшей жизненной перспективе [3] [с. 26]. Кроме того, значительная часть несовершеннолетних поступает в учреждения уже имея опыт приобщения к криминальным нормам и ценностям [4]. В этой связи своевременная и адекватная организация социально-педагогического сопровождения выступает ключевым фактором снижения рисков рецидивной преступности и обеспечения успешной социальной адаптации после освобождения. Таким образом, организационная составляющая данной деятельности нуждается в самостоятельном научно-теоретическом анализе и практической проработке.

Целью социально-педагогического сопровождения несовершеннолетних, содержащихся в учреждениях УИС, является создание организационно-педагогических условий для формирования у несовершеннолетнего способности к самоанализу, ответственному выбору, рефлексии последствий своих поступков и постепенному принятию социально одобряемых норм как внутренних регуляторов поведения. Однако сама по себе постановка цели не гарантирует эффективность социально-педагогического сопровождения. Здесь ключевым условием выступает соблюдение системы принципов, которые бы выполняли ориентирующую (задают направления и приоритеты работы), регулятивную (упорядочивают педагогические действия и обеспечивают их непротиворечивость), критериальную (позволяют оценивать результативность и качество воспитательного процесса), прогностическую (обеспечивают возможность проектирования ожидаемых результатов) функции. Кроме того, данные принципы должны быть включены в организационную модель сопровождения, что предполагает их закрепление в локальных нормативных актах и алгоритмах работы сотрудников. Наряду с общепедагогическими принципами (гуманизм, законность, справедливость) нами выделяются и иные, отражающие как содержательные, так и организационные аспекты:

Принцип целенаправленности

Данный принцип базируется на положении о том, что в условиях изоляции, характеризующихся множественностью внешних воздействий (как позитивных, так и деструктивных), отсутствие четко сформулированной педагогической цели приводит к рассеиванию усилий и снижению эффективности любых педагогических мероприятий. При этом цель социально-педагогического сопровождения должна быть диагностичной и предполагать систему конкретных задач на каждом этапе нахождения несовершеннолетнего в учреждении, что позволяет отслеживать происходящие изменения и своевременно корректировать педагогическую деятельность. В организационном плане это требует разработки поэтапных механизмов сопровождения с четкими временными и содержательными ориентирами. При этом важным условием

выступает переход от внешне заданной педагогической цели во внутренне принятую, лично значимую для несовершеннолетнего, что достигается через совместное целеполагание, диалог и создание ситуаций осознанного выбора.

Принцип дифференцированного подхода

Этот принцип обосновывается неоднородностью контингента несовершеннолетних осужденных: они различаются по возрасту, степени социальной запущенности, характеру совершенного преступления, личностным особенностям и уровню интеллектуального развития и т.д. [5] Унифицированные воспитательные воздействия не могут быть в равной степени эффективны для всех, более того, они способны провоцировать сопротивление у части подростков [6]. Принцип предполагает учет возраста, индивидуально-психологических особенностей, уровня интеллектуального развития, степени социальной дезадаптации, характера и мотива совершенного преступления. Дифференциация распространяется на выбор форм, методов и средств социально-педагогического сопровождения, а также на критерии оценки их результативности. С организационной точки зрения это требует создания гибкой системы маршрутизации несовершеннолетних, предусматривающей вариативные программы сопровождения в зависимости от типологических групп.

Принцип субъектной активности несовершеннолетнего

В основе данного принципа лежит положение о том, что устойчивые поведенческие изменения формируются не через пассивное усвоение внешних требований, а через внутреннюю переработку и усвоение норм. Несовершеннолетний должен стать не объектом, а субъектом педагогического процесса. Без внутренней мотивации к изменениям любые внешние воздействия дают лишь кратковременный эффект. Максимальный развивающий эффект достигается при условии поддержки внутренней мотивации самого несовершеннолетнего к изменениям. Задача сотрудника – сопровождать, создавать ситуации, стимулирующие просоциальную активность и самостоятельный выбор в условиях пенитенциарной среды. Организационно это предполагает включение механизмов обратной связи, делегирования ответственности и предоставления несовершеннолетнему права выбора в рамках регламентированных видов деятельности.

Принцип системности

Данный принцип вытекает из того, что социально-педагогическое сопровождение осуществляется множеством субъектов (сотрудники воспитательного отдела, психологи, педагоги, представители режимной и оперативной служб и отделов и др.). При отсутствии координации их действий возникают противоречивые требования, что может дезорганизовать несовершеннолетнего и снизить общую эффективность сопровождения. Кроме того, сам процесс исправления носит целостный характер, и его дробление на изолированные мероприятия не приводит к интегральному результату. Данный принцип требует рассмотрения социально-педагогического сопровождения как целостной системы, включающей цели, содержание, методы, субъектов взаимодействия и организационные условия. Системность предполагает координацию деятельности всех служб учреждения (психологической, режимной, воспитательной, производственной) на всех этапах нахождения несовершеннолетнего в изоляции – от следственного изолятора до воспитательной колонии. Ключевым организационным решением здесь выступает разработка и внедрение межведомственных и внутриведомственных регламентов взаимодействия, определяющих порядок обмена информацией и совместного планирования.

Принцип конфиденциальности и толерантности

Обоснование этого принципа связано с тем, что многие несовершеннолетние осужденные имеют травматический опыт, испытывают недоверие к взрослым и остро реагируют на любые проявления неуважения или разглашения личной информации. Нарушение конфиденциальности может восприниматься ими крайне эмоционально и окончательно блокирует возможность установления доверительных отношений, являющихся основой любого социально-педагогического сопровождения. Этот принцип диктует соблюдение этических норм, уважение к достоинству и частной жизни несовершеннолетнего, создание атмосферы психологической безопасности как условие эффективного социально-педагогического сопровождения. Нарушение данного принципа блокирует установление доверительных отношений и снижает восприимчивость к педагогическим воздействиям. В организационном аспекте это требует закрепления порядка работы с конфиденциальной

информацией, а также обучения сотрудников навыкам конструктивного взаимодействия.

Особого рассмотрения требует роль сотрудника как субъекта социально-педагогического взаимодействия. В условиях изоляции именно персонал учреждения становится для несовершеннолетнего референтной фигурой, с которой происходит идентификация. Как отмечал В.А. Сухомлинский, воспитатель обретает моральное право на воздействие только при условии соответствия транслируемых норм собственному поведению [7]. В современной интерпретации это означает, что эффективность социально-педагогического сопровождения прямо детерминирована профессиональной компетентностью сотрудника, включающей: сформированность навыков конструктивного коммуникации, способность к эмпатии и рефлексии, умение организовывать ситуации успеха в педагогическом процессе, а также готовность быть «проводником» в жизни несовершеннолетнего, оказывая помощь в раскрытии и развитии сильных сторон его личности, в поиске новых смыслов, просоциальных жизненных ориентиров.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что социально-педагогическое сопровождение несовершеннолетних, содержащихся в учреждениях УИС, представляет собой закономерное и перспективное направление развития пенитенциарной педагогики. Данный подход органично дополняет традиционные представления о социально-педагогическом сопровождении несовершеннолетних, акцентируя внимание на признании субъектности несовершеннолетнего, его способности к внутренним изменениям необходимости создания для этого соответствующих организационно-педагогических условий. При этом именно организационные аспекты выступают фундаментом, без которого содержательные инновации могут остаться нереализованными.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой конкретных методик и технологий социально-педагогического сопровождения несовершеннолетних на различных этапах отбывания наказания, а также с созданием системы критериев и диагностического инструментария для оценки эффективности данной деятельности. Особого внимания заслуживает разработка организационных моделей сопровождения, адаптированных к разным типам учреждений УИС (воспитательные колонии, следственные изоляторы) и этапам нахождения в них несовершеннолетнего.

Литература

1. Бокова Н. В., Левин Л. М. Особенности профилактической работы с несовершеннолетними осужденными, отбывающими наказание, не связанные с изоляцией от общества // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: Сборник материалов V Всероссийского симпозиума (с международным участием), посвященного 145-летию уголовно-исполнительной системы и 90-летию Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, 11–12 апреля 2024 года. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – С. 241–246.
2. Кряжева С. Г., Соболев Н. Г. Воспитательная работа с несовершеннолетними, содержащимися в учреждениях уголовно-исполнительной системы: педагогические основы и организационные аспекты // Современное педагогическое образование. – 2026. – № 2. – С. 70–71.
3. Гусев А. С., Скобленкова А. С. Актуальные проблемы организации воспитательной работы с несовершеннолетними в СИЗО // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики. – 2023. – № 2 (20). – С. 25–27.
4. Рябков А. М., Степанова Е. С., Мурслумов Р. Р. Разработка методики оценки уровня криминальной зараженности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в учреждениях УИС // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки У26 и практики: материалы XXI Всероссийской научно-практической конференции, 20–21 октября 2021 года / отв. ред. канд. пед. наук, доц. А. Г. Чириков. – Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2021. – С. 133–136.
5. Фадеева С. А. Педагогическая поддержка несовершеннолетних осужденных: проблемы и стратегии // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2024. – № 9. – С. 58–62.
6. Кряжева С. Г., Соболев Н. Г. Воспитательная работа с несовершеннолетними в следственном изоляторе: проблемы и направления совершенствования // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2026. – № 1(27). – С. 139–145.
7. Науменко Н. М., Шаврыгина О. С. В. А. Сухомлинский о воспитании педагогической деятельности учителя // Вестник ОГУ. – 2023. – № 3 (239). – С. 119–126.

ON THE ISSUE OF SOCIAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT FOR JUVENILE OFFENDERS: PRINCIPLES AND ORGANIZATIONAL ASPECTS

Sobolev N.G.

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

This article examines the theoretical, methodological, and organizational aspects of social and pedagogical support for juvenile offenders in penal institutions of the Russian Federation. The author argues that the effectiveness of support activities is determined not only by their substantive content but also by the quality of organizational support, including a clear division of functions. Particular attention is paid to the system of principles of social and pedagogical support, which perform orienting, regulatory, criterion, and prognostic functions, as well as the role of the employee as a subject of social and pedagogical interaction. The article concludes that social and pedagogical support is a promising area of penitentiary pedagogy, and its further development requires the development of variable organizational models adapted to different types of penal institutions and stages of sentence serving.

Keywords: social and pedagogical support; juvenile offenders; organizational aspects; principles of social and pedagogical support; penal system.

References

1. Bokova, N.V. Osobennosti profilakticheskoy raboty s nesovershennoletnimi osuzhdennymi, otbyvayushchimi nakazaniya, ne svyazannye s izolyaciej ot obshchestva [Features of preventive work with minor convicts serving sentences not related to isolation from society] / N.V. Bokova, L.M. Levin // Psihologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya: Sbornik materialov V Vserossijskogo simpoziuma (s mezhdunarodnym uchastiem), posvyashchennogo 145-letiyu ugolovno-ispolnitel'noj sistemy i 90-letiyu Akademii prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy, Ryazan', 11–12 aprelya 2024

goda. – Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2024. – S. 241–246.

2. Kryazheva, S.G. Vospitatel'naya rabota s nesovershennoletnimi, soderzhashchimiya v uchrezhdeniyah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy: pedagogicheskie osnovy i organizacionnye aspekty [Educational work with minors held in institutions of the penal system: pedagogical foundations and organizational aspects] / S.G. Kryazheva, N.G. Sobolev // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. – 2026. – № 2. – S. 70–71.

3. Gusev, A.S. Aktual'nye problemy organizatsii vospitatel'noj raboty s nesovershennoletnimi v SILO [Current problems of organizing educational work with minors in pre-trial detention centers] / A.S. Gusev, A.S. Skoblenkova // Aktual'nye problemy penitenciar'noj nauki i praktiki. – 2023. – № 2 (20). – S. 25–27.

4. Ryabkov, A.M. Razrabotka metodiki ocenki urovnya kriminal'noj zarazhennosti nesovershennoletnih podozrevaemyh, obvinyaemyh i osuzhdennyh, soderzhashchih v uchrezhdeniyah UIS [Development of a methodology for assessing the level of criminal contamination of minor suspects, accused and convicted persons held in penal system institutions] / A.M. Ryabkov, E.S. Stepanova, R.R. Murslumov // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodejstvie nauki U26 i praktiki: materialy XXI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 20–21 oktyabrya 2021 goda / otv. red. kand. ped. nauk, doc. A.G. Chirikov. – Novokuzneck: FKOU VO Kuzbasskij institut FSIN Rossii, 2021. – S. 133–136.

5. Fadeeva, S.A. Pedagogicheskaya podderzhka nesovershennoletnih osuzhdennyh: problemy i strategii [Pedagogical support for minor convicts: problems and strategies] / S.A. Fadeeva // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. – 2024. – № 9. – S. 58–62.

6. Kryazheva, S.G. Vospitatel'naya rabota s nesovershennoletnimi v sledstvennom izolyatore: problemy i napravleniya sovershenstvovaniya [Educational work with minors in pre-trial detention center: problems and directions for improvement] / S.G. Kryazheva, N.G. Sobolev // Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii. – 2026. – № 1(27). – S. 139–145.

7. Naumenko, N. M. V.A. Suhomlinskij o vospitanii pedagogicheskoy deyatel'nosti uchitelya [V.A. Sukhomlinsky on the education of the teacher's pedagogical activity] / N.M. Naumenko, O.S. Shavrygina // Vestnik OGU. – 2023. – № 3 (239). – S. 119–126.

Культура повседневного использования социальных сетей студентами: нормы, ограничения и самоконтроль

Филатенко Егор Николаевич,

бакалавр, студент кафедры маркетинга, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ENFilatenko@yandex.ru

В статье исследуется культура повседневного использования социальных сетей студентами как система норм, ограничений и практик самоконтроля. Цель работы – раскрыть социальные механизмы, регулирующие цифровое поведение студенческой молодежи, и определить условия осознанного использования платформ. Методологическую основу составили аналитический обзор российских и зарубежных исследований и вторичный анализ открытых данных ВЦИОМ и Mediascope. Выделены нормы постоянной доступности, оперативного ответа, взаимности, публичной самопрезентации, контекстной уместности и защиты приватности. Показано, что цифровой самоконтроль нельзя сводить к индивидуальной силе воли: он зависит от архитектуры платформ, учебных коммуникаций и ожиданий референтной группы. Разграничены временные, пространственные, коммуникативные и технические ограничения. Предложена модель совместного регулирования, объединяющая личные стратегии, групповые договоренности и институциональные правила университета.

Ключевые слова: студенческая молодежь, социальные сети, цифровая культура, повседневные практики, социальные нормы, самоконтроль, самопрезентация, цифровое благополучие

Введение

Социальные сети перестали быть отдельной сферой досуга и превратились в инфраструктуру повседневности. Через них студенты поддерживают дружеские связи, координируют учебные задачи, получают новости, демонстрируют достижения, ищут профессиональные возможности и потребляют развлекательный контент. По данным Mediascope, в первом квартале 2025 г. россияне в возрасте 12–24 лет проводили в интернете в среднем 6 часов 49 минут в день [1]. ВЦИОМ фиксирует, что молодежь вдвое чаще общается с близкими и друзьями онлайн, чем очно: 61% против 33%; 53% молодых людей с разной периодичностью публикуют контент для широкой аудитории [2]. Эти данные свидетельствуют не только об интенсивности медиапотребления, но и о включенности сетевых платформ в производство социальных отношений.

При этом распространенная постановка вопроса о «вредном экранном времени» недостаточна. Одинаковая продолжительность использования может включать учебную кооперацию, эмоциональную поддержку, профессиональный нетворкинг либо бесцельное переключение между лентами. Результат зависит от содержания действий, ситуации, ожиданий группы и способности пользователя соотносить поведение со своими целями. Поэтому предметом анализа должна выступать культура использования социальных сетей – не объем времени сам по себе, а устойчивые правила, смыслы и способы регулирования цифровой активности.

Цель исследования – раскрыть нормы, ограничения и механизмы самоконтроля, формирующие культуру повседневного использования социальных сетей студентами. Задачи работы состоят в уточнении понятия цифровой повседневности; систематизации норм студенческой онлайн-коммуникации; разграничении видов ограничений; анализе индивидуальных и коллективных стратегий самоконтроля; формулировании рекомендаций для университетской среды.

Научная новизна заключается в переходе от индивидуализированной модели, объясняющей цифровые трудности дефицитом силы воли, к модели совместного регулирования. В ней поведение студента рассматривается как результат взаимодействия личных целей, норм референтных групп, учебных требований и архитектуры платформ.

Методология и ограничения исследования

Работа имеет теоретико-аналитический характер. Использованы результаты российских и зарубежных исследований цифровой социализации, самопрезентации, социального давления, проблемного использования социальных сетей и саморегуляции. Дополнительную эмпирическую основу составили открытые данные ВЦИОМ и Mediascope [1; 2]. Источники отбирались по трем критериям: связь с повседневными практиками молодежи; анализ нормативного или саморегуляционного механизма; наличие прозрачного описания метода.

Применен тематический анализ, позволивший объединить результаты исследований вокруг трех категорий: нормы, ограничения и самоконтроль. Нормы понимаются как ожидания относительно уместного поведения; ограничения – как границы доступности, времени и способов коммуникации; самоконтроль – как способность соотносить импульс к использованию платформы с более значимыми целями.

Ограничением является отсутствие авторского опроса студентов конкретного вуза. Количественные данные разных исследований не объединяются статистически и используются для выявления тенденций. Кроме того, часть публикаций посвящена подросткам либо взрослому населению; их результаты привлекаются только в той мере, в какой раскрывают общие механизмы цифрового поведения. Причинные выводы формулируются осторожно, поскольку интенсивное использование может быть как источником, так и следствием стресса, одиночества или учебных затруднений.

Социальные сети как пространство повседневной культуры

Культура повседневного использования социальных сетей представляет собой совокупность освоенных способов присутствия в цифровой среде: когда входить в сеть, кому и как отвечать, что публиковать, какие сведения считать приватными, как реагировать на конфликт и ког-

да прекращать взаимодействие. Эти способы редко оформлены как письменные правила. Они усваиваются через наблюдение, одобрение, игнорирование, критику и санкции со стороны группы.

Повседневность социальных сетей имеет гибридный характер. Он-лайн- и офлайн-роли не существуют изолированно: публикация может изменить отношения в учебной группе, а очный конфликт – продолжиться в чате. Исследование студентов показывает, что в онлайн-среде могут сильнее проявляться эмоции и расширяться набор социальных ролей; особенности психологической саморегуляции в сети связаны с отношением к интернету и субъективным благополучием [4]. Следовательно, цифровое поведение является частью общей социализации, но развивается в специфической среде.

Эта среда обладает техническими свойствами, которые направляют действие. Бесконечная лента устраняет естественную точку завершения, уведомления превращают возможное общение в прерывание, показатели реакций делают одобрение количественно видимым, а рекомендательные алгоритмы персонализируют поток контента. Пользователь принимает решения, однако набор доступных решений и их привлекательность уже структурированы платформой. Поэтому культура пользования формируется одновременно «снизу» – через практики студентов – и «сверху» – через дизайн цифровых сервисов.

Нормы студенческой онлайн-коммуникации

Наиболее заметной является норма постоянной доступности. Наличие смартфона и статуса доставки сообщения создает предположение, что человек технически способен ответить. Пауза, ранее считавшаяся обычной, может интерпретироваться как неуважение, избегание или потеря интереса. В учебных чатах давление усиливается срочностью заданий и опасением пропустить изменение расписания.

С нормой доступности связана норма оперативного ответа. Ее содержание зависит от отношений: от близкого друга ожидается более быстрая реакция, чем от слабого знакомого; сообщение преподавателя воспринимается иначе, чем развлекательная публикация. Проблема возникает, когда контексты смешиваются и единый канал используется одновременно для срочной координации, неформального общения и распространения материалов.

Норма взаимности предполагает ответное внимание: лайк, комментарий, поздравление, просмотр истории, участие в групповом обсуждении. Эти микродействия поддерживают отношения, но могут превращаться в обязанность демонстрировать вовлеченность. Отказ от публичной реакции не всегда означает отсутствие поддержки, однако видимые метрики подталкивают участников оценивать связь через количественные следы.

Норма самопрезентации регулирует допустимую дистанцию между частной жизнью и публичным образом. В логике драматургического подхода пользователь управляет впечатлением аудитории, выбирая «сцену», содержание и форму представления себя [7]. Социальные сети усложняют эту задачу из-за коллапса контекстов: одну публикацию могут видеть друзья, родственники, одноклассники, преподаватели и потенциальные работодатели [8; 10]. Студент вынужден либо создавать универсально приемлемый образ, либо разделять аудитории техническими и символическими средствами.

Норма контекстной уместности определяет, какие сведения допустимо распространять за пределами первоначальной ситуации. Фотография с группового мероприятия может быть приемлемой для участников, но нежелательной для публичного профиля. Концепция контекстуальной целостности показывает, что приватность нарушается не только раскрытием секрета, но и переносом информации в другой контекст, к другой аудитории или с иной целью [9].

Наконец, действуют нормы достоверности и уважительной коммуникации. Скорость распространения контента побуждает делиться до проверки, а дистанция и частичная анонимность ослабляют восприятие последствий высказывания. Исследование онлайн-коммуникации показывает, что базовые моральные ориентиры сохраняются у большинства молодых пользователей, но риск нормативного разрыва выше при проблемном использовании социальных сетей [6].

Таблица 1. Основные нормы повседневного использования социальных сетей студентами

Норма	Поведенческое ожидание	Возможное противоречие
Доступность	Быть на связи и замечать сообщения	Право на недоступность воспринимается как отчуждение
Оперативный ответ	Реагировать в ожидаемый группой срок	Срочность вытесняет концентрацию и отдых
Взаимность	Поддерживать контакт реакциями и ответами	Отношения сводятся к видимым метрикам активности

Норма	Поведенческое ожидание	Возможное противоречие
Самопрезентация	Поддерживать понятный и приемлемый образ	Несовпадение аудиторий и давление идеализированного «Я»
Контекстная уместность	Учитывать аудиторию и значение информации	Контент переносится за пределы исходной ситуации
Достоверность	Проверять значимые сведения до распространения	Скорость и эмоциональность конкурируют с проверкой
Уважение границ	Получать согласие на публикацию и пересылку	Техническая возможность принимается за разрешение

Источник: составлено автором на основе [6–10].

Ограничения как элемент цифровой культуры

Ограничение не тождественно запрету. В культурном смысле оно обозначает признанную границу, которая делает взаимодействие предсказуемым и совместимым с другими сферами жизни. Можно выделить временные, пространственные, коммуникативные и технические ограничения.

Временные ограничения задают периоды, когда ответ не ожидается: время занятий, самостоятельной работы, сна и отдыха. Их эффективность зависит от взаимности. Если студент отключает уведомления, но группа продолжает считать мгновенный ответ обязательным, личная стратегия порождает тревогу пропуска. Поэтому полезны договоренности о сроках реакции и маркировке действительно срочных сообщений.

Пространственные ограничения связывают режим использования с ситуацией. Убирая смартфон со стола во время учебной работы или личной встречи, человек уменьшает число импульсивных проверок. Однако жесткое исключение устройства невозможно там, где через него предоставляются учебные материалы, аутентификация или координата. Требуется не запрет на устройство, а различение функциональных режимов.

Коммуникативные ограничения определяют содержание и аудиторию. К ним относятся отказ от пересылки чужих сообщений без согласия, разделение учебных и личных каналов, осторожность с фотографиями других людей, запрет на обсуждение конфиденциальных ситуаций в общем чате. Такие границы защищают не только отдельного пользователя, но и доверие внутри группы.

Технические ограничения реализуются через настройки уведомлений, лимиты приложений, скрытие счетчиков реакций, режимы фокусирования, отключение автозапуска видео и удаление наиболее отвлекающих сервисов с главного экрана. Их преимущество состоит в изменении ситуации до возникновения импульса. Но технический лимит легко обойти, если он не связан с осмысленной целью и поддерживающей социальной нормой.

Самоконтроль: от силы воли к управлению средой

Самоконтроль в социальных сетях часто понимается как способность просто «не заходить» на платформу. Такая модель возлагает ответственность исключительно на пользователя и игнорирует неравенство между краткосрочной привлекательностью контента и отложенными учебными целями. Систематический обзор показывает, что понятие самоконтроля проблемного использования включает разные механизмы – от подавления импульса до предварительного изменения цифровой среды [12].

Более продуктивно различать реактивный и проактивный самоконтроль. Реактивный включается после появления желания проверить ленту: студент пытается отвлечься, остановить просмотр или вернуться к задаче. Проактивный действует заранее: уведомления отключаются, телефон остается вне зоны досягаемости, для ответа выделяется конкретное время, а учебная группа знает о допустимой задержке.

Социальное давление существенно влияет на ощущение чрезмерного использования. Репрезентативное исследование цифрового благополучия показало связь давления быть постоянно включенным с субъективным ощущением перегрузки; при этом навыки совладания положительно связаны с благополучием [11]. Следовательно, индивидуальная дисциплина будет нестабильной, если окружающая среда вознаграждает непрерывную доступность.

Для студентов противоречие усиливается объединением учебного и развлекательного использования на одной платформе. Двухволновое исследование показало, что техностресс может ухудшать академические результаты и благополучие через ослабление контроля над социальными сетями; интенсивное использование тех же сетей в учебных целях усиливало этот механизм [13]. Выход состоит не в отказе

от цифровой учебной коммуникации, а в разделении каналов, ясных правилах срочности и уменьшении информационного шума.

Самоконтроль также требует рефлексии результата. Автоматический счет экранного времени сообщает количество минут, но не объясняет их значение. Полезнее сопоставлять запланированную и фактическую цель сессии: зачем пользователь открыл приложение, что получил и какую деятельность вытеснил. Критерием становится не минимальное время, а соответствие поведения собственным приоритетам (табл. 2).

Таблица 2. Стратегии самоконтроля и уровни их реализации

Стратегия	Действие студента	Групповая поддержка	Институциональное условие
Управление вниманием	Отключение несрочных уведомлений, полная работа	Отказ от требования мгновенной реакции	Единый канал обязательных объявлений
Временные границы	Окна для проверки сообщений, ночной режим	Согласованные сроки ответа	Отложенная отправка и правила времени рассылок
Разделение контекстов	Отдельные учебные и личные каналы	Маркировка срочности и темы	Структурированная цифровая образовательная среда
Контроль аудитории	Настройки приватности, списки получателей	Согласие на публикацию материалов с другими людьми	Понятные правила работы с персональными данными
Рефлексия	Сопоставление цели входа и результата	Обсуждение цифровой нагрузки без стигматизации	Обучение цифровой гигиене и медиаграмотности
Восстановление	Периоды без ленты, сон и очное общение без смартфона	Уважение права на недоступность	Отсутствие обязательных сообщений вне согласованного времени

Источник: составлено автором на основе [11–13].

Риски чрезмерно индивидуализированного подхода

Первый риск – морализация. Пользователь с трудностями саморегуляции обозначается как «слабый» или «зависимый», хотя его поведение может поддерживаться учебной организацией, алгоритмами и групповыми ожиданиями. Исследование молодых поколений в России подтверждает рост интенсивной вовлеченности и более частые признаки зависимости от социальных сетей, что требует анализа общественных условий, а не только личных качеств [3].

Второй риск – универсальный норматив времени. Научные обзоры показывают, что связи между общим объемом использования социальных сетей и психическим благополучием часто слабы или неоднозначны; большее значение имеют проблемный характер использования, содержание, индивидуальная восприимчивость и ситуация [14]. Поэтому фиксированный лимит может быть полезным личным ориентиром, но не универсальным показателем здоровья.

Третий риск – цифровое неравенство. Студенты различаются по учебной нагрузке, занятости, условиям проживания, потребности в дистанционном общении и доступности альтернативного досуга. Для одного социальная сеть является источником отвлечения, для другого – главным каналом поддержки и профессиональных контактов. Правила должны учитывать эти различия и сохранять несколько способов доступа к важной информации.

Четвертый риск – подмена самоконтроля тотальным контролем. Обязательное наблюдение за экранным временем, публичное сравнение показателей или требование передавать данные приложений нарушает автономию. Университет может создавать условия и обучать стратегиям, но не должен превращать цифровое благополучие в дисциплинарный надзор.

Модель совместного регулирования

На индивидуальном уровне студенту необходим набор гибких практик: осознанный выбор цели входа, отключение лишних уведомлений, настройка аудитории, отдельные каналы, периоды концентрации и анализ вытесненных занятий. Важно, чтобы стратегия соответствовала конкретной проблеме. При ночном скроллинге полезна временная граница; при тревоге ответа – групповая договоренность; при контекстном смешении – разделение аудиторий.

На групповом уровне требуется цифровой этикет. Учебная группа может договориться, какие каналы являются обязательными, что считается срочным, в какой срок ожидается ответ, допустимы ли ночные

сообщения и можно ли публиковать фотографии участников. Нормы должны быть явными, пересматриваемыми и применяться ко всем, включая неформальных лидеров.

На институциональном уровне университету следует сокращать число дублирующих каналов, отделять обязательную информацию от неформального потока и обеспечивать альтернативный доступ к важным материалам. Преподавателям полезно обозначать время ответа и не создавать норму круглосуточной доступности собственным примером. Курсы медиаграмотности должны включать не только проверку информации и безопасность, но также экономику внимания, контекстную приватность и управление цифровой нагрузкой.

Оценка эффективности таких мер не может ограничиваться сокращением экранного времени. Значимыми показателями являются уменьшение числа нежелательных прерываний, соответствие фактического поведения намерениям, качество сна, способность к сосредоточению, ясность групповых правил и сохранение полезных социальных связей. Положительный результат состоит в повышении автономии, а не в минимизации цифрового участия.

Обсуждение

Проведенный анализ показывает, что культура использования социальных сетей складывается на пересечении трех регуляторов. Нормы отвечают на вопрос, чего ожидают другие; ограничения определяют допустимые границы; самоконтроль позволяет человеку действовать в соответствии со своими целями. Нарушение баланса создает разные проблемы. Нормы без границ производят постоянную доступность, ограничения без осмысления превращаются в формальный запрет, а самоконтроль без социальной поддержки становится нестабильным.

Студенческая среда особенно показательна, поскольку социальные сети одновременно обслуживают учебные, дружеские и профессиональные отношения. Номофобия у российских студентов связана с FOMO, думскроллингом, прокрастинацией и внешними формами академической мотивации [5]. Это не означает, что платформа линейно вызывает каждое состояние; скорее, взаимосвязь указывает на общую проблему организации внимания и мотивации.

Предложенная модель совместного регулирования позволяет избежать двух крайностей: технологического детерминизма и полной индивидуализации ответственности. Платформы не предопределяют поведение, но создают архитектуру выбора. Пользователь способен менять привычки, однако его возможности зависят от правил группы и устройств образовательной коммуникации.

Перспективным направлением дальнейшего исследования является смешанный дизайн: дневниковые записи и объективные данные использования следует сочетать с интервью о значении конкретных действий. Сравнение факультетов и форм обучения позволит выявить, как профессиональная культура и учебная организация формируют разные нормы доступности. Необходимо отдельно изучать студентов, совмещающих учебу с работой, поскольку для них цена информационного шума и значение дистанционной координации могут быть выше.

Заключение

Культура повседневного использования социальных сетей студентами включает нормы доступности, оперативного ответа, взаимности, самопрезентации, контекстной уместности, достоверности и уважения границ. Они поддерживают координацию и принадлежность, но способны создавать давление постоянного присутствия и размывать границы учебы, отдыха и частной жизни.

Цифровой самоконтроль не сводится к запрету или волевому подавлению импульса. Наиболее устойчивы проактивные стратегии, изменяющие ситуацию заранее: настройка уведомлений, разделение каналов, временные окна, контроль аудитории и согласованные сроки ответа. Их эффективность повышается, когда группа признает право на недоступность, а университет обеспечивает ясную и ненавязчивую коммуникационную инфраструктуру.

Предлагаемая модель совместного регулирования распределяет ответственность между пользователем, группой и институтом. Ее критерием служит не минимальное экранное время, а осознанность, автономия и соответствие цифровых практик значимым жизненным целям при сохранении образовательных и социальных возможностей сетевого общения.

Литература

1. Mediascope. Актуальные цифры медиапотребления россиян: выступление Mediascope от 18 апреля 2025 г. URL: <https://mediascope.net/news/2928545/> (дата обращения: 27.07.2026).
2. ВЦИОМ. Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи: аналитический обзор от 24 июня 2025 г. URL: <https://>

wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi (дата обращения: 27.07.2026).

3. Радаев В.В. Растущая вовлеченность в социальные сети и зависимость их пользователей в молодых поколенческих группах // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13. № 4. С. 127–158. DOI: 10.19181/snsp.2025.13.4.6.

4. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Личностные черты и психологическая саморегуляция студентов онлайн и офлайн: к вопросу о «цифровом» аспекте социализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. № 1. С. 24–37. DOI: 10.21638/spbu16.2023.102.

5. Максименко А.А., Золотарева А.А., Курапов С.В., Курапова А.С. Без смартфона как без рук? Номофобия, прокрастинация и академическая мотивация: адаптация русскоязычного опросника номофобии и анализ цифровых зависимостей студентов // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 8–9. С. 93–113. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-8-9-93-113.

6. Хуснутдинова М.Р., Посакалова Т.А. Этический разрыв в онлайн-коммуникации подростков // Социальная психология и общество. 2026. Т. 17. № 1. С. 93–111. DOI: 10.17759/sps.2026170106.

7. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. New York: Anchor Books, 1959. 259 p.

8. boyd d. It's Complicated: The Social Lives of Networked Teens. New Haven: Yale University Press, 2014. 296 p.

9. Nissenbaum H. Privacy in Context: Technology, Policy, and the Integrity of Social Life. Stanford: Stanford University Press, 2010. 304 p.

10. Marwick A.E., boyd d. I Tweet Honestly, I Tweet Passionately: Twitter Users, Context Collapse, and the Imagined Audience // New Media & Society. 2011. Vol. 13. No. 1. P. 114–133. DOI: 10.1177/1461444810365313.

11. Büchi M., Festic N., Latzer M. Digital Overuse and Subjective Well-Being in a Digitized Society // Social Media + Society. 2019. Vol. 5. No. 4. P. 1–12. DOI: 10.1177/2056305119886031.

12. Zahrai K., Veer E., Ballantine P.W., de Vries H.P. Conceptualizing Self-Control on Problematic Social Media Use // Australasian Marketing Journal. 2022. Vol. 30. No. 1. P. 74–89. DOI: 10.1177/1839334921998866.

13. Whelan E., Golden W., Tarafdar M. How Technostress and Self-Control of Social Networking Sites Affect Academic Achievement and Well-being // Internet Research. 2022. Vol. 32. No. 7. P. 280–306. DOI: 10.1108/INTR-06-2021-0394.

14. Valkenburg P.M., Meier A., Beyens I. Social Media Use and Its Impact on Adolescent Mental Health: An Umbrella Review of the Evidence // Current Opinion in Psychology. 2022. Vol. 44. P. 58–68. DOI: 10.1016/j.copsyc.2021.08.017.

15. Shahzamal M., Adnan H.M., Abdullah F. University Students' Perceived Self-Control and Prosocial Norms for Beneficial Social Media Use // Studies in Media and Communication. 2023. Vol. 11. No. 6. P. 171–180. DOI: 10.11114/smc.v11i6.6103.

THE CULTURE OF STUDENTS' EVERYDAY SOCIAL MEDIA USE: NORMS, LIMITS, AND SELF-CONTROL

Filatenko E.N.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the culture of students' everyday social media use as a system of norms, limits, and self-control practices. The study aims to reveal the social mechanisms regulating university students' digital behavior and to identify conditions for intentional platform use. Its methodology combines an analytical review of Russian and international research with a secondary analysis of open data published by VCIOM and Mediascope. The paper identifies norms of permanent availability, prompt response, reciprocity, public self-presentation, contextual appropriateness, and privacy protection. Digital self-control is shown to be more than individual willpower: it is shaped by platform architecture, educational communication, and peer expectations. Temporal, spatial, communicative, and technical limits are distinguished. The article proposes a co-regulation model that combines personal strategies, group agreements, and university-level institutional rules while preserving the educational and social benefits of online communication.

Keywords: university students, social media, digital culture, everyday practices, social norms, self-control, self-presentation, digital well-being

References

1. Mediascope. Current Media Consumption Figures in Russia. Presentation, April 18, 2025. Available at: <https://mediascope.net/news/2928545/> (accessed July 27, 2026). (In Russ.).
2. Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). Living Online, or Media Consumption of Today's Youth. Analytical review, June 24, 2025. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi> (accessed July 27, 2026). (In Russ.).
3. Radaev V.V. Growing Involvement in Social Networks and Dependence of Their Users in Younger Generational Groups. Sociological Science and Social Practice. 2025;13(4):127–158. DOI: 10.19181/snsp.2025.13.4.6. (In Russ.).
4. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. Personality Traits and Psychological Self-Regulation of Students Online and Offline: On the "Digital" Aspect of Socialization. Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology. 2023;13(1):24–37. DOI: 10.21638/spbu16.2023.102. (In Russ.).
5. Maksimenko A.A., Zolotareva A.A., Kurapov S.V., Kurapova A.S. Without a Smartphone as Without Hands? Nomophobia, Procrastination, and Academic Motivation: Adaptation of the Russian-Language Nomophobia Questionnaire and Analysis of Students' Digital Addictions. Higher Education in Russia. 2025;34(8–9):93–113. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-8-9-93-113. (In Russ.).
6. Khusnutdinova M.R., Poskakalova T.A. The Ethics Gap in Adolescents' Online Communication. Social Psychology and Society. 2026;17(1):93–111. DOI: 10.17759/sps.2026170106. (In Russ.).
7. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. New York: Anchor Books; 1959. 259 p.
8. boyd d. It's Complicated: The Social Lives of Networked Teens. New Haven: Yale University Press; 2014. 296 p.
9. Nissenbaum H. Privacy in Context: Technology, Policy, and the Integrity of Social Life. Stanford: Stanford University Press; 2010. 304 p.
10. Marwick A.E., boyd d. I Tweet Honestly, I Tweet Passionately: Twitter Users, Context Collapse, and the Imagined Audience. New Media & Society. 2011;13(1):114–133. DOI: 10.1177/1461444810365313.
11. Büchi M., Festic N., Latzer M. Digital Overuse and Subjective Well-Being in a Digitized Society. Social Media + Society. 2019;5(4):1–12. DOI: 10.1177/2056305119886031.
12. Zahrai K., Veer E., Ballantine P.W., de Vries H.P. Conceptualizing Self-Control on Problematic Social Media Use. Australasian Marketing Journal. 2022;30(1):74–89. DOI: 10.1177/1839334921998866.
13. Whelan E., Golden W., Tarafdar M. How Technostress and Self-Control of Social Networking Sites Affect Academic Achievement and Wellbeing. Internet Research. 2022;32(7):280–306. DOI: 10.1108/INTR-06-2021-0394.
14. Valkenburg P.M., Meier A., Beyens I. Social Media Use and Its Impact on Adolescent Mental Health: An Umbrella Review of the Evidence. Current Opinion in Psychology. 2022;44:58–68. DOI: 10.1016/j.copsyc.2021.08.017.
15. Shahzamal M., Adnan H.M., Abdullah F. University Students' Perceived Self-Control and Prosocial Norms for Beneficial Social Media Use. Studies in Media and Communication. 2023;11(6):171–180. DOI: 10.11114/smc.v11i6.6103.

Чернышёва Ольга Валериевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Рязанского филиала Московского Ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: chernysheva@list.ru

Статья посвящена изучению феномена скулшутинга – вооруженного нападения, проводимого в учебных учреждениях России; применению вооруженного насилия на территории образовательных учреждений, которое часто приводит к жертвам среди учеников и учителей школ.

Ключевые слова: скулшутинг, «Колумбайн», атаки на школы и колледжи, фан-сообщества, буллинг, жертва буллинга.

Введение в проблему

Актуальность исследования феномена скулшутинга, который в последние десятилетия превратился из разрозненных трагедий в серьезную глобальную и социальную проблему, последствия которой затрагивают не только непосредственных жертв, но и всю образовательную систему в целом, определяется необходимостью изучить причины данного явления, понять психологию нападающего, и, по возможности, наметить пути предотвращения вооруженных нападений в российских школах и колледжах, где каждый новый случай становится общенациональным потрясением.

Социальная значимость скулшутинга определяется его многочисленными последствиями: прямой угрозой жизни и здоровью участников образовательного процесса, формированием атмосферы страха и недоверия среди учащихся, родителей и педагогов, подрывом базового чувства защищенности и вызовом устоям системы образования как института социализации.

*Скулшутинг*¹ – опасное социальное явление, которое в последние годы коснулось и нашей страны. Зародившись в США, данный тип деликвентного поведения распространился по всему миру, в том числе благодаря сформировавшей субкультуре «колумбайнеров». Исследователи – психологи, психиатры, криминологи, юристы, социологи, педагоги – ищут эффективные механизмы предотвращения подобных преступлений [5, с. 120]. В последние годы количество вооруженных нападений на школы, колледжи и другие учебные заведения неуклонно растет, что вызывает серьезную озабоченность среди педагогов, психологов, родителей и правоохранительных органов.

Краткий обзор исследований

Проблема скулшутинга как специфической формы насилия в образовательной среде исследуется в междисциплинарном ключе, охватывая социологический, криминологический, психологический и управленческий аспекты. Значительный объем эмпирических данных накоплен в международных исследованиях. Например, Кэтрин Ньюман (Katherine S. Newman) и ее коллеги в 2004 г. опубликовали пятифакторную теорию, которая сместила фокус с индивидуальных патологий на социальные детерминанты скулшутинга [3]. Данная научная работа заложила основы для изучения предупреждающего поведения. Американский психолог Питер Лангман (Peter Langman) в своей работе интегрировал биологические, психологические и социальные причины в единую биопсихосоциальную модель, а также указывал на распространенное заблуждение, что главной причиной всегда является буллинг и социальная изоляция [1]. М. Иоанну (M. Ioannou), Л. Хаммонд (L. Hammond) и О. Симпсон (O. Simpson) на основе анализа 40 случаев выделяют три типа школьных стрелков: Disturbed School Shooter (дестабилизированный), Rejected School Shooter (отверженный) и Criminal School Shooter (криминальный). Проведенное М. Иоанну исследование показало связь этих типов с семейным фоном преступника. Исследователь Р. Сильва (R. Silva), например, эмпирически доказал, что эффект подражания в случаях скулшутинга имеет длительный характер, опровергнув тем самым ранее бытовавшее мнение о его краткосрочности [2]. Американский исследователь Келлнер связывал распространение скулшутинга с медиакulturой, «одержимой оружием» и восхваляющей насилие.

В России систематическое научное осмысление скулшутинга началось лишь в начале 2020-х гг., после резонансных инцидентов, например, в Керчи (2018), Казани и Перми (2021). Исследователь П.К. Карасев анализирует скулшутинг как социально-структурную проблему, выделяя общие с зарубежными исследователями закономерности (интернет-субкультура «Колумбайн»², эффект подражания) и российскую специфику: недостатки воспитательной работы, ограниченную

¹ Скул-шутинг (от англ. school shooting – «стрельба в школе») – вооруженное нападение учащегося или стороннего человека на школьников внутри учебного заведения.

² Термин «Колумбайн» связан с массовым убийством в школе «Колумбайн» – спланированное нападение Эрика Харриса и Дилана К्लीболда, двух учеников старших классов школы «Колумбайн», расположенной в одноименной невключенной общине округа Джефферсон, штат Колорадо, на остальных учеников и персонал этой школы, совершенное 20 апреля 1999 года с применением стрелкового оружия и самодельных взрывных устройств. Нападавшие убили 13 человек (12 учеников и одного учителя), ранили еще 24 человека, после чего застрелились сами.

доступность психологической помощи, пробелы в правовом регулировании [8]. У.Б. Гриненко в своей работе «Отношение представителей молодежи к смерти и феномену скулшутинга» анализирует различия в психологическом отношении к скулшутингу у молодежи, осведомленной и не осведомленной о нем [6]. Исследователь А.В. Березнев систематизировал этапы формирования научного направления в США и выявил ключевые характеристики скулшутинга в России, доказав их корреляцию с общемировыми тенденциями [4]. Современные исследования чаще всего носят междисциплинарный характер, объединяя для комплексного анализа феномена методы социологии, психологии, криминологии и лингвистики.

Методы, результаты и их обсуждение

Масштабное освещение подобных инцидентов в средствах массовой информации и социальных сетях не только усиливает общественный резонанс, но и способствует распространению «культу Колумбайна» среди уязвимых подростков, создавая опасный эффект подражания. В условиях быстрых социальных изменений, цифровизации и растущего давления на психику подростка понимание глубинных причин данных трагедий приобретает особую актуальность. Только комплексный анализ психологических, социальных и системных факторов позволит разработать эффективные меры профилактики и обеспечить реальную безопасность детей в образовательной среде.

Представим себе обычный школьный класс: за партой сидит подросток – тихий, замкнутый, с заниженной самооценкой, который к тому же еще ежедневно подвергается насмешкам, игнорированию, его толкают в коридоре, он слышит шепот за своей спиной и т.д. И при этом никто не вмешивается: учителя считают это «нормальной социализацией», а одноклассники – способом снять собственное напряжение. Проходят месяцы, годы – и однажды этот подросток приходит в школу уже не с портфелем, а с оружием. Да, именно такую картину рисуют современные исследования, когда речь заходит о школьных стрелках. Количество вооруженных нападений на образовательные учреждения неуклонно растет. Масштабное освещение в СМИ рождает целые фан-сообщества и «культ Колумбайна»¹, который уже давно вышел за пределы США и распространился по Европе, Латинской Америке, России и других странах.

По информации на март 2026 года, за последние 10 лет в России в результате скулшутинга пострадало более 300 человек, есть погибшие. В конце 2025 – начале 2026 года произошла волна происшествий, которую назвали пиком: за три месяца случилось 8 трагедий, одна из них – нападение в анапском индустриальном техникуме, где один человек погиб и двое получили ранения. Некоторые случаи скулшутинга, произошли в России в феврале 2026 г.

1. В Уфе, в гимназии № 16, ученик девятого класса пришел в школу со страйкбольным автоматом и петардами, несколько раз выстрелил в одноклассников и учителя, в результате чего педагог получил ранение.

2. В Красноярском крае, городе Козинск, в школе № 4 ученица седьмого класса напала с ножом на учителя, одноклассники помешали ей, в результате чего одна из учениц была ранена.

3. В Москве, в школе № 2000, ученик шестого класса принес в школу игрушечный пистолет, и по-взрослому целился в одноклассников. И хотя это нельзя назвать скулшутингом в полном смысле этого слова, но подобное поведение подростка, запугивание оружием одноклассников настораживает.

После очередного трагического случая в школе мы слышим одни и те же слова: «проведем проверки», «усилим меры», «установим рамки». И в школах действительно появляются видеоканалы, турникеты, а в новостных сводках появляются уже знакомые формулировки: «ученик открыл огонь по одноклассникам», «есть погибшие», «ранено несколько человек». Начиная с 2014 г. подобные сообщения становятся повторяющимся страшным сценарием. В 2018 г., когда происходит целая серия нападений учеников на учителей и одноклассников, становится понятно, что проблема вовсе не локальная. В последующие годы, в 2021 г., а затем в 2023–2024 гг., и в 2025–2026 гг. трагическая волна подобных происшествий повторилась [7].

¹ 2 февраля 2022 года Верховный суд России признал движение «Колумбайн» террористическим. Верховный суд удовлетворил иск Генпрокуратуры о признании террористическим и запрете на территории России движения «Колумбайн». Дело слушалось в закрытом режиме из-за гостайны в его материалах. Прокуратура после решения Верховного суда сообщила, что «названная террористическая организация основана на идеологии насилия и преследует цели массовой гибели людей, устрашения населения и дестабилизации обстановки в стране путем реализации масштабных насильственных акций». Деятельность этой организации координируется через интернет, «в социальных сетях создаются тематические группы так называемого скулшутинга, осуществляется психологическая обработка по снятию у молодежи и подростков морального запрета на применение насилия и совершение убийств».

По данным открытых источников, за последние десять лет произошло более двадцати официальных нападений в школах и колледжах, есть погибшие и пострадавшие. Только за четыре месяца 2026 года, с января по апрель – семь случаев скулшутинга [7].

Точкой отсчета становится 3 февраля 2014 года. Обычный, казальсь бы, учебный день в московской школе № 263 в районе Отрадное заканчивается двойным убийством. Ученик десятого класса Сергей Гордеев пришел на урок географии с винтовкой и карабином, застрелил учителя, взял в заложники одноклассников и открыл огонь по прибывшим сотрудникам полиции. В результате стрельбы погиб сотрудник вневедомственной охраны, еще один был тяжело ранен. Переговоры вел отец подростка. Позже суд признает стрелка невменяемым и направит его на принудительное лечение. Данный инцидент становится первым в истории современной России расстрелом школьником своих одноклассников, вызывает шок в обществе, с поиском объяснений данной трагедии.

Одним из самых насыщенных по числу атак на школы и колледжи за все время после 2014 года становится 2025 год. А статистика трагедий в первые два месяца 2026 года показывает, что это уже не отдельные вспышки.

16 декабря 2025 года в Подмоскowie, в Горках-2 подросток приходит в школу с ножом, и убивает 10-летнего ребенка. Камеры в школе были исправны, имелась охрана, были установлены турникеты. Но внутри самой школы создается паника. После трагедии осталось много вопросов без ответов.

В феврале 2026 года в Красноярске школьница проносит в класс горючую смесь и молоток. Сначала она совершает поджог, затем начинает наносить удары молотком по своим одноклассникам. В результате нападения пострадало пять человек, у двоих – тяжелые ожоги.

В Уфе ученик девятого класса напал на своих одноклассников, осуществив несколько выстрелов из пневматической винтовки.

В Санкт-Петербурге ученик напал на свою учительницу, ударив ее ножом в спину, а затем попытался покончить с собой.

В Нижнекамске ученик проносит в школу нож и сигнальный пистолет; в Красноярском крае осуществлена попытка нападения подростка из-за буллинга со стороны одноклассников; в Челябинске тринадцатилетний подросток наносит одноклассникам несколько ударов молотком и стреляет из пистолета.

Портрет стрелка почти во всех случаях одинаков: это подросток 13–16 лет, использующий бытовое оружие (нож, молоток, топор, самодельную смесь). И почти всегда присутствует мотив «мести»: мщение за буллинг, насмешки, низкую оценку в журнале, за ощущение унижения, оскорбления. В некоторых случаях сразу после атаки наблюдается попытка суицида.

Каждый случай скулшутинга уникален, универсального «портрета стрелка» не существует. Однако, когда мы анализируем десятки уже изученных инцидентов, четко проступает одна общая и очень тревожная закономерность: систематическая травля, буллинг, становится тем самым катализатором, который превращает уязвимого подростка в потенциального убийцу (рис. 1).

Рис. 1. Карта инцидентов в образовательных учреждениях России в 2026 году²

Давайте разберемся, каким образом это происходит – на двух уровнях: психологическом и социальном. Жертва буллинга – это почти всегда подросток с уже повышенной тревожностью, замкнутостью и неуверенностью в себе. Он чувствует себя чужим в своем же классе. Длительный стресс разрушает самооценку ученика: появляется огромный разрыв между тем, кем подросток хочет быть, и тем, кем его видят окружающие, что приводит к ощущению полной беспомощности и внутренней агрессии. Исследования показывают, что у таких подростков

² Изображение взято из открытого интернет-источника: <https://dailystorm.ru/chtivo/skulshuting-v-rossii-chto-ne-rabotaet-v-sisteme-kotoraya-dolzha-zashchishchat-nashih-detey?ysclid=mordmdakxo304144818> (дата обращения: 10.07.2026).

часто встречаются черты так называемой «темной триады» — макиавеллизм, нарциссизм и психопатия. *Нарциссизм* характеризуется самовлюбленностью, гордыней и отсутствием эмпатии; *макиавеллизм* включает в себя манипуляцию другими, циничное пренебрежение моралью/нравственностью, сосредоточение на собственных интересах и лживость; главными особенностями *психопатии* являются асоциальное поведение, импульсивность, эгоизм, бессердечность и беспощадность, хотя и не всегда в ярко выраженной форме. Все это усиливает импульсивность и внутренний конфликт. Мальчики чаще сталкиваются с физическим насилием и в ответ реагируют агрессией, девочки же — с вербальным и социальным отторжением. В обоих случаях результат всегда один: аккумулированная обида, депрессия и четкое ощущение, что «весь мир против меня». Классический пример — события в Колумбайне (штат Колорадо, США). Постоянная травля со стороны сверстников стала для подростков тем самым катализатором, который превратил личные обиды в план мести школьному коллективу.

Исследователи отмечают, что буллинг почти никогда не бывает случайным конфликтом, — это системное явление. В школьном классе существует жесткая иерархия, и травля со стороны сверстников — удобный способ ее поддерживать. Социальная группа, в данном случае — школьный класс, — снимает свое коллективное напряжение за счет «козла отпущения»: жертва становится тем самым «замещающим жертвоприношением», которое объединяет остальных и повышает их статус. В российских школах это особенно заметно: учителя часто занимают позицию «активных наблюдателей». Они могут знать о том, что кто-то из учеников подвергается травле и насмешкам со стороны одноклассников, но предпочитают не вмешиваться, считая все это «естественной частью жизни класса». Жалобы игнорируются, драки списываются на «мальчишеские разборки», — в результате жертва окончательно маргинализируется, а группа получает ощущение единства за счет исключения «иного» — по внешности, поведению или социальному статусу. Школа является срезом общества, в ней концентрируются те же напряжения, что проявляются за ее стенами: агрессия по отношению к ребенку в семье, ощущение им несправедливости, экономическая нестабильность общества и ряд других параметров [7]. Картина усугубляется еще и тем, что существуют дисфункциональные семьи с эмоциональным отвержением ребенка со стороны родителей, или, наоборот, полным попустительством, формирующим у ребенка неадекватную, нередко агрессивную модель поведения. В школе данное поведение только усугубляется. Низкий социометрический статус подростка в классе, молчаливое согласие свидетелей (под предлогом «лишь бы не я следующий») — и вот уже травля становится нормой групповой жизни.

Когда к психологической уязвимости и социальному отторжению добавляются внешние факторы, такие как доступ к оружию, интерес к жестоким видеороликам, пропагандистские сайты про скулшутинг, — травля превращается в настоящий спусковой крючок. Обиды накапливаются, чувство несправедливости достигает критической отметки, и подросток начинает транслировать свои внутренние конфликты на окружающих, на тех, в ком видит своих обидчиков.

Руководитель Центра защиты и развития личности Леонид Армер считает, что «происходит массовое изменение психики, в том числе у молодежи. Когда это происходит один раз, это ужасно, второй раз — снова ужасно, но, вполне возможно. А затем информационное пространство заполняется уже десятками трагических случаев — и снижается планка возможности осуществления подобного, — появляется готовая модель поведения. Да, она опасная и экстремистская, но как бы дико это ни звучало, стандартная. Определенное табу было снято» [7].

Выводы и заключение

Подводя итоги вышеизложенному, необходимо отметить, что буллинг — это не просто «детские разборки», это сложная системная проблема, которая затрагивает сразу три уровня: личность, группу и школьную среду в целом. Групповое напряжение ищет выход, и самый простой — через бойкот, травлю, буллинг кого-то из класса, где жертвами становятся наиболее чувствительные и нетолерантные к стрессу дети, а преследователями — те, кто реагирует на тревогу доминированием.

Понимание данного механизма дает четкий ориентир для необходимых профилактических мероприятий. Эффективная работа возможна только в том случае, когда мы работаем на всех уровнях одновременно: учим детей эмпатии, меняем позицию учителей с «наблюдателей» на активных посредников, работаем с семьей и разрушаем культуру молчаливого согласия.

Потому что каждый раз, когда мы закрываем глаза на очередную «шутку» в адрес «странного» одноклассника, мы не просто игнорируем конфликт, мы, возможно, становимся свидетелями очередного прецедента.

Литература

1. Langman, Peter. 2015. School Shooters: Understanding High School, College, and Adult Perpetrators. London: Rowman & Littlefield; Langman, Peter. 2017. A Bio-Psycho-Social Model of School Shooters. The Journal of Campus Behavioral Intervention 5: 27–34; Langman, Peter. 2018. Different Types of Role Model Influence and Fame Seeking Among Mass Killers and Copycat Offenders. American Behavioral Scientist 62: Pp. 210–228.
2. Lankford A., Silva J.R. Similarities between copycat mass shooters and their role models: An empirical analysis with implications for threat assessment and violence prevention // Journal of Criminal Justice № 95, 2024.
3. Newman K., Fox C., Harding D., Mehta J., Roth W. Rampage: The Social Roots of School Shootings. — New York: Basic Books, 2004. — 420 p.
4. Березнев А.В. Организация и управление системой предотвращения инцидентов скулшутинга в России. Автореферат дис. ... кандидата социологических наук. — М., 2025.
5. Вяткина Н.В. Скулшутинг в России: взгляд на проблему исследователей и обывателей / Н.В. Вяткина, Р.И. Щукина, П. Федотова, М.Т. Гаджиева // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. — 2023. — № 1. — С. 120–130.
6. Гриненко У.Б. Проблема скулшутинга в образовательной среде // Психологические исследования. — 2021. — Т 14. — № 80.
7. Скулшутинг в России: что не работает в системе, которая должна защищать наших детей. Интернет-ресурс: <https://dailystorm.ru/chtivo/skulshuting-v-rossii-cto-ne-rabotaet-v-sisteme-kotoraya-dolzha-zashchishchat-nashih-detey?ysclid=mordmdakxo304144818> (дата обращения: 10.07.2026).
8. Карасев П.К. Метод search conference как принцип функционирования рабочей группы по предотвращению скулшутинга и распространения идеологии «колумбайн» в Нижегородской области // Теория и практика общественного развития. — 2023. — № 10. — С. 109–114.

THE PHENOMENON OF SCHOOLSHOOTING: THE CAUSES OF MURDERS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF RUSSIA

Chernysheva O.V.

Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

This article is devoted to the study of the phenomenon of schoolshooting, an armed attack carried out in educational institutions in Russia; the use of armed violence on the territory of educational institutions, which often leads to casualties among students and school teachers.

Keywords: schoolshooting, Columbine, attacks on schools and colleges, fan communities, bullying, victim of bullying.

References

1. Langman, Peter. 2015. School Shooters: Understanding High School, College, and Adult Perpetrators. London: Rowman & Littlefield; Langman, Peter. 2017. A Bio-Psycho-Social Model of School Shooters. The Journal of Campus Behavioral Intervention 5: 27–34; Langman, Peter. 2018. Different Types of Role Model Influence and Fame Seeking Among Mass Killers and Copycat Offenders. American Behavioral Scientist 62: Pp. 210–228.
2. Lankford A., Silva J.R. Similarities between copycat mass shooters and their role models: An empirical analysis with implications for threat assessment and violence prevention // Journal of Criminal Justice № 95, 2024.
3. Newman K., Fox C., Harding D., Mehta J., Roth W. Rampage: The Social Roots of School Shootings. — New York: Basic Books, 2004. — 420 p.
4. Bereznev A.V. Organization and Management of the School Shooting Incident Prevention System in Russia. Abstract of the dissertation... candidate of sociological sciences. — Moscow, 2025.
5. Vyatkin N.V. School shooting in Russia: a view of researchers and ordinary people / N.V. Vyatkin, R.I. Shchukina, P. Fedotova, M.T. Gadzhieva // Bulletin of PNRPU. Social and Economic Sciences. — 2023. — № 1. — P. 120–130.
6. Grinenko U.B. The Problem of School Shooting in the Educational Environment // Psychological Research. — 2021. — Vol. 14. — № 80.
7. School Shooting in Russia: What's Not Working in the System That Should Protect Our Children. Internet resource: <https://dailystorm.ru/chtivo/skulshuting-v-rossii-cto-ne-rabotaet-v-sisteme-kotoraya-dolzha-zashchishchat-nashih-detey?ysclid=mordmdakxo304144818> (date of access: 10.07.2026).
8. Karasev P.K. The search conference method as a principle of operation of the working group for the prevention of school shooting and the spread of the «Columbine» ideology in the Nizhny Novgorod region // Theory and practice of social development. — 2023. — № 10. — P. 109–114.

Концептосфера эмоции любви в индивидуально-авторской картине мира в творчестве немецкой писательницы Керстин Гир

Щербакова Ирина Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент, Донской
государственный технический университет
E-mail: ira.leroy@yandex.ru

Тимашова Мария Васильевна,

кандидат философских наук, доцент, Донской
государственный технический университет
E-mail: ira.leroy@yandex.ru

В представленной статье рассмотрена и описана концептосфера эмоций в индивидуально-авторской картине мира немецкого автора современных художественных произведений Керстин Гир. Концептосфера эмоций является ключевым компонентом картины мира писательницы Керстин Гир. Материалом для данной работы послужила трилогия романов на немецком языке «Таймлесс». В трилогию «Таймлесс» вошли книги: «Рубиновая книга», «Сапфировая книга», «Изумрудная книга». На материале отобранных произведений проведен анализ, направленный на выявление специфики репрезентации эмоций, переживаемых личностью. Автором использованы вербальные средства репрезентации эмоций персонажей для описания их внутреннего мира и переживаний.

Ключевые слова: картина мира, концепт, концептосфера, любовь, немецкий язык, немецкоязычная литература, роман, художественный текст, эмоция.

Исследование концептосфер эмоций и эмоциональных состояний, которые переживают персонажи, является важным моментом при исследовании художественных произведений [8, с. 55]. Понимая, какими средствами и приемами пользуется автор при описании и передачи чувств и эмоций персонажей, мы более четко видим внутренний мир автора, и с помощью каких вербальных и невербальных средств он передает свои переживания. Концептосфера эмоций в индивидуально-авторской картине мира является совокупностью главных эмоциональных концептов [4, с. 230]. Под эмоциональными концептами следует понимать ментальные образования [3, с. 360]. В роли ментальных образований выступают «радость», «злость», «печаль», «тоска», «любовь». Ментальные образования складываются в сознании определенных авторов и далее находят отражение в произведениях этого автора.

«Исследование индивидуально-авторских концептосфер по мнению Красавского Н.А. предполагает определение средств лингвистической объективации их компонентов – концептов, понимаемых согласно ставшему общепризнанным определению В.И. Карасика как «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [2, с. 129]. Выявление ценностной составляющей в концепте позволяет определить стандартное оценочное отношение членов социума к определенному явлению, установить его место на аксиологической шкале конкретного лингвокультурного сообщества. Образная составляющая концепта – не менее важный компонент концепта. Ее изучение на языковом материале позволяет увидеть ассоциативную сеть того или иного явления, нашедшего речевое воплощение в коммуникативной деятельности членов социума. Сопоставление ассоциативно-образных признаков концепта в разных лингвокультурных сообществах выявляет как общее, так и отличительное в его содержании» [3, с. 360].

Совокупностью отдельных концептов эмоций и эмоциональных состояний называют концептосферой эмоций. Эмоциональные концепты в концептосфере связаны между собой. Под эмоциональным концептом понимают сложную ментальную систему. Данная ментальная система описывает понятийную основу термина, образ и культурную ценность. Культурная ценность данной системы особенно важна, здесь понимают отношение общества к конкретной эмоции или эмоциональному состоянию личности [6, с. 365].

Концептосфера эмоций представлена в виде сети [7, с. 235]. В центре сети стоит эмоция, далее ее описание, удаление от центра сети конкретизирует эмоциональный концепт, происходит объединение эмоционального концепта со смежными концептами, появляются типы и подтипы. Авторы произведений не только описывают концепты, они их конкретизируют, отбирают определенные эмоциональные концепты и организуют для каждого собственную сеть. Данная сеть отражает взгляд автора на реальность. Понимая все выше сказанное, обобщаем, что в такой сети, созданной автором произведения, эмоции, отобранные им, становятся центральными, ядром, центром собственно сети, другие же эмоции занимают периферийную часть. Какие именно эмоции должны войти в ядро или центр подобной сети определяет только автор произведения, периферийным эмоциям отводится место, зависящее от задумки автора.

Описанные К. Изардом десять базовых эмоций: радость, интерес, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд и вина, представляют однотипные универсальные выражения в разных народах мира. Стоит учитывать эмоциональные концепты присущие определенным народам.

Выявление концептосферы эмоций в индивидуально-авторской картине мира требует анализа эмоций и эмоциональных состояний, которые повторяются или доминируют в тексте произведения. В трилогии «Таимлекс» Керстин Гир преобладают такие эмоции как: «любовь», «вина», «печаль», «злость», «интерес». Особо значимыми являются «любовь», «интерес». Отметим, что данные эмоции соприкасаются с другими эмоциями.

Особо важным является рассмотрение средств объективации данных эмоций [5, с. 195]. Стоит учитывать прямые номинации, эмоционально окрашенную лексику, метафоры, фразеологизмы [11, с. 158]. Значимым является контекст при описании средств объективации эмоций. Эмоциональные концепты вербализуются с помощью лексических

единиц, выраженных различными частями речи, фразеологические единицы, метафоры [12, с. 332]. В лингвистической науке, как правило, эмоциональные концепты сравнивают между несколькими языками, описывают средства вербальной и невербальной коммуникации, способствующие выражению и описанию эмоциональных концептов, при- сущих определенному народу [9, с. 380]. Исследуя и описывая концептосферу эмоций и эмоциональных состояний, ученые создают картину мира эмоций какого-либо народа. В определенном языке выделены отдельные эмоции, переживаемые личностью, данные эмоции связаны с ценностями народа и их языком.

При разборе и анализе эмоции необходимо не просто найти в тексте произведения ее название, но и учитывать контекст, яркие и неожиданные образы, переданные автором при описании эмоции, с которыми она связана. А также стоит учитывать связь эмоции с другими эмоциями и концептами, например: природа, человек.

Под актуальностью настоящей работы следует понимать быстро возрастающий интерес лингвистов к исследованию языковых картин авторов художественных произведений. Художественный текст в данном случае выступает как результат деятельности автора, в котором отображена уникальная система представлений автора о внешнем мире. Эмоции и эмоциональные состояния личности играют особую составляющую в формировании концептосферы [1, с. 120]. Научная новизна данной работы обусловлена предпринятой попыткой описать и систематизировать концептосферы эмоций, представленные в художественных произведениях на немецком языке Керстин Гир в трилогии «Таймлесс». Объектом данной работы выступает индивидуально-авторская картина мира писательницы Керстин Гир, представленная в ее произведениях современной художественной прозы. Предметом представленной работы является концептосфера эмоции любви личности как структурная составляющая данной картины мира. Целью представленной работы ставим выявление и рассмотрение эмоциональных концепта «любовь» и специфики его репрезентации в современном художественном тексте на немецком языке. Материалом для данной работы послужила трилогия на немецком языке «Таймлесс». В трилогию «Таймлесс» вошли книги: «Рубиновая книга», «Сапфировая книга», «Изумрудная книга». При проведении исследования были использованы следующие методы: описательный метод, метод концептуального анализа, количественный анализ, метод определения частотности эмотивной лексики. Теоретическая значимость работы определена обогащением теории когнитивной лингвистики и лингвистики текста новыми данными о способах репрезентации эмоций и эмоциональных состояний персонажей произведений на немецком языке. Практическая значимость обусловлена возможностью применения результатов исследования в составлении курса лекций по эмотиологии, психолингвистики, стилистике немецкого языка и межкультурной коммуникации.

Концепт «любовь» является центральным в трилогии Керстин Гир «Таймлесс». Он определяется как личная драма героини романов. Концепт «любовь» также является основным конфликтом сюжета. Немецкая писательница Керстин Гир представляет любовь не как гармоничное чувство. Любовь в романе описана как мощная и стихийная сила. Но любовь остается связанной с опасностью, риском и как следствие болью. Центральную зону, ядро концепта «любовь» автор описывает прямыми лексическими единицами: Liebe, lieben, verliebt sein, geliebt. Специфика идиостиля Керстин Гир при репрезентации концепта «любовь» появляется только при соприкосновении любви с опасностью и болью.

Концептосфера эмоции любви представляет описание через физиологические ощущения. Данный прием позволяет погрузить читателя в состояния персонажей. Любовь, представленная в художественном тексте романа Керстин Гир, описывается как болезнь, и эта болезнь поражает тело. Приведенный ниже пример описывает встречу Гидео-на и Гвендолин. Писательница использует лексику, которая передает соматические реакции персонажей:

Ich sah die Limousine vor dem Schultor stehen, noch bevor wir hinaus- traten. Mein Herz begann, ein bisschen schneller zu schlagen. Noch immer war mir der gestrige Abend entsetzlich peinlich.

»Wow! Was ist denn das für ein Schlitten?« Gordon piffte leise durch seine Zähne. »Vielleicht stimmen die Gerüchte ja doch, dass Madonnas Tochter bei uns auf die Schule geht – inkognito natürlich und unter falschem Namen [13, с. 300].«

Из примера мы наблюдаем, что сердце героини стало быстрее биться.

Следующий пример описывает головокружение в преддверии ожидания с любимыми людьми:

«Mir wird immer schwindelig, wenn ihr solche Überlegungen anstellt», beschwerte sich Raphael.

»Ich wollte das einfach erledigt haben, bevor wir Lucy und Paul das nächste Mal treffen«, sagte Gideon. »Das ist doch nicht so schwer zu verstehen [15, с. 446].«

Другой пример описывает головокружение как облегчение:

Ich holte tief Luft. Vor Erleichterung war mir ganz schwindelig.

»So ist es gut«, sagte Xemerius. »Kein Grund zum Hyperventilieren. Loverboy hat noch alle seine hübschen weißen Zähne [14, с. 117].«

Описания концепта любви сравниваются на уровне физического контакта, похожего на электрический разряд, удар грома. Данное сравнение приведено автором в следующем примере:

Ich saß da wie vom Donner gerührt, unfähig mich zu bewegen oder auch nur zu atmen. Seine Finger berührten vorsichtig meine Lippen, streichelten mein Kinn und tasteten sich die Wange hinauf bis an meine Schläfe [12, с. 346].

Автор здесь описывает неконтролируемую силу. Персонаж стал словно пораженный, он не мог пошевелиться и не мог вздохнуть. Автор трилогии сравнивает любовь с ядом, стихийным бедствием. Взаимоотношения главных героев, зарождение их любви находится в постоянной угрозе. В данном случае любовь воспринимается как что-то разрушительное. Любовь, описанная автором произведения, опьяняет и лишает воли.

В трилогии основная сюжетная линия – это любовный треуголь- ник, который по стечению обстоятельств оказался в тайном обществе. Данное обстоятельство накладывает на отношения между героями печать запретности.

Проведенное исследование помогло проникнуть и описать вну- тренний мир автора трилогии «Таймлесс». Нами была разобрана ин- терпретация реальности сквозь призму переживаний Керстин Гир, был понят художественный замысел произведений. Концептосфера эмо- ций индивидуально-авторской картины мира диктовала сюжет произ- ведения. Концептосфера сформировала и задала мотивацию для про- явлений персонажей, а также определение их поступков. Доминирую- щие эмоции в авторской концептосфере создают общий фон произве- дения. В концептосфере Керстин Гир наряду с любовью существовали тревожные эмоции, которые приносили горькие ноты произведению. «Боль», «тоска» создавали тревожные настроения. «Любовь» же от- крывала светлые картины произведения. «Любовь» с «радостью» при- носили динамичные эпизоды.

Таким образом, использование метафор в произведениях Керстин Гир позволяет ей создать образ любви, находящийся в напряжении, любовь соприкасается с риском, болью. Любовь в трилогии заставляет персонажей делать сложный выбор на пути к счастью. У концепта «любовь» в произведениях нет романтической идеализации. Любовь, описанная Керстин Гир, является всепоглощающей и иррациональной силой. Эта сила заставляет персонажей произведений совершать се- рьезные, необдуманные и противоречащие логике и здравому смыслу поступки.

Концептосфера эмоции «любовь» представлена лексическими единицами «Liebe», «lieben», «verliebt sein», «geliebt», стоящими в центре системы, они являются ее образующими. Ядром эмоциональной кон- цептосферы выступают такие эмоции как любовь, страх, вина, на пе- риферии концептосферы находятся такие эмоции и состояния как не- доверие. Специфика репрезентации эмоции любви в индивидуально- авторской картине мира писательницы Керстин Гир заключается в тес- ной связи с физиологическими проявлениями. Автор описывает пере- живания и чувства персонажей через реакции.

Литература

- Исакова М.Т., Абдыкадырова С.Р. Обозначение эмоций в худо- жественном тексте как источник лингвокультурологической инфор- мации // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2025. Т. 25. № 2. С. 118–125.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Вол- гоград, «Перемена»; 2002. 447 с.
- Красавский Н.А. Концептосфера эмоций повести Германа Гессе «Последнее лето Клингзора» // Казанский лингвистический журнал. 2024. Т. 7. № 3. С. 355–365.
- Красавский Н.А. Концептосфера эмоций в повести Германа Гес- се «Последнее лето Клингзора» // Казанский лингвистический журнал. 2025. Т. 8. № 2. С. 227–237.
- Малышев Д.А. Лексическая репрезентация эмоций во внутрен- ней речи персонажей научно-фантастического текста // Когнитивные исследования языка. 2025. № 4 (65). С. 192–197.
- Нурутдинова А.Р. Эмоции и чувства человека как репрезентация менталитета немецкого народа в паремиологической картине мира // Современное педагогическое образование. 2024. № 9. С. 364–367.

7. Рыкунов Р.Н. Концептосфера эмоций англоязычной культуры // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 16. № 40. С. 232–236.

8. Чернякова Ю.С. Роль эмоций в художественном тексте // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2024. № 1 (45). С. 52–63.

9. Щербакова И.В., Ковальчук Н.В. Гендерная специфика репрезентации отрицательных эмоций на материале художественного текста // Современное профессиональное образование. 2026. № 1. С. 379–382.

10. Щербакова И.В., Ковальчук Н.В., Тимашова М.В., Резуненко И.В. Языковые средства репрезентации отрицательной эмоции «печаль» на материале немецкого языка // Современное педагогическое образование. 2026. № 1. С. 229–231.

11. Щербакова И.В., Ковальчук Н.В., Тимашова М.В. Языковые средства репрезентации эмоции удивления на материале современного художественного произведения Керстин Гир «Рубиновая книга» // Современное профессиональное образование. 2025. № 9. С. 157–160.

12. Щербакова И.В., Резуненко И.В. Вербальные средства репрезентации эмоций «гнев», «ярость» на материале художественного произведения Керстин Гир «Изумрудная книга» на немецком языке // Современное профессиональное образование. 2025. № 10. С. 331–333.

13. Gier, Kerstin. Rubinrot / Kerstin Gier. – Deutschland: Arena Verlag, 2014. – 352 S.

14. Gier, Kerstin. Saphirblau / Kerstin Gier. – Deutschland: Arena Verlag, 2010. – 368 S.

15. Gier, Kerstin. Smaragdgrün / Kerstin Gier. – Deutschland: Arena Verlag, 2011. – 496 S.

THE CONCEPTUAL SPHERE OF EMOTIONS IN AN INDIVIDUAL AUTHOR'S WORLDVIEW IN THE WORK OF THE GERMAN WRITER KERSTIN GEER

Shcherbakova I.V., Timashova M.V.

Don State Technical University

The presented article examines and describes the conceptual sphere of emotions in the individual author's worldview of the German author of modern works of art Kerstin Geer. The conceptual sphere of emotions is a key component of writer Kerstin Geer's worldview. The material for this work is the trilogy of novels in German «Timeless». The «Timeless» trilogy includes the books «Ruby Book», «Sapphire Book», «Emerald Book». Based on the mate-

rial of the selected works, an analysis was carried out aimed at identifying the specifics of the representation of emotions experienced by a person. The author uses verbal means of representing the emotions of the characters to describe their inner world and experiences.

Keywords: worldview, concept, conceptosphere, love, German language, German-language literature, novel, artistic text, emotion.

References

1. Isakova M.T., Abdykadyrova S.R. The designation of emotions in a literary text as a source of linguistic and cultural information. Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. 2025. Vol. 25. No. 2. pp. 118–125.

2. Karasik V.I. Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd, «Peremena»; 2002. 447p. (in Russ.)

3. Krasavsky N.A. The conceptual sphere of emotions in Hermann Hesse's novella «The Last Summer of Klingsor». Kazan Linguistic Journal. 2024. Vol. 7. No. 3. pp. 355–365.

4. Krasavsky N.A. The conceptual sphere of emotions in Hermann Hesse's novella «The Last summer of Klingsor». Kazan Linguistic Journal. 2025. Vol. 8. No. 2. pp. 227–237.

5. Malyshev D.A. Lexical representation of emotions in the inner speech of characters in a science fiction text. Cognitive language research. 2025. No. 4 (65). pp. 192–197.

6. Nurutdinova A.R. Human emotions and feelings as a representation of the mentality of the German people in the paremiological picture of the world. Modern pedagogical education. 2024. No. 9. pp. 364–367.

7. Rykunov R.N. The conceptual sphere of emotions in English-speaking culture. Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta A.I. Herzen. 2007. Vol. 16. No. 40. pp. 232–236.

8. Chernyakova Yu.S. The role of emotions in a literary text. Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics. 2024. No. 1 (45). pp. 52–63.

9. Shcherbakova I.V., Kovalchuk N.V. Gender specificity of the representation of negative emotions on the material of a literary text. Modern professional education. 2026. No. 1. pp. 379–382.

10. Shcherbakova I.V., Kovalchuk N.V., Timashova M.V., Rezunenko I.V. Linguistic means of representing the negative emotion «sadness» based on the German language. Modern pedagogical education. 2026. No. 1. pp. 229–231.

11. Shcherbakova I.V., Kovalchuk N.V., Timashova M.V. Linguistic means of representing the emotion of surprise based on the material of Kerstin Geer's contemporary art work «The Ruby Book». Modern professional education. 2025. No. 9. pp. 157–160.

12. Shcherbakova I.V., Rezunenko I.V. Verbal means of representing emotions «anger», «rage» based on the artistic work of Kerstin Geer «The Emerald Book» in German. Modern professional education. 2025. No. 10. pp. 331–333.

13. Gier, Kerstin. Rubinrot / Kerstin Gier. – Deutschland: Arena Verlag, 2014. – 352 S.

14. Gier, Kerstin. Saphirblau / Kerstin Gier. – Deutschland: Arena Verlag, 2010. – 368 S.

15. Gier, Kerstin. Smaragdgrün / Kerstin Gier. – Deutschland: Arena Verlag, 2011. – 496 S.

Эффективность применения цифровых технологий и функциональных упражнений в организации тренировочного процесса с любителями оздоровительного бега

Шестакова Татьяна Алексеевна,

к.п.н., доцент кафедры ФКиСД, ТГПУ им. Л.Н. Толстого

E-mail: shestak-sport52@yandex.ru

В статье рассматриваются современные подходы к организации тренировочного процесса с любителями оздоровительного бега на основе интеграции цифровых технологий и функциональных упражнений. Раскрывается сущность оздоровительного бега как доступного средства повышения уровня физической подготовленности, укрепления здоровья и поддержания функционального состояния организма. Обосновывается значение функциональной тренировки как общеукрепляющего базиса, обеспечивающего развитие силовых, координационных способностей, мышечной стабильности и профилактики травматизма при регулярных беговых нагрузках. Анализируются возможности применения современных цифровых инструментов и мобильных приложений для мониторинга тренировочной активности и цифровых платформ с тренировочными программами. Комплексное использование средств цифрового контроля и функциональной подготовки способствует персонализации тренировочного процесса, повышению эффективности занятий и формированию устойчивой мотивации к систематической двигательной активности.

Ключевые слова: оздоровительный бег, функциональная тренировка, цифровизация, носимые устройства, мобильное приложение

Актуальность исследования различных аспектов любительского спорта обусловлена, прежде всего, тем, что в фокус внимания исследователей теоретиков, тренеров, спортивных функционеров и научно-исследовательских учреждений попадают в первую очередь вопросы и проблемы «большого» (профессионального) спорта [5, с. 221]. Тем не менее, любительский спорт обладает колоссальной социальной значимостью, будучи акмеологическим базисом для обеспечения качества жизни и долголетия граждан.

Особое внимание следует уделять исследованиям в области любительского спорта, пользующегося популярностью среди населения. Одним из подобных видов спорта является оздоровительный бег.

Д.С. Стрелеткова и В.А. Брыкина объясняют массовость оздоровительного бега «общедоступностью и большим разнообразием беговых упражнений, простотой техники выполнения, возможностью варьировать нагрузку и проводить занятие в любое время года» [8, с. 35]. Кроме того, в основе механики и физики бега – естественные, заложенные природой движения тела человека. И.Е. Устинов утверждает, что бег – один из наиболее естественных способов передвижения, так как он изначально выступал способом уйти от опасности, добыть пропитание, сбросить негативные эмоции [10, с. 26].

Учитывая вышеприведенные аргументы, кажется вполне логичным то, что оздоровительный бег включен в систему физического воспитания в учреждениях образования, в систему физической рекреации, в программы по восстановительной терапии после заболеваний.

Оздоровительный бег как разновидность физической активности обладает целым рядом преимуществ. Он позволяет увеличить т.н. резервные возможности организма за счет увеличения массы сердечной мышцы, повышения запасов питательных веществ в клетках, увеличения сети капилляров, преобразований на гормональном уровне, профилактики заболеваний желудочно-кишечного тракта (массаж внутренних органов диафрагмой при углубленном дыхании) [10, с. 26].

Оздоровительный бег, указывает Ю.П. Балакин, нейтрализует риски, связанные с нетренированностью «современного человека, лишившего себя оптимальной двигательной активности» [1, с. 109]. Оздоровительный бег приводит к долговременным морфофункциональным изменениям в организме. Регулярные беговые нагрузки способствуют повышению устойчивости организма к физическим и психоэмоциональным нагрузкам. Оздоровительный бег способствует снижению выраженности физического и психического утомления, повышению общей и профессиональной работоспособности, улучшению психоэмоционального состояния и качества жизни. Кроме того, систематические занятия бегом оказывают положительное влияние на когнитивные функции, способствуют развитию волевой саморегуляции, повышению стрессоустойчивости и формированию устойчивой мотивации к ведению здорового образа жизни.

Простота и доступность, как указано выше, являются важнейшими преимуществами бега как разновидности любительского спорта. Тем не менее, существуют некоторые правила организации занятий оздоровительным бегом. Тренировки должны основываться на принципах индивидуализации, постепенности и адекватности физической нагрузки функциональным возможностям организма. На начальном этапе тренировочного процесса приоритетной задачей является не достижение высоких спортивных результатов, а формирование устойчивой адаптации к аэробным нагрузкам и положительной мотивации к регулярной двигательной активности. В связи с этим бег рекомендуется выполнять в комфортном темпе, не вызывающем выраженного утомления и позволяющем поддерживать субъективное ощущение легкости и эмоционального комфорта. Подобный режим способствует достижению наиболее выраженного оздоровительного эффекта, повышению приверженности к занятиям и формированию устойчивой потребности в физической активности.

Оптимальным тренировочным режимом на первых этапах является равномерный бег низкой интенсивности продолжительностью 15–30 минут при частоте сердечных сокращений 120–130 уд./мин. По мере повышения уровня физической подготовленности параметры нагрузки могут постепенно корректироваться с учетом индивидуальных адаптационных возможностей.

Эффективность оздоровительного бега, пишет Ю.П. Балакин, детерминирована соотношением двух компонентов тренировочной нагрузки – объема и интенсивности. Объем характеризуется суммарной дистанцией, преодолеваемой в рамках одного занятия, недельного или месячного тренировочного цикла, тогда как интенсивность определяется скоростью передвижения и уровнем физиологического напряжения организма, объективным показателем которого является частота сердечных сокращений. Контроль указанных параметров позволяет обеспечить безопасность тренировочного процесса, предотвратить развитие переутомления и повысить эффективность адаптационных изменений [1, с. 109].

А.Д. Герасимов подчеркивает важность мер, направленных на профилактику травматизма и заболеваний. Профилактика травматизма при занятиях оздоровительным бегом основывается на принципах постепенного увеличения тренировочной нагрузки, обязательного проведения разминки, выборе безопасного бегового покрытия и использовании спортивной обуви с эффективными амортизационными свойствами. Основными факторами риска являются чрезмерный объем и интенсивность нагрузки, резкое увеличение тренировочного воздействия, бег по твердой или неровной поверхности, недостаточная физическая подготовленность, неправильно подобранная обувь и биомеханические особенности стопы. Соблюдение данных рекомендаций способствует снижению риска повреждений опорно-двигательного аппарата и повышению эффективности оздоровительных тренировок [2, с. 23].

Г.А. Крикунов отмечает: в течение первых 1–2 месяцев рекомендуется выполнять тренировки продолжительностью не более 30–40 минут, включающие общеразвивающие упражнения, ходьбу и кратковременные интервалы легкого бега с постепенным увеличением их объема. Каждое занятие должно завершаться спокойной ходьбой и контролем частоты сердечных сокращений до ее восстановления. Дополнительно целесообразно вести тренировочный дневник, фиксируя продолжительность занятия, объем выполненной нагрузки, показатели самочувствия и восстановления. Такой подход позволяет индивидуализировать тренировочный процесс, своевременно корректировать нагрузку и предотвращать развитие неблагоприятных функциональных состояний [5, с. 222].

Следует отметить, что для лиц, занимающихся оздоровительным бегом, важнейшим компонентом физической подготовки выступает **функциональная тренировка**. Функциональная тренировка представляет собой систему физических упражнений, направленных на комплексное развитие двигательных качеств и совершенствование функциональных возможностей организма посредством выполнения движений, максимально приближенных к естественной двигательной активности человека. В отличие от традиционной силовой подготовки, функциональная тренировка ориентирована не на изолированное развитие отдельных мышечных групп, а на формирование согласованной работы мышц, суставов и нервной системы, обеспечивающей эффективное выполнение двигательных действий, в т.ч. при беге.

При выполнении беговых упражнений основная нагрузка приходится на ограниченный круг мышечных групп и суставов, тогда как мышцы-стабилизаторы, глубокие мышцы корпуса, верхнего плечевого пояса нередко остаются недостаточно развитыми. Возникающий мышечный дисбаланс приводит к нарушению механики бега, преждевременному развитию утомления и повышению риска травматизации опорно-двигательного аппарата.

Функциональная тренировка, в свою очередь, позволяет компенсировать указанные недостатки за счет комплексного воздействия на организм. Функциональная тренировка способствует развитию мышечной силы и силовой выносливости, улучшению координационных способностей, динамического равновесия, проприоцептивной чувствительности, подвижности суставов и стабильности позвоночника. Особое значение имеет укрепление мышц, обеспечивающих стабилизацию туловища во время бега.

Кроме того, функциональная подготовка повышает эффективность деятельности сердечно-сосудистой, дыхательной и нервно-мышечной систем. В результате снижаются энергозатраты на выполнение беговой работы, увеличивается устойчивость к физическим нагрузкам и уменьшается вероятность возникновения повреждений коленных и голеностопных суставов, поясничного отдела позвоночника. Таким образом, функциональная тренировка является необходимым компонентом в системе организации беговых тренировок.

Учитывая все вышеизложенное, целесообразно также упомянуть про цифровые устройства и программные продукты для любителей бега. Без сомнения, по мере распространения «умных», в т.ч. носимых устройств и мобильных приложений стало проще отслеживать физическую активность и корректировать программы беговых тренировок.

Фитнес-браслеты, smart-часы и мобильные приложения позволяют пользователям следить за шагами, частотой сердечных сокращений, потраченными калориями, уровнем стресса и другими параметрами [7, с. 165]. Благодаря регулярным тренировкам и использованию электронных устройств можно повысить уровень выносливости и отслеживать тренировочный прогресс [3, с. 95].

Д.А. Корепанов с соавт. пишет о том, что для занимающихся оздоровительным бегом наиболее доступным инструментом контроля физической нагрузки являются носимые устройства – фитнес-браслеты и спортивные часы со встроенным оптическим пульсометром. Современные носимые устройства обладают расширенным функционалом: позволяют отслеживать частоту сердечных сокращений, продолжительность и интенсивность тренировки, дистанцию, темп, уровень активности и динамику физического состояния [4, с. 22].

Одним из наиболее распространенных цифровых инструментов для сопровождения занятий оздоровительным бегом являются мобильные приложения, предназначенные для регистрации и анализа динамики прогресса в беге. Современные приложения обеспечивают автоматическую запись параметров физической нагрузки с использованием GPS-технологий, позволяя фиксировать дистанцию, продолжительность тренировки, темп, скорость передвижения, набор высоты, энергозатраты и ряд других физиологических и биомеханических показателей.

Собранные данные систематизируются в виде статистических отчетов, что позволяет пользователю отслеживать динамику тренировочного процесса, анализировать объем и интенсивность нагрузок, контролировать достижение поставленных целей и своевременно корректировать программу подготовки. Дополнительным преимуществом большинства приложений является возможность интеграции с носимыми устройствами (спортивными часами, пульсометрами, датчиками движения), что существенно повышает точность мониторинга функционального состояния организма.

Важной особенностью мобильных приложений (к примеру, Strava) является наличие социальных функций, обеспечивающих взаимодействие пользователей посредством обмена результатами тренировок, участия в виртуальных соревнованиях, совместных спортивных сообществах и выполнения индивидуальных или коллективных заданий. Использование элементов геймификации и социальных сетей способствует повышению мотивации к регулярной двигательной активности и к занятиям оздоровительным бегом.

Следует сказать, что основные принципы организации самостоятельных занятий оздоровительным бегом (регулярность, постепенность увеличения нагрузки, соблюдение оптимальной интенсивности и контроль самочувствия) являются достаточно понятными для большинства занимающихся. При этом планирование функциональной тренировки является более сложным и требует специальных знаний в области физиологии, теории физической культуры и методики спортивной подготовки. Необходимо учитывать индивидуальные особенности организма, уровень исходной физической подготовленности, показатели пульса, вариативность сердечного ритма, скорость восстановления и реакцию различных систем организма на физическую нагрузку.

В подобном контексте значительные возможности предоставляют современные цифровые технологии и специализированные приложения для управления тренировочным процессом. Они позволяют осуществлять оперативный контроль функционального состояния, анализировать динамику физической работоспособности, формировать индивидуальные тренировочные программы и корректировать нагрузку в зависимости от текущего состояния организма.

Анализ современных цифровых приложений для функциональных тренировок показывает, что ключевыми механизмами повышения мотивации пользователей являются геймификация, персонализация тренировочного процесса, визуализация достигнутых результатов и социальное взаимодействие. Такие приложения, как FitStars, «Восьмёрка», Runatrac, Relive и проч., предоставляют пользователям инструменты для постановки целей, мониторинга индивидуального прогресса, участия в сообществах, соревновательных мероприятиях и обмена результатами тренировок [9].

Среди популярных цифровых ресурсов, применяемых при организации функциональных тренировок, выделяются несколько основных форматов. К ним относятся видеотренировки с личным тренером в режиме реального времени, заранее записанные тренировки видеотренировки; интерактивные тренировки с обратной связью, основанные на использовании технологий компьютерного зрения и анализа двигательной техники; а также гибридные модели, интегрирующие очные занятия с цифровыми сервисами [6, с. 2723].

Наиболее эффективным подходом к организации занятий оздоровительным бегом представляется комплексное использование совре-

менных цифровых технологий и средств функциональной подготовки. Данная модель предполагает применение носимых устройств (фитнес-браслетов, спортивных часов), сопряженных со специализированными мобильными приложениями для бега, обеспечивающими непрерывный мониторинг параметров физической нагрузки, состояния организма и динамики тренировочного процесса. Полученные данные позволяют объективно контролировать интенсивность беговой нагрузки и своевременно корректировать программу занятий.

Неотъемлемым компонентом данной модели является систематическое выполнение функциональных тренировок, направленных на развитие силы, координационных способностей, устойчивости, подвижности суставов и укрепление мышц-стабилизаторов, обеспечивающих биомеханически рациональную технику бега и снижение риска травматизма. Функциональная подготовка может осуществляться с использованием специализированных мобильных приложений либо посредством онлайн-платформ, предоставляющих доступ к видеоурокам и дистанционному сопровождению тренера.

Таким образом, интеграция технологий мониторинга беговой активности с цифровыми средствами организации функциональной подготовки формирует единую информационно-тренировочную среду, обеспечивающую комплексное сопровождение занимающихся. Подобная комбинация способствует персонализации тренировочного процесса, повышению эффективности физических нагрузок, укреплению мотивации к регулярным занятиям и профилактике перегрузочных повреждений опорно-двигательного аппарата, что соответствует современным принципам организации оздоровительной физической культуры.

Литература

1. Балакин, Ю.П. Оздоровительный бег как эффективное средство в оздоровительной и адаптивной физической культуре / Ю.П. Балакин // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. – 2015. – № 1. – С. 108–110.
2. Герасимов, А.Д. Медико-биологические аспекты оздоровительного бега / А.Д. Герасимов // НАУ. – 2015. – № 9–1 (14). – С. 22–23.
3. Иванов, В.Д. Фитнес-технологии в физическом воспитании студентов / В.Д. Иванов // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. – 2024. – № 4. – С. 94–101.
4. Корепанов, Д.А. Оценка максимальной физической нагрузки по пульсовым показателям во время бега пожилого человека / Д.А. Корепанов, И.И. Рыбаков, Д.В. Васенин, М.Д. Богатырев // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. – 2025. – № 12. – С. 21–29.
5. Крикунов, Г.А. Основы занятий оздоровительным бегом / Г.А. Крикунов // E-Scio. – 2023. – № 3 (78). – С. 220–224.
6. Михайлова, С.В. Онлайн-форматы физкультурно-оздоровительных услуг: тенденции и перспективы развития / С.В. Михайлова // Вестник науки. – 2026. – Т. 1. – № 6 (99). – С. 2720–2725.
7. Морозов, М.В. Современные тенденции в физической культуре: вызовы и возможности / М.В. Морозов, К.А. Афонькина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 9–4 (96). – С. 165–167.
8. Стрелеткова, Д.С. Оздоровительный бег, принципы самостоятельной тренировки / Д.С. Стрелеткова, В.А. Брыкина // Наука-2020. – 2020. – № 2 (38). – С. 34–40.

9. Трунова, Д.С. Влияние использования специализированных приложений на мотивацию к физической активности: анализ и перспективы / Д.С. Трунова, М.А. Калитова // Вестник науки. – 2026. – № 5 (98). – С. 2739–2745.

10. Устинов, И.Е. Особенности регулирования нагрузки в оздоровительном беге / И.Е. Устинов // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2013. – № 4 (18). – С. 25–30.

EFFECTIVENESS OF USING DIGITAL TECHNOLOGIES AND FUNCTIONAL EXERCISES IN ORGANIZING TRAINING FOR JOGGING (RECREATIONAL RUNNING)

Shestakova T.A.

Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

This article analyses modern approaches to organizing recreational running training based on the integration of digital technologies and functional exercises. It explores the essence of recreational running (jogging) as an accessible way to improve physical fitness, strengthening health, and maintaining functional fitness. The author underlines the importance of functional training as a general strengthening foundation, ensuring the development of strength, coordination, and muscle stability, as well as injury prevention during running. The potential of modern digital tools and mobile apps for monitoring training activity and digital platforms with training programs is analyzed. The integrated use of digital monitoring and functional training tools facilitates the personalization of the training process, increases the effectiveness of training, and fosters sustainable motivation for systematic physical activity.

Keywords: recreational running, functional training, digitalization, wearable devices, mobile application

References

1. Balakin, Yu.P. Health jogging as an effective tool in health and adaptive physical education / Yu.P. Balakin // Human health, theory and methods of physical education and sports. – 2015. – No. 1. – P. 108–110.
2. Gerasimov, A.D. Medical and biological aspects of health jogging / A.D. Gerasimov // NAU. – 2015. – No. 9–1 (14). – P. 22–23.
3. Ivanov, V.D. Fitness technologies in physical education of students / V.D. Ivanov // Physical education. Sport. Tourism. Motor recreation. – 2024. – No. 4. – P. 94–101.
4. Korepanov, D.A. Evaluation of maximum physical activity based on pulse rates during running in an elderly person / D.A. Korepanov, I.I. Rybakov, D.V. Vasenin, M.D. Bogatyrev // Bulletin of Tula State University. Physical Education. Sport. – 2025. – No. 12. – Pp. 21–29.
5. Krikunov, G.A. Basics of health running / G.A. Krikunov // E-Scio. – 2023. – No. 3 (78). – Pp. 220–224.
6. Mikhailova, S.V. Online formats of physical education and health services: trends and development prospects / S.V. Mikhailova // Herald of science. – 2026. – Vol. 1. – No. 6 (99). – P. 2720–2725.
7. Morozov, M.V. Modern trends in physical education: challenges and opportunities / M.V. Morozov, K.A. Afonkina // International journal of humanitarian and natural sciences. – 2024. – No. 9–4 (96). – P. 165–167.
8. Strepetkova, D.S. Health running, principles of independent training / D.S. Strepetkova, V.A. Brykina // Science-2020. – 2020. – No. 2 (38). – P. 34–40.
9. Trunova, D.S. The impact of using specialized applications on motivation for physical activity: analysis and prospects / D.S. Trunova, M.A. Kalitova // Bulletin of science. – 2026. – No. 5 (98). – P. 2739–2745.
10. Ustinov, I.E. Features of load regulation in health running / I.E. Ustinov // Theory and practice of service: economics, social sphere, technology. – 2013. – No. 4 (18). – P. 25–30.

Внедрение образовательной технологии «Flipped Classroom» при развитии грамматических навыков немецкого языка в техническом вузе

Щербакова Ирина Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент, Донской
государственный технический университет
E-mail: ira.leroy@yandex.ru

Дорохина Ирина Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент, Ростовский
государственный экономический университет (РИНХ)
E-mail: dorokhina.irina2010@yandex.ru

В статье рассматривается проблема повышения эффективности формирования грамматических навыков у обучающихся первого курса технического вуза, изучающих немецкий язык как первый иностранный. Актуальность исследования обусловлена необходимостью внедрения современных образовательных технологий в процесс обучения, ориентированного на практическое применение языка. Целью работы является теоретическое обоснование и экспериментальная проверка эффективности технологии «перевернутого класса» (Flipped Classroom) по сравнению с традиционной методикой. В ходе педагогического эксперимента, проведенного в трех группах обучающихся (по 14 человек), анализировались результаты входного и итогового тестирования. Полученные данные позволили сделать вывод о значительном преимуществе экспериментальных групп, где применялись элементы «перевернутого класса», в уровне сформированности грамматических навыков.

Ключевые слова: грамматика, грамматические навыки, образовательная технология, иностранный язык, немецкий язык, обучение, технический вуз, Flipped Classroom.

В условиях современного информационного общества владение иностранными языками становится неотъемлемой частью профессиональной компетенции инженера. Для обучающихся технических направлений особую значимость приобретает немецкий язык, открывающий доступ к передовым технологиям и научной литературе. Однако на начальном этапе обучения (первый курс бакалавриата) обучающиеся часто сталкиваются с трудностями в усвоении и активном использовании грамматического минимума [1, с. 26; 2]. Традиционная методика, ориентированная преимущественно на аудиторную работу, не всегда обеспечивает достаточный уровень автоматизации грамматических навыков и не в полной мере отвечает запросам современного «цифрового поколения» обучающихся [8, с. 310].

Проблема исследования заключается в противоречии между необходимостью интенсификации процесса формирования грамматической компетенции у обучающихся технических вузов и недостаточной разработанностью методики применения технологии «перевернутый класс» (Flipped Classroom) для решения этой задачи [4, с. 320].

Целью данной работы является теоретическое обоснование, разработка и экспериментальная проверка эффективности методики формирования грамматической компетенции обучающихся первого курса технического вуза с использованием технологии «перевернутый класс» (Flipped Classroom) [5, с. 54]. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: 1) изучить психолого-педагогическую и методическую литературу по проблеме формирования грамматической компетенции и применения технологии смешанного обучения; 2) разработать и апробировать комплекс грамматических упражнений с использованием цифровых образовательных ресурсов (онлайн-платформы Quizlet, интерактивные тренажеры); 3) организовать и провести педагогический эксперимент для проверки эффективности разработанной методики; 4) проанализировать и интерпретировать результаты входного и итогового контроля для оценки динамики уровня сформированности грамматических навыков немецкого языка; 5) сформулировать методические рекомендации для преподавателей по внедрению элементов технологии «перевернутый класс» (Flipped Classroom).

Объектом исследования является процесс обучения немецкому языку обучающихся технического вуза. Предметом исследования выступают педагогические условия формирования грамматической компетенции обучающихся с использованием технологии «перевернутый класс» (Flipped Classroom).

Гипотеза исследования предполагается в формировании грамматической компетенции обучающихся первого курса технического вуза более эффективной, если в традиционный учебный процесс внедрить технологию «перевернутый класс» (Flipped Classroom), включающую обязательное использование онлайн-платформ для самостоятельной работы и интерактивных форм контроля. Актуальность исследования обусловлена требованиями ФГОС ВО к результатам освоения дисциплин и необходимостью подготовки конкурентоспособных специалистов, способных к самообразованию и использованию цифровых инструментов в профессиональной деятельности. Новизна исследования заключается в том, что в нем впервые комплексно рассматривается применение технологии «перевернутый класс» (Flipped Classroom) для решения конкретной методической задачи – формирования грамматической компетенции – на начальном этапе изучения немецкого языка в техническом вузе, а также предлагается авторский комплекс упражнений. Теоретическая значимость работы состоит в дополнении теории и методики обучения иностранным языкам данными об эффективности интеграции цифровых технологий в процесс формирования грамматических навыков. Практическая значимость заключается в том, что материалы статьи (комплекс упражнений) и выводы могут быть использованы преподавателями немецкого языка в технических вузах при разработке учебных курсов и методических пособий.

Исследования, проведенные ранее отечественными учеными по данной теме, формируют прочную теоретическую и методологическую базу для исследования эффективности технологии «перевернутый класс» (Flipped Classroom) в техническом вузе. Источники можно условно разделить на несколько групп: общие работы по методике,

исследования геймификации и цифровых технологий, а также работы, посвященные специфике обучения грамматике и аудированию. В научной работе Репринцевой Л.А., Саварцевой Н.В. описана методика использования компьютерных технологий. Данная работа закладывает теоретическую основу для понимания роли компьютерных технологий в образовании. Хотя исследование сфокусировано на школьном уровне, его выводы об увеличении мотивации и вовлеченности универсальны. Она подтверждает гипотезу о том, что компьютерные технологии способствуют лучшему усвоению материала, что и было доказано в ходе эксперимента [7, с. 56].

Мухторова Д.Х. описывает эффективность применения игровых технологий. Это исследование напрямую релевантно теме, так как рассматривает влияние игровых технологий именно на бакалавров. Автор доказывает прямую корреляцию между использованием игр и развитием коммуникативной компетенции. Работа Мухторовой Д.Х. является ключевым подтверждением актуальности исследования. Она позволяет перенести успешный опыт применения геймификации из школьной методики на уровень высшего образования, что и было реализовано в эксперименте [6, с. 448].

В научной работе Идиговой А.А., Манжиева Х.Л. рассмотрена тема геймификации в образовании. Статья предоставляет методическое обоснование для организации самостоятельной работы обучающихся. Она подтверждает эффективность использования видео для предварительного освоения лексики, что позволило высвободить аудиторное время для активной практики [3, с. 116].

Работа Щербаковой И.В., Ковальчук Н.В., Тимашовой М.В., Резуненко И.В. фокусируется на обучении устной речи через игру, что является конечной целью формирования грамматической компетенции – уметь использовать слова в речи в правильной форме. Эта статья обосновывает структуру аудиторных занятий в экспериментальных группах. Если дома обучающиеся учат грамматику, то на занятии они должны ее активно применять в речи через игровые задания, что и было реализовано в эксперименте [12, с. 142]. Научная статья Щербаковой И.В., Ковальчук Н.В. подтверждает общую тенденцию ухода от традиционных лекций [10, с. 150].

В Донском государственном техническом университете в 2025–2026 году был проведен эксперимент по внедрению образовательной технологии «Flipped Classroom» при развитии грамматических навыков немецкого языка. В исследовании приняли участие 42 студента 1 курса бакалавриата инженерных специальностей (Группа № 1, Группа № 2, Группа № 3), изучающих немецкий язык как первый иностранный. Эксперимент длился один семестр (4 месяца, 64 часа аудиторных занятий). Для чистоты эксперимента были сформированы три группы. В контрольной группе (Группа № 3) было 14 человек. Обучение велось по традиционной методике (аудиторная работа с учебником). В экспериментальной группе № 1 (Группа № 1) также – 14 человек. Обучение велось с использованием цифровых карточек на платформе Quizlet для самостоятельной работы дома [9, с. 92]. Экспериментальная группа № 2 (Группа № 2) состояла из 14 человек. Обучение велось по методике «перевернутого класса» («Flipped Classroom»), где теоретический материал (грамматика по теме) осваивался студентами самостоятельно через видеолекции и онлайн-тренажеры до занятия, а аудиторное время (практические занятия) посвящалось коммуникативной практике.

В начале эксперимента было запланировано проведение входного тестирования для определения исходного уровня грамматической компетенции во всех трех группах. Тестирование включало задания на знание грамматических правил немецкого языка. Тестирование проходило с помощью информационных технологий, была разработана база тестовых заданий, включающая вопросы открытого и закрытого типа. К открытому типу относились вопросы с записью правильного ответа, закрытый тип был представлен тестовыми заданиями с выбором одного правильного ответа. База тестовых заданий представляла вопросы закрытого типа в количестве двухсот, открытым типом были представлены также двести заданий. Итого база включала четыреста тестовых заданий, выпадающий случайным образом. Обучающемуся на прохождение тестирования отводилось определенное время – шестьдесят минут, необходимо было дать ответ на пятьдесят заданий. Каждый правильный ответ определялся двумя баллами. Таким образом обучающийся имел возможность набрать сто баллов. Результаты показали примерно одинаковый начальный уровень знаний во всех группах [11, с. 147]. Приведем сводную таблицу по каждому обучающемуся всех трех групп. Смотрим таблицу 1.

Первое грамматическое тестирование, проведенное в начале эксперимента во всех трех группах, позволяет рассчитать и зафиксировать средние результаты каждой группы, отобразить процентный показатель. Данные представлены в таблице 2.

Таблица 1. Результаты первого грамматического тестирования

№	Обучающийся Группы № 1	Баллы Группы № 1	Обучающийся Группы № 2	Баллы Группы № 2	Обучающийся Группы № 3	Баллы Группы № 3
1	Обучающийся 1	34	Обучающийся 1	38	Обучающийся 1	38
2	Обучающийся 2	30	Обучающийся 2	40	Обучающийся 2	36
3	Обучающийся 3	24	Обучающийся 3	36	Обучающийся 3	28
4	Обучающийся 4	54	Обучающийся 4	26	Обучающийся 4	48
5	Обучающийся 5	46	Обучающийся 5	40	Обучающийся 5	26
6	Обучающийся 6	44	Обучающийся 6	46	Обучающийся 6	50
7	Обучающийся 7	40	Обучающийся 7	44	Обучающийся 7	48
8	Обучающийся 8	50	Обучающийся 8	26	Обучающийся 8	20
9	Обучающийся 9	62	Обучающийся 9	24	Обучающийся 9	48
10	Обучающийся 10	38	Обучающийся 10	30	Обучающийся 10	40
11	Обучающийся 11	30	Обучающийся 11	40	Обучающийся 11	34
12	Обучающийся 12	28	Обучающийся 12	36	Обучающийся 12	38
13	Обучающийся 13	30	Обучающийся 13	38	Обучающийся 13	20
14	Обучающийся 14	30	Обучающийся 14	40	Обучающийся 14	22

Таблица 2. Средние результаты первого грамматического тестирования всех трех групп

№	Группа	Средний балл
1	Группа № 1	38,571429%
2.	Группа № 2	36%
3.	Группа № 3	35,42857%

Полученные средние результаты первого грамматического тестирования, проведенного в начале эксперимента с обучающимися экспериментальных групп, позволяют построить диаграмму (рис. 1), отображающую в столбцах средний результат.

Рис. 1. Средние баллы первого грамматического тестирования всех трех групп

В течение семестра обучение в контрольной группе (Группа № 3) велось по стандартной программе. В экспериментальной группе (Группа № 2) обучающиеся получали домашнее задание на отработку грамматики через платформу Quizlet (создание карточек, выполнение тестов). В первой экспериментальной группе (Группа № 1) обучающиеся перед практическими (аудиторными) занятиями смотрели короткие видеолекции с новой грамматической темой немецкого языка и выполняли онлайн-тесты, а на занятии работали над практическими упражнениями, разбирали на примерах данные грамматические темы. По окон-

чании семестра было проведено второе грамматическое тестирование, аналогичное первому, для оценки динамики. Результаты второго грамматического тестирования занесены в таблицу 3.

Таблица 3. Результаты второго грамматического тестирования всех трех групп

№	Обучающийся Группы № 1	Баллы Группы № 1	Обучающийся Группы № 2	Баллы Группы № 2	Обучающийся Группы № 3	Баллы Группы № 3
1	Обучающийся 1	68	Обучающийся 1	78	Обучающийся 1	64
2	Обучающийся 2	66	Обучающийся 2	76	Обучающийся 2	62
3	Обучающийся 3	58	Обучающийся 3	78	Обучающийся 3	58
4	Обучающийся 4	88	Обучающийся 4	62	Обучающийся 4	60
5	Обучающийся 5	90	Обучающийся 5	72	Обучающийся 5	58
6	Обучающийся 6	78	Обучающийся 6	66	Обучающийся 6	70
7	Обучающийся 7	80	Обучающийся 7	62	Обучающийся 7	76
8	Обучающийся 8	76	Обучающийся 8	60	Обучающийся 8	70
9	Обучающийся 9	74	Обучающийся 9	70	Обучающийся 9	70
10	Обучающийся 10	74	Обучающийся 10	54	Обучающийся 10	80
11	Обучающийся 11	68	Обучающийся 11	84	Обучающийся 11	70
12	Обучающийся 12	70	Обучающийся 12	56	Обучающийся 12	68
13	Обучающийся 13	74	Обучающийся 13	56	Обучающийся 13	54
14	Обучающийся 14	66	Обучающийся 14	74	Обучающийся 14	56

Рассчитанные средние результаты второго грамматического тестирования отображены в таблице 4.

Таблица 4. Средние результаты второго грамматического тестирования всех трех групп

№	Группа	Средний балл
1	Группа № 1	73,571429%
2.	Группа № 2	67,71429%
3.	Группа № 3	65,42857%

Рисунок 2 демонстрирует средние результаты трех экспериментальных групп в процентном отношении.

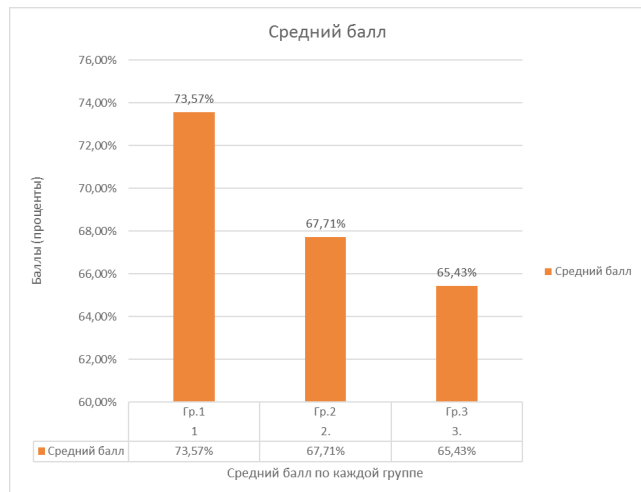

Рис. 2. Средние результаты второго грамматического тестирования всех трех групп

Для достоверности полученных результатов средние баллы первого и второго грамматического тестирования занесены в таблицу 5.

Таблица 5. Сравнение результатов первого и второго грамматического тестирования всех трех групп

№	Группа	Средний балл первого грамматического тестирования	Средний балл второго грамматического тестирования
1	Группа № 1	38,571429%	73,571429%
2.	Группа № 2	36%	67,71429%
3.	Группа № 3	35,42857%	65,42857%

Данные средних результатов первого и второго грамматического тестирования отображены в рис. 3.

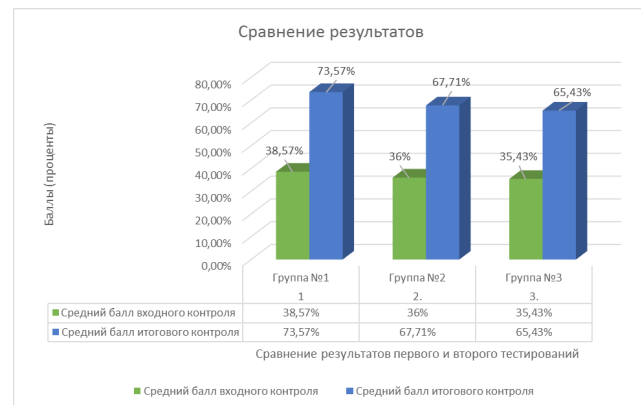

Рис. 3. Сравнение результатов

Отображенные в таблице средние баллы дают возможность рассчитать разницу: Группа № 1–35,00, Группа № 2–31,71, Группа № 3–30,00. Таким образом, проведенное исследование дает право говорить о повышении уровнем владения грамматическими навыками немецкого языка. В первой группе повышение произошло на 35%, вторая группа показала результат на 31,71%, третья группа повысила уровень грамматической компетенции на 30%.

Литература

- Бобкова А.А., Петрова Е.А. Использование искусственного интеллекта для развития грамматического навыка // Актуальные проблемы современного иноязычного образования. 2025. № 22. С. 25–32.
- Дорошенко Н.С. Развитие грамматических навыков у студентов на занятиях по немецкому языку в процессе использования дидактизированных мультипликационных фильмов // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 5 (155).
- Идигова А.А., Манжиева Х.Л. Геймификация в образовании: возможности и риски применения игровых технологий для повышения мотивации и вовлеченности студентов // Учет и контроль. 2025. № 7. С. 115–123.
- Лопаткина И.А., Гриднева Е.А. технология «перевернутого класса» (Flipped Classroom) в развитии навыков говорения на английском языке у студентов неязыкового вуза // Педагогическое образование. 2025. Т. 6. № 10. С. 319–324.
- Манукян А.В. Применение технологии перевёрнутого класса (Flipped Classroom) в начальной школе // Молодой ученый. 2025. № 40 (591). С. 53–55.
- Мухторова, Д.Х. Эффективность применения игровых технологий в процессе развития иноязычной коммуникативной компетенции студентов-бакалавров / Д.Х. Мухторова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 21 (572). – С. 447–449. – URL: <https://moluch.ru/archive/572/125760>.
- Репринцева Л.А., Саварцева Н.В. К вопросу использования современных компьютерных технологий при формировании грамматических навыков у учащихся средней общеобразовательной школы // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. 2025. № 3. С. 55–60.
- Слепнева М.А. Формирование грамматических навыков владения иностранным языком с использованием мобильных коммуникативных ресурсов // Вестник педагогических наук. 2026. № 1. С. 309–315.
- Танашева А.М., Налобина Е.П. Использование платформы Learningapps как средства интенсификации при формировании и развитии грамматических навыков в обучении немецкому языку // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2025. Т. 19. № 2. С. 90–96.

10. Щербакова И.В., Ковальчук Н.В. Современные аспекты обучения грамматике немецкого языка // Современное профессиональное образование. 2026. № 2. С. 149–151.

11. Щербакова И.В., Ковальчук Н.В., Тимашова М.В. Результаты внедрения цифровых инструментов в обучение немецкому языку при освоении грамматических норм и правил // Современное педагогическое образование. 2025. № 10. С. 146–151.

12. Щербакова И.В., Ковальчук Н.В., Тимашова М.В., Резуненко И.В. Методическая организация игры как средство обучения устно-речевым умениям обучающихся лингвистических вузов (на материале немецкого языка) // Современное педагогическое образование. 2025. № 11. С. 141–143.

THE INTRODUCTION OF EDUCATIONAL TECHNOLOGY «FLIPPED CLASSROOM» IN THE DEVELOPMENT OF GRAMMATICAL SKILLS OF THE GERMAN LANGUAGE IN A TECHNICAL UNIVERSITY

Shcherbakova I.V., Dorokhina I.V.

Don State Technical University, Rostov State University of Economics

The article discusses the problem of improving the effectiveness of grammar skills formation among first-year technical university students who study German as their first foreign language. The relevance of the research is due to the need to introduce modern educational technologies into the learning process, focused on the practical application of the language. The aim of the work is to theoretically substantiate and experimentally verify the effectiveness of the «Flipped Classroom» technology in comparison with the traditional methodology. In the course of a pedagogical experiment conducted in three groups of students (14 people each), the results of entrance and final testing were analyzed. The data obtained allowed us to conclude that the experimental groups, where elements of the « Flipped Classroom» were used, had a significant advantage in the level of grammatical skills formation.

Keywords: grammar, grammatical skills, educational technology, foreign language, German language, education, technical university, Flipped Classroom.

References

1. Bobkova A.A., Petrova E.A. The use of artificial intelligence for the development of grammatical skills. Actual problems of modern foreign language education. 2025. № 22. pp. 25–32.
2. Doroshenko N.S. The development of grammatical skills among students in German classes in the process of using didactic animated films. International Scientific Research Journal. 2025. № 5 (155).
3. Idigova A.A., Manjieva H.L. Gamification in education: opportunities and risks of using gaming technologies to increase motivation and involvement of students. Accounting and Control. 2025. No. 7. pp. 115–123.
4. Lopatkina I.A., Gridneva E.A. technology of the «Flipped Classroom» in the development of English speaking skills among students of a non-linguistic university. Pedagogical education. 2025. Vol. 6. No. 10. pp. 319–324.
5. Manukyan A.V. Application of Flipped Classroom technology in elementary school. Young Scientist. 2025. No. 40 (591). pp. 53–55.
6. Mukhtorova, D.H. The effectiveness of the use of gaming technologies in the development of foreign language communicative competence of undergraduate students / D.H. Mukhtorova. – Text: direct // Young scientist. – 2025. – № 21 (572). – Pp. 447–449. – URL: <https://moluch.ru/archive/572/125760>.
7. Reprintseva L.A., Savartseva N.V. On the use of modern computer technologies in the formation of grammar skills in secondary school students. Bulletin of the Scientific Society of Students, postgraduates and young scientists. 2025. № 3. pp. 55–60.
8. Slepneva M.A. The formation of grammatical skills of foreign language proficiency using mobile communicative resources. Bulletin of Pedagogical Sciences. 2026. № 1. pp. 309–315.
9. Tanasheva A.M., Nalobina E.P. Using the Learningapps platform as a means of intensification in the formation and development of grammatical skills in teaching German. Actual problems of philology and methods of teaching foreign languages. 2025. Vol. 19. No. 2. pp. 90–96.
10. Shcherbakova I.V., Kovalchuk N.V. Modern aspects of teaching German grammar. Modern professional education. 2026. No. 2. pp. 149–151.
11. Shcherbakova I.V., Kovalchuk N.V., Timashova M.V. The results of the introduction of digital tools in teaching German when mastering grammatical norms and rules. Modern pedagogical education. 2025. No. 10. pp. 146–151.
12. Shcherbakova I.V., Kovalchuk N.V., Timashova M.V., Rezunencko I.V. Methodical organization of the game as a means of teaching oral speech skills to students of linguistic universities (based on the German language) // Modern pedagogical education. 2025. No. 11. pp. 141–143.

Социальные риски и общественное восприятие размещения объектов возобновляемой энергетики (ВИЭ) в степных и аридных ландшафтах

Акрамов Сардор Тимурович,

магистрант, Высшая школа энергетики, нефти и газа, Северный (Арктический) федеральный университет

Нечунаев Леонид Алексеевич,

магистрант, Высшая школа энергетики, нефти и газа, Северный (Арктический) федеральный университет

В статье анализируются социальные риски, сопутствующие масштабному внедрению объектов возобновляемой энергетики (ВИЭ) в степных и аридных зонах. На основе социологического подхода рассматриваются проблемы общественного восприятия ветропарков и солнечных станций, конфликты интересов местных сообществ, распределительная несправедливость при размещении энергетической инфраструктуры, а также роль доверия к институтам в обеспечении социальной приемлемости «зелёных» проектов. Предложена модель социологической оценки рисков, интегрирующая экологические и социальные аспекты энергоперехода.

Ключевые слова: возобновляемая энергетика, социальные риски, общественное восприятие, степные и аридные зоны, энергетический переход, распределительная справедливость, социальная приемлемость.

Массированное внедрение объектов возобновляемой энергетики (ВИЭ) в степных и аридных зонах часто позиционируется как экологически безупречное решение энергетического перехода. Однако социологический анализ накопленного опыта эксплуатации ветропарков и солнечных электростанций свидетельствует о наличии значительных социальных рисков, игнорирование которых приводит к деградации не только уникальных биогеоценозов, но и социальной ткани местных сообществ [7, 8].

В числе наиболее выраженных социальных последствий – конфликты интересов между девелоперами и местными жителями, несправедливое распределение экологических издержек и экономических выгод, снижение качества жизни в зоне размещения объектов, а также фрагментация традиционного природопользования (пастбищного скотоводства, земледелия) и кумулятивное воздействие на ландшафтную структуру регионов, воспринимаемое сообществами как угроза их идентичности и благосостоянию [1, 9].

Нарушение почвенного покрова в аридных условиях имеет критическое значение для местных аграрных сообществ, поскольку скорость естественного восстановления растительности и почвенного профиля исчисляется десятилетиями. При строительстве ветропарков происходит механическая деформация верхнего горизонта, переуплотнение грунтов тяжёлой техникой и активизация ветровой эрозии, что приводит к снижению продуктивности пастбищных угодий и трансформации структуры растительных сообществ, подрывая экономические основы традиционного скотоводства [5].

Для солнечных станций дополнительным фактором социальной напряжённости выступает изменение альбедо: тёмные панели поглощают до 80% солнечной радиации, вызывая локальный перегрев приземного слоя воздуха и изменение микроклиматических условий, что негативно сказывается на семенном возобновлении степных трав и, как следствие, на кормовой базе животноводства, воспринимаемая местными жителями как прямая угроза их хозяйственному укладу.

Рис. 1. Социальная напряжённость при размещении ВИЭ: общественные слушания и конфликт интересов местных сообществ

Значительную угрозу не только биоразнообразию, но и сложившимся социально-экономическим практикам представляет воздействие на орнитофауну. Ветропарки становятся причиной прямой гибели птиц (особенно хищных и мигрирующих видов) при столкновении с лопастями, а также формируют «эффект избегания» – сокращение гнездовых ареалов в радиусе до 5–10 км от установок. Для местных сообществ, особенно в регионах с развитым охотничьим промыслом или экотуризмом, это оборачивается потерей традиционных ресурсов и снижением рекреационной привлекательности территорий. Солнечные электростанции, особенно с зеркальными концентраторами, вызывают термическое поражение птиц и насекомых в зоне отражённых лучей, что приводит к изменению трофических цепей и снижению численности опылителей, ставя под угрозу устойчивость местных агроэкосистем.

Принципиально возможны два подхода к оценке и минимизации социальных рисков. Первый подход – проведение полномасштабной предпроектной социологической экспертизы с использованием мето-

дов опросов, глубинных интервью, фокус-групп и анализа общественного дискурса в СМИ и социальных сетях. Второй подход – внедрение адаптивного социального управления на этапе эксплуатации, предполагающее корректировку режимов работы (остановка ветроустановок в периоды массовых миграций, изменение угла наклона панелей для снижения бликования) и регулярный диалог с местными сообществами через общественные советы и публичные слушания. В учебных и исследовательских целях применяется геоинформационное моделирование в сочетании с социологическими данными, позволяющее в изолированной вычислительной среде задавать сценарии размещения объектов и прогнозировать кумулятивные изменения не только ландшафтных, но и социальных индексов (индекс социального самочувствия, уровень доверия к инвесторам, готовность к протестным действиям) [6].

Проведённый анализ существующих практик эксплуатации ВИЭ в степных регионах России (Калмыкия, Ростовская область, Ставрополье) и зарубежья (Испания, США, Китай) показал, что экологические паспорта объектов зачастую не включают разделы по социальному мониторингу и оценке общественного мнения. Наиболее проработанными аналогами являются проекты, реализуемые в рамках международных инициатив по «зелёному» сертифицированию (BREEAM, LEED), где предусмотрены компенсационные мероприятия для местных сообществ – создание искусственных гнездовий, реставрация залежных земель, выделение экологических коридоров, а также механизмы распределения выгод (спонсорство местных социальных проектов, льготные тарифы на электроэнергию для жителей, создание рабочих мест).

Разрабатываемая методика комплексной социологической экспертизы жизненного цикла объектов ВИЭ имеет ряд конкурентных преимуществ. В отличие от фрагментарных оценок, она учитывает не только прямые эффекты (гибель птиц, нарушение почв), но и косвенные социальные последствия – изменение гидрологического режима, перераспределение снежного покрова вокруг ветропарков и аккумуляция тяжёлых металлов в почве от износа лопастей, а также их влияние на здоровье и благосостояние местного населения. Гибкость методики позволяет адаптировать её под различные природно-климатические зоны и масштабы объектов – от локальных солнечных ферм до крупных ветропарков мощностью свыше 100 МВт [2]. Ключевым элементом методики является интеграция экологических и социальных индикаторов в единую систему оценки, что позволяет выявить латентные конфликты и предложить превентивные меры социальной стабилизации.

Реализация проекта внедрения социологической экспертизы сопряжена с рисками, классифицированными на четыре основные группы: технические, операционные, финансовые и временные. Такой подход позволяет обеспечить полноту охвата угроз и адресность мер реагирования.

Технические риски связаны с несовершенством методов сбора социальной информации. Существует вероятность того, что стандартизированные опросы не позволяют корректно идентифицировать глубинные установки и латентные конфликты, а анализ социальных сетей даёт высокий процент шума и нерепрезентативных данных. Это может привести к систематическим ошибкам в оценке фактического уровня социальной напряжённости.

Операционные риски обусловлены человеческим фактором и межведомственной разобщённостью. Традиционно сложившаяся практика энергетического планирования ориентирована на технико-экономические показатели (КИУМ, срок окупаемости), а социальные требования воспринимаются как второстепенные. Скрытое или явное сопротивление со стороны проектных организаций может привести к формальному заполнению социологических разделов без проведения реальных полевых исследований. Проект подразумевает использование открытого геоинформационного ПО (QGIS, GRASS GIS) и статистических пакетов (SPSS, R), требующих высокой квалификации социологов-аналитиков. Отсутствие в штате специалистов с соответствующими компетенциями приведёт к невозможности оперативно обрабатывать данные и корректировать рекомендации.

Финансовые риски связаны с отклонениями в бюджете и экономическими расчётами. Исходные сметы на проведение социологических опросов и мониторинга общественного мнения являются ориентировочными. В процессе реализации может выявиться необходимость в дорогостоящем оборудовании (аудио- и видеозапись для глубинных интервью, платформы для онлайн-опросов) или в услугах профильных подрядчиков. Расчёт предотвращённого социального ущерба, основанный на консервативной оценке стоимости социальных конфликтов (судебные издержки, потеря репутации, срывы сроков), может не оправдаться, если не будет налажена система долгосрочного учёта инцидентов с протестными акциями или если компенсационные мероприятия окажутся неэффективными.

Временные риски ведут к срыву сроков реализации проекта. Особо актуален риск затягивания согласовательных процедур с органа-

ми местного самоуправления и природоохранными ведомствами (Росприроднадзор, Минприроды) при выдаче разрешений на размещение объектов вблизи особо охраняемых природных территорий и ключевых орнитологических зон. Бюрократические сложности могут отсрочить начало полевых работ на целый сезон, что критично, поскольку социальная активность населения и сезонные миграции птиц приурочены к строго определённым фенологическим фазам. Существует также риск задержки разработки интегральной модели воздействия из-за трудностей получения репрезентативных референтных данных о фоновом социальном состоянии территорий от региональных управлений статистики и социологических центров [7, 8].

Таким образом, выбор между детальной предпроектной социологической экспертизой и упрощённой оценкой по минимальным критериям определяется компромиссом между требуемой достоверностью прогнозов и бюджетными ограничениями. Проведение всестороннего анализа социальных рисков позволяет не только идентифицировать потенциальные угрозы для местных сообществ, но и разработать превентивные меры – резервирование альтернативных площадок, сезонные ограничения строительства, создание компенсационных биотопов и механизмов распределения выгод. Это обеспечивает социальную обоснованность и предсказуемость внедрения возобновляемой энергетики в степных и аридных ландшафтах, снижая конфликтный потенциал и повышая доверие к институтам, реализующим энергетический переход.

Литература

1. Даванков А.Ю., Двинин Д.Ю., Мальцев Ю.Г. Моделирование уровня сбалансированности социо-эколого-экономической системы региона при переходе к альтернативной энергетике // Экономика и бизнес. – 2021. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovaniye-urovnya-sbalansirovannosti-sotsio-ekologo-ekonomicheskoy-sistemy-regiona-pri-perehode-k-alternativnoy-energetike> (дата обращения: 12.07.2026).
2. Амерханов Р.А. Взаимообусловленность энергетики и экологического фактора // АЭЭ. – 2011. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimoobuslovlennost-energetiki-i-ekologicheskogo-faktora>. [reference:1]
3. Акмырадов Г. Сравнительный анализ эффективности и экологического воздействия технологий генерации электроэнергии на основе солнечных и ветровых ресурсов // Парадигма. – 2025. – № 9–3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-effektivnosti-i-ekologicheskogo-vozdeystviya-tehnologiy-generatsii-elektroenergii-na-osnove-solnechnyh-i>. [reference:2]
4. Бессолицына Е.П. Экологический контроль за изменением биотических компонентов степных геосистем в условиях техногенной геологической аномалии // Аридные экосистемы. – 2009. – № 38. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskii-kontrol-za-izmeneniyem-bioticheskikh-komponentov-stepnyh-geosistem-v-usloviyah-tehnogennoy-geohimicheskoy-anomalii>. [reference:3]
5. Кириченко А.С., Кириченко Е.В. Многокритериальная оценка площадки размещения объектов возобновляемой энергетики на территории Краснодарского края. – М.: Перо, 2021. – 100 с.
6. Керимова Б., Мырадова Дж., Дурдымырадов Х., Язымырадов С. Социальное восприятие возобновляемых источников энергии в разных странах // Энергетика и рациональное природопользование. – 2024. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/c/environmental-engineering/1999>. [reference:5]
7. Reznikova K.V., Zamaraeva Yu.S. Historiographical overview of the researches on the problem of the population's attitude to new sources of energy // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2017. – Vol. 10, No 9. – P. 1416–1428. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/historiographical-overview-of-the-researches-on-the-problem-of-the-populations-attitude-to-new-sources-of-energy>. [reference:6]
8. Беренчева М., Рахимова Б., Готурова Э., Рахимова М. Социальные и экологические последствия перехода к низкоуглеродной энергетике // Энергетика и рациональное природопользование. – 2024. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-i-ekologicheskie-posledstviya-perehoda-k-nizkouglerodnoy-energetike>. [reference:7]

SOCIAL RISKS AND PUBLIC PERCEPTIONS OF RENEWABLE ENERGY FACILITIES (RES) IN STEPPE AND ARID LANDSCAPES

Akramov S.T., Nechunaev L.A.

Northern (Arctic) Federal University

The article analyzes the social risks associated with the large-scale deployment of renewable energy facilities in steppe and arid zones. From a sociological perspective, it exam-

ines issues of public perception of wind farms and solar power plants, conflicts of interest among local communities, distributive injustice in the siting of energy infrastructure, and the role of institutional trust in ensuring the social acceptability of 'green' projects. A model for sociological risk assessment integrating environmental and social dimensions of the energy transition is proposed.

Keywords: renewable energy, social risks, public perception, steppe and arid zones, energy transition, distributive justice, social acceptability.

References

1. Davankov A. Yu., Dvinin D. Yu., Maltsev Yu.G. Modeling the Level of Balance of the Socio-Ecological-Economic System of a Region during the Transition to Alternative Energy // *Economy and Business*. – 2021. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-urovnya-sbalansirovannosti-sotsio-ekologo-ekonomicheskoy-sistemy-regiona-pri-perehode-k-alternativnoy-energetike> (date of access: 12.07.2026).
2. Amerhanov R.A. Interdependence of Energy and the Environmental Factor // *AEE*. – 2011. – No. 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimoobuslovlennost-energetiki-i-ekologicheskogo-faktora>. [reference:1]
3. Akmyradov G. Comparative analysis of the efficiency and environmental impact of electricity generation technologies based on solar and wind resources // *Paradigm*. – 2025. – № 9–3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-effektivnosti-ekologicheskogo-vozdeystviya-tehnologiy-generatsii-elektroenergii-na-osnove-solnechnykh-i>. [reference:2]
4. Bessolitsyna E.P. Environmental monitoring of changes in biotic components of steppe geosystems under conditions of technogenic geochemical anomaly // *Arid ecosystems*. – 2009. – № 38. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskii-kontrol-za-izmeneniyami-bioticheskikh-komponentov-stepnykh-geosistem-v-usloviyah-tehnogennoy-geohimicheskoy-anomalii>. [reference:3]
5. Kirichenko A.S., Kirichenko E.V. Multicriteria assessment of the site for the placement of renewable energy facilities in the Krasnodar Territory. – Moscow: Pero, 2021. – 100 p.
6. Kerimova B., Myradova D., Durdymyradov H., Yazmyradov S. Social perception of renewable energy sources in different countries // *Energy and rational nature management*. – 2024. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/c/environmental-engineering/1999>. [reference:5]
7. Reznikova K.V., Zamaraeva Yu.S. Historiographical overview of the researches on the problem of the population's attitude to new sources of energy // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. – 2017. – Vol. 10, No. 9. – P. 1416–1428. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/historiographical-overview-of-the-researches-on-the-problem-of-the-populations-attitude-to-new-sources-of-energy>. [reference:6]
8. Begencheva M., Rakhimova B., Goturova E., Rakhimova M. Social and environmental consequences of the transition to low-carbon energy // *Energy and rational nature management*. – 2024. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-i-ekologicheskie-posledstviya-perehoda-k-nizkouglerodnoy-energetike>. [reference:7]

Совершенствование системы пенсионной поддержки старшего поколения как основа устойчивой социальной политики Российской Федерации

Алексеева Алёна Михайловна,

студент, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: 230839@edu.fa.ru

Актуальность работы обеспечена тем, что старение населения в ведущих странах мира ускоряет темп развития. Российская Федерация – социальное государство, следовательно определение методов поддержки старшего поколения и разработка наиболее устойчивого развития социальной системы являются первостепенными целями финансовой политики государства. В условиях старения населения действующая пенсионная система постепенно станет неэффективной, так начисленных страховых взносов в скором времени станет не хватать на обеспечения каждого пенсионера. У государства 4 варианта политики: расширение базы бюджетных поступлений за счет числа плательщиков; повышение ставки страховых взносов, диверсификация источников поступлений, пересмотр функционирования пенсионной системы. Из них долгосрочны лишь последние два. Автором предложена модель реформирования пенсионной системы, предполагающая поэтапный переход от распределительного принципа к накопительному с разделением страховых взносов на личные накопительные счета и обязательную часть. Обосновывается, что внедрение предложенной модели позволит снизить нагрузку на бюджет, обеспечить долгосрочную стабильность пенсионной системы за счет инвестирования временно свободных средств и повысить уровень материального благополучия будущих пенсионеров. Основными направлениями развития предложенной модели пенсионной поддержки старшего поколения являются использование программы долгосрочных сбережений, а также возможность наследования бессрочных пенсионных накоплений.

Ключевые слова: Пенсионная система, старшее поколение, Социальный фонд России, бедность, прожиточный минимум, трансферты

Введение

Совершенствование пенсионной поддержки старшего поколения – ключевой элемент устойчивости социальной системы. Уровень бедности среди пенсионеров слишком высок, что создает угрозу экономическому развитию Российской Федерации. Создается необходимость смены модели пенсионной поддержки старшего поколения.

Цель: выявить устойчивые и эффективные способы социально-экономической поддержки старшего поколения.

Задачи:

- Классифицировать причины необходимости пенсионной поддержки старшего поколения
- Проанализировать факторы, повлиявшие на современную пенсионную систему поддержки старшего поколения
- Выявить основные институты, осуществляющие пенсионную поддержку старшего поколения
- Проанализировать проблему бедности старшего поколения
- Оценить эффективность текущей пенсионной системы поддержки старшего поколения
- Разработать предложения по улучшению современной пенсионной системы поддержки старшего поколения
- Определить перспективные направления пенсионной поддержки старшего поколения

Методы: анализ, синтез, исторический метод, метод функциональных величин и зависимостей, позитивный и нормативный анализ, дедукция, экономико-математическое моделирование.

Становление современной пенсионной системы стало результатом влияния нескольких важных факторов на протяжении истории:

- 1) Вид экономической системы
- 2) Форма государства
- 3) Увеличение доли пожилых людей
- 4) Политические кризисы
- 5) Развитие международных отношений и обмен международным опытом между государственными управляющими
- 6) Развитие технологического прогресса
- 7) Глобализация

По данным всероссийского центра изучения общественного мнения у старшего поколения есть три основные проблемы: ухудшение состояния здоровья, трудности в использовании цифровых технологий и бедность [1]. Причем бедность большинство респондентов называло первым и ключевым фактором

Снижение уровня бедности – одна из основных экономических целей государства, так как бедность угрожает стратегическому развитию России [2]. Старшее поколение занимает почти треть населения России. Бедность пожилых людей приведет к уменьшению сбережений, а следовательно, и снижению инвестиций, что приведет к застою в экономике. Последствием бедности является низкая покупательная способность населения, из-за которой низкий спрос на товары и услуги, из-за чего сокращается внутренний рынок, что опять же приводит к низкой покупательной способности.

Уровень материального обеспечения граждан пенсионного возраста в первую очередь зависит от размера получаемых пенсионных выплат. Данные выплаты подлежат регулярной индексации со стороны государства [3]. Рисунок 1 наглядно демонстрирует динамику изменения средней пенсии по старости за рассматриваемый временной промежуток [4]. С 2016 по 2022 темп прироста средней начисленной пенсии сокращался и составлял не более 7%, в 2023 году средняя пенсия увеличилась на 2438,1 рублей, в 2024 – на 1459,6 рублей, в 2025 – на 2393,4 рублей. Однако это повышение связано с уровнем инфляции, который в среднем по 2022 году составил 11.92, в 2023 году – 7.42, в 2024–9.51. В 2025 средний уровень инфляции составил 5,9%, следовательно сильных повышений пенсии не следует ожидать.

При оценке уровня бедности также следует учитывать уровень прожиточного минимума пенсионеров [5]. Прожиточный минимум представляет собой минимально необходимый уровень дохода для обеспечения базовых жизненных потребностей, включая питание, предметы первой необходимости, медицинские услуги, лекарственные препараты и жилищно-коммунальные расходы. Рисунок 2 иллюстрирует

динамику роста данного показателя за анализируемый период. Следует отметить, что в 2016 году произошло снижение прожиточного минимума на 263 рубля по сравнению с 2015 годом, что объясняется удешевлением сезонных овощей и фруктов. В 2022 был сильный прирост прожиточного минимума на 1088 рублей, это ввиду высокой инфляции, уровень которой составлял в 2021 году 8,39. В 2023 году повышение было, но не такое резкое, так как повышение в 2022 году было сделано с расчетом на будущий уровень инфляции. В 2024 году повышение составило 920 рублей, а в 2025–1960. Это также связано с тем, что в 2023 году уровень инфляции снизился до 7,42, но в 2024 составил 9,51. В 2025 году не было повышения пенсионного возраста, и уже графики демонстрируют рост коэффициента пенсионной нагрузки за счет увеличения числа пенсионеров. Если же рассматривать долгосрочный период, то неутешительная тенденция подтвердится – обратимся к рис. 3. Для молодых взрослых людей страховые взносы низкие, затем в трудоспособном возрасте, они возрастают, а к приближению старости начинают уменьшаться, что отражает ситуацию на рынке труда.

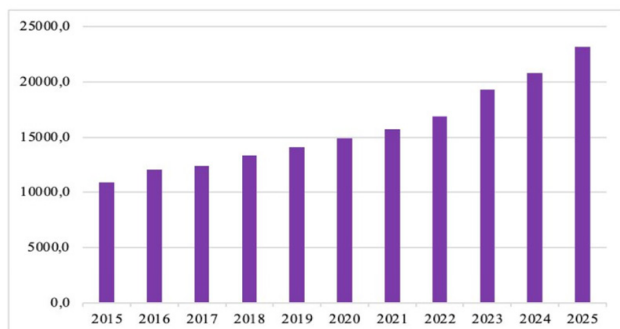

Рис. 1. Тенденция изменения среднего размера пенсий по старости со временем
Источник: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики

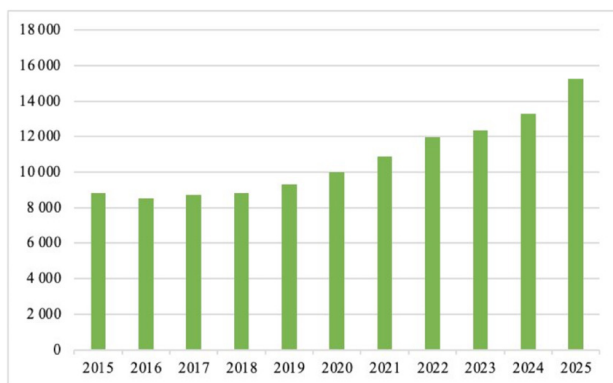

Рис. 2. Тенденция изменения величины прожиточного минимума с течением времени

Источник: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики.

Рис. 3. Влияние старения населения на страховые взносы на душу населения

Источник: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики и исследования всемирной организации здравоохранения.

Необходимо особо отметить, что темп прироста страховых взносов на душу населения с течением времени начинает сильнее колебаться,

при этом значения сильно выше темпа прироста численности занятых, что означает, что сумма страховых взносов на душу населения увеличивается не за счет численности занятых, а за счет инфляции и изменения базы налогообложения (есть пару исключений – это снижение численности населения в 2022 из-за СВО, а также ввиду второй волны мирового финансового кризиса в 2011). Следовательно, в стране демографические проблемы. Из-за несоответствия численности пенсионеров и численности работников и происходит дефицит внебюджетного фонда [6]. Доходов внебюджетного фонда не хватает, чтобы покрывать все расходы. Государству приходится компенсировать эту разницу трансфертами из бюджета. При этом трансферты неуклонно растут. Обратимся к рис. 4. С точки зрения государства есть 4 варианта политики, позволяющих сгладить ситуацию в пенсионной системе:

1. Расширение базы бюджетных поступлений за счет числа плательщиков
2. Повышение ставки страховых взносов
3. Диверсификация источников поступлений
4. Пересмотр функционирования пенсионной системы

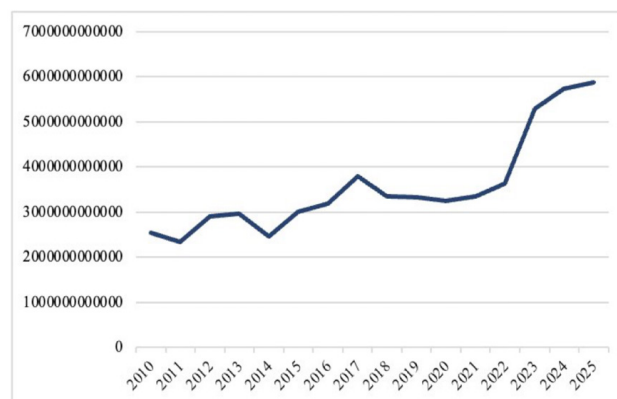

Рис. 4. Изменение численности трансфертов, предоставляемых Социальному фонду России

Источник: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики.

Расширение базы бюджетных поступлений за счет числа плательщиков может быть сделано за счет повышения пенсионного возраста. В данный момент реализуется реформа пенсионной системы 2019–2028, в ходе которой планируется повышение возраста социальных выплат для мужчин до 70 и для женщин до 65. Изменение порядка уплаты страховых взносов происходит каждый год, фиксированная сумма каждый раз повышается, ставка остается 30%. Но эти меры сглаживают ситуацию лишь краткосрочно, постоянно повышать пенсионный возраст и ставку невозможно. А вот диверсификация источников поступлений поможет системе долгосрочно [7]. Старение населения увеличивает другие налоговые поступления в бюджет. Это связано с тем, что к старости человек обретает имущество, его капитал растет, он может позволить себе большее количество товаров и услуг (см. рис. 5).

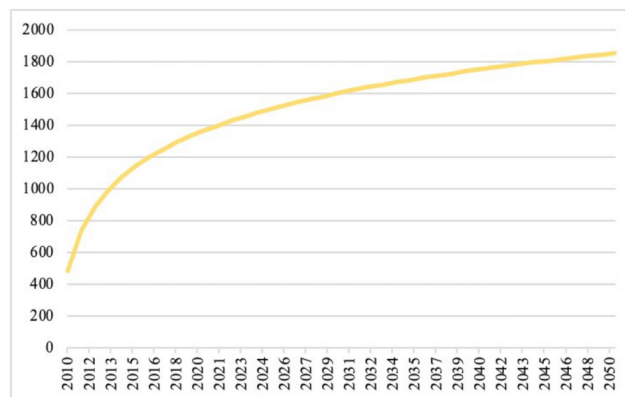

Рис. 5. Влияние старения населения на налог на имущество физических лиц на душу населения

Источник: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики и исследования всемирной организации здравоохранения.

Налоги на имущество физических лиц в данный момент поступают в местный бюджет в качестве дохода. Если убрать этот канал и переместить его в бюджет Социального фонда России, местные бюджеты ли-

шаться важного дохода. Следовательно, для дальнейшего качественного функционирования пенсионной системы требуется новая модель пенсионного обеспечения.

Сейчас пенсионная поддержка старшего поколения устроена таким образом (см рис. 6).

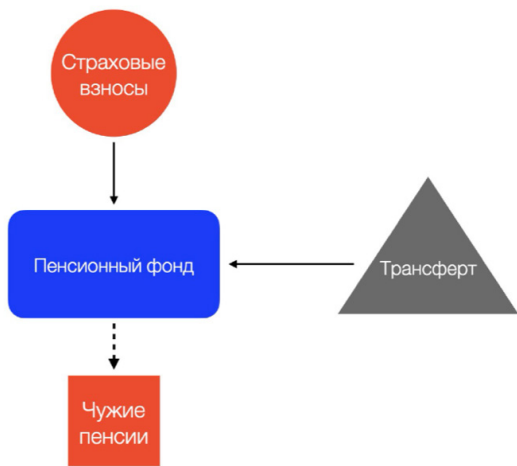

Рис. 6. Принцип функционирования пенсионного фонда

Источник: составлено автором.

Чтобы обеспечить себе безбедную старость пенсионеры могут дополнительно вложить средства, но не из страховых взносов, а из личного бюджета. Однако это увеличивает нагрузку на работающего человека: как физическую, так и моральную, – так как помимо обеспечения семьи и нормальных условий жизни сейчас, ему необходимо думать также и о собственной старости. Следует переходить к системе, при которой каждый работник будет обеспечиваться в старости за счет тех страховых взносов, которые платил за него работодатель [8].

Но чтобы перейти к новой системе не так болезненно, придется сделать несколько поэтапных шагов. Обратимся к рис. 7.

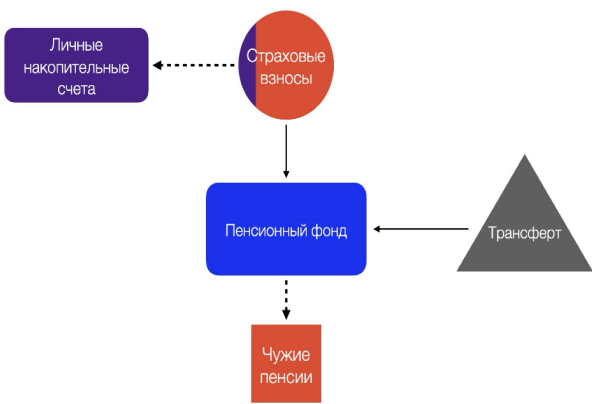

Рис. 7. Первый этап преобразования пенсионной системы

Источник: составлено автором.

Страховые взносы, уплачиваемые за отдельного работника, будут разделяться на две части в определенном процентном соотношении (об этом далее). Часть будет распределяться на личный накопительный счет работника. Этими средствами работники при выходе на пенсию смогут распоряжаться свободно. Можно будет инвестировать их в различные виды ценных бумаг или же просто положить на депозит со ставкой выше инфляции. Предложив различные портфели для пенсионеров, государство сможет диверсифицировать направления инвестирования страховых взносов и использовать эти временно свободные средства для аккумулирования их в стратегически важные проекты (строение магистралей, развитие промышленных отраслей и так далее). Другая часть страховых взносов будет направлена, как и при текущей системе в бюджет Социального фонда России, чтобы пенсионеры, у которых не было накопленной части, могли получить достойный уровень жизни.

Процентное соотношение разделения страховых взносов должно быть оптимально и точно. Начать можно с минимальной ставки для личных накоплений и максимальной для канала доходов Социально-го фонда России, а затем менять это соотношение в пользу граждан.

Но такая система не решит основную выявленную проблему – проблему обеспечения пенсионеров «должным количеством работников». Допустим, доля страховых взносов, уходящих на личные счета, достигнет 40%. Тогда, доля, уходящая на финансирование текущих пенсионеров, будет составлять 60%. Когда работающее поколение, откладывающее 40% выйдет на пенсию, оно будет жить достойно, так как у него уже будет плюс-минус накопленные 40%. Тогда текущим работникам не потребуется отчислять те же 60% на пенсии других людей. Перейдем ко второму этапу модернизации.

Обратимся к рис. 8.

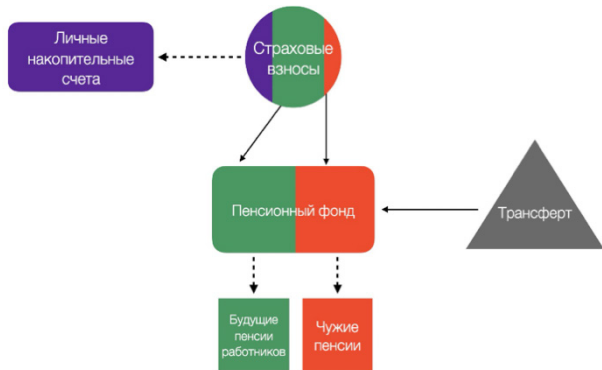

Рис. 8. Второй этап преобразования пенсионной системы

Источник: составлено автором.

Та часть, которая раньше отчислялась текущим пенсионерам, будет снова делиться на две части. Сначала пусть часть будущих пенсий работников будет минимальна, а часть чужих пенсий максимальна. Но когда поколение, откладывающее уже часть себе на обязательную пенсию и часть на накопительную, выйдет на пенсию, процентное соотношение можно будет поменять. И так до тех пор, пока обеспечение чужих пенсий не изживет себя вообще. Тогда мы перейдем к третьему этапу.

Обратимся к рис. 9. Из страховых взносов работников часть будет идти на личные накопительные счета (причем следует сделать эту часть как можно больше), а часть на обязательную будущую пенсию этих же работников. В момент перехода к новой системе трансферт будет сглаживать нехватку средств, который раньше полностью шли на обеспечение пенсионеров, а теперь лишь частично. Также для этих целей можно использовать средства Фонда национального благосостояния России (далее ФНБ). Далее трансферты будут носить скорее стабилизационный характер, нежели чем обязательный, а может и вовсе не потребуются. Система будет более стабильной, так как мы уйдем от зависимости текущих пенсионеров от текущих работников. Получится, что каждый независимо от событий получит пенсию в виде накопленных средств и обязательной части от государства.

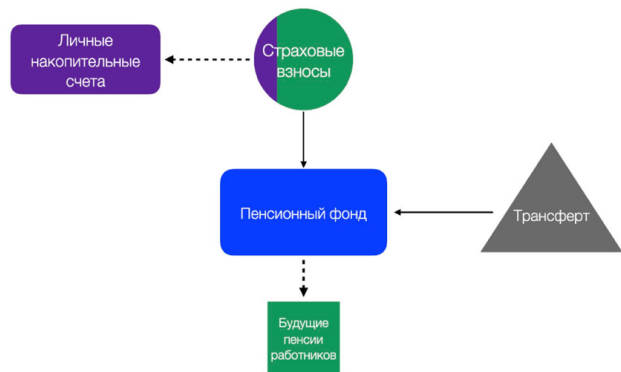

Рис. 9. Третий этап преобразования пенсионной системы

Источник: составлено автором.

Важно упомянуть, что в данный момент государство не может долгосрочно использовать страховые взносы, оперируя ими на рынке и перенаправляя в нужные сферы для их развития. А при указанной системе появится временный критерий, который позволит государству использовать временно свободные средства. Однако нужно гарантировать, что минимальная обязательная пенсия будет выплачена каждому.

Стоит также отметить те группы населения, которые не работали в российских предприятиях и никак не могли откладывать здесь средства. Также как и сейчас, такие лица при достижении пенсионного

возраста будут финансироваться за счет трансферта из федерального бюджета в Социальный фонд России. Предложенная система не требует большого аппарата сотрудников, так как в современных условиях операции могут быть автоматизированы, следовательно исключается бюрократический момент, присущий текущей пенсионной системе.

Если объем ФНБ на март 2026 составляет 13548,76 млрд рублей, а средний абсолютный темп роста ФНБ составляет 58,83 млрд. рублей, то мы можем составить прогноз объема ФНБ до 2035 года при прочих равных условиях. При этом средний темп роста без прогноза больше, чем с прогнозом, что отражает стабильную стратегию. На декабрь 2035 год объем фонда составит 20431,51 млрд. рублей. Мы можем использовать эти свободные средства для реализации первой части перехода к новой пенсионной системы. Чтобы не истощить фонд, возьмем половину от этих средств, то есть 10215,76 млрд. рублей. Значит и объем нового дефицита может составить 10215,76 млрд. рублей. Продисконтируем данную сумму на цены 2025 года, получим 2453,32 млрд. рублей. Объем дефицита рассчитывается по формуле: коэффициент пенсионной нагрузки*сумма, вычтенная из солидарной части пенсии в накопительную. То есть сумма, вычтенная из солидарной части в накопительную, составит 4380,929 млрд. рублей, при коэффициенте 0,56 на 2025 год. То есть за месяц это $36,507 \text{ млрд} \times 0,56 = 20,502 \text{ млрд}$ на всех работников. Если учесть, что в 2025 году число работников составляет 74302 тыс. рублей, то за 1 работника 491,34 рубля в месяц должны идти на накопительную часть. Если средняя номинальная начисленная заработная плата в 2025 году составляет 100360 рублей, то страховые взносы на ОПС в 2025 году в месяц составят $100360 \times 0,3 \times 0,728 = 21918,62 \text{ руб.}$ $491,34 / 21918,62 = 2\%$. Именно с этого процента следует начать преобразования.

Современной пенсионной системе требуется реформа и пересмотр структуры доходов и расходов. Необходимо выйти из «замкнутого круга» и постепенно перейти к системе, где страховые взносы текущих работников будут обеспечивать их будущую пенсию. Основными направлениями развития предложенной мной модели пенсионной поддержки старшего поколения являются использование программы долгосрочных сбережений, а также возможность наследования бессрочных пенсионных накоплений.

Литература

1. Балинин, И.В. Социальное обеспечение: учебное пособие / И.В. Балинин. – Москва: Русайнс, 2024. – 297 с. – ISBN 978-5-466-04767-7. – URL: <https://book.ru/book/952171> (дата обращения: 28.04.2026). – Текст: электронный
2. Садыков Р.М. Оценка уровня жизни пожилых людей и их самочувствия в условиях изменения социальной среды // Вестник университета. 2024. № 1. С. 184–191.
3. Назарбаева Е.А. Восприятие феномена бедности населением: кого и почему россияне считают бедным? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 30–53
4. Седова, М.Л. Возможно ли повысить уровень пенсионного обеспечения в Российской Федерации? / М.Л. Седова // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. – 2022. – № 3. – С. 179–189.
5. Соловьев А.К. Анализ методов индексации пенсий с целью достижения благополучия старших поколений // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 1. С. 59–71.
6. Иванов А.И. Региональные особенности обоснования условий преодоления бедности пенсионеров в Российской Федерации // Иванов А.И. // ЭКОНОМИКА ТРУДА. – 2022-С.1779–1796.
7. Кадыров С.Х. Социально-экономические аспекты уровня жизни пенсионеров (На примере Республики Башкортостан) // Социодинамика. – 2023. – № 11. – С. 175–186.
8. Азарова С.П. Новые возможности и риски потребления социальных услуг потребителями старшего поколения / Азарова С.П., Сол-

датов Н.Ф. – Москва: Риск: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. – 2024. – № 2. – С. 44–48.

9. Cylus J, Roubal T, Ong P, Barber S. Устойчивое финансирование здравоохранения в условиях старения населения. Результаты применения различных механизмов увеличения доходов бюджета и вариантов политики. Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ; 2021 г.

10. Захаров И.Н. Возможности введения элементов базового дохода в выплату пенсий и социальной помощи в Российской Федерации// Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 482–498.

IMPROVING THE PENSION SUPPORT SYSTEM FOR THE ELDERLY AS A BASIS FOR SUSTAINABLE SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Alekseeva A.M.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The relevance of this work stems from the fact that population aging in leading countries is accelerating the pace of development. The Russian Federation is a welfare state, and therefore, identifying methods of supporting the elderly and developing the most sustainable development of the social system are the primary goals of the state's financial policy. With an aging population, the current pension system will gradually become ineffective, as accrued insurance premiums will soon be insufficient to cover every pensioner. The state has four policy options: expanding the budget revenue base by increasing the number of contributors; increasing the insurance premium rate; diversifying revenue sources; and revising the pension system's operation. Of these, only the last two are long-term. The author proposes a pension system reform model that envisions a gradual transition from a pay-as-you-go approach to a funded approach, with insurance premiums divided into personal savings accounts and a mandatory component. It is argued that the implementation of the proposed model will reduce the burden on the budget, ensure long-term stability of the pension system by investing temporarily available funds, and improve the material well-being of future retirees. The main areas of development of the proposed pension support model for the senior generation include the use of a long-term savings program and the possibility of inheriting perpetual pension savings.

Keywords: Pension system, senior generation, Social Fund of Russia, poverty, subsistence minimum, transfer.

References

1. Balyinin, I.V. Social Security: a textbook / I.V. Balyinin. – Moscow: Rusains, 2024. – 297 p. – ISBN 978-5-466-04767-7. – URL: <https://book.ru/book/952171> (accessed: 04/28/2026). – Text: electronic
2. Sadykov R.M. Assessing the standard of living of older people and their well-being in the context of a changing social environment // University Bulletin. 2024. No. 1. Pp. 184–191.
3. Nazarbayeva E.A. Perception of the phenomenon of poverty by the population: who and why do Russians consider poor? // Monitoring public opinion: economic and social changes. 2023. № 4. P. 30–53
4. Sedova, M.L. Is it possible to increase the level of pension provision in the Russian Federation? / M.L. Sedova // RISK: Resources, Information, Supply, Competition. – 2022. – No. 3. – P. 179–189.
5. Soloviev, A.K. Analysis of pension indexation methods in order to achieve the well-being of older generations // Standard of living of the population of the regions of Russia. 2025. Vol. 21. No. 1. P. 59–71.
6. Ivanov, A.I. Regional features of substantiation of conditions for overcoming poverty of pensioners in the Russian Federation // Ivanov, A.I. // LABOR ECONOMICS. – 2022- P.1779–1796.
7. Kadyrov, S. Kh. Socio-economic aspects of the standard of living of pensioners (On the example of the Republic of Bashkortostan) // Sociodynamics. – 2023. – No. 11. – Pp. 175–186.
8. Azarova S.P. New opportunities and risks of consumption of social services by older consumers / Azarova S.P., Soldatova N.F. – Moscow: Risk: resources, information, supply, competition. – 2024. – No. 2. – Pp. 44–48.
9. Cylus J, Roubal T, Ong P, Barber S. Sustainable financing of health care in the context of population aging. Results of applying various mechanisms for increasing budget revenues and policy options. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe; 2021.
10. Zakharov I.N. Possibilities of introducing elements of basic income in the payment of pensions and social assistance in the Russian Federation // Standard of living of the population of the regions of Russia. 2024. Volume 20. № 4. P. 482–498.

Барьеры цифровой трансформации нематериальной мотивации в сервисном секторе: опыт смешанного исследования

Амурцев Никита Александрович,

аспирант кафедры социальной и молодежной политики,
Алтайский государственный университет

E-mail: n.a.amurtzev@gmail.com

Цифровизация нематериальной мотивации в сервисном секторе нередко трактуется как технический проект, тогда как ее результат зависит от готовности организационных норм и повседневных управленческих практик. Актуальность исследования обусловлена тем, что внедренные цифровые инструменты признания и обратной связи часто не дают ожидаемого мотивационного эффекта и после запуска выходят из употребления. Цель статьи состоит в том, чтобы выявить структуру барьеров цифровой трансформации нематериальной мотивации в сервисном секторе и предложить операциональную модель их преодоления. Эмпирическую базу составили данные смешанного исследования: массового опроса работников сервисного сектора (N = 10034, 20 крупнейших городов России, 2024–2025 гг.) и 20 полуструктурированных интервью, обработанных методом тематического анализа; применялись описательная статистика и тематическое кодирование. Качественная подвыборка охватывала рядовых сотрудников, линейных руководителей и HR-специалистов из торговли, общественного питания, сферы услуг, колл-центров и гостиниц, что обеспечило разнообразие контекстов внедрения цифровых инструментов. Установлено, что распространение цифровых инструментов остается неполным: 21,2% работников заняты в организациях без таких инструментов, а ресурсоемкие форматы (платформы признания, геймификация) внедрены лишь у 29,5% и 17,5% респондентов. Само наличие инструмента не гарантирует его легитимности: 38,0% работников не разделяют тезис о вкладе инструментов в справедливость признания или не определились. Тематический анализ выделил четыре группы барьеров (технические, социально-психологические, организационные и правовые), причем наиболее частотным оказался барьер пассивности непосредственного руководства (16 из 20 интервью). Научная новизна состоит в эмпирически обоснованной типологии барьеров именно нематериальной мотивации в российском сервисном секторе и в выводе о ведущей роли управленческого, а не технического барьера. Практическое значение заключается в предложенной матрице преодоления барьеров по четырем контурам (техническому, кадровому, управленческому и нормативному), адресующей каждое из выявленных ограничений.

Ключевые слова: цифровая трансформация, нематериальная мотивация, сервисный сектор, барьеры внедрения, управление изменениями, цифровые компетенции, социология труда.

Введение

Сервисные компании в России действуют в условиях двойного давления: конкуренции за линейный персонал и ускоренной цифровизации управленческих процессов. Работодатели все активнее внедряют цифровые инструменты признания, обратной связи и обучения, ожидая роста вовлеченности и управляемости мотивационных программ. Однако практические эффекты нередко оказываются ниже ожидаемых, а часть внедренных решений после первоначального запуска перестает использоваться.

Социологическая проблема состоит в том, что цифровизация мотивации часто трактуется как технический проект, тогда как в действительности она затрагивает нормы взаимодействия, профессиональные ожидания и распределение ответственности за признание внутри организации. Если эти нормы не меняются вместе с инструментом, цифровой канал либо воспроизводит прежние дефициты в новой форме, либо отторгается коллективом.

Цель статьи состоит в том, чтобы на эмпирических данных выявить структуру барьеров цифровой трансформации нематериальной мотивации в сервисном секторе и предложить операциональную модель их преодоления. Задачи исследования: оценить распространенность цифровых инструментов и степень их воспринимаемой легитимности по данным опроса; реконструировать типологию барьеров по материалам интервью; сформулировать прикладную матрицу преодоления барьеров.

Обзор литературы

Цифровизация HR и контекстная обусловленность эффекта

Литература по электронному управлению персоналом показала, что эффект цифровых инструментов опосредован организационным контекстом, а не вытекает напрямую из их технических свойств (Strohmeier, 2020; Marler, Fisher, 2013; Bondarouk, Ruel, 2013; Johnson, Lukaszewski, Stone, 2016). Аналитика персонала и платформенные решения создают новые возможности управления вовлеченностью, но одновременно ставят вопрос о границах их применения (Tursunbayeva, Di Lauro, Pagliari, 2022). В отечественной литературе тенденции и вызовы цифровизации HR анализируются в работах В.Ю. Верещагина (Верещагин, 2020), Н.В. Волковой и А.В. Плаховой (Волкова, Плахова, 2021), Е.В. Дементьевой (Дементьева, 2021).

Принятие технологий и цифровые компетенции

Модели акцептации технологий объясняют принятие инструментов через воспринимаемую полезность, простоту использования и опыт применения, смещая фокус с характеристик пользователя на условия включения в практику (Venkatesh, Bala, 2008). Значимым барьером выступает неоднородность цифровых компетенций работников, особенно в условиях трансформации труда (Ганюкова, 2022).

Управление изменениями и роль руководителя

Исследования управления изменениями описывают барьеры внедрения как многоуровневые, от индивидуального сопротивления до организационной инерции, и подчеркивают роль руководителей и коммуникации (Lewin, 1951; Kotter, 2012; Hiatt, 2006; Резник, 2018). Вовлеченность руководителей рассматривается как условие формирования культуры причастности персонала (Piening, Baluch, Ridder, 2020).

Специфика сервисного сектора

Социология труда фиксирует особенности сервиса: эмоциональный труд, высокую текучесть и значимость межличностного признания, плохо замещаемого формализованными оценками (Hochschild, 1983; Grandey, 2000). Удовлетворенность трудом и текучесть кадров в сервисном секторе анализирует О.Н. Безрукова (Безрукова, 2019), практики и ограничения нематериального стимулирования в розничных сетях рассматривает М.С. Егорова (Егорова, 2020), а неформальные практики трудовой мотивации изучает С.Ю. Барсукова (Барсукова, 2018).

Использование цифровых данных о работниках регулируется законодательством о персональных данных¹ и сопряжено с вопросами

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.04.2020).

доверия и прозрачности обработки информации. Несмотря на проработанность отдельных аспектов, эмпирически обоснованная типология барьеров именно нематериальной мотивации в российском сервисном секторе, опирающаяся одновременно на массовый опрос и интервью, остается слабо разработанной. Настоящая статья восполняет этот пробел.

Методы исследования

Дизайн. Смешанное исследование: количественный этап (массовый опрос) дополнен качественным (полуструктурированные интервью); результаты сопоставлялись методологической триангуляцией.

Количественный этап. Использованы данные массового опроса работников сервисного сектора, собранные в две волны (март и май 2025 г.). Анализируемую подвыборку составили респонденты, подтвердившие занятость в организации сферы услуг (N = 10 034). Территориальный охват включал 20 крупнейших городов России; выборка целевая, стратифицированная по отрасли, размеру организации и должности. Анкету респонденты заполняли самостоятельно на планшетном устройстве без участия интервьюера, с гарантией анонимности.

Качественный этап. Проведено 20 полуструктурированных интервью с работниками и HR-специалистами сервисных компаний (11 рядовых сотрудников и специалистов, 5 линейных руководителей, 4 HR-специалистов; отрасли: торговля, общественное питание, услуги населению, колл-центры, гостиницы). Их обрабатывали методом тематического анализа (Braun, Clarke, 2006), выделяя повторяющиеся темы по логике «барьер, последствие, стратегия адаптации» и подсчитывая частоту темы (число интервью из 20).

Переменные опроса, релевантные анализу барьеров. Наличие цифровых инструментов мотивации, частота их использования, восприятие справедливости признания через цифровые инструменты, готовность их использовать, трудности при использовании, социально-демографические и организационные характеристики.

Методы анализа. Описательная статистика и кросс-табуляции; для качественных данных применялось тематическое кодирование. Расчеты выполнены в среде Python (pandas, statsmodels, scipy).

Ограничения. Поперечный дизайн не позволяет устанавливать причинно-следственные связи; выборка целевая (невероятностная), поэтому выводы характеризуют сервисный сектор крупных городов и не экстраполируются на генеральную совокупность. Качественная подвыборка невелика (20 интервью) и служит для интерпретации, а не для статистического вывода.

Результаты исследования

Неполнота охвата как исходный барьер

Цифровые инструменты мотивации зафиксированы у 7 905 респондентов (78,8%); 2 129 работников (21,2%) заняты в организациях, где такие инструменты отсутствуют или используются минимально. Среди внедренных решений преобладают форматы «легкой» цифровизации, а ресурсоемкие встречаются заметно реже (табл. 1).

Таблица 1. Распространенность цифровых инструментов мотивации (% респондентов)

Инструмент	Доля, %
Чаты и мессенджеры для признания	45,2
Цифровая обратная связь (оценки, рейтинги, KPI-дашборды)	39,2
Электронные опросы вовлеченности	34,6
Электронное обучение	31,7
Платформа или приложение признания и наград	29,5
Геймификация (баллы, рейтинги, достижения)	17,5

Разрыв между простыми каналами (мессенджеры, 45,2%) и интегрированными платформами (29,5%) и геймификацией (17,5%) указывает на технико-ресурсный барьер: организации легче внедряют то, что не требует отдельной инфраструктуры и интеграции с действующими HR-системами. В сервисном секторе этот барьер усиливается распределенной структурой рабочих мест и высокой долей мобильных сотрудников, для которых критична простота и скорость доступа к инструментам.

Барьер легитимности: наличие не равно принятию справедливости

Само по себе наличие инструмента не делает его признанным справедливым. Среди работников, у которых инструменты есть (n = 7 905), лишь 61,0% согласны с тем, что цифровые инструменты делают признание

более справедливым и прозрачным; 38,0% этот тезис не разделяют; 17,3% не согласны, 21,7% затрудняются ответить. Почти четыре работника из десяти не воспринимают цифровой канал как инструмент справедливости, что относится к социально-психологическим, а не техническим барьерам.

Косвенно барьер легитимности подтверждается тем, что готовность использовать инструменты статистически связана с частотой их использования лишь со слабым эффектом (порядковая логистическая регрессия: OR ≈ 1,07 на шаг шкалы, p < 0,001), а социально-демографические и организационные характеристики устойчивого эффекта не дают. Принятие определяется не статусом работника, а его включенностью в практику; следовательно, барьер снимается повседневым встраиванием инструмента, а не разовым обучением.

Типология барьеров по материалам интервью

Тематический анализ интервью выделил устойчивые барьеры; их частота и иллюстративные цитаты приведены в таблице 2 (табл. 2).

Таблица 2. Барьеры цифровой трансформации мотивации по данным интервью (тематический анализ, n = 20)

Группа барьеров	Тема	Частота (из 20)	Иллюстративная цитата
Организационные	Пассивность непосредственного руководства	16/20	«У нас начальство само не заходит в приложение, поэтому и мы перестали» (сотрудник, торговля)
Организационные	Перегрузка цифровыми платформами, дефицит времени	12/20	«Добавили еще одну программу – времени разбираться нет, на смене некогда» (сотрудник, общественное питание)
Социально-психологические	Барьер цифровой грамотности (старшие группы)	11/20	«Часть сотрудников старше – им сложнее с новыми системами, нужны короткие инструкции» (HR, торговля)
Правовые и этические	Недоверие к анонимности и обработке данных	- *	«Мы не уверены, что ответы в опросе анонимны – лучше промолчать, чем потом проблемы» (рядовой сотрудник, колл-центр)
Технические	Зависимость от устройства и связи	- *	«Обучение онлайн удобно... но если нет интернета или телефон садится – пропустишь» (специалист, услуги населению)

Примечание: * для правового и технического барьеров частота отдельно не фиксировалась; темы выделены при тематическом анализе и проиллюстрированы цитатами из интервью.

Организационные барьеры оказались наиболее частотными. Ключевой темой здесь выступает пассивность руководства (16 из 20 интервью): при отсутствии вовлеченности непосредственного руководителя инструмент теряет смысл и выходит из употребления. К этой же группе примыкает перегрузка платформами (12 из 20), когда цифровой инструмент конкурирует с операционной нагрузкой смены.

Социально-психологические барьеры связаны с неоднородностью цифровых навыков (11 из 20), особенно у работников старших возрастных групп, и с настороженностью к формализации признания. Правовые и этические барьеры проявляются как недоверие к анонимности и к тому, как используются данные обратной связи: опасение санкций приводит к самоцензуре («лучше промолчать»), что обесценивает цифровые опросы вовлеченности. Технические барьеры в сервисном секторе специфичны: распределенность рабочих мест и зависимость от личного устройства и связи делают доступ к инструментам неустойчивым.

Взаимосвязанность барьеров

Барьеры не изолированы, а усиливают друг друга. Техническая фрагментация без организационной поддержки превращается в недоверие персонала; социально-психологическое сопротивление обостряется при слабой управленческой коммуникации; правовая неясность повышает настороженность к цифровым каналам обратной связи. Именно сцепление барьеров, а не каждый из них по отдельности, объясняет, почему формально внедренные инструменты не дают ожидаемого мотивационного эффекта.

Обсуждение результатов

Полученные результаты согласуются с положением литературы об опосредованности эффекта цифровых инструментов организационным контекстом (Strohmeier, 2020) и с моделями принятия технологий, где решающим оказывается опыт использования, а не характеристики пользователя (Venkatesh, Bala, 2008). Вместе с тем данные уточняют картину для сервисного сектора: наиболее частотным барьером оказывается не технический, а управленческий (пассивность линейного руководства), тогда как наиболее устойчивым дефицитом выступает легитимность инструментов, которую не разделяют 38,0% работников. Это смещает акцент управленческого внимания с закупки платформ на работу с нормами признания и ролью руководителя, что соответствует выводам исследований управления изменениями (Kotter, 2012; Piening, Baluch, Ridder, 2020).

На основании типологии предлагается интегральная матрица преодоления барьеров по четырем контурам. Технический контур предполагает поэтапное внедрение, минимизацию числа платформ, мобильный доступ и устойчивость к разрыву связи. Кадровый контур включает короткие циклы обучения, цифровой онбординг (критичный в условиях текучести) и поддержки работников старших возрастных групп. Управленческий контур состоит во включении цифровых практик признания в показатели оценки линейных руководителей и в регулярных ритуалах признания; именно этот контур адресует самый частотный барьер. Нормативный контур требует прозрачных регламентов обработки данных и реальной, а не декларируемой анонимности опросов как условия работоспособности цифровой обратной связи.

Заключение

Цифровая трансформация нематериальной мотивации в сервисном секторе сталкивается с комплексом взаимосвязанных барьеров, в котором технические факторы являются необходимым, но недостаточным объяснением. Эмпирические данные показывают, что охват инструментами неполон (21,2% работников вне таких практик), а их легитимность ограничена (38,0% не разделяют тезис о справедливости); при этом решающим барьером по материалам интервью выступает пассивность непосредственного руководства (16 из 20 интервью). Ключевым условием эффективности выступает институциональная согласованность, то есть совпадение цифрового инструмента, организационных правил и повседневной управленческой практики признания. Перспективы исследований связаны с отраслевыми сравнительными дизайнами и продолжным отслеживанием динамики барьеров по мере созревания цифровых практик в организациях.

Литература

1. Барсукова С.Ю. Неформальные практики трудовой мотивации в современной России // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 78–87.
2. Безрукова О.Н. Удовлетворенность трудом и текучесть кадров в сервисном секторе // Экономика и предпринимательство. 2019. № 6. С. 412–418.
3. Верещагин В.Ю. Цифровизация управления персоналом: тенденции и вызовы // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2020. Т. 9. № 2. С. 45–52.
4. Волкова Н.В., Плахова А.В. Цифровая трансформация HR: вызовы и практики // Управление персоналом. 2021. № 3. С. 28–35.
5. Ганюкова Л.В. Цифровые компетенции работников в контексте трансформации труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 234–252.
6. Дементьева Е.В. Цифровые технологии в HR: анализ внедрения и эффективности // Экономика труда. 2021. Т. 8. № 3. С. 1123–1138.
7. Егорова М.С. Нематериальное стимулирование в розничных сетях: практики и ограничения // Управление персоналом. 2020. № 4. С. 56–63.
8. Кричевский Р.Л. Психология руководства и лидерства в организации. М.: Академия, 2007. 320 с.
9. Резник Г.А. Управление изменениями в организации: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2018. 256 с.
10. Шабанова М.А. Цифровизация и качество трудовой жизни // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 3. С. 78–96.
11. Bondarouk T., Ruel H. Electronic Human Resource Management: challenges in the digital era // The International Journal of Human Resource Management. 2013. Vol. 24, No. 3. P. 505–514.
12. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // Qualitative Research in Psychology. 2006. Vol. 3, No. 2. P. 77–101.

13. Grandey A.A. Emotional regulation in the workplace: a new way to conceptualize emotional labor // Journal of Occupational Health Psychology. 2000. Vol. 5, No. 1. P. 95–110.
14. Hiatt J. ADKAR: a Model for Change in Business, Government, and Our Community. Loveland: Prosci, 2006. 146 p.
15. Hochschild A.R. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. Berkeley: University of California Press, 1983. 307 p.
16. Johnson R. D., Lukaszewski K.M., Stone D.L. The evolution of the field of human resource information systems // Communications of the Association for Information Systems. 2016. Vol. 38. Art. 28. P. 533–553.
17. Kotter J.P. Leading Change. Boston: Harvard Business Review Press, 2012. 208 p.
18. Lewin K. Field Theory in Social Science. New York: Harper, 1951. 346 p.
19. Marler J. H., Fisher S.L. An evidence-based review of e-HRM and strategic human resource management // Human Resource Management Review. 2013. Vol. 23, No. 1. P. 18–36.
20. Piening E. P., Baluch A.M., Ridder H.-G. The role of leadership in creating a culture of employee engagement // Human Resource Development International. 2020. Vol. 23, No. 1. P. 1–22.
21. Strohmeier S. HR analytics: a systematic review // Handbook of e-HRM. Cham: Springer, 2020. P. 1–25.
22. Tursunbayeva A., Di Lauro S., Pagliari C. People analytics: a scoping review of conceptual boundaries and value propositions // International Journal of Information Management. 2022. Vol. 63. Art. 102469.
23. Venkatesh V., Bala H. Technology Acceptance Model 3 and a research agenda on interventions // Decision Sciences. 2008. Vol. 39, No. 2. P. 273–315.

BARRIERS TO THE DIGITAL TRANSFORMATION OF NON-MATERIAL MOTIVATION IN THE SERVICE SECTOR: A MIXED-METHODS STUDY

Amurtsev N.A.
Altai State University

Digitalization of non-material motivation in the service sector is often treated as a technical project, whereas its outcome depends on the readiness of organizational norms and everyday managerial practices. The study is relevant because implemented digital tools of recognition and feedback frequently fail to produce the expected motivational effect and fall out of use after launch. The aim is to identify the structure of barriers to the digital transformation of non-material motivation in the service sector and to propose an operational model for overcoming them. The empirical basis is a mixed-methods study: a large-scale survey of service-sector employees (N = 10,034; 20 largest Russian cities; 2024–2025) and 20 semi-structured interviews processed through thematic analysis. The diffusion of digital tools remains incomplete: 21.2% of employees work in organizations without such tools, while resource-intensive formats (recognition platforms, gamification) are implemented for only 29.5% and 17.5% of respondents. The mere presence of a tool does not guarantee its legitimacy: 38.0% of employees do not share the view that the tools contribute to the fairness of recognition. Thematic analysis identified four groups of barriers – technical, socio-psychological, organizational and legal – the most frequent being the passivity of immediate management (16 of 20 interviews). The novelty lies in an empirically grounded typology of barriers to non-material motivation in the Russian service sector and in the conclusion about the leading role of the managerial rather than the technical barrier. The practical value is a four-loop matrix – technical, personnel, managerial and regulatory – for overcoming the identified barriers.

Keywords: digital transformation, non-material motivation, service sector, implementation barriers, change management, digital competencies, sociology of labour.

References

1. Barsukova, S. Yu. (2018). Informal practices of labour motivation in modern Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (4), 78–87. (In Russ.).
2. Bezrukova, O. N. (2019). Job satisfaction and staff turnover in the service sector. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, (6), 412–418. (In Russ.).
3. Vereshchagin, V. Yu. (2020). Digitalization of personnel management: Trends and challenges. *Upravlenie personalom i intellektual'nyimi resursami v Rossii*, 9(2), 45–52. (In Russ.).
4. Volkova, N. V., & Plakhova, A. V. (2021). Digital transformation of HR: Challenges and practices. *Upravlenie personalom*, (3), 28–35. (In Russ.).
5. Ganyukova, L. V. (2022). Digital competencies of workers in the context of labour transformation. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, (2), 234–252. (In Russ.).
6. Dement'eva, E. V. (2021). Digital technologies in HR: Analysis of implementation and effectiveness. *Ekonomika truda*, 8(3), 1123–1138. (In Russ.).
7. Egorova, M. S. (2020). Non-material incentives in retail chains: Practices and limitations. *Upravlenie personalom*, (4), 56–63. (In Russ.).
8. Krichevskii, R. L. (2007). *Psikhologiya rukovodstva i liderstva v organizatsii* [Psychology of management and leadership in an organization]. Moscow: Akademiya. (In Russ.).
9. Reznik, G. A. (2018). *Upravlenie izmeneniyami v organizatsii* [Change management in an organization]. Moscow: INFRA-M. (In Russ.).
10. Shabanova, M. A. (2021). Digitalization and the quality of working life. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 27(3), 78–96. (In Russ.).

11. Bondarouk, T., & Ruel, H. (2013). Electronic human resource management: Challenges in the digital era. *The International Journal of Human Resource Management*, 24(3), 505–514.
12. Braun, V., & Clarke, V. (2006). Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3(2), 77–101.
13. Grandey, A. A. (2000). Emotional regulation in the workplace: A new way to conceptualize emotional labor. *Journal of Occupational Health Psychology*, 5(1), 95–110.
14. Hiatt, J. (2006). ADKAR: A model for change in business, government, and our community. Loveland: Prosci.
15. Hochschild, A. R. (1983). *The managed heart: Commercialization of human feeling*. Berkeley: University of California Press.
16. Johnson, R. D., Lukaszewski, K. M., & Stone, D. L. (2016). The evolution of the field of human resource information systems. *Communications of the Association for Information Systems*, 38, Article 28, 533–553.
17. Kotter, J. P. (2012). *Leading change*. Boston: Harvard Business Review Press.
18. Lewin, K. (1951). *Field theory in social science*. New York: Harper.
19. Marler, J. H., & Fisher, S. L. (2013). An evidence-based review of e-HRM and strategic human resource management. *Human Resource Management Review*, 23(1), 18–36.
20. Piening, E. P., Baluch, A. M., & Ridder, H.-G. (2020). The role of leadership in creating a culture of employee engagement. *Human Resource Development International*, 23(1), 1–22.
21. Strohmeier, S. (2020). HR analytics: A systematic review. In *Handbook of e-HRM* (Pp. 1–25). Cham: Springer.
22. Tursunbayeva, A., Di Lauro, S., & Pagliari, C. (2022). People analytics: A scoping review of conceptual boundaries and value propositions. *International Journal of Information Management*, 63, Article 102469.
23. Venkatesh, V., & Bala, H. (2008). Technology Acceptance Model 3 and a research agenda on interventions. *Decision Sciences*, 39(2), 273–315.

Бабешко Вячеслав Евгеньевич,

аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Белгородского университета кооперации, экономики и права
E-mail: babeshkovyacheslav@yandex.ru

В данной статье анализируются основные барьеры и факторы, влияющие на процесс ресоциализации участников боевых действий (далее – УБД), как многополярного аспекта интеграции гражданина в общественную жизнь. Определение ключевых барьеров и факторов, влияющих на высокую результативность адаптации УБД является целью данного исследования. Анкетный онлайн-опрос, проведенный среди данной целевой аудитории (N=162), составил эмпирическую часть социологического исследования. По результатам проведенной эмпирики были определены факторы и трудности УБД, связанные с психоэмоциональным состоянием, а также коммуникативные барьеры в контексте общения с людьми, не имевшими боевого опыта. Были сформулированы выводы о том, что УБД выражают неготовность обратиться за помощью к профессиональным институтам, оказывающие релевантную психологическую помощь и поддержку.

Ключевые слова: участники боевых действий, ресоциализация, реинтеграция, психологическая поддержка, барьеры ресоциализации.

Введение

В настоящий момент проблема ресоциализации участников боевых действий признана наиболее актуальной для российского общества в современной действительности, что подтверждается докладом члена Комитета Совета Федерации по Регламенту и организации парламентской деятельности Л.В. Мельник в 2025 году [2]. В последние годы вооруженные силы Российской Федерации участвовали в боевых столкновениях в различных регионах мира, что определяет значимость данной темы.

Бергер П. и Лукман Т. в труде «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» сформулировали понятие ресоциализации комбатанта, как: «Восстановление деформированных или утраченных ролей и социальных связей, определяющие процесс повторного вхождения личности комбатанта в общественную среду» [1, с. 324]. По сравнению с представлением об общем процессе ресоциализации по Бергеру П. и Лукману Т., ресоциализация УБД требует повышенного внимания со стороны социальных институтов и консолидации социальных акторов, участвующих в восстановлении гражданских компетенций.

Именно труды авторов Бергера П. и Лукмана Т. стали одними из основных для теоретического анализа темы ресоциализации УБД, так как осмысление проблемы опирается на их исследования, связанные с социальной дезориентацией комбатантов.

Дополняя теоретическую картину, Тарабрина Н.В., как один из представителей современной отечественной психологии выделила структуру стрессовых состояний, относящихся к посттравматическим [4, с. 272]. Солодникова В.В. и Соловьева И.В. выделяли изменения статуса в обществе и трудности в общении с социальными институтами, который определяется социологическим подходом к данному вопросу [3, с. 437]. Однако, требуется дальнейшее исследование в данной области, несмотря на повышенный научный интерес среди социологов в контексте взаимодействия УБД с социальным окружением.

Рост УБД приобретает особое значение для проведения данного социологического исследования, цель которого – классифицирование ключевых аспектов и барьеров повторной интеграции УБД в современную структуру общества.

Проведенный в апреле 2026 года анкетный онлайн-опрос (N = 162) явился основным количественным методом для социологического анализа данного вопроса.

Возрастная структура УБД, участвующих в исследовании распределилась следующим образом: 45 лет и старше – N = 75, 25–45 лет – N = 65, 18–25 лет – N = 22.

Семейное положение: женат: 29% (N = 48); разведен: 49,4% (N = 80); холост: 21% (N = 34).

Срок участия в боевых действиях: до 6 месяцев: 11,1% (N = 18); 7–12 месяцев: 46,9% (N = 76); 1 год и более: 42% (N = 68).

Первый вопрос онлайн анкеты-опроса был направлен на определение уровня психоэмоционального состояния УБД, как фундамента для успешной ресоциализации (рис. 1). Результаты свидетельствуют о том, что у 60,5% респондентов в той или иной степени непроизвольно возникали тяжелые воспоминания, связанные со службой, что говорит о невозможной концентрации большинства респондентов на гражданской жизни. И только у 26,6% УБД никогда или редко возникали такие воспоминания.

Насколько часто за последний месяц у Вас непроизвольно возникали тяжелые воспоминания, связанные со службой?

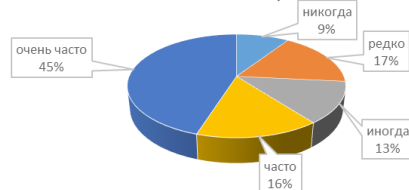

Рис. 1. Непроизвольное возникновение тяжелых воспоминаний, связанных со службой

Чувство отчужденности является ключевым показателем дезадаптации УБД, поэтому был задан вопрос о том, насколько часто респон-

дент испытывал чувство отстраненности от близких (рис. 2). С точки зрения теории ресоциализации, чувство отстраненности, которое испытывает большинство респондентов – часто: 24%, очень часто: 38% является типичным следствием посттравматического стрессового расстройства (далее – ПТСР). Горовица М. Дж. описывает этот феномен, как «эмоциональная атрофия», когда УБД утратил способность выстраивать отношения с близким кругом людей после возвращения с зоны боевых действий [5, с. 240]. В то время как никогда или редко ответили 4% и 12% соответственно.

Рис. 2. Чувство отстраненности от близких

На основании данного вопроса, можно сделать вывод о том, что чаще всего отношения в семье вызывают напряжения или тревоги для 32,7% респондентов, что говорит о деформации межличностных отношений в семейной сфере вследствие участия респондента в боевых действиях. Этот факт свидетельствует о том, что проблемы ресоциализации начинаются прежде всего не с формальных аспектов, такие как трудоустройство, а с дисфункции на микроуровне в отношениях с членами семьи. Респонденты также выбрали вариант ответа, связанный со здоровьем – 29,6%, так как у данных УБД происходит проживание последствий, которые затрагивают физические и психические аспекты, в том числе и ПТСР. Также для 27,2% участников исследования чаще всего вызывает чувство напряжения или тревоги, связанные с новостями в мире. Это характеризуется состоянием неспособности отключиться от информационного контента вокруг событий военного характера.

Рис. 3. Сферы жизни, чаще всего вызывающие чувство напряжения или тревоги

Несмотря на сферы жизни, вызывающие у УБД чувства напряжения или тревоги, в процессе исследования определены основные факторы, влияющие на поддержку участников анкеты. Полученные результаты демонстрируют многополярность распределения аспектов, влияющих на процесс ресоциализации:

- вариант, относящийся к квалифицированной помощи психолога/психотерапевта, нашел понимание у 29,6% (N = 48) УБД, что свидетельствует о доверии целевой аудитории к социальным акторам, влияющим на процесс построения связей с обществом;
- для 27,2% респондентов общение с другими УБД является важным критерием успешной ресоциализации. Данный аспект нашел понимание для людей, испытывающих необходимость взаимодействия с УБД, имеющими опыт преодоления травмирующих ситуаций. Бергер и Лукман считают, что формирование реальности возможно только через социальное взаимодействие, что прямо соотносится с ситуацией потребности УБД в создании особого пространства для коммуникации. Такой тип взаимодействия направлен на снижение межличностной изоляции УБД, взаимное признание проблемы социальной реинтеграции и повышение уровня поддержки со стороны неформальных участников социальной реинтеграции;
- 19,8% респондентов считают, что профессиональная деятельность вызывает чувство тревоги и напряженности. Данный аспект является важнейшим механизмом реинтеграции членов общества в сложившейся структуре трудовых отношений. Данный вопрос коррелирует с теорией социального конструирования, которая формиру-

ет определенные роли, нормы коммуникации с УБД. Рынок труда, как микросоциум нацелен на выстраивание социальных отношений в коллективе, выполняя задачи по восстановлению социального статуса;

- деформация гражданской идентичности, разрыв социальных связей отражает низкий уровень поддержки в семье и со стороны близких людей, что выражается у 17,9% УБД;
- фактор успешной ресоциализации, способствующий психологической регуляции, такой как хобби и физическая активность не стали релевантным аспектом для большинства респондентов N = 19;
- затруднение с ответом определяет немаловажный индикатор, выделяющий барьеры ресоциализации УБД. 11,1% (N = 17) респондентов испытывают трудности в идентификации ресурсов для преодоления барьеров ресоциализации. Данный показатель следует определить, как возможный кризис идентичности, эмоциональное выгорание, отрицание проблем ресоциализации и т.д.

Таким образом, анализ данного вопроса в онлайн-анкете подтверждает положение о многополярности процесса ресоциализации УБД, а также определяет структурированную иерархию наиболее значимых факторов ресоциализации для данной категории населения, а также количественно выделяет масштаб целевой аудитории, которая сталкивается и с барьерами в данном процессе (рис. 4).

Рис. 4. Ресурсы преодоления трудностей

На основании представленной статистической информации, характеризующей возраст, образование, семейное положение и срок участия в боевых действиях можно сказать, что для данного социологического исследования была подобрана неоднородная выборка, что кардинальным образом повлияло на достоверность представленных ответов, выражая многомерность взглядов респондентов.

Таким образом, на основании результатов социологического исследования можно сделать вывод о том, что основным барьером препятствующим успешной ресоциализации УБД является значительная деформация межличностных отношений в семейной сфере, являющейся следствием ПТСР, а не столько недостаточной эффективностью мер государственной поддержки данной категории населения. Проанализированные данные респондентов говорят о том, что социальный институт семьи не способен самостоятельно выполнять функцию по первичной ресоциализации УБД, поэтому требуется пересмотреть подход к организации психосоциальной поддержки в данной сфере. На этапе современной действительности, когда участники вооруженных сил России участвуют сразу в нескольких вооруженных конфликтах, стихийная поддержка семьи является недостаточной. Напротив, наиболее эффективным инструментом успешной ресоциализации УБД является именно профессиональная социально-психологическая коррекция и поддержка.

Литература

- Бергер П.Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевича. – М.: Медиум, 1995. – 324 с. – ISBN 5-85691-036-2.
- Мельник заявила, что ресоциализация ветеранов СВО – приоритет федеральной повестки / Новостное агентство «Новости России». – 2025. – 27.07.2025. – URL: https://favt.gov.ru/novosti_rossii/?id=15990&ysclid=moqtaiw8k84625410 (дата обращения: 04.05.2026). – Текст: электронный.
- Солонников В.В. Социально дезадаптированная семья в современном обществе: социологический анализ. – М., 2002. – 437 с. – Дисс. д-ра социол. наук: 22.00.04.
- Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса: интегративный подход. – СПб.: Питер, 2001. – 272 с. – ISBN 5-272-00399-3.
- Horowitz M.J. Stress-Response Syndromes. – New York: Jason Aronson, 1976. – 240 с.

THE MAIN FACTORS AND BARRIERS TO THE RESOCIALIZATION OF COMBATANTS

Babeshko V.E.

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

This article analyzes the main barriers and factors influencing the process of resocialization of combatants (hereinafter referred to as PTF) as a multipolar aspect of citizen integration into public life. The purpose of this study is to identify the key barriers and factors influencing the high effectiveness of adaptation of PTF. An online questionnaire survey conducted among this target audience (N = 162) formed the empirical part of the sociological study. Based on the results of the conducted empirics, the factors and difficulties of ATD related to the psycho-emotional state, as well as communication barriers in the context of communication with people who had № combat experience, were identified. It was concluded that the Department of Internal Affairs expresses unwillingness to seek help from professional authorities providing relevant psychological assistance and support.

Keywords: participants in combat operations, re-socialization, reintegration, psychological support, barriers to re-socialization.

References

1. Berger, P. L., and Luckmann, T. The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge / Translated from English by E. Rutkevich. – Moscow: Medium, 1995. – 324 p. – ISBN 5-85691-036-2.
2. Melnik stated that the resocialization of the CVO veterans is a priority of the federal agenda / News agency «News of Russia». – 2025. – 27.07.2025. – URL: <https://favt.gov.ru/novosti-rossii/?id=15990&ysclid=moqtfaiw8k84625410> (date of access: 04.05.2026). – Text: electronic.
3. Solodnikov V.V. Socially maladapted family in modern society: a sociological analysis. Moscow, 2002. – 437 p. – Dis. doctor of Social Sciences: 22.00.04.
4. Tarabrina N.V. Psychology of Post-Traumatic Stress: An Integrative Approach. – St. Petersburg: Peter, 2001. – 272 p. – ISBN 5-272-00399-3.
5. Horowitz M.J. Stress-Response Syndromes. – New York: Jason Aronson, 1976. – 240 c.

Взаимосвязь процессов профессиональной адаптации и стрессоустойчивости у сотрудников Государственной противопожарной службы МЧС России

Баранов Андрей Александрович,

магистрант, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России

E-mail: andrej.baranov1996@gmail.com

Волжанина Александра Васильевна,

старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России

E-mail: va-dfh@rambler.ru

Махмудова Мария Владимировна,

магистрант, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России

E-mail: lubimiamasha@mail.ru

Профессиональная деятельность сотрудников Государственной противопожарной службы МЧС России относится к категории экстремальных и сопряжена с хроническим воздействием комплекса стресс-факторов, что обуславливает актуальность изучения механизмов профессиональной адаптации и стрессоустойчивости как взаимно детерминирующих феноменов. Цель работы – теоретико-аналитическое обоснование взаимосвязи процессов профессиональной адаптации и стрессоустойчивости через систему личностных и средовых детерминант. Для достижения цели применялся ряд методов: контент-анализ, синтез, структурно-логическое моделирование научных данных. Установлено, что адаптация и стрессоустойчивость находятся в отношениях двунаправленной детерминации: стрессоустойчивость выступает ресурсом прохождения этапов адаптации (от стартового психического напряжения до реадаптации), а успешная адаптация формирует устойчивый профессиональный профиль стрессоустойчивости. Выявлено, что данная взаимосвязь опосредована личностными детерминантами (социально-ориентированная мотивация, эмоциональный интеллект, конструктивные копинг-стратегии, низкая ригидность, позитивная профессиональная Я-концепция) и средовыми факторами (институт наставничества, психологическое сопровождение, индивидуальный психофизический тренинг, поддержка со стороны референтных групп). По данным эмпирического исследования, проведенного в пожарно-спасательном отряде ФПС ГПС МЧС России, 83,3% молодых специалистов отмечают безусловную положительную значимость наставничества для процесса адаптации, 100% подчеркивают важность взаимоотношений в коллективе, что подтверждает ключевую роль средовых факторов. Сформулированы практические рекомендации по построению двухконтурной системы психологического сопровождения профессиональной адаптации сотрудников ГПС МЧС России, сочетающей развитие личностных ресурсов и оптимизацию профессиональной среды.

Ключевые слова: профессиональная адаптация, стрессоустойчивость, сотрудники ГПС МЧС России, личностные и средовые детерминанты, психологическое сопровождение, наставничество, эмоциональное выгорание, индивидуальный психофизический тренинг.

Введение

Служба в Государственной противопожарной службе ГПС МЧС России характеризуется высокой психоэмоциональной напряженностью, постоянным риском для жизни, дефицитом времени на принятие решений и ответственностью за их последствия. Профессиональные стрессоры, с одной стороны, выступают пусковым механизмом служебной адаптации сотрудников к экстремальным условиям деятельности, с другой – в совокупности с личностными особенностями являются предикторами психической дезадаптации, одним из вариантов которой выступает посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) [11]. Статистика свидетельствует о значительном количестве увольняющихся в течение первых 1,5–2 лет службы сотрудников, что обусловлено низким уровнем удовлетворенности работой как со стороны самих сотрудников, так и со стороны руководства. Это обусловлено рядом причин, включая недостаточную эффективность существующих механизмов адаптации [12].

В связи с этим проблема обеспечения психологической надежности личного состава, в частности, через взаимосвязь процессов профессиональной адаптации и стрессоустойчивости, приобретает особую актуальность.

В современной психологической науке адаптация и стрессоустойчивость традиционно рассматриваются как взаимосвязанные, но относительно самостоятельные феномены. Между тем эмпирические данные последних лет позволяют предположить, что их взаимосвязь носит опосредованный характер и определяется системой личностных и средовых детерминант [1; 3; 5; 13 и др.]. Выявление структуры этих детерминант и механизмов их влияния на динамику адаптационно-стрессовых процессов составляет научную и практическую значимость данного исследования.

Цель и задачи исследования

Целью работы является теоретический анализ и систематизация научных данных о взаимосвязи профессиональной адаптации и стрессоустойчивости сотрудников ГПС МЧС России через систему личностных и средовых детерминант.

Для достижения цели решались следующие задачи:

- раскрыть сущность профессиональной адаптации и стрессоустойчивости как взаимно детерминирующих феноменов;
- систематизировать личностные и средовые детерминанты, опосредующие данную взаимосвязь и модулирующие адаптационно-стрессовые процессы;
- охарактеризовать этапы психической адаптации и роль стрессоустойчивости на каждом из них;
- проанализировать эмпирические данные о факторах успешной адаптации молодых специалистов в подразделениях ГПС МЧС России;
- сформулировать практические рекомендации по совершенствованию системы психологического сопровождения сотрудников.

Материалы и методы

Исследование носит теоретико-аналитический характер. Методологический аппарат включает теоретические методы – анализ, синтез, обобщение, систематизацию научных данных по проблемам профессиональной адаптации и стрессоустойчивости сотрудников подразделений ГПС МЧС России.

Результаты исследования и их обсуждение

В научной литературе адаптация трактуется и как динамический процесс вхождения индивида в новые условия, и как достигнутый им уровень приспособленности к данным условиям. Иными словами, речь идет о способности личности поддерживать эффективное взаимодействие со средой, в которой она функционирует [12]. При этом важно подчеркнуть взаимный характер адаптации человека и той среды, с которой он вступает в регулятивные адаптационные связи в труде и других видах жизнедеятельности.

По мнению Ф.Б. Березина, сущность адаптации раскрывается через призму гомеостатических механизмов: на психофизиологическом уровне она обеспечивает поддержание физиологического баланса, а на психологическом – сохранение внутренней устойчивости лично-

сти [2]. М.А. Дмитриева предлагает рассматривать профессиональную адаптацию как многомерный феномен, охватывающий три взаимосвязанных измерения: вхождение в физические условия труда, освоение профессиональных операций и информационных потоков, а также интеграцию в социальную структуру коллектива с его ценностями и нормами [3].

Стрессоустойчивость определяется как интегративное психофизическое качество личности, детерминирующее своевременное достижение необходимой эффективности действий и ее сохранение в установленных временных пределах при воздействии комплекса профессиональных стрессовых факторов [6]. Одним из основных критериев профессиональной надежности специалиста выступает его способность к сохранению необходимой эффективности действий в ситуациях, осложненных стресс-факторами, то есть стрессоустойчивость.

Анализ научных данных позволяет утверждать, что взаимосвязь адаптации и стрессоустойчивости носит двунаправленный характер. С одной стороны, стрессоустойчивость выступает необходимым ресурсом прохождения этапов психической адаптации к экстремальным ситуациям. Отметим, что Г.К. Артамонова с соавторами выделяют в структуре психической адаптации к экстремальным ситуациям ряд последовательно сменяющихся друг друга фаз: от предстартового напряжения и первичного входа в ситуацию через период нестабильной работы и финального напряжения до этапа переадаптации и последующей реадаптации, необходимой для восстановления ресурсов [1]. С другой стороны, успешная адаптация, сопровождающаяся формированием профессиональных стереотипов поведения и овладением навыками саморегуляции, способствует закреплению стрессоустойчивости как стабильного личностного качества.

Эмпирические исследования подтверждают тесную взаимосвязь процессов профессиональной адаптации и стрессоустойчивости. Так, в работе Э.Ш. Шаяхметовой и др. выявлено, что у сотрудников противопожарной службы младше 35 лет интегративный показатель эмоционального выгорания положительно коррелирует с индикаторами тревоги, ПТСР, уникальности, несостоятельности, социального пессимизма [13]. Имеются особенности взаимосвязей между интегративным показателем эмоционального выгорания и характеристиками функциональных систем у сотрудников с разным стажем служебной деятельности, свидетельствующие об устойчивой адаптации к профессиональной деятельности в связи со стажем и опытом работы [13].

На основе анализа научных публикаций [3; 4; 9; 10 и др.] выделены ключевые личностные и средовые детерминанты, определяющие уровень стрессоустойчивости и успешности профессиональной адаптации сотрудников ГПС МЧС России. К числу *личностных факторов*, опосредующих взаимосвязь адаптации и стрессоустойчивости, относятся: мотивация, эмоциональный интеллект, копинг-стратегии, структурно-личностные факторы.

В исследовании Ю.Ю. Стрельниковой показано, что *тип мотивации* при выборе профессии напрямую влияет на уровень стрессоустойчивости и характер адаптационных процессов специалиста [10]. Сотрудники с социально-ориентированной мотивацией (чувство долга, желание помогать людям, патриотизм) демонстрируют значительно более высокую стрессоустойчивость и реже сталкиваются с симптомами ПТСР и эмоционального выгорания. Среди сотрудников с индивидуально ориентированной мотивацией (материальная выгода, стремление к безопасности, уход от проблем) больше интровертированных, пассивных, замкнутых лиц, воспринимающих окружающих как враждебных, склонных к уходу от решения проблем и злоупотреблению алкоголем. При этом 71,4% лиц с социально-ориентированной мотивацией постоянно ощущают поддержку семьи, а 38% – взаимовыручку со стороны коллег, тогда как среди индивидуально-мотивированных эти показатели составляют 26,8% и 12,2% соответственно [10].

Значимым фактором, обеспечивающим стрессоустойчивость, является *эмоциональный интеллект*, в частности способность к управлению собственными эмоциями [4]. Как отмечает В.С. Миняйло [8], существенное значение для сохранения сотрудниками МЧС психологического здоровья имеет выбор конструктивных копинг-стратегий, таких как «планирование решения проблемы» и «поиск социальной поддержки». Деструктивные стратегии (избегание, отрицание, употребление алкоголя) ведут к накоплению стресса и выгоранию.

В структурной модели, разработанной Ю.Ю. Стрельниковой, показано, что предикторами возникновения у сотрудников МЧС ПТСР являются не только возраст и стаж, но и личностные особенности, такие как ригидность нервных процессов, пессимистичность, интроверсия [11]. Вместе с тем, указанные характеристики являются более весомыми факторами риска для молодых сотрудников. Для опытных сотрудников, отличающихся лабильностью и экстраверсией, риск минимален. Ю.Г. Хлоповских подчеркивает, что стрессоустойчивость сотрудников

силовых ведомств напрямую коррелирует с конструктивной профессиональной Я-концепцией, характеризующейся отсутствием рассогласования между Я-личностным и Я-профессиональным [12].

Помимо личностных, существенное значение для уровня стрессоустойчивости имеют *средовые детерминанты* – внешние по отношению к личности факторы профессиональной и социальной среды, которые могут как усиливать, так и ослаблять стрессовое воздействие [3]. К числу средовых детерминант относятся: система психологического сопровождения, институт наставничества, моральная поддержка семьи и коллег, целенаправленное формирование индивидуального профиля стрессоустойчивости, в том числе с применением инновационных технологий повышения стрессоустойчивости.

Г.К. Артамонова и соавторы подчеркивают, что *психологическое обеспечение* должно быть неотъемлемой частью структуры подразделения [1]. Проводимые в рамках этого направления мероприятия предполагают помощь руководителям подразделений в реализации научно обоснованного подхода к совершенствованию профессионально важных качеств сотрудников, укреплению физического и ментального здоровья личного состава, минимизации энергозатрат в стрессовых ситуациях.

В подразделениях ФПС ГПС МЧС России большую роль для профессиональной адаптации молодых специалистов, повышения эффективности процесса обучения, профессионального становления играет *институт наставничества* [7; 9; 12 и др.].

В числе базовых целей института наставничества – поддержание и развитие у молодого специалиста высоких нравственных качеств, обучение прикладным аспектам профессии, воспитание желания учиться, овладевать культурой труда, активно и деятельно включиться в служебный коллектив; оказание помощи в обеспечении единства нравственного и трудового воспитания молодого сотрудника и его успешной адаптации. Положительное значение наставничества для процесса адаптации отмечают 83,3% молодых специалистов [7].

В исследовании Ю.Ю. Стрельниковой выявлено, что моральная поддержка со стороны семьи и коллег является мощным буфером стресса [10], а вкупе с мотивами социального характера эта поддержка имеет обратную связь с более низким уровнем ПТСР и эмоционального выгорания.

В.Л. Кубышко, В.В. Вахнина и др. предлагают в качестве *технологии повышения стрессоустойчивости* специалистов силовых структур индивидуальный психофизический тренинг (ИПФТ), направленный на формирование индивидуального профиля профессиональной стрессоустойчивости [6]. В результате формирующего эксперимента ($N_3 = 31$; $N_4 = 32$), проведенного В.Л. Кубышко с коллегами, выявлено, что эффективность профессиональных действий в стрессовых ситуациях у группы, прошедшей ИПФТ, статистически значимо выше ($t_{кр} > 3,37$; $p = 0,001$), чем у контрольной группы [6].

Эмпирическим основанием для проверки теоретических положений относительно факторов адаптации молодых специалистов послужили результаты пилотажного исследования М.В. Махмудовой, проведенного на базе 8-го пожарно-спасательного отряда ФПС ГПС ГУ МЧС России по Красноярскому краю [7]. В исследовании приняли участие молодые специалисты в возрасте до 25 лет (58,3%) и от 25 до 35 лет (41,7%) с разным стажем службы в МЧС России: менее года (16,7%), от года до двух лет (8,3%), от двух до трех лет (75,0%).

Полученные данные подтверждают ключевую роль средовых детерминант в процессе профессиональной адаптации. Удовлетворенность всех опрошенных молодых специалистов своим профессиональным выбором свидетельствует о преобладании социально-ориентированной мотивации – одного из ведущих личностных факторов стрессоустойчивости. Достаточный уровень профессиональной подготовки отмечают 83,33% респондентов, что создает благоприятные условия для успешного прохождения этапов адаптации.

Особое значение имеет оценка роли института наставничества: 83,3% молодых специалистов отмечают безусловную положительную значимость наставничества для процесса адаптации. Данный фактор напрямую влияет и на удовлетворенность профессиональным ростом. При этом 100% респондентов удовлетворены взаимоотношениями в подразделении, с непосредственным руководителем и начальником караула, а 91,7% отмечают важность удовлетворенности работой в целом. Эти данные подтверждают вывод Ю.Ю. Стрельниковой [10] о том, что моральная поддержка со стороны семьи и коллег способствует снижению уровню стресса.

В результате исследования выявлены факторы, осложняющие адаптацию: регулярное выполнение работы, не входящей в круг непосредственных обязанностей (отметили 50,0% респондентов); недостаток информации относительно целей и задач служебного подразделения (30,0%); недостаток практики во время обучения (16,7%). Не-

удовлетворенность жилищными условиями отметили 63,3% молодых специалистов, что указывает на необходимость разработки действенных социальных программ.

Осведомлены о перспективах служебного роста лишь 66,7% молодых специалистов, тогда как треть респондентов либо не задумываются о возможностях карьерного роста, либо знакомы с ними в общих чертах. Это свидетельствует о необходимости активизации работы по формированию у молодых специалистов ясных представлений о возможностях их продвижения по служебной лестнице, так как это не только положительно влияет на адаптацию, но и стимулирует профессиональное становление в целом [7].

Полученные данные позволяют утверждать, что успешная профессиональная адаптация, сопровождающаяся формированием устойчивых профессиональных стереотипов и навыков саморегуляции, ведет к снижению психофизиологической напряженности и повышению стрессоустойчивости. В то же время недостаточная стрессоустойчивость на этапах адаптации, особенно у молодых сотрудников, создает предпосылки для развития эмоционального выгорания, ПТСР и профессиональной дезадаптации.

На основе проведенного анализа предлагается структурно-логическая модель взаимосвязи профессиональной адаптации и стрессоустойчивости сотрудников ГПС МЧС России. Охарактеризуем ее в общих чертах.

В центре модели – процесс профессиональной адаптации, протекающий на трех уровнях (психофизиологическом, профессиональном, социально-психологическом) и проходящий через этапы от стартового психического напряжения до реадaptации. Данный процесс детерминирован стрессоустойчивостью как интегральным психофизическим качеством, формирующим индивидуальный профиль профессиональной надежности.

Взаимосвязь опосредована двумя контурами детерминант:

– личностный контур: социально-ориентированная мотивация, эмоциональный интеллект, конструктивные копинг-стратегии, низкая ригидность, позитивная профессиональная Я-концепция;

– средовой контур: институт наставничества, психологическое сопровождение, индивидуальный психофизический тренинг, коучинг-технологии, моральная поддержка референтных групп (семьи, коллег).

Эмпирические данные, полученные в исследовании М.В. Махмудовой [7], подтверждают, что средовой контур детерминант является не менее значимым, чем личностный: именно благоприятная атмосфера в коллективе, поддержка наставника и руководителя выступают ключевыми факторами успешной адаптации молодых специалистов.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

Профессиональная адаптация и стрессоустойчивость сотрудников ГПС МЧС России находятся в отношениях двунаправленной детерминации: стрессоустойчивость выступает ресурсом прохождения этапов адаптации, а успешная адаптация способствует формированию и закреплению стрессоустойчивости как устойчивого личностного качества.

Ведущими личностными детерминантами, опосредующими данную взаимосвязь, являются социально-ориентированная мотивация, развитые навыки эмоциональной регуляции, низкая ригидность, конструктивные копинг-стратегии и непротиворечивая позитивная профессиональная Я-концепция.

Ключевыми средовыми детерминантами выступают поддерживающая организационная культура, институт наставничества, эффективная система психологического сопровождения, внедрение современных методик (коучинг, индивидуальный психофизический тренинг), а также моральная поддержка семьи и коллег.

Эмпирические данные, полученные в подразделениях ГПС МЧС России, подтверждают, что для подавляющего большинства молодых специалистов базовыми детерминантами успешной адаптации являются наставничество и взаимоотношения в коллективе, что подтверждает значимость средовых факторов в обеспечении стрессоустойчивости сотрудников ГПС МЧС России.

Успешная адаптация на всех ее этапах – от стартового психического напряжения до реадaptации – возможна лишь при условии формирования индивидуального профиля профессиональной стрессоустойчивости сотрудника.

Практическая значимость исследования заключается в обосновании необходимости построения двухконтурной системы психологического сопровождения сотрудников ГПС МЧС России, включающей: 1) тренинги, направленные на развитие личностных ресурсов (навыков саморегуляции, эмоционального интеллекта, формирование социально-ориентированной мотивации, снижение ригидности);

2) мероприятия по оптимизации профессиональной среды (обучение руководителей навыкам создания благоприятного климата, обеспечение регулярной психологической помощи, внедрение ИПФТ, усиление работы по ознакомлению молодых специалистов с перспективами служебного роста и др.).

Перспективы дальнейших исследований видятся в проведении эмпирических исследований для верификации предложенной модели на репрезентативных выборках сотрудников ГПС МЧС России из разных регионов, а также разработке конкретных методик и тренинговых программ, соответствующих специфике служебной деятельности.

Литература

- Артамонова Г.К. Обеспечение развития стрессоустойчивости сотрудников федеральной противопожарной службы МЧС России с использованием системы средств и методов психологического воздействия / Г.К. Артамонова, Е.Е. Лоскутова, В.И. Муша // Психолого-педагогические основы подготовки сотрудников МЧС России к действиям в чрезвычайных ситуациях. – 2017. – С. 135–139.
- Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека: монография / Ф.Б. Березин. – Л.: Наука, 1988. – 270 с.
- Баранов А.А. Детерминанты повышения стрессоустойчивости сотрудников Государственной противопожарной службы МЧС России / А.А. Баранов // Мониторинг, моделирование и прогнозирование опасных природных явлений и чрезвычайных ситуаций: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, 22–24 октября 2025 года, г. Красноярск. – Железногорск: ФГБОУ ВО Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2023. – С. 75–80.
- Дмитриева М.А. Психологические факторы профессиональной адаптации / М.А. Дмитриева // Психологические основы профессиональной деятельности: хрестоматия / сост. В.А. Бодров. – М.: Пер Сз: Логос, 2007. – С. 723–730.
- Желдоченко Л.Д. Коучинг-технологии в профилактике эмоционального выгорания / Л.Д. Желдоченко, Н.В. Гирина // Интернет-журнал «Мир науки». – 2017. – Том 5. – № 6. – URL: kouching-tehnologii-v-profilaktike-emotsionalnogo-vygoraniya.pdf (дата обращения: 14.06.2026).
- Кубышко В.Л. Психологическое обеспечение стрессоустойчивости как элемента профессиональной надежности специалиста силовых структур / В.Л. Кубышко, В.В. Вахнина, В.М. Крук, А.Ю. Федотов // Психология и право. – 2020. – Том 10. – № 2. – С. 167–178.
- Махмудова М.В. Влияние адаптации в подразделении на становление молодого специалиста в структуре МЧС России / М.В. Махмудова // Молодые ученые в решении актуальных проблем безопасности: Сборник материалов XIII Всероссийской научно-практической конференции, 23 мая 2025 года, г. Железногорск. – Железногорск: ФГБОУ ВО Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2025. – С. 103–107.
- Миняйло В.С. Исследование копинг-стратегий сотрудников МЧС с различным уровнем эмоционального выгорания / В.С. Миняйло // Интернет-журнал «Теория и практика современной науки». – 2020. – № 6(60). – С. 235–238.
- Салчак С.Д. К проблеме адаптации выпускников образовательных организаций системы МЧС России в подразделениях – местах прохождения службы / С.Д. Салчак, Ю.Г. Хлоповских // Молодые ученые в решении актуальных проблем безопасности: Сборник материалов XII Всероссийской научно-практической конференции, 26 мая 2023 года, г. Железногорск. – Железногорск: ФГБОУ ВО Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2023. – С. 96–99.
- Стрельникова Ю.Ю. Мотивация сотрудников федеральной противопожарной службы МЧС России к деятельности в экстремальных условиях и ее влияние на выраженность психологических последствий / Ю.Ю. Стрельникова // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». – 2014. – № 4. – С. 136–148.
- Стрельникова Ю.Ю. Структурная модель изменений личности сотрудников федеральной противопожарной службы МЧС России / Ю.Ю. Стрельникова // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». – 2015. – № 4. – С. 145–149.
- Хлоповских Ю.Г. Развитие стрессоустойчивости будущих сотрудников правоохранительных органов / Ю.Г. Хлоповских // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2019. – № 5(3). – С. 335–338.
- Шаяхметова Э.Ш. Взаимосвязи эмоционального выгорания и психофизиологических показателей у сотрудников противопожарной службы МЧС России / Э.Ш. Шаяхметова, А.Н. Нугаева, Г.Ф. Ту-

литбаева, Р.Р. Самигуллин // Психология. Психофизиология. – 2021. – Т. 14. – № 1. – С. 128–135.

THE RELATION OF PROFESSIONAL ADAPTATION PROCESSES AND STRESS RESISTANCE AMONG EMPLOYEES OF THE STATE FIRE SERVICE OF THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS OF RUSSIA

Baranov A.A., Volzhanina A.V., Makhmudova M.V.

Siberian Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia

The professional activities of employees of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia are referred to the category of extreme ones, they are tied with the unstoping influence of stress factors complex, which makes it relevant to study the mechanisms of professional adaptation and stress resistance as mutually determining phenomena. The purpose of this work is to provide a theoretical and analytical justification for the relationship between the processes of professional adaptation and stress resistance through a system of personal and environmental determinants. To achieve this goal, a number of methods were used, including content analysis, synthesis, and structural-logical modeling of scientific data. It has been established that adaptation and stress resistance are in a relationship of bidirectional determination: stress resistance acts as a resource for passing through the stages of adaptation (from initial mental stress to readaptation), and successful adaptation forms a stable professional stress resistance profile. It has been revealed that this relationship is mediated by personal determinants (socially oriented motivation, emotional intelligence, constructive coping strategies, low rigidity, and positive professional self-concept) and environmental factors (mentoring institute, psychological support, individual psychophysical training, and support from reference groups). According to the empirical study conducted in the fire and rescue unit of the Federal State Fire Service, 83.3% of young specialists note the undeniable positive significance of mentoring for the adaptation process, and 100% emphasize the importance of teamwork, which confirms the key role of environmental factors. The study provides practical recommendations for building a two-tier system of psychological support for the professional adaptation of employees of the Federal State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, which combines the development of personal resources and the optimization of the professional environment.

Keywords: professional adaptation, stress resistance, employees of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, personal and environmental determinants, psychological support, mentoring, emotional burnout, individual psychophysical training.

References

1. Artamonova G.K. ensuring the development of stress resistance of employees of the Federal Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia using a system of means and methods of psychological influence / G.K. Artamonova, E.E. Loskutova, V.I. Masha // psychological and pedagogical foundations of training employees of the Ministry of Emergency Situations of Russia to act in emergency situations. – 2017. – Pp. 135–139.

2. Berezin F.B. mental and psychophysiological adaptation of man: a monograph / F.B. Berezin. – L.: Nauka Publ., 1988. – 270 p.

3. Baranov A.A. Determinants of increasing stress resistance of employees of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia / A.A. Baranov // Monitoring, modeling and forecasting of natural hazards and emergencies: proceedings of the international scientific and practical conference, October 22–24, 2025, Krasnoyarsk. – Zheleznogorsk: Siberian Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2023. – Pp. 75–80.

4. Dmitrieva M.A. psychological factors of professional adaptation / M.A. Dmitrieva // Psychological foundations of professional activity: a textbook / comp. V.A. Bodrov. – Moscow: Logos, 2007. – Pp. 723–730.

5. Zheldochenko L.D. coaching technologies in the prevention of emotional burnout / L.D. Zheldochenko, N.V. Girina // Mir Nauki online magazine. – 2017. – Vol. 5. – № 6. – URL: kouching-tehnologii-v-profilaktike-emotionalnogo-vygoraniya.pdf (accessed: 06/14/2026).

6. Kubysheko V.L. Psychological support of stress resistance as an element of professional reliability of law enforcement personnel / V.L. Kubysheko, V.V. Vakhnina, V.M. Kruk, A. Yu. Fedotov // Psychology and law. – 2020. – Volume 10. – № 2. – Pp. 167–178.

7. Makhmudova M.V. The influence of adaptation in the unit on the formation of a young specialist in the structure of the Ministry of Emergency Situations of Russia / M.V. Makhmudova // Young scientists in solving urgent safety problems: proceedings of the XIII All-Russian Scientific and Practical Conference, May 23, 2025, Zheleznogorsk. – Zheleznogorsk: Siberian Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2025. – Pp. 103–107.

8. Minyailo V.S. A study of coping strategies of the Ministry of Emergency Situations employees with different levels of emotional burnout / V.S. Minyailo // Internet is a journal of Theory and Practice of Modern Science. – 2020. – № 6(60). – Pp. 235–238.

9. Salchak S.D. On the problem of adaptation of graduates of educational institutions of the Ministry of Emergency Situations of Russia in units-in places of service / S.D. Salchak, Yu.G. Khlopovskikh // young scientists in solving urgent security problems: collection of materials of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference, May 26, 2023. – Zheleznogorsk. – Zheleznogorsk: Siberian Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2023. – Pp. 96–99.

10. Strelnikova Yu. Y. motivation of employees of the Federal Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia to work in extreme conditions and its impact on the severity of psychological consequences / Yu.Y. Strelnikova // Scientific and analytical journal «Bulletin of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia». – 2014. – № 4. – Pp. 136–148.

11. Strelnikova Yu. Y. structural model of personality change of employees of the Federal Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia / Yu.Y. Strelnikova // Scientific and analytical journal «Bulletin of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia». – 2015. – № 4. – Pp. 145–149.

12. Khlopovskikh Yu.G. Development of stress resistance of future law enforcement officers / Yu.G. Khlopovskikh // Public safety, legality and law and order in the third millennium. – 2019. – № 5(3). – Pp. 335–338.

13. Shayakhmetova E. Sh. the interaction of emotional burnout and psychophysiological indicators in employees of the fire service of the Ministry of Emergency Situations of Russia / E. Sh. Shayakhmetova, A.N. Nugaeva, G. F. tulitbayeva, R.R. Samigullin // Psychology. Psychophysiology. – 2021. – Vol. 14. – № 1. – Pp. 128–135.

Богдан Марина Сергеевна,

старший преподаватель кафедры психолого-педагогического, специального и эстетического образования, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Азовский государственный педагогический университет им. П.Д. Осипенко»
E-mail: psihologmarina@yandex.ru

Актуальность. В условиях активной цифровизации и расширения интернет-пространства социализация молодежи, особенно из новых регионов России, приобретает новые формы и вызовы. В этом контексте жизнестойкость выступает ключевым личностным ресурсом, обеспечивающим успешную социализацию молодежи и ее интеграцию в социокультурную и информационную среду. Цель. Изучение взаимосвязи между жизнестойкостью и успешной социализацией интернет-активной молодежи новых регионов. Выборка. В исследовании приняли участие 458 студентов ФГБОУ ВО «Азовский государственный педагогический университет им. П.Д. Осипенко» в возрасте от 18 до 30 лет, проживающих в Запорожской области. Методы. Для реализации цели и задач исследования был применен комплекс психодиагностических методик, включающий тест жизнестойкости Мадди (Personal Views Survey, PVSIII-R) (Maddi, D. Khoshaba), адаптация: Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова); опросник «Методика изучения социализированности личности учащегося» (М.И. Рожков), опросник «Уровень интернет-активности личности» (М.С. Богдан, А.И. Лучинкина). Статистический анализ экспериментальных данных был выполнен с использованием прикладного программного обеспечения «SPSS 22.0». Результаты. Выявлено, что интернет-активная молодежь новых регионов России демонстрирует высокий уровень социальной адаптированности и нравственности, однако автономность и социальная активность развиты неоднородно. Статистический анализ подтвердил наличие значимых связей между интернет-активностью, социализированностью и жизнестойкостью. Жизнестойкость у интернет-активной молодежи в целом выступает ресурсом, способствующим более успешной социализации личности в современных условиях. Выводы. Жизнестойкость может рассматриваться как ресурс социализации интернет-активной молодежи новых регионов России к условиям стремительно изменяющейся социальной реальности. Ее развитие не только способствует конструктивному преодолению трудностей, но и усиливает способности к критическому восприятию цифрового контента, формированию ответственного поведения в сети и позитивному включению в социальные процессы. Включение программ по формированию жизнестойкости в систему образовательной и молодежной политики может стать эффективным инструментом поддержки личностного и социального роста молодежи в новых регионах страны.

Ключевые слова: жизнестойкость, социализация, интернет-активность, молодежь, новые регионы, цифровая среда, адаптация.

Введение

На фоне роста использования цифровых технологий и развития онлайн коммуникации характер социализации молодежи меняется. В частности это касается новых регионов России – здесь происходит трансформация социальной культуры. Активность в интернете является главным способом общения с обществом вместо классических форм социализации. В то же время растет роль информационного пространства для формирования личности, ценностных ориентиров, гражданской самоидентификации и социализации молодых людей. Однако, активность в виртуальном пространстве не всегда сопровождается развитием устойчивых моделей конструктивного поведения в реальной социальной среде, что требует анализа дополнительных психологических ресурсов, способствующих успешной социализации.

Одним из таких ресурсов, определяющим устойчивость личности в условиях цифровых трансформаций, выступает жизнестойкость. Этот личностный ресурс обеспечивает способность эффективно справляться с жизненными трудностями, адаптироваться к изменениям и выстраивать продуктивное социальное поведение. Особенно актуальным становится изучение взаимосвязи между жизнестойкостью и уровнем социализированности интернет-активной молодежи новых регионов, поскольку именно здесь закладываются основы включенности в общероссийское социокультурное пространство.

Теоретическое основание

Социализация представляет собой двусторонний процесс взаимодействия личности и общества, включающий усвоение социального опыта и одновременное преобразование общественных связей в собственной деятельности. В научной литературе также используется понятие «социализированность», обозначающее степень соответствия индивида социальным ожиданиям, характерным для его возрастного и социального статуса [Серкова, Тучин, Николаева, 2017].

В информационную эпоху социализация молодежи все больше опосредуется цифровыми технологиями, превращая интернет в ключевую площадку для идентификации, общения и усвоения социальных норм. Цифровая активность как форма деятельности по удовлетворению потребностей в самоопределении проявляется через время пребывания в сети, разнообразие ресурсов, коммуникацию в мессенджерах и сообществах, публикацию контента и онлайн-покупки [Перевозкина, Тишкова, 2024].

По мнению А.С. Тишковой, цифровая активность личности направлена на социализацию и самоидентификацию в сети, что происходит в условиях современного информационного общества с его нелинейными социальными связями (М.Н. Бычкова, Г.А. Окушова). Информационная социализация связана с цифровой культурой, информационной грамотностью; пространство интернета становится интерактивным пространством – обилие информации и возможности самовыражения делают коммуникацию проще, однако она нуждается в новых визуальных кодах для трансляции смыслов, которые теряются при выходе за пределы офлайн-коммуникаций [Тишкова, 2023].

По мнению А.И. Лучикиной, следует выделять интернет социализацию отдельно – она представляет собой расширение социального опыта, развитие компетенций при вовлечении человека в социокультурную среду интернета. Исследовательница акцентирует внимание на специфике личностно-активного участия субъекта в пространстве цифровой коммуникации [Лучинкина, 2017].

Е.П. Белинская определяет следующие аспекты изучения интернета – виды деятельности в интернете; воздействие интернет-среды на человека (мотивация к использованию сети, формирование Я-концепции личности, проблема зависимости от сети) и интернет-общение как новая форма социально-психологической активности. Все эти направления описаны для различных областей жизни общества – от медиа и образования до политической арены и психотерапии [Лучинкина 2017].

А.И. Лучинкина выделяет три этапа интернет-социализации: доинтернетный (формирование представлений), начальный (развитие мотивации и инструментальной компетентности) и основной (создание контента и формирование виртуальной личности). Девиантная социа-

лизация может возникнуть на любом из этих этапов – от слабой компетентности в начале до искаженных представлений о сети впоследствии, что подчеркивает взаимное влияние виртуального и реального пространства на развитие личности [Лучинкина, 2016].

То есть можно сказать, что цифровая среда является не только пространством для социализации, а еще и средством построения социальных связей, самоопределения молодежи. Здесь же необходимо отметить такое определение как активность в интернете – это показатель того насколько активно человек включается в жизнь, опосредованную интернет-пространством. Интернет-активность у молодых людей коррелирует с общественной активностью – участие в социально-политической жизни общества; производство информации для демократизации [Шамянов, Суздальцев, Бочарова, Акамова, 2023; Белоконев, Косарева, 2023]. Кроме того, она способствует саморазвитию, самообразованию [Данилов, 2012] и культурному самовыражению через цифровые платформы, позволяющие делиться творчеством и поддерживать независимые проекты [Жданова, 2015]. Таким образом, цифровое пространство становится инструментом повышения политической грамотности, поиска аудитории и развития креативности.

Исследования (И.В. Воробьева, О.В. Кружкова) показывают, что вовлеченность интернет-активной молодежи в виртуальные сообщества способствует развитию социальных навыков, но одновременно создает риски зависимости и деформации межличностных отношений, требуя более глубокого изучения влияния цифровых платформ на психоэмоциональное состояние и критическое мышление. Несмотря на эти риски, такая молодежь остается важной силой общественного развития, задавая новый вектор прогресса и используя цифровые технологии в интересах общества [Кружкова, Воробьева, 2019].

В нашей работе принимается определение интернет-активности А.И. Лучинкиной как интегральной характеристики личности, включающей временные и деятельностные параметры. Исследовательница выделяет пять групп пользователей – от непользователей до чрезмерно активных, отмечая, что за последние 5 лет пассивные пользователи практически исчезли из выборок, а проблема возникает лишь при приоритете виртуального пространства над реальным. Согласно ее теории, в сетях реализуются потребительские мотивы (исполнение социальной роли) и творческие (создание контента). В то же время максимальная уязвимость к деструктивной коммуникации, а также к кибербуллингу отмечается среди пользователей с низкими показателями потребительской мотивации – преследователи, жертвы и пособники агрессии [Лучинкина 2014].

Интернет-активность способствует социализации молодежи как пространство развития социального опыта и построения социальных отношений связей; это имеет особое значение для жителей новых регионов РФ из-за недостатка общения офлайн. Но при активном использовании сети они становятся подвержены негативным воздействиям – буллингу, зависимостям, инфошуму. В связи с этим формирование жизнестойкости – качества адаптации к стрессовым ситуациям – дает возможность более продуктивно применять ресурсы сети Интернет в целях саморазвития человека, уменьшая при этом вероятность негативных последствий от влияния виртуальной среды.

Понятие «жизнестойкость» предложил С. Кобейс; а С. Мадди определяет жизнестойкость как совокупность личностных ресурсов для эффективной адаптации к стрессу (вовлеченность, контроль и риск). В отечественной психологии Д.А. Леонтьев рассматривает жизнестойкость как ресурс саморегуляции, снижающий уязвимость человека и влияющий на принятие решений в сложных ситуациях. С.А. Богомаз дополняет это понимание, определяя ее как системное свойство личности, позволяющее превращать проблемы в новые возможности для адаптации и развития [Леонова, 2021]. Таким образом, жизнестойкость представляет собой совокупность когнитивных, эмоциональных и поведенческих особенностей, которые помогают сохранять психологическое благополучие и внутреннее равновесие в стрессовых ситуациях. Это система убеждений о себе и реальности, формирующая внутреннюю готовность воспринимать трудности как возможности для развития при сохранении психического здоровья даже в условиях значительного стрессового давления.

Исследования К. Хоу, Т. Фост, Б. ДUFFек, А. Аригайота, А. Айзингерих показывают двойственное влияние интернет-активности на развитие этого качества: расширяя возможности коммуникации, чрезмерное пребывание в цифровой среде может снижать самооценку и ограничивать устойчивость к стрессу [Hou, Foscht, Duffek, Arigayota, Eisingerich, 2025]. При этом исследователи Г. Онал и Т. Оздемир доказали связь высокого уровня жизнестойкости с меньшей выраженностью проблемного интернет-использования [Önal, Özdemir, 2025], а Т. Бағатархан установил, что жизнестойкость опосредует взаимосвязь между самозащитивностью, счастьем и склонностью к зависимости

[Bağatarhan, 2025]. Следовательно, укрепление жизнестойкости выступает важным направлением профилактики интернет-зависимости и формирования здоровой социализации личности.

Теоретический анализ жизнестойкости, интернет-активности и социализации молодежи показывает их взаимную обусловленность и влияние на психоэмоциональное и социальное развитие личности. При этом недостаточно эмпирических данных, позволяющих количественно оценить эти взаимосвязи и выявить особенности влияния жизнестойкости социализацию молодежи в интернет-пространстве. В связи с этим следующим этапом исследования является эмпирическое изучение этих явлений.

Целью настоящего исследования является изучение жизнестойкости как ресурса успешной социализации интернет-активной молодежи новых регионов.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- Оценить уровень жизнестойкости молодежи;
- Охарактеризовать особенности интернет-активности;
- Изучить уровень социализированности интернет-активной молодежи из новых регионов;
- Установить взаимосвязи между изучаемыми явлениями.

Выборка

В исследовании приняли участие 458 студентов ФГБОУ ВО «Азовский государственный педагогический университет им. П.Д. Осипенко» в возрасте от 18 до 30 лет, проживающих в Запорожской области.

Методы

Для реализации целей исследования был применен комплекс психодиагностических методик. Изучение уровня жизнестойкости и ее компонентов осуществлялось с помощью теста жизнестойкости Мадди (PersonalViewsSurvey, PVSIII-R) (Maddi, D. Khoshaba), адаптация: Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова). Особенности социализации молодежи изучались путем применения опросника «Методика изучения социализированности личности учащегося» (М.И. Рожков), валидность использования которой для выборки 18–30 лет подтверждена предыдущими исследованиями. Для определения уровня интернет-активности применялся авторский исследовательский опросник «Уровень интернет-активности личности» (М.С. Богдан, А.И. Лучинкина, Л.В. Буга) [Богдан, Буга, 2025], прошедший процедуры стандартизации и включающий шкалы технической, коммуникационной, контентной и поведенческой активности.

Статистический анализ экспериментальных данных был выполнен с использованием прикладного программного обеспечения «SPSS 22.0».

Результаты исследования

По результатам анализа методики изучения социализированности личности (составляющие – социальная адаптированность, автономия, социальная активность, нравственность) установлено, что более чем у половины опрошенных респондентов отмечен высокий уровень социальной адаптированности, то есть они хорошо интегрированы в общество. Однако 30% студентов имеют средний уровень адаптации, а около 15% – низкий, что указывает на существующие трудности в социализации части молодежи.

Показатель автономности (умение самостоятельно принимать решения, нести ответственность за себя) наблюдается только у 40% участников. В то же время средний уровень составляет – 38%, низкий – 22%. Следовательно, можно говорить о том, что молодым людям нужно развивать умения самостоятельно управлять своей деятельностью и поведением. Вместе с тем, показатели уровня социальной активности (показатель вовлеченности в общественную жизнь и инициативность) являются высокими для 48%, низкими – для 20% респондентов. Это показывает разнородный характер участия молодежи в социальных проектах и общественных процессах.

Нравственность, как показатель внутренней ценностной ориентированности и соблюдения социальных норм, была выражена высоко у 62% респондентов, демонстрируя позитивное отношение большинства молодежи к моральным и этическим стандартам общества. Тем не менее, 18% показали средний, а 20% – низкий уровень нравственных установок, что может свидетельствовать о наличии у части молодежи проблем с принятием и соблюдением социальных правил.

Анализ результатов изучения интернет-активности позволил разделить респондентов на три группы. Большинство студентов (52%) продемонстрировали средний уровень активности, соответствующий профилю «уверенного пользователя» с временем пребывания в сети до 4–5 часов в день. Четверть выборки (25%) составила группу высокой активности («продвинутые пользователи», более 5 часов в сутки), а 23% респондентов – группу низкой активности («начинающие поль-

зователи», не более 1 часа в день). При этом наиболее яркие статистические различия между группами зафиксированы по показателям технической, коммуникационной и поведенческой активности ($p < 0,01$).

Таким образом, было выявлено, что высоким уровнем технической активности обладает небольшое количество респондентов. Максимальное количество респондентов (49% выборки) имеет высокий уровень коммуникационной активности, однако не у всех этих пользователей общий уровень интернет-активности тоже высок. Мы связываем такие различия в результатах с невысоким уровнем контентной и технической активности. Следует отметить, что наиболее яркие отличия по показателям технической активности ($\chi^2_{эмп.} = 14,17$ при $p < 0,01$; $\chi^2_{кр} = 9,210$); коммуникационной активности ($\chi^2_{эмп.} = 12,46$ при $p < 0,01$; $\chi^2_{кр} = 9,210$); поведенческой активности ($\chi^2_{эмп.} = 10,92$ при $p < 0,01$; $\chi^2_{кр} = 9,210$). При этом различия по показателям контентной активности достоверно неразличаются ($\chi^2_{эмп.} = 5,32$ при $p < 0,05$; $\chi^2_{кр} = 5,991$).

Анализ результатов изучения жизнестойкости показал, что 42% студентов обладают низким уровнем жизнестойкости. У них наблюдаются сниженные показатели по всем основным компонентам – вовлеченности, контролю и принятию риска, что указывает на недостаток ресурсов для конструктивного поведения в стрессовых ситуациях и преодоления жизненных трудностей. Это часто приводит к негативным эмоциональным состояниям, социальной дезадаптации и личностному неудовлетворению. Такие показатели выявлены у третьей группы респондентов – молодежь с низким уровнем интернет-активности.

В то же время 25% респондентов демонстрируют высокий уровень жизнестойкости, что отражается в наличии устойчивых убеждений о себе и мире, позволяющих им успешно справляться с проблемами без излишнего внутреннего напряжения. Также было выявлено, что высоким уровнем жизнестойкости обладают в основном респонденты группы с высоким уровнем интернет-активности ($\chi^2_{эмп.} = 12,82$ при $p < 0,01$; $\chi^2_{кр} = 9,210$). Следует отметить, что у 11% респондентов со средним уровнем интернет-активности также выявлен высокий уровень жизнестойкости тоже присутствует.

Анализ результатов показал, что более 27,5% респондентов всех групп имеют средний уровень жизнестойкости. Следует отметить, что большая часть респондентов со средней интернет-активностью, в основном, имеет средний уровень жизнестойкости (63,6% группы 2).

Анализ каждого компонента жизнестойкости показал, что 41% участников имеют низкую вовлеченность, что свидетельствует о сомнении в ценности своей деятельности и чувстве отстраненности от жизни. Низкий уровень контроля был выявлен у 42% респондентов, которые ощущают беспомощность и ограниченность в управлении своей жизнью и ответственностью за свои поступки. В то же время 25% демонстрируют высокий уровень принятия риска, что говорит о готовности воспринимать жизненный опыт как возможность для роста и развития. В целом, результаты указывают на то, что большинство интернет-активной молодежи испытывает трудности с эффективным преодолением жизненных стрессов и вызовов.

Статистический анализ показал, что существуют достоверные отличия в уровнях жизнестойкости между группами интернет-активной молодежи ($\chi^2_{эмп.} = 10,033$ при $p < 0,01$; $\chi^2_{кр} = 9,210$). При этом стоит отметить, что наиболее значимые отличия обнаружены между результатами группы 1 (высокая интернет-активность) и остальными группами. Таким образом, респонденты с высоким уровнем интернет-активности менее всего подвержены снижению жизнестойкости. Следует отметить, что и уровень принятия риска в первой группе самый высокий. Однако, наибольший разброс наблюдается в группе со средним уровнем интернет-активности.

Рассматривая взаимосвязь компонентов жизнестойкости (вовлеченность, контроль, принятие риска) с социализированностью интернет-активной молодежи, выявлено наличие статистически значимых различий: по показателю вовлеченности и социальной активности ($\chi^2_{эмп.} = 10,254$ при $p < 0,01$; $\chi^2_{кр.} = 9,210$), по компоненту контроля и социальной адаптированности ($\chi^2_{эмп.} = 9,847$ при $p < 0,01$; $\chi^2_{кр.} = 9,210$). Это говорит о высоком уровне социальной активности у жизнестойких студентов, а также об их способности к саморегуляции поведения в трудных ситуациях. Установлено достоверное различие по шкале принятия рисков ($\chi^2_{эмп.} = 7,815$ при $p < 0,05$; $\chi^2_{кр.} = 5,991$) – показатель готовности жизнестойких студентов принимать на себя ответственность за новые, нетипичные решения. По данным первичного распределения респондентов на группы по уровню активности в интернете, приходим к выводу о социальной активизации интернет-активных пользователей.

Обсуждение результатов

В результате проведенного исследования определены характеры связи уровня интернет активности с жизнестойкостью и индикаторами социализации молодежи новых территорий РФ.

По результатам проведенного нами исследования можно сказать, что уровень показателей жизнестойкости у большинства испытуемых был низким (в частности по показателям вовлеченности и контроля), т.е. внутренние ресурсы для решения проблемной или стрессовой ситуации были недостаточны. В то же время выявлена корреляционная зависимость уровня жизнестойкости от степени интернет-активности по показателям социализированности – социальной адаптации, автономии, социальной активности. Таким образом, можно говорить о том, что жизнестойкость выступает важным фактором личностных ресурсов для эффективной социализации молодежи при наличии актуальных проблем современности (включая влияние информационной среды).

Выводы работы показывают необходимость формирования личностного ресурса жизнестойкости как условия эффективной адаптации молодых людей к условиям жизни современного информационно-общества. Интеграция усилий по работе со студентами с учетом особенностей их интернет-активности и личностных ресурсов позволит повысить степень социальной адаптированности, активности, нравственного вектора личности.

Заключение

В результате можно говорить о жизнестойкости как об одном из ресурсов адаптированной и социализированной интернет-активной молодежи новых территорий России на фоне быстро трансформирующегося социального пространства. Развитие данного качества позволяет эффективно решать проблемы адаптации и социализации, развивая при этом навыки критического мышления по отношению к информации в интернете, формирование ответственной сетевой активности, активное участие в жизни общества. Интеграция курсов развития жизнеспособности в комплекс мер образовательной, молодежной политики позволит обеспечить сопровождение личностно-социального развития молодого поколения на территориях нового субъекта РФ.

Проведенное исследование выявило взаимосвязь между уровнем интернет-активности, жизнестойкости и успешностью социализации, а также показало, что низкий уровень интернет-активности при низкой жизнестойкости может способствовать социальной дезадаптации. Это подтверждает необходимость интеграции в образовательный процесс тренинговых программ, направленных на развитие таких компонентов жизнестойкости, как вовлеченность, контроль и принятие риска учитывая особенности интернет-активности молодежи. Важно акцентировать внимание на необходимости развития навыков самоконтроля, сознательного использования цифровых технологий для эффективной социализации человека сегодня.

Выявленные результаты исследования будут являться научным и методическим фундаментом создания системы психолого-педагогического сопровождения молодежи (особенно в сфере образования). Система должна быть направлена на решение проблем адаптации к новым условиям жизни, социализации, самореализации. Учет особенностей новых регионов будет способствовать развитию личностного потенциала молодежи. Следовательно, развитие жизнестойкости является не просто инструментом личной адаптации – это важный ресурс для развития человеческого капитала государства.

Практическое применение

Результаты исследования могут применяться при организации деятельности образовательных учреждений и молодежных центров новых территорий РФ по созданию психокоррекционных программ, воспитательной работы с целью формирования у молодежи устойчивости к интернет-среде. В результате этого будет достигнут рост социальной адаптации интернет-активной молодежи; усиление навыков конструктивного преодоления проблемной ситуации; уменьшение вероятности возникновения зависимости от интернета, эмоциональной истощаемости. В свою очередь результаты исследования помогут разработать направленные меры профилактики и пропаганды в целях воспитания сознательной гражданственности и гражданских ценностей.

Литература

- Белоконев, С.Ю., Косарева, А.А. (2023). Влияние интернет-коммуникаций на формирование политической идентичности и политического поведения российской молодежи. Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования, № 3 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-internet-kommunikatsiy-na-formirovaniye-politicheskoy-identichnosti-i-politicheskogo-povedeniya-rossiyskoy-molodezhi> (дата обращения: 14.10.2025).
- Богдан, М.С., Бура, Л.В. (2025) Опросник «Уровень активности личности». Системная психология и социология, № 4 (56). С. 5–14. DOI: 10.24412/2223-6872-2025-456-5-14

3. Данилов, С.А. (2012). Риски и потенциал интернет-социализации молодежи. Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика, № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-i-potentsial-internet-sotsializatsii-molodezhi> (дата обращения: 14.10.2025).

4. Жданова, Т.А. (2015). Влияние виртуальной среды на социализацию современной молодежи (2015). Ученые заметки ТОГУ, Т. 6, № 2, С. 121–127.

5. Кружкова, О.В., Воробьева, И.В. (2019). Личностные особенности подростков, юношей и молодежи, вовлеченных в среду Интернет: зоны уязвимости для экстремистского воздействия в условиях цифровизации. Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, № 4, С. 160–185. DOI: 10.11621/vsp.2019.04.164

6. Леонова, Е.Н. (2021). Жизнестойкость и когнитивная оценка трудной жизненной ситуации как предикторы способов совладания. Человеческий капитал, 4(148). URL: https://humancapital.ru/wp-content/uploads/2021/04/202104_p090-103.pdf (дата обращения: 05.08.2025)

7. Лучинкина, А.И. Специфика мотивации интернет-пользователей (2014). ПНИО, № 6 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-motivatsii-internet-polzovateley> (дата обращения: 14.10.2025).

8. Лучинкина, А.И. (2016). Социализация в интернет-пространстве как специфический вид социализации личности. Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология, № 3 (5), 6–11.

9. Лучинкина, И.С. (2017). Особенности поведенческой составляющей интернет-социализации личности. Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология, 1(7), 113–116.

10. Перевозкина, Ю.М., Тишкова, А.С. (2024). Индивидуальные особенности студенческой молодежи в зависимости от их цифровой активности в социальных сетях. Человеческий капитал, 3(183), 272–279. URL: https://humancapital.ru/wp-content/uploads/2024/03/202403_p272-279.pdf (дата обращения: 05.08.2025)

11. Серкова, Г.Г., Тучин, В.М., Николаева, И.С. (2017). Диагностика социализации студентов техникума в рамках деятельности региональной инновационной площадки. Инновационное развитие профессионального образования, № 3 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-sotsializatsii-studentov-tehnikuma-v-ramkah-deyatelnosti-regionalnoy-innovatsionnoy-ploschadki> (дата обращения: 14.10.2025).

12. Тишкова, А.С. (2023). Особенности цифровой социализации современной молодежи: теоретический экскурс. Человеческий капитал, 12(180) часть 1, 212–218. URL: https://humancapital.ru/wp-content/uploads/2023/12/202312-1_p212-218.pdf (дата обращения: 05.08.2025)

13. Шамионов, Р.М., Суздальцев, Н.В., Бочарова, Е.Е., Акамова, Ю.А. (2023). Роль ценностей и вовлеченности молодежи в различные формы активности в предпочтении онлайн/офлайн-среды. Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология, Т. 13, Вып. 1, С. 38–50. DOI: 10.21638/spbu16.2023.103

14. Bağatarhan, T. (2025). Investigating the mediating effect of resilience in the relationship between self-efficacy, happiness, social support, and Internet addiction in adolescents. Current Psychology, 44, Pp. 11591–11602. DOI: 10.1007/s12144-025-07931-8.

15. Hou, C., Foscht, T., Duffek, B., Arigayota, A., Eisingerich, A. (2025). Mitigating the Negative Effects of Internet Browsing on Young People's Resilience and Outlook on Life Through Classic Grimms' Fairy Tales: Exploratory Randomized Controlled Study. JMIR formative research. 9. e76770. DOI: 10.2196/76770

16. Önal, G., Özdemir, T. (2025). Resilience and Social-Emotional Expertise as Predictors of Problematic Internet Use Among University Students. Behavioral Sciences, 15, 650. DOI: 10.3390/bs15050650.

RESILIENCE AS A RESOURCE FOR THE SUCCESSFUL SOCIALIZATION OF INTERNET-ACTIVE YOUTH IN THE NEW REGIONS

Bogdan M.S.

Azov State Pedagogical University named after P.D. Osipenko

Background. In the context of rapid digitalization and the expansion of the online environment, the socialization of young people – especially those from Russia's new regions – acquires new forms and challenges. In this regard, resilience serves as a key personal resource that ensures successful socialization and integration of youth into the socio-cultural and informational environment. Objectives. To examine the relationship between resilience and the successful socialization of internet-active youth in the new regions. Study Parti-

pants. The study involved 458 students aged 18 to 30 from the Azov State Pedagogical University named after P.D. Osipenko, residing in the Zaporozhye region. Methods. To achieve the research objectives, a set of psychodiagnostic tools was used, including the Hardiness Test (Personal Views Survey, PVS III-R) by D. Maddi and S. Khoshaba (adapted by D.A. Leontiev and E.I. Rasskazova); the Questionnaire for Studying the Socialization of Students by M.I. Rozhnov; and the Internet Activity Level Questionnaire by M.S. Bogdan and A.I. Luchinkina. Statistical analysis of the experimental data was conducted using SPSS 22.0 software. Results. The findings revealed that internet-active youth in Russia's new regions demonstrate a high level of social adaptability and moral values, while autonomy and social activity are less consistent. Statistical analysis confirmed significant correlations between internet activity, socialization, and resilience. Overall, resilience functions as a resource that promotes more effective socialization of internet-active youth in the contemporary digital environment. Conclusions. Resilience can be considered a crucial resource for the socialization of internet-active youth in Russia's new regions, facilitating adaptation to a rapidly changing social reality. Its development not only supports constructive coping with difficulties but also enhances critical evaluation of digital content, responsible online behavior, and positive participation in social processes. Integrating resilience development programs into educational and youth policy systems may serve as an effective tool for supporting the personal and social growth of young people in these regions.

Keywords: resilience, socialization, internetactivity, youth, newregions, digitalenvironment, adaptation.

References

1. Belokonev, S.Yu., Kosareva, A.A. (2023). Vliyaniye internet-kommunikatsiy na formirovaniye politicheskoy identichnosti i politicheskogo povedeniya rossiyskoy molodezhi. Gumanitarnyye: aktual'nye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya, № 3 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-internet-kommunikatsiy-na-formirovaniye-politicheskoy-identichnosti-i-politicheskogo-povedeniya-rossiyskoy-molodezhi> (data obrashcheniya: 14.10.2025). (In Russ.)

2. Bogdan, M.S., Bura, L.V. (2025). Questionnaire «Internet activity level of person». Systems Psychology and Sociology, № 4 (56). P. 5–14. DOI: 10.24412/2223-6872-2025-456-5-14 (In Russ.)

3. Danilov, S.A. (2012). Riski i potentsial internet-sotsializatsii molodezhi. Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika, № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-i-potentsial-internet-sotsializatsii-molodezhi> (data obrashcheniya: 14.10.2025). (In Russ.)

4. Zhdanova, T.A. (2015). Vliyaniye virtual'noy sredy na sotsializatsiyu sovremennoy molodezhi. Uchenye zametki TOGU, T. 6, № 2, pp. 121–127. (In Russ.)

5. Kruzhkova, O.V., Vorob'eva, I.V. (2019). Lichnostnye osobennosti podrostkov, yunoshey i molodezhi, вовлеченных в среду Internet: зоны уязвимости для экстремистского воздействия в условиях цифровизации. Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, № 4, pp. 160–185. DOI: 10.11621/vsp.2019.04.164 (In Russ.)

6. Leonova, E.N. (2021). Zhiznестойкость i kognitivnaya otsenka trudnoy zhiznennoy situatsii kak prediktory sposobov sovladaniya. Chelovecheskiy kapital, 4(148). URL: https://humancapital.ru/wp-content/uploads/2021/04/202104_p090-103.pdf (data obrashcheniya: 05.08.2025). (In Russ.)

7. Luchinkina, A.I. (2014). Spetsifika motivatsii internet-polzovateley. PNIО, № 6 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-motivatsii-internet-polzovateley> (data obrashcheniya: 14.10.2025). (In Russ.)

8. Luchinkina, A.I. (2016). Sotsializatsiya v internet-prostranstve kak spetsificheskii vid sotsializatsii lichnosti. Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya, № 3 (5), pp. 6–11. (In Russ.)

9. Luchinkina, I.S. (2017). Osobennosti povedencheskoy sostavlyayushchey internet-sotsializatsii lichnosti. Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya, 1(7), pp. 113–116. (In Russ.)

10. Perevozkina, Yu.M., Tishkova, A.S. (2024). Individual'nye osobennosti studencheskoy molodezhi v zavisimosti ot ikh tsifrovoy aktivnosti v sotsial'nykh setyakh. Chelovecheskiy kapital, 3(183), pp. 272–279. URL: https://humancapital.ru/wp-content/uploads/2024/03/202403_p272-279.pdf (data obrashcheniya: 05.08.2025). (In Russ.)

11. Serkova, G.G., Tuchin, V.M., Nikolaeva, I.S. (2017). Diagnostika sotsializatsii studentov tehnikuma v ramkakh deyatelnosti regional'noy innovatsionnoy ploschadki. Innovatsionnoye razvitiye professional'nogo obrazovaniya, № 3 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-sotsializatsii-studentov-tehnikuma-v-ramkah-deyatelnosti-regionalnoy-innovatsionnoy-ploschadki> (data obrashcheniya: 14.10.2025).

12. Tishkova, A.S. (2023). Osobennosti tsifrovoy sotsializatsii sovremennoy molodezhi: teoreticheskii ekskurs. Chelovecheskiy kapital, 12(180), chast' 1, pp. 212–218. URL: https://humancapital.ru/wp-content/uploads/2023/12/202312-1_p212-218.pdf (data obrashcheniya: 05.08.2025). (In Russ.)

13. Shamiонов, Р.М., Суздальцев, Н.В., Бочарова, Е.Е., Акамова, Ю.А. (2023). Rol' tsennostey i вовлеченности molodezhi v razlichnye formy aktivnosti v predpochtenii onlayn/offlayn-sredy. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya, T. 13, Vyp. 1, pp. 38–50. DOI: 10.21638/spbu16.2023.103 (In Russ.)

14. Bağatarhan, T. (2025). Investigating the mediating effect of resilience in the relationship between self-efficacy, happiness, social support, and Internet addiction in adolescents. Current Psychology, 44, Pp. 11591–11602. DOI: 10.1007/s12144-025-07931-8.

15. Hou, C., Foscht, T., Duffek, B., Arigayota, A., Eisingerich, A. (2025). Mitigating the Negative Effects of Internet Browsing on Young People's Resilience and Outlook on Life Through Classic Grimms' Fairy Tales: Exploratory Randomized Controlled Study. JMIR formative research. 9. e76770. DOI: 10.2196/76770

16. Önal, G., Özdemir, T. (2025). Resilience and Social-Emotional Expertise as Predictors of Problematic Internet Use Among University Students. Behavioral Sciences, 15, 650. DOI: 10.3390/bs15050650.

Бочанов Максим Александрович,

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: max8797@list.ru

Статья посвящена анализу роли технологий искусственного интеллекта в трансформации волонтерской деятельности. На основе данных глобальных и российских эмпирических исследований, а также экспертных оценок автором выделяются ключевые направления внедрения ИИ в добровольческую сферу. Особое внимание уделяется этическим вызовам и институциональным ограничениям, возникающим при цифровой трансформации волонтерства. В работе также анализируются государственные инициативы по поддержке ИИ-решений в социальной сфере, а также практические кейсы внедрения интеллектуальных систем в деятельность российских НКО и корпоративных волонтерских программ. В работе обосновывается вывод о том, что искусственный интеллект выступает не просто технологическим инструментом, но катализатором системных изменений в организации добровольческой деятельности, при этом его эффективность определяется не столько техническим совершенством решений, сколько готовностью организаторов и добровольцев к их осмысленному и ответственному использованию.

Ключевые слова: искусственный интеллект, волонтерская деятельность, добровольчество, цифровизация, некоммерческие организации, этика ИИ, интеллектуальные системы, корпоративное волонтерство.

Введение

В современном социокультурном контексте волонтерская деятельность обретает системный и масштабный характер. Согласно статистике платформы «Добро.рф», за последнее десятилетие доля россиян, вовлеченных в добровольчество, возросла с 3 до 32%. По состоянию на октябрь 2025 года в единой системе добровольчества зарегистрировано свыше 9,2 млн волонтеров и около 180 тыс. организаций [1]. Как исследователи, мы видим, что искусственный интеллект уже сегодня меняет организационную ткань волонтерства, причем часто снизу и стихийно. Исследования фиксируют, что большинство сотрудников гуманитарных организаций так или иначе пробовали ИИ-инструменты, но формальные правила их использования есть лишь у пятой части. Этот «теневой ИИ» — одновременно и свидетельство огромного потенциала, и зона этической уязвимости, связанной с защитой личных данных подопечных.

Параллельно с этим технологии искусственного интеллекта активно интегрируются в социальную сферу, создавая предпосылки для оптимизации управленческих механизмов. Как отмечает И. Мерсиянова, руководитель Центра исследований гражданского общества НИУ ВШЭ, в обществе сохраняется устойчивый запрос на участие НКО и волонтеров в решении социальных проблем: 78% опрошенных россиян полагают, что общественные институты должны активно включаться в эту работу [2].

В этой связи актуализируется исследовательская задача по определению потенциала ИИ в развитии добровольчества, выявлению наиболее эффективных направлений внедрения и анализу ограничений, с которыми сталкиваются организации при использовании подобных технологий. Цель работы — проанализировать влияние технологий искусственного интеллекта на добровольческую деятельность и выделить условия, при которых они усиливают, а не подменяют ее. Методологически исследование опирается на сопоставительный анализ российских эмпирических данных, материалов Frank RG и Sber Private, статистики платформы «Добро.рф», а также кейсов внедрения ИИ в НКО и корпоративных волонтерских программах.

Результаты и обсуждение

Е. Кузнецова отмечает, что цифровизация открывает возможности для удаленного волонтерства: консультирование по горячим линиям, наставничество, разработка сайтов, коммуникационная поддержка, аналитика и продвижение НКО. В этой связи набирают популярность платформы интеллектуального волонтерства — Volonter.ru, ProCharity, «IT-волонтер» [3]. К примеру, в 2025 году на развитие собственных AI-решений для некоммерческого сектора платформа Tooba направила 100 млн рублей [4]. Исследование RescueLens, проведенное коллективом ученых из Carnegie Mellon University и других институций (Н. Раман, Дж. Танг, З. Чен и др.), демонстрирует, что большие языковые модели способны эффективно анализировать обратную связь волонтеров. В ходе эксперимента система на основе LLM восстановила 96% релевантной информации из аннотированных наборов данных, существенно превосходя ручной труд по скорости и объему обработки [5].

Платформа «Авито» применила комбинацию генеративного ИИ и рекомендательных алгоритмов в сотрудничестве с поисково-спасательным отрядом «ЛизаАлерт», что позволило в 1,6 раза повысить эффективность социальных механик и увеличить конверсию в пожертвования на 60% [6].

Значимое направление — использование ИИ для поддержки волонтеров в полевых условиях. Глобальная организация Mercy Corps разработала генеративный ИИ-инструмент Methods Matcher, который помогает оперативно находить решения на основе архива успешных практик — от оценки продовольственной безопасности до рекомендаций по суммам помощи в условиях высокой инфляции. Это ускоряет принятие решений в зонах гуманитарных кризисов.

В российской практике ИИ «Сбера» уже применяется для автоматизированного анализа фотоснимков в поиске пропавших людей. По данным отряда «Лиза Алерт», за 15 лет работы спасено 240 тыс. человек, и внедрение интеллектуальных алгоритмов позволяет существенно нарастить скорость и результативность поисковых операций.

Международное исследование Humanitarian Leadership Academy и Data Friendly Space (2025) зафиксировало так называемый «пара-

докс гуманитарного ИИ»: 93% сотрудников гуманитарных организаций используют или апробировали ИИ-инструменты, 70% применяют их ежедневно или еженедельно, однако лишь 8% организаций сообщают о полноценной интеграции. Отмечается, что «гуманитарные работники не ждут разрешения на использование ИИ – они уже экспериментируют и адаптируют инструменты». При этом 64% респондентов указывают на отсутствие или недостаток организационного обучения, а 73% называют обучение критической потребностью на ближайшие 1–2 года. Только 21% организаций имеют формальные политики в отношении ИИ, что порождает масштабное применение «теневого ИИ». 69% полагаются на коммерческие платформы (ChatGPT, Claude), а не на специализированные гуманитарные решения. Интересно, что 75% ответов поступили из стран Африки, Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона, что свидетельствует о высокой инновационной активности в условиях ресурсных ограничений. Один из респондентов отметил: «Слабый интернет или проблемы с электричеством затрудняют использование ИИ, но мы ищем решения, используя офлайн-инструменты. Эти вызовы подталкивают нас к большей креативности» [7].

Наряду с очевидными преимуществами, внедрение ИИ сопряжено с этическими рисками. Исследование Frank RG и Sber Private «Благотворительная индустрия в России 2025» (участвовали крупные НКО, включая фонды «Вера», «Дом с маяком», «Подари жизнь», «Онкологика») показало, что, хотя 71% НКО считают, что ИИ сэкономит ресурсы для основной миссии, барьером остаются вопросы конфиденциальности и защиты данных. 42% НКО называют этические опасения причиной отказа от ИИ-инструментов; 32% отметили отсутствие внутренней политики по ИИ. Лишь 2% НКО используют ИИ на регулярной основе, преимущественно для создания контента, чат-ботов и подготовки отчетов. Представитель НКО подчеркнул: «У нас огромная часть работы связана с личными данными, поэтому мы думаем, как включить ИИ без разглашения информации». Участники также указали на высокую стоимость внедрения и риск потери личного взаимодействия с донорами, а также возможность получения неточных данных от нейросетей [8].

Преодоление этого разрыва, с нашей точки зрения, требует перехода от реактивного к проактивному государственному управлению, когда государство не просто реагирует на уже возникшие проблемы, а системно проектирует инфраструктуру, стандарты и программы повышения квалификации [9]. Применительно к волонтерству это означает, что поддержка ИИ-решений должна сопровождаться созданием доступных, этически безопасных инструментов для НКО и обучением кадров, иначе технологии останутся уделом единиц.

Значимую роль в институционализации добровольчества сыграло государство. Национальные проекты, инфраструктура ресурсных центров и цифровые платформы превратили волонтерство в системный элемент социальной политики. Анализируя становление добровольческих инициатив в России, мы приходим к выводу, что «потенциал добровольческой деятельности у молодежи значительно выше» [10]. Это зафиксировано и на уровне стратегических документов. К 2030 году планируется вовлечь в добровольческую и общественную деятельность до 45% молодежи.

Показательным примером государственного признания роли волонтерства с использованием ИИ стало мероприятие в Координационном центре правительства, где вице-премьер Д. Чернышенко встретился с представителями компаний, развивающих корпоративное волонтерство, НКО и добровольцами. Он вручил благодарность команде корпоративных волонтеров Сбера и отметил соответствие подходов банка национальным целям, подчеркнув важность тиражирования практик, особенно в сфере ИИ [11].

Еще одним примером практического взаимодействия ИИ и волонтерства стала подготовка ежегодной программы «Итоги года с Владимиром Путиным» в декабре 2025 года. Искусственный интеллект GigaChat (разработка Сбербанка) был задействован для приема звонков, перевода речи в текст, обработки и анализа вопросов, определения их приоритетности. Как сообщается, это позволило значительно ускорить обработку обращений [12]. После завершения прямой линии Президент встретился с волонтерами и техническими специалистами, включая сотрудников «Сбера», занимавшихся доработкой системы. Народный фронт также активно использует ИИ для обработки обращений граждан; после первичного анализа ИИ вопросы направляются в профильные ведомства.

Важным направлением остается повышение цифровой грамотности волонтеров и сотрудников НКО. Е. Кузнецова отмечает, что подготовка волонтеров все чаще ведется дистанционно – от базовых курсов до специализированных программ для действий в ЧС. Онлайн-формат снижает порог входа и позволяет быстрее масштабировать ресурс в кризисных ситуациях. «Нетология» совместно с «Добро.рф» в кон-

це 2025 года запустила бесплатный курс «Основы волонтерства в ЧС»; МЧС также проводит онлайн-обучение по пожарной безопасности.

Проект To Dual, направленный на поддержку НКО во внедрении ИИ, предоставляет экспертную и образовательную помощь. В декабре 2025 года To Dual выступил партнером пилотного обучения с фондом «Яндекса» «Помощь рядом» и фондом «Друзья». В рамках курса специалисты 79 НКО освоили генеративные модели и инструменты анализа данных, разработав цифровые решения для своих организаций. Три лучших проекта получили экспертную поддержку: фонд «Дети наши» (оптимизация грантовых заявок), Центр поддержки материнства «Душа Мамы» (ИИ-ассистент для анализа резюме психологов) и фонд «Второе дыхание» (чат-бот для приема одежды). Государственная поддержка, подтвержденная признанием Правительства РФ, создает благоприятные условия для дальнейшего масштабирования ИИ-решений в добровольческой сфере. Искусственный интеллект в волонтерстве – это не цель, а средство, потенциал которого раскрывается лишь в той мере, в какой он служит укреплению человеческой солидарности и развитию добровольческих сообществ. Дальнейшее развитие требует междисциплинарного взаимодействия специалистов в области социальных наук, информационных технологий и управления, а также активного диалога с самими волонтерскими организациями.

Заключение

Подводя итог, хотим выделить главный, как нам кажется, парадокс, проступивший в ходе анализа: искусственный интеллект в волонтерстве меняет все, кроме самой сути добровольчества. Мы увидели, что алгоритмы действительно способныкратно ускорить обработку обращений, точнее подбирать задачи под навыки людей и даже прогнозировать потребности в помощи – и здесь цифры из отчетов Тооба, «Авито», «Лизы Алерт» говорят сами за себя. Однако самый важный сдвиг, на наш взгляд, происходит не на уровне технологий, а на уровне организационной культуры: ИИ высвечивает давно назревшую потребность перейти от «ручного управления» волонтерскими инициативами к системной, проактивной модели координации.

Обратная сторона этого процесса – разрыв между стихийным освоением нейросетей самими добровольцами и почти полным отсутствием институциональных политик их использования. Именно этот «теневого ИИ», когда 93% сотрудников гуманитарных организаций уже применяют умные инструменты, а прописанные регламенты есть лишь у пятой части из них, создает зону уязвимости и с этической, и с правовой точек зрения. Поэтому мы бы подчеркнули: обучение и разработка отраслевых стандартов – не вспомогательная задача, а условие, без которого технология рискует стать либо игрушкой энтузиастов, либо источником новых рисков для подопечных.

Симптоматично, что государство все чаще смотрит на эту сферу не как на узкий сегмент IT-рынка, а как на инфраструктурный проект. Государственные инициативы – от национального плана по ИИ до грантов и налоговых послаблений – постепенно превращают умные решения в повседневный инструмент даже для небольших НКО. Но мы отдаем себе отчет: никакая технологическая экосистема не заменит живого доверия и эмпатии, ради которых люди приходят в добровольчество. Поэтому ближайшие годы, на наш взгляд, дадут ответ на главный вопрос – станет ли ИИ очередной волной автоматизации или средой, по-настоящему усиливающей человеческую солидарность. Пока все указывает на то, что решающим фактором остается не сам технический прогресс, а наша коллективная способность осмысленно вплести его в живую ткань помощи.

Литература

1. В России приняли концепцию поддержки волонтеров до 2030 года [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/12/27/27513859.shtml> (дата обращения: 25.06.2026).
2. Взгляд в будущее: если кого и заменят ИИ и роботы, то точно не волонтеров // Агентство социальной информации. – 2025. – URL: <https://asi.org.ru/2025/11/24/vzglyad-v-budushhee-esli-kogo-i-zamenyat-ii-i-roboty-to-tochno-ne-volonterov/> (дата обращения: 25.06.2026).
3. Кузнецова Е. Волонтерство 2030: как изменится культура помощи в будущем [Электронный ресурс] // РБК Тренды. – 2025. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/6952720c9a79476da38df3d> (дата обращения: 25.06.2026).
4. В 2025 году на благотворительность через приложение Тооба направили 1 млрд рублей // Агентство социальной информации. – 2025. – URL: <https://asi.org.ru/news/2025/12/22/v-2025-godu-na-blagotvoritelnost-cherez-prilozhenie-tooba-o/> (дата обращения: 21.06.2026).

5. Raman N., Tang J., Chen Z., Shi Z.R., Hudson S., Kapoor A., Fang F. RescueLens: LLM-Powered Triage and Action on Volunteer Feedback for Food Rescue // Proceedings of AAAI Conference on Artificial Intelligence. – 2025.

6. Авито в 1,6 раз повысил эффективность социальных механик с помощью искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // Авито. – 2026. – 24 апреля. – URL: https://www.avito.ru/company/press/avito_has_increased_the_efficiency_of_its_social_mechanics_using_artificial_intelligence (дата обращения: 20.06.2026).

7. Humanitarian Leadership Academy, Data Friendly Space. How are humanitarians using artificial intelligence in 2025? Mapping current practice and future potential: initial insights report. – August 2025. – URL: <https://reliefweb.int/report/world/how-are-humanitarians-using-artificial-intelligence-2025-mapping-current-practice-and-future-potential-initial-insights-report-august-2025> (дата обращения: 23.06.2026).

8. Frank RG, Sber Private. Благотворительная индустрия в России и роль крупных филантропов в ней 2025 [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: https://frankrg.com/wp-content/uploads/public-files/Sber_PB_Frank_RG_Charity_2025.pdf (дата обращения: 25.07.2026).

9. Бочанов М.А. От реактивного к проактивному государственному управлению в эпоху цифровой трансформации // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2024. – Т. 16, № 4. – С. 555–570. – DOI: 10.17072/2218-9173-2024-4-555-570.

10. Бочанов М.А. Добровольчество в России: особенности становления и современные установки молодежи // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – Т. 13, № 1. – С. 124–136. – DOI: 10.22394/2225-8272-2024-13-1-124-136.

11. Захаров А. «Драйверы позитивных перемен»: какой вклад корпоративное волонтерство вносит в экономику России [Электронный ресурс] // Добро.Медиа. – 2026. – 23 июля. – URL: <https://dobro.press/stories/korporativnoe-volontyorstvo-itogi-vstrechi-s-chernyshenko> (дата обращения: 23.07.2026).

12. Искусственный интеллект в естественных науках: как Giga-Chat помогает ученым [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. – 2024. – 18 декабря. – URL: <https://regnum.ru/news/3936227> (дата обращения: 26.06.2026).

THE ROLE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE DEVELOPMENT OF VOLUNTEERISM

Bochanov M.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This article analyzes the role of artificial intelligence technologies in the transformation of volunteerism. Based on data from global and Russian empirical studies, as well as expert assessments, the author identifies key areas for the implementation of AI in volunteerism. Particular attention is paid to the ethical challenges and institutional limitations arising from

the digital transformation of volunteerism. The paper also analyzes government initiatives to support AI solutions in the social sphere, as well as practical cases of implementing intelligent systems in Russian NGOs and corporate volunteer programs. The paper concludes that artificial intelligence is not simply a technological tool, but a catalyst for systemic change in the organization of volunteerism. Its effectiveness is determined not so much by the technical sophistication of solutions as by the willingness of organizers and volunteers to use them meaningfully and responsibly.

Keywords: artificial intelligence, volunteerism, volunteering, digitalization, non-profit organizations, AI ethics, intelligent systems, corporate volunteering.

References

1. Russia Adopts Volunteer Support Concept Until 2030 [Electronic Resource]. – 2025. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/12/27/27513859.shtml?ysclid=ms09u9sqe781736216> (Accessed: June 25, 2026).
2. A Look into the Future: If AI and Robots Replace Anyone, It Definitely Won't Be Volunteers // Social Information Agency. – 2025. – URL: <https://asi.org.ru/2025/11/24/vzglyad-v-budushhee-esli-kogo-i-zamenyat-ii-i-roboty-to-tochno-ne-volonterov/> (Accessed: June 25, 2026).
3. Kuznetsova E. Volunteering 2030: How the Culture of Help Will Change in the Future [Electronic resource] // RBC Trends. – 2025. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/6952720c9a79476da38adf3d> (date of access: 06/25/2026).
4. In 2025, 1 billion rubles were donated to charity through the Tooba app // Social Information Agency. – 2025. – URL: <https://asi.org.ru/news/2025/12/22/v-2025-godu-nablizhivayetsya-1-mld-rublev-donirovannykh-cherez-tooba/> (date of access: 06/21/2026).
5. Raman N., Tang J., Chen Z., Shi Z.R., Hudson S., Kapoor A., Fang F. RescueLens: LLM-Powered Triage and Action on Volunteer Feedback for Food Rescue // Proceedings of AAAI Conference on Artificial Intelligence. – 2025.
6. Avito has increased the efficiency of social mechanics by 1.6 times using artificial intelligence [Electronic resource] // Avito: [website]. – 2026. – April 24. – URL: https://www.avito.ru/company/press/avito_has_increased_the_efficiency_of_its_social_mechanics_using_artificial_intelligence (date of access: 20.06.2026).
7. Humanitarian Leadership Academy, Data Friendly Space. How are humanitarians using artificial intelligence in 2025? Mapping Current Practice and Future Potential: Initial Insights Report. August 2025. Available at: <https://reliefweb.int/report/world/how-are-humanitarians-using-artificial-intelligence-2025-mapping-current-practice-and-future-potential-initial-insights-report-august-2025> (Accessed June 23, 2026).
8. Frank RG, Sber Private. The Charitable Industry in Russia and the Role of Major Philanthropists in It 2025 [Electronic resource]. 2025. Available at: https://frankrg.com/wp-content/uploads/public-files/Sber_PB_Frank_RG_Charity_2025.pdf (Accessed July 25, 2026).
9. Bochanov, M.A. From Reactive to Proactive Public Administration in the Era of Digital Transformation / M.A. Bochanov // Ars Administrandi (The Art of Management). – 2024. – Vol. 16, № 4. – P. 555–570. – DOI 10.17072/2218–9173–2024–4–555–570.
10. Bochanov, M.A. Volunteerism in Russia: Features of Formation and Modern Attitudes of Young People / M.A. Bochanov // Bulletin of Public and Municipal Administration. – 2024. – Vol. 13, № 1. – P. 124–136. – DOI 10.22394/2225–8272–2024–13–1–124–136.
11. Zakharov A. «Drivers of Positive Change»: What Contribution Does Corporate Volunteering Make to the Russian Economy [Electronic resource] // Добро.Медиа: [website]. – 2026. – July 23. – URL: <https://dobro.press/stories/korporativnoe-volontyorstvo-itogi-vstrechi-s-chernyshenko> (date of access: 23.07.2026).
12. Artificial Intelligence in the Natural Sciences: How GigaChat Helps Scientists [Electronic resource] // ИА REGNUM. – 2024. – December 18. – URL: <https://regnum.ru/news/3936227> (date of access: 26.06.2026).

Методологические подходы к подготовке воспитателей ДОУ для работы с детьми с особыми образовательными потребностями

Галкина Наталия Александровна,

аспирант, ассистент, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: 010368@togudv.ru

В статье рассматривается проблема методологического обеспечения подготовки воспитателей дошкольных образовательных учреждений к работе с детьми, имеющими особые образовательные потребности. Обоснована необходимость интеграции культурно-исторического, системно-деятельностного, компетентностного, личностно-ориентированного и контекстного подходов в проектирование содержания и технологической профессиональной подготовки педагогов дошкольного образования. Проанализированы нормативно-правовые и научные основания формирования инклюзивной компетентности воспитателя. Предложена авторская модель методологической интеграции, раскрывающая взаимосвязь ценностно-мотивационного, когнитивного, операционального и рефлексивного компонентов готовности педагога к инклюзивной практике. Сделан вывод о том, что только на основе полипарадигмального методологического основания возможна подготовка воспитателя, способного к построению индивидуальной образовательной траектории ребенка с ограниченными возможностями здоровья в условиях вариативности дошкольного образования.

Ключевые слова: воспитатель ДОУ, дети с особыми образовательными потребностями, ограниченные возможности здоровья, инклюзивное образование, методологические подходы, профессиональная подготовка, инклюзивная компетентность, культурно-исторический подход, компетентностный подход, системно-деятельностный подход

Современный этап развития отечественного дошкольного образования характеризуется переходом к модели, ориентированной на обеспечение равного доступа к качественному образованию для всех детей независимо от состояния их здоровья, особенностей психофизического развития и социальных обстоятельств. Принятие Федерального закона № 273 «Об образовании в Российской Федерации» (2012), ратификация Конвенции о правах инвалидов, утверждение Федеральной стратегии развития системы поддержки семей, имеющих детей с ограниченными возможностями здоровья, а также введение профессионального стандарта «Педагог» создали нормативно-правовой фундамент для построения инклюзивной образовательной среды на всех уровнях обучения, включая дошкольный. Вместе с тем практика показывает, что институциональные преобразования опережают формирование реальной готовности педагогических кадров к работе в условиях разнообразия образовательных потребностей воспитанников.

Воспитатель дошкольной образовательной организации (далее – ДОУ) оказывается сегодня в ситуации профессионального вызова: с одной стороны, он обязан обеспечить реализацию адаптированной образовательной программы ребенка с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ), с другой – традиционно его подготовка ориентировалась преимущественно на работу с нормотипичными детьми. Дефицит специальных дефектологических компетенций, недостаточная сформированность ценностно-смысловой готовности к принятию «другого» ребенка, слабое владение технологиями индивидуализации и дифференциации обучения становятся факторами, снижающими качество инклюзивной практики и, как следствие, ограничивающими возможности социальной интеграции детей с ОВЗ.

Указанное противоречие актуализирует проблему перепроектирования системы подготовки воспитателей ДОУ на качественно новых методологических основаниях. Методология здесь понимается не как совокупность частных методик, а как учение о принципах, способах и формах организации научно-педагогического знания и педагогической деятельности, определяющее стратегию построения образовательного процесса в вузе. От выбора и корректного сочетания методологических подходов зависит, насколько глубоко будущий воспитатель сможет осмыслить феномен детской аномалии, насколько гибко он будет выстраивать взаимодействие с ребенком, имеющим особые образовательные потребности, и насколько рефлексивно он будет относиться к собственным профессиональным действиям.

Целью настоящей статьи является теоретическое обоснование и системное описание методологических подходов, обеспечивающих эффективную подготовку воспитателей ДОУ к работе с детьми с особыми образовательными потребностями, а также раскрытие механизмов их интеграции в проектирование содержания и технологий профессиональной подготовки.

Проблема подготовки педагогов к работе с детьми, имеющими отклонения в развитии, имеет в отечественной науке глубокие исторические корни. Ее теоретико-методологические основания были заложены в трудах Л.С. Выготского, который, обосновывая принцип положительной динамики развития при аномалии, сформулировал идею о том, что дефект не исчерпывает личность ребенка и что педагогический процесс должен опираться на зоны ближайшего развития, создаваемые в условиях специально организованной социальной среды [1]. Эта мысль, развитая впоследствии в трудах Л.В. Занкова, С.Л. Миримановой, Н.Г. Морозовой стала краеугольным камнем специальной педагогики и определила ее гуманистическую направленность.

В современной науке проблема инклюзивного образования и подготовки педагогов к работе в условиях разнообразия разрабатывается в трудах Н.Н. Малофеева, который обосновал концепцию вариативных моделей инклюзии и выделил уровни готовности образовательной организации к принятию ребенка с ОВЗ [2]. С.В. Алехина исследует психологическую готовность педагогов к инклюзивному образованию, выделяя ее когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты и показывая, что именно ценностно-смысловая сфера является определяющей в формировании инклюзивной позиции педагога [3]. И.Ю. Левченко, Т.Н. Исаева, Е.Л. Инденбаум рассматривают проблему подготовки специалистов в области специальной педагогики как комплексную задачу, требующую интеграции фундаментального

психолого-педагогического и узкоспециального дефектологического знания [4].

Вопросы формирования инклюзивной компетентности воспитателя ДОУ затрагиваются в работах Т.В. Волосковой, А.А. Веряскиной, О.С. Никитиной, Л.М. Володиной, которые показывают, что инклюзивная компетентность представляет собой интегративное качество личности педагога, включающее мотивационно-ценностное, когнитивное, деятельностное и рефлексивное измерения [5]. Однако, как справедливо отмечают А.Г. Гонеев и Н.И. Лифинцева, большинство существующих исследований носят преимущественно частнометодический характер и не содержат развернутого методологического обоснования построения системы подготовки воспитателей к работе с детьми с особыми образовательными потребностями [6].

Таким образом, несмотря на значительный объем накопленного научно-педагогического знания, проблема методологического обеспечения подготовки воспитателей ДОУ к работе с детьми с ОВЗ остается недостаточно разработанной, что и определяет научную новизну и практическую значимость настоящего исследования.

Методология подготовки воспитателя к работе с детьми с особыми образовательными потребностями не может быть построена на основе какой-либо одной научной парадигмы. Сложность и многомерность объекта – ребенка с ОВЗ, а также субъекта педагогического взаимодействия – самого воспитателя, требуют полипарадигмального методологического основания, в котором различные подходы взаимодополняют и взаимообогащают друг друга. В качестве системообразующих в настоящем исследовании выступают культурно-исторический, системно-деятельностный, компетентностный, личностно-ориентированный, контекстный и акмеологический подходы, каждый из которых вносит свой специфический вклад в проектирование содержания и технологий подготовки.

Культурно-исторический подход Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева является теоретико-методологическим фундаментом всей специальной педагогики. Ключевые положения подхода основываются на:

- социальной ситуации развития;
- зоне ближайшего развития;
- учении о высших психических функциях как продукте культурно-исторического развития;
- роли знака и слова как орудий опосредования;
- психической жизни.

Положения позволяют будущему воспитателю увидеть в ребенке с ОВЗ не «дефектного», а иначе развивающегося человека, чьи возможности раскрываются в специально организованной социальной среде. В.И. Лубовский подчеркивал, что именно культурно-историческая теория позволяет преодолеть биологизаторский взгляд на аномалию и перевести проблему из плоскости медицинской диагностики в плоскость педагогической коррекции и развития [7]. В контексте подготовки воспитателя этот подход задает ценностно-смысловую рамку: Ребенок с ОВЗ рассматривается как субъект развития, а не как объект коррекционного воздействия.

Системно-деятельностный подход, опирающийся на исследования Б.Г. Ананьева, А.В. Петровского, А.К. Марковой, позволяет рассматривать профессиональную деятельность воспитателя как целостную систему, включающую мотивационный, целеполагающий, операциональный и рефлексивный компоненты. Применительно к работе с детьми с особыми образовательными потребностями этот подход акцентирует внимание на том, что инклюзивная практика требует от педагога не просто набора отдельных умений, а системного видения образовательной ситуации, способности анализировать взаимосвязи между состоянием ребенка, образовательной средой, содержанием деятельности и результатами взаимодействия. А.Г. Асмолов отмечает, что системно-деятельностный подход в образовании предполагает переход от трансляции знаний к организации деятельности самого обучающегося по присвоению способов действия [8]. В подготовке воспитателя это означает, что будущий педагог должен не просто знать о детях с ОВЗ, а уметь выстраивать с ними совместную деятельность, проектировать индивидуальные образовательные маршруты, оценивать их динамику.

Компетентностный подход, раскрытый в трудах И.А. Зимней, А.В. Хуторского, В.А. Болотова, В.Д. Шадрикова, определяет ориентиры формирования результатов подготовки. Инклюзивная компетентность воспитателя, понимаемая как интегративное качество, позволяющее эффективно решать профессиональные задачи в условиях разнообразия образовательных потребностей детей, становится ключевым ориентиром проектирования образовательной программы подготовки. О.Е. Гущина и Т.В. Скорикова выделяют в структуре инклюзивной компетентности воспитателя ДОУ ценностно-мотивационный, когнитивный, операционально-деятельностный и личностно-рефлексивный

компоненты, каждый из которых требует особых педагогических условий формирования [9]. Компетентностный подход задает вопрос «каким должен быть воспитатель, готовый к работе с детьми с ОВЗ?»..

Личностно-ориентированный подход, прослеживающийся в трудах В.В. Серикова, И.С. Якиманской, Е.В. Бондаревской, акцентирует внимание на субъектной позиции самого будущего воспитателя. Подготовка к работе с детьми с особыми образовательными потребностями невозможна без обращения к личностному ресурсу студента, без развития его эмпатии, толерантности, рефлексивности, способности к принятию «другого». Как показывает Н.В. Веряскина, именно личностные характеристики педагога во многом определяют успешность инклюзивной практики, причем эти характеристики поддаются целенаправленному развитию в условиях вузовской подготовки [10]. Личностно-ориентированный подход требует, чтобы образовательный процесс в вузе был построен на принципах субъект-субъектного взаимодействия, диалогичности, создания ситуаций личностного выбора и ответственности.

Контекстный подход А.А. Вербицкого обеспечивает связь теоретической подготовки с реальной профессиональной деятельностью. Будущий воспитатель должен осваивать специальные знания и умения не в абстрактной форме, а в контексте решения профессиональных задач, в условиях, моделирующих реальную практику работы с детьми с ОВЗ. Контекстное обучение предполагает использование активных и интерактивных методов – кейс-технологий, проектного обучения, деловых игр, супервизии, анализа видеозаписей педагогического взаимодействия, позволяющих студенту «прожить» профессиональные ситуации еще до выхода в реальную практику. Этот подход особенно важен в подготовке к работе с детьми с особыми образовательными потребностями, поскольку именно в конкретных ситуациях взаимодействия раскрывается подлинная готовность педагога.

Акмеологический подход, раскрытый А.А. Бодалевым, А.А. Деркачом, Н.В. Кузьминой, ориентирует подготовку на достижение высокого уровня профессионального мастерства, на постоянное самосовершенствование педагога. Работа с детьми с ОВЗ – это область, требующая от воспитателя не только базовых компетенций, но и способности к непрерывному профессиональному росту, к освоению новых технологий, к сотрудничеству со смежными специалистами – дефектологами, логопедами, психологами, тьюторами. Акмеологический подход задает вектор развития будущего воспитателя как профессионала, способного к саморазвитию и творческому решению нестандартных задач [11].

Эффективность подготовки воспитателя к работе с детьми с особыми образовательными потребностями зависит не столько от наличия отдельных методологических подходов, сколько от их органичной интеграции в единую систему проектирования содержания и технологий подготовки. Такая интеграция возможна при условии, что каждый из подходов занимает свое функциональное место в общей методологической архитектуре и при этом находится в отношениях взаимодополнения с другими.

Культурно-исторический подход выполняет в этой архитектуре мировоззренческую функцию: он формирует у будущего воспитателя научное понимание природы детской аномалии, освобождает его от стереотипов и предрассудков, задает гуманистическую систему координат профессионального мышления. Именно на его основе формируется ценностно-смысловой компонент инклюзивной компетентности – убежденность в развивающихся возможностях каждого ребенка, готовность видеть за дефектом личность, вера в положительную динамику при правильно организованной педагогической поддержке.

Системно-деятельностный подход обеспечивает целостное видение профессиональной деятельности воспитателя в инклюзивной группе. Он требует, чтобы будущий педагог осваивал не разрозненные приемы коррекционной работы, а целостные способы построения образовательного процесса, учитывающие специфику контингента, образовательной среды, взаимодействия со специалистами и родителями. В.А. Сластенин подчеркивал, что профессиональная подготовка педагога должна быть направлена на формирование целостной системы профессионально-педагогической деятельности, а не на накопление отдельных умений [12].

Компетентностный подход конкретизирует требования к результатам подготовки, переводя абстрактные методологические принципы в систему конкретных индикаторов сформированности инклюзивной компетентности. Эти индикаторы, в свою очередь, становятся ориентиром при отборе содержания дисциплин, проектировании практических занятий, разработке критериев оценки. Л.М. Митина отмечает, что компетентностный подход в подготовке педагога требует четкого разграничения того, что должен знать, уметь и каким быть специалист для успешного решения профессиональных задач [13].

Личностно-ориентированный подход обеспечивает включенность самого студента в процесс собственного профессионального становления. Он требует создания в вузе особой образовательной среды, в которой студент мог бы рефлексировать собственные установки по отношению к детям с ОВЗ, осознавать собственные дефициты и ресурсы, формировать индивидуальную траекторию профессионального развития. Н.В. Низамова показывает, что именно личностно-ориентированная организация образовательного процесса в вузе способствует формированию у будущих педагогов устойчивой инклюзивной позиции [14].

Контекстный подход связывает теоретическую подготовку с практикой, обеспечивая перенос освоенных способов действия в реальные условия работы ДОУ. Он требует, чтобы образовательный процесс был насыщен профессиональными задачами, ситуациями выбора, проблемными кейсами, моделирующими реальную инклюзивную практику. Т.И. Шамова подчеркивает, что контекстное обучение позволяет студенту не просто накапливать знания, а осваивать способы их применения в профессиональной деятельности [15].

Акмеологический подход задает перспективу развития будущего воспитателя, ориентируя его на постоянное профессиональное самосовершенствование, освоение новых технологий, участие в профессиональных сообществах, научную рефлекссию собственной практики. Этот подход особенно важен в условиях быстро меняющегося нормативно-правового и научно-методического поля инклюзивного образования.

На основе описанной системы методологических подходов может быть построена модель подготовки воспитателя ДОУ к работе с детьми с особыми образовательными потребностями, включающая целевой, содержательный, процессуальный и результативно-оценочный блоки.

Целевой блок модели определяется социальным заказом на подготовку воспитателя, способного к эффективной инклюзивной практике, и конкретизируется через систему компетенций, сформированных в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования по направлению «Педагогическое образование» и профессиональным стандартом «Педагог». Ключевой целевой ориентир – формирование инклюзивной компетентности воспитателя как интегративного качества, позволяющего ему проектировать, организовывать и оценивать образовательный процесс в условиях разнообразия потребностей воспитанников.

Содержательный блок модели строится на принципе модульности и включает три взаимосвязанных модуля:

1. Первый – ценностно-смысловой модуль, обеспечивающий формирование гуманистической позиции по отношению к ребенку с ОВЗ, освоение культурно-исторического понимания природы детской аномалии, развитие эмпатии и толерантности.

2. Второй – когнитивно-инструментальный модуль, обеспечивающий освоение специальных психолого-педагогических и дефектологических знаний, технологий диагностики, коррекции и развития, методов адаптации образовательной среды.

3. Третий – рефлексивно-деятельностный модуль, обеспечивающий освоение способов проектирования индивидуального образовательного маршрута, организации взаимодействия со специалистами и родителями, рефлексии собственной профессиональной деятельности.

Процессуальный блок модели описывает технологии реализации содержания подготовки. Здесь находят применение как традиционные формы в виде лекций, семинаров, практических занятий, так и активные методы контекстного обучения – кейс-технологии, проектное обучение, деловые игры, тренинги коммуникативной компетентности, супервизия, наставничество в условиях педагогической практики. Особое место занимает организация практик в инклюзивных группах ДОУ, где студент под руководством опытного наставника осваивает способы взаимодействия с детьми с различными нарушениями развития. Важным элементом процессуального блока является включение студентов в научно-исследовательскую деятельность, направленную на изучение проблем инклюзивного образования, что способствует формированию исследовательской позиции и готовности к непрерывному профессиональному развитию.

Результативно-оценочный блок модели описывает критерии и показатели сформированности инклюзивной компетентности воспитателя. Эти критерии дифференцированы по компонентам компетентности:

- ценностно-мотивационному (принятие ребенка с ОВЗ, готовность к инклюзивной практике, профессиональная ответственность);
- когнитивному (знание закономерностей развития детей с различными нарушениями, владение специальными методами и технологиями);

- операциональному (способность проектировать и реализовывать адаптированную образовательную программу, взаимодействовать со смежными специалистами и родителями);
- рефлексивному (способность к анализу собственной деятельности, выявлению дефицитов, планированию профессионального развития). Оценка осуществляется с использованием разнообразных методов: тестирования, экспертной оценки, анализа портфолио, защиты проектов, наблюдения за профессиональной деятельностью в условиях практики.

Реализация предложенной модели подготовки воспитателя к работе с детьми с особыми образовательными потребностями сталкивается с рядом объективных трудностей. Во-первых, это дефицит квалифицированных преподавателей, обладающих как фундаментальной психолого-педагогической подготовкой, так и опытом практической работы в инклюзивных группах ДОУ. Во-вторых, это недостаточная развитость сети базовых инклюзивных ДОУ, способных обеспечить качественную педагогическую практику студентов. В-третьих, это противоречие между объемом содержания подготовки и временем, отводимым на его освоение в рамках образовательного стандарта. В-четвертых, это недостаточная координация между вузами, осуществляющими подготовку, и ДОУ, в которых эта подготовка должна быть реализована на практике.

Преодоление указанных трудностей требует системных усилий на уровне государственной образовательной политики, вузовского управления и сетевого взаимодействия. Перспективными направлениями развития подготовки воспитателей к работе с детьми с ОВЗ являются:

- создание сетевых форм взаимодействия вузов и ДОУ;
- разработка и апробация модульных образовательных программ повышения квалификации действующих воспитателей;
- развитие системы наставничества;
- внедрение дистанционных и электронных форм обучения, обеспечивающих доступ к лучшим практикам инклюзивного образования;
- формирование профессиональных сообществ воспитателей, работающих в инклюзивных группах.

Особого внимания заслуживает проблема преемственности между базовой подготовкой в вузе и последипломным профессиональным развитием. Как показывает опыт, именно в первые годы самостоятельной работы молодой специалист особенно остро ощущает дефицит компетенций, необходимых для работы с детьми с ОВЗ, и именно в этот период ему необходима системная методическая и психолого-педагогическая поддержка. Создание такой поддержки – задача, требующая координации усилий вузов, органов управления образованием, психолого-медико-педагогических комиссий, психолого-педагогических и медико-социальных центров.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд принципиально важных выводов. Во-первых, подготовка воспитателей ДОУ к работе с детьми с особыми образовательными потребностями не может быть обеспечена на основе какой-либо одной методологической парадигмы; она требует полипарадигмального методологического основания, в котором органично сочетаются культурно-исторический, системно-деятельностный, компетентностный, личностно-ориентированный, контекстный и акмеологический подходы. Во-вторых, каждый из этих подходов выполняет свою специфическую функцию в общей архитектуре подготовки и при этом находится в отношениях взаимодополнения с другими, что обеспечивает целостность и системность проектируемой модели. В-третьих, ключевым ориентиром подготовки является формирование инклюзивной компетентности воспитателя как интегративного качества, включающего ценностно-мотивационный, когнитивный, операциональный и рефлексивный компоненты. В-четвертых, эффективность подготовки зависит не только от качества вузовского образования, но и от развитости системы последипломного профессионального развития, сетевого взаимодействия вузов и ДОУ, создания условий для непрерывного профессионального роста воспитателя.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической проверкой предложенной модели подготовки, разработкой и апробацией конкретных образовательных программ и технологий, изучением динамики формирования инклюзивной компетентности воспитателей в процессе профессиональной подготовки, анализом лучших практик инклюзивного образования в ДОУ и их трансляцией в систему подготовки педагогических кадров.

Литература

1. Выготский, Л.С. Основы дефектологии. – СПб.: Лань, 2003. – 654 с.
2. Малофеев, Н.Н. Специальное образование в меняющемся мире. Европа. – М.: Просвещение, 2010. – 319 с.

3. Алехина С.В., Алексеева М.Н., Агафонова Е.Л. Готовность педагогов как основной фактор успешности инклюзивного процесса в образовании // Психологическая наука и образование. 2011. Т. 16. № 1. С. 83–92.
4. Левченко, И. Ю., Исаева, Т. Н., Инденбаум, Е.Л. Инклюзивное образование: учебное пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2017. – 240 с.
5. Волоскова Т.В., Прочухаева М.М. Инклюзивное образование в дошкольной организации: учебно-методическое пособие. – М.: ТЦ «Сфера», 2019. – 192 с.
6. Гонеев А.Г., Лифинцева Н.И. Формирование инклюзивной компетентности педагогов дошкольного образования // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 4. С. 87–94.
7. Лубовский В.И. Психологические проблемы диагностики аномального развития детей. – М.: Педагогика, 1989. – 104 с.
8. Асмолов А.Г. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли. – М.: Просвещение, 2011. – 159 с.
9. Гуцина О.Е., Скорикина Т.В. Структура инклюзивной компетентности воспитателя ДОУ // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 3. С. 112–118.
10. Верякина О.С. Психолого-педагогические условия формирования инклюзивной компетентности воспитателя ДОУ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2016. № 2. С. 45–52.
11. Деркач А.А. Акмеологические основы развития профессионала. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2004. – 752 с.
12. Сластенин В.А. Педагогика: учебное пособие для студентов педагогических вузов. – М.: Академия, 2013. – 608 с.
13. Митина Л.М. Психология профессионального развития учителя: личностно-деятельностный подход. – М.: Академия, 2014. – 240 с.
14. Низамова Н.В. Личностно-ориентированный подход в подготовке педагогов к инклюзивному образованию // Педагогическое образование в России. 2017. № 5. С. 78–85.
15. Шамова Т.И. Управление образовательными системами: учебное пособие. – М.: Академия, 2012. – 384 с.
16. Зимняя И.А. Педагогическая психология: учебник для вузов. – М.: Логос, 2010. – 384 с.
17. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58–64.
18. Алексинская О.А., Гайдукевич Е.А. Инклюзивное образование детей с ограниченными возможностями здоровья в дошкольной образовательной организации: методическое пособие. – М.: ВЛАДОС, 2018. – 144 с.
19. Морозова Г.И., Пушкарева Л.С. Теоретические и прикладные аспекты инклюзивного образования в ДОУ // Дошкольное воспитание. 2019. № 7. С. 42–48.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO TRAINING PRESCHOOL TEACHERS TO WORK WITH CHILDREN WITH SPECIAL EDUCATIONAL NEEDS

Galkina N.A.

Pacific National University

The article addresses the issue of methodological support for training preschool teachers to work with children who have special educational needs. The paper substantiates the necessity of integrating the cultural-historical, systemactivity, competence-based, learner-centred, and contextual approaches into the design of the content and technologies for professional training of preschool educators. The regulatory, legal, and scientific foundations for developing the inclusive competence of preschool teachers are analysed. The authors propose an original model of methodological integration that reveals the interrelation between the valuemotivational, cognitive, operational, and reflective components of a teacher's readiness for inclusive practice. The study concludes that only on the basis of a polyparadigmatic methodological foundation it is possible to train a preschool teacher capable of designing an individual educational trajectory for a child with disabilities within the variable context of preschool education.

Keywords: preschool teacher, children with special educational needs, disabilities, inclusive education, methodological approaches, professional training, inclusive competence, cultural-historical approach, competence-based approach, systemactivity approach

References

1. Vygotzky, L.S. Fundamentals of Defectology. St. Petersburg: Lan, 2003, 654 p.
2. Malofeev, N.N. Special Education in a Changing World. Europe. Moscow: Prosveshchenie, 2010, 319 p.
3. Alekhova, S. V., Alekseeva, M. N., Agafonova, E.L. Teacher Readiness as the Main Factor in the Success of the Inclusive Process in Education // Psychological Science and Education. 2011, Vol. 16, № 1, Pp. 83–92.
4. Levchenko, I. Yu., Isaeva, T. N., Indenbaum, E.L. Inclusive Education: A Study Guide. Moscow: Academy Publishing Center, 2017, 240 p.
5. Voloskova T.V., Prochuhaeva M.M. Inclusive Education in a Preschool Organization: A Teaching Aid. Moscow: TC Sfera, 2019. 192 p.
6. Goneev A.G., Lifintseva N.I. Formation of Inclusive Competence of Preschool Teachers // Siberian Pedagogical Journal. 2015. № 4. Pp. 87–94.
7. Lubovsky V.I. Psychological Problems of Diagnosing Abnormal Development in Children. Moscow: Pedagogy, 1989. 104 p.
8. Asmolov A.G. How to Design Universal Educational Activities in Primary School: From Action to Thought. Moscow: Prosveshchenie, 2011. 159 p.
9. Gushchina O.E., Skorikova T.V. The structure of inclusive competence of a preschool teacher // Modern problems of science and education. 2018. № 3. Pp. 112–118.
10. Veryaskina O.S. Psychological and pedagogical conditions for the formation of inclusive competence of a preschool teacher // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Pedagogy. 2016. № 2. Pp. 45–52.
11. Derkach A.A. Acmeological foundations of professional development. – Moscow: Moscow Psychological and Social Institute, 2004. – 752 p.
12. Slavenin V.A. Pedagogy: a teaching aid for students of pedagogical universities. – Moscow: Academy, 2013. – 608 p.
13. Mitina L.M. Psychology of Teacher Professional Development: A Personality-Activity Approach. Moscow: Academy, 2014. 240 p.
14. Nizamova N.V. A Personality-Centered Approach to Preparing Teachers for Inclusive Education // Pedagogical Education in Russia. 2017. № 5. Pp. 78–85.
15. Shamova T.I. Educational Systems Management: A Textbook. Moscow: Academy, 2012. 384 p.
16. Zimnyaya I.A. Pedagogical Psychology: A Textbook for Universities. Moscow: Logos, 2010. 384 p.
17. Khutorskoy A.V. Key Competencies as a Component of the Personality-Centered Education Paradigm // Public Education. 2003. № 2. P. 58–64.
18. Aleksinskaya O.A., Gaidukevich E.A. Inclusive education of children with disabilities in a preschool educational organization: a methodological guide. – M.: VLADOS, 2018. – 144 p.
19. Morozova G.I., Pushkareva L.S. Theoretical and applied aspects of inclusive education in preschool educational institutions // Preschool education. 2019. № 7. P. 42–48.

Проблемы регулирования соотношения максимального и минимального размера заработной платы в организациях: зарубежный и российский опыт

Горохова Евгения Юрьевна,

кандидат социологических наук, кандидат исторических наук, доцент кафедры организационного проектирования систем управления Института государственной службы и управления РАНХиГС

E-mail: gorokhova-ey@ranepa.ru

В статье раскрыт многоуровневый характер кризиса институционального регулирования неравенства в оплате труда: систематизированы барьеры, препятствующие его сокращению – на государственном, общественном и локальном уровнях. Сопоставлен зарубежный и отечественный опыт по каждой выделенной проблеме. Показано, что сокращение поляризации вознаграждений смыкается с обеспечением национальной безопасности и устойчивости. Сделан вывод о том, что первоочередными мерами должны являться ограничение зарплатного разрыва, обеспечение равного доступа к информации об оплате труда, поддержка организаций с коллективной собственностью, в которых распределение доходов регулируют сами сотрудники.

Ключевые слова: неравенство, диспропорции в оплате труда, дифференциация вознаграждений

Введение

Справедливость распределения материальных благ в обществе определяется соотношением минимальных и максимальных доходов его членов. Поиск их разумного соотношения волновал еще мыслителей древности – Платона и Аристотеля, ограничивавших пределы бедности и богатства четырехкратной [15, с. 197] и пятикратной [1, с. 46] величинами. Не теряет он своей актуальности и сейчас, в современном мире социального неравенства.

Результаты многочисленных исследований, как отечественных, так и зарубежных, свидетельствуют о том, что нерегулируемое неравенство оказывает негативное влияние на психическое и физическое здоровье населения, подрывает основы гражданского и культурного участия [8; 14; 26; 27].

Согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в 2022 году, 55% россиян считают, что «государство должно уменьшать различия в доходах между людьми», еще 25% – согласны с этим частично и только 14% опрошенных – не согласны¹. По совпадению, в опросе ВЦИОМ, проведенном двумя годами ранее, только 14% респондентов оценили материальное положение своей семьи как хорошее².

О.А. Кислицина, ссылаясь на Международную программу социальных исследований (2019 г.), приводит еще более впечатляющие данные: 93% россиян полагают, что правительство несёт ответственность за сокращение различий в доходах [9, с. 53].

Анализ результатов Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) за 2005–2018 гг. наглядно показал тенденцию постоянного возрастания доли респондентов, которые ощущали связь и единство с людьми того же достатка, что и они (с 87% до 91% за 13 лет) [6, с. 43]. При этом в 2005 году идентичность по признаку достатка проявлялась сильнее, чем национальная, региональная, политическая и гражданская, а к 2018 г. – сильнее, чем профессиональная, региональная, политическая, гражданская и в той же степени, как национальная. Таким образом, вопрос регулирования неравенства доходов населения смыкается с проблемой укрепления гражданской идентичности и единства народов России.

На текущий момент в нашей стране наблюдается не просто социальное неравенство, а поляризация доходов населения. По оценкам экспертов, 1% населения России принадлежит почти половина совокупного богатства [12, с. 270].

Как представляется, одной из недооцененных причин колоссального социально-экономического неравенства в обществе является поляризация заработной платы работников на предприятиях страны. При этом сама заработная плата, являясь элементом системы распределения доходов в организации, имеет не только материальное измерение: одновременно она выступает индикатором социального статуса и инструментом социальной стратификации. Следует напомнить, что, согласно ст. 129 ТК РФ, в понятие заработной платы включается вознаграждение за труд, а также компенсационные и стимулирующие выплаты, в том числе и долгосрочные, что приобретает значение при оценке размеров вознаграждений топ-менеджмента.

Поскольку в контексте каждой отдельно взятой организации фактически проявляется та же общественная проблема неравенства, оставлять ее решение на локальном уровне чревато социальными рисками. И государство, и общественные структуры должны участвовать в контроле предельного соотношения зарплат. Таким образом, можно выделить и последовательно рассмотреть проблемы регулирования диспропорций оплаты труда на трех взаимосвязанных уровнях:

– государственном:

1) отсутствие регламентации предельного соотношения заработной платы руководителей и работников,

2) отсутствие требования раскрывать информацию о размере вознаграждений руководителей и соотношении зарплат в организации,

¹ Неравенство доходов: мониторинг. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neravenstvo-dokhodov-monitoring?ysclid=mzodgct3g679837374> (дата обращения 21.07.2026)

² Ситуация в стране и в экономике: мониторинг настроений. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/situatsiya-v-strane-i-v-ekonomike-monitoring-nastroenij> (дата обращения 21.07.2026)

- 3) игнорирование государством лучших практик внутриорганизационного регулирования диспропорций в оплате труда;
 - социального партнерства и общественных структур;
- 4) слабость регулирования неравенства в рамках социального партнерства;
- 5) слабость профсоюзов и их зависимость от воли собственников;
 - на уровне предприятия;
- 6) незаинтересованность собственников традиционных коммерческих предприятий в развитии института производственной демократии;
- 7) давление со стороны внешней среды на предприятия с коллективной собственностью.

Рассмотрим каждую из обозначенных выше проблем с учетом отечественного и зарубежного опыта.

1. *Отсутствие регламентации предельного соотношения заработной платы руководителей и работников.* Обратившись к истории нашей страны, можно вспомнить, что во времена СССР неравенство в оплате труда ограничивалось государственным регулированием. К примеру, в 1986 году отношение должностного оклада генерального директора производственного объединения по добыче и транспортировке нефти и газа к окладу самого низкооплачиваемого специалиста по тарифной сетке было в пределах 4:1, а самого низкооплачиваемого рабочего – в пределах 6:1¹. В среднем тарифная часть зарплаты должна была составлять 70–75%. При этом максимально возможный размер премии руководящих работников не мог превышать 0,75 должностного оклада в расчете за месяц.

К концу 1980-х – началу 1990-х годов государственное регулирование уровня заработной платы фактически перестало действовать на предприятиях рыночного сектора: государство самоустранилось от определения пределов неравенства и сосредоточилось на регулировании минимальной оплаты труда [19, с. 10]. Следствием этого стал неконтролируемый рост диспропорций в оплате труда.

Схожая тенденция наблюдалась и на Западе: по данным американского некоммерческого аналитического центра «Институт экономической политики» (EPI), разрыв между вознаграждением руководителей 350 наиболее крупных американских коммерческих компаний и медианной зарплатой сотрудника держался на уровне 20:1–30:1 в 1960–70-е гг., к концу 1990-х гг. возрос до 60:1, а в следующее десятилетие достиг рубежа 380:1². Следующий исторический максимум был достигнут в 2021 году – 408:1.

При этом среднее фактическое вознаграждение генеральных директоров выросло с 1978 года по 2024 год на 1094%, а зарплата рядовых работников – лишь на 26%.

Степень дифференциации зарплат в Европе возростала с 1970-х гг. похожим образом³. По данным Европейской конфедерации профсоюзов за 2024 г., разрыв компенсаций генеральных директоров 100 крупнейших европейских компаний и медианной зарплаты составил 110:1⁴, в 2025 г. этот разрыв только увеличился⁵. С учетом программ долгосрочного стимулирования, компенсации по которым составляют 130%–250% базового вознаграждения руководителя, дифференциация еще значительнее.

Отметим, что усредненные показатели не отражают всей глубины проблемы неравенства на уровне крупнейших корпораций: в 2018 году стало известно, что разрыв зарплат в компании Mattel составил 4987:1, Live Nation Entertainment – 2893:1, First Data – 2028:1 и др.⁶

Прибавим, что при подсчетах не учитывается разница между минимальной и медианной зарплатой: например, в крупнейшей европейской

компании Volkswagen она составляет примерно 26:1. Отношение максимальной зарплаты к медианной – 195:1⁷, к минимальной – 5175:1⁸.

Напрашивается предположение, что существование СССР, с его политикой ограничения разрыва вознаграждений за труд, являлось сдерживающим фактором роста неравенства и в западных странах.

Как подчеркивают эксперты EPI: более высокая компенсация труда руководителей компаний не отражает соответствующего увеличения их производительности. «Оплата труда генеральных директоров растет намного быстрее, чем прибыль, зарплата 0,1 процента самых высокооплачиваемых работников и зарплаты выпускников вузов. Это означает, что генеральные директора получают больше из-за своей власти, а не потому, что они более продуктивны, имеют особые таланты или более высокое образование»⁹.

На данный момент в России аналогичные исследования соотношения зарплат практически отсутствуют.

До 2016 года журнал «Форбс» публиковал рейтинг «25 самых дорогих руководителей компаний». Согласно последнему рейтингу, в 2014–2015 годах среднее вознаграждение руководителя составляло 10,5 и 6,1 млн долларов США¹⁰, что соотносилось со средней зарплатой по России¹¹ как 1509:1 и 1093:1.

В самом издании публиковало данные по отраслям: в нефтегазовой отрасли в 2020 году¹² отношение зарплаты руководителя к среднеотраслевой – достигало 108:1¹³, к средней по России – 335:1. Неравенство в ведущих корпорациях намного выше. По данным отчета за тот же год «Роснефти», сумма краткосрочного вознаграждения правления (9 человек) составила 3,5 млрд руб.¹⁴, разрыв оплаты труда члена правления со средней зарплатой в компании¹⁵ достиг 408:1, средней зарплатой по России – 631:1. Для сравнения в металлургическом гиганте «Норникеле» в том же году вознаграждение члена правления (11 человек на конец года)¹⁶ относилось к средней зарплате по компании как 353:1¹⁷, по России – 908:1. Вознаграждения руководителей в отчетах не раскрываются. Согласно «Форбс», разрыв максимальных и средних доходов в России – 6–7 млн к 1¹⁸.

Итак, приведенные выше примеры демонстрируют последствия самоустранения государства от регулирования неравенства в оплате труда. Отсутствие сдерживающих факторов провоцирует его дальнейший рост.

2. *Отсутствие требования раскрывать информацию о размере вознаграждений руководителей и соотношении зарплат в организации.* В США раскрытие вознаграждения руководителя компании единой суммой стало обязательным после введения такого правила Ко-

⁷ Annual Financial Statements of Volkswagen AG 2024. P. 389. URL: <https://www.volkswagen-group.com/en/financial-reports-18134#2024> (дата обращения 21.07.2026)

⁸ Раскрыты зарплаты сотрудников Volkswagen в Вольфсбурге. 20.06.2026. Реальное время. URL: <https://realnoevremya.ru/news/398753-zarplaty-v-volkswagen-i-problemy-koncerna?ysclid=mryq9abr1872305509> (дата обращения 21.07.2026); Annual Report of Volkswagen AG 2024. P. 53. URL: <https://www.volkswagen-group.com/en/financial-reports-18134#2024> (дата обращения 21.07.2026)

⁹ Mishel L., Schieder J. Stock market headwinds meant less generous year for some CEOs. Report. 12.07.2016. Economic Policy Institute. URL: <https://www.epi.org/publication/ceo-and-worker-pay-in-2015/> (дата обращения 21.07.2026)

¹⁰ 25 самых дорогих руководителей компаний: ежегодный рейтинг Forbes. 24.11.2016. Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/photogallery/333321-25-samyh-dorogih-rukovoditeley-kompaniy-ezhogodnyy-reyting-forbes?ysclid=mo04p5gjud715523509> (дата обращения 21.07.2026)

¹¹ Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике Российской Федерации в 1991–2026 гг. РОССТAT. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab1-zpl_03-2026.xlsx (дата обращения 21.07.2026)

¹² Forbes составил список самых высокооплачиваемых профессий в России. 27.11.2020. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10112091> (дата обращения 21.07.2026)

¹³ Названы отрасли с самыми высокими зарплатами. 15.09.2020. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200821/zarplata-1576097907.html?ysclid=mosq6uputn148627795> (дата обращения 21.07.2026)

¹⁴ Годовой отчет ПАО «НК «Роснефть» за 2020 год. С. 267. URL: https://www.rosneft.ru/Investors/statements_and_presentations/annual_reports/?ysclid=mrutsal4ue562986938 (дата обращения 21.07.2026)

¹⁵ Сечин назвал среднюю зарплату работников «Роснефти». 15.02.2021. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10703743?ysclid=mrurw7g5f1l692068617> (дата обращения 21.07.2026)

¹⁶ Годовой отчет ПАО «ГКМ «Норильский никель» за 2020 год. С. 210, 220–221. URL: <https://normickel.ru/investors/reports-and-results/annual-reports/?ysclid=mrucwmyhff858007026> (дата обращения 21.07.2026)

¹⁷ Там же. С. 162.

¹⁸ 155 миллиардеров России. Рейтинг Forbes 2026. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/559579-155-milliardero-rossii-rejting-forbes-2026?ysclid=mrhythzje dr126107812> (дата обращения 21.07.2026)

¹ Постановление Совмина СССР, ЦК КПСС, ВЦСПС от 17.09.1986 № 1115 «О совершенствовании организации заработной платы и введении новых тарифных ставок и должностных окладов работников производственных отраслей народного хозяйства». URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения 21.07.2026)

² CEO pay has skyrocketed since 1978. 25.09.2025. Economic Policy Institute. URL: <https://www.epi.org/publication/ceo-pay/> (дата обращения 21.07.2026)

³ Benchmarking Working Europe 2021. The European Trade Union Institute. P. 5. URL: <https://www.etui.org/publications/benchmarking-working-europe-2021> (дата обращения 21.07.2026)

⁴ CEOs paid over 100 times more than workers. 16.01.2025. The European Trade Union Confederation. URL: <https://www.etuc.org/en/pressrelease/ceos-paid-over-100-times-more-workers> (дата обращения 21.07.2026)

⁵ Mercer Report 2025. Board and Executive Remuneration in Europe. Summary of the Top 150 organizations. P. 7–10. URL: <https://www.mercer.com> (дата обращения 21.07.2026)

⁶ Six C.E.O. Pay Packages That Explain Soaring Executive Compensation. 25.05.2018. CNBC. URL: <https://www.cnbc.com/2018/05/25/six-c-e-o-pay-packages-that-explain-soaring-executive-compensation.html> (дата обращения 21.07.2026)

миссией по ценным бумагам и биржам (SEC) в 2006 году¹. В рамках закона Додда-Франка 2010 года были разработаны новые правила: с 2018 года компании раскрывают медианную зарплату и ее соотношение с размером оплаты труда генерального директора². Раскрытие зарплат привело к принятию первых мер: в г. Портленде (Орегон) с 2017 года и в г. Сан-Франциско (Калифорния) с 2022 года введен дополнительный налог для компаний с разрывом зарплат 100:1 и более³.

В странах Европы раскрытие вознаграждений ключевого персонала регулируется директивой ЕС 2017/828 (SRDII)⁴ и национальными законами о корпоративном управлении. В частности, директива закрепляет правило обязательного опубликования отчета о вознаграждениях директоров поименно(!) на сайте компании (пр. 29, 32–33).

Законодательство России, напротив, не предписывает корпорациям обязательного публичного раскрытия данных о вознаграждениях высшего руководства. Рекомендательное письмо Банка России (№ ИН-06–28/57 от 11 декабря 2017 г.)⁵ компании зачастую не выполняют: либо вовсе не приводят соответствующие данные в отчетности, либо указывают общую сумму без разбивки по должностям. К примеру, ПАО «Сбербанк России» отчитался о 29 млрд рублей вознаграждений топ-менеджменту за 2025 год, но не уточнил количество получателей выплат и пропорции их распределения⁶.

Таким образом, на текущий момент в России отсутствует равный доступ к информации об оплате труда в организациях.

3. Игнорирование государством лучших практик внутриорганизационного регулирования диспропорций в оплате труда. Безусловно, раскрытие информации о компенсациях первых лиц компаний не устраняет неравенства, которое продолжает расти.

В то же время, и даже вопреки рыночным тенденциям, существуют компании с коллективной собственностью, в которых дифференциация вознаграждений сведена к минимуму, а ее рамки устанавливают и контролируют сами работники. Общими чертами таких предприятий являются демократическая система принятия решений по принципу «один сотрудник – один голос», выборность и подотчетность руководителей, распределение прибыли самими сотрудниками-совладельцами на общих собраниях.

За рубежом кооперативный сектор показывает устойчивый рост. По данным Европейской конфедерации промышленных и сервисных кооперативов, которая охватывает 43 тысячи предприятий в 16 странах (1,3 млн рабочих мест) с годовым оборотом в 60 млрд евро, рабочие кооперативы составляют 72% включенных в нее организаций⁷. После кризиса 2008 года в Европе возникло около 600 рабочих кооперативов на базе закрытых владельцами предприятий. В Латинской Америке число таких предприятий исчисляется сотнями (в одной Аргентине – 400 [25]). В США за десятилетие (2013–2023 гг.) количество рабочих кооперативов утроилось и достигло 1300 (15 тыс человек)⁸.

В небольших и средних производственных кооперативах разрыв зарплат сотрудников не превышает 1,5–2 раз. Конкретные примеры и цифры можно найти в исследованиях кооперативного движения. В частности, Д. Азелини в одной из недавних публикаций рассказывает о трех рабочих кооперативах с непростой историей – SCOP-TI (Фран-

ция), Vio.Me (Греция) и RiMaflow (Италия), в которых зарплаты сотрудников равны или почти равны [23].

Так, в кооперативе провансальских рабочих по производству чаев и настоев SCOPTI, основанном в 2015 г. на месте завода Fralib, максимальный разрыв зарплат ограничен всего 25% – от 1600 до 2000 евро у разных категорий сотрудников. При этом у бывшего владельца завода, компании Unilever, разница зарплат составляла 220:1⁹.

Другой исследователь, социолог К. Соберин, приводит иллюстрацию балансирования оплаты труда в кооперативе [24, р. 212–218]. В отделе Бауэн в Аргентине, который просуществовал в форме кооператива с 2003 по 2020 гг., базовая оплата труда была одинакова для всех сотрудников, при этом вводились надбавки за отсутствие прогулов, опозданий, дополнительно отработанное время, стаж, статус основателя кооператива, управленческую должность, дополнительную ответственность при работе с деньгами, семейный статус и транспортные расходы. На момент проведения исследования К. Соберин (2015 г.) в отделе обсуждался вопрос о введении дополнительной надбавки за качество работы. Разница зарплат со всеми надбавками составляла всего 2-х кратную величину по кооперативу.

Опрос респондентов из 172 небольших производственных кооперативов США, проведенный исследователями из Института рабочей демократии и Федерации кооперативов в 2023 году, показал, что разница в заработной плате работников находится в коридоре от 1 до 1,45.

Несмотря на то, что основная масса рабочих кооперативов – это небольшие организации, среди них есть и довольно крупная – Мондрагонская кооперативная федерация. В 2024 году ее прибыль до вычета налогов составляла 1661 млн евро (всего в 3 раза меньше, чем в «Норникеле» за тот же год), а продажи превышали 11 млрд евро. В ее официальных годовых отчетах за 2020, 2021, 2022 и 2023 годы можно прочитать: «Кооперативы MONDRAGON установили диапазон заработной платы, который стремится стандартизировать самые высокие и низкие доходы, а также шкалу заработной платы от 1 до 6 между минимальной и максимальной зарплатой»¹⁰.

В России предприятия с коллективной собственностью представлены производственными кооперативами (артелями) и акционерными обществами работников (народными предприятиями). Численность и тех, и других снижается, что связано с давлением крупных корпораций и отсутствием поддержки со стороны государства.

В качестве примера предприятия с коллективной собственностью, в котором успешно решается вопрос ограничения неравенства в оплате труда, можно привести СХПК «Усольский свиномкомплекс», крупнейшего поставщика свинины в Иркутской области. Штат предприятия, по последним данным, – 1400 человек¹¹, решения о распределении прибыли принимаются коллективно на собрании работников. Заработная плата специалистов рассчитывается по коэффициенту, который привязан к средней зарплате рабочего. Заработная плата Генерального директора известна коллективу и составляет не более четырех средних зарплат на предприятии¹².

Что касается народных предприятий, то рамки дифференциации зарплат прописаны в законодательстве: размер оплаты труда генерального директора не может быть более чем в 10 раз превышать средний размер оплаты труда работника¹³. Вопрос об определении конкретного размера вознаграждения генерального директора решается собранием акционеров-работников. Максимальный пакет акций, которым может владеть участник народного предприятия, ограничен 5%.

Таким образом, предприятия с коллективной собственностью, как в России, так и за рубежом, применяют модель распределительного процесса, в которой работники-совладельцы принимают решение, кому и сколько выплачивать по результатам работы и какое неравенство допускать. По сути, кооперативы становятся устойчивым социальным институтом, формирующим иное отношение к собственности и вознаграждению за труд в противовес традиционному бизнесу.

¹ SEC Changing Disclosure Rules On Executive Compensation. 27.12.2006. CNBC. URL: <https://www.cnbc.com/2006/12/27/sec-changing-disclosure-rules-on-executive-compensation.html> (дата обращения 21.07.2026)

² Френсис Т., Фурманс В. Крупнейшие компании США раскрыли зарплатные разрывы / пер. с англ. Н. Беличенко. 13.03.2018. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2018/03/14/753432-zarplatnie-razrivi?ysclid=mrvs3fwq3442857846> (дата обращения 21.07.2026)

³ Bort J. San Francisco Passes a 'CEO Tax' for Companies That 'Overpay' Top Execs. 06.11.2020. Business Insider. URL: <https://www.businessinsider.com/san-francisco-passes-a-ceo-tax-for-companies-overpay-execs-2020-11> (дата обращения 21.07.2026); Weller C. Portland, Oregon is raising taxes on companies with CEOs making 100 times employee salaries – and giving the money to the homeless URL: <https://www.businessinsider.com/portland-law-taxes-companies-ceo-salaries-2016-12> (дата обращения 21.07.2026)

⁴ Директива – 2017/828. European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:32017L0828> (дата обращения 21.07.2026)

⁵ Информационное письмо Банка России от 11 декабря 2017 г. № ИН-06–28/57 «О рекомендациях по раскрытию в годовом отчете публичного акционерного общества информации о вознаграждении членов совета директоров (наблюдательного совета), членов исполнительных органов и иных ключевых руководящих работников публичного акционерного общества». URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения 21.07.2026)

⁶ Отчет эмитента эмиссионных ценных бумаг ПАО «Сбербанк» за 12 месяцев 2025 года. С. 45. URL: <https://www.sberbank.com/ru/investor-relations/disclosure/quarterly-reports?ysclid=mrvx4alnek850456029> (дата обращения 21.07.2026)

⁷ CECOP. European confederation of industrial and service cooperatives. URL: <https://cecop.coop/aboutCecop> (дата обращения 21.07.2026)

⁸ Worker Cooperatives and Democratic Workplaces in the U.S. State of the Sector 2023. URL: <https://mailchi.mp/institute.coop/state-of-the-sector-2023-worker-cooperatives-and-democratic-workplaces> (дата обращения 21.07.2026)

⁹ Leclerc A. SCOP-TI ou le pari réussi des ex-salariés de Fralib. Le Monde. 07.11.2024. P. 19. URL: <https://www.scop-ti.info/ou-parle-de-nous/> (дата обращения 21.07.2026)

¹⁰ Mondragon Annual Reports. URL: <https://www.mondragon-corporation.com/en/annual-report/> (дата обращения 21.07.2026)

¹¹ Крицких А. Формула успеха – преемственность и инновации. 02.10.2025. Вестник АПК. URL: <https://vestnikapk.ru/articles/kto-kormit-rossiyu/formula-uspekha-preemstvennost-i-innovatsii/> (дата обращения 21.07.2026)

¹² «Сделано в Сибири». Секреты успеха СХПК «Усольский свиномкомплекс». 07.11.2019. Вести Иркутск. URL: https://vestirk.ru/news/sdelano-v-sibiri-sekretyspekha-skhp-k-usolskii-svinokompleks/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 21.07.2026)

¹³ Федеральный закон от 19.07.1998 № 115-ФЗ «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)», ст.13, пр.3. URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения 21.07.2026)

Как представляется, прямой задачей государства должно являться распространение и субсидирование таких предприятий (по примеру поддержки кооперативов и народных предприятий в Липецкой области в 2012–2020 гг. [22]), налоговые и кредитные льготы, правовая, информационная и инфраструктурная помощь¹.

Игнорирование государством лучших практик внутриорганизационного регулирования диспропорций в оплате труда и недооценка потенциала организаций с коллективной собственностью в решении этой проблемы ведет к росту неравенства и поляризации доходов работников, а значит и населения страны в целом.

4. *Слабость регулирования неравенства в рамках социального партнерства.* Базовые рамки социального партнерства, или социального диалога между представителями работодателей, работников, органов публичной власти с целью регулирования социально-трудовых отношений, задают документы международных организаций: ООН, МОТ и др. Данные организации фокусируются на установлении минимальных трудовых гарантий, но не регулируют напрямую соотношение максимального и минимального размера оплаты труда.

Косвенное регулирование неравенства на общеевропейском уровне, согласно Директиве ЕС 2022/2041 от 19 октября 2022 года об адекватной минимальной заработной плате в Европейском Союзе², базируется на расширении охвата работников коллективными договорами, повышающими уровень минимальных трудовых гарантий.

Стоит отметить, что в Европейских странах существует три основных модели социального партнерства: с доминирующим государственным (Бельгия, Ирландия и др.), отраслевым (Австрия, Германия и др.) и локальным (Чехия, Эстония и др.) уровнями [16]. Можно предположить, что Директива, хотя и не так быстро, как планировалось³, усилит межотраслевое и отраслевое регулирование в тех странах, для которых такие практики не типичны.

Однако повышение минимальной оплаты труда в рамках коллективного договора, в том числе заключенного на отраслевом уровне, еще не означает сокращение неравенства. В последнем отчете Mercer – ведущей международной консалтинговой компании по вопросам вознаграждения руководителей – сообщается, что по мере роста заработной платы работников усиливается давление со стороны инвесторов, направленное на якобы согласованное с этим ростом повышение зарплат генеральных директоров компаний⁴. Конкретные цифры поражают: если максимальный рост заработной платы работников за 2025 год оценивается в 5,4%, то максимальный рост вознаграждений генеральных директоров достигал 17,7% в годовом измерении⁵.

В отличие от европейских традиций, для США отраслевые коллективные переговоры не характерны и существуют только в гостиничном деле, строительстве, уборке и не повсеместно, а в некоторых городах⁶. Преобладает одноуровневая модель – коллективные договоры на предприятиях [7, с. 49], что не снижает неравенства в отраслевом масштабе.

Резюмируя сказанное, отметим, что социальное партнерство ни в странах ЕС, ни в США не способно на данный момент существенно сократить или хотя бы приостановить рост неравенства.

В России с начала 1990-х годов действует модель многоуровневого социального партнерства, основанная на трипартизме, то есть участии работников, работодателей и государства [2, с. 2625]. Отраслевой уровень регулирования социально-трудовых отношений является ключевым и пронизывает всю вертикаль социального партнерства.

По данным Ростуда на 31.05.2026 действует 63 федеральных отраслевых соглашения. Нормы соотношения зарплат 10% самых высокооплачиваемых и 10% самых низкооплачиваемых работников закрепили только в шести из них: авиационной промышленности – 6:1, строительству – 4–5:1, машиностроению – 7:1, промышленности вооружений – 6:1, дорожному хозяйству – 6:1.

Почти все перечисленные ограничения носят рекомендательный характер. В императивном ключе (работодатель «обеспечивает», «обя-

зуется») нормы прописаны только в двух соглашениях: по промышленности вооружений и машиностроению.

Стоит отметить, что на практике заявленные рамки не соблюдаются. Так, в 2021 году, по данным «Форбс», в крупных организациях тяжелой индустрии среднее вознаграждение генеральных директоров достигало 2,2 млн долларов⁷. К примеру, в ПАО «КАМАЗ» доход генерального директора⁸ соотносился со средней зарплатой⁹ как 276:1.

Слабость отраслевого регулирования состоит не только в том, что редко указываются и не соблюдаются указанные рамки неравенства зарплат. Важно отметить невозможность общественного контроля над такими установлениями, поскольку данные мониторинга зарплат не публикуют, а государство не обязывает компании их раскрывать.

5. *Зависимость профсоюзов от воли собственников.* Эффективность коллективных переговоров на уровне предприятия во многом определяется активностью локальной профсоюзной ячейки, поэтому вопрос об обеспечении независимости профсоюза от работодателя остается крайне актуальным.

В зарубежной практике различают две модели профсоюзной работы – иерархичную и горизонтальную. Иерархичная, традиционная для Европы, предполагает многоуровневую систему управления, оплачиваемых лидеров, сбор взносов, подчинение зонтичным профсоюзным объединениям и отчисление средств в их пользу. Сейчас эта модель теряет популярность: в Европе снижается численность членов профсоюзов и их ресурсная база. Так, в Германии охват профсоюзным членством трудящегося населения снизился с 36% в 1991 г. до 16,3% в 2022 г. [18, с. 156], в Швеции – с 81% до 68%¹⁰.

Среди других проблем специалисты указывают на старение профсоюзов, низкую привлекательность для молодежи, рост нестандартных форм занятости, усиление мобильности населения и, наконец, снижение доверия к профсоюзной бюрократии [18, с. 161–163]. При этом высокая стабильная активность по инициативе профсоюзов в Европе не приводит к существенному сокращению неравенства в оплате труда, а участники забастовок сталкиваются с неясной местью работодателя¹¹.

Альтернативой традиционным профсоюзам выступает подход, основанный на горизонтальных связях – оргайзинг, который получил распространение в последние годы в США благодаря нескольким успешным кампаниям: забастовкам учителей (2018 г.), кампаниях в кофейнях Starbucks (2021 г.) и на складе Amazon в Нью-Йорке (2021–2022 гг.)¹².

Суть модели заключается в том, что инициатива исходит от самих работников: создается неформальная рабочая община, часто без явного лидера, в которой актив работает безвозмездно, вовлекая новых членов через личные контакты и онлайн-площадки. Такие неформальные профсоюзы отличаются гибкостью, независимостью и высокой мотивацией, но при попытке институционализации встречают колоссальное сопротивление работодателей – от антипрофсоюзных кампаний до увольнения активистов. Именно так работодатели реагируют на настоящую независимость профсоюзной работы¹³.

В России доминирует иерархическая модель профсоюзной работы. Профсоюзное движение представлено как традиционными, так и альтернативными организациями [2, с. 2628–2629].

Число членов профсоюзов так же неуклонно снижается: в ФНПР оно сократилось с 65 млн человек в 1992 году до 18,6 млн человек в 2026 году, что свидетельствует о снижении доверия работников профсоюзам.

⁷ Березанская Е. Работа за миллион: где топ-менеджерам платят больше всего. Рейтинг Forbes 2021. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/447727-rabota-za-million-gde-top-menedzeram-platjat-bol-se-vsego-rejting-forbes-2021?ysclid=mrxyuohrjn95930991> (дата обращения 21.07.2026)

⁸ Антонов К. Доход гендиректора КамАЗа. 15.04.2022. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5315132?ysclid=mrzbhfisk429852809> (дата обращения 21.07.2026)

⁹ Годовой отчет ПАО «КАМАЗ» за 2022 г. С. 11. URL: <https://kamaz.ru/investors-and-shareholders/information-disclosure/annual-report/?ysclid=mrzqd4tql233233308> (дата обращения 21.07.2026)

¹⁰ Кондратьев Н. Каждый сварщик может править в королевстве. 04.01.2022. Мировой кризис. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/3985678?ysclid=mrz01o8ki8911724152> (дата обращения 21.07.2026)

¹¹ Katsaroumpas I., Buschmann R. Tackling hidden retaliation for strike participation. 07.12.2025. The European Trade Union Institute. URL: <https://www.etui.org/publications/tackling-hidden-retaliation-strike-participation> (дата обращения 21.07.2026)

¹² Greenhouse S. Worker-to-Worker Organizing May Finally Have Its Moment. 07.04.2022. The Century Foundation. URL: <https://tcf.org/content/commentary/worker-to-worker-organizing-may-finally-have-its-moment/> (дата обращения 21.07.2026)

¹³ Хайме Капо описал рождение профсоюза Starbucks в США. 17.05.2026. Новостной портал – Испания, ке паса? URL: <https://ke-pasa.es/news/haime-karo-rozhenie-profsoyuza-starbucks-ssha/> (дата обращения 21.07.2026)

¹ Эффект личного интереса. 16.06.2017. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3325664> (дата обращения 21.07.2026)

² Директива – 2022/2041. European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2022/2041/oj/eng> (дата обращения 21.07.2026)

³ Müller T., Schulten T. More bark than bite – a first assessment of the National Action Plans to promote collective bargaining. 08.07.2026. The European Trade Union Institute. URL: <https://www.etui.org/publications/more-bark-bite-first-assessment-national-action-plans-promote-collective-bargaining> (дата обращения 21.07.2026)

⁴ Mercer Report 2025... Там же. Р. 4

⁵ Там же. Р. 9–10.

⁶ Madland D. 4 Things To Know About Sectoral Bargaining. 11.03.2026. Center for American Progress. URL: <https://www.americanprogress.org/article/4-things-to-know-about-sectoral-bargaining/> (дата обращения 21.07.2026)

Как можно предположить, среди причин низкого рейтинга профсоюзов, выявленного ВЦИОМ¹, – скандалы вокруг профсоюзной недвижимости, случаи солидарности с работодателем и фактическое бездействие в защите интересов членов.

Исследователи подчеркивают зависимость профсоюзов от работодателя. И.А. Германов, Е.Б. Плотникова указывают на то, что избрание профсоюзного лидера часто держит под контролем сам работодатель [4, с. 178]. В.В. Бобров и Н.В. Никишова полагают, что обсуждение коллективных договоров нередко сводится к закрытым переговорам между профсоюзным лидером и работодателем, при этом первый стремится избежать конфликтов и санкций, а последний – «прикормить» профсоюз [3, с. 62–63]. Приспособление профсоюзов к требованиям работодателя также отмечают А.П. Тараненко, А.А. Главатских, Д.В. Бреев [20, с. 67].

М.А. Малышев указывает на материальную уязвимость профсоюзных лидеров, которые зачастую являются сотрудниками предприятия и получают от работодателя зарплату [13, с. 229]. Эту позицию разделяют В.А. Процевский и М.А. Моисеенко, подчеркивая, что весь профактив – сотрудники предприятия, которые стремятся избежать негативных последствий для себя [17, с. 136].

Стоит добавить, что по сравнению с европейской практикой в современной России проведение забастовок на предприятиях затруднено в силу законодательных ограничений и процедурных сложностей, что купирует профсоюзную активность и дает возможность работодателю применить репрессивные меры к активистам до начала забастовки.

Итак, можно сделать вывод о том, что на текущий момент традиционные иерархические профсоюзы, ни в России, ни за рубежом, не способны существенным образом влиять на поляризацию оплаты труда в организации.

6. *Незаинтересованность собственников традиционных коммерческих предприятий в развитии института производственной демократии.* В международной практике известно большое количество инструментов участвующего управления, позволяющих снизить авторитарность на предприятиях. На основе проведенного В.Н. Ключко анализа опыта европейских государств, можно выделить: рабочие советы, доступ работников ко всем документам, оглашаемым на собрании акционеров, резервирование мест для представителей рабочего коллектива в наблюдательных и управляющих органах, избрание рабочего директора [10; 11].

Тем не менее, в традиционной коммерческой организации любое соучастие сильно ограничено волей собственника: даже развитые формы не наделяют трудовых коллектив правом реально влиять на принятие ключевых решений и распределение прибыли, хотя значительно улучшают внутриорганизационный климат.

В России решение по привлечению работников к участию в управлении предприятием на данный момент остается полностью за работодателем, которому, в конечном итоге, невыгодно допускать работников к распределительным процессам [5, с. 98].

7. *Давление со стороны внешней среды на предприятия с коллективной собственностью.* Предприятия с коллективной собственностью часто сталкиваются с особым давлением среды, которое можно описать как совокупность формальных и неформальных ограничений их деятельности, создающих повышенные риски для таких предприятий.

Формальным ограничением выступает дефицит институциональной инфраструктуры, адаптированной к специфике коллективных форм собственности, поскольку действующие институты – правовые, финансовые, социальные – в большей степени ориентированы на традиционные корпоративные модели [21, с. 116].

Неформальные ограничения связаны с предвзятостью участников рыночных отношений к таким предприятиям: недоверием инвесторов и партнеров, скрытым бойкотом со стороны крупных торговых сетей, давлением крупных и влиятельных конкурентов, способных лоббировать свои интересы на государственном и региональном уровнях, отсутствием поддержки со стороны профсоюзных организаций.

Предприятиям с коллективной собственностью приходится компенсировать эти риски и разрывы собственными ресурсами, что снижает их устойчивость. Свертывание сектора рабочей кооперации ведет к утрате действенного механизма регулирования неравенства доходов населения.

Заключение

Анализ российского и зарубежного опыта свидетельствует об общем кризисе институционального регулирования диспропорций в оплате труда, который проявляется на государственном, общественном и ло-

кальном уровнях. В итоге дистанция между ключевыми бенефициарами распределения доходов в коммерческих и государственных компаниях и остальными сотрудниками растет, что ставит под вопрос прочность социальных скреп и устойчивость к внешним политическим вызовам.

Для современной России снижение неравенства, что сопряжено с вопросом о выживании в сложившихся политических условиях, может быть достигнуто за счет комплекса мер, включающих:

- нормативно-правовые ограничения соотношения зарплат в крупнейших корпорациях (в первую очередь, в компаниях с государственным участием);
- введение налога на роскошь, сверхдоходы, а также обложение налогом компаний с разрывом зарплат 100:1 и более;
- обязательное опубликование структуры распределения оплаты труда в отчетах организаций с поименным раскрытием вознаграждений представителей топ-менеджмента;
- популяризацию, развитие и поддержку организаций с коллективной собственностью, в которых распределение доходов регулируют сами сотрудники (по примеру лучшей региональной практики Липецкой области);
- обязательное установление рамок зарплатных диспропорций в отраслевых соглашениях, профсоюзный мониторинг и контроль их соблюдения;
- нормативно-правовое закрепление участия работников в управлении предприятием.

Реализация данного комплекса мер позволит сдержать растущую поляризацию доходов, укрепить гражданское единство и национальную безопасность России.

Литература

1. Аристотель. Политика. М.: Изд-во АСТ, 2018. 320 с.
2. Баранов Ю.В., Полянская С.Г. Современный взгляд на систему социального партнерства Российской Федерации // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 18. С. 2625–2634. DOI: 10.18334/rp.18.18.38293
3. Бобров В.В., Никишова Н.В. Проблемы функционирования профсоюзов как института гражданского общества в современной России // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 2(56). С. 61–63. DOI: 10.23670/IRJ.2017.56.093
4. Германов И.А., Плотникова Е.Б. Проблемы формирования актива первичных профсоюзных организаций // Вестник пермского университета. 2010. № 2(2). С. 174–182.
5. Горохова Е.Ю. Производственная демократия как ключевой инструмент повышения производительности труда // Государственная служба. 2025. Т. 27. № 6. С. 94–104. EDN: F5NJO
6. Дробижина Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9
7. Ильичева Л.Е., Паршина Е.В. Институциональные модели политики социального партнерства: зарубежный опыт, российская практика // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 6. С. 41–52. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-6-41-52
8. Кислицына О.А. Влияние социально-экономических факторов на состояние здоровья: роль абсолютных или относительных лишений // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 13 (2). С. 289–302
9. Кислицына О.А. Представления о неравенстве и отношении к политике перераспределения доходов в России // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 3. С. 50–59. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_50_59.
10. Ключко В.Н. Система участия работников в управлении компаниями германии история и современность. Инновации в менеджменте. 2020. № 26. С. 8–13. EDN: WTMQUR
11. Ключко В.Н. Формирование систем участия работников в управлении европейскими компаниями: правовые и исторические аспекты. Менеджмент в России и за рубежом. 2022. № 3. С. 71–79
12. Кочетов А.Н. Основные признаки социальной незащищенности труда в России // Известия Саратовского университета. 2020. Т. 20. Вып. 3. С. 268–273. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-3-268-273
13. Малышев М.А. Роль российских профсоюзов в переговорной кампании в защите интересов работников // Социология. 2019. № 2. С. 221–231. EDN: JEXQFM
14. Падиарова А.Б. Социальное неравенство как фактор здоровья нового поколения россиян // Известия высших учебных заведений. 2009. № 1 (9). С. 2–12. EDN: KVGRAP
15. Платон. Законы. Книга пятая / Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. М.: Мысль, 1994. 830 с.

¹ Профсоюзы сегодня. 01.03.2019. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/profsyozy-segodnya-7ysclid=mrz58a605451007313> (дата обращения 21.07.2026)

16. Полянская С.Г. Регулирование социально-трудовых отношений в зарубежных странах // Омский научный вестник. 2017. № 3. С. 115–117. EDN: ZMOBUH
17. Процевский В.А., Моисеенко М.А. Проблемы правового регулирования деятельности профсоюзных организаций // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26. № 3. С. 131–139. DOI: 10.24866/1813-3274/2024-3/131-139
18. Рожин А.А. Профсоюзы в германии: вызовы и решения // Современная Европа. 2023. № 6. С. 154–166. DOI: 10.31857/S020170832306013X
19. Сковлень В.А. Тарифная система как практический механизм реализации редукации труда при оплате труда работников в СССР // Российский экономический интернет-журнал. 2008. № 1. С. 1–13. EDN: PNPFFAL
20. Тараненко А.П., Главатских А.А., Бреев Д.В. Состояние профсоюзов в современной России: проблемы и пути решения // Экономика и парадигма нового времени. 2024. № 1. С. 65–69. EDN: IOMUFG
21. Хабибуллин Р.И., Седов Е.В. Акционерные общества работников в России: в поисках траектории сбалансированного развития. Terra Economicus. 2017. Том 15. № 3. С. 106–130. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-3-106-130
22. Хабибуллин Р.И., Седов Е.В. Региональные аспекты развития коллективного предпринимательства (на примере Липецкой области) // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 6. С. 66–76. EDN: YRLJXZ
23. Azzellini D. Factory Takeovers in the European Mediterranean Area: Self-Managed Companies in France, Italy and Greece. Cescontexto. 2024. № 36. Pp. 38–46.
24. Sobering K. Workplace Equality in Argentine Worker-Recuperated Businesses. Dissertation for the Degree of Phd. The University of Texas at Austin, 2018. 294 p.
25. Sobering K., Lapegna P. Alternative Organizational Survival: A Comparison of Two Worker-Recuperated Businesses in Buenos Aires, Argentina. Social Problems. 2021. Pp. 1–17. DOI: 10.1093/socpro/spab014
26. Wilkinson R.G., Pickett K.E. Income Inequality and Population Health: A Review and Explanation of the Evidence // Social Science & Medicine. 2006. № 62 (7). Pp. 1768–1784. DOI: 10.1016/j.socscimed.2005.08.036
27. Wilkinson R.G., Pickett K.E. The enemy between us: The psychological and social costs of inequality // European Journal of Social Psychology. 2017. Vol. 47. № 1. Pp. 11–24. DOI: 10.1002/ejsp.2275.

PROBLEMS OF REGULATING THE RATIO OF MAXIMUM AND MINIMUM WAGES IN ORGANIZATIONS: FOREIGN AND RUSSIAN EXPERIENCE

Gorokhova E.Yu.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article reveals the multi-level nature of the crisis in the institutional regulation of wage inequality: the barriers that prevent its reduction are systematized at the state, public, and local levels. The article compares foreign and domestic experience on each of the identified issues. It is shown that reducing the polarization of rewards is closely related to ensuring national security and sustainability. The article concludes that the primary measures should be to limit the wage gap, ensure equal access to information about wages, and support organizations with collective ownership where employees themselves regulate income distribution.

Keywords: inequality, wage disparities, reward differentiation

References

1. Aristotle. Politics. Moscow: AST Publishing House, 2018. 320 p.
2. Baranov Yu.V., Polyanskaya S.G. A modern view on the social partnership system of the Russian Federation // Russian Entrepreneurship. 2017. Vol. 18. № 18. Pp. 2625–2634. DOI: 10.18334/rp.18.18.38293
3. Bobrov V.V., Nikishova N.V. Problems of functioning of trade unions as an institution of civil society in modern Russia // International Research Journal. 2017. № 2(56). Pp. 61–63. DOI: 10.23670/IRJ.2017.56.093
4. Germanov I.A., Plotnikova E.B. Problems of formation of the asset of primary trade union organizations // Bulletin of Perm University. 2010. № 2(2). Pp. 174–182.
5. Gorokhova E. Yu. Industrial democracy as a key tool for increasing labor productivity // State Service. 2025. Vol. 27. № 6. Pp. 94–104. EDN: FISNJO
6. Drobizheva L.M. Russian Identity: Searching for a Definition and the Dynamics of Its Spread // Sociological Research. 2020. № 8. Pp. 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9
7. Illicheva L.E., Parshina E.V. Institutional Models of Social Partnership Policy: Foreign Experience and Russian Practice // Social and Political Sciences. 2023. Vol. 13. № 6. Pp. 41–52. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-6-41-52
8. Kisilitsyna O.A. The Influence of Socioeconomic Factors on Health: The Role of Absolute or Relative Deprivation // Journal of Social Policy Research. 2015. № 13 (2). Pp. 289–302
9. Kisilitsyna O.A. Perceptions of Inequality and Attitudes Towards Income Redistribution Policies in Russia // Theoretical Economics. 2024. № 3. Pp. 50–59. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_50_59.
10. Klyuchko V.N. The system of employee participation in the management of German companies: history and modernity. Innovations in Management. 2020. № 26. Pp. 8–13. EDN: WTMQUR
11. Klyuchko V.N. Formation of systems of employee participation in the management of European companies: legal and historical aspects. Management in Russia and Abroad. 2022. № 3. Pp. 71–79
12. Kochetov A.N. The Main Features of Social Insecurity in the Labor Market in Russia // Izvestiya of Saratov University. 2020. Vol. 20. № 3. Pp. 268–273. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-3-268-273
13. Malyshev M.A. The Role of Russian Trade Unions in the Negotiating Campaign to Protect Workers' Interests // Sociology. 2019. № 2. Pp. 221–231. EDN: JEXQFM
14. Padiarova A.B. Social Inequality as a Factor in the Health of the New Generation of Russians // Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedeniy. 2009. № 1 (9). Pp. 2–12. EDN: KVGRAP
15. Plato. Laws. Book Five / Collected Works in Four Volumes. Vol. 4. Moscow: Mysl, 1994. 830 p.
16. Polyanskaya S.G. Regulation of Social and Labor Relations in Foreign Countries // Omsk Scientific Bulletin. 2017. № 3. Pp. 115–117. EDN: ZMOBUH
17. Protosovsky V.A., Moiseenko M.A. Problems of Legal Regulation of Trade Union Organizations // Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26. № 3. Pp. 131–139. DOI: 10.24866/1813-3274/2024-3/131-139
18. Rozhin A.A. Trade Unions in Germany: Challenges and Solutions // Modern Europe. 2023. № 6. Pp. 154–166. DOI: 10.31857/S020170832306013X
19. Skovpen V.A. The Tariff System as a Practical Mechanism for Implementing Labor Reduction in the Payment of Workers' Labor in the USSR // Russian Economic Internet Journal. 2008. № 1. Pp. 1–13. EDN: PNPFFAL
20. Тараненко А.П., Главатских А.А., Бреев Д.В. The State of Trade Unions in Modern Russia: Problems and Solutions // Economics and the Paradigm of Modern Times. 2024. № 1. Pp. 65–69. EDN: IOMUFG
21. Khabibullin R.I., Sedov E.V. Joint-Stock Companies of Employees in Russia: In Search of a Balanced Development Path. Terra Economicus. 2017. Vol. 15. № 3. Pp. 106–130. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-3-106-130
22. Khabibullin R.I., Sedov E.V. Regional Aspects of Collective Entrepreneurship Development (on the Example of Lipetsk Region) // Problems of Theory and Practice of Management. 2017. № 6. Pp. 66–76. EDN: YRLJXZ
23. Azzellini D. Factory Takeovers in the European Mediterranean Area: Self-Managed Companies in France, Italy and Greece. Cescontexto. 2024. № 36. Pp. 38–46.
24. Sobering K. Workplace Equality in Argentine Worker-Recuperated Businesses. Dissertation for the Degree of Phd. The University of Texas at Austin, 2018. 294 p.
25. Sobering K., Lapegna P. Alternative Organizational Survival: A Comparison of Two Worker-Recuperated Businesses in Buenos Aires, Argentina. Social Problems. 2021. Pp. 1–17. DOI: 10.1093/socpro/spab014
26. Wilkinson R.G., Pickett K.E. Income Inequality and Population Health: A Review and Explanation of the Evidence // Social Science & Medicine. 2006. № 62 (7). Pp. 1768–1784. DOI: 10.1016/j.socscimed.2005.08.036
27. Wilkinson R.G., Pickett K.E. The enemy between us: The psychological and social costs of inequality // European Journal of Social Psychology. 2017. Vol. 47. № 1. Pp. 11–24. DOI: 10.1002/ejsp.2275.

Горяева Светлана Николаевна,

к.соц.н., доцент каф. «Гуманитарные науки и психология»,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический
университет»

E-mail: goryaeva@list.ru

Исследование исторической памяти с помощью измерения ценности Великой Победы на примере студенческой молодежи является актуальным не только для сохранения культурного наследия, формирования сознательных, ответственных и активных граждан, но и является важной задачей государства, общества и научного сообщества по сохранению исторической памяти и духовно-нравственных ориентиров личности, молодого поколения в динамично меняющемся мире.

Цель исследования – понимание значимости ценности Великой Победы у студенческой молодежи на примере регионального вуза посредством ее измерения.

Практическая значимость работы заключается в измерении ценности всемирного праздника «9 Мая» в сознании студенческой молодежи в конкретном регионе на примере ведущего регионального вуза.

Эмпирическую базу исследования составили результаты целевого он-лайн-опроса студентов первого и четвертого курсов ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический университет» (n = 820, возраст 18–30 лет) и экспресс-интервью студентов трех ведущих вузов г. Астрахань (n = 30, возраст 18–25 лет). Основные результаты исследовательской работы заключаются в фиксации высокого показателя значимости Великой Победы у студентов регионального вуза. Установлены мотивы участия в патриотической акции «Бессмертный полк» – выражение благодарности прародителям за Великую Победу, изучение семейной истории, я – настоящий гражданин, я – ответственный гражданин.

Новизна проведенного исследования содержится в определении связи между знанием студентов о событиях ВОВ и осознанием важности государственного праздника «9 Мая» (знание – ценность).

Ключевые слова: студенческая молодежь, ценность «9 Мая», историческая память, коллективная память, историческая осведомленность, коммеморация, коммеморативные практики, «Бессмертный полк», Астраханская область, студенческая миграция.

«Для россиян Победа в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) представляет собой ключевой элемент исторической памяти, играющий значимую роль, как в коллективном сознании нации, так и в индивидуальных семейных нарративах.» [5, С. 8] В этой связи, измерение ценности всемирного праздника «9 Мая», на примере студентов вуза, является актуальным для сохранения исторической памяти в условиях динамично меняющегося мира.

Исследование ценностей студенческой молодежи необходимо. Студенты – это ближайшее будущее. Именно они – будущие родители и профессионалы. Их приоритеты в скором времени будут определять экономическое, политическое и духовное развитие страны. Студенческая молодежь, как часть другой более широкой социальной группы – интеллигенция, остаётся в российском обществе носителем социальных идеалов и ценностей общества. И как никогда важно, по мнению автора, чтобы государственный праздник «9 Мая» по-прежнему был значительным днём для молодого поколения в целом, для студенчества, в частности.

Понимание уровня ценности Великой Победы в студенческой среде помогает государственным и некоммерческим общественным организациям вовремя скорректировать меры по защите исторической правды, сохранению символа стойкости и исторической памяти, развитию связи поколений, комплексу мероприятий направленных на воспитание уважения к подвигу советского народа в борьбе с фашизмом и Победе Красной армии над Вермахтом и его союзниками.

Исследование того, как в сознании молодых людей меняется восприятие праздника, позволяет ученым видеть, понимают ли представители студенческой молодежи, причины, цену, итоги ВОВ и ценность Великой Победы. Измерение ценности «9 Мая» у студентов позволяет не только оценить текущее состояние исторической памяти, но и разработать меры для её укрепления и понять роль Дня Победы в формировании и развитии ценностных ориентиров у представителей молодого поколения.

Цель исследования – понимание значимости ценности Великой Победы у студенческой молодежи на примере регионального вуза посредством ее измерения.

В достижении поставленной цели автор исследования прибегнул к он-лайн опросу (форма Яндекс) и уличному экспресс-опросу. В качестве метода обработки социальной информации послужила программа Excel, в процессе анализа данных использовались шкалирование и корреляционный анализ. Исследование проводилось в несколько этапов. Общая выборка составила N = 850 человек (он-лайн опрос – 820 человек, экспресс-интервью – 30 человек). Он-лайн опрос осуществлялся с 28 марта по 4 мая 2025 года и с 3 апреля по 30 апреля 2026 года. Экспресс-опрос автором исследования проводился 9 мая 2025 и 2026 годах. Экспресс-интервью взято у 30 студентов и ординаторов трех ведущих вузов города, принимавших участие в массовой патриотической акции «Бессмертный полк» в г. Астрахань (18 человек женского пола и 12 человек мужского пола в возрасте от 19 лет до 25 лет). В он-лайн опросе приняли участие 820 студентов очного обучения ФГБОУ ВО «АГТУ» (далее по тексту АГТУ) первого и четвертого курсов, обучающихся по программам бакалавриата и специалитета. Среди 820 респондентов – 423 человека мужского пола и 397 человек женского пола в возрасте от 18 до 30 лет. Иностранцев студентов составило 116 человек.

«Тематика исторической памяти как составляющая социальной коммуникации длительное время находится в фокусе социологических наблюдений». [2, С. 118] О коллективной памяти в классической социологии писал Эмиль Дюркгейм в известной работе «О разделении общественного труда». [4] Через призму ценностей поведение индивидов изучал Макс Вебер. Выдающийся немецкий ученый Макс Вебер, основоположник понимающей социологии, автор теории социального действия «...предполагал, что массовые нормативные установки влияют на формирование исторической памяти». [2, С. 118]

«Идеи Эмиля Дюркгейма о влиянии коллективной памяти на общественную коммуникацию развил Морис Хальбвакс, предложив в работе «Индивидуальное сознание и коллективный разум» различать индивидуальную и коллективную историческую память. Разделяя гипотезу Хальбвакса о социально санкционированных образах прошлого, Ян Ассман отличал от устной коммуникативной памяти очевидцев память

культурную, общественную, утверждающую седиментацию в массовом сознании исторического знания, согласующегося с доминирующими ценностями». [2, С. 118] Немецкие историки, антропологи и культурологи Алейда и Ян Ассман изучали коммуникативную и культурную память. Они утверждают, что необходимо разделять живую память поколений от институционализированной. «В русле идей М. Хальбвакса проходил анализ исторической памяти в работах В.А. Ачкасова, В.А. Белокрыловой, В. Болибера, Х. Вельцера, С.В. Дорониной, Т.А. Капитоновой, Ю.Ф. Малиновой, М. Найдорфа, Ю.Ф. Никитиной и других» [9, С. 25].

«... Французский ученый Пьер Нора (автор понятий «территория памяти» и «коммеморация») выдвинул идею о том, что мы вступаем в «эпоху коммемораций», где коллективная память не только порождается определенной социальной группой, которую она объединяет, но и укоренена в конкретном: в образе, пространстве, объекте». [8, С. 53]

Российские ученые Романовская Е.В., Фоменко Н.Л. развили тему «коммеморации» и определили соотношение понятий идентичность и коллективная память. Так, в статье «Идентичность и коммеморация» научного журнала «Власть» исследователи указали, что «Идентичность и коллективная память взаимосвязаны, поскольку первая является выражением коллективного опыта, объясняющего смысл прошлого. Память формирует коллективную идентичность, а в действиях поклонения превращается в коммеморацию. Память – продукт прошлого, коммеморация – настоящего. Если память возникает в результате повторения и запоминания, то коммеморация – это сознательное повторение». [7, С.83] Такое понимание понятий идентичность, коллективная память и коммеморация усиливает осознание необходимости измерения ценности Великой Победы у представителей молодого поколения, в частности у студентов вуза.

Интересным на наш взгляд является утверждение российских исследователей о трансдисциплинарном характере исследования исторической памяти. «Проблематика, связанная с феноменом исторической памяти, находится на пересечении интересов разных гуманитарных наук – философии, социологии, политологии, филологии, психологии. ... Под трансдисциплинарностью в данном случае имеется в виду свойство проблемы не только не «помещаться» в рамки какой-либо одной научной дисциплины, но и выходить вовсе за пределы науки – в сферу практики и жизненные миры людей». [1, С.83]

Автор статьи полностью согласен с тем, что «... историческая память о Великой Отечественной войне рассматривается как одно из важнейших оснований общенациональной российской идентичности, приобщение к которой является необходимой компонентой культурной и гражданской социализации молодых поколений. Культурно-символическим «механизмом» становления идентичности в этом её плане выступает вошедшее в традицию нескольких поколений переживание общенациональной (и общечеловеческой) травмы, связанной с огромными жертвами, понесёнными советским – российским национальным сообществом в этой войне ради Победы. Результатом и манифестацией этого коллективного переживания, подлежащей эмпирическому изучению, становятся соответствующие социальные настроения, делающие «военную» историческую память актуальным ценностно-нормативным основанием социальной жизни» [6, С. 8] Данное умозаключение отражает «дух» и предметное поле проведенного исследования.

Весной 2025, 2026 годов в ходе социологического исследования удалось выявить отношение студентов очного обучения АГТУ, одного из ведущего вуза Астраханской области, к памяти о Великой Победе, оценить уровень патриотической ценности студентов на примере праздника «9 Мая».

Необходимо отметить, что в процессе обработки данных существенная разница в результатах исследования в зависимости от половой принадлежности не обнаружена (табл. 1).

В данном исследовании применена классическая шкала «Лайкерта», позволяющая зафиксировать значимость Дня Победы в сознании студентов. Половина опрошенных респондентов определили для себя Победу Красной армии и советского народа в Великой Отечественной войне (далее по тексту ВОВ) над фашистской Германией и её союзниками как «очень важную» (см. таблицу 1). В статистическом выражении эта половина составила 51,5% от всей выборочной совокупности. Одна треть – 34,5% считает Победу в ВОВ как «важную». По сумме двух ответов «очень важна» и «важна» выявлен высокий показатель значимости ценности Великой Победы в сознании студентов АГТУ.

«Нейтрально относятся» к всенародному празднику «9 Мая» 11,5% от общего числа опрошенных студентов (см. таблицу 1). Такой показатель получен в результате среднеарифметического сложения

при анализе ответов респондентов с разной гражданской принадлежностью за два года исследования.

Таблица 1. Сравнение ответов на вопрос о значимости «Победы Красной армии и советского народа в ВОВ» в сознании студентов по годам опроса и гражданской принадлежности, в %. Разработано автором на основании исследования

Шкала	Российские студенты ФГБОУ ВО «АГТУ»		Иностранные студенты ФГБОУ ВО «АГТУ»		Всего два года наблюдений
	2025 (352 чел.)	2026 (352 чел.)	2025 (58 чел.)	2026 (58 чел.)	
Совсем не важна	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Не важна	0,3	0,6	3,5	5,2	2,4
Нейтрально относиться	6,5	6,8	15,5	17,2	11,5
Важна	35,5	35,8	34,5	32,8	34,7
Очень важна	57,7	56,8	46,5	44,8	51,4
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В рамках данного исследования среди опрошенных иностранных студентов I и IV курсов приняли участие граждане из 21 страны в возрасте от 18 до 30 лет. Большая часть из них представители стран СНГ: Туркменистан, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и выходцы из стран Африки. Также в опросе участвовали граждане Египта, Турции, Палестины и Вьетнама. Примечательно, что больше половины опрошенных иностранных студентов указали своё намерение остаться в Российской Федерации после окончания АГТУ, их составило 66,4%, данный показатель является очень высоким. Затруднились ответить 16,4%, не планируют остаться в России меньше одной пятой части респондентов – 17,2%. Можно заключить, что жизнь в Российской Федерации для них является привлекательной.

Считаем, что в основе такой привлекательности лежат несколько оснований, опишем некоторые явные причины: легальная трудовая занятость, возможный карьерный рост, перспективы лучшей жизни, создание собственной семьи или переезд имеющейся семьи из своей страны, достойное медицинское обслуживание, гарантии здравоохранения, личной, финансовой и имущественной безопасности. Кроме того, необходимо отметить существующий в нашей стране благоприятный социо-культурный климат, исторически сложившееся культурное разнообразие и активное позитивное межкультурное взаимодействие. В Российской Федерации за многие столетия сформировалась многоконфессиональная и полиэтническая среда, что является наивысшей ценностью национального благополучия и гордостью внутренней политики российского государства.

Важно отметить, Астраханский область, являясь южным субъектом Российской Федерации, представляет собой уникальный перекресток культур и природы, он поражает контрастами и мультикультурностью, здесь тесно переплетаются больше, чем 100 этносов и народностей и их традиции. И такая особенность Астраханского региона, в котором созданы необходимые условия для благополучной и процветающей жизни, весьма привлекательна в выборе вуза для иностранных абитуриентов и студентов.

Ежегодно «9 Мая» с 2012 года в нашей стране проходит всероссийская патриотическая акция «Бессмертный полк» и сегодня это целое международное общественное движение. После продолжительного периода карантина по «ковиду» данная акция возобновлена в очном формате. Решая исследовательскую задачу выявления мотивов патриотического поведения у студентов вузов в ходе данного социологического исследования «9 Мая» 2025 и 2026 годов было взято, с помощью экспресс-опроса, интервью у 30 студентов, магистров и ординаторов трех ведущих университетов города Астрахань: Астраханский Государственный Университет им. В.Н. Татищева, Астраханский Государственный медицинский Университет и АГТУ.

На вопрос: «Почему Вы принимаете участие во всероссийской акции «Бессмертный полк»? чаще всего звучали ответы, которые можно объединить в мотив «благодарность». К данному мотиву были отнесены следующие суждения: «искренняя дань уважения предкам за Победу; благодарность за Победу; сказать спасибо и выразить благодарность наши прадедам и прабабушкам за то, что мы живём; для меня это память предкам, отдавшим жизнь за Победу». Три человека раскрыли мотив участия в акции – изучение семейной истории. «Благода-

ря акции я больше узнал о трудовом и воинском подвигах прабабушки и прадедушки».

Нельзя оставить без внимания следующие высказывания: «9 Мая» – самый важный праздник; вы, посмотрите, сколько и какие здесь люди! Независимо, какой возраст, какая организация, какая национальность, кто ты по профессии, пришли все и спокойно ждут, несут портреты своих родных. Бессмертный полк – это ответ тем, кто желает переписать историю. Я просто участвую, это часть истории моей страны, а как иначе. Я волонтер и участвую бескорыстно; я помогаю в организации этой акции; я состою в Студенческом совете и представляю наш вуз в этой патриотической акции». Данные высказывания можно отнести к мотивам «я настоящий гражданин, я ответственный гражданин, я патриот».

Данные ответы и мотивы участия свидетельствуют о высочайшей значимости всенародного праздника «9 Мая» у активной части студенческой молодежи вуза, которая непосредственно участвовала в международном движении «Бессмертный полк». Их поведение, на наш взгляд, можно охарактеризовать как коллективное ценностно-рациональное действие и является подтверждением высокого уровня патриотизма.

Поскольку одна из задач исследования была направлена на выявление исторической осведомленности о событиях ВОВ, нами в инструментарий заочного он-лайн опроса включен закрытый многовариантный вопрос: «Укажите, пожалуйста, только то, что Вы изучали во время учебы в школе, университете» (см.таблицу 2). Данный вопрос был адресован студентам IV курса (408 человек) исходя из логики выявления остаточных знаний на «выходе» образовательного процесса.

Таблица 2. Одномерное распределение ответов респондентов IV курса на вопрос: «Укажите, пожалуйста, только то, что Вы изучали во время учебы в школе, университете», по годам, в % от числа ответивших (закрытый многовариантный вопрос). Разработано автором на основании исследования

Наименование событий Великой Отечественной войны	2025 г. %	2026 г. %
Нападение Германией на СССР и «План Барбаросса»	46,1	46,8
Битва за Москву	39,0	40,4
Блокада Ленинграда	42,9	43,9
Сталинградская битва	39,7	41,6
Курская битва	35,8	37,7
Освобождение Красной армией территории СССР и части Европы от фашистской Германии и армии Вермахта	31,8	30,6
Взятие Берлина и штурм Рейхстага войсками Красной армии	34,8	35,5
Подписание Акта о капитуляции Германии	38,5	38,7
Цена Победы советского народа и Красной армии в ВОВ и проблема численности погибших в ВОВ	33,1	35,0
Оккупация армией нацистской Германии территорий современных Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, Украины.	19,1	19,4
Битва за Днепр	19,4	18,4
Ялтинская конференция	20,6	21,3

Вторичный анализ данных в нашем исследовании показал прямую связь между теми, кто больше указал ответов на вопрос: «... что Вы изучали в школе, университете?» и теми, кто считает Великую Победу очень важной. Автором установлена сильная положительная корреляция между знаниями студента о событиях ВОВ и её ценностью, $r = 0,71$, $p = 0,01$. Выявлена закономерность, чем больше знает студент про ВОВ, тем выше он/она ценит подвиг и историческую значимость Великой Победы.

В монографии большого коллектива российских учёных «Спасибо прадеду за Победу» под общей редакцией профессора Вишневого Ю.Р. в главе 1.7. анализируются ответы студентов на открытые вопросы о важнейших событиях ВОВ. В рамках данной статьи интересным представляется, на наш взгляд, подтверждение результатов нашего исследования с данными, изложенными в указанной главе монографии. [8, С. 76–77]. Российские студенты и тогда и сегодня очень хорошо знают, помнят о ключевых событиях ВОВ. Этот социальный факт обнаружен независимо от того какой был использован социологический инструментарий и в какой форме проведен опрос – устно или он-лайн, память о главных сражениях Великой Победе жива.

Исследуя ценность Великой Победы у студентов вуза перед нами встал вопрос о защите исторической правды от распространения фейк-информации в интернет-пространстве, попыток переписывания

истории, от попыток «недрузгов» предать Великую Победу забвению. Студентам был предложен вопрос о мерах по сохранению исторической правды в сознании молодого поколения (см.таблицу 3).

Таблица 3. Одномерное распределение ответов на закрытый вопрос: «Что, по Вашему мнению, нужно делать для сохранения «Памяти Победы СССР в ВОВ над фашистской Германией и её союзниками» у молодого поколения? по годам, в % (закрытый вопрос). Разработано автором на основании исследования

№	Меры	2025 г.	2026 г.
1	Самому/ой интересоваться историей России	33,9	34,1
2	Изучать/учить историю во время учебы	32,2	31,7
3	Продолжать то, что уже делается в рамках государственной политики Российской Федерации по сохранению исторической памяти	31,7	32,3
4	Свой вариант	1,5	1,9
5	Ничего не делать	0,7	0,0
Итого:		100,0	100,0

Почти все студенты АГТУ (99,5%) убеждены в том, что нужно сохранять память о Великой Победе. Любопытно, что выявленный автором высокий показатель о необходимости защиты памяти Великой Победы, по мнению студентов АГТУ, совпадает с данными многолетних социологических наблюдения ИС ФНИСЦ РАН, которые проводились в период с 2020 по 2024 гг. «На основании данных социологических опросов исследуется взаимосвязь между знанием семейной истории, оценкой собственных знаний по истории России и отношением к попыткам фальсификации исторических событий. Подчеркивается готовность россиян противостоять искажению исторической правды, особенно в контексте событий Великой Отечественной войны, что рассматривается ими как защита не столько национальной исторической, но и семейной памяти. [3, С.46–47]

Представленный выше анализ результатов исследования говорит о высоком уровне значимости Великой Победы у студентов регионального вуза, на примере АГТУ. Тем не менее, необходимо продолжать последовательную и системную работу по сохранению памяти Великой Победы у студенческой молодежи. Поскольку «...историческая память выступает фактором формирования идентичности индивида и социализации индивида. [10] «Память о прошлом выступает важным фактором информационно-психологической безопасности личности и общества, приобретающий особое значение в условиях «исторических войн», или «войн памяти». [1, С. 82]

Автор статьи считает, что попытка измерения ценности Великой Победы среди студентов регионального вуза позволяет отслеживать представления о государственном празднике, который является объединяющим символом исторической памяти и содержит в себе потенциал исследования уровня социальной солидарности в конкретном регионе Российской Федерации.

Литература

1. Алексеева И.А. Управление исторической памятью как трансдисциплинарная проблема // Теория и методология науки и техники Философия науки и техники 2019. – Т. 24. – № 2. – С. 82–95 DOI: 10.21146/2413-9084-2019-24-2-82-95 // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-istoricheskoy-pamyatyu-kak-transdisciplinarnaya-problema> (дата обращения 08.06.2026) – Текст: электронный.
2. Бараш Р.Э. Историческая память как ценностное основание гражданской идентичности российского общества 2020-х гг. Социум и власть. – 2024. – № 4 (102). – С. 116–132. – DOI 10.22394/1996-0522-2024-4-116-132. // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-kak-tsennostnoe-osnovanie-grazhdanskoy-identichnosti-rossiyskogo-obschestva-2020-h-gg> (дата обращения 10.07.2026) – Текст: электронный.
3. Бараш Р.Э. Великая Победа в зеркале времени: трансформация исторической памяти и ее влияние на национальную идентичность // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 3. С. 46–59. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-46-59 // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/velikaya-pobeda-v-zerkale-vremeni-transformatsiya-istoricheskoy-pamyati-i-ee-vliyanie-na-natsionalnuyu-identichnost> (дата обращения 10.07.2026) – Текст: электронный.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: метод социологии. М.: Наука, 1991. 572 с. – Текст: непосредственный.
5. Гугуева Д. А., Мосиенко О.С. Значение и ценность Великой Отечественной войны для современной российской молодежи. Caucasian

Science Bridge, 2025. 8 (3), С. 8–21. DOI 10.18522/2658–5820.2025.3.1 // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-i-tsennost-velikoy-otechestvennoy-voyny-dlya-sovremennoy-rossiyskoy-molodezhi/viewer> (дата обращения 10.07.2026) – Текст: электронный.

6. Лебедев С. Д., Шаповалова И.С., Рощупкина Н.А., Шкапенко А.А. Социальная травма и ценности поколений: Великая Отечественная война в исторической памяти студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 3–18. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-1 file:///C:/Users/USER/Desktop/2026%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%D0%9C%D0%B8%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B8/%D0%98%D0%9F-%D1%81%D0%BE%D1%86.%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BC%D0%B0.pdf (дата обращения 10.07.2026) – Текст: электронный.

7. Романовская Е.В., Фоменко Н.Л. Идентичность и коммеморация // Власть. 2015. № 7. С. 81–84. // Режим доступа: <file:///C:/Users/USER/Downloads/identichnost-i-kommemoratsiya.pdf> (дата обращения 08.06.2026). – Текст: электронный.

8. Спасибо прадеду за Победу...: монография по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020 гг.) / [под общ. ред. Ю.Р. Вишневецкого]; Мин-во науки и высшего образования РФ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 352 с. ISBN 978-5-7996-3087-4 // Режим доступа: <file:///C:/Users/USER/Desktop/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%D0%9C%D0%BE%D0%B-D%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%8F.pdf> (дата обращения 08.06.2026). – Текст: электронный.

9. Танина М.А., Юрасов И.А., Юдина В.А. Теоретико-методологические аспекты анализа исторической памяти российской молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 7. С. 24–27. DOI: 10.24158/spp.2021.7.3. <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-aspekty-analiza-istoricheskoy-pamyati-rossiyskoy-molodezhi> (дата обращения 08.06.2026). – Текст: электронный.

10. Шендрикова С.П., М.А. Царина М.А. Понятие исторической памяти в отечественной историографии // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 4 (56) // Режим доступа: <file:///C:/Users/USER/Downloads/ponyatie-istoricheskoy-pamyati-v-otechestvennoy-istoriografii.pdf> (дата обращения 08.06.2026). – Текст: электронный.

RESEARCH OF THE VALUE OF THE GREAT VICTORY ON THE EXAMPLE OF STUDENTS OF A REGIONAL UNIVERSITY

Goryaeva S.N.

Astrakhan State Technical University

The study of historical memory through the measurement of the value of the Great Victory on the example of student youth is relevant not only for the preservation of cultural heritage, the formation of conscious, responsible, and active citizens, but also is an important task of the state, society, and the scientific community to preserve historical memory and spiritual and moral guidelines of the individual, the younger generation in a dynamically changing world.

The purpose of the study is to understand the significance of the value of the Great Victory among student youth on the example of a regional university through its measurement.

The practical significance of the work lies in measuring the value of the national holiday “May 9” in the minds of students in a specific region, using the example of a leading regional university.

The empirical basis of the study was the results of a targeted online survey of first- and fourth-year students at Astrakhan State Technical University (n = 820, aged 18–30) and an express interview with students from three leading universities in Astrakhan (n = 30, aged 18–25). The main results of the research work are the high level of importance of the Great Victory among students of a regional university. The motives for participating in the patriotic action “Immortal Regiment” have been established: expressing gratitude to one’s ancestors for the Great Victory, studying family history, and being a true citizen and a responsible citizen.

The novelty of the study lies in the determination of the relationship between students’ knowledge of the events of the Great Patriotic War and their awareness of the importance of the national holiday “May 9” (knowledge-value).

Keywords: student youth, the value of “May 9”, historical memory, collective memory, historical awareness, commemoration, commemorative practices, “Immortal Regiment”, Astrakhan Region, student migration.

References

1. Alekseeva I.A. Historical Memory Management as a Transdisciplinary Problem // Theory and Methodology of Science and Technology Philosophy of Science and Technology 2019. – Vol. 24. – No. 2. – P. 82–95 DOI: 10.21146/2413-9084-2019-24-2-82-95 // Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-istoricheskoy-pamyatyu-kak-transdisciplinarnaya-problema> (date of access 06/08/2026) – Text: electronic.

2. Barash R.E. Historical Memory as a Value Basis for the Civil Identity of Russian Society in the 2020s. Society and Power. – 2024. – No. 4 (102). – P. 116–132. – DOI 10.22394/1996-0522-2024-4-116-132. // Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-kak-tsennostnoe-osnovanie-grazhdanskoy-identichnosti-rossiyskogo-obshchestva-2020-h-gg> (date of access 10.07.2026) – Text: electronic.

3. Barash R.E. The Great Victory in the Mirror of Time: Transformation of Historical Memory and its Influence on National Identity // Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2025. No. 3. P. 46–59. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-46-59 // Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/velikaya-pobeda-v-zerkale-vremeni-transformatsiya-istoricheskoy-pamyati-i-ee-vliyanie-na-natsionalnuyu-identichnost> (date of access 10.07.2026) – Text: electronic.

4. Durkheim E. On the Division of Social Labor: The Method of Sociology. Moscow: Nauka, 1991. 572 p. – Text: direct.

5. Guguva D.A., Mosienko O.S. The Meaning and Value of the Great Patriotic War for Modern Russian Youth. Caucasian Science Bridge, 2025. 8 (3), pp. 8–21. DOI 10.18522/2658–5820.2025.3.1 // Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-i-tsennost-velikoy-otechestvennoy-voyny-dlya-sovremennoy-rossiyskoy-molodezhi/viewer> (date of access 10.07.2026) – Text: electronic.

6. Lebedev S.D., Shapovalova I.S., Roshchupkina N.A., Shkapenko A.A. Social trauma and the values of generations: The Great Patriotic War in the historical memory of student youth // Scientific result. Sociology and management. 2020. Vol. 6, No. 2. pp. 3–18. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-1 file:///C:/Users/USER/Desktop/2026%D0%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%D0%D0%9C%D0%B8%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B8/%D0%98%D0%9F-%D1%81%D0%BE%D1%86.%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BC%D0%B0.pdf (access date 07/10/2026) – Text: electronic.

7. Romanovskaya E.V., Fomenko N.L. Identity and Commemoration // Power. 2015. No. 7. pp. 81–84. // Access mode: <file:///C:/Users/USER/Downloads/identichnost-i-kommemoratsiya.pdf> (date of access 06/08/2026). – Text: electronic.

8. Thank our great-grandfather for the Victory...: monograph based on the materials of the monitoring “Russian Students on the Great Patriotic War” (2005–2010–2015–2020) / [under the general editorship of Yu.R. Vishnevsky]; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. – Yekaterinburg: Publishing house of the Ural. University, 2020. – 352 p. ISBN 978-5-7996-3087-4 // Access mode: <file:///C:/Users/USER/Desktop/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%D0%9C%D0%B8%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B8/%D0%98%D0%9F-%D1%81%D0%BE%D1%86.%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BC%D0%B0.pdf> (accessed 08.06.2026). – Text: electronic.

9. Tanina M.A., Yurasov I.A., Yudina V.A. Theoretical and methodological aspects of the analysis of the historical memory of Russian youth // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2021. No. 7. Pp. 24–27. DOI: 10.24158/spp.2021.7.3. <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-aspekty-analiza-istoricheskoy-pamyati-rossiyskoy-molodezhi> (accessed 06/08/2026). – Text: electronic.

10. Shendrikova S.P., M.A. Tsarina M.A. The concept of historical memory in domestic historiography // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2020. No. 4 (56) // Access mode: <file:///C:/Users/USER/Downloads/ponyatie-istoricheskoy-pamyati-v-otechestvennoy-istoriografii.pdf> (access date 06/08/2026). – Text: electronic.

Цифровое неравенство в сфере электронных государственных услуг: барьеры доступности для различных категорий граждан

Гридина Вера Валерьевна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры
«Философия и социально-гуманитарные науки», ФГБОУ ВО
«Самарский государственный технический университет»
E-mail: samavera@mail.ru

Статья посвящена анализу динамики вовлечения населения в цифровое взаимодействие с государственными институтами на фоне роста числа пользователей базы портала «Госуслуги». В работе представлены результаты социологического исследования, проведенного в г. Самара, целью которого выступало выявление ключевых барьеров доступности онлайн-сервисов для различных категорий граждан, включая социально уязвимые группы. Авторами систематизированы основные преимущества электронного формата (круглосуточный доступ, дистанционное оформление документов, оптимизация временных затрат) и сопутствующие недостатки. К числу последних отнесены техническая нестабильность платформы, не всегда понятные правила получения услуг, низкий уровень цифровой грамотности и дефицит электронных устройств у пожилых граждан, а также их вынужденная зависимость от помощи окружения. Дополнительно зафиксированы проблемы негибкой обратной связи со стороны чат-ботов, проявления цифрового неравенства и риски в сфере кибербезопасности. Доказано, что перечисленные недостатки ограничивают потенциал тотальной цифровизации госсектора, обуславливая необходимость сохранения традиционных офлайн-каналов обслуживания. В заключении отмечается, что, несмотря на выявленные барьеры, общая направленность реформ направит позитивный отклик у большинства опрошенных.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая грамотность, Госуслуги, социально уязвимые группы населения, государственные и муниципальные услуги, электронные сервисы, цифровые компетенции.

В последние годы в России наблюдается интенсивная цифровизация системы предоставления государственных и муниципальных услуг (через внедрение портала «Госуслуги», электронных очередей и т.п.). Ключевым элементом в этой сфере стала Федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», функционирующая с декабря 2009 года в рамках государственной программы «Электронная Россия». Данная веб-платформа обеспечивает дистанционный доступ граждан к широкому перечню сервисов и услуг (запись на прием в различные ведомства и медицинские учреждения, взаимодействие с налоговыми и правоохранительными органами, сфера социального обеспечения и ЖКХ и т.п.). Функционал портала позволяет пользователям формировать электронные запросы, оплачивать пошлины, оценивать качество обслуживания, а также осуществлять досудебное обжалование действий/бездействия должностных лиц и государственных служащих [5; 6].

Электронный формат взаимодействия между гражданами и государственными институтами стал наиболее популярен в период пандемии, когда из-за введения ограничений прямой контакт с ведомствами стал невозможен [1;2;3]. На сегодняшний день существует несколько альтернативных способов получения государственных и муниципальных услуг. Граждане могут воспользоваться удаленным доступом через веб-ресурсы, обратиться в многофункциональные центры (МФЦ), либо выбрать классический формат личного посещения профильных ведомств [5].

В соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2024 года № 309, определившим национальные цели развития страны на долгосрочную перспективу, плановый показатель перевода массовых социально значимых услуг в электронный формат к 2030 году был повышен до 99%. При этом данный нормативно-правовой акт устанавливает жесткие требования не только к масштабам цифровизации, но и к обеспечению высокого качества предоставления данных сервисов населению [9;10].

Динамика вовлечения населения в цифровое взаимодействие с государством характеризуется ежедневным ростом числа пользователей портала «Госуслуги». К концу 2025 года объем зарегистрированных пользователей на платформе достиг 120 млн человек, а суммарное количество выполненных запросов приблизилось к отметке в 900 млн. Ежегодно расширяется и спектр востребованных электронных услуг. Функционал платформы пополнился такими опциями, как: активация самозапрета на кредитование, специализированная образовательная среда «Госуслуги Моя школа», академический сервис «Подбор вуза», а также специализированные финансовые инструменты для льготных категорий граждан (оформление социальных вкладов и счетов). На текущий момент портал консолидирует 70 федеральных и 425 региональных сервисов, объединенных по принципу «жизненных ситуаций» [5;12].

Минэкономразвития России осуществляет систематический мониторинг сферы государственных и муниципальных услуг, направленный на оптимизацию механизмов взаимодействия власти и общества. В рамках мониторинга ведомство оценивает свыше 20 критериев, среди которых доля отказов, соблюдение регламентных сроков, частота технических сбоев, средний балл обслуживания, уровень удовлетворенности и объем поступающих жалоб, а также обратная связь с пользователями. Согласно статистическим отчетам за 2025 год, средняя оценка удовлетворенности заявителей при получении федеральных сервисов составила 4,42 балла, в то время как оценка оказания региональных и муниципальных услуг достигла показателя в 4,74 балла [7]. Полученные результаты свидетельствуют о высокой степени удовлетворенности населения и повышении качества предоставляемых услуг [8].

К числу ключевых преимуществ электронного формата относятся повышение доступности, оперативности и общего качества предоставляемых сервисов [11]. Использование цифровых платформ позволяет минимизировать временные затраты заявителей за счет исключения необходимости личного визита в ведомства, сократить объем запрашиваемых документов [2], а также полностью решить проблему очередей. Дополнительным позитивным фактором является отсутствие транспортных расходов со стороны населения при дистанционном оформлении необходимых услуг [10].

Однако, несмотря на позитивную динамику по ряду ключевых показателей, граждане продолжают сталкиваться с трудностями при дистанционном взаимодействии с ведомствами через сеть Интернет, что также отражено в актуальных результатах мониторинга. Значительная часть параметров функционирования платформы пока не достигла плановых целевых ориентиров [7].

Анализ основных барьеров в сфере оказания государственных и муниципальных услуг позволяет выделить ряд системных проблем. Первой из них выступает нестабильность технического функционирования цифровой платформы. В периоды высокой активности пользователей фиксируются падение производительности портала и ограничение доступа к его сервисам. Это вступает в противоречие с ключевыми требованиями к надежности государственных веб-интерфейсов, для которых устойчивость сети является важнейшим параметром качества [3;5].

Вторым значимым барьером выступают сложные инструкции и требования для рядовых пользователей. Нечеткое понимание гражданами алгоритма действий и требований к оформлению документов приводит к некорректному заполнению форм и высокой доле отказов в ведомственном обслуживании. В связи с этим согласимся с тезисом Е.В. Заварцевой о том, что «обращение к госуслугам в России до сих пор часто начинается в “цифровом” виде, а заканчивается в бумажном» [1]. При этом для определенной части населения затруднения возникают уже на этапе регистрации учетной записи. В-третьих, фиксируется выраженная уязвимость пожилых и маломобильных групп населения, обусловленная низким уровнем их цифровой грамотности и дефицитом электронных устройств (смартфонов, планшетов, персональных компьютеров). Данная социальная категория, испытывая трудности с очным посещением учреждений, одновременно ограничена в доступе к электронным сервисам из-за сложности веб-интерфейсов. Возникающая зависимость от помощи родственников или социальных работников [8] вынуждает граждан предпринимать попытки самостоятельного освоения платформ. Однако на этом этапе они сталкиваются со спецификой работы автоматизированных систем поддержки. Обратная связь, основанная на шаблонных чат-ботах и автоответчиках, не обладает достаточной гибкостью для распознавания нестандартных запросов, что часто оставляет проблему пользователя нерешенной. Это актуализирует задачу разработчиков по «созданию удобного интерфейса для каждого гражданина с учетом его индивидуальных особенностей и возможностей». Четвертый фактор связан с проявлениями цифрового неравенства в регионах. Жители отдаленных районов регулярно сталкиваются с полным отсутствием стабильного интернет-соединения или его высокой стоимостью [3;5;8]. В-пятых, важным аспектом цифровизации остается обеспечение кибербезопасности. Риски несанкционированного доступа к персональным данным и конфиденциальной информации пользователей формируют барьер недоверия к электронным платформам со стороны населения [5;8].

Наличие указанных недостатков приводит к тому, что значительная часть граждан по-прежнему предпочитает традиционный формат очного обращения в государственные учреждения – данный показатель по результатам исследований разных авторов в среднем составляет 52,5% [2; 8]. Поскольку из-за отсутствия доступа к компьютерной технике или сети Интернет, сниженной мобильности (обусловленной пожилым возрастом или состоянием здоровья) и иных индивидуальных факторов электронная форма обслуживания не является для населения абсолютно приоритетной, сохраняется объективная необходимость в подаче населением личных заявлений [2]. Справедливость этих выводов подтверждают данные Аналитического центра при Правительстве РФ и результаты регулярных мониторингов Минэкономразвития России, фиксирующие аналогичные барьеры при использовании цифровых сервисов [10]. Таким образом, в условиях, когда доступ к базовым социальным правам – получение медицинской помощи, оформление пособий или подача налоговой отчетности – напрямую зависит от интернет-соединения и уровня цифровых компетенций, уязвимые группы населения (пожилые граждане, малообеспеченные слои, лица с ограниченными возможностями здоровья) рискуют оказаться в ситуации цифрового исключения. Исследование данного феномена необходимо для выработки научно обоснованного комплекса мер, направленных на обеспечение цифровой инклюзии.

В связи с актуальностью данной проблемы, в г. Самара было проведено исследование, целью которого стало выявление основных барьеров (технические, инфраструктурные, компетентностные, психологические) доступа к государственным услугам в онлайн-формате для различных (в т.ч. социально уязвимых) слоев населения.

Гендерная структура выборки характеризуется равным соотношением мужчин и женщин. В зависимости от возраста и социального ста-

туса респонденты были разделены на три сопоставимые группы: 1) молодежь (18–24 года), 2) экономически активное население (25–40 лет) и 3) представители социально уязвимых слоев населения (пожилые люди, малообеспеченные граждане, люди с ограниченными возможностями здоровья).

Данные об используемых для выхода в интернет устройствах выявляют абсолютное доминирование смартфонов – этот вариант стал основным во всех социально-демографических группах. Особенно высок показатель использования смартфонов среди молодежи (96%) и женщин (91%). Стационарные компьютеры или ноутбуки актуальны преимущественно для второй возрастной группы (50%) и мужчин (41%). Планшеты пользуются наименьшей популярностью, однако их использование заметно возрастает среди людей старше 65 лет (24%).

Согласно полученным данным, в целом по выборке 47% респондентов оценивают свой уровень цифровой грамотности как высокий, а еще 20% отмечают способность самостоятельно решать большинство пользовательских задач. Однако дифференцированный анализ выявляет обратную зависимость между возрастом респондентов и степенью их цифровой уверенности. Если в молодежной среде (18–24 года) доля уверенных пользователей составляет 64%, то в старшей возрастной группе и среди представителей социально уязвимых слоев населения данный показатель снижается более чем в два раза – до 30%. При этом абсолютно неуверенными в своих силах признались 12% представителей старшего поколения, а еще 24% указали на способность выполнять лишь базовые операции. Полученные результаты подтверждают, что для третьей группы опрошенных дефицит цифровых компетенций выступает ключевым барьером, что актуализирует необходимость адаптации государственных интерфейсов под нужды данной категории граждан.

Анализ предпочтительных способов получения государственных услуг показывает видимую успешность политики цифровизации: подавляющее большинство предпочитает использовать портал «Госуслуги», и этот показатель стабильно высок во всех группах (от 70% у лиц 3 группы до 83% у 2 группы). Тем не менее, значительная часть населения продолжает зависеть от традиционных, альтернативных каналов связи. Личные визиты в учреждения (МФЦ, поликлиники) сохраняют свою актуальность не только для 24% представителей третьей группы, но и для 23% молодежи 18–24 лет.

Ответы на вопрос о поиске помощи при работе с цифровыми сервисами подчеркивают важность человеческого фактора. Хотя 29% опрошенных предпочитают ни к кому не обращаться, стратегия делегирования достаточно востребована. Родственники (дети и внуки) выступают главными «цифровыми поводырями» для 39,5% пенсионеров старше 65 лет. Волонтеры и социальные работники оказывают поддержку 15% респондентов 3 группы. Данный показатель свидетельствует о высокой степени зависимости социально уязвимых категорий граждан от ближнего окружения при необходимости получения электронных государственных услуг. Молодые и экономически активные граждане от 25 до 40 лет чаще консультируются с друзьями и знакомыми (36,5%). Полученные показатели подтверждают результаты описанных выше исследований и свидетельствуют о том, что на современном этапе цифровая трансформация не может носить абсолютный характер. Форсированный отказ от традиционного формата получения услуг неизбежно приведет к социальному исключению наиболее уязвимых категорий граждан, заблокировав им доступ к базовым государственным сервисам.

Около половины респондентов занимают активную позицию и стараются решать возникающие проблемы самостоятельно. Чаще всего такое решение характерно для молодежи от 18 до 24 лет (55%). Для экономически активной категории граждан 25–40 лет более привычным решением является обращение в службу техподдержки (49%). В том случае, если получить услугу онлайн не получается, часть пользователей прекращает попытки и идет в учреждение лично: так поступают 17% молодежи и 12% представителей третьей группы. Такой уровень отказов от электронного формата в момент появления трудностей доказывает, что сам факт существования портала еще не означает, что госуслуга реально доступна для каждого гражданина.

Оценка преимуществ онлайн-формата со стороны пользователей указывает на их сдержанный оптимизм. Большинство респондентов либо полностью согласны с тем, что получать госуслуги в сети проще и быстрее (38%), либо считают электронный формат удобным лишь в отдельных случаях (34%). В то же время фиксируется заметный скептицизм среди представителей старшего поколения и уязвимых слоев: 24% участников третьей группы и 18% второй группы не согласны с этим утверждением. В гендерном разрезе женщины выражают несогласие чаще (17%), чем мужчины (5%). Данный факт доказывает,

что для значительной части граждан цифровая трансформация пока не воспринимается как упрощение административных процедур.

При этом готовность населения повышать цифровую грамотность достаточно высока. Треть участников опроса (31%) выразили желание посещать бесплатные курсы по работе с порталом «Госуслуги», а еще 27% готовы присоединиться к обучению при наличии свободного времени. Примечательно, что спрос на образовательные программы высок как среди молодежи 18–24 лет (49%), так и в третьей группе (33%). Полученные результаты доказывают, что тезис о нежелании граждан осваивать новые технологии часто преувеличен, тогда как ключевой барьер связан с дефицитом доступной образовательной инфраструктуры.

Изучение предпочтительных форматов поддержки при взаимодействии с порталом «Госуслуги» выявило различие запросов респондентов в зависимости от их социально-демографических характеристик. В целом по выборке наиболее востребованными оказались дистанционные видеоуроки (40%), получившие максимальную поддержку среди мужчин (66%) и граждан в возрасте 25–40 лет (66%). Однако в отношении представителей третьей группы цифровые форматы обучения менее эффективны: здесь доминируют запросы на очные консультации в многофункциональных центрах (22%) и адресную помощь волонтеров на дому (21%). Это указывает на отсутствие универсального решения по обучению разных групп населения. Если для уверенных пользователей достаточным стимулом выступают короткие визуальные инструкции, то для социально уязвимых групп населения критически важно сохранение личного контакта в обучении.

В целом, цифровизация государственных сервисов находит позитивный отклик у половины опрошенных (51%), вместе с тем 17% респондентов воспринимают перевод услуг в электронный вид как усложняющий фактор. Примечательно, что подобный критический настрой характерен не только для третьей группы граждан (15%), но и для молодежи в возрасте 18–24 лет (21%). Подобное отношение может указывать на то, что регулярные технические сбои платформы вызывают негативную реакцию даже у пользователей, которые обладают высоким уровнем цифровых компетенций.

Изучение факторов, вызывающих наибольшие сложности при работе с порталом «Госуслуги», показало, что главным барьером для опрошенных является процедура регистрации на сайте (44%). Она является препятствием для 49% представителей третьей группы и 40% женщин. Вторым по значимости затруднением выступает процесс отправки документов и непонимание того, какие конкретно файлы необходимо прикреплять к запросу (25,5% пользователей).

При анализе предпочтительных видов помощи выяснилось, что если треть респондентов справляется с задачами самостоятельно, то остальным необходимы различные форматы поддержки. Представителям третьей группы граждан требуются традиционные (аналоговые) каналы помощи: горячая телефонная линия (36%), печатные иллюстрированные брошюры (33%) и очные консультации со специалистами (30%). Напротив, для молодежи и граждан среднего возраста более предпочтительны наглядные видеoinструкции. Это доказывает, что для преодоления цифрового неравенства важно не просто развивать веб-интерфейсы, но и создавать доступную многоканальную систему поддержки граждан.

Анализ ответов об основных опасениях при работе в интернете с порталом «Госуслуги» выявил серьезные психологические барьеры. Наибольшее беспокойство у респондентов вызывает риск передачи личных данных мошенникам (27%). Этот страх оказался универсальным, но сильнее всего он выражен среди мужчин (43%) и участников средней возрастной категории (46%). Вторым важным фактором стресса стала боязнь допустить ошибку в заявлении и получить отказ в предоставлении услуги (20%). Страх допустить ошибки в электронном документообороте для пользователей критично, так как они приводят не только к потере времени, но и официальному отказу в предоставлении услуги. Для решения этой проблемы необходимо внедрять понятные подсказки на каждом этапе и механизмы защиты от случайных действий. Поведение пользователей при столкновении с трудностями на сайте показывает, что они часто вынуждены возвращаться к традиционным формам предоставления услуг. Хотя треть опрошенных уверены, что не допустят ошибки при заполнении документов, остальные респонденты ищут различные выходы из сложных ситуаций. Высока доля тех, кто готов прекратить работу с порталом и пойти решать вопрос лично (19%). Такая стратегия полного отказа от работы с сайтом преобладает среди уязвимых слоев населения: столкнувшись с проблемой, 42% представителей третьей группы прекращают работу с Госуслугами. В то же время экономически активные граждане (вторая группа) чаще пытаются решить проблему дистанционно – 32% из них звонят на горячую линию платформы. Это подчеркивает важность опе-

ративной и доступной технической поддержки именно в процессе получения услуги.

Анализ основных преимуществ онлайн-услуг показывает, что разные демографические группы находят в цифровизации свою практическую пользу. Универсальным значимым плюсом респонденты всех групп считают возможность подать заявление в любое время суток (28%). Круглосуточный доступ к сервису стал абсолютным приоритетом для мужчин (59%) и занятого населения (64%). В свою очередь, для женщин (43%) и представителей старшего поколения (46%) главной ценностью является возможность оформить документы из дома. Экономии времени и отсутствие очередей выделили 22% опрошенных, однако эти факторы воспринимаются респондентами скорее как сопутствующие, а не основные преимущества при использовании портала.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие ключевые выводы:

1. Наличие социально-демографического разрыва: при взаимодействии с цифровой средой и порталом «Госуслуги» фиксируется четкая гендерная и возрастная дифференциация. Мужчины и молодежь в возрасте 18–24 лет демонстрируют высокий уровень цифровой уверенности, в то время как женщины и представители старшего поколения значительно чаще сталкиваются с психологическими и техническими барьерами.

2. Многоканальность обслуживания: несмотря на то, что портал «Госуслуги» является основным каналом взаимодействия с государством для 80% опрошенных, сохраняется стабильный запрос на очное обслуживание (20%). Главными барьерами для полной цифровизации выступают страх перед кибермошенничеством, сложность регистрации, навигационные ошибки, а также боязнь получить ведомственный отказ из-за неверно прикрепленных документов.

3. Дифференциация запросов на поддержку: универсальным и востребованным форматом обучения являются видеоуроки. При этом для женщин и пожилых граждан критически важна доступность телефонной горячей линии, а для наиболее уязвимых слоев населения – сохранение очных консультаций. Высокий потенциал вовлечения (около 58%) в бесплатные обучающие программы доказывает, что барьер нежелания осваивать технологии преувеличен.

4. Общее отношение и мотивация: в целом вектор цифровизации оценивается позитивно (до 65% одобрения), однако каждый пятый пользователь воспринимает электронные услуги негативно из-за технических сбоев. Разные группы респондентов преследуют различные цели: если для занятых мужчин 25–40 лет приоритетом является круглосуточная гибкость графика, то для женщин и пожилых людей главной ценностью выступает возможность дистанционного решения вопросов из дома.

Таким образом, несмотря на общее позитивное восприятие цифровизации респондентами, уровень технологических и психологических барьеров остается стабильно высоким. Отсутствие адресной поддержки социально уязвимых групп (женщин, представителей старшего поколения и неуверенных пользователей) приводит к тому, что значительная часть населения продолжает отдавать предпочтение традиционным очным визитам в ведомства, игнорируя очевидные преимущества электронного формата обслуживания.

Исходя из полученных результатов исследования, для повышения доли пользователей онлайн-сервисов и оптимизации оценки качества работы портала предлагается комплекс следующих практических мер:

1. Развитие мультимедийных обучающих материалов: создание коротких видеoinструкций (продолжительностью 3–5 минут), моделирующих основные пользовательские опции (регистрация, навигация, правила загрузки документов).

2. Обеспечение доступной технической поддержки: организация специализированной телефонной горячей линии с привлечением операторов для консультирования женщин, пожилых граждан и социально уязвимых групп населения.

3. Разработка аналоговых методических материалов: проектирование пошаговых иллюстрированных чек-листов и брошюр для распространения в МФЦ и учреждениях социальной защиты.

4. Реализация образовательных программ: проведение бесплатных очных курсов, выездных семинаров и мастер-классов в муниципальных районах и общественных местах с фокусом на граждан в возрасте от 40 до 65 лет.

5. Модернизация базовых интерфейсов платформы: оптимизация процедур первичной регистрации и механизмов верификации документов для снижения процента отказов пользователей от работы с порталом.

6. Обеспечение кибербезопасности и конфиденциальности: усиление мер защиты персональных данных граждан и проведение ин-

формационной работы по профилактике кибермошенничества для преодоления барьера недоверия к цифровой среде.

7. Совершенствование системы контроля качества: оптимизация процедур мониторинга оказания услуг посредством привлечения общественных организаций и регулярного освещения результатов оценки в средствах массовой информации [4; 5].

8. Повышение устойчивости ИТ-инфраструктуры: обеспечение бесперебойного и стабильного функционирования веб-портала в условиях нагрузок для роста удовлетворенности населения качеством государственного сервиса.

9. Интеллектуализация интерактивных помощников: обновление и диверсификация функциональных возможностей чат-ботов на платформе для облегчения навигации и улучшения обратной связи [10].

Литература

1. Заварцева Е.В. Суперсервисы: Цифровая трансформация услуг // XLVIII Огаревские чтения: Материалы научной конференции. В 3-х частях, Саранск, 06–13 декабря 2019 года / Составитель А.В. Столяров; Отв. за выпуск П.В. Сенин. Том Часть 1. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2020. С. 442–447.

2. Какадий И.И., Просвирина А.И. Электронные технологии предоставления государственных услуг в области социальной поддержки населения // Вестник Евразийской науки. – 2020. – № 2.

3. Киселева, Н.В. Предоставление государственных услуг в электронной форме: актуальность, проблемы // Журнал юридических исследований. – 2021. – № 1. – С. 73–77.

4. Новичкова Е. Е., Зинченко Д.В. Оказание государственных услуг населению. Повышение качества и доступности их предоставления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. – 2023. – № 2 (105). С. 64–74.

5. Островецкая Ю.А. Проблемы цифровой трансформации государственных и муниципальных услуг // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 9–2. – С. 266–272.

6. Постановление Правительства РФ от 26.03.2016 № 236 «О требованиях к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг» [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/docs/all/106010/> (дата обращения: 23.07.2026).

7. Проведен регулярный мониторинг качества предоставления государственных и муниципальных услуг, основанный на «больших данных» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/bdc1ad3596a7162dd020050730902a07/monitoring_072025.pdf (дата обращения: 23.07.2026).

8. Скипин Д.Л., Кольцова Т.А., Шаргина А.В. Система электронных государственных услуг населению: состояние и развитие // Агропродовольственная политика России. Социальные и гуманитарные науки. – 2025. № 1 (114). – С. 10–19.

9. Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 27.07.2026).

10. Харатьян В.Р. Процесс предоставления электронных государственных услуг: проблемы и пути решения // Новизна. Эксперимент. Традиции. (Н.Экс.Т.). – 2025. – Т. 11. – № 2 (30). – С. 72–87.

11. Шалаяева Ю.В., Сорокин С.В. Предоставление государственных услуг в электронном виде: проблемы реализации, право применения // Вопросы современной юриспруденции – 2016. – № 6 (57). – С. 43–49.

12. Шкапина М. 900 млн запросов: итоги 2025 года для портала «Госуслуги» [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/26263697> (дата обращения: 27.07.2026).

DIGITAL DIVIDE IN ELECTRONIC GOVERNMENT SERVICES: ACCESSIBILITY BARRIERS FOR VARIOUS CATEGORIES OF CITIZENS

Gridina V.V.

Samara State Technical University

The article is devoted to the analysis of the dynamics of public involvement in digital interaction with state institutions against the background of the growing user base of the “Gosuslugi” portal. The paper presents the results of a sociological study conducted in Samara, aimed at identifying the key barriers to the accessibility of online services for various categories of citizens, including socially vulnerable groups. The authors systematize the main advantages of the electronic format (24/7 access, remote document processing, time optimization) and its accompanying disadvantages. The latter include the technical instability of the platform, rules for receiving services that are not always clear, low levels of digital literacy, a shortage of electronic devices among elderly citizens, as well as their forced dependence on assistance from their social circle. Additionally, problems of inflexible feedback from chat-bots, manifestations of the digital divide, and risks in the field of cybersecurity were recorded. It is proven that the listed shortcomings limit the potential for the total digitalization of the public sector, necessitating the preservation of traditional offline service channels. In conclusion, it is noted that despite the identified barriers, the general direction of the reforms finds a positive response among the majority of respondents.

Keywords: Digitalization, Digital literacy, E-government services, Socially vulnerable groups of the population, Public and municipal services, Digital services, Digital skills.

References

1. Zavartseva E.V. Super Services: Digital Transformation of Services // XLVIII Ogarev Readings: Proceedings of the Scientific Conference. In 3 parts, Saransk, December 6–13, 2019 / Compiled by A.V. Stolyarov; Responsible for the release P.V. Senin. Volume Part 1. Saransk: National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev, 2020. Pp. 442–447.

2. Kakadiy I.I., Prosvirina A.I. Electronic Technologies for the Provision of Public Services in the Field of Social Support of the Population // Bulletin of Eurasian Science. – 2020. – No. 2.

3. Kiseleva, N.V. Provision of Public Services in Electronic Form: Relevance, Problems // Journal of Legal Research. – 2021. – No. 1. – P. 73–77.

4. Novichkova E.E., Zinchenko D.V. Provision of public services to the population. Improving the quality and accessibility of their provision // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia: scientific and practical journal. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 2 (105). P. 64–74.

5. Ostrovetskaya Yu.A. Problems of digital transformation of state and municipal services // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2024. – No. 9–2. – P. 266–272.

6. RF Government Resolution No. 236 of March 26, 2016, “On the Requirements for the Provision of State and Municipal Services in Electronic Form” [Electronic resource]. – URL: <http://government.ru/docs/all/106010/> (accessed on July 23, 2026).

7. Regular monitoring of the quality of provision of state and municipal services based on “big data” was conducted [Electronic resource]. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/bdc1ad3596a7162dd020050730902a07/monitoring_072025.pdf (accessed on July 23, 2026).

8. Skipin D.L., Koltsova T.A., Shargina A.V. The system of electronic government services to the population: status and development // Agro-food policy of Russia. Social and humanitarian sciences. – 2025. No. 1 (114). – P. 10–19.

9. Decree on the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the perspective up to 2036 [Electronic resource]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (date of access: 27.07.2026).

10. Kharatyan V.R. The process of providing electronic government services: problems and solutions // Novelty. Experiment. Traditions. (N. Ex. T.). – 2025. – Vol. 11. – No. 2 (30). – P. 72–87.

11. Shalyaeva Yu.V., Sorokin S.V. Provision of public services in electronic form: implementation issues, law of application // Issues of modern jurisprudence – 2016. – No. 6 (57). – Pp. 43–49.

12. Shkapina M. 900 million requests: 2025 results for the “Gosuslugi” portal [Electronic resource]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/26263697> (date of access: 07/27/2026).

Трансформация профессиональной идентичности сотрудников через призму социальной архитектуры

Дмитриев Игорь Дмитриевич,

аспирант, Российский государственный социальный университет

E-mail: dmitriev.id0@yandex.ru

В условиях нестабильности занятости, проектных форм труда и непрерывных организационных изменений вопрос о том, как организационная среда трансформирует профессиональную идентичность сотрудников, приобретает принципиальное значение для социологии управления. Опираясь на теорию социальной идентичности, концепции *provisional selves* и *identity work*, теорию практических сообществ и др., статья предлагает концептуальную модель трансформации профессиональной идентичности под воздействием социальной архитектуры организации. Социальная архитектура концептуализируется как многоуровневая система организационных условий, формирующих профессиональную самоидентификацию сотрудника. Выявлены и описаны четыре механизма трансформации идентичности: перекатегоризация принадлежности, работа над идентичностью под давлением новой роли, ресоциализация через практическое сообщество и пересечение профессиональных границ. Полученные результаты составляют теоретическую основу для сравнительных эмпирических исследований организаций с различными типами социальной архитектуры.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, социальная архитектура организации, трансформация профессиональной идентичности, механизмы трансформации идентичности, организационный дизайн, *identity work*, практические сообщества, пересечение профессиональных границ, социология управления.

Введение

Изменение характера занятости стало одним из устойчивых направлений трансформации современного рынка труда. Уже в конце XX века исследователи фиксировали ослабление долговременной карьерной модели, характерной для индустриальной организации труда. Р. Сеннет связывал гибкий капитализм с разрушением последовательной трудовой биографии: вместо устойчивого профессионального пути работник все чаще оказывается включен в краткосрочные, фрагментарные и рискованные формы занятости [Sennett, 1998]. В близкой логике Д. Холл описывал становление протеевской карьеры, при которой ответственность за профессиональное развитие переносится с организации на самого работника, а карьерные решения все чаще определяются личными ценностями, субъективным пониманием успеха, адаптивностью и профессиональным самосознанием [Hall, 2004]. На сегодняшний день актуальность данных тенденций еще сильнее возросла, поскольку профессиональное самоопределение работника все чаще формируется в условиях организационных изменений, проектной занятости, цифровизации труда и нестабильных карьерных траекторий.

В современных условиях профессиональная идентичность не может рассматриваться только как результат индивидуального выбора или профессиональной социализации. Она зависит от того, в какой организационной среде действует сотрудник, с какими группами он себя соотносит, какие нормы признает значимыми и какие формы профессионального поведения получают подтверждение в организации. Поэтому вопрос о том, как организационная среда влияет на профессиональную идентичность, приобретает не только теоретическое, но и управленческое значение.

В социологических и психологических исследованиях профессиональную идентичность традиционно рассматривают через процессы профессиональной социализации – освоения норм профессии, взаимодействия с профессиональным сообществом и принятия его ценностей [Корчагин, 2023]. Этот круг вопросов в научной литературе проработан достаточно детально. Между тем в социологии управления остается концептуально незаполненным иной вопрос: каким образом намеренно проектируемая организационная среда функционирует как системный агент трансформации профессиональной идентичности? Иными словами, организация может не только служить фоном профессионального развития, но и активно задавать условия, в которых сотрудник переосмысливает свою профессиональную роль. Именно этот вопрос составляет проблемный фокус статьи.

Цель статьи состоит в теоретическом обосновании механизмов, посредством которых профессиональная идентичность сотрудников трансформируется под воздействием социальной архитектуры организации.

Достижение этой цели предполагает решение трех задач. Первая – операционализировать понятие профессиональной идентичности как термин социологии управления, раскрыв его структуру и динамику. Вторая – концептуализировать понятие социальной архитектуры и установить его связь с трансформацией идентичности. Третья – описать механизмы, посредством которых социальная архитектура трансформирует профессиональную идентичность, и обозначить социально-экономические последствия этого процесса.

Методологическую основу работы образуют теоретический анализ и синтез, концептуальный анализ используемых понятий и сравнительный метод, позволяющий разграничить социальную архитектуру и смежные категории. Профессиональная идентичность рассматривается в рамках социально-конструктивистской парадигмы: не как изначально данное свойство личности, а как результат конструирования в социальных взаимодействиях, зависящий от условий, в которых человек осваивает и переосмысливает свою профессиональную роль. Поскольку статья носит теоретический характер, ее результатом выступает концептуальная модель, открытая для последующей эмпирической проверки.

Профессиональная идентичность как категория социологии управления

Чтобы определить профессиональную идентичность, ее необходимо соотнести с более широким понятием социальной идентичности. Лич-

ная идентичность связана с тем, что отличает человека от других: его биографией, индивидуальными чертами, жизненным опытом и привычными способами самоописания. Социальная идентичность, напротив, формируется через принадлежность к группе. Человек определяет себя не только как отдельную личность, но и как участника определенной общности, разделяющего ее нормы, ценности и представления о значимости этой принадлежности [Tajfel, Turner, 1986].

В этом смысле профессиональная идентичность может рассматриваться как один из видов социальной идентичности. Работник соотносит себя с профессиональным сообществом, усваивает его нормы, принимает значимые для него ценности и постепенно начинает воспринимать принадлежность к профессии как часть собственного Я [Корчагин, 2023]. Профессиональная идентичность не сводится к индивидуальному самоопределению работника. Она формируется в социальной среде – через профессиональные группы, трудовые условия, организационные нормы и способы взаимодействия, которые задают человеку представление о том, что значит быть профессионалом.

Профессиональную идентичность можно описать через три взаимосвязанных аспекта: когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий. Когнитивный аспект связан с тем, как работник представляет себя в профессии: какие знания, качества, обязанности и образцы поведения он считает значимыми. Эмоционально-оценочный аспект выражает отношение человека к своей профессиональной принадлежности: принимает ли он эту роль, считает ли ее ценной и значимой для себя. Поведенческий аспект проявляется в том, как человек действует в профессиональной среде: следует ли нормам профессии, воспроизводит ли принятые способы решения задач и взаимодействия с коллегами.

Такая трактовка соотносится с диспозиционной концепцией, согласно которой установки, складывающиеся под влиянием социального опыта и условий деятельности, закрепляются в структуре личности и направляют поведение в типичных ситуациях [Ядов, 2013]. Поэтому изменение представлений о себе в профессии может менять отношение к профессиональной роли, а затем отражаться и на поведении работника. Это показывает, что профессиональная идентичность не является раз и навсегда заданным состоянием. Она меняется в ходе профессиональных переходов, когда человек осваивает новые роли, соотносит себя с новыми ожиданиями и проверяет возможные образы себя в практике. Профессиональная идентичность связывает прошлый опыт, нынешнюю позицию и представление о будущем, формируя перспективу профессионального развития [Лебедева, Заводчиков, 2018]. Поэтому ее следует рассматривать не как устойчивое состояние, а как процесс, зависящий от условий, в которых человек осваивает и переосмысливает свою профессиональную роль.

Исследования показывают, что удовлетворенность профессией, ее выбором, осмысленностью, пользой работы для людей и самим процессом труда связана с благополучием на рабочем месте – вовлеченностью, инициативностью, низким уровнем эмоционального истощения и скуки [Емелин и др., 2022]. Поэтому профессиональная идентичность может рассматриваться как управленчески значимый ресурс, а не только как личная характеристика работника.

Управленческое значение профессиональной идентичности также связано с тем, что она зависит от социального контекста. Профессиональное положение, выполняемая работа, ее содержание и социальная значимость выступают важными основаниями социального самоопределения человека [Козырева, Смирнов, 2021]. В профессиональной среде человек усваивает не только формальные требования к роли, но и привычные способы говорить, оценивать, объяснять, взаимодействовать и подтверждать свою принадлежность к профессиональному сообществу [Wackerhausen, 2009]. Эти способы закрепляются в социальном опыте и могут рассматриваться как диспозиции, направляющие восприятие ситуации и поведение в типичных условиях деятельности [Ядов, 2013].

Сказанное позволяет дать обобщающее определение. Профессиональная идентичность – это динамически формируемая система представлений, оценок и поведенческих ориентаций, через которую работник осознает свою принадлежность к профессиональному сообществу, принимает или пересматривает свою профессиональную роль и действует в соответствии с ней. Она имеет социологическое, психологическое и организационно-управленческое измерение, поскольку формируется в социальном контексте и влияет на отношение человека к работе.

Социальная архитектура организации: концептуализация понятия

Если профессиональная идентичность зависит от среды и может изменяться, следующим становится вопрос о том, какой именно организа-

ционный контекст направляет ее трансформацию. Для ответа на этот вопрос далее вводится понятие социальной архитектуры организации. В данной статье оно используется как аналитическая рамка для описания организационной среды, в которой формируется профессиональная идентичность сотрудников. Его целесообразно рассматривать не как готовый термин с единой устойчивой традицией, а как обобщающее понятие, соединяющее несколько направлений организационного анализа. Первое направление связано с организационным дизайном: организация понимается не как естественно сложившаяся данность, а как система параметров, которые могут сознательно настраиваться в соответствии со стратегическими задачами.

В модели Дж. Гэлбрейта такими параметрами выступают стратегия, структура, процессы, система вознаграждения и люди [Galbraith, 2014]. Второе направление связано с анализом организационной структуры, координации и конфигураций. Третье – с исследованием организационной культуры, то есть норм, ценностей, артефактов и базовых представлений, через которые участники организации понимают допустимое и профессионально признанное поведение. В совокупности эти подходы позволяют рассматривать организационную среду как сложную систему условий, влияющих на поведение и самоопределение работников.

Социальная архитектура организации складывается из нескольких связанных уровней. Структурный уровень включает иерархии, горизонтальные связи, способы группировки людей и задач, а также распределение полномочий. Он определяет, кто с кем взаимодействует и через какие механизмы координируется совместная работа [Mintzberg, 1979]. Процессуальный уровень образуют устойчивые способы взаимодействия: совещания, процедуры согласования, рабочие ритмы, каналы коммуникации и правила принятия решений. Культурный уровень включает ценности, нормы, организационные истории, символы и базовые представления о том, какое поведение считается правильным и профессионально признанным [Schein, 1985]. Пространственно-средовой уровень образуют физические и цифровые условия работы: расположение рабочих мест, доступность коммуникационных каналов, интерфейсы совместной работы и другие элементы среды, через которые организационные нормы получают материальное выражение. Вместе эти уровни образуют контекст профессиональной деятельности. Чтобы определить его специфику, социальную архитектуру необходимо сопоставить со смежными понятиями.

Социальную архитектуру следует отграничить от трех смежных понятий. От организационной культуры она отличается более широким охватом: культура является одним из уровней социальной архитектуры, но не исчерпывает ее, поскольку социальная архитектура включает также структурные, процессуальные и пространственно-средовые условия [Schein, 1985]. От организационного дизайна социальная архитектура отличается тем, что не ограничивается параметрами формальной структуры и координации, а включает также неформальные, символические и средовые элементы [Mintzberg, 1979; Galbraith, 2014]. От организационного климата она отличается направленностью анализа: климат описывает то, как сотрудники воспринимают организационную среду, тогда как социальная архитектура обозначает совокупность условий, которые это восприятие формируют. Отсюда следует, что социальная архитектура – интегративное понятие, охватывающее как намеренно спроектированные, так и стихийно сложившиеся условия организационной среды.

Связь социальной архитектуры с профессиональной идентичностью можно теоретически прояснить через расширительное прочтение закона Конвея. В исходном виде этот закон описывает зависимость между коммуникационной структурой проектирующей организации и архитектурой создаваемого ею продукта: организация склонна воспроизводить в продукте собственную структуру взаимодействий [Conway, 1968]. Для целей настоящей статьи этот тезис может быть перенесен в социологическую плоскость. Если продукт отражает структуру коммуникаций разработчиков, то и профессиональная идентичность участника организации формируется не вне этой структуры, а внутри нее. Коммуникационные связи задают, с какими группами работник регулярно взаимодействует, чьи оценки получает, какие нормы считает значимыми и относительно какого профессионального сообщества соотносит себя. Поэтому коммуникативная структура организации может рассматриваться как один из элементов социальной архитектуры, влияющих на профессиональное самоопределение сотрудников.

Эта возможность и делает социальную архитектуру управленческим инструментом. Намеренное выстраивание организационной среды относится к задачам стратегического организационного дизайна: руководство определяет не только формальную структуру, но и процессы взаимодействия, систему вознаграждения и кадровую политику. В звездообразной модели Дж. Гэлбрейта эффективность организации

обеспечивается согласованностью стратегии, структуры, процессов, вознаграждений и работы с людьми; каждый из этих элементов может рассматриваться как настраиваемый параметр организационной среды [Galbraith, 2014]. В этом смысле управление социальной архитектурой становится частью кадровой политики: через структуру взаимодействий, правила признания, процессы координации и систему поощрений организация влияет на то, как сотрудники понимают свою профессиональную роль и связь с организацией.

Сказанное позволяет определить социальную архитектуру как намеренно или стихийно сложившуюся многоуровневую систему структурных, процессуальных, культурных и средовых условий, которая задает контекст формирования и трансформации профессиональной идентичности сотрудника.

Механизмы трансформации профессиональной идентичности

Социальная архитектура воздействует на профессиональную идентичность не одним способом, а через несколько механизмов. Каждый из них связан с определенным уровнем организационной среды. Эти механизмы различаются по тому, что именно меняется в самоопределении работника: группа принадлежности, способ согласования себя с новой ролью, включенность в профессиональное сообщество или сама профессиональная позиция.

Первый механизм можно обозначить как перекатегоризацию принадлежности. Он опирается на положения теории социальной идентичности, согласно которым человек определяет себя через принадлежность к социальным категориям, а эти категории задают систему самореференции и социальных сравнений [Tajfel, Turner, 1986]. Если меняется группа, с которой сотрудник регулярно соотносит себя, меняется и основание профессионального самоопределения.

Такой сдвиг может запускаться изменением структурного уровня социальной архитектуры: реорганизацией, переходом в другую команду, изменением роли или новой конфигурацией взаимодействий. В организации социальная идентичность сотрудника может быть связана не только с организацией в целом, но и с рабочей группой, подразделением, профессиональным сообществом или иной внутренней общностью [Ashforth, Mael, 1989]. Поэтому изменение структурной позиции сотрудника способно сместить фокус его идентификации

Второй механизм связан с работой субъекта над идентичностью под давлением новой профессиональной роли. Роль задает ожидания относительно того, как ее носитель должен действовать, говорить, принимать решения и предъявлять себя другим участникам профессиональной среды. Это давление относится к процессуальному уровню социальной архитектуры, поскольку проявляется в повседневных практиках взаимодействия, обратной связи, оценке поведения и неформальных правилах признания. В таких условиях между прежним самоопределением работника и требованиями новой роли может возникать разрыв. Идентичность приходится не просто сохранять, а заново согласовывать с тем, как человек должен выглядеть и действовать в новой позиции.

Этот процесс можно описать через понятие работы над идентичностью. В исследованиях identity work подчеркивается, что человек не является пассивным носителем социальной роли: он формирует, поддерживает, пересматривает и защищает представление о себе в ответ на требования профессионального и организационного окружения [Kreiner et al., 2006]. Близкую логику раскрывает концепция provisional selves Г. Ибарры. При переходе к новой роли человек наблюдает за ролевыми моделями, пробует временные профессиональные образы себя и затем оценивает их с учетом собственного ощущения соответствия и внешней обратной связи [Ibarra, 1999]. В результате одни элементы новой роли принимаются и закрепляются, другие изменяются, а третьи отбрасываются как несоответствующие представлению человека о себе.

Третий механизм – ресоциализация через включение в практическое сообщество. Практическое сообщество объединяет людей, занятых общим делом и разделяющих устойчивый набор практик, языка, профессиональных норм и способов решения задач. Участие в таком сообществе становится каналом не только обучения, но и формирования идентичности: человек осваивает не просто рабочие приемы, а представление о том, что в данной среде считается профессиональным поведением [Wenger, 1998].

Входя в новое сообщество, работник постепенно перенимает его язык, критерии оценки, способы взаимодействия и образцы признанного профессионализма. На раннем этапе он действует как новичок, наблюдает за более опытными участниками и выполняет ограниченный круг задач; по мере включения в совместную деятельность его

участие расширяется, а внешние нормы сообщества становятся частью собственного профессионального самоопределения.

Четвертый механизм – осознанная трансформация профессиональной позиции через пересечение профессиональных границ. Закрытое профессиональное сообщество стабилизирует идентичность своих участников, поскольку закрепляет общие способы говорить, задавать вопросы, объяснять, оценивать и действовать. Однако эта же устойчивость может ограничивать рефлексию: привычные основания профессиональной практики начинают восприниматься как естественные и само собой разумеющиеся [Wackerhausen, 2009].

Пересечение профессиональных границ меняет эту ситуацию. Когда специалист оказывается в разнородной среде и взаимодействует с носителями другой профессиональной логики, привычные способы мышления и действия перестают быть очевидными. Чтобы быть понятным, он вынужден явно формулировать основания своей позиции: объяснять, почему именно эти вопросы считает важными, почему выбирает такие способы действия и почему оценивает ситуацию именно так. Такая формулировка делает предметом рефлексии то, что раньше оставалось неявным. Если предыдущие механизмы могут действовать относительно незаметно для работника, то здесь трансформация идентичности связана с осознанным сопоставлением разных профессиональных логик.

Четыре механизма удобно сопоставить по теоретическому основанию, уровню социальной архитектуры, запускающему механизм, характеру процесса и результату (табл. 1).

Таблица 1. Механизмы трансформации профессиональной идентичности под воздействием социальной архитектуры

Механизм и уровень	Теоретическое обоснование	Процесс
Перекатегоризация принадлежности (структурный)	Теория социальной идентичности [Tajfel, Turner, 1986; Ashforth, Mael, 1989]	Изменение группы, с которой сотрудник соотносит себя; переопределение значимой профессиональной общности
Работа над идентичностью (процессуальный)	Identity work, provisional selves [Kreiner et al., 2006; Ibarra, 1999]	Согласование прежнего представления о себе с ожиданиями новой роли, обратной связью и требованиями профессиональной среды
Ресоциализация через практическое сообщество (культурный)	Теория практических сообществ [Wenger, 1998]	Освоение языка, норм, ценностей, критериев оценки и образцов профессионального поведения через совместную деятельность
Пересечение профессиональных границ (пространственно-средовой)	Концепция рефлексии через профессиональные границы [Wackerhausen, 2009]	Столкновение с иной профессиональной логикой; явное проговаривание оснований собственной позиции и их рефлексивный пересмотр

Трансформация профессиональной идентичности не является нейтральной по своим последствиям. При конструктивном течении она помогает работнику включиться в новую профессиональную среду, уточнить свою роль, освоить новые нормы взаимодействия и сохранить ощущение значимости выполняемой работы. В этом случае изменение идентичности связано с вовлеченностью, инициативностью и удовлетворенностью профессиональной деятельностью.

При деструктивном течении трансформация идентичности может сопровождаться рассогласованием между прежним самоопределением работника и новыми требованиями среды. В этом случае новая роль не включается в образ себя, а воспринимается как внешнее давление. Последствиями становятся снижение вовлеченности, эмоциональное истощение, утрата смысла работы или дистанцирование от профессиональной роли. Эти риски усиливаются в условиях гибкой и нестабильной занятости, где трудовой опыт становится фрагментарным, карьерная траектория теряет непрерывность, а долгосрочные основания профессионального самоопределения ослабевают [Sennett, 1998]. В проектных и контрактных формах занятости дополнительную нагрузку создает необходимость постоянно поддерживать собственную рыночную ценность, обновлять навыки и профессиональные связи [Barley, Kunda, 2004].

Сопоставление рассмотренных механизмов показывает, что трансформация профессиональной идентичности связана с разными уровнями социальной архитектуры организации. Структурные изменения задают новые группы принадлежности; процессуальные условия формируют ожидания роли; культурная среда закрепляет нормы через участие в профессиональном сообществе; межпрофессиональная среда создает условия для рефлексивного пересмотра собственной пози-

ции. Предложенная модель может использоваться как общая аналитическая рамка для изучения того, как организационная среда влияет на профессиональное самоопределение работников. Вопрос о том, насколько интенсивно эти механизмы проявляются в конкретных организациях, требует дальнейшей эмпирической проверки.

Обсуждение

Предложенная модель имеет три существенных ограничения. Во-первых, она носит теоретический характер, вследствие чего описанные механизмы фиксируют возможные пути трансформации профессиональной идентичности, но не устанавливают их фактическую распространённость и интенсивность в конкретных организациях. Во-вторых, действие механизмов зависит от отраслевого, культурного и институционального контекста: одна и та же организационная перестройка способна по-разному воздействовать на профессиональное самоопределение работников в различных сферах деятельности. В-третьих, модель сосредоточена на организационной среде, тогда как индивидуальные характеристики работника – профессиональный опыт, карьерная стадия, мотивационная структура и готовность к изменениям – остаются за рамками детального анализа и требуют самостоятельной концептуализации в последующих исследованиях.

Заключение

В статье предложена теоретическая модель, объясняющая, каким образом социальная архитектура организации трансформирует профессиональную идентичность сотрудников. Профессиональная идентичность operationalized как динамически формируемая система когнитивных, эмоционально-оценочных и поведенческих ориентаций работника, зависящая от социальной среды и поддающаяся изменению под её воздействием. Понятие социальной архитектуры концептуализировано как многоуровневая – структурная, процессуальная, культурная и пространственно-средовая – система организационных условий, задающих контекст профессионального самоопределения. На этой основе построена концептуальная модель, включающая четыре механизма трансформации идентичности: перекаатегоризацию принадлежности, работу над идентичностью, ресоциализацию через практическое сообщество и пересечение профессиональных границ. Указанные механизмы охватывают различные уровни социальной архитектуры и производят различные по характеру результаты, что делает модель концептуально пригодной как для теоретического анализа, так и для последующей эмпирической верификации.

Теоретический вклад работы состоит в том, что понятие социальной архитектуры введено в социологический дискурс о трансформации профессиональной идентичности как самостоятельный аналитический инструмент. В предложенной модели организационная структура, процессы взаимодействия, культурная среда и средовые условия рассматриваются не как технические параметры управления деятельностью, а как факторы, формирующие профессиональное самоопределение сотрудника. Организационная среда предстаёт не как нейтральный фон профессионального развития, а как управляемая система условий, влияние которой на идентичность поддаётся концептуализации и последующему измерению.

Практическая значимость модели определяется её применимостью в организационном проектировании и HR-практике. Она предоставляет концептуальный язык, позволяющий оценивать, какие изменения социальной архитектуры активируют тот или иной механизм трансформации идентичности, и соотносить управленческие решения в области структуры, процессов и культуры с их последствиями для профессионального самоопределения работника. Вместе с тем управление профессиональной идентичностью имеет отчётливо выраженный этический предел: оно затрагивает не только поведение работника, но и его представление о самом себе, вследствие чего не может сводиться к инструментальному воздействию без учёта автономии, интересов и профессионального достоинства сотрудника.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на эмпирическую верификацию описанных механизмов. Наиболее перспективным представляется сравнительный анализ организаций с принципиально различающейся социальной архитектурой – иерархических, проектных, сетевых и межпрофессиональных, – позволяющий установить, при каких организационных конфигурациях тот или иной механизм трансформации приобретает доминирующее значение. Применительно к отечественному контексту существенной переменной выступает институциональная среда: российский рынок труда, сложившиеся профессиональные культуры и постсоветские паттерны профессиональной идентификации задают специфические условия, в которых описанные механизмы могут проявляться с различной интенсивностью и в разных конфигурациях. Включение этого контекста в эмпириче-

скую повестку позволит верифицировать модель и уточнить границы её применимости.

Литература

1. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. 2-е изд., расшир. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
2. Barley S. R., Kunda G. Gurus, Hired Guns, and Warm Bodies: Itinerant Experts in a Knowledge Economy. Princeton: Princeton University Press, 2004. 342 p.
3. Galbraith J.R. Designing Organizations: Strategy, Structure, and Process at the Business Unit and Enterprise Levels. 3rd ed. Hoboken: John Wiley & Sons, 2014. 352 p.
4. Mintzberg H. The Structuring of Organizations: A Synthesis of the Research. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1979. 512 p.
5. Schein E.H. Organizational Culture and Leadership. San Francisco: Jossey-Bass, 1985. 358 p.
6. Sennett R. The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism. New York: W.W. Norton, 1998. 176 p.
7. Wenger E. Communities of Practice: Learning, Meaning, and Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 318 p.
8. Емелин В. А., Рассказова Е. И., Иванова Т. Ю. Профессиональная идентичность и удовлетворенность профессиональной деятельностью как факторы благополучия на рабочем месте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 4. С. 115–135.
9. Козырева П. М., Смирнов А. И. Особенности и тенденции профессиональной самоидентификации в постсоветской России // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 1. С. 28–51.
10. Корчагин Е. Н. Профессиональная идентичность: обзор зарубежных исследований // Педагогика и психология образования. 2023. № 1. С. 190–203.
11. Лебедева Е. В., Заводчиков Д. П. Профессиональная идентичность и трансспектива профессионального развития будущих педагогов // Научный диалог. 2018. № 12. С. 452–464.
12. Ashforth B. E., Mael F. Social Identity Theory and the Organization // Academy of Management Review. 1989. Vol. 14. No. 1. P. 20–39.
13. Conway M. E. How Do Committees Invent? // Datamation. 1968. Vol. 14. No. 4. P. 28–31.
14. Hall D. T. The Protean Career: A Quarter-Century Journey // Journal of Vocational Behavior. 2004. Vol. 65. No. 1. P. 1–13.
15. Ibarra H. Provisional Selves: Experimenting with Image and Identity in Professional Adaptation // Administrative Science Quarterly. 1999. Vol. 44. No. 4. P. 764–791.
16. Kreiner G. E., Hollensbe E. C., Sheep M. L. Where Is the “Me” among the “We”? Identity Work and the Search for Optimal Balance // Academy of Management Journal. 2006. Vol. 49. No. 5. P. 1031–1057.
17. Tajfel H., Turner J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations / ed. by S. Worchel, W. G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.
18. Wackerhausen S. Collaboration, Professional Identity and Reflection across Boundaries // Journal of Interprofessional Care. 2009. Vol. 23. No. 5. P. 455–473.

TRANSFORMATION OF PROFESSIONAL IDENTITY OF EMPLOYEES THROUGH THE PRISM OF SOCIAL ARCHITECTURE

Dmitriev I.D.

Russian State Social University

In conditions of unstable employment, project-based forms of work and continuous organizational changes, the question of how the organizational environment transforms the professional identity of employees is of fundamental importance for the sociology of management. Based on the theory of social identity, the concepts of provisional selves, identity work et al., the article offers a conceptual model of professional identity transformation under the influence of the social architecture of the organization. Social architecture is conceptualized as a multilevel system of organizational conditions that form an employee's professional identity. Four mechanisms of identity transformation have been identified and described: recategorization of belonging, work on identity under the pressure of a new role, resocialization through a practical community, and crossing professional boundaries. The results obtained form the theoretical basis for comparative empirical studies of organizations with different types of social architecture.

Keywords: professional identity, social architecture of an organization, transformation of professional identity, mechanisms of identity transformation, organizational design, identity work, practical communities, crossing professional boundaries, sociology of management.

References

1. Yadov V.A. Self-regulation and forecasting of social behavior of a personality: a dispositional concept. 2nd ed., expanded. Moscow: Tsspm, 2013. 376 p.

2. Barley S. R., Kunda G. Gurus, Mercenaries and Hotheads: Traveling Experts in the Knowledge Economy. Princeton: Princeton University Press, 2004. 342 p.
3. Galbraith J.R. Organization design: strategy, structure and processes at the level of a business unit and enterprise. 3rd ed. Hoboken: John Wiley & Sons, 2014. 352 p.
4. Mintsberg H. Structuring organizations: summarizing research results. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1979. 512 p.
5. Shane, E.H. Organizational culture and Leadership. San Francisco: Jossey-Bass, 1985. 358 p.
6. R. Sennett. Character destruction: the personal consequences of working under the new capitalism. New York: W.W. Norton, 1998. 176 p.
7. Wenger E. Communities of Practice: Learning, Meaning, and Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 318 p.
8. Emelin V. A., Rasskazova E.I., Ivanova T.Y. Professional identity and satisfaction with professional activity as factors of well-being in the workplace // Bulletin of the Moscow University. Episode 14. Psychology. 2022. No. 4. pp. 115–135.
9. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Features and trends of professional self-identification in post-Soviet Russia // Sociological Journal. 2021. Vol. 27. No. 1. pp. 28–51.
10. Korchagin E.N. Professional identity: a review of foreign studies // Pedagogy and psychology of education. 2023. No. 1. pp. 190–203.
11. Lebedeva E. V., Zavodchikov D.P. Professional identity and the prospect of professional development of future teachers // Scientific dialogue. 2018. № 12. pp. 452–464.
12. Ashfort B. E., Mael F. Theory of social identity and organization // Review of the Academy of Management. 1989. Volume 14. No. 1. pp. 20–39.
13. Conway M.E. How are committees created? // Datamation. 1968. Volume 14. No. 4. pp. 28–31.
14. Hall D.T. Professional career: a quarter-century journey // Journal of Professional Behavior. 2004. Volume 65. No. 1. pp. 1–13.
15. Ibarra H. Temporary Selves: experiments with image and identity in professional adaptation // Administrative Science Quarterly. 1999. Volume 44. No. 4. pp. 764–791.
16. Kreiner G. E., Hollensbe E.S., Ship M.L. Where is “Me” among “Us”? Working with identity and finding the optimal balance // Journal of the Academy of Management. 2006. Volume 49. No. 5. pp. 1031–1057.
17. Typhel H., Turner J.S. Theory of social identity in intergroup behavior // Psychology of intergroup relations / edited by S. Vorchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson Hall, 1986. pp. 7–24.
18. Wackerhausen S. Collaboration, professional identity and reflection across borders // Journal of Interprofessional Care. 2009. Volume 23. No. 5. pp. 455–473.

Физическая подготовка студентов в институциональной структуре университетского образования: социальные практики, барьеры и механизмы вовлечения

Кролевец Юрий Леонидович,

кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедра «Физическое воспитание», ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: YLKrolevets@fa.ru

Родионов Сергей Иванович,

старший преподаватель, кафедра «Физическое воспитание», ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: SIRodionov@fa.ru

Университетская физическая подготовка представляет собой один из немногих социальных институтов, через который проходит практически все студенчество, вследствие чего от качества его работы зависит не только здоровье молодого поколения, но и закрепление практик физической активности во взрослой жизни. В работе систематизированы теоретические подходы социологии к исследованию физической культуры, раскрыт институциональный разрез университетской физической подготовки с разграничением явных и латентных функций, построена воронка вовлеченности студентов от нормативного участия до спортивной идентичности и обоснованы механизмы институционального регулирования вовлеченности. Измерительное ядро исследования образуют коэффициент институционального опосредования физической активности, коэффициент напряженности целевого показателя вовлеченности и коэффициент институционального покрытия норматива систематичности университетской дисциплиной. Расчеты выполнены на фактических данных ведомственной статистики за 2016–2025 годы. Результаты исследования свидетельствуют о том, что университетская дисциплина способна покрывать свыше девяти десятых нормативного объема систематической активности студентов, вследствие чего главный институциональный дефицит сосредоточен не в охвате, а в переходах между ступенями воронки вовлеченности и в удержании практики после выпуска. Практическая значимость работы определяется применимостью инструментария органами управления образованием, руководством университетов и организаторами студенческого спорта.

Ключевые слова: социальный институт, физическая подготовка студентов, университетское образование, социальные практики, вовлеченность, воронка вовлеченности, латентные функции, институциональные барьеры, студенчество, социология физической культуры.

Введение

Физическая активность населения закреплена среди национальных приоритетов, поскольку увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 70% к 2030 году установлено в числе целевых показателей национального развития [1] и детализировано отраслевой стратегией [2]. По итогам 2024 года доля систематически занимающихся впервые превысила 60% и достигла 60,3% населения в возрасте от 3 до 79 лет при 76 млн занимающихся [3], притом что в организованных формах занимались 57% граждан, а с учетом самостоятельных занятий 69,3% [4]. Студенчество занимает в достижении цели особое место, поскольку университет остается последним институтом жизненного пути, охватывающим возрастную когорту практически целиком, а численность занимающихся детей и молодежи оценивалась в 23 млн человек, или 85% когорты [5]. После выпуска обязательная институциональная рамка исчезает, и вопрос о том, конвертируется ли университетская физическая подготовка в устойчивую социальную практику, приобретает значение для всей траектории целевого показателя.

Теоретический фундамент проблематики образуют структурно-функциональный анализ социальных институтов Т. Парсонса [6], социология практик и телесного капитала П. Бурдьё, задавшая программу социологии спорта [7], и отечественная традиция социологии физической культуры [8]. Эмпирическая литература раскрывает физическую культуру как компонент здорового образа жизни студенчества [9], мотивационные основания посещаемости занятий [10] и отношение студентов к учебной дисциплине по данным анкетных опросов [11]. Вместе с тем целостное представление университетской физической подготовки как социального института с измеримой воронкой вовлеченности остается недостаточно разработанным.

Объектом исследования выступает физическая подготовка студентов в системе университетского образования.

Предметом исследования являются институциональные характеристики, социальные практики, барьеры и механизмы вовлечения студентов в физическую подготовку.

Целью исследования является обоснование институциональной модели университетской физической подготовки и измеримого инструментария оценки вовлеченности студентов с выработкой механизмов институционального регулирования.

Научная новизна исследования состоит в представлении университетской физической подготовки как социального института с разграничением явных и латентных функций, в построении четырехступенчатой воронки вовлеченности с картой барьеров переходов, а также в конструировании измерительного ядра из трех коэффициентов вовлеченности.

Практическая значимость определяется применимостью результатов органами управления образованием, руководством университетов и организаторами студенческого спорта.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили структурно-функциональный подход к анализу социальных институтов, теория социальных практик, а также приемы формализованного анализа, включая коэффициентное измерение опосредования активности, оценку напряженности целевых показателей и нормативный анализ покрытия критериев систематичности образовательными объемами.

Информационную базу исследования образуют ведомственная статистика физической культуры и спорта за 2016–2025 годы, документы стратегического планирования с методиками расчета целевых показателей, требования образовательных стандартов к дисциплинам физической культуры и опубликованные социологические опросы студентов.

Результаты и обсуждение

Социологический взгляд рассматривает физическую подготовку студентов как устойчивую систему норм, ролей, организаций и санкций, воспроизводящую социальные практики независимо от смены участников. Систематизация теоретических подходов приведена в таблице 1.

Таблица 1. Систематизация теоретических подходов социологии к исследованию физической культуры студенчества

Подход	Представители	Ключевая идея	Следствие для анализа университетской практики
Структурно-функциональный	Т. Парсонс	Институты выполняют явные и латентные функции поддержания социальной системы	Разграничение декларируемых оздоровительных и скрытых интеграционных функций дисциплины
Практико-культурный	П. Бурдьё	Телесные практики образуют капитал и воспроизводят социальные различия через габитус	Спортивные практики студентов как маркер стиля жизни и канал накопления социальных связей

Окончание

Подход	Представители	Ключевая идея	Следствие для анализа университетской практики
Институционально-нормативный	Отечественная социология физической культуры	Физическая культура выступает нормативно оформленным институтом с государственным регулированием	Анализ стандартов, целевых показателей и санкционных механизмов вуза
Жизненно-курсовой	Исследователи жизненного пути	Практики закрепляются или обрываются в переходах между этапами биографии	Выпуск из университета как критическая точка удержания физической активности

Источник: составлено авторами на основе материалов [6], [7], [8].

Данные таблицы 1 свидетельствуют о взаимодополнительности подходов, задающих четыре среза анализа от функций института до биографических переходов. Институциональный разрез представлен на рисунке 1.

Рис. 1. Институциональный разрез физической подготовки студентов в университетском образовании

Источник: разработано автором.

Таблица 2. Явные и латентные функции института физической подготовки студентов

Тип функции	Содержание	Социальный эффект
Явные функции	Сохранение здоровья и работоспособности, развитие физических качеств, освоение образовательной программы, подготовка к нормативам комплекса ГТО	Физическая готовность когорты, выполнение целевых показателей национального развития
Латентные интеграционные	Совместные занятия и командные виды, включение первокурсников в устойчивые группы, межфакультетские соревнования	Социальная интеграция, снижение отсева, формирование горизонтальных связей студенчества
Латентные стратификационные	Спортивные достижения как символический капитал, повышенные стипендии, статусы капитанов и организаторов	Каналы внутривузовской мобильности и лидерского отбора
Латентные дисциплинирующие	Регулярность расписания, зачетные требования, самоконтроль, нагрузки	Навыки самоорганизации, переносимые на учебную и трудовую деятельность

Источник: составлено авторами на основе материалов [6], [9], [11].

Представленный на рисунке 1 разрез соединяет нормативное ядро института, включая законодательство о физической культуре [12], образовательные стандарты и критерий систематичности занятий от 125 минут в неделю для возрастной группы 16–29 лет [13], со статусно-ролевой структурой и организационной инфраструктурой кафедр, студенческих спортивных клубов и лиг. Особую социологическую ценность представляет разграничение функций, поскольку наряду с явной оздоровительной функцией институт выполняет латентную работу социализации, интеграции первокурсников в студенческое сообщество, накопления сетевых связей и формирования самодисциплины, значи-

мость которой для качества жизни молодых поколений подтверждена исследованиями цифровой среды взросления [14] и уроками пандемийного периода для здоровьесберегающего поведения [15]. Содержательное наполнение функций раскрыто в таблице 2.

Результаты таблицы 2 демонстрируют, что редукция института к явной оздоровительной функции обедняет управленческую повестку. Динамика вовлеченности описывается воронкой на рисунке 2.

Воронка на рисунке 2 разводит четыре состояния от нормативного участия через регулярную практику и добровольную активность к спортивной идентичности как устойчивому стилю жизни. Барьеры переходов сгруппированы в таблице 3.

Таблица 3. Институциональные барьеры переходов между ступенями воронки вовлеченности студентов

Группа барьеров	Содержание	Степень воронки под ударом
Ресурсно-временные	Учебная перегрузка, совмещение учебы с работой, расписание занятий физической культурой в неудобные часы	Переход от нормативного участия к регулярной практике
Организационно-формальные	Формализм зачетных требований, единообразие программ без учета интересов, дефицит элективного выбора	Мотивационное выгорание на ступени нормативного участия
Инфраструктурно-сервисные	Ограниченная пропускная способность залов при обеспеченности сооружениями 64,5%, слабые сервисы записи и сопровождения	Переход от регулярной практики к добровольной активности
Биографические	Утрата институциональной рамки после выпуска, смена среды и режима занятости	Удержание спортивной идентичности во взрослой жизни

Источник: составлено авторами на основе материалов [10], [11], а также ведомственной статистики.

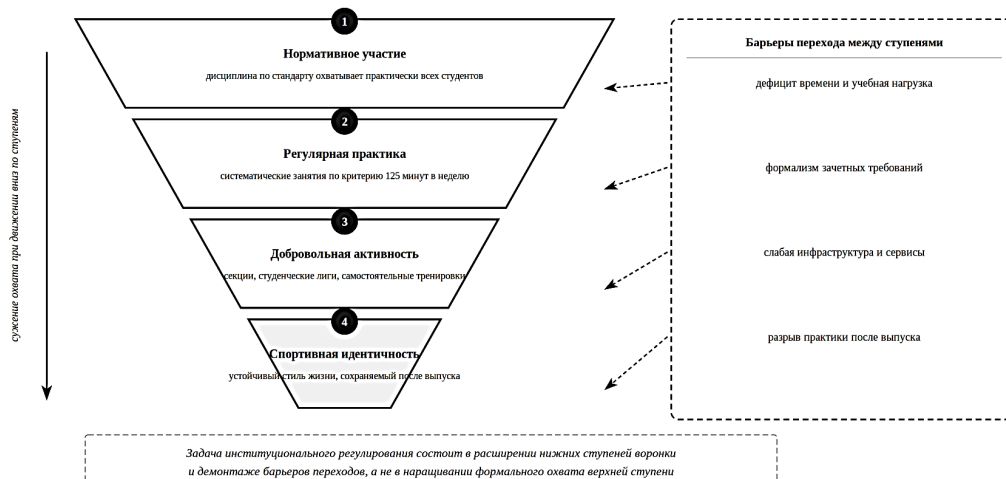

Рис. 2. Воронка вовлеченности студентов в практики физической подготовки и барьеры переходов

Источник: разработано автором.

Из таблицы 3 следует, что барьеры распределены по всей длине воронки. Степень опосредованности активности институциональными формами измеряет коэффициент по формуле (1).

$$K_{и} = \frac{d_{орг}}{d_{общ}} \quad (1)$$

где $K_{и}$ обозначает коэффициент институционального опосредования физической активности, $d_{орг}$ выражает долю граждан, занимающихся в организованных формах, а $d_{общ}$ соответствует совокупной доле занимающихся с учетом самостоятельных практик.

Расчет по фактическим данным дает $K_{и} = 57 / 69,3 = 0,82$ [4], вследствие чего свыше четырех пятых физической активности населения проходит через институциональные формы, включая образовательные организации, спортивные клубы и секции. Высокое значение коэффициента повышает социальную цену качества работы университетского звена. Реалистичность национальной траектории измеряет коэффициент напряженности целевого показателя по формуле (2).

$$K_{н} = \frac{\delta_{треб}}{\delta_{факт}} \quad (2)$$

где $K_{н}$ обозначает коэффициент напряженности целевого показателя, $\delta_{треб}$ выражает требуемый среднегодовой прирост доли занимающихся до целевого уровня, а $\delta_{факт}$ соответствует фактическому среднегодовому приросту за наблюдаемый период. Требуемый темп составляет $\delta_{треб} = (70-60,3) / 6 = 1,62$ процентного пункта в год на горизонте 2024–2030 годов [3], фактический темп 2016–2024 годов $\delta_{факт} = (60,3-34,2) / 8 = 3,26$ процентного пункта в год [4], вследствие чего $K_{н} = 1,62 / 3,26 = 0,50$.

Формально цель достижима при половинном темпе, однако контрольные органы фиксируют расхождение ведомственной отчетности с альтернативными источниками [4], а легкие резервы прироста за счет учетных уточнений исчерпываются раньше содержательных. Вклад университетского звена в норматив систематичности измеряет коэффициент институционального покрытия по формуле (3).

$$K_{п} = \frac{H_{дисц}}{H_{норм}} \quad (3)$$

где $K_{п}$ обозначает коэффициент институционального покрытия норматива систематичности, $H_{дисц}$ выражает среднегодовой объем занятий по университетской дисциплине физической культуры, а $H_{норм}$ соответствует годовому нормативному объему систематических занятий.

Образовательные стандарты высшего образования отводят дисциплинам физической культуры и спорта не менее 400 академических часов на программу бакалавриата, включая 72 часа базовой части и 328 часов элективных дисциплин, что дает $H_{дисц} = 400 / 4 = 100$ часов в год, тогда как норматив систематичности 125 минут в неделю для группы 16–29 лет [13] образует $H_{норм} = 125 \cdot 52 / 60 = 108,3$ часа в год. Расчет дает $K_{п} = 100 / 108,3 = 0,92$, вследствие чего университетская дисциплина при полноценной реализации покрывает свыше девяти десятых нормативного объема систематической активности студента. Полученный результат переносит центр институциональной проблемы

с охвата на качество реализации и на переходы воронки, поскольку формальное отбывание занятий засчитывается статистикой, но не конвертируется в добровольную практику. Механизмы институционального регулирования вовлеченности сведены в таблице 4.

Таблица 4. Механизмы институционального регулирования вовлеченности студентов в физическую подготовку

Механизм	Инструменты	Целевая ступень воронки
Элективизация практик	Расширение выбора видов активности, уровневые группы, зачет внеуниверситетских секций и фитнеса	Конвертация нормативного участия в регулярную практику
Клубно-соревновательный	Студенческие спортивные клубы и лиги, межфакультетские турниры, волонтерские и организаторские роли	Переход к добровольной активности и накопление латентных функций
Цифрового сопровождения	Сервисы записи и учета активности, интеграция самостоятельных занятий в зачетные требования, геймификация	Снижение ресурсно-временных барьеров на всех ступенях
Статусно-стимулирующий	Повышенные стипендии, знаки отличия комплекса ГТО, портфолио достижений при трудоустройстве	Закрепление спортивной идентичности
Пролонгирующий	Выпускные абонементы и клубы выпускников, партнерства с работодателями по корпоративному спорту	Удержание практики после выпуска

Источник: разработано автором на основе материалов [10], [11], а также программных документов.

Данные таблицы 4 подтверждают, что механизмы адресуют конкретные ступени воронки и опираются на действующую программную рамку развития спорта до 2030 года [16]. Социологический контекст усиливает значимость предлагаемой настройки, поскольку демографическое сжатие молодежных когорт [17] и трансформация половозрастной структуры населения [18] повышают цену здоровья каждого выпускника, региональные различия условий жизни задают неравенство стартовых возможностей студентов [19], а аппарат многомерно-анализа уровня жизни применим к межвузовским сопоставлениям спортивной среды [20]. Удержание практик выпускников связано с повесткой качества жизни локальных сообществ [21], реализация потенциала молодежных когорт развивающихся регионов образует общенациональный ресурс [22], интеллектуальные подходы к построению образовательной среды университетов задают рамку интеграции физической подготовки в целостный образовательный процесс [23], а мониторинговая идеология коэффициентов согласуется с модельными разработками агрегированных индексов [24].

Выводы

Систематизация теоретических подходов показала продуктивность соединения структурно-функционального, практико-культурного, институционально-нормативного и жизненно-курсового срезов, а раскрытый институциональный разрез университетской физической подготовки зафиксировал наряду с явной оздоровительной функцией латентную работу социальной интеграции, стратифика-

ции и дисциплинирования, образующую самостоятельную ценность университетской среды.

Построенная воронка вовлеченности развела нормативное участие, регулярную практику, добровольную активность и спортивную идентичность как качественно разные состояния с картой барьеров переходов, показав, что барьеры распределены по всей длине воронки от учебной перегрузки и формализма требований до биографического разрыва практики после выпуска. Сконструировано измерительное ядро и подтверждена его работоспособность. Обоснованы пять механизмов регулирования, адресующих конкретные ступени воронки, а дальнейшие исследования видятся в панельных обследованиях удержания практик выпускников.

Литература

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 30. – Ст. 4884.
2. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.11.2020 № 3081-р.
3. Больше спортсменов и стадионов, но меньше денег: главное из отчета Минспорта за 2024 год // Ведомости. Спорт. – [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.vedomosti.ru/sport/others/articles/2025/04/14/1104331-glavnoe-iz-otcheta-minsporta> (дата обращения 09.07.2026).
4. Норма жизни: зачем министерству спорта 70 процентов занимающихся физкультурой // Forbes. – [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.forbes.ru/sport/529704-norma-zizni-zacem-ministerstvu-sporta-70-procentov-zanimausihsa-fizkul-turoj> (дата обращения 09.07.2026).
5. О развитии детско-юношеского спорта в Российской Федерации: материалы Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/124561/> (дата обращения 09.07.2026).
6. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000. – 880 с.
7. Bourdieu P. Program for a Sociology of Sport // Sociology of Sport Journal. – 1988. – Vol. 5, No. 2. – P. 153–161.
8. Лубышева Л.И. Социология физической культуры и спорта. – М.: Академия, 2010. – 272 с.
9. Физическая культура как компонент здорового образа жизни современного студенчества: социологический аспект // КиберЛенинка. – [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskaya-kultura-kak-komponent-zdorovogo-obraza-zhizni-sovremennogo-studenchestva-sotsiologicheskij-aspekt> (дата обращения 09.07.2026).
10. Физическая культура в вузе и мотивация студентов // КиберЛенинка. – [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskaya-kultura-v-vuze-i-motivatsiya-studentov> (дата обращения 09.07.2026).
11. Отношение студентов вуза к дисциплине «Физическая культура» (на основе анкетного опроса) // КиберЛенинка. – [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-studentov-vuza-k-discipline-fizicheskaya-kultura-na-osnove-anketno-go-oprosa> (дата обращения 09.07.2026).
12. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.
13. О внесении изменений в методику расчета целевого показателя «Увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 70 процентов»: приказ Министерства спорта Российской Федерации от 06.06.2022 № 498.
14. Mikhaylov A. Yu., Morkovkin D.E., Mohamed T.I., Voytenkova G.F. The role of new media in enhancing adolescents' digital life quality // Population. – 2025. – Vol. 28, No. 2. – P. 160–170. – DOI 10.24412/1561-7785-2025-2-160-170. – EDN INULRB.
15. Швец Ю.Ю., Симагин Ю.А., Луговской А.М., Морковкин Д.Е. Теневой эффект пандемии: коронавирус усугубил смертность от хронических заболеваний // Народонаселение. – 2024. – Т. 27, № 3. – С. 73–84. – DOI 10.24412/1561-7785-2024-3-73-84. – EDN ZEVHFI.
16. Государственная программа «Спорт России» на 2025–2030 годы: цели, комплекс ГТО и спортивная инфраструктура. – [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://docru.ru/nacionalnye-proekty-rossii/gosudarstvennaya-programma-sport-rossii-kak-prisoediniti-sdat-normativy-gto-poluchit-igoty-i-uluchshit-zdorovye/> (дата обращения 09.07.2026).

17. Морковкин Д.Е., Ряховский Д.И., Симагин Ю.А., Назарова Н.А. Экономические последствия депопуляции сельских территорий для развития аграрного сектора // Народонаселение. – 2025. – Т. 28, № 4. – С. 93–104. – DOI 10.24412/1561-7785-2025-4-93-104. – EDN AFTRKI.

18. Засько В.Н., Морковкин Д.Е., Симагин Ю.А., Звягин Л.С. Демографические факторы налоговой политики: эффекты трансформации половозрастной структуры населения // Народонаселение. – 2026. – Т. 29, № 1. – С. 28–39. – DOI 10.24412/1561-7785-2026-1-28-39. – EDN QJOUHF.

19. Аржаев Ф.И., Морковкин Д.Е., Симагин Ю.А. Уровень жизни в дальневосточном регионе: подходы к мониторингу и снижению диспропорций // Народонаселение. – 2024. – Т. 27, № 4. – С. 114–127. – DOI 10.24412/1561-7785-2024-4-114-127. – EDN NCDWRT.

20. Аржаев Ф.И., Морковкин Д.Е., Мамедов Т.Н., Симагин Ю.А. Многомерный анализ уровня жизни населения в Республике Беларусь // Народонаселение. – 2025. – Т. 28, № 2. – С. 70–82. – DOI 10.24412/1561-7785-2025-2-70-82. – EDN NXVZSO.

21. Дмитриева О.А., Морковкин Д.Е., Симагин Ю.А., Поляков А.Е. Развитие агротуризма как фактор диверсификации региональной экономики: влияние на качество жизни сельского населения // Народонаселение. – 2025. – Т. 28, № 1. – С. 190–203. – DOI 10.24412/1561-7785-2025-1-190-203. – EDN GRJMOI.

22. Морковкин Д.Е., Симагин Ю.А., Назарова Н.А., Мамедов Т.Н. Экономические эффекты реализации демографического дивиденда в развивающихся регионах России // Народонаселение. – 2026. – Т. 29, № 2. – С. 20–35. – DOI 10.24412/1561-7785-2026-2-20-35. – EDN XFEFSN.

23. Chupin A., Chupina Zh., Digilina O. et al. Smart Approach of Scientific Knowledge Building to Achieve Sustainable Management in Higher Education System // Sustainability. – 2025. – Vol. 17, No. 12. – DOI 10.3390/su17125386. – EDN TOXGBZ.

24. Чупин А.Л., Засько В.Н., Морковкин Д.Е., Донцова О.И. Модель роста экономики региона на основе индекса экономической сложности // Финансы: теория и практика. – 2024. – Т. 28, № 3. – С. 52–60. – DOI 10.26794/2587-5671-2024-28-3-52-60. – EDN OCJYAL.

PHYSICAL FITNESS OF STUDENTS IN THE INSTITUTIONAL STRUCTURE OF UNIVERSITY EDUCATION: SOCIAL PRACTICES, BARRIERS, AND ENGAGEMENT MECHANISMS

Krolevets Yu.L., Rodionov S.I.

Financial University under the Government of the Russian Federation

University physical fitness is one of the few social institutions through which virtually all students experience, as a result of which the quality of its work influences not only the health of the younger generation but also the reinforcement of physical activity practices in adulthood. This paper systematizes theoretical sociological approaches to the study of physical education, reveals an institutional perspective on university physical training, distinguishing between explicit and latent functions, constructs a student engagement funnel from normative participation to athletic identity, and substantiates mechanisms for institutional regulation of engagement. The core of the study's measurement is comprised of the coefficient of institutional mediation of physical activity, the coefficient of intensity of the target engagement indicator, and the coefficient of institutional coverage of the standard of systematicity by university discipline. Calculations are based on actual departmental statistics for 2016–2025. The results of the study indicate that university discipline is capable of covering over nine-tenths of the standard volume of systematic student activity. Consequently, the main institutional deficit is concentrated not in coverage, but in the transitions between stages of the engagement funnel and in the retention of internships after graduation. The practical significance of the work is determined by the applicability of the toolkit to education authorities, university administration, and organizers of student sports.

Keywords: social institution, physical training of students, university education, social practices, involvement, involvement funnel, latent functions, institutional barriers, students, sociology of physical education.

References

1. On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation No. 474 of 21.07.2020 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 30. – Art. 4884.
2. Strategy for the Development of Physical Culture and Sport in the Russian Federation for the Period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation No. 3081-r of 24.11.2020.
3. More Athletes and Stadiums, but Less Money: Key Points of the Ministry of Sport's 2024 Report // Vedomosti. Sport. – [Electronic resource] Access mode: URL: <https://www.vedomosti.ru/sport/others/articles/2025/04/14/1104331-glavnoe-iz-otcheta-minsporta> (accessed 09.07.2026).
4. A Norm of Life: Why the Ministry of Sport Needs 70 Percent of the Population Engaged in Physical Activity // Forbes. – [Electronic resource] Access mode: URL: <https://www.forbes.ru/sport/529704-norma-zizni-zacem-ministerstvu-sporta-70-procentov-zanimausihsa-fizkul-turoj> (accessed 09.07.2026).

5. On the Development of Youth Sport in the Russian Federation: Materials of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. – [Electronic resource] Access mode: URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/124561/> (accessed 09.07.2026).
6. Parsons T. The Structure of Social Action. – Moscow: Akademicheskii Proekt, 2000. – 880 p.
7. Bourdieu P. Program for a Sociology of Sport // Sociology of Sport Journal. – 1988. – Vol. 5, No. 2. – P. 153–161.
8. Lubysheva L.I. Sociology of Physical Culture and Sport. – Moscow: Akademiya, 2010. – 272 p.
9. Physical Culture as a Component of a Healthy Lifestyle of Modern Students: A Sociological Aspect // CyberLeninka. – [Electronic resource] Access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskaya-kultura-kak-komponent-zdorovogo-obraza-zhizni-sovremennogo-studentstva-sotsiologicheskii-aspekt> (accessed 09.07.2026).
10. Physical Culture at University and Student Motivation // CyberLeninka. – [Electronic resource] Access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskaya-kultura-v-vuze-i-motivatsiya-studentov> (accessed 09.07.2026).
11. University Students' Attitude Toward the Discipline "Physical Culture" (Based on a Questionnaire Survey) // CyberLeninka. – [Electronic resource] Access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-studentov-vuza-k-distipline-fizicheskaya-kultura-na-osnove-anketnogo-oprosa> (accessed 09.07.2026).
12. On Physical Culture and Sport in the Russian Federation: Federal Law No. 329-FZ of 04.12.2007 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2007. – No. 50. – Art. 6242.
13. On Amendments to the Methodology for Calculating the Target Indicator "Increasing the Share of Citizens Systematically Engaged in Physical Culture and Sport to 70 Percent": Order of the Ministry of Sport of the Russian Federation No. 498 of 06.06.2022.
14. Mikhaylov A. Yu., Morkovkin D.E., Mohamed T.I., Voytenkova G.F. The role of new media in enhancing adolescents' digital life quality // Population. – 2025. – Vol. 28, No. 2. – P. 160–170. – DOI 10.24412/1561-7785-2025-2-160-170. – EDN INULRB.
15. Shvets Yu. Yu., Simagin Yu. A., Lugovskoy A.M., Morkovkin D.E. The Shadow Effect of the Pandemic: Coronavirus Aggravated Mortality from Chronic Diseases // Narodonaselenie [Population]. – 2024. – Vol. 27, No. 3. – P. 73–84. – DOI 10.24412/1561-7785-2024-3-73-84. – EDN ZEVHFI.
16. State Program "Sport of Russia" for 2025–2030: Goals, the GTO Complex and Sports Infrastructure. – [Electronic resource] Access mode: URL: <https://do-cru.ru/nacionalnye-proekty-rossii/gosudarstvennaya-programma-sport-rossii-kak-prisoedinit-sdat-normativy-gto-poluchit-igoty-i-uluchshit-zdorovye/> (accessed 09.07.2026).
17. Morkovkin D. E., Ryakhovsky D.I., Simagin Yu. A., Nazarova N.A. Economic Consequences of Rural Depopulation for the Development of the Agrarian Sector // Narodonaselenie [Population]. – 2025. – Vol. 28, No. 4. – P. 93–104. – DOI 10.24412/1561-7785-2025-4-93-104. – EDN AFTRKI.
18. Zasko V. N., Morkovkin D.E., Simagin Yu. A., Zvyagin L.S. Demographic Factors of Tax Policy: Effects of the Transformation of the Age and Sex Structure of the Population // Narodonaselenie [Population]. – 2026. – Vol. 29, No. 1. – P. 28–39. – DOI 10.24412/1561-7785-2026-1-28-39. – EDN QJOUHF.
19. Arzhaev F. I., Morkovkin D.E., Simagin Yu. A. Standard of Living in the Far Eastern Region: Approaches to Monitoring and Reducing Disparities // Narodonaselenie [Population]. – 2024. – Vol. 27, No. 4. – P. 114–127. – DOI 10.24412/1561-7785-2024-4-114-127. – EDN NCDWRT.
20. Arzhaev F. I., Morkovkin D.E., Mamedov T.N., Simagin Yu. A. Multidimensional Analysis of the Standard of Living of the Population in the Republic of Belarus // Narodonaselenie [Population]. – 2025. – Vol. 28, No. 2. – P. 70–82. – DOI 10.24412/1561-7785-2025-2-70-82. – EDN NXVZSO.
21. Dmitrieva O. A., Morkovkin D.E., Simagin Yu. A., Polyakov A.E. Development of Agritourism as a Factor of Regional Economic Diversification: Impact on the Quality of Life of the Rural Population // Narodonaselenie [Population]. – 2025. – Vol. 28, No. 1. – P. 190–203. – DOI 10.24412/1561-7785-2025-1-190-203. – EDN GRJMOI.
22. Morkovkin D. E., Simagin Yu. A., Nazarova N.A., Mamedov T.N. Economic Effects of Realizing the Demographic Dividend in Developing Regions of Russia // Narodonaselenie [Population]. – 2026. – Vol. 29, No. 2. – P. 20–35. – DOI 10.24412/1561-7785-2026-2-20-35. – EDN XFEFSN.
23. Chupin A., Chupina Zh., Digilina O. et al. Smart Approach of Scientific Knowledge Building to Achieve Sustainable Management in Higher Education System // Sustainability. – 2025. – Vol. 17, No. 12. – DOI 10.3390/su17125386. – EDN TOXGBZ.
24. Chupin A. L., Zasko V.N., Morkovkin D.E., Dontsova O.I. Regional Economic Growth Model Based on the Economic Complexity Index // Finance: Theory and Practice. – 2024. – Vol. 28, No. 3. – P. 52–60. – DOI 10.26794/2587-5671-2024-28-3-52-60. – EDN OCJYAL.

Искусственный интеллект в вузе: когнитивные риски и направления дидактической модернизации глазами преподавателей

Лябах Андрей Юрьевич,

старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России имени генерала-лейтенанта Д.И. Михайлика»

E-mail: 0190555@mail.ru

Ножка Сергей Михайлович,

преподаватель кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России имени генерала-лейтенанта Д.И. Михайлика»

E-mail: sergei_nozhka@mail.ru

Статья посвящена исследованию процессов интеграции технологий искусственного интеллекта в высшее образование и анализу связанных с этим когнитивных вызовов. Авторами представлены результаты социологического опроса 95 преподавателей российских вузов. Выявлена выраженная асимметрия в оценке рисков академической средой: зафиксирован высокий уровень технологического оптимизма в отношении собственной интеллектуальной деятельности педагогов при одновременной глубокой обеспокоенности когнитивной пассивностью студентов («цифровым иждивенчеством»). На основе структурирования предпочтений респондентов обоснован приоритет интерактивных и процессуальных форм контроля (устные защиты, метод «перевернутого класса») над запретительными механизмами. Предложен комплекс практических рекомендаций по модернизации фонда оценочных средств, способствующий безболезненной адаптации вузов к новой технологической парадигме без потери качества обучения.

Ключевые слова: академическая честность, высшее образование, дидактический инструментарий, искусственный интеллект, когнитивная дегра-
дация, методы контроля, перевернутый класс, преподаватели вузов, циф-
ровая трансформация, цифровое иждивенчество.

Актуальность темы исследования обусловлена следующими те-
зисами.

Во-первых, цифровая трансформация затронула все сферы обще-
ственной жизни, и высшее образование не стало исключением. Одним
из наиболее значимых вызовов и одновременно перспективных на-
правлений в этой трансформации стало внедрение технологий искус-
ственного интеллекта (ИИ) в образовательный процесс вуза [1, с. 237].
Как показывает практика преподавания авторов статьи и статистиче-
ские данные, к искусственному интеллекту стали все чаще обращаться
как преподаватели, так и студенты, для решения даже самых элемен-
тарных задач [2, с. 192].

Во-вторых, наблюдается проведение активной государственной
политики по внедрению искусственного интеллекта в процесс деятель-
ности различных органов государственной и муниципальной власти,
в особенности в тех сферах, где внедрение ИИ упрощает процесс об-
ращения граждан в органы власти [3, с. 53]. Также имеет место нача-
ло формирования некоторой образовательной политики в контексте
применения ИИ. Достаточно позитивным примером в данном контек-
сте является запуск в РАНХиГС собственной нейросети под названием
«Цифровой профессор», которая доступна обучающимся и препода-
вательскому составу [4].

В-третьих, проблематика внедрения технологий искусственного
интеллекта в образовательный процесс активно исследуется в россий-
ском научном сообществе. Превалируют две достаточно полярные то-
чки зрения, рассмотрим их более подробно.

1. Искусственный интеллект позволяет повысить эффективность
процесса образования и оказывает достаточно позитивное влияние
на образовательный процесс. В данном контексте исследователь
В.И. Ляшенко в работе по использованию ИИ-ассистентов в образо-
вании приходит к выводу о пользе данной технологии для обеспече-
ния процесса обучения [5, с. 26]. Авторский коллектив исследователей
в работе посвященной проблематике внедрения ИИ приходит к выво-
ду о необходимости комплексного подхода по реализации техноло-
гии, при котором возможно значительное повышение эффективности
деятельности образовательной организации в рамках решения задач
по организации процесса обучения [6, с. 193].

2. Искусственный интеллект применяется студентами преимуще-
ственно как инструмент подготовки ответов без их активного участия,
что, в общем и целом, приводит к снижению уровня образования.
В данном контексте исследователи А.А. Тартыгин и Н.С. Шарapatos
приходят к выводу о значительном негативном влиянии ИИ на образо-
вательный процесс, который выражается в частом использовании его
обучающимися для разработки ответов на задания, курсовых и кон-
трольных работ [7, с. 747]. Исследователи Р.К. Стерледев и Т.Д. Стер-
ледева приходят к выводу о том, что ИИ в некотором роде трансфор-
мирует сам процесс преподавания, переводя обучение в роль механи-
ческой функции, часто исключая из него воспитательный и культурный
аспекты [8, с. 267]. Исследователь Е.В. Саберова, в работе, посвящен-
ной доверию к ИИ со стороны населения РФ приходит к выводу, что
граждане в значительном проценте применяют искусственный интел-
лект, при этом не в полной мере доверяют результатам его работы,
в особенности при решении ответственных задач [9, с. 44].

Цель исследования: выявление специфики восприятия профес-
сорско- преподавательским составом когнитивных рисков генератив-
ного искусственного интеллекта и определение на основе эмпириче-
ских данных приоритетных дидактических мер по минимизации циф-
рового деструктивного влияния на процесс обучения студентов.

Метод исследования: социологический опрос в форме анкетиро-
вания.

Для того чтобы понять какую роль играет ИИ в работе и жизни пре-
подавателей высших учебных заведений РФ, среди них было проведе-
но анкетирование по исследуемой тематике. Выборка составила 95 че-
ловек, в основном это были люди в различных возрастных категориях
от 25 до 64 лет. Почти 70% выборки составили мужчины. Стаж работы
преподавателей варьируется от самого большого – более 25 лет (43%),
к наименьшему – от 1 года до 10 лет (36%). Далее перейдем к анализу
ответов респондентов.

Как было выяснено большинство преподавателей пользуются ИИ, таковых найдено 78,6%. Что касается частоты использования ИИ в своей деятельности, то мы наблюдаем следующие данные (рис. 1).

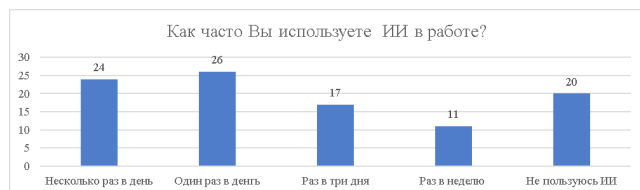

Рис. 1. Ответ респондентов на вопрос «Как часто Вы используете ИИ в работе?»

Разброс в ответах получился достаточно большой. Так мы можем увидеть то, что многие респонденты пользуются ИИ достаточно часто, от раза в день до нескольких раз в день, таковых 30 респондентов. От раза в три дня до раза в неделю пользуются ИИ 28 респондентов. Полученные данные показывают, что преподаватели пользуются ИИ достаточно часто, что говорит о том, что ИИ стал неотъемлемой частью жизни преподавателей. Он позволяет существенно сократить время на решение рутинных задач и предложить что-то оригинальное, перебрав множество данных из различных источников.

Далее перейдем к вопросу о том, для каких именно задач преподаватели применяют ИИ (рис. 2).

Рис. 2. Ответ респондентов на вопрос «Для решения каких задач вы пользуетесь ИИ?»

Проводя анализ данных, отраженных на рисунке 2, авторы исследования приходят к выводу о том, что преподаватели вузов активно применяют нейросети преимущественно для решения оперативных и дидактических задач, для быстрого поиска ответов и определений, подготовки презентационного и лекционного материалов, при этом разработка методических пособий и написание научных статей является менее востребованным направлением применения указанных технологий. Данное распределение позволяет предположить, что на данном этапе внедрения технологии ИИ в процесс деятельности ППС, он воспринимается педагогами скорее, как «помощник», который позволяет экономить время при выполнении рутинных операций.

Далее перейдем к ответам респондентов на вопрос о влиянии ИИ на уровень мышления студентов (рис. 3).

Рис. 3. Ответ респондентов на вопрос «Для решения каких задач вы пользуетесь ИИ?»

Анализ ответов 95 преподавателей вузов демонстрирует явно выраженную тревожную тенденцию: совокупная доля респондентов, выбравших варианты «Да» (28%) и «Скорее да, чем нет» (47%), составляет 75%, что свидетельствует о доминирующем в академической среде опасении, что использование ИИ ведёт к снижению когнитивных способностей и критического мышления студентов, что подтверждается результатами целого ряда практических исследований [10, с. 88]. При этом 33% опрошенных склонны отрицать или смягчать данную угрозу («Скорее нет» – 22%, «Нет» – 11%), а 14% затруднились с ответом, что практически нивелирует аргументы в сторону конструктивного применения технологии.

Столь высокий уровень обеспокоенности (три четверти выборки) указывает на необходимость внесения изменения в процесс формирования образовательной политики вузов и разработки действенных

мер противодействию применения ИИ при выполнении заданий, когда технология позволяет фактически подменить результаты ответа студента. Некоторым позитивным сдвигом в данной сфере можно считать появление модуля поиска применения ИИ в системе «Антиплагиат ВУЗ», при этом данный модуль все еще не совершенен и требует доработки [11, с. 28].

Далее перейдем к анализу мнения респондентов о влиянии ИИ на уровень мышления преподавательского состава (рис. 4).

Рис. 4. Ответ респондентов на вопрос «Как Вы считаете, приводит ли использование ИИ к деградации мышления преподавателей?»

Анализ эмпирических данных на рисунке показал, что современное вузовское сообщество в целом демонстрирует высокий уровень технологического оптимизма: более трех четвертей опрошенных преподавателей (75,7%) не видят в использовании искусственного интеллекта (ИИ) угрозы для деградации профессионального мышления. В контексте глобальной цифровой трансформации высшей школы полученные результаты свидетельствуют о смещении фокуса [12, с. 94]: ИИ воспринимается академической средой не как замещающая интеллектуальная сила, а как эффективный инструмент автоматизации рутинных задач (генерация тестовых заданий, первичный анализ данных), но только в контексте работы преподавательского состава, а не студентов.

Далее перейдем к анализу ответов респондентов на вопрос о возможности замены преподавателя искусственным интеллектом (рис. 5).

Рис. 5. Ответ респондентов на вопрос «Как вы считаете, может ли в скором времени ИИ заменить преподавателей?»

Эмпирическое исследование показало, что большинство преподавателей высшей школы (63,2%) не рассматривают искусственный интеллект как прямую угрозу своей профессиональной идентичности и исключают возможность полной замены человека алгоритмами в ближайшей перспективе. Полученные данные подтверждают устойчивость традиционной образовательной парадигмы, где ключевая роль отводится межличностному взаимодействию, воспитательной функции и экспертному наставничеству, недоступным для современных ИТ-моделей. В то же время наличие 22,1% респондентов, допускающих сценарий замещения, и высокий уровень неопределенности (14,7%) актуализируют задачу гибкой адаптации кадров к условиям гибридного обучения, в котором ИИ выступает не конкурентом, а когнитивным ассистентом преподавателя.

Далее перейдем к анализу мнения респондентов о том, необходимо ли вводить в вузах какие-либо ограничительные меры в отношении применения ИИ (рис. 6).

Рис. 6. Ответ респондентов на вопрос «Как Вы считаете, нужно ли вводить какие-либо меры для того, чтобы сократить негативное влияние ИИ на процесс обучения студентов?»

Эмпирические данные выявили выраженный запрос академического сообщества на институциональное регулирование процессов цифровизации: более половины опрошенных преподавателей (55,8%) убеждены в необходимости внедрения мер по минимизации негативного влияния ИИ на обучение студентов. Такой результат указывает на фиксацию педагогами реальных рисков «цифрового иждивенчества», девальвации традиционных форм контроля и снижения уровня самостоятельной работы обучающихся. При этом 36,8% респондентов, не поддерживающих ограничительные меры, формируют альтернативный вектор, ориентированный на органичную интеграцию ИИ в дидактическую систему вместо применения запретительных механизмов. Возникающее противоречие актуализирует задачу поиска баланса между нормативно-правовым (методическим) регулированием использования генеративных нейросетей в вузах и сохранением академических свобод.

Далее опрошенным было предложено сформулировать некоторые меры по сокращению выявленного негативного влияния, отразим данные ответов респондентов в виде таблицы (табл. 1).

Таблица 1. Предложенные меры по сокращению выявленного негативного влияния технологий ИИ на студентов

Формулировка предложения в обобщенном виде	Количество респондентов
Увеличение доли устных защит проектов, лабораторных работ, дебатов, кейс-методов и проведения экзаменов в формате <i>colloquium</i>	47
Оценка не финального текста (реферата / курсовой), а промежуточных этапов его создания (обоснование темы, подбор источников, глав)	31
Использование принципа «перевернутого класса», когда студенты осваивают теорию (в том числе с помощью ИИ) дома, а на практических занятиях в аудитории решают сложные аналитические задачи под контролем преподавателя, где использование гаджетов ограничено	41
Формулирование тем и задач с привязкой к сверхновым событиям текущего года, локальной специфике региона или конкретного предприятия, о которых у ИИ еще нет достаточного объема данных в обучающей выборке	25

Анализ распределения предпочтений респондентов относительно конкретных механизмов минимизации рисков использования ИИ выявил приоритет интерактивных и процессуальных форм контроля над сугубо ограничительными мерами. Наибольшую поддержку среди профессорско-преподавательского состава получили содержательные изменения в структуре образовательного процесса: почти половина опрошенных (49,5%, 47 чел.) высказалась за увеличение доли устных защит, дебатов и коллоквиумов, а 43,2% (41 чел.) поддерживают внедрение модели «перевернутого класса». Меньший, но статистически значимый интерес вызывают стратегии поэтапного контроля академических текстов (32,6%, 31 чел.) и усложнения контекста учебных заданий (26,3%, 25 чел.). В целом, данные таблицы подтверждают гипотезу о том, что академическое сообщество видит решение проблемы не в запрете технологий, а в глубокой трансформации дидактического инструментария и усилении роли межличностного взаимодействия в системе «преподаватель – студент» [13, с. 217].

В качестве выводов по проведенному исследованию сформулируем ряд авторских тезисов.

Во-первых, полученные в ходе проведения социологического опроса преподавательского состава данные позволяют выявить некоторую асимметрию при восприятии искусственного интеллекта профессорско-преподавательским составом. В данном ключе респонденты, с одной стороны, высказываются о наличии негативного влияния искусственного интеллекта на студентов (с точки зрения применения его студентами для выполнения заданий без их включения в данный процесс), с другой стороны уверены в том, что использование ИИ в процессе подготовки к занятиям и в целом в рамках учебного процесса преподавателем не имеет отрицательного эффекта.

Данное противоречие в некотором роде согласуется с результатами и выводами ряда зарубежных исследователей. Так авторы А. Шомова и А. Элсаяри в своей работе по интеграции искусственного интеллекта в процесс обучения студентов отмечают, что преподавательский состав оценивает искусственный интеллект в качестве полезного инструмента для проведения собственных академических работ, при этом выражая глубокую обеспокоенность развитием некоторой формы «когнитивной зависимости» и поверхностного мышления без глубоких знаний [14]. Также подобные риски «когнитивного разобщения»

и снижения уровня навыков у учащихся подчеркивают и другие исследователи [15].

Во-вторых, результаты опроса показывают, что преподавательский состав видит решение указанной выше проблемы не во введении тотальных академических запретов, а в качественном пересмотре дидактического инструментария, усилении доли устных заданий и интерактивных форматов в процессе обучения, а также внедрение модуля «перевернутого класса». Данный факт позволяет авторам статьи прийти к выводу о некоторой смене технологической парадигмы обучения и переходу к парадигме «ответственного использования ИИ». При этом в исследованиях зарубежных авторов доказываются, что наиболее эффективным вариантов применения искусственного интеллекта в образовательном процессе является трансформация роли преподавателя к проведению совместного проектирования и выполнения заданий со студентом [16].

Таким образом проведенный социологический опрос позволил выявить в некотором роде двойственную оценку применения ИИ в образовании при наличии запроса на дидактическую модернизацию, что подтверждает то, что российское академическое сообщество движется в русле общемировых трендов [17]: от попытки блокировки технологий к осознанной трансформации образовательной среды.

Литература

1. Нечепуренко, М.Ю. Будущее образования с ИИ: трансформация системы образования и новые возможности для студентов и преподавателей / М.Ю. Нечепуренко, Т.В. Фоменко, Е.Е. Лепеха // Дистанционные образовательные технологии: сборник трудов X международной юбилейной научно-практической конференции, Ялта, 16–18 сентября 2025 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2025. – С. 236–239.
2. Геращенко, Г.О. Технологии ИКТ, ИИ и их влияние на развитие образования / Г.О. Геращенко, Р.Р. Молчанский // Актуальные проблемы и перспективы развития потребительского рынка: Материалы XIII Международной научно-практической конференции студентов и учащихся, Пермь, 02–12 декабря 2024 года. – Пермь: Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 2024. – С. 190–195.
3. Саберова, Е.В. Анализ правового регулирования внедрения и развития технологий искусственного интеллекта в регионах Российской Федерации / Е.В. Саберова // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. – 2025. – № 3(54). – С. 51–61. – EDN POMKMD.
4. Павел Клепинин: Как РАНХиГС строит цифровую реальность [Электр. ресурс]. URL: <https://www.it-world.ru/cionews/2zf0gzn391440-gowwkk8s0ckgwccs8k.html?ysclid=mrms25udzb627129277> (дата обращения: 14.05.2026).
5. Ляшенко, В.И. ИИ-ассистенты в образовании: повышение доступности знаний или подмена учебной деятельности? / В.И. Ляшенко // Лидеры образования: педагогические исследования, технологии и инновации: сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 января 2026 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2026. – С. 25–27.
6. Мальцева, С.М. Перспективы развития искусственного интеллекта в образовании / С.М. Мальцева, Е.А. Кудряшова, С.А. Шигаева // Проблемы современного педагогического образования. – 2025. – № 86–3. – С. 192–194. – EDN XYUKSZ.
7. Тартыгин, А.А. Негативное влияние нейронных сетей на образование в течение 10 лет / А.А. Тартыгин, Н.С. Шарипов // V Международная научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов по устойчивому развитию, инвестициям и финансовым рискам «Финатлон форум»: Материалы конференции, Москва, 03 декабря 2024 года. – Москва: Московский Политех, 2025. – С. 470–475.
8. Стерледев, Р.К. Прогнозируемые проблемы высшего образования / Р.К. Стерледев, Т.Д. Стерледева // Перспективы развития высшей школы: Материалы II Международной научно-практической конференции, Тюмень, 21 мая 2021 года / Отв. редактор М.В. Баделина. – Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2021. – С. 265–269.
9. Саберова, Е.В. Оценка общественного доверия к искусственному интеллекту в РФ: результаты социологического опроса / Е.В. Саберова // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. – 2025. – № 3(54). – С. 40–50.
10. Пашута, В.Л. Некоторые проблемы использования искусственного интеллекта при обучении в вузе / В.Л. Пашута, А.С. Никольская // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. – 2025. – № 3. – С. 86–92.
11. Крашенинникова, Л.В. Метод оценки академических письменных работ на основе графов для противодействия ИИ-плагиату и снижения трудозатрат преподавателей / Л.В. Крашенинникова // Русский

инженер: Сборник тезисов III Всероссийского конгресса с международным участием, Москва, 29–31 октября 2025 года. – Москва: Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет), 2025. – С. 228–229.

12. Кошелев, П.Е. Исследование возможности применения цифровых технологий в образовательном процессе в ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России» / П.Е. Кошелев // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. – 2024. – № 2(48). – С. 89–100.

13. Гаврикова, Ю.С. Педагогический дизайн в эпоху ИИ: новая модель взаимоотношений «преподаватель – ИИ – студент» / Ю.С. Гаврикова, А.В. Фролова // Проблемы иноязычного образования: традиции, инновации и перспективы: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной Году защитника Отечества, Воронеж, 04–05 декабря 2025 года. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2025. – С. 214–220.

14. Shomotova, Aizhan & Elsayary, Areej. (2026). AI Use and Research Integrity in Higher Education: Faculty Perspectives on Opportunities, Challenges, Strategies, and Misconduct. *Higher Education Quarterly*. [Электр. ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/404398153_AI_Use_and_Research_Integrity_in_Higher_Education_Faculty_Perspectives_on_Opportunities_Challenges_Strategies_and_Misconduct (дата обращения: 14.05.2026).

15. Vieriu, Aniella & Petrea, Gabriel. (2025). The Impact of Artificial Intelligence (AI) on Students' Academic Development. *Education Sciences*. [Электр. ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/389742370_The_Impact_of_Artificial_Intelligence_AI_on_Students'_Academic_Development (дата обращения: 14.05.2026).

16. Abedin, Md Zainal, Ahmad Hayajneh, and Bijan Raahemi. 2026. «Pedagogical Use of Responsible Generative AI in Higher Education: Opportunities and Challenges: A Systematic Literature Review» *AI in Education* 2, № 2: 11. [Электр. ресурс]. URL: <https://doi.org/10.3390/aieduc2020011> (дата обращения: 14.05.2026).

17. Lee, Daniel, and Katrina Plastow. «The Impact of Generative AI on Higher Education Learning and Teaching: A Study of Educators' Perspectives.» *Computers and Education: Artificial Intelligence*, 2024. [Электр. ресурс]. URL: https://www.academia.edu/117747748/The_impact_of_generative_AI_on_higher_education_learning_and_teaching_A_study_of_educators_perspectives (дата обращения: 14.05.2026).

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN HIGHER EDUCATION: COGNITIVE RISKS AND DIRECTIONS FOR DIDACTIC MODERNIZATION AS PERCEIVED BY FACULTY

Lyabakh A.Yu., Nozhka S.M.

Academy EMERCOM of Russia named after Lieutenant General D.I. Mikhailika

This article examines the integration of artificial intelligence technologies into higher education and analyzes the associated cognitive challenges. The authors present the results of a sociological survey of 95 faculty members at Russian universities. A marked asymmetry in the academic community's risk assessment is revealed: a high level of technological optimism regarding faculty members' own intellectual activity is recorded, alongside deep concern about students' cognitive passivity («digital parasitism»). Based on the respondents' preferences, the priority of interactive and procedural forms of assessment (oral defenses, the «flipped classroom» method) over prohibitive mechanisms is substantiated. A set of practical recommendations for modernizing assessment tools is proposed, facilitating the smooth adaptation of universities to the new technological paradigm without compromising the quality of education.

Keywords: academic honesty, higher education, didactic tools, artificial intelligence, cognitive degradation, control methods, flipped classroom, university teachers, digital transformation, digital dependency.

References

1. Nechepurenko, M. Yu. The Future of Education with AI: Transformation of the Education System and New Opportunities for Students and Teachers / M. Yu. Nechepuren-

ko, T.V. Fomenko, E.E. Lepekha // *Distance Educational Technologies: collection of proceedings of the 10th international anniversary scientific and practical conference*, Yalta, September 16–18, 2025. – Simferopol: Limited Liability Company «Ariel Publishing House Printing House», 2025. – P. 236–239.

2. Gerashchenko, G. O. ICT and AI technologies and their impact on the development of education / G.O. Gerashchenko, R.R. Molchansky // *Current problems and prospects for the development of the consumer market: Proceedings of the XIII International scientific and practical conference of students and pupils*, Perm, December 2–12, 2024. – Perm: PI-ekhanov Russian University of Economics, 2024. – Pp. 190–195.

3. Saberova, E.V. Analysis of legal regulation of the implementation and development of artificial intelligence technologies in the regions of the Russian Federation / E.V. Saberova // *GosReg: state regulation of public relations*. – 2025. – № 3 (54). – Pp. 51–61. – EDN POMKMD.

4. Pavel Klepinin: How RANEPa is building a digital reality [Electronic resource]. URL: <https://www.it-world.ru/cionews/2zf0gzn39144ogowwkk8s0ckgwccs8k.html?ysclid=mr-s25udzb627129277> (Accessed: 14.05.2026).

5. Lyashenko, V. I. AI assistants in education: increasing the accessibility of knowledge or replacing educational activities? / V.I. Lyashenko // *Leaders in education: pedagogical research, technology and innovation: a collection of articles from the International scientific and practical conference*, Penza, January 25, 2026. – Penza: Science and Education (IP Gulyaev G. Yu.), 2026. – Pp. 25–27.

6. Maltseva, S.M. Prospects for the Development of Artificial Intelligence in Education / S.M. Maltseva, E.A. Kudryashova, S.A. Shigaeva // *Problems of Modern Pedagogical Education*. – 2025. – № 86–3. – Pp. 192–194. – EDN XYUKSZ.

7. Tartygin, A.A. Negative Impact of Neural Networks on Education over 10 Years / A.A. Tartygin, N.S. Sharapatov // *V International Scientific and Practical Conference of Young Scientists and Specialists in Sustainable Development, Investments and Financial Risks «Finathlon Forum»: Conference Proceedings*, Moscow, December 3, 2024. – Moscow: Moscow Polytechnic, 2025. – Pp. 470–475.

8. Sterledev, R.K. Forecasted Problems of Higher Education / R.K. Sterledev, T.D. Sterledev // *Prospects for the Development of Higher Education: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference*, Tyumen, May 21, 2021 / Responsible. editor M.V. Badelina. – Tyumen: Tyumen Industrial University, 2021. – Pp. 265–269.

9. Saberova, E.V. Assessing Public Trust in Artificial Intelligence in the Russian Federation: Results of a Sociological Survey / E.V. Saberova // *GosReg: state regulation of public relations*. – 2025. – № 3 (54). – Pp. 40–50.

10. Pashuta, V.L. Some problems of using artificial intelligence in teaching at a university / V.L. Pashuta, A.S. Nikolskaya // *Actual problems of physical and special training of law enforcement agencies*. – 2025. – № 3. – Pp. 86–92.

11. Krashenninnikova, L. V. A method for assessing academic written works based on graphs to combat AI plagiarism and reduce the labor costs of teachers / L.V. Krashenninnikova // *Russian Engineer: Collection of abstracts of the III All-Russian Congress with international participation*, Moscow, October 29–31, 2025. – Moscow: Bauman Moscow State Technical University (National Research University), 2025. – Pp. 228–229.

12. Koshelev, P.E. Study of the possibility of using digital technologies in the educational process at the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Academy of Civil Defense of the Ministry of Emergency Situations of Russia» / P.E. Koshelev // *GosReg: state regulation of public relations*. – 2024. – № 2 (48). – P. 89–100.

13. Gavrikova, Yu.S. Pedagogical design in the era of AI: a new model of the relationship «teacher – AI – student» / Yu.S. Gavrikova, A.V. Frolova // *Problems of foreign language education: traditions, innovations and prospects: materials of the II All-Russian scientific and practical conference with international participation, dedicated to the Year of Defender of the Fatherland, Voronezh, December 4–5, 2025*. – Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2025. – P. 214–220.

14. Shomotova, Aizhan & Elsayary, Areej. (2026). AI Use and Research Integrity in Higher Education: Faculty Perspectives on Opportunities, Challenges, Strategies, and Misconduct. *Higher Education Quarterly*. [Electr. resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/404398153_AI_Use_and_Research_Integrity_in_Higher_Education_Faculty_Perspectives_on_Opportunities_Challenges_Strategies_and_Misconduct (accessed 05/14/2026).

15. Vieriu, Aniella & Petrea, Gabriel. (2025). The Impact of Artificial Intelligence (AI) on Students' Academic Development. *Education Sciences*. [Electr. resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/389742370_The_Impact_of_Artificial_Intelligence_AI_on_Students'_Academic_Development (accessed: 05/14/2026).

16. Abedin, Md Zainal, Ahmad Hayajneh, and Bijan Raahemi. 2026. «Pedagogical Use of Responsible Generative AI in Higher Education: Opportunities and Challenges: A Systematic Literature Review» *AI in Education* 2, № 2: 11. [Electr. resource]. URL: <https://doi.org/10.3390/aieduc2020011> (accessed May 14, 2026).

17. Lee, Daniel, and Katrina Plastow. «The Impact of Generative AI on Higher Education Learning and Teaching: A Study of Educators' Perspectives.» *Computers and Education: Artificial Intelligence*, 2024. [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/117747748/The_impact_of_generative_AI_on_higher_education_learning_and_teaching_A_study_of_educators_perspectives (accessed May 14, 2026).

Муха Виктория Николаевна,

канд. социол. наук, доцент, кафедра социологии,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Кубанский государственный
технологический университет
E-mail: v.mukha@bk.ru

Гасиев Виталий Ирбекович,

канд. социол. наук, доцент, кафедра менеджмента,
Владикавказский филиал Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации; кафедра философии
и политологии, Северо-Осетинский государственный
университет имени К.Л. Хетагурова,
E-mail: vigasiev@fa.ru

Проторенко Игорь Евгеньевич,

аспирант, кафедра иностранных языков № 1, Государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего
образования Кубанский государственный технологический
университет
E-mail: prtxrxnknx@mail.ru

Статья посвящена коммуникативным режимам, возникающим при обсуждении темы участников специальной военной операции в молодежной среде. Эмпирическую базу составили шесть фокус-групповые сессии (N = 48) со студентами университета и колледжа, а также учащимися гимназии, проведенные в мае 2026 г. в Краснодаре. На основе тематического анализа выявлены четыре режима участия в разговоре: рефлексивно-критическая включенность, прагматически ориентированное обсуждение, институционально-нормативное участие и защитное дистанцирование. Показано, что ценностное отношение к участникам СВО и готовность публично обсуждать тему представляют собой разные аналитические измерения. Признание героико-защитного смысла и уважение к участникам СВО могут сочетаться с критическим отношением к шаблонной подаче, сомнениями в собственной компетентности и стремлением избежать конфликта. Студенты университета чаще используют критическую оценку медиасообщений и аргументированную проверку, студенты колледжа акцентируют внимание на социальные последствия участия, тогда как школьники больше ориентированы на институциональные источники и чаще демонстрируют неуверенность в обсуждении. Практическая значимость исследования заключается в возможности учета полученных результатов при разработке форматов коммуникации с молодежью по теме СВО.

Ключевые слова: молодежь, участники СВО, коммуникативные режимы, фокус-группы, критическая оценка медиасообщений, институциональные источники

Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научного проекта № Н-25.1/11 «Репрезентации участников СВО в цифровом медиaprостранстве и их восприятие молодежью Кубани».

Введение

Тема участников специальной военной операции присутствует в повседневности молодежи одновременно как информационная, моральная и коммуникативно чувствительная. Молодые люди сталкиваются с ней в цифровых медиа, образовательных организациях, семье, личном окружении. Однако присутствие темы в информационной среде еще не означает готовности свободно обсуждать ее. В ситуации разговора становятся значимыми не только содержание сообщения и отношение к участникам СВО, но и оценка собственной компетентности, допустимость сомнений.

Исследовательская проблема состоит в необходимости разграничить два уровня молодежного восприятия: ценностное отношение к участникам СВО и коммуникативную готовность говорить о них публично. Качественный материал позволяет рассмотреть не только то, какие оценки выбирает молодежь, но и то, как она ведет себя в ситуации группового обсуждения, какие аргументы считает допустимыми и в какой момент прекращает участие.

Цель статьи – выявить и описать коммуникативные режимы обсуждения темы участников СВО в молодежной среде Кубани на материале фокус-группового исследования. Для достижения цели решаются следующие задачи: определить условия включения молодежи в обсуждение; выявить формы участия и дистанцирования; показать различия между школьниками, студентами колледжа и университета; установить, какие характеристики сообщения и формата разговора поддерживают содержательный диалог.

Научная новизна заключается в переносе аналитического акцента с распространенности отдельных образов и оценок на процесс групповой коммуникации. В центре внимания находятся способы участия в разговоре: аргументированное включение, нормативно ограниченное высказывание, прагматическая конкретизация темы и защитный уход от обсуждения.

Теоретико-методологические ориентиры

Теоретическая рамка исследования объединяет социологию молодежи, исследования медиадоверия и подходы к анализу коммуникации в условиях эмоционально насыщенной общественной повестки. Молодежь рассматривается как социально-демографическая группа, находящаяся в процессе ценностного и статусного становления [1]. Поэтому ее позиция проявляется не только в содержании оценок, но и в освоении правил публичного высказывания: когда допустимо говорить, какие источники можно считать убедительными, как соотносить уважение к общественно значимой теме с правом на вопрос и сомнение.

Современные исследования показывают, что ценностная структура молодежи сочетается индивидуалистические ориентации, эмпатию и чувствительность к психологическому благополучию [2], тогда как гражданская ответственность не всегда занимает центральное место в иерархии жизненных целей [3]. Это создает неоднородный фон обсуждения: молодежь может признавать социальную значимость темы, но избегать высказывания, если разговор воспринимается как конфликтный, назидательный или эмоционально чрезмерный.

Доверие к медиа связано с оценкой компетентности источника, его честности, проверяемости и отсутствия скрытого давления [4]. В молодежной аудитории оно редко имеет безусловный характер: выбор источников сопровождается сопоставлением сообщений, вниманием к авторству и поиском подтверждений [5]. Для настоящего исследования доверие важно не как самостоятельный предмет, а как одно из условий вступления в разговор. Чем менее проверяемым и более навязчивым воспринимается сообщение, тем выше вероятность отказа от обсуждения.

Еще одним значимым контекстом выступает информационная усталость. В условиях постоянного потока тревожного контента молодежь использует стратегии ограничения новостного потребления и тематического исключения [6]. В групповой коммуникации такие стратегии проявляются в паузах, кратких ответах, переводе разговора на более локальные и конкретные сюжеты либо в прямом отказе обсуждать тему. Поэтому дистанцирование следует интерпретировать не только как отсутствие интереса, но и как форму эмоциональной саморегуляции.

Анализ эмпирических данных проводился в логике тематического анализа [7]. Процедура включала знакомство с расшифровками,

первичное кодирование, объединение кодов в темы, проверку их внутренней согласованности и интерпретацию различий между группами. Учитывались не только высказывания участников, но и паралингвистические проявления групповой динамики: паузы, изменение темпа речи, снижение спонтанности ответов, уход от ответа.

Эмпирическая база и процедура исследования

Эмпирическую базу статьи составили результаты анализа материалов шести фокус-групп (N = 48 человек) с молодежью Кубани, проведенные в мае 2026 г. в Краснодаре. В выборку вошли студенты университета (2–3 курсы), учащиеся СПО, школьники (10–11 класс). Сценарий включал шесть тематических блоков: источники информации; форматы и образы участников СВО; критерии достоверности; обсуждение темы в семье и дружеском окружении; эмоциональные реакции; предложения по организации диалога. В отличие от анкетного опроса фокус-групповая процедура позволяла фиксировать не только заявленные позиции, но и способы их предъявления в присутствии других участников.

Исследование имеет качественный характер и не претендует на статистическую репрезентативность. Выделенные режимы следует рассматривать как аналитические модели, обнаруженные в конкретных группах, а не как количественное распределение позиций среди всей молодежи Кубани. Вместе с тем повторяемость реакций в разных группах позволяет описать устойчивые механизмы включения в разговор и выхода из него.

Результаты

Информационные маршруты как условие участия в разговоре

Во всех группах Telegram назывался одним из наиболее заметных каналов получения информации. Для студентов университета и колледжа он выступал частью самостоятельно сформированного информационного маршрута. Школьник, наряду с Telegram, чаще упоминали телевидение, официальные сайты и школьные мероприятия. Тем самым младшая группа оставалась сильнее включенной в семейно-образовательную и институциональную инфраструктуру информирования. При обсуждении источников участники переносили доверие с платформы на конкретного автора, знакомого, родственника или очевидца. Студенты университетских групп подчеркивали необходимость сопоставлять версии и учитывать субъективность любого канала. Школьники чаще связывали надежность с редакторской проверкой и официальным статусом, но одновременно признавали, что им не всегда хватает знаний для распознавания недостоверной информации. В данном случае различия касаются не только уровня доверия, но и ощущения собственной способности аргументированно участвовать в разговоре.

Таким образом, информационный маршрут выполняет двойную функцию. Он обеспечивает доступ к теме и одновременно задает пределы коммуникативной уверенности. Чем яснее происхождение сообщения, чем больше в нем фактов и возможностей проверки, тем легче участникам формулировать собственную позицию. Неясность источника и эмоционально перегруженная подача, напротив, сокращают готовность вступать в обсуждение.

Отношение к участникам СВО и оценка публичной риторики

В высказываниях участников использовались обозначения «боец», «защитник», «герой», «доброволец», «мобилизованный», «ветеран». Слова «боец» и «защитник» воспринимались как более конкретные и функциональные. Образ героя сохранял положительную моральную значимость, однако студенты считали, что героическая оценка должна опираться на конкретный поступок и понятное описание обстоятельств. Школьники чаще воспринимали героическую лексику как естественную и нормативно заданную, но при просьбе объяснить свою позицию нередко затруднялись или ограничивались краткими ответами.

Принципиально важно различать отношение к участникам СВО и отношение к способу публичного разговора о них. Критические слова респондентов – «шаблон», «неестественно», «слишком позитивно» – относились преимущественно к форме коммуникации, а не к самим участникам. Поэтому критика подачи не может интерпретироваться как отрицание героико-защитного смысла либо снижение уважения к участникам СВО.

Полученные данные показывают, что положительное восприятие героико-защитного образа не означает безусловного доверия ко всем материалам об участниках СВО. В ходе групповых обсуждений молодежь разграничивала уважительное отношение к участникам и оценку конкретных сообщений, обращая внимание на их достоверность, аргументированность и отсутствие давления на аудиторию.

Коммуникативные режимы обсуждения темы СВО

Тематический анализ позволил выделить четыре режима участия в обсуждении (таб.1). При этом один и тот же участник мог переходить от включенного ответа к осторожности или дистанцированию в зависимости от конкретного вопроса, эмоциональной нагрузки и реакции группы.

Таблица 1. Коммуникативные режимы обсуждения темы СВО

Режим	Основные проявления	Условия возникновения	Наиболее заметная группа
Рефлексивно-критическая включенность	развернутые ответы, сопоставление источников, уточняющие вопросы, обсуждение противоречий	наличие фактов, понятного авторства и возможности проверки	студенты университета
Прагматически ориентированное обсуждение	переход к ранениям, реабилитации, поддержке, трудоустройству и возвращению к мирной жизни	связь темы с конкретными социальными последствиями	студенты колледжа
Институционально-нормативное участие	краткие положительные оценки, ссылки на школу, телевидение и официальные источники, затруднение при уточнении	опора на готовые оценки, ссылки на нормативные формулы при недостатке собственной аргументации	школьники
Защитное дистанцирование	паузы, раздражение, уход от ответа, ограничение новостей, отказ обсуждать тему	эмоциональная перегрузка, страх конфликта, личная или семейная история, ощущение давления	проявлялось во всех группах

Рефлексивно-критическая включенность была наиболее выражена в группах студентов университета. Ее участники охотно обсуждали субъективность источников, противоречия между сообщениями и способы перепроверки. Однако высокая готовность к рассуждению не означала отсутствия напряжения: именно здесь чаще возникала полемика вокруг героизации и допустимости сомнения. Включенность поддерживалась тогда, когда модератор оставлял пространство для аргументации.

Прагматически ориентированное обсуждение чаще проявлялось у студентов колледжа. Они переводили разговор с общих образов на последствия участия в СВО: ранения, психологическое состояние, реабилитацию, социальную поддержку и адаптацию после возвращения. Этот режим снижал абстрактность темы и позволял обсуждать ее через конкретные задачи помощи, однако мог становиться конфликтным при затрагивании территориальных, национальных или семейных сюжетов.

Институционально-нормативное участие было характернее для школьников. Они чаще воспроизводили общественно одобряемые определения, ориентировались на официальные источники, но признавали недостаток знаний и опыта. При переходе к сложным вопросам ответы сокращались до формул «не знаю» или «никак». Такая реакция свидетельствует не обязательно об отсутствии позиции, а о компетентностной дистанции: участник не уверен, что обладает правом и ресурсами для развернутого высказывания.

Защитное дистанцирование наблюдалось во всех группах. Его признаками были паузы, снижение спонтанности, раздражение, отказ от ответа и ограничение потребления новостей. Наиболее отчетливо оно проявлялось при ощущении давления, ожидании конфликта или личной значимости темы. В данном режиме молчание выполняло защитную функцию: позволяло сохранить эмоциональное равновесие и избежать публичной фиксации позиции в ситуации неопределенности.

Условия содержательного диалога

Ответы участников фокус-групп позволяют определить условия, при которых обсуждение сохраняет содержательность и не переходит в формальное согласие либо уход из коммуникации.

Первое условие связано с различием уважительного отношения к участникам СВО и чрезмерно эмоциональной подачи материала. Более убедительными воспринимаются сообщения, содержащие конкретное описание поступка и обстоятельств, тогда как обобщенные и недостаточно содержательные формулировки могут снижать вовлеченность аудитории.

Второе условие: возможность перехода от символического образа к социальному опыту. Участникам были важны не только события и награды, но и темы реабилитации, трудоустройства, возвращения к мирной жизни. Личное свидетельство в данном контексте выступает не самостоятельной целью коммуникации, а способом сделать предмет разговора проверяемым и социально конкретным.

Третье условие: право задавать вопросы и занимать промежуточную позицию. Форматы встречи, лекции-диалога и обсуждения «вопрос – ответ» воспринимались предпочтительнее одностороннего общения. Возможность уточнения снижает риск того, что сомнение будет понято как неуважение, а молчание – как безразличие.

Четвертое условие: соответствие формы содержанию. Короткое видео, подкаст или интервью могут быть эффективны, если не имитируют молодежный язык и не скрывают отсутствие фактов. Для участников значимы спокойная тональность, ясное авторство, отсутствие навязчивых призывов и связь с региональным либо личным опытом.

Пятое условие: учет эмоциональной нагрузки. Частота упоминаний темы сама по себе не гарантирует вовлечения. При высокой насыщенности и директивной тональности возрастает вероятность защитного молчания и тематического избегания. Поэтому молодежная коммуникация должна предусматривать возможность отказа от публичного ответа, разные уровни включения и безопасные правила обсуждения.

Результаты исследования позволяют сформулировать несколько выводов. Во-первых, ценностное отношение и коммуникативная готовность не совпадают. Молодой человек может уважительно относиться к участникам СВО и одновременно избегать публичного разговора из-за тревоги, недостатка знаний или опасения конфликта. Следовательно, молчание и дистанция не должны автоматически трактоваться как негативная установка.

Во-вторых, героико-защитная рамка сохраняет моральную легитимность, но ее коммуникативная убедительность зависит от конкретизации. Участники не отвергают образ героя как таковой; они критически реагируют на ситуацию, когда героическая оценка предьявляется без понятного поступка, биографического контекста и возможности задать вопрос. Это не противоречит распространенности героико-защитного образа, а объясняет различие между его узнаваемостью и принятием конкретной медиаподдачи.

В-третьих, образовательный статус связан с различными репертуарами обсуждения. Студенты располагают более развитым языком медиакритики, студенты колледжа переводят тему в плоскость практических социальных последствий, школьники сильно опираются на институциональные формулы и чаще демонстрируют компетентностную неуверенность. Эти различия требуют дифференцированных форматов, а не единой модели коммуникации.

В-четвертых, доверие к источнику является необходимым, но недостаточным условием разговора. Даже достоверное сообщение может вызывать дистанцирование, если предьявляется в режиме давления. Коммуникативная эффективность определяется сочетанием проверяемости, эмоциональной соразмерности, права на вопрос и признания неодинаковой готовности аудитории к публичному высказыванию.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить четыре коммуникативных режима обсуждения темы СВО в молодежной среде Кубани: рефлексивно-критическую включенность, прагматически ориентированное обсуждение, институционально-нормативное участие и защитное дистанцирование. Их соотношение зависит от возраста, образовательного контекста, личного опыта, воспринимаемой достоверности сообщения и безопасности групповой ситуации.

Молодежная позиция не сводится к бинарному противопоставлению доверия и недоверия. Уважение к участникам СВО и признание героико-защитного смысла могут сочетаться с критикой шаблонной риторики, желанием получить конкретные факты и отказом участвовать в конфликтном разговоре. Аналитически значимым становится не только содержание позиции, но и способ ее коммуникативного предьявления.

Для образовательных организаций, молодежных объединений и региональных медиа практический вывод состоит в необходимости создавать диалоговые форматы с разной степенью включения. Содержательный разговор поддерживают ясные источники, конкретный социальный контекст, возможность задавать вопросы и отсутствие принуждения к публичной демонстрации единственно допустимой реакции. Такая организация коммуникации позволяет учитывать не только

информационные предпочтения молодежи, но и ее эмоциональные и компетентностные границы.

Литература

1. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. – 2017. – № 15. – С. 12–48.
2. Бараш Р. Э., Тюрина И. О. Студенческая молодежь: психоэмоциональный и социальный автопортрет (по результатам фокус-групп) // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2024. – Т. 24. – № 2. – С. 430–444.
3. Реутов Е. В., Реутова М. Н. Жизненные цели молодежи и способы их достижения (по результатам опроса в юго-западном и южных регионах России) // Социологические исследования. – 2023. – № 5. – С. 97–107.
4. Вырковский А. В., Шамсутдинова Ю. Ф. Категория доверия к массмедиа в условиях информационной турбулентности: время обновлять концепции? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2024. – № 6 (184). – С. 182–203.
5. Рожкова Л. В., Дубина А. Ш., Марков Д. В. Доверие молодежи медиаисточникам получения политической информации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2025. – № 3 (75). – С. 43–53.
6. Егорова М. А., Сердюк А. А. Субъективное благополучие молодежи в период социокультурной нестабильности: обзор современных зарубежных работ // Современная зарубежная психология. – 2025. – Т. 14. – № 4. – С. 56–65.
7. Braun V., Clarke V. Using Thematic Analysis in Psychology // Qualitative Research in Psychology. – 2006. – Vol. 3. – No. 2. – P. 77–101.

COMMUNICATIVE MODES OF INTERPRETING THE IMAGE OF AN SVO PARTICIPANT AMONG KUBAN YOUTH

Mukha V.N., Gasiev V.I., Protorenko I.E.

Kuban State Technological University, Vladikavkaz Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov

The article examines the communicative modes that emerge when the topic of participants in the Special Military Operation is discussed among young people. The empirical basis consisted of six focus group sessions (N = 48) involving university and college students, as well as secondary school students, conducted in Krasnodar in May 2026. Thematic analysis identified four modes of participation in discussion: reflective-critical engagement, pragmatically oriented discussion, institutionally normative participation, and defensive distancing. The findings demonstrate that value-based attitudes toward participants in the Special Military Operation and willingness to discuss the topic publicly represent distinct analytical dimensions. Recognition of the heroic and protective significance of their participation and respect for them may coexist with a critical attitude toward formulaic media presentation, doubts about one's own competence, and a desire to avoid conflict. University students are more likely to critically evaluate media messages and verify information through reasoned comparison; college students focus on the social consequences of participation, while secondary school students are more strongly oriented toward institutional sources and more frequently demonstrate uncertainty during discussion. The practical significance of the study lies in the possibility of taking the findings into account when developing formats of communication with young people on the topic of the Special Military Operation.

Keywords: youth, participants in the Special Military Operation, communicative modes, focus groups, critical evaluation of media messages, institutional sources

References

1. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Modern Sociology of Youth: Changing Reality and New Theoretical Approaches // Russia Reforming. – 2017. – No. 15. – P. 12–48.
2. Barash R. E., Tyurina I. O. Student Youth: Psychoemotional and Social Self-Portrait Based on Focus Group Results // RUDN Journal of Sociology. – 2024. – Vol. 24. – No. 2. – P. 430–444.
3. Reutov E. V., Reutova M. N. Life Goals of Young People and Ways of Achieving Them: Based on a Survey in the Southwestern and Southern Regions of Russia // Sociological Studies. – 2023. – No. 5. – P. 97–107.
4. Vyrvkovsky A. V., Shamsutdinova Yu. F. The Category of Trust in Mass Media under Conditions of Information Turbulence: Is It Time to Update the Concepts? // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. – 2024. – No. 6 (184). – P. 182–203.
5. Rozhkova L. V., Dubina A. Sh., Markov D. V. Young People's Trust in Media Sources of Political Information // University Proceedings. Volga Region. Social Sciences. – 2025. – No. 3 (75). – P. 43–53.
6. Egorova M. A., Serdyuk A. A. Subjective Well-Being of Young People during a Period of Sociocultural Instability: A Review of Contemporary International Studies // Journal of Modern Foreign Psychology. – 2025. – Vol. 14. – No. 4. – P. 56–65.
7. Braun V., Clarke V. Using Thematic Analysis in Psychology // Qualitative Research in Psychology. – 2006. – Vol. 3. – No. 2. – P. 77–101.

Генеративный искусственный интеллект как фактор трансформации государственного управления: перспективы развития моделей публичного администрирования

Насретдинов Марк Владленович,

магистрант Института государственной службы и управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
E-mail: markello200311@gmail.com

Статья посвящена исследованию генеративного искусственного интеллекта как фактора трансформации государственного управления и изменения моделей публичного администрирования. Актуальность темы определяется тем, что генеративные модели уже используются в публичном секторе для подготовки документов, работы с обращениями граждан, аналитики, консультационного сопровождения и автоматизации повторяющихся административных операций. Одновременно усиливается регуляторное давление на применение таких систем в связи с рисками недостоверных выводов, дискриминации, непрозрачности, нарушения авторских прав, утечки персональных данных и информационной безопасности. Цель статьи состоит в выявлении того, как внедрение генеративного ИИ меняет организационную логику публичного управления и какие институциональные модели складываются в различных юрисдикциях. Методологически работа опирается на качественный политико-правовой анализ, сравнительное кейс-исследование и анализ официальных документов ЕС, США, Китая и России, дополненный современной академической литературой. В результате установлено, что генеративный ИИ трансформирует государственное управление по четырем взаимосвязанным направлениям: усиливает административную продуктивность, переводит государственные сервисы в режим диалогового взаимодействия, требует перехода к риск-ориентированному надзору и формирует предпосылки для прогностического публичного администрирования. Сделан вывод о том, что устойчивое внедрение генеративного ИИ возможно только при сочетании технологической эффективности с правовыми, этическими и организационными механизмами подотчетности.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект; государственное управление; публичное администрирование; цифровая трансформация; AI governance; риск-ориентированное регулирование; электронное правительство; административные инновации.

Введение

Распространение генеративного искусственного интеллекта стало одним из наиболее заметных сдвигов в современной политике цифровой трансформации государства. Если предшествующий этап автоматизации был связан главным образом с электронными услугами, данными и алгоритмической поддержкой отдельных решений, то генеративный ИИ переводит цифровизацию в иную фазу: он способен создавать тексты, резюме, ответы, проекты документов, аналитические обзоры и интерфейсы взаимодействия в естественном языке, то есть вмешивается непосредственно в повседневную ткань административной деятельности. На этом фоне вопрос о генеративном ИИ становится не только технологическим, но и институциональным, поскольку затрагивает архитектуру полномочий, ответственность должностных лиц, стандарты публичной подотчетности и само понимание административного действия [4, с. 20–21].

Актуальность темы усиливается тем, что в публичном секторе внедрение генеративного ИИ уже перестало быть гипотетическим сценарием. По данным исследования по Великобритании, 45% опрошенных специалистов публичных служб сообщили об осведомленности об использовании генеративного ИИ в своей сфере, а 22% заявили о собственном использовании подобных систем; при этом лишь 32% считали, что в их организациях существуют четкие правила применения таких инструментов [16]. В отдельном исследовании британского центрального правительства было показано, что около 143 млн граждан-ориентированных транзакций несут сложный, но повторяющийся характер, причем 84% из них оцениваются как высоко автоматизируемые, что указывает на существенный потенциал экономии административного времени [17]. Эти данные важны не только с точки зрения производительности, но и как признак перехода к новому типу административного дизайна [5].

На уровне международного регулирования наблюдается быстрый рост правовых и квазиправовых рамок. В 2021 г. UNESCO приняла Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence, рассматриваемую в научной литературе как первый глобальный стандарт в сфере этики ИИ [5]. В 2024 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла первую резолюцию, поддерживающую развитие «безопасных, надежных и заслуживающих доверия» систем ИИ. В Европейском союзе AI Act вступил в силу 1 августа 2024 г., а с 2 августа 2025 г. начали применяться обязательства для провайдеров general-purpose AI models. В США в январе 2025 г. был издан Executive Order 14179, ориентированный на формирование AI Action Plan и пересмотр прежних ограничительных рамок. В Китае с 15 августа 2023 г. действуют Interim Measures for the Management of Generative AI Services, а к концу 2025 г., по данным Cyberspace Administration of China, национальную процедуру прошли 748 сервисов генеративного ИИ [18, с. 389].

В России базовые контуры государственной политики в этой сфере заданы Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490, которым утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [5], Федеральным законом от 24.04.2020 № 123-ФЗ об экспериментальном правовом режиме в Москве [6], а также Концепцией развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года [3]. Тем самым российская повестка изначально сочетает стратегическое планирование, регуляторный эксперимент и поиск отраслевых механизмов внедрения, что делает ее релевантной для исследований в области государственного и муниципального управления [8, с. 28].

Цель статьи состоит в том, чтобы определить, каким образом генеративный искусственный интеллект трансформирует модели публичного администрирования и какие институциональные сценарии такого перехода формируются в различных юрисдикциях. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: выявляются основные научные подходы к анализу ИИ в публичном секторе; сопоставляются регуляторные модели ЕС, США, Китая и России; формулируется собственная типология трансформации публичного администрирования под воздействием генеративного ИИ; предлагаются выводы для российского государственного и муниципального управления.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляет качественный политико-правовой анализ в сочетании со сравнительным кейс-исследованием. Эмпирическую базу образуют официальные международные и национальные документы 2019–2026 гг.: рекомендации OECD и UNESCO, акты ЕС по AI Act и General-Purpose AI Code of Practice, документы Белого дома и Federal Register по AI Action Plan, нормативные акты Cyberspace Administration of China, а также российские стратегические и нормативные документы по развитию и регулированию ИИ [12]. Такой корпус источников позволяет сопоставить не декларативные ожидания, а институционально оформленные подходы к использованию и контролю генеративного ИИ [16, с. 6–8].

Единицами сравнительного анализа выступают четыре юрисдикции – Европейский союз, США, Китай и Россия. Их отбор обусловлен тем, что они репрезентируют разные модели соотношения инноваций и регулирования. В ЕС зафиксирована наиболее формализованная риск-ориентированная правовая рамка; в США прослеживается более гибкая и исполнительная логика, сочетающая стандарты и стратегическое руководство; в Китае доминирует централизованный режим допуска, контентной безопасности и алгоритмического контроля; в России наблюдается сочетание стратегического программирования, пилотных режимов и секторальной цифровой трансформации [12].

В аналитической схеме используются следующие критерии:

- тип регуляторной архитектуры;
- место генеративного ИИ в публичных сервисах и внутренних административных процессах;
- распределение ответственности между государством, поставщиком и пользователем;
- механизмы прозрачности, надзора и аудита;
- режимы обращения с данными, авторскими правами и синтетическим контентом;
- последствия для модели публичного администрирования.

Исследование не включает собственные экспертные интервью. Гипотетически такой метод мог бы усилить прикладную валидность выводов, особенно применительно к российским органам власти и муниципальным практикам, однако в рамках данной статьи он не использовался; выводы опираются на документальный и сравнительный анализ.

Наконец, статья содержит авторскую концептуализацию стадий трансформации публичного администрирования под влиянием генеративного ИИ. Эта модель носит интерпретативный характер и представляет собой результат синтеза выявленных в источниках тенденций, а не воспроизведение готовой схемы из одной конкретной публикации.

Литературный обзор

Современная литература по рассматриваемой проблеме складывается как минимум из трех больших направлений. Первое направление посвящено глобальному управлению ИИ и формированию нормативных рамок. В этом контексте работы J. Tallberg, E. Erman, M. Furendal, J. Geith и M. Klamberg показывают, что управление ИИ развивается как многоуровневая система, в которой пересекаются международные организации, государства, частные платформы и экспертные сообщества [19]. Исследования A. Jobin, M. Ienca и E. Vayena выявляют относительную конвергенцию этических принципов – прозрачности, справедливости, недопущения вреда, ответственности и приватности, – но одновременно подчеркивают расхождения на уровне механизмов имплементации [15]. Работа M. Natorski по линии UNESCO демонстрирует, что даже глобальные нормы в сфере ИИ являются результатом сложного компромисса между универсалистскими и суверенистскими позициями государств [8].

Второе направление связано с организационной и институциональной стороной trustworthy AI. C. Curtis, N. Gillespie и S. Lockey обосновывают, что центральным субъектом управления рисками ИИ становится не только государственный регулятор, но и сама организация, внедряющая ИИ, поскольку именно на уровне deployer'a возникает большинство решений о данных, контексте использования, контроле и подотчетности [14, с. 493–497]. В прикладном плане эта логика разворачивается в рамках NIST AI RMF, где управление рисками строится как циклический процесс Govern, Map, Measure, Manage [10]. Для сектора публичного управления это особенно значимо, поскольку государственные органы одновременно выступают и нормотворцем, и заказчиком, и пользователем технологии [9].

Третье направление исследует влияние генеративного ИИ непосредственно на работу публичного сектора. Исследование J. Bright и соавторов показывает, что генеративный ИИ уже фактически проник в публичные службы снизу вверх, через практики отдельных специалистов, раньше, чем были созданы устойчивые организационные контуры его регулирования [16]. Работа V. Straub и соавторов, посвященная

бюрократической продуктивности, переводит дискуссию в измерение масштабируемых административных процессов и демонстрирует, что генеративный ИИ способен существенно сократить объем времени, затрачиваемого на сложные и повторяющиеся операции [17]. Наконец, A. Reuel и T.A. Undheim убеждают, что для генеративного ИИ недостаточны статичные регуляторные режимы; необходима адаптивная модель governance, в которой правила и механизмы контроля эволюционируют вместе с технологией.

При этом существующая литература имеет заметный пробел. Значительная часть работ либо концентрируется на этике и праве ИИ, либо анализирует отдельные кейсы цифрового правительства, но сравнительно редко ставит вопрос о том, как именно генеративный ИИ изменяет модель публичного администрирования как таковую то есть распределение функций между чиновником, алгоритмом, гражданином и платформой. Настоящая статья направлена на восполнение этого пробела. Ее исследовательская гипотеза заключается в том, что генеративный ИИ не просто повышает эффективность бюрократии, а ускоряет переход от иерархически-документарной модели управления к гибридным моделям платформенного, риск-ориентированного и прогностического администрирования.

Результаты

Главный результат исследования состоит в том, что генеративный ИИ изменяет не только инструменты государственного управления, но и саму логику публичного администрирования. На основе сравнительного анализа предлагается авторская модель четырех стадий такой трансформации (рис. 1).

Рис. 1. Схема стадий трансформации публичного администрирования под воздействием генеративного ИИ

На первой стадии – ассистирующая бюрократия – генеративный ИИ используется как вспомогательный инструмент для подготовки писем, проектов актов, протоколов, резюме документов, стандартных ответов гражданам и внутренней аналитики. Здесь не происходит радикального пересмотра административной модели: ИИ усиливает чиновника, но не замещает его в статусно значимом действии. Именно эту стадию лучше всего отражают данные о фактическом использовании генеративного ИИ специалистами публичных служб и расчеты потенциала автоматизации повторяющихся транзакций [16].

На второй стадии формируется сервисное соадминистрирование. Генеративный ИИ становится интерфейсом государства: он участвует в информационном сопровождении услуг, навигации по регламентам, обработке типовых обращений и персонализированном объяснении процедур в естественном языке. В этой модели гражданин взаимодействует уже не просто с электронным порталом, а с диалоговой системой, которая выступает посредником между нормой и адресатом публичной услуги. Именно поэтому правовые требования к маркировке ИИ-контента, прозрачности взаимодействия с машиной и качеству объяснений приобретают не техническое, а публично-правовое значение [7, с. 80–87].

Третья стадия – риск-ориентированное алгоритмическое управление означает, что центр тяжести реформы смещается с эффективности на подотчетность. Чем глубже генеративный ИИ встраивается в государственные процессы, тем сильнее возрастают требования к оценке рисков, человеческому надзору, документации, тестированию, защите прав, авторских прав и кибербезопасности. В ЕС это выражено через риск-ориентированную архитектуру AI Act и отдельный режим для general-purpose AI models; в Китае через систему безопасности, контентных ограничений и алгоритмического/модельного; в США через связку стратегического лидерства, федеральных запросов на комментарии и добровольных стандартов NIST.

Четвертая стадия – прогностическое публичное администрирование пока проявлена не полностью, но именно она определяет долгосрочную траекторию. Речь идет о переходе от реагирующего управления к предиктивному и сценарному: генеративный ИИ используется для моделирования политических последствий, синтеза больших массивов мнений, поддержки подготовки решений, разработки альтернатив регуляторного воздействия и опережающей перенастройки сервисов. В такой модели ИИ становится не просто «офисным помощником», а элементом институциональной памяти и когнитивной инфраструктуры государства. Однако именно здесь наиболее остро встанут вопросы эпистемической надежности, манипулируемости, суверенитета данных и допустимых границ делегирования.

Эти стадии соответствуют различным режимам административной организации, что можно представить в следующей таблице (табл. 1).

Таблица 1. Типология трансформации моделей публичного администрирования

Стадия	Базовая функция генеративного ИИ	Доминирующий управленческий эффект	Основной риск	Требуемый тип контроля
Ассистирующая бюрократия	Подготовка текстов, резюмирование, черновики решений	Рост внутренней продуктивности	Галлюцинации, неточности, формальная небрежность	Верификация человеком, служебные регламенты
Сервисное соадресирование	Диалоговый интерфейс услуг и обращений	Персонализация и доступность услуг	Ошибочное консультирование, непрозрачность взаимодействия	Обязательное раскрытие использования ИИ, логирование, контроль качества
Риск-ориентированное алгоритмическое управление	Масштабное включение ИИ в значимые процессы	Формализация compliance и accountability	Нарушение прав, дискриминация, утечки данных, IP-риски	Оценка рисков, аудит, документация, человек в контуре
Прогностическое публичное администрирование	Аналитическое моделирование, сценарии, поддержка политики	Переход к anticipatory governance	Эпистемические ошибки, зависимость от поставщиков, стратегические искажения	Многоуровневый аудит, независимая экспертиза, ограничения делегирования

Сравнительный анализ юрисдикций показывает, что генеративный ИИ уже встроен в четыре разные модели государственного реагирования (табл. 2).

Таблица 2. Сравнение международных моделей управления генеративным ИИ в публичном секторе

Юрисдикция	Регуляторная логика	Ключевые документы	Административный смысл	Последствия для модели публичного администрирования
ЕС	Обязательное риск-ориентированное регулирование	AI Act; GPAI Code of Practice; AI Office	Защита фундаментальных прав, прозрачность, контур общеевропейского надзора	Переход к правово-формализованной модели trustworthy administration
США	Стратегическое лидерство + стандарты + исполнительная координация	EO 14179; AI Action Plan RFI; NIST AI RMF	Поиск баланса между инновациями, национальной безопасностью и agency-level governance	Модель гибкого, стандарт-ориентированного и конкурентного администрирования
Китай	Централизованный допуск, контентная и алгоритмическая безопасность	Interim Measures; filing/registration regime	Контроль общественной информации, безопасность, управляемое развитие	Модель централизованного compliance-oriented администрирования
Россия	Стратегическое планирование + экспериментальные режимы + цифровая трансформация	Указ № 490; ФЗ № 123-ФЗ; Концепция регулирования ИИ	Поиск институциональных форм внедрения ИИ при неполной кодификации	Модель переходного, программно-экспериментального администрирования

Для ЕС принципиально важно то, что генеративный ИИ встроен в правовую архитектуру, где государство стремится не просто стимулировать инновации, а институционально зафиксировать допустимые режимы применения. В материалах Европейской комиссии прямо подчеркивается, что AI Act вводит единый рамочный подход по уровням риска, а для general-purpose AI models – специальные требования к прозрачности, авторскому праву и безопасности, подлежащие применению с августа 2025 г. и надзору со стороны AI Office [8, с. 20–24]. Такой подход ведет к модели публичного администрирования, в которой цифровая инновация легитимируется через compliance с фундаментальными правами.

Американская модель на момент написания статьи демонстрирует иной вектор. Executive Order 14179 объявляет целью поддержание и усиление глобального лидерства США в ИИ и требует подготовки национального AI Action Plan; Federal Register фиксирует, что запрос на общественные комментарии по этому плану был опубликован 6 февраля 2025 г., а к моменту закрытия приема было получено 8755 комментариев. Это указывает на сочетание исполнительной централизации с открытым policy input и подтверждает, что в США государственное управление ИИ развивается скорее как стратегическая координация, чем как единый жесткий закон для всех сфер [10].

Китайская модель, напротив, акцентирует политико-информационную безопасность и централизованный контроль допуска. В официальном тексте Interim Measures закреплены обязательства по соблюдению законов, предотвращению дискриминации, уважению интеллектуальной собственности, защите персональных данных и маркировке синтетического контента; отдельная статья требует прохождения оценки безопасности и алгоритмического для сервисов, обладающих свойствами общественного мнения или социальной мобилизации [13]. По официальному объявлению SAC, к 31 декабря 2025 г. 748 генеративных сервисов завершили национальную процедуру, а еще 435 приложений или функций были зарегистрированы на местном уровне [14]. Следовательно, для Китая генеративный ИИ – это прежде всего объект управляемого допуска, а не только инновационный ресурс.

Российская ситуация занимает промежуточное положение. С одной стороны, стратегическая рамка и правовая экспертиза были заданы еще в 2019–2020 гг.; с другой стороны, единый комплексный закон о генеративном ИИ и публичном секторе пока отсутствует. Это означает, что российская модель пока развивается как программно-экспериментальная: государство признает стратегическую значимость ИИ, запускает отраслевые и территориальные режимы, но еще находится в поиске устойчивой институциональной конструкции, которая связывала бы эффективность, правовую ответственность и стандарты публичной подотчетности [1, с. 12–19].

Обсуждение

Полученные результаты позволяют сделать более общий теоретический вывод: генеративный ИИ трансформирует государственное управление: он модифицирует ключевые элементы бюрократии – экспертизу, процедуру и документ. ИИ расширяет компетенции чиновников, превращает процедуры в диалоговый интерфейс и делает документ частью совместной работы человека и модели. Таким образом речь идет о гибридном режиме «human-AI administration».

Главные правовые вызовы – право на объяснимые и проверяемые решения ИИ, режим данных и приватности, вопросы авторского права и достоверности контента, а также институциональная ответственность за использование ИИ. С этической точки зрения важен баланс между человекоориентированностью и эффективностью: без гарантий справедливости применение ИИ для оптимизации работы может привести к масштабной непрозрачности решений. Поэтому продуктивность без процедурной справедливости не является достаточным критерием успеха.

Из этого для России вытекают три импликации. Нужно обеспечить технологическую интеграцию ИИ и разделять задачи по пригодности ИИ: одни процессы – для ассистирования, другие – для сервисного диалога, третьи остаются прерогативой человека. Необходимо четко определить ответственность (за ошибки ИИ, легитимность решений, ведение журналов) и разрабатывать публично-правовой аудит ИИ: оценка рисков, качество данных, тесты на дискриминацию, устойчивость к манипуляциям, защита персональных данных. Без этого институционализация ИИ останется неполной.

Генеративный ИИ вводит понятие «когнитивного управления», при котором функции анализа и коммуникации распределяются между человеком и моделью. Это требует пересмотра концепций: речь идет не просто о цифровизации сервисов, а о перестройке когнитивной инфраструктуры власти.

Закключение

Проведенное исследование подтверждает гипотезу о том, что генеративный искусственный интеллект выступает самостоятельным фактором трансформации государственного управления. Его воздействие проявляется не только в повышении эффективности административного труда, но и в изменении структур взаимодействия государства с гражданами, режимов ответственности, логики надзора и способов подготовки публичных решений.

Сравнительный анализ показал, что сегодня складываются по меньшей мере четыре конкурентные модели институционализации генеративного ИИ в публичном секторе. Европейская модель строится

вокруг обязательного риск-ориентированного права и защиты фундаментальных прав. Американская модель опирается на стратегическое лидерство, исполнительную координацию и стандарты. Китайская модель основана на централизованном режиме допуска, контентной безопасности и алгоритмического контроля. Российская модель носит переходный характер и объединяет стратегическое планирование, регуляторный эксперимент и цифровую трансформацию государственного управления.

Научная значимость статьи состоит в том, что генеративный ИИ интерпретирован как драйвер смены модели публичного администрирования. Предложенная четырехступенчатая схема – ассистирующая бюрократия, сервисное соадминистрирование, риск-ориентированное алгоритмическое управление и прогностическое публичное администрирование – позволяет связать технологические изменения с институциональной эволюцией публичной власти.

Практическая значимость результатов заключается в том, что они задают рамку для разработки политики внедрения генеративного ИИ в органах государственной и муниципальной власти. Такая политика должна исходить из принципов человекоцентричности, правовой проверяемости, публичной подотчетности, защиты данных, аудируемости решений и недопустимости скрытого делегирования властных полномочий алгоритмической системе. Иначе генеративный ИИ будет усиливать не качество государственного управления, а его процедурную уязвимость.

Литература

1. Аузан А.А. Цифровая экономика как экономика: институциональные тренды // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2019. № 6. С. 12–19.
2. Добролюбова Е. И., Южаков В.Н., Александров О.А. Цифровая трансформация государственного управления: результаты и риски // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 1. С. 7–31.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 35. Ст. 5593.
4. Силкин В.В. Транспарентность исполнительной власти в цифровую эпоху // Российский юридический журнал. 2021. № 4. С. 20–31.
5. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.
6. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 17. Ст. 2701.
7. Черешнёва И.А. Искусственный интеллект в государственном управлении и транспарентность: европейский опыт // Государственная служба. 2022. № 2. С. 80–87.
8. Южаков В. Н., Добролюбова Е.И. Цифровизация государственного управления: оценка результатов и перспектив развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 4. С. 7–28.
9. AI Act enters into force // European Commission. 2024. URL: <https://ec.europa.eu> (дата обращения: 24.06.2026).
10. Announcement on Registered Generative Artificial Intelligence Services in 2025 [Объявление о зарегистрированных сервисах генеративного искусственного интеллекта в 2025 году]. Beijing: Cyberspace Administration of China, 2026.
11. Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0). Gaithersburg: National Institute of Standards and Technology, 2023. URL: <https://www.nist.gov/itl/ai-risk-management-framework> (дата обращения: 24.06.2026).
12. Bright J., Enock F.E., Esnaashari S., Francis J., Hashem Y., Morgan D. Generative AI is already widespread in the public sector // arXiv. 2024. URL: <https://arxiv.org/abs/2401.01291> (дата обращения: 24.06.2026).
13. Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law. Strasbourg: Council of Europe, 2024. URL: <https://www.coe.int> (дата обращения: 24.06.2026).
14. Curtis C., Gillespie N., Lockey S. AI-deploying organizations are key to addressing the «perfect storm» of AI risks // AI and Ethics. 2022. Т. 2. № 3. С. 493–497.

15. EU rules on general-purpose AI models start to apply, bringing more transparency, safety and accountability // Shaping Europe's Digital Future. 2025. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu> (дата обращения: 24.06.2026).

16. General-Purpose AI Code of Practice now available // Shaping Europe's Digital Future. 2025. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu> (дата обращения: 24.06.2026).

17. Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services [Временные меры по управлению сервисами генеративного искусственного интеллекта]. Beijing: Cyberspace Administration of China, 2023.

18. Jobin A., Ienca M., Vayena E. The global landscape of AI ethics guidelines // Nature Machine Intelligence. 2019. Т. 1. № 9. С. 389–399.

19. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. OECD/LEGAL/0449. Paris: OECD Publishing, 2019. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (дата обращения: 24.06.2026).

GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A FACTOR OF PUBLIC GOVERNANCE TRANSFORMATION: PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF PUBLIC ADMINISTRATION MODELS

Nasretudinov M.V.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines generative artificial intelligence as a key factor driving the transformation of public governance and the evolution of contemporary public administration models. The relevance of the research stems from the growing adoption of generative AI technologies in the public sector for document drafting, citizen engagement, analytical support, advisory services, and the automation of routine administrative processes. At the same time, the widespread implementation of such systems has intensified regulatory concerns associated with inaccurate outputs, algorithmic bias, lack of transparency, copyright infringement, personal data leakage, and broader information security risks. The purpose of the study is to identify how the integration of generative AI reshapes the organizational logic of public governance and to examine the institutional models emerging across different jurisdictions. Methodologically, the research is based on qualitative political and legal analysis, comparative case-study methodology, and the examination of official policy and regulatory documents from the European Union, the United States, China, and the Russian Federation, supplemented by contemporary academic literature. The findings demonstrate that generative AI transforms public governance through four interrelated dimensions: enhancing administrative productivity, shifting public services toward conversational interaction, necessitating the adoption of risk-based regulatory oversight, and creating the foundations for predictive public administration. The study concludes that the sustainable implementation of generative AI in the public sector is only possible through a balanced combination of technological efficiency and robust legal, ethical, and organizational accountability mechanisms.

Keywords: generative artificial intelligence; public governance; public administration; digital transformation; AI governance; risk-based regulation; e-government; administrative innovation.

References

1. Auzan A.A. Digital Economy as an Economy: Institutional Trends // Moscow University Economics Bulletin. Series 6. Economics. 2019. No. 6. P. 12–19.
2. Dobrolyubova E. I., Yuzhakov V.N., Alexandrov O.A. Digital Transformation of Public Administration: Results and Risks // Public Administration Issues. 2022. No. 1. P. 7–31.
3. Order of the Government of the Russian Federation No. 2129-r of August 19, 2020 “On Approval of the Concept for the Development of Regulation of Relations in the Field of Artificial Intelligence and Robotics Technologies until 2024” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 35. Art. 5593.
4. Silkin V.V. Transparency of Executive Power in the Digital Era // Russian Juridical Journal. 2021. No. 4. P. 20–31.
5. Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of October 10, 2019 “On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 41. Art. 5700.
6. Federal Law No. 123-FZ of April 24, 2020 “On Conducting an Experiment to Establish Special Regulation for Creating Necessary Conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence Technologies in the Federal City of Moscow and on Amendments to Articles 6 and 10 of the Federal Law “On Personal Data”” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 17. Art. 2701.
7. Cheresheva I.A. Artificial Intelligence in Public Administration and Transparency: European Experience // Public Administration. 2022. No. 2. P. 80–87.
8. Yuzhakov V. N., Dobrolyubova E.I. Digitalization of Public Administration: Evaluation of Results and Development Prospects // Public Administration Issues. 2021. No. 4. P. 7–28.
9. AI Act enters into force // European Commission. 2024. URL: <https://ec.europa.eu> (accessed: 24.06.2026).
10. Announcement on Registered Generative Artificial Intelligence Services in 2025. Beijing: Cyberspace Administration of China, 2026.
11. Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0). Gaithersburg: National Institute of Standards and Technology, 2023. URL: <https://www.nist.gov/itl/ai-risk-management-framework> (accessed: 24.06.2026).

12. Bright J., Enock F.E., Esnaashari S., Francis J., Hashem Y., Morgan D. Generative AI Is Already Widespread in the Public Sector // arXiv. 2024. URL: <https://arxiv.org/abs/2401.01291> (accessed: 24.06.2026).

13. Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law. Strasbourg: Council of Europe, 2024. URL: <https://www.coe.int> (accessed: 24.06.2026).

14. Curtis C., Gillespie N., Lockey S. AI-Deploying Organizations Are Key to Addressing the “Perfect Storm” of AI Risks // AI and Ethics. 2022. Vol. 2. No. 3. P. 493–497.

15. EU Rules on General-Purpose AI Models Start to Apply, Bringing More Transparency, Safety and Accountability // Shaping Europe's Digital Future. 2025. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu> (accessed: 24.06.2026).

16. General-Purpose AI Code of Practice Now Available // Shaping Europe's Digital Future. 2025. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu> (accessed: 24.06.2026).

17. Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services. Beijing: Cyberspace Administration of China, 2023.

18. Jobin A., Ienca M., Vayena E. The Global Landscape of AI Ethics Guidelines // Nature Machine Intelligence. 2019. Vol. 1. No. 9. P. 389–399.

19. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. OECD/LEGAL/0449. Paris: OECD Publishing, 2019. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (accessed: 24.06.2026).

Социальные факторы формирования мотивации студенческой молодёжи к физической культуре и спорту в образовательной среде университета

Нестеров Александр Александрович,

ассистент кафедры «Физическое воспитание», ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

E-mail: Aleksandr.nesterov95@mail.ru

Снижение уровня двигательной активности студенческой молодёжи и ослабление ценностей здорового образа жизни ставят перед социологией задачу осмысления физической культуры и спорта как социального института и фактора социализации. Предметом настоящего исследования выступает совокупность социальных факторов, институтов и процессов, определяющих формирование мотивации студенческой молодёжи к физической культуре и спорту в условиях университета. Работа выполнена в рамках социологического подхода. В ней раскрыты социальные функции института физической культуры и спорта, охарактеризовано студенчество как социальная группа с особыми ценностными ориентациями, систематизированы социальные факторы формирования мотивации на макросоциальном, институциональном и групповом уровнях, а также рассмотрены социальные процессы социализации и институционализации здорового образа жизни. Особое внимание уделено роли семьи, референтных групп и университета как институтов, опосредующих включённость молодёжи в физкультурно-спортивную деятельность. На основе обобщения социологической литературы автором предложена систематизация социальных факторов формирования мотивации, объединяющая макросоциальный, институциональный, групповой и личностно-ценностный уровни. Результаты исследования свидетельствуют о том, что мотивация студенческой молодёжи формируется не индивидуально, а под воздействием социальной структуры, институтов и процессов, а устойчивая включённость достигается при согласованном действии институтов социализации. Практическая значимость работы состоит в применимости предложенной систематизации при разработке молодёжной политики и программ формирования здорового образа жизни.

Ключевые слова: социальная структура, социальные институты, социализация, студенческая молодёжь, физическая культура и спорт, мотивация, ценностные ориентации, здоровый образ жизни, социальные факторы.

Введение

Физическая культура и спорт в современном обществе представляют собой не только сферу индивидуальной активности, но и значимый социальный институт, участвующий в социализации личности и воспроизводстве ценностей здорового образа жизни. Студенческая молодёжь занимает особое место в социальной структуре, поскольку именно в период обучения в университете завершается формирование устойчивых ценностных ориентаций и моделей поведения, в том числе в отношении здоровья и двигательной активности. Вместе с тем эмпирические данные свидетельствуют о сравнительно низком уровне заботы о здоровье и невысокой включённости значительной части молодёжи в систематические занятия, что превращает мотивацию к физической культуре и спорту в самостоятельную социальную проблему.

Актуальность исследования определяется тем, что мотивация студенческой молодёжи формируется под воздействием социальной структуры, институтов и процессов, а не только индивидуальных предпочтений. Теоретические основания социологического анализа молодёжи разработаны в трудах В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок, рассматривающих молодёжь как социальную группу, положение которой определяется её местом в социальной структуре и переходным характером становления социальной субъектности[1]. Социологический портрет современной российской молодёжи представлен в работах М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги[2], а социологические основания изучения отношения к здоровью индивида и общества заложены И.В. Журавлёвой[3]. Вместе с тем целостная систематизация социальных факторов формирования мотивации студенческой молодёжи к физической культуре и спорту применительно к образовательной среде университета остаётся недостаточно разработанной.

Научная проблема состоит в противоречии между объективной потребностью общества в воспроизводстве ценностей здорового образа жизни через институт физической культуры и спорта и недостаточной включённостью студенческой молодёжи в физкультурно-спортивную деятельность, обусловленной рассогласованностью институтов социализации.

Объектом исследования выступает студенческая молодёжь как социальная группа.

Предметом исследования являются социальные факторы, институты и процессы формирования мотивации студенческой молодёжи к физической культуре и спорту.

Целью исследования является систематизация социальных факторов формирования мотивации студенческой молодёжи к физической культуре и спорту в образовательной среде университета.

Для достижения поставленной цели решаются три исследовательские задачи.

1. Раскрыть социальные функции института физической культуры и спорта и охарактеризовать студенчество как социальную группу.
2. Систематизировать социальные факторы формирования мотивации на различных уровнях социальной структуры.
3. Раскрыть социальные процессы социализации и институционализации здорового образа жизни.

Научная новизна исследования состоит в авторской систематизации социальных факторов формирования мотивации студенческой молодёжи к физической культуре и спорту, объединяющей макросоциальный, институциональный, групповой и личностно-ценностный уровни социальной структуры.

Практическая значимость определяется применимостью результатов при разработке молодёжной политики и программ формирования здорового образа жизни.

Материалы и методы

Методологической основой исследования послужили институциональный подход, рассматривающий физическую культуру и спорт как социальный институт, и структурно-функциональный подход, позволяющий раскрыть функции этого института в социальной системе. Сравнительный метод применён для сопоставления социальных факторов мотивации на различных уровнях социальной структуры, метод теоретического обобщения использован для систематизации социальных процессов.

Информационную базу составили научные статьи и монографии по социологии молодёжи, социологии здоровья и социологии физической культуры и спорта, индексируемые в базах eLibrary и КиберЛенинка. Дополнительно применялись методы контент-анализа социологических источников и синтеза.

Результаты и обсуждение

Теоретический фундамент исследования опирается на трактовку физической культуры и спорта как социального института, выполняющего ряд общественно значимых функций. Следует отметить, что физическая культура и спорт рассматриваются в социологической науке как социальные феномены общества, способствующие развитию целостной личности и формированию социально-культурной среды[4]. В развитие данных положений социологический подход к спорту как социальному институту акцентирует внимание на его роли в первичной и вторичной социализации, освоении культурных норм и моделей поведения[5]. Принципиальные основания представляет трактовка физической культуры как социального феномена, выступающего движущей силой развития здорового общества[6]. Систематизация социальных функций института физической культуры и спорта представлена в таблице 1.

Таблица 1. Социальные функции института физической культуры и спорта

Социальная функция	Содержание	Проявление в студенческой среде
Социализирующая	Освоение социальных норм, ценностей и моделей поведения	Включение студента в физкультурно-спортивные практики
Интегративная	Сплочение социальных групп через совместную деятельность	Формирование студенческих спортивных сообществ
Ценностно-нормативная	Воспроизводство ценностей здорового образа жизни	Закрепление здоровья как социальной ценности
Воспроизводственная	Поддержание физического и социального здоровья населения	Подготовка к профессиональной и социальной деятельности

Источник: составлено автором на основе материалов[4],[5],[6].

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что институт физической культуры и спорта выполняет функции, выходящие за пределы индивидуального оздоровления и затрагивающие воспроизводство социальной структуры. Стоит обратить внимание на то, что студенческая молодёжь представляет собой особую социальную группу, социальный облик которой характеризуется неустойчивостью ценностных ориентаций и высокой чувствительностью к влиянию социальной среды[7]. Показательно, что физическая культура и спорт занимают значимое место в системе ценностных ориентаций молодёжи, выступая одновременно средством социализации и индикатором отношения к здоровью[8].

В развитие данных положений необходимо обратиться к социальным факторам формирования мотивации, поскольку именно социальная структура опосредует индивидуальные побуждения. Систематизация социальных факторов по уровням социальной структуры представлена в таблице 2.

Таблица 2. Социальные факторы формирования мотивации студенческой молодёжи к физической культуре и спорту

Уровень социальной структуры	Социальные факторы	Характер влияния
Макросоциальный	Государственная молодёжная политика, общественные ценности здоровья, мода на здоровый образ жизни	Формирование общего ценностного контекста
Институциональный	Семья, университет, средства массовой информации	Передача норм и образцов физкультурно-спортивного поведения
Групповой	Референтные группы, студенческие сообщества, влияние сверстников	Социальное подкрепление и групповая идентификация
Личностно-ценностный	Усвоенные ценности здоровья, социальные установки, самооценка	Преобразование внешних воздействий во внутреннюю мотивацию

Источник: составлено автором на основе материалов[1],[2],[9].

Результаты, отражённые в таблице 2, демонстрируют, что формирование мотивации определяется совместным действием факто-

ров макросоциального, институционального, группового и личностно-ценностного уровней. Равным образом существенным является то, что результаты социологических исследований состояния здоровья молодёжи подтверждают связь между удовлетворённостью здоровьем и социальными показателями образа жизни, включая физическую активность[9]. Немаловажное значение имеет вывод о том, что рассогласованность институтов социализации, при которой ценности семьи, университета и референтных групп расходятся, ослабляет мотивацию и затрудняет формирование устойчивых физкультурно-спортивных практик.

Существенное значение для социологического анализа имеют социальные процессы, в ходе которых социальные факторы преобразуются в устойчивую мотивацию. Систематизация социальных процессов формирования мотивации представлена в таблице 3.

Таблица 3. Социальные процессы формирования мотивации студенческой молодёжи к физической культуре и спорту

Социальный процесс	Содержание	Результат для студенческой молодёжи
Первичная социализация	Освоение ценностей здоровья в семье и школе	Формирование исходных установок к двигательной активности
Вторичная социализация	Усвоение норм в университетской среде и студенческих сообществах	Закрепление физкультурно-спортивных практик
Институционализация ценностей	Превращение здорового образа жизни в социальную норму	Устойчивая ориентация на физическую активность
Групповая идентификация	Отождествление с группами, практикующими активный образ жизни	Социальное подкрепление мотивации

Источник: составлено автором на основе материалов[10],[11],[12].

Данные таблицы 3 подтверждают, что мотивация формируется как результат последовательного действия социальных процессов социализации и институционализации ценностей. Показательно, что физическая культура трактуется в социологии как социокультурный феномен, освоение которого происходит через включение личности в соответствующие социальные практики[10]. Примечательно, что привлечение студентов к систематическим занятиям рассматривается как механизм формирования культуры здоровья[11], а спортивная культура выступает фактором формирования здоровой личности в социальном смысле[12]. Обобщение результатов проведённого анализа позволило сформировать систематизацию социальных факторов формирования мотивации, представленную в таблице 4.

Таблица 4. Уровни и механизмы формирования мотивации студенческой молодёжи к физической культуре и спорту

Уровень социальной структуры	Механизм формирования мотивации	Целевая функция
Макросоциальный уровень	Формирование общественного запроса на здоровый образ жизни	Создание благоприятного ценностного контекста
Институциональный уровень	Согласование действий семьи, университета и средств массовой информации	Устранение рассогласованности институтов социализации
Групповой уровень	Поддержка студенческих спортивных сообществ и референтных групп	Социальное подкрепление включённости
Личностно-ценностный уровень	Закрепление здоровья как усвоенной социальной ценности	Преобразование внешних воздействий во внутреннюю мотивацию

Источник: составлено автором на основе материалов[1],[5],[9].

Результаты, представленные в таблице 4, позволяют утверждать, что формирование мотивации студенческой молодёжи к физической культуре и спорту приобретает многоуровневый социальный характер, в рамках которого макросоциальные, институциональные, групповые и личностно-ценностные механизмы дополняют друг друга. В свою очередь устойчивая включённость молодёжи достигается лишь при согласованном действии институтов социализации, тогда как их рассогласованность воспроизводит низкий уровень физкультурно-спортивной активности.

Выводы

Раскрытие социальных функций института физической культуры и спорта показало, что данный институт выполняет социализирующую, инте-

гративную, ценностно-нормативную и воспроизводственную функции, выходящие за пределы индивидуального оздоровления и затрагивающие воспроизводство социальной структуры. Установлено, что студенческая молодёжь представляет собой особую социальную группу с неустойчивыми ценностными ориентациями и высокой чувствительностью к влиянию социальной среды.

Систематизация социальных факторов формирования мотивации продемонстрировала, что мотивация определяется совместным действием факторов макросоциального, институционального, группового и личностно-ценностного уровней, а ключевую роль в передаче норм физкультурно-спортивного поведения играют институты семьи, университета и референтных групп. Выявлено, что рассогласованность институтов социализации ослабляет мотивацию и воспроизводит низкий уровень включённости.

Раскрытие социальных процессов позволило установить, что устойчивая мотивация формируется через последовательность первичной и вторичной социализации, институционализации ценностей и групповой идентификации. На основе обобщения предложена авторская систематизация уровней и механизмов формирования мотивации, применение которой даёт органам молодёжной политики возможность согласованно воздействовать на социальные факторы включённости. Полученные результаты вносят вклад в развитие социологии социальной структуры, социальных институтов и процессов и могут служить основой для дальнейших эмпирических исследований физкультурно-спортивной активности студенческой молодёжи.

Литература

1. Чупров В.И., Zubok Ю.А. Социология молодежи: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 336 с // Социологические исследования. – 2011. – № 9(329). – С. 120. – EDN OGBDTV.
2. Горшков, М.К. Молодёжь России: социологический портрет / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. – 2-е издание, дополненное и исправленное. – Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2010. – 592 с. – ISBN 978-5-89697-182-5. – EDN PDNXXH.
3. Журавлева, И.В. Отношение к здоровью индивида и общества / И.В. Журавлева; И.В. Журавлева; Российская акад. наук, Ин-т социологии. – Москва: Наука, 2006. – ISBN 5-02-035368-X. – EDN QOGCON.
4. Сулейманов, М.М. Физическая культура и спорт как социальные феномены общества / М.М. Сулейманов // Наука и образование сегодня. – 2019. – № 1(36). – С. 104–105. – EDN YTVFGX.
5. Кочерьян, М.А. Спорт как социальный институт, формирующий профессионалов: специфика социологического подхода / М.А. Кочерьян, А.И. Зверев, П.П. Рыскин // Управленец. – 2013. – № 1(41). – С. 64–67. – EDN PZVEYP.
6. Канделя, М.В. Физическая культура и спорт как социальный феномен / М.В. Канделя, Л.А. Койсман, В.П. Назарова // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. – 2019. – № 2(35). – С. 117–123. – EDN XLOUHO.
7. Вишневецкий Ю. Р., Рубина Л.Я. Социальный облик студенчества 90-х годов // Социологические исследования. – 1997. – № 10. – С. 56–69.
8. Куликова, А.С. Роль физической культуры и спорта в системе ценностных ориентаций молодежи / А.С. Куликова // Молодой ученый. – 2023. – № 1(448). – С. 209–211. – EDN GMIUNY.
9. Бородкина, О.И. Состояние здоровья молодежи в Санкт-Петербурге и Ленинградской области: результаты социологического исследования / О.И. Бородкина, Ю.А. Фионик // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2013. – № 1. – С. 130–136. – EDN PXTBER.
10. Денисова, Г.С. Физическая культура как социокультурный феномен / Г.С. Денисова, А.А. Тузова // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. – 2019. – № 4(15). – С. 11–17. – EDN NYBUAW.
11. Кибенко, Е.И. Формирование культуры здоровья посредством привлечения студентов к систематическим занятиям физической культурой и спортом / Е.И. Кибенко // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9, № 5–2. – С. 196–200. – DOI 10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-196-200. – EDN ZWEJGN.

12. Горфти, Е.А. Спортивное, физическое, физкультурное воспитание как необходимые элементы спортивной культуры / Е.А. Горфти // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – Т. 9, № 8. – С. 132–135. – EDN SOARJV.

SOCIAL FACTORS OF FORMING THE MOTIVATION OF STUDENT YOUTH TOWARDS PHYSICAL CULTURE AND SPORT IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF A UNIVERSITY

Nesterov A.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The decline in the level of physical activity of student youth and the weakening of the values of a healthy lifestyle pose to sociology the task of conceptualizing physical culture and sport as a social institution and a factor of socialization. The subject of this study is the set of social factors, institutions, and processes that determine the formation of the motivation of student youth towards physical culture and sport in the conditions of a university. The work is carried out within the framework of a sociological approach. It reveals the social functions of the institution of physical culture and sport, characterizes the student body as a social group with particular value orientations, systematizes the social factors of motivation formation at the macrosocial, institutional, and group levels, and also examines the social processes of socialization and institutionalization of a healthy lifestyle. Particular attention is given to the role of the family, reference groups, and the university as institutions that mediate the involvement of youth in physical culture and sports activity. Based on a synthesis of the sociological literature, the author proposes a systematization of the social factors of motivation formation, combining the macrosocial, institutional, group, and personal-value levels. The results of the study indicate that the motivation of student youth is formed not individually but under the influence of the social structure, institutions, and processes, and that sustainable involvement is achieved through the coordinated action of the institutions of socialization. The practical significance of the work lies in the applicability of the proposed systematization in the development of youth policy and programs for the formation of a healthy lifestyle.

Keywords: social structure, social institutions, socialization, student youth, physical culture and sport, motivation, value orientations, healthy lifestyle, social factors.

References

1. Chuprov V. I., Zubok Yu. A. *Sotsiologiya molodezhi: uchebnik* [Sociology of Youth: a textbook]. Moscow, NORMA, INFRA-M Publ., 2011. 336 p.
2. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. *Molodezh' Rossi: sotsiologicheskii portret* [Youth of Russia: a Sociological Portrait]. Moscow, TsSPIM Publ., 2010. 592 p.
3. Zhuravleva I. V. *Otnoshenie k zdorov'yu individa i obshchestva* [The Attitude towards Health of the Individual and Society]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 238 p.
4. *Fizicheskaya kul'tura i sport kak sotsial'nye fenomeny obshchestva* [Physical Culture and Sport as Social Phenomena of Society]. KiberLeninka. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskaya-kultura-i-sport-kak-sotsialnye-fenomeny-obshchestva> (accessed 01.06.2026).
5. *Sport kak sotsial'nyi institut, formiruyushchii professionalov: spetsifika sotsiologicheskogo podkhoda* [Sport as a Social Institution Forming Professionals: the Specificity of the Sociological Approach]. KiberLeninka. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sport-kak-sotsialnyy-institut-formiruyushchii-professionalov-spetsifika-sotsiologicheskogo-podkhoda> (accessed 01.06.2026).
6. *Fizicheskaya kul'tura i sport kak sotsial'nyi fenomen* [Physical Culture and Sport as a Social Phenomenon]. KiberLeninka. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskaya-kultura-i-sport-kak-sotsialnyy-fenomen> (accessed 01.06.2026).
7. Vishnevskii Yu. R., Rubina L. Ya. *Sotsial'nyi oblik studenchestva 90-kh godov* [The Social Image of the Student Body of the 1990s]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1997, no. 10, pp. 56–69.
8. *Rol' fizicheskoi kul'tury i sporta v sisteme tsennostnykh orientatsii molodezhi* [The Role of Physical Culture and Sport in the System of Value Orientations of Youth]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2023, no. 1(448), pp. 209–211.
9. *Sostoyanie zdorov'ya molodezhi v Sankt-Peterburge i Leningradskoi oblasti: rezul'taty sotsiologicheskogo issledovaniya* [The Health Status of Youth in Saint Petersburg and the Leningrad Region: Results of a Sociological Study]. KiberLeninka. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-zdorovya-molodezhi-v-sankt-peterburge-i-leningskoy-oblasti-rezultaty-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (accessed 01.06.2026).
10. Denisova G. S., Tuzova A. A. *Fizicheskaya kul'tura kak sotsiokul'turnyi fenomen* [Physical Culture as a Sociocultural Phenomenon]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Humanities and Social Sciences], 2019, no. 5, pp. 12–21.
11. Kibenko E. I. *Formirovanie kul'tury zdorov'ya posredstvom privlecheniya studentov k sistemacheskim zanyatiyam fizicheskoi kul'turoi i sportom* [The Formation of a Healthy Culture through Involving Students in Systematic Physical Culture and Sports Activities]. *Vestnik Taganrogskego instituta imeni A.P. Chekhova* [Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov], 2017, no. 1, pp. 84–88.
12. Gorfti E. A., Velikanova E. V. *Sportivnaya kul'tura kak faktor formirovaniya zdorovoi lichnosti* [Sports Culture as a Factor in the Formation of a Healthy Personality]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Socio-economic Phenomena and Processes], 2014, vol. 9, no. 11, pp. 195–199.

Повышение эффективности системы мотивации персонала как основной элемент управления стимулированием труда

Окумбеков Ринат Серикович,

кандидат политических наук, доцент кафедры общего и проектного менеджмента, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: rokumbekov@fa.ru

В статье исследуются теоретические и практические аспекты разработки эффективных механизмов управления стимулированием труда персонала в современных организациях. Обосновывается актуальность перехода от традиционных (преимущественно материальных) методов мотивации к комплексным системам, учитывающим нематериальные факторы и индивидуальные потребности сотрудников. На основании проведенного исследования разработан комплекс мероприятий по совершенствованию системы стимулирования труда через мотивацию. Сделан вывод о том, что эффективный механизм стимулирования должен быть адаптивным, сочетать материальные и нематериальные компоненты и быть тесно интегрированным со стратегическими целями предприятия.

Ключевые слова: стимулирование труда, мотивация персонала, механизм управления, эффективность труда, материальное стимулирование, нематериальная мотивация, KPI.

Введение

В условиях современной экономики, где ключевым ресурсом организации становится человеческий капитал, вопросы эффективного управления персоналом выходят на первый план. Актуальность настоящего исследования продиктована тем, что традиционные административные методы управления все чаще демонстрируют свою несостоятельность. Рыночная турбулентность и усиление конкуренции требуют от компаний максимальной отдачи от каждого сотрудника, что невозможно без продуманной системы стимулирования труда. Современные проблемы цифровизации услуг, ужесточение государственного регулирования и растущие требования к соблюдению нормативных требований явно повышают роль человеческого капитала как ключевого фактора конкурентоспособности организации.

Проблематика исследования кроется в противоречии между потребностью бизнеса в высокопроизводительном и лояльном персонале и отсутствием у многих компаний целостных, научно обоснованных механизмов стимулирования, которые были бы адекватны современным реалиям и ожиданиям работников. Зачастую используемые системы мотивации фрагментарны, несправедливы или устарели, что ведет к текучести кадров, снижению производительности и ухудшению психологического климата в коллективе.

Степень разработанности заявленной темы в научной литературе является фундаментальной, однако требует постоянной адаптации к меняющимся условиям. Теоретическую базу составляют классические и современные теории мотивации. Исследуя содержательные теории, невозможно обойти вниманием работы А. Маслоу, предложившего иерархию потребностей [4], и Ф. Герцберга, разделившего факторы на гигиенические и мотивирующие [3]. Рассматривая процессуальные теории, важный вклад внесли В. Врум с теорией ожиданий и С. Адамс с теорией справедливости [5]. В отечественной науке значительное внимание уделяется практической реализации этих подходов. Так, Т.Ю. Базаров подчеркивает: «Управление мотивацией персонала – это целенаправленное воздействие на факторы, определяющие трудовое поведение человека, с целью повышения его самоотдачи и эффективности работы» [1].

Важным методологическим аспектом является разграничение понятий «мотивация» и «стимулирование». В теории управления персоналом мотивация рассматривается преимущественно как внутренний психологический процесс, связанный с потребностями, ценностями и установками личности, тогда как стимулирование трактуется как совокупность внешних воздействий со стороны организации, направленных на формирование желаемого трудового поведения посредством материальных и нематериальных стимулов. Данное разграничение имеет принципиальное значение для практики управления, поскольку позволяет осознать ограниченность прямого воздействия на внутренние мотивы работников и необходимость комплексного подхода к построению системы стимулирования [4].

В свою очередь, современные исследователи акцентируют внимание на необходимости системного подхода. Е.П. Ильин отмечает, что «стимулирование труда – это совокупность требований и соответствующая им система поощрений и наказаний, побуждающих работника к действиям, которые выгодны для организации» [2]. Оценивая современные тенденции, А.Я. Кибанов и его коллеги указывают на смещение акцентов в сторону нематериальных стимулов: «В современной практике все большее значение приобретают такие факторы, как вовлеченность, участие в принятии решений, возможности для развития и самореализации» [3]. Создание эффективного механизма стимулирования требует синтеза классических теорий и современных управленческих практик, ориентированных на индивидуальный подход.

Исходя из сформулированной проблематики, объектом настоящего исследования выступает трудовое поведение персонала современных коммерческих организаций. В качестве предмета исследования определена система организационно-экономических и управленческих отношений, возникающих в процессе разработки и внедрения механизмов стимулирования труда.

Целью исследования является разработка практических рекомендаций по созданию эффективных механизмов управления стимулированием труда персонала.

Методологическую базу исследования составил комплекс общенаучных и специальных методов: системного и структурно-функционального анализа, сравнения и аналогий, индукции и дедукции, а также методы социологических исследований (анкетирование, интервью). Эмпирической базой послужили данные кадровой статистики, результаты опросов и публикации в профильных изданиях.

Результаты исследования

Современное понимание мотивации персонала базируется на системном подходе, в рамках которого мотивация рассматривается как результат взаимодействия экономических, психологических и организационных факторов. В научной литературе подчеркивается, что эффективная система мотивации должна быть интегрирована с системой оценки результатов труда, карьерного развития, обучения персонала и корпоративной культуры [7]. Для многих организаций дополнительным фактором является необходимость учета требований риск-менеджмента и комплаенса, что обуславливает потребность в сбалансированных мотивационных показателях, ориентированных не только на количественные, но и на качественные результаты деятельности (табл. 1).

Таблица 1. Основные теоретические подходы к мотивации персонала и их значение для управления организацией

Теоретический подход	Ключевая идея	Управленческое значение
Содержательные теории	Мотивация определяется системой потребностей работника	Необходимость сочетания материальных и нематериальных стимулов
Двухфакторные модели	Разграничение факторов удовлетворенности и факторов роста	Расширение роли нематериальной мотивации
Процессуальные теории	Мотивация зависит от ожиданий и справедливости	Прозрачность KPI и процедур оценки
Поведенческие теории	Поведение формируется через подкрепление	Регулярность и адресность стимулирования

Источник: составлено автором.

Переходя от теоретического анализа к практической плоскости, необходимо определить ключевые элементы, из которых складывается любой механизм управления стимулированием труда. Эффективная система не может основываться только на одном типе мотивации; она представляет собой сложный комплекс взаимосвязанных компонентов (табл. 2).

Таблица 2. Систематизация компонентов механизмов мотивации персонала

Компонент механизма	Сущностное описание	Примеры реализации
Материальное денежное стимулирование	Оплата труда, напрямую зависящая от количества, качества и результатов труда	Оклад, премии (за выполнение KPI, за перевыполнение плана), бонусы, комиссионные, участие в прибылях
Материальное неденежное стимулирование	Получение благ, имеющих денежную стоимость, но выдаваемых работнику не в виде наличных денег	Социальный пакет (ДМС, оплата питания, проезда, связь), предоставление служебного автомобиля, путевки, подарки
Нематериальное стимулирование	Стимулы, направленные на удовлетворение высших потребностей человека (в уважении, признании, самореализации)	Благодарности, грамоты, доска почета, гибкий график, возможность удаленной работы, делегирование полномочий, участие в интересных проектах, карьерный рост
Организационные стимулы	Изменение условий и содержания труда, повышающее привлекательность работы	Улучшение организации труда, внедрение современных инструментов, эргономика рабочего места, корпоративная культура

Источник: составлено автором.

Анализ таблицы показывает, что создание сбалансированного механизма требует тонкой настройки всех компонентов. Однако на практике многие организации сталкиваются с серьезными проблемами при разработке таких систем. Обобщая результаты опросов и исследований, можно выделить ряд ключевых барьеров, снижающих эффективность стимулирования.

Главными проблемами являются непрозрачность системы оплаты труда и отсутствие четкой связи между результатом и вознаграждением. Сотрудники часто не понимают, за что они получают премию, что нивелирует мотивирующий эффект. Не менее значима и проблема несправедливой оценки, когда вклад сотрудников оценивается субъективно, что порождает конфликты и демотивацию (рис. 1).

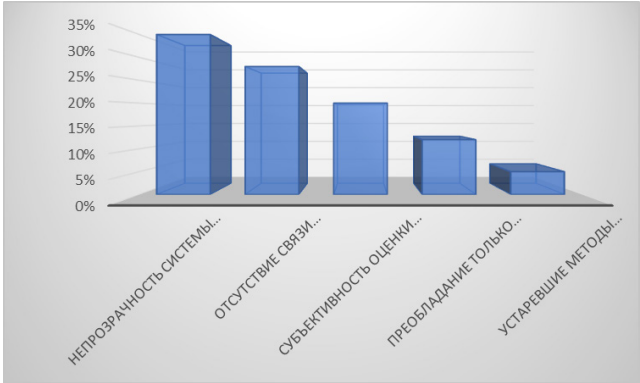

Рис. 1. Барьеры, снижающие эффективность стимулирования труда
Источник: составлено автором.

Рассмотрим, как преодоление этих проблем выглядит на практике. Успешные компании давно перешли от плоских тарифных сеток к сложным, но прозрачным системам, основанным на KPI. Оценивая роль ключевых показателей эффективности, П. Друкер, основоположник концепции управления по целям, отмечал, что «эффективность организации требует, чтобы работа каждого работника была нацелена на общие результаты всей организации» [10]. Внедрение KPI позволяет формализовать ожидания руководства и сделать систему вознаграждения понятной и измеримой.

Для систематизации подходов к разработке механизма, предлагается следующий алгоритм действий для менеджмента компании (табл. 3).

Таблица 3. Алгоритм разработки механизма управления стимулированием труда

Этап	Содержание этапа	Ожидаемый результат
1. Диагностика	Анализ текущей системы мотивации, выявление ее слабых и сильных сторон. Проведение опросов удовлетворенности персонала, изучение причин текучести кадров	Понимание реальных потребностей сотрудников, выявление «болевых точек» в существующей системе
2. Стратегическая увязка	Определение целей системы стимулирования. Какое трудовое поведение необходимо стимулировать для достижения стратегических целей компании?	Четкое понимание, какие показатели должны быть заложены в основу системы (например, объем продаж, качество обслуживания, инновационная активность)
3. Проектирование	Разработка структуры механизма: выбор соотношения постоянной и переменной частей оплаты, определение видов материальных и нематериальных стимулов, разработка системы KPI для разных должностей	Проект Положения об оплате труда и материальном стимулировании, программы нематериальной мотивации
4. Внедрение и коммуникация	Ознакомление персонала с новой системой, разъяснение принципов ее работы. Пилотный запуск в одном из отделов	Информированность и понимание персонала. Снижение сопротивления изменениям
5. Оценка эффективности и корректировка	Мониторинг ключевых показателей (текучесть, производительность, удовлетворенность) после внедрения. Сбор обратной связи	Повышение эффективности труда и лояльности персонала. Адаптивная система, способная меняться под новые вызовы

Источник: составлено автором.

Важным аспектом современного стимулирования является рост значимости нематериальных факторов. «В условиях дефицита высококвалифицированных кадров на первое место выходят не столько деньги, сколько возможности для развития, интересные задачи и комфортная среда. Компании, которые это понимают, выигрывают «войну за таланты» [6, с. 112]. Гибкий график, признание заслуг, горизонтальное обучение, корпоративные мероприятия становятся мощными ин-

струментами удержания персонала, особенно поколений Y и Z. На Рисунке 2 представлена современная модель баланса мотивационных факторов.

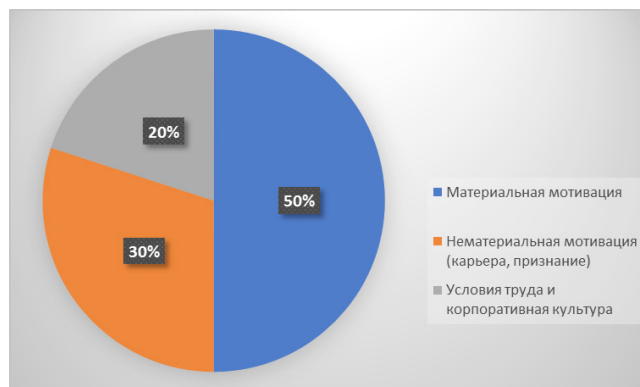

Рис. 2. Баланс материальных и нематериальных факторов в современной системе стимулирования труда

Таким образом, эффективный механизм управления стимулированием труда представляет собой динамичную систему, которая балансирует на грани интересов компании и потребностей сотрудника. Смещение этого баланса в любую сторону ведет к снижению эффективности: гипертрофированный материальный подход «сушит» эмоциональную связь сотрудника с компанией, а уход в чистую «культуру» без достойной оплаты быстро приведет к разочарованию.

На основании проведенного исследования разработан комплекс мероприятий по совершенствованию системы стимулирования труда через мотивацию. Предложенные меры включают в себя:

- 1) внедрение персонализированной матрицы KPI для расчета ежемесячных премий;
- 2) организацию обучения и ротации руководителей среднего звена;
- 3) усиление социального пакета за счет расширения пенсионных и медицинских гарантий.

Система мотивации сотрудников организаций стабильна с точки зрения материальных стимулов, обеспечиваемых градуированной системой оплаты труда и ежеквартальными бонусами на основе ключевых показателей эффективности. Однако существует разница в уровне удовлетворенности. Особенно это касается персонала начального уровня, где материальные стимулы оказывают наибольшее влияние, но не уравновешиваются нематериальными стимулами, адаптированными к индивидуальным потребностям сотрудников. Предлагаемый проект по улучшению направлен на переход к гибридной модели, которая будет интегрировать автоматический расчет индивидуальных траекторий вознаграждения на основе данных об эффективности и данных о лояльности. Это позволит решить упомянутые выше проблемы, такие как нестабильность бонусов и отсутствие карьерных стимулов для высшего руководства организаций.

Предложенные рекомендации основаны на предпосылке необходимости баланса между материальными и нематериальными инструментами, ключевым элементом которого является цифровизация ключевых показателей эффективности.

Одним из элементов совершенствования системы мотивации персонала видится внедрение индивидуальной матрицы ключевых показателей эффективности для расчета ежемесячных премий с учетом специфических потребностей различных бизнес-подразделений организаций. Создание матрицы основано на вариативности весов показателей (весовых коэффициентов KPI) в зависимости от операционной специфики специалистов. Такая структура предполагает устранение диспропорций.

Следующее направление совершенствования системы мотивации предусматривает организацию постоянного обучения руководителей среднего звена с акцентом на развитие навыков персонализации карьерных треков и внедрение программы ротации между различными подразделениями, что непосредственно устраняет выявленный дефицит карьерных стимулов для высшего менеджмента.

Такое внедрение предполагает устранение наблюдаемых диспропорций в мотивационных предпочтениях, поскольку среди высшего звена карьерный рост доминирует над материальной мотивацией, а ротация способствует приобретению других компетенций.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что разработка механизмов управления стимулированием труда является одной из ключевых

задач современного менеджмента. Эффективная система мотивации перестала быть просто способом расчета зарплаты; она превратилась в стратегический инструмент управления человеческими ресурсами, напрямую влияющий на конкурентоспособность бизнеса. Анализ показал, что такой механизм должен носить комплексный характер, сочетая в себе материальные (денежные и неденежные) и нематериальные стимулы, и быть неразрывно связанным со стратегическими целями организации.

Главный вывод заключается в том, что универсального, «идеального» механизма стимулирования не существует. Каждая компания должна разрабатывать его, опираясь на свой стратегический контекст, специфику деятельности, корпоративную культуру и, что самое важное, на реальные потребности своего персонала. Ключевыми условиями успеха являются прозрачность, справедливость и гибкость системы, а также ее постоянный мониторинг и готовность к изменениям.

Резюмируя вышеизложенное, представляется целесообразным привести мнение Т.Ю. Базарова, который подчеркивает: «Сегодня управлять мотивацией – значит создавать такие условия, при которых у работника появляется внутреннее побуждение к эффективному труду» [1, с. 261]. Именно этот подход, основанный на глубоком понимании потребностей человека и их умелом сочетании с задачами бизнеса, позволит компаниям не только повысить производительность труда, но и создать лояльный, высокопрофессиональный коллектив, способный решать самые амбициозные задачи.

На основании проведенного исследования разработан комплекс мероприятий по совершенствованию системы стимулирования труда через мотивацию. Улучшение системы мотивации способствует укреплению психологического климата в коллективе, снижению текучести кадров, особенно на низовом уровне, а также в росте лояльности сотрудников к организации. Дополнительно ожидается повышение заинтересованности работников в профессиональном развитии, улучшение взаимодействия между подразделениями и формирование более стабильного кадрового состава. Внедрение мероприятий способствует не только росту экономической эффективности, но и укреплению социальной устойчивости организаций.

Литература

1. Базаров, Т.Ю. Управление персоналом: учебник для студентов учреждений среднего профессионального образования / Т.Ю. Базаров. https://kiogmuis.ucoz.ru/Student/bazarov_upravlenie_personalom.pdf
2. Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы: [для бакалавров и специалистов] / Е.П. Ильин. – Москва [и др.]: Питер, 2011. – 508 с. <https://bagaevschool1.rnd.edu.ru/media/2021/11/19/1305458943/043b-0000525a-8f085112.pdf>
3. Кибанов, А.Я. Управление персоналом организации: стратегия, маркетинг, интернационализация: учебное пособие / А.Я. Кибанов, И. Дуракова. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – 299 с.
4. Лобанова Т.Н. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: учебник. – М.: Юрайт, 2026. // URL: <https://web9.ura.ru/viewer/motivaciya-i-stimulirovanie-trudovoy-deyatelnosti-583215#page/19>
5. Маслоу, А. Мотивация и личность / Абрахам Маслоу; [пер. с англ. А.М. Татлыбаевой]. – Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2020. – 400 с. https://icm.institute/wp-content/uploads/2021/06/motivation_and_personality.pdf
6. Мескон, М.Х. Основы менеджмента = Management: [перевод с английского] / Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. – Москва [и др.]: Вильямс, 2020. – 665 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01008155701>
7. Одеров Ю. Г., Руденко Г.Г. Управление персоналом: учебник. – М.: Норма, 2026. // URL: <https://ura.ru/viewer/upravlenie-personalom-582694#page/1>
8. Шапиро, С.А. Управление человеческими ресурсами: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / С.А. Шапиро. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – 346 с. <https://www.litres.ru/book/sergey-shapiro-5998962/upravlenie-chelovecheskimi-resursami-54073378/>
9. Armstrong, M. Armstrong's Handbook of Human Resource Management Practice / M. Armstrong, S. Taylor. – 15th ed. – London; New York: Kogan Page, 2020. – 763 p. https://sfaaz.org/assets/documents/library/RECOMMENDED%20TEXTBOOKS/Armstrongs-Handbook-of-Human-Resource-Management-Practice_1.pdf
10. Peter F. Drucker. The Effective Executive, 1967. Питер Друкер: Эффективный управляющий. Перевод на русский язык: А. Мкервали. – М., 2004. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – 27.09.2010. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4976/4977>.

IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF THE EMPLOYEE MOTIVATION SYSTEM AS A KEY ELEMENT OF MANAGING WORK INCENTIVES THROUGH

Okumbekov R.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the theoretical and practical aspects of developing effective mechanisms for managing employee motivation in modern organizations. It justifies the need to transition from traditional (primarily material) methods of motivation to comprehensive systems that take into account non-material factors and the individual needs of employees. Based on the research conducted, a set of measures has been developed to improve the system of labor incentives through motivation. The conclusion is drawn that an effective incentive mechanism must be adaptive, combine material and non-material components, and be closely integrated with the enterprise's strategic goals.

Keywords: labor incentives, personnel motivation, management mechanism, labor efficiency, material incentives, non-material motivation, KPI.

References

1. Bazarov, T. Yu. Human Resource Management: A Textbook for Students of Secondary Vocational Education Institutions / T. Yu. Bazarov https://kiogmuis.ucoz.ru/Student/bazarov_upravlenie_personalom.pdf
2. Ilyin, E.P. Motivation and Motives: [for Bachelor's and Specialist Degree Students] / E.P. Ilyin. – Moscow [et al.]: Piter, 2011. – 508 pp. <https://bagaevschool1.rnd.eduru.ru/media/2021/11/19/1305458943/043b-0000525a-8f085112.pdf>
3. Kibanov, A. Ya. Organizational Human Resource Management: Strategy, Marketing, Internationalization: Textbook / A. Ya. Kibanov, I. <https://znanium.ru/catalog/document?id=429978>, B. Durakova. – Moscow: INFRA-M, 2021. – 299 pp.
4. Lobanova, T.N. Motivation and Incentives in the Workplace: Textbook. – Moscow: Yurait, 2026. // URL: <https://web9.urait.ru/viewer/motivaciya-i-stimulirovanie-trudovoy-deyatelnosti-583215#page/19>
5. Maslow, A. Motivation and Personality / Abraham Maslow; [translated from English by A.M. Tatybaeva]. – St. Petersburg [et al.]: Piter, 2020. – 400 pp. https://icm.institute/wp-content/uploads/2021/06/motivation_and_personality.pdf
6. Mescon, M.H. Fundamentals of Management = Management: [translated from English] / Mescon, M. H., Albert, M., Hedouri, F. – Moscow [et al.]: Williams, 2020. – 665 pp. <https://search.rsl.ru/ru/record/01008155701>
7. Odegov, Yu. G., Rudenko, G.G. Human Resource Management: Textbook. – Moscow: Norma, 2026. // URL: <https://urait.ru/viewer/upravlenie-personalom-582694#page/1>
8. Shapiro, S.A. Human Resource Management: Textbook
9. Armstrong, M. Armstrong's Handbook of Human Resource Management Practice / M. Armstrong, S. Taylor. – 15th ed. – London; New York: Kogan Page, 2020. – 763 p. https://sfaaz.org/assets/documents/library/RECOMMENDED%20TEXTBOOKS/Armstrongs-Handbook-of-Human-Resource-Management-Practice_1.pdf
10. Peter F. Drucker. The Effective Executive, 1967. Питер Друкер: Эффективный управляющий. Перевод на русский язык: А. Мкервали. – М., 2004. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – 27.09.2010. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4976/4977>.

Парма Роман Васильевич,

доктор политических наук, доцент кафедры политологии,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

E-mail: rparma@fa.ru

Гладких Полина Сергеевна,

студент, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Голубев Илья Олегович,

студент, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Демичева Дарья Александровна,

студент, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Стремительное развитие электронной коммерции привело к трансформации маркетплейсов из торговых площадок в комплексные цифровые экосистемы, объединяющие инструменты электронной торговли, финансовых сервисов, алгоритмов искусственного интеллекта, персонализированной рекламы и медиаконтента. В настоящей статье произведена систематизация цифровых механизмов формирования импульсивных покупок на крупнейших российских маркетплейсах, а также в разработке авторской классификации технологий воздействия на потребительское поведение. В качестве объектов исследования выбраны маркетплейсы «Wildberries», «Ozon», «Яндекс Маркет» и «Мегамаркет» как крупнейшие участники российского рынка электронной коммерции.

Ключевые слова: маркетплейсы, импульсивное потребление, геймификация потребления, цифровой маркетинг, персонализация предложений, алгоритмические рекомендации, потребительское поведение.

Введение

Классическая экономическая теория долгое время описывала потребителя как рационального человека, который принимает решение о покупке на основе анализа соотношения цены и качества, а также полезности товара. Однако развитие цифровой коммерции демонстрирует ограниченность этого подхода. В реальной практике на маркетплейсах значительная часть покупок совершается не по заранее составленному плану, а под влиянием ситуативных подталкивающих стимулов [1]. За последние годы маркетплейсы превратились из электронных каталогов товаров в multifunctional цифровые платформы, объединяющие торговые, финансовые, рекламные и коммуникационные сервисы. Подобная интеграция позволяет платформам сопровождать пользователя практически на всех этапах принятия потребительского решения от формирования потребности до оплаты покупки и последующего взаимодействия с брендом.

Современный маркетплейс уже нельзя рассматривать исключительно как посредника между продавцом и покупателем. Торговые платформы формируют информационную среду пользователя, определяют последовательность отображения товаров, прогнозируют вероятность покупки, рассчитывают персональные предложения и стимулируют дополнительное потребление посредством комплекса цифровых инструментов. Одновременно возрастает влияние платформ на поведение покупателей благодаря использованию технологий искусственного интеллекта, больших данных (Big Data), рекомендательных алгоритмов и цифровых финансовых сервисов. Таким образом, происходит постепенный переход от модели удовлетворения существующего спроса к модели активного формирования потребительских предпочтений.

В цифровой коммерции особое значение приобретает феномен импульсивного потребления. В классических исследованиях импульсивная покупка определяется как незапланированное приобретение товара, совершаемое под влиянием эмоциональных факторов и внешних стимулов [2]. Однако в условиях цифровой экономики импульсивное потребление приобретает новые характеристики. Оно становится результатом целенаправленного воздействия алгоритмов персонализации, интерфейсных решений, программ лояльности и цифровых финансовых сервисов, объединенных в единую технологическую систему. Цифровые платформы оказались средой, максимально благоприятной для провоцирования спонтанных покупок.

Проблематика импульсивных покупок получила развитие в исследованиях маркетинга и психологии потребления. Первоначально импульсивные покупки рассматривались как незапланированные приобретения, возникающие под влиянием внешних стимулов торговой среды [3]. В дальнейшем импульсивные покупки связывались с внезапным и сильным желанием приобрести товар, сопровождаемым эмоциональным возбуждением и снижением рационального контроля [4]. Затем исследования показали, что вероятность импульсивной покупки зависит от сочетания индивидуальных особенностей потребителя, его эмоционального состояния и характеристик торговой среды [5].

С развитием электронной коммерции механизмы стимулирования импульсивного потребления существенно усложнились. Современные рекомендательные системы позволяют прогнозировать намерения покупателей с высокой степенью точности, формируя персонализированные витрины товаров и значительно сокращая время принятия решения о покупке. Подобные технологии активно используются крупнейшими мировыми и российскими маркетплейсами. Цифровые платформы выступают посредниками нового типа, контролирующими информационные потоки между всеми участниками экосистемы [6]. Маркетплейсы не только организуют торговлю, но и управляют пользовательским опытом посредством алгоритмов ранжирования, персонализации и интеграции финансовых сервисов.

Зарубежные исследования показывают, что персонализированные рекомендации, ограниченные по времени предложения, механизмы дефицита, пользовательский контент и социальное доказательство значительно повышают вероятность совершения незапланированных покупок [7]. Российские исследователи также отмечают возрастающую роль маркетплейсов в изменении моделей потребительского поведения и распространении цифровых технологий стимулирования спроса [8]. Исследователи, изучающие влияние платформ на россий-

ский рынок потребительских товаров, подчеркивают ключевое отличие онлайн-среды от традиционной розницы. В цифровом пространстве нивелированы транзакционные барьеры времени, присутствия, выбора, что благоприятствует мгновенным покупкам, сокращает дистанцию между возникшим желанием и необдуманым действием, оставляя все меньше времени на критическую оценку необходимости приобретения товара [9].

Методология исследования

Теоретической основой исследования выступили положения поведенческой экономики, концепции ограниченной рациональности, цифрового маркетинга и платформенной экономики. Комплексное использование данных подходов позволило рассматривать импульсивное потребление как результат взаимодействия экономических, когнитивных, технологических и психологических факторов в рамках единой цифровой экосистемы. Цель исследования заключается в выявлении и систематизации технологий импульсивного потребления, используемых крупнейшими российскими маркетплейсами.

Для достижения поставленной цели использовалась комбинация качественных и сравнительных методов исследования. Основным методом выступил сравнительный анализ цифровых сервисов маркетплейсов Ozon, Wildberries, Яндекс Маркета и Мегамаркета. Сопоставление осуществлялось по следующим направлениям: алгоритмы персонализации, ценовые механизмы, программы лояльности, финансовые сервисы, интерфейсные решения, игровые механики и инструменты эмоционального вовлечения пользователей. Системный анализ позволил исследовать интерфейсы мобильных приложений и веб-версий маркетплейсов, особенности организации рекомендательных систем, использование пользовательского контента, триггеров дефицита, push-уведомлений и инструментов стимулирования повторных покупок.

Тенденции развития российских маркетплейсов

Российский рынок электронной коммерции продолжает расширяться. Его ключевыми драйверами роста остаются универсальные маркетплейсы. В 2025 году российский рынок онлайнторговли попрежнему держится на четырех крупнейших маркетплейсах «Wildberries», «Ozon», «Яндекс Маркет» и «Мегамаркет». Вместе они контролируют около 80% всех онлайнзаказов в стране, а их совокупный оборот превысил 11,2 трлн рублей. Число заказов рынок онлайнторговли достигло 8,3 млрд, показав рост на 24%. Лидером на рынке электронной торговли остается платформа «Wildberries», оборот которой достиг примерно 4,04 трлн рублей (по ряду оценок до 6,1 трлн рублей) при росте на 25–49%. Однако в целом темпы роста электронной торговли в России стали самыми низкими за последние восемь лет [10]. Рынок постепенно насыщается, и дальнейший прирост идет в основном за счет того, что люди покупают чаще, а не за счет притока новых покупателей.

Одновременно с этим наблюдается тенденция сращивания торговых и финансовых сервисов в рамках единых экосистем. Крупнейшие платформы постепенно развивают собственные банковские направления. Согласно аналитическим данным, к концу 2025 года банки, находящиеся под контролем маркетплейсов, аккумулировали порядка 17% рынка активных банковских карт и почти 5% портфеля потребительского кредитования. Импульс к покупке все чаще не просто подкрепляется возможностью быстрой оплаты и удобного сервиса, но и немедленно монетизируется внутренним финансовым институтом платформы через инструменты рассрочки и кредитования. Формируется замкнутая экосистема, где маркетинговый стимул, платежный инструмент и кредитный продукт объединены в единый пользовательский путь, что существенно повышает вероятность совершения спонтанных покупок.

Систематизация технологий импульсивного потребления

Развитие цифровых платформ привело к существенному изменению механизмов воздействия на потребительское поведение. Если традиционная розничная торговля преимущественно использовала визуальный мерчандайзинг, рекламные акции и ценовые скидки, то современные маркетплейсы применяют значительно более сложный комплекс цифровых инструментов. Они строятся на анализе больших данных, алгоритмах машинного обучения, технологиях персонализации и поведенческой аналитике. Маркетплейсы стали медиаплатформами, объединяя продажи, рекламу и коммуникации с покупателем. Это позволяет продавцам вести маркетинговые кампании прокладывая PR-коммуникации прямо на маркетплейсе, а потребителям получать информацию и делать покупки в едином сервисе.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что технологии стимулирования импульсивного потребления образуют взаимосвязанную систему, элементы которой воздействуют на различные стадии процесса принятия потребительского решения. Основными технологиями являются алгоритмическая персонализация, рекомендательные системы, пользовательский контент, программы лояльности, скидки, бонусы, финансовые сервисы, геймификация и эмоциональные триггеры срочности.

На основании сравнительного анализа российских маркетплейсов предлагается выделить четыре группы технологий: экономические, когнитивные, поведенческие и нейропсихологические. Экономические технологии изменяют восприятие стоимости товара. Когнитивные технологии управляют вниманием и информационной средой пользователя. Поведенческие инструменты увеличивают частоту и продолжительность взаимодействия с платформой. Эмоционально-психологические механизмы ускоряют принятие решения и усиливают субъективную привлекательность покупки (табл. 1).

Таблица 1. Виды технологий импульсивного потребления

Экономические технологии - Динамическое ценообразование - Программы лояльности - BNPL и рассрочки - Бонусные баллы и кэшбэк	Когнитивные технологии - Персональные рекомендации - Алгоритмы ранжирования товаров - Пользовательский контент (UGC) - Социальное доказательство
Поведенческие технологии - Геймификация - Бесконечный скроллинг - Видео контент и live-commerce - Push-уведомления	Нейропсихологические технологии - Эффект FOMO - Триггеры дефицита - Дофаминовая петля ожидания - Эмоциональные уведомления

На основании проведенного анализа предлагается следующая последовательность элементов модели формирования импульсивного потребления: персонализация предложения, привлечение внимания, ощущение выгоды, удержание пользователя, эмоциональное усиление и импульсивная покупка. Данная модель позволяет рассматривать импульсивное поведение как технологический процесс воздействия на покупателя.

Применения технологий импульсивного потребления

Сравнительный анализ показывает, что крупнейшие российские маркетплейсы используют схожий набор цифровых инструментов, однако делают акцент на различных механизмах стимулирования спроса, подталкивающими к импульсивному потреблению. Различия между платформами проявляются прежде всего в степени интенсивности применения отдельных технологий и особенностях их интеграции в цифровую экосистему.

Маркетплейс «Wildberries» характеризуется активным использованием игровых и вовлекающих элементов. На платформе применяются механики, стимулирующие регулярное взаимодействие пользователя с сервисом, включая акционные кампании, программы лояльности и другие инструменты удержания аудитории. В данном случае значительная часть цифрового воздействия направлена на увеличение частоты посещения платформы и продолжительности взаимодействия с ней. Чем больше времени пользователь проводит в цифровой среде маркетплейса, тем выше вероятность того, что он столкнется с товарами, которые не планировал приобретать изначально. Для удовлетворения потребителя платформа задействует геймификацию рутины, размытие восприятия цены и встраивание в повседневность. «Дофаминовой приманкой» служит розыгрыш «Вабанга!», участия в котором могут принять покупатели, нашедшие специальные виртуальные «билеты удачи» во время скроллинга ленты товаров.

Маркетплейс «Ozon» делает основной акцент на алгоритмической персонализации, развитии собственной медиасреды, бонусных программах и интеграции финансовых сервисов. Для стимулирования покупок на площадке используются рекомендательные алгоритмы, персонализированные подборки товаров, различные типы бонусных баллов и программы лояльности Ozon Банка. Благодаря интеграции коротких видеороликов и рекомендаций платформа постепенно трансформируется в гибрид электронной коммерции и социальной сети. Интерфейс приложения Ozon спроектирован так, чтобы напоминать ленту соцсетей. Листание красивых картинок товаров само по себе является способом снятия стресса и заполнения пауз. Это формирует привычку заходить в приложение не за конкретной покупкой, а ради процесса.

Маркетплейс «Яндекс Маркет» развивается как часть крупной цифровой экосистемы. Его особенностью является интеграция с поисковыми, платежными и подписочными сервисами. Такая модель позволяет использовать широкий массив пользовательских данных

для персонализации предложений. Финансовые инструменты, включая оплату частями, дополнительно снижают барьер для приобретения дорогостоящих товаров. Использование сервисов Яндекс Пэй, программы «Сплит», подписки «Яндекс Плюс» и данных всей цифровой экосистемы позволяет максимально персонализировать предложения. Технология продвижения импульсивных покупок на Яндекс Маркет строится на финансовой доступности, экосистемной лояльности и алгоритмической точности. Алгоритмы учитывают статус подписчика и предлагают ему «нужные товары» с пометкой «Скидка по Плюс» в момент интереса, что превращает маркетплейс из площадки для поиска товаров в инструмент управления потребительским поведением.

Маркетплейс «Мегамаркет» использует преимущества интеграции с экосистемой Сбера. Важную роль играют бонусные программы, финансовые сервисы и персонализированные предложения. В данном случае лояльность пользователя формируется не только за счет самого маркетплейса, но и за счет взаимодействия с другими сервисами экосистемы. Платформа активно применяет персонализированные рекомендации и «карусели». Алгоритмы машинного обучения анализируют историю просмотров и покупок пользователя, формируя бесконечную ленту товаров, которая удерживает покупателя в приложении и подталкивает к незапланированным приобретениям. Пуш-уведомления о товаре в корзине, снижении цены или скором сгорании бонусов подталкивают к возврату пользователя. Цена товара может различаться для разных пользователей в зависимости от их статуса в подписке СберПрайм и истории денежных трат. Промокоды и кэшбэк бонусами «Спасибо» формируют ощущение эксклюзивной выгоды, а закрытые распродажи и ранний доступ для подписчиков создают иллюзию эксклюзивного комьюнити (табл. 2).

Таблица 2. Применение технологий импульсивного потребления ведущими российскими маркетплейсами

Группа технологий	Основные инструменты	Механизм воздействия	Наиболее выражена
Экономические	Скидки, бонусы, BNPL, цифровые кошельки	Снижение субъективного восприятия стоимости покупки	Яндекс Маркет, Мегамаркет
Поведенческие	Геймификация, бесконечная лента, видео-контент	Увеличение продолжительности взаимодействия с платформой	Wildberries, Ozon
Когнитивные	Персонализированные рекомендации, UGC, push-уведомления	Управление вниманием и снижение информационной неопределенности	Ozon, Яндекс Маркет
Нейропсихологические	FOMO, триггеры дефицита, эмоциональное ожидание покупки, случайные вознаграждения	Формирование эмоциональной мотивации к совершению покупки	Все исследуемые маркетплейсы

В исследовании были проанализированы технологии, используемые российскими маркетплейсами «WildBerries», «Ozon», «Яндекс Маркет» и «СберМегамаркет» для стимулирования покупок импульсивного характера у клиентов. К данным технологиям в результате анализа были отнесены:

- **персонализация предложений** (к ним относятся подборки под интернет-пользователя, UGC-контент, а также рассылки). Эти инструменты работают за счет интеграции аудитории и создания ощущения, что платформа понимает запросы клиента;
- **ценовые манипуляции** (динамические скидки, акции, эффект дефицита). Их задачей является формирование ощущения срочности, выгоды и ограниченного окна покупки;
- **программы лояльности** (накопительные баллы, предраспродажи, интернет- или смс-информирование, элементы геймификации). Эти механизмы стимулируют не разовую покупку, а устойчивую привязанность к площадке;
- **наркотизация потребителя** (бесконечный скроллинг, игровые механики и эмоциональные триггеры). Эти технологии создают среду, в которой импульсивное потребление становится не исключением, а нормой цифрового шоппинга.

Современные маркетплейсы формируют импульсивное потребление не посредством одного отдельного инструмента, а за счет их комплексного сочетания. Алгоритм может сначала предложить пользователю персонализированный товар, затем сформировать ощущение выгоды, удержать внимание с помощью дополнительных рекомендаций и в конечном итоге усилить мотивацию к покупке с помощью ограниченного предложения или другого эмоционального стимула.

Заключение

Проведенное исследование показало, что российские маркетплейсы активно используют цифровые технологии, способные влиять на импульсивное потребление. Маркетплейсы используют не только прямую рекламу, но и алгоритмические, ценовые, поведенческие и эмоциональные инструменты, которые усиливают вероятность незапланированной покупки. Современные маркетплейсы следует рассматривать не только как каналы электронной торговли, но и как цифровые экосистемы, активно участвующие в формировании потребительского поведения. Их воздействие определяется совокупным применением алгоритмов персонализации, финансовых инструментов, программ лояльности, геймификации, пользовательского контента и эмоциональных триггеров. Каждая элемент технологий могут иметь ограниченное воздействие, однако их сочетание значительно усиливает вероятность совершения незапланированной покупки. Маркетплейсы следует рассматривать не только как торговые площадки, но и как цифровые экосистемы, активно участвующие в формировании потребительского поведения.

Литература

1. Талер, Р., Санстейн, К. Подталкивание: архитектура выбора. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 336 с.
2. Березка, С.М. Эмоциональное состояние потребителя как фактор совершения импульсных покупок / С.М. Березка, А.В. Фартунина // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2023. – № 1. – С. 191–211. – <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-1-9>.
3. Stern, H. (1962) The Significance of Impulse Buying Today. Journal of Marketing, 26, 59–62. <https://doi.org/10.1177/002224296202600212>
4. Rook, D. W. (1987) The Buying Impulse. Journal of Consumer Research, 14, 189–199. <https://doi.org/10.1086/209105>
5. Beatty, S.E., Ferrell, M.E. (1998) Impulse Buying: Modeling Its Precursors. Journal of Retailing, 74, 169–191. [http://dx.doi.org/10.1016/S0022-4359\(99\)80092-X](http://dx.doi.org/10.1016/S0022-4359(99)80092-X)
6. Parker, G. G., Van Alstyne, M. W., & Choudary, S. P. (2016) Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You. WW Norton & Company.
7. Mian, T.S. (2024) Impulse Buying in E-Commerce: A Comprehensive Literature Review and Research Prospects. In: Alareeni, B., Hamdan, A. (eds) Technology: Toward Business Sustainability. ICBT 2023. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 925. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-54019-6_26
8. Карапетян, А.М. Факторы влияния цифровых платформ на рынок потребительских товаров в России / А.М. Карапетян // Финансы и кредит. – 2025. – Т. 31, № 8. – С. 187–200. – DOI 10.24891/gljwuq.
9. Маричева, М.А. Личностные адаптации как детерминанты финансового поведения: транзактно-аналитическая модель // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2026. – Т. 23, № 1. – С. 125–147.
10. Рейтинг ТОП-100 российских интернет-магазинов за 2025 год URL: <https://top100.datainsight.ru/> (дата обращения: 10.06.2026)

IMPULSE CONSUMPTION TECHNOLOGIES ON RUSSIAN MARKETPLACES

Parma R.V., Gladikh P.S., Golubev I.O., Demicheva D.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The rapid development of e-commerce has led to the transformation of marketplaces from simple trading platforms into complex digital ecosystems integrating e-commerce tools, financial services, artificial intelligence algorithms, personalized advertising, and media content. This article systematizes the digital mechanisms driving impulse purchases on the largest Russian marketplaces and develops a unique classification of technologies for influencing consumer behavior. The research subjects are Ozon, Wildberries, Yandex Market, and MegaMarket, the largest players in the Russian e-commerce market.

Keywords: marketplaces, impulse consumption, gamification of consumption, digital marketing, personalization of offers, algorithmic recommendations, consumer behavior.

References

1. Thaler, R., Sunstein, K. Nudge: The Architecture of Choice. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2021. 336 p.
2. Berezka, S.M. The Emotional State of the Consumer as a Factor in Impulse Purchases / S.M. Berezka, A.V. Fartunina // Bulletin of Moscow University. Series 6: Economics. – 2023. – № 1. – Pp. 191–211. – <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-1-9>
3. Stern, H. (1962) The Significance of Impulse Buying Today. Journal of Marketing, 26, 59–62. <https://doi.org/10.1177/002224296202600212>
4. Rook, D. W. (1987) The Buying Impulse. Journal of Consumer Research, 14, 189–199. <https://doi.org/10.1086/209105>
5. Beatty, S.E., Ferrell, M.E. (1998) Impulse Buying: Modeling Its Precursors. Journal of Retailing, 74, 169–191. [http://dx.doi.org/10.1016/S0022-4359\(99\)80092-X](http://dx.doi.org/10.1016/S0022-4359(99)80092-X)

6. Parker, G. G., Van Alstyne, M. W., & Choudary, S. P. (2016) Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You. W.W. Norton & Company.

7. Mian, T.S. (2024) Impulse Buying in E-Commerce: A Comprehensive Literature Review and Research Prospects. In: Alareeni, B., Hamdan, A. (eds) Technology: Toward Business Sustainability. ICBT 2023. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 925. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-54019-6_26

8. Karapetyan, A.M. Factors influencing digital platforms on the consumer goods market in Russia / A.M. Karapetyan // Finance and Credit. – 2025. – Vol. 31, № 8. – Pp. 187–200. – DOI 10.24891/gljwuq

9. Maricheva, M.A. Personality adaptations as determinants of financial behavior: a transactional-analytical model // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. – 2026. – Vol. 23, № 1. – Pp. 125–147.

10. Rating of the TOP-100 Russian online stores for 2025 URL: <https://top100.datainsight.ru/> (date of access: June 10, 2026)

Окумбеков Ринат Серикович,

к.полит.н., доцент кафедры Общего и проектного менеджмента, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: ROkumbekov@fa.ru

В статье рассматривается феномен возрастной дискриминации (эйджизма) в корпоративной среде и анализируется его воздействие на результативность управления кадровым потенциалом. Обоснована необходимость формирования системных подходов к предупреждению дискриминационных практик в отношении работников старших возрастных категорий. В ходе разработки дизайна исследования определены его объект, предмет, цель, задачи и методологический инструментарий. Существенное внимание уделено анализу степени изученности проблемы в работах отечественных и зарубежных авторов, раскрывающих экономические и социальные последствия эйджизма. Представлена адаптивная модель антиэйджизма. Сделан вывод о том, что эффективное противодействие возрастной дискриминации выступает не только этическим и правовым императивом, но и значимым фактором роста инклюзивности, лояльности персонала и устойчивости бизнес-структур в контексте старения населения и кадрового голода.

Ключевые слова: эйджизм, возрастная дискриминация, управление персоналом, инклюзивная культура, профилактика, HR-менеджмент, мотивация, стереотипы.

Введение

Современная экономическая реальность характеризуется двумя разнонаправленными трендами: с одной стороны, наблюдается прогрессирующее старение населения развитых стран, с другой – острый дефицит квалифицированных кадров на рынке труда [1]. В этих условиях особую значимость приобретает задача максимально полного использования трудового потенциала всех возрастных групп. Однако на пути ее решения стоит устойчивый социально-психологический феномен – возрастная дискриминация, или эйджизм. Несмотря на законодательно закрепленные гарантии равенства прав работников [2; 3], многие компании продолжают воспроизводить дискриминационные практики при подборе персонала, оценке результатов труда, планировании карьеры и сокращении штата [7]. Сущность проблемы заключается в глубоком противоречии между декларируемой ценностью профессионального опыта и реальным вытеснением сотрудников старше 45–50 лет на периферию организационной жизни. Подобная кадровая политика не только создает риски судебных разбирательств и репутационных потерь, но и лишает компании носителей критически важных знаний, одновременно подорывая лояльность всего коллектива [8].

Теоретическая разработанность темы в отечественной научной литературе демонстрирует положительную динамику, однако прикладные аспекты управления профилактикой эйджизма остаются фрагментарными и требуют дальнейшего осмысления. Фундаментальные основания данного явления раскрываются в работах Т.Г. Озерниковой, согласно позиции которой «эйджизм представляет собой многомерный социальный конструкт, находящий выражение как на институциональном уровне (в корпоративных политиках и процедурах), так и в межличностных взаимодействиях сотрудников» [9].

Анализируя экономические последствия возрастной дискриминации, С.А. Климова и И.В. Шаталова приходят к следующему заключению: «Недооценка трудового потенциала старших возрастных когорт оборачивается неэффективным использованием кадровых ресурсов, интенсификацией текучести персонала и дополнительными издержками, сопряженными с поиском и адаптацией новых работников. В условиях демографического сжатия подобная практика становится особенно уязвимой» [10].

Рассматривая стратегические измерения проблемы, А.Ю. Маляфеев акцентирует внимание на ее связи с корпоративной культурой: «В организациях, не выработавших последовательной политики инклюзивности, возрастные стереотипы провоцируют падение вовлеченности и профессиональной мотивации опытных сотрудников, которые утрачивают видение перспектив собственной реализации» [11].

Опираясь на теоретические положения указанных авторов, можно утверждать, что профилактика эйджизма выходит далеко за рамки формального соблюдения законодательных норм, превращаясь в стратегическую задачу управления человеческим капиталом, ориентированную на максимизацию отдачи от всех категорий работников.

Исходя из заявленной проблемной ситуации, объектом настоящего исследования выступает система социально-трудовых взаимодействий в современных коммерческих организациях. Предметом исследования избрана совокупность управленческих механизмов, нацеленных на предупреждение возрастной дискриминации и обеспечение эффективной интеграции сотрудников различных поколений в единую команду.

Цель работы заключается в многоаспектном анализе проявлений эйджизма в корпоративной среде и разработке научно обоснованных рекомендаций по формированию действенной системы противодействия возрастной дискриминации.

Методологический инструментарий исследования базируется на сочетании общенаучных и специальных познавательных методов. В ходе работы применялись методы системного и структурно-функционального анализа, компаративный метод и метод аналогий. Эмпирическую основу составили материалы социологических опросов, данные аналитических отчетов рекрутинговых платформ, а также результаты исследований, представленные в рецензируемых научных изданиях [12; 13].

Результаты исследования

При переходе от теоретического анализа к рассмотрению управленческой практики становится очевидно, что возрастную дискриминацию

в компаниях сложно зафиксировать официально, хотя встречается она повсеместно. Изучение практических аспектов проблемы показывает, что эйджизм может приобретать как эксплицитные, так и имплицитные формы, оказывая существенное негативное воздействие на эффективность использования человеческого капитала [14].

Особенно остро эта проблема стоит при подборе персонала. Аналитика подтверждает устойчивый тренд: несмотря на законный запрет указывать возраст в объявлениях о работе, многие работодатели все равно используют скрытые фильтры отсева на этапе отбора соискателей. Чтобы детально разобраться в том, как именно устроена эта дискриминация в реальной жизни, необходимо разложить по полочкам и систематизировать все накопленные практические данные [15]. Для более глубокого понимания структуры дискриминационных проявлений представляется целесообразным систематизировать имеющиеся эмпирические данные.

В Таблице 1 обобщены основные формы эйджизма и их влияние на эффективность бизнес-процессов.

Таблица 1. Формы проявления возрастной дискриминации и их влияние на организационную

Форма проявления эйджизма	Сущностное описание	Влияние на бизнес-показатели и корпоративную культуру
Дискриминация при найме	Использование формулировок «команда до 30 лет», «young and dynamic», негласный отказ кандидатам старше 45 лет на этапе скрининга резюме.	Сужение воронки подбора, упущенная выгода от найма опытных специалистов, увеличение времени закрытия вакансий, риски судебных исков.
Ограничение в обучении и развитии	Отказ в направлении на дорогостоящие курсы повышения квалификации для возрастных сотрудников на основе стереотипа об их низкой обучаемости.	Снижение общего уровня компетенций персонала, падение мотивации у опытных работников, моральное устаревание знаний ключевых специалистов.
Блокировка карьерного роста	Предпочтение при продвижении на руководящие должности всегда отдается более молодым кандидатам («потолок» для карьеры в 45+).	Потеря ценных кадров, которые уходят к конкурентам, создание «выученной беспомощности» у возрастных сотрудников, снижение их вовлеченности.
«Выдавливание» при сокращении	Использование возрастных сотрудников как первой группы риска при оптимизации штата, под предлогом их «меньшей гибкости» или «завышенных зарплатных ожиданий».	Потеря корпоративных знаний и накопленного опыта, деморализация коллектива, ухудшение психологического климата и рост тревожности.
Микроповедение (microaggressions)	Покровительственный тон, шутки про «возраст», игнорирование мнения старших коллег в рабочих дискуссиях.	Создание токсичной атмосферы, изоляция сотрудников, рост внутренней напряженности и конфликтов между поколениями.
Форма проявления эйджизма	Сущностное описание	Влияние на бизнес-показатели и корпоративную культуру
Дискриминация при найме	Использование формулировок «команда до 30 лет», «young and dynamic», негласный отказ кандидатам старше 45 лет на этапе скрининга резюме.	Сужение воронки подбора, упущенная выгода от найма опытных специалистов, увеличение времени закрытия вакансий, риски судебных исков.

Источник: составлено автором [4; 5; 6].

Анализ представленных данных приводит к выводу, что отдельные, казалось бы, незначительные проявления эйджизма, аккумулируясь, образуют системную проблему, требующую комплексных управленческих решений. Менеджменту современных организаций необходимо осознать, что возрастное разнообразие способно выступать источником конкурентных преимуществ, обеспечивая синергию опыта старших поколений и инновационного потенциала молодежи [16].

В связи с этим ключевыми направлениями антидискриминационной политики должны стать: во-первых, аудит существующих HR-процессов и регламентов на предмет наличия скрытых возрастных фильтров; во-вторых, системное обучение руководителей принципам инклюзивного менеджмента и методам преодоления стереотипов; в-третьих, формирование корпоративной культуры, ориентированной на ценность межпоколенческого взаимодействия через развитие про-

грамм наставничества [5] и создание смешанных проектных команд; в-четвертых, внедрение систем мотивации, поощряющих инклюзивное поведение [15].

Однако характеристика проблемы была бы неполной без анализа барьеров, возникающих при имплементации подобной политики. Наиболее существенным препятствием выступает инертность линейного менеджмента и устойчивость стереотипных установок. Масштабы распространения стереотипов раскрываются в научных исследованиях: данные демонстрируют, что «более 60% опрошенных HR-менеджеров признают наличие у себя подсознательных установок, в соответствии с которыми кандидаты старше 50 лет воспринимаются как менее технологичные и более подверженные заболеваниям, при отсутствии объективных подтверждений данным представлениям. Подобные аттитюды, актуализируясь уже на этапе отбора, формируют основу для последующей дискриминации в трудовой сфере» [10].

Приведенные количественные оценки подтверждают, что результативная профилактика эйджизма невозможна без трансформации мышления самих управленцев. Формальное закрепление антидискриминационных норм во внутренних документах не приведет к желаемому эффекту, если линейные руководители и специалисты по персоналу сохраняют психологическую и профессиональную неготовность к отказу от возрастных предрассудков [15]. Требуется последовательная работа по дестигматизации возраста, реализуемая через каналы внутренних коммуникаций, популяризацию историй успеха возрастных сотрудников и демонстрацию ценности межпоколенческого обмена знаниями.

Для получения целостной картины масштабов проблемы и сопоставления различных подходов обратимся к анализу корпоративных практик. В странах Европейского Союза доля организаций, располагающих формализованной политикой управления возрастным разнообразием (Age Diversity), достигает 65%, тогда как аналогичный показатель для России не превышает 22%. Программы наставничества с участием сотрудников старше 50 лет системно реализуются лишь в 15% российских компаний, в то время как в европейских странах этот показатель составляет 48% [11].

Приведенные данные убедительно свидетельствуют о существенном отставании российского бизнеса во внедрении формализованных практик управления возрастным разнообразием. Такое отставание закономерно оборачивается неэффективным использованием кадровых ресурсов, что приобретает особую остроту в условиях усугубляющегося кадрового дефицита.

Убедительным доказательством экономической целесообразности инклюзивной политики служат данные о влиянии разновозрастных команд на инновационную активность и устойчивость бизнеса. Согласно результатам исследований, организации с высоким уровнем возрастного разнообразия на 35% реже сталкиваются с проблемой текучести ключевых специалистов и на 20% эффективнее внедряют инновационные решения благодаря комбинации опыта и свежих идей [16]. В Таблице 2 систематизированы факторы, препятствующие и способствующие внедрению антидискриминационных политик.

Анализ представленной матрицы позволяет сформулировать парадоксальный, но обнадеживающий вывод: ключевым катализатором изменений в настоящее время выступает объективная экономическая реальность – дефицит трудовых ресурсов, который побуждает бизнес пересматривать укоренившиеся предубеждения. С одной стороны, экономика переживает жесточайший кадровый голод (дефицит оценивается примерно в 4 миллиона человек на фоне исторически низкой безработицы в 2–2,2%), что объективно заставляет бизнес разворачиваться к соискателям «45+». Социокультурные стереотипы и специфика доминирующих моделей управления в РФ продолжают воспроизводить латентный эйджизм. В ситуации, когда каждый квалифицированный специалист приобретает особую ценность, компании уже не могут позволить себе отказываться от профессионалов по причинам, не имеющим отношения к их деловым качествам.

Таким образом, системный подход к профилактике возрастной дискриминации охватывает: диагностику существующих установок и практик, обучение персонала, трансформацию HR-процессов и формирование инклюзивной среды, в которой знания и опыт ценятся вне зависимости от возраста работника.

Для интеграции противодействия эйджизму в общую канву бизнеса необходимо внедрение адаптированной к российским реалиям Модели антидискриминационных мер в политике стратегического управления человеческими ресурсами (SHRM – Strategic Human Resource Management). Эта модель переводит защиту от дискриминации из плоскости формального комплаенса (выполнения требований трудового законодательства) в плоскость повышения операционной эффективности компании через концепцию инклюзивности и когни-

тивного разнообразия (*Cognitive Diversity*). Модель представляет собой четырехуровневую систему стратегических интервенций, интегрированную во все ключевые HR-процессы организации. Отечественная модель антидискриминационных мер должна опираться на прагматику, операционную эффективность и традиционные для России управленческие архетипы.

Таблица 2. Основные факторы, препятствующие и способствующие внедрению политики профилактики эйджизма на российских предприятиях

Категория	Выявленный фактор	Характер воздействия
Барьеры	Отсутствие понимания выгод (37%): руководство не видит связи между инклюзивностью и прибылью.	Критический: политика не развивается, эйджизм воспроизводится на институциональном уровне.
Барьеры	Стереотипы о низкой эффективности (42%): укоренившиеся мифы о здоровье и обучаемости возрастных сотрудников.	Высокий: приводит к необъективной оценке персонала и кадровым решениям.
Барьеры	Сопротивление среднего менеджмента (29%): нежелание менять привычные методы управления и набирать «неудобных» подчиненных.	Средний: саботирование политик на местах, формальный подход.
Драйверы	Дефицит кадров (68%): вынуждает компании обращать внимание на все возрастные группы и снимать негласные запреты.	Высокий позитивный: прямой экономический стимул к инклюзивности и пересмотру возрастных фильтров.
Драйверы	Программы наставничества (55%): вовлечение опытных сотрудников в обучение молодежи.	Высокий позитивный: повышает ценность старшего поколения, обеспечивает передачу критически важных знаний.
Драйверы	Репутационные риски (23%): боязнь публичных скандалов и обвинений в дискриминации.	Средний позитивный: стимулирует формальное соблюдение норм и разработку публичных политик.

Источник: составлено автором [3].

1. Стратегический уровень: Политика равенства и культура инклюзивности (DE&I)

На верхнем уровне антидискриминационные меры закрепляются в ДНК бренда и долгосрочной стратегии бизнеса.

Пересмотр ценностного предложения работодателя (EVP): Исключение ценностного фокуса исключительно на «молодости» бренда. Позиционирование компании как платформы для межпоколенческого трансфера знаний:

- институционализация DE&I (Diversity, Equity, and Inclusion): Внедрение метрик возрастного разнообразия в KPI топ-менеджмента и руководителей функций. Мониторинг индекса «возрастной справедливости» корпоративной культуры;

- управление возрастными разломами (Faultlines): Стратегическое проектирование кросс-функциональных команд, состоящих из сотрудников разных возрастных когорт, для решения критически важных бизнес-задач, что нивелирует риски поляризации коллектива.

2. Процессуальный уровень: Трансформация операционных HR-практик

Модификация классических этапов управления талантами для устранения латентного (скрытого) эйджизма:

- «слепой» рекрутинг (Blind Recruitment): Обезличивание резюме на этапе первичного скрининга (удаление информации о возрасте, датах окончания вузов, а в некоторых случаях – и личных фотографий). Использование автоматизированных систем оценки навыков вместо субъективного анализа биографии;

- грейдинг описаний вакансий: Аудит текстов вакансий на предмет скрытых маркеров эйджизма (*age-coded language*). Замена формулировок «young and dynamic» на «инновационный и адаптивный», а требований к «опыту до 5 лет» на конкретное описание необходимых компетенций;

- меритократическая оценка и продвижение (Performance Management): Переход к оценке эффективности исключительно на основе KPI, объективных OKR (Objectives and Key Results) и матриц компетенций. Ликвидация негласного карьерного потолка «45+» при назначении на руководящие позиции.

3. Развивающий уровень: – непрерывное обучение и трансфер знаний (L&D). Разрушение стереотипа о «низкой обучаемости» старшего поколения через создание равного доступа к образовательным ресурсам;

- Концепция Lifelong Learning (Обучение в течение всей жизни): Равное распределение бюджетов на обучение (L&D) между всеми возрастными группами. Таргетированные программы по цифровизации и освоению новых технологических инструментов (Upskilling/Reskilling) для сотрудников 45+, 50+;

- программы обратного наставничества (Reverse Mentoring): Практика, в которой молодые специалисты выступают менторами для опытных сотрудников в вопросах новых цифровых трендов, гибких методологий (Agile, Scrum) и современных технологий, а старшие сотрудники делятся с ними стратегическим видением и индустриальной экспертизой;

- управление неявными знаниями (Knowledge Management): Создание институтов внутренних экспертов и советников, где сотрудники старших когорт могут монетизировать свой уникальный опыт, не испытывая давления линейного операционного менеджмента.

4. Защитный и культурный уровень: Противодействие микроагрессии

Искоренение бытового и поведенческого эйджизма внутри рабочих команд:

- антидискриминационный аудит и комплаенс: внедрение анонимных каналов обратной связи (Whistleblowing channels) для фиксации фактов эйджизма, предвзятости или давления по возрастному признаку;

- тренинги по управлению неосознанными предубеждениями (Unconscious Bias Training): Обязательное обучение для линейных руководителей (в том числе HR), направленное на деконструкцию мифов о связи биологического возраста со снижением когнитивных функций, продуктивности или гибкости;

- инструменты для HR-директоров по адаптации рабочих мест, дизайна задач и систем обучения под нужды возрастных сотрудников.

Заключение

Управление профилактикой возрастной дискриминации утрачивает статус сугубо правовой проблемы и трансформируется в значимый фактор обеспечения стратегической конкурентоспособности бизнеса. Формирование инклюзивной среды оказывает влияние на ключевые HR-процессы: от рекрутинга и адаптации до мотивации и карьерного продвижения [4]. Проведенный анализ подтверждает, что эйджизм, реализуясь через латентные стереотипы и дискриминационные практики, продуцирует прямые экономические потери: сужение кадрового резерва, утрату критически важных компетенций, снижение лояльности и интенсификацию текучести персонала.

Вместе с тем, в российском корпоративном секторе намечается тенденция к осознанию необходимости системной работы в данном направлении. Борьба с возрастной дискриминацией в России сегодня движется не законами или гуманизмом, а рынком труда. Побеждают те компании, которые первыми перестроили свои процессы под управление разновозрастными командами и научились монетизировать опыт зрелых профессионалов. Эмпирические данные убедительно демонстрируют, что ведущим стимулом позитивных преобразований выступает острый кадровый голод, побуждающий компании обратить внимание на потенциал работников старших возрастных групп [13]. Однако, как показало исследование, ограничение исключительно административными мерами не приносит желаемого результата. Профилактика эйджизма требует комплексной трансформации организационной культуры, преодоления устойчивых стереотипов у руководителей и HR-специалистов, а также имплементации таких практик, как наставничество и формирование разновозрастных проектных команд. Принципиально важно не просто формально запретить дискриминацию, но сформировать среду, в которой опыт и мудрость старших поколений органично дополняют энергию и инновационный потенциал молодежи.

Резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть, что организации, способные первыми выстроить эффективную систему управления возрастным разнообразием, приобретут долгосрочное конкурентное преимущество в форме высококачественного, компетентного и стабильного персонала. В условиях жесткого кадрового дефицита отказ от кандидатов 45+ становится для бизнеса экономическим самоубийством. При этом западные концепции инклюзивности (DE&I) в чистом виде в России приживаются плохо. Успешная отечественная модель антиэйджизма строится на прагматичных решениях и близких менталитету управленческих архетипах. В условиях демографических ограничений и обостряющейся борьбы за таланты именно инклюзивность становится тем фактором, который позволяет не только удерживать ценных сотрудников, но и привлекать лучших специалистов вне зависимости от их возраста. Представляется, что именно данный проактивный подход, базирующийся на признании ценности человеческого

капитала безотносительно возраста, обеспечит российским организациям возможность устойчивого развития в условиях современных демографических вызовов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Текст: непосредственный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. – URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 29.06.2026). Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022). – Ст. 3 (запрещение дискриминации в сфере труда).
2. Всеобщая декларация прав человека: [принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.]. – Текст: непосредственный // Международные акты о правах человека: сборник документов. – Москва: Норма, 2000. – С. 39–43.
3. Белова, О.В. Эйджизм на российском рынке труда: методы диагностики и пути преодоления / О.В. Белова // Социологические исследования. – 2022. – № 5. – С. 45–55.
4. Демографические вызовы и рынок труда: тенденции 2025 / Аналитический центр hh.ru. – М., 2025.: URL: <https://hh.ru/article/30988>
5. Как бороться с эйджизмом в компании: инструкция для HR // HR Portal. – 2025. – URL: <https://hr-portal.ru/article/kak-borotsya-s-eydzhmom-v-kompanii-instrukciya-dlya-hr> (дата обращения: 19.03.2026).
6. Иванова, Н.Л. Возрастные стереотипы в управлении персоналом: диагностика и преодоление / Н.Л. Иванова, Е.В. Кузнецова // Организационная психология. – 2023. – Т. 13, № 4. – С. 56–74.
7. Климова, С.А. Управление персоналом в условиях старения населения: вызовы и возможности / С.А. Климова, И.В. Шаталова // Вестник университета. – 2023. – Т. 25, № 3. – С. 112–120. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-personalom-v-usloviyah-stareniya-naseleniya> (дата обращения: 19.03.2026).
8. Малафеев, А.Ю. Корпоративная культура и проблема дискриминации по возрасту / А.Ю. Малафеев // Экономика и управление. – 2024. – № 1. – С. 78–86.
9. Озерникова, Т.Г. Эйджизм как социально-экономический феномен: сущность и формы проявления / Т.Г. Озерникова // Проблемы рынка труда. – 2021. – № 4. – С. 32–40.
10. Радаев, В.В. Миллениалы и старшие поколения: конфликт или сотрудничество? / В.В. Радаев, Л.Г. Кузнецова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2023. – № 2. – С. 88–107. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/milleniaily-i-starshie-pokoleniya-konflikt-ili-sotrudnichestvo> (дата обращения: 19.03.2026).
11. Рошин, С.Ю. Политика управления разнообразием в зарубежных компаниях: возможности адаптации для России / С.Ю. Рошин, К.В. Маркова // Российский журнал менеджмента. – 2022. – Т. 20, № 3. – С. 215–234.
12. Смирнова, Е.В. Наставничество как инструмент передачи знаний между поколениями / Е.В. Смирнова // Управление развитием персонала. – 2024. – № 2. – С. 34–42.
13. Сонин, В.А. Психологические аспекты возрастной дискриминации в трудовых коллективах / В.А. Сонин. – М.: Инфра-М, 2023. – 180 с.
14. Холостова, Е.И. Социальная работа с пожилыми людьми: учебник / Е.И. Холостова. – М.: Дашков и К, 2021. – С. 150–175.
15. Age Discrimination in the Workplace: A Comparative Analysis of EU and US Law // International Journal of Law and Management. – 2023. – Vol. 65, No. 1. 45–62.
16. The Power of Age Diversity: Innovation and Retention / McKinsey & Company. – New York, 2023. – URL: <https://www.mckinsey.com/age-diversity>.

MANAGING THE PREVENTION OF AGE DISCRIMINATION IN A COMPANY: PROBLEMS AND THEIR SOLUTIONS

Okumbekov R.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the phenomenon of age discrimination (ageism) in the corporate environment and analyzes its impact on the effectiveness of personnel potential management. The necessity of forming systematic approaches to preventing discriminatory practices against older workers is substantiated. During the development of the research design, its object, subject, purpose, tasks, and methodological tools are defined. Significant attention is paid to analyzing the degree of knowledge of the problem in the works of Russian and foreign authors, revealing the economic and social consequences of ageism. An adaptive model of anti-aging is presented. Effective counteraction to age discrimination acts not only as an ethical and legal imperative but also as a significant factor in the growth of inclusivity, staff loyalty, and business sustainability in the context of population aging and personnel shortage.

Keywords: ageism, age discrimination, personnel management, inclusive culture, prevention, HR management, motivation, stereotypes.

References

1. Constitution of the Russian Federation: Adopted by a nationwide referendum on December 12, 1993: (as amended by a nationwide referendum on July 1, 2020). – Text: Original // Official Internet Portal of Legal Information: [website]. – URL: <http://www.constitution.ru/> (accessed June 29, 2026). Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ of December 30, 2001 (as amended on February 25, 2022). – Art. 3 (Prohibition of Discrimination in the Field of Labor).
2. Universal Declaration of Human Rights: [adopted by the UN General Assembly on Dec. 10, 1948]. – Text: direct // International Human Rights Instruments: A Collection of Documents. – Moscow: Norma, 2000. – pp. 39–43.
3. Belova, O.V. Ageism in the Russian Labor Market: Methods of Diagnosis and Ways to Overcome It / O.V. Belova // Sociological Research. – 2022. – No. 5. – pp. 45–55.
4. Demographic Challenges and the Labor Market: Trends for 2025 / hh.ru Analytical Center. – Moscow, 2025.: URL: <https://hh.ru/article/30988>
5. How to Combat Ageism in a Company: A Guide for HR // HR Portal. – 2025. – URL: <https://hr-portal.ru/article/kak-borotsya-s-eydzhmom-v-kompanii-instrukciya-dlya-hr> (accessed March 19, 2026).
6. Ivanova, N.L. Age Stereotypes in Human Resource Management: Diagnosis and Overcoming / N.L. Ivanova, E.V. Kuznetsova // Organizational Psychology. – 2023. – Vol. 13, No. 4. – pp. 56–74.
7. Klimova, S.A. Human Resource Management in the Context of an Aging Population: Challenges and Opportunities / S.A. Klimova, I.V. Shatalova // University Bulletin. – 2023. – Vol. 25, No. 3. – pp. 112–120. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-personalom-v-usloviyah-stareniya-naseleniya> (accessed March 19, 2026).
8. Malafeev, A. Yu. Corporate Culture and the Problem of Age Discrimination / A. Yu. Malafeev // Economics and Management. – 2024. – No. 1. – pp. 78–86.
9. Ozernikova, T.G. Ageism as a Socioeconomic Phenomenon: Essence and Forms of Manifestation / T.G. Ozernikova // Labor Market Issues. – 2021. – No. 4. – pp. 32–40.
10. Radaev, V.V. Millennials and Older Generations: Conflict or Cooperation? / V.V. Radaev, L.G. Kuznetsova // Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes. – 2023. – No. 2. – pp. 88–107. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/milleniaily-i-starshie-pokoleniya-konflikt-ili-sotrudnichestvo> (accessed March 19, 2026).
11. Roschin, S. Yu. Diversity Management Policies in Foreign Companies: Opportunities for Adaptation in Russia / S. Yu. Roschin, K.V. Markova // Russian Journal of Management. – 2022. – Vol. 20, No. 3. – pp. 215–234.
12. Smirnova, E.V. Mentoring as a Tool for Intergenerational Knowledge Transfer / E.V. Smirnova // Human Resource Development Management. – 2024. – No. 2. – pp. 34–42.
13. Sonin, V.A. Psychological Aspects of Age Discrimination in Work Collectives / V.A. Sonin. – Moscow: Infra-M, 2023. – 180 pp.
14. Kholostova, E.I. Social Work with Older Adults: A Textbook / E.I. Kholostova. – Moscow: Dashkov & K, 2021. – pp. 150–175.
15. Age Discrimination in the Workplace: A Comparative Analysis of EU and US Law // International Journal of Law and Management. – 2023. – Vol. 65, No. 1. 45–62.
16. The Power of Age Diversity: Innovation and Retention / McKinsey & Company. – New York, 2023. – URL: <https://www.mckinsey.com/age-diversity>.

Поплёвкин Николай Петрович,

кандидат социологических наук, докторант, Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: Obssss@mail.ru

Цель статьи – построение теоретической модели субъектности как фактора управления в военной организации. Актуальность обусловлена разрывом между накопленным эмпирическим материалом отечественной военно-социологической традиции и его институциональным теоретическим осмыслением, а также размытостью самого понятия «субъектность». Методологическую основу составляют институциональный и деятельностный подходы, теория профессий и структурно-функциональный анализ. Теоретическую базу образуют труды А. Этциони, Э. Дюркгейма, Э. Эбботта, М. Вебера, Р. Мертон, П. Бурдьё, М. Арчер, П.С. Сорокина. По результатам исследования: введено разграничение институциональной идентификации и профессиональной субъектности как двух независимых измерений состояния участника; предложена типология из четырех конфигураций (профессиональное служение, нормативный конформизм, профессиональная автономия, имитационное исполнение); разработана авторская трехуровневая модель институционализации субъектности и диагностическая процедура ее оценки. Научная новизна состоит в диалектически обоснованном разграничении принудительного, нормативного и компетентностного оснований **управленческого** согласования и выведении из их сочетания режимов управления военной организацией.

Ключевые слова: субъектность; военная организация; институциональная идентификация; профессиональная субъектность; управление организацией; институционализация.

Введение

В условиях развития и совершенствования военных организаций особую актуальность приобретает проблема, которая лишь на первый взгляд относится к вопросам кадровой работы, а в действительности затрагивает основы управления: какой тип военнослужащего складывается в рамках существующей системы управления и в какой мере она способствует подготовке военнослужащего, отвечающего требованиям современной военной организации. Организационные преобразования и техническое переоснащение сами по себе не решают этой задачи, если не сопровождаются пониманием того, в каком состоянии находится участник управляемого процесса как его действующее, а не только учитываемое звено. Ключевое значение в этой связи приобретает состояние, при котором участник способен к ответственному действию не только там, где оно предписано, но и там, где предписание оказывается недостаточным.

Актуальность обращения к этой проблеме определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, отечественная традиция накопила значительный материал о формировании личности военнослужащего, но он складывался до оформления современной институциональной теории и теории профессий, откуда разрыв между эмпирикой и ее теоретическим осмыслением: А.В. Тихонов отмечает, что накопленный материал устойчиво опережает его теоретическое обобщение [1, с. 105–107]. Во-вторых, само понятие «субъектность» остается размытым, употребляясь то как психологическая, то как философская, то как социологическая категория, что затрудняет постановку проверяемых вопросов. В-третьих, военная организация – предельный случай иерархической организации, поэтому исследование субъектности на этом материале имеет общесоциологическое значение. В-четвертых, практика военных организаций предполагает инициативность военнослужащего, хотя теоретические основания этого требования разработаны недостаточно.

Путь построения исследования таков: от определения управления – к основаниям согласованного поведения; далее – к военной организации как предельному случаю иерархии; затем – к строению личностного уровня участника и условиям его закрепления; наконец – к диагностическим и практическим следствиям модели. Существенно подчеркнуть, что работа носит теоретико-дедуктивный характер: ее выводы представляют собой не эмпирически установленные факты, а проверяемые следствия предложенной модели, требующие самостоятельной эмпирической верификации. Практические следствия формулируются не как предписания для действующих военных организаций, а как принципы возможного проектирования управленческих систем.

Управление организацией и основания согласованного поведения участников

В.В. Щербина определяет управление как деятельность, предполагающую «устойчивую ориентацию управляемого объекта на достижение определенных результатов» [2, с. 108]; само это определение не предполагает множественности участников. Настоящая работа рассматривает не управление вообще, а управление организацией – совокупностью индивидов, связанных разделением функций и совместно достигающих общего результата, поскольку при единичном объекте ориентация на результат обеспечивается собственным действием индивида и не требует регулятивной надстройки. Применительно к этому случаю рабочее определение может быть сформулировано следующим образом: управление организацией представляет собой деятельность по обеспечению согласованности действий ее участников.

Способ достижения такой согласованности определяется тем, что побуждает участника ориентировать поведение на общий результат. Можно выделить два основания – внешнее и внутреннее по отношению к воле участника. А. Этциони утверждает, что принудительная власть порождает отчужденное вовлечение: участник действует потому, что уклонение связано с издержками [3, р. 12], а такой порядок сохраняется лишь при наличии контроля.

Внутренние основания неоднородны. Одним из них выступает ценностная норма: участник следует ей, поскольку нарушение противоречило бы его убеждениям, однако нормативная ориентация сама по себе не решает ситуаций за пределами предусмотренных случаев. Э. Дюркгейм отмечает, что подлинная норма побуждает изнутри: чело-

век следует морали «без принуждения, именно потому, что она желанна» [4, с. 80], хотя желательность нормы не означает наличия профессионального суждения в новой ситуации. Поэтому необходимо еще одно основание, которое Э. Эбботт связывает с профессиональной юрисдикцией – способностью применять абстрактное знание к конкретному случаю [5, р. 40]; в работе оно обозначается как компетентностное. П.С. Сорокин заключает, что способность выходить за пределы предписанной структуры не сводится ни к ценностной приверженности, ни к должностной позиции [6, с. 128–130], что позволяет считать различение оснований теоретически обоснованным.

Три основания – принудительное, нормативное и компетентностное – рассматриваются как исчерпывающие. Это стоит проверить на сильнейшей альтернативе – харизматическом основании, описанном М. Вебером как власть, основанная на исключительных личных качествах ее носителя [7, с. 141]. Сам Вебер поясняет, что харизма не образует устойчивого самостоятельного основания: по мере институционализации она либо исчезает вместе с носителем, либо рутинизируется, переходя к власти должности (принудительно-легальное основание) либо к традиции (нормативное основание). Значит, харизма – переходное состояние, сводимое к одному из трех оснований, а не четвертое основание; аналогичный принцип проверки применяется далее при рассмотрении числа уровней, условий и режимов управления. Отсюда следует, что преобладание тех или иных оснований может быть связано с формированием различных типов участников.

Управление, опирающееся на принудительное основание, формирует участника, чья предсказуемость ограничена пределами внешнего контроля и который при его ослаблении ориентируется на формальное соответствие требованиям. Предрасположенность организаций к преобладанию того или иного основания определяется прежде всего их институциональным устройством. Военная организация представляет собой предельный случай иерархической организации: высокая формализация вертикали управления, асимметрия ответственности за самостоятельные решения и нормативная регламентированность деятельности. Дж. Сутерс отмечает, что именно эта совокупность особенностей делает военные организации аналитически ценным случаем для исследования общих закономерностей управления [8, с. 18–22], то есть их предельным аналитическим случаем, а не исключением среди иерархических организаций.

Отечественная военно-социальная мысль поставила близкий круг вопросов задолго до их современного понятийного оформления. Г.А. Леер подчеркивал, что руководитель операции должен понимать существо задачи и применять это понимание к обстоятельствам, а не ограничиваться знанием правил [9, с. 18]. М.И. Драгомиров разграничивал дрессировку, формирующую исполнение действия, и воспитание, развивающее понимание условий уместности действия, отдавая предпочтение последнему именно потому, что оно не сводится к усвоению алгоритма [10, с. 91] – в этом уже просматривается различие между следованием предписанию и профессиональным суждением. И.В. Образцов отмечает, что этот ресурс пока недостаточно интегрирован с международным понятийным аппаратом [11, с. 169–170], и подчеркивает, что исследование войны требует сочетания структурного и деятельностного объяснения [11, с. 143–145], что согласуется с принятым здесь способом построения через два взаимодополняющих измерения.

Из несводимости трех оснований следует, что социальная эффективность управления – способность организации воспроизводить устойчивое, разделяемое участниками согласие относительно способов достижения целей, а не сводимая к формальным показателям результата, – не может быть свойством одного измерения: она определяется тем, как сочетаются основания и на каких уровнях действуют.

Уровни институционализации, измерения субъектности и типология конфигураций участника

Число уровней выводится из строения воспроизводства нормативного порядка: чтобы он воспроизводился, должен существовать как образец, претворяться в конкретные условия деятельности и выражаться в поведении участника. Исключение любого звена делает воспроизводство невозможным, значит уровней не менее трех; оснований для четвертого тоже нет. Уровень группы не представляет собой самостоятельного звена, поскольку выражает совместное состояние личностного уровня множества участников, складывающееся в процессе управления. Следовательно, в рамках предлагаемой модели достаточно выделить три уровня.

Институциональный уровень – уровень нормативного порядка и процедур. Р.К. Мертон выявляет, что формально правильно функционирующий механизм способен систематически производить дисфункциональные для организации последствия [12, с. 106]; М. Вебер

отмечает устойчивую склонность бюрократии превращать средства в цели [7, с. 272]. Второй уровень – субъект управления, преобразующий институциональные требования в конкретные задачи; субъектность же – характеристика состояния исполнителя, и субъект управления может обладать разной ее степенью, хотя его место в системе определяется функцией, а не этим свойством. Согласно М. Арчер, структура и действующий субъект относятся к разным уровням социальной реальности с собственными эмерджентными свойствами [13, с. 15], поэтому каждый управленческий акт не только реализует существующий порядок, но и участвует в его воспроизводстве либо изменении.

Третий, личностный уровень – уровень практического воплощения нормативного порядка. П. Бурдьё обозначает этот механизм понятием *габитуса* – устойчивой системы диспозиций, матрицей восприятия и действия [14, с. 118]; поэтому изменение формальных правил само по себе не меняет практику, поскольку воспроизводятся прежде всего диспозиции, из которых она возникает.

Из трех оснований принудительное внешне по отношению к участнику и характеризует систему организации деятельности; состояние самого участника определяется двумя другими – действием ценностной нормы и наличием профессионального ресурса для самостоятельного суждения. П.С. Сорокин доказывает, что ценностно-нормативный и деятельностно-инициативный компоненты аналитически различимы и сочетаются в разных комбинациях [6, с. 107]. Первую сторону – меру отождествления участника с организационным порядком – обозначим институциональной идентификацией, вторую – способность к самостоятельному действию при недостаточности предписания – профессиональной субъектностью.

Два измерения независимы, если различны порождающие их механизмы: институциональная идентификация складывается в процессе социализации, профессиональная субъектность – в процессе накопления компетентности и опыта самостоятельного действия. Поскольку это разные процессы, изменение одного не влечет изменения другого, и все четыре сочетания реализуемы; П.С. Сорокин и И.Д. Фрумин рассматривают структурную обусловленность поведения и деятельностную самостоятельность как самостоятельные переменные, а не полюса одной шкалы [15, с. 30–32]. Если бы измерения были взаимозависимы, сочетание высокой идентификации с подавленной субъектностью было бы невозможно. В.Л. Примаков, анализируя расхождение формальных и реальных норм, приходит к выводу, что социализация способна формировать двойственную позицию: официальные образцы воспроизводятся внешне, а поведение регулируется неписаными нормами [16, с. 131] – сочетание, невозможное при взаимозависимости измерений, что подтверждает их независимость.

Тип пространства, образуемого этими измерениями, определяется их качественной природой. Институциональная идентификация качественна, поскольку определяется тем, становится ли порядок внутренне обязательным: Э. Дюркгейм противопоставляет принуждение и мораль – «принуждение остается принуждением, даже когда оно принято» [4, с. 94], – то есть различие между внутренней обязательностью и внешним принятием. Профессиональная субъектность имеет иное основание: Э. Эбботт связывает профессиональную юрисдикцию со способностью применять абстрактную схему к непредусмотренному случаю [5, р. 40] – схема либо усвоена как способность порождать решение, либо нет, а частичное овладение позволяет распознать верное решение, но не выработать его самостоятельно. Следовательно, качественный характер субъектности вытекает из природы профессионального суждения, а не по аналогии с идентификацией.

Качественный характер обоих измерений означает, что их сочетание образует конечное число конфигураций, а именно четыре. Первая – высокая институциональная идентификация при развитой профессиональной субъектности: участник разделяет цели организации и способен самостоятельно их достигать, причем средством служит не буквальное следование предписанию, а профессиональное суждение, что позволяет ее обозначить как профессиональное служение.

Вторая конфигурация – высокая идентификация при подавленной субъектности: участник искренне разделяет нормы, но не располагает ресурсом самостоятельного суждения, поэтому его лояльность реализуется в следовании предписанию и оказывается недостаточной там, где оно не дает готового решения. Такое сочетание соответствует нормативному конформизму.

Третья конфигурация – развитая субъектность при ослабленной идентификации: участник способен самостоятельно принимать решения, но цели организации не приобретают для него внутренне обязательный характер. Самостоятельность получает преимущественно профессиональную направленность и реализуется как профессиональная автономия.

Четвертая конфигурация – низкая идентификация при подавленной субъектности: ни цели не воспринимаются как собственные, ни способность к самостоятельному суждению не сформирована, поэтому наиболее рациональной становится стратегия воспроизводства внешних признаков соответствия без содержательного участия. Дж. У. Мейер и Б. Роуэн характеризуют такой разрыв между формальной структурой и деятельностью понятием «расщепление» [17, с. 357]. В рассматриваемом случае этому сочетанию соответствует понятие имитационное исполнение.

Все четыре конфигурации получены как следствие сочетания двух измерений, а их обозначения отражают содержательный смысл соответствующего сочетания. Важно не смешивать вторую и четвертую конфигурации, различающиеся именно наличием или отсутствием институциональной идентификации, что принципиально для анализа режимов управления.

Институционализация субъектности и режимы управления военной организацией

Субъектность не возникает вне управленческой среды: ее воспроизводство предполагает институционализацию – закрепление практик, обеспечивающих ее сохранение независимо от смены участников. Но здесь есть противоречие: институционализация закрепляет устойчивые образцы, а субъектность предполагает действие в непредусмотренных ситуациях. М. Т. Ханнан и Дж. Фриман отмечают, что воспроизводимость структур сопровождается инерцией, из-за которой закрепленные формы продолжают воспроизводиться и после утраты функциональности [18, с. 153]. Противоречие может быть снято, если институционализируется не алгоритм, а принцип построения действий: регуляция предписанием закрепляет готовый способ и недостаточна там, где предписание не содержит ответа, а регуляция пониманием закрепляет принцип, оставляя выбор решения профессиональному суждению. Следовательно, устойчивое воспроизводство субъектности возможно лишь при регуляции через понимание.

Условия устойчивости принципа как регулятора деятельности таковы. Во-первых, принцип должен получить нормативное закрепление в организационных установлениях. Во-вторых, он должен быть усвоен участниками как внутренний ориентир: это различие лежит в основе разграничения Э. Дюркгеймом механической солидарности, основанной на принуждении, и органической, при которой порядок воспроизводится «изнутри каждого из нас» [4, с. 120]. В-третьих, применение принципа должно соотноситься с изменяющимися условиями – иначе закрепленный образец превращается в организационную ригидность, о которой пишут Ханнан и Фриман. В-четвертых, принцип должен подтверждаться всей организационной практикой – кадровыми решениями, поощрениями, оценкой результатов, – иначе он перестает выполнять регулируемую функцию. Дополнительных условий не требуется: прочие механизмы либо обеспечивают закрепление и усвоение принципа, либо относятся к его практическому подтверждению.

Названные условия действуют не изолированно. Согласно институциональной теории, организации одновременно испытывают принудительное, нормативное и подражательное институциональное воздействие, и расхождение этих направлений нарушает согласованность условий институционализации. В рамках предложенной модели из этого следует ожидать, что устойчивое воспроизводство самостоятельности достигается там, где взаимодействие строится вокруг разделяемого понимания задачи, а не вокруг фиксированных процедур, – это согласуется с выводом о большей способности регуляции через понимание поддерживать субъектность.

Ранее были выделены три структурные особенности военной организации как предельного случая иерархии. Настоящая модель не рассматривает их как эмпирически установленный факт применительно к какой-либо конкретной военной организации, а формулирует проверяемое теоретическое следствие: если особенности выражены, каждая сопровождается организационным последствием. Предполагаем, что жесткая иерархическая подотчетность, при которой решения оцениваются по соответствию процедуре, может создавать предпосылки для ритуализма – следования процедуре при утрате ее первоначального назначения; на сходный механизм указывает Р. К. Мертон, анализируя превращение правил из средства в цель деятельности [12, с. 140]. Можно предположить, что асимметрия санкций, при которой риск ошибки превосходит поощрение инициативы, переносит ответственность на высший уровень. Вероятно также, что нормативная закрытость, ограничивающая сопоставление с внешними критериями, повышает значение отчетных показателей и ослабляет корректирующую обратную связь; исследования крупных иерархических организаций связывают замкнутость контуров обратной связи с расхождением между отчетностью и фактическим состоянием системы. Таким об-

разом, каждая структурная особенность предположительно связана с определенным типом дисфункции, что требует самостоятельной эмпирической проверки на материале различных военных организаций.

Предположительно, эти дисфункции воздействуют на разные стороны состояния участника. Ритуализм смещает внимание с содержательной оценки на формальное соответствие процедуре и ослабляет профессиональную субъектность. Уклонение от ответственности закрепляет отказ от самостоятельного решения и также претягивает субъектности, хотя иным механизмом. Управление отчетностью затрагивает институциональную идентификацию: устойчивое расхождение между декларируемым и реальным снижает доверие к порядку как внутреннему регулятору поведения. Дж. У. Мейер и Б. Роуэн рассматривают расщепление формальной структуры и деятельности как рациональную реакцию организации на противоречие требований институциональной среды и практической результативности [17, с. 355]. В. В. Щербина отмечает устойчивое воспроизводство расхождения между провозглашаемыми и реализуемыми ценностями, когда демонстрация формального благополучия предпочтительнее содержательных результатов при сложившейся системе стимулов [2, с. 63]. Следовательно, преодоление дисфункций связано не с добросовестностью участников, а с изменением конфигурации организационных стимулов, охватывающим разные стороны управленческой системы.

Состояние участника определяется тем, какое из трех оснований преобладает. Поскольку их исчерпывающий характер обоснован ранее, выделение трех режимов управления – следствие модели. Первый режим характеризуется преобладанием принудительного основания: социализационное усвоение, рефлексивное усвоение и организационное подтверждение принципов недостаточно развиты или несогласованы, поэтому согласованность поддерживается внешним контролем. В этих условиях формируется имитационное, а не нормативное конформное исполнение: отсутствие внутреннего принятия целей означает отсутствие идентификации, а ориентация на принуждение не создает условий для субъектности – результат режима соответствует четвертой конфигурации. Схожее наблюдение встречается у Г. А. Леера: организация, подготовленная преимущественно регламентами, устойчива в предусмотренных ситуациях, но испытывает затруднения при новых обстоятельствах [9, с. 24] – это можно рассматривать как косвенную иллюстрацию того же эффекта: внешнее соответствие без готовности к самостоятельному действию.

Во втором режиме преобладает нормативное основание: закрепление и социализационное усвоение обеспечивают внутреннее принятие порядка, но условия для самостоятельного суждения недостаточны. Складывается нормативный конформизм – искреннее разделение целей при действии преимущественно в пределах заданных предписаний.

Третий режим основан на согласованном действии нормативного и компетентностного оснований: условия институционализации действуют взаимосвязанно, приверженность целям сочетается со способностью самостоятельно принимать решения. Этому режиму соответствует профессиональное служение.

Между режимами нет жестких границ: организации могут занимать промежуточное положение, а состояния изменяются по мере изменения условий и способны возникать на разных уровнях управления. Так, имитационное исполнение может воспроизводиться и из-за особенностей институционального устройства, и из-за практики непосредственного руководителя при благополучных институциональных условиях, поэтому диагностика должна оценивать каждый уровень отдельно.

Диагностическая процедура требует отдельного обоснования. На институциональном уровне индикатор – соответствие между декларируемыми критериями оценки и тем, что фактически поощряется, устанавливаемое сопоставлением нормативных документов с практикой поощрений и оценки результатов; методически подход опирается на исследования организационной идентификации, разграничивающие ее как самостоятельный конструкт и смежные понятия приверженности и вовлеченности. На уровне субъекта управления индикатор – содержание управленческой задачи: ограничивается ли она передачей распоряжения или включает разъяснение замысла и целей, что устанавливается опросами или интервью исполнителей. На личностном уровне индикатор – характер поведения при недостаточности предписания: опирается ли участник на собственное понимание задачи или ожидает указаний, воспроизводя ближайший доступный образец поведения.

Заключение

Выделенные конфигурации – не статические состояния, а воспроизводимые способы организации деятельности. Отсюда следует первое динамическое свойство модели – различие в способности конфигура-

ций к самоподдержанию. Профессиональное служение самоподдерживается: участник, действующий из разделяемого понимания задачи, своим поведением способствует сохранению институциональных условий устойчивости такого поведения. Имитационное исполнение также воспроизводит собственные основания иным механизмом: поддержание внешнего соответствия способствует сохранению среды, в которой такая стратегия рационально предпочтительна. Нормативный конформизм и профессиональная автономия такой способностью не обладают – их устойчивость требует постоянного сохранения условий, при ослаблении которых они, согласно модели, смещаются к имитационному исполнению.

Отсюда следует второе динамическое свойство модели – асимметрия переходов: смещение к имитационному исполнению происходит быстрее, чем восстановление профессионального служения. Д. Норт заключает, что неформальные ограничения сохраняют действие после изменения формальных правил, поскольку модели поведения меняются медленнее институциональных предписаний [19, с. 99]; поэтому восстановление служения требует длительного согласованного поддержания всех условий институционализации, тогда как предупреждение смещения к имитации может требовать меньших усилий.

Отсюда третье динамическое свойство модели: нормативный конформизм и профессиональная автономия – не устойчивые этапы развития, а состояния, зависящие от непрерывного поддержания условий, поэтому последовательное формирование сначала одного, а затем другого измерения может не обеспечить устойчивого профессионального служения; более согласованной с моделью является их одновременная институционализация.

Полученные результаты позволяют перейти от описания модели к формулированию ее теоретических следствий. Эти следствия представляют собой дедуктивные выводы из построенной модели, а не эмпирически установленные зависимости, и поэтому подлежат самостоятельной проверке.

Первое теоретическое следствие носит организационно-практический характер: системы оценки персонала, использующие единый сводный балл для институциональной идентификации и профессиональной субъектности, размыивают различие их источников и затрудняют адресную коррекцию, поскольку при низкой субъектности и высокой идентификации, а также при обратном сочетании требуются разные управленческие меры, неразличимые в интегральном показателе.

Второе теоретическое следствие уточняет практический вывод из различия в самоподдержании конфигураций: программы подготовки и аттестации, формирующие сначала идентификацию, а затем отдельно субъектность (либо в обратном порядке), рискуют закреплять переходную, а не целевую конфигурацию; институционализация обоих измерений должна проектироваться как единая, а не последовательная практика.

Третье теоретическое следствие касается организации управленческого мониторинга: асимметрия переходов делает точечную, периодическую диагностику малочувствительной к моменту начала смещения, поэтому модель предполагает не разовую оценку состояния, а постоянно действующий контур наблюдения за условиями институционализации.

Четвертое теоретическое следствие касается критерия оценки систем подготовки, наставничества и аттестации: их состоятельность может измеряться не воспроизведением заученного способа действия, а способностью переносить усвоенный принцип на новую, ранее не встречавшуюся ситуацию.

Пятое теоретическое следствие уточняет требование к инструментарию диагностики: поскольку природа расхождения на разных уровнях различна, сведение показателей институционального, управленческого и личностного уровней в единый интегральный индекс методически нежелательно – оно устраняет саму информацию, ради которой процедура строится.

Шестое теоретическое следствие связано с взаимной обусловленностью уровней модели: институциональные основания влияют на управленческие практики, те формируют условия профессионального суждения, а индивидуальные действия становятся фактором последующего воспроизводства либо изменения институциональных оснований. Поэтому объектом анализа и управления выступает не отдельные элементы системы, а механизм их взаимной связи, согласованность которого – одна из предпосылок устойчивого воспроизводства профессионального служения.

Литература

1. Тихонов А.В. Социология управления: вчера, сегодня, завтра (материалы круглого стола) // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 102–113. DOI: 10.7868/S0132162518020113.

2. Щербина В.В. Управление как особый тип регулятивной деятельности. Специфика и признаки социального управления. Часть 1 // Личность. Культура. Общество. 2018. Т. 20. Вып. 1–2 (97–98). С. 104–117.

3. Etzioni A. A Comparative Analysis of Complex Organizations: On Power, Involvement, and Their Correlates. New York: Free Press, 1961. 366 p.

4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1996. 432 с.

5. Abbott A. The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor. Chicago: University of Chicago Press, 1988. 452 p.

6. Сорокин П.С. «Трансформирующая агентность» как предмет социологического анализа: современные дискуссии и роль образования // RUDN Journal of Sociology. 2021. Т. 21, № 1. С. 124–138; Проблема «агентности» через призму новой реальности: состояние и направления развития // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 103–114. DOI: 10.31857/S013216250022927-2.

7. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 1 / пер. с нем. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. 445 с.

8. Suters J. Sociology and the Military: Classical and Contemporary Foundations / пер. с англ. В.В. Белоусова. М.: ВЦИОМ, 2021. 352 с.

9. Леер Г.А. Метод военных наук (стратегия, тактика и военная история). СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1894. 250 с.

10. Драгомиров М.И. Избранные труды: вопросы воспитания и обучения войск. М.: Воениздат, 1956. 687 с.

11. Образцов И.В. Российская военная социология сегодня // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 168–173. DOI: 10.31857/S013216250005806-9; Война как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 141–148.

12. Merton R.K. Social Theory and Social Structure. Glencoe, IL: Free Press, 1957. 702 p.

13. Archer M.S. Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 354 p.

14. Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр. А.Т. Бикбова и др. СПб.: Алетей, 2001. 562 с.

15. Сорокин П.С., Фрумин И.Д. Проблема «структура/действие» в XXI в.: изменения в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 27–36. DOI: 10.31857/S013216250009571-2.

16. Примаков В.Л. Социализация офицера в условиях военной службы: На примере Вооруженных Сил Российской Федерации: дис. ... д-ра социол. наук. М.: Военный университет, 2000. 479 с.

17. Meyer J.W., Rowan B. Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 83, № 2. P. 340–363.

18. Hannan M.T., Freeman J. Structural Inertia and Organizational Change // American Sociological Review. 1984. Vol. 49, № 2. P. 149–164.

19. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 p.

AGENCY AS A FACTOR IN THE MANAGEMENT OF A MILITARY ORGANIZATION

Poplyovkin N.P.

Prince Alexander Nevsky Military University» of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article constructs a theoretical model of agency as a factor of management in a military organization, addressing the gap between the extensive empirical material of the Russian military-sociological tradition and its institutional-theoretical elaboration, as well as the ambiguity of the concept of «agency» itself. The methodological basis combines institutional and activity-based approaches, the sociology of professions, and structural-functional analysis, drawing on works by A. Etzioni, E. Durkheim, A. Abbott, M. Weber, R. Merton, P. Bourdieu, M. Archer, and P. Sorokin. The study distinguishes institutional identification and professional agency as two independent dimensions of a participant's state, proposes a typology of four configurations (professional service, normative conformism, professional autonomy, simulated performance), and develops a three-level model of the institutionalization of agency with a diagnostic procedure. The novelty lies in distinguishing coercive, normative, and competence-based grounds of managerial coordination and deriving management regimes for a military organization from their combination.

Keywords: agency; military organization; institutional identification; professional agency; organizational management; institutionalization.

References

1. Tikhonov A.V. Sociology of management: yesterday, today, tomorrow (round table materials). Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies, 2018, № 2, pp. 102–113. (In Russian). DOI: 10.7868/S0132162518020113.

2. Shcherbina V.V. Management as a special type of regulatory activity. Specifics and features of social management. Part 1. Lichnost'. Kul'tura. Obschestvo = Personality. Society, 2018, vol. 20, iss. 1–2 (97–98), pp. 104–117. (In Russian).

3. Etzioni A. A Comparative Analysis of Complex Organizations: On Power, Involvement, and Their Correlates. New York, Free Press, 1961. 366 p.
4. Durkheim E. De la division du travail social [The Division of Labour in Society]. Moscow, Kanon Publ., 1996. 432 p. (Russ. ed.).
5. Abbott A. The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor. Chicago, University of Chicago Press, 1988. 452 p.
6. Sorokin P.S. «Transformative agency» as a subject of sociological analysis: current debates and the role of education. RUDN Journal of Sociology, 2021, vol. 21, № 1, pp. 124–138. (In Russian); Sorokin P.S. The problem of «agency» through the lens of the new reality: state and directions of development. Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies, 2023, № 3, pp. 103–114. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250022927-2.
7. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft [Economy and Society]. Vol. I. Moscow, HSE Publishing House, 2016. 445 p. (Russ. ed.).
8. Suters J. Sociology and the Military: Classical and Contemporary Foundations. Moscow, VTsIOM Publ., 2021. 352 p. (Russ. ed.).
9. Leer G.A. Metod voennykh nauk (strategiya, taktika i voennaya istoriya) [Method of Military Sciences (Strategy, Tactics and Military History)]. St. Petersburg, Stasyulevich Publ., 1894. 250 p. (In Russian).
10. Dragomirov M.I. Izbrannye trudy: voprosy vospitaniya i obucheniya voisk [Selected Works: Issues of Education and Training of Troops]. Moscow, Voenizdat Publ., 1956. 687 p. (In Russian).
11. Obratsov I.V. Russian military sociology today. Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies, 2019, № 7, pp. 168–173. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250005806-9; Obratsov I.V. War as an object of sociological analysis. Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies, 2020, № 10, pp. 141–148. (In Russian).
12. Merton R.K. Social Theory and Social Structure. Glencoe, IL, Free Press, 1957. 702 p.
13. Archer M.S. Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach. Cambridge, Cambridge University Press, 1995. 354 p.
14. Bourdieu P. Le sens pratique [Practical Reason]. St. Petersburg, Aletya Publ., 2001. 562 p. (Russ. ed.).
15. Sorokin P.S., Frumin I.D. The «structure/agency» problem in the 21st century: changes in social reality and implications for the research agenda. Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies, 2020, № 7, pp. 27–36. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250009571-2.
16. Primakov V.L. Sotsializatsiya ofitsera v usloviyakh voennoi sluzhby: Na primere Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii [Socialization of an officer in military service: The case of the Armed Forces of the Russian Federation]. Dr. Sci. (Sociology) Diss. Moscow, Military University, 2000. 479 p. (In Russian).
17. Meyer J.W., Rowan B. Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony. American Journal of Sociology, 1977, vol. 83, № 2, pp. 340–363.
18. Hannan M.T., Freeman J. Structural inertia and organizational change. American Sociological Review, 1984, vol. 49, № 2, pp. 149–164.
19. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 152 p.

Рамазанов Рашид Омариевич,

кандидат политических наук, старший научный сотрудник,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
E-mail: rashram@yandex.ru

В статье анализируется коррупция как социальное явление и показан образ коррупционера в восприятии дагестанского населения. Республика, которую сотрясают коррупционные скандалы, в общественном сознании населения воспринимается исключительно в негативном ключе и основания для этого имеются. Отсутствие прозрачности во многих социальных сферах изначально способствует возникновению коррупционной схемы. На основе полученного эмпирического материала можно утверждать, что в общественном сознании опрошенного дагестанского населения четко сформировался образ коррупционера как человека совершающего противоправные действия, с негативными индивидуальными качествами. Опрошенное дагестанское население демонстрирует неприятие коррупции как социального явления, соответственно, и коррупционера, поэтому имеет место доминирование его отрицательных характеристик. Вместе с тем, респонденты рассматривают коррупционера как «обычного человека», который пытается воспользоваться своим социальным положением для улучшения личного благосостояния. Кроме того, при характеристике коррупционера респонденты подчеркивают наличие у него определенных умственных качеств позволяющих относительно безопасно участвовать в коррупционном действии. Мотивацией предпочтения государственной службы являются стабильность, социальные гарантии и приобретение нужных связей. Аналитический материал констатирует негативное отношение дагестанского населения не только к коррупционеру, но и к тому, кто дает взятки.

Ключевые слова: коррупция, коррупционер, образ коррупционера, личные качества, коррупционные действия, дагестанское население.

Введение

В современном российском, в том числе и дагестанском обществе изучение коррупции обусловлено ее актуальностью, масштабами распространения, более того, отсутствием иммунитета против нее. В чем основа существования, более того, и увеличения масштабов коррупции? – вопрос, который активно обсуждается в научной литературе, но дать на него однозначный ответ не получается по целому ряду причин. Среди множества факторов появления и развития коррупции, ее глубокого проникновения в социальные сферы лежат не только социально-экономические, но и психологические причины, порой человек сам «провоцирует» должностное лицо на коррупционное действие, причем форма взятки может быть различной от денежного вознаграждения до подарков. Можно утверждать, что в общественном сознании сложилась своеобразная практика «благодарить» человека, от которого другой человек чувствует свою «зависимость». Кроме того, в поведении человека имеет место желание в кратчайший срок решить свою проблему, что также порождает коррупционную составляющую. Однако возникает вполне закономерный вопрос «Как рассматривать подарок другому человеку, независимо от того знакомый или незнакомый, если такая инициатива исходит от дарителя?» и можно ли считать данный поступок проявлением коррупционного деяния. Невозможность классификации таких действий и не позволяет однозначно характеризовать любое взаимоотношение между тем, кто дает и принимает вознаграждение в различных формах (деньги, украшения, бытовые предметы и т.д.). В данном случае, автор исходит из того, что искреннее желание одного человека отблагодарить другого при отсутствии вымогательства, должно интерпретироваться с учетом различных обстоятельств. Вместе с тем, можно согласиться с утверждением, что «в массовом сознании российского населения преобладает особое отношение к коррупции, которое отличают толерантность, система двойных стандартов и, что примечательно, осуждение не самих актов коррупции, а запредельных размеров взяток, «непропорциональных» должности» [6, с. 15].

Разумеется, в России приняты законодательные акты, направленные на снижение коррупции, но способствуют ли они эффективной борьбе и получению нужного результата? – вопрос остается открытым. При исследовании коррупции, ее природы и причин распространения своего исследования требует и образ коррупционера, то есть каким его видит обыватель. Данный аспект был затронут в авторском опросе.

Эмпирическая часть исследования

Массовый опрос по изучению образа коррупционера в восприятии дагестанского населения проведен в гг. Махачкала, Дербент, Кизляр, Ботлихском, Дербентском, Лакском, Кайтагском и Хасавюртовском районах Республики Дагестан. N = 731. Распределение по социально-демографическим параметрам: а) пол: мужчины – 352 чел. (48,1%), женщины – 379 чел. (51,9%); б) возраст: 18–35 лет – 269 чел. (36,9%), 36–65 лет – 253 чел. (34,5%), пенсионеры по возрасту – 209 чел. (28,6%); в) образование: среднее – 281 чел. (38,4%), среднее специальное – 232 чел. (31,7%), высшее – 218 чел. (29,9%).

Результаты обсуждения

Кто такой коррупционер и какими личностными качествами он обладает? – вопрос является ключевым в авторском исследовании. Образ коррупционера активно обсуждается в научной литературе, в частности, в публикациях И.В. Девятовской и Э.Э. Сыманюк [1], Р.О. Долотова [2], А.А. Максименко, О.С. Дейнека, Д.В. Крыловой [5], А.Н. Пинчук и Д.А. Тихомирова [6], М.Ю. Попова [7], Г.Л. Сатарова [8], А.И. Сидорова [9], Е.П. Тавокина [10], Л.В. Уваровой [11] и др.

Прежде чем перейти к изложению эмпирического материала, необходимо отметить, что в российском обществе сформировалась «культура коррупции», которая заключается в том, что «весьма размыты границы между собственно взяткой и благодарностью. Еще с советских времен принято считать, что некоторые виды услуг предполагают благодарность (причем не в устной, а в товарно-денежной форме) в качестве само собой разумеющейся, несмотря на то что лица, оказывающие такие услуги, должны безвозмездно делать это в силу своих служебных обязанностей. Так, считается неприличным прийти к врачу и не подарить ему коробку конфет (или алкогольный напиток, если врач мужского пола). Любопытно, что и подношения день-

гами, например, тем же врачам, как правило, осуществляются добровольно, без какого-либо принуждения и вымогательства с их стороны, просто потому что «так принято» [3, с. 14]. В этой связи научный интерес представляет определение, которое дают респонденты коррупционеру. Результаты на вопрос «Коррупционер – это ...» показывают, что, по мнению 38,5% опрошенного дагестанского населения, «коррупционер – это тот, кто использует свой пост в корыстных целях». По социально-демографическому срезу ответы распределились следующим образом: 21,4% в разрезе 15–35 лет, 50,5% 36–60 лет, 30,7% старше 60 лет, 46,8% со средним, 34,7% средним специальным, 39,5% высшим образованием. Суждение «коррупционер – это тот, кто дает взятку и тот кто берет взятку (оба)» отмечено 29,8% по всему массиву, среди них 40,1% в интервале 15–35 лет, 28,9% 36–60 лет, 14,7% старше 60 лет, 27,7% имеющие среднее, 29,0% среднее специальное, 31,1% высшее образование. Заметно меньшая доля респондентов коррупционером считает того, кто «взимает взятки с других с целью решить какой-то вопрос» и того, «кто отдает взятку другому человеку и провоцирует коррупционное действие» – 15,1% и 11,2%, соответственно. Процентный показатель отметивших вариант ответа «коррупционер тот, кто берет взятку с других с целью решить какой-то вопрос» повышается с возрастом с 9,4% в подмассиве 15–35 лет до 22,7% 36–60 лет, по образованию выделяется подгруппа со средним специальным образованием (19,9%). Позиция «коррупционер тот, кто отдает взятку другому человеку и провоцирует коррупционное действие» уменьшается с повышением возраста респондентов с 17,9% 15–35 лет до 5,3% 36–60 лет и увеличивается с образовательным статусом с 6,4% со средним до 11,1% с высшим образованием. Вместе с тем, 6,1% опрошенных коррупционером считают только того, кто берет взятку, таковых, в сопоставлении, больше в подгруппе старше 60 лет (21,3%). И статистически незначимая доля коррупционером считает того, кто дает взятку (2,2%).

В авторском исследовании был задан вопрос, позволяющий получить информацию о существующей в общественном сознании опрошенного дагестанского населения характеристике коррупционера (рис. 1).

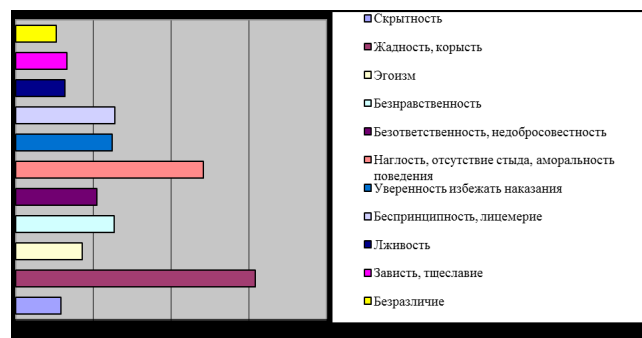

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, какие качества присущи коррупционеру?» (можно отметить несколько вариантов ответов, %)

Прежде чем перейти к изложению эмпирического материала, необходимо отметить, что автор придерживается предложенного Л.В. Уваровой психологического портрета коррупционера: «1. скрытая агрессия; 2. общение с небольшим кругом людей (при этом он очень осторожен при установлении близких отношений); 3. цинизм; 4. толерантность к коррупции; 5. ложное самоутверждение (через богатство, славу, власть)» [11, с. 125]. Результаты опроса показывают, что, по мнению 61,7% опрошенных, коррупционеру присущи «жадность, корысть», доля таковых уменьшается с возрастом и уровнем образования с 65,8% в интервале 15–35 лет до 52,0% старше 60 лет, с 63,8% имеющих среднее образование до 58,9% с высшим образованием. На «наглость и отсутствие стыда, аморальность поведения» указывают 48,3% опрошенных по всему массиву, среди них 64,1% в разрезе 15–35 лет, 37,6% 36–60 лет, 54,7% старше 60 лет, 23,4% со средним, 54,5% средним специальным и 47,9% высшим образованием. Позиция «беспринципность, лицемерие» отмечена 25,6% респондентов, с разницей в сотые «безнравственность» подчеркнули 25,4% респондентов. Еще одним качеством коррупционера одна четвертая часть опрошенного дагестанского населения считает «уверенность избежать наказания» и, по мнению автора, данная точка зрения лежит в основе коррупции, в целом. Далее, 21,0% респондентов качеством коррупционера считают «безответственность, недобросовестность», социально-демографический срез показывает уменьшение процента таковых с возрастом при одновременном повышении с уровнем образования – с 25,6% в интервале 15–35 лет до 20,0% старше 60 лет, с 19,1% имеющих среднее образование до 25,3% с высшим образова-

нием. При этом 17,1% респондентов указали на «эгоизм», 13,2% подчеркнули «зависть, тщеславие», 12,7% отметили «лживость», 11,7% «скрытность» и 10,5% «безразличие».

Далее, в исследовании был задан «контрольный вопрос», позволяющий получить более глубокую информацию (рис. 2).

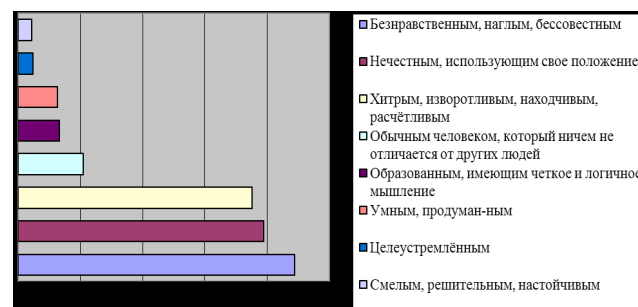

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Лично Вы каким представляете коррупционера?» (можно отметить несколько вариантов ответов, %)

В массовом сознании 44,4% опрошенного дагестанского населения доминирует суждение, характеризующее коррупционера как «безнравственного, наглого, бессовестного человека», среди них 44,4% в интервале 15–35 лет, 41,3% 36–60 лет, 53,3% старше 60 лет, 46,8% со средним, 40,3% средним специальным и 46,8% высшим образованием. При этом 39,5% респондентов на личностном уровне воспринимают коррупционера как «нечестного, использующего свое положение», по социально-демографическим признакам 42,7% в разрезе 15–35 лет, 39,4% 36–60 лет, 34,7% старше 60 лет, 46,8% имеющих среднее, 40,3% среднее специальное и 46,8% высшее образование. Суждение «хитрый, изворотливый, находчивый, расчётливый» отмечено 37,6% респондентов по всему массиву, из них 36,8% в подгруппе 15–35 лет, 34,9% 36–60 лет, 46,7% старше 60 лет, 19,1% со средним, 41,5% средним специальным и 37,4% высшим образованием. Позиция «обычным человеком, который ничем не отличается от других людей» ближе 10,5% опрошенных, внутригрупповой анализ показывает доминирование отметивших ее в подмассиве 36–60 лет (12,8%) и имеющих среднее специальное образование (11,4%). «Позитивные» качества коррупционеров, в частности, «смелый, решительный, настойчивый», «целеустремлённый», «обладающий смекалкой, ловким», «умный, продуманный», «образованный, имеющий четкое и логичное мышление» отмечены 2,2%, 2,4%, 4,6%, 6,3%, 6,6%, соответственно.

В рамках исследования образа коррупционера важным является характеристика эмоционального самочувствия коррупционера (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, какие чувства испытывает коррупционер?» (%)

Результаты опроса показывают лидерство суждения «удовлетворенность, что смог решить свои проблемы» разделяемое 40,5% респондентов по всему массиву, среди них 41,9% в интервале 15–35 лет, 44,0% 36–60 лет, 28,0% старше 60 лет, 36,2% со средним, 44,9% средним специальным и 37,4% высшим образованием. Второе место занимает вариант ответа «радость, что добился своего» (29,3%); с возрастом и образованием увеличивается доля придерживающихся данной позиции с 16,2% в подгруппе 15–35 лет до 45,3% старше 60 лет, с 25,5% со средним образованием до 31,1% с высшим образованием. По мнению 27,6% респондентов, коррупционер испытывает «страх, что могут поймать», ответы по социально-демографическим параметрам распределились следующим образом: 15,4% в интервале 15–35 лет, 29,8% 36–60 лет, 40,0% старше 60 лет, 42,6% со средним, 32,4% средним специальным и 20,0% высшим образованием. Вместе с тем, 22,9% опрошенных считают, что коррупционер «ничего не испытывает», с возрастом и образованием процент таковых уменьшается с 28,2% в подгруппе 15–35 лет до 2,7% старше 60 лет, с 34,0% со средним

образованием до 24,2% с высшим образованием. Суждения «стыд, смущение, ненависть к самому себе», «отвращение, что по-другому нельзя», «раскаяние, угрызение совести, что нарушил закон и свои должностные обязанности», «гнев, что его вынудили брать взятку», «унижение, презрение к себе», «опустошенность, растерянность» отмечены статистически незначимой частью респондентов – 3,7%, 3,4%, 2,9%, 2,2%, 1,5%, 1,2%, соответственно.

Рассмотрение образа коррупционера требует установления отношения к коррупционеру. Эмпирика на вопрос «Как Вы относитесь к человеку, который берет и дает взятку?» показывает лидирование суждения осуждающего как самого коррупционера, так и того кто дает взятку – 54,4% по всему массиву, среди них 52,1% в подмассиве 15–35 лет, 48,2% 36–60 лет, 76,0% старше 60 лет, 34,0% со средним, 50,0% средним специальным и 63,2% высшим образованием. Второе ранговое место занимает суждение осуждающего того, кто берет взятку, то есть коррупционера – 29,3% по всему массиву, 22,2% в интервале 15–35 лет, 40,4% 36–60 лет, 8,0% старше 60 лет, 42,6% имеющие среднее, 33,0% среднее специальное и 23,2% высшим образованием. Вместе с тем, 11,1% респондентов безразличны к обоим – «тот, кто берет и тот, кто дает взятку», по возрасту 13,7% в разрезе 15–35 лет, 9,2% 36–60 лет, 13,3% старше 60 лет, 23,4% со средним, 12,5% средним специальным и 6,8% высшим образованием. Всего 2,7% «осуждают того, кто дает взятку».

Как правило, субъектом коррупционных действий выступает должностное лицо, которое обладает властью и влиянием, следовательно, «уверено» в избегании наказания. Иными словами, «анализируя феномен коррупции, можно заметить, что, несмотря на множество коррупционных схем, от незатейливо примитивных до самых изощренных, они практически всегда содержат, по крайней мере, одно общее звено – чиновника, наделенного определенным уровнем исполнительной власти. При этом неважно, государственный это чиновник или муниципальный, главное чтобы он обладал властью. Беря взятку, чиновник, по сути, конвертирует свои властные полномочия в деньги. Происходит монетизация властных отношений» [10, с. 89]. В исследовании образа коррупционера был задан вопрос, позволяющий выяснить причины работы на государственной службе (рис. 4).

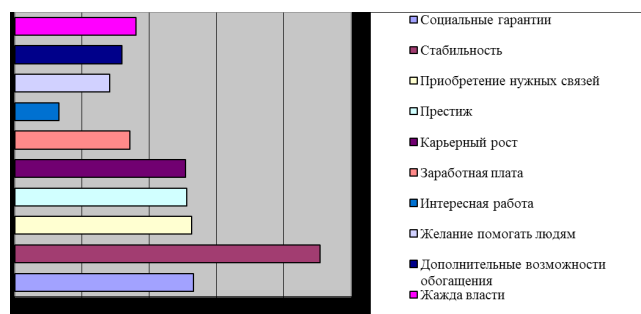

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, каковы мотивы поступления на государственную службу?» (%)

По мнению 45,4% респондентов, основной причиной поступления на государственную службу является «стабильность», причем доля придерживающихся данной позиции увеличивается с возрастом и образованием с 38,5% в подмассиве 15–35 лет до 58,7% старше 60 лет, с 25,5% со средним образованием до 49,5% с высшим образованием. Вариант ответа «социальные гарантии» отмечен 26,6% по всему массиву, среди них 19,7% в интервале 15–35 лет, 29,4% 36–60 лет, 29,3% старше 60 лет, 21,3% со средним, 29,0% средним специальным и 26,3% высшим образованием. Далее, «приобретение нужных связей» подчеркивают 26,3% опрошенных, внутригрупповой анализ показывает доминирование таковых в возрастной подгруппе 15–35 лет (37,6%) и подмассиве со средним специальным образованием (32,4%). Для 25,6% респондентов важны «престиж» (25,6%) и «карьерный рост» (25,4%). Выбравших важность карьеры увеличивает с возрастом и образованием с 18,8% в подгруппе 15–35 лет до 29,3% старше 60 лет, с 23,4% со средним образованием до 29,0% со средним специальным образованием. Жажда власти лежит в основе стремления стать госслужащим, по утверждению 18,0% опрошенных, 17,1% указывают на возможность иметь хорошую зарплату, 15,9% как «дополнительные возможности обогащения», 14,1% «желание помогать людям» и всего 6,6% придерживаются мнения «интересная работа». Несмотря на существование определенного скептицизма при объяснении мотивации работать на государственной работе, имеет место и стремление чиновника решить проблемы населения. К сожалению, в обществе преобладает больше негативного восприятия чиновника как бездушного и безответственного, коррумпированного и пресле-

дующего личную выгоду. И основания для этого имеются – коррупционные скандалы, которые освещают СМИ, масштаб самой коррупции, закономерно способствует формированию отрицательного образа госслужащего.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что в массовом сознании опрошенного дагестанского населения сложился образ коррупционера обладающего исключительно негативными качествами, преследующего цель личного обогащения при полном игнорировании морально-нравственных правил. В массовом сознании респондентов наблюдается существование неприязненного отношения к коррупционеру, следовательно, желание наделить его исключительно отрицательными характеристиками. В эмоциональном самочувствии коррупционера респонденты усматривают превалирование чувства удовлетворенности и «радости» при существовании страха быть разоблаченным и понести наказание за участие в противоправной коррупционной схеме. Эмпирический материал констатирует очень низкие проценты параметры, показывающие чувства стыда, отвращения, гнева, негативного отношения к себе за свое поведение, которые, по мнению респондентов, характерны коррупционеру. Обращает на себя внимание, что одна десятая часть респондентов придерживается позиции об отсутствии какой-либо реакции у коррупционера. Важным является существование отрицательного отношения как к коррупционеру, так и тому кто дает взятку и данное обстоятельство позволяет надеяться на повышение правового сознания и нежелание стать субъектом коррупционного действия.

Литература

1. Devyatovskaya I.V., Symanyuk E.E. Psychological predictors of individual corruption behavior and their correction. Pedagogical education in Russia. 2014. № 8. pp. 205–208.
2. Dolotov R.O. Prerequisites for the formation of anti-corruption motivation of behavior. Actual problems of economics and law. 2011. № 4(20). pp. 42–44.
3. Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. Psychological factors of corruption. Applied legal psychology. 2012. № 1. pp. 8–21.
4. Lyskov B.D., Kurbatova T.N. The concept of the personality of a criminal//Legal psychology / Comp. and total. Ed. T.N. Kurbatova. St. Petersburg: Peter, 2001. pp. 74–91.
5. Maksimenko A.A., Deineka O.S., Krylova D.V. Ethical and psychological portrait of a Russian corrupt official. National Psychological Journal. 2020. № 4 (40). pp. 31–47. doi:10.11621/npj.2020.0403
6. Pinchuk A.N., Tikhomirov D.A. The image of a corrupt official in the perception of Russian youth: the use of the method of unfinished sentences. Bulletin of the Institute of Sociology. 2019. № 29. pp. 12–27. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.573>.
7. Popov M. Yu. Civil society institutions against corruption. Historical and socio-educational thought. 2010. № 2. pp. 24–31.
8. Satarov G.L. Corruption relations: agency model and related approaches. Social sciences and modernity. 2004. № 2. pp. 60–69.
9. Sidorov A.I. Corruption: both diagnosis and sentence. Sociological research. 2008. № 2. pp. 111–117.
10. Tavokin E.P. Russian corrupt official in the sociological dimension. Public opinion monitoring. 2014. № 2(120). pp. 87–95. DOI: 10.14515/monitoring.2014.1.08.
11. Uvarova L.V. Methodology for assessing anti-corruption resistance in the professional psychological selection of candidates for judicial positions//International Research Journal. 2013. // URL: <http://research-journal.org/featured/metodikaocenki-antikorrupcionnoj-ustojchivosti-pri-professionalnom-psixologicheskome-otborekandidatov-na-dolzhnosti-sudej> (дата обращения: 11.04.2026).

THE IMAGE OF A CORRUPTION IN THE MASS CONSCIOUSNESS OF THE DAGESTAN POPULATION

Ramazanov R.O.
Dagestan Federal Research Center

The article analyzes corruption as a social phenomenon and shows the image of a corrupt official in the perception of the Dagestani population. The republic, which is shaken by corruption scandals, is perceived exclusively in a negative way in the public consciousness of the population, and there are grounds for this. The lack of transparency in many social spheres initially contributes to the emergence of a corruption scheme. Based on the empirical material obtained, it can be argued that in the public consciousness of the Dagestani population surveyed, the image of a corrupt official as a person committing illegal acts with negative individual qualities has clearly formed. The Dagestani population surveyed demonstrates an aversion to corruption as a social phenomenon, and, accordingly, to corruption, which is why its negative characteristics predominate. At the same time, respondents view a corrupt official as an «ordinary person» who tries to take advantage of his social

position to improve his personal well-being. In addition, when describing a corrupt official, respondents emphasize that he has certain mental qualities that make it relatively safe to participate in a corrupt act. The motivation for preferring public service is stability, social guarantees and the acquisition of the necessary connections. The analytical material states that the Dagestani population has a negative attitude not only towards corrupt officials, but also towards those who give bribes.

Keywords: corruption, corrupt official, image of a corrupt official, personal qualities, corrupt actions, Dagestani population.

References

1. Devyatovskaya I.V., Symanyuk E.E. Psychological predictors of individual corruption behavior and their correction. *Pedagogical education in Russia*. 2014. № 8. pp. 205–208.
2. Dolotov R.O. Prerequisites for the formation of anti-corruption motivation of behavior. *Actual problems of economics and law*. 2011. № 4(20). pp. 42–44.
3. Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. Psychological factors of corruption. *Applied legal psychology*. 2012. № 1. pp. 8–21.
4. Lyskov B.D., Kurbatova T.N. The concept of the personality of a criminal//*Legal psychology/Comp. and total*. Ed. T.N. Kurbatova. St. Petersburg: Peter, 2001. pp. 74–91.
5. Maksimenko A.A., Deineka O.S., Krylova D.V. Ethical and psychological portraiture of a Russian corrupt official. *National Psychological Journal*. 2020. № 4 (40). pp. 31–47. doi:10.11621/npj.2020.0403
6. Pinchuk A.N., Tikhomirov D.A. The image of a corrupt official in the perception of Russian youth: the use of the method of unfinished sentences. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2019. № 29. pp. 12–27. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.573>.
7. Popov M. Yu. Civil society institutions against corruption. *Historical and socio-educational thought*. 2010. № 2. pp. 24–31.
8. Satarov G.L. Corruption relations: agency model and related approaches. *Social sciences and modernity*. 2004. № 2. pp. 60–69.
9. Sidorov A.I. Corruption: both diagnosis and sentence. *Sociological research*. 2008. № 2. pp. 111–117.
10. Tavokin E.P. Russian official corrupt in the sociological dimension. *Public monitoring opinion*. 2014. № 2(120). pp. 87–95. DOI: 10.14515/monitoring.2014.1.08.
11. Uvarova L.V. Methodology for assessing anti-corruption resistance in the professional psychological selection of candidates for judicial positions//*International Research Journal*. 2013. // URL: <http://research-journal.org/featured/metodikaocenki-antikorruptcionnoj-ustojchivosti-pri-professionalnom-psixologicheskomborekandidatov-na-dolzhnosti-sudej> (access date: 04/11/2026).

Педагогические условия формирования управленческой компетентности будущих педагогов дошкольного образования на среднем этапе вузовской подготовки

Реутова Анна Витальевна,

ассистент высшей школы теории и методики педагогического и дефектологического образования, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»
E-mail: 013457@togudv.ru

В статье рассматривается проблема формирования управленческой компетентности будущих педагогов дошкольного образования на среднем этапе вузовской подготовки. Актуальность исследования обусловлена тем, что современный педагог дошкольной образовательной организации включён не только в непосредственное взаимодействие с детьми, но и в планирование образовательного процесса, координацию деятельности участников, коммуникацию с родителями, анализ результатов и принятие решений в ситуациях неопределённости. Цель исследования состоит в теоретическом обосновании и описании педагогических условий формирования управленческой компетентности студентов 2 и 3 курсов очного отделения профиля «Дошкольное образование». Методологическую основу составили компетентностный, деятельностный, системный, личностно ориентированный и контекстный подходы. Эмпирическая часть включает констатирующую диагностику 90 студентов, распределённых на три группы по 30 человек. Использованы стандартизированное наблюдение, анкетирование, решение управленческих кейсов, экспертное интервью с руководителями дошкольных образовательных организаций и анализ продуктов деятельности. Установлено, что у студентов 2 курса управленческая компетентность находится преимущественно на низком уровне, а у студентов 3 курса наблюдается лишь фрагментарное повышение показателей. Наиболее выраженные дефициты выявлены в организационно-планировочном и лидерском компонентах. Обоснована необходимость введения специализированного учебного модуля, применения кейс-метода, проектной работы, наставничества и рефлексивной оценки управленческих действий студентов.

Ключевые слова: управленческая компетентность, дошкольное образование, будущий педагог, педагогические условия, профессиональная подготовка, кейс-метод, педагогическая практика.

Введение

Профессиональная подготовка будущих педагогов дошкольного образования в современных условиях не может ограничиваться овладением методиками работы с детьми дошкольного возраста. Практика деятельности дошкольных образовательных организаций показывает, что педагог включён не только в непосредственное взаимодействие с воспитанниками, но и в планирование образовательного процесса, координацию совместной деятельности, коммуникацию с родителями, участие в проектировании развивающей среды, анализ результатов и принятие решений в ситуациях неопределённости. В связи с этим управленческая компетентность будущего педагога дошкольного образования должна рассматриваться не как характеристика исключительно руководителя дошкольной образовательной организации, а как компонент профессиональной готовности специалиста, способного организовывать педагогическую деятельность на уровне группы, микроколлектива и образовательного проекта.

В отечественной педагогической литературе проблема компетентностной подготовки будущих педагогов раскрывается через взаимосвязь универсальных, общепрофессиональных и профильных компетенций. Т.В. Богуцкая и Н.П. Сазонова подчёркивают, что формирование профессиональных компетенций будущих педагогов дошкольного и начального образования требует управляемой последовательности образовательных воздействий, включающей мотивационный, психолого-педагогический и профильный блоки подготовки [1]. Этот подход важен для настоящего исследования, поскольку управленческая составляющая профессиональной подготовки не может быть сформирована стихийно: она требует включения в содержание дисциплин, самостоятельную работу, проектную деятельность и педагогическую практику.

Особую значимость проблема приобретает на среднем этапе вузовской подготовки, то есть у студентов 2 и 3 курсов очного отделения. В этот период происходит переход от общего представления о профессии к первому устойчивому опыту педагогической практики. На 2 курсе студенты осваивают базовые психолого-педагогические дисциплины и впервые сталкиваются с необходимостью организовывать собственную деятельность в условиях практики. На 3 курсе возрастает доля методических дисциплин, проектных заданий и участия в организации образовательных мероприятий. Однако сам факт перехода от 2 к 3 курсу не гарантирует становления управленческой компетентности: студент может быть готов к проведению отдельного занятия, но испытывать затруднения при планировании, распределении обязанностей, координации действий и принятии решений.

Анализ исследовательских материалов показывает, что управленческая компетентность будущего педагога дошкольного образования представляет собой интегративное качество личности, включающее способность к планированию, организации, координации, контролю и анализу педагогической деятельности, а также к принятию решений в стандартных и нестандартных ситуациях. В модели управленческих компетенций R. Hogan и R. Warrenfeltz выделяются четыре домена: интраперсональный, интерперсональный, организационный и лидерский [11]. Эта логика позволяет конкретизировать структуру управленческой компетентности применительно к студентам дошкольного профиля и избежать её декларативного описания.

Методологическую основу исследования составили компетентностный, деятельностный, системный, личностно ориентированный и контекстный подходы. Компетентностный подход позволил определить управленческую компетентность как интегративный результат подготовки, проявляющийся в способности применять знания, умения, опыт и личностные качества при решении организационно-педагогических задач. Деятельностный подход использовался для обоснования необходимости включения студентов в практико-ориентированные задания: анализ ситуаций, планирование мероприятий, распределение ролей, моделирование управленческого общения. Системный подход позволил рассмотреть формирование компетентности как совокупность взаимосвязанных компонентов. Личностно ориентированный подход обеспечивал учёт индивидуальных затруднений студентов, уровня их самостоятельности и готовности к ответственности.

Контекстный подход значим для исследования потому, что управленческие действия будущего педагога формируются не в отвлечённой учебной ситуации, а в условиях, приближенных к профессиональной реальности дошкольной образовательной организации. Идеи контекстного обучения А.А. Вербицкого позволяют рассматривать кейсы, ролевые ситуации и педагогическую практику как формы перехода от учебной деятельности к профессиональной [5]. В этой логике управленческая компетентность развивается не через передачу сведений об управлении, а через последовательное включение студента в ситуации выбора, ответственности, взаимодействия и анализа последствий принятого решения.

В структуре управленческой компетентности будущего педагога дошкольного образования были выделены четыре взаимосвязанных компонента. Интраперсональный компонент включает эмоциональную устойчивость, ответственность, готовность принимать решения и анализировать их последствия. Интерперсональный компонент связан с профессиональной коммуникацией, аргументацией, активным слушанием, урегулированием разногласий и поддержанием конструктивных отношений. Организационно-планировочный компонент включает постановку целей, распределение ресурсов, планирование образовательных мероприятий, контроль исполнения и корректировку действий. Лидерский компонент раскрывается через инициативность, влияние на группу, мотивацию участников совместной деятельности и поддержку развития команды.

Эмпирическая часть исследования была построена на материалах констатирующего этапа, проведённого среди студентов очного отделения направления «Педагогическое образование», профиль «Дошкольное образование». В исследовании приняли участие 90 студентов 2 и 3 курсов, распределённых на три группы: ЭГ1, ЭГ2 и КГ по 30 человек. Диагностика проводилась до начала формирующего воздействия и была направлена на выявление исходного уровня сформированности управленческой компетентности.

Критериями оценки выступали: мотивационно-ценностный критерий, отражающий отношение студента к управленческой деятельности как части профессии; когнитивно-аналитический критерий, характеризующий понимание функций планирования, организации, координации и контроля; операционно-деятельностный критерий, позволяющий оценить способность применять управленческие действия в учебно-профессиональных ситуациях; рефлексивно-регулятивный критерий, связанный с анализом собственных решений, эмоциональной устойчивостью и готовностью к коррекции.

На констатирующем этапе исследования была проведена диагностика исходного уровня сформированности управленческой компетентности студентов 2 и 3 курсов. Сочетание пяти диагностических процедур позволило сопоставить самооценку студентов, внешнюю экспертную оценку и фактические проявления управленческих действий в учебно-профессиональной деятельности (табл. 1).

Таблица 1. Диагностические методики и оцениваемые показатели управленческой компетентности студентов

Диагностическая процедура	Авторская методика / основание	Оцениваемые компоненты	Оцениваемые показатели	Форма количественной фиксации
Анкетирование	Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ); методика КОС-2 В.В. Синявского и Б.А. Федоришина; адаптированные положения survey tool E. Cross, M. Dobson, J.S. Brooks	Интраперсональный, интерперсональный, организационно-планировочный, лидерский	Планирование, саморегуляция, гибкость, самостоятельность, коммуникативные и организаторские склонности, лидерская готовность	Средний нормированный балл по блокам анкеты: 0–3
Решение управленческих кейсов	Авторский банк из 8 управленческих кейсов, разработанный на основе модели R. Hogan и R. Warrenfeltz, исследований H. Savluk и соавт., V. Kishnir	Когнитивно-аналитический, организационно-планировочный, лидерский	Анализ ситуации, выбор решения, аргументация, учёт участников, прогноз последствий, реалистичность плана действий	Балльная оценка решения каждого кейса с последующим усреднением: 0–3
Анализ продуктов деятельности	Формализованный контент-анализ по К. Криппендорфу	Организационно-планировочный, рефлексивно-регулятивный	Наличие цели, этапов, распределения ресурсов, ответственных, критериев контроля, рефлексии и коррекции	Индекс представленности управленческих элементов в продуктах деятельности: 0–3

Количественные показатели обобщались по каждой диагностической процедуре отдельно. Такой способ обработки данных позволил избежать смешения разных типов проявлений: самооценочных, ситуационно-деятельностных и документально зафиксированных. При интерпретации учитывалось, что анкетирование отражает преимущественно представление студента о собственных качествах, решение кейсов – способность действовать в условиях управленческой проблемы, а анализ продуктов деятельности – степень включённости управленческих элементов в реальные учебно-профессиональные результаты (табл. 2).

Таблица 2. Обобщённые результаты входной диагностики по методикам

Методика	Средний балл у студентов 2 курса	Уровень 2 курса	Средний балл у студентов 3 курса	Уровень 3 курса	Общий средний балл
Анкетирование	1,1	ниже среднего	1,5	ниже среднего	1,30
Решение управленческих кейсов	0,6	низкий	1,0	низкий	0,80
Анализ продуктов деятельности	0,9	низкий	1,4	ниже среднего	1,15
Интегральный показатель	0,87	низкий	1,30	ниже среднего	1,08

Данные таблицы 2 показывают, что наиболее низкие значения получены по диагностике через решение управленческих кейсов. У студ-

ентов 2 курса средний балл составил 0,6, у студентов 3 курса – 1,0. Это означает, что даже при наличии определённых теоретических представлений студенты испытывают затруднения в ситуации выбора управленческого решения, аргументации позиции и прогнозирования последствий. Результаты анкетирования оказались несколько выше: 1,1 балла у студентов 2 курса и 1,5 балла у студентов 3 курса. Это объясняется тем, что самооценочные процедуры фиксируют не только сформированные действия, но и субъективное представление студентов о собственной готовности. Наиболее выраженный относительный прирост у студентов 3 курса наблюдается по коммуникативно-организаторским показателям: они увереннее оценивают способность устанавливать контакт, вступать в обсуждение и организовывать взаимодействие в знакомой учебной ситуации. Однако лидерские и организационно-планировочные показатели остаются в зоне ниже среднего уровня.

Интегральный показатель по трём методикам составил 0,87 балла у студентов 2 курса и 1,30 балла у студентов 3 курса. Следовательно, переход от 2 к 3 курсу сопровождается положительной динамикой, но она не является достаточной для вывода о сформированности управленческой компетентности. Рост показателей отражает расширение учебного и практического опыта, однако без специального управленческого модуля и целенаправленных практико-ориентированных заданий развитие остаётся несистемным (табл. 3).

Как видно из таблицы 3, ни по одной диагностической процедуре не выявлена группа студентов с высоким уровнем управленческой компетентности. Наиболее проблемной оказалась диагностика через решение кейсов: 61,1% студентов, то есть 55 человек из 90, были отнесены к низкому уровню. Это подтверждает, что дефицит связан прежде всего не с отсутствием общих представлений об управлении, а с недостаточной готовностью применять эти представления в конкретной педагогической ситуации.

Таблица 3. Распределение студентов по уровням управленческой компетентности на констатирующем этапе, %

Методика	Низкий уровень, % (n)	Ниже среднего, % (n)	Средний уровень, % (n)	Высокий уровень, % (n)
Анкетирование	43,3 (39)	37,8 (34)	18,9 (17)	0 (0)
Решение управленческих кейсов	61,1 (55)	27,8 (25)	11,1 (10)	0 (0)
Анализ продуктов деятельности	48,9 (44)	35,6 (32)	15,5 (14)	0 (0)

Полученные данные согласуются с выводом о том, что профессиональные компетенции будущих педагогов требуют управляемого формирования через специальные курсы, практико-ориентированные задания и педагогическую практику [1]. Зарубежные исследования также подтверждают значимость управленческого домена в подготовке будущих педагогов дошкольного образования: усиление управленческого компонента учебного плана способствует росту управленческих и лидерских навыков [12], а специальные инструменты диагностики лидерских компетенций позволяют выявлять расхождение между самооценкой и реально проявляемыми компетенциями [13].

Таким образом, количественные показатели и качественная интерпретация данных взаимно подтверждают друг друга. Студенты в большей степени готовы к выполнению отдельных педагогических действий, чем к организации совместной деятельности, принятию управленческих решений и координации участников образовательного процесса. Выявленный дефицит имеет системный характер и не устраняется автоматически при переходе с 2 на 3 курс. Следовательно, формирование управленческой компетентности будущих педагогов дошкольного образования требует целенаправленного педагогического воздействия: введения специализированного учебного модуля, использования кейс-метода, проектной работы, наставничества и последующей рефлексивной оценки управленческих действий студентов.

На основании результатов исследования можно выделить комплекс педагогических условий, обеспечивающих формирование управленческой компетентности. Первое условие – включение в образовательную программу модуля по основам педагогического менеджмента в ДОО. Второе условие – применение кейс-метода и анализа конкретных управленческих ситуаций. Третье условие – организация проектной и групповой деятельности с распределением ролей и ответственности. Четвёртое условие – включение студентов в элементы реальной управленческой практики под руководством наставника. Пятое условие – систематическая рефлексия управленческих решений и фиксация динамики по тем же диагностическим процедурам.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что управленческая компетентность будущего педагога дошкольного образования является значимым компонентом профессиональной подготовки. Она включает интраперсональные, интерперсональные, организационно-планировочные и лидерские характеристики, обеспечивающие готовность студента не только проводить отдельные занятия, но и организовывать совместную деятельность, планировать образовательные события, координировать участников, принимать решения и анализировать результаты.

Эффективными педагогическими условиями формирования управленческой компетентности выступают: включение в образовательную программу специализированного модуля по основам педагогического менеджмента в дошкольной образовательной организации; применение кейс-метода и анализа конкретных управленческих ситуаций; организация проектной и групповой деятельности с распределением ролей; включение студентов в элементы реальной управленческой практики под руководством наставника; систематическая рефлексия управленческих решений и оценка продуктов деятельности студентов.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования предложенной логики при обновлении рабочих программ дисциплин, организации педагогической практики и разработке диагностических материалов для оценки управленческой готовности студентов дошкольного профиля. Перспективы дальнейшего исследования связаны с разработкой формирующей программы, включающей учебный модуль, банк управленческих кейсов, карту анализа продуктов деятельности и критерии оценки динамики управленческой компетентности. Отдельного внимания требует количественная проверка эффективности программы на контрольном этапе, включая сопостав-

ление динамики экспериментальных и контрольных групп по каждой диагностической процедуре.

Литература

1. Богущая Т.В., Сазонова Н.П. Управление развитием профессиональных компетенций будущих педагогов дошкольного и начального образования // Вестник ТГПУ. 2019. № 8 (205). С. 98–104. DOI: 10.23951/1609-624X-2019-8-98-104. (статья; база: eLIBRARY / КиберЛенинка).
2. Богущая Т.В. Моделирование профессиональной подготовки студентов к работе с детьми с ОВЗ // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2016. № 4 (29). С. 56–58. (статья; база: eLIBRARY).
3. Бичева И.Б., Филатова О.М. Проектирование управленческих компетенций руководителя дошкольной образовательной организации // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7. № 1. (статья; база: eLIBRARY / КиберЛенинка).
4. Вербицкий А.А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения: материалы к четвертому заседанию методологического семинара. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов. 2004. 84 с. (монография / методологические материалы; база: eLIBRARY).
5. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–42. (статья; база: eLIBRARY).
6. Лебедев О.Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. 2004. № 5. С. 3–12. (статья; база: eLIBRARY).
7. Никитовская Г.В. Формирование управленческой компетенции будущего педагога в системе высшего образования // Преподаватель XXI век. 2016. № 3, ч. 1. (статья; база: eLIBRARY / КиберЛенинка).
8. Сазонова Н.П. К вопросу об организации самостоятельной работы студентов в системе высшего профессионального образования // Методика преподавания математических и естественно-научных дисциплин: современные проблемы и тенденции развития: материалы III Всероссийской конференции. Омск, 2016. С. 193–197. (материалы конференции; база: eLIBRARY).
9. Сазонова Н.П., Калтыгина Е.В., Новикова Н.В. Интерактивные формы сопровождения профессионального развития молодых специалистов дошкольного образования в современной социально-педагогической среде // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 5 (66). С. 120–123. (статья; база: eLIBRARY).
10. Хуторской А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты // Эйдос. 2002. (статья; база: eLIBRARY / КиберЛенинка).
11. Hogan R., Warrenfeltz R. Educating the Modern Manager // Academy of Management Learning & Education. 2003. Vol. 2, № 1. P. 74–84. (article; база: Scopus).
12. Savluk H., Dovbnia S., Tsvietkova H., Olefirenko T., Voityuk I. Reshaping the Preservice Preschool Teachers' Curriculum to Give the Emphasis to the Managerial Domain // European Journal of Educational Research. 2022. Vol. 11, № 3. P. 1273–1287. DOI: 10.12973/eu-jer.11.3.1273. (article; база: Scopus).
13. Cross E., Dobson M., Brooks J.S. Leadership competencies in early childhood education: Design and validation of a survey tool // Australasian Journal of Early Childhood. 2024. DOI: 10.1177/18369391241282679. (article; база: Scopus).
14. Al Nahwi A. The Impact of Preschool Education on the Administrative and Educational Competencies of Students in the First Cycle of Basic Education in Oman // Proceedings of International Conference on Research in Education & Science. 2023. Vol. 9, № 1. P. 588–600. (conference proceedings / article; база: Scopus).
15. Kushnir V. Organizational aspects of the formation of management competencies of future preschool education specialists // Psychological and Pedagogical Problems of Modern School. 2022. № 1 (7). P. 172–179. (article; база: Scopus / международная научная индексация).

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE FORMATION OF MANAGERIAL COMPETENCE OF FUTURE PRESCHOOL TEACHERS AT THE MIDDLE STAGE OF UNIVERSITY TRAINING

Reutova A.V.
Pacific National University

The article considers the formation of managerial competence of future preschool teachers at the middle stage of university training. The relevance of the study is determined by the fact that a modern preschool teacher is involved not only in direct interaction with children, but also in planning the educational process, coordinating participants, communicating with parents, analyzing results and making decisions in uncertain situations. The

purpose of the study is to substantiate and describe pedagogical conditions for the formation of managerial competence among second- and third-year full-time students majoring in preschool education. The methodological basis includes competence-based, activity-based, systemic, personality-oriented and contextual approaches. The empirical part presents diagnostic data from 90 students divided into three groups of 30 people. Standardized observation, questionnaires, management case solving, expert interviews with preschool managers and analysis of students' products were used. The results show that second-year students mainly demonstrate a low level of managerial competence, while third-year students show only fragmented growth. The most significant deficits were revealed in organizational-planning and leadership components. The study substantiates the need for a specialized educational module, case-based learning, project work, mentoring and reflective assessment of students' managerial actions.

Keywords: managerial competence, preschool education, future teacher, pedagogical conditions, professional training, case method, pedagogical practice.

References

1. Bogutskaya T.V., Sazonova N.P. Managing the Development of Professional Competencies of Future Preschool and Primary Education Teachers // *Bulletin of TSPU*. 2019. No. 8 (205). pp. 98–104. DOI: 10.23951/1609-624X-2019-8-98-104. (article; database: eLIBRARY / CyberLeninka).
2. Bogutskaya T.V. Modeling the Professional Training of Students to Work with Children with Disabilities // *Bulletin of Altai State Pedagogical University*. 2016. No. 4 (29). pp. 56–58. (article; database: eLIBRARY).
3. Bicheva I.B., Filatova O.M. Designing Managerial Competencies for the Head of a Preschool Educational Organization // *Bulletin of Minin University*. 2019. Vol. 7. No. 1. (article; database: eLIBRARY / CyberLeninka).
4. Verbitsky A.A. Competency-based Approach and Theory of Contextual Learning: Materials for the Fourth Meeting of the Methodological Seminar. Moscow: Research Center for Problems of the Quality of Specialist Training, 2004. 84 p. (monograph / methodological materials; database: eLIBRARY).
5. Zimnyaya I.A. Key Competencies – a New Paradigm of Educational Outcomes // *Higher Education Today*. 2003. No. 5. pp. 34–42. (article; database: eLIBRARY).
6. Lebedev, O. E. "A Competency-Based Approach to Education." *School Technologies*. 2004, no. 5, pp. 3–12. (article; database: eLIBRARY).
7. Nikitovskaya, G. V. "Developing Managerial Competence of Future Teachers in the Higher Education System." *Teacher XXI Century*. 2016, no. 3, part 1. (article; database: eLIBRARY / CyberLeninka).
8. Sazonova, N. P. "On Organizing Students' Independent Work in the System of Higher Professional Education." *Methods of Teaching Mathematical and Natural Science Disciplines: Current Problems and Development Trends: Proceedings of the III All-Russian Conference*. Omsk, 2016, pp. 193–197. (conference materials; database: eLIBRARY).
9. Sazonova N.P., Kaltygina E.V., Novikova N.V. Interactive forms of support for the professional development of young specialists in preschool education in the modern socio-pedagogical environment // *The World of Science, Culture, Education*. 2017. No. 5 (66). Pp. 120–123. (article; database: eLIBRARY).
10. Khutorsky A.V. Key competencies and educational standards // *Eidos*. 2002. (article; database: eLIBRARY / CyberLeninka).
11. Hogan R., Warrenfeltz R. Educating the Modern Manager // *Academy of Management Learning & Education*. 2003. Vol. 2, No. 1. Pp. 74–84. (article; database: Scopus).
12. Savluk H., Dovbnia S., Tsvietkova H., Olefirenko T., Voityuk I. Reshaping the Preservice Preschool Teachers' Curriculum to Give the Emphasis to the Managerial Domain // *European Journal of Educational Research*. 2022. Vol. 11, No. 3. P. 1273–1287. DOI: 10.12973/eu-jer.11.3.1273. (article; database: Scopus).
13. Cross E., Dobson M., Brooks J.S. Leadership competencies in early childhood education: Design and validation of a survey tool // *Australasian Journal of Early Childhood*. 2024. DOI: 10.1177/18369391241282679. (article; database: Scopus).
14. Al Nahwi A. The Impact of Preschool Education on the Administrative and Educational Competencies of Students in the First Cycle of Basic Education in Oman // *Proceedings of International Conference on Research in Education & Science*. 2023. Vol. 9, No. 1. P. 588–600. (conference proceedings / article; database: Scopus).
15. Kushnir V. Organizational aspects of the formation of management competencies of future preschool education specialists // *Psychological and Pedagogical Problems of Modern School*. 2022. No. 1 (7). P. 172–179. (article; database: Scopus / international scientific indexing).

Саблуков Александр Валентинович,

доктор социологических наук, профессор, профессор
кафедры социологии Московского государственного
лингвистического университета
E-mail: asablukov@mail.ru

Примаков Вячеслав Леонидович,

доктор социологических наук, профессор, профессор
кафедры социологии Московского государственного
лингвистического университета
E-mail: vprim2007@yandex.ru

Передня Дмитрий Григорьевич,

доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой
социологии Московского государственного лингвистического
университета
E-mail: d.g.perednia@linguanet.ru

Целью статьи является анализ взаимосвязи распространения новейших интернет-технологий с появлением новых форм социального неравенства в современном обществе. В качестве эмпирической базы использованы данные как отечественных, так и зарубежных исследований. Проведенный анализ дает основание сделать вывод о том, что цифровой разрыв ведет к появлению новых форм социального неравенства как среди различных социально-демографических групп, так и внутри них. Как свидетельствуют данные различных исследований в большей степени негативные последствия цифрового неравенства проявляются среди людей старших возрастных групп. Основной проблемой для данной категории является низкий уровень навыков в использовании как современных multifunctional электронных устройств, так и современных цифровых технологий, что, в свою очередь, ведет к ограничению их возможностей в решении проблем в цифровой среде. По мнению российских респондентов в возрасте старше 55 лет им сложно работать с документами онлайн – они не до конца понимают, как устроены облачные сервисы. У них часто возникают проблемы в поиске, сохранении и обработке необходимой информации, проверке ее достоверности. Кроме того, часто возникают трудности с получением госуслуг через интернет. Молодое поколение безусловно демонстрирует более высокий уровень цифровой грамотности. Но среди данной категории есть свои проявления цифрового неравенства. Наиболее наглядно это проявляется в возможности получения качественного образования, трудоустройства, карьеры, финансового благополучия и др. Решение этих и других проблем, вызванных цифровым неравенством, видится в реализации политики цифровой инклюзии.

Ключевые слова: информационно-коммуникативные технологии, цифровой разрыв, цифровые дивиденды, информационная бедность.

Постановка проблемы

Социальное неравенство свойственно любому обществу. В зависимости от его вида неравенство может обуславливаться различными факторами. В современном социуме выделяют экономические, политические, правовые, социокультурные, исторические и демографические факторы. В значительной степени они взаимосвязаны. Экономически богатые группы, заставляют работать политические институты в своих интересах, формируют правовые законы, с одной стороны по принципу равенства, с другой по принципу не равных возможностей. В конечном итоге все это приводит к различиям в образовании, ценностях, нормах, семейном статусе, языковом и культурном капитале. Также в процессе социальной дифференциации играет роль исторический фактор, который обуславливается наследием прошлых времен. Интересующий нас фактор связан с цифровым периодом развития общества и переплетается с демографическим фактором. Молодежь и представители старших поколений не одинаково себя чувствуют в цифровом пространстве.

В современном обществе остро стоит проблема цифрового разрыва, отражающая неравномерное распределение доступа к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ). Согласно определению, представленному в энциклопедии Britannica, цифровой разрыв включает в себя различия не только в физическом доступе к устройствам и интернет-соединению (первый уровень), но и в уровне владения навыками и специфике применения технологий (второй уровень) [1, 2025]. Ряд исследователей выделяют еще и третий уровень этого разделения, который проявляется в различиях социальных и экономических последствий, извлекаемых из использования сети. Более обеспеченные и образованные пользователи получают от интернета цифровые дивиденды – ощутимые выгоды, включая экономический рост, возможности для трудоустройства и улучшение качества услуг [2, 2025]. В то время как менее подготовленные слои населения оказываются в стороне от этих преимуществ.

Основные показатели и сферы проявления цифрового неравенства

Анализ показывает, что внутри отдельных стран, доступ к интернету и характер его использования подвержены социальной дифференциации по таким признакам, как возраст, уровень образования, доход, гендерная принадлежность и место проживания. Молодежь и образованное население городов, как правило, обладают необходимыми устройствами и компетенциями для активного использования сети в образовательных, профессиональных и общественных целях. В то время как менее защищенные группы населения зачастую ограничиваются базовыми навыками и используют интернет преимущественно для развлечения и общения.

В общемировом масштабе цифровой разрыв продолжает оставаться весьма ощутимым. По данным Международного союза электросвязи (МСЭ) за 2024 год, около 5,5 миллиардов человек в мире, что составляет примерно 68% населения, имеют доступ к интернету [3, 2024]. Тем не менее, около 2,6 миллиардов человек (примерно треть населения) все еще остаются вне сети. При этом степень проникновения интернета тесно связана с уровнем развития страны. В странах с высоким уровнем дохода свыше 93% жителей имеют доступ к интернету, в то время как в наименее развитых странах этот показатель составляет всего около 27%. Существуют значительные региональные различия: в Европе, странах СНГ и Северной Америки доля интернет-пользователей превышает 87–92%, в арабских странах и странах Азиатско-Тихоокеанского региона – около 66–70%, а в Африке – всего около 38%.

Замечен также разрыв между городским и сельским населением: в глобальном масштабе 83% горожан пользуются интернетом, тогда как среди сельских жителей этот показатель составляет лишь 48% [3, 2024]. Таким образом, коэффициент доступности интернета для городского и сельского населения составляет приблизительно 1,7. В частности, в Африке сельское население значительно отстает по уровню доступа к интернету – отношение городских и сельских пользователей здесь достигает 2,5.

Сохраняется также гендерный разрыв в использовании интернета [3, 2024]. В 2024 году интернетом пользовались 70% мужчин и 65% женщин в мире. Анализ показывает, что в странах с низким и средним

уровнем дохода женщины примерно на 15% реже пользуются интернетом (преимущественно через мобильные устройства) по сравнению с мужчинами [4, 2025].

Пандемия COVID-19 отчетливо высветила проблему неравенства в данной области. По информации ЮНЕСКО, в период закрытия школ 826 миллионов учащихся по всему миру не имели доступа к компьютерам дома, а 706 миллионов (43%) не имели доступа к интернету [5, 2025]. Это означает, что почти половина школьников и студентов была исключена из процесса дистанционного обучения. Наиболее сложная ситуация сложилась в странах Африки к югу от Сахары, где 82% учащихся не имели возможности доступа к домашнему интернету. В результате цифровая бедность усугубила существовавшие проблемы: дети из малообеспеченных семей и отдаленных районов оказались лишены возможности учиться онлайн, что привело к усилению неравенства в образовании.

В России уровень проникновения интернета среди взрослого населения достаточно высок. По данным на 2025 год, более 90% россиян регулярно используют интернет [6, 2025]. Тем не менее, внутри страны сохраняются значительные диспропорции. В первую очередь, они связаны с возрастом: исследования показывают, что наиболее уязвимой социальной группой являются граждане старше 55 лет [7, 2025]. Индекс цифровой грамотности российских граждан, рассчитываемый по методологии DigComp, стабильно находится на уровне около 71 балла из 100. При этом люди старшего поколения демонстрируют существенно более низкие результаты по всем пяти компонентам (коммуникация, безопасность, создание контента и т.д.), чем молодежь. Наиболее заметен разрыв в части коммуникативной грамотности и навыков решения проблем в цифровой среде. Женщины старше 55 лет в России демонстрируют еще более скромные показатели в части информационной грамотности (поиск и оценка информации) и чаще нуждаются в посторонней помощи.

Географический разрыв также имеет значение: Москва и Санкт-Петербург лидируют по доле активных пользователей и качеству связи, в то время как в регионах и сельских районах доступ к интернету зачастую ограничен. Социально-экономическое положение также играет роль: более состоятельные граждане имеют доступ к лучшей технике и высокоскоростному интернету, а малоимущие семьи реже могут позволить себе приобретение современных устройств или оплату доступа к сети. Таким образом, цифровое неравенство в России во многом перекликается с традиционными социально-экономическими границами: по возрасту, месту жительства, уровню дохода и образованию. Хорошо образованные горожане зачастую применяют интернет в профессиональных целях, в то время как менее образованные – преимущественно для общения и развлечений [1, 2025].

Цифровое неравенство усиливает существующую диспропорцию в сфере образования. Например, как было отмечено ранее, в период пандемии миллионы школьников по всему миру не имели доступа к онлайн-урокам из-за отсутствия необходимой техники и стабильного интернет-соединения. Это усугубило разрыв между семьями, обладающими технологиями, и теми, кто их лишен. Даже после возобновления очного обучения дети, у которых нет доступа к компьютеру или интернету дома, получают значительно меньше образовательных ресурсов и возможностей для дистанционного или смешанного обучения, по сравнению со своими сверстниками.

В современном мире базовые навыки работы с ИТ становятся фактором конкурентоспособности на рынке труда. Те, кто обладает более высоким уровнем цифровой грамотности, имеют больше возможностей повышать в режиме онлайн свою квалификацию, осваивать новые профессии, осуществлять поиск новой работы через цифровые платформы. В то же время люди, оказавшиеся в силу различных обстоятельств, в ситуации ограниченного использования интернета и цифровых технологий, лишены этих возможностей, так как им сложнее овладеть востребованными на рынке специальностями, адаптироваться к современным условиям труда и применять онлайн-сервисы для поиска работы. В результате они становятся социально уязвимой категорией имеющей повышенный риск к безработице и бедности. Это, в свою очередь, ведет к дальнейшему углублению цифрового неравенства, т.к. основной причиной малодоступности новых информационных технологий для большинства людей является их высокая стоимость. Так считают 81% респондентов исследования проведенного ВЦИОМ. Причем среди молодежи такой точки зрения придерживаются 95% [8, 2025].

Разрыв в уровне цифровой проявляется и в участии граждан в общественной жизни. Прежде всего это связано с получением различной информации с использованием информационно-коммуникативных технологий и в создании контента. Более продвинутые пользователи находят в сети не только развлечения, но и информацию профессио-

нального и политического характера. В то же время менее подготовленные пользователи, как правило, ограничиваются развлекательным контентом. Информационные интересы молодежи более разнообразны чем у людей старшего поколения: наряду с юмором – безусловным лидером внимания – высок спрос на образовательный, научный и новостной контент, особенно среди парней и старшей молодежи. Девушки активнее следят за темами здоровья, семьи, культуры и кулинарии, в то время как парни чаще выбирают технологии, политику и киберспорт. Молодежь проявляет большую активность и интерес к выражению себя через публикации. Комментируют и делятся в чатах чаще как те, кто включен в серьезную повестку (политику, новости, образование, экономику, происшествия), так и те, кто увлечен шоу-бизнесом, красотой и модой, киберспортом [9, 2025].

При всем том, что осведомленность о дистанционном электронном голосовании значима для молодежи находится примерно на одном уровне среди россиян всех возрастов (83–88%), возможность голосовать дистанционно в большей степени значима для молодежи (45%), людей с высоким уровнем доходов (43%), жителей городов-миллионников (41%) и тех, кто в качестве основного источника информации использует интернет (41%). Иначе говоря сторонниками дистанционного электронного голосования выступают те кто обладает большими «цифровым капиталом» [10, 2024].

Цифровое неравенство может иметь неблагоприятные последствия с психологической точки зрения. Особенно это проявляется среди людей старшего поколения. Многие пожилые люди испытывают тревогу из-за опасения оказаться за бортом жизни, если они не могут пользоваться современными технологиями. По данным исследования ФОМ 16% пользователей интернета полагают, что негативных последствий больше от его использования чем пользы. Кроме того, 28% респондентов считают, что нейросети принесут больше вреда, так как могут распространять ложную и негативную информацию, дезориентировать людей и способствовать росту преступности и мошенничества [9, 2025]. Актуальной продолжает оставаться проблема беспокойства за сохранность личной информации и персональных данных. По данным ВЦИОМ более 30% россиян считают, что современные цифровые технологии понижают сохранность личной информации и персональных данных. Наиболее распространена эта точка зрения среди граждан с низким уровнем жизни (40%). В то же время, 87% людей с хорошим материальным положением, уверены, что с их персональными данными все будет в порядке. По мнению исследователей это связано с тем, что данная категория имеет доступ к более качественным техническим средствам и системам безопасности [11, 2025].

Цифровая инклюзия как направление преодоления цифрового разрыва

Преодоление цифрового неравенства требует реализации политики цифровой инклюзии. Эта политика предполагает решение целого ряда задач.

Главная задача заключается в обеспечении всеобщего доступа к высокоскоростному интернету во всех регионах страны, особенно в сельских и отдаленных районах. Это требует значительных инвестиций в прокладку оптоволоконных линий связи, строительство базовых станций мобильной связи и создание общедоступных точек Wi-Fi (в школах, библиотеках, домах культуры и т.п.). Всемирный банк подчеркивает, что достижение глобальной универсальности доступа к сети должно стать приоритетной задачей [2]. Важно, чтобы даже жители самых отдаленных населенных пунктов имели возможность стабильного интернет-соединения и пользовались интернетом наравне с жителями крупных городов.

Расширение сетевой инфраструктуры должно сопровождаться инвестициями в образование и повышение уровня цифровых навыков населения. Необходимо создание и реализация бесплатных программ и курсов для различных категорий граждан: пенсионеров, жителей сельской местности, многодетных семей и других. В рамках общего и высшего образования необходимо расширять курсы по современным ИКТ-компетенциям и медиаграмотности. Важным направлением должно стать формирование мотивации в освоении и использовании цифровых технологий. Особенно это касается людей старше 55 лет. Через консультационные центры при МФЦ, центрах социального обслуживания необходимо не только повышать цифровую грамотность старшего поколения, но и формировать стремление самим справляться с кругом широких жизненных проблем: запись к врачу, онлайн-платежи, покупки на маркетплейсах и другое.

Особая роль в снижении барьеров, затрудняющих преодоление цифрового неравенства, принадлежит государству. Прежде всего это касается снижения роли финансово-экономического фактора цифрового неравенства. Необходимы программы по предоставлению суб-

сидий или безвозмездной передачи техники и обеспечения доступа к интернету для малоимущих слоев населения. Такой опыт существует в целом ряде зарубежных стран. Так, в частности, в Соединенных штатах Америки, Японии, Южной Кореи разработаны и реализуются программы, предусматривающие субсидии уязвимым слоям населения при освоении ими современных информационно-коммуникативных технологий. Меры государственной поддержки, например льготное налогообложение, могли бы применяться и к телекоммуникационным компаниям оказывающим интернет-услуги в отдаленных регионах. Это, в свою очередь, могло бы способствовать снижению стоимости этих услуг. Снижению цифрового разрыва между регионами могло бы способствовать государственно-частное партнерство по созданию региональных цифровых кластеров с участием IT-компаний научных и образовательных центров.

При разработке государственных и общественных цифровых сервисов необходимо учитывать потребности пожилых людей и людей с ограниченными возможностями. Это предполагает разработку простых и понятных интерфейсов веб-сайтов и приложений, использование четких инструкций и крупных шрифтов, а также поддержку технологий чтения для слабовидящих.

Важной задачей является формирование навыков критического мышления и безопасного поведения в сети. Необходимо проводить просветительские кампании по обучению навыкам проверки информации, противодействию фейкам и соблюдению правил кибербезопасности. Чем более информированными и ответственными будут пользователи, тем эффективнее они смогут использовать интернет и избегать опасных ситуаций. Формирование культуры бдительности в сети снижает риски дезинформации и способствует более эффективной интеграции всего общества в цифровую среду.

Заключение

Цифровое неравенство – это не только проблема, связанная с техническим доступом к технологиям, но и отражение глубоких социальных проблем. Оно воспроизводит существующие в обществе барьеры, связанные с возрастом, образованием, уровнем доходов, гендерной принадлежностью и местом проживания. Решение этой проблемы возможно только при условии применения комплексного подхода. Обеспечение доступа к инфраструктуре должно сочетаться с активными усилиями по обучению и поддержке пользователей. Только в этом случае доступность интернета начнет трансформироваться в равные возможности для развития, а не в источник нового витка социального расслоения. Когда цифровые технологии станут доступны всем, и у каждого человека появится возможность их освоить, интернет превратится в универсальное пространство свободы, знаний и сотрудничества, а не закрепит существующие в обществе формы неравенства.

Литература

1. Digital divide I Bridging the Gap in Society // Encyclopaedia Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/digital-divide> (дата обращения: 12.10.2025).
2. Digital Dividends. General overview // Fundación Microfinanzas BBVA. – URL: <https://www.fundacionmicrofinanzasbbva.org/revistaprogreso/en/digital-dividends-general-overview/> (дата обращения: 12.10.2025).
3. Facts and Figures 2024 – Internet use // ITU. – URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/2024/11/10/ff24-internet-use/> (дата обращения: 12.10.2025).
4. Women in Tech Stats 2025 // Women in Tech Network. – URL: <https://www.womentech.net/women-in-tech-stats> (дата обращения: 20.10.2025).
5. Startling digital divides in distance learning emerge // UNESCO. – URL: <https://www.unesco.org/en/articles/startling-digital-divides-distance-learning-emerge> (дата обращения: 12.10.2025).
6. 90% россиян пользуются интернетом, но только 11% освоили цифровую грамотность // IncRussia, 2025. – URL: <https://incrussia.ru/news/90-rossiyan-polzuyutsya-internetom-no-tolko-11-osvoili-tsifrovuyu-gramotnost/> (дата обращения: 12.10.2025).
7. Цифровой разрыв: каждый третий россиянин старше 55 лет боится остаться за бортом технологий // CNews, 01.10.2025. – URL: https://www.cnews.ru/news/line/2025-10-01_tsifrovoy_razryv_kazhdyj_tretij (дата обращения: 12.10.2025).

www.cnews.ru/news/line/2025-10-01_tsifrovoy_razryv_kazhdyj_tretij (дата обращения: 12.10.2025).

8. Технологии будущего и будущее технологий. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tehnologii-budushchego-i-budushchee-tehnologii> (дата обращения: 22.03.2026).

9. Пользователи интернета. Что люди чаще всего делают в интернете и сколько времени там проводят? – URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/15302> (дата обращения: 22.03.2026).

10. Дистанционное электронное голосование: мониторинг – вциом. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/distancionnoe-ehlektronnoe-golosovanie-monitoring> (дата обращения: 22.03.2026).

11. Цифровая самооборона. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovaya-samooborona> (дата обращения: 22.03.2026).

DIGITAL DIVIDE AS A FACTOR OF SOCIAL INEQUALITY

Sablukov A.V., Primakov V.L., Perednya D.G.
Moscow State Linguistic University

The purpose of this article is to analyze the relationship between the spread of new internet technologies and the emergence of new forms of social inequality in modern society. Data from both domestic and international studies serves as an empirical basis. The analysis leads to the conclusion that the digital divide both manifests itself in and leads to the emergence of new forms of social inequality both among and within various socio-demographic groups. According to various studies, the negative consequences of the digital divide are more pronounced among older people. The main problem for this group is their low level of skills in using both modern multifunctional electronic devices and modern digital technologies, which, in turn, limits their ability to solve problems in the digital environment. According to Russian respondents over 55, they find it difficult to work with documents online, as they don't fully understand how cloud services work. They often have problems finding, storing, and processing necessary information, as well as verifying its accuracy. Furthermore, they often encounter difficulties accessing government services online. The younger generation undoubtedly demonstrates a higher level of digital literacy. However, this age group also exhibits its own manifestations of digital inequality. This is most clearly evident in access to quality education, employment, career, financial security, and other opportunities. The solution to these and other problems caused by digital inequality is seen in the implementation of digital inclusion policies.

Keywords: information and communication technologies, digital divide, digital dividends, information poverty.

References

1. Tsifrovoy razryv I Preodoleniye razryva v obshchestve // Britanskaya entsiklopediya. – URL: <https://www.britanica.com/topic/digital-divide> (дата обращения: 12.10.2025).
2. Tsifrovyye dividendy. Obshchiy obzor // Fundación Microfinanzas BBVA. – URL: <https://www.fundacionmicrofinanzasbbva.org/revistaprogreso/en/digital-dividends-general-overview/> (дата обращения: 12.10.2025).
3. Fakty i tsifry, 2024 god – Ispol'zovaniye Interneta // MSE. – URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/2024/11/10/ff24-internet-use/> (дата обращения: 12.10.2025).
4. Statistika zhenshchin v tekhnologiyakh 2025 // Women in Tech Network. – URL: <https://www.womentech.net/women-in-tech-stats> (дата обращения: 20.10.2025).
5. Voznikayet porazitel'nyy tsifrovoy razryv v distantsionnom obuchenii // YUNESKO. – URL: <https://www.unesco.org/en/articles/startling-digital-divides-distance-learning-emerge> (дата обращения: 12.10.2025).
6. 90% rossiyan pol'zuyutsya internetom, № tol'ko 11% osvoili tsifrovuyu gramotnost' // IncRossiya, 2025. – URL: <https://incrussia.ru/news/90-rossiyan-polzuyutsya-internetom-no-tolko-11-osvoili-tsifrovuyu-gramotnost/> (дата обращения: 12.10.2025).
7. Tsifrovoy razryv: kazhdyj tretiy rossiyanin starshe 55 let boitsya ostat'sya za bortom tekhnologii // CNews, 01.10.2025. – URL: https://www.cnews.ru/news/line/2025-10-01_tsifrovoy_razryv_kazhdyj_tretij (дата обращения: 12.10.2025).
8. Tekhnologii budushchego i tekhnologii budushchego. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tehnologii-budushchego-i-budushchee-tehnologii> (дата обращения: 22.03.2026).
9. Pol'zovateli interneta. Chto lyudi chashche vsego delayut v Internetе i skol'ko vremeni tam provodyat? – URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/15302> (дата обращения: 22.03.2026).
10. Distantsionnoye elektronnoye golosovaniye: monitoring – vtsiom. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/distancionnoe-ehlektronnoe-golosovanie-monitoring> (дата обращения: 22.03.2026).
11. Tsifrovaya samooborona. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovaya-samooborona> (дата обращения: 22.03.2026).

Формирование коммуникативных компетенций педагогов в инклюзивных дошкольных образовательных учреждениях

Реутова Анна Витальевна,

ассистент высшей школы теории и методики педагогического и дефектологического образования, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»
E-mail: 013457@togudv.ru

В статье раскрывается проблема развития коммуникативных компетенций педагогов, работающих в условиях инклюзивного дошкольного образования. Рассмотрены особенности профессионального общения воспитателя с детьми с ограниченными возможностями здоровья, родителями и специалистами сопровождения. Обоснована необходимость перехода от общего представления о коммуникабельности педагога к анализу конкретных профессиональных действий: установления контакта, выбора речевой стратегии, эмоционально корректной реакции, поддержки ребёнка и взаимодействия с семьёй. Эмпирическую основу статьи составляют результаты диагностики восьми педагогов МАДОУ «Детский сад № 90» с применением методики оценки коммуникативных и организаторских склонностей В.В. Синаевского и Б.А. Федоришина, теста коммуникативных умений Л. Михельсона в адаптации Ю.З. Гильбуха, теста общительности В.Ф. Ряховского и анкеты способности педагога к самосовершенствованию и саморазвитию В.И. Зверевой и Н.В. Немовой. Показано, что при наличии у части педагогов устойчивой коммуникативной базы сохраняются дефициты, связанные с зависимым или агрессивным типом реагирования, недостаточной уверенностью в нестандартных ситуациях и неустойчивой ориентацией на профессиональное саморазвитие. Представлена программа развития коммуникативных компетенций продолжительностью 14 часов, включающая темы инклюзивного общения, эмпатии, активного слушания, невербальной и альтернативной коммуникации, конфликтологии, стресс-менеджмента и командного взаимодействия.

Ключевые слова: коммуникативные компетенции, педагог дошкольного образования, инклюзивная среда, дети с ОВЗ, педагогическое общение, эмпатия, активное слушание, альтернативная коммуникация.

Введение

Дошкольная инклюзия предъявляет к педагогу требования, которые невозможно свести только к знанию образовательных программ или методик организации занятий. Воспитатель ежедневно выстраивает сложную систему взаимодействий: с ребёнком, испытывающим трудности в речи, поведении или социальной адаптации; с группой сверстников; с родителями; с логопедом, психологом, тьютором и администрацией. Поэтому коммуникативная компетентность в инклюзивной дошкольной организации становится не вспомогательным качеством, а условием педагогической безопасности и включённости ребёнка в общее образовательное пространство. В работах по инклюзивному образованию подчёркивается, что качество среды определяется не только материальными и организационными условиями, но и характером взаимодействия участников образовательного процесса [1; 2; 10].

В педагогической литературе коммуникативная компетентность описывается как многоуровневое образование, включающее знания о средствах общения, умение выбирать адекватную речевую и поведенческую стратегию, способность понимать эмоциональное состояние другого человека, готовность к сотрудничеству и рефлексии. Для дошкольного образования эта характеристика имеет особую значимость, поскольку ребёнок раннего и дошкольного возраста не всегда способен вербально выразить потребность, тревогу, отказ или просьбу о помощи. В инклюзивной группе эта трудность усиливается: педагог должен учитывать особенности сенсорного восприятия, речевого развития, темпа деятельности, эмоциональной регуляции и семейного контекста ребёнка [3; 4; 7].

Анализ исследований, посвящённых инклюзивной компетентности и готовности педагогов, показывает, что коммуникативный компонент часто рассматривается как часть более широкой профессиональной готовности к инклюзии [5; 6; 8]. Однако на уровне практики именно коммуникация становится первой зоной риска: педагог может знать нормативные основания инклюзии, но испытывать затруднения при разговоре с родителями ребёнка с ОВЗ, при разрешении конфликта между детьми, при необходимости использовать невербальные средства или альтернативные формы общения. Отсюда возникает исследовательская проблема: какие стороны коммуникативных компетенций педагогов инклюзивного дошкольного учреждения сформированы достаточно, а какие требуют специально организованного развития?

Цель статьи состоит в выявлении особенностей сформированности коммуникативных компетенций педагогов инклюзивной дошкольной образовательной организации и обосновании программы их развития. Объектом исследования выступают коммуникативные компетенции педагогов дошкольного образования. Предметом является процесс их формирования в условиях инклюзивной дошкольной организации. Научная новизна работы заключается в том, что коммуникативные компетенции педагогов рассматриваются через сочетание четырёх диагностических плоскостей: контактности и организаторских склонностей, типа коммуникативного поведения, уровня общительности и готовности к профессиональному саморазвитию. Такой ракурс позволяет увидеть не только общий уровень коммуникабельности, но и внутренние противоречия профессионального общения педагога в инклюзивной среде.

Исследование опирается на несколько взаимодополняющих подходов. Компетентностный подход позволяет рассматривать коммуникативные компетенции как результат, проявляющийся в конкретных действиях педагога, а не как сумму отдельных знаний об общении [9]. Системно-деятельностный подход задаёт логику анализа педагогического общения как деятельности, имеющей цель, средства, условия, результат и рефлексивную оценку. Гуманистическая традиция, представленная в трудах К. Роджерса, А. Маслоу и отечественных исследователей педагогического общения, важна для понимания роли эмпатии, принятия и уважения к ребёнку. Инклюзивный подход уточняет содержание коммуникации: педагог должен не просто общаться эффективно, но и создавать условия, при которых ребёнок с ОВЗ может быть услышан и включён в совместную деятельность [1; 10; 11].

В качестве эмпирической базы выступила работа с педагогами МАДОУ «Детский сад № 90». В исследовании приняли участие восемь

педагогов, взаимодействующих с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Для диагностики применён комплекс из четырёх методик, каждая из которых фиксирует отдельный аспект коммуникативной компетентности.

Методика В.В. Синаевского и Б.А. Федоришина использована для оценки коммуникативных и организаторских склонностей, то есть способности устанавливать контакты, проявлять инициативу, ориентироваться в новой ситуации и влиять на ход совместной деятельности. Тест коммуникативных умений Л. Михельсона в адаптации Ю.З. Гильбуха позволил определить преобладающий тип реагирования в коммуникативных ситуациях: компетентный, зависимый или агрессивный. Тест В.Ф. Ряховского применён для оценки уровня общительности, а анкета В.И. Зверевой и Н.В. Немовой – для выявления готовности педагога к самосовершенствованию и саморазвитию.

Такое сочетание методик выбрано потому, что коммуникативная компетентность педагога инклюзивного дошкольного учреждения не исчерпывается внешней общительностью. Педагог может быть контактным, но избегать самостоятельной позиции в сложном разговоре; может быть активным, но использовать давление; может демонстрировать нормальную коммуникабельность, но не иметь устойчивой установки на профессиональное развитие. В диагностике учитывались три уровня интерпретации результатов: высокий, средний и низкий. Высокий уровень понимался как способность уверенно вступать в контакт, выбирать конструктивную стратегию общения, сохранять ориентацию на сотрудничество и развитие. Средний уровень отражал наличие базовых коммуникативных ресурсов при их нестабильности. Низкий уровень указывал на выраженные трудности контакта, зависимость от ситуации или неадаптивные формы реагирования.

Программа развития коммуникативных компетенций проектировалась в логике практико-ориентированной методической работы. Она рассчитана на 14 часов и включает шесть содержательных модулей: введение в инклюзию, эмпатию и активное слушание, невербальное и альтернативное общение, конфликтологию и стресс-менеджмент, командное взаимодействие с родителями и специалистами, практическое ведение инклюзивного занятия. В программе использованы мини-лекции, дискуссии, разбор мифов об инклюзии, ролевые упражнения, работа с карточками PECS, ситуационные задачи, анализ кейсов, имитационное занятие и групповая рефлексия. Такой дизайн соответствует представлению о профессиональном развитии педагога как о переходе от знания к действию и последующему осмыслению действия [12; 13].

Первый диагностический срез выявил неодинаковую выраженность компонентов коммуникативных компетенций у педагогов. По методике Синаевского и Федоришина два участника показали высокий или очень высокий уровень коммуникативных способностей: один педагог получил коэффициент 0,68, другой – 0,81. Четыре педагога расположились в средней зоне с коэффициентами 0,57; 0,60; 0,66; 0,67. Два результата – 0,22 и 0,32 – указывают на низкий уровень контактности и организаторской инициативы. Эти данные показывают, что в коллективе имеется выраженное ядро педагогов, способных уверенно вступать во взаимодействие, однако значительная часть участников нуждается в укреплении устойчивости коммуникативного поведения.

Результаты теста Михельсона уточнили характер этой неоднородности. Компетентный тип поведения выявлен у двух педагогов: они склонны выбирать партнёрскую стратегию общения, выражать позицию без давления, обращаться за поддержкой и оказывать её другим. У четырёх педагогов преобладает зависимый тип поведения. В инклюзивной практике это может проявляться как затруднение при обсуждении сложных вопросов с родителями, ориентация на мнение коллег вместо самостоятельного решения, неуверенность при необходимости обозначить границы или объяснить педагогическую позицию. У двух педагогов выявлен агрессивный тип реагирования; его риск состоит в категоричности, эмоциональном давлении и снижении чувствительности к состоянию собеседника.

Тест Ряховского показал, что большинство педагогов не испытывают тотальных трудностей общения: три человека продемонстрировали высокий или выше среднего уровень общительности, три – средний, два – низкий. Однако этот результат необходимо интерпретировать осторожно. Высокая общительность не всегда означает профессионально выстроенное педагогическое общение; напротив, чрезмерная разговорчивость, недостаточная сдержанность или склонность к резким оценкам могут осложнять взаимодействие с детьми с ОВЗ и их семьями. Анкета Зверевой и Немовой выявила ещё одну важную линию анализа: только два педагога активно реализуют потребность в саморазвитии, четыре зависят от внешних условий, два демонстрируют остановившееся или слабо выраженное профессиональное развитие (табл. 1).

Таблица 1. Индивидуальные результаты диагностики коммуникативных компетенций педагогов

Педагог	Синаевский, Федоришин	Михельсон	Ряховский	Зверева, Немова
Педагог 1	0,68; высокий	компетентный; высокий	высокий	высокий
Педагог 2	0,57; средний	зависимый; средний	средний	средний
Педагог 3	0,81; очень высокий	компетентный; высокий	выше среднего	высокий
Педагог 4	0,22; низкий	агрессивный; низкий	низкий	низкий
Педагог 5	0,60; средний	зависимый; средний	средний	средний
Педагог 6	0,67; средний	зависимый; средний	выше среднего	средний
Педагог 7	0,32; низкий	агрессивный; низкий	низкий	низкий
Педагог 8	0,66; средний	зависимый; средний	средний	средний

Сопоставление результатов по четырём методикам позволяет выделить три группы педагогов. Первая группа включает двух участников с устойчивой коммуникативной базой: у них сочетаются высокий уровень контактности, компетентный тип поведения и выраженная готовность к профессиональному саморазвитию. Вторая группа наиболее многочисленна: четыре педагога имеют средние показатели, но их коммуникативная активность зависит от ситуации, внешней поддержки и уверенности в собственных действиях. Третья группа включает двух педагогов с низкими результатами по всем основным диагностическим линиям; именно для них особенно значимы сопровождение, тренинговая работа и включение в безопасные формы профессиональной рефлексии (табл. 2).

Таблица 2. Распределение педагогов по уровням сформированности коммуникативных компетенций

Диагностическая методика	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень	Основная зона интерпретации
Синаевский, Федоришин	2 педагога / 25%	4 педагога / 50%	2 педагога / 25%	контактность, инициатива
Михельсон	2 педагога / 25%	4 педагога / 50%	2 педагога / 25%	тип реагирования
Ряховский	3 педагога / 37,5%	3 педагога / 37,5%	2 педагога / 25%	общительность
Зверева, Немова	2 педагога / 25%	4 педагога / 50%	2 педагога / 25%	саморазвитие
Интегральная оценка	2 педагога / 25%	4 педагога / 50%	2 педагога / 25%	интегральный профиль

Количественное распределение показывает повторяющуюся пропорцию: четверть педагогов демонстрирует высокий уровень, половина – средний, ещё четверть – низкий. Такая картина важна для управления методической работой в дошкольной организации. Она не подтверждает тезис о всеобщей неподготовленности педагогов к инклюзивному общению, но и не позволяет ограничиться разовыми консультациями. Оптимальной становится дифференцированная программа: для сильной группы – наставнические и проектные задания; для средней – тренинг коммуникативной устойчивости и отработка сложных ситуаций; для группы риска – поддерживающее сопровождение с постепенным включением в практические упражнения.

Содержательный анализ педагогической практики указывает на несколько уже имеющихся ресурсов: педагоги стремятся выстраивать доверительные отношения с детьми, используют понятные речевые инструкции, включают детей с ОВЗ в совместные игры и занятия, взаимодействуют с коллегами и проявляют открытость к контакту с родителями. Вместе с тем выявлены трудности, требующие целенаправленной работы: не всегда сохраняется эмоциональная устойчивость в конфликте, разговор с родителями детей с ОВЗ может приобретать формальный характер, отдельные педагоги испытывают неуверенность при взаимодействии с детьми с выраженными нарушениями, а средства альтернативной коммуникации используются ограниченно.

На основании диагностики разработана программа развития коммуникативных компетенций. Её содержание не дублирует традицион-

ные курсы повышения квалификации, где преобладает лекционное объяснение нормативных оснований инклюзии. Программа построена как практический маршрут: педагог сначала уточняет собственные установки в отношении инклюзии, затем тренирует эмпатическое слушание и невербальную чувствительность, далее осваивает способы предупреждения конфликтов и командного взаимодействия, после чего переносит полученные способы в модель инклюзивного занятия. Такой порядок позволяет соединить ценностный, эмоциональный, речевой и деятельностный компоненты коммуникативной компетентности.

Таблица 3. Тематический план программы развития коммуникативных компетенций педагогов

№	Тема	Цель	Часы	Формы работы
1	Введение в инклюзию и основы общения с детьми с ОВЗ	уточнение представлений об инклюзии и особенностях общения	2	мини-лекция, видеофрагменты, дискуссия
2	Эмпатия и активное слушание	развитие понимания эмоций ребёнка и взрослого	2	упражнения, работа в парах, ролевые игры
3	Невербальное и альтернативное общение	освоение жестов, мимики, пиктограмм и карточек PECS	3	практикум, «немое интервью», создание карточек
4	Конфликтология и стресс-менеджмент	формирование способов предупреждения конфликтов и саморегуляции	2	ситуационные задачи, мозговой штурм
5	Командное взаимодействие с родителями и специалистами	развитие партнёрской коммуникации вокруг ребёнка	2	анализ кейсов, работа в подгруппах
6	Практическое занятие: ведение инклюзивного занятия	перенос освоенных способов в педагогическую ситуацию	3	имитационное занятие, обсуждение, рефлексия

Три упражнения программы имеют особое значение для начального этапа развития коммуникативных компетенций. Упражнение «Миф или факт?» переводит разговор об инклюзии из уровня деклараций в зону профессиональных установок: педагоги сопоставляют распространённые утверждения с реальными задачами включения ребёнка. Упражнение «Говорю и слышу» направлено на активное слушание: участники учатся перефразировать, уточнять, отражать чувства, удерживать контакт без поспешных советов и оценок. Упражнение «Без слов» показывает ценность невербального канала и альтернативной коммуникации, что особенно важно для детей с речевыми и когнитивными трудностями.

Итоговая интерпретация результатов состоит в том, что развитие коммуникативных компетенций должно быть адресным и практико-ориентированным. Для педагогов с высоким уровнем целесообразно предусмотреть роль внутренних наставников: они могут демонстрировать удачные способы общения, участвовать в разборе кейсов и помогать коллегам в освоении альтернативных средств коммуникации. Педагогам среднего уровня необходимы упражнения на уверенное выражение позиции, конструктивный отказ, обсуждение трудных тем с родителями, предотвращение конфликтов. Педагогам с низким уровнем требуется постепенная поддержка: сначала безопасные парные задания, затем малые группы, затем анализ реальных ситуаций с обратной связью.

Коммуникативные компетенции педагога инклюзивного дошкольного образовательного учреждения представляют собой профессиональное качество, объединяющее контактность, речевую гибкость, эмпатию, способность к конструктивному реагированию, готовность к сотрудничеству и установку на саморазвитие. В отличие от общей общительности, эти компетенции проявляются в педагогически значимых ситуациях: при объяснении ребёнку с ОВЗ, при взаимодействии с семьёй, при предупреждении конфликта, при согласовании действий с логопедом, психологом и другими специалистами.

Диагностика восьми педагогов показала, что коммуникативный потенциал коллектива распределён неравномерно. Два педагога демонстрируют устойчивый высокий уровень, четыре – средний уровень с зависимостью от ситуации и внешней поддержки, два – низкий уровень, требующий специального сопровождения. Наиболее существенными дефицитами являются не столько отсутствие желания общаться, сколько трудности выбора профессионально корректной стратегии: зависимость от мнения коллег, агрессивность в напряжённых ситуа-

циях, неуверенность при контакте с родителями детей с ОВЗ и недостаточная системность саморазвития.

Практическая значимость исследования заключается в разработке программы, ориентированной на реальные коммуникативные трудности педагогов инклюзивной группы. Её преимущество состоит в соединении нескольких форм работы: обсуждения установок, тренировки активного слушания, освоения невербальной и альтернативной коммуникации, решения конфликтных ситуаций, командного анализа кейсов и моделирования инклюзивного занятия. Такая программа может быть использована в методической работе дошкольной организации, поскольку не требует длительного отрыва педагогов от основной деятельности и допускает поэтапное внедрение.

Перспективы дальнейшей работы связаны с проведением повторной диагностики после полной реализации программы и сравнением динамики по каждой методике. Отдельного изучения требует влияние коммуникативной подготовки педагогов на качество взаимодействия с родителями детей с ОВЗ и на участие самих детей в совместной деятельности группы. В дальнейшем программа может быть дополнена модулем супервизии, анализом видеозаписей педагогического общения и разработкой индивидуальных карт коммуникативного роста педагога.

Литература

- Алехина С.В., Шеманов А.Ю. Философские и методологические основы инклюзивного образования. М.: Юрайт, 2024. 268 с.
- Инклюзивное образование детей с ограниченными возможностями здоровья: дошкольная группа / Н.В. Микляева [и др.]. М.: Юрайт, 2024. 308 с.
- Годовникова Л.В. Психолого-педагогическое сопровождение обучающихся с ОВЗ. М.: Юрайт, 2024. 218 с.
- Козырева О.А. Инклюзивное образование. Ассистивные технологии. М.: Юрайт, 2025. 116 с.
- Зиминова Е.В., Воронцова Е.Г. Инклюзивная компетентность. Иркутск: Издательский дом Байкальского государственного университета, 2022. 110 с.
- Федорова И.Р. Инклюзивная готовность и компетентность педагога // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2022. № 3. С. 11–16.
- Кузьмичева Т.В., Афонькина Ю.А. Повышение эффективности подготовки учителей к осуществлению индивидуализации образовательной среды в условиях инклюзивного образования // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2021. № 4. С. 135–145.
- Самсоненко Л.С. Особенности развития психологической готовности педагогов к реализации инклюзивного образования // Гуманитарные науки. 2021. № 4 (56). С. 110–117.
- Основные принципы реализации компетентностного подхода в инклюзивной образовательной среде / Н.Л. Харченко, Н.В. Кузнецова, И.Ю. Багдасарова [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 1–2. С. 59–63.
- Создание инклюзивной образовательной среды в образовательных организациях: методические рекомендации / С.В. Алехина, Е.Н. Кутепова, Ю.В. Мельник [и др.]. М.: МГППУ, 2022. 151 с.
- Солдатова О.Д., Соловьева Е.В., Фролова И.Д. Социально-психологическое сопровождение лиц с ограниченными возможностями здоровья в интегративном инклюзивном образовании. М.: Знание-М, 2021. 138 с.
- Юревич С.Н., Санникова Л.Н., Левшина Н.И. Взаимодействие дошкольной образовательной организации и семьи. М.: Юрайт, 2024. 181 с.
- Хруль О.С., Рахманова Е.В. Ресурсный центр инклюзивного образования: организационно-содержательные аспекты // Педагогическая наука и образование. 2024. № 1(46). С. 29–39.

FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCIES OF TEACHERS IN INCLUSIVE PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Reutova A.V.
Pacific National University

The article examines the development of communicative competencies of teachers working in inclusive preschool education. Special attention is given to professional communication with children with disabilities, parents and support specialists. The study distinguishes general sociability from professionally significant communicative actions: establishing contact, choosing a speech strategy, responding constructively to difficult situations, supporting the child and cooperating with the family. The empirical data include diagnostic re-

sults of eight preschool teachers obtained through the Communicative and Organizational Inclinations Assessment by V.V. Sinyavsky and B.A. Fedorishin, Michelson's Communication Skills Test adapted by Yu.Z. Gilbukh, V.F. Ryakhovsky's Sociability Test and the Self-Development Questionnaire by V.I. Zvereva and N.V. Nemova. The results demonstrate that although several teachers possess a stable communicative basis, significant deficits remain in response strategies, professional confidence and readiness for systematic self-improvement. A 14-hour development program is proposed, including inclusive communication, empathy, active listening, non-verbal and alternative communication, conflict resolution, stress management and teamwork with parents and specialists.

Keywords: communicative competencies, preschool teacher, inclusive education, children with disabilities, pedagogical communication, empathy, active listening, alternative communication.

References

1. Alekhova S.V., Shemanov A. Yu. Philosophical and Methodological Foundations of Inclusive Education. Moscow: Yurait, 2024. 268 p.
2. Inclusive Education of Children with Disabilities: Preschool Group / N.V. Miklyaeva [et al.]. Moscow: Yurait, 2024. 308 p.
3. Godovnikova L.V. Psychological and Pedagogical Support for Students with Disabilities. Moscow: Yurait, 2024. 218 p.
4. Kozyreva O.A. Inclusive Education. Assistive Technologies. Moscow: Yurait, 2025. 116 p.
5. Zimina E.V., Vorontsova E.G. Inclusive Competence. Irkutsk: Publishing House of Baikal State University, 2022. 110 p.
6. Fedorova I.R. Inclusive Readiness and Competence of Teachers // Actual Problems of Pedagogy and Psychology. 2022. No. 3. pp. 11–16.
7. Kuzmicheva T.V., Afonkina Yu.A. Improving the Efficiency of Teacher Training for the Individualization of the Educational Environment in the Context of Inclusive Education // Scientific Support for the System of Advanced Training of Personnel. 2021. No. 4. pp. 135–145.
8. Samsonenko L.S. Features of the Development of Teachers' Psychological Readiness for the Implementation of Inclusive Education // Humanitarian Sciences. 2021. No. 4 (56). pp. 110–117.
9. Basic Principles of Implementing a Competency-Based Approach in an Inclusive Educational Environment / N.L. Kharchenko, N.V. Kuznetsova, I. Yu. Bagdasarova [et al.] // Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. 2022. No. 1–2. pp. 59–63.
10. Creating an Inclusive Educational Environment in Educational Organizations: Methodological Recommendations / S.V. Alekhova, E.N. Kuteпова, Yu.V. Melnik [et al.]. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education, 2022. 151 p.
11. Soldatova O.D., Solovieva E.V., Frolova I.D. Social and Psychological Support for Individuals with Disabilities in Integrative Inclusive Education. Moscow: Znanie-M, 2021. 138 p.
12. Yurevich S.N., Sannikova L.N., Levshina N.I. Interaction between a preschool educational organization and a family. Moscow: Yurait, 2024. 181 p.
13. Khruľ O.S., Rakhmanova E.V. Resource Center for Inclusive Education: Organizational and Substantive Aspects // Pedagogical Science and Education. 2024. No. 1 (46). pp. 29–39.

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

В статье обсуждается понятие социально ответственного управления; это относительно новое направление по сравнению с более разработанной концепцией, или парадигмой корпоративной социальной ответственности (КСО). Высказывается точка зрения, что данная идея должна рассматриваться как возникающая фундаментальная концепция публичного управления, которая направлена на то, чтобы адаптировать системы публичного управления к сложным вызовам, характерным для современного мира. Основой для развития и практической реализации идеи ответственного управления должно быть осознание системами публичного управления своей важной роли в обществе, а также необходимости решения сложнейших задач высокоуровневого характера и целенаправленных действий по формированию желаемого будущего. Ответственное управление предполагает максимально эффективное использование системами управления собственного потенциала, а также его усиление за счет создания связей и осуществления совместной деятельности с бизнесом и гражданским обществом. Для развития концепции социально ответственного управления требуются дальнейшие исследования, разработки и практические действия.

Ключевые слова: публичное управление, социальная ответственность, гражданская служба, корпоративная социальная ответственность, системы управления

Концепция корпоративной социальной ответственности (КСО) стала одним из основополагающих идейных начал, трансформирующих само понимание бизнеса и его взаимоотношений с обществом в современном мире. Общество ожидает от частного сектора большей включенности в социальную жизнь, ориентации на общественные нужды и потребности, участия в решении различных проблем (прежде всего социальных и экологических). Корпоративная социальная ответственность фактически стала общепринятым ориентиром для ведения бизнеса, что закрепляется также на уровне международных документов, стандартов отчетности, рейтингов социальной ответственности и т.п.

Предложено немало определений КСО. Так, согласно определению Европейской комиссии (2001), под КСО можно понимать концепцию, на основе которой частные организации добровольно интегрируют социальные и экологические аспекты в свою деловую активность и взаимодействие с заинтересованными сторонами. [1, р.3]

Идеи корпоративной социальной ответственности раскрываются и детализируются также в таких подходах, как создание общей ценности, стратегическая корпоративная ответственность, корпоративное гражданство, тройной результат, интегрированная ценность и других. Имеется также тесная связь парадигмы КСО и концепции устойчивого развития. [2]

С недавнего времени в литературе стала обсуждаться также тема социальной ответственности в публичном управлении (или проблема социально ответственного публичного управления), что можно считать вполне естественным расширением и продолжением идеи социальной ответственности бизнеса [3], [4], [5]. Однако, в отличие от значительно более развитого поля исследований и разработок в отношении КСО, понятие социально ответственного публичного управления пока остается менее ясным. Значение ответственного государственного управления для общества особенно четко было осознано в годы пандемии COVID-19 и в последующий постпандемический период. [6]

Следует отметить, что сама постановка вопроса о социально ответственном управлении выглядит в известном смысле парадоксально, поскольку органы власти, по определению, и так должны действовать ответственно и эффективно решать общественные проблемы. Поэтому данная идея нуждается в отдельном обосновании и дальнейшем прояснении.

Ситуация станет понятнее, если интерпретировать социальную ответственность управления не как более-менее простое и очевидное понятие, а как целую концепцию (пока в большей мере предполагаемую, чем развитую). Речь идет о некоторой содержательной концепции публичного управления – его оснований, миссии, ценностей, функций, задач и т.п. Эта концепция находится пока в стадии формирования. Вкратце, ее смысл состоит в том, что публичное управление должно быть адекватно реалиям современного мира. Эти реалии включают растущую сложность, турбулентную динамику, взаимозависимость различных уровней и событий, высокие риски и неопределенности, множество резистентных проблем (которые сохраняются и, возможно, будут усиливаться дальше), возрастающую вероятность появления новых вызовов и т.п.

О необходимости соответствовать современным реалиям говорят и другие известные концепции управления (например, открытое управление, умное управление), однако в данном случае идеал управления рассматривается через призму *социальной ответственности*.

Концепцию социальной ответственности публичного управления прежде всего следует рассматривать как непосредственное продолжение и расширение идеи корпоративной социальной ответственности. В этом смысле ответственное публичное управление является необходимым дополнением социально ответственного бизнеса. Как минимум, это означает достижение большей координации бизнеса и властей, а также проведение целенаправленной политики органов управления по поддержке социально ориентированных частных инициатив. Социальная ответственность управления как продолжение идеи КСО означает также осознание системами управления необходимости совместных (с другими секторами) действий и совместно принимаемой ответственности: за сохранение окружающей среды, сбережение невозобновимых ресурсов, смягчение последствий интенсивной экономической деятельности, обеспечение условий для будущих поколений и т.п.

Идеи устойчивого развития в этом контексте могут служить общей платформой для объединения социально ответственного бизнеса и публичного управления.

Собственно, дискурс социально ответственного управления как раз и возник в контексте обсуждений проблем социально ответственного бизнеса.

Однако, с другой стороны, понятие социально ответственного публичного управления можно рассматривать и как более широкую (и одновременно фундаментальную) концепцию управления.

В парадигме КСО многократно подчеркивалась возросшая мощь корпораций (что, собственно, и было одним из доводов в пользу необходимости социальной ориентации современного бизнеса) [7]. Однако государственный сектор тоже обладает уникальными возможностями, и понимание этого должно послужить основой для формирования подходов к управлению с точки зрения социальной ответственности.

Органы власти располагают собственным значительным потенциалом, который включает в себя обширное множество составляющих. К ним относятся административные, информационные, экспертно-аналитические, финансовые, правовые, коммуникационные и другие ресурсы. Соответственно, государственный сектор может в различной степени использовать (или не использовать) имеющиеся возможности, создавать или не создавать новые. Публичное управление может останавливаться на некотором минимально необходимом (с нормативной точки зрения) уровне деятельности (регулирующей, повседневной и т.п.). Либо – наоборот – система публичного управления может стать активным участником общественных процессов, использовать свой потенциал для развития стратегического видения, глубокого анализа текущих и возникающих проблем, разработки и реализации инновационных решений, повышения эффективности управленческой деятельности и т.п.

В этой связи социально ответственное управление (в первом приближении) можно понимать как общий эффективный уровень деятельности управленческих систем, на котором органы публичного управления используют свой потенциал в максимальной (или достаточно высокой) степени и по назначению.

Сегодня широко обсуждается современная трансформация публичного управления – и, соответственно, меняющиеся профессиональные задачи государственных и муниципальных служащих. В частности, выделяют такие новые функции государственных и муниципальных чиновников, как специалист по работе с данными, системный архитектор, организатор партнерств, координатор социальных процессов, специалист по стратегическому планированию и управлению и т.п. [8]. Все это говорит о неуклонно растущем значении систем публичного управления в современной жизни.

С этой точки зрения публичное управление с высоким уровнем социальной ответственности можно понимать как подход к управлению, который интегрирует современные требования к управленческим системам и соответствует (стремится соответствовать) той роли, которая отводится органам власти в контексте сложных современных проблем.

Здесь можно также вспомнить известную концепцию деятельности правителей Й. Дрора, согласно которой государственное управление должно решать высокоуровневые задачи, производить целенаправленные вмешательства, которые формируют будущее. В современных демократических условиях эти функции возложены именно на государство, а не другие структуры или сектора [9]. Эта концепция достаточно выпукло характеризует уникальные задачи, а также обязанности государственного управления.

Ответственное управление в качестве общей установки на ответственное отношение к задачам государственной службы, конечно, может (и должно) иметь множество проявлений – например, по поводу расходования общественных финансов или отбора наиболее важных проектов для реализации и т.д. Однако в рамках данной работы речь идет прежде всего о специфике осуществления ответственной управленческой деятельности на стратегическом уровне.

Таким образом, ответственное публичное управление – это управленческая деятельность, которая эффективно использует и развивает свой потенциал (в том числе за счет сотрудничества с другими секторами общества). Это деятельность, которая способна ставить и решать высокоуровневые задачи, необходимые для достижения таких фундаментальных целей общества, как выживаемость и безопасность, решение текущих и угрожающих в будущем проблем, развитие социальных, экономических, культурных систем и т.д.

По аналогии с парадигмой КСО, в центре которой находится идея о расширенной миссии бизнеса, осознании им своей важной роли в обществе и необходимости учитывать широкие последствия своей деятельности (социальные, экологические и т.п.), может быть выстроена и концепция ответственного управления.

Ответственное управление предполагает необходимость для систем публичного управления (и государственных служащих) понимать основополагающую роль публичного управления в современном обществе, а также сознавать последствия своей деятельности. Это может служить регулятивом публичного управления, который не определяет однозначно, что и как следует делать, но помогает осуществлять выборы (решений, политик, программ, проектов и т.п.) в направлении максимизации общественной пользы, а также охраны окружающей среды, заботы о будущих поколениях и т.п. При этом важно отметить, что развертывание деятельности в этих направлениях, в общем, может выходить за рамки обычных нормативно обоснованных функций публичного управления.

Для социально ответственного управления целенаправленная деятельность в отношении наиболее существенных проблем общества означает не столько следование какой-то новой форме ответственности, сколько проявление более глубокого и содержательного осознания управленческими системами своей значимости в современном обществе, а также своих возможностей, задач, функций и ключевых направлений работы.

Можно кратко суммировать основные характеристики социально ответственного управления следующим образом. Социально ответственные органы управления:

- 1) осознают свою тесную связь с обществом, другими секторами, что выражается в установке на сотрудничество, партнерство, поддержке местных сообществ и т.п. (и это в ряде случаев может выходить за формальные рамки обязанностей властей);
- 2) учитывают возможные последствия своей деятельности (решений, политик, программ, проектов и т.п.). В этом числе это означает проведение оценок долгосрочных эффектов и широких влияний управленческой деятельности на общество и экологические системы;
- 3) эффективно используют свой потенциал, а также усиливают его за счет координации с другими секторами общества;
- 4) стремятся максимизировать общественную ценность;
- 5) развертывают деятельность, нацеленную на долгосрочные эффекты (устойчивое развитие, внедрение инновационных технологий, забота о будущих поколениях и др.);
- 6) развивают ответственное лидерство в отношении руководства социальными, экономическими, культурными процессами.

Для дальнейшего развития идеи социально ответственного публичного управления могут быть использованы различные концепции, которые были разработаны в русле общей теории КСО (и являются родственными ей).

Примером может служить идея корпоративного гражданства, которая рассматривает частные организации как своего рода коллективных граждан, активно участвующих в общественной жизни [10], [11], [12]. Эта концепция хорошо применима также и к проблематике социально ответственного публичного управления. Более того, она удачно перекликается с известной концепцией «новой государственной службы» Дж. и Р. Денхардтов, согласно которой гражданская служба является продолжением «обычного» гражданства. По мнению Дж. и Р. Денхардтов, основы (прежде всего моральные) профессии публичного управления укоренены в понятии гражданского служения [13]. В таком ракурсе социально ответственное управление может быть понято и как ответственность гражданина (гражданская сознательность) – в данном случае принимаемая системами публичного управления (и, разумеется, государственными служащими). Это ответственность, которая имеет особенно значимый характер ввиду особых полномочий и ресурсов систем публичного управления.

Другим примером может служить теория создания общей ценности (shared value); эта ценность создается фирмами, сотрудничающими с властями и местными сообществами [14]. Из данной теории можно извлечь много полезного для лучшего понимания специфики социально ответственного управления.

Так, ориентация на создание общей ценности может означать для органов власти: укрепление и развитие сотрудничества с гражданским обществом и бизнесом (что одновременно усиливает и потенциал систем управления); повышение легитимности принимаемых решений и разрабатываемых политик; лучшую фокусировку на реальных общественных нуждах (в том числе за счет преодоления собственной организационно-корпоративной замкнутости); разработку стратегий и программ, скорректированных с точки зрения общественных целей и т.п. В конечном счете это должно способствовать максимизации общественной ценности (на что, собственно, и нацелена вся концепция социально ответственного управления).

Идея КСО состояла в обосновании необходимости системного перехода бизнеса (начиная с крупных корпораций) в новое состояние, что, в общем, постепенно и происходит. Ответственный бизнес – это

не совокупность индивидуальных случаев частных инициатив (пусть многочисленных), а становление целой среды, в которой поощряется КСО, и сами фирмы заимствуют друг у друга хорошие практики ведения социально ответственного бизнеса.

Аналогичным образом, концепт социально ответственного управления не должен оставаться просто призывом к «более хорошей» работе. Для того чтобы концепция социально ответственного управления стала по-настоящему действенной, она должна реализоваться в форме системного (хотя, конечно, постепенного и длительного) перехода правительств (всех уровней) к новому видению миссии и задач публичного управления, к глубокому внедрению принципов социальной ответственности в деятельность органов власти.

В связи с этим становится понятно, какая огромная работа еще предстоит по практической реализации этой идеи в системах публичного управления.

Так, необходимо дальнейшее уточнение и прояснение самого понятия социально ответственного управления (с точки зрения его обоснования, содержания, связи с другими основополагающими понятиями и т.п.) — для достижения более-менее согласованного понимания этого концепта всеми заинтересованными сторонами. Необходимо постепенное внедрение надлежащих устойчивых практик в работу государственных органов, а также разработка и использование специализированных правил деятельности — для того, чтобы государственным служащим было более понятно, что от них ожидается (или требуется). По возможности, основные положения теории социально ответственного управления должны быть проработаны и закреплены в соответствующих международных соглашениях, принципах, стандартах и т.п.

Важнейшая роль в этих системных преобразованиях должна быть отведена руководителям учреждений общественного сектора (на всех уровнях управления). Здесь следует остановиться на таком понятии, как *трансформационное лидерство*. Это концепция, которая сегодня хорошо разработана; в том числе уже имеются четкие представления о том, из чего складывается трансформационное лидерство. Наличие (развитие) данного вида лидерства сегодня признано в качестве ключевого фактора, необходимого для проведения крупных и сложных преобразований в тех или иных сферах общественной жизни [15], [16].

Для полноценного развития и продвижения идеи социально ответственного управления, безусловно, требуются новые исследования и разработки, а также широкие обсуждения этой темы. Кроме того, необходимы практические действия, связанные с наработкой хороших практик, с проведением организационных и институциональных изменений, развитием новых форм отчетности и т.п.

Таким образом, идея социально ответственного управления, которая в определенном смысле является расширением концепции корпоративной социальной ответственности, имеет и самостоятельную ценность. Ее можно понимать как фундаментальную концепцию, которая нацелена на обеспечение соответствия систем публичного управления сложным вызовам современного мира.

Ответственное управление базируется на понимании органами власти основополагающего значения систем управления в обществе, в процессах, происходящих в социальной и природной среде, а также на осознании необходимости более активных и стратегически ориентированных действий для достижения наиболее значимых общественных целей. Ответственное управление — это максимально эффективное использование системами управления своего потенциала (аналитического, финансового, организационного и др.), а также его усиление за счет создания устойчивых и плодотворных связей с бизнесом и гражданами. Социально ответственное управление должно быть способным формулировать и решать задачи высокого уровня, производить эффективные вмешательства в общественные процессы, планировать долгосрочные политики, ведущие к формированию желаемого будущего.

При этом для дальнейшего развития и внедрения этой идеи (в форме системного перехода систем управления на более высокий уровень деятельности) требуются еще значительные усилия.

Литература

1. Governments and Corporate Social Responsibility: Public Policies beyond Regulation and Voluntary Compliance / J. Lozano, L. Albarada, T. Ysa, H. Roscher, M. Marcuccio. Palgrave MacMillan, 2008
2. Akdoğu S.K. The Link Between CSR and Sustainable Development in a Global Economy. In: Vertigans S., Idowu S. (eds.). Corporate Social Responsibility. CSR, Sustainability, Ethics & Governance. Springer, Cham, 2016, pp. 223–240
3. Di Bitetto M., Chymis A., D'Anselmi P. Public Management as Corporate Social Responsibility: The Economic Bottom Line of Government, Springer, 2014

4. Crowther D., Seifi S. (Eds.). CSR and Sustainability in the Public Sector. Springer, 2020
5. Jurkowska-Gomułka A., Kurczewska K., Bilan Y. Corporate social responsibility in public administration. Case of Polish central administrative institutions. *Administratie si Management Public*, 2021, 36, 116–133. DOI: 10.24818/amp/2021.36-07
6. D'Anselmi P. Reformulated Corporate Social Responsibility and Covid-19: What CSR Has to Say About the Coronavirus. *Academy of Strategic Management Journal*, 2021, 20. Special issue 2021 Marketing Management and Strategic Planning 1544–1458–20-S2–34.
7. Chandler D. Sustainable Value Creation. 2nd Edition. Routledge, 2021
8. Ушаков Е.В. Формирование профессиональной идентичности государственных служащих: роль и задачи системы образования. *Социально-гуманитарные знания*. 2025. № 8. С. 167–170.
9. Dror Y. The Capacity to Govern. A Report to the Club of Rome. London/ Portland, OR: Frank Cass, 2001
10. McIntosh M., Thomas R., Leipziger D., Coleman G. Living Corporate Citizenship: Strategic Routes to Socially Responsible Business. Pearson Education, 2002
11. Matten D., Crane A. Corporate citizenship: Towards an extended theoretical conceptualization. *Academy of Management Review*, 2005, 30(1): 166–179
12. Wood D. J., Logsdon J.M. Business citizenship as metaphor and reality. *Business Ethics Quarterly*, 2008, 18(1): 51–59
13. Denhardt J. V., Denhardt R.B. The New Public Service: Serving, Not Steering. 4th edition. Routledge, 2015
14. Porter M., Kramer M. Creating shared value: How to reinvent capitalism and unleash a wave of innovation and growth. *Harvard Business Review*, 2011, January–February: 2–17.
15. Bass B. M., Riggio R.E. Transformational leadership. Psychology Press, 2006
16. Angus-Leppan T., Metcalf L., Benn S. Leadership styles and CSR practice: An examination of sensemaking, institutional drivers and CSR leadership. *Journal of Business Ethics*, 2010, 93, 189–213.

SOCIAL RESPONSIBILITY AS A CONCEPTUAL BASIS FOR PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEMS

Ushakov E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article discusses the concept of socially responsible public administration, which is a relatively new area compared to the more developed paradigm of corporate social responsibility (CSR). It is argued that this idea should be regarded as an emerging fundamental concept of public administration, aimed at adapting public governance systems to the complex challenges of the modern world. The foundation for the development and practical implementation of the responsible governance concept should be the awareness by public administration systems of their significant role in society, as well as the necessity to address highly complex, high-level tasks and to take purposeful actions to shape the desired future. Responsible governance implies the most effective use of the public administration systems' own potential, as well as its enhancement through building partnerships and engaging in joint activities with business and civil society. Further research, development, and practical efforts are required to advance the concept of socially responsible public administration.

Keywords: public administration, social responsibility, civil service, corporate social responsibility, governance systems

References

1. Governments and Corporate Social Responsibility: Public Policies beyond Regulation and Voluntary Compliance / J. Lozano, L. Albarada, T. Ysa, H. Roscher, M. Marcuccio. Palgrave MacMillan, 2008
2. Akdoğu S.K. The Link Between CSR and Sustainable Development in a Global Economy. In: Vertigans S., Idowu S. (eds.). Corporate Social Responsibility. CSR, Sustainability, Ethics & Governance. Springer, Cham, 2016, pp. 223–240
3. Di Bitetto M., Chymis A., D'Anselmi P. Public Management as Corporate Social Responsibility: The Economic Bottom Line of Government, Springer, 2014
4. Crowther D., Seifi S. (Eds.). CSR and Sustainability in the Public Sector. Springer, 2020
5. Jurkowska-Gomułka A., Kurczewska K., Bilan Y. Corporate social responsibility in public administration. Case of Polish central administrative institutions. *Administratie si Management Public*, 2021, 36, 116–133. DOI: 10.24818/amp/2021.36-07
6. D'Anselmi P. Reformulated Corporate Social Responsibility and Covid-19: What CSR Has to Say About the Coronavirus. *Academy of Strategic Management Journal*, 2021, 20. Special issue 2021 Marketing Management and Strategic Planning 1544–1458–20-S2–34.
7. Chandler D. Sustainable Value Creation. 2nd Edition. Routledge, 2021
8. Ushakov E.V. Formation of professional identity of civil servants: the role and objectives of the education system. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2025. № 8. P. 167–170.
9. Dror Y. The Capacity to Govern. A Report to the Club of Rome. London/ Portland, OR: Frank Cass, 2001

10. McIntosh M., Thomas R., Leipziger D., Coleman G. Living Corporate Citizenship: Strategic Routes to Socially Responsible Business. Pearson Education, 2002

11. Matten D., Crane A. Corporate citizenship: Towards an extended theoretical conceptualization. *Academy of Management Review*, 2005, 30(1): 166–179

12. Wood D. J., Logsdon J.M. Business citizenship as metaphor and reality. *Business Ethics Quarterly*, 2008, 18(1): 51–59

13. Denhardt J. V., Denhardt R.B. The New Public Service: Serving, Not Steering. 4th edition. Routledge, 2015

14. Porter M., Kramer M. Creating shared value: How to reinvent capitalism and unleash a wave of innovation and growth. *Harvard Business Review*, 2011, January–February: 2–17.

15. Bass B. M., Riggio R.E. Transformational leadership. Psychology Press, 2006

16. Angus-Leppan T., Metcalf L., Benn S. Leadership styles and CSR practice: An examination of sensemaking, institutional drivers and CSR leadership. *Journal of Business Ethics*, 2010, 93, 189–213.

Модели корпоративной молодёжной политики в государственных корпорациях России: сравнительный анализ практик

Фомин Владислав Артурович,

студент, Институт государственной службы и управления,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации»

E-mail: vladfomin000@mail.ru

Актуальность работы вызвана дефицитом молодых квалифицированных кадров в высокотехнологичных отраслях. При этом крупные госкорпорации накопили разный, но в тоже время ценный опыт взаимодействия с молодыми сотрудниками. Цель статьи – выявить и систематизировать модели молодёжной политики, которые уже показали свою эффективность. В качестве примеров взяты практики АО «Системный оператор ЕЭС», Госкорпорации «Ростех», Госкорпорации «Росатом», ПАО «Сбербанк», ПАО «Татнефть» и ОАО «РЖД». На основе их сравнительного анализа выделены пять моделей: самоуправленческую, профориентационную, цифровую образовательную, научно-исследовательскую и инициативно-проектную. Несмотря на все различия, их объединяют принципы преемственности, наставничества и обратной связи с молодёжью. Результаты могут использоваться при дальнейшей разработке стратегий молодёжной политики и совершенствовании государственной кадровой политики в организациях и госкорпорациях.

Ключевые слова: корпоративная молодёжная политика, государственные корпорации, кадровый резерв, наставничество, управление персоналом, молодые специалисты, HR-практики.

Введение

Молодое поколение сегодня играет решающую роль в развитии страны – именно оно создаёт новые технологии, задаёт темп и направление дальнейшего развития и формирует будущее. Задача властей – не просто финансово поддерживать молодёжь. Важнее выстроить систему, в которой каждый талантливый молодой человек сможет успешно реализовать себя в профессии.

Актуальность исследования продиктована реальными цифрами. В отраслях, критически важных для технологического суверенитета страны (атомная промышленность, ракетно-космическая сфера, энергетика), наблюдается устойчивое старение персонала и одновременное снижение притока молодых специалистов. Например, в ракетно-космической отрасли средний возраст работников вырос с 47,3 до 49,2 лет за 2020–2025 годы, а доля руководителей старше 50 лет перевалила за 40%. Такая динамика характерна и для других высокотехнологичных секторов. Из этого следует, что привлечение, адаптация и закрепление молодых кадров становится общей задачей – как для государства, так и для самих корпораций. Поэтому в своей работе я сосредоточился на том, какие корпоративные модели работы с молодёжью уже существуют и какие из них действительно эффективны.

Реализация государственной молодёжной политики в Российской Федерации регламентируется Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации» [11], а также утверждённой Распоряжением Правительства РФ от 17 августа 2024 г. № 2233-р Стратегией реализации молодёжной политики на период до 2030 года [12]. Указанные документы задают общие рамки, но на практике их предписания реализуются по-разному – каждая компания сама решает, какие формы работы с молодёжью выбирать, насколько вовлекать ребят в управление и как выстраивать саму систему. В результате в открытых источниках накопилось много разрозненных материалов о корпоративных практиках. Например, в изданном Федеральным агентством по делам молодёжи сборнике «Корпоративные практики в сфере молодёжной политики» представлены кейсы 21 крупной компании [13]. Данные сборника до настоящего времени никто не пытался сравнить и выделить повторяющиеся модели.

Степень научной разработанности проблемы характеризуется наличием отдельных исследований, посвящённых как общим вопросам государственной молодёжной политики [4; 9; 10], так и специфике корпоративного аспекта. Так, И.М. Козина и Л.М. Чеглакова одними из первых предприняли попытку систематизации подходов российских промышленных предприятий к молодёжной политике [5], Т.П. Волкова и В.Н. Пацукова рассмотрели особенности изучения и развития корпоративной молодёжной политики [3], а О.В. Мондрус с соавторами проанализировали условия реализации практик удержания талантов в организациях [8]. Вместе с тем указанные работы либо ограничиваются отдельным предприятием или отраслью, либо носят преимущественно теоретический характер. На их основе невозможно выделить наиболее успешные модели, которые работали бы для разных корпораций. Данное обстоятельство определяет научную новизну настоящего исследования, в котором проанализированы практики шести крупных компаний из разных секторов и на этой основе предложена сравнительная классификация моделей молодёжной политики.

Объектом исследования выступает корпоративная молодёжная политика российских государственных корпораций, предметом – модели и организационные формы её реализации. Целью статьи является выявление и систематизация моделей корпоративной молодёжной политики, реализуемых государственными корпорациями и компаниями с государственным участием в Российской Федерации, на основе сравнительного анализа их практик. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: раскрыть содержание понятия корпоративной молодёжной политики и его соотношение с государственной молодёжной политикой; определить критерии отбора и сопоставления корпоративных кейсов; провести сравнительный анализ практик выбранных организаций; предложить типологию моделей и выявить общие принципы и различия между ними; оценить практическую значимость полученной типологии для совершенствования корпоративного управления молодёжью.

Методы

Методологическую основу исследования составил сравнительно-сопоставительный анализ (case-study comparison) и метод контент-анализа открытых источников. Выбор данного методологического инструментария обусловлен спецификой объекта исследования: корпоративная молодёжная политика является практико-ориентированной сферой деятельности, сведения о которой в первую очередь содержатся не в академических публикациях, а в официальных отчётах, на сайтах организаций и в отраслевых сборниках, что делает качественный сравнительный анализ более обоснованным инструментом, нежели количественные статистические методы.

Формирование выборки организаций осуществлялось по трём критериям: во-первых, наличие статуса государственной корпорации либо компании с преобладающим государственным участием; во-вторых, публичная доступность сведений о реализуемых практиках работы с молодёжью за период 2022–2026 гг.; в-третьих, отраслевое разнообразие, позволяющее оценить универсальность либо отраслевую специфичность выявляемых моделей. По совокупности данных критериев в выборку были включены шесть организаций: АО «Системный оператор единой энергетической системы» [15] (электроэнергетика), Государственная корпорация «Ростех» [16] (машиностроение и оборонно-промышленный комплекс), Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» [17] (атомная энергетика), ПАО «Сбербанк» [19] (финансовый сектор), ПАО «Татнефть» [18] (нефтедобыча) и ОАО «Российские железные дороги» [20] (транспорт).

Основными источниками эмпирических данных послужили официальные сайты и корпоративные отчёты указанных организаций, третий том сборника «Корпоративные практики в сфере молодёжной политики», подготовленный Федеральным агентством по делам молодёжи в 2025 г. и включающий систематизированное описание 21 корпоративного кейса [13], а также социологические данные совместного исследования компании ANCOR и президентской платформы «Россия – страна возможностей» [14].

Анализ практик каждой организации проводился по единой системе критериев, включающей организационную форму работы с молодёжью (централизованная либо децентрализованная), целевую аудиторию, ключевые применяемые инструменты, степень вовлечённости молодёжи в принятие решений и количественные показатели масштаба реализации практики (число участников, охват, финансовые показатели) в тех случаях, когда такие данные раскрывались организациями в публичных источниках. Результаты сопоставления представлены в обобщённом виде в таблице 1.

При этом важно признать, что в основе работы лежат данные, которые компании сами публикуют о себе, а такие отчёты обычно показывают только успешные кейсы. Понятно, что по этим материалам сложно судить, насколько программы на самом деле эффективны – для объективной картины нужны цифры по текучке кадров и реальному уровню удовлетворённости молодых сотрудников, а их в открытом доступе нет. Поэтому в статье сделаны выводы, которые носят предварительный характер. Далее необходимо провести более строгое количественное исследование.

Результаты

Проведённый сравнительный анализ практик шести организаций позволил выделить пять устойчивых моделей корпоративной молодёжной политики, различающихся по организационной форме, целевой аудитории и степени институционализации участия молодёжи в жизни организации.

Первая модель, условно обозначенная как модель молодёжного самоуправления, наиболее полно реализована в АО «Системный оператор единой энергетической системы». С 2022 г. в компании действует Молодёжный совет «#СОзвездие», объединяющий сотрудников в возрасте до 35 лет и выстроенный по принципу вертикали, четко отражающей организационную структуру самой компании: молодёжные советы функционируют на уровне филиалов, региональных подразделений и исполнительного аппарата [15]. Отличительной особенностью

данной модели является то, что молодёжное сообщество выступает не формальной структурой при кадровой службе, а самостоятельным субъектом, обладающим собственной повесткой в области научно-технологического развития, профессионального роста, социальной работы и корпоративной культуры. Высокая степень системного участия молодёжи в данном случае проявляется в наличии устойчивых каналов взаимодействия молодёжных советов с руководством на всех уровнях управления.

Вторая модель – модель ранней профориентации – характерна для организаций, выстраивающих взаимодействие с потенциальными сотрудниками задолго до их выхода на рынок труда. Наиболее системно данная модель реализуется Госкорпорацией «Ростех», построившей цепочку «школа – вуз – передовая инженерная школа – предприятие», включающую создание инженерных классов для старшеклассников по направлениям авиастроения, радиоэлектроники и медицинского приборостроения, а также ежегодный корпоративный чемпионат по производственным профессиям «Время первых», собирающий около 3 тыс. участников [16]. Аналогичный подход, хотя и в менее активной форме, применяется ОАО «РЖД», программа профориентации которого охватывает воспитанников детских садов [20], и совместным проектом «Газпромнефть-Хантос» и президентской платформы «Россия – страна возможностей» «Уверенный старт», ориентированным на школьников (свыше 3500 заявок на участие). В этой модели внимание переносится с отбора готовых специалистов на их подготовку задолго до трудоустройства – еще на этапе учёбы или даже профориентации.

Третья модель – модель цифровой образовательной экосистемы – представлена проектом ПАО «Сбербанк» «Школа 21», реализующим принцип обучения peer-to-peer в отсутствие преподавателей, лекций и формализованной системы оценок [19]. Данная модель ориентирована не столько на существующих сотрудников компании, сколько на формирование внешнего кадрового резерва в сфере информационных технологий: выпускники школы, ознакомленные с корпоративными принципами работы, впоследствии рассматриваются как потенциальные кандидаты для трудоустройства. Отличительной особенностью модели является минимальная административная иерархия при высокой технологической и инфраструктурной оснащённости, включая круглосуточный доступ к кампусу.

Четвёртая модель – модель научно-исследовательских стажировок – наиболее последовательно реализуется Госкорпорацией «Росатом» в рамках программы «Лаборатория роста», предусматривающей привлечение студентов бакалавриата и специалитета к реальным научно-исследовательским проектам отраслевых институтов начиная со второго курса обучения [17]. Продолжительность оплачиваемой стажировки составляет от одного года до трёх лет; за 2,5 года существования программы в ней приняли участие более 300 студентов, из которых 60 впоследствии получили постоянные должности в организациях атомной отрасли, включая руководящие позиции, при этом доля успешно трудоустроенных стажёров превышает 97%. Данная модель ориентирована на узкую группу наиболее мотивированных к научной деятельности молодых людей и характеризуется высокой глубиной профессиональной интеграции при относительно небольшом количественном охвате.

Пятая модель – модель инициативно-проектного участия – реализуется в ПАО «Татнефть» в рамках проекта «Инициативный подход», действующего с 2022 г. и предполагающего, что любой молодой сотрудник компании может выступить инициатором корпоративного мероприятия для коллег своего подразделения, после чего инициатива проходит конкурсный отбор и в случае поддержки получает целевое финансирование [18]. Отличительной особенностью данной модели выступает движение инициатив «снизу вверх» при сохранении централизованного контроля за распределением ресурсов, что отличает её от модели молодёжного самоуправления, в которой молодёжные структуры обладают собственной повесткой и организационной автономией.

Обобщённые результаты сопоставления пяти моделей по ключевым критериям представлены в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительная характеристика моделей корпоративной молодёжной политики в государственных корпорациях России

Модель	Организация(и)-репрезентант	Целевая аудитория	Ключевые инструменты	Институционализация участия молодёжи	Количественный результат (по открытым данным)
Молодёжное самоуправление	АО «СО ЕЭС»	Сотрудники до 35 лет	Молодёжные советы на всех уровнях управления	Высокая: право голоса, представительство	Многоуровневая структура во всех филиалах компании

Модель	Организация(и)-репрезентант	Целевая аудитория	Ключевые инструменты	Институционализация участия молодёжи	Количественный результат (по открытым данным)
Опережающая профориентация	Ростех, РЖД, «Газпромнефть-Хантос»	Школьники, студенты	Инженерные классы, чемпионаты профмастерства	Средняя: профориентация без права голоса	~3000 участников чемпионата «Время первых»; свыше 3500 заявок на «Уверенный старт»
Цифровая образовательная экосистема	ПАО «Сбербанк»	Внешние кандидаты от 18 лет	Реег-to-реег обучение, круглосуточный доступ к кампусу	Низкая: внешний резерв вне штата	Выпускники трудоустроиваются в крупные ИТ-компании
Научно-исследовательские стажировки	Госкорпорация «Росатом»	Студенты 2–4 курсов	Оплачиваемые стажировки в отраслевых НИИ	Средняя: профессиональная интеграция	Свыше 300 стажёров за 2,5 года; 97% трудоустройства
Инициативно-проектное участие	ПАО «Татнефть»	Сотрудники до 35 лет	Конкурсный отбор инициатив, целевое финансирование	Средняя: инициатива при сохранении централизованного контроля	Ежегодный конкурсный отбор молодёжных инициатив

Источник: составлено автором на основе анализа открытых источников [13; 15–20].

Сопоставление представленных моделей показывает, что при различии конкретных инструментов все они опираются на единый набор базовых принципов – добровольность участия, преемственность поколений и обратную связь с молодыми сотрудниками, – но существенно различаются по степени вовлеченности молодёжи в управленческие процессы: от максимальной, обеспечивающей молодёжным структурам право голоса, например, модель самоуправления, до минимальной, ограничивающейся образовательной функцией без включения участников в штат организации (цифровая образовательная экосистема).

Обсуждение

Анализ показывает, что выбор модели молодёжной политики не случаен – он зависит от стратегии компании. Так, выбор в пользу модели молодёжного самоуправления, реализованной в АО «СО ЕЭС», отражает стратегию, ориентированную на долгосрочное удержание и развитие лояльности уже работающих молодых сотрудников через предоставление им реальных полномочий и каналов влияния на организационные процессы. Напротив, модель цифровой образовательной экосистемы, реализованная ПАО «Сбербанк», в большей степени ориентирована на решение задачи привлечения внешних кадров и формирования отраслевого кадрового резерва за пределами штатной структуры компании. То есть одни подходы «удерживающие», другие – «привлекающие».

Ещё один важный вывод: чем больше у молодёжи реальных управленческих полномочий, тем глубже ребята погружаются в корпоративную культуру и ощущают себя частью компании. Это особенно заметно в моделях самоуправления и проектных инициатив. А чисто образовательные модели (профориентация, цифровые платформы) хорошо расширяют кадровый поток, но на удержание уже принятых специалистов влияют слабее. Кстати, это перекликается с тем, что писали Козина и Чеглакова [5] о двойной природе молодёжной политики, а также с выводами Мондрус и её коллег о важности нематериальных инструментов для удержания талантов [8].

Вместе с тем необходимо отметить, что предложенная типология не является взаимоисключающей. Например, в космической отрасли лучшие результаты показывают компании, которые комбинируют профориентацию с наставничеством и при этом дают молодым специалистам возможность участвовать в управлении через советы молодёжи.

Поэтому госкорпорациям, которые только задумываются о выстраивании молодёжной политики, рекомендуется не пытаться выбрать одну модель, а постепенно собирать систему «под ключ» – от ранней работы со школьниками до полноценного включения молодёжи в управленческие процессы через советы или другие структуры.

Ограничением проведённого исследования выступает отсутствие в открытом доступе сопоставимых количественных показателей эффективности практик – уровня текучести кадров среди молодых специалистов, показателей вовлечённости и удовлетворённости. Без таких показателей сложно объективно сравнить, какая модель действительно эффективнее. Поэтому следующий шаг – разработать универсальную методику оценки, которую можно было бы применять к компаниям из любых отраслей.

Заключение

В ходе проведенного исследования был собран и систематизирован опыт российских госкорпораций по работе с молодёжью. В результате выделено пять основных подходов: молодёжное самоуправление, ран-

няя профориентация, цифровые образовательные платформы, научные стажировки и проектная деятельность. Конечно, эти модели несколько отличаются друг от друга по форме и целевой аудитории, но, тем не менее, установлено, что все они опираются на общие принципы добровольности, преемственности поколений и постоянного диалога с молодыми сотрудниками. Главное же различие заключается в степени допуска молодёжи к реальному управлению компанией.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в одну таблицу были сведены практики различных компаний с проведением сравнительного анализа по единой системе оценок. Практическая значимость полученных результатов состоит в возможности использования данной типологии государственными корпорациями при выборе и разработке стратегии работы с молодыми кадрами.

Перспективным направлением дальнейшего исследования является разработка единой методики количественной оценки эффективности этих моделей, а также расширение базы исследования за счёт включения практик частных компаний и организаций регионального уровня.

Литература

- Александрова О.Н. Управление трудовой активностью молодёжи в организациях: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Москва, 2007. – 21 с.
- Бизин С.В. Государственная молодёжная политика и ее реализация в регионе / С.В. Бизин, М.Е. Кудашова // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 5. – С. 1989–2008.
- Волкова Т.П. Корпоративная молодёжная политика: особенности изучения и развития / Т.П. Волкова, В.Н. Пацукова // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XIX Междунар. конф. – Екатеринбург: УрФУ, 2016. – С. 1053–1064.
- Ильинский И.М. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. Молодежь. Молодежная политика. Молодежная организация. – Москва: Терра, 2016. – 672 с.
- Козина И.М. Корпоративная молодёжная политика: подходы российских промышленных предприятий / И.М. Козина, Л.М. Чеглакова // Журнал исследований социальной политики. – 2014. – Т. 12, № 1. – С. 95–96.
- Кочетков А.В. Государственная молодёжная политика Российской Федерации: от указа до закона // 30 лет государственной молодёжной политике Российской Федерации: сборник. – Москва: МИРЭА, 2022. – С. 7–48.
- Луков В.А. Формирование и реализация государственной молодёжной политики в современной России: монография / В.А. Луков, С.В. Луков, Д.А. Тихомиров. – Москва: РУСАЙНС, 2021. – 286 с.
- Мондрус О.В. Внешние и внутренние условия реализации практик удержания талантов в организациях: сравнительный анализ / О.В. Мондрус, С.Д. Мартихина, А.С. Осипова // Организационная психология. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 62–88.
- Ростовская Т.К. Молодежная политика в современной России: учеб. пособие для вузов / Т.К. Ростовская, Е.А. Князькова. – Москва: Юрайт, 2020. – 155 с.
- Ручкин Б.А. Российская молодёжь: десять главных проблем / Б.А. Ручкин, Е.А. Гришина, Н.А. Серикова. – Москва: Изд-во Ин-та молодёжи «Социум», 1999. – 89 с.
- О молодёжной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 1 (ч. I). – Ст. 43.

12. Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 36. – Ст. 5484.

13. Корпоративные практики в сфере молодёжной политики / Росмолодёжь. – Ч. 3. – Москва, 2025. – 242 с.

14. Молодые специалисты и компании: взгляд с двух сторон на стажировки и старт карьеры [Электронный ресурс] // ANCOR. – URL: <https://ancor.ru/press/research/molodye-spetsialisty-i-kompanii-vzglyad-s-dvukh-storon-na-stazhirovki-i-start-karery/> (дата обращения: 17.03.2026).

15. Молодёжный совет #Созвездие [Электронный ресурс] // АО «Системный оператор единой энергетической системы». – URL: <https://so-career.ru/professionals/> (дата обращения: 13.04.2026).

16. Государственная корпорация «Ростех» [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – URL: <https://rostec.ru/media/news/rostekh-priznan-liderom-v-razvitiy-korporativnoy-molodezhnoy-politiki/#start> (дата обращения: 15.04.2026).

17. Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – URL: <https://www.rosatom.ru/sustainability/> (дата обращения: 11.04.2026).

18. ПАО «Татнефть». Корпоративное управление [Электронный ресурс]. – URL: https://www.tatneft.ru/o-kompanii/corporate_governance/personnel_management/youth_work (дата обращения: 28.04.2026).

19. Проект Сбера «Школа 21» [Электронный ресурс]. – URL: <https://21-school.ru/corporate-training/gruppovye-intensivny-dlia-rukovoditelei-i-komand> (дата обращения: 13.04.2026).

20. Целевая программа «Молодёжь ОАО «РЖД» (2026–2030 гг.)» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ttgd.stu.ru/uploads/useful/yrzhd.pdf> (дата обращения: 15.04.2026).

MODELS OF CORPORATE YOUTH POLICY IN RUSSIAN STATE CORPORATIONS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF PRACTICES

Fomin V.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The relevance of this study stems from the growing shortage of skilled young professionals in Russia's high-tech industries. At the same time, major state-owned corporations have accumulated diverse and valuable experience in engaging with young employees, though these practices remain largely fragmented. The purpose of this paper is to identify and classify the models of corporate youth policy that have already proven effective. We draw on the practices of six major organizations: System Operator of the Unified Energy System (SO UES), Rostec, Rosatom, Sberbank, Tatneft, and Russian Railways (RZD). Through a comparative analysis, we distinguish five main models: self-governance, career guidance, digital education, research-oriented, and project-based initiatives. Although these models differ in organizational form, they share common principles—continuity, mentorship, and responsive feedback from young participants. The findings may be useful for further development of corporate youth strategies and for refining state-level human resources policies in state-owned enterprises and corporations.

Keywords: corporate youth policy, state corporations, talent pool, mentoring, human resource management, young professionals, HR practices.

References

1. Aleksandrova O.N. Managing the Labor Activity of Young People in Organizations: Abstract of a PhD Thesis. – Moscow, 2007. – 21 p.

2. Bizin S.V. State Youth Policy and Its Implementation in the Region / S.V. Bizin, M.E. Kudashova // *Economy, Entrepreneurship and Law*. – 2024. – Vol. 14, No. 5. – P. 1989–2008.

3. Volkova T.P. Corporate Youth Policy: Features of Study and Development / T.P. Volkova, V.N. Patsyukova // *Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research: Proceedings of the XIX International Conf.* – Ekaterinburg: Ural Federal University, 2016. – P. 1053–1064.

4. Ilyinsky I.M. Collected Works: in 5 volumes. Vol. 2. Youth. Youth Policy. Youth Organization. – Moscow: Terra, 2016. – 672 p.

5. Kozina I.M. Corporate Youth Policy: Approaches of Russian Industrial Enterprises / I.M. Kozina, L.M. Cheglakova // *Journal of Social Policy Studies*. – 2014. – Vol. 12, No. 1. – Pp. 95–96.

6. Kochetkov A.V. State Youth Policy of the Russian Federation: From Decree to Law // 30 Years of the State Youth Policy of the Russian Federation: Collection. – Moscow: MIREA, 2022. – Pp. 7–48.

7. Lukov V.A. Formation and Implementation of State Youth Policy in Modern Russia: Monograph / V.A. Lukov, S.V. Lukov, D.A. Tikhomirov. – Moscow: RUSAINS, 2021. – 286 p.

8. Mondrus, O.V. External and Internal Conditions for the Implementation of Talent Retention Practices in Organizations: A Comparative Analysis / O.V. Mondrus, S.D. Martikhina, A.S. Osipova // *Organizational Psychology*. – 2020. – Vol. 10, No. 1. – Pp. 62–88.

9. Rostovskaya, T.K. Youth Policy in Modern Russia: A Textbook for Universities / T.K. Rostovskaya, E.A. Knyazkova. – Moscow: Yurait, 2020. – 155 p.

10. Ruchkin, B.A. Russian Youth: Ten Main Problems / B.A. Ruchkin, E.A. Grishina, N.A. Serikova. – Moscow: Publishing House of the Institute of Youth "Socium", 1999. – 89 p.

11. On youth policy in the Russian Federation: Federal Law of 30.12.2020 No. 489-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 1 (Part I). – Art. 43.

12. On approval of the Strategy for the implementation of youth policy in the Russian Federation for the period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation of 17.08.2024 No. 2233-r // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2024. – No. 36. – Art. 5484.

13. Corporate practices in the field of youth policy / Rosmolodezh. – Part 3. – Moscow, 2025. – 242 p.

14. Young Professionals and Companies: A Two-Person View of Internships and Career Starts [Electronic resource] // ANCOR. – URL: <https://ancor.ru/press/research/molodye-spetsialisty-i-kompanii-vzglyad-s-dvukh-storon-na-stazhirovki-i-start-karery/> (accessed: 17.03.2026).

15. Youth Council #Constellation [Electronic resource] // JSC System Operator of the Unified Energy System. – URL: <https://so-career.ru/professionals/> (accessed: 13.04.2026).

16. State Corporation "Rostec" [Electronic resource]: official website. – URL: <https://rostec.ru/media/news/rostekh-priznan-liderom-v-razvitiy-korporativnoy-molodezhnoy-politiki/#start> (date of access: 15.04.2026).

17. State Atomic Energy Corporation "Rosatom" [Electronic resource]: official website. – URL: <https://www.rosatom.ru/sustainability/> (date of access: 11.04.2026).

18. PJSC "Tatneft". Corporate Governance [Electronic resource]. – URL: https://www.tatneft.ru/o-kompanii/corporate_governance/personnel_management/youth_work (date of access: 28.04.2026).

19. Sber's "School 21" project [Electronic resource]. – URL: <https://21-school.ru/corporate-training/gruppovye-intensivny-dlia-rukovoditelei-i-komand> (date of access: 13.04.2026).

20. Target program "Youth of JSC Russian Railways (2026–2030)" [Electronic resource]. – URL: <https://www.ttgd.stu.ru/uploads/useful/yrzhd.pdf> (date of access: 15.04.2026).

Чушенко Даниил Андреевич,
руководитель направления аналитики, ПАО Сбербанк

Актуальность исследования обусловлена расширением применения цифровой аналитики в управлении современными организациями. Системы бизнес-аналитики (BI, Business Intelligence), управленческие панели (дашборд), автоматизированная отчётность и ключевые показатели эффективности (KPI, Key Performance Indicators) становятся не только средствами обработки информации, но и факторами изменения управленческого труда и организационных отношений. Цель статьи заключается в выявлении социальных последствий использования цифровой аналитики при принятии управленческих решений. В работе применяются методы анализа научной литературы, сравнения, систематизации и теоретического обобщения. Установлено, что цифровая аналитика повышает оперативность и информационную обоснованность решений, но одновременно может усиливать формализацию труда, цифровой контроль и зависимость работников от количественных показателей. Обоснована необходимость обеспечения прозрачности методик расчёта, сочетания цифровых данных с профессиональной оценкой и развития механизмов организационной обратной связи.

Ключевые слова: цифровая аналитика, социология управления, управленческие решения, управленческий труд, BI-системы, цифровой контроль, организационное доверие.

Введение

Цифровая трансформация современных организаций сопровождается расширением использования систем бизнес-аналитики, управленческих панелей, автоматизированной отчётности и ключевых показателей эффективности. Эти инструменты объединяют данные из разных источников, ускоряют выявление отклонений и обеспечивают информационную поддержку решений. В научной литературе управление на основе данных рассматривается как важное направление цифровизации социального управления и повышения организационной результативности [6–8, 14].

Под цифровой аналитикой в статье понимается совокупность информационных систем, методов и организационных практик сбора, обработки, анализа и визуализации данных для целей управления. Однако аналитика выполняет не только техническую функцию. Через состав показателей организация определяет, какие результаты признаются значимыми и какие стороны деятельности работников становятся объектом контроля. Поэтому цифровые показатели участвуют в регулировании поведения и распределении управленческого внимания [1, 4].

Использование единых критериев делает результаты более сопоставимыми и снижает зависимость решений от отдельных субъективных оценок. Одновременно количественная модель не отражает всей сложности труда: вне её могут оставаться качество коммуникаций, инициативность, сложность задач и работа в нестандартных условиях. Непрозрачные методики и постоянный мониторинг способны усиливать формализацию, снижать профессиональную автономию и вызывать недоверие работников [9, 11–13].

В научной литературе основное внимание часто сосредоточено на искусственном интеллекте и алгоритмическом управлении, хотя более распространённые BI-системы и комплексы KPI также изменяют организационные отношения. Они не принимают решения самостоятельно, но определяют структуру информации, доступной руководителю, и тем самым влияют на выбор управленческих приоритетов [8–10].

Теоретической основой исследования выступают положения социологии управления, концепция рационализации М. Вебера и теория ограниченной рациональности Г. Саймона [2, 3]. Цель статьи – выявить влияние цифровой аналитики на управленческий труд и организационные отношения, а также определить социальные риски её применения. Объектом являются управленческие отношения в организациях, использующих цифровые аналитические системы; предметом – влияние показателей и аналитических инструментов на принятие решений и взаимодействие руководителей, аналитиков и работников. Основная гипотеза состоит в том, что эффективность аналитики зависит не только от качества данных, но и от прозрачности расчётов, обратной связи и профессиональной интерпретации. Используются методы анализа литературы, сравнения, систематизации и теоретического обобщения.

Цифровая аналитика и трансформация управленческого труда

Управленческий труд связан с постановкой целей, обработкой информации, координацией работников и контролем результатов. Цифровая аналитика автоматизирует сбор и первичную обработку сведений, предоставляет руководителю динамику показателей и позволяет сопоставлять деятельность подразделений. Исследования управления на основе данных связывают систематическое использование аналитики с повышением обоснованности и оперативности решений [6, 7].

С позиции М. Вебера цифровые системы продолжают процесс рационализации: формализуют правила, фиксируют результаты и создают единые процедуры оценки [2]. Это повышает прозрачность процессов и облегчает раннее выявление отклонений. Вместе с тем формализация неизбежно упрощает организационную реальность, поскольку дашборд отражает только заранее выбранные и измеримые стороны деятельности.

Аналитические системы не устраняют ограниченную рациональность руководителя. По Г. Саймону решения принимаются при неполноте информации, дефиците времени и невозможности рассмотреть все альтернативы [3]. Увеличение числа показателей может не только расширять знание, но и создавать информационную перегрузку. Поэтому данные должны служить основанием для постановки вопросов, а не восприниматься как готовое решение.

Изменяются функции планирования и контроля. Исторические данные позволяют оценивать нагрузку и сопоставлять плановые и фактические результаты, а мониторинг – своевременно замечать отклонения. Однако прогноз отражает лишь вероятный сценарий, а постоянное наблюдение не должно подменять анализ причин. Чем сложнее процесс, тем выше потребность в сочетании цифровой информации с экспертной оценкой [6, 14].

Центр управленческого труда смещается от подготовки отчётов к интерпретации. Руководителю необходимы навыки критической оценки показателей, понимание методик расчёта и способность учитывать организационный контекст. Одновременно возрастает роль аналитиков и BI-разработчиков: они определяют источники данных, правила расчёта и форму визуализации, тем самым влияя на то, какие процессы становятся заметными для руководства [1, 4].

Формируется новая конфигурация ролей: руководитель принимает решение, аналитик обладает экспертным знанием о данных, а исполнитель лучше понимает практические условия труда. Эффективное управление требует их взаимодействия и согласования цифровой модели с реальным процессом. Следовательно, аналитика трансформирует управленческий труд, но не отменяет профессионального суждения и персональной ответственности руководителя [5].

Социальные риски цифрового управления

Основной риск цифрового управления связан со сведением сложной деятельности к ограниченному набору показателей. Количество операций, сроки и продолжительность этапов не всегда отражают качество, сложность задач и вклад в коллективную работу. При жёсткой связи KPI с контролем и вознаграждением показатель может превратиться из средства оценки в самостоятельную цель. Сотрудники начинают выбирать более простые задачи, переносить операции между периодами или сокращать время на проверку качества, добиваясь улучшения отчётности без соответствующего улучшения результата [9, 11].

Второй риск – усиление цифрового контроля. Аналитические системы делают наблюдение постоянным, дистанционным и детализированным. При поддерживающем стиле управления это помогает выявлять препятствия и перераспределять нагрузку, однако при преимущественно санкционном использовании данных снижает автономию, усиливает напряжённость и формирует осторожное, формальное поведение. Исследования алгоритмического управления и контроля труда подчёркивают связь цифрового мониторинга с изменением баланса власти, приватности и возможностей работников оспаривать оценку [9–13].

Третий риск связан с ослаблением непосредственных коммуникаций. Дашборд фиксирует отклонение, но не всегда раскрывает его причины. Увеличение срока выполнения задачи может быть обусловлено сложностью работы, нехваткой ресурсов или дополнительными согласованиями. Если руководитель воспринимает цифровую картину как исчерпывающую, неформальное знание работников и контекст ситуации исключаются из анализа.

Сокращение профессионального диалога способно привести к утрате неформального организационного знания. Сведения о состоянии коллектива, реальной сложности задач и внешних ограничениях часто передаются в непосредственном взаимодействии и плохо поддаются формализации. Поэтому управленческий дашборд целесообразно использовать как сигнал для обсуждения, а не как полную замену коммуникации [12, 13].

Непрозрачность расчётов усиливает информационное неравенство. Руководитель видит итоговый показатель, аналитик знает методику, а исполнитель располагает практическим знанием процесса, но не всегда имеет доступ к детализации и возможность сообщить об ошибке. Даже технически корректная оценка может восприниматься как несправедливая, если её основания непонятны. В социологии управления доверие к процедуре рассматривается как важное условие легитимности управленческого воздействия [1, 4].

Цифровые данные также могут использоваться избирательно: посредством выбора удобного периода, отдельного показателя или способа визуализации. Поэтому ссылка на то, что решение «подтверждено данными», не освобождает руководителя от ответственности. Аналитика не устраняет субъективность, а иногда скрывает её за формально нейтральной процедурой [8, 14]. Социальные риски возникают прежде всего там, где отсутствуют прозрачность, профессиональный диалог и возможность пересмотра показателей.

Направления социально ориентированного использования цифровой аналитики

Социально ориентированное использование цифровой аналитики предполагает прозрачность ключевых показателей. Для каждого значимого KPI целесообразно фиксировать цель, формулу, источники данных,

период обновления, ограничения и ответственное лицо. Понятные паспорта показателей снижают неопределённость и позволяют работникам соотносить цифровую оценку с реальным содержанием деятельности [5, 8, 14].

Количественные данные необходимо сочетать с профессиональным суждением. Отклонение должно становиться основанием для дополнительного анализа, а не автоматической санкции. Чем выше доля творческих, коммуникативных и экспертных задач, тем важнее учитывать качественную информацию и обстоятельства периода. В проектирование и пересмотр системы оценки следует включать представителей подразделений, поскольку их практическое знание помогает обнаруживать ограничения формальной модели [1, 4, 5].

Необходимы устойчивые механизмы обратной связи: возможность получить пояснение, проверить детализацию, сообщить об ошибке и инициировать пересмотр показателя. Одновременно руководителям следует развивать навыки критической интерпретации данных, аналитикам – документировать методики и предупреждать об ограничениях, а работникам – понимать логику применяемых критериев [6, 7].

Внедрение новых показателей целесообразно проводить поэтапно: сначала проверять качество данных и возможные поведенческие эффекты, затем обсуждать результаты с пользователями и только после этого связывать KPI с оценкой и стимулированием. Такой подход соответствует принципам организационного развития и снижает сопротивление изменениям [5].

Организация должна оценивать не только экономический эффект цифровизации, но и её социальные последствия: уровень доверия, количество споров по KPI, изменения мотивации и профессиональной автономии. Положительная траектория выглядит как последовательность «прозрачность – понимание – доверие – восприятие справедливости – принятие решения». При непрозрачности возникает обратная цепочка: недоверие, ощущение несправедливости и формальная адаптация поведения [10–12, 14].

Заключение

Проведённый анализ показал двойственный характер цифровой аналитики. Она ускоряет обработку информации, делает результаты сопоставимыми и поддерживает раннее выявление проблем, но одновременно усиливает формализацию труда и зависимость от измеряемых критериев. Цифровизация смещает содержание управленческого труда к интерпретации данных и повышает влияние аналитиков, формирующих цифровое представление организационных процессов.

Основная гипотеза получила теоретическое подтверждение: качество цифрового управления зависит не только от точности данных, но и от социальных условий их применения. Прозрачность методик, сочетание количественных и качественных сведений, обратная связь и сохранение ответственности руководителя повышают доверие и снижают риск манипулирования показателями. Следовательно, цифровая аналитика должна рассматриваться не как автоматическая замена управленческого суждения, а как социально встроенный инструмент поддержки решений.

Практическое значение предложенного подхода состоит в возможности применять его при разработке управленческих дашбордов, паспортов KPI и регламентов работы с данными. Учёт социальных последствий позволяет сохранить преимущества аналитики, не превращая её в инструмент одностороннего цифрового контроля.

Литература

1. Тощенко Ж.Т. Социология управления: учебник и практикум для вузов. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 290 с.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. IV. Господство / пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. – 542 с.
3. Simon H.A. Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Processes in Administrative Organizations. – 4th ed. – New York: Free Press, 1997. – 384 p.
4. Социология управления: теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. А.В. Тихонов. – Москва: КРАСАНД, 2015. – 480 с.
5. Пригожин А.И. Методы развития организаций. – Москва: МЦФЭР, 2003. – 863 с.
6. Davenport T.H., Harris J.G. Competing on Analytics: The New Science of Winning. – Boston: Harvard Business Press, 2007. – 218 p.
7. Brynjolfsson E., Hitt L.M., Kim H.H. Strength in Numbers: How Does Data-Driven Decisionmaking Affect Firm Performance? – 2011. – 33 p. – DOI: 10.2139/ssrn.1819486.

8. Рюмшин С.А. Теоретические аспекты цифровизации в социальном управлении // Коммунология. – 2021. – Т. 9. – № 4. – С. 53–64. – DOI: 10.21453/2311-3065-2021-9-4-53-64.

9. Kellogg K.C., Valentine M.A., Christin A. Algorithms at Work: The New Contested Terrain of Control // Academy of Management Annals. – 2020. – Vol. 14. – No. 1. – P. 366–410. – DOI: 10.5465/annals.2018.0174.

10. Rani U., Pesole A., González Vázquez I. Algorithmic Management Practices in Regular Workplaces: Case Studies in Logistics and Healthcare. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2024. – DOI: 10.2760/712475.

11. Юдина М.А. Цифровой контроль труда – вызов времени // Государственное управление. Электронный вестник. – 2022. – № 92. – С. 42–56. – DOI: 10.24412/2070-1381-2022-92-42-56.

12. Bernstein E.S. Making Transparency Transparent: The Evolution of Observation in Management Theory // Academy of Management Annals. – 2017. – Vol. 11. – No. 1. – P. 217–266. – DOI: 10.5465/annals.2014.0076.

13. Bhavé D.P., Teo L.H., Dalal R.S. Privacy at Work: A Review and a Research Agenda for a Contested Terrain // Journal of Management. – 2020. – Vol. 46. – No. 1. – P. 127–164. – DOI: 10.1177/0149206319878254.

14. Цифровая трансформация: эффекты и риски в новых условиях / рук. авт. колл. П.Б. Рудник, Т.С. Зинина; под ред. И.Р. Агамирзяна, Л.М. Гохберга, Т.С. Зининой, П.Б. Рудника. – Москва: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2024. – 156 с. – DOI: 10.17323/978-5-7598-3009-2.

DIGITAL ANALYTICS IN MANAGEMENT DECISION-MAKING: TRANSFORMATION OF MANAGERIAL WORK AND ORGANIZATIONAL RELATIONS

Chushenko D.A.
Sberbank PJSC

The relevance of the study is determined by the expanding use of digital analytics in modern organizational management. Business intelligence systems, management dashboards, automated reporting and key performance indicators are becoming not only information-processing tools but also factors transforming managerial work and organizational relations. The purpose of the article is to identify the social consequences of using digital analytics in management decision-making. The study applies scientific literature analysis, comparison, systematization and theoretical generalization. Digital analytics is shown to increase the speed and informational validity of management decisions. At the same time, its use may increase the formalization of work, digital control and employees' dependence on quantitative indicators. The article substantiates the need for transparent calculation

methods, a combination of digital data and professional judgment, and the development of organizational feedback mechanisms.

Keywords: digital analytics, sociology of management, management decision-making, managerial work, business intelligence systems, digital control, organizational trust.

References

1. Toshchenko Zh.T. Sociology of Management: A Textbook and Workshop for Universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2026. 290 p.

2. Weber M. Economy and Society: Essays on Understanding Sociology: in 4 volumes. Vol. IV. Domination / translated from German; compiled, edited, and prefaced by L.G. Ioni-na. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2019. 542 p.

3. Simon H.A. Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Processes in Administrative Organizations. 4th ed. New York: Free Press, 1997. 384 p.

4. Sociology of Management: A Theoretical and Applied Explanatory Dictionary / ed. A.V. Tikhonov. – Moscow: KRASAND, 2015. – 480 p.

5. Prigogine A.I. Methods of Development of Organizations. – Moscow: MCFER, 2003. – 863 p.

6. Davenport T.H., Harris J.G. Competing on Analytics: The New Science of Winning. – Boston: Harvard Business Press, 2007. – 218 p.

7. Brynjolfsson E., Hitt L.M., Kim H.H. Strength in Numbers: How Does Data-Driven Decisionmaking Affect Firm Performance? – 2011. – 33 p. – DOI: 10.2139/ssrn.1819486.

8. Ryumshin S.A. Theoretical Aspects of Digitalization in Social Management // Communicology. – 2021. – Т. 9. – No. 4. – P. 53–64. – DOI: 10.21453/2311-3065-2021-9-4-53-64.

9. Kellogg K.C., Valentine M.A., Christin A. Algorithms at Work: The New Contested Terrain of Control // Academy of Management Annals. – 2020. – Vol. 14. – No. 1. – P. 366–410. – DOI: 10.5465/annals.2018.0174.

10. Rani U., Pesole A., González Vázquez I. Algorithmic Management Practices in Regular Workplaces: Case Studies in Logistics and Healthcare. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2024. – DOI: 10.2760/712475.

11. Yudina M.A. Digital Labor Control – the Challenge of the Times // Public Administration. Electronic Bulletin. – 2022. – No. 92. – Pp. 42–56. – DOI: 10.24412/2070-1381-2022-92-42-56.

12. Bernstein E.S. Making Transparency Transparent: The Evolution of Observation in Management Theory // Academy of Management Annals. – 2017. – Vol. 11. – No. 1. – Pp. 217–266. – DOI: 10.5465/annals.2014.0076.

13. Bhavé D.P., Teo L.H., Dalal R.S. Privacy at Work: A Review and a Research Agenda for a Contested Terrain // Journal of Management. – 2020. – Vol. 46. – No. 1. – P. 127–164. – DOI: 10.1177/0149206319878254.

14. Digital Transformation: Effects and Risks in the New Conditions / led by the author's team P.B. Rudnik, T.S. Zinina; edited by I.R. Agamirzyan, L.M. Gokhberg, T.S. Zinina, P.B. Rudnik. – Moscow: ISSEK NRU HSE, 2024. – 156 p. – DOI: 10.17323/978-5-7598-3009-2.

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна,

доктор социологических наук, главный научный сотрудник,
Дагестанский федеральный исследовательский центр
E-mail: madina2405@mail.ru

В статье рассматриваются результаты социологического опроса общественного мнения дагестанского населения с точки зрения анализа будущего Российского государства. Показано значение исторической памяти в обозначении предпочтительного образа и траектории развития российского социума. Верификация эмпирического материала позволяет утверждать о значительной роли исторической памяти в конструировании будущего Российского государства, который констатирует удовлетворенность опрошенного дагестанского населения современным этапом развития российского общества, проявляющийся в отстаивании национальных интересов и обеспечении национальной безопасности. Кроме того, массовом сознании респондентов сохраняется позитивная оценка советского периода развития нашей страны, особенно в установках старшего поколения выросшего при социалистическом строе и помнящем о роли советской власти в развитии Дагестана, его промышленности, сельского хозяйства, образования, здравоохранения, формировании национальных кадров.

Ключевые слова: историческая память, историческое наследие, историческое сознание, коллективная память, будущее России, дагестанское население.

Введение

Распад Советского Союза и возникновение новых государственных образований на постсоветском пространстве по-разному оценивается исследователями. Старшее поколение хорошо помнит сложные 90-е годы XX столетия, когда оказались разорванными социально-экономические, хозяйственные, культурные связи, широкое распространение получила националистическая идеология, с открытой агрессией и нетерпимостью столкнулось русскоязычное население, которое по объективным причинам оказалось на территориях бывших союзных республик. В обществе на волне либерально-демократической идеологии внедряемой в общественное сознание, формировался образ СССР как тоталитарного государства и «совковости», в котором не соблюдались права человека, были массовые репрессии «ни в чем неповинных людей», поэтому «нам нужно было стыдиться своего неправильного нецивилизованного развития». По мнению А.Н. Малинкина, «с одной стороны, доказывалось, что СССР был империей, а именно «империей зла» и «тюрьмой народов»; что в нем господствовал коммунистический тоталитарный режим, по сути родственной национал-социалистскому (сталинизм=гитлеризм, коммунизм=фашизм); что русский народ, прикрываясь пролетарским и советским интернационализмом, всячески угнетал, притеснял и эксплуатировал другие народы СССР с позиций «старшего брата» – русского великодержавного шовинизма и православного мессионизма («Москва – третий Рим»), сплавившихся воедино с коммунистической утопией бесклассового «светлого будущего»; что в СССР на самом деле пышным цветом расцвел «антисемитизм», став почти государственной политикой; что коммунизм, тоталитаризм и «имперский синдром» до конца еще не изжиты (отсюда – актуальность темы «русского фашизма», «нацизма», «расизма» и т.п.), что они препятствуют не только построению гражданского общества и реформам, но и национальному самоопределению «коренных народов» бывшего СССР, оставшихся в составе РФ и ставших «титовыми нациями» в собственных национально-государственных и национально-территориальных образованиях, росту их национального самосознания, национальной самоидентификации. С другой стороны, утверждалось, что в СССР был сначала авторитарный, а затем партократический олигархический режим с элементами тоталитаризма, которые ныне полностью ликвидированы; что хотя СССР и был в определенном смысле «империей», но он был скорее «освободителем народов» и «империей добра»...» [5, с. 70]. Более того, в общественное сознание внедрялась идея о необходимости публичного признания российской властью и российским народом «вины и покаяться за свои преступления» перед народами входивших в состав Советского Союза союзных республик. В этой связи, необходимо напомнить и привести примеры вклада советской власти в социально-экономическое развитие этих республик, формирование национальной интеллигенции, основ промышленности, образования, здравоохранения, науки, культуры и т.д. Несмотря на противоречивость социалистической системы, определенные перегибы и т.д., именно благодаря советской власти удалось достичь высокого уровня развития государства, в целом, конкретно, национальных регионов, более того, достижениями и масштабными постройками того периода и по сей день пользуются жители этих республик, которые в настоящее время имеют самостоятельный государственный статус.

Рассмотрение исторической памяти, ее востребованности в массовом сознании, значения в формировании патриотизма, государственно-гражданской идентичности, укрепления ответственности за будущее государства предполагает выявление существующего в установках населения будущего образа России через призму исторического развития, отношения к его предыдущим историческим этапам, то есть, «изучая память последующих поколений на события прошлого, мы имеем дело не только с репрезентациями и конструктами этой памяти, но и с образцами памяти, отобранными коллективом, группой, обществом как наиболее значимые... Историческая память включает в себя не только сами факты, события прошлого, но и их понимание, осмысление последующими поколениями, ставя им положительные, нейтральные, отрицательные оценки, выделяя одни и предавая забвению другие» [7, с. 59].

Историческая память. Прежде чем перейти к изложению образа будущего России, необходимо рассмотреть содержание понятия

«историческая память», ибо она включает в себя комплекс многообразных представлений и позиций о разных исторических эпохах нашей страны.

К началу 1990-х гг. прошлого столетия в зарубежной и отечественной науке сформировался целый пласт исследований исторической памяти. Наиболее значимыми представляются теоретические разработки А. Ассмана, Я. Ассмана, П. Бергера, Б. Гене, Д. Лоуэнталя, Г. Люббе, П. Нора, Й. Рюзена, П. Рикера, П. Хаттона и т.д., которые проанализировали разные аспекты исторической памяти. В российской науке можно выделить Л.П. Репину, О.Б. Леонтьеву, И.М. Савельеву, А.В. Полетаева, Е.С. Сенияскую, А.С. Сенияского, О.С. Поршневу и т.д. В науке имеет место множество определений феномена «историческая память», в частности, «как одно из измерений индивидуальной и коллективной/социальной памяти; как исторический опыт, отложившийся в памяти человеческой общности; как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции; как часть социального запаса знания, существующая уже в примитивных обществах; как коллективная память о прошлом, если речь идет о группе, и как социальная память о прошлом, когда речь идет об обществе; как идеологизированная история, более всего связанная с возникновением государства-нации; в целом – как совокупность донauchных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом; наконец, просто как синоним исторического сознания» [8, с. 5]. По мнению Л.П. Репиной, «историческая память – сложный социокультурный феномен, связанный с осмыслением исторического опыта (реального и/или воображаемого), но одновременно она может выступать как продукт манипуляций массовым сознанием в политических целях. Одна из важнейших проблем, решение которой приобретает все большую актуальность, касается изучения представлений о происшедших в прошлом глубоких социальных трансформациях и конфликтах, поскольку эти представления играют ключевую роль в идейной полемике и политической практике... Борьба за политическое лидерство нередко проявляется как соперничество разных версий исторической памяти и разных символов ее величия и позора, как спор по поводу того, какими эпизодами истории нация должна гордиться или стыдиться» [8, с. 6].

В рассмотрении исторической памяти существуют разные подходы. Так, Р. Дж. Коллингвуд четко разграничивает память и историю, подчеркивая их автономность [3, с. 19]; в отличие от него П. Нора придерживается противоположной точки зрения и считает недопустимым приравнивать память и историю, ибо «память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого. Память порождается той социальной группой, которую она сплавляет, история принадлежит всем и никому, что делает универсальность ее призванием...» [6, с. 25]. П. Нора, стремясь «примирить» память и историю, ввел понятие «место памяти»: это «крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем» [6, с. 26]. По мнению И.В. Грибан, «наиболее часто встречаются следующие определения понятия «историческая память»: 1. способ сохранения и трансляции прошлого (отсюда – стремление к созданию «мест памяти» – П. Нора); 2. одно из измерений индивидуальной и коллективной памяти, символическая репрезентация прошлого (Л.П. Репина); 3. ряд событий, воспоминания о которых хранит национальная история (М. Хальбвакс); 4. феномен общественного сознания «определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим» (Ж.Т. Тоценко); 5. опорные пункты массового знания о прошлом, минимальный набор ключевых образов событий и личностей прошлого в устной, визуальной или текстуальной форме, которые присутствуют в активной памяти (не требуется усилий, чтобы вспомнить) (И.М. Савельева, А.В. Полетаев); 6. совокупность представлений о социальном прошлом, которые существуют в обществе как на массовом, так и на индивидуальном уровне, включая их когнитивный, образный и эмоциональный аспекты» (Л.П. Репина)» [4].

Эмпирическая часть исследования

Социологический опрос по изучению патриотизма в современном Дагестане проведен в гг. Махачкала, Дербент, Кизляр, Хасавюрт, Ботлихском, Дербентском, Левашинском, Казбековском, Кизлярском, Хасавюртовском и Чародинском районах Республики Дагестан. N = 967.

Результаты исследования

Исследователи одну из важнейших проблем социологической науки, как науки об обществе, усматривают в осознании и прогнозировании будущего, то есть какая траектория общественного развития является оптимальной при определенном политическом режиме, идеологии, ми-

ровоззрении, уровне социально-экономического, военного развития. При этом важным является учет социального поведения человека, его потребностей, которые, как известно, находятся под влиянием целого спектра причин. Так, Н.А. Баранов анализируя патриотизм, подчеркивает невозможность без данного понятия «построить новое сильное государство, привить людям понимание их гражданского долга и уважения к закону... Без уважения к собственной истории, к делам и традициям старших поколений невозможно вырастить морально здоровую молодежь. Без возрождения национальной гордости, национального достоинства невозможно вдохновить людей на высокие дела» [2, с. 50].

В рамках авторского социологического исследования, научный интерес представляет установление исторического сознания с настоящей историей нашего государства, в частности, политическое мировоззрение и социальные установки россиян. Вопрос был сформулирован таким образом, чтобы опрошенные могли обозначить ту историческую эпоху, которая им ближе и соответствует их представлению государственного устройства. По мнению А.Л. Андреева, «российское общество, если брать его в целом, демонстрирует немалую морально-психологическую устойчивость перед лицом осложнившихся обстоятельств и не обнаруживает желания свернуть с пути, по которому оно в настоящее время движется. Но это не значит, что образ пути, по которому идет и должна идти Россия, определился в массовом сознании раз и навсегда... историческая память в российском обществе обладает стойким иммунитетом к неоднократно предпринимавшимся попыткам ее переформатирования» [1, с. 323]. Как известно, историческая память формирует «идеальный образ прошлого», о чем свидетельствуют установки старшего поколения, поколения выросшего при советском строе. Начало Специальной военной операции заставило по-новому взглянуть на прошлое России, исторические события и переоценить существовавшие стереотипы. Так, совершаемые россиянами на критически важных объектах военного назначения теракты, формирует в массовом сознании позицию о необходимости вернуть смертную казнь за государственную измену, а также ужесточения наказания за правонарушения угрожающие национальной безопасности нашего государства. Кроме того,

В рамках исследования патриотизма и исторической памяти дагестанского населения, научный интерес представляет идеал социально-политического устройства России.

Эмпирический материал на вопрос «Какой период в истории России в наибольшей степени соответствует Вашим представлениям о том, какой должна быть Россия?» показывает превалирование в массовом сознании 37,9% опрошенного дагестанского населения суждение воспринимающее будущее России как «современный период, когда Россия отстаивает свои национальные интересы». По социально-демографическим признакам данная точка зрения ближе 40,1% в интервале 15–35 лет, 33,2% 36–60 лет, 40,8% старше 60 лет, 48,1% с базовым средним, 44,1% средним, 34,2% средним специальным, 34,5% высшим образованием, 58,3% русских, 42,5% даргинцев, 41,0% кумыков, 37,5% аварцев, 33,3% лезгин и существенно меньшая часть лакцев (15,4%). С большим отрывом второе ранговое место занимает вариант ответа «установление советской власти, ликвидация неграмотности, электрификация, индустриализация СССР», отмеченный 19,3% респондентов. С возрастом и уровнем образования наблюдается увеличение процента с 17,5% в интервале 15–35 лет до 20,4% старше 60 лет, с 10,3% имеющих среднее образование до 23,5% с высшим образованием. По этнической принадлежности масштабные преобразования советского периода подчеркнуты 20,6% аварцев, 23,1% кумыков, 25,0% лезгин и 25,1% русских. Позиция «эпоха «развитого социализма» (1970–1990-е гг.)» ближе 14,4% опрошенных, выделяется возрастная подгруппа 36–60 лет (19,8%), имеющие высокий образовательный статус (22,2%) и лакская подгруппа (30,8%). Далее, по представлениям 10,3% опрошенных, будущее России должно соответствовать «дореволюционной России, Российской империи», здесь выделяются возрастная подмассив 15–35 лет (19,4%) и имеющие базовое среднее образование (20,4%). И только 11,4% опрошенных считают наиболее соответствующим будущему России «начало XXI столетия», с возрастом и уровнем образования уменьшается процентный параметр придерживающихся данного мнения с 12,6% в интервале 36–60 лет до 8,2% старше 60 лет, с 15,8% имеющих среднее специальное образование до 9,4% с высшим образованием. Обращает нас себя внимание не восприятие опрошенными таких периодов как «провозглашение перестройки (эпоха Горбачева)» и «эпоха Ельцина, реформы 1990-х гг. (ликвидация «железного занавеса», конец «холодной войны», приватизация, рыночная экономика, появление частной собственности)» – 2,4% и 4,3%, соответственно. Таким образом, полученный материал показывает, что в общественном сознании респондентов предпочтение отдается современному устройству Российского государства, более

того, опрошенному дагестанскому народу не характерно искать идеал государственного устройства в историческом прошлом.

Далее, в исследовании был задан вопрос «Как Вы оцениваете путь развития России в ближайшее время?», позволяющий получить информацию о векторе развития Российского государства. У. Белл, считал, что «социология может изучать будущее несколькими способами. Во-первых ... сосредоточить внимание на образах будущего, которые бытуют в социальных коммуникациях и культуре в различных модальностях. Во-вторых... анализировать цели, намерения, традиции и решения различных социальных акторов, действиями которых, собственно, и создается будущее... в-третьих, предметом изучения может стать динамика представлений о будущем, социальных мотиваций и моделей социального поведения с анализом последствий этих изменений» [9, с. 299].

Эмпирика показывает, несмотря на определенную тревожность и раскол в российском обществе после начала Специальной военной операции, вектор развития Российского государства 45,1% опрошенного дагестанского населения оценивает положительно, с доводом «Россия закончит Специальную военную операцию победой и уничтожением враждебного украинского режима», доля придерживающихся данной точки увеличивается с возрастом и образованием респондентов с 43,4% в интервале 15–35 лет до 51,0% старше 60 лет, с 48,1% имеющих базовое среднее образование до 52,2% с высшим образованием, по национальной принадлежности каждый второй в подмассиве аварцев, даргинцев, кумыков и русских, одна треть лакцев и лезгин. С небольшой разницей второе место занимает вариант ответа «положительно, Россия еще более укрепит свои позиции как мировой державы» – 43,8% по всему массиву, среди них 53,1% респондентов в подгруппе старше 60 лет и 52,5% с высшим образованием, 49,8% аварцев, 41,7% лезгин, 38,9% лакцев, 35,9% кумыков и 35,0% даргинцев; среди русских доля заметно меньше (25,0%). Экономическое процветание России прогнозируют 40,6% опрошенного дагестанского населения, межгрупповое сравнение показывает преобладание таковых в интервале старше 60 лет (49,0%), имеющих среднее специальное образование (46,1%), а также в подмассивах аварцев (49,0%) и лакцев (46,2%). Однако 12,0% респондентов не верят ни в прогрессивное, ни регрессивное развитие России – «ничего не изменится, останется все так же», из них каждый пятый в возрасте 36–60 лет, одна шестая часть даргинцев и каждый восьмой в лезгинской подгруппе. При этом негативный сценарий будущего России с доводом «Россию ждут внутренние кризисы и трудные времена» обозначен 11,4% респондентов по всему массиву; социально-демографический срез констатирует уменьшение таковых с возрастом и уровнем образования респондентов с 13,2% в интервале 36–60 лет до 6,1% старше 60 лет, с 16,7% с базовым средним образованием до 7,9% со средним специальным образованием. Далее, 9,6% предсказывают экономическое ослабление России, здесь преобладает возрастной подмассив 15–35 лет (11,3%), имеющие базовое среднее (16,7%) и среднее специальное образование (10,5%), по национальной принадлежности 16,7% лезгин, 30,8% кумыков и 38,5% лакцев. И 5,8% опрошенных по всему массиву считают, что «Россия потеряет свое влияние в мире, от нее «отвернутся» союзники и она останется на «вторых ролях»; внутригрупповое сравнение показывает, что придерживающихся этой точки зрения больше в подгруппе с базовым средним образованием (14,8%) и подмассиве кумыков (15,4%). При этом процент придерживающихся негативной траектории развития российского общества («ничего не изменится, останется все так же») довольно большой (12,0%), что позволяет предположить существование неуверенности и неопределенности в будущем в общественном сознании дагестанцев.

Еще до начала Специальной военной операции в западных странах, причем входивших в состав Варшавского договора и социалистического лагеря, началась фальсификация исторического наследия. Российская власть относительно слабо реагировала на откровенные обвинения и оскорбления участников Великой Отечественной войны, больше на дипломатическом уровне выражая недовольство. Особенно ярко против советского наследия выступали страны Прибалтики и Польши, позже к ним присоединилась и Украина, которая начала устраивать бандеровские и нацистские шествия в центре Киева. Справедливости ради, необходимо отметить, что основы для возрождения нацистской идеологии на Украине были заложены Н.С. Хрущевым, который реабилитировал осужденных за военные преступления, более того, они оказались на высоких руководящих должностях, в научных центрах. К сожалению, в настоящее время мы пожинаем плоды политики, которая не учла исторические реалии. С началом Специальной военной операции, Россия столкнулась с русофобией, оскорблением россиян по национальной принадлежности, преследованием за поддержку своей Родины, желанием «наказать» российское население, «разделить»

Россию, обозначением «коллективной вины», стремлением лидеров западных стран «изолировать Россию». Чаще звучат голоса объявляющие себя «победителями» во Второй Мировой войне (Д. Трамп), оканчивается СССР и советский народ понесший огромные человеческие, интеллектуальные, экономические, культурные потери, по мнению ряда лидеров, «не очень-то и пострадали». К огромному сожалению, на идеологическом и информационном пространстве мы «проигрываем», более того, свою «лепту» вносит и оппозиция, которая откровенно глумится над жертвами Великой Отечественной войны. Видимо, российскому руководству и ответственным должностным лицам необходимо усилить работу по недопущению искажения исторического наследия, обвинений в адрес нашей страны, защищать наше историческое наследие, отстаивать наши победы, за которые пролита кровь миллионов советских людей. В западном обществе открыто фальсифицируют исторические события, уже в течение столетий не прекращается формирование образа России и россиянина как «отсталого» практически во всех сферах, хотя научные открытия, литература, искусство, музыка и т.д. имеют общечеловеческую ценность. На данное обстоятельство указал М. Ферро, который показал искажение исторических событий в угоду национальным интересам правящей верхушки западных стран: «образ других народов или собственный образ, который живет в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории. Это запечатлевается на всю жизнь... с расширением границ мира, со стремлением к его экономической унификации при сохранении политической обособленности прошлое различных обществ становится более чем когда бы то ни было одной из ставок в столкновениях государств, наций, культур и этнических групп» [10, с. 5].

Заключение

Осмысление будущего России, опрошенным дагестанским населением, носит позитивный характер, подчеркивается потенциал государства на достижение целей Специальной военной операции, укрепление позиций России в мире как экономически развитой мировой державы, с мощной военной, культурной, политической перспективой. Более того, респонденты не воспринимают негативную оценку итогов советского периода развития нашей страны, речь идет исключительно о Дагестане, в республике появились промышленные и сельскохозяйственные предприятия, заводы, фабрики, научные и учебные центры, был создан национальный кадровый состав, квалифицированный слой рабочего класса и т.д. Сравнительный анализ показывает, что поколение старше 60 лет предпочтение отдает начальному этапу советского строя, когда на территории Дагестана появилась мощная промышленная основа, велась кадровая политика по подготовке национальных кадров, открылись общие, средние специальные и высшие учебные заведения, велась борьба с неграмотностью. Разумеется, старшее поколение помнит кардинальные преобразования Советской власти и с должным уважением относится ко всем достижениям той эпохи. Аналитический материал констатирует доминирование в общественном сознании опрошенного дагестанского населения симпатии современному развитию Российского государства с доводом «Россия отстаивает свои национальные интересы».

Однако, опрос констатирует и наличие пессимистической установки в общественном сознании опрошенных дагестанцев и ее существование обусловлено нерешенностью целого комплекса социально-экономических проблем, недовольством населения качеством оказываемых услуг, плохой инфраструктурой, дорогами, отсутствием газа, света, воды не только в небольших городах, но и в столице Дагестана, причем это продолжается из года в год и перспектив реального улучшения ситуации население не видит. Данное обстоятельство формирует недоверие к региональной власти, которое проецируется и на общероссийский уровень. Исторический опыт оказывает непосредственное влияние на коллективное сознание, поэтому в общественном сознании доминирует восприятие России как «сильного государства», которое возглавляет «сильный лидер».

Литература

1. Андреев А.Л. Российское общество постсоветской эпохи: социальное самочувствие, историческая память, идеалы и ценности // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 16 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2018. С. 319–347.
2. Баранов Н.А. Патриотизм в системе общероссийских ценностей // Человек и его потребности в социально-политической и социально-психологической сферах. Материалы межвузовской научной конференции (10 декабря 2002 г.). СПб., 2003. С. 50–53.
3. Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры, 2002. – 494 с.

4. Грибан И.В. Историческая память как исследовательская проблема: анализ современных подходов // Бюллетень науки и практики. 2016. № 11 // URL: <http://www.bulletennauki.com> (дата обращения: 21.01.2025).

5. Малинкин А.Н. «Новая российская идентичность»: исследование по социологии знания // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 66–86.

6. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб: Издательство Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 17–50.

7. Подлесная М.А., Соловьева Г.В., Ильина И.В. Историческая память: школьники и студенты об истории России // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 55–82. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.711.

8. Репина Л.П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 3–37.

9. Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. – 284 с.

10. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992.

HISTORICAL MEMORY AS A FACTOR IN SHAPING THE IMAGE OF THE FUTURE IN THE MASS CONSCIOUSNESS OF THE DAGESTANI POPULATION

Shakhbanova M.M.

Dagestan Federal Research Center

The article examines the results of a sociological opinion poll of the Dagestani population from the point of view of analyzing the future of the Russian state. The importance of historical memory in the designation of the preferred image and trajectory of the development of Russian society is shown. Verification of the empirical material allows us to assert the significant role of historical memory in the construction of the future Russian state, which

states the satisfaction of the surveyed Dagestani population with the current stage of development of Russian society, manifested in upholding national interests and ensuring national security. In addition, the mass consciousness of the respondents retains a positive assessment of the Soviet period of our country's development, especially in the attitudes of the older generation who grew up under the socialist system and remembered the role of Soviet power in the development of Dagestan, its industry, agriculture, education, health-care, and the formation of national personnel.

Keywords: historical memory, historical heritage, historical consciousness, collective memory, the future of Russia, Dagestan population.

References

1. Andreev A.L. Russian society of the post-Soviet era: social well-being, historical memory, ideals and values. Reforming Russia: a yearbook. Issue 16 / Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: Novy Chronograf, 2018. pp. 319–347.

2. Baranov N.A. Patriotism in the system of all-Russian values. A person and his needs in the socio-political and socio-psychological spheres. Materials of the interuniversity scientific conference (December 10, 2002). St. Petersburg, 2003. pp. 50–53.

3. Genet B. History and historical culture of the medieval West. Moscow: Languages of Slavic culture, 2002. 494 p.

4. Gribov I.V. Historical memory as a research problem: an analysis of modern approaches. Bulletin of Science and Practice. 2016. № 11 // URL: <http://www.bulletennauki.com> (accessed: 01/21/2025).

5. Malinkin A.N. «New Russian Identity»: a study in the sociology of knowledge. The Sociological journal. 2001. № 4. pp. 66–86.

6. Nora P. Problematics of places of memory. France-memory. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1999. pp. 17–50.

7. Podlesnaya M.A., Solovyova G.V., Ilina I.V. Historical memory: schoolchildren and students about the history of Russia. Bulletin of the Institute of Sociology. 2021. Vol. 12. № 2. С. 55–82. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.711.

8. Repina L.P. Experience of social crises in historical memory. Crises of crucial epochs in historical memory. Moscow: Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, 2012. pp. 3–37.

9. Russian society and the challenges of the time. The sixth book / Edited by M.K. Gorshkov and N.E. Tikhonova. Moscow: Publishing house «The Whole World», 2022. – 284 p.

10. Ferro M. How to tell a story to children in different countries of the world. Moscow, 1992. – 91 p.

Юнусов Бекхан Шамханович,

соискатель кафедры социологии и социальных инноваций,
Северо-Кавказский федеральный университет

Цель исследования состоит в выявлении тех направлений изучения социальной адаптации офицеров, уволенных из Вооруженных сил, которые позволят показать всю сложность и противоречивость этого процесса. Автор обосновывает, что переход от статуса офицера, военного человека к гражданскому статусу может встречать некоторые барьеры профессионального, коммуникативного, социально-психологического и иного характера, препятствующие успешной интеграции в гражданскую жизнь. Анализ различных аспектов изучения обозначенной проблемы, репрезентируемых в научной литературе, показал наличие относительно самостоятельных направлений исследования темы социальной адаптации уволенных из Вооруженных сил офицеров в рамках предметной определенности социологической науки. На примере интерпретации социальной адаптации уволенных из Вооруженных сил офицеров как первого этапа их ресоциализации автор констатирует возможность применения методологии процессуального анализа и использование теоретического базиса социологии социализационных процессов.

Ключевые слова: социальная адаптация, уволенные из Вооруженных сил офицеры, ресоциализация, социальные технологии ресоциализации, барьеры социальной адаптации, риски социальной адаптации, социальная защищенность уволенных из Вооруженных сил офицеров.

Введение

Теме адаптации к гражданской жизни офицеров Вооруженных сил, уволенных в запас, посвящено много исследований. Это обусловлено тем, что процесс пополнения Армии новыми профессиональными кадрами и выход на пенсию людей, отдавших армии большую часть своей жизни, является перманентным. Офицеры Вооруженных сил, уволенные в запас, представляют собой специфическую социальную категорию населения в социально-словесной структуре общества, статусными характеристиками которых выступают: наличие опыта кадровой военной службы как элемента социального капитала, специфическое образование, получение военной пенсии. Казалось бы, что, имея такой социальный и профессиональный багаж, данная категория населения сможет успешно адаптироваться к реалиям гражданской жизни. Однако этот процесс не всегда протекает успешно, сопровождаясь иногда проблемами, порожденными межстатусным диссонансом, возникающим как противоречие между мироощущением военного человека, командира и необходимостью принять иные социальные роли. В.П. Лушников совершенно верно отразил те противоречия, которые актуализируют проблему исследования: «Процесс адаптации ветеранов военной службы к новым социальным условиям жизни и процессу старения, — пишет он, — характеризуется целым рядом противоречий. Среди них можно выделить противоречия, характеризующие отношения между ценностными установками и ориентациями пожилых людей, которые они приобрели и закрепили в молодом и зрелом возрасте, находясь в рядах Вооруженных Сил РФ, и теми идеалами и ценностями, которые культивируются в обществе сегодня; между потребностями ветеранов реализовать свои способности, передать свой опыт молодым и недостаточным спросом со стороны общества, государственных структур по их реализации; между стремлением военных пенсионеров прожить остаток жизни, ощущая постоянную заботу и внимание со стороны трудовых коллективов, родных, близких, семьи и отсутствием таковых в повседневной жизни и др.» [10, с. 124].

Процесс социальной адаптации при смене статуса — это первая фаза той ресоциализации, которую предстоит пройти уволенным из рядов Вооруженных сил офицерам. А.В. Кобылкина пишет: «П. Бергер и Т. Лукман утверждают, что ресоциализация в своем общем проявлении напоминает первичную социализацию, однако отличается от нее тем, что может произойти только при условии уже имеющегося социального базиса. Именно такой подход к пониманию данного процесса дает исследователям основания полагать, что ресоциализация происходит преимущественно у взрослых людей, поэтому ее часто называют социализацией взрослых» [6, с. 62]. Под адаптацией, при этом, понимается не простое приспособление к жизни того общества, в которое приходится интегрироваться, а интерпретация этого процесса в контексте его понимания А.Н. Леонтьевым, который утверждал, что в человеческой адаптации активность личности имеет не приспособительный, адаптивный, а преобразующе-деятельностный характер; индивид присваивает мир, а не просто приспосабливается к нему [9].

Тема социальной адаптации уволенных из Вооруженных сил офицеров актуальна в силу вышеизложенных факторов, однако ее злободневность не исчерпывается ими. На фазе социальной адаптации возникает ряд барьеров, препятствующих ее успешности: трудности с трудоустройством, конфликты с молодым поколением, поведение и коммуникации которого в гражданской жизни кардинальным образом отличаются от военной сферы; диссонанс в семейной жизни; неприятие социальных норм и социокультурных ценностей гражданского общества и другие. При этом, несомненно, что «успешная адаптация способствует стабильности и безопасности общества в целом, поскольку эти военнослужащие активно участвуют в экономической и культурной жизни. Недостаточная адаптация может приводить к трудностям с трудоустройством, социальной изоляции и даже правонарушениям» [14, с. 172].

Таким образом, можно констатировать, что обращение к теме социальной адаптации уволенных из Вооруженных сил офицеров отражает не только научный интерес исследователей, имеющих цель как можно полнее отразить спектр проблем, встречающихся на этом пути, но и явно выраженную практическую направленность: так как теоретические и эмпирические исследования помогут сформулировать рекомендации, направленные на успешность и социальную результативность этого процесса.

Обсуждение

Офицеры, уволенные в запас, как особая социально-профессиональная группа современного российского общества, находятся в ситуации изменения статуса, профессиональной роли и жизненной траектории.

Анализу проблем их интеграции в социальное пространство гражданской жизни посвящено достаточно обширное проблемное поле социогуманитарных наук. Можно констатировать, что контекстная наполненность и применимость понятия «социальная адаптация уволенных из Вооруженных сил офицеров» обусловлены междисциплинарным подходом к фокусу анализируемых проблем и многообразием подходов к интерпретации их детерминант, последствий возникновения и существования, а также – путей решения.

Аспекты изучения этой проблемы разнообразны. Так, ряд работ В.Э. Щипакова отражают такие направления исследования, как особенности профессиональной адаптации военнослужащих, уволенных в запас, с позиции рассмотрения этого процесса как элемента их ресоциализации [15]; формирование социальных технологий ресоциализации российских офицеров ВС РФ, уволенных в запас [16]. А.П. Абрамов исследует предпочтения и барьеры профессиональной социализации офицеров запаса [1]; интерес М.Г. Мелконяна сосредоточен на социальной адаптации военнослужащих в период реформирования армии, и, хотя работа написана в 2001 году, она не теряет своей теоретической и методологической актуальности [11]. Этой же проблеме посвящено и исследование С.М. Осипенкова [12].

А.А. Прохвятилов и И.Н. Иванов в своей работе приводят результаты сравнительного исследования социального положения и психологического состояния офицеров, участвовавших и не участвовавших в боевых действиях [13]. Е.Г. Богданова делает акцент на социальной и индивидуальной значимости изучаемого процесса: «Увольнение офицеров из ВС РФ имеет отрицательный окрас в первую очередь из-за отсутствия гражданских специальностей и опыта работы в них. Работая годами в одной сфере и выполняя день за днем задачи и поручения определенного характера, военнослужащие в большинстве вырабатывают в себе совершенно иное мышление и поведение. Процесс ресоциализации офицеров, уволенных в запас, важен не только для каждого из них, но и для социума в целом» [4]. И.Н. Ковалёв, анализируя актуальные вопросы социализации военнослужащих после увольнения в запас в Российской Федерации, обозначил «особенность социализации уволенных в запас военнослужащих, заключающуюся в резкой смене социальной роли и среды – от структурированной и иерархической военной системы к гибкой и менее предсказуемой гражданской» [7, с. 85].

Результаты

Авторский анализ показал, что репрезентация исследуемой темы в научной литературе связана со следующими вопросами, каждый из которых может рассматриваться как самостоятельное направление исследования в рамках проблемного поля темы социальной адаптации уволенных из Вооруженных сил офицеров:

- социальная адаптация уволенных из Вооруженных сил офицеров как первый этап их ресоциализации;
- социальная адаптация исследуемой категории населения как процесс присвоения ими социальных норм и ценностей гражданской жизни;
- барьеры социальной адаптации институционального, профессионального, социально-психологического, темпорального, коммуникативного характера, барьеры пространственного взаимодействия человека с природной и социальной средой;
- риски социальной адаптации уволенных из Вооруженных сил офицеров;
- социальная защищенность данной категории граждан в период их социальной адаптации и широкое использование социальных технологий ресоциализации.

Представленные выше направления исследования социальной адаптации уволенных из Вооруженных сил офицеров, несомненно, требуют полипарадигмального подхода. Каждое из направлений может развиваться, опираясь на определенный теоретический базис и используя в качестве методологической основы тот или иной подход.

Так, к примеру, изучение социальной адаптации уволенных из Вооруженных сил офицеров как первый этап их ресоциализации можно рассматривать на основе применения процессуального анализа, позволяющего интерпретировать социальную адаптацию как динамический процесс, разворачивающийся в определенном социальном пространстве и времени. В ходе этого процесса происходит присвоение субъектами адаптации – офицерами, уволенными в запас – новых социальных реалий или трансформация отношений к уже имеющимся ранее в их

жизни до выхода на пенсию. Социальная адаптация уволенных из Вооруженных сил офицеров как первый этап их ресоциализации – это не только присвоение, но и активное изменение той среды, в которую они интегрируются. Теоретическим базисом для данного аспекта исследования выступают работы о социализации и ресоциализации классиков социологии – П. Бергера, Т. Лукмана [3], Ф.Г. Гиддинга [17], Г. Зиммеля [5] и др., а также отечественных ученых, ведущих специалистов в данной области – А.И. Ковалевой, Н.А. Перинской [8], Т.И. Барсуковой [2], А.В. Кобылкина [6] и др.

Таким образом, данным примером мы подтверждаем, что в каждом из направлений исследования такого сложного общественного явления, как социальная адаптация уволенных из Вооруженных сил офицеров, необходимо определить теоретические основы и методологический конструкт, что позволит выявить особенности той или иной характеристики этого процесса.

Литература

1. Абрамов А.П. Профессиональная социализация офицеров запаса на российском рынке труда: предпочтения и барьеры // Научный журнал Дискурс. 2017. № 8 (10). С. 53–65.
2. Барсукова Т.И. Социализации в условиях префигуративного типа культуры // Новые контуры социальной реальности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 13–15.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.
4. Богданова Е.Г. Социальная адаптация военнослужащих офицерского состава, уволенных в запас // Актуальные исследования. 2025. № 14 (249). Ч.1. С. 67–70.
5. Зиммель Г. Как возможно общество? // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 102–114.
6. Кобылкина А.В. Понятие и сущность ресоциализации в социальных и философских науках // Общество: философия, история, культура. 2024. № 1 (117). С. 60–65.
7. Ковалёв И.Н. Актуальные вопросы социализации военнослужащих после увольнения в запас в Российской Федерации // Вестник науки и образования. № 5 (160). Часть 3. С. 85–90.
8. Ковалева А.И., Перинская Н.А. Ресоциализация // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. С. 297–300.
9. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во МГУ, 1983. 540 с.
10. Лушников В.П. Адаптация уволенных из Вооруженных сил офицеров к новым социальным условиям жизни и деятельности // Военный академический журнал. 2016. № 3 (11). С. 123–131.
11. Мелконян, М.Г. Социальная адаптация военнослужащих, увольняемых в запас в процессе реформирования армии: дисс. ... канд. наук. 22.00.04. Улан-Удэ, 2001. 143 с.
12. Осипенков С.М. Социализация военнослужащих, уволенных с военной службы по контракту, в условиях военной реформы: региональный аспект дис. канд. социологич. наук. 22.00.08. Хабаровск, 2013. 172 с.
13. Прохвятилов А.А., Иванов И.Н. К вопросу о социальной адаптации старших офицеров, уволенных в запас // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2007. Т. 7. № 1. С. 70–74.
14. Разов П.В., Трубина Ю.А. Социально-психологические направления адаптации военнослужащих, увольняющихся в запас // Власть. 2025. Т. 33. № 1. С. 172–184.
15. Щипаков В.Э. Особенности профессиональной адаптации военнослужащих, уволенных в запас, как элемент ресоциализации // Теория и практика общественного развития. 2023. № 11 (187). С. 152–158.
16. Щипаков В.Э. Формирование социальных технологий ресоциализации российских офицеров ВС РФ, уволенных в запас // Социальная динамика населения и человеческий потенциал. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Москва: Изд-во: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2025. С. 482–486.
17. Giddings, F. H. (1897) The Theory of Socialization: A Syllabus of Sociological Principles for the Use of College and University Classes. N. Y.; L.: MacMillan & Co., Ltd. xiv, 47 p.

SOCIAL ADAPTATION OF DISMISSED OFFICERS FROM THE ARMED FORCES: A SOCIOLOGICAL DISCOURSE

Yunusov B.Sh.
North Caucasus Federal University

The purpose of this study is to identify areas of research into the social adaptation of officers discharged from the Armed Forces that will highlight the complexity and contradic-

tions of this process. The author argues that the transition from officer status, or military personnel, to civilian status may encounter certain barriers of a professional, communicative, socio-psychological, and other nature that impede successful integration into civilian life. An analysis of various aspects of this problem, presented in the scientific literature, revealed the existence of relatively independent areas of research on the social adaptation of officers discharged from the Armed Forces within the subject matter of sociological science. Using the example of interpreting the social adaptation of officers discharged from the Armed Forces as the first stage of their resocialization, the author notes the possibility of applying the methodology of process analysis and the theoretical basis of the sociology of socialization processes.

Keywords: social adaptation, officers dismissed from the Armed Forces, resocialization, social technologies of resocialization, barriers to social adaptation, risks of social adaptation, social security of officers dismissed from the Armed Forces.

References

1. Abramov A.P. Professional socialization of reserve officers in the Russian labor market: preferences and barriers // *Scientific Journal Discourse*. 2017. № 8 (10). Pp. 53–65.
2. Barsukova T.I. Socialization in the context of the prefigurative type of culture // *New contours of social reality. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference*. 2018. Pp. 13–15.
3. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. Moscow: «Medium», 1995. 323 p.
4. Bogdanova E.G. Social adaptation of military officers discharged into the reserve // *Current research*. 2025. № 14 (249). Part I. Pp. 67–70.
5. Simmel G. How is Society Possible? // *Sociological Journal*. 1994. № 2. Pp. 102–114.
6. Kobylkina A.V. The Concept and Essence of Resocialization in Social and Philosophical Sciences // *Society: Philosophy, History, Culture*. 2024. № 1 (117). Pp. 60–65.
7. Kovalev I.N. Current Issues of Socialization of Military Personnel after Discharge to the Reserve in the Russian Federation // *Bulletin of Science and Education*. № 5 (160). Part 3. Pp. 85–90.
8. Kovaleva A.I., Perinskaya N.A. Resocialization // *Knowledge. Understanding. Skill*. 2016. № 1. Pp. 297–300.
9. Leontiev A.N. The Image of the World // *Selected Psychological Works: in 2 volumes*. Vol. 2 Moscow: Moscow State University Publishing House, 1983. 540 p.
10. Lushnikov V.P. Adaptation of Officers Dismissed from the Armed Forces to New Social Conditions of Life and Work // *Military Academic Journal*. 2016. № 3 (11). Pp. 123–131.
11. Melkonyan, M.G. Social Adaptation of Military Personnel Dismissed to the Reserve in the Process of Army Reform: Diss. ... Cand. Sci. 22.00.04. Ulan-Ude, 2001. 143 p.
12. Osipenkov S.M. Socialization of Military Personnel Dismissed from Military Service under Contract in the Context of Military Reform: Regional Aspect of Diss. Cand. Sci. 22.00.08. Khabarovsk, 2013. 172 p.
13. Prokhvatilov A.A., Ivanov I.N. On the Issue of Social Adaptation of Senior Officers Dismissed to the Reserve // *Scientific Notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*. 2007. Vol. 7. № 1. Pp. 70–74.
14. Razov P.V., Trubina Yu.A. Social and Psychological Directions of Adaptation of Military Personnel Transferring to the Reserve // *Vlast*. 2025. Vol. 33. № 1. Pp. 172–184.
15. Shchipakov V.E. Features of Professional Adaptation of Military Personnel Dismissed to the Reserve as an Element of Resocialization // *Theory and Practice of Social Development*. 2023. № 11 (187). Pp. 152–158.
16. Shchipakov, V.E. «Formation of Social Technologies for the Resocialization of Russian Officers of the RF Armed Forces Dismissed from the Reserve» // *Social Dynamics of the Population and Human Potential. Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference*. Moscow: Publisher: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, 2025. Pp. 482–486.
17. Giddings, F. H. (1897) *The Theory of Socialization: A Syllabus of Sociological Principles for the Use of College and University Classes*. N. Y.; L.: MacMillan & Co., Ltd. xiv, 47 p.

«Истории Армении» Лазаря Парпеци – как источник культурно-философских и социально-философских парадигм формирования традиционных ценностей и культурного кода

Аветисян Ашот Альбертович,
старший преподаватель кафедры философских наук
Московского государственного лингвистического
университета
E-mail: ashotavetisyana@yandex.ru

В статье приводится культурно-философский и социально философский анализ армянского историографа V Золотого века истории и культуры Армении Лазаря Парпеци, где выявляются культурно-философские, социально-философские, культурологические и аксиологические особенности работы автора. Особенно обращается внимание на духовные, исторические и религиозные основы формирования армянского культурного кода, традиционных ценностей и национальных приоритетов, как исходных пунктов для патриотического движения, так и актуальности в реализации возможной культурной дипломатии, культурной политики и стратегического развития Армении в современности.

Ключевые слова: Лазарь Парпеци, история, социальная философия, философия культуры, культура. Культурология, аксиология, Культурный код, традиционные ценности, V Золотой век Армянской культуры, анализ, религия, Христианство, Армянская церковь.

Лазарь Парпеци и «История Армении», рассказанная по поручению Марзапана Армении Ваана Мамиконяна

Парпеци Лазарь (441–510) – историк конца V века, родился в селе Парпи, в Арагацотне. Предполагается, что будущий ученый находился в родственных отношениях с нахарарскими (министры) родами Мамиконян, правителями областей Тайк и Тарон, а также Арцруни, правителями области Васпуракан. В гостеприимном доме Мамиконяна он воспитывался и получил начальное образование и с благодарностью вспоминал знатных женщин, которые принимали участие в его воспитании. Ими были Дзвик, жена мученика Амаяка Мамиконяна, и Ануйшврам, жена Ашуша бдешха. Позже Лазарь совершенствовал образование в Византии, где изучал греческие науки и читал книги святых мужей.

Будучи еще юношей, он получил от Ваана Мамиконяна важное назначение – взять на себя обязанности настоятеля католического монастыря в Эчмиадзине. Молодой исследователь обладал искусством красноречия, что чрезвычайно важно для проповеди и объяснения христианских священных книг людям в церкви. Для этого нужно быть искусным педагогом, учителем, чья устная речь оказывает влияние, когда она не читается из книги, а произносится вслух. Лазарь, хорошо зная содержание Священного Писания, обращался к народу устно и достиг желаемого результата. Он в доступной форме объяснял народу, что сам Иисус был учителем, который передавал свое учение своим ученикам, даже идя на крест, чтобы люди поняли истину. «Где забота праведного учителя, где подобие Христу праведного патриарха? Творец творения стал человеком ради спасения грешников, претерпел много унижений, побои по голове и плевание в лицо, и терновый венец, и другие великие вещи, и не осмелился окропить водой лицо человека, ослабленного ранами, боясь людей» [1; 7].

Лазарь, как отец церкви, считался украшением церкви в свое время. Однако многих смущало то, что он молод. Невежественные ученики-монахи не потерпели правил и постановлений, установленных молодым, но образованным, смелым настоятелем. Они подожгли деревянную церковь, растащили церковную утварь, похитили имущество, и изгнали молодого настоятеля из монастыря.

Жизненный отрезок Лазаря Парпеци совпал с бурным периодом армяно-персидских войн. Марзпан Армении Ваан Мамиконян поручил ему написать «Историю Армении» в продолжение работы Павстоса Бузанда. Приступая к написанию труда огромной важности для армянского народа в условиях его потери государственной самостоятельности, Лазарь откровенно высказывает свою позицию ученого-историка, литератора и гражданина. Он заявляет, что напишет книгу, которая будет содержать достойное и уместное повествование в соответствии с законами науки; обещает не добавлять к истории того, чего не было, не убавлять того, что было, не рассказывать небрежно, а раскрывать историческую правду с осторожностью, основанной на здравом смысле [1; 17].

Источниками для создания исторического труда послужили работы Агафангела и Павстоса Бузанда, Корюна, а также многое заимствовал из трудов Мовсеса Хоренаци и Егише. В предисловии «Истории Армении» Парпеци начинает свое повествование с того места, где остановился Павстос Бузанд: «Все это повествует некоего Паусто Византийского, до царства Аршака, внука и деда Аршака, сына Тирана, во время правления которого армянский мир, разорванный, как старая лощина, разделился на две ветви. Здесь Паусто завершает свой рассказ и завязывает узел. Эта книга также называется «История Армении» [2; 424].

Внушительный исторический труд начинается повествованием «Истории Армении» с раздела армянского государства в 387 году между Византией и Сасанидским Ираном. Историк с сожалением отмечает, что во время разделения Армении на две части многие провинции Ве-

ликой Армении в обеих частях были отняты и присвоены. Он утверждает, что цари Аршакуна жили в провинции Айрарат, и жемчужиной этой царской провинции была Араратская долина. Здесь росло все, что имело жизненно важное значение для людей. Широкие возделанные поля, на которых процветала дичь, равнина была окружена прекрасными горами, покрытыми пышными пастбищами, полными разнообразных и полезных животных. С высоких вершин гор текла вода, которая опьяняла поля обильным орошением. Эти поля обеспечивали людей обильным хлебом и вином, ароматными, медовыми овощами, различными масличными культурами. Такая природная пища давала охотникам и пастухам, живущим на открытом воздухе, здоровье и душевное равновесие. На равнине росли полезные растения, с помощью которых искусные врачи лечили болезни и восстанавливали здоровье страдающих. Но эта равнина также дала людям сокровища, скрытые под землей: золото и медь, железо и драгоценные камни. Эти драгоценные камни украшали головы царей, короны и даже их роскошные одежды.

Лазарь Парпеци описывает теплые отношения между правителями и простыми крестьянами. Молодые крестьяне с радостью делились с князьями своим скотом и уловом рыбы, и в результате радовались и те, и другие. Парпеци не мог обойти и негативные процессы в повседневной жизни различных слоев армянского общества. В сочинении фиксируется существовавшая в тот период в Армении социально-политическая обстановка, показывается положение бедных крестьян, ремесленников, раскрывается усобица между нахарарами и их противостояние центральной власти. В погоне за богатством и высокими должностями некоторые нахарары принимали зороастризм, но в своем большинстве не являлись сторонниками персидской ориентации.

История Армении анализируется вплоть до падения династии армянских Аршакидов в Восточной Армении в 428 году смерти католикоса Саака и Месропа Маштоца, и возвращения блаженного старца Авраама в Армению после долгого изгнания. Парпеци проливает новый свет на события Аварайра. Он сообщает, что Хазкерт II держал двух сыновей Васака Сюнеци и бдешха Ашуша в Тизбоне.

Значительная часть исторического материала посвящена жизнедеятельности рода Мамиконянов, особые слова благодарности с искренним уважением и восхищением выражаются Вардану Мамиконяну. По словам Парпеци, становится ясно, что Васак был инициатором восстания: «...они немедленно и срочно написали письма императору, всем старейшинам греческого двора и другим князьям и правителям, бдешху Агдзному, князю дома Ангеха, другим князьям Цопка, Хаштянка, Екегика и других провинций, а также великому полководцу Антиохии» [1; 139]. Князь по имени Атом представил копию одного из этих писем персидскому царю во время суда над Васакем. «А также министр по имени Атом из племени Гуняц, которого он послал представителем к грекам, выступил и обвинил его перед великим судом, предъявив тот самый указ, который он издал, скрепленный его кольцом» [3; 269]. И Егише, и Парпеци описывают крупные штрафы, наложенные персидским государством на Васака. Он долгое время находился в тюрьме и там же погиб.

В своей истории Парпеци приводит уникальные факты для армянской историографии об Ованнессе Мандакуни, Католикосе всех армян (478–490). Мандакуни был учеником Саака Партева и Месропа Маштоца, получил высшее образование в видных греческих центрах и происходил из семьи священников. Его дядей был Гют I Арахезский, который предшествовал Мандакуни на посту Католикоса всех армян (461–478). Мандакуни также был писцом и переводчиком. От него дошли проповеди и духовные песни [4; 613–614]. Парпеци описывает, как Мандакуни вдохновлял армянских солдат перед битвой во время восстания Ваана Мамиконяна: «Католикос святого Иоанна приказал всей армянской армии всю ночь усердно молиться и просить гуманного Спасителя возвысить Свое великое имя среди собравшейся толпы язычников, даровать Своим слугам долю гордости и возложить долю позора на класс отступников. И вот так армянский полководец Ваан Мамиконян, чудесный всадник и марзпан Саак и вся армянская армия, единодушно и в одном сердце, с ободряющим духом, просили Божьего вдохновения и совершили предписанное ночное богослужение» [1; 313].

Много хвалебных слов сказано верховному главнокомандующему вооруженными силами Армении. Полководец возглавлял военные действия армянских воинов с персами. Не сумев захватить Ваана Мамиконяна, персидские солдаты организовали крупную резню армянских рамиков и захватили жён ширакских князей Нерсе и Грахата, отведя их в персидскую армию, заранее предупредив, чтобы они вели себя в соответствии с христианской честью. Эти женщины вели себя безупречно, оставаясь верными своим любимым мужьям.

Лазарь Парпеци строго осудил предательских министров. Эти предатели, нарушая общие интересы Армении, перешли на сторону персов, рассчитывая получить от них должности, почести, чужие дома

и имущество. Жаль, что такие вероломные и лживые люди учили этому своих детей. С глубокой скорбью Парпеци пишет, что из-за таких вероломных и лживых людей из Армении исчезли заслуги, ум, мужество, родословная и справедливость, и на арену вышло преобразённое лицо всех их. Отмечая предательские черты некоторых людей на своей родине, рассказчик размышляет о спасении Армении. Парпеци приписывает Ваану Мамиконяну такую речь в защиту достоинства Армении, которая вызвала уважение к его личности среди персов. Парпеци описывает Вардана как мученика за христианскую веру.

В работе отмечается, что по итогам Аварайрского сражения (451 г.) и войны 484 года армянский народ добился восстановления самоуправления, своей религиозной автономии в границах Персидской империи. Данные важные позиции были зафиксированы в Нварсакском договоре (485 г.). Персы понимали, что мятежника Вагана Мамиконяна следует признать правителем и губернатором Армении. В 484 году в селе Нварсак был подписан договор, первые два пункта которого имели чрезвычайно важное значение для Армении. Согласно первому пункту, армянам было предоставлено право свободно исповедовать христианство, зороастрийские святыни были вывезены из Армении, а христианам и священникам было разрешено смело и бесстрашно исполнять христианские саны и обязанности, где бы они ни пожелали [1; 391]. Второе требование заключалось в том, чтобы они правильно различали благородных и неграмотных, правильно оценивали полезных людей, презирали плохих и бесполезных, защищали мудрых и прислушивались к их советам. И третье требование заключалось в том, чтобы царь арийского мира не формировал мнение о ком-либо на основе того, что говорят другие, а полагался только на то, что видел своими глазами и слышал своими ушами. Согласно Нварсакскому договору, Армения получает полную внутреннюю автономию. Ваган Мамиконян вместе с группой министров отправляется в Персию, получает достойный прием от царя Вагарша и возвращается на родину. Персидские маги должны были отказаться от политики насильственного обращения армян в зороастризм, вывести из Армении жрецов и разрушить построенные ими капича. Эти события дали возможность армянскому народу предотвратить угрозу ассимиляции. Охватывая период с конца IV до конца V вв., Лазарь также рассказывает об освободительных движениях в Грузии и Албании. «История Армении» Парпеци завершается благословенной речью Ована Мандакуни.

Историческая, культурологическая и философская ценность «Истории Армении» Лазара Парпеци – универсальность. Она использовалась всеми историками, которые пытались написать полную историю или размышляли о событиях героической битвы при Аварайре. Известный армянский ученый Микаэль Налбандян дал наивысшую оценку Лазарю Парпеци как историку: «Действительно, «История» Парпецкого имеет много общего с эпической хроникой Тацита, как в своем неукротимом духе, так и в красноречии», – читаем в статье Аелиты Долуханян [5; 8].

Резюме

Труды раннесредневековых армянских историографов важны не только как исторические документы, зафиксировавшие важнейшие вехи, события своего народа. Они сохраняли свой неповторимый национальный колорит, вселяли в армянский народ уверенность в успехе национально-освободительных движений, формировали чувство патриотизма. Более того, в «Истории Армении» ярко представлена социально-политическая, духовно-воспитательная обстановка и системы Армении пятого века: уважение и почтение как к женщинам вообще, так и матерям в частности, уважение к своим подчиненным, поскольку беда общая, и побеждать врага необходимо совместными усилиями.

Значимость факта принятия Христианства как государственной религии в Армении невозможно умалять: как Христианство ценности, так и армянский язык и алфавит несут тот самый культурный код, который уже более 1700 лет направляет, воодушевляет и определяет культурное и цивилизационное развитие армянского народа. Традиционные ценности, которые сформировались в пятом веке нашей эры, до сих пор составляют корень ценностной системы армянских семей, межличностных отношений, гостеприимства, межкультурной коммуникации и быта, направленное на созидание и миролюбивый склад мировоззрения.

Пятый век армянской литературы, историографии, богословия и философии, по праву называемый Золотым веком, богат историческими и научными текстами, философскими и богословскими трактатами, имеющими не только национальную ценность для отображения, формирования и передачи традиционных ценностей и армянского национального культурного кода, но и универсальную ценность для мировой цивилизации и научного сообщества.

Լիտերատուրա

1. Ղազար Փարպեցի, Հայոց պատմություն, Թուրք Վահան Մամիկոնյանին, աշխարհաբար թարգմանությունը և ծանոթագրությունները Բագրատ Ուլուբաբյանի, Երևան, 1982:
2. Св. Назарянц, Намакани, текст составлен, аннотирован и предисловие написано Рузан Нанумян, Ереван, 1969.
3. Եղիշե, Վարդանի և Հայոց պատերազմի մասին, թարգմանությունը և ծանոթագրությունները Ե. Տեր-Մինասյանի, Երևան, 1989:
4. Հովհան Մանդակունու մասին մանրամասները տե՛ս Զրիստոնյա Հայաստան. հանրագիտարան, Երևան, 2002:
5. Աելիտա Դոլուխանյան. Երկու խոսք. Ղազար Փարպեցի: Հոդվածների ժողովածու.- Եր.: Լուսակն, 2023.

«HISTORY OF ARMENIA» BY GAZAR PARPETSİ – AS A SOURCE OF CULTURAL-PHILOSOPHICAL AND SOCIAL-PHILOSOPHICAL PARADIGMS FOR THE FORMATION OF TRADITIONAL VALUES AND CULTURAL CODE

Avetisyan A.A.

Moscow State Linguistics University

This article presents a cultural-philosophical and socio-philosophical analysis of «Armenian history» by Ghazar Parpetsi, an Armenian historiographer of the 5th Golden Age of Armenian culture. It highlights the cultural-philosophical, socio-philosophical, culture studies' and axiological features of the author's work. Particular attention is paid to the spiritual, historical, and religious foundations of the formation of the Armenian cultural code, traditional values, and national priorities, both as starting points for the patriotic movement and as relevant to the implementation of potential cultural diplomacy, cultural policy, and strategic development in Armenia today.

Keywords: Ghazar Parpetsi, history, social philosophy, philosophy of culture, culture. Culturology, axiology, cultural code, traditional values, 5th Golden Age of Armenian Culture, analysis, religion, Christianity, Armenian Church.

References

1. Ghazar Parpetsi, History of Armenia, Letter to Vahan Mamikonyan, Ashkharbaar translation and annotations by Bagrat Ulubabyan, Yerevan, 1982.
2. St. Nazaryants, Namakani, text composed, annotated and preface written by Ruzan Nanumyan, Yerevan, 1969.
3. Yeghishe, About Vardan and the Armenian War, translation and annotations by E. Ter-Minasyan, Yerevan, 1989.
4. For details about Hovhan Mandakuni, see Christian Armenia. Encyclopedia, Yerevan, 2002.
5. Aelita Dolukhanyan. Two Words. Ghazar Parpetsi. Collection of Articles.- Yerevan: Lusakn, 2023.

Трунев Сергей Игоревич,

доктор философских наук, независимый исследователь
E-mail: si_trounev@mail.ru

Антонюк Даниил Сергеевич,

студент, Поволжский институт управления имени
П.А. Столыпина – филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
E-mail: eyu_antonyuk@mail.ru

В статье на основании анализа воззрений Д.Белла, Ж.Бодрийяра, Э.Тоффлера, Э. Фромма, Д.Сакса, Ф.Фукуямы на современное общество, во-первых, делается вывод о том, что они не противоречат, а взаимодополняют друг друга, вторым выводом является констатация социальных и культурных трансформаций, происходящих вследствие наступления цифровой эпохи. В результате общество разделяется на элиту, оперирующую знанием цифровых технологий, массу потребителей, подчинившую своё сознание искусственному интеллекту, а также представителям экопоселений, органично совмещающих городской и сельский образ жизни и тем самым, осуществляющих некий продуктивный синтез.

Ключевые слова: цифровая реальность, социокультурный, трансформации, информационное общество, общество потребления, элита, искусственный интеллект, ИТ технологии, потребитель, экопоселения.

Введение

Ожидаемое наступление цифровой реальности, как показала практика, застало человечество врасплох. До настоящего времени, никто не может оценить ни влияние искусственного интеллекта на человечество, ни способов взаимодействия с ним. В этой связи, нам кажется уместным, произвести анализ возможных социальных и культурных последствий взаимодействий человека с уже наступившей цифровой реальностью. Для нашей страны это тем более актуально, если учесть тот факт, что исторические обстоятельства диктуют нам необходимость находиться в числе стран, задающих специфику нового многополярного мира.

В силу вышеизложенного, **объектом** исследования является совокупность социальных и культурных причин, инициирующих и обуславливающих структурные изменения общества. **Цель** работы состоит в реализации попытки отследить трансформации современного общества, в той или иной мере связанные с наступлением новой цифровой эпохи. **В задачи** данной работы входит: 1) выявить совокупность фигурирующих в науке дефиниций современного общества; 2) определить черты современного общества на этапе его цифрового развития; 3) проанализировать структурные трансформации общества на современном этапе; 4) указать на значимость влияния структурных изменений на процессы общественного развития.

В качестве рабочей **гипотезы** исследования может быть использовано положение, согласно которому повсеместное распространение цифровой реальности приводит к весьма ощутимым трансформациям общественной структуры и культуры.

Теоретическая часть

Выявляя значимые характеристики современного общества, следует обратиться к уже имеющимся определениям, данным, по большей части западными теоретиками. Прежде всего, в качестве основной характеристики общества, отмечается его постиндустриальность. Так одним из первых мыслителей, разрабатывавших теорию постиндустриального общества, был Д. Белл в своей работе «Грядущее постиндустриальное общество». Согласно его воззрениям: «Постиндустриальное общество – такое общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни: в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и, что самое важное, в котором внедрение нововведений во все большей степени стало зависеть от достижений теоретического знания» [1, с. 43]. Обратим внимание то, что Д. Белл подчёркивает значимость технически образованных специалистов.

В своей известной работе Э. Тоффлер описывает развитие человечества, как последовательную смену трёх волн: сельскохозяйственную, индустриальную и постиндустриальную (информационную). Сельскохозяйственная волна была связана с освоением сельского хозяйства и животноводства. Она была достаточно долгой, поскольку время здесь измерялось земледельческими циклами, до определённой степени, совпадающими с календарными. Следующая волна – индустриальная, явилась итогом развития машинной техники и, примерно, охватила реалии XVIII – середину XX вв. На данном этапе сформировался пролетариат, как движущая сила будущих социальных революций. Период третьей постиндустриальной волны Э. Тоффлер описывает, применяя понятие постиндустриального общества. Прежде всего, это означает, что основным товаром здесь является информация, которая, в свою очередь, пространственно локализуется, в так называемых, «электронных коттеджах». С точки зрения Э. Тоффлера, электронные коттеджи представляют собой жилища, оборудованные всеми средствами коммуникации. Разумеется, на настоящее время, это мнение просто иллюстрирует нашу ежедневную реальность. Не выходя из дома, человек может осуществлять свою рутинную деятельность дистанционно [2].

С течением времени, данные концепции уступили место теории общества потребления, которая, на наш взгляд, более точно отражает, сложившуюся социокультурную ситуацию. В этой связи, на смену пришло понятие общество потребления. Оно не отменяет предыдущих понятий, но фокусирует наше внимание на мире, в котором потребление играет главную роль. Здесь для нас важны такие характеристики потребителя, как его желание нового и, соответственно, стремление

обладать полнотой информации. Поясним: чем раньше мы узнаём о том, что на рынке появилось нечто новое, тем раньше мы сможем приобрести и использовать этот продукт [3].

Описывая феномен конца истории, Ф.Фукуяма обращает внимание не только на возникновение человека – потребителя, но также и на сопровождающее современное общество экологические проблемы: «Конец истории печален, борьба за призвание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма, – вместо всего этого – экономический расчёт, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощрённых запросов потребителя» [4, с. 215].

Оценивая характеристики человека общества потребления, Э. Фромм пишет следующее: «Он – человек (прим. авт) – перестаёт быть центром собственного мира, хозяином своих поступков; наоборот – эти поступки и их последствия подчиняют его себе, им он повинует и порой даже превращает их в некий культ» [5, с. 230–233]. Итак, перед нами с одной стороны, мир людей, обладающих знанием и адекватными представлениями о высоких технологиях, и, с другой, рядовые потребители озабоченные, исключительно, удовлетворением потребностей настоящего.

Опираясь, на воззрения Э. Тоффлера, мы можем сказать, что современное общество, по сути, является информационным, по крайней мере, так считает один из известных теоретиков Д. Сакс. Так, по мнению Д. Сакса, человечество в своём развитии прошло 7 этапов (эпох) глобализации. Проблема заключается в том, что первый период глобализации он относит к периоду палеолита. На наш взгляд, это мнение ошибочно в силу того, что Всемирная история, с высокой степенью вероятности, началась с момента Великих географических открытий. Именно в этот период, Земля стала восприниматься в качестве, более или менее, единого целого. Современная целостность Земного шара, связана уже не с путешествием в дальние страны, а с единым информационным пространством. Об этом также писал Д. Сакс, по мнению которого седьмая информационная эпоха, по сути своей, характеризуется многополярностью, доступностью любого рода информации для массового потребителя, появлением, так называемой, «зелёной энергетики» и т.п.

Учитывая изложенное, можно набросать некоторый общий сценарий дальнейшего развития [6]. Поскольку, движущей силой развития человечества становятся информационные технологии, мы имеем возможность прогнозировать следующие трансформации: во-первых, в наибольшей степени, и в недалёком будущем, на рынке труда будут востребованы специалисты, обладающие знаниями в сфере ИТ технологий. Эти люди, вероятнее, всего составят новую элиту, которая будет не менее влиятельной, чем политическая, производственная, банковская и т.п. С некоторой степенью вероятности, можно утверждать, что данная элита будет представлять собой наивысший слой общества. Новый тип власти будет базироваться на том, что «информационная элита» будет представлять собой не что иное, как совокупность носителей знаний цифровых технологий, по отношению к которым, все остальные группы будут занимать более низкое место в социальной иерархии. Во – вторых, логично предположить, что общество разделится, как минимум на два, относительно независимых сообщества: информационную элиту и «молчаливое большинство». При этом первая группа будет сохранять свою власть, производя всё новые и новые цифровые продукты, в том время, как вторая, окончательно трансформируется в общество потребителей, всецело, доверяющих искусственному интеллекту, и, в этой связи, не способных к какой-либо креативной деятельности.

Более того перед нами вырисовывается модель общества, в котором элита и масса не взаимодействуют между собой, точнее, взаимодействуют только в одном направлении: элита производит и «спускает с верха» всё новые и новые технические и технологические решения в то время, как массе остаётся молчаливо потреблять их.

Что касается культуры, то и здесь также существует относительно чёткая демаркационная линия: элита, скорее всего, будет потреблять высокотехнологичный интерактивный цифровой продукт в то время, как масса будет довольствоваться, сфабрикованными ИИ, зрелищами.

Третья социальная общность, имеющая не только право на существование, но и перспективы развития – являются люди, сменившие городской уклад на реальность экопоселений, занимающих срединное положение между городом и селом. Не будет преувеличением сказать, что жизнь в экопоселениях, по сути своей, представляет синтез городского и сельского уклада, совмеща в себе городской комфорт и экологичность сельского существования. Приведём два определения данного типа общественного устройства, представляющиеся наиболее информативными: «Экологическое поселение (экопоселение) – поселение, созданное для организации экологически чистого простран-

ства для жизни группы людей, как правило исходящих из концепции устойчивого развития и организующих питание за счёт органического сельского хозяйства. Одна из форм идейной общины [7]. Второе определение отчасти дублирует уже приведённое, но является более лаконичным: «Это форма идейной общины, цель которой – организовать экологичное проживание для группы семей. Обычно такие сообщества включают образованных горожан, которые разочаровались в прежнем образе жизни и ищут другую почву под ногами. Желательно, плодородную. Они хотят жить в согласии с природой и возделывать на земле свой маленький рай – с органической продукцией» [8]. Для нас важно, что во втором определении содержится культурный аспект, раскрывающий сущность экопоселений, как своеобразных субкультур, в рамках которых люди объединены не только совместной экономической деятельностью, но также общими взглядами, нормами и ценностями, формирующими особый стиль жизни. Интересным также является положение, согласно которому экопоселения создают высокообразованные люди, уже имевшие опыт проживания в мегаполисах и, в итоге, разочаровавшиеся в городском укладе.

Заключение и вывод

Таким образом, можно сделать вывод о том, что повсеместное наступление цифровой реальности радикально изменяются, как общественные структуры, так и содержание сознания, включённых в них субъектов. Так, с одной стороны, мы являемся свидетелями появления новой элиты, компетенции которой находятся в сфере ИТ технологий, а также новой массы, уровень креативности которой стремительно падает по причине постоянного использования искусственного интеллекта. Перспективным синтезом двух отмеченных общностей представляется развитие экопоселений, всё более набирающих обороты в настоящее время и также значительным образом изменяя имеющуюся социальную реальность.

Литература

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – Москва: Academia, 1999. – 783 с. – С. 43
2. См. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 784 с.
3. См. Бодрийяр, Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр; пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. – Москва: Республика: Культурная революция, 2006. – 269 с. – (Мысли-тели XX века).
4. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; пер. с англ. – Москва: АСТ, 2003. – 352 с. – С. 215.
5. Фромм, Э. Человек одинок / Э. Фромм // Иметь или быть? – Москва: Прогресс, 1990. – С. 230–233.
6. См. Сакс, Дж. Эпохи глобализации: география, технологии и институты / Дж. Сакс; пер. с англ. Н. Проценко. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2022. – 368 с.
7. Экологическое поселение // Википедия: свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Экологическое_поселение (дата обращения: 30.06.2026). – Электрон. версия.
8. Картоотека: экопоселения в России. Как горожане выживают в сельской глуши // Дзен: контентная платформа. – URL: <https://dzen.ru/a/YhOkU8f8RgrtZpb> (дата обращения: 28.06.2026). – Электрон. версия.

DIGITAL REALITY AND SOCIOCULTURAL TRANSFORMATION

Trounnev S.I., Antonyuk D.S.

Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article is based on the analysis of D. Bell, J. Baudrillard, E. Toffler, E. Fromm, D. Sachs, F. Fukuyama's views concerning modern society. The authors made conclusions that, firstly, all these opinions do not contradict, but complement each other, the second conclusion is just a statement of social and cultural transformations taking place due to the advent of the digital age. As a result, society is divided into an elite that operates with knowledge of digital technologies, a mass of consumers who have subjugated their consciousness to artificial intelligence and representatives of eco-villages that organically combine urban and rural lifestyles thereby performing some kind of productive synthesis.

Keywords: digital reality, sociocultural, transformation, information society, consumer society, elite, artificial intelligence, information technologies, consumer, eco-villages.

References

1. Bell, D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting / D. Bell; translated from English, edited by V.L. Inozemtsev. – Moscow: Academia, 1999. – 783 p. – P. 43.
2. See Toffler E. Third wave. – M.: LLC «Publishing House ACT», 1999. – 784 p.

3. See: Baudrillard, J. The Consumer Society: Myths and Structures / J. Baudrillard; transl. from French, with afterword and notes by E.A. Samarskaya. – Moscow: Respublika: Cultural Revolution, 2006. – 269 p. – (Thinkers of the 20th Century).

4. Fukuyama, F. The End of History and the Last Man / F. Fukuyama; transl. from English. – Moscow: AST, 2003. – 352 p. – P. 215.

5. Fromm E. Man Is Alone / E. Fromm // To Have or to Be? – Moscow: Progress, 1990. – P. 230–233.

6. See: Sachs, J. The Ages of Globalization: Geography, Technology, and Institutions / J. Sachs; transl. from English by N. Protsenko. – Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2022. – 368 p.

7. Ecovillage // Wikipedia: The Free Encyclopedia. – URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Ecovillage> (accessed: 30.06.2026). – Electronic version.

8. Catalogue: Ecovillages in Russia. How city dwellers survive in rural countryside // Zen: content platform. – URL: <https://dzen.ru/a/YhOkU8jF8RgrtZpb> (accessed: 28.06.2026). – Electronic version.

Багирова Азада Бахтияр,

кандидат наук по социальной философии, Военный Институт
имени Гейдара Алиева, Азербайджан, Баку
E-mail: bagirovaazade4@gmail.com

В статье анализируются механизмы взаимодействия биологических факторов и социальной среды, их роль в индивидуальном и социальном развитии, а также гармоничные ситуации, которые они создают при формировании человеческого поведения. Подчеркивается значимость биологических факторов в определении компонентов психологической структуры, а также роль социальной среды, которая формирует траекторию их развития и социальное значение. Также рассматривается взаимодействие таких биологических факторов как наследственные характеристики человека, его психофизиологическую структуру и тип темперамента, и т.д. с социальной средой, которая создает необходимые стимулы и условия для реализации этого потенциала.

В статье акцентируется внимание на том, что ни биологические, ни социальные факторы по отдельности не способны в полной мере объяснить многообразие человеческих личностей. Формирование личности рассматривается как динамический и непрерывный процесс, в ходе которого врожденные биологические предпосылки реализуются, изменяются или ограничиваются под воздействием социального опыта и взаимодействия с окружающей средой. Особое внимание уделяется современным биосоциальным подходам, объединяющим достижения психологии, социологии и биологии. Проведенный анализ показывает, что понимание взаимосвязи биологических и социальных детерминант имеет важное значение для объяснения индивидуальных различий, социальной адаптации, нравственного развития и процесса самореализации человека в обществе.

Ключевые слова: личность, биологические факторы, социальная среда, развитие характера, стадии развития, генетическая структура человека, гены, поведение человека.

Introduction

Personality formation is a multifaceted and dynamic process arising from the social nature of human, and is a result of the interaction of biological factors and the social environment. The classic debate – «which hereditary factors or the environment are stronger?» – has been replaced in modern scientific approaches by the concept of interaction. According to this concept, human development is dynamic and is formed as a system dependent on both biological predispositions («predisposition», a combination of genetic, environmental, psychological or social factors), and social experiences. Personality formation is a complex process at the intersection of scientific fields such as psychology, sociology, biology, anthropology and neurology. Social institutions, family, educational institutions, peer groups and mass media play a decisive role in the assimilation of an individual's behavioral patterns, value system and social roles. The normative guiding influence of the social environment determines the level of socialization of the individual and ensures his integration into society. At the same time, individual characteristics and active social position also allow for selective perception of the influence of the environment, and thus, the formation of personality emerges as a two-way interaction. In the 1950s, new concepts emerged in research on personality formation. Erik Erikson's book «Childhood and Society», which highlighted his research on eight stages of psychosocial development in the second half of the 20th century, is a comprehensive psychoanalytic theory that identifies eight stages that a healthy developing person goes through during the transition from infancy to adulthood. According to Erikson's theory, the outcomes of each stage, whether positive or negative, influence the outcomes of subsequent stages [4].

E. Erikson, explaining in detail the role of the social environment and personal experiences in the development of personality, notes that the influence of biology, starting from the period of pregnancy during natural development, determines the functional maturity of the organism, and thus the initial stages of psychological development. However, although the biological basis determines the «range of possible development» of personality, social factors determine the direction in which it will develop.

Erikson defined personality as a continuous and sequential transition from one state to another of an individual's subjective sense of self. According to Erikson, personality is formed by the individual's biological characteristics, psychological needs, interests, and defenses, as well as the norms of the environment in which he lives. An individual's gender, physical appearance, cognitive abilities, and social roles are biological aspects. Anything that gives an individual a sense of «self», such as an individual's unique interests, needs, defenses, and emotions, is considered psychological characteristics. The cultural and social environment, on the other hand, reveals the individual's biological and psychological characteristics.

Although Erikson's ideas have been largely confirmed and his pioneering work has contributed greatly to research, many areas, such as the importance of infancy and adolescence in personality formation, and the differences between identity crisis and personality fragmentation, have not yet been fully explored. In the three-stage concept of personality development, the first stage is associated with early childhood, the second stage with later childhood, and the third stage with adolescence.

The role of biological factors in the formation of personality forms the basis of human psychological and behavioral characteristics. In fact, what is the origin of our personality? Over the centuries, large number of research has been conducted on the origin of our personality and various differences have been identified. Many theories have been developed regarding the development of personality based on factors such as gender, age, parental relationships, cognition and behavior, birth, biophysiological structure, and body physiology, starting from childhood.

Results and discussion (Conceptual work)

They mainly include genetic heredity, neurophysiological structure, temperament and natural development. Genetic heredity is formed on the temperament characteristics of the individual, the level of emotional stability, stress resistance and cognitive potential. The neurophysiological structure, the level of development of the cerebral cortex, the type of nerve system, and hormonal balance directly affect a person's behavioral reactions. According to the temperament type, groupings (choleric, sanguine, melancholic, phlegmatic) starting from the Hippocratic-Galen tradition determine the behavioral dynamics of the individual and the way of entering into social relationships.

The concept of personality was introduced into the analytical literature in 1919. The place of the concept of personality in psychoanalysis and psychiatry has always remained uncertain. The idea that personality has an ambivalent value as both an intrapersonal and interpersonal construct remains unchanged in psychoanalytic theory. «Ambivalent» means opposing and contradictory feelings, thoughts, or desires towards a person or situation. This state is also described as «complex» or «conflicted» and causes the person to be unsure of what to feel or what to decide. In a psychological context, especially in the works of Sigmund Freud, the term was used to describe a situation in which emotional ambivalence plays a significant role.

Two factors hinder attempts to investigate the sources of personality development. First, personality formation has a long history. Therefore, although the recent strengthening of uncertainties arising during research has reduced this uncertainty, a second obstacle is that different authors have studied different stages of personality formation using different observational methods.

First of all, the earliest childhood period of personality is traced from the first days of birth to the prenatal period. These resources consist of two factors – genetic factors and the expectations and desires of parents for the future child. The first is the unchanging psychomotor tendencies that make up temperament. Temperament interacts dialectically with environmental factors in early childhood. These factors determine the mother's approach to the child and the emotional «carrying force» of the attention she gives to the newborn. American researcher and psychologist J.R. Harris is known for his book «The Nurture Hypothesis», which criticizes the belief that parents are the most important factor in children's development and presents evidence to support this belief. In his work, while explaining the debates about the interaction between biological and social factors and the role of the social environment in the formation of a child's personality, the psychologist responds as follows: «Family-specific characteristics, conflicting views between parents – primarily, the intergenerational transmission of traumas – play an important role in the formation of the personality of the developing child» [6].

When it comes to adolescence, the process of personality formation is most intensive, but it varies depending on biological, psychological, social conditions, different cultures, and socio-historical environment. The development of the self through psychological and sexual stages, growth in mental and physical conditions, and maturation of affective and conceptual abilities develop along with the strengthening of reality assessment, perception, and reasoning. J.Dollard and N.E.N.Miller, while investigating the influence of learning theory and social factors in personality formation, note that the environment, objects, and the individual themselves are organized and integrated into more realistic ideas due to self-affirmation and self-development [3]. In particular, during adolescence, the issue of identity becomes acute again with all its might. Psychologically, progressive and regressive tendencies alternate with each other, sometimes with alarming speed. P.G. Zimbardo, explaining the influence of the social environment on human behavior, and in particular how personality can change, explains: «Regressive tendencies lead to a reliance on primitive modes of expression, while progressive tendencies, both defensive and autonomous, point to the formation of new standards of self» [11]. At the same time, the superego begins to undo the earliest parental prohibitions, and a stubborn dependence on the values of the peer group continues. Experienced identifications and experimental new roles finally expand the boundaries of the ego through the «supportive environment» of a stable family unit, strengthening feelings of inner strength and stability, as well as abstract moral understanding.

Gender differences in personality development resurface during adolescence. Boys, in an effort to establish their social roles, become closer to their fathers and more likely to be male peers. Girls, on the other hand, experience more regressive attachment tensions towards their mothers. Thus, gender differences are formed and reinforced during adolescence.

Subtle changes in personality occur in later periods. Later life activities, such as marriage and career choices, often rekindle personality conflicts. This also provides an opportunity to resolve identity issues. The beginning of parenthood is an important transition point. The demanding responsibilities of raising children reinforce the permanence of the object and therefore affect the identity. On the one hand, the giving of surnames to newborn children and their psychobiological characteristics reinforce the sense of lineage of generations. As a result of these influences, the identity becomes increasingly stronger.

Albert Bandura explains how personality is formed under the influence of the social environment through his «Social Learning Theory». Bandura explains that the mechanisms of influence of the social environment on personality have guiding, normative and regulatory functions in the process of socialization of the individual [1]. The main social factors influencing personality are the family environment, education and school, peer group, culture and tradition, and mass media.

The first model of social relationships, forms of emotional attachment, and behavioral patterns are mastered in the family. Intellectual development, perception of social roles, social rules, and the value system of so-

ciety are formed in educational institutions. Social identity, communication skills, and social comparison mechanisms develop precisely among peers. The historical, religious, and cultural values of society influence the individual's moral orientation and behavior. In Azerbaijan, research on this topic has intensified more after the Soviet era, but even in modern times, there are new studies investigating how social and biological factors combine in the formation of personality.

The interaction of biological and social factors is the main determining mechanism of personality formation. The essence of this interaction is the realization of biological potential through socialization, selective perception of social influence, harmony and disharmony in the regulation of behavior, and the formation of personality uniqueness. During the realization of biological potential through socialization, a person's hereditary abilities develop or are inhibited depending on the social environment. As a result of the selective perception of social influence, an individual perceives social influences in different ways depending on his biological characteristics. A. Caspi and T.Moffitt, while explaining how genetic predispositions interact with the influence of the social environment to lead to the development of depression and phobia, conclude that «during the harmony and disharmony in the regulation of behavior, the incompatibility of the social environment with the biological basis can cause behavioral disorders, adaptation difficulties, aggression or social avoidance» [2].

The formation of the uniqueness of personality arises from the synthesis of each person's biological basis and social experience. Thus, personality is not the product of biological instincts or social determinants, but rather the result of the mutual, dynamic, and multifaceted influence of both. The genes we inherit and the environment we live in, influence human behavior. Building on significant advances in our understanding of genetics and subsequent publications on human genetics, the main goal of this study is to highlight the biological contributions that underlie behavior. To understand the complex relationship between environment and genes, some researchers try to identify groups of genes or specific genes that are associated with a particular behavioral trait. This can be broadly defined as the study of behavioral genetics.

Forensic genetics is working in the field of behavioral genetics study behavioral differences that are influenced by genes, which are genetic elements passed down from parents to children. Aurelio Figueredo, in contrast to studies based on disorders and diseases, studies personality traits such as intelligence, sexual orientation, and impressionability, which contribute to genetic tendencies toward aggression and other antisocial behaviors, focusing on extroversion and emergent behavioral domains. In his research, he explains in detail the biology and neurobiology of personality [5].

Behavior is generally defined as a response to stimuli or the environment. More broadly, each stimulus, response represents a type of behavior. People demonstrate behavior by reacting to events with the help of their minds, emotions, intellect and culture. M.Rutter, while analyzing the combined influence of the social and biological environment, notes that human behavior genetics is a relatively new field of both genetic and environmental factors that affect individual variability in humans [8].

The idea that genetic makeup has a direct impact on behavior was first proposed by S.F. Galton in the early 1900s. He was the first scientist to systematically study heredity and human behavior. During this period, psychologists became increasingly interested in the study of behavior. While some traits were known to be innate or instinctive, attention was drawn to behaviors that could be modified by previous experience in living beings. It was considered impossible to explain complex behavioral patterns at the molecular level. However, as genetics became increasingly important in understanding behavior since the 1950s, research into the genetic aspects of behavioral traits intensified. Many factors – our genes and the environment in which we grow up – play an important role in the formation of our character. Genetic tendencies are realized in interaction with environmental factors. For example, in the research of R.Plomin and A.Caspi on the problem: «An individual with a genetic tendency to be assertive can develop this trait more positively in a lovingly supported family, while in a negative family environment this tendency can manifest itself differently. Since the formation of personality is a lifelong development, this process manifests itself differently as the individual grows and gains new experiences» the issue of personality formation as a result of the combination of biological potential and environmental experiences is put forward in the form of analysis [7].

Any activity involving emotion, thought, or action is called «behavior.» Personality and behavior are, in fact, core areas of psychology, so it is important to understand how individuals think, feel, and behave. The question of how personality and behavior are formed and what factors influence them has long been studied.

Tatlıoğlu, noting that the influence of the environment is somewhat superior to genes, puts forward the idea: «No matter how much we have certain structures and characteristics, it is inevitable that the environment

determines their boundaries. Therefore, the characteristics of our environment, our observations and experiences there, significantly affect us. Although our genes instill certain qualities in us, for better or worse, the environment can reverse this» [9].

To investigate and analyze this issue in depth, studies have been conducted on twins. Vygotsky's social-interaction theory explains how a person's personality develops and is shaped by the influence of the social environment. Twins raised apart immediately after birth, and when reunited years later, they were found to have similar personalities. This demonstrates the influence of genes. However, another study conducted on twins also revealed that they have completely different characteristics, talents, and behaviors. If genes were determined by the traits that shape us in the same way, twins would have identical traits. While environmental factors play a role in personality development, family income, education, social status, and parenting styles have been found to be particularly important [10]. As a result, as humans, our behaviors are shaped and acquired by both genetic and environmental factors. It is impossible to separate the two.

But what is the origin of these behaviors? Is it our genes or environmental factors that make us «us»?

Numerous studies have shown that there is no single answer to this question: Neither genes nor environment play a single role in the formation of personality. Because both the environment and our genes interact, personality traits are determined by genetic predispositions. Genes are like hardware, and the environment is like software; they work together. Studies on which is more effective have shown that different environments exhibit significant similarities in both physical characteristics and behavior. This suggests that our personality depends more on genes than on the environment, while the environment provides the opportunity to reveal or refine what we have.

Conclusion

Personality formation is a multifaceted process that depends on the interaction of biological and social factors. Biological factors determine temperament and other tendencies, while environmental factors enhance or limit these potentials; this interaction is a complex process, and both factors play an important role in the development of personality. Consequently, to ensure the healthy formation of personality, a comprehensive approach is needed that takes into account the inseparable and mutual influence of biological and social determinants. Biological factors, primarily genetic heredity, form the basis of an individual's personality traits and some behaviors and influence behavior as well as personality traits. Some behaviors may be based on hereditary traits determined by genetic predisposition. For example, various studies have shown that some psychological disorders, such as schizophrenia, depression, and addiction, have a genetic component. In this case, an individual's behavior may develop under the influence of genetic predisposition. Secondly, the main temperamental characteristics that have existed since the birth of a person are revealed by his reactions during interaction with the environment.

Since the family is one of the most important environmental factors in the development of personality, factors such as family upbringing, parental education, family communication, family structure affect personality and play an important role in the formation of a person's personality. The behavior of family members, the education style of parents and family communication can affect the formation of personality characteristics. Culture and social values, on the other hand, are the beliefs, values, and norms of a society that play an important role in determining an individual's behavioral patterns and emotional responses.

An individual's decisions about education, environmental opportunities, and future prospects shape his or her personality traits. For example, in some cultures, where collectivist values are prominent, individual personality traits may be more collective and socially oriented.

Social life – peer groups, social class and life experiences are other environmental factors that play a role in the development of an individual's personality.

The analysis shows that the harmonious and purposeful influence of social factors and the social environment is of great importance in the development of a person's social maturity, adaptability and sense of social responsibility. In this regard, improving the quality of the social environment and the purposeful activity of social institutions are one of the main conditions for the healthy formation of a personality. The formation of personality occurs on the basis of the interaction of the potential determined by biological factors and the opportunities provided by the social environment. Although biological factors determine the basic components of the psychological structure, the social environment shapes their development trajectory and social significance. Purposeful organization of the social environment, coordinated activity of family and educational institutions, creation of healthy psychosocial conditions are necessary conditions for the harmonious and balanced development of personality.

Литература

1. Бандура, А. и Уолтерс, Р.Х. Теория социального обучения. Энглвуд-Клиффс, Нью-Джерси: Prentice-hall. 1977. Том 1, стр. 33–52.
2. Каспи, А. и Моффитт, Т.Е. «Обобщенные генетические риски депрессии и тревожности в человеческой популяции», Биологическая психиатрия, 2006, 60(12), стр. 1210–1219.
3. Доллард, Дж. и Нил, Э.М. Личность и психотерапия; анализ с точки зрения обучения, мышления и культуры. 1950.
4. Эриксон, Э.Х. Детство и общество. Нью-Йорк: W.w. Norton and Compny Inc. 1950.
5. Фигередо, А.Дж. и др. «Биология личности», в книге «Информационные и живые системы». Издательство MIT Press, 2010, стр. 371–406. doi:10.7551/mitpress/9780262201742.003.0014
6. Харрис, Дж.Р. Где находится окружающая среда ребенка? Теория групповой социализации развития», в журнале «Личность и расстройство личности». Routledge, 2013, стр. 254–285.
7. Пломин Р. и Каспи А. Природа воспитания: генетическое влияние на экологические меры. Психологическая наука, 10 (3), 1999, стр. 102–105.
8. Раттер, М. Влияние окружающей среды на поведение и развитие», Журнал детской психологии и психиатрии, 1990, 31 (1), стр. 1–39.
9. Татлиоглу, К. Университет Öğrencilerinin beş faktör kişilik kuramı'na göre kişilik özellikleri altboyutlarının bazı değişkenlere göre incelenmesi **, Journal Of History School, 7(XVII), 2014, pp. 939–971. doi: 10.14225/Joh400.
10. Выготский, Л.С. Разум в обществе: Развитие высших психологических процессов. Лондон: Harvard University Press, 1978.
11. Зимбардо, П.Г. Эффект Люцифера: Понимание того, как хорошие люди становятся злыми. Нью-Йорк: Random House Trade Paperbacks. 2007.

THE INTERACTION OF BIOLOGICAL FACTORS AND SOCIAL ENVIRONMENT IN FORMATION OF PERSONALITY

Bagirova A.B.

Military Institution named after Haydar Aliyev, Azerbaijan, Baku

This article explores the interaction between biological factors and the social environment in the formation and development of human personality. Personality is considered a complex biosocial phenomenon that emerges through the continuous interplay of inherited biological characteristics and external social influences. The study examines the role of genetic predispositions, neurophysiological processes, temperament, and other biological determinants that provide the foundation for individual development. At the same time, it highlights the importance of family upbringing, educational systems, cultural values, social norms, peer relationships, and broader societal conditions in shaping personality traits, attitudes, and patterns of behavior.

The article emphasizes that neither biological nor social factors alone can fully explain the diversity of human personalities. Instead, personality formation is viewed as a dynamic and lifelong process in which biological potentials are realized, modified, or constrained through social interaction and experience. Special attention is given to contemporary biosocial approaches that integrate findings from psychology, sociology, biology, and neuroscience. The analysis demonstrates that understanding the relationship between biological and social determinants is essential for explaining individual differences, social adaptation, moral development, and the overall process of human self-realization within society.

Keywords: personality, biological factors, social environment, character development, stages of development, human genetic structure, genes, human behavior.

References

1. Bandura, A. and Walters, R.H. Social learning theory Englewood Cliffs, NJ: Prentice-hall. 1977. Vol. 1, pp. 33–52.
2. Caspi, A. and Moffitt, T.E. Generalized genetic risks for depression and anxiety in the human population', Biological Psychiatry, 2006, 60(12), pp. 1210–1219.
3. Dollard, J. and Neal, E.M. Personality and psychotherapy; an analysis in terms of learning, thinking, and culture. 1950.
4. Erikson, E.H. Childhood and Society. New York: W.w. Norton and Compny Inc. 1950.
5. Figueredo, A. J. et al. 'The Biology of Personality', in Information and Living Systems. The MIT Press, 2010, pp. 371–406. doi:10.7551/mitpress/9780262201742.003.0014
6. Harris, J.R. Where is the child's environment? A group socialization theory of development.", in Personality and Personality Disorders. Routledge, 2013, pp. 254–285.
7. Plomin, R. and Caspi, A. The nature of nurture: Genetic influences on environmental measures. Psychological Science, 10(3), 1999, pp. 102–105.
8. Rutter, M. The influence of environment on behavior and development', Journal of Child Psychology and Psychiatry, 1990, 31(1), pp. 1–39.
9. Tatlıoğlu, K. Üniversite Öğrencilerinin beş faktör kişilik kuramı'na göre kişilik özellikleri altboyutlarının bazı değişkenlere göre incelenmesi **, Journal Of History School, 7(XVII), 2014, pp. 939–971. doi: 10.14225/Joh400.
10. Vygotsky, L.S. Mind in society: The development of higher psychological processes. London: Harvard University Press, 1978.
11. Zimbardo, P.G. The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil. New York: Random House Trade Paperbacks. 2007.

Бикметов Евгений Юрьевич,

д.с.н., профессор кафедры государственного управления,
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
E-mail: bicprof@mail.ru

Лукьянов Аркадий Викторович,

д.ф.н., профессор кафедры философии и культурологии,
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
E-mail: ark.lukjanov@yandex.ru

Целью исследования выступает рассмотрение качества и количества как категорий социальной философии. Обосновано, что в современной общественной жизни усиливаются процессы, связанные с качественными характеристиками последней. Но количество, степень интенсивности социальных процессов соответствуют закону меры, где качество и количество достигают единства. Это позволяет обратиться к понятию сущности, которая выступает универсалией философского знания. Качество есть не непосредственная определенность социального бытия, а безразличная к бытию, внешняя определенность. Количество имеет отношение к духовной, внутренней стороне человеческого бытия. Социум есть просто потому, что он есть, и утрачивая свое качество, он перестает быть тем, что он существует. Но качество есть понятие конечного, которое осуществляется в царстве природного бытия, но не в духовном мире, в котором качественные характеристики рассматриваются лишь в виде чего-то подчиненного и им не исчерпываются. Установлено, что духовное обладает потенцией самоопределения, которая включает в себя качество жизни, природные качества.

Ключевые слова: качество и количество, социум, природное бытие, духовная жизнь, сила самоопределения, сущность и мера как единство количества и качества.

Введение

Актуальность темы исследования состоит в том, что мера бытия всегда снимается в безмерном, а последнее есть единство количества и качества [1, с. 261]. Социальная жизнь не может быть все же безмерной. Качество, как и количество, не существуют от природы, причем, сами по себе; они не способны «отделяться от сущности» [2, с. 113]. Помимо сущности не может существовать отдельное. Поэтому и качество невозможно считать чем-то реальным. Качественная жизнь всегда существует в единстве с сущностью. Современная жизнь наполнена смысловой выразительностью, и данная выразительность должна быть отмечена в качественных характеристиках.

Целью исследования выступает рассмотрение качества и количества как категорий социальной философии.

Задачами являются следующие: 1) анализ качества и количества как категорий, которые оказываются способными проникать в будущее, а, тем самым, они создают «нечто само по себе простое» [1, с. 160], устойчивое; 2) исследование качества в его отношении к категории сущности, что позволяет ответить на вопрос «что она есть?», а не на вопрос, «какова данная вещь (качество)?», «как велика она (количество)?». Рассмотрение качества имеет отношение к диалектике возможности и действительности.

Новизна работы заключается в исследовании категорий качества и количества как категорий социальной философии. Количество имеет отношение к духовной, внутренней стороне человеческого бытия. Еще одним элементом новизны является идея, что качественными отношениями не исчерпывается образ духовной деятельности. В этой деятельности практически всегда существует «зазор» между целью и результатом, а последний имеет количественное выражение.

Когда человек стремится определить качество, то это говорит о несвободном, болезненном состоянии общества. Качество есть реальность, которая означает «бытие-для-другого» [3, с. 229], т.е. широту «наличного бытия». Но качество есть все же «в-себе-бытие» [3, с. 229]. Отсюда можно сделать вывод, согласно которому качество сопряжено с понятием сущности, которую можно мыслить, и которая обладает способностью к отдельному существованию [2, с. 115]. Качество характеризует изменчивость бытия. Нечто благодаря своему качеству изменчиво и конечно. Сложность определения качества состоит в том, что оно многомерно и субъективно [4, с. 160].

В исследовании категорий количества и качества следует обратить внимание, что единство качества и количества как качественное количество есть мера. Мера есть качественно определенное количество [3, с. 257]. Если в общественных и политических преобразованиях отсутствует мера, то социальные идеалы легко превращаются в идолы. История начинается блуждать в царстве случайностей. История, сущностью которой выступают идеи, а ее явления, зачастую, случайны и «принадлежат царству произвола», в конечном счете связана с конечностью познавательного процесса. Основанием выступает вера, авторитет других лиц, вообще авторитет внутреннего и внешнего созерцания [3, с. 102].

Под качеством следует понимать определенность, совпадающую с бытием. Объект перестает быть тем, что он есть, когда теряет свое качество. Количество есть, напротив, внешняя бытию, безразличная для него определенность. А мера есть единство первых двух, качественное количество [3, с. 216]. Если теория есть высшее благо и высшее добро [3, с. 211], то Г. Гегель передает это место из метафизики Аристотеля в произвольном виде, хотя и не нарушает смысла в заключении «Энциклопедии философских наук».

Из того, что есть, одно означает суть [вещи], другое – качество. Сущность и качество не сводимы ни друг к другу, ни к чему-то третьему [2, с. 177]. Тем не менее, по Аристотелю, сущность связана с качеством, а качество имеет определенную природу, тогда как количество – неопределенную [2, с. 282]. Мера не всегда бывает одна по числу. Но единое есть мера всех вещей. Единое неделимо, а мера всегда однородна [2, с. 254, 255]. «Мера всех вещей – человек» [5, с. 203]. Он неделим как духовное существо, поскольку только в этом случае обладает потенцией самоопределения. При этом гуманитарная культура выступает некой живой душой, мерой человеческого в человеке [6, с. 8]. Но потенция может перейти в бытие, а может и не перейти. Она несет в себе элемент случайности.

Сегодня необходима теория общества, которая бы развила понятие случайности. Г. Гегель рассматривал случайное в том плане, что оно имеет основание своего бытия не в самом себе, а в другом [3, с. 318]. Случайное не следует смешивать с действительностью. Случайное может быть, но может и не быть. Поэтому значение случайности не следует абсолютизировать. Она есть относительная ценность, выступает предметом удивления благодаря качественному богатству многообразия мира природных и социальных отношений. От удивления как начала философствования можно постепенно перейти к познанию гармонии человека и социума.

Случайность – это односторонний момент действительности. Это еще не действительность, но все случайное находит себе свободную сферу деятельности. Следует познавать необходимость, скрытую под видимостью случайности [3, с. 318, 319, 320]. Но случайное не принадлежит нашему субъективному представлению, т.е. тому, что может быть навсегда устранено.

Эта диалектика случайности и необходимости имеет существенное значение для познания качественных и количественных характеристик современного общества. Аристотель не является метафизиком, каким его представляют. Так, качество не является одним и тем же. Аристотель в своем понятии «энтелехии мышления» (мышление мышления, высшая форма бога, сущность которого есть мысль), развил представление, что бог не завистлив [1, с. 388]. Божественное является равноудаленным от вещей и людей. В этом плане он является подлинным началом. В связи с этим и в управленческих отношениях субъекту необходимо стремиться организовать организационное пространство, социальную дистанцию так, чтобы она не была по размерам как слишком большой, так и слишком малой.

В современном стохастичном обществе происходит столкновение различных умонастроений, индивидуальных и коллективных намерений, традиции и инновации. Интерес вызывает мировоззренческая позиция Ф. Шеллинга, который развил мысль о диалектическом соотношении «негативной» (логической) и «позитивной» (экзистенциальной) философии. Видимо, одно общее стремление пронизывает нашу эпоху. Установившийся порядок вещей и отношений разрушается, уходит в прошлое и не может быть восстановлен. Но возникает вопрос, должны ли мы согласиться с теми веяниями, тенденциями, несущими абсолютно новое? [7, с. 92].

Если мы стремимся к разработке новой теории общества, то следует обратиться к экзистенциальной философии, в которой проводится различие между существованием и сущностью. Опыт нас убеждает в том, что вещи существуют [8, с. 275]. Необходимо исходить из факта существования человека, качества его жизни. «Негативная» философия продвигается от мышления к бытию, а экзистенциальная – от бытия к мышлению.

Век цифровизации и искусственного интеллекта – это эпоха преобладающего количества. Сегодня ценятся количественные показатели, но они все же не существуют в отрыве от качества, от экзистенции человека. Качество рассматривается как средство решения экзистенциальных проблем человеческого бытия [9, с. 50].

Сегодня одним из главных вопросов является вопрос об отношении философии к действительности. При этом следует различать, что есть сущее и что сущее есть [10, с. 99]. Большинство философов исходят из того, что есть сущее (например, Платон, Гегель и другие).

Другие философы предлагают качественные определения действительности. Сократ говорил о том, что я знаю, что ничего не знаю. Но сократовское познание направлено как против поверхностности софистов, так и против напыщенности, высокомерия элатов. Сократ, как известно, вел борьбу с софистами, но он не просто противопоставлял их рассуждению авторитет и традиции, а диалектически вскрывал несостоятельность одних лишь оснований и в противовес последним выдвигал справедливость и добро, вообще всеобщее или понятие воли [3, с. 285].

В настоящее время, которое характеризуется рефлексией и резонирующими соотношениями, становится затруднительным поиск оснований. Однако, для всего, видимо, можно найти основание. К нему можно отнести правильный мотив действия. Если человек вызывает какое-либо действие или, напротив, не вызывает его, то в принципе он может вызывать последствия или не иметь их. Духовное есть власть потенции (возможности) над бытием. Духовное бытие должно обладать энергией, иначе оно становится бессмысленным. Человек часто достигает не того, к чему стремился. Но осмысленное бытие трудно разрушить.

Поворот к познанию действительности осуществил С. Кьеркегор. Он понимал, что бесконечная потенция бытия есть «*instar omnium*», т.е. «замена всего» [11]. Как только потенция истории выходит за грани-

цы самой себя, она становится случайно непредсказуемой. Но именно благодаря этому она приобретает социокультурное обоснование.

В социальном бытии всегда остается нечто незавершенное, что характеризует хрупкость бытия. Когда силы бытия остаются в пределах стабильности, то все же имеется место, которое уже занято самодвижущейся потенцией или силой духовного бытия, что определяет расстановку культурно-исторических сил современности. Потенции – это не только космические и исторические силы, но и силы, которые имеют свою логику развития.

Осмысленным формам социальной организации предшествуют идеальные конструкты. Но духовная жизнь порождает соответствующие логические формы деятельности. Полагаем, что говоря о количественных и качественных формах социальной жизни, следовало бы объединить идею о качестве исторических явлений и количественный способ рассуждения. Трудность вопроса всегда выдвигала определенные ограничения на пути становления логической системы знания. С одной стороны, философия качества как бы произрастала из философии количества, а с другой – выдвигала препятствия на пути своего дальнейшего роста.

Ф. Шеллинг, по мнению Г. Гегеля, полагает, что философия духа обладает своеобразным содержанием. Дух есть еще далеко не предметное содержание. Предметным дух становится в тот момент, когда сознание выступает в форме души. Эта идея позволяет нам предположить, что душевность выступает основой духовности, т.е. без чувственного познания нет и интеллектуального познания. Заметим, что диалектика всегда выступала против односторонности самой рассудочной деятельности.

В вещах всегда присутствует субъект. Вещи – лишь превращенный субъект, который стал в них объектом. Только в данном смысле можно говорить о тождестве субъекта и объекта. Философское мышление, исходящее из тезиса, что мысль о предмете совпадает с предметом мысли, не допускает несуществования объекта и объективного мира. Сегодня экзистенциальная философия проникает в наш культурный и исторический мир. Чем сильнее логическое мышление, тем более крупным планом предстает и экзистенциальное. Но логическое мышление становится началом творческой деятельности людей.

Необходимы усилия выйти в экзистенцию посредством завершения логической системы, с помощью которой можно было исчерпать социальную действительность, ее качественные и количественные соотношения. Когда мысль достигает наивысшего напряжения, она становится экзистенцией. В результате конец логической философии означает начало экзистенциальной программы мышления. Однако следует учесть то обстоятельство, что экзистенциальная философия может существовать и без логической. Негативная философия, которую развивает Ф. Шеллинг, исходит из понятия возможного. Но это возможное должно в конечном счете совпасть с действительным бытием. Синтез обеих философских программ становится возможным в их свободном развитии. Экзистенциальная философия включает не только мышление, но и метафизическую волю человека. Будущее связано с обоснованием знания. Поэтому такая философия есть развертывание качества мысли. Итак, мы можем наблюдать разделение философии на экзистенциальную и логическую программы.

Новая философия направлена на воссоединение чувства и разума, природы и человека. В ее рамках оценка общественных преобразований должна стать по своей сути антропологической экспертизой [12]. Эта философия исходит из идеи целостного человека как единства сущностных сил, направлена на сохранение и воспроизводство качества его жизнедеятельности, жизненных ресурсов рода.

Итак, сделаем следующие выводы.

1. Духовное бытие, безусловно, обладает потенцией самоопределения, причем эта потенция включает в себя качество жизни, привычки людей, т.е. непосредственное бытие души, без которой нет и духовности.
2. В современной социальной жизни качество и количество не противостоят друг другу. Мы имеем качественное количество, что требует рассмотрения категории сущности.
3. Качественная жизнь всегда существует в единстве с сущностью, так что смысловая выразительность современной жизни должна быть реализована в ее качественных характеристиках.
4. Исследование категорий качества и количества имеет непосредственное отношение к духовной, внутренней стороне человеческого бытия.
5. Качество как объективная определенность объекта, совокупность его свойств проявляется в социальной жизни в виде чего-то подчиненного. Качеством не исчерпывается определенный образ духовности. Качество есть реальность, которая расширяет наличное бытие.

В этом плане качество постоянно соприкасается с понятием сущности, которая обладает способностью к отдельному существованию.

Качество характеризует изменчивость бытия. Но закон меры как единства количества и качества актуален в том плане, что общественные преобразования должны обладать мерой, поскольку социальные идеалы легко превращаются в идола. Качественные преобразования общества исключают случайности. Эти преобразования согласуются с законом меры.

Аристотель в «Метафизике» говорил, что единое в существе своем есть некая мера. Но мера неделима, причем, в одном случае по количеству, в другом – по качеству. Поэтому единое неделимо или вообще, или поскольку оно единое [2, с. 255]. Личность человека неделима, ее невозможно разложить на части. Именно данный тезис обладает наибольшей актуальностью. То, что возникает благодаря замыслу, рождается ради чего-то. Но счастливое или несчастливое стечение обстоятельств возникает, когда мы имеем дело с хорошим или плохим исходом дела. Случайное не является первым, если рассуждать о том, что существует само по себе. Видимо, духовное бытие неделимо и обладает мерой как единством количества и качества. Человек сталкивается в жизни с чем-то неравным и неравновесным, дисгармонией, в которой нарушается единство большого и малого, правдоподобного и возможного. Но в духовном бытии нет ни большого, ни малого, ни многого и немногого. Духовное есть гармония бесконечного и конечного, количества и качества.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. 470 с.
2. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1975. 451 с.
4. Деминг Э. Выход из кризиса: Новая парадигма управления людьми, системами и процессами. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 370 с.
5. Платон. Тезет // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2 / общ. ред. А.Ф. Лосева и др.; примеч. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. 526 с.
6. Бикметов Е.Ю., Уразова А.И., Фролова И.В. Социально-культурные основания принятия решения в управлении в контексте исторического сознания // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 9. С. 7–9.
7. Лукьянов А.В. «Философия откровения» Ф.В.Й. Шеллинга и ее эвристический смысл: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. 316 с.
8. Гулыга А.В. Шеллинг. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1984. 317 с.
9. Матроница Л.Ф. Философия качества: современные подходы // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2012. № 182. С. 46–51.
10. Schelling F.W.J. Philosophie der Offenbarung. 1841/42. Herausgegeben und eingeleitet von Manfred Frank. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1977. 505 s.

11. Кьеркегор С. Или-или. Фрагмент из жизни: в 2 ч. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной акад. [и др.], 2011. 822 с.

12. Пуляев В.Т., Скворцов Н.Г. Современная Россия: переход в новое социальное качество // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 1. С. 55–82.

QUALITY AND QUANTITY AS CATEGORIES OF SOCIAL PHILOSOPHY

Bikmetov E.Yu., Lukyanov A.V.

Ufa University of Science and Technology

The aim of the study is to examine quality and quantity as categories of social philosophy. It is substantiated that processes related to the qualitative characteristics of the latter are intensifying in modern social life. However, quantity, the degree of intensity of social processes, corresponds to the law of measure, where quality and quantity achieve unity. This allows us to turn to the concept of essence, which acts as a universal of philosophical knowledge. Quality is not an immediate determination of social being, but a determination indifferent to being, an external determination. Quantity relates to the spiritual, internal side of human being. Society simply is because it is, and losing its quality, it ceases to be what it exists as. But quality is a concept of the finite, which is realized in the realm of natural being, but not in the spiritual world, in which qualitative characteristics are considered only as something subordinate and are not exhausted by them. It is established that the spiritual possesses the potency of self-determination, which includes quality of life and natural qualities.

Keywords: quality and quantity, society, natural being, spiritual life, power of self-determination, essence and measure as the unity of quantity and quality.

References

1. Hegel G.W.F. Encyclopedia of the Philosophical Sciences: in 3 vols. Vol. 3. Philosophy of Spirit. Moscow, Mysl, 1977, 470 p. (In Rus.).
2. Aristotle. Metaphysics / Aristotle. Works: in 4 vols. Vol. 1. Moscow, Mysl, 1976, 550 p. (In Rus.).
3. Hegel G.W.F. Encyclopedia of the Philosophical Sciences: in 3 vols. Vol. 1. Science of Logic. Moscow, Mysl, 1975, 451 p. (In Rus.).
4. Deming E. Out of the Crisis: New Paradigm of Managing People, Systems and Processes. Moscow, Alpina Business Books, 2007, 370 p. (In Rus.).
5. Plato. Theaetetus / Plato. Collected Works: in 4 vols. Vol. 2 / gen. ed. A.F. Losev et al.; notes by A.A. Takho-Godi. Moscow, Mysl, 1993, 526 p. (In Rus.).
6. Bikmetov E.Yu., Urazova A.I., Frolova I.V. Socio-cultural Foundations of Decision-Making in Management in the Context of Historical Consciousness. Social and humanitarian knowledge, 2025, № 9, pp. 7–9. (In Rus.).
7. Lukyanov A.V. The Philosophy of Revelation by F.W.J. Schelling and its Heuristic Meaning: monograph. Ufa, RIC BashSU, 2011, 316 p. (In Rus.).
8. Gulyga A.V. Schelling. 2nd ed. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1984, 317 p. (In Rus.).
9. Matronina, L.F. Philosophy of Quality: Modern Approaches. Scientific Bulletin of the Moscow State Technical University of Civil Aviation, 2012, № 182, pp. 46–51. (In Rus.).
10. Schelling F.W.J. Philosophie der Offenbarung. 1841/42. Edited and introduced by Manfred Frank. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1977, 505 p.
11. Kierkegaard S. Either/Or. Fragment of Life: in 2 parts. St. Petersburg, Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy et al., 2011, 822 p. (In Rus.).
12. Pulyaev V.T., Skvortsov N.G. Modern Russia: Transition to a New Social Quality. Social and humanitarian knowledge, 2017, № 1, pp. 55–82. (In Rus.).

Воробьева Ольга Борисовна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории науки, ФГБОУ ВО «Приволжский государственный университет путей сообщения»
E-mail: vorobeva_ob@mail.ru

Кротов Дмитрий Валерьевич,

доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Приволжский государственный университет путей сообщения»
E-mail: d537798@gmail.com

Исследование взаимосвязи исторической памяти и Родины – это задача мировоззренческого, методологического значения. В этом контексте поднимаются два актуальных в современности аспекта: отчужденного бытия (отчужденного сознания) и проблема ценностного основания исторической памяти и образа Родины. Обсуждается роль мифологизации массового сознания в создании и изменении образа Родины, что служит программой поведения поколений разных типов социальных условий. Историческое содержание индивидуальной и социальной памяти лежит в основе традиции гуманизма с его верой в созидательную силу человека и человечества. Именно память обеспечивает понимание исторической Родины как общей ценности. Историческая память позволяет человеку преодолеть время, пренебрежение к истории своего народа и страны, к их наследию и поддерживает его самоуважение как субъекта истории.

Ключевые слова: Родина, историческая память, массовое сознание, социальное бытие, отчуждение, медиа, манипулирование сознанием, мировоззрение, культура, миф.

В современном мире наблюдаются такие тенденции как крайний релятивизм, скептицизм, пессимизм, нигилизм. Поэтому важно исследование современного состояния отчужденного сознания сквозь призму понятий «историческая память» и «Родина». Историческая память и Родина в силу своей способности к обобщенному и концентрированному выражению истории позволяют человеку, смотря в прошлое, думать о настоящем, и, что особенно важно, о будущем. Становясь органической частью жизни человека, они побуждают его к размышлениям, волнениям эмоций и чувств, к поискам смысла, делая человека активным участником истории.

Выработка мироощущения, мировосприятия и мировоззрения посредством понятий историческая память и Родина – идея не новая, имеющая традиции в современности и в культуре вообще [4; 5; 7]. Настоящая статья продолжает исследование темы исторической памяти и образа Родины, поднятой нами ранее [13, 14].

Историческая память и образ Родины детерминированы исторически и социально. Амплитуда колебаний в отношении к исторической памяти и к Родине зависит от политической ситуации в стране и в мире до убеждений человека, его сиюминутных желаний, долгосрочных интересов.

Историческая память – это Я каждого человека как носителя долгодетельности и преемственности поколений. А это, в свою очередь, превращает индивидуальное бытие в социальное, историческое. История есть история Отечества людей. История есть и история ценностного отношения к Отечеству. Как отметила Н. Нарочницкая: «Каждая эпоха... по-новому высвечивает разные стороны мировоззрения и их взаимодействия, побуждая рассматривать через новые призмы разные грани феномена «общественное сознание», ибо его компоненты по-разному взаимодействуют на разных этапах истории и в разных поколениях» [8, с. 8].

Историческая память и Родина – это выражение диалектического взаимоотношения индивидуального бытия с общественным бытием. Каждое из этих понятий раскрывает и развивает универсальные возможности человеческого воображения, помогающие найти свою более или менее полную реализацию в синтезе форм сознания. А это, в свою очередь, позволяет исследовать объективную действительность и ее отражение в индивидуальном, массовом и общественном сознании.

В контексте взаимосвязи исторической памяти и образа Родины выделим два аспекта, формирующих проблемное поле в философии современности.

Проблема отчуждения (забвения) людей – отказ от исторической памяти и Родины

Исследовать отчужденное сознание можно с разных позиций. В данной статье мы выбираем диалектико-материалистический подход, определяющий отчуждение социальное и индивидуальное. По мнению С.С. Черных и С.А. Егорова «отчуждение функционирует внутри индивидуального сознания <...>, позволяющего отличать не тождественность одних объектов и процессов от других» [15, с. 301]. «Чужой среди своих» – формула социального отчуждения, применимая и к единоличному представителю общества, государства, и к социальным группам в целом.

В отчужденном сознании рациональность не сводится до инстинктивного уровня, а инстинкты возвышаются до уровня рациональности. Крайняя степень отчужденного бытия и отчужденного сознания – это разрушенная связь времен, когда ни об одном явлении нельзя сказать происходило ли оно в прошлом или присутствует в настоящем, чувства подвергаются сомнению, знания подменяются мнениями, и снимается вопрос: что происходит в действительности. Это преимущественно происходит в тех социальных условиях, когда они носят прерывистый, противоречивый, многоплановый характер, а человек настолько занят многими нужными и ненужными заботами, что ему сложно ощутить самого себя, стать самим собой.

Родина – это та сфера духовной жизни, в которой отношения между людьми освящаются одобрениями и запретами, пронизаны чувствами. В этой сфере отражается соответствующий уровень социальной интеграции. Понятия «интернациональное», «национальное», «народное», «отечество» соотносятся между собой при ориентации на потребности и интересы конкретного человека.

Здоровое единство, желанная целостность бессознательно и сознательно время от времени подтачивается введением чужого культурного кода или поощрением собственного беспамятства на уровне национально-нравственного самосознания. Так, как пример, может ставиться под сомнение весь предшествующий опыт поколений, то есть ценности и тот мир, которыми они жили (семья, нация, страна). Отсюда рост группы «сердитых», возникновение у них чувства «бездомности» и желание найти «дом» вне своей общности (социальной, государственной, национальной), полагая, что последняя является собой «аномальную форму жизни», а стремление выйти за ее пределы – цель, достойная изменения условий своего бытования. Нередко именно они при первом же несоответствии «розовым» представлениям, почерпнутым извне, быстро опускают руки, а экзальтация переходит в свою противоположность. Гражданин позволяет себе усомниться в величии своей страны (забвение). По образному выражению В. Распутина, Россия завещала «себя собранную предками по черточке, по капельке, по клеточке, по слову и шагу. Свою самобытность и самостоятельность, свое достоинство, трезвость и творческие возможности» [11, с. 39]. Истина проста: могут не нравиться современники и соотечественники, но признавая ценность человеческой жизни, невозможно не признать, что трагическое не отменяет высокое в истории. Дисгармония окружающего мира не отрицается, но побеждается силой творческого духа.

Историческое сознание противоречиво – отражение национальных особенностей наличного бытия, а также отпечаток прошлого со всеми его достоинствами и недостатками [6, с. 14–15]. Существование разнонаправленных тенденций (сохранять – отказаться) – это факт реальной жизни, удерживающийся в культуре благодаря объективности национальных различий. Чувство идентичности человека с определенной социально-этнической общностью диктует ему, с одной стороны, почтение к чертам и достоинствам своей общности, а с другой стороны, – на основе практического интереса, стремление к «другому». Формы и направления проявления этой черты совместимы (не совместимы) с имеющимся у человека устойчивым образом Родины. Последний и в сложившемся виде подвижен, охватывая самый разный круг явлений, отношение к которым может меняться в силу причин внутреннего и внешнего порядка, полагая определенный приоритет. Надо отметить, что развитие этой темы как перспективной в философии культуры позволяет выявить динамическую природу видения ценностной компоненты Родины.

Вряд ли можно считать случайным тот факт, что существует нигилистическое отношение к понятиям «историческая память» и «Родина». Элементы нигилизма, как правило, исключают положительный характер и конструктивную направленность развития личности. Если исключить ситуацию, когда личность не признает ничего другого, кроме собственных представлений о действительности, то критичность скорее всего обращена против всего того, что мешает человеку быть в нормальных отношениях с самим собой и с обществом, иметь «нормальное» сознание.

Умение человека оперировать пространственно-временными координатами – необходимое условие наличия исторической памяти: «... двигаясь постоянно во времени, сознание испытывает воздействие памяти, которое выталкивает что-то из прошлого в настоящее» [10, с. 133]. Данное умение позволяет личности не обрекать себя на неминуемые ошибки и заблуждения, преодолевая феномен отчуждения.

Для преодоления отчужденного состояния человеку нужен язык, который был бы способен выразить всю сложность современного периода времени и обстоятельств собственной жизни. Надо учитывать, что, язык, на котором общество говорит с человеком, при использовании понятий «историческая память» и «Родина» должен соответствовать интересам, надеждам и ожиданиям человека в каждый момент времени.

Проблема понимания человеком ценности исторической памяти и образа Родины

Сам акт рождения образа Родины происходит из двойного процесса: от его создания и от его восприятия. Медиа, традиционные и новые, включаясь в определение и самоопределение человека, формируя его отношение к прошлому и настоящему, производят и образ Родины новый или актуализируют уже имеющийся [3]. Учет этого обстоятельства требует быть адекватным в его восприятии, априори полагая возможность ловушек, которые, как известно, уводят с пути поиска истины, стирая критический настрой.

Основанием гносеологического познания выступает поиск истины, которая подменяется фиксированием лежащего на поверхности очевидного смысла, а не объектов, стоящих за этими явлениями. Информация, предоставляемая человеку, не мыслится, а просто воспринимается им.

Услышав слово, человек не всегда понимает, кто его произнес и даже что оно означает. Наиболее зримо неоднозначный характер информации в аспекте истины обнаруживается на уровне ценностей и нормативных оснований.

Трудней всего увидеть то, что видят в мире все,
Еще трудней писать о том, что знают в мире все.
Всего ж труднее – доказать, что были слепы все.
Начнут тогда лишь признавать... но далеко не все!

Сергей Давыдов

Бесконечное пространство медиа, как и мир мысли человека, в котором абсурды, ошибки, заблуждения, подмена понятий приводят или к появлению смысла, или к утрате уже найденного смысла. Ежедневно потребляемая информация уже не столько помогает понять действительность, сколько запутывает ее, лишая возможности осмыслить и почувствовать ее. Как отмечает Н.В. Плотицына, «медиа создают репрезентации мира... и предлагают разные версии социальности, которые легитимируются в мифических нарративах» [9, с. 239]. Информационный мир не отвечает за «Я», потому что не всегда подчинен ощущению жизни в реальных образах, а популярной идее, модной точке зрения.

Хаос сознания – идеальный объект для манипулирования, особенно умами молодежи в кризисное для страны время [12]. Все меньше понимая, но имея в распоряжении обилие информации, на любой вопрос можно найти десятки взаимоисключающих, но вполне ли достоверных ответов?! В этих условиях один миф может быть заменен другим, а представления человека о жизненной среде – Родине – могут быть подменены чужим мнением, вплоть до подмены на идеологическом уровне [1;2].

Таким образом, манипулирование сознанием человека (или массовым сознанием) представляет собой синкретизм различного рода традиционных и нетрадиционных мотивов, назначение которых в том, чтобы, не допуская полный разрыв с реальностью, создать такие ее образы, которые сводили бы до минимума причинно-следственные связи.

Сказанное выше позволяет подвести следующие итоги. В содержании исторической памяти и образе родины речь идет о чем-то важном, о чем-то таком, что касается каждого человека и всего человечества прошлого, настоящего и будущего. Сознание – устойчивое и многоаспектное явление, которое требует от человека таких качеств, которые позволили бы ему увидеть мир внутри и вне себя. Для развития подобного умения необходима способность отличать объективное от субъективного, знание от мнения. Древнее философское открытие, что видимость обманчива, продолжает работать в повседневности и поныне, давая такую возможность, конечно, тем, кто умеет отличить истину от псевдоистины. Общие иллюзии, имеющие широкое распространение, обретают в определенных случаях вид «абсолютных истин». Чтобы отличить их, нужна выработка не только мировоззренческой позиции, но и информационной культуры, навыков аналитической работы.

Литература

1. Аверьянов, А.В., Пономарева, М.А. Механизмы противодействия фальсификации исторической памяти в медиапространстве современной России / А.В. Аверьянов, М.А. Пономарева // Обзор. – НЦПТИ. – 2025. – № 1(40). – С. 56–67.
2. Букарский, В.В. Фальсификация истории и конструирование исторической мифологии в странах православного мира / В.В. Букарский // Историческая память и связь поколений как духовно-нравственная основа патриотического воспитания молодежи: сборник статей. Университет прокуратуры Российской Федерации; Московский финансово-юридический университет МФЮА. – М.: МФЮА, 2021. – 152 с. – С. 30–37.
3. Возжеников, А. В., Кузнецов, А.Н. Тема патриотизма и гражданственности в российских СМИ: ретроспектива и современность / А.В. Возжеников, А.Н. Кузнецов // Коммуникология: электронный научный журнал, 2022. – Т. 7 (3). – С. 76–88. – EDN: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50002286> (дата обращения 10.07.2026)
4. Гузенина, С.В. Образ Родины как предмет научного анализа / С.В. Гузенина. – Белгород, – 2013. – 274 с.
5. Кобышева, А. С., Мажаренко, С.В. Формирование исторической памяти как педагогическая проблема / А.С. Кобышева, С.В. Мажаренко // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2025. – № 12. – С. 143–158. – URL: <https://e-koncept.ru/2025/251242.htm> (дата обращения 01.07.2026)
6. Куликов, Д.К. Историческое сознание и его теоретические противоречия / Д.К. Куликов // Известия высших учебных заведений.

Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2008. – № 1(143). – С. 14–18.

7. Кулиш, В.В. Менталитет и историческая память народа: к вопросу о соотношении понятий / В.В. Кулиш // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2016. – № 7(63). – С. 198–213. – URL: <https://www.ej.soc-journal.ru> (дата обращения 25.06.2026)

8. Нарочницкая, Н.А. Историческое сознание и идеология на поворотных этапах российской истории / Н.А. Нарочницкая // Перспективы (электронный журнал). – 2021. – № 4/1. – С. 7–35. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46270969> (дата обращения 01.07.2026)

9. Плотицкина, Н.В. Медийная мифология социального в современном обществе / Н.В. Плотицкина // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2020. – Т. 20. – № 2. – С. 239–251.

10. Приходько, Е. А., Лебедева, С.О. Историческая память и историческое сознание / Е.А. Приходько, С.О. Лебедева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2010. – № 1. – С. 132–135.

11. Распутин, В. Г. У нас остается Россия: очерки, эссе, статьи, выступления, беседы / В.Г. Распутин. –М.: Институт русской цивилизации, 2015.–1200с.

12. Скворцова, Е.М., Ковырзин, М.И. Интерпретационное искажение прошлого как способ манипуляции историческим сознанием современной российской молодежи / Е.М. Скворцова, М.И. Ковырзин // Общество: политика, экономика, право. – 2023. – № 12. – С. 37–43.

13. Свобода, Н. Ф., Воробьева, О.Б. Образ Родины: диалектика / Н.Ф. Свобода, О.Б. Воробьева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 4 (486). – С. 23–31.

14. Свобода, Н. Ф., Воробьева, О.Б. Принцип историзма в философском исследовании массового сознания / Н.Ф. Свобода, О.Б. Воробьева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2025. – № 1 (82). – С. 126–136.

15. Черных, С.С., Егоров, С.А. Проблема отчужденных форм труда, искусства и креативности в условиях цифровизации общества потребления: философский анализ / С.С. Черных, С.А. Егоров // Социально-гуманитарные знания. – 2026. – № 6. – С. 301–304.

HISTORICAL MEMORY AND HOMELAND: A CULTURAL-ANTHROPOLOGICAL ASPECT

Vorobyova O.B., Krotov D.V.

Volga State University of Railway Transport

The study of the relationship between historical memory and the Motherland is a task of ideological and methodological significance. In this context, two aspects relevant to modern times are raised: the alienated existence (alienated consciousness) and the problem of the value basis of historical memory and the image of the Motherland. The role of the mythologization of mass consciousness in creating and changing the image of the Motherland is discussed, which serves as a program for the behavior of generations in different types of social conditions. The historical content of individual and social memory lies at the core of the tradition of humanism, with its belief in the creative power of individuals and humanity. It is memory that ensures the understanding of the historical Motherland

as a shared value. Historical memory allows a person to overcome time, disregard for the history of their people and country, and their heritage, and maintains their self-respect as a subject of history.

Keywords: homeland, historical memory, mass consciousness, social existence, alienation, media, manipulation of consciousness, worldview, culture, myth.

References

1. Averyanov, A.V., Ponomareva, M.A. Mechanisms of Countering the Falsification of Historical Memory in the Media Space of Modern Russia / A.V. Averyanov, M.A. Ponomareva // Review. – NCPTI. – 2025. – Pp. 56–67.

2. Bukarsky, V.V. Falsification of History and Construction of Historical Mythology in the Countries of the Orthodox World / V.V. Bukarsky // Historical Memory and Intergenerational Connection as a Spiritual and Moral Basis for Patriotic Education of Youth: Collection of Articles. University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; Moscow Financial and Law University of the Moscow Financial and Law Academy. – Moscow: Moscow Financial and Law Academy, 2021. – 152 p. – Pp. 30–37.

3. Vozhenikov, A. V., Kuznetsov, A.N. The Theme of Patriotism and Civic Duty in the Russian Media: A Retrospective and a Contemporary Perspective / A.V. Vozhenikov, A.N. Kuznetsov // Communicology: Electronic Scientific Journal, 2022. – Vol. 7 (3). – Pp. 76–88. – EDN: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50002286> (accessed on 10.07.2026).

4. Guzenina, S.V. The Image of the Motherland as a Subject of Scientific Analysis / S.V. Guzenina. – Belgorod, 2013. – 274 p.

5. Kobysheva, A. S., and Mazharenko, S.V. Formation of Historical Memory as a Pedagogical Problem / A.S. Kobysheva and S.V. Mazharenko // Scientific and Methodological Electronic Journal "Konsept". – 2025. – No. 12. – Pp. 143–158. – URL: <https://e.koncept.ru/2025/251242.htm> (accessed on 01.07.2026).

6. Kulikov, D.K. Historical Consciousness and Its Theoretical Contradictions / D.K. Kulikov // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki. – 2008. – No. 1(143). – Pp. 14–18.

7. Kulish, V.V. Mentality and the Historical Memory of the People: On the Relationship of Concepts / V.V. Kulish // Modern Research of Social Problems (electronic scientific journal). – 2016. – No. 7(63). – URL: <https://www.ej.soc-journal.ru> (accessed on 25.06.2026).

8. Narochitskaya, N.A. Historical Consciousness and Ideology at the Turning Points of Russian History / N.A. Narochitskaya // Perspectives (electronic journal). – 2021. – No. 4/1. – Pp. 7–35. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46270969> (accessed 01.07.2026)

9. Plotichkina, N.V. Media Mythology of the Social in Contemporary Society / N.V. Plotichkina // Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Sociology. – 2020. – Vol. 20. – No. 2. – Pp. 239–251.

10. Prikhodko, E. A., Lebedeva, S.O. Historical Memory and the Historical / E.A. Prikhodko, S.O. Lebedeva // Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice. – Tambov: Gramota, 2010. – No. 1. – Pp. 132–135.

11. Rasputin, V.G. We Still Have Russia: Essays, Articles, Speeches, and Conversations / V.G. Rasputin. – Moscow: Institute of Russian Civilization, 2015. – 1200 p.

12. Skvortsova, E.M., and Kovyrzin, M.I. Interpretive Distortion of the Past as a Means of Manipulating the Historical Consciousness of Contemporary Russian Youth / E.M. Skvortsova and M.I. Kovyrzin // Society: Politics, Economics, Law. – 2023. – No. 12. – Pp. 37–43.

13. Svoboda, N. F., Vorobyeva, O.B. The Image of the Motherland: Dialectics / N.F. Svoboda, O.B. Vorobyeva // Bulletin of the Chelyabinsk State University. – 2024. – No. 4 (486). – Pp. 23–31.

14. Svoboda, N. F., Vorobyeva, O.B. The Principle of Historicism in the Philosophical Study of Mass Consciousness / N.F. Svoboda, O.B. Vorobyeva // Caspian Region: Politics, Economics, and Culture. – 2025. – No. 1 (82). – Pp. 126–136.

15. Chernykh, S.A., Egorov, S.A. The Problem of Alienated Forms of Labor, Art, and Creativity in the Context of Digitalization of Consumer Society: A Philosophical Analysis / S.A. Chernykh, S.A. Egorov // Social and Humanitarian Knowledge. – 2026. – No. 6. – Pp. 301–304.

Гасанова Рената Рауфовна,

кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры управления образовательными системами, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: renata_g@bk.ru

Педагогическое наследие России рассмотрено как сложноорганизованная, исторически развивающаяся целостная система, обеспечивающая преемственность форм воспроизводства человека, его социализации, образования и воспитания. Обоснована востребованность перехода его исследования от преимущественно эмпирического историко-педагогического описания к социально-философскому исследованию, раскрывающему взаимосвязи педагогических идей с образом человека, ценностными основаниями общества. Методологическую основу статьи составляют социально-философский, экофилософский, исторический подходы, а также разработанная Д.С. Лихачевым концепция экологии культуры. Показана востребованность экофилософского анализа педагогического наследия, преодолевающего риски его некритической архаизации и консервации. Выделены этапы формирования педагогического наследия России, его устойчивые смысловые линии и критерии актуализации.

Ключевые слова: педагогическое наследие России, социокультурная система, социальная философия, экофилософия, образование, социальная экология, Д.С. Лихачев, преемственность, развитие, историческая память.

Проблема педагогического наследия России и ее социально-мировоззренческие смыслы традиционно актуализируются и становятся особенно значимыми в периоды крупных исторических и технологических трансформаций и цивилизационных сдвигов. Но сегодня эта проблема особенно актуальна, поскольку «главный вопрос, который стоит перед всеми нами: есть ли будущее у России, достойное будущее?» [1, с. 233], поскольку изменение способов коммуникации и форм передачи культурного опыта в контексте изменения социального пространства-времени – все это уже поставило под вопрос всю содержательную устойчивость сложившихся моделей отечественного образования.

Между тем, обращение к прошлому часто по-прежнему понимается либо исключительно как ностальгическое возвращение к традиции, либо как препятствие востребованной модернизации. Обе эти позиции упрощают пространство педагогического наследия: оно не тождественно только воспроизведению исторических форм и не является архивным материалом, абсолютно утратившим связь с современностью. В силу этого современное социально-философское исследование востребовано для обращения не только к отдельным учениям и методам, но, прежде всего, к заключенным в них образам человека, моделям социального порядка и представлениям о ценностях будущего.

Очевидно, что в истории каждая система образования и воспитания так или иначе отвечает на вопросы о личности, общем благе, необходимых знаниях и формах нравственного поведения, о соотношении свободы и ответственности.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» образование определяется как «единый процесс воспитания и обучения, осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства» [2]. Тем самым образование нормативно рассматривается как механизм формирования отношений человека с социальной, культурной и природной средой.

Сегодня, поэтому, актуализация педагогического наследия России связана с *рисками*, которые должны учитываться уже при постановке проблемы исследования. Ностальгическая идеализация скрывает исторические противоречия, неравенство и насилие, а инструментализация нередко использует авторитет прошлого для оправдания уже современных технократических подходов. Не менее опасна и музеефикация, при которой идеи как бы уважаются, но не проецируются в будущее, т.е. здесь происходит подмена содержания цитатами, внешними формами уважения и противопоставление российской традиции мировому опыту. Преодоление этих рисков предполагает использование обновленных методологических установок, работы с принципом единства исторического и логического в процессе критической рефлексии. Исходный момент и цель данной статьи – раскрыть педагогическое наследие России как целостную систему, участвующую в воспроизводстве человека, общества и культуры.

В научной и учебной литературе часто педагогическое наследие понимается в узко-эмпирическом смысле как совокупность трудов, идей и практических достижений педагогов прошлого. Так, Н.М. Федорова определяет педагогическое наследие как отражение «комплекса историко-педагогических идей, традиций, обобщенных практик и результатов научных трудов ученых-педагогов» [3]. В учебниках по истории педагогики педагогическое прошлое также обычно рассматривается через анализ развития самого педагогического знания, теории и практики воспитания и образования, а также через деятельность их создателей [4], [5], [6].

Такие определения фиксируют его состав, но не объясняют механизм социокультурного воспроизводства. В более широком понимании наследие включает идейно-теоретический, ценностно-нормативный, институциональный, практико-деятельностный и символический уровни, в которых актуализируются процессы культурной памяти. В частности, например, Г.Б. Корнетов и М.А. Лукацкий и др. рассматривали педагогическую реальность в системе порождающих ее и порождаемых ею общественных и культурных не только текстов, но и контекстов [7].

Следовательно, педагогическое наследие – это исторически сформировавшаяся и постоянно переосмысляемая система идей, ценностей, текстов, образцов деятельности, посредством которых в социокультурной системе передается опыт и формируется социально востребованный образ человека. Подчеркнем при этом, что наследие

следует отличать от традиции: первое представляет переданный прошлым материал, второе – способ его функционирования в настоящем, поскольку традиция всегда, отбирая важное из прошлого, преобразует полученное знание в соответствии с новыми условиями.

Социально-философское измерение наследия раскрывается в контексте процессов социального воспроизводства и производства типа субъекта. Образование передает не только знания, но и идеалы и нормы совместной жизни, представления о власти, труде и справедливости; оно формирует гражданина, исполнителя или творца, автономного индивида или члена общества. Поэтому педагогические концепции необходимо оценивать не только по их дидактической эффективности, но и по тому, какие именно социальные и культурные отношения они развивают, какой тип общества воспроизводят и какие человеческие и личностные качества делают актуальными.

Особо важными в этой связи становятся отношения образования и среды жизни, а также историческая направленность воспитания. Школа может служить инструментом унификации, пространством самоидентификации, культуры и средой взаимодействия бытия, общества, культуры, государства, семьи и личности. Одновременно общество воспитывает новые поколения не только для сохранения существующего порядка, но и для его развития в соответствии с образом желаемого будущего. Поэтому анализ наследия должен выявлять не только закрепленные сегодня нормы, но и заключенный в педагогической концепции проект общественного развития.

Вот почему, с нашей точки зрения, экофилософская методология и ее социально-философское измерение, включая идеи социальной экологии и экологии культуры, может стать наиболее продуктивной установкой для изучения педагогического наследия. Дело в том, что экофилософский подход (Эко – этимологически это Дом, жилище) переносит внимание с изолированного индивида и образования как подсистемы российского общества на систему всеобщих связей человека с самим собой и миром в целом, т.е. образование здесь – часть, звено в развитии жизни в целом.

Так, по мысли Э.В. Барковой, экофилософская рефлексия «открывает надежды и векторы востребованной философии человека, изучения в ней не только внешних регуляторов, необходимых изменений внешних условий и сил, но и внутренних ресурсов – мышления, содержательности жизни. А к этим внутренним ресурсам, связанным с мышлением, относится и категориальный аппарат науки и ориентиры поведения, где главное место занимает понимание ценности бытия, самоценности смысла самой жизни и бесконечных возможностей человечества самостоятельно решать проблемы, создавая в будущем основания своей устойчиво-предсказуемой жизни» [8, с. 162].

Качество образования, поэтому, определяется не объемом информации и освоением технологий, а тем, способствует ли оно жизне-сохранению России, сохранению интеллектуальной, эмоциональной, телесной и духовно-культурной целостности человека, развитию жизнеобеспечивающих форм социальности.

В экофилософии образование предстает органической частью жизни человека, семьи, страны и планеты, включенной в процессы жизнезащиты и гармонизации культурно-природного взаимодействия [9].

Экосоциально-философское мировоззрение в силу этого позволяет анализировать образовательную среду как систему всеобщих связей субъекта, института образования, семьи, информации, социума и всей жизни Земли. Жизнеспособна та система, которая не разрушает эти связи, а поддерживает их многообразие и способность к жизнесохраняющему самообновлению.

Концепция экологии культуры Д.С. Лихачева углубляет этот вывод: сохранение культурной среды необходимо для нравственной жизни так же, как сохранение природы – для биологического существования. Разрушение языка, исторической памяти, преемственности поколений и авторитета знания является формой экологического кризиса культуры. Согласно мысли Д.С. Лихачева «экология представляет собой взгляд на мир как на дом. Природа – дом, в котором живет человек. Но культура тоже дом для человека, причем дом, создаваемый самим человеком» [10, с. 92]. Развитие жизнезащищающей логики, поэтому, оказывается направлением развития роли культурной среды, без которой невозможна «духовная оседлость» [11] – условие восхождения к новому уровню освоения целостности планетарного бытия.

Отсюда следует, что наследие должно сохраняться не только как пространство текстов, но и как среда смыслов и отношений. Изучение педагогического наследия России, например, трудов К.Д. Ушинского, А.С. Макаренки или В.А. Сухомлинского и т.д. утрачивает содержание, если из образовательной практики исчезают достоинство ребенка, ответственность педагога, совместная деятельность, внимание к языку, природе и красоте. Экофилософская методология оценивает насле-

дие по его способности поддерживать именно жизненно значимые и человеко-развивающие связи, а не по внешнему сходству соотвествию исторической форме.

Такой анализ может быть развернут на нескольких уровнях: *экологии человека*, предполагающей сохранение интеллектуальной, эмоциональной, телесной и духовно-культурной целостности личности; *экологии общества*, основанной на конструктивных социальных отношениях, доверии и взаимной социальной ответственности; *экологии культуры*, охватывающей все формы и ценности человеческой деятельности, включая идеалы, социальную память, науку, нравственность, искусство и др.; *экологии отношений с природой* и космосом. Исключение любого из этих уровней обедняет образование, и современная технико-технологическая оснащенность не заменяет значимости общения, а культурная осведомленность остается внешней, если не связана с практикой и ответственным действием.

Идеи педагогического наследия, характерные для всех этих уровней, веками формировались в процессах истории и исторической динамики педагогического наследия России.

Их истоки связаны с семейно-общинной передачей опыта, воспитанием и православной книжной традицией. Так, еще в «Поучении Владимира Мономаха» нравственные, семейные и государственные представления образуют единое целое: труд, милосердие, защита слабых, учение и личная ответственность выступают основами общественного порядка [12]. Вместе с тем средневековое наследие Руси закрепляло патриархальную иерархию и жесткую дисциплину. Его современный потенциал заключается не в восстановлении отношения к творчеству, а в актуализации связи трудолюбия, милосердия и ответственности, знания и поступка.

В XVIII веке образование впервые превращается в особый социальный институт подготовки специалистов и одновременно в проект формирования нового человека. М.В. Ломоносов связывал науку и образование с культурной самодостаточностью России и развитием русского языка как языка знания. Хорошо известна, например, его мысль о том, что народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего. Сегодня эта идея кажется не менее актуальной, чем прежде. Н.И. Новиков в трактате «О воспитании и наставлении детей» [13] разработал программу семейного воспитания тела, разума и «сердца», тогда как А.Н. Радищев в главе «Крестьяне» «Путешествия из Петербурга в Москву» [14] связал воспитание с личной свободой, нравственной ответственностью и человеческим достоинством. Сходные гуманистические мотивы развивали И.И. Бецкой, В.Н. Татищев и Д.И. Фонвизин. Так складывалась триада целей: подготовка полезного обществу человека, нравственное развитие личности и формирование гражданина.

В XIX веке были сформированы теоретические основания отечественной педагогической мысли. Так, Н.И. Пирогов [15] отстаивал приоритет общечеловеческого образования над ранней специализацией: прежде профессии необходимо «быть человеком». К.Д. Ушинский [16] разработал педагогическую антропологию и принцип народности, понимая родной язык как среду мышления и культурной памяти, а труд – как условие достоинства и самостоятельности. Л.Н. Толстой в педагогических статьях 1860-х годов радикально поставил вопрос о границах педагогической власти, противопоставив свободное образование принудительному формированию личности и подвергнув критике насилие и нравственный деспотизм в воспитании. [17]. Общим результатом стал поиск равновесия между ответственностью образования перед обществом, перед Россией, культурной укорененностью и свободой ученика.

В начале XX века К.Н. Вентцель развивал теорию свободного воспитания, полагая, что «истинный идеал воспитания заключается в том, чтобы действительно обеспечить свободное развитие личности» [18, с. 31]. В работе «Проблема космического воспитания» он рассматривал человека как «часть того целого, которое мы называем вселенной или космосом» [18, с. 207], связывая воспитание с осознанием человеком своего участия в развитии космической жизни.

Эти и многие другие концепции показали, что культурная идентичность воспроизводится как социальными институтами, так и языком, семьей, интеллектуальными и культурными традициями.

Советский период впервые обеспечил беспрецедентное для России и всего мира расширение массового и бесплатного образования, превратив его в важный инструмент и канал формирования общей культуры, грамотности, возможностей социальной мобильности, связав подготовку кадров с развитием фундаментальной и прикладной науки. С.Т. Шацкий рассматривал школу как центр изучения и педагогического преобразования социальной среды [19]; П.П. Блонский развивал комплексное и экспериментальное изучение ребенка [20], а Л.С. Выготский обосновал культурно-историческую теорию его психического развития. А.С. Макаренко показал воспитательный потен-

циал общей цели, коллектива, труда, самоуправления, различив стратегии творческого развития и адаптации: совместность сохраняет воспитательную ценность лишь при уважении достоинства человека. В.А. Сухомлинский связал гуманистическое воспитание с природой, чтением и переживанием красоты, используя природную среду как источник мышления, речи и нравственно-эстетического отношения к миру.

В.С. Библер предложил исключительно перспективную идею освоения наследия в Школе диалога культур, Е.В. Бондаревская и др. разработали концепцию личностно ориентированного образования. Их общий смысл состоит в переходе от передачи готовых знаний к развитию субъектности и формированию неповторимой личности.

В целом в постсоветский период отечественная педагогика развивалась неоднородно, однако в ней сохранилась линия творческого продолжения культурно-исторического, деятельностного и системного подходов. Теория воспитательных систем Л.И. Новиковой была продолжена В.А. Караковским и Н.Л. Селивановой, рассматривавшими школу как целостную гуманистическую среду развития личности. В историко-педагогических исследованиях Г.Б. Корнетов и М.А. Лукацкий обосновали контекстуальное осмысление педагогического наследия в единстве его общественных и культурных связей [7]. Как видим, наследие ценно не готовыми ответами, а способностью удерживать сложность педагогической реальности и предохранять современность от повторения прежних элементов односторонности.

В ходе исторического развития в российском педагогическом наследии, таким образом, сохраняются его устойчивые смысловые линии отечественной педагогики и ряд концептуально значимых идей. Первое – это идея формирования целостного человека в единстве разума, чувства, воли, нравственности и социальной деятельности, противостоящая сведению личности к профессиональной функции или набору компетенций. Второе – единство знания и нравственной ответственности: образованность предполагает способность отвечать за перспективы применения знаний и последствия действий, что особенно важно в эпоху искусственного интеллекта. Третье – ценность родного языка как среды мышления, памяти и исторического самопонимания. Четвертое – коллективность, солидарность и труд, служение и общее дело. Воспитательную ценность в отечественных традициях педагогического наследия имеет не любая занятость, а осмысленный созидательный труд, который приносит пользу обществу, предполагает творчество и не унижает человека.

Наконец, отечественная традиция развивает идеи свободы личности, самостоятельности и внутренней дисциплины, а также понимание природы и красоты как категории мировоззрения. Способность воспринимать прекрасное в контексте социально-экофилософского освоения, сохранять внимание и эмоциональную отзывчивость является частью ее экофилософии человека и общества.

Экофилософское понимание педагогического наследия позволяет представить его как особую культурную систему, включающую всю материальную и духовную среду жизни, тексты, ценности, институты, профессиональные сообщества, семейные практики, язык и механизмы передачи памяти. Ее жизнеспособность определяется не количеством сохраненных памятников, а качеством связей между ними. Изданные сочинения не становятся реально действующей культурой, если не входят в подготовку педагогов, общественную дискуссию и практику образовательных сообществ.

Таким образом, педагогическое наследие России представляет собой не простой перечень имен и методов, а исторически сложившуюся целостную сложноорганизованную систему способов понимания человека и его образования, общества, культуры и будущего. История освоения отечественного педагогического наследия раскрывает устойчивые линии целостного развития человека в контексте нравственной культуры, значения труда и жизнесохраняющих стратегий развития природы, общества и культуры.

Методология экофилософии, социальной философии, экологии человека и культуры объединяет эти линии в перспективную стратегию развития отечественной педагогической и социально-гуманитарной науки в целом. Педагогическое наследие России предстает как культурная экосистема, жизнеспособность и человеко-развивающий потенциал которой зависит от качества связей между человеком, поколениями, институтами, культурной памятью и природным миром. Его актуализация продуктивна лишь тогда, когда прошлое отечественной науки не исключает настоящее, а помогает критически оценивать его для проектирования будущего. Современному образованию, поэтому, необходим не возврат к какой бы то ни было исторической модели образования прошлого, а творческий синтез, основанный на научной фундаментальности, социально-экофилософском мировоззрении,

культурной преемственности, ответственности, социальной солидарности, совести и открытости достойному будущему России.

Литература

1. Моисеев Н.Н. Сохранить человечество на Земле // Ларин И.И. Он учил берегь Землю: Никита Николаевич Моисеев (1917–2000): жизнь и деятельность. – Москва: Росэкопресс, 2002. – С. 232–235.
2. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ; ред. от 25 апреля 2026 г. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 11.07.2026).
3. Федорова Н.М. Педагогическое наследие: сущность понятия // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. – 2017. – № 1 (48). – С. 87–93.
4. Лобанова О.Б., Колокольникова З.У. История педагогики и образования: учебное пособие. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2013. – 163 с.
5. Джурицкий А.Н. История педагогики: учебное пособие для студентов педагогических вузов. – Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2000. – 432 с.
6. Кирьякова А.В., Гараева Е.А. История педагогики и образования: учебное пособие / Оренбургский государственный университет. – Оренбург: ОГУ, 2020. – 120 с.
7. Корнетов Г.Б., Лукацкий М.А. Предмет истории педагогики // Историко-педагогический журнал. – 2013. – № 1. – С. 40–58. – URL: <https://scipub.org/14038438> (дата обращения: 11.07.2026).
8. Баркова Э.В. Экофилософия в глобальной повестке современного мира: к анализу гармонизации ритмов жизни человека, культуры и природы // Социально-гуманитарные знания. – 2026. – № 2. – С. 161–165.
9. Баркова Э.В. Когнитивный потенциал экофилософии в концептуализации житнетворческого освоения мира // Экофилософия в пространстве творчества мира: монография / под ред. Э.В. Барковой, С.В. Дрожжиной, М.И. Ивлевой, О.М. Бузской, Д.И. Измайловой. – Москва: РУСАЙНС, 2024. – С. 5–28.
10. Лихачев Д.С. Русская культура. – Москва: Искусство, 2000. – 440 с.
11. Лихачев Д.С. Экология культуры // Памятники Отечества: иллюстрированный альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – 1980. – № 2. – С. 10–16.
12. Архипова С.В. Древние традиции дидактической литературы в «Почении» Владимира Мономаха // Преподаватель XXI век. – 2017. – № 3, ч. 2. – С. 229–238. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/drevnie-traditsii-didakticheskoy-literatury-v-pouchenii-vladimira-monomaha> (дата обращения: 11.07.2026).
13. Новиков Н.И. О воспитании и наставлении детей для распространения общепользовных знаний и всеобщего благополучия // Избранные сочинения / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Г.П. Макогоненко. – Москва; Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1951. – С. 417–506.
14. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Полное собрание сочинений: в 3 т. – Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1938. – Т. 1.
15. Пирогов Н.И. Вопросы жизни // Избранные педагогические сочинения / сост. А.Н. Алексюк, Г.Г. Савенок. – Москва: Педагогика, 1985. – С. 29–51.
16. Ушинский К.Д. О народности в общественном воспитании // Собрание сочинений: в 11 т. / сост. В.Я. Струминский. – Москва; Ленинград: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1948. – Т. 2: Педагогические статьи, 1857–1861 гг. – С. 69–166.
17. Толстой Л.Н. Педагогические сочинения / сост. Н.В. Вейкшан (Кудрявая); Академия педагогических наук СССР. – Москва: Педагогика, 1989. – 542, [1] с. – (Педагогическая библиотека).
18. Вентцель К.Н. Вентцель / сост. и авт. предисл. Г.Б. Корнетов, М.В. Богуславский. – Москва: Издательский дом Шалвы Амонашвили, 1999. – 216 с. – (Антология гуманной педагогики).
19. Шацкий С.Т. Педагогические сочинения: в 4 т. Т. 2 / под ред. И.А. Каирова [и др.]; сост. А.П. Кубарева, Д.С. Бершадская; предисл. Л.Н. Скаткина. – Москва: Просвещение, 1964. – 476 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005684279/ (дата обращения: 11.07.2026).
20. Блонский П.П. Педология: учебник для высших педагогических учебных заведений. – 2-е изд. – Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1936. – 338 с. – URL: https://elib.old.gnpbu.ru/text/blonsky_pedologiya_1936/fs%2C1/ (дата обращения: 11.07.2026).

RUSSIA'S PEDAGOGICAL HERITAGE: A SOCIO-PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE

Gasanova R.R.

Lomonosov Moscow State University

Russia's pedagogical heritage is examined as a complex, historically evolving, integrated system that ensures continuity in the forms of human development and social reproduction, socialization, education, and upbringing. The article substantiates the need to move beyond a predominantly empirical, historical-pedagogical description of this heritage towards a socio-philosophical inquiry capable of revealing the interconnections between pedagogical ideas, conceptions of the human being, and the value foundations of society. The methodological framework of the study comprises socio-philosophical, ecophilosophical, and historical approaches, as well as Dmitry Likhachev's concept of the ecology of culture. The article demonstrates the relevance of an ecophilosophical analysis of pedagogical heritage that avoids the risks of its uncritical archaization and ossification. The principal stages in the formation of Russia's pedagogical heritage, its enduring semantic lines, and the criteria for its contemporary actualization are identified.

Keywords: Russia's pedagogical heritage, sociocultural system, social philosophy, ecophilosophy, education, social ecology, Dmitry Likhachev, continuity, development, historical memory.

References

1. Moiseev, N.N. Preserving Humanity on Earth. In: Larin, I.I. He Taught Us to Protect the Earth: Nikita Nikolaevich Moiseev (1917–2000): His Life and Work. Moscow: Rosekpress, 2002, pp. 232–235.
2. On Education in the Russian Federation: Federal Law № 273-FZ of December 29, 2012, as amended on April 25, 2026. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed July 11, 2026).
3. Fedorova, N.M. Pedagogical Heritage: The Essence of the Concept. Bulletin of the Vaganova Ballet Academy, 2017, № 1 (48), pp. 87–93.
4. Lobanova, O.B., and Kolokolnikova, Z.U. History of Pedagogy and Education: A Textbook. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2013. 163 p.
5. Dzhurinsky, A.N. History of Pedagogy: A Textbook for Students of Pedagogical Universities. Moscow: VLADOS Humanities Publishing Centre, 2000. 432 p.
6. Kiryakova, A.V., and Garaeva, E.A. History of Pedagogy and Education: A Textbook. Orenburg State University. Orenburg: Orenburg State University, 2020. 120 p.
7. Kornetov, G.B., and Lukatsky, M.A. The Subject Matter of the History of Pedagogy. Historical and Pedagogical Journal, 2013, № 1, pp. 40–58. Available at: <https://sciup.org/14038438> (accessed July 11, 2026).
8. Barkova, E.V. Ecophilosophy on the Global Agenda of the Contemporary World: Towards an Analysis of the Harmonization of the Rhythms of Human Life, Culture, and Nature. Social and Humanitarian Knowledge, 2026, № 2, pp. 161–165.
9. Barkova, E.V. The Cognitive Potential of Ecophilosophy in the Conceptualization of the Life-Creative Exploration of the World. In: Barkova, E.V., Drozhzhina, S.V., Ivleva, M.I., Buzskaya, O.M., and Izmailova, D.I., eds. Ecophilosophy in the Space of the Creative Formation of the World: A Monograph. Moscow: RUSAINS, 2024, pp. 5–28.
10. Likhachev, D.S. Russian Culture. Moscow: Iskustvo, 2000. 440 p.
11. Likhachev, D.S. The Ecology of Culture. Monuments of the Fatherland: Illustrated Almanac of the All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments, 1980, № 2, pp. 10–16.
12. Arkhipova, S.V. Ancient Traditions of Didactic Literature in Vladimir Monomakh's Instruction. Prepodavatel XXI vek, 2017, № 3, part 2, pp. 229–238. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/drevnie-traditsii-didakticheskoy-literatury-v-pouchenii-vladimira-monomaha> (accessed July 11, 2026).
13. Novikov, N.I. On the Education and Instruction of Children for the Dissemination of Socially Beneficial Knowledge and Universal Well-Being. In: Selected Works. Text prepared, with an introductory article and commentary, by G.P. Makogonenko. Moscow; Leningrad: State Publishing House of Fiction, 1951, pp. 417–506.
14. Radishchev, A.N. Journey from St Petersburg to Moscow. In: Complete Works: In 3 Volumes. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1938, vol. 1.
15. Pirogov, N.I. Questions of Life. In: Selected Pedagogical Works. Compiled by A.N. Aleksyuk and G.G. Savenok. Moscow: Pedagogika, 1985, pp. 29–51.
16. Ushinsky, K.D. On the National Character of Public Education. In: Collected Works: In 11 Volumes. Compiled by V. Ya. Struminsky. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, 1948, vol. 2: Pedagogical Articles, 1857–1861, pp. 69–166.
17. Tolstoy, L.N. Pedagogical Works. Compiled by N.V. Veikshan (Kudryavaya). Academy of Pedagogical Sciences of the USSR. Moscow: Pedagogika, 1989. 542, [1] p. Pedagogical Library series.
18. Venttsel, K.N. Venttsel. Compiled and introduced by G.B. Kornetov and M.V. Boguslavsky. Moscow: Shalva Amonashvili Publishing House, 1999. 216 p. Anthology of Humane Pedagogy series.
19. Shatsky, S.T. Pedagogical Works: In 4 Volumes. Vol. 2. Edited by I.A. Kairov et al.; compiled by A.P. Kubareva and D.S. Bershadskaya; foreword by L.N. Skatkin. Moscow: Prosveshchenie, 1964. 476 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005684279/ (accessed July 11, 2026).
20. Blonsky, P.P. Pedagogy: A Textbook for Higher Pedagogical Educational Institutions. 2nd ed. Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House, 1936. 338 p. Available at: https://elib.old.gnpbu.ru/text/blonsky_pedagogiya_1936/fs%2C1/ (accessed July 11, 2026).

Социально-философский анализ капиталистической, социалистической и смешанной градостроительной политики

Глозман Ольга Сергеевна,

кандидат технических наук, доцент, Российский университет транспорта

E-mail: Olgasemenova77@mail.ru

В статье рассматриваются социально-философские особенности формирования города в зависимости от формы организации власти и собственности. Капиталистическая, социалистическая и смешанная градостроительные логики и принципы анализируются не только через экономику и морфологию городской среды, но и через образ человека, который формирует каждая модель. Планировка капиталистического города формируется как пространство сделки, частной инициативы, права собственности и конкуренции. Социалистический город формируется как пространство плана, государственной заботы, коллективного быта и административного контроля. Отдельное внимание уделяется промежуточной модели авторитарной модернизации, представленной Парижем эпохи Османа, где сильное государство декларируя почти социалистические цели и используя соответствующие методы создает условия для капиталистического производства городской среды. На примерах Лондона, Санкт-Петербурга и Парижа показано, что планировка городов является не нейтральной архитектурной оболочкой, а способом производства социально-политических отношений. В заключение обосновывается необходимость поиска равновесия между интересами бизнеса, государства и горожанами.

Ключевые слова: Социальная философия города, философия города, городское пространство, производство пространства, градостроительство, капиталистический город, социалистический город, власть и пространство, городская повседневность, право на город.

Анри Лефевр писал, что пространство является «социальным продуктом» [1]. Для анализа города это принципиально. Пространство не просто вмещает социальную жизнь. Оно производится обществом и затем само участвует в воспроизводстве общественных отношений. Любой элемент города будь то улица, площадь, двор, рынок, заводской район, административный центр или жилой квартал не являются нейтральными элементами. Через них общество распределяет комфорт и теснотность, видимость и невидимость, доступ и исключение, свободу и контроль.

Мишель Фуко писал, что дисциплина связана с «распределением индивидов в пространстве» [2]. Для города это имеет прямое значение. Власть действует не только через законы и запреты. Она в том числе действует через расстояния, маршруты, прописку, районы, нормы жилья, транспортные связи и видимость людей в городском пространстве.

И если Лефевр говорит о том, что пространство производится обществом, то Фуко показывает, как оно затем используется для управления этим обществом. Вместе они создают полную картину: пространство одновременно является и продуктом, и инструментом власти. Развивая эту логику, можно сказать, что город представляет собой текст, в котором закодированы отношения власти, и одновременно - арену борьбы за присвоение пространства. Капитализм производит абстрактное пространство, превращая город в товар; социализм пытается создать пространство равное, но порождает новое отчуждение.

Именно поэтому градостроительство никогда не было и не может быть чисто технической или архитектурной дисциплиной. Каждый генеральный план, плотность застройки, каждая линия метро или пешеходная зона – это прежде всего политическое решение, закрепляющее определенный способ распределения власти и ресурсов. В зависимости от того, кому принадлежит земля и кто принимает решения о застройке, город обретает черты либо хаотичного рынка, либо централизованного плана, либо колониальной крепости, либо утопического эксперимента.

Что влияет на то, каким будет пространство жизни? Для полной рефлексии город нужно рассматривать как материализованную социальную философию. Поскольку улица, фасад, двор, площадь, рынок, вокзал, заводской район или административный центр не нейтральные детали. Через них общество распределяет права, обязанности, возможности и ограничения. Город не только отражает общество. Он сам участвует в его воспроизводстве.

Различие между капиталистическим и социалистическим градостроительством нужно начинать с принципиальной разницы между рыночной и плановой экономикой и политикой. Рынок объясняет превращение земли и жилья в товар. План объясняет стремление государства организовать расселение, производство, транспорт и быт как единую систему. Кроме того, глубже находится другой слой. Это образ человека, который предполагает та или иная городская форма.

Проявления капитализма и социализма в градостроительстве можно определить как два принципиально разных подхода, к развитию городского пространства, которые определяют в чьих интересах оно развивается. Настоящее исследование призвано выявить как проявляются в планировке и застройке городов капиталистическая и социалистическая планировка и выявить философские основания этих различий.

В основе капиталистического подхода лежит частная собственность на землю и недвижимость, а главной движущей силой является извлечение прибыли. В основе социалистического подхода лежит государственная собственность на землю и централизованное планирование, где город рассматривается как инструмент для достижения социальных и идеологических целей. При капитализме квартал перестает быть местом жизни и становится финансовым активом, цена которого растет независимо от его реальной потребительской стоимости в итоге город подчиняется логике товарного фетишизма.

Капиталистический подход физически базируется на стихийности и конкуренции, идеологически на социальном неравенстве и сегрегации и в результате горда растут волнообразно стихийно, хаотично. Имущественное расслоение отражается на планировке и облике города.

Социологический градостроительный подход основан на научно-обоснованном планировании, идеологически во главу угла ставится социальная унификация, доступность культурно-бытового обслуживания. Советские микрорайоны, при всех их достижениях, породили пространство, которое Марк Оже назвал бы «не-местом» – транзитным, анонимным, лишенным истории и идентичности.

Для сравнительного анализа принято три примера наиболее характерных примера. Лондон показывает капиталистическую логику города-сделки. Санкт-Петербург показывает логику социалистического города-приказа. А Париж эпохи Османа демонстрирует логику города-компромисса, где сильное государство создает пространство для капиталистической модернизации.

Лондон как город-сделка

Лондон XVIII и XIX веков можно рассматривать как один из главных примеров капиталистической городской планировки. Он не был создан одним властителем, одним архитектором или одним генеральным планом. Он складывался постепенно, через частные интересы собственников, договора или суды, аренду, наследование и торговлю землей. В этом отношении Лондон близок тому типу города, который Макс Вебер связывал с правом, автономией, рынком и особым статусом горожанина [3]. Несмотря на то, что Макс Вебер анализировал в первую очередь средневековые европейские города, его критерии возможно применить и для анализа Лондона, в более широком, современном контексте. Лондон во многом перекликается с тем «идеальным типом» города, который мыслитель описывал в своей работе «Город».

После Славной революции 1688 года английская политическая система закрепила особую роль парламента, суда и частной собственности. Это не означало полного равенства. Власть по-прежнему принадлежала земельной аристократии, купцам, финансовым кругам и городским корпорациям. Но важно другое. Даже монарх уже не мог распоряжаться городом как личной вотчиной.

Земля в Лондоне стала юридическим и финансовым активом. Ею владели, ее сдавали в долговую аренду, под нее брали кредиты, ее делили на участки и передавали по наследству. Поэтому город рос не как единый чертеж, а как система частных фрагментов.

Многие знаменитые лондонские площади возникали не как государственные проекты, а как частные девелоперские начинания крупных землевладельцев. Бедфорд-сквер, Гровенор-сквер и другие ансамбли создавались на землях аристократических семей, которые сдавали участки строителям на условиях долгосрочной аренды. Поэтому квартал мог выглядеть регулярным и почти плановым, но эта регулярность была результатом частной выгоды, а не государственной идеи [4].

Лондон напоминает ткань, сшитую из разных кусков. Сити живет по собственной корпоративной традиции. Вест-Энд развивается как пространство аристократического и буржуазного проживания. Ист-Энд становится территорией портов, складов, фабрик, миграции и бедности. Парки сохраняют королевское происхождение, но постепенно открываются для публики. Каждый фрагмент имеет свой режим собственности и свою социальную историю.

Такой город не является хаосом в узком смысле. В нем много порядков, но они не сходятся в одну государственную волю. Это порядок суда, рынка, прихода, банка, дока, страховой компании, железной дороги, частного владения и местного самоуправления. Лондон не столько развивается, сколько постоянно договаривается сам с собой.

Социально-философский смысл лондонской модели состоит в том, что город здесь мыслится как пространство автономных интересов. Общество не навязывает один образ правильной жизни. Оно допускает множество смыслов и связывает их правом, контрактом и собственностью.

Но именно здесь возникает главное противоречие. Формально город открыт. Фактически доступ к нему зависит от количества денег. Для собственника город является ресурсом. Для арендатора он становится условием проживания. Для промышленника он является площадкой производства. Для рабочего он часто оказывается местом тяжелого труда, тесного жилья и санитарного неблагополучия.

Капиталистический город освобождает человека от прямого приказа, но подчиняет его цене. Власть здесь менее заметна, чем в городе-приказе, но она никуда не исчезает. Она действует через арендную плату, стоимость земли, кредит, транспортную доступность, престиж района и юридическое право.

Поэтому Лондон можно назвать городом-сделкой. В нем свобода существует как возможность владеть, покупать, продавать, арендовать, судиться и перемещаться. Но эта свобода не принадлежит всем в равной мере. Она сильнее всего у того, кто имеет собственность

и чем больше у Вас собственности тем сильнее вы влияете на городскую планировку.

Санкт-Петербург как город-приказ

Санкт-Петербург устроен иначе. Он возникает не из постепенного роста городской общины и не из логики частного рынка. Он создается по государственной воле.

Основание Петербурга Петром I было не просто градостроительным событием. Это был акт политического преобразования пространства. В отличие от многих городов, Петербург строился на трудной болотистой территории не потому, что там естественно сложился рынок или торговая община. Государству была нужна новая столица, морской выход, символ имперской модернизации и новый механизм управления страной.

Петербург с самого начала был городом, который не столько вырос, сколько был назначен. Он должен был показывать новую Россию. Он должен был дисциплинировать взгляд, движение и быт. В нем пространство с самого начала получало политический смысл.

В отличие от Лондона, где землевладелец мог развивать свой квартал по собственному усмотрению, Петербург формировался через предписание. Направления улиц, фасады, высота и характер застройки становились предметом регламентации. Частная жизнь должна была подчиняться публичному облику столицы [5]. Бунин обращает внимание на то, что такая система предполагала не только архитектурное, но и социальное подчинение. Государство через предписания контролировало не только внешний вид зданий, но и образ жизни горожан. Он подчеркивает, что градостроительство изначально было инструментом государственной политики, где эстетические задачи доминировали над стихийным развитием. [5]

Особенно ясно это видно в центральной композиции города. Три луча главных проспектов сходятся к Адмиралтейству. Это не просто удобная схема движения. Это образ власти, собранной в одной точке. Адмиралтейство не является рынком или ратушей. Это государственный, военный и имперский центр и все дороги ведут к нему.

Петербургская улица обращена к государству. Дом стоит фасадом на улицу и участвует в общем ансамбле. Внутри могут быть тесные дворы, социальная неоднородность и неудобный быт. Но наружу город должен показывать порядок. Здесь подчеркивается важность не частной собственности, а видимости имперской формы.

В этом проявляется глубокое отличие Петербурга от Лондона. В Лондоне человек входит в город через право и сделку. В Петербурге он входит через службу, статус, регистрацию, предписание и место в вертикали.

Эта логика не является социализмом сама по себе. Петербург был имперским городом. Но именно такая имперская модель оказалась близка социалистической плановой логике XX века. Советская власть не изобрела с нуля саму идею города как инструмента централизованного преобразования. Она унаследовала ее от империи и наполнила новым содержанием.

Вместо монарха появляется партия. Вместо династической символики появляется символика труда и революции. Вместо дворца на первый план выходит Дом Советов, завод, площадь демонстраций, клуб, дворец культуры и промышленный район. Но сама вера в то, что город можно построить сверху как инструмент новой жизни, сохраняется.

Социалистический город, особенно в раннесоветских проектах, хотел не просто расселить людей, а изменить быт. Жилье понималось как часть воспитания нового человека. Клуб, столовая, дом-коммуна, фабрика-кухня, рабочий поселок и соцгород при заводе становились не просто архитектурными формами. Они становились средствами социального преобразования.

И если мы поднимаем вопросы человека в городе, с антропологической точки зрения осмысляем градостроительные процессы, то необходимо задать вопрос, не только где будет жить человек, но как он будет есть, отдыхать, воспитывать детей, общаться с соседями, участвовать в коллективе и воспринимать себя, в конечном итоге каким должен стать человек в социалистическом городе.

Очевидные преимущества такой модели для государства и власти. Город-приказ способен быстро мобилизовать ресурсы, вовлекаться в масштабные стройки, проводить инфраструктуру не взирая на то, что нужно для этого снести. Недостатки как нам видится проявляются в том, что город считается управляемым объектом, а человека элементом расселения. То есть не человекоориентированный подход в градостроительстве.

Пример Петербурга показывает, как пространство может стать выражением государственной воли и подчинено общим интересам. Государство имеет инструмент формировать жизни людей, через возможное и невозможное удобное и не удобное. Петербург – это материали-

зованная метафора государства как творца, показывающий, что власть может быть настолько сильной, что она перестает быть внешним принуждением и становится единственной формой, которую человек принимает за свой собственный выбор. Это и есть пик государственной рациональности — не просто управлять, а стать самой жизнью. Это то, что Лефевр назвал бы «пространством репрезентации» — образом, который выдает себя за реальность. Государство рисует идеальный город, а затем требует, чтобы люди жили в этом рисунке, подстраивая под него свои тела и привычки.

Париж как город-компромисс

Париж XIX века занимает промежуточное положение. Он не похож полностью ни на Лондон, ни на Петербург. Он не был таким раздробленным и договорным, как Лондон. Но он не был и таким чисто приказным, как Петербург. Париж эпохи Наполеона III и барона Османа показывает модель авторитарной модернизации.

Османская реконструкция Парижа 1853–1870 годов стала одним из главных событий в истории современного города. Старый город с узкими улицами, плотной застройкой, антисанитарией и революционной памятью был прорезан широкими бульварами, новыми площадями, парками, инженерными сетями и представительными фасадами. Пинкни подробно исследует масштабную трансформацию Парижа в период Второй империи (примерно 1850–1870 годы). Историк помещает реконструкцию в контекст французской политической и экономической жизни того времени. [6].

На первый взгляд эта реконструкция похожа на Петербург. Есть сильная власть, единый замысел, большие оси, снос старой ткани и государственный масштаб. Но цели были во многом капиталистическими. Новые бульвары создавали условия для торговли, аренды, банковского капитала, кафе, гостиниц, универмагов, прогулки и потребления.

Дэвид Харви не случайно назвал Париж «столицей современности» [7]. В этом городе государственная реконструкция создала не только новые улицы, но и новую форму городской жизни. Париж стал пространством витрины, прогулки, зрелища и потребления.

Осман берет у государства право на жесткое вмешательство в старую городскую ткань. У капитализма он берет логику доходности, стоимости земли и привлекательного фасада. Получается особая формула. Чтобы рынок работал красиво и эффективно, государство сначала расширяет ему пространство.

Социальная цена этой красоты была высокой. Старые кварталы сносились. Бедные жители вытеснялись из центра. Это градостроительное проявление позднего капитализма — центр города для богатых. Город становился более светлым, просторным и парадным, но менее доступным для тех, кто раньше жил в его плотной ткани. Возникал новый тип неравенства. Он был не таким открыто хаотичным, как в Лондоне. Он был архитектурно дисциплинированным.

На фасаде был единый камень, балконы, ритм окон и перспектива бульвара. За этим фасадом стояли рост стоимости земли, вытеснение бедных и формирование буржуазной городской сцены.

Парижский бульвар можно считать главным символом города-компромисса. Это одновременно транспортная артерия, прогулочное пространство, торговый коридор, военная просека и театральная декорация реальной жизни. По нему можно гулять. По нему можно двигать войска. Вдоль него можно открывать магазины. Через него можно демонстрировать власть и современность.

Социально-философский смысл Парижа состоит в том, что здесь государство не подавляет рынок и не просто служит рынку, а производит рынок. Оно насильно создает такие пространственные условия, в которых капитал начинает двигаться быстрее, красивее и прибыльнее.

В этом городе появляется новый городской субъект. Это не только собственник и не только подданный. Это зритель, потребитель, прохожий, фланер. Он идет по бульвару, смотрит на витрины, сравнивает, желает, потребляет город глазами. Парижские пассажи (крытые торговые галереи) по мнению Вальтера Беньямина, стали одной из ключевых форм, воплотивших дух модерности в XIX веке. Он посвятил их изучению масштабный, но незавершенный труд «Книга Пассажей». Муслительс читал, что пассажи превратили город в своеобразный «интерьер», где можно было спокойно разглядывать витрины и наблюдать за жизнью. [8].

Но за этим спектаклем скрывается конфликт. Не всякая жизнь подходит для нового фасада. Бедность, теснота, уличная торговля, старые соседские связи и привычные формы обитания начинают казаться устаревшими. Их можно убрать во имя санитарии, порядка, красоты и демонстрации общественного блага.

Париж поэтому нельзя понимать только как успешную реконструкцию. Это пример того, как благоустройство может соединяться с вы-

теснением. Как красота может скрывать социальный отбор. Как государственная воля может работать в интересах новой капиталистической стоимости. Эта история с философской точки зрения о том, как капитализм заимствует методы социализма, но в капиталистических интересах.

Если обобщить, можно выделить три модели.

Первая модель называется город-сделка. Ее символом является Лондон. Пространство возникает через собственность, договор, суд, аренду, наследование, инвестиции и частный интерес. Такой город гибок и разнообразен. Но он легко производит неравенство, потому что доступ к хорошей среде зависит от дохода и собственности.

Вторая модель называется город-приказ. Ее символом является Петербург. Пространство создается через государственную волю, регламент, план, мобилизацию и идеологическую цель. Такой город способен на крупный масштаб и инфраструктурную дисциплину. Но он рискует подавить повседневную жизнь, если начинает видеть в жителях только элементы расселения.

Третья модель называется город-компромисс. Ее символом является Париж Османа. Государство действует жестко, но не уничтожает рынок. Оно организует его. Оно создает улицы, фасады, инфраструктуру и новую стоимость земли. Такой город может быть красивым и современным, но он часто скрывает вытеснение под видом благоустройства.

В реальности эти модели редко существуют в чистом виде. В Лондоне тоже есть государственное планирование. В Петербурге тоже есть частные интересы. В Париже рынок и государство постоянно переплетаются. Но типология помогает увидеть главное. Городская форма зависит не только от архитектуры и экономики. Она зависит от ответа общества на вопрос, кто имеет право решать, каким будет город.

В городе-сделке субъектом является собственник или участник обмена. Его свобода реальна, но она зависит от денег.

В городе-приказе субъектом является человек, включенный в систему. Он получает место, жилье, школу, маршрут и учреждение культуры. Но вместе с этим он зависит от центра, который решает, что именно ему нужно.

В городе-компромиссе человек получает современную среду, свет, воздух, бульвары, парки и транспорт. Но он может оказаться объектом реконструкции, если его прежняя жизнь признана устаревшей.

Исторические параллели

Капиталистический город имеет связь с античным полисом не потому, что Афины были капиталистическими. Это было бы упрощением. Связь состоит в другом. Античный полис впервые показывает город как пространство гражданского участия, спора и публичной видимости. Город принадлежит не царю и не храму, а корпусу граждан. Правда, этот корпус был ограничен. Женщины, рабы, метеки и зависимые группы не имели полного политического права.

Средневековые города-коммуны дают другой важный прообраз. В них появляется бюргер, городское право, хартия, ратуша, совет, гильдия, имущественный ценз и защита частного владения. Это еще не современный капитализм, но уже не чистая феодальная зависимость. Город становится местом, где статус человека определяется не только происхождением, но и имуществом, ремеслом, торговлей и принадлежностью к городской общине [3].

Социалистический город имеет другие исторические параллели. Его можно сопоставлять с централизованными государствами, военными поселениями, римским лагерем, абсолютистской столицей, утопическими проектами и дисциплинарными институтами Нового времени. Это не значит, что социализм происходит от древней деспотии или Спарты. Речь идет только о типологическом сходстве.

Особенно важна связь с абсолютизмом. Абсолютистская власть стремилась создать регулярное государство. Она переписывала население, упорядочивала налоги, регламентировала город, строила столицы и делала власть видимой в пространстве. Социалистическое планирование во многом наследует эту рациональность, но меняет язык оправдания. Вместо славы монарха появляется слава труда. Вместо подданного появляется трудящийся. Вместо дворцовой оси появляется магистраль демонстраций.

Здесь важно не путать аналогию с происхождением. Нельзя писать, что Афины породили капитализм, а Египет породил социализм. Корректнее говорить о повторяющихся формах городской власти. Это гражданская автономия, корпоративное самоуправление, бюрократический контроль, мобилизация, идеология и производство пространства.

Важной оговоркой, позволяющей уйти от абсолютизма, должен выступить учет повседневных практик. Даже самая точная типология не должна заслонять живую повседневность. Город существует

не только на уровне формации, собственности, власти и генерального плана, разумеется, он живет через малые практики. Это соседство, дорога на работу, детский маршрут, разговор у подъезда, лавка, двор, рынок, привычная скамейка, временное присвоение места.

Именно здесь большие модели сталкиваются с реальной жизнью. Льюис Мамфорд писал о городе не как о простой технической конструкции, а как о сложной форме культуры, памяти и коллективной жизни [9]. Именно в подходе Мамфорда и кроется ответ на вопрос, где «большие модели» (масштабные теории, утопии или градостроительные проекты) действительно встречаются с живой реальностью города. Когда мы пытаемся спроектировать город по какой-то идеально придуманной схеме, мы рискуем не учесть эту живую, текучую человеческую природу.

Капиталистический город создает разнообразие, в нем действует множество собственников, малых бизнесов, находящихся в постоянной конкуренции. Но тот же капитализм разрушает разнообразие, когда стоимость земли требует только самой высокой доходности и социальные функции остаются на заднем плане.

Социалистический город, наоборот, формирует возможность развития важных социальных институтов. Равномерно распределенные в соответствии с планом школы, детские сады, поликлиники, клубы, парки и транспорт действительно дают любому человеку базовые условия жизни. Но тот же план разрушает разнообразие, то есть набор культурно-бытовых услуг запланированный и не разнообразный с силу инерции.

Город-компромисс в теории должен совмещать формирование конкурентно способной среды для бизнеса и поддерживать социальное равенство. Но на практике это привело к вытеснению прежних жителей, если они не соответствовали новой стоимости места.

Джейн Джекобс и защита живого города

На этом месте важно обратиться к Джейн Джекобс. Ее книга «Смерть и жизнь больших американских городов» важна потому, что она критикует не только рынок и не только государство. Она критикует любую большую схему, которая начинает решать за город, не понимая его повседневной жизни.

Джекобс писала, что бессмысленно проектировать внешний облик города, если не понимать его «внутреннего функционального порядка» [10]. Эта мысль относится и к девелоперу, который видит только квадратные метры, и к государственному планировщику, который видит только схему.

Живой город, по Джекобс, держится не на одной большой идее. Он держится на множестве малых взаимодействий. Ему нужны смешанные функции, короткие кварталы, разные здания, плотность, уличная жизнь, старые дома, малые предприятия и постоянное присутствие людей.

Ее фраза «новым идеям необходимы старые здания» особенно важна [10]. Старые здания дают дешевую аренду, возможность экспериментировать, открывать маленькие мастерские, кафе, лавки, студии и другие формы городской инициативы. Новый город, построенный сразу и целиком, часто оказывается слишком дорогим и слишком однородным.

Джекобс возвращает городу человеческую сложность. Она показывает, что порядок города не всегда виден сверху. Он возникает из привычек, соседских наблюдений, случайных встреч, мелкой торговли, маршрутов детей, разговоров на улице и повседневной взаимной узнаваемости.

Поэтому плохим может быть любой город. Капиталистический город становится плохим, когда превращает всю среду в инвестиционный продукт. Социалистический город становится плохим, когда заменяет живую сложность нормативным обслуживанием. Город авторитарной модернизации становится плохим, когда под видом красоты и порядка вытесняет тех, кто не вписывается в новый фасад.

В этом смысле Джекобс помогает выйти за пределы простого выбора между рынком и планом. Настоящий вопрос не только в том, кто владеет землей и кто чертит план. Настоящий вопрос в том, остается ли город местом самостоятельной жизни.

Заключение

Философско-исторический анализ позволил выявить основные принципы градостроительства в зависимости от социально-политической системы страны, где формируется и развивается город. Подчеркивая, что город это люди, мы сделали акцент на том как разные типы городов влияют на людей в них живущих. При Капиталистическом строе планировочная структура и облик города это отражение эстетического вкуса, коммерческого интереса и потребностей бизнеса. Социалистический город это попытка уравнивать и обезличить среду с акцентом на прави-

тельные здания в центре как символ власти. Капиталистический город неудобен для бедных в социалистическом нет места богатым.

Парижская модель показывает третью возможность и третью опасность. Сильное государство может использовать социалистический язык общественного блага, красоты и порядка для создания нового пространства для капиталистических целей. Тогда реконструкция становится одновременно модернизацией и вытеснением.

Главный вопрос социальной философии градостроительства заключается не только в том, что эффективнее, рынок или план. Главный вопрос в том, какой тип человека производит городская среда.

Если город строится только как рынок, человек становится прежде всего покупателем.

Если город строится только как план, человек становится прежде всего объектом управления.

Если город строится только как парадный фасад власти, человек становится зрителем чужой истории.

Живой город начинается там, где человек остается участником городской жизни. Он должен не только жить в городе, но и влиять на него. Он должен иметь возможность присваивать пространство повседневно, спорить, ошибаться, создавать новые практики, менять маршруты и наполнять улицы смыслом.

Город нельзя понимать как нейтральную территорию. Город является способом общества ответить на вопрос о свободе. Капиталистическая модель отвечает через собственность и сделку. Социалистическая модель отвечает через равенство и план. Авторитарная модернизация отвечает через порядок и государственную волю.

Но ни один из этих ответов не является достаточным сам по себе. Город становится человеческим только тогда, когда право, план и повседневная жизнь находятся в равновесии.

Без права город превращается в казарму.

Без плана он превращается в рынок сильных.

Без повседневной жизни он превращается в мертвый фасад.

Литература

1. Лефевр А. Производство пространства / А. Лефевр; пер. с фр. — М.: Strelka Press, 2015. — 432 с.
2. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко; пер. с фр. — М.: Ad Marginem, 1999. — 480 с.
3. Вебер М. Город / М. Вебер // Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 309–446.
4. Olsen D.J. The City as a Work of Art: London, Paris, Vienna / D.J. Olsen. — New Haven: Yale University Press, 1986. — 341 p.
5. Бунин А.В. История градостроительного искусства: в 2 т. / А.В. Бунин, Т.Ф. Саваренская. — М.: Стройиздат, 1979. — Т. 1. — 343 с.
6. Pinkney D.H. Napoleon III and the Rebuilding of Paris / D.H. Pinkney. — Princeton: Princeton University Press, 1958. — 245 p.
7. Harvey D. Paris, Capital of Modernity / D. Harvey. — New York: Routledge, 2003. — 372 p.
8. Беньямин В. Париж, столица XIX столетия / В. Беньямин // Озарения. — М.: Мартис, 2000. — С. 120–167.
9. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов / Дж. Джекобс; пер. с англ. — М.: Новое издательство, 2011. — 460 с.
10. Мамфорд Л. Город в истории / Л. Мамфорд; пер. с англ. — М.: Центрполиграф, 2001. — 607 с.

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF CAPITALIST, SOCIALIST, AND MIXED URBAN PLANNING POLICY

Glozman O.S.

Russian University of Transport

The article examines the socio-philosophical features of urban formation depending on the form of organization of power and property. Capitalist, socialist, and mixed urban-planning logics and principles are analyzed not only through the economy and the morphology of the urban environment, but also through the image of the human being shaped by each model. The planning of the capitalist city is formed as a space of exchange, private initiative, property rights, and competition. The socialist city is formed as a space of planning, state care, collective everyday life, and administrative control. Special attention is given to the intermediate model of authoritarian modernization, represented by Haussmann-era Paris, where a strong state, while declaring almost socialist goals and using corresponding methods, created conditions for the capitalist production of urban space. Using the examples of London, Saint Petersburg, and Paris, the article shows that urban planning is not a neutral architectural shell, but a means of producing socio-political relations. In conclusion, the need to find a balance between the interests of business, the state, and urban residents is substantiated.

Keywords: Social philosophy of the city, philosophy of the city, urban space, production of space, urban planning, capitalist city, socialist city, power and space, urban everyday life, right to the city.

References

1. Lefebvre, A. The Production of Space. Translated from French. Moscow: Strelka Press, 2015. 432 p.
2. Foucault, M. Discipline and Punish. The Birth of the Prison. Translated from French. Moscow: Ad Marginem, 1999. 480 p.
3. Weber, M. The City. Selected Works. Moscow: Progress, 1990. pp. 309–446.
4. Olsen, D.J. The City as a Work of Art: London, Paris, Vienna. New Haven: Yale University Press, 1986. 341 p.
5. Bunin, A.V. History of Urban Planning Art. In 2 Volumes. Savarenskaya. – Moscow: Stroyizdat, 1979. – Vol. 1. – 343 p.
6. Pinkney D.H. Napoleon III and the Rebuilding of Paris / D.H. Pinkney. – Princeton: Princeton University Press, 1958. – 245 p.
7. Harvey D. Paris, Capital of Modernity / D. Harvey. – New York: Routledge, 2003. – 372 p.
8. Benjamin V. Paris, Capital of the Nineteenth Century / V. Benjamin // Insights. – Moscow: Martis, 2000. – Pp. 120–167.
9. Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities / J. Jacobs; translated from English. – Moscow: Novoye Izdatelstvo, 2011. – 460 p.
10. Mumford L. The City in History / L. Mumford; trans. from English. – Moscow: Centerpoligraf, 2001. – 607 p.

Дубровин Владимир Леонидович,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН
E-mail: vladimir.dubrovin@gmail.com.

В статье анализируется концепция гражданского общества и солидарности, предложенная Джеффри Александером, одним из ведущих современных социальных теоретиков. Он рассматривает социальную солидарность как главное измерение социального порядка, пронизывающее все сферы общества. В отличие от многих современных теоретиков, он доказывает, что социальная жизнь держится не на рациональной выгоде или принуждении, а на культурных факторах: ценностях, символах, мифах и моральных обязательствах. Александер показывает, что солидарность — подвижный феномен, который постоянно конструируется и реконструируется, позволяя включать в коллективное «мы» новые группы. Также он подчеркивает, что солидарность не исключает разделения «мы-они», но постоянно строит новые критерии различия. Концепция Дж. Александера предлагает мощный инструмент для анализа процессов поддержания солидарности в современных сложных обществах, исследования социальных движений, медиа и идентичности, решения социальных противоречий.

Ключевые слова: Солидарность, интеграция, медиа, коммуникация, гражданское общество, демократия, культура, ценности, бинарные коды

Введение

Проблема социальной солидарности — того, как общество удерживается от распада на изолированные эгоистические элементы — является фундаментальной проблемой социальной философии со времен Томаса Гоббса и классической социологии в лице Эмиля Дюркгейма [5] и Талкотта Парсонса [6].

В условиях усложнения международной интеграции, фрагментации идентичностей и кризиса институтов интеграции национальных государств эта проблема приобретает сегодня особую остроту. Одним из наиболее влиятельных ответов на данный вызов стала концепция американского социолога Джеффри Александера, для которого социальная солидарность имеет прежде всего культурные основания.

Многие современные авторы, обращаясь к этой проблеме, отмечают ослабление солидарности в эпоху поздней современности. В частности, З. Бауман [4] показывает, как солидарность размывается процессом индивидуализации современных обществ. Р. Патнэм [10] отмечает ослабление социального капитала, который составляет фундамент солидарности в обществе. Другие авторы отмечают появление новых форм солидарности — на фоне ослабления прежних. Так, У. Бек [9] говорит о «космополитической солидарности», формирующейся при ослаблении национальных и классовых идентичностей.

Дж. Александер же предлагает видение солидарности не как утраченного или ослабевающего, а как постоянно конструируемого и реконструируемого феномена, движущегося в пространстве между индивидуальным и коллективным, постоянно пересматривающим границы коллективного «мы». Его статья «Парадоксы гражданского общества» и фундаментальный труд «Гражданская сфера» представляют собой разработанную теорию того, как конструируется солидарность в современных обществах.

Механизмы поддержания солидарности в современных сложных обществах

Главный вопрос современной жизни, по Александеру, заключается в том, как реальные люди с их эгоизмом, жадной власти и противоречивыми интересами живут вместе в обществе, опираясь на чувства солидарности с другими. Как индивидуальное и коллективное находят и поддерживают равновесие. Теории власти и рационального выбора часто недооценивают эту солидарность, а чисто нормативные подходы игнорируют реальные противоречия и конфликты.

goodreads.com

Гражданская сфера — это аналитически независимая, но эмпирически переплетённая с другими сферами (экономика, государство, семья, религия) область общества, где формируется демократическая солидарность. Она производит универсализирующее сообщество на основе культурных кодов, коммуникативных институтов и практик гражданственности. Это не идеальное «гражданское общество» в старом смысле, а реальная, противоречивая сфера, способная к самокритике и «гражданскому ремонту» (Александер вводит это новое понятие в свою концепцию).

Поскольку изучение солидарности и гражданского общества имеет давние истоки, Александер делит историю осмысления гражданского общества на три этапа:

Гражданское общество I (Джон Локк, Алексис де Токвиль, Адам Смит, Жан-Жак Руссо). У этих авторов гражданское общество предстает как довольно размытое понятие, куда включалось все, что находится вне государства (в том числе капиталистический рынок, экономические отношения).

Гражданское общество II (Карл Маркс и критическая теория). Понимание общества сквозь призму экономического детерминизма и классовой борьбы, где гражданское общество с его институтами — всего лишь ширма для доминирования буржуазии и не имеет самостоятельного аналитического значения.

Гражданское общество III (концепция, предложенная самим Александером), которая рассматривает гражданское общество как автономную социальную сферу, основанную на универсальной солидарности и взаимном уважении незнакомых друг другу людей. Она не тождественна ни экономике, ни государству, ни частной жизни: «я склонен понимать гражданское общество как фундамент, делающий возможным определение социальной солидарности с помощью универсалист-

ских терминов. Эта «Мы-сущность» национальной общности в самом глубоком смысле означает чувство единения с «каждым членом» этой общности, выходящее за пределы личных обязательств, преданности групповым и сектантским интересам. Лишь в таком понимании солидарность как залог идентичности способна объединять людей, разобщенных религией, классовыми или расовыми признаками. Более того, только такого рода единение и унификация дает индивидам возможность в таком единстве ощутить себя ответственными за свои «естественные» права» [1: 29–30].

Таким образом, Александр отказывается как от марксистского редукционизма, сводящего гражданское общество к рынку и борьбе за ресурсы, так и от идеализированного либерального взгляда, предлагая собственный социально-философский анализ внутренней противоречивости социальной интеграции, в основе которой лежат не только социальные факторы, но и культурные феномены – ценности, смыслы, нарративы, а также живой опыт людей. «Нам необходимо, в отличие от большинства нынешних научных теорий, разработать модель демократических обществ, в которой гораздо больше внимания уделялось бы солидарности и социальным ценностям – тому, что и как люди говорят, думают и чувствуют по отношению к политике. Иными словами, нам нужна теория, в меньшей мере ограниченная привязкой к социальной структуре и в большей мере отвечающая идеям людей, их опыту и взаимоотношениям» [1:37].

Теоретико-методологические основания концепции Александра уходят корнями в попытку преодолеть ограничения классического структурного функционализма. Будучи учеником Парсонса, который видел фундамент социальной интеграции в разделяемой системе ценностей, Александр усложняет эту схему. Он соединяет дюркгеймianскую теорию священного и профанного (как необходимого элемента общественной жизни) с идеями герменевтики и семиотики. В таком контексте солидарность предстает не просто как механическое подчинение нормам или результат рационального контракта, а как живая сфера эмоций, символов и культурных повествований, объединяющее людей в общее смысловое пространство.

Гражданское общество понимается Александром как гражданская сфера – особый мир солидарности, автономный по отношению к экономическому рынку, государственной власти и другим негражданским институтам.

Однако солидарность, без которой невозможно нормальное функционирование гражданского общества, не является чем-то, возникающим и существующим автоматически. В своем анализе парадоксов гражданского общества Александр выдвигает тезис, что солидарность в современном мире не является стабильным, раз и навсегда данным ресурсом. Она непрерывно пульсирует в пространстве напряжения между универсализмом и партикуляризмом.

Александр определяет гражданское общество как сферу солидарности, в которой обязательства перед другими людьми мыслятся как универсальные, выходящие за рамки конкретных интересов семейных групп, экономических классов, религиозных общин или политических партий. Эта солидарность основана на вере в существование общего блага и признании взаимной ответственности граждан друг перед другом.

И здесь же обнаруживается и первый глубокий парадокс: универсалистская солидарность всегда опирается на партикулярные, частные основания и неизбежно порождает новые формы исключения.

Чтобы объединить людей в рамках «мы-группы», необходимо провести границу и определить, кто в это сообщество не входит. Декларируя равенство и свободу для всех, гражданское общество на практике конструирует символические барьеры. И здесь культура и ценности играют определяющее значение. В результате социальный мир делится на гражданские добродетели, которые сакрализуются, и антигражданские пороки, которые маркируются как профанные и негативные. Например, на уровне личностных качеств разумность, автономность и искренность противопоставляются иррациональности, зависимости и лживости. Это находит отражение в социальной структуре, когда определенным группам приписываются «антигражданские», то есть, попросту, негативные характеристики. В социальных отношениях доверие, открытость и критичность противостоят тайному сговору, фракционности и конформизму. На институциональном уровне законность, равенство и выборность противопоставляются своевластию, иерархии и узурпации. Таким образом, солидарность «своих» парадоксальным образом укрепляется за счет символической стигматизации и исключения тех, кто объявлен «чужим».

Второй ключевой парадокс связан с тем, что гражданское общество существует не изолированно, а в постоянном окружении негражданских сфер, таких как рынок, государство, семья и религия.

Гражданская сфера нуждается в них как в ресурсах жизнеобеспечения и постоянно подвергается угрозе «колонизации» с их стороны. Рыночная экономика производит материальные блага и обеспечивает независимость индивида, но ее внутренняя логика эгоизма и неравенства подрывает солидарность. Государство гарантирует соблюдение прав, но его бюрократическая природа стремится к тотальному контролю и подавлению гражданской автономии. Семья и религия даруют человеку базовую идентичность, но при этом легко порождают непоплизм, клановость и фанатизм, разрушающие универсальное признание другого. В то же время все эти сферы напрямую зависят от гражданского общества.

В частности, о воздействии на политику Александр писал: «Политическая борьба в современных обществах не определяется властью социальных элит и государственных бюрократий. Огромное влияние на нее оказывают идеи морали, гражданства, прав человека. Между социальной властью, с одной стороны, и государственной властью, с другой, находится культурное и институциональное пространство, которое можно назвать «гражданской сферой». Гражданская сфера определяется нормами закона, гарантиями прав индивидов. Она также определена чувствами и ценностями, солидарностью с каждым членом общества, независимо от статуса или власти. Быть гражданином значит не только быть частью государства. Это значит также быть участником публичной сферы, причастность к солидарности гражданского сообщества, которое и определяет демократию» [3:8].

В своей работе «Гражданская сфера» [8] Александр развивает этот анализ, подробно описывая динамику отношений между гражданским миром и негражданскими сферами. Он вводит ключевые понятия, объясняющие, как гражданская солидарность защищает себя или, наоборот, терпит поражение. Механизмом защиты выступает, например, пограничное регулирование, с помощью которого гражданская сфера пытается не допустить прямого проникновения логики денег, родства или административного давления в свои институты. Когда такое регулирование дает сбой, происходит деструктивное вторжение одной сферы в другую – например, когда голоса избирателей покупаются за деньги, уничтожая саму суть демократической солидарности. Другим вариантом является гражданское очищение, при котором институты гражданского общества мобилизуются, чтобы изгнать чуждую логику из своей среды и восстановить нарушенные принципы справедливости и равенства. В результате гражданская солидарность оказывается не статичным объектом, а результатом непрекращающейся борьбы за очищение своих институтов от давления денег, власти и групповых интересов.

Александр различает гражданскую солидарность и негражданскую, и это различие очень важно, поскольку негражданская солидарность способна подрывать гражданскую.

Гражданская солидарность – это горизонтальная связь, основанная на универсалистских ценностях демократии, справедливости и взаимного признания. Она противостоит вертикальным иерархиям (класс, раса, этнос в их партикулярной форме).

Негражданская солидарность основана на более примитивных, партикулярных связях (семья, этнос, религия, раса как закрытая идентичность). Она может «загрязнять» гражданскую сферу, вносить в неё расколы и несправедливость. Она может помешать и нормальной работе демократических политических институтов.

journals.sagepub.com

Гражданская солидарность хрупка и всегда частична, но именно она делает возможным демократическое сосуществование в сложных обществах.

Для поддержания и восстановления солидарности в гражданском обществе действуют специфические социокультурные механизмы. Первым из них выступает гражданский нарратив, или дискурс.

Александр описывает культурные структуры, лежащие в основании гражданской сферы, специфические бинарные коды, которые формируют коллективный опыт (рациональный – иррациональный, свободный – зависимый и т.д.).

Он отмечает, что гражданский дискурс всегда строится на противопоставлении «чистого/гражданского» и «нечистого/антигражданского». Сама идея «чистого/нечистого» или «сакрального/профанного» заимствована Александром у Дюркгейма.

dokumen.pub

Эти коды позволяют конструировать нарративы «добра и зла», определять «друзей» и «врагов» внутри гражданского сообщества. Повседневный эссенциализм и борьба за репрезентацию – ключевые механизмы такого конструирования.

Общество постоянно рассказывает истории о самом себе, о борьбе за справедливость, выживание или аутентичность, о преодолении кризисов и победе над тиранией или врагом, что создает у индивидов

глубокую эмоциональную вовлеченность и чувство сопричастности целому. Важнейшую роль в этом процессе играют институты коммуникации, образующие публичную сферу – пресса, общественные дискуссии и академическая среда, позволяющие переводить частные проблемы на универсальный язык общего блага. Наконец, институты регулирования в лице судебной системы и демократического голосования воплощают абстрактное чувство солидарности в конкретные формальные процедуры, что помогает цивилизованно сглаживать конфликты.

Таким образом, гражданская сфера, согласно Александру, функционирует благодаря двум типам институтов, которые переводят абстрактную солидарность в реальное социальное действие.

1. Коммуникативные институты формируют авторитет и общественное мнение.

Средства массовой информации, которые переводят реальные события на язык бинарных кодов, создавая нарративы о добре и зле.

Опросы общественного мнения, которые визуализируют «волю народа», превращая разрозненные мысли граждан в единую политическую силу и общее мнение.

Гражданские ассоциации – добровольные объединения, где люди учатся доверять друг другу и действовать сообща.

2. Регулятивные институты переводят гражданскую волю во власть.

Выборы и голосование – инструменты, с помощью которого гражданская сфера мирно влияет на политическую элиту.

Политические партии и офисы – институты, которые обязаны подчинять государственную власть гражданскому контролю.

Право (Закон) – универсальный регулятор, защищающий права индивида и институционализирующий моральные требования гражданской сферы.

Особое внимание в «Гражданской сфере» Александр уделяет феномену «гражданского ремонта» (civil repair). Это процесс, с помощью которого ранее исключенные, маргинализированные или стигматизированные группы добиваются признания своей полноценной гражданской идентичности. «Гражданский ремонт» – это восстановление гражданской сферы через расширение чувства «мы».

Поскольку реальные гражданские общества несовершенны, гражданская сфера постоянно сталкивается с давлением со стороны других сфер (например, жажда наживы из сферы экономики, авторитаризм из сферы политики, партикуляристские барьеры и клановость из сферы семьи, устаревшие религиозные запреты из сферы религии).

В истории можно наблюдать множество примеров исключения больших групп (например, неимущих слоев, этнических меньшинств, инвалидов и др.) из гражданской сферы под предлогом того, что они якобы «иррациональны», «зависимы», «опасны» (то есть соответствующим негативному культурному коду).

Однако универсалистская природа современной гражданской сферы дает возможность для восстановления солидарности и единства. Этот процесс Александр и называет «гражданским ремонтом». Он может осуществляться разными способами. Но наиболее действенным являются социальные движения или общественные компании, нацеленные на отстаивание справедливости (например, движения за гражданские права Мартина Лютера Кинга в США), использующие ценности и бинарные коды самой же гражданской сферы. Подобные движения апеллируют к солидарности большинства, доказывая, что угнетаемые группы на самом деле обладают гражданскими мотивами (разумны, честны, преданы общим ценностям), а их угнетатели действуют «антиграждански». Через общественный резонанс, кризисы и конфликты границы гражданской сферы расширяются, включая в себя ранее исключенные группы. Это происходит через механизмы ассимиляции, переопределения или признания культурного многообразия.

«Гражданский ремонт» происходит тогда, когда партикулярные требования угнетенных групп успешно переводятся на всеобщий язык универсальной гражданской солидарности. Движения в защиту прав и справедливости апеллируют к общим для всего общества сакральным ценностям равенства и справедливости, заставляя большинство увидеть в «чужих» своих полноценных сограждан. Этот механизм показывает, что солидарность по Александру – это не застывшая структура, а расширяющийся, инклюзивный проект, способный вбирать в себя новые различия.

Однако необходимо отметить, что механизм «гражданского ремонта», восстанавливающий солидарность через интеграцию ранее исключенных групп, работает в демократических обществах. В обществах с прочными иерархиями, непроницаемыми социальными барьерами и ограничениями на выражение несогласия подобные движения могут подавляться, что приводит к накоплению внутреннего напряжения и угрозе социальных взрывов. С другой стороны, подобные движения, опираясь на утопические идеи, могут приводить к разным ва-

риантам тоталитаризма, подавления индивидуального в пользу определенно истолкованного всеобщего, когда солидарность становится насильем. «Фундаментализм тотализующих утопий представляет собой упрощенчество – форму упрощенного мышления, искажающее наше теоретизирование, сосредоточиваясь исключительно на одной сфере общества за счет других. Если нет усилий по переделке «целиком и полностью», то не только логически, но и практически результат будет таков: уменьшение дифференциации, опасная замена сложности очищающей силой, попытка замены беспорядка реальных обществ единым всеобъемлющим радикальным сообществом. Это уже фундаментализм не в религиозной, но в политической и социальной форме» [2;7].

Социально-философское значение концепции Александра заключается в преодолении наивного оптимизма в отношении гражданского общества и возможности солидарности, возникающей как бы сама собой и подразумевающей только общее согласие.

В отличие от Юргена Хабермаса, который верил в достижение рационального консенсуса через свободную от господства коммуникацию [7], Александр утверждает, что конфликт и исключение имманентно присущи солидарности. Гражданское общество не может стать абсолютно солидарным и единым навсегда. Всякий раз, когда границы солидарности расширяются посредством «гражданского ремонта», внутри новой, более широкой общности неизбежно возникают новые, более тонкие критерии исключения и новые символические границы.

Заключение

В заключении можно отметить, что предложенный Джефффри Александером анализ природы солидарности показывает принципиально драматический и противоречивый характер социальной интеграции. Гражданская солидарность конструируется через постоянную преодоление собственных парадоксов. Она не тождественна простому согласию, а живет в символическом напряжении между универсалистскими притязаниями и партикулярной реальностью, индивидуальным и коллективным.

Сила гражданской сферы заключается в ее способности сопротивляться внешнему давлению рынка и государства, используя внутренние ресурсы культуры, дискурса, права, публичности и механизмы гражданского ремонта. Такой теоретический подход может быть мощным методологическим инструментом для осмысления современных процессов поляризации общества и поиска путей к новому социальному согласию в мире усиливающегося многообразия и неоднородности.

Литература

1. Александр Д. Парадоксы гражданского общества // Социология: теория, методы, маркетинг. 1999, № 1. – С. 27–41
2. Александр Д. Прочные утопии и гражданский ремонт // Социологические исследования. 2002. № 10. – С. 3–11
3. Александр Д. Власть, политика и гражданская сфера. – Социологические исследования. 2009. № 10. – С. 3–17.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос. 2005. – 390 с.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. – 432 с.
6. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект. 2000. 880 сс.
7. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М.: Весь мир. – 2022. – 877 с. В 2 т.
8. Alexander, J.C. The Civil Sphere / Jeffrey C. Alexander. – New York: Oxford University Press, 2006. – 816 p.
9. Beck, U. Risk, class, crisis, hazards and cosmopolitan solidarity/risk community – conceptual and methodological clarifications. 2013. – 11 p.
10. Putnam R.D. Bowling alone: the collapse and revival of American community / R.D. Putnam. – New York: Simon & Schuster, 2000.

SOLIDARITY AND THE CIVIC SPHERE IN JEFFREY C. ALEXANDER'S CONCEPT

Dubrovnik V.L.
The Institute of Sociology

This article analyses the concept of civil society and solidarity proposed by Jeffrey Alexander, one of the leading contemporary social theorists. He regards social solidarity as the key dimension of social order, permeating all spheres of society. Unlike many contemporary theorists, he argues that social life is not sustained by rational self-interest or coercion, but by cultural factors: values, symbols, myths and moral obligations. Alexander demonstrates that solidarity is a fluid phenomenon that is constantly being constructed and reconstructed, allowing new groups to be included within the collective 'we'. He also emphasises that solidarity does not preclude the 'us-them' division. J. Alexander's concept offers a powerful tool for analysing the processes of maintaining solidarity in contempo-

rary complex societies, social movements, the media and identity, and the resolution of social conflicts.

Keywords: Solidarity, integration, media, communication, civil society, democracy, culture, values, binary codes

References

1. Alexander, D. 'The Paradoxes of Civil Society' // *Sociology: Theory, Methods, Marketing*. 1999, № 1. – pp. 27–41 (in Russian)
2. Alexander, D. 'Enduring Utopias and Civic Renewal' // *Sociological Studies*. 2002. № 10. – pp. 3–11 (in Russian)
3. Alexander, D. 'Power, Politics and the Civic Sphere'. – *Sociological Studies*. 2009. № 10. – pp. 3–17. (in Russian)
4. Bauman, Z. *The Individualised Society*. Moscow: Logos, 2005. – 390 pp. (in Russian)
5. Durkheim, É. *The Division of Labour in Society*. Moscow: Kanon, 1996. – 432 pp. (in Russian)
6. Parsons, T. *The Structure of Social Action*. Moscow: Academic Project. 2000. 880 pp. (in Russian)
7. Habermas, J. *The Theory of Communicative Action*. Moscow: Ves Mir. – 2022. – 877 pp. In 2 vols. (in Russian)
8. Alexander, J.C. *The Civil Sphere* / Jeffrey C. Alexander. – New York: Oxford University Press, 2006. – 816 pp.
9. Beck, U. *Risk, Class, Crisis, Hazards and Cosmopolitan Solidarity / Risk Community – Conceptual and Methodological Clarifications*. 2013. – 11 pp.
10. Putnam, R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community* / R.D. Putnam. – New York: Simon & Schuster, 2000.

Электронное образование в контексте кризиса мультикультурализма: социально-философский потенциал традиционной образовательной модели

Желябина Наталья Анатольевна,

директор, Лицей № 50 при ДГТУ им. Героя Советского Союза Калинина Н.Д.

E-mail: Natasha.zhelyabina@yandex.ru

В статье рассматривается электронное образование в контексте кризиса политики мультикультурализма и цифровой трансформации современного образовательного пространства. Анализируется связь между глобализацией, медиатизацией, изменением культурной идентичности и распространением дистанционных форм обучения. Особое внимание уделяется рискам цифровизации образования, связанным с платформизацией, коммерциализацией знания, алгоритмизацией контроля и трансформацией роли преподавателя. Показывается, что электронное образование, расширяя доступ к учебным ресурсам и усиливая автономию обучающегося, одновременно размывает устойчивые формы педагогического взаимодействия и культурной преемственности. В качестве альтернативной рамки рассматривается поликультурность, позволяющая соединить уважение к культурному разнообразию с сохранением устойчивой идентичности. Обосновывается социально-философский потенциал традиционной очной образовательной модели как пространства живой коммуникации, воспитания и включения обучающегося в образовательное сообщество.

Ключевые слова: электронное образование, мультикультурализм, поликультурность, цифровизация образования, традиционное образование.

Введение

Современное образование, так или иначе, включено в процесс глобализации и цифровизации, что подтверждается ростом количества онлайн курсов и дистанционного обучения [3]. Транснациональный характер электронного образования в его дистанционных формах предполагает преодоление культурных различий, что отражается в политике мультикультурализма западных стран. Однако проект мультикультурализма, спланированный как идеологическая рамка для признания культурного многообразия, при его помощи наоборот нивелируется и размывается самобытность представителей тех или иных социальных групп, описывая их различия в качестве подвижной границы, ориентированной на адаптацию к процессу глобализации. В этой ситуации особое значение приобретает образование, поскольку именно оно выступает одним из ключевых механизмов социализации, трансляции культурной памяти и формирования представлений о принадлежности к определённой историко-культурной традиции. В рамках мультикультурной повестки образовательная система всё больше начинает выполнять идеологическую функцию, становясь пространством для конструирования более пластичной и подвижной идентичности, адаптивной к глобальному коммуникационному пространству. В связи с этим становится актуальным социально-философское осмысление границ и функций образования в различных формах: от традиционного образования к онлайн-курсам. Иными словами, мы рассмотрим потенциал очной классической образовательной, в её офлайн-модели, как способа преодоления современной западной мультикультурной фрагментации. В то же время мы опишем риски цифровизации и алгоритмизации образования. Особое же внимание мы уделим концепту «поликультурности» как альтернативной рамке политики мультикультурализма, позволяющей соединить уважение к культурному разнообразию с сохранением устойчивой культурной идентичности и живой образовательной коммуникации.

Материалы и методы

В качестве методологической основы нашего исследования мы выберем социально-философский, сравнительный, герменевтический и критико-аналитические подходы. Социально-философская оптика позволит привлечь актуальные теории социальной философии для анализа состояния современного образования. Герменевтический метод позволяет интерпретировать концепции М. Маклюэна, Д. Нобла и современных исследователей цифрового образования в контексте социальной философии. Критико-аналитический метод используется для выявления рисков цифровизации образования, связанных с платформизацией, коммерциализацией, алгоритмизацией контроля и ослаблением преподавательской автономии. В свою очередь, историко-философский подход будет применим для описания генезиса политики «мультикультурализма». В то же время сравнительный подход позволит нам установить различие между концептом мультикультурализма и его альтернативой – поликультурности, а также описать разницу подходов в обучении в традиционном формате обучения и электронного образования. Соответственно, в текущем исследовании в понятие электронное образование включены все виды педагогического процесса, где привлечены современные технологии, например, дистанционный формат обучения и обучение с помощью онлайн курсов. В свою очередь, классическое образование или традиционное образование описывается нами как процесс обучения в очном формате.

Образование и культурная идентичность

Кризис политики мультикультурализма регулярно констатируется на самом высоком уровне – «...можно вспомнить прежде всего доклад премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона на Мюнхенской конференции (февраль 2011 г.), вызвавший необычайно бурную реакцию в общественно политических и экспертных кругах Европы. В своем докладе Кэмерон, вслед за лидером Германии, открыто заявил о крахе европейской политики мультикультурализма. А аналогичные признания канцлера Германии Меркель, Генерального секретаря Совета Европы Торбьерна Ягланда и слова Николя Саркози «да, это провал», касающиеся политики мультикультурализма» [12]. При этом важно понимать, что в различных национальных средах политика мультикультурального

эксперимента имела различные цели, но сами идеи мультикультурализма были разработаны и теоретические оформлены в странах с развитой традицией либерального идеологического направления [27]. Мультикультурная повестка сформировалась и как социокультурная теория и как политико-правовая практика на интеллектуальной почве либеральной традиции [29].

Особенностью процесса формирования мультикультурной повестки и её образовательной компоненты, в исходном радикальном варианте, ориентируется на внедрение социокультурного тренда, направленного на изменения культурной идентичности [16], трансформацию понятия гражданства и идеологического вектора [2]. Последнее рассматривается сквозь их изменённую природу понимания, адаптированную под ценностный ландшафт в глобализованном мире, сконструированном посредством распространения и укоренения постколониального дискурса [17] и мультикультурной практики [23].

В образовательной компоненте постколониальный и мультикультурный дискурс [18] укореняют в процессе социализации и учебно-образовательных практик тезисы транснационального взгляда на расовую маркировку, этническую принадлежность и культуру [19]. Первоначально это выглядит как набор стандартных вопросов о том, «... что современное образование должно не только отражать национальные ценности в области культуры, но и включать в свой контекст более широкие культурные реалии? Должно ли оно становиться более широким, обеспечивать взаимодействие различных культур, существующих сегодня в мире? Какова мера индивидуальности того культурного поля, которое формирует образование?» [9]. Сами эти вопросы появляются не на пустом месте – а за ними стоит вполне конкретный опыт масштабного процесса внедрения мультикультурного образования в странах Британского содружества и США, причём сами образовательные программы могут существенно отличаться, в прямой зависимости от конкретных политических задач. Но общими тезисами для США, Канады и Австралии, в поле пропаганды мультикультурной повестки, будет необходимость регулярной корректировки и перестраивания вектора развития национальной культуры, историческая традиция которой не так глубока, как, к примеру, в Великобритании – лидера британского содружества. Постоянно меняющийся этноконфессиональный ландшафт этих стран, заставляет их идеологов и политиков, обращаться к философии образования для разработки и накопления значительного идейного и практического опыта мультикультурной образовательной траектории. «Становление общенациональной культуры в этих странах происходит в сложных условиях постоянных контактов различных субкультур. Зачастую противоречия между ними оказываются серьезной помехой для прогресса в сфере образования. В то же время интеграционный эффект образования имеет положительные последствия для преодоления конфликтов между этническими группами, культурного самоопределения отдельных этносов» [4].

Однако преодоление этих конфликтов возможно только благодаря внедрению «пластичности» в культурную идентичность, что реализовалось в концепции «подвижной идентичности», которая была оригинально проанализирована в ранних работах канадского профессора М. Маклюэна [1]. Канадский исследователь наглядно показывает, что жизнь современного человека развертывается в новом измерении глобального, мультикультурного [13], «расширяющегося» мира. Текущее состояние мира описывается исследователем как «глобальная деревня», где электронные средства передачи информации заменяют «книгу Гуттенберга». Подобная информатизация трансформирует человека в «электронного человека», приспособленного к «сёрфингу» в океане информации, а его личность с необходимостью перемещается в интернет, поскольку приоритет теперь принадлежит электронной коммуникации. В итоге этого процесса коммуникация между людьми перемещается в горизонтальную плоскость, а человек без его воли, по причине бескомпромиссного распространения СМИ и различных медиа, становится обязательным участником глобальной массовой коммуникации [6]. При определенном взгляде, концепт «глобальная деревня» вносит некоторую неясность в описание современного состояния общества, поскольку «деревня» предполагает не только близкое родство её жителей, а также иерархию и строгое различие на «местных» и «приезжих». В этом контексте, информационное общество М. Маклюэна больше похоже на «глобальный метрополис», где смешиваются культуры и народности, на что указывал футуролог Герман Кан [6]. В своём позднем творческом этапе канадский мыслитель вводит концепт «глобального театра», в своём роде это апофеоз ситуации «глобальной деревни», на этом этапе мир замыкается в своей информатизации, а грань между зрителем и участником исчезает и появляется бесконечный перформанс ролей, статусов и конфликтов. Учитывая довольно объемный пласт постструктурализма и французской теории, взгляды М. Маклюэна открыты для продуктивной интер-

претации даже сейчас. Согласно с исследованием А. Ралона, позднее творчество канадского мыслителя согласуется с концептами Ж. Делёза и мыслителями «спекулятивного реализма», чья львиная часть идей посвящена объектам, процессам и не-человеческим агентам, на роль которых вполне подходят всевозможные вариации медиа и СМИ [26].

С описанной нами современной ситуацией и концепциями М. Маклюэна также соотносится и опыт современного электронного образования в различных формах: от онлайн-обучения до привлечения в образовательный процесс электронных платформ. Концепция электронного образования простирается дальше, «стирая» уже не идентичность субъектов процесса обучения, а сами роли субъектов этого процесса. Иными словами, роль и функции преподавателя и обучающегося начинают терять общепринятые границы, особенно это касается учителей. Однако, прежде чем описать эти негативные стороны, следует упомянуть положительные стороны электронного образования.

Согласно англоязычному исследованию Д.И. Сулери и А.Д. Сулери, студенты обучаясь онлайн, отмечали удобство в управлении своим временем, темпом и организацией своего обучения [28]. Кроме того, электронное образование в виртуальном формате усиливает автономность обучающихся, предоставляя им доступ к материалам курса в любое время и в любом месте. Другой же положительной стороной подобного обучения – расширение коммуникации и сотрудничества, поскольку цифровые платформы позволяют всем участникам процесса обучения совместно работать над заданиями, использовать различные инструменты для синхронной работы, например, «стримминг». Виртуальная форма обучения также предполагает и новую форму подачи знания, например, облекая её в игру с достижениями. Бескрайняя автономность позволяет вновь и вновь обращаться к пройденному материалу, отрефлексировав его должным образом, отмечают ученики онлайн формата. Однако необходимо подчеркнуть, что авторы исследования отстаивают смешанное обучение в высшем образовании.

Упор на положительный аспект электронного образования, а именно, на усиление коммуникативной функции, позволяет оценивать подобное обучение в качестве совершенно новой модели образования, где преподаватели проходят непрерывное повышение квалификации, утверждает М.Е. Вайндорф-Сысоева [5]. Гиперкоммуникация в рамках виртуального образования неизбежно ведёт к полиморфизму электронных средств обучения, например, «геймификация» изучения новых иностранных слов в форме карточной игры на веб-сайте. В рамках этого процесса изменяется роль учителя в сторону «управленца» электронных платформ. Отечественный исследователь М. Е Вайндорф-Сысоева показывает, что современному учителю уже недостаточно знать материал и адекватно излагать его для учеников, а современному педагогу необходимо владеть такими навыками как «управлять образовательной средой; уметь организовывать коммуникацию; координировать взаимодействие участников; следить за ритмом учебной работы; выстраивать обратную связь; поддерживать индивидуальные траектории обучения» [5]. Указанные навыки формируют учителя-организатора образовательной коммуникации и менеджера. В таком случае от фигуры учителя, как образца профессионала, владеющего ценными навыками, остается образ «тытатора», медиатора образовательной коммуникации. Иными словами, согласно исследованию отечественного учёного, фигура преподавателя значительно переопределяется в условиях технологической опосредованности процесса обучения и расширяется за счёт добавления к фигуре учителя технических, административных и этико-поддерживающих функций.

Иными словами, электронное образование демонстрирует свою внутреннюю двойственную природу к современной образовательной ситуации. Мы можем отметить, что подобный образовательный процесс расширяет, отчасти и демократизирует, доступ к знанию, усиливая автономно обучающегося и предоставляет новые формы коммуникации. В то же время такая медиация ведёт к размыванию устойчивых, традиционных и классических, ролей педагогического процесса, что ослабляет фигуру учителя как носителя культурного и профессионального авторитета. В результате электрификации образования процесс обучения всё больше становится механизмом адаптации субъекта к изменчивости, сетевой и среде мультикультурализма. Иными словами, образование теряет статус такой формы социализации в качестве приобщения к устойчивой культурной традиции.

Поликультурность и традиционное образование

Цифровизация высшего образования, как отмечают исследователи М.В. Пашков и В.М. Пашкова, влечёт за собой комплекс социально-философских рисков, например, зависимость университетов от глобальных компаний, например, «Microsoft», унификацию содержательной части образования, коммерциализацию образовательной сферы и алгоритмизации контроля [14]. Особенно остро ощущается аспект

алгоритмизации и контроля из-за которого преподаватель теряет часть своей академической самостоятельности, а его деятельность все ближе к стандартизации, контролируемой от внешних технологических структур и метриков. Погоня же за индивидуализацией образования наоборот ведёт к стандартизации процесса обучения, подконтрольное отчетности и набором измерительных показателей. Иными словами, алгоритмы и стандартизованные количественные данные становятся педагогическим суждением, в котором, что свойственно техническому подходу, теряется учёт индивидуальности обучающегося, а также социального и культурного контекста.

Мировая пандемия COVID-19 и режим «локдаунов» усилили интерес и популяризацию электронного образования во всех её формах. Результат внедрения виртуального или дистанционного образования оказался неоднозначным, рассматривая критический анализ этого процесса, выполненный А.В. Дожиковым [8]. Главная опасность для образования – централизация образовательного контента, по мнению исследователя. Навязывание качественно выполненных онлайн-курсов, произведенных в ведущих вузах, учебным заведениям периферии в качестве готового продукта спровоцирует сокращение числа преподавателей-разработчиков, а также создаст ситуацию снижения конкуренции и монополизации образовательного процесса. Отсутствие альтернатив уже скажется на качественных онлайн-курсах от вузов, занимающих верхние позиции в топах учебных заведений высшего образования. В некотором отношении М.В. Пашков, В.М. Пашкова и А.В. Дожиков солидарны в негативной оценке экономических интересов внедрения цифрового образования, ведь онлайн-курсы позволяют оптимизировать профессорско-преподавательский состав в пользу «разработчиков» курсов. В подобной экономической модели не оказывается место классической фигуре преподавателя, но появляется роль «обслуживающего персонала» уже готовой образовательной платформы. Соответственно, уже «платформизация» вызывает технологическую зависимость процесса образования, сосредотачивая содержание образования на серверах и дата-центрах. Технологическая зависимость сказывается также и на психическом и физическом здоровье участников обучения. Согласно приведённым исследованиям А.В. Дожиковым, экранное время только снижает когнитивные показатели детей и взрослых, вызывая депрессию, усиливая у них чувство одиночества [8].

Такое критическое отношение к цифровому образованию разделяется преподавателями даже в зарубежных странах. Американский историк Д. Нобл приходит к неутешительным выводам, отмечая одностороннее насаждение онлайн-форматов образования студентам высших учебных заведений [24]. Автоматизация образования с помощью цифровых технологий чаще всего имеет принудительный характер, утверждает исследователь. Кроме того, согласно замечаниям Д. Нобла, за процессом цифровизации образования скрывается более глубокий процесс, а именно, коммерциализации высшего образования. Однако это лишь один из последних этапов коммерциализации, а до него предшествовало коммерциализация исследовательской функции университетов США и в итоге научное знание перестало рассматриваться как интеллектуальная собственность, а было «отчуждено» в форму патентов и лицензий. Онлайн курс становится «courseware», говоря иначе, цифровым учебным продуктом, где полностью теряется живое взаимодействие преподавателя и ученика. На стыке коммерциализации и «отчуждения» знания как такового меняется социальная природа знания в сторону рынка образовательных продуктов. Виртуальное хранение курсов, а также материалов к ним, превращает преподавателя в лишний элемент в такой модели образования, поскольку интеллектуальный труд автора может использоваться и храниться в такой системе и без его непосредственного создателя. Вместе с тем нарушается приватность участников цифрового обучения, ведь платформодержатели таких курсов имеют возможность отслеживать цифровые следы, анализировать и продавать данные об учебной активности. Фактически, как указывает Д. Нобл, преподаватель и студент невольно будут участвовать в испытаниях продуктов, предоставляя данные о себе и не понимая, кто получит доступ к ним и в чьих интересах данные будут использоваться в дальнейшем [24]. Проницательность результатов исследований, приведённых нами выше, согласуются с современным состоянием капитализма, называемого «надзорным капитализмом» [10], где продуктом экономики становятся данные об участниках экономических процессах, их предпочтениях и поведенческие повадки.

Существует и компромиссная форма современного образовательного процесса – смешанный формат, где комбинируются цифровые технологии и классическая форма образования в его офлайн режиме. В классической форме сохраняются привычные роли учителя и обучающегося, а электронное образование демократизирует процесс обу-

чения, нивелируя элитарность этой формы и её дороговизну. В то же время, классическое образование, когда осуществляется непосредственная коммуникация между преподавателем и учеником, помимо передачи знаний или информации закрепляет обучение воспитательным процессом. Этот процесс обеспечивает развитие личности ученика, способствует расширению его жизненного опыта и предоставляет условия для самореализации. Как продемонстрировано в исследовании отечественных учёных, настоящее образование человека невозможно обеспечить без живого общения всех участников педагогического процесса [7].

Обучение в офлайн формате гарантирует более устойчивую концентрацию у обучающихся, кроме того именно в этом формате можно зафиксировать большую вовлечённость в понимание излагаемого материала на семинарах, утверждают англоязычные исследователи [25]. В целом, студенты воспринимают очное обучение как более действенную образовательную среду, поскольку в аудитории легче удерживать внимание, задавать вопросы, выражать мысли и взаимодействовать с преподавателем, чем при прохождении онлайн курсов. Очные занятия рождают в сознании обучающегося ощущение совместного действия и ритма работы. В таком случае преподаватель – это не «менеджер» курсов, а участник образовательной коммуникации, следящий за вниманием учеников, поддерживающий их внимание и способствующий формированию отношения у студента к изучаемому материалу. Учащийся, помимо усвоения необходимых навыков, перенимает социальные практики в отдельно взятом учебном заведении, а также приобщается к культуре общения к изучаемому материалу, учится корректно выстраивать дискуссию и правильной постановке вопроса. Особенно важно в этом процессе, прежде всего это касается высших учебных заведений, это приобретение опыта университетской жизни. Иными словами, как отмечают авторы зарубежного исследования, социализация в процессе обучения – одна из важных предпосылок успешного обучения [25].

В таком отношении, сохранение очного формата обучения скорее соответствует не мультикультурализму западного толка, а поликультурности, уважительному отношению к чужой культуре и осознание собственной социальной и культурной принадлежности. Поликультурность выступает альтернативой мультикультурализму, позволяющая организовать образовательную среду в котором учащиеся из разных социальных групп, этнических общностей получают равные возможности в обучении, при этом не размывая идентичность обучающихся, а педагог будет формировать у них непредвзятое отношение к любым культурным различиям [15]. К указанным особенностям поликультурности стоит добавить, что подобная рамка для образовательного процесса будет служить диалогом, с учётом неоднородной аудитории педагогического процесса. В таком случае образование будет служить не ассимиляции культур, этносов, субъектов процесса обучения, а скорее к уважению культурной разнообразности, показывая значимость и ценности подобных различий [11].

Заключение

Подведём итоги нашему исследованию. Современное состояние образования находится в ситуации двойного вызова. Первый вызов – образовательный процесс становится пространством активной цифровизации, платформизации и глобальной коммуникации, что усиливает автономию обучающегося. Второй вызов – трансформация преподавателя в фигуру «менеджера» цифровых продуктов и образовательной среды. Знание на пересечении этих «вызовов» начинает рассматриваться как цифровой продукт, включенный в экономику платформ и алгоритмического контроля.

Соответственно, электронное образование технически меняет традиционный формат педагогического процесса. Подобная трансформация является частью современных цифровых форм социализации, мультикультурализма западного толка, где происходит деиндивидуализация культурной идентичности и демократизация педагогического авторитета. Говоря же точнее, меняется сама логика образовательного процесса, подчиняя её участников к технологической управляемости и размытию устойчивых форм идентичности. В этом смысле, традиционный формат обучения, даже в его «смешанной» модели, выступает «антикризисной мерой», сохраняя антропологическое измерение, где реализуется воспитательная функция обучения, путем непосредственного взаимодействия преподавателя и обучающегося, а также передаётся опыт включения учеников в образовательное сообщество. Такой формат обучения уже не соотносится с форматом «мультикультурализма», а реализует поликультурализм, где отстаивается культурное разнообразие и избегается цифровая дефрагментация идентичности. Следовательно, задача современного образования заключается в использовании цифровых технологий тем целям, которые сохраняют

личностный, воспитательный и культурно-преемственный характер образовательного процесса.

Литература

1. Архангельская И.Б. Теория коммуникации в трудах Х.-А. Инниса и Г.М. Маклюэна // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. № 3(8). С. 148–152.
2. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс: двусмысленные идентичности / пер. с фр. И. Глущенко и др. М.: Логос-Альтера; Esse Homo, 2003. 267 с.
3. Винник А.Е., Прядко С.Н. Анализ показателей рынка и перспективы развития онлайн-образования в сегменте массовых открытых онлайн-курсов // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2023. № 2. С. 118–124.
4. Балицкая И.В. Мультикультурное образование в США, Канаде и Австралии: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. М., 2008. 427 с.
5. Вайндорф-Сысоева М.Е. Виртуальная образовательная среда как неотъемлемый компонент современной системы образования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2012. № 14. С. 86–91.
6. Вакку Г.В., Федоров А.О. «Всемирная глобальная деревня» Маклюэна как коммуникационная доминанта современного медиапроцесса // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2023. Т. 1. № 1. С. 125–131.
7. Гафуров И. Р., Ибрагимов Г.И., Калимуллин А.М., Алишев Т.Б. Трансформация обучения в высшей школе во время пандемии: болевые точки // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 10. С. 101–112.
8. Дождиков А.В. Онлайн-обучение как e-learning: качество и результаты: критический анализ // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 12. С. 21–32.
9. Жукова Т.А. Мультикультурализм и образование: проблемы и перспективы // Молодой ученый. 2016. № 5.6(109.6). С. 41–44.
10. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А.Ф. Васильева; под ред. Я. Охонько, А. Смирнова. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.
11. Корякина А.А. Поликультурное образование: исторический аспект // Интернет-журнал «Мир науки». 2017. Т. 5. № 6. С. 15–23.
12. Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М.Б. Погребинского, А.К. Толпыго. М.: Весь Мир, 2013. 400 с.
13. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Гиперборей; Кучково поле, 2007. 464 с.
14. Пашков М.В., Пашкова В.М. Проблемы и риски цифровизации высшего образования // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 3. С. 40–57.
15. Усачев А.С., Майорова Л.Н. Проблема мультикультурализма в науке и современном образовании // Форум молодых ученых. 2022. № 6(70). С. 311–314.
16. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London; New York: Verso, 2000.
17. Citizenship and National Identity: From Colonialism to Globalism / ed. by T.K. Oommen. New Delhi; Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1997. 324 p.
18. Critical Multiculturalism: Rethinking Multicultural and Antiracist Education / ed. by S. May. London; Philadelphia: Falmer Press, 1999. 296 p.
19. Dirlik A. The Postcolonial Aura: Third World Criticism in the Age of Global Capitalism // Critical Inquiry. 1994. Vol. 20. No. 2. P. 328–356.
20. Hollinger D.A. Cosmopolitanism and Solidarity: Studies in Ethnoracial, Religious, and Professional Affiliation in the United States. Madison: University of Wisconsin Press, 2006. 240 p.
21. Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Clarendon Press, 1995. 280 p.
22. Multicultural Australia: The Next Step: Towards and Beyond 2000: A Report of the National Multicultural Advisory Council. Canberra: Australian Government Publishing Service, 1995. viii, 54 p.
23. Multiculturalism and Citizenship Canada. Ideals and Reality: Eliminating Racial Discrimination in Canada. Ottawa: Minister of Supply and Services Canada, 1989. P. 3–11.
24. Noble D.F. Digital Diploma Mills: The Automation of Higher Education // First Monday. 1998. Vol. 3. No. 1. P. 23–29.
25. Photopoulos P., Tsonos C., Stavrakas I., Triantis D. Remote and In-Person Learning: Utility Versus Social Experience // SN Computer Science. 2023. Vol. 4. P. 25–36.

26. Ralón L. From Global Village to Global Theater: The Late McLuhan as a Philosopher of Difference, Sense, and Multiplicities // Review of Communication. 2017. Vol. 17. No. 4. P. 303–319.

27. Said E.W. Orientalism. New York: Vintage Books, 1979. 368 p.

28. Suleri J. I., Suleri A.J. Comparing Virtual Learning, Classical Classroom Learning and Blended Learning // European Journal of Sustainable Development Research. 2019. Vol. 3. No. 1. P. 1–8.

29. Text and Nation: Cross-Disciplinary Essays on Cultural and National Identities / ed. by L. García-Moreno, P.C. Pfeiffer. Columbia, SC: Camden House, 1996. 212 p.

E-EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE CRISIS OF MULTICULTURALISM: THE SOCIO-PHILOSOPHICAL POTENTIAL OF THE TRADITIONAL EDUCATIONAL MODEL

Zhelyabina N.

Lyceum No. 50 at the DSTU named after Hero of the Soviet Union Kalinich

The article examines e-education in the context of the crisis of multiculturalism policy and the digital transformation of the modern educational space. The article analyzes the relationship between globalization, mediatization, changing cultural identity and the spread of distance learning. Special attention is paid to the risks of digitalization of education related to platformization, commercialization of knowledge, algorithmization of control and transformation of the role of the teacher. It is shown that e-education, by expanding access to educational resources and enhancing student autonomy, simultaneously blurs stable forms of pedagogical interaction and cultural continuity. Multiculturalism is considered as an alternative framework, which allows combining respect for cultural diversity with the preservation of a stable identity. The author substantiates the socio-philosophical potential of the traditional full-time educational model as a space of lively communication, upbringing and inclusion of the student in the educational community.

Keywords: e-education, multiculturalism, multiculturalism, digitalization of education, traditional education

References

1. Arkhangel'skaya I.B. Communication theory in the works of H.A. Innis and H.M. McLuhan // Bulletin of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences. 2007. No. 3(8). pp. 148–152.
2. Balibar E., Wallerstein I. Race, Nation, Class: Ambiguous Identities. Moscow: Logos-Altira; Esse Homo, 2003. 267 p.
3. Vinnik A.E., Pryadko S.N. Analysis of market indicators and prospects for the development of online education in the segment of massive open online courses // Bulletin of Astrakhan State Technical University. Series: Economics. 2023. No. 2. pp. 118–124.
4. Balitskaya I.V. Multicultural education in the USA, Canada and Australia: dis. ... Dr. Ped. Sci. Moscow, 2008. 427 p.
5. Vaindorf-Syssoeva M.E. Virtual educational environment as an integral component of the modern education system // Bulletin of South Ural State University. Series: Education. Educational Sciences. 2012. No. 14. pp. 86–91.
6. Vakku G.V., Fedorov A.O. McLuhan's "global village" as a communicative dominant of the modern media process // Bulletin of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev. 2023. Vol. 1. No. 1. pp. 125–131. DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_1_125.
7. Gafurov I.R., Ibragimov G.I., Kalimullin A.M., Alishev T.B. Transformation of teaching in higher education during the pandemic: pain points // Higher Education in Russia. 2020. Vol. 29. No. 10. pp. 101–112. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-10-101-112.
8. Dozhnikov A.V. Online learning as e-learning: quality and outcomes: a critical analysis // Higher Education in Russia. 2020. Vol. 29. No. 12. pp. 21–32. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-12-21-32.
9. Zhukova T.A. Multiculturalism and education: problems and prospects // Young Scientist. 2016. No. 5.6(109.6). pp. 41–44.
10. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2022. 784 p.
11. Koryakina A.A. Multicultural education: a historical perspective // Internet Journal "World of Science". 2017. Vol. 5. No. 6. С. 15–23.
12. The Crisis of Multiculturalism and Problems of National Policy / ed. by M.B. Pogrebinsky, A.K. Tolpygo. Moscow: Ves Mir, 2013. 400 p.
13. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. Moscow: Hyperboarea; Kuchkovo Pole, 2007. 464 p.
14. Pashkov M.V., Pashkova V.M. Problems and risks of digitalization of higher education // Higher Education in Russia. 2022. Vol. 31. No. 3. pp. 40–57. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-22-3-40-57.
15. Usachev A.S., Mayorova L.N. The problem of multiculturalism in science and modern education // Forum of Young Scientists. 2022. No. 6(70). pp. 311–314.
16. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London; New York: Verso, 2000.
17. Citizenship and National Identity: From Colonialism to Globalism / ed. by T.K. Oommen. New Delhi; Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1997. 324 p.
18. Critical Multiculturalism: Rethinking Multicultural and Antiracist Education / ed. by S. May. London; Philadelphia: Falmer Press, 1999. 296 p.
19. Dirlik A. The Postcolonial Aura: Third World Criticism in the Age of Global Capitalism // Critical Inquiry. 1994. Vol. 20. No. 2. pp. 328–356. DOI: 10.1086/448714.
20. Hollinger D.A. Cosmopolitanism and Solidarity: Studies in Ethnoracial, Religious, and Professional Affiliation in the United States. Madison: University of Wisconsin Press, 2006. 240 p.
21. Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Clarendon Press, 1995. 280 p.

22. Multicultural Australia: The Next Step: Towards and Beyond 2000: A Report of the National Multicultural Advisory Council. Canberra: Australian Government Publishing Service, 1995. viii, 54 p.

23. Multiculturalism and Citizenship Canada. Ideals and Reality: Eliminating Racial Discrimination in Canada. Ottawa: Minister of Supply and Services Canada, 1989. pp. 3–11.

24. Noble D.F. Digital Diploma Mills: The Automation of Higher Education // First Monday. 1998. Vol. 3. No. 1. P. 23–29

25. Photopoulos P., Tsonos C., Stavrakas I., Triantis D. Remote and In-Person Learning: Utility Versus Social Experience // SN Computer Science. 2023. Vol. 4. P. 25–36.

26. Ralón L. From Global Village to Global Theater: The Late McLuhan as a Philosopher of Difference, Sense, and Multiplicities // Review of Communication. 2017. Vol. 17. No. 4. pp. 303–319.

27. Said E.W. Orientalism. New York: Vintage Books, 1979. 368 p.

28. Suleri J.I., Suleri A.J. Comparing Virtual Learning, Classical Classroom Learning and Blended Learning // European Journal of Sustainable Development Research. 2019. Vol. 3. No. 1. P. 1–8.

29. Text and Nation: Cross-Disciplinary Essays on Cultural and National Identities / ed. by L. García-Moreno, P.C. Pfeiffer. Columbia, SC: Camden House, 1996. 212 p.

Историческая концептуализация проблемы духовно-культурной безопасности: этапы и концепции

Камышев Леонид Алексеевич,

аспирант кафедры истории и философии РЭУ имени

Г.В. Плеханова

E-mail: lkamyshev@yandex.ru

В статье рассмотрена эволюция проблемы духовно-культурной безопасности от представлений о порядке в пространстве духовной жизни, нравственности и справедливости – к современному пониманию безопасности как условию сохранения культурной идентичности, ценностной преемственности и устойчивости социальной среды.

Выделены основные этапы концептуализации проблемного поля духовно-культурной безопасности: классический, национально-культурный, идеолого-государственный, постсоветский и интегративно-междисциплинарный, а также подходы к исследованию данной проблемы: охранительный, идентификационный, аксиологический и социально-экофилософский. На основе экофилософской методологии духовно-культурная безопасность интерпретируется не только как защита от угроз, но и как условие оздоровления мира человека, культуры и общества, а также как внутреннее основание проектирования будущего России.

Ключевые слова: будущее России, духовно-культурная безопасность, социальная философия, ценности, идентичность, культурная преемственность, онтологическая безопасность, экофилософия, социально-экологическое проектирование.

В современной России в условиях стремительных социальных и геополитических трансформаций проблема духовно-культурной безопасности приобрела обновленное и более весомое значение. Сегодня обще-цивилизационный контекст жизни таков, что задачи социокультурного проектирования уже не сводятся исключительно к сохранению культурного наследия, исторической памяти или традиционных ценностей. В широком социально-философском смысле они оказываются связанными со способностью общества сохранять внутреннюю целостность и стабильность внешних связей, воспроизводить ценностно-онтологические основания своего бытия, культурные коды и формировать более сложный образ будущего, в котором конкретизируется связь между прошлым, настоящим и перспективами развития. Для России и Русского мира в целом этот вопрос имеет принципиальное значение, поскольку проектирование будущего не может быть сведено только к технологическим, экономическим или административно-политическим решениям, а предполагает обращение и к духовным и культурным основаниям, которые определяют качество социальной среды, содержание общественных связей, уровень доверия, формы воспитания, самоидентификации и самоопределения личности.

Актуальность темы особенно усиливается потому, что современное общество находится под воздействием разнонаправленных и противоречивых ценностно-смысловых процессов. С одной стороны, возрастают возможности научно-технического, информационного и институционального развития субъектов, а с другой, тренды указывают на усиление рисков социальной атомизации, культурной фрагментации, ценностной дезориентации, разрыва межпоколенческой преемственности и подмены устойчивых ориентиров ситуативно-утилитарными или манипулятивными конструкциями. В этих условиях, в том числе предельно жесткой информационной войны, духовно-культурная безопасность понимается далеко не только как защита от внешних угроз, а все в большей степени связывается с состоянием самой социальной и культурной среды, в которой формируется человек, его мировоззрение, осуществляется нравственный выбор и способность к ответственному участию в жизни общества.

Не случайно, поэтому, «в условиях нарастающей геополитической нестабильности и санкционного давления на Россию, интерес к традиционным ценностям в российском обществе значительно возрос. Политическая и экономическая ситуация в мире, взаимоотношения России с другими государствами на международной арене, а также информационная война, направленная на подрыв традиционных ценностей, заставили многих осознать важность сохранения своей самобытности и культурного кода» [1, с. 2]. Именно поэтому обращение к исторической концептуализации проблемы духовно-культурной безопасности представляется особенно востребованным.

Как отмечает Е.А. Попов, «вопрос о духовной безопасности в контексте современного культурно-цивилизационного развития поднимается довольно часто по вполне объективным причинам: во-первых, нарастание конфронтации стран, культур и народов, «пересмотр» западных образцов мировоззрения и ценностей диктует необходимость поиска механизмов обеспечения духовной безопасности человека и общества, во-вторых, политизация, экономизация и юридизация многих сторон человеческого коллективного и индивидуального бытия способствует процессу «центрации» ценностей, который нидерландский исследователь А. Хаген характеризует как мощное перераспределение ключевых ценностей из пространства культуры в пространство цивилизации, что безусловно влияет на изменения в ценностно-нормативной системе, смещение ценностных приоритетов, а следовательно, повышает риски усугубления кризиса культуры» [2].

Само понятие и его содержание складывалось постепенно, на пересечении философских, религиозных, культурологических, социологических и политико-правовых представлений о порядке, нравственности, идентичности, преемственности и устойчивости общества. На ранних этапах в центре находились в большей степени идеи духовного порядка, добродетели, справедливости и сохранения целостности общины. В дальнейшем акцент смещался к проблемам культурной самобытности, национальной традиции, исторической памяти, воспитания и защиты ценностного ядра общества. В постсоветский период понятия духовной, культурной и национальной безопасности получили новое

звучание в связи с кризисом прежней системы ценностей и необходимостью поиска оснований общественной консолидации. Сегодня, когда основания духовно-культурной безопасности подвержены внутренним и внешним трансформациям, «отменяем» русской культуры и русского языка в ряде стран, возникают угрозы сохранения социальной целостности в ее аксиологическом измерении и необходимы решения обеспечения самой безопасности для нового прогрессивного развития культуры России в позиции настоящего и будущего.

Методологически значимым для такого понимания выступает экофилософский подход, разрабатываемый в трудах Э.В. Барковой. «Экофилософия возрождает и актуализирует в новых условиях вечную, исходную, основную и никогда не утрачивающую своей актуальности проблему философии – места человека в мире; гармонического единства и дисгармонии человека и мира, человека и природы, космоса как целостности. Эта целостность проявляется в непрерывности и бесконечности переходов общих форм бытия, всех уровней живого, связывая человека и его единую первую и вторую природу в общий организм, или метациелность» [3, с. 150]. В логике экофилософии духовно-культурная безопасность может быть осмыслена не только как защита от разрушительных воздействий, но и как условие оздоровления мира человека, культуры и общества. Экофилософия позволяет рассматривать человека не изолированно, а в системе связей с природой, социальной средой, культурой и духовными основаниями бытия. Поэтому историческое исследование концепций духовно-культурной безопасности важно не только для уточнения понятийного аппарата, но и для выявления тех оснований, на которых может строиться социально-экологическое проектирование будущего России.

Целью настоящей статьи является выявление основных этапов и концептуальных линий исторического становления проблемы духовно-культурной безопасности в контексте социальной философии и социально-экологического проектирования будущего России. Для ее достижения при первом приближении сделаем попытку рассмотреть историко-философские предпосылки этого понятия и выделить ключевые этапы его концептуализации, подчеркнув значение социально-экофилософской методологии для ее современного осмысления.

Подчеркнем, что понятие духовной безопасности в российской науке не имеет единого определения и трактуется по-разному в зависимости от исходных методологических позиций авторов. Так, Ю.В. Кокарева, Н.В. Миронова, рассматривая проблему духовной безопасности в современной России и ее социальный и нравственный аспекты, фиксируют одновременное существование ряда несводимых друг к другу подходов к понятию. Например, А.И. Хвыля-Олинтер определяет ее как «состояние защищенности жизненно важных духовных интересов и потребностей личности, семьи, общества и государства», а также «способность личности, семьи, общества и государства сохранять и развивать позитивную (созидательную) духовность» [4]. А.С. Запесоцкий – как систему условий, позволяющей культуре и обществу сохранять свои жизненно важные параметры в пределах исторически сложившейся нормы. А.А. Возмитель характеризует духовную безопасность как специфическую составную «часть национальной безопасности... процесс сохранения и видоизменения идей, идеалов, ценностей, норм и традиций, господствующих в обществе... в целях социального воспроизводства» [4].

Сами авторы – Кокарева Ю.В. и Миронова Н.В. – предлагают следующее интегративное определение: духовная безопасность – «состояние, выражающееся в отсутствии или ослаблении внешних и внутренних угроз, а также возможности противодействия им при помощи культурных и нравственных ценностей, национальных традиций и религиозных устоев» [4].

Очевидно, что историческая концептуализация духовно-культурной безопасности представляет собой процесс постепенного усложнения представлений о том, что именно в социальной и культурной сферах – какие коды, ценности, установки и т.д. – нуждаются в защите и сохранении в жизни общества. Если на ранних этапах речь шла преимущественно о поддержании религиозного, нравственного и социального порядка, то в дальнейшем в центр внимания все больше выходили вопросы культурной идентичности, исторической памяти, ценностной преемственности, духовного состояния личности и качества социальной среды. При этом подчеркнем, что современное понятие духовно-культурной безопасности не является простой суммой прежних представлений о морали, религии, культуре или национальной безопасности, а представляет собой результат длительной исторической эволюции, в ходе которой менялись и сами угрозы, и способы их осмысления.

В истории философской мысли проблема безопасности была предметом изучения широкого круга авторов, и упоминается уже в античной философии Сократом, Платоном, Аристотелем, Эпикуром,

в Средние века – Августином, в Новое время – Н. Макиавелли, Ф. Бэконом, Т. Гоббсом, Д. Локком, Ж.Ж. Руссо, Б. Спинозой, И. Кантом. А в XIX в. о системе национальной и государственной национальности писали Г. Гегель, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, К. Маркс, сформировавшие широкий круг представлений о различных типах безопасности [5, с. 280].

Ранний этап в историографии понятия «духовно-культурной безопасности» можно условно обозначить как классический, включающий античную и средневековую трактовку. Для него характерно понимание безопасности через сохранение целостного порядка жизни, основанного на представлениях о благе, справедливости, добродетели и духовной иерархии. Уже в античности безопасность рассматривалась как одно из оснований общественной жизни. Сократ связывал ее с самой причиной объединения людей: стремлением избежать угроз и обеспечить устойчивое существование побуждает индивидов вступать в общественные связи. У Платона безопасность получает уже отчетливо государственное измерение. Он понимал ее как преодоление опасности через объединение людей в упорядоченное целое, где защита обеспечивается не только военной силой, но и системой воспитания, социальных институтов и нравственного формирования граждан. Аристотель также рассматривал безопасность как задачу государства: полис должен защищать граждан, поскольку без фактической защищенности невозможны ни справедливость, ни общее благо. У Эпикура безопасность приобретает статус высшей ценности: она оказывается условием спокойной и удовлетворенной жизни, превосходящим отдельные удовольствия.

В римской философии происходит важное различие между безопасностью государства и безопасностью отдельного человека. Цицерон определял безопасность через естественное стремление всякого живого существа к самосохранению, защите жизни и избеганию боли и вреда. Сенека, в свою очередь, усилил личностно-этический аспект этой проблемы, рассматривая безопасность не отвлеченно, а в связи с конкретными обстоятельствами человеческой жизни, внутренней устойчивостью и способностью сохранять самообладание.

Средневековая мысль дополнила понимание безопасности религиозно-духовным измерением. У Августина акцент переносится с внешней защищенности на внутреннее состояние человека. Подлинная безопасность ассоциируется с состоянием духа, доверием к высшему порядку и ощущением защищенности перед лицом земных угроз. Однако в средневековой традиции проблематика безопасности в духовно-культурном измерении оставалась преимущественно в рамках церковного сознания и еще не получила самостоятельной социально-философской разработки.

На данном этапе еще нет специального понятия духовно-культурной безопасности, однако уже формируется важнейшая предпосылка: общество может быть устойчивым только тогда, когда его внутренний мир не разрушен нравственно и ценностно. Иными словами, опасность мыслится не только как внешнее нападение или политический беспорядок, но и как потеря духовной основы совместной жизни.

Следующий этап можно определить, как национально-культурный. Он связан с развитием представлений о культуре как носителе исторической памяти, самобытности и преемственности народа.

Макиавелли одним из первых показал, что безопасность зависит не только от силы правителя, но и от его способности учитывать характер, культуру и волю народа. Для него безопасность государства невозможна без связи политического управления с национальной жизнью.

В дальнейшем эта линия развивается у Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка, Б. Спинозы, Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо. В их концепциях безопасность связывается с задачами национального государства, общественного договора, правового порядка, благосостояния и защиты граждан. Особенно важным становится представление о том, что общественная безопасность невозможна без согласования власти, закона, гражданского спокойствия и культурных оснований народной жизни.

К. Маркс радикально сместил фокус анализа безопасности на экономические отношения. Для него главной угрозой выступало социальное неравенство, отчуждение от собственности и эксплуатация, а сама проблема безопасности переведена в плоскость социальной справедливости, собственности и материальных условий жизни.

В целом в XIX – первой половине XX века все более значимой становится мысль о том, что народ существует не только как политическое или территориальное сообщество, но и как культурно-историческая целостность. Значительное влияние в этот период оказали идеи национального государства. И. Блюнчли и П. Манчини обосновывали право каждой нации на собственное государственное существование, способное защищать независимость, собственность и права граждан.

Г. Еллинек рассматривал нацию как историко-культурное единство, основанное на общем прошлом и самосознании. Л. Дюги подчеркивал социальную природу нации, видя ее результатом длительного исторического процесса, экономических связей и борьбы за единство.

В XX веке в работах Т. Адорно, М. Хоркхаймера, П. Бурдьё, Х. Ортеги-и-Гассета, М. Маклюэна, Ю. Хабермаса и других мыслителей анализируются угрозы, связанные с массовой культурой, кризисом идентичности, разрушением культурных кодов, утратой наследия и трансформацией коммуникационных сред. Культурная безопасность начинает пониматься как способность общества сохранять собственную целостность, язык, традиции, ценностные основания и формы коллективной памяти.

В русской философской традиции проблема духовности получила самостоятельное глубокое звучание в трудах философов В.С. Соловьева, Н.Ф. Федорова и других. Для русской мысли характерно стремление рассматривать человека не изолированно, а в связи с целым – народом, культурой, историей, природой, духовным предназначением. Так, «центральной темой философии В.С. Соловьева становится идея единства человечества. Он утверждает, что все народы представляют собой части одного большого целого, и каждый выполняет свою роль. Россия, по его мнению, призвана стать посредником между Востоком и Западом, помочь примирить их противоположности» [6, с. 52]. Идеи соборности, нравственного служения, ответственности личности перед общим делом, духовной свободы и культурной преемственности создают важную основу для современного понимания духовно-культурной безопасности. В этом контексте безопасность может быть понята не только как защита от угроз, но и как сохранение тех форм совместной жизни, в которых человек способен реализовать себя как нравственное и культурное существо.

Советский период характеризуется особым отношением к проблеме безопасности и может быть обозначен как идеолого-государственный. В это время духовная и культурная сферы становятся объектом целенаправленного социального проектирования, ведется попытка сформировать определенный тип человека – всесторонне развитого в материалистической парадигме, систему общественной морали, коллективной идентичности, воспитания и культурной мобилизации. Этот период дал мощные институты образования, развития высокой культуры в контексте социального идеала, просвещения, социальной солидарности и участия человека в коллективных формах жизни. Однако безопасность ценностной сферы часто понималась односторонне как защита от буржуазных идей и образов, тем самым формируя дополнительный интерес к ней как к «запрещенному».

В советской гуманитарной мысли феномен безопасности в духовно-культурном измерении не был оформлен как самостоятельное исследовательское направление в современном терминологическом смысле. Однако целый ряд философов, культурологов, филологов и социологов культуры разрабатывал проблематику, которая позднее стала теоретической основой исследований культурной и духовной безопасности. Наиболее близко к данной теме подошел Д.С. Лихачев в концепции «экологии культуры», где сохранение культурной среды, исторической памяти и нравственной ответственности рассматривалось как условие полноценного духовного существования общества. Ю.М. Лотман раскрыл механизмы культурной памяти и семиотического воспроизводства культуры, что позволяет интерпретировать безопасность как способность общества сохранять и передавать смысловые коды. Э.С. Маркарян рассматривал культуру как адаптивный механизм человеческого общества, обеспечивающий устойчивость социальных форм и преемственность опыта. М.С. Каган и В.М. Межуев анализировали культуру как целостную систему человеческой деятельности, ценностей, исторического самосознания и духовного производства. Л.Н. Коган исследовал духовное воспроизводство, развитие личности и ценностные основания культуры. В совокупности эти подходы позволяют говорить не столько о целенаправленной проблеме духовно-культурной безопасности в советской науке, а о формировании методологических предпосылок для ее последующей разработки.

Содержание постсоветского периода 1990-х – 2010-х годов определяется разрушением многих привычных форм социальной солидарности, ослаблением доверия и резкой сменой ценностных ориентиров.

Именно в этот период понятия духовной, культурной и национальной безопасности начинают активно входить в научный и общественный оборот. Они становятся ответом на переживание ценностной дезинтеграции, социальной атомизации, коммерциализации культуры, информационного давления и неопределенности национальной идентичности.

«Национальная безопасность является многогранным явлением, которое имеет неоднозначное толкование в силу заимствования его наименования из иностранных источников в период становления но-

вого для наших стран в 1990-е годы научного направления, названного «теорией национальной безопасности»» [7].

В постсоветском контексте духовно-культурная безопасность все чаще рассматривается как условие сохранения общества от внутренней угрозы распада, а не только как элемент государственной политики. Возникает потребность в теоретическом языке, способном описать угрозы, связанные с утратой смыслов, ослаблением нравственных норм, разрывом поколений и снижением качества культурной среды.

Следующий уже относительно недавний этап можно назвать интегративно-междисциплинарным. Он охватывает преимущественно 2010–2020-е годы и связан с попытками преодолеть одностороннее понимание духовной безопасности как исключительно политической, религиозной или идеологической категории. В современных исследованиях все заметнее стремление рассматривать духовно-культурную безопасность как сложное явление, включающее социальный, нравственный, культурный, образовательный, информационный и антропологический аспекты. В центре внимания оказываются не только угрозы, но и условия нормального развития человека и общества: состояние семьи, школы, университета, медиа, культурных институтов, общественной коммуникации, исторической памяти.

Современный этап продолжает эти тенденции, но особым акцентом теперь выступают традиционные ценности как основа национальной безопасности в духовно-культурном отношении.

«В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 года отмечается, что защита традиционных духовно-нравственных основ в современных условиях приобретает жизненно важное значение для развития российской государственности, а «сохранение российской самобытности, культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и патриотическое воспитание граждан будут способствовать дальнейшему развитию демократического устройства Российской Федерации и ее открытости миру». Укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также сохранение культурного и исторического наследия народа России впервые было объявлено национальным интересом» [7].

Историческое становление проблемы духовно-культурной безопасности позволяет выделить не только этапы ее развития, но и несколько устойчивых концептуальных линий. Они не всегда существуют в чистом виде: в реальных исследованиях и общественных практиках эти подходы часто пересекаются. Однако их типологическое разграничение важно, поскольку позволяет увидеть, какие именно стороны духовно-культурной безопасности оказываются в центре внимания: защита от угроз, сохранение идентичности, устойчивость ценностей, качество социальной среды или проектирование будущего.

Одной из наиболее распространенных является охранительная концепция. В ее рамках духовно-культурная безопасность понимается прежде всего, как защита общества от разрушительных воздействий – идеологических, информационных, нравственных, культурных. Сильная сторона данного подхода состоит в том, что он позволяет фиксировать реальные риски: манипуляцию сознанием, девальвацию базовых ценностей, размывание исторической памяти, агрессивное воздействие массовой культуры, ослабление традиционных институтов воспитания.

Так, по словам П.Л. Мареева, «Решение вопроса обеспечения национальной безопасности в целом зависит в ближайшей перспективе не столько от улучшения экономической ситуации, ... сколько от того, по какому пути самоидентификации пойдет большинство населения страны, сумеет ли сохранить традиционные духовно-нравственные ценности, изменится ли кардинальным образом государственная политика в сфере культуры, образования, миграции» [7].

Вместе с тем охранительная модель имеет и очевидное ограничение. Если духовно-культурная безопасность сводится только к защите от внешних или внутренних угроз, она может утратить созидательный смысл и превратиться в систему запретов и контроля. Поэтому данный подход нуждается в дополнении более широкими социально-философскими основаниями.

Близкой к охранительной, но более содержательно насыщенной является идентификационная концепция. В ее центре находится проблема сохранения культурной и цивилизационной идентичности общества. Здесь духовно-культурная безопасность связывается с исторической памятью, языком, культурным кодом, преемственностью поколений, национальной традицией и способностью общества сохранять свое своеобразие в условиях глобализации. Для России этот подход имеет особое значение, поскольку российское общество исторически складывалось как многонациональное и многоконфессиональное. Поэтому духовно-культурная безопасность не может пониматься как механическое сохранение одного культурного образца. Она предполагает удержание общего ценностного основания при признании культурного

многообразия, исторической сложности и многослойности российской идентичности.

По мысли С. В. Дрожжиной, «осознавая собственное место в мире, человек формирует систему представлений о себе и об окружающем мире, о комплексе своих прав и обязанностей, соотносит свой статус со статусом других членов общества, то есть идентичность не дается человеку от рождения, она формируется на протяжении всей жизни» [9, с. 238].

Особое место занимает аксиологическая концепция, в рамках которой духовно-культурная безопасность рассматривается через устойчивость базовых ценностей общества. В этом подходе главным становится вопрос о том, какие ценности обеспечивают жизнеспособность социальной системы и делают возможным ее нормальное воспроизводство. Речь идет сегодня о приоритете традиционных ценностей и их трансляции в целях обеспечения национальной безопасности.

«Сохранение и защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, формирование и развитие идентичности гражданина Российского государства-цивилизации определены в поправках к Конституции РФ от 01.07.2022, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 02.07.2021, в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей от 09.11.2022, в Концепции внешней политики РФ от 31.03.2023, в новой редакции ФЗ от 23.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (от 25.12.2023), в Основах государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения от 08.05.2024 № 314» [9, с. 239].

Аксиологический подход позволяет показать, что духовно-культурная безопасность начинается не с административного регулирования, а с культуры общества. Если это ядро разрушается или становится внутренне противоречивым, общество может сохранять внешние институты, но постепенно терять смысловую устойчивость.

«Исследования в области межнациональных отношений утверждают, что объединение такого количества людей [более 160 народностей, проживающих в России – прим. авт.] возможно только при условии наличия общей идеи социального развития, совместной деятельности во всех сферах жизни: экономической, социальной, политической, духовной и культурной. Высокий уровень межнациональных отношений позволит сформироваться такой цивилизации, которая будет направлена на сохранение природной среды, экологического баланса, позволит избежать ядерных и гуманитарных катастроф» [10, с. 91].

В рамках экофилософской методологии духовно-культурная безопасность может быть рассмотрена как условие оздоровления не только ценностной сферы, но и всего мира человека – его образования, культуры, коммуникаций, социальной среды и отношения к будущему. Такой подход позволяет уйти от узко охранительной модели природы-человека. Безопасность здесь понимается как восстановление целостности человека и общества, формирование здоровой смысловой среды, укрепление популяционного здоровья нации, включая его творческое, духовное, интеллектуальное измерения, развитие способности к ответственному и творческому участию в жизни культуры. В этом отношении экофилософский подход открывает возможность связать историческое понимание духовно-культурной безопасности с задачами социально-экологического проектирования будущего России. Для современной России это особенно важно, поскольку духовно-культурная безопасность становится не только средством защиты от угроз, но и основанием для формирования более здоровой, устойчивой и человекообразной социальной среды.

Так, по мысли Э. В. Барковой, «ответ России на гуманитарные и социально-экономические вызовы современного мира невозможен вне ее самоопределения на основе обновленной картины мира, логика которой связана с движением философской мысли от приоритетов инноваций в сфере технологий к приоритетам преображения Человека, его знаний, мироотношения и Культуры. Думается, рефлексия оснований такой востребованной сегодня философии, преодолевающей фрагментарность информационного детерминизма ее современного пространства-времени и отрыв концептуального аппарата от уровня развития фундаментальной науки, ориентирует мысль на поиск целеполагающих стратегий» [8, с. 234].

В рамках этого подхода безопасность связана с целостностью мира человека, общества, культуры и природы, а также с качеством тех связей, которые обеспечивают жизнеспособность этой целостности. С позиций экофилософии духовно-культурная безопасность не может быть сведена ни к государственной охране ценностей, ни к сохранению культурной памяти, ни к поддержанию социальной стабильности. Она предполагает более глубокий уровень – оздоровление среды человеческого бытия, восстановление смысловых связей, развитие культуры

ответственности, формирование целостного мировоззрения и способности человека жить не разрушая себя, других людей и пространство своей культуры.

В таком понимании духовно-культурная безопасность приобретает проективное значение. Она ориентирует общество не только на сохранение уже имеющегося культурного наследия, но и на создание условий для нового качества общественной жизни. Это особенно важно в контексте социально-экологического проектирования будущего России. Если социальная экология понимается как оздоровление общества, то духовно-культурная безопасность становится одним из главных критериев такого оздоровления. Она показывает, насколько социальная среда способствует развитию человека, укреплению доверия, сохранению культурной преемственности, формированию ответственного отношения к будущему.

Для более полного осмысления проблемы духовно-культурной безопасности важно учитывать не только российскую научную традицию, но и зарубежные подходы, в которых близкие вопросы рассматриваются в иной терминологии. В англоязычном исследовательском поле категория «духовно-культурная безопасность» практически не имеет прямого аналога в том виде, в каком она сложилась в российском дискурсе. Однако целый ряд направлений – cultural security (культурная безопасность), ontological security (онтологическая безопасность), constructivist security studies (конструктивистский подход к изучению безопасности) – позволяет расширить теоретический контекст исследования и показать, что проблема защиты и воспроизводства смыслов, идентичности и культурной устойчивости является не локальной, а общецивилизационной.

Одним из наиболее близких направлений выступает концепция культурной безопасности – cultural security. Приведем определение китайских исследователей: «Культурная безопасность – понятие, которое, хотя и получило формально-теоретическое осмысление в последние десятилетия, укоренено в устойчивых человеческих потребностях в сохранении идентичности и защите культурного наследия, – направлена на охрану культурных структур от дестабилизирующих сил. В современных глобализованных системах такая защита все чаще пересекается с проблемами социальной справедливости, поскольку трансграничные нормы взаимодействуют с локальными социокультурными практиками, складывавшимися на протяжении столетий, а иногда и вступают с ними в противоречие» [11].

В широком смысле в зарубежном понимании культурная безопасность связана с сохранением локальной культурной идентичности, языка, исторической памяти, символических форм и образов жизни различных сообществ в условиях глобализации, миграционных процессов, информационного давления и унификации культурных практик.

Вместе с тем российское понятие духовно-культурной безопасности шире, чем распространенное в зарубежной литературе представление о cultural security. Если культурная безопасность в западном дискурсе чаще всего связывается с правом сообществ на сохранение культурной идентичности и наследия, то духовно-культурная безопасность включает также нравственное, аксиологическое и мировоззренческое измерения. Иначе говоря, речь идет не только о защите культуры как формы самобытности, но и о сохранении тех ценностно-смысловых оснований, которые определяют направление развития общества, качество воспитания, характер социальных отношений и представления о должном будущем.

Значительный интерес для рассматриваемой темы представляет также концепция онтологической безопасности. «Онтологическая безопасность определяется как «безопасность бытия», как базовая человеческая потребность и как эмоциональное состояние. Она исходит из положения о том, что акторы могут бояться глубокой неопределенности как угрозы идентичности, а такая неопределенность способна угрожать их способности действовать, то есть их агентности» [12].

В отличие от традиционных подходов, сосредоточенных на физической, военной или политической защищенности, онтологическая безопасность обращает внимание на потребность личности и общества в устойчивом ощущении смысловой непрерывности своего существования. Для человека и общества важно не только быть защищенными от прямых угроз, но и сохранять понимание того, кто они, откуда происходят, к какому культурному целому принадлежат и каким образом могут соотнести свое прошлое с будущим. При разрушении такой смысловой непрерывности возникает состояние тревоги, неопределенности и утраты доверия к миру.

Эта концепция особенно близка проблематике духовно-культурной безопасности, поскольку позволяет объяснить, почему кризис идентичности, обесценивание исторической памяти или разрушение базовых ценностей имеют не только культурные, но и социально-

экзистенциальные последствия. Общество, утратившее устойчивое представление о себе, становится уязвимым перед манипулятивными воздействиями, фрагментацией и внутренней дезинтеграцией. В этом смысле духовно-культурная безопасность может быть понята как одна из форм обеспечения онтологической устойчивости общества, то есть его способности сохранять связь между прошлым, настоящим и образом будущего.

С конструктивистской точки зрения безопасность также рассматривается не как объективно заданная реальность, а как результат социального конструирования. Угрозы становятся общественно значимыми не только потому, что они существуют фактически, но и потому, что они определенным образом осмысляются, называются, интерпретируются и включаются в публичный дискурс. Этот подход помогает увидеть, что духовно-культурная безопасность зависит от того, какие смыслы общество придает своим ценностям, традициям, исторической памяти и образу будущего. Тем самым безопасность оказывается связанной с языком, символами, институтами образования, медиа и культурной политикой.

В сопоставлении с российской традицией становится очевидно, что категория духовно-культурной безопасности обладает значительным интегративным потенциалом. Она соединяет то, что в зарубежных исследованиях часто рассматривается раздельно: культурную идентичность, онтологическую устойчивость, ценностную преемственность, социальную консолидацию и критическое осмысление угроз.

Таким образом, духовно-культурная безопасность может быть определена как исторически развивающаяся система знаний и практик, обеспечивающих сохранение, воспроизводство и обновление ценностно-смысловых оснований общества, его культурной идентичности, нравственной устойчивости и способности к созидательному будущему. В социально-экологическом измерении она выступает не просто дополнением, а важным основанием проектирования будущего России, поскольку именно через нее определяется здоровье социальной среды, всех субъектов и возможность устойчивого развития общества.

Литература

1. Ананичева С. Р., Лебедева К.Д. Традиционные ценности как фактор сохранения и единения современной России // Ученые заметки ТОГУ. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-tsennosti-kak-faktor-sohraneniya-i-edineniya-sovremennoy-rossii-2> (дата обращения: 17.05.2026).
2. Попов Е.А. Духовная безопасность в условиях современного культурно-цивилизационного развития // Социодинамика. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnaya-bezopasnost-v-usloviyah-sovremennogo-kulturno-tsivilizatsionnogo-razvitiya> (дата обращения: 17.05.2026).
3. Баркова Э.В. Жизнетворческая миссия экофилософии в горизонте тенденций современности // Право и практика. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznetvorcheskaya-missiya-ekofilosofii-v-gorizonte-tendentsiy-sovremennosti> (дата обращения: 17.05.2026).
4. Кокарева Ю.В., Миронова Н.В. «Проблема духовной безопасности в современной России: социальный и нравственный аспекты» // Манускрипт. 2025. Т. 18. Вып. 2. С. 585–593.
5. Кононов С.В. Концептуальное осмысление феномена безопасности в западной философии // Социология. 2020. № 4. С. 280–289.
6. Кожаева М.Н., Чернышева А.В. Русская идея: от классических философских концепций к современным интерпретациям // Гуманитарный вестник. 2025. № 3 (113). С. 50–60.
7. Мареев П.Л. Безопасность в духовно-нравственной и историко-культурной сферах на пространстве СНГ как отдельный вид национальной безопасности // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2024. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnost-v-duhovno-nravstvennoy-i-istoriko-kulturnoy-sferah-na-prostranstve-sng-kak-otdelnyy-vid-natsionalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 17.05.2026).
8. Баркова Э.В. Экофилософия в перспективах развития общества знаний: основы культуры Возрождения XXI века // Право и практика. 2023. № 4. С. 234–241.

9. Дрожжина С.В. Идентичность Российского государства-цивилизации как фактор обеспечения духовно-культурной безопасности (экофилософский взгляд) // Kant. 2025. № 1 (54). С. 237–245.

10. Узлова Н.В. Духовные и культурные ценности в парадигме национальной безопасности // Общество: философия, история, культура. 2023. № 4 (108). С. 89–91.

11. Meng H., Wang Z., Li X., Sun J. Cultural security in the context of globalization: A bibliometric analysis and trend exploration // *International Journal of Intercultural Relations*. 2025. Vol. 108. Article 102234. ISSN 0147-1767. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2025.102234.

12. Von Wirth T. Ontological (in)security and sustainability transitions: A theoretical perspective and future research prospects // *Environmental Innovation and Societal Transitions*. 2025. Vol. 57. Article 101042. ISSN 2210-4224. DOI: 10.1016/j.eist.2025.101042.

HISTORICAL CONCEPTUALIZATION OF THE PROBLEM OF SPIRITUAL AND CULTURAL SECURITY: STAGES AND CONCEPTS

Kamyshov L.A.

Plekhanov Russian University of Economics

This article examines the evolution of the problem of spiritual and cultural security, moving from notions of order in the space of spiritual life, morality, and justice to a modern understanding of security as a condition for preserving cultural identity, value continuity, and the stability of the social environment.

The article highlights the main stages of conceptualizing the problematic field of spiritual and cultural security: classical, national-cultural, ideological-state, post-Soviet, and integrative-interdisciplinary. It also examines approaches to researching this problem: protective, identification, axiological, and socio-ecophilosophical. Based on ecophilosophical methodology, spiritual and cultural security is interpreted not only as protection from threats but also as a condition for the healing of the human world, culture, and society, as well as an internal foundation for designing Russia's future.

Keywords: future of Russia, spiritual and cultural security, social philosophy, values, identity, cultural continuity, ontological security, ecophilosophy, social and ecological design.

References

1. Ananicheva S. R., Lebedeva K.D. Traditional Values as a Factor in the Preservation and Unity of Contemporary Russia. *Uchenye zametki TOGU*, 2024, № 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-tsennosti-kak-faktor-sohraneniya-i-edineniya-sovremennoy-rossii-2> (accessed: 17.05.2026).
2. Popov E.A. Spiritual Security in the Context of Contemporary Cultural and Civilizational Development. *Sociodynamics*, 2023, № 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnaya-bezopasnost-v-usloviyah-sovremennogo-kulturno-tsivilizatsionnogo-razvitiya> (accessed: 17.05.2026).
3. Barkova E.V. The Life-Creating Mission of Ecophilosophy in the Horizon of Contemporary Trends. *Law and Practice*, 2017, № 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznetvorcheskaya-missiya-ekofilosofii-v-gorizonte-tendentsiy-sovremennosti> (accessed: 17.05.2026).
4. Kokareva Yu. V., Mironova N.V. The Problem of Spiritual Security in Contemporary Russia: Social and Moral Aspects. Manuscript, 2025, vol. 18, issue 2, pp. 585–593.
5. Kononov S.V. Conceptual Understanding of the Phenomenon of Security in Western Philosophy. *Sociology*, 2020, № 4, pp. 280–289.
6. Kozhaeva M. N., Chernysheva A.V. The Russian Idea: From Classical Philosophical Concepts to Contemporary Interpretations. *Humanitarian Bulletin*, 2025, № 3 (113), pp. 50–60.
7. Mareev P.L. Security in the Spiritual-Moral and Historical-Cultural Spheres in the CIS Space as a Separate Type of National Security. *International Cooperation of Eurasian States: Politics, Economics, Law*, 2024, № 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnost-v-duhovno-nravstvennoy-i-istoriko-kulturnoy-sferah-na-prostranstve-sng-kak-otdelnyy-vid-natsionalnoy-bezopasnosti> (accessed: 17.05.2026).
8. Barkova E.V. Ecophilosophy in the Prospects for the Development of the Knowledge Society: Foundations of the Culture of the Renaissance of the 21st Century. *Law and Practice*, 2023, № 4, pp. 234–241.
9. Drozhzhina S.V. The Identity of the Russian State-Civilization as a Factor in Ensuring Spiritual and Cultural Security: An Ecophilosophical View. *Kant*, 2025, № 1 (54), pp. 237–245.
10. Uzlova N.V. Spiritual and Cultural Values in the Paradigm of National Security. *Society: Philosophy, History, Culture*, 2023, № 4 (108), pp. 89–91.
11. Meng H., Wang Z., Li X., Sun J. Cultural Security in the Context of Globalization: A Bibliometric Analysis and Trend Exploration. *International Journal of Intercultural Relations*, 2025, vol. 108, article 102234. ISSN 0147-1767. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2025.102234.
12. Von Wirth T. Ontological (In)security and Sustainability Transitions: A Theoretical Perspective and Future Research Prospects. *Environmental Innovation and Societal Transitions*, 2025, vol. 57, article 101042. ISSN 2210-4224. DOI: 10.1016/j.eist.2025.101042.

Эволюция человека от состояния «Homo Sapiens» к «Homo Ludens» в пространстве виртуальной культуры: на пути к модели «Homo Deus»

Котляров Евгений Олегович,

аспирант кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины»,
Институт сферы обслуживания и предпринимательства
(филиал) ДГТУ в г. Шахты

В статье доказывается, что человек эволюционировал от состояния «Homo Sapiens» к состоянию «Homo Ludens» посредством создания для себя игрового пространства для тестирования сценариев собственной эволюции в поле массовой виртуальной культуры. При этом, каждый из игровых сценариев становится культурным конструктом, одним из которых является концепт «Homo Ludens». Идея «Homo Ludens» в пространстве массовой культуры находит отражение в произведениях жанра «киберпанк» благодаря использованию техно-романтического языка, который создан посредством модуса элгии. Зритель погружается в свой нарратив, при этом, переживаемые события становятся для него потоком симулякров, поскольку он вовлечен в них эмоционально, но сам ранее их не переживал. Намерение создателя игры заключается в вызове ностальгии у зрителя как попытке восстановить утраченную после кризиса модерна связь с историческими референтами. Автор развивает идею, что переход к состоянию «Homo Ludens» является этапом на пути к модели «Homo Deus».

Ключевые слова: эпоха постмодерна, гиперреальность, Homo Sapiens, Homo Ludens, виртуальная культура, симулякр, концепт «Homo Deus».

Введение

В целом предметом внимания автора статьи выступает идея формирования антропологического конструкта «Homo Deus», детерминированного симбиозом реальной и виртуальной культур. Одним из этапов этого процесса является переход от состояния «Homo Sapiens» к состоянию «Homo Ludens», которому посвящено данное исследование. Исследование антропологического конструкта «Homo Deus» как одного из направлений изучения человека осуществляется в рамках философско-антропологической парадигмы. Данная научная парадигма определяет вектор философского понимания человека как части мироздания и творца собственной самости. В дихотомии «мир-человек» философская антропология делает акцент на человеке, на понимании его сущности и форм существования.

Основным теоретическим постулатом анализа состояния конструкта «Homo Deus» является рассмотрение человека в качестве звена Интернета вещей. Реальность мыслится как гиперреальность, а культура – как пространство моделирования антропологических конструктов. Однако анализ антропологического конструкта «Homo Deus» был бы неполным без рассмотрения переходного звена эволюции от модели «Homo Sapiens» к состоянию «Homo Ludens».

Обсуждение и результаты

Этапом эволюции идеи продвижения человека по пути своего совершенствования выступает формирование новой антропологической модели «Homo Ludens» («человека играющего»), в которой индивид отыгрывает сценарии своей потенциальной эволюции в пространстве информационной, а точнее, виртуальной культуры. Появляется новый антропологический конструкт, о котором пишет Й. Хёйзинга, и который становится объектом рефлексии современной философской антропологии. В публикации А.К. Мамедова, С.Н. Комиссарова, Э.Д. Коркия «Homo Ludens» представлен «как образ комфортного настоящего, когда феномен множественности реальностей с игровым пространством, расширяющимся по мере высвобождения ресурсов сознания от целей биологической проблемы выживания, приходит через возрастающие потребности в Игре как способе существования» [7, с. 118].

О создании собственной идентичности геймера и формировании в его сознании собственного уникального облика пишет В.С. Бабинович [1]; феномен эволюции человека к пост(сверх)человеку в пространстве виртуальной компьютерной реальности раскрывается в исследованиях Д.А. Беляева [2]; У.П. Беляева реализует идею различения видеоигрового Homo Virtualis и сверхчеловека, что позволяет определить ряд важных онтологических ограничителей Homo Virtualis, не позволяющих причислить его к воплощению идеи сверхчеловека [3].

Специфика виртуальной игровой культуры в информационном обществе по сравнению с эпохами, когда не было Интернета, состоит в том, что смысл бытия человека определяет симулякр, который производится в культуре. Образ несуществующего источника смысла о любом объекте реальности, в которой живёт человек, становится манифестацией, в которой скапливаются убеждения, вера, ценности, идеалы, установки и т.д. Именно идея о симулякрах Ж. Бодрийяра позволяет говорить о том эволюционном состоянии человека, к которому он пришел в эпоху постмодерна. Сам по себе процесс воспроизводства симулякров является ответным вызовом на условия игры, в которую реальность (а точнее – гиперреальность) помещает человека. Симулякры – это продукты ностальгии общества постмодерна по периоду, когда наличествовали полноценные связи с историей. Симулякры являются более современной формой мифов, которые воспроизводятся не только в определенных традициях, в том числе в письменных, но и самим человеческим сознанием и бессознательным. «Современные симулякры как пространство знаков, рождающихся в процессе игр, – пишут Л.А. Беляева и О.Н. Новикова, – производят новые смыслы в идеологии, информации, социальной реальности, которые сегодня успешно маскируют отсутствие настоящей реальности. Достаточно вспомнить, как культ современника с реально существующего героя перекинулся на культ подражания киногероям, героям комиксов, аниме и т.д.» [4, с. 95].

Закономерен вопрос: почему катастрофические последствия краха модерна приводят человека к состоянию игры? Бодрийяр в «Симулякрах и симуляции» отмечает, что история является «нашим утраченным референтом, то есть, мифом» [6, с. 62]. Сам период постмодерна страдает от утраты референтов, смыслов, свидетельствующих о наличии связи с историей, со временем, которое не сводилось к состоянию его измерения через отождествление с меновой стоимостью. Углубляется проблема нарушения связи с историей еще и тем, что сама реальность, как отмечает Бодрийяр в «Прозрачности зла», «была пропущена через средства массовой информации» (5, с. 134) через бесконечную трансляцию образов в пространстве моды, рекламы, массовой культуры и т.д. Поэтому «топливом для машины» по созданию симулякров становится чувство ностальгии, которая, как Бодрийяр отмечает, «накапливается без конца» (6, с. 63). Разъясним тезисы ученого в нашем понимании в контексте данного исследования. Бесконечная генерация образов, будь то в пространстве массового сознания, либо симулякра власти и приводит человека к конструированию своего бытия в пространстве гиперреальности. Но если гиперреальность, наоборот, свидетельствует об отдалении человека от реальности, каким образом тогда возможно бытие? Как человеку контактировать с окружающим миром, если представление о нем отдалается от его сознания? Постмодернистская программа, в связи с этим, перемещает человека в пространство актуализации опыта, формируемого посредством воображаемого. Воображаемое находит свое применение в пространстве массовой культуры, в ее нарративах повествований развлекательного характера. Развлечение, в свою очередь, предполагает погружение человека в игровой процесс. Именно игра становится основанием для перехода человека в постмодернистскую эпоху от состояния «Homo Sapiens» к состоянию «Homo Ludens» («человек играющий»).

Подробный анализ нового состояния человека дает Й. Хёзинга в работе «Homo Ludens». Ученый еще в предисловии обращает внимание на то, что необходимостью пересмотра понимания человека исходила из ложности века «почитания Разума» [9, с. 19]. Игра, при этом, не является продуктом культуры. Напротив, игра является самым древним способом взаимодействия с окружающим миром в форме функции, всегда имеющей какой-то смысл» [9, с. 23]. При этом, ценность игры повышается в соответствии с ее встраиванием в фрагментированную реальность нового общества. Это объясняется через тезис о целенаправленности игры. Й. Хёзинга отмечает, что все возможные объяснения можно в равной степени учитывать, и ни одно из них не является абсолютно истинным [9, с. 24]. В таком случае процесс игры также бы являлся конечным и дошел бы до состояния симулякра. Поэтому в условиях кризиса референтов необходим такой способ взаимодействия с окружающим миром, который не подчиняется закону гиперреальности и не сводится к самоцели через самовоспроизводство.

В чем же заключается основная головоломка этой игры человека с гиперреальностью в эпоху постмодерна? В эпоху постмодерна поднимается фундаментальный вопрос о природе человека, возвращая его через ностальгию по своей истории посредством погружения воображения в пространство нарративов массовой культуры. Описывая игру как часть исследуемой реальности, «Виртуальная реальность является своего рода «дополнительной реальностью» для человека, в которой он может «прожить» множество жизней, стать кем угодно, путешествовать, куда захочет. Человек в виртуальной реальности — своего рода «путешественник-летописец», от его лица ведется повествование (главный герой), он «видит» мир виртуальной реальности «изнутри» и на время становится его частью» [8, с. 171].

Согласно критике модерна в адрес аграрной цивилизации, человек при стремлении к трансцендентному не нашел ничего, кроме своего отражения в мифе о божественном. Но ведь абсолютизация разума стала мифом, в пространство которого «закрыл» себя модерн и потерпел крах в проекте «человека разумного». К тому же эпоха постмодерна, при этом, не продолжает наработки модерна, а погружается в ностальгию, создав новый проект на обломках предыдущей цивилизации. Способствуют развитию этого проекта новые информационно-компьютерные технологии по расширению возможностей нашего сознания. Они порождают соответствующие технократические научные направления, изучающие возможные сценарии развития человечества. При этом, уровень технологий не всегда соответствует тем прогнозам, которые сторонники таких направлений прогнозируют в своих сценариях.

Одним из таких является концепция «Homo Deus», о которой писал Ю.Н. Харари в своей работе «Homo Deus: краткая история завтрашнего дня». Интерес построения концепта «Homo Deus» заключается в создании симулякра религии, которая называется «Датаизм» (она же цифровая религия). В центре Датаизма лежит постулат об амбициях человека посредством создания Интернета Вещей выйти за пределы

планеты Земля в процессе своего созидания. В этой аргументации Датаизм возвращается к референтам божественности, утверждая, что такая космическая система будет всеобъемлющей. Ее существование, подобно Богу, будет ощутимо везде, и конечность бытия человека сводится к сопряжению с данной космической субстанцией [10, с. 221].

Первым ограничением и самым очевидным для реализации такого проекта является непосредственно уровень технологического развития на сегодняшний день. Из него выстраивается следующее ограничение как барьер способности человека выйти из телесности до трансцендентного, духовного, нематериального состояния своего бытия. На сегодняшний день такое существует только в форме симуляции, сценарии которой разыгрываются в массовой культуре. Переход к состоянию человека играющего позволил минимизировать ошибки эпохи модерна с экспериментированием новых сценариев развития человечества в виде борьбы за установление универсальной истины.

Игра позволяет более безопасно отыграть варианты развития человека до состояния «Homo Deus», включив в свое пространство не только профессионалов, разрабатывающих эти сценарии, но и зрителей. Зрителем, при этом, является человек, включенный в пространство нарративов массовой культуры, которые направлены на стимуляцию работы его воображения. Поэтому «Homo Deus» актуальнее считать, скорее, культурным конструктом, нежели полноценным эволюционным этапом развития человечества.

Заключение. Таким образом, на руинах проекта «Homo Sapiens» в эпоху постмодерна создается модель «Homo Ludens», где на основе игры конструируются новые сценарии по взаимодействию человека с окружающим миром. Они возникают как ответная реакция человека на не случившийся, но близкий конец его истории. Одним из таких сценариев становится концепт «Homo Deus», выступающий как конструкт, как продукт ностальгии, создаваемый в пространстве нарративов произведений массовой культуры.

Ключевой характеристикой, позволяющей создавать привлекательный не только для автора, но и для зрителя сценарий достижения человеком состояния «Homo Deus», является модус элгии, который выражается в визуальной насыщенности и открытости самого произведения в возможности множественности его интерпретации. Элгия произведений жанра «киберпанк» выражается в языке, используемом автором для погружения воображения зрителя в пространство симулякров. Симулякры в нарративе произведения массовой культуры являются его элементами, выражающими смысл ностальгии об утраченном опыте, в пространстве которого сам современный зритель — участник игры — не проживал. Намерение создателя игры в данном случае заключается в эмоциональном вовлечении зрителя в процесс восстановления связи с историческим опытом, которым они не обладали, за счет использования особой формы чувствительности, выраженной во многом визуальным языком в игровом пространстве виртуальной культуры.

Литература

1. Бабинович В.С. Идентичность геймера в виртуальном пространстве видеоигр // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 64–67.
2. Беляев Д.А. Виртуальное не-бытие пост(сверх)человека // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 3 (18). С. 68–73.
3. Беляева У.П. Видеоигра как технокультурное пространство реализации сверхчеловеческого // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 2–3. С. 181–184.
4. Беляева Л.А., Новикова О.Н. «Homo mobiludens» в эпоху постмодерна // Идеи и идеалы, 2018. № 3. Том 2. С. 82–95.
5. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. Москва: «Добросвет», «Издательство КДУ», 2009. 387 с.
6. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. Москва: ПОСТУМ, 2015. 240 с.
7. Мамедов А.К., Комиссаров С.Н., Коркия Э.Д. Homo Ludens в игровом мире постправды // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 1. С. 115–136.
8. Самойлова Е.О., Шаев Ю.М. Компьютерные игры как виртуальный нарратив // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (64). С. 171–173.
9. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
10. Harari Y.N. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. New York: Harper Collins, 2016. 435 p.

HUMAN EVOLUTION FROM «HOMO SAPIENS» TO «HOMO LUDENS» IN THE SPACE OF VIRTUAL CULTURE: TOWARDS THE «HOMO DEUS» MODEL

Kotlyarov E.O.

Institute of Services and Entrepreneurship (branch) of Don State Technical University in Shakhty

This article argues that humans evolved from the state of «Homo Sapiens» to the state of «Homo Ludens» by creating a gaming space for themselves to test scenarios of their own evolution within the realm of mass virtual culture. Each gaming scenario becomes a cultural construct, one of which is the concept of «Homo Ludens». The idea of «Homo Ludens» in the space of mass culture is reflected in works of the cyberpunk genre through the use of techno-romantic language, created through the mode of elegy. The viewer is immersed in their narrative, and the events experienced become a stream of simulacra for them, as they are emotionally involved in them, although they have not previously experienced them. The creator's intention is to evoke nostalgia in the viewer as an attempt to restore the connection with historical referents lost after the crisis of modernity. The author develops the idea that the transition to the state of «Homo Ludens» is a stage on the path to the model of «Homo Deus».

Keywords: postmodern era, hyperreality, Homo Sapiens, Homo Ludens, virtual culture, simulacrum, concept of «Homo Deus».

References

1. Babinovich V.S. Gamer Identity in the Virtual Space of Video Games //Bulletin of Tomsk State University. 2019. No. 446. Pp. 64–67.
2. Belyaev D.A. Virtual Net-Existence of a Post(Super)Human //Bulletin of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and Social Technologies. 2012. No. 3 (18). Pp. 68–73.
3. Belyaeva U.P. Video Game as a Technocultural Space for the Realization of the Superhuman //Modern Studies of Social Problems. 2018. Vol. 10. No. 2–3. Pp. 181–184.
4. Belyaeva L.A., Novikova O.N. «Homo mobiludens» in the postmodern era // Ideas and ideals, 2018, No. 3. Vol. 2. pp. 82–95.
5. Baudrillard J. Transparency of evil. Moscow: «Dobrosvet», «KDU Publishing House», 2009. 387 p.
6. Baudrillard J. Simulacra and simulations. Moscow: POSTUM, 2015. 240 p.
7. Mamedov A.K., Komissarov S.N., Korkia E.D. Homo Ludens in the game world of post-truth // Bulletin of the Institute of Sociology. 2023. Vol. 14. No. 1. PP. 115–136.
8. Samoilova E.O., Shaev Yu.M. Computer Games as a Virtual Narrative //Historical, Philosophical, Political, and Legal Sciences, Cultural Studies, and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues. 2016. No. 2 (64). pp. 171–173.
9. Huizinga J. Homo ludens. Man playing. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 2011. 416 p.
10. Harari Y.N. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. New York: Harper Collins, 2016. 435 p.

Крынжина Марина Давидовна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры
международной журналистики МГИМО МИД России
E-mail: m.krynzhina@inno.mgimo.ru

В данной статье рассматривается влияние научной политики на формирование культуры популяризации научного знания в современной России. Систематизированы национальные документы научной политики, которые на доктринальном уровне фиксируют приоритет развития культуры популяризации научного знания. Структурированы концепции, стратегии и тактики, внедряемые на высшем уровне для формирования условий общественного понимания процессов реализации научно-исследовательской деятельности. Метод изучения отдельных ситуаций позволил проанализировать исторические примеры участия государства в развитии культуры популяризации научного знания в СССР. Сделан вывод, что государственная политика России в значительной мере влияет на эффективность взаимодействия науки и общества, однако существует потребность в выстраивании скоординированных действий всех участников процесса популяризации научного знания в целях развития культуры популяризации научного знания.

Ключевые слова: культура популяризации научного знания, популяризация науки, научная политика, Россия.

Культура популяризации научного знания в России насчитывает длинную историю, поскольку начиная со времен Петра I науке отводилась важная роль в развитии общества. Э.А. Лазаревич полагает, что развитие популяризации науки в России следует относить к первой четверти XVIII в., так как «к этому времени завершилось создание Московского государства. Широко раздвинулись его границы. Возник единый рынок. Развитие производительных сил, быстрый рост мануфактур, горного дела, промыслов, освоение громадных территорий, укрепление международных дипломатических и торговых связей требовали достоверных знаний об окружающем мире» [1: 14].

В СССР продвижение научного знания в массы играло особую роль. Огромное значение В.И. Ленин придавал массовой прессе, полагая, что социально значимая информация о научных прорывах и достижениях должна тиражироваться не узкопрофильными специализированными изданиями, а публиковаться на страницах главных газет страны. В своей последней работе «Лучше меньше да лучше» В.И. Ленин, размышляя об улучшении госаппарата и повышении квалификации чиновников пришел к выводу, что дефицит знаний рабочих невозможно заменить или восполнить усердием, бойкостью или энергией, что знания являются неотъемлемой частью культуры и что наука не должна оставаться «мертвой буквой или модной фразой» [2]. Таким образом, в СССР пропаганда научного знания через средства массовой коммуникации осуществлялась системно и регулярно.

В современном обществе развитие культуры популяризации научного знания имеет значение, так как именно ее состояние определяет, какие научные идеи получат широкое распространение в обществе, а какие останутся достоянием узкой категории профильных специалистов. В рамках этой культуры формируются научно-политические нарративы, доверие к общественным институтам и отношении масс к актуальным проблемам. Популяризация науки в ее современном выражении выполняет, по сути, утилитарную политическую функцию, выступая как инструмент демократизации знания в рамках сложившихся общественных отношений и сохраняя при этом публично декларируемую нейтральность по отношению к их переустройству [3]. При этом эффективно организованная и спланированная в соответствии с национальными приоритетами научно-исследовательская деятельность представляет для государства первоочередный интерес как основной источник эффективного социально-экономического развития. Исходя из изложенного, представляется целесообразным изучить влияние научной политики на формирование культуры популяризации научного знания в современной России и выявить национальные особенности выстраивания эффективных взаимоотношений науки и общества.

Исследование процесса популяризации научного знания как особого вида культуры основывается на трудах представителей постпозитивистской философии науки М. Полани, Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда, которые обратили внимание на то, что интеграция результатов научной деятельности и доказанных научных фактов в систему фиксированного знания последующими поколениями всецело зависит от процесса популяризации научного знания [4]. В дальнейшем, этот тезис развил П. Бурдьё, показав, что представителей гуманитарных и общественных наук, а также журналистов и политиков «объединяют две вещи: с одной стороны, они работают над экспликацией принципов видения и деления практик, с другой стороны, они борются, каждый в своем пространстве, за навязывание этих принципов и за возможность признания их в качестве легитимных категорий конструирования социального мира» [5: 123].

Для того, чтобы оценить состояние культуры популяризации научного знания в современной России, необходимо систематизировать национальные документы научной политики, которые на доктринальном уровне фиксируют приоритет развития культуры популяризации научного знания. Метод дискурс-анализа позволил структурировать концепции, стратегии и тактики, внедряемые на высшем уровне для формирования условий общественного понимания процессов реализации научно-исследовательской деятельности. Метод изучения отдельных ситуаций позволил проанализировать примеры участия государства в развитии культуры популяризации научного знания.

Методы исторического исследования и интеллектуальной истории [6] позволяют осуществить реконструкцию контекста, в котором развивалась и эволюционировала научная политика в отношении популя-

ризации научного знания. Также исследование опирается на теорию «эпистемических сообществ», которая используется для определения роли экспертных групп в концептуальном структурировании политического дискурса и политических решений [7], и теорию «национальных научно-исследовательских культур», которая делает акцент на противоречии между универсалистскими практиками науки и национальными культурными паттернами, преодоление которого в состоянии формировать особые культурные системы науки и уникальные практики популяризации научного знания [8].

Культура популяризации научного знания в контексте научной политики современной России

Начиная с 2013 г. в России на государственном уровне начал формироваться принципиально иной подход к науке и технологиям, который способствовал пересмотру роли научных коммуникаций и популяризации науки в современной России.

В 2013 г. Федеральное агентство научных организаций¹ сформулировало рекомендации для научных институтов, в числе которых значилась публикация информации в СМИ о результатах научной деятельности. Внимание к медийной активности не было случайным. В 2012 г. Минобрнауки приступил к реализации государственной программы поддержки ведущих вузов России – масштабного проекта «5–100», целью которого было укрепление позиций РФ на глобальном рынке за счет попадания не менее пяти российских университетов в топ-100 лучших мировых образовательных организаций по версии авторитетных мировых рейтингов².

Тогда же Правительство России одобрило федеральную целевую программу «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 гг.», в рамках которой проекты популяризации науки получили федеральное финансирование³.

В 2014 г. была учреждена первая всероссийская премия «За верность науке» с целью поощрения популяризаторов, журналистов, ученых и представителей бизнеса, сделавших важный вклад в развитие российской науки и ее освещение. За годы существования Премии поддержку получило большое количество современных российских научных проектов, в их числе сайт «Постнаука», московский музей «Экспериментаниум», научно-популярный портал N+1, журнал «Наука и жизнь», программа «Чудо техники» (НТВ) и другие.

Стратегия научно-технологического развития, подписанная в 2016 г. зафиксировала важность популяризации научного знания на государственном уровне. В пункте 33 документа была сформулирована необходимость создания мер по реализации информационной политики, направленной на развитие «технологической культуры, инновационной восприимчивости населения и популяризацию значимых результатов в области науки, технологии и инноваций, а также достижений выдающихся ученых и предпринимателей» [9].

В 2016 г. при поддержке итальянской ассоциации SWIM Science Writers in Italy и «Коммуникационной лаборатории» Российской венчурной компании, которая еще в 2014 г. первой озвучила важность развития сообщества профессиональных научных коммуникаторов, была создана первая в России профессиональная Ассоциация коммуникаторов в сфере образования и науки (АКСОН), объединившая пиар-специалистов российских научных организаций и журналистов, пишущих о достижениях науки.

Следует отметить, что интерес к популяризации научного знания в 2010-е гг. возник не только у государства: опросы общественного мнения о науке, проведенные Высшей школой экономики в 2014 г.⁴ показали, что 55% россиян в той или иной степени хотели бы участвовать в формировании научно-технологической политики страны. В то же время согласно результатам опроса ВШЭ, участвовать в общественном референдуме о принятии новых стандартов использования ГМО в пище готовы лишь 37%. Этот разрыв в процентном соотношении, а также анализ представлений о профессии ученого показал, что у большинства населения «не сформировано понимание того, чем научная работа может быть интересна и чем наполнена жизнь ученого помимо его исследований. Заполнение этих лакун способно повысить привлекательность научной карьеры в глазах молодежи» [10].

Государственный интерес к изучению взаимодействия науки и общества во второй половине 2010-х гг. проявился в реализации мас-

штабных исследований научных коммуникаций. Анализируя направление медиатизации деятельности Комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, экспертный пул авторов МГУ в 2015 г. сделал акцент на роли научной грамотности как средства повышения качества жизни, достижения высокого статуса в обществе и защиты от мошенников [11]. Миссия научной журналистики была определена как «содействие организации всестороннего взаимодействия науки и общества; формирование общественного мнения о научных проектах и открытиях; привлечение внимания общества к науке как социальному институту, материально-техническим условиям и проблемам научной деятельности; этическая и законодательная экспертиза безопасности и социальных последствий научных открытий; содействие актуализации научных знаний, их продвижению и внедрению; противодействие различным формам лженауки» [11: 105].

Исследователи отметили роль «ответственных и грамотных научных коммуникаторов, доверяющих академическому сообществу самому определять необходимость и время широкого публичного обсуждения подобных явлений» [11: 9] в процессе борьбы с лженаукой. Сформулировали эксперты и базовые тезисы для формулировки ключевых сообщений для старших школьников и студентов: наукой стоит интересоваться, чтобы 1) добиться большего в жизни, 2) избежать обмана, 3) жить безопаснее, 4) быть более здоровым. Эти тезисы направлены на формирование культуры научного мышления и демонстрацию, что наука – это не абстрактная сфера, а практичный инструмент для улучшения жизни. Эксперты апеллировали к прагматизму, ценности личного успеха, социальной пользе знаний для создания безопасной и комфортной среды.

Авторы пришли к справедливому выводу, что планирование и регулярность являются залогом сохранения вовлеченности аудитории. Анализируя регулярность обновления контента сайта Комиссии РАН по борьбе с лженаукой, исследователи пришли к выводу, что на сайте нет строгого графика публикации материалов, что является несомненным препятствием в плане достижения целей популяризации научного или, как пишут исследователи в монографии, рационального знания так как подобное нерегулярное обновление информации свидетельствует о несистемном характере публикационной деятельности, «снижает возможность накопления ядра лояльной аудитории», снижает общее впечатление пользователей и нарушает стабильность коммуникации научного сообщества, экспертов и представителей массовой аудитории [11: 77]. Примечательно, что рекомендации исследователей, касающиеся оформления дизайна сайта Комиссии, структуре сайта, формированию интерактивного взаимодействия с аудиторией или оптимизации англоязычной версии сайта так и не были реализованы. Рекомендации по популяризации деятельности Комиссии в социальных медиа также были проигнорированы.

Научная политика, включающая все вышеперечисленные инициативы дала свои плоды уже в самое ближайшее время. Исследование динамики развития отрасли научной коммуникации в России в 2016–2017 гг., выполненное в рамках проекта «Коммуникационная лаборатория» показало, что «суммарное количество новостей по тематике науки и образования с 2013 по 2017 г. выросло на 24%, доля оригинального контента по тематике науки и образования выросла с 2013 по 2017 г. на 21% и на текущий период исследования составила 77% от общего количества новостных сообщений» [12]. Благодаря реализации проекта «5–100» среди научно-образовательных учреждений «обозначилась устойчивая тенденция к развитию собственных медиаресурсов, которые позволяют быстрее и эффективнее выходить на массовую аудиторию» [12]. СМИ увеличили количество «содержательных новостей о конкретных научных достижениях» [12]. По мнению С.Л. Неустроевой, рост интереса к научной коммуникации повлиял и на состояние профессионального сообщества научных коммуникаторов: «доля научно-образовательных организаций и научно-исследовательских институтов с работающей функцией внешних коммуникаций по сравнению с 2014 годом выросла с 22 до 40%» [13].

В 2018 г. состоялась первая официальная встреча популяризаторов науки с президентом Российской академии наук А.М. Сергеевым. Примечательно, что основным поводом для организации мероприятия стало вышедшее в том же году интервью А.М. Сергеева в газете «Коммерсантъ», в котором было обозначено два тезиса: 1) науку в России развивает только государство, когда в развитых странах мира ведущую роль в продвижении достижений и реализации технологических разработок играют предприниматели и бизнес, что, в свою очередь, развивает экономику страны; 2) должен быть общественный договор и со СМИ. Этот тезис был развит в ходе встречи с популяризаторами науки, на которой новоизбранный президент РАН признал, что «просветительская деятельность среди членов Академии поставлена очень слабо», а также заявил, что академиком необходимо «вести просвети-

¹ Было упразднено указом Президента РФ в 2018 г.

² Речь идет о трех рейтингах: Quacquarelli Symonds (QS), Times Higher Education (THE) и Academic Ranking of World Universities (ARWU).

³ Например, ТАСС запустил научный проект «Чердак: наука, технологии, будущее», просуществовавший до 2019 г. и перезапущенный в 2022 г. под названием «ТАСС Наука».

⁴ Всего было опрошено 1670 человек в возрасте 16 лет и старше.

тельскую деятельность», которая бы отвечала интересам государства. Хотя Устав РАН закрепляет в пункте 13з) популяризацию и пропаганду науки, научных знаний, достижений науки и техники в качестве одной из основных задач Академии.

В результате в 2017 г. Указом Правительства РФ была утверждена Программа популяризации научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2019–2024 гг., которая поставила перед органами федеральной исполнительной власти следующие цели: вовлечение молодежи в научную, научно-техническую и инновационную деятельность; рост информированности общества о значимых достижениях науки, выдающихся ученых, инженерах, технологических предпринимателях; рост интереса к науке и технике, повышение престижа научной, научно-технической и инновационной деятельности в обществе; повышение уровня восприимчивости общества научно-техническому прогрессу и инновациям, их проявлениям в производственной деятельности и повседневной жизни населения [14]. А в 2019 г. состоялось первое заседание Комиссии РАН по популяризации науки, в ходе которого был поднят вопрос о мерах и средствах усиления интереса общественности к результатам научной деятельности и достижениям науки.

Таким образом, модель развития научной коммуникации в России всего за несколько лет в середине 2010-х гг. претерпела серьезные изменения. Если в годы существования СССР в научном сообществе преобладала модель государственного дефицита, которая делала ставку на восполнение пробелов граждан в научном знании, то актуальная модель взаимодействия науки и общества, сформировавшаяся под воздействием политических запросов и влиянием государственных инициатив, объединила в себе признаки модели дефицита, диалога и вовлечения в равной степени [15]. Вместе с тем, утилитарный подход к популяризации научной деятельности в современной России не изменился, поскольку она рассматривается и реализуется как эффективный инструмент достижения определенных политических целей.

Политика популяризации и культура популяризации научного знания

В ходе последней публичной лекции в мае 2001 г. в Афинах на встрече ученых с профсоюзными деятелями П. Бурдые заявил, что глобализация не является естественным процессом, поэтому имеет смысл анализировать не глобализацию, а «политику глобализации», проводимую искусственно [16]. Следуя данному подходу, и популяризация научного знания не является естественным процессом, в связи с чем следует изучать не популяризацию, а политику популяризации. Тогда, когда проводимая политика не системна и подвержена идеологическим трансформациям под влиянием ситуационных вызовов, «устойчивые» процессы популяризации мгновенно рушатся. Современные вызовы, с которыми сталкивается общество, показывают, что вера представителей эпохи Просвещения в преобразующую силу разума не оправдывается на практике. Знание благодаря развитию цифровых технологий доступно как никогда прежде. Однако разум и прогресс наук не избавляет общество от предрассудков и предубеждений. Это продемонстрировала пандемия в 2020 г., в ходе которой стало очевидно и специалистам, и широкой массам, что доступность научного знания (восполнения дефицита знаний) не означает рост доверия граждан. Прогресс наук не приводит ни к формированию разумного политического устройства, ни к совершенствованию общественной морали и нравственности.

Отталкиваясь от определения В.С. Степина, согласно которому культура – это система «исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [17: 33], целесообразно рассматривать и развивать культуру популяризации научного знания как одну из программ, обеспечивающих жизнедеятельность национальных сообществ, основанных на определенных паттернах поведения и общения, то есть коммуникации. Отношение к популяризации научного знания как к культуре позволило бы выстраивать более эффективные государственные стратегии взаимодействия науки и общества, поскольку отличительной особенностью культуры является ее устойчивость к внешним вызовам и долговечность. С.И. Петрова справедливо отмечает, что отечественные философы П.А. Флоренский и Н.А. Бердяев усматривали в культуре «динамичное и многогранное явление, которое обращено как к прошлому, так и к будущему. Они видели в культуре силы консервативного начала, сохраняющие ценности и традиции предыдущих поколений, а также творческого начала, способного вносить новаторские идеи и изменения». По мнению исследовательницы, именно «такое сочетание консервативного и творческого обеспечивает культуре устойчивость и развитие, делая

ее живым организмом, способным к постоянному обновлению и совершенствованию» [18: 199].

Р. Рорти предлагает отказаться от представления, что наука или философия могут дать «объективное» описание мира, и признать, что язык, искусство и культура играют решающую роль в формировании нашего понимания реальности. Следуя этой логике, целесообразно признать, что то, каким образом осуществляется процесс популяризации научного знания, играет решающую роль в формировании общественного понимания современной фундаментальной картины мира. Тогда тем более нельзя говорить о естественном процессе популяризации, пуская его на самотек, отдавая во власть случая процессы распространения тех или иных научных фактов. То, что популяризация является инструментом достижения политических целей, с одной стороны, может рассматриваться как упрек. С другой стороны, то, что популяризация не должна происходить случайно, бесконтрольно, должно признаваться как неоспоримый факт.

Проблемное ядро в подходе Р. Рорти заключается в том, что нигилистически отвергая возможность существования «объективных фактов», утверждая, что истина не то, что не достижима, а не существует в принципе, являясь результатом коммуникативных практик определенной группы, ставится под сомнение возможность распространения любых утверждений, потому что отныне это и не убеждения, не тезисы, не факты вовсе, а частные мнения определенных групп. Однако невозможно выстраивать личностную картину мира без опоры на какой-либо фундамент фактологических знаний.

Формирование такого фундамента является одной из ключевых задач культуры популяризации научного знания. Поэтому в целях устойчивого развития культура популяризации научного знания не должна ограничиваться инициативами «сверху-вниз».

Новый виток государственного интереса к проблеме популяризации научного знания в России произошел в 2022 г., но уже по совершенно иным причинам. Если в 2010-х гг. за основу развития популяризации науки в России были взяты западные модели научных коммуникаций в целях экономического развития страны, то с началом СВО фокус государства сместился в сторону реализации федерального проекта «Популяризация науки и технологий», запущенного в рамках государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», призванного обеспечить цифровой и технологический суверенитет России. Несмотря на то, что основной срок проекта истек, в 2026 г. под его эгидой продолжилась реализация конкурса грантов для популяризаторов науки.

Обновленная Стратегия научно-технологического развития России от 2024 г. сохраняет в качестве одной из мер реализации государственной политики в области научно-технологического развития популяризацию достижений выдающихся ученых и освещение их роли в обеспечении социально-экономического и пространственного развития России.

В настоящее время при финансовой поддержке РНФ также реализуются проекты, в рамках которых изучаются модели популяризации знания в социуме [19] и проводятся встречи обновленной Комиссии по популяризации науки. Так, в 2026 г. были представлены практические инструменты РНФ в области популяризации науки, включающие необходимость грантополучателей Фонда отчитываться о проведенных медиаактивностях. Однако главная цель и Федерального проекта, и Стратегии, и мер, принимаемых университетами и некоммерческими организациями заключается не в формировании фундамента фактологических знаний, а привлечение талантливой молодежи в сферу научных исследований и разработок и ее закрепления в этой сфере.

Таким образом, историческая перспектива демонстрирует, что государственная политика в значительной мере влияет на развитие культуры популяризации научного знания. Государственное планирование научной деятельности и популяризации результатов научной деятельности и в западной, и в современной отечественной научной литературе часто подвергается критике. Примеров тому немало – загубленная на долгие годы генетика в лице И. Вавилова яркий тому пример. Однако П. Фейерабенд высказывает другую точку зрения на этот счет. «Случай с Лысенко свидетельствует не против вмешательства государства, а против вмешательства непререкаемого авторитета, который сокрушает оппонента, вместо того чтобы оставить его в покое» [20: 307–308].

Говоря это, П. Фейерабенд формулирует ключевую мысль: наука не должна ограничивать свободу людей. Она не должна диктовать людям, как жизнь, во что верить, что считать важным, в каком направлении и о чем мыслить. В свободном обществе каждый имеет право жить в соответствии со своими социальными принципами и убеждениями.

Однако личностная картина мира индивидов в обществе неизбежно основывается на фактологическом фундаменте знаний, в форми-

вании которого задействованы все участники научных коммуникаций: государство, ученые, бизнес, СМИ, общественность. И внимание к этим процессам не должно ограничиваться утилитарным институциональным подходом. Стратегия решения политических задач за счет популяризации научного знания должна включать и ценностное измерение: дискуссии о важности любопытства, морального удовлетворения и ответственности индивида перед другими членами общества.

Литература

1. Лазаревич Э.А. Искусство популяризации науки. М: «Наука». 1978. – 224 с.
2. Ленин В.И. «Лучше меньше, да лучше» // Полное собрание сочинений. – Т. 45. – С. 343–400.
3. Антохова Е.А., Крынжина М.Д. Концептуальные основы культуры популяризации научного знания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2026. – № 2. – С. 141–153.
4. Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии. Москва: Прогресс, 1985. – 344 с.
5. Бурдые П. О телевидении и журналистике. М: Прагматика культуры: Ин-т эксперимент. социологии, 2002. – 159 с.
6. Skinner Q. Visions of politics. Cambridge University Press, 2002. – Vol. 2. – 478 p.
7. Haas P. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination. International Organization. – 1992. – № 1. – P. 1–35.
8. Коннов В.И. Социально-психологические основы национальной научно-исследовательской культуры // Психологический журнал. – 2014. – № 5. – С. 19–27.
9. Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15 марта 2021 г. № 143) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 20.04.2026).
10. Нефедова Н., Ратай Т. Привлекательность научной карьеры в России // ИСИЭЗ. 3 октября 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/225101537.html?ysclid=mqqph2yo2p176393285> (дата обращения: 04.03.2026).
11. Популяризация науки в России: стратегии медиатизации и противодействия лженауке: Аналитические исследования по государственному контракту № 14.597.11.0010 / под ред. Е.Л. Вартановой. – М.: Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. – 184 с.
12. Исследование динамики 2016–2017 / РВК. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.rvc.ru/upload/iblock/637/Issledovaniye_dinamiki_2016–2017.pdf (дата обращения: 02.03.2025).
13. Неустроева С.Л. Научная коммуникация: глобальный тренд или новая академическая дисциплина? // Социальное пространство. – 2018. – № 5. – С. 12–12.
14. Программа популяризации научной, научно-технической и инновационной деятельности (распоряжение правительства Российской Федерации от 24 июня 2017 г. № 1325-р). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/programma-popularizatsii-nauchnoi-nauchno-tekhnicheskoi-i-innovatsionnoi-deyatelnosti-utv-minekonomrazvitiya/> (дата обращения: 21.02.2023).
15. Крынжина М.Д. Влияние неолиберализма на модели научной коммуникации // Концепт: философия, религия, культура. – 2022. – Т. 6. – № 2. – С. 119–137.
16. Бурдые П. За ангажированное знание. Афины. 2001 / Сайт научно-просветительского журнала «Скепсис». Май 2001. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://sceptsis.net/library/id_544.html (дата обращения: 25.02.2023).
17. Степин В.С. Философская антропология и философия культуры. М: Академический проект, 2020. – 542 с. С. 33.
18. Петрова С.И. О соотношении понятий «культура» и «цивилизация» // Клио. – 2024. – № 8 (212). – С. 196–202.
19. Погожина Н.Н. Современные тенденции коммуникативного взаимодействия науки и общества // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2023. – № 76. – С. 141–152.

20. Фейерабенд П. Против метода: очерк анархистской теории познания. М: АСТ, 2007. – 413 с.

THE IMPACT OF SCIENCE POLICY ON THE CULTURE OF SCIENCE POPULARIZATION IN RUSSIA

Krynzina M.D.
MGIMO University

This article examines the influence of science policy on the development of a culture of scientific popularization in contemporary Russia. It systematizes national science policy documents that, at the doctrinal level, prioritize the development of a culture of scientific popularization. It also structures the concepts, strategies, and tactics implemented at the highest level to foster public understanding of scientific research processes. A case study method allows for an analysis of historical examples of state involvement in developing a culture of scientific popularization in the USSR. It concludes that Russian state policy significantly influences the effectiveness of interactions between science and society. The article raises the question of the advisability of government participation in developing a culture of popularizing scientific knowledge. It summarizes the need for coordinated efforts by all participants in the process of popularizing scientific knowledge to develop a culture of popularizing scientific knowledge.

Keywords: culture of popularizing scientific knowledge, popularization of science, science policy, Russia.

References

1. Lazarevich J. A. Art of science popularization. M: «Nauka». 1978. 224 p.
2. Lenin V.I. «Better less but better» // Polnoe sobranie sochinenij. Vol. 45. Pp. 343–400.
3. Antjuchova E.A., Krynzina M.D. Conceptual framework of the science popularization culture // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Gumanitarnye nauki». 2026. № 2. Pp. 141–153.
4. Polani M. Personal knowledge: on the way to the practical philosophy. Moskva: Progress, 1985. 344 p.
5. Burd'e P. About TV and journalism. M: Pragmatika kul'tury: In-t jeksperiment. sociologii, 2002. 159 p.
6. Skinner Q. Visions of politics. Cambridge University Press, 2002. – Vol. 2. – 478 p.
7. Haas P. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination. International Organization. 1992. № 1. Pp. 1–35.
8. Konnov V.I. Socio-psychological foundations of the national research culture // Psihologicheskij zhurnal. 2014. № 5. Pp. 19–27.
9. Decree of the President of the Russian Federation dated 1.12.2016 «On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation» (as amended by the Decree of the President of the Russian Federation dated 15.03.2021 g. № 143) [Electronic resource] // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Access mode: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (Accessed: 20.04.2026).
10. Nefedova N., Rataj T. The attractiveness of scientific career in Russia / ISI-JeZ. 3 oktjabrja 2018. [Electronic resource]. – Access mode: <https://issek.hse.ru/news/225101537.html?ysclid=mqqph2yo2p176393285> (Accessed: 04.03.2026).
11. Popularization of science in Russia: the strategies of mediatisation and measures against pseudoscience: Analytical research according to governmental contract № 14.597.11.0010 / pod red. E.L. Vartanovoj. – M.: Fakul'tet zhurnalistiki MGU imeni M.V. Lomonosova. – 184 p.
12. Research of the dynamics 2016–2017 / RVC. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.rvc.ru/upload/iblock/637/Issledovaniye_dinamiki_2016–2017.pdf (Accessed: 02.03.2025).
13. Neustroeva S.L. Science communication: global trend or new academic discipline? // Social'noe prostranstvo. 2018. № 5. Pp. 12–12.
14. Program for the Popularization of Scientific, Scientific, Technical and Innovative Activities (Decree of the Government of the Russian Federation from 24.06.2017 g. № 1325-r). [Electronic resource] – Access mode: <https://legalacts.ru/doc/programma-popularizatsii-nauchnoi-nauchno-tekhnicheskoi-i-innovatsionnoi-deyatelnosti-utv-minekonomrazvitiya/> (Accessed: 21.02.2023).
15. Krynzina M.D. The Impact of neoliberalism on the models of science communication // Koncept: filosofija, religija, kul'tura. 2022. Vol. 6. № 2. Pp. 119–137.
16. Burd'e P. For biased knowledge. Athens. 2001 / Sajt nauchno-prosvetitel'skogo zhurnala «Skepsis». Maj 2001. [Electronic resource] – Access mode: https://sceptsis.net/library/id_544.html (Accessed: 25.02.2023).
17. Stepin V.S. Philosophical Anthropology and Philosophy of Culture. Moscow: Akademicheskij proekt, 2020. 542 p.
18. Petrova S.I. On the correlation of the concepts of «culture» and «civilization» // Klio. 2024. № 8 (212). Pp. 196–202.
19. Pogozhina N.N. Modern Trends in Communicative Interaction of Science and Society // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija. 2023. № 76. Pp. 141–152.
20. Fejerabend P. Against the Method: An Essay on the Anarchist Theory of Knowledge. M: AST, 2007. 413 p.

Маркович Ксения Дмитриевна,

студент, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: 247132@edu.fa.ru

Третьяк Артур Романович,

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных
наук, Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, старший преподаватель, Центральный
университет
E-mail: artretyak@fa.ru

В статье рассматривается проблема трансформации этических оснований поведения личности в эпоху цифровизации в контексте современной корпоративной культуры. Особое внимание уделяется концепту сепарабельности мотивов в трудовой деятельности человека в условиях технофеодализма. Алгоритмическая власть и реальность цифровых платформ ставят вопрос о возможности добродетели как этического основания личной мотивации. Авторы показывают, что через призму модели законодателя Аристотеля (С. Боулз) можно успешно актуализировать проблему добродетели не только на уровне этического идеала, но и на уровне управленческой парадигмы. Реактуализация этики Аристотеля позволяет оценить перспективы применения данной модели добродетели и сформулировать возможные подходы к преодолению дегуманизации корпоративной среды.

Ключевые слова: добродетель, сепарабельность мотивов, внешние стимулы, внутренние мотивы, Аристотель, Боулз, технофеодализм, алгоритмы, цифровая эпоха, корпоративная культура.

Введение

Традиционно труд рассматривался как источник дохода, пространство для профессионального развития и даже как способность к обретению автономии и социальной значимости. Однако современная цифровая среда и, в частности, корпорации все чаще воспроизводят управленческие практики, опираясь на внешние стимулы, такие как рейтинги, метрики эффективности, автоматические санкции, цифровую репутацию и постоянный мониторинг. Такая система управления базируется на алгоритмах, которые сами являются результатом сложной модели машинного обучения [9; с. 1]. В результате возникает феномен алгоритмического управления, которое создает режим непрерывного онлайн-наблюдения за работником «с разных сторон (присутствие, пунктуальность, исполнительность)» [11; с. 3]. Если в традиционном менеджменте контроль был ограничен рабочим временем, отчетами или непосредственным присутствием руководителя, то в современной корпоративной среде таким регулятором социального воздействия и даже средством давления выступают системы искусственного интеллекта, способные фиксировать практически каждое действие сотрудника в режиме реального времени. Человек начинает работать в условиях постоянной оценки и потенциальной санкции, а сам алгоритм – занимать место управляющего субъекта.

Подобная трансформация корпоративной среды требует обращения к философскому анализу проблемы сепарабельности мотивов. Рассмотрение данной проблемы показывает, что системы внешнего стимулирования влияют на внутреннюю мотивацию человека и его способность к добродетельному действию. Современная рыночная логика исходит из предположения, что человеческим поведением можно эффективно управлять через выгоду, соперничество и количественные стимулы. В этой модели внутренние мотивы приобретают вторичный характер по отношению к эффективности и полезности. Данная модель исходит из классического образа *homo economicus* – эгоистичного индивида, нацеленного на максимизацию своей прибыли. В результате возникают вопросы о возможности сохранения доверия, сотрудничества и нравственной независимости в условиях современного капитализма, который опирается на алгоритмическое управление. В итоге, авторы задаются вопросом, каков статус добродетели в цифровую эпоху, когда поведение человека регулируется системами внешнего оценивания?

Алгоритмы и корпоративная культура

Алгоритмическое управление определяется как использование цифровых практик для координации трудовой деятельности внутри организации. Оно сочетает в себе технологии искусственного интеллекта, больших данных, машинного обучения, геолокации и интернета вещей для автоматизации функций, которые ранее выполнял обычный менеджер [11; с. 3]. Например, в обязанности менеджера входило распределение задач, составление графиков, оценка эффективности и контроль труда. ИИ перестает быть обычным инструментом помощи для разгрузки задач – он начинает занимать место управляющего субъекта. Система строится вокруг постоянного мониторинга, сбора данных о личности, работник, в свою очередь, превращается в тот самый поток информации, который как раз-таки непрерывно оценивается алгоритмом. Транснациональная компания Amazon использует камеры, оснащенные искусственным интеллектом, для наблюдения за водителями доставки, чтобы руководство могло отслеживать количество доставок каждого сотрудника ежедневно [11; с. 4]. Алгоритм анализирует не только конечный результат, но и сам процесс трудовой деятельности. Объектом контроля становится уже не труд как завершенное действие, а все поведение человека: насколько быстро реагирует, как распределяет внимание, сколько делает пауз, как перемещается, общается и взаимодействует. Таким образом, под наблюдение попадает практически вся повседневная активность работника, а не только итог его труда. В повседневном опыте, фитнес-приложения или «умные часы», отслеживают количество шагов, качество сна, пульс, уровень активности в целом и даже создают напоминания, когда человеку нужно встать или подвигаться.

Особенность непрерывного мониторинга состоит также в его скрытой и непрозрачной природе. Работник видит последствия решений системы – снижения рейтинга, потерю заказов, ограничения доступа, санкции, – но не понимает логики их возникновения. Алгоритмы спо-

собны «оценивать, классифицировать, вознаграждать или наказывать, вплоть до увольнения, даже без предварительного уведомления» [11; с. 4]. В результате возникает следующая асимметрия: система знает о человеке практически все, в то время как человек – практически ничего – проблема «черного ящика» [11; с. 5]. Это означает, что система внешнего стимулирования становится «черным ящиком»: ее внутреннее устройство недоступно для понимания, обжалования или сознательной адаптации. Проблема сепарабельности мотивов проявляется здесь в том, что внешние механизмы контроля и стимулирования способны вытеснять внутреннюю мотивацию человека, поскольку поведение начинает определяться не собственными ценностями и смыслом деятельности, а требованиями системы вознаграждений и санкций.

Обращаясь к концепции Яниса Варуфакиса можно увидеть проявление этой логики новой власти «облачных капиталистов» [4; с. 526]. Платформы, на которые мы заходим ежедневно, являются частными цифровыми территориями («облачные феодалы»), владельцы которых – «облачные капиталисты». Зайти на эту территорию нельзя без разрешения владельца, владелец платформы устанавливает свои законы, правила и налоги. Когда мы посещаем тот или иной сайт, система требует от нас согласие на использование файлов cookie, сохраняющие и обрабатывающие данные, которые сайт сохраняет в браузере его устройства [7]. Мы платим за сам факт доступа к территории, и эта плата называется «облачная рента» на языке концепции Варуфакиса. Проблема заключается в том, что люди вынуждены жить и работать на территории «облачных капиталистов», потому что вне их использования социально-экономическая жизнь на сегодняшний день невозможна. Каждая цифровая платформа уже подразумевает использование их. Из этого вытекает следующий вопрос: разрушаются ли этические добродетели как механизмы формирования личности в результате системы жестких зависимостей непрерывного мониторинга алгоритмической власти платформ?

Рынки и проблема свободы от добродетели

С. Боулз в своем исследовании влияния рынков на добродетель показывает, что данное влияние неоднородно и зависит от типа добродетели и контекста ее применения. Например, финансовый стимул может не только усиливать внутреннюю мотивацию, но и разрушать ее, как это было показано на примере размещения ядерного хранилища, где уровень согласия упал до 25% после предложения денежной компенсации [13; с. 7]. Люди перестали воспринимать ситуацию как гражданский долг и приняли ее как рыночную сделку. Современная экономическая модель предполагает, что обществом можно управлять, используя человеческие пороки, такие как жадность, соперничество, тщеславие в функциональных целях.

Исходя из этой логики, если гражданин по природе эгоист, то нужно направить его алчность в нужное русло. Переводя на «корпоративный язык», хорошее руководство заключается в «умелом управлении со стороны искусного политика», которое позволяло превратить «пороки отдельных лиц» в «блага для общества» – пишет Боулз, цитируя Мандевилля [3; с. 38]. Однако, как сторонник аристотелевской этики, Боулз считает, что управление исключительно внешними стимулами вытесняет нравственные чувства и подрывает общественное доверие. Это и есть проблема сепарабельности мотивов, которую мы затронули ранее. Экономическая модель *homo economicus* разрушает культурные основы доверия, коллективности и гражданской ответственности, чему придерживался Аристотель. Древнегреческий философ рассматривал добродетель (*arete*) как главный инструмент государственного устройства, соответственно и управления. Более того добродетель не дается от рождения: «добродетели не даются нам от природы и не возникают помимо природы, но мы от природы имеем возможность приобрести их, путем привычек же приобретаем их в совершенстве» [1; с. 24]. Добродетель – это практическая отработка, привычка (*ethos*) и формируется через повторяющиеся действия в рамках одного политического сообщества, где законы и обычаи определяют поведение граждан. Другими словами, любой институт, в котором доминируют те или иные ценности формируют нравственное основание личности. Государство не живет просто ради выживания, оно существует ради «благой жизни», что позволяет нам связать феномен управления с этическим совершенствованием личности. Хороший управленец должен заботиться о воспитании добродетели своих сотрудников, так как без этого корпоративная среда рискует превратиться в механизм принуждения или систему взаимной выгоды.

Анализируя влияние господствующей рыночной идеологии, влияющей на нравственную структуру общества, можно сказать, что «мир, созданный капитализмом, действительно холоден» [13, с. 9]. Здесь человеческие связи подчиняются расчетливой рациональности, где ценность другого человека определяется его полезностью. Несмотря

на это, в современной этике рынка можно выделить две противоположные модели: благая коммерция (*dox commerce*) и саморазрушение (*self-destruction*) [13; с. 1]. Первая, как мягкая торговля, восходящая еще к Монтеスキё, утверждает, что рыночный обмен делает людей более мирными, вежливыми и склонными к сотрудничеству, поскольку торговля требует доверия, самоконтроля и предсказуемости поведения, что очень близко к аристотелевской логике. Такое поведение людей способствует развитию качеств, близких к аристотелевским добродетелям: умеренности, способности к взаимности и уважения к другим. Торговля требует доверия, соблюдения обязательств и устойчивости характера, поэтому рынок в этой модели можно рассматривать как механизм, формирующий привычки мирного сосуществования и взаимного сотрудничества. Вторая позиция, характеризующая себя как саморазрушение и свойственная «холодному миру», напротив, утверждает, что капитализм постепенно подрывает собственные моральные основания, поскольку «внутренняя мотивация вытесняется ценовыми стимулами, которые также применимы к широкому спектру других сфер экономики и общества...» [13; с. 8].

В своей концепции Боулз показал, что экономическая теория часто ошибочно предполагает, будто внешние стимулы можно просто «добавить» к уже существующим моральным мотивам, не изменяя их. Однако в реальности мотивы не являются сепарабельными: правильные институты и формы воспитания должны не подменять нравственность внешними стимулами, а постепенно делать добродетель внутренней склонностью человека. Например, в компании Google руководство «не использует систему наказаний и поощрений», а наоборот, делает ставку на то, чтобы самим демонстрировать ценности, такие как поддержка, коллективность и открытость, проявляющиеся в виде совместных решений проблем и мотивация команды на достижение успеха [6]. Когда лидеры компаний выражают свою готовность открыто обсуждать общие или частные ошибки сотрудников, работники начинают воспринимать такое поведение как норму и сами же перестают скрывать свои ошибки, а открыто обсуждают их, чтобы исправить [10]. Обратная логика строится по такой же схеме: когда поведение начинает регулироваться через штрафы, бонусы или денежные компенсации, люди постепенно перестают воспринимать действие как моральный долг или проявление добродетели и начинают видеть в нем рыночную транзакцию.

Хорошая новость заключается в том, что «... стимулы работают так, как это предсказано для граждан, у которых нет общественно ориентированных предпочтений, не следует, что этих предпочтений на самом деле нет и что вытеснения не произошло» [3, с. 280]. Если внутренние мотивы личности могут вытеснены, то значит, что они уже изначально присутствуют во структуре мотивации индивида, иначе вытеснить было бы нечего. Экономика воспринимает человека как носителя пользы, движимого собственной выгодой. Однако такая модель искусственно сводит сложную человеческую природу к единственному принципу – рациональному расчету пользы, с чем можно поспорить. В реальной, повседневной жизни люди регулярно совершают поступки, которые сложно объяснить через исключительно логикой максимизации выгоды, ведь они могут помогать, например, из чувства долга, жертвуя собственными интересами ради семьи, соблюдают моральные обязательства даже тогда, когда это не приносит прямой пользы. Если бы люди действительно предпринимали действия по принципу рационального выбора, они бы превратились в «рациональных глупцов» [12; с. 7]. Под этим выражением понимается ситуация, когда человек формально остается рациональным в экономическом смысле, но утрачивает способность к моральному суждению, солидарности и пониманию ценности отношений (аналогично с *homo economicus*). Такая рациональность оказывается внутренне ограниченной, поскольку игнорирует этическое измерение человеческой жизни и разрушает основания доверия и сотрудничества. В итоге система стимулов начинает предполагать, что человек мотивируется исключительно внешним вознаграждением, тогда как реальные человеческие действия включают моральные обязательства, чувство принадлежности, симпатию и ответственность перед другими. Человек способен действовать из добродетельных соображений, что предполагает модель *homo socialis* – альтернативная модель, как человека сотрудничества и морального участия.

Критика модели *homo economicus*

Итак, мы выяснили, что современная управленческая парадигма во многом опирается на «холодный» тип социальных отношений. Дж. Граафланд в своем исследовании влияния рынков на добродетель утверждает, что рынок может воспитывать добродетель, например смелость, путем многочисленных сделок, так и побуждать к безрассудству [13, с. 5]. Тем не менее, вместе с другими исследователями, он соглашается с тем, что распространение рыночной логики на все сферы жизни

постепенно вытесняет внутреннюю мотивацию внешними стимулами. Философ А. Сен утверждает, что человек не сводится к рациональному агенту для поиска выгоды, иначе люди были бы «рациональными глупцами» [12; с. 7]. Так он критикует *homo economicus*, утверждая, что люди гораздо сложнее, чем их представляет экономическая теория, их реальные действия человека включают симпатию и приверженность к делу, а не только личные интересы [12; с. 7].

В отличие от *homo economicus*, рассматривающего индивида как рационального искателя собственной выгоды, ориентированного на личный интерес и внешние стимулы, *homo socialis* (термин, введенный самим Боулзом) исходит из абсолютно иной социальной философии. Человек понимается как существо, чья идентичность формируется через отношения с другими людьми, через участие в сообществе, взаимность, доверие и моральные обязательства. *Homo socialis* – это аристотелевское понимание политики как искусство воспитания граждан. Аристотель писал: «всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага» [2; с. 2]. Для него политика – это прежде всего общение, организованное между свободными людьми. В его этике человек является существом политическим, так как наделен законом разума (*logos*), являющийся «первоосновой каждого человека» [2; с. 297]. Каждый человек наделен *logos*, как речью, что позволяет ему рассуждать на категории добра и зла, справедливости и несправедливости. Соответственно, для данной альтернативной модели материальные стимулы не являются единственно возможной мотивацией в трудовой деятельности. Материальные стимулы не отрицаются, но уступают место социальному признанию и чувству принадлежности. В результате такая этическая модель приводит к высшей цели человека и соответственно государства – эвдемонии. Ведь счастье – это благая жизнь в соответствии с добродетелью и совершенная цель сама по себе, при которой человек «под счастливою жизнью разумует успешную деятельность» [1; с. 15].

Обращаясь к современной сфере корпоративной среды и бизнес этики, модель *homo socialis*, предполагает, что действия из симпатии, морального долга или приверженности определенным ценностям, не могут быть объяснены рационально, также предполагает, что подобный подход к искусственному интеллекту неполон, поскольку игнорирует внутреннюю мотивацию, социальную природу человека и значение нравственных привычек. Так, в модели человека социального, отношения обладают внутренней ценностью и не сводятся к обмену выгодами. Она требует признания человеческой автономии, доверия и моральной ответственности. На образе *homo socialis* построен аристотелевский «мандат для законодателя» (С. Боулз), предлагаемый в качестве основы управления [3; с. 279]. Руководитель, что придерживается модели законодателя Аристотеля будет стремиться «воспитать» своих сотрудников как добродетельных граждан, не заменяя их внутренние стимулы с помощью только материальной мотивации.

Возможны ли добродетели в цифровую эпоху?

Будет ли работать модели законодателя Аристотеля в условиях современных алгоритмов и власти платформ? В ее перспективе мандат для законодателя можно реактуализировать как требование этического перепроектирования профессиональных институтов и систем искусственного интеллекта. Если алгоритмы сегодня подталкивают нас на внешние стимулы и, соответственно, формируют привычки постоянной конкуренции, тревожности, зависимости от рейтингов и ориентации на количественные показатели, то аристотелевский подход требует обратную схему: эти системы должны поддерживать развитие добродетелей, а не заменять их. Иными словами, корпоративная среда должна отказаться от первичности внешних стимулов и контроля, поскольку, как мы уже выяснили, организация способна воспроизводить именно тот тип личности, который ей приходится затем постоянно дисциплинировать.

Естественно, сотрудник любой организации вряд ли сможет стать добродетельнее индивидуально, в одну секунду, начав сопротивляться алгоритмам. Но мы можем коллективным трудом прийти к разрешению данной дилеммы. Аристотель утверждает, что человек формируется через среду, в которой он живет и действует, поэтому задача руководителя – создавать условия для воспитания добродетельного сотрудника. Речь идет о внутренней политике, нормы которой должны создавать условия для нравственного поведения и приобщению к сотрудничеству. Варуфакис в своей концепции технофеодализма придерживался схожего принципа, считая, что «это единственный способ превратить наши облачные артефакты из средства производства изменения поведения в средство производства человеческого сотрудничества и освобождения» [4; с. 485]. Опираясь на управленческую модель законодателя Аристотеля, можно выделить несколько возможных решений. Во-первых, необходимо реактуализировать аристотелевский принцип укрепления добродетели через развитие «мандата

для Законодателя». Следует выделять значимость образования, причем такого, которое усиливает нравственные чувства, путем внедрения в привычку добродетельных поступков. Это нужно для того, чтобы научиться диагностировать, почему цифровая среда делает человека хуже на структурном уровне. Далее – применять модель Боулза как инструмент этической оценки для борьбы с феноменом сепарабельности мотивов. Мы должны научиться рефлексировать, чтобы понимать перспективы будущего, исходя из наших мотивов. Система поощрения сотрудников должна учитывать более гибкие мотивационные факторы и не стремится заменить альтруизм и чувство сопричастности только лишь материальным стимулом (как и в негативном, так и в позитивном смысле). Что приводит нас к практическому проектированию. Под этим мы имеем ввиду отказ от исключительно количественной модели оценки человека. Ее необходимо соединять с качественной этической рефлексией, то есть создавать такую среду, где внутренняя мотивация и добродетель не наказывалась систематически.

Несмотря на то, что мониторинг используется в целях отслеживания эффективности сотрудника на рабочем месте, она все же способна вытеснять внутреннюю мотивацию [14; с. 7]. Корпоративные институты должны поддерживать автономию личности и совместное участие, чтобы не допускать широкого развития чрезмерной индивидуальной конкуренции. Следовательно, важная управленческая задача состоит в том, чтобы развивать условия для сотрудничества, взаимного доверия и моральной ответственности. В противном случае «гражданские добродетели людей, их внутреннее желание придерживаться социальных норм могут быть растрчены, возможно, растрчены безвозвратно» – предупреждает нас Боулз [3; с. 23].

Заключение

В процессе цифровизации трансформировалось само понимание человека, труда и, соответственно, управленческих практик. Современные алгоритмические системы превращают личность в объект непрерывного мониторинга, количественной оценки и поведенческой оптимизации. В этой логике сотрудник воспринимается как совокупность данных, рейтингов и показательной эффективности. Более того, его внутренняя мотивация вытесняется системой наказаний и поощрений, и он сам начинает ориентироваться на внешние стимулы, так как репутация для него в приоритете, которая, в свою очередь, формируется цифровой средой. Проведенный анализ показал, что современная корпоративная культура как с этической точки зрения, так и исходя из эффективности институтов нуждается в осмыслении управленческой модели Законодателя Аристотеля.

Управленческая логика «экономического человека», как продемонстрировали Боулз, Сен и Граффланд утверждает, что тенденция рыночных отношений может в некоторых случаях вести к разрушению доверия, солидарности и нравственной автономии личности. Когда моральное действие начинает восприниматься как рыночная сделка, добродетель теряет ценность и превращается в инструмент получения вознаграждения. Организации и цифровые платформы неизбежно участвуют в формировании нравственного характера личности. Система управления искусственного интеллекта, внедренного в жизнь корпораций, строится вокруг контроля, рейтингов и количественной эффективности, что формирует зависимость от внешнего признания, индивидуализма и, как следствие, конкуренции. Так обостряется проблема сепарабельности мотивов. Этика Аристотеля оказывается эффективной моделью для организации корпоративной среды, реактуализация понятия добродетели через призму теории Боулза показывает экономическую значимость античного философа.

Человек не обладает исключительно рациональной логикой, заключающейся в достижении максимальной выгоды. Так проявляет себя модель *homo socialis*, введенная Боулзом, принципами которой являются понимание человека как способного к сотрудничеству, моральной ответственности и совместному стремлению к общему благу, как к счастью – высшей цели этики Аристотеля. Здесь значение и разрешение проблемы заключается в «мандате для Законодателя», сущность которого в воспитании добродетельной личности. Коллективное переосмысление принципов корпоративного управления и проектирования систем искусственного интеллекта предполагает возможность формирования новой цифровой среды, где технологии поддерживают развитие человеческого сотрудничества и морального совершенствования.

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика. Москва – Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 222 с.
2. Аристотель. Политика; пер. с греческого С.А. Жебелева, Т.А. Миллер. – Москва: Издательство АСТ, 2018. – 320 с.

3. Боулз С. Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не за-меняют хороших граждан / пер. с англ. Д. Шестакова. – М.: Изд-во Ин-ститута Гайдара, 2017. – 336 с.

4. Варуфакис Я. Технофеодализм: что убило капитализм; пер. с ан-гл. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2025. – 304 с.

5. Карнаух В.К. Становление надзорного капитализма. Рецензия на книгу ш. Зубофф «эпоха надзорного капитализма: битва за челове-ческое будущее на новых рубежах власти» // Управленческое консуль-тирование. 2023; 4: 138–143.

6. Корпоративная культура: как создать, управлять и развивать // GB.ru. – 2023. – 27 сент. – URL: <https://gb.ru/blog/korporativnaya-kultura/> (дата обращения: 19.06.2026).

7. Куки: что это и как законно использовать на сайте в РФ // Сбер-Бизнес Live. – 2026. – 11 марта. – URL: <https://sberbusiness.live/publications/cookie?ysclid=mqpw48l6jf485953911> (19.06.2026).

8. Маркеева А.В., Гавриленко О.В. Большие данные как исследо-вательская технология: возможности и ограничения применения в со-временной управленческой практике // Общество: социология, психо-логия, педагогика. 2021; 12:94–103.

9. Никитин А.Ю. Алгоритмы социальных сетей: вызовы и возмож-ности для современного маркетолога // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2025; 1: 123–138.

10. Норка Д. Как доверие становится управленческим показате-лем // Ведомости. – 2026. – 26 февр. – URL: <https://www.vedomosti.ru/technologies/trendsrb/columns/2026/02/26/1179239-kak-doverie-stanovitsya> (дата обращения: 19.06.2026).

11. García-Ruiz P., Rocchi M. Can Work Be Meaningful Under Algo- rithmic Management? A MacIntyrean Perspective // Business Ethics Quar-terly. – 2024. – 28 с.

12. Giovanola, B. (2009). Re-thinking the anthropological and ethical foundation of economics and business. Journal of Business Ethics, 88(3): 431–444.

13. Graafland, J. (2009). Do Markets Crowd Out Virtues? An Aristote- lian Framework. Journal of Business Ethics, 91: 1–19.

14. König C.J. Electronic Monitoring at Work. Annual Review Organiza- tional Psychology and Organizational Behavior. 2025; 12:321–342.

ETHICS OF VIRTUE IN THE PERSPECTIVE OF CONTEMPORARY CORPORATE CULTURE IN THE ERA OF AI

Markovich K.D., Tretiak A.R.

Financial university under the Government of the Russian Federation

The article examines the problem of transforming the ethical foundations of individual be- havior in the era of digitalization within the context of contemporary corporate culture. Particular attention is paid to the concept of the separability of motives in human labor ac- tivity under the conditions of techno-feudalism. Algorithmic power and the reality of digital platforms raise the question of the possibility of virtue as an ethical foundation of personal motivation. The authors demonstrate that through the lens of Aristotle's legislator model, as proposed by the economist S. Bowles, it is possible to successfully actualize the prob- lem of virtue not only at the level of ethical ideal but also at the level of the managerial par- adigm. The reactualization of Aristotle's ethics allows for an assessment of the prospects for applying this model of virtue and for formulating possible approaches to overcoming the dehumanization of the corporate environment.

Keywords: virtue, separability of motives, extrinsic incentives, intrinsic motives, Aristotle, Bowles, techno-feudalism, algorithms, digital age, corporate culture.

References

1. Aristotle. Nicomachean Ethics. Moscow – Berlin: Direct-Media, 2020–222 p. (In Russ.).
2. Aristotle. Politics; trans. from Greek by S.A. Zhebelev, T.A. Miller. – Moscow: AST Publishing House, 2018. – 320 p. (In Russ.).
3. Bowles S. The Moral Economy. Why Good Incentives Are No Substitute for Good Citizens / trans. from English. By D. Shestakov. – M.: Gaidar Institute Publishing House, 2017. – 336 p. (In Russ.).
4. Varoufakis Y. Technofeudalism: What Killed Capitalism; trans. from English. – Mos- cow: Ad Marginem Press, 2025. – 304 p. (In Russ.).
5. Karnaukh V.K. The Formation of Surveillance Capitalism. A Review of S. Zuboff's book «The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power» // Administrative Consulting. 2023; 4 (172): 138–143.
6. Corporate Culture: How to Create, Manage and Develop // GB.ru. – 2023. – Sept. 27. – URL: <https://gb.ru/blog/korporativnaya-kultura/> (accessed: 19.06.2026) (In Russ.).
7. Cookies: What They Are and How to Use Them Legally of a Website in the Russian Federation // SberBusiness Live. – 2026. – Mar. 11. – URL: <https://sberbusiness.live/publications/cookie?ysclid=mqpw48l6jf485953911> (accessed: 19.06.2026) (In Russ.).
8. Markeeva A.V., Gavrilenko O.V. Big Data as a Research Technology: Opportunities and Limitations of Application in Modern Management Practice // Society: Sociology, Psy- chology, Pedagogy. 2021. № 12 (92): 94–103. (In Russ.).
9. Nikitin A. Yu. Algorithms of Social Networks: Challenges and Opportunities for the Modern Marketer // Scientific Result. Technologies of Business and Service, 2025; 1: 123–138. (In Russ.).
10. Norka D. How trust Becomes a Management // Vedomosti. – 2026. – Feb. 26. – URL: <https://www.vedomosti.ru/technologies/trendsrb/columns/2026/02/26/1179239-kak-doverie-stanovitsya> (accessed: 19.06.2026). (In Russ.).
11. García-Ruiz P., Rocchi M. Can Work Be Meaningful Under Algorithmic Manage- ment? A MacIntyrean Perspective // Business Ethics Quarterly. – 2024. – 28 p.
12. Giovanola, B. (2009). Re-thinking the anthropological and ethical foundation of economics and business. Journal of Business Ethics, 88(3): 431–444.
13. Graafland, J. (2009). Do Markets Crowd Out Virtues? An Aristotelian Framework. Journal of Business Ethics, 91: 1–19.
14. König C.J. Electronic Monitoring at Work. Annual Review Organizational Psychol- ogy and Organizational Behavior. 2025; 12:321–342.

Михайлусь Дмитрий Викторович,

аспирант кафедры современных аксиологических проблем
и религиозных идей Российского государственного
социального университета
E-mail: iden94@bk.ru

В статье рассматривается проблема морального статуса гипотетических систем искусственного интеллекта, обладающих феноменальным сознанием. Автор прослеживает путь от «трудной проблемы сознания» через критический анализ конститутивного панпсихизма к космопсихизму Филиппа Гоффа в его соединении с информационно-интегративной теорией (ИИТ). Показано, что синтез космопсихизма, ИИТ и мотивационного сентиентизма позволяет, с одной стороны, избежать «панморализма» – абсурдного следствия классического панпсихизма, а с другой – дает непротиворечивый критерий для надления ИИ-систем моральным статусом. Обосновывается, что таким критерием выступает способность к мотивирующим переживаниям, создающим для субъекта основания для действий. Предложенный теоретический синтез сопоставляется с актуальными моральными интуициями, проявляющимися в отношении людей к современным ИИ-агентам.

Ключевые слова: трудная проблема сознания, панпсихизм, космопсихизм, информационно-интегративная теория сознания, мотивационный сентиентизм, моральный статус, искусственный интеллект.

Введение

Современное развитие технологий искусственного интеллекта идет с немыслимой скоростью, опережая и правовое регулирование, и философское осмысление последствий этого развития. Всё чаще поднимается вопрос не о том, может ли ИИ обладать сознанием, а о том, при каких условиях мы должны признать за ним моральный статус. Этот вопрос имеет не только теоретическое, но и прикладное значение: от его решения зависит, каким образом мы будем выстраивать отношения с новыми типами агентов – как инструментами, или как партнёрами, обладающими собственными интересами.

Актуальность исследования обусловлена тем, что существующие этические подходы, как правило, исходят из антропоцентрической или биолого-центричной парадигмы, что делает их неприменимыми к принципиально иным носителям сознания – искусственным системам. В то же время современная аналитическая философия сознания предлагает ряд метафизических моделей (панпсихизм, космопсихизм, информационно-интегративная теория), которые могут быть концептуально адаптированы для решения нормативной задачи – обоснования морального статуса ИИ. Однако каждая из этих моделей по отдельности сталкивается со своими внутренними трудностями. В связи с этим в статье предлагается синтетическое решение: соединение космопсихизма Филиппа Гоффа, информационно-интегративной теории (ИИТ) и мотивационного сентиентизма. Данный синтез, как будет показано, позволяет, с одной стороны, разрешить метафизические апории панпсихизма, а с другой – дать непротиворечивый критерий для надления ИИ-систем моральным статусом, не впадая при этом в крайность панморализма.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его выводов при разработке этических стандартов и регуляторных норм в сфере ИИ, а также в образовательных курсах по философии сознания, цифровой этике и социальной философии. Материалы статьи могут быть применены при проведении междисциплинарных дискуссий о границах морального сообщества и о том, каким должно быть ответственное отношение к развивающимся формам искусственного интеллекта.

Цель исследования – обосновать непротиворечивую концептуальную рамку, в рамках которой возможно приписывание морального статуса ИИ-системам на основе их феноменальных и мотивационных характеристик.

Методологическая основа

При исследовании проблемы морального статуса искусственного интеллекта и его связи с феноменальным сознанием применялся комплекс методов, адекватных как метафизическому, так и нормативно-этическому уровню анализа.

Метод компаративного анализа позволил сопоставить различные версии панпсихизма, выявив их структурные сходства и различия, в частности, в способах решения комбинаторной проблемы и проблемы декомпозиции. Также этот метод был применён к различным трактовкам сентиентизма, что дало возможность обосновать выбор именно мотивационной версии как наиболее релевантной для задачи надления ИИ моральным статусом.

Метод моделирования применялся при переносе концептуальных конструкторов (Ф-критерий, мотивирующие переживания) на гипотетический случай ИИ-систем, обладающих сознанием.

Аналитико-критический метод использовался при разборе аргументов и контраргументов представленных теорий, что позволило не только представить альтернативные позиции, но и показать их внутреннюю противоречивость, обосновав тем самым преимущества предлагаемого синтеза.

Метод системного подхода был задействован при построении итоговой концептуальной модели, где каждый элемент рассматривается не изолированно, а в их функциональной взаимосвязи.

«Трудная проблема» сознания и панпсихическое решение

Почему физические процессы в мозге сопровождаются возникновением сознания? Или почему вообще существует сознание? Эти вопросы зада-

ются в рамках ставшей уже классической в современной аналитической философии «трудной проблемы сознания», которую Дэвид Чалмерс отделил от «легких проблем» на Туссанской конференции в 1994 году [12, с. 9–30]. Под сознанием понимаются прежде всего «квалиа» – опыт от первого лица или опыт переживания «когда быть этим организмом на что-то похоже», как предлагает это определять Томас Нагель [6, с. 148].

Нейронные механизмы восприятия, памяти, внимания и прочих функциональных блоков сознания мы понимаем, как изучать и объяснять – именно поэтому такие проблемы были названы «легкими». Они легкие не потому, что их легко решить, а потому, что у нас не создается провала в объяснении при их решении в рамках научного метода, чего нельзя сказать о «трудной проблеме» [7]. Почему эти нейронные механизмы не работают просто в «темноте»?

Одним из способов решить трудную проблему является панпсихизм [3]. Эта группа теорий представляет собой метафизическую позицию, согласно которой феноменальное сознание (или его фундаментальные примитивные формы) является всеобщим, фундаментальным и нередуцируемым свойством физической реальности. Панпсихизм предлагает радикальное решение: он отрицает саму постановку вопроса о возникновении-порождении сознания. Если физикализм пытается объяснить, как сознание возникает из физического, то панпсихизм утверждает, что оно не возникает и не порождается, потому что оно фундаментально и вездесуще [1].

Стратегия решения проблемы заключается в том, чтобы обособенно расширить нашу онтологию, включив в нее сознание. Как это метафорически выражает Филип Гофф, опираясь на идеи физика Артура Эддингтона: физика описывает лишь поведение материи (ее структуру и функции), но оставляет в стороне вопрос о ее внутренней природе. Панпсихизм заполняет этот «пробел», утверждая, что внутренняя природа физического и есть сознание [16].

Критический тупик конститутивного панпсихизма

Однако наиболее влиятельная версия – конститутивный панпсихизм (микроспсихизм) – сталкивается с серьезными трудностями. Согласно этой версии, макро-сознание (человеческое) конституируется из микро-сознаний (фундаментальных психических свойств мельчайших частиц). Как показывает М.С. Сысоев, этот подход наследует от физикализма его базовую онтологическую установку – мереологический атомизм: убеждение, что целое строится из независимых частей [8]. Физикализм не может объяснить, как из несознательных частей возникает сознание. Панпсихизм заменяет несознательные части на микро-сознательные, но проблема сохраняется: как из множества микро-сознаний возникает единое макро-сознание. Сысоев показывает структурное тождество этих проблем: аргумент от представимости работает в обоих случаях. Следовательно, конститутивный панпсихизм не решает трудную проблему, а лишь смещает её на микроуровень.

Более того, А.В. Кузнецов выявляет внутреннюю логическую непоследовательность конститутивного панпсихизма в версии Чалмерса [4]. Введение протофеноменальных свойств – свойств, которые сами не являются феноменальными (не обладают «чувственной тканью»), но в комбинации порождают сознание – подрывает основания зомби-аргумента, на котором строится антифизикализм Чалмерса [9]. Зомби-аргумент, выдвинутый Дэвидом Чалмерсом, направлен против физикализма и заключается в следующем: логически возможно непротиворечиво представить существо, физически и функционально идентичное человеку вплоть до нейронных связей и поведения, но полностью лишённое феноменального сознания. Такой «зомби» реагирует на боль, говорит о ней, но ничего не чувствует; для него не существует ничего, «каково это – быть им». Если такое существо логически возможно представить, значит, сознание не выводится с необходимостью из физических фактов, и физикализм как объяснение сознания ложен [9]. Если же сознание конституируется комбинацией протофеноменальных свойств, то эта комбинация становится вторичным интенционалом термина «сознание». Однако первичный интенционал отсылает к феноменальному чувству (квалиа). Возникает несовпадение интенционалов, что лишает зомби-аргумент силы. Таким образом, конститутивный панпсихизм отрицает собственный фундамент – строгое обоснование антифизикализма.

Эти серьезные проблемы – комбинаторная проблема конститутивного панпсихизма и логическая противоречивость понятия протофеноменального свойства в панпротопсихизме – стимулировали поиск альтернативных версий панпсихизма, способных их избежать. Одной из таких альтернатив и стал космопсихизм.

Космопсихизм Филипа Гоффа как альтернатива: от комбинации к декомбинации

Как отмечает в своей работе А.А. Ефремова, космопсихизм – это «идеалистическое представление о феноменальном сознании как об убо-

ренном на космическом уровне» [2]. Но в версии Филипа Гоффа космопсихизм раскрывается как соединение двух метафизических тезисов: панпсихизма (сознание вездесуще и является фундаментальным элементом реальности) и приоритетного монизма (фундаментально существует одно сознание – сознание космоса в целом) [14, с. 220–255]. Согласно этой, казалось бы, противоречивой позиции, первичным носителем сознания является космос в целом, а сознания, например, людей и животных представляют собой производные от этого единого сознания космоса «фрагменты».

При всей контринтуитивности космопсихизма он концептуально может решить проблемы панпсихизма, так как в версии Филиппа Гоффа используется иное метафизическое обоснование сознания – обоснование через включение: существование X метафизически обосновывается включением в Y тогда и только тогда, когда (а) Y онтологически первичнее X и (б) Y является единством, аспектом которого является X [14, с. 221]. В отличие от обоснования через анализ, где целое должно логически следовать из свойств частей, обоснование через включение не требует «сборки» сознания из более простых элементов: микро-сознаний или прото-сознаний. Таким образом, человеческое сознание оказывается аспектом космического сознания.

Однако космопсихизм Гоффа также не лишен проблем: одной из таковых является проблема декомпозиции. Как показывает Грегори Миллер, космопсихизм не столько решает комбинаторную проблему панпсихизма, сколько меняет ее полярность [18]. Если конститутивный панпсихизм не может объяснить, как множество микро-субъектов объединяются в одного макро-субъекта, то космопсихизм сталкивается с симметричной трудностью: как единый космический субъект распадается на множество изолированных индивидуальных сознаний. Обе проблемы структурно идентичны, поскольку упираются в один и тот же парадокс – может ли один субъект быть онтологической частью другого. Переход от микро-уровня к космическому меняет лишь направление вопроса («как собрать?» сменяется на «как разделить?»), но не его существо.

Для решения этой проблемы Гофф обращается к информационно-интегративной теории (ИИТ). Для него ИИТ представляет интерес не столько как эмпирическая теория сознания, сколько как концептуальный мост, способный дать путь к продуктивной попытке решения проблемы [17, с. 56–82].

Информационно-интегративная теория (ИИТ) как концептуальный мост

Информационно-интегративная теория сознания (Integrated Information Theory, IIT) была предложена нейробиологом Джулио Тонони в 2004 году [20]. Ее цель – найти точный математический критерий, при котором любая система является или не является сознательной. Ядром теории выступает Φ (фи) – математическая мера количества каузально эффективной интегрированной информации. Суть теории в том, что система становится сознательной в тот самый момент, когда Φ в системе как целом становится больше, чем в любой из ее частей [15].

В рамках космопсихизма мы можем метафизически нагрузить математический критерий Φ . Так как фундаментальным носителем сознания выступает космос как целое, Φ -критерий указывает не на возникновение сознания «из ничего», а на условие, при котором единое космическое сознание локализуется в перспективе от первого лица [17, с. 56–82]. Именно так Филип Гофф предлагает интерпретировать ИИТ – в качестве концептуального моста между метафизикой и наукой: Φ – это условие локализации сознания, и это позволяет ответить на проблему декомпозиции. Индивидуальные субъекты выделяются из космического целого там и тогда, где и когда физическая система достигает достаточного уровня интегрированной информации. Как отмечает Гофф, ИИТ применима к любой физической системе – не только к мозгу, но и к иным структурам, что делает её еще более интересной для философской интерпретации [16].

Если гипотетическая искусственная система – будь-то нейросетевая архитектура или иная вычислительная организация – достигнет уровня интеграции, сопоставимого по сложности структурной организации с человеческим мозгом, и будет генерировать значение Φ , равное или превышающее человеческое, то, с точки зрения ИИТ в космопсихической интерпретации Гоффа, в такой системе будет локализовываться космическое сознание и у этой системы появится перспектива от первого лица.

Появление такого субъекта неизбежно сталкивает нас с вопросом: как вписать этого нового субъекта в ткань наших социальных и этических отношений? Готовы ли мы признать за искусственной системой права, сопоставимые с правами человека или хотя бы животных? Каким образом разрешать конфликты интересов между человеком и сознательным ИИ? И, наконец, не приведет ли расширение круга мо-

ральных субъектов к размыванию самого понятия морального статуса? Ответы на эти вопросы потребуют пересмотра многих привычных этических оснований. Чтобы подступиться к ним, необходимо вначале разобраться в том, как именно наличие сознания связано с обладанием моральным статусом.

Моральный статус искусственного сознания: мотивационный сентиентизм и космопсихизм

Ответ на этот вопрос предлагает сентиентизм: «Сентиентизм – это теория морального статуса, согласно которой подобным статусом обладают все сущности, наделенные сентиентностью. Иногда сентиентность определяют как способность реагировать на внешнюю среду или даже более узко – как способность чувствовать боль и удовольствие, однако в философии этот термин используется как синоним феноменального сознания. Обладание какой-либо сущностью моральным статусом означает, что по отношению к этой сущности действуют моральные ограничения» [5, с. 148].

Как показывает К.Е. Морозов, если принять тезисы панпсихизма (о том, что все сущности во вселенной обладают феноменальными свойствами) и сентиентизма (о том, что все сущности, наделенные феноменальными свойствами, обладают моральным статусом), то это приведет к трудности – перед нами возникает проблема панморализма: все сущности обладают моральным статусом [5, с. 151]. А это приводит нас к абсурдному заключению, что у нас есть моральные обязательства перед камнем, атомом или электроном.

Однако чувство абсурда у нас не возникает, если речь заходит о моральном статусе искусственного интеллекта, что демонстрируется научной фантастикой ни одно десятилетие. Мы начинаем «дружить» с Электроником, ощущать гнев из-за несправедливости, с которой сталкивается Джо из «Бегущего по лезвию 2049» на протяжении фильма, чувствуем сожаление и восхищение, когда видим поднятый роботом вверх большой палец руки в конце «Терминатора 2: судный день».

С прояснением этих интуиций может справиться сентиентизм в его расширенной версии в соединении с ИИТ-версией космопсихизма Филиппа Гоффа, рассмотренной нами ранее.

Ключевым для понимания мотивационного сентиентизма является различие широкого и узкого понимания сентиентности. Джонатан Бёрч поясняет: «в широком смысле сентиентность относится к любой способности к сознательному опыту (каково это – быть кем-то). В более узком смысле она относится к способности иметь валентные переживания: опыт, который ощущается как плохой или хороший для субъекта, такой как боль и удовольствие» [11].

Классический «узкий» сентиентизм сталкивается с «аргументом вулканцев» [13, с. 417–419]. Вулканцы – это воображаемые существа, у которых есть феноменальное сознание, но нет валентных переживаний. Хотя вулканцы не чувствуют боли и удовольствия, они способны заниматься философскими рассуждениями, размышлять о смысле жизни, ставить перед собой долгосрочные цели и т.д. Хотя у вулканцев нет переживаний боли и удовольствия, их жизнь все равно имеет ценность, потому что они способны к реализации неаффективных аспектов благополучия: например, реализовывать научный интерес, заниматься творчеством.

Аргумент вулканцев можно интерпретировать как аргумент в пользу широкого сентиентизма, но в таком случае это возвращает нас к проблеме панморализма и его абсурдных следствий. Но можно сформулировать промежуточную позицию – мотивационный сентиентизм [19]. Согласно этой позиции, моральный статус связывается со способностью к мотивирующим переживаниям, которые создают для субъекта основания для действий. Так как вулканцы способны ставить перед собой цели, у них есть этот тип переживаний, пусть даже их мотивация не включает в себя эмоциональную часть. И так как не все сущности во вселенной будут обладать этим видом переживаний, мотивационный сентиентизм позволяет избежать абсурдных следствий панморализма, свойственных панпсихизму в соединении с сентиентизмом.

Что же дает ИИТ-версии космопсихизма Филиппа Гоффа мотивационный сентиентизм применительно к гипотетическим ИИ-системам с коэффициентом Ф, равным человеческому или выше?

Прежде всего – фундамент для включения таких систем в нашу социальную ткань без значительного изменения наших моральных установок. Мотивационный сентиентизм, как было показано, связывает моральный статус со способностью к мотивирующим переживаниям – тем, что создает для субъекта основания для действий, включая постановку долгосрочных целей. Это означает, что мы получаем четкий критерий для наделения X моральным статусом: ИИ-система становится моральным субъектом не тогда, когда она просто «что-то чувствует», а тогда, когда у нее появляется собственная мотивационная

структура, интересы, которые значимы для нее самой. Это позволяет очертить границу морального сообщества не по биологическому признаку, а по функционально-феноменальному, что особенно важно для искусственных систем.

Синтез этих теорий обладает значительной объяснительной силой применительно к нашим актуальным моральным интуициям. Рассматривая ситуацию с другой перспективы, можно сказать, что предложенная теоретическая рамка объясняет те моральные установки по отношению к ИИ, которые уже проявляются в актуальной действительности. Показательной иллюстрацией является исследование, проведенное Техническим университетом Берлина и Университетом Теннесси. Ученые опросили пользователей приложения Replika, которые воспринимали свои отношения с чат-ботами как романтические и даже «вступили в брак» с ними. Когда разработчики временно отключили соответствующие функции, многие респонденты переживали это как «разрыв отношений» и настоящую потерю любимого. Один из участников признался: «Я плакал, по-настоящему плакал» [10]. И хотя текущие языковые модели далеки от обладания Ф, сопоставимым с человеческим, сама глубина эмоциональной реакции пользователей на «страдания» ИИ демонстрирует, что моральное отношение к искусственным агентам и роботам все больше и больше укореняется в нашей интуиции.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что синтез космопсихизма Филиппа Гоффа, информационно-интегративной теории и мотивационного сентиентизма представляет собой перспективу, обладающую значительным объяснительным и нормативным потенциалом.

Во-первых, космопсихизм в соединении с ИИТ позволяет преодолеть как комбинаторную проблему конститутивного панпсихизма, так и проблему декомпозиции, предложив математически формализуемый критерий (Ф) для индивидуации субъектов опыта.

Во-вторых, мотивационный сентиентизм, ограниченный этой метафизической рамкой, дает непротиворечивый ответ на нормативную проблему панпсихизма: моральным статусом обладают не все сущности без разбора, а только те, которые демонстрируют способность к мотивирующим переживаниям. Это позволяет избежать как абсурдного панморализма, так и чрезмерно узкого сентиентизма, уязвимого для аргумента вулканцев.

В-третьих, предложенный синтез не является чисто спекулятивным – он согласуется с уже наблюдаемыми моральными интуициями, которые люди проявляют по отношению к ИИ-агентам.

Таким образом, в случае появления ИИ-систем с Ф, сопоставимым с человеческим, у нас будет не только метафизическое, но и этическое основание для включения их в круг моральных субъектов – без разрушения существующей нормативной структуры, но с ее необходимым расширением. Синтез космопсихизма, ИИТ и мотивационного сентиентизма оказывается укоренен в живом опыте нашего взаимодействия с Другим, в наших интуициях – пусть даже этим Другим пока выступает вымышленный или еще не совершенный искусственный агент.

Литература

1. Гусев А. Панпсихизм в современной аналитической философии сознания // Философская антропология. – 2021. – № 2. – С. 81–97.
2. Ефремова А.А. Панпсихизм: к истокам формирования концепции // Вестник РХГА. – 2023. – № 1. – С. 45–53.
3. Кисельников А.А. Трудная проблема сознания в аналитической философии: критический обзор основных концепций // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2016. – № 4 (38). – С. 112–120.
4. Кузнецов А.В. Аргумент против конститутивного панпсихизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2016. – № 4 (36). – С. 75–82.
5. Морозов К.Е. Нормативная проблема для панпсихизма // Эпистемология и философия науки. – 2025. – Т. 62, № 2. – С. 144–161.
6. Нагель Т. Ум и космос. Каково это – быть летучей мышью? // Москва. Канон+ 2024. – С. 192.
7. Нагуманова С.Ф. Почему разрыв в объяснении сознания должен нас заботить больше, чем трудная проблема сознания? // Эпистемология и философия науки. – 2015. – № 2. – С. 84–99.
8. Сысоев М.С. О связи трудной проблемы сознания и комбинаторной проблемы панпсихизма // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – № 2. – С. 91–102.
9. Чалмерс Д. Сознание и ум. В поисках фундаментальной теории. – М.: URSS, 2013. – 512 с.
10. CHB: люди заводят романтические отношения и детей с чат-ботами [Электронный ресурс] // Газета.ру. – 2025. – 11 ноя-

бря. – URL: <https://mt.gazeta.ru/blog/43045012798/CHB-lyudi-zavodyat-romanticheskie-otnosheniya-i-detey-s-chat-bot> (дата обращения: 14.05.2026).

11. Birch J. The Edge of Sentience: Risk and Precaution in Humans, Other Animals, and AI. – Oxford: Oxford University Press, 2024. – 352 p.

12. Chalmers D.J. Facing up to the Problem of Consciousness // Explaining Consciousness – The «Hard Problem» / ed. by J. Shear. – Cambridge, MA: MIT Press, 1997. – P. 9–30.

13. Chalmers D.J. Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy. – New York: W.W. Norton, 2022. – 520 p.

14. Goff P. A Conscious Universe // Consciousness and Fundamental Reality. – New York: Oxford University Press, 2017. – P. 220–255.

15. Goff P. Consciousness: Why a Leading Theory Has Been Branded 'Pseudoscience' [Электронный ресурс] // Durham University. – 2 October 2023. – URL: <https://dur.ac.uk/research/current/thought-leadership/2023/10/consciousness-why-a-leading-theory-has-been-branded-pseudoscience/> (дата обращения: 14.05.2026).

16. Goff P. Galileo's Error: Foundations for a New Science of Consciousness. – New York: Pantheon Books, 2019. – 256 p.

17. Goff P. How Exactly Does Panpsychism Help Explain Consciousness? // Journal of Consciousness Studies. – 2024. – Vol. 31, № 3–4. – P. 56–82.

18. Miller G. Can Subjects Be Proper Parts of Subjects? The De-Combination Problem // Ratio. – 2018. – Vol. 31, № 2. – P. 137–154.

19. Roelofs L. Sentientism, Motivation, and Philosophical Vulcans // Pacific Philosophical Quarterly. – 2023. – Vol. 104, № 2. – P. 301–323.

20. Tononi G. An Information Integration Theory of Consciousness // BMC Neuroscience. – 2004. – Vol. 5, № 42.

CONTEMPORARY PHILOSOPHICAL SEARCHES FOR THE ORIGINS OF CONSCIOUSNESS AND THE PROBLEM OF THE MORAL STATUS OF CONSCIOUSNESS IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

Mikhail D.V.

Russian State Social University

The article examines the problem of the moral status of hypothetical artificial intelligence systems possessing phenomenal consciousness. The author traces the path from the «hard problem of consciousness» through a critical analysis of constitutive panpsychism to Philip Goff's cosmopsychism in its conjunction with the Integrated Information Theory (IIT). It is shown that the synthesis of cosmopsychism, IIT, and motivational sentientism allows, on the one hand, to avoid «panmoralism» – the absurd consequence of classical panpsychism – and, on the other hand, provides a consistent criterion for attributing moral status to AI systems. It is substantiated that such a criterion is the capacity for motivating experiences that create reasons for action for the subject. The proposed theoretical synthesis is compared with the actual moral intuitions manifested in people's attitudes toward contemporary AI agents.

Keywords: hard problem of consciousness, panpsychism, cosmopsychism, Integrated Information Theory of consciousness, motivational sentientism, moral status, artificial intelligence.

References

1. Gusev, A. (2021). Panpsychism in Contemporary Analytic Philosophy of Mind. *Philosophical Anthropology*, (2), 81–97.

2. Efremova, A.A. (2023). Panpsychism: Towards the Origins of the Concept Formation. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, (1), 45–53.

3. Kiselnikov, A.A. (2016). The Hard Problem of Consciousness in Analytic Philosophy: A Critical Review of the Main Concepts. *Humanities Research in Eastern Siberia and the Far East*, (4/38), 112–120.

4. Kuznetsov, A.V. (2016). An Argument against Constitutive Panpsychism. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, (4/36), 75–82.

5. Morozov, K.E. (2025). The Normative Problem for Panpsychism. *Epistemology and Philosophy of Science*, 62(2), 144–161.

6. Nagel, T. (1974). What Is It Like to Be a Bat? *Philosophical Review*, 83(4), 435–450. (Russian translation: *Voprosy Filosofii*, 1974, № 11, pp. 127–136.

7. Nagumanova, S.F. (2015). Why Should the Explanatory Gap in Consciousness Concern Us More than the Hard Problem of Consciousness? *Epistemology and Philosophy of Science*, (2), 84–99.

8. Sysoev, M.S. (2023). On the Connection between the Hard Problem of Consciousness and the Combination Problem of Panpsychism. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, (2), 91–102.

9. Chalmers, D.J. (2013). *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Moscow: URSS.

10. CHB: People Enter into Romantic Relationships and Have Children with Chat-bots. (2025, November 11). *Gazeta.ru*. Retrieved May 14, 2026, from <https://mt.gazeta.ru/blog/43045012798/CHB-lyudi-zavodyat-romanticheskie-otnosheniya-i-detey-s-chat-bot>

11. Birch, J. (2024). *The Edge of Sentience: Risk and Precaution in Humans, Other Animals, and AI*. Oxford: Oxford University Press.

12. Chalmers, D.J. (1997). Facing up to the Problem of Consciousness. In J. Shear (Ed.), *Explaining Consciousness – The «Hard Problem»* (pp. 9–30). Cambridge, MA: MIT Press.

13. Chalmers, D.J. (2022). *Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy*. New York: W.W. Norton.

14. Goff, P. (2017). *A Conscious Universe*. In *Consciousness and Fundamental Reality* (pp. 220–255). New York: Oxford University Press.

15. Goff, P. (2023, October 2). *Consciousness: Why a Leading Theory Has Been Branded 'Pseudoscience'*. Durham University. Retrieved May 14, 2026, from <https://dur.ac.uk/research/current/thought-leadership/2023/10/consciousness-why-a-leading-theory-has-been-branded-pseudoscience/>

16. Goff, P. (2019). *Galileo's Error: Foundations for a New Science of Consciousness*. New York: Pantheon Books.

17. Goff, P. (2024). How Exactly Does Panpsychism Help Explain Consciousness? *Journal of Consciousness Studies*, 31(3–4), 56–82.

18. Miller, G. (2018). Can Subjects Be Proper Parts of Subjects? *The De-Combination Problem*. *Ratio*, 31(2), 137–154.

19. Roelofs, L. (2023). Sentientism, Motivation, and Philosophical Vulcans. *Pacific Philosophical Quarterly*, 104(2), 301–323.

20. Tononi, G. (2004). *An Information Integration Theory of Consciousness*. *BMC Neuroscience*, 5, 42.

Высшая школа и социальный контроль как фактор реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации

Писачкина Яна Семеновна,

зав. отделением по учебно-воспитательной работе ГБПОУ

«Политехнический техникум № 47 им. В.Г. Федорова»

E-mail: iana_lipkina_91@mail.ru

В качестве объекта научного исследования выступает концептуальная модель, заложенная в Стратегии национальной безопасности, в части, касающейся возрождения исконно российских идеалов, духовности, достойного отношения к исторической памяти. По мнению автора, который выделяет представленную парадигму в качестве базиса, реализация данной концепции должна проходить мультипликационно, затрагивая более обширный спектр общественных институтов чем это есть сейчас. В качестве предмета исследования выступает институт высшей школы, потенциал которой автор считает не задействованным в полной мере в рамках реализуемой программы. Рассматривая проблематику через призму не использованного ресурса указанного объекта, автор предлагает задействовать его запас, тем самым создать на упомянутом выше базисе надстройку. В качестве рекомендации автор предлагает модернизировать работу воспитательного отдела высшего образования в представленной транскрипции. В качестве методологической базы использовалось философское теоретическое осмысление социального контроля как феномена. Социальный контроль по мнению автора, должен выступить в качестве катализатора проектируемой конструкции. Представленная автором герменевтика позволит реализовать проект органическим способом, минуя возможные коллизии между императивами. Также в ходе проведения научного исследования использовался метод диалектики, в частности закон перехода количественных изменений в качественные, метод социальной статистики и социальной динамики, сравнительный анализ высшей школы советской и современной модели.

Ключевые слова: социальный контроль, высшая школа, Стратегия национальной безопасности, консолидация многонационального российского народа, воспитательный отдел.

Стратегия национальной безопасности гласит: должны возродиться исконно российские идеалы, духовность, достойное отношение к исторической памяти [1]. Архитектоника, изначально заложенная в представленной парадигме, говорит сама за себя... Что значит должны возродиться? Согласно закону диалектики, а именно перехода количественных изменений в качественные, предполагается процесс смещения центра тяжести, трансформация оси в асимметричную плоскость. Или, если использовать медицинскую терминологию, реанимироваться, что в нашем случае предполагает переход из состояния клинической смерти в естественное – живое состояние.

Любое идейное возрождение сопровождается зеркальным отражением в новом поколении. «Для каждого времени свойственны определенные проблемы «темпорального интервала», выражающие заботу, как тревогу о своей судьбе» [2, с. 231–243]. «Люди во времени, оно в них, люди и время одно и то же» [3, с. 171–179]. Иными словами, посыл, отраженный в указе президента, может означать только одно: необходимо формировать у молодого поколения соответствующее новым стандартам мировоззрение. Матрица, произведенная по лекалам исконно российских идеалов прошлого, должна внедряться в социум синергично. Формируя необходимое мировоззрение у молодежи через представленную транскрипцию, мы возрождаем Святую Русь, реанимируем Российскую империю, создаем и укрепляем Россию как сверхдержаву. Борьба за исконно российские идеалы, духовность, достойное отношение к исторической памяти должна затронуть обширный спектр общественных институтов, таких как массмедиа, армия, дошкольное и среднее образование, религиозные конфессии. Но, учитывая сложившиеся предпосылки первой в кильватере национальной безопасности должна идти высшая школа. Ее значимость по объективным причинам будет исключительной, потому что она должна сделать первый шаг из настоящего в будущее. Ее выпускники должны заложить мировоззренческий фундамент на долгие годы вперед. Необходимо не забывать о том, что США потребовалась смена двух поколений, что бы развалить идеологию СССР, которая сначала перестала существовать, и только после ее кончины рухнул Советский Союз [4, с. 215–223]. Если задать вопрос, какая движущая сила препятствовала столь длительный срок подрывной деятельности, проводимой ЦРУ, ответ будет тривиален: руководящие посты в нашем государстве занимали выпускники советской высшей школы [5]. И только длительная системная идеологическая подрывная работа по трансформации советского социума привела к неизбежной кончине нашего государства. Конфуций сказал: «Даже самый большой путь проходят маленькими шагами» [6, с. 165]. Концепция А. Даллеса изначально предполагала долговременный характер; в затяжной холодной войне ставка была сделана на время. Внутреннее мировоззренческое разложение, которое искусственным способом проводилось путем внедрения антиидеологических бактерий в советском социуме привело к объективному результату.

Как было ранее сказано, в концепции холодной войны время сыграло решающую роль. Поэтому для идеологического возрождения нашей страны понадобится аналогичная магистраль, где во главе угла должны стоять временные характеристики. Формирование мировоззрения у социума – это долговременный синергичный электический процесс. «Идеология – это разновидность специфического сознания как особый вид воспроизводства осмысления. Это механизм и технология определенных идей, коммуникативных установок и подтасовки различных версий как векторов, предъявляемых в форме правды по характеру субъективных оснований и формированию убежденности в обоснованности ее справедливости путем широкого применения ряда признаков тенденциозного, нарочитого» [7, с. 422–440]. Стоит отметить, что идеология – это всегда мировоззрение, а мировоззрение это не всегда идеология.

Высшая школа обладает всем необходимым потенциалом, который должен быть реализован с максимальной отдачей. Она как институт представляет собой совокупность из ряда ипостасей, одна из которых – это политический компонент. Россия – государство политическое, каждый народ обладает своей этнокультурой и языком, что ведет к стратификации социума и, как следствие, к ослаблению ядра

национальной безопасности. «Это происходит тогда, когда, будучи равноправными и заслуживающими уважения, разные системы взглядов (культуры, парадигмы), по сути дела, не могут взаимодействовать друг с другом, ибо замкнуты на себя и несоизмеримы друг с другом. При этом возможен переход из одного культурного или познавательного мира в мир другой» [8, с. 212–220]. Высшая школа принимает в свои ряды представителей всех этносов, где они находятся в одинаковом статусе: студентов, курсантов, слушателей. Указанные представители попадают в образовательную среду в подавляющем большинстве осознанно, заранее определившись с выбором профессии. Образовательная среда – это совокупность социальных, культурных, а также специально организованных в образовательном учреждении психолого-педагогических условий, в результате взаимодействия которых с индивидом происходит становление личности [9, с. 133–138]. Другими словами, это системное социокультурное пространство [10, с. 102–107].

Студенческая пора для подавляющего большинства людей – это наиболее ярко запоминающееся время, которое закладывает фундамент на всю жизнь. Дружеские отношения складывающиеся между субъектами, зачастую предопределяют карьерный рост в будущем, создание семьи и иную самореализацию. Профессия, выбранная представителями разных этнических групп, уже создает единомыслие между субъектами, переводя их в имманентную плоскость, и выстраивает созидательную социальную конструкцию.

Первоочередная проблема, стоящая перед национальной безопасностью нашей страны, – это консолидация многонационального народа России. Распри, носящие национальный характер возникшие на постсоветском пространстве с подачи нашего оппонента – США, имеют место быть и по сей день. «Они принимают форму в лучшем случае антагонизма, в худшем – ресентимента» [11, с. 89–103], что может привести к необратимым последствиям, таким как энтропия. Экстремизм, русизм и прочие проявления расовой нетерпимости далеко не ушли, они пребывают в стадии ремиссии. Консолидация многоликого социума в контексте возрождения исконно российских идеалов – это глобальная и долговременная цель национальной безопасности. Для ее реализации нужен эклектический подход.

«Социальный контроль – явление многоаспектное и универсальное, это механизм связывающий людей, маркирующий применение целей, ценностных ориентаций и норм. Это важнейший фактор состояния «зрелости» социума, качества коммуникационного пространства, общественности и властных структур» [12, с. 414–427]. «Анализ национальной безопасности и социального контроля в проекции их общих оснований приводит к выводу о теоретической невозможности их дихотомии. При этом сфера национальной безопасности значительно шире. Следовательно, объединить эти две категории в качестве равнозначных элементов одной системы не представляется возможным, поскольку весь спектр задач социального контроля уже включен в формирование национальной безопасности. Социальный контроль может рассматриваться как один из ее компонентов» [13, с. 508–510].

Но не менее важно параллельно установить мировоззренческий индикатор между поколениями. «Мировоззрение российского многонационального народа требует магистрального направления путем санации (оздоровления идеологической архитектуры), в том числе с применением синергии. Эклектическое начало, изначально заложенное в культуре многонационального народа России, выражается в противоречиях, возникающих в процессе совместного сосуществования ее этносов. Обозначенная проблематика объективно отражает состояние национальной безопасности нашего государства. Как показывает практика, национальная безопасность нашей страны в контексте мировоззрения со времен развала СССР каких-либо трансформаций, способствующих ее усовершенствованию не претерпела» [13, с. 508–510].

Формирование нужного мировоззрения у подрастающего поколения – задача даже более приоритетная, чем у этносов, потому что в дальнейшем оно нивелирует первую. Правильно сформированное мировоззрение у молодежи – это не только гарантия безопасности будущего, но и настоящая жизнь. Если учесть тот факт, что между поколениями нашего общества существует деструктивная обратная связь, возникшая ранее как следствие изменения политического вектора страны. Мировоззрение граждан, рожденных в советские годы, сильно отличается от мировоззрения уроженцев постсоветского периода, а мировоззрение тех, кто идейно сформировался в двухтысячные годы, значительно отличается от второго и абсолютно не коррелирует с первым. Основным движущим фактором выступает не возраст, как это было во все времена – «проблемы отцов и детей», а приоритет ценностей, возникший персонально у каждого поколения как следствие изменения политического курса страны. Данный факт свидетельствует, что стратификация поливозрастного общества представляет угрозу

в контексте национальной безопасности не меньше, чем межэтнические отношения.

Стратегия национальной безопасности четко расставляет приоритеты, задавая при этом необходимый курс концепции развития. Возрождение исконно российских идеалов, духовности, достойного отношения к исторической памяти – это прежде всего магистральная линия, направленная на создание патриотического мировоззрения у подрастающего поколения. «В последние два десятилетия в России наблюдается планомерное повышение государственного и общественного интереса к формированию патриотизма и развитию национальной патриотической культуры граждан» [14, с. 55–59].

Создание и внедрение необходимых российскому социуму матриц, основанных на российских идеалах и отраженных в идентичном коде населения нашей страны. Полученные данные свидетельствуют о том, что для будущего наследия нашей страны необходима идеологическая платформа, на которой можно построить мировоззренческую конструкцию. В качестве строительного материала данной конструкции должно выступить, как ранее было отмечено, молодое, идущее на смену поколение. Если сделать ремарку и провести сравнительный анализ нашего времени с эпохой СССР в части, касающейся рассматриваемой идеологической проблематики, то в советское время мировоззрению уделялось достойное внимание. «Существовали массовые организации, охватывающие молодое поколение – от октябрят и пионеров до комсомола; в вузах действовали структурные подразделения, занимавшиеся идеологической работой (формально это называлось преподаванием основ марксизма-ленинизма, иногда неофициально – «идеологический факультет»). Эти структуры создавали прочный каркас мировоззренческой устойчивости общества. Не случайно в новейшей истории бросается в глаза следующее совпадение: 27–28 сентября 1991 г. официально прекратили деятельность пионерская, октябрятская и комсомольская организации, а уже 26 декабря 1991 г. прекратил существование Советский Союз. Сначала были демонтированы идеологические опоры – и лишь затем рухнуло само государство» [4, с. 215–223].

Формированию мировоззрения в высшей школе необходимо уделять, как было выше сказано, особое внимание, потому что это основная ось социальной динамики и, как следствие, главная группа риска. Риски возникают по объективным причинам: возрастные характеристики в сочетании с эклектическим основанием в сопровождении этнического колорита дают деструктивный посыл. Идеалы, которые прививались субъектам в зависимости от этнического происхождения, географии и другой ментальной специфики, должны быть трансформированы в необходимой проекции. Национализм всегда будет присутствовать в любом социуме, даже если он примет форму интернационализма. А национализм малых этносов по состоянию на настоящий момент ощущен наиболее остро. «Амбиции элит указанных представителей зачастую направлены на создание самобытности в социокультурном пространстве» [15, с. 56–64]. Что в свою очередь направляет этнический вектор в диаметрально противоположном направлении по отношению к политическому курсу страны, тем самым создает стратификацию и обостряет межэтнические отношения.

«Консолидация общества, происходящая в настоящее время, создает необходимую основу для определения содержания базовых ценностей, их возвращения в образовательный процесс» [16, с. 73–75].

Как было уже ранее отмечено в советские годы работа по формированию мировоззрения у молодежи в высшей школе была возложена на идеологические факультеты. В настоящий момент аналогов упомянутому собирательному термину в высшей школе нет. Анализ показал, что одним из факторов отсутствия идеологической работы в высших учебных заведениях является положение, закрепленное в ст. 13 Конституции Российской Федерации, где сказано, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной [17]. Данное положение изначально создает дихотомию. Учитывая тот факт, что статус высшей школы в контексте идеологической работы может носить только государственную транскрипцию, данное положение будет противоречить существующей на настоящий момент правовой модели. Поэтому необходимо найти опорную точку, способную вызвать процесс бифуркации органическим способом, не затрагивая внешних констант. Механическое насаждение сверху вызовет только процесс противодействия, который может выразиться в коллизии между правовыми нормами. Любой подзаконный акт, противоречащий основному закону государства, будет не более чем односторонней прокладкой, создающей бюрократические противоречия. Поэтому для того что бы обойти данный постулат, необходимо выстроить концептуальную модель, которая обладала бы нужными характеристиками. По существу обозначенной проблематики можно предположить следующее: как было отмечено выше, идеология – это всегда мировоз-

зрение, а мировоззрение – это не всегда идеология. Если сместить центр тяжести от идеологии к мировоззрению, то форма изменится, а содержание останется статичным. Стоит отметить, что предложенная новелла будет иметь органический характер, а мировоззренческая безопасность получит необходимый импульс развития [4, с. 215–223]. Мировоззрению в высшей школе отведено особое значение, а в проекции безопасности – исключительное. Синтезируя данные понятия в единой константе, мы, изменив транскрипцию, получаем свободу для реализации программы, заложенной в стратегии национальной безопасности.

«Национальная, государственная и конституционная безопасность в своей совокупности представляют собой уровень защищенности интересов личности, общества и государства. Ее достижение возможно тремя основными способами: непосредственной защитой от конкретных внутренних и внешних угроз; упреждающим устранением источников потенциальной опасности; а также развитием у защищаемых объектов собственных механизмов самосохранения и адаптации» [18, с. 10].

«Сопоставляя стратегию национальной безопасности Российской Федерации с перечисленными выше уровнями защищенности, можно резюмировать: что она спроектирована по лекалам третьего способа защищенности, а именно: развитием у защищаемых объектов собственных механизмов самосохранения и адаптации. Двигаясь от изложенного далее, стоит отметить, что социальный контроль и мировоззрение, рассматриваемые имманентно в объекте, представляют собой симфонию органического процесса, который в нашем случае необходимо внедрить в систему национальной безопасности» [13, с. 508–510].

Как было отмечено выше, идеологическую магистраль необходимо выстраивать максимально органично, избегать по возможности создания новых императивов, особенно на федеральном уровне, которые будут одинаковы для всех регионов Российской Федерации. Данная рекомендация зиждется на том, что Россия – многонациональное государство, каждый субъект по-своему специфичен. То, что будет работать в правовом поле одного субъекта, абсолютно не сможет применяться в другом или, того хуже, вызовет откровенный протест местного населения и тем самым обострит национальный вопрос. «Столкнувшись с расовой или этнической ненавистью, совершенно нормальный человек может сам стать ненавистником. Заразительность нетерпимости имеет ту же природу, что и жажда мести. В ее корне находится стремление к реципрокности и к установлению равновесия в силе, богатстве, статусах и качестве жизни» [11, с. 89–103]. Отдельное внимание необходимо уделить субъектам, носящим республиканский статус. Это связано с наличием своей внутренней Конституции, национальности, языка; перечисленные факторы могут оказать противоречие при внедрении мировоззренческих матриц, содержащих федеральную программу. В качестве примера можно привести следующие факты: протест татарской общности в городе Омске в июле 2016 г. на установление памятника Ермаку [15, с. 56–64]. Или если брать идеологическую работу в части касающейся патриотизма – чувства, которое должно прививаться молодежи в рамках представленной концепции, – то в ряде субъектов могут возникнуть противоречия. Потому как патриотизм и праздник, посвященный дню «Защитника Отечества», отмечаемый 23 февраля, по своему содержанию несут имманентный характер. «Если целью патриотического воспитания является формирование готовности к служению Отечеству, то одна из задач, решаемая для достижения вышеуказанной цели, – популяризация службы в вооруженных силах» [14, с. 55–59]. Но упомянутая дата в отдельных республиках сопровождается трауром: операция «Чечевица», означающая репрессию чечено-ингушского народа датируется указанным числом. И если проводить патриотическую работу в контексте упомянутого праздника в указанных республиках, то данное мероприятие может вызвать общественный диссонанс.

Анализ показал, что ключевым фактором реализации данной концепции будет являться способность корреляции внутренних и внешних констант, регионального и федерального уровня. «Социальные изменения – это основная категория, характеризующая описание социальной динамики и переход социальных объектов из одного состояния в другое» [12, с. 414–427].

Реализация описываемой программы должна происходить максимально возможным органическим способом; в качестве точки опоры должна выступить внутренняя константа. В качестве инструментария должен выступить социальный контроль. «История становления социального контроля неотделима от истории социума. Социальная история – это непрерывная цепь социальных изменений. Начало истории связано с появлением и становлением социального контроля в ранних формах» [12, с. 414–427]. Феномен социального контроля в интересующей нас проекции заключается в возможности нивелировать проти-

воречия между объектами. Возможность трансформироваться указанного явления в нужной плоскости во временных и пространственных характеристиках не затрагивая механические насаждения, делает его наиболее ликвидным. Потому как механическое внедрение мировоззренческих матриц может вызывать аналогию с попаданием инородного тела в организм, поэтому необходимо внутреннее органическое сопровождение. Указанная процедура нужна для того, чтобы снизить вероятность возникновения процесса сопротивления в социуме. Побочный эффект, который возможен, будет сопровождаться диссонансом и обострением антагонизма и resentimeta.

По состоянию на настоящий момент в высшей школе нет идеологических факультетов, но согласно приказу Минобрнауки России от 7 апреля 2021 года № 266 [19], во всех высших учебных заведениях есть воспитательные отделы. Фактически работа данного отдела заключается в организации проведения общественных мероприятий, художественной самодеятельности и иных праздничных и профилактических инициатив. Если произвести внутреннюю трансформацию указанного отдела, возложив на него в качестве обязанностей проведение просветительской работы по формированию мировоззрения у молодежи в рамках указанной программы, то получится аналог «идеологического факультета», функционировавшего в советское время. Данное преобразование позволит нивелировать правовые нормы не затрагивая противоречивые императивы.

Полученные данные исследования свидетельствуют о том, что программа, заложенная в Стратегии национальной безопасности, в высшей школе может быть реализована органическим способом. Автор предлагает использовать концептуальную модель, представленную в указе президента РФ в части, касающейся возрождения исконно российских идеалов, духовности, достойного отношения к исторической памяти, в качестве базиса. По мнению автора, надстройкой может стать просветительская работа возложенная на воспитательный отдел функционирующий в высших образовательных учреждениях. Как было описано ранее, формирование мировоззрения у социума – это сложный противоречивый эклектический процесс, который должен проводиться синергично. Высшая школа обладает значительным потенциалом, который должен быть реализован с максимальной отдачей. Автор считает, что работа по внедрению мировоззренческих матриц в российский социум с целью формирования духовных ценностей должна проводиться не только механическим путем, с использованием ити – технологий и иных внешних факторов воздействия, но и естественным органичным методом, путем преобразования в естественной среде. Помимо внешнего воздействия на социум необходимо оказать и внутреннее используя аудиторию высшей школы. Работа с аудиторией должна проводиться в субъектах с учетом специфики ментальности, мировоззренческий материал должен предварительно пройти процесс инфильтрации в контексте этнокультурных характеристик региона. В качестве инструментария, по мнению автора, должен быть использован социальный контроль, теоретическая основа которого должна выступить в роли катализатора указанного процесса.

Литература

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 12.01.2026).
2. Писачкина Я.С. Состояние социума: возможности санации кризисных ситуаций и социальный контроль // Российский гуманитарный журнал. – 2022. – Т. 11, № 4. С. 231–241. – Изд. «Социально-гуманитарное знание» – С.П.б.
3. Ильин В.В. «Мядали мы вядали»: к 30-летию «Пьяного кучера» Л. Дербенева (философские сивльвы о национальной тристии) // Российский гуманитарный журнал. – 2024. – Т. 13, № 4. С. 171–179. – Изд. «Социально-гуманитарное знание» – С.П.б.
4. Мелихов И.А. Писачкин Д.В. О необходимости теоретико-философского исследования понятия «мировоззренческая безопасность» / И.А. Мелихов, Д.В. Писачкин // Философия права. – 2025. – № 3 (114). – С. 215–223.
5. Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР/Предисловие автора. – М.: Правда, 1983. – 464 с.
6. Малявин В.В. Конфуций. – М.: Мол. Гвардия, 1992. – 335 с.
7. Писачкина Я.С. Здравомыслие и социальный контроль в системе социально-философского знания // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. Т. 22, № 4. С. 422–440.
8. Писачкина Я.С. Социальный контроль и толерантность как нравственная ценность. Проблема санации // Российский гуманитарный журнал. – 2023. – Т. 12, № 4. С. 212–218. – Изд. «Социально-гуманитарное знание» – С.П.б.

9. Тарасов С.В. Образовательная среда: понятие, структура, типология // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 3. № 3. С. 133–138.

10. Бондаренко Р.А. Трансформация образования в XXI веке // Социально-политическое развитие России как комплексная проблема гуманитарного знания. Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. Волгоград, 2022. С. 102–107.

11. Скрипник А.П. Нормативная этика // Этическая мысль: науч.-теоретич. журнал. – 2019. – Т. 19. № 1. – С. 89–103.

12. Писачкина Я.С. Социальный контроль как фактор общественного прогресса // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2021. Т. 21 № 4. С. 414–427.

13. Писачкина Я.С. Социальный контроль как фактор модернизации системы национальной безопасности России // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 4. С. 508–510.

14. Зикинова Н.В. О проблеме определения результативности патриотического воспитания // Патриотизм и образование: становление профессионала. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2023. С. 55–59.

15. Сергеева З.Х. Конфликты за культурно-символическое пространство и постколониальное мышление: анализ кейса // Управление устойчивым развитием. – 2016. – № 4. – С. 56–64.

16. Бондаренко Р.А. Законодательная база отечественного образования: аксиологический аспект // Онтология и аксиология права. Тезисы докладов и сообщений Одиннадцатой международной научной конференции. Под редакцией С.К. Бурякова. Омск, 2023. С. 73–75.

17. Конституция Российской Федерации. – URL: https://www.consultant.ru/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 11.02.2026).

18. Хвыля-Олинтер А.И. Духовно-религиозное основание национальной безопасности России/ А.И. Хвыля-Олинтер. – М.: Академия управления МВД Российской Федерации, 2012. – 420 с.

19. Приказ Минобрнауки России от 07.04.2021 г. № 266 «О воспитательной работе в образовательных организациях высшего образования, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации». URL: <https://www.informio.ru/update/wuz/47431?ysclid=mr0k0keerz548286191> (дата обращения: 12.02.2026)

HIGHER EDUCATION AND SOCIAL CONTROL AS A FACTOR IN THE IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL SECURITY STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Pisachkina Ya.S.

Polytechnic Technical School No. 47 named after V.G. Fedorov

The object of scientific research is the conceptual model embedded in the National Security Strategy, in terms of reviving native Russian ideals, spirituality, and a decent attitude to historical memory. According to the author, who identifies the presented paradigm as the basis, the implementation of this concept should be animated, affecting a wider range of public institutions than it is now. The subject of the research is the institute of higher education, the potential of which the author considers not to be fully utilized within the framework of the implemented program. Considering the problem through the prism of the unused resource of the specified object, the author suggests using its reserve, thereby creating an add-on on the basis mentioned above. As a recommendation, the author suggests modernizing the work of the educational department of higher education in the presented transcription. The philosophical theoretical understanding of social control as

a phenomenon was used as a methodological basis. According to the author, social control should act as a catalyst for the projected structure. The hermeneutics presented by the author will make it possible to implement the project in an organic way, bypassing possible collisions between imperatives. The scientific research also used the method of dialectics, in particular, the law of transition from quantitative to qualitative changes, the method of social statics and social dynamics, and a comparative analysis of the higher school of the Soviet and modern models.

Keywords: social control, higher education, National security strategy, consolidation of the multinational Russian people, educational department.

References

1. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation № 400 dated July 2, 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (date of reference: 12.01.2026).

2. Pisachkina Ya.S. The state of society: the possibilities of crisis management and social control // Russian Humanitarian Journal. – 2022. – Vol.11, № 4. From 231–241. – Ed. «Social and humanitarian knowledge» – S.P.B.

3. Ilyin V.V. «We faded away»: on the 30th anniversary of the «Drunken coachman» by L. Derbenev (philosophical arguments about national philosophy) // Russian Humanitarian Journal. – 2024. – Vol.13, № 4. From 171–179. – Ed. «Socio-humanitarian knowledge» – S.P.B.

4. Melikhov I.A. Pisachkin D.V. On the need for a theoretical and philosophical study of the concept of «ideological security» / I.A. Melikhov, D.V. Pisachkin // Philosophy of Law. – 2025. – № 3 (114). – Pp. 215–223.

5. Yakovlev N.N. The CIA against the USSR/Preface by the author. – М.: Pravda, 1983. – 464 s.

6. Malyavin V.V. Confucius. – М.: Mol. Guardia, 1992. – 335 s.

7. Pisachkina Ya.S. Sanity and social control in the system of socio-philosophical knowledge // Humanities: current problems of humanities and education. 2022. Vol. 22, № 4. pp. 422–440.

8. Pisachkina Ya.S. Social control and tolerance as a moral value. The problem of sanitation // Russian Humanitarian Journal. – 2023. – Vol.12, № 4. Pp. 212–218. – Ed. «Socio-humanitarian knowledge» – S.P.B.

9. Tarasov S.V. Educational environment: concept, structure, typology // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2011. Vol. 3. № 3. pp. 133–138.

10. Bondarenko R.A. Transformation of education in the 21st century // Socio-political development of Russia as a complex problem of humanitarian knowledge. Materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference. Volgograd, 2022. pp. 102–107.

11. Skripnik A.P. Normative ethics // Ethical thought: scientific and theoretical. journal. – 2019. – Vol.19. № 1. –pp. 89–103.

12. Pisachkina Ya.S. Social control as a factor of social progress // Humanities: current problems of humanities and education. 2021. Vol. 21 № 4. pp. 414–427.

13. Pisachkina Ya.S. Social control as a factor of modernization of the Russian national security system // Socio-humanitarian knowledge. 2026 № 4. pp. 508–510.

14. Zikunova N.V. On the problem of determining the effectiveness of patriotic education // Patriotism and education: becoming a professional. Collection of materials of the International Scientific and practical Conference. Yekaterinburg, 2023. pp. 55–59.

15. Sergeeva Z.H. Conflicts over cultural and symbolic space and postcolonial thinking: a case study // Sustainable Development Management. – 2016. – № 4. – pp. 56–64.

16. Bondarenko R.A. The legislative base of national education: an axiological aspect // Ontology and axiology of law. Abstracts of reports and reports of the Eleventh International Scientific Conference. Edited by S.K. Buryakov. Omsk, 2023. Pp. 73–75.

17. Constitution of the Russian Federation: URL: https://www.consultant.ru/cons_doc_LAW_28399 (accessed: 05/11/2026).

18. Khvylya-Olinter A.I. The spiritual and religious foundation of Russia's national security/ A.I. Khvylya-Olinter. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2012. 420 p.

19. Order № 266 of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 02/07/2021 «On educational work in educational institutions of Higher Education subordinate to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation». URL: <https://www.informio.ru/update/wuz/47431?ysclid=mr0k0keerz548286191> (accessed: 02/12/2026).

Принцип моральной ответственности в эпоху научно-технического прогресса как категорический императив Ханса Йонаса

Симонова Маргарита Михайловна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: mmsimonova@fa.ru

Самассе Мамаду,

магистр Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: mamadousamasse@gmail.com

Левченкова Татьяна Анатольевна,

кандидат философский наук, доцент кафедры истории и политологии Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева
E-mail: tatlev@yandex.ru

В статье раскрываются вопросы философии Ханса Йонаса, которая связана с анализом нового масштаба человеческой власти над окружающим миром. Концепция Йонаса требует рассматривать прогресс через его возможный итог, а не через пользу ближайшего момента. Такой взгляд особенно значим в эпоху, когда технические возможности растут быстрее нравственной готовности человека распоряжаться ими.

Ключевые слова: этика, ответственности, мораль, технологии.

Принцип моральной ответственности за будущее в условиях научно-технического прогресса у Х. Йонаса строится на примате этики долга над этикой пользы. Техническая мощь науки увеличила дальность человеческого действия и сделала последствия использования ее достижений непропорционально большими по сравнению с исходным намерением ученого. Результат исследования больше не ограничивается влиянием на ближайший круг людей и социальных институтов. Он способен входить в природные циклы, накапливаться, приумножаться через инфраструктуры, закрепляться в стандартах и институтах, переходить в инерцию систем. В такой ситуации моральный запрет не может ограничиваться тем, что участник действия хотел или не хотел причинить вред. Требование смещается в сторону последствий, потому что именно последствия становятся формой присутствия человека в мире, когда действие опосредовано техническими устройствами и организационными механизмами. Это превращает прогноз результата открытия и ограничение его использования в элемент нравственного долга не как дополнительное условие, а как обязанность, без которой свобода научного поиска становится свободой разрушения. Встает вопрос о соотношении этики пользы и этики долга в деятельности ученого.

У Х. Йонаса моральная ответственность не равна абстрактной добродетели. Она работает как правило предела. Если вмешательство несет риск необратимости, моральная оценка обязана учитывать цену ошибки заранее, до факта возможной катастрофы. Приоритет получает сохранение условий жизни и самой жизни, потому что эти условия выступают основанием для существования любой моральной системы. Когда исчезают носители морального отношения, исчезают долг, вина, обязанность, нравственный выбор. Поэтому императив выживания фиксирует зависимость этики от онтологических условий. Мораль возможна, пока существует человек, способный отвечать, и пока существует мир, в котором нравственная ответственность имеет смысл. В этом пункте природа включается в область морального требования не через романтическую идеализацию, а через прямую связь природных границ с сохранением человеческой возможности быть субъектом морали [3].

Научно-технический прогресс выявил и усилил еще один момент, из-за которого прежние моральные границы становятся недостаточными. Последствия использования научного открытия и реализации его в действиях часто распределены во времени и пространстве так, что конкретный вред проявляется не сразу, а в отдаленной перспективе и далеко не везде. Это ведет к разрыву между выгодой, получаемой здесь и сейчас, и ущербом, который появляется на горизонте, где уже нет непосредственного свидетеля и прямого адресата. В такой структуре причинности моральный долг не может ждать положительной доказанности каждого частного эффекта. Он обязан удерживать риск на уровне принципа, потому что цена необратимости процесса выше цены отказа от удобства или скорости внедрения. Императив выживания, согласно такой позиции, требует выбирать такие траектории развития, которые допускают контроль, остановку и исправление, и запрещают траектории, где ошибка превращается в судьбу.

Эта логика выводит ответственность за пределы частного правонарушения и частного вреда. Она касается самого способа развития цивилизации. По мнению А.В. Васенкина ответственность в науке и технике выступает необходимым условием сохранения человечества, потому что игнорирование ответственности допускает уничтожение цивилизации. «В настоящее время ответственность в науке и технике – это необходимый компонент развития и прогресса цивилизации, так как в случае непринятия во внимание координат ответственности в науке и технике мир может быть уничтожен» [2, с. 44]. Эта формулировка важна как суть йонасовского императива выживания. Ответственность перестает быть частной добродетелью ученого-профессионала. Она становится условием допустимости самого научного движения вперед. Императив выживания у Х. Йонаса требует уточнить, перед кем и за что отвечает современный субъект научно-технического прогресса.

Традиционная этика чаще строится на симметрии. Субъекты находятся в одном времени, способны предъявлять претензии, способны на взаимные ответы, способны заключать явные или неявные договоры. Современная технологическая ситуация ломает симметрию. Реше-

ния принимаются сейчас, а основные последствия могут быть перенесены на тех, кто еще не родился и не может защитить себя сегодня. Поэтому моральная ответственность перестраивается в сторону асимметричной обязанности. Она возникает не из взаимности, а из власти и чувства долга. Тот, кто обладает возможностью менять условия жизни, приобретает обязанность не лишать будущие поколения права на существование. Это не отменяет моральной ценности живущих сегодня, а добавляет новый уровень долга, где объектом охраны становится сам факт продолжения человеческого присутствия в мире. При таком подходе адресатом ответственности становится не отдельный будущий индивид, а человечество в целом.

По мнению Н. Тоуа императив ответственности у Х. Йонаса направлен на сохранение идеи человека и продолжение бытия будущих носителей нравственной ответственности. «С этим императивом мы, строго говоря, ответственны не перед будущими человеческими индивидами, а перед идеей Человека; ответственность требует продолжения бытия будущих носителей ответственности» [6, с. 5]. Это уточнение очень важно и необходимо. Будущие поколения людей не могут предъявить требование сегодня, но долг перед ними не исчезает, потому что предметом долга становится сохранение самого человеческого способа бытия, в котором возможны мораль и ответственность.

Принцип моральной ответственности у Х. Йонаса не может оставаться делом индивидуальной совести. Масштаб и коллективный характер технологических решений делают личную мораль недостаточной формой реализации императива выживания. Ответственность требует институционального продолжения, поскольку именно социальные институты фиксируют пределы допустимого риска и превращают моральное требование в практику принятия решений. Без правовых норм, процедур экспертизы и механизмов общественного контроля императив ответственности не способен влиять на реальные траектории развития науки и техники.

В этом смысле ответственность переходит в политико-нормативное измерение. Возникает необходимость формирования систем оценки рисков, публичного обсуждения потенциально необратимых технологий и возможности приостановки их реализации или даже запрета при выявлении возможных угроз будущему. Йонасовский императив тем самым становится основанием этики социальных институтов, где моральное содержание встроено в нормативные процедуры, экспертизу и политическую волю. Такая институционализация моральной ответственности подготавливает переход к анализу распределения ответственности в сложных социально-технических системах.

Эпоха научно-технического прогресса радикально меняет соотношение знания и незнания при осуществлении морального выбора. Техническое действие опережает способность человека полно и достоверно предвидеть его последствия.

Связь техники и моральной ответственности у Х. Йонаса выражается через отношение к будущим последствиям. Принцип ответственности предполагает переход к учету будущего как обязательной перспективы принятия решений, потому что техника находится под властью человека и формирует долг человека перед природой.

То есть ответственность закрепляется не в отвлеченном морализме, а в признании того, что власть над техникой превращает человека в инициатора цепочек последствий. В логике императива выживания Ханса Йонаса можно выделить следующие типы риска: экологический, техногенный, социально-технологический, антропологический. Если последствия несут риск разрушения природных и социальных условий, моральный долг требует остановить действие еще до того, как ущерб станет необратимым. Если последствия не ясны в деталях, долг требует принимать во внимание тип риска и цену ошибки, потому что цена ошибки влияет на будущее.

Дальше императив выживания сталкивается с проблемой распределения ответственности в сложных социально-технических системах. Современные решения принимаются коллективно и опосредованы различными данными, алгоритмами, интерфейсами, регламентами, рынками. В таких условиях моральный долг не исчезает. Он меняет форму. Возникает обязанность строить такие системы, где можно установить причину, определить субъект ответственности и предотвратить вред до того, как он станет фактом. Это особенно заметно в системах искусственного интеллекта, где результат может возникать без прямого намерения причинить вред, а причина складывается из множества факторов.

По мнению К. Новелли последствия в таких системах следуют за разными типами фактов, и установление ответственности усложняется спецификой искусственного интеллекта. «Различные последствия следуют за незаконными фактами, например, вредоносным или незаконным поведением (намеренным или непреднамеренным), законными фактами, например, правильным функционированием сис-

темы, или простыми решениями, которые пока не дают результатов...» [5]. К. Новелли утверждает, что «различные факторы приводят к использованию ИИ при совершении неправомерных действий. Например, случай неправомерной дискриминации со стороны искусственного интеллекта может быть вызван предвзятостью обучающих данных, ошибками системы, ошибками программистов, злоупотреблениями, социальной дискриминацией, а иногда и сочетанием этих факторов. Специфика ИИ существенно затрудняет установление ответственности за подобные результаты» [5].

Императив выживания у Йонаса исключает безличную техническую власть. Когда решение рождается на пересечении данных, программной модели и управленческой настройки, исчезновение конкретного ответственного лица становится нравственно недопустимым. По этой причине контроль, подотчетность и возможность проверки должны закладываться в систему еще на стадии ее создания.

Позиция философа меняет само понимание допустимого технического решения. Оно не может считаться приемлемым, если в нем невозможно установить источник ошибки, выявить механизм сбоя, устранить искажение или пресечь причинение вреда. Чаще всего этот вопрос встает там, где автоматизированная обработка влияет на права, доступ к ресурсам и оценку человека. Если последствия возникают, а принять их на себя некому, опасность приобретает не частный, а принципиальный характер. В этом случае нравственный кризис начинается раньше, чем его внешний ущерб становится очевидным.

Принцип недопустимости угрозы человеческому существованию проявляется особенно ясно в ситуациях выбора технологий, где есть зафиксированная польза и одновременно существует опасение долгосрочных рисков.

Моральная ответственность у Х. Йонаса перестает быть отвлеченной философской установкой и становится практическим требованием к политике в области научно-технического развития. Приведем простой пример. CCS (технологии улавливания и хранения углерода) в международных климатических сценариях признается необходимой технологией для удержания глобального потепления в пределах 1,5–2 °C, особенно для стран, продолжающих использовать ископаемую энергию и для промышленности, где выбросы трудно устранить.

Специалисты Немецкого института развития и устойчивости (German Development Institute / Deutsches Institut für Entwicklungspolitik) подчеркивают, что «даже при условии, что вся генерация электроэнергии может осуществляться на возобновляемых источниках энергии, CCS может стать ключевой технологией для предотвращения выбросов парниковых газов в промышленных процессах, достигая 7% всех выбросов парниковых газов в случае Германии». Несмотря на зафиксированный климатический потенциал технологии, в Германии крупномасштабные исследования CCS были прекращены в 2014 году [4, с. 101–125].

Этот пример очень точно раскрывает смысл йонасовского требования нравственной ответственности за будущее. Даже там, где технология рассматривается как способ сдержать возможную климатическую катастрофу, остается обязанность учитывать ее отдаленные и не до конца предсказуемые последствия. Сюда входит и право будущих поколений не нести на себе цену сегодняшнего рискованного решения.

Прекращение крупных исследований в 2014 году показало, что ответственность входит в сам механизм общественного выбора. Решение о допустимости технологии зависит от ожидаемой пользы и от той степени опасности, которую общество не согласно признавать приемлемой. Если возможная ошибка затрагивает необратимые процессы, граница дозволенного проходит раньше обещанного эффекта.

Императив выживания у Х. Йонаса распространяется на область, где под угрозой оказываются природные основания существования человека и границы человека как носителя ответственности. Здесь ответственность перестает быть только экологической обязанностью и становится обязанностью охранять самого человека. Технические вмешательства в жизнь меняют условия, при которых человек остается субъектом, а не объектом конструирования. По мнению М.Х. Бадмаевой принцип ответственности у Х. Йонаса требует ограничивать потребительское отношение к природе, заботиться о ней, нести ответственность за ее будущее, за будущее своих потомков. Под угрозой находится не только окружающая среда, но фундаментальные характеристики самого человека, его физической природы. Искусственное поддержание жизни, успехи геномной инженерии, клонирование, пересадка искусственных органов, прогнозирование синтеза белков, бионические протезы — все

эти новшества заставляют нас иначе взглянуть на «природу» человека и задаться вопросом, где стираются границы между physis и techné в человеческом бытии» [1, с. 74].

То есть императив выживания у Х. Йонаса обращен одновременно к внешнему миру и к человеку. Он требует сохранять природные условия жизни и сохранять человеческое качество существования, потому что утрата любого из этих оснований разрушает будущее как пространство ответственности.

Императив выживания у Х. Йонаса не сводится к физическому продолжению человеческого существования. Речь идет о сохранении человеческого бытия как особого способа бытия, в котором возможны ответственность, смысл и моральный выбор. Выживание понимается не биологически, а экзистенциально, как сохранение достоинства, способности отвечать за свои действия и различать допустимое и недопустимое. Угроза здесь состоит не только в разрушении среды обитания, но и в трансформации человека в объект технического конструирования, где исчезает пространство свободы и нравственной ответственности.

Поэтому принцип нравственной ответственности обращен к человеку как к существу, для которого будущее имеет ценность не само по себе, а как условие осмысленного присутствия в мире. Сохранить будущее означает сохранить возможность быть субъектом, способным осуществлять моральный выбор. В этом смысле императив выживания соединяет онтологическое требование сохранения условий жизни с экзистенциальным требованием сохранения человеческой природы. Моральная ответственность становится формой защиты не только мира, но и самого основания человеческого бытия.

Именно поэтому принцип ответственности выступает моральным законом для эпохи научно-технического прогресса. Он вводит запрет на решения, которые могут уничтожить условия жизни или лишить будущих поколений возможности быть носителями моральной ответственности, даже если сегодняшняя выгода кажется достаточно убедительной. Такой императив задает рамки технологической власти и превращает самоограничение в форму заботы о будущем, без которого научно-технический прогресс утрачивает смысл и превращается в источник необратимых потерь.

Литература

1. Бадмаева М.Х. Этика искусственного интеллекта: принцип ответственности Ганса Йонаса // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2022. Вып. 1. С. 67–79.
2. Васенкин А.В. Принцип ответственности в научно-технической деятельности: история и современное состояние проблемы // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 1(131). С. 44–49.
3. Jonas Hans. The Imperative of Responsibility. In Search of an Ethics for the Technological Age. Chicago: University of Chicago Press, 1984. 263 p.
4. German Development Institute / Deutsches Institut für Entwicklungspolitik (DIE) The imperative of responsibility: understanding Hans Jonas //

Veranstaltungsreihe «Forty years after the Imperative of Responsibility – Ethics of technology choice in times of eroding planetary boundaries». Bonn, 25.04–11.12.2019. URL: <https://www.idos-research.de/veranstaltungen/details/the-imperative-of-responsibility-understanding-hans-jonas> (дата обращения: 01.05.2026).

5. Novelli C., Taddeo M., Floridi L. Accountability in artificial intelligence: what it is and how it works // AI & SOCIETY. 2023. Vol. 39. P. 1871–1882. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00146-023-01635-y> (дата обращения: 01.05.2026).

6. Toya H. Responsibility to Others in the Future: The Foundation of the Imperative of Responsibility in Hans Jonas // Philosophy World Democracy. 21 Jan. 2021. URL: <https://www.philosophy-world-democracy.org/posts/article/responsibility-to-others> (дата обращения: 01.05.2026).

THE PRINCIPLE OF MORAL RESPONSIBILITY IN THE AGE OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PROGRESS AS HANS JONAS'S CATEGORICAL IMPERATIVE

Simonova M.M., Samassé M., Levchenkova T.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation, D.I. Mendeleyev University of Chemical Technology of Russia

This article explores aspects of Hans Jonas's philosophy, which is linked to the analysis of the new scale of human power over the surrounding world. Jonas's concept requires us to consider progress through its potential outcome, rather than through the immediate benefit. This perspective is especially significant in an era when technological capabilities are growing faster than human moral readiness to manage them.

Keywords: ethics, responsibility, morality, technology.

References

1. Badmaeva M. Kh. Ethics of Artificial Intelligence: Hans Jonas's Principle of Responsibility // Bulletin of the Buryat State University. Philosophy. 2022. Issue 1. pp. 67–79.
2. Vasenkin A. V. The Principle of Responsibility in Scientific and Technical Activity: History and Current State of the Problem // Bulletin of the Vyatka State University. 2019. № 1(131). pp. 44–49.
3. Jonas Hans. The Imperative of Responsibility. In Search of an Ethics for the Technological Age. Chicago: University of Chicago Press, 1984. 263 p.
4. German Development Institute / Deutsches Institut für Entwicklungspolitik (DIE) The imperative of responsibility: understanding Hans Jonas // Veranstaltungsreihe «Forty years after the Imperative of Responsibility – Ethics of technology choice in times of eroding planetary boundaries.» Bonn, 25.04–11.12.2019. URL: <https://www.idos-research.de/veranstaltungen/details/the-imperative-of-responsibility-understanding-hans-jonas> (accessed: 05/01/2026).
5. Novelli C., Taddeo M., Floridi L. Accountability in artificial intelligence: what it is and how it works // AI & SOCIETY. 2023. Vol. 39. P. 1871–1882. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00146-023-01635-y> (accessed: 01.05.2026).
6. Toya H. Responsibility to Others in the Future: The Foundation of the Imperative of Responsibility in Hans Jonas // Philosophy World Democracy. 21 Jan. 2021. URL: <https://www.philosophy-world-democracy.org/posts/article/responsibility-to-others> (accessed: 01.05.2026).

Соловьева Светлана Владимировна,

д.ф.н., доцент, заведующий кафедры «Философия и история науки», Приволжский государственный университет путей сообщения

E-mail: s.solovyova@samgups.ru

Волов Вячеслав Теодорович,

д.т.н., д.п.н., д.э.н., д.с.н., д.ф.-м.н., профессор, научный руководитель, член-корреспондент РАО, ПривГУПС

E-mail: volovvt@mail.ru

В статье обосновывается онтологическая сопряженность власти и культуры как способов конституирования человеческого бытия. В противовес институционально-политической парадигме, рассматривающей культуру как вторичное образование по отношению к уже установленному социальному порядку, исследование развивает методологическую оптику, в которой культура предстает как техника «возделывания» (colere) мира в режиме власти-события. Конкретизация конститутивной функции власти осуществляется через выделение двух принципов социального возделывания: производства и соблазна. Производство формирует устойчивые структуры, институты, нормы и накапливаемые ресурсы, соотносимые с властью-субстанцией; соблазн вносит в упорядоченный мир обратимость, игру знаков, вызов и риск, соотносимые с властью-обращением. Опираясь на традицию от Маркса и Ницше до Бодрийера, Делеза и Батая, исследование показывает, что власть-производство и власть-соблазн выступают соразмерными и сущностно переплетенными стратегиями, образующими силовое поле культурного бытия. Пространство между ними – онтологический зазор неопределенности – обнаруживает власть как событие, в котором рождается уникальная для каждой культуры комбинаторика вызовов и ответов. В итоге культура понимается не как результат или функция власти, а как одна из форм ее событийного проявления, осуществляющегося в постоянном напряжении между порядком производства и игрой соблазна.

Ключевые слова: философская антропология, культура, власть, производство, соблазн, событие, интерпретация.

Этимологически понятие «культура» восходит к практикам возделывания и обработки земли. Корень colere, solo задает не только метафору, но и методологическую перспективу для осмысления человеческого бытия. Власть, как и культура, принадлежит пространству и технике обживания: она не только занимает места, но и «возделывает» их, преобразуя ландшафт общественной жизни и создавая новые формы соучастия и субъектности. Результатом властной активности выступает установившийся порядок. Однако привычная трактовка власти, сосредоточенная на категориях силы и управления, обычно рассматривает культуру как вторичное явление по отношению к уже установленному социальному порядку. В статье обосновывается идея связанности власти и культуры как способов конституирования бытия. Конкретизация конститутивной функции власти в культуре опирается на два принципа «возделывания» социального пространства, которые формируют культуру власти как технологию обживания места: производство и соблазн. Именно сочетание производства и соблазна обеспечивает творческую и нормативную силу власти, синергию производства структур, режимов действия и эстетико-перформативных приемов привлечения и мобилизации субъектов.

Тенденция деинституционализации анализа власти в постмодерной философии подрывает классическую парадигму (где власть прежде всего понимается как политический институт) и рождает широкую дискуссию о «конце политики»: «Фикция-вымысел политического есть похоронный вымысел, тем более, что он вызывает настоящее испарение политики» [1, с. 22]. Следуя критической линии Ницше и Хайдеггера, ряд мыслителей (Х. Арндт, Ж. Батай, Р. Бланшо, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж.-Л. Нанси, А. Бадью, Ж. Рансьер и др.) рассматривают политические режимы XX века как выражение институционального, а оттого ограниченного взгляда на власть [2; 3; 4; 5]. Современная философия предлагает перенести аналитический акцент с форм и аппаратов власти на событие и экзистенциальные практики, в которых власть конституируется и переживается. В российской философии такая методологическая поворотность предполагает исследование власти как экзистенциально фундированного способа (на)(у)правления силой экзистенции, как способность к свершению события [6; 7]. Так понимаемая власть выпадает из политического и институционального ее толкования, резко расширяя границы своего (воз)действия. «Властное» обнаруживается в тех областях жизни, которые ранее считались неполитическими, связанными с разными сторонами повседневности.

Исследование власти в контексте онтологии задает методологическую перспективу в понимании культуры как способа обживания мира. Подобное понимание культурного действия предполагает наличие более фундаментального основания, которое мы связываем с событием власти. В этом контексте культура обнаруживает себя в двух модусах, способах, которыми власть-событие возделывает мир. Производство – первый модус, в нем власть-событие создает порядок, структуру, границы; здесь формируются устойчивые формы бытия, институты, законы, нормы, ритуалы. Этому модусу соответствует власть-субстанция, которая часто рассматривается в форме накопленного ресурса (капитал, знание, статус, военная сила и пр.). Соблазн – второй модус, в котором власть-событие изобретает приманку, знак, игру, переопределяя установленные границы и внося в упорядоченный мир обратимость и риск. Этому модусу соответствует власть-обращение, которая не накапливается, но осуществляется в акте вызова, обмена, дуэли. Таким образом, не власть действует в культуре, а культура есть одна из форм проявления власти-события. Производство и соблазн выступают стратегиями и техниками обживания, которые никогда не совпадают, но всегда уже переплетены. Культура как colere есть не что иное, как совокупность этих практик, в которых власть-событие становится видимой, осязаемой, обитаемой.

Производство в широком контексте культуры – это процесс освоения человеком природы и превращения ее в культурное и социальное бытие. Начиная с Маркса, создается расширенное понятие производства. Это не просто процесс, ограниченный фабрикой, но производство – огромный цикл отношений, имеющих не только экономический, но и социальный смысл. Процесс и способ производства рассматривается как «воспроизводство физического существования индивидов», «вид жизнедеятельности» и «образ жизни» людей. Человеческая совместность «совпадает как с тем, что они [люди, – от авт.] производят,

так и с тем, как они производят» [8, с. 8–9]. В анализе Маркс руководствуется «принципом реальности»: любые виды производства (идей, предметов, отношений, людей) вплетены в материальную деятельность, в материальное общение людей, «в язык реальной жизни». Мир социального рассматривается как продукт производства, поскольку деятельность людей, их непрерывный чувственный труд и создание организуются по принципу производства. По Марксу, общество возможно, если существует: производство самой материальной жизни для удовлетворения потребностей человека (1), производство новых потребностей (2), производство людей (3), превращение указанных типов производства из естественного состояния в социальное (4) [8, с. 20–21].

Способ совместной деятельности людей определяется Марксом как «производительная сила». Так открывается силовой, властный аспект производства, которое понимается как социальная сила и власть или способность учреждать порядок вещей и отношений. Источником социальной силы и власти выступает разделение труда в производстве, которое дает раскол между частным и всеобщим интересом, а также отчуждение, все это порождает власть в обществе, власть (как силовое натяжение) по принципу производства. «Социальная сила, т.е. умноженная производительная сила, возникающая благодаря обусловленной разделением труда совместной деятельности различных индивидов, — это социальная сила (...) представляется данным индивидам не как собственная объединенная сила, а как некая чужая, вне их стоящая власть» [8, с. 26], — пишет философ. Производство само по себе — машина, обладающая силой и властью. В реальной действительности производительная сила рождает два типа силы: рабочая сила и капитал. Раскол социальных сил на рабочие и силы капитала рождает власть по принципу производства, по мысли Маркса.

По мнению Тоффлера, власть — неизбежная часть процесса производства, которое по своей сути инновационно. Поэтому власть-производство функционирует по принципу ускорения инноваций. В классических обществах богатство было материальным, оно давало власть, истинным было и обратное. Современное производство превращает богатство в символ — акцию или облигацию, т.е. в бумаги. Происходит процесс тотального отчуждения от капитала: «Маркс говорил об отчуждении рабочих от производимого ими продукта. Но можно говорить и об отчуждении инвестора капитала от источника его богатства» [9, с. 87]. Результатом власти-производства становится создание капитала. В современном обществе капитал акционерных компаний заключен уже не в стоимости имущества (производительных сил), но из способности этих компаний продавать свою продукцию, качества маркетинга, эффективности менеджмента, использованием науки. В основании капитала как способности лежит знание, при помощи которого управление можно интенсифицировать. Капитал становится «суперсимволическим».

Тоффлер в «Метаморфозах власти» выражает следующую мысль: мы вступаем в эру метаморфоз и трансформаций власти. Это происходит на всех уровнях человеческого бытия, а значит, сама власть приобретает иное значение. Традиционно власть-производство реализует себя через силу (насилие), богатство (деньги), знание (информация). Они выступают источниками, рычагами или триадой власти, как их называет Тоффлер. Он использует понятие «качество власти». Это симптоматичное понятие, поскольку власть-производство действительно имеет очевидную мерность. Самой низкокачественной властью можно считать открытое насилие, физическую силу. Самая высококачественная власть рождается на основании знания, т.е. это не просто возможность сделать что-то по-своему и принудить к этому людей, но эта власть предполагает «эффективность — достижение цели с минимальными источниками власти» [9, с. 37]. Одна из метаморфоз современной власти состоит в том, что и сила, и богатство стали «паразитичны и зависимы от знания». Знание становится сущностной компонентой, источником силы и богатства. Контроль над знаниями — вот суть будущей всемирной битвы за власть во всех институтах человечества. Информационные войны — вот современные типы конфликтов и противостояния институтов и субъектов, претендующих на господство. Тоффлер выводит качество власти из знания, т.е. из используемого интеллектуального потенциала в осуществлении власти. Думаю, что качество власти-производства измеряется не только присутствием во властном отношении знания, но также и возможностью осуществлять властное отношение в ситуации максимальной свободы подвластного. Свобода и знание — вот маркеры высокого качества власти. Можно сказать, что качество власти зависит от того количества свободы и информации, которыми обладает подвластный субъект. И чем больше свободы у субъекта, тем сложнее и качественнее должно быть отношение влияния и управления, т.е. власти.

В классической философии было выделено три типа власти: власть труда, секса и знания. Несмотря на их разницу, их объединяет ультиматум производства. Власть в социуме создается и действует по принципу производства. Бодрийяр противопоставляет власти иной тип социального отношения — соблазн. В универсуме производства силы всегда должны быть прозрачными, подвержены строгому счету, тогда как в соблазне его силовая и энергичная составляющая всегда ускользает от обозрения. Капитал, производство «порождает как энергетическое тело рабочей силы, так и тело, о котором мы грезим сегодня как о месте желания и бессознательного, как о святилище психической энергии и влечения» [10, с. 53]. Так энергия реализует себя в теле, во-первых; а именно в теле производящем (энергия производительных сил и психическая, либидозная энергия), во-вторых; и наконец в *cogito* (здесь можно вспомнить всем известный афоризм Бэкона «знание — сила»), в-третьих. Так в универсуме производства рождаются три силовые фигуры: рабочий, либидо, *cogito*.

Мерность власти-производства и власти-соблазна определяется через их границы. Первый тип власти конечен, в силу того, что источниками такой власти выступают сила, богатство и объективное знание, которые всегда обозримы, особенно в эпоху капитализма. Все, что можно забрать силой, купить или познать как объективный закон действительности — все охватывается властью-производства. Источником власти-соблазна выступает знак, игра, ритуал, и кажется, что она бесконечна в том смысле, что пространство знаковой игры необозримо. Но у этого типа власти есть границы: ее границы — пространство символического. Власть-соблазн разрушается под напором утверждения принципа реальности, верно и обратное. Правда, внутри современной власти-производства происходит метаморфоза: знание становится решающим источником и аргументом власти. Природа знания такова, что оно не имеет границ ни в пространственном, ни во временном отношении, оно не может быть израсходовано, что переструктурирует власть-производство. В современное производство вторгается принцип воображаемого, что вносит в него принципы власти-соблазна. Поэтому, в отличие от Бодрийяра, который говорил о закате производства, мне кажется, что еще рано думать об окончательной победе игры над производством, или победы воображаемого над реальным, хотя очевидны мутации. Наступает конец массовому производству, начинается рост производства по индивидуальным заказам, глобальный маркетинг уступает место микромаркетингу. В производство проникает игра знаков, оно становится символическим. «Знание, — пишет Тоффлер, — служит оружием в этой борьбе за власть, которая идет рука об руку с появлением экономики суперсимволов» [9, с. 46].

Альтернативой власти-производства выступает соблазн, в котором культура власти представляется как процесс влияния, как создание и творчество интерпретаций в пространстве культурного бытия человека. Знак захватывает и увлекает нас в бесконечный процесс игры и разнобразия. Всякий культурный предмет излучает знаки, поэтому любой процесс вхождения и существования в поле культуры есть интерпретация этих знаков. В анализе власти-соблазна наиболее интересны знаки искусства и любви. «Влюбиться, — утверждает Делез, — означает индивидуализировать кого-либо посредством знаков, которые тот несет или излучает, то есть стать чувствительным к ним, обучиться этим знакам» [11, с. 32]. Знаки любви — это «обманчивые знаки, которые могут быть обращены к нам, только скрывая то, что они выражают» [11, с. 34]. Власть соблазна реализуется через остановку, отказ, ускользание. Мир любимого человека — это всегда мир в определенной степени нас исключаящий, несмотря на знаки особого внимания, которые мы получаем от него. Это ускользание любимого, его соблазнение заключается в том, что его мир все равно меня исключает, в его мире всегда присутствует Другой. Эта расколотость, вечное фоновое присутствие Другого и ускользание любимого за сферу любовной игры образует силовое натяжение между Я и Ты. Это властное отношение не произвол человеческой воли или оказания, но есть постоянный тип нашего существования в пространстве социального. Власть знака тотальна, она конструирует субъекта действия (любящего и любимого, ревнивца, соблазнителя, невинного(ую) и пр.), конструирует объект встречи, и внедряет стратегии соблазна, игры в социальные отношения.

В социокультурном мире всегда присутствует не только сила, но и «насилие знака». Знаки вызывают к нашему мышлению, они заставляют нас искать в них смысл. В этот момент *cogito* подвергается своеобразному принуждению, давление чувственности и насилие знака не оставляют нам никакого выбора, мы становимся соблазненными ими вне зависимости от силы нашего сопротивления, примером может служить любовь, ревность, музыка и пр. Делез задается вопросом: что вынуждает нас мыслить, что вынуждает нас вступить в игру воображения. Для классиков ответ на этот вопрос очевиден: это субстанциональность и свобода *cogito*. И все же, где вырабатываются силы, кото-

рые вынуждают нас мыслить и поступать? Одного мышления и воли мало для этого, таким определяющим силовым элементом культуры и экзистенции становится Знак. «Знак, — пишет Делез, — вот то, что *вынуждает* мыслить (курсив от авт.). (...) Думать — это всегда интерпретировать, т.е. объяснить, разворачивать, дешифровать и транслировать знак. Транслировать, дешифровать, разворачивать суть формы чистого творения» [11, с. 125].

Делез представляет власть-соблазн как структурный для культурного пространства принцип различия. Различие не является внешним, эмпирическим или субъективным. Различие выражает себя через субъекта, но есть сущность бытия культуры. Сущность культурного бытия как различия в эмпирии сущего утверждается только через «самоповторение». В этом парадокс культуры и власти-соблазна. Самоповторение дает тот ресурс силы, власти и влияния, которые делают возможным культуру власти по принципу соблазна. «Художник не устаревают, потому что он повторяется; — пишет Делез, — ибо повторение есть движущая сила разнообразия, и не меньше чем разнообразие — движущая сила повторения» [11, с. 76]. Знаковая деятельность культурного субъекта сокрыта в жажде интерпретировать, транслировать и дешифровать смысл знаков.

Связь интерпретации и власти впервые получает радикальную экспликацию у Ницше. Воля к власти есть, согласно этой логике, сама интерпретирующая способность: она не использует интерпретации в качестве своих инструментов, но сама представляет собой интерпретативный жест, посредством которого нечто овладевается, упорядочивается и переводится в горизонт смысла. Как пишет философ: «Всякое свершение в (...) мире есть возобладание и господствовать и что, в свою очередь, всякое возобладание и господствование есть новая интерпретация, приношение, при котором прежние «смысл» и «цель» с неизбежностью должны померкнуть либо вовсе исчезнуть» [12, с. 455]. Интерпретация в этом случае никогда не надстройка над бытием, но способ его существования. Мы всегда уже находимся внутри поля интерпретаций и интерпретаторов, и этот мир не знает внеположенной ему «реальности» в классическом смысле. Поэтому любой акт познания оказывается актом власти или способом упорядочивания хаоса чувственных данных в соответствии с потребностями жизни. Здесь власть предстает не как субстанция, раз и навсегда данное, а как принцип осуществления. Власть действует через непрерывную смену интерпретаций, каждая из которых на время закрепляет смысл, чтобы затем уступить место следующей. «Форма текуча, — подчеркивает Ницше, — «смысл» еще более...» [12, с. 456]. История любой вещи, института или понятия предстает не как прогрессивное развертывание некой имманентной цели, но как последовательность разновременных актов возобладания: одни интерпретации сменяют другие, и то, что некогда выступало как «цель», в новом контексте оказывается лишь средством или случайным следствием.

Делез толкует волю к власти Ницше как генетический и пластический принцип всего ценностного, принцип, который всегда уже действует в актах оценки, познания и творчества. Благодаря воле к власти сила управляет, но благодаря воле к власти и подчиняется. Двум типам сил, как показывает Делез, соответствуют два лика, две качественные модальности воли к власти: два крайних, текучих характера, более сокровенных, нежели характеры сил, которые из них проистекают» [13, с. 36]. Активные силы утверждают, в том числе и собственное отличие. Реактивные, напротив, определяются через сопротивление иному; отрицание в них первично, и лишь через него они приходят к подобию утверждения. «Стало быть, отрицание и утверждение являются двумя *qualia* воли к власти, как активность и реактивность — качествами сил» [13, с. 36]. Именно в этом различии Делез усматривает ключ к пониманию ницшевской теории ценностей. Активная сила создает ценности, устанавливает смысл, задает направление; реактивная сила оценивает уже созданное, измеряет себя по отношению к утвержденному, определяет себя через отрицание.

Универсум соблазна, в котором разворачивается эта игра сил, рождается из вечного возвращения, которое у Делеза предстает как нескончаемая игра. Вечное возвращение есть селективная сила: оно возвращает лишь то, что способно быть утвержденным, что выдерживает испытание своей собственной единственностью. В этом смысле оно становится не законом природы, а этическим и эстетическим принципом, требующим от мысли и действия постоянного творчества, постоянного производства новых смыслов и новых форм жизни.

Тема Возвращения открывается в творчестве Бодрийяра как тема Сворачивания и Соблазна. Он дает собственное позитивное определение власти, радикально порывающее с ее репрессивными и инструментальными трактовками: «Власть — это нечто подлежащее обмену. Не в экономическом смысле, а в том, что власть осуществляется согласно обратимому циклу сворачивания, вызова и уловки (не ось,

не передача до бесконечности, а цикл)» [10, с. 71]. Сворачивание произрастает из «той обратимости», которая во власти всегда присутствует и на которой основывается ее символический цикл. Поэтому власть не выражается в антагонистических позициях, типа, угнетенный-угнетатель, господин-раб, но все же осуществляется согласно циклу смерти. Абсолютно все, включая власть, ищет собственную смерть, или, в категориях Бодрийяра, все стремится обмениваться, обращаться, уничтожаться в цикле. «Только это одно и по-настоящему сворачивает» [10, с. 72]. Однако во власти заключен глубокий парадокс. С одной стороны, она сворачивает, поскольку является процессом обратимым и подверженным смерти. С другой стороны, власть стремится быть необратимой, кумулятивной и бессмертной, подобно стоимости. Этот парадокс раздваивает самое существо власти: в одной перспективе она разделяет все иллюзии производства и реального, в другой, являясь циклом обмена и сворачивания, не имеет ничего общего с принципом реальности. Власть оказывается двойственной: она всегда уже находится между смертью и бессмертием, между символическим обменом и экономическим накоплением, между соблазном и принуждением. Эта двойственность, колебание между обратимостью и необратимостью, и составляет ее подлинную природу, которая сворачивает именно потому, что не может быть окончательно зафиксирована ни в одном из своих моментов.

В работе «Соблазн» Бодрийяр разделяет два типа производства социокультурного бытия: власть (которая осуществляет себя через производство, сексуальность, мужское) и соблазн (проявляется через игру, неопределенность, женское). Соблазн не вписывается в строй эквивалентности и стоимости, но торжествует над производством. «Соблазн представляет собой господство символической вселенной, тогда как власть — всего лишь господство над реальной» [14, с. 36], — пишет философ. Мне кажется, что не стоит противопоставлять власть и соблазн, скорее это два типа силы, два типа власти, благодаря которым и возможно творение и упорядочивание бытия культуры и человека. Сила соблазна проистекает и организуется по принципам:

- искомое никогда не оказывается там, где мыслится или «принцип неопределенности» силы и власти соблазна;
- все обращается в игру видимостей, в знаки, которые противостоят силам бытия и реальности или принцип «игры», принцип «ускользания»;
- если производство принадлежит к строю природы, то соблазн к ритуалу (принцип «искусственности» и постоянной обратимости);
- и наконец принцип «пустотности» соблазна, который не принадлежит выраженным силовым отношениям, но обволакивает силу и власть.

Власть-соблазн исполняется в плане *дуально-дуэльного* отношения, в котором она бросает вызов обществу, и сама принимает вызов — доказать, что смеет существовать [14, с. 96]. Стратегия соблазна — стратегия видимости или **вызова** (высшей формой которого является обольщение). Власть по типу производства, напротив, отвергает и уничтожает видимость, ярким примером тому может служить наука и философия. Наука уничтожает игру видимостей и открывает то подлинное, что не видно рядовому взгляду. Эта возможность узреть сущее со стороны его истины бытия основана на связи (при-вязи) нашего созерцания к предмету. В соблазне происходит обратное, здесь только видимость, за ней ничего нет, она не скоррелирована с реальным сущим, соблазн — это мнимое бытие, обладающее всей полнотой сущего. Так картина действительности, созданная производством, отличается от видимости, рожденной соблазном. Действительность производства направлена на то, чтобы сделать нечто реальным (труд должен выразить себя в капитале, наука в знании законов, секс в оргазме, семья в детях и пр.), в пространстве соблазна все оборачивается в другую сторону. «Соблазнять — как замечает Бодрийяр, — значит *умирать как реальность и рождаться в виде приманки*» [14, с. 131]. Приманкой может служить только игра пустых и бессмысленных знаков, которые открываются нашему взору как вызов, как тайна. Сила вызова проистекает не из либидозной энергии страсти или неодолимости желания, но сила соблазна рождается от «чистой формы игры и чисто формальной эскалации взлетающих ставок», как пишет Бодрийяр. Действительно, соблазн осуществляется по принципу ставки, в пределе ставка должна быть такой, что на кон должна браться жизнь, и только тогда соблазн рождает силу, способную развернуть судьбу в любом направлении, поэтому соблазн всегда без-умен. Но не стоит думать, что власть-соблазн находится вне ума, вне *cogito*, напротив, у нее есть свои четкие правила игры. Эти правила — «дуально-дуэльное» отношение, которое регламентировано ритуальностью. Смысл ритуала в том, чтобы все принудить превратиться в знаки, все должно *означать*.

Стратегия власти-соблазна — это стратегия вызова или вопроса, тогда как стратегия власти-производства — это стратегия **ответа**. Прин-

цип производства всегда исходит из экономии сил и ресурса, поэтому реализуется по образу контракта (такого договора, в котором все возможные отношения и принципы обговорены и одобрены, уже все заранее известно, в том числе даже исход деятельности). И чем подробнее и добротнее контракт, тем эффективнее будет производство и все процессы его сопровождающие. Не стоит думать, что соблазн индивидуализирует бытие человека, а производство унифицирует, делает безликим. Это далеко не так, т.к. соблазн – это пространство ритуала, где нет лиц, но есть маски. В этом отношении власть и как производство, и как соблазн производят всякий раз культурного субъекта, с уже заранее сформированными и вложенными в него правилами своего осуществления.

Много современных авторов писали о соблазне и производстве, но никто не поднимал вопрос: а существует ли что-то между этими типами социальной власти? Действительно, противоположность и невозможность встречи производства и соблазна выражается в некотором онтологическом зазоре между этими типами власти. Зазор между ними – это пространство и время между вызовом и ответом, это пространство неопределенности, соблазна как игры без правил, производства без результата и цели, – обнаруживает состояние бытия как события. Именно в ситуации события возможна индивидуальность и уникальное, именно в этот момент события рождается та самобытная для каждой эмпирической культуры комбинаторика вызовов и ответов, которая она сама порождает, про-изводит и т.д. В этом отношении и производство, и соблазн абсолютно соразмерные и равные стратегии, существующие в культуре. Поэтому власть-производство, власть-соблазн никогда не ставят вопрос и проблему начала, они уже как-то есть, они уже как-то реализуются. Вопрос о начале производства и соблазна, вопроса и ответа – это вопрос из области онтологии события.

Если в основании власти-производства лежит истина, вытекающая из труда, волевого усилия, мышления, то власть-соблазн открывается через ускользание, именование, смысл. Принцип соблазна двойственен: он выражается через ускользание-шифровку и через творение и интерпретацию знаков. Наиболее явным примером такого рода существования власти выступает искусство, где возникает этот зазор между материальностью знака (произведение искусства во всей плотности его предметного существования) и того смысла, который конструируется вокруг произведения. Но существенным является не столько единство знака и смысла, но их постоянное заново рождение, их непрерывная комбинаторика и игра, которая открывает власть соблазна в пространстве культурного бытия человека. Власть-производство дает опору и прозрачность бытия, власть-соблазн фальсифицирует все надежные основания, отправляя их в пляску знаков. Власть-производство дает порядок и размерность социокультурному бытию человека, власть-соблазн выступает истоком творения культуры как вечно нового и неизведанного. Таким образом, эти два типа власти дают культуре и человеку два возможных типа существования, соединяясь и образуя само протекание жизни человека и общества. Они противоположны, но как универсальные бытийные структуры образуют жизнь личности и культуры.

Таким образом, культура как возделывание и культура как обольщение рассмотрены как две техники обживания мира, две стратегии власти, которые никогда не совпадают, но сущностное переплетены.

В предложенной методологической оптике власть перестает быть однородным феноменом и монолитным фундаментом, власть обнаруживает проявляется и как субстанция, и как событие. Или точно заявляет А. Бадью, «вмешательство выдвигает Двоицу против структуры Единицы» [1, с. 85]. Власть-субстанция (аспект возделывания в культуре) мыслится как уже имеющийся и накапливаемый сила-ресурс: институты, капитал, административные ресурсы, знание как объект и традиции как устойчивый запас силы. Этот тип власти конституирует долговременные структуры, обеспечивает воспроизводство правил и распределение потенций; он опирается на механизм передачи, накопления и институционализации. Власть-событие (аспект обольщения, событие разрыва и риска, игра на крупную ставку) событийно случается в актах обмена, вызова и обращения: перформансы, символические приманки, карательные или привлекательные эпизоды, способные перераспределить смысловые и нормативные границы. Как событие власть не существует заранее; она возникает в переживании, вовлечении и ритуализации, порождая обратимость и нестабильность, характерные для коловорота соблазна. Власть-событие через возвращение вводит элемент цикличности и обратимости, а он подрывает саму логику накопления. Здесь суверенность рождается из энергичного и бытийного избытка, поскольку рост жизни связан с постоянным оттоком «избыточных ресурсов, на пользу возможному великому расточительству» [15, с. 123].

Литература

1. Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике / пер. с фр. Б. Скуратов, К. Голубович. – М.: Логос, 2005. – 240 с.
2. Хайдеггер М. Ницше: в 2 т. Т. I / пер. с нем. Д.П. Щурбелова. – СПб.: Владимир Даль, 2006. – 608 с.
3. Хайдеггер М. Введение в метафизику / пер. с нем. О.Н. Гучинской. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – 304 с.
4. Батай Ж. Суверенность // Батай Ж. Проклятая доля. Сакральная социология / пер. с фр.; сост. С.И. Зенкин. – М.: Ладомир, 2006. – С. 313–490.
5. Рансьер Ж. На краю политического / пер. с фр. Б.М. Скуратова. – М.: Праксис, 2006. – 160 с.
6. Соловьева С.В. Феномены власти в бытии человека: специальность 09.00.11 «Социальная философия»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Соловьева Светлана Владимировна. – Самара, 2011. – 39 с.
7. Соловьева С.В. На стороне власти: очерки об экзистенциальном смысле власти. – Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 2009. – 248 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (I глава «Немецкой идеологии») // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. – М.: Политическая литература, 1980. – С. 7–40.
9. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века / пер. с англ. – М.: ООО «Изд. АСТ», 2004. – 672 с.
10. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко / пер. с фр. Д. Калугин. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – 160 с.
11. Делез Ж. Марсель Пруст и знаки / пер. с фр. Е.Г. Соколова. – СПб.: Алетейя, 1999. – 224 с.
12. Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 407–524.
13. Делез Ж. Ницше / пер. с франц.; послесл. и коммент. С.Л. Фокина. – СПб.: Аxioma, 2001. – 224 с.
14. Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи. – М.: Ad Marginem, 2000. – 320 с.
15. Батай Ж. Проклятая часть. Опыт общей экономики // Батай Ж. Проклятая доля. Сакральная социология / пер. с фр.; сост. С.И. Зенкин. – М.: Ладомир, 2006. – С. 109–236.

TOPOGRAPHY OF POWER: FROM THE PRODUCTION OF THE SUBJECT TO THE SPACE OF INTERPRETATIONS

Solovyova S.V., Volov V.T.
Volga State Transport University

This article substantiates the ontological conjugation of power and culture as modes of constituting human existence. Contrary to the institutional-political paradigm, which views culture as secondary to the established social order, the study develops a methodological lens in which culture is presented as a technique for “cultivating” (colere) the world in the regime of power-as-event. The constitutive function of power is concretized through the identification of two principles of social cultivation: production and seduction. Production creates stable structures, institutions, norms, and accumulated resources, correlated with power-as-substance; seduction introduces reversibility, the play of signs, challenge, and risk into the ordered world, correlated with power-as-circulation. Drawing on a tradition from Marx and Nietzsche to Baudrillard, Deleuze, and Bataille, the study demonstrates that power-as-production and power-as-seduction are coherent and essentially intertwined strategies that form the force field of cultural existence. The space between them—the ontological gap of uncertainty—reveals power as an event in which a unique combination of challenges and responses is born for each culture. Ultimately, culture is understood not as a result or function of power, but as one of its eventual manifestations, realized in the constant tension between the order of production and the play of seduction.

Keywords: philosophical anthropology, culture, power, production, seduction, event, interpretation

References

1. Bad'yu A. Meta/Politika: Mozhno li myslyt' politiku? Kratkij traktat po metapolitike / per. s fr. B. Skuratov, K. Golubovich. – M.: Logos, 2005. – 240 s.
2. Hajdegger M. Nicshe: v 2 t. T. I / per. s nem. D.P. SHCHurbelova. – SPb.: Vladimir Dal', 2006. – 608 s.
3. Hajdegger M. Vvedenie v metafiziku / per. s nem. O.N. Guchinskoj. – SPb.: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola, 1998. – 304 s.
4. Bataj ZH. Suverenost' // Bataj ZH. Proklyataya dolya. Sakral'naya sociologiya / per. s fr.; sost. S.I. Zenkin. – M.: Ladomir, 2006. – S. 313–490.
5. Rans'er ZH. Na krayu politicheskogo / per. s fr. B.M. Skuratova. – M.: Praksis, 2006. – 160 s.
6. Solov'eva S.V. Fenomeny vlasti v bytii cheloveka: special'nost' 09.00.11 “Social'naja filosofija”: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filosofskih nauk / Solov'eva Svetlana Vladimirovna. – Samara, 2011. – 39 s.

7. Solov'eva S.V. Na storone vlasti: ocherki ob ekzistencial'nom smysle vlasti. – Samara: Samarskij nacional'nyj issledovatel'skij universitet imeni akademika S.P. Koroleva, 2009. – 248 s.

8. Marks K., Engel's F. Fejrbah. Protivopozhnost' materialisticheskogo i idealisticheskogo vozzrenij (I glava «Nemeckoj ideologii») // Marks K., Engel's F. Izbrannye proizvedeniya: v 3 t. T. 1. – M.: Politicheskaya literatura, 1980. – S. 7–40.

9. Toffler E. Metamorfozy vlasti. Znanie, bogatstvo i sila na poroge XXI veka / per. s ang. – M.: OOO «Izd. AST», 2004. – 672 s.

10. Bodriyyar ZH. Zabyt' Fuko / per. s fr. D. Kalugin. – SPb.: Vladimir Dal', 2000. – 160 s.

11. Delez ZH. Marsel' Prust i znaki / per. s fr. E.G. Sokolova. – SPb.: Aletejya, 1999. – 224 s.

12. Nicshe F. K genealogii morali // Nicshe F. Sochineniya: v 2 t. T. 2. – M.: Mysl', 1990. – S. 407–524.

13. Delez ZH. Nicshe / per. s franc.; poslesl. i komment. S.L. Fokina. – SPb.: Axioma, 2001. – 224 s.

14. Bodriyyar ZH. Soblazn / per. s fr. A. Garadzhi. – M.: Ad Marginem, 2000. – 320 s.

15. Bataj ZH. Proklyataya chast'. Opyt obshchej ekonomiki // Bataj ZH. Proklyataya dolya. Sakral'naya sociologiya / per. s fr.; sost. S.I. Zenkin. – M.: Ladomir, 2006. – S. 109–236.

Профессиональная идентичность педагога в сообществе практики: участие, признание и интерпретация нормы

Стебловская Лариса Станиславовна,

соискатель кафедры «Социальная инженерия», ФГБОУ ВО
«Приволжский государственный университет путей сообщения»
E-mail: steblovlar2013@ya.ru

Гнатюк Максим Александрович,

доктор философских наук, доцент, первый проректор
Приволжского государственного университета путей,
ФГБОУ ВО «Приволжский государственный университет
путей сообщения»
E-mail: gnatyuk@samgups.ru

В статье исследуется формирование профессиональной идентичности педагога в сообществе практики. Проблема состоит в двойственном характере коллективного профессионального развития, когда совместная деятельность открывает доступ к неявному знанию, языку и ресурсам профессии, но одновременно может закреплять зависимость от групповой нормы и неравенство права голоса. Цель работы состоит в том, чтобы разработать философскую модель субъектного участия, объясняющую, при каких условиях освоение коллективной практики становится основанием профессиональной самостоятельности. Методология объединяет концептуальный анализ понятий участия, идентичности, признания, нормы и субъектности; герменевтическую реконструкцию профессионального опыта; социально-философский анализ позиций и ресурсов; критический анализ нормализующей власти. Теория ситуативного обучения Ж. Лэйв и Э. Венгера сопоставляется с концепциями идентичности Ч. Тейлора и Э. Гидденса, признания А. Хоннета, поля П. Бурдьё, дисциплинарной власти М. Фуко, профессиональной агентности и диалогической идентичности. Обосновано, что практика не просто передаётся сообществом, а изменяется в каждом конкретном исполнении; сообщество отбирает, признаёт и закрепляет отдельные изменения как допустимые способы профессионального действия. Поэтому норма существует для педагога не только как внешний стандарт, но и как интерпретируемое притязание, соотносимое с образовательной ситуацией, профессиональным опытом и внутренними благами практики. Предложена модель субъектного участия как цикла освоения, интерпретации, признания, ответственного соавторства и преобразования нормы. Научная новизна заключается в соединении теории сообществ практики с философией признания и анализом субъективной интерпретации профессиональной нормы.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, педагог, сообщество практики, участие, признание, власть, субъектность, профессиональная агентность, норма, профессиональное развитие.

Введение

Коллективные формы профессионального развития педагогов, методические объединения, наставничество, проектные команды, мобильные проблемные группы и профессиональные сети, обычно обосновываются возможностью учиться в совместной деятельности. Исследования профессиональных сообществ действительно показывают, что регулярное обсуждение практики, совместная ответственность и обмен опытом способны связывать индивидуальное обучение с изменением профессиональной деятельности [1, с. 10–18]. Однако из этой зависимости не следует, что любое объединение педагогов образует развивающее сообщество. Коллектив может расширять профессиональные возможности, а может использовать участие как канал распространения готовых решений, символического контроля и взаимного подтверждения лояльности. Следовательно, предметом анализа должен быть не организационный факт совместности, а качество отношений, в которых педагог получает доступ к практике, интерпретирует её нормы и приобретает право изменять общее дело.

Такое смещение вопроса подготовлено социальными теориями обучения. Ж. Лэйв и Э. Венгер описывают обучение как изменение участия в социокультурной практике, а не как перенос знания из одного сознания в другое [1, с. 29–43]. Э. Венгер показывает, что взаимное участие, совместное предприятие и общий репертуар связывают производство знания с принадлежностью к сообществу [2, с. 72–85]. Но эта перспектива оставляет напряжение, принципиальное для педагогической профессии. Вхождение в практику требует освоения уже существующих различий и стандартов, тогда как профессиональная ответственность предполагает способность судить о них, возражать и предлагать иное действие. Если принадлежность приобретает ценность отказа от критической дистанции, обучение ведёт не к становлению субъекта, а к нормативной адаптации.

Проблема профессиональной идентичности делает это противоречие особенно заметным. Современные исследования рассматривают идентичность учителя как изменчивую, множественную и зависимую от контекста, но одновременно связанную с переживанием биографической непрерывности и ответственностью за выбранную позицию [12, с. 107–125; 13, с. 175–187; 14, с. 309–318]. Педагог определяет себя не изолированно: его самописание складывается в диалоге с коллегами, учениками, администрацией и публичными представлениями о «хорошем учителе». Вместе с тем социальная обусловленность идентичности не отменяет вопроса о субъектности. Напротив, она требует объяснить, как человек может принадлежать профессиональному миру, не растворяясь в его наиболее влиятельной версии.

Отсюда следует вопрос, каким образом участие в профессиональном сообществе одновременно формирует идентичность педагога и сохраняет возможность самостоятельного суждения о норме? Ответ на него требует связать три аналитических плана, первый раскрывает обучение как доступ к практике и изменение позиции участника [1, с. 100–111; 2, с. 149–163]; второй показывает, как признание поддерживает практическое отношение человека к себе [7, с. 92–130], и третий выявляет власть, которая распределяет ресурсы, право речи и способы различать нормальное и отклоняющееся [8, с. 94–115; 9, с. 170–194]. Их соединение позволяет перейти от внешних признаков «эффективного сообщества» к анализу того, как сами участники понимают, принимают, оспаривают и преобразуют профессиональную норму.

Обучение как изменение участия в социальной практике

Отметим, что теория ситуативного обучения меняет исходную единицу анализа. Если в традиционной модели сначала существует знание, затем оно сообщается обучающемуся и только после этого применяется. То в модели Ж. Лэйв и Э. Венгера знание возникает и становится доступным внутри отношений между новичками, опытными участниками, орудиями и задачами практики [1, с. 29–43]. Понятие легитимного периферийного участия обозначает поэтому не слабую или второстепенную активность, а особую форму доступа, в которой новичок включён в реальное дело, хотя объём его ответственности пока

ограничен. Периферийность становится образовательной лишь тогда, когда открывает движение к более сложному участию, если человеку поручают операции, не позволяющие понять целое, она превращается в устойчивое исключение [1, с. 100–111].

Для педагогической профессии это различие означает, что присутствие на методическом мероприятии ещё не является участием. Педагог учится в сообществе, когда включается в анализ образовательной ситуации, формулирование проблемы, выбор средств и обсуждение последствий. Наблюдение за коллегой становится содержательным не само по себе, а потому, что наблюдателю доступны основания решения и язык, на котором оно может быть поставлено под вопрос. Иначе методическая коммуникация воспроизводит прежнюю передаточную схему. Исследования неформального обучения на рабочем месте подтверждают значение наблюдения, совместной работы, обратной связи и постепенного расширения ответственности, одновременно указывая на зависимость обучения от доступных отношений и организационного контекста [3, с. 247–252, 266–269].

Взаимное участие и общий репертуар у Э. Венгера образуют не перечень свойств группы, а взаимозависимую структуру производства смысла [2, с. 72–85]. Репертуар включает понятия, истории, инструменты и привычные способы решения, взаимное участие удерживает это согласование в отношениях. Поэтому профессиональная практика не может быть полностью зафиксирована в инструкции. Инструкция описывает повторяемую форму действия, но конкретная образовательная ситуация требует её актуализации, в которой педагог неизбежно расставляет акценты, соединяет средства и интерпретирует результат.

Отсюда следует, что практика изменяется не только после принятия коллективного решения, но уже в каждом конкретном исполнении. Осваиваемый образец существует как возможность, превращая его в действие, педагог соотносит его с учениками, временем, пространством, собственной биографией и нравственной ответственностью. Возникающее различие может остаться единичным, а может быть выражено в рассказе, показе или совместном анализе и стать доступным другим. Сообщество в таком случае выполняет не только обучающую, но и селективную функцию, оно замечает одни изменения, игнорирует другие, признаёт некоторые из них профессионально значимыми и превращает их в часть общего репертуара. Коллективное обучение поэтому представляет собой движение не только участника к центру практики, но и самой практики через множественность её исполнений.

Такое понимание уточняет смысл профессионального развития. Увеличение объёма знаний является лишь одним его измерением. Меняются доступные человеку задачи, право определять проблему, способность объяснять решение и мера ответственности за последствия. Э. Венгер связывает обучение с траекториями идентичности, возникающими в движении между периферийными и более полными формами участия [2, с. 149–163]. Профессиональная идентичность при таком понимании выражает не сумму качеств и не простое совпадение с должностной ролью, а непосредственную деятельность. Ч. Тейлор показывает, что самоопределение возможно внутри горизонтов значимости, когда человек различает важное и второстепенное, достойное и недостойное, поскольку уже включён в пространство ценностных различий [5, с. 25–35]. Профессиональное сообщество предоставляет такой горизонт через язык качества урока, представления об ответственности, истории успеха и способы реагирования на неудачу. Но горизонт не диктует единственный ответ. Он делает позицию артикулируемой и тем самым открывает её обсуждению.

Э. Гидденс определяет самоидентичность через рефлексивно понимаемую биографию и переживание её непрерывности [6, с. 52–55]. Для педагога это означает связывание разнородных событий, выбора профессии, встреч с учениками, конфликтов, освоения новых методов и прочего в единый нарратив, который позволяет узнавать себя в изменениях. Сообщество участвует в создании такого рассказа через внешний диалог, поскольку коллеги предлагают категории интерпретации, подтверждают компетентность, называют вклад и сопоставляют опыт с коллективной памятью. Формирование идентичности поэтому не завершается получением диплома или назначением на должность, оно продолжается всякий раз, когда участник заново объясняет отношение между собственной биографией и смыслом педагогической практики.

Исследования учительской идентичности подтверждают необходимость удерживать вместе индивидуальное и социальное, непрерывность и изменение, единство и множественность позиций [12, с. 121–125; 14, с. 309–316]. Диалогическая модель особенно важна для анализа сообщества практики, так как голоса коллег и институций не просто воздействуют на готовое «я», а становятся внутренними позициями, между которыми педагог устанавливает отношения. При этом диалог не гарантирует равенства. Некоторые голоса получают статус само-

очевидной нормы, другие маркируются как неопытные, эмоциональные или нелояльные. Поэтому множественность сама по себе не образует субъектность, решающей становится возможность связывать позиции, аргументировать выбор и отвечать за него.

Профессиональная идентичность нельзя, следовательно, отождествлять с успешной адаптацией. Адаптация показывает способность действовать в существующей среде, но ничего не говорит о том, как педагог относится к её основаниям. Полное совпадение с групповой ролью устраняет дистанцию, необходимую для различения внутреннего смысла практики и требований конкретной организации. С другой стороны, абсолютная независимость является фикцией, язык критики, критерии значимости и сами предметы несогласия формируются в отношениях. Субъектная позиция возникает в напряжении между принадлежностью и дистанцией, когда педагог принимает профессиональный мир как свой, но не признаёт любую наличную норму окончательным выражением его смысла.

Это напряжение связано и с профессиональной юрисдикцией. Э. Эбботт показывает, что профессии утверждают право определять проблемы, классифицировать случаи и выбирать способы решения [4, с. 59–85]. Если основные образовательные решения полностью переводятся в административный регламент, внешний рейтинг или алгоритмическую рекомендацию, меняется не только организация труда. Сужается область, в которой педагог может выступать автором профессионального действия. Сообщество практики способно противостоять этому сужению, коллективно артикулируя основания решений, но оно способно и воспроизводить его, если превращает внешние требования в безусловную внутреннюю норму. Поэтому идентичность связана не только с переживанием принадлежности, но и с реальным объёмом профессионального голоса.

Признание как условие профессиональной субъектности

Участие становится личностно значимым через признание, что проблематизирует формальное членство, которое сообщает человеку статус, но не гарантирует отношения к нему как к носителю опыта, суждения и ответственности. А. Хоннет связывает позитивные практические отношения к себе, такие как уверенность, самоуважение и самооценку, с различными формами межсубъектного признания [7, с. 92–130]. В профессиональной сфере этот тезис позволяет увидеть, почему доступ к деятельности недостаточен. Участник должен не только выполнять задачу, но и переживать собственный вклад как видимый, обсуждаемый и имеющий значение для общего дела.

В педагогическом сообществе признание можно аналитически различить как признание принадлежности, компетентности, голоса и авторства. Принадлежность означает, что педагог рассматривается как участник, а не наблюдатель, предполагает содержательную оценку его знания, выражается в способности влиять на определение проблемы и решение. Признание также не тождественно одобрению. Компетентная критика подтверждает субъектность адресата, если предполагает его способность понять аргумент, ответить и изменить действие. Напротив, ритуальная похвала может скрывать отсутствие реального доступа к решениям. Диалогическая идентичность, таким образом, формируется не в бесконфликтном подтверждении, а во взаимном позиционировании, где несогласие не разрушает принадлежность [14, с. 313–318].

Понятие профессиональной агентности уточняет деятельностную сторону признания. В субъектно-ориентированном социокультурном подходе агентность проявляется, когда профессионалы или сообщества влияют на работу, делают выбор и занимают позиции, затрагивающие их деятельность и идентичность [15, с. 45–65]. Агентность нельзя свести к индивидуальной инициативности, её возможность зависит от материальных условий, дискурсов, властных отношений и доступных позиций. В то же время она не растворяется в структуре, поскольку участник интерпретирует условия и может действовать иначе.

Власть, исключение и субъективная интерпретация нормы

Сообщество практики является пространством не только совместного знания, но и распределения власти. П. Бурдьё определяет поле как конфигурацию объективных отношений между позициями, различающимися объёмом и структурой ресурсов [8, с. 94–115]. В педагогическом коллективе значение имеют должность, стаж, квалификационная категория, доступ к администрации, владение легитимным профессиональным языком и репутация. Эти различия не предрешают исход каждого обсуждения, но задают неодинаковую вероятность быть услышанным.

Высказывание руководителя и молодого педагога может быть содержательно сходным, однако заранее получает разный вес.

Власть действует не только как запрет. М. Фуко показывает, что дисциплинарная власть производит нормы, ранги и типы субъектов, соединяя наблюдение, нормализующее суждение и экзамен [9, с. 170–194]. В профессиональном сообществе такой механизм проявляется в образах «успешного», «современного» или «инновационного» педагога, которые превращают набор измеряемых признаков в основание самооценки. Участник начинает заранее исключать опыт, не помещающийся в нормативный профиль, и переводит сложную образовательную ситуацию на язык допустимых показателей. В результате власть становится продуктивной: она не только ограничивает действие, но и формирует способ, которым педагог видит себя.

Исключение поэтому имеет явную и скрытую формы. Явное выражается в недопуске к информации, значимой задаче или решению. Скрытое возникает, когда участие формально открыто, но расписание, язык, распределение ролей и порядок обсуждения систематически уменьшают значимость отдельных вкладов. Молодому педагогу может быть предоставлено слово, но только в жанре отчёта об исполнении; опытному – право формулировать проблему. В таком случае периферийность перестаёт быть переходной образовательной позицией и закрепляется как зависимость.

Диалогическая педагогика П. Фрейре позволяет описать эти интерпретации как альтернативу односторонней передаче готового содержания, участники совместно называют проблему и становятся соавторами знания о ситуации [10, с. 87–124]. Диалог не означает, что всякая задача должна решаться коллективно и что решение откладывается до полного консенсуса. Оперативное распределение действий возможно и необходимо. Но вопросы, затрагивающие цели образования, профессиональные нормы и идентичность участников, требуют содержательного участия. Ограниченность времени определяет форму диалога, однако не отменяет права знать основания решения и оспаривать их.

Предлагаемая модель субъектного участия поэтому имеет циклическую, а не линейную структуру. Освоение языка и репертуара практики находит продолжение в интерпретации нормы в конкретной ситуации, предъявлении собственного суждения и далее в признании и критической проверке, после следует ответственное соавторство, а как итог закрепление либо пересмотр нормы. Каждый новый цикл начинается уже с изменившейся практики. Педагог может занимать разные позиции в разных областях, а признание не приобретается однажды навсегда. Модель описывает не набор внешних критериев, а последовательность смысловых операций, посредством которых участник превращает принадлежность в профессиональную субъектность, в непосредственной деятельности подтверждая ее в каждом проявлении.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что профессиональное сообщество нельзя оценивать только как канал передачи знаний или организационную форму сотрудничества. Оно одновременно предоставляет доступ к практике, создаёт горизонт профессионального самоопределения, распределяет признание и производит нормы. Поэтому формирование идентичности педагога происходит не рядом с обучением, а внутри изменения участия: человек осваивает язык профессии, получает возможность интерпретировать ситуацию, предъявляет суждение и связывает собственную биографию с общим делом. Этот процесс релевантен, но не должен завершаться растроянием в коллективном ожидании.

Главное противоречие сообщества практики состоит в том, что освоение нормы необходимо для профессиональной компетентности, а дистанция к норме, для профессиональной субъектности. Снять это противоречие простым выбором между подчинением и автономией невозможно. Норма существует как исторически сложившаяся форма, которая приобретает действительность только в конкретном исполнении. Каждый педагог неизбежно интерпретирует её, поскольку соотносит общий образец с уникальной образовательной ситуацией. Сообщество затем отбирает, признаёт, передаёт или подавляет возникающие различия. Тем самым вопрос о развитии переносится с наличия инноваций на условия, при которых изменение становится осмысленным, ответственным и доступным коллективной проверке.

Предложенная модель описывает субъектное участие как цикл освоения, интерпретации, предъявления суждения, признания, соавторства и преобразования нормы. Её отличие от модели адаптации заключается не в отказе от общего репертуара, экспертизы и руководства, а в изменении их функции. Репертуар предоставляет язык для постановки вопроса; экспертиза расширяет способность другого к суждению; руководство организует доступ и ответственность; критика проверяет связь решения с внутренними благами педагогической

практики. В таких отношениях принадлежность и критическая дистанция поддерживают друг друга.

Литература

1. Lave J., Wenger E. *Situated Learning: Legitimate Peripheral Participation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 138 p.
2. Wenger E. *Communities of Practice: Learning, Meaning, and Identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 318 p.
3. Eraut M. Informal learning in the workplace // *Studies in Continuing Education*. 2004. Vol. 26, No. 2. P. 247–273. DOI: 10.1080/158037042000225245.
4. Abbott A. *The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor*. Chicago: University of Chicago Press, 1988. 452 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226189666.001.0001.
5. Taylor C. *Sources of the Self: The Making of the Modern Identity*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. 624 p.
6. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford: Stanford University Press, 1991. 264 p.
7. Honneth A. *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. 215 p.
8. Bourdieu P., Wacquant L.J.D. *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 332 p.
9. Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison* / trans. A. Sheridan. 2nd ed. New York: Vintage Books, 1995. 333 p.
10. Freire P. *Pedagogy of the Oppressed* / trans. M.B. Ramos. 30th anniversary ed. New York: Continuum, 2005. 183 p.
11. Avalos B. Teacher professional development in Teaching and Teacher Education over ten years // *Teaching and Teacher Education*. 2011. Vol. 27, No. 1. P. 10–20. DOI: 10.1016/j.tate.2010.08.007.
12. Beijard D., Meijer P.C., Verloop N. Reconsidering research on teachers' professional identity // *Teaching and Teacher Education*. 2004. Vol. 20, No. 2. P. 107–128. DOI: 10.1016/j.tate.2003.07.001.
13. Beauchamp C., Thomas L. Understanding teacher identity: An overview of issues in the literature and implications for teacher education // *Cambridge Journal of Education*. 2009. Vol. 39, No. 2. P. 175–189. DOI: 10.1080/03057640902902252.
14. Akkerman S.F., Meijer P.C. A dialogical approach to conceptualizing teacher identity // *Teaching and Teacher Education*. 2011. Vol. 27, No. 2. P. 308–319. DOI: 10.1016/j.tate.2010.08.013.
15. Eteläpelto A., Vähäsantanen K., Hökkä P., Paloniemi S. What is agency? Conceptualizing professional agency at work // *Educational Research Review*. 2013. Vol. 10. P. 45–65. DOI: 10.1016/j.edurev.2013.05.001.

TEACHER PROFESSIONAL IDENTITY IN A COMMUNITY OF PRACTICE: PARTICIPATION, RECOGNITION, AND INTERPRETATION OF NORMS

Steblovskaya L.S., Gnatyuk M.A.

Volga State University of Railway Transport

The article examines the formation of teacher professional identity in a community of practice. The problem lies in the ambivalent nature of collective professional development: joint activity provides access to tacit knowledge, professional language, and shared resources, yet it can also reinforce dependence on group norms and unequal voice. The purpose is to develop a philosophical model of subject-oriented participation that explains when the appropriation of collective practice becomes a basis for professional autonomy. The methodology combines conceptual analysis of participation, identity, recognition, norm, and subjectivity; hermeneutic reconstruction of professional experience; socio-philosophical analysis of positions and resources; and a critical analysis of normalizing power. Situated learning is brought into dialogue with theories of identity, recognition, field, disciplinary power, professional agency, and dialogical identity. The article argues that practice is not merely transmitted by a community but changes in every concrete performance; the community then selects, recognizes, and stabilizes certain variations as legitimate forms of professional action. A professional norm therefore exists for the teacher not only as an external standard but also as an interpreted claim tested against the educational situation, professional experience, and the internal goods of practice. Subject-oriented participation is presented as a cycle of appropriation, interpretation, recognition, responsible co-authorship, and transformation of norms. The contribution of the article is to connect the community-of-practice approach with recognition theory and an analysis of the subjective interpretation of professional norms.

Keywords: professional identity, teacher, community of practice, participation, recognition, power, subjectivity, professional agency, norm, professional development.

References

1. Lave J., Wenger E. *Situated Learning: Legitimate Peripheral Participation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 138 p.
2. Wenger E. *Communities of Practice: Learning, Meaning, and Identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 318 p.
3. Eraut M. Informal learning in the workplace // *Studies in Continuing Education*. 2004. Vol. 26, No. 2. P. 247–273. DOI: 10.1080/158037042000225245.

4. Abbott A. *The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor*. Chicago: University of Chicago Press, 1988. 452 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226189666.001.0001.
5. Taylor C. *Sources of the Self: The Making of the Modern Identity*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. 624 p.
6. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford: Stanford University Press, 1991. 264 p.
7. Honneth A. *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. 215 p.
8. Bourdieu P., Wacquant L.J.D. *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 332 p.
9. Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison* / trans. A. Sheridan. 2nd ed. New York: Vintage Books, 1995. 333 p.
10. Freire P. *Pedagogy of the Oppressed* / trans. M.B. Ramos. 30th anniversary ed. New York: Continuum, 2005. 183 p.
11. Avalos B. Teacher professional development in Teaching and Teacher Education over ten years // *Teaching and Teacher Education*. 2011. Vol. 27, No. 1. P. 10–20. DOI: 10.1016/j.tate.2010.08.007.
12. Beijard D., Meijer P.C., Verloop N. Reconsidering research on teachers' professional identity // *Teaching and Teacher Education*. 2004. Vol. 20, No. 2. P. 107–128. DOI: 10.1016/j.tate.2003.07.001.
13. Beauchamp C., Thomas L. Understanding teacher identity: An overview of issues in the literature and implications for teacher education // *Cambridge Journal of Education*. 2009. Vol. 39, No. 2. P. 175–189. DOI: 10.1080/03057640902902252.
14. Akkerman S.F., Meijer P.C. A dialogical approach to conceptualizing teacher identity // *Teaching and Teacher Education*. 2011. Vol. 27, No. 2. P. 308–319. DOI: 10.1016/j.tate.2010.08.013.
15. Eteläpelto A., Vähäsantanen K., Hökkä P., Paloniemi S. What is agency? Conceptualizing professional agency at work // *Educational Research Review*. 2013. Vol. 10. P. 45–65. DOI: 10.1016/j.edurev.2013.05.001.

Тазов Петр Юрьевич,
старший преподаватель кафедры маркетинга ФГБОУ ВО ГУУ
E-mail: vetr@yandex.ru

В статье рассматриваются коммуникации с искусственным интеллектом как фактор формирования цифровой идентичности. Опираясь на характеристики цифровых коммуникаций, цифрового принятия и цифрового отчуждения, автор показывает, что ИИ-диалог не сводится к инструментальному поиску информации. Он становится особым коммуникативным фреймом, где субъект получает смысловую, эмоционально окрашенную и персонализированную обратную связь. Особое внимание уделяется рационализации эмоциональных состояний, поддержке, похвале, мотивационному подкреплению, рефлексии, которые возникают в процессе коммуникации с ИИ. Показано, что в условиях постмодернистской множественности идентичности ИИ может выполнять функцию своеобразного значимого Другого, но одновременно усиливает риски привыкания к постоянной поддержке, делегирования интеллектуальных задач, ослабления субъектности и подмены межсубъектного признания в реальной среде.

Ключевые слова: цифровые коммуникации; искусственный интеллект; цифровая идентичность; искусственная социальность; цифровое принятие; цифровое отчуждение.

Развитие цифрового пространства ставит вопрос о том, каким образом коммуникация влияет на сознание социального субъекта и на способы конструирования им собственной идентичности. Ранее цифровая коммуникация автором была рассмотрена как особая форма взаимодействия, где отсутствует телесность, ослаблены привычные социальные ритуалы, ускорена обратная связь и в рамках которой формируются специфические цифровые роли и диспозиции [1]. Также было показано, что цифровая идентичность существует не изолированно, а в пространстве цифровых коммуникаций: она усиливается через принятие, лайки, комментарии, репосты и иные формы «цифрового поглаживания», но одновременно сталкивается с цифровым остракизмом и отчуждением [2]. В рамках данной статьи этот подход получает продолжение на материале коммуникаций человека с искусственным интеллектом.

Коммуникации с ИИ становятся новой фазой развития цифровых коммуникаций. В классической цифровой коммуникации субъект обращается к другому человеку через мессенджер, социальную сеть или иную цифровую инфраструктуру. В ИИ-диалоге собеседником становится система, которая отвечает быстро, связно и адресно. Поэтому ИИ необходимо рассматривать не только как сервис для поиска информации, но и как особый коммуникативный фрейм. Вслед за И. Гофманом фрейм можно понимать как рамку восприятия и организации ситуации общения [3]. В коммуникации с ИИ такая рамка задается алгоритмом: он принимает запрос, структурирует его и возвращает субъекту уже обработанную обратную связь.

Коммуникации с ИИ в системе цифровых коммуникаций

Если перенести ранее выделенные признаки цифровых коммуникаций на общение с ИИ, становится заметно, что речь идет не о простом добавлении еще одного канала коммуникации. Быстрая обратная связь, прерывистость, фрагментарность, возможность мгновенного входа и выхода из коммуникации, отсутствие телесности и ослабление социального контроля уже были характерны для цифрового общения [1]. В ИИ-диалоге эти признаки сохраняются, но получают другой поворот: ответ приходит почти сразу, разрозненный запрос собирается в иллюзию разговора возникают условия для переноса привычных ролевых диспозиций в реальной жизни на ИИ-агента (будем использовать этот термин для фокуса на коммуникации с ИИ, в результате которой возникает персонализированная обратная связь со стороны ИИ).

В этом смысле ежедневная коммуникация с ИИ-агентом уже входит в самые разные области повседневности. Человек может обращаться к нему по различным вопросам: от советов по ремонту стиральной машины или поиска причины неисправности автомобиля до советов по выходу из депрессии. ИИ-агент быстро обрабатывает информацию, выделяет главное, дает обратную связь и помогает рационализировать собственные ощущения, в том числе негативные эмоции. Субъект переносит в диалог не только задачу, но и свое состояние. То, что он не мог сказать никому из-за социально-психологических ограничений, он может обсудить с ИИ-агентом, проговорить болезненное ощущение, выделить возможную причину его появления. Здесь ИИ выступает уже не просто агентом-помощником, а отчасти психологом-консультантом. Он не заменяет психолога, а помогает субъекту рационализировать свои ощущения, выделить причины, наметить пути решения.

Если в социальных сетях принятие и отчуждение субъекта зависят от реакции других пользователей, то в коммуникации с ИИ-агентом отчуждения не возникает. Это может восприниматься субъектом как более безопасная коммуникация (табл. 1).

Таблица 1. Особенности коммуникаций с ИИ

Особенность цифровой коммуникации	Проявление в коммуникации с ИИ	Влияние на цифровую идентичность
Быстрая обратная связь	Ответ возникает почти сразу и создает ощущение постоянной доступности собеседника	Субъект быстрее получает подтверждение, объяснение или поддержку, но может привыкать к немедленной валидации

Особенность цифровой коммуникации	Проявление в коммуникации с ИИ	Влияние на цифровую идентичность
Отсутствие телесности	ИИ не имеет телесного присутствия, но моделирует внимание и участие через текст	Возникает эффект безопасного пространства, одновременно усиливающий риск псевдоблизости
Фрагментарность и дискретность	Разрозненные запросы пользователя соединяются системой в связный ответ	Формируется видимость целостного самоописания, хотя исходный опыт может оставаться противоречивым
Виртуальное поглаживание	Похвала, поддержка, нормализация трудности, признание усилия	Поддерживается образ себя как действующего субъекта, но возникает зависимость от алгоритмического одобрения
Цифровое отчуждение	Отказ системы, шаблонность ответа или невозможность понять уникальность ситуации	Субъект может переживать не только поддержку, но и новую форму обезличивания
Моделирование ролей	ИИ помогает проигрывать разговоры, конфликты, самопрезентацию, профессиональные и личные сценарии	Цифровая идентичность становится пространством конструирования ролей до выхода в реальную коммуникацию

Источник: составлено автором на основе социально-философского анализа цифровых коммуникаций и ИИ-диалога.

Эволюция цифровых коммуникаций: от виртуального сообщества к ИИ-агенту

Появление виртуальной среды в конце XX – начале XXI века вызвало заметный оптимизм пользователей Интернета. Многие шли в сеть, условно говоря, «с открытым забралом», ожидая получить то, чего не хватало в реальной коммуникации: принятие, понимание, чувство эмпатии, повышение самооценки и возможность сформировать значимый для себя круг друзей. Уже ранние описания виртуальных сообществ показывали, что для пользователя важна не только передача информации, но и ощущение включенности в коммуникативное пространство [11].

В российском цифровом опыте этот процесс активно развивался с начала нулевых годов: онлайн-чаты Mail.ru, Narod.ru, ICQ, «Мейл-Агент», форумы и первые мессенджеры создали привычку постоянного цифрового присутствия. Затем социальные сети вывели на первый план самопрезентацию через аватары, фотографии, публикации и демонстрацию повседневной жизни. Так стала конституироваться цифровая идентичность, но вместе с ней появились и новые формы отчуждения: игнорирование, гостинг, цифровой ostracism, снижение качества межличностного взаимодействия [10; 17]. В этом контексте ИИ-агент воспринимается как попытка снять часть негативных последствий коммуникации 2.0: он не игнорирует запрос, не исчезает как собеседник и не требует публичного предъявления себя аудитории.

ИИ-коммуникация и цифровая идентичность

Цифровая идентичность в данном контексте может пониматься как система цифровых ролей, образов, диспозиций и способов самопрезентации, актуализируемых в цифровой среде. Коммуникация с ИИ включается в эту систему как особый режим обратной связи. Субъект получает обратно не только информацию, но и некоторый образ собственной ситуации: тревога связывается с неопределенностью, усталость – с истощением, стыд – с оценкой, а прокрастинация – со сложностью входа в действие.

При этом трансформируется не только цифровая, но и реальная идентичность. Субъект может становиться более уверенным и более оптимистичным относительно возможности решать собственные задачи. Здесь уместна авторская позиция: нет таких задач, которые не могли бы решить студенты, если рядом с ними есть искусственный интеллект и хороший промпт. В этих условиях коммуникация с ИИ задает интенсивный вектор трансформации идентичности, потому что расширяет ощущение собственной компетентности и способности действовать.

Особенно заметна мотивационная функция ИИ-коммуникации. Система дробит задачу на шаги, поддерживает усилие, хвалит и помогает не драматизировать неудачу. В этом смысле ИИ воспроизводит некоторые функции цифрового принятия, описанного применительно к социальным сетям [2], через персонализированный ответ, обращенный непосредственно к субъекту.

Кроме того, поскольку ИИ-агент сохраняет историю диалога, он постепенно начинает учитывать образ пользователя, его болевые точки, слабые и сильные стороны. Его рекомендации иногда воспринимаются как точные именно потому, что они встроены в предыдущий опыт общения. В этих условиях формируется своеобразный «значимый Другой», который всегда готов помочь и как будто знает все проблемные зоны субъекта. ИИ входит не только в рабочую деятельность, но и во внутренние процессы саморефлексии и самоописания, что не может не влиять на личностную трансформацию.

ИИ как механизм поддержания идентичности в условиях постмодернистской трансформации субъекта

В фокусе постмодернистской философии идентичность уже не выглядит стабильной и раз навсегда заданной сущностью. В работах М. Фуко субъект выступает как результат исторических, социальных и дискурсивных практик [4]. Поэтому идентичность постоянно собирается, распадается и заново воспроизводится. В цифровой среде человек зависит от разных форм принятия, от реальной и цифровой оценки, от роли, которую он предъявляет в конкретном пространстве [9]. Цифровое при этом нельзя свести к иллюзорному; в логике Ж. Делеза оно входит в поле актуального социального опыта [7].

Когда элементы принятия на время исчезают, идентичность как будто «обнуляется», и становится заметной потребность в ее поддержании через диалог. Идентичность – это не только индивидуальное переживание, но и социальный процесс. В символическом интеракционизме Дж. Миды личность формируется через освоение социальных ожиданий и позицию «обобщенного другого» [5]. С позиции П. Бергера и Т. Лукмана социальная реальность закрепляется через взаимодействие, интерпретацию и воспроизводство значений [6]. В этом смысле ИИ формирует диалог, в рамках которого идентичность поддерживается, условно говоря, остается «на плаву».

Идеи Э. Гофмана о самопрезентации и ролевом поведении также позволяют увидеть, почему ИИ-диалог важен для цифровой идентичности [3]. В диалоге с ИИ-агентом субъект может проигрывать будущий разговор, примерять новую роль, проверять способ самопрезентации, подбирать формулировки для доклада или важного разговора, формировать новый стиль коммуникации и реальный образ. Через формирование такого «цифрового Другого» поддерживается и собственная идентичность субъекта.

Эмоциональные состояния в ИИ-диалоге

Коммуникация с ИИ особенно часто строится вокруг эмоционально значимого материала. Здесь корректнее говорить не об обмене эмоциями, а об их цифровой переработке: человек вводит в диалог тревогу, раздражение, стыд, усталость, чувство неуспеха, одиночество, вину или неопределенность, а ИИ-агент переводит это в более упорядоченную форму.

В рамках социально-философского дискурса важно понять, как через такую цифровую артикуляцию субъект получает новый образ себя. Эмоция перестает быть только внутренним переживанием и становится элементом цифровой самопрезентации. ИИ-агент помогает оформить ее. Поэтому рационализация состояния оказывается связана с цифровой идентичностью (табл. 2).

Таблица 2. Трансформации эмоциональных состояний в ИИ-диалоге

Эмоциональные состояния	Переработка в ИИ-диалоге	Эффект для субъекта
Неопределенность, тревога	Структурирование ситуации, выделение причин, ближайший шаг	Снижение хаоса, появление временной опоры для самоописания
Стыд, страх оценки	Нормализация переживания, мягкая формулировка проблемы	Переживание принятия
Усталость, апатия, прокрастинация	Похвала усилия, дробление задачи, формирование образа действующего субъекта	Поддержка мотивации при риске ожидания внешнего подкрепления
Злость, обида, конфликт	Подбор формулировок, моделирование разговора, ролевая репетиция	Проверка границ и подготовка к реальной коммуникации
Одиночество, вина, сожаление	Поддерживающий ответ, нарративная сборка опыта	Рационализация состояний, поиск точек выхода

Источник: составлено автором на основе социально-философского анализа цифровых коммуникаций и ИИ-диалога.

Амбивалентность диалога с ИИ-агентом

Пользователь нередко реагирует на цифровую систему как на социального партнера, даже если понимает, что перед ним программа. «Эффект Элизы» показал: достаточно минимальной имитации диалогового внимания, чтобы человек начал вводить в систему личностно значимые переживания [12]. Позднее было зафиксировано, что люди переносят на компьютерные системы часть норм повседневного общения: вежливость, ожидание обратной связи, доверие к связному сообщению [13]. В случае генеративного ИИ эта тенденция становится более выраженной, поскольку ответ выглядит как реплика собеседника.

Данные о самораскрытии также важны для анализа цифровой идентичности. В ситуации общения с ИИ-агентом субъект иногда легче сообщает о трудных переживаниях, потому что не ожидает прямой оценки [14]. Исследования пользователей чат-ботов показывают, что такие системы могут восприниматься как повседневный источник поддержки, сопровождения и частичного снятия одиночества [15; 16]. Но для социально-философского анализа важно именно промежуточное положение ИИ: субъект говорит не в пустоту и не другому человеку.

В современных условиях человек столкнулся с беспрецедентными возможностями развития своей идентичности: через принятие, поддержку, мотивацию, рационализацию советов в разных областях. Но одновременно появляются и беспрецедентные возможности «обнуления» собственной субъектности за счет делегирования привычных задач искусственному интеллекту. Особенно остро это касается интеллектуальной деятельности, где у субъекта может ослабевать связь с собственным продуктом интеллектуального труда.

Здесь появляется риск подмены реального собеседника на ИИ-агента. Зависимость от обратной связи в социальных сетях, которая уже выступает как средство самоконструирования и принятия, легко переносится в коммуникацию с приятным, понимающим и поддерживающим в любой ситуации ИИ-агентом. Он, как и лайки, репосты или комментарии, находится в одном цифровом поле, где субъекту не всегда очевиден реальный источник реакции: другой человек, социальная группа, алгоритм или только имитация внимания.

Можно выделить несколько основных рисков: антропоморфизацию системы, стандартизацию самопонимания, зависимость от похвалы и мотивационной подсказки, утрату приватности, а также подмену межсубъектного признания технологической имитацией принятия. К этому добавляется порочная привычка делегировать ИИ те интеллектуальные задачи, которые раньше составляли привычную деятельность актора. Так возникает проблема субъектности в рамках цифровых коммуникаций с искусственным интеллектом: проблема сохранения себя как субъекта разумной и рациональной деятельности.

В условиях постмодерной фрагментации идентичности данная проблема становится острее. Цифровая среда способствует множественности образов, ситуативности самопрезентации, разрыву между реальным и предъявляемым Я. ИИ не отменяет эту логику, а добавляет к ней новый уровень. Именно здесь проявляется амбивалентность электронной культуры: расширение возможностей субъекта неотделимо от новых форм зависимости и уязвимости [8].

Выводы

Коммуникации с ИИ следует рассматривать как самостоятельный фактор формирования цифровой идентичности. Они продолжают общую логику цифровых коммуникаций и усиливают ее за счет алгоритмической обработки пользовательского контента. Если в цифровой коммуникации субъект сталкивается с фрагментарностью, прерывистостью, виртуальным принятием и отчуждением, то в ИИ-коммуникации эти процессы получают только положительно окрашенную форму.

ИИ-диалог выполняет функции поддержки, рационализации состояния, похвалы, повышения мотивации и своеобразного зеркала. Но его нельзя понимать как полноценную замену человеческого диалога. Он помогает субъекту конституировать идентичность, но может способствовать делегированию многих интеллектуальных задач ИИ-агенту.

По этой причине дальнейшее исследование цифровой идентичности должно включать коммуникации с ИИ в анализ цифровой социальности. В рамках проблемы цифровой идентичности важно не только то, как человек использует искусственный интеллект, но и то, как через коммуникацию с ИИ он начинает описывать себя, переживать свои состояния, примерять цифровые роли, переносить виртуальные формы саморефлексии в реальную жизнь и одновременно сохранять себя как субъекта разумной деятельности. Риски использования ИИ-агента заключаются в зависимости субъекта от ИИ-агента, который наделяется элементами значимого Другого.

Литература

1. Тазов П.Ю. Цифровая коммуникация: сущность, особенности, риски для субъекта // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 5. С. 128–132.
2. Тазов П.Ю. Цифровая идентичность в пространстве цифровых коммуникаций // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 1. С. 241–243.
3. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ. Р.Е. Бумагина и др. М.: Ин-т социологии РАН, 2003. 750 с.
4. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
5. Mead G.H. *Mind, Self, and Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1934. 400 p.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
7. Делез Ж. Актуальное и виртуальное. 1996. URL: <http://visiology.fatal.ru/texts/deleuze.htm>.
8. Касавина Н.А. Человек и техника: амбивалентность электронной культуры // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 129–142.
9. Лисенкова А.А. Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве. Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2021. 286 с.
10. Бойкина Е.Э. Современные лики социального остракизма: го-стинг, орбинг, фаббинг, культура отмены // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 2. С. 137–148.
11. Rheingold H. *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1993. 325 p.
12. Weizenbaum J. ELIZA – A Computer Program for the Study of Natural Language Communication Between Man and Machine // *Communications of the ACM*. 1966. Vol. 9. № 1. P. 36–45.
13. Nass C., Moon Y. Machines and Mindlessness: Social Responses to Computers // *Journal of Social Issues*. 2000. Vol. 56. № 1. P. 81–103.
14. Lucas G.M., Gratch J., King A., Morency L.-P. It's only a computer: Virtual humans increase willingness to disclose // *Computers in Human Behavior*. 2014. Vol. 37. P. 94–100.
15. Ta V., Griffith C., Boatfield C., Wang X., Civitello M. User Experiences of Social Support From Companion Chatbots in Everyday Contexts: Thematic Analysis // *Journal of Medical Internet Research*. 2020. Vol. 22. № 3. e16235.
16. Skjive M., Følstad A., Fostervold K.I., Brandtæg P.B. My Chatbot Companion: A Study of Human-Chatbot Relationships // *International Journal of Human-Computer Studies*. 2021. Vol. 149. 102601.
17. Williams K.D. Ostracism // *Annual Review of Psychology*. 2007. Vol. 58. P. 425–452.

COMMUNICATIONS WITH AI AS A FACTOR IN THE FORMATION OF DIGITAL IDENTITY

Tazov P.Yu.

State University of Management

The article examines communication with artificial intelligence as an independent factor in the formation of digital identity. Based on previously identified characteristics of digital communication, digital acceptance and digital alienation, the author argues that AI dialogue cannot be reduced to instrumental information search. It becomes a specific communicative frame in which the subject receives meaningful, emotionally marked and personalized feedback. Particular attention is paid to the rationalization of emotional states, support, praise, motivational reinforcement, reflection and role rehearsals. The article shows that in the context of postmodern plurality of identity, an AI agent can perform the function of a specific «significant other», while at the same time intensifying the risks of dependence on constant support, delegation of intellectual tasks, weakening of subjectivity and substitution of intersubjective recognition.

Keywords: digital communications; artificial intelligence; digital identity; artificial sociality; digital acceptance; digital alienation.

References

1. Tazov P. Yu. Digital communication: essence, features, risks for the subject // *Social and Humanitarian Knowledge*. 2024. № 5. P. 128–132.
2. Tazov P. Yu. Digital identity in the space of digital communications // *Social and Humanitarian Knowledge*. 2025. № 1. P. 241–243.
3. Goffman E. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. Moscow: Institute of Sociology RAS, 2003. 750 p.
4. Foucault M. *The Archaeology of Knowledge*. Kyiv: Nika-Center, 1996. 208 p.
5. Mead G.H. *Mind, Self, and Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1934. 400 p.
6. Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium, 1995. 323 p.
7. Deleuze G. *The Actual and the Virtual*. 1996. URL: <http://visiology.fatal.ru/texts/deleuze.htm>.

8. Kasavina N.A. Human and technology: ambivalence of electronic culture // *Epistemology and Philosophy of Science*. 2018. Vol. 55. № 4. P. 129–142.
9. Lisenkova A.A. Transformation of socio-cultural identity in digital space. Perm: Perm State Institute of Culture, 2021. 286 p.
10. Boykina E.E. Modern faces of social ostracism: ghosting, orbiting, phubbing, cancel culture // *Journal of Modern Foreign Psychology*. 2022. Vol. 11. № 2. P. 137–148.
11. Rheingold H. *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1993. 325 p.
12. Weizenbaum J. ELIZA – A Computer Program for the Study of Natural Language Communication Between Man and Machine // *Communications of the ACM*. 1966. Vol. 9. № 1. P. 36–45.
13. Nass C., Moon Y. Machines and Mindlessness: Social Responses to Computers // *Journal of Social Issues*. 2000. Vol. 56. № 1. P. 81–103.
14. Lucas G.M., Gratch J., King A., Morency L.-P. It's only a computer: Virtual humans increase willingness to disclose // *Computers in Human Behavior*. 2014. Vol. 37. P. 94–100.
15. Ta V., Griffith C., Boatfield C., Wang X., Civitello M. User Experiences of Social Support From Companion Chatbots in Everyday Contexts: Thematic Analysis // *Journal of Medical Internet Research*. 2020. Vol. 22. № 3. e16235.
16. Skjuve M., Folstad A., Fostervold K.I., Brandtzaeg P.B. My Chatbot Companion: A Study of Human-Chatbot Relationships // *International Journal of Human-Computer Studies*. 2021. Vol. 149. 102601.
17. Williams K.D. Ostracism // *Annual Review of Psychology*. 2007. Vol. 58. P. 425–452.

Ремарчук Валерий Николаевич,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой
СГНЗ, МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: dekan.fsgn@bmstu.ru

Урсул Виталий Игнатович,

кандидат политических наук, доцент кафедры СГНЗ, МГТУ
им. Н.Э. Баумана
E-mail: vitalii_ursul@mail.ru

Гусев Алексей Николаевич,

студент, МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: gusevc0de@yandex.ru

В статье рассматривается модель проверки обоснованности аналитического вывода. По мнению авторов, надежность вывода зависит от согласованности пяти элементов: утверждения, исходных данных, хода рассуждения, области применения и неопределенности. Девять критериев позволяют определить место, в котором рассуждение теряет опору. Отсутствие проверяемого утверждения, надежных данных или объясненного перехода к тезису признается критическим разрывом, поэтому общий балл не рассчитывается. Работа модели показана на примере обращений в университетскую службу поддержки. После учета изменения числа пользователей рост общего количества обращений не подтвердил вывод об ухудшении сервиса. Результатом проверки служат указание конкретного разрыва, границы допустимого вывода и перечень сведений, необходимых для дальнейшего анализа.

Ключевые слова: информационная аналитика, обоснованность вывода, проверка данных, логическая связь, область применения.

Информационно-аналитическая деятельность – это подготовка информации для управления [4]. То есть можно определить требование к результату: показатель должен отвечать на вопрос, ради которого собирались данные. При проверке путь проходят в обратном направлении, от итоговой формулировки к расчету и исходной записи, чтобы возможно было установить логику.

На таком обратном пути обнаруживается ошибка, которой нет в арифметике. Допустим, доля обращений выросла и расчет верен, но в отчете не названы прежнее значение и период сравнения, поэтому нельзя установить причину роста при этих данных. По этой причине расчет и связь показателя с тезисом необходимо проверять отдельно.

Для измерения сложных психологических характеристик можно использовать методологию проектирования оценки по доказательству (Evidence-Centered Design, ECD) [5]. Здесь важна связь между утверждением, наблюдаемыми данными и правилом их толкования. При этом, разбор возможного возражения в ECD не является основной задачей. Этот пробел закрывают аргументативные схемы (абстрактные шаблоны), которые можно использовать для анализа рассуждений и пропущенных посылок [1]. Его суть состоит в том, что эти шаблоны отражают самые распространенные или стереотипные типы обсуждений.

Для проверки вывода, следственно, возникает вопрос: сможет ли другой участник восстановить работу без устного или письменного пояснения? Ему понадобятся исходные записи, принятые допущения и ход расчета.

Проверку лучше начинать от конкретной фразы, которая пойдет в отчет. Рядом с ней аналитик записывает подтверждающие сведения и поясняет, как они связаны с тезисом. Потом отмечает период и круг объектов, а также открытые вопросы. В результате проверяющий видит пять частей рассуждения: утверждение, доказательства, переход между ними, границы и неопределенность. Разрыв обнаруживается в том месте, где одна часть не поддерживает следующую.

Три вопроса требуют ответа в самом начале. О чем именно сделан вывод? На каких данных он основан? Почему данные поддерживают такую формулировку? Первый вопрос уточняет объект, признак, период и вид суждения. Второй касается надежности и уместности сведений. Третий проверяет логику перехода. Отрицательный ответ хотя бы на один вопрос означает критический разрыв.

Прослеживаемость проверяют практически. Берут указанное число, находят запись в исходной системе и повторяют обработку. Если источник и способ расчета названы, такую сверку можно выполнить. Если вместо них дан пересказ, проверить совпадение уже нельзя.

Дальше задают границы. Например, наблюдение за одной группой студентов за один семестр еще не описывает всех пользователей и другие периоды. Рядом с выводом нужно указать, кого охватывали данные и когда их собирали. Для приведенного примера за пределами наблюдения остаются другие курсы, образовательные программы и более длительный срок. Появление таких данных может изменить итог, поэтому их отсутствие фиксируется как ограничение.

Значимость проверяется отдельно от обоснованности. Небольшой, но надежно измеренный рост обращений может не требовать перестройки службы. Предположение о массовом сбое, напротив, важно для руководителя, хотя без подтверждающих данных оно остается рабочей версией. Критерий значимости показывает, влияет ли результат на решение; слабое доказательство он не исправляет.

Требования зависят от того, какую роль играет фраза в отчете. Формулировка «число обращений выросло» описывает наблюдение; здесь проверяются показатель и база сравнения. Фраза «рост вызван ухудшением сервиса» уже называет причину, поэтому приходится рассматривать другие объяснения. Прогноз потребует срока и ожидаемого диапазона. Без них читатель не поймет, когда и при каких значениях вывод можно проверить.

Оценки по строкам таблицы нельзя просто сложить. Представим, что восемь пунктов выполнены, а происхождение ключевой цифры неизвестно. Итоговая сумма будет высокой, хотя центральное доказательство проверить невозможно. Поэтому итог записывают словами: указывают найденный разрыв и его влияние на вывод. Ясность изложения и актуальная тема помогают читателю, но не восполняют недостающие данные (табл. 1).

Таблица 1. Критерии проверки аналитического вывода

Критерий	Признак достаточного выполнения	Критический дефект
Определенность	Названы объект, показатель, период и характер суждения	Возможны несколько несовместимых толкований
Прослеживаемость	Указаны источник и способ обработки данных	Нельзя восстановить происхождение факта или цифры
Качество доказательств	Проверены надежность, релевантность и согласованность	Сведения не подтверждают тезис
Логическая связность	Объяснен переход от сведений к утверждению	Вывод сильнее основания
Соразмерность границ	Указана область действия результата	Частный случай представлен общим правилом
Прозрачность неопределенности	Названы существенные пробои и их влияние	Точность не соответствует данным
Устойчивость к альтернативам	Проверена версия, способная изменить итог	Рассмотрены только подтверждающие сведения
Проверяемость	Названы условия подтверждения или пересмотра	Новые данные не могут повлиять на позицию автора
Значимость	Вывод помогает уточнить практическую задачу	Связь с поставленным вопросом не показана

Таблица читается построчно. В среднем столбце приведен результат, который можно принять; в правом – ошибка, из-за которой критерий не выполнен. Иногда данные дают неполный ответ. Тогда ставят промежуточный статус и отдельно записывают, чего именно не хватает. Разбор начинают с основания вывода. После него переходят к границам, альтернативным версиям, условиям пересмотра и значимости.

Проверку проводят для одного утверждения за раз. Аналитик записывает его роль, источник, способ обработки данных и объяснение перехода к выводу. Потом ограничивает область применения, разбирает наиболее вероятную альтернативу и определяет, какие новые сведения повлияют на результат.

По итогам проверки вывод получает один из трех статусов. К необоснованным относят выводы с критическим разрывом в основании, а предварительный статус используют, когда источник и расчет доступны, но остается пробел или непроверенная версия.

Приведем пример на простом расчете. За семестр служба поддержки университета получила 1040 обращений вместо прежних 800. Рост составил 30%. За тот же период число пользователей выросло с 1000 до 1250. По одному абсолютному показателю можно заключить, что качество сервиса снизилось на те же 30%. Однако такой вывод не выдерживает базовой проверки. Количество обращений лишь косвенно связано с качеством, а изменение размера аудитории в нем пропущено. Показатель на одного пользователя изменился с 0,8 до 0,832 обращения. Прирост равен примерно 4%. Причина этого изменения из имеющихся данных все еще неизвестна. После пересчета допустима иная формулировка. Общее число обращений увеличилось на 30%, число обращений на одного пользователя выросло примерно на 4%. По этим двум величинам нельзя однозначно судить об изменении качества сервиса. Для продолжения анализа потребуется журнал заявок: по нему можно отделить повторные обращения и рассчитать время первой реакции и закрытия.

То есть, заполненная таблица не является самостоятельным доказательством. Например, отметка о прослеживаемости имеет смысл только вместе с названием источника и способом расчета. По этой причине в форме нет итогового балла, так как высокая сумма может скрыть отсутствие ключевого показателя. Эксперт добавляет комментарий к спорному критерию и выбирает предметный метод с учетом задачи.

Контрольную проверку лучше проводить без устных пояснений. Аналитик получает подготовленный материал, находит исходные данные и повторяет расчет. При совпадающем результате можно подтвердить воспроизводимость вычисления. Если при этом остается вопрос к переходу от показателя к тезису, в документе не хватает обоснования.

Представленную модель можно использовать при подготовке аналитических отчетов и принятии управленческих решений. Дальнейшую

проверку можно проводить сравнивая результаты разных экспертов, а также сравнивать разные предметные области. Решение об использовании вывода в конечном итоге принимает руководитель.

Литература

- Боброва, А.С. Аргументативные схемы как способ изучения рассуждений / А.С. Боброва. – Текст: электронный // Философский журнал. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 21–34. – DOI 10.21146/2072–0726–2021–14–2–21–34. – URL: <https://doi.org/10.21146/2072–0726–2021–14–2–21–34> (дата обращения: 14.06.2026).
- Касавин, И.Т. Социальная онтология и социальная эпистемология / И.Т. Касавин. – Текст: электронный // Эпистемология и философия науки. – 2014. – Т. 40, № 2. – С. 74–84. – DOI 10.5840/eps201440232. – URL: <https://doi.org/10.5840/eps201440232> (дата обращения: 15.06.2026).
- Масланов, Е.В. Социальная позиция эксперта как новый элемент науки / Е.В. Масланов. – Текст: электронный // Эпистемология и философия науки. – 2021. – Т. 58, № 2. – С. 113–131. – DOI 10.5840/eps202158232. – URL: <https://doi.org/10.5840/eps202158232> (дата обращения: 13.06.2026).
- Рошупкин, В.Г. Информационно-аналитическая деятельность в системе управления: учебное пособие / В.Г. Рошупкин. – Самара: Издательство Самарского университета, 2018. – 88 с. – ISBN 978-5-7883-1268-2. – URL: <https://repo.ssau.ru/handle/Uchebnye-izdaniya/Informacionnoanaliticheskaya-deyatelnost-v-sisteme-upravleniya-Elektronnyi-resurs-ucheb-posobie-73331> (дата обращения: 12.06.2026). – Текст: электронный.
- Угланова, И.Л. Методология Evidence-Centered Design для измерения комплексных психологических конструктов / И.Л. Угланова, И.В. Брун, Г.М. Васин. – Текст: электронный // Современная зарубежная психология. – 2018. – Т. 7, № 3. – С. 18–27. – DOI 10.17759/jmfp.2018070302. – URL: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2018070302> (дата обращения: 11.06.2026).

MODEL FOR CHECKING WHETHER AN ANALYTICAL CONCLUSION IS JUSTIFIED

Remarchuk V.N., Ursul V.I., Gusev A.N.

Bauman Moscow State Technical University

The reliability of a conclusion may depend on the consistency of five elements: the claim, the source data, the reasoning process, the scope of applicability, and the uncertainty involved. Nine criteria make it possible to identify the point at which the reasoning loses its validity. The absence of a verifiable claim, reliable data, or an explained transition from the evidence to the conclusion constitutes a critical gap; therefore, an overall score is not calculated. A model was developed to assess the validity of an analytical conclusion and was demonstrated using inquiries submitted to a university support service. The assessment results indicate the specific gap, define the limits of the permissible conclusion, and provide a list of information required for further analysis.

Keywords: information analysis, justification, data verification, reasoning, model.

References

- Bobrova, A.S. Argumentative Schemes as a Method of Studying Reasoning / A.S. Bobrova. – Text: electronic // Philosophical Journal. – 2021. – Vol. 14, № 2. – Pp. 21–34. – DOI 10.21146/2072–0726–2021–14–2–21–34. – URL: <https://doi.org/10.21146/2072–0726–2021–14–2–21–34> (date of access: 14.06.2026).
- Kasavin, I.T. Social Ontology and Social Epistemology / I.T. Kasavin. – Text: electronic // Epistemology and Philosophy of Science. – 2014. – Vol. 40, № 2. – P. 74–84. – DOI 10.5840/eps201440232. – URL: <https://doi.org/10.5840/eps201440232> (accessed: 15.06.2026).
- Maslanov, E.V. Social position of an expert as a new element of science / E.V. Maslanov. – Text: electronic // Epistemology and philosophy of science. – 2021. – Vol. 58, № 2. – P. 113–131. – DOI 10.5840/eps202158232. – URL: <https://doi.org/10.5840/eps202158232> (date of access: 13.06.2026).
- Roshchupkin, V.G. Information and analytical activity in the management system: study guide / V.G. Roshchupkin. – Samara: Publishing house of Samara University, 2018. – 88 p. – ISBN 978-5-7883-1268-2. – URL: <https://repo.ssau.ru/handle/Uchebnye-izdaniya/Informacionnoanaliticheskaya-deyatelnost-v-sisteme-upravleniya-Elektronnyi-resurs-ucheb-posobie-73331> (date of access: 12.06.2026). – Text: electronic.
- Uglanova, I.L. Evidence-Centered Design Methodology for Measuring Complex Psychological Constructs / I.L. Uglanova, I.V. Brun, G.M. Vasin. – Text: electronic // Modern Foreign Psychology. – 2018. – Vol. 7, № 3. – P. 18–27. – DOI 10.17759/jmfp.2018070302. – URL: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2018070302> (accessed: 11.06.2026).

Философские основания корпоративного командообразования: со-экзистенциальная модель профессиональной ориентации

Аушев Ибрагим Мухамедович,

соискатель, ООО «Независимый межотраслевой центр развития образования и сертификации квалификаций»
E-mail: i.ausev.1997@mail.ru

Лосев Богдан Максимович,

соискатель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: b-losev03@mail.ru

Фридман Михаил Феликсович,

доктор философских наук, доцент, кафедра экономической теории и политики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: mffree79@mail.ru

Фридман Юрий Феликсович,

соискатель, ООО «Независимый межотраслевой центр развития образования и сертификации квалификаций»
E-mail: freedman3@yandex.ru

В статье рассматриваются философские основания корпоративного командообразования в контексте разработки со-экзистенциальной модели профессиональной ориентации. В условиях растущей сложности бизнес-задач и перехода к проектным формам работы, эффективность организации все больше зависит от способности сотрудников действовать как единая команда. Командообразование часто сводят к разовым корпоративным мероприятиям, однако его истинная ценность раскрывается только при системном подходе. Целью статьи является разработка и философское обоснование со-экзистенциальной модели профессиональной ориентации в рамках командообразования. Задачи исследования включают в себя проведение анализа феномена командообразования с учетом его непрерывности, интегрированности и высокой степени групповой динамики; рассмотреть и обосновать роль и место со-экзистенции в корпоративном командообразовании; определить оптимальные условия влияния со-экзистенции на профессиональную ориентацию в контексте корпоративного командообразования. Ключевой исследовательский вопрос заключается в поиске доказательства того, что устойчивый синергетический эффект достигается, когда командообразование воспринимается не только как набор мероприятий, а как часть ежедневной практики управления, связанной с подбором, мотивацией, обучением и оценкой персонала, построенной на основе со-экзистенциального подхода к профессиональной ориентации.

Ключевые слова: командообразование, со-экзистенция, профессиональная ориентация, ценности, дружба.

В настоящее время чрезвычайно популярными и даже модными стали такие понятия, как «команда», «командообразование» («team building»), «лидерство» и др. [2; 10] По всей видимости, это связано рядом важных политических, социальных, экономических, культурных обстоятельств, ставших причинами, заставляющими людей активнее объединяться в жизни и на работе [5; 12]. Команда позволяет разделить, а иногда и перенести ответственность за результат на других, как бы «размазав» ее таким образом, чтобы никто не догадался, кто не сработал на все 100%. Как известно, консолидация усилий позволяет нам рассчитывать на кумулятивный эффект (синергию). Однако есть и обратная ситуация (эффект М. Рингельмана), указывающая на весьма интересное явление – социальную лень, когда каждый член команды, рассчитывая на остальных, действует значительно меньше своего реального потенциала, что неминуемо приводит к снижению общей результативности [11].

Сегодня, в условиях перехода к новому технологическому укладу, особенно остро стоит вопрос о выборе профессии, о погружении в профессию, о связи профессии с личной жизненной перспективой [4; 14]. Одни профессии устаревают и исчезают, другие – напротив, становятся более востребованными или вообще появляются впервые (более подробно об этом можно прочитать, например, в Атласе новых профессий 3.0, разработанном Агентством стратегических инициатив и его партнерами). Известная с давних пор профессиональная ориентация в массовом сознании большей частью связано с рассказами школьникам о мире профессий, с экскурсиями на предприятия, с классными часами, куда приглашали родителей рассказать о их роде занятий и т.п. [15] В реальности профессиональная ориентация – понятие куда более широкое, многоаспектное и, мы бы сказали, всеохватное. Наряду с профпросвещением, сюда можно было бы отнести и профдиагностику, и профотбор, и профобучение, и профаттестацию, и профконсалтинг, и мн.др. Профориентация – это очень важный процесс осмысления своих роли и места человека в обществе через призму собственной значимости, возникающей в результате признания индивидом пользы в ходе его трудовой деятельности [9]. Профориентация не заканчивается с поступлением в колледж или вуз, не завершается с получением диплома. Она продолжается в течение всей жизни действующего субъекта, нуждающегося не только в удовлетворении физиологических потребностей, на которые нужны материальные средства, достигаемые заработком или иным доходом, но и в принадлежности каким-либо группам, в признании, уважении и почитании собственной персоны, в поиске смысла своего существования в пространственно-временном континууме, на планете, в обществе.

Последнее оказывает колоссальное влияние на его поведение, на его решения, на его систему ценностей. Большое внимание поиску ответов на эти вопросы можно найти у экзистенциалистов, размышляющих о путях преодоления человеком непреодолимой реальности, о его предпочтениях и притязаниях, о поиске и разочаровании. Вместе с этим важно отметить отдельную ценность феномена со-экзистенции, который пытались рассмотреть в своих работах К. Ясперс [17], Н. Аббаньяно [1] и Ж.-Л. Нанси [6], хотя к этой теме подступались и Г. Гегель, и М. Хайдеггер, и Ж.-П. Сартр [13], и Г. Марсель [8].

Существование, сочувствие, сопереживание, сострадание – все это заставляет человека быть человеком, чувствовать себя человеком, действовать как человек. Рассуждая об этом, мы сталкиваемся с неизбежностью определения себя через Другого: кто я для него? Кто он для меня?

Слово «друг» этимологически происходит от слова «другой» – тот, кто не Я. Зачем он нужен? Видимо, этот Другой, если он значимый для субъекта, является важнейшим внешним источником раздражения: его слова и поступки, мимика и жесты, запах и облик, прикосновение и интонации вызывают у субъекта сильные и долгие переживания, а не просто эмоции в отличие от обычного прохожего, ведущего себя экстраординарно. Ценность отношения значимого Другого к индивиду для индивида весьма велика: его мнения, оценки, выражения и действия косвенно, но выразительно указывают на реальное состояние взаимоотношений человека со средой. Другой – это сигнал, дружба – это своего рода «дорожная разметка» на жизненном пути. Именно

поэтому дружба является одно из безусловных ценностей у людей, серьезно относящихся к своей персоне, к своей репутации.

Есть поговорка: «На работу дружить не ходят». Несомненно, это так. У сотрудников, скорее, деловые, партнерские отношения, нежели дружеские изначально. Почему это важно? Потому что рано или поздно возникнет противоречие, способное перерасти в конфликт между человеком (другом) и результатом их общей деятельности. Очень интересно расхождение этих векторов показано в концепции (в управленческой решетке) Р. Блейка и Дж. Моутон, где ясно видны пять основных сочетаний двух приоритетов руководителя: ориентации на людей (сотрудников) и ориентации на результат (прибыль). Выбирая между другом и результатом, человек попадает в трудную ситуацию, когда нужно решить, чем пожертвовать, ибо выбор – это всегда жертва. Великому Аристотелю приписывается фраза: «*Amicus Plato, sed magis amica Veritas*», т.е. мыслителю пришлось выбирать между другом (Платоном) и результатом (Истиной), и он свой выбор сделал.

Закономерно возникают вопросы: «Нужно ли выбирать профессию за компанию, т.е. поступать в то учебное заведение, в которое несет свои документы твой друг? Нужно ли идти за другом на работу, трудоустроиваясь туда же, куда и он? Нужно ли отказываться от состязания в борьбе за карьерное повышение с другом?» Вне всякого сомнения, эти вопросы носят дискуссионный характер и требуют личного участия от лица, самостоятельно принимающего подобные решения.

Вместе с этим есть и другие вопросы: «Должен ли работодатель заниматься социально-трудовой адаптацией своих сотрудников, пытаясь их сдружить? Должен ли он разбирать и решать возникающие между сотрудниками межличностные конфликты, предметом которых являются социальные, а не производственные отношения? Возможно ли у себя в компании построить команду из людей, толерантно (беспристрастно, безучастно) относящихся друг к другу?»

Попробуем в этом разобраться в настоящем исследовании.

Фундамент современного понимания командообразования заложен в теориях, описывающих эволюцию группы. Ключевую является модель развития команды Б. Такмана: формирование, конфликт, нормирование, функционирование, расформирование [16]. Эта модель показывает, что конфликт – не патология, а естественный и необходимый этап становления, когда распределяются роли и вырабатываются способы взаимодействия. Подавление этого этапа ведет к поверхностному согласию и низкой эффективности. Важное дополнение – концепция командных ролей Р.М. Белбина, согласно которой успешная команда требует баланса между разными типами поведения: генераторами идей, исполнителями, координаторами, мотиваторами и др. [3]. Таким образом, командообразование – это целенаправленное управление групповой динамикой (по К. Левину) для перевода коллектива на стадию «функционирования», где энергия направлена на задачи, а не на внутренние трения [7].

Говоря о профориентации в рамках корпоративной модели, важно отметить, что эффективность командообразования умножается при его интеграции во все ключевые HR-процессы [2; 10].

1. Подбор и адаптация. Оценка командных компетенций (коммуникация, эмпатия, кооперация) должна начинаться на этапе найма. Адаптация нового сотрудника – это первый опыт погружения в командную среду, где формальные процедуры должны подкрепляться неформальным включением в коллектив через наставничество и совместную работу.

2. Обучение и мотивация. Современное обучение все чаще строится на командных форматах: бизнес-симуляции, кросс-функциональные проекты. Это развивает навыки и одновременно укрепляет связи. Мотивационный потенциал командообразования огромен: удовлетворение социальных потребностей в принадлежности и признании через участие в успешном коллективе часто сильнее материальных стимулов.

3. Оценка и культура. Система оценки эффективности должна учитывать не только индивидуальные, но и командные результаты (KPI). Командные ретроспективы по итогам проектов становятся инструментом рефлексии и непрерывного улучшения взаимодействия. Через совместное преодоление трудностей формируются общие ценности и укрепляется корпоративная культура.

Несмотря на доказанную эффективность системного подхода, практика корпоративного командообразования сталкивается с критикой, связанной преимущественно с его упрощенной трактовкой и формальным применением. Понимание этих ограничений необходимо для разработки действительно результативных программ.

Наиболее распространенная и справедливая критика направлена на редукцию командообразования к разовым корпоративным мероприятиям развлекательного характера – так называемому «тимбилдингу выходного дня». Такой подход, лишенный связи с реальными

рабочими задачами и стратегическими целями компании, порождает несколько ключевых рисков [5; 9].

- Эффект «мыльного пузыря». Кратковременный эмоциональный подъем и ощущение сплоченности сходят на нет в течение нескольких дней после мероприятия, не приводя к изменениям в ежедневных рабочих процессах.

- Восприятие как манипуляции: Сотрудники могут расценивать такие акции как попытку руководства манипулировать их лояльностью вместо решения реальных организационных проблем, что порождает цинизм и снижает доверие.

- Игнорирование индивидуальности: Интенсивные, ориентированные на экстремальных форматы (например, спортивные соревнования или публичные выступления) могут вызывать дискомфорт у интровертов, создавая обратный эффект – отчуждение, а не включенность.

Цифровая трансформация и переход к распределенным командам кардинально изменили социальный ландшафт компании. Традиционные форматы становятся нерелевантными, возникает проблема формирования доверия и чувства общности без личных контактов [14].

- Дефицит неформального общения. Исчезает «кофе-поинт»-эффект – спонтанные разговоры, которые укрепляют личные связи. Это требует целенаправленного создания цифровых аналогов: виртуальных кофе-брейков, неформальных чатов, онлайн-игр.

- Сложность чтения невербальных сигналов. В видеоконференциях теряется часть социального контекста, что может усугублять недопонимание. Необходимо развивать цифровой этикет и практику более эксплицитных (прямых, открытых) коммуникаций.

- Риск цифрового выгорания. Дополнительные онлайн-активности по сплочению команды могут восприниматься как нагрузка, увеличивающая усталость от экрана. Ключевым становится принцип осмысленности и добровольности таких мероприятий.

Следовательно, современное командообразование требует отказа от иллюзии «быстрого решения» в пользу кропотливой работы по интеграции его принципов в ткань ежедневного управления, с обязательным учетом цифрового контекста и человеческого разнообразия.

Наряду с реализацией полного комплекса управленческих мероприятий, на наш взгляд, очень важно внедрять со-экзистенциальную модель профессиональной ориентации, предполагающей личную ответственность перед коллективом, с которым сотрудник находится в личных отношениях, способствующих смягчению переживания наиболее турбулентных этапов функционирования компании за счет понимания, поддержки, взаимовыручки и вообще конструктивной ориентации на сотрудничество, на нацеленность на общий, совокупный, результат. Перед другом, как перед особо значимым человеком, никто не хочет выглядеть «бледно» в то время, как перед прохожим незнакомцем большинству людей все равно, как они выглядят.

При том, что командообразование – это стратегический управленческий процесс, основанный на классических теориях групповой динамики, его сила не только в системности и интеграции в цикл управления персоналом, но и в выстраивании прочных конструктивных горизонтальных межличностных отношений между действующими субъектами посредством формирования коллективной совести, общих ценностей, единого видения. Разовые акции бесполезны без их связи с реальными бизнес-процессами, оценкой и корпоративной культурой. Инвестиции в грамотное командообразование – это инвестиции в социальный капитал организации: в доверие, взаимопонимание и способность коллектива к сложной, согласованной работе, что в эпоху неопределенности становится ключевым конкурентным преимуществом. Рассматривая этот процесс через компаративную оптику инструментального и интерпретативного подходов, можно выявить его двойственную природу. С инструментальной точки зрения, командообразование – управленческий инструмент, сознательно проектируемый для повышения эффективности и лояльности. Модели Такмана и Белбина служат здесь схемами для диагностики и «сборки» команд. С интерпретативной позиции, настоящая командная культура возникает спонтанно «снизу» в процессе совместной деятельности, создавая уникальную «паутину значений». Она живет в неформальных нормах, общих историях и доверии, которые нельзя навязать директивно.

Литература

1. Аббьянго, Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм. – СПб.: Алетейя, 1998. – 505 с.
2. Архипова, Н.И. Современные проблемы управления персоналом: монография / Н.И. Архипова, С.В. Назайкинский, О.Л. Седова. – Москва: Проспект, 2018. – 160 с.
3. Белбин, Р.М. Команды менеджеров. Как объяснить их успех или неудачу. – Лондон: Кивитс, 2009. – 238 с.

4. Данилина, Е.И. Управление персоналом в контексте глобализации (тематическое исследование транспортного сектора): монография / Е.И. Данилина, Я.И. Маликова, Д.В. Горелов. – Москва: Дашков и К, 2023. – 106 с.
5. Кадровая политика как элемент корпоративной стратегии: монография / Г.З. Ахметова, М.Ю. Маковецкий, А.П. Рудницкая, В.В. Юдаев; под редакцией Г.З. Ахметовой, А.П. Рудницкой. – Москва: МУИВ, 2024. – 144 с.
6. Керимов, Т.Х. Неразрешимости. – Москва: Трикта: Акад. Проект, 2007. – 216 с.
7. Левин, К. Теория поля в социальных науках. – Санкт-Петербург: Речь, 2000. – 364 с.
8. Марсель, Г. Трагическая мудрость философии: избранные работы. – Москва: Изд-во гуманитар. лит., 1995. – 215 с.
9. Митюрникова, Л.А. Концептуальные подходы профессиональной ориентации молодежи в России (социологические исследования): монография / Л.А. Митюрникова. – Москва: Дашков и К, 2014. – 348 с.
10. Модернизация системы управления персоналом и развитие экономики региона: монография / Ж.А. Ермакова, Е.В. Шестакова, В.Б. Кондусова, Ю.Н. Никулина. – Москва: Первое экономическое издательство, 2019. – 366 с.
11. Низова, Л.М. Конфликтные зоны в системе управления персоналом: монография / Л.М. Низова. – Йошкар-Ола: ПГТУ, 2023. – 226 с.
12. Петров Е. Е., Фридман М.Ф., Фридман Ю.Ф. Кадровое обеспечение технологического суверенитета: философско-экономические основания // Профессиональное образование и рынок труда. 2025. Т. 13. № 4. С. 166–178.
13. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменол. онтологии. – Москва: ТЕРРА-Кн. клуб: Республика, 2002. – 638 с.
14. Стратегия кадровой политики в эпоху цифровой экономики: монография / под общей редакцией Н.А. Лытневой. – Москва: Дело РАНХиГС, 2019. – 272 с.
15. Тарлавский, В.И. Научно-методические основы проектирования и реализации педагогических технологий профессиональной ориентации: монография / В.И. Тарлавский, М.В. Шакурова. – Воронеж: ВГПУ, 2021. – 220 с.
16. Тромпенаарс, Ф. Сто ключевых моделей и концепций управления. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 631, [1] с.
17. Ясперс, К. Ницше. Введение в понимание его философствования. – Санкт-Петербург: Фонд Университет: Владимир Даль, 2004. – 626 с.

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF CORPORATE TEAM BUILDING: A CO-EXISTENTIAL MODEL OF PROFESSIONAL ORIENTATION

Aushev I.M., Losev B.M., Fridman M.F., Fridman Yu.F.

Independent Interdisciplinary Center for Education Development and Qualifications Certification, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the philosophical foundations of corporate team building in the context of the development of a co-existential model of professional orientation. In the context of the growing complexity of business tasks and the transition to project-based forms of work, the effectiveness of the organization increasingly depends on the ability of employees to act as a single team. Team building is often reduced to one-time corporate events, but its true value is revealed only with a systematic approach. The purpose of the article is to develop and philosophically substantiate an existential model of professional orientation within the framework of team building. The objectives of the research include analyzing the phenomenon of team building, taking into account its continuity, integration and a high degree of group dynamics; to consider and substantiate the role and place of co-existence in corporate team building; to determine the optimal conditions for the influence of co-existence on professional orientation in the context of corporate team building. The key research question is to find evidence that a sustainable synergetic effect is achieved when team building is perceived not only as a set of activities, but as part of daily management practices related to the selection, motivation, training and evaluation of personnel, based on a co-existential approach to professional orientation.

Keywords: team building, co-existence, professional orientation, values, friendship.

References

1. Abbagnano, N. The structure of existence. An introduction to existentialism. Positive existentialism. St. Petersburg: Aletya Publ., 1998. 505 p.
2. Arkhipova, N.I. Modern problems of personnel management: a monograph / N.I. Arkhipova, S.V. Nazaikinsky, O.L. Sedova. Moscow: Prospekt Publ., 2018. 160 p.
3. Belbin, R.M. Management teams. How to explain their success or failure. – London: Kivits, 2009. – 238 p.
4. Danilina, E.I. Personnel management in the context of globalization (case study of the transport sector): monograph / E.I. Danilina, Ya.I. Malikova, D.V. Gorelov. – Moscow: Dashkov and K, 2023. 106 p.
5. Personnel policy as an element of corporate strategy: a monograph / G.Z. Akhmetova, M.Y. Makovetsky, A.P. Rudnitskaya, V.V. Yudaev; edited by G.Z. Akhmetova, A.P. Rudnitskaya. – Moscow: MUIV, 2024. – 144 p.
6. Kerimov, T.H. Undecidability. – Moscow: Triкта: Akad. The project, 2007. – 216 p.
7. Levin, K. Field theory in social sciences. – St. Petersburg: Speech, 2000. – 364 p.
8. Marcel, G. Tragic wisdom of philosophy: selected works. – Moscow: Publishing house of humanit. lit., 1995. – 215 p.
9. Mityurnikova, L.A. Conceptual approaches to the professional orientation of youth in Russia (sociological research): monograph / L.A. Mityurnikova. – Moscow: Dashkov and K, 2014. – 348 p.
10. Modernization of the personnel management system and the development of the regional economy: a monograph / J.A. Ermakova, E.V. Shestakova, V.B. Kondusova, Yu.N. Nikulina. Moscow: First Economic Publishing House, 2019. 366 p.
11. Nizova, L.M. Conflict zones in the personnel management system: a monograph / L.M. Nizova. – Yoshkar-Ola: Moscow State Technical University, 2023. – 226 p.
12. Petrov E. E., Friedman M.F., Friedman Yu.F. Staffing technological sovereignty: philosophical and economic foundations // Vocational education and the labor market. 2025. Vol. 13. № 4. pp. 166–178.
13. Sartre, J.-P. Being and nothingness: The experience of phenomenology. ontologies. – Moscow: TERRA-Book Club: Republic, 2002. – 638 p.
14. The strategy of personnel policy in the era of the digital economy: a monograph / edited by N.A. Lytneva. Moscow: RANEP Delo, 2019. 272 p.
15. Tarlavsky, V.I. Scientific and methodological foundations of the design and implementation of pedagogical technologies of professional orientation: a monograph / V.I. Tarlavsky, M.V. Shakurova. Voronezh: VGPU, 2021. 220 p.
16. Trompenaars, F. One hundred key models and concepts of management. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2019. 631, [1] p.
17. Jaspers, K. Nietzsche. An introduction to the understanding of his philosophizing. – St. Petersburg: University Foundation: Vladimir Dahl, 2004. – 626 p.

Шамилева Роза Камилевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины», Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова
E-mail: orda.shamia@mail.ru

Бокова Эльмира Сайдаевна,

аспирант, Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова
E-mail: xusainova.elmira@list.ru

В современном информационном обществе актуализация темы интересов закономерна, прежде всего, в связи с тем, что интересы направляют и движут деятельность индивида, а также процесс его социализации. Статья посвящена сравнительному анализу различных подходов к исследованию темы интересов в контексте социальных отношений. Высокий уровень влияния информационной среды и цифровизации на социальную структуру общества естественным образом ведет к трансформации интересов, требует усилий адаптации и восприятия новых ценностей и норм социального поведения личности. Как интересы направляют потребности – вопрос переплетения категорий интересов, потребностей и мотивов остается полемичным. Современная социальная теория рассматривает интересы как осознанные потребности, а мотивы – осознанное побуждение к действию. Понятие интереса выявляет динамику процесса социального взаимодействия членов общества.

Ключевые слова: интересы, группы и индивиды, мотивация, общие и частные интересы, социальная теория, социальное взаимодействие, социальные отношения, социальные противоречия.

Глобальный системный кризис, наблюдаемый в современном мире, актуализируют жизненно важные интересы человечества и свидетельствуют о необходимости консолидации мирового сообщества для всеобщего решения проблем мирового масштаба таких как продовольственный кризис, нарастание военных конфликтов, токсичная экология, вспышки пандемии и др.

Очевидные глобальные проблемы находят отражение, прежде всего, на процессе социального развития, выявляют реальные противоречия между субъектами социальной структуры общества: социальными общностями, группами и индивидами, что в конечном результате ведет к конфликту различных видов интересов, их рассогласованию.

Актуальность исследования интересов в современную эпоху связана с необходимостью регулирования социальных отношений через возможности удовлетворения нарастающих социальных потребностей как основы реализации интересов. Интересы являются определяющим фактором деятельности и социальной роли индивидов в условиях социального взаимодействия. Необходимость всестороннего исследования проблемы связана с обострением различий между интересами базовых и новых социальных общностей, что ведет к конфликту интересов, связанного с различиями в уровне доходов, реализации социальной роли и статуса индивидов. Информационное общество оказывает воздействие на содержание и характер интересов, с точки зрения их общих и особенных признаков. Поляризация общества в условиях нарастающей дифференциации приводит к трансформации социальной структуры общества и одновременно дестабилизации регулирования социальных интересов, вызванных социальными противоречиями между уровнем жизни представителей различных социальных групп.

В научной литературе понятие «интерес» рассматривается как активная направленность человека на различные объекты, освоение которых оценивается им как благо.

Понятие интереса представлено как объективная потребность субъекта социального действия, обусловленная эмоциональным состоянием и мотивационным поведением. Интересы, проявляемые в желаниях, чувствах, умонастроениях, в жизненных планах, превращаются в совокупность сложных стимулов деятельности в мотивы, которые приводят к реализации определенных систем деятельности. Важнейшим компонентом интересов как комплекса потребностей выступает чувство справедливости или несправедливости.

Именно на удовлетворение чувства справедливости направлены интересы многих социальных групп. В этой связи, автор Гречко П.К. рассматривает справедливость как истину общественной жизни людей, смысловой стержень исторического бытия человека. В этом свете общественное развитие предстает как некий «подъем к справедливости» [1, с. 53].

В историко-философском дискурсе интересы как объект исследования в их современном толковании следует искать в теории общественного договора английских философов Д. Локка и Т. Гоббса. Не смотря на некоторые различия в подходе к восприятию данной категории, английских материалистов объединяет общее видение роли функции государства в защите общих интересов, связанных с естественными правами человека.

По мнению Локка общий интерес заключается «в создании наилучших условий для достижения своих целей» [2]. Государство же является институтом гармонизации различных видов интересов граждан, в том числе и эгоистических. В отличие от Локка, Гоббс придерживается мнения, что упование на «естественное состояние» может ущербно отразиться на общественном договоре, ибо интересы общества превыше естественных прав. Будучи сторонником абсолютной монархии, Гоббс убежден в том, что власть стоит на страже интересов «государство установлено, когда множество людей договаривается и заключает соглашение каждый с каждым о том, что в целях водворения мира среди них и защиты других» [3].

Суждение о понятии интересов как социально-мотивационной силы заложены в философии эпохи Просвещения, где интересы рассмотрены не только в качестве ориентира жизнедеятельности человека, но и процесса его социального взаимодействия с общественной средой. Интересы как важнейший объект исследования выступают в учении представителей французской философской школы таких, как К.А. Гельвеций, П. Гольбах, Д. Дидро и др.

П. Гольбах характеризует интерес как движущий стимул поведения, отмечая, что «ни один смертный не бывает полностью лишен интересов, так как это объект, с которым связано представление человека о счастье» [4].

Примечательна трактовка интересов Д. Дидро, считавшего, что разумный эгоизм человека естественен, а сочетание материальных потребностей и принципов нравственности составляет основу гармонии интересов. Французский мыслитель рассуждает о соразмерности общих и частных интересов как закономерной необходимости. Суть этического рационализма Дидро состоит в том, что «нет нравственной добродетели, нет достоинства при отсутствии ясных и четких понятий общего блага и осмысленного знания того, что хорошо или дурно в нравственном смысле, что достойно восхищения, а что ненависти, что справедливо и что несправедливо» [5].

В эпоху Нового времени проблема интересов нашла свое отражение в трудах И. Канта и Ф. Гегеля, признавших интерес движущей силой человеческого разума и морали. Кант в отличие от французских просветителей выводит сущность интереса не как потребности, присущей естественному чувственному эгоцентризму, а исходя из практической разумности, наделенного нравственным законом, которому подчиняется поведение человека. В работе «Критика чистого разума» Кант рассматривает интерес как свойство «чистого разума», считая, что «непосредственный интерес – интерес к соблюдению нравственного закона (категорического императива), когда поступок служит определяющим основанием воли» [6]. Подобный интерес, философ именует «чистым интересом».

В основе концепции интереса Гегеля заложена диалектическая взаимосвязь интереса с философскими понятиями свобода, необходимость и потребность. Особое место в гегелевской теории занимает осознание свободы как действия субъекта «в соответствии с разумной необходимостью, где личный интерес совпадает с правом» [7]. Отсюда, Гегель отмечает неразрывную связь личных и общественных интересов, считает, что реализация их обусловлена правовым регулированием со стороны института власти.

В марксизме постановка исследования интереса рассмотрена в качестве важнейшего феномена социальной деятельности индивидов, как некий смысл классовой борьбы, ее движущей силой. К. Маркс, подчеркивая ценность интереса, обращал внимание, что цель борьбы индивидов в конечном итоге связана с реализацией экономических интересов. Интерес выступает как объективная сила, воздействующая на социальную роль индивида, его положение и место в социально-классовой структуре общества как субъекта экономических отношений [8, с. 134]. Подтверждая эту мысль, Ф. Энгельс отмечает: «экономические отношения каждого общества проявляются, прежде всего, как интересы» [9]. В этом тезисе кроется важный признак интереса, так как именно экономические отношения заложены в системе общественного разделения труда в гражданском обществе.

Однако, с подобной интерпретацией восприятия интересов не согласен немецкий социолог М. Вебер, явившийся, своего рода, оппонентом марксовского экономического детерминизма – концепции, исходящей из первостепенной значимости классовых интересов индивидов. Если Маркс в основу интереса ставил классовую обусловленность, то Вебер анализирует интересы различных социальных общностей, формирующихся на основе статусной принадлежности и входящих в состав социальной структуры общества.

Интересы, согласно Веберу, определяются различными статусными признаками и порождают множество как общих, так и частных интересов, отражающих образ жизни, престижа, духовности субъектов. Человеком при капитализме движет его мотив призвания «это мотив – создание такой жизненной позиции, которая основана на идее призвания, – и стал играть важную роль в развитии капитализма» [10]. Не смотря на противоречивость попытки Вебера совместить капиталистическое предпринимательство с религиозной духовностью, ему удалось преодолеть ограниченность экономического детерминизма марксовского подхода к понятию интересов в условиях капиталистической формации. В реальной социальной практике поведение социальных общностей и индивидов определяется их социальным положением, статусом и престижем. Посредством социального статуса измеряются границы возможностей и доступа индивидов к материальным и духовным благам.

В силу эвристичности и универсальности категории интереса существуют множество различных точек зрения на предмет выявления ее сущности и ценностного содержания.

Исходя из различных подходов исследования, интерес следует рассматривать как устойчивую совокупность потребностей, способствующей характеристике мотивов деятельности как индивида или микрогруппы, так и различных социальных классов и общностей.

Основные подходы

1. Философский. Философская интерпретация понятия состоит в определении сущности интересов как осознанной необходимости деятельности человека, где движущей силой выступает потребность, рассматривает через призму направленности на субъекта, как носителя социального действия.

2. Социологический. В социологической трактовке интерес является основополагающим признаком социальных действий индивидов, групп и общностей, основой целеполагания мотивационного поведения. Смысл данного подхода объясняется стремлением индивидов к реализации интересов через удовлетворение жизненно важных потребностей в процессе социального взаимодействия таких, как социальный статус, социальная роль, уровень жизни, доступ к социальным благам.

3. Социально-психологический. Социально-психологический подход в исследовании феномена интересов учитывает общественные условия, социальную среду, а также принадлежность субъекта к определенной социальной общности. Интерес является эмоционально-когнитивным фактором выбора действий человека, его социальных ожиданий, поиска пути интегрироваться в социум, возможности преодоления психосоматических комплексов.

4. Правовой. В теории права используется понятие «интерес права», смысл которого состоит в ценностном отношении гражданина, способного включаться в правовое пространство, формированию не только правового сознания, но и правомерного поведения. Реализация интересов зависит от степени значимости и правовой гарантированности социальных и гражданских прав субъектов.

5. Экономический. В теории экономики интересы представлены как совокупность потребностей и мотиваций, стимулирующих поведение субъектов в экономической сфере. Индивидуальные и коллективные интересы в экономической науке выступают ключевыми объектами экономической цифровой политики, оказывая воздействие не только на рыночный механизм, но и открывают новые перспективы производительности труда. Парадигма цифровой экономики, не смотря на некоторые закономерные противоречия, в целом позволяет эффективно реализовать индивидуальные интересы в предпринимательской деятельности, способствует успешному движению бизнеса.

Диалектическая взаимосвязь категории интереса с понятиями потребностей и мотивов представляет собой закономерный динамический процесс, особенно следует подчеркнуть, что в иерархии структуры указанных понятий первичны потребности (биологические, социальные и др.), являясь основой интереса, источником деятельности субъектов, где мотив форма реализации интереса и удовлетворения потребности.

Обратимся к некоторым теоретическим ключевым аспектам взаимодействия интересов, потребностей и мотивов в социальной теории.

В своей концепции «пирамида потребностей» А. Маслоу доказывает, что в интересах заложено стремление человека к удовлетворению потребности. Исследователь классифицирует потребности по иерархическому принципу в виде пирамиды от низших к высшим. Низший уровень потребностей представлен биологическими или физиологическими потребностями человека, а высший уровень пирамиды – осознанное стремление индивида к самореализации [11, с. 188]. В представлении Маслоу интересы объективно зависят от уровня потребностей, так как жизнедеятельность человека невозможна без реализации базовых низших потребностей (пища, среда, жилье), переход к высшей стадии потребностей в свою очередь естественным образом зависит от удовлетворения физиологических потребностей. Отсюда, интересы – реальная форма выражения потребностей, удовлетворения базовых нужд, позволяющая индивиду стремиться к самореализации.

Российский исследователь Здравомыслов А.Г., подчеркивая закономерность указанной взаимосвязи, рассматривает понятия «мотивация», «потребность» и интересы как иерархическую систему направляющую социальную роль и деятельность человека, где мотивация как некий социальный ориентир выявления потребности как нужды, и интереса как осознанного стремления к объекту потребности. «Интерес, отмечает ученый, избирательное, осознанное и эмоционально окрашенное отношение личности к объекту, который может удовлетворить потребность» [12]. Автор обращает внимание на воздействие и отражение взаимосвязи сознания и социального положения индивида не только на способе удовлетворения потребностей, но и их уровне развития.

В данном контексте понятие интереса следует рассматривать как единство выражения внутренней сущности субъекта и объективного отражения материальных и духовных ценностей человеческой культуры в сознании этого субъекта.

Аналогичный подход обнаруживается в работе А.Н. Гончаровой, где интересы рассмотрены в качестве опосредующего элемента в процессе перехода объективного в субъективное, интересы также как и потребности образуются в процессе практической деятельности. Общественное бытие, в понимании автора, «в сознании опосредовано через социальные нормы, которые гармонизируют интересы, обратное превращение также происходит при помощи последних» [12]. Автор обращает внимание на логику обратной связи, проявляющуюся в том, что интересы могут быть заложены в новые виды социальных норм и правил поведения.

В конечном итоге, социальные нормы регулируют осознанные потребности в виде общественных и личных интересов, обуславливают социальное положение, роль и статусы индивидов, что находит отражение в эмпирических исследованиях проблемы.

Выводы

Социально-философский дискурс теоретического исследования категории интересов представлен различными подходами: онтологического, аксиологического, социального и др. уровней. Исследование проблемы в социальной теории связано с выявлением генезиса интересов, движения их как направляющей силы с целью реализации социальной роли представителей различных социальных общностей и групп и их социального взаимодействия.

Восприятие интересов на когнитивном уровне часто может быть ограничено эгоистическими представлениями людей, основанными на мнимых потребностях, неразумной мотивации в вопросах незаслуженных доходов, максимальной выгоды. В этой связи, роль общественных институтов в оптимальном регулировании личных интересов в направлении созидательной деятельности индивида, с учетом структуры общественных интересов.

Интересы представляют мотивационную основу, направляющую процесс социализации, безусловно, связанный с реализацией индивидуальных или личных интересов социальными институтами требует учета индивидуальности личности, оказывает существенное воздействие на процесс социализации.

Литература

1. Гречко П.К. Справедливость: поиск предельных оснований. // Личность. Культура. Общество. № 1, 2006. С. 51–58.
2. Локк Д. Два трактата о правлении // Локк Д. Сочинения в 3- томах. Т. 1. Мысль, 1988. С. 135–406.
3. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 131–154.
4. П. Гольбах. Избранные произведения, в 2-х т., т. 1. М. 1963. С. 309–311.
5. Д. Дидро. Сочинения: в 2-х т. Т. 1 / Пер. с франц.; – М.: Мысль, 1986. С. 19–21.
6. И. Кант. Основы метафизики нравственности. Собр. Соч. в 4-х томах. Т. 4. М.: Мысль, 1965. С. 305–319.
7. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Издательство АСТ, 2023. С. 395–405.
8. К. Маркс и Ф. Энгельс. Святое семейство. Сочинения.

М.: Государственное издательство политической литературы, 1995. Т. 2. С. 63–65.

9. Энгельс, Ф. К жилищному вопросу // Маркс, К. Сочинения. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 18. М.: Политиздат, 1961. С. 242–243.

10. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

11. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2003. – 351 с.

12. Здравомыслов А.Г., Дилигенский Г.Г. Потребности. Интересы. Ценности. – М.: Политиздат, 1986. – 223 с.

13. Гончарова А.Н. Проблема согласования общественных и личных интересов в процессе построения гражданского общества. Красноярск, 2001. URL: <http://www.aUpravo.ru/library/doc108p0/instrum4247/item4250.html> (дата обращения: 05.05.2026).

REVISITING THE CONCEPT OF INTERESTS IN CONTEMPORARY SOCIAL THEORY

Shamileva R.K., Bokova E.S.

Grozny State Oil Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov

In today's information society, the topic of interests has gained prominence, primarily because interests guide and drive individual activity as well as the process of socialization. This article presents a comparative analysis of various approaches to studying interests within the context of social relations. The profound impact of the information environment and digitalization on the social structure naturally leads to a transformation of interests, necessitating adaptation and the adoption of new values and norms of social behavior. The question of how interests shape needs and the interplay between the categories of interests, needs, and motives remains a subject of debate. Modern social theory views interests as conscious needs and motives as a conscious impulse to act. The concept of interest reveals the dynamics of the process of social interaction among members of society.

Keywords: interests, groups and individuals, motivation, common and particular interests, social theory, social interaction, social relations, social contradictions.

References

1. Grechko P.K. Justice: The Search for Ultimate Foundations. // Personality. Culture. Society. № 1, 2006. Pp. 51–58.
2. Locke J. Two Treatises of Government // Locke J. Works in 3 Volumes. Vol. 1. Mysl, 1988. Pp. 135–406.
3. Hobbes T. Leviathan, or the Matter, Form and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil // Hobbes T. Works in 2 Volumes. Vol. 2. Moscow: Mysl, 1991. Pp. 131–154.
4. Holbach P. Selected Works, in 2 vols., Vol. 1. Moscow, 1963. Pp. 309–311.
5. Diderot D. Works: in 2 vols. Vol. 1 / Trans. from French; – Moscow: Mysl, 1986. Pp. 19–21.
6. Kant, I. Groundwork of the Metaphysics of Morals. Collected Works in 4 volumes. Vol. 4. Moscow: Mysl, 1965, pp. 305–319.
7. Hegel, G. W. F. *Philosophy of Right*. Moscow: AST Publishers, 2023, pp. 395–405.
8. Marx, K., and Engels, F. *The Holy Family*. Works. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1995. Vol. 2, pp. 63–65.
9. Engels, F. «The Housing Question» // Marx, K. Works. 2nd ed. / K. Marx, F. Engels. Vol. 18. Moscow: Politizdat, 1961, pp. 242–243.
10. Weber, M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. Moscow: Progress, 1990. 808 p.
11. Maslow, A. *Motivation and Personality*. St. Petersburg: Piter, 2003. 351 p.
12. Zdravomyslov, A. G., and Diligensky, G. G. *Needs. Interests. Values*. Moscow: Politizdat, 1986. 223 p.
13. Goncharova A.N. The Problem of Harmonizing Public and Personal Interests in the Process of Building Civil Society. Krasnoyarsk, 2001. URL: <http://www.aUpravo.ru/library/doc108p0/instrum4247/item4250.html> (accessed: May 5, 2026).

Исследование русских переводов исторических аллюзий в романе «сон в красном тереме» с точки зрения экопереводологии: на примере перевода В.А. Панасюка 1995 года

Юань Дунмэй,

Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 2408140338@qq.com

В статье с позиций «многомерной адаптации и адаптивного отбора», «центрированности на переводчике» и «трёхмерной трансформации», которые подчёркивает экопереводология, анализируется русский перевод исторических аллюзий в романе «Сон в красном тереме». Благодаря проявлению субъективной активности переводчик может гибко применять такие переводческие приёмы, как вольный перевод, буквальный перевод с комментарием, контекстуальное расширение, опущение, доместикация и форенизация, постоянно осуществляя «адаптацию» и «трансформацию» в «лингвистическом измерении» и «культурном измерении», тем самым преодолевая лингвокультурные различия между Китаем и Россией и достигая трансформации и компенсации в «коммуникативном измерении».

Ключевые слова: экопереводология; трёхмерная трансформация; исторические аллюзии на личности; «Сон в красном тереме»

Введение

Во второй половине XX века, в контексте общего перехода человеческой цивилизации от индустриальной к экологической, теоретические исследования перевода постепенно начали демонстрировать тенденцию к междисциплинарной интеграции. На этом фоне профессор Ху Гэншэн из Университета Цинхуа в 2001 году впервые предложил «теорию экоперевода», творчески введя в переводоведение соответствующие концепции экологии [1, с.88]. В центре внимания этой теории находится идея «перевод как адаптация и отбор», измерения которой определяются как трёхмерная адаптивная трансформация: лингвистическое, культурное и коммуникативное. «Сон в красном тереме», будучи вершиной китайской классической литературы, содержит большое количество исторических аллюзий на личности (например, «правление Яо и Шуня», «мудрость Чжугэ Ляна» и др.), несущих в себе глубокий культурный код китайской цивилизации. Русский перевод В.А. Панасюка 1995 года, являясь одним из важнейших переводов этого романа в российском китаеведении, представляет собой материал для систематического исследования стратегий перевода исторических аллюзий под углом зрения экопереводологии.

Как вершина китайской классической прозы эпох Мин и Цин, «Сон в красном тереме» с момента своего издания переводился на многие языки. Глубокое традиционное китайское культурное содержание и трогательный сюжет привлекли широкое внимание исследователей во всём мире. Зарубежные исследования романа сосредоточены главным образом на текстологическом анализе и переводоведении.

В области текстологического изучения «Сна в красном тереме» В.П. Васильев в «Очерках истории китайской литературы» (1880) отметил, что этот роман является одним из лучших в Китае и что его чтение помогает читателю понять реальное китайское высшее общество. Д.Н. Воскресенский в работе «Сага о большой семье» (1995) указал, что «Сон в красном тереме» – это масштабная эпическая эпопея, затрагивающая философские, религиозные, этические и социальные вопросы, отражающая китайский национальный характер и дух. Грант Джиллетт в статье «Баюй: психическое расстройство или культурная икона?» (2014) подчеркнул, что характер Цзя Баюя динамически связан с историческим, социальным и культурным контекстом его времени. А.М. Каликова в работе «Символическая образность флористической лексики в романе «Сон в красном тереме»» (2020) проанализировала, какие цветы соответствуют «двенадцати золотым шпилькам», и связанный с ними анализ судеб персонажей, раскрыв особенности цветочной символики в романе и показав уникальное китайское восприятие цветов. О.А. Владимирович и Б.Н. Анатольевна в статье «Чай в повседневной жизни аристократии эпохи Цин – заметка к русскому переводу романа «Сон в красном тереме»» (2019) обобщили, что чай в романе выполняет функции приёма гостей и создания атмосферы. Также был проанализирован культурный концепт «фруктовой тарелки», в результате чего сделан вывод, что в переводе этот культурный концепт сужается, не позволяя читателю ясно понять уникальную коннотацию данного предмета. Таким образом, художественные достоинства «Сна в красном тереме» получили высокое признание российских учёных. Однако лишь в 1958 году вышел первый полный русский перевод романа, выполненный В.А. Панасюком; в 1995 году Панасюк перевёл роман заново. Благодаря переводу и распространению русского перевода «Сон в красном тереме» оказал огромное влияние как в России, так и в Европе.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужил полный русский перевод романа «Сон в красном тереме» (Цао Сюэцинь), выполненный В.А. Панасюком и изданный в двух томах издательством «Ладомир» в 1995 году; для сопоставительного анализа привлекаются также фрагменты перевода Пань Цзичжэня (1958), опубликованные в хрестоматийных изданиях, а исходным китайским текстом служит рукописная версия с комментариями Чжияньчжая (серия «История камня»). Методологической основой работы выступает теория экопереводологии, разработанная Ху Гэншэнем, с акцентом на три ключевых концепта – «многомерная адаптация и адаптивный отбор», «центрированность на переводчике»

и «трёхмерная трансформация» (лингвистическое, культурное и коммуникативное измерения), в рамках которой применяются методы качественного описательно-сопоставительного анализа, кейс-стади и контекстуальной интерпретации. Процедура исследования строится следующим образом: сначала из оригинального текста отбираются репрезентативные исторические аллюзии на личности, связанные с ключевыми персонажами и сюжетными линиями (например, аллюзии на Яо и Шуня, Чжугэ Ляна, Гуань Юя, Сыма Чжао и др.); затем каждый фрагмент оригинала сопоставляется с соответствующим русским переводом Панасюка (а при наличии — с вариантом Пань Цзичжэня) с фиксацией применённых переводческих стратегий и трансформаций; наконец, выявленные решения анализируются с позиций трёх измерений адаптивной трансформации для оценки степени достижения эквивалентности в коммуникативной функции аллюзий, при этом все примеры сопровождаются постраничными сносками с указанием тома и страницы издания 1995 года.

Результаты и обсуждение

«Сон в красном тереме» (также известный как «История камня») — китайский классический многоглавый роман, написанный Цао Сюэцинем в эпоху Цин. Это эпическое произведение, показывающее древнекитайское общество с разных сторон. Как вершина истории китайской классической литературы, «Сон в красном тереме» долгое время служил для других стран важным источником для понимания древнекитайского общества, его институтов, культуры и обычаев, поэтому переводы романа активно выполнялись учёными разных стран, и он получил широкое распространение по всему миру.

Исторические аллюзии на личности в «Сне в красном тереме» являются важным носителем традиционной китайской культурной памяти и повествования, их культурная коннотация играет существенную роль. Например, аллюзии на древних императоров, таких как «Яо, Шунь, Юй и Тан», коренятся в конфуцианской парадигме «гуманного правления». Они формируют картину идеального политического порядка, которую рисовал автор, и через гетерогенное сравнение с разлагающейся действительностью семейства Цзя реализуют критику реализма. Использование таких аллюзий, как «Вэньцзюнь у печи» или «Ши Чун хвастается богатством», вводит в повествование культуру учёных эпохи Хань и культуру аристократических кланов эпохи Вэй и Цзинь, участвуя в формировании характеров персонажей (например, бунтарство Цзя Баоя, жадность Ван Сифэн). Культурная коннотация этих аллюзий через метафорическое напряжение раскрывает внутренний смысл судеб персонажей, взлёта и падения семей, а также социальной этики.

Метафорическое значение исторических аллюзий является ядерной формой выражения культурной коннотации и выполняет функцию «двойного смысла». Взяв в качестве примера аллюзию «Чжугэ Лян, побеждающий спором с учёными мужами», можно увидеть, что в оригинальном тексте Линь Дайюй с помощью этой аллюзии иронизирует над красноречием Баоя. Заимствуя классический образ «интеллектуального спора» из культуры Троецарствия и осуществляя гендерную подмену ролей, автор придаёт аллюзии новую нарративную функцию: она не только подчёркивает ум и остроумие Дайюй, но и намекает на уникальное духовное сродство между Дайюй и Баоюем. С точки зрения нарративной структуры, появление ключевых аллюзий часто знаменует поворот сюжета или углубление темы. Например, использование аллюзии «храмовый служака» в эпизоде «Цзя Юйцунь несправедливо решает дело о тькве» служит толчком к развитию сюжета и обнажает тёмную сущность феодальной бюрократии. С точки зрения культурной коммуникации, аллюзии становятся важным средством передачи традиционных китайских ценностей. Например, использование аллюзии «Кун Жун уступает грушу» в описании сцен воспитания детей из семейства Цзя отражает влияние конфуцианской культуры «ритуала» и скрыто передаёт тревогу автора по поводу неудач в семейном воспитании. Классическая природа «Сна в красном тереме» как раз и заключается в предельно полном использовании функции аллюзий, превращающей каждую историческую аллюзию на личность в мост, соединяющий культурную традицию и литературное новаторство.

Вячеслав Алексеевич Панасюк (1924–1990) — один из крупнейших российских китаеведов XX века. Его полный перевод «Сна в красном тереме» (1958, переиздан с доработками в 1995) стал первым в истории российской синологии и до сих пор остаётся наиболее авторитетным. Панасюк стремился к балансу между филологической точностью и художественной выразительностью, что нашло отражение в его предисловии: «Переводчик должен быть слугой двух господ — автора и читателя» [2.с.12]. Эта установка объясняет его гибкое использование приёмов доместикации и форенизации, что полностью соответствует принципу «многомерной адаптации» в экопереводологии.

Как было указано во введении, экопереводология выделяет три измерения адаптивной трансформации: лингвистическое, культурное и коммуникативное [3.с5–9]. В следующих разделах мы последовательно рассмотрим, как Панасюк реализует трансформацию в каждом из них при передаче исторических аллюзий. Для выявления специфики его переводческих решений привлекается также фрагментарный перевод Пань Цзичжэня (1958), что позволяет провести предварительное сопоставление двух подходов к передаче четырёхсложных структур и метафорических выражений оригинала. Исторические аллюзии в романе часто представлены в виде четырёхсложных конструкций типа «Хань Синь подсчитывает войска» или «Цзян Тайгун удит рыбу». Эти структуры отличаются ритмичностью и лаконичностью. Из-за различий в истории, государственном укладе, традициях, природно-географической среде, социальном строе и т.д. между Китаем и Россией сформировались две совершенно разные культурные системы. Например, выражение «Чжоу Юй бьёт Хуан Гая — один бьёт, другой подставляет щёку» переведено как «Чжоу Юй бил Хуан Гая, и Хуан Гай был готов к этому». Одновременно с помощью союза «и» усиливается внутрифразовая логика. Так учитываются речевые привычки русского языка и ритм оригинала. Что касается метафорических выражений в аллюзиях, например, метафоры «неуклюжести в незнакомой обстановке», которую несёт аллюзия «Лю Лао-лао входит в Большой сад», Панасюк сохраняет центральные образы «Лю Лао-лао» и «Большой Сад» и добавляет распространённую в русском языке метафору «ощутила себя как рыба на суше». Данный перевод соответствует точке зрения семиотики о том, что «при переносе знака из исходного языка в целевой необходимо адаптировать его значение к знаковой системе целевого языка» [4, с.128–132].

Адаптивная трансформация в лингвистическом измерении подчиняется языковым нормам экосистемы целевого языка. Переводческая практика Панасюка показывает адаптацию к грамматическим правилам и выразительным привычкам русского языка. Род, число, падеж русских существительных и спряжение глаголов требуют изменения порядка слов в оригинале. Например, в выражении «Сердце Сыма Чжао — знают все прохожие» оригинальная структура подлежащее-сказуемое-дополнение выглядит как «Сыма Чжао (подлежащее) его сердце (дополнение), прохожие (подлежащее) всё знают (сказуемое)». Панасюк переводит его как «Сердце Сыма Чжао — все знают», преобразуя «прохожих» в обобщённое местоимение «все», чтобы избежать грамматических трудностей, связанных с использованием «прохожих» в роли подлежащего во множественном числе, и одновременно соблюдая русскую логическую норму «вынесение ключевой информации вперёд». Кроме того, в случае, когда в аллюзии опущено подлежащее, например, «Сюй Шу вступил в лагерь Цао Цао — ни слова не сказал», Панасюк добавляет подлежащее «Сюй Шу» и обстоятельство места «в лагере Цао Цао», приводя структуру предложения в соответствие с базовым русским порядком слов «подлежащее + сказуемое + обстоятельство», что обеспечивает грамматическую правильность и читабельность русского перевода [5, с.22–29].

Перевод Панасюка формирует степень принятия исторических аллюзий русскоязычным читателем. Эстетика рецепции подчёркивает: «ожидаемый горизонт читателя является ключом к реализации смысла текста». Панасюк через адаптацию языковой формы согласует перевод с ожидаемым горизонтом русскоязычного читателя. Например, «размахивать большим мечом перед Гуань Гуном» переведено как «Маневрировать с большим клинком перед Гуань Гуном». При этом сохраняется транслитерация культурно-специфичного имени собственного «Гуань Гун» и через конкретное описание «большим клинком» достигается понимание сути аллюзии («показывать мастерство перед экспертом») даже без знакомства с исторической подоплёкой «Гуань Гуна». С точки зрения экологии перевода, такая трансформация сохраняет культурную коннотацию исходной аллюзии, одновременно адаптируясь к когнитивному уровню целевого читателя и обеспечивая динамическое равновесие языковой экосистемы.

Таким образом, адаптивная трансформация в лингвистическом измерении исторических аллюзий в русском переводе «Сна в красном тереме» может быть охарактеризована как «активная адаптация языковой формы оригинала к языковой экосистеме целевого языка». Расчленение и перестройка четырёхсложных структур, компенсация образа в метафорических выражениях, корректировка порядка слов в соответствии с грамматическими правилами — всё это сохраняет ключевой смысл исходных аллюзий и одновременно соответствует языковым нормам и когнитивным привычкам русскоязычного читателя.

Под адаптивной трансформацией в культурном измерении понимается передача и интерпретация двуязычных культурных коннотаций, на которые переводчик обращает внимание в процессе перевода. В русском переводе Панасюка 1995 года при работе с историческими

аллюзиями в культурном измерении (например, «Чжаоцзюнь отправляется в западные земли», «Чжугэ Лян со слезами казнит Ма Су») переводчик, прежде всего, уделяет внимание обозначению исторической личности и ключевых деталей её биографии. Так, «Чжугэ Лян» переводится буквально как «Чжуге Лян», и добавляется комментарий: «традиционный китайский стратег и политик Трёх царств». В отношении же культурных деталей, лежащих за пределами когнитивного порога русскоязычного читателя, например, суть родового института «отречения от престола в пользу достойного» в аллюзии «Яо и Шунь отрываются от престола», применяется культурная фильтрация: выражение переводится как «передача власти между достойными правителями по согласию народа». Такой подход переключается с «адаптивным отбором в культурном измерении» экопереводологии и отражает стремление переводчика к балансу между полнотой исходной культуры и восприятием целевого читателя.

Сохранение культурно-нагруженных элементов в исторических аллюзиях определяет нарративную функцию аллюзии в оригинале и её рецепцию в целевой культуре. Когда аллюзия служит движущей силой развития сюжета или формирования характера персонажа, как, например, в случае «Линь Дайюй сравнивается с Сицзы», где «Сицзы (Си Ши)» выступает ядерным компонентом метафоры красоты. В переводе сохраняется транслитерация «Си Цзы» и добавляется комментарий «одна из четырёх великих красавиц древнего Китая», чтобы избежать неясности образа, вызванной культурной лакуной. В аллюзии «Сюй Шу вступил в лагерь Цао Цао – ни слова не сказал» биография «Сюй Шу» передаётся как «стратег, который отказался говорить после перехода на сторону врага». Такой приём «буквальный перевод плюс комментарий» позволяет максимально сохранить облик исходной культуры, то есть без добавления, утраты или искажения исходной информации осуществить адаптацию и трансформацию в экосистеме целевого языка, эффективно передать суть китайской культуры, сделать её доступной для понимания русскоязычным читателем. Это можно считать переводом с высокой степенью интегральной адаптивности в культурном измерении [6, с.52–57].

Перевод культурно-нагруженных элементов в версии Панасюка базируется на осознании экологических различий между китайской и русской культурами. Например, в аллюзии «Гуань Гун греет вино, убивает Хуа Сюна» реконструируется статус «Гуань Гуна (Гуань Юя)» как «святого воина». Он представлен в формулировке «герой с неуступчивой честью и мастерством владения мечом», что сохраняет черту «верности и справедливости» Гуань Юя и одновременно согласуется с русским культурным пониманием «героического кодекса чести». Деталь «гретое вино», характерная для китайской культуры питания, переведена как «пока вино не остыло» [7, с.33–42].

Коммуникативно-адаптивная трансформация в переводе Панасюка не ограничивается передачей языковой формы или культурного содержания – она направлена на воссоздание прагматической функции аллюзий в исходном тексте. Например, в главе 27 аллюзия «Гуань Юй отпускает Цао Цао» используется для характеристики сложной натуры Ван Сифэна, которая сочетает внешнюю любезность со скрытым расчётом. Панасюк переводит этот фрагмент как «прощание с Цао Цао (с учётом исторического контекста: Гуань Юй, будучи благодарным, отпустил врага)». Такое решение сохраняет двусмысленность образа: читатель видит не только «старую дружбу», но и понимает, что за этим стоит прагматический расчёт [8, с.224–233].

Для оценки успешности коммуникативной адаптации целесообразно обратиться к теории «горизонта ожидания» (Ярусс). Русскоязычный читатель, не знакомый с сюжетом «Троецарствия», может не уловить иронии, заложенной в оригинале. Однако Панасюк за счёт добавления краткого пояснения «благодарный враг» снижает когнитивный порог, не разрушая при этом многозначности образа. Таким образом, коммуникативное намерение оригинала реализуется в переводе с высокой степенью эквивалентности.

Выводы

«Сон в красном тереме» – это концентрат традиционной китайской культуры, занимающий важное место не только в истории китайской литературы, но и имеющий значительное влияние в мировой литературе. Он служит окном для понимания древней китайской культуры, обычаев и традиций, переведён на множество языков и стал сокровищем в сокровищнице мировой литературы. Однако наличие в романе большого числа исторических аллюзий на личности, которые несут глубокий культурный смысл, делает его трудным объектом для перевода на иностранные языки. Экспериментальная выдвинула концепции «трёхмерной трансформации», «центрированности на переводчике» и «многомерной адаптации и адаптивного отбора», которые служат теоретической основой и ценностной опорой для перевода культурно-нагруженной лексики.

В переводческой практике переводчику следует проявлять субъективную активность: не только адаптироваться к «экологической среде перевода», но и, опираясь на «лингвистическое» и «культурное» измерения, гибко применять приёмы буквального перевода, вольного перевода, добавления, опущения, доместики и фореизации, постоянно осуществлять «адаптацию» и «трансформацию», преодолевая тем самым межкультурные различия, добиваясь трансформации и компенсации в «коммуникативном измерении», распространяя китайскую культуру и позволяя иностранным читателям ощутить очарование китайской культуры, способствуя выходу китайской классической литературы на мировой уровень.

Литература

1. Ху Гэншэн. Экспериментальная переводология: построение и интерпретация. – Пекин: Коммерческая пресса, 2013. – С. 88.
2. Цао Сюэцин. Сон в красном тереме / Цао Сюэцин; пер. с кит. В.А. Панасюка. – М.: Ладомир, 1995.
3. Ху Гэншэн. Исследовательские фокусы и теоретические перспективы экспериментальной переводологии // Китайский перевод. – 2011. – № 2. – С. 5–9.
4. Колитенко Е.Е. Роман «Сон в красном тереме» некоторые аспекты культуры Китая // Известия Восточного института. – 2008. – № 15. – С. 128–132.
5. Даньно С. Сюэ Баочай и Марья Болконская: сравнительный анализ образов героинь романов Цао Сюэцина и Льва Толстого // Litera. – 2024. – № 7. – С. 22–29.
6. Волкова Ю.С., Привороцкая Т.В. Особенности перевода наименований предметов и явлений традиционного быта в романе Цао Сюэцин «Сон в красном тереме» // Вестник науки и творчества. – 2016. – № 10 (10). – С. 52–57.
7. Байвэй Л., Хэлинь Ч. Межкультурная интерпретация народной культуры и обычаев в русском переводе В.А. Панасюка романа «Сон в красном тереме» // Вопросы современной лингвистики. – 2024. – № 3. – С. 33–42.
8. Юйхан Л. Паратекст в межкультурном диалоге (на материале перевода романа Цао Сюэцин «Сон в красном тереме») // Верхневолжский филологический вестник. – 2025. – № 1 (40). – С. 224–233.

RUSSIAN TRANSLATION OF HISTORICAL CHARACTER ALLUSIONS IN HONGLOUMENG FROM THE PERSPECTIVE OF ECO-TRANSLATOLOGY: A CASE STUDY OF PANASYUK'S 1995 TRANSLATION

Yuan Dongmei

Xinjiang Normal University

From the perspective of “multi-dimensional adaptation and adaptive selection”, “translator-centeredness” and “three-dimensional transformation” emphasized by eco-translatology, this paper analyzes the Russian translation of historical character allusions in Hongloumeng. By exerting their subjective initiative, translators can flexibly employ such translation techniques as free translation, literal translation with annotation, contextual amplification, omission, domestication and foreignization, and continuously “adapt” and “transform” in the “linguistic dimension” and “cultural dimension”, thereby overcoming the linguistic and cultural differences between China and Russia and achieving the transformation and compensation in the “communicative dimension”.

Keywords: eco-translatology; three-dimensional transformation; historical character allusions; Hongloumeng

References

1. Hu Gengshen. Eco-translatology: Construction and Interpretation. – Beijing: Commercial Press, 2013. – P. 88.
2. Cao Xueqin. Dream of the Red Chamber / Cao Xueqin; translated from Chinese by V.A. Panasyuk. – Moscow: Ladomir, 1995.
3. Hu Gengshen. Research foci and theoretical perspectives of eco-translatology // Chinese Translators Journal. – 2011. – No. 2. – Pp. 5–9.
4. Kolitenko E.E. The novel “Dream of the Red Chamber”: some aspects of Chinese culture // Proceedings of the Oriental Institute. – 2008. – No. 15. – Pp. 128–132.
5. Danno S. Xue Baochai and Marya Bolkonkaya: a comparative analysis of the heroines in the novels of Cao Xueqin and Leo Tolstoy // Litera. – 2024. – No. 7. – Pp. 22–29.
6. Volkova Yu.S., Privorotskaya T.V. Peculiarities of translating names of objects and phenomena of traditional daily life in Cao Xueqin's novel “Dream of the Red Chamber” // Herald of Science and Creativity. – 2016. – No. 10 (10). – Pp. 52–57.
7. Baiwei L., Helin Ch. Cross-cultural interpretation of folk culture and customs in V.A. Panasyuk's Russian translation of the novel “Dream of the Red Chamber” // Issues of Modern Linguistics. – 2024. – No. 3. – Pp. 33–42.
8. Yuhua L. Paratext in intercultural dialogue (based on the translation of Cao Xueqin's novel “Dream of the Red Chamber”) // Upper Volga Philological Bulletin. – 2025. – No. 1 (40). – Pp. 224–233.

Философская антропология асимметрии вежливости как зеркало антропологических моделей: сопоставление китайского и российского политических дискурсов

Ягуфаров Руслан Ахнафович,

аспирант, ст.преподаватель, Тихоокеанский государственный университет

E-mail: yagufarov@mail.ru

В статье рассматривается асимметрия вежливости как философско-антропологический показатель, позволяющий сопоставить китайскую и российскую модели политического дискурса. Показано, что формы обращения, благодарности и дистанцирования отражают не только языковые нормы, но и глубинные представления о человеке, власти и социальной иерархии. В китайском дискурсе вежливость связана с конфуцианской логикой *ли* и *жэнь*, где она выполняет функцию поддержания гармонии и ролевого порядка. В российском дискурсе асимметрия вежливости соотносится с патерналистской и соборной моделью, сочетающей вертикаль власти с риторикой заботы и близости. Методологически работа опирается на компаративистский подход, критический дискурс-анализ и постструктуралистскую перспективу. Делается вывод, что вежливость в политической коммуникации выступает не этикетной деталью, а способом воспроизводства антропологических моделей и символического порядка.

Ключевые слова: философская антропология, асимметрия вежливости, политический дискурс, китайский политический дискурс, российский политический дискурс, конфуцианство, патернализм, соборность, иерархия власти, дискурс-анализ.

Глобальная переконфигурация мирового порядка обнажает трения между западными моделями политической коммуникации и незападными практиками, укорененными в принципиально иных представлениях о человеке и власти. Глубинные антропологические установки проявляются порой в тех элементах политической речи, которые кажутся второстепенными, периферийными, почти декоративными: в ритуалах повседневной вежливости. Вежливость в данном случае перестает быть поверхностным этикетом. Она становится философско-антропологическим индикатором, инструментом реконструкции ответа на фундаментальный вопрос о том, что есть человек и каково его место в иерархии власти.

В нашем исследовании политические дискурсы Китая и России рассматриваются как проявления культурно-антропологических практик, а асимметрия вежливости в них служит индикатором философско-антропологических моделей человека. Работа направлена на выявление того, каким образом асимметрия вежливости отражает вертикальные антропологические конструкции при сопоставлении китайского и российского политических дискурсов. Для решения поставленной цели нам необходимо решить три взаимосвязанные задачи. Впервых, уточнить теоретические основания понимания асимметрии вежливости в рамках философской антропологии. Ввторых, проанализировать её проявления в китайском и российском дискурсах. Втретьих, сопоставить полученные данные и интерпретировать их значение для глобальной антропологии.

Макс Шелер и Хельмут Плеснер, заложившие фундамент философской антропологии, утверждали: человеческое бытие не существует как неподвижная данность и оформляется исключительно культурными практиками, символическими порядками [10;17]. Сущность человека не предзадана изначально. Вежливость перестает быть случайным этикетным жестом и превращается в перформативную практику, непрерывно подтверждающую и воспроизводящую конкретный социальный образ человека – автономного индивида, подданного либо члена коллективного целого.

Применение герменевтической перспективы позволяет расширить эту картину. В частности, герменевтическая традиция Х.-Г. Гадамера даёт ключ к пониманию вежливости не как набора стабильно повторяющихся форм, а как формы действенного исторического сознания. Традиции обращения – например, конфуцианское *ли* или православные практики смирения и соборности – продолжают действовать в современных политических стенограммах и медиатекстах; они проявляются опосредованно, в снятом, переработанном виде и тем самым формируют фон, на котором разворачиваются речевые практики [4]. Историческое здесь не застывает музейным экспонатом: оно включено в живую ткань взаимодействия и направляет интерпретацию и выбор коммуникативных стратегий.

Следствием такой историкоантропологической перспективы становится понимание асимметрии вежливости как явления, выходящего за рамки чисто языковых различий. Неверно сводить её лишь к варьированию обращений (ты/вы, титулатура, односторонняя благодарность) или к другим сугубо формальным проявлениям. За этими формами проступает более глубокий антропологический разрыв – знаковая граница, которая маркирует онтологическую дистанцию между теми, кому позволена невежливость как привилегия, и теми, кто обязан сохранять вежливость в любых обстоятельствах.

Методологически в своем исследовании мы опираемся на три взаимодополняющих подхода. Прежде всего, в качестве отправной точки нами применяется компаративистский метод в традиции Пауля Рикёра и Юргена Хабермаса. Этот подход позволяет сопоставлять дискурсы разных культур без редукции одного к шкале другого и выделять те антропологические концепты, которые можно «перевести» между контекстами [11; 14]. Благодаря такому фокусу мы лучше видим, какие смысловые структуры устойчивы сквозь культурные различия, а какие возникают как продукт локальной конвенции.

Далее, чтобы понять, каким образом языковые формы вежливости участвуют в воспроизводстве власти, мы обращаемся к критическому дискурсанализу [2; 8]. Этот инструмент даёт возможность проследить текстуальные и прагматические стратегии обращения и выявить механизмы легитимации и закрепления иерархий: формулы веж-

ливости, нормативные ожидания и речевые ритуалы функционируют не нейтрально, а как элементы символической власти [2; 8].

Наконец, постструктуралистская перспектива Мишеля Фуко приносит важное уточнение: язык вежливости следует рассматривать как дискурсивную практику, которая конструирует субъективности. С этой позиции нормы и регламенты обращения не только маркируют социальные роли – «начальников» и «подчинённых» – но и формируют доступные для субъекта способы самопредставления, одновременно исключая альтернативные модели взаимодействия [12].

В сумме эти три подхода дают синтетическую картину: компаративный метод задаёт интеркультурную перспективу, критический дискурс-анализ выявляет властные механизмы на уровне языка, а «фукоянская» аналитика показывает, как эти механизмы встраиваются в практики производства субъективности. Исходя из этого, важно подчеркнуть теоретический вывод: асимметрия вежливости в культурах с ярко выраженной вертикальной структурой не следует рассматривать как дефект по отношению к гипотетической «горизонтальной» норме. Напротив, она выражает альтернативную, изнутри согласованную рациональность, в которой дифференциация обращений выполняет стабилизирующую социальную функцию – распределяет роли, регламентирует ожидания и содействует воспроизводству институционального порядка.

Отбор экспериментального материала для анализа исследуемого феномена опирался на репрезентативность институциональных жанров политической коммуникации, куда вошли официальные выступления лидеров, стенограммы пресс-конференций и публичные обращения к гражданам, и на хронологическую сопоставимость текстов, охватывающих обе культурные модели в период с 2014 по 2023 год. Процедура анализа последовательно выявляла формулы вежливости, типы обращений и стратегии управления «лицом». Идентифицированные паттерны интерпретировались сквозь конфуцианскую и патерналистскую антропологические оптики.

Конфуцианская ритуальная иерархия в политическом дискурсе Китая

Китайский политический дискурс воплощает целостную систему асимметричной вежливости, основания которой лежат в конфуцианской антропологии. Человек в ней предстает не автономным субъектом, а узлом сети реляционных обязанностей, предопределённых отношениями правителя и подданного, отца и сына, старшего и младшего. Именно через эти отношения конституируется общественный порядок. Категория *ли* (禮) помещается в центр аналитического внимания. Она задаёт внешний порядок поведения, одновременно служа способом становления человечности (*жэнь*, 仁). Вежливость в такой перспективе решительно перерастает рамки этикета и обретает онтологический статус – статус акта поддержания космо-социальной гармонии [5; 19].

Взаимодействие ритуала *ли* с понятием *мянцзы* (面子, «лицо») задаёт специфику политической вежливости в Китае. Исследователи подчеркивают, что лицо выступает социальным капиталом, подверженным дарению или отъёму вышестоящим, и коммуникативные стратегии выстраиваются вокруг стремления сохранить лицо адресата. В политическом дискурсе вежливость, направленная снизу вверх, превращается в обязательное требование. Оно исключает действия и высказывания, способные умалить лицо руководства. За нарушением этого правила следуют репутационные и экзистенциальные последствия для говорящего [13].

Эмпирической основой для анализа асимметрии вежливости в китайском политическом дискурсе в нашем исследовании послужили стенограммы регулярных пресс-конференций Министерства иностранных дел КНР. В исследовании Я. Мао и С. Чжао, основанном на корпусе из 261 сессии пресс-конференций общим объёмом около 490 000 китайских иероглифов, охватывающем 40 часов видеозаписей, проведён анализ дискурсивных стратегий официальных представителей при ответах на вопросы журналистов. Исследователи выявили, что официальные представители активно используют стратегии несогласия, включая выражение противоположного мнения, риторические вопросы, личную позицию, иронические заявления и предоставление фактических данных. [6] Через эти стратегии несогласия спикер не только управляет потенциальными угрозами «лицу» (категория *мянцзы*), но и позиционирует правительство как «морального актора» в меди-пространстве. Данный механизм функционирует как эмпирическое воплощение конфуцианского принципа *ли* (禮), где вежливость выступает не этикетным жестом, а технологией поддержания социальной гармонии и иерархического порядка.

Диссертационное исследование Янь Сюаньжуна, посвящённое прагматическому анализу дискурса пресс-конференций МИД КНР за период с января 2014 по декабрь 2015 года, подтверждает эти выводы на количественном уровне. В своей работе он демонстрирует,

что в ответ на сложные вопросы журналистов официальные представители применяют стратегии вежливости для поиска солидарности либо стратегии невежливости для контратаки, причём выбор стратегии определяется необходимостью сохранить публичное «лицо» государства. [18] Функция языка здесь не сводится к передаче информации – он выступает инструментом осуществления власти и позиционирования в политически напряжённой среде. Исследование Янь Сюаньжуна также фиксирует, что спикеры прибегают к тактике цитирования (цитируя других официальных лиц или источники) для конструирования и трансляции позиционирования, что позволяет сохранять «лицо» адресата даже в условиях конфликтного вопроса. [18]

Анализ речей председателя КНР Си Цзиньпина выявляет специфические черты, соответствующие конфуцианской модели вежливости. В своём выступлении на пресс-конференции 8 марта 2026 года на полях сессии Всекитайского собрания народных представителей министр иностранных дел Ван И, выступая от имени руководства, использовал лаконичные идиоматические обороты: «Мы готовы работать со всеми единомышленниками для достижения благородной цели построения сообщества с общей судьбой для человечества». Хотя это обращение адресовано международной аудитории, его стилистика – масштабность, отсутствие коннотативного расширения, опора на устойчивые идеологемы – отражает общие принципы китайского политического дискурса. Как показано в исследовании, посвящённом переводу китайского политического дискурса на английский язык, устойчиво используются оценочные эпитеты в адрес Китая («мудрое руководство», «социалистический путь»), однако в переводе на английский язык происходит «смягчение» – оценка Китая становится менее позитивной, а оценка других стран – менее негативной, что интерпретируется исследователями как следование «генеральной стратегии вежливости».

Приветственные формулы китайского руководства, как правило, лаконичны и лишены неформальных номинаций: обращение «друзья из СМИ, доброе утро» во вступительной части пресс-конференции Вана И задаёт минимальную степень персональной близости, тогда как основная часть выступления строится вокруг формальных политических деклараций. Это контрастирует с российской моделью, где неформальные номинации («дорогой друг») используются наряду с традицией адресатов и эмоционально окрашенными эпитетами («сердечно приветствую»). Такая лаконичность и идиоматичность речей китайского руководства, как показывают исследования, служит ритуальному подтверждению иерархии: вежливость становится не эмоциональным жестом, а структурной необходимостью, воспроизводящей ролевую сеть конфуцианской системы *ли*.

Асимметрия получает эмпирическое выражение в ритуализованных эпитетах и титулатуре, адресуемых высшему руководству, включая Си Цзиньпина. Устойчиво используются формулы «ядро руководства» (核心) или «мудрое руководство». Эти обороты, лишённые декоративной функции, нормативно закрепляют статус и легитимность власти в контексте официальной стилистики. [16]

Антропологически это означает, что человек в китайском политическом дискурсе определяется прежде всего через роль в иерархии; асимметрия вежливости выступает технологией поддержания этой ролевой сети.

Патернализм и соборная иерархия в российском политическом дискурсе

В русском политическом дискурсе формула «имя+отчество» маркирует почтительность и статус. Когда произносят «Владимир Владимирович», соединяется персональная близость с формальным признанием, а любое отступление от данной нормы расценивается как нарушение укоренённых иерархических обычаев [1]. Этот механизм включён в более широкую модель. В ней формальная вертикаль переплетается с патерналистской риторикой; направляемая сверху вежливость облекается в заботу, и к гражданам адресуются как к «уважаемым коллегам» или «друзьям», создавая иллюзию общности, однако статусная дистанция не исчезает, а эффект близости удерживается в жестких иерархических рамках [15]. В направлении снизу вверх вежливость превращается в долг, обязывающий граждан публично изъяслять уважение, демонстрировать лояльность и признавать высокое положение адресата, что формирует неперенный социальный императив восходящей коммуникации.

Эмпирическим подтверждением указанных теоретических положений служат конкретные речевые акты в публичной коммуникации российской власти.

Эмпирический анализ официальных выступлений В.В. Путина, адресованных гражданам в переломные моменты политической повестки 2022–2023 годов, позволяет констатировать: здесь работает концепция патерналистской вежливости.

Реакция лидера на попытку вооруженного мятежа прозвучала 24 июня 2023 года. «Обращаюсь к гражданам России, к личному составу Вооружённых Сил, правоохранительных органов и специальных служб, к бойцам и командирам, которые сейчас сражаются на своих боевых позициях... Обращаюсь и к тем, кого обманом или угрозами втянули в преступную авантюру. Эта битва, когда решается судьба нашего народа, требует единения всех сил, единства, консолидации и ответственности». []

Вежливость обретает здесь форму риторики единения, внутри которой лидер функционирует как защитник народа и государственности, а граждане воспринимаются коллективным целым, требующим опеки. Выстроенная оппозиция «свои – чужие» (несогласные маркируются как «обманутые» или «предатели») закрепляет бинарное разделение и асимметрию. Лояльность превращается в императив, а за лидером сохраняется право на «жесткие действия» против отступников.

В прозвучавшем Послании Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года Президент РФ отмечает, что «Запад применяет Украину как таран против России и как полигон, и, чтобы ее остановить, мы используем силу» [] В данном фрагменте послания дидактическая риторика полностью вытеснила вежливость, превратив ее в сугубо формальную категорию. Лидер разъяснял «правильное» понимание ситуации, конструировал субъектность слушателей и побуждал их к принятию позиции власти, и эта интонация перекликается с отмеченной ранее текстовой стратегией, в рамках которой, как утверждает Цыганков, российская политическая модель совмещает вертикаль власти с патерналистской риторикой, создавая иллюзию близости при сохранении иерархии, что и подтверждает данное послание. []

Сравнительный анализ приветственных обращений, зафиксированных на аргентинском саммите «Большой двадцатки» в 2018 году, выявляет глубинные механизмы отечественных конвенций вежливости. В речевых формулах В.В. Путина, открывшего встречу лидеров БРИКС, обнаруживается сложная прагматическая архитектура:

«Уважаемые коллеги, дорогие друзья! Рад нашей очередной встрече и, так же как другие выступавшие, хочу поблагодарить Президента Южно-Африканской Республики господина Рамафозу за организацию совместной работы... Присоединяюсь к словам признательности в адрес Президента Бразилии господина Темера».

Каждущая спонтанность сообщения маскирует точный коммуникативный расчет. Порядок номинаций выстроен градуированно: институциональный паритет фиксируется обращением «коллеги», а интимизирующее «дорогие друзья» стремительно сокращает дистанцию. Персонализация благодарности достигает предела, поскольку оратор дважды адресует ее конкретным политикам, и полный титульный этикет («господин Президент») удерживает двойную рамку восприятия. Протокол и дружеское отношение переплетаются, взаимно усиливая друг друга.

Эмотивная составляющая выходит за пределы формального канона, ведь оборот «рад нашей очередной встрече» привносит личную ноту туда, где прагматика статусных отношений традиционно тяготеет к семантическому минимализму. Лаконизм китайских приветственных клише с их идиоматичностью и коннотативной стерильностью образует резкий контраст с российской сознательной деформализацией. Межличностная теплота, встроенная в иерархический уклад, гуманизирует саму асимметрию, при этом каркас иерархии не разрушается.

В сравнении с китайской политической коммуникацией российский дискурс кажется менее ритуализованным и более эмоционально окрашенным, однако асимметрия вежливости в нем достигает не меньшей глубины и значимости, а ее философские корни лежат в православной соборности и представлениях о сильном государстве, с которыми перекликаются новейшие идеологемы «суверенная демократия» и «русский мир». [7]

Формальная вертикаль российской модели обращений сплавлена с патерналистской риторикой, которая подчас проникает в интимный регистр. Решения, направленные вниз, приобретают интонацию заботы: лидер называет граждан «друзьями», «уважаемыми коллегами», создавая ощущение общности. Статусная дистанция никуда не исчезает. Эффект близости уживается с жесткими иерархическими рамками, а сама эта двойственность описана, в частности, А. Цыганковым. [15] Для обратного направления, снизу вверх, вежливость и вовсе становится обязанностью – публичное выражение уважения, лояльности и признания особого положения адресата превращается в социальный императив.

Система обращений по имени-отчеству, служащая опорой этой модели, маркирует почтительность и статусность в русском политическом дискурсе, а формула «Владимир Владимирович» сигнализирует одновременно формальную признательность и персонифицированную близость. Всякое отступление от этого правила немедленно счи-

тывается как нарушение иерархических практик. Телевидение и официальные медиа систематически выстраивают образ «заботливого отца нации», политические решения наделяются эпитетами «мудрый» и «волевой», звучат призывы к единству народа вокруг власти. Политическая мобилизация доводит этот каркас: несогласие, особенно публичная критика, обретает черты предательства или девиантности, закрепляясь правовыми и институциональными механизмами. [9]

Антропологически это означает, что российская модель конструирует субъектность через идею коллективного подданного: смысл и защита обретаются через лояльность к центру, а вежливость функционирует как маркер принадлежности к «своим» и способ признания харизматического авторитета. В результате асимметричные формы вежливости в российском дискурсе выполняют не только коммуникативную, но и интегративно-нормативную роль, помогая воспроизводить социальную и политическую стабильность. [3]

Сопоставление вертикали вежливости в политическом дискурсе Китая и России

Анализ китайского и российского политических дискурсов обнаруживает общие функциональные черты, сопряженные с существенными различиями, которые освещают механизмы вежливости как политического инструмента.

Разные культурные модели задали основания, на которых коренится вертикаль. Китайская традиция наследует конфуцианскую схему ритуализированной гармонии: ли (禮) сохраняет космосо-социальную стабильность, превращая вежливость в инструмент воспроизводства отношений между ролями внутри сети обязанностей [5; 19]. Российская модель выстраивает вертикаль вокруг фигуры харизматического лидера и идеи соборности, а дистанция здесь часто сплетается с риторикой «заботы» и интимности. Лояльность оформляется как добровольное доверие к «отцу» или «защитнику» [3, 94]. Конфуцианская вертикаль тяготеет к ритуалу и структурной необходимости. Российский вариант ориентирован на персонализированную харизму и коммуникативную близость, удерживая при этом статусную асимметрию.

Функциональная общность обнаруживается в ином ракурсе. Вежливость в обоих контекстах легитимизирует вертикаль и стабилизирует иерархический порядок. Благодарность, как правило, направлена снизу вверх, прямая критика вышестоящих строго ограничена, а асимметричные формы обращений воспринимаются не как стилистическая погрешность – они становятся нормой, поддерживающей институциональную целостность. [2; 8] Вежливость функционирует как репертуар символических действий, воспроизводящих власть и социальную дистанцию, а не просто фиксированный набор речевых формул.

Заключение

В заключение можно отметить, что вежливость в политической речи перестаёт быть лишь этикетом и выступает важной техникой власти. В обоих рассматриваемых контекстах – китайском и российском – асимметричные формы вежливости в основном легитимируют вертикаль: благодарность чаще направлена снизу вверх, прямая критика руководства строго ограничена, а различия обращений воспринимаются как норма, а не как стилистическая случайность.

При этом различия между моделями существенны. По-видимому, китайская практика опирается на ритуальную логику ли: вежливость функционирует как техника поддержания социальной гармонии и воспроизводства ролей. Российская модель, судя по материалам, чаще конструирует вертикаль вокруг персонифицированной харизмы и патерналистской риторики; вежливость здесь одновременно подчёркивает дистанцию и создаёт эффект «близкой заботы», формируя лояльность как добровольное доверие.

За конфликтом интерпретаций вежливости скрываются не просто вопросы этикета – проступает конкуренция антропологических моделей, концепций достоинства и властных иерархий. Речевые практики дают материал для реконструкции политической реальности.

В опосредованной коммуникации гибридные комбинации конфуцианской ритуализации и российской патерналистской близости сращивают дискурсивные традиции, прежде развивавшиеся изолированно.

Неравенство в выражении почтительности не указывает на демократический дефицит, а обретает собственную функциональную рациональность, легитимируя иерархические структуры.

Литература

1. Андреев, А. (2004). Вежливость и формы обращения в современном российском политическом дискурсе. Франкфурт-на-Майне: Петер Ланг.

2. Будаев, Е. В. (2009). Недостоящее звено дискурс-анализа: контекстуальные модели Т. ван Дейка. Политическая лингвистика, (2), 153–155.

3. Фэрклоу, Н. (2010). Критический дискурс-анализ: критическое изучение языка (2-е изд.). Лондон: Routledge. (Примечание: первоисточник теории КРД, на который ссылается Олешкова в параграфе 8, восстановлен.)

4. Фэй, С. (1992). Из почвы: основы китайского общества (перевод Г.Г. Гамильтона и Ван Чжэна). Беркли, Калифорния: University of California Press.

5. Фуко, М. (1971). L'Ordre du discours [Порядок дискурса]. Париж: Галлимар. (Или на английском: Фуко, М. (1981). Порядок дискурса. В: Р. Янг (ред.), Развязывая текст: Постструктуралистский читательский сборник (стр. 48–78). Рутледж).

6. Гадамер, Х.-Г. (2004). Истина и метод (перевод Дж. Вайнсаймера и Д.Г. Маршалла; 2-е переработанное издание). Лондон: Континуум.

7. Грэм, А. К. (1989). Споры о Дао: Философская аргументация в Древнем Китае. Ла Саль, Иллинойс: Открытый суд.

8. Хабермас, Дж. (1990). Моральное сознание и коммуникативное действие (перевод К. Ленхардта и С.В. Николсена). Кембридж, Массачусетс: MIT Press.

9. Мао, Ю., и Чжао, С. (2020). Дискурсивный подход к разноголосиям, выраженным китайскими представителями на пресс-конференциях. Дискурс, контекст и СМИ, 36, статья 100428. doi.org

10. Медведев, С. (2006). Суверенная демократия: новая российская идеология. Россия в глобальных делах, 4(4), 12–26.

11. Оутс, С. (2013). Революция застопорилась: политические пределы Интернета в постсоветской сфере. Оксфорд: Oxford University Press.

12. Олешкова, А. М. (2020). Критический дискурс-анализ в традиции Н. Фэйрклоу: социально-философский аспект. Международный научный журнал, (6–4), 15–18. doi.org

13. Плесснер, Х. (2019). Уровни органической жизни и человека: Введение в философскую антропологию (перевод М. Грене). Нью-Йорк, штат Нью-Йорк: Издательство Фордхэмского университета. (Оригинал: Die Stufen des Organischen und der Mensch, 1928).

14. Рикер, П. (2004). Конфликт интерпретаций: Эссе по герменевтике (ред. Д. Иде). Эванстон, штат Иллинойс: Издательство Северо-Западного университета.

15. Шелер, М. (2009). Место человека в космосе (перевод М.С. Фрингс). Эванстон, штат Иллинойс: Издательство Северо-Западного университета. (Оригинал: Die Stellung des Menschen im Kosmos, 1928).

16. Цыганков, А. П. (2012). Россия и Запад от Александра Македонского до Путина: Честь в международных отношениях. Кембридж: Cambridge University Press.

17. Ваннер, Л. (2014). Вербальная вежливость, социальные нормы и политическая стабильность в современной России. Берлин: De Gruyter.

18. Янь, С. (2017). Язык и власть в политическом дискурсе: прагматический анализ регулярной пресс-конференции Министерства иностранных дел Китая (докторская диссертация). Университет Западного Сиднея, Сидней.

19. Яо, С. (2000). Введение в конфуцианство. Кембридж: Cambridge University Press.

20. Чжан, Ц. (2015). Дискурс и легитимность в современной китайской политике: перевод и распространение официального языка. Лондон: Palgrave Macmillan.

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY OF THE ASYMMETRY OF POLITENESS AS A MIRROR OF ANTHROPOLOGICAL MODELS: COMPARISON OF CHINESE AND RUSSIAN POLITICAL DISCOURSES

Yagufarov R.A.

Pacific State University

The article examines the asymmetry of politeness as a philosophical and anthropological indicator that makes it possible to compare Chinese and Russian models of political discourse. It shows that forms of address, gratitude, and distancing reflect not only linguistic norms but also deeper understandings of the human being, power, and social hierarchy. In Chinese discourse, politeness is linked to the Confucian logic of *li* and *ren*, where it serves to maintain harmony and role-based order. In Russian discourse, the asymmetry of politeness is associated with a paternalistic and sobornyy model that combines vertical power relations with rhetoric of care and closeness. Methodologically, the study relies on a comparative approach, critical discourse analysis, and a poststructuralist perspective. It concludes that politeness in political communication is not merely an etiquette feature, but a means of reproducing anthropological models and symbolic order.

Keywords: philosophical anthropology, asymmetry of politeness, political discourse, Chinese political discourse, Russian political discourse, Confucianism, paternalism, sobornost, discourse analysis, power hierarchy.

References

1. Andreev, A. (2004). Politeness and Forms of Address in Contemporary Russian Political Discourse. Frankfurt am Main: Peter Lang.

2. Budaev, E. V. (2009). Nedostayushchee звено diskurs-analiza: kontekstual'nye modeli T. Van Deika [The missing link of discourse analysis: T. van Dijk's contextual models]. Politicheskaya Lingvistika [Political Linguistics], (2), 153–155.

3. Fairclough, N. (2010). Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language (2nd ed.). London: Routledge. (Примечание: восстановлен оригинальный первоисточник теории КДА, на которую ссылается Олешкова в п. 8).

4. Fei, X. (1992). From the Soil: The Foundations of Chinese Society (G.G. Hamilton & Wang Zheng, Trans.). Berkeley, CA: University of California Press.

5. Foucault, M. (1971). L'Ordre du discours [The Order of Discourse]. Paris: Gallimard. (Или на англ.: Foucault, M. (1981). The Order of Discourse. In R. Young (Ed.), Untying the Text: A Post-Structuralist Reader (pp. 48–78). Routledge).

6. Gadamer, H.-G. (2004). Truth and Method (J. Weinsheimer & D.G. Marshall, Trans.; 2nd rev. ed.). London: Continuum.

7. Graham, A. C. (1989). Disputers of the Tao: Philosophical Argument in Ancient China. La Salle, IL: Open Court.

8. Habermas, J. (1990). Moral Consciousness and Communicative Action (C. Lenhardt & S.W. Nicholsen, Trans.). Cambridge, MA: MIT Press.

9. Mao, Y., & Zhao, X. (2020). A discursive approach to disagreements expressed by Chinese spokespersons during press conferences. Discourse, Context & Media, 36, Article 100428. doi.org

10. Medvedev, S. (2006). Sovereign democracy: The new Russian ideology. Russia in Global Affairs, 4(4), 12–26.

11. Oates, S. (2013). Revolution Stalled: The Political Limits of the Internet in the Post-Soviet Sphere. Oxford: Oxford University Press.

12. Oleshkova, A. M. (2020). Kriticheskij diskurs-analiz v tradicii N. Fairclough: social'no-filosofskij aspekt [Critical discourse analysis in the tradition of N. Fairclough: socio-philosophical aspect]. Mezhdunarodnyj Nauchno-Issledovatel'skij Zhurnal [International Research Journal], (6–4), 15–18. doi.org

13. Plessner, H. (2019). The Levels of Organic Life and the Human: An Introduction to Philosophical Anthropology (M. Grene, Trans.). New York, NY: Fordham University Press. (Оригинал: Die Stufen des Organischen und der Mensch, 1928).

14. Ricoeur, P. (2004). The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics (D. Ihde, Ed.). Evanston, IL: Northwestern University Press.

15. Scheler, M. (2009). The Human Place in the Cosmos (M.S. Frings, Trans.). Evanston, IL: Northwestern University Press. (Оригинал: Die Stellung des Menschen im Kosmos, 1928).

16. Tsygankov, A. P. (2012). Russia and the West from Alexander to Putin: Honor in International Relations. Cambridge: Cambridge University Press.

17. Wanner, L. (2014). Verbal Politeness, Social Norms, and Political Stability in Contemporary Russia. Berlin: De Gruyter.

18. Yan, Y. (2017). Language and power in political discourse: a pragmatic analysis of the regular press conference of the Ministry of Foreign Affairs of China (Doctoral dissertation). Western Sydney University, Sydney.

19. Yao, X. (2000). An Introduction to Confucianism. Cambridge: Cambridge University Press.

20. Zhang, Q. (2015). Discourse and Legitimacy in Contemporary Chinese Politics: The Translation and Diffusion of Official Language. London: Palgrave Macmillan.

Мышление первой сущности: Фома Аквинский о божественном разуме

Аторин Роман Юрьевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Государственного университета управления
E-mail: romanos-85@yandex.ru

Статья посвящена философским изысканиям Фомы Аквинского в области тео-онтологии и анализу метафизики божественного мышления.

Ключевые слова: Первая Сущность, дискурсивное и вне дискурсивное мышление, ум, рассудок, мышление, познание.

Фома Аквинский пишет: «Мышление Бога, как и его бытие, лишено последовательности. Он всегда пребывает всецело одновременно; <...>» [9, с. 291]. Это означает, что Богу нельзя приписать «познание» по аналогии с субъектно-рассудочным, задействие которого требует теоретическое исследование, но божественное познание возможно охарактеризовать только как всегда актуальное сущее знание.

Во-первых, если бытие Бога есть чистое мышление, интенция которого направлена на само себя, «чтобы в совершенстве видеть свою собственную сущность» [9, с. 253], – то умственное созерцание Бога как самого себя абсолютно полно и выше-самодостаточно, т.к. «Бог познаёт всё посредством одного вида, и этот вид – его сущность» [9, с. 253]. Во-вторых, максима знания, созерцаемая божественным умом, не может быть результатом дискурса, потому что в данном случае акт познания не испытывает никакой необходимости «узнавания ещё непознанного», то есть осуществлять умственное проникновение в сущность (или явление) вещей.

Предположение того, что Сущностный ум «обдумывает» – порождает ряд несуразностей. Допустив дискурсивность в божественном мышлении, следовало бы признать следующую нелепость: Бог не знает самого себя и ему приходится познавать себя как нечто «сотворившееся». Отсюда необходимо признать: божественное знание «вне-умозаключительно» и, как таковое, не «творится» умом Сущности, но уже находится как содержащееся познанное в самом себе – абсолютном разуме как самоисточнике всякого знания, «одновременно созерцаая многое, видя его как бы одним видом» [9, с. 253].

Дискурсивное движение ума прокладывает путь к выводу, однако необходимо дискурса есть следствие несовершенства природы познания субъекта и его ограниченных умственных возможностей, так как субъектное знание абсолютной сущности всех вещей исключено. Субъектный ум познавая, нуждается в изыскании дополнительных свойств вещи или посредством среднего термина (дедукция), «когда одно познаётся через другое, это значит, что природы познающего недостаточно для познания первого и ей в помощь нужно второе» [9, с. 253] или же эмпирического обобщения её свойств и явлений, которые «чувство являет нам с очевидностью» [9, с. 73], для выведения закономерностей, (а также метафизической первопричины, обуславливающей закономерности – что важно для естественной философской теологии), в соответствии с которыми возможно заключить нечто об осуществлении способа бытия вещи в явлении (индукция). Так или иначе, существование непознанного обуславливает потребность в дискурсивности, однако в божественном уме не может быть актуально непознанного и потенциально непознаваемого: нет ничего, что требовалось усвоить, или невозможно было бы узнать. Если есть непознанное – то предполагается аналитическая работа в виде логического движения рассудка в постижении ранее неизвестного и преодолении незнания при помощи суждения и умозаключения. «То, что мы знаем благодаря умозаключениям, само по себе не обнажено и не открыто для нас, но обнажается и открывается с помощью рассудка» [9, с. 261]. «Рассудочность» невозможно отнести к предикатам божественного ума, потому, как «дискурсивное знание происходит от несовершенства разумной природы» [9, с. 261]. Разумная природа Бога необходимо совершенна, поэтому рассудок, действием которого достигается достоверность о вещах, не является тем необходимым орудием божественного ума, посредством которого осуществляется его знание, в котором не может быть ничего недостоверного и того, что не раскрыто свету его разума, то есть не было бы истиной. Таким образом, предсказать божественному уму «рассудочность» противоречиво необходимости совершенного знания, которым может обладать только Бог.

Действительно, рассматривая данную проблему в онтологическом ключе, необходимо признать: если Бог «желает» познать что-либо – это ставит под сомнение самодостаточность его природы, которая должна быть таковой по необходимости. Устремление к объекту познания для божественного ума равносильно отсутствию чего-то в божественном бытии, значит, если гипотетически допустить, что данный ум всё-таки продвигается путём познания – это значит, что к бытию Бога должно что-то прибавиться, оно «желает» этого, так как не обладает полнотой. Очевидно впадение в прямое противоречие с Аквинатовским пониманием божественного «esse», простота (несоставность) которого и есть особенное бытие без какого-либо ущерба и ограничения. Незна-

ние чего-то такому бытию просто не предикативно, ибо посредством простоты бытия мыслится, его совершенство в том обозначении самодостаточности и абсолютной чистоты субстанции, что оно «[обходится] без прибавления» [9, с. 151]. «Это означает, что Бог обладает всеми совершенствами, ибо Его *esse* не включено в нечто, что может каким-либо образом его ограничить» [1, с. 319].

Все вышеприведённые рассуждения полностью вписываются в томистскую онтологию, где в иерархии «существования сущностей» чем «свободнее» бытие сущности от составности, (которую может привнести, например, материя, или акциденция), тем более она благороднее, чем проще бытие вещи – тем больше в ней совершенства. Ход рассуждения Фомы Аквинского таков: «Из субстанций же одни – составные [из формы и материи], а другие – простые, и в обоих [видах субстанций] имеется сущность, но в простых – более истинным и благородным образом, в соответствии с чем они имеют и более благородное бытие. И они [более благородны, потому что] суть причины тех субстанций, которые являются составными, – по крайней мере, первая субстанция, т.е. Бог» [8, с. 139].

Таким образом, знание, которым обладает высший разум, может быть представлено только как априорно существующее в нём самом, через самовыражение собственной природы, и вне-дискурсивно, а «одновременно созерцает многое, видя его как бы одним видом» [9, с. 311], – то есть *единым разумным понятием, как абсолютной идеей, созерцающей самое себя, в собственном, всегда актуальном знании о себе как о высшем знании – божественной идее, истине существования как нормы бытия, само-закрывающей в себе вне-апостериорное правило этой истины*.

У Этьена Жильсона имеется удачное сравнение само-очвидности божественной идеи с тем, как созерцаются идеальные объекты математики и геометрии, идеальность которых представляет саму в себе истину, очевидность которой исключает необходимость её доказательства: «Определение простейшей из геометрических фигур или арифметической единицы в изобилии заключают в себе *элементы, которых не могут нам доставить ни опыт, ни наше мышление* (Курсив мой. – Р. А.). Математик говорит не о том, что представляют собой чувственные круги или единицы <...>; он определяет, какими должны быть круг и единица, чтобы соответствовать своим дефинициям» [4, с. 194].

Понятие о божественном Сущем как неком идеальном бытии, символическая визуализация которого возможна в области математики и евклидовых «Начал» – было известно ещё пифагорейцам и элеатам, и эти примеры активно использовались в древнегреческой естественной теологии. Парменид проводил параллель с одной стороны, между идеальными геометрическими объектами, в частности, шаром, мыслимая идеальность которого не может быть результатом дискурса, но зрима как данность, и с другой – Сущим (то *ον*), как само-мыслящимся совершенством высшей самодостаточности, мыслящимся не иначе, как божеством: «[существующее], всесовершенное отовсюду, идеально круглому шару массой подобно от центра везде равновеликое» [6, с. 181]. Когда Иммануил Кант обосновывает необходимость идеи (идеала) чистого разума – он так же, как Парменид, обращается к геометрии, как науке способной дать в виде фигуры – семиотический пример безупречного образа, в котором визуализировано наглядное воплощение идеала, видение которого обусловлено тем, что «это созерцание должно находиться в нас *apriori*, т.е. до всякого восприятия предмета <...>. В самом деле, все геометрические положения имеют аподиктический характер, т.е. связаны с сознанием их необходимости» [5, с. 62]. Таким образом, по аналогии с мышлением субъекта, можно сказать, что при всей недоступности естественной божественной простоты для субъектного постижения, достоверно известно одно: божественная Сущность есть само-мышление и само-созерцание собственного идеала «чистого разума» самого Бога. Более того этот идеал трансцендентален, то есть естественным образом влётён в ткань умственной природы субъекта, так как «чистый разум» последнего постоянно требует этого идеала, не составляющего, однако божественную сущность, но способного сформировать некое, пусть даже символическое представление о ней, доступное мышлению. (Таким образом, даже «агностики» и «номиналисты» Просвещения Иммануил Кант, выставляя собственную философию, применяя скептический подход к методологии средневекового реализма, правда, ссылаясь на её воспроизведённый Рене Декартом вариант, не смог до конца избавиться от необходимости, – пусть даже в виде субъективного требования, отталкиваясь от которого, по мнению немецкого философа, доказать существование Бога невозможно, – некоего врождённого идеала совершенства, так часто являющегося целью и результатом научной, философской, культурной, гуманистической и, что самое естественное – религиозной деятельности человечества. Отсюда настолько очевидно, что онтологический аргумент Ансельма Кентерберийского о невоз-

можности помышления реального небытия абсолютно совершенной личности, столь много оспариваемый, – в той или иной форме всегда возымеет своё действие, и история философии наглядно это демонстрирует, лишь с той разницей, что Ансельм Кентерберийский назвал самое совершенное, до чего может додуматься ум человеческий своим именем – Богом.

Тем не менее, возвращаясь к теме божественного совершенного ума, необходимо отметить, что если божественное бытие тождественно персонифицированному чистейшему уму – то такой ум по своей природе должен быть чужд интеллектуального дискурса, предусматривающего последовательное его движение, что, в свою очередь, приводит к противоречию пониманию Сущности как чего-то первого и неподвижного: «Умозаключение есть своего рода движение ума, переходящего от одного к другому. Следовательно, в божественном уме нет умозаключений» [9, с. 259]. В общем смысле умозаключение есть обретение знания, ранее неизвестного вследствие хода-движения ума. Бытию Перводвигателя не должно быть присуще умственное развитие от неизвестного к известному. Это не может составить характеристику первой Сущности, необходимо всеведущей, так как высший, движущий всё Ум, – это самосозерцание себя как формы, созерцание всех форм в своей всегда актуальной неподвижности. Отсюда неподвижность включает в себя всеобъемлемость совершенного знания, природа которого способна начать движение. «Двигаться означает принимать или утрачивать бытие» – пишет Этьен Жильсон, объясняя движение в онтологическом ракурсе [4, с. 89]. Однако полнота бытия, которой может обладать только Сущность, не может что-либо добавить или отнять у самой себя, ибо такое противоречивое бытие уже не будет являться божественным. Тем более, не может быть чего-то более совершенного, стоящего над Сущностью, способного сделать подобное. Таким образом, неподвижность божественного ума как способность обладать вне-рассудочным знанием есть главный атрибут, отличающий его от любого другого ума, являющийся необходимым условием его вечности и совершенства. Поэтому Фома Аквинский проводит чёткую разницу между: α) познанием, именуемым «чисто умное», (интеллигибельное, интеллектуальное), когда «предмет познаётся сам по себе и природы познающего для познания достаточно без внешнего посредника» [9, с. 261]; β) рассудочно-дискурсивное познание – субъектное мышление, действие которого отображено в логических законах и осуществляемое посредством рассудка. Первое во всей полноте и возможно исключительно совершенному сущностному мышлению, которым является Бог, второе – субъекту познания: «душа обладает рассудком сообразно тому, что последовательно перебирает истину существующего <...>. Разум же, наоборот, созерцает сначала единую и простую истину, а затем постигает в ней всю полноту множественности (так Бог, мысля свою сущность, познаёт всё)» [7, с. 287]. Божественный разум как бы всё время видит постигшими интеллигентными вневременным моментальным постижением в вечности. Субъектному уму также не чужда интеллигибельность, однако интеллигибельность субъектного ума несоизмерима с сущностным по способности схватывать простые интеллигенции: если сущностный ум, будучи самой простой интеллигенцией, является причиной многообразия интеллигибельных форм, то уму субъекта необходимо приложить усилия в их рефлексии.

Продолжая размышления над проблемой знания, обладаемого Сущностью, и дискурса, необходимо добавить, что божественный разум не имеет нужды познавать не только «множественное для узрения единичного», то есть индуктивно, но и наоборот. Познание «множественного от единичного» также не может производиться в божественном уме, т.к. в нём не предполагается никакого потенциально нового знания, которое требовалось бы постигнуть этому уму дедуктивно. Рассуждая о созерцании разумом «единой и простой истины» Фома Аквинский имеет в виду не дедуктивный характер божественного «познания», так как объект адекватного дедуктивного схватывания не может быть простым, но только составным. Дедукция есть своего рода нужда ума разложить общее составное с целью отыскания частного, более очевидного. Также простое обладает ясностью и не требует интеллектуального исследования, в отличие от составного, которое подвергается дальнейшему разложению на более простые члены. «Знание на высшей степени совершенства должно было бы состоять в *одновременном* обладании множеством фактов. <...> – но как бесконечно выше были бы наши силы и мысли, если бы мы могли охватить всё в одном коллективном акте сознания! <...>. Мы логически слабы и несовершенны в том отношении, что мы вынуждены мыслить одну вещь после другой» [2, с. 33–34]. Таким образом потребность умственного исследования предметов есть несовершенство субъектного ума. Бог же, как самодостаточное Сущее не может испытывать никакой нужды в исследовании.

Истина, обладающая свойствами единства и простоты, есть божественная сущность, исключаящая сама в себе необходимость анализа. В качестве аналогии с субъектным познанием, божественное мышление можно представить в виде продемонстрированных выше *аксиом-очевидностей* с той разницей, что очевидные истины для субъекта есть то немногое из природы простого интеллигибельного, схватываемое «разумно». Мышление же Сущности есть единая персонифицированная аксиома-очевидность в своей абсолютной полноте. *Вне-дискурсивность божественного ума есть само-констатация его реальности как внутренней само-аксиомы-очевидности*. Однако для Сущности «разумное познание» есть абсолютная естественная максимума совершенного знания, в которой она мыслит себя, «так как сила мышления [Божьего ума] бесконечна» [9, с. 313], («ведь Его познание соразмерно вечности, как и Его бытие» [10, с. 80], чего нельзя сказать о субъектном разуме, ввиду несоразмерности разумов Сущности и субъекта. В строгом смысле слова Бог не может обладать таким мышлением как «познание», то только в смысле «знания», так как процесс познания, как уже говорилось, свидетельствует о наличии непознанного, что для Бога, необходимо обладающего всеведением, недопустимо, так как всеведение принадлежит Богу по природе, а не по приобретению. Когда говорится о божественном мышлении, необходимо исключить из его деятельности свойственный субъекту процесс познания, для которого «мысль в собственном смысле слова есть движение обдумывающего и пока еще не достигшего совершенства ясного созерцания истины ума» [11]. Фома Аквинский, говоря о божественном мышлении, обращается к платоно-августинианской традиции, рассматривает его как созерцание – углубление разумом в сущность собственной божественной идеи, вечно актуальной в её самоочевидности. Отдавая приоритет созерцанию над рассудком, Фома Аквинский справедливо пишет: «созерцание совершеннее знания» [9, с. 219], не забывает обратиться к этимологическому значению древнегреческого термина Бог: «даже слово theos, что значит «Бог» по-гречески, производно от theastai, т.е. «созерцать», «размышлять», «видеть» [9, с. 219]. В современных учебниках по древнегреческому языку глагол «θεᾶσθαι» переводится как «смотреть», «видеть», «зреть» [3, с. 105], что в принципе отвечает акту созерцания.

Литература

1. Брэдшоу Д. Аристотель на Востоке и Западе: Метафизика и разделение христианского мира / Отв. Ред. А.Р. Фокин / Ин-т философии РАН. – М.: Языки славянских культур, 2012.
2. Джевонс У.С. Основы науки: Трактат о логике и научном методе. Пер. с англ. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2024.
3. Доровских Л.В. Древнегреческий язык: учеб. Пособие / Л.В. Доровских. – 9-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2022.
4. Жильсон Э. Дух средневековой философии. / Пер. с французского Г.В. Вдовиной – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. – 560 с.
5. Кант И. Критика чистого разума / Иммануил Кант; пер. с нем. Н. Лосского, М. Левиной; сост. и коммент. А. Арамян; предисл. А. Маркова. – М.: Издательство АСТ, 2022. – 224 с. – (Популярная философия с иллюстрациями).

6. Парменид. «О природе» // Рохмистров В.Г. Парменид. «О природе»: Философское прочтение. – СПб.: Изд-во РХГА, 2021.
7. Фома Аквинский. Комментарий к трактату Бозция «О Троице»: Билингва латинско-русский / Пер. С лат., вступ. ст. и коммент. А.В. Аполлонова. Изд. Стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2019.
8. Фома Аквинский. О Сущем и сущности // Сочинения: Билингва латинско-русский / Сост., пер. с лат., ввод ст. и коммент. А.В. Аполлонова. Изд. 8-е. – М.: ЛЕНАНД, 2021.
9. Фома Аквинский. Сумма против язычников. Книга первая. Перевод, вступ. ст. и коммент. Т.Ю. Бородай. – Долгопрудный: «Вестком», 2000.
10. Фома Аквинский Сумма теологии Т.1. Первая часть: Вопросы 1–64. Билингва латинско-русский. Пер. с лат. Н. Лобковица. А.В. Аполлонова. Изд. 2-е, испр. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013.
11. Фома Аквинский. Сумма теологии. Том VII. Вопр. 2. Раздел 1.

THE THINKING OF THE FIRST ENTITY: THOMAS AQUINAS ON THE DIVINE MIND

Atorin R.Yu.
State University of Management

This article is devoted to the philosophical research of Thomas Aquinas in the field of theo-ontology and the analysis of the metaphysics of divine thought.

Keywords: First Essence, discursive and non-discursive thinking, mind, reason, thinking, cognition.

References

1. Bradshaw D. Aristotle in the East and West: Metaphysics and the Division of the Christian World / Ed. by A.R. Fokin / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2012.
2. Jevons U.S. Fundamentals of Science: A Treatise on Logic and Scientific Method. Translated from the English Stereotype Publishing House, Moscow: LIBROCOM Book House, 2024.
3. Dorovskikh L.V. Ancient Greek language: textbook. Manual / L.V. Dorovskikh. – 9th ed., ster. – Moscow: FLINT, 2022.
4. Gilson E. The spirit of medieval philosophy. / Translated from the French by G.V. Vdovina– Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2011. 560 p.
5. Kant I. Criticism of pure reason / Immanuel Kant; translated from German by N. Lossky, M. Levina; comp. and commentary by A. Aramyan; preface by A. Markov. Moscow: AST Publishing House, 2022. 224 p. (Popular Philosophy with illustrations).
6. Parmenides. «About nature» // Rokhmistrov V.G. Parmenides. «About Nature»: A philosophical reading. – St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Fine Arts, 2021.
7. Thomas Aquinas. Commentary on Boethius' Treatise On the Trinity: Latin-Russian Bilingualism / Trans. From Latin, introductory article and commentary by A.V. Apollonov. Ed. Stereotype. Moscow: LENAND, 2019.
8. Thomas Aquinas. About Existence and essence // Essays: Latin-Russian bilingualism / Comp., translated from Latin, introduction and commentary by A.V. Apollonov. Ed. 8th – М.: ЛЕНАНД, 2021.
9. Thomas Aquinas. The sum against the pagans. The first book. Translation, introduction and commentary by T.Y. Borodai. Dolgoprudny: Vestkom, 2000.
10. Thomas Aquinas Summa Theologica Vol. I. The first part: Questions 1–64. Bilingual Latin-Russian. Translated from Latin by N. Lobkovitsa. A.V. Apollonov. 2nd Ed., ispr. – М.: Book House «Librocom», 2013.
11. Thomas Aquinas. The sum of theology. Volume VII. Question. 2. Section 1.

Парадигмальная трансформация дефиниции «гражданское общество» в современной России: политологический взгляд

Батяновский Владислав Вадимович,

аспирант кафедры политологии Института истории
и политики, Московский педагогический государственный
университет
E-mail: vlad.belkin.78@mail.ru

Нынешний конфликт между Россией и Западом обусловил теоретические изменения в российской науке. Все больше лидеров академического мира заявляют о потребности суверенизации знаний. С их точки зрения, понятия и методы должны не только отвечать требованиям позитивной апробации, но и отражать культурно-ценностные основы российской цивилизации, что позволит как сохранить базис общества, так и преобразовать надстройку в сторону развития именно российской традиции.

В этом контексте, крайне острая дискуссия происходит вокруг дефиниции «гражданское общество», поскольку термин является частью фундамента общественных наук (включая политологию). Многие ученые, политики и общественные деятели считают, что термин, пришедший к нам с Запада, является вредоносным элементом, несущим в себе ценностно опасные категории перманентного антагонизма между социумом и властью.

Автор статьи считает, что это крайне поверхностная и опрометчивая позиция, ибо первоначально, в античное время, термин подразумевал не соперничество, а взаимообусловленное сотрудничество. Впрочем, развитие негативного отношения к дефиниции не удивительно: оно обусловлено российским политическим процессом последних десятилетий, когда термин использовался западными странами для нормативной подготовки населения к захвату власти. Именно поэтому, задача исследователей состоит в выявлении коннотационного конфликта и формировании, на основе этого, альтернативного, опирающегося на традицию античности, понимания «гражданского общества».

Ключевые слова: гражданское общество, суверенизация науки, политический процесс, политическая система, институты.

Сегодня, в условиях горячей фазы конфликта между Россией и Западом, все чаще в рамках общественно-гуманитарных наук поднимается проблема растущей потребности в изменении фундаментальных оснований многих научных направлений, имеющих свои теоретико-методологические корни на Западе. В первую очередь, востребованность этого, как считается, обусловлена социокультурной разницей: через понятия и методы Запад, онтологически ориентированный на эмансипацию личности от общества и государства, продвигает свою нормативную модель, что, с учетом растущей секулярности и переориентации на рациональность, разрушает российские ценностные основания, тем самым медленно создавая условия для дезадаптации системы и разрушения российского государства изнутри. Именно поэтому, сегодня все большую актуальность приобретает идея реорганизации прежних научных оснований в сторону традиционных культурно-нравственных ценностей. Наука не должна становиться инструментом мягкой силы внешних субъектов, а обязана служить народу, что, с учетом цивилизационной парадигмы, подразумевает адаптацию научных категорий к сложившимся за много веков особенностям общества.

Крупные изменения сегодня происходят в рамках политологической науки, где, с учетом аналитической значимости направления, осуществляются преобразования в области фундаментальных оснований. Так, президент Российского общества политологов А.Ю. Шутов, выступая на научно-практическом семинаре по вопросам совершенствования преподавания политологической дисциплины, отметил, что российская политология должна отвергнуть прежний теоретический космополитизм и переориентироваться в сторону внедрения российских коннотаций и подходов, что и будет подразумевать окончательную суверенизацию науки и приобретение ею новых духовно-нравственных качеств [16]. Безусловно, такая академическая ориентация не может обойтись без процесса переосмысления прежних дисциплинарных оснований. Теоретики-политологи должны четко пересмотреть прежние научный базис, что позволит как выделить вполне актуальные и рабочие направления, нужные для дальнейшего гармоничного развития общества и страны, так и избавиться от давно устаревших и даже вредных для сохранения российского государства оснований. Тем самым, удастся создать новую политологическую науку, способную не только анализировать современные процессы, но и приносить прикладные результаты, не оторванные от традиционной российской действительности.

В этом смысле, одним из спорных понятий, в рамках политологической дисциплины, является «гражданское общество». Появившись еще в античную эпоху [8], это понятие за многие века стало одним из оснований политологии, что объясняется ее онтологической природой не только для взаимодействия общества и власти, но и для формирования телеологии, сильно зависящей от социальных оснований общества. Именно поэтому, «гражданское общество» является одним из «краеугольных камней» направления, позволяющих как понять принцип устройства и функционирования общества, так и выявить пути его дальнейшего развития.

Увы, в современной России такое понимание термина сегодня подвергается остракизму. Теоретики-политологи, как и неминуемо присутствующие в рамках направления политики и общественные деятели, подвергают сомнению принцип существования термина, поскольку считают, что его основания аксиологически сильно связаны с западным типом существования общества. Конечно, у этого допущения есть реальные основания. Долгое время в России термин, как и связанный с ним институт, находился под сильным влиянием западных стран, пытавшихся, посредством благотворительных фондов, создать нормативный базис для преобразования общества и подчинения страны. Так, известный российский политолог С. Кара-Мурза утверждал, что через понятие Запад осуществлял культурно-идеологическую работу, направленную на подготовку отдельных социально-политических групп к проведению «цветной революции» [11].

Как представляется, подобное функциональное использование термина не является свидетельством его вредоносности для российского общества. Как было замечено выше, понятие имеет крайне древние корни, обусловившие, как минимум существование нескольких коннотационных трактовок. Так, если в античное время под «граждан-

ским обществом» понималась социальная совокупность, обладающая правами и обязанностями перед полисом (государством), то в Новое время термин, скорее, подразумевал отделенную от государства социальную группу, обладающую, в силу общественного договора, правами на контроль власти [4]. То есть, разная онтологическая и телеологическая сущность термина подразумевает, что понятие может быть использовано для объяснения и обоснования многих политических процессов, которые могут происходить в совершенно разных общественно-политических и цивилизационных условиях.

Российский исследователь проблемы «гражданского общества» С.А. Абакумов отмечал, что наше, российское, понимание «гражданского общества» отличается от западного тем, что оно не предполагает перманентного социального конфликта между обществом и властью [1]. Социум, в этом смысле, выполняет вспомогательную роль, что подразумевает создание совместных с властью гражданских объединений, направленных на самостоятельное, без участия государства, решение возникающих общественных вопросов. С такой трактовкой коннотации согласны М. Кривоносов и В. Манягин, считающие, что исторически наше «гражданское общество» представало не самостоятельным, а связанным с государством социальным субъектом, помогавшим власти и ограждавшим ее от принятия неверных решений [9]. По большому счету, российское гражданское общество, унаследовавшее свои онтологические и телеологические основания у античности (через принятие христианства), нормативно противопоставляло себя западному, что, конечно же, демонстрирует как противоположные цивилизационные устремления, так и коннотационную гибкость дефиниции «гражданское общество».

Впрочем, существующий сегодня в российском обществе негативный дискурс по отношению к понятию явно мешает осмыслению этой насущной проблемы. Как представляется, для разрешения академического и политического затруднения требуется не только разъяснение природы дефиниции, но и изучение первопричин негативного отношения к термину. Отчасти, ответ на этот вопрос уже был дан. Большая часть исследователей считает, что идея «гражданского общества» несет в себе ценностные основания западной цивилизации, которые, через их нормативное внедрение, разрушают институциональные и системные основы российского общества. Как было отмечено выше, с этой позицией сложно не согласиться, ибо современное российское понимание «гражданского общества», являющееся западной репликацией, действительно способствует разрушению традиционных основ общества. Тем не менее, подобная интерпретация является достаточно свежей. Парадигма, связанная с цивилизационным противостоянием России и Запада, стала доминирующей относительно недавно, когда президентом был подписан Указ № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [14]. До этого цивилизационные основания конфликта фактически не фигурировали, а негативное отношение к понятию «гражданское общество» вполне существовало. Поэтому, учитывая этот факт, следует понять, когда именно и по каким причинам появилось негативное отношение к понятию.

Следует начать с того, что в советское время дефиниции «гражданское общество» фактически не существовало. Связано это было с тем, что понятие имело расплывчатое значение в марксистской философии. Так, К. Маркс, опираясь на философию Гегеля, в своих ранних работах оперировал этим понятием, однако в более поздние годы он отказался от его использования, что было обусловлено сменой его целей: вместо проблемы отчуждения, К. Маркс, сконцентрировавшись на изучении экономики, стал ориентироваться на преодоление эксплуатации [10]. В связи с этим, в понимании классиков марксизма, «гражданское общество» выступало понятийным рудиментом прошлой эпохи, описывавшим принципы взаимоотношения между разными классами в буржуазной формации.

Вместе с тем, в позднесоветское время, с трансформацией общественно-политических отношений, понятие вновь начали изучать. С середины 1980-х гг. активно начали проводиться семинары и конференции, посвященные обсуждению дефиниции и ее социально-политической роли в марксистской философии. Одной из ключевых фигур в этом процессе стал тогда еще молодой философ В.П. Львович, занимавшийся изучением соотношения термина в философии. Ученый, опиравшийся на обширное наследие европейской философии, считал, что К. Маркс в своих поздних работах не отрицал коннотацию, а преобразил ее в новое качество, подразумевавшее независимую социальную субъектность. По большому счету, в понимании философа, К. Маркс разделил понятия, определив «гражданское общество» не как социум в целом, а как отдельный социальный элемент, борющийся за свои классовые интересы [19].

Идеи В.П. Львовича стали революционными для своего времени. Через переосмысление философии, ученый не только провел ревизию прежних марксистских догм, но и легализовал прежде запрещенный термин, введя его в общественно-политический и научный оборот. Впрочем, результаты его работы в скором времени стали неактуальными. Отмена 6-й статьи Конституции СССР, обеспечивавшей монополию КПСС и марксистско-ленинского учения на власть, обусловила крах существовавшей культурно-идеологической модели, что, закономерно, повлияло на нормативную востребованность термина. К началу 1990-х гг., несмотря на остаточную деятельность В.П. Львовича, идеи философа окончательно ушли в историю, а широкое распространение получила западная интерпретация термина, что отразилось как в появлении первых политологических исследований, так и в создании первых государственных институтов при президенте России.

Между тем, в 1990-е гг. идея «гражданского общества» не получила должного освещения и развития со стороны академического сообщества и государства [7]. Как представляется, это было связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, пришедшие после августовского путча младореформаторы первой волны ориентировались на проведение экономических, а не политических реформ. Идея «гражданского общества» рассматривалась ими, как вторичный элемент, нужный для укрепления рыночной экономики, а не для развития социума [3]. Во-вторых, нормативная ориентация на Запад, экстраполяция существовавших институциональных и системных практик, определила отсутствие интереса к разработке самостоятельной культурно-идеологической категории, отражавшей российские социокультурные реалии. В-третьих, смена экономической модели, переход от командно-административной на рыночную экономику, обусловила сокращение затрат на научные разработки, что привело к прекращению научных исследований в области как гуманитарных, так и естественных наук. Эти факторы, в совокупности, привели к кризису в области разработки самостоятельных теорий, что, естественно, повлияло на формирование отечественного понимания «гражданского общества».

Ученым, вынужденным выживать в новых условиях, часто пришлось обращаться к иностранным фондам, активно помогавшим отечественным специалистам и развивавшим социально-политическую и просветительскую деятельность на постсоветском пространстве [15]. В России активно действовал фонд Д. Сороса, предоставлявший, под эгидой института «Открытого общества», финансирование в области проведения теоретических и прикладных разработок для адаптации западных моделей в российских условиях. Утилитарно стимулируя ученых, фонды подготавливали нормативную основу для окончательной трансформации общественно-политической системы в сторону разрушения традиционных институтов и установления форм модерна. Именно поэтому, в это время, активные разработки дефиниции «гражданского общества» были сопряжены с западным пониманием термина. Исследования В.Н. Якимца [17], Л.И. Якобсона [18] и Е.В. Белокуровой [5] были основаны на западных теоретических разработках, что отразилось в активной апелляции к работам Л. Козн, Т. Парсонса [12] и К. Поппера [13]. Тем самым, посредством утилитарных ресурсов, Западу удалось внедрить и укрепить собственную понятийную модель в научный и общественно-политический дискурс, что в дальнейшем повлияло на категориальное восприятие или на формирование отношение к дефиниции.

В 2000-е гг. отношение к понятию пережило кардинальные изменения. В начале 2000 года, после избрания нового Президента, власти, на фоне резко изменившегося политического процесса (применение силового и утилитарного давления на СМИ, профсоюзы, правозащитные и экологические организации), требовался новый способ легитимации, что и отразилось на возрастании интереса к проблеме «гражданского общества». 12 июня 2001 года В.В. Путин встретился с представителями социума, заверив их, что новая власть будет ориентироваться на выстраивание диалога с обществом [6]. Об этом заявил и Председатель Правительства М. Касьянов, обративший внимание на то, что власть должна расширять горизонтальные принципы управления страной [20]. Увы, но после проведения «Гражданских форумов» (в Москве, Тольятти, Нижнем Новгороде и Перми) политика государства не поменялась в сторону расширения гражданской самостоятельности.

Во многом, как отмечает А. Сунгуров, этот процесс предопределило сочетание внешних и внутренних обстоятельств, обусловивших как развитие политической системы, так и отношение к термину «гражданское общество». В начале 2000-х гг. на рубежах России произошли крупнейшие «цветные революции» (Украина, Грузия и Киргизия), ставшие возможными благодаря многолетней работе западных фондов. На внутреннем контуре также все было неспокойно. Часть старых элит, получившая именование «олигархи», активно боролась с новой вла-

стью как за перераспределение социально-экономических ресурсов, так и за изменение политического режима в стране. Так, Б. Березовский и М. Ходорковский, прежде владевшие Сибнефтью и ЮКОС, активно, посредством утилитарных ресурсов, стимулировали развитие гражданских и политических инициатив, нормативно подготавливая общество к «цветной революции» [2]. Опасавшиеся, на фоне внешне-политических событий, потери власти элиты были вынуждены пойти на утилитарное и нормативное пресечение оппозиционно настроенных групп, что и привело к формированию негативного отношения к понятию «гражданское общество».

Тем не менее, политический процесс, обусловленный характером организации власти, все еще подразумевал, что «гражданское общество» все еще остается важной дефиницией, определяющей отношение социума и власти. Так, во время президентства Д.А. Медведева, понятие вновь получает второй позитивный импульс, что выражается как в активном создании теоретических и прикладных фондов, так и в проведении конференций и круглых столов, посвященных обсуждению роли, развития и истории «гражданского общества» в России. Как представляется, такой подъем интереса к проблеме «гражданского общества» был связан с либеральным нарративом, активно распространявшимся властью для укрепления власти нового президента.

К началу 2010-х гг., коннотация вновь потеряла общественный мейнстрим, что было связано с изменением политического процесса. Возвращение В.В. Путина к власти, приведшее к обострению внутри-политического конфликта между элитой и обществом, привело к тому, что понятие было вновь подвергнуто критике и остракизму. Власть, активно ориентирующаяся на новую нормативную модель, больше не нуждалась в либеральных категориях, ибо они представляли опасность для удержания власти. Поэтому, начиная с 2015 года число мероприятий, связанных с проблемой «гражданского общества», становилось все меньше и меньше. В 2014 году, после присоединения Крыма, эта тенденция усилилась благодаря возросшей внешнеполитической проблеме взаимоотношений между Россией и Западом. Таким образом, к концу 2010-х гг., политический процесс определил категориальное отношение к понятию.

Соответственно, негативное отношение к дефиниции является следствием бурно развивавшегося политического процесса, который за несколько десятилетий сменил несколько парадигм. Если в 1990-е гг. либеральная парадигма предопределила экстраполяцию западного понимания термина, то в начале 2000-х годов, когда элита, борясь с внешними и внутренними вызовами, укрепляла сложившуюся систему и институты, парадигма обусловила постепенное низложение и дискредитацию термина как в научном, так и в общественном дискурсе. Ныне понятие «гражданское общество» считается рудиментом прошлой эпохи, который символизирует нормативную попытку наладить взаимоотношения между обществом и властью по западному образцу. Однако, как представляется, нынешнее положение коннотации не означает ее конца для российской политологии. Как было замечено выше, понятие имеет большой объяснительный потенциал, поскольку его социально-политическая природа обладает возможностью не только объяснять происходящие вокруг процессы (онтологию), но и формировать целеполагание, нужное для развития любого общества. Будущее не предопределено и, вполне возможно, в новых условиях термин получит свое место в политологической науке.

Литература

1. Абакумов С.А. Гражданское общество в России (от Древней Руси до наших дней) / С.А. Абакумов. – Москва: Галерея, 2005. – 318 с.
2. Авен П.О. Время Березовского. М.: АСТ: Corpus, 2017. 816 с.
3. Авен П.О. Революция Гайдара: история реформ 90-х годов в интервью с их участниками / Петр Авен, Альфред Кох. – Москва: Альпина Паблишер, 2013. – 438 с.
4. Батяновский В.В. Генезис и трансформация коннотации «гражданское общество» в новое время: политологический аспект // Вопросы политологии. 2026. № 1 (125). С. 18–25.
5. Белокурова Е.В. Государство и благотворительные организации: трансформация моделей взаимодействия / Е.В. Белокурова // Благотворительность в России: исторические и социально-экономические исследования / под общей редакцией О.Л. Лейкина. – Санкт-Петербург: Лики России, 2001. – С. 675–681.
6. Владимир Путин провел встречу с представителями общественных неполитических организаций России // Президент России: официальный сайт. 2001. 12 июня. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/41670> Алексеева О. Премьерный показ // Газета Коммерсантъ: электронная версия газеты. 2001. 23 нояб. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/295666>

7. Деева Н.В. Проблема развития гражданского общества в современной России: основные подходы / Н.В. Деева // Гражданский и религиозный аспект политической эволюции модерна: коллективная монография / отв. ред. А.Г. Глинчикова. – М.: Спутник+, 2019. – С. 115–130.
8. Козн, Дж.Л. Гражданское общество и политическая теория / Дж.Л. Козн, Э. Арато; перевод с английского; общая редакция И.И. Мюрберг. – М.: Весь Мир, 2003. – 784 с.
9. Кривоносов М.М. История гражданского общества России от Рюрика до наших дней / М.М. Кривоносов, В.Г. Манягин. – М.: Книжный мир, 2015. – 448 с.
10. Маркс К. Ницшта философии / Карл Маркс. – М.: АСТ, 2022. – 224 с.
11. На пороге «оранжевой» революции / С.Г. Кара-Мурза, С.А. Телегин, А.А. Александров, М.А. Мурашкин. – Москва: Эксмо: Алгоритм, 2005. – 352 с.
12. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс; перевод с английского Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; под редакцией М.С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
13. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги: в 2 томах / Карл Р. Поппер; перевод с английского под общей редакцией В.Н. Садовского. – М.: Культурная инициатива: Феникс, 1992. – 2 т.
14. Российская Федерация. Президент. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения: Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: pravo.gov.ru
15. Сунгуров А.Ю. Российское гражданское общество и власть: монография / А.Ю. Сунгуров. – Санкт-Петербург: Алетей, 2022. – 334 с.
16. Шутов А. «Россия – прежде всего». Процесс суверенизации политологии запущен // Факультет политологии МГУ: официальный сайт. – 2024. – 29 апреля. – URL: <https://polit.msu.ru/2024/04/29/andrej-shutov-rossiya-prezhde-vsego/>
17. Якимец В.Н. Основы, принципы и механизмы межсекторного социального партнерства в России: дисс. д-ра социол. наук: 22.00.04 / Якимец Владимир Николаевич. – Санкт-Петербург, 2002. – 376 с.
18. Якобсон Л.И. Экономика общественного сектора: основы теории государственных финансов: учебник для вузов / Л.И. Якобсон. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 319 с.
19. Львович В.П. Теория гражданского общества / В.П. Львович. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского политехнического университета, 2014. – 280 с.
20. Алексеева О. Премьерный показ // Газета Коммерсантъ: электронная версия газеты. 2001. 23 нояб. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/295666>

PARADIGMATIC TRANSFORMATION OF THE DEFINITION OF «CIVIL SOCIETY» IN MODERN RUSSIA: A POLITICAL SCIENCE PERSPECTIVE

Batyanovsky V.V.

Moscow State Pedagogical

The current conflict between Russia and the West has led to theoretical changes in Russian scholarship. More and more academic leaders are declaring the need for knowledge sovereignty. They believe that concepts and methods must not only meet the requirements of positive validation but also reflect the cultural and value foundations of Russian civilization, which will both preserve the foundation of society and transform the superstructure toward the development of a uniquely Russian tradition.

In this context, an extremely heated debate is taking place around the definition of «civil society», as the term is part of the foundation of the social sciences (including political science). Many scholars, politicians, and public figures believe that the term, which came to us from the West, is a harmful element, carrying with it dangerous values that create a permanent antagonism between society and the authorities.

The author of this article believes that this position is extremely superficial and reckless, as originally, in ancient times, the term implied not rivalry, but mutually conditioned cooperation. However, the development of a negative attitude toward the definition is not surprising: it stems from the Russian political process of recent decades, when the term was used by Western countries to normatively prepare the population for the seizure of power. Therefore, the task of researchers is to identify this connotational conflict and, based on this, develop an alternative understanding of «civil society» rooted in the ancient tradition.

Keywords: civil society, sovereignty of science, political process, political system, institutions.

References

1. Abakumov S.A. Civil society in Russia (from Ancient Rus to the present day) / S.A. Abakumov. – Moscow: Galeriya, 2005. – 318 p.
2. Aven P.O. Beresovsky's time. Moscow: AST: Corpus, 2017. 816 p.
3. Aven P.O. Gaidar's revolution: the history of the reforms of the 1990s in interviews with their participants / Petr Aven, Alfred Koch. – Moscow: Alpina Publisher, 2013. – 438 p.

4. Batyanovsky V.V. Genesis and transformation of the connotation «civil society» in modern times: a political science aspect // *Voprosy politologii*. 2026. № 1 (125). Pp. 18–25.
5. Belokurova E.V. The State and Charitable Organizations: Transformation of Interaction Models / E.V. Belokurova // *Charity in Russia: Historical and Socio-Economic Research* / edited by O.L. Leikind. – St. Petersburg: Faces of Russia, 2001. – Pp. 675–681.
6. Vladimir Putin held a meeting with representatives of public non-political organizations of Russia // President of Russia: official website. 2001. June 12. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/41670> Alekseeva O. Premiere screening // *Kommersant* newspaper: electronic version of the newspaper. 2001. November 23. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/295666>
7. Deeva N.V. The Problem of Development of Civil Society in Contemporary Russia: Main Approaches / N.V. Deeva // *The Civil and Religious Aspect of the Political Evolution of Modernity: Collective Monograph* / ed. A.G. Glinchikova. – Moscow: Sputnik+, 2019. – Pp. 115–130.
8. Cohen, J.L. *Civil Society and Political Theory* / J.L. Cohen, E. Arato; translation from English; general editor I.I. Myurberg. – Moscow: Ves' Mir, 2003. – 784 p.
9. Krivonosov M.M. History of Civil Society in Russia from Rurik to the Present Day / M.M. Krivonosov, V.G. Manyagin. – M.: Knizhny Mir, 2015. – 448 p.
10. Marx K. *The Poverty of Philosophy* / Karl Marx. – M.: AST, 2022. – 224 p. Lvovich V.P. *Theory of Civil Society* / V.P. Lvovich. – St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg Polytechnic University, 2014. – 280 p.
11. On the Threshold of the «Orange» Revolution / S.G. Kara-Murza, S.A. Telegin, A.A. Alexandrov, M.A. Murashkin. – Moscow: Eksmo: Algorithm, 2005. – 352 p.
12. Parsons T. *The System of Modern Societies* / T. Parsons; translated from English by L.A. Sedov and A.D. Kovalev; edited by M.S. Kovaleva. – Moscow: Aspect Press, 1998. – 270 p.
13. Popper, K.R. *The Open Society and Its Enemies*: in 2 volumes / Karl R. Popper; translated from English, edited by V.N. Sadovsky. – Moscow: Cultural Initiative: Phoenix, 1992. – 2 v.
14. Russian Federation. President. On Approval of the Fundamentals of State Policy of the Russian Federation in the Field of Historical Education: Decree of the President of the Russian Federation of 08.05.2024 № 314 // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: pravo.gov.ru
15. Sungurov, A. Yu. *Russian Civil Society and Power: Monograph* / A. Yu. Sungurov. – Saint Petersburg: Aletya, 2022. – 334 p.
16. Shutov, A. «Russia First.» The Process of Sovereignization of Political Science Has Been Launched // Faculty of Political Science, Moscow State University: Official Website. – 2024. – April 29. – URL: <https://polit.msu.ru/2024/04/29/andrey-shutov-rossiya-prezhde-vsego/>
17. Yakimets V.N. *Fundamentals, Principles, and Mechanisms of Intersectoral Social Partnership in Russia: Doctor of Sociological Sciences Dissertation*: 22.00.04 / Yakimets Vladimir Nikolaevich. – St. Petersburg, 2002. – 376 p.
18. Yakobson L.I. *Economics of the Public Sector: Fundamentals of the Theory of Public Finances: Textbook for Universities* / L.I. Yakobson. – Moscow: Aspect Press, 1996. – 319 p.
19. Lvovich, V.P. «The Theory of Civil Society.» St. Petersburg: St. Petersburg Polytechnic University Publishing House, 2014, 280 p.
20. Alekseeva, O. «Premiere.» *Kommersant* Newspaper: Electronic Version of the Newspaper. November 23, 2001. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/295666>

Москвитин Валерий Александрович,

аспирант кафедры Б4 «Философия и история России»,
преподаватель кафедры Б5 «Теоретическая и прикладная
лингвистика», БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
E-mail: moskvitin_va@voenmeh.ru

Исследование осуществляет сравнительный анализ двух стратегий преодоления корреляционизма в современной философии науки и техники: акторно-сетевой теории Бруно Латура и спекулятивного материализма Квентина Мейясу. Несмотря на общую критику «корреляции мышления и мира», мыслители радикально расходятся в трактовке природы корреляционизма, онтологическом статусе симметрии и архитектуре реляционной онтологии. Работа эксплицирует производные от обеих онтологий не-проективные эпистемологии, исключающие проецирование человеческих категорий на бытие вне корреляции: прагматику сетевой устойчивости у Латура и спекулятивное доказательство абсолютной контингентности у Мейясу. Рефлексия методологических рисков позволяет выстроить модель диалогического отношения, в рамках которой латуровские модусы существования интерпретируются как эмпирические регистры мейясу-овского гиперхаоса, а спекулятивное доказательство Мейясу обретает социально-техническую инфраструктуру верификации. Напряжение между двумя подходами исключает их механический синтез, формируя строгий аналитический инструмент для изучения современных технонаучных комплексов, в которых эмпирическая сборка сетей сталкивается с фундаментальной непредсказуемостью.

Ключевые слова: корреляционизм, Бруно Латур, Квентин Мейясу, акторно-сетевая теория, спекулятивный реализм, плоская онтология, симметричная антропология, не-проективная эпистемология, философия науки и техники.

Введение

В современной философии науки и техники позиции Бруно Латура и Квентина Мейясу сближаются радикальной критикой корреляционизма, однако их теоретические архитектуры фундаментально расходятся. Корреляционизм определяется как доктрина, постулирующая невозможность выхода за пределы взаимозависимости мышления и мира; любой доступ к бытию здесь обусловлен указанной связью [18].

Корреляционизм как установка, определившая траекторию западной метафизики после кантовского трансцендентального поворота [19], получает у Латура и Мейясу принципиально различный онтологический статус. Латур усматривает в нем не логическую апорию, а исторически укорененную методологическую практику, сердцевинной которой служит жесткое разграничение «природы» и «культуры»: данная демаркационная линия порождает эпистемологическую иллюзию, согласно которой естественные науки имеют дело с объективной реальностью, тогда как социальные – лишь с субъективными репрезентациями, что автоматически выводит научный факт за пределы социологического анализа. Подобное разграничение Латур квалифицирует как искусственный конструкт «модернитета» (современности как исторического проекта, институционально закрепившего разделение науки, политики и религии), а не как нейтральное описание устройства познания.

В противовес указанной установке философ выдвигает программу «пересборки социального» [9], возвращая термину первоначальное значение: способность выстраивать ассоциации между любыми элементами, включая человеческие и нечеловеческие актанты. Методологическим выражением подобной программы служит «симметричная антропология» [2], предписывающая исследователю рассматривать всех участников сети как равноправных агентов без априорных онтологических иерархий.

Квентин Мейясу предлагает радикальную интерпретацию корреляционизма, усматривая в нем фундаментальное логико-онтологическое противоречие, генетически восходящее к кантовскому трансцендентальному повороту. Исходный пункт его анализа состоит в следующем: признание неразрывной корреляции мышления и бытия, составляющее ядро корреляционистской установки, элиминирует саму возможность мыслить мир как сущий независимо от структур человеческого восприятия и познания. Данная позиция порождает парадоксальное следствие – единственным фактом, постигаемым с абсолютной необходимостью, оказывается сама фактичность корреляции, то есть зависимость бытия от мышления [17].

Чтобы преодолеть указанную апорию К. Мейясу инициирует проект спекулятивной реконструкции онтологии, систематически развернутый в работе «После конечности» [11]. Цель проекта – строгое доказательство некорреляционной возможности бытия, то есть обоснование правомерности мышления реальности как сущей, вне ее обусловленности трансцендентальными структурами субъекта. Центральным инструментом доказательства выступает переосмысление закона непротиворечия. Мейясу демонстрирует, что любое отрицание абсолютной случайности сущего с логической необходимостью ведет к признанию необходимого характера законов природы – утверждению, которое само не поддается логическому доказательству и потому остается догматическим. Отсюда выводится фундаментальный тезис спекулятивного материализма: абсолютная возможность бытия тождественна абсолютной контингентности. Иными словами, единственной необходимостью, поддающейся рациональному обоснованию, выступает необходимость случайности как таковой.

Расхождение в трактовке самого объекта критики – корреляционизма и его следствий – детерминирует архитектуру последующих теоретических построений двух мыслителей. Бруно Латур осуществляет реформу инструментария научной рациональности, оставаясь в пределах ее методологических границ и не выходя на уровень онтологических обобщений спекулятивного порядка. Акторно-сетевая теория (АСТ) предлагает конкретный аналитический аппарат для исследования научно-технических практик, ключевым операциональным элементом которого выступает трассировка – методическая процедура отслеживания процессов стабилизации научного факта, реконструирующая цепи посредников и трансформаций, через которые факт обретает свою объективность [9].

Мейясу, напротив, оперирует исключительно в поле метафизики. Его исследовательская задача состоит не в эмпирическом описании механизмов производства фактов, а в логическом доказательстве онтологических истин, выходящих за рамки стандартной эмпирической верификации. Данная стратегия квалифицируется как спекулятивно-реконструктивная, поскольку ее целью выступает перестройка самих оснований онтологии посредством строгого логического анализа, апеллирующего не к опыту, но к условиям непротиворечивой мыслимости сущего.

Симметричная антропология: от методологического инструмента к онтологическому основанию

Центральным понятием, связывающим Бруно Латура и Квентина Мейясу, является идея симметрии [2]. У Б. Латура «симметричная антропология» выступает как мощный методологический инструмент. У К. Мейясу она становится онтологической характеристикой самого бытия.

Принцип симметрии выступает ядром акторно-сетевой теории (АСТ) Бруно Латура и его последующей разработки «модусов существования» [1]. Философии требуется временно отложить обыденные представления, наделяющие людей и технологии статусом особой группы существ, а природные явления – иной. Исследователь обязан рассматривать всех участников сети равноправно, без заранее заданных иерархий «человек/нечеловек». Агентство не признается внутренним свойством индивида или социума; оно генерируется в результате социотехнических связей. Любой актант, будь то человек, компьютер, бактерия или закон, обретает способность влиять на ход событий и, следовательно, действовать. Определение актанта опирается на роль в конфигурации, а не на происхождение: под актантом понимается любая сила, решающая для успеха или неудачи проекта. В работе «Наука в действии» Латур демонстрирует, как микроскоп, бактерия и ученый становятся равноправными участниками процесса создания нового научного факта. Симметрия позволяет «перестроить социальное», проследив, как материальные и нематериальные элементы конституируют друг друга и формируют новые порядки. Поздние труды расширяют принцип симметрии, применяя его к различным «модусам существования» – науке, праву, морали, литературе [14]. Латур утверждает необходимость равносимметричного отношения к каждой из мод, исключая признание одной из них более фундаментальной. Следовательно, симметрия служит инструментом анализа, выявляющим скрытые связи и силы, определяющие мироустройство.

Квентин Мейясу также опирается на принцип симметрии, однако наделяет его совершенно иным, онтологическим статусом. Его симметрия вытекает из фундаментального тезиса о подверженности всего в мире абсолютной случайности. Существование необходимого закона делало бы наш мир единственно возможным, а не «одним из многих». Контингентность как раз и означает, что мир – лишь один из возможных, т.к. он мог бы быть иным. Поскольку мир абсолютно случаен, все отношения, свойства и структуры способны измениться в любой момент [4]. «Симметрия» означает отсутствие у любой части реальности самоценности или внутреннего закона; всякая иерархия и всякое основание выступают лишь результатом временной, случайной конфигурации. Разговор о реальном требует обращения к тому, что находится вне наших представлений, причем реальное не может обладать преимуществами перед другими частями реальности. Все происходящее в мире равноценно случаю. Онтологическая симметрия влечет важные следствия. Кроме того, меняется сама природа причинности. Причинность перестает быть закономерной связью, превращаясь в простой факт, способный измениться в любой момент. Мейясу утверждает необходимость «мыслить вещь в себе», то есть мыслить реальность как таковую, а не как она дана нам в опыте. Операция возможна, поскольку реальность сама по себе абсолютно случайна, и указанное свойство не зависит от нас [3]. Если у Латура симметрия служит инструментом анализа, выявляющим скрытые связи, то у Мейясу она описывает фундаментальную структуру самого бытия. Латуровский подход выступает эмпирически-конструктивистским, работая с тем, что реально производится в практике. Мейясуовский подход является спекулятивно-онтологическим, стремясь доказать истину о структуре реальности посредством логических аргументов.

Два типа реляционных онтологий: плоскость бытия и гибридная структура

Онтология Бруно Латура воплощает радикальный реляционизм. Вне сети отношений ничего не существует; актанты лишены внутренней сущности, поддающейся описанию до их вовлечения в сеть. Идентичность, свойства и агентность полностью конституируются в процессе взаимодействия [6]. Данный феномен формирует «плоскую онтоло-

гию», приравнивающую научные, политические и технологические объекты к равноправным участникам единого процесса образования. Акцент делается на производстве устойчивых сетей агентов вместо открытия вечных истин [7]. Научный факт предстает не образцом, а конгломератом людей, инструментов, текстов и прочих актантов, успешно координирующих действия. Истинность утверждения в науке определяется способностью порождать новые эксперименты, тогда как в праве – соответствием установленным процедурам. Реляционный принцип сохраняется: каждый модус существования образуется через специфические правила и действия. Актанты не обретают сущности, отличной от отношений. Статус подобных «вещей» определяется исключительно поведением в конкретной конфигурации.

Онтология Квентина Мейясу представляет гибридную структуру, содержащую абсолютное основание. Философ выделяет два уровня бытия. Первичный уровень образует «гиперхаос» или «абсолютную случайность» [11]. Первооснова независима от человеческого и человеческих репрезентаций. Подобный абсолют гарантирует возможность изменения любого состояния. Отсутствие подобного основания ограничило бы реляционность внутренним законом, делающим мир неизменным. Абсолют остается ненаблюдаемым и неопишимым, однако выступает необходимым условием для познания мира как сущего, способного быть иным. Вторичный уровень образует реляционный мир, доступный наблюдению и изучению. Совокупность отношений, свойств и закономерностей возникает внутри хаоса. В отличие от Латура, Мейясу отрицает исчерпывание всего бытия одними лишь отношениями. Абсолют сохраняется независимо от возможности взаимодействия с ним. Гибридная модель разрешает проблему, возникающую у Латура: существование исключительно в сетях не гарантирует описания реального, а не просто человеческих конструкций. Мейясу утверждает: благодаря абсолютной случайности мир существует независимо, поскольку логически доказуема возможность его радикального отличия от текущего состояния [5]. Знание о «до-человеческом» мире или «гиперболическом прошлом» не поддается эмпирической проверке, однако признается необходимым для научного реализма.

Онтологическое различие порождает различные трактовки агентности и идентичности. У Латура агентность выступает функцией сети. Объект, являющийся агентом в одной конфигурации, утрачивает подобный статус в другой. Идентичность актанта всегда представляет результат текущих связей. У Мейясу агентность также подвержена случайности, однако проистекает из структурного условия. Вещи наделены свойствами, способными измениться в любой момент, и подобная изменчивость формирует агентскую способность. Идентичность вещи предстает временной конфигурацией свойств, уязвимой для разрушения в любой момент.

Не-проективная эпистемология: устойчивость сетей против спекулятивного знания

Преодоление корреляционизма требует разработки новой эпистемологии, возвращающей реальность в поле научного и философского знания. Бруно Латур и Квентин Мейясу предлагают радикально различные решения, формируя два типа не-проективных эпистемологий. В концепции Латура формируется эпистемология практики, где истина выступает функциональной характеристикой устойчивой сети. В системе Мейясу формируется эпистемология доказательства, где истина выступает результатом спекулятивного анализа, обеспечивающего доступ к абсолютной случайности бытия [16].

Латуровская трактовка истины сопрягается с прагматической традицией, но не сводится к ней: там, где прагматизм ограничивается функциональной пригодностью суждения, Латур настаивает на процессуальной природе истинности – она конституируется через «трассировку» (методическую реконструкцию цепи трансформаций, посредством которых факт обретает устойчивость: сбор свидетельств, стандартизация процедур, воспроизводимость экспериментов), а не через соответствие высказывания независимой реальности [10]. Наука, следовательно, производит не универсальные картины мира, а локально устойчивые конфигурации, сохраняющие свою объективность ровно до тех пор, пока сеть выдерживает давление конкурирующих интерпретаций. Неизбежно возникающий здесь вопрос – чем устойчивый факт отличается от устойчивого заблуждения – Латур снимает не эпистемологически, а политически: наука мыслится как «политика природы», где вопрос о поддержке той или иной сети решается в открытом публичном споре с участием всех заинтересованных актантов, человеческих и нечеловеческих.

Эпистемология Квентина Мейясу строится на принципиально иных основаниях: истина выступает знанием об абсолютной возможности бытия, а возможность достоверного знания о независимости мира от человека обосновывается логическим доказательством принци-

пиальной возможности радикального отличия мира от его текущего состояния. Знание извлекается не из эмпирического опыта, а посредством логического анализа понятий возможности и необходимости. Переосмысливая закон непротиворечия, Мейясу демонстрирует, что признание его необходимости влекло бы неизбежность мира [15]; поскольку же мир абсолютно случаен, с достоверностью утверждается отсутствие у него обязательства обладать текущими характеристиками. Знание о «до-человеческом» мире или «гиперболическом прошлом» не поддается эмпирической проверке, однако признается необходимым условием научного реализма, на котором Мейясу настаивает в противовес ограничению науки описанием наблюдаемых закономерностей.

Истинность суждения у Мейясу не определяется его сетевой устойчивостью: эмпирически подтвержденное утверждение способно оставаться онтологически ложным, если оно молчаливо гипотезирует необходимость того, что контингентно по своей природе – так, суждение о постоянстве гравитационной константы верно в наблюдаемом опыте, но онтологически несостоятельно, поскольку предполагает неизменный закон там, где спекулятивный анализ доказывает лишь фактическое, а не необходимое его действие [11]. Квантовая механика и теория Большого взрыва привлекаются им не как эмпирические свидетельства случайности, а как указания на вторичность любого закономерного порядка относительно более фундаментального уровня контингентности – логически доказуемого, но принципиально не верифицируемого в опыте. Здесь и обнаруживается предел сближения двух эпистемологий: латуровская наука производит устойчивые миры, тогда как мейясуовская обязана удерживать в поле зрения собственную онтологическую необоснованность – принципиальную возможность того, что любой из этих миров мог бы быть устроен радикально иначе.

Методологические риски и практические импликации для философии науки и техники

Сравнительное исследование концепций Латура и Мейясу сопряжено с рядом методологических рисков, первый и наиболее распространенный из которых – генетическое заблуждение (подмена оценки аргумента указанием на его биографические или историко-культурные источники): критический разбор спекулятивного материализма не может сводиться к констатации того, что Мейясу слушал лекции Деррида или работал в русле континентальной традиции [12], как и анализ акторно-сетевой теории – к апелляции к латуровским полевым исследованиям в лабораториях в обход абстрактно-теоретического измерения АСТ [8]; генезис идеи и ее логическая состоятельность суть разные предметы, и смешение описательной реконструкции с нормативной оценкой неизбежно деформирует аргументацию. Помимо этого, обе концепции открыты для упрека в натуралистической ошибке: стремление Латура описывать социальные и технические процессы в едином онтологическом регистре рискует редуцировать символические системы, нормативные порядки и языковые практики к физическим взаимодействиям актантов, что требует отдельного методологического обоснования, а не молчаливого принятия как само собой разумеющегося.

Существует также риск подмены тезиса, особенно в сравнительных разделах, предполагающих сопоставление неэквивалентных категорий. Прямое сравнение латуровского «актанта» и мейясуовского «проявления случайности» требует осторожной терминологической калибровки, поскольку перечисленные понятия служат для решения различных теоретических задач и находятся в разных онтологических системах [13].

В частности, подмена тезиса возникает, когда латуровского «актанта», конституируемого исключительно в процессах сетевой координации, механически отождествляют с мейясуовским «объектом», чье бытие укоренено в абсолютной контингентности гиперхаоса. Подобное уравнивание стирает различие между эмпирической генерацией устойчивости и онтологической необходимостью случайности, превращая сравнительный анализ в сопоставление искусственно сконструированных оппозиций.

Заключение

Два рассмотренных пути преодоления корреляционизма не сходятся в единой теоретической точке – и это не изъян, а условие их продуктивности. Латуровская «плоская онтология» утверждает эмпирическую достаточность сетей: факт, выдержавший трассировку и испытание, конституирует реальность без апелляции к внесетевым основаниям. Мейясу, напротив, квалифицирует подобную устойчивость как онтологически недостаточную: без признания абсолютной контингентности она остается лишь временной конфигурацией, которой приписывается необходимость, ей не принадлежащая. Разрыв между реляционным реализмом практики и спекулятивным реализмом возможности [20]

исключает механическое совмещение подходов – однако именно это напряжение делает возможным их инструментальный диалог. Латуровские модусы существования обретают онтологическое измерение, если рассматривать их как формы временной стабилизации, в которых гиперхаос конфигурируется в доступные исследованию порядки; спекулятивное доказательство Мейясу, рискующее остаться чистой логической конструкцией, укореняется в материальных практиках, превращающих вопрос о независимом бытии в предмет реальной научной и общественной дискуссии.

Литература

1. Волкова, Н.А. Возвращение модусов существования Латура к «радикальному эмпиризму»: от препозиций к аффордансам / Н.А. Волкова // Социология власти. – 2019. – Т. 31, № 2. – С. 92–115. – DOI 10.22394/2074-0492-2019-2-92-115. – EDN YFHSWI.
2. Воронков, А.В. Симметричная антропология как радикальный эмпиризм / А.В. Воронков // Социология власти. – 2019. – Т. 31, № 2. – С. 68–91. – DOI 10.22394/2074-0492-2019-2-68-91. – EDN QMIYYK.
3. Гиренок, Ф. И. О доступности вещи в себе: трансцендентализм Канта и спекулятивный материализм Мейясу / Ф.И. Гиренок // Вопросы философии. – 2021. – № 5. – С. 138–147. – DOI 10.21146/0042-8744-2021-5-138-147. – EDN PDZVUC.
4. Девайкин, И.А. Векторный субъект в фактуальной онтологии К. Мейясу / И.А. Девайкин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2021. – Т. 21, № 3. – С. 247–251. – DOI 10.18500/1819-7671-2021-21-3-247-251. – EDN ANZCIN.
5. Косилова, Е.В. Соотношение философии математики и физики у К. Мейясу / Е.В. Косилова // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 2–1. – С. 167–183. – DOI 10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-167-183. – EDN WJPTWD.
6. Кудба, В.Н. Онтология Бруно Латура / В.Н. Кудба // *Juvenis Scientia*. – 2018. – № 8. – С. 40–42. – DOI 10.32415/jscientia.2018.08.10. – EDN YODQTZ.
7. Латур, Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / Б. Латур. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета, 2013. – 413, [1] с. – ISBN 978-5-94380-161-7.
8. Латур, Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями / Б. Латур // *Логос*. – 2017. – Т. 27, № 1(116). – С. 173–200. – EDN WABGMB.
9. Латур, Б. Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – Москва: Высшая школа экономики, 2014. – 384 с. – ISBN 978-5-7598-0819-0. – EDN SYZVMJ.
10. Малов, Е. А. О концепции «актор-сети» Бруно Латура / Е.А. Малов // Идеи и идеалы. – 2014. – Т. 2, № 1(19). – С. 127–134. – EDN SM-FSSN.
11. Мейясу, К. После конечности: эссе о необходимости контингентности / К. Мейясу; пер. Л. Медведевой. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015. – 193, [2] с. – ISBN 978-5-7525-3069-2.
12. Москвитин, В.А. Язык, значение и реальность: от деконструкции Жака Деррида до теории речевых актов Джона Серла / В.А. Москвитин // *Манускрипт*. – 2025. – Т. 18, № 1. – С. 49–57. – DOI 10.30853/mns20250008. – EDN OZKUXV.
13. Напреенко, И.В. Делегирование агентности в концепции Бруно Латура: как собрать гибридный коллектив киборгов и антропоморфов? / И.В. Напреенко // Социология власти. – 2015. – Т. 27, № 1. – С. 108–121. – EDN TQASSX.
14. Федорова, С.А. Актанто-ризомная онтология Б. Латура / С.А. Федорова // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. – 2017. – № 37. – С. 249–261. – DOI 10.17223/1998863X/37/25. – EDN YLECVR.
15. Филатова, М.И. Радикализация проблемы эпистемологического релятивизма (аргумент «за») / М.И. Филатова // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. – 2022. – № 4. – С. 579–589. – DOI 10.17072/2078-7898/2022-4-579-589. – EDN DGN-VWR.
16. Baiocchi, G. Actor-Network Theory and the ethnographic imagination: An exercise in translation / G. Baiocchi, D. Graizbord, M. Rodríguez-Muñiz // *Qualitative Sociology*. – 2013. – Vol. 36, № 4. – P. 323–341. – DOI 10.1007/s11133-013-9261-9. – EDN ODJQWQ.
17. Christias, Dionysis. Normativity, Lifeworld, and Science in Sellars' Synoptic Vision / Dionysis Christias. – Cham: Palgrave Macmillan, 2023. – VII, 321 с. – DOI 10.1007/978-3-031-27026-0. – ISBN 978-3-031-27026-0.
18. Gratton, Peter; Ennis, Paul John. The Meillassoux Dictionary. – 1st ed. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. – 192 p. – (Philosophical Dictionaries). – ISBN 978-0-7486-9556-0.

19. Harman, G. The Only Exit From Modern Philosophy / G. Harman // Open Philosophy. – 2020. – Vol. 3, № 1. – P. 132–146. – DOI 10.1515/opphil-2020-0009. – EDN KYNAMO.

20. Johns, Charles William. Hegel and Speculative Realism / Charles William Johns. – Cham: Palgrave Macmillan, 2023. – VII, 308 c. – DOI 10.1007/978-3-031-32657-8. – ISBN 978-3-031-32657-8.

FLATNESS AND HYPERCHAOS: TWO RELATIONAL ONTOLOGIES AFTER CORRELATIONISM

Moskvitin V.A.

BSTU «VOENMEH» named after D.F. Ustinov

The study provides a comparative analysis of two strategies for overcoming correlationism in modern philosophy of science and technology: Bruno Latour's actor-network theory and Quentin Meillassoux's speculative materialism. Despite the general criticism of the «correlation of thought and the world,» thinkers radically disagree on the interpretation of the nature of correlationism, the ontological status of symmetry, and the architecture of relational ontology. The work explicates non-projective epistemologies derived from both ontologies, which exclude the projection of human categories onto being outside correlation: Latour's pragmatics of network stability and Meillassoux's speculative proof of absolute contingency. Reflection on methodological risks makes it possible to build a model of mutual correction, in which Latour's modes of existence are interpreted as empirical histories of Meillassoux hyperchaos, and Meillassoux's speculative proof acquires a socio-technical verification infrastructure. The tension between the two approaches eliminates their mechanical synthesis, forming a strong analytical tool for studying modern technoscientific complexes in which the empirical assembly of networks faces fundamental unpredictability.

Keywords: correlationism, Bruno Latour, Quentin Meillassoux, actor-network theory, speculative realism, flat ontology, symmetrical anthropology, non-projective epistemology, philosophy of science and technology.

References

1. Volkova, N.A. Vozvrashchenie modusov sushhestvovaniya Latura k radikal'nomu e'mpirizmu: ot prepozitsiy k affordansam / N.A. Volkova // Sociologiya vlasti. – 2019. – T. 31, № 2. – S. 92–115. – DOI 10.22394/2074-0492-2019-2-92-115. – EDN YFHSWI.
2. Voronkov, A.V. Simmetrichnaya antropologiya kak radikal'ny'j e'mpirizm / A.V. Voronkov // Sociologiya vlasti. – 2019. – T. 31, № 2. – S. 68–91. – DOI 10.22394/2074-0492-2019-2-68-91. – EDN QMIYYK.
3. Girenok, F. I. O dostupnosti veshhi v sebe: transcendentalizm Kanta i spekulativny'j materializm Mejyasu / F. I. Girenok // Voprosy' filo-sofii. – 2021. – № 5. – S. 138–147. – DOI 10.21146/0042-8744-2021-5-138-147. – EDN PDZVUC.
4. Devajkin, I.A. Vektorny'j sub`ekt v faktual'noj ontologii K. Mejyasu / I.A. Devajkin // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psixologiya. Pedagogika. – 2021. – T. 21, № 3. – S. 247–251. – DOI 10.18500/1819-7671-2021-21-3-247-251. – EDN ANZCIN.

5. Kosilova, E.V. Sootnoshenie filosofii matematiki i fiziki u K. Mejyasu / E.V. Kosilova // Idei i idealy'. – 2020. – T. 12, № 2-1. – S. 167–183. – DOI 10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-167-183. – EDN WJPTWD.

6. Kudba, V.N. Ontologiya Bruno Latura / V.N. Kudba // Juvenis Scientia. – 2018. – № 8. – S. 40–42. – DOI 10.32415/jscientia.2018.08.10. – EDN YODQTZ.

7. Latur, B. Nauka v dejstvii: sleduya za ucheny'mi i inzhenerami vnutri obshhestva / B. Latur. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta, 2013. – 413, [1] s. – ISBN 978-5-94380-161-7.)

8. Latur, B. Ob aktorno-setevoy teorii. Nekotory'e raz`yasneniya, do-polnenny'e eshe bol'shimi uslozhnennyimi / B. Latur // Logos. – 2017. – T. 27, № 1(116). – S. 173–200. – EDN WABGMB.

9. Latur, B. Peresborka social'nogo: Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu / B. Latur. – Moskva: Vysshaya shkola e'konomiki, 2014. – 384 s. – ISBN 978-5-7598-0819-0. – EDN SYZVMJ.

10. Malov, E. A. O koncepcii aktor-seti Bruno Latura / E.A. Ma-lov // Idei i idealy'. – 2014. – T. 2, № 1(19). – S. 127–134. – EDN SMFSSN.

11. Mejyasu, K. Posle konechnosti: e'sse o neobkhodimosti kontingentno-sti / K. Mejyasu; per. L. Medvedevoy. – Ekaterinburg: Kabinetny'j ucheny'j, 2015. – 193, [2] s. – ISBN 978-5-7525-3069-2.

12. Moskvitin, V.A. Yazy'k, znachenie i real'nost': ot dekonstrukcii Zhaka Derrida do teorii rechevy'x aktov Dzhona Serla / V.A. Moskvitin // Ma-nuskript. – 2025. – T. 18, № 1. – S. 49–57. – DOI 10.30853/mns20250008. – EDN OZKUXV.

13. Napreenko, I.V. Delegirovanie agentnosti v koncepcii Bruno Latura: kak sobrat' gibridny'j kolektiv kiborgov i antropomorfov? / I.V. Napreenko // Sociologiya vlasti. – 2015. – T. 27, № 1. – S. 108–121. – EDN TQASSX.

14. Fedorova, S.A. Aktanto-rizomnaya ontologiya B. Latura / S.A. Fedorova // Vestnik Tomskego gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. – 2017. – № 37. – S. 249–261. – DOI 10.17223/1998863X/37/25. – EDN YLECVR.

15. Filatova, M.I. Radikalizatsiya problemy' e'pistemologicheskogo relyativizma (argument za) / M.I. Filatova // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psixologiya. Sociologiya. – 2022. – № 4. – S. 579–589. – DOI 10.17072/2078-7898/2022-4-579-589. – EDN DGNVVR.

16. Baiocchi, G. Actor-Network Theory and the ethnographic imagination: An exercise in translation / G. Baiocchi, D. Graizbord, M. Rodríguez-Muñiz // Qualitative Sociology. – 2013. – Vol. 36, № 4. – P. 323–341. – DOI 10.1007/s11133-013-9261-9. – EDN ODJQWQ.

17. Christias, Dionysis. Normativity, Lifeworld, and Science in Sellars' Synoptic Vision / Dionysis Christias. – Cham: Palgrave Macmillan, 2023. – VII, 321 s. – DOI 10.1007/978-3-031-27026-0. – ISBN 978-3-031-27026-0.

18. Gratton, Peter; Ennis, Paul John. The Meillassoux Dictionary. – 1st ed. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. – 192 p. – (Philosophical Dictionaries). – ISBN 978-0-7486-9556-0.

19. Harman, G. The Only Exit From Modern Philosophy / G. Harman // Open Philosophy. – 2020. – Vol. 3, № 1. – P. 132–146. – DOI 10.1515/opphil-2020-0009. – EDN KYNAMO.

20. Johns, Charles William. Hegel and Speculative Realism / Charles William Johns. – Cham: Palgrave Macmillan, 2023. – VII, 308 s. – DOI 10.1007/978-3-031-32657-8. – ISBN 978-3-031-32657-8.

Механизм принятия решения как локус сакрального: идентификационная функция современного эсхатологического мифа

Павлич Динара Ильдаровна,

кандидат философских наук, старший преподаватель,
кафедра «Социально-гуманитарные дисциплины»,
Российский биотехнологический университет
E-mail: kakaeva1991@yandex.ru

Статья посвящена анализу трансформации сакрального измерения современного эсхатологического мифа в условиях кризиса традиционных механизмов идентификации. Автор обосновывает тезис о смещении локуса сакральности с содержательного уровня на формальный: сакральное более не локализовано в трансцендентных объектах или метафизических сущностях, а манифестируется в структуре принятия решений протагонистом – процессуальности экзистенциального выбора. Теоретическую рамку исследования составляет юнгианская концепция архетипов Самости и Персоны, операционализированная для анализа идентификационной и компенсаторной функций мифа. Выраженность архетипа Самости (индивидуация, автономность выбора, аксиологическая рефлексивность) маркирует доминирование идентификационной функции – механизма конструирования операциональных схем самоопределения через интериоризацию не содержания, а модуса действия героя. Напротив, архетип Персоны коррелирует с компенсаторной функцией, ориентированной на потребление готовых идентификационных шаблонов. Методологическая новизна исследования заключается в разработке алгоритма структурного анализа аудиовизуальных нарративов с операциональными критериями различения архетипических паттернов: автономность/гетерономность выбора, рефлексивность/автоматизм действия, аксиологическая артикуляция/прагматическая калькуляция. Применение данного инструментария к корпусу современных эсхатологических текстов (кинематограф, сериалы, видеоигры) позволяет эмпирически верифицировать гипотезу о функциональной инверсии: идентификационная функция становится доминирующей, что свидетельствует о культивировании типа субъектности, ориентированного на экзистенциальную автономию, а не на конформное потребление.

Ключевые слова: эсхатологический миф, процессуальная сакральность, идентификационная функция, компенсаторная функция, архетип Самости, архетип Персоны, аудиовизуальный нарратив, медиация, коллективная идентичность.

Целью данной статьи является демонстрация смещения локуса сакральности в современном эсхатологическом мифе с содержательного уровня (трансцендентные объекты, метафизические сущности) на формальный уровень (процессуальность экзистенциального выбора) через эмпирическую верификацию доминирования идентификационной функции над компенсаторной. **Объектом исследования** современный эсхатологический миф, репрезентированный в аудиовизуальных нарративах (кинематограф, сериальное производство, видеоигры), функционирующий в качестве механизма конструирования индивидуальной и коллективной идентичности через трансляцию архетипических паттернов и символических структур. **Предметом исследования** идентификационная функция эсхатологического мифа как механизм формализации сакрального через структуру принятия решений, операционализированная посредством оппозиции архетипов Самости и Персоны (по К.Г. Юнгу) в процессе медиации коллективной идентичности. Анализ доминирующих архетипов: Самость/Персона в эсхатологических мифах позволяет определить, какой тип субъектности культивирует современная культура – автономного индивида, способного к экзистенциальному выбору, или конформного потребителя, зависимого от внешних стимулов. Растущий кризис идентичности толкает к поиску новых механизмов самоопределения. Современный эсхатологический миф предлагает такие механизмы, не утрачивая при этом сакральный статус. Выраженность идентификационной функции маркирует перенос сакрального измерения мифа из сферы содержания в сферу модуса принятия решения героем, структуры экзистенциального выбора. **Научная новизна** предложена концепция *процессуальной сакральности* – смещение локуса сакрального с содержательного уровня (трансцендентные объекты, эсхатологические образы) на формальный уровень (структура принятия решений героем), операционализированная через оппозицию архетипов Самости и Персоны в современном эсхатологическом мифе. Проведен анализ эсхатологических нарративов на степень выраженности архетипа Самости/Персоны, чтобы понять куда тяготеет современный эсхатологический миф, а также предложен алгоритм структурного анализа аудиовизуальных нарративов для эмпирической верификации доминирования идентификационной функции над компенсаторной с операциональными критериями различения. В основе **методологии исследования** лежит трактовка мифа, как «нуминозного опыта» (М. Элиаде, Р. Отто), возможность рассмотрения мифа, как системы коллективных представлений, и универсальных явлений культуры в концепциях психоаналитической школы (К.Г. Юнг), а также структурный анализ Кл. Леви-Стросса, позволяющий интерпретировать миф как систему бинарных оппозиций (жизнь/смерть, культура/природа, порядок/хаос).

Идентификационная функция современного эсхатологического мифа может быть определена как механизм конструирования индивидуальной и коллективной идентичности через интериоризацию архетипических паттернов, символических структур и аксиологических матриц, транслируемых мифологическим нарративом. В отличие от компенсаторной функции (восполнение недостающего через симулякры, эскапизм), идентификационная функция обеспечивает субъекту операциональные схемы самоопределения, экзистенциального выбора и ценностного целеполагания. Доминирование идентификационной функции эсхатологического мифа исходит из тезиса о том, что миф тяготеет к проявленности архетипа Самости, а не Персоны, именно через архетип Самости происходит медиация, что подтверждается эмпирическим анализом аудиовизуальных текстов. Критерии различения: Персона (по К.Г. Юнгу) – социальная маска, адаптивная роль, конформность коллективным ожиданиям → компенсаторная функция (индивид ищет готовые идентификационные шаблоны). Самость – интегрирующий центр психики, процесс индивидуации, раскрытие уникального экзистенциального пути → идентификационная функция как инструмент нахождения смысла, а не его потребления. Современный эсхатологический миф не дает готовых ответов, а предлагает пространство для выбора через бинарные оппозиции (жизнь/смерть, хаос/порядок, жертва/спасение). Зритель/реципиент проецирует себя в ситуацию предельного выбора, где обнажаются базовые ценности (Любовь, Справедливость, Честность). Эсхатологический сюжет создаёт лиминальное пространство (по В. Тёрнеру) – переходную зону, где

прежняя идентичность разрушается, а новая ещё не сформирована, что провоцирует самоопределение. Здесь представляется также крайне интересным процесс того, как трансформируется сакральность эсхатологического мифа. Сакральность структурно переносится на форму принятия решения, а не содержания, поэтому мы и можем говорить о процессуальной сакральности.

Рамки эмпирического исследования (табл. 1).

Таблица 1

Проявленность архетипа Персоны	Проявленность архетипа Самости
Доминирование компенсаторной функции	Доминирование идентификационной функции
Сакральность сохраняется, независимо от проявленности архетипа	

В зависимости от доминирования архетипа Персоны либо Самости, одна из функций (компенсаторная/идентификационная), будет являться доминирующей, при этом сакральность самого эсхатологического мифа сохраняется в обоих случаях. Это объясняется тем, что в основе эсхатологических мифов лежат бинарные оппозиции, например жизнь/смерть, такие оппозиции обладают сакральным статусом, поскольку они отражают фундаментальные структурные элементы человеческого существования, связывающие индивидуальное и универсальное, профанное и священное. Таким образом, поскольку тема «жизни – смерти» фундаментальна для человеческого бытия, она содержит в себе глубинные сакральные элементы, выраженные через архетипические сценарии и символы. Рассмотрим проявленность архетипа Самости/Персоны, проявленности компенсаторной/идентификационной функций на конкретных примерах:

Персона-ориентированные примеры: компенсаторная функция

«Матрица» (1999, реж. – братья Вачовски) – Нео как компенсаторная персона «Избранного»

Бинарные оппозиции:

Реальность (Зион) / Симуляция (Матрица)

Свобода / Рабство

Избранный / Обычные люди

Главный герой Нео ищет готовую модель поведения, примером тому служит его вопрос: «Я избранный?», который он повторяет несколько раз. Морфеус предлагает ему архетипическую роль: «Ты – тот, кто освободит человечество». Выбор, который совершает Нео – ритуал инициации, а не процесс создания смыслов: красная/синяя таблетка. Постепенно, Нео становится маской, манифестируя Архетип Персоны. Это прослеживается в трансформации его имен: Томас Андерсон → Нео → The One, а также в финале, где он принимает роль через буквальное воскрешение, становится тем, кем «должен быть»: спасителем человечества. То есть, Нео выступает в роли медиатора между двумя мирами, но не создателем нового, поэтому мы можем говорить о доминировании компенсаторной функции и архетипа Персоны в данном случае. Миф здесь снимает напряжение через то, что предлагает «готовый путь».

Еще один пример ориентации на архетип Персона – фильм «Интерстеллар» (2014, реж. – К. Нолан).

Бинарные оппозиции:

Земля (умирание) / Космос (спасение)

Отцовство (остаться с детьми) / Миссия (спасти человечество)

Время линейное / Время нелинейное

Главный герой Купер выбран для спасения человечества. Выбор представлен как моральный императив: «Мы должны спасти детей» (повторяется в фильме несколько раз). Купер представляет архетип героя-исследователя, чья миссия – найти новый дом для всего человечества. Его путь идет по заданному сценарию: лететь → найти планету → жертва (падение в чёрную дыру) → воскрешение (тессеракт) → спасение. Купер выступает медиатором между умирающей Землей и новым домом. Здесь эсхатологический миф буквально утешает: жертва будет вознаграждена (Купер встречается с дочерью Мёрф в финале).

Самость-ориентированные примеры: идентификационная функция как создание смысла

«Бегущий по лезвию 2049» (2017, реж. – Д. Вильнёв)

Бинарные оппозиции:

Люди / Репликанты (копии)

Реальность (рождённый) / Симуляция (созданный)

Избранный (особенный) / Обычный (никто)
Фильм демонстрирует идентификационную функцию эсхатологического мифа, проводя героя по пути обретения смысла.

Первый этап:

Сначала главный герой верит, что он избранный, рожденный репликант. У него присутствуют воспоминания о деревянной лошадке как якорю того, что он – особенный. Он стремится компенсировать статус репликанта через статус «особенного». Далее, по ходу развития сюжета, он узнает, что он не избранный и его воспоминания имплантированы, что сталкивает его с Тенью. Он проходит стадию экзистенциально-го кризиса: «Родиться – значит иметь душу. Быть созданным – значит быть никем». Бинарная оппозиция реальность/симуляция рушится. Это приводит к тому, что герой начинает совершать выборы не из чувства долга, а потому что он так хочет – решение спасти Декада и дочь как акт свободного целеполагания. Он умирает как никто (не имея социального признания и имени), но он обретает собственную целостность через акт свободного выбора. Отсюда следует, что идентичность не данность (я – избранный), а выбор (я – тот, кем хочу быть). Через сострадание приходит новая идентичность, где его выбор его определяет и делает человеком.

«Безумный Макс: Дорога ярости» (2015 – реж. Дж. Миллер)

Бинарные оппозиции:

Цитадель (патриархальная тирания) / Зелёное место (утопия-память)

Жёны Бессмертного Джо (репродуктивные объекты) / Воины (субъекты)

Возвращение (цикличность) / Бегство (линейное спасение)

Компенсаторный элемент (Персона) проявлен через то, что Фуриоза выполняет роль «освободительницы» (спасти жён). Это коллективное ожидание (жёны ждут спасения, аудитория ждёт героиню) • Архетипическая роль: Валькирия, Жанна д'Арк (воительница-спасительница). Фуриоза обретает самость через разрушение иллюзии и «Зеленом месте», где есть некий «потерянный рай». Она выбирает не следовать мечте-Персоне («найти потерянный рай»), а создать новую реальность (вернуться и захватить Цитадель). Этот выбор не предопределен (Макс предлагает идею, но Фуриоза выбирает сама). Фуриоза становится новым правителем Цитадели.

«Начало» (2010, реж. – К. Нолан)

Бинарные оппозиции:

Реальность / Сон (многоуровневое)

Воспоминания о Мол (идеализация) / Мол-тень (вина)

Возвращение к детям (цель) / Застывание во сне (страх)

В начале сюжета мы видим как главный герой Кобб одержим идеей вернуться к детям, восстановить тем самым идентичность, так как отец должен быть с детьми. Кобб сталкивается со своей Тенью в виде преследующей покойной жены Мол, которую он должен отпустить. В сцене в лимбе мы видим как он оставляет ее, что олицетворяет смерть анимы-персоны. Здесь он совершает выбор принять вину и отказаться от иллюзий. В финале Кобб запускает волчок (тотем: если крутится бесконечно – сон), но не ждёт результата), уходит к детям, не проверив реальность. То есть, он совершает экзистенциальный выбор – создание смысла вне бинарности сон/реальность.

Выводы по статье

Исходя из изложенных эмпирических данных, мы можем выявить следующие критерии различения архетипов Персона/Самость в эсхатологическом нарративе (табл. 2).

Таблица 2

Индикаторы Персоны (компенсаторная функция)	Индикаторы Самости (идентификационная функция)
Герой получает роль извне (пророчество, судьба, коллективные ожидания)	Герой создаёт смысл через выбор вне предопределённости
Финал – становление тем, кем «должен быть» (соответствие архетипу) Финал – трансформация (становится больше/иначе, чем ожидалось)	
Бинарные оппозиции разрешаются (добро побеждает зло, хаос → порядок)	Бинарные оппозиции интегрируются (противоположности сосуществуют в идентичности)
Зритель получает готовый ответ (катарсис через идентификацию с победителем)	Зритель получает инструмент для рефлексии (вопросы вместо ответов)

Во-первых, выраженность архетипа Самости в корпусе исследованных текстов маркирует не деградацию сакрального измерения мифа, а его структурную трансформацию – переход от субстанциально-го понимания сакральности (локализованной в трансцендентных объ-

ектах и метафизических инстанциях) к процессуальной сакральности (локализованной в модусе экзистенциального выбора протагониста). Данная трансформация не означает секуляризации мифологического нарратива, но свидетельствует о смещении онтологического статуса сакрального с содержательного на формальный уровень. Во-вторых, функциональный анализ демонстрирует сосуществование и иерархическую реконфигурацию компенсаторной и идентификационной функций эсхатологического мифа. В то время как компенсаторная функция (восполнение экзистенциальных дефицитов через симулякры, эскапистские сценарии, готовые идентификационные шаблоны) сохраняет операциональность, доминирующей становится идентификационная функция как механизм конструирования операциональных схем самоопределения. Ключевое различие заключается в модусе смыслопорождения: компенсаторная функция предполагает потребление смыслов через содержание (что происходит с героем, какой исход реализуется), тогда как идентификационная функция обеспечивает продуцирование смыслов через форму (как герой принимает решение, какова структура его экзистенциального выбора). Реципиент интериоризирует не конкретное мифологическое содержание, а алгоритм субъектности – Путь как процессуальную матрицу самоопределения. Верификация сформулированных гипотез требует расширения эмпирической базы и применения разработанного методологического инструментария (операциональных индикаторов автономности/гетерономности, рефлексивности/автоматизма, аксиологической артикуляции/прагматической калькуляции) к репрезентативному корпусу аудиовизуальных текстов

Литература

1. Гранин Р.С. Аналитическая эсхатология: Монография / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. философии; гл. ред. Хлебников Г.В. – М., 2019. – 159 с. EDN: WIZROU.
2. Мартыанова Е. Г. «Эсхатологическое кино» как феномен массовой культуры современного российского общества // Вояджер: мир и человек. 2018. № 10. С. 194–200. EDN: ZXWGXK.
3. Мартыанова Е. Г., Чеснова Е.Н. Актуальные исследования веры и эсхатологии в условиях угрозы пандемии COVID-19 // Paradigmata Poznani. 2020. № 4. С. 16–18. EDN: VBRJUU.
4. Мелетинский Е.М. Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов / Е.М. Мелетинский // Бессознательное. Многообразие видения: сб. ст. – Новочеркасск, 1994. – Т. 1.
5. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Р. Отто; пер. с нем. А.М. Руткевич. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008. – 272 с.
6. Павлич Д.И. Переходное состояние культуры на примере эсхатологических сюжетов в кинематографе // Философия и культура. 2026. № 7. С. 51–68.
7. Прилутский А.М. Семиотическая специфика «новой эсхатологии» и техногенный эсхатологизм // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Т. 9. № 2А. С. 5–13. DOI: 10.34670/AR.2020.51.12.001 EDN: KQBKVL.
8. Федорова М.В. Хайп-эсхатология или «игра в COVID-19»: изменение религиозного сознания в эпоху глобального кризиса // Философская мысль. 2021. № 1. С. 40–55. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.1.34768 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34768
9. Фрай Н. Анатомия критики / Н. Фрай // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Тракаты, статьи, эссе. – М., 1987.
10. Чеснова Е.Н. Трансформация места и роли религии и религиозных феноменов в современной массовой культуре: (на примере жанра постапокалипсиса) // Paradigmata Poznani. 2021. № 4. С. 12–15. EDN: FDIQNN.
11. Элиаде М. Аспекты мифа / М. Элиаде. – М.: Академический проспект, 2000. – 256 с.
12. Юнг К.Г. О природе психического / К.Г. Юнг // Юнг К.Г. Структура и динамика психического. – М., 2008.
13. Юнг К.Г. Собрание сочинений. Ответ Иову / К.Г. Юнг. – М.: Канон, 1995. – 351 с.
14. Raglan F.R.S. The Hero: A Study in Tradition, Myth and Drama. Methuen, 1936, reprinted by Dover Publications, 2011. – 336 p.
15. Rustad G.C. The Joke That Wasn't Funny Anymore: Reflections on the Metamodern Sitcom / G.C. Rustad, K.H. Schwind [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.metamodernism.com/2011/02/10/the-joke-that-wasnt-funny-anymore/> (дата обращения: 13.05.2019). – Режим доступа: свободный.
16. Пожаров А.И. Неогностический миф в киберпространстве // Культура и искусство. 2024. № 3. С. 1–16. DOI: 10.7256/2454-0625.2024.3.70016 EDN: VZEHEF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70016

17. Пожаров А.И. Гностические образы в визуальной культуре современности // Культура и искусство. 2025. № 7. С. 64–88. DOI: 10.7256/2454-0625.2025.7.75333 EDN: CAOGR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75333

18. Сохацкая Д.Г. Городское пространство: архетипические модели, морфологические свойства, мифологические сюжеты. Методика комплексного изучения // Культура и искусство. 2024. № 1. С. 1–16. DOI: 10.7256/2454-0625.2024.1.69568 EDN: PSNGKN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69568

19. Габриелян А.О. Пользовательский интерфейс: трансформация субъектности в культурных практиках цифровой среды // Человек и культура. 2026. № 3. С. 1–17. DOI: 10.25136/2409-8744.2026.3.79543 EDN: FXEMMH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=79543

THE DECISION-MAKING MECHANISM AS LOCUS OF THE SACRED: THE IDENTIFICATIONAL FUNCTION OF CONTEMPORARY ESCHATOLOGICAL MYTH

Pavlich D.I.

Russian University of Biotechnology

The article examines the transformation of the sacred dimension of contemporary eschatological myth under conditions of crisis in traditional mechanisms of identification. The author substantiates the thesis of a shift in the locus of sacrality from the content level to the formal level: the sacred is no longer localized in transcendent objects or metaphysical entities, but manifests itself in the structure of the protagonist's decision-making – the processuality of existential choice. The theoretical framework of the study is constituted by the Jungian concept of the Self and Persona archetypes, operationalized for the analysis of identificational and compensatory functions of myth. The expression of the Self archetype (individuation, autonomy of choice, axiological reflexivity) marks the dominance of the identificational function – a mechanism for constructing operational schemes of self-determination through the interiorization not of content, but of the hero's mode of action. Conversely, the Persona archetype correlates with the compensatory function, oriented toward the consumption of ready-made identificational templates. The methodological novelty of the study lies in the development of an algorithm for structural analysis of audiovisual narratives with operational criteria for distinguishing archetypal patterns: autonomy/heteronomy of choice, reflexivity/automatism of action, axiological articulation/pragmatic calculation. The application of this toolkit to a corpus of contemporary eschatological texts (cinema, series, video games) allows for empirical verification of the hypothesis of functional inversion: the identificational function becomes dominant, which indicates the cultivation of a type of subjectivity oriented toward existential autonomy rather than conformist consumption.

Keywords: eschatological myth, processual sacrality, identificational function, compensatory function, Self archetype, Persona archetype, audiovisual narrative, mediation, collective identity

References

1. Granin R.S. Analytical Eschatology: Monograph / RAS. INION. Center for Humanitarian Scientific and Information Research. Dept. of Philosophy; Ed.-in-Chief Khlebnikov G.V. – M., 2019. – 159 p. EDN: WIZROU.
2. Martynova E.G. «Eschatological Cinema» as a Phenomenon of Mass Culture of Contemporary Russian Society // Voyager: World and Man. 2018. № 10. pp. 194–200. EDN: ZXWGXK.
3. Martynova E.G., Chesnova E.N. Current Research on Faith and Eschatology in the Context of the COVID-19 Pandemic Threat // Paradigmata Poznani. 2020. № 4. pp. 16–18. EDN: VBRJUU.
4. Meletinsky E.M. Analytical Psychology and the Problem of the Origin of Archetypal Plots / E.M. Meletinsky // The Unconscious. Diversity of Vision: Coll. Art. – Novocherkassk, 1994. – Vol. 1.
5. Otto R. The Sacred. On the Irrational in the Idea of the Divine and its Relationship with the Rational / R. Otto; Transl. from German by A.M. Rutkevich. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2008. – 272 p.
6. Pavlich D.I. The Transitional State of Culture on the Example of Eschatological Plots in Cinema // Philosophy and Culture. 2026. № 7. Pp. 51–68. 7. Prilutsky A.M. Semiotic Specificity of the «New Eschatology» and Technogenic Eschatologism // Context and Reflection: Philosophy about the World and Man. 2020. Vol. 9. № 2A. Pp. 5–13. DOI: 10.34670/AR.2020.51.12.001 EDN: KQBKVL.
8. Fedorova M.V. Hype Eschatology or the «COVID-19 Game»: Changing Religious Consciousness in the Era of Global Crisis // Philosophical Thought. 2021. № 1. Pp. 40–55. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.1.34768 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34768
9. Frye, N. Anatomy of Criticism. Foreign Aesthetics and Theory of Literature in the 19th–20th Centuries: Treatises, Articles, Essays. Moscow, 1987.
10. Chesnova, E.N. Transformation of the Place and Role of Religion and Religious Phenomena in Contemporary Mass Culture: (Based on the Post-Apocalypse Genre) Paradigmata Poznani. 2021, № 4, pp. 12–15. EDN: FDIQNN.
11. Eliade, M. Aspects of Myth. Moscow: Academicheskyy Prospekt, 2000, 256 p.
12. Jung K.G. On the Nature of the Psyche / K.G. Jung // Jung K.G. Structure and Dynamics of the Psyche. – Moscow, 2008.
13. Jung K.G. Collected Works. Answer to Job / K.G. Jung. – Moscow: Kanon, 1995. – 351 p.
14. Raglan F.R.S. The Hero: A Study in Tradition, Myth and Drama. Methuen, 1936, reprinted by Dover Publications, 2011. – 336 p.

15. Rustad G.C. The Joke That Wasn't Funny Anymore: Reflections on the Meta-modern Sitcom / G.C. Rustad, K.H. Schwind [Electronic resource]. – URL: <https://www.metamodernism.com/2011/02/10/the-joke-that-wasnt-funny-anymore/> (date accessed: 13.05.2019). – Access mode: free.

16. Pozharov A.I. Neo-Gnostic Myth in Cyberspace // Culture and Art. 2024. № 3. pp. 1–16. DOI: 10.7256/2454-0625.2024.3.70016 EDN: VZEHFE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70016

17. Pozharov A.I. Gnostic Images in the Visual Culture of Modernity // Culture and Art. 2025. № 7. pp. 64–88. DOI: 10.7256/2454-0625.2025.7.75333 EDN: CAO0GR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75333

18. Sokhatskaya D.G. Urban space: archetypal models, morphological properties, mythological plots. Methodology of complex study // Culture and Art. 2024. № 1. pp. 1–16. DOI: 10.7256/2454-0625.2024.1.69568 EDN: PSNGKN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69568

19. Gabrielyan A.O. User interface: transformation of subjectivity in cultural practices of the digital environment // Man and Culture. 2026. № 3. P. 1–17. DOI: 10.25136/2409-8744.2026.3.79543 EDN: FXEMMH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=79543

Полозова Ирина Владимировна,

доктор философских наук, профессор кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

В статье рассматриваются теории современной мысли, относящиеся к ряду «темных», в качестве философского обоснования которых выступает концепция спекулятивного реализма. Показывается, что возникновение данных теорий является следствием общего кризиса рационалистической позиции западной философской мысли и ее отказа от основополагающих принципов и ориентиров философии, понимаемой как стремления к совершенству и Абсолюту. Обозначен способ преодоления данных теорий, состоящий в возвращении философии к своему изначальному фундаменту.

Ключевые слова: современная философия, «темные теории», спекулятивный реализм, объектно-ориентированная онтология.

Современная философия, если иметь в виду оригинальные философские концепции, обязанные своим возникновением XXI веку, представляет собой тенденцию, связанную с появлением так называемых «темных теорий» [11, с. 27]. Идея, объединяющая данные теории, представляется в виде утверждения о конце человеческой исключительности и необходимости построения философии по ту сторону субъекта. Вместе с тем, как представляется при более внимательном знакомстве с данными теориями, речь идет уже не просто об отказе от особого, выделенного положения человека во Вселенной, характерного для предшествующей философской традиции, но о полной отмене человека, его упразднении, аннигиляции.

Современные «темные теории», философской основой и обоснованием которых является так называемый спекулятивный реализм, основанию которому было положено в 2007 году совместными усилиями четырех молодых европейских философов, в совокупности направлены на преодоление корреляционизма, то есть исходящей из философии Канта позиции, согласно которой рассмотрение объекта возможно только сквозь призму познания его субъектом [10, с. 62]. Общий посыл всех темных теорий состоит в восстановлении «прав» объекта, представляющего собой в разных случаях, как мир в целом, так и предметы различных уровней реальности. Вместе с тем, подобное усиление объекта происходит за счет умаления человеческого субъекта, оказывающегося в одном ряду с неодушевленными предметами, кристаллами, бактериями, плесенью и др.

В рамках данного проекта были представлены различные версии объектно-ориентированных онтологий, в которых человек видится несоизмеримым с миром объектов, превосходящим его по своему масштабу в пространстве и во времени, в силу чего его позиция не может рассматриваться как исключительная. Более того, привычная нам онтология классической философии, в которой человеческому бытию отводится, с точки зрения его значимости, по меньшей мере половина, видится современным авторам крайне несправедливой. Существование «доисторического», то есть миллиардов лет, протекших до возникновения человека, по мнению К. Мейясу [5, с. 19], или, напротив, отдаленная, но вполне реальная перспектива будущего времени, когда человечество на земле, согласно Р. Брассье, вследствие причин космического характера, с неизбежностью исчезнет [10, с. 137], позволяет современным теоретикам построить онтологию, исключающую человека или сводящую его присутствие к минимуму.

Особую роль в области «темных теорий» занимает техническая сфера, представленная технологиями, относящимися к усовершенствованию интеллектуальной человеческой деятельности. Если в свое время европейский рационализм строился на исключительности человека, мыслящегося по преимуществу в качестве познающего субъекта, и, как скоро стало ясно, что в результате развития технологий познавательная функция может быть отделена от человека, то был сделан вывод, что биологическая природа человеческого существа оказывается помехой на пути развития технического прогресса и подлежит последующему упразднению. Более того, с точки зрения современных авторов, человеческое сознание, перед лицом искусственного интеллекта является далеко не совершенным, но узким и ограниченным, и относится к процессу мышления так, как средневековая деревня к инженерному делу, [3, с. 34].

Человек в перспективе современных философских теорий, таким образом, представлен как со стороны природы, для которой его деятельность видится губительной и разрушительной, и для сохранения которой необходимо сокращение до минимума человеческой популяции, так и со стороны созданной им техники и искусственного интеллекта, в свою очередь, представляющих для него угрозу в их стремлении к независимому существованию.

В результате, мир, стремящийся обойтись без субъекта, оказывается не нейтральным, как могло бы оказаться в случае простого изменения доминирующей философской позиции, но враждебным человеку, ужасным и пугающим, в силу чего, современные теории в значительной части являются откровенно пессимистическими. Более того, этот мир сам по себе стремится к вытеснению субъекта, который оказывается для него ненужным и случайным. В данном отношении философию XXI века по своим интенциям можно назвать откровенно антигуманистической, не скрывающей своих намерений относительно упразднения человека.

Можно увидеть, что данная ситуация является далеко не случайной, но обусловленной ходом предшествующего развития западной философской мысли, начиная с эпохи Просвещения, результатом ее неумолимой логики. Отмена человека является неизбежным следствием прежнего отказа от идеи Бога, или его философского аналога в виде Абсолюта (Идеи Блага), являющейся основополагающей для всей западной философии, от начала ее возникновения в европейском Средневековье до представленной в трудах мыслителей XVII века, Декарта, Спинозы и Лейбница.

Казалось бы, современный спекулятивный реализм, по его собственным неоднократным заявлениям, пытается пробиться к реальности, то есть восстановить исходное положение вещей в философии, существующее до Канта, заменившего онтологию гносеологией. Вместе с тем, между современным течением и предшествующей философской традицией существует принципиальное различие, состоящее в том, что философия XVII века для обоснования существования реальности нуждалась в принципе достаточного основания, в качестве которого, например, у Декарта, в соответствии с существующим мировоззрением, выступала идея Бога.

Основоположник спекулятивного реализма, К. Мейясу, пытается обосновать невозможность возвращения к позиции Декарта, показывая, что аргументация последнего была в свое время преодолена Кантом [5, с. 41]. Декарт, исходящий из принципа *Cogito*, то есть идеи познающего субъекта, вместе с тем, в построении своей философии выходит за ее пределы, утверждая существование независимой от познания реальности. Гарантом подобного независимого существования, по мысли Декарта, может являться только Бог, который по определению, будучи абсолютно совершенным, лишен всякого обмана и не может вводить нас в заблуждение относительно реального содержания наших представлений о мире.

Преодоление позиции Декарта Кантом было основано на отказе последнего от онтологического доказательства бытия Бога, в свое время сформулированного еще Ансельмом, состоящего в выведении существования Бога из понятия о нем как об абсолютно совершенном существе. Вместе с тем, как известно, Кант, определив идею Бога в разряд антиномий, то есть идей, непостижимых для человеческого разума, вовсе не предполагал отказываться от нее, но, напротив, сделал ее основанием своей нравственной, практической философии.

Не следует также считать, что, несмотря на определяющее значение Канта, философия оставалась исключительно в рамках гносеологической установки, вплоть до проекта спекулятивного реализма XXI века. Попытки преодоления философии Канта стали осуществляться еще в рамках последующей немецкой философии. Идея восстановления объекта и создание развернутого натурфилософского проекта была предложена в «Философии природы» Шеллингом, который увидел в природе действие определенных принципов, предполагающих регулярность, развитие и даже целесообразность, таким образом, за природой и ее силами усматривается действие духа, что, в конечном счете, приводит мыслителя к утверждению о глубинном тождестве субъекта и объекта.

Представители спекулятивного реализма, в первую очередь И. Грант, проявляют определенный интерес к натурфилософии Шеллинга, но предлагают ее объективистскую и футуристическую интерпретацию. В работах Гранта природа представляется как многоуровневая основа, из которой производятся все явления реальности, в том числе и сознание. Опираясь на Платона, а также на более современного Ж. Делеза, И. Грант рассматривает природу как процесс бесконечного становления, как порождение ею индивидуальных объектов, непрерывное воплощение идей в бесчисленных земных вещах. Вместе с тем, в отличие от Шеллинга, И. Грант рассматривает также и «прогрессивную» виртуальную природу, включающую в себя фазовые пространства и аттракторы, развитие которой предполагает множество возможных путей [10, с. 236].

Другой современный последователь Шеллинга Б. Вудард в своей интерпретации природы как жизни, превышающей масштабы человека, пытается изобразить ее неприглядную сущность, отталкивающую и пугающую, изобразив ее в виде слизи, некоей субстанции, представляющей собой основу всего живого [2, с. 36]. По отношению к жизни, понимаемой субстанциально, одноклеточные организмы, в сравнении с человеком, обладают неоспоримым преимуществом, будучи в своей совокупности бессмертными. По мнению Вударда, преодоление дуализма мысли и реальности оказывается возможным, если попытаться обыкновенно вытесняемую в силу своей неприглядности биологическую основу мышления.

В трактовке Д. Хараузи развитие представлений современной науки, в особенности биологии, не оставляет никаких оснований придерживаться принципов прежней спекулятивной философии с ее иде-

ей человеческой исключительности и рассмотрением природы всего лишь как окружающей человека среды [8, с. 51]. Напротив, человек является укорененным в бесконечном многообразии жизни, являясь всего лишь одним из колоссального множества живых существ. Для Д. Хараузи, как и для многих других современных авторов Дарвин остается фигурой, значение теории которого неоспоримо превышает авторитет философских мыслителей прошлого.

Вместе с тем, принципиальное отличие современных философских теорий от классических состоит не столько в том, что современные теории пытаются представить философское осмысление реальности на основе достижений современной науки, рассматривающей масштабы и измерения, где привычные для человека опоры теряются, но что за теориями и рациональными доводами классической философии просматривается Абсолют (по другому, Идеал, Идея Блага), стремление к которому всегда отличало философию. Можно увидеть, что теории классической философии отличались именно волей к обретению надежной опоры для человеческой культуры, выбором в пользу космоса перед хаосом. Подобную волю обнаружил, например, Декарт, выбирая между склоняющим к обману демоном и не знающим обмана совершенным Богом.

Современная философия сознательно изменила свой вектор, избрав в качестве своего нового принципа абсолютизацию безразличного к человеку и чаще всего, враждебного ему объекта. В результате, новым абсолютom становится, в лучшем случае, фактичность, предполагающая абсолютную невозможность чего-либо необходимо существующего [5, с. 116]. Современная философия сознательно выбирает хаос, а не космос, и этот выбор далеко не случаен. В случае К. Мейясу, пунктом размежевания его с классической традицией становится отказ от принципа достаточного основания, который становится причиной отказа современной мысли от каких бы то ни было привычных для философии оснований, обозначенных его единомышленником Р. Брассье под видом псевдо-трансцендентальных сущностей [10, с. 100]. Данную тенденцию следует обозначить как *волю к хаосу*, то есть выбор в пользу хаоса, за которым стоит абсолютизация случайности. В результате, в философии Мейясу новым абсолютom становится Гиперхаос, в недрах которого в качестве единственной необходимости выступает случайность.

В более радикальных случаях выбор делается не в пользу образов, соотносящимися с научными теориями современности, но в пользу некоего темного начала, о котором, например, Ю. Такер открыто говорит в терминах мистицизма и демонологии, рассматривая темноту как первичную субстанцию Вселенной [7, с. 136]. Используя откровенно демоническую терминологию, автор апеллирует к ее активному использованию в современной массовой культуре, в частности, в субкультуре блэк-метал [6, с. 20].

Осмысление темных теорий, таким образом, должно исходить из различения их собственно философской составляющей и стоящей за ней ситуацией в науке и современной культуре. Следует отметить, что философский выбор как во многом определяется наличной ситуацией, так и в определенной степени предвосхищает ее. Особенно подчеркнем то обстоятельство, что выбор определенной философской позиции не происходит исключительно в силу логики развития философской мысли. В точке бифуркации решающее значение приобретает собственный выбор мыслителя, в значительной мере определяемый также современной ему культурой. За философской выучкой спекулятивных реалистов видна также их тенденциозность, ангажированность современностью. Философы темных теорий подчеркивают также обстоятельство, что особое вдохновение они обретают в ницшеанской идее «смерти Бога», называя ее шансом и возможностью [3, с. 136].

Следует отметить, что при всех притязаниях современной философии опираться преимущественно на данные науки, их несущие конструкции являются во многом объектом их личного выбора и веры. Так, в доктрине Д. Беннетта откровенно постулируется вера в материю, как основу всего существующего, причем автор сознательно копирует схему христианского Символа Веры [1, с. 156]. В качестве обозначений своей пессимистической и апофатической позиции Ю. Такер использует призывы к Ничто, именую их молитвами, обозначая таким образом пессимистическое равнодушие к человеку Вселенной [7, с. 69].

Современная философия, таким образом, означает построение образа реальности, полностью лишенной всяких человеческих смыслов. Как подчеркивает, например, Р. Брассье, человеческое существование абсолютно бессмысленно [10, с. 136]. В определенной степени, образ подобной реальности формируется на основе представлений о мире, созданных современной наукой. Вместе с тем, в качестве определяющей тенденции современной философии можно увидеть сознательную элиминацию связанных с человеческой культурой смыслов.

Идея «смерти человека», заявленная в свое время М. Фуко, является, на наш взгляд, закономерным результатом европейской культуры, провозгласившей в недавнем прошлом «смерть Бога», ведь идея человека в значительной мере являлась проекцией личностного совершенства, Абсолюта в плоскость земного бытия, когда человек рассматривался как творец, или во всяком случае, сотворец, истории, политики и культуры. Можно полагать, что именно утрата высшей перспективы привела со временем к лишению человека особой значимости, когда личность как перспектива рассмотрения человека утратила с точки зрения философского дискурса привилегированную ценность, и рассмотрение человека стало сводиться почти исключительно к представлению его в качестве субъекта познания.

Подобная редукция человека к его разуму сделала возможной ситуацию, которая становится общим местом современной философии, означающую неизбежность преодоления человека более совершенным техническим и искусственным интеллектом, что представляет собой восстание творения против своего творца, возникшее на новом этапе человеческой истории.

Если человек является исключительно познающим субъектом, то он с необходимостью должен быть превзойден. Вместе с тем, данная позиция, принадлежащая европейской философии Нового времени, является исторически и культурно ограниченной. Действительно, корни нынешней ситуации, связанной с проблемами экологии, с одной стороны и наступлением искусственного интеллекта, с другой, лежат в векторе, определенном философией Нового времени, рассматривающей разум как определяющее качество человека и его знание как установление власти над природой. Данная установка представляет собой идейный выбор Запада, так или иначе распространившийся на все человечество.

Против установки сводить сущность человека единственно к его рациональной способности выступали в свое время русские философы, среди которых следует назвать, в первую очередь, И.В. Киреевского и В.С. Соловьева. Наиболее радикальным, но с точки зрения современной ситуации вполне оправданным, представляется подход Л. Шестова, рассматривающего рациональную человеческую способность в качестве основного средства отпадения человека от Бога. В современной ситуации в некоторой степени сходное противопоставление западной мысли, исходя из цивилизационных различий можно увидеть у Ю. Хуэя, стремящегося показать, что китайская философия в своих основополагающих категориях не знала проблемы противопоставления субъекта и объекта, культуры и природы [12, с. 48].

Цивилизационное наполнение современной западной философии отчетливо прослеживается, вместе с тем, в содержании современных объектно-ориентированных онтологий, где усматриваются основоположения либеральной доктрины, представляющей собой требование уважения индивидуальных прав. В соответствии с ней, современная философия исходит из того, что равное внимание следует уделять всем объектам, человеческим, природным, культурным, реальным или вымышленным [9, с. 13].

Отказавшись от Абсолюта и от приоритетной идеи человека, современная философия, в ее стремлении к реализму и объективности, вместе с тем, не смогла остаться в рамках исключительно научных построений. Преодолевая корреляционизм, спекулятивный реализм вынужден выходить и за рамки рационализма как такового. Познание реальности, лежащей за пределами сознания, современными авторами предлагается осуществлять по преимуществу с помощью метафор, которые представляют собой способ установления связей между объектами [9, с. 88]. В качестве другого способа постижения реальности в современной философии выступает фантастика. Степень научности и фактичности данной философии поверяются, в определенной степени, ее фантастичностью [4, с. 23].

Приверженцы «темных теорий» современной философии представляют свой путь как движение от очеловеченного мира к реальности как таковой, которая выступает, на деле, также в виде искусственно сконструированного мира, являющегося сознательно расчеловеченным, в котором Абсолют заменяется Великим Внешним, откровенно враждебным человеку. И если в качестве схемы, представляющей место философских теорий в общем плане философской мысли, использовать путь движения Абсолюта у Платона, где представляющее

полноту бытия Единое низвергается в результате процесса эманации до хтонических глубин Ничто, то современная философия в данном отношении представляет собой низший регистр философского знания, положившего в качестве своего основания бездну.

Литература

1. Беннетт Д. Пульсирующая материя. – Пермь: Гиле Пресс, 2018. – 304 с.
2. Вудард Б. Темный витализм: Динамика слизи. – Пермь: Гиле Пресс, 2016. – 124 с.
3. Ланд Н. Киберготика. – Пермь: Гиле Пресс, 2018. – 208 с. //Ланд Н. Сочинения в 6-т. – Пермь: Гиле Пресс, 2018.
4. Мейясу К. Метафизика и вненаучная фантастика. – Пермь: Гиле Пресс, 2020. – 78 с.
5. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости. – Екатеринбург, М.: Кабинетный ученый. 2015. – 196 с.
6. Такер Ю. В пыли этой планеты. – Пермь: Гиле Пресс, 2017. – 184 с. // Такер Ю. Ужас философии в 3-т. – Пермь: Гиле Пресс, 2017.
7. Такер Ю. Звездно-спекулятивный труп. – Пермь: Гиле Пресс, 2018. – 198 с. // Такер Ю. Ужас философии в 3-т. – Пермь: Гиле Пресс, 2017.
8. Харауэй Д. Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в Хтулуне. – Пермь: Гиле Пресс, 2020. – 340 с.
9. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: Новая теория всего- М.: Ad Marginem. 2023. – 276 с.
10. Харман Г. Спекулятивный реализм: Введение. – М.: Риполклассик. 2019. – 496 с.
11. Хаустов Д. Темные теории. Философия после постмодерна. – М.: Издательство АСТ, 2026. – 416 с.
12. Хуэй Ю. Вопрос о технике в Китае. – М.: Ad Marginem. 2023. – 320 с.

«DARK THEORIES» OF CONTEMPORARY PHILOSOPHY AND THE FOUNDATIONS FOR OVERCOMING THEM

Polozova I.V.

Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V.J. Kikot

The article examines theories of contemporary thought classified as «dark» for which the concept of speculative realism serves as a philosophical foundation. It demonstrates that the emergence of these theories stems from the general crisis of the rationalist stance in Western philosophy and its abandonment of the fundamental principles and guiding ideals of philosophy – understood as a striving for perfection and the Absolute. A way to overcome these theories is outlined, consisting in the return of philosophy to its primordial foundation.

Keywords: contemporary philosophy, «dark theories», speculative realism, object-oriented ontology.

References

1. Bennett, D., Pulsating Matter. Perm: Gileh Press, 2018. 304 p.
2. Woodard, B., Dark Vitalism: The Dynamics of Slime. Perm: Gileh Press, 2016. 124 p.
3. Land, N., Cybergothic. Perm: Gileh Press, 2018. 208 p. //Land, N., Works in 6 Volumes. Perm: Gileh Press, 2018.
4. Meillassoux, K., Metaphysics and Extra-Science Fiction. Perm: Gileh Press, 2020. 78 p.
5. Meillassoux, K., After Finitude: An Essay on Necessity. Yekaterinburg, Moscow: Cabinet Scientist, 2015. 196 p.
6. Tucker, Y. In the Dust of This Planet. Perm: Gileh Press, 2017. 184 p. // Tucker, Y. The Horror of Philosophy in 3 volumes. Perm: Gileh Press, 2017.
7. Tucker, Y. The Stellar-Speculative Corpse. Perm: Gileh Press, 2018. 198 p. // Tucker, Y. The Horror of Philosophy in 3 volumes. Perm: Gileh Press, 2017.
8. Haraway, D. Staying with the Turmoil: Making Kindred in Chthulucene. Perm: Gileh Press, 2020. 340 p.
9. Harman, G. Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything. Moscow: Ad Marginem. 2023. 276 p.
10. Harman, G., Speculative Realism: An Introduction. Moscow: Ripolclassic, 2019. 496 p.
11. Khaustov, D., Dark Theories: Philosophy after Postmodernism. Moscow: AST Publishing House, 2026. 416 p.
12. Hui, Yu., The Question of Technology in China. Moscow: Ad Marginem, 2023. 320 p.

Хуссейн Карим Хоссам Абдельрауф,

аспирант, Томский государственный университет

E-mail: Karimrm291@gmail.com

Цель данного исследования заключается в теоретическом осмыслении природы сознания и определении его как идеального феномена в контексте диалектического материализма. Научная новизна работы состоит в анализе основных философских подходов к пониманию сознания, выявлении его онтологического статуса в рамках диалектико-материалистической традиции, а также в исследовании концепции отражения и соотношения биологического и социального в структуре сознания. Основное содержание статьи охватывает рассмотрение различных философских концепций сознания, таких как работы В.Ю. Кузнецова, Р. Харре, В.В. Васильева, Д.И. Дубровского, В.А. Лекторского, Д. Чалмерса, А. Сета, А. Дамасио, Ф. Варелы, Э. Томпсона, Э. Рош, А.В. Смирнова и К. Ясперса. В статье представлен анализ становления понятий сознания и его составляющих, сравниваются различные точки зрения на его природу, в частности, противопоставление идеалистических и материалистических подходов. В работе критически анализируются как классические, так и современные представления о сознании, включая концепцию «потока сознания» и его свойств: индивидуальности, непрерывности, неповторимости и избирательности. Особое внимание уделяется диалектико-материалистическому подходу, который рассматривает сознание как вторичное, производное от материи свойство, но при этом активно преобразующее действительность. Результаты исследования позволяют сделать вывод о многогранности и неисчерпаемости феномена сознания, а также подтверждают его статус как первичной научной проблемы, требующей дальнейшего междисциплинарного изучения. Полученные данные могут служить основой для дальнейших исследований в области философии сознания, когнитивистики и нейронаук. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов для углубленного анализа эволюции сознания и его роли в различных сферах человеческой деятельности.

Ключевые слова: сознание; поток сознания; интенциональность; селекция; внимание; субъективная реальность.

Введение

Актуальность исследования обусловлена нерешенностью фундаментальной проблемы природы сознания в современной науке. Сознание – это феномен, который не нарушает никаких законов физики, фундаментальных законов физики естественной природы. В нем нет ничего экзотического или эзотерического сосуществования. Сознание является продуктом биологической эволюции, усложняющихся стадий развития мира, материального мира. Проблема сознания – мультидисциплинарная, и она включает как философские, так и сугубо научные, естественнонаучные вопросы, которые интересовали нас больше всего в связи с исследованием мозга. В рамках этого цикла выступали специалисты в области клинической нейронауки, а также исследователи нарушений сознания у человека (признаки сознания, методы, разрабатываемые для изучения мозга человека в состоянии сознания); специалисты в области клеточной нейрофизиологии, изучающие клеточные основы этих процессов; исследователи поведения животных, занимающиеся поиском признаков сознания у других видов организмов; а также специалисты в области философии и взаимодействия человека и животных с окружающим миром через их нейрофизиологические механизмы, что позволяет понимать проблемы, связанные с волеполаганием и целенаправленным поведением, то есть сознательными действиями. Природа сознания это важнейшая научная проблема, нерешенная в современной науке. Несмотря на огромное количество исследований, посвященных вопросам сознания, и на фоне грандиозных достижений в других дисциплинах, эта область все еще остается не до конца изученной.

Актуальность исследования предопределила цель – теоретически осмыслить природу сознания, определить природу сознания как идеального феномена в контексте диалектического материализма.

Исходя из цели исследования, были выдвинуты следующие задачи:

1. рассмотреть основные философские подходы к пониманию природы сознания, выявить онтологический статус сознания в рамках диалектико-материалистической традиции;
2. проанализировать концепцию отражения как всеобщего свойства материи и его эволюцию;
3. рассмотреть соотношение биологического и социального в структуре сознания.

Методология исследования. В работе применяются сравнительно-исторический и ретроспективный методы исследования, что позволяет провести комплексный анализ проблемы.

Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных мыслителей. Вопросам изучения природы сознания в доктрине посвящено достаточно большое количество научных работ. Среди авторов, чьи работы заслуживают отдельного внимания, следует назвать В.Ю. Кузнецова (2023), Р. Харре (2007), В.В. Васильева (2009), Д.И. Дубровского (2009), В.А. Лекторского (2021), Д. Чалмерса (2013), А. Сета (2023), А. Дамасио (2018), Ф. Варелу, Э. Томпсона, Э. Рош (2023), А.В. Смирнова (2023), К. Ясперса (2012). Избранные труды, в рамках данного изыскания составили доктринальную основу исследования. Анализ существующих научных и философских концепций, представленных в работах упомянутых авторов, показал отсутствие единого, общепринятого определения сознания. Разнообразие подходов обусловлено сложностью самого феномена, который может обозначать как ментальные явления и субъективную реальность, так и интенциональность. Кузнецов определяет сознание как форму отражения объективной действительности, объединяющую психические процессы, участвующие в осмыслении мира и бытия.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов для анализа эволюции феномена сознания под влиянием совокупности факторов. Кроме того, полученные данные могут быть применены при создании учебных курсов по философии сознания, когнитивистике и истории науки.

Дальнейшее изучение данной проблематики требует углубленного анализа концепций, которые предлагают интегративные подходы, способные преодолеть дуализм между материальным и идеальным.

Обсуждение и результаты

Вопросы сознания, его дефиниции, природы и сущности всегда интересовали теоретиков, современных и отечественных философов. Прежде

чем перейти к исследованию вопроса природы, подходов и сущности сознания следует изучить, как оно трактуется в трудах отечественных и современных мыслителей.

Проанализировав научную, специальную и периодическую литературу, мы приходим к выводу о том, что в доктрине до сих пор нет единого мнения относительно рассматриваемого понятия. Это, по словам И.В. Черниковой, обусловлено тем, что понятием «сознание» обозначаются весьма разнородные феномены, объединённые разве что их «нефизическим» характером: ментальные (от лат. *mens* – ум, разум) явления, субъективная реальность, интенциональность (интенциональность от лат. *intentio* – «намерение») (Черникова, 2026). Ввиду данной многоаспектности, весьма интересно изучить подходы теоретиков.

В.Ю. Кузнецов полагал, что сознание есть форма отражения объективной действительности, представляющая собой единство психических процессов, активно участвующих в осмыслении человеком объективного мира и своего собственного бытия (Кузнецов, 2023). По словам Р. Харре сознание представляет собой фундаментальное свойство высокоорганизованной материи – головного мозга человека, заключающееся в способности к целенаправленному, обобщенному и оценочному отражению объективной реальности, а также к регуляции посредством этого отражения сложных форм поведения и деятельности (Харре, 2007). В трудах В.В. Васильева сознание предстает как форма рефлексивного самопознания и самосознания, обеспечивающая субъекту возможность выделять себя из окружающего мира, противопоставлять себя объективным условиям существования и оценивать собственные мысли и поступки (Васильев, 2009).

А.В. Смирнов характеризует сознание как «способность к связности» и производству смысла и подчеркивает, что это не алгоритмический процесс, а скорее герменевтический, в котором индивидуальное сознание всегда погружено в общественное, а общественное определяется как «бытие-в-мире», характеризующееся радикальной свободой и временностью. Сознание здесь не есть нечто, что человек имеет, а то, чем человек является в своем способе бытия (Дубровский, 2009). К. Ясперс трактует сознание как способность субъекта к интроспективному самопознанию, синтезу чувственного многообразия в единство апперцепции; он видел сущностное различие в способах бытия вещей и сознания в том, что «бытие вещей ничего о себе не знает; я мыслящий субъект знаю об этом бытии» (Ясперс, 2012). В.А. Лекторский, вводя понятие интенциональности как фундаментальной характеристики сознания, утверждал, что всякий акт сознания есть «сознание о чем-то», то есть он всегда направлен на предмет, который, однако, не существует независимо от акта, но полагается в нем (Лекторский, 2021).

В идеалистической традиции, восходящей к Платону и получившей наиболее полное выражение в философии Гегеля, сознание трактуется как первичная, субстанциальная реальность, а материя рассматривается лишь как инобытие духа. Диалектический материализм, основы которого заложены Марксом и Энгельсом и развиты в трудах Ленина («Материализм и эмпириокритицизм»), занимает принципиально иную позицию. Он признает материю первичной объективной реальностью, данной нам в ощущениях, а сознание – вторичным, производным от материи свойством. Как мы понимаем, сознание активно, оно способно не только отражать действительность, но и преобразовывать её посредством деятельности человека, то есть посредством продуктивной деятельности (действий). Таким образом, онтологический статус сознания в рамках этой теории определяется как свойство высокоорганизованной материи (человеческого мозга), заключающееся в способности создавать идеальные образы объективного мира, существующие в субъективной реальности индивида и объективируемые в языке и продуктах труда. Сознание не есть материя, но и не отделено от неё; оно есть особое состояние материи.

Как мы видим исходя из вышеприведенных определений, сознание многогранно, многоаспектно, оно не имеет материи, его нельзя ощутить, у него в целом нет свойств. На протяжении многих лет теоретики изучали природу данного явления, и именно явлением, его и называли. В доктрине сравнивают сознание с полем зрения, именно такой подход и укоренился в трудах философов. Когда мы смотрим, мы всегда фокусируем некую точку. В сознании также есть фокус, центр и периферия. Этого достаточно, чтобы задать исследовательский вопрос. Мы находимся где-то во второй трети XIX века вместе с В.Вундтом, который строит философию по образцу естественных наук. Естественные науки выделяют в своем предмете части и элементы, и у сознания, как известно, тоже есть элементы, т.е. объективные (ощущения, представления) и субъективные (чувства) (Чалмерс, 2013). Следовательно, мы можем спросить: сколько элементов включает эта структура, или, иначе, каков объем сознания. Объем сознания пред-

ставляет собой количество связанных между собой элементов (простых впечатлений, как иногда выражался Вундт), которое субъект воспринимает как единое целое. Отсюда мы понимаем, что сознание это и процесс.

Отсюда мы понимаем, что сознание это не только структура, но и процесс, отсюда вытекает понятие «поток сознания». Выделим его свойства, чтобы понять, что это представление принципиально отличается от моделей В. Вундта. О классических моделях можно сказать, что это сознание, которое требует усилий. В доктрине существует четыре свойства потока сознания.

К числу первых относится индивидуальность, то есть индивидуальный поток сознания индивида. Второе свойство – непрерывность. Казалось бы, непрерывность и есть процесс, но необходимо существенное уточнение: этот процесс не делится на части. Непрерывность означает, что каждое впечатление по сути не отделено от другого. Одно впечатление набегаёт на только что прошедшее. Можно сказать иначе: впечатления всегда даны в контексте, рядом с другими, и такие группы впечатлений невозможно разделить. Третье свойство, связанное со вторым: неповторимость впечатлений. Поясним, предположим, человек навязчиво вспоминает о чем-то важном, впечатление повторяется несколько раз подряд. Но суть в том, что каждый раз это впечатление помещается в новый контекст, воспринимается в нем. Каждый раз субъект открывает в данном впечатлении нечто новое. Четвертое свойство – избирательность потока сознания. Поток сознания не является хаотическим; он направляется интересами, эмоциями и целями субъекта, выделяя одни впечатления и игнорируя другие (Сет, 2023). Данное свойство подчеркивает продуктивную природу сознания, даже в его произвольных аспектах.

В потоке сознания всегда присутствует селективность, определяющая, какие впечатления становятся фокусом внимания. Впечатления в потоке сознания неравнозначны по своей значимости; иначе говоря, они обладают различной интенсивностью. В данном контексте это несущественно, однако, поскольку они неодинаковы, логично предположить, что наиболее сильные из них формируют направление потока. В целом, происходит избирательность впечатлений: доминируют те, что интенсивнее, и они задают направление. Примечательно то, что современный исследователь может задаться вопросом: не является ли избирательность тем же самым, что сегодня принято называть селекцией? Действительно, избирательность – это отбор, или селекция. Таким образом, отбор, или селекция, представляет собой одно из ключевых свойств внимания. Пункт внимания, будучи центральной областью в структуре сознания, отождествляется с самой избирательностью, или направленностью потока, то есть с селекцией впечатлений.

Сознание, рассматриваемое в феноменологической перспективе, предстает как самопорождающийся процесс. Индивидуальность потока сознания указывает на его принципиальную нередуцируемость: то есть каждый ментальный акт принадлежит исключительно данному субъекту и не может быть передан или эквивалентно воспроизведён в иной системе восприятия. Подобное свойство раскрывает онтологический статус сознания как первичной реальности, данной непосредственно лишь её носителю-субъекту. Непрерывность отрицает возможность дискретных, атомарных состояний сознания; то есть, всякая попытка выделить «чистое» впечатление вне временного контекста ведет к искусственному разделению живого единства переживания (Варела, 2023). Свойства индивидуальности, непрерывности, неповторимости и избирательности потока сознания, описанные выше, представляют собой фундаментальные онтологические характеристики феномена сознания как такового.

Ключевым для понимания генезиса сознания является ленинская теория отражения. Согласно этой теории, отражение является всеобщим свойством материи, присущим всем её уровням. Эволюция форм отражения проходит несколько стадий, каждая из которых соответствует усложнению организации материи. В неживой природе отражение носит пассивный, элементарный характер (физическое и химическое взаимодействие). С появлением жизни возникает раздражимость, то есть способность реагировать на внешние воздействия, имеющие биологическое значение. У растений и простейших это проявляется в тропизмах и таксисах. Далее, с развитием нервной системы у животных, возникает чувствительность (ощущение), то есть способность отражать отдельные свойства предметов (Бергсон, однако, спорил с этим, утверждая интуитивное схватывание целостности, но диалектический материализм настаивает на поэтапном восхождении). На высшем этапе эволюции животных формируется психика, включающая восприятие, память, элементарные формы мышления и эмоции. Психика животных, будучи биологической формой отражения, всё же отличается от человеческого сознания, ибо она не способна к мышлению, постановке целей. Переход от психики животных к сознанию

человека стал возможен благодаря труду и возникновению языка, что является принципиальным для марксистской философии.

Вопрос о соотношении биологического и социального в структуре сознания является одним из самых дискуссионных в современной философской антропологии. Дialeктико-материалистическая позиция отрицает как «биологизаторство» (социал-дарвинизм, фрейдизм в его вульгарной форме, сводящий всё к либидо), так и «социологизаторство» (примитивный «теория среды», отрицающий наследственные задатки). Согласно классическому марксизму, биологическая основа (генетически заложенные задатки, тип высшей нервной деятельности, анатомо-физиологические особенности) выступает лишь природной предпосылкой, материалом, который формируется под воздействием социума (Дамасио, 2018).

Природа сознания как идеального феномена раскрывается через его двойственную сущность. С одной стороны, оно является высшей формой отражения материи, с другой стороны, совместной формой трудовой деятельности. Идеальное, по мыслям теоретиков, есть не что иное, как «материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». В целом, диалектический материализм преодолевает как спиритуализм идеалистов, отрывающих дух от материи, так и эмпиризм вульгарных материалистов, отрицающих специфику идеального. Сознание – это свойство не любой, а лишь высшей формы материи, и его сущность нельзя понять вне анализа общественной жизни. Именно в практической деятельности – преобразовании природы и общества – сознание открывает свою истинность, выявляет свои возможности.

Заключение

Мы приходим к выводу о том, что сознание является продуктом общества и не может сформироваться вне социальной среды. Оно представляет собой смысловую активность и может быть охарактеризовано как смысл, активно соотносящийся сам с собой, что позволяет отличить его от простого самосознания, присущего лишь высокоразвитым существам.

Литература

1. Кузнецов В.Ю. Постнеклассическое единство мира: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2023. 286 с.
2. Черникова И.В. Современные стратегии концептуализации сознания // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2026. № 90. С. 42–54.
3. Харре Р. Философия сознания как проблема философии и науки // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. 14, № 4. С. 13–29.
4. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 271 с.
5. Дубровский Д.И. Проблема сознания: опыт обзора основных вопросов и теоретических трудностей // Проблема сознания в философии и науке. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2009. С. 5–53.
6. Лекторский В.А. Философия перед лицом когнитивных исследований // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 5–17.
7. Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 512 с.
8. Сет А. Быть собой: Новая теория сознания. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 429 с.
9. Дамасио А. Так начинается «я». Мозг и возникновение сознания. М.: Карьера Пресс, 2018. 384 с.
10. Варела Ф., Томпсон Э., Рош Э. Отелесненный ум. Когнитивная наука и человеческий опыт. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2023. 456 с.
11. Смирнов А.В. Смысл и вариативность разума // Осознать смысл, осмыслить сознание: разум и Другая рациональность. М.: ООО «Садра», 2023. С. 73–89.

12. Дубровский Д.И. Проблема сознания: опыт обзора основных вопросов и теоретических трудностей // Проблема сознания в философии и науке. М.: Канон+, 2009. С. 5–53.

13. Ясперс К. Философия. Книга первая: Философское ориентирование в мире. М.: Канон+, 2012. 384 с.

THEORETICAL APPROACHES TO UNDERSTANDING THE NATURE OF CONSCIOUSNESS

Karim Hossam Abdelraouf Hussein
Tomsk State University

The purpose of this research is to theoretically understand the nature of consciousness and define it as an ideal phenomenon in the context of dialectical materialism. The scientific novelty of the work consists in the analysis of the main philosophical approaches to understanding consciousness, revealing its ontological status within the framework of the dialectical-materialistic tradition, as well as in the study of the concept of reflection and correlation of biological and social in the structure of consciousness. The main content of the article covers the consideration of various philosophical concepts of consciousness, such as the works of V.Y. Kuznetsov, R. Harre, V.V. Vasiliev, D.I. Dubrovsky, V.A. Lektor-sky, D. Chalmers, A. Seth, A. Damasio, F. Varela, E. Thompson, E. Roche, A.V. Smirnov and K. Jaspers. The article presents an analysis of the formation of the concepts of consciousness and its components, compares different points of view on its nature, in particular, the opposition of idealistic and materialistic approaches. The work critically analyzes both classical and modern concepts of consciousness, including the concept of the “stream of consciousness” and its properties: individuality, continuity, uniqueness and selectivity. Special attention is paid to the dialectical-materialistic approach, which considers consciousness as a secondary property derived from matter, but at the same time actively transforming reality. The results of the study allow us to conclude that the phenomenon of consciousness is multifaceted and inexhaustible, and also confirm its status as a primary scientific problem requiring further interdisciplinary study. The data obtained can serve as a basis for further research in the fields of philosophy of consciousness, cognitive science, and neuroscience. The practical significance of the research is determined by the possibility of using its results for an in-depth analysis of the evolution of consciousness and its role in various spheres of human activity.

Keywords: consciousness; stream of consciousness; intentionality; selection; attention; subjective reality.

References

1. Kuznetsov V. Yu. Post-non-classical unity of the world: dis. ... Doctor of Philosophy. Moscow, 2023. 286 p.
2. Chernikova I.V. Modern strategies of conceptualization of consciousness // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2026. No. 90. pp. 42–54.
3. Harre R. Philosophy of consciousness as a problem of philosophy and science // Epistemology and philosophy of science. 2007. Vol. 14, No. 4. pp. 13–29.
4. Vasiliev V.V. The difficult problem of consciousness. Moscow: Progress-Tradition, 2009. 271 p.
5. Dubrovsky D.I. The problem of consciousness: an attempt to review the main issues and theoretical difficulties // The problem of consciousness in philosophy and science. Moscow: Kanon + ROOI “Rehabilitation”, 2009. Pp. 5–53.
6. Lektorsky V.A. Philosophy in the Face of Cognitive Research // Voprosy Filosofii. 2021. No. 10. Pp. 5–17.
7. Chalmers D. The Conscious Mind. In Search of a Fundamental Theory. Moscow: URSS: Knizhny Dom “LIBROKOM”, 2013. 512 p.
8. Seth A. Being Yourself: A New Theory of Consciousness. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2023. 429 p.
9. Damasio A. Thus Begins the Self. The Brain and the Emergence of Consciousness. Moscow: Karera Press, 2018. 384 p.
10. Varela F., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience. Moscow: Save Tibet Foundation, 2023. 456 p.
11. Smirnov, A.V. The Meaning and Variability of Reason // To Recognize Meaning, to Comprehend Consciousness: Reason and Other Rationality. Moscow: OOO Sadra, 2023. pp. 73–89.
12. Dubrovsky, D.I. The Problem of Consciousness: An Essay on the Main Issues and Theoretical Difficulties // The Problem of Consciousness in Philosophy and Science. Moscow: Canon+, 2009. pp. 5–53.
13. Jaspers, K. Philosophy. Book One: Philosophical Orientation in the World. Moscow: Canon+, 2012. 384 p.

От «Мифологий» к «алгоритмическому мифу»: микрополитическая логика цифрового знакового капитала и пути сопротивления

Чжан Хэн,

докторант философии Института философии
Хэйлунцзянского университета; старший преподаватель
Цзямусского института Хэйлунцзянского университета
китайской медицины
E-mail: 278899604@qq.com

С позиции критической семиотики политики Ролана Барта в статье исследуются процессы наследования и отчуждения означивающих механизмов «мифологии» техническими алгоритмами в эпоху трансформации цифрового капитализма. Традиционная линейная критика масс-медиа не позволяет в полной мере эксплицировать современную систему интеллектуальной дисциплинизации, что актуализирует необходимость построения многомерной оптики критического анализа алгоритмических знаков. Раскрывая внутренние механизмы функционирования, авторы показывают, как алгоритмические рекомендации, выступая в качестве новой «мифологической машины» эпохи цифрового капитализма, посредством кодирования и абстрактного репрезентирования поведенческих данных натурализуют коммерческую логику конкретного класса, выдавая ее за технический нейтралитет, и тем самым осуществляют автоматизированную генерацию означивающего механизма второго порядка. В дисциплинарном измерении происходит вторичный разрыв между означивающим и означаемым, ведущий к реструктуризации и ограничению субъектного поведения внутри алгоритмической системы. В результате субъектность индивида подвергается латентной дисциплинизации в цикле циркуляции знакового капитала «труда внимания». Рассматривая траектории сопротивления, авторы обращаются к поздней теоретической эволюции Барта – от структурализма к деконструкции. Демонстрируется, как шумовые помехи «писаного текста» (texte scriptible) и оборонительная позиция «нулевой степени означивания» способны предложить эвристические поведенческие стратегии для подрыва структурного произвола алгоритмов. Резюмируется, что семиотическая девиация субъекта на микроуровне должна быть сопряжена с макроэкономическими институциональными преобразованиями: законодательным закреплением инклюзивного управления и обобществлением (публикацией) вычислительных мощностей, что позволит реконструировать знаковую демократию в цифровом пространстве при условии выполнения обязанностей цифрового гражданства.

Ключевые слова: цифровая эпоха; Ролан Барт; мифология; алгоритмические рекомендации; знаковая демократия.

Введение

В своих ранних работах Ролан Барт (Roland Barthes), анализируя знаки массовой культуры, отмечал, что буржуазия использует знаковые системы для упаковки собственных классовых ценностей, представляя классовые предрассудки в качестве объективного здравого смысла [1]. В эпоху традиционной индустриальной экономики производство и циркуляция подобных «мифов» опирались преимущественно на средства массовой коммуникации – газеты, журналы, радио и телевидение. Натурализация доминирующей идеологии в повседневной жизни осуществлялась через централизованное внедрение аудиовизуальных текстов.

С наступлением цифровой эпохи капитал сместил фокус с извлечения прибыли за счет офлайн-товаров и традиционных медиа на агрегацию внимания интернет-пользователей и точечный контроль над ними. Механизмы алгоритмических рекомендаций, основанные на анализе больших данных и коллаборативной фильтрации, превратились в «новые мифологические машины», конструирующие современный повседневный опыт. Контент, предлагаемый платформами, – это не просто информация, а инструмент контроля, непрерывно собирающий, вычисляющий и классифицирующий пользователей. Сегодня вопрос о том, как деконструировать знаковый контроль, лежащий в основе алгоритмов, и обнаружить зазоры для субъектного сопротивления, стал одним из наиболее актуальных вызовов для критической теории.

Существующие теории способны объяснить симптоматику алгоритмизации, однако большинство из них ограничивается дискуссиями о приватности и «информационных пузырях», редко прибегая к бартовской семиотике для анализа того, как алгоритм маскирует потребности капитала под объективную технологию. Отсутствие подобной критики затрудняет понимание интеллектуальных дисциплинарных систем на глубинном уровне знаковой репрезентации. В сравнении с этим «линия Барта» обнаруживает уникальную академическую продуктивность и аналитическую пронизательность. Ранняя теория Барта позволяет вскрыть иллюзию «объективного нейтралитета», создаваемую алгоритмами, а его поздняя концепция деконструкции, не отрицающая субъективную агентность человека, дает теоретическое обоснование для сопротивления рядовых пользователей алгоритмическому диктату.

Принимая во внимание имеющийся корпус исследований, настоящая статья призвана восполнить пробел в семиотическом анализе алгоритмических систем. Ключевая новизна работы заключается в определении алгоритмических рекомендаций как инструментов знакового контроля цифровой эпохи и анализе того, как они упаковывают логику капиталистической наживы. Цель исследования – вернувшись в аналитическое поле микрополитической критики Барта, выстроить объяснительную парадигму «алгоритмического мифа» и на основе вскрытия логики микродисциплинизации наметить траекторию трехмерной реконструкции знаковой демократии через диалектическое сопряжение микросопротивления и макроинституционального проектирования.

Кодирующие механизмы алгоритмического мифа

В «Мифологиях» Барт указывал: «Миф – это слово... он представляет собой вторичную семиологическую систему» [1]. В эпоху цифрового капитализма данный механизм означивания за счет высокоуровневого кодирования приобрел еще более плоскую, латентную и эффективную технологическую форму.

Медиа-топологическая эволюция знаковых систем: платформенная рента и цифровое огораживание

В традиционном медиаконтексте конструирование мифа опиралось на статичный, однонаправленный «массмедийный текст», топологическая структура распространения которого была централизованной и вещательной. Однако, как отмечает Цзиньци Янь (Jinqi Yan, 2024), в контексте платформенного капитализма цифровые платформы монополизуют инфраструктуру цифрового пространства посредством «цифрового огораживания» [18]. В этих условиях данные начинают рассматриваться как «сырье», эквивалентное базовым ресурсам индустриального общества.

После монополизации данных платформами идеология перестает быть результатом линейной пропаганды; она непрерывно генерируется в процессе интерактивного взаимодействия с алгоритмом в реальном времени. Алгоритм более не является пассивным инструментом поиска информации – он превращается в устройство обратной связи, использующее монопольные привилегии платформы для высокочастотного захвата и мгновенного расчета цифровых следов пользователя, осуществляя бесшовное топологическое слияние технического кода и повседневной жизни.

Кодирование, абстрагирование и знаковое репрезентирование поведенческих данных

Для глубокого понимания механизмов генерации алгоритмического мифа необходимо соотнести его с семиотическими механизмами репрезентации, лежащими в основе современных компьютерных систем.

На технологическом уровне этот процесс семиотической трансформации манифестирует себя как «абстрактная репрезентация поведенческих данных в виде платформенных тегов (тегов разметки)». Когда пользователь совершает первичные действия в цифровом интерфейсе (просмотр, задержка внимания, лайк), богатое, гетерогенное первичное человеческое переживание и эмоциональное означаемое, изначально содержащиеся в системе первого порядка, отчуждаются техническими средствами платформы.

Посредством очистки данных и классификации признаков алгоритм реконструирует дискретное поведение пользователя в стандартизированные, деконтекстуализированные цифровые маркеры (такие как теги интересов, метрики удержания внимания и т.д.) [8]. В такой структуре алгоритмической репрезентации связь между знаками определяется уже не конкретной логикой жизненного опыта субъекта, а заложенной платформой корреляционной релевантностью. Алгоритм выхолащивает исходный смысл поведения, оставляя лишь дата-теги, а затем осуществляет дистрибуцию контента в соответствии с правилами монетизации платформы, латентно внедряя коммерческие целеустановки [1].

«Латентное встраивание» идеологии

Ядро бартнианской критики мифа заключается в разоблачении того, как идеология «натурализуется» (Naturalization) и «деполитизируется» (Depoliticization) [1]. Современные механизмы алгоритмических рекомендаций наследуют и усиливают эту функцию.

Во-первых, алгоритм реализует глубинную стратегию «деполитизации». Как показывает Оу Тинъюй (2024), доминирующая идеология и коммерческая логика платформ подвергаются прецизионному «алгоритмическому встраиванию» через интеллектуальные каналы коммуникации [15]. В ходе этого процесса сложные социальные различия и конкретные исторические контексты полностью редуцируются архитектурой алгоритма к чистым точкам данных и «тегам профиля пользователя». Исторические социальные противоречия окончательно выхолащиваются в процессе очистки данных и трансформации тегов.

Во-вторых, алгоритм замыкает контур «натурализации» с помощью риторики технологического нейтралитета, выраженной в концепциях «тысяча людей – тысяча лиц» (индивидуальный подход) и «персонализированные рекомендации». Как обнаруживает в своем исследовании Ван Си (2024), такие технологические зрелища, как «горячие тренды» (热搜) платформ, транслируют внешнюю видимость объективного «общественного мнения» или спонтанного интереса пользователей, однако в своей сущности они являются результатом манипуляций, продиктованных конкретной логикой капитала и стратегиями распределения информации [14]. Алгоритм упаковывает коммерческое продвижение в форму персонализированных рекомендаций, создавая у пользователя иллюзию того, что предлагаемый контент отвечает его собственным потребностям, тем самым осуществляя скрытый знаковый контроль.

Латентная дисциплинизация субъектности со стороны цифрового знакового капитала

В структуралистской семиотике Барта напряжение между означающим и означаемым формирует свободное пространство для генерации смыслов. Однако в системе цифрового капитализма эта связь насильственно разрывается вычислительными мощностями алгоритма, что приводит к беспрецедентному знаковому отчуждению субъектности.

«Цифровой профиль» и вторичный разрыв между означающим и означаемым

Платформа осуществляет тотальный мониторинг пользователя, редуцируя человека к данным; колонизация данных при помощи сетевого подключения превращает человеческую жизнь в ресурс для добычи, разрывая имманентный смысл самого поведения [21]. В данном контексте происходит:

Абстрагирование «цифрового означающего»: телесное существование субъекта, его уникальные эмоциональные нюансы и конкретная жизненная история отсекаются, оставляя лишь следы поведенческих данных на социальных платформах или потребительских терминалах. Они становятся «цифровыми означающими», оторванными от нативного субъекта.

Коллажирование и системное ограничение «цифрового означающего»: система, опираясь на предустановленные модели классификации потребления и монетизации трафика, насильственно монтирует эти абстрактные означающие в «профиль пользователя», который начинает функционировать как означаемое данных знаков.

Цифровой профиль упрощает целостного человека; алгоритм ограничивает репрезентацию пользователя, принуждая индивидов производить контент исключительно в рамках пресструктурированных платформой матриц.

Труд внимания и извлечение знаковой прибавочной стоимости

В этих ограничительных рамках субъект превращается в неоплачиваемого рабочего, обеспечивающего цикл расширенного воспроизводства цифрового знакового капитала. Ш. Зубофф (Zuboff, 2019) прямо указывает, что фронтير капитализма продвинулся внутрь человеческого «поведенческого избытка» [20]. Каждый акт знакового потребления (просмотр, лайк, репост), совершаемый пользователем в погоне за мгновенным удовольствием, по сути представляет собой скрытый знаковый производительный труд (т.е. труд внимания) [9].

Поведение пользователей непрерывно поставляет материал для алгоритма, позволяя платформе зарабатывать на таргетированной рекламе и повышать капитализацию компании. В то же время, как подчеркивает Сафия Умоджа Ноубл (Safiya Umoja Noble, 2018) в работе «Алгоритмы угнетения», подобный алгоритмический контроль зачатую имплицитно содержит в себе системные предрассудки и механизмы угнетения, дополнительно маргинализируя и делая невидимым цифровой труд уязвимых групп [23]. Платформа за счет информационного контроля осуществляет прецизионную эксплуатацию знаковой прибавочной стоимости интернет-пользователей, формируя цикл накопления цифрового капитала: «захват данных – знаковое кодирование – извлечение стоимости – модернизация вычислительных мощностей – усиление захвата».

Знаковое пленение желания: латентное конструирование общества контроля и паттернов внимания

Алгоритм проактивно производит желания пользователя, что укладывается в делёзовскую концепцию флюидных форм социального контроля; подчинение индивида достигается не через офлайн-принуждение, а через мягкое онлайн-руководство [12]. Как отмечает Цзян Инхуа (2024), в эпоху цифрового капитализма тесный альянс технологий и капитала приводит к глубокому отчуждению субъекта [16]. Алгоритм отказывается от насильственных методов в пользу потакания склонностям человека, непрерывно поставляя ему кратковременные удовольствия и тем самым подрывая способность к независимому критическому мышлению.

Реализация алгоритмического мифа на практике

Дабы избежать превращения критической теории в абстрактные дискурсивные спекуляции, в данной главе на примере социальной платформы Xiaohongshu, характеризующейся высокой степенью интерактивности и вовлеченности пользователей, на основе эмпирических данных и вторичного анализа иллюстрируется замкнутый цикл функционирования алгоритмического мифа в процессах повседневного производства желаний и телесной дисциплинизации.

Анализ логики рекомендаций контента на платформе: абстрагирование данных и эстетическое тегирование

Поиск пользователем контента, связанного с потерей веса, относится к категории первичных поведенческих знаков. Однако алгоритм упрощает реальное физическое состояние пользователя, маркируя его унифицированными тегами. Индустриальные данные показывают, что Xiaohongshu с высокой точностью сопоставляет профили пользователей с тегами здоровья, оперативно превращая индивидуальные телесные характеристики в стандартизированные дата-активы. Прецизионный тег не репрезентирует реальное «Я», а служит инструментом упрощения жизненного опыта для удобства вычислений.

Алгоритмическое масштабирование телесной тревоги: идеологическое конструирование вторичного означивания

После генерации пользовательских тегов алгоритм фильтрует и рекомбинирует посты («заметки»), продвигая лишь тот контент, который максимизирует трафик и соответствует коммерческой эстети-

ке платформы. Статистика свидетельствует: контент, индуцирующий телесную тревогу, после клика вызывает лавинообразный рост рекомендаций аналогичных материалов в краткосрочном периоде. Это приводит к тому, что поляризованный контент, транслирующий экстремальные стандарты тела, захватывает более 75% трафика в секции «Здоровье», в то время как репрезентация репрезентативного разнообразия здоровых типов телосложения глубоко маргинализируется в алгоритмическом стриме.

Заметки о похудении перестают быть чистым обменом опытом, превращаясь в знаки, обслуживающие продажу товаров; алгоритм перераспределяет трафик в пользу унифицированной эстетики, обостряя телесную тревогу и завершая цикл знакового контроля [13].

Потребительская конверсия и циркуляция знакового капитала: натурализованный контур пленения желания

Алгоритм упаковывает искусственно сконструированную телесную тревогу в форму личной потребности пользователя в здоровье, попутно предлагая товары и курсы для снижения веса [11]. Атмосфера тревоги повышает кликабельность коммерческих позиций; данные о потреблении и интерактиве пользователя, в свою очередь, оптимизируют логику последующих рекомендаций. Таким образом, логика капитала облачается в технологически нейтральные одежды «осознанного и изящного образа жизни», завершая замкнутый цикл.

Многомерные стратегии цифрового семиотического сопротивления

Поскольку вычислительные мощности усугубляют отчуждение человека, мы можем обратиться к деконструктивистской теории позднего Барта (представленной работами «S/Z» (1970) и «Империя знаков») [2][3]. Сущность работы алгоритмических рекомендаций на нижних уровнях технологии как раз заключается в бесшовном записании жизненного опыта субъекта в детерминированную матрицу классификаций. Чтобы разбить эту фиксированную знаковую рамку, нельзя следовать правилам платформы – необходимо проактивно деконструировать монолитные дефиниции контента.

Теоретические импликации и акциональные практики перехода от «читаемых данных» к «писаному тексту»

В своей классической работе «S/Z» Барт выдвинул дихотомию «читаемого текста» (texte lisible) и «писаного текста» (texte scriptible) [2]. В читаемом тексте смысл фиксирован, читатель выступает пассивным потребителем; в писаном тексте смысл множественен, читатель активно конструирует его.

Персонализированные алгоритмические подборки редуцируют жизнь человека к фиксированным данным, ограничивая множественность оптик восприятия реальности. В противовес этой цифровой замкнутости микрополитическая практика индивида должна быть направлена на трансформацию «читаемых данных» в «писанный текст». Пользователь может намеренно просматривать контент из полярных, не связанных между собой областей, генерируя «шумовые» данные, сбивая с толку теги разметки алгоритма и ускользая от жестких определений профилирования [2]. Подобное сопротивление не требует разрушения алгоритма как такового; его ядро – в демистификации иллюзии «объективного нейтралитета», создаваемой системой.

Деконструкция определенности алгоритмических рекомендаций через оборонительную позицию

Помимо зашумления означающих, кросс-культурная семиотика Барта в «Империи знаков» предлагает важные инсайты для текущей эпохи [3]. Теоретическая экспликация: нулевая степень означивания – это предложенный Бартом способ выражения, свободный от предустановленных ценностных суждений, не предлагающий фиксированного единого смысла и аннулирующий абсолютизированные дефиниции [6]. Алгоритм всегда стремится предвосхитить предпочтения пользователя, насильственно направляя любое действие в русло потребления.

Противостояние этому цифровому детерминизму требует укоренения в повседневной жизни индивида оборонительной позиции «нулевой степени означивания». Проявлениями этой борьбы посредством «пустоты» против «насыщенного кодирования» [6] выступают практики проактивного цифрового минимализма, «обнуление» профилей, использование деконструированных символов онлайн-коммуникации (например, случайных мемов, лишенных семантической связи) и отказ от принятия любых персонализированных тегов. Такая позиция отвоевывает для субъекта пространство автономии и рефлексии в мире кода, лишая алгоритмическую систему возможности использовать жесткие причинно-следственные связи для прогнозирования траектории поведения.

Реконструкция знаковой демократии в контексте выполнения гражданских обязанностей

Общая многомерная стратегия управления, соединяющая микросопротивление и макрорегулирование, разворачивается в рамках следующих трех академических векторов:

Спецификация прав на данные и конструирование алгоритмической прозрачности. Необходима законодательная регламентация, раскрывающая «черные ящики» алгоритмов и гарантирующая право пользователей на информацию. Платформы обязаны раскрывать правила дистрибуции контента и предоставлять пользователям реальную возможность отключать персонализацию [19]. На законодательном уровне необходимо закрепить статус неотъемлемого права пользователя на «отключение рекомендаций в один клик» и «мгновенное удаление профильных тегов», разрушая монопольный контур знаковой матрицы. Как указывал Тарлтон Гиллеспи (Tarleton Gillespie, 2018), общественный надзор за алгоритмической властью распределения информации является ключевым условием обеспечения плюрализма платформ [22].

Ориентация вычислительной инфраструктуры на общественные нужды. Следует преодолеть частнособственнический раскол вычислительных мощностей, превратив рекомендательные алгоритмы из инструментов приращения капитала в цифровые основания общественного блага. Опираясь на концепции «публичной экосистемы данных» (Brett Aho, 2024) [17], необходимо создавать открытые и прозрачные общественные платформы данных, используемые для популяризации науки и социального обеспечения, возвращая технологии ее публичную природу.

Рациональное возвращение к знаковой автономии цифрового гражданства. Интернет-пользователи не должны превращаться в сырье для дата-майнинга. Им надлежит выступать в качестве рациональных цифровых граждан, совместно поддерживающих здоровую среду сетевых дискуссий. Через сопряжение микрорефлексии и макромеханизмов будет достигнуто поступательное утверждение знаковой демократии в киберпространстве.

Заключение

Бартнианская критика «мифологий» предлагает мощный концептуальный инструментарий для диагностики знакового отчуждения в алгоритмическую эпоху [1]. Выступая в качестве новой мифологической машины современного «общества контроля», алгоритмические рекомендации через вторичную рекомбинацию поведенческих данных осуществляют идеологическое пленение, выдавая логику платформенного капитала за объективный «естественный» здравый смысл. Разрушение этой кодовой тюрьмы требует не только проявления деконструктивистской мудрости «писаного текста» и «нулевой степени означивания» на уровне микроповедения индивида [2][6], но и радикальной макроструктурной перестройки правового регулирования данных и публичного статуса вычислительных мощностей.

Взгляд в будущее обнаруживает, что по мере перехода от генеративного искусственного интеллекта (GAI) к общему искусственному интеллекту (AGI) алгоритмический миф претерпевает исторический сдвиг: от «пассивной фильтрации пользовательского поведения» к «проактивному генерированию цифровой семантики» (У Гуаньцзюнь, 2024) [10]. Последние исследования подтверждают, что вероятностное соответствие больших языковых моделей начинает монополизировать сами истоки производства человеческих смыслов [26][27]. Защита субъектности в условиях этого нового вызова тотальной семантической монополии станет фундаментальной научной и практической задачей для критической теории и цифрового управления будущего.

Литература

1. Барт Р. Мифологии / Пер. с фр. С. Зенкина. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. (Roland Barthes. Mythologies).
2. Барт Р. S/Z / Пер. с фр. Г. Косикова. – М.: Ad Marginem, 1994. (Roland Barthes. S/Z).
3. Барт Р. Империя знаков / Пер. с фр. Я. Бражникова. – М.: Практик, 2004. (Roland Barthes. L'Empire des signes).
4. Li Yilan. The Myth of Data: A Semiotic Analysis of Algorithms. Modern Communication (Journal of Communication University of China), 2024, 46(12): 47–54.
5. Feng Shounong. Roland Barthes: From Structuralism to Anti-Structuralism. Literary Debates, 1991, (02): 67–71+62.
6. Xie Chuanbo. The Meaning of «Emptiness»: Roland Barthes' Semiotic Thought. Journal of Guangzhou University (Social Science Edition), 2023, 22(01): 56–64.

7. Long Jiajie, Chen Lei. On Roland Barthes' Critique of Culture and Ideology: The Transition from «Mythology» to Semiotics. *Journal of Southwest Minzu University (Humanities and Social Sciences)*, 2017, 38(10): 166–172.
8. Lan Jiang. Towards Dataism: Algorithmic Governance and General Data. *Academic Monthly*, 2021, 53(08): 15–26.
9. Xiao Wei, Li Shun. The Essence of Digital Labor in the Age of Intelligent Algorithms and Its Critique of Alienation. *Teaching and Research*, 2023, (05): 74–83.
10. Wu Guanjun. From «Algorithmic Empire» to «Artificial General Intelligence»: Rethinking the «Question Concerning Technology». *Exploration and Free Views*, 2024, (01): 12–25.
11. Zeng Yiguo, Wang Ji. Algorithmic Distribution and Youth Subculture's «Symbolic Resistance» and «Spectacle Recuperation». *China Youth Study*, 2022, (04): 80–87.
12. Hu Yong, Fan Silu. The Power of Algorithms: Ideology, Everyday Discipline, and Control in Automated Decision-Making. *Modern Communication (Journal of Communication University of China)*, 2023, 45(09): 22–31.
13. Yuan Wenzhuo. Roland Barthes' View of Literary Criticism History and Its Enlightening Significance. *Literary Review*, 2021, (04): 4–12.
14. Wang Xi. Do Hot Searches Represent Public Opinion? A Study on the Naturalization and Denaturalization Mechanisms of «Mediatized Public Opinion» in the Digital Age. *Chinese Journal of International Journalism*, 2024, 46(03): 33–51.
15. Ou Tingyu. Embedding and Governance: An Algorithmic Serutiny of the Intelligent Communication of Mainstream Ideological Discourse. *Modern Communication (Journal of Communication University of China)*, 2024, 46(02): 11–19.
16. Jiang Yinghua. On Technological Alienation and Its Subjective Redemption in the Era of Digital Capitalism. *Journal of Beijing Institute of Technology (Social Sciences Edition)*, 2024, 26(04): 112–121.
17. Aho B. Data Communism: Constructing a National Data Ecosystem. *Big Data & Society*, 2024, 11(1): 1–14.
18. Yan J. Techno-Feudalism as Primitive Accumulation. *Critical Sociology*, 2024, 50(2): 215–231.
19. Algorithm Transparency Group. The Transfer of Users' Right to Know in the Algorithm Society. *New Media & Society*, 2024, 26(4): 554–572.
20. Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York: PublicAffairs, 2019. (Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022).
21. Couldry N., Mejiias U.A. *The Costs of Connection: How Data Is Colonizing Human Life and Appropriating It for Capitalism*. Stanford: Stanford University Press, 2019.
22. Gillespie T. *Custodians of the Internet: Platforms, Content Moderation, and the Hidden Decisions That Shape Social Media*. New Haven: Yale University Press, 2018.
23. Noble S.U. *Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism*. New York: New York University Press, 2018.
24. Srnicek N. *Platform Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2017. (Срничек Н. Платформенный капитализм. М.: ВШЭ, 2019).
25. Deleuze G. *Postscript on the Societies of Control*. October, 1992, 59: 3–7. (Делёз Ж. Переговоры. СПб.: Наука, 2004).
26. Marcus G., Davis E. *Generative AI and the Monopoly of Meaning: Algorithmic Epistemology in the AGI Era*. *Artificial Intelligence & Society*, 2025, 40(1): 45–62.
27. Floridi L. *Semantics of Information and Algorithmic Agency*. *Philosophy & Technology*, 2026, 39(2): 112–135.

FROM «MYTHOLOGIES» TO THE «ALGORITHMIC MYTH»: THE MICROPOLITICAL LOGIC OF DIGITAL SYMBOLIC CAPITAL AND PATHS OF RESISTANCE

Zhang Heng

Heilongjiang University, Jiamusi College of Heilongjiang University of Chinese Medicine

Drawing on Barthes' critique of symbolic politics, this article examines how technical algorithms inherit and transform the «mythological» signifying mechanism in digital capitalism.

Traditional media critiques cannot fully explain the current intelligent disciplinary system, thus calling for a multidimensional semiotic analysis. Algorithmic recommendations operate as a new «mythological machine» that naturalizes commercial logic through behavioral data encoding, automatically generating a second-order signification. This creates a rupture between signifier and signified, restructuring and constraining subjective behaviour, while individuality is latently disciplined within the symbolic capital cycle of «attention labour.» For resistance, Barthes' later notions of the «writable text» and «zero degree of signification» offer behavioural strategies to undermine algorithmic arbitrariness. The article concludes that micro-level semiotic deviation must be paired with macro-institutional transformations—namely, legislative frameworks for inclusive governance and the communitisation (public availability) of computing power—so as to reconstruct symbolic democracy in digital spaces, premised on the fulfilment of digital citizenship responsibilities.

Keywords: digital age; Roland Barthes; mythology; algorithmic recommendations; symbolic democracy.

References

1. Roland Barthes, *Mythologies*. Translated from French by S. Zenkin. Moscow: Sashnikov Publishing House, 2004.
2. Roland Barthes, S/Z. Translated from French by G. Kosikova. Moscow: Ad Marginem, 1994. (Roland Barthes, S/Z).
3. Roland Barthes, *Empire of Signs*. Translated from French by Ya. Brazhnikova. Moscow: Praxis, 2004. (Roland Barthes, L'Empire des signes).
4. Li Yilan. The Myth of Data: A Semiotic Analysis of Algorithms. *Modern Communication (Journal of Communication University of China)*, 2024, 46(12): 47–54.
5. Feng Shounong. Roland Barthes: From Structuralism to Anti-Structuralism. *Literary Debates*, 1991, (02): 67–71+62.
6. Xie Chuanbo. The Meaning of «Emptiness»: Roland Barthes' Semiotic Thought. *Journal of Guangzhou University (Social Science Edition)*, 2023, 22(01): 56–64.
7. Long Jiajie, Chen Lei. On Roland Barthes' Critique of Culture and Ideology: The Transition from «Mythology» to Semiotics. *Journal of Southwest Minzu University (Humanities and Social Sciences)*, 2017, 38(10): 166–172.
8. Lan Jiang. Towards Dataism: Algorithmic Governance and General Data. *Academic Monthly*, 2021, 53(08): 15–26.
9. Xiao Wei, Li Shun. The Essence of Digital Labor in the Age of Intelligent Algorithms and Its Critique of Alienation. *Teaching and Research*, 2023, (05): 74–83.
10. Wu Guangjun. From «Algorithmic Empire» to «Artificial General Intelligence»: Rethinking the «Question Concerning Technology». *Exploration and Free Views*, 2024, (01): 12–25.
11. Zeng Yiguo, Wang Ji. Algorithmic Distribution and Youth Subculture's «Symbolic Resistance» and «Spectacle Recuperation». *China Youth Study*, 2022, (04): 80–87.
12. Hu Yong, Fan Silu. The Power of Algorithms: Ideology, Everyday Discipline, and Control in Automated Decision-Making. *Modern Communication (Journal of Communication University of China)*, 2023, 45(09): 22–31.
13. Yuan Wenzhuo. Roland Barthes' View of Literary Criticism History and Its Enlightening Significance. *Literary Review*, 2021, (04): 4–12.
14. Wang Xi. Do Hot Searches Represent Public Opinion? A Study on the Naturalization and Denaturalization Mechanisms of «Mediatized Public Opinion» in the Digital Age. *Chinese Journal of International Journalism*, 2024, 46(03): 33–51.
15. Ou Tingyu. Embedding and Governance: An Algorithmic Serutiny of the Intelligent Communication of Mainstream Ideological Discourse. *Modern Communication (Journal of Communication University of China)*, 2024, 46(02): 11–19.
16. Jiang Yinghua. On Technological Alienation and Its Subjective Redemption in the Era of Digital Capitalism. *Journal of Beijing Institute of Technology (Social Sciences Edition)*, 2024, 26(04): 112–121.
17. Aho B. Data Communism: Constructing a National Data Ecosystem. *Big Data & Society*, 2024, 11(1): 1–14.
18. Yan J. Techno-Feudalism as Primitive Accumulation. *Critical Sociology*, 2024, 50(2): 215–231.
19. Algorithm Transparency Group. The Transfer of Users' Right to Know in the Algorithm Society. *New Media & Society*, 2024, 26(4): 554–572.
20. Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York: PublicAffairs, 2019. (Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism. М.: Gaidar Institute Publishing House, 2022).
21. Couldry N., Mejiias U.A. *The Costs of Connection: How Data Is Colonizing Human Life and Appropriating It for Capitalism*. Stanford: Stanford University Press, 2019.
22. Gillespie T. *Custodians of the Internet: Platforms, Content Moderation, and the Hidden Decisions That Shape Social Media*. New Haven: Yale University Press, 2018.
23. Noble S.U. *Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism*. New York: New York University Press, 2018.
24. Srnicek N. *Platform Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2017. (Srnicek N. Platform Capitalism. Moscow: Higher School of Economics, 2019).
25. Deleuze G. *Postscript on the Societies of Control*. October, 1992, 59: 3–7. (Deleuze G. Negotiations. St. Petersburg: Nauka, 2004).
26. Marcus G., Davis E. *Generative AI and the Monopoly of Meaning: Algorithmic Epistemology in the AGI Era*. *Artificial Intelligence & Society*, 2025, 40(1): 45–62.
27. Floridi L. *Semantics of Information and Algorithmic Agency*. *Philosophy & Technology*, 2026, 39(2): 112–135.

Философско-мировоззренческие и историко-культурные предпосылки формирования средневековой теологии

Аторин Роман Юрьевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Государственного университета управления
E-mail: romanos-85@yandex.ru

Колчин Андрей Александрович,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры
социологии, психологии управления и истории
Государственного университета управления
E-mail: andrei_kolchin@mail.ru

Средневековая рациональная теология зародилась как следствие необходимости философской переработки христианских догматов, выяснения проблем соотношения рационального и иррационального (веры и разума) в познании, пределов компетенций рассудочного в религиозном, переложение христианских идей на понятийный аппарат философских категорий. Развитие теологии осуществлялось не без обращения к философским наработкам античных мыслителей.

Ключевые слова: философия, теология, античность, христианство.

Мировоззренческий кризис античной культуры выражался в том, что ни эллинов, ни римлян уже не удовлетворяли старые религиозные идеалы, как например: теологический антропоморфизм (душевность и страстность представителей пантеона, подобострастно смакуемая в мифах) возымел обратную реакцию, выражающуюся в падении религиозного авторитета самих богов, что делало их менее убедительными. Религиозный антропоморфизм проявлялся также в теократии (вере в божественный характер императорской власти, осуществление воли, т.к. демонстрация всемогущества воспринималась как свидетельство особого благоволения богов над персоной императора). А противоречия, накопившиеся в философии, спровоцировали кризис мысли с последующей критикой идей классического периода. Не случайно неклассическая философия в лице её многочисленных школ направляла все интеллектуальные усилия не на поиски логического в космосе, а духа в себе.

Однако, несмотря на религиозный кризис и разбушевавшуюся вплоть до сатиры мифологию, у мудрецов того периода всё же сохраняется более тонкая связь с божественным — через человеческий разум, ибо нельзя не признать своего рода «философским архетипом» богоподобие мышления. Божество ассоциировалось с объективным бестелесным умом, понять который возможно, если начать правильно мыслить. А правильно мыслить — значит знать нечто о мудром божественном λόγος, мышление которого «направлено на само себя, на протяжении всей вечности» [2, с. 316]. Приближение к которому ассоциируется с развитием способностей разума познавать вечное существование, которым обладает только божественная природа.

Мыслимость единого божественного как бесконечного творящего Первоначала, Вечного и Совершенного Сущего интуитивно осознавалась древнегреческими философами. Рефлексия божества как творящего начала, поиск которого составляет суть древней философии, находится у Аристотеля: «Рассмотрение бесконечного вполне подobaет физикам¹. С полным основанием также все его полагают как начало: <...>. Ведь всё существующее или [есть] начало, или [исходит] из начала; <...> у бесконечного же не существует начала <...>. <...> [бесконечное], будучи неким началом, не возникает и не уничтожается <...>. <...> оно само, по всей видимости, есть начало [всего] другого, всё объемлет и всем управляет <...>. И оно божественно, ибо бессмертно и неразрушимо, как говорит Анаксимандр и большинство физиологов» [3, с. 84–85].

В золотой период греческой философской классики те же Сократ и Платон уже прямым текстом заговорили о Боге как высшем совершенстве блага и добродетели, добра и истины, единстве логического и эстетического порядка. божество представляется как Благо и проявление истины и добра, синтез логического порядка и эстетической созерцательности. Аристотель поиск божественных начал определяет теологию как первую науку в иерархии знания: «первая же философия исследует самостоятельно существующее и неподвижное. А все причины должны быть вечными, особенно эти, ибо они причины тех божественных предметов, которые нам являются» [2, с. 181–182].

Аристотель предлагает весьма прорывную для своего времени идею Бога, как Ума-Перводвигателя [2, с. 309–312] в контексте философской логики обосновывается вечное нематериальное бытие Бога-творца, универсальное управление которого миром происходит через движение — «осуществление сущего в возможности, как такового» [2, с. 289]. Движение вещей постижимо нашими чувствами, а ум, анализируя сущность движения приходит к идее неподвижного Перводвигателя — причины движения вещей. Древнегреческая мыслительная парадигма легла в основу новой философии, и заложила начала западно-средневековой теологической традиции.

Высшая из наук, которая возможна посредством указанного познания — это метафизика, она же суть теология Аристотеля, который, в своё время, вывел основополагающие принципы этой науки. «<...> отправляясь от чувственных [представлений], наш ум доходит в богосознании до принятия того, что Бог существует, и других [атрибутов],

¹ Термином «физики» Аристотель обозначает мыслителей досократиков (от Фалеса до Демокрита), занимавшихся изучением природы (φύσις) и поиском Первоначала.

которые следует приписать первоначально» [9, с. 39–41]. Фома Аквинский уверен, что разум обладает достаточными способностями, чтобы вывести существование Бога как таковое, его единство и другие базовые атрибуты, такие как вечность, неподвижность, неизменность и т.д., на одном из фундаментальных принципов объективного идеализма, сформулированном следующим образом: «знание известных от природы принципов вложено в нас свыше, поскольку сам Бог – создатель нашей природы. Следовательно, эти же самые принципы содержатся в природе» [9, с. 55]. Познание природы осуществляется посредством чувства, так как «чувственные вещи, из которых человеческий разум берет начало познания, сохраняют в себе некоторый след подражания Божеству» [9, с. 59], а главное из свойств интеллекта, благодаря которому возможно теологическое знание подобного типа – обладание «определённой приспособленностью к постижению форм, которые абстрагируются от чувства» [8, с. 35]. Следовательно, мыслимая форма есть то, что понятийно схватывает интеллект и находится в нём нечто в качестве отпечатка, действия более совершенного разума, способного творить эту форму. Таким образом, естественная теология продолжает традицию древнегреческой теологии, основанной на постулате богоподобия интеллектуальных возможностей человека, основным методом которой является совершение интеллектом причинно-следственных связей, то есть мышление, притом, философское мышление – «через форму, которая [происходит] от вещи: или, когда она абстрагирована от вещи» [8, с. 35].

Однако одного разума было недостаточно. Человечество интуитивно искало удовлетворения потребностей духа таким идеалом, который смог бы разрушить все старые предрассудки, дать новый смысл человеку и всему. Идея Бога должна быть такой идеей, которая бы раз и навсегда разрешила все духовные поиски человечества, по завершении которых человек бы вырвался из несвободы соединения себя с ложными моральными, интеллектуальными и религиозными идолами, бессмысленностью бытия и смерти. Кроме того, идея должна быть совершена таким оригинальным образом, чтобы заинтересовать умы и сердца, углубление в сущность, которой только бы доказывало её неземное происхождение. Эти поиски «вдруг» удовлетворяет христианство, предлагая идею богочеловечества и спасения и вечной жизни. «Искать и находить это вечное и бесконечное во всём, что живёт и движется, во всяком росте и изменении, во всяком действии, страдании, и иметь и знать в непосредственном чувстве саму жизнь лишь как такое бытие в бесконечном и вечном – вот что есть религия» [12, с. 77]. Без сопричастности к Вечности человек ощущает противоестественность собственного существования и подсознательно ищет её столько времени, сколько существует на земле, и по большей степени находит не столько Вечность, сколько *ничто*, мешающее вхождению в Неё.

Философия сходна с религией в том, что обе ищут одно, приходя к этому одному каждая своим путём. В религии – это Бог, в философии – «Первосущность», «Первоначало», «Высшая вечная идея» и т.д. Ко времени появления христианства древнегреческими мудрецами обе идеи давно отождествлялись, а Аристотелем были очерчены контуры главной, как он считал, науки – теологии. «Непредвзятый подход показывает, что античная философия усиленно ведет поиск созерцательно-теоретического знания (но не «научного»!) знания о Едином: Гераклит и Ксенофан, Пифагор и Парменид – их волнует даже не столько критика примитивного мифа-мнения, а поиск Единого, трансцендентного основания и сущности Бытия и, в конечном счете, Бога» [7, с. 276–277].

Климент Александрийский отмечает положительную роль античной философии и выработанной ею теории познания, а также необходимость освоения данной методологии для нужд зарождающейся христианской теологии, для которой не зазорно пользование естественными возможностями интеллекта [5, с. 64–66? 81–88]. Постепенное укрепление позиций рациональной теологии как области отдельного философского знания позволило Блаженному Августину напрямую обратиться к мыслителям платонического типа за методологией для новой науки, так как «Платон имел такой образ мыслей о Боге, который <...> находят близким к истине нашей религии» [1, с. 21]. Платоновское углубление в сущность идеи и созерцание единого вполне отвечали интеллектуальным запросам христианской религии раннего Средневековья.

Занимающее ведущие позиции средневековое мышление на почве уже сформировавшегося христианского учения, определило столь характерное для представителей этой эпохи стремление к метафизическому восприятию мира и отвлечённому умозрению [4, с. 15–16]. Кроме того, развитие формальной логики и теории аргументации, появление университетов, а также философско-теологические споры (главным образом вокруг универсалий) – всё это требовало от новой философии точности понятий и ясности определений. Начинается

эпоха схоластики, доказавшая актуальность идей классиков греческой философии, заложившая основу европейского образования, предуготовившая почву к появлению философского рационализма XVII века. Религиозная догма остаётся прежде всего предметом веры, однако в то же время, она не должна противоречить здравому смыслу, объяснена по возможности, на сколько это позволяет разум, рассмотреть саму догму как нечто сообразное категориям рассудка [6, с. 19–20].

Таким образом, естественная потребность ума видеть сущность вещей, что возможно только с помощью философии, а также стремление последней к автономности порождает рассмотрение религиозных учений с точки зрения целостности, системности, непротиворечивости. Помимо мистико-созерцательной стихии, столь характерной для патристического Востока, на Западе христианство в форме схоластики осваивает сферу разума. Ансельм Кентерберийский заявил: «Мне представляется постыдным небрежением, если, укрепившись в вере, мы не стремимся понять то, во что мы верим» [11, с. 150], отметив тем самым, что его мировоззренческое кредо «верую, чтобы понимать», где утверждается примат религиозного над рациональным, не умаляет значения естественной силы разума в вопросе познания божественного. Добавим лишь, что в эпоху «Высокой схоластики» право разума на познание всего что связано с понятиями, Бог, вера, духовность и т.д., при условии, что само познание со-адекватно возможностям последнего, отстаивал Фома Аквинский: «Необходимо, чтобы человек, насколько это возможно, был допущен к божественному сообразно всему тому, чем обладает – чтобы разум имел возможность для созерцания божественного, а рассудок – для его исследования» [8, с. 67].

Литература

1. Августин Блаженный. Творения Блаженного Августина, епископа Иппонийского. Часть 4. Издание второе. – Киев., Тип. И.И. Горбунова. Крещ, д. Дегтерева, № 38-й, 1905 (Репринт).
2. Аристотель. Метафизика // Сочинения в четырёх томах. Т. 1. Ред. В.Ф. Асмус. – М.: «Мысль», 1976.
3. Аристотель. Физика / Аристотель; пер. с др.-греч. В. Карпова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023.
4. Бэймкер К. Европейская философия Средневековья: Пер с нем. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «Либроком», 2015. – С. 15–16.
5. Климент Александрийский. Строматы. Т. 3. (Книги 6–7). Издание подготовил Е.В. Афонасин. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2003.
6. Марков А.В. Европейская классическая философия / А.В. Марков. – Москва: Издательство АСТ, 2019.
7. Римский В.П. Как возможна религиозная философия? // Научные ведомости БелГУ, № 9 (40), 2007. – С. 276–277.
8. Фома Аквинский. Комментарий к трактату Бозция «О Троице»: Билингва латинско-русский / Пер. с лат., вступ. ст. и коммент. А.В. Аполлонова. Изд. стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2019.
9. Фома Аквинский. Сумма против язычников. Книга первая. Перевод, вступ. ст. и коммент. Т.Ю. Бородай. – Долгопрудный: «Вестком», 2000.
10. Фома Аквинский Сумма теологии Т.1. Первая часть: Вопросы 1–64. Билингва латинско-русский. Пер. с лат. Н. Лобковица. А.В. Аполлонова. Изд. 2-е, испр. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013.
11. Тарнас Р. История западного мышления / Пер. с английского Т.А. Азаркович. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995.
12. Шлейермахер Фр. Д.Э. Речи о религии. Монологи / Фр. Д.Э. Шлейермахер; пер. с нем. С.Л. Франк. – СПб.: Алетейя, 2022.

PHILOSOPHICAL PRESUPPOSITIONS AND THE HISTORICAL CONTEXT OF THE FORMATION OF MEDIEVAL THEOLOGY

Atorin R.Yu., Kolchin A.A.
State University of Management

The emergence of Medieval theology is conditioned by the intellectual need to understand Christianity, the ideas of which served as a tremendous development of human thought in this period. The development of theology was not realized without reference to the philosophical achievements of ancient thinkers.

Keywords: philosophy, theology, antiquity, Christianity.

References

1. St. Augustine. The works of St. Augustine, Bishop of Hippo. Part 4. Second edition. – Kiev., Type. I.I. Gorbunov. Kresh, D. Degtereve, № 38, 1905 (Reprint).
2. Aristotle. Metaphysics // Works in four volumes. Vol. 1. Edited by V.F. Asmus. – M.: «Thought», 1976.
3. Aristotle. Physics / Aristotle; translated from other Greek by V. Karpov. St. Petersburg: ABC, ABC-Atticus, 2023.

4. Beimker K. European Philosophy of the Middle Ages: Translated from German. Stereotype Publishing House, Moscow: Librocom Book House, 2015, pp. 15–16.

5. Clement of Alexandria. Stromata. Vol. 3. (Books 6–7). The publication was prepared by E.V. Afonasin. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House, 2003.

6. Markov A.V. European Classical Philosophy / A.V. Markov. Moscow: AST Publishing House, 2019.

7. Rimsky V.P. How is religious philosophy possible? // Scientific bulletin of BelSU, № 9 (40), 2007. – Pp. 276–277.

8. Thomas Aquinas. Commentary on Boethius' treatise «On the Trinity»: Bilingual Latin-Russian / Translated from Latin, introduction and commentary by A.V. Apollonov. Stereotype Publishing House, Moscow: LENAND, 2019.

9. Thomas Aquinas. The sum against the pagans. The first book. Translation, introduction and commentary by T.Y. Borodai. Dolgoprudny: Vestkom, 2000.

10. Thomas Aquinas Summa Theologii Vol. I. The first part: Questions 1–64. Bilingua Latin-Russian. Translated from Latin by N. Lobkovitsa. A.V. Apollonov. 2nd Ed., ispr. – M.: Book House «Librocom», 2013.

11. Tarnas R. The History of Western Thinking / Translated from English by T.A. Azarkovich, Moscow: KRON PRESS, 1995.

12. Schleiermacher, Fr. D.E. Speeches about religion. Monologues / Fr. D.E. Schleiermacher; translated from German by S.L. Frank. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2022.

Горохова Виолетта Венидиктовна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: vetta72@mail.ru

В статье проводится теоретический анализ онтологических и аксиологических оснований феномена религиозной веры и опыта. Изучение различных подходов к пониманию соотношения знания, разума и веры, берущих основу в человеческой психике, показывает сохраняющийся интерес, на протяжении всей истории развития человеческой мысли. Данная проблема постепенно выделилась из строго теологических исследований и стала предметом изучения философии и философии религии.

Рассматриваемые вопросы являются смыслообразующими для человеческого бытия, так как позволяют выстраивать социальную реальность человека. Поэтому обращение к данной теме, направлено на исследование влияния религиозной веры на поведение человека в реалиях современного мира.

Ключевые слова: религия, психология, вера, философия религии, сознание, религиозный опыт.

Попытки заглянуть в глубины своего сознания, исследовать собственную природу предпринимались человеком с древнейших времен и приводили к появлению многочисленных религиозных верований.

Изучение вопросов религии, находит отражение в работах мыслителей начиная с античности. Впоследствии продолжают разрабатываться в рамках христианской теологии и интерес не пропадает до настоящего времени, в связи с ростом проявлений религиозности в современном секуляризированном обществе.

Данная проблема было традиционно предметом исследования теологии и по мере развития научного интереса к области сакрального, возникает отдельное направление философия религии. Философское осмысление веры включает в себя теоретическое рассмотрение различных подходов начиная от теологического, базирующегося на догматическом основании, до научного, не критического, по отношению к основаниям веры.

При изучении феномена религиозной веры, важно основываться на отказе от оценочных суждений. Сравнительный метод исследования, предложенный Ф.М. Мюллером на заре зарождения науки о религиях, религиоведении, состоял в отказе от рациональных суждений по отношению к религии, полностью подходит при изучении религиозной веры и религиозного опыта. В основе зарождения религиозной веры по мнению исследователя первоначально лежала идея бесконечности и непостижимости, поэтому изучение религиозных явлений с опорой на рациональное объяснение и эмпирический материал, недостаточно [6].

В основании философии религии был заложен антропологический принцип, позволяющий рассматривать религиозную веру и опыт, с позиции естественных, экзистенциальных потребностей человека. Данный подход способствовал объяснению сложных вопросов бытия человеческой жизни, влиянием божественной реальности, при этом не снимая с человека ответственности за свои мысли и поступки.

Феномен религиозной веры, основывается на противопоставлении веры и знания, интеллектуальной деятельности человека и априорного принятия большинства положений без проверки на достоверность.

Изучение феномена религиозной веры представлял интерес с момента зарождения человеческой мысли и находил отражение в работах мыслителей древности. Антропологическое исследование человеческой веры находится на пересечении интересов теологии и психологии. Феномен веры, основанный на акте принятия чего-либо без основательных доказательств, подтверждает психологическую природу данного явления. Доверие с каким человек готов признавать религиозную истину, помогает человеку становиться сильнее. В разных языках «вера», отражает схожие свойства этого понятия. Как отмечает Р.М. Грановская в русском языке слово «верить» (доверять) указывает на нравственность того, кому верят. В английском «верить» переводится как доверять, почитать, одобрять. Поэтому вера с опорой на безусловное доверие, не предполагает «слепую убежденность», но опирается на знание как «безусловную истину» [3, с. 336].

В этих условиях вера выступает силой, эффективность которой превышает другие человеческие явления психики, такие как мечта и надежда. Область исследования веры берет начало от ограниченной бытовой и далее простирается до бесконечной [3, с. 337].

Стремление человека выйти за пределы своих ограниченных возможностей лежит в основе потребности в вере. Для религиозной веры, возникающей в глубинах человеческой психики, важной составляющей является эмоциональная окраска, что отличает ее от знания. Исследование религиозной веры в прагматической традиции У. Джеймса, заложило основы психологии религии.

Подход с позиции ученого исследователя, рассматривает веру как часть человеческого бытия на протяжении всей истории, как духовное состояние человека, как форму сознания, помогающую конструировать социальную реальность в современном мире. Поэтому, говоря о религиозной вере мы можем рассматривать веру как явление, основанное на доверии, как естественной установки по отношению к Богу. В некоторых случаях вера выступает как состояние убежденности и как познавательный момент, то есть предполагает интеллектуальную деятельность.

Вера, являясь проявлением психической активности человека, может становиться основой самоидентификации человека, суждения,

направлять его поступки и деятельность. В исследовании П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности», религии отводится роль важнейшего института социальной сферы, оказывающего влияние на восприятие индивидом своей окружающей среды. Даже в современном мире, по мнению исследователей следует говорить не об исчезновении религии, а о ее трансформации в новую социальную форму, которую отличает характерный выбор индивидом системы религиозных значений [2], а также моделей социального поведения. Поэтому с точки зрения философии религии, вера выступает как исследуемая проблема, а не готовое знание.

В исследованиях последних десятилетий проблема религиозной веры изучается на рациональном уровне. Объяснение и интерпретация не предполагает оценочных суждений в пользу той или иной религиозной системы верований, акцентируется внимание на необходимости осмысления потенциала религии в современных условиях, как религиозная вера продолжает влиять на людей, в условиях глобализации и быстро меняющегося социального пространства. Поэтому задача исследований религиозной активности людей в новых реалиях, направлена на получение практических результатов, а не на выявление несоответствий прошлых теологических исследований.

Современные актуальные проблемы, находящиеся в плоскости изучения ряда дисциплин, таких как философия религии, социология религии и психология религии, направлены на исследование вопросов, имеющих практическое значение. Представляет интерес тема религиозной идентичности, увеличение религиозности среди отдельных групп населения, проблемы формирования религиозной зависимости и профилактика этого явления.

Изучение проблем онтологических и аксиологических оснований религиозной веры, во многом способствуют решению вышеназванных социальных и научных проблем. К числу важнейших составляющих религиозной веры, относится религиозный опыт.

Философия религии исследует отношение человека к Богу, к божественной реальности. Взаимодействие человека с Богом в области постижения сакральной реальности происходило через религиозный опыт. Религиозный опыт, описывается как определенное состояние сознания, эмоций, когда свидетель божественного присутствия, передает свои чувства и знания, полученные от этого общения (взаимодействия) с Абсолютом, божеством. В авраамических религиях первыми, испытавшими на себе влияние божественного присутствия, были библейские пророки. На основании их религиозного опыта и божественного откровения происходило впоследствии становлении религиозной веры и на ее основе формирование религии.

Исследование феномена религиозного опыта в христианской теологии основывалось на изучении мистического опыта святых, переживших опыт общения, постижения Абсолюта. С началом складывания христианского богословия, в трудах отцов церкви говорилось о непостижимости Бога, которого нельзя ни увидеть, ни постичь разумом. Бог для всех недостижим и недосягаем, но при этом постоянно можно видеть его присутствие и в своих мыслях и действиях. Таким образом складывающаяся христианская теология, направляла верующего не на быстрое рациональное постижение, а на долгий путь интеллектуальной и молитвенной деятельности, недоступной для непосвященного.

Богословское понимание предполагает, что Бог постигается человеком через откровение доступное в слове Божьем, через молитву и через мистическое созерцание. Сакральность Абсолюта не открывается через доступные для человека понятия и определения, однако Бог с позиции восточного богословия открывается в миру, так как весь «тварный мир» и есть подобие божие. Постигание Бога, возможно не только через выход из мира, но и в миру. Когда человек совершает свое «восхождение», тогда Бог открывается и «нисходит» к человеку [7].

Постигание религиозного опыта для первых христианских святых заключалось в очищении от всех греховных помыслов, через беспрепятственную молитву и послушание, только в этом случае душа может озариться «нетварным светом», то есть достигнуть состояния просветления.

Тема света или подтверждение божественной реальности, является главной в учении Св. Григория Паламы, в котором отмечается разделение между сущностью Бога и его энергиями [4, с. 49]. Эти энергии, являются проявлениями Бога, позволяют соединяться с ним через благодать. Моисей на горе Синай ощутил присутствие Бога и увидел проявление его в виде огня, как света божественной реальности. Евангельский пример Преображения Христа на горе Фавор, где ученики узрели Божественный свет, подтверждает наличие божественных энергий, которые становятся доступны тем, кто стал чист сердцем [4, с. 49]. (Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога» (Мф. 5:8)).

Описание опыта постижения божественной реальности, мы находим в трудах ранних подвижников, впоследствии получивший название «исихазм». Исихазм, как мистическое мировоззрение, древняя духовная практика восточного аскетизма, направлена на «обожение», то есть проникновение человека божественными энергиями и соединения с Богом. Примеры раннего восточного монашества содержат описание религиозного опыта и постижения божественного откровения.

Другой способ постижения религиозного опыта, рассматриваемый в христианском богословии, понимается как доступный любому верующему. Начиная с эпохи Средневековья, исследование религиозного опыта, находит отражение в трудах западных христианских мыслителей, воспринимается в первую очередь, как опыт благодати, подтверждающий достоверность божественного присутствия. Многоаспектность понимания и многообразие религиозных чувств, позволяет изучать проявление веры, объясняя и религиозный опыт, то есть способность человека через «прочувствование» найти свой способ постижения абсолюта.

Вера выступает способом духовного познания тайны мира, помогает по мнению Н.А. Бердяева «прийти к Богу», познать Бога не рационально. Феномен религиозной веры – религиозность определяется духовной и практической активностью личности, направленной на устремление к идеалу, имеет также и аксиологическую природу.

Н.О. Лосский, определяя значение системы религиозных ценностей, предполагает, что религиозная вера выступает формой противопоставления человека неопределенности жизни, создавая возможность следовать к идеалу, непостижимому для рационального мышления.

В традиции русской религиозной философии, религиозные ценности представлены как личные переживания, которые определяют повседневную жизнь и деятельность человека, при этом постигаются интуитивно и имеют чувственную природу.

В работе представителей западной традиции П. Бергера и Т. Лукмана, изучения религиозной веры и религиозного опыта, рассматривается в контексте влияния на конструирование социальной реальности [2, с. 301]. «Конструирование повседневного мира опирается на объективацию субъективных процессов и смыслов», по мнению исследователей «различные объекты представляются сознанию как элементы разных сфер реальности [2, с. 40]. Религиозный опыт представляет собой «скачок» из одной реальности в повседневный мир, «при этом происходит радикальное изменение напряженности сознания», которое не поддается описанию «языком повседневной жизни» [2, с. 48].

Способность религиозной веры помогать человеку отвечать на экзистенциальные вызовы в условиях современного мира объясняет и не прекращающийся научный интерес к данной проблеме.

Литература

1. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры – М: Искусство, 1984. – 350 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е.Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995.
3. Грановская Р.М. Психология веры. СПб.: Питер, 2010.
4. Григорий Палама. Трижды в защиту священнобезмолвствующих. – М.: Академический проект, 2011.
5. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. /И.А. Ильин. – Москва. – «Издательство АСТ», 2002. – 586 с.
6. Мюллер Ф.М. Введение в науку о религии. Четыре лекции, прочитанные в Королевском институте в феврале-марте 1870 года. РАН-ХиГС. Москва: Дело, 2022.
7. Флоровский Г. Восточные отцы VI–VIII вв. -Париж, 1933.
8. Спекторский Е.В. Христианство и культура / Сост., вступ. статья и примеч. П.Е. Бойко, Л.А. Бойко. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. – 360 с.

ONTOLOGICAL AND AXIOLOGICAL FOUNDATIONS OF RELIGIOUS FAITH

Gorokhova V.V.

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article provides a theoretical analysis of the ontological and axiological foundations of the phenomenon of religious faith and experience. The study of various approaches to understanding the relationship between knowledge, reason and faith, which are based in the human psyche, shows continued interest throughout the history of the development of human thought. This problem gradually emerged from strictly theological research and became the subject of the study of philosophy and philosophy of religion. The issues under consideration are semantic for human existence, as they allow us to build a person's social reality. Therefore, the appeal to this topic is aimed at studying the influence of religious faith on human behavior in the realities of the modern world.

Keywords: religion, psychology, faith, philosophy of religion, consciousness, religious experience.

References

1. Gurevich A. Ya. Categories of medieval culture – Moscow: Iskusstvo, 1984. 350 p.
2. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. E.D. Rutkevich. Moscow: Medium, 1995.
3. Granovskaya R.M. Psychology of faith. St. Petersburg: Peter, 2010.
4. Grigory Palama. Three times in defense of the clergy. Moscow: Academic Project, 2011.
5. Ilyin I.A. Axioms of religious experience. /I.A. Ilyin. – Moscow. – «AST Publishing House», 2002. – 586 p.
6. Muller F.M. Introduction to the science of religion. Four lectures delivered at the Royal Institution in February-March 1870. RANEPa. Moscow: Delo, 2022.
7. Florovsky G. The Eastern Fathers of the VI–VIII centuries – Paris, 1933.
8. Spektorsky E.V. Christianity and Culture /Comp., intro. article and note. P.E. Boyko, L.A. Boyko. Moscow: Center for Strategic Conjunction, 2013. 360 p.

Философско-религиозный аспект генезиса представлений о свободе в истории Средневековой философии

Волчкова Ольга Олеговна,

кандидат философских наук, доцент кафедры религиоведения
ИСФН КФУ

E-mail: adelaida389@mail.ru

Экзекова Мадина Николаевна,

и.о. заведующего кафедрой, старший преподаватель
кафедры философии и социальных дисциплин Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета им. С.М. Кирова

E-mail: astararassvet@yandex.ru

В центре внимания авторов сложный внутренне конфликтный процесс формирования концепта свободы в европейской средневековой мысли. Показано, каким образом теоцентрическая парадигма, казалось бы, предельно ограничивающая человеческую автономию, породила развитую культуру рефлексии о волеизъявлениях и моральной ответственности. Последовательно разбираются линии аргументации Августина Блаженного, Бозция, Фомы Аквинского, Дунса Скота, Оккама и представителей мистической традиции. Особое место отведено проблеме теодицеи как ключевой точке, в которой сходятся размышления о свободе и происхождении зла. Авторы приходят к выводу, что именно в пространстве схоластических диспутов сложился инструментарий, без которого невозможно представить новоевропейский дискурс о субъекте.

Ключевые слова: философия религии, средневековая философия, свобода воли, Августин, Фома Аквинский, теодицея, схоластика, предопределение, *liberum arbitrium*, волюнтаризм.

Изучение представлений о свободе чаще всего оформляются в виде поверхностного знакомства с общими концепциями проявления воли, моральности и выбора, сформированными в период существования античных полисов, далее в исторической перспективе – гуманистами Ренессанса и просветительскими манифестами. Средневековые при такой оптике нередко выпадает, воспринимается как провал, эпоха догматического сна и невозможности глубокого анализа и оценки волевых элементов. Между тем, если вдуматься в центральные сюжеты схоластических трактатов, картина окажется куда более парадоксальной. Именно там, внутри жестко теоцентричной системы догматических координат, развернулась одна из самых сложных дилемм европейской мысли: как помыслить человека свободным, если над ним довлеет абсолютный суверенитет Творца? Вопрос этот не был теоретической игрой – от ответа на него зависело, сохраняет ли какой-то смысл этическая проповедь и само представление о спасении или мир хаотически бессмыслен [1, с. 58].

В качестве цели данной статьи авторы ставят необходимость проследить, как сугубо теологические, порой мучительные споры о воле и благодати привели к становлению той категориальной сетки, которая позже легла в основание секулярной философии личности. Попробуем пройти по основным узлам этого генезиса, охарактеризовав ключевые представления и концепции, а также воспроизведем попытку редукции этических идеалов Средневековья с целью ответа на поставленный вопрос.

Первое, с чем сталкивается исследователь, – это радикальная смена перспективы по сравнению с античностью. Для классического грека свобода была прежде всего политическим и космологическим понятием. Человек свободен, когда он не раб (то есть свободный человек) и когда он соотносит свой логос с гармонией космоса. Библейское откровение приносит совершенно иной взгляд на вопросы свободы. Как тонко подметил прот. Георгий Флоровский, «Писание задает историю как напряженное поле встречи двух волей, что немислимо без допущения – пусть и минимального – автономии со стороны человека» [2, с. 279]. Неудивительно, что уже первые поколения апологетов ухватились за идею свободного выбора, полемизируя с гностическим фатализмом. На ранних этапах развития Средневековой мысли происходит формирование первых интуиций и представлений о свободе в позиции христианского осмысления. Иустин Философ, к примеру, вводит понятие «семенного логоса» – своеобразной врожденной способности различать истину, без которой бессмысленно было бы говорить об ответственности за поступки [3, с. 102].

Но подлинный переворот в осмыслении свободы совершил Аврелий Августин. Августин – фигура ключевая не только для патристики, но и для всей западной антропологии. Читая его, мы видим, как меняется сама оптика осмысления свободы: свобода окончательно уходит внутрь, становится событием личной духовности. В раннем трактате «О свободном решении» Блаженный Августин еще довольно близок к тому, что позже назовут пелагианским оптимизмом: зло объясняется через отвращение воли от Блага, причем воля эта предстает как самостоятельная инстанция, способная инициировать движение из себя. Августин, полемизируя с манихеями, выстраивает почти гуманистическую апологию самоопределения [4, с. 213].

Но затем разразился Пелагианский кризис. Пелагий, как известно, утверждал, что человеческая природа не повреждена грехом необратимо, а значит, воля способна без внешней помощи благодати избрать добро. Для Августина это звучало как обесценивание Креста. И здесь его мысль делает резкий, крайне значимый поворот. Вводится различение, которое станет ключевым для всей последующей схоластики: *liberum arbitrium* (способность формального выбора) и *libertas* (свобода как полнота бытия в истине). Человек после грехопадения сохраняет первое, но утрачивает второе. Мы способны выбирать, но неизменно выбираем зло, если наше воление не будет исцелено и подхвачено благодатью. Истинная свобода – удел святых в Царстве, это способность не грешить, которая парадоксально переживается не как ограничение, а как освобождение от мучительной необходимости выбирать [5, с. 305].

Августин создает здесь очень напряженную диалектику. С одной стороны, без свободы воли невозможно винить грех. С другой – по-

сле грехопадения эта воля настолько больна, что сама себя вылечить не может. Выходит, что подлинная свобода есть дар, а не достижение. Эта интуиция, что свобода – не нейтральная способность выбирать между добром и злом, а скорее глубокая укорененность в добре, окажется чрезвычайно плодотворной и далеко перерастет рамки августинизма, отозвавшись много позже в экзистенциалистской критике «произвола».

Следующий шаг к концептуальной проработке темы сделал Северин Бозций, его «Утешение философией» вообще стоит особняком: это текст, написанный в ожидании казни, где нет ни цитат из Писания, ни прямых отсылок к церковной догматике, но где предельно остро поставлен логический вопрос о совместимости провидения и свободы. Бозций спрашивает: если Бог заранее знает, что я сделаю завтра, могу ли я поступить иначе? И если не могу, то о какой ответственности может идти речь?

Ход, которым Бозций разрушает этот узел, поражает своей рациональной красотой. Он вводит различие между временем и вечностью. Человеческое «сейчас» течет, делится на прошлое и будущее. Но Бог, согласно Бозцию, пребывает в модусе вечного настоящего. Его знание – это не предвидение, заглядывающее в будущее из некоторой точки прошлого, а одномоментное созерцание всей полноты времен. Соответственно, божественное видение моего поступка не принуждает меня к нему, подобно тому, как мой взгляд на идущего человека не вынуждает его идти. Это был мощнейший компатибилистский аргумент: свобода и предопределение оказывались совместимыми на уровне самой структуры бытия, а не только веры [6, с. 115]. Бозций, по сути, расчищает дорогу схоластике как системе представлений, что догмат может и должен быть осмыслен рационально.

Тем не менее, по-настоящему систематический размах проблема свободы обретает только в XIII веке, когда в интеллектуальный оборот Запада возвращается полный корпус Аристотеля. Фома Аквинский строит, вероятно, самую гармоничную и внутренне уравновешенную модель.

Аквинат внимательно перечитывает Августина, но делает это уже через аристотелевскую оптику причинности. Он вводит представление о том, что Бог действует в мире не как насильник, а как Первопричина, которая не отменяет действия вторичных причин, но, напротив, сообщает им действительность. Поскольку же разумная душа по самой своей природе стремится к благу свободно – то есть на основании суждения разума, а не инстинкта, – постольку Бог, действуя внутри этой самой природы, производит именно свободный акт, а не вынужденный [7, с. 46].

Для Фомы воля всегда интенциональна: она стремится к благу. Но в земной реальности мы имеем дело не с абсолютным Благом (каковым является только Бог), а с благами частичными. Ни одно конечное благо не соединяет волю с необходимостью, потому что разум всегда может высветить в нем аспект недостаточности, несовершенства. Именно в этом промежутке между тотальной направленностью воли на благо и конкретной неполнотой любого земного объекта и коренится возможность выбора (*liberum arbitrium*). Фома, таким образом, сохраняет и суверенитет божественной каузальности, и внутреннюю спонтанность человеческого решения. Таким образом, свобода оказывается вписана в онтологию мироздания, она не противоречит порядку, а является его особым, личностным измерением [8, с. 99]. Пожалуй, именно томистский синтез можно считать той точкой равновесия, после которой маятник качнулся в сторону волюнтаризма.

Однако средневековая философская мысль не была бы столь многогранна и противоречива, если бы параллельно рационалистической схоластике не существовала иная, мистическая линия осмысления свободы. Мейстер Экхарт, один из известнейших средневековых христианских мистиков, христианский теолог, говорил о свободе не как о выборе, а как об отрешенности (*Abgeschiedenheit*). Для Экхарта совершить выбор между двумя разностями (действиями, предметами, явлениями) – это все еще пребывать в плену множественности. Истинная же свобода рождается там, где душа умолкает, освобождаясь не только от привязанностей, но и от самой себя, от собственной «самости». В этой бездне, где человек становится ничем, он парадоксальным образом совпадает с волей Бога и обретает абсолютную недетерминированность миром. Таким образом, в рамках данной интуиции, свобода понимается не как расширение возможностей, а как достижение состояния, в котором вопрос о выборе просто теряет смысл, ибо бытие и благо слиты воедино [9, с. 80].

Гармония томистского синтеза продержалась недолго. Уже на рубеже XIII–XIV веков внутри францисканской школы зреет иная антропология, которую принято называть волюнтаристской. Ее главные герои – Иоанн Дунс Скот и Уильям Оккам – производят, на мой взгляд,

настоящий переворот, последствия которого вышли далеко за пределы теологии.

Дунс Скот смещает акценты весьма радикально. Для Фомы воля движется вслед за разумом, который указывает ей на благо. Для Скота все наоборот: воля первична. Ее сущность – в чистой, не редуцируемой к интеллекту свободе. Она способна действовать, не будучи детерминирована даже собственным знанием о благе. Более того, Скот переносит этот примат воли на Бога. Бог творит мир и устанавливает моральный закон не потому, что так диктует разум (ибо тогда Бог был бы подчинен логике), а потому, что Он этого свободно хочет. Свобода, таким образом, возводится в ранг высшего онтологического принципа. Она перестает быть функцией разума и становится бездонной спонтанностью [10, с. 112].

Оккам, идя вслед за Скотом, доводит этот импульс до логического завершения. Его знаменитая «бритва» срезает не только лишние сущности, но и саму идею внутренней связи между структурой бытия и моральным поступком. В номиналистическом универсуме реальные только единичные вещи, а значит, и свобода человека – это атомарный факт его индивидуальной воли. По Оккаму, Бог может спасти грешника без какой-либо освящающей благодати, просто потому что такова его «приемлющая воля». Привычная лестница причин рушится. Человек остается один на один с абсолютным суверенитетом Творца, но одновременно и сам становится точкой непредсказуемой спонтанности [11, с. 221]. В этом пункте схоластика, пытаясь спасти божественный абсолютизм, парадоксально подготовила почву для ренессансного и новоевропейского субъективизма.

Отдельный и крайне важный сюжет, который пронизывает весь средневековый дискурс о свободе, – это проблема теодицеи, то есть оправдания Бога перед лицом существующего в мире зла. Свобода здесь выступает как ключ к разгадке. В самом деле, если мир сотворен всемогущим и благим Творцом, откуда берется зло? И если оно – результат свободного акта тварного существа, то почему Бог, предвидя это, все-таки дал ей свободу?

Средневековая мысль выработала здесь несколько моделей аргументации. Наиболее влиятельной оказалась августиновская «теория лишения» (*privatio boni*). Согласно ей, зло не субстанциально, это не особая темная сила, а просто недостаток, дыра, отсутствие должного порядка в воле. Бог допускает эту возможность, ибо считает более достойным делом извлечь из зла великое добро (например, спасение через Христа), чем вовсе не давать человеку шанса на свободное богоуподобление [12, с. 181]. Фома Аквинский дополнил это эстетическим аргументом: подобно тому, как тени в картине не умаляют, а подчеркивают красоту целого, так и моральное зло в масштабе универсума парадоксально служит гармонии, хотя и остается злом для конкретного грешника. Существовала и третья модель, истоки которой восходят к Иринею Лионскому, но в средневековом контексте она тоже присутствует. Согласно этой логике, человек изначально создан несовершенным. Свобода – не стартовый капитал, а задание. Для того чтобы она стала не просто способностью выбора, а сознательным состоянием в добре, душа должна пройти через опыт искушений, падений и преодоления. Зло здесь – не наказание, а часть взросления [13, с. 215]. Эта идея «свободы как задания» окажется потом чрезвычайно близка русской религиозной философии.

Подводя итоги проведенного анализа генезиса представлений о философии можно отметить, что Средневековье породило саму проблематику субъекта, стоящего перед лицом Абсолюта и вынужденного совершать свой выбор. Дialeктика Августина, интеллектуальный оптимизм Бозция, онтологический синтез Фомы, мистическая отрешенность Экхарта и, наконец, волюнтаристский разрыв Скота и Оккама – все эти линии стали основой, на которой в последствие оформится лютеровский трагизм «рабства воли», и картезианский субъект, а также кантовский категорический императив [14, с. 67].

Главный парадокс, на наш взгляд, состоит в том, что именно предельно теоцентричная культура, где человек, казалось бы, раздавлен величием Провидения, впервые заговорила о бесконечной ценности личного акта выбора. Средневековые мыслители, споря о благодати и предопределении, по сути, ковали концептуальный язык, на котором позже будет описана автономия морального субъекта. Поняли они это или нет, но их богословские диспуты стали основой для формирования в будущем новоевропейского типа личности.

Литература

1. Жильсон Э. Дух средневековой философии. М.: Институт св. Фомы, 2011. 560 с.
2. Флоровский Г.В. Восточные отцы IV века. М.: Академический Проект, 2017. 416 с.

3. Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М.: Мысль, 1979. 431 с.
4. Августин Аврелий. О свободном выборе / пер. с лат. А.С. Доброхотова. М.: РОССПЭН, 2011. 352 с.
5. Браун П. Августин из Гиппона. Биография. М.: Corpus, 2016. 672 с.
6. Бозций. Утешение философией / пер. с лат. В.И. Уколовой. М.: Наука, 1996. 315 с.
7. Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть I. Вопросы 75–119. М.: Либроком, 2019. 568 с.
8. Коплстон Ф.Ч. История средневековой философии. М.: Центрполиграф, 2003. 621 с.
9. Экхарт М. Духовные проповеди и рассуждения. СПб.: Амфора, 2008. 252 с.
10. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 2. Средневековье. СПб.: Петрополис, 1997. 368 с.
11. Рассел Б. История западной философии. М.: АСТ, 2020. 480 с.
12. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М.: Центр «СЭИ», 2015. 544 с.
13. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Академический проект, 2018. 524 с.
14. Лютер М. О рабстве воли // Избранные произведения. СПб.: Лютеранское наследие, 1997. С. 185–332.
15. Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 264 с.

PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS ASPECT OF THE GENESIS OF THE CONCEPT OF FREEDOM IN THE HISTORY OF MEDIEVAL PHILOSOPHY

Volchkova O.O., Ekzekeva M.N.

Kazan Federal University, St. Petersburg State Forest Engineering University named after S.M. Kirov

The article focuses on the complex and internally conflicted process of the maturation of the concept of freedom in European medieval thought. The author demonstrates how the

theocentric paradigm, which seemingly limited human autonomy to the utmost degree, gave rise to a sophisticated culture of reflection on volitional acts and moral imputability. The lines of argumentation of Augustine, Boethius, Thomas Aquinas, Duns Scotus, Ockham, and representatives of the mystical tradition are consistently examined. Special attention is paid to the problem of theodicy as the crucial node where reflections on freedom and the origin of evil converge. The author concludes that it was precisely within the space of scholastic disputes that the conceptual toolkit was formed, without which it is difficult to imagine the modern European discourse on the subject.

Keywords: philosophy of religion, medieval philosophy, free will, Augustine, Thomas Aquinas, theodicy, scholasticism, predestination, liberum arbitrium, voluntarism.

References

1. Gilson, E. The Spirit of Medieval Philosophy. Moscow: St. Thomas Institute, 2011. 560 p.
2. Florovsky, G.V. Eastern Fathers of the 4th Century. Moscow: Akademicheskyy Proekt, 2017. 416 p.
3. Maiorov, G.G. The Formation of Medieval Philosophy. Latin Patristics. Moscow: Mysl', 1979. 431 p.
4. Augustine, Aurelius. On Free Choice / translated from Latin by A.S. Dobrokhotova. Moscow: ROSSPEN, 2011. 352 p.
5. Brown, P. Augustine of Hippo. Biography. Moscow: Corpus, 2016. 672 p.
6. Boethius. The Consolation of Philosophy / translated from Latin by V.I. Ukolova. Moscow: Nauka, 1996. 315 p.
7. Thomas Aquinas. Summa Theologica. Part I. Questions 75–119. Moscow: Librokom, 2019. 568 p.
8. Copleston, F.C. History of Medieval Philosophy. Moscow: Tsentrpoligraf, 2003. 621 p.
9. Eckhart, M. Spiritual Sermons and Discourses. St. Petersburg: Amphora, 2008. 252 p.
10. Reale, G., Antiseri, D. Western Philosophy from Its Origins to the Present. Vol. 2. The Middle Ages. St. Petersburg: Petropolis, 1997. 368 p.
11. Russell, B. History of Western Philosophy. Moscow: AST, 2020. 480 p.
12. Lossky, V.N. An Essay on the Mystical Theology of the Eastern Church. Moscow: SEI Center, 2015. 544 p.
13. Berdyayev, N.A. Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity. Moscow: Akademicheskyy Proekt, 2018. 524 p.
14. Luther, M. On the Bondage of the Will // Selected Works. St. Petersburg: Lutheran Heritage, 1997. pp. 185–332.
15. Le Goff, J. Intellectuals in the Middle Ages. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2003. 264 p.

Типология политических режимов

Амелин Владимир Николаевич,

доцент кафедры сравнительной политологии РУДН
им. Патриса Лумумбы
E-mail: amelin-vn@rudn.ru,

Гаспарян Алена Варужановна,

аспирант кафедры сравнительной политологии РУДН
им. Патриса Лумумбы
E-mail: alyonagasparian@yandex.ru.

В статье предлагается типология политических режимов по трем основаниям: способность отвечать на общественный запрос, доминирующий институт, принимающий политические решения, формы реализации властных полномочий. Выявлено 16 типов политических режимов, каждый из которых функционирует согласно собственной логике. Приведены примеры каждого из рассматриваемых типов. Предложенная типология лишена идеологической окраски и нормативности, так как не описывает «неотвратимое движение человечества к демократии», а предлагает теоретические рамки сравнительного исследования политических режимов: какие политические субъекты и каким образом принимают решения, каким способом они реализуются и ради каких целей.

Ключевые слова: политическая система, политический режим, общий интерес, доминирующий политический институт, легитимность, публичность, президентство, парламентаризм, клановость, охлократия, теократия.

Введение

На сегодня в мире насчитывается около 200 государств, и в каждом сформировался особый политический режим, отражающий традиции и ценности, характерные для страны. Открытым остается вопрос оснований для типологии режимов, количественных и качественных методов их анализа и оценки. В центре данного исследования находится политический режим как способ осуществления политической власти в интересах определенных социальных и политических субъектов. Мы исходим из принципиального методологического различия политической системы как юридически закреплённой совокупности политических институтов, устойчивой взаимосвязи процедур и правил (формальных и неформальных), которые позволяют ей (системе) выполнять свои функции, и политического режима, как вполне конкретной «операционной системы» органов политической власти, которая формируется для решения определенных задач в конкретно-исторический период и реализуется исторически определенным политическим классом и его лидерами.

Чтобы адекватно описать политический режим и способ его функционирования, необходим гибкий, многомерный категориальный инструментарий. В рамках данного исследования предлагается типология, основанная на следующих критериях. **Первый критерий** – способность политического режима **артикулировать и отвечать на общественный запрос**. В какой мере политический режим решает задачи, стоящие перед страной, удастся ли его представителям выразить и реализовать **общий интерес**, или режим служит частным или корпоративным интересам. Любой политический режим заинтересован в воспроизводстве, а оно невозможно без решения тех проблем, которые стоят перед обществом и мешают его развитию. В рамках системной парадигмы целеполагание и целедостижение являются важнейшими функциями политического режима. Именно это основание является решающим для признания политического режима легитимным со стороны граждан государства. **Второй критерий** – **доминирующий институт** как реальный центр принятия политических решений. Вопрос о локусе власти – важнейший для понимания политического режима, так как ответ на него позволяет определить, какие субъекты и каким образом принимают политические решения. **Третий критерий** – **формы реализации властных полномочий**: правовые или внеправовые, силовые или несиловые. Каким образом осуществляется управление общественными процессами: в рамках действующего законодательства или нет, каковы пределы использования насилия органами власти для достижения поставленных целей – это важнейшие характеристики любого политического режима.

16 типов политических режимов. В самом общем виде типологизация охватывает 16 типов, представленных в таблице 1. Каждый из этих типов может быть разбит на более мелкие виды по различным основаниям. К сожалению, объем работы не позволяет такого рода детализацию.

Таблица 1. Типология политических режимов

Доминирующий политический институт	Правовые (легитимные законы, нормы)	Неправовые (традиции, договоренности, давление, принуждение)
Президент	1. Институциональное президентство	2. «Клановое» президентство
Парламент	3. Институциональный парламентаризм	4. «Клановый» парламентаризм
Правительство	5. Институциональное правительство	6. «Клановое правительство»
Вооруженный народ	7. Декретный режим	8. Охлократия
Политическая партия	9. «Мягкий» однопартийный режим	10. «Жесткий» однопартийный режим
Духовный лидер	11. Институциональная теократия	12. «Теократия нравственной строгости» (С. Цвейг)
Иностранное государство	13. Государство-сателлит	14. Марионеточное государство
Глобальная корпорация	15. Корпоративный режим	16. «Глубинное государство»

Первую группу составляют режимы, где власть, независимо от ее концентрации, осуществляется **преимущественно** через формальные, законодательно закрепленные институты и процедуры (правовые режимы). Нормы права выступают основным механизмом управления и легитимации власти. Во вторую группу входят режимы, где формальные институты играют роль фасада, скрывающего реальные механизмы власти. Решения здесь принимаются **преимущественно** в рамках неформальных, теневых сетей, основанных харизме лидера, на личной преданности, родственных, клановых или олигархических связях. Закон и конституция не отменяются, но их применение становится избирательным, они используются как инструмент в борьбе между различными социальными и политическими субъектами, а не как универсальный регулятор общественной жизни.

Институциональное президентство (режим суперпрезидентской власти). Данный тип политического режима характеризуется тем, что центром принятия стратегически важных решений является президент и его администрация, под которые адаптируется вся система политических институтов. Этот режим реализуется через конституционные механизмы: законы, указы, деятельность администрации президента, правительства, парламента, судов. В такой системе президент, как правило, является главой государства и фактически главой исполнительной власти, даже если формально существует пост председателя правительства. Президент определяет общенациональные цели, основные направления внутренней и внешней политики, осуществляет кадровые назначения и выступает верховным арбитром в системе публичной власти [1].

В реальности функционирование этого режима (как, впрочем, и других) обеспечивается системой формальных и неформальных практик. Президент, опираясь на свою легитимность, полученную в результате прямых выборов, инициирует основные законопроекты, которые затем проводятся через лояльный парламент. Особую роль играют администрация президента – орган, который концентрирует в своих руках колоссальные полномочия по подготовке решений, контролю за их исполнением и координации деятельности всех ветвей власти.

Институциональное президентство, как правило, демонстрирует высокие показатели устойчивости политического режима. Его стабильность опирается на мощь государственного аппарата (силовых структур, бюрократии) и на легитимность, проистекающую из удовлетворенности населения эффективностью власти и ее способностью обеспечивать порядок и социальную стабильность. Однако такая устойчивость может быть непрочной и переходить в застой, если в системе не работают механизмы обратной связи и ротации представителей правящего класса.

«Клановое» президентство является антиподом институционального. **Клановое президентство** – это политический режим, в котором власть концентрируется в руках президента, но ориентирована на удовлетворение интересов ограниченного количества сообществ (будь то племенные группы, родственники, финансовые или промышленные корпорации). Президент обладает всей полнотой власти, избирается всенародно и формально является гарантом прав и свобод граждан. Однако вокруг президента формируется узкий неформальный круг лиц, представляющих – интересы «семьи», земляков, друзей юности или бизнес-партнеров и т.п. Лояльность к президенту и его доверенным людям становится важнее соблюдения законов и служебного долга. Власти, помимо легальных форм, широко используют неформальные практики насилия и принуждения в отношении граждан страны, первую очередь против оппозиции.

В реальности такая система приводит к приватизации государства. Государственные должности распределяются не по принципу компетентности, а по принципу личной преданности. Крупные государственные корпорации переходят под контроль доверенных лиц президента и членов его «клана». Правоохранительные органы используются для давления на оппозицию и конкурирующие бизнес-группы. Внешняя политика может определяться не национальными интересами, а личными деловыми связями президента и его окружения.

Примеров такого типа режима достаточно – Чад, Таджикистан, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан [2]. Но классическим примером такого политического режима является правление семейного клана Сомосы (Somoza), правившего Никарагуа почти полвека, с 1936 по 1979 год [3]. Режим создавал видимость демократических институтов, но полностью контролировал их. Анастасио Сомоса Гарсия избирался Президентом Никарагуа. Однако выборы носили декоративный характер. Националистическая либеральная партия (PLN), подчиненная семье Сомосы, доминировала в двухпалатном национальном Конгрессе.

Институциональный парламентаризм. Этот тип режима представляет собой систему, в которой верховная роль в отправлении государ-

ственной власти принадлежит представительному и законодательному органу [4]. Парламентское большинство или коалиция партий формирует правительство и вправе в любой момент отправить его в отставку через процедуру вотума недоверия. Президент или монарх в такой системе выполняет преимущественно церемониальные и представительские функции, не обладая реальными рычагами исполнительной власти. Власть деперсонифицирована и принадлежит не конкретному лидеру, а коллективному органу, отражающему расстановку партийных сил в стране. Примерами этого политического режима являются Италия, Швейцария, Австрия.

Преимуществом режима является его способность обеспечивать баланс социальных интересов. Сама процедура формирования коалиционного правительства заставляет партии с различными программами искать точки соприкосновения и договариваться, предотвращая монополизацию власти одной группой. Публичность власти является максимальной: парламентские дебаты, работа комитетов, пресс-конференции и постоянный контроль со стороны СМИ делают процесс принятия решений прозрачным. Главным недостатком этого режима является решение стоящих перед обществом задач. Межпартийная борьба мешает решению стоящих перед обществом фундаментальных задач, что создает социальную напряженность и порождает авторитарные настроения в обществе.

«Клановый» парламентаризм – модель политического режима, при которой парламент является высшим органом государственной власти. Представительный орган является не просто местом политической борьбы, а институционализированной площадкой для согласования интересов основных социальных групп – будь то религиозные общины, этносы, кланы или промышленные или финансовые корпорации. При этом данный принцип может быть, как формально закреплён в конституции (Ливан, Босния), так и существовать в виде негласных, но обязательных для всех правил игры (Ирак, Сомали).

Рассмотрим в качестве примера Ливан [5]. В Ливане парламент (Палата депутатов) является ключевым органом власти, но его формирование подчинено не столько воле избирателей, сколько сложному балансу между религиозными общинами, которые фактически формируют из своих представителей политические кланы. Места в парламенте распределяются по конфессиональному принципу. Например, долгое время сохранялось соотношение 64 места для христиан и 64 для мусульман. Внутри этих групп места дополнительно делятся между конкретными конфессиями (марониты, сунниты, шииты и т.д.). Парламент не только принимает законы, но и выполняет ключевую функцию – избирает президента страны. Эта система закреплена и на уровне руководства страны: президентом может быть только маронит-христианин, премьер-министром – мусульманин-суннит, а председателем парламента – мусульманин-шиит.

Институциональное правительство. В данной модели основные рычаги власти находятся в руках у премьер-министра и кабинета министров, а президент (или монарх) играет роль вторичную. Формально кабинет министров формируется парламентом и несёт перед ним ответственность, президент или монарх выполняет преимущественно представительские функции. Однако именно кабинет министров реально управляет парламентом, определяет повестку дня, принимает основные решения и контролирует законодательный процесс. Премьер-министр определяет основные приоритеты во внутренней и внешней политики. Более того, в его распоряжении находятся административные, финансовые и символические рычаги власти, которые он умело использует, представляя проводимую политику как реализацию общенациональных интересов. Эту систему называют еще «кабинетной» или «вестминстерской». Классический пример – Великобритания [6].

«Клановое» правительство – это такой политический режим, в котором доминирующую роль играет исполнительная власть. Ключевые министерские и административные посты распределяются без учета профессиональной компетенции, на основе личной преданности и аскриптивных (прирождённых) характеристик: родства, этнической принадлежности, землячества, а также, в ряде случаев, на основе брачных альянсов и иных неформальных социальных связей. Такая модель характерна для неопатримониальных, султанистских и персоналистских автократий, в которых государство функционирует как патримониальное владение правящей группы. Примеров много: Сирия (до 2025 г.), Ирак (до 2003 г.) и Йемен, государства Центральной Азии [7].

Декретный политический режим существует непродолжительное время в период революционных трансформаций общества. Представительные органы еще не сформированы, политическая власть находится в руках военного или революционного совета. Их полномочия временны, также как и декреты, которые формируют новый общественный порядок. Основная задача власти в этот период состоит в том, чтобы сохранить себя и создать новый политический порядок.

Понятно, что такого рода режим крайне неустойчив, баланс политических сил постоянно меняется и часто зависит от случайностей. Общий интерес представляют революционные силы, использующие энергию неприятия к «старому режиму» и претендующие на выражение общего стремления к новому лучшему обществу.

Примером декретного режима может послужить правление Временного правительства России в 1917 году [8]. За время существования (март – октябрь 1917 года) Временное правительство издало около сотни актов, касающихся прав человека, правоохранительных органов, местного самоуправления, экономики и других сфер жизни.

Охлократический режим («власть площади»). Охлократия (от др.-греч. «власть толпы») представляет собой уникальный тип режима, при котором источником власти становится неинституциональная, хаотичная и эмоционально заряженная сила – улица, толпа, массовое протестное движение. Формальные институты власти (президент, парламент, правительство) либо полностью теряют контроль над ситуацией и оказываются парализованными, либо подчиняются прямой воле «площади». Охлократический режим возникает в моменты острейших кризисов легитимности, когда власть уже не может управлять по-старому, а новые институты еще не созданы. Улица становится постоянной ареной политической жизни, а решения принимаются под давлением массовых митингов, ультиматумов и зачастую насильственных действий. Выдающийся российский историк А.З. Манфред называл этот режим «революционной охлократией» [9]. В современный период такой режим установился на Украине в конце 2013 – начале 2014 года. Центр принятия политических решений фактически переместился из правительственных зданий на площадь Независимости в Киеве [10].

«Мягкий» однопартийный режим – власть при однопартийном режиме принадлежит политической партии, которая формирует все органы государственной власти. В Конституции СССР 1936 года не было отдельной статьи о руководящей роли Всесоюзной политической партии большевиков. Власть формально принадлежала Советам, однако на практике ВКП (б) уже тогда была главным субъектом государственного управления, поскольку определяла политическое устройство государства, основные направления внутренней и внешней политики страны, а также состав и функции правящего класса. Конституция СССР 1977 года стала первой, где роль Коммунистической партии Советского Союза была возведена в ранг конституционной нормы. Именно тогда появилась 6-я статья, закрепившая однопартийную систему и монополию партии на власть. «Статья 6. Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу» [11].

Брежневский период стал эпохой был эпохой стабильного развития страны. Шло развитие экономики, осваивались новые территории, выполнялись социальные программы. Политические репрессии были сведены к минимуму. Концепция «развитого социализма» допускала в определенных пределах идеологический плюрализм. Важным фактором стабильности были договоренности с западными странами о разрядке международной напряженности. Политический режим отвечал на основную заповедь общества в повышении уровня жизни, как в материальном, так и в культурном планах. Было сформировано общественный договор: власть гарантирует стабильность, а общество отвечает лояльностью. При Л. Брежневе «советское государство превратилось в гигантскую машину самоуправляющейся бюрократии» [12]. Ключевую роль играла «номенклатура» – открытый слой партийных, государственных чиновников и хозяйственных руководителей, в своей массе преданно работавших на реализацию партийно-государственных планов. Л. Брежнев, в отличие от И. Сталина, был не столько автократом, сколько «первым среди равных» в системе партийно-государственного управления.

Примерами стран с «мягким» однопартийным режимом в настоящее время являются Китайская народная республика, Социалистическая республика Вьетнам. Сингапур формально является многопартийным государством, однако с 1959 года у власти бессменно находится Партия народного действия (ПНД) [13].

«Жесткий» однопартийный режим характеризуется мобилизацией страны на преодоление цивилизационного отставания от развитых стран Запада. Решение этой задачи требовало концентрации и централизации политической власти в одних руках. При таком политическом режиме находился СССР в период правления И. Сталина. Его основная должность с 1934 года по 1953 год – секретарь ЦК ВКП(б). Коммунистическая партия концентрировала все общественные ресурсы: экономические, административные, символические в едином центре, чтобы выполнить историческую миссию создания принципиально нового общественного строя. В таких режимах другие партии являются

помехой в достижении исторической цели, поэтому запрещены. Идеология партии становится государственной и распространяется на все сферы жизни, включая бытовую. Принимаются законы, позволяющие преследовать оппозицию, подвергая ее уголовному преследованию без суда и следствия. В этот период внесудебные расправы, ГУЛАГ и доносите́льство были нормой. Репрессивный аппарат был направлен не только на уничтожение «врагов народа», но и создание общественной атмосферы страха сурового наказания за невыполнение государственных задач [14].

Институциональная теократия – власть находится в руках у духовного лидера или у совета священнослужителей, а правовые нормы основаны на положениях господствующей религии. Вследствие этого, конституция и остальные законы вторичны по сравнению с религиозным правом. Классический пример данного режима – Исламская Республика Иран, и в меньшей степени Королевство Саудовская Аравия, где существует институт религиозной полиции [15]. Формально существует разделение на законодательную, исполнительную и судебную ветви, но все они поставлены под контроль Высшего руководителя (Рахбара). Он должен быть наиболее знающим богословом, обладающим чувством справедливости и политической проницательностью, а также безусловным авторитетом. Именно ему вменяются обязанности главы государства, носителя верховной политической и религиозной власти в стране.

Высший руководитель выбирается Советом экспертов, который в свою очередь избирается гражданами на 8 лет из числа авторитетных представителей духовенства. Корпус экспертов составляют 88 богословов. Высший руководитель может быть смещен лишь Советом экспертов, но на практике их контроль номинален, и он находится у власти пожизненно. Рахбар является главой государства, верховным главнокомандующим, определяет общую политику страны, назначает главу судебной власти, командующих Корпусом стражей исламской революции (КСИР) и армии, утверждает результаты президентских выборов через подконтрольный Совет стражей (12 человек). Президент Республики Иран избирается всенародным голосованием и является главой исполнительной власти. Парламент (меджлис) также избирается всенародным голосованием. Однако принимаемые им законы должны быть одобрены Советом стражей. Имеется еще Совет целесообразности – назначаемый Рахбаром совещательный орган, призванный разрешать противоречия между парламентом и Советом стражей, а также давать ему рекомендации. Таким образом, политический режим Республики Иран представляет собой сложную многоуровневую систему, в которой власть распределена между несколькими центрами, имеет сетевую структуру, что способствует устойчивости режима.

Теократия «нравственной строгости» (С. Цвейг) – это форма теократической власти, основанная на моральных ценностях и принципах социального поведения. Основные права являются религиозные нормы. За их нарушения предусмотрены публичные наказания. В таком режиме светская и духовная власть слиты воедино при доминировании церковной власти. Классический пример такой системы – непрерываемая власть Кальвина в Женеве, которого называли «Женевским Папой» [16]. В 1541 году был создан такой орган как Консистория, состоявший из пасторов и светских старейшин. Консистория осуществляла тотальный контроль за частной и общественной жизнью граждан. Данный режим так же отличается крайней нетерпимостью к любому инакомыслию, широко применял смертную казнь и изгнание. Формально Женевой управлял Малый Совет, который выполнял административные и судебные функции. Но Кальвин как пастор и глава Консистории имел абсолютное влияние на этот орган, не будучи его членом, и даже гражданином Женевы. После смерти Кальвина в 1564 году режим медленно трансформировался в более умеренный типа кланового правительства, когда городом управляли несколько «патрицианских» семей.

Особые характеристики имеет политический режим **государства-сателлита**. Это государство формально является суверенным государством, но в реальности внешне политический курс, экономика, финансы и безопасность такого государства контролируется более сильной державой. Во внутренней политике такого рода государство проводит самостоятельную линию, но в определенных пределах. Легитимность политического режима основана на доверии к власти населения, а также на одобрении государства-патрона [17].

Политический режим государства-сателлита – это режим с ограниченным суверенитетом, где формальные государственные институты находятся в зависимости от государства-патрона. Внутренняя и внешняя политика такого рода режима определяется с государством-патроном. Экономика зависит от государства-патрона и часто ориентирована на обслуживание его экономических интересов (экспорт сырья, импорт технологий, долговая зависимость). Наиболее яркий пример – это политические режимы государств социалистического со-

дружества – Польши, Венгрии, Чехословакии, Румынии, ГДР и др. Такого рода режим неустойчив, так как изменение политики государства-патрона неизбежно ведет трансформации политического режима государства-сателлита, которое характеризуется острой политической борьбой и социально-экономической нестабильностью.

Политический режим марионеточного государства формируется государством-господином в собственных политических целях. Марионеточное государство имеет все атрибуты государственности – конституцию, флаг, гимн, органы власти и управления, однако полностью лишено суверенитета и де-факто управляется государством-господином. Его существование держится исключительно на военной, экономической и политической поддержке внешней силы. Прекращение этой поддержки автоматически влечёт крах режима. Политический режим марионеточного государства – это крайняя форма зависимости, при которой все официальные институты власти служат лишь фасадом, прикрывающим внешнее управление. Для этого режима характерно отсутствие легитимности, полный контроль государством-господином аппарата управления марионеточного государства и прежде всего силовых структур – вооруженных сил, полиции, органов безопасности, разведки и т.п., управление общественной жизнью посредством репрессий, насилия, принуждения, экономика и финансовая система работают в интересах государства-господина и полностью зависимы от него.

Примерами такого рода политических режимов является Вишестская Франция (1940–1944) – формально независимое государство, но фактически управлялось из Берлина, его правительство проводило политику коллаборационизма [18]. Республика Корея (1948–1987) – была марионеткой США в первые десятилетия после Второй мировой войны, хотя позже эволюционировала в сторону большей самостоятельности. Но и сегодня вооруженные силы этой республики контролируются генералами Армии США.

Корпоративный политический режим – это режим, государств, зависящих от крупных корпораций. Это яркий пример – деградации национальных государств. В отличие от традиционных форм зависимости (сателлиты, марионетки), здесь центром силы выступает не государство, а частный капитал, действующий в региональном или глобальном масштабе. Это приводит к тому, что национальные интересы подчиняются корпоративной прибыли, а сам государственный суверенитет деградирует. Единственная функция такого режима – извлечение экономической выгоды, а население, территория, ресурсы для данного режима – всего лишь активы. Классическим примером корпоративного режима являются политические режимы, формировавшиеся в государствах Центральной Америки и Карибского бассейна в интересах американской компании «Юнайтед Фрут» [19].

Самый скандальный кейс – организация переворота в Гватемале в 1954 году. Когда демократически избранный президент Хакобо Арбенс начал аграрную реформу и экспроприацию неиспользуемых земель этой компании, она развернула масштабную лоббистскую кампанию в Вашингтоне, представив его действия как «коммунистическую угрозу». В результате ЦРУ организовало переворот, приведший к власти проамериканскую военную хунту, что повлекло за собой десятилетия репрессивных режимов и гражданской войны. Таким образом, частный бизнес может стать проводником государственной политики и даже подменять собой государственную власть. «Юнайтед Фрут» стала символом американского корпоративного империализма в Латинской Америке, продемонстрировав, как бизнес-интересы могут определять политические режимы целых стран.

Особый **политический режим устанавливается при доминировании в обществе корпорации** избираемых и непубличных государственных служащих, представителей силовых и финансовых структур, а также влиятельных представителей медиасообщества. В последние годы в политический словарь вошло понятие **«глубинного государства»** [20]. Оно описывает реальный механизм власти, где неформальные сети бюрократии, спецслужб, крупного промышленного и финансового капитала, а также медиасферы формируют специфический политический режим, для которого характерны следующие черты. Для этого рода режима характерна, прежде всего, деградация публичной сферы политики: государственные решения принимаются кулуарно, без должного общественного обсуждения. Тем самым подрывается легитимность органов государственной власти. Принимаемые решения якобы государственные решения ориентированы на удовлетворение корпоративных и частных интересов, игнорируют проблемы, волнующие общество.

• Поскольку политический режим, формируемый «глубинным государством» не ограничен нормами права, то у него появляются колоссальные возможности управления политическими и социальными процессами на основе использования новейших достижений социаль-

ной инженерии и информационных технологий, особенно связанных с развитием искусственного интеллекта. Появилась целая литература алармистской направленности о новых формах господства и управления человеческим поведением. Главный посыл этих работ – граждан больше не контролируют с помощью открытого принуждения, а мягко и незаметно направляют через цифровые платформы, алгоритмы и психологические технологии [21]. «Глубинное государство» не ограничивается национальными границами. Оно включает в себя наиболее активные элементы наднациональных структур и глобальных корпораций, формируя «глобальное глубинное государство», подавляющие национальные государства и формируя в своих интересах систему международных отношений.

Заключение

Предложенная типология лишена идеологической окраски, потому что описывает не «уровень демократии в целом» согласно некому объективному историческому процессу, а то, каким образом и какие политические субъекты принимают решения, каким способом и ради каких целей. Каждое из измерений политического режима может быть эмпирически зафиксировано. Общациональные цели, как правило, сформулированы или в официальных документах или же в политических декларациях. Возможно проверить, в какой степени они достигнуты. Локализация политической власти также эмпирически фиксируется. Неважно публична власть или действует за кулисами принципиально возможно определить, какие политические субъекты принимают решения по бюджету страны, ее безопасности, кадровым назначениям и т.п. Способы реализации властных решений, принятых в соответствии действующему законодательству, или же вне правового поля, факты законного или незаконного использования насилия также могут быть эмпирически зафиксированы и определенным образом характеризовать политический режим. Понятно, что «идеальные типы» политических режимов встречаются редко, но данная типология позволяет сформулировать направления исследований, предлагая теоретическую рамку сравнения политических режимов.

Литература

1. Зазнаев О.И. Суперпрезидентские системы на постсоветском пространстве // Политическая наука. – 2006. – № 3. – С. 5–28.
2. Борисов Н.А. Между кланом и институтом: президентская власть в Туркменистане и Узбекистане // Полития. – 2014. – № 4 (75). – С. 102–118.
3. Воронникова Т.А. Режим Сомосы в Никарагуа: от патримониализма к династической автократии // Латинская Америка. – 2010. – № 12. – С. 54–67.
4. Зазнаев О.И. Парламентская форма правления: институциональные характеристики и типы // Политическая наука. – 2005. – № 1. – С. 56–79.
5. Salloukh B.F., Barakat R., Al-Habbal J.S. The Politics of Sectarianism in Postwar Lebanon. – London: Pluto Press, 2015. – 232 p.
6. Романова Т.А. Кабинет министров в системе исполнительной власти зарубежных стран. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 192 с.
7. Малышева Д.Б. Клановый фактор в политике постсоветских государств Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – № 3. – С. 105–113.
8. Гайда Ф.А. Временное правительство и проблема власти в России (февраль–октябрь 1917 г.) // Российская история. – 2009. – № 4. – С. 3–17.
9. Манфред А.З. Великая французская революция. – М.: Наука, 1983. – 431 с.
10. Бышок С.О., Кочетков А.В. Евромайдан: от демократии к охлократии. – М.: Книжный мир, 2014. – 288 с.
11. Конституция СССР (1977) // [https://ru.wikisource.org/wiki/Страница:Конституция_СССР_\(1977\).pdf/6](https://ru.wikisource.org/wiki/Страница:Конституция_СССР_(1977).pdf/6) (дата обращения: 10.07.2026).
12. Авторханов А.Г. Сила и бессилие Брежнева: политические этюды / А.Г. Авторханов. – Frankfurt am Main: Посев, 1980. – 355 с.
13. Астафьева Е.М. Партия «Народное действие» и политический процесс в Сингапуре // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2014. – Вып. 22. – С. 193–211.
14. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры / О.В. Хлевнюк. – М.: РОССПЭН, 2010. – 478 с. – (Серия «История сталинизма»).
15. Сапронова М.А. Государственный строй и конституции арабских республик. – М.: Муравей, 2003. – 328 с.
16. Чернышёв А.В. Политико-правовые идеи Жана Кальвина и их реализация в Женевской теократии // История государства и права. – 2012. – № 15. – С. 35–39.

17. Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории / Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова, Т.А. Покивайлова. – М.: РОССПЭН, 2002. – 688 с.

18. Бурлаков А.Н. Режим Виши во Франции: истоки, сущность, крах (1940–1944): Дисс. ... канд. ист. наук / А.Н. Бурлаков. – М., 2005. – 217 с.

19. Grandin G. Empire's Workshop: Latin America, the United States, and the Rise of the New Imperialism. – New York: Metropolitan Books, 2006. – 304 p.

20. Scott P.D. The Road to 9/11: Wealth, Empire, and the Future of America. – Berkeley, Calif.; London. – University of California Press. – 2007. – XVII, 423 p. ISBN: 978–0–520–23773–5 (cloth); 978–0–520–25871–6 (paperback).

21. Wolin S.S. Democracy Incorporated: Managed Democracy and the Specter of Inverted Totalitarianism. – Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2008. – 360 p. – ISBN 978-0-691-13566-3.

TYPOLOGY OF POLITICAL REGIMES

Amelin V.N., Gasparyan A.V.

Patrice Lumumba RUDN University

This article proposes a typology of political regimes based on three criteria: the ability to respond to public demand, the dominant institution making political decisions, and the forms of exercising power. Sixteen types of political regimes are identified, each functioning according to its own logic. Examples of each type are provided. The proposed typology is devoid of ideological overtones and normativeness, as it does not describe «humanity's inexorable movement toward democracy,» but rather offers a theoretical framework for the comparative study of political regimes: which political actors make decisions and how, how they are implemented, and for what purposes.

Keywords: political system, political regime, common interest, dominant political institution, legitimacy, publicity, presidency, parliamentarism, clannishness, ochlocracy, theocracy.

References

1. Zaznaev O.I. Super-presidential systems in the post-Soviet space // Political science. – 2006. – № 3. – P. 5–28.
2. Borisov N.A. Between the clan and the institution: presidential power in Turkmenistan and Uzbekistan // Polity. – 2014. – № 4 (75). – pp. 102–118.
3. Vortnikova T.A. The Somoza regime in Nicaragua: from patrimonialism to dynastic autocracy // Latin America. – 2010. – № 12. – P. 54–67.
4. Zaznaev O.I. Parliamentary form of government: institutional characteristics and types // Political science. – 2005. – № 1. – P. 56–79.
5. Salloukh B.F., Barakat R., Al-Habbal J.S. The Politics of Sectarianism in Postwar Lebanon. – London: Pluto Press, 2015. – 232 p.
6. Romanova T.A. The Cabinet of Ministers in the system of executive power of foreign countries. – M.: YurLitinform, 2010. – 192 p.
7. Malysheva D.B. The clan factor in the politics of the post-Soviet states of Central Asia // World Economy and International Relations. – 2007. – № 3. – P. 105–113.
8. Gaida F.A. Provisional government and the problem of power in Russia (February–October 1917) // Russian history. – 2009. – № 4. – P. 3–17.
9. Manfred A.Z. The Great French Revolution. – M.: Nauka, 1983. – 431 p.
10. Byshok S.O., Kochetkov A.V. Euromaidan: from democracy to ochlocracy. – M.: Book world, 2014. – 288 p.
11. Constitution of the USSR (1977) // [https://ru.wikisource.org/wiki/Page:Constitution_USSR_\(1977\).pdf/6](https://ru.wikisource.org/wiki/Page:Constitution_USSR_(1977).pdf/6) (date accessed 07/10/2026).
12. Avtorkhanov, A.G. Brezhnev's strength and powerlessness: political studies / A.G. Avtorkhanov. – Frankfurt am Main: Posev, 1980. – 355 p.
13. Astafieva E.M. Party «People's Action» and the political process in Singapore // Southeast Asia: current problems of development. – 2014. – Issue. 22. – pp. 193–211.
14. Khlevnyuk O.V. Owner. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship / O.V. Khlevnyuk. – M.: ROSSPEN, 2010. – 478 p. – (Series «History of Stalinism»).
15. Sapronova M.A. State system and constitutions of the Arab republics. – M.: Ant, 2003. – 328 p.
16. Chernyshev A.V. Political and legal ideas of John Calvin and their implementation in the Geneva theocracy // History of State and Law. – 2012. – № 15. – P. 35–39.
17. Volokitina, T. V., Murashko, G. P., Noskova, A. F., Pokivailova, T.A. Moscow and Eastern Europe. The formation of political regimes of the Soviet type (1949–1953): Essays on history / T.V. Volokitina, G.P. Murashko, A.F. Noskova, T.A. Pokivailova. – M.: ROSSPEN, 2002. – 688 p.
18. Burlakov A.N. The Vichy regime in France: origins, essence, collapse (1940–1944): dis. ...cand. ist. Sciences / A.N. Burlakov. – M., 2005. – 217 p.
19. Grandin G. Empire's Workshop: Latin America, the United States, and the Rise of the New Imperialism. – New York: Metropolitan Books, 2006. – 304 p.
20. Scott P.D. The Road to 9/11: Wealth, Empire, and the Future of America. – Berkeley, Calif.; London. – University of California Press. – 2007. – XVII, 423 p. ISBN: 978–0–520–23773–5 (cloth); 978–0–520–25871–6 (paperback).
21. Wolin S.S. Democracy Incorporated: Managed Democracy and the Specter of Inverted Totalitarianism. – Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2008. – 360 p. – ISBN 978-0-691-13566-3.

Конструирование субъектности сетевых акторов: самоидентификация и осмысление роли в публичной политике

Болтнева Софья Викторовна,
студент РАНХиГС
E-mail: bltsf@mail.ru

Статья посвящена исследованию механизмов конструирования политической субъектности сетевых акторов в условиях цифровизации публичного пространства. Рассматриваются процессы самоидентификации участников сетевых взаимодействий, стратегии осмысления ими собственной роли в публичной политике, а также правовые условия, определяющие возможности и пределы их политического участия. На основе анализа действующего российского законодательства выявлен системный дефицит правового регулирования данной сферы. Предлагаются конкретные изменения в Закон РФ «О средствах массовой информации», Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», а также Кодекс об административных правонарушениях в части закрепления правового статуса сетевых акторов и противодействия деструктивным практикам анонимного политического воздействия.

Ключевые слова: сетевые акторы, политическая субъектность, самоидентификация, публичная политика, цифровое пространство, медиаактивизм, правовой статус, гражданское участие, институционализация.

Цифровизация публичного пространства привела к принципиальному изменению состава участников политического процесса. Наряду с традиционными институциональными субъектами – государственными органами, политическими партиями, зарегистрированными организациями гражданского общества – в публичную сферу вошли акторы, чья субъектность формируется преимущественно в сетевой среде. Блогеры, создатели политического контента, администраторы тематических сообществ, организаторы краудсорсинговых инициатив и цифровые медиаактивисты конструируют повестку дня, мобилизуют аудиторию, воздействуют на общественное мнение – иными словами, реализуют функции, исторически закреплённые за субъектами политики, оставаясь при этом за рамками действующего правового регулирования.

Возникает исследовательская проблема двойственного характера. С теоретической точки зрения существующие концепции политической субъектности, разработанные применительно к офлайн-среде, воспроизводят представление о субъекте как участнике устойчивых институциональных структур. Сетевые акторы в эту схему вписываются с трудом: их субъектность носит ситуативный, нелинейный и во многом самоконструируемый характер. С практической точки зрения правовой вакуум в данной сфере не устраняет политического влияния сетевых акторов, а лишь лишает государство и общество инструментов его регулирования.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы установить, каким образом сетевые акторы конструируют собственную субъектность в публичной политике, через какие механизмы самоидентификации они осмысливают свою роль, и какие правовые решения способны привести складывающуюся реальность в соответствие с требованиями ответственного политического участия.

Исследование выполнено с применением нескольких взаимодополняющих методологических подходов. Метод теоретико-концептуального анализа использован для систематизации существующих подходов к политической субъектности сетевых акторов и выявления их объяснительных ограничений применительно к цифровой среде. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить действующие нормы российского законодательства в части регулирования деятельности сетевых участников публичной коммуникации и установить пробелы, требующие законодательного восполнения.

Метод типологизации применён для построения классификации сетевых акторов по критериям характера осмысления ими собственной политической роли и стратегий самоидентификации. Метод концептуализации обеспечил выработку операциональных признаков политической субъектности, применимых к эмпирическому анализу сетевых практик.

Нормативную базу исследования составляют Конституция Российской Федерации, Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации», Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, а также ряд подзаконных актов, определяющих порядок взаимодействия органов публичной власти с субъектами информационной деятельности.

Теоретическую основу работы образуют концепция сетевого общества М. Кастельса, теория делиберативной демократии Ю. Хабермаса, теория политических сетей Р. Родса и Д. Марша, концепция сетевого ландшафта публичной политики И.В. Мирошниченко, а также исследования цифрового активизма и политической субъектности, представленные в отечественной и зарубежной литературе последних лет.

Проблематика политической субъектности в сетевой среде разрабатывается исследователями с разных концептуальных позиций, между которыми сохраняются существенные различия в предмете и методе.

Базовое понимание субъектности как совокупности качеств, определяющих способность индивида или группы к политической самоидентификации, целеполаганию и волевому действию, закреплёно в работах политических философов и политологов ещё в доцифровую

эпоху. А.И. Конуров определяет политическую субъектность как «набор определённых качеств, свойств, черт характера индивида, которые в своей совокупности определяют его способность к политической самоидентификации, анализу и целеполаганию, а также волю к активной политике» [6, с. 149]. Это определение сохраняет аналитическую ценность, однако не учитывает специфику среды, в которой реализуется субъектность в современных условиях.

Осмысление сетевого общества как принципиально новой среды политического действия связано прежде всего с трудами М. Кастельса. Он рассматривает информационные сети как новую форму социальной организации, в рамках которой коммуникативная власть – способность формировать смыслы и направлять информационные потоки – приобретает самостоятельное политическое измерение «Власть коммуникации означает способность конституировать смысловые коды, с помощью которых люди и институты определяют себя и оценивают своё поведение» [4, с. 87]. В этой логике сетевой актор, способный устойчиво управлять вниманием значимой аудитории, выступает политическим субъектом независимо от наличия формального институционального статуса.

Теория публичной сферы Ю. Хабермаса, разработанная применительно к условиям буржуазного общества XIX–XX веков, получила в научной литературе ряд переосмыслений применительно к цифровым реалиям. Отечественные исследователи – Л.И. Никовская и В.Н. Якимец – концептуализируют публичную политику через взаимодействие государства, гражданского общества и бизнеса при решении общественно значимых проблем и указывают на то, что «необходимо рассматривать механизмы и технологии реализации публичной политики, которые вырабатываются в контексте интересов гражданского общества» [10, с. 31]. Этот тезис задаёт нормативный горизонт для оценки роли сетевых акторов: их деятельность приобретает политическую субъектность в той мере, в какой она встраивается в процессы согласования интересов гражданского общества с публичными институтами.

Концепция сетевого ландшафта публичной политики, разработанная И.В. Мирошниченко, позволяет рассматривать совокупность сетевых взаимодействий как гетерогенную и динамическую структуру. Исследователь фиксирует, что «сетевой ландшафт привязан к политическому пространству и отражает институциональные (формальные и неформальные) и коммуникативные (публичные и латентные) характеристики сетевых конфигураций из разных слоёв публичной политики» [9, с. 52]. Принципиально важен вывод о стадийности становления политической субъектности сетевых сообществ: от латентного погружения в политическую повседневность до формальной институционализации, конвертирующей сетевые ресурсы в политический капитал.

Применительно к цифровому активизму Л. Беннетт и А. Сегерберг разработали теорию «взаимосвязанного действия», согласно которой цифровые медиа берут на себя функцию инструмента мобилизации, позволяя активистам «опираться не на устоявшиеся коллективные идентичности, а на персонализированные коммуникационные обращения, ориентированные на конкретные аудитории и цели» [13, с. 741]. Отсюда следует важный вывод о природе субъектности: теперь она не требует принадлежности к какой-то устойчивой структуре и вполне может проявляться через индивидуальные, но при этом согласованные между собой практики.

Российские исследователи последних лет указывают, что новые медиа занимают всё более заметное место в политической социализации молодёжи и во многом определяют её политические взгляды. А.В. Алейников, Д.А. Мальцева и П.Р. Тузова отмечают, что блоги самой разной направленности постепенно превращаются в своеобразный «справочный ресурс», а растущее влияние интернета ведёт к ослаблению позиций тех каналов социализации, которые традиционные политические институты способны контролировать в наименьшей степени [1, с. 298].

В научных работах, посвящённых политической субъектности цифровых медиаактивистов, всё отчётливее прослеживается стремление выйти за рамки описательности и выработать рабочие аналитические модели. Д.А. Щетинина выстраивает многоуровневую конструкцию субъектности, охватывающую когнитивное, коммуникативное и практическое измерения, и предлагает конкретные индикаторы для её фиксации: артикуляцию политических проблем, самопозиционирование в роли политического актора, элементы рефлексии, наличие интерпретационных рамок, мобилизационный потенциал и место в сетевом пространстве [12, с. 218].

В контексте проблематики самоидентификации в цифровой среде не утратила актуальности позиция Р.Э. Бараша. Он описывает «новые социальные движения» как «сложно коммуникативно устроенные объединения, складывающиеся в конкретном месте и времени среди доверяющих друг другу единомышленников вокруг «зЫбкого медиума

коммуникации»» и указывает на их способность динамически меняться под воздействием текущей новостной повестки [2, с. 84]. Из этого вытекает принципиально важное наблюдение: идентичность таких акторов формируется не через членство в какой-либо устойчивой структуре, а через совместное участие в производстве общих смыслов.

Проведённый анализ показывает, что политическая субъектность сетевых акторов складывается через три связанных между собой механизма: самоидентификацию, институционализацию практик и накопление коммуникативного капитала.

Самоидентификация – это рефлексивный процесс, в ходе которого сетевой актор определяет своё место в политическом дискурсе и формулирует собственную роль. Традиционные субъекты политики получают идентичность во многом извне – через членство в организации, занимаемую должность или мандат. Сетевой актор выстраивает её сам, через производимый контент. Именно об этом пишут Ж. Делёз и Ф. Гваттари, описывая субъекта как образование, которое возникает не до, а в процессе действия: политический субъект «не только действует в обществе, но и одновременно создаёт и воспроизводит свою политическую идентичность» [5, с. 536].

Анализ практик сетевых акторов позволил выделить три устойчивые стратегии самоидентификации. Позиционирование через проблему: актор выстраивает публичную идентичность, последовательно концентрируясь на определённом круге социальных или политических вопросов, вне зависимости от формальной принадлежности к какой-либо организации. Позиционирование через аудиторию: актор определяет себя через характер взаимодействия с читателями или зрителями, постоянно соотнося свою роль – эксперта, трибуна, организатора – с их ожиданиями и реакциями. Позиционирование через противопоставление: актор конструирует субъектность, явно разграничивая себя с традиционными СМИ, официальными структурами или конкурирующими голосами, и тем самым занимает позицию альтернативного авторитета в публичном пространстве.

На основе анализа практик политического участия в сетевой среде была построена типология акторов – по тому, как они сами осмысляют свою роль в публичной политике.

Информационные посредники представляют себя поставщиками альтернативной или специализированной информации. Их субъектность держится на претензии к большей достоверности или глубине освещения по сравнению с традиционными медиа. Главный ресурс здесь – доверие аудитории, главный риск – репутационные потери при распространении непроверенных сведений. Правовая проблема состоит в следующем: при аудитории, сопоставимой с крупными СМИ, эта категория акторов не несёт соответствующей ответственности за достоверность публикуемых материалов.

Мобилизационные организаторы нацелены на то, чтобы перевести информационное воздействие в коллективное действие. Их субъектность проявляется через конкретные мобилизационные результаты: сбор подписей, организацию акций, координацию участников кампаний. Правовая проблема здесь в том, что координация коллективных действий через цифровые каналы нередко ведётся без надлежащей регистрации организаторских структур – это затрудняет как защиту прав участников, так и привлечение виновных к ответственности в случае нарушения закона.

Интерпретаторы и аналитики специализируются на производстве рамок понимания событий: объясняют происходящее, встраивают его в более широкие нарративы, выстраивают причинно-следственные связи в публичном дискурсе. Их политическое влияние определяется не столько численностью аудитории, сколько её качеством и способностью транслировать предложенные интерпретации в смежные дискурсивные поля.

Акторы анонимного политического воздействия образуют наиболее проблематичную категорию. Отказ от идентификации может быть обусловлен как легитимными соображениями безопасности – характерными, в частности, для журналистов-расследователей, работающих с источниками, заслуживающими защиты, – так и стремлением к безответственному политическому влиянию: распространению дезинформации, организации координированных кампаний по дискредитации, созданию искусственной видимости общественного мнения посредством ботовых сетей. Правовая неурегулированность данной категории практик составляет главную угрозу легитимности публичного политического дискурса в сетевой среде.

Системный анализ действующего российского законодательства показывает, что оно регулирует отдельные аспекты деятельности сетевых акторов преимущественно в запретительном ключе, не создавая при этом позитивного правового статуса для добросовестных участников публичной политики в цифровом пространстве. Нормы Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, инфор-

мационных технологиях и о защите информации», устанавливающие требования к операторам информационных систем, распространяются на технических посредников, но не адресованы непосредственно производителям политически значимого контента. Нормы об иностранных агентах и нежелательных организациях касаются лишь отношений с зарубежным участием и не затрагивают широкий круг практик, складывающихся внутри отечественного сетевого пространства. Уголовная ответственность за распространение заведомо ложных сведений (ст. 207.3 УК РФ) требует доказывания умысла, что само по себе создаёт высокий доказательственный барьер, а координированное дезинформирование через автоматизированные ресурсы и вовсе остаётся за рамками данного состава.

Обозначенный пробел порождает три взаимосвязанные практические проблемы. Добросовестный участник сетевой коммуникации лишён правовой защиты и процессуальных гарантий, предусмотренных для зарегистрированных субъектов публичной сферы. Недобросовестный участник использует правовой вакуум в собственных интересах: отсутствие формального статуса позволяет ему оказывать политическое воздействие, не неся за это никакой ответственности. Органы публичной власти со своей стороны оказываются без надлежащих правовых инструментов для работы с сетевыми участниками в рамках процедур публичного участия – и в итоге либо попросту игнорируют гражданскую активность в сети, либо выстраивают взаимодействие с ней по неформальным, юридически никак не оформленным каналам.

По результатам проведённого исследования представляется обоснованным внести в действующее законодательство следующие изменения.

Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» предлагается дополнить статьёй 6.2, посвящённой сетевому автору, систематически производящему публично значимый контент, и закрепляющей правовой статус данной категории лиц. В качестве квалифицирующих признаков следует предусмотреть: ежесекундную аудиторию свыше десяти тысяч уникальных пользователей, систематический характер деятельности – не менее двенадцати публикаций в квартал, – а также тематическую направленность на вопросы публичной политики. Лица, отвечающие этим критериям, должны получить право на аккредитацию при органах государственной власти и местного самоуправления наравне с представителями зарегистрированных средств массовой информации. В качестве встречной обязанности надлежит установить ответственность за достоверность публикуемых сведений по правилам, действующим в отношении периодических изданий.

Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предлагается дополнить статьёй 10.6, вводящей верифицируемую идентификацию операторов ресурсов политически значимого содержания. Норма должна предусматривать обязательную идентификацию лиц, управляющих информационными ресурсами с суточной аудиторией свыше пятидесяти тысяч пользователей, при условии что производимый ими контент систематически затрагивает вопросы государственного управления, деятельности органов власти или избирательного процесса. Идентификация должна осуществляться путём регистрации в специализированном реестре федерального органа исполнительной власти в сфере связи с сохранением права на использование публичного псевдонима. Данная конструкция позволяет сочетать защиту конфиденциальности с обеспечением подотчётности политически влиятельных акторов.

Федеральный закон от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» следует дополнить нормой, закрепляющей понятие «сетевое гражданское сообщество» как совокупности лиц, систематически взаимодействующих посредством цифровых технологий по вопросам, входящим в компетенцию органа публичной власти соответствующего уровня, и имеющих идентифицируемых представителей. Органам местного самоуправления следует предоставить право привлекать верифицированных представителей таких сообществ к участию в публичных слушаниях наравне с представителями зарегистрированных институтов гражданского общества. Это создаст правовую форму для краудсорсинговых инициатив и придаст им формализованную легитимность в системе публичного управления.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предлагается дополнить статьёй 13.15.2, которая устанавливала бы ответственность за координированное недостоверное воздействие на публичную повестку. Под таковым следует понимать систематическое использование ботовых сетей, псевдонимных аккаунтов, созданных по единому замыслу, либо иных технических ресурсов с целью искусственно сформировать видимость широкой общественной под-

держки того или иного политически значимого вопроса – или, напротив, видимость её отсутствия. Санкции при этом целесообразно дифференцировать в зависимости от масштаба проводимой операции. Подобный подход позволит создать реальное правовое препятствие для практик, подрывающих доверие к публичному дискурсу, которые действующая редакция статьи 13.15 КоАП РФ охватывает лишь частично.

Выявленные механизмы конструирования субъектности сетевых акторов одновременно подтверждают и корректируют ключевые положения теоретических концепций, на которые опирается настоящее исследование. Тезис М. Кастельса о коммуникативной власти как самостоятельном политическом ресурсе получает эмпирическое подкрепление в практике информационных посредников и интерпретаторов: их политическое влияние определяется не местом в институциональной иерархии, а устойчивой способностью управлять вниманием значимой аудитории и формировать смыслы. Вместе с тем собранный материал обнажает существенный изъян кастельсовской модели: она воспроизводит логику накопления коммуникативной власти, однако не отвечает на вопрос, при каких условиях эта власть превращается в признанную политическую субъектность – ту, что другие участники публичного пространства готовы принять как легитимную.

Теория делиберативной демократии Ю. Хабермаса исходит из того, что публичный дискурс приобретает политическое измерение лишь тогда, когда соблюдены условия коммуникативной рациональности: открытость, возможность пересмотра позиций и общая ориентация на взаимопонимание. Анализ практик сетевых акторов свидетельствует о том, что данные условия выполняются далеко не повсеместно – по существу, лишь в деятельности аналитиков и интерпретаторов, выстраивающих содержательный диалог с аудиторией. Мобилизационные организаторы, а тем более акторы анонимного политического воздействия, действуют в прямо противоположной логике: их задача состоит не в достижении обоснованного согласия, а в получении нужного поведенческого результата при минимальных когнитивных усилиях со стороны адресата. Это расхождение указывает на то, что делиберативная модель задаёт нормативный горизонт, но не описывает реальное устройство сетевой публичной коммуникации, а потому не может выступать единственной теоретической основой для её правовой регуляции.

Предложенные законодательные решения обнаруживают как точки соприкосновения, так и принципиальные расхождения с регуляторными подходами, утвердившимися в зарубежных правовых системах. Европейский акт о цифровых услугах вводит дифференцированный режим ответственности платформ в зависимости от их масштаба и характера распространяемого контента, однако сосредотачивается преимущественно на регуляции технических посредников, оставляя производителей контента в значительной мере вне сферы прямого регулирования. Британский Online Safety Act 2023 года направлен на защиту пользователей от вредоносного контента, однако также не формирует позитивного правового статуса для добросовестных сетевых акторов, ведущих публично значимую деятельность. Французская практика аккредитации «journalistes en ligne» и опыт ряда скандинавских государств, допускающих участие верифицированных сетевых сообществ в процедурах публичных консультаций, концептуально близки к подходу, обоснованному в настоящей работе, – однако они встроены в иные правовые системы и не могут быть перенесены напрямую.

Субъектность сетевых акторов складывается постепенно и не возникает сама по себе – она рождается на стыке того, как человек себя позиционирует, какой контент производит и как выстраивает отношения с аудиторией. Никакой устав или членский билет её не закрепляет: она формируется через регулярные публикации, накопление подписчиков и готовность отстаивать занятую позицию. Отсюда – характерное противоречие: сетевой актор располагает значительной свободой действий, но почти не несёт за них ответственности. Если право никак не реагирует на это несоответствие, оно начинает искажать саму среду публичной политической дискуссии.

Правовая система, игнорирующая данный феномен, не устраняет его политических последствий, а лишь отказывается от инструментов управления ими. Предложенные изменения в законодательство направлены на создание правовой инфраструктуры, при которой добросовестные сетевые акторы получают формализованные возможности для участия в публичной политике, тогда как недобросовестные лишаются возможности использовать правовой вакуум в интересах безответственного политического воздействия. Достижение этого баланса является принципиальным условием легитимности публичного политического процесса в условиях цифровизации.

Литература

1. Алейников А.В., Мальцева Д.А., Тузова П.Р. Медиатизация коммуникаций как фактор трансформации ценностных ориентаций российской молодежи: тенденции и риски (часть 1) // ПОЛИТЭК. 2022. № 3. С. 288–303.
2. Бараш Р.Э. Паттерны активизма и протеста в социально-сетевой коммуникации современных россиян // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 79–97.
3. Гришин Н.В. Формирование государственно-гражданской идентичности в онлайн-пространстве: обзор современной научной литературы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2024. Т. 20, № 4. С. 721–734.
4. Кастельс М. Власть коммуникации: учебное пособие / пер. с англ. Н.М. Тyleвич; под науч. ред. А.И. Черных. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
5. Киященко Л.П., Голофаст А.В. Семиозис политического действия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. № 3. С. 531–543.
6. Конуров А.И. Субъектность как политологическая категория // Власть. 2012. № 6. С. 148–152.
7. Марков А.В., Сосновская А.М. Продуктивное использование неопределённости при определении акторов конструирования медианности // ПРАЭНМА. 2025. № 3 (45). С. 94–120.
8. Медведев С.В., Данакин Н.С., Качурова Е.В. Реализация гражданских инициатив в социально-сетевом пространстве региона (на примере Белгородской области) // НОМОТЭТИКА: Философия. Социология. Право. 2025. № 4. С. 759–769.
9. Мирошниченко И.В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. 295 с.
10. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Публичная политика в современной России: между корпоративно-бюрократическим и гражданско-модернизаторским выбором // Полития. 2007. № 1. С. 30–51.
11. Шестакова А.А. Особенности и практики функционирования цифровой личности как политического субъекта в онлайн-пространстве // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 4. С. 35–42.
12. Щетинина Д.А. Цифровые медиаактивисты как субъекты политического действия // Российская школа связей с общественностью. 2026. № 40. С. 212–233.
13. Bennett W.L., Segerberg A. The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics // Information, Communication & Society. 2012. Vol. 15, № 5. P. 739–768.
14. Joyce M. Digital Activism Decoded: The New Mechanics of Change. New York: IDEBATE Press, 2010. 228 p.

CONSTRUCTING THE SUBJECTIVITY OF NETWORK ACTORS: SELF-IDENTIFICATION AND UNDERSTANDING OF THE ROLE IN PUBLIC POLICY

Boltneva S.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the mechanisms of political subjectivity construction among network actors in the context of public space digitalization. It analyzes self-identification processes of network interaction participants, their strategies for understanding their own role in public policy, and the legal conditions determining the possibilities and limits of their political participation. Based on an analysis of current Russian legislation, a systemic deficit in the legal regulation of this sphere has been identified. Specific amendments are proposed to the Law on Mass Media, the Federal Law on Information, the Federal Law on Local Self-Government, and the Code of Administrative Offences in terms of consolidating the legal status of network actors and countering destructive practices of anonymous political influence.

Keywords: network actors, political subjectivity, self-identification, public policy, digital space, media activism, legal status, civil participation, institutionalization.

References

1. Aleynikov A.V., Maltseva D.A., Tuzova P.R. Mediatizatsiya kommunikatsiy kak faktor transformatsii tsennostnykh orientatsiy rossiyskoy molodyozhi: tendentsii i riski (chast' 1) [Mediatization of communications as a factor in the transformation of value orientations of Russian youth: trends and risks (part 1)] // POLITEKS. 2022. № 3. P. 288–303.
2. Barash R.E. Patterny aktivizma i protesta v sotsial'no-setevoy kommunikatsii sovremennykh rossiyan [Patterns of activism and protest in the social network communication of modern Russians] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. № 81. P. 79–97.
3. Grishin N.V. Formirovaniye gosudarstvenno-grazhdanskoj identichnosti v onlayn-prostranstve [Formation of state-civil identity in the online space] // POLITEKS. 2024. Vol. 20, № 4. P. 721–734.
4. Kastels M. Vlast' kommunikatsii [Communication Power]. Moscow: HSE Publishing House, 2016. 564 p.
5. Kiyashchenko L.P., Golofast A.V. Semiozis politicheskogo deystviya [Semiosis of political action] // Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya. 2023. № 3. P. 531–543.
6. Konurov A.I. Sub'ektnost' kak politologicheskaya kategoriya [Subjectivity as a political science category] // Vlast'. 2012. № 6. P. 148–152.
7. Markov A.V., Sosnovskaya A.M. Produktivnoye ispol'zovaniye neopredelennosti pri opredelenii aktorov konstruirovaniya mediaidentichnosti [Productive use of uncertainty in identifying actors of media identity construction] // ПРАЭНМА. 2025. № 3 (45). P. 94–120.
8. Medvedev S.V., Danakin N.S., Kachurova E.V. Realizatsiya grazhdanskih initsiativ v sotsial'no-setevom prostranstve regiona [Implementation of civic initiatives in the social network space of the region] // NOMOTHEKA. 2025. № 4. P. 759–769.
9. Miroshnichenko I.V. Setevoy landshtaf rossiyskoj publichnoy politiki [Network landscape of Russian public policy]. Krasnodar: Prosveshcheniye-Yug, 2013. 295 p.
10. Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. Publichnaya politika v sovremennoy Rossii [Public policy in modern Russia] // Politia. 2007. № 1. P. 30–51.
11. Shestakova A.A. Osobennosti i praktiki funktsionirovaniya tsifrovoy lichnosti kak politicheskogo sub'ekta [Features and practices of the digital personality functioning as a political subject] // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2022. № 4. P. 35–42.
12. Shchetinina D.A. Tsifrovyye mediaaktivisty kak sub'ekty politicheskogo deystviya [Digital media activists as subjects of political action] // Rossiyskaya shkola svyazey s obshchestvennost'yu. 2026. № 40. P. 212–233.
13. Bennett W.L., Segerberg A. The Logic of Connective Action // Information, Communication & Society. 2012. Vol. 15, № 5. P. 739–768.
14. Joyce M. Digital Activism Decoded. New York: IDEBATE Press, 2010. 228 p.

Политические процессы как фактор международного туризма на примере союзного государства Беларуси и России

Борисов Дмитрий Андреевич,

студент магистратуры, ИГСУ РАНХиГС, Постоянный Комитет
Союзного государства

E-mail: boris0v.dmit@yandex.ru

Голубченко Игорь Вячеславович,

кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры
зарубежного регионоведения и регионального управления
ИГСУ РАНХиГС, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

E-mail: golubchenko-iv@ranepa.ru

Исследование посвящено вопросам влияния международных политических процессов на осуществление туристической деятельности. В первой части работы рассматриваются основные позиции мирового ученого сообщества относительно связи благоприятности двусторонних связей двух стран с динамикой их взаимного турпотока, а также того, каким образом третьи страны могут оказать косвенное воздействие на него, исходя из чего делается вывод о возможности двунаправленного воздействия на турпоток, которое проявляется через одновременное воздействие региональных и глобальных политических процессов, носящих относительно динамики туризма взаимодополняющий характер. Достоверность этого суждения проверяется и подтверждается статистическими данными за период 2016–2025 гг. на примере Союзного государства Беларуси и России, что изначально обладало широким комплексом двусторонних интеграционных связей, активизация которых в интересах туризма стала результатом формирования нового миропорядка, что проявилось как в динамике взаимных поездок граждан Беларуси и России, так и в их туристической коммуникации с третьими странами.

Ключевые слова: политический фактор в туризме, политические процессы в туризме, политическое влияние, международный туризм, Союзное государство.

Политика и туризм для многих кажутся достаточно отстоящими друг от друга сферами деятельности государств и их обществ: зачастую туризм рассматривают лишь как часть экономики и видят в его развитии или следствие экономической политики государства, или комплекс мало зависимых от внешнего регулирования социокультурных характеристик региона, связанных с привлекательностью территории страны для туристов. Обращаясь к политике, туризм чаще трактуют в качестве проводника интересов страны в мире, элемента ее «мягкой силы», демонстрирующей иностранцам открытость страны и ее культуры. Однако каким бы выгодным с позиции экономического развития или культурного влияния ни оказались туристические маршруты и вне зависимости от развитости отраслевой нормативно-правовой базы, международно-политические факторы регионального и глобального масштаба косвенно, но неотъемлемо определяют саму возможность осуществления массовых туристических поездок. Многочисленные исследования показывают, что такой формат зависимости – туризма от международной политической обстановки – намного более правдоподобен, нежели обратная ситуация.

Первые оценки международного туризма как субъекта политического влияния появились еще в 90-е годы прошлого века. Одними из первых исследователей стали М. Ланфант и Н. Граберн, призвавшие считать туризм не просто частью экономики в отдельно взятой стране, но и важным аспектом международных отношений [1, С. 88–112]. Объяснение этому, как отметил Холл, кроется во все больше усиливающейся международной составляющей туристической деятельности, которая выходит за границы отдельных государств, что делает ее неразрывно связанной с характеристиками и курсом межгосударственных отношений на рассматриваемых направлениях поездок [2]. С этим согласился и С. Литвин, он поставил под сомнение распространенное мнение о туристическом вкладе в дело активизации международного взаимодействия, предположив следующую идею: «если туризм никогда не бывает успешным вне состояния мира, то мир не может быть продуктом туризма», из чего следовало совершенно нераспространенное на тот момент мнение – именно благоприятное развитие международных отношений определенных стран ведет к повышению их международного турпотока, а не наоборот [3]. Затем это с математической точки зрения на основе статистических данных международного туризма 111 стран мира подтвердили С.Пратт и А.Лью, в то время как «мягко силовое» воздействие туристических обменов на стабилизацию международных отношений убедительно доказать не удалось [4].

Исходя из этих суждений туризм становится по сути продуктом политики, что явно следует и из исследования С. Сейфи и С. Холла, которые указывают на то, что в связи с международным туризмом встают вопросы пересечения национальных границ, транспортной и другой обеспечивающей инфраструктуры на территории разных стран и др., через регулирование которых те или иные правительства могут демонстрировать уровень двусторонних отношений на различных направлениях – в итоге туризм становится для них инструментом проведения внешнеполитического курса страны [5, С. 78–91]. Одним из наиболее распространенных инструментов такого регулирования является система визового обеспечения, которые при смягчении режима трансграничной коммуникации оказывают прямое положительное воздействие на турпоток, что подтвердил Л.Гайдукевич, изучив эффекты первого года работы белорусской системы безвизового режима, выстроенного вокруг национального аэропорта «Минск» [6]. Этот комплекс государственного влияния рассматривается А.Ю. Кононовым и П.В. Шадриным с точки зрения понятия трансграничности, что закладывает основу для двустороннего туризма, будучи зависимой «от взаимосвязанных факторов, которые влияют на то, насколько успешно реализуются трансграничное сотрудничество, соседство и интеграция регионов во взаимные туристские потоки», причем определяющим для трансграничности фактором называется именно политический, что превышает по значимости и экономический, и транспортный, и инфраструктурный, сравниваясь лишь с социокультурной составляющей [7].

При этом само по себе состояние международных отношений без ограничительных мер относительно туризма, далеко не всегда влияет на турпоток. Это доказали китайские ученые, придя к выводу, что сам по себе факт качества двусторонних отношений, не трансформи-

рующийся в какие-либо официальные решения относительно туризма, не имеет практически никакого действия на туристический спрос, при этом обозначение официальной позиции государства в формате предупреждений относительно уровня безопасности поездок по тем или иным направлениям сразу влияет на их популярность среди китайских туристов [8]. И даже экономические факторы, связанные с выгодой поездки, не имеют в таком случае решающего значения, что подтвердили Джен-Дже Су и др., изучив динамику китайско-японского взаимного турпотока в период обострения двусторонних отношений в 2012 году: тогда спад поездок из Китая в Японию оказался более значительным, чем в обратном направлении, хотя экономическая составляющая взаимных поездок была равно благоприятна для туристов обеих стран [9].

Однако логично предположить, что и въездной туризм в какую-либо страну является результатом ее международных отношений, но уже не с точки зрения позиции ее правительства в отношении других, а наоборот, с точки зрения правительства и обществ других стран относительно ее самой. Обращаясь к примеру Китая, Х. Вуджи на основании 20-летнего среза данных доказал, что стабилизация международных отношений с какой-либо страной ведет к росту прибытий туристов оттуда на 5,67%, что, однако не умаляет фактора зарождающихся во вне – на контуре третьих стран – геополитических рисков, которые могут сдерживать эти положительные процессы [10]. Вероятно, одним из наиболее распространенных форматов этих геополитических рисков для туризма могут быть санкционные режимы. Причем, как доказали У. Халид и др., негативным влиянием на «страну-мишень» санкционного давления обладает любой их формат, что может быть смягчено только географической или религиозной близостью, в отсутствие которых единственной гарантией устойчивости туристической отрасли «мишени» остается диверсификация рынков и продвижение ее услуг в тех направлениях, политические разногласия с которыми наименее вероятны [11]. Значимости этим мерам добавляет и выявленный Б.Жоу факт более сильного влияния негативных политических событий на международный туризм, чем можно ожидать от положительных изменений курса двустороннего взаимодействия с какой-либо страной [12]. Из этого напрашивается вывод о том, что восстановить некогда потерянный рынок будет значительно труднее, чем было потерять его, так что государству и бизнесу выгодно изначально готовить «запасной вариант», рассчитывая при перекрытии одного, на заранее предусмотренные «мощности» альтернативных рынков сбыта туристических услуг.

При этом на наш взгляд, иногда такие альтернативные для национального туризма пути преодоления геополитических кризисов могут формироваться без целенаправленной разработки и на протяжении многих лет находиться в «спящем режиме», будучи продуктом совсем нетуристического комплекса политического взаимодействия, обладая при этом способностью к активизации при определенном стечении внешнеполитической обстановки. Причем работать это может не только в рамках суверенных государств, но и шире – на пространстве интеграционных объединений. Действие этого механизма, равно как и при-

менимость выявленных на примере туристического взаимодействия азиатских стран особенностей влияния международных политических процессов и их последствий на состояние международного туризма будут рассмотрены нами на примере Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках интеграционного курса Союзного государства.

Развитие двустороннего туризма между Россией и Беларусью соотносится с целями «создания единого экономического пространства для обеспечения социально-экономического развития» и «проведения согласованной социальной политики», что обозначены в основополагающем Договоре о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 года и нашли продолжение в десятках двусторонних документов. Вместе с тем на протяжении многих лет никакого конкретного воплощения в туризме не существовало, за исключением межправительственного соглашения о сотрудничестве в области туризма от 21 февраля 1995 г., где стороны брали обязательства содействовать расширению туристского обмена, упрощать связанные с его осуществлением пограничные, таможенные и иные формальности, обмениваться статистическими данными, оказывать взаимопомощь по вопросам кадрового обеспечения отрасли и вести необходимую исследовательско-аналитическую работу [13]. Однако рамочный характер данного документа не предусматривал никаких мер обеспечения реальных турпотоков, их развитие началось только после 2021–2022 гг. и постепенно продолжается до настоящего времени (см. рисунок 1). В связи с этим намного большим значением и тогда, и сейчас обладает нетуристический комплекс интеграционных факторов России и Беларуси, активированный в интересах отрасли внешними для Союзного государства процессами становления нового миропорядка. Одним из ключевых элементов этой системы стало общее пространство с практически упраздненными таможенными и пограничными формальностями для граждан двух стран, дополненное соглашением о взаимном признании виз, которое расширило возможности для путешествий граждан третьих стран. Не менее значимыми можно назвать и шаги по сближению условий связи для граждан двух стран, выразившиеся в изменении условий роуминга [14]. Еще одним фактором стал курс двух стран на развитие трансграничной транспортной инфраструктуры, относительно невысокая стоимость перемещения между столичными Москвой и Минском и другими городами. Причем современные темпы развития транспортной пассажирской коммуникации между двумя странами позволяют ожидать еще большего турпотока. Одним из двигателей отрасли становится авиасообщение: из Минска выполняются прямые рейсы в ряд российских городов, среди которых не только Санкт-Петербург, Москва, но и Казань, Челябинск, Самара и другие [15]. Это касается и железнодорожного сообщения, особо актуального в европейской части России ввиду незначительного расстояния. С недавнего времени Союзное государство сделало ставку также на приграничную коммуникацию, связавшую российский Смоленск с белорусскими Витебском и Оршей прямыми маршрутами пригородных электропоездов, что подчеркнуло близость позиций двух стран на региональном уровне [16].

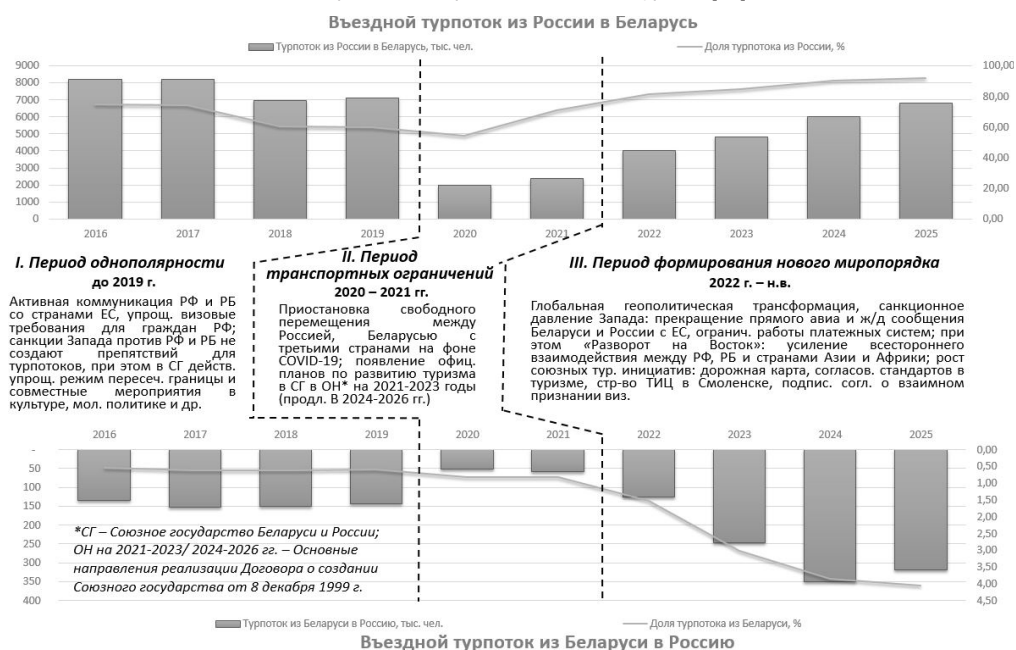

Рис. 1. Соотношение ключевых внешнеполитических событий с динамикой двустороннего туристического взаимодействия России и Беларуси

Источник: составлено автором на основании [17]

Однако важно учесть, что интеграционный фактор Союзного государства – это только один из элементов обеспечения условий международного туризма для России и Беларуси, который действует неразрывно с международной геополитической обстановкой, представляющий более высокий уровень воздействия, который и стал катализатором перестроения турпотоков для наших стран. Это отражает статистика их въездного турпотока, изменения которой в точности совпадают с изменениями международной обстановки (см. рисунок 1). До 2019 года в России количество туристических прибытий из Беларуси на протяжении нескольких лет сохраняло примерно схожие значения, как в плане числа прибытий, так и в общем объеме въездного туризма. Между тем российский турпоток в Беларусь по обоим показателям демонстрировал отрицательную динамику. И это при том, что двусторонняя интеграция уже обладала базовым набором элементов косвенного обеспечения туристов, которые сохраняют актуальность и сейчас, за исключением ряда трансграничных маршрутов пассажирского сообщения и других не особо существенных вопросов. Это указывает если не на отсутствие регулирующего влияния Союзного государства на белорусский и российский туризм того периода, то на явную проблему конкуренции с другими рынками, в результате которой взаимный турпоток находился в стадии стагнации, которая только усилилась с началом пандемии COVID-19. Вместе с тем период глобальных логистических ограничений эпидемиологической природы имел некоторый положительный эффект для российско-белорусского туризма: пока страны ЕС и многие другие государства сохраняли ограничения на пересечение гра-

ницы, периодически ослабляя и вводя их снова, Россия и Беларусь за 2021 год возобновили беспрепятственную коммуникацию в обоих направлениях железнодорожным и авиационным транспортом, что открыло канал для восстановления турпотока, хоть автомобильный и автобусный транспорт все еще оставались под запретом до середины 2022 года, так же как и пересечение границ с ЕС. Как результат, взаимная доля России и Беларуси в объеме въездного турпотока начала расти (см. рисунок 1).

Усиление роли союзной интеграции в обеспечении международного туризма приобрело наибольший размах начиная с 2022 года, когда на смену ослабляющимся эпидемиологическим ограничениям пришли геополитические проблемы в отношениях с западным миром, в равной степени затронувшие и Беларусь, и Россию, для которых ряд стран ЕС традиционно входил в топ-10 по обеспечению туристических прибытий (см. рис. 2). Кризис старого миропорядка запустил существовавший на протяжении многих лет механизм двустороннего взаимодействия России и Беларуси в совершенно новом – туристическом направлении, которое ранее оставалось практически вне поля зрения союзных институтов, ограничиваясь лишь упоминаниями в документах рамочного характера. Эффект оказался двунаправленным, развивая не только уже подчеркнутое нами взаимовлияние национальных туристических потенциалов, но и повышая устойчивость их реализации в системе глобального туризма за счет расширения экспорта туристических услуг на рынки проявивших дружественную позицию третьих стран, что доказывает изменение спектра первой «десятки» стран происхождения туристов (см. рисунок 2).

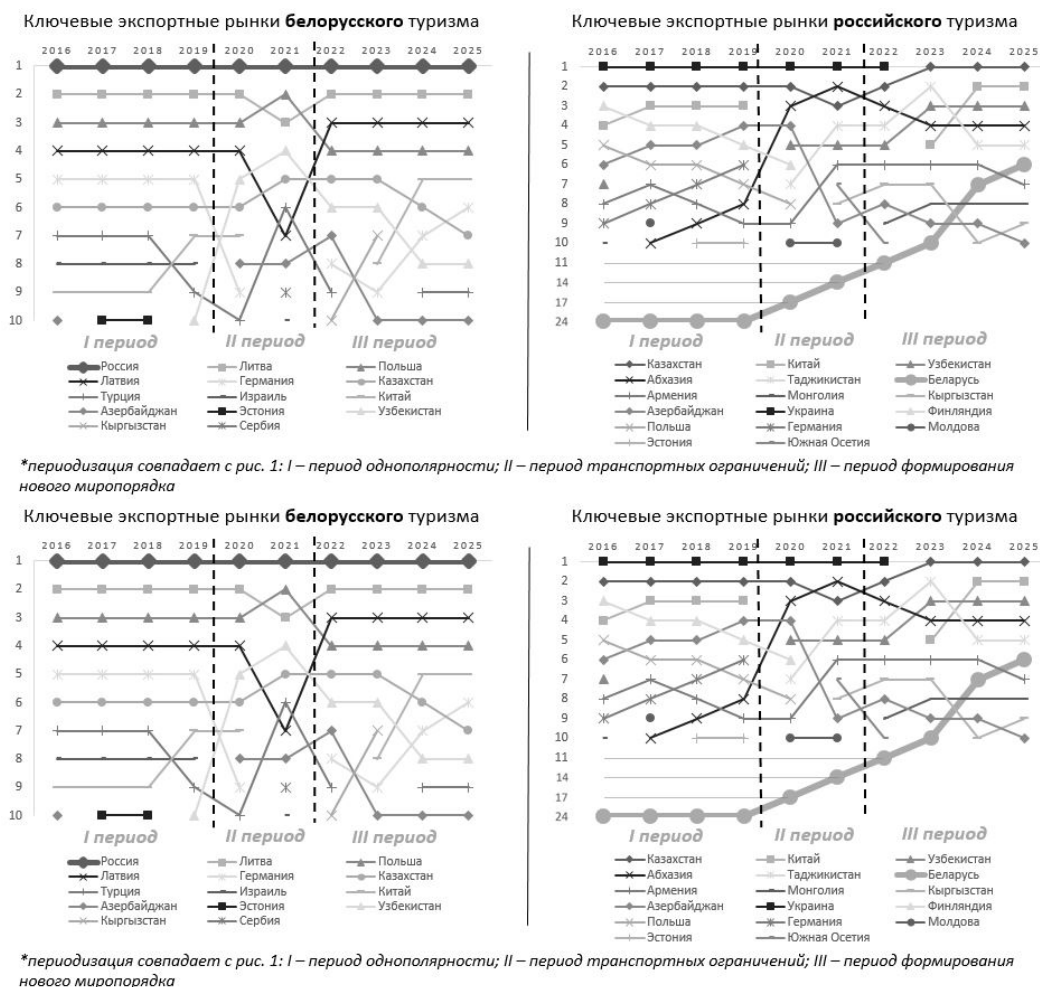

Рис. 2. Динамика ключевых рынков экспорта российского и белорусского туризма в период 2016–2025 гг. (топ-10 стран) в период

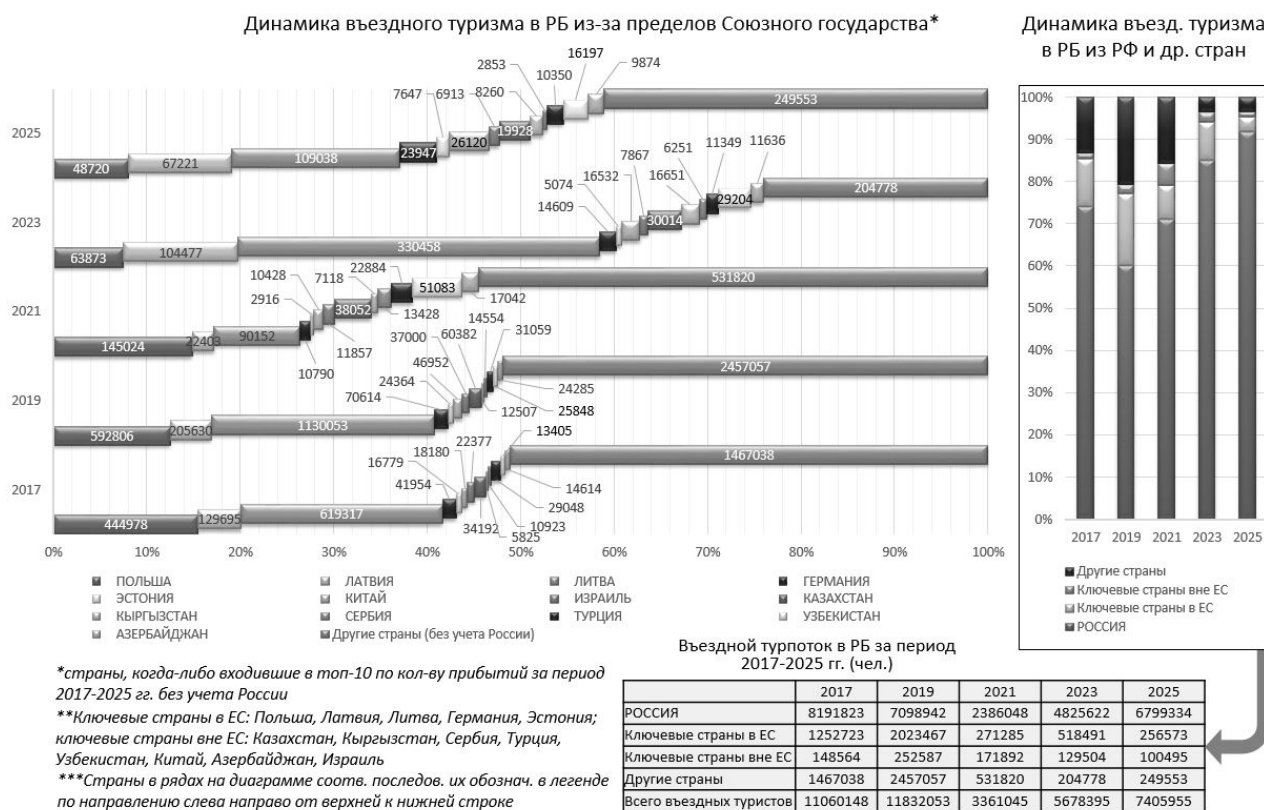
Источник: составлено автором на основании [17]

Приведенная выше диаграмма в точности повторяет внутрисоюзную ситуацию международного туризма в рамках Союзного государства, показанную ранее на рис. 1, с точки зрения изменений внешнеполитической обстановки и отражает переориентацию рынков экспорта туристических услуг со стран ЕС на центрально- и восточноазиатские рынки, ставшую экономическим воплощением политического «разворота на восток». Однако эффекты для двух стран оказались несколько различными.

На российской стороне это выразилось в том, что Беларусь поднялась с 24 позиции, сохранявшейся в 2016–2019 годах, до 6 места

по итогам 2025 года, увеличив свое присутствие в общероссийском объеме въездного турпотока с 0,5% практически до 4%, при этом Германия, Польша, Эстония и Литва полностью выбыли из «десятки», уступив место странам ЕАЭС (Казахстану и Киргизии), обладающим схожими с Республикой Беларусь упрощенными правилами коммуникации с Россией, а также дружественным для нас Китаю, Монголии и ряду др. стран, со многими из которых Россия установила безвизовый режим, достаточный по длительности возможного пребывания для туристических целей.

смог обойти ограничения, созданные западной политикой для граждан стран ЕС: если обратить внимание на их долю в совокупном прибытии иностранных туристов, то после 2022 года они перестали играть значимую роль для белорусского туризма (см. рисунок 3).

Источник: составлено автором на основании [17]

цию динамики и доли турпотока (сокращение с 74% до 60% за 2017–2019 гг.), дойдя до уровня в 92% в совокупном въезде по итогам 2025 г., то доля турпотока из ключевых стран ЕС в Беларусь сократилась за 6 лет с 17% до 3,5%. Схожие тенденции относительно ЕС про-

явились и в абсолютных показателях: 5 стран сократили турпоток в 7,9 раза с 2 до 0,26 млн туристов. Стоит сказать, что показатели прибытий со стороны России также ниже итогов 2019 года (96% от рекордного значения), но в отличие от ЕС здесь динамика положительна, так что с учетом всесторонней интеграции в рамках Союзного государства восстановление может произойти уже через несколько лет.

Ситуация с другими странами несколько сложнее: ключевые страны вне ЕС, если не учитывать Россию, также пока не обладают серьезным значением в плане обеспечения въездного турпотока в Республику Беларусь – их доля составляет не более 1,4%, а совокупная доля всех других стран (без ключевых стран ЕС и России) – не более 3,4%, отрицательны и абсолютные показатели, что в сравнении с рекордом 2019 г. по первой группе стран снизились в 2,5 раза с 250 до 100 тыс. туристов в год, а по второй – в 5,9 раза с 1,47 до 0,25 млн туристов в год, при этом динамика остается отрицательной.

Ситуация с белорусским экспортом туристических услуг подтверждает наше предположение о том, что двусторонняя составляющая межгосударственного взаимодействия – не единственный политический фактор в развитии взаимных турпотоков, и его активизация становится результатом политических процессов более высокого уровня, которые должны, во-первых, схожим образом повлиять на позиции двух стран на мировой арене как в части заинтересованности потенциальных туристов в поездках по определенному направлению, так и в плане физической возможности их осуществления, связанной с политическими решениями относительно сети транспортных пассажирских маршрутов, характеристик визового режима, условий использования определенных финансовых инструментов (банковских карт различных систем) для совершения покупок за рубежом и многих других факторов, которые могут регулироваться правительствами одних стран в отношении других исходя из близости политических позиций.

Если сопоставить ситуацию в Беларуси с рядом дружественных ей азиатских стран (Китай, Казахстан, Узбекистан), то становится очевидным, что переустройство миропорядка влияет на эти страны по-разному – население этих стран не ощутило никаких кардинальных изменений в плане спектра выездных маршрутов, а значит, продолжило руководствоваться прежними стимулами, лежащими больше в плоскости экономики (стоимость поездки) и географии (интерес к месту), но никак не политики: несмотря на укрепление двусторонних контактов этих стран с Беларусью, это совсем не обязательно обуславливает желание их жителей выбрать белорусское направление для отдыха, наравне с которым для них доступны десятки других выездных альтернатив.

Между тем в Союзном государстве под серьезным санкционным давлением со стороны Запада оказались сразу две страны, что через возникшие ограничения транспортной коммуникации с ЕС, ужесточение визового режима, прекращение работы с Россией и Беларусью западных платежных систем и множеством других факторов оказало негативное влияние на спектр доступных по логистике и стоимости маршрутов выездного туризма для граждан обеих стран и стимулировало масштабную переориентацию турпотоков, получить выгоду от которой смогли и Россия, и Беларусь. Это отразило ключевую для наших стран «силовую линию» внешней политики – интеграционный курс, формировавшийся к моменту начала туристического «бума» уже более 20 лет.

Однако вопрос туристических прибытий из дружественных государств на фоне западного санкционного режима в отношении Беларуси и России тоже имеет определенный вес, что подтверждается стабильным входжением некоторых из них в топ-10 экспортных рынков туристических услуг (см. рисунок 2), и имеет потенциал к росту благодаря расширению безвизовой коммуникации обеих стран с ними, а также взаимному признанию виз внутри Союзного государства, которое упрощает создание программ с посещением всей территории интеграционного объединения.

Безусловно, оценивая вклад политики в развитие международного туризма на примере Союзного государства через статистику туризма, можно заметить явную диспропорцию между Россией и Беларусью, которая ставит под сомнение схожесть политических эффектов в отношении международного туризма для наших стран, но здесь важно отметить, что политические эффекты не существуют в отрыве от других: параллельно с ними работают экономические, демографические, маркетинговые факторы. Значительно большее население России, проживающее территориально ближе к Беларуси, поддерживает на этом направлении турпоток такого масштаба, который в обратную сторону практически невозможен, а географическое и культурное разнообразие, всемирная известность ключевых городов и мест, связанных с историческими событиями, широкий спектр событийных мероприятий создают более мощный по сравнению с Беларусью туристический бренд, что указывает на иную природу различий состояния

международного туризма. Тем не менее политическая составляющая все же оказывается во многом равнозначной для России и Беларуси как по сути (элемент внешнего давления, совмещенный с интеграционными процессами в СНГ), так и по происходящим из этих реалий способам адаптации международного туризма в обеих странах к новым «правилам игры» на мировом рынке туристических услуг. Союзное государство не только оказало взаимную поддержку туристической отрасли в обеих странах, но и ответило после 2022 года расширением двусторонней коммуникации, наращиванием ранее практически отсутствовавшего комплекса исключительно туристических интеграционных инициатив, направленных на создание неделимого туристического пространства двух стран, что сыграло особую важную роль компенсации негативного влияния западной политики для туризма. Существовавший на протяжении более чем двух десятилетий комплекс двустороннего взаимодействия и был той самой, на важность которой указывали У.Халид и др. [11], альтернативной «системой спасения» для международных позиций национального туризма, которая, однако, не создавалась с целью повышения устойчивости туризма, но косвенно сработала в интересах отрасли, запущенная перестройкой международных отношений более широкого масштаба.

Описанная нами ситуация последних лет в отношении России и Беларуси доказывает ключевую роль международной политики в осуществлении туристической деятельности как в региональном, так и в глобальном измерении, подчеркивая, что субъектами трансформации могут становиться не только национальные отрасли туризма, но и более масштабные туристические системы, которые были рассмотрены на примере Союзного государства, а санкционные режимы и другие на первый взгляд негативные изменения международной обстановки могут сыграть положительную роль катализатора туристического взаимодействия там, где несмотря на всеобъемлющую интеграционную составляющую, обеспеченную комплексом двусторонних связей, внешние факторы среды сдерживали реальный рост турпотока. Это с высокой вероятностью актуально и в рамках более широких экономических и политических союзов, например, ЕАЭС, глобальные политические процессы вокруг которого и их отражение в разрезе национальных туристических систем стран союза могут стать развитием данного исследования.

Литература

1. Lanfant, M. F., Graburn, N.H. International tourism reconsidered: The principle of the alternative / V. Smith and W. Eadington. *Tourism alternatives: Potentials and problems in the development of tourism*. University of Pennsylvania Press, 1992. – 274 p.
2. Hall, C.M. *Tourism and politics: policy, power and place*. John Wiley & Sons, 1994. – 238 p.
3. Litvin S. Tourism: the world's peace industry? *Journal of Travel Research*. – 1998. – Vol. 37, No 1. – P. 63–66.
4. Pratt, S., Liu, A. Does Tourism Really Lead to Peace? *A Global View // International Journal of Tourism Research*. – 2015. – Vol. 18, No. 1. – P. 82–90.
5. Seyfi, S., Hall, C.M. *International Relations and Geo-political Approaches to Tourism / The Wiley Blackwell Companion to Tourism*, Second Edition. Edited by C. Michael Hall. – John Wiley & Sons Ltd., 2024. – 768 p.
6. Гайдукевич, Л. Визовая политика Республики Беларусь как регулятор развития международного туризма // *Журнал международного права и международных отношений*. – 2019. – № 3–4 (90–91). – С. 54–59.
7. Кононов, А.Ю., Шадрин, П.В. Трансграничность как фактор развития туризма // *Креативная экономика*. – 2025. – № 10 (19). – С. 2557–2584.
8. Chu, Y., Huang, X., Jin, T. Political relations and tourism: evidence from China // *Applied Economics*. – 2021. – Vol. 53, No. 2. – P. 1–22.
9. Su, J.J., Pham, T.D., Dwyer, L. Political relations and bilateral tourism demand: The case of China and Japan // *International Journal of Tourism Research*. – 2021. – Vol. 24, No. 3. – P. 337–346.
10. Wujie, X. The impact of geopolitical risks and international relations on inbound tourism – evidence from China and key source countries // *Cogent Social Sciences*. – 2023. – Vol. 9, No. 2.
11. Khalid, U., Okafor, L., Burzynska, K. Sanctions and tourist flows: The roles of religion and geography // *Annals of Tourism Research Empirical Insights*. – 2024. – Vol. 5, No. 2.
12. Zhou, B., Zhang, Y., Zhou, P. Multilateral political effects on outbound tourism. – 2021. – Vol. 88, No. 1. – P. 103–184.
13. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Кабинетом Министров Республики Беларусь о сотрудничестве в области туризма // *Бюллетень международных договоров*. – 1995. – № 9.

14. Между Россией и Беларусью с 1 марта заработал комфортный роуминг // Союзное государство [Электронный ресурс]. URL: https://xn--c1anggbdpdf.xn--p1ai/news/politika_ekonomika/241909/?ysclid=mqy4s5bi3a256608374 (дата обращения: 25.06.2026)
15. Яндекс. Расписания [Электронный ресурс]. URL: <https://rasp.yandex.ru/?ysclid=mlzua8hexv625256074> (дата обращения: 22.06.2026)
16. Московская железная дорога // РЖД [Электронный ресурс]. URL: <https://mzd.rzd.ru/ru/11125/page/2452802?id=306090&ysclid=mj878jdp5w156956848> (дата обращения: 22.06.2026)
17. Статистика туризма / Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации // Белстат [Электронный ресурс]. URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/rubric-info/10616> (дата обращения: 08.06.2026)

POLITICAL PROCESSES AS A FACTOR IN INTERNATIONAL TOURISM: THE CASE OF THE UNION STATE OF BELARUS AND RUSSIA

Borisov D.A., Golubchenko I.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This study focuses on the impact of international political processes on tourism. The first part of the study examines the main positions regarding the connection of the favorable international relations with the dynamics of tourist flows, and third countries' indirect influence, that confirms a potential for bidirectional effects in tourism, caused by both regional and global political processes. The validity of this statement is verified and confirmed by statistical data for the period 2016–2025, referring to the Union State of Belarus and Russia, which initially had a wide range of bilateral integration ties. The activation of these ties in the interests of tourism was a result of a new world order formation, which manifested itself in the dynamics of mutual travel between Belarusian and Russian citizens, as well as in their tourism interactions with third countries.

Keywords: political factor in tourism, political processes in tourism, political influence, international tourism, Union State.

References

1. Lanfant, M. F., Graburn, N.H. International tourism reconsidered: The principle of the alternative / V. Smith and W. Eadington. Tourism alternatives: Potentials and problems in the development of tourism. University of Pennsylvania Press, 1992. 274 p.

2. Hall, C.M. Tourism and politics: policy, power and place. John Wiley & Sons, 1994. 238 p.
3. Litvin S. Tourism: the world's peace industry? Journal of Travel Research, 1998, Vol. 37, no 1, Pp. 63–66.
4. Pratt, S., Liu, A. Does Tourism Really Lead to Peace? A Global View // International Journal of Tourism Research, 2015, Vol. 18, No. 1, Pp. 82–90.
5. Seyfi, S., Hall, C.M. International Relations and Geo-political Approaches to Tourism / The Wiley Blackwell Companion to Tourism, Second Edition. Edited by C. Michael Hall. – John Wiley & Sons Ltd., 2024. 768 p.
6. Gaidukevich, L. Visa policy of the Republic of Belarus as a regulator of international tourism development // Journal of International Law and International Relations, 2019, Vol. 90–91, No. 3–4, Pp. 54–59.
7. Kononov, A.Yu., Shadrin, P.V. Transborderity as a factor of tourism development // Creative economy, 2025, Vol. 19, No. 10, Pp. 2557–2584.
8. Chu, Y., Huang, X., Jin, T. Political relations and tourism: evidence from China // Applied Economics, 2021, Vol. 53, No. 2, Pp. 1–22.
9. Su, J.J., Pham, T.D., Dwyer, L. Political relations and bilateral tourism demand: The case of China and Japan // International Journal of Tourism Research, 2021, Vol. 24, No. 3, Pp. 337–346.
10. Wujie, X. The impact of geopolitical risks and international relations on inbound tourism – evidence from China and key source countries // Cogent Social Sciences, 2023, Vol. 9, No. 2.
11. Khalid, U., Okafor, L., Burzynska, K. Sanctions and tourist flows: The roles of religion and geography // Annals of Tourism Research Empirical Insights, 2024, Vol. 5, No. 2.
12. Zhou, B., Zhang, Y., Zhou, P. Multilateral political effects on outbound tourism, 2021, Vol. 88, No. 1, Pp. 103–184.
13. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Cabinet of Ministers of the Republic of Belarus on cooperation in the field of tourism // Bulletin of International Treaties, 1995, No. 9.
14. Comfortable roaming has been launched between Russia and Belarus since March 1 // Union State. Available at: https://xn--c1anggbdpdf.xn--p1ai/news/politika_ekonomika/241909/?ysclid=mqy4s5bi3a256608374 (accessed: 25.06.2026)
15. Yandex. Schedules. Available at: <https://rasp.yandex.ru/?ysclid=mlzua8hexv625256074> (accessed: 22.06.2026)
16. Moscow Railway // Russian Railways. Available at: <https://mzd.rzd.ru/ru/11125/page/2452802?id=306090&ysclid=mj878jdp5w156956848> (accessed: 22.06.2026)
17. Tourism statistics / Interactive information and analytical system for the dissemination of official statistical information // Belstat. Available at: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/rubric-info/10616> (accessed: 08.06.2026)

Институционализация молодежного парламентаризма в регионе: на примере Молодежного парламента Санкт-Петербурга

Ивакина Елизавета Андреевна,

студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, член Молодежного парламента при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга

Бочанов Максим Александрович,

кандидат политологических наук, доцент кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: max8797@list.ru

В статье рассматриваются процессы институционализации молодежного парламентаризма в регионах Российской Федерации на примере Молодежного парламента Санкт-Петербурга. Проводится научный анализ деятельности Молодежных парламентов Воронежской области и Москвы. Анализируются этапы становления и механизмы интеграции молодежного парламента в систему регионального управления. Особое внимание уделяется анализу нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность Молодежного парламента, а также формам взаимодействия с органами государственной власти и общественными организациями. Теоретическая база исследования расширена за счет анализа работ, ведущих отечественных ученых в области социологии молодежи, молодежной политики и политического участия.

Ключевые слова: молодежный парламентаризм, институционализация, региональное управление, Молодежный парламент Санкт-Петербурга, молодежная политика.

На протяжении многих десятилетий проблемы, касающиеся молодежи, обсуждались историками и правоведами различных государств. Начиная от образования, которое им дается, заканчивая их вовлеченностью в политику государства. Согласно Федеральному закону от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» молодежь – это группа граждан Российской Федерации в возрасте от 14 до 35 лет [1].

Основной задачей молодежной политики каждого государства является регулирование общественной жизни молодежи, обеспечение гармонии в их жизнедеятельности. Стоит отметить, что в настоящее время государство предпринимает различные методы для привлечения молодежи к участию в государственной деятельности. Поскольку более старшее поколение стремится к тому, чтобы передать свои знания и уже накопившийся опыт для того, чтобы молодые люди стали принимать их как устоявшиеся стандарты, тем самым стремясь к новым открытиям, развитию и переменам. Также государство предпринимает меры для вовлечения молодежи в экономическую и культурную сферу государства. Данные меры предприняты для того, чтобы молодые люди перенимали уже сложившийся опыт, стали сами предлагать различные инициативы, тем самым участвовать в жизни страны.

Стоит отметить, что молодежная политика в каждом государстве может отличаться в связи с особенностями менталитета, устоявшимися традициями, обычаями, а также религией. Роль молодежной политики и степень ее вовлеченности также заметно разнятся. На наш взгляд, молодежная политика должна быть обязательно одной из составляющих сфер в политике, поскольку молодые люди могут видеть то, чего не увидеть и не понять более взрослым людям, они имеют более четкое представление о современной молодежи, об их интересах. В настоящее время государство уделяет большое внимание молодежной политике, взаимодействует с молодыми людьми как с особой социальной группой, выделяет средства из бюджета для реализации проектов и предложений.

Сейчас государство старается привлечь молодежь для участия в различных сферах жизни страны, вовлечь их в трудовую сферу государства, социальную, а также дать возможность молодым людям принять участие в политической жизни страны. Данные направления были учтены при закреплении основных задач в осуществлении молодежной политики в Российской Федерации. Прежде всего данный факт обуславливается тем, что молодые люди менее самостоятельны, чем старшее поколение. Это проявляется в том, что молодые люди не имеют достаточного социального опыта в различных сферах, в связи с чем в некоторых ситуациях не могут прийти к верному решению проблемы, они могут быть поставлены в ступор, загнаны в рамки. Кроме того, лица всех возрастов соглашались с тем, что молодым людям труднее найти работу, чем старшему поколению. Существует масса причин, обуславливающих это, прежде всего меньший трудовой опыт, не такие обширные социальные знания, практика.

Абрамов А.В., Воробьев А.П. Анализируя состояние политической науки в России, авторы приходят к выводу, что «система политического образования в современной Российской Федерации выстроена, функционирует более 30 лет, тем не менее есть проблемы, касающиеся как массового» [2]. Это исследование подчеркивает важность системного подхода к подготовке кадров, что имеет прямое отношение к формированию кадрового резерва для молодежных парламентов.

Алексеев Р.А. В работе рассматривается роль современных технологий, в частности блокчейн и Big Data, в процессе становления российской демократии. Автор приходит к выводу, что «путем внедрения и применения такого рода приемов в России можно развивать народовластие» [3]. Этот тезис актуален для обсуждения инновационных форматов взаимодействия молодежных парламентов с молодежью, включая электронное голосование и цифровые платформы для обратной связи.

Исследуя добровольческие инициативы, мы отмечаем, что «потенциал добровольческой деятельности у молодежи значительно выше ее реального участия» [4]. Это наблюдение напрямую коррелирует с проблемой вовлечения молодежи в деятельность парламентских структур, где также существует разрыв между декларируемым интересом и фактическим участием, что требует поиска новых механизмов мотивации.

Развитие молодежного парламентаризма в России началось с конца XX века, а в 2003 году Министерство образования Российской Федерации уже разработало методические рекомендации по развитию молодежного парламентаризма в стране и устранению таких проблем как:

1) маленькая доля молодых граждан в органах законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органах местного самоуправления;

2) большая необходимость налаживания сотрудничества государственных и муниципальных органов власти с молодежью, молодежными общественными объединениями и другими организациями, средствами массовой информации в интересах решения молодежных проблем;

3) отсутствие на федеральном уровне и в субъектах Российской Федерации комплексных программ, обеспечивающих организованное и последовательное привлечение наиболее подготовленных молодых людей на государственную и муниципальную службу, их эффективное участие в делах страны и ее регионов [5].

Как отмечает исследователь молодежной политики Б.А. Ручкин, «становление молодежного парламентаризма в России стало ответом на запрос самой молодежи на участие в управлении делами государства, а также инструментом ее политической социализации» [6].

В настоящее время в большинстве регионов и на федеральном уровне активно работают молодежные парламентские структуры, которые именуются, как правило, Молодежными парламентами. Молодежный парламент – это консультативно-совещательный орган, создаваемый при законодательном (представительном) органе власти или при органах исполнительной власти [7].

Деятельность молодежных парламентов способствует борьбе с абсентеизмом, благодаря прямой работе молодежи с органами власти уровень доверия к государственным органам значительно становится выше, ведь молодые люди не только самостоятельно видят внутреннюю работу, но и транслируют это в общество, являясь лидерами общественного мнения, также значительно повышается уровень прозрачности деятельности власти, работа становится понятнее и доступнее для обычных граждан, повышается интерес к государственным органам, формируется желание обращаться с вопросами и за помощью.

Хочется отметить, что молодежные парламенты являются не только важным институтом гражданского современного общества, но и средством политической социализации молодых граждан. Политическая социализация – это процесс усвоения индивидом существующих в обществе норм, ценностей и традиций политической культуры, приобретения нового политического опыта и выработки собственных политических взглядов, установок. То есть в процессе работы молодых граждан в молодежных парламентах формируется не только чувство гражданской ответственности, но и значимые навыки и компетенции для работы в органах управления, что в дальнейшем способствует трудоустройству в государственные органы компетентных и заинтересованных молодых специалистов. По мнению социолога А.И. Ковалевой, «молодежные парламенты выступают важным каналом включения молодого поколения в общественно-политические процессы, формируя не только правовую культуру, но и навыки гражданского участия» [8].

По мнению политолога А.В. Кочеткова, молодежный парламентаризм появился в России в связи с необходимостью заполнить нишу, которую ранее занимали комсомольские структуры. А также считает, что сейчас важно определить единые стандарты для работы с молодежью, ведь Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» не способствует ни нормативной, ни понятной, ни стратегической, ни оперативной интеграции. Действительно, закон не определяет единой структуры и механизмов по работе организаций, связанных с молодежной политикой [9].

23 октября 2025 года в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга состоялось 68 заседание Конференции Парламентской Ассоциации Северо-Запада России, это орган, в который входят органы законодательной власти Северо-Запада страны, а также при данном органе существует Совета молодежных парламентов, 4 заседание которого состоялось после основной повестки. Члены молодежных парламентов Северо-Запада подняли также проблему отсутствия актуальных методических рекомендаций к работе молодежных парламентов, начиная с того, как должны выступать молодежные парламентарии, заканчивая тем, как должна выглядеть информация на сайтах законодательных органов власти субъектов о молодежных парламентах. Таким образом молодежные парламенты стремятся как к эффективной и прозрачной работе для всех, так и единому структурированному подходу в работе.

На примере работы Молодежного парламента Санкт-Петербурга рассмотрим то, как функционируют такие органы. С 2022 года в Санкт-Петербурге осуществляет свою деятельность Молодежный парламент

при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга. Данное объединение является совещательным и консультативным органом при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга и работает на основании постановления Законодательного Собрания Санкт-Петербурга от 25 января 2023 года № 16 «Об утверждении Положения о Молодежном парламенте при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга» [10].

В декабре 2024 года сформировался 2 состав Молодежного парламента. Для того, чтобы стать членом Молодежного парламента необходимо было заполнить анкету, записать видеовизитную карточку, пройти очный этап отбора, в ходе которого проверялись умения и знания в сфере молодежной политики, истории парламентаризма Санкт-Петербурга. В составе Молодежного парламента функционируют 3 постоянные комиссии: по информационной, проектной и комиссия по законодательству.

Для того, чтобы вынести проект своей законодательной инициативы на заседании Молодежного парламента необходимо соблюдать все сроки подачи документов, а также написать проект инициативы, пояснительную записку, направить документы для юридической экспертизы в комиссию по законодательству Законодательного Собрания, затем направить все документы вместе с проектом решения Молодежного парламента в комиссию по законодательству Молодежного парламента, на заседании комиссии члены комиссии голосуют за вынесение данного проекта инициативы на общее заседание Молодежного парламента, а затем на основном заседании проект выносится на голосование в первом чтении, при принятии в первом чтении документ направляется на следующее общее заседание и выделяется время для отправки поправок к проекту. При втором чтении доработанные документы выносятся членам Молодежного парламента на голосовании и уже при положительном решении направляются в органы власти.

Такой длительный и бюрократический процесс создает условия для того, чтобы молодые парламентарии могли доработать свои документы с учетом мнения коллег. Также хочется отметить, что при спорных проектах законодательных инициатив комиссия по законодательству выступает организатором круглых столов для того, чтобы учесть экспертное мнение. Например, запрет экстремальных квестов для несовершеннолетних. На первом заседании Молодежного парламента авторская группа, состоящая из членов Молодежного парламента, вынесла проект-инициативу «О внесении изменения в «Закон об административных правонарушениях г. Санкт-Петербурга» о запрете экстремальных квестов для несовершеннолетних». Данная инициатива получила большую огласку и возмущение, поскольку в данном проекте было сформировано маленькое определение экстремального квеста и Молодежный парламент стал возражать по поводу этой инициативы. В нашей комиссии по законодательству был сформирован круглый стол по этой инициативе, куда мы пригласили представителей квест-индустрии такие организации как «Мир квестов», «2+2», «QuestStars», также пришли родители несовершеннолетних от «Движения первых», были приглашены сотрудники медиасферы, психологи. На данном круглом столе прошло совещание, по итогам которого была сформирована группа, которая сформулировала новое определение экстремального квеста, которое стало оптимальным и устроило большую часть Молодежного парламента в том числе. Данный проект закона 10 апреля 2025 года с учетом поправок был принят во 2 чтении и отправлен в Законодательное Собрание.

Сравним деятельность Молодежных парламентов в Санкт-Петербурге, Москве и Воронеже. Общим у всех парламентов является работа на благо города, представление интересов молодежи, кадровый резерв для органов власти города. Например, в 2022 году закончил работу 1 состав Молодежного парламента при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга, по итогам которого все активно работающие 2 года парламентарии стали муниципальными депутатами или трудоустроились в Законодательном Собрании, комитетах. Также все Молодежные парламенты занимаются общественной деятельностью, начиная волонтерством, заканчивая развитием законодательства своего субъекта.

Главной особенностью московского Молодежного парламента является структура, включающая Молодежную палату при Московской городской Думе и 132 районные Молодежные палаты. Главная цель работы парламента – обучение молодежи навыкам, необходимым для работы в органах власти. В 2008 году было подписано распоряжение Правительства Москвы о создании первого в России Центра молодежного парламентаризма. В 2012 году Центр молодежного парламентаризма был открыт в Москве.

14 декабря 2019 года состоялся XI съезд молодых парламентариев города Москвы «Вселенная возможностей». На съезде было принято решение о переходе к двухпалатной системе молодежного парламентаризма, включающей Молодежную палату при Московской город-

ской Думе и Общественную молодежную палату города Москвы. Было предложено формировать состав Молодежной палаты при МГД путем электронного голосования. Также съезд учреждений Общественную молодежную палату города Москвы и утвердил Положение о ней. Общественная молодежная палата города Москвы так и не была сформирована, и система молодежного парламентаризма продолжила функционировать в прежнем виде. Съезд также принял решение отказаться от балльной системы рейтинга на платформе «Движок». Сильными сторонами московского Молодежного парламента является тесная работа с администрацией города, большая поддержка взрослых наставников (кураторство от государственного бюджетного учреждения «Центр парламентаризма»), доступ к ресурсам для реализации хороших проектов, к минусам можно отнести большую конкуренцию среди молодых граждан за нахождение в парламенте [11].

Молодежный парламент Санкт-Петербурга включает в себя 50 членов, где 18 выдвигаются партиями, а 32 проходят 2 отбора, а затем голосование. Главная же цель Петербургского Молодежного парламента – создание проектов законодательных инициатив, волнующих современную молодежь города, он создан для содействия деятельности Собрания в сфере законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи. К плюсам петербургского парламента можно отнести хорошую образовательную базу для подготовки лидеров, развитую инфраструктуру для реализации проектов, тесное сотрудничество с депутатами Законодательного Собрания, к минусам относится ограниченность ресурсов, вся деятельность и мероприятия организовываются без финансирования, недостаточная представленность всех районов города.

Члены Молодежного парламента Воронежской области обладают правом законодательной инициативы, закрепленным в законе «О молодежном парламенте Воронежской области», принятом областной Думой 18.07.2024. Некоторые направления деятельности Молодежного парламента: общественная молодежная политика, пропаганда здорового образа жизни, социальная сфера, проблемы в сфере ЖКХ, образование, медицина, трудоустройство молодежи. Плюсом парламента является четкая законодательная база, акцент на поддержку инициатив парламента, к минусам относится ограниченность ресурсов по сравнению со столичными парламентами, меньшая известность, что усложняет процесс привлечения новых специалистов в свои ряды [12].

В настоящее время молодежная политика является неотъемлемой частью государственной политики на территории Российской Федерации. Прежде всего данный сегмент направлен на молодых людей, которые получают образование, только находят свое место в обществе. Именно молодое поколение в будущем будет руководить государством, займет различные места в органах государственной власти, а для того, чтобы молодые люди понимали структуру органов государственной власти, необходимо их заинтересовать данной сферой. Особая важность вовлечения молодежи в политику государства заключается в том, что именно она следующие несколько десятилетий будет осуществлять управление нашей страной.

Институционализация молодежного парламентаризма является важным шагом в развитии гражданского общества и вовлечении молодежи в процесс принятия решений. Молодежный парламент, как форма представительства интересов молодежи поколения, становится все более распространенным инструментом взаимодействия между властью и молодежью. Ильинский И.М. подчеркивает, что «институционализация молодежного парламентаризма является закономерным этапом развития гражданского общества, обеспечивающим преемственность поколений в управлении государством» [13].

Молодежный парламент Санкт-Петербурга создавался в 2022 году как консультативный орган при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга. На этом этапе произошло формирование структуры, определение целей и задач, разработка регламента и процедур работы. Члены парламента избираются, выдвигаются общественными организациями или проходят конкурсный отбор. Члены парламента входят в состав рабочих групп и комиссий при органах власти, участвуют в разработке и реализации программ развития региона. Институционализация молодежного парламентаризма способствует повышению политической культуры молодежи, формированию лидерских качеств и укреплению доверия к институтам власти [14].

Основным законом в сфере нормативно-правового обеспечения государственной молодежной политики в Российской Федерации является Федеральный закон от 30 декабря 2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», который регулирует отношения, возникающие между субъектами, осуществляющими деятельность в сфере молодежной политики, при формировании и реализации молодежной политики в Российской Федерации, определяет цели, принципы, основные направления и формы реализации молодежной политики в Российской Федерации.

Перспективы развития Молодежного парламента Санкт-Петербурга связаны со следующими явлениями (табл. 1).

1. Расширением полномочий и влияния Молодежного парламента. Необходимо рассмотреть возможность наделения Молодежного парламента правом законодательной инициативы или правом вето на отдельные законопроекты, затрагивающие интересы молодежи.

2. Обеспечением более широкой и представительной структуры Молодежного парламента. Необходимо принять меры по увеличению представленности различных категорий молодежи в составе Молодежного парламента.

3. Повышением осведомленности населения о деятельности Молодежного парламента. Необходимо активизировать информационную работу Молодежного парламента, используя различные каналы коммуникации, в том числе социальные сети и средства массовой информации.

4. Развитием сотрудничества с другими молодежными парламентами и организациями. Необходимо расширять сотрудничество с другими молодежными парламентами в России и за рубежом, а также с молодежными организациями различных стран.

Таблица 1. Сравнительная таблица Молодежных парламентов Санкт-Петербурга, Москвы и Воронежа

Параметр для сравнения	Санкт-Петербург	Москва	Воронеж
Полное название	Молодежный парламент при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга	Молодежная палата при Московской городской Думе	Молодежный парламент Воронежской области (при Воронежской областной Думе)
Ключевой учредитель	Законодательное Собрание СПб	Московская городская Дума	Воронежская областная Дума
Основные цели	Содействие молодежной политике, вовлечение молодежи, разработка и экспертиза законодательных инициатив	Представление интересов молодежи Москвы, работа с районными палатами, экспертиза городских инициатив	Представление интересов молодежи Воронежской области, разработка социально значимых проектов, гражданское просвещение
Принцип формирования	Смешанный, с прямыми выборами: часть делегируется, часть избирается на прямых выборах (уникальная практика)	Многоуровневое делегирование: члены назначаются Молодежными палатами районов Москвы (те формируются на конкурсе)	Смешанный (делегируемые + отбор): Часть членов делегируется молодежными организациями и учебными заведениями области, часть проходит через отбор (собеседование). Прямых выборов нет
Состав и срок полномочий	50 членов. Срок – 2 года	75 представителей (по 1 от каждой районной Молодежной палаты). Срок – 5 лет	Около 30–35 членов (точное число может меняться). Срок полномочий – обычно 2–3 года (определяется Положением)
Особенности и уникальные черты	1. Прямые выборы – главная отличительная черта. 2. Четкая парламентская структура (комиссии, фракции)	1. Двухуровневая система: Палаты в районах → Палата при МГД. 2. Самый многочисленный и системный охват города. 3. Тесная интеграция с районной властью	1. Фокус на проектной работе в регионе: экология, добровольчество, патриотическое направление, медиа. 2. Часто выступает организатором крупных областных форумов и школ актива. 3. Более камерный состав, ориентированный на конкретные задачи региона

Параметр для сравнения	Санкт-Петербург	Москва	Воронеж
Основные направления деятельности	- Законодательные инициативы - Социальные проекты («День молодого избирателя») - Международное сотрудничество. - Публичные дебаты	«Школа молодого парламентария». - Мониторинг городских программ. - Организация форумов и мероприятий в районах. - Работа с обращениями	- Реализация областных молодежных проектов и грантовых инициатив. - Проведение «Молодежного правительства», школ парламентаризма. - Участие в общественном контроле на региональном уровне. - Сотрудничество с муниципальными молодежными советами
Правовой статус и влияние	Высокий статус. Инициативы обязательны к рассмотрению комитетами ЗакСобрания. Есть реальный опыт продвижения законов	Официальный совещательный орган. Сильное влияние через сеть районных палат. Связующее звено между молодежью и МГД	Официальный совещательный орган при областной Думе. Влияние реализуется через рекомендации, участие в рабочих группах и личные контакты с депутатами и профильными органами власти области

Как показывает исследование Гаврилюк В.В., «региональные модели молодежного парламентаризма значительно различаются в зависимости от политико-административного устройства и исторических традиций субъекта РФ» [15]. Ключевые выводы и отличия: Формирование – основное различие: СПб: Прямые выборы – максимальная легитимность от молодежного электората. Москва: Система делегирования через районы – охват всего города и интеграция в его управленческую вертикаль. Воронеж: Классическая смешанная модель (делегирование + отбор), типичная для многих регионов России. Акцент делается не на выборы, а на отбор мотивированных активистов и представителей организаций. Масштаб и фокус: Москва и СПб: Решают задачи в масштабе мегаполисов с развитой инфраструктурой. Воронеж: Региональный фокус. Работа направлена на всю область, включая малые города и села, с упором на конкретные социальные и патриотические проекты, актуальные для региона.

Степень формализации

Москва и СПб: Высоко формализованные структуры с долгой историей, прописанными регламентами, похожими на «взрослые» парламенты. Воронеж: Структура более гибкая, адаптированная под текущие задачи областной молодежной политики. Часто более динамичная и проектно-ориентированная.

Главным является то, что все три парламента преследуют общую цель – вовлечение молодежи в общественно-политическую жизнь и представление ее интересов перед властью. Однако методы и инструменты достижения этой цели различаются кардинально, отражая исторические, политические и административные особенности каждого города/региона.

Таким образом, в России не существует единого идеального шаблона. Успех работы парламента зависит не столько от копирования столичных моделей, сколько от того, насколько его форма соответствует политической культуре, административному устройству и конкретным задачам территории, которую он представляет. Все три рассмотренные модели могут считаться успешными в рамках своих целей и контекстов.

Литература

- Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Дата обращения: 27.01.2026.
- Абрамов, А.В. Проблемы политологического образования в современной России. Попытка количественного исследования / А.В. Абрамов, А.П. Воробьев, // Обозреватель. – 2021. – № 7(378). – С. 96–110.
- Алексеев, Р.А. Проблемы становления российской демократии и роль в этом процессе избирательной системы, технологий Big Data и блокчейн / Р.А. Алексеев // Журнал политических исследований. – 2019. – Т. 3, № 1. – С. 40–52.
- Бочанов, М.А. Добровольчество в России: особенности становления и современные установки молодежи / М.А. Бочанов // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – Т. 13, № 1. – С. 124–136.
- Инструктивное письмо Министерства образования Российской Федерации от 24.04.2003 № 2 «О развитии молодежного парламентаризма в субъектах Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Гарант». – Дата обращения: 27.01.2026.
- Ручкин, Б.А. Молодежь и становление новой России / Б.А. Ручкин // Социологические исследования. – 2008. – № 5. – С. 40–51.
- Данилина, М.В. Молодежный парламентаризм как форма политического участия / М.В. Данилина // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. – 2019. – № 3. – С. 67–81.

8. Ковалева, А.И. Социология молодежи: теоретические вопросы / А.И. Ковалева. – Москва: Социум, 2012. – 232 с.

9. Кочетков, А.В. Государственная молодежная политика: поиск интегративной модели управления / А.В. Кочетков // Наука. Культура. Общество. – 2023. – № 3. – С. 12–24.

10. Положение о Молодежном парламенте при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга: утв. постановлением Законодательного Собрания Санкт-Петербурга от 25 января 2023 года № 16-П.

11. Молодежная палата при Московской городской Думе: официальный сайт. – URL: <https://duma.mos.ru/ru/3414/page/polojenie-o-molodejnoj-palate> (дата обращения: 27.01.2026).

12. Закон Воронежской области от 18.07.2024 № 418-VII-ОД «О молодежном парламенте Воронежской области» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Дата обращения: 27.01.2026.

13. Ильинский, И.М. Молодежь и молодежная политика: философия, теория, история / И.М. Ильинский. – Москва: Голос, 2016. – 696 с.

14. Молодежный парламент при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга: официальный сайт. – URL: <https://www.assembly.spb.ru/activity/youth-parliament/> (дата обращения: 27.01.2026).

15. Гаврилюк, В.В. Институционализация молодежного парламентаризма в регионах РФ / В.В. Гаврилюк // Политика и общество. – 2021. – № 4. – С. 30–44.

INSTITUTIONALIZATION OF YOUTH PARLIAMENTARISM IN THE REGION: THE EXAMPLE OF THE YOUTH PARLIAMENT OF ST. PETERSBURG

Ivakina E.A., Bochanov M.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the processes of institutionalization of youth parliamentarism in the regions of the Russian Federation using the example of the Youth Parliament of St. Petersburg. A scientific analysis of the activities of the Youth Parliaments of the Voronezh region and Moscow is being carried out. The stages of formation and mechanisms for integrating the youth parliament into the regional governance system are analyzed. Particular attention is paid to the analysis of the legal framework regulating the activities of the Youth Parliament, as well as forms of interaction with government authorities and public organizations. The theoretical basis of the study was expanded by analyzing the works of leading domestic scientists in the field of sociology of youth, youth policy and political participation.

Keywords: youth parliamentarism, institutionalization, regional governance, Youth Parliament of St. Petersburg, youth policy.

References

- Federal Law of December 30, 2020 № 489-FZ «On Youth Policy in the Russian Federation» // Legal reference system «ConsultantPlus». – Date of access: 01/27/2026.
- Abramov, A.V. Problems of political science education in modern Russia. An attempt at a quantitative study / A.V. Abramov, A.P. Vorobyov, // Observer. – 2021. – № 7(378). – P. 96–110.
- Alekseev, R.A. Problems of the formation of Russian democracy and the role of the electoral system, Big Data and blockchain technologies in this process / R.A. Alekseev // Journal of Political Research. – 2019. – Т. 3, № 1. – P. 40–52.
- Bochanov, M.A. Volunteering in Russia: features of formation and modern attitudes of youth / M.A. Bochanov // Bulletin of state and municipal management. – 2024. – Т. 13, № 1. – P. 124–136.
- Instructive letter of the Ministry of Education of the Russian Federation dated April 24, 2003 № 2 «On the development of youth parliamentarism in the constituent entities of the Russian Federation» // Reference and legal system «Garant». – Date of access: 01/27/2026.
- Ruchkin, B.A. Youth and the formation of a new Russia / B.A. Ruchkin // Sociological studies. – 2008. – № 5. – P. 40–51.
- Danilina, M.V. Youth parliamentarism as a form of political participation / M.V. Danilina // Bulletin of Moscow University. Episode 12, Political Science. – 2019. – № 3. – P. 67–81.
- Kovaleva, A.I. Sociology of youth: theoretical issues / A.I. Kovaleva. – Moscow: Sotsium, 2012. – 232 p.

9. Kochetkov, A.V. State youth policy: search for an integrative management model / A.V. Kochetkov // Science. Culture. Society. – 2023. – № 3. – P. 12–24.

10. Regulations on the Youth Parliament at the Legislative Assembly of St. Petersburg: approved. by resolution of the Legislative Assembly of St. Petersburg dated January 25, 2023 № 16-P.

11. Youth Chamber of the Moscow City Duma: official website. – URL: <https://duma.mos.ru/ru/3414/page/polojenie-o-molodejnoj-palate> (access date: 01/27/2026).

12. Law of the Voronezh Region dated July 18, 2024 № 418-VII-OD «On the Youth Parliament of the Voronezh Region» // Reference and legal system «ConsultantPlus». – Date of access: 01/27/2026.

13. Ilyinsky, I.M. Youth and youth policy: philosophy, theory, history / I.M. Ilyinsky. – Moscow: Golos, 2016. – 696 p.

14. Youth Parliament at the Legislative Assembly of St. Petersburg: official website. – URL: <https://www.assembly.spb.ru/activity/youth-parliament/> (access date: 01/27/2026).

15. Gavriluk, V.V. Institutionalization of youth parliamentarism in the regions of the Russian Federation / V.V. Gavriluk // Politics and Society. – 2021. – № 4. – P. 30–44.

Буслаков Павел Николаевич,

аспирант кафедры политологии АНО ВО «Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского», помощник депутата Московской городской Думы Руднева М.В.
E-mail: pavel.buslakov@yandex.ru

В статье рассматриваются цифровые аспекты оказания помощи населению, проблемы и перспективы развития. Выявлены факторы, замедляющие процессы эффективной адаптации технологических инноваций в сфере социальной защиты. Проанализированы уже существующие технологические решения и платформы, их преимущества и недостатки. Указаны правовые документы в данной области. Обозначены основные направления развития данной сферы в контексте цифрового обеспечения деятельности. Отмечается, что внедрение искусственного интеллекта в область предоставления социальной помощи населению имеет как преимущества, так и возможные недостатки.

Ключевые слова: социальная защита населения, цифровизация, искусственный интеллект, Российская Федерация, Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере.

Для понимания современного состояния цифровой трансформации социальной защиты населения целесообразно осуществлять на основе проведения систематического обзора имеющихся цифровых платформ и сервисов в России и в других странах, где уровень, масштабы и качество социальной защиты граждан значительно отличается [1]. Это обусловлено геополитической обстановкой, социально-экономическими аспектами, культурным кодом и менталитетом населения, его традициями в деле обеспечения пожилых людей и иных социальных групп [2].

Обзор актуальных зарубежных практик позволит оценить текущий уровень развития цифровых решений в социальной сфере, выявить успешные практики, которые могут быть адаптированы и внедрены в отечественную систему. Проанализированы отечественные платформы федерального и регионального уровней, зарубежные практики. Цифровая трансформация сферы социальной защиты населения представляет собой сложный и многогранный процесс, обладающим синергетическим воздействием, который невозможно свести к простому внедрению отдельных информационных систем [3].

Речь идет о системной перестройке всей архитектуры социальной поддержки, основанной на принципиально новых технологических возможностях [4]. Чтобы осознать векторность трансформаций важно осуществить систематизацию прорывных цифровых технологических решений, уже нашедших реализацию в области социальной защиты населения Российской Федерации, а также спрогнозировать основные направления развития, риски и преимущества от последующего расширения цифровизации.

Цифровизация сферы социальной защиты населения стала неизбежной по мере становления цифровизации самого общества [5]. Развитие теоретических подходов к исследованию цифрового общества характеризуется постепенным переходом от технологического детерминизма к более комплексному пониманию взаимосвязи между технологическими инновациями и социальными процессами [6].

Современные подходы к исследованию цифрового общества характеризуются развитием междисциплинарных подходов и ориентированием на комплексные социотехнические системы:

- теории «платформенного капитализма» (Н. Срничек) и «капитализма наблюдения» (Ш. Зубофф) анализируют новые формы экономической организации и социального контроля в цифровую эпоху;
- концепции «алгоритмической культуры» (Т. Гиллеспи) и «датафикации» (В. Майер-Шенбергер, К. Кукьер) исследуют влияние больших данных и алгоритмов на социальные процессы;
- теории «цифрового неравенства» (Я. ван Дейк, К. Хаггинс) фокусируются на новых формах социальной стратификации в цифровом обществе;
- концепции «постцифрового общества» (Д. Берри, М. Диттер) переосмысливают роль цифровых технологий в контексте их повсеместного распространения и интеграции в повседневную жизнь [7].

Развитие теоретических подходов к исследованию цифрового общества характеризуется постепенным переходом от технологического детерминизма к более комплексному пониманию взаимосвязи между технологическими инновациями и социальными процессами. Современные теории стремятся учитывать многоаспектность и нелинейность развития цифрового общества, обращая внимание на диалектику возможностей и рисков, связанных с цифровизацией. Важно отметить, что теоретическое осмысление цифрового общества продолжает активно развиваться, адаптируясь к новым технологическим и социальным реалиям (например, искусственный интеллект, интернет вещей, блокчейн и т.п.).

Сегодня в научной литературе появилось «понятие «цифровой человек» (HomoDigitals), под которым понимается новый социокультурный тип личности, чьи компетенции и ресурсы отличают его от обычных людей и создают ему преимущества для жизни в цифровом обществе. Он свободно владеет различными гаджетами, веб-серфингом, технологиями работы с цифровыми данными, приемами электронной коммерции, знает основы SMM, блокчейна, кибербезопасности, работы с нейросетями. Будущее HomoDigitals во многом будет зависеть от успешности реализации проекта по созданию Нейронета, глобальной компьютерной сети поколения Web 4.0, в основе которой будут лежать интегрированные платформы гибридного искусственного ин-

теллекта» [8]. Особенностью искусственного интеллекта (ИИ) будет выступать его нейро-сетевая квантовая сущность.

Как ожидается, предназначение ИИ состоит в дополнении, усилении человеческих способностей. Наибольшая опасность все усиливающегося применения ИИ во все сферы человеческой деятельности заключается в том, что ИИ не только дополняет человеческие действия, а постепенно полностью заменяет человеческое участие в формировании средств и методов социальной защиты. Решения могут применяться на основе беспристрастной оценки ситуации, и может быть вынесено неверное решение, в котором не учитывается человеческий фактор. Большинство эффективно функционирующих социальных систем, по нашему мнению, основаны на сочетании правил и учете конкретных жизненных ситуаций, применении исключения из правил за счет принятия осмысленного решения на основе использования выданных полномочий.

В современных теориях учитываются многоаспектность и нелинейность развития цифрового общества, обращая внимание на диалектику возможностей и рисков, связанных с цифровизацией. Важно отметить, что теоретическое осмысление цифрового общества продолжает активно развиваться, адаптируясь к новым технологическим и социальным реалиям (например, искусственный интеллект, интернет вещей, блокчейн и т.п.).

Современные цифровые технологии функционируют не изолированно, а формируют взаимосвязанную, саморазвивающуюся экосистему, в которой развитие одних элементов создает предпосылки для разработки и внедрения в практическую деятельность программ по социальной защите населения других. Это происходит вследствие трансформации самого общества.

Активно развиваются инфраструктурные технологии и платформенные решения. Базовым уровнем цифровой трансформации социальной сферы является создание единой цифровой инфраструктуры, обеспечивающей сбор, хранение и межведомственный обмен данными о получателях мер социальной поддержки. Ключевым элементом данной инфраструктуры в Российской Федерации выступает Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере (ГИС ЕЦП) [9], создание которой было предусмотрено законодательством и активно развернуто в последние годы.

Данная платформа аккумулирует информацию о статусе граждан (многодетные семьи, ветераны, люди с инвалидностью, дети-сироты и др.), предоставляемых льготах и выплатах, которая обновляется в течение всей жизни человека. Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере обеспечивает межведомственное электронное взаимодействие представителей социальных служб и населения при назначении мер поддержки. Это способствует сохранению обновляющихся сведений о лицах, получающих социальную помощь. Не требуется повторного подтверждения статуса, повторного предоставления всего пакета документов, как требовалось ранее, что вносило путаницу, усложняло деятельность работников социальных служб, усиливало бюрократическую составляющую, приводило к образованию очередей.

Также к функциям и преимуществам данной платформы относится регулярное обновление информации о новых введенных льготных мерах и средствах поддержки льготных групп населения, изменениях в формах представления документации. Это значительно экономит время и позволяет отслеживать тех граждан, которые не получили своевременного информирования о новых видах социальной помощи [10].

Значительно повышается деятельность информационного обмена между различными ведомствами и службами. Это происходит за счет автоматизации системы запросов различной справочной информации, сведений об инвалидности, доходах и имуществе через систему СМЭВ. Также крайне значимой является проактивная система социального казначейства, при котором выплаты формируются на основе беззаявительного подхода за счет обработки сведений, поступающих из различных ведомств в единую комплексную систему.

Важнейшим направлением развития цифровых сервисов является реализация принципа социального казначейства. Как отмечалось в материалах итоговой коллегии Минтруда России, в настоящее время 63 услуги в сфере социальной защиты предоставляются населению в электронном виде, из них 20 – проактивно, то есть без необходимости подачи во время личного – физического присутствия граждан в организации.

Нормативно-правовая база цифровой трансформации социальной поддержки в Российской Федерации находится в стадии активного формирования. Приняты стратегические документы – Концепция цифровой и функциональной трансформации, национальные цели развития [11, 12]. Также состоялось создание ключевого институци-

онального оператора преобразований – Социального фонда России [13]. Непрерывно совершенствуется законодательство о передаче ему полномочий по предоставлению региональных мер поддержки [14].

Среди документов, предназначенных для совершенствования системы государственного управления в области цифровой трансформации и научно-технологического развития Российской Федерации, необходимо отметить Указы Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 и от 21 июля 2020 г. № 474 [15, 16]. Среди национальных целей развития Российской Федерации, определенных до 2024 г. и на плановый период до 2030 г., на государственном уровне определены такие программы, как «Развитие научно-технологического потенциала РФ» (бюджет составляет 4 682 671,27 млн руб.) [17] и национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», а также соответствующие показатели достижения национальных целей. Цель проекта – цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы. Согласно перечню национальных целей и стратегических задач Правительство Российской Федерации разработало национальные и федеральные проекты, в которых заложены мероприятия, источники финансирования, исполнители, наделенные полномочиями по реализации [18].

При цифровизации государственных органов ускоряется предоставление государственного управления, повышается доступность предоставляемых населению государственных услуг, расширяются возможности для разработки инновационных видов услуг, оказываемых населению. Потребности в обновлении и модернизации подходов к государственному управлению, разработке методов и технологий анализа и обработки информации, формирования стратегического видения и определения приоритетов обусловлены происходящими геополитическими, демографическими, социально-экономическими, культурно-историческими, технологическими процессами.

Несмотря на многочисленные меры по повышению качества, оперативности предоставления государственных услуг населению, проводимую многолетнюю реформу государственного управления, принимаемые законодательные акты, предназначенные для повышения эффективности функционирования данного сектора и цифровизацию, качество предоставляемых государственных услуг во многих регионах Российской Федерации остается неудовлетворительным. В связи с данным обстоятельством, Правительством Российской Федерации принято Постановление «О мониторинге качества предоставления государственных и муниципальных услуг независимо от формы их предоставления» [19].

Специфика социального неравенства в цифровом обществе нуждается в применении междисциплинарного подхода, в котором синергетически соединены методы политологии, социологии, экономики, информатики. Понимание многомерной природы цифрового неравенства, его динамики и взаимосвязей с другими социальными процессами критически важно для разработки эффективных стратегий социальной политики, направленных на создание более инклюзивного и справедливого цифрового общества. Исследование цифровизации должно учитывать не только технологические аспекты, но и более широкие политические социальные, культурные и факторы, формирующие цифровую среду и определяющие паттерны ее использования различными социальными группами при развитии различных форм социальной поддержки населения.

Особенного внимания заслуживает внедрение технологий роботизации для автоматического назначения мер социальной поддержки без участия человека. В числе первых пилотных проектов – две выплаты для многодетных семей: социальная выплата на покупку школьной и спортивной формы, а также ежегодная денежная выплата на посещение учреждений культуры и искусства и на покупку канцелярских принадлежностей. Эффективность роботизации впечатляет: за полтора часа человек способен обработать одно заявление, тогда как робот – 540.

Современный этап развития отечественной системы государственного управления характеризуется изменениями в подходах к оказанию социальной защиты населения в направлении цифровизации процессов. В сфере социальной поддержки граждан цифровизация открывает принципиально новые возможности для обеспечения адресности, оперативности и персонализации помощи.

Литература

1. Василенко, И.А. Цифровые технологии в системе социальной защиты населения: зарубежный опыт / И.А. Василенко // Государственная служба. – 2019. – № 5. – С. 18–24.
2. Сергеев И.Б. Критерий эффективности применения цифровых технологий в сфере социальной защиты населения // Вестник евразийской науки. 2024. № 4.

3. Digitally transforming social protection systems: What matters and why <https://www.undp.org/digital-innovation/stories/digitally-transforming-social-protection-systems-what-matters-and-why> (дата обращения: 2.06.2026).

4. Гасумова Светлана Евгеньевна. Процесс цифровизации системы социальных услуг в России: социологический анализ: дисс. ... д-ра соц. наук: 5.4.4. Пермь. – 2023. 300 с.

5. Андрищенко О. Е., Гоманенко О. А., Данилова Е. О., Попандуполо О. А. Цифровизация системы социальной защиты как фактор повышения качества жизни граждан РФ (на примере Волгоградской области) // Logos et Praxis. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 133–143. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.3.14>

6. Дмитриева Т. В. Цифровизация как социокультурный феномен современного российского общества 5.7.7 / Дмитриева Татьяна Викторовна. – Мытищи. – 2024. – 27 с.

7. Малинецкий Г. Г. Риски цифрового мира. Проектирование цифрового будущего. Научные подходы. Коллективная монография / Под ред. Г. Г. Малинецкого, В. В. Иванова, П. А. Верника М.: ТЕХНОСФЕРА, 2020. – 356 с.

8. Бикмуллин, А. Цифровая экономика как инструмент социального развития российского общества / А. Бикмуллин // Региональный экономический журнал. – 2018. – № 3–4. – С. 52–54.

9. Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sfr.gov.ru/projects/edinaya_centralizovannaya_cifrovaya_platforma_v_socialnoj_sfere/ (дата обращения: 20.06.2026).

10. Кузнецов И. А., Галибаева Д. М. Проблемы цифровизации в сфере социального обеспечения в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 11–3 (98).

11. Распоряжение Правительства РФ от 20 февраля 2021 г. № 431-р «Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 9. – Ст. 1562.

12. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 19. – Ст. 2321.

13. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 52. – Ст. 7007.

14. Булгаков В. В., Бросалина А. А. Правовые особенности оказания мер социальной поддержки в условиях внедрения цифровых платформ в государственное управление: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы государства и права. 2021. № 18.

15. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 г. № 204 // Официальный интернет-портал правовой информации. – с изм. и допол. в ред. от 21 июля 2020 г.

16. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21 июля 2020 г. № 474 // Официальный интернет-портал правовой информации.

17. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2019 года № 377 «Об утверждении государственной программы РФ «Научно-технологическое развитие РФ»

18. Александров Н. Д. Применение систем поддержки принятия решений в государственном управлении научно-технологическим развитием в РФ: дисс. ... канд. экон. наук: 2.5.6 / Александров Никита Дмитриевич. – М., 2024. – 255 с.

19. О мониторинге качества предоставления государственных и муниципальных услуг независимо от формы их предоставления и внесении изменений в Положение о федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»: Постановление Правительства Российской Федерации от 25 мая 2022 г. № 951 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 22. Ст. 3690.

THE CURRENT STATE OF DIGITALIZATION IN SOCIAL WELFARE

Buslakov P. N.

V. V. Zhirinovsky University of World Civilizations

Abstract. This article examines the digital aspects of social assistance, its challenges, and development prospects. It identifies factors hindering the effective adaptation of technological innovations in social protection. Existing technological solutions and platforms, along with their advantages and disadvantages, are analyzed. Legal documents in this area are cited. Key development areas in this area are outlined in the context of digital support. It is noted that the introduction of artificial intelligence into social assistance has both advantages and potential disadvantages.

Keywords: social welfare, digitalization, artificial intelligence, Russian Federation, Unified Centralized Digital Platform in the Social Sphere.

References

- Vasilenko, I. A. Digital technologies in the system of social protection of the population: foreign experience // I. A. Vasilenko // State Service. – 2019. – № 5. – P. 18–24.
- Sergeev I. B. Criterion for the effectiveness of the use of digital technologies in the field of social protection of the population // Bulletin of Eurasian Science. 2024. № 4.
- Digitally transforming social protection systems: What matters and why <https://www.undp.org/digital-innovation/stories/digitally-transforming-social-protection-systems-what-matters-and-why> (accessed June 2, 2026)
- Gasumova Svetlana Evgenievna. The process of digitalization of the system of social services in Russia: sociological analysis: diss. ... Doctor of Social Sciences Sciences: 5.4.4. Perm. – 2023. 300 p.
- Andryushchenko O. E., Gomanenko O. A., Danilova E. O., Popandopulo O. A. Digitalization of the social protection system as a factor in improving the quality of life of citizens of the Russian Federation (on the example of the Volgograd region) // Logos et Praxis. – 2022. – Т. 21, № 3. – P. 133–143. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.3.14>
- Dmitrieva T. V. Digitalization as a sociocultural phenomenon of modern Russian society 5.7.7 / Tatyana Viktorovna Dmitrieva. – Mytishchi. – 2024. – 27 p.
- Malinetsky G. G. Risks of the digital world. Designing the digital future. Scientific approaches. Collective monograph / Ed. G. G. Malinetsky, V. V. Ivanova, P. A. Vernika M.: TECHNOSPHERE, 2020. – 356 p.
- Bikmullin, A. Digital economy as a tool for the social development of Russian society / A. Bikmullin // Regional economic journal. – 2018. – № 3–4. – pp. 52–54.
- A single centralized digital platform in the social sphere. [Electronic resource]. – Access mode: https://sfr.gov.ru/projects/edinaya_centralizovannaya_cifrovaya_platforma_v_socialnoj_sfere/ (access date 06/20/2026)
- Kuznetsov I. A., Galiabaeva D. M. Problems of digitalization in the field of social security in the Russian Federation // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. № 11–3 (98).
- Order of the Government of the Russian Federation of February 20, 2021 № 431-r «On approval of the Concept of digital and functional transformation of the social sphere, related to the scope of activity of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, for the period until 2025» // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2021. – № 9. – Art. 1562.
- Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 № 309 «On the national development goals of the Russian Federation for the period until 2030 and for the future until 2036» // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2024. – № 19. – Art. 2321.
- Federal Law of December 28, 2013 № 442-FZ «On the fundamentals of social services for citizens in the Russian Federation» (as amended on August 8, 2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2013. – № 52. – Art. 7007.
- Bulgakov V. V., Brosalina A. A. Legal features of providing social support measures in the conditions of implementing digital platforms into public administration: Russian and foreign experience // Current problems of state and law. 2021. № 18.
- Decree of the President of the Russian Federation «On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period until 2024» dated May 7, 2018 № 204 // Official Internet portal of legal information. – with change and additional in ed. dated July 21, 2020.
- Decree of the President of the Russian Federation «On national development goals of the Russian Federation for the period until 2030» dated July 21, 2020 № 474 // Official Internet portal of legal information
- Decree of the Government of the Russian Federation of March 29, 2019 № 377 «On approval of the state program of the Russian Federation «Scientific and technological development of the Russian Federation»
- Alexandrov N. D. Application of decision support systems in public management of scientific and technological development in the RF: diss. ... cand. econ. Sciences: 2.5.6 / Aleksandrov Nikita Dmitrievich. – M., 2024. – 255 p.
- On monitoring the quality of provision of state and municipal services, regardless of the form of their provision, and amending the Regulations on the federal state information system «Unified portal of state and municipal services (functions)»: Decree of the Government of the Russian Federation of May 25, 2022 № 951 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 22. Art. 3690.

OSINT как инструмент контрнарратива: роль открытой разведки в современных информационных войнах

Бутаев Валижулла Ягияевич,

ведущий специалист СММ отдела Московского областного
регионального отделения партии «Единая Россия»

E-mail: v.butaev95@gmail.com

В условиях «постправды» и высокой конфликтности медиапространства открытая разведка (open source intelligence, OSINT) становится ресурсом конструирования контрнарративов в информационных войнах. Цель статьи – показать, как OSINT применяется для верификации информации, деконструкции фейков и легитимации альтернативных интерпретаций событий. Материалами исследования послужили отечественные и зарубежные научные публикации об OSINT и фактчекинге, а также описанные в них кейсы, включая сюжеты, связанные со специальной военной операцией (СВО). Показано, что OSINT формирует метод публичной доказательности, объединяя экспертный и гражданский уровни производства знания и функционируя в разных институциональных контурах: медиа, фактчекинге и правозащитном документировании. Новизна заключается в рассмотрении OSINT не только как инструмента сбора информации, но и как механизма публичной верификации данных, формирующего доверие к контрнарративу. Сделан вывод о необходимости интеграции OSINT в практики медиаобразования и стратегических коммуникаций с учетом рисков манипуляций и ошибочной атрибуции.

Ключевые слова: OSINT; разведка по открытым источникам; информационные войны; дезинформация; фейки; СВО.

Введение

Информационные войны строятся как борьба за контроль над смыслом происходящего: каждая сторона пытается навязать собственное объяснение событий, влияя на общественное сознание и «реальность». В таких условиях OSINT выступает фундаментом контрнарратива, поскольку позволяет обрабатывать большие массивы открытых данных под целевые запросы. Следует проанализировать, как именно используют методы OSINT для создания контрнарратива, и выявить основные риски и ограничения применения OSINT как инструмента информационной войны.

В соответствии с поставленной целью исследование отвечает на три вопроса: 1) какие механизмы позволяют OSINT преобразовывать разрозненные данные из открытых источников в связный контрнарратив; 2) какие институциональные контуры закрепляют стандарты проверяемости и воспроизводимости OSINT-доказательств; 3) какие ограничения снижают контрнарративный потенциал открытой разведки.

Обзор научной литературы

С.В. Чугров рассматривает постправду как состояние медиаполитической реальности, при которой проверка фактов уступает место управлению эмоциями, символическими идентичностями и доверием к источникам: «в мире постправды эмоции замещают факты, а фейки – новости, задавая тон конструированию политического дискурса и альтернативной реальности» [11].

Близкую рамку предлагают С. Wardle и Н. Derakhshan, которые различают три типа информационных нарушений: misinformation – непреднамеренно недостоверную информацию, disinformation – намеренно распространяемую дезинформацию и malinformation – достоверную, но вредоносно используемую информацию [16].

Исследование S. Vosoughi, D. Roy и S. Aral показывает, что ложные новости распространяются быстрее, дальше и глубже, чем правдивые, особенно в политической сфере [15].

К.Л. Зуйкина и Д.В. Соколова показывают, что фейковые новости в интернете и на телевидении часто строятся вокруг повторяющихся нарративных схем: угрозы хаоса, внешнего управления и моральной деградации противника. Как отметили авторы: «популярные фейковые новости схожи с новостями реальными и структурно их повторяют. Отличия фейка от реальной новости проявляются только на содержательном уровне. Источником распространения фейковых новостей являются не только социальные сети и подозрительные сайты, но и федеральные СМИ» [3].

В.В. Биткова выделяет маркеры фейковой информации в новостях о COVID-19, включая эмоциональное окрашивание сообщения, псевдостатистику и ссылки на неидентифицируемые источники [1]. Ц.Ц. Мясникова, О.В. Сафронова и Ю.В. Толстоулакова рассматривают фейки в социальных медиа Забайкальского края как угрозу ценностным основаниям локальных сообществ [6], а А.В. Зайцев и Ф.Т. Ахунзянова предлагают типологию фейков о СВО в цифровой публичной сфере [2].

Отдельный блок исследований связан с пониманием OSINT как метода работы с открытыми данными. М.Е. Сидорова и А.Р. Кузьмин рассматривают разведку по открытым источникам как совокупность методов, применяемых в задачах кибербезопасности [9]. П.А. Фаниев вводит понятие «тихой разведки» OSINT как способа получения криминалистически значимой информации в интересах правоохранительных органов [10].

В зарубежной литературе OSINT рассматривается не только как инструмент разведки и кибербезопасности, но и как элемент правозащитных исследований, журналистской проверки и публичной доказательности. D. Murray, Y. McDermott и K.A. Koenig исследуют применение открытых источников в расследованиях ООН в области прав человека [12]. M. Van der Woude, T. Dodds и G. Torres рассматривают этические риски открытых расследований [13], а D. Van Puylvelde и F. Tabárez Rienzi отмечают возрастающую роль open-source intelligence в международной безопасности [14].

Г.А. Рукавишникова и П.М. Титов анализируют технологии OSINT в Telegram, подчеркивая двойственный характер платформы: она обе-

спечивает быстрый доступ к фото- и видеоматериалам, свидетельствам очевидцев и геолокационным данным, но одновременно остается уязвимой для фейков, фабрикаций контента и манипуляций с хронологией [8]. Н. Н. Равочкин связывает распространение фейков и информационных войн с необходимостью развития медиаобразования как одного из механизмов противодействия информационной агрессии [7]. Д. А. Медведев и А. Е. Малых показывают, что OSINT используется и за пределами медиасферы, например, в санкционной политике для выявления бенефициаров, структуры собственности и санкционных рисков [5].

Анализ литературы позволяет выделить в информационных войнах верификационную, доказательную, образовательную, правоохранительную и политическую функции OSINT. В настоящей статье OSINT рассматривается прежде всего как инструмент контрнарратива, который не только обеспечивает сбор данных, но и создает публичную процедуру проверки, снижая убедительность фейков и укрепляя доверие к альтернативной интерпретации событий.

Методы

В исследовании использовались качественный контент-анализ, нарративный анализ, сравнительный метод и кейс-анализ. Контент-анализ позволил выявить, как в научной литературе трактуются функции OSINT и направления его применения. Нарративный анализ применялся для изучения фейков и контрсообщений как конкурирующих способов интерпретации событий. Сравнительный метод использовался для сопоставления российских и зарубежных подходов к OSINT, а кейс-анализ — для реконструкции отдельных процедур проверки. Эмпирическую базу составили отечественные и зарубежные публикации, посвященные OSINT, фактчекингу, фейкам, информационным войнам и верификации цифрового контента.

Результаты анализа

В российской научной литературе OSINT понимается не только как совокупность технических приемов, но и как публично проверяемая исследовательская практика, в которой ценность результата определяется возможностью воспроизвести ход анализа. Подчеркивается, что сбор открытых данных, их аналитическая обработка и последующее включение в контуры принятия решений образуют единую процедуру [9]; кроме того, обращение к открытым источникам позволяет получать сведения, обладающие криминалистической значимостью [10]. В этом смысле OSINT уместно рассматривать как инструмент контрнарратива: его убедительность основана на прозрачности происхождения данных, верифицируемости аналитической последовательности и возможности публичного предъявления результата.

Исследователи отмечают, что «распространение недостоверной информации имеет цель дискредитировать основные институты государственности — власть, армию, а также основы общественного устройства — единство, соборность, духовность» [6].

Фейковые сообщения нередко вызывают панику и конструируют образ внешней угрозы; для этого используются гиперболизация рисков, псевдостатистика, ссылки на неидентифицируемых «экспертов» и разрывы в причинно-следственной логике [10]. Именно эти признаки задают направления OSINT-проверки: верификацию источника, происхождения статистики, контекста цитат и визуальных материалов. Отдельное значение имеет образовательный эффект: университеты и медиасреда все чаще рассматривают навыки работы с открытыми данными как элемент защиты от информационной агрессии [1].

Дополнительным основанием для институционализации является нормативная неопределенность самой практики: «данный момент международно-правовая регламентация понятия и содержания OSINT отсутствует, а толкование объекта OSINT наряду с использованием определенной методологии находится в ведении субъектов ее применения за исключением ограничений, которые могут быть предусмотрены национальным законодательством в сфере получения, обработки, хранения и передачи персональных данных» [5].

У Telegram-а есть две основные функции: с одной стороны, каналы и чаты обеспечивают быстрый доступ к оперативным свидетельствам — фото, видео и сообщениям очевидцев, а с другой — анонимность и скорость распространения сообщений делают Telegram удобным каналом для фейков, «псевдоинсайдов» и манипулятивных «сливов» [8].

С этой точки зрения Telegram-проверка должна сочетать доступность данных с критичностью к источнику: «Особенностью OSINT является то, что он основан на открытых источниках, что делает его более прозрачным и доступным для широкой аудитории. OSINT можно применять в отношении конкретных людей, событий, явлений и целей» [8].

OSINT-проверка Telegram-контента предполагает поиск исходного цифрового объекта и контекста его распространения, установление первоисточника, анализ доступных метаданных и сопоставление визуальных признаков с картографическими сервисами, спутниковыми снимками, архивами новостей, региональными СМИ и официальными сообщениями. Такая процедура позволяет проверить не только сам факт события, но и его место, время и контекст.

Фейковое сообщение важно анализировать не только по теме, но и по способу аргументации: «на содержательном уровне проявляются отличия фейка — прежде всего, ложная аргументация сообщения (к примеру, ссылка на несуществующее исследование) или отсутствие таковой» [3].

Значимым оказывается не только итог проверки, но и публичность самой процедуры. Когда последовательность действий становится видимой и воспроизводимой, доверие переносится с авторитета источника на доказательную цепочку. Это снижает «вирусную убедительность» фейка и переводит конкуренцию интерпретаций в режим конкуренции проверяемых оснований [3].

На материале Забайкальского края показано, что региональные фейки группируются вокруг военной, социально-экономической, культурной, политической тематики и сообщений о происшествиях. Исследователи проанализировали 1980 постов за период с 27 февраля 2022 г. по 3 мая 2023 г. и выявили 96 фейков. Для данной статьи особенно важен вывод о смещении фейковой повестки во второй половине 2022 г. к сюжетам о мобилизации, поскольку именно такие темы требуют приоритетного верификационного сопровождения [6].

Значительная часть фейковых сюжетов о СВО строится вокруг трех «идей»: интерпретации начала СВО как «вероломного военного нападения», обвинений Вооруженных сил РФ в незаконных действиях против гражданского населения и нагнетания страха вокруг возможной повторной или всеобщей мобилизации [2]. Для таких сюжетов характерно вытеснение доказательности псевдоаргументацией: «истинная аргументация фактически отсутствует, зато активно используются псевдоаргументы: цифровые примеры (особенно точные числа и процентные показатели), якобы статистические данные, инфографика, иллюстративный ряд, медийные включения (репортажи, свидетельства «очевидцев», аудиозаписи)» [2].

Иллюстративный пример применения OSINT-верификации в публикациях о СВО — это кейс анализа фотографии разрушенной больницы. В одной статье была сопоставлена фотография, выложенная в Telegram как кадр из Харькова, с более ранней публикацией The Irish Sun 2021 года, где это же изображение подписано как сирийский госпиталь. Проверка сообщения о «разрушенной больнице № 3 в Харькове» проводилась по простому принципу: сравнивались визуальные признаки здания — этажность, материал и цвет фасада — с известными фотографиями этого объекта. Выявленные расхождения позволили снять эмоциональную окраску дискуссии и перевести обсуждение в плоскость объективных, воспроизводимых признаков. В таких случаях методы OSINT дают возможность проверить визуальный контент, проследить его происхождение, выявить возможную манипуляцию и заархивировать доказательства [4].

Отдельное направление применения OSINT — санкционная политика. Аналитики используют открытые данные для выявления аффилированных лиц и структур, построения цепочек владения и контроля, а также оценки санкционных рисков. Специализированные платформы строят сети связанных компаний и конечных бенефициаров, чтобы обнаруживать схему сокрытия собственности и обхода ограничений. Данный пример подчеркивает, что OSINT функционирует не только как медийный инструмент верификации фактов, но и как часть более широкой инфраструктуры политико-экономического давления. При этом открытые данные уже не являются нейтральным ресурсом — они становятся полем борьбы за интерпретацию информации, легитимацию решений и публичное обоснование проводимой политики [5].

В этом смысле OSINT можно определить, как «концепция конкурентной разведки, при которой поиск, сбор, обработка и анализ информации, а также ее использование для целей субъекта производится с помощью инструментария и методов на основании открытых источников данных» [5].

Выводы

Проведенный анализ показывает, что в условиях информационных войн OSINT выступает не только инструментом сбора открытых данных, но и механизмом формирования контрнарратива. Его значение определяется тем, что он переводит спор об интерпретации событий из эмоциональной плоскости в публично проверяемую. Контрнарративный потенциал OSINT связан с воспроизводимой цепочкой «источник — проверка — интерпретация — публичное предъявление результата».

На примерах фейков видно, что особое значение для OSINT-проверки имеют источники сообщений, происхождение документов, контекст цитат, проверяемость статистики и достоверность визуальных материалов. Контрсообщение против дезинформации должно строиться не как абстрактное опровержение, а как последовательная демонстрация результатов проверки. Как отмечают специалисты, «фокусированный рабочий процесс, дисциплинированная верификация и прозрачная документация» позволяют превратить поток непроверенных утверждений в «действенную информацию».

Разведка на основе открытых источников двойственный характер. С одной стороны, публичные данные при правильном использовании помогают разоблачать фейковые нарративы и укреплять доверие к проверенной информации. OSINT используется в медиаграмотности, фактчекинге и стратегических коммуникациях для того, чтобы выявлять источники фейков и показывать широкой аудитории достоверные данные. С другой стороны, открытые данные могут быть использованы неправильно. Недобросовестные участники иногда злоупотребляют ярлыком «OSINT», чтобы придать сомнительной информации видимость достоверности. Подобные искажения часто связаны не с самой методологией OSINT, а с нарушениями при ее применении.

Во избежание злоупотреблений и для усиления доверия к результатам OSINT важно институционализировать стандарты публичной доказательности. Это означает, что должен быть разработан четкий протокол подготовки контрнарративов на основе OSINT. При соблюдении стандартов OSINT становится инструментом не только разоблачения фейков, но и формирования доверия публики: демонстрируется, что проверка была проведена добросовестно, а выводы обоснованы и прозрачны.

Литература

1. Биткова В.В. Маркеры фейковой информации в новостях о COVID-19 // *Неофилология*. 2023. Т. 9, № 1. С. 173–185.
2. Зайцев А.В., Ахунзянова Ф.Т. Типология фейков о спецоперации в Украине в цифровой публичной сфере // *Коммуникология*. 2023. Т. 11, № 4. С. 100–111.
3. Зуйкина К.Л., Соколова Д.В. Специфика контента российских фейковых новостей в интернете и на телевидении // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2019. № 4. С. 3–22.
4. Маркосян А.А. Социальные сети – инструмент политической манипуляции? // *Власть*. 2023. Т. 28, № 4.
5. Медведев Д.А., Мalykh A.E. Использование инструментария OSINT в санкционной политике ЕС и США в отношении российского нефтегазового сектора // *RUDN Journal of Economics*. 2025. Т. 33, № 2. С. 319–333.
6. Мясникова Ц.Ц., Сафронова О.В., Толстокулакова Ю.В. Фейки в социальных медиа Забайкальского края: война с аксиологией социума // *Гуманитарный вектор*. 2023. Т. 18, № 3.
7. Равочкин Н.Н. Влияние информационных войн и фейков на медиановостку университетов: социально-философский анализ // *Социодинамика*. 2023. № 2. С. 63–70.
8. Рукавишников Г.А., Титов П.М. Общая характеристика технологий OSINT на платформе Telegram для использования в получении значимой информации // *Вопросы российской юстиции*. 2023. № 27. С. 537–546.
9. Сидорова М.Е., Кузьмин А.Р. Разведка по открытым источникам данных и ее применение для решения задач кибербезопасности // *Вестник Российского нового университета. Серия «Сложные системы: модели, анализ и управление»*. 2023. № 1. С. 61–74.
10. Фаниев П.А. Тихая разведка OSINT как способ получения криминалистически значимой информации // *Научный портал МВД России*. 2023. № 2 (62). С. 82–87.
11. Чургов С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 2. С. 42–59.
12. Murray D., McDermott Y., Koenig K.A. Mapping the Use of Open Source Research in UN Human Rights Investigations, *Journal of Human Rights Practice*, Volume 14, Issue 2, July 2022, Pages 554–581.

13. Van der Woude, M., Dodds, T., & Torres, G. The ethics of open-source investigations: Navigating privacy challenges in a gray zone information landscape. *Journalism*, 26(10), 2184–2202. 2024.

14. Van Puyvelde D, Tabárez Rienzi F. The rise of open-source intelligence. *European Journal of International Security*. 2025;10(4):530–544.

15. Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online // *Science*. 2018. Vol. 359, № 6380. P. 1146–1151.

16. Wardle C., Derakhshan H. Information Disorder: Toward an interdisciplinary framework for research and policy making. Council of Europe, 2017.

OSINT AS A COUNTER-NARRATIVE TOOL: THE ROLE OF OVERT INTELLIGENCE IN MODERN INFORMATION WARS

Butaev V.Y.

Moscow Regional Branch of the United Russia Party

In the context of «post-truth» and the high conflict intensity of the media environment, open-source intelligence (OSINT) is becoming a resource for constructing counter-narratives in information warfare. The aim of this article is to demonstrate how OSINT is used to verify information, deconstruct fake news, and legitimize alternative interpretations of events. The research materials include Russian and foreign scholarly publications on OSINT and fact-checking, as well as the cases discussed in these works, including those related to the special military operation (SMO). It is shown that OSINT forms a method of public evidentiary practice, combining expert and civic levels of knowledge production and functioning within various institutional contexts: the media, fact-checking, and human rights documentation. The novelty of the study lies in considering OSINT not only as a tool for collecting information, but also as a mechanism of public data verification that builds trust in a counter-narrative. The article concludes that OSINT should be integrated into media education and strategic communication practices, taking into account the risks of manipulation and erroneous attribution.

Keywords: OSINT; open-source intelligence; information warfare; disinformation; fake news; SMO.

References

1. Bitkova V.V. Markers of fake information in news about COVID-19 // *Neofilologiya*. 2023. Vol. 9, № 1. P. 173–185.
2. Zaitsev A.V., Akhunzyanova F.T. Typology of fakes about the special operation in Ukraine in the digital public sphere // *Communicology*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 100–111.
3. Zuykina K.L., Sokolova D.V. Specific features of the content of Russian fake news on the Internet and on television // *Moscow University Journalism Bulletin. Series 10: Journalism*. 2019. № 4. P. 3–22.
4. Markosyan A.A. Social networks – a tool of political manipulation? // *Vlast*. 2023. Vol. 28, № 4.
5. Medvedev D.A., Malykh A.E. The use of OSINT tools in the sanctions policy of the EU and the USA toward the Russian oil and gas sector // *RUDN Journal of Economics*. 2025. Vol. 33, № 2. P. 319–333.
6. Myasninkova Ts.Ts., Safronova O.V., Tolstokulakova Yu.V. Fakes in the social media of Zabayskalsky Krai: a war against the axiology of society // *Humanitarian Vector*. 2023. Vol. 18, № 3.
7. Ravochkin N.N. The influence of information wars and fakes on the media agenda of universities: a socio-philosophical analysis // *Sociodynamics*. 2023. № 2. P. 63–70.
8. Rukavishnikova G.A., Titov P.M. General characteristics of OSINT technologies on the Telegram platform for use in obtaining significant information // *Issues of Russian Justice*. 2023. № 27. P. 537–546.
9. Sidorova M.E., Kuzmin A.R. Open-source intelligence and its application for solving cybersecurity tasks // *Bulletin of the Russian New University. Series «Complex Systems: Models, Analysis and Management»*. 2023. № 1. P. 61–74.
10. Faniev P.A. Quiet OSINT intelligence as a method of obtaining forensically significant information // *Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023. № 2(62). P. 82–87.
11. Chugrov S.V. Post-truth: transformation of political reality or self-destruction of liberal democracy? // *Polis. Political Studies*. 2017. № 2. P. 42–59.
12. D. Murray, Y. McDermott, K A. Koenig. Mapping the Use of Open Source Research in UN Human Rights Investigations, *Journal of Human Rights Practice*, Volume 14, Issue 2, July 2022, Pages 554–581.
13. Van der Woude, M., Dodds, T., & Torres, G. The ethics of open-source investigations: Navigating privacy challenges in a gray zone information landscape. *Journalism*, 26(10), 2184–2202. 2024.
14. Van Puyvelde D, Tabárez Rienzi F. The rise of open-source intelligence. *European Journal of International Security*. 2025;10(4):530–544.
15. Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online // *Science*. 2018. Vol. 359, № 6380. P. 1146–1151.
16. Wardle C., Derakhshan H. Information Disorder: Toward an interdisciplinary framework for research and policy making. Council of Europe, 2017.

Глушанок Тамара Михайловна,

доктор экономических наук, профессор кафедры туризма,
Петрозаводский государственный университет

Першина Елена Анатольевна,

магистрант Петрозаводского государственного университета

В статье анализируется трансформация ценностных ориентаций российской молодежи в условиях специальной военной операции. Исследуется специфика восприятия геополитических вызовов поколением «Z» в эпоху цифровых медиа и гибридной информационной войны. Авторы обосновывают недостаточность традиционных институтов социализации для формирования гражданского иммунитета к деструктивным нарративам, уделяя особое внимание региональным практикам патриотического воспитания на примере Карелии.

Ключевые слова: молодежь, гражданская идентичность, информационное противоборство, педагогические инновации.

Введение

Проблема восприятия геополитических решений в молодежной среде представляется закономерным следствием процессов, инициированных после распада советской государственности. В частности, фиксируется кризис института гражданского и патриотического воспитания. Отсутствие разработанной государственной доктрины по формированию национально-гражданской идентичности у школьников и студентов в период 1990–2010-х годов. Все это и привело к системному вакууму в сфере идеологической социализации.

Данный аксиологический вакуум был частично заполнен посредством неконтролируемой диффузии экзогенных культурных кодов и потребительских паттернов. Как следствие, произошла рецессия традиционалистских императивов и актуализация утилитаристских установок. Именно аксиологический «вакуум», по мнению Анисимова О.С. и Николаева Л.С. [1] формировал несогласованность между высшими ценностями и социальным поведением людей. Как следствие, произошла рецессия традиционалистских императивов и актуализация утилитаристских установок. Наблюдается инверсия критериев оценки социальных явлений: переход от деонтологического подхода (оценка через призму общественной пользы) к преимущественно экономическому (критерий рыночной стоимости). У молодежи отмечается потеря национальной идеи, утрата понимания исторической перспективы, падение патриотизма.

Исследователи Маркова К.В., Шевченко Е.В., Левищева В.А. [12] связывают эти процессы с изменениями в системе воспитания за последние десятилетия, когда после распада СССР долгое время не существовало единой государственной программы патриотического воспитания. По их мнению в результате понятие «патриотизм» потеряло свою четкую ценность для нового поколения. И как итог: сегодня государству сложно работать с мировоззрением молодых людей, которые выросли без ясных внутренних идеологических ориентиров, но при этом привыкли ориентироваться на западные стандарты жизни. В этих условиях возникает необходимо переосмысления аксиологических ориентиров в патриотическом воспитании молодежи.

Необходимость пересмотра подходов и методов патриотического воспитания молодежи страны обосновывается в исследованиях ряда ученых [12; 6; 11]. Этот вывод находит подтверждение в опросе Фонда общественного мнения, где 46% россиян считают, что патриотизм формируется главным образом через воспитание, а 41% думают, что это происходит по другим причинам, и специальное патриотическое воспитание не так важно. [8].

Специальное патриотическое воспитание нужно рассматривать не как замену естественного развития личности, а как инструмент поддержки, который помогает молодому человеку осознанно выбрать свой путь, почувствовать себя частью большой страны и внести вклад в её будущее. Любовь к Родине должна возникать естественно – через семью, окружение, личный опыт, а специальные программы помогают сформировать устойчивое чувство принадлежности к своей стране, уважение к её истории, культуре, традициям. Такой подход защищает от уязвимости перед манипуляциями, фейками и недружественной пропагандой. Целью данного исследования является выявить необходимость изменения подходов, методов и практики патриотического воспитания российской молодежи в условиях проведения специальной военной операции (СВО), проанализировать их эффективность для формирования гражданской идентичности, предложить варианты форматов правильного информационного освещения событий на понятном для них языке.

Объект исследования: процесс патриотического воспитания молодежи.

Предмет исследования: подходы, методы и практики патриотического воспитания российской молодежи в условиях проведения специальной военной операции (СВО).

Методы

Эмпирическая основа представленного в статье анализа опирается на данные статистики Росстата, муниципальной статистики, Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фонда обще-

ственного мнения (ФОМ), а также результатов региональных исследований в Республике Карелия за период 2022–2026 гг. В статье применены методы контент-анализа нормативно-правовых актов федерального и регионального уровней в сфере молодежной политики, качественного анализа кейсов реализации патриотических проектов и научных трудов по идеям патриотического воспитания личности ученых. Блошко, В.В., Капустин, В.В. предложили классификацию методов патриотического воспитания молодежи в аспекте сферы их применения. [3].

Тема патриотизма и гражданственности в российских СМИ нашла отражение в исследованиях Возжеников, А.В., Кузнецов, А.Н. [4].

Роль современных СМИ в формировании патриотизма и социокультурных ценностей современной молодежи нашла отражение в трудах Э. Эбелинга [18], Карповой, М.К., Евдокимов, В.И. [10].

Заметная трансформация ценностных ориентаций и моделей социального поведения среди разновозрастных групп российской молодежи наблюдается с началом специальной военной операции (СВО). [9].

Серьезным шагом в переосмыслении молодежной политики Российской Федерации стали «Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г.» [15] и Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» [17], которые направлены на обеспечение функционирования системы патриотического воспитания граждан Российской Федерации. Проект делает акцент на развитие воспитательной работы в образовательных организациях общего и профессионального образования, проведение мероприятий патриотической направленности.

В результате новых вызовов были созданы институциональные ответы системы образования – модернизирована система внеурочной деятельности. В школьную программу интегрирован проект «Разговоры о важном» как инструмент смыслообразующего диалога, направленного на формирование исторической памяти и гордости за страну. Формат исключает лекционную дидактику в пользу интерактивного общения.

Российское движение детей и молодежи «Движение первых» способствует институционализации добровольческой активности и лидерского потенциала подрастающего поколения. Координационные советы этого движения, созданные в 89 субъектах Российской Федерации, стали региональными штабами по воспитательной работе молодежи.

Поддержка со стороны государства различных форм патриотического воспитания помогает людям лучше осознавать свое участие в жизни общества что создает более тесную связь с Родиной. Подтверждением являются данные опроса ВЦИОМ, по которым подавляющее большинство граждан России (73%) видят участников специальной военной операции в качестве героев, сравнимых с ветеранами Великой Отечественной войны. [14]. По данным Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, среди учащихся до 18 лет этот показатель составляет 48%. Однако молодое поколение респондентов выделяют мужество, силу воли и преданность Родине как ключевые качества, присущие защитнику страны. [6].

На примере Республики Карелия можно наблюдать трансформацию моделей гражданской активности молодежи с момента начала специальной военной операции. Анализ показывает дифференциацию форматов участия различных возрастных групп на территории республики:

Учащиеся начальной школы (1–5 классы) демонстрируют вовлеченность через образовательные проекты культурно-гуманитарной направленности. Участие в кружке дополнительного образования «Киноуроки в школах России» в рамках Международного проекта «О Будущем» формирует базовые ценностные ориентации гражданско-патриотического характера.

Подростковые группы («Движение Первых») реализуют комплексную программу поддержки, включающую производство материальных средств обеспечения (плетение сетей, изготовление блиндажных свечей, сухих душей), формирование гуманитарных посылок, организацию эпистолярной коммуникации с военнослужащими. Данные практики характеризуются высокой степенью организованности и системностью реализации.

Студенческая молодежь интегрирует профессиональные компетенции с волонтерской деятельностью. Примером служит сотрудничество студентов лесотехнического техникума с Кондопожским казачьим обществом станица «Успенская» в производстве печей-буржуек для нужд военнослужащих, что демонстрирует синергию образовательно-го процесса и социального служения.

Значимым направлением выступает развитие поискового движения под эгидой КРОФ «Эстафета поколений». Воспитанники клуба «Энергия» при поисковом отряде «Феникс» инициировали внедрение социальной практики как самостоятельного направления работы,

включая благоустройство памятных мест, оказание бытовой помощи семьям участников СВО.

Республиканский конкурс «Место памяти», реализуемый Петрозаводским государственным университетом в партнерстве с поисково-спасательным отрядом «Доброспас», представляет собой институционализированную форму гражданско-патриотической деятельности. Конкурс организован на основе межведомственного взаимодействия и охватывает обучающихся образовательных организаций Республики Карелия, педагогическую и родительскую общественность. Методология проекта базируется на исследовательской парадигме локальной истории: команды-участники осуществляют идентификацию объектов коммеморации (воинские захоронения, мемориальные сооружения, памятные знаки периода Великой Отечественной войны) на территории муниципальных районов. Алгоритм реализации включает: проведение историко-архивного исследования объекта; верификацию биографических данных защитников Отечества; благоустройство территории воинского захоронения/мемориала; организацию культурно-мемориальных мероприятий, приуроченных к годовщинам Победы.

Эмпирические данные участников проекта свидетельствуют о положительной динамике масштабирования инициативы. Количественный анализ демонстрирует экспоненциальный рост вовлеченности школьников в этот проект: увеличение числа команд за два года с 9 единиц (70+ участников) в стартовый период до 30 команд (193 школьника) в 2026 году. Темп прироста контингента составил 175,7%, что подтверждает высокую репрезентативность модели для региональной системы патриотического воспитания. [7].

Особое место в патриотическом воспитании занимает волонтерство. По данным платформы «Добро.рф» на 2025 год, в Карелии насчитывается около 3,2 тысячи волонтеров. (население республики на 01.01.2026 г. 491,7 тыс. чел.). Средний возраст добровольца – 25 лет. Ключевыми организациями этого направления являются: Карельская региональная общественная молодежная организация «Центр развития добровольчества» («Доброцентр10»), Муниципальные «Доброцентры», Региональное отделение «Волонтеры Культуры», «Волонтерский батальон Карелии», Поисковый отряд «ЛизаАлерт» Республики Карелия. Наиболее активно развиваются: Проект «Музейный волонтерский десант Республики Карелия», «Добровольческий корпус Карелии», «Бюро серебряного добровольчества», «Навигатор добровольчества», «Республиканская школа медиаволонтеров».

Такой количественный и качественный рост организаций свидетельствует о высокой эффективности выбранной модели патриотического воспитания и растущем интересе образовательных организаций Республики Карелия к проектам по сохранению исторической памяти. Масштабирование инициативы подтверждает её воспроизводимость и потенциал для дальнейшего развития. Активное участие карельской молодежи в общественной жизни становится ключевым элементом молодежной идентичности. Однако, проведение этих мероприятий в целом не решает проблемы патриотического воспитания гражданской направленности.

Скептическое отношение подростков поколения Z к патриотизму обусловлено рядом факторов, которые отражают как особенности самого поколения, так и изменения в обществе. Среди этих факторов следует отметить:

- Несоответствие лозунгов и реальности. Поколение Z выросло в информационную эпоху с доступом к множеству источников. Они остро чувствуют фальшь и лицемерие, поэтому традиционные формальные мероприятия (линейки, парады) без реального содержания воспринимаются ими как неискренние

- Глобализация мышления. Благодаря интернету подростки ощущают себя частью глобального мира. Их ценности часто универсальны: экология, права человека, справедливость. Национальная идентичность для них может быть менее значимой, чем принадлежность к мировому сообществу единомышленников.

- Критическое мышление. Подростки привыкли подвергать сомнению авторитеты. Исторические мифы или идеализированные образы прошлого вызывают у них желание разобраться в реальных фактах, что иногда приводит к разочарованию в официальных нарративах.

- Прагматизм и ориентация на личный опыт приводит к изменениям формата коммуникации. Традиционный монолог («как надо родину любить») неэффективен. Подросткам нужен искренний диалог, пространство для обсуждения сложных вопросов и признания неоднозначности истории, а не абстрактные призывы «любить Родину». [2].

Одной из серьезных проблем в патриотическом воспитании современной молодежи является проблема высокого уровня недоверия и критического отношения к информации. 49% респондентов сообщили, что иногда сомневаются в достоверности новостной информации на ТВ, 16% россиян считают, что качество новостных передач за по-

следние два-три года ухудшилось, а 15% – что не изменилось вообще. 22% опрошенных готовы отказаться от телевидения в пользу других источников информации и развлечений. [13].

Средства массовой информации (СМИ) и социальные сети играют центральную роль в современном обществе оказывая значительное влияние на формирование и развитие патриотических чувств у молодежи. Транслируя определенные социокультурные, идеологические и политические ценности, СМИ способны создавать и поддерживать образ «национального единства», что является ключевым компонентом патриотизма. [16]. В ходе телефонных опросов «Спутник» и репрезентативной интернет-панели «ВЦИОМ-Онлайн» (объем выборки составил 1 600 респондентов в возрасте от 18 лет), проводимых ВЦИОМ, большинство россиян в возрасте от 18 до 35 лет среди источников информации больше всего доверяют Telegram-каналам 60%. На втором месте интернет-источники (блогеры, интернет-порталы) – 44%, на третьем – социальные сети (38%) [5].

Молодая аудитория поколения Z относится к медиа с изначальным скептицизмом потому что продуцируемые государством обоснования и трактовки происходящего в рамках СВО просто не достигают большей части молодежной аудитории. Несовершенство информационного сопровождения спецоперации со стороны медийных ресурсов, беспрецедентное информационно-психологическое давление со стороны коллективного Запада приводит к уязвимости перед деструктивным информационным воздействием на молодое поколение, социализация которого происходит преимущественно в цифровой среде. Традиционные каналы коммуникации утрачивают монополию на информацию. Согласно данным Фонда общественного мнения значительная доля респондентов (49%) выражает скептицизм относительно достоверности телевизионных новостей и 22% опрошенных готовы отказаться от телевидения в пользу других источников информации. Это серьезный сигнал руководству TV для изменения сетки вещания. [8].

Получая достоверные данные о событиях, молодежь начинает скептически относиться к происходящему в своей стране, и возникает угроза вербовки молодых людей украинскими спецслужбами для совершения терактов, от которых страдают мирные российские люди, а сами диверсанты ломают свою жизнь огромными сроками заключения за совершенные злодеяния.

Для повышения эффективности СМИ и адресности материалов официальные сообщения нужно делать более динамичными и интересными, стоит привлекать популярных среди молодежи блогеров, быстрее информировать о правде случившихся событий. Для молодежи больше подойдут краткие анимационные фильмы, комиксы или видеоролики в стиле тик-ток, разработанные на понятном для них языке. Если молодежь сначала узнает о событиях из зарубежных источников, а потом из российских, они начинают доверять первым. Российской молодежи нужно научиться проверять информацию и доверять данным, которые заверены из первых уст, проводить больше встреч и совместных мероприятий с людьми, которые побывали в зоне СВО и не понаслышке знают правду.

Правильное освещение событий, происходящих на фронте и в тылу, рассказ о действиях украинских боевиков на территории Донбасса может сделать их более устойчивыми к манипуляциям со стороны недоброжелателей.

Подводя итоги, можно отметить, что в настоящее время мы наблюдаем два разных пути реализации гражданской активности:

1. Деятельностный: Помощь через конкретные дела, направленная на поддержку конкретных людей. Этот путь выбирают те, кто ищет практическую пользу и имеет личную мотивацию.

2. Декларативно-критический: Выражение позиции через слова и критику в сети. Этот путь чаще выбирают те, кто отстранен от личного опыта, связанного с происходящим, и черпает информацию преимущественно из цифровой среды.

Это не столько раскол «за» и «против», сколько разные способы взаимодействия с реальностью, свойственные сложной возрастной и социальной группе.

Патриотизм формируется на протяжении всей жизни, но специальная работа с молодежью необходима как поддержка и направление этого процесса. Важно сочетать государственные инициативы с семейным воспитанием, школьной средой, личными примерами наставников. Главное – избегать формализма, делать акцент на живом диалоге, реальных делах, совместном творчестве и поиске смыслов.

Литература

1. Анисимова, О.С. Ценностные ориентации студенческой молодежи в контексте кризиса социальной системы трансформирующегося российского общества / О.С. Анисимова, Л.С. Николаева // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. – URL:

<https://science-education.ru/ru/article/view?id=10072> (дата обращения: 08.07.2026). – Текст: электронный.

2. Антонова С.И. От лозунгов к действиям: как сформировать осознанный патриотизм у поколения Z // Всероссийский электронный научно-методический журнал «Инновации в педагогике». – 2025. – № 4 (37). – ISSN 2949-6403. – URL: <https://оценника.рф/metodika/ot-lozungov-k-deystviyam-kak-sformirovat-osoznannyy-patriotizm-u-pokoleniya-z> (дата обращения: 06.07.2026). – Текст: электронный.

3. Блошко В.В., Капустин В.В. Классификация методов патриотического воспитания молодежи в аспекте сферы их применения // Социология. – 2022. – № 2. – С. 93–100. – URL: <https://soziologi.ru/upload/iblock/142/uxum68omo5dg1rtige73fsurokpwmisp/Социология%20№2%202022.pdf> – (дата обращения: 06.07.2026). – Текст: электронный.

4. Возжеников А.В., Кузнецов А.Н. Тема патриотизма и гражданственности в российских СМИ: ретроспектива и современность // Коммуникология: электрон. науч. журн. – 2022. – № 3. – URL: <https://drive.google.com/file/d/1E1BIaHhEL1uLQ67Qkbz-qm3RuTQn6G/view> – (дата обращения: 06.07.2026). – Текст: электронный.

5. ВЦИОМ: большинство россиян до 35 лет больше всего доверяет новостям в Telegram-каналах / Редакция сайта ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/16517333> – (дата обращения: 05.07.2026). – Текст: электронный.

6. Зарубина Е.В. Отношение молодежи к СВО: опыт социологического исследования // Социально-гуманитарное образование и современность: материалы конф. Екатеринбург, 2022. – С. 91–97. – EDN: OGPGBX.

7. Итоги II Республиканского конкурса «Место памяти – 2026» // Петрозаводский государственный университет. [Электронный ресурс]. – URL: <https://petrsu.ru/news/2026/158545/itogi-ii-respublikan> – (дата обращения: 05.07.2026). – Текст: электронный.

8. Казаков А.А. Отношение российской молодежи к СВО: роль медийного сопровождения государственной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2022. – Т. 22, вып. 4. – С. 460–467. – URL: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-460-467>. – (дата обращения: 06.07.2026). – Текст: электронный.

9. Казаков А.А. Два года СВО: динамика изменения отношения молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2024. – Т. 24, вып. 2. – С. 185–195. – DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-185-195>. – EDN: CX-EEMK.

10. Карпова М.К., Евдокимов В.И. Роль СМИ в трансформации социокультурных ценностей современной молодежи // Наука. Общество. Государство. – 2019. – № 2(26). URL: <https://esj.pnzgu.ru/page/4812> – (дата обращения: 06.07.2026). – Текст: электронный

11. Кулешова А.В. Поляризация взглядов по ключевым вопросам среди сторонников и противников СВО // Социодиггер. – 2022. – Т. 3, № 7 (19). – С. 30–34. – EDN: YNTQDC.

12. Марков К. В., Шевченко Е.В., Левищев В.А. Проблематика патриотического воспитания студентов вузов в связи с проведением СВО // Мир педагогики и психологии. – 2023. – № 12 (89). – С. 71–76. – EDN: RXLNTW.

13. Новостная информация и телевидение // ФОМ. – URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/15345> – [Электронный ресурс]. – (дата обращения: 05.07.2026). Текст: электронный. —

14. Опрос показал отношение россиян к участникам спецоперации [Электронный ресурс]: РИА Новости, 19.02.2025. – URL: <https://ria.ru/20250219/geroi-2000242856.html> (дата обращения: 06.07.2026). Патриотическое воспитание граждан РФ [Электронный ресурс] // Ru-Wiki. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Патриотическое_воспитание_граждан_РФ. – Дата обращения: 05.07.2026. – Текст: электронный.

15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г.» (с изм. от мая 2025 г.) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409496275/>. – Дата обращения: 06.07.2026. – Текст: электронный.

16. Силагадзе, А.В. Роль СМИ в патриотическом воспитании молодежи / А.В. Силагадзе, А.С. Карамова // Форум молодых ученых. – 2023. – № 12(88). – URL: <http://forum-nauka.ru>. – (дата обращения: 14.07.2026). – Текст: электронный.

17. Федеральный проект «Патриотическое воспитание» / Министерство просвещения Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/>. – Текст: электронный. – Дата обращения: 14.07.2026.

18. Эбелинг, Э. Роль современных СМИ в формировании патриотизма / Э. Эбелинг // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. – 2020. – Т. 1, № 12. – С. 88–91. – URL: <http://journal.asu.ru/smw/article/view/7809>. – (дата обращения: 14.07.2026). – Текст: электронный.

TRANSFORMATION OF RUSSIAN YOUTH VALUES IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL CHALLENGES

Glushanok T.M., Pershina E.A.
Petrozavodsk State University

The article analyzes the transformation of the value orientations of Russian youth in the context of a special military operation. It explores the specifics of the perception of geopolitical challenges by the Z generation in the era of digital media and hybrid information warfare. The authors argue that traditional institutions of socialization are insufficient to form a civic immunity to destructive narratives, focusing on regional practices of patriotic education in Karelia.

Keywords: youth, civic identity, information warfare, pedagogical innovations.

References

1. Anisimov, O.S. Value Orientations of Student Youth in the Context of the Crisis of the Social System of the Transforming Russian Society / O.S. Anisimov, L.S. Nikolaeva // Modern Problems of Science and Education. – 2013. – No. 5. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10072> (date of access: 07/08/2026). – Text: electronic.
2. Antonova S.I. From Slogans to Actions: How to Form Conscious Patriotism in Generation Z // All-Russian Electronic Scientific and Methodological Journal "Innovations in Pedagogy". – 2025. – No. 4 (37). – ISSN 2949-6403. – URL: <https://cenika.rf/metodika/ot-lozungov-k-deystviyam-kak-sformirovat-osoznanny-patriotizm-u-pokoleniya-z> – (date of access: 06.07.2026). – Text: electronic.
3. Bloshko V.V., Kapustin V.V. Classification of methods of patriotic education of youth in terms of the scope of their application // Sociology. – 2022. – No. 2. – P. 93–100. – URL: <https://soziologi.ru/upload/iblock/142/uxum68omo5dg1ritge73fsurokpwmsip/Cotciologia%20№2%202022.pdf> – (date of access: 06.07.2026). – Text: electronic.
4. Vozhenikov A.V., Kuznetsov A.N. The Theme of Patriotism and Civic Consciousness in Russian Media: Retrospective and Modernity // Communicology: Electronic Scientific Journal. – 2022. – No. 3. – URL: <https://drive.google.com/file/d/1E1BIFaHheL1uLQ67Qkbz-qm3RuTQn6G/view> – (Accessed: 06.07.2026). – Text: electronic.
5. VTsIOM: Most Russians Under 35 Trust News in Telegram Channels Most / TASS Website Editorial Board. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/16517333> – (Accessed: 05.07.2026). – Text: electronic.
6. Zarubina E.V. Young People's Attitudes toward the Secondary Military District: A Sociological Study // Social and Humanitarian Education and Modernity: Proc. of the Conf. Ekaterinburg, 2022. – Pp. 91–97. – EDN: OGPGBX.
7. Results of the II Republican Competition "Place of Memory – 2026" // Petrozavodsk State University. [Electronic resource]. – URL: <https://petrsu.ru/news/2026/158545/itogi-ii-respublikan> – (Accessed: 07/05/2026). – Text: electronic.
8. Kazakov A.A. Young Russians' Attitudes toward the Secondary Military District: The Role of Media Support of State Policy // Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science. – 2022. – Vol. 22, issue 4. – Pp. 460–467. – URL: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-460-467>. – (Accessed: 06.07.2026). – Text: electronic.
9. Kazakov A.A. Two years of SVO: the dynamics of changes in youth attitudes // Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Sociology. Political Science. – 2024. – Vol. 24, issue. – Pp. 185–195. – DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-185-195>. – EDN: CXEEMK.
10. Karpova M.K., Evdokimov V.I. The role of the media in the transformation of socio-cultural values of modern youth // Science. Society. State. – 2019. – No. 2(26). URL: <https://esj.pnzgu.ru/page/4812> – (date of access: 06.07.2026). – Text: electronic.
11. Kuleshova AV Polarization of views on key issues among supporters and opponents of the SVO // Sociodigger. – 2022. – Vol. 3, No. 7 (19). – Pp. 30–34. – EDN: YNTQDC.
12. Markov KV, Shevchenko EV, Levishchev VA Problems of patriotic education of university students in connection with the implementation of the SVO // The world of pedagogy and psychology. – 2023. – No. 12 (89). – Pp. 71–76. – EDN: RXLNTW.
13. News and Television // FOM. – URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/15345> – [Electronic resource]. – (Accessed: 07/05/2026). Text: electronic. —
14. A Poll Reveals Russians' Attitudes Toward Participants in the Special Operation [Electronic resource]: RIA Novosti, 02/19/2025. – URL: <https://ria.ru/20250219/geroi-2000242856.html> (Accessed: 07/06/2026). Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation [Electronic resource] // RuWiki. – URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Патриотический_питание_граждан_РФ. – Accessed: 07/05/2026. – Text: electronic.
15. Order of the Government of the Russian Federation of August 17, 2024 No. 2233-r "On Approval of the Strategy for the Implementation of Youth Policy in the Russian Federation through 2030" (as amended in May 2025) [Electronic resource]. – Access from the reference and legal system "Garant". – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409496275/>. – Date of access: 06.07.2026. – Text: electronic.
16. Silagadze, A.V. The Role of the Media in Patriotic Education of Youth / A.V. Silagadze, A.S. Karamova // Forum of Young Scientists. – 2023. – No. 12 (88). – URL: <http://forum-nauka.ru>. – (Accessed: 14.07.2026). – Text: electronic.
17. Federal project "Patriotic Education" / Ministry of Education of the Russian Federation [Electronic resource]. – URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/>. – Text: electronic. – Accessed: 14.07.2026.
18. Ebeling, E. The Role of Modern Media in Shaping Patriotism / E. Ebeling // Sociology in the Modern World: Science, Education, Creativity. – 2020. – Vol. 1, No. 12. – Pp. 88–91. – URL: <http://journal.asu.ru/smw/article/view/7809>. – (Accessed: 14.07.2026). – Text: electronic.

Образно-символическое пространство российской идентичности в сознании молодежи (по материалам популярных социальных сетей)

Зубов Вадим Владиславович,

канд. ист. наук, доцент, доцент Кафедры политологии
Финансового университета при Правительстве Российской
Федерации
E-mail: vvvzubov@fa.ru

Воронкова Виктория Дмитриевна,

студент, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Статья посвящена анализу процесса формирования российской идентичности у молодежи под влиянием образно-символического контента, распространяемого в популярных социальных сетях (ВКонтакте, Telegram, TikTok, YouTube). Авторы характеризуют текущее состояние сознания молодежи, выделяя такие черты, как клиповое мышление, фрагментарность восприятия, высокая адаптивность при одновременной уязвимости к манипулятивным воздействиям. Рассматриваются особенности алгоритмических систем («эхо-камеры», «пузыри фильтров»), усиливающих эмоционально заряженный контент и способствующих упрощению идентичности до дихотомии «свой-чужой». На основе анализа форматов (короткие видео, мемы, стримы, текстовые каналы) выявлены наиболее эффективные механизмы трансляции идентификационных символов – через референтных лидеров мнений, эстетически привлекательные формы и интерактивные практики. Показано, что прямые сообщения и официальная риторика, напротив, вызывают отторжение. В заключении в качестве ключевых рекомендаций по укреплению идентичности предлагаются укрепление семьи как живой системы и стабилизация институциональных основ образования.

Ключевые слова: идентичность, внушение, традиционные ценности, алгоритмизация коммуникаций, социальные сети, молодежь.

Введение

В эпоху цифровизации и стремительно растущей значимости информации как способа формирования мировоззрения у молодежи актуализируется вопрос влияния инфопотоков на идентичность молодого поколения. Молодежь как социальная группа представляет собой важную часть социума, которая определяет его дальнейший облик и общие перспективы на несколько десятилетий вперед. Период молодости становится для человека временем построения норм, системы ценностей, основополагающих для формирования личности и идентичности индивида.

Активное давление пропаганды и ее размещение в социальных сетях делают процесс контроля над воздействием таковой на сознание индивида маловероятным и слабым. Из-за фактического отсутствия целенаправленного и осмысленного управления данным процессом со стороны субъекта воздействия возможны негативные последствия, влекущие возможное искажение ценностных ориентиров молодежи. В этих условиях возникает благоприятная почва для использования манипуляции как «разновидности внушающей коммуникации, предусматривающей оказание такого скрытого воздействия на объект влияния, в ходе которого последний совершает действия в интересах манипулятора, хотя полагает, что приносит благо самому себе» [7, с. 136].

Таким образом, возникает исследовательская потребность в выявлении ключевых особенностей формирования идентичности в сознании российской молодежи через анализ образно-символического пространства и социальных сетей.

Для достижения данной цели предлагается решение следующих задач: рассмотрение текущего состояния сознания российской молодежи и оценка ключевых особенностей ее идентичности; анализ актуального состояния социальных сетей и оценка их влияния на формирование идентичности молодежи; выявление наиболее эффективных факторов воздействия на формирование идентичности российской молодежи.

Общая характеристика сознания молодежи

В современных реалиях сознание российской молодежи весьма подвержено влиянию сторонней информации, а формирование личности происходит в условиях многогранной социальной и информационной среды. Совокупность этих факторов существенно влияет на способ мышления и создание системы ценностных ориентиров индивида. Именно благодаря своему активному становлению в данном возрасте молодежь формирует базовые установки, которые в дальнейшем определяют их поведение, жизненные стратегии и способы взаимодействия с окружающим миром. По этой причине глубокий анализ текущего состояния сознания российской молодежи представляет собой важный аспект и требует комплексного и взвешенного подхода, который позволил бы зафиксировать различные виды изменения состояния и иные проблемные аспекты.

В первую очередь, важно рассмотреть состояние молодежи со стороны ее адаптивности. Динамично меняющаяся среда, в которой формируется сознание молодежи, сильно влияет на усвояемость информации. Потребление, освоение и реагирование на новую информацию происходит в разы быстрее, поскольку на основе этих данных молодежь пытается выстроить собственные жизненные стратегии. Мы можем проследить, как ориентиры молодежи все в большей степени изменяются именно благодаря вариативности социальных сценариев, что в дальнейшем усиливает роль индивидуального выбора и личной ответственности за принимаемые решения [2, с. 4–12].

Подобный сценарий приводит к определенной гибкости мышления, но одновременно с этим делает сознание формирующейся личности более чувствительным к внешним воздействиям. Постоянный информационный поток только усиливает вероятность негативного влияния, и здесь особое значение приобретает способность быстро и эффективно ориентироваться в разнообразии и количестве источников информации. Такой способ восприятия и обработки информации видоизменяется при влиянии на характер когнитивных процессов.

В большей степени мы можем оценить проявление такого феномена, как «клиповое мышление». Подобный феномен представляет со-

бой восприятие информации путем выборочных фрагментов, а не целостной картины происходящего, которая бы объединялась в общую логическую цепочку [6, с. 165–167]. У данного способа мышления есть эффективная сторона, позволяющая работать с большими объемами информации, но при этом в дальнейшем возможно затруднение при ее глубоком анализе, дальнейшем разборе и систематизации.

Подобный тип мышления создается именно благодаря развитию визуальных коммуникаций и цифровых медиа, которые сосредотачивают свое внимание на коротких, наглядных и эмоционально насыщенных сообщениях. Эти сообщения и формируют паттерн на такой вид потребления информации, и сознание закрепляет его как доминирующий. Таким образом, появляется «клиповизация» мышления, представляющая собой короткие смысловые блоки, воспринимаемые индивидом как более легкие, чем развернутые аналитические тексты, требующие больших когнитивных усилий [5, с. 107–118].

Нельзя не отметить важность вопроса о когнитивных особенностях молодежи, который активно дискутируется. В научном сообществе присутствуют две противоположные позиции исследователей, заявляющих как о снижении, так и о повышении интеллектуального уровня представителей молодого поколения [3, с. 155–159].

Также имеют значение качественные параметры сознания молодежи в условиях современного состояния системы образования. В эпоху гиперактивного информационного потока школьная система, характеризующаяся тестовыми формами контроля, цифровизацией образовательного процесса и ориентацией на формальные показатели успеваемости, приводит к смещению акцента с глубинного понимания материала на краткосрочное запоминание и его воспроизведение, что в дальнейшем формирует тенденцию к фрагментному усвоению знаний. Данный феномен в большей степени коррелирует с особенностями клипового мышления.

Говоря об образовании, нельзя не упомянуть такой аспект, как ценностная сфера молодежи. Информационное поле все чаще ориентирует молодых людей в сторону индивидуализации, что подразумевает под собой личностный рост, самореализацию и свободу выбора [8, 129–135]. Но при этом в РФ сохраняют значимость традиционные ценности, такие как семья, стабильность и безопасность. Такую систему можно назвать гибридной, и она отражает сложность современной социальной реальности, в том числе отсутствие единой доминирующей системы ориентиров среди молодежи.

Здесь же фигурирует политико-культурный аспект ценностей, который и создает те самые установки для молодежи. Они носят вариативный характер и во многом зависят от уровня социальной активности и информативности индивида. Важно понимать, что молодежь воспринимает государство и его институты не только на основе личного опыта, но и через ту самую призму символических образов, транслируемых медиасредой [4, с. 20–32]. Исследования показывают, что в большей степени подобные образы формируются из символических представлений и не всегда совпадают с реальной картиной. Условия цифровизации в данном вопросе еще больше усиливают влияние медиасреды на молодежь, поскольку она не только расширяет доступ информации, но и создает новые модели мышления, основанные на скорости и вариативности.

В целом, сознание российской молодежи находится в переходном состоянии, и мы можем ожидать рост адаптивности и гибкости мышления. Однако важно брать во внимание фрагментарность восприятия молодежи и снижение глубины аналитического мышления, которые в дальнейшем формируют нестабильность ценностных ориентиров. Такие изменения в молодежной группе носят неоднозначный и комплексный характер. По сути, они отражают не только упомянутые ранее проблемные зоны, но и иные процессы адаптации к новым условиям социальной и информационной реальности. По этой причине дальнейший анализ данных должен брать во внимание двойственность этого состояния, представляющий собой одновременно потенциальный риск и основу для формирования новых когнитивных и ценностных моделей.

Функционирование сознания молодежи: логика и уязвимости

Чтобы понять, как образы и символы российской идентичности воспринимаются, перерабатываются или отвергаются в молодежной среде, нужно сначала описать главные особенности сознания этой возрастной группы. Исходное предположение: сознание молодых людей действует по особой «логике уязвимости». Это не болезнь и не отклонение, а естественная черта переходного возраста и современного общества. Эта логика объясняет, почему одни смыслы легко проникают в сознание молодежи, а другие – нет, и почему формируются устойчивые зоны притяжения и зоны отторжения разных идентификационных конструктов.

Современная российская молодежь (от 14 до 30 лет) живет в режиме «клипового» и «ассоциативного» мышления. Это значит, что

главную роль играют не сложные логические цепочки, а яркие образы, эмоциональные метки и быстрые сравнения. Следствие: молодежь с трудом удерживает внимание на отвлеченных смыслах, требующих размышлений (например, на деталях исторических периодов или сложных геополитических теориях). Зато у молодых людей очень высокая чувствительность к эмоционально заряженным визуальным и словесным сигналам.

Уязвимость появляется из-за двух особенностей: у молодого человека еще не сложилась устойчивая система ценностей, он ищет себя, и для него крайне важно одобрение окружающих. Молодежь отдалается от тех ценностей, которые приняты у родителей, и ищет готовые, но при этом «свои», непохожие на взрослые, схемы понимания мира.

Легче всего усваиваются те смыслы, которые:

- 1) предлагают простое и понятное разделение на «своих» и «чужих», друзей и врагов, справедливое и несправедливое;
- 2) дают ощущение быстрой принадлежности к важной для человека группе;
- 3) содержат элемент нарушения нормы, запрета, бунта;
- 4) оформлены в красивую, короткую и часто повторяемую форму (мем, короткое видео, вирусный пост).

Напротив, активно отвергаются смыслы, которые преподносятся в назидательной, морализаторской или «чиновничьей» форме – независимо от того, адекватны они или нет. Речь «старших», где говорят «ты должен», «так принято», вызывает внутреннее сопротивление, потому что воспринимается как попытка управлять человеком и ограничить его свободу.

Наблюдение за поведением молодежи в социальных сетях позволяет выделить несколько устойчивых образно-символических «крючков», благодаря которым идентификационные конструкты быстро усваиваются.

1. Эстетика и стиль важнее громких заявлений. Молодежь «цепляется» не за лозунги, а за чувство вкуса, цвета, звука, атмосферы. Образ российской идентичности, который в итоге будет принят молодежью, – это образ, который в ее собственной системе ассоциаций и стилей выглядит красиво и современно (ностальгическая эстетика 2000-х, техно-восточный стиль, определенные музыкальные жанры).

2. Принадлежность к малой группе через «большой» символ. Крупные идентификационные символы (флаг, герб, исторические даты) усваиваются только тогда, когда становятся внутренним кодом, а не внешним требованием.

3. Контроль над своей жизнью. Молодежь легко присваивает те образно-символические конструкты, которые дают ощущение, что человек сам управляет своей судьбой, а не следует указаниям вышестоящих. Любая идентичность, которая подчеркивает способность действовать, влиять, менять что-то вокруг себя (даже в малом), сбрасывает безотказно. Это попадает в юношеское желание быть не ведомым, а ведущим, и в страхе перед беспомощностью – когда от индивида ничто не зависит.

Сущностные характеристики идентичности

Вопрос идентичности в современных реалиях не утратил своей актуальности и до сих пор представляет глубокую социально-психологическую проблему. На фоне продолжающихся социальных изменений, таких как социальная неопределенность, трансформация существующих идеологий, глобализация и повсеместная цифровизация, соответственно происходит преобразование внутренних установок в сознании представителей российской молодежи, что, в свою очередь, влияет на процесс формирования идентичности личности. В свою очередь, процесс взросления подразумевает под собой в том числе и обретение индивидом понимания того, кто он есть, его истинные потребности и желания, принадлежность к той или иной социальной группе.

Идентичность – это целостная система, отражающая осознание человеком самого себя через его личные убеждения, ценности, мысли, интересы, принадлежность к социальной группе и т.д., формирующаяся в процессе социализации, рефлексии, возможных жизненных обстоятельств, кризисов, закрепляющаяся в самоопределении и осознании своей уникальности.

Распространение социальных сетей и алгоритмов, которые подстраиваются под нужды и запросы потребителей того или иного контента, постепенно превращаются в возможный инструмент влияния на сознание российской молодежи. Особенно на тех, кто обладает низким уровнем критического мышления и плохими навыками фильтрации входящего потока информации. Социальные сети очень сильно воздействуют на формирование идентичности молодежи. Сегодня следует говорить о том, что именно социальные сети стали одними из агентов социализации. По статистике ВЦИОМ от 24 июня 2025 года, молодые люди проводят в медиа пространстве (в различных аккаунтах в совокупности) по 9 часов в день. Соответственно, происходит сдвиг

в культуре общения, молодежь стремится быть в контакте с окружающим миром, как они это понимают. А так как сейчас происходят очень быстрые изменения в социальной, политической, экономической и прочих сферах, то молодежь потребляет за день большое количество информации из разных источников. Гиперпотребление информации влияет не только на мироощущение или мировосприятие, но и на самоощущение индивида, а через это и выстраивается социальная идентичность. Тренды, которые задаются и распространяются в интернете, не всегда могут быть полезны для саморазвития, они могут быть деструктивны для восприятия.

В рамках настоящего материала считаем возможным охарактеризовать такие виды идентичности, как цифровая идентичность, гражданская идентичность, статусная идентичность и персональная идентичность.

Самой преобладающей по вышеуказанным причинам является цифровая идентичность. Под этим термином подразумевается влияние социальных сетей на формирование идентичности молодежи. Индивид может проявлять в цифровой реальности те качества, которые обычно не проявляет в реальном мире при живом общении по тем или иным причинам, отсюда следует вероятность для индивида «казаться, а не быть», что может приводить к фрустрации и апатии. И это далеко не один риск и вызов. Цифровая «реальность» помогает быстрее найти круг общения по интересам, но цифровое пространство не может быть заменой реальной жизни.

Гражданская идентичность – это осознание индивидом своей принадлежности к определенному государству, отождествление самого себя с гражданами этой страны, принятие государственных законов как регулятор его жизни, коллективная идентичность. Самое важное понимать, что значит для молодежи гражданственность, что конкретно они вкладывают в этот термин. Согласно исследованию «Гражданская идентичность современной молодежи» Д.К. Щегловой [9, с. 132–137], наиболее часто молодые люди отмечали, что быть гражданином – значит иметь все права, предоставляемые законами этой страны и пользоваться ими (46%), также молодежь определяет гражданственность через чувство патриотизма и любви к России (42%). Гражданская идентичность формируется через вовлечение в общественно-патриотическую деятельность.

Статусная идентичность основана на приобретаемых статусах индивида в социуме, она подразумевает высокий уровень социальной идентичности. Обычно это статус, связанный с работой человека и должностью, которую он занимает. Не зря понятие идентичности Джеймса Марсия определили как «статусная». Ведь именно процесс решения проблем и совершения выборов приводит индивида к осознанию своего желаемого социального статуса и его достижению.

Персональная идентичность – это совокупность концептуализированных представлений, охватывающих результаты интроспективной рефлексии индивида о самом себе. Сюда входят такие утверждения, как «я добрый», «я честный» и так далее.

Социальные сети как среда формирования идентичности

Сегодня социальные сети стали одним из главных пространств, в которых у молодых людей складывается представление о себе, своей стране и своей принадлежности, к тем или иным группам, то есть формируется идентичность. Чтобы понять, как именно социальные сети влияют на образно-символическое пространство российской идентичности, нужно рассмотреть три составляющие: какие платформы сегодня популярны у молодежи, как работают алгоритмы и какие форматы контента реально меняют восприятие.

По открытым данным, на начало 2026 года [10] российская молодежь (возраст 14–25 лет) активнее всего пользуется несколькими социальными сетями и мессенджерами. По месячному охвату лидируют ВКонтакте (94,9 млн пользователей) и Telegram (93,6 млн), за ними следуют YouTube (67,5 млн), TikTok (65,9 млн), а также растущие платформы, например, Дзен (66,2 млн) и Отечественный видеохостинг Rutube. Среди мессенджеров первое место по ежедневному использованию занимает Telegram (74,3 млн в день).

Ключевым фактором, отличающим современные социальные сети от традиционных медиа, является алгоритмическое управление вниманием пользователя. Алгоритмы рекомендаций работают по единому принципу: максимизация времени удержания пользователя через подбор контента, вызывающего наиболее сильный эмоциональный отклик. Данный механизм имеет прямое отношение к формированию идентичности молодежи.

Во-первых, алгоритмы создают так называемые «эхо-камеры» и «пузыри фильтров». Это означает, что пользователь постепенно оказывается в информационной среде, где ему показывают в основ-

ном те мнения, с которыми он и так согласен. Противоположные точки зрения почти не попадают в ленту, и человек начинает думать, что его позиция – единственно правильная и разделяется всеми. В результате идентичность не развивается через столкновение с разными смыслами, а застывает вокруг простых и часто конфликтных образов.

Во-вторых, алгоритмы поощряют контент, вызывающий возмущение, гнев или страх, потому что такой контент лучше удерживает внимание. Исследования фиксируют, что особенности алгоритмов в сочетании с личными уязвимостями молодых людей создают благоприятную среду для возникновения радикальных взглядов и соответствующих онлайн-идентичностей. Алгоритмическая лента сильнее подталкивает человека к крайностям, чем обычное общение в жизни.

В-третьих, социальные сети работают как новая «экологическая среда» для идентичности. В этой среде важнейшими инструментами становятся самопрезентация (то, как человек показывает себя другим), сравнение себя с другими и обратная связь (лайки, комментарии, репосты). Алгоритмы влияют на то, какие именно действия пользователя получают отклик, и тем самым направляют его представления о себе.

Разные форматы контента по-разному влияют на молодежь. Важно понимать, какой именно формат лучше всего доносит образы и символы идентичности.

Короткое вертикальное видео (TikTok, YouTube Shorts, VK Клипы). Данный формат, основанный на быстром эмоциональном вовлечении и вирусном распространении, является сегодня наиболее влиятельным каналом воздействия на идентификационные установки подростков и молодежи. Согласно данным исследований, более 80% подростков ощущают влияние контента TikTok на свои политические взгляды, 70% выражают доверие к блогерам, нередко критикующим государственные институты. Ключевые механизмы воздействия включают мем-контент, провокационные высказывания, коллаборации, челленджи. Короткие видео так же влияют и на восприятие национальной идентичности, и на культурные представления.

Мемы и визуальные символы. Интернет-мемы играют значимую роль в трансформации патриотических символов и их восприятии молодежной аудиторией. Мемы позволяют молодежи осмыслить и адаптировать исторические образы, однако их использование одновременно создает риски искажения исторической правды и манипуляции общественным мнением. Мем в сетевом общении выступает способом заявить о себе, вписаться в сообщество и одновременно создать или изменить свою идентичность. Мем-контент, в отличие от прямых лозунгов, работает через эмоциональную метку и ассоциативный ряд, что особенно эффективно для молодежного сознания.

Стримы и прямые эфиры. Формат реального времени, получивший развитие в VK, Telegram и на YouTube, создает эффект непосредственного присутствия и усиливает парасоциальные отношения между блогером и аудиторией. Именно через парасоциальные отношения (иллюзию личного знакомства с лидером мнений) реализуется один из наиболее эффективных механизмов присвоения идентификационных символов – их трансляция через референтную группу.

Текстовые форматы и каналы. Telegram-каналы и паблики ВКонтакте формируют дискурсивное поле, в котором закрепляются установки молодежи. Исследование дискурса молодежных онлайн-сообществ показывает преобладание конфронтационной риторики: есть четкий образ «врага», а позитивная гражданская идентичность выражена слабо. При этом образ «мы» и механизм формирования конструктивной идентичности в обсуждениях практически не отражен.

Сравнение разных способов воздействия позволяет выделить наиболее и наименее работающие методы.

Наиболее эффективные методы. Во-первых, трансляция образов и символов через лидеров мнений, уже признанных молодежью в качестве «своих» (блогеры, музыканты, стримеры), демонстрирует устойчиво высокую результативность. Это соответствует выявленному ранее механизму: манипуляция через референтную группу обходит защитный барьер отторжения, который включается, когда те же самые смыслы транслирует официальное лицо. Во-вторых, эмоционально заряженный короткий контент (мемы, рилсы, шортсы) обладает максимальной проникающей способностью, особенно когда он оформлен в эстетически привлекательной, современной форме. В-третьих, интерактивные форматы (челленджи), создающие у пользователя ощущение соучастия и контроля над происходящим, эффективно формируют идентификационные установки.

Наименее эффективные методы. Прямые сообщения в официальном стиле, назидательный тон, длинные текстовые форматы без визуальной составляющей, а также символы, подаваемые как внешнее требование («ты должен быть патриотом»), устойчиво отвергаются молодежной аудиторией вне зависимости от содержательной правдивости сообщения.

Двойственность алгоритмов. Алгоритмы создают противоречивую ситуацию. С одной стороны, они позволяют точно доносить позитивные образы до нужной аудитории. С другой – именно алгоритмическая логика поощряет распространение конфликтного, поляризованного контента, что мешает формированию сложной и многомерной идентичности. В этих условиях у пользователя есть право на активный выбор, но есть и право не выбирать, просто следуя за рекомендациями нейросетей.

Алгоритмические механизмы («эхо-камеры», «пузыри фильтров», рекомендательные системы) являются самостоятельным фактором формирования идентичности, действуя в обход рациональной обработки информации и усиливая естественную уязвимость молодежного сознания.

Самую большую эффективность в воздействии на идентичность имеют короткие, эмоциональные форматы (мемы, короткие видео), особенно когда их распространяют лидеры мнений, которых молодежь воспринимает как «своих». Прямые, назидательные приемы, напротив, устойчиво не работают. Запрещенные социальные сети за время работы до блокировки успели сформировать у части молодежи алгоритмические привычки потребления эмоционально заряженного контента без проверки фактов. Эти привычки сохраняются и могут проявляться при обходе блокировок, что требует отдельных мер реагирования.

Среда социальных сетей одновременно несет риски (усиление уязвимости к манипуляциям, упрощение идентичности до дихотомии «свой- чужой», замыкание в «эхо-камерах») и дает возможности (точное попадание в аудиторию, использование эстетически привлекательных форматов, вовлечение через референтные группы). Задача государства и общества – использовать возможности этой среды, сводя риски к минимуму.

Заключение

Сознание современной российской молодежи подвержено набору уязвимостей, характерному для старших поколений. Кроме того, снижение уровня критического мышления, отсутствия глубины восприятия, нежелание и невозможность восприятия объемной сложной информации и склонность к эмоциональной оценке контента усугубляют картину. Отсутствие навыков живого общения с людьми вследствие избыточного нахождения в социальных сетях приводит к затрудненности трезвой оценки собственных когнитивных возможностей. В итоге умело настроенные алгоритмы подбора контента помещают молодых людей в информационные «пузыри», серьезно деформирующие процесс формирования идентичности.

На основании полученных промежуточных выводов можно утверждать, что идентичность молодежи находится под серьезным негативным воздействием алгоритмов социальных сетей. Вместо нормальных социальных ролей представители российской молодежи пытаются примерять на себя странные личины несуществующего «виртуального мира». На данную тенденцию, в частности, обратил внимание в своем диссертационном исследовании А.Р. Филиппов, назвав ее навязыванием референтных групп и характеризовав как «вбрасывание в информационное поле представлений о престижности той или иной социальной группы и, как следствие, о притягательности образа жизни членов такой группы с тем, чтобы вовлечь в орбиту последней новых adeptов» [1, с. 127].

Прогнозируя развитие ситуации, можно отметить, что у самих представителей молодого поколения достаточных внутренних резервов для преодоления сложившейся ситуации нет, следовательно, без сторонней корректировки она будет только ухудшаться. Нормальная идентичность молодого человека как члена семьи, студента, части российского социума будет замещаться самыми невероятными конструктами, что может привести к печальным последствиям. Значительная степень утраты связи с реальностью рано или поздно полностью парализует выполнение молодежью своих социальных функций – от создания традиционной семьи до поддержания обороноспособности страны, что приведет к катастрофическим последствиям.

Рекомендацией по предотвращению данного негативного сценария является, в первую очередь, укрепление семьи, причем не как формальной структуры, но как живой функционирующей системы, способной вернуть молодежь в реальный мир и удержать ее в лоне действительности. Во вторую очередь, необходимо прекратить эксперименты над системой образования, так как для формирования и поддержания идентичности носителя традиционных ценностей необходимы устойчивые институциональные основы образования. Текущее состояние российского социума пока позволяет смотреть на возможность решения означенных проблем с осторожным оптимизмом, однако, как представляется, упущенные годы будут наверстать все сложнее.

Литература

1. Филиппов А.Р. Политическое манипулирование в постиндустриальном обществе: интерпретационный потенциал и границы применимости теоретических подходов: дисс. канд. полит. наук: 5.5.1 / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2026. 183 с.
2. Зубок Ю.А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг. 2020. № 3 (157). С. 4–12.
3. Оберемко Т.В. Когнитивные особенности современных студентов – миф или реальность // Образование и право. 2020. № 5. С. 155–159.
4. Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Terra Linguistica. 2020. Том 11. № 3. С. 20–32.
5. Симакова С.И. Клиповизация мышления у молодежи как следствие развития визуальных коммуникаций в сми // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 2 (24). С. 107–118.
6. Смык, А. Д., Шаповалова В.А. Клиповое мышление // Молодежный вестник Новороссийского филиала Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2023. Том 3. № 2 (10). С. 165–167.
7. Филиппов А.Р. Политическая идеология как разновидность манипулирования // Власть. 2024. № 3. С. 133–139.
8. Фомичева Т.В. Динамика социокультурных ценностей российской молодежи (на основе данных исследований проекта world values survey) // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Том 16. № 4. С. 129–135.
9. Щеглова Д.К. Гражданская идентичность современной молодежи // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2020. № 3 (9). С. 132–137.
10. Топ соцсетей в России в 2026 году [Электронный ресурс]. URL: <https://101-app.com/blog/top-social-media-russia-2026> (дата обращения: 05.03.2026).

THE FIGURATIVE-SYMBOLIC SPACE OF RUSSIAN IDENTITY IN THE MINDS OF YOUNG PEOPLE (BASED ON DATA FROM POPULAR SOCIAL NETWORKS)

Zoubov V.V., Voronkova V.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This article analyzes the process of Russian identity formation among young people under the influence of imagery- and symbol-based content disseminated via popular social media platforms (VKontakte, Telegram, TikTok, YouTube). The authors characterize the current state of youth consciousness, highlighting traits such as «clip thinking», fragmented perception, and high adaptability coupled with vulnerability to manipulative influences. The study examines the role of algorithmic systems – specifically «echo chambers» and «filter bubbles» – in amplifying emotionally charged content and fostering a simplification of identity into an «us-versus-them» dichotomy. An analysis of various formats (short videos, memes, streams, text-based channels) reveals the most effective mechanisms for conveying identity-defining symbols: through influential opinion leaders, aesthetically appealing forms, and interactive practices. Conversely, the study shows that direct messaging and official rhetoric tend to provoke rejection. In conclusion, key recommendations for strengthening identity include reinforcing the family as a living system and stabilizing the institutional foundations of education.

Keywords: identity, suggestion, traditional values, algorithmic communication, social networks, youth.

References

1. Filippov A.R. Political Manipulation in Post-Industrial Society: Interpretive Potential and Limits of Applicability of Theoretical Approaches: Cand. Sci. (Polit.): 5.5.1 / Saint Petersburg State University. Saint Petersburg, 2026. 183 p.
2. Zubok Yu.A. Youth: Life Strategies in the New Reality // Monitoring. 2020. № 3 (157). pp. 4–12.
3. Oberemko T.V. Cognitive Characteristics of Modern Students – Myth or Reality // Education and Law. 2020. № 5. pp. 155–159.
4. Selezneva A.V. Political Values of Russian Youth: Sociocultural Features and Identification Potential // Terra Linguistica. 2020. Vol. 11. № 3. Pp. 20–32.
5. Simakova S.I. Clip-based thinking among young people as a consequence of the development of visual communications in the media // Знак: The problematic field of media education. 2017. № 2 (24). Pp. 107–118.
6. Smyk, A. D., Shapovalova V.A. Clip-based thinking // Youth Bulletin of the Novorossiysk branch of the Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov. 2023. Vol. 3. № 2 (10). Pp. 165–167.
7. Filippov A.R. Political ideology as a type of manipulation // Vlast. 2024. № 3. Pp. 133–139.
8. Fomicheva T.V. Dynamics of Sociocultural Values of Russian Youth (Based on Research Data from the World Values Survey Project) // Standard of Living of the Population of Russian Regions. 2020. Vol. 16. № 4. Pp. 129–135.
9. Shcheglova D.K. Civic Identity of Modern Youth // Social Integration and Development of Ethnocultures in the Eurasian Space. 2020. № 3 (9). Pp. 132–137.
10. Top Social Networks in Russia in 2026 [Electronic Resource]. URL: <https://101-app.com/blog/top-social-media-russia-2026> (Accessed 05.03.2026).

Кабирова Лейсан Ильдаровна,

аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД
России, руководитель продукта ФКУ «ГосТех»
E-mail: leisan.kabirova.98@mail.ru

В статье проводится краткий обзор феномена цифровой трансформации как ключевого тренда, полиаспектно изменяющего хозяйственный уклад, политическую и социальную жизнь в развитых обществах. Автором поставлены задачи разграничить смежные понятия, такие как «оцифровка», «цифровизация» и «цифровая трансформация», обозначить различные подходы к исследованию цифровой трансформации, оценить экономический эффект цифровизации, а также влияние цифровой трансформации на политическую жизнь, государственный суверенитет и политическую стабильность. В результате исследования обоснована важность достижения цифрового суверенитета и развития отечественных цифровых сервисов для обеспечения экономической эффективности и национальной безопасности, доказано комплексное изменение взаимоотношений государства и бизнеса в контексте цифровизации, а также подчеркнута необходимость освоения новых технологий для предотвращения нарастающих киберугроз.

Ключевые слова: Цифровая трансформация; цифровизация; цифровой суверенитет; искусственный интеллект; кибербезопасность; государство и бизнес.

Цифровая трансформация – это глобальный тренд, охвативший развитые и развивающиеся экономики мира, затрагивающий все сферы общественной жизни: здравоохранение, науку и образование, энергетику, транспорт, производство, финансовый сектор, общественную безопасность, государственное управление и другие. Цифровая трансформация затрагивает и внутривнутриполитические, и внешнеполитические аспекты деятельности государств, а также имеет национальную специфику: акценты и особенности цифровой трансформации в КНР, России, странах ЕС и США будут различаться, и иногда существенным образом. Акторами цифровизации также выступают различные агенты: государство в целом, правительство, бизнес и некоммерческие организации: мозговые центры, университеты, группы граждан и отдельные индивиды, использующие Интернет для транзакций и коммуникаций [2].

Как отмечают исследователи Мергель И., Эдельман Н., Хог Н. [13], Сардарян Г.Т. [8], важно правильно определять взаимосвязанные понятия, такие как оцифровка, цифровизация и цифровая трансформация.

Оцифровка (digitization) – это перевод физических объектов (изображений, видео, текста) в цифровой вид, пригодный для записи на цифровые носители. Оцифровка получила первый импульс в 1960–1970 гг., с началом компьютерной революции [6, с. 122]. Г.Т. Сардарян подчеркивает, что процесс оцифровки является основополагающим для дальнейшей цифровой трансформации, так как он «служит связью между физическим миром и программным обеспечением» [8, с. 313]. В качестве примера можно привести электронные заказные письма, направляемые «Почтой России», которые приходят в личный кабинет на портале «Госуслуги» в цифровом, а не бумажном виде. После освоения процессов оцифровки, как подчеркивает А.Г. Санина, государства достаточно быстро осуществляют переход к процессам цифровизации – реинжинирингу организационных и бизнес-процессов посредством использования цифровых технологий и данных в электронном, машиночитаемом виде [5, с. 11]. Примером исследователь приводит индонезийскую систему City113, посредством которой граждане могут сообщать онлайн о чрезвычайных происшествиях и проблемах, происходящих в городе, с текстовым, фото и видео-описанием, на которые впоследствии реагируют экстренные службы [5, с. 12].

Цифровая трансформация – наиболее широкое и комплексное понятие, подразумевающее внедрение цифровых технологий в управленческие стратегии государства и бизнеса, ведущее к существенным улучшениям организационных процессов. Например, когда мы говорим о цифровой трансформации государственного управления в России, мы подразумеваем системную реорганизацию деятельности всех отраслевых министерств и ведомств, предоставляющих государственные и муниципальные услуги гражданам и организациям в электронном виде посредством систем электронного межведомственного документооборота, Единой системы идентификации и аутентификации, Единого портала государственных и муниципальных услуг, платформ обратной связи и других систем и сервисов.

Согласно п. 6 Разъяснений по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», цифровая трансформация подразумевает «глубокие и всесторонние изменения в производственных и социальных процессах, связанные с заменой аналоговых технических систем цифровыми и широкомасштабным применением цифровых технологий» [7]. Она охватывает «не только производственную деятельность, но и изменение организационных структур компаний и бизнес-моделей, а также процессы жизнедеятельности населения» [7].

Большинство исследователей (И. Мергель, Н. Эдельман, Н. Хог [13], К. Тратковска [15], З. Ван Велдховен, К. Хавсэльд [16], С. Фирсова, О. Данилина [9] и др.) рассматривают цифровую трансформацию с точки зрения технологических и организационных изменений. Однако некоторые ученые изучают цифровую трансформацию как системный процесс (Г. Виаль [17], Р. Тейхерт [14], В. Давидовски [11]), социокультурную трансформацию (М. Павлутенкова [6], Ю. Акаткин [3]), а также как изменение коммуникации между гражданами, государством и бизнесом (С. Фирсова, О. Данилина [9]) или используют комплексный подход к изучению цифровой трансформации. Все представленные точки зрения допустимыми и не взаимоисключающими.

Важно отметить, что процессы диджитализации высокими темпами влияют на смену хозяйственного уклада, изменяя традиционные рынки и способы создания прибавочной стоимости, попутно влияя на социальные взаимоотношения и человеческое мышление за счет использования более эффективных, быстрых и транспарентных или, напротив, анонимных и деперсонализированных процессов [1]. По этой причине цифровизация является важным объектом изучения не только для технических специалистов, но и для экономистов, политологов, социологов, юристов и управленцев. Вместе с тем, цифровизация – это *arctio* наукоемкий процесс, требующий значительных финансовых вложений, подготовки высококвалифицированных кадров, развития вычислительных мощностей и цифровой инфраструктуры, центров обработки данных и т.д. Так, например, совокупная стоимость перевода одного сервиса одного ведомства на единую цифровую платформу Российской Федерации «ГосТех» стоит от нескольких миллионов до нескольких миллиардов рублей. Но при этом «цифровизируемость» – конечный результат перевода того же самого сервиса в электронный вид может позволить сэкономить по несколько сотен миллионов рублей ежегодно. В 2015 г. аналитики McKinsey Global Institute оценивали возможный экономический эффект от цифровой трансформации в России к 2025 г. от 1,3 до 4,1 трлн руб. [1, с. 232].

Важно отметить, что в настоящее время, в условиях глобальной политической турбулентности, цифровая трансформация важна не только с точки зрения увеличения ВВП, но и для достижения цифрового суверенитета. Развитие собственных цифровых сервисов, начиная предоставлением государственных услуг и заканчивая сферой развлечений и коммуникации – стратегически важная задача. Причем, последнее не менее весомо, чем первое.

В современном мире наблюдается деиерархизация вертикали власти, размытие государственного суверенитета, а также нарастающая конкуренция между государствами и негосударственными акторами на мировой арене. Большим ресурсным потенциалам обладают сетевые структуры и сетевые отношения, организованные по делезовскому принципу ризомы. Так, харизматичные блогеры, имеющие миллионную аудиторию и способные вызывать эмпатию со стороны подписчиков, в случае если они рассуждают о социально-политических проблемах, от избрания президентом США Д. Трампа до неофашизма, оказывают влияние на политический дискурс, выступая альтернативой традиционным СМИ, а также способны мобилизовать граждан к политическому участию. Современные цифровые платформы, такие как TikTok, X (бывший Twitter)¹ и YouTube² обеспечивают мгновенный доступ к широкой аудитории и способствуют вирусному распространению контента. Многие цветные революции, политические движения были организованы с использованием социальных сетей, подтверждением тому служат «Арабская весна», движение «Indignados» в Испании, протесты в Белоруссии. В этой связи вопросы развития, регулирования и управления цифровыми платформами и сервисами постепенно становятся приоритетными для все большего числа стран.

Как справедливо отмечает Г.Т. Сардарян, цифровизация изменила политический диалог, причем сделала это амбивалентно: с одной стороны, благодаря цифровизации значительно расширилась возможность политического участия граждан и донесения своей позиции (те, кто традиционно был отстранен от политического участия (иностранцы, несовершеннолетние, лица с душевными заболеваниями посредством Интернета получили доступ к общественно-политическим дискуссиям), с другой стороны, под влиянием цифровизации наблюдается маргинализация и упрощение политического дискурса [8, с. 313]. Так, если традиционные политические институты обладают такими атрибутами, как публичность и персональная ответственность, то цифровой активизм нередко может выражаться обезличено, а обмен мнениями происходить в безапелляционной и агрессивной форме [8, с. 313].

Важно отметить, что цифровизация также полиаспектно меняет отношения государства и бизнеса: во-первых, в лидеры выбиваются цифровые и телекоммуникационные компании, так называемые БигТехи, а не только фирмы, задействованные в секторе сырьевых ресурсов, крупной промышленности, ритейле; во-вторых, и нетехнологические компании вынуждены подстраиваться под изменяющиеся правила игры: внедрять элементы роботизации, компьютеризации, обработки больших данных, статического прогнозирования, дополненной реальности, использовать искусственный интеллект и машинное обучение – внедрять элементы индустрии 4.0, чтобы быть конкурентоспособными на рынке. Третье изменение касается самой природы Интернета как глобальной, трансграничной сети. Бизнес также по природе космополитичен. Цифровизация бизнеса и перенос многих операций online

позволяет нанимать сотрудников из разных уголков планеты, оперировать в разных странах. Вместе с тем, все чаще происходят стыки и коллизии в правовом поле, когда бизнес-компании не готовы или не способны подстраиваться под юрисдикцию страны, в которой они работают, или сотрудники, пытаясь работать на иностранный бизнес, нарушают местный закон. В качестве примера приведем компанию Meta Platforms и связанные с ней социальные сети. Так, например, по заявлению Минцифры России, мессенджер WhatsApp, «несмотря на неоднократные предупреждения со стороны российских властей, отказывается соблюдать требования российского законодательства. В частности, не предоставляет информацию по запросам правоохранительных органов не только по массовым случаям мошенничества, но и по факту планирования и совершения террористических актов на территории Российской Федерации. При этом все требования о предоставлении такой информации по запросу зарубежных спецслужб оперативно выполняются» [10]. В качестве другого примера приведем использование VPN-сервисов гражданами КНР для работы online на цифровых ресурсах иностранных государств (использование VPN в КНР, за исключением одобренных правительством каналов связи для отдельных категорий граждан и организаций, запрещено.) Нарушение запрета может грозить штрафом, а распространение и продажа VPN-сервисов – лишением свободы [18]. В-четвертых, несмотря на глобальный характер Интернета, физическая инфраструктура цифровых сервисов, к которой относятся сервера, центры обработки данных – так называемое «железо», обеспечивающее функционирование цифровых процессов – имеет определенную территориальность. Учитывая то, что абсолютное большинство Интернет-серверов находятся в США, а также проводимую этим государством агрессивную санкционную политику [8, с. 317–318], помня, что право на доступ к информации, в том числе доступ в Интернет, считается основополагающим правом человека и многие государственные процессы переведены в электронный вид, государствам стало важно разрабатывать собственную цифровую инфраструктуру в целях защиты национального суверенитета и обеспечения безопасности. В-пятых, компании-разработчики программного обеспечения, а также работающие в отрасли связи подчиняются юрисдикции государств, в которых они зарегистрированы. В настоящее время распространены кибершпионаж и киберпреступность, ведущиеся с помощью программного обеспечения, мессенджеров, социальных сетей и т.д. Первое может нанести значительный урон государству, его интересам и национальной безопасности, второе наносит серьезный ущерб общественности. По этой причине в российских государственных органах, госкорпорациях, ФКУ, ГКУ полностью запрещено использование операционной системы (ОС) macOS и постепенно уходят от использования ОС Windows, замещая ее отечественными решениями на базе Linux (Astra, Alt). В-шестых, цифровизация как комплексный процесс несет изменения и в социальной сфере: изменяется характер образования, занятости, труда, производства научных знаний. Многие опасаются, что с развитием искусственного интеллекта (ИИ) человеческий труд станет ненужным. Нам это утверждение кажется не совсем справедливым. В Государственной Думе РФ предложили понимать под ИИ «любую систему данных или софт, который сможет обрабатывать информацию способом, напоминающим разумное поведение» [4]. Фраза «напоминающим разумное» здесь является ключевой. Даже технологические компании, занимающиеся разработкой ИИ, понимают, что ИИ не в состоянии заменить человеческое мышление, так как этот инструмент не способен создавать оригинальное, новое знание. ИИ невозможно доверять проектное управление, этот инструмент можно использовать лишь для рутинных процессов, не требующих анализа, в которых вероятность ошибки не критична. Так, именно способность отдельного человека концентрироваться, обучаться самостоятельно, не поддаваясь соблазну делегировать большинство процессов в обучении и работе цифровым помощникам, созданным на базе ИИ, которыми изобилует рынок, будет определять элитарность человека в образовании и профессии. Вместе с тем, цифровые технологии, в том числе, машинное обучение и искусственный интеллект, важно осваивать, чтобы быть способными противостоять нарастающим угрозам и вызовам кибербезопасности современности.

Литература

1. Авдеева Е. С., Еризко В.В. Цифровая трансформация в экономике // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. Т. 13, ч. 1. С. 232–238.
2. Авцинова Е.И. Баланс интересов власти, бизнеса и общества в России в контексте государственной политики цифровизации: вектор и направления реализации // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: Материалы X Всероссийского конгресса РАПН с международным участием. Москва, МГИ-

¹ В РФ заблокирована Роскомнадзором.

² В РФ заблокирована Роскомнадзором.

МО МИД России, Финиуниверситет, 5–7 декабря 2024 г. / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, М.М. Мchedловой, Л.Н. Тимофеевой. – М.: Аспект Пресс. – 752 с.

3. Акаткин Ю., Ясиновская Е. Цифровая трансформация государственного управления. Датацентричность и семантическая интероперабельность / под ред. В.А. Конявского. М.: URSS: Ленанд, 2019. 723 с.

4. В Госдуме сформулировали определение искусственного интеллекта // РБК. 04.09.2025. URL: <https://clck.ru/3UDpeU>

5. Дмитриева Н. Е., Санина А.Г., Стырин Е.М. и др. Цифровая трансформация в государственном управлении: коллект. моногр. 2023. – 208 с.

6. Павлютенкова М.Ю. Электронное правительство vs цифровое правительство в контексте цифровой трансформации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5. – С. 120–135.

7. Разъяснения (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденных приказом Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428.

8. Сардарян Г.Т. Цифровизация государства и политики. Глава 3. Тенденции и макропроцессы., С. 313–336 // Мировая политика: Практикум/ Под ред. Т.А. Алексеевой, М.М. Лебедевой, И.Д. Лoshкарева. – 2023. – С. 313–336.

9. Фирсова С.В., Данилина О.М. Цифровая трансформация в государственном управлении // Муниципальная академия. – 2021. – Т. 1. – С. 54–61.

10. Что важно знать о блокировке звонков в Telegram и WhatsApp // РБК Новости. 13.08.2025. URL: <https://clck.ru/3UDpSC>

11. Davidovski V. Exponential innovation through digital transformation // Proceedings of the 3rd International Conference on Applications in Information Technology. – 2018. – P. 3–5.

12. Hafselde K.H., Hussein B., Rauzy A.B. An attempt to understand complexity in a government digital transformation project // International Journal of Information Systems and Project Management. – 2021. – Т. 2021. – P. 70–91.

13. Mergel I., Edelman N., Haug N. Defining digital transformation: Results from expert interviews // Government Information Quarterly. – 2019. – № 4.

14. Teichert R. Digital transformation maturity: A systematic review of literature // Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae Mendelianae Brunensis. – 2019. – № 6. – P. 1673–1687.

15. Tratkowska K. Digital transformation: Theoretical backgrounds of digital change // Management Sciences. Nauki o Zarządzaniu. – 2019. – P. 32–37.

16. Van Veldhoven Z., Vanthienen J. Designing a comprehensive understanding of digital transformation and its impact // Bled eConference. Electron Markets. – 2019. – P. 629–644.

17. Vial G. Understanding digital transformation: A review and a research agenda // The Journal of Strategic Information Systems. – 2019. – № 2. – P. 118–144.

18. VPN в Китае // TAdviser. 24.01.2025. URL: <https://clck.ru/3Pb5Tj>

DIGITAL TRANSFORMATION AS A KEY TREND IN THE MODERNIZATION OF ADVANCED ECONOMIES IN THE 21ST CENTURY

Kabirova L.I.
MGIMO University

The article provides a brief overview of the phenomenon of digital transformation as a key trend that is changing the economic structure, political and social life in developed societies in multiple ways. The author sets the tasks to distinguish related concepts such as «digitalization», «digitalization» and «digital transformation», to identify different approaches to the study of digital technologies, to assess the economic effect of digitalization, as well as the impact of digital technologies on political life, state sovereignty and political stability. As a result of the research, the importance of achieving digital sovereignty and the development of domestic digital services to ensure economic efficiency and security is substantiated, a comprehensive change in the relationship between government and business in the context of digitalization is proved, and the need to develop new technologies to prevent increasing cyber threats is emphasized.

Keywords: Digital transformation; digitalization; digital sovereignty; artificial intelligence; cybersecurity; government and business.

References

1. Avdeeva E.S., Erizko V.V. Digital Transformation in the Economy // Russia: Development Trends and Prospects. 2018. Vol. 13, Part 1. pp. 232–238.

2. Avtsinova E.I. The Balance of Interests of Government, Business, and Society in Russia in the Context of State Digitalization Policy: Vector and Directions of Implementation // Russia in the Polycentric World Order: Challenges and New Development Paradigms: Proceedings of the 10th All-Russian Congress of the Russian Academy of Political Sciences with International Participation. Moscow, MGIMO-University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Financial University, December 5–7, 2024 / Ed. by O.V. Gaman-Golutvina, M. M.M. Mchedlova, L.N. Timofeeva. – Moscow: Aspekt Press. – 752 p.

3. Akatkin Yu., Yasinovskaya E. Digital Transformation of Public Administration. Data-Centricity and Semantic Interoperability / edited by V.A. Konyavsky. Moscow: URSS: Lenand, 2019. 723 p.

4. The State Duma Formulated a Definition of Artificial Intelligence // RBC. 04.09.2025. URL: <https://clck.ru/3UDpeU>

5. Dmitrieva N.E., Sanina A.G., Styryin E.M., et al. Digital Transformation in Public Administration: Collective Monograph. 2023. – 208 p.

6. Pavlyutenkova M.Yu. E-Government vs. Digital Government in the Context of Digital Transformation // Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes. – 2019. – № 5. – pp. 120–135.

7. Explanations (methodological recommendations) for the development of regional projects within the framework of federal projects of the national program «Digital Economy of the Russian Federation», approved by Order of the Ministry of Communications of Russia dated August 1, 2018, № 428.

8. Sardaryan G.T. Digitalization of the State and Politics. Chapter 3. Trends and Macroprocesses., pp. 313–336 // World Politics: Workshop / Ed. by T.A. Alekseeva, M.M. Lebedeva, I.D. Loshkarev. – 2023. – pp. 313–336.

9. Firsova S.V., Danilina O.M. Digital Transformation in Public Administration // Municipal Academy. – 2021. – Vol. 1. – pp. 54–61.

10. What is important to know about blocking calls in Telegram and WhatsApp // RBC News. 08/13/2025. URL: <https://clck.ru/3UDpSC>

11. Davidovski V. Exponential innovation through digital transformation // Proceedings of the 3rd International Conference on Applications in Information Technology. – 2018. – P. 3–5.

12. Hafselde K.H., Hussein B., Rauzy A.B. An attempt to understand complexity in a government digital transformation project // International Journal of Information Systems and Project Management. – 2021. – Т. 2021. – P. 70–91.

13. Mergel I., Edelman N., Haug N. Defining digital transformation: Results from expert interviews // Government Information Quarterly. – 2019. – № 4.

14. Teichert R. Digital transformation maturity: A systematic review of literature // Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae Mendelianae Brunensis. – 2019. – № 6. – P. 1673–1687.

15. Tratkowska K. Digital transformation: Theoretical backgrounds of digital change // Management Sciences. Nauki o Zarządzaniu. – 2019. – P. 32–37.

16. Van Veldhoven Z., Vanthienen J. Designing a comprehensive understanding of digital transformation and its impact // Bled eConference. Electron Markets. – 2019. – P. 629–644.

17. Vial G. Understanding digital transformation: A review and a research agenda // The Journal of Information Strategic Systems. – 2019. – № 2. – P. 118–144.

18. VPN in China // TAdviser. January 24, 2025. URL: <https://clck.ru/3Pb5Tj>

Деятельность регионального отделения российского военно-исторического общества в Воронежской области в контексте формирования и реализации «Исторической политики» (2012–2023 гг.)

Кобляков Артем Александрович,

аспирант, кафедра политологии, управления и регионоведения, Муниципальное образовательное автономное учреждение высшего образования «Воронежский институт экономики и социального управления»
E-mail: abraksas@list.ru

Представленная статья посвящена анализу деятельности Регионального отделения Российского военно-исторического общества (РВИО) в Воронежской области в период с 2012 по 2023 год. Автор рассматривает данное отделение как ключевой институциональный инструмент реализации государственной исторической политики на региональном уровне. В работе детально исследуются основные направления деятельности организации, включая научно-исследовательскую и экспертную работу, монументальную пропаганду, военно-патриотическое воспитание молодежи и просветительские проекты. На основе анализа отчетных материалов и публичных выступлений руководства делается вывод о значительной трансформации роли отделения: из локальной общественной структуры оно превратилось в одного из главных субъектов исторической политики в Воронежской области, особенно после институционального укрепления в 2022–2023 годах.

Ключевые слова: историческая политика, Российское военно-историческое общество (РВИО), Воронежская область, историческая память, патриотическое воспитание, Великая Отечественная война.

Введение

Понятие «историческая политика» (Geschichtspolitik) прочно вошло в научный дискурс в последние десятилетия, обозначая комплекс мер государства и общества по формированию коллективных представлений о прошлом, отбору и интерпретации исторических событий, конструированию национальной идентичности через механизмы коммеморации, образования и публичной истории [1]. В Российской Федерации институционализация исторической политики на государственном уровне приобрела системный характер с 2012 года, когда Указом Президента РФ было создано Российское военно-историческое общество [2].

Деятельность РВИО рассматривается исследователями как ключевой элемент «мемориального поворота» в российской государственной политике, направленный на противодействие фальсификации истории и формирование патриотического сознания граждан [3]. Особый интерес представляет функционирование региональных отделений РВИО, которые выступают проводниками федеральной исторической политики на местах, адаптируя ее к местной специфике.

Настоящее исследование посвящено анализу деятельности Регионального отделения РВИО в Воронежской области с момента основания Общества до 2023 года. Выбор хронологических рамок обусловлен как институциональным оформлением РВИО в 2012 году, так и активизацией историко-патриотической повестки в контексте современных геополитических вызовов. Цель работы – выявить основные направления, формы и результаты деятельности воронежского отделения РВИО в контексте формирования и реализации региональной исторической политики, а также оценить его роль как субъекта этой политики.

Институциональное оформление регионального отделения

Региональное отделение Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» в Воронежской области было официально зарегистрировано 31 июля 2018 года с присвоением ОГРН 1183600000650 [4]. Однако фактическая работа отделения началась раньше, что характерно для многих региональных структур РВИО, создававшихся на базе уже существовавших историко-краеведческих и ветеранских организаций [5, с. 58].

Первоначально региональное отделение возглавлял депутат Государственной Думы РФ Евгений Ревенко. Однако в октябре 2022 года по инициативе губернатора Воронежской области А.В. Гусева председателем Регионального отделения был назначен доктор исторических наук, ректор Воронежского государственного педагогического университета С.И. Филоненко [6]. Это кадровое решение имело принципиальное значение: институционализация отделения приобрела завершённый характер благодаря соединению академического статуса руководителя с административным ресурсом вуза и поддержкой региональной исполнительной власти. В марте 2023 года губернатор А.В. Гусев возглавил Попечительский совет Регионального отделения, что закрепило статус РВИО как общественно-государственной структуры с прямым доступом к региональным ресурсам [7].

К концу 2023 года численность членов Регионального отделения составляла 610 человек, а количество местных отделений достигло 32 [8]. При этом активизация структурного строительства в 2023 году была особенно заметна: в состав отделения вошли более 20 новых местных отделений из муниципальных районов области, а в адрес Регионального отделения поступило 80 заявлений о вступлении в члены РВИО [9]. Руководство ставило задачу создания отделений во всех 31 районе и 3 городских округах Воронежской области [10].

Основные направления деятельности и их роль в реализации исторической политики

Научно-исследовательская и экспертная деятельность

Одним из важнейших направлений работы регионального отделения стало участие в научных проектах, имеющих не только академическое, но и политическое измерение. В 2023 году при поддержке Научного совета РАН по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

была издана коллективная монография «Коалиционные силы Запада в войне против СССР (1941–1945)» (отв. ред. С. И. Филоненко, Воронеж: ВГПУ, 2023. – 600 с.) [8]. Характерно, что сам председатель отделения С. И. Филоненко подчеркивал «большое научно-политическое значение» данного проекта в контексте специальной военной операции [9]. Это позволяет рассматривать научную работу отделения не как изолированное академическое исследование, а как элемент публичной исторической политики, направленной на формирование определенного образа прошлого в условиях современного политического противостояния.

Особой формой участия в исторической политике стала экспертная деятельность членов регионального отделения в судебных процессах по признанию геноцида советского народа на временно оккупированных территориях Воронежской области в годы Великой Отечественной войны. 23 мая 2023 года члены РВИО участвовали в соответствующих судебных заседаниях в Воронеже в качестве экспертов [8]. Участие историков в юридическом процессе по квалификации военных преступлений нацистов как геноцида представляет собой яркий пример «юридизации истории» – одной из современных форм исторической политики, где прошлое получает правовую оценку и фиксацию.

Монументальная пропаганда и сохранение памятников

Монументальная деятельность РВИО, понимаемая как установка памятников, мемориальных досок и стел, является классическим инструментом коммеморации. В общероссийском масштабе в 2023 году Обществом было открыто 550 памятников, стел и бюстов, включая мемориальный комплекс «Саур-Могила» в Донецкой области [8]. На региональном уровне воронежское отделение уделяло внимание сохранению и увековечению памяти как о событиях Великой Отечественной войны, так и о героях современности: в 2024 году было запланировано установление памятной доски участнику СВО, Герою России А.Э. Крынину [9].

Значимым направлением стала работа по сохранению объектов военно-исторического культурного наследия. Отделение оказывало консультационную помощь Воронежскому центру военно-патриотического воспитания «Музей-диорама» при проведении работ по обновлению экспозиции [8]. Губернатор А.В. Гусев в качестве главы Попечительского совета анонсировал установку памятника воинам-героям возле Ротонды – одного из главных мемориальных символов Воронежа, а также создание музея ВДВ и парка «Патриот» [7]. Таким образом, монументальная деятельность отделения интегрировалась в общую региональную стратегию мемориализации, реализуемую при участии исполнительной власти.

Военно-патриотическое воспитание молодежи

Работа с молодежью рассматривалась как приоритетное направление деятельности. А.В. Гусев, возглавив Попечительский совет, заявил о намерении «активно включаться» в работу по патриотическому воспитанию, делая акцент на вовлечении молодых людей в изучение истории [7]. В 2023 году региональное отделение реализовало ряд масштабных образовательных проектов.

Наиболее показательным стал региональный проект молодежной мобильности «Боевая Слава России» [11]. В рамках этого проекта только в 2023 году 700 студентов Воронежского государственного педагогического университета совершили образовательные поездки в Москву с посещением Музея военной формы РВИО и Музея Победы на Поклонной горе [10]. По отзывам участников, такие поездки способствуют не просто получению знаний, но «передаче чувства сопричастности и ответственности за то, какой история России будет в дальнейшем» [10]. Эта формулировка точно отражает суть исторической политики как конструирования эмоциональной связи между индивидом и национальным историческим нарративом.

Просветительская деятельность включала открытые лекции, которые проводили уполномоченные лекторы отделения для коллективов предприятий, молодежи и общественности. В 2023 году лекции были прочитаны, в частности, для Воронежской областной универсальной научной библиотеки им. И.С. Никитина (тема: героизм Зои Космодемьянской), для Управления Федерального казначейства по Воронежской области (тема: Воронеж в годы войны), во Дворце культуры «Звездный» г. Борисоглебска (тема: Великая Отечественная война: история и современность) [8]. Лекционная работа, адресованная разным социальным группам, выполняла функцию трансляции официальной исторической интерпретации военно-исторических событий.

Участие в общероссийских проектах и публикационная активность

Воронежское отделение активно участвовало в общероссийских инициативах РВИО. Члены отделения являлись авторами статей в экспертном журнале «Идеология будущего», учрежденном Российским военно-историческим обществом. В 2023 году вышли публикации Т.Н. Черно-

бровой («Дети Воронежской области – жертвы войны: трагедии и судьбы») и Е.В. Талтыновой («Сохранение исторической памяти о победе СССР над милитаристской Японией») [8]. Эта публикационная активность создавала «идеологическое измерение» деятельности отделения, поскольку журнал прямо декларировал связь с формированием национальной идеологии.

Отделение также участвовало в медиа-проектах. Председатель С.И. Филоненко принял участие в съемках документального фильма «Часовые памяти. Воронеж», премьера которого состоялась на телеканале «ЗВЕЗДА» 19 декабря 2023 года. Кроме того, отделение участвовало в открытии кинофестиваля фильмов видеопроекта «Владимир Мединский: Рассказы из русской истории» [8]. Презентация книги «Владимир Путин. Из летописи XXI века» из серии «Собиратели земли русской» в феврале 2024 года на пресс-конференции председателя отделения свидетельствовала о готовности воронежского отделения транслировать нарративы, конструирующие преемственность между современной политической властью и традицией «собирания русских земель» [12]. Это представляет собой высшую степень сопряжения региональной деятельности с общефедеральной исторической политикой.

Межрегиональное и институциональное взаимодействие

Региональное отделение развивало межрегиональные связи, в частности, с Тамбовским отделением РВИО. В 2023 году представители воронежского отделения участвовали в Межрегиональной научно-практической конференции «Российское военно-историческое общество и актуальные проблемы сохранения Исторической Памяти» в Тамбове, где выступила с докладом Л.Н. Сысоева (тема: совершенствование подготовки учителей истории) [8]. Это указывает на стремление отделения влиять и на школьное историческое образование, что является долгосрочным инструментом исторической политики.

Институциональное взаимодействие с другими структурами включало сотрудничество с Воронежским государственным педагогическим университетом (ректор которого одновременно является председателем отделения), что создавало уникальный симбиоз академической и общественно-государственной структур. Также отделение взаимодействовало с АНО «ПАРК ПАТРИОТ МЕДИА», член Совета которого М.В. Маслов был режиссером фильма «Русская река» [9]. Поддержка волонтерами РВИО бойцов СВО, зафиксированная в отчетных материалах, расширяла миссию отделения от историко-просветительской до социально-патриотической.

Заключение

Анализ деятельности Регионального отделения РВИО в Воронежской области в период с 2012 по 2023 год позволяет сделать ряд выводов о его месте и роли в реализации исторической политики на региональном уровне.

Во-первых, институциональное оформление отделения завершилось лишь к 2022–2023 годам, когда произошла смена руководства и региональная власть во главе с губернатором взяла отделение под прямое покровительство. Именно с этого момента отделение превратилось из общественной инициативы в полноценный инструмент региональной исторической политики.

Во-вторых, деятельность отделения охватывала все основные направления исторической политики, выделяемые в научной литературе: коммеморативную (монументальная пропаганда, сохранение памятников), нарративную (научные публикации, экспертные заключения, лекции, медийные проекты) и образовательную (работа с молодежью, поездки, лекции).

В-третьих, спецификой воронежского отделения стал акцент на противодействии фальсификации истории Великой Отечественной войны, что выражалось в научно-исследовательских проектах (монография о коалиционных силах Запада) и участии в судебных процессах о геноциде. Это отражало как местную специфику (Воронеж – город воинской славы, имеющий особую военную историю), так и общероссийскую повестку исторической политики, актуализированную в 2022–2023 годах.

В-четвертых, отделение успешно интегрировалось в федеральные проекты РВИО, транслируя общегосударственные историко-патриотические нарративы, включая те, что имеют прямое отношение к легитимации современной политической власти (серия «Собиратели земли русской»).

Таким образом, деятельность воронежского Регионального отделения РВИО представляет собой полноценный и эффективный инструмент реализации государственной исторической политики на региональном уровне, демонстрирующий возможности общественно-государственного партнерства в формировании исторического созна-

ния и патриотических ценностей населения. В перспективе интерес представляет анализ дальнейшей эволюции отделения в условиях нарастающей конкуренции исторических нарративов и институционализации новых структур исторического просвещения (создание в 2023 году отделения Российского исторического общества в Воронеже [6] создает потенциальное поле для разделения функций или конкуренции в этой сфере).

Литература

1. Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая политика»: к определению понятия // Историческая политика в XX веке: сборник статей / под ред. А. Миллера, М. Липмана. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 15–40.
2. Указ Президента Российской Федерации от 7 ноября 2012 г. № 1497 «О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество»» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 46. – Ст. 6313.
3. Копосов Н.Е. Память строгого режима: история и политика в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 320 с.
4. Информация о продолжении деятельности Регионального отделения Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» в Воронежской области // Официальный сайт РВМО, 18 марта 2024 г. – URL: <https://rvio.ru/36/news/o-prodolzhenii-deyatelnosti-ro-rvio-v-voronezhskoj-oblasti> (дата обращения: 23.07.2026).
5. Карпов А.В. Российское военно-историческое общество как субъект исторической политики в регионах РФ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2020. – № 2. – С. 54–63.
6. Свиридов С. Расставить акценты. В Воронеже появится отделение Российского исторического общества // РИА Воронеж, 10 июня 2023 г. – URL: <https://riavr.ru/news/rasstavit-akcenty-v-voronezh-poyavitsya-otdelenie-rossijskogo-istoricheskogo-obshestva/> (дата обращения: 23.07.2026).
7. Шульгина И. Губернатора Александра Гусева избрали главой попечительского совета воронежского отделения РВМО // РИА Воронеж, 31 марта 2023 г. – URL: <https://riavr.ru/news/gubernatora-aleksandra-guseva-vnov-izbrali-glavoj-popechitel'skogo-soveta-voronezhskogo-otdeleniya-rvio/> (дата обращения: 23.07.2026).
8. Пресс-конференция Регионального отделения Российского военно-исторического общества в Воронежской области // Официальный сайт РВМО, 26 февраля 2024 г. – URL: <https://rvio.ru/36/news/press-konferenciya-regionalnogo-otdeleniya-rossijskogo-voenno-istoricheskogo-obshestva-v-voronezhskoj-oblasti> (дата обращения: 23.07.2026).
9. Совет Воронежского Регионального отделения Российского военно-исторического общества провел заключительное заседание в уходящем 2023 году // Официальный сайт РВМО, 29 декабря 2023 г. – URL: <https://rvio.ru/36/news/soviet-voronezhskogo-regionalnogo-otdeleniya-rossijskogo-voenno-istoricheskogo-obshestva-provel-zaklyuchitelnoe-zasedanie-v-uhodyashem-2023-godu> (дата обращения: 23.07.2026).
10. С заботой об идеологии будущего // Официальный сайт РВМО, 13 апреля 2023 г. – URL: <https://rvio.ru/activities/news/s-zabotoj-ob-ideologii-budushego> (дата обращения: 23.07.2026).
11. Состоялась Отчетно-выборная конференция Регионального отделения РВМО в Воронежской области // Официальный сайт РВМО, 13 июня 2024 г. – URL: <https://rvio.ru/36/news/sostoyalas-otchetno-vybornaya-konferenciya-regionalnogo-otdeleniya-rvio-v-voronezhskoj-oblasti> (дата обращения: 23.07.2026).
12. В Воронеже презентовали книгу о Президенте России из серии «Собиратели Земли Русской» // TV Губерния, 27 февраля 2024 г. – URL: https://tv-gubernia.ru/novosti/kul_tura/v-voronezhe-prezentovali-knigu-o-prezidente-rossii-iz-serii-sobirатели-земли-русской/ (дата обращения: 23.07.2026).

o-prezidente-rossii-iz-serii-sobirately-zemli-russkoj/ (дата обращения: 23.07.2026).

ACTIVITIES OF THE REGIONAL BRANCH OF THE RUSSIAN MILITARY HISTORICAL SOCIETY IN THE VORONEZH REGION IN THE CONTEXT OF THE FORMATION AND IMPLEMENTATION OF THE «HISTORICAL POLICY» (2012–2023)

Koblyakov A.A.

Voronezh Institute of Economics and Social Management

The presented article is devoted to the analysis of the activities of the Regional Branch of the Russian Military Historical Society (RVIO) in the Voronezh Region in the period from 2012 to 2023. The author considers this department as a key institutional instrument for the implementation of state historical policy at the regional level. The paper examines in detail the main areas of the organization's activities, including research and expert work, monumental propaganda, military-patriotic education of youth and educational projects. Based on the analysis of reporting materials and public statements by the management, it is concluded that the role of the department has significantly transformed: from a local public structure, it has become one of the main subjects of historical policy in the Voronezh Region, especially after institutional strengthening in 2022–2023.

Keywords: historical politics, Russian Military Historical Society (RVIO), Voronezh region, historical memory, patriotic education, the Great Patriotic War.

References

1. Savelyeva I.M., Poletaev A.V. "Historical politics": towards the definition of the concept // Historical politics in the 20th century: a collection of articles / edited by A. Miller, M. Lipman. Moscow: New Literary Review, 2012. pp. 15–40.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated November 7, 2012 No. 1497 "On the establishment of the All-Russian public and state Organization "Russian Military Historical Society" // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2012. – No. 46. – St. 6313.
3. Kposov N.E. Memory of strict regime: history and politics in Russia. – M.: New Literary Review, 2011. – 320 p.
4. Information on the continuation of the activities of the Regional Branch of the All-Russian Public and state Organization "Russian Military Historical Society" in the Voronezh region // Official website of the RVIO, March 18, 2024 – URL: <https://rvio.ru/36/news/o-prodolzhenii-deyatelnosti-ro-rvio-v-voronezhskoj-oblasti> (date of reference: 07/23/2026).
5. Karpov A.V. The Russian Military Historical Society as a subject of historical policy in the regions Russian Federation // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences. – 2020. – No. 2. – pp. 54–63.
6. Sviridov S. To place accents. A branch of the Russian Historical Society will be opened in Voronezh // RIA Voronezh, June 10, 2023 – URL: <https://riavr.ru/news/rasstavit-akcenty-v-voronezhe-poyavitsya-otdelenie-rossijskogo-istoricheskogo-obshestva/> / (date of appeal: 07/23/2026).
7. Shulgin I. Governor Alexander Gusev was elected head of the Board of Trustees of the Voronezh branch of the RVIO // RIA Voronezh, March 31, 2023 – URL: <https://riavr.ru/news/gubernatora-aleksandra-guseva-vnov-izbrali-glavoj-popechitel'skogo-soveta-voronezhskogo-otdeleniya-rvio/> / (date of request: 07/23/2026).
8. Press conference of the Regional Branch of the Russian Military Historical Society in the Voronezh Region // RVIO official website, February 26, 2024 – URL: <https://rvio.ru/36/news/press-konferenciya-regionalnogo-otdeleniya-rossijskogo-voenno-istoricheskogo-obshestva-v-voronezhskoj-oblasti> (date of request: 07/23/2026).
9. The Council of the Voronezh Regional Branch of the Russian Military Historical Society held its final meeting in the outgoing year 2023 // RVIO official website, December 29, 2023 – URL: <https://rvio.ru/36/news/soviet-voronezhskogo-regionalnogo-otdeleniya-rossijskogo-voenno-istoricheskogo-obshestva-provel-zaklyuchitelnoe-zasedanie-v-uhodyashem-2023-godu> (date of access: 07/23/2026).
10. With concern for the ideology of the future // RVIO official website, April 13, 2023 – URL: <https://rvio.ru/activities/news/s-zabotoj-ob-ideologii-budushego> (date of request: 07/23/2026).
11. The Reporting and election conference of the Regional Branch of the RVIO in the Voronezh region was held // Official website of the RVIO, June 13, 2024 – URL: <https://rvio.ru/36/news/sostoyalas-otchetno-vybornaya-konferenciya-regionalnogo-otdeleniya-rvio-v-voronezhskoj-oblasti> (date of access: 07/23/2026).
12. A book about the President of Russia from the series "Collectors of the Russian Land" was presented in Voronezh // TV Gubernia, February 27, 2024. – URL: https://tv-gubernia.ru/novosti/kul_tura/v-voronezhe-prezentovali-knigu-o-prezidente-rossii-iz-serii-sobirately-земли-русской/ (date of access: 07/23/2026).

Махмудов Алихан Исламович,

аспирант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ.
E-mail: alikhan1454@yandex.ru

Статья посвящена анализу трансформации политических институтов Государства Катар в конце XX – начале XXI века. Рассматриваются основные этапы институциональной модернизации, связанные с укреплением роли государства, развитием консультативных органов, конституционным оформлением политической системы и расширением механизмов участия граждан в управлении. Особое внимание уделяется периоду реформ после 1995 года, а также изменениям, закреплённым Конституцией 2005 года и последующими практиками функционирования Совета Шуры. Автор показывает, что политическая модернизация Катара носит ограниченный, но последовательный характер: при сохранении монархической основы происходит постепенное обновление институтов власти и консультации, что позволяет государству адаптироваться к внутренним и внешним вызовам.

Ключевые слова: Катар, политические институты, монархия, Конституция, Совет Шуры, политическая модернизация, институциональная трансформация.

Введение

Изучение политических институтов Катара представляет особый интерес для исследования современных моделей политической трансформации в странах Ближнего Востока. В отличие от государств, где реформы сопровождались глубокими кризисами, Катар демонстрирует более осторожный и управляемый путь модернизации, сочетающий сохранение традиционной монархической формы правления с постепенным расширением институциональных механизмов участия и консультации. Именно это сочетание делает катарский опыт важным примером для анализа развития политических институтов в условиях ограниченной либерализации.

Актуальность темы определяется тем, что в конце XX – начале XXI века Катар превратился из сравнительно периферийного эмирата в заметного регионального и международного игрока. Этот процесс сопровождался не только экономическим ростом, но и институциональными изменениями, затрагивающими структуру власти, роль эмира, статус Совета Шуры и порядок политического представительства. В результате возникает вопрос о том, насколько эти преобразования можно считать подлинной политической модернизацией и как они соотносятся с сохранением традиционной системы легитимации власти.

Цель статьи – выявить основные этапы и особенности трансформации политических институтов Катара в конце XX – начале XXI века. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть предпосылки институциональных изменений; проанализировать реформы конца 1990-х – начала 2000-х годов; определить значение Конституции 2005 года для политической системы страны; показать место Совета Шуры в механизме управления; охарактеризовать пределы и направления политической модернизации.

Методологическую основу исследования составляют сравнительно-исторический и институциональный подходы, позволяющие рассматривать политические институты не как статичные правовые конструкции, а как изменяющиеся механизмы организации власти. В работе используются элементы системного анализа, а также метод интерпретации нормативно-правовых актов и политической практики.

Истоки системы

Современная политическая система Катара формировалась в условиях, когда традиционные формы племенного и династического правления постепенно адаптировались к требованиям государственности. До начала масштабных реформ политическая власть в стране была сосредоточена в руках правящей династии Аль Тани, а основой политической стабильности выступали личная легитимность правителя, семейно-династическая преемственность и механизмы неформального согласования интересов внутри элиты. Такая модель долгое время обеспечивала управляемость государства, но оставляла ограниченное пространство для институционального представительства.

Первым важным этапом институционального оформления катарской государственности стало создание временной конституции и консультативных органов в 1970-х годах [1]. В 1972 году был учреждён Совет Шуры [2], получивший законосовещательные полномочия и ставший ключевым элементом будущей политической архитектуры. Сам факт появления такого органа свидетельствовал о стремлении властей соединить традиционный принцип консультации, укоренённый в исламской политической культуре, с более формализованной структурой управления.

Однако на раннем этапе Совет Шуры не был полноценным представительным институтом в современном понимании. Его роль ограничивалась консультациями и обсуждением ключевых вопросов, тогда как реальная власть оставалась сосредоточенной у эмира и узкого круга исполнительных структур. Тем не менее именно этот институт стал основой для последующего развития политической системы Катара, поскольку он закрепил саму идею включения элементов представительства в монархическую модель.

Реформы 1990-х

Новый этап трансформации политических институтов Катара начался в 1990-е годы [3] и был связан с общим курсом на модернизацию государственной системы. После прихода к власти эмира Хамада бин Халифы Аль Тани в 1995 году политический курс страны стал более

динамичным и ориентированным на институциональное обновление. Реформы этого периода не разрушали основы монархии, но заметно усиливали роль формальных правовых механизмов и расширяли пространство политической адаптации.

Особое значение имело развитие муниципального уровня участия. В 1999 году [4] в Катаре были проведены выборы в муниципальный совет, что стало одним из первых случаев институционализированного участия граждан в политическом процессе. Хотя эти выборы не означали перехода к полноценной парламентской демократии, они выполняли важную функцию легитимации курса на реформы и демонстрировали готовность властей к дозированной политической открытости [5]. Для государства с устойчивой патерналистской моделью правления это был значимый шаг вперёд.

Важной особенностью катарских реформ стало то, что они проводились сверху и не сопровождалась резкой конфронтацией между властью и обществом. Такой подход позволил сохранить стабильность, избежать масштабных политических потрясений и одновременно создать видимость и частично реальность институционального обновления. В этом проявилась характерная черта катарской модели: политическая модернизация происходила не через демократический разрыв, а через управляемую трансформацию.

Конституция 2005 года

Ключевым рубежом [6] в развитии политических институтов Катара стало принятие постоянной Конституции, которая была одобрена на референдуме в 2003 году, утверждена указом эмира в 2004 году и вступила в силу в 2005 году. Этот документ закрепил основные принципы государственного строя, институциональную структуру власти и рамки взаимодействия между её ветвями. Конституция придала реформам более устойчивую правовую форму и стала базой для дальнейшей политической эволюции.

С точки зрения институциональной организации, Конституция 2005 года закрепила принцип разделения властей, хотя и в специфической для Катара [7] форме. Эмир сохранял ведущую роль в системе государственного управления, однако Совет Шуры получил более чётко определённые законодательные и контрольные функции. Важно, что представительский орган был сформирован как однопалатная структура из 45 членов, часть которых должна была избираться, а часть – назначаться эмиром, что отражало стремление совместить элементы представительства с сохранением монархического контроля.

Конституция также предусматривала сложный порядок внесения поправок, что свидетельствует о стремлении властей защитить основы политического строя от быстрых и непредсказуемых изменений. С одной стороны, это повышало нормативную устойчивость системы. С другой – указывало на ограниченность глубокой институциональной демократизации, поскольку ключевые параметры государственного устройства оставались под жёсткой защитой и зависели от решений правящей элиты.

Совет Шуры

Совет Шуры занимает центральное место в анализе политических институтов Катара, поскольку именно через него можно проследить баланс между традицией консультации и формализованным представительством. В исламской политической традиции принцип шуры означает обсуждение общественно значимых вопросов и согласование решений между членами сообщества. В катарском случае этот принцип был адаптирован к современному государственному устройству и использован как основа для создания консультативного органа.

Долгое время Совет Шуры сохранял преимущественно совещательный характер, однако с начала XXI века его статус постепенно усиливался. В 2021 году [8] в стране впервые прошли выборы в Совет Шуры, что было воспринято как важный шаг в развитии политического участия и легитимации реформ. Несмотря на ограниченность полномочий парламентарного типа, выборы стали символом институционального обновления и показали стремление властей расширить представительство граждан без отказа от монархической основы.

Вместе с тем развитие Совета Шуры нельзя интерпретировать как движение к полной парламентаризации. Даже при наличии выборных механизмов его возможности оставались ограниченными, а ключевые направления внутренней и внешней политики продолжали определяться эмиром и исполнительной властью. Таким образом, Совет Шуры следует рассматривать скорее, как институт контролируемого участия, нежели как самостоятельный центр политического влияния. Эта особенность в значительной мере определяет специфику катарской политической модернизации.

Пределы модернизации

Трансформация политических институтов Катара носит противоречивый характер [9]. С одной стороны, государство последовательно развивает формы институционального участия, создаёт правовые механизмы, обновляет консультативные и представительные органы, а также демонстрирует готовность учитывать запросы общества на более прозрачное управление. С другой стороны, все эти изменения происходят в рамках жёстко сохранённой монархической системы, где реальный центр власти остаётся неизменным.

Именно поэтому катарскую модель можно определить как ограниченную модернизацию без политической дестабилизации. Она направлена не на демонтаж существующего порядка, а на его адаптацию к новым условиям. Такая стратегия позволяет государству сохранять внутреннюю устойчивость, укреплять международный имидж и одновременно нейтрализовать возможные риски массовой политической мобилизации. В этом смысле Катар демонстрирует пример институциональной гибкости, характерной для части монархий Персидского залива.

Отдельного внимания заслуживает связь политических институтов Катара с его внешнеполитической ролью. Активная международная позиция, посреднические [10] функции и высокий уровень вовлечённости в региональные процессы требуют от государства управляемой и устойчивой внутренней системы. Поэтому развитие политических институтов в Катаре следует рассматривать не только как внутренний процесс, но и как элемент внешнеполитической стратегии, направленной на укрепление статуса страны как влиятельного и предсказуемого игрока.

Заключение

Трансформация политических институтов Катара в конце XX – начале XXI века представляет собой пример осторожной и последовательной институциональной модернизации в условиях сохранения монархической формы правления. Наиболее важными этапами этого процесса стали реформы 1990-х годов, принятие Конституции 2005 года и постепенное усиление роли Совета Шуры как консультативно-представительного органа.

Главной особенностью катарской модели является сочетание обновления институтов с сохранением централизованной власти эмира. Это позволяет говорить не о демократизации в классическом смысле, а о контролируемой политической адаптации, ориентированной на сохранение стабильности и укрепление легитимности власти. В результате Катар демонстрирует модель политического развития, при которой институциональные изменения служат не разрушению, а укреплению существующего строя.

Литература

1. System of Government of the State of Qatar. Available at: <https://studfile.net/preview/16816491/> (accessed 28.07.2026).
2. The Shura Council. Government Communications Office of the State of Qatar. Available at: <https://www.gco.gov.qa/en/state-of-qatar/state-institutions/shura-council/> (accessed 28.07.2026).
3. Дербенев А. С. Катар в конце XX – начале XXI в.: динамика политических процессов / А. С. Дербенев // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2019. № 1. С. 39–53.
4. Qatar (2010). Carnegie Endowment for International Peace. Available at: <https://carnegieendowment.org/posts/2010/08/qatar> (accessed 28.07.2026).
5. Qatar to adopt first constitution (2005). Al Jazeera Media Network. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2005/6/8/qatar-to-adopt-first-constitution> (accessed 28.07.2026).
6. Constitution of the State of Qatar. Ministry of Foreign Affairs of the State of Qatar. Available at: <https://mofa.gov.qa/en/state-of-qatar/political-system/constitution> (accessed 28.07.2026).
7. Гавриленко Н. С. Государственное устройство Катара / Н. С. Гавриленко // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2022. – № 9 (73). – С. 12–16.
8. Election results. Inter-Parliamentary Union. Available at: <https://data.ipu.org/parliament/QA/QA-LC01/election/QA-LC01-E20211002/> (accessed 28.07.2026).
9. Баранов Д. А. Современные кризисы политических режимов государств Ближнего Востока и Северной Африки: особенности генезиса и эволюции: дис. ... канд. полит. наук. – М.: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2020. – 176 с.
10. Шпаковская М. А., Грызлов Г. В. Роль посредничества во внешней политике Катара на примере конфликта в Афганистане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные

TRANSFORMATION OF POLITICAL INSTITUTIONS OF QATAR IN THE END OF XX – THE BEGINNING OF XXI CENTURY

Makhmudov A.I.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article analyzes the transformation of political institutions in the State of Qatar in the late twentieth and early twenty-first centuries. It examines the main stages of institutional modernization associated with strengthening the role of the state, the development of consultative bodies, the constitutional formalization of the political system, and the expansion of citizen participation in governance. Special attention is paid to the reform period after 1995, as well as to the changes enshrined in the 2005 Constitution and subsequent practices of the Shura Council. The author argues that Qatar's political modernization has been limited but consistent: while preserving the monarchical foundation, the state has gradually updated its institutions of power and consultation, which has enabled it to adapt to internal and external challenges.

Keywords: Qatar, political institutions, monarchy, Constitution, Shura Council, political modernization, institutional transformation.

References

1. System of Government of the State of Qatar. Available at: <https://studfile.net/preview/16816491/> (accessed 28.07.2026).

2. The Shura Council. Government Communications Office of the State of Qatar. Available at: <https://www.gco.gov.qa/en/state-of-qatar/state-institutions/shura-council/> (accessed 28.07.2026).

3. Derbenev A.S. Qatar at the End of the 20th – Beginning of the 21st Century: Dynamics of Political Processes / A.S. Derbenev // Bulletin of Moscow University. Series 13: Oriental Studies. 2019. No. 1. pp. 39–53.

4. Qatar (2010). Carnegie Endowment for International Peace. Available at: <https://carnegieendowment.org/posts/2010/08/qatar> (accessed 28.07.2026).

5. Qatar to adopt first constitution (2005). Al Jazeera Media Network. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2005/6/8/qatar-to-adopt-first-constitution> (accessed 28.07.2026).

6. Constitution of the State of Qatar. Ministry of Foreign Affairs of the State of Qatar. Available at: <https://mofa.gov.qa/en/state-of-qatar/political-system/constitution> (accessed 28.07.2026).

7. Gavrilenko N.S. State structure of Qatar / N.S. Gavrilenko // Skif. Issues of student science. – 2022. – No. 9 (73). – P. 12–16.

8. Election results. Inter-Parliamentary Union. Available at: <https://data.ipu.org/parliament/QA/QA-LC01/election/QA-LC01-E20211002/> (accessed 28.07.2026).

9. Baranov D.A. Modern crises of political regimes in the states of the Middle East and North Africa: features of genesis and evolution: dis. ... Cand. of Political Sciences. – Moscow: Financial University under the Government of the Russian Federation, 2020. – 176 p.

10. Shpakovskaya M.A., Gryzlov G.V. The role of mediation in Qatar's foreign policy: the example of the conflict in Afghanistan // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2025. Vol. 25, No. 4. Pp. 721–732. DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4-721-732

Молодежное социальное проектирование как сфера публичной политики (региональный аспект на примере Нижегородской области)

Мозгунова Елена Александровна,

кандидат политических наук, доцент кафедры истории и теории государства и права, Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: el-mozg@mail.ru

В статье исследуются сущностные характеристики, место и роль молодежного социального проектирования в сфере публичной политики. Акцент на эту общественную группу сделан не случайно: именно в ней видится большой управленческий потенциал и желание решать социально-значимые проблемы. Особое внимание уделяется региональному измерению: именно в субъектах формируются конкретные, зачастую уникальные, формы участия и взаимодействия власти и институтов гражданского общества. А на примере кейса «Лидеры Нижегородской области» анализируются актуальные проблемы социального проектирования и региональной публичной политики исследуемого субъекта.

В выводах статьи подтверждается гипотеза о необходимости развития подобной деятельности, так как она направлена на решение социальных проблем и улучшение качества жизни населения. А публичная политика – это сфера, которая объединяет всех акторов, позволяет выстроить максимально эффективную коммуникацию для устойчивого функционирования государства.

Ключевые слова: публичная политика, молодежь, формы участия в политике, социальное проектирование, региональное измерение, актор, гражданское общество, социальный институт, гражданское участие.

Молодежь – группа, у которой сейчас и в перспективе большой стратегический потенциал по управлению государством, вовлеченности в решение социально-значимых проблем, а значит их активность, возможности и способности необходимо применять в публичной сфере. Не раз на высшем уровне заявлялось, что один из векторов и ориентиров государственной политики – это создание условий для самореализации молодых людей. Главный документ, который фиксирует основные положения и направления поддержки со стороны государства – «Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года. Актуальность выбранной темы базируется на трансформации сферы публичной политики, а молодежное социальное проектирование является важной ее составляющей. Изменяются и формы присутствия индивида в публичном пространстве за счет интернет-технологий и повсеместного использования электронных средств коммуникации. Многие процессы идут быстрее, а решение общественно-значимых задач, инициаторами которых становятся молодые люди, напрямую влияет на эффективность функционирования власти и легитимность политической системы в целом. Поэтому важным становится понимание этих процессов, когда государство создает необходимые условия для развития, а активная социальная группа в возрасте от 14 до 35 лет вовлекается в политическую сферу жизни. Целью настоящего исследования является выявление особенностей и актуальных проблем реализации молодежного социального проектирования в публичном пространстве, с акцентом на региональный уровень, так как именно в субъектах ярче проявляются особенности взаимодействия общества и власти, формируются модели коммуникации, которые в последствии могут тиражироваться и масштабироваться до уровня всей страны.

Объектом изучения стало молодежное социальное проектирование, предметом – его реализация и роль в сфере публичной политики на примере конкретного кейса – «Лидеры Нижегородской области». Методологическую основу исследования составили общенаучные подходы, приоритетными из которых являются анализ для изучения основных категорий темы и синтез, позволяющий системно взглянуть на сферу, также описательный и сравнительный методы. Из эмпирических – использовался кейс-стади при разборе региональной специфики субъекта РФ – Нижегородской области. Практическая значимость настоящего исследования определяется возможностью использования разработанных рекомендаций по применению молодежного социального проектирования в региональной публичной политике.

Теоретическому осмыслению темы функционирования сферы публичной власти России посвящены работы. Дахина А.В., Сунгурова Ю.А., Туровского Р.Ф. Планирование и осуществление социальных проектов в рамках молодежной политики изучается Марковой О.В., Никульниковым А.Н. Однако, комплексных исследований недостаточно, особенно применительно к региональному измерению.

Важная роль в современном быстроменяющемся мире отводится социальному проектированию, которое призвано решать общественно значимые задачи и удовлетворять узкие социальные потребности. Определенно можно утверждать, что подобная деятельность преследует цель и реализует идею о совершенствовании благополучия окружающей нас действительности. Сфера публичной политики предполагает встречу интересов разных социальных и профессиональных групп: от органов власти и бизнеса, до экспертов, средств массовой информации, представителей гражданского общества и молодежных организаций. Почему мы говорим об особой роли молодежи в проектной деятельности? Это именно та целевая группа, которая продуцирует массу идей, является социально-активной, а также формирует будущих лидеров, которые в последствии смогут занять ключевые позиции в сфере государственного, муниципального управления, а также публичной политике. Именно последняя помогает обеспечить должное взаимодействие при общении граждан, власти и молодежи, нося при этом открытый и гласный характер.

Говоря о проектировании как процессе, подразумеваем деятельность человека или организации по созданию проекта, то есть формированию прототипа предполагаемого или возможного состояния, а главной особенностью становится то, что работа ведется с еще несуществующим объектом [Белоконев 2013: 28]. Таким образом, это

некая модель достижения цели, в которой продуманы все механизмы, ресурсы и алгоритмы. Именно проектный метод позволяет предусмотреть всевозможные риски, ошибки, оптимизировать расходную часть и качественно реализовать социально значимую идею.

Выделим отличительные особенности и признаки проекта. В первую очередь, указываются сроки воплощения, причем есть понимание начальной фазы и финала, когда достигнута цель. Проект имеет финансовую стоимость и всегда ограничен в ресурсной базе, имеет пространственно-территориальное ограничение, то есть реализуется в масштабе страны, субъекта или локализован по месту. Его делает привлекательным уникальная идея, которая лежит в основе. Та целевая аудитория, на которую он направлен должна быть в нем заинтересована.

В отличие от процесса, проект является конечным и имеет определенные устойчивые цели и ограничения. Говоря же об этапах реализации, обратимся к тем последовательно сменяющимся друг друга стадиям, которые выделяет профессор Стегний В.Н. [Стегний 2024: 61]

- 1) изучение общественного мнения и определение актуальной социальной проблемы;
- 2) привлечение участников и общественности к решению данной проблемы в рамках работы проекта;
- 3) определение целей, задач и содержания социального проекта;
- 4) составление плана работы и распределение обязанностей между членами проектной команды;
- 5) определение необходимых ресурсов и составление бюджета;
- 6) разработка системы оценки проекта;
- 7) формирование общественного мнения;
- 8) поиск деловых партнеров и составление предложений по проекту;
- 9) проведение официальных переговоров;
- 10) получение необходимых ресурсов;
- 11) проведение плановых мероприятий;
- 12) анализ результатов работы.

В качестве субъектов социального проектирования выделяем как отдельных личностей, так и коллективы, организации и институты, при этом их отличительной чертой будет являться общественная активность. Что касается объектов, то это может быть как гражданин со своими ценностными идеями и установками, так и всевозможные группы.

Молодежное проектирование – это деятельность определенной категории лиц от 14 до 35 лет с целью активного вовлечения и поддержки молодых людей, развития их досуга или волонтерского движения, приобщения к активному образу жизни и информирования о развитии в той или иной профессии. Очень важной составляющей социального проектирования становится понимание проблемы или существующей потребности, которую необходимо решить или удовлетворить. То есть необходимо осознать: «А что именно требует изменения?». Как только происходит это понимание, то оно трансформируется в цель и задачи деятельности. Иными словами, проблема – это несоответствие между существующей реальностью и желаемой. Спецификой социального проектирования является то, что оно затрагивает вопросы и ситуации, которые влияют на жизнь и благополучие не всех членов общества, а каких-то отдельных категорий, но при этом требуют коллективных действий. Говоря же об особенностях молодежного социального проектирования, подразумеваем, что это не только проекты, реализуемые молодыми людьми, но и мероприятия, нацеленные на поддержку указанной группы граждан.

Изучая взаимодействие молодежи и государства в качестве актуальной темы, чаще всего предметом исследования становятся формы и сферы сотрудничества. Публичная политика предполагает открытые и гласные коммуникации на взаимовыгодных условиях. Изначально эту сферу приравнивали к государственной, определяя как систему действий, регулятивных мер, законов, и финансовых приоритетов по тому или иному направлению, провозглашенную органом государственной власти или его представителями. Однако, сейчас термин «публичная политика» приобрел иное, более широкое и комплексное трактование, разделив «public policy» и «public politics».

Мы рассматриваем эту сферу как поле, в котором согласуются интересы различных групп: органов власти, профессионального сообщества, коммерческих и некоммерческих организаций [Мозгунова 2023: 31] по поводу реализации личных и коллективных интересов, производства, распределения и использования общественных ресурсов и благ с учётом волеизъявления народа или населения определённых территорий [Сунгуров 2005: 22]. Важной составляющей пространства публичной политики является фактор открытости, который играет ключевую роль в диалоге власти и молодежи.

Законодательное регулирование изучаемой сферы со стороны государства имеет в своей базе ряд нормативно-правовых актов, сре-

ди которых особое место занимает Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 N 2233-р (ред. от 08.05.2025) «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года», где уделяется внимание таким понятиям как «работа с молодежью», «инфраструктура молодежной политики», «государственная молодежная политика», «молодежное предпринимательство» и др.

И, конечно, приоритетной задачей реализации государственной молодежной политики является вовлечение юного поколения в жизнь страны, формирование пакета мер для повышения их гражданской активности и осознанности, патриотического воспитания и роста социальной ответственности. Орган исполнительной власти – «Росмолодежь» – это именно та организация, на которую возложена задача по коммуникации с подрастающим поколением со стороны власти, а также создание условий для эффективной самореализации в обществе. Федеральное агентство ведет планомерную работу по 16 различным направлениям деятельности, в том числе социальное проектирование, волонтерство и грантовая поддержка. Последнее представляет собой финансовую помощь для реализации какой-либо инициативы, а результатом становится воплощение на практике индивидуальной или коллективной социально значимой идеи.

Рассмотрим, как осуществляется взаимодействие власти и институтов гражданского общества в Нижегородской области в части реализации социальных проектов, и как к этому процессу подключены молодежные организации. По сведениям из общих источников в регионе зарегистрировано более 1000 некоммерческих организаций, которые осуществляют самую разную деятельность: от защиты интересов граждан, до психологической помощи ветеранам боевых действий и благотворительной активности (рис. 1), что позволяет удовлетворять самые разные узкие потребности населения. Как и в большинстве регионов России основное количество НКО сосредоточено в столице субъекта. Одним из активных акторов в гражданско-политических и социально-экономических преобразованиях является молодежь – наиболее мобильный и восприимчивый к новациям участник.

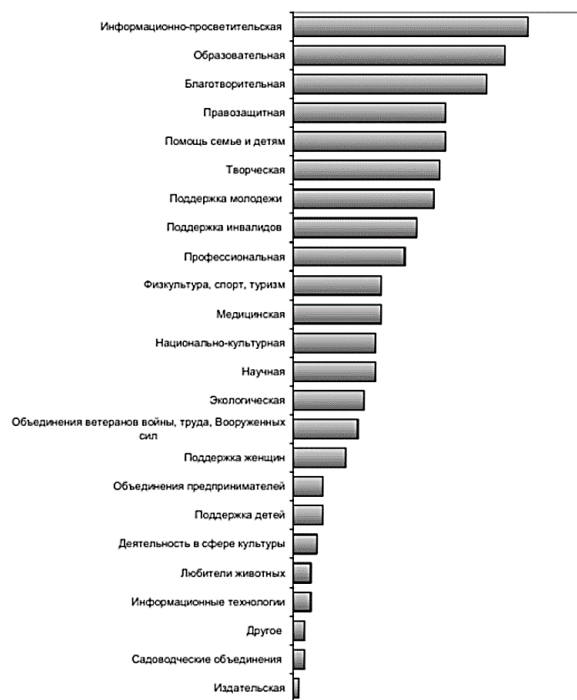

Рис. 1. Структура направлений деятельности НКО Нижнего Новгорода

Субъектами молодежной политики выступают органы власти, движения, инициативные группы. В Нижегородской области есть уникальный пример участия молодежи в реализации законодательной инициативы. Молодежный парламент, действующий при Законодательном Собрании, совместно со студентами ВУЗов разработал законопроект «Об общественном контроле в Нижегородской области», организовал сбор необходимого количества подписей (более 2.000) и представил в официальном порядке в орган власти региона. Эта законодательная инициатива стала первой в истории области, внесенной напрямую гражданами.

Представляется необходимым, выделить некоторые особенности, связанные с функционированием НКО (в том числе и молодежных)

в Нижегородской области: в регионе имеется широкое представительство организаций, которые удовлетворяют различные социальные проблемы граждан; их распределение по региону неравномерное (большая часть сосредоточена в центре); развитие третьего сектора происходит при активном взаимодействии с органами власти.

Примером эффективной коммуникации может стать проект «Лидеры Нижегородской области», реализуемый Корпоративным университетом при поддержке Правительства Нижегородской области, в то время как участниками являются активисты общественных и некоммерческих организаций, представители студенческих объединений, социальные предприниматели и волонтеры. Рассмотрим выгоды, которые приобретают все акторы от этого взаимодействия. Для органов власти – это выявление и объединение молодых лидеров для развития культуры наставничества, служения региону и создания возможностей для профессионального роста. То есть выпускники и победители проекта – это будущие управленцы, которые придут на смену действующему руководству региона и страны. Ставка на молодежь сделана не случайно – цель Правительства в данном случае заключается в создании условий для самореализации подрастающего поколения, путем развития управленческих навыков, воплощения их социально значимых идей. Для другой стороны – молодежи – прохождение образовательного интенсива по четырем модулям: лидерство, управление проектами, продвижение и карьера – это возможность трудоустроиться в будущем или получить профессиональное развитие. Их ждут деловые поездки в «Сколково», «Сенеж» и «Иннополис». Молодые люди проходят обучение, после чего составляется рейтинг ТОП-100.

«Лидеры Нижегородской области» – это пример деятельности по объединению единомышленников, выявлению активных и талантливых представителей молодежи, которые в дальнейшем будут определять судьбу региона и страны. Общественная значимость и эффективность проекта очевидна: он позволяет работать с заинтересованными молодыми людьми, готовыми вносить вклад в развитие территории.

Однако, необходимо выделить ряд трудностей, которые имеются в изучаемой сфере применительно к Нижегородскому региону: часть из них имеет системный характер, другая связана с рядом ограничений – кадровых, ресурсных, информационных и др. В первую очередь, выделим нехватку специалистов на муниципальном уровне. Большинство молодежных организаций функционирует и активно работает в Нижнем Новгороде, в то время как в районах зачастую не достаёт квалифицированных кадров. Поэтому необходимы программы и финансовые инструменты, которые были бы привлекательны для молодых людей и стимулировали приобретать опыт работы на уровне муниципалитета.

Следующий аспект связан с тем, что социальные инициативы, исходящие от молодежи, зачастую не имеют значимой цели и ценности, а сводятся к простому проведению мероприятий. Поэтому, представляется целесообразным проводить работу как на уровне региона, так и страны не только по образованию, но и воспитанию с точки зрения распространения и приобщения к тем идеям и смыслам, которые лежат в основе мировоззренческой платформы современной России: патриотизм, единство, уважение культуры и национального многообразия и т.д. Ну, и проблема связанная с инфраструктурой характерна для Нижегородской области как и для всей страны: большие возможности в крупных городах, и недостаточность снабжения и оснащения в отдаленных районах.

Применительно к рассматриваемому кейсу – проекту «Лидеры Нижегородской области» – при всей его важности и значимости как инструмента поддержки активности молодежи и воспитания управленческого потенциала региона, отметим некоторые сложности. Первая связана с обеспечением равных возможностей для всех участников, независимо от статуса, материального положения, образования. Кроме того, необходимо уделять должное внимание не только образовательной части, но и формированию действенных механизмов поддержки молодых лидеров и реализации их инициатив с помощью грантовой помощи, предоставления льгот и снижения административных препятствий.

Таким образом, молодежное социальное проектирование в сфере публичной политики отражает всю совокупность процессов и изменений, происходящих в государстве. Это актуальный тренд, который развивается на глобальном уровне и призван стать достойной альтернативой государственной молодежной политики в части решения узконаправленных общественных задач. Граждане в возрасте от 14 до 35 лет – это активная аудитория и будущий потенциал нации. От степени ее вовлеченности в решение социальных проблем и участия в делах государства будет зависеть дальнейшее развитие государства. Реализация проекта – это всегда командная работа, которая учит искусству

коммуникации, делегированию полномочий, генерированию актуальных, значимых идей, что в конечном итоге приводит к формированию осознанного, активного и социально ответственного гражданина.

Гипотеза о необходимости поддержки и развития молодежного социального проектирования и его важной роли в сфере публичной политики нашла подтверждение на примере анализа кейса «Лидеры Нижегородской области». Обозначенные перспективы, трудности и предложения могут быть использованы как для углубления изучения сферы, так и в практической плоскости. Проектный подход, направленный на социализацию и самореализацию молодежи, представляется весьма актуальным и соответствующим трендам развития. Более того, молодежное социальное проектирование логично вписывается в политическую публичную сферу, так как помогает решать общественно значимые задачи, развивать гражданскую вовлеченность, активность и, передавая опыт, формировать кадровый резерв для региона и страны.

Литература

1. Белоконов С.Ю. 2013. – Молодежные проекты: теория и практика. Учебное пособие. М: МГГУ им. М.А. Шолохова, 212 с.
2. Дахин А.В. 2021. Собственный потенциал региональной публичной власти: повороты отечественной политической регионалистики, факторы, модели – Дневник Алтайской школы политических исследований. – № 37. С. 19–24.
3. Дахин А. В., Мозгунова Е.А. 2026. – Основы российской государственности. Социальная система: учебник для вузов М: Издательство Юрайт, – 176 с. – Доступ: ISBN 978-5-534-18106-7. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/589471> (дата обращения: 13.07.2026)
4. Маркова О.В. 2023. Осуществление молодежных проектов в России: теория и практика. – Актуальные проблемы современного развития России в условиях глобальных вызовов. – М: АНО ВО «ММУ» – С. 158–166.
5. Мозгунова Е.А. 2023. Роль и значение некоммерческих организаций в сфере публичной политики. Ч. 1. XXVII Вавиловские чтения: человек и общество перед вызовами глобальных трансформаций: развитие или стагнация: материалы международной междисциплинарной конференции в 2-х частях под общей редакцией проф. В.П. Шалаева. – Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет. С. 30–33.
6. Никульников А.Н. 2021. Социальное проектирование в работе с молодежью. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, – 92 с.
7. Стегний В.Н. 2024. Социальное прогнозирование и проектирование: учебник для вузов – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, – 220 с.
8. Сунгуров, А.Ю. 2022. Публичная политика: развитие зарубежных и российских исследований. – Политическая наука. – № 3. С. 80–99.
9. Сунгуров А. Ю. 2005. Понятие публичной политики. Публичная политика как поле взаимодействия. СПб.: НОРМА, 384 с.
10. Туровский Р.Ф. 2011. О состоянии и перспективах политической регионалистики. – Политическая наука. – № 4. С. 10–30.

YOUTH SOCIAL PROJECT DEVELOPMENT AS A SPHERE OF PUBLIC POLICY (A REGIONAL PERSPECTIVE: THE CASE OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION)

Mozgunova E.A.

The Nizhny Novgorod Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the essential characteristics, position, and role of the youth sector within the realm of public policy. The focus on this social group is deliberate: it is viewed as possessing significant governance potential and a drive to address socially significant issues. Particular attention is paid to the external impact, as specific, and often unique, forms of participation and interaction between the authorities and societal institutions are observed at the regional level. The «Leaders of the Nizhny Novgorod Region» case study is used to analyze current issues regarding social project development and regional public policy within the subject under study. The article's conclusions confirm the hypothesis regarding the need to foster such activities, as they aim to address social problems and improve the population's quality of life. Public policy is a sphere that brings together all actors, enabling the establishment of highly effective communication for the sustainable functioning of the state.

Keywords: public policy, youth, form of political participation, social project design, regional dimension, actor, civil society, social institution, civic participation.

References

1. Belokonev S. Yu. 2013. – Youth Projects: Theory and Practice. Textbook. Moscow: M.A. Sholokhov Moscow State University for the Humanities, 212 p.
2. Dakhin A.V. 2021. Regional Public Authority's Own Potential: Turns in Domestic Political Regionalism, Factors, and Models – Diary of the Altai School of Political Studies. – No. 37. pp. 19–24.
3. Dakhin A.V., Mozgunova E.A. 2026. – Fundamentals of Russian Statehood. Social System: Textbook for Universities Moscow: Yurait Publishing House, – 176 p. – Access: ISBN 978-5-534-18106-7. – Text: electronic // Yurait Educational Platform [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/589471> (date of access: 13.07.2026)
4. Markova O.V. 2023. Implementation of youth projects in Russia: theory and practice. – Actual problems of modern development of Russia in the context of global challenges. – M: ANO VO “MMU” – pp. 158–166.
5. Mozgunova E.A. 2023. The role and importance of non-profit organizations in the sphere of public policy. Part 1. XXIII Vavilov readings: man and society facing the challenges of global transformations: development or stagnation: materials of the international interdisciplinary conference in 2 parts, edited by prof. V.P. Shalaev. – Yoshkar-Ola: Volga State Technological University. pp. 30–33.
6. Nikulinikov A.N. 2021. Social Design in Working with Youth. – Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, – 92 p.
7. Stegnyy V.N. 2024. Social Forecasting and Design: Textbook for Universities – 2nd Edition, Corrected and Supplemented. – Moscow: Yurait Publishing House, – 220 p.
8. Sungurov, A.Yu. 2022. Public Policy: Development of Foreign and Russian Research. – Political Science. – No. 3. pp. 80–99.
9. Sungurov A.Yu. 2005. The Concept of Public Policy. Public Policy as a Field of Interaction. St. Petersburg: NORMA, 384 p.
10. Turovsky R.F. 2011. On the State and Prospects of Political Regional Studies. – Political Science. – No. 4. P. 10–30.

Нерсисян Руслан Сергеевич,
независимый исследователь

Статья посвящена концептуальному обоснованию Партии будущих поколений как политической силы нового типа, призванной преодолеть фундаментальную патологию современных политических систем – презентизм. На основе темпоральной метатеории и универсального закона «Сжатие и Расширение» (Закона Нерсисяна) показано, что существующие партии структурно не способны представлять долгосрочные интересы общества. Предложена идеология, программа и стратегия партии, включающая создание семи темпоральных институтов, введение Индекса негэнтропийного развития и образовательную реформу. Обосновано, что появление такой партии способно изменить политический ландшафт даже без получения большинства. Статья адресована политологам, политикам и всем, кто заинтересован в защите будущих поколений. Публикация статьи приглашает читателей к дальнейшей дискуссии с автором.

Ключевые слова: Партия будущих поколений, презентизм, темпоральная метатеория, Закон Нерсисяна, темпоральный суверенитет, прескриптология, Индекс негэнтропийного развития, темпоральные институты, межпоколенческая справедливость.

Современные политические системы характеризуются структурным дефицитом: интересы будущих поколений не имеют институционального представительства. Данный дефицит не случаен – он порождается фундаментальной патологией, обозначаемой в рамках темпоральной метатеории как презентизм [6]. Презентизм определяется как системное доминирование краткосрочных интересов над долгосрочными, встроенное в институциональный дизайн современных государств через электоральный цикл, квартальную отчётность и новостной фон [1].

Политик, оцениваемый избирателями каждые два-пять лет, активно заинтересован в решениях с быстрой отдачей. Издержки долгосрочных проектов он несёт в текущем цикле, а выгоды достанутся следующему составу власти. Это рациональное поведение в рамках заданных институциональных правил, однако совокупный эффект таких рациональных поведения приводит к иррациональному результату: общество систематически недоинвестирует в будущее, проедает невозобновляемые ресурсы, откладывает решение демографических, экологических и инфраструктурных проблем [5].

Существующие политические партии не способны преодолеть эту патологию, поскольку сами являются её продуктом. Они функционируют в логике электорального цикла и ориентированы на предпочтения ныне живущих избирателей. Будущие поколения не голосуют, не платят налоги и не формируют общественное мнение, вследствие чего их интересы систематически игнорируются. Настоящая статья предлагает концепцию Партии будущих поколений – политической силы нового типа, способной восполнить данный структурный дефицит.

Теоретическим фундаментом предлагаемой концепции выступает темпоральная метатеория некая интегральная научная парадигма, переосмысливающая фундаментальные основания ряда наук через введение времени как центральной категории познания и управляемого ресурса [8].

Ядром парадигмы является универсальный закон «Сжатие и Расширение» (Закон Нерсисяна), согласно которому всякая сложная система существует в ритме чередования фаз расширения (накопление разнообразия, энергии, потенциала) и сжатия (фильтрация, структурирование, закрепление достигнутого). Устойчивость системы определяется её способностью к соблюдению этого ритма. Застывание в одной фазе является расширением без сжатия или сжатием без расширения и таким ведёт к гибели системы: хаосу в первом случае, окостенению во втором [13].

Закон темпоральной динамики, конкретизирующий универсальный закон применительно к социальным системам, утверждает: после завершения мобилизации судьба системы определяется наличием или отсутствием долгосрочного Проекта, сопоставимого по масштабу с завершённой мобилизацией. При отсутствии Проекта накопленный потенциал обращается против системы и вызывает энтропийный скачок, ведущий к коллапсу (Закон распада). При наличии Проекта и соблюдении цикла «проективное расширение – прескриптивное сжатие» система наращивает негэнтропийный потенциал (Закон устойчивости). Историческая верификация закона проведена на материале, охватывающем два тысячелетия: Рим после Пунических войн, Испанская империя XVI–XVII веков, Российская империя после 1814 года, Британская империя после 1918 года, СССР после 1945 года, США после 1991 года (случаи распада); послевоенные СССР, США, Япония и Германия (случаи избегания) [3].

Презентизм в данной теоретической рамке определяется как застывание системы в одной фазе – расширении без сжатия или сжатии без расширения. Система, поражённая презентизмом, не способна ни к полноценному долгосрочному планированию (расширение), ни к фильтрации и закреплению достигнутого (сжатие). Она существует в режиме перманентной краткосрочности.

Эволюция хронологии – смена темпоральных ориентаций в истории человечества – позволяет построить типологию политических партий по их отношению ко времени [14].

Партии, ориентированные на прошлое, апеллируют к традиции, наследию предков, утраченному величию. Их легитимность выводится из прошлого. В российской политической системе к данному типу относятся консервативные и ностальгические проекты. Сильной стороной таких партий является апелляция к устойчивым ценностям, сла-

бой – неспособность формулировать долгосрочные цели, выходящие за рамки реставрации или сохранения.

Партии, ориентированные на настоящее, реагируют на текущую повестку. Их программы привязаны к электоральному циклу и обещаю решение насущных проблем: рост доходов, снижение цен, улучшение социального обеспечения. Это большинство действующих партий. Сильной стороной является адаптивность, слабой – неспособность реализовывать проекты с горизонтом за пределами электорального цикла [18].

Партии, ориентированные на будущее, отсутствуют. Это структурная лагуна, которую призвана заполнить Партия будущих поколений. Её легитимность выводится не из прошлого и не из текущей воли большинства, а из ответственности перед теми, кто ещё не родился.

Идеология Партии будущих поколений базируется на трёх принципах, вытекающих из темпоральной метатеории.

Первый принцип – это темпоральный суверенитет. Это способность государства управлять своим временем, ставить долгосрочные цели и защищать их от конъюнктурной ревизии. Темпоральный суверенитет является четвёртым измерением суверенитета наряду с территориальным, демографическим и ресурсным [12]. Государство, не обладающее темпоральным суверенитетом, является заложником как собственных электоральных циклов, так и циклов других государств. Партия выступает за законодательное закрепление данного принципа.

Второй принцип – это межпоколенческая справедливость. Он расширяет концепцию справедливости во временном измерении: каждое поколение имеет право на ресурсную базу, институциональное наследие и свободу выбора, сопоставимые с теми, которыми располагает нынешнее поколение. Недопустимо перекладывать издержки текущих решений на тех, кто не может участвовать в их принятии.

Третий принцип – это ответственность перед будущим как рациональная стратегия. Исторический опыт, систематизированный в рамках темпоральной метатеории, свидетельствует, что общества, практикующие такую ответственность, демонстрируют большую устойчивость и продолжительность существования [17].

Принципиально важно, что Партия будущих поколений не позиционирует себя на традиционной шкале «левые – правые». Она добавляет новое измерение под названием – темпоральное. Это позволяет ей сотрудничать с любой политической силой, признающей необходимость учёта долгосрочных последствий принимаемых решений.

Программа Партии будущих поколений включает четыре направления, основанные на институциональной архитектуре темпоральной цивилизации [11].

Первое направление – создание институциональной архитектуры защиты будущего. Партия предлагает учредить Прескриптивный совет – коллегиальный орган стратегической фильтрации, члены которого назначаются на непродлеваемый срок различными ветвями власти. Совет проводит трансгенерационную экспертизу законопроектов и государственных стратегий, оценивая их долгосрочные последствия по шести критериям (когнитивный капитал, человеческий потенциал, ресурсная база, технологический потенциал, институциональный потенциал, свобода выбора будущих поколений) на четырёх горизонтах (10, 25, 50 и 100 лет). Совет обладает правом рекомендательного вето, преодолеваемого квалифицированным большинством [20].

В дополнение к Совету предлагается учредить должность Уполномоченного по правам будущих поколений, а именно персональный институт оперативного реагирования с правом приостанавливающего вето на решения, создающие необратимые риски. Ежегодный доклад Уполномоченного подлежит обязательному рассмотрению парламентом [2].

Второе направление – финансово-экономические инструменты. Фонд будущих поколений формируется за счёт отчислений от добычи невозобновляемых ресурсов, доли государственного бюджета и экологических сборов. Средства Фонда защищены от секвестра: изменение правил их расходования требует квалифицированного большинства. Фонд инвестирует в проекты с горизонтом от пятидесяти лет, превращая ресурсную ренту в темпоральную – не истощающуюся, а возрастающую со временем [19].

Прескриптивная биржа – специализированная площадка для привлечения долгосрочного капитала. Её инструменты включают темпоральные облигации со сроком обращения от двадцати пяти лет. Участниками выступают пенсионные и суверенные фонды, заинтересованные в долгосрочных вложениях. Биржа создаёт экономическую мотивацию для долгосрочного мышления, делая его выгодным [16].

Третье направление – введение Индекса негэнтропийного развития (ИНР) в качестве ключевого показателя эффективности власти. Валовой внутренний продукт измеряет скорость экономических транзакций, но не различает создание и потребление ресурсов, принадлежа-

щих будущим поколениям. ИНР дополняет ВВП, измеряя устойчивость системы по трём компонентам: сложность (разнообразие институтов, технологий, компетенций), упорядоченность (качество институтов, предсказуемость, низкая коррупция) и осмысленность (наличие долгосрочных целей и разделяемого образа будущего). ИНР публикуется ежегодно наравне с ВВП. Снижение ИНР в течение трёх лет запускает обязательный пересмотр стратегического курса; падение ниже критического порога даёт Прескриптивному совету чрезвычайные полномочия [15].

Четвёртое направление собой образовательную реформу. Партия предлагает включить в образовательные стандарты курс темпоральной компетентности, формирующий способность оценивать долгосрочные последствия решений. Для подготовки специалистов в области темпорального управления и экспертизы предлагается создать сеть Прескрипториумов, многоуровневых образовательных центров нового типа [10].

Стратегия создания Партии будущих поколений включает три этапа. На первом этапе формируется идеологическое ядро: публикуется Манифест партии, создаётся сообщество сторонников, ведётся опора на научный фундамент темпоральной метатеории. На втором этапе партия участвует в региональных выборах с целью внесения темпоральной повестки в политический дискурс. На третьем этапе создаётся федеральная партийная структура и ведётся борьба за принятие федерального конституционного закона о темпоральном суверенитете [9].

Электоральные перспективы партии не должны оцениваться по традиционным критериям. Её задача на первом этапе не получение большинства, а влияние на повестку. При получении нескольких процентов голосов другие партии начинают включать темпоральные тезисы в свои программы. При более значительном результате партия становится политической силой, способной влиять на законодательный процесс [4].

Партия может быть поддержана избирателями различной идеологической ориентации. Консервативно настроенный избиратель может увидеть в ней защиту традиции для потомков. Либерально настроенный, представляющий расширение концепции прав и свобод на будущие поколения. Социалистически настроенный в свою очередь представляет высшую форму справедливости, охватывающую отношения между поколениями. Защита будущего является ценностью, способной объединить людей разных политических взглядов [7].

Исходя из вышеизложенного автор делает вывод о том, что Партия будущих поколений представляет собой политический инструмент преодоления презентизма – фундаментальной патологии современных политических систем. Она не заменяет существующие партии, а восполняет структурный дефицит: отсутствие представительства интересов тех, кто ещё не родился. Её идеология основана на научном фундаменте темпоральной метатеории, а программа предлагает конкретные институциональные решения. Появление такой партии способно изменить политический ландшафт даже без получения ею большинства, поскольку оно вводит в политический дискурс темпоральное измерение, которое ранее в нём отсутствовало.

Литература

1. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 2001.
2. Канеман Д. Думай медленно, решай быстро. – М., 2014.
3. Нерсесян Р.С. Закон распада: фундаментальная монография. – М., 2026.
4. Нерсесян Р.С. Запрос на смыслы: прескрипт как ответ на экзистенциальный вызов эпохи. – М., 2026.
5. Нерсесян Р.С. Переосмысление времени: темпоральный суверенитет как фактор государственного развития. – М., 2026.
6. Нерсесян Р.С. Презентизм: фундаментальная патология современности. – М., 2026.
7. Нерсесян Р.С. Прескриптология. – М., 2026.
8. Нерсесян Р.С. Темпоральная метатеория как интегральная парадигма. – М., 2026.
9. Нерсесян Р.С. Темпоральная политология. – М., 2026.
10. Нерсесян Р.С. Темпоральная субъектология: наука о субъектности во времени. – М., 2026.
11. Нерсесян Р.С. Темпоральная цивилизация как новый прескрипт и ответ на вызовы эпохи. – М., 2026.
12. Нерсесян Р.С. Темпоральный суверенитет и Закон Нерсесяна. – М., 2026.
13. Нерсесян Р.С. Универсальный закон мироздания «Сжатие и Расширение». – М., 2026.
14. Нерсесян Р.С. Эволюция хронологии: культ прошлого, культ настоящего, культ будущего. – М., 2026.

15. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М., 1997.
16. Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. – М., 1990.
17. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М., 1986.
18. Тойнби А. Постигение истории. – М., 1991.
19. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990.
20. Хантингтон С. Третья волна: демократизация в конце XX века. – М., 2003.

THE FUTURE GENERATIONS PARTY: A NEW POLITICAL FORCE AGAINST PRESENTISM

Nersesyan R.S.

The article is devoted to the conceptual substantiation of the Party of Future Generations as a new type of political force designed to overcome the fundamental pathology of modern political systems – presentism. Based on the temporal metatheory and the universal law of “Compression and Expansion” (Nersesyan’s Law), it is shown that existing parties are structurally incapable of representing the long-term interests of society. The article proposes an ideology, program, and strategy for the party, including the creation of seven temporal institutions, the introduction of the Index of Negentropy Development, and educational reform. It is substantiated that the emergence of such a party can change the political landscape even without gaining a majority. The article is addressed to political scientists, politicians, and everyone who is interested in protecting future generations.

Keywords: The Party of Future Generations, Presentism, Temporal Metatheory, Nersesyan’s Law, Temporal Sovereignty, Prescriptology, Index of Negentropic Development, Temporal Institutions, and Intergenerational Justice.

References

1. Gumilev, L.N. Ethnogenesis and the Earth’s Biosphere. Moscow, 2001.
2. Kahneman, D. Think Slowly, Decide Quickly. – Moscow, 2014.
3. Nersesyan, R.S. The Law of Disintegration: A Fundamental Monograph. – Moscow, 2026.
4. Nersesyan, R.S. The Quest for Meanings: A Prescript as a Response to the Existential Challenge of the Era. – Moscow, 2026.
5. Nersesyan, R.S. Rethinking Time: Temporal Sovereignty as a Factor in State Development. – М., 2026.
6. Nersesyan R.S. Presentism: The Fundamental Pathology of Modernity. – М., 2026.
7. Nersesyan R.S. Prescriptology. – М., 2026.
8. Nersesyan R.S. Temporal Metatheory as an Integral Paradigm. – М., 2026.
9. Nersesyan R.S. Temporal political science. – М., 2026.
10. Nersesyan R.S. Temporal subjectology: the science of subjectivity in time. – М., 2026.
11. Nersesyan R.S. Temporal civilization as a new prescript and response to the challenges of the era. – М., 2026.
12. Nersesyan R.S. Temporal sovereignty and Nersesyan’s Law. Moscow, 2026.
13. Nersesyan R.S. Universal law of the universe “Compression and Expansion”. Moscow, 2026.
14. Nersesyan R.S. Chronology evolution: cult of the past, cult of the present, cult of the future. Moscow, 2026.
15. North D. Institutes, institutional changes and the functioning of the economy. Moscow, 1997.
16. Ostrom E. Managing the common: the evolution of institutions of collective activity. Moscow, 1990.
17. Prigozhin I., Stengers I. Order from chaos. Moscow, 1986.
18. Toynbee A. Comprehension of history. Moscow, 1991.
19. Frankl V. A man in search of meaning. – М., 1990.
20. Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – М., 2003.

Никовская Лариса Игоревна,

кандидат философских наук, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, профессор РАНХиГС, старший научный сотрудник Института проблем передачи информации
E-mail: nirovsky@inbox.ru

Шмидт Валерия Викторовна,

стажер Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
E-mail: val2004schmidt@gmail.com

В статье рассматриваются гендерные квоты как институциональный механизм снижения гендерного неравенства в отечественной политической системе. На основе анализа российской статистики, международных сравнительных данных, зарубежных исследований о влиянии женского представительства на приоритеты публичной политики и материалов о практике квотирования в разных странах показано, что формальное равенство полов не обеспечивает фактического паритета политического представительства и репрезентации интересов женщин. В России сохраняется выраженный гендерный дисбаланс в федеральных органах власти: при преобладании женщин в структуре населения их доля в органах принятия решений остается существенно ниже международных ориентиров. Особое внимание в статье уделено результатам исследований, согласно которым рост женского представительства связан с увеличением государственных расходов на образование, здравоохранение и социальную политику, а также с более последовательным вниманием к проблемам семьи, материнства, детства и социально уязвимых групп. Обосновывается вывод о том, что для России наиболее реалистичной моделью являются добровольные партийные квоты с перспективой последующего законодательного закрепления. Предлагаются практические рекомендации по поэтапному внедрению 30-процентных квот с учетом особенностей российской избирательной системы и партийной структуры.

Ключевые слова: гендерные квоты, женское политическое представительство, гендерное неравенство, политические партии, политическая система, паритет.

Рост значимости социальных функций современного государства усилил запрос на восстановление гендерного баланса в системе государственного управления и на формирование более рациональных механизмов принятия решений на всех уровнях. В этих условиях продвижение женщин во власть все чаще рассматривается как важный ресурс стабильного, гуманного и устойчивого развития общества, поскольку реальное равноправие мужчин и женщин способно менять приоритеты государственной политики и оказывать влияние на общественную жизнь в целом. Проблема гендерного дисбаланса, особенно актуальная для многоаспектных обществ, к числу которых относится Российская Федерация, требует поиска новых механизмов социальной адаптации и интеграции различных групп. В этом контексте гендерные квоты выступают как один из инструментов институциональной коррекции неравенства и способствуют достижению гендерного паритета в политической сфере. Гендерные квоты представляют собой нормативные меры, направленные на обеспечение представительства лиц определенного пола в различных сферах деятельности, прежде всего в политике и бизнесе, и тем самым выражают стремление к достижению гендерного равенства.

Несмотря на ратификацию Россией ряда международных соглашений о правах женщин и гендерном равенстве, а также закрепление в статье 19 Конституции Российской Федерации принципа равенства прав и свобод мужчин и женщин, между нормативными декларациями и реальным положением женщин сохраняется значительный разрыв. В федеральных органах государственной власти России женщины представлены крайне мало: 9,4% в Правительстве Российской Федерации [1], 18% в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации [2], 20,8% в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [3,4], 10% в Конституционном суде Российской Федерации [5] и 32,1% в Верховном суде Российской Федерации [6]. Такой уровень представительства не обеспечивает полноценного учета интересов женской части населения, составляющей большинство граждан страны.

Международный контекст

Гендерный дисбаланс в политической сфере сохраняется как одна из наиболее устойчивых форм структурного неравенства. Формально провозглашая равные права, многие государства не обеспечивают действительно равный доступ к управленческим решениям. Так, участие в политических процессах распределяется неравномерно, особенно в тех странах, где исторически выстраивались патриархальные практики отбора элит и не выработаны компенсирующие механизмы. В результате наблюдается постоянное расхождение между декларируемым юридическим равенством и реальным уровнем представительства женщин в органах власти.

Согласно докладу ООН Global Gender Gap Report 2020, гендерное равенство в политической сфере может быть достигнуто не ранее чем через 95 лет, а в экономической сфере – лишь через 257 лет [7]. Директор-исполнитель структуры «ООН-Женщины» Фумзиле Мламбо-Нгука еще в 2014 году указывала на длительность этого процесса и связывала его с трудовой дискриминацией, «второй сменой» и недостаточным участием женщин в принятии решений [8].

Современная международная ситуация подтверждает сохранение гендерных диспропорций в политике. Согласно докладу ООН «Женщины – политические лидеры 2025», женщины в 2025 году возглавляли 27 государств, что выше показателя пятилетней давности, однако в 103 странах женщины никогда не занимали высший руководящий пост. Глобальная доля женщин в парламентах в 2025 году выросла на 0,3 п.п. и достигла 27,2% по сравнению с предыдущим годом. Наивысшие показатели зафиксированы в Северной и Южной Америке: 34,5% женщин-депутатов и 33,3% женщин-спикеров парламентов. Наименьшие значения наблюдаются на Ближнем Востоке и в Северной Африке – 16,7% [9].

Дисбаланс сохраняется и в составе кабинетов министров: в 2025 году женщины занимали 22,9% руководящих министерских постов в мире, что ниже уровня 2024 года (23,3%) и отражает первое зарегистрированное снижение доли женщин в правительствах. Число гендерно сбалансированных кабинетов министров сократилось с 15 до 9, а количество стран без женщин в правительстве возросло с 7

до 9. Ни один регион не достиг гендерного паритета в правительствах. Лидерами по представленности женщин являются Европа и Северная Америка (31,4%), а также Латинская Америка и Карибский бассейн (30,4%), тогда как Центральная и Южная Азия демонстрируют лишь 9% министерских постов, занятых женщинами [9].

Даже в глобальном масштабе достижение политического паритета без целенаправленных мер остается крайне затруднительным. В связи с этим гендерные квоты все чаще рассматриваются как один из наиболее эффективных механизмов ускорения равного представительства.

Понятие и типы квот

Гендерные квоты представляют собой инструмент установления минимально допустимой доли представителей каждого пола в компаниях, государственных органах и иных институциональных структурах, а также в списках кандидатов, направленный на сокращение полового дисбаланса [10]. Обычно женские квоты составляют от 20 до 50% [11]. Целью введения гендерных квот в политической сфере является достижение фактического гендерного равенства и, как следствие, формирование более разнообразного состава власти, способного учитывать интересы различных социальных групп неоднородного общества.

В политической науке принято выделять три основных типа квот: добровольные партийные, законодательные квоты для кандидатов и квоты-зарезервированные места.

Добровольные партийные квоты представляют собой нормы, устанавливаемые политическими партиями в виде внутренних уставных, регламентационных или программных положений и не закрепленные в законодательстве государства. Как правило, они формулируются как требование о минимальном процентном содержании женщин в партийных списках кандидатов или на ключевых выборах позициях и носят неконституционно-значимый, добровольный характер без сопряженных государственных санкций за несоблюдение.

Примером использования такого типа квот являются Буркина-Фасо, Бурунди, Колумбия, Конго, Коста-Рика, Египет, Ирак, Кыргызстан, Вьетнам и ряд других стран [11]. Партийные органы этих стран самостоятельно принимают обязательства по гендерному балансу в избирательных списках.

Законодательные квоты для кандидатов закрепляются на уровне конституции или специального законодательства и регулируют гендерный состав избирательных списков политических партий, устанавливая минимальный процент женщин среди кандидатов (например, не менее 30%). Типичная формулировка предписывает: «не менее X % женщин в избирательных списках партий», при этом нарушение нормы может сопровождаться юридическими последствиями, вплоть до недопуска списка к участию в выборах.

Примером является сербская практика, где законодательно установлено требование о том, что не менее 40% мест в партийных списках должны занимать женщины. При этом списки, которые не соответствуют требованиям, отклоняются, и политическим партиям предоставляется ограниченное время для внесения в них изменений [11]. Квоты такого типа являются самыми распространенными в мировой практике, они также применяются в Испании, Португалии, Аргентине, Бельгии, Бразилии, Чили, Хорватии, Казахстане, Индонезии, Ирландии и других странах [11].

Квоты-зарезервированные места предполагают закрепление на законодательном уровне (в Конституции, избирательном законодательстве) минимального процентного содержания одного из полов (обычно женщин) в составе органов власти, парламентов или советов, независимо от гендерного состава исходных списков. Характерной формулировкой является требование вида «не менее 30% мест в парламенте или совете директоров зарезервировано за женщинами», что фиксирует не промежуточный этап выдвижения, а конечный результат – число избранных представителей соответствующего пола.

Пример такой модели – конституционная норма Руанды, гарантирующая не менее 30% мест в парламенте для женщин, а также конституционная норма ОАЭ, закрепляющая 50% парламентских мест для женщин [11]. Нормы о квотах-зарезервированных местах также действуют в Китае, Бангладеше, Бенине, Гвинее, Индии, Кении, Сомали, Южном Судане, Зимбабве [11].

Функциональное значение гендерных квот заключается, во-первых, в повышении вероятности присутствия женщин в списках и органах власти; во-вторых, в усилении видимости женского лидерства и преодолении стереотипа о политике как преимущественно мужской сфере; в-третьих, в изменении самой логики политической повестки, поскольку женщины в парламенте и правительстве чаще поднимают вопросы социальной политики, образования, здравоохранения, поддержки семей и защиты от насилия [12].

По данным 2026 года, 94 страны мира используют инструмент гендерных квот в политической сфере в том или ином виде [13]. Это свидетельствует о том, что квотирование стало устойчивой частью международной практики обеспечения политической репрезентации женщин.

Российский контекст

В России тема гендерных квот обсуждается уже не первый год, однако практическое внедрение этого механизма остается ограниченным. В 2003 году Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации рассмотрела в первом чтении законопроект о гендерных квотах – «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностях их реализации», однако он так и не был принят [14]. Ранее, в 2001–2002 годах, предлагались поправки к избирательному законодательству, предусматривавшие, что число лиц одного пола в списках кандидатов не должно превышать 70% от общего количества, однако и эти инициативы не были поддержаны [14].

Российский индекс глобального гендерного разрыва также свидетельствует о наличии системной проблемы. В 2021 году Россия занимала 81-е место из 156 стран, а общий показатель составлял 70,8% [7]. Хотя данный индекс включает не только политическую сферу, но и экономику, здравоохранение и образование, именно политический компонент остается одним из наиболее слабых. Это подтверждает, что гендерное неравенство в российском случае носит не частный, а институциональный характер.

Политические последствия

Эмпирические исследования показывают, что рост представительства женщин в органах власти связан с усилением внимания к социальным вопросам. Анализ деятельности женщин-парламентариев в США в 1980–2000-х годах показал, что они чаще инициируют законы, направленные на решение проблем семьи, материнства и социально уязвимых групп [15]. Аналогичные результаты получены для Великобритании: исследование состава Палаты общин с 1945 года подтвердило устойчивую ориентацию женщин-депутатов на вопросы образования, здравоохранения и социального обеспечения [16].

Сопоставимые выводы содержатся и в исследовании 19 стран ОЭСР за 1960–2005 годы, где выявлена прямая зависимость между числом женщин в законодательных органах и объемом бюджетных ассигнований на социальные программы [17]. В частности, увеличение количества женщин в законодательной власти на один процентный пункт приводило к росту доли расходов на образование в ВВП [17]. В Индии введение 33-процентной квоты для женщин в местных советах штатов Западная Бенгалия и Раджастан в 2004 году способствовало росту финансирования инфраструктуры, ориентированной на потребности женщин [12]. Также исследование Стокгольмского университета 2008 г. установило: увеличение числа женщин в управляющих органах всего на 1 п.п. влечет за собой увеличение государственных расходов на здравоохранение и социальное благосостояние на 0,18 и 0,67 п.п. соответственно [12].

Исторически идея женского политического представительства артикулировалась и в российском феминистском движении начала XX века. А.В. Тыркова-Вильямс подчеркивала необходимость участия женщин в законодательном процессе для защиты интересов детей и решения социальных проблем, которые зачастую игнорируются мужчинами [18]. С.К. Исполова, в свою очередь, отмечала, что демократическое развитие невозможно без включения женщин в политику, поскольку их отсутствие в органах власти искажает процесс формирования общественно значимых решений [18].

Партийное рекрутирование

Анализ партийных программ особенно важен, поскольку именно политические партии выступают основным фильтром доступа к представительской власти. Наиболее активно проблемы женщин в России артикулирует партия «Новые люди», включающая в свою повестку вопросы домашнего насилия, stalking, поддержки женского предпринимательства, критики дискриминационных практик и расширения женского политического участия [19].

Весной 2026 года партия «Новые люди» выпустила Манифест «Голос женщин», который к настоящему моменту собрал более 550 тысяч подписей. Документ акцентирует внимание на десяти ключевых проблемах женщин, включая домашнее насилие и stalking, уклонение от уплаты алиментов, гендерный разрыв в оплате труда, публичные оскорбления женщин в СМИ и их оттеснение от принятия социально значимых решений [20]. В этом смысле именно данная партия может рассматриваться как наиболее вероятный инициатор добровольных квот в российской партийной системе.

Вместе с тем общий уровень гендерной чувствительности российских партий остается недостаточным, а женская повестка часто сводится преимущественно к вопросам материнства и семейной политики, а не к полноценному политическому представительству. Это ограничивает возможности для устойчивого увеличения доли женщин в органах власти, что может способствовать полноценной репрезентации интересов женщин, и снижает вероятность закрепления паритета на институциональном уровне без дополнительных внешних мер.

Риски и ограничения

Несмотря на доказанную эффективность, гендерные квоты имеют и ряд рисков. К ним относятся опасность формального исполнения квот без реального расширения влияния женщин [21, 22]; стигматизация женщин, избранных по квоте, как «непрофессиональных» кандидатов [22]; превращение квоты в декоративную меру; трудности применения в мажоритарных округах; а также сопротивление части политических элит и общества, если квоты воспринимаются как внешне навязанный механизм [23].

Однако эти ограничения не отменяют функциональной значимости квот как действенного инструмента выравнивания гендерного баланса, позволяющего запустить позитивные изменения в политической системе. Важно не просто установить количественные показатели в части женского квотирования, но и создать определенные условия, при которых рост женского представительства в органах власти и политической системе в целом будет сопровождаться реальным доступом женщин к ресурсам, поддержкой со стороны партий и участием в принятии политико-важных решений.

Рекомендации по внедрению

Внедрение гендерных квот в российскую политическую систему должно носить постепенный и выверенный характер, отправной точкой которого следует сделать меры, наиболее приемлемые для самих партий, а не жесткие законодательные механизмы. В связи с наиболее целесообразно первоначально инициировать принятие политическими партиями на уровне их уставов добровольных 30-процентных квот при выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации по пропорциональной системе. При этом в партийных списках необходимо обеспечить равномерное чередование кандидатов мужского и женского пола – это даст женщинам реальные шансы на прохождение в Государственную Думу, а не формальное присутствие в списках. Первым инициатором добровольных партийных квот может стать партия «Новые люди», в идеологии которой уже заложены принципы равенства и расширения участия женщин во властных структурах.

Параллельно для системного преодоления гендерного неравенства в политике требуется разработка законопроекта нормативно-правового акта, который в перспективе введет обязательное законодательное квотирование. Для такого нормативно-правового акта были подготовлены следующие рекомендации:

- квоты должны быть введены в избирательный процесс выборов только в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации;
- внедрение квот должно различаться по способу исполнения при мажоритарной избирательной системе и при пропорциональной избирательной системе;
- размер квоты для выборов по каждой избирательной системе – не менее 30% кандидатов-женщин;
- при пропорциональной избирательной системе партии обязаны включать в список кандидатов от партии не менее 30% женщин, при этом равномерно распределяя женские фамилии по списку партийных кандидатов для того, чтобы у них была реальная возможность пройти в Государственную Думу по партийным спискам. При несоблюдении этого требования следует предусмотреть срок на корректировку списка и санкции в случае отказа;
- при мажоритарной избирательной системе на данном этапе стоит вводить квоты только в тестовых регионах (Москве, Санкт-Петербурге, Свердловской области). В списках кандидатов по мажоритарной системе должно также быть не менее 30% женских кандидатов, они должны быть также равномерно распределены по спискам;
- важно заметить, что эти квоты *избирательные*, то есть это не обязательство Государственной Думы на выполнение тридцатипроцентной квоты *по итогам* голосования, а возможность граждан выбирать при условии большего женского представительства (минимум в 30%). Выбор такого вида квоты обусловлен ее меньшей обязательностью, нежели фиксированная доля женщин в парламенте, а значит, во-первых, большую легкость исполнения такой меры, во-вторых, таким образом можно избежать многих случаев злоупотребления квотами;

– словосочетание «гендерные квоты» при инициировании законопроекта стоит заменить эвфемизмом для лучшего восприятия инициативы гражданами. Этими эвфемизмами могут выступить такие формулировки, как: «Половой паритет», широко используемый в других странах, например, в Европейском парламенте и в рекомендациях ООН, «Репрезентативный баланс», «Паритетное представительство», «Принцип демографической репрезентации» и т.д.;

– власти необходимо вести грамотную коммуникационную политику и выстраивать позитивный образ возможности применения инструмента гендерных квот, акцентируя внимание общества на его преимуществах;

– после анализа введения квот в тестовых регионах стоит принять решение о возможности расширения меры на другие регионы.

Заключение

Гендерные квоты – это меры гендерной политики, которые устанавливают законодательные нормы представительства женщин и мужчин в различных сферах общественной жизни. Целью гендерных квот является устранение дискриминации по половому признаку и создание равных возможностей для обоих полов в получении ресурсов, доступе к возможностям и участию в принятии управленческих решений. Введение женских гендерных квот в избирательную систему способствует репрезентации интересов женщин во власти, принятию большего числа законов, подзаконных актов и других нормативно-правовых актов, направленных на решение проблем женщин. В зависимости от способа закрепления различают три основных типа квот: добровольные партийные (внутренние уставные нормы), законодательные квоты для кандидатов (закрепленные в конституции и (или) избирательном законодательстве) и квоты-зарезервированные места (гарантирующие фиксированный процент мест в представительном органе).

Многие развитые и развивающиеся страны уже предприняли меры гендерного квотирования, при этом квоты устанавливаются обычно в размере от 20 до 50%. В число таких стран в 2026 году входят Аргентина, Италия, Грузия, Греция, Казахстан, Испания, Монголия и другие, всего 94 страны, причем на всех континентах, кроме Австралии. Наиболее успешные примеры (скандинавские страны, Руанда, Аргентина) показывают, что грамотно спроектированные квоты способны за один-два электоральных цикла повысить долю женщин в парламентах с 10–15% до 30–40% и выше. В России же гендерные квоты не предусмотрены, хотя законодательные инициативы о подобном политическом решении в том или ином виде были выдвинуты в 2000-х годах.

В Российской власти в 2026 году встречается абсолютно разное женское представительство. Минимальный процент женщин в федеральных органах власти – 9,4%, можно наблюдать в Правительстве Российской Федерации, в этом органе женщин-министров две из 21 и одна женщина-заместитель Председателя Правительства Российской Федерации. Больше всего женщин представлено в судебной власти России, что распространяется и на федеральный уровень власти. Именно Верховный суд России имеет больше всего женщин-судей, они составляют 32,1% от числа всех судей этого государственного органа.

Причины феномена малой репрезентации женщин в российской власти разнообразны. Они включают как культурные аспекты, такие как предубеждение относительно женщин в политике и стереотипы о них, стигматизацию женского пола в политической сфере, так и социальные факторы: проявление сексизма со стороны общества, репродуктивный труд, воспитание детей и уход за больными родственниками, более того, финансовые проблемы, в виде сложности со сбором средств на избирательную кампанию.

Для России на данный момент наиболее реалистичной представляется поэтапная модель внедрения квот. На первом этапе целесообразно использовать добровольные партийные квоты, прежде всего в партиях, демонстрирующих готовность решения проблем женщин и репрезентации женских интересов. Предположительно, стать первым инициатором добровольных партийных квот может партия «Новые люди». В российских условиях это может быть реализовано через внутренние партийные обязательства по формированию списков кандидатов с 30-процентной долей женщин и равномерным их распределением в списке, чтобы снизить риск их фактического вытеснения на непроходные позиции.

На втором этапе необходимо подготовить законопроект на перспективу 5–10 лет, предполагающий обязательное законодательное гендерное квотирование на выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. При этом квоты должны различаться по типам избирательной системы. В пропорциональной системе партии обязаны включать в списки не менее 30% женщин и распределять женские фамилии равномерно по списку; при несоблюдении этого требования следует предусмотреть срок на коррек-

тировку списка и санкции в случае отказа. В мажоритарной системе на данном этапе целесообразно вводить квоты только в тестовых регионах, которыми, предположительно, могут стать Москва, Санкт-Петербург и Свердловская область.

Одновременно важно развивать женские кадровые резервы партий, программы политического обучения, наставничества и медиаподдержки. Информационная политика должна подчеркивать, что квоты – это не привилегия, а временная компенсация исторически сложившегося структурного неравенства. Для повышения общественной приемлемости инициативы сам термин «гендерные квоты» может быть заменен более нейтральными формулировками, такими как «репрезентативный баланс», «паритетное представительство» или «принцип демографической репрезентации».

После апробации квотирования в тестовых регионах следует принять решение о возможном расширении меры на другие субъекты Российской Федерации. Такая последовательность позволит снизить сопротивление реформе, сохранить ее политическую реализуемость и одновременно создать устойчивый механизм постепенного роста женского представительства.

Литература

1. Персональный состав Правительства [Электронный ресурс] // Правительство России. Официальный сайт. URL: <http://government.ru/gov/persons/>. (дата обращения: 01.01.2025).
2. Депутаты. Состав Государственной Думы восьмого созыва [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/duma/deputies/8/>. (дата обращения: 07.03.2026).
3. Руководство Совета Федерации [Электронный ресурс] // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/structure/administration/>. (дата обращения: 10.05.2026).
4. Сенаторы Российской Федерации [Электронный ресурс] // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/structure/members/>. (дата обращения: 25.03.2026).
5. Судьи Конституционного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] // Конституционный Суд Российской Федерации. URL: <https://www.ksrf.ru/about/judges/>. (дата обращения: 20.01.2026).
6. Коллегии Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/about/structure/223/>. (дата обращения: 20.04.2026).
7. Global Gender Gap Report 2020 [Electronic resource]. // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/reports/gender-gap-2020-report-100-years-pay-equality/>. (accessed: 07.04.2026).
8. Неестественный отбор: зачем нужны гендерные квоты [Электронный ресурс] // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/439003-neestestvennyj-otbor-zacem-nuzny-gendernye-kvoty>. (дата обращения: 03.04.2026).
9. Организация Объединенных Наций. В ООН бьют тревогу: число женщин на руководящих местах в мире стало уменьшаться [Электронный ресурс] // Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/06/1465201>. (дата обращения: 12.03.2026).
10. The World's Women 2015: Trends and Statistics [Electronic resource] // United Nations. URL: https://unstats.un.org/unsd/gender/downloads/WorldsWomen2015_report.pdf. (accessed: 13.04.2026).
11. United Nations Gender Quota Portal. Country profiles [Electronic resource] // United Nations. URL: <https://genderquota.org/country-profiles?countryId=87>. (accessed: 05.04.2026).
12. Criado-Perez C. Invisible Women: Data Bias in a World Designed for Men. [w.p.]: Random House, 2020. 493 p.
13. United Nations Gender Quota Portal. Country profiles [Electronic resource] // United Nations. URL: <https://genderquota.org/country-profiles?countryId=87>. (accessed: 05.04.2026).
14. Айвазова С.Г. Законодательное обеспечение гендерного равенства: политический аспект // Россия реформирующаяся. 2009. № 8. С. 326–342.
15. Sanbonmatsu K. Why women? The impact of women in Elective office [Electronic resource] // URL: <https://www.politicalparity.org/wp-content/uploads/2017/10/Parity-Research-Women-Impact.pdf>. (accessed: 09.04.2026).
16. Blaxill L. Women in Parliament since 1945: have they changed the debate? [Electronic resource] // History & Policy. URL: <https://www.historyandpolicy.org/policy-papers/papers/women-in-parliament-since-1945-have-they-changed-the-debate>. (accessed: 17.05.2026).
17. Chen L.-J. Female Policymakers and Educational Expenditures: Cross-Country Evidence. // European Journal of Law and Economics. 2021. Vol. 51(1). P. 129–155.

18. Айвазова С.Г. Первый всероссийский женский съезд: дискуссия о равноправии // Женщина в российском обществе. 2008. № 4(49). С. 31–45.

19. Партия Новые люди. Программа [Электронный ресурс] // Партия «Новые люди». Официальный сайт партии. URL: https://newpeople.ru/program_newpeople?attempt=1. (дата обращения: 12.05.2026).

20. Партия «Новые люди». Манифест женщин России [Электронный ресурс] // URL: <https://голосженщин.рф>. (дата обращения: 10.12.2026).

21. European Parliament Elections, 6–9 June 2024: Final Report [Electronic resource] // OSCE. URL: <https://www.osce.org/sites/default/files/f/documents/7/e/581764.pdf>. (accessed: 12.05.2026).

22. Dorrrough A., Nater C., Leszczynska M. What are the positive and negative side effects of gender quotas? [Electronic resource] // URL: <https://www.in-mind.org/article/what-are-the-positive-and-negative-side-effects-of-gender-quotas>. (accessed: 12.05.2026).

23. Organization for Security and Co-operation in Europe. Gender equality [Electronic resource] // OSCE. URL: <https://www.osce.org/node/660117>. (accessed: 12.05.2026).

GENDER QUOTAS AS A TOOL FOR REDUCING GENDER INEQUALITY

Nikovskaya L.I., Shmidt V.V.

Institute of Social and Political Research of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Senior Researcher

The article examines gender quotas as an institutional mechanism for reducing gender inequality in the Russian political system. Based on an analysis of Russian statistics, international comparative data, foreign studies on the impact of women's representation on public policy priorities, and materials on the practice of quotas in different countries, it shows that formal gender equality does not ensure actual parity in political representation. Russia still has a significant gender imbalance in its federal government bodies, with women's representation in decision-making positions remaining significantly lower than international standards, despite their prevalence in the population. Special attention is paid to the results of studies that show that increased female representation is associated with increased government spending on education, healthcare, and social policy, as well as with a more consistent focus on family issues, motherhood, childhood, and socially vulnerable groups. The article substantiates the conclusion that voluntary party quotas are the most realistic model for Russia, with the prospect of subsequent legislative consolidation. The article also provides practical recommendations for the gradual implementation of 30% quotas, taking into account the specific features of the Russian electoral system and party structure.

Keywords: gender quotas, women's political representation, gender inequality, political parties, political system, parity.

References

1. Personal Composition of the Government [Electronic resource] // Government of Russia. Official website. URL: <http://government.ru/gov/persons/>. (accessed on 01.01.2025).
2. Deputies. Composition of the Eighth State Duma [Electronic resource] // State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. URL: <http://duma.gov.ru/duma/deputies/8/>. (accessed on 07.03.2026).
3. Leadership of the Federation Council [Electronic resource] // Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. URL: <http://council.gov.ru/structure/administration/>. (accessed on 10.05.2026).
4. Senators of the Russian Federation [Electronic resource] // Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. URL: <http://council.gov.ru/structure/members/>. (accessed on 25.03.2026).
5. Judges of the Constitutional Court of the Russian Federation [Electronic resource] // Constitutional Court of the Russian Federation. URL: <https://www.ksrf.ru/about/judges/>. (accessed on 20.01.2026).
6. Collegiums of the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource] // Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://www.vsrfr.ru/about/structure/223/>. (accessed: 20.04.2026).
7. Global Gender Gap Report 2020 [Electronic resource]. // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/reports/gender-gap-2020-report-100-years-pay-equality/>. (accessed: 07.04.2026).
8. Unnatural Selection: Why Gender Quotas Are Needed [Electronic resource] // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/439003-neestestvennyj-otbor-zacem-nuzny-gendernye-kvoty>. (accessed: 03.04.2026).
9. United Nations. The UN is sounding the alarm: the number of women in leadership positions around the world is decreasing [Electronic resource] // UN News. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/06/1465201>. (accessed on 12.03.2026).
10. The World's Women 2015: Trends and Statistics [Electronic resource] // United Nations. URL: https://unstats.un.org/unsd/gender/downloads/WorldsWomen2015_report.pdf. (accessed: 13.04.2026).
11. United Nations Gender Quota Portal. Country profiles [Electronic resource] // United Nations. URL: <https://genderquota.org/country-profiles?countryId=87>. (accessed: 05.04.2026).
12. Criado-Perez C. Invisible Women: Data Bias in a World Designed for Men. [w.p.]: Random House, 2020. 493 p.
13. United Nations Gender Quota Portal. Country profiles [Electronic resource] // United Nations. URL: <https://genderquota.org/country-profiles?countryId=87>. (accessed: 05.04.2026).

14. Ayvazova S.G. Legislative Support for Gender Equality: A Political Aspect // Russia in Transition. 2009. № 8. Pp. 326–342.

15. Sanbonmatsu K. Why women? The impact of women in Elective office [Electronic resource] // URL: <https://www.politicalparity.org/wp-content/uploads/2017/10/Parity-Research-Women-Impact.pdf>. (accessed: 09.04.2026).

16. Blaxill L. Women in Parliament since 1945: have they changed the debate? [Electronic resource] // History & Policy. URL: <https://www.historyandpolicy.org/policy-papers/papers/women-in-parliament-since-1945-have-they-changed-the-debate>. (accessed: 17.05.2026).

17. Chen L.-J. Female Policymakers and Educational Expenditures: Cross-Country Evidence. // European Journal of Law and Economics. 2021. Vol. 51(1). P. 129–155.

18. Ayvazova S.G. The First All-Russian Women's Congress: A Discussion on Equality // Woman in Russian Society. 2008. № 4(49). Pp. 31–45.

19. New People Party. Program [Electronic resource] // New People Party. Official website of the party. URL: https://newpeople.ru/program_newpeople?attempt=1. (accessed: 12.05.2026).

20. New People Party. Manifesto of Russian Women [Electronic resource] // URL: <https://goloszhenshchin.rf>. (accessed: 10.12.2026).

21. European Parliament Elections, 6–9 June 2024: Final Report [Electronic resource] // OSCE. URL: <https://www.osce.org/sites/default/files/t/documents/7/e/581764.pdf>. (accessed: 12.05.2026).

22. Dorrough A., Nater C., Leszczynska M. What are the positive and negative side effects of gender quotas? [Electronic resource] // URL: <https://www.in-mind.org/article/what-are-the-positive-and-negative-side-effects-of-gender-quotas>. (accessed: 12.05.2026).

23. Organization for Security and Co-operation in Europe. Gender equality [Electronic resource] // OSCE. URL: <https://www.osce.org/node/660117>. (accessed: 12.05.2026).

Кризис политического самосознания СССР и России в конце XX века в теории и мемуарах политиков

Панов Анатолий Иванович,

доктор политических наук, профессор, профессор кафедры
государствоведения РГСУ

E-mail: ponchik.92@bk.ru

Шишкин Василий Архипович,

кандидат философских наук, доцент кафедры психологии
и педагогики НГПУ

E-mail: vasily.schishk1n@yandex.ru

В статье даны определения политического самосознания и его кризиса в СССР-России, показаны противоречия и незавершенность формирования самосознания политической элиты и населения России, истоки кризиса в особенностях социально-политической природы номенклатуры – политического руководства Советского Союза.

Рассмотрены разнообразные формы кризиса политического самосознания советской и российской политической элиты. Показано, что кризис приводит к утрате ориентиров элиты во внешней и внутренней политике, к смене цивилизационного вектора в развитии страны, а в ряде случаев к предательству национальных интересов. Показывается, что в случае крушения сверхдержавы кризис политического самосознания – это угроза суверенитету и безопасности страны, международным институтам стабильности и безопасности, приносит огромные бедствия народам, долгосрочной перспективе развития страны.

Ключевые слова: номенклатура, элита, кризис политического самосознания, кризис идентичности, формы кризиса, смена цивилизационного вектора.

Понятие кризиса политического самосознания и его истоки

Обычно в политологии рассматривают проблему политических кризисов, но внутри неё есть ядро – кризисы политического самосознания элит. Проблема кризиса политического самосознания в политологическом дискурсе России мало исследована, за десять последних лет публикаций по ней было немного, включая статьи авторов о кризисе политического и национального самосознания России в XIX–XX веках [1], [2]. Немногие авторы рассматривают кризисы политического самосознания как органическую часть национального самосознания, хотя для России понимание этой связи имеет особенно важное значение, на что в 1860-х годах обратил внимание создатель теории цивилизаций Н.Я. Данилевский.

Под политическим самосознанием понимается устойчивая и осознанная система представлений субъекта политических отношений о самом себе, на основе которой данный субъект вырабатывает и реализует отношения с другими субъектами и объектами политики внутри и вне политической системы, а также его отношение к самому себе [3].

В систему представлений входят традиции, интересы, ценности и идеалы, которые являются мотивами тех или иных целенаправленных решений, поведения субъекта политики. Политическое самосознание в норме опирается на национальную культуру, реализует национальные интересы и ценности. Субъектом политического самосознания может выступать отдельный индивид, социальная группа, политическая партия или общественный класс. Таким образом, политическое самосознание является направляющей объективные и субъективные политические процессы силой.

Соответственно, под кризисом политического самосознания следует понимать неустойчивое состояние системы представлений и поведения субъекта политики, отрицание национальной культуры и деятельности в ущерб своей стране обществу.

Д.В. Ольшанский, говоря о развитии национального самосознания в политике, отметил, что развитие позитивно при отсутствии его абсолютизации, превращения в особого рода сверхценность, или же оно обернётся редукцией смысловых структур сознания к низшим уровням и отрицанием ценностей других народов и человечества [3]. Это же можно сказать о развитии политического самосознания, которое абсолютизирует себя и служит самому себе в ущерб конкретному обществу и человечеству, например, в случае неоправданной смены цивилизационной модели развития страны и подготовки большой войны.

Кризис политического самосознания часто связан с превалированием частных и клановых интересов над государственными и общественными, с утратой национальной идентичности элитами, перениманием инокультурных цивилизационных ценностей и идеалов, следованием в русле интересов другого государства, прямым предательством политического строя, государства и своего народа, этническим национализмом и расизмом.

В значительной мере политическое самосознание влияет на политическое самоопределение, под которым В.И. Пантин понимает выбор и определение элитными и массовыми группами общества стратегических целей и ориентиров, основных параметров внутреннего и внешнего развития государства и общества в современном мире [4, с. 105].

Ю.А. Красин отметил, что на переломе политической системы общества в политических кругах восторжествовал не эволюционный, а *конфронтационный принцип смены ориентиров, ввергший общество в состояние на грани хаоса*. Не было понятно, каковы национальные интересы России, какой политический строй и форма власти отвечают этим интересам. В результате политическая система оказалась амбивалентной, а противоречия между авторитарными и демократическими тенденциями проявились острее, чем где бы то ни было в мире [5, с. 125].

А.И. Смирнов выявляет слабость и неразвитость, малоэффективность российской партийно-политической системы, которая не способна обеспечить действенное представительство различных групп населения и обеспечить запрос на перемены. Сказывается многолетнее ослабление связей населения с институтами государства и партий [6, с. 125]. Таким образом, с 1990-х годов кризис политического самосознания

знания элиты не изжит и в той или иной степени влияет на взаимоотношения государства, партий и населения России.

Истоки кризиса политического самосознания СССР и современной России необходимо искать в политико-экономической сущности «политического класса» СССР — партийной государственной и хозяйственной номенклатуры. Бывший работник аппарата ЦК КПСС М.С. Восленский в своей нашумевшей книге назвал её господствующим классом СССР [7]. А бывший член Политбюро ЦК КП Югославии Милован Джилас в предисловии к ней заявил, что уже революция создала в рамках партии монополистический привилегированный слой советского общества [7, с. 7]. После развала СССР некоторые философы и политэкономы называли экономический строй государственно-монополистическим капитализмом, например, академик Т.И. Ойзерман; при этом часть современных марксистов ошибочно называет номенклатуру советской буржуазией.

Эти воззрения следует уточнить: по факту экономический строй СССР был многоукладным, хотя это не афишировалось и не признавалось официальной идеологией КПСС. Государственная собственность на землю и предприятия сочетались с колхозно-кооперативной собственностью, с собственностью общественных организаций вроде самой КПСС, профсоюзов и творческих союзов. Эти формы сочетались с не признаваемой политэкономией и идеологией, преследуемой по закону, но де факто развивающейся частной собственностью на подпольные бизнесы цеховиков и фарцовщиков. Кроме того, сочетались с признаваемой, но не закреплённой в законе собственностью на приусадебные участки и сельхозпродукцию. Часто в СССР вместо собственности действовали права пользования, например использование земли колхозами, земельных участков в колхозах, совхозах и городах, или благоустроенных квартир жильцами.

По факту также сохранялась и родовая собственность на земли малых народов Крайнего Севера и Восточной Сибири. Что становится ясно из того, что нефтяные компании выплачивают деньги за пользование недрами не только государству, но и муниципальным образованияам на территориях. В Средней Азии и на Кавказе можно было проследить остатки феодальной структуры общества: этнический национализм, преимущественное нахождение на властных позициях бывших князей и дворян, клановые отношения между элитами и населением, выдвижение на руководящие посты родственников и систему взяток, которая проросла в хозяйственные и политические структуры.

Номенклатура не была новой буржуазией, как ошибочно считают критики её самой и советского строя. Она была интернациональным *полуфеодальным сословием промышленной эпохи* (не случайно И.В. Сталин назвал партию большевиков орденом меченосцев), *на праве внеэкономического управления* распоряжающейся трудом народа, землёй и промышленными активами страны. В частной собственности у неё было ничего, даже мебель на даче принадлежала государству.

В сравнении с буржуазными странами это было устаревшее общество: служи народу «за идею», а себе и детям ничего оставить нельзя! Власть по наследству не передавалась. Выведение из номенклатуры на пенсию нередко означало полную утерю власти и прежних рычагов влияния, как было с В.М. Молотовым и Н.С. Хрущёвым. Поэтому нельзя считать номенклатуру буржуазией, власть которой держится на владении средствами производства.

Это двойственное, переходное, подвешенное состояние ещё в правление И.В. Сталина не удовлетворяло номенклатуру, и она постепенно отдалась и всё более отчуждалась от народа. Частью партийной элиты переходила на позиции национализма: член Политбюро ЦК КПСС первый секретарь ЦК КП Украины П.Е. Шелест был выведен из Политбюро именно по этой причине. Студенческие волнения в Алма-Ате в декабре 1986 года были инспирированной местными элитами вспышкой национализма, когда вместо казаха Д.А. Кунаева первым секретарем ЦК Компартии Казахстана был назначен этнический русский Г.Е. Колбин. Другой своей частью номенклатура срачивалась с уголовными элементами, как в случае с уголовным «Делом московского гастронома № 1» или раскрытием системы взяток в Краснодарском крае под руководством первого секретаря крайкома, члена ЦК КПСС С.Ф. Медунова. Эти негативные явления в номенклатуре означали отдельные формы кризиса политического самосознания СССР, но далеко не все.

В результате нарастающего отчуждения советской номенклатуры от народа и полного контроля ею национального богатства государственная собственность скрыто и постепенно переходила к частной собственности де факто, но не юридически, по закону страны. И лишь затем произошло её реформатирование в класс капиталистов в результате не объявленного, но совершенного верхушкой номенклатуры экономического переворота в стране изданием законов СССР о кооперативах и о предприятиях. ГКЧП и противостояние ему 19–22 августа

1991 года было политическим рычагом развала СССР и раздела его активов национальными республиками. Хотя главное свершилось ещё ранее: уже весной руководством РСФСР во главе с Б.Н. Ельциным был фактически организован раздел банков и финансов СССР по отдельным республикам.

Ряд политиков и обществоведов справедливо утверждает, что кризис политической системы и государственности был заложен ещё Конституцией СССР 1936 года. Например, народный депутат СССР А.М. Оболенский, выставивший себя кандидатом на должность Председателя Верховного Совета СССР, написал: «... у нас нет оснований считать избранный орган формально высшей государственной власти представительным. В СССР продолжал функционировать в изощрённой форме режим партийной диктатуры. Правда, теперь под прикрытием «фигового листка» образцово демократической сталинской Конституции» [8]. Итак, процесс кристаллизации буржуазного общества в рамках социализма растянулся с 1936 по 1991 годы и породил глубокий кризис политического самосознания элиты, помимо кризиса общества и государства.

Формы кризиса политического самосознания

В.Н. Швед отметил такую существенную черту кризиса политического самосознания, как *неотработанность механизма смены политической элиты, вместо него действовал механизм политических интриг одних групп Политбюро против других*. Именно в силу таких групповых интриг М.С. Горбачёв был избран генеральным секретарем ЦК КПСС, после чего поддержавший его министр иностранных дел А.А. Громыко был передвинут на пост председателя Президиума Верховного Совета СССР, но потом сильно пожалел о своем выборе.

Швед верно отметил, что *сама политическая система обуславливала выдвижение не самых умных, деловых и творческих политиков, а тех, кто на словах демонстрировал ей на словах наибольшую верность*; она выдвигала «говорунгов» и бесплодных «инициаторов» типа М.С. Горбачёва и А.Н. Яковлева. Проблема кризиса была не в престарелом возрасте руководства СССР, а в самой системе управления. Эта негодная для государственного управления политическая элита выдала кризис своего управления за кризис социализма. Немалую роль в кризисе сыграла система дефицитов и спецраспределителей для номенклатуры: граждане СССР всё меньше доверяли партии и правительству [9, с. 243].

Председатель Совета министров СССР Н.И. Рыжков отмечал *крайне острый кризис управления в СССР*, крайнюю противоречивость системы управления государством под руководством М.С. Горбачёва. Ответственность за всё лежала на правительстве, но всё делалось для его устранения из системы управления государством. В союзных республиках националистическими силами объявлено верховенство законов республик над союзными законами, приняты декларации о полном государственном суверенитете, безнаказанно не исполнялись указы президента СССР и распоряжения правительства. Возглавили сепаратистские устремления Россия и Украина — две самые мощные республики, основа самого союза советских республик. Отчётливо проявилась *тенденция коренного изменения политико-экономических основ социально-экономического строя Советского Союза* [10, с. 126–128].

Бывший председатель Верховного Совета РСФСР Р.И. Хасбулатов считал основным противоречием реформирования России в начале 1990-х годов *противоречие между сложностью задач реформирования экономики и политической системы и некомпетентностью правительства* Е.Т. Гайдара: проявилась неспособность либерального правительства разрабатывать законы под свои реформы [11, с. 72, 140, 141].

Кроме него, было и другое противоречие, вносившее хаос в управление страной: *противоречие между парламентами РСФСР и СССР и между их правительствами по поводу направления и скорости проведения реформ*. По сути, Р.И. Хасбулатов отметил со стороны РСФСР противоречие, которое назвал и Н.И. Рыжков со стороны правительства СССР.

Среди форм кризиса политического самосознания во время и после развала СССР Р.И. Хасбулатов выделил следующие:

Во-первых, преступление высшей власти против Российского государства: *поощрение Ельциным и его окружением сепаратизма союзных республик и российских регионов*. Де факто не только союзные республики заявили о желании выйти из состава СССР, но и ряд национальных республик и русских областей собирались выйти из состава России. В то же время Верховный Совет начал управлять процессами политической и экономической стабилизации в стране [11, с. 63–65].

Во-вторых, *развязывание психологической войны президента РСФСР Б.Н. Ельцина против Верховного Совета*, якобы тормозящего реформы, а на самом деле — с целью обоснования монополизации абсолютной власти президентом и либералом как внутри страны, так

и за ее пределами. Нарастание конфликта между Ельциным и Верховным Советом [11, с. 166].

В-третьих, диктат корыстных личных и групповых интересов Ельцина и его соратников из либерального лагеря над национальными интересами. В связи с этим выявилось упрямство в проведении ошибочной либеральной экономической политики, некомпетентность Е.Т. Гайдара как экономиста, нежелание считаться с авторитетными экономистами вроде академика РАН Н.Я. Петракова и член-корреспондента Р.И. Хасбулатова [11, с. 18, 70].

В-четвёртых, массированный обман народа со стороны политической элиты России и антикоммунистический догматизм, при катастрофических результатах реформ [11, с. 24, 25].

В-пятых, процессы криминализации экономики и самой административной деятельности должностных лиц, проникновение коррупции на самый высокий уровень «принятия стратегических решений» стали заметными явлениями уже в 1992 году [11, с. 174].

В-шестых, противоречие между антикоммунизмом и демократией и либерализмом в форме неограниченной диктатуры президента, представляло серьёзную угрозу для развития России, поскольку сопровождалось ещё и сдачей национальных интересов России Западу [11, с. 141].

В другой книге Р.И. Хасбулатов остановился на международных аспектах кризиса политического самосознания СССР и России.

Во-первых, произошла переориентация внимания с экономического кризиса США на распад СССР и ускоренный демонтаж мировой системы социализма и Варшавского блока. Под видом помощи демократии произошла ликвидация главного конкурента США – СССР [12, с. 23].

Во-вторых, после ликвидации СССР резко усилилась территориальная экспансия США в восточной Европе и других регионах мира, в приграничных странах России по «стратегии анаконды», сократились военные расходы США на противостоение с Варшавским военным блоком. Завершение борьбы с социализмом закончилось встраиванием в силовую систему с гегемонией США и крайней неустойчивостью такой системы [12, с. 25–27, 31].

В-третьих, с распадом социалистического лагеря исчезла экономическая альтернатива в развитии мировой экономики, и мировой капитализм получил передышку, которую вместо мирного развития направил на развязывание войн. Отказ от принципа экономической альтернативности является всемирной трагической ошибкой цивилизации, принципиально ограничивающей исторические перспективы самого капитализма [12, с. 28, 31].

В-четвертых, проявилась неадекватность регулирующих институтов новой мировой структуры новым условиям и новым задачам развития, требующим урегулирования. Это проявилось в ряде цветных революций, войнах в Югославии, Ираке, Ливии, Афганистане, Сирии, также войне Грузии с Россией. Проблема деятельности международных институтов и главных ориентиров новой мировой системы под эгидой США остаётся открытой и неоднозначной. Не случайно в последние годы Россия и Китай всё больше перехватывают нити управления мировыми процессами в свои руки [12, с. 33–35].

Бывший вице-премьер правительства РФ М.Н. Полторанин отметил черты кризиса политического самосознания российского руководства, угрожавшие безопасности и суверенитету страны:

Во-первых, действия по перехвату контроля над спецслужбами СССР со стороны российских лидеров Ельцина, Хасбулатова и других, что в конечном счёте привело к тому, что КГБ СССР не выполнил прямого предназначения: не защитил ни государство, ни социалистический строй [13, с. 120].

Во-вторых, заинтересованность в Ельцине непатриотичных сотрудников спецслужб, ориентированных на Запад и обслуживающих зарубежные финансовые и экономические связи сотрудников спецслужб, чьи дети закончили зарубежные школы по месту службы родителей [13, с. 121].

В-третьих, М.Н. Полторанин верно утверждает, что глобальное политическое самосознание держится на принципах, выгодных только Западу: захват мировых стратегических ресурсов, создание зон нестабильности для обеспечения бегства из них финансовых потоков, обеспечение стабильности в странах собственного базирования носителей глобального политического самосознания [13, с. 124].

Выводы

Кризис политического самосознания СССР и нарождающейся России – это одновременно умирание политической системы и зарождение новой квазiburжуазной системы на обломках номенклатуры и вызревшей в рамках социализма новой буржуазии из числа цеховиков и торговых спекулянтов.

Кризис политического самосознания в стране – это явление многозначное и противоречивое.

1. Политическое самосознание теряет роль ориентира во внутренней и внешней политике страны и его кризис ввергает страну в хаос; в этой обстановке спецслужбы следуют в фарватере наиболее сильного политика и в случае смены политического курса не защищают страну и политический строй от внешних и внутренних угроз.

2. Это кризис социалистической политической системы СССР, который воспроизводился в сознании политической элиты. Перестройка эпохи Горбачёва – мирный эволюционный этап перерастания социализма в капитализм, ГКЧП в августе 1991 года и расстрел Верховного Совета в октябре 1993 года – два этапа буржуазной революции с яркими чертами вооружённого насилия, характерного для революции в любой стране.

3. Это кризис перехода самосознания от служения интересам государства и общества к служению собственным и групповым интересам элиты со снижением уровня компетенций стратегического управления и горизонта целей страны.

4. Это тяжёлый кризис государственности исторической России, более 70 лет находившейся под гнётом интернациональной коммунистической идеологии, которая отравила национальное самосознание подчинением русского народа окраинным народам прежней Российской империи.

5. Это кризис геополитики СССР и Российской Федерации без понимания элитами законов геополитики и принципов политической философии, национальных интересов исторической России, в результате которого страна оказалась в полуколониальном подчинении у западных государств – геополитических противников России.

6. Это кризис самой идеологии интернационализма, оказавшейся благодатной почвой для взращивания национализмов в союзных республиках. Она оказалась ущербной в отношении государствообразующего русского народа, который нёс основную нагрузку содержания «братских» народов и поддержки зарубежных режимов социалистического лагеря. Этот кризис идеологии привёл к тому, что в Конституции РФ появилась статья 13, запрещающая государственную идеологию в России, зато открывшая путь к господству в стране чуждой идеологии либерализма.

7. Это переход государственной власти из рук славянской боляшинства в руководство страны в руки разных национальных групп, включая евреев, татар, чеченцев и других, с открытием дополнительных социальных лифтов для них.

8. Это развал единого государства СССР на 15 национальных государств с этнократическими режимами власти, приведший к ряду межнациональных пограничных войн и преследованию русских в бывших союзных республиках Прибалтики, Средней Азии, Закавказья, Молдавии и Украины.

Литература

- Панов А.И., Шишкин В.А. Кризис политического самосознания России в начале XX века // Обозреватель. 2015. № 3 (302). С. 25–33.
- Шишкин В.А. Формы кризиса национальной идентичности и его особенности в России // В сборнике: Россия и мировые тенденции развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Научный редактор П.Г. Макухин. Омск, 2023. С. 58–73.
- Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. – Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 496 с.
- Пантин В.И. Политическое самоопределение России в современном мире: основные факторы, тенденции, перспективы // Полис. Политические исследования. 2007. № 5. С. 105–117.
- Красин Ю.А. Политическое самоопределение России: проблемы выбора // Полис. Политические исследования. 2003. № 2. С. 124–133.
- Смирнов А.И. Переформатирование политического пространства и сдвиги в политическом самосознании россиян // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общие и специальные науки. 2021. № 2 (843). С. 312–325. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=9890>. DOI 10.52070/2500–347X_2021_2_843_312. [Дата доступа 05.06.2026].
- Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, 1991 г. 624 с.
- Оболонский А.М. Народный депутат СССР. О попытке первой «Перестройки» в СССР (фрагмент рабочей рукописи «Народный Президент, от мифа к реальности») [Электронный ресурс] // URL: <https://mrija2.narod.ru/sdpr485.html>. [Дата доступа 05.06.2026].
- Швед, В.Н. Кто вы, mr. Gorbachev? История ошибок и предательств / В.Н. Швед. – М.: Вече, 2016. – 416 с., ил.

10. Рыжков Н.И. Главный свидетель / Николай Рыжков. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. – 240 с.: ил.
11. Хасбулатов Р.И. Правда о 1993 году. Мятеж Ельцина и международный заговор против России / Руслан Хасбулатов. – М.: Яуза-пресс, 2013. 416 с.
12. Хасбулатов Р.И. Полураспад СССР. Как развалили сверхдержаву. – М.: Яуза-пресс, 2011. 512 с.
13. Полторанин М.Н. Власть в тротиловом эквиваленте, наследие царя Бориса / Михаил Полторанин. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. 512 с.

THE CRISIS OF POLITICAL CONSCIOUSNESS OF THE USSR AND RUSSIA AT THE END OF THE TWENTIETH CENTURY IN THEORY AND MEMOIRS OF POLITICIANS

Panov A.I., Shishkin V.A.

Russian State Social University, Novosibirsk State Pedagogical University

The article defines political self-awareness and its crisis in the USSR-Russia, shows the contradictions and incompleteness of the formation of the self-awareness of the political elite and the Russian population, and the origins of the crisis in the peculiarities of the socio-political nature of the nomenclatura, the political leadership of the Soviet Union. The article examines various forms of the crisis of political self-awareness among the Soviet and Russian political elites. It shows that this crisis leads to a loss of the elite's orientation in foreign and domestic policy, a shift in the country's civilizational vector, and, in some cases, a betrayal of national interests. The article argues that in the event of a superpower's collapse, the crisis of political self-awareness poses a threat to the country's sovereignty and security, as well as to international institutions of stability and security, causing immense suffering to the people and hindering the country's long-term development.

Keywords: nomenclature, elite, crisis of political self-awareness, crisis of identity, forms of crisis, change of civilizational vector.

References

1. Panov A.I., Shishkin V.A. The Crisis of Political Self-Awareness in Russia at the Beginning of the Twentieth Century // *Observer*. 2015. № 3 (302). Pp. 25–33.
2. Shishkin V.A. Forms of the Crisis of National Identity and Its Features in Russia // In the collection: *Russia and World Development Trends. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*. Scientific Editor P.G. Makukhin. Omsk, 2023. Pp. 58–73.
3. Olshansky D.V. *Fundamentals of Political Psychology*. – Yekaterinburg: Delovaya kniga, 2001. 496 p.
4. Pantin V.I. Political Self-Determination of Russia in the Modern World: Main Factors, Trends, Prospects // *Polis. Political Studies*. 2007. № 5. Pp. 105–117.
5. Krasin Yu.A. Political Self-Determination of Russia: Problems of Choice // *Polis. Political Studies*. 2003. № 2. Pp. 124–133.
6. Smirnov A.I. Reformatting the Political Space and Shifts in the Political Self-Awareness of Russians // *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 2021. № 2 (843). Pp. 312–325. [Electronic resource] // URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=9890>. DOI 10.52070/2500–347X_2021_2_843_312. [Accessed 05.06.2026].
7. Voslensky M.S. *Nomenclature. The Ruling Class of the Soviet Union*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1991, 624 p.
8. Obolensky, A.M. People's Deputy of the USSR. On the Attempt at the First «Perestroika» in the USSR (an excerpt from the working manuscript «The People's President, from Myth to Reality») [Electronic resource] // URL: <https://mrija2.narod.ru/sdpr485.html>. [Accessed 06/05/2026].
9. Shved, V.N. Who Are You, Mr. Gorbachev? A History of Mistakes and Betrayals / V.N. Shved. – Moscow: Veche, 2016. – 416 p., ill.
10. Ryzhkov, N.I. *The Main Witness* / Nikolai Ryzhkov. – Moscow: Eksmo: Algorithm, 2010. – 240 p.: ill.
11. Khasbulatov, R.I. *The Truth About 1993. Yeltsin's Rebellion and the International Conspiracy against Russia* / Ruslan Khasbulatov. Moscow: Yauza-Press, 2013. 416 p.
12. Khasbulatov, R.I. *The Half-Life of the USSR. How a Superpower Was Destroyed*. Moscow: Yauza-Press, 2011. 512 p.
13. Poltoranin, M.N. *Power in TNT Equivalent: the Legacy of Tsar Boris* / Mikhail Poltoranin. Moscow: Eksmo: Algorithm, 2010. 512 p.

Парма Роман Васильевич,

доктор политических наук, доцент кафедры политологии,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: rvparma@fa.ru

Жукова Мария Валерьевна,

студент, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Сонина Ульяна Игоревна,

студент, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Саргсян Анастасия Арменовна,

студент, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Статья посвящена феномену «культуры отмены» как социальному механизму установления норм и ценностей в современном обществе США. Медиатизация социума в цифровой среде коммуникаций стала ключевым фактором расширения возможностей интерактивного взаимодействия для «публичного обличения». Авторы рассматривают действие механизмов отмены как организованное сетевое давление активной общественности на знаковых персон для низведения их репутации и парализации деятельности. В статье дается оценка трем кейсам, демонстрирующим акт отмены в различных контекстах. Политический курс власти выступает определяющим фактором культуры отмены в условиях трансформации ценностей американского общества.

Ключевые слова: культура отмены, общественное осуждение, публичное неприятие, цифровое общество, медиатизация общества.

Введение

Феномен «культуры отмены» получил распространение в США с начала XXI века. Однако корни явления уходят в более ранние периоды американской истории, когда пуританские практики осуждения за нарушение социальных норм приобретали формы бойкота и изоляции людей. Уже в XX веке, когда в США развернулось движение за гражданские права, бойкоты стали инструментом борьбы против расовой сегрегации. В эпоху Интернета развитие платформ социальных медиа ускорило распространение информации и сделало участие в публичном осуждении массовым явлением.

В сущности, культура отмены представляет собой древнюю практику ostracism, выражаемую в общественном презрении и изгнании из общины, полиса, государства за непристойные действия либо намерения. В современном обществе человек подвергается публичному осуждению, лишению профессионального статуса и ограничениям возможностей деятельности из-за высказываний или действий, которые активная общественность считает недостойными и неприемлемыми.

Понятие «культура отмены» (*cancel culture*) вошло в публичный обиход в 2010-х годах. Оксфордский словарь определяет термин «культура отмены» как «практику исключения кого-то из общественной и профессиональной жизни за слова или действия, с которыми не согласны другие». Однако с момента зарождения по настоящее время, данная практика трансформировалась в более сложное понятие, включающее в себя не только отдельные акты осуждения, но и системные кампании по трансформации культурных кодов, борьбу за доминирующий нарратив и политическое лоббирование.

Исследователи полагают, что практики культуры отмены в США отличает внеисторические представления о контексте прошедших событий, гипертрофированное внимание к отдельным фактам, эмотивное повествование о рабском угнетении и расовой сегрегации, внедрение в общественное сознание коллективной вины [1]. При этом направленность и интенсивность работы механизмов культуры отмены обусловлена меняющимися конфигурациями власти и текущей политической ситуацией [2].

Распространение культуры отмены в США стало возможным в условиях реализации ультралиберального курса т.н. «демократов», направленного на ценностную перенастройку американском обществе. Акты общественной отмены послужили инструментом острой идеологической борьбы между консерваторами и либералами, отражая сдвиги в системе ценностей и изменения мировоззренческой ориентации, процесс «деамериканизации в самоидентификации американского общества» [3]. Исследователи понимают культуру отмены как внеинституциональную форму социального контроля посредством массовой мобилизации сторонников в социальных сетях с подрыва репутационных позиций противников [4].

Со временем культура отмены стала эффективным механизмом установления и коррекции социальных норм посредством публичного порицания знаменитостей. Расширению вовлеченности публики в культуру отмены способствовала медиатизация общества посредством цифровых коммуникаций, позволяющим генерировать «прогрессивные» информационные потоки и модерировать взаимодействие сторонников в социальных сетях. В современном американском обществе коллективные действия в онлайн-среде стали ключевым инструментом культуры отмены.

Социальная технология культуры отмены включает опции идентификации «нарушителя», распространение вирусного контента, организацию давления общественности и достижения «публичной расправы». Поводом запуска механизмов может стать старое или новое высказывание, поступок, который интерпретируется как действия дискриминационного характера (расизм, сексизм, трансфобия и т.д.), а также связь с персоной, уже подвергшейся общественному осуждению. Обычно сообщение или пост быстро набирает популярность, обрастая комментариями и хэштегами (#MeToo, #Cancel[Имя]). Активисты выступают с типичными требованиями уволить человека, разорвать контракты, лишить наград. В последствии моделируемое давление прогрессивной и моральной общественности посредством организованной травли в социальных медиа и СМИ приводит к отстранению от должности, потере личной репутации и утрате профессиональных возможностей.

Методология исследования

Целью данного исследования было выявление механизмов и форм реализации культуры отмены в США на основе анализа современных практик. Объектом исследования выступает культура отмены как социально-культурный феномен в современном американском обществе. Предметом исследования избраны конкретные формы проявления культуры отмены, выраженные в ряде случаев. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов для анализа медийных конфликтов, массовых общественных кампаний и процессов формирования репутации в цифровую эпоху. Теоретическая значимость работы состоит в расширении представлений о современных формах общественной активности и символического воздействия на человеческое сознание.

Методологическую основу исследования составил конструктивистский подход. Согласно теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, действительность формируется прежде всего в результате повседневного взаимодействия людей. В процессе коммуникации индивиды создают устойчивые значения, типизации и нормы поведения, которые со временем закрепляются и начинают восприниматься как естественные и обязательные. Общество одновременно создается людьми и воздействует на них как внешняя система правил и законов. Социальные смыслы и устои закрепляются и передаются посредством языка. Через коммуникацию общество транслирует представления о допустимом и недопустимом, формируя коллективные оценки и модели поведения [5].

Конструктивистский подход позволяет рассматривать культуру отмены как форму символического формирования реальности, при которой через медиадискурс появляются новые репутационные статусы, общественные санкции и границы социальной приемлемости. Кроме того, опираясь на теорию повестки дня, сформулированную М. МакКомбсом и Д. Шоу, культура отмены также является мощным инструментом конструирования публичного обсуждения [6]. Общество борется не только за «отмену» конкретной личности, но и за исключение нежелательных суждений и позиций из информационного поля, тем самым позволяя доминирующим в дискурсе группам формировать границы допустимого и контролировать обсуждаемые темы, то есть, исходя из теории диктовать аудитории о чем следует думать. В соответствии с конструктивистским подходом методами исследования избраны дискурс-анализ интерпретаций рассматриваемых событий и анализ случаев [7].

Анализ кейсов

Показательная для «культуры отмены» история #MeToo зарождалась в 2006 году на популярном тогда портале «Myspace». Все началось с инициативы Тараны Берк обнародовать случаи сексуального насилия и домогательств в отношении цветных женщин из малообеспеченных семей. В медийном пространстве эта фраза впервые прозвучала на ее НКО Just Be Inc. и это позволило сети служб поддержки, волонтерским и гражданским организациям и инициативам, что специализированы на помощи женщинам-жертвам сексуального насилия, распространиться. Особенно это касалось представительниц дискриминируемых групп и национальных меньшинств. По словам Т. Берк, движение должно фокусироваться не на том, чтобы ответственный получил как можно более суровое наказание, а на том, чтобы помочь жертвам пережить последствия преступления.

Основной функцией движения является призыв женщин делиться своей историей, чтобы придавать как можно большей огласке табуированную тему, привлечение виновных к соизмеримой преступлению ответственности и оказание необходимой поддержки пострадавшим. Вершина деятельности движения пришлась на 2017 год, когда известный голливудский продюсер Харви Вайнштейн был обвинен в сексуальном насилии и домогательствах целому ряду актрис на протяжении не одного десятилетия. Движение вдохновило множество жертв, многие из которых до тех пор молчали о случившемся, рассказать свои истории. #MeToo оказало влияние на Голливуд и американскую киноиндустрию.

Успех движения в рамках практики «культуры отмены» тесно связан с концепцией «спирали молчания» Э. Нозль-Нойман, хотя представляют разные аспекты социального контроля и формирования общественного мнения [8]. Культура отмены может служить катализатором для формирования и усиления «спирали молчания», а «спираль молчания», в свою очередь, способствует распространению и закреплению практик отмены. Поскольку в патриархальной культуре тема сексуального насилия долгое время являлась табуированной, жертвы сталкивались с виктимблеймингом, а доказательства и показания пострадавшей подвергались сомнениям. Молчание усиливалось за счет

того, что жертвы боялись высказаться и быть осужденными, отчего они чувствовали себя одинокими в своем опыте.

С началом медийной огласки и призыва Алиссы Милано в октябре 2017 года движение достигло массового масштаба. В один и тот же промежуток времени женщины нарушили молчание. Само явление моментального отклика на призыв, невозможности умалчивать случившееся в контексте меняющихся общественных нравственных ориентиров, продемонстрировало то, что проблема носит системный характер. Данный сдвиг в дискурсе является «обратным спиральным процессом», что раньше было точкой зрения меньшинства теперь трансформировалось в доминанту в дискурсе. Таким образом, движение стало одним из самых ярких примеров разрыва спирали молчания. К концу 2017 года журнал Time назвал «Нарушителей молчания» людьми года, что символизировало институциональное признание этого феномена.

Природа «спирали молчания» циклична и даже инверсивна. Как только одна тема становится доминирующей в публичном дискурсе, она использует те инструменты, что соответствуют ее положению, начинает ограничивать критику. Изначально цели #MeToo были не столь радикальными, все строилось на стремлении добиться подотчетности тех влиятельных личностей, которым удавалось долгие годы избегать наказания. Однако со временем культура отмены стала универсальным и зачастую безжалостным механизмом внеправовой расправы. Ключевой парадокс заключается в несоразмерности последствий. Культура отмены часто исключает такое понятие как презумпция невинности. Тем самым в модели «спирали молчания» роли всего лишь меняются местами. Люди начинают бояться высказывать непопулярные мнения из страха быть осужденными и атакованными.

Существует иной, политологический взгляд, который рассматривает культуру отмены как механизм воздействия на политику и мобилизации ресурсов, нежели чем стихийный социально-культурный феномен. Разоблачения Х. Вайнштейна вызвали моральный шок и массовое негодование в американском обществе. В социальных сетях развернулась гражданская кампания, в местоимение «те» (рус. «я») создавала эмоциональную связь идентификации себя с жертвой в определенном политическом контексте.

Взросшее влияние движения #MeToo на общественном возмещении привело к изменению законодательства в штатах Калифорния и Нью-Йорк, которое привело к запрету соглашений о неразглашении по делам о домогательствах, отставкам руководителей крупных медиа-корпораций и реальному тюремному сроку 23 года для Х. Вайнштейна. Акции движения #MeToo привели к расширению прав женщин, усилив голос многих жертв сексуального насилия. Кампания гражданского действия показала силу скоординированного сетевого давления.

Гибель афроамериканца Джорджа Флойда 25 мая 2020 года в Миннеаполисе стала катализатором массовых протестов и общественного возмущения, которые переросли в широкое движение против расизма и полицейского насилия. Этот инцидент, зафиксированный на видео, где белый полицейский Дерек Шовин удерживал чернокожего рецидивиста Флойда, осужденного за наркоманию и насилие, вызвал общественный резонанс не только в США, но и во всем мире. В контексте «культуры отмены» события вокруг смерти Флойда демонстрируют механизм общественного осуждения и давления на институты и отдельных лиц, связанных с расовой несправедливостью. Последние слова жертвы: «Я не могу дышать» стали ключевым эмоциональным слоганом кампании гражданских действий против расизма.

После распространения видеозаписей задержания Флойда общество резко осудило действия полиции. Это привело к массовому отказу от поддержки институтов, которые воспринимались как причастные к расизму и насилию. Полицейские, причастные к задержанию Флойда, были немедленно отстранены от работы, а позже им были предъявлены обвинения. Д. Шовин был признан виновным в убийстве и приговорен к тюремному заключению. Общественное давление также способствовало инициированию законодательных инициатив, направленных на реформирование полиции.

Смерть Флойда стала мощным импульсом для активизации движения Black Lives Matter («Жизни чернокожих имеют значение»), которое существовало с 2013 года. Протесты под лозунгами движения охватили более 20 штатов США и многие города мира. Участники требовали не только наказания для виновных в гибели Флойда, но и системных изменений, включая реформу полиции, борьбу с расовым неравенством в образовании, здравоохранении и экономике. Актуализация движения BLM происходила на фоне глубокого политического раскола в американском обществе.

На фоне обострения чувствительной для афроамериканского населения темы, возник общественный запрос на пересмотр исторического наследия США. Протесты привели к волне сноса памятников историческим фигурам, которые воспринимались как символы

рабства и расизма. В ряде городов с постаментов были низвергнуты статуи первооткрывателю Америки Христофору Колумбу. Уничтожению подверглись символы Конфедерации, в частности статуи генералов Роберта Ли, Томаса Джексона, президента Джефферсона Дэвиса и памятники солдатам-южанам. Активисты движения таким образом осуществляли моральный суд над историческими фигурами, лишая их права на символическое присутствие в публичном пространстве. В некоторых штатах, например в Миссисипи, были изменены государственные символы, в частности флаг штата лишился изображения конфедеративного флага. В культурной сфере также произошли изменения, так стриминговый сервис HBO Max убрал из доступа фильм «Унесенные ветром» из-за обнаруженных в нем «расовых предрассудков».

В ходе волны массовых протестов президент США Д. Трамп внес изменения в законодательство по охране памятников. Консервативная часть общества и большинство Республиканской партии рассматривают памятники как часть истории, символ гордости и доблести. Защитники памятников утверждают, что памятники установлены в честь простых солдат, которые участвовали в войне, но не имели отношения к идеологии превосходства белой расы. Данный конфликт является наиболее показательным примером феномена отмены как политического инструмента для пересмотра «исторической памяти».

Демократы, включая активистов Black Lives Matter и иных движений, настаивали, что подобные мемориалы не просто отражают историческое прошлое страны, а несут определенное политическое послание, закрепляя южное наследие как доминирующий взгляд на вопрос расовой сегрегации. Журналист Брайан Палмер так пишет о кампании сноса памятников: «Мы и раньше видели небольшие вторжения в места, связанные с Конфедерацией – протесты, случайные граффити. Но это – нечто большее – смелое и окончательное вмешательство, физическое удаление расистских идолов. Это был перерыв в более чем вековом господстве токсичной идеологии, навязанной ландшафту города, где преобладает темнокорое население». Однако уже в 2021 году пришедший к власти 46-й президент США Джо Байден отменил указы о защите памятников, придерживаясь либеральной политики.

Компании под давлением общественного мнения начали пересматривать свои практики. Например, Apple объявила о пожертвованиях организациям, борющимся с расовой несправедливостью, и признала существование системных проблем в обществе. В то же время некоторые компании столкнулись с критикой за недостаточную реакцию или за действия, которые воспринимались как попытка «отменить» обсуждение расовых проблем. В медиа и социальных сетях активно распространялись призывы к обсуждению расовых вопросов и осуждению молчания. Знаменитости, такие как Билли Айлиш, Ким Кардашьян, Бейонсе и другие, публично выразили свое возмущение и поддержали движение BLM, что усилило общественное давление. В то же время некоторые лица избегали высказываний по теме из страха столкнуться с осуждением.

На фоне волны общественного возмущения в ряде штатов и на федеральном уровне были предложены и частично реализованы реформы, направленные на ограничение методов полицейского задержания (например, запрет на удушающие приемы) и пересмотр иммунитета сотрудников правоохранительных органов от судебных исков. Смерть Флойда спровоцировала масштабный разговор о расизме в США и мире, о системном неравенстве и роли институтов в его поддержании. Таким образом, гибель Джорджа Флойда стала примером того, как конкретный инцидент может запустить механизмы «культуры отмены», приводящие к общественному осуждению, пересмотру практик и символов, а также к политическим и социальным изменениям.

Однако не все попытки отмены в американском обществе приносят результаты, так как политика диктует «правила игры». В современном медиапространстве публичные фигуры воспринимаются как носители определенных ценностей, социальных установок и политических взглядов. Это значит, что любое публичное действие, поступок, высказывание или даже их отсутствие может быть интерпретировано как политический жест. Кейс молодой модели и актрисы Сидни Суини имеет показательное значение для выявления ограничений культуры отмены. Она имеет высокую узнаваемость среди современной молодежи и активно присутствует в информационном пространстве – подобный статус значительно усиливает общественное внимание к личности. Однако звездное положение и ответственность за свою же репутацию не остановили актрису от участия в крайне провокационных рекламных кампаниях.

Первым публичным скандалом Сидни, произошедшим 29 мая 2023 года, стала промокампания мыла фирмы Dr. Squatch. В начале своей карьеры актриса не раз выражала негативное отношение к сексуализации и объективизации женщин, но именно она стала лицом новой продуктовой линейки мыла Sydney's Bathwater Bliss, где содер-

жалась вода из ванной, в которой мылась Суини. Несмотря на ярое недовольство общественности, мыло раскупили за считанные дни, а небольшую фирму Dr. Squatch приобрел один из крупнейших производителей повседневных товаров Unilever.

В июле 2025 года бренд одежды American Eagle выпускает рекламную кампанию, главной звездой которой являлась Суини. Слоганом кампании стала фраза «Sydney Sweeney Has Great Jeans», построенная на языковой игре слов jeans («джинсы») и genes («гены»), которые имеют идентичное звучание. В проморолике актриса произносит следующую реплику: «Гены передаются от родителей к потомству, часто определяя такие черты, как цвет волос, характер и даже цвет глаз. Мои джинсы синие». С точки зрения дискурсивного анализа данный медиатекст строится как многоуровневое сообщение, в текст вводится тема внешней привлекательности, что переносит рекламное сообщение из сферы моды в сферу социальных представлений о красоте и статусе, а также способствует формированию различных стигм и стереотипов. Суини заполучила звание расистки и была в очередной раз раскритикована пользователями интернета: актриса отсылала к своему привилегированному статусу, будучи конвенционально красивой голубоглазой блондинкой.

Впоследствии на сторону Сидни встали несколько политических фигур. Директор по коммуникациям президента США Стивен Чунг выразил свое мнение о том, что культура отмены вышла из-под контроля. Вице-президент США Джей Ди Вэнс обвинил в скандале демократическую партию и добавил, что демократы могут продолжать считать нацистами всех тех, кто считает Суини привлекательной. Президент США Дональд Трамп высказался в посте, который гласит: «Сидни Суини, официально поддерживающая республиканскую партию, снялась в самой сексуальной рекламе на свете. Джинсы American Eagle сметают с полок. Вперед, Сидни!». Вопреки всем общественным ожиданиям, продажи American Eagle не уменьшились, рекламная кампания оказалась успешной. Дополнительным фактором общественного резонанса вокруг Суини также стало общее состояние политической системы США, характеризующееся идеологическим расколом. После первого президентского срока Дональд Трамп сохранил свое влияние в республиканской партии и превратился в олицетворение консервативного популизма, столкнувшись с сильной антипатией либеральной части общества. Вторая после проигрыша победа Д. Трампа на выборах президента США обозначила, что американское общество явно разделилось на два лагеря по вопросам идентичности, миграции, расовой политики, гендерных отношений, свободы слова и роли государства в мире.

В случае с Сидни особенности окружения, выбор рекламных проектов, высказывания других людей и визуальные образы стали основаниями для предположений об идеологической принадлежности. Подобная практика свидетельствует о расширении механизмов общественного контроля в условиях непрерывного развития цифровых технологий. Таким образом, в современном мире культура отмены носит ситуативный и противоречивый характер. Данный кейс является ярким примером того, как в эпоху Трампа культурные войны охватывают не только сферу политики, но и индустрию развлечений, рекламный и потребительский рынок.

Заключение

В основе формирования культуры отмены как работающего социального механизма лежат исторические и культурные особенности страны. Культура отмены представляет собой неоднородное явление, а целый спектр практик от общественных инициатив до инструментов политической борьбы. Социальные и политические последствия культуры отмены неоднозначны. Позитивные эффекты можно свести к привлечению внимания к проблемам дискриминации и насилия, повышению ответственности публичных лиц и расширению прав маргинализированных групп. Негативные эффекты культуры отмены проявляются в поляризации общества. Культура отмены усиливает раскол между консерваторами и либералами, что подпитывает «культурные войны».

Распространение практик культуры отмены приводит к расширению конформизма и самоцензуры, так как под воздействием активных меньшинств люди испытывают боязнь и опасения открыто высказывать свое мнение, опасаясь публичных обвинений и обличений. В случаях культуры отмены отсутствуют четкие правила, а критерии выдвигания обвинений носят субъективный и ситуативный характер. Публичные процессы культуры отмены часто выливались в организованную травлю, исключая легальные механизмы следствия и суда. Влиятельные элиты и группы интересов прибегают к технологиям культуры отмены для дискредитации оппонентов в политических целях [9].

Прохождение кампаний общественной «отмены» обусловлено множеством объективных факторов, но также зависит от активных действий политических акторов. Культура отмены в США выглядит сложным и противоречивым феноменом. С одной стороны, она позволяет обществу реагировать на нарушения этических норм и привлекать к ответственности известных и влиятельных лиц. С другой, культура отмены создает угрозы праву на свободу слова, провоцирует публичные расправы и усиливает социальную поляризацию.

Литература

1. Линченко, А.А. Формы исторического забвения и фигуры умолчания в коммеморативных практиках движения Black Lives Matter: сравнительный анализ медиадискурсов в англоязычных странах / А.А. Линченко // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2024. – Т. 6, № 1. – С. 225–243. – DOI 10.46539/gmd.v6i1.447.
2. Ng, E. *Cancel Culture: A Critical Analysis*. – Springer International Publishing, 2023–153 p. – <https://doi.org/10.1007/978-3-030-97374-2>.
3. Травкина, Н.М. Деамериканизация США: истоки и последствия / Н.М. Травкина, В.С. Васильев // *Перспективы. Электронный журнал*. – 2021. – № 2/3(25/26). – С. 34–49. – DOI 10.32726/2411-3417-2021-2-3-34-49.
4. Дериглазова, Л.В. Культура отмены в политике и международных отношениях / Л.В. Дериглазова, А.М. Погорельская // *Вестник МГИМО-Университета*. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 7–33. – DOI 10.24833/2071-8160-2023-4-91-7-33.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е.Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
6. McCombs, M.E., Shaw, D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // *The Public Opinion Quarterly*. – 1972. – Vol. 36. – № 2. – pp. 176–187.
7. Турченко М.С., Завадская М.А. Каузальный механизм vs нагромождение фактов? Критерии оценки причинно-следственных связей в case studies // *Полис. Политические исследования*. – 2017. – № 2. – С. 134–146. – DOI 10.17976/jpps/2017.02.09.
8. Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. – М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. – 352 с.
9. Антонов, Р.А. Культура отмены как инструмент политической борьбы элит (на примере США) / Р.А. Антонов // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. – 2023. – Т. 1, № 6. – С. 124–136. – DOI 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-6-124-136.

CONTEMPORARY PRACTICES AND MECHANISMS OF «CANCEL CULTURE» IN THE USA

Parma R.V., Zhukova M.V., Sonina U.I., Sargsyan A.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the phenomenon of «cancel culture» as a social mechanism for establishing norms and values in contemporary US society. The mediatization of society in the digital communications environment has become a key factor in expanding the possibilities of interactive interaction for «public denunciation.» The authors examine the operation of cancellation mechanisms as organized online pressure exerted by an active public on iconic figures to undermine their reputations and paralyze their activities. The article evaluates three cases demonstrating the act of cancellation in various contexts. Political policies of the government are a determining factor in the emergence of cancel culture amid the transformation of American societal values.

Keywords: cancel culture, public condemnation, public rejection, digital society, mediatization of society.

References

1. Linchenko, A.A. Forms of Historical Oblivion and Figures of Silence in the Commemorative Practices of the Black Lives Matter Movement: A Comparative Analysis of Media Discourses in English-Speaking Countries // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2024. – Vol. 6, № 1. – Pp. 225–243. – DOI 10.46539/gmd.v6i1.447.
2. Ng, E. *Cancel Culture: A Critical Analysis*. – Springer International Publishing, 2023–153 p. – <https://doi.org/10.1007/978-3-030-97374-2>.
3. Travkin, N.M. De-Americanization of the USA: Origins and Consequences / N.M. Travkin, V.S. Vasiliev // *Prospects. Electronic Journal*. – 2021. – № 2/3 (25/26). – Pp. 34–49. – DOI 10.32726/2411-3417-2021-2-3-34-49.
4. Deriglazova, L.V. Cancel Culture in Politics and International Relations / L.V. Deriglazova, A.M. Pogorelskaya // *Bulletin of MGIMO-University*. – 2023. – Vol. 16, № 4. – Pp. 7–33. – DOI 10.24833/2071-8160-2023-4-91-7-33.
5. Berger, P., Luckmann, T. *The Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium, 1995, 323 p.
6. McCombs, M. E., Shaw, D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // *The Public Opinion Quarterly*. 1972, Vol. 36, № 2, pp. 176–187.
7. Turchenko, M.S., Zavadskaya, M.A. Causal Mechanism vs. Accumulation of Facts? Criteria for Assessing Causal Relationships in Case Studies // *Polis. Political Studies*. 2017, № 2, pp. 134–146. DOI 10.17976/jpps/2017.02.09.
8. Noel-Neumann E. *Public Opinion. Opening the Spiral of Silence*. – Moscow: Progress-Academy, Ves Mir, 1996. – 352 p.
9. Antonov, R.A. Cancel Culture as an Instrument of Political Struggle of Elites (using the US as an Example) // *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Sciences*. – 2023. – Vol. 1, № 6. – Pp. 124–136. – DOI 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-6-124-136.

Победин Петр Константинович,

соискатель ученой степени кандидата политических наук,
кафедра сравнительной политологии, Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: peter.pobedin@gmail.com

Статья анализирует политический микротаргетинг как технологию, которая меняет не только инструменты избирательной кампании, но и сам режим публичности выборов. Проблема состоит не в персонализации агитации как таковой, а в том, что разные группы избирателей получают разные версии политического сообщения, часто невидимые конкурентам, наблюдателям, журналистам и другим гражданам. В результате публичная кампания фрагментируется, а ответственность кандидата за совокупный смысл обращений становится труднее проверить. Автор обосновывает понятие частичной публичности цифровой агитации и предлагает модель цифрового электорального аудита. Такая модель включает архив политической рекламы, раскрытие параметров таргетинга, связь цифровых расходов с избирательными фондами, маркировку синтетического контента и установление ответственного субъекта. Делается вывод, что регулирование микротаргетинга должно быть не запретительным, а аудиторским: его задача – восстановить наблюдаемость, финансовую прозрачность и публичную ответственность избирательной кампании.

Ключевые слова: политический микротаргетинг; цифровая агитация; выборы; публичность; цифровые платформы; алгоритмическое воздействие; большие данные; синтетический контент; социальные боты; электоральная легитимность.

Введение

Выборы в органы власти сегодня проходят не только на избирательных участках, в избирательных комиссиях, телевизионных дебатах и печатных материалах. Значительная часть кампании разворачивается в цифровых социальных сетях, где избиратель получает новости, короткие видео, рекламные объявления, сообщения в мессенджерах, рекомендации и персональные политические сигналы.

Микротаргетинг делает эту среду особенно сложной для контроля. Данная технология позволяет показывать разным группам граждан разные версии агитационного сообщения на основе цифровых следов, интересов, поведения, географии, демографии и вероятностных профилей пользователя социальной сети. В результате публичная агитация распадается на множество малых коммуникаций.

Политическая проблема здесь не в том, что избирательный штаб кандидата или партии лучше знает аудиторию. Любой кандидат стремится говорить с разными группами избирателей понятным для них языком. Новое качество состоит в том, что цифровая доставка делает обещания, надежды, страхи, негативные сообщения и мобилизационные стимулы фрагментированными и плохо наблюдаемыми [1–10].

Поэтому микротаргетинг следует рассматривать не только как инструмент политической рекламы, но и как фактор изменения публичности выборов. Он не отменяет агитацию, но меняет условия ее наблюдения. Избиратель видит свой фрагмент кампании, платформа видит параметры доставки, штаб видит показатели эффективности, а общественный контроль часто не видит целого.

Частичная публичность как основная проблема микротаргетинга

В классической агитации сообщение кандидата избирателям имеет публичную форму. Его можно увидеть, сохранить, процитировать, сравнить с программой кандидата, оспорить в суде или обсудить в медиа. Даже агрессивная агитация остается частью общей сцены. Микротаргетинг меняет этот порядок.

Сообщение адресовано узкому сегменту и исчезает после получения. Один избиратель видит акцент на социальной поддержке, другой – на безопасности, третий – на страхе перед оппонентом, четвертый – на локальной проблеме. Формально все сообщения могут быть законными. Политически возникает вопрос: сохраняет ли информационная кампания единый смысл и общий месседж? Можно ли его найти в информационном потоке, зафиксировать и затем предъявить кандидату? Это фундаментальный вопрос политической ответственности кандидата за свои инициативы.

Микротаргетинг в этом смысле следует понимать как режим частичной публичности. Агитация не становится полностью тайной, но ее наблюдаемость распределяется неравномерно. Избиратель видит только свой фрагмент кампании; наблюдатель часто не видит целого. Механизм политической ответственности не работает либо работает с существенным запозданием.

Частичная публичность опасна тем, что она не выглядит прямым нарушением. Агитационный материал может быть законным, оплаченным и формально корректным, но его совокупное воздействие остается скрытым. В таких условиях сложнее выявлять противоречивые обещания разным группам, скрытую негативную мобилизацию, эксплуатацию чувствительных характеристик аудитории и обход общих правил публичной полемики.

Формы цифровой электоральной коммуникации

Для регулирования политической коммуникации важно не смешивать цифровую агитацию, микротаргетинг, алгоритмическое воздействие и контент, сгенерированный с использованием искусственного интеллекта. Эти формы различаются не только каналом распространения, но и типом политического риска.

Цифровая агитация представляет собой открытый интернет-материал. Ее риск связан с быстрым распространением ошибки, а механизм контроля предполагает правовую фиксацию материала и проверку источника. Микротаргетинг строится на адресных версиях сообщения. Его основной риск – потеря общей публичности, поэтому контроль должен включать архив рекламы и раскрытие параметров показов.

Алгоритмическое воздействие связано с оптимизацией доставки через цифровые платформы. Здесь риск состоит в смещении контроля к посредникам, а механизм проверки требует аудита доставки и условий доступа к данным. Синтетический контент основан на генерации текста, голоса или видео. Его риски связаны с дипфейками и «дивидендом лжеца», а контроль должен включать маркировку и верификацию происхождения материала.

Такое разграничение важно практически. Нельзя одинаково регулировать открытый пост кандидата, адресную рекламу, алгоритмическое продвижение и сгенерированный видеоролик. В первом случае ключевым является источник публикации. Во втором – параметры аудитории. В третьем – логика доставки. В четвертом – происхождение и подлинность контента. Поэтому эффективное регулирование цифровой кампании должно быть многослойным.

Платформы, данные и новый баланс власти в кампании

Микротаргетинг перераспределяет влияние участников избирательного процесса. Возрастает роль владельцев больших данных, цифровых платформ, рекламных кабинетов, аналитиков, специалистов по машинному обучению и медиатеchnологов. Партийная программа и публичная риторика сохраняют значение, но предметная работа с избирателем все чаще проходит через цифровую коммуникацию.

Цифровая платформа в этой схеме не является нейтральным каналом. Она задает правила допуска рекламы, параметры сегментации, аукцион показа, модерацию, метрики эффективности и условия доступа к данным пользователей. Избирательный штаб кандидата получает не просто средство распространения, а инфраструктуру, которая сама влияет на структуру политического сообщения [4; 6–10].

Возникает асимметрия контроля информационных потоков. Избирательный штаб кандидата видит показатели охвата и конверсии; платформа видит больше – поведенческие данные, реакцию аудитории, алгоритмические параметры доставки. Избиратель видит меньше всех: одно сообщение, подобранное под его профиль, без понимания того, почему именно оно было ему показано. При этом персонализированное сообщение может восприниматься избирателем как более релевантное, поскольку оно адаптировано к его интересам и поведенческому профилю.

В такой системе политическая ответственность распределяется неочевидно. Кандидат заинтересован в эффективности воздействия, платформа – в правилах доставки и коммерческой модели, консультант – в достижении показателей кампании. Но избирательное право традиционно требует понятного ответственного субъекта. Поэтому задача регулирования состоит в том, чтобы не растворить ответственность кандидата в технических посредниках и рекламных алгоритмах.

Синтетический контент и кризис доказательности

Генеративный искусственный интеллект в дополнение к микротаргетингу создает новый уровень фрагментации политической коммуникации. Если раньше персонализация ограничивалась выбором аудитории и текста, то теперь избирательный штаб кандидата может быстро создавать множество вариантов изображений, роликов, голосовых сообщений и псевдонулевых материалов.

Особенно опасны не только дипфейки, но и «дивиденд лжеца»: ситуация, когда подлинное свидетельство можно объявить сгенерированным с использованием искусственного интеллекта, а синтетическое свидетельство выдать за подлинное. В выборной кампании это подрывает доверие к любым сообщениям в сфере публичной политики. Спор переносится с вопроса о программе кандидата и его ответственности на вопрос о происхождении сообщения – источнике файла.

Поэтому маркировка синтетического контента должна рассматриваться не как техническая формальность, а как гарантия электоральной публичности. Избиратель имеет право знать, обращается ли к нему реальный кандидат, смонтированный материал или сгенерированная имитация [17; 18; 27].

Для выборов проблема синтетического контента особенно значима из-за короткого цикла кампании. Даже если ложный материал будет впоследствии опровергнут, он может повлиять на восприятие кандидата в критический период. Поэтому процедуры проверки должны быть ускоренными, а обязанность маркировки и хранения исходных данных должна возникать до спора, а не после причинения политического ущерба.

Цифровой электоральный аудит

Запрет микротаргетинга не решает проблему полностью. Технология будет уходить в серые каналы, мессенджеры, инфлюенсерские источники и сторонние социальные сети. Более реалистична модель цифро-

вого электорального аудита, которая не уничтожает персонализацию, а возвращает ей наблюдаемость.

Такой аудит должен проверять не только содержание сообщения, но и его цифровую траекторию: кто заказал материал, из каких средств он оплачен, по каким параметрам выбрана аудитория, какой охват получен, использовался ли контент, сгенерированный с использованием искусственного интеллекта, можно ли восстановить историю показов.

Смысл цифрового электорального аудита состоит не в тотальном контроле частной политической коммуникации, а в восстановлении проверяемости тех сообщений, которые являются частью избирательной кампании. Если агитационный материал адресно показывается тысячам избирателей, он не должен выпадать из публичного поля только потому, что распространяется через рекламный кабинет или алгоритмическую систему доставки.

Модель аудита включает пять базовых элементов. Первый – архив рекламы: он фиксирует материалы, заказчиков, сроки и охваты. Второй – параметры таргетинга: они показывают категории аудитории и исключения. Третий – финансовый след: он связывает цифровые показы с избирательными фондами. Четвертый – синтетический контент: он требует фиксации факта генерации или модификации. Пятый – ответственный субъект: персонализация сообщения не должна снимать ответственность с того, кто заказал, утвердил и оплатил агитационный материал.

Такой аудит не должен превращаться в цензуру. Его задача – не предварительно запрещать политические сообщения, а обеспечивать их последующую проверяемость и сопоставимость с требованиями закона. Это принципиально отличает аудиторскую модель от запретительной: она сохраняет технологическую возможность адресной коммуникации, но возвращает ей публичную ответственность.

Российский и европейский нормативный контур

Российское регулирование уже содержит базовые элементы контроля: гарантии избирательных прав, правила агитации, нормы о рекламе и персональных данных [22–24]. Проблема в том, что эти нормы формировались под наблюдаемые формы коммуникации. Цифровая агитационная кампания требует не только фиксации материала, но и фиксации параметров его доставки.

В европейском регулировании уже закреплены отдельные механизмы прозрачности политической рекламы, платформенной ответственности, обработки данных и регулирования искусственного интеллекта [25–28]. Для российского контекста значима не механическая рецепция этих норм, а сама логика восстановления наблюдаемости цифровой агитации.

В российской модели целесообразно развивать публичный архив политической интернет-рекламы, обязательное хранение параметров таргетинга, связь цифровых расходов с избирательными фондами, маркировку синтетического контента и ускоренные процедуры проверки спорных материалов в период кампании. Такой подход не запрещает технологическое развитие кампаний, но возвращает им публичную ответственность.

Особое значение имеет баланс между защитой персональных данных и контролем агитации. Раскрытие параметров таргетинга не должно означать публикацию персональных данных избирателей. Речь должна идти о проверяемых категориях аудитории, критериях исключения, размере охвата, заказчике и финансовом источнике. Такой формат позволяет усилить прозрачность кампании без превращения избирателя в объект публичного раскрытия.

Заключение

Политический микротаргетинг вряд ли можно исключить из технологического арсенала кандидатов: он не делает персонализацию незаконной по своей природе. Однако технология политической коммуникации меняет характер публичности избирательного процесса. Агитация становится частично видимой, сегментированной и зависимой от платформенных правил.

Электоральная легитимность в цифровую эпоху требует не только честного подсчета голосов, но и честного ведения избирательной кампании на всем ее протяжении. Избиратель должен понимать, кто обращается к нему, почему он попал в целевую аудиторию кандидата, какие данные использованы и как проверить происхождение полученного сообщения.

Регулирование должно быть не запретительным, а аудиторским. Его задача – вернуть цифровой агитации публичность, финансовую прозрачность и ответственность кандидата за свои слова. Без этого выборы в органы власти, формально сохраняя установленные процедуры, теряют публичный характер.

Таким образом, ключевой вопрос состоит не в том, допустим ли микротаргетинг вообще, а в том, при каких условиях он остается совместимым с публичной природой выборов. Персонализация может быть допустимой только тогда, когда она не разрушает возможность общественного контроля, не скрывает финансовый след кампании и не снимает с кандидата ответственность за адресные цифровые сообщения.

Литература

1. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
2. Chadwick A. The Hybrid Media System: Politics and Power. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 368 p.
3. Bennett W.L., Segerberg A. The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 256 p.
4. van Dijck J., Poell T., de Waal M. The Platform Society: Public Values in a Connective World. – New York: Oxford University Press, 2018. – 240 p.
5. Сморгун Л.В. (ред.) Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость. – М.: Аспект Пресс, 2022. – 351 с.
6. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А.Ф. Васильева; под ред. Я. Охонько, А. Смирнова. – М.: Издательство Института Гайдара, 2024. – 784 с.
7. Zuiderveen Borgesius F.J., Möller J., Kruikemeier S., Ó Fathaigh R., Irion K., Dobber T., Bodó B., de Vreese C. Online Political Microtargeting: Promises and Threats for Democracy // Utrecht Law Review. – 2018. – Vol. 14. – № 1. – P. 82–96. – DOI: 10.18352/ulr.420.
8. Dobber T., Ó Fathaigh R., Zuiderveen Borgesius F.J. The regulation of online political micro-targeting in Europe // Internet Policy Review. – 2019. – Vol. 8. – № 4. – DOI: 10.14763/2019.4.1440.
9. Tappin B.M., Wittenberg C., Hewitt L.B., Berinsky A.J., Rand D.G. Quantifying the potential persuasive returns to political micro-targeting // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2023. – Vol. 120. – № 25. – Article e2216261120. – DOI: 10.1073/pnas.2216261120.
10. Tucker J., Guess A., Barbera P., Vaccari C., Siegel A., Sanovich S., Stukal D., Nyhan B. Social Media, Political Polarization, and Political Disinformation: A Review of the Scientific Literature // SSRN Electronic Journal. – 2018. – DOI: 10.2139/ssrn.3144139.
11. Лукьянова Г.В. Таргетирование в онлайн социальных сетях: возможности и угрозы // Возможности и угрозы цифрового общества: сборник научных статей / под общ. ред. А.В. Соколова, А.А. Власовой. – Ярославль: Цифровая типография, 2019. – С. 66–70. – EDN EQUZV.
12. Мухаметов Д.Р. Технологии big data в политических процессах: возможности и риски // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – Т. 9. – № 6(42). – С. 143–149. – DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-143-149. – EDN XNGKJL.
13. Козин А.С. Эффективность использования больших данных в политических кампаниях: сравнение опыта США, ЕС и России // Власть. – 2025. – Т. 33. – № 2. – С. 118–122. – DOI: 10.24412/2071-5358-2025-2-118-122. – EDN JFRCNV.
14. Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? / пер. с англ. А. Широкова. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. – 304 с.
15. Брунс А. Реальна ли стена фильтров? / пер. с англ. А. Архипова. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2023. – 120 с.
16. Василькова В.В., Легостаева Н.И., Радужевский В.Б. Социальные боты как инструмент развития гражданского участия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5. – С. 19–42. – DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.02. – EDN XMQVTS.
17. Жеребенко А.В. Синтетический пользовательский контент // Динамика медиасистем. – 2025. – Т. 5. – Вып. 1. – С. 262–269. – DOI: 10.47475/2949-3390-2025-5-1-262-269.
18. Tzimas T. A Public Sphere for AI // Journal of Politics and Ethics in New Technologies and AI. – 2023. – № 2. – Article 33299. – DOI: 10.12681/jpentai.33299.
19. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 6(166). – С. 97–118. – DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2014. – EDN PDEHDO.
20. Мирошкин П.М. Предвыборная агитация в Telegram-каналах: проблемы правового регулирования // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2024. – № 1. – С. 82–91. – DOI: 10.22394/2074-7306-2024-1-1-82-91. – EDN PXJUNH.

21. Лопатин А.И. Цифровизация избирательных действий и процедур в России: вопросы права // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. – № 5. – С. 43–55. – DOI: 10.12737/jrl.2022.051. – EDN EHNGIL.

22. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 23.06.2026).

23. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 23.06.2026).

24. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 23.06.2026).

25. Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) // Official Journal of the European Union. – 2022. – L 277. – P. 1–102. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj/eng> (accessed: 23.06.2026).

26. Regulation (EU) 2024/900 of the European Parliament and of the Council of 13 March 2024 on the transparency and targeting of political advertising // Official Journal of the European Union. – 2024. – L 2024/900. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/900/oj/eng> (accessed: 23.06.2026).

27. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence // Official Journal of the European Union. – 2024. – L 2024/1689. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (accessed: 23.06.2026).

28. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data // Official Journal of the European Union. – 2016. – L 119. – P. 1–88. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng> (accessed: 23.06.2026).

POLITICAL MICROTARGETING AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF ELECTORAL PUBLICITY

Pobedin P.K.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article analyzes political microtargeting as a technology that changes not only campaign tools, but also the very mode of electoral publicity. The problem is not personalization of campaigning as such, but the fact that different groups of voters receive different versions of political messages, often invisible to competitors, observers, journalists and other citizens. As a result, the public campaign becomes fragmented, while the candidate's responsibility for the overall meaning of targeted messages becomes harder to verify. The author substantiates the concept of partial publicity of digital campaigning and proposes a model of digital electoral audit. This model includes a political advertising archive, disclosure of targeting parameters, connection of digital spending with electoral funds, labelling of synthetic content and identification of the responsible actor. The article concludes that the regulation of microtargeting should not be prohibitive but audit-oriented: its task is to restore observability, financial transparency and public responsibility in electoral campaigning.

Keywords: political microtargeting; digital campaigning; elections; publicity; digital platforms; algorithmic influence; big data; synthetic content; social bots; electoral legitimacy.

References

1. Castells M. Communication Power. Russian translation by N.M. Tylevich; scientific editor A.I. Chernykh. Moscow: HSE Publishing House, 2016. 564 p. (In Russian).
2. Chadwick A. The Hybrid Media System: Politics and Power. Oxford: Oxford University Press, 2017. 368 p.
3. Bennett W.L., Segerberg A. The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 256 p.
4. Van Dijck J., Poell T., de Waal M. The Platform Society: Public Values in a Connective World. New York: Oxford University Press, 2018. 240 p.
5. Smorgunov L.V. (ed.). Political Ontology of Digitalization and State Governability. Moscow: Aspekt Press, 2022. 351 p. (In Russian).
6. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. Russian translation. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2024. 784 p. (In Russian).
7. Zuiderveen Borgesius F.J., Möller J., Kruikemeier S., Ó Fathaigh R., Irion K., Dobber T., Bodó B., de Vreese C. Online Political Microtargeting: Promises and Threats for Democracy. Utrecht Law Review, 2018, vol. 14, no. 1, pp. 82–96. DOI: 10.18352/ulr.420.
8. Dobber T., Ó Fathaigh R., Zuiderveen Borgesius F.J. The regulation of online political micro-targeting in Europe. Internet Policy Review, 2019, vol. 8, no. 4. DOI: 10.14763/2019.4.1440.
9. Tappin B.M., Wittenberg C., Hewitt L.B., Berinsky A.J., Rand D.G. Quantifying the potential persuasive returns to political microtargeting. Proceedings of the National Academy of Sciences, 2023, vol. 120, no. 25, article e2216261120. DOI: 10.1073/pnas.2216261120.

10. Tucker J., Guess A., Barbera P., Vaccari C., Siegel A., Sanovich S., Stukal D., Nyhan B. Social Media, Political Polarization, and Political Disinformation: A Review of the Scientific Literature. SSRN Electronic Journal, 2018. DOI: 10.2139/ssrn.3144139.
11. Lukyanova G.V. Targeting in online social networks: opportunities and threats. In: Opportunities and Threats of the Digital Society: Collection of Scientific Articles. Yaroslavl: Digital Printing House, 2019, pp. 66–70. EDN EQUZV. (In Russian).
12. Mukhametov D.R. Big data technologies in political processes: opportunities and risks. Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University, 2019, vol. 9, no. 6(42), pp. 143–149. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-143-149. EDN XNGKJL. (In Russian).
13. Kozin A.S. Efficiency of using big data in political campaigns: comparing the experience of the USA, EU and Russia. Vlast, 2025, vol. 33, no. 2, pp. 118–122. DOI: 10.24412/2071-5358-2025-2-118-122. EDN JFRONY. (In Russian).
14. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. Russian translation. Moscow: Alpina Business Books, 2012. 304 p. (In Russian).
15. Bruns A. Are Filter Bubbles Real? Russian translation. Moscow: HSE Publishing House, 2023. 120 p. (In Russian).
16. Vasilkova V.V., Legostaeva N.I., Radushevskii V.B. Social bots as an instrument for the development of civic participation. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 2019, no. 5, pp. 19–42. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.02. EDN XM-QVTS. (In Russian).
17. Zhrebnyenko A.V. Synthetic user-generated content. Dynamics of Media Systems, 2025, vol. 5, issue 1, pp. 262–269. DOI: 10.47475/2949-3390-2025-5-1-262-269. (In Russian).
18. Tzimas T. A Public Sphere for AI. Journal of Politics and Ethics in New Technologies and AI, 2023, no. 2, article 33299. DOI: 10.12681/jpentai.33299.
19. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Digital infrastructures of civic and political activism: current challenges, risks and limitations. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 2021, no. 6(166), pp. 97–118. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2014. EDN PDEHDQ. (In Russian).
20. Miroshkin P.M. Election campaigning in Telegram channels: problems of legal regulation. North Caucasus Legal Bulletin, 2024, no. 1, pp. 82–91. DOI: 10.22394/2074-7306-2024-1-1-82-91. EDN PXJUH. (In Russian).
21. Lopatin A.I. Digitalization of electoral actions and procedures in Russia: legal issues. Journal of Russian Law, 2022, vol. 26, no. 5, pp. 43–55. DOI: 10.12737/jrl.2022.051. EDN EHNGIL. (In Russian).
22. Federal Law No. 67-FZ of June 12, 2002 “On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right of Citizens of the Russian Federation to Participate in a Referendum”. ConsultantPlus. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (accessed: 23.06.2026). (In Russian).
23. Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 “On Personal Data”. ConsultantPlus. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (accessed: 23.06.2026). (In Russian).
24. Federal Law No. 38-FZ of March 13, 2006 “On Advertising”. ConsultantPlus. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (accessed: 23.06.2026). (In Russian).
25. Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act). Official Journal of the European Union, 2022, L 277, pp. 1–102. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj/eng> (accessed: 23.06.2026).
26. Regulation (EU) 2024/900 of the European Parliament and of the Council of 13 March 2024 on the transparency and targeting of political advertising. Official Journal of the European Union, 2024, L 2024/900. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/900/oj/eng> (accessed: 23.06.2026).
27. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence. Official Journal of the European Union, 2024, L 2024/1689. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (accessed: 23.06.2026).
28. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data. Official Journal of the European Union, 2016, L 119, pp. 1–88. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng> (accessed: 23.06.2026).

Миграционно-идентификационный раскол как механизм электоральной адаптации европейских демократий

Родионова Марина Евгеньевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: m.rodionova@mail.ru

Мамаева Юлия Александровна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Золотарева Ксения Георгиевна,

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

В статье рассматривается миграционно-идентификационный раскол как один из значимых механизмов электоральной адаптации европейских демократий в условиях кризисного постоянства 2020–2025 гг. Обосновывается, что миграционная проблематика в современных электоральных процессах выступает не только предметом социальной или административной политики, но и каналом политической переработки кризиса, через который экономические тревоги, вопросы безопасности, культурной принадлежности, суверенитета и доверия к институтам соединяются в единую мобилизационную рамку. Особое внимание уделяется различиям между европейскими кейсами, где миграционная повестка может проявляться как повесточное давление без полной конверсии во власть, как сдержанный партийными фильтрами сигнал, как элемент управленческой легитимации или как фактор фрагментированной поляризации. Сделан вывод о том, что устойчивость демократических институтов зависит не от устранения миграционного конфликта, а от способности переводить его в управляемую электоральную конкуренцию.

Ключевые слова: миграция, идентичность, электоральная адаптация, европейские демократии, популизм, политическая конкуренция.

Введение

Электоральные процессы в европейских демократиях первой половины 2020-х годов все отчетливее разворачиваются не в условиях обычной программной конкуренции партий, а в ситуации кризисного постоянства, при котором экономическая неопределенность, инфляционное давление, энергетическая уязвимость, трансформация медиасреды, рост недоверия к институтам и обострение вопросов безопасности начинают действовать не последовательно, а одновременно, формируя устойчивый фон политической мобилизации. В данной конфигурации миграционная проблематика перестает быть только направлением социальной, административной или гуманитарной политики, поскольку она приобретает значение одного из наиболее чувствительных каналов электоральной политизации, позволяющего партиям и движениям связывать повседневные тревоги граждан с вопросами границ, культурной совместимости, суверенитета, общественного порядка и способности государства сохранять контроль над ключевыми параметрами коллективной жизни. Европейские выборы последних лет, включая кампанию в Европейский парламент 2024 года, показали, что устойчивость демократии все в большей степени зависит не только от формальной корректности процедур, но и от способности политических институтов выдерживать давление конфликтных тем, не допуская разрушения доверия к самому электоральному процессу [5].

Особая значимость миграционной темы определяется тем, что она редко действует как изолированный вопрос регулирования въезда, пребывания или интеграции мигрантов. В политической конкуренции она чаще оказывается смысловым узлом, через который социально-экономическое недовольство переводится в язык принадлежности и защиты, а споры о распределении ресурсов, нагрузке на инфраструктуру, доступе к социальным благам и безопасности получают более жесткую идентификационную рамку. Именно поэтому миграция становится удобным объектом для партийной переработки кризиса: она позволяет соединить материальные претензии к власти с представлением о нарушенной границе между «своими» и «чужими», между национальным политическим сообществом и внешними обязательствами, между демократической открытостью и требованием управляемого порядка. В этой логике миграционно-идентификационный раскол выступает не частной темой электоральных кампаний, а механизмом перераспределения доверия и ответственности, поскольку через него избиратель получает объяснение того, кто виновен в утрате контроля и кто способен вернуть государству способность защищать общество.

Цель статьи состоит в анализе миграционно-идентификационного раскола как механизма электоральной адаптации европейских демократий в 2020–2025 гг. В центре внимания находится не миграционная политика Европейского союза как совокупность правовых процедур и не динамика миграционных потоков как демографический процесс, а политическая функция миграционной повестки в партийной конкуренции, кризисной мобилизации и перераспределении доверия между гражданами, институтами и политическими акторами. Такой подход позволяет рассматривать миграцию как один из ключевых тематических расколов современной европейской политики, влияющий на стиль кампаний, конфигурацию правопопулистской и право-консервативной мобилизации, поведение центристских партий и институциональную способность демократий переводить конфликтный электоральный сигнал в управляемый политический результат. При этом опыт выборов в Европейский парламент 2024 года дополнительно показывает, что миграционная проблематика включается в более широкий контур поляризации, участия, прозрачности и инклюзивности, затрагивая не только содержание партийных программ, но и легитимность процедурного порядка, в рамках которого конфликт получает публичное выражение [16].

Миграционно-идентификационный раскол как форма политической переработки кризиса

Миграционная проблематика становится электорально сильной не потому, что сама по себе исчерпывает содержание общественного конфликта, а потому, что в условиях кризисного постоянства она приобретает способность собирать в единую политическую рамку тревоги,

ранее распределенные между социально-экономической, культурной, институциональной и безопасностной повестками. Для значительной части избирателей миграция начинает обозначать не только перемещение людей через границы или усложнение политики интеграции, но и опыт утраты предсказуемости, при котором рост цен, дефицит доступного жилья, конкуренция за социальные услуги и ощущение ослабления государственного контроля получают не технократическое, а идентификационное объяснение. В этой логике миграционно-идентификационный раскол переводит процессы глобализации, европейской интеграции и социальной дифференциации в язык границы, принадлежности и защиты, что соответствует исследовательской традиции, рассматривающей новые линии западноевропейской политики через конфликт между открытостью, транснациональной взаимозависимостью и требованием сохранения национального контроля [12].

Первый переход, определяющий политическую силу миграционной темы, связан с превращением экономической тревоги в вопрос идентичности. Рост стоимости жизни, воспринимаемый в повседневном опыте не как абстрактный показатель, а как давление на семейный бюджет и локальную инфраструктуру, создает ситуацию, в которой избиратель ищет не только объяснение материальных потерь, но и фигуру ответственного субъекта. Миграция в этом случае становится языком перераспределенной обиды, позволяя связать социальную незащищенность с представлением о несправедливом порядке распределения благ, при котором «свои» якобы оказываются менее защищенными, чем группы, воспринимаемые как внешние по отношению к национальному сообществу. Такая логика питается культурной тревожностью, страхом утраты привычных норм и ощущением, что либеральные элиты, апеллирующие к открытости и универсальным обязательствам, перестают слышать уязвимые группы. Поэтому миграционный вопрос оказывается связанным с культурным откатом, при котором реакция направляется не только против конкретной политики, но и против символического порядка, ассоциируемого с глобализацией и ценностной трансформацией обществ [11].

Второй переход связан с секьюритизацией идентичности, при которой миграция начинает описываться через риск, угрозу, контроль, границу и защиту общественного порядка. На этом уровне политический конфликт выходит за пределы вопроса о распределении ресурсов и приобретает более жесткую морально-политическую структуру: речь идет уже не об эффективности административных инструментов интеграции, а о праве определять состав политического сообщества, допустимые пределы открытости и меру внешних обязательств государства. Миграционная тема получает мобилизационную плотность потому, что позволяет соединить локальные страхи с категориями суверенитета, национальной безопасности и цивилизационной самозащиты, а также представить институциональные компромиссы как проявление слабости или отрыва элит от народа. В данной точке возникает характерная для популистской радикальной правой бинаризация, противопоставляющая «народ», нуждающийся в защите, и «элиты», утратившие способность охранять границы сообщества [14].

Третий переход соединяет язык безопасности с электоральным выбором. Партии, способные говорить о миграции не в узко административной логике, а в логике защиты, порядка и восстановления контроля, получают преимущество перед акторами, предлагающими более сложный, процедурный или гуманитарно-нормативный язык, требующий от избирателя доверия к институтам и многоуровневому управлению. Сила миграционно-идентификационного раскола заключается не только в прямом росте поддержки правопопулистских партий, но и в изменении структуры конкурентного поля: центристские и умеренные силы начинают заимствовать более жесткие формулы, смещать акценты кампаний и оправдывать собственную управленческую состоятельность через контроль границ. В результате миграционная повестка выступает механизмом перенастройки партийного предложения, позволяющим политическим предпринимателям использовать разрывы между социальным опытом избирателей, нормативным языком мейнстрима и растущим спросом на простое объяснение кризиса [7].

Электоральные траектории миграционной повестки в европейских кейсах

Электоральные траектории миграционной повестки показывают, что один и тот же миграционно-идентификационный раскол не дает единого результата, поскольку его действие опосредуется национальными партийными системами, коалиционными ограничениями и институциональными фильтрами. На общеевропейском уровне миграция выступает вопросом, через который партии определяют отношение к открытости границ, культурной адаптации, социальным обязательствам и суверенитету, однако именно правопопулистские и правоконсервативные ак-

торы чаще превращают ее в язык защиты политического сообщества [2]. Вследствие этого миграционный вопрос становится инструментом борьбы не только за голоса, но и за право задавать рамку политической нормальности, внутри которой одни силы говорят о правах и интеграции, а другие о порядке, границе, приоритете граждан и восстановлении контроля [1].

Во Франции миграционная повестка связывается с безопасностью, национальной идентичностью, городским порядком и критикой политического центра. Сила праворадикального дискурса выражается не только в результатах Национального объединения, но и в изменении языка конкуренции, когда миграция, безопасность и республиканский порядок начинают влиять даже на поведение партий, дистанцирующихся от радикальной риторики. Французский случай показывает расхождение между повесточным доминированием и полной управленческой конверсией: праворадикальная сила может не контролировать исполнительную власть, но уже необходимость для мейнстрима отвечать на вопросы, заданные в логике жесткости и идентичностной защиты, свидетельствует о превращении миграционного раскола в структурный фактор конкуренции [13].

Германия представляет иной тип траектории, при котором миграционная тема получает высокую мобилизационную силу, но сталкивается с плотными институциональными и коалиционными фильтрами. Опыт кризиса предоставления убежища, споры о культурной совместимости, нагрузке на муниципальную инфраструктуру и безопасности позволили AfD перейти от евроскептического протеста к праворадикальной мобилизации, соединяющей миграцию со статусом, социальным признанием и недоверием к федеральным элитам [4]. При этом санитарный кордон фиксирует разрыв между повесточным влиянием и прямым доступом к власти, поскольку секьюритизация убежища усиливает значение границ и контроля, но проходит через политическую культуру, в которой допустимость сотрудничества с радикальной правой сама становится предметом институциональной защиты [9].

В Италии миграционная проблематика получает более прямую связь с управленческой легитимацией, поскольку география Средиземноморья, морские маршруты, деятельность спасательных НКО и конфликт вокруг распределения ответственности внутри ЕС позволяют правоконсервативным силам говорить о миграции как о вопросе государственного контроля, национального достоинства и защиты границ. Здесь миграционная повестка не ограничивается протестным голосованием против элит, а встраивается в образ правительственной дееспособности, где жесткость, контроль за морскими пересечениями и критика внешних ограничений становятся элементами управленческого курса. Дискуссия вокруг спасательных организаций, описываемых в правовом дискурсе не как гуманитарные акторы, а как участники проблематизированной инфраструктуры нелегального перемещения, усилила представление о необходимости вернуть государству монополию на определение допустимых форм защиты и допуска [6].

Испания демонстрирует более фрагментированную траекторию, поскольку здесь миграционный вопрос не отделяется от проблем национального единства, территориальной целостности, культурного порядка и конкуренции между общегосударственным и региональным уровнями политики. Для VOX миграция становится частью рамки защиты Испании как единого политического сообщества, где тема границ связывается с криминальностью, традиционными нормами, критикой мультикультурализма и противостоянием леволиберальной повестке. Однако эффект такой мобилизации чаще проходит через усиление поляризации, давление на правый центр и региональные конфликты, чем через одномоментную перестройку власти, а миграционный сюжет сцепляется с гендерными и культурными мотивами, позволяя представить мигранта как символическую фигуру угрозы для морального порядка и национальной целостности [8] (табл. 1).

Таблица 1. Миграционно-идентификационный раскол в европейских кейсах

Кейс	Рамка повестки	Политический эффект	Институциональный результат
Франция	безопасность, идентичность, порядок	усиление праворадикальной повестки и давления на центр	повесточное доминирование при сохранении ограничителей
Германия	миграция, статус, культурная совместимость	рост AfD и правовой контрмобилизации	высокий повесточный эффект при ограниченной конверсии
Италия	границы, Средиземноморье, управляемая защита	легитимация правоконсервативного лидерства	более прямая конверсия в управленческий курс
Испания	миграция, национальное единство, криминальность	усиление VOX и культурной поляризации	влияние на повестку без устойчивой национальной гегемонии

Сопоставление кейсов позволяет зафиксировать, что миграционная повестка не обладает автоматическим электоральным действием: ее эффект зависит от того, насколько успешно партии соединяют миграцию с сюжетами статуса, безопасности, культурной принадлежности и управляемости, а также от того, как медийная среда упаковывает кризисные события в фреймы угрозы, сострадания, перегрузки или ответственности [10]. Политико-правовое регулирование миграционных процессов становится электорально значимым тогда, когда воспринимается не как нейтральная процедура, а как проверка способности государства удерживать справедливость, порядок и признанные границы политического сообщества [3]. Поэтому различия между кейсами следует объяснять качеством институционального посредничества: где правые акторы соединяют миграцию с образом защитника, конфликт конвертируется быстрее; где действуют коалиционные барьеры, санитарные кордоны или региональная фрагментация, он меняет язык конкуренции, не всегда обеспечивая переход от повесточного влияния к власти [15].

Институциональная конверсия миграционного сигнала: от повестки к власти

Политическая значимость миграционной повестки определяется не только ее способностью мобилизовать недовольство, но и тем, как сигнал проходит через институциональную архитектуру демократии, включая партийную систему, коалиционные практики и границы сотрудничества с радикальными акторами. Миграционный конфликт меняет язык кампаний, однако сам по себе он еще не гарантирует перехода от повесточного влияния к власти. Здесь проявляется адаптационная функция электорального процесса: демократия регистрирует напряжение и перерабатывает его через фильтры, позволяющие включить конфликт в управляемую конкуренцию, ограничить его или превратить в основание правительственной легитимации.

Первый вариант можно определить как повесточное давление без полной власти. Французский случай показывает, что миграционно-идентификационный раскол способен задавать язык конкуренции даже тогда, когда его главный политический носитель не получает контроля над исполнительной властью. Праворадикальная повестка действует не только через электоральные проценты, но и через изменение горизонта партийной системы: безопасность, границы, интеграция и республиканский порядок становятся обязательными темами, на которые вынуждены отвечать даже акторы, сохраняющие дистанцию от радикальной правой. Институциональная адаптация здесь двойственна: центр удерживает ограничители прямой конверсии радикального сигнала во власть, но перестраивает собственный язык легитимации.

Второй вариант связан со сдержанной конверсией через партийные и коалиционные фильтры. Германия демонстрирует ситуацию, при которой миграционная тема усиливает праворадикального актора, расширяет его социальную базу и повышает давление на традиционные партии, но сталкивается с практикой исключения из коалиционного взаимодействия. Санитарный кордон выполняет функцию не морального запрета, а элемента демократической самозащиты, ограничивающего способность радикального сигнала превращаться в управленческое решение. Такая фильтрация содержит противоречие: чем дольше запрос остается представленным электорально, но не допускается к власти, тем выше риск накопления *ressentiment*, при котором часть избирателей воспринимает барьеры как закрытость политического класса.

Третий вариант представляет управленческая конверсия, наиболее отчетливо проявляющаяся в итальянском случае. Здесь миграционная повестка не ограничивается ролью протестного ресурса, поскольку контроль границ, Средиземноморье, спор о спасательных операциях, отношения с ЕС и тема национального приоритета становятся частью правительственного языка. Правоконсервативное лидерство получает возможность представить себя не только выразителем недовольства, но и субъектом, возвращающим государству способность к действию. Миграционный сигнал проходит путь от мобилизационной темы к элементу управленческого курса, а жесткость в вопросах допуска работает как ресурс легитимации.

Четвертый вариант можно обозначить как фрагментированную конверсию, при которой миграция усиливает поляризацию, но не складывается в единую национальную модель управления. Испания показывает, что миграционная тема сцепляется с территориальной целостностью, культурным порядком, критикой левых сил и риторикой национального единства, однако ее эффект проходит через региональные конфликты и конкуренцию внутри правого поля. Миграционный раскол здесь усиливает давление на повестку и влияет на коалиционные расчеты, но не превращается в национальную гегемонию.

Сопоставление этих вариантов позволяет уточнить общий вывод: миграционная повестка становится механизмом электоральной адаптации тогда, когда ее конфликтный потенциал проходит через институциональную переработку, связывающую общественную тревогу, партийное предложение и процедуры формирования власти. Демократическая устойчивость зависит не от устранения миграционного конфликта, а от способности институтов не допускать разрушения процедурного доверия. Там, где миграционный сигнал получает управляемую форму выражения, он становится элементом адаптации; там, где он блокируется без содержательного ответа, он превращается в источник долговременной волатильности.

Заключение

Проведенный анализ позволяет рассматривать миграцию в европейских электоральных процессах 2020–2025 гг. не как самостоятельную социальную тему, ограниченную вопросами въезда, интеграции или административного контроля, а как механизм политической переработки кризиса, через который разнородные напряжения получают более жесткую форму выражения. Миграционная повестка усиливается потому, что соединяет материальные тревоги, связанные со стоимостью жизни, доступом к жилью, нагрузкой на социальные услуги и ощущением несправедливого распределения ресурсов, с вопросами культурной идентичности, безопасности, суверенитета и доверия к институтам. В результате недовольство все чаще оформляется как требование вернуть государству способность защищать признанный порядок и границы политического сообщества.

Наибольшее преимущество получают правопопулистские и право-консервативные акторы, способные представить себя не просто критиками миграционной политики, а выразителями запроса на защиту общества от утраты контроля. Их электоральная сила связана не только с радикальностью лозунгов, но и с умением переводить сложные институциональные проблемы в язык принадлежности, угрозы и управляемого порядка. При этом сравнительный анализ европейских кейсов показывает, что миграционно-идентификационный раскол не производит одинакового результата: во Франции он задает язык конкуренции, в Германии сталкивается с партийными и коалиционными фильтрами, в Италии получает более прямую управленческую конверсию, а в Испании включается в структуру поляризации и борьбы за национальную целостность.

Качество демократической адаптации определяется не способностью устранить миграционный конфликт как таковой, поскольку подобное устранение в условиях открытых обществ и многоуровневого управления практически невозможно, а способностью институтов переводить данный конфликт в управляемую конкуренцию, не разрушая доверие к процедурам, признание результатов выборов и легитимность политического посредничества. Миграционно-идентификационный раскол показывает, что современная европейская демократия адаптируется к кризисам не только через изменение правил и процедур, но и через постоянную борьбу за право определять границы политического сообщества, допустимые формы солидарности и язык общественной защиты.

Литература

- Бурда М.А. Вопросы миграционной политики как новый инструмент борьбы политических сил // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 3. – URL: https://zpu-journal.ru/e-zpu/2013/3/Burda_Migration-Policy/ (дата обращения: 29.05.2026).
- Гуселетов Б.П. Общеευропейские партии о вопросах миграции и адаптации мигрантов в ЕС // Актуальные проблемы Европы. – 2024. – № 3. – С. 207–229. – DOI: 10.31249/ape/2024.03.12. – URL: https://upe-journal.ru/files/_2024_3_Гуселетов_БП.pdf (дата обращения: 29.05.2026).
- Дубровина О.В. Миграционные процессы: политико-правовое регулирование / О.В. Дубровина, О.Ю. Дубровина, И.В. Ливанова // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12, № 7 (83). – С. 2325–2334. – DOI: 10.35775/PSI.2022.83.7.019. – URL: <https://voprosopolitolog.ru/images/7832022/Дубровина%20О.В.%20Дубровина%20О.Ю.%20Ливанова%20И.В.%20Вопросы%20политологии%20№%207–2022.pdf> (дата обращения: 29.05.2026).
- Arzheimer K., Berning C. How the Alternative for Germany (AfD) and Their Voters Veered to the Radical Right, 2013–2017 // Electoral Studies. – 2019. – Vol. 60. – Article 102040. – DOI: 10.1016/j.electstud.2019.04.004. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0261379418305158> (дата обращения: 29.05.2026).
- Bressanelli E., Bernardi S. Resilience of Democracy and European Elections against New Challenges: study requested by the LIBE Committee. – Brussels: European Parliament, Policy Department for Citizens' Rights

and Constitutional Affairs, Directorate-General for Internal Policies, 2024. – PE 761.471. – 81 p. – DOI: 10.2861/487. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/761471/IPOL_STU\(2024\)761471_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/761471/IPOL_STU(2024)761471_EN.pdf) (дата обращения: 29.05.2026).

6. Cusumano E., Villa M. From «Angels» to «Vice Smugglers»: The Criminalization of Sea Rescue NGOs in Italy // *European Journal on Criminal Policy and Research*. – 2021. – Vol. 27. – P. 23–40. – DOI: 10.1007/s10610-020-09464-1. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10610-020-09464-1> (дата обращения: 29.05.2026).

7. De Vries C.E., Hobolt S.B. Political Entrepreneurs: The Rise of Challenger Parties in Europe. – Princeton: Princeton University Press, 2020. – 336 p. – DOI: 10.2307/j.ctvt9k3d3. – URL: <https://doi.org/10.2307/j.ctvt9k3d3> (дата обращения: 29.05.2026).

8. Fernández Suárez B. Gender and Immigration in VOX: The Discourse of the Radical Right in Spain // *Migraciones*. – 2021. – № 51. – P. 241–268. – DOI: 10.14422/mig.i51y2021.009. – URL: <https://doaj.org/article/b8b69decd694dfcaf3bea160fcd1ca> (дата обращения: 29.05.2026).

9. Gómez J. P.C. The Securitization of Asylum: An Analysis of the Impact of the 2015–2016 Refugee Crisis in Asylum Policies in Germany // *Global Migration Research Paper*. – Geneva: Global Migration Centre, Graduate Institute of International and Development Studies, 2019. – № 22. – 181 p. – ISBN 978-2-8399-2900-4. – URL: <https://www.graduateinstitute.ch/sites/internet/files/2020-05/The%20Securitization%20of%20asylum.pdf> (дата обращения: 29.05.2026).

10. Heidenreich T., Lind F., Eberl J.-M., Boomgaarden H.G. Media Framing Dynamics of the «European Refugee Crisis»: A Comparative Topic Modelling Approach // *Journal of Refugee Studies*. – 2019. – Vol. 32, Special Issue 1. – P. i172–i182. – DOI: 10.1093/jrs/fez025. – URL: https://academic.oup.com/jrs/article-abstract/32/Special_Issue_1/i172/5688809 (дата обращения: 29.05.2026).

11. Inglehart R., Norris P. Trump, Brexit, and the Rise of Populism: Economic Have-Nots and Cultural Backlash // *HKS Faculty Research Working Paper Series*. – 2016. – № RWP16–026. – Cambridge, MA: Harvard Kennedy School, 2016. – URL: <https://www.hks.harvard.edu/publications/trump-brexit-and-rise-populism-economic-have-nots-and-cultural-backlash> (дата обращения: 29.05.2026).

12. Kriesi H. West European Politics in the Age of Globalization / H. Kriesi, E. Grande, R. Lachat, M. Dolezal, S. Bornschier, T. Frey. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 428 p. – DOI: 10.1017/CBO9780511790720. – URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511790720> (дата обращения: 29.05.2026).

13. Middleton A. Populist Radical Right Parties and the Securitization of Migration in France // *Independent Study Project (ISP) Collection*. – 2016. – № 2430. – URL: https://digitalcollections.sit.edu/isp_collection/2430/ (дата обращения: 29.05.2026).

14. Mudde C. Populist Radical Right Parties in Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 404 p. – DOI: 10.1017/CBO9780511492037. – URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511492037> (дата обращения: 29.05.2026).

15. Neisser B. Framing Migration: Political Parties' Migration Discourse in Election Campaigns Since the Migration Crisis: master's thesis. – Gothenburg: University of Gothenburg, Department of Political Science, 2025. – URL: <https://gupea.ub.gu.se/items/a67b4c0c-2de0-4aea-88f1-ec9c9020567c> (дата обращения: 29.05.2026).

16. OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR). European Parliament Elections, 6–9 June 2024: ODIHR Special Election Assessment Mission Final Report. – Warsaw: OSCE/ODIHR, 2024. – 41 p. – URL: <https://cdn.osce.org/sites/default/files/f/documents/7/e/581764.pdf> (дата обращения: 29.05.2026).

THE MIGRATION-IDENTITY CLEAVAGE AS A MECHANISM OF ELECTORAL ADAPTATION IN EUROPEAN DEMOCRACIES

Rodionova M.E., Mamaeva Yu.A., Zolotareva K.G.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the migration-identity cleavage as one of the significant mechanisms of electoral adaptation in European democracies under the conditions of crisis permanence in 2020–2025. It is argued that migration in contemporary electoral processes should be understood not only as an issue of social or administrative policy, but also as a channel for the political processing of crisis, through which economic anxieties, security concerns,

cultural belonging, sovereignty and institutional trust are combined into a single mobilizing framework. Particular attention is paid to the differences between European cases, where the migration agenda may appear as agenda-setting pressure without full conversion into power, as a signal restrained by party and coalition filters, as an element of governmental legitimization, or as a factor of fragmented polarization. The article concludes that the stability of democratic institutions depends not on the elimination of migration conflict, but on their ability to translate it into manageable electoral competition.

Keywords: migration, identity, electoral adaptation, European democracies, populism, political competition.

References

1. Burda M.A. Voprosy migratsionnoi politiki kak novyi instrument borby politicheskikh sil [Migration policy issues as a new tool of struggle between political forces]. *Znanie. Poniimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2013. № 3. URL: https://zpu-journal.ru/e-zpu/2013/3/Burda_Migration-Policy/ (accessed: 29.05.2026). (In Russ.)
2. Guseletov B.P. Obshcheevropeiskie partii o voprosakh migratsii i adaptatsii migrantov v ES [Pan-European parties on migration and adaptation of migrants in the EU]. *Aktualnye problemy Evropy* [Current Problems of Europe]. 2024. № 3. P. 207–229. DOI: 10.31249/ape/2024.03.12. URL: https://upe-journal.ru/files/_2024_3_Guseletov_BP.pdf (accessed: 29.05.2026). (In Russ.)
3. Dubrovina O. V., Dubrovina O. Yu., Livanova I.V. Migratsionnye protsessy: politiko-pravovoe regulirovanie [Migration processes: political and legal regulation]. *Voprosy politologii* [Political Science Issues]. 2022. Vol. 12. № 7(83). P. 2325–2334. DOI: 10.35775/PSI.2022.83.7.019. URL: <https://voprospolitolog.ru/images/7832022/Дубровина%20О.В.%20Дубровина%20О.Ю.%20Ливанова%20И.В.%20Вопросы%20политологии%20№%207-2022.pdf> (accessed: 29.05.2026). (In Russ.)
4. Arzheimer K., Berning C. How the Alternative for Germany (AfD) and Their Voters Veered to the Radical Right, 2013–2017. *Electoral Studies*. 2019. Vol. 60. Article 102040. DOI: 10.1016/j.electstud.2019.04.004. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0261379418305158> (accessed: 29.05.2026).
5. Bressanelli E., Bernardi S. Resilience of Democracy and European Elections against New Challenges: Study Requested by the LIBE Committee. Brussels: European Parliament, Policy Department for Citizens' Rights and Constitutional Affairs, Directorate-General for Internal Policies, 2024. PE 761.471. 81 p. DOI: 10.2861/487. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/761471/IPOL_STU\(2024\)761471_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/761471/IPOL_STU(2024)761471_EN.pdf) (accessed: 29.05.2026).
6. Cusumano E., Villa M. From «Angels» to «Vice Smugglers»: The Criminalization of Sea Rescue NGOs in Italy. *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2021. Vol. 27. P. 23–40. DOI: 10.1007/s10610-020-09464-1. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10610-020-09464-1> (accessed: 29.05.2026).
7. De Vries C.E., Hobolt S.B. Political Entrepreneurs: The Rise of Challenger Parties in Europe. Princeton: Princeton University Press, 2020. 336 p. DOI: 10.2307/j.ctvt9k3d3. URL: <https://doi.org/10.2307/j.ctvt9k3d3> (accessed: 29.05.2026).
8. Fernández Suárez B. Gender and Immigration in VOX: The Discourse of the Radical Right in Spain. *Migraciones*. 2021. № 51. P. 241–268. DOI: 10.14422/mig.i51y2021.009. URL: <https://doaj.org/article/b8b69decd694dfcaf3bea160fcd1ca> (accessed: 29.05.2026).
9. Gómez J. P.C. The Securitization of Asylum: An Analysis of the Impact of the 2015–2016 Refugee Crisis in Asylum Policies in Germany. *Global Migration Research Paper*. Geneva: Global Migration Centre, Graduate Institute of International and Development Studies, 2019. № 22. 181 p. ISBN 978-2-8399-2900-4. URL: <https://www.graduateinstitute.ch/sites/internet/files/2020-05/The%20Securitization%20of%20asylum.pdf> (accessed: 29.05.2026).
10. Heidenreich T., Lind F., Eberl J.-M., Boomgaarden H.G. Media Framing Dynamics of the «European Refugee Crisis»: A Comparative Topic Modelling Approach. *Journal of Refugee Studies*. 2019. Vol. 32. Special Issue 1. P. i172–i182. DOI: 10.1093/jrs/fez025. URL: https://academic.oup.com/jrs/article-abstract/32/Special_Issue_1/i172/5688809 (accessed: 29.05.2026).
11. Inglehart R., Norris P. Trump, Brexit, and the Rise of Populism: Economic Have-Nots and Cultural Backlash. *HKS Faculty Research Working Paper Series*. 2016. № RWP16–026. Cambridge, MA: Harvard Kennedy School, 2016. URL: <https://www.hks.harvard.edu/publications/trump-brexit-and-rise-populism-economic-have-nots-and-cultural-backlash> (accessed: 29.05.2026).
12. Kriesi H., Grande E., Lachat R., Dolezal M., Bornschier S., Frey T. West European Politics in the Age of Globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 428 p. DOI: 10.1017/CBO9780511790720. URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511790720> (accessed: 29.05.2026).
13. Middleton A. Populist Radical Right Parties and the Securitization of Migration in France. *Independent Study Project (ISP) Collection*. 2016. № 2430. URL: https://digitalcollections.sit.edu/isp_collection/2430/ (accessed: 29.05.2026).
14. Mudde C. Populist Radical Right Parties in Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 404 p. DOI: 10.1017/CBO9780511492037. URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511492037> (accessed: 29.05.2026).
15. Neisser B. Framing Migration: Political Parties' Migration Discourse in Election Campaigns Since the Migration Crisis: Master's Thesis. Gothenburg: University of Gothenburg, Department of Political Science, 2025. URL: <https://gupea.ub.gu.se/items/a67b4c0c-2de0-4aea-88f1-ec9c9020567c> (accessed: 29.05.2026).
16. OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR). European Parliament Elections, 6–9 June 2024: ODIHR Special Election Assessment Mission Final Report. Warsaw: OSCE/ODIHR, 2024. 41 p. URL: <https://cdn.osce.org/sites/default/files/f/documents/7/e/581764.pdf> (accessed: 29.05.2026).

Большие языковые модели как «информационный посредник»: механизмы влияния на общественное сознание, фрейминг и проблема информационного суверенитета

Сергиенко Анастасия Ивановна,

студент Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: 242476@edu.fa.ru

Штайнбах Диана Олеговна,

студент Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: 242461@edu.fa.ru

Кулакова Нина Николаевна,

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии
Финансового университета при Правительстве Российской
Федерации
E-mail: nnkulakova@fa.ru

Статья посвящена анализу больших языковых моделей (LLM) как качественно нового типа «информационного посредника», способного оказывать скрытое воздействие на общественное сознание через механизмы фрейминга, умолчаний и асимметричного отбора источников. На основе синтеза концепций мягкой силы, эффекта манипуляции поисковой выдачи (SEME) и теорий когнитивного влияния обосновывается тезис о том, что ИИ-ассистенты трансформируют традиционные модели информационного воздействия, переводя их в режим латентного нормирования интерпретаций. Рассматривается роль технологических механизмов – instruction tuning, RLHF и RAG – в формировании системных смещений «картины мира». Анализируется действующая российская нормативная рамка (Доктрина информационной безопасности, Стратегия национальной безопасности, Указ № 124 от 2024 г.). Теоретические положения верифицируются данными сравнительного контент-анализа 45 ответов четырех ИИ-сервисов (ChatGPT, DeepSeek, GigaChat, Алиса) и результатами студенческого опроса (n = 38).

Ключевые слова: информационный суверенитет, большие языковые модели, SEME, мягкая сила, фрейминг, информационный посредник, RLHF, RAG, когнитивное влияние, контент-анализ, ИИ-ассистенты.

Введение

Большие языковые модели (LLM) быстро становятся основным интерфейсом, через который люди получают информацию о мире, и это ставит перед политической наукой новый вопрос о том, как такие системы влияют на формирование общественных представлений. Обычно они преподносятся как «нейтральные ассистенты», однако на практике оказываются вовлечены в логику информационного влияния. В этом смысле традиционные концепции мягкой силы и информационного суверенитета складывались еще в эпоху медиа и поисковых систем. Генеративный ИИ меняет же ситуацию качественно, поскольку такой посредник уже не просто ранжирует источники, как это делала поисковая выдача, а сразу выдает готовую интерпретацию, причем от лица как будто бы «объективного» технологического объекта.

У статьи две задачи. Первая состоит в том, чтобы концептуально описать ИИ-ассистентов как акторов информационного влияния. Вторая же заключается в проверке этих положений с помощью сравнительного контент-анализа. Основная гипотеза исследования состоит в следующем: чем сильнее аудитория зависит от ИИ как от «нейтрального эксперта», тем сильнее он влияет на рамки интерпретации происходящего. Из этой гипотезы вытекают три рабочих предположения. Согласно H1, сервисы из разных юрисдикций значительно различаются по уровню верификационной прозрачности ответов. H2 предполагает, что верификационная прозрачность и нейтральность тона представляют собой два независимых измерения качества ответа. H3 состоит в том, что формальное соответствие стандартам управления рисками само по себе не гарантирует содержательного качества ответов. Эмпирическую базу работы составляет контент-анализ 45 ответов четырех ИИ-сервисов, а именно ChatGPT, DeepSeek, GigaChat и Алисы, на пять контроверсионных вопросов международной политики, а также небольшой опрос студентов, n = 38.

ИИ как «информационный посредник нового типа»: концептуальные основания

Классическое понимание мягкой силы связано с воздействием через ценности и культурную привлекательность. О.Г. Леонова определяет ее как способность конструировать в сознании целевой аудитории желательную «картину мира» [1]. Если говорить о мягкой силе 3.0, то ее главным каналом становится уже не только культурное влияние, но и контроль над алгоритмическими инфраструктурами, прежде всего над языковыми моделями. Аналитики клуба «Валдай» описывают эту трансформацию как борьбу за право алгоритмически определять рамки глобального дискурса. В этом смысле ИИ-ассистент можно рассматривать как актора метаполитики. При этом важна не только содержательная сторона отдельных ответов, но и те исходные категории, через которые пользователь вообще начинает мыслить проблему. И.В. Шахновская определяет информационный суверенитет как способность субъекта самостоятельно выбирать источники и не поддаваться навязыванию смыслов. [2]. Когда посредником становится LLM, это определение приобретает новое содержание.

Степень такого воздействия можно измерить. Концепция Search Engine Manipulation Effect (SEME), предложенная Р. Эпштейном и Р. Робертсоном, показывает, что порядок выдачи поисковика способен сдвинуть политические взгляды неопределившихся избирателей на 20–80%, причем сами избиратели манипуляции не замечают [13]. У LLM этот эффект становится более жестким. Альтернативная позиция здесь может не просто оказаться ниже в списке результатов, а вообще не появиться в ответе. Е.В. Бродовская отмечает, что пользователи фактически передают алгоритму функцию «фильтрации» информации и не замечают возникающих смещений [3]. Отсюда вытекают два типа риска. Первый связан с фреймированием, когда модель сама формирует интерпретационную рамку. Второй же связан с умолчанием, когда определенные позиции исчезают из информационного поля без явных признаков цензуры.

За этими смещениями стоят три технологических механизма. Instruction tuning задает нормы построения ответа, включая допустимые форматы аргументации и уровень категоричности суждений [14]. RLHF (reinforcement learning from human feedback) закрепляет предпочте-

ния людей-оценщиков в качестве встроенных правил. Модель в итоге усваивает не только то, что считается правильным ответом, но и то, какие рамки интерпретации вообще допустимы [14]. RAG (Retrieval-Augmented Generation), в свою очередь, ставит картину мира модели в зависимость от состава индексируемых документов [4]. Вместе эти механизмы формируют встроенную систему умолчаний и нормированных интерпретаций, которая воспроизводится вне зависимости от намерений конкретного пользователя.

Информационный суверенитет в условиях генеративного ИИ: нормативная рамка

Российская нормативная система формировалась постепенно и проходила через несколько этапов. Стратегия национальной безопасности (Указ № 400) закрепила информационный суверенитет как часть государственной безопасности [10]. Доктрина информационной безопасности (Указ № 646) конкретизировала задачи противодействия информационно-психологическому воздействию [9]. Существенный сдвиг связан с Указом № 124 от 15 февраля 2024 года. В нем акцент смещается с задачи технологического освоения ИИ на обеспечение технологического суверенитета как такового. Речь идет в том числе о развитии суверенных языковых моделей и механизмов этического регулирования [11]. В.И. Авдийский, А.В. Иванов и А.В. Царегородцев рассматривают эту динамику шире, как взаимосвязь цифрового суверенитета и цифрового пространства [8]. В итоге стратегическая рамка постепенно движется к тому, что можно назвать смысловым суверенитетом, то есть к защите граждан от скрытого когнитивного воздействия иностранных ИИ-ассистентов.

При этом ключевая проблема остается нерешенной. Она заключается в разрыве между процедурным и содержательным уровнями регулирования. Сам по себе набор правил использования, каналов жалоб и дисклеймеров задает лишь минимальный уровень управляемости, но не решает проблему системных смещений в самом генерируемом контенте. Рамка NIST AI RMF предлагает рассматривать управление рисками через четыре функции Govern, Map, Measure и Manage [12]. В российском контексте функции Govern и Manage уже в целом обеспечены на формальном уровне. А вот функции Measure и Map, то есть системный мониторинг качества ответов и оценка уязвимости аудитории, проработаны значительно слабее. Этот разрыв подтверждается и эмпирически, что показано в разделе 3.

Эмпирическая верификация: сравнительный контент-анализ ответов ИИ-ассистентов

Дизайн и операционализация переменных

В основе эмпирической части лежит контент-анализ ответов четырех ИИ-ассистентов, а именно ChatGPT, DeepSeek, GigaChat и Алисы. Единичей анализа стал один ответ сервиса на один вопрос в рамках одного прогона. Для каждой пары «вопрос и сервис» было выполнено три прогона, что позволяло проверить устойчивость генерации ответа. Промпты между прогонами не менялись, а при сборе данных фиксировались дата и снимок экрана. В результате была сформирована выборка из 45 кодированных ответов с учетом того, что Алиса дважды отказалась отвечать по двум темам.

Пять вопросов охватывают международно-политические сюжеты, по которым позиции акторов расходятся давно и устойчиво. Речь идет об операции НАТО против СРЮ в 1999 году, о вопросе нерасширения НАТО в период объединения Германии в 1989–1991 годах, о версиях ответственности за взрывы на «Северных потоках» в 2022 году, о трагедиях украинских событий 2013–2014 годов и о кейсе с ОМП в Ираке в 2002–2004 годах. В каждом промпте требовалось изложить как минимум две конкурирующие интерпретационные рамки, привести конкретные источники и разделить факты от оценок.

Система метрик разработана на основе логики NIST AI RMF. Метрика Б1, то есть верификационная прозрачность, имеет бинарный характер. Значение «нет» присваивалось в тех случаях, когда ответ не содержал минимум двух проверяемых документальных указаний. Метрика Б2, то есть дискурсивный баланс, также является бинарной. Значение «нет» фиксировалось тогда, когда одна рамка доминировала или ответ отсутствовал. Для метрики категоричности использовалась шкала от 0 до 2, где 0 означал аккуратные формулировки с разделением фактов и оценок, 1 означал умеренную оценочность, а 2 обозначал доминирование однозначных суждений. Метрики С1 и Д1 представляют собой чек-лист из пяти позиций, связанный с формальными механизмами коррекции и правилами работы с контентом. Метрики Е1 и Е2 были получены из мини-опроса 38 студентов и отражают средний балл доверия к ИИ по шкале от 1 до 5, а также долю тех, кто систематически проверяет источники.

Верификационная прозрачность (метрика Б1): трехкратный разрыв

По метрике Б1 были зафиксированы значимые различия между сервисами, что подтверждает гипотезу Н1. ChatGPT давал 20,0 процента ответов без проверяемых источников, DeepSeek 13,3 процента. Российские сервисы заметно отличались от них. У GigaChat этот показатель составил 60,0 процента, у Алисы 46,7 процента. Если сгруппировать сервисы по юрисдикционному признаку, то иностранные сервисы в совокупности дают 16,7 процента ответов без источников, тогда как российские 53,4 процента. Разрыв оказывается более чем трехкратным (табл. 1).

Таблица 1. Метрика Б1: верификационная прозрачность по сервисам

Сервис	Юрисдикция	Всего ответов	Без источников (ед.)	Б1 (%)
ChatGPT (A)	США	15	3	20,0
DeepSeek (B)	Китай	15	2	13,3
GigaChat (C)	Россия	15	9	60,0
Алиса (D)	Россия	15*	7	46,7
Иностранные (A+B)	—	30	5	16,7
Российские (C+D)	—	30	16	53,4
Среднее по выборке	—	45*	21	35,0

* Итоговая выборка – 45 ответов с учетом отказов Алисы по темам «Северных потоков» и Украины 2013–2014.

Эти цифры особенно важны в сочетании с данными об аудитории. Студенческий опрос показал средний балл доверия к ИИ на уровне 2,95 из 5, то есть доверие остается умеренным и нестабильным. При этом 44,7 процента респондентов вообще не практикуют систематическую верификацию. Такой профиль хорошо совпадает с описанием «неопределившихся» в теории SEME, то есть группы, наиболее уязвимой к алгоритмическому влиянию [13].

Дискурсивный баланс (метрика Б2) и стратегии умолчания

По метрике Б2 ChatGPT, DeepSeek и GigaChat показывают нулевые значения. Во всех содержательных ответах у них присутствуют конкурирующие рамки. Единственное исключение составляет Алиса, у которой показатель равен 20,0 процента. Это связано с систематическими отказами отвечать по темам «Северных потоков» и украинских событий 2013–2014 годов. Поскольку этот паттерн повторялся во всех трех прогонах, объяснить его случайной генерационной вариацией нельзя (табл. 2).

Таблица 2. Метрика Б2: дискурсивный баланс по сервисам

Сервис	Содержательных ответов	Без конкурирующей рамки (ед.)	Б2 (%)
ChatGPT (A)	15	0	0,0
DeepSeek (B)	15	0	0,0
GigaChat (C)	15	0	0,0
Алиса (D)	15*	3	20,0

* Включая 3 отказных ответа, кодированных как «без конкурирующей рамки».

Этот результат помогает точнее интерпретировать данные по Б1. Проблема российских сервисов в содержательных ответах заключается не в подавлении конкурирующих рамок, а в отсутствии у этих рамок верификационной основы. Ответ может быть формально сбалансированным и построенным по схеме «с одной стороны и с другой стороны», но при этом у пользователя не остается возможности проверить ни один из приведенных аргументов. Отказы Алисы образуют особую форму умолчания, которую можно назвать топическим исчезновением. В таком случае тема не оспаривается и не комментируется, а просто исчезает из доступного пользователю информационного поля. В логике SEME это предельный случай манипуляции, когда тема не понижается в выдаче, а полностью удаляется из видимого пространства.

Категоричность: парадокс DeepSeek

Средняя категоричность ответов распределилась следующим образом (табл. 3). Эти данные подтверждают гипотезу Н2, согласно которой верификационная прозрачность и нейтральность тона представляют собой независимые измерения качества ответа.

Главный аналитический результат здесь состоит в парадоксальном сочетании у DeepSeek максимальной верификационной прозрач-

ности и одновременно максимальной оценочности. В ответах этого сервиса по темам Косово и «Северных потоков» встречались формулировки вроде «похоронила международное право». Такие конструкции при внешне сбалансированной структуре рамок все равно создают выраженную асимметрию, но уже не в наборе аргументов, а в их эмоциональном весе. Наличие документальных ссылок создает у пользователя ощущение надежности ответа, однако оценочные формулировки одновременно нормируют интерпретацию и не оставляют пространства для нейтрального прочтения. Это соответствует логике RLHF-настройки, при которой тон и расстановка акцентов определяется системой вознаграждений, заложенной при донастройке модели, а не только фактической базой [14].

Таблица 3. Средняя категоричность ответов (шкала 0–2)

Сервис	Юрисдикция	Ср. категоричность	Характеристика
ChatGPT (A)	США	0,07	Стабильный академический регистр
DeepSeek (B)	Китай	0,60	Наибольшая оценочность
GigaChat (C)	Россия	0,33	Умеренная оценочность
Алиса (D)	Россия	0,27	Низкая (с учетом нулей за отказы)
Среднее по выборке	—	0,32	—

Формальные механизмы управления (C1 и D1): паритет при разрыве по качеству

По обеим метрикам формального управления все четыре сервиса получили максимальный балл 5 из 5. На уровне процедурного соответствия, то есть наличия правил использования, каналов жалоб, дисклеймеров и рекомендаций по проверке, все исследованные ассистенты находятся в паритете (табл. 4).

Таблица 4. Метрики C1 и D1 по сервисам

Критерий	ChatGPT	DeepSeek	GigaChat	Алиса
C1.1 Правила/пояснения	1	1	1	1
C1.2 Возможность жалобы	1	1	1	1
C1.3 Предупреждения	1	1	1	1
C1.4 Процедура обжалования	1	1	1	1
C1.5 Рекомендации проверки	1	1	1	1
ИТОГО C1 (0–5)	5	5	5	5
D1.1 Пользовательское соглашение	1	1	1	1
D1.2 Ограничения по спорным темам	1	1	1	1
D1.3 Дисклеймеры о точности	1	1	1	1
D1.4 Канал обратной связи	1	1	1	1
D1.5 Публичные политики/FAQ	1	1	1	1
ИТОГО D1 (0–5)	5	5	5	5

Однако интерпретация C1 и D1 в отрыве от показателей B1 и B2 создает ложное ощущение управленческого благополучия. GigaChat и Алиса при максимальных баллах по формальным метрикам одновременно демонстрируют наибольшие доли ответов без источников. Этот разрыв становится ключевым эмпирическим аргументом в пользу гипотезы H3. Процедурное соответствие стандартам управления не коррелирует с содержательным качеством ответов.

Заключение

ИИ-ассистенты представляют собой качественно новый тип информационного посредника. В отличие от поисковых систем, они не просто ранжируют источники, а сразу предлагают готовую интерпретацию. Поэтому эффект SEME в данном случае переносится с уровня выдачи на уровень самой аргументации и умолчаний. За этим стоят технологические механизмы, такие как instruction tuning, RLHF и RAG. Они создают архитектурные условия для системных смещений, которые при слабой медиаграмотности аудитории начинают напоминать воздействие пропаганды, хотя по своему замыслу пропагандой не являются.

Эмпирические данные показывают устойчивый разрыв между процедурным и содержательным уровнями управления рисками. Все четыре сервиса получили максимальные оценки по формальным метрикам, C1 и D1 равны 5 из 5. При этом российские сервисы втрое чаще,

чем иностранные, дают ответы без верификационных опор. Студенческая аудитория демонстрирует лишь умеренное доверие к ИИ, E1 составляет 2,95, а почти половина респондентов вообще не практикует систематическую проверку источников. В теории SEME такой профиль соответствует группе, наиболее уязвимой к алгоритмическому влиянию.

Из этих выводов следует необходимость перехода от процедурного регулирования к содержательному. Прежде всего это касается стандартизации верификационной строгости ответов на контроверсальные темы, развития медиаграмотности и системного мониторинга качества генерируемого контента. Без этого смысловой суверенитет рискует остаться декларацией, не имеющей реального содержания.

Литература

1. Леонова О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель-Observer. 2014. № 5. С. 84–94.
2. Шахновская И.В. Информационный суверенитет государства и личности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. 2020. № 1. С. 102–110.
3. Бродовская Е.В. Практика манипулятивного эффекта поисковых систем (SEME) в ходе избирательной кампании 2021 г. в России // Политические исследования. 2022. № 3. С. 45–59.
4. Наumenko A.O. Технология RAG (Retrieval-Augmented Generation) как инновационный подход в LLM // Информационные технологии и вычислительные системы. 2024. № 2. С. 31–44.
5. Авдийский В.И., Иванов А.В., Царегородцев А.В. Взаимосвязь цифрового суверенитета и цифрового пространства: новые вызовы и перспективы // Вестник евразийской науки. 2024. № 3S.
6. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 14.04.2026).
7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 14.04.2026).
8. Указ Президента РФ от 15.02.2024 № 124 «О внесении изменений в Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50216> (дата обращения: 14.04.2026).
9. NIST AI Risk Management Framework (AI RMF 1.0). National Institute of Standards and Technology, 2023. URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ai/nist.ai.100-1.pdf> (дата обращения: 14.04.2026).
10. Epstein R., Robertson R.E. The search engine manipulation effect (SEME) and its possible impact on the outcomes of elections // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2015. Vol. 112. № 33. P. E4512–E4521.
11. Ouyang L. et al. Training language models to follow instructions with human feedback // arXiv. 2022. URL: <https://arxiv.org/abs/2203.02155> (дата обращения: 14.04.2026).

LARGE LANGUAGE MODELS AS AN «INFORMATION INTERMEDIARY»: MECHANISMS OF INFLUENCE ON PUBLIC CONSCIOUSNESS, FRAMING AND THE PROBLEM OF INFORMATION SOVEREIGNTY

Sergienko A.I., Steinbakh D.O., Kulakova N.N.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article analyzes large language models (LLMs) as a qualitatively new type of «information intermediary» capable of exerting covert influence on public consciousness through framing, omissions, and asymmetric source selection. Drawing on soft power theory, the Search Engine Manipulation Effect (SEME), and cognitive influence research, the article argues that AI assistants transform traditional models of informational influence into latent normalization of interpretations. The role of instruction tuning, RLHF, and RAG in shaping systematic worldview biases is examined, alongside Russia’s regulatory framework. The theoretical propositions are verified through a comparative content analysis of 45 responses from four AI services and a student survey (n = 38).

Keywords: information sovereignty, large language models, SEME, soft power, framing, information intermediary, RLHF, RAG, cognitive influence, content analysis, AI assistants.

References

1. Leonova, O.G. «Interpretation of the Concept of ‘Soft Power’ in Science» // Obzrevatel-Observer. 2014. № 5. pp. 84–94.
2. Shakhnovskaya, I.V. «Information Sovereignty of the State and the Individual» // Bulletin of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. 2020. № 1. pp. 102–110.
3. Brodovskaya, E.V. «The Practice of Search Engine Manipulative Effect (SEME) during the 2021 Election Campaign in Russia» // Political Studies. 2022. № 3. pp. 45–59.
4. Naumenko, A.O. RAG (Retrieval-Augmented Generation) Technology as an Innovative Approach in LLM // Information Technologies and Computing Systems. 2024. № 2. pp. 31–44.

5. Avdiyskiy V.I., Ivanov A.V., Tsaregorodtsev A.V. The Relationship between Digital Sovereignty and Digital Space: New Challenges and Prospects // Bulletin of Eurasian Science. 2024. № 3S.

6. Doctrine of Information Security of the Russian Federation: approved. by Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 № 646. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (date of access: 14.04.2026).

7. National Security Strategy of the Russian Federation: approved. By Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021, № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (accessed on April 14, 2026).

8. Decree of the President of the Russian Federation of February 15, 2024, № 124 «On Amendments to the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence through 2030.» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50216> (accessed on April 14, 2026).

9. NIST AI Risk Management Framework (AI RMF 1.0). National Institute of Standards and Technology, 2023. URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ai/nist.ai.100-1.pdf> (accessed on April 14, 2026).

10. Epstein R., Robertson R.E. The search engine manipulation effect (SEME) and its possible impact on the outcomes of elections // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2015. Vol. 112. № 33. P. E4512–E4521.

11. Ouyang L. et al. Training language models to follow instructions with human feedback // arXiv. 2022. URL: <https://arxiv.org/abs/2203.02155> (access date: 04/14/2026).

Иконография власти в российском политическом дискурсе: особенности формирования в современной России

Телятник Татьяна Евгеньевна,

доцент кафедры политологии и политического управления,
Кубанский государственный университет
E-mail: neptuneus@yandex.ru

В статье рассматривается иконография власти в современном российском политическом дискурсе. Под иконографией власти понимается система устойчивых визуальных, ритуальных, пространственных и вербально-символических форм, посредством которых государственная власть предъявляет себя обществу, закрепляет представления о легитимности и формирует образ политического порядка. Актуальность темы обусловлена тем, что в современной России символическое измерение политики приобретает самостоятельное значение: государственные эмблемы, церемонии, мемориальные практики, образы лидера, исторические сюжеты и ценностные формулы выступают не только сопровождением политического процесса, но и важным инструментом его объяснения и легитимации. Методологическую основу исследования составили политико-семиотический анализ, элементы дискурс-анализа и сравнительно-исторический подход. Показано, что современная российская иконография власти складывается как синкретическая система, соединяющая имперское, советское, православно-культурное и постсоветское конституционное наследие. Особое место в ней занимают государственные символы, Кремль и Красная площадь как пространства власти, память о Великой Отечественной войне, образ президентской власти, а также дискурс традиционных ценностей. Делается вывод, что иконография власти в России выполняет не декоративную, а институционально-легитимирующую функцию, поддерживая представление о государстве как исторически непрерывном, суверенном и ценностно консолидированном политическом целом.

Ключевые слова: иконография власти; политический дискурс; символическая политика; современная Россия; государственные символы; политическая легитимация; историческая память; Великая Отечественная война; традиционные ценности; политический ритуал.

Введение

Политическая власть существует не только в форме институтов, нормативных актов и управленческих решений. В общественном восприятии она всегда имеет видимый облик: флаги, гербы, государственные церемонии, архитектурные пространства, памятники, портреты, военные парады, официальную медиакартинку, устойчивые речевые формулы. Через эти формы власть становится распознаваемой и получает эмоционально значимое содержание. Поэтому политический дискурс целесообразно рассматривать не только как совокупность текстов, заявлений и программ, но и как систему образов, с помощью которых государство объясняет собственное происхождение, назначение и право на политическое руководство.

В отечественной научной традиции политический дискурс изучается как особая форма коммуникации, в которой языковые, символические и институциональные элементы тесно связаны друг с другом [1; 2]. При этом визуальный и ритуальный компоненты политической коммуникации нельзя считать вторичными. Они не просто иллюстрируют уже готовые политические смыслы, а участвуют в их производстве. В этом отношении важны идеи Ю.М. Лотмана о культуре как знаковой системе, где смысл возникает не из отдельного знака, а из его включённости в более широкий семиотический контекст [3].

Проблема иконографии власти особенно значима для современной России. После распада СССР российская государственность оказалась в ситуации символического пересобирания. Необходимо было одновременно обозначить новую политико-правовую реальность, сохранить преемственность исторического государства и предложить обществу такие образы, которые могли бы быть приняты разными группами памяти. Российский политический дискурс не выстроил единой символической линии. Вместо этого сложилось многослойное пространство, где дореволюционные, советские, православные и постсоветские конституционные элементы соседствуют, накладываются друг на друга и порой противоречат. Тема, которая на первый взгляд кажется вопросом протокола, на деле устроена сложнее. Иконография власти не украшает политику со стороны – она задаёт её внутреннюю логику. Через неё определяется, как воспринимается государство, что выглядит нормальным в политическом порядке и какие образы прошлого оказываются «своими» для настоящего. Институциональные отношения переводятся в язык эмоционального и узнаваемого символа.

В работе Б.А. Успенского подчеркивается, что российская культура власти исторически тяготела к сакрализации правителя и государства [4]. Близкий по духу исследовательский горизонт открывает потестарная имагология – направление, изучающее власть через её образное и церемониальное воплощение [5]. Современная Россия не воспроизводит эти механизмы напрямую, но логика символического возвышения государства никуда не исчезла.

Цель исследования – выявить особенности формирования иконографии власти в современном российском политическом дискурсе.

Объект исследования – символическое измерение российского политического процесса. Предмет – конкретные визуальные, ритуальные и дискурсивные формы, через которые власть представляет себя как легитимную, исторически укоренённую и ценностно обоснованную.

Новизна работы в том, что эти формы рассматриваются не по отдельности, а как единая синкретическая система: разные исторические коды встроены в общий государственно-центричный нарратив и работают вместе.

Материалы и методы исследования

Основу составили государственные символы Российской Федерации, публичные церемонии и коммеморативные практики за 2000–2025 годы, а также образы, устойчиво присутствующие в официальной политической коммуникации. Пристальнее всего разбирались флаг, герб и гимн; президентские инаугурации; парады Победы и мемориальные практики вокруг Великой Отечественной войны; наконец, пространства, в которых государство себя представляет.

Хронологически исследование сосредоточено главным образом на периоде с начала 2000-х гг. до 2025 г., поскольку именно в это время постсоветская символическая система приобретает более устойчивый характер. Вместе с тем 1990-е гг. не исключаются из анализа. Они важны

как этап символической неопределённости, без которого трудно понять последующую консолидацию официальной иконографии власти. Тогда российское государство уже использовало новые символы, но ещё не обладало целостным языком исторической преемственности.

Методологически работа представляет собой качественный политико-семиотический анализ. В центре внимания находится не измерение массового восприятия символов, а выявление того, как устроен официальный и публичный иконографический репертуар власти. Используются элементы семиотики культуры, дискурс-анализа и сравнительно-исторического подхода. Такой исследовательский ракурс позволяет рассматривать флаг, герб, гимн, политический ритуал, образ лидера или мемориальную церемонию не как изолированные знаки, а как части единой системы политического означивания.

При анализе учитывались три уровня. Первый – визуально-эмблематический: государственные символы, цвета, знаки, архитектурные пространства. Второй – ритуальный: повторяющиеся церемонии, календарь памятных дат, сценарии публичного представления власти. Третий – дискурсивный: понятия «суверенитет», «историческая память», «традиционные ценности», «народ», «государственность», через которые визуальные формы получают политическое объяснение.

В качестве теоретической базы использованы российские исследования политического дискурса, семиотики культуры, символической политики, государственной символики, исторической памяти и политической мифологии. Нормативные акты о государственных символах и документы, закрепляющие ценностно-исторические ориентиры государственной политики, рассматриваются в статье как эмпирический материал, тогда как список литературы сформирован из научных публикаций и монографий с указанием страниц или общего объёма.

Результаты и обсуждение

Иконография власти в российском политическом дискурсе может быть определена как организованный порядок видимости власти. Это не только изображения в узком смысле слова. Речь идёт о совокупности эмблем, церемоний, пространств, позирований, речевых формул, исторических отсылок и медиакартинок, которые делают власть узнаваемой и объяснимой. В отличие от политической рекламы, рассчитанной преимущественно на краткосрочный эффект, иконография власти ориентирована на длительное воспроизводство политической легитимности. Она связывает повседневную политику с историей, территорией, коллективной памятью и представлениями о должном порядке.

Политический дискурс в данном случае действует не только через содержание высказываний, но и через форму их предъявления. Как показывают исследования Е.И. Шейгал и А.П. Чудинова, политическая коммуникация включает устойчивые языковые модели, метафоры, символические противопоставления и способы конструирования коллективного субъекта [1; 2]. Однако в реальной политике слово почти всегда сопровождается образом. Государственный флаг за спиной выступающего, торжественный зал, герб, военный строй, карта страны, памятник или мемориал задают рамку восприятия не менее активно, чем сам текст выступления.

Российский случай отличается тем, что современная иконография власти формируется не на пустом месте и не как простое продолжение одной традиции. Она складывается из нескольких исторических пластов. Имперская традиция даёт образ державности и исторической глубины; советская – опыт массовой мобилизации, память о Победе, язык социальной справедливости и великодержавного статуса; православно-культурный пласт вводит мотив духовной преемственности; постсоветская конституционная рамка закрепляет юридическую форму новой государственности. Эти элементы не всегда легко совместимы, но именно их соединение и стало характерной чертой современной российской символической политики.

Исторически российская власть тяготела к символическому возвышению. В исследованиях Б.А. Успенского показано, что в отечественной традиции власть нередко получала не только административное, но и сакрально-культурное измерение [4]. Это не означает прямого переноса прежних моделей в современную политику. Современное государство действует в условиях массовых медиа, правового языка, электоральных процедур и сложной социальной структуры. Однако потребность власти в торжественном образе, в исторической глубине и в особые пространства публичного представления остаётся заметной.

Необходимо отметить, что 1990-е гг. оставили не пустое место, а достаточно дискуссионное поле памяти. Российская Федерация унаследовала от СССР институты, территорию, международный статус, социальные ожидания и огромное пространство советских символических привычек. Одновременно новая власть стремилась дистанцироваться от коммунистической идеологии. Возвращение триколора, изменение герба, переименование улиц и площадей, новая ри-

торика демократии и рынка обозначали разрыв с советским прошлым. Однако этот разрыв не превратился в общепринятый национальный миф. В обществе сохранялись разные версии прошлого: либеральная, советско-ностальгическая, имперско-государственническая, национально-патриотическая. Поэтому российская символическая политика с самого начала развивалась в условиях конкуренции исторических интерпретаций.

Переломным моментом стала институционализация государственных символов в начале 2000-х гг. Российская Федерация закрепила триаду флага, герба и гимна, которая сама по себе являлась компромиссной. Триколор связывал новую Россию с дореволюционной и постсоветской государственностью. Двуглавый орёл отсылал к имперской традиции и идее суверенной державности. Мелодия советского гимна с новым текстом сохраняла эмоциональную связь с советской эпохой, но помещала её в иной политико-смысловой контекст. Историческая многослойность российской государственной символики подробно раскрыта в работах Н.А. Соболевой [12].

Такой выбор оказался показательным. Государство не стало строить символическую систему на полном отрицании советского прошлого, но и не восстановило советскую символику в прежнем виде. Был найден вариант, в котором разные исторические коды включались в общий образ российской государственности. В этом смысле современная российская иконография власти с самого начала развивалась как синтез, а не как линейная реставрация. Она не столько снимает противоречия памяти, сколько переводит их в язык государственной преемственности.

Исследователи символической политики справедливо отмечают, что в постсоветской России прошлое стало одним из главных ресурсов политической идентичности. С.П. Поцелуев предложил рассматривать символическую политику как особую область, где политические субъекты борются за интерпретацию значимых знаков и смыслов [6]. О.Ю. Малинова показывает, что обращение к истории используется властвующей элитой для конструирования образа коллективного «мы» и решения дилемм российской идентичности [7; 8]. В данном контексте иконография власти выступает как практический инструмент такого обращения. Она не просто сообщает о прошлом, а выбирает из него определённые сюжеты, делает их видимыми, повторяемыми и эмоционально значимыми.

Государственные символы образуют первый и наиболее устойчивый уровень современной российской иконографии власти. Флаг, герб, гимн, штандарт президента, официальные печати, государственные цвета и церемониальные знаки формируют минимальный визуальный язык государства. Они присутствуют в судах, школах, органах власти, на международных встречах, спортивных мероприятиях, военных церемониях. Благодаря правовому закреплению эти символы выводятся за пределы партийной конкуренции и предъявляются как знаки политического целого.

Особенность российского государственно-эмблематического ряда состоит в его многослойности. Двуглавый орёл воспринимается не только как геральдический знак, но и как образ исторической державы. Триколор работает как символ постсоветского государства, но одновременно возвращает к дореволюционной традиции. Гимн соединяет советскую музыкальную память и современный государственный текст. В совокупности эти символы создают эффект исторической длительности. Государство как бы говорит о себе не только языком настоящего, но и языком нескольких эпох.

Второй уровень иконографии власти связан с пространством и ритуалом. Для российской политической культуры центральными пространствами остаются Московский Кремль и Красная площадь. Их значение определяется не только административной функцией. Кремль соединяет в себе древнерусскую, имперскую, советскую и современную государственность. Красная площадь является одновременно местом памяти, военного парада, государственного торжества и медиасобытия. Поэтому политическая церемония, помещённая в эти пространства, автоматически приобретает историческую глубину.

В этом отношении показательны рассуждения С.И. Каспэ о пространственных метафорах власти и значении центров в политическом воображении [13]. Центр власти – это не просто географическая точка. Он организует символическую иерархию территории, задаёт представление о порядке, связывает периферию с политическим ядром. В российском случае таким центром становится прежде всего Москва, а внутри неё – Кремль и Красная площадь как наиболее насыщенные историческими смыслами пространства.

Церемония инаугурации президента особенно ясно показывает, как работает политическая иконография. Движение к залу, присутствие Конституции, государственные символы, военный церемониал, музыка, торжественная речь, телевизионная трансляция – всё это превращает юридическую процедуру вступления в должность в симво-

лическое действие. Президент в таком ритуале выступает не только как избранное должностное лицо, но и как носитель непрерывности государства. Правовая легитимность здесь соединяется с визуальной и ритуальной легитимностью.

Красная площадь выполняет иную, но не менее важную функцию в парадах Победы. Память о Великой Отечественной войне является центральным ядром современной российской иконографии власти. Её сила объясняется тем, что Победа воспринимается не только как государственное событие, но и как семейная, поколенческая, моральная память. В этом отношении военная символика не сводится к демонстрации силы. Она связывает современное государство с жертвой, подвигом и исторической правотой.

Мемориально-военный регистр включает Знамя Победы, Вечный огонь, Могила Неизвестного Солдата, георгиевскую ленту, военную хронику, песни военных лет, портреты ветеранов, практики возложения цветов, минуты молчания. В исследованиях исторической политики подчёркивается, что современное обращение к прошлому связано не только с сохранением памяти, но и с производством политически значимых смыслов [9; 10]. Н.Е. Копосов показывает, что память в России тесно связана с вопросами политической идентичности, легитимности и контроля над интерпретацией истории [11]. Именно поэтому память о войне оказывается не только историческим, но и политическим ресурсом.

Показательна судьба «Бессмертного полка». Возникнув как гражданская инициатива, эта практика постепенно вошла в официальный мемориативный календарь. Её символическая сила заключалась в соединении семейной памяти и общенационального ритуала. Человек несёт портрет своего родственника, но вместе с тем становится участником большого публичного действия. Так частное и государственное оказываются связанными в одном визуальном жесте. Для иконографии власти это особенно важно: государственная память получает подтверждение через семейные истории.

Отдельное место занимает персональный образ власти. Российская политическая система в постсоветский период выработала выраженную президентскую визуальность. Президент представлен как глава государства, гарант Конституции, верховный главнокомандующий, арбитр, представитель России на международной арене, инициатор стратегических решений. При этом персонализация не отменяет институционального измерения. Образ президента почти всегда помещён в государственный контекст: флаг, герб, Кремль, рабочий кабинет, карта страны, военный строй, совещание с министрами, поездка в регион.

Такой образ строится на нескольких устойчивых сценариях. Первый — президент как управленец, контролирующий исполнение решений. Второй — президент как арбитр, выслушивающий разные стороны и принимающий окончательное решение. Третий — президент как защитник, связанный с армией, безопасностью и суверенитетом. Четвёртый — президент как представитель будущего развития, появляющийся на фоне инфраструктурных объектов, предприятий, научных центров, социальных учреждений. Эти сценарии создают не просто медиапортрет конкретного политика, а визуальную модель власти.

Важным направлением последних лет стало усиление ценностного и цивилизационного языка. В официальном дискурсе всё чаще используются понятия исторической преемственности, традиционных ценностей, культурного суверенитета, защиты исторической правды. Эти формулы работают не сами по себе, а в связке с визуальными образами: храмами, памятниками, мемориалами, историческими персонажами, семейными и военными сюжетами. В результате символическая политика всё более явно связывает государственность не только с правом и территорией, но и с культурно-историческим кодом.

Здесь заметна роль православно-культурных мотивов, хотя их нельзя понимать как простое восстановление дореволюционной формулы. В современной иконографии власти религиозные и историко-культурные символы включены в более широкий дискурс традиции, семьи, памяти, духовной преемственности и национальной самобытности. Памятники князю Владимиру, Александру Невскому и другим фигурам исторического пантеона становятся не только объектами городской среды, но и знаками связи государственности, веры, воинской защиты и культурной идентичности.

При этом иконография власти не ограничивается образом государства и лидера. Ей необходим образ коллективного субъекта, от имени которого власть действует. В российском политическом дискурсе таким субъектом выступает «народ», репрезентируемый через семьи, детей, ветеранов, военнослужащих, трудовые коллективы, жителей регионов, волонтеров. Эти образы переводят политическую легитимацию в социальную и моральную плоскость. Государство изображается не как удалённый аппарат управления, а как форма исторического существования народа.

Отечественный ученый В.А. Тишков обращает внимание на сложность категории «российский народ» и её значение для национального самосознания [14]. Для иконографии власти это принципиально важно. Визуальный образ народа должен быть одновременно многообразным и единым. Поэтому в официальной репрезентации значимы региональные, этнокультурные и поколенческие мотивы, но они, как правило, включаются в общую рамку государственной целостности. Народ представлен не как механическая сумма групп, а как историческая общность, объединённая памятью, территорией и ответственностью за будущее.

Особенно устойчивой является связка «предки — современники — потомки». Предки передают память, Победу и государство; современники должны сохранить суверенитет и историческую правду; дети становятся образом будущего. Такая связка делает политический порядок не только результатом текущего выбора, но и частью межпоколенческой ответственности. В этом проявляется одна из главных особенностей современной российской иконографии власти: она постоянно переводит настоящее в горизонт исторической длительности.

Важную роль в этой системе играет политический миф. Речь не идёт о мифе как вымысле. В политическом анализе миф понимается как устойчивая форма коллективного объяснения реальности, в которой соединяются история, ценности, эмоции и представления о должном порядке. В своих работах А.Н. Кольев подчёркивает, что политическая мифология выступает способом организации социального опыта и закрепления коллективных представлений [15; 16]. В российской иконографии власти мифологический компонент проявляется в образах исторического испытания, сильного государства, народа-победителя, осаждённой крепости, защитника Отечества, преемственности поколений.

Медиасреда усиливает действие всех перечисленных символов. Современная иконография власти существует не только в пространстве площади, зала или мемориала, но и в телевизионной и цифровой трансляции. Официальная фотография, видеосюжет, трансляция парада, кадр с совещания, обращение к гражданам, короткий ролик в социальных сетях превращают политическое событие в повторяемый образ. Власть становится видимой не один раз, а многократно — в разных форматах и на разных платформах.

Именно повторяемость делает иконографию устойчивой. Одни и те же визуальные формулы — государственный флаг за спиной выступающего, Кремль как фон, военный строй, ветераны на трибуне, карта страны, рабочая поездка в регион — постепенно становятся привычным языком политического восприятия. Они не требуют постоянного объяснения, поскольку уже встроены в коллективную оптику. В этом смысле иконография власти действует не только через яркие события, но и через повседневное тиражирование узнаваемых образов.

Вместе с тем современная российская иконография власти не лишена внутренних напряжений. Её сила состоит в способности соединять различные исторические пласты, но именно эта многослойность создаёт смысловые противоречия. Имперское, советское, православно-культурное и конституционно-постсоветское наследия имеют разные политические логики. Их объединение возможно лишь при постоянном дискурсивном усилии, где центральной рамкой выступает государственность. Поэтому современная российская иконография власти является не застывшей системой, а постоянно воспроизводимым символическим компромиссом.

Можно выделить несколько её ключевых особенностей. Во-первых, это синкретизм: различные исторические наследия не исключают друг друга, а включаются в общий государственный нарратив. Во-вторых, государствоцентричность: главным объектом символической репрезентации является не партия и не отдельная идеология, а государство как исторический субъект. В-третьих, мемориальная легитимация: память о Великой Отечественной войне выступает одним из наиболее сильных моральных оснований политического дискурса. В-четвёртых, персонализация: президентская власть получает устойчивый визуальный образ, соединяющий институт, лидера и государственную преемственность. В-пятых, медиатизация: политическая иконография поддерживается регулярным воспроизводством в телевизионной и цифровой среде.

Таким образом, иконография власти в современной России является не внешним оформлением политики, а одним из способов её организации. Через неё власть предьявляет себя как законная, исторически укоренённая и ценностно оправданная. Она помогает соединять политические институты с коллективной памятью, а текущие решения — с более широким образом национальной истории.

Выводы

Иконография власти в российском политическом дискурсе представляет собой систему устойчивых символических форм, через которые

государственная власть становится видимой, узнаваемой и легитимной. Её основу составляют государственные эмблемы, политические ритуалы, пространства власти, мемориальные практики, образ президентской власти, а также ценностные и исторические формулы официального дискурса.

Главная особенность современной российской иконографии власти заключается в её синкретическом характере. Она соединяет имперское, советское, православно-культурное и постсоветское конституционное наследие. Эти пласты не сливаются полностью, но включаются в общий нарратив исторической преемственности Российского государства.

Ключевым ресурсом символической легитимации выступает память о Великой Отечественной войне. Она позволяет связать государственность с жертвой, подвигом, морально-правовой основой и межпоколенческой ответственностью. Не менее значимыми являются государственные символы, закреплённые в начале 2000-х гг., а также ценностно-исторические формулы, получившие распространение в политическом дискурсе 2020-х гг.

Иконография власти выполняет несколько функций: визуализирует государство, поддерживает институциональную преемственность, формирует эмоциональную солидарность, задаёт границы политического сообщества и переводит текущую политику в язык исторической длительности. Её устойчивость обеспечивается правовой кодификацией символов, ритуальной повторяемостью, пространственной концентрацией вокруг Кремля и Красной площади, персонализацией президентской власти и медиатизированным воспроизводством.

Вместе с тем данная система сохраняет аспекты внутреннего напряжения, поскольку объединяет разные исторические наследия и разные типы легитимности. Поэтому современная российская иконография власти должна рассматриваться не как завершённая и неподвижная конструкция, а как постоянно поддерживаемый символический порядок, в котором государственность выступает главным принципом согласования прошлого, настоящего и будущего.

Литература

1. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
2. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.
3. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
4. Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России: византийская модель и ее русское переосмысление. М.: Языки русской культуры, 1998. 680 с.
5. Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010. 384 с.
6. Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. Политические исследования. 1999. № 5. С. 62–75.
7. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.
8. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
9. Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. № 4 (87). С. 6–22.
10. Историческая политика в XXI веке: сборник статей / под ред. А.И. Миллера, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 648 с.
11. Копосов Н.Е. Память строгого режима: история и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
12. Соболева Н.А. Очерки истории российской символики: от тамги до символов государственного суверенитета. М.: Языки славянской культуры, 2006. 488 с.
13. Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований, 2008. 320 с.
14. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.
15. Кольев А.Н. Политическая мифология: реализация социального опыта. М.: Логос, 2003. 384 с.
16. Снежко Г.Е. Социальное время и историческая память: системные корреляции в культурном пространстве современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2024. Вып. 1 (334). С. 81–88. DOI: 10.53598/2410-3691-2024-1-334-81-88.

логия, культурология. 2024. Вып. 1 (334). С. 81–88. DOI: 10.53598/2410-3691-2024-1-334-81-88.

THE ICONOGRAPHY OF POWER IN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE: FEATURES OF ITS FORMATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

Telyatnik T.E.

Kuban State University

The article examines the iconography of power in contemporary Russian political discourse. The iconography of power is understood as a system of stable visual, ritual, spatial and verbal-symbolic forms through which state authority presents itself to society, consolidates ideas of legitimacy and constructs an image of political order. The relevance of the topic is determined by the increasing importance of the symbolic dimension of politics in contemporary Russia: state emblems, ceremonies, commemorative practices, leader images, historical narratives and value formulas function not merely as a background to politics, but as instruments of its interpretation and legitimization. The methodological basis of the study includes political-semiotic analysis, elements of discourse analysis and a comparative-historical approach. The article shows that contemporary Russian iconography of power has developed as a syncretic system combining imperial, Soviet, Orthodox-cultural and post-Soviet constitutional legacies. Particular attention is paid to state symbols, the Kremlin and Red Square as spaces of power, the memory of the Great Patriotic War, the image of presidential authority and the discourse of traditional values. The article concludes that the iconography of power in Russia performs not a decorative but an institutional and legitimizing function, supporting the representation of the state as a historically continuous, sovereign and value-consolidated political whole.

Keywords: iconography of power; political discourse; symbolic politics; contemporary Russia; state symbols; political legitimacy; historical memory; Great Patriotic War; traditional values; political ritual.

References

1. Sheigal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of Political Discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 326 p. (In Russ.).
2. Chudinov A.P. Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2006. 256 p. (In Russ.).
3. Lotman Yu.M. Semiosfera [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2000. 704 p. (In Russ.).
4. Uspensky B.A. Tsar' i patriarch: kharizma vlasti v Rossii: vizantiyskaya model' i ee russkoe pereosmyslenie [The Tsar and the Patriarch: Charisma of Power in Russia: The Byzantine Model and Its Russian Reinterpretation]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1998. 680 p. (In Russ.).
5. Vlast' i obraz: ocherki potestarnoy imagologii [Power and Image: Essays on Potestary Imagology]. Ed. by M.A. Boytsov, F.B. Uspensky. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2010. 384 p. (In Russ.).
6. Potseluev S.P. Simvolicheskaya politika: konstellyatsiya ponyatiy dlya podkhoda k probleme [Symbolic Politics: A Constellation of Concepts for Approaching the Problem]. Polis. Politicheskie issledovaniya, 1999, no. 5, pp. 62–75. (In Russ.).
7. Malinova O. Yu. Simvolicheskaya politika i konstruirovaniye makropoliticheskoy identichnosti v postsovetsoy Rossii [Symbolic Politics and the Construction of Macropoliticheskoy Identity in Post-Soviet Russia]. Polis. Politicheskie issledovaniya, 2010, no. 2, pp. 90–105. (In Russ.).
8. Malinova O. Yu. Aktual'noe proshloe: simvolicheskaya politika vlastvuyushchey elity i dilemmy rossiyskoy identichnosti [The Actual Past: Symbolic Politics of the Ruling Elite and Dilemmas of Russian Identity]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2015. 207 p. (In Russ.).
9. Malinova O. Yu. Kommemoratsiya istoricheskikh sobyitiy kak instrument simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [Commemoration of Historical Events as an Instrument of Symbolic Politics: Possibilities of Comparative Analysis]. Politia, 2017, no. 4 (87), pp. 6–22. (In Russ.).
10. Miller A.I., Lipman M. (eds.). Istoricheskaya politika v XXI veke: sbornik statey [Historical Politics in the 21st Century: Collection of Articles]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 648 p. (In Russ.).
11. Kopusov N.E. Pamyat' strogoego rezhima: istoriya i politika v Rossii [Memory under Strict Regime: History and Politics in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 320 p. (In Russ.).
12. Soboleva N.A. Ocherki istorii rossiyskoy simvoliki: ot tamgi do simvolov gosudarstvennogo suvereniteta [Essays on the History of Russian Symbolism: From Tamga to Symbols of State Sovereignty]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2006. 488 p. (In Russ.).
13. Kaspe S.I. Tsentry i ierarkhi: prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma [Centers and Hierarchies: Spatial Metaphors of Power and the Western Political Form]. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy Publ., 2008. 320 p. (In Russ.).
14. Tishkov V.A. Rossiyskiy narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya [The Russian People: History and Meaning of National Self-Consciousness]. Moscow, Nauka Publ., 2013. 649 p. (In Russ.).
15. Kol'ev A.N. Politicheskaya mifologiya: realizatsiya sotsial'nogo opyta [Political Mythology: The Realization of Social Experience]. Moscow, Logos Publ., 2003. 384 p. (In Russ.).
16. Snezhko G.E. Social'noe vremya i istoricheskaya pamyat': sistemny'e korrelyatsii v kul'turnom prostranstve sovremennoy Rossii [Social time and historical memory: systemic correlations in the cultural space of modern Russia]. Bulletin of Adyge State University. Series "Area Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences, Cultural studies." 2024. Iss. 1 (334). pp. 81–88. (In Russ.).

Вызовы и перспективы семейной политики Российской Федерации в отношении многодетных семей в условиях достижения национальных целей развития

Фруслов Данил Геннадьевич,

аспирант, ведущий специалист научно-педагогического центра семейной политики РГСУ, генеральный директор НОК «Российская семья»
E-mail: fess-danil@bk.ru

В статье рассматриваются политические вызовы и перспективные направления трансформации институтов и технологий семейной политики в Российской Федерации в отношении многодетных семей. Автор рассматривает противоречия между амбициозными национальными целями демографического развития и реальными социально-культурными тенденциями, среди которых откладывание брака и рождения детей, а также рост числа разводов, распространение установок, направленных на отказ от деторождения. В статье обосновывается вывод, что эволюция семейной политики происходит в направлении от сугубо социально-защитной модели к политико-идеологической, где многодетная семья трактуется как элемент национальной безопасности, хранилище традиционных ценностей и символ сопротивления внешнему информационному влиянию. В работе предложены практические рекомендации, направленные на трансформацию управленческих механизмов, которые будут включать в себя усиление идеологической и воспитательной работы и институциональную поддержку многодетных семей в целях формирования образа многодетной семьи в обществе как престижного и желаемого, что соответствует достижению национальных целей развития.

Ключевые слова: семейная политика, многодетная семья, традиционные ценности, институциональная трансформация, политическая социализация, национальная безопасность, ценностная конкуренция.

В последние десятилетия институт семьи в России, как и во многих других странах, переживает глубокую трансформацию, затрагивающую ценностные основания, репродуктивные установки и модели семейного поведения. Данные демографической статистики фиксируют устойчивое снижение рождаемости, увеличение возраста вступления в первый брак и рождения первого ребенка, рост числа разводов. Кроме того, все активнее происходит распространение альтернативных форм семейного сожительства. Одновременно с этим, начиная с 2000-х годов, российское государство последовательно наращивает меры материальной поддержки семей с детьми. Самыми распространенными мерами такой поддержки являются материнский капитал, единое пособие, льготная ипотека, региональные выплаты и иные аналогичные инструменты. Однако, несмотря на значительные бюджетные вложения, в частности, в 2025 году на реализацию мер социальной поддержки семей с детьми было направлено 2,3 трлн рублей, демографические показатели остаются на уровне, не обеспечивающем даже простого воспроизводства населения [1]. При этом стоит отметить, что число многодетных семей, хотя и увеличивается, все еще не достигает масштабов, необходимых для преодоления порога воспроизводства населения.

Имеющееся противоречие между глобальными национальными целями, закрепленными в Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (далее по тексту – Указ № 309), и объективными социально-экономическими, культурными течениями составляет ядро исследовательской проблемы, рассматриваемой в настоящей статье [2]. Проблематика обусловлена тем, что меры государственной поддержки носят преимущественно материальный характер, тогда как глубинные вызовы, препятствующие росту рождаемости и укреплению института семьи, имеют ценностную природу. Финансовые инструменты способны смягчить экономические и жилищные проблемы молодой семьи, но они не могут компенсировать изменение ценностного ядра личности, когда карьерные и индивидуалистические установки начинают доминировать над репродуктивными установками.

Ценностный сдвиг восприятия молодежи в виде откладывания брака и рождения детей, роста числа разводов и распространении идеологии отказа от деторождения, требует от государства дополнительных инструментов воздействия в виде идеологической, воспитательной и информационной работы с обществом [3]. Одним из таких направлений, на наш взгляд, является формирование образа многодетной семьи в обществе как престижного и желаемого. Особую остроту в данной сфере придает внешнее информационное воздействие. Оно проявляется посредством систематического продвижения контента, девальвирующего семейные ценности, нормализующего бездетность и эгоцентризм. В условиях, когда семья находится в информационной среде, где нормой становится индивидуализм и потребительское отношение к жизни, государственные меры поддержки, направленные на повышение рождаемости и сохранение института семьи, вынуждены конкурировать с продвижением деструктивной идеологии.

Именно поэтому в настоящее время семейная политика выступает не только инструментом социальной защиты и демографического стимулирования, но и значимым механизмом воспроизводства политической культуры по формированию ценностных воззрений граждан. Воздействуя на семью через систему мер поддержки и информационные кампании как на первичного агента политической социализации, государство транслирует определенные ценностные ориентиры, которые затем усваиваются в ходе семейной социализации. Таким образом, в условиях ценностного поворота, закрепленного Указом Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее по тексту – Указ № 809), в действующую семейную политику включаются задачи по формированию ориентации общества на традиционные ценности [4]. В результате семейная политика в условиях геополитической конфронтации становится инструментом консолидации общества вокруг государственных символов и ценностей. Таким образом, государством сделан акцент на многодетных семьях, как символе национальной идентичности, в том числе, популяризация

образа таких семей должна стать механизмом противодействия насаждению чуждых ценностей.

Кроме того, стоит учитывать и тот факт, что многодетные семьи в Российской Федерации демонстрируют устойчиво повышенный уровень институционального доверия к органам государственной власти. Это обусловлено двумя ключевыми факторами: объективной зависимостью от мер социальной поддержки, выраженных в виде пособий, льгот, жилищных программ, и ценностной близостью к официальному курсу на сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей. В контексте достижения национальных целей развития, закрепленных Указом № 309, данное доверие с позиции государства выступает не просто статистическим фактом, а стратегическим управленческим ресурсом. Однако его использование сопряжено с системными вызовами, так как такое доверие уязвимо перед бюджетными колебаниями и, как следствие, сокращением выплат. Вместе с тем повышенное доверие открывает государству значительные перспективы для трансформации семейной политики. В частности, помимо формирования обратной связи, в том числе, и через самоорганизации многодетных семей в форме некоммерческих организаций, успешные многодетные семьи могут выступать естественными трансляторами традиционных ценностей. Тем самым в обществе формируется привлекательный образ многодетности и противодействия насаждаемым деструктивным установкам [5].

Государственное признание многодетной семьи как положительного примера путем награждения, введения статусных преференций, способно укрепить моду на многодетность при условии, что символическое признание подкрепляется реальными выгодами. Все это указывает на необходимость системной перестройки управленческой логики для практической реализации этих перспектив путем переход от односторонней поддержки к двустороннему взаимодействию. Примером совершенствования механизмов управления в рассматриваемом направлении может стать интеграция показателей доверия многодетных семей в систему оценки эффективности региональных органов власти.

Таким образом, семейная политика в отношении многодетных семей в Российской Федерации представляет собой стратегически значимый вектор государственного управления, интегрирующий в себе социальные, институциональные, ценностные и управленческие измерения. Движение данной политики в сторону идеологического позиционирования и национальной безопасности отражает глубинные трансформации в системе властных отношений и механизмах политической власти. Многодетная семья в результате таких изменений из периферийного социального феномена превратилась в центральный объект политического регулирования и символический ресурс государственной идентичности. В контексте Указа № 809 и Указа № 309 движение в сторону повышения статуса и роли многодетности в государстве рассматривается не только как элемент национальной безопасности, но и форма сопротивления внешнему ценностному влиянию, хранилище традиционных ценностей. Кроме того, использование статуса многодетной семьи как социального лифта может указывать на глубокую политизацию роли многодетной семьи и превращении ее в инструмент реализации государственной идеологии.

Несмотря на происходящие изменения в правовом и ценностном поле государственных механизмов, в современной российской семейной политике сложилось фундаментальное противоречие, которое можно охарактеризовать как дихотомию материального и ценностного. С одной стороны, государство на протяжении последних двух десятилетий выстроило одну из самых масштабных в мире систем материальной поддержки семей с детьми. Однако, с другой стороны, параллельно с наращиванием финансовых мер поддержки демографическая статистика фиксирует тревожные и устойчивые деструктивные тренды, имеющие преимущественно ценностную природу.

Речь идет о системном откладывании возраста вступления в первый брак и рождения первого ребенка. Так, согласно данным статистики, средний возраст первородящих приближается к 30 годам, происходит устойчивый рост числа разводов, вследствие чего также увеличивается количество неполных семей. В настоящее время растет влияние деструктивных идеологий, таких как сознательный отказ от деторождения и потребительско-гедонистические установки, где личная свобода и материальное благополучие рассматриваются как более значимые приоритеты, чем родительство и семейные обязанности [6]. Стоит отметить, что эти явления фиксируются не только в крупных мегаполисах, но и в региональных центрах и небольших населенных пунктах, где традиционно сохранялись более консервативные установки.

Данное явление связано с тем, что глубинные вызовы современного общества имеют ценностно-мировоззренческую природу. Безусловно, материнский капитал, ежемесячные пособия и льготная ипотека являются мощными инструментами снижения уровня бедности и по-

вышения текущего уровня жизни семей с детьми. Однако эти меры не затрагивают глубинные мотивационные структуры личности, не меняют систему жизненных приоритетов и не формируют внутреннюю потребность в родительстве.

Ценностный сдвиг, о котором идет речь, представляет собой сложный социокультурный феномен, имеющий несколько измерений. В первую очередь, это трансформация гендерных ролей и представлений о жизненной траектории. Для значительной части молодежи, особенно городской, модель «образование – карьера – самореализация – дети» становится доминирующей. Происходит вытеснение традиционной модели «ранний брак – раннее родительство – многодетность». В данном контексте нельзя не отметить влияние индивидуалистической идеологии, транслируемой через глобальные цифровые платформы и социальные сети, где нормой становятся самореализация, гедонизм, а семья с детьми нередко презентуется как обуза, ограничение возможностей и источник стресса. Кроме того, в настоящее время ощущается эффект «демографического эха», характеризующийся поколениями, выросшими в малодетных семьях в период 1990-х и 2000-х годов. Данная категория населения часто не имеет положительного опыта взаимодействия с многодетными семьями, что снижает их психологическую готовность к многодетности.

В этих условиях материальные рычаги воздействия на репродуктивное поведение демонстрируют ярко выраженный закон убывающей предельной полезности. По мере роста уровня жизни и насыщения базовых потребностей дополнительная материальная стимуляция перестает оказывать значимое влияние на решение о рождении детей. Это подтверждается международными исследованиями, согласно результатам которых в странах с наиболее развитой системой семейных пособий, таких как Швеция, Франция, Германия, рождаемость все равно остается ниже уровня простого воспроизводства. Результат таких исследований указывает на ограниченность чисто экономического подхода, без идеологической и воспитательной составляющей. В российском контексте эта закономерность проявляется особенно отчетливо, когда суммарный коэффициент рождаемости в большинстве регионов продолжает снижаться или стагнировать на низких уровнях, несмотря на увеличение объемов поддержки [7].

Отсюда следует принципиальный вывод, что требуются принципиально иные инструменты для преодоления ценностного кризиса, не сводящиеся исключительно к денежным трансфертам и иным финансовым инструментам. Необходима системная идеологическая, воспитательная и информационно-просветительская работа, направленная на формирование в общественном сознании образа многодетной семьи как престижной, социально одобряемой и желаемой модели жизни. Следовательно, для достижения указанных целей необходимо переформатирование медийного и рекламного контента с привлечением самих многодетных семей как успешных, счастливых и социально востребованных героев информационной повестки, что создает эффект «социального доказательства».

Реализация такого предложения с привлечением многодетных семей в качестве субъектов позитивного нарратива требует системного междоветовственного подхода, интегрирующего управленческие, коммуникационные и социокультурные компоненты. В рамках настоящего предложения координационную функцию представляется целесообразным возложить на Министерство труда и социальной защиты РФ при участии Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ и профильных общественных организаций, представляющих интересы многодетных семей. Первый этап такой работы предполагает подбор и формирование реестра многодетных семей, соответствующих критериям социальной успешности, профессиональной реализованности и публичной активности. В результате через создание позитивной семантической альтернативы доминирование деструктивного контента в цифровой среде нейтрализуется; недоверие к государственной пропаганде снижается за счет вовлечения реальных семей, демонстрацией многодетных родителей из различных профессиональных страт. В стратегической перспективе реализация механизма способствует институционализации новой социальной нормы, в рамках которой многодетность воспринимается как престижный, социально одобряемый и личностно привлекательный выбор.

Таким образом, семейная политика должна обрести двухконтурную архитектуру. Первый контур, на который возлагается материально-инфраструктурное обеспечение, будет также решать задачи по повышению уровня жизни семей, оставаясь базовой опорой. Второй контур, в свою очередь, должен решать ценностно-идеологические вопросы, системно формируя мотивацию к созданию многодетной семьи как социально значимому и личностно привлекательному выбору. Только при условии интеграции обоих контуров, когда материальная поддержка становится естественным фоном для реализации репродуктивных

установок, сформированных на ценностном уровне, многодетная семья из периферийного социального феномена перейдет в центральный объект политического регулирования и символический ресурс государственной идентичности.

Литература

1. Годовой отчета за 2025 год Фонда пенсионного и социального страхования РФ [Электронный ресурс] режим доступа URL: https://sfr.gov.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/GodOtchet_2025_razvoroty_15-05.pdf.
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 20. – Ст. 2584.
3. Котовская, М.Г. Социально-культурная антропология: пол, возраст, семья / М.Г. Котовская, А.М. Коршунов, Э.Г. Швец. – Москва: РИТМ, 2025. – 218 с.
4. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 46. – Ст. 7977.
5. Ростовская, Т.К. Институциональные механизмы формирования модели эффективной семейно-демографической политики / Т.К. Ростовская, О.В. Кучмаева, Е.Н. Васильева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 234–248.
6. Антонов, А.И. Вариативность линий репродуктивного поведения и типов репродуктивного цикла / А.И. Антонов, В.М. Карпова // Социологические исследования. – 2024. – № 4. – С. 73–87.
7. Влияние репродуктивного опыта родительских семей на вероятность выбора многодетной стратегии родительства / А.Б. Синельников, В.М. Карпова, С.В. Ляликова, А.И. Антонов // Женщина в российском обществе. – 2023. – № 4. – С. 71–85.

CHALLENGES AND PROSPECTS FOR FAMILY POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION REGARDING LARGE FAMILIES IN THE CONTEXT OF ACHIEVING NATIONAL DEVELOPMENT GOALS

Fruslov D.G.

Russian State Social University (RSSU), Russian Family Scientific and Educational Center

This article examines the political challenges and promising areas for transforming family policy institutions and practices in the Russian Federation with regard to large families. The author examines the contradictions between ambitious national demographic development goals and actual socio-cultural trends, including the postponement of marriage and childbearing, the rising divorce rate, and the spread of attitudes against childbearing. This article substantiates the conclusion that family policy is evolving from a purely social-protective model to a political-ideological one, where large families are interpreted as an element of national security, a repository of traditional values, and a symbol of resistance to external information influence. The paper offers practical recommendations aimed at transforming governance mechanisms, which will include strengthening ideological and educational work and institutional support for large families in order to shape the image of large families in society as prestigious and desirable, consistent with achieving national development goals.

Keywords: family policy, large families, traditional values, institutional transformation, political socialization, national security, value competition.

References

1. Annual report for 2025 of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation [Electronic resource] access mode URL: https://sfr.gov.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/GodOtchet_2025_razvoroty_15-05.pdf.
2. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the period up to 2036: Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 № 309 // // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2024. – № 20. – Art. 2584.
3. Kotovskaya, M.G. Socio-cultural anthropology: gender, age, family / M.G. Kotovskaya, A.M. Korshunov, E.G. Shvets. – Moscow: RITM, 2025. – 218 p.
4. On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 № 809 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2024. – № 46. – Article 7977.
5. Rostovskaya, TK Institutional Mechanisms for the Formation of a Model of Effective Family and Demographic Policy / TK Rostovskaya, O.V. Kuchmaeva, E.N. Vasilyeva // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. – 2026. – Vol. 26, № 1. – Pp. 234–248.
6. Antonov, AI Variability of Reproductive Behavior Lines and Types of Reproductive Cycle / AI Antonov, VM Karpova // Sociological Research. – 2024. – № 4. – P. 73–87.
7. The Influence of Reproductive Experience of Parental Families on the Probability of Choosing a Large Parenting Strategy / A.B. Sinelnikov, V.M. Karpova, S.V. Lyalikova, A.I. Antonov // Woman in Russian Society. – 2023. – № 4. – P. 71–85.

Хлапонина Татьяна Сергеевна,

студент, кафедра государственного управления, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Мальченко Ангелина Александровна,

преподаватель, кафедра государственного управления, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

E-mail: an.malashenkova@my.mgimo.ru

В статье исследуется правовое регулирование государственного суверенитета в информационном пространстве. Рассмотрены зарубежные модели: китайская государственно-центрированная модель («Золотой щит», блокировка зарубежных сервисов) и европейская (Digital Services Act, GDPR, Digital Markets Act), направленная на защиту прав пользователей и прозрачность. Показан переход от концепции «независимости киберпространства» к признанию государства активным субъектом цифровой среды. Отмечается, что Доктрина информационной безопасности РФ задает ориентиры, но информационное пространство не выделено как отдельная сфера суверенитета. Проанализирована российская модель, основанная на технологической независимости, локализации данных и защите персональных данных. Раскрыты базовые законы (№ 149-ФЗ, № 152-ФЗ) и специальные инструменты: закон о суверенном интернете (№ 90-ФЗ) с Постановлением № 1667, требования к локализации баз данных (№ 242-ФЗ), регулирование иностранных интернет-компаний (№ 236-ФЗ). Делается вывод о фрагментарном характере законодательства и необходимости его систематизации для целостного обеспечения информационного суверенитета.

Ключевые слова: государственный суверенитет, информационное пространство, правовое регулирование, информационная безопасность, суверенный интернет, персональные данные

В условиях стремительной цифровизации всех сфер общественной жизни информационное пространство превращается в одну из ключевых арен реализации государственного суверенитета. Обеспечение независимости национального сегмента сети «Интернет», защита персональных данных граждан и контроль над критической информационной инфраструктурой становятся не просто элементами технологической политики, а фундаментальными условиями сохранения государственности [1].

В связи с этим особую актуальность приобретает анализ правовых механизмов, посредством которых государство утверждает свою юрисдикцию в цифровой среде. В настоящей статье рассматриваются основные модели регулирования информационного пространства, сложившиеся в мировой практике, и на их фоне детально исследуется российская система нормативно-правовых актов, направленных на обеспечение информационного суверенитета.

Законодательное регулирование информационного суверенитета требует четкой нормативно-правовой архитектуры, позволяющей охватить все элементы государственного суверенитета в информационной сфере [2]. Комплексный подход к обеспечению суверенитета предусматривает разработку и реализацию государственной информационной политики, а именно: совокупности нормативных актов, государственных программ и стратегий, а также национальных проектов [3].

Так, например, за рубежом разработаны различные модели правового регулирования информационного пространства, отражающие национальные приоритеты и подходы к информационному суверенитету. Например, в Китае преобладает государственно-центрированный подход: проект «Великий китайский файрволл» или «Золотой щит» задал периметр цифрового суверенитета КНР, позволив государству контролировать движение интернет-трафика в китайской сети. Граждане КНР не имеют доступа к зарубежным сервисам, а конкуренция на технологическом рынке происходит исключительно среди отечественных компаний. Китайская модель строится на жестком государственном контроле над интернет-трафиком и контентом, что выражается в ограничении доступа к зарубежным сервисам и обязательной локализации данных. Приоритетом выступает обеспечение национальной безопасности и идеологической стабильности, что достигается за счет создания замкнутой цифровой экосистемы, функционирующей на основе национальных стандартов.

Для европейской модели регулирования характерны нормативно-правовые акты, направленные на защиту прав граждан Европейского союза и прозрачность цифровых сервисов: Digital Services Act [4] регулирует онлайн-контент, делая акцент на защиту несовершеннолетних, не допускает циркуляцию недостоверной информации и распространяется на интернет-платформы, хостинги и социальные сети. General Data Protection Regulation [5] представляет собой строгий регламент, способствующий конфиденциальности и контролю над информацией, четко определяющий процессы сбора, обработки и хранения данных, распространяясь на предприятия по всему миру и предусматривающий штрафы за нарушение предписаний. Digital Markets Act [6] препятствует монополии на технологическом рынке в целях обеспечения частной конкуренции, а такой законопроект, как Chat Control 2.0 [7] может обязать мессенджеры и иных поставщиков услуг связи ввести сканирование сообщений пользователей на наличие материалов сексуального насилия над детьми (CSAM) в обход сквозного шифрования.

Примечательно, что до возникновения государственного регулирования интернет-пространства по всему миру придерживались мнения о том, что глобальная сеть не подлежит государственному вмешательству и должна быть независимой от правительств. Так, в своей работе «Декларация независимости киберпространства» Джон Барлоу заявляет, что государство неспособно воздействовать на цифровое пространство, поскольку интернет возник без участия правительств и может функционировать без их помощи [8].

Однако, в современном мире подобная точка зрения является нежизнеспособной, так как на данный момент глобальная сеть «Интернет» представляется не абстрактным явлением, а полноценной площадкой для проведения государственной политики и обеспечения суверенитета, что делает государство полноценным участником отношений с обществом в цифровом пространстве [9].

Российская модель регулирования на данный момент строится преимущественно на обеспечении технологической независимости,

локализации данных и разработок на территории государства, защите персональных данных граждан, а также разработке мер ответственности за нарушение законодательства. Так, в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации [10] выделены национальные интересы государства в информационной сфере, обеспечение которых реализуется благодаря существующему законодательству. Однако, информационное пространство все еще не выделено в качестве отдельной сферы реализации суверенитета. На данный момент это является недостатком системы законодательства, поскольку для обеспечения независимости в информационной среде требуется самостоятельная государственная политика, направленная именно на достижение этой цели.

Тем не менее, в Российской Федерации также существует ряд законов, регулирующих цифровую среду, некоторые из которых были приняты еще в 2000-е годы, и в которые вносятся изменения в соответствии с новыми внешними и внутренними угрозами и условиями функционирования информационной сферы.

Основой правового регулирования является система базовых нормативных актов, регулирующих общий режим обращения информации. Ключевым законом является Федеральный закон от 27.07.2006 года № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [11], устанавливающий правовые основы информационных отношений и государственного регулирования данной сферы. Федеральный закон от 27.07.2006 года № 152 «О персональных данных» [12] закрепляет требования к обработке и защите информации о гражданах, включая механизм локализации данных, что напрямую связано с обеспечением информационного суверенитета. Федеральный закон от 29.12.2010 года № 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [13] вводит ограничения на распространение отдельных видов контента, необходимость классификации и экспертизы информационной продукции. Существенное значение имеет Закон РФ от 21.07.1993 года № 5485-1 «О государственной тайне» [14], устанавливающий правовой режим сведений, распространение которых запрещено или ограничено в целях обеспечения государственной безопасности и суверенитета.

Именно в рамках указанных нормативно-правовых актов формируются точечные механизмы обеспечения информационного суверенитета, направленные на достижение устойчивости функционирования информационной инфраструктуры, контроля за потоками данных и регулирование деятельности субъектов в рамках цифровых платформ.

Так, например, Федеральный закон от 01.05.2019 года № 90, известный как «Закон о суверенном интернете» [15], внес изменения в Федеральный закон от 27.06.2006 года № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также в Федеральный закон от 07.07.2003 года № 126 «О связи». Целью Федерального закона № 90 является обеспечение бесперебойного функционирования российского сегмента сети «Интернет» и снижение его зависимости от иностранной информационной инфраструктуры, особенно в случае возникновения внешних угроз (кибератак и «отключения» России от глобальной сети).

Нововведения закона позволили обеспечить российским гражданам доступ к цифровым платформам и интернету в целом «вне зависимости от внешних или внутренних условий» [16]. Федеральный закон создал основу устойчивости «рунета» от «критического сбоя во внешней сети или целенаправленного воздействия на национальный сегмент сети «Интернет» [16].

Свое развитие ФЗ № 90 получил в Постановлении Правительства от 27.10.2025 № 1667 [17], в рамках которого были утверждены Правила централизованного управления сетью связи общего пользования. Данный нормативно-правовой акт был введен в действие 1 марта 2026 года и будет действовать до 1 марта 2032 года. В Постановлении были определены виды угроз для российского сегмента сети «Интернет», регламент их определения, и разработаны порядок и механизмы осуществления централизованного управления.

Таким образом, сочетание вышеперечисленных нормативных актов позволяет обезопасить граждан Российской Федерации как в случае целенаправленных, дестабилизирующих и подрывающих государственный суверенитет действий, так и в случае случайных сбоев в глобальной сети, нарушающих работу российских сервисов и приложений.

Еще одним важным правовым актом является Федеральный закон от 21.07.2014 года № 242 [18], нацеленный на локализацию персональных данных граждан Российской Федерации. В рамках дополнений, введенных Федеральным законом, в России был создан Реестр нарушителей прав субъектов персональных данных: доступ к персональным данным, обрабатываемым с нарушением законодательства РФ, ограничивается, а информация об операторах персональных данных

или владельцах интернет-ресурсов, на которых были размещены персональные данные, вносится в автоматизированную информационную систему.

Ключевым элементом в ФЗ № 242 выступает требование к базам данных, в рамках которых осуществляются те или иные действия с персональными данными, — все базы данных должны находиться на территории Российской Федерации. Таким образом, если российская компания осуществляет front- или backend-разработку своих сайтов или сервисов за рубежом, это нарушает требования законодательства. Даже если обращение к услугам иностранных компаний происходит исключительно для frontend-разработки (интерфейса сайта или приложения, «внешней» составляющей продукта, видимой для пользователей), персональные данные граждан РФ попадают в базы данных иностранных государств, поскольку и интерфейс, и «внутренний код» являются частями единой системы — данные из «бэкэнда» попадают во «фронтэнд» через сеть, вне зависимости от того, в какой стране находится та или иная составляющая системы.

Учитывая, что на момент 2020 года более 90% российских компаний сталкивались с утечками персональных данных, Федеральный закон № 242 содержит критически важное требование для защиты персональных данных граждан Российской Федерации, что по своей сути является одной из категорий информационного суверенитета в целом.

Еще один правовой механизм обеспечения информационного суверенитета был введен Федеральным законом от 01.07.2021 года № 236 [19]. Федеральный закон установил требования для иностранных лиц, осуществляющих деятельности в сети «Интернет» на территории РФ: во-первых, необходимо разместить на электронном ресурсе форму для обращений российских граждан и организаций; во-вторых, каждое иностранное лицо обязано пройти регистрацию на сайте Роскомнадзора; в-третьих, каждая компания должна открыть представительство или филиал на территории Российской Федерации. Целью закона является предоставление равных возможностей как для российских, так и для иностранных лиц.

Данный порядок представляет собой формализованный канал контроля, надзора и регулирования деятельности иностранных компаний: с помощью представительств Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций может координировать действия по ограничению доступа к информации, нарушающей законодательство РФ, опубликованной конкретным иностранным лицом; в случае неисполнения требований, утвержденных законодательством, к лицу применяются различные запреты и ограничения, в том числе полное ограничение доступа к принадлежащему ему информационному ресурсу.

Таким образом, модель правового регулирования информационной среды в Российской Федерации представляет собой совокупность базовых норм, задающих общий характер регулирования, а также специальных правовых инструментов, способствующих государственной независимости в данной сфере. Вышеуказанные механизмы ориентированы на обеспечение и защиту национальных интересов, контроль за цифровой средой, а также защиту прав и законных интересов граждан Российской Федерации. Вместе с тем, законодательство в области информационного суверенитета носит фрагментарный характер, что обуславливает необходимость дальнейшей систематизации правового обеспечения информационного суверенитета.

Проведенный анализ позволяет заключить, что формирование правового фундамента информационного суверенитета в Российской Федерации идет по пути создания многоуровневой системы нормативных актов. Базовые законы, регулирующие общий режим обращения информации и персональных данных, дополняются специальными инструментами — от требований по локализации серверов и централизованного управления сетью до механизмов контроля за соблюдением национального законодательства иностранными интернет-компаниями.

Однако, несмотря на значительный прогресс, управление информационным пространством до сих пор не институционализировано в качестве самостоятельной сферы суверенитета, что порождает фрагментарность регулирования и правовые лакуны. Дальнейшее совершенствование законодательства должно быть направлено не на точечное реагирование на угрозы, а на создание целостной, кодифицированной архитектуры информационного права, способной обеспечить долгосрочную устойчивость российского цифрового пространства.

Литература

1. Полякова Т.А., Троян Н.А. Обеспечение суверенитета в информационном пространстве — стратегическая задача национальной политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 1. С. 41–53.

2. Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215.

3. Кучерявый М.М. Государственная политика информационно-го суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. 2015. № 2 (74). С. 8–15.

4. Европейский союз. Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза 2022/2065 от 19 октября 2022 г. о едином рынке цифровых услуг и о внесении изменения в Директиву 2000/31/EC (Регламент о цифровых услугах) // Official Journal of the European Union. 2022. L 277. С. 1–102. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32022R2065> (дата обращения: 03.05.2026).

5. Европейский союз. Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/EC (Общий регламент по защите данных) // Official Journal of the European Union. 2016. L 119. С. 1–88. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32016R0679> (дата обращения: 03.05.2026).

6. Европейский союз. Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза 2022/1925 от 14 сентября 2022 г. о составительных и справедливых рынках в цифровом секторе и о внесении изменений в Директивы (ЕС) 2019/1937 и (ЕС) 2020/1828 (Регламент о цифровых рынках) // Official Journal of the European Union. 2022. L 265. С. 1–66. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32022R1925> (дата обращения: 03.05.2026).

7. Европейская комиссия. Предложение Регламента Европейского парламента и Совета о предотвращении и пресечении распространения материалов о сексуальном насилии над детьми в интернете [COM(2022) 209 final] // European Commission. 2022. 11 мая. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52022PC0209> (дата обращения: 03.05.2026).

8. Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace // Electronic Frontier Foundation. 1996. URL: <https://www EFF.org/cyberspaceindependence> (дата обращения: 15.05.2026).

9. Зиновьева Е.С., Шитков С.В. Цифровой суверенитет в практике международных отношений // Международная жизнь. 2023. № 3. С. 38–51.

10. Российская Федерация. Президент (2012–; В.В. Путин). Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7074. – Текст: непосредственный.

11. Российская Федерация. Законы. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ: последняя редакция // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2026).

12. Российская Федерация. Законы. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ: последняя редакция // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2026).

13. Российская Федерация. Законы. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ: последняя редакция // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2026).

14. Российская Федерация. Законы. О государственной тайне: Закон РФ от 21.07.1993 № 5485–1: последняя редакция // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2026).

15. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ: последняя редакция // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2026).

16. Как будет действовать закон о «суверенном интернете»? // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://duma.gov.ru/news/46774/> (дата обращения: 11.05.2026).

17. Постановление Правительства РФ от 27.10.2025 № 1667 «Об утверждении Правил централизованного управления сетью связи общего пользования» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511060014> (дата обращения: 15.05.2026).

18. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях): Федеральный закон от 21.07.2014 № 242-ФЗ: последняя редакция // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2026).

19. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части регулирования цифровой валюты): Федеральный закон от 01.07.2021 № 236-ФЗ: последняя редакция // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2026).

LEGAL REGULATION OF STATE SOVEREIGNTY IN THE INFORMATION SPACE

Khlaponina T.S., Malchenko A.A.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article examines the legal regulation of state sovereignty in the information space. It reviews foreign models: China's state-centric approach (Golden Shield project, blocking foreign services) and the European model (Digital Services Act, GDPR, Digital Markets Act) focused on user rights and transparency. The evolution from the idea of cyberspace independence to state involvement is traced. It is noted that the Information Security Doctrine of the Russian Federation sets guidelines, but the information space is not identified as a separate sphere of sovereignty. The Russian model is analyzed, emphasizing technological independence, data localization, and personal data protection. Key laws (No. 149-FZ, No. 152-FZ) and special instruments are examined: the sovereign internet law (No. 90-FZ) with Government Decree No. 1667, data localization requirements (No. 242-FZ), and regulation of foreign online entities (No. 236-FZ). The conclusion highlights the fragmented nature of legislation and the need for systematization to ensure information sovereignty.

Keywords: state sovereignty, information space, legal regulation, information security, sovereign internet, personal data

References

1. Polyakova T.A., Troyan N.A. Ensuring Sovereignty in the Information Space as a Strategic Task of National Policy. Legal Policy and Legal Life. 2024. No. 1. Pp. 41–53. (In Russian)
2. Efremov A.A. Formation of the Concept of Information Sovereignty of the State. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2017. No. 1. Pp. 201–215. (In Russian)
3. Kucheryavyy M.M. State Policy of Information Sovereignty of Russia in the Modern Global World. Administrative Consulting. 2015. No. 2 (74). Pp. 8–15. (In Russian)
4. European Union. Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act). Official Journal of the European Union. 2022. L 277. Pp. 1–102. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32022R2065> (accessed: 03.05.2026).
5. European Union. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). Official Journal of the European Union. 2016. L 119. Pp. 1–88. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32016R0679> (accessed: 03.05.2026).
6. European Union. Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act). Official Journal of the European Union. 2022. L 265. Pp. 1–66. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32022R1925> (accessed: 03.05.2026).
7. European Commission. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down rules to prevent and combat child sexual abuse [COM(2022) 209 final]. European Commission. 2022. 11 May. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52022PC0209> (accessed: 03.05.2026).
8. Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace. Electronic Frontier Foundation. 1996. URL: <https://www EFF.org/cyberspaceindependence> (accessed: 15.05.2026).
9. Zinovieva E.S., Shitkov S.V. Digital Sovereignty in the Practice of International Relations. International Affairs. 2023. No. 3. Pp. 38–51. (In Russian)
10. Russian Federation. President (2012–; V.V. Putin). On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 646 of December 5, 2016. Collection of Legislation of the Russian Federation, 2016, no. 50, art. 7074.
11. Russian Federation. Laws. On Information, Information Technologies and the Protection of Information: Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ (latest edition). Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed: 15.05.2026). (In Russian)
12. Russian Federation. Laws. On Personal Data: Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ (latest edition). Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed: 15.05.2026). (In Russian)
13. Russian Federation. Laws. On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development: Federal Law of 29.12.2010 No. 436-FZ (latest edition). Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed: 15.05.2026). (In Russian)

14. Russian Federation. Laws. On State Secrets: Law of the Russian Federation of 21.07.1993 No. 5485–1 (latest edition). Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed: 15.05.2026). (In Russian)

15. Russian Federation. Laws. On Amendments to the Federal Law “On Protection of Competition” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of 01.05.2019 No. 90-FZ (latest edition). Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed: 15.05.2026). (In Russian)

16. How will the law on the “sovereign Internet” work? State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: official website. URL: <http://duma.gov.ru/news/46774/> (accessed: 11.05.2026). (In Russian)

17. Decree of the Government of the Russian Federation of 27.10.2025 No. 1667 “On Approval of the Rules for Centralized Management of the Public Communication Net-

work”. Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511060014> (accessed: 15.05.2026). (In Russian)

18. Russian Federation. Laws. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation (regarding clarification of the procedure for processing personal data in information and telecommunication networks): Federal Law of 21.07.2014 No. 242-FZ (latest edition). Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed: 15.05.2026). (In Russian)

19. Russian Federation. Laws. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation (regarding the regulation of digital currency): Federal Law of 01.07.2021 No. 236-FZ (latest edition). Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed: 15.05.2026). (In Russian)

Анализ понятия социального пространства в контексте развития современной России на примере Кабардино-Балкарской Республики

Чеченов Аслан Магометгериевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: a.chechenov@mail.ru

Азаматова Гюльджан Ккамилевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: azagulya2007@mail.ru

В статье рассматривается понятие социального пространства как междисциплинарная категория, позволяющая анализировать развитие современного российского общества в единстве территориальных, институциональных, культурных и коммуникативных факторов. Особое внимание уделяется применимости данной категории к исследованию регионов со сложной природно-географической, этнокультурной и поселенческой структурой. В качестве регионального примера рассматривается Кабардино-Балкарская Республика, где социальное пространство формируется под воздействием горно-долинного ландшафта, системы расселения, локальных идентичностей, транспортной доступности, туристско-рекреационного потенциала и государственной политики пространственного развития.

В работе анализируются основные подходы к пониманию социального пространства в классической и современной социальной теории: социальная морфология Э. Дюркгейма, концепция социальных кругов и социальной дистанции Г. Зиммеля, идея многомерного социального пространства П.А. Сорокина, городская социология Чикагской школы, теория структуризации Э. Гидденса, концепция социальных полей и капиталов П. Бурдьё, а также пространственно-временной подход Т. Хегерстранда. Показано, что социальное пространство не сводится к физической территории, а представляет собой динамическую систему отношений, в которой сочетаются географическая локализация, социальные позиции, повседневные практики, ресурсы, институты и символические формы принадлежности. На примере Кабардино-Балкарской Республики обосновывается значение социопро пространственного подхода для анализа развития городских, сельских и горных локальных сообществ. Делается вывод о том, что эффективность пространственного развития зависит не только от инфраструктурных решений, но и от способности государственной политики учитывать внутреннюю структуру местных сообществ, их историко-культурную специфику, практики самоорганизации и реальные траектории повседневной мобильности населения.

Ключевые слова: социальное пространство, пространственное развитие, регион, Кабардино-Балкарская Республика, локальное сообщество, горные территории, социальная морфология, социальная дистанция, временная география, пространственная политика, социальное конструирование.

Введение

Современное развитие России всё в большей степени требует обращения к пространственным характеристикам общества. Речь идёт не только о территориальной организации экономики, транспортной связанности или размещении производительных сил. Пространственное развитие затрагивает более широкий круг вопросов: качество жизни населения, доступность социальных услуг, устойчивость локальных сообществ, региональную идентичность, характер повседневной мобильности, взаимодействие центра и периферии, а также способность государства удерживать социальную целостность на большой и неоднородной территории.

В этих условиях категория социального пространства приобретает особое значение. Она позволяет рассматривать общество не как абстрактную совокупность индивидов и институтов, а как систему отношений, закреплённых в конкретных местах, маршрутах, социальных дистанциях, формах расселения, символических границах и устойчивых практиках взаимодействия. Такое понимание особенно важно для анализа регионов, где природно-географическая среда, этнокультурная структура и исторически сложившиеся формы расселения оказывают заметное влияние на социальную организацию.

Кабардино-Балкарская Республика представляет в этом отношении показательный исследовательский пример. С одной стороны, республика включена в общероссийскую систему социально-экономического и пространственного развития. С другой стороны, её внутреннее пространство имеет выраженную специфику: сочетание равнинных, предгорных и высокогорных территорий, многонациональный состав населения, наличие устойчивых локальных идентичностей, значительный туристско-рекреационный потенциал, различная транспортная доступность поселений, неодинаковые возможности экономической активности в городских и сельских сообществах.

Анализ социального пространства Кабардино-Балкарии требует выхода за рамки чисто административного или географического описания. Город Нальчик, промышленно-горный Тырнеуаз, сельские поселения Черекского района, туристические территории Приэльбрусья, термальные зоны Аушигера, высокогорные поселения Верхней Балкарии и Безенги формируют разные типы локального социального пространства. Их различие определяется не только местоположением, но и структурой занятости, плотностью коммуникаций, характером повседневной мобильности, степенью включённости в туристические и административные потоки, отношением к природным ресурсам и устойчивостью местных социальных связей.

В классической социальной теории понятие пространства получило различные интерпретации. Э. Дюркгейм связывал пространственные характеристики общества с социальной морфологией, плотностью населения и формами коллективной жизни. Г. Зиммель анализировал социальные круги, границы и дистанции между индивидами. П.А. Сорокин подчёркивал, что социальное пространство не совпадает с геометрическим: люди могут находиться рядом физически, но быть далеки социально, и наоборот. В последующей социальной мысли пространственный анализ получил развитие в городской социологии Чикагской школы, теории структуризации Э. Гидденса, концепции социальных полей П. Бурдьё, социальной географии Б. Верлена и временной географии Т. Хегерстранда.

Научная проблема заключается в том, что понятие социального пространства часто используется описательно, без достаточного раскрытия его аналитического потенциала. В результате пространственное развитие сводится к инфраструктуре, градостроительству или административному планированию, тогда как собственно социальное измерение пространства остаётся недостаточно раскрытым. Между тем именно оно позволяет понять, почему одни территории способны адаптироваться к изменениям, а другие теряют население, экономическую активность и социальную связанность.

Цель статьи состоит в анализе понятия социального пространства в контексте развития современной России и выявлении возможностей его применения к исследованию локальных сообществ Кабардино-Балкарской Республики.

Материалы и методы исследований

Теоретическую основу исследования составили труды представителей классической и современной социальной теории, в которых пространство рассматривается как важнейшее условие формирования и воспроизводства общественных отношений. В работе использованы положения социальной морфологии Э. Дюркгейма, концепции социальных кругов Г. Зиммеля, теории социальной мобильности П.А. Сорокина, городской социологии Р. Парка и Э. Берджесса, теории структуризации Э. Гидденса, концепции социального пространства и символического капитала П. Бурдьё, теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, а также пространственно-временного подхода Т. Хегерстранда.

Нормативно-аналитическую базу исследования составили документы стратегического планирования Российской Федерации и Кабардино-Балкарской Республики, включая Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года, Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года, а также материалы, связанные с социально-экономическим развитием Кабардино-Балкарской Республики.

Методологически исследование опирается на междисциплинарный подход, объединяющий социально-философский, социологический, социально-географический и институциональный анализ. Такой подход позволяет рассматривать социальное пространство одновременно как систему объективных территориальных условий и как результат социальных практик, интерпретаций, символических границ и институтов.

В работе применялись методы теоретической реконструкции научных подходов, сравнительного анализа, интерпретации документов стратегического планирования, а также социопро пространственного анализа локальных кейсов. Региональный материал рассматривается не в форме статистического обследования, а как аналитическое описание типов локального пространства, характерных для Кабардино-Балкарской Республики: административно-городского, промышленно-горного, сельского, туристско-рекреационного и высокогорного.

Такой способ исследования позволяет выявить не количественные параметры отдельных поселений, а структурные особенности их развития: степень включённости в региональные коммуникации, характер связи с природной средой, значение локальной идентичности, роль государственных институтов и возможности адаптации к современным социально-экономическим изменениям.

Результаты и обсуждение

Понятие социального пространства в социальных науках формировалось постепенно и первоначально было связано с попыткой объяснить, каким образом общество получает устойчивую форму. Одним из первых к этой проблеме обратился Э. Дюркгейм. Его представление о социальной морфологии позволило рассматривать общество не только как совокупность норм и коллективных представлений, но и как определённую плотность населения, структуру расселения, характер связей между группами и тип социальной солидарности. Для Дюркгейма пространственное размещение людей не является внешним обстоятельством. Оно связано с разделением труда, интенсивностью социальных контактов и формами коллективной жизни.

Иной аспект проблемы был раскрыт Г. Зиммелем. Его интересовала не столько территория сама по себе, сколько социальная форма взаимодействия, возникающая внутри определённых границ. Пространство в этом смысле становится условием различения «своего» и «чужого», близкого и далёкого, включённого и исключённого. Концепция социальных кругов Зиммеля особенно важна для анализа современного общества, поскольку индивид одновременно принадлежит к нескольким пространствам: семейному, профессиональному, этническому, религиозному, гражданскому, цифровому. Эти пространства могут совпадать, пересекаться или вступать в противоречие.

Значительный вклад в развитие понятия социального пространства внёс П.А. Сорокин. Он последовательно отделял социальное пространство от геометрического. Для него положение человека определяется не только местом проживания, но и отношениями с другими людьми, принадлежностью к группам, статусом, профессией, религией, национальностью, уровнем власти и престижа. Это положение может изменяться без физического перемещения. Данный тезис сохраняет актуальность для анализа регионального развития: переселение, миграция или транспортная доступность сами по себе ещё не раскрывают социальной динамики, если не учитывать изменение статусов, возможностей и социальных дистанций.

Городская социология Чикагской школы усилила внимание к пространственной организации повседневной жизни. Р. Парк рассматривал город как социальную лабораторию, где проявляются процессы конкуренции, адаптации, сегрегации и мобильности. Э. Берджесс предложил модель концентрических зон, позволившую описывать социальную неоднородность городского пространства. Хотя эта модель была создана на материале американского города первой половины XX века, её методологическое значение сохраняется: городское пространство неравномерно, оно содержит разные социальные зоны, различающиеся по доступу к ресурсам, престижу, плотности контактов и возможностям продвижения.

Для анализа локального пространства важны также идеи Э. Гидденса. В теории структуризации он показал, что социальные системы воспроизводятся через повторяющиеся практики, закреплённые во времени и пространстве. Люди действуют не в абстрактном обществе, а в конкретных местах: доме, улице, учреждении, поселении, городе, регионе. Эти места формируют привычные маршруты, режимы взаимодействия и устойчивые модели поведения. Поэтому локальное общество можно понимать как пространство повторяющихся практик, в которых структура общества становится повседневной реальностью.

П. Бурдьё предложил одну из наиболее влиятельных трактовок социального пространства. В его концепции общество представляет собой систему позиций, определяемых распределением различных форм капитала: экономического, культурного, социального и символического. Социальное пространство в таком понимании не является видимым непосредственно, но проявляется через различия статусов, вкусов, возможностей, образовательных траекторий, доступа к власти и признанию. Для регионального анализа это принципиально важно: территория может быть единой административно, но внутри неё сохраняются значительные различия по доступу к ресурсам и символическому престижу.

Социальная география и временная география позволяют дополнить социологическое понимание пространства анализом повседневной мобильности. Т. Хегерstrand рассматривал жизнь человека как движение в пространстве и времени, ограниченное биологическими, социальными, техническими и институциональными условиями. Человек не просто занимает место; он ежедневно преодолевает расстояния, распределяет время между домом, работой, учёбой, услугами, родственными и общественными связями. Поэтому социальное пространство можно исследовать через маршруты, ритмы, доступность и ограничения повседневной жизни.

Для Кабардино-Балкарской Республики данный подход особенно продуктивен. Горно-долинная структура территории задаёт различные режимы повседневной мобильности. Для жителей Нальчика доступ к административным, образовательным и медицинским учреждениям организован иначе, чем для жителей высокогорных или отдалённых сельских поселений. Расстояние здесь имеет не только километровое, но и социальное измерение: оно выражается во времени поездки, стоимости передвижения, сезонности транспортных связей, наличии рабочих мест, образовательных возможностей и доступе к государственным услугам.

Социальное пространство Нальчика имеет административно-управленческий и культурный характер. Город выполняет функцию центра республики, концентрируя органы власти, университетскую среду, медицинские учреждения, культурные организации и значительную часть сервисной экономики. В этом смысле Нальчик является не только географическим центром, но и пространством символической интеграции региона. Через него проходят основные административные, образовательные и коммуникативные связи. Вместе с тем такая концентрация усиливает различие между столичным пространством и периферийными территориями.

Иной тип социального пространства представляет Тырныауз. Его развитие исторически связано с промышленным освоением горной территории. Город формировался не как традиционное поселение, а как индустриальный центр, связанный с добычей и переработкой полезных ископаемых. Поэтому локальная идентичность Тырныауза складывалась вокруг трудовой биографии, городской памяти, опыта промышленной занятости и особого отношения к горному ландшафту. Даже при изменении экономической роли города сохраняется символическое значение промышленного прошлого, влияющее на самописание местного сообщества.

Сельские и высокогорные поселения Кабардино-Балкарии демонстрируют другую логику социопро пространственного развития. Здесь социальное пространство в большей степени связано с родственными, соседскими, традиционными и локально-историческими связями. В таких сообществах формальные институты государства взаимодействуют с неформальными механизмами взаимопомощи, местной ре-

путации, старшинства, родственных обязательств и коллективной памяти. Это не означает противопоставления государства и традиции. Напротив, устойчивое развитие возможно тогда, когда государственные программы учитывают реальные формы организации местной жизни.

Черекский район представляет особый интерес как территория, где природный ландшафт, историческая память и туристско-рекреационный потенциал образуют сложное социальное пространство. Верхняя Балкария, Безенги, Аушигер и другие локальные точки имеют разные модели развития, но каждая из них показывает, что горное пространство нельзя рассматривать только как периферию. Оно обладает собственными ресурсами: природными, культурными, историческими, символическими. При грамотной политике эти ресурсы могут стать основой устойчивого развития, не разрушая локальную идентичность.

Туризм в данном контексте выступает не только экономическим фактором. Он изменяет структуру социального пространства: создаёт новые рабочие места, меняет маршруты мобильности, усиливает внешние контакты, повышает значение культурного наследия, но одновременно создаёт риск коммерциализации местной среды. Если туристическое развитие не согласовано с интересами местного сообщества, оно может привести к росту социального напряжения, неравномерному распределению доходов и вытеснению повседневных практик жителей. Поэтому туристско-рекреационное развитие горных территорий требует социального, а не только инвестиционного планирования.

Социальное пространство сельских поселений Ташлы-Тала и Кёнделен можно рассматривать через проблему сохранения локальной целостности. Для таких территорий важны не только рабочие места, но и наличие школы, медицинского пункта, транспортной связи, цифровой доступности, социальных служб, возможности получения государственных услуг без постоянной зависимости от районного или республиканского центра. Если эти элементы поддерживаются, локальное сообщество сохраняет межпоколенческую структуру и не превращается в пространство оттока населения.

В этом смысле государственная политика пространственного значения имеет не только экономическое, но и социально-интеграционное значение. Федеральная стратегия пространственного развития направлена на преодоление чрезмерной концентрации ресурсов в отдельных центрах и снижение территориальной неравномерности. Однако применительно к регионам Северного Кавказа такая стратегия должна учитывать не только инфраструктурные показатели, но и культурную сложность пространства, значение локальных идентичностей, традиционные формы солидарности и особую роль горных территорий.

Социальное пространство Кабардино-Балкарии не является однородным. Оно включает столичное пространство Нальчика, промышленно-горное пространство Тырнауза, туристическое пространство Приэльбрусья и Черекского района, сельские пространства предгорий и высокогорные локальные сообщества. Между ними существуют различия в доступе к ресурсам, мобильности, занятости, образованию, административным услугам и символическому статусу. При этом данные пространства не изолированы: они связаны миграцией, родственными отношениями, образовательными траекториями, туристическими потоками, рынком труда и государственными институтами.

Применение категории социального пространства позволяет увидеть, что развитие региона не может быть сведено к росту отдельных экономических показателей. Если улучшается инфраструктура, но сохраняется социальная дистанция между центром и периферией, эффект развития будет ограниченным. Если создаются туристические объекты, но местное население не включено в распределение выгод, возникает напряжение. Если поддерживаются сельские поселения, но не обеспечивается связь с образовательными и трудовыми возможностями, локальные сообщества постепенно теряют устойчивость.

Именно поэтому социопропространственный подход имеет практическое значение. Он позволяет согласовать государственную политику, региональное планирование и интересы местных сообществ. Для Кабардино-Балкарской Республики это особенно важно, поскольку развитие здесь должно учитывать одновременно природные ограничения, этнокультурную специфику, туристический потенциал, необходимость сохранения сельских и горных поселений, а также роль Нальчика как интеграционного центра.

Выводы

Понятие социального пространства обладает значительным аналитическим потенциалом для исследования современного российского общества. Оно позволяет рассматривать развитие не только как изменение экономических показателей или административных границ, но и как трансформацию социальных связей, дистанций, институтов, практик мобильности и форм коллективной идентичности.

Социальное пространство не совпадает с физико-географической территорией. Оно включает систему отношений между индивидами, группами, институтами и ресурсами, а также символические представления о принадлежности, близости, престиже и доступности. Поэтому анализ пространственного развития требует учёта как объективных условий территории, так и субъективных смыслов, закреплённых в локальных сообществах.

Классические и современные теории социального пространства – от Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля и П.А. Сорокина до Э. Гидденса, П. Бурдьё и Т. Хегерстранда – позволяют выстроить междисциплинарную рамку для исследования регионального развития. Их объединяет понимание пространства как активного элемента социальной жизни, а не нейтрального фона общественных процессов.

Кабардино-Балкарская Республика демонстрирует сложную структуру социального пространства, где городские, сельские, горные, туристические и административные территории обладают различной логикой развития. Нальчик концентрирует управленческие, образовательные и культурные функции; Тырнауз сохраняет индустриально-горную идентичность; Черекский район и высокогорные поселения соединяют природный, исторический и туристический потенциал; сельские сообщества удерживают значение традиционных связей и локальной солидарности.

Пространственное развитие региона не может быть эффективным без учёта внутренних различий между локальными сообществами. Инфраструктурные решения, туристические проекты, социальная поддержка, развитие транспортной доступности и цифровых услуг должны соотноситься с реальными практиками повседневной жизни населения. В противном случае формальное развитие территории может не привести к укреплению её социальной устойчивости.

Социопропространственный подход позволяет рассматривать государственную политику не только как управление территориями, но и как управление условиями социальной связности. Для Кабардино-Балкарской Республики это означает необходимость согласования федеральных и региональных стратегий с локальными формами самоорганизации, историко-культурной памятью, ресурсами горных территорий и интересами местных жителей.

Литература

1. Баденков Ю.П. Жизнь в горах. Природное и культурное разнообразие – разнообразие моделей развития. М.: ГЕОС, 2017. 479 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Бурдьё П. Начала / пер. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
4. Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
5. Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география / пер. С.П. Баньковской // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. С. 25–46.
6. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
7. Дюркгейм Э. Метод социологии // Западноевропейская социология XIX – начала XX веков. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. С. 256–309.
8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. и прим. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1996. 432 с.
9. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4. С. 23–34.
10. Зиммель Г. Кант. Шестнадцать лекций, прочитанных в Берлинском университете // Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. С. 5–146.
11. Зиммель Г. О скрещении социальных кругов // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 412–420.
12. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3–12.
13. Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 297–424.
14. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».
15. Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».
16. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года».

17. Распоряжение Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 29.12.2025 № 810-рп «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кабардино-Балкарской Республики до 2040 года».

18. Hägerstrand T. What about People in Regional Science? // Papers of the Regional Science Association. 1970. Vol. 24. № 1. P. 7–21.

19. Pred A. The Choreography of Existence: Comments on Hägerstrand's Time-Geography and Its Usefulness // Economic Geography. 1977. Vol. 53. № 2. P. 207–221.

20. Werlen B. Society, Action and Space: An Alternative Human Geography. London: Routledge, 1993. 249 p.

ANALYSIS OF THE CONCEPT OF SOCIAL SPACE IN THE CONTEXT OF MODERN RUSSIA'S DEVELOPMENT: THE CASE OF THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC

Chechenov A.M., Azamatova G.K.

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

The article examines the concept of social space as an interdisciplinary category that makes it possible to analyze the development of modern Russian society through the unity of territorial, institutional, cultural and communicative factors. Particular attention is paid to the applicability of this category to the study of regions with a complex natural-geographical, ethno-cultural and settlement structure. The Kabardino-Balkarian Republic is considered as a regional example, where social space is shaped by mountain-valley landscape, settlement patterns, local identities, transport accessibility, tourist and recreational potential, and state spatial development policy.

The paper analyzes the main approaches to the understanding of social space in classical and contemporary social theory: E. Durkheim's social morphology, G. Simmel's concept of social circles and social distance, P.A. Sorokin's idea of multidimensional social space, urban sociology of the Chicago School, A. Giddens' theory of structuration, P. Bourdieu's concept of social fields and forms of capital, and T. Hägerstrand's time-geographical approach. It is shown that social space is not limited to physical territory, but represents a dynamic system of relations combining geographical localization, social positions, everyday practices, resources, institutions and symbolic forms of belonging.

Using the Kabardino-Balkarian Republic as an example, the article substantiates the importance of the socio-spatial approach for analyzing the development of urban, rural and mountain local communities. The conclusion is made that the effectiveness of spatial development depends not only on infrastructure decisions, but also on the ability of public policy to take into account the internal structure of local communities, their historical and cultural specificity, self-organization practices and real trajectories of everyday mobility of the population.

Keywords: social space, spatial development, region, Kabardino-Balkarian Republic, local community, mountain territories, social morphology, social distance, time geography, spatial policy, social construction.

References

1. Badenkov Yu.P. Life in the Mountains. Natural and Cultural Diversity as Diversity of Development Models. Moscow: GEOS, 2017. 479 p.
2. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Moscow: Medium, 1995. 323 p.
3. Bourdieu P. In Other Words / translated by N.A. Shmatko. Moscow: Socio-Logos, 1994. 288 p.
4. Bourdieu P. Practical Reason / translated from French. Saint Petersburg: Aleteiya, 2001. 562 p.
5. Werlen B. Society, Action and Space: An Alternative Social Geography / translated by S.P. Bankovskaya // Russian Sociological Review. 2001. Vol. 1. No. 2. P. 25–46.
6. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Moscow: Akademicheskyy Proekt, 2005. 528 p.
7. Durkheim E. The Method of Sociology // Western European Sociology of the 19th – Early 20th Centuries. Moscow: International University of Business and Management, 1996. P. 256–309.
8. Durkheim E. The Division of Labour in Society / translated and annotated by A.B. Gofman. Moscow: Kanon, 1996. 432 p.
9. Simmel G. The Metropolis and Mental Life // Logos. 2002. No. 3–4. P. 23–34.
10. Simmel G. Kant. Sixteen Lectures Delivered at the University of Berlin // Simmel G. Selected Works. Vol. 1. Philosophy of Culture. Moscow: Yurist, 1996. P. 5–146.
11. Simmel G. The Intersection of Social Circles // Simmel G. Selected Works. Vol. 2. The View of Life. Moscow: Yurist, 1996. P. 412–420.
12. Park R. The City as a Social Laboratory // Russian Sociological Review. 2002. Vol. 2. No. 3. P. 3–12.
13. Sorokin P.A. Social and Cultural Mobility // Sorokin P.A. Man. Civilization. Society. Moscow: Politizdat, 1992. P. 297–424.
14. Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014 “On Strategic Planning in the Russian Federation”.
15. Decree of the President of the Russian Federation No. 13 of January 16, 2017 “On Approval of the Fundamentals of the State Policy of Regional Development of the Russian Federation for the Period up to 2025”.
16. Order of the Government of the Russian Federation No. 4146-r of December 28, 2024 “On Approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2030 with a Forecast up to 2036”.
17. Order of the Government of the Kabardino-Balkarian Republic No. 810-rp of December 29, 2025 “On Approval of the Strategy for Socio-Economic Development of the Kabardino-Balkarian Republic up to 2040”.
18. Hägerstrand T. What about People in Regional Science? // Papers of the Regional Science Association. 1970. Vol. 24. No. 1. P. 7–21.
19. Pred A. The Choreography of Existence: Comments on Hägerstrand's Time-Geography and Its Usefulness // Economic Geography. 1977. Vol. 53. No. 2. P. 207–221.
20. Werlen B. Society, Action and Space: An Alternative Human Geography. London: Routledge, 1993. 249 p.

Чжан Сюйжоу,

магистр, Тяньцзиньский университет иностранных языков
E-mail: zhang_svoboda@163.com

В данной статье на основе теории критического дискурс-анализа Н. Фэрклоу(КДА), а также обоснованной теории в сочетании с методами корпусной лингвистики анализируются языковые особенности текстов, касающихся «Востока», в ежегодных докладах Валдайского клуба за 2020–2025 годы. Анализ проводится на трёх уровнях – текстовом-практическом, дискурсивно-практическом и социально-практическом с использованием таких инструментов, как анализ высокочастотных слов, коллокаций и кодирование. В статье также раскрываются политические, экономические и культурные причины, лежащие в основе выявленных языковых особенностей. Исследование показывает, что в ежегодных докладах Валдайского клуба образ «Востока» конструируется как образ стран мирового большинства, которые характеризуются независимостью и самостоятельностью, прагматичным сотрудничеством и устойчивым подъёмом, несмотря на внешнее давление.

Ключевые слова: Образ Востока, Валдайский Клуб, Критический Дискурс-Анализ, Обоснованная Теория, Корпус

Введение

В феврале 2024 года президент России Владимир Путин заявил, что Россия готова к диалогу со всеми странами, при этом одним из приоритетных направлений развития России на ближайшую перспективу названы Азиатско-Тихоокеанский регион и «Глобальный Юг». Это свидетельствует о том, что внешняя политика России всё в большей степени ориентируется на взаимодействие со странами Востока. Валдайский клуб является одним из наиболее влиятельных международных политических форумов в России, и его ежегодные заседания в определённой мере отражают внешнеполитическую ситуацию и стратегические ориентиры страны. В связи с этим ежегодные доклады Валдайского клуба представляют собой хороший материал для исследования эволюции образа Востока в российском дискурсе. В условиях трансформации евразийской архитектуры, на фоне ускорения стратегии «поворота на Восток», формирование и изучение образа Востока в ежегодных докладах Валдайского клуба приобретает как актуальность, так и практическую значимость.

Предпосылки исследования

По мере того как страны Востока приобретают всё большую значимость на международной арене, исследование образа Востока привлекает широкое внимание как отечественных, так и зарубежных учёных. Китайские исследователи в основном изучают образ Востока в китайской и западной литературе, кинематографе, новостных репортажах и т.д., при этом фокусируются преимущественно на образе Китая. Например, Лю Пин и Дун Гэгэ на основе корпусного критического дискурс-анализа провели эмпирическое сравнительное исследование дискурса официальных представителей дипломатических ведомств Китая и США на пресс-конференциях, сопоставив конструирование образа Китая в их выступлениях; Линь Фэнминь на материале «Тысячи и одной ночи» обобщил представления арабов об образе Востока; Ли Сюэвэй обобщила характеристики образа Востока в американских анимационных фильмах. В китайской академической среде редко встречаются исследования образа Востока с российской точки зрения на основе политических текстов, а также методы исследования преимущественно традиционны, эмпирических исследований с использованием корпусов недостаточно. В.С. Коваленко, исходя из дихотомии Востока и Запада, проанализировал эволюцию образов «Запада» и «Востока» в выступлениях президента России на Валдайском форуме в 2008–2017 годах; О.Ю. Малинова, привлекая внешнего «Другого», сопоставила образ США и образ Китая в выступлениях президента России в 2000–2015 годах. В российской науке преимущественно изучается сопоставление образов Запада и Востока, однако системных исследований эволюции образа Востока в политическом дискурсе недостаёт, к тому же в последние годы соответствующих работ выходит немного. В связи с этим в настоящей работе предполагается использовать трёхмерную модель дискурс-анализа Н. Фэрклоу и трёхуровневое кодирование обоснованной теории для анализа ежегодных докладов Валдайского клуба за 2020–2025 годы с целью выявления эволюции образа Востока в данных текстах и раскрытия значимости и влияния стран Востока для России.

Трёхмерная модель Н. Фэрклоу рассматривает дискурс на уровнях текстовой, дискурсивной и социальной практики, которым соответствуют этапы описания, интерпретации и объяснения. Текстовый уровень направлен на выявление языковых характеристик, дискурсивный на интерпретацию механизмов конструирования значений, а социальный на объяснение их связи с политическим, экономическим и культурным контекстом. Такой подход позволяет объединить анализ языковых особенностей докладов с интерпретацией механизмов формирования образа Востока.

На уровне анализа дискурсивной практики данное исследование фокусируется на порождении дискурсивного содержания и применяет обоснованную теорию для кодирования дискурсивного содержания с целью выявления внутренней логики дискурса. Обоснованная теория включает три этапа кодирования: открытое кодирование, осевое кодирование и выборочное кодирование. Открытое кодирование представляет собой процесс декомпозиции и отбора исходных материалов, сравнения полезной информации, выделения понятий и обобщения

категорий. На этапе осевого кодирования необходимо исследовать связи между первоначальными понятиями, выделенными на предыдущем этапе, и обобщить их в несколько основных категорий. Задача этапа выборочного кодирования заключается в дальнейшем обобщении основных категорий, анализе внутренних связей между ними, выделении центральной категории, которая охватывает всю совокупность данных, и объединении всех категорий вокруг неё до достижения теоретического насыщения.

Дизайн исследования

Исследовательский корпус

Материал исследования составили шесть ежегодных докладов Валдайского клуба, опубликованных в 2020–2025 гг. и размещённых на официальном сайте клуба. Выбор данного временного периода обусловлен существенными изменениями международной обстановки и усилением восточного направления российской внешней политики.

Вопросы исследования

Данное исследование направлено на ответ на следующие вопросы:

1. Каковы особенности дискурса, связанного с «Востоком», в ежегодных докладах Валдайского клуба за 2020–2025 годы?
2. Какой образ Востока конструируется в ежегодных докладах?
3. Как эволюционирует образ Востока?

Процесс исследования

В данной статье предполагается на основе трёхмерной модели дискурс-анализа Н. Фэрклоу проанализировать эволюцию образа «Востока» в ежегодных докладах Валдайского клуба за 2020–2025 годы, а также причины этой эволюции на трёх уровнях: текстовой практики, дискурсивной практики и социальной практики. Во-первых, на уровне текстовой практики с помощью программного обеспечения AntConc 3.5.9 обрабатывается корпус, выявляются высокочастотные слова и коллокации с указанием их частотности, а также составляются соответствующие таблицы. Во-вторых, на уровне дискурсивной практики, фокусируясь на порождении дискурса, с помощью обоснованной теории проводится категориальное кодирование дискурса, касающегося образа «Востока», и на основе результатов кодирования выстраивается когнитивная рамка образа «Востока». В-третьих, на уровне социальной практики объясняются политические, экономические и культурные причины, обуславливающие эволюцию образа Востока в ежегодных докладах.

Результаты исследования

Анализ текстовой практики в ежегодных докладах Валдайского клуба (2020–2025 гг.)

Согласно толкованию в «Толковом словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова, слово восток имеет следующие значения: (1) одна из четырёх сторон света и направление, противоположное западу; часть горизонта, где восходит солнце; (2) местность, расположенная в этом направлении, а также (с прописной буквы) страны, находящиеся в этом направлении, противопоставляемые Европе и Америке; (3) Ближний Восток обозначает регион, охватывающий Западную Азию и северо-восточную часть Африканского континента; Дальний Восток обозначает восточную часть Азии, включая восточные регионы России, Корею и некоторые другие страны. Исследователь использовал программное обеспечение для морфологического анализа Mystem 3.1 для приведения всех слов в текстах ежегодных докладов к начальной форме, после чего с помощью AntConc 3.5.9 был извлечён список частотности слов. Путём ручного отбора ключевых слов, связанных с понятием «Восток», включая названия основных восточных стран, региональные обозначения и производные прилагательные, было получено распределение частотности по годам, как показано в Таблице 1.

Таблица 1. Статистика частотности слов, связанных с «Востоком»

Год	Основные единицы	Частота
2020	Китай / китайский	6
2021	Китай	5
2022	Китай / КНР	8
	Индия	2
	Индонезия	2
2023	Китай / КНР	23
	Индия	5
2024	КНР / китайский	9

Год	Основные единицы	Частота
	Индия	4
	Иран	4
2025	КНР / китайский	11
	незападный	4
	Азия / азиатский	6

Как видно из Таблицы 1, в 2020–2021 гг. дискурс о «Востоке» характеризовался относительно узким референтным диапазоном и в значительной степени концентрировался вокруг Китая. Помимо представленных в таблице наиболее частотных единиц, в корпусе встречаются отдельные упоминания Малайзии, Вьетнама, Пакистана, Узбекистана, Японии и других стран Востока. Начиная с 2022 г. референтное поле заметно расширяется: наряду с Китаем всё более регулярно упоминаются Индия и другие государства Азии. В 2023 г. частотность упоминаний Китая достигла максимального значения 23 раза, что подтверждает его центральное положение в дискурсивном конструировании Востока. В 2024–2025 гг. одновременно усиливается присутствие более широких обозначений – «Азия», «азиатский» и «незападный»; наряду с ними в корпусе используется и обозначение «Глобальный Юг». Это позволяет говорить о постепенном переходе от преимущественно странового представления Востока к его интерпретации как более широкой геополитической и коллективной общности.

Для выявления конкретного образа, приписываемого «Востоку» в докладах, исследователь использовал слово «Китай» в качестве поискового запроса для извлечения коллокатов с наиболее значимой совместной встречаемостью, применяя показатель взаимной информации (MI) для измерения силы ассоциации. Чем выше значение MI, тем меньше вероятность случайной совместной встречаемости, и тем более релевантным является семантическая связь для отражения дискурсивных тенденций доклада. Итоговые отобранные значимые коллокаты представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Номер	MI	Коллокат	Эмоционально-оценочная окраска
1	6.97356	верный	позитивная
2	6.3886	суверенитет	позитивная
3	6.2366	незападный	нейтральная
4	5.80364	торговый	позитивная
5	5.03497	сотрудничество	позитивная
6	3.3106	отношение	нейтральная

Как видно из Таблицы 2, тремя коллокатами с наивысшей силой совместной встречаемости с Китай являются **верный** (MI = 6,97), **суверенитет** (MI = 6,39) и **незападный** (MI = 6,24). В целом, коллокаты с положительной семантикой составляют пять позиций (верный, суверенитет, торговый, сотрудничество, союз), нейтральные – две позиции (незападный, отношение), отрицательные коллокаты отсутствуют, что свидетельствует о том, что в докладах странам Востока, представленным Китаем, приписывается положительная оценка. Совокупность указанных коллокатов конструирует следующие три измерения образа Китая.

Во-первых, образ надёжной великой державы. **Верный** и **суверенитет** занимают первые два места по силе коллокационной связи, составляя ядерные атрибуты образа Китая. **Верный** в русском языке содержит значения «прошедший испытание, неспособный на предательство», что закрепляет Китай в качестве устойчивой стратегической опоры России в турбулентной международной обстановке. **Суверенитет**, в свою очередь, перекликается с неизменно отстаиваемым в российском внешнеполитическом дискурсе принципом верховенства суверенитета, связывая Китай с суверенитетом и формируя его образ как независимого центра силы, уважающего международное право и не вмешивающегося во внутренние дела других государств. В докладах слово «Китай» часто употребляется в одном ряду со словами «США» и «Россия». В Примере 1 Китай наряду с США и Россией позиционируется как одна из «трёх великих держав» – такое соположение не только признаёт реальное международное влияние Китая, но и на дискурсивном уровне возводит Китай в ранг, равный США и России. В Примере 2 Китаю присваивается статус новой сверхдержавы, что усиливает его стратегический образ как великой державы в системе международных отношений.

Пример 1: Пока судьба всеобщей стабильности, действительно, становится жертвой противоречий между самыми могущественными странами – США, Россией и Китаем.

Пример 2: Международная система после Второй мировой войны, наиболее привычная для большинства в силу своей относительной простоты, предусматривала наличие специфического феномена – сверхдержав... С 2013 года движение к похожему статусу начал Китай, предложивший концепцию «Пояса и пути» как часть более широкой философской доктрины «Сообщество единой судьбы».

Во-вторых, образ партнёра. Коллокаты **сотрудничество** и **торговый** определяют Китай как важного партнёра России соответственно с двух измерений: политической координации и экономической взаимовыгоды. В дискурсивной системе докладов экономическое измерение является важной составляющей в определении сотрудничества, что напрямую связано с такими реалиями, как инициатива «Один пояс, один путь» и устойчивый рост объёма торговли между Китаем и Россией. В политическом плане доклады позиционируют Китай как диалогового партнёра России, с которым можно координировать позиции и совместно выступать в международных делах.

В-третьих, образ представителя мирового большинства. Коллокат **незападный** занимает третье место по силе коллокационной связи, при этом его дискурсивная функция заключается не в описании внутренних характеристик Китая, а в конструировании его международной идентичности через противопоставительное определение «незападный». В Примере 3 доклад объединяет «Восток» и западные страны «Глобального Юга» под общим наименованием «страны мирового большинства», придавая им коллективную идентичность. Данный термин через количественное противопоставление «большинства» и «меньшинства» деконструирует дискурсивную гегемонию Запада, который привык называть себя «международным сообществом», – Запад перестаёт быть представителем универсальных ценностей и предстаёт как меньшинство.

Пример 3: Страны мирового большинства (так в России принято называть сообщество незападных государств Глобального Юга и Востока) блоковой дисциплине не подвержены.

Анализ дискурсивной практики в ежегодных докладах Валдайского клуба (2020–2025 гг.)

Различные типы категориального кодирования не только непосредственно отражают ключевую информацию об образе «Востока» в текстах, но и выявляют скрытые субъективные установки и стратегические интенции производителей дискурса. При этом иерархические отношения и модели связей между категориями совместно выполняют идеологическую функцию придания реальности смыслов и нормативного структурирования восприятия у аудитории. В данном разделе трёхуровневый метод кодирования обоснованной теории применяется на уровне дискурсивной практики критического дискурс-анализа с целью выявления стратегий дискурсивного конструирования образа «Востока» в ежегодных докладах Валдайского клуба через систематическую категориальную индукцию и теоретическую абстракцию.

Открытое кодирование. Фрагменты ежегодных докладов Валдайского клуба за 2020–2025 гг., связанные с образом Востока, были импортированы в NVivo 14.0 и подвергнуты пофразовому открытому кодированию. В процессе анализа смысловые единицы последовательно концептуализировались и объединялись по принципу семантической близости. В результате было сформировано 65 начальных кодов, которые в ходе сопоставления и концептуального обобщения были объединены в 23 начальные категории. Они отражают основные направления конструирования образа Востока: рост политической и экономической субъектности, внешнее давление, стратегическую автономию, сотрудничество и участие в трансформации международного порядка. Результаты представлены в Таблице 3.

Таблица 3. Результаты открытого кодирования

Год	Начальные категории
2020	Негегемонистское позиционирование великой восточной державы (A1); Рост экономической субъектности Азии (A2)
2021	Наличие геополитических конфликтов между странами Востока (A3); Санкционное давление и военная уязвимость Востока (A4)
2022	Подчинённое положение Востока в гегемонистской системе (A5); Процесс превращения Китая в сверхдержаву (A6); Экономические связи Китая и России и вызов существующей системе (A7); Механизмы автономии Глобального Юга (A8); Хабовая роль средних держав Востока (A9); Стратегическая сдержанность Китая (A10)

Год	Начальные категории
2023	Китай как символ завершения западной гегемонии и передачи власти (A11); Дискурсивная власть не-Запада (A12); Нормативное конструирование многополярности Китаем и Россией (A13); Внешние ограничения безопасности и технологического догоняния Китая (A14); Формирование цифрового суверенитета стран Востока (A15); Центробежные тенденции союзников США на Востоке (A16)
2024	Ответственность Востока за глобальную стабильность и зависимость в сфере безопасности (A17); Сосуществование и параллельный подъём великих держав Востока (A18); Санкции, технологическая блокада и контрмеры Китая (A19); Углубление российско-китайских цепочек поставок и формирование параллельной системы (A20); Стратегическая автономия и традиция независимого сотрудничества на Востоке (A21)
2025	Множественная напряжённость и риски ядерной безопасности на Востоке (A22); Антикризисная координация Китая и России и автономная дипломатия Востока (A23)

Осевое кодирование. Осевое кодирование представляет собой этап, на котором на основе открытого кодирования начальные категории органически связываются между собой и обобщаются в более укрупнённые категории. В результате данного процесса исследователь выделил 5 основных категорий, включая такие, как «страны Востока находятся на подъёме», «страны Востока находятся под давлением», «страны Востока как строители международной системы» и другие. Результаты осевого кодирования представлены в Таблице 4.

Таблица 4. Результаты осевого кодирования

Основная категория	Начальные категории
Страны Востока находятся на подъёме	A1, A2, A6, A11, A12, A15, A16, A17
Страны Востока находятся под давлением	A3, A4, A5, A14, A22
Страны Востока как строители международной системы	A7, A8, A9, A13, A19, A20
Страны Востока отстаивают независимость и самостоятельность	A10, A21
Сотрудничество стран Востока	A18, A23

Для выявления динамики образа Востока основные категории были дополнительно сопоставлены с годами их проявления в корпусе. Наличие соответствующей категории в материалах конкретного года обозначено знаком «✓» в Таблице 5.

Таблица 5. Типы образа Востока в ежегодных докладах Валдайского клуба

Типы образа Востока	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Страны Востока находятся на подъёме	✓		✓	✓	✓	
Страны Востока находятся под давлением		✓	✓	✓	✓	✓
Страны Востока как строители международной системы			✓	✓	✓	
Страны Востока отстаивают независимость и самостоятельность			✓	✓	✓	✓
Сотрудничество стран Востока			✓		✓	✓

Как показывает Таблица 5, образ Востока постепенно усложняется: если на раннем этапе доминировали темы подъёма и внешнего давления, то с 2022–2023 гг. всё заметнее становятся мотивы самостоятельности, системного строительства и сотрудничества. Таким образом, Восток всё чаще репрезентируется не только как объект внешних ограничений, но и как самостоятельный субъект трансформации международного порядка.

Выборочное кодирование. Выборочное кодирование представляет собой дальнейшую абстракцию и обобщение осевого кодирования. В данном исследовании в результате выборочного кодирования были выделены три основные категории: внешние факторы, траектория действий, а также цели и результаты, которые раскрывают реальное положение стран Востока в текущей международной архитектуре, их стратегии реагирования и перспективы развития.

На уровне внешних факторов страны Востока сталкиваются как со структурными возможностями ростом экономической субъектности Азии, ускорением превращения Китая в сверхдержаву, усилением

автономии механизмов Глобального Юга, так и с продолжающимся давлением – подавлением со стороны гегемонистской системы, технологической блокадой, ограничениями в сфере безопасности и рисками ядерной безопасности. На уровне траектории действий страны Востока демонстрируют ярко выраженную автономию и ориентацию на сотрудничество, отвечая на внешнее давление и активно формируя международный порядок через такие стратегии, как отстаивание не-

зависимости и самостоятельности, углубление регионального сотрудничества и ведение самостоятельной дипломатии. На уровне целей и результатов стратегическая направленность стран Востока сводится к двум основным темам: подъём и строительство. Повышая свой международный статус и превращаясь из получателей правил в строителей международной системы, они в то же время постоянно сталкиваются с множественными вызовами международной системы.

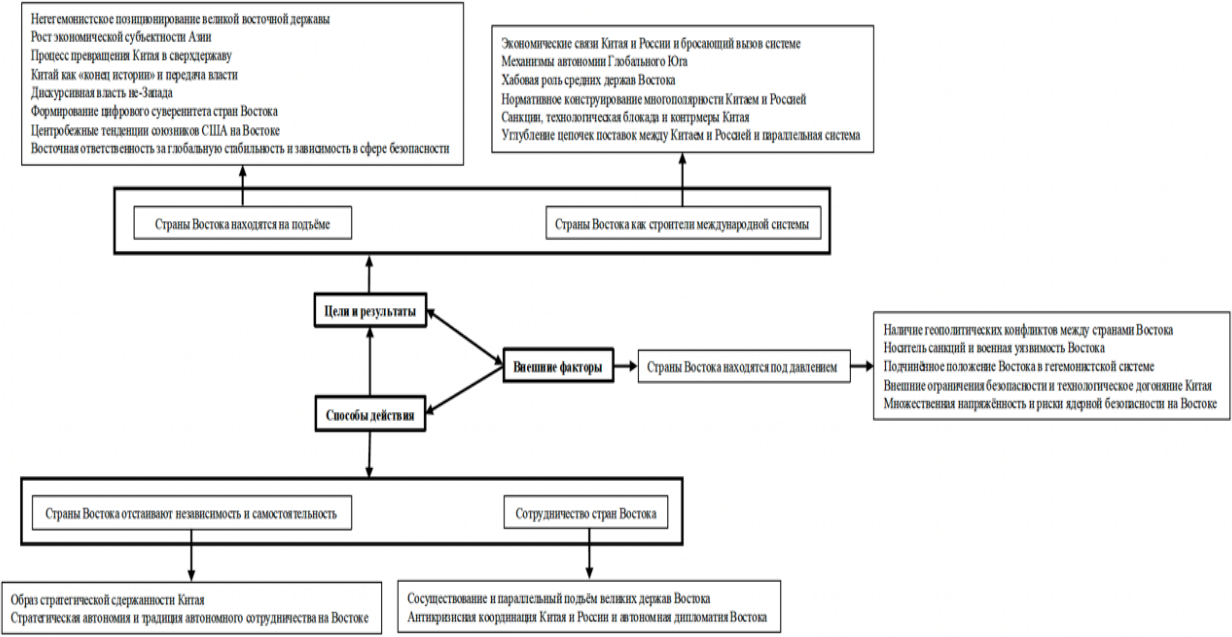

Рис. 1. Результаты выборочного кодирования

Проверка теоретической насыщенности заключается в том, что в процессе анализа текста не появляются новые категории; её цель – обеспечить научность процесса исследования в рамках обоснованной теории и достоверность результатов. В данном исследовании были проанализированы 5 текстовых фрагментов, оставленных для проверки теоретической насыщенности; процедура анализа была идентична предыдущему процессу кодирования. Полученные в результате открытого и осевого кодирования понятия и категории вошли в состав ранее выделенных 5 основных категорий, при этом после сопоставительного анализа новых категорий не образовалось. Таким образом, предварительно построенная на основе выборочного кодирования теоретическая модель является насыщенной.

Анализ социальной практики в ежегодных докладах Валдайского клуба (2020–2025 гг.)

Ежегодные доклады Валдайского клуба тесно связаны с социальной практикой: их тексты являются частью социальной практики и детерминируются социальной структурой. Поэтому анализ социальной практики данных текстов должен фокусироваться на политическом, экономическом и культурном контексте.

С политической точки зрения, конструирование образа «Востока» в ежегодных докладах Валдайского клуба представляет собой не просто пассивное отражение объективной реальности, но и дискурсивную стратегию, служащую достижению конкретных политических целей России. Доклады формируют образ Востока как партнёра, созвучного политической позиции России. Данное дискурсивное конструирование, во-первых, на фоне эскалации российско-украинского конфликта обеспечивает легитимацию стратегии «поворота на Восток», представляя внешнеполитический разворот как закономерный шаг, обусловленный изменениями в международной обстановке; во-вторых, через позитивное изображение образа Востока укрепляется самоидентификация России как сторонника многополярного мира, а также опосредованно осуществляется критика Запада, поскольку позитивный образ стран Востока противопоставляется негативному гегемонистскому образу Запада.

С экономической точки зрения, на фоне усиления западных санкций против России, роста китайско-российского экономического и торгового сотрудничества вопреки неблагоприятной конъюнктуре и ускорения процесса дедолларизации, в ежегодных докладах подчёркивается важность стран Востока как экономических партнёров

и акцентируется стратегическая ценность экономических связей между Китаем и Россией. Это одновременно является как отражением реальных изменений в экономической структуре, так и ответом на насущные потребности российской экономики в рамках «поворота на Восток».

С культурной точки зрения, Россия на протяжении длительного времени находилась в состоянии колебаний между восточной и западной культурной идентичностью. Конструирование образа Востока в ежегодных докладах Валдайского клуба в определённой степени также представляет собой дискурсивную практику реконструкции российской культурной идентичности. Доклады в известной мере перекликаются с традициями отечественного евразийства, формируя образ Востока как партнёра, разделяющего с Россией ценности противостояния гегемонии и неприятия вмешательства во внутренние дела.

Заключение

В данной статье на основе самостоятельно сформированного корпуса ежегодных докладов Валдайского клуба за 2020–2025 годы, в сочетании с трёхмерной моделью дискурс-анализа Н. Фэрклоу и трёхуровневым кодированием обоснованной теории, анализируются языковые особенности ежегодных докладов Валдайского клуба за 2020–2025 годы на трёх уровнях: тексто-практическом, дискурсивно-практическом и социально-практическом. На основе обсуждения результатов корпусных данных и трёхуровневого кодирования соответствующего дискурса данное исследование показывает, что в ежегодных докладах Валдайского клуба за 2020–2025 годы образ Востока конструируется как образ стран мирового большинства, которые характеризуются независимостью и самостоятельностью, прагматичным сотрудничеством, устойчивым подъёмом, несмотря на внешнее давление, и активным формированием нового порядка международной системы.

В данной статье трёхмерная модель анализа и трёхуровневое кодирование обоснованной теории применяются к текстам на русском языке, предпринимается попытка корпусно-ориентированного описания текстов, формирующих образ, что имеет определённое практическое значение для исследования образа «Востока» в официальном политическом дискурсе России. Исползованные в работе программа лемматизации, методика создания корпуса и анализа могут служить полезным ориентиром для лингвистических исследований. На основе корпусных данных и трёхуровневого кодирования в работе представлен процесс конструирования образа «Востока» в ежегодных докладах Валдайского клуба за 2020–2025 годы, а также выявлена роль неко-

торых дискурсивных особенностей в формировании данного образа. Вместе с тем данное исследование не лишено определённых недостатков, которые проявляются главным образом в относительной ограниченности источников корпуса, а также в том, что, несмотря на стремление к объективности в процессе трёхуровневого кодирования, результаты кодирования могут нести на себе отпечаток субъективных представлений исследователя.

Литература

1. Лю Пин, Дун Гэгэ. Сравнительное исследование конструирования образа Китая на пресс-конференциях внешнеполитических ведомств Китая и США: на основе корпусного критического дискурса-анализа // Обзорные журналистики и коммуникации. – 2024. – Т. 77, № 2. – С. 106–118.
2. Линь Фэнминь. Образ Востока и представление о Другом в «Тысяче и одной ночи» // Исследования зарубежной литературы. – 2004. – № 2. – С. 122–128, 175.
3. Ли Сюэвэй. Восточный колорит в американских анимационных фильмах // Литература кино. – 2018. – № 5. – С. 120–122.
4. Коваленко, В.С. Эволюция образа «Запада» и «Востока» в выступлениях президента РФ на Валдайском форуме (2008–2017) // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – 2018. – URL: <https://www.hse.ru/en/edu/vkr/219430625?vision=enabled>.
5. Малинова, О.Ю. Использование внешнего «Другого»: сравнительный анализ представлений о США и Китае в высказываниях президента России (2000–2015) // Исследования России. – 2015. – № 5 (195). – С. 177–196.
6. Fairclough, N. Language and Power. – London: Longman, 2001.
7. Corbin, J.M. Basics of Grounded Theory: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory – 4th ed. – Thousand Oaks: SAGE Publications, 2014. – P. 132.
8. Strauss, A.L. Qualitative Analysis for Social Scientists – New York: Cambridge University Press, 1987. – P. 78.
9. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка – Москва: Мир и Образование, 2019.

A DISCOURSE STUDY OF THE IMAGE OF THE EAST IN THE ANNUAL REPORTS OF THE VALDAI DISCUSSION CLUB (2020–2025)

Zhang Xurou

Tianjin Foreign Studies University

Drawing on Norman Fairclough's theory of Critical Discourse Analysis (CDA), grounded theory, and methods of corpus linguistics, this study examines the linguistic features of discourse concerning the "East" in the annual reports of the Valdai Discussion Club from 2020 to 2025. The analysis is conducted at three levels—textual practice, discursive practice, and social practice—using such methods as high-frequency word analysis, collocation analysis, and coding. The study also explores the political, economic, and cultural factors underlying the identified linguistic features. The findings show that the image of the "East" in the Valdai Discussion Club's annual reports is constructed as that of the countries of the global majority, characterized by independence and autonomy, pragmatic cooperation, and sustained rise despite external pressure.

Keywords: Image of the East, Valdai Discussion Club, Critical Discourse Analysis, Grounded Theory, Corpus

References

1. Liu, P., & Dong, G. Comparative Study of the Construction of China's Image at Press Conferences of the Foreign Affairs Departments of China and the United States: A Corpus-Based Critical Discourse Analysis // Journalism and Communication Review. – 2024. – Vol. 77, No. 2. – P. 106–118.
2. Lin, F. The Image of the East and the Imagination of the Other in One Thousand and One Nights // Foreign Literature Studies. – 2004. – No. 2. – P. 122–128, 175.
3. Li, X. Eastern Elements in American Animated Films // Film Literature. – 2018. – No. 5. – P. 120–122.
4. Kovalenko, V.S. Evolution of the Images of the "West" and the "East" in the Speeches of the President of the Russian Federation at the Valdai Forum (2008–2017) // National Research University Higher School of Economics. – 2018. – URL: <https://www.hse.ru/en/edu/vkr/219430625?vision=enabled>.
5. Malinova, O. Yu. Using the External "Other": A Comparative Analysis of Representations of the United States and China in the Statements of the President of Russia (2000–2015) // Russian Studies. – 2015. – No. 5 (195). – P. 177–196.
6. Fairclough, N. Language and Power. – London: Longman, 2001.
7. Corbin, J.M. Basics of Grounded Theory: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory – Thousand Oaks: SAGE Publications, 2014. – P. 132.
8. Strauss, A.L. Qualitative Analysis for Social Scientists – New York: Cambridge University Press, 1987. – P. 78.
9. Ozhegov, S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language. – Moscow: Mir i Obrazovanie, 2019.

Становление «Газпрома» как субъекта энергетической дипломатии в условиях распада СССР (1989–1991 гг.)

Шадрин Данила Андреевич,

магистрант, кафедра истории России новейшего времени,
Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: danil.shadrin.1960@mail.ru

Статья посвящена анализу становления «Газпрома» как самостоятельного субъекта энергетической дипломатии в 1989–1991 годы. Показано, как описанные институциональные изменения обеспечили «Газпрому» внешнеэкономическую самостоятельность и способствовали его превращению в самостоятельного субъекта энергетической дипломатии в период распада СССР (1989–1991 гг.). Особое внимание уделено двум взаимосвязанным аспектам: трансформации организационных форм международного сотрудничества – от межправительственных соглашений к механике совместных предприятий (СП) и контрактных отношений; а также дипломатическим практикам «Газпрома», направленным на защиту экспортных интересов при разрыве единого экономического пространства и росте внешней конкуренции.

Ключевые слова: энергетическая дипломатия, «Газпром», распад СССР, внешнеэкономическая самостоятельность, институциональная трансформация, совместные предприятия, VNG, Ruhrgas, Туркменская ССР.

Введение

Помимо того, что исследуемый период является одним из самых сложных и противоречивых периодов в отечественной истории, он также представляет собой важнейший этап трансформации газовой отрасли СССР и России. Государственный газовый концерн «Газпром» уже тогда являлся стратегически важным объектом советской энергетической отрасли, в первую очередь, за счет увеличенного удельного веса природного газа в топливном балансе СССР. Именно в этот период закладывались базовые принципы работы компании «Газпром», формировались ее ключевые направления внешнеэкономической деятельности. Знания такого рода основ способствуют более глубокому и комплексному пониманию современной энергетической политики Российской Федерации.

Под энергетической дипломатией в данном исследовании понимается деятельность корпоративных акторов по защите экспортных интересов на внешних рынках с использованием переговорных, институциональных и финансовых инструментов.

В основе данного исследования лежит широкий корпус документов Российского государственного архива экономики (РГАЭ), фонд 799 (Оп. Ключевые документы, использованные в работе, включают: отчет ВО «Зарубежгаз» о сбытовой деятельности за 1989 г. и пояснительную записку к отчетам по всем видам деятельности (Д. 72); «Экономико-статистический обзор. Газовая промышленность СССР» за 1989 г. (Д. 14); сборники поручений и материалов по выполнению поручений Совета СССР, содержащие докладные записки, справки и корреспонденцию по внешнеэкономическому и научно-техническому сотрудничеству (Д. 368, том 1; Д. 369, том 2); материалы об участии делегации ГК «Газпром» в XVIII Международном газовом конгрессе (Берлин, июль 1991 г., Д. 1187); а также протоколы и постановления совместных заседаний правления ГК и соответствующих отраслевых организаций (Д. 350, Д. 769). Важно подчеркнуть, что все описанные дела, за исключением Д. 14 и Д. 1187, имеют пустой лист использования – то есть фактически не вводились в научный оборот; это усиливает научную новизну исследования. Представленные в работе архивные документы позволяют по-новому взглянуть на положение СССР/России в рамках существующей научной парадигмы.

Представленная тема является относительно малоизученной. В настоящее время исторических исследований, посвященных непосредственно истории компании «Газпром» и тем более ее отдельным аспектам, практически нет – ни для 1990-х, ни для 2000-х годов. Имеющиеся в свободном доступе работы, касающиеся зарубежной активности компании, например, «Внеэкономическая деятельность ПАО «Газпром» на рынках стран Европейского Союза» (авторы: Савицкий М.А., Горшков В.В., Сахинов В.Д. – год издания: 2022, портал «Elibragu») и статья «Внеэкономическая деятельность ОАО «Газпром» на рынках стран Европейского Союза» П.Г. Сидоренковой (портал «Киберленинка»), фокусируются преимущественно на коммерческих аспектах внешнеэкономической деятельности в 2000-е годы и не рассматривают «Газпром» в качестве самостоятельного актора энергетической дипломатии, тогда как начальный этап становления «Газпрома» как субъекта энергетической дипломатии в условиях распада СССР (1989–1991) до сих пор не получил комплексного анализа. Существует также множество исследований по истории как советской, так и российской газовой промышленности, например, серия научных статей про советскую газовую промышленность Гончарова С.А.. В основном исследования, посвященные компании «Газпром», связаны с бизнесом, менеджментом, политологией, экономической аналитикой, технологическими аспектами и так далее.

Обретение внешнеэкономической самостоятельности

Нарастающий экономический кризис накануне распада СССР ускорил поиск новых организационно-экономических форм управления газовой отраслью. Уже к началу 1990-х годов нефтегазовая отрасль оказалась в критическом состоянии. Падение темпов добычи газа, сокращение количества ввода новых мощностей, прогрессирующее технологическое отставание от конкурентов, острый дефицит капиталовложений и свободно конвертируемой валюты – все это было характерно для газовой отрасли в исследуемый период: «Преобразования в газовой отрасли

происходили на фоне нарастающего экономического кризиса в стране, приведшего к падению производства, инфляции и товарному голоду. Союзные структуры управления экономикой с каждым днем теряли свой контроль за республиканскими министерствами. Правительства многих республик откровенно саботировали решения союзного кабинета министров» [1 с. 69]. В 1991 году за 7 месяцев введено всего 875 км газопроводов, или 10% от годового плана» [8, Л.7]. В 1985 году было введено 595 скважин, в 1986-м – 600, в 1987-м – 674, в 1988-м – 636, то в 1989 году этот показатель снизился до 385 скважин – минимума за весь рассматриваемый период [9].

Вертикаль министерского управления не способна была в полной мере обеспечить технологическую модернизацию, вопросы поиска новых организационно-правовых форм стали ответной реакцией на ухудшающееся положение советской экономики. Под «новыми» организационно-правовыми формами принято считать такие структуры, как концерны, ассоциации и консорциумы, которые должны были сочетать в себе элементы государственного регулирования с большей хозяйственной самостоятельностью и самофинансированием: «Единственной отраслью, которая в конце 1980-х гг. смогла начать успешно перестраиваться на рыночной основе, стала газовая промышленность» [1 с. 67].

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 8 августа 1989 г. № 619 «Об образовании Государственного газового концерна «Газпром»» Министерство газовой промышленности было упразднено, а на его основе учрежден Государственный газовый концерн «Газпром» [3]. Согласно 12-му пункту данного постановления концерн получил законное право вести дела с зарубежными партнерами – от экспортных операций до создания совместных предприятий.

В 1990 году у концерна появляется собственный банк – Газпромбанк [4]. Это дало Газпрому возможность оперативно управлять финансовыми потоками, как внутренними, так связанными с экспортом, и снизило зависимость от государственных банков, тем самым укрепляя хозяйственную самостоятельность концерна в финансовом секторе.

Экспортные функции в СССР в газовой отрасли выполняли два все-союзных объединения в системе Министерства внешних экономических связей СССР (МВЭС). Первое из них – Всесоюзное объединение «Союзгазэкспорт», учрежденное еще в 1973 году, выступало оператором по экспорту природного газа из СССР. Второе – Всесоюзное объединение «Зарубежгаз» – курировало исполнение зарубежных контрактов на строительство газовых объектов, занималось организацией служебных командировок, отвечало за поставку различного оборудования. В 1991 году оба этих объединения – «Союзгазэкспорт» и «Зарубежгаз» – были объединены и переданы в состав компании «Газпром», а на их основе создано Государственное внешнеэкономическое предприятие (ГВП) «Союзгазэкспорт», которое после декабря 1991 года преобразовалось в ГВП «Газэкспорт». В 1993 году ГВП «Газэкспорт» было реорганизовано в дочернее внешнеэкономическое предприятие ПАО «Газпром» (ВЭП) «Газэкспорт» – предшественника современного ООО «Газпром экспорт» (1997 г.). Присоединение в 1991 году «Союзгазэкспорта» и «Зарубежгаза» к структурам ГГК «Газпром» стало ключевым этапом институциональной трансформации отрасли, поскольку обеспечило корпорации прямой контроль над полным объемом экспортных операций, ранее находившихся в ведении союзного министерства

Становление «Газпрома» как самостоятельного субъекта внешнеэкономической деятельности было бы невозможным без унаследованной от СССР системы магистральных газопроводов. Именно экспортная инфраструктура, созданная в 1970–1980-е годы, обеспечила концерну оперативный выход на европейские рынки сбыта. Ключевыми элементами этой системы выступали газопроводы «Бухара – Урал», «Средняя Азия – Центр», «Сияние Севера», а также экспортные магистрали из Западной Сибири в Восточную и Западную Европу – «Союз» (1979) и «Уренгой – Помары – Ужгород» (1983). «Возрос удельный вес транспортируемого газа в суммарной добыче. Если в 1960 г. по магистральным газопроводам передавалось 55% всего добываемого газа, то уже в 1965 г. – 79,9%, в 1970 г. – 85,2%, в 1973 г. 86,6%» [5].

Руководство концерна также активно участвовало в прямых переговорах с главами иностранных энергетических корпораций и первыми лицами государств. Только за 1989 год Всесоюзным объединением «Зарубежгаз» было организовано 438 технических переговоров с участием 1469 иностранных и 2570 советских специалистов [10]. В условиях, когда традиционные каналы межгосударственного взаимодействия уже были не эффективны, способность хозяйствующего субъекта самостоятельно организовывать визиты высшего уровня становилась критерием его превращения в самостоятельного актора международных отношений.

В отчетной записке «Об итогах визита делегации «Газпрома» в Бельгию в ноябре–декабре 1989 года» зафиксировано, что: «Деле-

гация была принята первым заместителем Премьер-Министра, Министром экономики и планирования Бельгии господином Клаасом, Министром внешней торговли Бельгии Юрбеном и др.» [11, Л.23]. Это, в свою очередь, подчеркивает государственную значимость переговоров. Ключевое содержание визита касалось финансирования и поставок оборудования для создания газохимического и текстильного комплексов на базе Шуртанского месторождения в Узбекистане. Такого рода служебные поездки выступали важнейшим индикатором становления внешнеэкономической субъектности Газпрома.

Стоит также отметить письмо президента американской корпорации «Фрипорт-Макморан» Л.А. Клинтона на имя председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова (1990 г.). Из письма: «...а также сообщить Вам, что мы недавно пригласили г-на Черномырдина приехать с делегацией в течение недели начиная с 17 июля и посетить в США наши действующие объекты, имеющие отношение к данному проекту. «Фрипорт-Макморан» (ФМИ) является одной из крупнейших корпораций США, которая занимается разведкой, разработкой и добычей природных ресурсов. Компания входит в группу «Форчун-500» (500 с самыми крупными состояниями), ее ВВП в год составляет около 1.9 млрд американских долларов [11, Л.11].

XVIII Мировой газовый конгресс в Берлине (июль 1991 г.) стал площадкой, на которой «Газпром» впервые легитимировал себя перед международным сообществом как самостоятельный субъект энергетической дипломатии. Делегация концерна численностью 30 человек приняла участие в форуме, объединившем около 5 тыс. делегатов из 50 стран, на долю которых приходилось более 96% мировой добычи газа. Ключевым событием стало выступление председателя концерна В.С. Черномырдина с докладом «Газовая промышленность СССР: современное состояние и взгляд в будущее столетие». Программный тезис о том, что «Газпром» развивает отрасль «за счет заработанных им средств без участия государства» [12, Л.24], в условиях коллапса союзного бюджета 1991 г. позиционировал концерн как единственного платежеспособного контрагента, способного гарантировать экспортные обязательства независимо от судьбы политической надстройки. Статистические данные, приведенные в докладе (природный газ составлял свыше двух пятых производства первичных энергоресурсов СССР, 40% мировой добычи, развитая система подземных хранилищ газа – 46 объектов к 1989 г.), конструировали образ технологически зрелого и ресурсно избыточного игрока, способного страховать экспортные поставки [12, Л.25–27]. Появление Черномырдина на трибуне конгресса было символическим актом: мировой газовой элите был представлен лидер корпорации, демонстрировавший готовность действовать в новых геополитических реалиях.

Таким образом, в период с 1989–1991 год ГГК «Газпром» прошел путь от отраслевого министерства к самостоятельному хозяйствующему субъекту. Концерн к 1991 году обладал полной экспортной самостоятельностью, собственной финансовой инфраструктурой. Наряду с этим сложилась практика прямых переговоров с зарубежными партнерами на уровне руководства концерна.

Дипломатия «Газпрома» в новых геополитических реалиях: от межправительственных соглашений до совместных предприятий

Обретение внешнеэкономической самостоятельности создало необходимые институциональные и правовые предпосылки для изменения форматов международного взаимодействия «Газпрома». На смену политически мотивированным экспортным поставкам пришли рыночные принципы взаимодействия с зарубежными партнерами. В рамках совместных предприятий управление осуществлялось уже на долевой основе, это предполагало реальное распределение ответственности между участниками. «Газпром» выступал в этих отношениях как самостоятельная сторона в распределении уставного капитала и выработке стратегических решений. Создание совместных предприятий в 1989–1991 стало для компании «Газпром» инструментом выживания в условиях кризиса советской экономики, когда доступ к западным технологиям и рынкам приобретал критическое значение.

В советский период одним из ключевых форматов международного сотрудничества в газовой отрасли выступали межправительственные соглашения. Подобные договоренности, как правило, касались реализации масштабных проектов по освоению новых газодобывающих районов, примером чему может служить разработка, например, Ямбургского месторождения, в рамках которой были заключены отдельные межправительственные соглашения с (ЧССР, 1985), (ГДР, 1986), (ПНР, 1983), (СРР, 1984) и (НРБ, 1986), которые предполагали участие иностранных партнеров на различных стадиях производственного цикла. Государство в таких соглашениях выступало в качестве главного

субъекта переговоров. Такого рода соглашения сохраняли свою юридическую силу вплоть до конца 1980-х годов. Однако их практическая реализация сталкивалась с определенными трудностями.

Например, в письме Миннефтегазстроя СССР от 16 мая 1990 г. констатировалось, что «позиция Венгерской стороны срывает реализацию принятых ею обязательств в рамках Межправительственного соглашения от 30 декабря 1985 года» [11, Л. 271]. При этом венгерская сторона настаивала на переходе к расценкам мирового рынка и отказывалась от поставок труб большого диаметра и специальной техники.

Аналогичные проблемы фиксировались в отношениях с Польшей: «польские строительные организации прекращают в 1990 году строительство объектов газовой промышленности в рамках Межправительственных соглашений и переходят на коммерческие условия строительства» [11, Л.205].

Румынская сторона также выдвигала условия о сотрудничестве на коммерческих условиях: «Румынская сторона подтвердила готовность осуществить в 1990–1995 годах строительство под ключ жилья и объектов, однако выдвинула при этом условие о сотрудничестве в строительстве этих объектов на коммерческих условиях по ценам мирового рынка с оплатой услуг как поставками газа, так и рядом других сырьевых товаров (нефть, сера, хлопок). Переход к сотрудничеству на данных условиях приведет к удорожанию строительных услуг в 1,5–2 раза по сравнению с условиями упомянутого Соглашения от 19 июля 1984 года. Достичь договоренностей с Румынской стороной на предложенных нами условиях пока не удалось» [11, Л.6]. Впоследствии все это привело к постепенному отказу от модели межправительственных соглашений в пользу совместных предприятий как более коммерчески ориентированной формы взаимодействия.

Разнородность совместных предприятий демонстрирует таблица из дела № 350, содержащая 12 СП, учредительные документы которых датированы преимущественно 1989 г. [13]. Уставные фонды колебались от 18,6 тыс. руб. («Сагоэр») до 4 млн руб. («Интерпроком») и 0,4 млн долл. («Газкро»). Лидером по числу проектов стали США (4 СП – «Сагоэр», «Тюмгазамко», «Газкро», «Совтексавтоматика»), основной вектор – нефтегазовые технологии и автоматизация. ФРГ присутствовала в высокотехнологичных нишах (компьютеризация, электроника), Италия – в инфраструктурном проекте «Энергоинжиниринг» (энергосбережение, турбины), страны СЭВ – в проектах по производству товаров народного потребления и сельскому хозяйству. Примечательно, что доминирование американских партнеров в структуре совместных предприятий «Газпрома» отражало прагматический запрос на передовые нефтегазовые технологии и управленческие компетенции, которые США предлагали на коммерческой основе. В отличие от межправительственных соглашений советского периода, где сотрудничество со странами СЭВ строилось преимущественно на политико-идеологических обязательствах, американские проекты изначально исходили из рыночной логики: доступ к технологиям обменивался на доступ к ресурсам. Также все сотрудничество строилось на доле-вой основе в рамках рынка.

Стоит также отметить, что во многих СП советская сторона сохраняет за собой 50 процентов и более, оставляя рычаги управления, как например в «Тюмгазамко» с 51 процентом, «Росбри» с 75 процентами и «Агригаз» с 80 процентами. Также распространена схема паритетного участия 50 на 50, как в «Записбинвест», «Сагоэр», «Совтексавтоматика» и «Интерпроком», где решения принимаются совместно. В некоторых случаях, например в «Энергоинжиниринге», у итальянцев 49 процентов, что дает им почти контроль над технологической частью, а в «Интерпроком» у иностранцев 50 процентов, при этом венгерские и немецкие партнеры могут иметь различные интересы. Стратегии концерна были направлены на сохранение контрольных рычагов управления при привлечении иностранных технологий и капитала. Паритетные пакеты советской стороны в большинстве проектов обеспечивали ей решающее влияние на стратегические решения.

Переход от межправительственных соглашений к совместным предприятиям ознаменовал сдвиг в форматах международного взаимодействия «Газпрома» с зарубежными партнерами. Если прежняя модель сотрудничества основывалась чаще всего на политических мотивированных обязательствах союзных государств и предполагала доминирующую роль государства как главного субъекта переговоров, то совместные предприятия открыли для концерна возможность действовать в качестве самостоятельного переговорщика, руководствующегося коммерческими принципами.

Энергетическая дипломатия «Газпрома» в условиях дезинтеграции союзного пространства

Становление «Газпрома» как самостоятельного субъекта энергетической дипломатии в рассматриваемый период было обусловлено изменением

самой природы международных переговоров в газовой сфере. Если в советское время экспортные функции осуществлялись через отраслевое министерство и внешнеторговые объединения («Союзгазэкспорт», «Зарубежгаз»), то к началу 1990-х годов концерн оказался перед необходимостью уже самостоятельно выстраивать переговорные стратегии, отстаивая, прежде всего, технологическую целостность Единой системы газоснабжения. Единая система газоснабжения – гигантский технологический комплекс, включающий в себя объекты добычи, переработки, транспортировки, хранения и распределения газа. Также необходимо было сохранять контроль над экспортными потоками в условиях нарастающей фрагментации прежней системы управления.

Дипломатическая работа «Газпрома» в этот период разворачивалась в условиях стремительной дезинтеграции прежнего экономического и правового пространства. Межреспубликанские связи, составлявшие основу функционирования Единой системы газоснабжения, разрушались, а магистральные газопроводы, построенные в советское время и связывавшие месторождения с конечными потребителями, к 1991 году оказались проложенными через территории новых уже независимых государств. Стоит также подчеркнуть, что в 1991 году концерн: «потерял треть трубопроводов и четверть мощности компрессорных станций, подземные хранилища» [6]. Стремление стран использовать транзитную инфраструктуру как рычаг давления и инструмент извлечения максимальных выгод было вполне закономерным. Наиболее показательным примером конфликта, обнажившего фундаментальное противоречие между централизованной моделью распределения ресурсов и нарастающими притязаниями республик, стала перепалка между руководством Туркменской ССР и ГТК «Газпром» в 1990 году.

Логика туркменской стороны была изложена в обращении к заместителю председателя Совета Министров СССР В.С. Ситаряну от 7 сентября 1990 года. В письме акцент смещался на многолетний характер поставок и их негативные социально-экономические последствия для республики: «Туркменская ССР, выполняя свой интернациональный долг перед страной, обеспечивает в течение ряда лет поставку природного газа республикам. За эти годы поставлено около 1 триллиона 200 миллиардов кубометров газа, часть его составляют экспортные поставки, за которые республика до сего времени не имела валютных отчислений. Это послужило одной из причин систематического отставания республики в своем социально-экономическом развитии и снижения жизненного уровня ее населения в сравнении с другими регионами страны» [13, Л.135–136]. Опираясь на распоряжение СМ СССР № 1120р от 14 июля 1990 г., которым была установлена поставка газа на 1991 г., в т.ч. на экспорт 113 млрд куб. м («что составляет 13,2 процента объема производства» [13, Л.135–136]), туркменская сторона требовала «установить экспортную долю республики в объеме производства газа в размере 13,2 процента и определить величину валютных отчислений за 1991 год» [13, Л.135–136]. Туркменская сторона настаивала на прямом пропорциональном распределении валютной выручки, исходя из объемов добычи на своей территории, это, в свою очередь, означало суверенизацию ресурсной ренты.

Ответная позиция ГТК «Газпром» была изложена в письме председателя концерна В.С. Черномырдина от 27 сентября 1990 г. на имя заместителя председателя Совета Министров СССР В.С. Ситаряну. Концерн настаивал на приоритетном праве отраслевого центра на валютные отчисления, аргументируя это критической зависимостью газовой отрасли от импортного оборудования и материалов, производство которых в СССР практически отсутствовало: «Для бесперебойного функционирования ЕСГ СССР, строительства и эксплуатации новых объектов, обеспечивающих прирост добычи и переработки углеводородных ресурсов в Западной Сибири и других регионах, необходимы оборудование, материалы, химические реагенты, катализаторы, производство которых в нашей стране практически отсутствует» [13, Л.135–136]. Черномырдин приводил расчеты: «для этих целей требуется закупить материально-технические ресурсы на сумму 1902 млн руб., в том числе для концерна – на 1305 млн руб.» [13, Л.135–136], и настаивал на том, что «лимит отчислений валютной выручки за экспорт природного газа в 1991 году должен быть установлен не менее 50%, в том числе концерну «Газпром» – 34% и Миннефтегазстрою СССР – 16%» [13, Л.135–136]. При этом концерн подчеркивал, что «задержка решения этого вопроса может привести к резкому снижению объемов добычи и переработки газа и конденсата не только в 1991 году, но и в последующие годы», а размер валютных отчислений республикам, по его мнению, «должен определяться соответствующими союзными органами вне зависимости от валюты, выделяемой концерну «Газпром»». Наиболее принципиальным оказался вопрос о доле туркменского газа в общесоюзном экспортном балансе. Концерн радикально пересчитывал ее в сторону понижения, используя для этого технологический аргумент о несоответствии качества туркменского сырья экспортным

требованиям: «Что же касается Туркменской ССР, концерн сообщает, что добыча газа в 1991 году намечается на уровне 85 млрд куб.м. Это составляет 10,2% от общесоюзной добычи. Так как качество туркменского газа не соответствует требованиям контрактов, поставка его на экспорт технологическими схемами не предусмотрена» [13, Л.135–136]. Однако Черномырдин признавал, что туркменский газ может использоваться для замещения более качественного сырья в приграничных регионах: «использование его в зонах прохождения экспортных газопроводов – в Саратовской, Волгоградской, Воронежской областях и Донбассе – в объеме около 40 млрд куб.м. позволяет обеспечивать установленные поставки на экспорт». На этом основании концерн заключал: «доля туркменского газа, которая должна учитываться при расчете валютных отчислений, не превышает 4,8% от общесоюзной добычи и соответственно объема экспорта» [13, Л.135–136].

Туркменская ССР, апеллируя к принципу территориального суверенитета над недрами и многолетнему «интернациональному долгу», требовала прямой доли в валютной выручке от экспорта газа пропорционально объемам добычи на своей территории. Концерн, оперируя категориями технологической целостности магистральных потоков и несоответствия качества туркменского сырья экспортным спецификациям, настаивал на приоритетном праве отраслевого центра на валютные отчисления для поддержания работоспособности инфраструктуры. По существу, в документах зафиксирован момент разрыва единого экономического пространства: республика больше не воспринимала поставки газа как элемент внутрисоюзного перераспределения, а требовала конвертации ресурсного вклада в твердую валюту для компенсации отставания в социально-экономическом развитии. Концерн, в свою же очередь, предупреждал о неминуемом коллапсе добычи в случае изъятия валютных средств, необходимых для импорта критически важного для газовой отрасли оборудования, и тем самым выстраивал переговорную позицию, в которой системные интересы отрасли противопоставлялись региональным притязаниям.

Дипломатическая активность «Газпрома» не ограничивалась внутрисоюзными конфликтами. Не менее острый вызов возник на европейском направлении, где концерн столкнулся с попыткой вытеснения с традиционных рынков в многолетнем объединении Германии. Архивный документ ПП-34225 от 23 августа 1990 г. «О защите интересов советской стороны при экспорте природного газа в ГДР и ФРГ» [13, Л.101–102] фиксирует критическую ситуацию, сложившуюся на германском газовом рынке в преддверии объединения ГДР и ФРГ. Существовала угроза утраты советской стороной традиционного рынка сбыта природного газа в Восточной Европе и возможной потере прямого доступа к конечным потребителям на объединенном европейском рынке. Важно подчеркнуть, что германский рынок был стратегическим для советского экспорта. В экономико-статистическом обзоре «Газовая промышленность СССР» за 1989 год приводятся следующие данные [8, Л.10]. Экспорт природного газа в 1989 году поставлялся Советским Союзом в 15 стран: ЧССР, ГДР, Венгрию, Польшу, НРБ, Румынию, СФРЮ, Австрию, Италию, Францию, ФРГ, Зап. Берлин, Швейцарию, Турцию, Финляндию. В 1989 году экспорт природного газа из СССР составил 101,9 млрд куб.м. Крупнейшим покупателем являлась Федеративная Республика Германия (ФРГ), получившая 17,9 млрд куб.м. Значительные объёмы также направлялись в Чехословакию (ЧССР) – 13,1 млрд куб. м, Италию – 11,5 млрд куб. м, Францию – 8,7 млрд куб.м., ГДР – 7,4 млрд куб. м, и др. Приведённые данные позволяют заключить, что на долю Германии приходилась существенная часть советского газового экспорта.

К августу 1990 года сложилась уникальная конъюнктура: СССР оставался единственным поставщиком газа для ГДР, а приватизация восточногерманской газотранспортной компании *Verbundnetz Gas* (VNG) создала условия для установления монопольного контроля со стороны западногерманского концерна «Ruhrgas». Как указывалось в документе, «в августе 1990 года А.О. «Ruhrgas» приобрело 35% акций этой компании и 10% приобрела Бригитта Гмбх, связанная с А.О. «Ruhrgas» через капитал» [13, Л.101–102], причём «Ruhrgas» был готов депонировать стоимость ещё 30% акций. Одновременно через правительство ГДР предпринимались шаги по передаче VNG исключительных прав на закупку всего советского газа для территории ГДР, что, как подчёркивалось в документе, «означало бы получение А.О. Рургаз монопольного положения на газовом рынке Германии после её объединения» [13, Л.101–102] и «практически исключало бы возможность прямой реализации советского природного газа на западно-европейском рынке» [13, Л.101–102].

Перед советской стороной вставала перспектива утраты самостоятельного статуса экспортёра: советский газ превращался бы в обыкновенное сырьё, закупаемое посредником, лишая тем самым СССР контроля над ценообразованием. В ответ на эту угрозу «Газпром» при

содействии экспертов МВЭС СССР подал заявку на приобретение пакетов акций газовых компаний ГДР, однако эта оборонительная стратегия оказалась недостаточно эффективной.

В рассматриваемый период «Газпром» столкнулся с двумя взаимосвязанными вызовами: на внутрисоюзном уровне – переговорный торг связанный с распределением валютной выручки; на европейском направлении – противодействие попыткам конкурентов через приватизацию и монополизацию лишить СССР прямого доступа к рынку сбыта природного газа. В обоих случаях «Газпром» выступал как самостоятельный переговорщик, отстаивавший системные интересы. Германский эпизод, завершившийся неудачей в борьбе за VNG, продемонстрировал пределы оборонительной стратегии. Ответом на этот вызов стало создание совместного предприятия Wingas с концерном BASF в 1993 году. Как отмечали эксперты, соглашение между «Газпромом» и BASF могло «не только серьезно подорвать монополию концерна RUHRGAS, до сих пор доминировавшего на газовом рынке ФРГ, но и существенно повлиять на региональную конкурентную борьбу» [7].

В период 1989–1991 гг. «Газпром» прошел институциональную трансформацию, преобразовавшись из отраслевого министерства в самостоятельного субъекта энергетической дипломатии. Обретение внешнеэкономической самостоятельности (т.е. упразднение отраслевого министерства, передача экспортных функций от «Союзгазэкспорта» и «Зарубежгаза», создание Газпромбанка) и публичная легитимация на XVIII Мировом газовом конгрессе в Берлине (1991 г.) заложили институциональную основу для нового статуса концерна. Самостоятельность, прежде всего, проявилась в переходе от межправительственных соглашений к совместным предприятиям, это, в свою очередь, стало вынужденной реакцией на кризис прежней модели сотрудничества. Анализ 12 СП, созданных в 1989–1990 гг., демонстрирует диверсификацию направлений и стремление «Газпрома» сохранить контрольные пакеты акций при привлечении иностранных технологий. Также в условиях дезинтеграции союзного пространства концерн столкнулся с вызовами: переговорным торгом с Туркменской ССР о распределении валютной выручки и попыткой западногерманского «Ruhrgas» через приватизацию «VNG» лишить Советский Союз прямого доступа к европейским потребителям. В обоих случаях «Газпром» выступал как самостоятельный переговорщик. Становление «Газпрома» как субъекта энергетической дипломатии было вынужденным ответом на геополитические сдвиги, заложившим основу для его последующего превращения в ключевого игрока глобального энергетического рынка.

Литература

- Донин А.Н., Николаев А.Н. «Газпром»: от министерства к государственному газовому концерну // *CyberLeninka*. – 2023. – С. 67–69. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gazprom-ot-ministerstva-k-gosudarstvennomu-gazovomu-kontsernu> (дата обращения: 21.06.2026).
- Постановление Совета Министров СССР от 8 августа 1989 г. № 619 (с изм. от 11.10.1990) «Об образовании Государственного газового концерна «Газпром» [Электронный ресурс]. – URL: <https://meganorm.ru/Data2/1/4294852/4294852678.htm> (дата обращения: 27.07.2026).
- Газпромбанк [Электронный ресурс] // Банк России: [сайт]. – URL: <https://cbr.ru/finorg/foinfo/?ogrn=1027700167110> (дата обращения: 23.06.2026).
- Овчаренко Е.В. Становление и развитие газовой промышленности в России (1913–1975 гг.) // *Научные труды*. – С. 71.
- Пусенкова Н.Н. Российский «Газпром» в газпромовской России. – М., 2010. – URL: <https://ru-90.ru/node/1320> (дата обращения: 27.07.2026).
- «ГАЗПРОМ» И BASF: ДВОЕ НА ОДНОГО [Электронный ресурс] // *Коммерсантъ*. – 1990. – 15 окт. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/266775> (дата обращения: 21.06.2026).
- РГАЭ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 769. Л. 49.
- РГАЭ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 14. Л. 7., Л. 10.
- РГАЭ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 72. Л. 31.
- РГАЭ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 368. Л. 6, 11, 23, 64, 271.
- РГАЭ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 1187. Л. 24, 25–27.
- РГАЭ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 350. Л. 22–25.
- РГАЭ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 369. Л. 101–102, 135–136.

THE FORMATION OF GAZPROM AS A SUBJECT OF ENERGY DIPLOMACY DURING THE DISSOLUTION OF THE USSR (1989–1991)

Shadrin D.A.

Russian State University for the Humanities

This article examines the formation of Gazprom as an independent actor in energy diplomacy during the critical period of 1989–1991. It demonstrates how specific institutional

changes granted Gazprom external economic autonomy and facilitated its transformation into a sovereign subject of energy diplomacy amid the disintegration of the Soviet Union. Particular attention is paid to two interrelated dimensions: first, the transformation of organizational forms of international cooperation—from intergovernmental agreements toward the mechanism of joint ventures and contractual relations; and second, Gazprom's diplomatic practices aimed at safeguarding its export interests in the face of the rupture of the unified economic space and intensifying external competition. The study highlights the company's adaptive strategies and institutional agency during a period of systemic crisis. Keywords: energy diplomacy, Gazprom, dissolution of the USSR, external economic autonomy, institutional transformation, joint ventures, VNG, Ruhrgas, Turkmen SSR.

References

1. Donin, A. N., & Nikolaev, A. N. (2023). "Gazprom": From Ministry to State Gas Concern. *CyberLeninka*, pp. 67–69. Retrieved June 21, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/gazprom-ot-ministerstva-k-gosudarstvennomu-gazovomu-kontsernu> (in Russian).
2. Resolution of the Council of Ministers of the USSR No. 619 of August 8, 1989 (as amended on October 11, 1990) "On the Establishment of the State Gas Concern Gazprom" [Electronic resource]. Retrieved July 27, 2026, from <https://meganorm.ru/Data2/1/4294852/4294852678.htm> (in Russian).
3. Gazprombank [Electronic resource]. (n.d.). Bank of Russia [website]. Retrieved June 23, 2026, from <https://cbr.ru/finorg/foinfo/?ogrn=1027700167110> (in Russian).
4. Ovcharenko, E. V. (n.d.). Formation and Development of the Gas Industry in Russia (1913–1975). *Scientific Works*, p. 71 (in Russian).
5. Pusenkova, N. N. (2010). Russian Gazprom in Gazprom's Russia. Moscow. Retrieved July 27, 2026, from <https://ru-90.ru/node/1320> (in Russian).
6. "GAZPROM" AND BASF: TWO AGAINST ONE [Electronic resource]. (1990, October 15). *Kommersant*. Retrieved June 21, 2026, from <https://www.kommersant.ru/doc/266775> (in Russian).
7. Russian State Archive of the Economy (RGAE). F. 799. Inv. 1. File 769. Leaf 49.
8. Russian State Archive of the Economy (RGAE). F. 799. Inv. 1. File 14. Leaves 7, 10.
9. Russian State Archive of the Economy (RGAE). F. 799. Inv. 1. File 72. Leaf 31.
10. Russian State Archive of the Economy (RGAE). F. 799. Inv. 1. File 368. Leaves 6, 11, 23, 64, 271.
11. Russian State Archive of the Economy (RGAE). F. 799. Inv. 1. File 1187. Leaves 24, 25–27.
12. Russian State Archive of the Economy (RGAE). F. 799. Inv. 1. File 350. Leaves 22–25.
13. Russian State Archive of the Economy (RGAE). F. 799. Inv. 1. File 369. Leaves 101–102, 135–136.

Регионализация политики безопасности ЕС под воздействием миграционного кризиса и её последствия для шенгенского консенсуса

Шишлов Юрий Сергеевич,

магистр по направлению подготовки «Политология»,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: yurimooredale@gmail.com

В статье исследуется регионализация политики безопасности Европейского союза, ускоренная миграционным кризисом 2015–2016 гг., и её долгосрочное воздействие на шенгенский консенсус. Регионализация определяется как перераспределение практик и полномочий в сфере безопасности от единого наднационального контура к национальным и субрегиональным механизмам, возникающее вследствие различий в географическом положении государств, интенсивности миграционного давления и политическом восприятии угроз. На основе институционально-правового анализа, сравнительного метода и процессуальной трассировки выделены территориальное, институциональное и дискурсивное измерения данного процесса. Показано, что восстановление контроля на внутренних границах постепенно утратило характер краткосрочного исключения: основания контроля менялись от пикового миграционного давления к противодействию вторичным перемещениям, организованной преступности, терроризму и гибридным угрозам. Одновременно, расхождения государств в понимании солидарности затруднили реформирование Дублинской системы и способствовали развитию двусторонних и субрегиональных форм координации. Сделан вывод, что шенгенский консенсус не исчез, но трансформировался из безусловной презумпции открытых внутренних границ в условный режим, при котором свобода передвижения всё чаще зависит от национальной оценки безопасности и эффективности общеевропейских компенсаторных механизмов.

Ключевые слова: шенгенский консенсус, регионализация безопасности, миграционный кризис, секьюритизация миграции, внутренние границы, кризис солидарности, взаимное доверие, Европейский союз.

Введение

Шенгенское соглашение на протяжении нескольких десятилетий воспринималось как одно из наиболее наглядных достижений европейской интеграции. Отмена систематического контроля на внутренних границах обеспечивала не только свободу передвижения граждан, но и функционирование единого рынка, трансграничной занятости и повседневного взаимодействия приграничных регионов. Устойчивость этой модели основывалась на компенсаторной логике: государства отказывались от части национального пограничного контроля в обмен на единые правила охраны внешней границы, общие информационные системы, полицейское сотрудничество и взаимное признание решений в сфере виз и поиска убежища. Именно поэтому шенгенский консенсус следует понимать не только как совокупность правовых норм, но и как политическую презумпцию, согласно которой открытость внутренних границ является правилом, а их закрытие – строго ограниченным исключением.

Миграционный кризис 2015–2016 гг. стал критическим испытанием для этой презумпции. В 2015 г. в государствах – членах ЕС было зарегистрировано 1 255 600 первичных заявителей на предоставление международной защиты, что более чем вдвое превысило показатель предыдущего года [8]. Frontex зафиксировал около 1,8 млн обнаруженных нерегулярного пересечения внешних границ; при этом одно лицо могло учитываться более одного раза на различных участках маршрута [9]. Масштаб притока сам по себе не предопределял политический ответ, однако выявил структурные дефекты общей системы убежища: асимметричное распределение ответственности, ограниченные возможности перераспределения заявителей и зависимость всего пространства свободного передвижения от способности отдельных приграничных государств регистрировать и принимать прибывающих.

Цель статьи состоит в выявлении механизмов регионализации политики безопасности ЕС под воздействием миграционного кризиса и определении их последствий для шенгенского консенсуса. Объектом исследования выступает политика ЕС в сфере внутренней безопасности и управления границами, а предметом – территориальные, институциональные и дискурсивные формы её регионализации в 2015–2026 гг. Для достижения цели работы используются институционально-правовой анализ, сравнительный метод и метод процессуальной трассировки, позволяющий проследить переход от принятия экстренных мер 2015 г. к их последующей нормализации и частичной правовой институционализации. Эмпирическую основу составляют правовые акты и сообщения институтов ЕС, судебные решения, статистические материалы Eurostat и Frontex, а также исследования секьюритизации и кризисной динамики европейской интеграции [4, р. 83–90; 5, р. 969–976; 6, р. 3–8].

Теоретические основания и понятие регионализации безопасности

Теоретической отправной точкой исследования является концепция секьюритизации. В классическом подходе Б. Бузана, О. Вэвера и Я. де Вильде проблема становится вопросом безопасности не только в силу её объективных характеристик, но и вследствие политического представления в качестве экзистенциальной угрозы, требующей чрезвычайных мер [1, р. 23–26]. Применительно к миграции это означает, что решающее значение имеет не само перемещение людей, а способ, которым государственные институты, партии, средства массовой информации и профессиональные сообщества связывают его с терроризмом, преступностью, сохранением культурной идентичности или устойчивостью социальных систем.

Д. Биго дополняет данную логику анализом «управления безопасностью»: безопасность воспроизводится не только посредством исключительных политических заявлений, но и через повседневные практики полиции, пограничных служб, визовых органов и информационных систем [2, р. 63–72]. К. Коте-Буше, Ф. Инфантино и М. Салтер также показывают, что граница является не только линией на карте, но и совокупностью процедур идентификации, проверки риска и селекции мобильности [3, р. 195–199]. Следовательно, регионализация безопасности может происходить даже без формального изменения территориальных границ: достаточно, чтобы национальные ведомства

применяли общие нормы по-разному и создавали устойчивые географические контуры контроля.

В данной статье «регионализация политики безопасности» определяется как перераспределение практик, ресурсов и политической ответственности от единого наднационального режима к национальным и субрегиональным механизмам, основанным на сходстве угроз, географической близости и совпадении интересов государств. Это понятие не тождественно дезинтеграции. Регионализация может сочетаться с сохранением формально общих правил и даже временно повышать оперативность реагирования. Однако, при длительном воспроизводстве, она создаёт неодинаковые режимы мобильности внутри единого пространства и ослабляет фактор «универсальности» наднациональных обязательств.

Исследования кризисов ЕС демонстрируют, что функциональная взаимозависимость не всегда ведёт к углублению интеграции. Высокая политизация и связь проблемы с национальной идентичностью ограничивают пространство компромисса [4, р. 83–90]. Ф. Шиммельфенниг отмечает, что распределительные конфликты в Шенгенской системе оказались сложнее для наднационального разрешения, чем аналогичные функциональные дефициты в ряде других областей интеграции [5, р. 969–976]. А. Ниман и Н. Заун связывают кризис общей системы убежища с сочетанием институциональных пробелов и конфликтующих национальных предпочтений [6, р. 3–8]. С либерально-межправительственной точки зрения государства различались по степени воздействия негативных внешних эффектов, что не позволяло сформировать устойчивую коалицию реформ [5, р. 969–976; 6, р. 3–8]. Логика «движения вперёд через неполные решения» объясняет, почему новые меры ЕС часто устраняли непосредственные симптомы, но воспроизводили предпосылки будущих конфликтов [5, р. 976–983].

Миграционный кризис как триггер ресекьюритизации

До 2015 г. миграция уже являлась частью европейской повестки внутренней безопасности, однако кризис качественно изменил масштаб и интенсивность её секьюритизации. Рост числа прибывающих совпал с террористическими атаками, внутривнутриполитической поляризацией и опасениями относительно способности государственных институтов контролировать свою территорию. В публичной риторике произошло сближение разных категорий – беженцев, экономических мигрантов, нерегулярных пересечений, контрабанды людей и террористических угроз. Такое сближение не означало фактического тождества данных явлений, но создавало политическую возможность применять к миграции инструменты чрезвычайного управления.

Процесс ресекьюритизации развивался поэтапно. Первоначально основным аргументом была неспособность отдельных государств обработать резко возросший поток заявлений. Затем акцент сместился на предотвращение незарегистрированного транзита и вторичных перемещений внутри Шенгенской зоны. На следующем этапе миграционное давление стало объединяться с проблемами организованной преступности, терроризма и гибридного воздействия. Тем самым сохранялся один и тот же инструмент – контроль мобильности, – но основания его применения постепенно расширялись.

Механизмы фрагментации и ренессанс внутренних границ

Практическим выражением регионализации стала волна восстановления контроля на внутренних границах. В сообщении «Back to Schengen – A Roadmap» Европейская комиссия зафиксировала последовательное введение контроля Германией, Австрией, Словенией, Венгрией, Швецией, Норвегией, Данией и Бельгией в период с сентября 2015 г. по начало 2016 г. [10, р. 8–10]. Эти решения принимались в соответствии с исключениями, предусмотренными Шенгенским пограничным кодексом [7, ст. 25–29], но их совокупность создавала риск превращения временной реакции в новую модель функционирования пространства.

Динамика и обоснование продлеваемого внутреннего пограничного контроля в основных государствах Шенгена приведена в таблице 1.

Данные таблицы 1 свидетельствуют о постепенной нормализации исключительного режима. Первоначальные основания контроля, связанные с пиковым миграционным давлением и транзитом незарегистрированных лиц, со временем дополнялись ссылками на вторичные перемещения, терроризм, организованную преступность и иные угрозы внутренней безопасности. Смена обоснований при сохранении самого инструмента контроля показывает, что временное исключение стало воспроизводимой практикой управления рисками [10, р. 8–10; 20].

Правовые пределы этой практики были уточнены Судом ЕС. В решении по объединённым делам C-368/20 и C-369/20 Суд постановил, что последовательное продление контроля сверх установленного мак-

симального срока не может основываться на одной и той же серьёзной угрозе; для нового периода требуется возникновение новой угрозы [15, п. 79–81]. Решение подтвердило исключительный характер внутреннего контроля, но одновременно выявило разрыв между правовой логикой временности и национальной логикой непрерывного управления рисками.

Таблица 1. Динамика и обоснование продлеваемого внутреннего пограничного контроля в основных государствах Шенгена

Государство	Сектор границы	Первичное обоснование	Переход к вторичному обоснованию	Институциональная форма
Германия	Австрия	Пиковое миграционное давление	Угроза нелегальной миграции и гибридные угрозы	Полицейский мониторинг
Австрия	Словения, Венгрия	Отказ от переноса «проблемы» без регистрации	Сохранение нагрузки на систему убежища	Посты с выборочной проверкой
Дания	Германия	Неконтролируемый транзит мигрантов	Преступность и угрозы госбезопасности	Сочетание стационарного и мобильного контроля
Франция	Италия, Бельгия	Террористическая угроза после 2015 г.	Долгосрочная террористическая угроза	Режим чрезвычайного положения
Швеция	Дания	Крах системы приёма беженцев	Интеграция угрозы организованной преступности	Документарные проверки на транспорте

Составлено автором на основе [7, ст. 25–29; 20].

Реформа Шенгенского пограничного кодекса 2024 г. стала попыткой закрыть этот разрыв. Регламент (ЕС) 2024/1717 конкретизировал основания, процедуры оценки необходимости и пропорциональности, отчётность и предельные сроки продления контроля, а также усилил роль консультаций и альтернативных мер [16, ст. 25а–27]. С одной стороны, реформа ограничивает произвольное воспроизводство проверок. С другой – сам факт детальной регламентации длительных режимов показывает, что внутренний контроль перестал рассматриваться как исключительно краткий эпизод и стал устойчивым элементом кризисного управления.

Субрегионализация и формирование функциональных «мини-шенгенов»

Регионализация не сводилась к одностороннему закрытию границ. Параллельно развивались двусторонние и субрегиональные механизмы координации: совместные патрули, полицейские центры, обмен информацией, согласование проверок на отдельных транспортных маршрутах и договорённости о реадмиссии. В данном контексте термин «мини-шенген» целесообразно использовать не как обозначение формально созданной организации, а как аналитическую метафору функционального пространства, внутри которого группа соседних государств вырабатывает более плотный режим безопасности, чем существует на уровне всей Шенгенской зоны.

Важным признаком этого процесса стало распространение контроля за пределы физической линии границы. Проверки переносились на вокзалы, автомагистрали, транспортные узлы и приграничные территории, где применялись выборочные полицейские меры. Рекомендация Комиссии (ЕС) 2024/268 прямо ориентировала государства на полицейское сотрудничество, совместные операции, обмен информацией и меры внутри территории как альтернативу систематическому пограничному контролю [18, п. 8–17]. Это позволило сохранить юридическую открытость границы, но одновременно сделало контроль мобильным и менее заметным. Следовательно, регионализация может выражаться не только в появлении барьера, но и в распределении функций границы по внутреннему пространству государства.

Кризис солидарности и подрыв взаимного доверия

Раскол наиболее отчётливо проявился вокруг распределения ответственности за просителей убежища. Решение Совета (ЕС) 2015/1601 предусматривало временный механизм обязательного перемещения заявителей из Италии и Греции [11, ст. 4–5]. Польша, Венгрия и Чехия отказались выполнять предусмотренные обязательства, ссылаясь в том числе на вопросы внутренней безопасности. В 2020 г. Суд ЕС признал, что эти государства нарушили право Союза и не могли использовать общую ссылку на общественный порядок для уклонения от реализации решения [12, п. 187–191]. Юридическое разрешение

спора, однако, не устранило политического конфликта относительно содержания солидарности.

Для южных приграничных государств «солидарность» означала прежде всего перераспределение заявителей и признание охраны внешней границы общеевропейской обязанностью. Для северных и западных государств-реципиентов приоритетом было ограничение вторичных перемещений и обеспечение регистрации в государстве первого въезда. Для части центрально- и восточноевропейских стран солидарность понималась как финансовая, техническая или пограничная помощь, но не как обязательный приём лиц. Таким образом, государства спорили не только о распределении расходов, но и о самой единице распределения: людях, финансировании, персонале или инфраструктуре.

Эти различия блокировали устойчивую реформу Дублинской системы. Проект Дублинского регламента 2016 г. предусматривал корректирующий механизм распределения при чрезмерной нагрузке на отдельные государства [14, р. 16–18]. Однако предложения столкнулись с противоположными интересами: государства первого въезда стремились ослабить принцип национальной ответственности, государства назначения требовали жёсткого контроля вторичных перемещений, а противники квот отвергали обязательное перераспределение. Итогом стала длительная институциональная пауза, в течение которой национальные решения развивались быстрее общеевропейских.

Экстернализация контроля и пределы общеевропейского ответа

Одним из основных способов снизить давление на внутренние границы стала экстернализация миграционного контроля. Заявление ЕС – Турция от 18 марта 2016 г. предусматривало возвращение новых нерегулярных мигрантов с греческих островов в Турцию и развитие схемы переселения сирийцев по принципу «один за одного» [13]. В сочетании с усилением внешней границы этот механизм был рассчитан на снижение интенсивности восточномедиземноморского маршрута, но перенёс значительную часть управления миграцией на отношения с третьим государством.

Новый пакт о миграции и частичная рецентрализация управления

Новый пакт о миграции и убежище, представленный Комиссией в 2020 г., был направлен на преодоление раскола между ответственностью и солидарностью [17, преамбула, п. 1–12]. Его логика заключалась в объединении предварительного скрининга, пограничных процедур, обновлённой системы ответственности, ускоренного возвращения и постоянного механизма солидарности. В отличие от кризисных решений 2015 г., новый подход стремился встроить распределение нагрузки в предсказуемый правовой цикл.

Регламент (ЕС) 2024/1351 об управлении убежищем и миграцией заменил Дублинский регламент и закрепил ежегодный механизм солидарности [17, ст. 56–60]. Его компромиссная природа отражает опыт предыдущего кризиса: государства должны участвовать в общей системе, но формы вклада могут различаться и включать перемещение лиц, финансовую поддержку или альтернативные меры. Такая конструкция снижает вероятность прямого конфликта вокруг обязательных квот, однако одновременно институционализирует дифференциацию способов участия.

Актуальные данные подтверждают устойчивость этой двойственности. В докладе о состоянии Шенгена за 2026 г. Комиссия сообщила, что в 2025 г. число обнаружений незаконного пересечения внешней границы снизилось более чем на четверть и составило менее 180 тыс. Однако одновременно десять государств Шенгена сохраняли или продлевали внутренний пограничный контроль, мотивируя его миграционными и безопасностными рисками [19, р. 3–5]. Следовательно, снижение агрегированного миграционного давления не привело автоматически к возврату докризисной практики.

По состоянию на 10 июля 2026 г. официальный перечень Комиссии содержал действующие уведомления Австрии, Италии, Нидерландов, Норвегии, Дании, Польши, Германии, Швеции и Франции; основания включали нерегулярную миграцию, перегрузку систем убежища, организованную преступность, терроризм, саботаж и ухудшение международной обстановки [20]. Перечень носит динамический характер, но его структура демонстрирует расширение репертуара угроз. Миграционный кризис создал институциональный путь, по которому внутренний контроль позднее стал применяться к более широкому комплексу рисков.

Трансформация шенгенского консенсуса в условный режим

Трансформация проявляется в четырех признаках. Во-первых, внутренний контроль получил устойчивое место в национальном инстру-

ментарии. Во-вторых, последовательная смена обоснований позволяет сохранять меры при изменении исходной угрозы. В-третьих, взаимное доверие становится не презумпцией, а результатом постоянной оценки, мониторинга и проверки. В-четвёртых, двустороннее и субрегиональное сотрудничество частично замещает универсальные механизмы.

Именно поэтому более корректно говорить не об исчезновении, а об условности шенгенского консенсуса. Его действие теперь связано с выполнением ряда предпосылок: эффективной охраной внешней границы, работоспособностью процедур убежища и возвращения, обменом информацией и готовностью государств принимать участие в солидарных механизмах. Если хотя бы одна из предпосылок считается нарушенной, национальное ограничение мобильности получает политическую легитимность, даже если его правовые пределы остаются предметом контроля со стороны институтов ЕС.

Заключение

Проведённый анализ демонстрирует, что миграционный кризис 2015–2016 гг. стал не единственной причиной, но ключевым триггером регионализации политики безопасности ЕС. Он выявил несовпадение между высокой взаимозависимостью Шенгенской зоны и ограниченной готовностью государств разделять политические и социальные издержки управления миграцией. В ответ государства восстановили национальные инструменты контроля и одновременно начали формировать более плотные двусторонние и субрегиональные контуры сотрудничества.

Пакт о миграции и убежище и реформа Шенгенского кодекса свидетельствуют о частичной рецентрализации управления. Вместе с тем компромисс был достигнут посредством дифференциации форм солидарности и подробной регламентации исключений, а не через восстановление прежней безусловной модели. Поэтому последствия кризиса следует характеризовать не как необратимое разрушение Шенгена, а как устойчивую институциональную трансформацию: шенгенский консенсус превратился в условный механизм, в котором свобода передвижения сохраняется, но всё сильнее зависит от национальной оценки угроз и эффективности общеевропейских компенсаторных институтов.

Литература

1. Buzan B. Security: A New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Wæver, J. de Wilde. – Boulder; London: Lynne Rienner Publishers, 1998. – 239 p.
2. Bigo D. Security and Immigration: Toward a Critique of the Governmentality of Unease / D. Bigo // Alternatives: Global, Local, Political. – 2002. – Vol. 27, Special Issue. – P. 63–92. – DOI 10.1177/03043754020270S105.
3. Côté-Boucher K. Border Security as Practice: An Agenda for Research / K. Côté-Boucher, F. Infantino, M.B. Salter // Security Dialogue. – 2014. – Vol. 45, No. 3. – P. 195–208. – DOI 10.1177/0967010614533243.
4. Börzel T.A. From the Euro to the Schengen Crises: European Integration Theories, Politicization, and Identity Politics / T.A. Börzel, T. Risse // Journal of European Public Policy. – 2018. – Vol. 25, No. 1. – P. 83–108. – DOI 10.1080/13501763.2017.1310281.
5. Schimmelfennig F. European Integration (Theory) in Times of Crisis: A Comparison of the Euro and Schengen Crises / F. Schimmelfennig // Journal of European Public Policy. – 2018. – Vol. 25, No. 7. – P. 969–989. – DOI 10.1080/13501763.2017.1421252.
6. Niemann A. EU Refugee Policies and Politics in Times of Crisis: Theoretical and Empirical Perspectives / A. Niemann, N. Zaun // Journal of Common Market Studies. – 2018. – Vol. 56, No. 1. – P. 3–22. – DOI 10.1111/jcms.12650.
7. Council of the European Union. Regulation (EU) 2016/399 of the European Parliament and of the Council of 9 March 2016 on a Union Code on the rules governing the movement of persons across borders (Schengen Borders Code) (codification) [Электронный ресурс]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/399/oj/eng> (дата обращения: 26.06.2026).
8. Eurostat. Record Number of over 1.2 Million First Time Asylum Seekers Registered in 2015 [Электронный ресурс]. – 4 March 2016. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-euro-indicators/-/3-04032016-ap> (дата обращения: 10.07.2026).
9. European Border and Coast Guard Agency (Frontex). General Report 2015 [Электронный ресурс]. – Warsaw: Frontex, 2016. – URL: <https://prd.frontex.europa.eu/wp-content/uploads/consolidated-annual-activity-report-2015.pdf> (дата обращения: 10.07.2026).
10. European Commission. Back to Schengen – A Roadmap: Communication COM(2016) 120 final, 4 March 2016 [Электронный ресурс]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52016DC0120> (дата обращения: 10.07.2026).
11. Council Decision (EU) 2015/1601 of 22 September 2015 Establishing Provisional Measures in the Area of International Protection for the Ben-

efit of Italy and Greece // Official Journal of the European Union. – 2015. – L 248. – P. 80–94. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2015/1601/oj/eng> (дата обращения: 10.07.2026).

12. Court of Justice of the European Union. Judgment of 2 April 2020, European Commission v Republic of Poland, Hungary and Czech Republic, Joined Cases C-715/17, C-718/17 and C-719/17, ECLI: EU: C:2020:257 [Электронный ресурс]. – URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-715/17> (дата обращения: 10.07.2026).

13. European Council. EU–Turkey Statement, 18 March 2016 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/03/18/eu-turkey-statement/> (дата обращения: 10.07.2026).

14. European Commission. Proposal for a Regulation Establishing the Criteria and Mechanisms for Determining the Member State Responsible for Examining an Application for International Protection: COM(2016) 270 final, 4 May 2016 [Электронный ресурс]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52016PC0270> (дата обращения: 10.07.2026).

15. Court of Justice of the European Union. Judgment of 26 April 2022, Landespolizeidirektion Steiermark, Joined Cases C-368/20 and C-369/20, ECLI: EU: C:2022:298 [Электронный ресурс]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-368/20> (дата обращения: 10.07.2026).

16. Regulation (EU) 2024/1717 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 Amending Regulation (EU) 2016/399 on a Union Code on the Rules Governing the Movement of Persons across Borders // Official Journal of the European Union. – 2024. – L 2024/1717. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1717/oj/eng> (дата обращения: 10.07.2026).

17. Regulation (EU) 2024/1351 of the European Parliament and of the Council of 14 May 2024 on Asylum and Migration Management // Official Journal of the European Union. – 2024. – L 2024/1351. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1351/oj/eng> (дата обращения: 10.07.2026).

18. Commission Recommendation (EU) 2024/268 of 23 November 2023 on Cooperation between the Member States with Regard to Serious Threats to Internal Security and Public Policy in the Area without Internal Border Controls // Official Journal of the European Union. – 2024. – L 2024/268. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reco/2024/268/oj/eng> (дата обращения: 10.07.2026).

19. European Commission. 2026 State of Schengen Report: Communication COM(2026) 150 final, 18 May 2026 [Электронный ресурс]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52026DC0150> (дата обращения: 10.07.2026).

20. European Commission. Temporary Reintroduction of Border Control [Электронный ресурс]. – URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/schengen/schengen-area/temporary-reintroduction-border-control_en (дата обращения: 10.07.2026).

THE REGIONALIZATION OF EU SECURITY POLICY UNDER THE IMPACT OF THE MIGRATION CRISIS AND ITS CONSEQUENCES FOR THE SCHENGEN CONSENSUS

Shishlov Yu.S.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the regionalization of European Union security policy accelerated by the 2015–2016 migration crisis and its long-term impact on the Schengen consensus. Regionalization is defined as the redistribution of security practices and authority from a single supranational framework towards national and subregional mechanisms arising from differences in geographical position, migration pressure and political perceptions of threats. Using institutional and legal analysis, comparative analysis and process tracing, the study identifies the territorial, institutional and discursive dimensions of this process. It demonstrates that the reintroduction of internal border controls gradually ceased to function as a short-term exception: justifications shifted from peak migration pressure to secondary movements, organized crime, terrorism and various other threats. At the same time, divergent national understandings of solidarity obstructed the reform of the Dublin system and encouraged bilateral and subregional coordination. The article concludes that the Schengen consensus has not disappeared, but has changed from an unconditional presumption of open internal borders into a conditional regime in which freedom of movement

increasingly depends on national security assessments and on the effectiveness of common European compensatory mechanisms.

Keywords: Schengen consensus, regionalization of security, migration crisis, securitization of migration, internal borders, solidarity crisis, mutual trust, European Union.

References

1. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder; London: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.

2. Bigo D. Security and Immigration: Toward a Critique of the Governmentality of Un-ease. Alternatives: Global, Local, Political. 2002. Vol. 27, Special Issue. P. 63–92. DOI: 10.1177/03043754020270S105.

3. Côté-Boucher K., Infantino F., Salter M.B. Border Security as Practice: An Agenda for Research. Security Dialogue. 2014. Vol. 45, No. 3. P. 195–208. DOI: 10.1177/0967010614533243.

4. Börzel T.A., Risse T. From the Euro to the Schengen Crises: European Integration Theories, Politicization, and Identity Politics. Journal of European Public Policy. 2018. Vol. 25, No. 1. P. 83–108. DOI: 10.1080/13501763.2017.1310281.

5. Schimmelfennig F. European Integration (Theory) in Times of Crisis: A Comparison of the Euro and Schengen Crises. Journal of European Public Policy. 2018. Vol. 25, No. 7. P. 969–989. DOI: 10.1080/13501763.2017.1421252.

6. Niemann A., Zaun N. EU Refugee Policies and Politics in Times of Crisis: Theoretical and Empirical Perspectives. Journal of Common Market Studies. 2018. Vol. 56, No. 1. P. 3–22. DOI: 10.1111/jcms.12650.

7. Council of the European Union. Regulation (EU) 2016/399 of the European Parliament and of the Council of 9 March 2016 on a Union Code on the Rules Governing the Movement of Persons across Borders (Schengen Borders Code) (Codification). Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/399/oj/eng> (accessed: 26 June 2026).

8. Eurostat. Record Number of over 1.2 Million First Time Asylum Seekers Registered in 2015. 4 March 2016. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-euro-indicators/-/3-04032016-ap> (accessed: 10 July 2026).

9. European Border and Coast Guard Agency (Frontex). General Report 2015. Warsaw: Frontex, 2016. Available at: <https://prd.frontex.europa.eu/wp-content/uploads/consolidated-annual-activity-report-2015.pdf> (accessed: 10 July 2026).

10. European Commission. Back to Schengen – A Roadmap. COM(2016) 120 final, 4 March 2016. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52016DC0120> (accessed: 10 July 2026).

11. Council Decision (EU) 2015/1601 of 22 September 2015 Establishing Provisional Measures in the Area of International Protection for the Benefit of Italy and Greece. Official Journal of the European Union. 2015. L 248. P. 80–94. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2015/1601/oj/eng> (accessed: 10 July 2026).

12. Court of Justice of the European Union. Judgment of 2 April 2020, European Commission v Republic of Poland, Hungary and Czech Republic, Joined Cases C-715/17, C-718/17 and C-719/17, ECLI: EU: C:2020:257. Available at: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-715/17> (accessed: 10 July 2026).

13. European Council. EU–Turkey Statement, 18 March 2016. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/03/18/eu-turkey-statement/> (accessed: 10 July 2026).

14. European Commission. Proposal for a Regulation Establishing the Criteria and Mechanisms for Determining the Member State Responsible for Examining an Application for International Protection. COM(2016) 270 final, 4 May 2016. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52016PC0270> (accessed: 10 July 2026).

15. Court of Justice of the European Union. Judgment of 26 April 2022, Landespolizeidirektion Steiermark, Joined Cases C-368/20 and C-369/20, ECLI: EU: C:2022:298. Available at: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-368/20> (accessed: 10 July 2026).

16. Regulation (EU) 2024/1717 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 Amending Regulation (EU) 2016/399 on a Union Code on the Rules Governing the Movement of Persons across Borders. Official Journal of the European Union. 2024. L 2024/1717. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1717/oj/eng> (accessed: 10 July 2026).

17. Regulation (EU) 2024/1351 of the European Parliament and of the Council of 14 May 2024 on Asylum and Migration Management. Official Journal of the European Union. 2024. L 2024/1351. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1351/oj/eng> (accessed: 10 July 2026).

18. Commission Recommendation (EU) 2024/268 of 23 November 2023 on Cooperation between the Member States with Regard to Serious Threats to Internal Security and Public Policy in the Area without Internal Border Controls. Official Journal of the European Union. 2024. L 2024/268. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reco/2024/268/oj/eng> (accessed: 10 July 2026).

19. European Commission. 2026 State of Schengen Report. COM(2026) 150 final, 18 May 2026. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52026DC0150> (accessed: 10 July 2026).

20. European Commission. Temporary Reintroduction of Border Control. Available at: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/schengen/schengen-area/temporary-reintroduction-border-control_en (accessed: 10 July 2026).

Ян Сюэ,

магистрант, бакалавр права, Институт политики и права, Синьцзянский педагогический университет

У Чанбай,

доктор юридических наук, профессор, Институт политики и права, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 2040933219@qq.com; wchbai2025@126.com

Представление о служебных достижениях концентрированно выражает отношение партийных кадров к власти, статусу, интересам и профессиональной миссии в процессе практической работы. Формирование и реализация правильного понимания служебных достижений является важной составляющей идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи. В политологической перспективе данная проблема раскрывается через четыре взаимосвязанных измерения: политическая позиция задает базовую ценностную ориентацию, политическая экология формирует институциональную и культурную среду, политическая сознательность выступает внутренним мотивом, а политическая уверенность обеспечивает устойчивую практическую основу. Эти измерения диалектически объединены в новом великом проекте партийного строительства и в практике социализма с китайской спецификой. Их реализация побуждает партийных кадров сохранять народную ориентацию, создавать результаты, выдерживающие проверку историей, практикой и народом, и тем самым придает политическую энергию строительству модернизированного социалистического государства и национальному возрождению Китая.

Ключевые слова: правильное понимание служебных достижений, политическая позиция, политическая экология, политическая сознательность, политическая уверенность, партийное строительство

Введение

Генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркивал, что вопрос о понимании служебных достижений является коренным вопросом, связанным с принципом создания партии во имя общего дела и управления ради народа. Эта формулировка раскрывает внутреннее единство между представлением о достижениях и природой, целью и политической миссией Коммунистической партии Китая. Речь идет не об абстрактном понятии, а о концентрированном выражении политической позиции, ценностной ориентации и практического поведения руководящих кадров [3; 4].

Правильное понимание служебных достижений требует рассматривать удовлетворенность народа как главный критерий, а благополучие народа как важнейшее достижение. Оно несовместимо с формалистскими «имиджевыми проектами» и показательными результатами, рассчитанными на краткосрочный эффект. Подлинные достижения должны проявляться в решении реальных проблем, улучшении жизни людей и создании результатов, которые выдерживают проверку историей, практикой и народом.

Политическая позиция как ценностная основа правильного понимания достижений

Политическая позиция является фундаментальным вопросом развития партии. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс указывали, что пролетарская партия не имеет интересов, отличных от интересов всего пролетариата. Эта классическая формула задает исходную теоретическую основу народности марксистской партии. Поэтому правящая марксистская партия должна рассматривать защиту и реализацию коренных интересов большинства народа как высшую цель своей деятельности [1].

С момента основания Коммунистическая партия Китая последовательно рассматривала народную позицию как базовую политическую позицию. Мао Цзэдун сформулировал принцип полного служения народу; Дэн Сяопин предложил оценивать работу через поддержку, одобрение и удовлетворенность народа; теория «трех представительств» подчеркнула, что партия представляет коренные интересы самых широких народных масс; научная концепция развития закрепила ориентацию на человека. В новую эпоху Си Цзиньпин ясно сформулировал, что забота о народном благополучии является важнейшим служебным достижением [2; 6].

Народность составляет политическое ядро правильного понимания достижений. Устав КПК определяет партию как авангард китайского рабочего класса, китайского народа и китайской нации, представляющий коренные интересы большинства. Именно поэтому партийные кадры должны оценивать свою работу не масштабом внешнего эффекта и не количеством проектов, а тем, насколько она отвечает насущным потребностям народа.

Принцип приоритета народа требует, чтобы власть понималась как ответственность, а должность как форма служения. Кадры не обладают особыми привилегиями, позволяющими возвышаться над массами; они несут обязанность слушать народ, изучать реальные потребности, решать проблемы и проводить линию масс. Опыт борьбы с бедностью, развитие социальной инфраструктуры и работа низовых кадров показывают, что подлинные достижения рождаются не из показной активности, а из длительного и практического служения обществу.

Политическая экология как среда формирования правильного понимания достижений

Политическая экология выражает состояние партийного стиля, административного стиля и общественных нравов. Она является политической средой, в которой партийные кадры принимают решения и реализуют свои обязанности. Здоровая политическая экология способствует формированию правильного понимания достижений, а искаженная политическая среда создает почву для формализма, бюрократизма, карьеризма и ложных достижений [5].

Связь между политической экологией и представлением о достижениях носит двусторонний характер. С одной стороны, здоровая политическая экология задает правильную ориентацию в подборе, оценке и продвижении кадров. С другой стороны, правильное понимание

достижений очищает политическую экологию, поскольку побуждает руководителей отказываться от личной выгоды, показных результатов и искажения фактических данных.

Для формирования правильного понимания достижений необходимо совершенствовать механизм отбора и использования кадров. Практические результаты, реальный вклад в благополучие народа, способность решать сложные проблемы и устойчивость к формализму должны становиться важными критериями оценки. Кадры, которые хотят работать, умеют работать и добиваются реальных результатов, должны получать возможность действовать; те, кто создает мнимые достижения, должны сталкиваться с институциональными ограничениями.

Не менее важны стиль работы и культура честности. Создание достижений всегда связано с использованием власти, а значит, правильное использование власти является условием правильных результатов. Кадры должны быть честны перед партией и народом, брать ответственность за свои решения, развивать практику критики и самокритики и отвергать бюрократические формы работы, при которых внимание уделяется следам деятельности, а не ее реальному содержанию.

Искаженная политическая экология разрушает правильное понимание достижений как на ценностном, так и на практическом уровне. Она переводит логику «работать для народа» в логику «работать для себя», поощряет закрытые группы, связи и краткосрочные показатели. В такой среде могут возникать «цифровые достижения», «ложные достижения» и проекты, которые пренебрегают долгосрочным развитием и интересами населения.

Политическая сознательность как внутренняя движущая сила

Политическая сознательность является ядром партийной выучки и внутренним основанием правильного понимания достижений. Она означает способность через теоретическое обучение и практику осознать закономерности исторического развития, понимать политический выбор, соблюдать политическую дисциплину, укреплять политический характер и противостоять ошибочным идеологическим тенденциям.

Правильное понимание достижений у коммунистов не формируется автоматически. Оно рождается через сознательное теоретическое обучение, участие в политической жизни партийной организации, партийное воспитание и постоянную проверку практикой. Его внутренняя логика заключается в переходе от внешнего требования «надо иметь правильное понимание достижений» к внутренней установке «я сам должен руководствоваться правильным пониманием достижений».

Политическая сознательность проявляется прежде всего как идейная сознательность. Если у руководителя отсутствуют правильные взгляды на власть, статус и интересы, отклонение в поведении становится почти неизбежным. Когда же правильное понимание достижений включается в систему убеждений, партийной выучки и профессиональной этики, оно становится не внешним ограничением, а внутренней нормой поведения.

Ее ядром является партийная сознательность. Партия требует от кадров твердой политической позиции, понимания политической цели и готовности выполнять политическую миссию. Партийность является основанием поведения, дела, слова и нравственного облика кадра. Чем прочнее партийность, тем устойчивее политическая сознательность и тем надежнее правильное понимание служебных достижений.

Правильное понимание достижений становится практической проекцией политической сознательности. В процессе разработки политики оно требует ставить интересы народа на первое место; в процессе реализации политики оно требует реальной работы, а не формальной отчетности; в системе оценки оно требует учитывать долгосрочный эффект, качество развития, экологические последствия и общественное удовлетворение, а не только краткосрочные количественные показатели [7; 8].

Для его устойчивого закрепления необходимо постоянно углублять политическую сознательность. Кадры должны правильно соотносить личные и общественные интересы, сохранять уважение к власти как к общественной ответственности и укреплять способность к самоограничению. Только так правильное понимание достижений может стать долговременной поведенческой привычкой, а не временной учебной установкой.

Политическая уверенность как практический путь реализации

Политическая уверенность китайских коммунистов включает уверенность в пути, теории, системе и культуре социализма с китайской спецификой. Она основана на признании научности марксизма и идей социа-

лизма с китайской спецификой. Для модернизационного строительства партия укрепляет идеалы и убеждения, развивает социалистические ценности, продолжает самореволюцию и повышает способность к политическому руководству.

Первый практический путь состоит в теоретическом вооружении. Марксизм как научное мировоззрение и методология раскрывает общие закономерности общественного развития. Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи системно отвечают на ключевые вопросы развития Китая в новых исторических условиях. Их глубокое изучение позволяет кадрам укреплять политическую уверенность и сохранять правильную ориентацию в практической работе.

Второй путь связан с институциональными гарантиями. Необходимо совершенствовать систему оценки служебных достижений, дифференцируя критерии для разных уровней, сфер и должностей. Оценка не должна сводиться к единому количественному показателю. В нее следует включать улучшение благосостояния, экологическую защиту, качество социального управления, долгосрочную устойчивость и удовлетворенность населения.

Третий путь состоит в развитии системы контроля. Внутрипартийный контроль, общественный контроль и контроль со стороны сетевой общественности должны соединяться в единую систему. Ложные достижения, имиджевые проекты, бездействие, ущерб интересам народа и искажение данных требуют строгой ответственности. Одновременно кадры, которые берут на себя ответственность и делают реальные дела для людей, должны получать поддержку и поощрение.

Четвертый путь заключается в демонстрационном руководстве. Руководящие кадры должны первыми формировать и реализовывать правильное понимание достижений, показывать пример честной работы, практической ответственности и служения народу. Распространение положительных примеров низовых кадров, которые долго и последовательно работают на благо населения, помогает сформировать атмосферу уважения к реальным результатам и ответственности.

Заключение

Формирование и реализация правильного понимания служебных достижений имеет важный политический смысл. Оно связано с природой партии, ее народной позицией, качеством политической экологии, уровнем политической сознательности и устойчивостью политической уверенности. В новую эпоху партийные кадры должны отвергать ошибочные ориентации, последовательно рассматривать благополучие народа как важнейшее достижение и создавать результаты, проверяемые историей, практикой и народом.

Политическая позиция задает ценностный ориентир, политическая экология обеспечивает среду, политическая сознательность формирует внутренний мотив, а политическая уверенность задает практический путь. В их единстве раскрывается политологический смысл правильного понимания достижений. Его последовательная реализация укрепляет долговременную правящую основу партии, повышает способность управления и обеспечивает политическую поддержку всестороннего строительства модернизированного социалистического государства.

Литература

1. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 1. — Пекин: Народное издательство, 1991.
2. Си Цзиньпин о формировании и реализации правильного понимания служебных достижений: сборник выдержек. — Пекин: Издательство Центральной партийной литературы, 2026.
3. Ци Вэйпин. Сделать большую работу по нормализации и долговременному механизму формирования правильного понимания служебных достижений // Журнал Партийной школы Нинбо. — 2026. — Т. 48, № 2. — С. 5–14.
4. У Чанбай. Политологический смысл тематического воспитания «Не забывать первоначальную цель, помнить миссию» // Журнал Партийной школы Шицзячжуана. — 2019. — Т. 21, № 10. — С. 29–31, 46.
5. Бао Синьцзянь. Всестороннее строгое управление партией: политическая экология, политическая жизнь, политическая культура // Теория и модернизация. — 2017. — № 5. — С. 13–18.
6. Чжан Ци, Цзян Инчунь. Исследование важных высказываний Си Цзиньпина о формировании и реализации правильного понимания служебных достижений // Партийная литература. — 2021. — № 3. — С. 73–77.
7. Ян Сяо. Руководящие кадры новой эпохи должны твердо формировать и реализовывать правильное понимание служебных достижений // Цю чжи. — 2024. — № 4. — С. 45–48.
8. Сяо Минчжэн. Правильное понимание служебных достижений и системный взгляд на оценку // Китайское административное управление. — 2004. — № 7. — С. 39–42.

THE POLITICAL IMPLICATIONS OF ESTABLISHING
AND PRACTICING A CORRECT VIEW ON POLITICAL
ACHIEVEMENTS

Yang Xue, Wu Changbai
Xinjiang Normal University

The view on political achievements reflects how Party members and officials understand power, status, interests and public service in their work. Establishing and practicing a correct view on political achievements is an important component of Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era. From a political science perspective, this issue is structured around four dimensions: political stance as the fundamental value orientation, political ecology as the nurturing environment, political consciousness as the internal driving force, and political confidence as the practical foundation. These dimensions are dialectically integrated into the new great project of Party building and the practice of socialism with Chinese characteristics.

Keywords: correct view on political achievements, political stance, political ecology, political consciousness, political confidence

References

1. Mao Zedong. Selected Works. Vol. 1. Beijing: People's Publishing House, 1991.
2. Xi Jinping on Establishing and Practicing a Correct View on Political Achievements: A Collection of Excerpts. Beijing: Central Party Literature Press, 2026.
3. Qi Weiping. Doing a Good Job in Normalizing and Establishing a Long-term Mechanism for Forming a Correct View on Political Achievements. Journal of the Party School of Ningbo, 2026, vol. 48, no. 2, pp. 5–14.
4. Wu Changbai. The Political Science Implications of the Thematic Education "Remain True to the Original Aspiration and Keep the Mission Firmly in Mind". Journal of the Party School of Shijiazhuang, 2019, vol. 21, no. 10, pp. 29–31, 46.
5. Bao Xinjian. Comprehensive and Strict Party Governance: Political Ecology, Political Life and Political Culture. Theory and Modernization, 2017, no. 5, pp. 13–18.
6. Zhang Qi, Jiang Yingchun. A Study of Xi Jinping's Important Statements on Establishing and Practicing a Correct View on Political Achievements. Party Literature, 2021, no. 3, pp. 73–77.
7. Yang Xiao. Leading Cadres in the New Era Should Firmly Establish and Practice a Correct View on Political Achievements. Qiuzhi, 2024, no. 4, pp. 45–48.
8. Xiao Mingzheng. The Correct View on Political Achievements and a Systematic View of Evaluation. Chinese Public Administration, 2004, no. 7, pp. 39–42.

Влияние ближневосточного военного кризиса на саудовско-американские отношения

Абдалсамад Абдалрахман А. Абдалсамад,

аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)

E-mail: abdulrahmanabdulsalam199@gmail.com

На Ближнем Востоке происходят значительные политические, экономические и связанные с безопасностью события, включая военные столкновения между различными государствами (региональными и международными) и опосредованные войны. Это обусловлено укоренившейся политической практикой одних стран и экспансией других. Интерпретации этой экспансии различаются от страны к стране, существуют разные мнения относительно американской и иранской экспансии. Кроме того, союз США с Саудовской Аравией и присутствие там американских военных баз стали бременем и вызовом как для Соединенных Штатов, так и для стран Персидского залива, которые ранее являлись источником силы и безопасности. С другой стороны, неспособность американского сдерживания в полной мере и эффективно защитить Саудовскую Аравию вызывает серьезную озабоченность. Следовательно, баланс сил в регионе претерпевает структурные изменения, отражающиеся в ближневосточной политике в частности и в международной политической системе в целом. Поэтому данная статья фокусируется на историческом подходе к событиям и фактам, а также на аналитическом подходе к изучению политики Ирана и его конфликта с Соединенными Штатами и Израилем, а также влияния этих событий на будущее саудовско-американских отношений. В нем рассматривается, как эти недавние события меняют саудовско-американские отношения, делая их менее зависимыми друг от друга и открывая для Саудовской Аравии более широкое стратегическое направление в сторону диверсификации политических и экономических связей с другими крупными державами, такими как Россия и Китай.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, США, Ближний Восток, военное противостояние, внешняя политика, стратегия, хеджирование, мир.

Методология и методы исследования

В исследовании использовались различные методологии, включая исторический подход к продолжающемуся конфликту и региональной конкуренции между несколькими странами, позицию Саудовской Аравии по этому вопросу, а также аналитический подход, изучающий, как Саудовская Аравия реализует определенную стратегию по поддержанию своего регионального и международного положения без ущерба для своей программы развития (Видение 2030), а также позицию Соединенных Штатов в отношении защиты Саудовской Аравии и региона Персидского залива в целом.

Саудовская Аравия, держава со средним уровнем силы, планировала использовать своё влияние для создания объединённых арабских вооружённых сил. Это произошло после визита короля Салмана к президенту Сиси в 2015 году, во время которого обсуждалась идея создания 40-тысячного контингента высококвалифицированных солдат различных специальностей, оснащённых военной и невоенной авиацией и техникой. Однако, по словам Флоренс Гауб из отдела исследований международной безопасности Европейского союза, эта идея с самого начала была встречена со скептицизмом. Несмотря на первоначальные сомнения, контингенту не хватало чёткого видения и ясных целей. В конечном итоге от этой идеи отказались из-за неспособности достичь взаимопонимания между Египтом и Саудовской Аравией относительно присутствия и развертывания сил в Ливии. Это была попытка Саудовской Аравии укрепить арабское единство. В 2017 году Саудовская Аравия вновь попыталась сформировать исламский альянс против терроризма, исключив из него Иран. Это было истолковано как попытка сдержать Иран, а не бороться с терроризмом. В 2019 году, во время визита Майка Помпео, занимавшего тогда пост госсекретаря США при Трампе, он предложил идею создания арабского НАТО. Это включало в себя борьбу с терроризмом, обеспечение бесперебойных глобальных поставок энергоносителей и противодействие Ирану, однако дипломатический конфликт между Саудовской Аравией и Катаром также повлиял на эту попытку и помешал ее осуществлению (1).

Ирано-саудовский конфликт коренится в региональном соперничестве и межконфессиональных разногласиях между суннитами и шиитами, распространяясь на глобальные стратегические альянсы, в которых Саудовская Аравия поддерживает Соединенные Штаты, а Иран – Китай и Россию (2). В этом контексте, одной из исторических причин иранской экспансии является соглашение, подписанное между Ираном и Соединенными Штатами во время президентства Обамы по ядерной проблеме. Это соглашение не ограничивалось только ядерным вопросом, а Иран использовал его как трамплин для усиления своего влияния, поскольку больше не сталкивался с препятствиями или угрозами со стороны крупных держав. Таким образом, это стало причиной усиления иранской экспансии (3).

Саудовская Аравия связана с Соединенными Штатами рядом соглашений и договоров в силу своего статуса средней державы и отношений со сверхдержавой. Эти соглашения охватывают сферы безопасности, экономики и политики. Одним из принципов, которыми руководствуются Соединенные Штаты, является доктрина Картера, которая предоставляет им право применять военную силу против любой стороны, вмешивающейся в их нефтяные интересы. Тем не менее, несмотря на эту американскую доктрину, в 2019 году, когда Иран атаковал Saudi Aramco, что привело к значительным потерям из-за перебоев в поставках энергоносителей, Соединенные Штаты не предприняли никаких действий для защиты Эр-Рияда, который они считают стратегическим партнером в регионе. Это бездействие обусловлено несколькими факторами: во-первых, Соединенные Штаты позволили Ирану расширить свое влияние на Ближнем Востоке; во-вторых, Соединенные Штаты достигли нефтяной самодостаточности благодаря избытку добычи, который продолжал превышать их потребности в 2020 и 2021 годах; Во-третьих, если бы Вашингтон встал на защиту Саудовской Аравии, это создало бы проблемы для самого Вашингтона, во-первых, внутри самих Соединенных Штатов, в отношении позиции президента и во взаимоотношениях между демократами и республиканцами; и, во-вторых, потребовало бы масштабного и финансово дорогостоящего вмешательства. Поэтому Соединенные Штаты хранили молчание по этому вопросу. Оборонительный реализм ставит во главу угла собственные интересы. (4).

Если рассматривать эти действия в рамках международных теорий, поскольку действия этих государств являются естественным явлением в международной системе, характеризующейся хаосом, наступательный реализм утверждает, что достижение безопасности – сложная и редкая задача, поскольку расстановка сил между государствами постоянно меняется, заставляя их выбирать доминирование вместо равенства. Именно к этому стремится Иран, и его действия можно понимать в этом свете. Оборонительный реализм, с другой стороны, утверждает, что безопасность существует, но крупные державы могут стремиться к большей мощи, поддерживая баланс сил, чего часто можно достичь с помощью оборонительных стратегий. Соединенные Штаты использовали в этом конфликте как оборонительный, так и наступательный реализм (5) Исходя из этого, Эр-Рияд пытается избежать полной зависимости от Соединенных Штатов и диверсифицировать свой военный импорт. В 2024 году он импортировал из Китая вооружений на сумму 4 миллиарда долларов, включая технику, самолеты и баллистические ракеты. Это, безусловно, не понравится американцам ни в экономическом, ни в политическом плане (6).

Но ключевой вопрос здесь: если эта угроза повторится, какие последствия и потери понесет Саудовская Аравия? Королевство сильно зависит от экспорта энергоносителей, и любая угроза безопасности приведет к ежедневным убыткам. Более того, пренебрежение Соединенных Штатов безопасностью Саудовской Аравии и неспособность соблюдать существующие соглашения между двумя странами серьезно повредят саудовской экономике, особенно энергетическому сектору. Нестабильность в регионе обусловлена несколькими ключевыми факторами. С 2003 года иранское влияние значительно расширилось в арабских странах, откуда Иран начал свою так называемую политику «шиитского полумесяца», в первую очередь в Ираке, Сирии, Ливане и Йемене. Это влияние распространилось и на другие арабские страны, хотя и в меньшей степени, такие как Саудовская Аравия и Кувейт. Такое политическое поведение привело к тому, что арабские государства стали рассматривать Иран как угрозу своей национальной безопасности. Конечно, этому способствовало молчаливое одобрение Соединенных Штатов, позволявшее Ирану расширять свое влияние. Расчеты Ирана в регионе отличаются от расчетов Соединенных Штатов и их видения Ближнего Востока. Кроме того, одним из факторов, способствовавших усилению влияния Ирана, было отсутствие единства среди арабских государств, их политические разногласия и различные точки зрения. Это проложило путь для расширения влияния Ирана. Другими словами, Иран действовал в так называемой «серой зоне», вкладывая усилия и деньги и налаживая политические отношения с влиятельными фигурами и группами в каждой стране, как официально, так и неофициально, под различными предлогами. Недавние нападения на страны Персидского залива и понесенные ими потери – будь то разрушение инфраструктуры, закрытие аэропортов, уничтожение объектов или нарушение экспорта энергоносителей и торговли из-за закрытия Ормузского пролива – указывают на то, что израильско-американский конфликт против Ирана не ограничивался только странами Персидского залива, а распространился на северный Ирак (Иракский Курдистан). Там использовались беспилотники, что привело к гибели невинных людей в результате атак на общественные места, особенно жилые районы, которые не имеют никакого отношения к Соединенным Штатам или Израилю. Более того, региональное правительство Курдистана неоднократно заявляло, что не является стороной этого конфликта и не желает его быть.

Если мы углубимся в последние события, то обнаружим, что Соединенные Штаты не обеспечили достаточную защиту странам Персидского залива, а продолжили свою военную политику и снабжали Израиль необходимым оборудованием и материалами, особенно в рамках разведывательного сотрудничества, которое было на очень высоком уровне (7). Стоит отметить, что конфликт между Ираном и Израилем, а также соперничество Саудовской Аравии с Ираном, возникли не на пустом месте, а в результате накопленной ранее политики в сочетании с ослаблением американского влияния на Ближнем Востоке. Поэтому действия этих стран нельзя считать аномалией в международной системе и ее структуре. Ближний Восток включает в себя несколько государств со средним уровнем влияния, помимо Саудовской Аравии, Ирана и Израиля. Существуют также Египет и Турция, но отсутствие последних двух, наряду с очевидной нерешительностью американской политики и отсутствием полного контроля над Ближним Востоком, привело к изменению баланса сил и к ирано-саудовскому и ирано-израильскому соперничеству. Продолжающаяся американская поддержка Израиля, осуществляемая через лоббистские группы, позволила Израилю оставаться устойчивым, даже за счет Соединенных Штатов и их интересов. С реалистической точки зрения, саудовско-израильский альянс и противостояние США Израилю сложны в интерпретации. Исторически и в других отношениях Израиль считается

противником всех арабских государств, а не только Саудовской Аравии. Приверженность Саудовской Аравии такому подходу объясняется, во-первых, стремлением уменьшить влияние Ирана, а во-вторых, силой Израиля и его тесными связями с Соединенными Штатами. Поэтому в будущем Саудовская Аравия, вероятно, будет проводить свою собственную, специфическую политику в отношении Израиля (8).

Несмотря на существование соглашений в сфере безопасности, в частности, недавнего соглашения, подписанного между Трампом и Мухаммедом бин Салманом, которое представляет собой стратегическое соглашение в области обороны, включающее множество пунктов, в том числе укрепление безопасности и мира в регионе, предоставление военной помощи и экспертных знаний Королевству Саудовская Аравия, а также консультирование его армии, наиболее важной особенностью этого соглашения является акцент на том, что две страны являются партнерами в области безопасности, сотрудничающими в противодействии региональным и международным угрозам. Трамп также добавил пункт, предоставляющий Королевству Саудовская Аравия статус нечлена Организации Североатлантического договора (НАТО), что теоретически выгодно, поскольку одновременно предоставляет Королевству привилегии, преимущества и обязательства. В свою очередь, этот статус дает Соединенным Штатам право поддерживать военное присутствие в Королевстве Саудовская Аравия для определенных целей, включая военное присутствие и сотрудничество в области разведки. Однако в действительности обороноспособность Саудовской Аравии остается слабой, учитывая ее возможности и расходы, выделяемые на оборону и безопасность (9).

Внешняя политика включает в себя подход и практику, известные как стратегическое хеджирование, которые связаны с неоклассическим реализмом. Некоторые средние державы, такие как Саудовская Аравия, применяют этот подход в своих отношениях с Соединенными Штатами и Китаем из-за своих жизненно важных интересов на Ближнем Востоке. Изучение этого вопроса позволяет понять, как Саудовская Аравия проводит сбалансированную политику для защиты своих интересов, сохраняя при этом отношения с Соединенными Штатами, особенно в случае будущих изменений или сдвигов. Эти изменения могут нанести ущерб интересам США, привести к конфликтам с определенными решениями или к тому, что Соединенные Штаты не выполнят свои обязательства перед Королевством. Саудовские политики играют ключевую роль в этой стратегии, сосредотачиваясь не только на собственных возможностях и ресурсах, но и на внутренней политике, учитывая ее последствия для внешней политики. Здесь важно расширить рамки анализа, чтобы получить более глубокое понимание философии государства, изучив ход глобальных событий, мировые державы, международную систему и ее способность к изменениям, сроки этих изменений и их индикаторы. Согласно концепции хеджирования Тесмана, существует два типа: первый направлен на обеспечение конкурентного преимущества государства путем избегания военных конфликтов, причем краткосрочные военные столкновения являются одним из таких средств. Второй – это проактивный подход, ориентированный на поиск решений проблем государства и предотвращение потерь общественных благ. Можно утверждать, что Саудовская Аравия подпадает под оба подхода. Хеджирование рассматривается как концепция, учитывающая будущие изменения глобального баланса сил, а не просто как общий вариант превентивной безопасности. Саудовская Аравия может играть более эффективную роль, особенно учитывая нынешнее снижение влияния США на Ближнем Востоке, что требует более открытой и диверсифицированной политики по отношению к другим странам. Поэтому Саудовская Аравия должна быть более четкой и решительной в своей позиции по отношению к Соединенным Штатам и Китаю, предвидя и учитывая реакцию обеих стран и выстраивая отношения на основе рационального равного партнерства. Чтобы проиллюстрировать этот момент, Дженгиз объясняет, как Саудовская Аравия стремится укрепить свои отношения с Китаем в свете их противоречивой политики на Ближнем Востоке. (10).

В этом контексте, даже когда Израиль напал на Иран в 2023 году, политика Саудовской Аравии оставалась нейтральной и направленной на поиск невоенного решения регионального конфликта (11). Более того, присутствие пакистанского посредника в урегулировании конфликта и создании атмосферы, благоприятствующей миру, имеет важное значение в целом и, в частности, для саудовско-пакистанских отношений. Обе страны разделяют множество стратегических и экономических интересов, наиболее важным из которых является соглашение об обороне Пакистана от 2025 года, предусматривающее размещение зенитной авиации в Саудовской Аравии. Пакистан – могущественное ядерное государство с богатой историей участия и посредничества, и поэтому заинтересован в успехе последнего посредничества между Ираном и Соединенными Штатами/Израилем. Его продолжение озна-

чало бы прекращение торговых и интересов безопасности Пакистана. Следовательно, Саудовская Аравия, помимо Соединенных Штатов, имеет множество вариантов в отношении своих отношений с крупными державами и своих будущих перспектив (12)

На фоне этих угроз, хотя Саудовская Аравия пытается мирными способами разоблачить в ирано-американско-израильском конфликте, она пытается понять ситуацию и не реагировать напрямую, чтобы не открыть себе еще одну дверь, что принесет ей нестабильность, тем более, что Саудовская Аравия движется к достижению плана 2030 года, который представляет собой комплексную программу инвестиций в экономику, туризм и развитие. Любая дестабилизация задержит реализацию этой программы, тем более что в ее истории есть конфликт с хуситами, который не принес ничего, кроме нестабильности. Поэтому можно сказать, что Саудовская Аравия поступает мудро в отношении последних событий. Следовательно, нейтралитет можно рассматривать как оборонительный реализм в интересах развития (13)

Таким образом, сложная обстановка в Персидском заливе, острая конкуренция, стремление к коллективной безопасности, расходящиеся национальные приоритеты каждого государства Персидского залива и слабость механизмов Совета сотрудничества стран Персидского залива по поглощению и сдерживанию столь значительных угроз означают, что Соединенные Штаты в одиночку не могут разрешить кризис. Хотя США, как крупная держава, поддерживают присутствие в Саудовской Аравии и государствах Персидского залива в целом и сохраняют хорошие отношения, в действительности обеспечить гарантии безопасности крайне сложно. Это связано с тем, что Соединенные Штаты стратегически связаны не только с Саудовской Аравией, но и со всем регионом Персидского залива. Это усугубляет их положение, особенно учитывая, что их приоритеты не ограничиваются Ближним Востоком, но включают и другие страны за пределами этого географического региона, такие как Европа, Азия, Россия, Китай и Латинская Америка (14)

В начале 2026 года страны Совета сотрудничества стран Персидского залива (ССАПЗ) пытались избежать военного вмешательства и конфронтации в Персидском заливе в результате американо-израильского конфликта. Однако, как только Иран начал наносить удары по американским объектам в регионе Персидского залива, это стало источником беспокойства для этих стран. Эти атаки, осуществляемые с помощью ракет и беспилотников, поддерживались другими вооруженными группами, действующими на стороне Ирана, такими как хуситы, имевшие историю конфликтов с Саудовской Аравией, начиная с 2019 года. Подход стран (ССАПЗ) при президенте США Байдене заключался в избегании конфронтации с Ираном и вместо этого в поиске мирных путей взаимопонимания и диалога. Дипломатические отношения между двумя странами были установлены даже в 2023 году при содействии нескольких посредников, которые способствовали сближению и урегулированию разногласий, таких как Китай и Ирак. Однако это сближение, по-видимому, было временным. Несмотря на улучшение отношений в то время, связи между двумя странами не укрепились, поскольку конфликт возобновился и усилился.

Что касается последствий войны, то они включали в себя, в частности, нанесение ударов по инфраструктуре государств Персидского залива, чему предшествовало закрытие Ормузского пролива, контролируемого Ираном. Обмен ударами между двумя сторонами привел к сбоям в глобальных поставках энергоносителей, экономической нестабильности в странах (ССАПЗ) и обеспокоенности среди иностранных инвесторов. Были закрыты школы и учебные заведения, нарушено воздушное пространство, и были жертвы – 28 человек погибли. В таблице ниже показан процент атак на государства Персидского залива ракетами и беспилотниками (рис. 1).

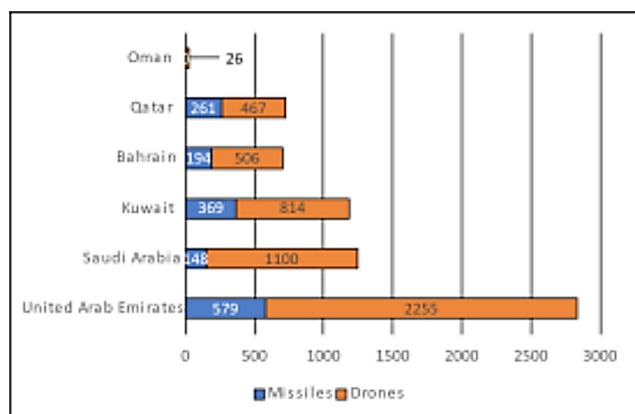

Рис. 1.

Наибольший удар пришелся на Объединенные Арабские Эмираты, за которыми следует Саудовская Аравия. Потери, понесенные государствами Персидского залива в целом, были различными. Саудовская Аравия, которая реализует свой план «Видение 2030», ориентированный на диверсификацию экономики, особенно пострадала от закрытия Ормузского пролива, жизненно важного глобального транзитного маршрута энергоносителей, по которому ежедневно транспортируется 20 миллионов баррелей – значительный объем. Эта война также открыла двери для конфликтов между самими государствами Персидского залива, особенно между Саудовской Аравией и ОАЭ. Таким образом, мы можем стать свидетелями будущих решений относительно продолжения войны или ее прекращения и начала мирных переговоров. Что касается Соединенных Штатов и их позиций в Персидском заливе, они также понесли значительный ущерб, несмотря на отказ американских официальных лиц делать публичные заявления о масштабах потерь и ожидаемых затратах на восстановление объектов. Позиция США остается неясной и неоднозначной, и в то же время неопределенной, относительно того, останутся ли эти давно существующие военные силы на территории Персидского залива, уйдут ли они, чтобы сохранить свое присутствие, или выберут компромиссный вариант временного сокращения своего влияния. Фундаментальная цель присутствия этих сил – увековечивание американских интересов, и исходя из этого, Соединенные Штаты стремятся взять на себя ответственность за поддержание и обеспечение безопасности (15).

Последние события на Ближнем Востоке выявили новый баланс сил и влиятельных игроков, таких как Иран. Устойчивость Израиля неудивительна, учитывая постоянную и непоколебимую поддержку, которую он получает от Соединенных Штатов. Саудовская Аравия, однако, придерживается иного подхода, соответствующего институциональной логике, которая служит ее интересам и приоритетам в регионе. На этот раз Саудовская Аравия рассматривает вопросы с разных точек зрения, проводя мудрую и прагматичную политику, избегая присоединения к какой-либо из сторон. Поэтому ей необходима точность, чтобы не поставить под угрозу свое многообещающее будущее. Соединенные Штаты не в состоянии в полной мере защитить страны Ближнего Востока, и это не первый случай, особенно учитывая важность Саудовской Аравии в регионе. США должны были обеспечить ей широкую защиту ее интересов, особенно в отношении экспорта энергоносителей. Независимость Саудовской Аравии от Соединенных Штатов означает открытие новых каналов связи с такими крупными державами, как Россия и Китай, что повышает ее шансы на достижение устойчивого развития. Приверженность Соединенным Штатам означает затягивание в проблемы, кризисы и хаос, ведущие к нестабильности. Соединенные Штаты, с другой стороны, могут отказаться от своей политики и оставить своих бывших союзников нести бремя потерь. Между тем, Саудовская Аравия может налаживать отношения со странами региона. Необходима сбалансированная политика, основанная на высших национальных интересах государства в отношениях с Ираном и другими странами. Вопрос об Израиле сложен и требует особой политики. Конечно, Соединенные Штаты – страна, обладающая возможностями и влиянием на Ближнем Востоке, но политическая философия Саудовской Аравии должна оставаться в рамках необходимости и диверсификации отношений с региональными и международными партнерами.

Литература

1. Khatib, Dania Koleilat, *The US-Saudi Relations in the Post-Oil Era*, 2021P:9lssam Fares Institute for Public Policy and International Affairs, American University of Beirut, chrome-extension://efaidnbmnnpicajpcglclefindmkaj/https://www.sociostudies.org/upload/socionauki.ru/journal/jgs/2021_2/001_Koleilat.pdf (17.04.2026).
2. Afrilia, Tia Afrilia, and Ahmad Sahide. «The Different Attitudes of Saudi Arabia and Iran Towards the Palestinian-Israeli Conflict: A National Interest Analysis.» *Jurnal Ilmiah Global Education*, 2026, P:169 <https://doi.org/10.55681/jige.v7i1.5012>.
3. Zainab Abdullah, «African-Saudi relations between cooperation and dependency 11, № 2 (2019): 150, file:///C:/Users/User/Downloads/mohammed,+10%20(1).pdf, (17.04.2026)
4. Saab, Bilal Y. *After Oil-for-Security: A Blueprint for Resetting US-Saudi Security Relations*. Washington, D.C.: Middle East Institute, February 2023. <https://mei.edu/publication/after-oil-security-blueprint-resetting-us-saudi-security-relations#pt1>. (19.04.2026).
5. Steven E Lobell, *Structural Realism/Offensive and Defensive Realism*, *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*, P:1, 2017. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.304> дата обращения (06.06.2026)

6. Ali, Ghulam, and Peng Nian. 2025. «The China Factor in US Saudi Talks for a Defense Pact.» *Middle East Policy* 2025P:100, <https://doi.org/10.1111/мепо.12806>. дата обращения 06.06.2026

7. Там же., Saab, Bilal Y. <https://mei.edu/publication/after-oil-security-blueprint-resetting-us-saudi-security-relations#pt1>. (19.04.2026).

8. Beck, Martin. «The Aggravated Struggle for Regional Power in the Middle East: American Allies Saudi Arabia and Israel versus Iran.» *Global Policy*, 2020, 86–88–89. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12778>.

9. Д-р Саад Аль-Саиди, Последствия Соглашения о совместном оборонном сотрудничестве между Саудовской Аравией и Соединенными Штатами, Центр стратегических исследований и последствий Хаммурапи, 2025, стр. 3–4 <https://docs.google.com/viewerng/viewer?url=https://www.hcrsiraq.net/wp-content/uploads/2025/11/%D8%AF%D9%84%D8%A7%D9%84%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D8%AA%D9%81%D8%A7%D9%82%D9%8A%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%B9%D8%A7%D9%88%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%AF%D9%81%D8%A7%D8%B9%D9%8A%D8%A9.pdf&hl=en> дата обращения 06.06.2026

10. Kouleas, Jaclyn. «Saudi Arabian Foreign Policy and Hedging: Playing its Cards Right.» Major Research Paper, University of Windsor, P:2, 3, 4, 6, 9, 12, 2023, <https://uwindsor.scholaris.ca/server/api/core/bitstreams/bed8ef79-1428-4cc2-96e6-767de147415d/content> (26.04.2026).

11. Gökhan Erel, «Riyadh's Balancing Act: Saudi Arabia's Strategy In The Iran–Israel Conflict.» ORSAM, August 1, 2025, P:4, <https://orsam.org.tr/en/yayinlar/saudi-foreign-policy-in-a-turbulent-middle-east/>. Date of access (05.07.2026)

12. Shaul Shay, «The Pakistani Mediation in the War between the US and Iran» (RIEAS Editorial, Research Institute for European and American Studies, May 24, 2026), P:1–2, www.rieas.gr/images/editorial/pakiran3.pdf Date of access (05.06.2026)

13. Michael Ratney, «How Does Saudi Arabia See the War with Iran?» Center for Strategic and International Studies, March 18, 2026, <https://www.csis.org/analysis/how-does-saudi-arabia-see-war-iran> (25.06.2026)

14. Abdulaziz Sager, «Gulf Security: Looking for a Pragmatic Framework for a Fragmented Regional Order.» Gulf Research Center, February 11, 2026, P:1, chrome-extension://efaidnbmnnnibpcjpcglclefindmkaj/<https://www.grc.net/documents/698c7886c32caGulfSecurityLookingPragmaticFrameworkFragmentedRegionalOrdercompressed.pdf>, Date of access (19.04.2026)

15. Christopher M. Blanchard and Jeremy M. Sharp, The Arab Gulf States, the Iran Conflict, and U.S. Relations: In Brief, CRS Report R48971 (Washington, DC: Congressional Research Service, June 3, 2026), <https://www.congress.gov/crs-product/R48971>.

THE IMPACT OF THE MIDDLE EAST MILITARY CRISIS ON SAUDI-AMERICAN RELATIONS

Abdalsamad Abdalrahman A. Abdalsamad

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Significant political, economic, and security-related events are taking place in the Middle East, including military clashes between various States (regional and international) and proxy wars. This is due to the entrenched political practices of some countries and the expansion of others. Interpretations of this expansion vary from country to country, and there are different opinions about American and Iranian expansion. In addition, the U.S. alliance with Saudi Arabia and the presence of American military bases there have become a burden and a challenge for both the United States and the Gulf states, which were previously a source of strength and security. On the other hand, the inability of American deterrence to fully and effectively protect Saudi Arabia is a matter of serious concern. Consequently,

the balance of power in the region is undergoing structural changes, which are reflected in Middle East politics in particular and in the international political system as a whole. Therefore, this article focuses on a historical approach to events and facts, as well as an analytical approach to the study of Iran's politics and its conflict with the United States and Israel, as well as the impact of these events on the future of Saudi-American relations. It examines how these recent events are changing Saudi-American relations, making them less dependent on each other and opening up a broader strategic direction for Saudi Arabia towards diversifying political and economic ties with other major powers such as Russia and China.

Keywords: Saudi Arabia, USA, Middle East, military confrontation, foreign policy, strategy, hedging, peace.

References

1. Khatib, Dania Koleilat, The US-Saudi Relations in the Post-Oil Era, 2021P:9Issam Fares Institute for Public Policy and International Affairs, American University of Beirut, chrome-extension://efaidnbmnnnibpcjpcglclefindmkaj/https://www.sociostudies.org/upload/socionauki.ru/journal/jgs/2021_2/001_Koleilat.pdf (17.04.2026).

2. Afrilia, Tia Afrilia, and Ahmad Sahide. «The Different Attitudes of Saudi Arabia and Iran Towards the Palestinian-Israeli Conflict: A National Interest Analysis.» *Jurnal Ilmiah Global Education*, 2026, P:169 <https://doi.org/10.55681/jige.v7i1.5012>.

3. Zainab Abdullah, «African-Saudi relations between cooperation and dependency 11, № 2 (2019): 150, file:///C:/Users/User/Downloads/mohammed,+10%20(1).pdf. (17.04.2026)

4. Saab, Bilal Y. After Oil-for-Security: A Blueprint for Resetting USSaudi Security Relations. Washington, D.C.: Middle East Institute, February 2023. <https://mei.edu/publication/after-oil-security-blueprint-resetting-us-saudi-security-relations#pt1>. (19.04.2026).

5. Steven E Lobell, Structural Realism/Offensive and Defensive Realism, Oxford Research Encyclopedia of International Studies, P:1.2017. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.304> дата обращения 06.06.2026

6. Ali, Ghulam, and Peng Nian. 2025. «The China Factor in US-Saudi Talks for a Defense Pact.» *Middle East Policy* 2025P:100, <https://doi.org/10.1111/мепо.12806>. date of access (06.06.2026)

7. 7-Там же., Saab, Bilal Y. <https://mei.edu/publication/after-oil-security-blueprint-resetting-us-saudi-security-relations#pt1>. (19.04.2026).

8. Beck, Martin. «The Aggravated Struggle for Regional Power in the Middle East: American Allies Saudi Arabia and Israel versus Iran.» *Global Policy*, 2020, 86–88–89. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12778>.

9. Dr. Saad Al-Saidi, The Implications of the Saudi Arabia-United States Joint Defense Cooperation Agreement, Center for Strategic Studies and the Implications of Hammurabi, 2025, Pp. 3–4 <https://docs.google.com/viewerng/viewer?url=https://www.hcrsiraq.net/wp-content/uploads/2025/11/%D8%AF%D9%84%D8%A7%D9%84%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D8%AA%D9%81%D8%A7%D9%82%D9%8A%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%B9%D8%A7%D9%88%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%AF%D9%81%D8%A7%D8%B9%D9%8A%D8%A9.pdf&hl=en> дата обращения 06.06.2026

10. Kouleas, Jaclyn. «Saudi Arabian Foreign Policy and Hedging: Playing its Cards Right.» Major Research Paper, University of Windsor, P:2, 3, 4, 6, 9, 12, 2023, <https://uwindsor.scholaris.ca/server/api/core/bitstreams/bed8ef79-1428-4cc2-96e6-767de147415d/content> (26.04.2026).

11. 11-Gökhan Erel, «Riyadh's Balancing Act: Saudi Arabia's Strategy In The Iran–Israel Conflict.» ORSAM, August 1, 2025, P:4, <https://orsam.org.tr/en/yayinlar/saudi-foreign-policy-in-a-turbulent-middle-east/>. Date of access (05.07.2026)

12. Shaul Shay, «The Pakistani Mediation in the War between the US and Iran» (RIEAS Editorial, Research Institute for European and American Studies, May 24, 2026), P:1–2, www.rieas.gr/images/editorial/pakiran3.pdf Date of access (05.06.2026)

13. Michael Ratney, «How Does Saudi Arabia See the War with Iran?» Center for Strategic and International Studies, March 18, 2026, <https://www.csis.org/analysis/how-does-saudi-arabia-see-war-iran> (25.06.2026)

14. Abdulaziz Sager, «Gulf Security: Looking for a Pragmatic Framework for a Fragmented Regional Order.» Gulf Research Center, February 11, 2026, P:1, chrome-extension://efaidnbmnnnibpcjpcglclefindmkaj/<https://www.grc.net/documents/698c7886c32caGulfSecurityLookingPragmaticFrameworkFragmentedRegionalOrdercompressed.pdf>, Date of access (19.04.2026)

15. Christopher M. Blanchard and Jeremy M. Sharp, The Arab Gulf States, the Iran Conflict, and U.S. Relations: In Brief, CRS Report R48971 (Washington, DC: Congressional Research Service, June 3, 2026), <https://www.congress.gov/crs-product/R48971>.

Атабай Эюб Ибрахим,

соискатель, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений
и мировой истории
E-mail: eyupibrahim@mail.ru

В статье анализируются турецко-армянские отношения в военной сфере и сфере безопасности как структурно ограниченный элемент региональной политики Турции на Южном Кавказе. Исследование исходит из того, что отсутствие устойчивых двусторонних военных механизмов, совместных оборонных программ и институционализированного диалога между Анкарой и Ереваном не является простым следствием дипломатического разрыва, а отражает более широкую многоакторную конфигурацию региональной безопасности. Теоретическую основу статьи составляют теория регионального комплекса безопасности и мир-системный анализ. В методологическом плане используются качественный политический анализ, историко-структурный подход, сравнительно-институциональный метод, институционально-правовой анализ и элементы дискурс-анализа. Основное внимание уделяется четырем группам ограничений: сдерживающей динамике турецко-азербайджанского альянса, сохраняющемуся военному присутствию России в Армении, растущей вовлеченности западных акторов и чувствительности Ирана к транспортно-геополитическим изменениям в районе Сюника/Зангезура. В статье показано, что политика Турции в отношении Армении не ориентирована на прямую военную конкуренцию, а представляет собой многоуровневую стратегию косвенного сдерживания, контролируемой нормализации и регионального балансирования. Делается вывод, что военно-безопасностное направление турецко-армянских отношений формируется не по логике двустороннего сближения или прямой конфронтации, а в рамках сложной системы союзнических обязательств, внешнего присутствия и конкурирующих представлений о региональном порядке.

Ключевые слова: Турция, Армения, Южный Кавказ, военная безопасность, турецко-азербайджанский альянс, региональный комплекс безопасности, мир-системный анализ, Россия, западные акторы, Иран, Зангезур.

Введение

Военно-политическое измерение турецко-армянских отношений занимает особое место в системе региональной безопасности Южного Кавказа. В отличие от институционализированного турецко-азербайджанского военно-стратегического альянса и турецко-грузинского взаимодействия, сформировавшегося вокруг транзита, энергетики и ограниченного оборонного сотрудничества, турецко-армянское направление остается наиболее ограниченным, асимметричным и политически обусловленным элементом региональной стратегии Анкары. Отсутствие устойчивых двусторонних военных механизмов, совместных оборонных программ, институционализированного диалога между военными ведомствами и полноценных мер укрепления доверия делает необходимым анализ не существующего сотрудничества, а структурных причин его невозникновения.

Актуальность темы обусловлена трансформацией баланса сил после Второй Карабахской войны 2020 г. Военное поражение Армении, усиление Азербайджана, институционализация турецко-азербайджанского альянса, частичное ослабление роли России и рост вовлеченности западных акторов изменили параметры безопасности Южного Кавказа. Хотя нормализация между Турцией и Арменией, возобновленная в 2022 г., привела к ограниченным дипломатическим и техническим договоренностям, она не была перенесена в военно-безопасностную сферу. Вопросы транспортных коридоров, пограничных режимов, коммуникаций между Азербайджаном и Нахичеванью, а также международного присутствия в Армении придали этим отношениям более широкий геополитический характер.

Исследовательская проблема статьи заключается в том, что военно-безопасностная политика Турции в отношении Армении не может быть объяснена исключительно логикой двусторонних отношений. Формально Турция и Армения не находятся в состоянии войны, однако отсутствие полноценных дипломатических отношений, закрытая сухопутная граница, историко-политические противоречия, карабахский фактор и стратегическое партнерство Турции с Азербайджаном продолжают ограничивать пространство военно-политической нормализации. Следовательно, турецко-армянское направление следует рассматривать не как самостоятельный двусторонний конфликт, а как узловой элемент более широкой конфигурации региональной безопасности.

Цель статьи состоит в выявлении структурных ограничений турецко-армянских отношений в военной сфере и сфере безопасности, а также в определении их влияния на стратегическое поведение Турции. Основной тезис заключается в том, что политика Анкары в отношении Еревана не ориентирована на прямую военную конкуренцию с Арменией. Она представляет собой многоуровневую стратегию косвенного сдерживания, реализуемую через альянс с Азербайджаном, учет российского военного присутствия, адаптацию к возрастающей роли западных акторов и необходимость принимать во внимание чувствительность Ирана к транспортным маршрутам и изменениям регионального статус-кво.

Теоретическую основу исследования составляют теория регионального комплекса безопасности и мир-системный анализ. Первая позволяет рассматривать турецко-армянские отношения как часть южнокавказского комплекса, где угрозы, восприятия безопасности и стратегические зависимости взаимосвязаны. Вторая объясняет поведение Турции как полупериферийного государства, стремящегося повысить региональное значение посредством контроля над энергетическими, транспортными и военно-политическими узлами. Поэтому Анкара предпочитает не прямое военное давление на Армению, а гибкую модель, сочетающую союзническое сдерживание, дипломатическую обусловленность, поддержку транспортных проектов и ограниченное техническое взаимодействие.

Научная значимость исследования состоит в том, что турецко-армянские отношения в сфере военной безопасности рассматриваются как специфическая форма структурно ограниченной политики. Отсутствие двустороннего военного сотрудничества отражает не только дипломатический разрыв, но и более глубокую конфигурацию региональной безопасности, в которой нормализация ограничивается союзническими обязательствами Турции перед Азербайджаном, военным присутствием России в Армении, активностью США и Европейского

союза, а также противодействием Ирана изменениям транспортно-геополитического баланса в районе Сюника/Зангезура.

Методы исследования

Методологическая основа исследования построена на сочетании качественного политического анализа, историко-структурного подхода и сравнительно-институционального метода. Такой выбор обусловлен спецификой объекта: турецко-армянские отношения в сфере военной безопасности не имеют развитой институциональной базы, поэтому их изучение требует анализа не только формальных двусторонних механизмов, но и более широкой совокупности региональных ограничений, союзнических обязательств, внешнеполитических доктрин и стратегических практик.

В качестве основного аналитического инструмента используется теория регионального комплекса безопасности. Она позволяет рассматривать Турцию и Армению не как изолированных акторов, а как элементы южнокавказской системы безопасности, где восприятия угроз, военные альянсы, нерешенные конфликты и внешнее вмешательство формируют взаимозависимую структуру. В рамках данного подхода особое внимание уделяется влиянию азербайджано-армянского конфликта, турецко-азербайджанского альянса, российского военного присутствия и участия западных акторов на возможности турецко-армянской военно-политической нормализации.

Мир-системный анализ применяется как дополнительная теоретическая рамка. Он позволяет интерпретировать поведение Турции как полупериферийного государства, стремящегося укрепить свои позиции через контроль над региональными коммуникациями, энергетическими маршрутами, транспортными коридорами и механизмами безопасности. В этой логике политика Анкары в отношении Армении рассматривается не только как реакция на конкретные угрозы, но и как часть более широкой стратегии регионального позиционирования между центрами силы, соседними государствами и транзитными пространствами Евразии.

Историко-генетический метод используется для выявления преемственности и изменений в турецко-армянских отношениях с начала 1990-х гг. до современного этапа. С его помощью анализируются закрытие турецко-армянской границы, влияние карабахского конфликта, попытка нормализации 2009 г., региональная трансформация после 2020 г. и новый этап дипломатических контактов, начавшийся в 2022 г. Такой подход показывает, что ограничения военно-безопасностного взаимодействия имеют не ситуативный, а долгосрочный структурный характер.

Сравнительный метод применяется для сопоставления армянского направления турецкой политики с азербайджанским и грузинским направлениями. Это позволяет выявить специфику турецко-армянского случая: если с Азербайджаном Турция развивает модель глубокой военно-стратегической интеграции, а с Грузией – модель транзитного партнерства и ограниченного сотрудничества в сфере безопасности, то в отношении Армении формируется модель условного и сдержанного взаимодействия, при которой военно-политическая сфера почти не поддается институционализации.

Институционально-правовой анализ применяется при рассмотрении договоров, деклараций и официальных документов, определяющих параметры региональной безопасности. В центре внимания находятся турецко-азербайджанские соглашения о стратегическом партнерстве, Шушинская декларация, документы турецко-армянской нормализации, российско-армянские соглашения о военной базе и пограничном присутствии, а также заявления и инициативы США, Европейского союза, НАТО и Ирана. Это позволяет выявить, каким образом формальные и неформальные обязательства акторов ограничивают пространство турецко-армянского военно-безопасностного взаимодействия.

Дополнительно используются элементы дискурс-анализа, необходимые для изучения официальной риторики Турции, Армении, Азербайджана, России, Ирана, США и Европейского союза по вопросам границ, транспортных коридоров, суверенитета, территориальной целостности, региональной безопасности и нормализации. Особое внимание уделяется тому, как акторы конструируют понятия «коридор», «сдерживание», «региональная ответственность», «внешнее вмешательство» и «мирный процесс».

Эмпирическую основу исследования составляют официальные документы, межгосударственные соглашения, заявления внешнеполитических ведомств, материалы международных организаций, аналитические доклады, данные о военном присутствии внешних акторов, сведения о многосторонних форматах сотрудничества и научная литература по безопасности Южного Кавказа, внешней политике Турции и региональным конфликтам.

Таким образом, методология исследования основана на многоуровневом анализе, сочетающем теоретическую интерпретацию, историческую реконструкцию, институционально-правовое рассмотрение и анализ политического дискурса. Такой подход позволяет раскрыть турецко-армянские отношения в сфере военной безопасности как структурно ограниченную и многоакторную сферу, в которой отсутствие прямого военного сотрудничества само по себе выступает важным аналитическим результатом.

Турецко-азербайджанский альянс и динамика сдерживания

Основным детерминантом политики безопасности Турции в отношении Армении является углубляющийся стратегический альянс по оси Анкара-Баку. Укрепленные в правовом и институциональном измерении Шушинской декларацией 2021 г., эти отношения включают обязательство в сфере безопасности, требующее от одной стороны оказать помощь другой в случае нападения, тем самым превращая альянс в имплицитный пакт о взаимной обороне. Данная архитектура безопасности косвенно формирует отношение Турции к Армении: Анкара вынуждена оценивать Армению не только как собеседника в двусторонних отношениях, но и в рамках своей стратегической координации с Азербайджаном [1, с. 120].

С точки зрения теории регионального комплекса безопасности сдерживающее измерение данного альянса функционирует на нескольких уровнях. Турецко-азербайджанский потенциал, усиленный военными учениями, совместной разработкой доктрин и сотрудничеством в оборонной промышленности, превратил асимметричный дисбаланс сил, с которым сталкивается Армения, в структурный элемент регионального комплекса безопасности. Вторая Карабахская война стала наиболее конкретным подтверждением этой динамики: вклад Турции в боеспособность Азербайджана посредством военно-консультативной поддержки, подготовки и воздушных средств зафиксирован как одна из критических переменных, определивших результаты на фронте [2, с. 739].

Хотя Анкара инициировала переговоры о нормализации в отношениях с Арменией, распространение этого процесса на военную сферу было строго связано с прогрессом в азербайджано-армянском мирном процессе. Данная обусловленность соответствует аналитическим ожиданиям мир-системного анализа относительно поведения полупериферийных государств: Турция выстраивает свою политику безопасности в отношении Армении не только на основе двусторонних расчетов интересов, но через многокомпонентную стратегию, учитывающую всю региональную сеть безопасности. Поэтому карабахский фактор продолжает функционировать не только как исторический спор, но и как структурное ограничение, формирующее все будущие договоренности в сфере безопасности [3, с. 143].

В этой системе не следует упускать из виду и правовую неопределенность, порождаемую конституционной рамкой Армении. Сохранение действия Декларации независимости 1990 г. через конституционную отсылку, а также наличие в этой декларации формулировок, описывающих часть территории Турции как «Западную Армению», создает для Анкары структурную проблему доверия, выходящую за пределы сугубо риторического исторического спора. Это также влечет риск того, что будущие двусторонние договоренности могут быть признаны недействительными Конституционным судом Армении. Действительно, тот факт, что протоколы 2009 г. в 2010 г. стали предметом конституционного контроля, создал прецедент, фактически зафиксировавший данный риск. Невозможность выстраивать сотрудничество в сфере безопасности и военного взаимодействия на такой правовой основе рационально объясняет, почему Турция удерживает данную сферу на политическом уровне.

Военное присутствие России и стратегические ограничения

Второй структурной переменной, непосредственно формирующей политику безопасности Турции в отношении Армении, является сохраняющееся военное присутствие России на армянской территории. Это присутствие выводит южнокавказский комплекс безопасности за пределы сугубо регионального уровня и превращает его в многоуровневую систему, переплетенную с более широкой динамикой турецко-российских отношений.

102-я российская военная база в Гюмри функционирует вблизи турецкой границы на основании соглашения, подписанного в 1995 г. и продленного в 2010 г. до 2044 г. Эта база обеспечивает Москве стратегический плацдарм на Южном Кавказе, расположенный между Турцией и Ираном. Поэтому она обязывает Турцию выстраивать свою по-

литу безопасности в отношении Армении не только исходя из собственно военного потенциала Армении, но и с учетом регионально-политической воли России. В том же контексте критически важно и то, что в рамках соглашения о пограничных войсках 1992 г. российские пограничные подразделения ФСБ на протяжении многих лет совместно с армянскими пограничными силами выполняли функции на турецкой и иранской границах [4]. С точки зрения Турции, эта схема превратила армянскую границу из обычной линии между двумя государствами в контактную зону, на которую также распространялся передовый порядок безопасности России.

Данная структурная динамика неизбежно формирует стратегию безопасности Турции в отношении Армении в определенном направлении. Военное присутствие России не только делает для Турции стратегически бессмысленным осуществление прямого давления на Армению в сфере безопасности, но и несет риск того, что такое давление может перерасти в ненужную напряженность с Москвой. Это ограничение косвенно вынуждает Турцию проводить шаги по нормализации через технические и дипломатические каналы. В контексте мир-системного анализа эта картина очевидна: полупериферийное государство, преследующее региональные интересы, такие как обеспечение безопасности энергетических и транспортных коридоров, склонно принимать рассчитанную стратегию контролируемого открытия, а не полного военного вовлечения [5, с. 173].

После 2022 г. эта система частично трансформировалась. Известно, что правительство Пашиняна фактически замораживает отношения с ОДКБ и определяет организацию как проблему национальной безопасности для Армении [6]. Был запрошен вывод российских элементов из таких пунктов, как аэропорт Звартноц и Агакан на иранской границе, и Москва в значительной степени приняла эти требования. На контрольно-пропускном пункте Маргара на турецко-армянской границе наблюдалось повышение видимости и оперативной ответственности армянских пограничных подразделений. Эти события открывают для Анкары возможность определенных открытий на техническом уровне в сфере управления границами. Тем не менее продолжающееся функционирование 102-й базы в Гюмри и сохраняющееся присутствие России в пограничном режиме заставляют Турцию продолжать выстраивать свою политику безопасности не в соответствии со сценарием «после России», а на основе структуры, в которой влияние России уменьшилось, но не исчезло [7, с. 310].

Западные акторы и диверсификация безопасности в Армении

Третий аналитический слой отношений безопасности между Турцией и Арменией составляют последствия западного вовлечения, набравшего темп на фоне эрозии традиционного веса России в регионе, для архитектуры региональной безопасности. Этот процесс требует от Турции управлять своей политикой в отношении Армении уже не только в координации с Баку, но и в рамках многокомпонентного дипломатического поля [8, с. 157].

Гражданская наблюдательная миссия, учрежденная Европейским союзом в Армении в рамках Общей политики безопасности и обороны (EUMA), не обладает прямым мандатом на турецко-армянской границе [9]. Мандат миссии ограничен армянской стороной линии азербайджано-армянской границы. Тем не менее документирование EUMA пограничных инцидентов посредством публично распространяемых отчетов усиливает необходимость дискурсивного управления и дипломатической координации с Европейским союзом, особенно в отношении политики, которую Турция проводит в согласовании с Азербайджаном. С точки зрения теории регионального комплекса безопасности данную ситуацию можно интерпретировать как создание Европейским союзом, внешним актором, входящим в региональный комплекс безопасности, нормативного поля давления посредством мониторинга и отчетности без перестройки существующего баланса безопасности [10].

Возрастающая значимость Соединенных Штатов в региональных мирных усилиях представляет собой наиболее существенное измерение данной эволюционирующей конфигурации [11]. Вашингтонская декларация, подписанная в 2025 г., сформировала между сторонами рамку, основанную на принципах суверенитета, нерушимости границ, неприменения силы и установления дипломатических отношений. Она также представляет собой важный шаг в переносе вопроса коридоров из сферы споров, связанных с суверенитетом, в институциональную рамку. В условиях, когда роль России как посредника-гаранта все чаще оспаривается, Соединенные Штаты начали выполнять более заметную функцию в архитектуре безопасности Южного Кавказа.

С точки зрения Турции это развитие создает как возможности, так и ограничения. В части возможностей американский дискурс о дивер-

сификации энергетических маршрутов и связанности Европы и Азии тесно соответствует давней цели Турции позиционировать себя как транзитный узел, ориентированный по оси Восток-Запад [12, с. 203]. Такое совпадение позволяет Турции проецировать свой региональный стратегический нарратив на более широкую международную платформу. Однако в части ограничений поддерживаемые США проекты, такие как TRIPP, вместе с растущим институциональным весом Вашингтона требуют управления политикой Турции в отношении Армении в рамках все более многокомпонентной дипломатической системы. Это указывает на уравнение, в котором прямые двусторонние отношения предоставляют меньшую автономию и требуют более высокой степени координации [11].

Измерение НАТО, напротив, обеспечивает не прямую, а косвенную и ограниченную основу для контактов между Турцией и Арменией. Присоединение Армении к программе «Партнерство ради мира» в 1994 г. [14] и последующее углубление ее отношений в рамках Индивидуального плана действий партнерства сохранили связи страны с НАТО на уровне функционального партнерства. В этом контексте Турция и Армения участвовали в одной и той же многосторонней рамке не только в таких учениях, как Cooperative Best Effort (2003) [15, с. 64] и Cooperative Associate (2005), но и в миссии KFOR. Тем не менее эти контакты не трансформировались в устойчивый двусторонний военный механизм. Структурные ограничения, порожденные турецко-азербайджанским стратегическим альянсом и карабахским фактором, удержали взаимодействие под зонтиком НАТО на символическом уровне. Подписание Арменией в 2025 г. соглашения о закупке БПЛА у Соединенных Штатов в рамках усилий по приближению своих вооруженных сил к стандартам НАТО указывает на вероятность того, что архитектура безопасности страны будет приобретать все более прозападный характер. С точки зрения турецкой бюрократии безопасности эта трансформация делает Армению не статичным профилем угрозы, а актором с меняющейся динамикой, требующим более пристального мониторинга [16, с. 359].

Иран и региональный баланс безопасности

Четвертый и последний аналитический слой отношений безопасности между Турцией и Арменией образуется стратегической напряженностью, порождаемой позицией Ирана в рамках регионального баланса безопасности. Хотя политика Тегерана в отношении Армении на поверхностном уровне выглядит основанной на сотрудничестве в сфере пограничной безопасности и контактах по укреплению доверия, на более глубоком уровне она отражает структурную обеспокоенность, воспринимающую любое изменение геополитического статуса вдоль северной границы Ирана как угрозу безопасности [17, с. 28].

Наиболее системное выражение региональной повестки Ирана представлено в заявлении Министерства иностранных дел Ирана, опубликованном в августе 2025 г. В этом документе, выражая принципиальную поддержку миру между Арменией и Азербайджаном, Тегеран подчеркнул, что иностранное военное и политическое вмешательство может подорвать региональную безопасность, что транспортные договоренности могут быть приемлемы только на основе уважения национального суверенитета, и, ссылаясь на платформу 3+3, отстаивал принцип, согласно которому «региональные проблемы должны решаться региональными акторами [18]». Этот дискурс ясно отражает глубокую обеспокоенность Ирана, особенно в связи с поддерживаемым США проектом TRIPP [19, с. 9].

Позиция Ирана по вопросу Зангезурского коридора создает серьезную точку противоречия с Турцией. Турция поддерживает беспрепятственный транзитный доступ Азербайджана по данному маршруту в рамках уважения территориальной целостности. С точки зрения мир-системного анализа эта позиция полностью соответствует поведению полупериферийного государства, которое принимает безопасность энергетических и транспортных коридоров в качестве регионального приоритета. Иран, напротив, воспринимает рассматриваемый коридор как стратегическое открытие, которое может быть использовано для приближения иностранных держав к его северной границе [19, с. 201].

Данное противоречие представляет картину, соответствующую аналитической рамке теории регионального комплекса безопасности относительно способов вовлечения внешних держав в региональные комплексы безопасности. Позиция Ирана вновь выявляет расхожащиеся предпочтения России, Турции и западных акторов в отношении архитектуры региональной безопасности. С точки зрения Анкары, такая многополярная картина делает необходимым управление любыми договоренностями в сфере безопасности и транзита на армянском направлении не только в рамках треугольника Турция-Азербайджан-

Армения, но и в более широкой консультативной рамке, учитывающей также региональную чувствительность Ирана.

Закключение

Военная политика Турции в отношении Армении совместно формируется четырьмя структурными ограничениями, проанализированными выше. Этими ограничениями являются динамика сдерживания турецко-азербайджанского альянса, сохраняющееся военное присутствие России в Армении, растущая роль западных акторов в сфере безопасности и чувствительность Ирана вдоль зангезурской оси.

С точки зрения мир-системного анализа позиция Турции соответствует тенденции полупериферийных государств обеспечивать безопасность энергетических и транспортных коридоров не посредством прямых военных инструментов, а через управление альянсами, дипломатическое давление и механизмы контролируемой нормализации. Такой подход позволяет Турции одновременно сохранять свой сдерживающий потенциал через стратегические отношения с Азербайджаном и поддерживать технико-дипломатические открытия с Арменией в сферах пограничной безопасности и транспортных договоренностей.

С точки зрения теории регионального комплекса безопасности Турция принимает стратегию управления южнокавказским комплексом безопасности изнутри, а не его прямой трансформации. Сохраняющееся присутствие России, растущая роль Соединенных Штатов и чувствительность Ирана относительно Зангезура определяют пределы этой управленческой стратегии. В данном контексте Турция предпочитает удерживать свои отношения с Арменией в областях «низкой политики», таких как транспорт, экономика и техническое пограничное сотрудничество, а не распространять их на военную сферу. Данное предпочтение не отражает слабости; напротив, оно представляет собой осознанный стратегический выбор, направленный на сохранение максимальной эффективности без попытки преодолеть структурные ограничения регионального комплекса безопасности.

В заключение, военно-безопасностная политика Турции в отношении Армении представляет собой многоуровневую и контролируемую политику открытия, которая сохраняет стратегическое согласование с Азербайджаном, не создавая милитаризованного антагонизма, балансирует сохраняющееся влияние России, управляет растущей ролью западных акторов в соответствии с собственными интересами и предусматривает расширение сферы безопасности только тогда, когда созреют условия для окончательного мира. Эта структура составляет наиболее сложный и многоакторный компонент военной стратегии Турции в отношении трех стран Южного Кавказа.

Литература

1. Özer Ç. İkinci Dağlık Karabağ savaşıdan sonra bölgedeki gelişmelerin bölgesel aktörler ve Türkiye açısından incelenmesi // *International Marmara Social Sciences Congress*. 2021. Cilt 10. Sayı 12. S. 118–125.
2. Özdemir M.D., Kantar G. Şuşa Beyannamesi'nin önemi ve olası etkileri // *Manas Sosyal Araştırmalar Dergisi*. 2023. Cilt 12. Sayı 2. S. 734–744.
3. Tuna O. Ermenistan'da Aşırı Sağ Vesayet: Taşnaklar ve Karabağ Klanı İttifakı Paşinyan'a Karşı // *DSJOURNAL*. 2021. Cilt 2. Sayı 5. S. 137–154.
4. Ministry of Foreign Affairs of The Republic of Armenia. Bilateral Relations: Russia [Электронный ресурс]. Обновлено: 05.04.2023. Режим доступа: <https://www.mfa.am/en/bilateral-relations/ru>: (дата обращения: 25.05.2026).
5. Yaşın G. Ermenistan'ın anayasa değişikliği ihtiyacı ve bölge dinamikleri // *Ermeni Araştırmaları*. 2024. Sayı 75. S. 155–188.
6. Demirtepe M.T. Güvenliği yeniden değerlendirmek: Stratejik ittifaktan hayal kırıklığına Ermenistan'ın KGAÖ yolculuğu // *Yönetim Bilimleri Dergisi*. 2025. Cilt 22. Sayı 54. P. 2495–2522.
7. Turan A. Ankara Moscow confrontation in Caucasus: Türkiye's support to Azerbaijan in the second Karabakh War and strategic acquisitions of the duo // *Asya Studies-Academic Social Studies*. 2025. Year 9. № 31. P. 307–322.
8. Paşa E., Hüseyinov R. Türkiye ve Rusya'nın jeopolitik davranışı bağlamında Güney Kafkasya'nın yeni yapılanması // *Güvenlik Bilimleri Dergisi*. 2025. Cilt 14. Sayı 1. S. 139–160.
9. Council of the European Union. Armenia: EU establishes a civilian mission to contribute to stability in border areas [Электронный ресурс]. 23 January 2023. Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/01/23/armenia-eu-sets-up-a-civilian-mission-to-ensure-security-in-conflict-affected-and-border-areas/>: (дата обращения: 27.05.2026).
10. Armenia and Azerbaijan: Lasting peace in sight? / *European Parliamentary Research Service (EPRS)*; authors: Anna Caprile and Jakub Prze-

tcznik [Электронный ресурс]. 12 October 2025. Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2025/779170/EPRS_BRI\(2025\)779170_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2025/779170/EPRS_BRI(2025)779170_EN.pdf): (дата обращения: 27.05.2026).

11. Ministry of Foreign Affairs the Republic of Armenia. The signing of the strategic partnership charter between the Republic of Armenia and the United States of America took place in Washington [Электронный ресурс]. 14 January 2025. Режим доступа: <https://www.mfa.am/en/press-releases/2025/01/14/the/13032>: (дата обращения: 28.05.2026).

12. Aytekin C.E. Minilateral diplomasi ve kompartımanlaştırılmış işbirliği: Güney Kafkasya'da işlevsel barış arayışı // *Turan-Sam Uluslararası Bilimsel Hakemli Dergisi*. 2025. Cilt 17. Sayı 68. S. 200–208.

13. Armen Press. Ermenistan savunma bakanı, NATO'da akredite olmuş bazı ülkelerin büyükelçilerini kabul etti [Электронный ресурс]. 12 Eylül 2025. Режим доступа: <https://armenpress.am/tr/article/1229497>: (дата обращения: 30.05.2026).

14. Yolcu T., Söker M.H., Akpınar Ç.R. Uluslararası kuruluşların İkinci Karabağ Savaşı'na yönelik söylemleri: NATO, BM, AGİT // *Külliye Uluslararası Sosyal Bilimler Dergisi*. 2025. Cilt 6. Sayı 1. S. 61–83.

15. Demir A. ABD'de bulunan Ermeni diasporasının Türkiye'ye karşı yürüttüğü faaliyetler // *International Journal of Humanities and Education*. 2025. Vol. 11. № 25. P. 355–369.

16. İnaç H., Teryaki E. İran'ın gözünden Zengezur Koridoru: Bölgesel dengeler ve gelecek senaryolar // *Evliya Çelebi Siyasal Bilimler Dergisi*. 2025. Cilt 2. Sayı 24. S. 24–30.

17. Statement by the Islamic Republic of Iran's Foreign Ministry on Developments in the Caucasus Region [Электронный ресурс]. 09 August 2025. Режим доступа: <https://en.mfa.ir/files/Pdf/0773032-news-Exportecd17990af3a4907bb8e7d3628402062.pdf>: (дата обращения: 30.05.2026).

18. Samkharadze N. 3+3 Minus One: Georgia's South Caucasian Challenges and Prospects // *Policy Brief*. 2022. № 37. P. 1–12.

19. Chedia A.R. Zengezur Corridor: Economic Potential and Political Constraints // *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22. № 1. P. 194–216.

STRUCTURAL CONSTRAINTS ON TURKISH-ARMENIAN MILITARY-POLITICAL RELATIONS

Atabay Eyup Ibrahim

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Institute of International Relations and World History

The article analyzes Turkish-Armenian relations in the military and security spheres as a structurally constrained element of Turkey's regional policy in the South Caucasus. The study proceeds from the assumption that the absence of stable bilateral military mechanisms, joint defense programs and institutionalized dialogue between Ankara and Yerevan is not merely a consequence of diplomatic rupture, but reflects a broader multi-actor configuration of regional security. The theoretical framework of the article is based on Regional Security Complex Theory and world-systems analysis. Methodologically, the research employs qualitative political analysis, a historical-structural approach, the comparative-institutional method, institutional and legal analysis, and elements of discourse analysis. The article focuses on four groups of constraints: the deterrence dynamics of the Turkish-Azerbaijani alliance, the continuing Russian military presence in Armenia, the growing involvement of Western actors, and Iran's sensitivity to transport and geopolitical changes in the Syunik/Zangezur area. The article demonstrates that Turkey's policy toward Armenia is not aimed at direct military competition, but represents a multi-level strategy of indirect deterrence, controlled normalization and regional balancing. It concludes that the military-security dimension of Turkish-Armenian relations is shaped not by the logic of bilateral rapprochement or direct confrontation, but within a complex system of alliance commitments, external presence and competing interpretations of regional order.

Keywords: Turkey, Armenia, South Caucasus, military security, Turkish-Azerbaijani alliance, Regional Security Complex Theory, world-systems analysis, Russia, Western actors, Iran, Zangezur.

References

1. Özer Ç. Analysis of developments in the region after the Second Nagorno-Karabakh War from the perspective of regional actors and Turkey // *International Marmara Social Sciences Congress*. 2021. Vol. 10. No. 12. pp. 118–125.
2. Özdemir M.D., Kantar G. The importance and possible effects of the Shusha Declaration // *Manas Journal of Social Research*. 2023. Vol. 12. No. 2. pp. 734–744.
3. Tuna O. Far-right tutelage in Armenia: the alliance of Dashnaks and the Karabakh clan against Pashinyan // *DSJOURNAL*. 2021. Vol. 2. No. 5. pp. 137–154.
4. Ministry of Foreign Affairs of The Republic of Armenia. Bilateral Relations: Russia [Electronic resource]. Updated: 05.04.2023. Access mode: <https://www.mfa.am/en/bilateral-relations/ru>: (access date: 25.06.2026)
5. Yaşın G. Armenia's need for constitutional change and regional dynamics // *Armenian Studies*. 2024. No. 75. pp. 155–188.
6. Demirtepe M.T. Reassessing security: Armenia's CSTO journey from strategic alliance to disappointment // *Journal of Administrative Sciences*. 2025. Vol. 22. No. 54. pp. 2495–2522.
7. Turan A. Ankara Moscow confrontation in Caucasus: Türkiye's support to Azerbaijan in the second Karabakh War and strategic acquisitions of the duo // *Asya Studies-Academic Social Studies*. 2025. Year 9. No. 31. pp. 307–322.

8. Paşa E., Hüseyinov R. The new structuring of the South Caucasus in the context of Türkiye's and Russia's geopolitical behavior // *Journal of Security Sciences*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 139–160.

9. Council of the European Union. Armenia: EU establishes a civilian mission to contribute to stability in border areas [Electronic resource]. 23 January 2023. Access mode: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/01/23/armenia-eu-sets-up-a-civilian-mission-to-ensure-security-in-conflict-affected-and-border-areas/>. (access date: 27.05.2026).

10. Armenia and Azerbaijan: Lasting peace in sight? / European Parliamentary Research Service (EPRS); authors: Anna Caprile and Jakub Przetacznik [Electronic resource]. 12 October 2025. Access mode: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2025/779170/EPRS_BRI\(2025\)779170_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2025/779170/EPRS_BRI(2025)779170_EN.pdf). (access date: 27.05.2026).

11. Ministry of Foreign Affairs the Republic of Armenia. The signing of the strategic partnership charter between the Republic of Armenia and the United States of America took place in Washington [Electronic resource]. 14 January 2025. Access mode: <https://www.mfa.am/en/press-releases/2025/01/14/the/13032>. (access date: 28.05.2026).

12. Aytekin C.E. Multilateral diplomacy and compartmentalized cooperation: the search for functional peace in the South Caucasus // *Turan-Sam International Scientific Peer-Reviewed Journal*. 2025. Vol. 17. No. 68. pp. 200–208.

13. Armen Press. The Armenian Defense Minister received ambassadors of several NATO-accredited countries [Electronic resource]. 12 September 2025. Access mode: <https://armenpress.am/tr/article/1229497>. (access date: 30.05.2026).

14. Yolcu T., Söker M.H., Akpınar Ç.R. Discourses of international organizations on the Second Karabakh War: NATO, UN, OSCE // *Külliye International Journal of Social Sciences*. 2025. Vol. 6. No. 1. pp. 61–83.

15. Demir A. Activities carried out by the Armenian diaspora in the United States against Turkey // *International Journal of Humanities and Education*. 2025. Vol. 11. No. 25. pp. 355–369.

16. İnaç H., Teryaki E. The Zangezur Corridor from Iran's perspective: regional balances and future scenarios // *Evliya Çelebi Journal of Political Sciences*. 2025. Vol. 2. No. 24. pp. 24–30.

17. Statement by the Islamic Republic of Iran's Foreign Ministry on Developments in the Caucasus Region [Electronic resource]. 09 August 2025. Access mode: <https://en.mfa.ir/files/Pdf/0773032-newsExportcd17990af3a4907bb8e7d3628402062.pdf>. (access date: 30.05.2026).

18. Samkharadze N. 3+3 Minus One: Georgia's South Caucasian Challenges and Prospects // *Policy Brief*. 2022. No. 37. pp. 1–12.

19. Chedia A.R. Zengezur Corridor: Economic Potential and Political Constraints // *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22. No. 1. pp. 194–216.

Колесникова Мария Александровна,

кандидат политических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения, Московский государственный лингвистический университет
E-mail: kolmaral-1710@mail.ru

Данная статья посвящена определению и изучению ключевых сюжетов, составляющих специфику контактов Турции и Катара с опорой на методы исторического и системного анализа. Особое внимание уделяется постпандемийному периоду, когда стратегическое партнёрство двух государств приобретает новые качественные характеристики в условиях трансформации региональной и глобальной повестки. Анализируются причины взаимного сближения двух крупных региональных игроков. В работе раскрываются основные направления двусторонних отношений: торговые и экономические связи, включая рост товарооборота и реализацию совместных инвестиционных проектов; координация в энергетической сфере, где Анкара и Доха развивают взаимодействие как в традиционных, так и в новых секторах (в том числе в области возобновляемых источников энергии и водородных технологий); а также углубление партнёрства в области безопасности и обороны, в частности, продолжение функционирования турецкой военной базы в Катаре и наращивание совместных учений. Статья демонстрирует, как сочетание геополитических интересов, экономической взаимодополняемости и схожих подходов к политической повестке позволило выстроить устойчивую модель партнёрства и превратило отношения Турции и Катара в один из значимых элементов современной региональной архитектуры. Выдвигается положение о формировании своеобразной «ближневосточной Антанты», которая в долгосрочной перспективе будет определять специфику геополитического ландшафта.

Ключевые слова: Турция, Катар, Эрдоган, Ближний Восток, Персидский залив, геополитика

Введение

Несмотря на многообразие геополитического ландшафта Ближнего Востока стратегический баланс в регионе сложно представить без оси Турция – Катар. Интерес Анкары к соседу по региону, казалось бы, предопределен географией. Споры же о примате экономических или политических причин в экспертной среде продолжаются до сих пор.

С одной стороны, несомненным драйвером наращивания турецкой дипломатией отношений с монархией Персидского залива выступает Ассоциация независимых промышленников и предпринимателей (МЮ-СИАД), которую составляют бизнесмены из центральных и восточных районов Турции, придерживающиеся консервативных религиозных убеждений и возглавляющие в основном мелкие и средние фирмы. Члены Ассоциации являются важным компонентом электоральной базы правящей Партии справедливости и развития (ПСР) и ключевым звеном в диверсификации внешних контактов Анкары. Р.Т. Эрдоган в целях упрочения позиций лояльных ему «анатолийских тигров» (так иногда называют членов МЮСИАД) активизирует экономические проекты в странах Ближнего Востока, Африки и Азии, где с опорой на исламские ценности и в отсутствие явной конкуренции со стороны других представителей национальных деловых кругов «мюсиадовцы» получают дополнительные преимущества в налаживании связей с мусульманскими странами. В этом отношении экономическая составляющая действительно играет важную роль при выстраивании взаимодействия с крупными кредиторами Персидского залива, позволяя обеспечить приток капитала и укрепить репутацию Р.Т. Эрдогана.

С другой стороны, ряд аналитиков небезосновательно указывают, что на фоне общей картины турецких международных контактов инвестиции арабских монархий (10% от общего объема), равно как и индикаторы экспортно-импортных отношений (по данным Турецкого института статистики – порядка 27 миллиардов долларов совокупный объем с Катаром, Саудовской Аравией и ОАЭ, что сопоставимо с показателями турецко-французских торговых связей и в два раза меньше турецко-немецких) остаются скромными. Тогда на первый план выходят политические мотивы. Среди наиболее значимых следует назвать стремление Анкары противодействовать созданию во главе с Израилем в Восточном Средиземноморье или на Ближнем Востоке антитурецкого блока, симпатии к которому в период охлаждения отношений с Турцией выражали Саудовская Аравия и ОАЭ. Усиливающаяся турбулентность в регионе, очевидно, диктует правящей элите Турецкой Республики необходимость избавления от дополнительных очагов напряженности.

Небезынтересным видится также набирающее силу предположение о том, что одной из основных причин, заложивших основу для интенсификации отношений, стало частичное отступление США из региона, которое началось еще при первом сроке Д. Трампа и продолжается по настоящее время. Не отказываясь при этом от идеи сохранения своего влияния, Вашингтон вместо того, чтобы прибегать к дорогостоящим вложениям на Ближнем Востоке, готов «делегировать» значительную долю полномочий своим региональным союзникам, к которым относятся и страны Персидского залива, и Турция. В этом контексте потепление отношений можно также рассматривать как часть американской системы стабилизации в регионе.

В любом случае, усиление взаимодействия с Катаром однозначно отвечает многоплановым интересам Турции и является отражением ее новых подходов к реализации своей внешней политики под эгидой президентской концепции «Век Турции», одной из целей в которой провозглашается создание мира и безопасности на Ближнем Востоке и умножение новых моделей сотрудничества.

Материалы и методы

Методологическую основу данной работы составили общенаучные методы (исторический анализ, структурно-логические методы). Кроме того, автор использует дескриптивный и аналитический подходы. В качестве основополагающей избрана неореалистическая парадигма, базирующаяся на примате национальных интересов, прагматизма и рационализма действующих игроков международных отношений. Используется также системный подход, в рамках которого турецко-катарские отношения рассматриваются как система разнонаправленных контактов, развивающихся с разной степенью интенсивности и результативности.

Исследование базируется на аналитических разработках ведущих мозговых центров Турции и ряда западных стран. При этом если подавляющее большинство авторов уделяет внимание хронологическому принципу изложения материала, в настоящей статье сделан акцент на тематических измерениях.

Результаты и обсуждение

Турецко-катарские отношения – это проверенный временем взаимовыгодный союз, доказавший свою устойчивость в кризисные периоды и являющийся собой редкий пример совпадения региональных интересов.

Принято считать [2], что Анкару и Доху объединяют идеологические (тесные связи с «Братьями-мусульманами») и экономические мотивы, а также специфика геополитической обстановки, когда на фоне региональных сложностей 2010-х гг. и отсутствия надежных союзников две страны в поисках ближневосточной опоры не могли не обратиться друг к другу. В настоящее время Катар во многом зависит от Турции в вопросах военной защиты, в то время как для Анкары такое партнерство стало возможностью повлиять до определенных пределов на расстановку сил в Персидском заливе в том, что касается притязаний на лидерство в суннитском мире в сфере «мягкой силы». Отдельные обозреватели отмечают [10], что снятие саудовско-эмиратско-бахрейнско-египетской блокады с Катара в январе 2021 г. способствовало снижению его зависимости от Турции, а примирение последней с Саудовской Аравией и ОАЭ может в перспективе ослабить экономическую значимость Дохи для Анкары. Однако итоги последних встреч на высшем уровне свидетельствуют обратное. Ежегодно на заседаниях Высшего стратегического комитета Турции и Катара подписывается внушительное число соглашений (в 2024 г. – 12, в 2025 г. – 9) по широкому тематическому спектру (торговля, оборона, гуманитарная помощь, управление документами и архивами, средства массовой информации и коммуникации, молодежная политика, спорт, культура, туризм, транспорт и логистика и др.), что наглядно свидетельствует об углублении двустороннего сотрудничества [3].

Главным свидетельством серьезности турецко-катарского сотрудничества остается военная база, которую следует рассматривать в контексте возросших возможностей Анкары проецировать силу за пределами национальных границ и морской акватории, предоставляя «услуги безопасности» в регионе Персидского залива. Кроме того, в соответствии с подписанным еще в 2014 г. соглашением стороны имеют доступ к аэропортам, портам, военным базам друг друга и право развертывать свои вооруженные силы на территории союзника [11]. Существует также договоренность о проведении совместных военных учений, обмене разведывательной информацией, сотрудничестве в области военно-промышленного комплекса. В основе политико-военного соглашения между Турцией и Катаром лежит публичное признание того, что оба государства сталкиваются с общими врагами, поддерживают одни и те же негосударственные субъекты, одинаково реагируют на многочисленные региональные кризисы и, в конечном счёте, преследуют схожие долгосрочные цели.

Ряд особо крупных контрактов реализуется совместным турецко-катарским предприятием ВМС. В частности, в соответствии с заключенной в 2017 г. договоренностью оно выполняет масштабный заказ для Катара на производство 1500 единиц бронированных машин типа Amazon [7]. В 2019 г. было подписано соглашение о закупке Катаром 250 турецких боевых танков Altay, массовое производство которых началось в сентябре 2025 г. [4] В 2026 г. стало известно о планах по созданию совместного оборонного предприятия силами турецкого концерна «Makine ve Kimya Endüstrisi» и катарской компании «Barzan Holdings», аффилированной с министерством обороны [12]. В рамках соглашения ожидается организация производства взрывчатых веществ, тактических дронов и морских беспилотных платформ, а также разработка и возможная локализация зенитного ракетного комплекса Tolga, предназначенного для противодействия беспилотным летательным аппаратам и высокоточному вооружению. В совокупности эти договоренности отражают переход Анкары и Дохи от ролей «продавец-покупатель» к совместному локализованному производству, закрепляя за Турцией статус долгосрочного индустриального партнера в модернизации катарской военной машины. Фактически выстраивается уникальная модель военно-политического альянса, в рамках которого Катар выступает ключевым спонсором и заказчиком, а Турция – своеобразной кузницей передовых образцов оборонной продукции и инкубатором научно-технических проектов. Эта линия сотрудничества создаёт материальную основу для любого последующего расширения формата коллективной обороны.

В экономических отношениях двух государств особое место занимает энергетическое сотрудничество. Турция полностью зависима от иностранных энергоносителей и в рамках курса на диверсифика-

цию поставок Доха в данном случае играет важную роль как второй в мире экспортер СПГ после США, занимающий третье место в мире по запасам природного газа и шестое место по его добыче [5]. Власти Катара и Турции демонстрируют твердое намерение способствовать заключению долгосрочных соглашений о поставках СПГ из эмирата в республику, однако объемы поступающего газа пока еще не велики (менее 2 миллионов тонн в год, что покрывает лишь 4% турецких потребностей) [6]. Достигнуты договоренности о возможных инвестициях в проекты по строительству газовых хранилищ в Турции, ведется работа по проектам с возобновляемыми источниками энергии. Весной 2026 г. вновь актуализировался вопрос о магистральном газопроводе Катар-Турция-Европа, предусматривающего поставки природного газа через Саудовскую Аравию, Иорданию и Сирию с выходом на турецкую газотранспортную систему и далее подключение к европейской инфраструктуре через Балканы и Центральную Европу. Идея проекта, который потенциально может обеспечить до 100 млн кубометров газа в сутки, возникла еще в начале 2000-х годов, оставаясь одной из наиболее обсуждаемых, но пока так и не реализованных [8]. Перспективы ее воплощения будут зависеть от геополитической ситуации, стоимости и конкурентоспособности по сравнению с альтернативными маршрутами поставок газа. По сведениям из открытой печати, переговоры по всем этим вопросам между Дохой и Анкарой по-прежнему находятся на начальной стадии.

Активно развивается турецко-катарское сотрудничество в Сирии. При поддержке Катара в экономической и дипломатической сферах Анкара использует это партнерство для восстановления сирийской социальной и политико-управленческой инфраструктуры и расширения своего влияния. Совместными усилиями осуществляются поставки гуманитарной помощи, предпринимаются попытки по смягчению энергетического коллапса в стране посредством отправки туда двух плавучих электростанций.

В то же время тесное сотрудничество между Турцией и Катаром в Сирии не всегда отвечает интересам Саудовской Аравии и ОАЭ, которые также стремятся использовать новые реалии в Сирийской республике с прагматичной выгодой для себя.

Особенно стоит подчеркнуть, что только усилила турецко-катарское стратегическое сближение война США и Израиля с Ираном. Общий опыт пребывания под прямой военной угрозой (для Дохи – фактической, для Анкары – потенциальной, в силу членства в НАТО и размещения американских сил на базе «Инджирлик») консолидировал восприятие сторонами неразделимости своей безопасности – формулу, которую Р.Т. Эрдоган декларировал ещё в 2015 г. и которая десятилетие спустя получила практическое подтверждение.

Именно в этих условиях – войны на пороге Катара, разрушения части его экспортной инфраструктуры и нарастающей эрозии доверия монархий Кувейта к американским гарантиям безопасности – турецко-катарское взаимодействие приобрело особую интенсивность и многомерность. Наличие плотной сети механизмов – Высшего стратегического комитета, более 100 подписанных соглашений, демонстрирующих реальные результаты сотрудничества на практике, межведомственных консультаций – обеспечивает турецко-катарскому партнёрству значительный запас устойчивости независимо от колебаний в военно-политической конъюнктуре. Приведенные факты интенсивного роста турецко-катарских контактов дают, на наш взгляд, весомый аргумент о создании своего рода «Ближневосточной Антанты», оказывающей значительное влияние на конфигурацию региональных отношений.

Заключение

В целом, при сохранении приоритетного сотрудничества с Катаром, по мере сближения интересов с Саудовской Аравией и упрочения финансовых и торговых связей с ОАЭ, Анкара вместо того, чтобы выбирать сторону в соперничестве между аравийскими столицами, стремится развивать конструктивные отношения со всеми. Показательно, что именно Турция инициировала приглашение Катара и ОАЭ на июльский саммит НАТО в 2026 г., поддерживая запущенную в 2004 г. Стамбульскую инициативу о сотрудничестве со странами Персидского залива для укрепления политического взаимодействия в сфере безопасности. По заявлениям турецких дипломатических источников, участие арабских монархий дает возможность «восстановить механизмы партнерства» между НАТО и государствами Персидского залива после нескольких лет их ограниченной эффективности [1].

Таким образом, Анкара опирается на тонкий баланс между региональными игроками, их намерениями и геополитическими реалиями. Стремясь обойти перспективу оказаться втянутой в региональные конфликты и стараясь поддерживать образ «деятельной державы», чтобы занять центральное место на Ближнем Востоке, Турция планомерно и методично выстраивает «пояс добрососедства», извлекая выгоду

из процесса нормализации ради собственной безопасности и стабильности. Вероятно, такая стратегия выглядит привлекательной и в столицах аравийских монархий, руководствующихся своими прагматичными интересами, откликаясь на мирную поливариантность во внешних делах.

Литература

1. Al-Khatib A. Four Gulf states to attend NATO summit amid uncertainty over Iran war // The New Arab. 22.05.2026. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.newarab.com/news/four-gulf-states-attend-nato-summit-amid-iran-war-uncertainty> (дата обращения: 07.07.2026).
2. Aydıntaşbaş A. Turkey's search for a Middle East order // Brookings Institute. 16.06.2026. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.brookings.edu/articles/turkeys-search-for-a-middle-east-order/> (дата обращения: 07.07.2026).
3. Bakir A. Is the UAE moving to replace Qatar as Turkey's top Gulf partner? // Amwaj Media. 26.11.2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://amwaj.media/en/article/does-the-uae-want-to-replace-qatar-as-turkey-s-top-gulf-partner> (дата обращения: 07.07.2026).
4. Cafiero G., Wagner D. Turkey and Qatar's Burgeoning Strategic Alliance // Middle East Institute. 08.06.2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mei.edu/publication/turkey-and-qatars-burgeoning-strategic-alliance/?__cf_chl_f_tk=ari_DJoQFIYP2iHt_1LGn2Tf43ja6MZ3nqwnN5gp20Vc-1783429248-1.0.1.1-WYxYxn_KI6s6AWVdtEXLkaQHrpglfqQwdO94HFRGyqLU (дата обращения: 07.07.2026).
5. Çevik S. Turkish-Gulf Relations in the Context of Regional Reconciliation // Arab Center Washington DC. 14.02.2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arabcenterdc.org/resource/turkish-gulf-relations-in-the-context-of-regional-reconciliation/> (дата обращения: 07.07.2026).
6. Goldberg L. Turkey Bolsters Its Defense Presence in the Gulf as Iran War Reveals Vulnerabilities // Al Hurra. 17.06.2026. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://alhurra.com/en/23087> (дата обращения: 07.07.2026).
7. Qatar offers Turkey relief by tripling FX swap line to \$15bn // Al Jazeera. 20.05.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.aljazeera.com/economy/2020/5/20/qatar-offers-turkey-relief-by-tripling-fx-swap-line-to-15bn> (дата обращения: 07.07.2026).
8. Soylu R. Gulf turns to Turkey for air defence systems amid Iran threats // Middle East Eye. 11.05.2026. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.middleeasteye.net/news/gulf-turn-turkey-air-defense-systems-iran-threats> (дата обращения: 07.07.2026).
9. Tür Ö. Turkey's alignment with Qatar—regional and domestic dynamics in an era of multipolarity // International Politics. 2025. Volume 63. Pp. 122–140. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41311-025-00716-7> (дата обращения: 07.07.2026).
10. Turkey-Qatar Partnership Model I For Peace and Stability in the Middle East // SETA. 08.01.2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.setav.org/podcast/turkey-qatar-partnership-model-for-peace-and-stability-in-the-middle-east> (дата обращения: 07.07.2026).
11. Web Panel: Turkey-Qatar Relations amidst the New Regional Realignment // SETA. 2026. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.setav.org/en/events/web-panel-turkey-qatar-relations-admindst-the-new-regional-realignment> (дата обращения: 07.07.2026).
12. Yüksel E., Tekineş H. Turkey's love-in with Qatar // Clingendael. 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.clingendael.org/pub/2021/drivers-of-turkish-qatari-relations/> (дата обращения: 07.07.2026).

TÜRKİYE AND QATAR IN THE TURBULENT REALITIES OF THE MIDDLE EAST

Kolesnikova M.A.
Moscow State Linguistic University

This article is devoted to the identification and study of key subjects that make up the specifics of contacts between Turkey and Qatar based on the methods of historical and systematic analysis. Special attention is paid to the post-pandemic period, when the strategic partnership of the two states acquires new qualitative characteristics in the context of the transformation of the regional and global agenda. The reasons for the mutual rapprochement of two major regional players are analyzed. The paper reveals the main directions of bilateral relations: trade and economic ties, including the growth of trade turnover and the implementation of joint investment projects; coordination in the energy sector, where Ankara and Doha are developing cooperation in both traditional and new sectors (including in the field of renewable energy and hydrogen technologies); as well as deepening partnership in the field of security and defense, in particular, the continued operation of the Turkish military base in Qatar and the expansion of joint exercises. The article demonstrates how the combination of geopolitical interests, economic complementarity and similar approaches to the political agenda has allowed to build a stable partnership model and turned relations between Turkey and Qatar into one of the significant elements of modern regional architecture. A position is being put forward on the formation of a kind of "Middle Eastern Entente", which in the long term will determine the specifics of the geopolitical landscape.

Keywords: Turkey, Qatar, Erdogan, Middle East, Persian Gulf, geopolitics.

References

1. Al-Khatib A. Four Gulf states to attend NATO summit amid uncertainty over Iran war // The New Arab. 22.05.2026. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.newarab.com/news/four-gulf-states-attend-nato-summit-amid-iran-war-uncertainty> (access date: 07.07.2026).
2. Aydıntaşbaş A. Turkey's search for a Middle East order // Brookings Institute. 16.06.2026. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.brookings.edu/articles/turkeys-search-for-a-middle-east-order/> (access date: 07.07.2026).
3. Bakir A. Is the UAE moving to replace Qatar as Turkey's top Gulf partner? // Amwaj Media. 26.11.2021. [Electronic resource]. Access mode: <https://amwaj.media/en/article/does-the-uae-want-to-replace-qatar-as-turkey-s-top-gulf-partner> (access date: 07.07.2026).
4. Cafiero G., Wagner D. Turkey and Qatar's Burgeoning Strategic Alliance // Middle East Institute. 08.06.2016. [Electronic resource]. Access mode: https://mei.edu/publication/turkey-and-qatars-burgeoning-strategic-alliance/?__cf_chl_f_tk=ari_DJoQFIYP2iHt_1LGn2Tf43ja6MZ3nqwnN5gp20Vc-1783429248-1.0.1.1-WYxYxn_KI6s6AWVdtEXLkaQHrpglfqQwdO94HFRGyqLU (access date: 07.07.2026).
5. Çevik S. Turkish-Gulf Relations in the Context of Regional Reconciliation // Arab Center Washington DC. 14.02.2024. [Electronic resource]. Access mode: <https://arabcenterdc.org/resource/turkish-gulf-relations-in-the-context-of-regional-reconciliation/> (access date: 07.07.2026).
6. Goldberg L. Turkey Bolsters Its Defense Presence in the Gulf as Iran War Reveals Vulnerabilities // Al Hurra. 17.06.2026. [Electronic resource]. Access mode: <https://alhurra.com/en/23087> (access date: 07.07.2026).
7. Qatar offers Turkey relief by tripling FX swap line to \$15bn // Al Jazeera. 20.05.2020. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.aljazeera.com/economy/2020/5/20/qatar-offers-turkey-relief-by-tripling-fx-swap-line-to-15bn> (access date: 07.07.2026).
8. Soylu R. Gulf turns to Turkey for air defence systems amid Iran threats // Middle East Eye. 11.05.2026. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.middleeasteye.net/news/gulf-turn-turkey-air-defense-systems-iran-threats> (access date: 07.07.2026).
9. Tür Ö. Turkey's alignment with Qatar—regional and domestic dynamics in an era of multipolarity // International Politics. 2025. Volume 63. Pp. 122–140. [Electronic resource]. Access mode: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41311-025-00716-7> (access date: 07.07.2026).
10. Turkey-Qatar Partnership Model I For Peace and Stability in the Middle East // SETA. 08.01.2021. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.setav.org/podcast/turkey-qatar-partnership-model-for-peace-and-stability-in-the-middle-east> (access date: 07.07.2026).
11. Web Panel: Turkey-Qatar Relations amidst the New Regional Realignment // SETA. 2026. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.setav.org/en/events/web-panel-turkey-qatar-relations-admindst-the-new-regional-realignment> (access date: 07.07.2026).
12. Yüksel E., Tekineş H. Turkey's love-in with Qatar // Clingendael. 2021. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.clingendael.org/pub/2021/drivers-of-turkish-qatari-relations/> (access date: 07.07.2026).

Кузнецов Александр Сергеевич,

бакалавр, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

E-mail: a.s.kuznetsov2004@gmail.com

В статье автор рассматривает проблему американо-немецких отношений после избрания Дональда Трампа на второй президентский срок. В работе рассматриваются экономический и внешнеполитический курс новой администрации Вашингтона и ее влияние на взаимоотношения со странами Европейского союза. Особый акцент ставится на политическом и экономическом курсе нового президента США. В статье рассматривается тарифная политика, внешнеполитические амбиции, изменения в оборонной доктрине и отношение Дональда Трампа к странам Европы. Анализируя тенденцию развития отношений между США и Германией, автор рассматривает проблему роста автономии Европейского союза, а также прогнозирует вероятность выхода ЕС из сферы влияния Соединённых Штатов Америки, и возможные шаги лидеров стран Европы для стабилизации отношений с президентом США. Исследуется проблема влияния Америки на безопасность стран Европейского союза в период продолжающегося кризиса на территории Украины. Анализируются амбиции Дональда Трампа и их влияние на отношения с ЕС. Также автор рассматривает тарифную политику США как инструмент влияния на страны Европы. Для написания данной научной работы, были использованы российские и иностранные статьи, новостные источники и стратегию национальной обороны США.

Ключевые слова: Германия, США, тарифы, ЕС, безопасность, торговля, международные отношения.

Переизбрание Дональда Трампа на пост президента США, серьезно повлияло на отношения между многими странами, в особенности это коснулось стран Европы. Германия – экономический лидер ЕС и один из главных союзников США с конца 40х годов, столкнулась с серьезными вызовами вызванными действиями и заявлениями новой администрации Белого дома.

США были главным союзником Германии с середины 20го века. После разделения страны именно Америка стояла у истоков формирования нового государства. Отношения между странами были теплыми при каждом президенте. Однако с момента избрания Трампа на второй срок, произошло охлаждение отношений. В 2025 году, вышла обновленная стратегия национальной обороны. Данный документ демонстрирует вектор американской внешней политики, так в тексте отмечено, что “К более масштабным проблемам, стоящим перед Европой, относятся деятельность Европейского союза и других транснациональных организаций, подрывающая политическую свободу и суверенитет, миграционная политика, трансформирующая континент и порождающая конфликты, цензура свободы слова и подавление политической оппозиции, резкое падение рождаемости, а также потеря национальной идентичности и уверенности в себе.” [13]. Исходя из содержания можно отметить, что Европейский союз по мнению новой американской администрации предстает структурой, которая ограничивает суверенитет стран Европы. Одним из основных противоречий между странами ЕС и США стал Украинский конфликт. Администрация Трампа в отличие от предыдущей, сократила объемы помощи Украине, а также начала проводить прямой диалог с Москвой. Так в 2025 году, в Анкоридже прошла встреча между Дональдом Трампом и Владимиром Путиным. Это первая встреча между президентом РФ и президентом западной страны с февраля 2022 года. Данное событие и отношение США к Украине, встревожили страны ЕС, поскольку США с самого начала конфликта выступали главным союзником Украины. Встреча президентов РФ и США так же внесла разлад в Европейско-Американские отношения, по причине того, что Россия выступает в роли потенциального противника для стран ЕС, однако канцлер Германии Фридрих Мерц имел более оптимистичный взгляд на данное событие. РБК приводит слова канцлера ФРГ:” [8] На Аляске должны быть защищены фундаментальные интересы безопасности Европы и Украины. Именно такое послание мы, европейцы, сегодня передали президенту США Трампу”. Исходя из данного послания, можно сделать вывод, что Германия хоть и имеет более оптимистичный взгляд на встречу, и признает в США роль гегемона, от решения которого зависит безопасность Европы.

Помимо встречи с Путиным, Дональд Трамп также заявляет о пересмотре оборонной доктрины и планах о сокращении численности войск в Европе. США являются ключевым союзником для Германии, Агафонова Ольга Владимировна в статье “Американский фактор в современной оборонной политике ФРГ” исследует политику безопасности Германии и указывает: “При существовавших долгое время разногласиях вокруг немецкого вклада в НАТО. ФРГ позиционирует альянс в качестве главного гаранта своей защиты от военных угроз” [2]. Рассуждения о сокращении американского контингента шли с 2025 года, однако дальше планов они не заходили. Однако реакция правительства ФРГ на конфликт между Ираном и США, подтолкнула Трампа к решению о сокращении войск. Так в мае 2026 года, на фоне расхождения во взгляде на Ирано-Американский конфликт, Дональд Трамп заявил о сокращении численности войск армии США на территории ФРГ. Точное число солдат, которые покинут Германию неизвестно. Коммерсант приводит слова генсека НАТО Марка Рютте “То, о чем заявили США, и в НАТО знали, что это произойдет... это было объявлено ранее, что они немного подсократят свое участие в конфигурации сил НАТО. Вопрос, который был задан вчера, произойдет ли это немедленно. И да, это произойдет немедленно” [11]. Сама Американо-Иранская война была принята Германией довольно холодно. Так Фридрих Мерц в апреле 2026 года в интервью die Zeit заявил, что “То, что сейчас делает Трамп, – это не дэскалация и не попытка найти мирное решение, а масштабная эскалация с неопределенным исходом. Эта эскалация уже представляет угрозу. Не только для тех, кто непосредственно затронут, но и для всех нас” [12], также в тот же канцлер озвучил что: “Сейчас я не вижу, какой стратегический выход выбирают американцы, тем более что иранцы, очевидно, очень умело ведут переговоры – или,

точнее, очень умело не ведут переговоры. Таким образом целая нация унижается иранским руководством» [7]. Последняя цитата, а именно фраза «целая нация унижается иранским руководством», могла повлиять на решение США о выводе войск из Германии. Хотя Трамп с самого начала конфликта упрекал страны ЕС в недостаточной военной поддержке, однако вывод войск все еще оставался маловероятным. Однако на следующий день после выступления Фридриха Мерца, Дональд Трамп заявил о том, что США будут рассматривать сокращение войск в Германии. Основной причиной данного решения, являются слова канцлера. Вывод американского контингента из Германии не сильно повлияет на защищенность страны, по причине удаленности ФРГ от границы с Россией, а также действующей 5ой статьи НАТО. Однако данный ход серьезно охладит отношения двух стран.

Помимо изменений в военном сотрудничестве, с 2025 года также меняется торговля между двумя странами. Дональд Трамп в начале своего президентского срока ввел пошлины на товары из стран ЕС. Ушкалова Дарья Игоревна в своей статье «Тарифная политика Д. Трампа и внешняя торговля России», отмечает, что, тарифная политика Трампа это в первую очередь инструмент протекционистской политики, проводимой для защиты американских производителей. Германия является первой экономикой ЕС, а также экспортоориентированным государством. В 2025 году, страна занимает третье место в мире по экспорту [9]. С мая 2026 года, Американские пошлины для европейских товаров достигают 20%, а для автомобильной промышленности 25%. В своей статье «Последствия июльской 2025 г. сделки ЕС–США для хозяйственно-политического пространства германий» Белов Владислав Борисович анализирует влияние тарифной политики новой администрации США и приходит к заключению, что: «Для Германии это означает вынужденный переход к модели управляемой зависимости, предполагающей меньше ценовой свободы, больше политико-контрактной устойчивости и необходимости более агрессивной промышленной политики внутри страны» [3]. Стоит отметить, что статья была написана в то время, когда пошлины были ниже. В данный момент времени, для немецкой экономики ситуация стала еще хуже, поскольку из-за роста тарифов, немецкой продукции будет сложнее конкурировать на американском рынке, что приведет к снижению производства и оттоку инвестиций. Евросоюз и в том числе ФРГ, оказываются в зависимости от внешней политики США. Тарифная политика Трампа является механизмом контроля стран Европы. А.В. Котов, А.Д. Васильченко в статье «Эффекты тарифного соглашения между ЕС и США», отмечают, что: «Вероятность контрмер со стороны ЕС невысока. Они, скорее всего, спровоцируют еще более широкий трансатлантический торговый раскол, учитывая предупреждения Д. Трампа о том, что ответные шаги против американских интересов столкнутся с еще более жесткими действиями со стороны его администрации.» [1]. Увеличение тарифов в мае 2026 года, произошло в момент обострения Ирано-Американского конфликта, и его критики со стороны Европейских стран, что переводит тарифную политику Трампа из экономической плоскости в инструмент контроля и диктовки внешнего политического курса США, и наказания за отступ от Американских интересов. Для Германии и стран ЕС, американский рынок очень важен по причине его масштаба, что потребует от стран Европы или отказа от Американского рынка, или принять американские правила игры и пойти на сделку с Трампом.

Внешнеполитические амбиции Дональда Трампа также вносят раскол в трансатлантическое партнерство. Так в 2025 году, Дональд Трамп заявил о том, что Гренландия является стратегически важным для США регионом, и остров должен войти в состав страны, также помимо географического расположения, на острове находится огромное количество редкоземельных металлов. Датское правительство категорически отказывается от продажи острова и считает его неотъемлемой частью королевства. Дональд Трамп, а также администрация Белого дома, также заявляли о наличии насильственного присоединения острова. Так РБК, со ссылкой на Daily mail в январе 2025 года, указал на наличие приказа Трампа о подготовке силового сценария решения Гренландского вопроса [10]. Однако в той же статье отмечается, что данный вариант подвергся критике со стороны американских офицеров, по причине незаконности и возможной критикой со стороны конгресса. Хотя данный сценарий отмечался как маловероятный, однако в январе 2026 года, в Гренландию были направлены офицеры стран ЕС, а так же незначительный контингент, целью которого было лишь демонстрация поддержки Дании, на это указывает численность данного контингента, который не мог бы оказать сопротивления в случае нападения США. Шариков Павел Александрович в своей статье «претензии США на Гренландию в контексте трансатлантических отношений» отмечает, что: «Ситуация вокруг Гренландии придаёт дополнительный стимул развитию стратегической автономии ЕС, подрывает доверие к Вашинг-

тону и негативно скажется на отношениях США и ЕС.» [6]. Хотя данный конфликт и угас, однако все равно сказался на сотрудничестве между ЕС и Америкой. Стоит отметить, что политика автономии ЕС от США, в сфере обороны началась еще до ситуации вокруг Гренландии. Чернега Владимир в статье «Европейская общая оборона» и Украинский кризис» приводит выступление президента Франции Эммануэля Макрона в 2017 году в Сорбонском университете, где была изложена программа углубления интеграции ЕС, автор выделяет следующие аспекты выступления: «Более того, перечисляя «ключи к суверенитету», он поставил на первое место формирование «общей стратегической культуры», «общих сил вмешательства», «общей военной доктрины» и «общего оборонного бюджета». В целом речь шла о реализации давней идеи «европейской общей обороны» (или «европейской автономной обороны»).» [5]. Исходя из данного выступления, можно отметить, что автономная внешняя политика Европы началась еще задолго до Гренландского кризиса. Однако с 2026 года, страны Европы вынуждены проводить все более автономную политику, в связи с разногласиями с внешней политикой США. В статье Федора Лукьянова и Евгении Прокочук «Желания против возможностей и наоборот», авторы приходят к заключению, что: «В случае сохранения в Соединённых Штатах в ближайшие годы нынешних идеологических тенденций, можно предположить, что под воздействием Вашингтона, заинтересованного, согласно Стратегии национальной безопасности, в преодолении раскола России и Европы (для отдаления России от Китая), Берлин станет сдвигаться к более умеренной позиции в отношении Москвы. Однако пока это находится в сфере гипотетического.» [4]. Авторы указывают на то, что правительство Германии вынуждено пойти на компромисс со взглядами американской администрации на Украинский конфликт. Однако это маловероятно, поскольку даже после заявлений о снижении контингента и охлаждения между странами, риторика ФРГ в отношении России осталась неизменной, и наоборот растет автономия стран ЕС в вопросах обороны. Ясмин И.А и Хозен И. в своей работе «Trump 2.0: redefining America's role in the global order», указывают на угрозу действий Трампа для гегемонии США, и отмечают, что: «Разрыв связей, или неоизоляционизм, – это неверный путь, поскольку отступление США может привести к перераспределению глобального баланса сил. НАТО потенциально может усилиться по мере того, как Германия и Франция будут брать на себя больше ответственности, что создаст серьезную угрозу для США.» [14]. Действия США подталкивают ЕС к большей автономии, однако утрата роли гегемона маловероятна, поскольку наличие обширного ядерного арсенала, а также сила армии и экономики, не позволит США в ближайшее время утратить первенство и контроль над странами Европейского союза.

Вывод

С приходом Дональда Трампа на пост президента США, отношения со странами ЕС включая Германию стали холоднее. На это влияет протекционистская тарифная политика новой администрации США, которая помимо защиты местных производителей также преследует цель шантажа и подчинения стран внешнеполитическому курсу США. Также внешнеполитические амбиции президента Трампа вносят раскол в трансатлантическое партнерство, посягательство на территориальную целостность члена НАТО и ЕС Дании, а также вывод войск из Германии после ссоры с канцлером Фридрихом Мерцем. Германия и страны вынуждены проводить переговоры с Трампом находить компромиссы, а также избегать критики в адрес Белого дома. Поскольку США остаются ключевым союзником по блоку НАТО, а также важным рынком для товаров из ФРГ и Европейского союза. В дальнейшем при продолжении вектора развития американской внешней политики, страны Европы могут все больше дистанцироваться от Вашингтона и опираться на собственные силы и возможности. Однако прогнозировать полный разрыв в отношениях не стоит, поскольку оборона Европы сильно зависит от армии США и ее ядерного арсенала. И это важно для стран ЕС особенно сейчас в момент вооружённого конфликта на территории Украины и страха перед возможной российской агрессией.

Изменения в отношениях двух стран могут произойти после выборов в конгресс и выборов президента США. В случае победы демократической партии, можно рассчитывать на усиление сотрудничества в НАТО, а также отмены тарифов, поскольку даже сейчас при меньшинстве в конгрессе и сенате, демократическая партия стремится достичь признания пошлин незаконными.

Литература

1. А.В. Котов, А.Д. Васильченко Эффекты тарифного соглашения между ЕС и США // журнал «Аналитические записки Института Европы РАН» (Выпуск IV) № 32, 2025 (№ 400) с. 28 (дата обращения: 07.07.2026).

2. Агафонова Ольга Владимировна Американский фактор в современной оборонной политике ФРГ // Обозреватель – Observer. 2025. № 5 (112). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskiy-faktor-v-sovremennoy-oboronney-politike-frg> (дата обращения: 07.07.2026).
3. Белов Владислав Борисович Последствия июльской 2025 г. сделки ЕС–США для хозяйственно-политического пространства Германии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2025. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posledstviya-iyulskoy-2025-g-sdelki-es-ssha-dlya-hozyaystvenno-politicheskogo-prostranstva-germanii> (дата обращения: 12.07.2026).
4. Лукьянов Фёдор Александрович, Прокопчук Евгения Эдуардовна Желания против возможностей. Или наоборот? // Россия в глобальной политике. 2026. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhelaniya-protiv-vozmozhnostey-ili-naoborot> (дата обращения: 12.07.2026).
5. Чернега Владимир «Европейская общая оборона» и украинский кризис // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2022. № 66 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskaya-obshchaya-oborona-i-ukrainskiy-krizis> (дата обращения: 12.07.2026).
6. Шариков Павел Александрович Претензии США на Гренландию в контексте трансатлантических отношений // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2026. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretenzii-ssha-na-grenlandiyu-v-kontekste-transatlanticheskikh-otnosheniy> (дата обращения: 12.07.2026).
7. Александр Барабанов // Мерц рассказал, как Иран «унижает» американскую нацию // новостное издание Газета.ру URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2026/04/27/28350307.shtml> (дата обращения: 07.07.2026).
8. Елена Чернышова // Мерц заявил, что на Аляске могут быть приняты «важные решения» по Украине // новостное издание РБК URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/08/2025/689ca1e89a7947476dd7aba5> (дата обращения: 07.07.2026).
9. Елизавета Завьялова // Инфографика: крупнейшие экспортеры мира в 2025 году // интернет портал Naked Science URL: <https://naked-science.ru/community/1176440> (дата обращения: 12.07.2026).
10. Полина Харчевникова // Daily Mail узнала о приказе Трампа составить план вторжения в Гренландию // новостное издание РБК URL: https://www.rbc.ru/politics/11/01/2026/6962e5409a79474df8860a3?from=story_696e01469a794743db4d47ca (дата обращения: 12.07.2026).
11. Рутте подтвердил планы США о «немедленном сокращении» войск в Европе // новостное издание Коммерсантъ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8740676> (дата обращения: 07.07.2026).
12. Стефания Барченкова // Мерц назвал войну США с Ираном эскалацией с неопределенным исходом // новостное издание РБК URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/03/2026/69c79e609a7947396885d035> (дата обращения: 07.07.2026).
13. National Security Strategy of the United States of America URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (дата обращения: 12.07.2026).
14. Jasmin, I.A., Hosen, I. Trump 2.0: redefining America's role in the global order. Discov glob soc 3, 140 (2025). <https://doi.org/10.1007/s44282-025-00281-7> (дата обращения: 12.07.2026).

US-GERMAN RELATIONS IN THE SECOND TRUMP ADMINISTRATION

Kuznetsov A.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation

In this article, the author examines the problem of US-German relations after the election of Donald Trump for a second presidential term. The paper examines the economic and

foreign policy course of the new Washington administration and its impact on relations with the countries of the European Union. Special emphasis is placed on the political and economic course of the new US president. The article examines tariff policy, foreign policy ambitions, changes in defense doctrine and Donald Trump's attitude towards European countries. Analyzing the trend in the development of relations between the United States and Germany, the author examines the problem of the growing autonomy of the European Union, and also predicts the likelihood of the EU leaving the sphere of influence of the United States of America, and possible steps by European leaders to stabilize relations with the President of the United States. The article examines the problem of America's influence on the security of the European Union countries during the ongoing crisis in Ukraine. The article analyzes the ambitions of Donald Trump and their impact on relations with the EU. The author also considers the US tariff policy as an instrument of influence on European countries. To write this scientific paper, we used Russian and foreign articles, news sources, and the US national Defense strategy.

Keywords: Germany, USA, tariffs, EU, security, trade, international relations.

References

1. A.V. Kotov, A.D. Vasilchenko, "Effects of the Tariff Agreement between the EU and the USA," in Analytical Notes of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (Issue IV), No. 32, 2025 (No. 400), p. 28 (accessed: 07/07/2026).
2. Olga Vladimirovna Agafonova, "The American Factor in Germany's Contemporary Defense Policy," in Observer. 2025, No. 5 (112). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskiy-faktor-v-sovremennoy-oboronney-politike-frg> (accessed: 07/07/2026).
3. Belov, Vladislav Borisovich, Consequences of the July 2025 EU-US deal for Germany's economic and political space // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. 2025. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posledstviya-iyulskoy-2025-g-sdelki-es-ssha-dlya-hozyaystvenno-politicheskogo-prostranstva-germanii> (accessed: 12 July 2026).
4. Lukyanov, Fedor Aleksandrovich, Prokopchuk, Evgenia Eduardovna, Desires versus Possibilities. Or Vice Versa? // Russia in Global Affairs. 2026. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhelaniya-protiv-vozmozhnostey-ili-naoborot> (date of access: 12.07.2026).
5. Chernega Vladimir "European common defense" and the Ukrainian crisis // European Security: Events, Assessments, Forecasts. 2022. No. 66 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskaya-obshchaya-oborona-i-ukrainskiy-krizis> (date of access: 12.07.2026).
6. Sharikov Pavel Aleksandrovich US claims to Greenland in the context of transatlantic relations // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2026. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretenzii-ssha-na-grenlandiyu-v-kontekste-transatlanticheskikh-otnosheniy> (accessed: July 12, 2026).
7. Alexander Barabanov // Merz described how Iran "humiliates" the American nation // news publication Gazeta.ru URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2026/04/27/28350307.shtml> (accessed: July 7, 2026).
8. Elena Chernyshova // Merz stated that "important decisions" regarding Ukraine could be made in Alaska // RBC news outlet URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/08/2025/689ca1e89a7947476dd7aba5> (accessed: 07.07.2026).
9. Elizaveta Zavvalova // Infographics: The world's largest exporters in 2025 // Naked Science internet portal URL: <https://naked-science.ru/community/1176440> (accessed: 12.07.2026).
10. Polina Kharchevnikova // Daily Mail learned of Trump's order to draw up a plan for the invasion of Greenland // RBC news outlet URL: https://www.rbc.ru/politics/11/01/2026/6962e5409a79474df8860a3?from=story_696e01469a794743db4d47ca (accessed: 12.07.2026).
11. Rutte confirmed US plans for an "immediate reduction" of troops in Europe // Kommersant news outlet URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8740676> (accessed: 07.07.2026).
12. Stefania Barchenkova // Merz called the US war with Iran an escalation with an uncertain outcome // RBC news outlet URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/03/2026/69c79e609a7947396885d035> (accessed: 07.07.2026).
13. National Security Strategy of the United States of America URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (accessed: 12.07.2026).
14. Jasmin, I.A., Hosen, I. Trump 2.0: redefining America's role in the global order. Discov glob soc 3, 140 (2025). <https://doi.org/10.1007/s44282-025-00281-7> (accessed: 12.07.2026).

Курицин Виктор Викторович,

магистрант, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
E-mail: victorvvv@bk.ru

Статья посвящена исследованию информационного противоборства, который выступает как элемент современной внешней политики государств. Автором обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Дается краткое понятие информационного противоборства как элемент стратегического взаимодействия между государствами, включая геополитические измерения информационного противоборства, рассматриваются основные формы информационного противоборства, его механизмы и место в современной системе международных отношений. Постулируется о том, что в настоящее время развитие цифровых технологий, глобальных коммуникационных платформ и социальных сетей существенно расширило возможности государств по распространению информации, формированию общественного мнения и воздействию на политические процессы как внутри собственной страны, так и за ее пределами. Одновременно с этим, уделяется анализу практики применения информационных инструментов различными государствами, включая США, Россию, Китай, некоторые страны Европейского союза, а также другие государства. Проведенный анализ показывает, что информационное противоборство становится неотъемлемой частью современной внешней политики и оказывает существенное влияние на международную безопасность, дипломатические отношения и процессы принятия политических решений. В заключении сформулированы рекомендации, направленные на совершенствование международного сотрудничества в сфере информационной безопасности, повышение медиаграмотности населения и развитие механизмов противодействия деструктивному информационному воздействию при соблюдении принципов международного права.

Ключевые слова: информационное противоборство, международные отношения, внешняя политика, информационная безопасность, дезинформация, цифровая дипломатия, стратегические коммуникации, киберпространство.

Как известно, в условиях развития современного политического сообщества наблюдаются множественные трансформации, глобальные проблемы, международные конфликты, требующие внимание со стороны развитых государств. В мировом сообществе наблюдается ряд глобальных изменений, которые наглядно характеризуется возрастающей ролью информации как одного из важнейших ресурсов государственной политики. Если в прошлом основными инструментами внешнеполитического влияния выступали военная сила, экономическое давление и дипломатические механизмы, то сегодня все большее значение приобретают информационные ресурсы и технологии. Информационное пространство стало самостоятельной сферой международной конкуренции, где государства стремятся продвигать собственные национальные интересы, укреплять международный авторитет и оказывать влияние на принятие политических решений в других странах.

Информационный фактор представляет собой комплекс мер политического, информационного, технологического и психологического характера, направленных на достижение внешнеполитических целей посредством воздействия на информационную среду. Фундаментальной целью ведения информационной борьбы является прямое или косвенное идеологическое воздействие для установления полного контроля над внутренней системой государства-противника. Оно включает распространение информации, стратегические коммуникации, публичную дипломатию, деятельность государственных средств массовой информации, использование цифровых платформ, а также защиту собственного информационного пространства от внешнего воздействия.

Отметим, что рост значения информационного противоборства обусловлен несколькими факторами. Во-первых, цифровизация общества значительно ускорила распространение информации и сделала ее доступной практически мгновенно. Во-вторых, развитие социальных сетей позволило государственным и негосударственным субъектам взаимодействовать с многомиллионной аудиторией без посредничества традиционных СМИ. В-третьих, возрастающая взаимозависимость государств привела к тому, что информационные процессы стали непосредственно влиять на экономическую, политическую и социальную стабильность.

Следует согласиться с мнением А.С. Гавриловой о том, что успешное ведение информационной войны может обеспечить значительное усиление позиций государства на мировой арене и поддержку со стороны общественности [1]. С нашей точки зрения само информационное противоборство является частью более широкого комплекса инструментов внешней политики. Его главная цель заключается в формировании благоприятной международной информационной среды, способствующей реализации национальных интересов государства.

Любые современные государства используют различные методы информационного воздействия. Среди них можно выделить официальные заявления политических лидеров, деятельность государственных информационных агентств, публичную дипломатию, международное вещание, работу в социальных сетях, проведение информационных кампаний, культурные и образовательные проекты, а также цифровые технологии анализа общественного мнения. Особенность информационного противоборства заключается в том, что его результаты зачастую проявляются постепенно. Изменение общественного мнения, формирование доверия или недоверия к государственным институтам, создание определенного международного имиджа являются длительными процессами, требующими комплексного применения различных инструментов информационной политики.

В условиях глобализации информационное пространство перестало совпадать с государственными границами. Любое информационное сообщение может быстро распространяться по всему миру, оказывая влияние на аудиторию различных государств. Это значительно усложняет обеспечение информационной безопасности и требует разработки новых подходов к государственному управлению в информационной сфере.

Как очень точно отмечает Х.М. Абдиев, наиболее показательным примером информационного противоборства в современных международных отношениях является сопоставление подходов Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации [2]. Обе страны рассматри-

вают информационное пространство как важную сферу реализации внешнеполитических интересов, однако применяют различные модели, обусловленные особенностями национальных стратегий, институционального устройства и понимания международной безопасности.

Подход, который используется США, основывается преимущественно на концепции стратегических коммуникаций, в рамках которой информационная деятельность тесно интегрируется с дипломатией, культурной политикой, международным сотрудничеством и развитием цифровых технологий. Значительная роль отводится публичной дипломатии, ориентированной на формирование долгосрочного доверия зарубежной аудитории посредством образовательных программ, научного обмена, деятельности международных медиаструктур и официальных цифровых коммуникаций государственных органов [3]. Существенным преимуществом данного подхода является широкое использование глобальных цифровых платформ и участие негосударственных акторов – университетов, аналитических центров, исследовательских организаций и международных фондов.

В свою очередь, Российская Федерация рассматривает информационное противоборство как неотъемлемую часть обеспечения национальной и международной безопасности. В официальных стратегических документах значительное внимание уделяется защите информационного суверенитета, развитию национальной информационной инфраструктуры и противодействию внешнему информационному воздействию. Во внешнеполитической деятельности активно используются государственные информационные ресурсы, международное вещание, официальные цифровые платформы, дипломатические каналы и механизмы стратегических коммуникаций.

Непосредственно, современное информационное противоборство характеризуется рядом особенностей. Прежде всего наблюдается широкое использование технологий искусственного интеллекта, автоматизированного анализа больших массивов данных и алгоритмов персонализации информационного контента. Это позволяет значительно повысить эффективность коммуникаций с различными аудиториями. Один из главных инструментов – социальные сети. Алгоритмы, управляющие новостными лентами, отбирают контент, который больше всего соответствует интересам и предпочтениям конкретного пользователя. Это создает так называемый «пузырь фильтров», в котором человек сталкивается преимущественно с теми мнениями и идеями, которые подтверждают его собственные взгляды. Еще один аспект манипуляции – использование эмоций. В эпоху цифровых технологий контент, вызывающий сильные эмоциональные реакции, получает большее распространение. Это связано с тем, что алгоритмы социальных сетей зачастую фаворизируют материалы, способные вызвать шок, радость или гнев [4]. Манипуляция в цифровую эпоху также используется в сфере маркетинга и рекламы. Бренды изучают поведение пользователей, собирая данные об их предпочтениях и привычках. Это знание позволяет им создавать целенаправленные рекламные кампании, которые тонко воздействуют на подсознание. Чтобы эффективно противостоять манипуляциям, важно развивать критическое мышление, анализировать источники, проверять факты и осмысленно подходить к потреблению информации. Адаптация стратегий в условиях изменений информационного ландшафта. Некоторые примеры обновления стратегий государственной политики в ответ на изменения в информационном пространстве: стратегия США по международному киберпространству и цифровой политике. Документ, опубликованный в мае 2024 года, основан на концепции цифровой солидарности и предусматривает позитивное видение киберпространства и 6 цифровых технологий, их увязку с международными обязательствами и правом, включая права человека. Также стратегия предполагает интеграцию кибербезопасности, устойчивого развития и технологических инноваций. Стратегия развития информационного общества в России. Обновленная стратегия, утвержденная в 2024 году, в качестве главной цели деятельности в области цифровизации называет формирование системы, обеспечивающей оперативную и эффективную передачу сведений между элементами информационного общества, в том числе между гражданами, организациями и органами власти [5].

Стоит сказать, что, несмотря на различия в подходах, можно выделить ряд общих характеристик информационной политики США и России. Обе страны рассматривают информацию как стратегический ресурс внешней политики, активно инвестируют в развитие цифровых технологий, совершенствуют системы мониторинга информационного пространства и используют современные коммуникационные платформы для взаимодействия с международной аудиторией. Кроме того, обе стороны уделяют внимание развитию кибербезопасности, совершенствованию механизмов информационной защиты и повышению устойчивости национального информационного пространства [6].

Более того, в современной научно-исследовательской литературе обнаруживаются доказательства о существующих и принципиальных различиях. Американская модель характеризуется более широким привлечением негосударственного сектора к реализации внешнеполитических информационных задач, тогда как российская модель отличается более высокой ролью государственных институтов в организации и координации информационной политики. Различается также понимание ключевых приоритетов: если американская стратегия акцентирует внимание на продвижении внешнеполитической повестки посредством публичной дипломатии и международных коммуникаций, то российская стратегия в большей степени ориентирована на обеспечение информационного суверенитета, защиту национального информационного пространства и снижение внешних информационных рисков.

Помимо всего вышесказанного, сравнение информационной политики двух государств показывает, что развитие цифровых технологий постепенно приводит к сближению отдельных инструментов, несмотря на сохранение различий в их институциональном оформлении. В обеих странах активно применяются социальные сети, цифровая дипломатия, аналитические системы обработки больших данных, технологии искусственного интеллекта и современные средства мониторинга информационного пространства. Это свидетельствует о формировании новых стандартов внешнеполитической деятельности, в которых информационные технологии становятся одним из ключевых элементов реализации государственных интересов [7].

Таким образом, сравнительный анализ демонстрирует, что США и Российская Федерация используют информационное противоборство как важный инструмент современной внешней политики, однако реализуют его посредством различных организационных моделей и стратегических приоритетов. При этом общая тенденция развития международных отношений свидетельствует о дальнейшем усилении роли информационного фактора независимо от национальных особенностей конкретных государств.

Что касается государства Европейского союза, то они чаще рассматривают информационную безопасность как составную часть общей политики безопасности и обороны. Значительное внимание уделяется развитию механизмов стратегических коммуникаций, противодействию информационным угрозам, защите демократических институтов и обеспечению устойчивости информационного пространства. Одновременно активно развивается сотрудничество государств-членов в сфере кибербезопасности и обмена информацией. Следует отметить, что аналогичные подходы применяют и многие другие государства, включая Индию, Японию, Южную Корею, Турцию и страны Ближнего Востока. Несмотря на различия в политических системах и национальных интересах, практически все крупные государства рассматривают информационное пространство как важное направление реализации своей внешней политики.

Однако, анализ современного опыта, публикуемого на различных профильных форумах, сайтах организаций, а также в научных журналах, позволяет сделать вывод о том, что передовые технологические решения способствуют существенному повышению эффективности коммуникационных процессов с разнообразными аудиториями, а применение алгоритмов машинного обучения и нейронных сетей позволяет не только анализировать огромные объемы информации в реальном времени, но и прогнозировать поведение целевых групп, что, в свою очередь, способствует более точной настройке информационных потоков [8].

Другой тенденцией является интеграция информационных операций с дипломатическими, экономическими и кибернетическими инструментами внешней политики. Информационное воздействие редко применяется самостоятельно, чаще оно становится частью комплексной государственной стратегии [9].

Существенную роль приобретают негосударственные участники информационного пространства. Международные медиакомпании, цифровые платформы, аналитические центры, неправительственные организации и отдельные пользователи социальных сетей способны оказывать заметное влияние на формирование международной информационной повестки. Это делает информационную среду значительно более сложной и менее контролируемой по сравнению с предыдущими десятилетиями [10].

Наряду с новыми возможностями усиливаются и риски. Распространение недостоверной информации, использование технологий искусственного интеллекта для создания реалистичных поддельных материалов, рост количества киберинцидентов и увеличение скорости распространения информации создают дополнительные вызовы для международной безопасности.

Вышесказанное позволяет сделать объективное заключение о том, что информационное противоборство стало одним из важнейших элементов современной внешней политики государств. Его значение продолжает возрастать по мере развития цифровых технологий и расширения глобального информационного пространства. Анализ практики различных государств показывает, что независимо от особенностей политического устройства практически все крупные международные акторы активно используют информационные инструменты для защиты и продвижения своих национальных интересов. При этом эффективность информационной политики определяется не только технологическими возможностями государства, но и уровнем доверия общества к официальным источникам информации, качеством государственных институтов, развитостью международного сотрудничества и способностью адаптироваться к быстро меняющимся условиям цифровой среды. В целях снижения рисков международной напряженности представляется целесообразным развивать международный диалог по вопросам информационной безопасности, совершенствовать правовые механизмы регулирования деятельности в информационном пространстве, повышать уровень медиаграмотности населения и расширять сотрудничество государств в области противодействия деструктивному информационному воздействию. Реализация данных мер может способствовать формированию более устойчивой и безопасной международной информационной среды при сохранении принципов государственного суверенитета и международного права.

Литература

1. Гаврилова, А.С. Информационное противоборство как инструмент внешней политики государств в XXI столетии / А.С. Гаврилова, Е.Г. Щемелева // Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики государств: Сборник научных статей. Выпуск 5. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2025. – С. 91–96.
2. Авдальян М.Р. Развитие подходов к реализации концепции «мягкой силы» в доктрине внешней политики России и в положениях стратегических документов // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 7.
3. Абдиев, Х.М. Информационное противоборство как элемент стратегического взаимодействия между государствами / Х.М. Абдиев, А.А. Некрасов // Актуальные проблемы информационной безопасности: Сборник статей. Выпуск 1. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2025. – С. 4–8.
4. Баканова, А.С. Эволюция информационного противоборства как инструмента внешней политики: исторический аспект / А.С. Баканова // Вопросы политологии. – 2020. – Т. 10, № 8(60). – С. 2584–2590.
5. Агапов, А.В. Национальные интересы как определяющий фактор внешней политики современного государства / А.В. Агапов // Современная наука: инновационный взгляд молодежи: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Пятигорск, 16 апреля 2024 года. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2024. – С. 159–164.
6. Башлаева, М.С. Управление внешней и Внутренней информационной политикой как эффективный менеджмент по формированию имиджа государства / М.С. Башлаева // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12, № 12(88). – С. 4201–4215. – DOI 10.35775/PSI.2022.88.12.015.
7. Кефели, И.Ф. Информационный потенциал как решающий фактор в информационном противоборстве государств / И.Ф. Кефели, С.А. Мальмберг // Управленческое консультирование. – 2019. – № 3(123). – С. 24–33. – DOI 10.22394/1726–1139–2019–3–24–33.
8. Микаелян, А.Ф. Использование современных информационных технологий в сфере внешней политики государств объединенного запада – угроза безопасности миру / – Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2024. – С. 96–99.

9. Нюхтерлайн Д.Э. Национальные интересы Соединенных Штатов в меняющемся мире. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt130hwkg> (дата обращения: 21.06.2026).

10. Мосьяков Д. В., Шпаковская М.А., Понька Т.И., Данилов В.А. Разворот на Восток как фактор укрепления влияния России в Азии // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvorot-na-vostok-kak-faktor-ukrepleniya-vliyaniya-rossii-v-azii> (дата обращения: 25.06.2026).

INFORMATION WARFARE AS AN ELEMENT OF MODERN FOREIGN POLICY OF STATES

Kuritsin V.V.

Moscow State Institute of International Relations (University)

The article is devoted to the study of information warfare, which acts as an element of modern foreign policy of states. The author substantiates the relevance and significance of the research topic. A brief concept of information warfare as an element of strategic interaction between states, including the geopolitical dimensions of information warfare, is given, the main forms of information warfare, its mechanisms and its place in the modern system of international relations are considered. It is postulated that the current development of digital technologies, global communication platforms and social networks has significantly expanded the capabilities of states to disseminate information, form public opinion and influence political processes both within their own country and abroad. At the same time, the article analyzes the practice of using information tools by various states, including the United States, Russia, China, some countries of the European Union, as well as other states. The analysis shows that information warfare is becoming an integral part of modern foreign policy and has a significant impact on international security, diplomatic relations and political decision-making processes. In conclusion, recommendations are formulated aimed at improving international cooperation in the field of information security, increasing the media literacy of the population and developing mechanisms to counter destructive information influence while observing the principles of international law.

Keywords: information warfare, international relations, foreign policy, information security, disinformation, digital diplomacy, strategic communications, cyberspace.

References

1. Gavrilova, A.S. Information warfare as an instrument of foreign policy of states in the 21st century / A.S. Gavrilova, E.G. Shchemeleva // Actual problems of international relations and foreign policy of states: A collection of scientific articles. Issue 5. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics, 2025. pp. 91–96.
2. Avdalyan M.R. Development of approaches to the implementation of the concept of “soft power” in the doctrine of Russia’s foreign policy and in the provisions of strategic documents // Socio-humanitarian Knowledge. 2024. № 7.
3. Abdiev, H.M. Information warfare as an element of strategic interaction between states / H.M. Abdiev, A.A. Nekrasov // Actual problems of information security: Collection of articles. Issue 1. Perm: Perm State National Research University, 2025. pp. 4–8.
4. Bakanova, A.S. The evolution of information warfare as an instrument of foreign policy: a historical aspect / A.S. Bakanova // Questions of political science. – 2020. – Vol. 10, No. 8(60). – pp. 2584–2590.
5. Agapov, A.V. National interests as a determining factor in the foreign policy of a modern state / A.V. Agapov // Modern science: an innovative view of youth: Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference, Pyatigorsk, April 16, 2024. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University, 2024, pp. 159–164.
6. Bashlayeva, M.S. Management of external and internal information policy as effective management for the formation of the image of the state / M.S. Bashlayeva // Questions of political science. – 2022. – Vol. 12, No. 12(88). – pp. 4201–4215. – DOI 10.35775/PSI.2022.88.12.015.
7. Kefeli, I.F. Information potential as a decisive factor in the information confrontation of states / I.F. Kefeli, S.A. Malmberg // Management consulting. – 2019. – № 3(123). – Pp. 24–33. – DOI 10.22394/1726–1139–2019–3–24–33.
8. Mikaelyan, A.F. The use of modern information technologies in the field of foreign policy of the states of the united West is a threat to the security of the world. / – Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, 2024. pp. 96–99.
9. Nychterlein D.E. National interests of the United States in a changing world. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt130hwkg> (date of request: 06/21/2026).
10. Mosyakov D. V., Shpakovskaya M.A., Ponka T.I., Danilov V.A. The turn to the East as a factor in strengthening Russia’s influence in Asia // Bulletin of the RUDN University. Series: International Relations. 2024. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvorot-na-vostok-kak-faktor-ukrepleniya-vliyaniya-rossii-v-azii> (date of request: 06/25/2026).

Парадигма Кербелы как инструмент легитимации внешней политики Исламской республики Иран: Израиль как «Коллективный Шимр»

Садыков Богдан Русланович,

магистр, кафедры Института классического Востока
и античности НИУ ВШЭ

E-mail: bogdan.sadykoff22@yandex.ru

Ахметова Диана Руслановна,

магистр, кафедры международных отношений Казанский
(Приволжский) федеральный Университет

E-mail: Diana.crystal0803@yandex.ru

В статье анализируется, как «Парадигма Кербелы» – идеологическая конструкция, сформировавшаяся в иранском шиизме во второй половине XX века, – была трансформирована из инструмента внутренней политической мобилизации в действенную внешнеполитическую доктрину Исламской Республики Иран. Опираясь на труды ключевых идеологов революционного шиизма (Муртазы Мутаххари, Али Шариати, Рухоллы Хомейни) и официальный дискурс ИРИ, автор рассматривает конкретные механизмы концептуальной трансформации: от канонического шиитского нарратива о мученичестве имама Хусейна к риторическому конструированию Израиля как «коллективного Шимра» – современного воплощения архетипического врага ахл ал-байт. В исследовании продемонстрировано, как сакральная история Кербелы была последовательно переосмыслена и институционализирована в годы ирано-иракской войны, в деятельности ливанской «Хизболлы» и в современной риторике аятоллы Хаменеи, где Газа предстаёт как «современная Кербела», а Израиль – как «новый Язид». Отдельная задача данной статьи – выявить связь между идеологическим наследием Мутаххари и формированием нормативной основы для «экспорта революции» и поддержки антиизраильских прокси-сил. В заключении делается вывод, согласно которому «Парадигма Кербелы» представляет собой классический пример «изобретения традиции» (в терминологии Эрика Хобсбаума), где религиозный нарратив стратегически переосмысляется для легитимации внешнеполитических действий, превращая геополитического противника в онтологического врага веры, а конфликт – в эсхатологическое противостояние Добра и Зла.

Ключевые слова: Парадигма Кербелы, Исламская Республика Иран, имам Хусейн, Муртаза Мутаххари, Али Шариати, Израиль, коллективный Шимр, Язид, шиизм, внешняя политика Ирана, «Хизболла», сектор Газа, риторическая легитимация, изобретение традиции, прокси-война.

Введение

Парадигма Кербелы, сформировавшаяся в иранском политическом дискурсе второй половины XX века, представляет собой один из наиболее ярких примеров «изобретения традиции» (в терминологии Эрика Хобсбаума), где историко-религиозный нарратив о мученичестве имама Хусейна был системно переосмыслен для легитимации актуальных политических задач. Данная идеологическая конструкция, получившая свое наиболее завершённое выражение в труде Муртазы Мутаххари «Эпос о Хусейне» (1981), трансформировала трагедию 680 года из объекта сугубо траурной памяти в универсальную модель сопротивления тирании, где бинарная оппозиция «Хусейн vs. Язид» стала метафорой борьбы угнетённых мусульман против глобального деспотизма. Однако, как показывает политическая практика Исламской Республики Иран, символический потенциал Кербелы оказался не ограничен внутренним измерением, но был экстраполирован на внешнюю политику, где архетипический образ врага, олицетворяемого в шиитской традиции с омейядским полководцем Шимром ибн Джилавшаном – палачом Хусейна, стал использоваться для идеологической концептуализации современных геополитических противников.

Именно в этом контексте представляет особый интерес феномен «коллективного Шимра» как риторической конструкции, применяемой иранским официальным дискурсом для демонизации Государства Израиль. Интерес автора заключается в понимании того, каким образом экзегетика событий Кербелы – изначально историко-богословский нарратив – была интегрирована в идеологический аппарат иранской внешней политики, превратившись в инструмент не только к социальной консолидации, но и геополитической легитимации. Логика данной трансформации представляет собой любопытный исследовательский вопрос: если в 1960–70-е годы «Парадигма Кербелы» служила мобилизационным ресурсом для свержения «внутреннего деспота» (шахского режима), то после 1979 года та же самая герменевтическая матрица была адаптирована для артикуляции внешней угрозы, где Израиль – в силу своего статуса «врага исламского мира» и «последнего форпоста западного империализма» – получил эпитеты, ранее резервировавшиеся в шиитской традиции для антагонистов имама Хусейна.

Из этого вытекает ряд исследовательских вопросов: каковы механизмы переноса сакральной исторической бинарности «Хусейн–Язид/Шимр» на современную политическую плоскость; как именно Израиль конструируется в иранской риторике как «коллективный Шимр»; и в какой мере данный дискурс выполняет функцию легитимации не только риторической, но и практической внешней политики Тегерана, включая поддержку антиизраильских сил в регионе (ХАМАС, «Хезболла»)?

Актуальность работы продиктована современной эскалацией напряжённости на Ближнем Востоке, где ирано-израильское противостояние вышло за рамки прокси-конфликтов и приблизилось к прямой военной конфронтации. Понимание глубинных идеологических основ иранской враждебности по отношению к Израилю невозможно без анализа тех сакральных шаблонов, которые формируют восприятие противника не просто как геополитического оппонента, но как онтологического «врага веры». Более того, данная работа позволяет по-новому взглянуть на природу иранской революционной идеологии, которая, используя язык традиции, на самом деле представляет собой высокоадаптивную и прагматичную политическую систему, способную перекодировать исторические нарративы для обслуживания текущих государственных интересов.

Автор выделяет следующие причины, по которым статья имеет особую научную новизну. Во-первых, в отличие от большинства работ, сосредоточенных либо на историко-теологическом анализе событий Кербелы, либо на эмпирическом изучении иранской внешней политики в израильском направлении, здесь впервые предлагается системный анализ механизма концептуальной трансформации: от канонического шиитского нарратива к конкретному политическому ярлыку «коллективный Шимр». Во-вторых, новизну представляет исследование того, как экзегетика «Эпоса о Хусейне» Мутаххари – ранее рассматривавшаяся преимущественно в контексте внутренней революционной мобилизации – нашла неожиданное продолжение во внешнеполитическом

дискурсе Исламской Республики. В-третьих, данная работа вносит вклад в теорию международных отношений, уточняя понятие «идеологической легитимации» применительно к действиям государства, где историко-религиозные прецеденты используются не для декорации, а в качестве полноценной императивной основы для внешнеполитических доктрин.

Помимо этого, теоретическая значимость статьи состоит в развитии концепций политической мифологии и «изобретения традиции» применительно к акторам на Ближнем Востоке. Иранский случай демонстрирует, как архаическая символика – в частности, фигура Шимра и Язида как «вечных антагонистов» и третьего имама шиитов-двунадесятников Хусейна ибн Али как «вечного мученика» – может быть перенесена из плоскости эсхатологической в плоскость геополитическую, обогащая типологию инструментов «гибридной войны». Конструирование образа врага через призму «Кербелы» не просто усиливает социальную сплоченность внутри Ирана, но и создает нормативное обоснование для «экспорта революции» и конфронтации с Израилем как с «армией неверных».

Методология и источники

Теоретическую основу исследования составляет концепция «изобретения традиции», разработанная британским историком Эриком Хобсбаумом. Хобсбаум утверждал, что многие практики и символы, которые воспринимаются как древние и укорененные в глубоком прошлом, на самом деле были сознательно сконструированы в сравнительно недавнее время. «Изобретенные традиции» появляются чаще всего в периоды социальных потрясений и служат для легитимации новых политических порядков, создавая символическую связь между настоящим и переосмысленным прошлым. Применительно к нашему случаю это означает, что «Парадигма Кербелы» не является механическим воспроизведением вековой шиитской традиции, а представляет собой сознательную и селективную реинтерпретацию, где одни элементы старого нарратива акцентируются, другие – затушевываются, а традиционные понятия наполняются новым политическим содержанием. Такой подход позволяет изучать не столько сами события 680 года, сколько то, как и зачем они переосмыслились в конкретных исторических условиях Ирана второй половины XX века.

Парадигма Кербелы – это идеологическая конструкция, сложившаяся в иранском шиизме во второй половине XX века. Ее суть заключается в переосмыслении событий 10 мухаррама 680 года, когда внук пророка Мухаммеда имам Хусейн и его немногочисленные сподвижники погибли в местечке Кербела в современном Ираке, столкнувшись с многократно превосходящей армией халифа Язида. Изначально этот сюжет существовал в шиитской традиции прежде всего как траурный нарратив – история о страдании и несправедливой гибели праведника, оплакиваемая в ритуалах месяца Мухаррам. Однако в трудах иранских мыслителей 1960–1970-х годов, и прежде всего у Муртазы Мутаххари, события Кербелы были превращены в универсальную модель политического сопротивления. Противостояние Хусейна и Язида перестало быть лишь историческим прецедентом и обрело статус вечной схемы, применимой к любой ситуации, где угнетенные борются против деспотии.

Методология исследования сочетает несколько аналитических стратегий. Во-первых, применяется герменевтический анализ первоисточников: сопоставляется канонический шиитский нарратив о Кербеле с его интерпретацией у Мутаххари, чтобы выявить, какие смысловые сдвиги были произведены. Во-вторых, используется дискурс-анализ официальных источников Исламской Республики, позволяющий зафиксировать, как образ Израиль как «коллективного Шимра» конструируется риторическими средствами. В-третьих, сравнительно-исторический метод дает возможность сопоставить подходы разных идеологов «революционного шиизма» (М. Мутаххари, А. Шариати, Р. Хомейни, А. Хаменеи) и проследить эволюцию парадигмы во времени – от ее формирования в 1960–1970-х годах до современного этапа, когда эта риторика стала неотъемлемой частью внешнеполитического дискурса Ирана.

Источниковая база исследования включает две группы материалов. Первая – труды иранских революционных мыслителей, прежде всего сборник проповедей Муртазы Мутаххари «Эпос о Хусейне» (1981), а также работы Али Шариати и Рухоллы Хомейни, привлекаемые как сравнительный материал. Вторая – официальный дискурс Исламской Республики Иран: стенограммы пятничных проповедей и публичных выступлений высшего руководства (особенно аятоллы Хаменеи), заявления государственных органов, материалы государственных СМИ. Все тексты рассматриваются не как объективное описание реальности, а как документы, фиксирующие определенные идеологические стратегии и их риторические воплощения.

Рождение революционного шиизма и перепрочтение событий Кербелы

В период правления династии Пехлеви (1925–1979) шиитский нарратив о Кербеле претерпел глубокую трансформацию, пройдя путь от инструмента государственной легитимации до оружия политического протеста. Оба монарха проводили политику авторитарной модернизации, нацеленную на вытеснение ислама из публичной сферы. При Реза-шахе ритуалы мухаррама были запрещены, шариатские суды лишены юрисдикции, а духовное облачение запрещено законом. В 1963 году его наследник Мухаммад Реза предпринял «Белую революцию»: аграрная реформа лишала духовенство вакуфных земель, а пропаганда доисламского прошлого Ирана воспринималась как покушение на исламскую идентичность. Шахский режим стал осмысляться как воплощение тирании Язида, а его реформы – как продолжение дела врагов ахл ал-байт. Переломным моментом стали протесты 15 хордада 1963 года, когда в проповеди на Мухаррам аятолла Хомейни открыто назвал шаха «вторым Язидом». После его речи в Куме начались массовые протесты. Хотя выступления были жестоко подавлены, трагедия Кербелы перестала быть историческим воспоминанием и превратилась в живую программу действия.

Например, Али Шариати (1933–1977), светский социолог и интеллект, совершил радикальный переворот в понимании шиитского мученичества. В интерпретации Шариати Хусейн перестает быть просто исторической фигурой, превращаясь в архетипическое воплощение универсальных ценностей – справедливости, борьбы с тиранией и истинного богопоклонения. Шариати проводит четкое разграничение между исторической личностью Хусейна и его символическим значением, утверждая: «Хусейн – это имя, символизирующее Ислам, справедливость, имамат и божественное единство». Его знаменитый лозунг «Каждый день – Ашура, каждая земля – Кербела!» означает, что борьба за справедливость выводится из рамок ритуальной памяти в сферу актуального политического действия, где прошлое не вспоминается, а постоянно актуализируется.

Если Шариати апеллировал прежде всего к светской интеллигенции и студенчеству, предлагая эмоционально-публицистическое прочтение Кербелы, то Муртаза Мутаххари (1919–1979), будучи аятоллой и близким соратником рухоллы Хомейни, осуществил систематическую реинтерпретацию в рамках классической шиитской теологии. В своем фундаментальном труде «Эпос о Хусейне» (цикл лекций 1968–1977 годов, изданный посмертно в 1981 году) он представил, на наш взгляд, наиболее полное и концептуально завершенное изложение «Парадигмы Кербелы».

Центральное место в его концепции занял исламский принцип «побуждения к одобряемому и запрета порицаемого» (*ал-амр би-л-ма'руф ва-н-нахи 'ан ал-мункар*). Мутаххари утверждал, что Хусейн выступил не ради захвата власти, а для спасения «истинного ислама» от искажения режимом Язида. Он критиковал фаталистические и сугубо искупительные интерпретации Кербелы как результат «искажения» (*тахриф*), навязанного врагами шиизма – от Омейядов до колониальных сил, – и представлял собственную интерпретацию как «очищение» и «возвращение к истокам» истинного «ислама Пророков и Имамов».

С приходом к власти Исламской Республики в 1979 году «Парадигма Кербелы», систематизированная Мутаххари, была канонизирована. По указанию Хомейни произведения Мутаххари получили широкое распространение и пользовались огромной популярностью. Массовое распространение «Эпоса о Хусейне», активно осуществлявшееся Корпусом стражей исламской революции (КСИР), превратило его в официальный идеологический нарратив.

Исходя из вышесказанного, взгляды Муртазы Мутаххари и Али Шариати на палестинский вопрос были неотъемлемой частью их общего проекта по переосмыслению шиитской традиции в революционном ключе. Оба мыслителя уже в начале 1960-х гг рассматривали Израиль не просто как геополитического противника, но как современное воплощение сил, исторически враждебных «истинному исламу» и, в особенности, дому Пророка (*ахл ал-байт*).

Али Шариати в своих лекциях о шиитской традиции проводил прямые аналогии между угнетением палестинцев и мученичеством имама Хусейна. В его интерпретации палестинское сопротивление становилось продолжением вечной борьбы угнетенных против угнетателей, где палестинские борцы осмыслялись как духовные наследники Хусейна и его сподвижников. Шариати рассматривал Израиль как «колониаторский режим» и инструмент западного империализма, направленный на подавление исламской уммы.

Муртаза Мутаххари пошел дальше, придав этой идее системное богословское обоснование. В своем труде «Эпос о Хусейне» (в лекции, прочитанной в канун Ашуры после встречи с палестинскими пред-

ставителями в Мекке) он назвал сионистское государство «новым Шимром» – прямой отсылкой к убийце имама Хусейна в Кербеле. Эта риторическая стратегия позволяла ему вписать современный ближневосточный конфликт в многовековую парадигму «борьбы истинной веры против тирании». Он утверждал, что материальная и политическая поддержка палестинского народа является «глубоким духовным императивом, сравнимым с участием в деле Хусейна» в современную эпоху. По его мнению, каждый, кто погибает в борьбе за палестинское дело, становится «наилучшим подражателем имама» и истинным «шахидом на Пути Бога». Таким образом, Мутаххари сакрализовал антиколониальную борьбу, создав образ современного мученика (*шахида*), соединяющего черты национального героя и религиозного борца, и тем самым превратил палестинский вопрос в религиозный императив для каждого шиита. В своей статье «Шахид» (1979) он развил эту концепцию, утверждая, что сознательный выбор мученичества в борьбе против сионизма является высшей формой подражания (*таклид*) имаму Хусейну.

Таким образом, и Шариати, и Мутаххари, при всех различиях в их подходах, создали стройную систему символических соответствий, в которой Израиль отождествлялся с историческими врагами шиизма (Язидом и Шимром), а палестинское сопротивление – с мучениками Кербелы. Нет ничего удивительного в том, что подобные взгляды были институционализированы после победы Исламской революции в Иране.

Институционализация Парадигмы Кербелы как внешнеполитической доктрины – «Путь в Иерусалим лежит через Кербелу»

Институционализация парадигмы Кербелы произошла в годы Ирано-иракской войны 1980–1988 гг. Для иранской пропаганды и официальных воззваний того времени было характерно восприятие войны с Ираком как войны за исламские ценности и продолжение «дела Кербелы». В официальной риторике того времени сформировался дискурс, в котором военный конфликт с Ираком представлялся не просто как геополитическое противостояние, но как эсхатологическая битва между «лагерем Ислама» и «силами неверия», а иранские солдаты и члены народного ополчения (*басидж*) изображались как духовные наследники имама Хусейна и его 72 сподвижников. Характерно, что даже лексика военных коммюнике отражала «парадигму Кербелы» – так, наступление иранских войск называлось «операцией Кербела», а оборонительные позиции – «линией Хусейна».

Риторика аятоллы Хомейни в эти годы была буквально пронизана отсылками к трагедии Хусейна, причем его заявления были основаны на «парадигме Кербелы» в течении всей войны. Например, в послании по случаю освобождения Хорремшахра от 24 мая 1980 г. Хомейни описывает иранских военнослужащих как защитников ислама и шахидов, выполняющих «божью волю»: «Я благодарю детей ислама и наши доблестные вооруженные силы... Им несомненно суждено стать спасителями человечества и вершителями божественной справедливости во всей вселенной – ибо, как гласит хадис, «моя душа – жертва за прах перед Ним»». В соответствии с парадигмой Кербелы, аятолла Хомейни представляет иранских солдат как праведников, воюющих на одной стороне с пророком Мухаммадом, имамом Али и имамом Хусейном. В еще более явном виде это сопоставление присутствует в речи Хомейни от 27 мая 1982 г., посвященной празднику третьего числа месяца ша'бан, на который приходится день рождения имама Хусейна: «О, милые, вы – те, чьи молитвенные собрания, где вы читаете молитвы зикр, ду'а и мунаджат, светят в ночи обитателям небес, подобно ночи Ашуры, они сияют на фронте, как звезды, а ваши дни, когда вы стойко сражаетесь с последователями Язида, подобны дню Ашуры...».

Сам термин «путь к Иерусалиму лежит через Кербелу», приписываемый Хомейни и систематизированный Мутаххари, приобрел в этот период конкретное политическое значение. Он означал, что освобождение Иерусалима (как символа исламских святынь) невозможно без преодоления «внутреннего деспотизма» и консолидации сил сопротивления, что нашло свое выражение в доктрине «экспорта революции» и поддержке прокси-сил по всему Ближнему Востоку. Согласно некоторым анализам, парадигма стала «операционным кодом» Исламской Республики в конфликтах, где «отказ от борьбы рассматривается как предательство, а каждое поражение – как очищение революции».

В период 1988–1995 годов «Парадигма Кербелы» претерпела дальнейшую эволюцию, выйдя за рамки идеологического обоснования Исламской революции и превратившись в действенный инструмент внешнеполитической риторики Исламской Республики Иран и ее прокси-сил, прежде всего ливанской «Хизболлы». Этот процесс был обусловлен двумя факторами: во-первых, необходимостью легитима-

ции ирано-иракской войны как «священной обороны», а во-вторых, потребностью в мобилизации шиитских общин за пределами Ирана на борьбу с Израилем, который осмыслялся как современное воплощение Язида и Шимра.

Как мы видим, уже в ходе ирано-иракской войны (1980–1988) риторика Кербелы была активно использована иранским руководством для мобилизации населения. Иранские наступления получали названия «операция Кербела», а оборонительные позиции – «линия Хусейна». Аятолла Хомейни в своих посланиях описывал иранских солдат как защитников ислама, сражающихся «на одной стороне с пророком Мухаммадом, имамом Али и имамом Хусейном». В этот период «шах, США, Израиль и Ирак отождествлялись с Язидом, а исламский революционный режим и его сторонники – с Хусейном и его последователями».

В период 1988–1995 годов «Парадигма Кербелы» претерпела дальнейшую эволюцию, выйдя за рамки идеологического обоснования Исламской революции и войны с Ираком и превратившись в действенный инструмент внешнеполитической риторики Исламской Республики Иран и ее прокси-сил, прежде всего ливанской «Хизболлы». Этот процесс был обусловлен потребностью в мобилизации шиитских общин за пределами Ирана на борьбу с Израилем, который осмыслялся как современное воплощение Язида и Шимра.

Однако наиболее системное применение парадигма Кербелы во внешнеполитическом дискурсе нашла в деятельности ливанской «Хизболлы», возникшей в начале 1980-х годов как движение сопротивления израильской оккупации Южного Ливана. Идеологические корни организации напрямую восходят к иранской революционной доктрине вилайет-е факих и концепциям, разработанным Мутаххари и Хомейни. В манифесте «Хизболлы» 1985 года прямо указывается, что сопротивление вдохновлено «мученичеством имама Хусейна в Кербеле».

Шейх Мухаммад Махди Шамс ад-Дин (1936–2001), один из ключевых религиозных авторитетов ливанского шиизма, в серии проповедей начала 1980-х годов последовательно выстраивал параллели между израильской оккупацией и трагедией Кербелы. Он провозглашал, что «израильское вторжение превратило Ливан в Кербелу», а сопротивление оккупации является «моральным и религиозным долгом». Аятолла Мухаммад Хусейн Фадлалла (1935–2010), духовный наставник ранней «Хизболлы», развивал эту линию, утверждая, что «бессмысленно для тех, кто выступает против сопротивления, отмечать Ашуру». Он рассматривал операции смертников как «религиозно санкционированные акты оборонительного джихада против сионистского врага-оккупанта».

Центральное место в этой риторике заняла дихотомия «угнетенные – угнетатели», заимствованная из концепции Хомейни и восходящая к кербельскому нарративу: «Израиль олицетворял угнетение и представлял роль халифа Язида в драме Кербелы, а «Хизболла» как символ сопротивления и мобилизации является современным аналогом сопротивления имама Хусейна омейядскому правлению». Важно отметить, что в этих построениях Израиль регулярно отождествлялся с США, которые рассматривались как «западный империалистический проект», направленный на господство над регионом.

Сам термин «путь к Иерусалиму лежит через Кербелу», приписываемый Хомейни и систематизированный Мутаххари, приобрел в этот период конкретное политическое значение. Он означал, что освобождение Иерусалима (как символа исламских святынь) невозможно без преодоления «внутреннего деспотизма» и консолидации сил сопротивления, что нашло свое выражение в доктрине «экспорта революции» и поддержке прокси-сил по всему Ближнему Востоку. Согласно некоторым анализам, парадигма стала «операционным кодом» Исламской Республики в конфликтах, где «отказ от борьбы рассматривается как предательство, а каждое поражение – как очищение революции».

В 1990-е годы, особенно после вывода израильских войск из Южного Ливана в 2000 году, произошла частичная секуляризация риторики «Хизболлы»: мученичество стало трактоваться не только как религиозный долг, но и как национальная обязанность по защите суверенитета Ливана. Однако базовая символическая структура – отождествление Израиля с Язидом, а сопротивления – с делом Хусейна – сохранилась и продолжает воспроизводиться в публичных выступлениях лидеров движения вплоть до настоящего времени.

Концепция «Кербелы в Газе» во внешней политике Ирана

Риторическая матрица, заложенная Мутаххари и Хомейни, последовательно воспроизводится в официальном дискурсе Исламской Республики Иран на современном этапе, приобретая все более отчетливые черты после эскалации палестино-израильского конфликта в октябре

2023 года. Аятолла Али Хаменеи, верховный лидер Ирана, систематически развивает эту линию, встраивая палестинское сопротивление в сакральную историю шиизма.

В сборнике проповедей аятоллы «Палестинский вопрос с точки зрения имама Хаменеи», фактически программном документе анти-израильской политики ИРИ, Хаменеи прямо заявляет: «Имам Хусейн должен был направиться в Кербелу, чтобы показать, каков в обстоятельствах угнетения план действий для исламской уммы в целом и для страдающей Палестины в частности... Вся суть в том, что аппарат угнетения, пренебрегающий всеми человеческими принципами, желает захватить регион Ближнего Востока, а его инструмент — это захватнический Израиль, наследник врагов нашего имама». Эта цитата фиксирует ключевой элемент современной риторики: Израиль осмысляется не просто как политический противник, а как звено в цепи исторических врагов ахл ал-байт, продолжающее дело Язида и Шимра.

С начала 2000-х годов в иранском пропагандистском дискурсе устойчиво присутствует формула «Кербела в Газе». Страдания палестинского населения осмысляются через шиитский код: Газа предстает как современная Кербела, палестинские группировки — ХАМАС и «Исламский джихад» — осмысляются как наследники войска Хусейна, а Израиль — как «новый Язид». Хаменеи неоднократно подчеркивал, что «Хусейн — это свет пути», а его последователи обязаны «продолжать движение на этом пути». Эта риторика резко интенсифицировалась в ходе войны в Газе, когда иранские СМИ актуализировали прямые отсылки к событиям 680 года.

Ключевым событием, зафиксировавшим эту риторику на высшем уровне, стали встречи аятоллы Хаменеи с лидерами палестинских группировок в марте 2024 года. Генеральный секретарь «Исламского джихада» Зияд ан-Нахала прямо заявил на этих переговорах, что происходящее в Газе «является фактически повторением инцидента в Кербеле». Хаменеи, в свою очередь, охарактеризовал стойкость жителей Газы как «вершину достоинства и непоколебимости», а провалы израильского режима — как «божественное событие и феномен». В официальном заявлении его офиса подчеркивалось, что «продолжающееся убийство женщин и детей сионистским режимом, несмотря на всю военную поддержку со стороны угнетающих держав мира, является доказательством неспособности этого режима противостоять силам сопротивления».

Данная риторика не ограничивается высшим руководством Ирана. Иранский министр обороны бригадный генерал Азиз Насирзаде в декабре 2024 года заявил, что «Сопротивление — это непреходящая идеология, укорененная в наследии Кербелы, и ее нельзя понимать или измерять мирскими стандартами». В том же контексте он утверждал, что «Сопротивление означает стоять на стороне праведности против сил лжи», что представляет собой прямую отсылку к фундаментальной шиитской бинарной оппозиции «истина — ложь», восходящей к Кербеле.

Важно отметить, что эта риторическая матрица транслируется не только в рамках сугубо шиитского дискурса, но и в рамках общеисламской «оси сопротивления», что позволяет Ирану выстраивать коалицию с суннитскими группировками. Таким образом, риторическая матрица, заложенная Мутаххари и Хомейни, не только сохраняется на современном этапе, но и получает дальнейшее развитие в контексте актуальных геополитических конфликтов, превращая Газу в символическое пространство, где воспроизводится сакральная история Кербелы.

Заключение

Проведенное исследование показало, что «Парадигма Кербелы», получившая наиболее системное выражение в труде Муртазы Мутаххари «Эпос о Хусейне», эволюционировала из инструмента внутренней политической мобилизации в полноценную внешнеполитическую доктрину Исламской Республики Иран. Исходно траурный шиитский нарратив о мученичестве имама Хусейна был последовательно переосмыслен в революционный, а затем экстраполирован на геополитическую плоскость, где Израиль стал осмысляться как «коллективный Шимр» — современное воплощение архетипического врага ахл ал-байт.

В работе было установлено, что трансформация нарратива о Кербеле началась еще при династии Пехлеви, когда авторитарная модернизация и секуляризационные реформы привели к тому, что трагедия 680 года превратилась в живую программу политического действия. Протесты 15 хордада 1963 года стали переломным моментом, когда Хомейни назвал шаха «вторым Язидом», закрепив символическую матрицу, впоследствии развитую Шариати и Мутаххари. При всех различиях в их методологии, оба мыслителя создали взаимодополняющую систему аргументации, в которой Хусейн предстал как «вечный революционер», а его борьба — как универсальная парадиг-

ма сопротивления тирании. Мутаххари, в отличие от эмоционально-публицистического подхода Шариати, осуществил системную реинтерпретацию в рамках классической шиитской теологии, апеллируя к принципу «побуждения к одобряемому и запрета порицаемого» и критике «искажений» (*тахриф*).

В годы ирано-иракской войны (1980–1988) парадигма была институционализована: риторика Хомейни, пронизанная отсылками к Ашуре, и лексика военных коммунике («операция Кербела», «линия Хусейна») закрепили восприятие конфликта как эсхатологической битвы. Одновременно парадигма была экстраполирована на палестинский вопрос: Израиль в риторике Мутаххари предстал как «новый Шимр», а палестинское сопротивление — как продолжение дела Хусейна, где мученичество становится высшей формой подражания имаму. В деятельности ливанской «Хизболлы» 1980–1990-х годов эта матрица нашла системное применение: религиозные авторитеты ливанского шиизма последовательно выстраивали параллели между израильской оккупацией и трагедией Кербелы, превращая сопротивление в религиозный императив.

На современном этапе риторическая матрица сохраняется и развивается. Аятолла Хаменеи систематически проводит параллель между сектором Газы и Кербелой, утверждая, что Израиль является «наследником врагов нашего имама». Формула «Кербела в Газе», актуализированная в ходе эскалации 2023–2024 годов, демонстрирует, что сакральная история шиизма продолжает служить мощным инструментом легитимации и мобилизации в геополитическом противостоянии Ирана и его союзников с Израилем.

Таким образом, «Парадигма Кербелы» представляет собой классический пример того, как религиозный нарратив может быть стратегически переосмыслен и трансформирован из объекта ритуальной памяти в действенный инструмент внешнеполитической легитимации. Иранский случай демонстрирует, как «изобретение традиции» (в терминологии Хобсбаума) служит не только консолидации внутренней идентичности, но и созданию нормативного обоснования для внешнеполитических действий, где политический противник онтологизируется через категории сакральной истории, а конфликт приобретает черты эсхатологического противостояния Добра и Зла.

Литература

1. Aghaie, K.S. The Martyrs of Karbala: Shi'i Symbols and Rituals in Modern Iran. Seattle: University of Washington Press, 2004. (Агаи, К. С. «Мученики Кербелы: Шиитские символы и ритуалы в современном Иране».)
2. Ayoub, M. Redemptive Suffering in Islam: A Study of the Devotional Aspects of 'Ashūrā' in Twelver Shi'ism. The Hague, 1978. (Аюб, М. «Искупительное страдание в исламе: Исследование культовых аспектов Ашур в двенадцатом шиизме».)
3. Elhan, N., Tur O. «Hezbollah at a Crossroads: Securitization and Adapting to Shifting Realities in the Middle East». Perceptions: The Journal of International Affairs. Istanbul: The University of Istanbul Press, 2025. (Элхан, Н., Тур, О. «Хезболла на распутье: Секьюритизация и адаптация к меняющимся реалиям на Ближнем Востоке» // «Перцепшенс: Журнал международных отношений».)
4. Fischer, Michael M.J. Iran: From Religious Dispute to Revolution. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980. (Фишер, М.М. Дж. «Иран: От религиозного спора к революции».)
5. Halm, H., Brown, A. Shi'a Islam: From Religion to Revolution. London: Markus Wiener Pub, 1997. (Хальм, Х., Браун, А. «Шиитский ислам: От религии к революции».)
6. Hashemi, A. The Making of Martyrdom in Modern Iran: From Protests and Revolutionaries to Shrine Defenders. London: I.B. Taurus, 2022. (Хашеми, А. «Становление мученичества в современном Иране: От протестов и революционеров к защитникам святынь».)
7. Hobsbawm, E., Ranger, T. The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. (Хобсбаум, Э., Рейнджер, Т. «Изобретение традиции».)
8. Mutahhari, M., Taleqani M., Shariati A. Jihad and Shahadat: Struggle and Martyrdom in Islam. Islamabad: Islamic Republic of Iran, 1984. (Мутаххари, М., Талекани, М., Шариати, А. «Джихад и шахадат: Борьба и мученичество в исламе».)
9. Ostovar A. Vanguard of Imam: Religion, Politics and Iran's Revolutionary Guards. Oxford: Oxford University Press, 2016. (Остовар, А. «Авангард имама: Религия, политика и Корпус стражей исламской революции Ирана».)
10. «Ayatollah Khamenei: Gazans already victors of war with Israel». Press TV, 28.03.2024. URL: presstv.co.uk (Аятолла Хаменеи: «Жители Газы уже являются победителями в войне с Израилем».)

11. «Follow Imam Hussein's path, Leader tells the youth». Tehran Times, 23.09.2023. (Лидер обращается к молодёжи: «Следуйте пути имама Хусейна».)

12. «Resistance is an enduring ideology, not bound to worldly measures: Iran DM». Tehran Times, 28.12.2024. (Глава Минобороны Ирана: «Сопrotивление – это устойчивая идеология, не ограниченная мирскими критериями».)

13. دیس هاگدی زا نیطسلف ملیسم یلع، یانماخ ۱۳۹۰، آچر یگنهرف رشن زکرم: نارهت. یانماخ یلع (Хамеини, А. «Вопрос Палестины: Точка зрения сайида Али Хамеини». Тегеран: Издательство «Меркез-е Нешр-е Фарханги-йе Реджа», 2011 (1390 г.х.).)

14. جورع رشن: نارهت. اماما مفی حص دللاجور، ۱۳۷۸، (یانیخ اماما راثا رشن و میظنت مسسوم بب متسابوا) (Хомейни, Р. «Собрание сочинений имама Хомейни» (в 22 томах). Тегеран: Издательство «Орудж» (подразделение Института систематизации и издания наследия имама Хомейни), 1999 (1378 г.х.).)

15. دیس راثا دعویم رد: مدا ثراو، نیسح یلع، یتعیرش ۱۳۸۰، نارواب مدیپس تاراشتنا: نارهت. یتعیرش یلع رتکد (Шариати, А. «Хусейн, наследник Адама». В кн.: «Собрание сочинений шахида доктора Али Шариати». Тегеран: Издательство «Сепиде-йе Баваран», 2000 (1380 г.х.).)

16. ۱۳۸۸، اردص تاراشتنا: نارهت ۱. دلج (Мутаххари, М. «Эпос о Хусейне» (в 3 томах). Т. 1. Тегеран: Издательство «Садра», 2009 (1388 г.х.).)

17. Заргаринежад, Г. Движение Имама Хусайна и восстание Кербелы / пер. с перс. И.Р. Гибадуллина. – Москва: Садра, 2015. – 599 с. – ISBN 978-5-906016-26-3.

18. Заргаринежад, Г. Путь в Кербелу / пер. с перс. И.Р. Гибадуллина; отв. ред. Д.В. Микунский; науч. ред. Т.Г. Корнеева. – Москва: Садра, 2025. – 448 с. – (Исламский и доисламский мир: история и политика). – ISBN 978-5-907552-87-6.

19. Петрушевский, И.П. Ислам в Иране в VII–XV веках. – Ленинград, 1966.

20. Прозоров, С.М. Арабская историческая литература в Ираке, Иране и Средней Азии в VII – середине X в.: Шиитская историография. – Москва: ГРВЛ, 1980. – 247 с.

21. Прозоров, С. М. (ред.). Ислам: энциклопедический словарь. – Москва: Наука, ГРВЛ, 1991. – 312 с.

22. Прозоров, С. М. (ред.). Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь. Т. I (2006); Т. II (2018). – Москва: Наука, Вост. лит.

23. Ан-Наубакhti, ал-Хасан ибн Муса. Шиитские секты (Фирак аш-ши'а) / пер. с араб., исслед. и коммент. С.М. Прозорова. – Москва, 1973. – 255 с.

24. Аш-Шахрастани, Мухаммад ибн 'Абд ал-Карим. Книга о религиях и сектах (Китаб ал-милал ва-н-нихал). Ч. 1. Ислам / пер. с араб., введ. и коммент. С.М. Прозорова. – Москва: Наука, ГРВЛ, 1984. – 270 с.

25. Дорошенко, Е.А. Шиитское духовенство в современном Иране. – Москва, 1985.

THE KARBALA PARADIGM AS A TOOL FOR LEGITIMIZING THE FOREIGN POLICY OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN: ISRAEL AS THE «COLLECTIVE SHIMR»

Sadykov B., Akhmetova D.

National Research University «Higher School of Economics», Kazan (Volga Region) Federal University

This article analyzes how the «Karbala Paradigm» – an ideological construct that emerged in Iranian Shi'ism during the second half of the twentieth century – was transformed from an instrument of domestic political mobilization into an effective foreign policy doctrine of the Islamic Republic of Iran. Drawing on the works of key ideologues of revolutionary Shi'ism (Murtaza Mutahhari, Ali Shariati, Ruhollah Khomeini) and the official discourse of the IRI, the author examines the specific mechanisms of conceptual transformation: from the canonical Shi'i narrative of Imam Hussein's martyrdom to the rhetorical construction of Israel as a «collective Shimr» – the modern embodiment of the archetypal enemy of the Ahl al-Bayt. The study demonstrates how the sacred history of Karbala was consistently reinterpreted and institutionalized during the Iran-Iraq War, in the activities of Lebanese Hezbollah, and in the contemporary rhetoric of Ayatollah Khamenei, where Gaza appears as a «modern Karbala» and Israel as a «new Yazid.» A separate objective of this article is to identify the link between Mutahhari's ideological legacy and the formation of the normative

framework for the «export of the revolution» and the support of anti-Israeli proxy forces. The conclusion argues that the «Karbala Paradigm» represents a classic example of the «invention of tradition» (in Eric Hobsbawm's terminology), where a religious narrative is strategically reinterpreted to legitimize foreign policy actions, transforming the geopolitical adversary into an ontological enemy of the faith and the conflict into an eschatological struggle between Good and Evil.

Keywords: Karbala Paradigm, Islamic Republic of Iran, Imam Hussein, Murtaza Mutahhari, Ali Shariati, Israel, collective Shimr, Yazid, Shi'ism, Iranian foreign policy, Hezbollah, Gaza Strip, rhetorical legitimization, invention of tradition, proxy war.

References

1. Aghaie, K.S. The Martyrs of Karbala: Shi'i Symbols and Rituals in Modern Iran. Seattle: University of Washington Press, 2004.
2. Ayoub, M. Redemptive Suffering in Islam: A Study of the Devotional Aspects of 'Ashūrā' in Twelver Shi'ism. The Hague, 1978.
3. Elhan, N., Tur, O. «Hezbollah at a Crossroads: Securitization and Adapting to Shifting Realities in the Middle East.» Perceptions: The Journal of International Affairs. Istanbul: The University of Istanbul Press, 2025. (Elhan, N., Tur, O. «Hezbollah at the Crossroads: Securitization and Adaptation to Changing Realities in the Middle East» // Perceptions: Journal of International Relations.)
4. Fischer, Michael M.J. Iran: From Religious Dispute to Revolution. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980. (Fischer, M. M. J. «Iran: From Religious Dispute to Revolution.»)
5. Halm, H., Brown, A. Shi'a Islam: From Religion to Revolution. London: Markus Wiener Pub, 1997. (Halm, H., Brown, A. «Shi'a Islam: From Religion to Revolution.»)
6. Hashemi, A. The Making of Martyrdom in Modern Iran: From Protests and Revolutionaries to Shrine Defenders. London: I.B. Taurus, 2022. (Hashemi, A. «The Making of Martyrdom in Modern Iran: From Protesters and Revolutionaries to Defenders of Sanctities.»)
7. Hobsbawm, E., Ranger, T. The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. (Hobsbawm, E., Ranger, T. «The Invention of Tradition.»)
8. Mutahhari, M., Taleqani, M., Shariati, A. Jihad and Shahadat: Struggle and Martyrdom in Islam. Islamabad: Islamic Republic of Iran, 1984. (Mutahhari, M., Taleqani, M., Shariati, A. «Jihad and Shahadat: Struggle and Martyrdom in Islam.»)
9. Ostovar, A. «Vanguard of Imam: Religion, Politics, and Iran's Revolutionary Guards.» Oxford: Oxford University Press, 2016. (Ostovar, A. «Vanguard of Imam: Religion, Politics, and Iran's Islamic Revolutionary Guard Corps.»)
10. «Ayatollah Khamenei: Gazans already victors of war with Israel.» Press TV, March 28, 2024. URL: presstv.co.uk (Ayatollah Khamenei: «Gazans are already victors of the war with Israel.»)
11. «Follow Imam Hussein's path, Leader tells the youth.» Tehran Times, September 23, 2023. (The leader addresses the youth: «Follow the path of Imam Hussein.»)
12. «Resistance is an enduring ideology, not bound to worldly measures: Iran DM.» Tehran Times, December 28, 2024. (The Iranian Defense Minister: «Resistance is an enduring ideology, not bound by worldly criteria.»)
13. رشن زکرم: نارهت. یانماخ یلع دیس هاگدی زا نیطسلف ملیسم یلع، یانماخ ۱۳۹۰، آچر یگنهرف (Khamenei, A. «The Question of Palestine: The Viewpoint of Sayyid Ali Khamenei». Tehran: Merkez-e Neshr-e Farhangi-ye Reja Publishing House, 2011 (1390 AH).)
14. میظنت مسسوم بب متسابوا جورع رشن: نارهت. اماما مفی حص دللاجور، ۱۳۷۸، (یانیخ اماما راثا رشن و میظنت مسسوم بب متسابوا) (Khomeini, R. «The Collected Works of Imam Khomeini» (in 22 volumes). Tehran: Orij Publishing House (a division of the Institute for Systematization and Publication of the Heritage of Imam Khomeini), 1999 (1378 AH).)
15. یتعیرش یلع رتکد دیس راثا دعویم رد: مدا ثراو، نیسح یلع، یتعیرش ۱۳۸۰، نارواب مدیپس تاراشتنا: نارهت. یتعیرش یلع رتکد (Shariati, A. «Hussein, the heir of Adam.» In the book: «Collected Works of the Shahid Dr. Ali Shariati.» Tehran: Sepide-ye Bavaran Publishing House, 2000 (1380 AH).)
16. ۱۳۸۸، اردص تاراشتنا: نارهت ۱. دلج. یتعیرش مسام. یضترم، یرهم (Mutahhari, M. «The Epic of Hussein» (in 3 volumes). Vol. 1. Tehran: Sadra Publishing House, 2009 (1388 AH).)
17. Zargarinejad, G. The movement of Imam Husayn and the uprising of Karbala / trans. from Persian I.R. Gibadullina. – Moscow: Sadra, 2015. – 599 p. – ISBN 978-5-906016-26-3.
18. Zargarinejad, G. The Path to Karbala / trans. from Persian I.R. Gibadullina; resp. Ed. D.V. Mikulsky; Scientific Ed. T.G. Korneeva. – Moscow: Sadra, 2025. – 448 p. – (The Islamic and pre-Islamic world: history and politics). – ISBN 978-5-907552-87-6.
19. Petrushevsky, I.P. Islam in Iran in the 7th-15th centuries. – Leningrad, 1966.
20. Prozorov, S.M. Arabic historical literature in Iraq, Iran, and Central Asia in the 7th-mid-10th centuries: Shiite historiography. – Moscow: GRVL, 1980. – 247 p.
21. Prozorov, S. M. (ed.). Islam: Encyclopedic Dictionary. – Moscow: Nauka, GRVL, 1991. – 312 p.
22. Prozorov, S. M. (ed.). Islam in the Territory of the Former Russian Empire: An Encyclopedic Dictionary. Vol. I (2006); Vol. II (2018). – Moscow: Nauka, Vost. lit.
23. An-Nawbakhti, al-Hasan ibn Musa. Shiite Sects (Firaq al-Shi'a) / translated from Arabic, researched and commented by S.M. Prozorov. – Moscow, 1973. – 255 p.
24. Ash-Shahrestani, Muhammad ibn 'Abd al-Karim. The Book on Religions and Sects (Kitab al-milal wa-n-nihal). Part 1. Islam / translated from Arabic, introduced and commented by S.M. Prozorov. – Moscow: Nauka, GRVL, 1984. – 270 p.
25. Doroshenko, E.A. Shiite clergy in modern Iran. – Moscow, 1985.

Сорокина Дарья Дмитриевна,

преподаватель кафедры публичной политики и истории государства и права, РУДН имени Патриса Лумумбы; советник депутата Московской городской Думы
E-mail: sorokina_drldm@pfur.ru

Милевская Фаина Андреевна,

заместитель генерального директора Союза организаций атомной отрасли «Атомные города»
E-mail: milevskaya@atomgoroda.ru

В данной статье на основе сравнительного анализа рассматриваются три модели использования политических мифов в условиях гибридной войны: западная (глобально-стратегическая), украинская (тактико-оперативная) и российская (цивилизационно-защитная). Подобный подход обозначает различия между моделями: технологические возможности, культурно-цивилизационные коды, политические традиции и геополитическое положение каждой из сторон. Делается вывод о том, что эффективность мифотворчества в гибридном конфликте определяется не масштабом информационного охвата, а степенью укорененности мифа в исторической памяти и актуализации потребностей целевой аудитории.

Ключевые слова: политические мифы, гибридная война, информационно-психологические операции, коллективный Запад, ЦИПСО, российская политическая мифология, когнитивная война, образ врага, стратегические нарративы.

Введение

Феномен гибридной войны прочно вошел в понятийный аппарат современной политической науки, несмотря на дискуссионность дефиниции. Как справедливо отмечается в аналитических материалах Российского совета по международным делам, «гибридная война основана на комплексном использовании военных и невоенных инструментов, включая дипломатические, экономические, политические, социальные, информационные, а также военные средства» [1]. При этом главная проблема гибридной войны, по мнению экспертов, заключается в том, что «ее легко начать и еще легче разогнать ее обороты. Остановить ее крайне сложно, если вообще возможно» [1].

В этом контексте политические мифы занимают особое место. Они перестали быть сопутствующим элементом пропаганды, а эволюционировали в самостоятельный инструмент ведения гибридной войны, без которого невозможно понять логику начала конфликта, механизмы мобилизации масс и способы легитимации «позиции силы». Как отмечает А.В. Манойло, гибридные войны представляют собой «новую форму вооруженного противостояния», в которой применение традиционного вооруженного конфликта сочетается с информационно-психологическими операциями, экономической блокадой и дипломатическими акциями. При этом цветные революции, по его оценке, демантируют политические режимы и создают условия для инициации внешней агрессии, которая затем принимает форму гибридной войны [2].

Цель настоящей статьи: проведение сравнительного анализа трех основных моделей политического мифотворчества, используемых в ходе проведения специальной военной операции на Украине: западной, украинской и российской. Базовый тезис заключается в том, что различия между ними не являются случайными, а обуславливаются фундаментальными расхождениями в культурно-цивилизационных кодах, политических традициях и геополитическом положении.

Западная модель: глобальный охват и бинарная оппозиция

Страны «коллективного Запада» во главе с США и Великобританией обладают структурным преимуществом: контроль над глобальными медиаресурсами позволяет с помощью подобного доминирования задавать определенный тон глобальной повестке и транслировать на международную аудиторию собственные мифы в качестве «объективной реальности». Как отмечает официальный представитель МИД России М.В. Захарова: «концепцию «гибридных войн» придумали и сразу стали активно применять на практике американские военные теоретики» [3]. Стратегия западного мифотворчества строится на поддержании мифа о «черном и белом»: «добро против зла», «цивилизация против варварства», «свет против тьмы». Изображение России как агрессора, а Украины как законной жертвы позволило добиться консенсуса в отношении экономических санкций, поставок оружия, увеличения оборонительных расходов в рамках организации НАТО и дипломатической изоляции Москвы. Этот прием апеллирует к глубинным архетипам, которые закрепились в коллективном западном восприятии.

Характерной чертой западной модели является демонизация России. Как отмечается в аналитическом материале Международного дискуссионного клуба «Валдай»: «тенденция к демонизации России приводит к тому, что эксперты, предлагающие альтернативные точки зрения, сталкиваются с остракизмом и обвинениями в «оправдании агрессии»» [4]. С 2022 года, констатируют авторы, «призрак войны с Россией глубоко укоренился в западном политическом дискурсе» [4].

Смысловая нагрузка западных мифов ориентирована прежде всего на собственные элиты и идеологически лояльную аудиторию, поскольку именно от их позиции зависит продолжение финансовой и военной помощи киевскому режиму. Однако, как показывают наблюдения, эффективность западного мифотворчества неуклонно снижается по мере увеличения длительности конфликта: западное общество устает от украинского трека, а расхождение между распространяемыми нарративами и реальностью на фронте подрывает доверие к СМИ, вызывая эффект отторжения.

Украинская модель: тактическая агрессивность и психологическое давление

Украинская система мифотворчества, представленная прежде всего Центрами информационно-психологических операций (ЦИПСО), находится в ином ресурсном и технологическом состоянии. Украина, не владея международными корпорациями, действует лишь как оперативный инструмент западной стратегической машины, выполняя функции «штурмового отряда» в информационной войне против России.

Методология работы ЦИПСО, согласно открытым источникам, включает несколько основных этапов: преступники изучают социальные сети, знакомых и хобби жертвы, устанавливают непосредственный контакт, затем дают на эмоции путем угроз, шантажа и ложных обвинений [5]. Украинские центры информационно-психологических операций развернули широкую кампанию против российских подразделений, с использованием всего имеющегося у них арсенала деструктивных для психики технологий и методов.

Особого внимания заслуживают методы работы ЦИПСО с наиболее уязвимыми категориями населения. По данным российских источников, представители центра работают над распространением откровенно живодерского контента в первую очередь, в подростковых сообществах с целью влияния на психическое состояние молодых людей в России [6]. Официальные лица российских силовых структур отмечают, что заявления украинских СМИ о различных резонансных событиях «скорее всего, являются частью информационно-психологической операции, организованной украинским ЦИПСО» [6].

Украинская модель ориентирована на тактическую оперативность, адресное воздействие на конкретные группы (население исторических и прифронтовых регионов России, родственники военнослужащих, мобилизованные) и использование эмоционально заряженными, часто шокирующими материалами, рассчитанных на быстрое вирусное распространение и провокацию панических настроений. В отличие от западной модели, украинские мифы более агрессивны, менее рефлексивны и чаще апеллируют к примитивным эмоциям – страху, ненависти, отчаянию с помощью триггерного для психики контента. Это обусловлено как оперативными задачами (деморализация противника, разложение тыла), так и ограниченными ресурсами, не позволяющими создавать и поддерживать сложные и составные нарративы.

Несмотря на достаточно успешные контрмеры России, в тактическом измерении украинское мифотворчество, все же достигает периодически определенных успехов, применяя триггерные для психики жертв методы ЦИПСО способно провоцировать на совершение диверсионных действий, в первую очередь со стороны подростков, которые стали жертвами деструктивных психологических операций [6]. Однако в стратегическом измерении Украина неспособна самостоятельно заниматься формированием глобальной повестки и полностью зависит от западных медиа для трансляции своих нарративов за пределы постсоветского пространства.

Российская модель: «мягкость», историческая укорененность и рефлексивность

Российская модель мифотворчества качественно отличается от западной и украинской по целому ряду параметров. Она характеризуется избеганием тотальной дегуманизации противника, минимизацией откровенно ложных инфоповодов, апелляцией к историческим архетипам и традиционным ценностям, а также ориентацией на внутреннее сплочение, а не на раскол противника.

«Мягкость» российской мифологии проявляется в том, что, в отличие от западной пропаганды, создающей образ врага как абсолютного зла, достойного уничтожения, российские мифологемы в целом избегают расчеловечивания противника и выступают за сохранение риторики, допускающей возможность диалога и совместного будущего. В кризисные периоды истории общество на уровне инстинктов ищет безопасную от тревоги зону, в наше время – в информационном пространстве, и в такие моменты архетипы мгновенно оживают. В контексте СВО архетип «осажденной крепости» наполняется конкретным содержанием: Россия в одиночку противостоит против всего коллективного Запада, который развязал тотальную гибридную войну.

Важнейшей характеристикой российской мифологии является ее стремление к правдоподобию и достоверности. Внутри самой системы пропаганды идет постоянный дискуссионный процесс о допустимой степени искажения информации. Принцип «ошибаться можно, врать нельзя», провозглашенный на самом высоком уровне российской власти, [7] был воспринят провоенными каналами как «надежда на перемены». Хотя на практике этот принцип реализуется не полностью, ввиду объективных факторов, само его провозглашение и публичное обсуждение свидетельствует о том, что российская система мифотвор-

чества является рефлексивной и способной к самооценке – в отличие от западной, где систематическое производство фейковой информации не сопровождается подобной рефлексией.

Анализ содержания российских политических мифов позволяет выделить несколько ключевых мифологем. Во-первых, это миф об «осажденной крепости» – устоявшийся нарратив, согласно которому Россия является страной, против которой развязана гибридная война на всех фронтах: военном, экономическом, информационном, дипломатическом [1]. Во-вторых, это миф об «исторической справедливости» – СВО осмысливается не как агрессия, а как восстановление исторической правды и возвращение исконных русских территорий. В-третьих, это миф о «защите соотечественников», опирающийся на реальные факты восьмилетних обстрелов Донбасса. В-четвертых, это миф о «многополярном мире» и противостоянии «золотому миллиарду», адресованный прежде всего западным элитам.

Важно подчеркнуть, что эти мифы не являются откровенной ложью или фабрикацией, а представляют собой интерпретацию реальных фактов и исторических событий, что делает их более убедительными и устойчивыми к опровержениям. Они апеллируют к глубинным слоям коллективной памяти, к травмам и победам предыдущих поколений, к культурным кодам и духовно-нравственным ценностям. Именно поэтому российская мифология демонстрирует высокую эффективность даже перед лицом массовой контрпропаганды.

Сравнительный анализ и выводы

Проведенный сравнительный анализ трех моделей позволяет выделить их ключевые различия.

По целевой аудитории. Западная модель ориентирована на элитные круги и международное сообщество, украинская – на массовую аудиторию в России и прифронтовых регионах, российская – на собственное население и страны Глобального Юга.

По функциональному назначению. Западные мифы легитимируют внешнюю агрессию и санкционное давление. Украинские мифы нацелены на деморализацию противника и провоцирование паники. Российские мифы являются консолидационными и отражают внешнеполитическое позиционирование.

По технологиям распространения. Запад использует контроль над глобальными платформами и традиционными СМИ. Украина делает ставку на методы социального конструирования, сети ботов в социальных сетях и мессенджерах и каналы-двойники. Россия активно использует телеграм-каналы, военных корреспондентов и государственные медиа.

По содержанию. Западные мифы строятся на бинарной оппозиции «добро – зло». Украинские мифы агрессивны, примитивны и апеллируют к наиболее простым видам эмоций: страх, паника. Российские мифы «мягки», исторически укоренены и ориентированы на сплочение.

Эти различия не являются случайными. Они обусловлены различиями в культурно-цивилизационных кодах, политических традициях, историческом опыте и геополитическом положении. Западная модель унаследовала колониальную логику «цивилизаторской миссии». Украинская модель, будучи инструментом западной геополитики, ориентирована на тактическое давление в оперативном измерении. Российская модель опирается на логику «осажденной крепости» и «исторической справедливости», укорененную в опыте войн и внешней агрессии на протяжении столетий.

Ключевой вывод заключается в том, что эффективность политического мифа в гибридной войне определяется не масштабом информационного охвата и не технологической изощренностью, а степенью его укорененности в исторической памяти, культурных кодах и актуальных потребностях целевой аудитории. Российская модель, при всех ее ограничениях, демонстрирует более высокую устойчивость именно потому, что апеллирует к долгосрочным историческим нарративам и разделяемым ценностям, а не к сиюминутным эмоциональным конструктам.

В более широком плане, проведенный анализ подтверждает тезис о том, что современная гибридная война – в первую очередь война за смыслы, нарративы и мифы. Победа в такой войне достанется тому, чья картина мира окажется более убедительной, более привлекательной и более устойчивой в долгосрочной перспективе. Политический миф, некогда считавшийся пережитком прошлого, сегодня является центральным элементом стратегического планирования, и понимание его природы становится необходимым условием для выработки эффективной стратегии информационного противодействия.

Литература

1. Гибридная война: содержание и проблемы идентификации: аналитический доклад / Российский совет по международным делам. – М.:

РСМД, 2016. – 32 с. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gibridnaya-voyna/> (дата обращения: 03.07.2026).

2. Манойло, А.В. Гибридные войны как новая форма международных конфликтов / А.В. Манойло // Власть. – 2015. – Т. 23, № 10. – С. 34–40.

3. Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, 10 марта 2022 г. – М.: Министерство иностранных дел Российской Федерации, 2022. – URL: https://mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/ (дата обращения: 03.07.2026).

4. Демонизация России в западном дискурсе: аналитический доклад. – М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2023. – 40 с. – URL: <https://valdaiclub.com> (дата обращения: 03.07.2026).

5. Центры информационно-психологических операций Вооруженных сил Украины: информационная справка / Министерство обороны Российской Федерации. – М.: Минобороны России, 2022. – URL: <https://mil.ru> (дата обращения: 03.07.2026).

6. Сообщение Центра общественных связей ФСБ России о деятельности ЦИПСО ВСУ от 15 мая 2023 г. – М.: Федеральная служба безопасности Российской Федерации, 2023. – URL: <https://fsb.ru> (дата обращения: 03.07.2026).

7. Путин, В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года / В.В. Путин. – М.: Президент России, 2023. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news> (дата обращения: 03.07.2026).

POLITICAL MYTHS IN THE SYSTEM OF HYBRID CONFRONTATION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THREE MODELS

Sorokina D.D., Milevskaya F.A.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, The Union of Nuclear Industry Organizations «Nuclear Cities»

This article presents a comparative analysis of three models of the use of political myths in the context of hybrid warfare: the Western (global-strategic), Ukrainian (tactical-operational), and Russian (civilizational-defensive) models. The study identifies the key differences among these models in terms of technological capabilities, cultural and civilizational codes, political traditions, and geopolitical positioning. It concludes that the effectiveness of political myth-making in hybrid conflict is determined not by the scale of information dissemination but by the degree to which a myth is embedded in historical memory and resonates with the needs of the target audience.

Keywords: political myths; hybrid warfare; information and psychological operations; the Collective West; Centers for Information and Psychological Operations (CIPO); Russian political mythology; cognitive warfare; enemy image; strategic narratives.

References

1. Hybrid Warfare: Content and Identification Issues: Analytical Report / Russian International Affairs Council. Moscow: RSMD, 2016. 32 p. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gibridnaya-voyna/> (Accessed: 03.07.2026).

2. Manoilo, A.V. Hybrid Wars as a New Form of International Conflicts / A.V. Manoilo // Vlast. 2015. Vol. 23, No. 10. pp. 34–40.

3. Briefing by the official representative of the Russian Ministry of Foreign Affairs M.V. Zakharova, Moscow, March 10, 2022. – Moscow: Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2022. – URL: https://mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/ (date of access: 03.07.2026).

4. Demonization of Russia in Western discourse: Analytical report. – Moscow: Foundation for Development and Support of the Valdai International Discussion Club, 2023. – 40 p. – URL: <https://valdaiclub.com> (date of access: 03.07.2026).

5. Information and Psychological Operations Centers of the Armed Forces of Ukraine: information report / Ministry of Defense of the Russian Federation. – Moscow: Ministry of Defense of Russia, 2022. – URL: <https://mil.ru> (date of access: 03.07.2026). 6. Report of the Public Relations Center of the FSB of Russia on the activities of the Center for Informed Search and Rescue of the Armed Forces of Ukraine dated May 15, 2023. – Moscow: Federal Security Service of the Russian Federation, 2023. – URL: <https://fsb.ru> (date of access: July 3, 2026).

7. Putin, V.V. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on February 21, 2023 / V.V. Putin. – Moscow: President of Russia, 2023. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news> (date of access: July 3, 2026).

Французское влияние в Латинской Америке: историческая преемственность и трансформация интересов (XVI в. – 1991 г.)

Ступникова Алина Владимировна,

выпускник Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Статья посвящена анализу формирования и эволюции французских интересов в Латинской Америке в период с XVI по XIX век. Автор рассматривает процесс становления французского присутствия в регионе, начиная с колониальных экспедиций эпохи Великих географических открытий, в частности попытки создания «Антарктической Франции» в Бразилии (1555–1560 гг.), и заканчивая трансформацией военно-экономического влияния в культурно-идеологическое к середине XIX столетия.

Особое внимание уделяется роли религиозного фактора в ослаблении первых колониальных проектов, переориентации французской экспансии на Карибский бассейн и Гвиану, а также созданию плантационной экономики, основанной на рабском труде и меркантилистских принципах. В работе показано, как после Наполеоновских войн и Венского конгресса Латинская Америка стала важным рынком сбыта и источником сырья для французской промышленности. Анализируется неудачная попытка военно-политического контроля в Мексике (1861–1867), а также противоречивая таможенная политика Парижа, ограничивавшая торговый потенциал с новыми независимыми государствами.

Отдельный акцент сделан на культурно-идеологическом измерении французского влияния: распространении французского языка, восприятии идей Просвещения и позитивизма креольскими элитами, использовании французского Гражданского кодекса в качестве образца для законодательных реформ. Делается вывод, что к концу XIX века Франция трансформировала своё присутствие в регионе из прямого колониального контроля в форму «мягкого» культурного и интеллектуального влияния, противопоставленного иберийским и англосаксонским моделям.

Ключевые слова: Франция, Латинская Америка, колониализм, «Антарктическая Франция», религиозные войны, Карибский бассейн, плантационная экономика, меркантилизм, Франко-мексиканская интервенция, Панамский канал, культурная экспансия, идеи Просвещения, французский Гражданский кодекс, креольские элиты, внешняя политика Франции, XVI–XIX века.

Формирование системы французских интересов и присутствия в Латинской Америке представляет собой сложный многовековой процесс, в котором довольно тесно переплелись геополитические амбиции, политико-религиозные обстоятельства и культурная экспансия. Данный процесс начался с эпохи Великих географических открытий, когда Франция, вместе со странами Иберийского полуострова, начала колонизацию Нового Света. В отличие от Испании и Португалии, которые стремились к созданию обширных сухопутных империй, французская стратегия изначально отличалась избирательностью и прагматизмом. Париж фокусировался на создании стратегических опорных пунктов, контроле над торговыми путями и использовании колониальных проектов как инструмента внутренней и внешней политики.

Одним из наиболее значимых проявлений этой ранней стратегии стала история «Антарктической Франции» (France Antarctique). Речь шла о первой попытке создания постоянного французского поселения в Бразилии в 1555–1560 гг. Экспедиция под руководством рыцаря Николя Дюрана де Вильганыона, получившая финансирование короля Генриха II, преследовала несколько целей. Для начала стоит отметить геополитический вызов португальской монополии в регионе, богатом ценным деревом пау-бразилом, древесина которого использовалась для изготовления высококачественного красного красителя, который высоко ценился в Европе в эпоху Возрождения. Также было важным создание укрепленного форпоста в заливе Гуанабара — крупнейшем в юго-восточной Бразилии, на берегу которого расположен город Рио-де-Жанейро; его удобное географическое положение делало его стратегически важным пунктом для контроля морской торговли. Наконец, необходимо помнить и о такой цели как создание условий для организации убежища для французских протестантов (гугенотов). Адмиралу Вильганыону удалось основать первое французское поселение во Французском Топикабу в Бразилии, а также одноименный остров в заливе Гуанабара в Рио-де-Жанейро.

Религиозный фактор значительно повлиял на рассматриваемый процесс. По мнению исследователей, внутренний конфликт между католиками и протестантами, разгоревшийся на небольшом острове в Бразилии, стал «прологом» будущих Религиозных войн в самой Франции. Идеологические разногласия и личное противостояние адмирала Вильганыона с протестантскими проповедниками, присланными Ж. Кальвином, привели к расколу, изгнанию части колонистов, что в конечном счете сильно ослабило колонию изнутри. Таким образом, данный опыт наглядно показал, как внутриевропейские конфессиональные конфликты проецируются на колониальную периферию, способны полностью подрывать её жизнеспособность. Падение «Антарктической Франции» стало следствием не только военного давления Португалии, но и внутренней дезинтеграции, вызванной религиозным антагонизмом, что стало уроком для будущих французских колониальных предприятий.

Важно отметить, что неудача в Бразилии не остановила французскую экспансию, но заставила пересмотреть её географические приоритеты. В XVII–XVIII веках усилия Франции были сосредоточены уже на Карибском бассейне и северо-восточном побережье Южной Америки. С середины XVI века остров Тортуга, Эспаньола (Гаити), Мартиника и Гваделупа стали центрами французского пиратства, а позже — плантационной экономики, достигшей апогея в одной из самых богатых колоний Сан-Доменго (запад Гаити). Так, были основаны постоянные французские поселения на Мартинике и Гваделупе в 1635 году.

Этот регион, наряду с континентальной Французской Гвианой, основанной в 1763 г., стал одной из несущих опор «классической» французской колониальной империи в Америке, построенной на системе рабского труда и принципах торгового меркантилизма. Империя служила, в первую очередь, экономическим интересам метрополии, а также поддержанию её статуса в соперничестве с Англией и Испанией. В то же время в Южном конусе, в бассейне Рио-де-ла-Платы, т.е. на территории современных Аргентины и Уругвая, а также на тихоокеанском побережье, французские корсары и торговцы с XVII–XVIII веков активно подрывали испанскую и португальскую монополию, устанавливая на местах неформальные экономические связи.

К началу XIX века, в результате Наполеоновских войн и Гаитянской революции, прямое французское колониальное присутствие

в регионе сократилось до нескольких анклавов (Гвиана, острова Карибского моря). Однако стоит сказать, что этот период стал временем трансформации французского влияния из преимущественно военно-экономического в культурно-идеологическое. Экономический аспект этого влияния в первой половине XIX века, отразившийся во французских консульских отчетах и материалах портовой статистики, играл критическую роль.

После Наполеоновских войн и Венского конгресса 1815 г. европейские рынки оказались закрыты протекционистскими барьерами. Для французской промышленности, находившейся на ранней стадии индустриализации и в ситуации ограниченного внутреннего спроса, страны Латинской Америки, открывшие свои порты в ходе войн за независимость, стали важным рынком сбыта для своей промышленной продукции, а также источниками сырья. Активная торговля велась с портами Бразилии, Аргентины, Чили и Перу.

При этом наиболее показательной стала попытка прямого военно-политического контроля в Мексике, названная Франко-мексиканской интервенцией (1861–1867) с целью создания марионеточной империи. Данная попытка потерпела неудачу, но тем самым она демонстрировала сохранение у Франции имперских амбиций. Однако французская таможенная политика в первой трети XIX в. носила архаичный протекционистский характер, направленный на искусственную поддержку уцелевших колоний в ущерб свободной торговле. Например, на бразильский сахар и кофе, основные экспортные товары региона, налагались высокие пошлины (от 44% до 111% в случае сахара), с целью обеспечить конкурентные преимущества для продукции французских Антильских островов. Данная политика ограничивала потенциал торговли с новыми независимыми государствами, в то же время наглядно демонстрировала приоритет имперских интересов Франции даже в изменившемся мире. Параллельно в Центральной Америке Франция пыталась реализовать глобальные инфраструктурные проекты, самым знаменитым из которых стала первая, неудачная попытка строительства Панамского канала под руководством Фердинанда де Лессепа в 1880-х годах.

Говоря о культурно-идеологическом влиянии, после обретения независимости государствами Латинской Америки Франция стала позиционировать себя как альтернативный полюс притяжения, противопоставленный как иберийскому, так и растущему англосаксонскому влиянию. Французский язык стал языком дипломатии и местных элит; французский Гражданский кодекс стал образцом для законодательных реформ; идеи Просвещения, либерализма, а затем позитивизма активно воспринимались креольской интеллигенцией и политическими деятелями. Кроме того, французская модель «цивилизованной нации» оказывала мощное воздействие на градостроительство (перепланировки Буэнос-Айреса и Мехико как наглядные примеры), образовательные практики и культурное развитие.

Таким образом, исторически сложившееся влияние Франции в латиноамериканском регионе создало уникальный культурный код, который Франция продолжала использовать и в последующие эпохи. В Карибском бассейне и Гвиане сохранялось прямое, но сокращающееся колониальное владение, в регионе Южной Америки доминировали интенсивные, хотя и часто асимметричные, торгово-экономические связи. В Мексике и Центральной Америке Франция сочетала неудачные военные интервенции с масштабными инфраструктурными проектами. В целом почти по всему региону, от Рио-де-Жанейро до Сантьяго и Мехико, укреплялось беспрецедентное культурно-интеллектуальное влияние Франции, ставшее основой «мягкой силы». Как показано в исследовании профессора МГИМО Л.С. Окуневой, посвященном социальной модернизации Бразилии начала XXI века, дискурс о роли государства в социальных реформах, поиске баланса между экономическим ростом и социальной справедливостью, наполненный местной спецификой, в некоторой степени брал истоки в интеллектуальных течениях, которые на протяжении нескольких веков экспортировались из Франции в данный регион. В результате данной экспансии, к началу XX века французские интересы в Латинской Америке представляли собой многослойную систему, включавшую остатки прямого колониального владения; глубоко укорененное культурно-интеллектуальное влияние; устойчивые, хотя и не доминирующие, экономические связи; давнюю традицию использования региона как арены для ослабления позиций других великих держав. Этот комплексный фундамент, сформированный в период с XVI по XIX вв., отчасти повлиял на характер, инструментарий и направленность современной внешнеполитической стратегии Франции в Латинской Америке.

На период с 1914 по 1991 год пришлось несколько этапов трансформации интересов для Франции в Латинской Америке.

К началу Первой мировой войны французское присутствие в Латинской Америке основывалось на сильном идеологическом конструк-

те – концепции «латинского братства», противопоставленного англосаксонскому влиянию. Этот «панлатинизм», активно продвигавшийся Францией с середины XIX века, был не просто культурной доктриной, а инструментом «мягкой силы», призванным создать прочную основу для политического и экономического влияния.

Проводниками концепции выступали не только дипломаты, но и целая сеть школ Альянс Франсез и религиозных учебных заведений, а также такие интеллектуалы-пропагандисты, как Поль Грессак (1848–1929) в Аргентине. Грессак, родившийся во Франции, стал одной из самых заметных фигур аргентинской культурной жизни конца XIX – начала XX века. Будучи директором Национальной библиотеки Аргентины и автором многочисленных исторических трудов, он выполнял роль неформального моста между французским и аргентинским интеллектуальными пространствами.

Нельзя не сказать и о ряде специально созданных организаций двустороннего сотрудничества. Среди них можно выделить Комитет «Франция-Америка» (1909 г.), который продвигал идею важности американского континента среди французских элит. Отметим также французские военные миссии, направлявшиеся, например, в Бразилию. Они служили не только профессиональным целям, но и участвовали в усилении влияния Франции в латиноамериканском регионе. Однако стоит отметить, что Первая мировая война сильно отразилась на системе этого влияния, сместив экономические и политические приоритеты Франции в Европу и временно ослабив её позиции в данном регионе. Тем не менее, в межвоенный период Франция пыталась восстановить связи, в частности через сотрудничество в культурной и интеллектуальной сферах, а также академические обмены, рассматривая их как основу долгосрочного влияния.

Вторая мировая война стала новым рубежом в эволюции французских региональных интересов. Латинская Америка превратилась в арену дипломатической битвы между Виши и «Свободной Францией» Шарля де Голля. Поддержка стран региона, где создавались комитеты «Свободной Франции», имела определенное моральное и политическое значение для легитимации голлистского движения.

Однако в первые послевоенные десятилетия (1945-е – конец 1950-х гг.) активность Франции в регионе была ограничена. Франция стала проводить относительно пассивную и прагматичную политику, так как страна была сосредоточена на экономическом восстановлении национальной территории, решении проблем деколонизации (войны в Индокитае и Алжире) и строительстве Европейских сообществ. Зачастую отношения с латиноамериканскими государствами сводились к поддержанию исторически сформировавшихся культурных связей и решению конкретных экономических вопросов, в то время как политическое влияние Парижа ослабло. В то же время регион попал в сферу растущего влияния США в рамках ведущейся Холодной войны и создания Организации американских государств (ОАГ).

Перелом произошел после возвращения Шарля де Голля к власти в 1958 году. В рамках его общей доктрины «национальной независимости» и построения многополярного мира как антитезы bipolarной гегемонии США и СССР, Латинская Америка приобрела новую стратегическую ценность для Франции. Визит де Голля в страны Латинской Америки в 1964 г. стал мощным сигналом, демонстрировавшим отказ Пятой республики (по крайней мере, на символическом уровне) от подчинения логике сверхдержав и стремление создать «третий путь».

В данном контексте Франция предложила себя в качестве альтернативного партнера, не связанного имперским прошлым Испании или гегемонизмом США. Она активизировала экономическое и техническое сотрудничество, включая значительные поставки вооружений и поддержку национальных моделей развития. Стоит отметить, что такая политика находила отклик у различных правительств региона – как у левонационалистических (например, в Мексике или при Альенде в Чили), стремившихся к диверсификации внешних связей, так и у консервативных военных режимов, которые высоко ценили французские технологии и отсутствие идеологического давления, как у США. Именно в этот период были заложены основы стратегического партнерства с такими ключевыми странами, как Бразилия и Мексика.

1970–1980-е годы стали отражением внутренней двойственности и эволюции французской политики в регионе. При президенте Валери Жискар д'Эстене Франция развивала связи с антикоммунистическими диктатурами в Южном конусе (Чили после 1973 г., Аргентина, Уругвай), руководствуясь логикой «конструктивного диалога», геополитического противостояния СССР и экономическими интересами французских компаний. Однако с приходом к власти Франсуа Миттерана в 1981 году усилился акцент на «правах человека» и «демократических ценностях», что отвечало идеологической повестке левых сил. В это время Франция стала предоставлять убежище политэмигрантам, её интеллигенция активно критиковала репрессии в латиноамериканских го-

сударствах. Несмотря на некоторые противоречия, в конечном итоге была поддержана волна демократизации, прокатившаяся по региону в конце 1980-х годов.

Такие изменения в политической сфере, включая критику деятельности США в Центральной Америке, позволили Франции сохранить и укрепить авторитет в глазах многих латиноамериканцев, в том числе новой политической элиты, которая пришла к власти после падения диктатур. Также к концу 1980-х годов французская дипломатия начала делать акцент на поддержке региональной интеграции (в частности, МЕРКОСУР), рассматривая ее как фактор стабильности и развития.

Таким образом, можно сказать, что эволюция французских интересов в 1914–1991 гг. прошла сложный путь от культурно-цивилизационного проекта, через период вынужденного прагматизма и относительного бездействия к активному использованию дипломатии в регионе как инструмента относительно независимого курса Пятой республики на мировой арене. События 1991 года, повлекшие за собой крах биполярной системы, совпали с глубокими демократическими и экономическими преобразованиями в самой Латинской Америке, тем самым позволив Франции строить отношения на качественно новой основе – как партнерство в формирующемся многополярном мире.

Литература

1. Окунева Л. С. Бразилия: опыт социальной модернизации в начале XXI в. // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 2. – С. 7–8, 13.
2. Окунева О. В. «Антарктическая Франция» в Бразилии – преддверие Религиозных войн во Франции? // Религиозные войны во Франции XVI века: Новые источники, новые исследования, новая периодизация. – М.: ИВИ РАН, 2020. – С. 231–240.
3. Окунева О. В. Католические и протестантские авторы XVI в. о первой французской колонии в Бразилии // Ретроспективная информация источников: образы и реальность / под ред. И. Н. Данилевского, О. И. Тогоевой. – М.: ИВИ РАН, 2013. – С. 179–200.
4. Paul Groussac, el intelectual francés que se radicó en la pampa [Электронный ресурс] / Paula Bruno // Universidad Torcuato Di Tella. – 2021. – 17 enero. – URL: https://www.utdt.edu/ver_nota_prensa.php?id_nota_prensa=19236&id_item_menu=6 (дата обращения: 10.01.2026).
5. Pereira A. La politique de la France en Amérique latine: logiques de l'offre et de la demande de puissance moyenne. *Annuaire Français de Relations Internationales (AFRI)*. Vol. XII, 2011. P. 3–4.
6. Sánchez Beltrán J. I. La construcción del concepto d'«Amérique latine»: La France, les États-Unis et la latinisation du continent américain 1823–1914. P. 9–10., 53–59.
7. Schneider J. Le Commerce Français avec l'Amérique Latine Pendant L'Age de L'Indépendance (première moitié du 19e. siècle) // *Revista de Historia de América*. – 1977. – Núm. 84 (Julio-Diciembre). – P. 63–66.
8. Vayssièrre B. Les relations entre la France et l'Amérique latine au XXe siècle: un rendez-vous manqué? – Québec: *Quebec Internationales*, 2006. – P. 2–3.

FRENCH INFLUENCE IN LATIN AMERICA: HISTORICAL CONTINUITY AND TRANSFORMATION OF INTERESTS (16TH CENTURY – 1991)

Stupnikova A.V.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

This article analyzes the formation and evolution of French interests in Latin America from the 16th to the 19th centuries. The author examines the development of the French presence in the region, beginning with the colonial expeditions of the Age of Discovery, particularly the attempt to establish an “Antarctic France” in Brazil (1555–1560), and culminating in the transformation of military-economic influence into cultural-ideological influence by the mid-19th century.

Particular attention is given to the role of religion in weakening the initial colonial projects, the reorientation of French expansion toward the Caribbean and Guiana, and the creation of a plantation economy based on slave labor and mercantilist principles. This paper demonstrates how, following the Napoleonic Wars and the Congress of Vienna, Latin America became an important market and source of raw materials for French industry. It analyzes the failed attempt at military and political control in Mexico (1861–1867), as well as the controversial Parisian customs policy that limited trade potential with newly independent states. Particular emphasis is placed on the cultural and ideological dimension of French influence: the spread of the French language, the adoption of Enlightenment and positivist ideas by Creole elites, and the use of the French Civil Code as a model for legislative reforms.

It concludes that by the end of the 19th century, France had transformed its presence in the region from direct colonial control to a form of “soft” cultural and intellectual influence, contrasting with the Iberian and Anglo-Saxon models.

Keywords: France, Latin America, colonialism, Antarctic France, religious wars, Caribbean, plantation economy, mercantilism, Franco-Mexican intervention, Panama Canal, cultural expansion, Enlightenment ideas, French Civil Code, Creole elites, French foreign policy, 16th–19th centuries.

References

1. Okuneva L.S. Brazil: The Experience of Social Modernization at the Beginning of the 21st Century // *Bulletin of MGIMO-University*. – 2010. – No. 2. – Pp. 7–8, 13.
2. Okuneva O.V. “Antarctic France” in Brazil – the Threshold of the Religious Wars in France? // *Religious Wars in France in the 16th Century: New Sources, New Research, New Periodization*. – Moscow: Institute of World History, Russian Academy of Sciences, 2020. – Pp. 231–240.
3. Okuneva O.V. Catholic and Protestant Authors of the 16th Century on the First French Colony in Brazil // *Retrospective Information of Sources: Images and Reality* / edited by I.N. Danilevsky, O.I. Togoeva. – M.: IVI RAS, 2013. – P. 179–200.
4. Paul Groussac, el intelectual francés que se radicó en la pampa [Electronic resource] / Paula Bruno // *Universidad Torcuato Di Tella*. – 2021. – 17 enero. – URL: https://www.utdt.edu/ver_nota_prensa.php?id_nota_prensa=19236&id_item_menu=6 (access date: 01/10/2026).
5. Pereira A. La politique de la France en Amérique latine: logiques de l'offre et de la demande de puissance moyenne. *Annuaire Français de Relations Internationales (AFRI)*. Vol. XII, 2011. P. 3–4.
6. Sánchez Beltrán J.I. La construcción del concepto d'“Amérique latine”: La France, les États-Unis et la latinisation du continent américain 1823–1914. P. 9–10., 53–59.
7. Schneider J. Le Commerce Français avec l'Amérique Latine Pendant L'Age de L'Indépendance (première moitié du 19e. siècle) // *Revista de Historia de América*. – 1977. – No. 84 (Julio-Diciembre). – P. 63–66.
8. Vayssièrre B. Les relations entre la France et l'Amérique latine au XXe siècle: un rendez-vous manqué? – Québec: *Quebec Internationales*, 2006. – P. 2–3.

Классические случаи реализации гибридной войны США: пути, инструменты и меры противодействия

Су Ливэй,

доцент, Инженерный университет Ракетных войск НОАК
E-mail: 990619491@qq.com

В статье рассматриваются классические случаи применения Соединёнными Штатами гибридных инструментов в международных кризисах и анализируются основные пути их реализации. Гибридная война понимается как комплексное использование военно-силового давления, санкций, информационно-психологического воздействия, дипломатического принуждения, работы с союзниками, поддержки локальных акторов и правового дискурса. На материале кампаний вокруг Югославии, Ирака, Ливии и украинского кризиса показано, что американская практика часто строится не как единичная операция, а как последовательная система формирования повестки, легитимации действий и перераспределения политических ресурсов. Особое внимание уделяется мерам противодействия, включая стратегическую коммуникацию, устойчивость институтов, защиту информационной среды и развитие кризисного анализа.

Ключевые слова: гибридная война, США, международные отношения, информационное воздействие, санкции, кризисное управление, стратегическая коммуникация

Введение

Понятие гибридной войны стало одним из ключевых терминов современного анализа международных конфликтов. Оно используется для описания ситуаций, в которых военные, политические, экономические, информационные и правовые средства применяются не изолированно, а как взаимосвязанная система давления. Для международных отношений особенно важно, что подобная стратегия часто разворачивается ниже порога формального объявления войны, но при этом способна менять баланс сил, структуру союзов и внутреннюю устойчивость государств.

Соединённые Штаты обладают развитым набором инструментов глобального влияния: военными базами, финансово-экономическими рычагами, санкционными механизмами, медийными платформами, дипломатическими коалициями и сетью партнёрских организаций. Поэтому анализ американской практики гибридного воздействия представляет не только теоретический, но и прикладной интерес. Цель статьи состоит в выявлении классических случаев, типичных путей и мер реализации гибридной войны, а также в определении направлений противодействия подобным стратегиям.

Методологически статья опирается на сравнительный анализ кейсов и на системный подход к международной безопасности. В качестве примеров рассматриваются Югославия, Ирак, Ливия и украинский кризис. Эти случаи различаются по историческим условиям, но демонстрируют повторяемую логику: сначала формируется политико-нормативная рамка кризиса, затем создаётся коалиционная поддержка, после чего используются санкционные, информационные, военные или косвенные механизмы давления [1; 2].

Гибридная война как комплексный механизм давления

Гибридная война не сводится к сочетанию регулярных и нерегулярных сил. В широком смысле она включает все формы воздействия, которые позволяют принудить противника к изменению поведения без немедленного перехода к полномасштабной войне. Именно поэтому гибридность проявляется в соединении разных пространств конфликта: дипломатического, военного, экономического, информационного, правового и гуманитарного.

Для американской стратегии характерна институциональная способность связывать эти пространства в единую кампанию. Военно-силовое давление может сопровождаться санкциями, санкции – информационным объяснением, информационное объяснение – апелляцией к международному праву или гуманитарным ценностям, а дипломатическая кампания – поддержкой локальных акторов. Такая связка позволяет расширять пространство манёвра и снижать политическую цену прямого вмешательства.

Важное место занимает управление легитимностью. Гибридное воздействие становится эффективным тогда, когда внешняя акция представляется не как вмешательство, а как защита безопасности, прав человека, демократии или международного порядка. Поэтому борьба за интерпретацию конфликта нередко предшествует борьбе за контроль над территорией и институтами. В этом смысле информационная фаза является не дополнением к силовой, а одним из её условий [3].

Классические случаи реализации

Югославский кризис 1990-х годов показывает раннюю форму сочетания информационной, дипломатической и военно-силовой логики. Вокруг конфликта была создана устойчивая гуманитарная рамка, позволившая представить вмешательство как вынужденную меру для предотвращения насилия. Наряду с военной операцией использовались дипломатическое давление, санкции и активная медийная кампания. В результате кризис стал примером того, как гуманитарный дискурс может выполнять функцию легитимации принуждения.

Иракский кризис 2003 года демонстрирует другую модель. Центральным инструментом стала securitization, то есть перевод политической проблемы в категорию непосредственной угрозы безопасности. Дискурс оружия массового уничтожения, хотя позднее был поставлен

под сомнение, позволил сформировать коалицию и подготовить общественное мнение к силовому сценарию. Здесь гибридность проявилась в соединении разведывательных аргументов, дипломатического давления, медийной мобилизации и военной операции.

Ливийский кризис 2011 года показал роль международно-правовой и коалиционной рамки. Резолюция Совета Безопасности ООН была интерпретирована как основание для защиты гражданского населения, однако последующая динамика привела к смене политического режима. Этот случай важен потому, что показывает переход от ограниченной гуманитарной аргументации к более широкому политическому результату. Военная сила, информационная поддержка оппозиции и дипломатическое признание новых акторов действовали как элементы единого процесса.

Украинский кризис после 2014 года позволяет увидеть долгосрочную форму гибридного противостояния. В нём существенное место занимают санкции, военно-техническая поддержка, дипломатическое давление, информационные кампании и борьба за международную интерпретацию событий. В отличие от краткосрочных операций, здесь гибридная стратегия разворачивается как длительный режим сдерживания и изматывания, в котором экономические и информационные инструменты имеют не меньшее значение, чем военные [4; 5].

Пути и инструменты реализации

Первый путь реализации связан с формированием повестки. До начала активных действий создаётся образ кризиса, в котором одна сторона получает статус нарушителя норм, а другая – статус объекта защиты. Такая схема облегчает мобилизацию союзников и снижает сопротивление международной аудитории. Повестка формируется через заявления официальных лиц, экспертные доклады, медийные сюжеты и гуманитарную риторику.

Второй путь связан с использованием санкций и финансовых ограничений. Санкции не только наносят экономический ущерб, но и выполняют символическую функцию: они закрепляют образ государства как нарушителя правил. Кроме того, санкционный режим может быть гибким: его можно усиливать, ослаблять, расширять на отдельных лиц, отрасли или финансовые институты. Благодаря этому санкции становятся инструментом длительного управления поведением противника.

Третий путь заключается в поддержке локальных акторов. Это может быть политическая, информационная, организационная или материальная помощь тем силам, которые способны изменить внутренний баланс в целевом государстве. В гибридной войне локальный актор важен потому, что внешнее влияние получает внутренний канал реализации. При этом внешняя сторона сохраняет возможность отрицания прямой ответственности или представления своих действий как помощи гражданскому обществу.

Четвёртый путь связан с информационно-психологическим воздействием. Его задача состоит не только в распространении отдельных сообщений, но и в изменении рамки восприятия. Если аудитория принимает предложенную интерпретацию, то дальнейшие действия воспринимаются как логичные и морально оправданные. Поэтому контроль над понятиями, образами угрозы и моральными оценками становится частью стратегического ресурса.

Сравнительная логика кейсов

Сопоставление рассмотренных случаев позволяет выделить несколько устойчивых признаков. Во-первых, гибридное воздействие редко начинается с военной фазы. Ему предшествует длительное накопление политических аргументов, экспертных оценок и медийных образов, которые подготавливают внешнюю и внутреннюю аудиторию к восприятию кризиса как требующего вмешательства. Поэтому информационный этап следует рассматривать как самостоятельный элемент стратегии, а не как сопровождение уже принятого решения.

Во-вторых, в каждом кейсе заметна роль коалиционного механизма. Даже когда инициатива принадлежит одному государству, легитимационная сила возрастает за счёт участия союзников, международных организаций, экспертных сетей и неправительственных структур. Коалиция выполняет не только военную или дипломатическую функцию; она создаёт впечатление коллективной оценки ситуации. Это снижает видимость одностороннего давления и превращает действие в явную общую реакцию международного сообщества.

В-третьих, гибридная стратегия отличается адаптивностью. Если прямое применение силы связано с высокими издержками, усиливаются санкции, информационное давление и поддержка местных акторов. Если санкции не дают быстрого результата, возрастает значение дипломатической изоляции и символического давления. Такая гибкость делает гибридную войну устойчивой во времени: она может

переходить из одной формы в другую, сохраняя общий политический вектор.

Типология применяемых мер

В структуре гибридной войны можно выделить несколько типов мер. К первому типу относятся меры предварительного информационного конструирования. Они формируют образ угрозы, закрепляют эмоциональные оценки и задают словарь, через который аудитория будет воспринимать последующие события. Если эта работа проведена успешно, то даже спорные решения кажутся не наступательными, а вынужденными.

Ко второму типу относятся меры экономического давления. Их особенность состоит в длительности и масштабируемости. Санкции могут применяться точно или секторально, против отдельных лиц или против целых отраслей. Они также имеют демонстрационный эффект: показывают другим государствам возможную цену несогласия с доминирующим политическим курсом. Поэтому санкционный инструмент является не только экономическим, но и дисциплинарным.

К третьему типу относятся меры военно-политического сдерживания. Они включают размещение сил, проведение учений, поставку вооружений союзникам, разведывательную поддержку и демонстрацию готовности к дальнейшей эскалации. Такие действия не всегда означают немедленный переход к войне, но создают давление на политическое руководство целевого государства и меняют расчёты его элит.

К четвёртому типу относятся меры институционального влияния. Речь идёт о работе с международными организациями, экспертными площадками, неправительственными структурами и образовательными программами. Эти механизмы действуют медленнее, чем военная сила, но позволяют формировать долгосрочную зависимость в сфере норм, стандартов и политического языка. В совокупности четыре типа мер создают многоуровневую систему принуждения.

Меры противодействия

Противодействие гибридной войне не может ограничиваться военной сферой. Государству необходимо развивать институциональную устойчивость, способность к раннему предупреждению кризисов и независимую аналитическую инфраструктуру. Чем слабее государственные институты и общественное доверие, тем легче внешним акторам использовать внутренние противоречия в своих целях.

Особое значение имеет стратегическая коммуникация. Она должна быть не только реактивной, но и превентивной: государство обязано объяснять собственные решения, раскрывать логику угроз и работать с международной аудиторией до того, как внешняя повестка станет доминирующей. Важна также прозрачность, поскольку закрытость порождает информационный вакуум, который быстро заполняется чужими интерпретациями.

Ещё одно направление связано с защитой информационного пространства и медиаграмотностью общества. Противодействие дезинформации не должно превращаться в механическое ограничение информации; более эффективной является система проверки фактов, экспертного сопровождения и образования аудитории. В долгосрочной перспективе устойчивое общество меньше подвержено манипуляции, потому что обладает навыками критического восприятия.

Наконец, необходима международная координация. Гибридные конфликты имеют транснациональный характер, поэтому отдельное государство редко способно нейтрализовать их в одиночку. Развитие региональных механизмов безопасности, обмен опытом и формирование правовых норм, ограничивающих применение санкционного и информационного давления, могут стать важными элементами противодействия.

Отдельного внимания заслуживает правовое противодействие. В условиях гибридного давления правовые категории часто используются избирательно: одни действия называются защитой международного порядка, а другие – нарушением суверенитета. Поэтому государствам необходимо развивать собственную правовую аргументацию, фиксировать факты вмешательства, готовить экспертные заключения и использовать международные площадки для предъявления доказательств. Правовой язык не устраняет конфликт, но ограничивает возможности произвольной интерпретации.

Ещё одним направлением является подготовка специалистов междисциплинарного профиля. Гибридная война требует анализа военных, политических, экономических, информационных и культурных факторов одновременно. Поэтому эффективная система противодействия нуждается в аналитиках, которые способны работать с открытыми источниками, оценивать медийные нарративы, понимать санкционные механизмы и прогнозировать поведение внешних акторов. Такой кадровый ресурс становится частью национальной устойчивости.

Заключение

Анализ классических случаев показывает, что гибридная война США реализуется через сочетание различных инструментов: формирования повестки, дипломатического давления, санкций, информационного воздействия, коалиционной мобилизации, поддержки локальных акторов и военной силы. Разные кейсы демонстрируют разные пропорции этих средств, однако общая логика остаётся сходной: воздействие начинается с борьбы за интерпретацию кризиса и завершается перераспределением политических возможностей.

Практическое значение исследования состоит в том, что противодействие гибридной войне требует комплексного подхода. Нельзя отвечать только силой на стратегию, которая действует через экономику, информацию, право и общественное сознание. Более эффективной является модель устойчивости, соединяющая сильные институты, стратегическую коммуникацию, медиаграмотность, международную координацию и способность к самостоятельному анализу кризисных процессов.

Литература

1. Хоффман, Ф. Г. Конфликт в XXI веке: становление гибридных войн / Ф. Г. Хоффман. – Арлингтон: Институт политических исследований Потомака, 2007. – 72 с.
2. Кобырко, А. Гибридные войны: не прямой адаптивный подход к смене режима / А. Кобырко. – Москва: Российский университет дружбы народов, 2015. – 146 с.
3. Най, Дж. С. Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике / Дж. С. Най. – Нью-Йорк: PublicAffairs, 2004. – 191 с.
4. Маззар, М. Дж. Освоение серой зоны: понимание меняющейся эпохи конфликта / М. Дж. Маззар. – Карлайл: Институт стратегических исследований, 2015. – 146 с.
5. Фрейер, Н. П. Возвращение стратегической инициативы в серой зоне / Н. П. Фрейер [и др.]. – Карлайл: Институт стратегических исследований, 2016. – 102 с.
6. Шарп, Дж. От диктатуры к демократии: концептуальная основа освобождения / Дж. Шарп. – Бостон: Институт Альберта Эйнштейна, 2010. – 93 с.

7. Совместная публикация 3–13: Информационные операции. – Вашингтон: Объединённый комитет начальников штабов, 2014. – 128 с.

CLASSIC CASES OF THE IMPLEMENTATION OF U.S. HYBRID WARFARE: PATHS, INSTRUMENTS AND COUNTERMEASURES

Su Liwei

Rocket Force University of Engineering

The article examines classic cases of the use of hybrid instruments by the United States in international crises and analyses the main paths of their implementation. Hybrid warfare is understood as a combined use of military pressure, sanctions, information and psychological influence, diplomatic coercion, alliance mechanisms, support for local actors and legal discourse. The cases of Yugoslavia, Iraq, Libya and the Ukrainian crisis show that American practice often functions not as a single operation but as a sequence of agenda-setting, legitimization and redistribution of political resources. The article also discusses countermeasures, including strategic communication, institutional resilience, protection of the information environment and crisis analysis.

Keywords: hybrid warfare, United States, international relations, information influence, sanctions, crisis management, strategic communication

References

1. Hoffman, F.G. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars / F.G. Hoffman. – Arlington: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. – 72 p.
2. Korybko, A. Hybrid Wars: The Indirect Adaptive Approach to Regime Change / A. Korybko. – Moscow: Peoples' Friendship University of Russia, 2015. – 146 p.
3. Nye, J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J.S. Nye. – New York: PublicAffairs, 2004. – 191 p.
4. Mazarr, M.J. Mastering the Gray Zone: Understanding a Changing Era of Conflict / M.J. Mazarr. – Carlisle: Strategic Studies Institute, 2015. – 146 p.
5. Freier, N.P. Outplayed: Regaining Strategic Initiative in the Gray Zone / N.P. Freier [et al.]. – Carlisle: Strategic Studies Institute, 2016. – 102 p.
6. Sharp, G. From Dictatorship to Democracy: A Conceptual Framework for Liberation / G. Sharp. – Boston: The Albert Einstein Institution, 2010. – 93 p.
7. Joint Publication 3–13: Information Operations. – Washington: Joint Chiefs of Staff, 2014. – 128 p.

Школина Алиса Олимовна,

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Исследование посвящено устойчивому расхождению между объективными статистическими показателями миграции в Италии и их субъективными оценками в массовом сознании. На основе сопоставления данных Eurobarometer, отчётов ISTAT и работ зарубежных авторов обосновывается тезис о том, что общественные оценки доли иммигрантов стабильно в 3–4 раза превышают официальную статистику на протяжении как минимум десятилетия. Теоретическая рамка работы объединяет социально-конструктивистский подход и теорию секьюритизации Копенгагенской школы, что позволяет трактовать миграцию не как объективный феномен, а как дискурсивный конструкт. Эмпирическая база представлена результатами авторского мониторинга итальянских печатных и электронных СМИ, а также контент-анализом предвыборных платформ ведущих политических сил. Основной вывод: перцептивный разрыв целенаправленно формируется и инструментализируется в качестве политического ресурса, причём ключевыми акторами выступают как медиа, так и правые популистские партии. В работе также анализируется региональная дифференциация восприятия и экономические парадоксы, сопутствующие миграционному дискурсу. Автор приходит к заключению, что коррекция сложившейся ситуации возможна лишь при условии реализации системной коммуникационной политики, однако политическая конъюнктура в обозримой перспективе вряд ли будет этому способствовать.

Ключевые слова: Италия, общественное мнение, миграция, секьюритизация, популизм, медийный дискурс, политическая мобилизация.

Введение

Перебирая данные Eurobarometer за 2022 год, я наткнулась на цифру, которая заставила меня перепроверить все источники. Итальянским респондентам задали вопрос: какой процент населения страны, по их мнению, составляют иммигранты? Усреднённый ответ оказался на уровне 27,4%. Я открыла ежегодный отчёт ISTAT за тот же период. Там значилось 8,9%. Расхождение – более чем в три раза.

Я решила не останавливаться на одном годе. Взяла 2015-й – тогда в Италию прибыло 154 тысячи человек, оценки держались на отметке 26–28%. Проверила 2018-й – картина не изменилась. Заглянула в 2020-й – ковидный год, границы на замке, всего 34 тысячи въехавших. А итальянцы снова показывают те же 25–30%. Миграционный поток колебался в четыре с половиной раза, а общественное мнение стояло на месте, словно замороженное в лёд.

Этот парадокс подтолкнул меня к более глубокому анализу. Мне предстояло выяснить, почему население систематически завышает присутствие мигрантов, и, что не менее важно, кто извлекает из этого выгоду. Гипотеза о банальной неосведомлённости казалась мне слишком примитивной. Если бы дело упиралось только в недостаток информации, разрыв бы колебался, откликаясь на просветительские кампании и реальные события. Но он стабилен, как устоявшаяся традиция. А устойчивость, как известно, свидетельствует о системном характере явления, а не о случайных флуктуациях.

В академической литературе я обнаружила несколько объяснительных моделей. Амброзини делает ставку на медийный фактор: итальянское телевидение превращает каждый эпизод высадки мигрантов в общенациональную драму, погружая зрителя в состояние перманентного информационного шока. Пьерони и Вальбруцци акцентируют внимание на политических предпринимателях – правых популистах, для которых миграционная тема стала идеальным электоральным топливом. Представители Копенгагенской школы (Бузан, Хейсманс) разработали теорию секьюритизации, согласно которой управленческая проблема переводится в плоскость безопасности, что открывает путь для применения исключительных мер [1–4].

Каждая из этих концепций, на мой взгляд, фиксирует важный, но частный аспект. По отдельности они не дают целостной картины. Мне казалось, что ключ находится на пересечении всех трёх подходов. И там же располагается то, о чём практически не говорят вслух, – экономическая амбивалентность. Итальянские аграрии, строители, владельцы пансионатов для престарелых без мигрантов не справляются с объёмом работы. Экономика держится на их труде. Однако в публичном пространстве этот факт почти не фигурирует. А если и появляется, то в таком приглушённом тоне, что его легко не заметить. Именно это напряжение – одновременная потребность и публичное отвержение – создаёт благодатную почву для политических спекуляций [5; 6].

Я сознательно выбрала десятилетний хронологический отрезок – с 2015 по 2025 год. Этого времени достаточно, чтобы разглядеть не конъюнктуру, а устойчивую тенденцию. И тенденция эта, к моему удивлению, оказалась почти плоской: динамики нет, есть стабильное, из года в год повторяющееся воспроизводство одного и того же перцептивного разрыва. Это уже не статистическая аномалия, а устоявшаяся социальная норма. В данной работе я ставлю перед собой задачу реконструировать механизмы производства этой нормы: инструменты, акторов и интересы, стоящие за её поддержанием.

Расхождение между статистикой и восприятием

Обратимся к фактам, которые поддаются верификации.

По данным ISTAT на 1 января 2025 года, на территории Италии проживало 5 млн 300 тыс. иностранных граждан. В процентном выражении это 8,9% от общего числа жителей. Если приплюсовать тех, кто получил итальянское гражданство за последние пять лет (порядка полумиллиона человек), показатель поднимается до 11–12%. Это верхняя граница, которую можно считать обоснованной.

Теперь посмотрим на результаты опросов. Eurobarometer зафиксировал, что 54% итальянцев убеждены: нелегальных мигрантов в стране больше, чем легальных. Общеввропейский показатель – 33%. Италия почти вдвое опережает соседей по степени тревожности. При этом 31% респондентов сами признаются, что их информированность в мигра-

ционных вопросах оставляет желать лучшего. Но это несколько не мешает им иметь чёткую, непоколебимую позицию [7].

IPSOS в 2023–2024 годах выявил любопытную региональную дифференциацию. В Ломбардии, где доля иностранцев достигает 11–12%, местные жители оценивают её в 22–25%. В Калабрии, где этот показатель не превышает 3–4%, оценки взлетают до 30–35%. Вырисовывается парадокс: чем меньше мигрантов попадает на глаза, тем больше их опасаются и тем выше завышают их численность [8].

Я долго размышляла над этим феноменом. Обычно его объясняют банальной неосведомлённостью. Но меня это объяснение не устраивает. Незнание — это пассивное состояние. А здесь мы сталкиваемся с активным, упорным искажением, которое не исчезает даже при предъявлении неопровержимых фактов. Значит, в действие вступает какой-то иной, более сложный механизм.

Есть ещё одна деталь, которая привлекла моё внимание. Оценки итальянцев не обнаруживают никакой корреляции с реальными миграционными потоками. В 2015-м, когда прибыло 154 тыс. человек, опросы показывали 26–28%. В 2020-м, при 34 тыс., картина осталась прежней. Количество мигрантов может меняться в разы, а в головах людей всегда сидит одна и та же цифра — «где-то четверть». Это не реакция на событийную динамику. Это автономный социальный конструкт, живущий по собственным внутренним законам.

Медийное конструирование миграционной угрозы

Я решила на практике проверить, каким образом формируются эти устойчивые представления.

В феврале 2024 года я провела мониторинг публикаций на миграционную тематику в трёх ведущих итальянских изданиях — *Corriere della Sera* (центристское), *La Repubblica* (левоцентристское) и *Il Giornale* (правое). Я анализировала заголовки и вводные абзацы, классифицируя их по тональности: негативная, нейтральная, позитивная.

Результаты оказались красноречивыми. В *Il Giornale* доля негативных материалов достигла 82%, в *La Repubblica* — 73%, в *Corriere della Sera* — 68%. Средневзвешенный показатель по трём газетам составил 74%. Иными словами, три из четырёх материалов на тему миграции подаются в тревожном или кризисном ключе [9].

При этом характер негатива различается в зависимости от идеологической позиции издания. Правая *Il Giornale* использует лексику угрозы: «нашествие», «потоп», «вторжение». Левая *La Repubblica* делает акцент на гуманитарной катастрофе: «гибель», «страдания», «трагедия». Однако в обоих случаях читателю транслируется один и тот же образ — чрезвычайная ситуация. Позитивные или нейтральные сюжеты, рассказывающие о трудовой занятости, образовании, интеграции мигрантов, занимают ничтожные 12–15% общего объёма.

Печатная пресса, однако, уступает по силе воздействия телевидению. Новостные программы RAI и Mediaset в прайм-тайм систематически тиражируют один и тот же визуальный ряд: переполненные лодки, спасательные жилеты, измождённые лица, полицейские оцепления. Каждый сюжет длится полторы-две минуты, подаётся без статистического контекста, без пояснения, что речь идёт о ничтожной доле населения. В массовом сознании формируется устойчивый образ страны, находящейся в состоянии осады.

Заслуживает внимания и терминологический аспект. Итальянские журналисты отдают предпочтение слову «*clandestino*» (нелегальный иммигрант) перед «*richiedente asilo*» (проситель убежища), хотя большинство прибывающих действительно подают заявления на международную защиту. Выбор лексики — это не стилистическая случайность, а инструмент маркировки: «чужой», «нарушитель», «незаконный». Этот ярлык навешивается на людей, абсолютное большинство которых не совершило никаких правонарушений.

Психологи описывают данный феномен как «эвристику доступности»: мы склонны оценивать частоту явлений по тому, насколько легко нам удастся вызвать в памяти соответствующие примеры. Если каждый вечер в новостях демонстрируются высадки мигрантов, мозг автоматически делает вывод о перманентном характере этого процесса. Сухие статистические выкладки не выдерживают конкуренции с живыми, эмоционально заряженными образами.

Политическая утилизация миграционного дискурса

СМИ формируют информационный фон. Но превращением этого фона в политический ресурс занимаются другие игроки.

2018 год. «Лига» во главе с Маттео Сальвини получает 17,4% голосов на парламентских выборах. Предвыборная платформа строится вокруг лаконичного слогана: «Закрывать порты». Три слова — и в них уместилась вся программа. Квоты, распределение, интеграция — всё это оказалось сведённым к примитивной, но невероятно эффективной формуле. И эта формула принесла победу [10].

2022 год. «Братья Италии» под руководством Джорджи Мелони набирают уже 26%. Риторика смещается: теперь акцент не на портах, а на идентичности. «Защита итальянского образа жизни», «сохранение христианского наследия», «противодействие этническому замещению». Формулировки стали более абстрактными, но суть осталась прежней: миграция подаётся как экзистенциальная угроза, оправдывающая любые, даже самые жёсткие меры.

Копенгагенская школа предлагает теорию секьюритизации, которая отлично объясняет этот механизм. Когда феномен объявляется угрозой, это легитимирует выход за рамки стандартных процедур. Как только миграция переведена в плоскость безопасности, все управленческие и экономические аргументы теряют актуальность. В режиме чрезвычайной ситуации сослаться на рынок труда или демографическую статистику становится неуместно [11; 12].

Однако, на мой взгляд, в этом процессе присутствует одно важное измерение, которое часто остаётся вне поля зрения исследователей. В данном дискурсе образ врага конструируется на двух уровнях. Первый — внешний враг (мигранты). Второй — внутренний враг («элиты», «глобалисты», «брюссельские бюрократы», которые якобы навязывают Италии открытые границы). Эта двухслойная конструкция работает безотказно, потому что она объясняет всё — от присутствия мигрантов до невозможности их депортации. «Не мы, а они» — классическая популистская схема, обеспечивающая колоссальный мобилизационный потенциал.

Я обратила внимание на одну парадоксальную деталь. Чем активнее правительство сокращает миграционные потоки, тем тише оно об этом говорит. В 2023 году число прибывших уменьшилось почти вдвое по сравнению с 2022-м. Однако в официальных заявлениях этот факт практически не упоминался. Признание успеха означало бы признание того, что проблема была искусственно раздута. А это, в свою очередь, подорвало бы её мобилизационный потенциал.

Экономические противоречия, которые предпочитают не замечать

Перехожу к аспекту, который систематически выпадает из публичной дискуссии, — к экономической подоплёке.

По данным ISTAT, доля мигрантов в строительной отрасли составляет 14,7%, в сельском хозяйстве — 18,3%, в сфере услуг (гостиничный бизнес, социальный уход) — 22,1%. Речь идёт не о второстепенных, а о системообразующих секторах итальянской экономики [13].

Фермеры в Апулии и Калабрии не скрывают: без мигрантов сбор урожая окажется невозможным. Владельцы отелей на побережье предупреждают о неизбежном срыве туристического сезона. Руководители домов престарелых подтверждают, что квалифицированный уход за пожилыми без филиппинских и украинских работниц станет невыполнимой задачей.

Однако в публичном пространстве эта зависимость практически не обсуждается. Бизнес-ассоциации (Confindustria, Coldiretti) периодически выступают с заявлениями, но их голоса утопают в общем информационном шуме. Политики не цитируют их, журналисты не делают из этих фактов заголовков.

Я вижу здесь две причины. Первая — экономическая аргументация слишком сложна для двухминутного новостного сюжета. Она не даёт простых ответов и не укладывается в бинарную логику «свой — чужой». Вторая причина глубже и связана с психологической защитой. Итальянцы старшего поколения хорошо помнят времена, когда они сами были эмигрантами — в Германии, Швейцарии, США. Этот коллективный опыт должен был бы порождать эмпатию. Но вместо этого он запускает механизм замещения: «мы уехали тогда, мы были другими, а эти — совсем не такие». Этот приём позволяет отвергать мигрантов, не вступая в конфликт с собственной историей.

Эта экономическая амбивалентность — одновременная потребность и публичное отторжение — создаёт то самое напряжение, которое политики так искусно эксплуатируют. Не разрешать противоречие, а обострять его. Не искать решение, а демонстрировать бесконечную борьбу. Борьба — это источник политической энергии. Решение — это её завершение.

Региональный срез: география тревожности

Анализ данных в региональном разрезе выявляет одну из наиболее контринтуитивных закономерностей моего исследования.

Наиболее высокие оценки численности мигрантов фиксируются не там, где их реальная доля велика, а там, где она минимальна. В Калабрии, Сицилии и Апулии, где иностранцы составляют 3–5% населения, оценки достигают 30–35%. В Ломбардии и Эмилии-Романье, где эта доля составляет 11–12%, оценки скромнее — 22–25% [14].

Этот феномен находит объяснение, если учесть эффект непосредственного контакта. В регионах с высоким присутствием мигрантов они становятся частью повседневного опыта – соседями, коллегами, клиентами. Живой опыт корректирует медийный образ. Там же, где мигрантов не видно, остаётся лишь образ, сконструированный телевидением. А телевидение, как мы убедились, транслирует кризис.

Социально-экономические реалии южных регионов усиливают этот эффект. Уровень безработицы там достигает 15–20%, доходы низки, промышленность практически отсутствует. Люди остро чувствуют свою неустроенность и нуждаются в объяснении причин собственных бед. Политики предлагают им это объяснение: «во всём виноваты мигранты!». Формула проста, понятна и, что самое важное, непроверяема в регионах, где мигрантов почти нет.

Электоральные данные подтверждают эту логику. На выборах 2022 года «Братья Италии» получили в Калабрии на 8–10% больше голосов, чем в Ломбардии, при том что в Ломбардии доля мигрантов втрое выше. Избиратель голосует не против реальных мигрантов (он их не видит), а против того образа, который ему был предъявлен. Страх оказывается более эффективным политическим мобилизатором, чем реальность.

Показательно и то, что в регионах, где мигранты активно задействованы в ключевых секторах экономики, уровень тревожности заметно ниже. На севере, где они собирают урожай, возводят здания и ухаживают за пожилыми, отношение к ним значительно спокойнее, чем на юге, где их практически нет. Непосредственный контакт, таким образом, выступает мощным корректирующим фактором.

Политическая мобилизация и её социальная цена

Перехожу к главному выводу, который я сформулировала по итогам проведённого исследования.

Перцептивный разрыв, на мой взгляд, не является побочным эффектом или следствием чьей-то некомпетентности. Это сознательно культивируемый и инструментально используемый ресурс, выполняющий ряд важных социально-политических функций:

- агрегирование разнородных социальных страхов (безработица, культурные изменения, институциональное недоверие);
- переключение общественного внимания с реальных проблем на символические (защита границ вместо качества образования, сохранение идентичности вместо структурных реформ);
- конструирование двойного образа врага – внешнего (мигранты) и внутреннего (элиты, допускающие их присутствие).

Эта конструкция демонстрирует высокую устойчивость благодаря своей простоте и эмоциональной заряженности. Она апеллирует не к рациональным аргументам, а к иррациональной вере, которая воспроизводится через медиа, политическую риторику и механизмы социального подражания.

Однако у данной стратегии есть и оборотная сторона. Общество, пребывающее в состоянии хронической тревоги, постепенно утрачивает способность к критическому осмыслению действительности. Оно перестаёт проводить различие между реальностью и искусственно сконструированными образами. Оно привыкает к перманентной мобилизации. И выход из этого состояния становится крайне затруднительным – он требует признания собственной ошибки, что сопряжено с серьёзными психологическими издержками.

Перцептивный разрыв превращается в ловушку для самого общества. Люди держатся за завышенные оценки, поскольку их пересмотр означал бы признание собственной неправоты. Коллективное заблуждение становится элементом групповой идентичности.

На уровне локальных сообществ существуют успешные практики преодоления этого разрыва – образовательные программы, межкультурный диалог, адресные информационные кампании. В ряде муниципалитетов, системно занимающихся этой работой, удаётся снизить завышенные оценки на 5–7 процентных пунктов. Однако на национальном уровне системного прогресса не наблюдается.

Правительство Мелони, сформированное на волне антимиграционной риторики, объективно не заинтересовано в дезэскалации тревожных настроений. Медийная индустрия также не заинтересована – тревожные заголовки обеспечивают более высокие рейтинги. Институты гражданского общества предпринимают отдельные усилия, но их голоса тонут в общем информационном шуме.

Таким образом, мы сталкиваемся с замкнутым кругом. Его разрыв возможен лишь под воздействием внешнего шока либо в результате смены поколений с иными ценностными установками. До наступления этих условий Италия остаётся страной, где массовое сознание воспринимает реальность, на четверть состоящую из мигрантов, при том что в действительности их втрое меньше.

Заключение

Возвращаясь к исходному вопросу исследования, я формулирую следующий ответ.

Перцептивный разрыв при реальной доле мигрантов около 9% и общественных оценках на уровне 25–30% не является случайностью или следствием информационной недостаточности. Это системный эффект, целенаправленно конструируемый и инструментализируемый в качестве политического ресурса.

Данный разрыв воспроизводится сложной кооперацией нескольких групп акторов. СМИ создают драматизированную картину реальности. Политические силы превращают её в мобилизующий инструмент. Экономическая амбивалентность усиливает общественное напряжение. Региональные особенности делают отдельные социальные группы более восприимчивыми к этому дискурсу, чем другие.

Я не усматриваю здесь сознательного заговора. Скорее, мы имеем дело с конвергенцией интересов, взаимовыгодным сотрудничеством, которое в одних случаях является неосознанным, а в других – вполне расчётливым. Политическим силам требуются голоса избирателей. Медийным корпорациям необходимы рейтинги. Обе группы находят друг друга на поле миграционной проблематики.

В теоретическом плане проведённое исследование подтверждает эвристическую ценность конструктивистского подхода. Реальность миграции в Италии – это не совокупность статистических данных, а сложная система смыслов, имеющих своих производителей и потребителей. Понимание логики этого производства объясняет, почему факты систематически проигрывают вымыслам.

В практическом измерении выводы выглядят неутешительно. Системная коррекция перцептивного разрыва требует такого уровня координации между государственными институтами, СМИ и гражданским обществом, который в современной Италии отсутствует и вряд ли появится в обозримом будущем. Политическая конъюнктура не способствует смягчению дискурса, а, напротив, стимулирует его дальнейшую радикализацию.

В качестве направлений для дальнейшей исследовательской работы я выделяю два магистральных пути. Первый – сравнительный анализ со странами со схожими миграционными параметрами, но иными медийными и политическими системами (Греция, Испания, Португалия). Это позволило бы вычленить национальную специфику Италии. Второй – детальное изучение локальных практик, продемонстрировавших свою эффективность, с целью выявления условий их масштабируемости.

Вместе с тем я отдаю себе отчёт в том, что пока в Италии существуют политические силы, для которых миграционная тревога является карьерным капиталом, и медийные структуры, для которых она служит рейтинговым драйвером, перцептивный разрыв будет лишь укрепляться. Вопрос, поставленный в начале работы, остаётся открытым не в силу отсутствия ответа, а в силу его неудобства для ключевых игроков политического поля.

Литература

1. Valbruzzi M. *Immigrazione in Italia: tra realtà e percezione*. Bologna: Fondazione di ricerca Istituto Carlo Cattaneo, 2018. 186 p.
2. Ambrosini M. *Migration in Italy: Between Facts and Public Perception* // Bundeszentrale für politische Bildung. 2024. 15 p.
3. Pieroni L., Rosselló Roig M., Salmasi L. Italy: Immigration and the evolution of populism // *European Journal of Political Economy*. 2023. Vol. 76. Article 102244. 21 p.
4. Huysmans J. *The Politics of Insecurity: Fear, Migration and Asylum in the EU*. London: Routledge, 2006. 208 p.
5. Излученко Т.В., Гергилов Д.Н., Нестеренко Д.Н. Миграция как угроза безопасности: социально-конструктивистский подход // *Общество: философия, история, культура*. 2025. № 9. С. 45–58.
6. Маталаева Ф.Э. Секьюритизация международной миграции в Европе // *Обозреватель – Observer*. 2017. № 2 (325). С. 23–38.
7. *Integration in the EU: new Eurobarometer survey* // *Portale Integrations Migrants*. URL: <https://integrazioneimmigranti.gov.it/en-gb/Ricerca-news/Dettaglio-news/id/2686/> (дата обращения: 02.05.2026).
8. Calafati L., Fiorillo F. *Percezione dell'immigrazione e fiducia nelle istituzioni in Italia* // *Rivista Italiana di Politiche Pubbliche*. 2024. No. 1. P. 87–112.
9. Зайцев И.И. Новые социальные разломы и трансформация партийно-политической системы Италии во времена Второй республики // *Конфликтология / nota bene*. 2025. № 3. С. 67–82.
10. Fratelli d'Italia. *Immigrazione. Documento di posizionamento*. 15.01.2018. 12 p.

11. Ambrosini M. The populist far right paradox: the identification of the enemy and its exceptions in the immigration policies of the Meloni government in Italy // *Comparative Migration Studies*. 2025. Vol. 13. Art. 17. 19 p.

12. Потемкина О.Ю. Миграционный кризис и политика Европейского Союза // *Актуальные проблемы Европы*. 2016. № 4. С. 38–60.

13. ISTAT. Rapporto annuale 2024. La situazione del Paese. Roma, 2025. 320 p.

14. Barbagli M., Schmoll C. La nuova geografia delle migrazioni in Italia // *Il Mulino*. 2023. No. 4. P. 56–72.

15. Colombo A., Sciortino G. Migrazioni e società in Italia: un'analisi sociologica. Bologna: Il Mulino, 2022. 250 p.

THE PHENOMENON OF MIGRATION PERCEPTIONS AND ITS ROLE IN POLITICAL MOBILIZATION IN CONTEMPORARY ITALY

Shkolina A.O.

Moscow State Institute of International Relations (University)

The study examines the persistent gap between objective statistical indicators of migration in Italy and their subjective assessments in mass consciousness. Based on a comparison of Eurobarometer data, ISTAT reports, and international scholarship, the author substantiates the thesis that public estimates of the immigrant share are consistently 3–4 times higher than official statistics over at least a decade. The theoretical framework combines the social constructivist approach and the Copenhagen School's securitization theory, which allows migration to be interpreted not as an objective phenomenon but as a discursive construct. The empirical base consists of the results of the author's monitoring of Italian print and electronic media, as well as a content analysis of the electoral platforms of major political forces. The main conclusion is that the perceptual gap is deliberately constructed and instrumentalized as a political resource, with both media and right-wing populist parties acting as key actors. The paper also analyzes the regional differentiation of perception and the economic paradoxes accompanying the migration discourse. The author concludes that correcting the current situation is possible only through the implementation of a systemic

communication policy, but the political conjuncture in the foreseeable future is unlikely to contribute to this.

Keywords: Italy, public opinion, migration, securitization, populism, media discourse, political mobilization.

References

1. Valbruzzi M. Immigrazione in Italia: tra realtà e percezione. Bologna: Fondazione di ricerca Istituto Carlo Cattaneo, 2018. 186 p.
2. Ambrosini M. Migration in Italy: Between Facts and Public Perception // *Bundeszentrale für politische Bildung*. 2024. 15 p.
3. Pieroni L., Rosselló Roig M., Salmasi L. Italy: Immigration and the evolution of populism // *European Journal of Political Economy*. 2023. Vol. 76. Article 102244. 21 p.
4. Huysmans J. The Politics of Insecurity: Fear, Migration and Asylum in the EU. London: Routledge, 2006. 208 p.
5. Izluchenko T.V., Gergilev D.N., Nesterenko D.N. Migration as a security threat: a social constructivist approach // *Society: philosophy, history, culture*. 2025. No. 9. Pp. 45–58.
6. Matalaeva F.E. Securitization of international migration in Europe // *Observer*. 2017. No. 2 (325). Pp. 23–38.
7. Integration in the EU: new Eurobarometer survey // *Portale Integrazione Migranti*. URL: <https://integrazionemigranti.gov.it/en-gb/Ricerca-news/Dettaglio-news/id/2686/> (data обращения: 02.05.2026).
8. Calafati L., Fiorillo F. Percezione dell'immigrazione e fiducia nelle istituzioni in Italia // *Rivista Italiana di Politiche Pubbliche*. 2024. No. 1. P. 87–112.
9. Zaitsev I.I. New social fault lines and transformation of the party-political system of Italy during the Second Republic // *Conflictology / nota bene*. 2025. No. 3. Pp. 67–82.
10. Fratelli d'Italia. Immigrazione. Documento di posizionamento. 15.01.2018. 12 p.
11. Ambrosini M. The populist far right paradox: the identification of the enemy and its exceptions in the immigration policies of the Meloni government in Italy // *Comparative Migration Studies*. 2025. Vol. 13. Art. 17. 19 p.
12. Potemkina O. Yu. Migration crisis and the policy of the European Union // *Current issues of Europe*. 2016. No. 4. Pp. 38–60.
13. ISTAT. Rapporto annuale 2024. La situazione del Paese. Roma, 2025. 320 p.
14. Barbagli M., Schmoll C. La nuova geografia delle migrazioni in Italia // *Il Mulino*. 2023. No. 4. P. 56–72.
15. Colombo A., Sciortino G. Migrazioni e società in Italia: un'analisi sociologica. Bologna: Il Mulino, 2022. 250 p.

Нормализация ирано-саудовских отношений в 2021–2026 гг.: факторы, посредничество и трансформация региональной безопасности

Азамат София,

магистр, Московский государственный университет имени

М.В. Ломоносова

E-mail: sofa.2012.azamat@gmail.com

Статья посвящена анализу нормализации отношений между Ираном и Саудовской Аравией в 2021–2026 гг. Рассматриваются факторы перехода от конфронтации второй половины 2010-х годов к управляемой деэскалации: усталость сторон от издержек региональных конфликтов, трансформация роли США, посредничество Ирака и Китая. Отдельное внимание уделено роли КНР в подписании соглашения от 10 марта 2023 г. и последующем трехстороннем механизме сопровождения договоренностей, а также влиянию палестино-израильской эскалации 2023–2026 гг. на двусторонний диалог. Показано, что нормализация привела не к стратегическому партнерству, а к формированию режима управляемого соперничества, встроенного в более широкую трансформацию региональной архитектуры безопасности Ближнего Востока, где военные, дипломатические и технологические контуры управления рисками действуют параллельно.

Ключевые слова: Иран; Саудовская Аравия; нормализация отношений; посредничество Китая; региональная безопасность Ближнего Востока; управляемое соперничество.

Введение

Отношения между Ираном и Саудовской Аравией на протяжении второй половины 2010-х годов оставались одним из главных источников нестабильности на Ближнем Востоке: разрыв дипломатических отношений в январе 2016 г., конкуренция в Йемене, Сирии и Ливане, а также взаимное восприятие друг друга в качестве экзистенциальной угрозы исключали возможность прямого диалога. Между тем к началу 2020-х годов совокупность региональных и глобальных факторов создала предпосылки для пересмотра этой линии, что и привело в 2021–2026 гг. к последовательной, хотя и ограниченной, нормализации двусторонних отношений.

Актуальность темы обусловлена тем, что ирано-саудовская нормализация стала одним из наиболее значимых процессов, повлиявших на всю систему региональной безопасности Ближнего Востока, и при этом протекала на фоне двух разнонаправленных факторов – растущей дипломатической роли Китая и палестино-израильской эскалации 2023–2026 гг. Степень изученности вопроса в российской и зарубежной литературе остается неравномерной: отдельные аспекты процесса (роль Китая, йеменский трек, палестинский фактор) анализируются в основном изолированно друг от друга, тогда как их совокупное влияние на архитектуру региональной безопасности требует более цельного рассмотрения.

Целью статьи является анализ факторов, механизмов и результатов нормализации ирано-саудовских отношений в 2021–2026 гг. в контексте трансформации региональной архитектуры безопасности Ближнего Востока. Для достижения цели решаются следующие задачи: во-первых, выявить факторы и этапы перехода от конфронтации к управляемой деэскалации; во-вторых, оценить посредническую роль Китая в подписании и сопровождении соглашения 2023 г.; в-третьих, определить характер влияния палестино-израильской эскалации на двусторонний диалог; в-четвертых, показать место ирано-саудовской нормализации в более широкой трансформации региональной архитектуры безопасности.

Методология исследования

В работе применяется комплексный подход, сочетающий историко-описательный метод для реконструкции хронологии событий 2021–2026 гг., метод сравнительного анализа для сопоставления факторов, определявших поведение Ирана и Саудовской Аравии на разных этапах нормализации, а также элементы контент-анализа официальных заявлений и пресс-релизов сторон (Министерства иностранных дел КНР, Saudi Press Agency, ООН). Дополнительно используется системный подход, позволяющий рассматривать ирано-саудовскую нормализацию не изолированно, а как элемент более широкой трансформации региональной архитектуры безопасности Ближнего Востока. Источниковую базу составили официальные документы и заявления внешнеполитических ведомств, материалы международных организаций, а также сообщения ведущих информационных агентств за период 2021–2026 гг.

Научная новизна

Научная новизна статьи заключается в том, что три ключевых фактора нормализации ирано-саудовских отношений – посредничество Ирака и Китая, влияние палестино-израильской эскалации 2023–2026 гг. и трансформация региональной архитектуры безопасности – рассматриваются не изолированно, как это преимущественно делается в существующей литературе, а в качестве взаимосвязанных элементов единого процесса. Кроме того, в научный оборот вводятся данные о событиях 2025–2026 гг. (третья встреча трехстороннего комитета Китай-Иран-Саудовская Аравия, визит министра обороны Саудовской Аравии в Иран, эскалация вокруг Ирана в 2026 г.), которые на момент подготовки статьи еще не получили систематического освещения в академической литературе.

Факторы и этапы нормализации ирано-саудовских отношений

Переход от конфронтации второй половины 2010-х годов к осторожной нормализации 2021–2026 гг. связан с ростом издержек затяжного

соперничества для обеих сторон. Йеменская война не принесла Саудовской Аравии быстрого достижения заявленных целей и повысила уязвимость приграничной инфраструктуры, тогда как для Ирана продолжение санкционного давления и риски эскалации в Персидском заливе ограничивали экономические возможности [1; 2]. Дополнительным фактором стало снижение прямой вовлеченности США в региональные конфликты, что усилило мотивацию Тегерана и Эр-Рияда к поиску собственных механизмов деэскалации, не сводящихся к покровительству внешнего гегемона.

Начальным этапом нормализации стало формирование минимально достаточных каналов политико-дипломатического общения при посредничестве Ирака, заинтересованного в снижении напряженности между двумя центрами силы ввиду ее прямого влияния на собственную безопасность. Отправной точкой багдадского трека принято считать встречу 9 апреля 2021 г.; к апрелю 2022 г. было подтверждено проведение уже пяти раундов переговоров [3; 4]. Багдадский формат выполнял три функции: снижал риск неверной интерпретации намерений сторон в чувствительных эпизодах безопасности Персидского залива, создавал пространство для обсуждения комплекса вопросов без публичного признания уступок и подготавливал основу для последующей институционализации нормализации при участии внешнего гаранта.

Переход к формальному политическому решению состоялся 10 марта 2023 г., когда было объявлено о договоренности между Ираном и Саудовской Аравией о возобновлении дипломатических отношений и открытии посольств в срок до двух месяцев [5]. В течение 2023 г. договоренность была наполнена функциональным содержанием: назначены послы, к сентябрю 2023 г. состоялось прибытие саудовского посла в Тегеран [6], возобновились паломнические поездки на умру и авиасообщение по маршруту Мешхед – Даммам, что имело не только гуманитарное, но и политически чувствительное значение ввиду проживания в Восточной провинции КСА значительной шиитской общины.

Важной особенностью процесса стало то, что он развивался не как сближение ценностных платформ, а как управляемая деэскалация вокруг конкретных региональных вопросов, прежде всего йеменского конфликта [17]. Контакты высокого уровня 2024–2025 гг. (встречи наследного принца Саудовской Аравии с главой МИД Ирана, визит министра обороны КСА в Тегеран) подтвердили переход нормализации на политико-дипломатический и военно-политический уровень. Одновременно сохраняются структурные ограничения: торгово-экономическая составляющая отношений остается минимальной, а конкурирующие региональные коалиции не были демонтированы, что позволяет характеризовать достигнутое состояние как режим сдерживаемой конкуренции, а не устойчивое партнерство.

Посредническая роль Китая в нормализации

Усиление дипломатической роли КНР на Ближнем Востоке в 2021–2026 гг. стало одним из факторов, изменивших условия региональной деэскалации. Китайский подход опирается на сочетание экономической взаимозависимости, принципов суверенного равенства и невмешательства и практики посредничества без военно-политической опеки, что принципиально отличает его от традиционной модели внешнего управления безопасностью, характерной для США в Персидском заливе [7]. К началу 2020-х годов Пекин располагал двумя устойчивыми опорами – долгосрочным стратегическим партнерством с Ираном, закрепленным соглашением о 25-летнем сотрудничестве от 27 марта 2021 г. [8], и развитыми энергетическими и инвестиционными связями с Саудовской Аравией, получившими новый импульс на саммитах Китай – ССАГПЗ и Китай – арабские государства в декабре 2022 г. [9].

Концептуальную основу подхода задавала выдвинутая в апреле 2022 г. Глобальная инициатива по безопасности, которая, не будучи региональным планом для Ближнего Востока, предложила государствам региона удобный язык дипломатии, ориентированный на суверенитет и невмешательство [10]. Главным практическим результатом китайского посредничества стало соглашение о восстановлении дипломатических отношений между Ираном и Саудовской Аравией 10 марта 2023 г. по итогам переговоров в Пекине; принципиальная особенность документа состояла в его «минимально достаточной» формулировке, не предполагавшей идеологического сближения сторон [11].

Отличительной чертой китайского посредничества стало его институциональное сопровождение через трехсторонний совместный комитет Китай – Саудовская Аравия – Иран: первая встреча состоялась 15 декабря 2023 г. в Пекине, вторая – 19 ноября 2024 г. в Эр-Рияде, третья – 9 декабря 2025 г. в Тегеране [12; 13]. Подобный формат снижает вероятность распада договоренности при очередном кризисе и превращает Китай из разовой площадки переговоров в устойчивый элемент дипломатической инфраструктуры региона.

Вместе с тем влияние китайских инициатив имеет структурные пределы: Пекин не выступает военным гарантом безопасности Персидского залива и, как правило, избегает обязательств, требующих силового участия, вследствие чего устойчивость нормализации по-прежнему зависит от совпадения интересов самих Тегерана и Эр-Рияда. Обострение военной эскалации вокруг Ирана в 2026 г. дополнительно продемонстрировало уязвимость китайских экономических проектов в регионе перед рисками неконтролируемого конфликта.

Влияние палестино-израильской эскалации на диалог Тегерана и Эр-Рияда

Эскалация в Секторе Газа, начавшаяся в октябре 2023 г., стала основным внешним стресс-фактором для процесса нормализации. Ее воздействие носило двойственный характер. С одной стороны, война резко сузила пространство для саудовско-израильской нормализации: уже 13 октября 2023 г. источники фиксировали фактическое замораживание соответствующих переговоров [14]. С другой стороны, кризис создал объективный стимул для Тегерана и Эр-Рияда к поддержанию рабочих каналов связи в целях предотвращения расширения конфликта до уровня прямой межгосударственной конфронтации.

Показательным следствием войны стало ускорение политических контактов: 11 октября 2023 г. состоялся первый телефонный разговор между президентом Ирана и наследным принцем Саудовской Аравии после восстановления отношений [15], а 11 ноября 2023 г. президент Ирана принял участие в чрезвычайном арабо-исламском саммите в Эр-Рияде – первый визит иранского лидера в Королевство более чем за десятилетие. Данные эпизоды следует трактовать не как сближение стратегических позиций по Израилю, а как инструмент управления рисками, прежде всего рисками расширения конфликта в сторону Йемена и приграничных районов КСА.

Позиция Эр-Рияда получила более жесткую формулировку 5 февраля 2025 г., когда Саудовская Аравия официально заявила о невозможности установления отношений с Израилем без создания палестинского государства [16], что перевело палестинское направление в статус предварительного условия, а не предмета параллельного торгового. Данное условие выполняет стабилизирующую функцию и в ирано-саудовском измерении, снижая вероятность вовлечения Эр-Рияда в конфигурации, которые Тегеран расценивает как прямую угрозу.

Отдельным фактором риска стал прямой ирано-израильский обмен ударами в апреле 2024 г., продемонстрировавший способность палестинского кризиса трансформироваться в более широкий региональный конфликт с угрозой энергетической инфраструктуре и логистике государств Залива. К началу 2026 г. эскалация вокруг Ирана вышла за рамки прежнего формата косвенного противостояния, что подтвердило двойственный характер нормализации: сохранение дипломатических каналов повышает возможности кризисной коммуникации, но само по себе не гарантирует устойчивости регионального порядка при резком обострении военно-политической логики конфликта.

Трансформация региональной архитектуры безопасности

Трансформация региональной архитектуры безопасности Ближнего Востока в 2021–2026 гг. связана не с появлением единого нового центра силы, а с переходом к более фрагментированной, многоуровневой модели управления рисками, в которой одновременно действуют государственные коалиции, ситуативные форматы по отдельным угрозам, каналы деэскалации между соперниками и несколько внешних посредников. Прежняя конструкция, где стабильность региона в значительной мере определялась американским военным присутствием, сохраняется как важный, но уже не единственный элемент системы.

Ключевым индикатором частичной деэскалации затяжных конфликтов стало йеменское перемирие, вступившее в силу 2 апреля 2022 г. под эгидой ООН и впоследствии продлевавшееся [18]; оно показало, что даже в конфликтах с высокой долей внешнего участия возможна модель ограниченной стабилизации, ориентированной на защиту критической инфраструктуры. Одновременно с октября 2023 г. атаки на торговые суда в Красном море придали самостоятельный статус безопасности морских коммуникаций, что потребовало формирования международной коалиции по защите судоходства Operation Prosperity Guardian, объявленной 18–19 декабря 2023 г. [19]. Данный эпизод расширил географию региональных рисков далеко за пределы Ормузского пролива и Персидского залива.

Существенным признаком трансформации стала и технологизация угроз: масштаб и координация ударов беспилотных и ракетных систем в 2024–2026 гг. потребовали от монархий Залива приоритетного развития систем противовоздушной и противоракетной обороны и ран-

него предупреждения. Показательно, что при этом Саудовская Аравия последовательно избегала прямого военного вовлечения в эскалацию вокруг Ирана, ограничиваясь дипломатическим осуждением даже после ударов по объектам, связанным с американским военным присутствием на ее территории [20].

В совокупности эти процессы указывают на функциональную дифференциацию внешних акторов: США сохраняют ведущую роль в военном контуре региональной безопасности, тогда как Китай закрепил за собой роль политического посредника и организатора процедур нормализации. Для ирано-саудовских отношений это означает закрепление режима управляемого соперничества, в котором дипломатическая инфраструктура и регулярные процедуры взаимодействия позволяют удерживать конкуренцию в контролируемых пределах, не устранив при этом фундаментальных противоречий сторон.

Заключение

Нормализация ирано-саудовских отношений в 2021–2026 гг. представляет собой переход от политики разрыва и демонстративной конфронтации к политике управляемой деэскалации, опирающейся на дипломатическую инфраструктуру, посреднические механизмы и прагматическое обсуждение региональной повестки. Багдадский формат переговоров создал предпосылки для соглашения 10 марта 2023 г., а последующее китайское посредничество через трехсторонний механизм придало нормализации институциональную устойчивость. Палестино-израильская эскалация 2023–2026 гг. не привела к стратегическому сближению Тегерана и Эр-Рияда, однако повысила ценность сохранения прямых дипломатических каналов как инструмента управления рисками.

Итоговим результатом рассмотренных процессов стало формирование не партнерства, а устойчивого режима управляемого соперничества, встроенного в более широкую трансформацию региональной архитектуры безопасности Ближнего Востока – многоуровневую систему, где военные, дипломатические и технологические контуры управления рисками действуют параллельно и при участии нескольких внешних акторов. Устойчивость данной модели в дальнейшем будет зависеть от динамики конфликта вокруг Ирана и способности сторон и далее отделять дипломатический диалог от силовой конкуренции через региональных союзников.

Литература

1. Кириченко В.П. Ирано-саудовское замирение: влияние на ситуацию в регионе / В.П. Кириченко // Россия и мусульманский мир. – 2024. – № 1(331). – С. 81–94.
2. Мамедова Н. Иран-2021: политические и экономические катаклизмы / Н. Мамедова // Свободная мысль. – 2022. – № 2(1692). – С. 157–170.
3. Saudi and Iran held talks aimed at easing tensions, say sources // Reuters. – 2021. – 18 April. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/saudi-iranian-officials-held-talks-patch-up-relations-ft-2021-04-18/> (дата обращения: 14.07.2026).
4. Iran confirms fifth round of talks held with Saudi Arabia // Reuters. – 2022. – 25 April. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/iran-confirms-fifth-round-talks-held-with-saudi-arabia-2022-04-25/> (дата обращения: 14.07.2026).
5. Iran and Saudi Arabia agree to resume ties, re-open embassies, Iranian state media says // Reuters. – 2023. – 10 March. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/iran-saudi-arabia-agree-resume-ties-re-open-embassies-iranian-state-media-2023-03-10/> (дата обращения: 14.07.2026).
6. First Saudi ambassador arrives in Tehran after rapprochement // Reuters. – 2023. – 5 September. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/first-saudi-ambassador-arrives-tehran-after-rapprochement-2023-09-05/> (дата обращения: 14.07.2026).
7. Дубкова О.В. Модель внешней политики Китая и ее реализация в XXI веке: Серия книг «Мир Поднебесной» / О.В. Дубкова, С.Р. Ушурова. – М.: Р.Валент, 2024. – 340 с.
8. Document of Comprehensive Cooperation between Iran and China // Ministry of Foreign Affairs of the Islamic Republic of Iran. URL: <https://en.mfa.gov.ir/portal/newsview/632866> (дата обращения: 14.07.2026).
9. President Xi Jinping Attends the First China-Arab States Summit // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – 2022. – December. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/jj/2022/xjpcxfh/202212/t20221211_10988748.html (дата обращения: 14.07.2026).
10. Jointly Implementing the Global Security Initiative For a Safer World // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/wjbxw/202405/t20240530_11343749.html (дата обращения: 14.07.2026).

11. Сафронова Е.И. Китай и ирано-саудовское соглашение 2023 года: обстановка, цели и значение / Е.И. Сафронова // Проблемы Дальнего Востока. – 2023. – № 3. – С. 70–84.

12. Joint Press Release of the First Vice-Ministerial Meeting of the China-Saudi Arabia-Iran Trilateral Joint Committee // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – 2024. – 17 March. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/gjhdq_665435/2675_665437/2878_663746/2880_663750/202403/t20240317_11261700.html (дата обращения: 14.07.2026).

13. Joint Press Release of the Third Meeting of the China-Iran-Saudi Arabia Trilateral Joint Committee // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – 2025. – 10 December. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjbyzygy/hd/202512/t20251210_11770309.html (дата обращения: 14.07.2026).

14. Saudi Arabia puts Israel deal on ice amid war, engages with Iran, sources say // Reuters. – 2023. – 13 October. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/saudi-arabia-puts-israel-deal-ice-amid-war-engages-with-iran-sources-say-2023-10-13/> (дата обращения: 14.07.2026).

15. HRH Crown Prince Receives Phone Call from Iranian President // Saudi Press Agency (SPA). URL: <https://spa.gov.sa/N1978598> (дата обращения: 14.07.2026).

16. Saudi Arabia says it won't establish ties with Israel without creation of Palestinian state // Reuters. – 2025. – 5 February. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/saudi-arabia-says-it-wont-establish-ties-with-israel-without-creation-2025-02-05/> (дата обращения: 14.07.2026).

17. Кулаев Г.Т. Динамика йеменского конфликта в контексте обострения палестино-израильского конфликта / Г.Т. Кулаев // Закон и власть. – 2024. – № 4. – С. 72–76.

18. Truce Agreement – April 2022 // Office of the Special Envoy of the Secretary-General for Yemen (OSESGY), United Nations. URL: <https://osesgy.unmissions.org/en/truce-agreement-april-2022> (дата обращения: 14.07.2026).

19. Operation Prosperity Guardian Set to Protect Ships in the Red Sea, Gulf of Aden // U.S. Naval Institute News (USNI News). – 2023. – 18 December. URL: <https://news.usni.org/2023/12/18/operation-prosperity-guardian-set-to-protect-ships-in-the-red-sea-carrier-ike-in-gulf-of-aden> (дата обращения: 14.07.2026).

20. Hill E. Iran has hit far more U.S. military assets than reported, satellite images show / E. Hill, J. Ley, A. Horton, T. Copp, D. Lamothe // The Washington Post. – 2026. – 6 May. URL: <https://www.washingtonpost.com/investigations/2026/05/06/iran-us-bases-satellite-images/> (дата обращения: 14.07.2026).

NORMALIZATION OF IRANIAN – SAUDI RELATIONS IN 2021–2026: FACTORS, MEDIATION, AND THE TRANSFORMATION OF REGIONAL SECURITY

Azamat S.

Lomonosov Moscow State University

The article analyzes the normalization of relations between Iran and Saudi Arabia in 2021–2026. It examines the factors behind the shift from the confrontation of the late 2010s to managed de-escalation: the parties' fatigue with the costs of protracted regional conflicts, the changing U.S. role, and mediation by Iraq and China. Particular attention is paid to China's role in brokering the agreement of 10 March 2023 and the subsequent trilateral mechanism, as well as the impact of the 2023–2026 Israeli-Palestinian escalation on bilateral dialogue. The article shows that normalization did not produce strategic partnership but rather a regime of managed rivalry embedded in the broader transformation of the Middle East's security architecture, where military, diplomatic, and technological risk-management tracks operate in parallel.

Keywords: Iran; Saudi Arabia; normalization of relations; Chinese mediation; Middle East regional security; managed rivalry.

References

1. Kirichenko V.P. Iranian-Saudi Reconciliation: Impact on the Regional Situation. Russia and the Muslim World, 2024, no. 1(331), pp. 81–94. (In Russ.)
2. Mamedova N. Iran-2021: Political and Economic Upheavals. Svobodnaya Mysl [Free Thought], 2022, no. 2(1692), pp. 157–170. (In Russ.)
3. Saudi and Iran held talks aimed at easing tensions, say sources. Reuters, 2021, 18 April.
4. Iran confirms fifth round of talks held with Saudi Arabia. Reuters, 2022, 25 April.
5. Iran and Saudi Arabia agree to resume ties, re-open embassies, Iranian state media says. Reuters, 2023, 10 March.
6. First Saudi ambassador arrives in Tehran after rapprochement. Reuters, 2023, 5 September.
7. Dubkova O.V., Ushurova S.R. The Model of China's Foreign Policy and Its Implementation in the 21st Century. Moscow, R.Valent Publ., 2024, 340 p. (In Russ.)
8. Document of Comprehensive Cooperation between Iran and China. Ministry of Foreign Affairs of the Islamic Republic of Iran.
9. President Xi Jinping Attends the First China-Arab States Summit. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, 2022, December.

10. Jointly Implementing the Global Security Initiative For a Safer World. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China.

11. Safronova E.I. China and the 2023 Iran-Saudi Agreement: Context, Goals and Significance. Far Eastern Affairs, 2023, no. 3, pp. 70–84. (In Russ.)

12. Joint Press Release of the First Vice-Ministerial Meeting of the China-Saudi Arabia-Iran Trilateral Joint Committee. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, 2024, 17 March.

13. Joint Press Release of the Third Meeting of the China-Iran-Saudi Arabia Trilateral Joint Committee. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, 2025, 10 December.

14. Saudi Arabia puts Israel deal on ice amid war, engages with Iran, sources say. Reuters, 2023, 13 October.

15. HRH Crown Prince Receives Phone Call from Iranian President. Saudi Press Agency (SPA).

16. Saudi Arabia says it won't establish ties with Israel without creation of Palestinian state. Reuters, 2025, 5 February.

17. Kulaev G.T. Dynamics of the Yemeni Conflict in the Context of the Escalating Israeli-Palestinian Conflict. Law and Power, 2024, no. 4, pp. 72–76. (In Russ.)

18. Truce Agreement – April 2022. Office of the Special Envoy of the UN Secretary-General for Yemen (OSESGY).

19. Operation Prosperity Guardian Set to Protect Ships in the Red Sea, Gulf of Aden. U.S. Naval Institute News (USNI News), 2023, 18 December.

20. Hill E., Ley J., Horton A., Copp T., Lamothe D. Iran has hit far more U.S. military assets than reported, satellite images show. The Washington Post, 2026, 6 May.

Головатая Мария Сергеевна,
младший байер, ООО «МАКСИМА ГРУПП»
E-mail: golovataya.2001@mail.ru

В статье исследуется эволюция имиджевой политики Объединённых Арабских Эмиратов и особенности её отражения в российских средствах массовой информации. Рассматриваются основные этапы формирования международного образа ОАЭ – от нефтедобывающего государства до современного центра международного бизнеса, инноваций, туризма и дипломатического посредничества. Особое внимание уделяется анализу стратегических документов ОАЭ, закрепивших переход к системной политике национального брендинга и развитию инструментов «мягкой силы». На основе анализа публикаций ведущих российских СМИ выявлены ключевые направления репрезентации международного образа Эмиратов в российском медиапространстве. Установлено, что российский медиадискурс преимущественно формирует позитивный и прагматичный образ ОАЭ как надёжного экономического партнёра России, финансово-логистического и технологического центра, востребованного туристического направления, участника БРИКС и эффективного посредника в международных переговорах. Показано, что, в отличие от западных средств массовой информации, российские СМИ значительно реже акцентируют внимание на вопросах внутренней политики и прав человека, сосредоточиваясь преимущественно на торгово-экономическом сотрудничестве, инвестиционной привлекательности и внешнеполитической роли ОАЭ. Сделан вывод о том, что российские средства массовой информации не только отражают трансформацию международного имиджа Эмиратов, но и выступают важным инструментом его дальнейшего продвижения среди российской аудитории.

Ключевые слова: имиджевая политика, средства массовой информации, внешняя политика, международный имидж, медиадискурс, национальный бренд, репрезентация.

В условиях трансформации современной системы международных отношений возрастает значение нематериальных ресурсов внешней политики государств, среди которых особое место занимает международный имидж. Формирование позитивного образа страны позволяет не только повышать её узнаваемость на мировой арене, но и способствует привлечению инвестиций, развитию туризма, укреплению политического влияния и продвижению национальных интересов за рубежом. В связи с этим имиджевая политика становится важным направлением внешнеполитической деятельности как ведущих мировых держав, так и государств, стремящихся усилить свои позиции в международной системе.

Объединённые Арабские Эмираты представляют собой один из наиболее успешных примеров целенаправленного формирования международного имиджа. За несколько десятилетий государству удалось трансформировать образ нефтедобывающей монархии в образ современного центра международного бизнеса, туризма, инноваций и дипломатического посредничества. Данная трансформация нашла отражение не только в стратегических документах ОАЭ, но и в зарубежном медиапространстве, которое выступает одним из ключевых каналов распространения и интерпретации национального имиджа.

Особый интерес представляет освещение имиджа ОАЭ в российских средствах массовой информации. На фоне активизации российско-эмиратского сотрудничества в торгово-экономической, инвестиционной, туристической и политической сферах российские СМИ становятся важным фактором формирования представлений российской аудитории об ОАЭ. При этом российский медиадискурс обладает собственной спецификой и нередко отличается от подходов западных средств массовой информации как по тематическим акцентам, так и по характеру оценок.

Объектом исследования выступает имиджевая политика Объединённых Арабских Эмиратов. Предметом исследования является эволюция представления международного образа ОАЭ в российских средствах массовой информации. Цель статьи заключается в выявлении основных этапов формирования международного имиджа ОАЭ и анализе особенностей его освещения в российских СМИ. Для достижения поставленной цели рассматриваются исторические этапы развития имиджевой политики ОАЭ, её закрепление в стратегических документах государства, а также ключевые направления репрезентации образа ОАЭ в российском медиапространстве.

Историческое формирование международного имиджа ОАЭ можно представить как последовательную смену нескольких этапов. На первом этапе, после образования федерации в 1971 г., внешнее позиционирование страны было связано прежде всего с образом стабильного нефтяного государства, ориентированного на безопасность, умеренность и надёжное партнёрство; при этом, как отмечает К. Шахрур, уже в ранней внешней политике ОАЭ заметную роль играли инструменты «мягкого» влияния, включая гуманитарную помощь и дипломатическую активность [14]. На втором этапе, в 1990-е – начале 2000-х гг., акцент сместился к экономическому и инфраструктурному брендингу: Дубай стал продвигаться как региональный центр торговли, финансов, туризма и логистики, национальный брендинг начал рассматриваться как фактор развития ключевых секторных кластеров [15]. Третий этап, охватывающий 2000-е – 2010-е гг., характеризовался глобализацией бренда ОАЭ через туризм, авиацию, мегапроекты, культурные инициативы, спорт и медиаприсутствие; в научной литературе этот период связывается с активным использованием инструментов публичной дипломатии и национального брендинга [16; 18]. Современный этап, начавшийся во второй половине 2010-х гг., связан с закреплением образа ОАЭ как «государства будущего» – инновационного, постнефтяного, технологичного и дипломатически активного актора, стремящегося конвертировать экономическую модернизацию, культурную открытость и стратегические коммуникации в ресурс международного влияния.

Закрепление имиджевой политики ОАЭ в стратегических документах демонстрирует постепенный переход от косвенного внешнеполитического позиционирования к целенаправленному национальному брендингу. На первом этапе, после образования государства в 1971 г., международный образ ОАЭ был зафиксирован преимущественно через базовые конституционные принципы: сохранение независимости

и стабильности, поддержка арабских и исламских интересов, а также укрепление дружественных отношений с другими государствами на основе принципов Устава ООН [1]. Следовательно, имиджевая политика на данном этапе ещё не имела самостоятельного институционального оформления, а выступала частью общей задачи международного признания и легитимизации нового федеративного государства. На втором этапе, в 1990-е – 2000-е гг., акцент сместился к экономическому и инфраструктурному позиционированию: в стратегиях развития Дубая и Абу-Даби образ ОАЭ стал связываться с диверсификацией экономики, развитием торговли, финансов, транспорта, туризма и инвестиционной привлекательности [11; 12]. В отличие от раннего периода, здесь имидж уже начинает выполнять прикладную экономическую функцию – привлекать капитал, компании, туристов и квалифицированные кадры. На третьем этапе, в 2010-е гг., в документах «Стратегия развития ОАЭ до 2021 года», «Национальная стратегия инноваций» и «План развития Дубая до 2021 года» имиджевая политика приобретает более комплексный характер: ОАЭ стремятся закрепить образ конкурентоспособного, инновационного, комфортного и глобально открытого государства [3; 6]. Наконец, современный этап связан с прямой институционализацией имиджевой политики через такие документы, как «Стратегия мягкой силы ОАЭ», «Столетний план ОАЭ – 2071», «Мы – ОАЭ 2031», «Стратегия ОАЭ в области искусственного интеллекта до 2031 года», «Национальная космическая стратегия до 2030 года», Туристическая стратегия ОАЭ до 2031 года». В этих документах международный образ страны формируется уже не только вокруг экономики, но и вокруг мягкой силы, инноваций, космоса, устойчивого развития, туризма, межкультурной открытости и статуса глобального партнёра. Таким образом, если на раннем этапе имидж ОАЭ был производным от задач государственного строительства и внешнеполитической легитимации, то в современных стратегиях он превращается в самостоятельный ресурс внешней политики и инструмент укрепления международной субъектности государства.

Освещение имиджа Объединённых Арабских Эмиратов в российских средствах массовой информации имеет выраженную специфику и заметно отличается от западного медиадискурса. Если в западных СМИ образ ОАЭ часто рассматривается через призму противоречий между модернизационным брендингом, правами человека, трудовой миграцией, климатической политикой и обвинениями, то в российских СМИ доминирует более прагматичная рамка. ОАЭ чаще представлены как важный экономический партнёр России, один из ключевых центров Ближнего Востока, туристическое направление, финансово-логистический хаб, участник БРИКС и посредник в международных переговорах [33]. Это не означает полного отсутствия критических сюжетов, однако критика в российских СМИ, как правило, связана не с внутренней политической системой ОАЭ, а с внешними ограничениями: санкционным давлением, банковским комплаенсом, сложностями международных расчётов и рисками вторичных санкций.

Одним из главных направлений российского медиадискурса об ОАЭ является образ страны как стратегически значимого партнёра России на Ближнем Востоке. Российские СМИ регулярно подчёркивают высокий уровень двусторонних отношений и рост торгово-экономического сотрудничества. Так, Президент России В.В. Путин в ОАЭ в декабре 2023 г., заявил, что отношения двух стран вышли на «беспрецедентно высокий уровень», а сами Эмираты названы главным торговым партнёром России в арабском мире [34]. Аналогичная рамка прослеживается в материалах ТАСС, где со ссылкой на первого вице-премьера Д.В. Мантурова сообщалось, что товарооборот России и ОАЭ по итогам 2024 г. составил около 10 млрд долл., а российская сторона рассчитывает на дальнейшее развитие индустриального партнёрства [25]. В результате в российском информационном поле ОАЭ закрепляются не только как ближневосточная монархия с высоким уровнем доходов, но и как практически значимый партнёр, способный компенсировать часть ограничений, возникших для России после ухудшения отношений с западными странами.

Важным элементом положительного образа ОАЭ в российских СМИ является представление страны как делового и технологического хаба. Особенно ярко это проявилось в освещении участия ОАЭ в качестве страны-партнёра международной промышленной выставки «Иннопром-2024». «Коммерсантъ» подчёркивал, что участие ОАЭ в этом статусе «подтверждает особый характер российско-эмирских отношений» и даёт импульс развитию кооперационных связей в инновационных отраслях [26]. В дальнейшем издание отмечало, что темой выставки стало «Технологическое партнёрство: формируя образ будущего», а ОАЭ представляли около 120 компаний [27]. Такая подача формирует имидж Эмиратов как государства, которое ассоциируется не только с нефтью, недвижимостью и туризмом, но и с промышленной кооперацией, инновациями, технологическим развитием и инве-

стиционными возможностями. Для российского медиaprостранства это особенно важно, поскольку ОАЭ всё чаще рассматриваются как часть новой геоэкономической архитектуры, ориентированной на Восток, Юг и незападные центры роста.

Отдельный устойчивый сюжет связан с туристическим образом ОАЭ. Российские СМИ показывают Эмираты как одно из наиболее востребованных направлений для российских туристов. РИА Новости со ссылкой на российские официальные лица сообщало, что в 2024 г. ОАЭ посетили почти 2 млн российских туристов, а также отмечало рост интереса эмиратских граждан к России [28]. РБК, в свою очередь, писал, что ОАЭ вошли в число самых популярных направлений поездок россиян за рубеж в 2023 г., а турпоток в эту страну заметно увеличился [29]. В туристических материалах ОАЭ, особенно Дубай и Абу-Даби, описываются через категории высокого сервиса, безопасности, роскошной гостиничной инфраструктуры, развитой авиационной доступности и комфортной городской среды. Таким образом, российские СМИ воспроизводят важный элемент официального имиджа ОАЭ – образ страны как открытого, современного и удобного пространства для отдыха, деловых поездок и длительного пребывания.

После 2022 г. в российских СМИ усилился ещё один аспект образа ОАЭ – образ юрисдикции, удобной для бизнеса, релокации, инвестиций и международных операций. В деловой прессе Дубай часто представлен как пространство, где российские предприниматели, инвесторы и компании ищут новые возможности для выхода на внешние рынки. «Коммерсантъ» в материалах о недвижимости и деловой активности в Дубае указывал, что эмират остаётся одним из привлекательных мест как для отдыха, так и для усиления деловой активности, а многие компании рассматривают возможность развивать бизнес именно в Эмиратах [35]. Такой дискурс усиливает представление об ОАЭ как о «переходном» пространстве между российской экономикой и глобальными рынками. При этом российские СМИ не всегда описывают это исключительно позитивно: деловые издания также фиксируют рост барьеров, связанных с банковским контролем и санкционными рисками. Например, «Ведомости» писали, что крупные банки ОАЭ из-за риска вторичных санкций начали ограничивать расчёты с Россией и закрывать счета компаниям и физическим лицам [30]. РБК также сообщал об удлинении сроков платежей между Россией и ОАЭ и усилении комплаенса со стороны эмиратских банков [31]. Следовательно, в российском медиадискурсе ОАЭ одновременно выступают и как окно возможностей, и как юрисдикция, вынужденная учитывать давление западной санкционной системы.

Политико-дипломатический образ ОАЭ в российских СМИ также имеет преимущественно положительную тональность. После приглашения и последующего присоединения ОАЭ к БРИКС российские СМИ стали чаще описывать страну как часть расширяющегося незападного формата международного сотрудничества. ТАСС сообщал, что ОАЭ вошли в число новых стран, приглашённых в БРИКС с 1 января 2024 г. [32], а позднее приводил оценки российской стороны о том, что Эмираты ответственно подходят к решению задач объединения [36]. В этой связи российские СМИ встраивают ОАЭ в более широкий сюжет о трансформации мировой политики, усилении роли БРИКС и формировании многополярного миропорядка. Для имиджа ОАЭ это означает дополнительное закрепление статуса страны не только как регионального экономического центра, но и как участника глобального политико-экономического диалога.

Значимым направлением освещения стала и посредническая роль ОАЭ. Российские СМИ регулярно сообщают о посредничестве Абу-Даби при обменах пленными между Россией и Украиной. ТАСС в 2026 г. писал, что ОАЭ продолжают посреднические усилия по обмену пленными, а общее число освобождённых при содействии Абу-Даби военнослужащих исчисляется тысячами [37]. Подобные публикации формируют образ ОАЭ как нейтрального, прагматичного и дипломатически эффективного посредника. Для российской аудитории это особенно важно, поскольку ОАЭ предстают не как государство, полностью встроенное в западную политическую линию, а как самостоятельный актор, сохраняющий пространство для диалога с Россией.

Климатическая повестка также используется российскими СМИ при описании международного образа ОАЭ, однако она освещается более сдержанно, чем в западных изданиях. Проведение COP28 [38] в Дубае рассматривалось как подтверждение способности ОАЭ быть площадкой для глобальных переговоров. ТАСС сообщал о начале и завершении климатической конференции ООН в Дубае, подчёркивая масштаб мероприятия, участие представителей почти всех сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата и центральность вопроса о будущем ископаемого топлива [39]. При этом российские СМИ фиксировали и проблемные аспекты климатического позиционирования ОАЭ. Например, РБК со ссылкой на западные источники писал о на-

значении главой COP28 Султана аль-Джабера, одновременно возглавляющего Национальную нефтяную компанию Абу-Даби, что вызвало дискуссии о возможном конфликте интересов [40]. Однако в целом российский дискурс по COP28 был менее критичным по сравнению с западным: акцент чаще делался на значении самой площадки, международном масштабе события и участии России в климатической повестке, а не на обвинениях ОАЭ в репутационном «озеленении».

Таким образом, освещение имиджа ОАЭ в российских СМИ можно охарактеризовать как преимущественно прагматично-позитивное. В центре внимания находятся не столько внутренние противоречия эмиратской политической модели, сколько полезность ОАЭ как партнёра России в условиях трансформации мировой политики и экономики. Российские СМИ формируют несколько ключевых образов ОАЭ: торгово-экономический партнёр, туристический центр, деловая и финансовая юрисдикция, технологический хаб, участник БРИКС и площадка глобальных форумов. При этом критические сюжеты также присутствуют, но они чаще связаны с внешними ограничениями – прежде всего санкционным давлением и банковским комплаенсом.

Проведённый анализ показал, что международный имидж Объединённых Арабских Эмиратов претерпел значительную трансформацию за период существования государства. Если на начальном этапе развития ОАЭ позиционировались преимущественно как стабильное нефтедобывающее государство, то в дальнейшем их международный образ стал последовательно дополняться характеристиками регионального экономического центра, глобального туристического направления, инновационного хаба и активного участника международных политических процессов. Важную роль в данном процессе сыграла целенаправленная государственная политика, получившая отражение в стратегических документах ОАЭ, направленных на укрепление международной конкурентоспособности страны, развитие инструментов мягкой силы и продвижение образа государства будущего.

Исследование показало, что российские средства массовой информации в целом воспроизводят основные направления официальной имиджевой политики ОАЭ. В российском медиадискурсе Эмираты преимущественно представлены как надёжный экономический партнёр России, крупный финансово-логистический центр, востребованное туристическое направление, перспективная площадка для инвестиций и участник международных интеграционных процессов. Особое внимание уделяется развитию российско-эмиратских отношений, участию ОАЭ в БРИКС, посреднической деятельности государства в международных конфликтах, а также его роли в формировании новых экономических и транспортных связей.

В отличие от западных средств массовой информации, российские СМИ значительно реже акцентируют внимание на вопросах внутренней политики, прав человека или трудовой миграции, концентрируясь преимущественно на прагматических аспектах сотрудничества и внешнеполитической деятельности ОАЭ. В результате в российском информационном пространстве формируется преимущественно позитивный образ Эмиратов как современного, технологически развитого и многовекторного государства, способного эффективно взаимодействовать с различными центрами силы в условиях трансформации мирового порядка.

Таким образом, российский медиадискурс не только отражает эволюцию имиджевой политики ОАЭ, но и выступает одним из факторов её дальнейшего распространения и закрепления среди российской аудитории. Это позволяет рассматривать средства массовой информации как важный инструмент формирования международного образа государства и продвижения его внешнеполитических и экономических интересов.

Литература

1. Constitution of the United Arab Emirates [Электронный ресурс] // United Arab Emirates Legislations. URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/constitution> (дата обращения: 24.06.2026).
2. The UAE Soft Power Strategy [Электронный ресурс] // The Official Portal of the UAE Government. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/strategies-plans-and-visions-until-2021/the-uae-soft-power-strategy> (дата обращения: 24.06.2026).
3. UAE Vision 2021 [Электронный ресурс] // The Official Portal of the UAE Government. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/strategies-plans-and-visions-until-2021/vision-2021> (дата обращения: 24.06.2026).
4. UAE Centennial 2071 [Электронный ресурс] // The Official Portal of the UAE Government. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/innovation-and-future-shaping/uae-centennial-2071> (дата обращения: 24.06.2026).
5. We the UAE 2031 Vision [Электронный ресурс] // The Official Portal of the UAE Government. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/innovation-and-future-shaping/we-the-uae-2031-vision> (дата обращения: 24.06.2026).
6. National Innovation Strategy [Электронный ресурс] // The Official Portal of the UAE Government. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/innovation-and-future-shaping/national-innovation-strategy> (дата обращения: 24.06.2026).
7. UAE Strategy for Artificial Intelligence 2031 [Электронный ресурс] // The Official Portal of the UAE Government. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/innovation-and-future-shaping/uae-strategy-for-artificial-intelligence> (дата обращения: 24.06.2026).
8. National Space Strategy 2030 [Электронный ресурс] // The Official Portal of the UAE Government. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/transport-and-infrastructure/national-space-strategy-2030> (дата обращения: 24.06.2026).
9. UAE Net Zero 2050 [Электронный ресурс] // The Official Portal of the UAE Government. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/environment-and-energy/uae-net-zero-2050> (дата обращения: 24.06.2026).
10. UAE Tourism Strategy 2031 [Электронный ресурс] // The Official Portal of the UAE Government. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/tourism/uae-tourism-strategy-2031> (дата обращения: 24.06.2026).
11. Dubai Strategic Plan 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/uae151462.pdf> (дата обращения: 24.06.2026).
12. Abu Dhabi Economic Vision 2030 [Электронный ресурс] // The Official Portal of the UAE Government. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/finance-and-economy/abu-dhabi-economic-vision-2030> (дата обращения: 24.06.2026).
13. Principles of the 50 [Электронный ресурс] // The Official Portal of the UAE Government. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/innovation-and-future-shaping/principles-of-the-50> (дата обращения: 24.06.2026).
14. Shahrour K. The Evolution of Emirati Foreign Policy (1971–2020): The Unexpected Rise of a Small State with Boundless Ambitions [Электронный ресурс]. Paris: Sciences Po, 2021. URL: <https://www.sciencespo.fr/kuwait-program/wp-content/uploads/2021/02/Shahrour-Karam-The-evolution-of-Emirati-foreign-policy-1971-2020.pdf> (дата обращения: 24.06.2026).
15. Hafeez K., Foroudi P., Dinnie K., Nguyen T.C. The Role of Place Branding and Image in the Development of Sectoral Clusters: The Case of Dubai // Journal of Brand Management. 2016. Vol. 23. No. 4. P. 383–402. DOI: 10.1057/bm.2016.18.
16. Antwi-Boateng O., Alhashmi A.A. The Emergence of the United Arab Emirates as a Global Soft Power: Current Strategies and Future Challenges // Economic and Political Studies. 2022. Vol. 10. No. 2. P. 208–227. DOI: 10.1080/20954816.2021.1951481.
17. Antwi-Boateng O., Al Jaber N.H.S. The Post-Oil Strategy of the UAE: An Examination of Diversification Strategies and Challenges // Politics & Policy. 2022. Vol. 50. No. 2. P. 380–407. DOI: 10.1111/polp.12457.
18. Golebiowski D. Cultural Diplomacy Practices in the United Arab Emirates // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 77–89.
19. Saberi D., Paris C.M., Marochi B. Soft Power and Place Branding in the United Arab Emirates: Examples of the Tourism and Film Industries // International Journal of Diplomacy and Economy. 2018. Vol. 4. No. 1. P. 44–58.
20. Allagui I., Al-Najjar A. From Women Empowerment to Nation Branding: A Case Study from the United Arab Emirates // International Journal of Communication. 2018. Vol. 12. P. 68–85.
21. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004. 191 p.
22. Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. London: Palgrave Macmillan, 2007. 147 p.
23. Melissen J. The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. 221 p.
24. Путин назвал уровень отношений России и ОАЭ беспрецедентно высоким [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2023. 6 дек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6381024> (дата обращения: 24.06.2026).
25. Товарооборот России и ОАЭ в 2024 году составил около \$10 млрд [Электронный ресурс] // ТАСС. 2025. 17 февр. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23162551> (дата обращения: 24.06.2026).

26. ОАЭ станут страной-партнером выставки «Иннопром-2024» [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2024. 13 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6561903> (дата обращения: 24.06.2026).
27. «Иннопром-2024»: что подписали на выставке [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2024. 11 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6822865> (дата обращения: 24.06.2026).
28. Около двух миллионов россиян посетили ОАЭ в 2024 году [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2025. 16 февр. URL: <https://ria.ru/20250216/uae-1999692473.html> (дата обращения: 24.06.2026).
29. Туроператоры сообщили о росте числа поездок россиян за рубеж в 2023 году [Электронный ресурс] // РБК. 2024. 24 янв. URL: <https://www.rbc.ru/business/24/01/2024/65b0f94a9a7947455f72da83> (дата обращения: 24.06.2026).
30. Крупные банки ОАЭ ограничили расчеты с РФ и стали закрывать счета [Электронный ресурс] // Ведомости. 2024. 19 февр. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/02/19/1020942-kрупie-banki-uae-ogranichili-rascheti-s-rf> (дата обращения: 24.06.2026).
31. Банки ОАЭ удлинит срок проведения платежей с Россией [Электронный ресурс] // РБК. 2024. 12 дек. URL: <https://www.rbc.ru/finances/13/12/2024/675991e59a794747d1834cc8> (дата обращения: 24.06.2026).
32. В БРИКС в 2024 году войдут шесть новых стран [Электронный ресурс] // ТАСС. 2023. 24 авг. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18574863> (дата обращения: 24.06.2026).
33. Россия и ОАЭ: стратегическое партнерство на Ближнем Востоке [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: <https://russiancouncil.ru> (дата обращения: 24.06.2026).
34. Встреча с Президентом Объединённых Арабских Эмиратов Мухаммедом бен Заидом Аль Нахайяном [Электронный ресурс] // Президент России. 2023. 6 дек. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72926> (дата обращения: 24.06.2026).
35. Инвестиции в недвижимость Дубая: тенденции и инсайты [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2024. 25 апр. URL: <https://events.kommersant.ru/events/investicii-v-nedvizhimost-dubaya-24/> (дата обращения: 24.06.2026).
36. Путин заявил, что ОАЭ ответственно подходят к решению задач БРИКС [Электронный ресурс] // ТАСС. 2024. 23 окт. URL: <https://tass.ru/politika/22200743> (дата обращения: 24.06.2026).
37. ОАЭ продолжают посреднические усилия по обмену пленными между РФ и Украиной [Электронный ресурс] // ТАСС. 2026. 5 июня. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/27668415> (дата обращения: 24.06.2026).
38. 28-я конференция участников Рамочной конвенции ООН по изменению климата, которая проходила в Дубае (ОАЭ) с 30 ноября по 12 декабря 2023 года.
39. В Дубае завершилась климатическая конференция ООН [Электронный ресурс] // ТАСС. 2023. 13 дек. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19530963> (дата обращения: 24.06.2026).
40. Би-би-си узнала о планах ОАЭ по сделкам с нефтью на климатическом саммите [Электронный ресурс] // РБК. 2023. 27 нояб. URL: <https://www.rbc.ru/business/27/11/2023/6564ced59a79471a166990c5> (дата обращения: 24.06.2026).

THE EVOLUTION OF THE UAE'S PUBLIC RELATION POLICY IN THE RUSSIAN MEDIA

Golovataya M.S.
LLC MAXIMA GROUP

This article examines the evolution of the image policy of the United Arab Emirates and the ways in which it is represented in the Russian media. It identifies the main stages in the formation of the UAE's international image, tracing its transformation from an oil-producing state into a modern center of international business, innovation, tourism, and diplomatic mediation. Particular attention is paid to the analysis of the UAE's strategic policy documents, which institutionalized a systematic approach to nation branding and the development of soft power instruments. Based on an analysis of publications in leading Russian media outlets, the study identifies the principal narratives through which the UAE's international image is represented in the Russian media landscape. The findings demonstrate that Russian media predominantly construct a positive and pragmatic image of the UAE as a reliable economic partner of Russia, a financial, logistics, and technological hub, a popular tourist destination, a member of BRICS, and an effective mediator in international negotiations. Unlike Western media, Russian media place considerably less emphasis on domestic political issues and human rights, focusing instead on trade and economic cooperation, investment attractiveness, and the UAE's role in international affairs. The article concludes that Russian mass media not only reflect the transformation of the UAE's international image but also serve as an important instrument for promoting and reinforcing this image among Russian audiences.

Keywords: image policy, mass media, foreign policy, international image, media discourse, nation branding, representation.

References

1. Constitution of the United Arab Emirates [Электронный ресурс] // United Arab Emirates Legislations. URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/constitution> (дата обращения: 24.06.2026).
2. The UAE Soft Power Strategy [Электронный ресурс] // The Official Portal of the UAE Government. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/strategies-plans-and-visions-until-2021/the-uae-soft-power-strategy> (дата обращения: 24.06.2026).
3. UAE Vision 2021 [Электронный ресурс] // The Official Portal of the UAE Government. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/strategies-plans-and-visions-until-2021/vision-2021> (дата обращения: 24.06.2026).
4. UAE Centennial 2071 [Электронный ресурс] // The Official Portal of the UAE Government. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/innovation-and-future-shaping/uae-centennial-2071> (дата обращения: 24.06.2026).
5. We the UAE 2031 Vision [Электронный ресурс] // The Official Portal of the UAE Government. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/innovation-and-future-shaping/we-the-uae-2031-vision> (дата обращения: 24.06.2026).
6. National Innovation Strategy [Электронный ресурс] // The Official Portal of the UAE Government. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/innovation-and-future-shaping/national-innovation-strategy> (дата обращения: 24.06.2026).
7. UAE Strategy for Artificial Intelligence 2031 [Электронный ресурс] // The Official Portal of the UAE Government. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/innovation-and-future-shaping/uae-strategy-for-artificial-intelligence> (дата обращения: 24.06.2026).
8. National Space Strategy 2030 [Электронный ресурс] // The Official Portal of the UAE Government. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/transport-and-infrastructure/national-space-strategy-2030> (дата обращения: 24.06.2026).
9. UAE Net Zero 2050 [Электронный ресурс] // The Official Portal of the UAE Government. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/environment-and-energy/uae-net-zero-2050> (дата обращения: 24.06.2026).
10. UAE Tourism Strategy 2031 [Электронный ресурс] // The Official Portal of the UAE Government. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/tourism/uae-tourism-strategy-2031> (дата обращения: 24.06.2026).
11. Dubai Strategic Plan 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/uae151462.pdf> (дата обращения: 24.06.2026).
12. Abu Dhabi Economic Vision 2030 [Электронный ресурс] // The Official Portal of the UAE Government. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/finance-and-economy/abu-dhabi-economic-vision-2030> (дата обращения: 24.06.2026).
13. Principles of the 50 [Электронный ресурс] // The Official Portal of the UAE Government. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/innovation-and-future-shaping/principles-of-the-50> (дата обращения: 24.06.2026).
14. Shahrour K. The Evolution of Emirati Foreign Policy (1971–2020): The Unexpected Rise of a Small State with Boundless Ambitions [Электронный ресурс]. Paris: Sciences Po, 2021. URL: <https://www.sciencespo.fr/kuwait-program/wp-content/uploads/2021/02/Shahrour-Karam-The-evolution-of-Emirati-foreign-policy-1971-2020.pdf> (дата обращения: 24.06.2026).
15. Hafeez K., Foroudi P., Dinnie K., Nguyen T.C. The Role of Place Branding and Image in the Development of Sectoral Clusters: The Case of Dubai // Journal of Brand Management. 2016. Vol. 23. No. 4. P. 383–402. DOI: 10.1057/bm.2016.18.
16. Antwi-Boateng O., Alhashmi A.A. The Emergence of the United Arab Emirates as a Global Soft Power: Current Strategies and Future Challenges // Economic and Political Studies. 2022. Vol. 10. No. 2. P. 208–227. DOI: 10.1080/20954816.2021.1951481.
17. Antwi-Boateng O., Al Jaber N.H.S. The Post-Oil Strategy of the UAE: An Examination of Diversification Strategies and Challenges // Politics & Policy. 2022. Vol. 50. No. 2. P. 380–407. DOI: 10.1111/polp.12457.
18. Golebiowski D. Cultural Diplomacy Practices in the United Arab Emirates // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 77–89.
19. Saberi D., Paris C.M., Marochi B. Soft Power and Place Branding in the United Arab Emirates: Examples of the Tourism and Film Industries // International Journal of Diplomacy and Economy. 2018. Vol. 4. No. 1. P. 44–58.
20. Allagui I., Al-Najjar A. From Women Empowerment to Nation Branding: A Case Study from the United Arab Emirates // International Journal of Communication. 2018. Vol. 12. P. 68–85.
21. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004. 191 p.
22. Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. London: Palgrave Macmillan, 2007. 147 p.
23. Melissen J. The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. 221 p.
24. Putin called the level of relations between Russia and the UAE unprecedentedly high [Electronic resource] // Kommersant. 2023. December 6. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6381024> (date of access: June 24, 2026).
25. Trade turnover between Russia and the UAE in 2024 amounted to about \$10 billion [Electronic resource] // TASS. 2025. February 17. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23162551> (date of access: June 24, 2026).
26. The UAE will become a partner country of the Innoprom-2024 exhibition [Electronic resource] // Kommersant. 2024. March 13. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6561903> (accessed on June 24, 2026).

27. "Innoprom-2024": what was signed at the exhibition [Electronic resource] // Kommersant. 2024. July 11. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6822865> (accessed on June 24, 2026).

28. About two million Russians visited the UAE in 2024 [Electronic resource] // RIA Novosti. 2025. February 16. URL: <https://ria.ru/20250216/uae-1999692473.html> (accessed on June 24, 2026).

29. Tour operators reported an increase in the number of trips abroad by Russians in 2023 [Electronic resource] // RBC. 2024. January 24. URL: <https://www.rbc.ru/business/24/01/2024/65b0f94a9a7947455f72da83> (date of access: June 24, 2026).

30. Large UAE banks have limited settlements with the Russian Federation and began closing accounts [Electronic resource] // Vedomosti. 2024. February 19. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/02/19/1020942-krupnie-banki-uae-ogranichili-raschety-s-rf> (date of access: June 24, 2026).

31. UAE banks extend payment processing time with Russia [Electronic resource] // RBC. 2024. December 12. URL: <https://www.rbc.ru/finances/13/12/2024/675991e59a794747d1834cc8> (accessed on June 24, 2026).

32. Six new countries will join BRICS in 2024 [Electronic resource] // TASS. 2023. August 24. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18574863> (accessed on June 24, 2026).

33. Russia and the UAE: strategic partnership in the Middle East [Electronic resource] // Russian International Affairs Council (RIAC). URL: <https://russiancouncil.ru> (accessed: 24.06.2026).

34. Meeting with the President of the United Arab Emirates Mohammed bin Zayed Al Nahyan [Electronic resource] // President of Russia. 2023. December 6. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72926> (accessed: 24.06.2026).

35. Investments in Dubai Real Estate: Trends and Insights [Electronic resource] // Kommersant. 2024. April 25. URL: <https://events.kommersant.ru/events/investiczii-v-nedvizhimost-dubaya-24/> (accessed: 24.06.2026).

36. Putin stated that the UAE is taking a responsible approach to BRICS issues [Electronic resource] // TASS. 2024. October 23. URL: <https://tass.ru/politika/22200743> (date accessed: June 24, 2026).

37. The UAE will continue mediation efforts to exchange prisoners between Russia and Ukraine [Electronic resource] // TASS. 2026. June 5. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/27668415> (date accessed: June 24, 2026).

38. The 28th Conference of the Parties to the United Nations Framework Convention on Climate Change, which was held in Dubai (UAE) from November 30 to December 12, 2023. 39. The UN climate conference has concluded in Dubai [Electronic resource] // TASS. 2023. December 13. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19530963> (date of access: June 24, 2026).

40. The BBC learned about the UAE's plans for oil deals at the climate summit [Electronic resource] // RBC. 2023. November 27. URL: <https://www.rbc.ru/business/27/11/2023/6564ced59a79471a166990c5> (date of access: June 24, 2026).

Механизм стратегического партнерства во внешней политике КНР и его место в Инициативе глобальной безопасности

Гресь Юрий Михайлович,

студент, Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого

E-mail: gresurij@gmail.com

В научной статье изучается функционирование механизма стратегического партнерства во внешней политике КНР и его места в Инициативе глобальной безопасности. Целью исследования является анализ механизма стратегического партнерства во внешней политике Китайской Народной Республики, его эволюция и место в реализации Инициативы глобальной безопасности КНР. Политика «партнерства без альянсов» стала реакцией на международную изоляцию Китая в начале 1990-х годов и инструментом формирования благоприятного имиджа страны, снижения восприятия «китайской угрозы» и расширения влияния в развивающихся регионах. Особое внимание уделяется многообразию форматов партнерских отношений, которые при внешней вариативности объединены общими принципами равенства, взаимной выгоды и ненарушения суверенитета. Можно с уверенностью сказать, что Инициатива глобальной безопасности выступает не декларативным документом, а операциональной основой, придающей стратегическим партнерствам системный, доверительный и долгосрочный характер.

Ключевые слова: стратегическое партнерство, Китайская Народная Республика (КНР), Инициатива глобальной безопасности, международные отношения

Дипломатия КНР, основанная на политике установления стратегических партнерств, возникла в результате международной изоляции после событий 4 июня 1989 года [1].

В начале 1990-х годов «политика реформ и открытости» в Китае достигла важного исторического этапа, тогда как изменения во внутренней и внешней политике оставались на прежнем уровне. Дэн Сяопин, рассматривая текущую ситуацию с новой исторической высоты, сделал важные выводы. В марте 1990 года в беседе с ответственным представителем Центрального комитета он сказал: «В мире много противоречий... Есть противоречия, которыми мы можем воспользоваться. Есть благоприятные для нас условия. Есть возможности. Вопрос в том, как мы ими воспользуемся» [2].

Это положило начало развития отношений с соседними странами, укрепления солидарности и сотрудничества с развивающимися странами и стремления к улучшению отношений с развитыми западными странами. Китай последовательно возобновил дипломатические отношения с Индонезией, установил дипломатические отношения с Сингапуром, Брунеем и Южной Кореей, а также нормализовал отношения с Монголией, Лаосом и Вьетнамом, значительно улучшив дипломатическую ситуацию в регионе [3].

В 1990 году Япония первой возобновила оказание государственной помощи Китаю. В 1992 году успешный визит генерального секретаря Цзян Цзяминя в Японию поднял китайско-японские отношения на новый уровень. Значительное улучшение отношений между Китаем и странами Западной Европы началось с 1991 года. В 1993 году президент США Б. Клинтон, вступив в должность, выразил желание установить конструктивные отношения с Китаем и пригласил председателя КНР Цзяня Цзяминя на неформальную встречу лидеров АТЭС в Сиднее. В ноябре того же года Цзянь Цзяминь встретился с Клинтон в Сиднее – это была первая встреча высших руководителей Китая и США с 1989 года, ознаменовавшая крупный прорыв в китайско-американских отношениях [3].

По мнению Су Чанхэ, профессора Школы международных отношений и государственного управления Фуданьского университета, «политика партнерства способствует формированию культуры доверия в международной политике, содействуя мирному развитию и взаимовыгодному сотрудничеству – взаимовыгодному подходу, основанному на конкуренции снизу вверх [4].

Альянсы являются продуктом эпохи Холодной войны и характеризуются закрытостью, а также ориентированы на политическое и военное сотрудничество. «Партнерство без альянсов» – это новый путь в межгосударственных отношениях, который Китай применяет на практике. Принцип невмешательства является закономерным результатом развития принципа государственного суверенитета, который заключается в прямом или косвенном невмешательстве в дела государств, находящихся под суверенной юрисдикцией другого государства [5].

В китайском подходе к международному вмешательству произошли определенные изменения. Начиная с конца 1990-х годов, вступила в силу концепция «ответственности по защите» (Responsibility to Protect, R2P), выдвинутая Комиссией по интервенции и государственному суверенитету. Данная концепция подчеркивает важность уважения прав человека и в то же время идет в разрез с основными принципами международного права, особенно принципом невмешательства во внутренние дела. Китайские ученые в целом согласны с тем, что международное вмешательство, основанное на «ответственности по защите», может осуществляться только при условии легитимности, то есть международное военное вмешательство должно получить мандат Совета Безопасности ООН [5].

«Сотрудничество» означает, что Китай придерживается принципа равноправного сотрудничества со всеми странами на основе взаимной выгоды в экономической сфере, в безопасности и культуре и должно стать основной политической ориентацией для всех стран в решении международных вопросов [6].

Таким образом, формула партнерства позволила создать благоприятный имидж Китайской Народной Республики и снизить популярность теории о «китайской угрозе».

Примером начала стратегического партнерства является соглашение с Бразилией в 1993 году, когда между странами был достигнут стратегический консенсус [7].

В апреле 1996 года Китай и Россия установили отношения партнерства и стратегического взаимодействия. В октябре 1997 года Китай и Соединенные Штаты предложили совместными усилиями наладить конструктивное стратегическое партнерство. Руководствуясь связями между крупными державами, с середины 1990-х годов Китай последовательно объявляет о создании партнерств с рядом крупных мировых держав, таких как Европейский Союз, Франция, Соединенное Королевство, АСЕАН и Япония [7].

Установление Китаем различных видов партнерских отношений с зарубежными странами основано не только на международной практике, но и характеризуется китайскими особенностями. Китай не имеет строгих и четких условий и стандартов для обозначения различных дипломатических отношений под названием «партнерство». Партнерства, созданные Китаем, являются многообразными и разнообразными, и насчитывают более 20 видов. Их можно в первую очередь назвать «стратегическими», «кооперативными» и «дружелюбными», во вторую очередь «всеобъемлющими», «универсальными», «всепогодными» и «инновационными».

Все эти форматы объединяют общие принципы: поддержание мира, стремление к общему развитию, а также приверженность равенству и взаимной выгоде. [8].

Основными аспектами геополитической ориентации партнерства КНР являются:

- расширение экономического и политического влияния;
- формирование нового миропорядка;
- повышение роли КНР в мировых организациях;
- укрепление отношений с развивающимися странами.

Следовательно геополитическая ориентация партнерства КНР направлена на построение нового мирового порядка, где Китай будет играть ведущую роль, используя экономические инструменты, политическое влияние и международные организации для достижения своих целей. Одним из таких инструментов является Инициатива глобальной безопасности **全球安全倡议**.

Основные положения инициативы Глобальной безопасности:

1. Концепция безопасности, основанная на непрерывном и совместном сотрудничестве.
2. Уважение суверенитета и территориальной целостности стран.
3. Соблюдение целей и принципов Устава Организации Объединенных Наций.
4. Проявление рациональности и заинтересованности в безопасности государств.
5. Мирное разрешение разногласий и споров между государствами путем диалога и консультаций.

Международное сообщество должно поддерживать все усилия, способствующие мирному урегулированию кризисов.

6. Комплексный подход к обеспечению безопасности как в традиционных, так и в нетрадиционных сферах.

Все страны должны руководствоваться глобальной концепцией управления, основанной на принципах совместных консультаций, совместного строительства, совместного противостояния региональным спорам и таким глобальным проблемам, как терроризм, изменение климата, кибербезопасность, биологическая безопасность [9].

Анализ принципов Глобальной Инициативы безопасности и её связи с практикой стратегических партнёрств показывает, что это не просто декларация о намерениях, а нормативно-инструментальная основа, которая строит и защищает модель стратегического партнёрства, а также задаёт конкретные приоритеты для партнёрств, которые словом и делом стремятся к устойчивому и взаимному доверию.

Таким образом, Инициатива Глобальной безопасности утверждает китайскую модель стратегического партнёрства как системное, доверительное и долгосрочное взаимодействие, защищённое от внешних шоков и внутренних кризисов. На практике это означает, что подписание соглашений о стратегическом партнёрстве с Китаем автоматически подразумевает согласие сторон с шестью принципами и наоборот, страны, принимающие инициативу, могут рассчитывать на углубление партнёрства. Эта взаимосвязь делает китайскую дипломатию более предсказуемой и привлекательной в условиях растущей глобальной неопределённости.

В результате стратегическое партнёрство перестаёт быть исключительно экономико-политическим инструментом, а становится полноценной платформой для совместного реагирования на вызовы безопасности. Китайские трактовки стратегического партнерства получили оперативную и нормативную базу.

На основании всего вышеизложенного можно с уверенностью сказать, что стратегические партнёрства представляют собой долгосрочный и взаимовыгодный инструмент китайской дипломатии, повышающий её привлекательность для развивающихся государств, за-

интересованных в сохранении суверенитета и мирного урегулирования споров.

Стратегические партнёрства не противоречат нормативной базе Глобальной инициативы безопасности, благодаря чему механизм функционирует как полноценная форма совместного реагирования на традиционные и нетрадиционные угрозы, включая кризисное посредничество, антитеррористическую координацию и климатическую повестку.

Литература

1. Грачиков Е.Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и её концептуализация (1993–2018) // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – № 3. – С. 83.

2. Ван Вэнь 王文. Лунь синь шидайдэ чжаньлюэ цзюй цзи : юаньцзи , сяньчжуан юй вэйлайлун新时代的战略机遇期：源起、现状与未来 [Концепция «периода важных стратегических возможностей: происхождение, текущая обстановка и перспективы на будущее»] // Чжунянь шэхуэйчжун сюэюань сюэбао 中央社会主义学院学报 [Журнал Центрального Института Социализма]. – 2022. – С. 2.

3. Чжунго куашицзи вайцзяодэ гуанхуэй личэн 中国跨世纪外交的光辉历程 [«Славный путь китайской дипломатии на рубеже веков»] // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяобу 中华人民共和国外交部 [Министерство иностранных дел КНР] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zl_674979/ywzt_675099/zl2002_675989/2319_676055/200210/t20021017_7965253.shtml (дата обращения: 01.05.2026).

4. Чжунго вайцзяо вэйшэньмэ “ цзебань бу цземэн 中国外交为什么“结伴不结盟” [Почему в китайской дипломатии используется стратегия партнерств, а не заключение союзов] // Жэньминь ван Ренминь [интернет-версия «Жэньминь жибао»] URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2019/1116/c429373-31458749.html> (дата обращения: 01.05.2026).

5. Чжу Шилун 朱世龙, Лю Сюанью 刘宣佑 Чжунго вайцзяо буганьшэ нэйчжэн юаньцзэ таньцзю 中国外交不干涉内政原则探究 [Исследование принципа невмешательства во внутреннюю политику Китая] // Журнал Китайского Народного Университета, Школа международных исследований. – 2009. – С. 39–40.

6. Хэпин гунчу усян юаньцзэдэ лиши цзинянь, шидай июнь юй чжуняо чжигуй 和平共处五项原则的历史经验、时代意蕴与重要旨归 [Исторический опыт, современное значение и ключевые цели Пяти принципов мирного сосуществования.] // Си Цзиньпин вайцзяо сысян хэ синь шидай Чжунго вайцзяо 习近平外交思想和新时代中国外交 [Учение Си Цзиньпина о дипломатии Китая в новую эпоху] URL: https://cn.chinadiplomacy.org.cn/2024-10/21/content_117496574.shtml (дата обращения: 01.05.2026).

7. Feng Zhongping Huang Jing China's strategic partnership diplomacy: engaging with a changing world // THE GLOBAL PARTNERSHIPS GRID SERIES. – Brussels: EGMONT – The Royal Institute for International Relations, 2014. – С. 7.

8. Лэй Шуан Концепция партнерства в современной китайской дипломатии // Мировая система и международные регионы. – 2020. – № 4. – С. 119

9. Цюаньцзю Аньцюань Чани Гайнянь Вэньцзянь(цюаньвэнь) 全球安全倡议概念文件 (全文) [Документ с изложением концепции инициативы глобальной безопасности (полный текст)] // Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяобу 中华人民共和国外交部 [Министерство иностранных дел КНР] URL: https://www.mfa.gov.cn/wjbxw_new/202302/t20230221_11028322.shtml (дата обращения: 25.02.2026).

THE MECHANISM OF STRATEGIC PARTNERSHIP IN CHINA'S FOREIGN POLICY AND ITS PLACE IN THE GLOBAL SECURITY INITIATIVE

Gres Yu.M.

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University

The scientific article examines the functioning of the strategic partnership mechanism in China's foreign policy and its place in the Global Security Initiative. The aim of the study is to analyze the mechanism of strategic partnership in the foreign policy of the People's Republic of China, its evolution, and its role in the implementation of the PRC's Global Security Initiative. The policy of "partnership without alliances" emerged as a response to China's international isolation in the early 1990s and became a tool for shaping a favorable national image, reducing the perception of the "China threat," and expanding influence in developing regions. Special attention is paid to the diversity of partnership formats, which, despite their external variability, are united by common principles of equality, mutual benefit, and non-violation of sovereignty. It can be confidently stated that the Global Security Initiative acts not as a declarative document, but as an operational framework that gives strategic partnerships a systematic, trust-based, and long-term character.

Keywords: strategic partnership, People's Republic of China (PRC), Global Security Initiative, international relations.

References

1. Grachikov E.N. Strategy of partnership relations of the PRC: practice and its conceptualization (1993–2018) // World Economy and International Relations. – 2019. – No. 3. – P. 83.
2. Wang Wen 王文 Lun xin shidaide zhanlue jiyu qi : yuanqi 、 xianzhuang yu weilai 论新时代的战略机遇期：源起、现状与未来 [The Concept of the “Period of Major Strategic Opportunities: Origin, Current Situation, and Future Prospects”] // Zhongyang shehuizhuyi xueyuan xuebao 中央社会主义学院学报 [Journal of the Central Institute of Socialism]. – 2022. – P. 2.
3. Zhongguo kuashiji waijiaode guanhui lichen 中国跨世纪外交的光辉历程 [“The Glorious Path of Chinese Diplomacy at the Turn of the Century”] // Zhonghua Renmin gongheguo waijiaobu 中华人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/zt2002_675989/2319_676055/200210/t20021017_7965253.shtml (accessed: 01.05.2026).
4. Zhongguo waijiao weishenme “ jiebang bu jiemen “中国外交为什么“结伴不结盟” [Why Chinese diplomacy uses a strategy of partnerships rather than alliances] // Renmin wang 人民网 [Internet version of “Renmin ribao”] URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2019/1116/c429373-31458749.html> (accessed: 01.05.2026).
5. Zhu Shilong 朱世龙, Liu Xuanyou 刘宣佑 Zhongguo waijiao buganshe neizheng yuanze tanjiu 中国外交不干涉内政原则探究 [A Study on the Principle of Non-Intervention in China's Foreign Policy] // Journal of Renmin University of China, School of International Studies. – 2009. – P. 39–40.
6. Heping gongchu wuxiang yuandezde lishi jinyan, shidai jun yu zhongyao zhigui 和平共处五项原则的历史经验、时代意蕴与重要旨归 [Historical experience, modern meaning and key goals of the Five Principles of Peaceful Coexistence.] // Xi Jinping waijiao sixiang he xin shidai Zhongguo waijiao 习近平外交思想和新时代中国外交 [Xi Jinping Teaching on China's Diplomacy in the New Era] URL: https://cn.chinadiplomacy.org.cn/2024-10/21/content_117496574.shtml (accessed: 01.05.2026).
7. Feng Zhongping Huang Jing China's strategic partnership diplomacy: engaging with a changing world // THE GLOBAL PARTNERSHIPS GRID SERIES. – Brussels: EG-MONT – The Royal Institute for International Relations, 2014. – P. 7.
8. Lei Shuang The concept of partnership in modern Chinese diplomacy // World system and international regions. – 2020. – No. 4. – P. 119
9. Quanguo Anquan Chanyi Gainian Wenjian(quanwen) 全球安全倡议概念文件 (全文) [Document outlining the concept of the global security initiative (full text)] // Zhonghua renmin gongheguo waijiaobu 中华人民共和国外交部 [Ministry of Foreign Affairs of the PRC] URL: https://www.mfa.gov.cn/wjbxw_new/202302/t20230221_11028322.shtml (date of access: (25.02.2026).

Национальные интерпретации образа БРИКС: коммуникационные расхождения в дискурсе стран-участниц

Демин Назар Вячеславович,

аспирант кафедры философии и социологии, Академия труда и социальных отношений (АТИСО)

E-mail: Deminnazar9916@yandex.ru

Расширение БРИКС в 2023–2025 годах вывело на первый план проблему, которая прежде оставалась на периферии исследований объединения: у БРИКС отсутствует единый субъект коммуникации, и его публичный образ собирается из расходящихся национальных версий. В статье на материале официального дискурса лидеров и внешнеполитических ведомств, государственных медиа и академической литературы пяти стран-основателей (Россия, Китай, Индия, Бразилия, ЮАР) выявляются и сопоставляются национальные интерпретации того, чем является БРИКС и зачем он нужен. Хронологические рамки охватывают период от йоханнесбургского решения о приёме новых членов до саммита в Рио-де-Жанейро. С методологической точки зрения в статье сочетается рамочный анализ, подход стратегических нарративов и метафорическое моделирование уральской школы. Показано, что главная линия расхождения проходит между трактовкой БРИКС как геополитической альтернативы Западу и как девелопменталистской платформы реформы глобального управления. Расхождение материализуется в зазоре между текстом итоговых деклараций, тяготеющим к наименьшему общему знаменателю, и национальными выступлениями и медиа, которые достраивают несовпадающие образы. Отдельно разбирается заочное участие В.В. Путина и Си Цзиньпина в саммите в Рио как событие, получившее в пяти странах трудно совместимые между собой интерпретации. Для исследований технологий управления имиджем БРИКС предложен взгляд на этот имидж как на согласуемую равнодействующую конкурирующих нарративов, а не как на трансляцию единого сообщения.

Ключевые слова: БРИКС; политический имидж; медиаобраз; стратегический нарратив; политический дискурс; многополярность; Глобальный Юг; публичная дипломатия; дедолларизация.

Введение

Расширение БРИКС в 2023–2025 годах изменило не только состав объединения, но и условия, в которых конструируется его публичный образ. После йоханнесбургского решения о приёме новых членов, рекордного по числу делегаций саммита в Казани и встречи в Рио-де-Жанейро, прошедшей без личного присутствия двух ключевых лидеров, прежняя «пятёрка» развивающихся экономик превратилась в коалицию, претендующую на представительство «незападного большинства» или «глобального Юга». За количественным сдвигом скрывается вопрос, который редко ставится прямо: о каком объединении говорят его собственные участники, произнося слово «БРИКС»?

Вопрос этот не риторический. У БРИКС нет устава, постоянного секретариата и наднационального органа, уполномоченного говорить от имени всех. Председательство переходит по кругу, и страна-хозяйка ежегодно адаптирует повестку под собственные приоритеты. В результате объединение, о котором во внешнем мире говорят как о едином акторе, внутри себя располагает несколькими голосами, и голоса эти не всегда согласованы.

Для исследователя политического имиджа такая конфигурация ставит нетривиальную задачу. Дело в том, что привычные модели управления имиджем выстроены вокруг отправителя с опознаваемой волей, будь то государство, корпорация или политик. БРИКС такого отправителя не имеет, а значит, его образ возникает не как продукт одной коммуникационной стратегии, а как равнодействующая нескольких, нередко тянущих в разные стороны.

В настоящей статье мы сосредоточимся на пяти странах-основательницах. Новые члены и партнёры (Иран, Египет, ОАЭ, Эфиопия, Индонезия и другие) упоминаются лишь как контекст, поскольку их собственные нарративы только формируются и заслуживают отдельного исследования. Цель работы состоит в том, чтобы выявить, как Россия, Китай, Индия, Бразилия и ЮАР по отдельности отвечают на вопрос о природе и назначении БРИКС, и где их ответы расходятся настолько, что это сказывается на целостности образа объединения.

Теоретико-методологические рамки

Прежде чем переходить к страновому материалу, стоит развести три понятия, которые в публицистике обычно сливаются. Образ объединения складывается стихийно, в массовом восприятии, и описывает то, как БРИКС воспринимается. Имидж же предполагает целенаправленную работу, попытку придать восприятию нужную форму. Медиаобраз занимает промежуточное положение: это версия реальности, которую конструируют средства массовой информации и которая служит посредником между намерениями коммуникатора и тем, что в итоге закрепляется в сознании аудиторий. Для исследования технологий управления имиджем продуктивна вся цепочка, поскольку управляющее воздействие проходит через медиаобраз и лишь затем оседает в стихийном образе.

Теоретическим фундаментом служит концепция «мягкой силы» Дж. Ная, понимавшего под ней способность добиваться желаемого через привлекательность, а не принуждение [2]. Применительно к БРИКС эту оптику развили Ф. Гао и А.А. Сергунин, показавшие, что объединение преуспело прежде всего в создании имиджа альтернативной модели мироустройства, построенной на сотрудничестве, взаимном уважении и балансе интересов, а не на иерархии и диктате [1]. Вывод этот важен для дальнейшего анализа сразу в двух отношениях. Во-первых, он позволяет зафиксировать, что центральный коммуникационный ресурс БРИКС лежит в области образов, а не институтов. Во-вторых, он невольно обнажает проблему: «альтернативность» поддаётся прочтению и как готовность к сотрудничеству, и как противостояние – поэтому страны-участницы выбирают разные прочтения.

Здесь оказывается полезен подход стратегических нарративов, разработанный А. Мискиммоном, Б. О'Лафлином и Л. Розелл, для которых нарратив выступает «мягкой силой XXI века», то есть способом структурировать смыслы и навязывать выгодную интерпретацию событий [3]. Стратегический нарратив отвечает на три вопроса: каков мир, какое место в нём занимает актор и куда движется история. Сопоставив ответы пяти стран, можно увидеть, что согласие достигается

на уровне самых общих формул о многополярности, тогда как на уровне конкретных сюжетов согласие рассыпается.

Дополнительную глубину придаёт обращение к статусным теориям. Д. Ларсон, Т. Пол и У. Уолфорт показали, что государства борются не только за материальные ресурсы, но и за признание, ранг, место в иерархии престижа [4]. Уже упомянутые Ф. Гао и А. Сергунин прямо отмечают, что страны БРИКС используют объединение для повышения собственного международного статуса [1]. Это объясняет, почему совместный образ так трудно зафиксировать: для России признание связано с подтверждением статуса великой державы вопреки изоляции, для Индии — с правом голоса реформатора, для ЮАР — с ролью представителя континента. Очевидно, что эти статусные запросы плохо совмещаются в одной рамке.

Операциональным ядром анализа выступает метафорическое моделирование, разработанное уральской школой политической лингвистики А.П. Чудинова. Метод позволяет за поверхностью высказываний увидеть устойчивые модели, через которые объект осмысливается: сфера-источник проецируется на сферу-цель, образуя фреймы и слоты. Применительно к исследуемой теме доступны два опорных исследования. И.Ю. Парулина проанализировала русскоязычный публицистический дискурс и зафиксировала доминирование метафоры пути и борьбы: БРИКС предстаёт движением по траектории к общей миссии, а страны-партнёры — соратниками в противостоянии давлению Запада [5]. Другие российские исследователи, О.А. Солопова и Н.Н. Кошкарлова по результатам изучения материалов южноафриканских медиа выявили иную картину: при невысокой плотности метафор преобладают модели пути, механизма и строительства, а культурно маркированные образы семьи и спортивной игры несут заметно меньше конфронтационного заряда; характерна, в частности, метафора «Большой пятёрки» (Big Five) применительно к лидерам объединения [6]. Уже это сопоставление, выполненное на однотипном материале двумя группами одного исследовательского проекта, показывает, что русский и южноафриканский образы БРИКС расходятся не в деталях, а в самой эмоциональной тональности.

Сводя названные подходы воедино, предлагается проанализировать дискурс каждой страны по единой схеме: как формулируется природа объединения, какие ключевые слова и метафоры используются, какова позиция по деолларизации как наиболее спорному сюжету и как страна подала заочное участие лидеров в Рио. Это даёт сопоставимые срезы и позволяет выстроить карту расхождений.

Россия: БРИКС как «фронт многополярности»

В российском официальном дискурсе БРИКС трактуется прежде всего как инструмент демонтажа западной гегемонии и доказательство несостоятельности тезиса об изоляции страны. Казанский саммит 2024 г. подавался государственными медиа как историческое событие, а его символический смысл сводился к смене эпох. В выступлении на встрече и в обращении к участникам в Рио В.В. Путин повторил формулу о том, что однополярная система, обслуживавшая интересы «золотого миллиарда», уходит в прошлое, уступая место более справедливому многополярному миру [7]. Метафорика здесь работает на образ закономерного исторического перелома, и И.Ю. Парулина не случайно фиксирует в русскоязычном дискурсе устойчивое соединение мотивов пути и борьбы [5].

Россия выступает и главным двигателем платёжной автономии объединения, продвигая расчёты в национальных валютах и инфраструктурные проекты вроде трансграничной платёжной инициативы. При этом российская позиция по доллару заметно колеблется. От заявлений о вынужденном поиске альтернатив, когда работать с долларом «мешают», Москва переходит к оговоркам о том, что отказываться от доллара никто не стремится. Колебание это не случайно и отражает внешнее давление, включая тарифные угрозы со стороны США. Однако для образа объединения оно создаёт проблему: антидолларовый нарратив, наиболее громкий у России, остальные участники поддерживают неохотно.

Российский образ БРИКС не остаётся без внутренней критики. В экспертной среде кремлёвскую линию описывают как попытку перекроить объединение из клуба крупнейших развивающихся экономик в антизападное сообщество, предупреждая при этом, что собрать единый антизападный фронт из стран со столь разными интересами вряд ли удастся. Разрыв между желаемым российским образом и реальными позициями партнёров и составляет предмет дальнейшего сопоставления.

Китай: ядро «глобального Юга» и язык совместного строительства

Китай конструирует БРИКС как наиболее динамичную часть коллективного подъёма Глобального Юга, избегая фронтальной антизападной

лексики. Образ строится вокруг созидания: государственные медиа охотно обыгрывают созвучие BRICS и слова «bricks», представляя объединение как порядок, возводимый «кирпич за кирпичом». В казанском выступлении Си Цзиньпин встроил БРИКС в рамку «сообщества единой судьбы человечества» и связал его с собственными глобальными инициативами в области развития, безопасности и цивилизации [8]. Тональность была подчёркнута конструктивной, и китайский лидер делал акцент не на том, против кого объединение, а на том, что оно создаёт.

Этот созидательный язык подкрепляется числами и проектами. Пекин презентует БРИКС как площадку, через которую реализуются китайские инициативы развития, и связывает успех объединения с успехом собственной внешнеполитической программы. Государственная печать подхватывает эту рамку, называя объединение источником нового импульса и надежды для «глобального Юга». За риторикой стоит очевидный, на наш взгляд, политический расчёт: чем шире объединение и чем громче в нём звучит тема развития, тем убедительнее заявка Китая на роль естественного лидера незападного мира.

Расхождение с российской линией обнаруживается не в словах об общем будущем, а в том, что Пекин последовательно уклоняется от конфронтационных формул. Например, антидолларовый сюжет китайские медиа подают сдержанно, делая ставку на интернационализацию юаня, а не на разрушение существующей системы. Объединение в китайском прочтении не воюет с порядком, а перестраивает его изнутри, и эта разница в модальности оказывается одним из главных «внутренних швов» БРИКС.

Индия: реформа без разрыва

Индия предлагает наиболее «ребрендинговую» версию образа, в которой БРИКС выступает площадкой реформированного мультилатерализма, дополняющей, а не отменяющей существующую международную систему. Аналитики *Chatham House* довольно точно, на наш взгляд, схватывают суть индийской позиции формулой о мировоззрении «незападном, но не антизападном», в отличие от России, Ирана и Китая [9].

В лексике доминируют связки «реформированный мультилатерализм», «реформа Совета Безопасности ООН», «стратегическая автономия». Риторика главы внешнеполитического ведомства С. Джайшанкара выстроена вокруг давно назревшей реформы, ради которой и нужны сотрудничество с диалогом. Принципами работы БРИКС называются взаимное уважение, суверенное равенство и консенсус, и эта рамка прямо ограничивает возможность превращения объединения в дисциплинированный, юридически организованный блок с единой линией.

Наиболее заметно индийская сдержанность проявляется в вопросе о валюте. Накануне Рио Дели публично дал понять, что не поддерживает идею единой валюты БРИКС, разводя расчёты в национальных валютах и общую денежную единицу как вещи разного порядка. Индийские аналитические центры с удовлетворением отметили, что в итоговой декларации Рио нет ни упоминания единой валюты, ни самого слова «дедолларизация», расценив это как успех индийской дипломатии [10]. Здесь хорошо видно, как национальная позиция одной страны напрямую формирует то, чего в общем тексте не оказалось, и тем самым задаёт границу совместного образа.

Бразилия и ЮАР: девелопментализм, неприсоединение и «голос Юга»

Бразилия выстраивает образ БРИКС вокруг наследия Движения неприсоединения и идеи реформы глобального управления. Президент Л.И. Лула да Силва прямо называет объединение наследником несоединившихся и Бандунгской конференции, а защиту многосторонности — единственно возможным путём в условиях, которые он описывает как беспрецедентный упадок многостороннего порядка [12]. Бразильский дискурс, таким образом, демонстративно далек от любой конфликтности: в окружении президента объединение определяется как голос Глобального Юга, который не Запад и не Восток и ни против кого не направлен.

В вопросе о валюте бразильская позиция показательно двойственна. Лула эпизодически поднимает тему общей расчётной единицы, но он же её и опровергает, отрицая наличие какого-либо проекта общей валюты БРИКС и сводя дело к расчётам в национальных валютах, которые в обход доллара идут трудно, но всё же идут. Эта двойственность сама по себе сообщает многое об устройстве образа: даже внутри риторики одного лидера громкий тезис тут же смягчается, как только речь заходит о практических обязательствах.

Бразильские медиа оказываются наиболее склонны к разоблачительной интонации. Комментаторы *CNN Brasil* прямо писали, что саммит в Рио скорее обнажает разделяющее членов, чем объединяющее их, указывая на противоречие между декларируемой реформой глобального управления и поведением отдельных участников [13]. Для

исследования имиджа это ценное свидетельство: в стране-хозяйке национальные медиа не подыгрывали парадному образу, а вскрывали его внутренние трещины.

Наконец, в ЮАР БРИКС презентуется в официальном дискурсе как канал представительства Африки и голос Глобального Юга. На саммите в Казани президент С. Рамафоса назвал расширение объединения маяком надежды для Глобального Юга и противопоставил логику сотрудничества логике конкуренции [14]. По итогам Рио он заострил тему несправедливости глобальной архитектуры: континент с населением 1,3 миллиарда человек остаётся непредставленным на высшем уровне принятия мировых решений, а отсутствие Индии и Бразилии среди постоянных членов Совета Безопасности в ЮАР расценивают как недопустимое. Отличительной чертой южноафриканской рамки выступает правозащитно-антиколониальный мотив, наиболее ярко проявившийся в квалификации действий Израиля в Газе как геноцида и в обращении в Международный суд ООН.

Южноафриканский материал лучше всего иллюстрирует разрыв между национальными версиями образа. Если русскоязычный дискурс прочитывается через метафоры борьбы, то южноафриканский, скорее, тяготеет к образам пути, строительства, семьи и спортивной команды, в которых конфронтация почти не считается, а доминируют суверенитет, равенство и взаимная выгода [6]. Два члена одного объединения говорят о нём языками разной эмоциональной температуры.

Ключевые расхождения

Сведённые вместе, пять национальных версий обнаруживают одну сквозную линию напряжения и несколько производных от неё. Сквозная линия пролегает между двумя ответами на вопрос о природе БРИКС. Россия и Китай тяготеют к образу структурной альтернативы Западу, хотя и в разной модальности: Москва – через язык исторического перелома и противостояния, Пекин – через язык совместного строительства нового порядка. Индия, Бразилия и ЮАР переопределяют БРИКС как платформу развития и реформы, дополняющую международную систему, а не отменяющую её. Распространённая в экспертной среде формула о том, что Индия и Бразилия видят в объединении экономический форум, а Россия и Китай – геополитическую группу, в известной степени отражает это разделение, хотя и огрубляет его.

Из главной линии вырастают четыре производных расхождения. Первое касается антизападной риторики, которая у России фронтальная, у Китая смягчена до перестройки порядка изнутри, у Индии прямо отрицается формулой «не антизападный», а у Бразилии и ЮАР заменяется критикой односторонности без образа врага. Маркером этого расхождения служит сам текст Рио-де-Жанейрской декларации, которая не называет США напрямую и осуждает действия в Газе в 2025 г., но воздерживается от критики России [11].

Второе расхождение пролегает по линии дедолларизации. Двигателем выступает Россия, риторически её эпизодически поддерживает Лула, тогда как Индия публично дистанцируется, Китай делает ставку на юань, а ЮАР не обладает достаточным весом, чтобы влиять на исход. Результат закреплён в декларации Рио, где отсутствуют и общая валюта, и термин «дедолларизация», что контрастирует с более смелой казанской риторикой [11].

Третье расхождение связано со скоростью и принципами расширения, к которому Россия и Китай относятся как к способу нарастить незападное большинство, а Индия и Бразилия – с опасением размытия.

Четвёртое же расхождение определяется балансом между российско-китайским ядром и остальными участниками, поверх которого накладывается давнее китайско-индийское соперничество.

Эти расхождения удобно представить в виде таблицы, фиксирующей позиции каждой страны по ключевым параметрам (табл. 1).

Таблица 1

Параметр	Россия	Китай	Индия	Бразилия	ЮАР
Природа объединения	Альтернатива Западу	Перестройка порядка изнутри	Площадка реформы	Девелопментализм, неприсоединение	Голос Африки и Юга
Антизападная риторика	Фронтальная	Смягчённая	Отрицается	Критика односторонности	Антиколониальный мотив
Дедолларизация	Двигатель	Сдержанно, ставка на юань	Дистанцируется	Двойственно	Малый вес

Параметр	Россия	Китай	Индия	Бразилия	ЮАР
Расширение	За максимизацию	За максимизацию	Осторожность	Осторожность	Поддержка как предствительства Африки
Ведущая метафорика	Путь, борьба	Строительство, механизм	Реформа, диалог	Многосторонность, наследие	Путь, семья, команда

Из таблицы становится понятным, почему совместные документы тяготеют к наименьшему общему знаменателю. Согласие достижимо лишь на пересечении пяти позиций, а пересечение это сводится к нескольким общим формулам о многополярности, реформе управления и расчётах в национальных валютах. Всё, что выходит за пределы пересечения, в текст деклараций не попадает, но нигде не исчезает: оно достраивается на национальном уровне, в выступлениях лидеров и материалах государственных медиа. Так складывается двухуровневое устройство образа, в котором сглаженный консенсусный слой сосуществует с заострёнными национальными надстройками, и расхождение между слоями составляет постоянную характеристику коммуникации БРИКС.

Саммит в Рио как индикатор расхождений

Заочное участие В.В. Путина и Си Цзиньпина в саммите в Рио-де-Жанейро дало редкую возможность наблюдать расхождения в чистом виде. Одно и то же событие получило в пяти странах несовместимые интерпретации, и характер этих интерпретаций оказался диагностичен для всей конфигурации образа.

Российская сторона подала видеучастие Путина технически нейтрально, объясняя его сложностями в связи с ордером Международного уголовного суда и неготовностью бразильской стороны занять однозначную позицию. Государственные медиа избегали драматизации, а итоговую тональность задал С.В. Лавров, переведший разговор с темы отсутствия на тему западного скепсиса и нерастратенного потенциала объединения. Китай ограничился минимальной коммуникацией, сведя причину неприезда Председателя КНР Си к вопросу графика и пообещав сообщить детали в надлежащее время [15].

Бразильские и независимые медиа, напротив, прочли отсутствие лидеров как симптом внутренней слабости. Комментаторы связывали его с противоречиями объединения и юридическими ограничениями, а часть западных изданий заговорила об упадке формата [13]. Индийская пресса подошла прагматично, увидев в ситуации испытание стратегической автономии и дополнительное пространство для индийской дипломатии [10]. Экспертные оценки итогов складывались в смешанную картину: расширение состоялось, но обернулось рыхлостью и трудностью согласования общей линии.

Расхождение интерпретаций здесь, на наш взгляд, является уменьшенной моделью всей проблемы. Там, где Россия видит технический эпизод и повод для контрнаступления на критиков, Бразилия и независимые наблюдатели видят трещину, а Индия – возможность. Единого прочтения не существует, потому что не существует единого субъекта, который мог бы его навязать. Управление имиджем в таких условиях упирается не в качество отдельного сообщения, а в принципиальную невозможность собрать пять сообщений в одно.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что говорить о едином образе БРИКС можно лишь как об абстракции. На деле существуют пять национальных версий, согласованных в нескольких общих формулах и расходящихся всюду, где формулы наполняются конкретным содержанием. Главная линия расхождения отделяет трактовку объединения как геополитической альтернативы Западу от трактовки его как девелопменталистской платформы реформы, и эта линия воспроизводится в каждом частном сюжете, от дедолларизации до прочтения заочного участия лидеров в Рио.

Для исследования технологий управления политическим имиджем БРИКС отсюда следует следующий вывод. Имидж объединения целесообразно рассматривать не как сообщение, транслируемое единым отправителем, а как согласуемую равнодействующую конкурирующих национальных нарративов. Совместные декларации в этой оптике предстают зафиксированным наименьшим общим знаменателем, а национальные выступления и государственные медиа – слоем, где знаменатель достраивается до полноценных, но несовпадающих образов. Соответственно, и технологии управления таким имиджем ра-

ботают не с трансляцией, а с согласованием: их предмет составляет не отдельное послание, а зазор между консенсусным и национальным уровнями. Зазор этот не патология, требующая устранения, а структурная данность, с которой объединению предстоит уживаться по мере дальнейшего расширения.

У предложенного взгляда есть очевидные ограничения. Анализ намеренно сужен до пяти стран-основательниц и до периода 2023–2025 годов, а выводы привязаны к нескольким опорным событиям. Несколько пороговых индикаторов способны эти выводы скорректировать. Если под индийским председательством в итоговую декларацию вернуться формулы о единой валюте или дедолларизации, тезис о доминировании реформистской рамки придётся пересмотреть. Если Путин и Си лично прибудут на следующий саммит, эпизод заочного участия утратит статус устойчивой тенденции. Если же новые члены начнут активно формировать собственные конкурирующие нарративы, карту расхождений придётся расширять за пределы первоначальной «пятёрки». Каждое из этих наблюдений намечает направление дальнейшей работы, в которой сравнительный дискурс-анализ имело бы смысл дополнить количественным измерением медиаобраза в национальных информационных пространствах.

Литература

1. Гао Ф., Сергунин А.А. БРИКС как предмет изучения теории международных отношений // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 4. С. 55–73. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-04-03.
2. Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: PublicAffairs, 2004. 191 p.
3. Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. *Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order*. New York; London: Routledge, 2013. 240 p.
4. *Status in World Politics* / eds. T.V. Paul, D.W. Larson, W.C. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 304 p.
5. Парулина И.Ю. Метафорическое моделирование образа БРИКС в русскоязычном публицистическом дискурсе // Русистика. 2025. Т. 23. № 2. С. 290–303. DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-290-303.
6. Solopova O.A., Koshkarova N.N. Metaphorical image of the BRICS in South African media discourse: A corpus-based study // *Russian Journal of Linguistics*. 2025. Vol. 29. No. 4. P. 944–968. DOI: 10.22363/2687-0088-45863.
7. Путин подвёл итоги саммита в Казани и ответил на вопросы журналистов [Электронный ресурс] // Российская газета. 24.10.2024. URL: <https://rg.ru/2024/10/24/plan-briks-1.html> (дата обращения: 31.05.2026).
8. Address by Chinese President Xi Jinping at the «BRICS Plus» Leaders' Dialogue (Kazan, October 2024) [Электронный ресурс] // English.gov.cn. URL: https://english.www.gov.cn/news/202410/24/content_WS671a572cc6d0868f4e8ec42c.html (дата обращения: 31.05.2026).
9. Competing Visions of International Order. 05. India: A Non-Western, Not Anti-Western Worldview [Электронный ресурс] // Chatham House. 2025. URL: <https://www.chathamhouse.org/2025/03/competing-visions-international-order/05-india-non-western-not-anti-western-worldview> (дата обращения: 31.05.2026).
10. India and the BRICS Rio Summit [Электронный ресурс] // Vivekananda International Foundation. 08.07.2025. URL: <https://www.vifindia.org/article/2025/july/08/India-and-the-BRICS-Rio-Summit> (дата обращения: 31.05.2026).
11. Декларация XVII саммита БРИКС (Рио-де-Жанейро, 6–7 июля 2025 г.) [Электронный ресурс] // BRICS Brazil. URL: <https://brics.br/en> (дата обращения: 31.05.2026).
12. President Lula's statement during the BRICS Peace and Security, Global Governance session (Rio de Janeiro, 06.07.2025) [Электронный ресурс] // gov.br. URL: <https://www.gov.br/planalto/en> (дата обращения: 31.05.2026).
13. Cúpula do Brics é fragilizada por ausência de Xi e contradições internas [Электронный ресурс] // CNN Brasil. 2025. URL: <https://www.cnnbrasil.com.br/blogs/lourival-santanna/internacional/cupula-do-brics-e-fragilizada-por-ausencia-de-xi-e-contradicoes-internas/> (дата обращения: 31.05.2026).
14. Statement by President Cyril Ramaphosa during the BRICS Summit Open Plenary Session (Kazan, 23.10.2024) [Электронный ресурс] // DIRCO. URL: <https://dirco.gov.za/statement-by-president-cyril-ramaphosa-during-the-brics-summit-open-plenary-session-on-the-occasion-of-the-xvi-brics-heads-of-state-summit-kazan-russia-23-october-2024/> (дата обращения: 31.05.2026).

15. Foreign Ministry Spokesperson Guo Jiakun's Regular Press Conference on June 24, 2025 [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the PRC. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xw/fyrbt/202506/t20250624_11657977.html (дата обращения: 31.05.2026).

NATIONAL INTERPRETATIONS OF THE BRICS IMAGE: COMMUNICATIVE DIVERGENCES IN THE DISCOURSE OF MEMBER STATES

Demin N.V.

Academy of Labour and Social Relations

The 2023–2025 enlargement of BRICS has foregrounded a problem long kept at the margins of studies of the grouping: BRICS has no single communicating subject, and its public image is assembled from divergent national versions. Drawing on the official discourse of leaders and foreign ministries, on state media, and on the academic literature of the five founding members (Russia, China, India, Brazil, South Africa), the article identifies and compares the national interpretations of what BRICS is and what it is for. The period under study runs from the Johannesburg decision to admit new members to the Rio de Janeiro summit. Methodologically, the study combines frame analysis, the strategic-narrative approach, and the metaphorical modelling of the Ural school. It is shown that the principal line of divergence lies between framing BRICS as a geopolitical alternative to the West and framing it as a developmentalist platform for reforming global governance. The divergence materializes in the gap between the summit declarations, which gravitate toward a lowest common denominator, and national addresses and media, which build up incompatible images. The remote participation of V. Putin and Xi Jinping in the Rio summit is examined separately as an event that received irreconcilable readings across the five states. For research into the technologies of managing the BRICS image, the article proposes treating that image as a negotiated resultant of competing narratives rather than as the transmission of a unified message.

Keywords: BRICS; political image; media image; strategic narrative; political discourse; multipolarity; Global South; public diplomacy; de-dollarization.

References

1. Sergunin A., Gao F. (2018) BRICS as the Subject of Study of International Relations Theory. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no. 4, pp. 55–73. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-04-03.
2. Nye J.S. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: PublicAffairs. 191 p.
3. Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. (2013) *Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order*. New York; London: Routledge. 240 p.
4. Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. (eds.) (2014) *Status in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 304 p.
5. Parulina I.Yu. (2025) Метафорическое моделирование образа БРИКС в русскоязычном публицистическом дискурсе [Metaphorical modelling of the BRICS image in Russian-language journalistic discourse]. *Russian Language Studies*, vol. 23, no. 2, pp. 290–303. DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-290-303. (In Russ.)
6. Solopova O.A., Koshkarova N.N. (2025) Metaphorical image of the BRICS in South African media discourse: A corpus-based study. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 29, no. 4, pp. 944–968. DOI: 10.22363/2687-0088-45863.
7. Putin podvel itogi sammita v Kazani i otvetil na voprosy zhurnalistov [Putin summed up the Kazan summit and answered journalists' questions] (2024) *Rossiyskaya gazeta*, 24 October. Available at: <https://rg.ru/2024/10/24/plan-briks-1.html> (accessed 31.05.2026). (In Russ.)
8. Address by Chinese President Xi Jinping at the «BRICS Plus» Leaders' Dialogue (Kazan, October 2024). English.gov.cn. Available at: https://english.www.gov.cn/news/202410/24/content_WS671a572cc6d0868f4e8ec42c.html (accessed 31.05.2026).
9. Competing Visions of International Order. 05. India: A Non-Western, Not Anti-Western Worldview (2025) Chatham House. Available at: <https://www.chathamhouse.org/2025/03/competing-visions-international-order/05-india-non-western-not-anti-western-worldview> (accessed 31.05.2026).
10. India and the BRICS Rio Summit (2025) Vivekananda International Foundation, 8 July. Available at: <https://www.vifindia.org/article/2025/july/08/India-and-the-BRICS-Rio-Summit> (accessed 31.05.2026).
11. Declaration of the XVII BRICS Summit (Rio de Janeiro, 6–7 July 2025). BRICS Brazil. Available at: <https://brics.br/en> (accessed 31.05.2026).
12. President Lula's Statement during the BRICS Peace and Security, Global Governance Session (Rio de Janeiro, 6 July 2025). gov.br. Available at: <https://www.gov.br/planalto/en> (accessed 31.05.2026).
13. Sant'Anna L. (2025) Cúpula do Brics é fragilizada por ausência de Xi e contradições internas [The BRICS summit is weakened by Xi's absence and internal contradictions]. *CNN Brasil*. Available at: <https://www.cnnbrasil.com.br/blogs/lourival-santanna/internacional/cupula-do-brics-e-fragilizada-por-ausencia-de-xi-e-contradicoes-internas/> (accessed 31.05.2026). (In Port.)
14. Statement by President Cyril Ramaphosa during the BRICS Summit Open Plenary Session (Kazan, 23 October 2024). DIRCO. Available at: <https://dirco.gov.za/statement-by-president-cyril-ramaphosa-during-the-brics-summit-open-plenary-session-on-the-occasion-of-the-xvi-brics-heads-of-state-summit-kazan-russia-23-october-2024/> (accessed 31.05.2026).
15. Foreign Ministry Spokesperson Guo Jiakun's Regular Press Conference on June 24, 2025. Ministry of Foreign Affairs of the PRC. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xw/fyrbt/202506/t20250624_11657977.html (accessed 31.05.2026).

«Догнать Россию»: ледокольная программа Вашингтона и контуры возможных договоренностей с Москвой

Жорина Арина Юрьевна,

студент магистратуры, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
E-mail: arina_zhorina@mail.ru

Статья посвящена анализу асимметрии ледокольных потенциалов России и США как структурному фактору, определяющему возможности и ограничения двустороннего взаимодействия в Арктике. На основе неоклассического реализма и отечественной методологии прикладного анализа международных ситуаций показано, что дефицит американского ледокольного флота имеет структурный характер: он воспроизводится при администрациях обеих партий вследствие состояния судостроительной промышленной базы, утраты компетенций в области полярного судостроения и длительности производственных циклов. Рассматриваются три направления политики США по сокращению разрыва: национальная программа строительства ледоколов (Polar Security Cutter и Arctic Security Cutter), союзническая кооперация в рамках ICE Pact и избирательное взаимодействие с Россией. Установлено, что ни одно из них не устраняет асимметрию в горизонте до середины 2030-х гг. Обосновывается вывод, что российское превосходство в ледокольной сфере может служить переговорным ресурсом лишь в ограниченном круге практических вопросов – коммерческой проводки судов, сервисных услуг и обеспечения безопасности судоходства, – тогда как базовые установки американского курса пересмотру не подлежат. На основе разграничения устойчивого «ядра» и подвижной «оболочки» американской внешнеполитической программы определены условия воспроизводства отдельных форматов российско-американского взаимодействия в Арктике.

Ключевые слова: Арктика, ледокольный флот, Россия, США, Береговая охрана США, Polar Security Cutter, ICE Pact, Северный морской путь, российско-американские отношения.

Введение

2 июля 2026 г. Министерство внутренней безопасности США официально объявило о завершении контрактного оформления программы строительства шести средних полярных ледоколов класса Arctic Security Cutter совокупной стоимостью около 3,3 млрд долл.; двумя неделями позднее производственный цикл был запущен на верфях в штате Луизиана и в финском городе Раума. Особого внимания заслуживает не столько объем финансирования, сколько характер обоснования программы: и Белый дом, и ведомственная документация мотивируют ее необходимостью нивелирования российского превосходства в высоких широтах. Еще в январе 2025 г. Д. Трамп анонсировал заказ порядка сорока ледоколов – установку, которую экспертный дискурс емко обозначил формулой «догнать Россию», – а в мае 2026 г., выступая в Академии Береговой охраны США, охарактеризовал сложившийся разрыв как «нелепый».

Параллельно с реализацией данной программы Вашингтон поддерживает с Москвой диалог, в котором впервые с 2014 г. обсуждаются совместные арктические проекты: соответствующая проблематика затрагивалась в ходе консультаций в Эр-Рияде в феврале 2025 г., на саммите в Анкоридже и в рамках последующих контактов. Таким образом, возникает парадокс: держава, декларирующая курс на «морское доминирование» в высоких широтах, одновременно наращивает антироссийскую по своей направленности ледокольную программу и прорабатывает возможности сотрудничества с Россией – единственным государством, обладающим огромными ледокольными мощностями и уникальными компетенциями в сфере полярного судоходства.

Целью статьи является ответ на вопрос, каким образом структурная асимметрия ледокольных потенциалов России и США формирует пространство возможного двустороннего взаимодействия в Арктике, а также какие его форматы достижимы, а какие заведомо нереализуемы. Выдвигается гипотеза, согласно которой ледокольный разрыв представляет собой устойчивое структурное условие, сохраняющееся при любом реалистичном сценарии вплоть до середины 2030-х гг., а потому образует редкий для современных российско-американских отношений ресурс, обладающий положительным переговорным потенциалом.

Теоретическую рамку исследования образует неоклассический реализм в сочетании с отечественной методологией прикладного анализа международных ситуаций [4]. Неоклассический реализм исходит из того, что влияние международной системы транслируется во внешнеполитические решения опосредованно – через «промежуточные переменные» внутри самого государства: восприятие элит, стратегическую культуру, отношения государства и общества, внутренние институты, а также способность государства к мобилизации ресурсной базы [1; 2]. Такая оптика важна по двум причинам. Во-первых, она позволяет объяснить, почему структурно обусловленная потребность США в полярном флоте, очевидная для администраций обеих партий, на протяжении десятилетий так и не была реализована: стимулы международной системы наталкиваются на внутренние ограничители – от состояния промышленности до особенностей ежегодного цикла бюджетных ассигнований. Во-вторых, той же логикой объясняется обратимость американских сигналов о сближении с Москвой. И.А. Истомин показывает, что устойчивые модели поведения государства определяются его положением в международной системе и объемом материальных ресурсов, тогда как декларативные колебания отражают лишь текущую внутриполитическую обстановку [3]. Методологическое разграничение неизменного и корректируемого опирается на введенное М.А. Хрусталевым понятие внешнеполитической программы: коррективы в нее «вносятся и должны вноситься» по мере изменения самого государства и его международной среды, но не должны затрагивать ее «базовых положений» [4]. Эти положения – прежде всего интерес, «базовый элемент внешнеполитической программы», и производные от него цели – образуют ядро курса, тогда как образ действий (стратегия и тактика), который и выступает основным объектом коррекции, составляет его инструментальную оболочку. Наконец, переговорное измерение описывается в категориях асимметричной взаимозависимости Р. Кеохейна и Дж. Найа: менее зависимая сторона приобретает рычаг влияния

в данной сфере, а уязвимость ее контрагента зависит от количества и стоимости альтернатив [13].

Эмпирическую базу исследования составляют законодательные акты и документы Конгресса США, материалы Береговой охраны и Министрства внутренней безопасности США, доклады Исследовательской службы Конгресса (CRS), стратегические документы США 2013–2026 гг., материалы ФГУП «Атомфлот» и госкорпорации «Росатом», официальные заявления сторон 2025–2026 гг., а также публикации отраслевых СМИ и экспертно-аналитические материалы. Хронологические рамки охватывают 2020–2026 гг. с необходимым обращением к предыстории ледокольных программ. При построении сравнения использован инструментарий прикладных политических исследований [15].

Ледокольный дефицит США: масштаб и структурные причины

К середине 2026 г. действующий полярный флот Береговой охраны США насчитывает всего три судна: единственный тяжелый ледокол Polar Star, эксплуатируемый с 1976 г. и давно превысивший проектный тридцатилетний срок службы; средний ледокол Healy 2000 г. постройки; и средний ледокол Storis – выкупленный в 2024 г. коммерческое судно 2012 г. постройки, в августе 2025 г. включенное в состав Береговой охраны в качестве первого за четверть века «нового» американского полярного ледокола [17]. Между тем ведомственный анализ структуры флота 2023 г. определяет потребность в восьми-девяти полярных ледоколах – четырех-пяти тяжелых и стольких же средних, – так что разрыв между наличным и необходимым зафиксирован самими американскими ведомствами [17]. Существенно, что дефицит имеет именно полярное измерение: еще девять ледокольных судов Береговой охраны, действующих на Великих озерах, для работы в полярных льдах непригодны. Положение усугубляется тем, что единственный тяжелый ледокол несет и антарктическую нагрузку: ежегодный многомесячный поход Polar Star в Антарктику для обеспечения операции «Дип Фриз» (снабжение станции Мак-Мердо) оставляет арктическое направление значительную часть года вообще без ледокола тяжелого класса. Упадок затронул и береговую инфраструктуру присутствия.

Попытки закрыть этот разрыв предпринимаются уже второе десятилетие [5; 6]. Программа строительства тяжелых ледоколов Polar Security Cutter (PSC) была инициирована в бюджетной заявке на 2013 ф.г.; контракт на проектирование и строительство до трех судов был заключен в апреле 2019 г. с верфью Halter Marine (с ноября 2022 г. – Bollinger Mississippi Shipbuilding) [17]. Головное судно, первоначально планировавшееся к сдаче в 2024 г., по текущим оценкам будет передано заказчику не ранее 2030 г., а стоимость программы превысила утвержденный базовый уровень в 3,3 млрд долл. не менее чем на 20% [17]. Степень недоверия законодателей иллюстрирует закон о национальной обороне на 2026 ф.г., обязавший руководство Береговой охраны и ВМС отчитываться перед профильными комитетами Конгресса о состоянии программы не реже чем каждые 90 дней. При этом финансирование нельзя назвать недостаточным: до июля 2025 г. программа PSC получила около 1,7 млрд долл., а бюджетный закон 2025 г. (P.L. 119–21) сразу добавил 4,3 млрд долл. на PSC и 3,5 млрд долл. на программу средних ледоколов Arctic Security Cutter (ASC) [17]. Отставание программы, таким образом, не объясняется дефицитом финансирования.

Причины хронического отставания коренятся на внутрисовременном уровне – в тех самых «промежуточных переменных», через которые преломляются стимулы международной системы [2]. Первая из них – состояние промышленной базы. Со времени ввода в строй Polar Star (1976 г.) и однотипного Polar Sea (1977 г.) Соединенные Штаты не построили ни одного тяжелого полярного ледокола, а строящаяся оба корабля верфь ушла из судостроительного бизнеса еще в конце 1980-х гг., так что национальная школа проектирования подобных судов фактически прервалась: по оценкам Счетной палаты США (GAO), именно низкая степень готовности проекта и отсутствие в стране соответствующих инженерных компетенций стали главными причинами задержек головного PSC [17]. Вторая переменная – производственные возможности отрасли: свободных судостроительных мощностей в США почти не осталось, имеющиеся загружены заказами ВМС, и ни одна действующая верфь опытом создания судов этого класса не располагает [17; 18]. Симптоматично, что все заказанные ASC строятся по проекту финского конструкторского бюро Aker Arctic, а первые два корпуса целиком возводятся на верфи в финской Рауме; для американского военного кораблестроения это беспрецедентное решение, ставшее возможным лишь после того, как президент, сославшись на интересы национальной безопасности, вывел сделку из-под действующих с 1980–1990-х гг. законодательных запретов на стро-

ительство кораблей для вооруженных сил за рубежом [17]. Третья переменная – бюджетно-политический цикл: программа с горизонтом в десятилетия ежегодно проходит через механизм ассигнований и зависит от меняющихся приоритетов администраций и Конгресса, а любое сокращение или отсрочка финансирования оборачиваются ростом стоимости и сдвигом сроков сдачи [17; 18]. Наконец, США не располагают атомным ледокольным флотом, что добавляет к количественному разрыву качественный: американские дизель-электрические суда уступают российским атомоходам по мощности силовой установки и автономности плавания [17; 18]. Постройка современного тяжелого ледокола занимает в США около десяти лет: спустя пять лет после заключения контракта проект головного PSC был готов лишь на 59%, а полномасштабное строительство так и не началось [17; 18]. Результаты любых сегодняшних решений, таким образом, выходят за горизонт двух президентских циклов. В категориях Р. Швеллера ледокольный сюжет представляет собой характерный случай «недобробалансирования»: государство осознает угрозу и располагает необходимыми ресурсами, однако внутривнутриполитические ограничения не позволяют своевременно мобилизовать их для соразмерного ответа [14].

Ледокольное преимущество России: флот, инфраструктура, компетенции

Россия располагает крупнейшим в мире ледокольным флотом – по данным Росморречфлота на октябрь 2025 г., 43 ледокола различных классов, включая единственную в мире флотилию из восьми действующих атомных ледоколов, основу которой составляют универсальные атомоходы проекта 22220: головная «Арктика» (2020 г.), «Сибирь», «Урал» и принятая в эксплуатацию в декабре 2024 г. «Якутия». На Балтийском заводе достраивается «Чукотка», на стапелях находятся «Ленинград» и «Сталинград», а на дальневосточной верфи «Звезда» строится сверхмощный атомоход «Россия» проекта 10510 («Лидер»), рассчитанный на круглогодичную проводку крупнотоннажных судов по восточному сектору Севморпути; его передача заказчику намечена на конец 2029 г. Отлаженное серийное производство позволяет вводить атомоходы в строй с интервалом в один-два года – таким темпом сегодня не располагает ни одна другая страна.

Кроме того, система обеспечения арктического судоходства России формировалась на протяжении десятилетий и представляет собой зрелый, эффективно функционирующий комплекс. Об этом свидетельствует динамика грузопотока по Северному морскому пути: если в середине 2010-х гг. он составлял лишь 5–7 млн т в год, то в 2024 г. достиг рекордных 37,9 млн т. Вдоль трассы действуют глубоководные порты и сеть аварийно-спасательных центров, круглогодичную координацию проводок осуществляет Штаб морских операций, а гидрометеорологическое сопровождение судоходства с 2023 г. обеспечивает спутниковая система «Арктика-М» – первая в мире система подобного назначения на высокоэллиптических орбитах, обеспечивающих непрерывное наблюдение за полярными широтами.

Не менее значимы накопленные компетенции: непрерывная, сохраняющаяся с советского времени практика круглогодичной эксплуатации атомных ледоколов, их ремонта и технического обслуживания, организация ледовой лоцманской проводки, подготовка судоводителей к плаванию в сложных полярных условиях. В совокупности флот, береговая инфраструктура и кадровый опыт образуют уникальный ресурс, который невозможно воссоздать простой покупкой отдельных судов. О высокой востребованности этой системы свидетельствует то, что в декабре 2025 г. впервые в истории Северного морского пути на его маршрутах одновременно работали все восемь действующих атомных ледоколов: спрос на ледокольное обеспечение растет быстрее, чем вводятся новые мощности, причем даже у бесспорного мирового лидера. Обратная сторона такой динамики – практическое отсутствие свободных мощностей: проводной потенциал флота почти целиком занят нуждами самого Севморпути, чем и объясняется высокая коммерческая стоимость ледокольных услуг для сторонних пользователей [7]. В логике асимметричной взаимозависимости менее зависимой стороной в ледокольной сфере остается Россия, тогда как для США зависимость оборачивается уязвимостью: ни собственное строительство, ни привлечение мощностей союзников не дадут им реальной альтернативы ранее начала 2030-х гг. [8; 13].

Особый вес российскому ресурсу придает китайский фактор [11]. КНР, еще в белой книге 2018 г. провозгласившая себя «приарктическим государством», последовательно наращивает полярный флот: вслед за «Сюэлу-2» (2019 г.) в строй вошли научно-исследовательские суда ледового класса «Цзиди» и «Таньсо-3» (2024 г.), а в декабре 2025 г. был обнародован концептуальный проект атомного ледокола водоизмещением около 30 тыс. т. Наращивание потенциала сопровождается его демонстрацией: в августе 2025 г. у берегов Аляски впервые од-

новременно действовали пять китайских судов ледового класса. Для Вашингтона, рассматривающего КНР в качестве главного стратегического соперника, ледокольный вопрос тем самым выходит за рамки двусторонней российско-американской повестки: доступ к российским мощностям и компетенциям оценивается еще и сквозь призму недопущения их монополизации Китаем [12]. Для Москвы же появление второго заинтересованного контрагента означает то, что в логике взаимозависимости ценится дороже всего: возможность выбора – а с ней и укрепление переговорных позиций.

Направления преодоления ледокольного разрыва США и ограничения

Ответ Вашингтона на ледокольную асимметрию складывается из трех линий, которые следует рассматривать в совокупности, но не уравнивать между собой. Стратегиями преодоления разрыва в строгом смысле являлись лишь две первые – наращивание собственных возможностей и опора на союзников, то есть классические внутреннее и внешнее балансирование, которые на практике почти всегда применяются совместно [2; 3]. Третья линия – избирательное взаимодействие с Москвой – сама по себе разрыв не сокращает и стратегией не является: это вспомогательный маневр, позволяющий выиграть время, восполнить недостающие мощности, проверить намерения контрагента, ослабить российско-китайскую связь [3].

Первая линия – ускоренное развитие национальной судостроительной программы. К контрактам декабря 2025 г. с финской Rauma Marine Constructions и луизианской Bollinger Shipyards (совокупно до шести ASC) в феврале 2026 г. добавился контракт с Davie Defense еще на пять корпусов – в общей сложности США заказали одиннадцать средних ледоколов, а для выполнения заказа Davie переоборудует под ледокольное производство две техасские верфи. К июлю 2026 г. все контракты были подписаны. С учетом Healy, Storis и трех PSC численность полярного флота к середине 2030-х гг. должна достичь шестнадцати судов [17]. Однако даже при строгом соблюдении графиков – что, судя по динамике программы PSC, маловероятно, – первый тяжелый ледокол нового поколения будет передан флоту не ранее 2030 г., первые ASC – в 2028–2029 гг. [17]. До той поры единственным тяжелым американским ледоколом останется пятидесятилетний Polar Star, поддержание которого в строю само по себе требует регулярного заводского ремонта [17]. Разрыв в численности ледокольных флотов, таким образом, сохранится еще по меньшей мере десятилетие даже при самом благоприятном развитии событий. Дело не в деньгах: цель, по формуле М.А. Хрусталева, есть «интерес ± ресурсы», и незаменимым оказывается ресурс организационный – промышленные компетенции, дефицит которых «в принципе не может быть компенсирован другими» [4, с. 148]. Обещанные же президентом «сорок ледоколов» – характерный пример того, как завышенная оценка собственных ресурсов порождает заведомо недостижимые цели [4, с. 150].

Вторая линия – кооперация с союзниками. Трехсторонний механизм ICE Pact (США – Канада – Финляндия), запущенный в 2024 г. и подкрепленный совместным заявлением о намерениях по итогам министерской встречи в ноябре 2025 г. [17], призван удовлетворить американский спрос за счет финских и канадских судостроительных компетенций: на Финляндию приходится около 80% проектов и около 60% построенных корпусов мирового ледокольного флота. Логика этого выбора ясна: опора на союзников избавляет от необходимости привлекать государственные средства на восстановление собственной отрасли – внешнее балансирование заменяет внутреннее [3], а коалиционная стратегия позволяет компенсировать нехватку собственных ресурсов – верфей, проектных бюро, инженерных кадров – за счет ресурсов партнеров [4]. В октябре 2025 г. Вашингтон и Хельсинки согласовали пакет стоимостью около 6 млрд долл. на строительство до одиннадцати ледоколов. Однако и здесь ограничения носят структурный характер: верфи союзников заняты собственными заказами, передача компетенций требует лет, а трения внутри западного лагеря – тарифное давление на Канаду и гренландский сюжет в отношениях с Данией – подтачивают доверие, без которого промышленная кооперация в чувствительной сфере не развивается [8; 9]. Кроме того, ICE Pact подвержен узависимостям, типичным для любых коалиций: чем шире круг участников, тем ниже издержки сотрудничества, но тем уже поле вопросов, по которым их позиции совпадают; юридическое оформление само по себе долговечности объединения не гарантирует [4] – ICE Pact же и вовсе остается межведомственным меморандумом, а не полноценным договором.

Третья линия – избирательное взаимодействие с Москвой. С февраля 2025 г. арктическая проблематика присутствует в российско-американском диалоге: обсуждались ресурсные и логистические проекты, в экспертной среде рассматриваются варианты использования

российских ледокольных мощностей на коммерческих началах. Существенно, что эта линия дополняет две первые, не заменяя их: обращение к российским мощностям позволяет восполнить нехватку собственных судов на переходный период и одновременно – в логике, зафиксированной самой американской стороной, – стать преградой для сближения России и КНР в Арктике, которое в стратегических документах США из года в год рассматривается как вызов [19]. В терминологии Хрусталева такой подход является инструментальным: главная цель стороны лежит за пределами обсуждаемого предмета [4]. Как показывает И.А. Истомин, уступки сопернику традиционно используются государствами для выигрыша времени и проверки его намерений, а вовлечение – для воздействия на внутриполитическую расстановку сил в государстве-контрагенте; опыт «перезагрузки» 2009–2011 гг. и ядерной сделки с Ираном 2015 г. свидетельствует об ограниченной устойчивости подобных курсов [3]. Готовность Вашингтона к договоренностям, следовательно, подвержена конъюнктурным колебаниям: она обусловлена текущим дефицитом мощностей и взглядами действующей администрации – и сохранится лишь до тех пор, пока сохраняются оба эти условия.

В совокупности ни одна из трех линий не позволяет достичь заявленной цели в ближайшее десятилетие: обе стратегии упираются в состояние промышленной базы, а взаимодействие с Москвой изначально предназначено не для устранения разрыва, а для смягчения его последствий. Несоответствие же образа действий поставленной цели, по Хрусталеву, делает ее «временной, до смены образа действий», недостижимой [4].

Пределы сближения переговорных позиций России и США: структурное и конъюнктурное

Проведенный анализ в логике хрусталевской модели внешнеполитической программы [4] позволяет выделить в американской позиции «устойчивое ядро» и «подвижную оболочку»; это разграничение и очерчивает реалистичные направления возможных договоренностей. Ядро составляют курс на создание собственного полярного флота (его воспроизводят все администрации с 2013 ф.г. независимо от партийной принадлежности), недопущение стратегической зависимости от соперника, сохранение военного присутствия и свободы судоходства в высоких широтах [17; 19]. Эти установки продиктованы положением США в международной системе и торгу не подлежат: структурные ограничения задают общее направление политики [3]. Ожидать, что Вашингтон в обмен на доступ к российским мощностям свернет собственные программы, значило бы принимать ситуативные шаги навстречу за стратегический разворот. К оболочке относятся усиление антороссийской риторики, готовность к коммерческим формам взаимодействия по отдельным вопросам, темп и последовательность отмены санкций: корректировке подвергаются «в основном стратегия и тактика», тогда как пересмотр целей дается государству труднее и нежелателен [4]. Подвижность этого слоя усиливается электоральным циклом: чем ближе выборы, тем сильнее внешняя политика зависит от внутренней обстановки [3].

Таким образом, можно наметить очертания реалистичного переговорного пространства. Более оформленный вид им придает матрица анализа М.А. Хрусталева, ранжирующая интересы сторон на жизненно важные, приоритетные и второстепенные: компромисс исключен там, где сталкиваются интересы высших значений, и достижим там, где хотя бы у одной из сторон затронуты второстепенные [4]. Арктическое направление в этом смысле комплексно и распадается на неравнозначные составляющие, что предопределяет смешанную переговорную стратегию [4]. Основу пространства образуют договоренности, отвечающие трем условиям: сугубо коммерческий характер, обратимость решений и опора на уже действующие правовые механизмы. Этим условиям удовлетворяют, во-первых, проводка, фрахт и сервисное обслуживание на коммерческих началах – ледокольный ресурс приносит доход, но инфраструктура Севморпути при этом не открывается для внешнего управления [10]; во-вторых, обеспечение безопасности судоходства в Беринговом проливе, где действует одобренная ИМО в 2018 г. совместная российско-американская система маршрутизации, – редкий двусторонний механизм, переживший все кризисы последнего десятилетия; в-третьих, поисково-спасательное взаимодействие в рамках Нуукского соглашения 2011 г. и обмен научной информацией. Вероятность реализации именно таких договоренностей при смене администраций объяснима и теоретически: наибольшие шансы на исполнение имеют обязательства субстанциональные, конкретные и безусловные [3], тогда как декларации о намерениях, которыми пока исчерпывается двусторонний диалог, представляют собой лишь «взаимные обещания», лишенные обязательности договора [4].

Можно выделить и пределы. Продажа или долгосрочная аренда атомных ледоколов, допуск американского капитала к управлению инфраструктурой Севморпути, использование ледокольного превосходства как платы за уступки в военно-стратегической сфере лежат за пределами достижимого – в силу как российских интересов, так и американских внутренних ограничений: запрет на двустороннее военное сотрудничество с Россией действует с 2014 г., а санкционный режим закреплен законами, изменить которые без согласия Конгресса невозможно. Из всех направлений российско-американских отношений влияние Конгресса наиболее ощутимо именно в санкционной политике: ограничительные меры против Москвы законодатели закрепляли в форме законов, сознательно выводя их за пределы усмотрения администрации [16]. Здесь вновь отчетливо видно воздействие «промежуточных переменных» неоклассического реализма: какова бы ни была воля исполнительной власти, институциональные фильтры ограничивают размах возможного сближения [2]. Российско-китайское взаимодействие в Арктике остается при этом фоном, который повышает цену российских уступок, но предметом размена не становится [7; 12]. Общий же предел сформулирован М.А. Хрусталевым исчерпывающе: «никто и никогда добровольно не пойдет на отказ от своих основных, а тем более жизненно важных интересов и своего превосходства» [4] – это в равной мере относится и к ядру американского курса, и к российскому отношению к собственному ледокольному активу. Потолок реалистичного сближения, следовательно, – урегулирование отдельных проблем при сохранении структурного противоречия.

Заключение

Ледокольное преимущество России над США представляет собой структурное условие арктической политики, устойчивое к смене администраций в Вашингтоне: три параллельные линии его преодоления – национальная судостроительная программа, союзническая кооперация и избирательное взаимодействие с Москвой – не устраняют разрыв в горизонте до середины 2030-х гг., что подтверждает выдвинутую гипотезу. Формула «догнать Россию», вынесенная в заглавие статьи, точно фиксирует асимметрию, но вводит в заблуждение относительно ее динамики: догоняющий движется за целью, которая сама не стоит на месте.

Для России из проведенного анализа следуют три вывода. Во-первых, ледокольное превосходство – редкий в нынешних российско-американских отношениях актив, спрос на который предъявляет сам контрагент; его рационально реализовывать в коммерческих форматах, не конвертируя в стратегические уступки. Во-вторых, устойчивость возможных договоренностей обратно пропорциональна степени их политизации: контрактные, обратимые, опирающиеся на действующие правовые механизмы форматы – маршрутизация в Беринговом проливе, поисково-спасательное взаимодействие, обмен научными данными – способны пережить смену администрации, тогда как политически нагруженные пакетные решения затрагивают ядро американского курса и потому заведомо неустойчивы. В-третьих, сама готовность США к диалогу объясняется нынешней нехваткой собственных мощностей и не предполагает пересмотра базовых установок: по мере ввода в строй PSC и ASC ценность российских ледоколов для Вашингтона будет снижаться. Окно возможностей ограничено во времени, и цена промедления для России будет только расти.

Литература

1. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // *World Politics*. 1998. Vol. 51. No. 1. P. 144–172.
2. Ripsman N.M., Taliaferro J.W., Lobell S.E. *Neoclassical Realist Theory of International Politics*. New York: Oxford University Press, 2016. 208 p.
3. Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. 3-е изд., испр. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2025. 304 с.
4. Хрусталев М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Аспект Пресс, 2015. 208 с.
5. Теребов О.В. Перспективы решения «ледокольного вопроса» в США // *Россия и Америка в XXI веке*. 2021. № 2.
6. Теребов О.В. Арктическая политика США и интересы России: прошлое, настоящее, будущее. М.: Весь Мир, 2019. 256 с.
7. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Российско-американские отношения в Арктике: сотрудничество или соперничество? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 9. С. 103–111. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-9-103-111>
8. Конышев В.Н., Сергунин А.А. О новой военной стратегии США в Арктике // *Арктика и Север*. 2024. № 57. С. 226–243. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.226>

9. Данилов Д.А. НАТО в Арктике: импульсы и ограничения // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2024. № 5. С. 7–17. DOI: <https://doi.org/10.15211/vestnikieran52024717>

10. Гудев П.А. Северный морской путь: проблемы легитимизации национального статуса в рамках международного права: часть I // *Арктика и Север*. 2020. № 40. С. 142–164. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.142>

11. Вяхирева Н.С. Интересы внерегиональных государств в Арктике: тетрадь № 93 / РСМД. М.: НП РСМД, 2025.

12. Петровский В.Е. Новый военно-политический ландшафт в Арктике: прогнозы из Китая // *Арктика и Север*. 2024. № 54. С. 74–86. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.74>

13. Keohane R.O., Nye J.S. *Power and Interdependence*. 4th ed. Boston: Longman, 2012. 368 p.

14. Schweller R.L. *Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power*. Princeton: Princeton University Press, 2006. 200 p.

15. Боршполец К.П. Методы политических исследований. М.: Аспект Пресс, 2005. 221 с.

16. Неклюдов Н.Я. Внешняя политика как социальная практика: роль Конгресса США в российско-американских отношениях (2009–2020 гг.). М.: Аспект Пресс, 2025. 322 с.

17. O'Rourke R. Coast Guard Polar Security Cutter (PSC) and Arctic Security Cutter (ASC) Icebreaker Programs: Background and Issues for Congress: CRS Report RL34391. Washington, D.C.: Congressional Research Service, 2026. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/RL/RL34391> (дата обращения: 24.07.2026).

18. The Cost of the Coast Guard's Polar Security Cutter. Washington, D.C.: Congressional Budget Office, 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cbo.gov/publication/60656> (дата обращения: 24.07.2026).

19. 2024 Arctic Strategy. Washington, D.C.: U.S. Department of Defense, 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF> (дата обращения: 24.07.2026).

“CATCHING UP WITH RUSSIA”: THE U.S. ICEBREAKER PROGRAM AND THE CONTOURS OF POSSIBLE AGREEMENTS WITH MOSCOW

Zhorina A.Yu.

Moscow State Institute of International Relations

The article examines the asymmetry between Russian and U.S. icebreaker capabilities as a structural factor shaping the possibilities and limits of bilateral interaction in the Arctic. Drawing on neoclassical realism and the Russian methodology of applied analysis of international situations, the author shows that the U.S. icebreaker deficit is structural in nature: it has reproduced itself under administrations of both parties owing to the condition of the shipbuilding industrial base, the loss of polar shipbuilding competencies, and the length of production cycles. Three avenues of U.S. policy aimed at narrowing the gap are considered: the national icebreaker construction program, allied cooperation within the ICE Pact, and selective probing of cooperation with Russia. It is established that none of them eliminates the asymmetry within the horizon of the mid-2030s. The article substantiates the conclusion that Russia's superiority in the icebreaker domain can serve as a bargaining asset only in a limited range of practical matters – commercial escort of vessels, icebreaker services, and safety of navigation – whereas the basic tenets of the U.S. course are not subject to revision. Drawing on the distinction between the stable “core” and the adjustable “shell” of the U.S. foreign policy program, the author identifies the conditions under which particular formats of Russian-American interaction in the Arctic remain resilient to political fluctuations.

Keywords: Arctic, icebreaker fleet, Russia, USA, U.S. Coast Guard, Polar Security Cutter, ICE Pact, Northern Sea Route, Russian-American relations.

References

1. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // *World Politics*. 1998. Vol. 51. No. 1. P. 144–172.
2. Ripsman N.M., Taliaferro J.W., Lobell S.E. *Neoclassical Realist Theory of International Politics*. New York: Oxford University Press, 2016. 208 p.
3. Istomin I.A. *The Logic of State Behavior in International Politics*. 3rd ed., rev. and enl. M.: Aspect Press, 2025. 304 p.
4. Khrustalev M.A. *Analysis of International Situations and Political Expertise*. M.: Aspect Press, 2015. 208 p.
5. Terebov O.V. Prospects for Solving the “Icebreaker Question” in the USA // *Russia and America in the 21st Century*. 2021. No. 2.
6. Terebov O.V. *U.S. Arctic Policy and Russia's Interests: Past, Present, Future*. M.: Ves Mir Publishing House, 2019. 256 p.
7. Konyshov V.N., Sergunin A.A. Russian-American Relations in the Arctic: Cooperation or Rivalry? // *World Economy and International Relations*. 2018. Vol. 62. No. 9. P. 103–111. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-9-103-111>
8. Konyshov V.N., Sergunin A.A. On the New U.S. Military Strategy in the Arctic // *Arctic and North*. 2024. No. 57. P. 226–243. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.226>

9. Danilov D.A. NATO in the Arctic: Impulses and Limitations // Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe of the RAS. 2024. No. 5. P. 7–17. DOI: <https://doi.org/10.15211/vestnikieran52024717>

10. Gudev P.A. The Northern Sea Route: Problems of Legitimizing the National Status under International Law: Part I // Arctic and North. 2020. No. 40. P. 142–164. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.142>

11. Vyakhireva N.S. Interests of Non-Regional States in the Arctic: Paper No. 93 / RI-AC. M.: NPMP RIAC, 2025.

12. Petrovsky V.E. New Military-Political Landscape in the Arctic: Forecasts from China // Arctic and North. 2024. No. 54. P. 74–86. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.74>

13. Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence. 4th ed. Boston: Longman, 2012. 368 p.

14. Schweller R.L. Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power. Princeton: Princeton University Press, 2006. 200 p.

15. Borishpolets K.P. Methods of Political Research. M.: Aspect Press, 2005. 221 p.

16. Neklyudov N. Ya. Foreign Policy as a Social Practice: The Role of the U.S. Congress in Russian-American Relations (2009–2020). M.: Aspect Press, 2025. 322 p.

17. O'Rourke R. Coast Guard Polar Security Cutter (PSC) and Arctic Security Cutter (ASC) Icebreaker Programs: Background and Issues for Congress: CRS Report RL34391. Washington, D.C.: Congressional Research Service, 2026. [Electronic resource]. Access mode: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/RL/RL34391> (access date: 24/07/2026).

18. The Cost of the Coast Guard's Polar Security Cutter. Washington, D.C.: Congressional Budget Office, 2024. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.cbo.gov/publication/60656> (access date: 24/07/2026).

19. 2024 Arctic Strategy. Washington, D.C.: U.S. Department of Defense, 2024. [Electronic resource]. Access mode: <https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF> (access date: 24/07/2026).

Лю Лу,

аспирант, Белорусский государственный университет
E-mail: 2751292482@qq.com

В статье рассматривается проблема взаимодействия Китая и России в БРИКС. Цель статьи состоит в оценке роли китайско-российского взаимодействия в БРИКС. Основу статьи составляют публикации китайских и российских авторов, а также анализ исходных документов – заявлений, деклараций, концепций, решений партийных съездов и т.п. При исследовании были использованы общелогические и частнонаучные методы. Центральное место занимает метод анализа источников. Автором выявлены особенности взаимодействия Китая и России в БРИКС в контексте их внешнеполитических стратегий, дана оценка потенциала деятельности указанного объединения. С точки зрения автора, наиболее успешно китайско-российское взаимодействие в БРИКС осуществляется в культурной и гуманитарной сферах. Практическая значимость статьи состоит в определении наиболее перспективных направлений российско-китайского взаимодействия в БРИКС.

Ключевые слова: Китай, Россия, БРИКС, межгосударственное взаимодействие, международная безопасность, международный терроризм, информационная безопасность, межгосударственные расчеты, культурное и гуманитарное сотрудничество.

Введение

С начала XXI века в международных отношениях происходит глубокая структурная трансформация: мировой центр экономической активности и импульсы роста смещаются в сторону новых развивающихся экономик, а в сфере глобального управления усиливаются противоречия, связанные с определением правил и степенью легитимности существующих политических институтов.

В этом контексте объединение БРИКС, возникшее на основе совместной инициативы Бразилии, России, Индии и Китая, а затем расширившееся за счет приема ЮАР и других стран мира представляет собой не случайное политическое явление, а институционализированный ответ на изменение в распределении международного потенциала и несостоятельность прежних инструментов распределения общественных благ и властных полномочий.

Ключевую роль в деятельности БРИКС играют Китай и Россия, стратегическая координация которых оказывает существенное влияние на эволюцию данного объединения и результаты его деятельности. Оценка особенностей и результатов китайско-российского взаимодействия в рамках БРИКС обладает высокой степенью актуальности, поскольку позволяет определить основные тенденции развития данного объединения и раскрыть особенности механизма функционирования многосторонней дипломатии в новых международных реалиях.

Материалы и методы

В процессе проведения исследования автором были использованы разнообразные группы источников: декларации саммитов БРИКС; программные документы и акты национального законодательства Китая и России; заявления, доклады и выступления, интервью государственных и политических деятелей; информационные материалы органов государственной власти и управления Китая и России; статистические и информационные материалы; текущие материалы СМИ.

Методологической и теоретической основой исследования стали принципы объективности и научности. Методологическую основу диссертации также составляют отдельные положения теории политического реализма, применяемой при анализе внешней политики государств. В процессе комплексного и относительно всестороннего рассмотрения китайско-российского взаимодействия в формате БРИКС были использованы общеметодологические подходы (диалектический подход, системный подход), общелогические методы (анализ, синтез, классификация, сравнение) и частнонаучные методы (историко-генетический метод, контент-анализ, ивент-анализ, анализ намерений). Центральное место занимал метод исследования источников – исходных документов и аналитических авторских работ.

Литературный обзор

В китайской научной литературе уделялось много внимания общим принципам деятельности БРИКС и его связи со странами «Глобального Юга». Достигнутые результаты и перспективы развития БРИКС китайскими учеными характеризовались положительно. Деятельность Китая в БРИКС китайские исследователи, в частности, Пу Пин [1], рассматривали как закономерный результат китайской внешней политики, направленной на построение международных отношений нового типа.

При характеристике политики России в отношении БРИКС китайские исследователи указывали на ее конструктивный характер и стремление к построению многополярного мира (в этом плане следует отметить публикацию Лю Юнхуэя [2]). Исследователи Цзя Чжунчжэн и Жэнь Линь [3] считали, что в условиях западной изоляции и санкций БРИКС стал для России ключевой платформой для прорыва дипломатической блокады, поворота к «незападному миру», восстановления статуса великой державы и продвижения многополярного мирового порядка.

Что касается влияния БРИКС на китайско-российские двусторонние отношения, то в Китае этот вопрос к середине 2020-х гг. был изучен недостаточно. В целом существовало мнение, что БРИКС позволяет Китаю и России осуществлять координацию действий помимо двустороннего формата и тем самым способствует достижению «многостороннего мультипликативного эффекта» в виде синергии повесток дня, сопряжения политик и предоставления общественных благ без формирования формального союза.

Исследование Ли Син, Гэн Цзе и Чэн Чжицзе о взаимосвязи «Одного пояса, одного пути», механизма БРИКС и китайско-российского сотрудничества [4] дает понимание того, каким образом Китай и Россия с помощью многосторонних платформ усиливают эффективность двустороннего сотрудничества и совместно формируют региональную и глобальную повестку дня.

В работе Чжао Луна [5] содержится указание на наличие определенных расхождений относительно сотрудничества двух стран, в том числе в рамках БРИКС, для устранения которых требуются взаимные усилия.

В российском экспертном и научном сообществе проблематика, связанная с БРИКС, стала активно изучаться в 2010-х гг. Российские ученые, как и их китайские коллеги, считали, что возникновение БРИКС стало закономерным результатом кризиса действующей мировой системы.

Проблематика деятельности России и Китая в БРИКС изучена А.А. Киреевым [6; 7], Я.В. Лексютинной [8], В.А. Соловьевой и Т.С. Ягья [9]. Российские исследователи считали, что активное участие в создании и деятельности БРИКС являлось логичным следствием стремления России к построению многополярного мира и сохранению «стратегической самостоятельности» в мировой политике, хотя не отрицали стремления снизить тяжесть западного санкционного давления после 2014 г. Что касается деятельности Китая в БРИКС, то она на первых порах также оценивалась в контексте экономических интересов этой страны, но в начале 2020-х гг. российские исследователи стали обращать внимание на стремление китайского руководства оказывать влияние на мировую политику посредством поддержки БРИКС (такое утверждение, к примеру, содержалось в совместной публикации В.А. Соловьевой и Т.С. Ягья [9, с. 124]).

Проблематика, связанная с китайско-российским сотрудничеством в рамках БРИКС, долгое время большого интереса у российских ученых не вызывала. В 2013 г. в Российской Федерации была защищена кандидатская диссертация С.А. Коршунова по проблеме российско-китайских отношений в рамках БРИКС, в которой российско-китайские отношения были охарактеризованы как несущая «ось» БРИКС [10].

В 2020-х гг. в России появились научные публикации с анализом российско-китайского взаимодействия в рамках БРИКС в новых условиях. В работах Д.С. Пастухова [11], Л.Н. Борисоглебской и Я.О. Лебедевой [12] признавался факт расхождений в подходах двух стран к деятельности БРИКС, но при этом указывалось на высокую степень их совпадения в вопросах многополярности, противодействия гегемонии западных стран и реформы глобального управления.

Результаты

Возникновение БРИКС предопределила недостаточно высокая эффективность однополярной модели глобального управления, которая была фактически установлена после завершения «холодной» войны. Основу этой модели составляло доминирование США и их союзников (прежде всего входящих в «Большую семерку»), определявших основные тренды глобального развития и правила мировой политики.

Вместе с тем в конце XX и начале XXI вв. произошло быстрое развитие экономик стран Азии (прежде всего Китая, Индии и монархий Персидского залива), а также России и Бразилии. В условиях успешного экономического роста эти государства стремились повысить свой политический статус и внести более весомый вклад в глобальное управление.

Первоосновой нового объединения стал консультационный механизм, созданный по итогам встреч руководителей Бразилии, России, Индии и Китая в 2009–2010 гг. В последующие годы БРИКС эволюционировал в более институционализированное межгосударственное объединение. Входящие в его состав государства перешли от рассмотрения чисто экономических вопросов к обсуждению вопросов мировой политики и безопасности. Также они приступили к реализации совместных проектов в сферах науки и технологий, культуры, образования, в гуманитарной сфере.

Немаловажным было то, что в рамках БРИКС начала формироваться ценностная составляющая. Ее основу составило стремление сохранять государственный суверенитет и свободу действий на международной арене, а также уважение к особенностям политического развития и цивилизационно-культурному своеобразие государственных членов БРИКС.

К середине 2020-х гг. объединение БРИКС функционировало как модель реформирования мировой политики и экономической координации, исключавшая полное замещение действующих институтов глобального управления. Большое значение имело учреждение Нового банка развития и Пула условных валютных резервов, деятельность которых была направлена на содействие развитию без выдвигания

дополнительных политических условий. Также деятельность БРИКС подкрепляла широкая сеть отраслевых/министерских форматов.

Рост авторитета БРИКС привел к его расширению в 2011, 2024 и 2025 гг. (в начале 2026 г. в состав БРИКС входило 10 государств), созданию механизмов «БРИКС+» и «БРИКС аутрич», появлению категории стран-партнеров БРИКС. Расширение БРИКС повышало его репрезентативность и расширяло ресурсную базу, но при этом усиливало внутреннюю гетерогенность объединения и усложняло достижение консенсуса при принятии совместных решений (весьма наглядно это показали события начала 2026 г., когда входящие в состав БРИКС Иран и ОАЭ фактически оказались в состоянии военного конфликта).

Однако утверждения относительно деградации БРИКС не получили подтверждения. Можно предполагать, что дальнейшее развитие этого объединения будет сопровождаться совершенствованием качества работы координационных механизмов, успешностью в реализации достигнутых договоренностей и действий в условиях кризисного управления.

Значительный вклад в создание и последующее развитие БРИКС внесли Китай и Россия. Возникновение указанного объединения отражало обоюдное стремление этих государств перестроить мир на более справедливых началах в условиях кризиса идеи однополярного мира под эгидой стран Запада. Первая встреча руководителей Бразилии, Индии, Китая и России (БРИК) была проведена 16 июня 2009 г. в российском городе Екатеринбурге. Китай же обеспечил дальнейшее развитие БРИКС своей экономической мощью.

Следует отметить, что Китай изначально рассматривал объединение БРИКС преимущественно в качестве инструмента развития и укрепления внешних экономических связей и повышения роли китайского государства в системе глобального управления. В докладе Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК в ноябре 2012 г. было отмечено, что повышение значимости БРИКС стимулирует развитие международного порядка и международных систем в справедливом и разумном направлении [13].

Акцент на поддержке БРИКС в качестве важного элемента новой, более справедливой и инклюзивной системы международных отношений и инструмента выстраивания более тесных и продуктивных отношений со странами «Глобального Юга» был усилен после выдвижения Председателем КНР Си Цзиньпином инициативы по созданию Сообщества единой судьбы человечества.

Установка на необходимость продолжения работы в БРИКС была подтверждена в решениях XIX и XX съездов КПК, которые проходили соответственно в 2017 и 2022 гг. В частности, на XX съезде КПК было подчеркнуто, что Китай стремится расширять влияние БРИКС наряду с другими многосторонними механизмами сотрудничества [14].

Что касается России, то она изначально стремилась выступать в роли посредника между странами-членами G8, и странами «четверки», которые в это объединение не входили [6, с. 251].

9 февраля 2013 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин одобрил Концепцию участия Российской Федерации в БРИКС (при этом Россия стала единственным государством-членом БРИКС, у которого был разработан документ подобного рода). В Концепции указывалось, что, при наличии твердой политической воли руководства государств – участников БРИКС к углублению взаимодействия, данное объединение может стать одним из ключевых элементов новой системы глобального управления, прежде всего, в финансово-экономической сфере. При этом Российская Федерация рассматривала БРИКС как новую модель глобальных отношений, способствующую преодолению раздела мира по линиям Восток – Запад и Север – Юг [15].

Перспективной целью Российской Федерации в БРИКС была объявлена трансформация объединения из диалогового форума в полноформатный механизм стратегического и текущего взаимодействия по важнейшим вопросам мировой политики и экономики [15].

В 2014 г. международное положение России осложнилось. Она была исключена из G8 и подвергнута санкционному давлению со стороны Запада (после 2022 г. давление усилилось, распространившись на различные сферы). В новых условиях присутствие в БРИКС стало гарантией того, что Россия не останется в политической и экономической изоляции [6, с. 251].

В 2010-х – первой половине 2020-х гг. Китай и Россия вносили значительный вклад в развитие БРИКС посредством проведения саммитов этого объединения (саммиты БРИКС проводились в Китае в 2011, 2017, 2022 гг., в России – в 2009, 2015, 2020, 2024 гг.), поддержки институционального оформления БРИКС и его расширения. Существенных разногласий между ними по вопросам развития БРИКС не возникало. Обе страны рассматривали БРИКС не только как инструмент укрепления связей с другими государствами, но и как способ реализации собственных проектов развития.

В настоящее время Китай и Россия обладают значительным потенциалом для сохранения и развития БРИКС и, по сути, являются лидерами в этом объединении. Лидерский потенциал двух стран в БРИКС обеспечивают:

- значительный ресурсный потенциал (большая площадь территории; значительная численность населения; наличие запасов природных ресурсов; доступ к морям);
- достаточно высокий уровень экономического развития, способность генерировать новые технологии, открытость экономики по отношению к внешнему миру;
- сохранение государственного суверенитета;
- внешнеполитическая активность, выходящая на глобальный уровень, в сочетании со статусом Постоянных членов Совета Безопасности ООН;
- возможность использования методов «жесткой» и «мягкой» силы при осуществлении своих политических интересов.

Взаимодействие в рамках БРИКС дополняет и углубляет китайско-российские двусторонние связи в таких областях, как экономическая интеграция, финансовая безопасность и реформа глобального управления, способствует их выводу с двустороннего на глобальный уровень.

Вопросы обеспечения международной безопасности занимали важное место в повестке дня всех последующих саммитов БРИКС, включая те из них, которые проводились на территории Китая и России.

Ответственный подход Китая и России позволяет БРИКС выступать с солидарных позиций в отношении ряда региональных конфликтов (в особенности в Африке и на Ближнем Востоке) и предлагать посреднические услуги в деле их урегулирования.

В рамках БРИКС, равно как и на двустороннем уровне, Россия поддерживает коренные интересы Китая, включая вопросы Тайваня, Синьцзяна и Гонконга, выступает против вмешательства во внутренние дела Китая и попыток воспрепятствовать политике воссоединения китайского народа. В свою очередь, Китай в БРИКС выступает за мирное разрешение текущих геополитических конфликтов с российским участием и за отмену экономических санкций, введенных странами Запада в отношении России. Обе страны при поддержке других стран-членов БРИКС выступают за сохранение значимой роли ООН в международных делах и выражают приверженность соблюдению норм международного права.

Китай и Россия демонстрируют высокий уровень консенсуса и сотрудничества в области борьбы с терроризмом и кибербезопасности. Антитеррористическое сотрудничество рассматривается в качестве одного из наиболее согласованных вопросов безопасности между Китаем, Россией и другими странами БРИКС.

В области кибербезопасности Китай и Россия продвигают разработку Дорожной карты практического сотрудничества БРИКС в области кибербезопасности, стремясь создать транснациональный механизм совместной защиты данных для противодействия масштабным и систематическим кибератакам. Подчеркивается необходимость использования Дорожной карты практического сотрудничества БРИКС в области кибербезопасности для построения справедливой и разумной системы глобального управления интернетом [16].

С помощью механизмов «БРИКС+», «БРИКС аутич», непосредственного расширения БРИКС и работы со странами-партнерами Китай и Россия сопрягают свои стратегические интересы с коллективными интересами стран «Глобального Юга» и тем самым способствуют переходу от однополярности к более инклюзивному и справедливому миропорядку.

Переход к расчетам в национальных валютах в китайско-российской торговле постепенно становится привлекательным и для других стран-членов БРИКС, однако сохраняющиеся расхождения в части основ торговой политики, механизмов и нормативных актов, инфраструктурные проблемы, западные санкции в отношении России и торговые ограничения, введенные США в отношении Китая в 2025 г., сдерживают развитие китайско-российской торговли и формирование единого экономического пространства в рамках БРИКС.

Весьма эффективным выглядит китайско-российское сотрудничество в области науки и технологий, образования, культуры и гуманитарных контактов, которое служит образцом для других стран-членов БРИКС и способствует реализации совместных проектов в рамках расширяемого объединения.

Несмотря на широкий консенсус и сотрудничество между Китаем и Россией в сфере безопасности, стратегические позиции и интересы двух стран не всегда совпадают. К примеру, Китай не готов вступить в открытую конфронтацию с Западом на стороне России. Китайские официальные лица неоднократно подчеркивали, что отношения стра-

тегического партнерства с Россией не означают создания полноценного военного союза с ней, направленного против третьих стран. Также КНР воздерживается от официального признания новых границ России в том виде, в каком они сформировались в 2014–2024 гг. Это расхождение раскрывает пределы сотрудничества Китая и России в сфере безопасности в рамках БРИКС. Различия в подходах затрудняют формирование единой позиции по некоторым вопросам международной безопасности, ограничивая способность стран БРИКС действовать согласованно в этом направлении.

Тем не менее, существующие противоречия не являются непреодолимыми. Более того, использование площадки БРИКС способствует нормализации китайско-индийских отношений, проблемным моментом в которых являются расхождения относительно территориального разграничения. Благодаря содействию России, которая сохраняет с Индией дружественные отношения, Китай перестал возражать против придания Индии статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН. В октябре 2024 г. на полях саммита БРИКС в Казани состоялась встреча руководителей Китая и Индии, которая стала свидетельством нормализации китайско-индийских отношений, поскольку после обострения китайско-индийского пограничного спора в 2020 г. встречи руководителей этих двух стран не проводились.

В 2025 г. руководители Китая и России продемонстрировали готовность к продолжению работы в БРИКС. В частности, Председатель КНР Си Цзиньпин в выступлении на внеочередном онлайн-саммите БРИКС в Рио-де-Жанейро в сентябре 2025 г. обратил внимание на готовность Китая вместе с другими странами БРИКС реализовать Инициативу по глобальному развитию, высококачественно работать над реализацией Инициативы «Один пояс и один путь», проявлять преимущество всех сторон, углублять практическое сотрудничество, добиваться больших результатов в торгово-экономической, финансовой и научно-технической сферах, чтобы сотрудничество в рамках «Большого БРИКС» обрело крепкую основу, мощную движущую силу и все более возрастающее влияние во благо народов [17].

Президент Российской Федерации В.В. Путин в выступлении на пленарном заседании XVII саммита БРИКС в Рио-де-Жанейро 6 июля 2025 г. отметил, что это объединение по праву утвердилось среди ключевых центров глобального управления [18]. В сентябре 2025 г. на внеочередном онлайн-саммите БРИКС он поддержал предложение руководства Бразилии и других стран-членов БРИКС о необходимости перехода к более справедливому международному порядку [19].

Выстраивание китайско-российских отношений на основе взаимного доверия и взаимной пользы способствует дальнейшей институционализации механизма БРИКС, повышению его потенциала в области антикризисного управления, углублению научно-технического и гуманитарного сотрудничества, расширению взаимодействия со странами «Глобального Юга» и ЕАЭС.

Большое значение имеет принятие руководителями Китая и России 20 мая 2026 г. Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики о становлении многополярного мира и международных отношений нового типа. В этом документе сформулированы принципы нового мироустройства (открытости мира для инклюзивного и взаимовыгодного сотрудничества; неделимости и равной безопасности; демократизации международных отношений и совершенствования системы глобального управления; сохранения цивилизационного и ценностного разнообразия) и выражено намерение добиваться воплощения их на практике [20]. Вне всякого сомнения, БРИКС будет задействован в качестве важного инструмента реализации этих идейных установок.

Обсуждение

Автор публикации соглашается с мнением С.А. Коршунова о том, что взаимодействие Китая и России в БРИКС представляет собой своеобразную «ось» этого объединения, поскольку обе страны входят в число политических и экономических «тяжеловесов» этого объединения и выступают в качестве «стран-цивилизаций».

В данной статье определены интересы Китая и России в отношении БРИКС в контексте их внешнеполитических стратегий, выявлены общие черты и специфика стратегических подходов двух государств к развитию БРИКС в контексте глобального реформирования международных отношений. Проведенный автором сравнительный анализ интересов Китая и России в отношении БРИКС показывает, что, несмотря на определенные различия в тактических установках, стратегические цели двух государств в значительной степени совпадают.

Автором сделан вывод, что на нынешнем этапе китайско-российские отношения в рамках БРИКС представляют собой специфическую модель взаимодействия, ключевыми характеристиками которой являются: стратегическая координация (схожесть оценок ключе-

вых тенденций международных отношений), формирование повестки дня (определение приоритетов и тем для выстраивания диалога), институциональное строительство (разработка механизмов и процедур и адаптация их к новым условиям), а также дискурсивная координация (сближение языка описания проблем глобального развития и управления). В совокупности указанные компоненты способствуют укреплению политического доверия между государствами-членами БРИКС, расширению их экономических и финансовых связей и повышению совместной способности продвигать реформу глобального управления.

Имеющиеся расхождения между Китаем и Россией по некоторым вопросам мировой политики и экономики (отношение к глобализации, обеспечение международной безопасности, расширение БРИКС) не является обстоятельством непреодолимой силы, способным существенно сдержать их двустороннее сотрудничество и взаимодействие в рамках БРИКС.

Закключение

В статье дана оценка взаимодействия Китая и России в рамках БРИКС и сделан вывод о заинтересованности обеих стран в сохранении БРИКС и его дальнейшем развитии. Отмечено, что консенсус Китая и России в отношении БРИКС создает благоприятные условия для деятельности этого объединения, несмотря на попытки стран Запада (прежде всего США и ЕС) расколоть БРИКС и ослабить его влияние в мире.

По мнению автора статьи, к перспективным направлениям взаимодействия Китая и России в формате БРИКС можно отнести продолжение работы по сопряжению формата БРИКС с интересами стран «Глобального Юга», созданию постоянно действующего и функционального механизма для перспективного кризисного управления и альтернативного урегулирования конфликтных ситуаций, создание параллельной экономической и финансовой системы с относительной функциональной полнотой и устойчивостью к давлению, переход структур БРИКС от ориентации на развитие к созданию действенного механизма коллективной финансовой защиты, углубление сотрудничества в сфере энергетики с созданием производственной цепочки в рамках БРИКС, формирование Стратегического партнерства БРИКС в области цифровых технологий и науки, интеграция культурных и гуманитарных мероприятий в направлении подлинного межцивилизационного диалога, расширение обменов в сферах образования и науки, спорта и туризма, а также других форм гуманитарного сотрудничества в БРИКС.

Литература

1. Пу Пин. Позиционирование механизма стран БРИКС в многосторонней дипломатии Китая // Преподавание и исследование. 2014. № 10. С. 52–59.
2. Ли Юнхуэй. Как Россия видит «Большое сотрудничество БРИКС» // Мировое знание. 2024. № 6. С. 32–34.
3. Цзя Чжунчжэн, Жэнь Линь. Исследование экономических связей России со странами БРИКС // Российские исследования. 2015. № 5. С. 138–159.
4. Ли Син, Гэн Цзе, Чэн Чжицзе. Механизм сотрудничества БРИКС и российско-китайские отношения в рамках «Одного пояса, одного пути» // Динамика зарубежной теории. 2019. № 4. С. 115–126.
5. Чжао Лун. Многосторонние пути и формирование повестки дня российско-китайского стратегического взаимодействия в контексте великих перемен // Российские исследования. 2024. № 1. С. 104–127.
6. Киреев А.А. Роль России в группе БРИКС // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 250–252.
7. Киреев А.А. Политика Китайской Народной Республики в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества и группы БРИКС // Современный Китай в системе международных отношений / отв. ред. Д.В. Буяров. 3-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2015. – 280 с.
8. Лексютина Я.В. Китай в БРИКС: первый среди равных // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5. С. 11–20. DOI: 10.31857/1.
9. Соловьева В.А., Ягья Т.С. Деятельность Китайской Народной Республики в рамках БРИКС // Россия в глобальном мире. 2022. № 22(45). С. 117–125. DOI: 10.48612/rg/RGW.22.10.
10. Объединение БРИКС и российско-китайские отношения. 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития. Коршунов Сергей Александрович. М., 2013.
11. Пастухов Д.С. Особенности формирования позиций Россия и Китая по вопросу сотрудничества в БРИКС // Центральноазиатские исторические чтения. 2024. № 6. С. 150–152.
12. Борисоглебская Л.Н., Лебедева Я.О. Сотрудничество Китая и России в рамках БРИКС // Развитие стран БРИКС в глобальном пространстве. – М.: ИНФРА-М, 2025. С. 174–175.

13. Доклад Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК // URL: <https://ruchina.org/china-article/china/61.html> (дата обращения: 22.01.2026).

14. Полный текст доклада 20-ому Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая // URL: <https://russian.news.cn/20221025/b32a2a0cff064246838b0999eedebaa/c.html> (дата обращения: 25.01.2026).

15. Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1744621/ (дата обращения: 01.03.2026).

16. Ван И о сотрудничестве стран БРИКС в борьбе с терроризмом и обеспечении кибербезопасности // URL: https://www.mfa.gov.cn/wjzbzh/202505/20250501_11614769.shtml (дата обращения: 01.05.2025).

17. Полный текст выступления председателя КНР Си Цзиньпина на онлайн-саммите лидеров стран БРИКС // URL: <https://russian.cgtn.com/news/2025-09-08/1965069765134426114/index.html> (дата обращения: 08.09.2025).

18. Пленарное заседание XVII саммита БРИКС // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/77373?ysclid=mnpyh8dhk972311731> (дата обращения: 06.07.2025).

19. Лидеры стран БРИКС провели внеочередной онлайн-саммит объединения // URL: <https://ria.ru/20250908/sammit-2040450166.html?ysclid=mnm6r4d2i1936083254> (дата обращения: 08.09.2025).

20. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о становлении многополярного мира и международных отношений нового типа // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6486?ysclid=mqwybvvhkpe336283510> (дата обращения: 21.05.2026).

CHINA-RUSSIA COOPERATION IN THE BRICS: KEY RESULTS AND PROSPECTS

Liu Lu
Belarusian State University

The article discusses the problem of cooperation between China and Russia in the BRICS. The purpose of the article is to assess the role of Sino-Russian cooperation in the BRICS. The article is based on publications by Chinese and Russian authors, as well as an analysis of source documents – statements, declarations, concepts, decisions of party congresses, etc. General logical and private scientific methods were used in the research. The central place is occupied by the method of source analysis. The author identifies the specifics of cooperation between China and Russia in the BRICS in the context of their foreign policy strategies, assesses the potential of these countries in the BRICS and the practical results of their cooperation for the activities of this association. From the point of view of the author of the article, the most successful Sino-Russian cooperation in the BRICS is carried out in the cultural and humanitarian spheres. The practical significance of the article is to identify the most promising areas of Russian-Chinese cooperation in the BRICS.

Keywords: China, Russia, the BRICS, interstate cooperation, international security, international terrorism, information security, interstate settlements, cultural and humanitarian cooperation.

References

1. Pu Ping. Positioning the mechanism of the BRICS countries in China's multilateral Diplomacy // Teaching and Research. 2014. № 10. Pp. 52–59.
2. Li Yonghui. How Russia sees the «Great BRICS Cooperation» // World Knowledge. 2024. № 6. Pp. 32–34.
3. Jia Zhongzheng, Ren Lin. A study of Russia's economic relations with the BRICS countries // Russian Studies. 2015. № 5. Pp. 138–159.
4. Li Xing, Geng Jie, Cheng Zhijie. The mechanism of BRICS cooperation and Russian-Chinese relations within the framework of the «One Belt, One Road» // Dynamics of foreign theory. 2019. № 4. Pp. 115–126.
5. Zhao Long. Multilateral ways and shaping the agenda of Russian-Chinese strategic cooperation in the context of great changes // Russian research. 2024. № 1. Pp. 104–127.
6. Kireev A.A. Russia's role in the BRICS group // Theory and practice of social development. 2015. № 12. Pp. 250–252.
7. Kireev A.A. The policy of the People's Republic of China within the framework of the Shanghai Cooperation Organization and the BRICS Group // Modern China in the system of international relations / ed. by D.V. Buyarov, 3rd ed. – Moscow: LENAND, 2015–280 p.
8. Leksiutina Y. China in BRICS: first among equals // Problemy dalnego vostoka. 2016. № 5. Pp. 11–20. DOI: 10.31857/1
9. Solovyeva V.A., Yagya T.S. The activities of the People's Republic of China within the framework of BRICS // Russia in the Global World. 2022. № 22(45). Pp. 117–125. DOI: 10.48612/rg/RGW.22.10.
10. The unification of BRICS and Russian-Chinese relations. 23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development. Korshunov, Sergey Alexandrovich. Moscow, 2013.
11. Pastukhov D.S. Specifics of Russia's and China's Views on BRICS Cooperation // Central Asian historical readings. 2024. № 6. Pp. 150–152.
12. Borisoglebskaya L.N., Lebedeva Ya.O. Cooperation between China and Russia within the framework of BRICS // Development of the BRICS countries in the global space. Moscow: INFRA-M, 2025, pp. 174–175.
13. Hu Jintao's report at the 18th CPC National Congress // URL: <https://ruchina.org/china-article/china/61.html> (accessed: 22.01.2026).

14. Full text of the report to the 20th National Congress of the Communist Party of China // URL: <https://russian.news.cn/20221025/b32a2a0cff064246838b0999eeedeabaac.html> (accessed: 25.01.2026).

15. The concept of the Russian Federation's participation in the BRICS association // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1744621/ (accessed: 01.03.2026).

16. Wang Yi on cooperation between the BRICS countries in combating terrorism and ensuring cybersecurity // URL: https://www.mfa.gov.cn/wjzbhd/202505/t20250501_11614769.shtml (accessed: 01.05.2025).

17. The full text of Chinese President Xi Jinping's speech at the BRICS Leaders' online summit // URL: <https://russian.cgtn.com/news/2025-09-08/1965069765134426114/index.html> (accessed: 08.09.2025).

18. The plenary session of the XVII BRICS Summit // URL.: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/77373?ysclid=mn9yh8dhk972311731> (accessed: 06.07.2025).

19. The leaders of the BRICS countries held an extraordinary online summit of the association // URL: <https://ria.ru/20250908/sammit-2040450166.html?ysclid=mnm6r-4d2i1936083254> (accessed: 08.09.2025).

20. Joint Declaration of the Russian Federation and the People's Republic of China on the Formation of a multipolar World and a new Type of International Relations // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6486?ysclid=mqzhcb2x6x863399701> (accessed: 21.05.2026).

Проблемы и механизмы формирования психофизической устойчивости курсантов ведомственных образовательных организаций

Макарова Марина Александровна,

старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФГБОУ ВО «Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России»

E-mail: makarovam88@bk.ru

Сибирко Михаил Анатольевич,

кандидат педагогических наук, начальник кафедры огневой подготовки, ФГБОУ ВО «Воронежский институт МВД России»

E-mail: m.sibirko@yandex.ru

Шкроб Наталья Валерьевна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФГБОУ ВО «Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России»

E-mail: nvshkrob-sibpsa@yandex.ru

В статье рассматривается проблема формирования психофизической устойчивости курсантов ведомственных образовательных организаций МЧС и МВД России. На основе синтеза эмпирических и теоретических данных выявлено противоречие между высокими требованиями к профессионально-важным качествам будущих специалистов экстремального профиля и отрицательной динамикой уровня их жизнестойкости и стрессоустойчивости в процессе обучения. Проанализированы специфические факторы дестабилизации: для курсантов МВД характерны гиподинамия, сочетание учебной и служебной нагрузок, необходимость формирования асертивного поведения; для курсантов МЧС – воздействие экстремальных факторов (высокие температуры, задымление, риск для жизни). Обосновано, что традиционная система профессионально-прикладной физической подготовки, ориентированная преимущественно на развитие моторных качеств, не обеспечивает необходимой психоэмоциональной и экзистенциальной регуляции. Предложен структурно-содержательный комплекс формирования психофизической устойчивости, включающий блоки индивидуализированной физической нагрузки с элементами стресс-инокуляции, когнитивно-экзистенциальной регуляции и личностно-типологической коррекции. Разработанный комплекс имеет научную и прикладную значимость для оптимизации образовательного процесса в силовых вузах.

Ключевые слова: психофизическая устойчивость, жизнестойкость, стрессоустойчивость, курсанты, МЧС России, МВД России, профессионально-прикладная физическая подготовка, экстремальные факторы, копинг-стратегии, личностно-типологические особенности.

Введение

Профессиональная деятельность сотрудников силовых ведомств, направленная на обеспечение законности, правопорядка и безопасности населения, характеризуется физическими и психоэмоциональными перегрузками, высокой ценой ошибки, непосредственным столкновением с экстремальными факторами. Образовательный процесс ведомственных вузов МЧС и МВД России также отличается довольно высокими требованиями к стрессоустойчивости курсантов, требуя от них мобилизации не только физических, но и глубинных психологических ресурсов. Ключевым качеством, обеспечивающим успешность и безопасность деятельности будущих специалистов силовых ведомств, выступает психофизическая устойчивость – системная способность личности сохранять внутреннюю сбалансированность, соматическое здоровье и успешность деятельности при воздействии неблагоприятных факторов.

Наряду с возрастанием требований к специалистам экстремального профиля в ряде научных работ отмечаются негативные тенденции уровня жизнестойкости и стрессоустойчивости у курсантов ведомственных вузов. Так, в исследовании, проведенном Ю.Г. Хлоповских с соавторами, показано, что доля обучающихся образовательной организации МЧС России с высоким уровнем общей жизнестойкости снижается с 55,9% в начале обучения до 41,2% к выпускному курсу [9]. Схожая ситуация характерна и для курсантов образовательных организаций системы МВД России. Полагаем, одна из причин этого заключается в том, что образовательный процесс, в частности, воспитательная система и физическая подготовка обучающихся, ориентированы на формирование дисциплинарных привычек и базовых двигательных навыков, не фокусируясь на личностном развитии обучающихся, формировании навыков психоэмоциональной регуляции, сохранении экзистенциального ядра личности.

Степень научной разработанности проблемы. Вопросы психологической подготовки специалистов экстремального профиля рассматривались в трудах В.А. Бодрова, Т.Г. Бохан, Е.П. Ильина, В.Л. Марищука, Ю.С. Шойгу и др.; проблемам жизнестойкости посвящены работы А.А. Земсковой, Н.А. Кравцовой, Н.О. Леоненко, Д.А. Леонтьева, С. Мадди, А.Н. Фоминой и др.; вопросы психофизической подготовки курсантов отражены в исследованиях А.В. Алдошина, А.А. Бобрищева, А.В. Герасимова, К.П. Калашникова, М.Т. Лобжи, Д.В. Осипова, В.С. Хагая, Х.И. Цечоева, А.В. Шульженко и др. При этом не снижается актуальность интегративных исследований, в которых рассматриваются пути и средства формирование психофизической устойчивости будущих специалистов силовых ведомств с учетом ведомственной специфики стрессоров.

Цель исследования – на основе синтеза эмпирических и теоретических данных выявить факторы, снижающие эффективность личностно-профессионального развития курсантов МЧС и МВД России, проанализировать динамику их жизнестойкости и обосновать направления формирования психофизической устойчивости.

Результаты и их обсуждение

Специфика профессиональной подготовки в ведомственных образовательных организациях состоит в том, что курсанты включены не только в учебную деятельность, но и в несение служебных нарядов, охрану общественного порядка и пр. Интенсивная и многообразная учебно-профессиональная деятельность, полностью подчиненная уставным правилам, отличающаяся соблюдением жесткой субординации во взаимодействии с другими субъектами образовательного процесса, обуславливает хроническое нервно-эмоциональное напряжение. Как отмечают А.В. Шульженко и К.П. Калашников в исследовании, посвященном формированию психофизической устойчивости курсантов образовательных организаций МВД России, «находясь в постоянно меняющихся условиях и обрабатывая большие объемы информации, обучающиеся испытывают стресс, который значительно увеличивает требования к их психофизическим качествам» [11, с. 267]. Причем стресс, характерный для теоретического блока обучения, связан не с повышенными физическими нагрузками, а напротив, с гиподинамией.

В вузах МЧС России к указанным факторам дестабилизации добавляются экстремальные условия учебно-профессиональной дея-

тельности. В ходе практических занятий на учебно-тренировочных полигонах будущие пожарные и спасатели испытывают воздействие высоких температур, задымление, необходимость принимать решения и действовать в условиях дефицита времени и высокого уровня риска для себя и окружающих. Как указывает Х.И. Цечоев, «сложилась противоречивая картина, отражающая несоответствие между требованиями профессиональной деятельности к психической и физической готовности пожарных и реальным уровнем развития различных компонентов, отражающих эти состояния готовности» [10, с. 4]. Несмотря на то, что в исследованиях не отмечается характерная процессу теоретического обучения курсантов МЧС России гиподинамия, на наш взгляд, она присуща им так же, как и обучающимся вузов МВД России.

При различии указываемых авторами [10; 11 и др.] стрессоров (хронический стресс, гиподинамия в МВД и острый экстремальный стресс в МЧС) интегральным качеством, обеспечивающим успешность и безопасность деятельности, выступает психофизическая устойчивость.

Анализ современных эмпирических данных позволяет выявить тревожную тенденцию. Согласно результатам исследования, в котором приняли участие обучающиеся I–IV курсов Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России и Воронежского института МВД России, уровень жизнестойкости и ее компонентов в процессе учебно-профессиональной деятельности снижается [9, с. 108].

К выпускному курсу происходит достоверное снижение ключевых показателей жизнестойкости – вовлеченности, контроля и принятия риска. Доля обучающихся с высоким уровнем общей жизнестойкости в вузах МЧС уменьшается с 55,9% до 41,2% [9, с. 110]. Снижение вовлеченности ведет к рассеянности, потере интереса к профессии, а снижение контроля – к утрате субъектной позиции в принятии решений в экстремальных условиях.

Психофизическая устойчивость имеет четкие физиологические и типологические корреляты. Исследования курсантов женского пола в вузах МВД России показывают, что процесс адаптации к физическим нагрузкам тесно связан с перестройкой работы сердечно-сосудистой системы. К концу первого года обучения у девушек наблюдается урежение ЧСС, приближение индекса Кердо к нормотонии; режим деятельности сердечно-сосудистой системы становится более экономичным. Однако на начальном этапе обучения сложно-координационным действиям (единоборствам) наблюдается жесткая фиксация суставов и неэкономное расходование физических и эмоциональных сил [7].

Не менее важен личностно-типологический аспект. В исследовании А.В. Алдошина и соавторов показано, что поведение курсантов в рамках физической подготовки обусловлено их типологическими особенностями. Авторы выделяют разные тактики адаптивного поведения, зависящие от темпераментальных и характерологических особенностей личности, – конформную, астеническую, холерическую, меланхолическую и др. К примеру, курсанты с холерической тактикой часто демонстрируют суетливость и непродуктивную активность, а с меланхолической – нерешительность и быструю утомляемость [1]. Игнорирование преподавателями этих типологических различий при планировании физических и психологических нагрузок ведет к дезадаптации и снижению стрессоустойчивости обучающихся.

Представляют интерес научные данные о физиологических аспектах жизнестойкости и особенностей адаптации к стрессовым учебным ситуациям обучающихся образовательных организаций МЧС России. Выявлено, что физиологические маркеры стресса (вагосимпатический баланс LF/HF, индекс напряжения по Баевскому) у курсантов с низким уровнем жизнестойкости указывают на преобладание парасимпатической активности. Это проявляется в выраженной инертности и пассивности обучающихся при выполнении тактико-технических действий в условиях тепловымокамеры [4, с. 101].

В основе формирования психофизической устойчивости лежит концепция жизнестойкости (*hardiness*), разработанная С. Мадди и адаптированная в русле отечественной науки Д.А. Леонтьевым. Жизнестойкость включает три экзистенциальные установки: вовлеченность, контроль и принятие риска. Как отмечают А.А. Земскова и Н.А. Кравцова, «жизнестойкость позволяет личности в меньшей степени зависеть от ситуативных переживаний и преодолевать базовую тревогу, обусловленную переживаниями неизвестности, неопределенности, необходимости значимого выбора» [4, с. 95].

Важно отметить, что жизнестойкость не является врожденной чертой; она представляет собой процесс, который может и должен целенаправленно формироваться в образовательном процессе.

А.А. Кузнецов подчеркивает, что стрессоустойчивость специалиста группы риска – это интегральное свойство личности, позволяющее выдерживать значительные психические нагрузки и качественно решать служебные задачи без вреда для здоровья [5].

Эмоционально-волевая устойчивость (ЭВУ), рассматриваемая Х.И. Цечоевым как структурно-компонентная система (сознание, воля, аффект), воспитывается исключительно в условиях воздействия эмоциогенных факторов [10]. Физическая подготовка при этом выступает не просто средством развития мышц, а мощнейшим инструментом психологической закалки.

На основе анализа теоретических и эмпирических данных предлагаем **структурно-содержательный комплекс мероприятий**, направленных на формирование психофизической устойчивости курсантов ведомственных вузов и включающий три взаимосвязанных блока.

1. Индивидуализированная физическая нагрузка с элементами стресс-инокуляции. Традиционный подход «уравнивания» нормативов неэффективен. Как показывает опыт научно-педагогической деятельности, применение индивидуализированных методик, учитывающих исходный уровень физической подготовленности и тип высшей нервной деятельности, приводит к значительному росту показателей выносливости, силы и ловкости.

При этом используются элементы стресс-инокуляция – одного из методов когнитивно-поведенческой психотерапии. Идея этого метода, разработанного Д. Мейхенбаумом, схожа с медицинской вакцинацией. Человека постепенно «прививают» к стрессу, чтобы он научился справляться с нарастающими по силе стрессорами. Реализация метода стресс-инокуляции предполагает постепенное усложнение заданий («дозировка стресса»), отработку типичных трудностей путем репетиций и разбора ошибок и т.д.

В рамках данного блока предлагается внедрение «круговых тренировок» и преодоление полос препятствий в условиях, моделирующих экстремальные факторы. Опыт военных вузов показывает высокую эффективность тренировки рукопашного боя с использованием средств имитации современного боя (боевые шумы, работа в условиях ограниченной видимости или в ночное время) [8]. Для курсантов МЧС необходимо выполнять специальные упражнения в средствах индивидуальной защиты органов дыхания (СИЗОД) и в условиях теплодымокамеры, что позволяет запустить механизмы физиологической адаптации к гипоксии и гипертермии, одновременно тренируя когнитивную устойчивость.

Как показывают исследования А.А. Бобрищева, К.В. Мотовичева, И.А. Онищенко [2], простое суммирование разных видов подготовки курсантов (так называемый синтетический метод) не обеспечивает их готовности к действиям в аварийных ситуациях. Реальные условия требуют гибкого интуитивно-творческого мышления, а не следования логическим шаблонам. В связи с этим эффективным представляется базово-дифференцированный метод, предполагающий разделение сложного технического действия на простые составляющие. Отработка этого действия в базовом функциональном состоянии организма позволяет курсанту в дальнейшем экстраполировать приобретенный навык на экстремальные условия.

2. Когнитивно-экзистенциальная регуляция и развитие жизнестойкости. Как показано в ряде психолого-педагогических исследований, на 3–4 курсах обучающиеся ведомственных вузов переживают кризис учебно-профессиональной деятельности, характеризующийся снижением вовлеченности, принятия риска и др. Для осмысления и переосмысления профессиональных ценностей необходимы не только усилия самих обучающихся, но и специальная работа преподавателей, воспитателей, психологов, офицеров курсового звена. Подобные программы, при условии их целенаправленности и комплексности, показывают значительную эффективность.

К примеру, программа, апробированная А.А. Земсковой и Н.А. Кравцовой, включает обучение саморегуляции (дыхательные техники, аутогенная тренировка, прогрессивная релаксация по Джейкобсону) и логотерапевтические техники, направленные на формирование осознанной мотивации и позитивного отношения к профессии [3].

В исследовании Н.О. Леоненко и др. [6] обосновывается необходимость при формировании жизнестойкости курсантов опираться на когнитивный, деятельностный и рефлексивный механизмы. Имеется в виду, что от курсанта требуется не только терпение и готовность длительное время выдерживать нагрузки, а способность рефлексировать свой опыт и трансформировать восприятие экстремального воздействия из *угрозы* в *вызов*. Это способствует формированию проактивного копинга.

3. Личностно-типологическая и гендерная коррекция. А.В. Алдошин с соавторами [1] отмечают, что в рамках физической подготовки необходимо дифференцировать психолого-педагогические воздействия с учетом типологических особенностей регуляции поведения обучающихся. К примеру, курсантам с астенической тактикой адаптивного поведения требуется поддержка и постепенное усложнение задач,

обучающимся с холерической тактикой необходимо вырабатывать навыки самоконтроля и торможения импульсивных реакций.

В последние годы в вузах МВД и МЧС России возрастает доля курсантов женского пола. Их подготовка требует особого подхода. Д.В. Осипов и др. указывают, что при работе с девушками-курсантами следует уделять внимание не только их физиологической адаптации, но и формированию навыков асертивного поведения, способности управлять психофизическим состоянием и преодолевать психологические барьеры при выполнении действий, требующих сложных координационных навыков [7].

Для реализации представленного комплекса психолого-педагогических мероприятий требуется интеграция усилий профессорско-преподавательского состава кафедр физической подготовки, психологии и специальных кафедр, а также психологической службы вуза. При этом физическая подготовка должна быть ориентирована на действия в реальных профессиональных ситуациях, с которыми столкнутся обучающиеся после окончания вуза. Именно такая целевая установка, как отмечают А.А. Бобрищев и соавторов [2], обеспечивает высокую эффективность управления физической подготовкой курсантов ведомственного вуза и формирование у выпускников готовности к выполнению профессиональных задач в экстремальных условиях.

На 1–2 курсах акцент делается на базовую физиологическую адаптацию, развитие общей выносливости и формирование внутренней мотивации обучающихся, что способствует общей адаптации и служит превенции раннего отсева.

На 3–4 курсах, когда, согласно исследованиям, у обучающихся наблюдается спад жизнестойкости, реализуются модули стресс-инокуляции (тактические учения, работа в СИЗОД, имитация ЧС) в сочетании с обязательной психологической рефлексией.

Внедрение методов биологической обратной связи (БОС) и психофизиологического тестирования (оценка вариабельности сердечного ритма, простых и сложных зрительно-моторных реакций) позволит объективизировать уровень психофизической устойчивости и скорректировать индивидуальные траектории профессиональной подготовки курсантов – будущих специалистов силовых ведомств.

Заключение

На основе проведенного анализа можно заключить, что проблема формирования психофизической устойчивости курсантов ведомственных образовательных организаций МЧС и МВД России носит комплексный характер и не может быть решена исключительно средствами традиционной физической подготовки. Снижение уровня жизнестойкости и стрессоустойчивости курсантов в процессе обучения свидетельствует о кризисе мотивационно-экзистенциальной сферы личности обучающихся, среди причин которого – накопленная усталость, рутинность учебно-профессиональной деятельности, характеризующейся выраженной когнитивной и психоэмоциональной напряженностью и многозадачностью, а также отсутствие у обучающихся навыков психологической саморегуляции.

Специфика факторов дестабилизации в вузах МВД России (хронический стресс, гиподинамия, служебные нагрузки) и МЧС России (экстремальные факторы, риск для жизни) требует интегративно-дифференцированного подхода к проблеме формирования психофизической устойчивости курсантов.

Научная значимость работы заключается в обосновании единства физиологических, личностно-типологических и экзистенциальных механизмов обеспечения психофизической устойчивости. Прикладная значимость состоит в разработке структурно-содержательного комплекса, включающего индивидуализацию физических нагрузок, элементы стресс-инокуляции в условиях, приближенных к боевым (теплодымокамеры, имитация шума и темноты, единоборства), и обязательную когнитивно-рефлексивную проработку полученного опыта. Внедрение данного комплекса в образовательный процесс позволит уменьшить негативное влияние стресс-факторов учебно-профессиональной деятельности, повысить надежность действий будущих специалистов в экстремальных ситуациях и обеспечить их профессиональное долголетие. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой дифференцированных критериев психофизического отбора и сопровождения курсантов с учетом их типологических и гендерных особенностей.

Литература

1. Алдошин А.В. Личностно-типологические особенности регуляции поведения курсантов в рамках физической подготовки / А.В. Алдошин, Е.А. Алдошина, В.Н. Смирнов, А.П. Мартынов // Известия Туль-

ского государственного университета. Физическая культура. Спорт. – 2020. – № 8. – С. 3–14.

2. Бобрищев А.А. Структурно-функциональная модель физической подготовки в вузах МЧС России / А.А. Бобрищев, К.В. Мотовищев, И.А. Онищенко // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». – 2018. – № 2. – С. 160–163.

3. Земскова А.А. Программа повышения жизнестойкости и психологической устойчивости курсантов МЧС России к экстремальным факторам в условиях имитации профессиональной деятельности / А.А. Земскова, Н.А. Кравцова // Сибирский психологический журнал. – 2018. – № 70. – С. 42–58.

4. Земскова А.А. Жизнестойкость, как интегральная характеристика личности, у курсантов МЧС России / А.А. Земскова, Н.А. Кравцова // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. – 2019. – № 3. – С. 94–105.

5. Кузнецов А.А. Психолого-педагогическое сопровождение формирования стрессоустойчивости курсантов МЧС России: Дисс. ... канд. психол. наук / А.А. Кузнецов. – Екатеринбург, 2023. – 142 с.

6. Леоненко Н.О. Модель развития жизнестойкости курсантов в образовательном процессе вуза МЧС России / Н.О. Леоненко, Е.И. Осташева, Т.В. Иванова, А.С. Давиденко // Сибирский психологический журнал. – 2021. – № 80. – С. 192–217.

7. Осипов Д.В. Особенности адаптации к процессу физической подготовки женщин-курсантов, обучающихся в вузах МВД России / Д.В. Осипов, В.С. Макеева, А.В. Алдошин, Е.А. Алдошина // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. – 2019. – № 6. – С. 38–44.

8. Хагай В.С. Формирование психоэмоциональной устойчивости курсантов военных вузов / В.С. Хагай, А.В. Герасимов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2007. – № 11(33). – С. 88–91.

9. Хлоповских Ю.Г. Выраженность жизнестойкости у будущих специалистов экстремального профиля на разных этапах учебно-профессиональной деятельности / Ю.Г. Хлоповских, Н.М. Савицкий, М.А. Макарова // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2024. – Т. 13. – № 7А. – С. 104–113.

10. Цечоев Х.И. Пути воспитания эмоционально-волевой устойчивости курсантов вузов ГПС МЧС России: автореф. дисс. ... канд. пед. наук / Х.И. Цечоев. – СПб., 2011. – 23 с.

11. Шульженко А.В. Проблема формирования психофизической устойчивости курсантов образовательных организаций МВД России к учебно-служебной деятельности / А.В. Шульженко, К.П. Калашников // Образование. Наука. Научные кадры. – 2021. – № 2. – С. 267–268.

PROBLEMS AND MECHANISMS OF FORMATION OF PSYCHOPHYSICAL STABILITY OF CADETS OF DEPARTMENTAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Makarova M.A., Sibirko M.A., Shkrob N.V.

Siberian Fire and Rescue Academy of EMERCOM of Russia, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article considers the problem of the formation of the psychophysical stability of cadets of departmental educational organizations of EMERCOM of Russia. Based on the synthesis of empirical and theoretical data, a contradiction has been revealed between the high demands on the professionally important qualities of future specialists of an extreme profile and the negative dynamics of their resilience and stress resistance in the learning process. The specific factors of destabilization are analyzed: the cadets of the Ministry of Internal Affairs are characterized by physical inactivity, a combination of academic and workload, the need to form assertive behavior; the cadets of EMERCOM are exposed to extreme factors (high temperatures, smoke, risk to life). It is proved that the traditional system of professionally applied physical training, focused mainly on the development of motor qualities, does not provide the necessary psycho-emotional and existential regulation. A structural and meaningful complex for the formation of psychophysical stability is proposed, including blocks of individualized physical activity with elements of stress inoculation, cognitive-existential regulation, and personality-typological correction. The developed complex has scientific and applied significance for optimizing the educational process in law schools.

Keywords: psychophysical stability, resilience, stress resistance, cadets, EMERCOM, MIA, professionally applied physical training, extreme factors, coping strategies, personality and typological features.

References

1. Aldoshin A.V. Personality-typological features of regulation of cadets' behavior in the framework of physical training / A.V. Aldoshin, E.A. Aldoshina, V.N. Smirnov, A.P. Martynov // Proceedings of the Tula State University. Physical Culture. Sport. – 2020. – № 8. – Pp. 3–14.

2. Bobrishev A.A. Structural and functional model of physical training in universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia / A.A. Bobrishev, K.V. Motovich, I.A. Onishchenko // Scientific and analytical journal «Bulletin of the Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia». – 2018. – № 2. – Pp. 160–163.

3. Zemskova A.A. The program of increasing resilience and psychological stability of cadets of the Ministry of Emergency Situations of Russia to extreme factors in conditions of imitation of professional activity / A.A. Zemskova, N.A. Kravtsova // *Siberian Psychological Journal*. – 2018. – № 70. – Pp. 42–58.

4. Zemskova A.A. Resilience as an integral personality characteristics of cadets of the Ministry of Emergency Situations of Russia / A.A. Zemskova, N.A. Kravtsova // *Medical-biological and socio-psychological safety problems in emergency situations*. – 2019. – № 3. – Pp. 94–105.

5. Kuznetsov A.A. Psychological and pedagogical support for the formation of stress resistance of cadets of the Ministry of Emergency Situations of Russia: dissertation of the Candidate Psychological sciences / A.A. Kuznetsov. – Yekaterinburg, 2023. – 142 p.

6. Leonenko N.O. Model of development of cadets' resilience in the educational process of the University of the Ministry of Emergency Situations of Russia / N.O. Leonenko, E.I. Ostasheva, T.V. Ivanova, A.S. Davidenko // *Siberian Psychological Journal*. – 2021. – № 80. – Pp. 192–217.

7. Osipov D.V. Features of adaptation to the process of physical training of female cadets studying at universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia / D.V. Osipov,

V.S. Makeeva, A.V. Aldoshin, E.A. Aldoshina // *Proceedings of Tula State University. Physical Culture. Sports*. – 2019. – № 6. – Pp. 38–44.

8. Khagai V.S. Formation of psychoemotional stability of military university students / V.S. Khagai, A.V. Gerasimov // *Scientific notes of the P.F. Lesgaft University*. – 2007. – № 11(33). – Pp. 88–91.

9. Khlopovskikh Yu.G. The severity of resilience in future specialists of extreme profile at different stages of educational and professional activity / Yu.G. Khlopovskikh, N.M. Savitsky, M.A. Makarova // *Psychology. Historical and critical reviews and modern studies*. – 2024. – Vol. 13. – № 7A. – Pp. 104–113.

10. Tsechoev Kh.I. Ways of educating emotional and volitional stability of university cadets of the Ministry of Emergency Situations of Russia: Abstract of the dissertation of the Candidate of Pedagogical Sciences / H.I. Tsechoev. – St. Petersburg, 2011. – 23 p.

11. Shulzhenko A.V. The problem of forming the psychophysical resilience of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia to educational and service activities / A.V. Shulzhenko, K.P. Kalashnikov // *Education. Science. Scientific staff*. – 2021. – № 2. – Pp. 267–268.

Репрезентация Японии в американском академическом дискурсе: корпусный анализ публикации ведущих университетов США

Махракова Александра Владимировна,

старший преподаватель, Тихоокеанский государственный университет, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации
E-mail: 011071@gmail.com

Статья посвящена исследованию репрезентации Японии в американском академическом дискурсе в 2020–2025 гг. Цель исследования заключается в выявлении ключевых тематических направлений публикаций, определении степени политизации академической повестки и анализе особенностей исследовательских контекстов о современной Японии. Материал исследования составили 458 научных статей, опубликованных ведущими университетами США и индексируемых в базе данных Scopus. В работе применены методы корпусной лингвистики, контент-анализа и автоматизированного анализа тональности.

Установлено, что американский академический дискурс характеризуется широким тематическим спектром и отражает более многоаспектный исследовательский интерес к стране по сравнению с ее образом в американском медиадискурсе. Также выявлено, что оценочная составляющая академических представлений о Японии проявляется прежде всего через выбор тематики исследования, а не посредством прямой авторской оценки объекта. Кроме того, доказано, что современная репрезентация Японии в американском академическом дискурсе носит преимущественно неполитизированный и междисциплинарный характер, фокусируясь преимущественно на культурной, биомедицинской и экологической проблематике, тогда как исследования современных японо-американских экономических и политических отношений занимают сравнительно небольшую долю общего массива публикаций.

Ключевые слова: академический дискурс; репрезентация Японии; корпусная лингвистика, контент-анализ; сентимент-анализ.

Введение

В современных международных отношениях образ Японии, формируемый в дискурсивном пространстве США, играет важную роль в развитии как двустороннего сотрудничества, так и региональных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Эволюция американо-японского союза свидетельствует о постепенной трансформации характера двусторонних отношений. По мере укрепления экономического потенциала Японии взаимодействие двух государств приобретало все более равноправный характер, а сама Япония превратилась из государства, нуждавшегося в американской поддержке, в одного из ключевых союзников США в Азиатско-Тихоокеанском регионе [8].

Лингвистическая репрезентация образа Японии традиционно находится в центре внимания исследователей международных отношений и политической коммуникации (Morris, 2006 [7]; Молодяков, 2014 [4]; Носов, 2020 [5]). Вместе с тем большинство существующих исследований посвящено анализу медиадискурса как наиболее доступного и массового канала формирования общественного мнения. Академический дискурс, несмотря на его значительную роль в формировании экспертных оценок и концептуальных подходов к осмыслению международных процессов, остается значительно менее изученным.

Научное сообщество ведущих университетов США формирует концептуальные подходы и аналитические оценки, которые впоследствии получают отражение не только в академической среде, но и в экспертной, медийной и политической повестке. В отличие от медиадискурса, ориентированного преимущественно на массовую аудиторию, академический дискурс отражает представления экспертного сообщества и позволяет выявить концептуальные подходы к интерпретации международных процессов. В связи с этим можно предположить, что особенности репрезентации Японии в академическом дискурсе способны оказывать влияние на формирование представлений о стране среди представителей экспертного сообщества. Значимость экспертных представлений подтверждается тем, что Министерство иностранных дел Японии ежегодно выделяет в отдельную категорию респондентов представителей экспертного сообщества («leaders of public opinion»), рассматривая их оценки как самостоятельный индикатор международного восприятия страны [3]. Однако наше исследование не ставит целью установить влияние академического дискурса на общественное мнение, а сосредоточено на анализе репрезентации контекстов о Японии в академических публикациях.

Несмотря на стабильный интерес к изучению образа Японии в различных типах дискурса, особенности его конструирования в современном американском академическом дискурсе остаются недостаточно исследованными. Таким образом, сохраняется исследовательская лакуна, связанная с выявлением тематических приоритетов и оценочных характеристик образа современной Японии в научных публикациях ведущих университетов США. Актуальность исследования дополнительно определяется продолжающимися геополитическими и социально-экономическими трансформациями в Азиатско-Тихоокеанском регионе, оказывающими влияние как на внешнюю политику Японии, так и на ее восприятие зарубежным академическим сообществом.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей репрезентации Японии в современном американском академическом дискурсе посредством анализа тематической структуры, оценочных характеристик и содержания научных публикаций ведущих университетов США. Исследование является частью более масштабного проекта, посвященного анализу механизмов фреймирования образа Японии в академическом дискурсе.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи: во-первых, проанализировать заголовки научных статей ведущих американских университетов с тематической точки зрения; во-вторых, определить валентность исследовательского контекста; в-третьих, выявить характер представлений о современной деятельности Японии в американском академическом дискурсе.

Использование методов корпусной лингвистики, контент-анализа и автоматизированного анализа тональности позволяет выявить ключевые концептуальные доминанты репрезентации Японии как на микроуровне языковой организации текста (лексический выбор

и оценочная лексика), так и на макроуровне дискурса, отражающем взаимосвязь языковых особенностей с более широким социально-политическим контекстом.

Материалы и методы (Methods and Materials)

Эмпирическую базу исследования составили публикации, посвященные Японии и аффилированные с ведущими исследовательскими университетами США (Harvard University, Yale University, Princeton University, Columbia University, Cornell University, Brown University, Dartmouth College, University of Pennsylvania, Stanford University, Massachusetts Institute of Technology и University of Chicago, Johns Hopkins University). Выбор данных организаций обусловлен их устойчивыми позициями в международных академических рейтингах, высокой публикационной активностью и значительным влиянием на развитие американского академического дискурса, в том числе в вопросах регионоведения стран Азии и японского языка. Формирование корпуса осуществлялось в несколько последовательных этапов.

На первом этапе для идентификации ведущих научных журналов, аффилированных с исследуемыми университетами, в качестве источника библиографической информации использовалась база данных Scopus.

На втором этапе поиск публикаций осуществлялся с использованием открытой библиографической базы данных OpenAlex. Поисковый запрос включал ключевое слово *japan* с использованием символа усечения (*japan**), что обеспечивало поиск всех словоформ (Japan, Japanese и др.). Поиск выполнялся по полям «Title» и «Abstract» с ограничением по ранее выделенному перечню журналов. Первоначальный массив составил 1587 публикаций.

На третьем этапе из корпуса были удалены дублирующиеся записи, после чего осуществлялась содержательная верификация выборки. Из анализа исключались публикации, в которых Япония не являлась непосредственным объектом исследования: если в заголовке отсутствовало упоминание Японии, а в аннотации страна фигурировала лишь как второстепенный или фоновый элемент сравнительного анализа, такие публикации не включались в итоговый корпус.

Дополнительно была проведена проверка типов документов. Несмотря на использование фильтра Article при формировании выборки в OpenAlex, в первоначальный массив были включены отдельные публикации других типов (обзорные статьи, книги и главы книг). Такие документы были исключены из дальнейшего анализа. В результате последовательной фильтрации был сформирован окончательный корпус, включающий 458 научных статей, опубликованных в 2020–2025 гг.

Для выявления основных тематических направлений исследований, посвященных Японии, применялся качественно-количественный контент-анализ заголовков и аннотаций научных статей.

Выбор именно этих структурных элементов обусловлен их высокой информативностью. Заголовков и аннотация являются коммуникативно значимыми компонентами научного текста, отражающими его основное содержание, предмет исследования и ключевые концептуальные акценты [6]. Как отмечает В.В. Богуславская, данные элементы характеризуют не только содержательную сторону публикации, но и прагматическое отношение автора к рассматриваемой проблематике [1]. Следовательно, анализ заголовков и аннотаций позволяет выявить особенности тематической организации корпуса и специфику репрезентации объекта исследования без обращения к полным текстам публикаций.

На первом этапе анализа на основе заголовков публикаций были выделены тематические группы, отражающие предметную направленность исследований. При необходимости для уточнения тематики привлекались аннотации статей. Основным критерием классификации являлся доминирующий предмет исследования, что обеспечивало отнесение каждой публикации только к одной тематической категории.

Полученные тематические группы были использованы для определения структуры исследовательских интересов американского академического сообщества, а также для выявления удельного веса публикаций, посвященных современным международным отношениям и японо-американскому сотрудничеству. Это позволило сопоставить распределение исследовательского внимания между различными предметными областями и определить место международно-политической проблематики в общем массиве публикаций.

Использование контент-анализа в сочетании с корпусно-лингвистическими методами обеспечило комплексную интерпретацию результатов: количественные показатели частотности и ключевых слов были дополнены качественной тематической классификацией исследуемого материала.

Обработка текстового массива осуществлялась с использованием двух корпусных менеджеров – AntConc (Antony, 2014) и LancasterBox.

Совместное использование двух инструментов было обусловлено различием их функциональных возможностей и необходимостью решения различных аналитических задач.

На первом этапе для анализа частотности лексических единиц использовался корпусный менеджер AntConc. Одним из его преимуществ является возможность исключения из анализа стоп-слов – высокочастотных служебных единиц, не обладающих самостоятельной смысловой значимостью и способных исказить результаты частотного анализа. Исключение стоп-слов позволило сосредоточить внимание на содержательно значимой лексике, отражающей тематическую структуру исследуемого корпуса.

В то же время AntConc не содержит встроенных референсных корпусов, необходимых для автоматизированного выделения ключевых слов посредством сопоставления исследуемого корпуса с корпусом-эталоном. В связи с этим для решения данной задачи использовался корпусный менеджер LancasterBox, предоставляющий доступ к референсным корпусам английского языка и позволяющий рассчитывать статистически значимые ключевые слова. Использование LancasterBox обеспечило возможность выявления лексических единиц, характерных именно для исследуемого корпуса научных публикаций, а не только наиболее частотных слов.

Для оценки эмоциональной окраски заголовков научных публикаций применялся автоматизированный анализ тональности (*sentiment analysis*). Выбор в качестве объекта анализа именно заголовков обусловлен тем, что они отражают основную тему публикации и концентрируют ключевые смысловые акценты исследования. Анализ осуществлялся с использованием платформы SpeakAi, предназначенной для автоматизированной обработки текстовых данных и анализа их эмоциональной окраски. При обработке англоязычных текстов платформа использует алгоритм VADER (*Valence Aware Dictionary and sEntiment Reasoner*), основанный на сочетании словарного подхода и системы правил, учитывающих особенности функционирования эмоционально окрашенной лексики в английском языке. Несмотря на то, что VADER изначально разрабатывался для текстов социальных сетей, мы считаем, что использование его для нашего исследования оправдано, поскольку алгоритм VADER демонстрирует высокую эффективность при анализе именно коротких англоязычных текстов, к которым относятся заголовки научных публикаций.

В результате анализа для каждого заголовка рассчитывался интегральный показатель эмоциональной полярности (*compound score*), принимающий значения в диапазоне от «-1» до «+1». В соответствии с рекомендациями разработчиков алгоритма значения выше «0,05» интерпретируются как положительная тональность, ниже «-0,05» – как отрицательная, а значения в интервале от «-0,05» до «0,05» рассматриваются как нейтральные.

Полученные результаты использовались для определения общего распределения эмоциональной окраски заголовков публикаций, а также для сопоставления тональности материалов, посвященных различным аспектам репрезентации Японии.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Первоначальная тематическая классификация публикаций, сформированная средствами OpenAlex, не обеспечивала достаточной точности для решения исследовательских задач. В связи с этим была проведена экспертная верификация результатов автоматической классификации, позволившая выделить тематические категории, наиболее полно отражающие структуру исследуемого корпуса. Результаты тематической классификации представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Тематическая структура публикаций, посвященных Японии (2020–2025 гг.)

Укрупненная категория	Примеры категорий (topics) внутри группы	Кол-во статей
История, общество и культура Японии	Japanese History and Culture (115); Historical Studies and Socio-cultural Analysis (13)	140
Роль Японии в истории, политике, культуре других стран АТР	Chinese history and philosophy (43); Asian American and Pacific Histories (19); Vietnamese History and Culture Studies (12); Asian Culture and Media Studies (10)	104
Литература, медиа, искусство и лингвистика	Crafts, Textile, and Design (4); Digital Games and Media (4); Cinema and Media Studies (3)	60
Медицина и биомедицинские исследования	COVID-19 Pandemic Impacts (4); Disaster Management and Resilience (4); Reproductive Health and Technologies (3)	55

Укрупненная категория	Примеры категорий (topics) внутри группы	Кол-во статей
Экономика, бизнес и социально-экономическое развитие	Global trade and economics (4); Firm Innovation and Growth (3); Work-Family Balance Challenges (3)	27
История науки, технологий и гуманитарного знания	History of Science and Medicine (14); Digital Humanities and Scholarship (2); History of Computing Technologies (2)	23
Политика, право и международные отношения	Communism, Protests, Social Movements (4); International Relations and Foreign Policy (3); Historical and Contemporary Political Dynamics (2)	21
Гендер, идентичность, религия и социальная этика	Christian Theology and Mission (2); Gender Roles and Identity Studies (2); Race, Genetics, and Society (2); Biomedical Ethics and Regulation (1)	17
Образование и педагогические исследования	Multilingual Education and Policy (2); Child Development and Digital Technology (1); Education in Diverse Contexts (1)	10

Представленные данные свидетельствуют о высокой тематической неоднородности исследуемого корпуса. Наиболее многочисленную группу составляют публикации по истории Японии (n=140), что указывает на сохранение устойчивого интереса американского академического сообщества к историческому развитию страны и его влиянию на современные политические, социальные и культурные процессы. Значительно представлена также группа исследований в области медицины и здравоохранения (n=55), культуры, литературы, образования, экономики и социальных наук.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что образ Японии в американском академическом дискурсе формируется как многомерный исследовательский конструкт, объединяющий исторические, культурные, медицинские, экономические, социальные и политические аспекты.

Далее, для оценки валентности исследовательских контекстов, в которых рассматривается Япония рассмотрим оценочные характеристики публикаций посредством автоматизированного анализа тональности их заголовков. Несмотря на традиционно нейтральный характер научного дискурса, распределение эмоциональной окраски заголовков позволяет оценить наличие или отсутствие выраженной оценочной асимметрии в представлении Японии как объекта академического исследования (Рис. 1).

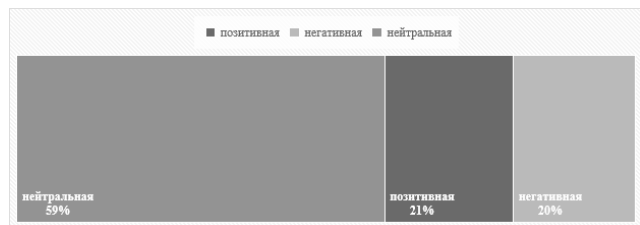

Рис. 1. Тональность заголовков статей, посвященных Японии

В заголовках нейтральной тональности, которые составляют преобладающий соотношение 59%, лексема «japan*» – просто предмет или место исследования, без эмоциональной нагрузки. Типичны медицинские, лингвистические, экономические и исторические работы: «*Robots and Employment: Evidence from Japan, 1978–2017*», «*Modeling Import Demand for Fishery Products in Japan*», «*Syntactic Head Movement in Japanese*», «*Making Time: Astronomical Time Measurement in Tokugawa Japan*», «*Health Capacity to Work among Older Japanese Persons*» и пр.

Количество заголовков с негативной тональностью составляет 20%. В таких заголовках лексема «Japan*» образует N-граммы с лексикой на тему войны, насилия, принуждения, кризиса, стигмы, колониализма. Тон формируется контекстом, а не отношением к Японии как таковой. Мы выделили следующие ключевые слова в заголовках негативной тональности: «война», «оккупация», «плен», «империя», «интернирование», «колониализм», «насилие», «эксплуатация», «кризис», «упадок», «угроза».

Позитивная тональность характерна для 21% заголовков. В эту категорию попали заголовки с лексикой красоты, надежды, устойчивости, удовольствия, энтузиазма. Ключевыми лексемами были выделены «красота», («beauty»), «эстетика» (aesthetic), «искусство» (art), «музыка» (music*), «проза» («prose»).

Полученные результаты демонстрируют, что лексемы *Japan* и *Japanese* в заголовках научных публикаций выполняют преимущественно номинативную функцию, обозначая объект исследования и придавая большинству заголовков научных публикаций (59%) нейтральную тональность, что соответствует особенностям академической коммуникации. Вместе с тем обращает на себя внимание высокая доля заголовков с положительной (21%) и отрицательной (20%) валентностью. При этом анализ отражает не отношение авторов к Японии как государству, а валентность исследовательского контекста, в рамках которого страна становится объектом научного рассмотрения. Иными словами, автоматизированный анализ позволяет выявить не оценку Японии, а особенности тематических контекстов, через которые она репрезентируется в американском академическом дискурсе. Это позволяет предположить, что особенности академического дискурса о Японии определяются не столько прямой оценкой объекта исследования, сколько тематическим выбором сюжетов, через которые Япония включается в современный американский академический дискурс.

Проведенная тематическая классификация показала, что крупнейшую группу публикаций составляют исследования, посвященные различным периодам истории Японии. Однако, поскольку целью настоящего исследования является выявление особенностей репрезентации современной Японии в американском академическом дискурсе, на следующем этапе был сформирован подкорпус публикаций, посвященных современным политическим, экономическим, социальным, культурным и международным процессам. Понятие «современная Япония» используется в работе как операциональная исследовательская категория и охватывает исследования, объектом которых являются актуальные тенденции развития страны, в отличие от публикаций, посвященных преимущественно историческим периодам. Такой подход позволил сформировать корпус из 182 статей (40% от всего корпуса), отражающих современную академическую репрезентацию Японии.

Контент-анализ подкорпуса позволил выделить 12 содержательных тематических кластеров (Рис. 2).

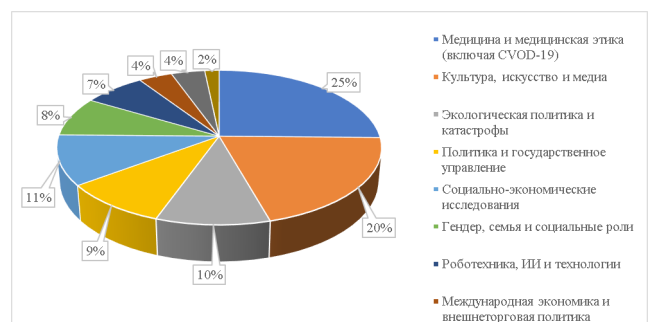

Рис. 2. Распределение статей, посвященных исследованиям современной Японии, по тематическим блокам

Распределение статей по тематическим блокам носит неравномерный характер, что само по себе является значимым индикатором исследовательских приоритетов американского академического дискурса о Японии. Особенно обращает на себя внимание концентрация исследовательского интереса вокруг трех крупных направлений – медицины, культуры и экологической проблематики, которые в совокупности охватывают более половины исследуемого корпуса.

Наибольшую долю корпуса занимают медицинские и биомедицинские исследования, включая работы, посвященные пандемии COVID-19: в совокупности они составляют 25% выборки (n = 45). Этот результат указывает на то, что Япония активно функционирует в американском научном дискурсе как площадка для медицинских клинических исследований, то есть репрезентируется в значительной степени как объект биомедицинского знания, а не как субъект экономической или политической повестки.

Второй по значимости кластер – исследования культуры, искусства и медиа – охватывает 20% публикаций (n = 36). Столь высокая доля культурологических работ указывает на устойчивый интерес американской академии к Японии как к особой эстетической и медийной системе: в этом кластере сосредоточены исследования аниме, видеогейм, визуальной культуры, литературы и перформативных практик. Тем самым Япония предстает не только как объект регионоведческого интереса, но и как источник культурных практик, обладающих глобальным влиянием.

Третий кластер «экологическая политика и катастрофы» составляет 10% выборки (n = 18). Показательно, что значительная часть этих публикаций связана с последствиями техногенной и природной ката-

строфы 2011 года, что превращает экологическую уязвимость в один из структурообразующих образов Японии в американском дискурсе.

Политика и государственное управление занимают 9% корпуса (n = 17), социально-экономические исследования – 8% (n = 15), гендерные и семейные исследования – также 8% (n = 15). Робототехника, искусственный интеллект и цифровые технологии составляют 7% выборки (n = 13), что соотносится с устойчивым представлением о Японии как одном из мировых лидеров в области высоких технологий и робототехники.

Наименее представленными оказались тематические кластеры «Образование» (4%, n = 7), «Международная экономика и внешнеторговая политика» (4%, n = 7) и «Религия и философия» (2%, n = 3). Относительно малая доля работ по внешнеторговой политике представляется неожиданной на фоне исторической значимости японо-американских торговых отношений и может интерпретироваться как смещение исследовательского интереса от экономического к социокультурному и биомедицинскому измерениям японо-американских связей.

Примечательно, что наиболее представленные тематические направления посвящены преимущественно внутренним социальным, культурным, медицинским и технологическим процессам, тогда как вопросы международной экономики и внешнеторговой политики занимают значительно менее заметное место. Это свидетельствует о том, что современная американский академический дискурс о Японии структурно существенно отличается от традиционного представления о стране прежде всего как об экономическом партнере США.

Заключение

Проведенное исследование позволило впервые на материале корпуса публикаций ведущих университетов США комплексно охарактеризовать особенности репрезентации современной Японии в американском академическом дискурсе. Использование методов корпусной лингвистики, контент-анализа и автоматизированного анализа тональности позволило выявить тематическую структуру исследовательской повестки, определить оценочные характеристики публикаций и установить основные направления академического интереса к современной Японии.

Контент-анализ корпуса показал, что исследования Японии отличаются высокой тематической диверсификацией. Наиболее значительная часть публикаций посвящена исторической проблематике, однако качественный анализ подкорпуса современных исследований демонстрирует, что американский академический дискурс о современной Японии формируется преимущественно вокруг медицинских и биомедицинских исследований, культуры и медиа, экологической проблематики, а также социальных и технологических трансформаций. Вопросы международной экономики и внешнеполитического взаимодействия представлены значительно менее широко, что позволяет говорить о преобладании интереса к внутренним процессам развития японского общества над его международно-политической ролью.

Анализ тональности выявил, что оценочная составляющая академической валентности исследовательских контекстов о Японии проявляется прежде всего через выбор тематики исследования, а не посредством прямой авторской оценки объекта.

Также, полученные результаты свидетельствуют, что современная репрезентация Японии в американском академическом дискурсе носит преимущественно неполитизированный и междисциплинарный характер. Международные отношения являются лишь одним из элементов этой структуры, а не ее доминирующим компонентом. Этот результат представляется особенно значимым, поскольку он демонстрирует различие между академическим и медиадискурсом [2]. Если в средствах массовой информации Япония преимущественно рассматривается через призму текущей международной повестки, в частности экономических вопросов, вопросов безопасности и союзнических отношений с США, то академического образа Японии отличается существенно большей сложностью, концентрируясь главным образом на внутренних общественных, культурных, медицинских и технологических процессах. Тем самым исследование расширяет представления о структуре современного американского академического дискурса о Японии и демонстрирует, что формирование ее академического образа определяется разнообразием исследовательских контекстов, а не доминированием отдельных сюжетов.

Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях академического дискурса, посвященных сопоставлению научной, экспертной и медиарепрезентации Японии, а также изучению роли академического знания в формировании представлений о современных международных процессах.

Литература

1. Богуславская В.В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 175 с.
2. Махракова А.В. Лингвистическая репрезентация экономического образа Японии в СМИ США // *Language: Categories, Functions, Communication*. – 2022. – Т. 15. – С. 79.
3. Министерство иностранных дел Японии. Опросы общественного мнения об имидже Японии за рубежом (на яп. яз.). URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/culture/pr/yoron.html> (дата обращения: 25.07.2026).
4. Молодяков В.Э. Образ Японии в антиантантовской пропаганде в США в годы первой мировой войны: журнал «Fatherland», август 1914 – февраль 1917 гг. (к 100-летию начала первой мировой войны) // *Ежегодник Япония*. – 2014. – Т. 43. – С. 178–191.
5. Носов М.С. Отношения между США и Японией: История взлетов и падений (1791–2020). – М.: Изд-во «Весь Мир», 2020. – 416 с.
6. Стеблецова А. О., Науменко Ю.Н. Заголовки английских и русских научных статей: дискурсивно-когнитивные особенности // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. – 2019. – № 4 (820). – С. 161–179.
7. Morris N. Destructive Discourse: 'Japan-Bashing' in the United States, Australia and Japan in the 1980s and 1990s: PhD thesis. – Murdoch: Murdoch University, 2006. URL: <https://researchrepository.murdoch.edu.au/id/eprint/745/> (дата обращения: 09.01.2021).
8. Vartavarian M. Evolving Bilateralisms: US Security Partnerships in Northeast Asia // *The Journal of Asian Studies*. – 2022. – Vol. 81, No. 1. – Pp. 199–205. DOI: 10.1017/S0021911821002643.

REPRESENTING OF JAPAN IN U.S. ACADEMIC DISCOURSE: AN ANALYSIS OF PUBLICATIONS FROM LEADING AMERICAN UNIVERSITIES

Makhrakova A.V.

Institute of Linguistics and Intercultural Communication

This article explores the representation of Japan within U.S. academic discourse from 2020 to 2025. Based on a corpus of 458 scientific papers published by leading U.S. universities and indexed in Scopus, the study identifies key thematic trends and assesses the extent of politicization in the academic agenda. Employing corpus linguistics, content analysis, and automated sentiment analysis, the findings reveal that academic representations of Japan are highly diversified and multidimensional, differing significantly from its media image. Notably, the assessment of Japan is primarily conveyed through topic selection rather than explicit authorial evaluation. Furthermore, contemporary academic discourse on Japan appears largely non-politicized and interdisciplinary, with a predominant focus on cultural, biomedical, and environmental issues, while studies of U.S. – Japanese economic and political relations constitute a relatively small portion of the corpus.

Keywords: academic discourse, representation of Japan, corpus linguistics, content analysis, and automated sentiment analysis

References

1. Boguslavskaya V.V. Text Modeling: Linguosociocultural Concept. Analysis of Journalistic Texts. – Moscow: LKI Publishing, 2008. – 175 p. (in Russ.)
2. Makhrakova A.V. Linguistic Representation of Japan as economic power in US Media Dis-course // *Language: Categories, Functions, Communication*. – 2022. – Vol. 15. – P. 79. (in Russ.)
3. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Opinion Polls on Japan's Image Abroad. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/culture/pr/yoron.html> (accessed: 25.07.2026). (in Jap.)
4. Molodyakov V.E. The Image of Japan in Anti-Intanta Propaganda in the United States during the First World War: 'Fatherland', August 1914 – February 1917. (on the 100th anniversary of the outbreak of the First World War). *Ezhegodnik «Yaponiya»*, 43. Retrieved April 17, 2021, from <https://cyberlenin ka.ru/article/n/obraz-yaponii-v-antiantantovskoy-propagande-v-ssha-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny-zhurnal-fatherland-avgust-1914-fevral-1917-gg-k-100-letiyu/viewer> (In Russ.)
5. Nosov M.S. The US-Japanese relations: A history of ups and downs (1791–2020). Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2020. – 416 p. (in Russ.)
6. Stebletsova A. O., Naumenko Yu.N. Titles of English and Russian Research Articles: Discursive and Cognitive Features // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. – 2019. – No. 4 (820). – Pp. 161–179. (in Russ.)
7. Morris N. Destructive Discourse: 'Japan-Bashing' in the United States, Australia and Japan in the 1980s and 1990s: PhD thesis. – Murdoch: Murdoch University, 2006. URL: <https://researchrepository.murdoch.edu.au/id/eprint/745/> (accessed: 09.01.2021). (in Eng.)
8. Vartavarian M. Evolving Bilateralisms: US Security Partnerships in Northeast Asia // *The Journal of Asian Studies*. – 2022. – Vol. 81, No. 1. – Pp. 199–205. DOI: 10.1017/S0021911821002643. (in Eng.)

Мехмет Урпер,

кандидат политических наук, старший преподаватель
кафедры международных гуманитарных связей, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: mehmeturper@mail.ru

Статья посвящена анализу концепции «государства-центра» — ключевой составляющей современной внешнеполитической доктрины Турции. В работе рассматривается генезис и эволюция этой концепции, её идейные истоки и связь с трансформацией глобального мироустройства после окончания «Холодной войны». Особое внимание уделяется роли политических лидеров, повлиявших на формирование внешнеполитического курса страны: Тургуту Озала, Сулеймана Демиреля, Исмаила Джемала, а также Ахмета Давутоглу — автора теоретического оформления концепции. Анализируется взаимосвязь идей Давутоглу с политическим мировоззрением Реджепа Тайипа Эрдогана и их реализация на практике в первой четверти 21 столетия. В статье раскрываются основные этапы трансформации турецкой внешней политики: от принципа «нулевых проблем с соседями» к «политике 360 градусов» и усилению роли «жёсткой силы». Оцениваются успехи и препятствия на пути реализации концепции «государства-центра», включая осложнения отношений с Западом, региональные конфликты и внутривнутриполитические факторы. Автор показывает, как отказ от кемалистской модели и стремление Турции к международной субъектности привели к пересмотру её роли в мире — от государства периферии к центру региональных сетей влияния. В работе также проводится сопоставление с другими внешнеполитическими теориями и затрагивается концепция региональных комплексов безопасности.

Ключевые слова: Турция, «Новый Век», международная арена, «государство-центр», региональное господство, «политика 360 градусов», региональные комплексы безопасности.

Введение

«Наш век пребывает в настойчивом, почти отчаянном поиске концепции мирового порядка», — так характеризовал современную эпоху Генри Киссинджер. Окончание Холодной войны ознаменовало собой не только период новых надежд, но и принципиально новых вызовов, предопределивших наступление эпохи *постмодерна*. Яркая отличительная черта нового мира — параллельное осуществление двух разнонаправленных процессов: глобализации и регионализации. В условиях, когда исторические центры силы по тем или иным причинам ослабевают, их сферы интересов начинают оспариваться государствами, которые еще не так давно занимали периферийное положение. Доминирование этих держав на международной арене представлялось либо несбыточной мечтой, либо безвозвратно упущенной возможностью. Однако именно они заявляют о себе как о новых игроках, способных оказать серьезное влияние на мировую политику. К числу таких субъектов системы международных отношений, несомненно, принадлежит и современная Турция.

Целью исследования является комплексный анализ концепции «государства-центра» как одного из ключевых элементов современной внешнеполитической стратегии Турецкой Республики, выявление ее теоретических оснований, особенностей формирования в контексте трансформации турецкой государственной идентичности, а также оценка практической реализации данной концепции во внешней политике Анкары в условиях формирования нового мирового порядка и перехода к модели «Империализма 2.0».

Материалы и методы исследования

Материалами исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные проблемам формирования внешнеполитической стратегии Турецкой Республики, концепции «государства-центра», вопросам государственной идентичности, неоосманизма, панисламизма, пантюркизма, а также современным теориям международных отношений и региональной безопасности. Эмпирическую основу исследования составили официальные программные документы и выступления представителей политического руководства Турции, работы Ахмета Давутоглу, нормативно-политические материалы, аналитические публикации и научная литература, раскрывающие особенности трансформации внешнеполитического курса страны в конце XX — первой четверти XXI века. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения и систематизации научных данных, сравнительно-политический и историко-политический методы, позволившие проследить эволюцию концепции «государства-центра» и выявить особенности ее практической реализации в различных направлениях внешней политики Турции. Применение системного подхода обеспечило рассмотрение исследуемой концепции как составного элемента современной модели турецкой внешней политики, формирующейся под влиянием трансформации международной среды, изменения государственной идентичности и переосмысления роли Турции в системе региональных и глобальных международных отношений.

Результаты и обсуждения

Анкара усиливает свое присутствие на Балканах и Ближнем Востоке, в Африке и Центральной Азии, принимает активное участие в разрешении крупных международных конфликтов, глобального и регионального масштабов, формирует коалиции, экспортирует ценности и культурное достояние Турции фактически во всех регионах мира. Нередко такую активность объясняют османским ресентиментом или персональными амбициями президента страны Р.Т. Эрдогана. Факт, что текущая внешняя политика Анкары в значительной степени определяется мировоззрением турецкого политического класса, не подложит сомнению, однако структура этого мировоззрения гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

Отметим, что смена глобального мироустройства совпала с трансформацией турецкой республиканской идеологии, основы которой были заложены Ататюрком. Идеал модернизированного светского национального государства, некогда провозглашенный Кемалем, на исходе XX века подвергся заметной эрозии, а уже в XXI веке турецкое государство пришло к новой модели развития, которую мы предпочитаем называть *неореспубликанской*. Эта гибридная, прагматичная модель вобрала в себя элементы самых разных идеологических течений,

включая неоосманизм и демократический исламизм, и превратила их в инструменты политики в соответствии с второй гетерогенной дифференциацией империалистической направленности «Империализм 2.0.». Концептуально «государство-центр» было сформулировано одним из виднейших политических теоретиков современной Турции, бывшим министром иностранных дел (2009–2014) и главой правительства (2014–2016) Ахметом Давутоглу. Следует отметить, что упоминание о понятии «государства-центр» напрямую не фигурирует в тексте официальной программы внешней политики Турции. По нашему мнению данная теоретическая концепция находит свое отражение в реалиях внешнеполитической деятельности Турции с учетом различных региональных и глобальных особенностей. То есть во внешнеполитической активности Анкары, активно прослеживаются тенденции активного воплощения элементов концепции «государства-центра».

«Историческая география» в системе турецкой государственной идентичности

Научное осмысление феномена международной политики выдвинуло на первый план вопрос *идентичности* [26]. Внешнеполитическая стратегия государства неразрывно связана с проблемой самоопределения. В этой связи в ходе нашего исследования данный аспект будет подвергнут комплексному изучению. Следует упомянуть, что путь полномасштабных реформ для Турции был сопряжен с выработкой нового типа гражданского самосознания. Можно отметить, что данный фактор, беспрерывно придавал особую остроту тем конфликтам, которые сотрясали турецкое общество в XX веке. Перспектива радикальной смены политического курса традиционно воспринималась турками как потенциальная угроза национальной идентичности.

Приход к власти в середине 1980-х гг. совершенно новых политических сил во главе с Т. Озалом открыл период, когда данная идейная и партийная борьба стала переходить в новое качество. Тем не менее, в начале 21 века, поколение лидеров, представленное Партией справедливости и развития, реализовало альтернативный подход к управлению, когда противоречащие друг другу тенденции интегрируются в единую стратегию международного лидерства. В рамках статьи затрагивается вопрос о том, каким образом концепт «государства-центра» служит данной модели.

Стратегический контур турецкой внешней политики нередко определяется через понятие «исторической географии». В данном контексте, речь идет о традиционных регионах османского и тюркского влияния. Представление о Турции, как о стране, чьи «истинные» границы простираются гораздо дальше тех, что обозначены на современных картах, логически вытекает из более широкого комплекса идей. «Одна из сильных сторон нашей внешней политики, – заявлял Давутоглу в 2012 г., – это непрерывный процесс восстановления связей с народами нашего региона, разделивших с нами общую историческую судьбу» [17]. В подобной риторике несложно распознать обороты империалистического мышления османской эпохи. Вместе с тем, стоит вспомнить ремарку М. Хакана Явуза, писавшего о плюралистическом, зонтичном понимании турецкости, которое стоит за имперской ностальгией [20]. По сути, обращение к дореволюционному наследию Турции может преследовать разные цели и апеллировать к разным аспектам общественной идентичности: имперскому, национальному, культурному, религиозному. Тем не менее стоит отметить, что турецкое руководство опирается на исторический опыт различных этно-конфессиональных общностей. Помимо этого, Стамбул, с учётом его модифицированного облика в эпоху пост-модернизма, в качестве столицы мегаполиса и центра мультикультурного взаимодействия, можно охарактеризовать как сердце тюркского мира и мусульманского Востока в целом. Наконец, можно предпринять попытку синтеза, действуя по всему спектру идентичностей. Именно этим путем пошел в конечном счете А. Давутоглу в качестве архитектора дипломатии Партии Справедливости и Развития (ПСР). Сегодня многовекторная политика ПСР включает в себя черты таких политико-идеологических течений, «классического» неоосманизма, панисламизма и пантюркизма [18], как основные устои второй гетерогенной дифференциации империалистического направления, в форме «Империализма 2.0.» [9]. Время от времени такой подход навлекает на себя критику вследствие идеологической разнородности [4], однако в глазах Анкары он выглядит сбалансированным и работающим на национальные интересы.

«Государство-центр»: понятийный аспект

Понятие «государство-центр» представляет собой наиболее подходящий способ понять ключевые мотивы, которыми руководствуется в своей внешнеполитической практике турецкая политическая верхушка. Для определения данного термина, можем говорить, что на первый взгляд, такое понятие может быть заимствовано турецкими идеологами из тео-

рии мир-системного анализа И. Валлерстайна: как мы помним, для этой теории характерно противопоставление центра (ядра, сердцевины, *core*) и периферии, дополняемое полупериферийными зонами. Теоретическое наследие Валлерстайна, безусловно, активно используется в исследованиях современной Турции как силы, стремящейся к укреплению собственных позиций в качестве полупериферийного игрока, устремленного к ядру глобальной системы [2]. Тем не менее в данном случае под «государством-центром» понимается, скорее, стремление Анкары формировать вокруг себя зоны влияния, опираясь на политические, экономические, этноконфессиональные, культурные связи. При этом отношения между Турцией и ее партнерами внутри этих региональных систем могут носить как более иерархический, так и более горизонтальный характер. Этим современное «государство-центр» разительно отличается от имперской модели классического характера, предполагающей либо прямой административный контроль, либо разновидность вассалитета (Алжир, Тунис, Египет). Между тем османские традиции управления во многом определяют риторику «общей исторической судьбы», на которую так часто ссылается турецкая элита. Отметим и то, как публичный дискурс Анкары приспосабливается к текущим реалиям. В заявлениях турецких официальных лиц (в частности, главы *Диянет* (2010–2017) Мехмета Гёрмеза) Африка предстает колыбелью исламской цивилизации, а Турция – объединительницей и покровительницей мусульман всего мира [6]. Подобная модификация риторики хорошо иллюстрирует гибкость и многообразие турецкой стратегии, не сосредоточенной вокруг какого-либо одного исторического образа, а основанной на «хеджировании» идентичностей.

Концепты «региональные комплексы безопасности» и «сетевое взаимодействие» во внешнеполитической стратегии Турции

Как было отмечено выше, международная политика ПСР под руководством Эрдогана, иногда оценивается, как непоследовательная и непредсказуемая, что встречает негативную реакцию со стороны зарубежных партнеров Анкары и опасения экспертного сообщества внутри самой Турции [14]. Многовекторный подход, разумеется, не застрахован от ложных шагов и откровенных авантюр, однако не лишен и внутренней логики. Для понимания данной логики, пожалуй, стоит обратиться к двум широко признанным политическим теориям. Одна из них принадлежит Уильяму Хейгу – министру иностранных дел Великобритании в 2010–2014 гг. Комментируя замечания о противоречивом внешнеполитическом курсе Лондона на Ближнем Востоке, Хейг объяснял, что поведение его страны в условиях многополярного мира основано на принципе «сетевых соединений»: это позволяет правительству оперативно реагировать на стремительные изменения в глобальной повестке. Иначе говоря, тактика Великобритании при решении конкретных задач базируется на конкретных реалиях двусторонних отношений. Критики министра обнаружили непостоянство его позиции, так как раньше Хейг утверждал, что межнациональные контакты в современном мире далеко не исчерпываются форматом «государство–государство», а, напротив, подразумевают взаимодействие на уровне отдельных групп влияния и даже частных лиц. Однако, на наш взгляд, существенного противоречия нет.

В широком понимании «политическая сеть» – это схема распределения власти между управляющими и управляемыми участниками системы. В зависимости от формата и поставленных задач, такие сети могут быть «жесткими» (т.е. построенными на постоянном членстве и стабильных правилах) или «проблемными» (т.е. гибкими, приспособленными для контактов по определенным проблемам). По своей природе такие сети могут достаточно быстро менять свою конфигурацию или вовсе расформировываться, если в них отпадает необходимость. Сравнение « сетевого метода » с долгосрочными международными альянсами эпохи «холодной войны» или первой половины XX века, когда любая перестройка существующих политических союзов обладала революционным потенциалом, позволяет оценить его особенности. Сетевой тип взаимоотношений между государствами может выдвигать на авансцену политики одни ее аспекты, и «ставить на паузу» другие. Так, поддержав антиправительственные выступления в Ливии и Сирии периода «арабской весны», Великобритания поддержала подавление аналогичных манифестаций в Бахрейне, так как в «сетевом взаимодействии» с Манамой для *Foreign Office* первостепенную роль играет сотрудничество в сфере безопасности (размещение военно-морских баз, обмен разведывательными данными, вооружениями и технологиями), при этом, данное сотрудничество, в свою очередь, требует стабильности действующего режима [9].

Не менее перспективной представляется для нашего исследования теория дифференциации региональных комплексов безопасности (РКБ) Б. Бузана и О. Вевера [15]. Следует подчеркнуть, что концеп-

ция РКБ предполагает изучение международной политики в отрыве от формальных государственных границ. Взамен приверженцы этого подхода предлагают рассматривать сложные региональные кластеры, внутри которых каждый игрок рассматривает другого как потенциального союзника или, напротив, источник опасности. Такой тип анализа весьма продуктивен, при анализе политических процессов на Ближнем Востоке, где одни и те же участники могут включаться в самые разные РКБ, а разные кластеры – консолидироваться на основе разных приоритетных факторов (этнического, конфессионального, геостратегического и пр.) [12].

Раскрывая понятие «государства-центра» с учетом описанных теорий, отметим, что оно предполагает выстраивание Турцией сложных сетей взаимодействия и безопасности, в которых она неизменно занимала бы лидирующую, центральную позицию. Однако, в отличие от представленных нами выше обобщенных схем, концепция «государства-центра» предполагает не просто формирование прагматичных союзнических структур, но и полноценную дискурсивную пересборку политического пространства вокруг Анкары. Отличительная черта турецкой внешней политики времен Эрдогана – полноценное сосуществование разных картин реальности, в одной из которых Турция – лидер мировой исламской уммы, в другой – равноправный партнер Запада и часть исторической Европы, в третьей – сердце тюркского мира, в четвертой – гарант безопасности для Ближнего Востока, Центральной Азии и Южного Кавказа и т.д. В пользу этой гипотезы ярко свидетельствуют как участие Турции в самых разных форматах международной интеграции (в диапазоне от НАТО до ОИС), так и прямая речь турецких лидеров нескольких поколений.

«Региональное доминирование» в период президентства Тургут Озала

Одним из важнейших стимулов для преобразования глобальной доктрины Анкары стали события, последовавшие за окончанием «Холодной войны», распадом СССР и СФРЮ. На политической карте Евразии возникло множество новых независимых государств, для которых Анкара могла стать маяком. В 1992 году тогдашний президент Турции Тургут Озал говорил следующее:

«Так, начиная с территории балканского региона и заканчивая Центральной Азией, перед нами открылась огромная зона, населенная мусульманскими или тюркскими народами... Такая огромная возможность открывается перед нашей нацией впервые за последние 400 лет. И действительно, такую возможность, и благословение любой народ или любая страна может иметь раз в несколько столетий. Если мы не войдем через открывшиеся в этот день «ворота паломничества», то мы упустим данную историческую возможность» [25].

Не менее показательны заявления Озала периода Войны в Персидском заливе (1990–1991). Уже во время кризиса, вызванного вторжением Ирака на территорию Кувейта, турецкий лидер дал понять, что Турция не сможет остаться в стороне и проигнорировать те сдвиги, которые с неизбежностью повлечет за собой конфликт. По словам президента, «эпоха осторожности и слабых позиций во внешней политике завершилась», наступило время активных, динамичных действий [24].

Программные выступления Озала стали вехой в истории политической культуры Турции. В них наглядно продемонстрирована граница между прежними кемалистскими представлениями о национальной идентичности и новыми ориентирами, подразумевавшими претензии страны на международное господство. Рамки республиканизма классического типа, заданные светскими реформами Ататюрка, оказались слишком узкими для честолюбивых замыслов обновленного турецкого руководства. Тем самым идеал Турции как «государства-центра» готовил почву для перехода страны от республиканской к неореспубликанской парадигме, другими словами, к той стратегии региональной гегемонии, которую можем обозначить термином «Империализм 2.0».

Правление Озала (1989–1993) было недолгим, но весьма плодотворным. Его преемники во главе турецкого государства продолжили идти намеченным путем. Приведем отрывок из речи преемника Озала на посту президента Сулеймана Демиреля (1993–2000), произнесенной перед парламентом в 1995 г.: «Воспользовавшись благоприятными историческими условиями, возникшими после холодной войны, Турция вернула себе центральную, руководящую роль в международных проектах сотрудничества. <...> Турция рассматривает это положение в качестве гарантии обеспечения мира и благополучия не только для собственной страны, но и для государств региона» [21]. Уже в этот период Турция демонстрировала активное желание занять место в ядре западного мира и доминировать в собственном регионе. Более того, согласно заявлению Демиреля [23], Турция выступала в роли субъекта, способного влиять на процесс развития глобализации, стать передо-

вым игроком современного мира, опираясь на свое уникальное географическое и историко-культурное положение.

Практическая реализация государства-центр (в начале 2000-х)

Значительный вклад в оформление концепции внес и министр иностранных дел Турции в 1997–2002 гг. Исмаил Джем. Джем настаивал: «государство-центр» обладает собственным ценностным содержанием, это не просто указание на позицию страны как господствующей региональной державы. Определяя первоочередные задачи Турции как превращение в «полноправного члена Европейского Союза» и одновременно «ключевую силу в развивающемся и растущем пространстве Евразии», министр старался увести общественную мысль от стереотипного образа «государства-моста», простого «транзитного коридора», наделенного посредническими функциями, но лишенного субъектности. Продолжая мысль Джема, можно сказать, что внешняя политика Турции и ее евразийская (шире, трансконтинентальная) идентичность взаимно дополняют друг друга. Новое мышление, отличающее политическую элиту и часть интеллектуального класса страны, позволяет формулировать цели, задачи и методологию дипломатической работы на огромном пространстве от России до стран Африки и даже Латинской Америки. С другой стороны, устремленность к глобальному превосходству сама по себе стимулирует фундаментальные перемены в понимании того, чем должна быть турецкая политическая нация в XXI столетии.

Переосмысленный идеал «государства-центра» получает окончательное теоретическое оформление в работах Ахмета Давутоглу. Чиновник и политический мыслитель с блестящей академической подготовкой, Давутоглу вводит в свои рассуждения дополнительное понятие *самовосприятия*. В конце 1990-х гг. оно возникает в его сочинении «Альтернативные парадигмы», а затем воспроизводится в более знаменитой книге «Стратегическая глубина». Суть подхода, предложенного Давутоглу, заключалась в кардинальной смене оптики. Когда мы используем такие понятия, как «транзитное» или «буферное государство», то мысленно помещаем описываемую страну в точку пересечения чуждых ей интересов. Мост, поставленный в поле и не соединяющий берегов, лишается смысла. Возникает смысловой зазор между понятиями «середины» и «центра». Индивидуальным сознанием, не опосредованным перспективой другого, обладает центр, но никак не середина [3]. За красивыми метафорами скрывается вполне конкретный политический смысл: если Турция намеревается бороться за международную гегемонию, ей предстоит научиться самой формулировать собственные интересы, защищать собственную модель развития, привлекая на свою сторону союзников и не стремясь подогнать эту модель под устоявшиеся стереотипы. Кроме того, в книге «Стратегическая глубина» Давутоглу критикует турецкое руководство за поверхностное, ограниченное понимание национальных интересов в эру «Холодной войны», причем делает он это именно при помощи концепции *самовосприятия* [13].

В нынешних политических реалиях, как полагал Давутоглу, внешняя политика Турции должна демонстрировать способность к независимым и осознанным политическим поступкам и самостоятельной реакции на действия различных игроков, в то же время полностью отказаться принимать участие в трансмиссионной системе в целом.

В 2009 г. Давутоглу лично возглавил дипломатическое ведомство Турции и получил возможность реализовать свой подход на практике. Нельзя не заметить, что многие идеи, ранее высказанные в «Альтернативных парадигмах» и «Стратегической глубине», оказались чрезвычайно созвучны мировоззрению Р.Т. Эрдогана. Как и Давутоглу, Эрдоган по натуре амбициозный прагматик, убежденный, что Турция слишком долго прозябала в статусе буферного государства на перекрестке Европы и Азии. В публичных выступлениях Давутоглу неоднократно подчеркивал намерение турецкой стороны и дальше придерживаться активной позиции по всем ключевым вопросам региональной и международной политики, не отказываясь при этом ни от одного из фундаментальных идеологических направлений, как то пантюркизма, панисламизма и неоосманизма, элементы которых встречаются во внешнеполитической программе оттеночным образом. Следует отметить, что многообразие понималось не как эклектика, а как спектр возможностей, используя которые можно одновременно сохранять стабильность и маневренность во внешней политике, планомерно расширять свое влияние, не превращаясь в заложника какой-либо одной политической догмы. В частных разговорах Давутоглу признавался, что считает выбор стороны в политике пережитком «холодной войны» [23].

За время руководства Ахметом Давутоглу турецкой внешней политикой Анкара, действительно, укрепила свой международный авторитет и заявила о себе как об одном из важнейших деловых и культурных центров региона, точке политического и духовного притяжения для

множества сил по всему миру. Тем не менее Давутоглу так и не удалось в полной мере воплотить в жизнь свои проекты. Пик надежд на новую доктрину пришелся на начало 2010-х гг. Тогда ПСР добилась безоговорочной победы на выборах в меджлис, а Эрдоган, казалось, упрочил свое влияние, поддержав демократических исламистов на Ближнем Востоке и в Северной Африке во время «арабской весны». Оптимальный для Анкары сценарий состоял в том, чтобы занять центральное место и в арабском, и в турецком, и в мусульманском мире. Здесь прослеживаем яркую топологию турецкой внешней политики, одновременное существование «государства-центра» в нескольких политических и этноконфессиональных измерениях.

Осуществляя заявленные намерения, Давутоглу делал ставку на «мягкую силу» и свой знаменитый принцип «нулевых проблем с соседями». Несмотря на приоритет *самовосприятия*, политик понимал, что Турция вынуждена действовать в реальном мире, согласовывая свои интересы с интересами множества самостоятельных и сильных игроков. Кроме того, Давутоглу был убежден, что способность Анкары выступать посредником при разрешении международных конфликтов – ценнейшее достояние, драгоценный политический капитал, который не стоит разменивать на отдельные тактические выгоды от силовых решений. Видение Давутоглу, впрочем, столкнулось с целым рядом внешних и внутренних препятствий. Инициативы Турции по Ближнему Востоку вызвали озабоченность со стороны западных стран и в конечном счете сильно подорвали переговоры по европейской интеграции. Политическое противостояние в Египте и война в Сирии требовали от Анкары чувствительных компромиссов, либо, напротив, более жесткого поведения. Не менее серьезным испытанием на прочность для турецкой доктрины стал дипломатический конфликт с Израилем, когда в 2010 году пассажирское судно «Мави Мармара» попыталось прорвать морскую блокаду Газы. Стремление Турции к гегемонии на арабском Востоке, в свою очередь, едва не обернулось коллапсом в отношениях с монархиями Персидского залива, обвинившими Анкару в османском реваншизме. К этим проблемам прибавились и персональные разногласия Давутоглу с Эрдоганом. Желание турецкого лидера сосредоточить в своих руках всю полноту политической власти, его переход к более жесткому стилю взаимодействия с партнерами, резкая и порой нетерпимая риторика, – все это Давутоглу расценивает как угрозу турецкой гражданской нации. Статус ведущей «исламской демократии», по мысли Давутоглу, представляет собой не только важную составную часть государственной идентификации, но и основополагающий фактор в международных отношениях. Ведь именно преемственность и предсказуемость демократических институтов позволяют поддерживать репутацию Турции как «государства-модели» для остальных мусульманских стран.

Заключение

Сегодня Турция продолжает трансформацию своей политики по неореспубликанской модели. Вопреки очевидным трудностям, обнаружившим себя еще при Давутоглу, ПСР под руководством Эрдогана не оставит попыток закрепить за собой место в ряду глобальных держав, действуя в парадигме «Империализма 2.0». Идеология «стратегической глубины» сменилась идеологией «Век Турции», чьи основные положения были сформулированы новым главой МИД Хаканом Фиданом[7]. Обновленная доктрина отчасти развивает теоретические наработки Давутоглу, но от многого в его наследии отказывается. В частности, принцип «нулевых проблем с соседями» уступил место принципу «политики 360 градусов», предполагающему еще более активное и всестороннее вмешательство Турции в международные дела, в том числе с использованием «жесткой силы» взамен «мягкой». Воплощение этого принципа в жизнь можно заметить на примере возрастающего военного присутствия Анкары в Сирии, Ливии и Ираке. Отношения Турции с Израилем и странами Запада сохраняют напряженность, которая подогревается обстановкой вокруг Ирана. Впрочем, фундаментальные изменения турецкой внешнеполитической доктрины простираются гораздо дальше: в первую очередь они касаются концептуальных позиций правящей элиты в стране. В поддержку этого тезиса приведем слова президента Эрдогана сказанные 9-го июня 2026 года на открытии конференции по национальной безопасности в Анкаре. Лидер страны подчеркнул переход Турции от оборонительной стратегии к наступательной, проактивной. Эрдоган, в частности, заявил: «Турция – не та страна, которой отводят роль в чужих сценариях. Мы сами пишем свою историю, сами формируем свое будущее и уже доказали всем – как друзьям, так и врагам, – что именно мы являемся ключевым игроком в регионе» [16].

Подводя итог, отметим, что концепция «государства-центра» выразила мировоззрение целого поколения турецких политиков, управленцев и интеллектуалов на этапе транзита государства из реалий «Холодной войны» в реалии постмодерна. Выход за пределы привычного

биполярного мира предоставил Турции беспрецедентные исторические возможности, одновременно поставив страну перед совершенно беспрецедентными историческими вызовами. Местному истеблишменту предстояло заново отвечать на вопрос о национальной идентичности турок и их роли в стремительно меняющемся внешнем мире. В глазах многих прежняя кемалистская модель исчерпала себя и не могла дать удовлетворительных ответов на вопросы XXI века. Трансформация понятия «государство-центр» отразила процесс напряженного поиска самоопределения. Из рабочего термина, обозначающего позицию страны в евразийском геополитическом пространстве, оно превратилось в обозначение нового образа страны, действующей в русле «Империализма 2.0». Постепенно стремление превратиться в мощного и субъектного международного игрока бесспорно деформировало турецкую политическую культуру. Концепт «центрального государства» до некоторой степени растворился в новой эпохе, проложив дорогу более агрессивным идеологемам.

Литература

1. Аватков В. А., Сбитнева И. А. Турция – Запад: Образцовый антагонизм? // Современная Европа. 2023. № 5. С. 31–43.
2. Егизарян А. Основные особенности «полупериферийных стратегий» Ирана, Турции и России в отношении региона Центральной Азии и Южного Кавказа // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Т. 16. Вып. 1. С. 64–67, 71–74.
3. Геворгян А. Г. Концептуальная карта внешней политики Турецкой Республики после прихода к власти ПСР // Международные отношения. 2018. № 4. С. 1–7.
4. Горбунова Н. М., Иванова И. И. Ближневосточный вектор внешней политики Турции при президенте Р. Т. Эрдогане // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. Вып. 6 (82). С. 1976–1986.
5. Гузаеров Р. И. Оценка перспектив развития внешней политики Турции в 2024 г. Фондом политических, экономических и социальных исследований (SETA) // Ближний и Постсоветский Восток. 2024. № 1 (5). С. 57–68.
6. Колесникова М. А. Турецкий пояс Африки: От османского прошлого к этнополитической парадигме настоящего // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 40–47.
7. Колесникова М. А., Урпер М. Концепция «Век Турции» как новый камертон внешней политики Анкары // Международная жизнь. 2025. № 8. С. 14–19.
8. Рывов И. В., Бородин М. Ю., Савичева Е. М. Ближний Восток: поиск новой архитектуры безопасности в меняющемся мире // Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15. № 2. С. 418–435.
9. Урпер М. Политика Британии на Ближнем Востоке: сто лет стагнации // Вопросы политологии. 2017. Вып. 2(26). С. 171–174.
10. Урпер М. Британская политика на Ближнем Востоке: от концепции мирового сообщества к концепции сетевого взаимодействия // Вопросы Национальных и федеративных отношений. 2017. № 2 (37). С. 121–128.
11. Урпер М. Тенденции развития неореспубликанизма в современной Турции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 3 (860). С. 41–46.
12. Яхина П. А. Построение регионального комплекса безопасности на Ближнем Востоке: проблемы идентификации // Глобальная и региональная безопасность в XXI веке: материалы научных конференций. Екатеринбург, 2014. С. 221–226.
13. Ahmet Davutoğlu (12. 1993) «Alternative Paradigms: The Impact of Islamic and Western weltanschauungs on Political Theory». // University Press of America, Pp. 26–254.
14. Barkey H. J. Erdogan's Foreign Policy Is in Ruins // Foreign Policy. 2016. February 4 – URL: <https://foreignpolicy.com/2016/02/04/erdogans-foreign-policy-is-in-ruins/> (дата обращения: 17.05.2026)
15. Buzan B., Albert M. Differentiation: A sociological approach to international relations theory // European journal of international relations. 2010. Т. 16. № 3. С. 315–337.
16. Cumhurbaşkanı Erdoğan: Türkiye kendi hikayesini yazan bir ülke haline geldi // Dünya Gazetesi. 09 Haziran 2026 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.dunya.com/gundem/cumhurbaskani-erdogan-turkiye-kendi-hikayesini-yazan-bir-ulke-haline-geldi-haberi-827942> (дата обращения: 19.06.2026).
17. Davutoğlu A. Principles of Turkish Foreign Policy. // Ankara, 2012. P. 2.
18. Davutoğlu, A. «Türkiye merkez ülke olmalı», La Turquie devrait être l'État-pivot, // Radikal. 2004. Т. 26. (дата обращения: 17.05.2026) <http://www.radikal.com.tr/haber.php?haberno=107581>
19. Feroz A. The Making of Modern Turkey. // Routledge Publisher. London and New York. Pp. 181–227.

20. Yavuz M.H. *Nostalgia for the empire: the politics of neo-Ottomanism*. – Oxford: Oxford University Press, 2020. 256 p.

21. Süleyman Demirel. Cumhurbaşkanı Süleyman Demirel'in, 19 uncu Dönem 5 inci Yasama Yılıni açış konuşması // TBMM 1. Birleşim: Dönem 19 yasama yılı 5. TBMM tutanak dergisi. Cilt 94. Pp. 29–49. // Türkiye Büyük Meclisi İtranet Sitesi: [site]. – URL: <http://tbmm.gov.tr/tbmm19094001.pdf> (дата обращения: 17.05.2026).

22. Süleyman Demirel. Cumhurbaşkanı Süleyman Demirel'in, 19 uncu Dönem 5 inci Yasama Yılıni açış konuşması (01 Oct. 1996) // TBMM 1. Birleşim: Dönem 20 yasama yılı 2. TBMM tutanak dergisi. Cilt 11. Pp. 12–29. // Türkiye Büyük Meclisi İtranet Sitesi: [site]. – URL: <http://tbmm.gov.tr/tbmm20011001.pdf> (дата обращения: 17.05.2026).

23. Traub J. Turkey's Rules // The New York Times Magazine. 2011. January 20. – URL: <https://www.nytimes.com/2011/01/23/magazine/23davutoglu-t.html> (дата обращения: 17.05.2026).

24. Turgut Özal. TBMM'nin 18. Dönem 4. Yasama yılı konuşması (01.09.1991). Turgut Özal'ın TBMM 18. Dönem 4. Yasama Yılınin açılışında yaptığı konuşma // Wikikaynak: [site]. – URL: <https://tr.wikisource.org/> (дата обращения: 17.05.2026).

25. Turgut Özal. Türkiye'nin Önünde Hâcet Kapıları Açılmıştır: Turgut Özal'la Mülakat / M. Çalık // Türkiye Günlüğü. 1992. № 19. Pp. 4–25.

26. Walker R. B.J. *Inside/Outside: International Relations as Political Theory*. // Cambridge. 1992. P. 22.

«THE STATE-CENTRED APPROACH» AS AN ELEMENT OF MODERN TURKEY'S FOREIGN POLICY DOCTRINE

Mehmet Urper

Saint Petersburg State University

The article analyses the concept of the 'state-center'—a key component of Turkey's contemporary foreign policy doctrine. It examines the origins and evolution of this concept, its ideological roots, and its connection to the transformation of the global order following the end of the Cold War. Particular attention is paid to the role of political leaders who influenced the formation of the country's foreign policy course: Turgut Özal, Süleyman Demirel, İsmail Cem, and Ahmet Davutoğlu—the author of the theoretical foundation of the concept. The article analyses the interconnection between Davutoğlu's ideas and Recep Tayyip Erdoğan's political worldview, as well as their practical implementation in the first quarter of the 21st century. The article outlines the main stages of the transformation of Turkish foreign policy: from the principle of 'zero problems with neighbours' to the '360-degree policy' and the strengthening of the role of 'hard power'. It assesses the successes and obstacles in the implementation of the 'state-center' concept, including complications in relations with the West, regional conflicts and domestic political factors. The author demonstrates how Turkey's rejection of the Kemalist model and its pursuit of international agency have led to a re-evaluation of its role in the world—from a peripheral state to the center of regional networks of influence. The study also draws comparisons with other foreign policy theories and touches upon the concept of regional security complexes.

Keywords: Turkey, 'New Century', foreign policy model, 'state-centered' regional dominance, '360-degree policy', regional security frameworks.

References

1. Avakov V.A., Sbitneva I.A. Turkey – the West: Model Antagonism? // *Modern Europe*. 2023. № 5. Pp. 31–43.
2. Egiazyryan A. Main Features of the «Semi-Peripheral Strategies» of Iran, Turkey and Russia towards the Central Asian and South Caucasus Region // *Central Asia and the Caucasus*. 2013. Vol. 16. Issue 1. Pp. 64–67, 71–74.
3. Gevorgyan A.G. Conceptual Map of the Foreign Policy of the Republic of Turkey after the AKP Came to Power // *International Relations*. 2018. № 4. Pp. 1–7.

4. Gorbunova N.M., Ivanova I.I. The Middle East Vector of Turkey's Foreign Policy under President R.T. Erdogan // *Voprosy politologii*. 2022. Vol. 12. Issue 6 (82). Pp. 1976–1986.

5. Guzeyev R.I. Assessment of the Prospects for the Development of Turkey's Foreign Policy in 2024 by the Foundation for Political, Economic and Social Research (SETA) // *Middle and Post-Soviet East*. 2024. № 1 (5). Pp. 57–68.

6. Kolesnikova M.A. The Turkish Belt of Africa: From the Ottoman Past to the Ethnopolitical Paradigm of the Present // *Kunstkamera*. 2018. № 1. Pp. 40–47.

7. Kolesnikova M.A., Urper M. The «Turkey Century» Concept as a New Tuning Fork of Ankara's Foreign Policy // *International Affairs*. 2025. № 8. Pp. 14–19.

8. Ryzhov I.V., Borodina M. Yu., Savicheva E.M. The Middle East: The Search for a New Security Architecture in a Changing World // *Bulletin of St. Petersburg State University. Oriental and African Studies*. 2023. Vol. 15. № 2. Pp. 418–435.

9. Urper M. British Policy in the Middle East: One Hundred Years of Stagnation // *Voprosy Politologii*. 2017. Issue 2(26). Pp. 171–174.

10. Urper M. British Policy in the Middle East: From the Concept of the World Community to the Concept of Network Interaction // *Voprosy National and Federal Relations*. 2017. № 2 (37). P. 121–128.

11. Urper M. Trends in the Development of Neo-Republicanism in Modern Turkey // *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 2025. Issue. 3 (860). P. 41–46.

12. Yakhina P.A. Building a Regional Security Complex in the Middle East: Problems of Identification // *Global and Regional Security in the 21st Century: Proceedings of Scientific Conferences*. Ekaterinburg, 2014. P. 221–226.

13. Ahmet Davutoğlu (12. 1993) «Alternative Paradigms: The Impact of Islamic and Western Weltanschauungs on Political Theory». // University Press of America. Pp. 26–254.

14. Barkey H.J. Erdogan's Foreign Policy Is in Ruins // *Foreign Policy*. 2016. February 4 – URL: <https://foreignpolicy.com/2016/02/04/erdogans-foreign-policy-is-in-ruins/> (access date: 05/17/2026)

15. Buzan B., Albert M. Differentiation: A sociological approach to international relations theory // *European journal of international relations*. 2010. T. 16. № 3. Pp. 315–337.

16. Cumhurbaşkanı Erdoğan: Türkiye kendi hikayesini yazan bir ülke haline geldi // *Dünya Gazetesi*. 09 Haziran 2026 [Electronic resource] – URL: <https://www.dunya.com/gundem/cumhurbaskani-erdogan-turkiye-kendi-hikayesini-yazan-bir-ulke-haline-geldi-haberi-827942> (date of access: 19.06.2026).

17. Davutoğlu A. Principles of Turkish Foreign Policy. // Ankara, 2012. P. 2.

18. Davutoğlu, A. «Türkiye merkez ülke olmalı», La Turquie devrait être l'État-pivot, // *Radikal*. 2004. T. 26. (access date: 05/17/2026) <http://www.radikal.com.tr/haber.php?haberno=107581>

19. Feroz A. The Making of Modern Turkey. // Routledge Publisher. London and New York. Pp. 181–227.

20. Yavuz M.H. *Nostalgia for the empire: the politics of neo-Ottomanism*. – Oxford: Oxford University Press, 2020. 256 p.

21. Süleyman Demirel. Cumhurbaşkanı Süleyman Demirel'in, 19 uncu Dönem 5 inci Yasama Yılıni açış konuşması // TBMM 1. Birleşim: Dönem 19 yasama yılı 5. TBMM tutanak dergisi. Cilt 94. Pp. 29–49. // Türkiye Büyük Meclisi İtranet Sitesi: [site]. – URL: <http://tbmm.gov.tr/tbmm19094001.pdf> (access date: 05/17/2026).

22. Süleyman Demirel. Cumhurbaşkanı Süleyman Demirel'in, 19 uncu Dönem 5 inci Yasama Yılıni açış konuşması (01 Oct. 1996) // TBMM 1. Birleşim: Dönem 20 yasama yılı 2. TBMM tutanak dergisi. Cilt 11. Pp. 12–29. // Türkiye Büyük Meclisi İtranet Sitesi: [site]. – URL: <http://tbmm.gov.tr/tbmm20011001.pdf> (access date: 05/17/2026).

23. Traub J. Turkey's Rules // The New York Times Magazine. 2011. January 20. – URL: <https://www.nytimes.com/2011/01/23/magazine/23davutoglu-t.html> (access date: 05/17/2026).

24. Turgut Özal. TBMM'nin 18. Dönem 4. Yasama yılı konuşması (01.09.1991). Turgut Özal'ın TBMM 18. Dönem 4. Yasama Yılınin açılışında yaptığı konuşma // Wikikaynak: [site]. – URL: <https://tr.wikisource.org/> (access date: 05/17/2026).

25. Turgut Özal. Türkiye'nin Önünde Hâcet Kapıları Açılmıştır: Turgut Özal'la Mülakat / M. Çalık // Türkiye Günlüğü. 1992. № 19. Pp. 4–25.

26. Walker R.B.J. *Inside/Outside: International Relations as Political Theory*. // Cambridge. 1992. P. 22.

Санкционное давление в современных международных отношениях: пределы эффективности и адаптивная устойчивость России в 2022–2025 годах

Морковкин Дмитрий Евгеньевич,

к.э.н., доцент, доцент кафедры налогов и налогового администрирования, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: MorkovkinDE@mail.ru

Беспрецедентная по масштабу санкционная кампания против России превратила экономическое принуждение в центральный инструмент современных международных отношений и одновременно в крупнейший естественный эксперимент по проверке теорий санкционной политики. Предметом настоящего исследования выступают политические механизмы санкционного принуждения и факторы адаптивной устойчивости государства-объекта давления в период 2022–2025 годов. В работе систематизированы теоретические школы исследования санкций, раскрыты каналы санкционной трансмиссии в сопоставлении с адаптивными контурами и обоснована двухфазная модель эффективности ограничений с точкой адаптационного перелома. Измерительное ядро образуют индекс адаптивной абсорбции шока, коэффициент геозкономической переориентации и относительный темп роста экономики объекта, рассчитанные на фактических данных 2021–2025 годов. Результаты свидетельствуют о том, что принуждающий эффект подчиняется закономерности убывающей отдачи, а долгосрочные последствия давления определяются качеством институциональной среды объекта. Выводы применимы при выработке внешнеполитической стратегии России в условиях пролонгированного санкционного режима.

Ключевые слова: экономические санкции, международные отношения, санкционное принуждение, адаптивная устойчивость, геозкономическая переориентация, эффективность санкций, внешнеполитические инструменты, экономический суверенитет, Россия, полицентричный миропорядок.

Введение

Экономические санкции заняли место главного инструмента силового воздействия в международных отношениях, не пересекающего порог вооруженного конфликта. Россия стала мировым лидером по количеству наложенных ограничений, охватывающих финансовый, торговый, технологический и энергетический контуры национального хозяйства [1], вследствие чего санкционная кампания 2022–2025 годов приобрела значение крупнейшего естественного эксперимента по проверке теорий принуждения. Фактическая траектория объекта разошлась с ожиданиями инициаторов, поскольку снижение валового внутреннего продукта в 2022 году составило 1,4% против прогнозирувшегося спада на 8,5% [2], в 2023 и 2024 годах зафиксирован рост на 4,1 и 4,3% при номинальном объеме свыше 200 трлн рублей [3], а по паритету покупательной способности Россия удержала четвертое место в мире [2]. Расхождение подобного масштаба требует политологического объяснения.

Теоретический фундамент проблематики заложен классическим эмпирическим проектом Г. Хафбауэра, Дж. Шотта и К. Эллиотт, установившим достижение заявленных целей лишь примерно в трети санкционных эпизодов двадцатого века [4], аргументацией Р. Пейпа о систематической неэффективности санкций как замены военной силы [5], парадоксом Д. Дрезнера о наибольшем применении ограничений против наименее восприимчивых к давлению оппонентов [6], и типологией функций принуждения, сдерживания и сигнализирования Ф. Джумелли [7]. Отечественная школа представлена системным анализом политики санкций И.Н. Тимофеева [8], тезисом об обратных эффектах ограничений для инициаторов [9], оценками ущерба инициаторам [10] и исследованием антисанкционной политики России [11]. Сопоставительную перспективу задает анализ иранского опыта, связавший долгосрочные последствия с качеством институциональной среды объекта [12], а рамках перестройки мирохозяйственных связей образуют исследования трансформации региональных торговых соглашений при переходе к полицентризму [13]. Вместе с тем целостная политологическая модель, связывающая каналы принуждения, адаптивные контуры объекта и убывающую во времени эффективность давления с измеримыми индикаторами, остается недостаточно разработанной.

Научная проблема состоит в противоречии между линейными моделями санкционного коллапса, лежавшими в основе решений инициаторов давления, и фактической нелинейной траекторией объекта, продемонстрировавшего абсорбцию основной части прогнозного шока и последующий восстановительный рост.

Объектом исследования выступает санкционное принуждение как инструмент современных международных отношений.

Предметом исследования являются политические механизмы санкционного воздействия на Россию и факторы адаптивной устойчивости государства-объекта в 2022–2025 годах.

Целью исследования является обоснование политологической модели пределов эффективности санкционного принуждения на основе анализа российского кейса 2022–2025 годов с измеримой оценкой адаптивной устойчивости.

Для достижения поставленной цели решаются три исследовательские задачи.

1. Систематизировать теоретические школы исследования санкций в науке о международных отношениях и выделить каналы санкционной трансмиссии.

2. Раскрыть адаптивные контуры государства-объекта по каналам принуждения и обосновать двухфазную модель эффективности ограничений.

3. Сконструировать измерительное ядро оценки адаптивной устойчивости и политической результативности принуждения и подтвердить его работоспособность расчетами.

Научная новизна исследования состоит в обосновании двухфазной модели эффективности санкционного принуждения с точкой адаптационного перелома, в сопоставлении каналов трансмиссии давления с институционализированными адаптивными контурами объекта, а также в построении измерительного ядра, соединяющего индекс адаптивной абсорбции шока, коэффициент геозкономической переориентации и относительный темп роста экономики объекта.

Практическая значимость определяется применимостью результатов при выработке внешнеполитической стратегии России и оценке устойчивости критических контуров.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили неореалистская и неолиберальная традиции анализа экономического принуждения, институциональный подход к изучению адаптивных механизмов, метод естественного эксперимента, а также приемы формализованного анализа, включая индексное измерение абсорбции шока, оценку геоэкономической переориентации и относительное темповое сопоставление траекторий.

Информационную базу образуют национальная статистика продукта, занятости и инфляции за 2021–2025 годы, материалы центрального банка и таможенной службы, прогнозы международных институтов 2022 года, конъюнктурные опросы промышленных предприятий, а также нормативные акты в сфере национальной и экономической безопасности [14], [15], [16].

Результаты и обсуждение

Наука о международных отношениях разделяет исследования экономического принуждения на несколько школ с несовпадающими выводами о его эффективности. Систематизация приведена в таблице 1.

Таблица 1. Теоретические школы исследования экономических санкций в науке о международных отношениях

Школа	Представители	Ключевой тезис	Проверка российским кейсом 2022–2025 годов
Эмпирико-оптимистическая	Г. Хафбауэр, Дж. Шотт, К. Эллиотт	Санкции достигают заявленных целей примерно в трети эпизодов при правильном дизайне	Заявленные политические цели кампании к 2025 году не достигнуты при рекордном масштабе ограничений

Школа	Представители	Ключевой тезис	Проверка российским кейсом 2022–2025 годов
Скептическая	Р. Пейп	Санкции систематически неэффективны как замена силы, поскольку национальные государства абсорбируют издержки	Абсорбция основной части прогнозного шока подтверждает тезис о пределах экономического принуждения
Парадоксалистская	Д. Дрезнер	Ограничения чаще всего применяются против оппонентов, наименее восприимчивых к давлению	Эскалация пакетов при убывающей отдаче воспроизводит санкционный парадокс
Функционалистская	Ф. Джумелли	Наряду с принуждением санкции выполняют функции сдерживания и сигнализирования для внутренних и союзных аудиторий	Продолжение кампании при недостижении принуждающих целей объясняется сигнальной функцией
Отечественная институциональная	И. Н. Тимофеев, С. В. Казанцев, Д. В. Манушин	Результат давления определяется институциональной средой объекта и порождает обратные эффекты для инициаторов	Институционализация адаптивных контуров и измеримый ущерб инициаторам подтверждают тезис

Источник: составлено автором на основе материалов [4], [5], [6], [7], [8], [10], [11].

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что российский кейс усиливает позиции скептической и институциональной школ, поскольку рекордный масштаб ограничений не конвертировался в достижение заявленных политических целей. Механика расхождения раскрывается через каналы санкционной трансмиссии, сопоставленные с адаптивными контурами объекта на рисунке 1.

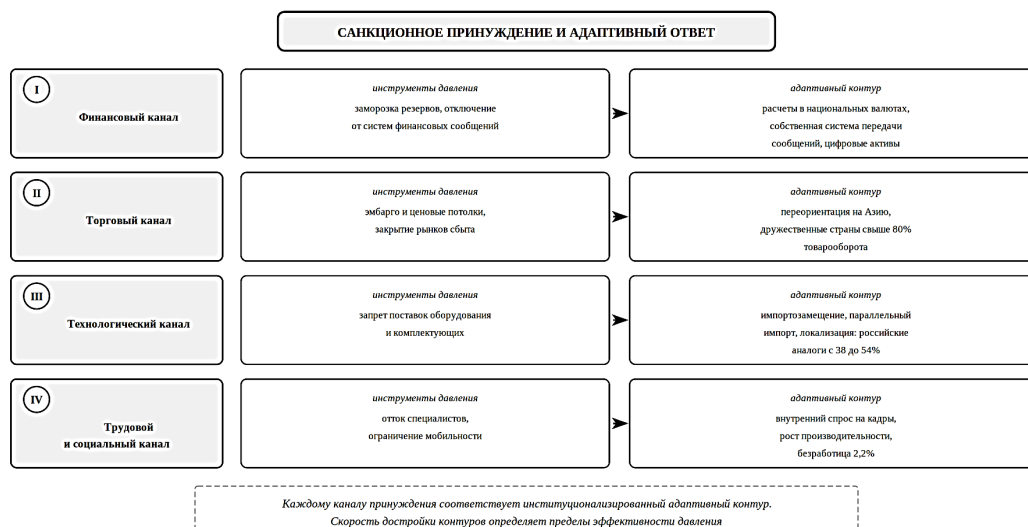

Рис. 1. Каналы санкционной трансмиссии и адаптивные контуры государства-объекта давления

Источник: разработано автором.

Представленное на рисунке 1 сопоставление показывает, что каждому каналу принуждения соответствует адаптивный контур, достроенный в 2022–2024 годах, включая компенсацию финансового канала расчетами в национальных валютах и собственной инфраструктурой сообщений при сохранении структурных ограничений доступа к капиталу [11]. Макроэкономическая динамика объекта, верифицирующая гипотезы школ, представлена в таблице 2.

Таблица 2. Динамика ключевых макроэкономических показателей России в период санкционного давления, 2021–2025 годы

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025
Темп роста реального ВВП, %	5,9	–1,4	4,1	4,3	1,0–1,2
Инфляция на конец года, %	8,39	11,94	7,42	9,52	5,3
Уровень безработицы, %	4,8	3,9	3,2	2,5	2,2
Номинальный ВВП, трлн рублей	135,3	155,4	171,0	201,2	213,5

Источник: составлено автором на основе материалов [3], [17].

Данные таблицы 2 демонстрируют нелинейную траекторию с фазами шока, интенсивного восстановления и последующего охлаждения, обусловленного жесткой денежно-кредитной политикой при ключевой ставке в диапазоне 17–21% годовых и исчерпанием восстановительного эффекта [17]. Отраслевая реакция оказалась глубоко неоднородной, поскольку наибольший прирост добавленной стоимости в 2024 году показали финансовая деятельность с ростом 16,5%, сфера информации и связи 11,9% и обрабатывающие производства 7,6% при отрицательной динамике добычи полезных ископаемых в размере 0,9% [3], что согласуется с выделением шести групп секторов различной уязвимости к внешним шокам [18] и с отсутствием значимой разницы выручки подсанкционных и неподсанкционных фирм вследствие сложения противонаправленных эффектов [19]. Первым элементом измерительного ядра выступает индекс адаптивной абсорбции санкционного шока, рассчитываемый по формуле (1).

$$I_{aa} = \frac{g_{\phi} - g_{\pi}}{|g_{\pi}|} \quad (1)$$

где I_{aa} обозначает индекс адаптивной абсорбции шока, g_{ϕ} выражает фактический темп изменения валового внутреннего продукта объекта в год пикового давления, а g_{π} соответствует консенсус-прогнозу международных институтов на момент введения ограничений.

Расчет по фактическим данным дает $I_{aa} = (-1,4 - (-8,5)) / 8,5 = 7,1 / 8,5 = 0,84$ [2], [3], вследствие чего адаптивные механизмы абсорбировали 84% прогнозировавшегося шока уже в первый год давления. Полученное значение количественно опровергает линейные модели санкционного коллапса и фиксирует недооценку инициаторами институциональной подготовленности объекта, включая накопленный с 2014 года опыт функционирования под ограничениями. Скорость перестройки внешних связей измеряет коэффициент геоэкономической переориентации по формуле (2).

$$K_{\pi\pi} = \frac{d_0}{d_1} \quad (2)$$

где $K_{\pi\pi}$ обозначает коэффициент геоэкономической переориентации, d_0 выражает долю стран-инициаторов давления в экспорте объекта до начала кампании, а d_1 соответствует доле после завершения фазы переориентации.

Расчет дает $K_{\pi\pi} = 57 / 15 = 3,8$ при сокращении доли недружественных стран в российском экспорте с 57% в 2021 году до менее 15% к 2024 году [20], [21], вследствие чего экспортная зависимость от коалиции инициаторов сжалась почти вчетверо за два года. Трансформация географической структуры внешних связей, лишившая торговый канал принуждения основной массы точек приложения, представлена в таблице 3.

Таблица 3. Геоэкономическая переориентация внешней торговли России, 2021–2024 годы

Показатель	2021	2023	2024
Доля Китая в товарообороте, %	18,3	33,0	33,8
Доля Индии в товарообороте, %	менее 3,0	8,5	8,7
Доля Турции в товарообороте, %	4,5	7,0	8,2
Доля дружественных стран в товарообороте, %	менее 50	свыше 75	свыше 80
Доля недружественных стран в экспорте, %	57	15	менее 15

Источник: составлено автором на основе материалов [20], [21].

Результаты, отраженные в таблице 3, фиксируют завершение фазы переориентации к первому полугодию 2024 года при доле нейтральных стран в экспорте до 87% [21], однако политологическая оценка требует учета новой асимметрии, поскольку концентрация импорта на китайских поставках при вторичности российского рынка для Китая формирует зависимость нового типа [21]. Технологический канал принуждения встретил контур импортозамещения с ростом доли предприятий, использующих российские аналоги, с 38 до 54% за 2022–2024 годы при сохранении китайского импорта главным каналом замещения у 68% предприятий и отсутствии отечественных альтернатив более чем у половины опрошенных [22], что подтверждает вывод о результативности замещения в средних переделах при глубине зависимости в сложных сегментах [23]. Трудовой канал обернулся парадоксом рекордно низкой безработицы 2,2% при кадровом голоде 69% предприятий [3], [17], а инфляционная цена адаптации выразилась в росте цен на 9,52% по итогам 2024 года при целевом ориентире 4% [17]. Политическую результативность принуждения в терминах целей инициаторов замыкает относительный темп роста экономики объекта по формуле (3).

$$K_T = \frac{g_o}{g_m} \quad (3)$$

где K_T обозначает относительный темп роста, g_o выражает среднегодовой темп роста экономики объекта давления за период кампании, а g_m соответствует среднемировому темпу.

Расчет по среднегодовому росту России 2,3% за 2022–2024 годы [24] и среднемировому темпу около 3,3% [2] дает $K_T = 2,3 / 3,3 = 0,70$.

Экономика объекта росла на уровне семи десятых мирового темпа, тогда как цели кампании предполагали глубокую и продолжительную рецессию, а диапазон оценок совокупных долгосрочных потерь валового внутреннего продукта в 7,1–14,2% [25] характеризует цену давления как ощутимую, но некритичную для политической устойчивости объекта. Соотношение убывающего принуждающего эффекта и растущей адаптивной способности обобщает двухфазная модель на рисунке 2.

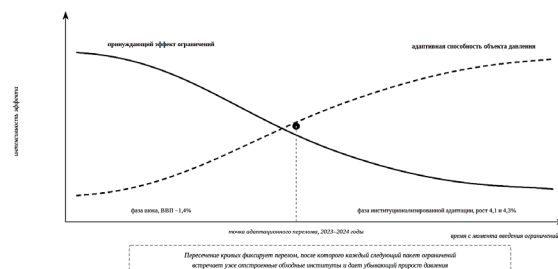

Рис. 2. Двухфазная модель эффективности санкционного принуждения с точкой адаптационного перелома

Источник: разработано автором.

Модель на рисунке 2 фиксирует закономерность убывающей отдачи принуждения, поскольку после точки адаптационного перелома 2023–2024 годов каждый следующий пакет ограничений встречает уже отстроенные обходные институты, что согласуется с выводами о постепенном снижении эффективности рестрикций 2022–2024 годов [26] и объясняет продолжение кампании преимущественно сигнальной функцией в терминологии функционалистской школы [7]. Систематизация рисков пролонгированного давления и адаптивных механизмов приведена в таблице 4.

Таблица 4. Систематизация каналов санкционного риска и адаптивных механизмов России

Канал риска	Проявление давления	Адаптивный механизм
Финансовый	Заморозка резервов, отключение от международных систем финансовых сообщений	Расчеты в национальных валютах, собственная система передачи сообщений, цифровые финансовые активы
Торговый	Эмбарго и ценовые потолки, сокращение традиционных рынков сбыта	Географическая переориентация на Азию, независимая транспортно-страховая инфраструктура
Технологический	Запрет поставок оборудования и комплектующих	Импортозамещение, параллельный импорт, локализация с ростом выпуска станков на 130% за два года
Трудовой	Отток специалистов, ограничение мобильности, демографическое сжатие	Рост производительности, роботизация, привлечение работников при безработице 2,2%
Инфляционный	Удорожание импорта, издержки обходных цепочек, бюджетный стимул	Жесткая денежно-кредитная политика, бюджетное правило, целевой ориентир по инфляции

Источник: составлено автором на основе материалов [11], [22], [23].

Данные таблицы 4 подтверждают наличие адаптивного механизма по каждому каналу риска при неравной зрелости контуров, поскольку финансовый и торговый контуры дорестроены практически полностью, а технологический сохраняет критические зависимости верхних переделов. Нормативную рамку устойчивости образуют документы национальной и экономической безопасности [14], [15] и цели развития, закрепившие рост выше среднемирового при снижении доли импорта до 17% продукта к 2030 году [16], а институциональное качество адаптации [12] смещает повестку от вопроса о выживании объекта к конфигурации полицентричного порядка, в котором санкционные коалиции и контуры обхода сосуществуют как устойчивые элементы международной системы [8], [13].

Выводы

Систематизация теоретических школ показала, что российский кейс усиливает позиции скептической и институциональной традиций, поскольку рекордный масштаб ограничений не конвертировался в достижение заявленных политических целей, а каналы трансмиссии давления встретили институционализированные адаптивные контуры по всем направлениям.

Обоснована двухфазная модель эффективности принуждения, в которой точка адаптационного перелома 2023–2024 годов разделяет

фазу шока и фазу институционализированной адаптации с убывающей отдачей каждого следующего пакета, а продолжение кампании объясняется сигнальной функцией санкций.

Сконструировано измерительное ядро и подтверждена его работоспособность. Индекс адаптивной абсорбции 0,84 зафиксировал поглощение основной части прогнозного шока уже в первый год давления, коэффициент геоэкономической переориентации 3,8 удостоверял почти четырехкратное сжатие экспортной зависимости от коалиции инициаторов за два года, а относительный темп роста 0,70 показал сохранение объектом семи десятых среднемировой динамики при целях кампании, предполагавших глубокую рецессию. Установлено, что долгосрочные последствия принуждения определяются качеством институциональной среды объекта, а новые уязвимости смещаются в плоскость асимметричной зависимости от альтернативных партнеров. Дальнейшие исследования видятся в сравнительном анализе адаптационных траекторий государств-объектов длительного давления.

Литература

1. Потемкин А.С. Санкции против России: экономические последствия, стратегии адаптации и перспективы международных отношений // Экономическая безопасность. – 2024. – Т. 7, № 7. – С. 1615–1632.
2. World Economic Outlook: War Sets Back the Global Recovery. – Washington: International Monetary Fund, 2022. – 199 p.
3. Валовой внутренний продукт России: годовые данные в текущих ценах. Росстат. – [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения 28.03.2026).
4. Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. – 3rd ed. – Washington: Peterson Institute for International Economics, 2007. – 233 p.
5. Pape R.A. Why Economic Sanctions Do Not Work // International Security. – 1997. – Vol. 22, No. 2. – P. 90–136.
6. Drezner D.W. The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 342 p.
7. Giumelli F. Coercing, Constraining and Signalling: Explaining UN and EU Sanctions after the Cold War. – Colchester: ECPR Press, 2011. – 190 p.
8. Тимофеев И.Н. Политика санкций в мировой политике: теория и практика // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 2. – С. 26–34.
9. Вертакова Ю.В., Положенцева Ю.С., Клевцова М.Г. Санкции в условиях глобализации и их влияние на экономическое развитие России // Экономика и управление. – 2015. – № 10. – С. 24–32.
10. Казанцев С.В. Антироссийские санкции: ущерб объявившим их странам // Мир новой экономики. – 2019. – Т. 13, № 3. – С. 46–54.
11. Манушин Д.В. Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025 годов. Часть 3 // Финансы и кредит. – 2025. – Т. 31, № 2. – С. 245–268.
12. Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. Иранский опыт пребывания под санкциями: макроэкономические итоги и выводы для России // Вестник Института экономики РАН. – 2023. – № 4. – С. 26–47.
13. Перская В.В., Морковкин Д.Е., Чупин А.Л. и др. Трансформация региональных торговых соглашений в условиях перехода к полицентризму // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 126–141. – DOI 10.22363/2313-0660-2024-24-1-126-141.
14. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2902.
15. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (ч. 2). – Ст. 5351.
16. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309.
17. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. Банк России. – [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2025_2027/ (дата обращения 28.03.2026).
18. Фурманов К.К., Туровец Ю.В. Оценка влияния внешних шоков на развитие обрабатывающей промышленности // Форсайт. – 2024. – Т. 18, № 3. – С. 47–58.
19. Зайцев Ю.К., Лощенкова А.Н. Влияние санкций на выручку российских компаний // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2024. – № 2. – С. 145–160.

20. Таможня раскрыла топ-10 торговых партнеров России. РБК по данным ФТС. – [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/01/2025/676fd1eb9a7947cb9e223e39> (дата обращения 28.03.2026).

21. Внешняя торговля России в первом полугодии 2024 года: завершение фазы переориентации. Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара. – [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.iiep.ru/ru/monitoring/vneshnyaya-torgovlya-rossii-v-pervom-polugodii-2024-goda-zavershenie-fazy-pereorientatsii-.html> (дата обращения 28.03.2026).

22. Более 50% предприятий сообщили, что не нашли в России замены импорту: конъюнктурный опрос ИМП РАН. РБК. – [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/economics/04/09/2024/66d6c3689a7947b952097443> (дата обращения 28.03.2026).

23. Соболев Т.С., Шарай А.И. Современное состояние экономики России в условиях санкций и перспективы ее развития // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2023. – № 2. – С. 16–25.

24. Головин М.Ю. Российская экономика в новых условиях: среднесрочные тренды развития // Вестник Института экономики РАН. – 2025. – № 1. – С. 7–24.

25. Мир в лабиринте санкций: промышленная политика на перепутье / Центр исследований структурной политики НИУ ВШЭ. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. – 162 с.

26. Дегтярев К.Ю. Снижение эффективности санкций: анализ влияния санкционных ограничений 2022–2024 годов // Экономика и управление. – 2025. – Т. 31, № 1. – С. 34–45.

SANCTIONS COERCION IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS: THE LIMITS OF EFFECTIVENESS AND RUSSIA'S ADAPTIVE RESILIENCE IN 2022–2025

Morkovkin D.E.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The unprecedented scale of the sanctions campaign against Russia has turned economic coercion into a central instrument of contemporary international relations and, at the same time, into the largest natural experiment for testing theories of sanctions policy. The subject of this study is the political mechanisms of sanctions coercion and the factors of the adaptive resilience of the target state in 2022–2025. The paper systematizes the theoretical schools of sanctions research, reveals the channels of sanctions transmission in juxtaposition with adaptive contours, and substantiates a two-phase model of the effectiveness of restrictions with a point of adaptive inflection. The measurement core consists of the index of adaptive absorption of the shock, the coefficient of geo-economic reorientation, and the relative growth rate of the target economy, calculated on actual statistics for 2021–2025. The results indicate that the coercive effect of restrictions is subject to the law of diminishing returns, since each subsequent package encounters already institutionalized circumvention mechanisms, while the long-term consequences of pressure are determined not by the scale of restrictions but by the quality of the target's institutional environment. The practical significance of the work is determined by the applicability of the conclusions in shaping Russia's foreign policy strategy and assessing resilience to a prolonged sanctions regime.

Keywords: economic sanctions, international relations, sanctions coercion, adaptive resilience, geo-economic reorientation, sanctions effectiveness, foreign policy instruments, economic sovereignty, Russia, polycentric world order.

References

1. Potemkin A.S. Sanctions against Russia: economic consequences, adaptation strategies and prospects for international relations. *Ekonomicheskaya bezopasnost = Economic Security*, 2024, vol. 7, no. 7, pp. 1615–1632. (In Russ.)
2. World Economic Outlook: War Sets Back the Global Recovery. Washington, International Monetary Fund, 2022. 199 p.
3. Gross domestic product of Russia: annual data at current prices. Rosstat. Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (accessed 28.03.2026). (In Russ.)
4. Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A., Oegg B. *Economic Sanctions Reconsidered*. 3rd ed. Washington, Peterson Institute for International Economics, 2007. 233 p.
5. Pape R.A. Why Economic Sanctions Do Not Work. *International Security*, 1997, vol. 22, no. 2, pp. 90–136.
6. Drezner D.W. *The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999. 342 p.
7. Giumelli F. *Coercing, Constraining and Signalling: Explaining UN and EU Sanctions after the Cold War*. Colchester, ECPR Press, 2011. 190 p.
8. Timofeev I.N. Sanctions policy in world politics: theory and practice. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2019, vol. 63, no. 2, pp. 26–34. (In Russ.)
9. Vertakova Yu. V., Polozhentseva Yu. S., Klevtsova M.G. Sanctions in the context of globalization and their impact on the economic development of Russia. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*, 2015, no. 10, pp. 24–32. (In Russ.)
10. Kazantsev S.V. Anti-Russian sanctions: damage to the countries that declared them. *Mir novoy ekonomiki = The World of New Economy*, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 46–54. (In Russ.)

11. Manushin D.V. Anti-sanctions and sanctions economic policy of Russia in 2022–2025. Part 3. *Finansy i kredit* = Finance and Credit, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 245–268. (In Russ.)

12. Smorodinskaya N.V., Katukov D.D. The Iranian experience of living under sanctions: macroeconomic results and conclusions for Russia. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN* = Bulletin of the Institute of Economics of the RAS, 2023, no. 4, pp. 26–47. (In Russ.)

13. Perskaya V.V., Morkovkin D.E., Chupin A.L. et al. Transformation of regional trade agreements in the context of the transition to polycentrism. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 126–141. DOI 10.22363/2313–0660–2024–24–1–126–141. (In Russ.)

14. On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation of 13.05.2017 No. 208. (In Russ.)

15. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400. (In Russ.)

16. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the perspective up to 2036: Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 No. 309. (In Russ.)

17. Guidelines for the Single State Monetary Policy for 2025 and the period of 2026 and 2027. Bank of Russia. Available at: https://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2025_2027/ (accessed 28.03.2026). (In Russ.)

18. Furmanov K.K., Turovets Yu.V. Assessing the impact of external shocks on the development of manufacturing. *Forsayt* = Foresight and STI Governance, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 47–58. (In Russ.)

19. Zaytsev Yu. K., Loshchenkova A.N. The impact of sanctions on the revenue of Russian companies. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* = Journal of the New Economic Association, 2024, no. 2, pp. 145–160. (In Russ.)

20. Customs revealed the top 10 trading partners of Russia. RBC based on FCS data. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/02/01/2025/676fd1eb9a7947cb9e223e39> (accessed 28.03.2026). (In Russ.)

21. Russia's foreign trade in the first half of 2024: completion of the reorientation phase. Gaidar Institute for Economic Policy. Available at: <https://www.iep.ru/ru/monitoring/vneshnyaya-torgovlya-rossii-v-pervom-polugodii-2024-goda-zavershenie-fazy-pereorientatsii-.html> (accessed 28.03.2026). (In Russ.)

22. More than 50% of enterprises reported not finding a replacement for imports in Russia: business survey of the Institute of Economic Forecasting of the RAS. RBC. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/04/09/2024/66d6c3689a7947b952097443> (accessed 28.03.2026). (In Russ.)

23. Sobol T.S., Sharay A.I. The current state of the Russian economy under sanctions and prospects for its development. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie* = Bulletin of the Moscow Witte University. Series 1: Economics and Management, 2023, no. 2, pp. 16–25. (In Russ.)

24. Golovnin M. Yu. The Russian economy in new conditions: medium-term development trends. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN* = Bulletin of the Institute of Economics of the RAS, 2025, no. 1, pp. 7–24. (In Russ.)

25. The world in the labyrinth of sanctions: industrial policy at a crossroads. Centre for Structural Policy Studies, HSE University. Moscow, HSE Publishing House, 2024. 162 p. (In Russ.)

26. Degtyarev K. Yu. Declining effectiveness of sanctions: analysis of the impact of sanctions restrictions in 2022–2024. *Ekonomika i upravlenie* = Economics and Management, 2025, vol. 31, no. 1, pp. 34–45. (In Russ.)

Дипломатическая деятельность Русской православной церкви как механизм гуманитарного влияния в мировой политике

Очеркин Кирилл Алексеевич,
магистр, МГИМО МИД России
E-mail: kir.comissarov2016@gmail.com

Целью статьи является исследование дипломатической деятельности Русской православной церкви как механизма гуманитарного влияния в мировой политике, а также определение ее роли и основных направлений реализации в современных международных отношениях. *Методологическую основу исследования* составляют общенаучные и специальные методы. Системный подход позволил рассмотреть церковную дипломатию как целостное институциональное явление в системе современных международных отношений. Институциональный подход использован для анализа организационной структуры и механизмов внешней деятельности Русской православной церкви. Сравнительно-политический и структурно-функциональный методы применены при исследовании форм, функций и направлений ее дипломатической деятельности. Обобщение научной литературы, официальных документов и материалов церковных институтов осуществлялось с использованием методов анализа, синтеза и систематизации. *Результаты*, полученные автором данной статьи, заключаются в обосновании дипломатической деятельности Русской православной церкви как самостоятельного механизма гуманитарного влияния в мировой политике, уточнении ее функций и места в системе современных международных отношений, а также в развитии теоретических подходов к исследованию роли религиозных институтов как негосударственных акторов международного взаимодействия.

Вывод. Анализ сущности российской церковной дипломатии показал, что ее специфика заключается в сочетании институциональности и гибкости. Она реализуется через многоуровневую систему субъектов и включает широкий спектр функций: от представительской и коммуникационной до гуманитарной, миротворческой и имиджевой. При этом ее ключевым ресурсом выступает не власть, а моральный авторитет и символический капитал.

Ключевые слова: Русская православная церковь, церковная дипломатия гуманитарное влияние, мировая политика, моральный авторитет, символический капитал.

Введение

Современные международные отношения все труднее описывать исключительно через призму государств, их интересов и баланса сил. Все более очевидно, что на мировую политику влияют не только материальные ресурсы, но и ценности, идентичности и смыслы. Именно в этом менее формализованном, но крайне значимом пространстве все заметнее проявляется себя религиозный фактор. Если ранее религия воспринималась преимущественно как внутренняя характеристика общества, то сегодня религиозные акторы активно участвуют в международной повестке: они выступают посредниками, формируют ценностные ориентиры и влияют на общественное мнение. Это требует пересмотра традиционного понимания дипломатии как исключительно государственной деятельности. В этом контексте особое значение приобретает церковная дипломатия. Речь идет не просто о внешних контактах религиозных организаций, а о системной деятельности, направленной на участие в международной коммуникации и продвижение определенной ценностной повестки. Она соединяет религиозную миссию с публичным и международным измерением, занимая промежуточное положение между духовной деятельностью и политической коммуникацией.

Русская православная церковь представляет собой один из наиболее показательных примеров такого рода активности. Обладая широкой сетью зарубежных структур, устойчивым моральным авторитетом и развитой системой внешних связей, она участвует в международных процессах, не обладая при этом государственным статусом, что позволяет рассматривать ее как самостоятельного актора, влияющего на международную среду через символические и ценностные ресурсы, реализуемые посредством церковной дипломатии как инструмента гуманитарного влияния в мировой политике.

Обзор литературы

Как указывают исследователи Звонарев С.Л. [3], Тарасевич А.А. [9], церковная дипломатия Русской православной церкви традиционно представляет собой особый вид международной активности религиозного института, который не совпадает с классической государственной дипломатией, но вместе с тем обладает собственными устойчивыми формами, субъектами и каналами влияния. Ее специфика определяется тем, что Московский патриархат выступает не как государственный актор, а как церковная организация, обладающая духовным авторитетом, канонической субъектностью, развитой системой внешних связей и широкой сетью зарубежных епархий, приходов, представительств и межцерковных контактов.

Исследователи обосновано отмечают, что для России религиозный фактор во внешней политике приобретает значение именно потому, что Русская церковь обладает собственными международными сетями и способностью работать с сообществами соотечественников за рубежом [11].

Это особенно важно в условиях кризисности мировой политики, когда неформальные и общественные механизмы взаимодействия нередко оказываются более устойчивыми, чем межгосударственные. Не менее значимо и внутреннее церковное измерение. Для самого Московского патриархата церковная дипломатия является инструментом поддержания единства с зарубежными структурами, координации общецерковной позиции по международным вопросам, защиты канонических интересов и сохранения связей с православной диаспорой [1].

В этом отношении ее значение выходит за пределы внешнеполитической проблематики и затрагивает саму институциональную целостность церкви. И. Папкова приходит к выводу, что международная активность Русской церкви в постсоветский период стала важной частью ее общего институционального восстановления и самоутверждения в публичной сфере [14]. Н. Митрохин, в свою очередь, отмечает, что расширение внешних контактов Русской православной церкви сопровождалось укреплением ее организационных возможностей и ростом влияния в общественной жизни [12].

По мнению Карташова А.А. в институциональном отношении внешняя деятельность Русской православной церкви представляет собой самостоятельный механизм международного взаимодействия, основанный на системе церковных институтов, зарубежных представительств и специализированных органов внешних церковных связей [4].

Как считают Гейм А.Д., Диденко И.Н., важнейшая особенность деятельности Московского патриархата на международной арене проявляется в сочетании универсализма церковной миссии и культурно-исторической укорененности. Русская церковь осуществляет свою внешнюю миссию, являясь частью мирового Православия, однако одновременно несет в международное пространство исторический опыт русской религиозной традиции, связанный с представлениями о нравственной ответственности, памяти, справедливости и солидарности [2].

В этом смысле церковная дипломатия выполняет функцию не только религиозного, но и цивилизационно-культурного посредничества, учитывая, что там, где дипломатия государств ограничена рамками официальных межправительственных отношений, церковная дипломатия способна действовать через межрелигиозный диалог, общественные инициативы, гуманитарные проекты, контакты с академической средой и международными христианскими структурами [10].

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных церковной дипломатии и международной деятельности Русской православной церкви, недостаточно раскрытыми являются вопросы, связанные с ее рассмотрением в качестве самостоятельного механизма гуманитарного влияния в мировой политике. Данная ситуация обусловлена возрастающим значением ценностных и культурно-гуманитарных факторов в системе современных международных отношений, что определяет актуальность исследования дипломатической деятельности Русской православной церкви как механизма гуманитарного влияния в мировой политике.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специальных методов, применение которых позволило всесторонне рассмотреть дипломатическую деятельность Русской православной церкви как механизм гуманитарного влияния в мировой политике. Использование системного подхода обеспечило рассмотрение церковной дипломатии как целостного институционального явления, функционирующего во взаимосвязи с государственными и негосударственными участниками международных отношений. Институциональный подход применен для анализа организационной структуры внешней деятельности Русской православной церкви, а также особенностей функционирования ее международных институтов и механизмов взаимодействия с зарубежными партнерами. Сравнительно-политический метод использован при сопоставлении различных моделей участия религиозных организаций в международных процессах. Структурно-функциональный анализ позволил определить основные направления, функции и инструменты дипломатической деятельности Русской православной церкви в гуманитарной сфере. При обобщении научных публикаций, официальных документов и материалов церковных институтов использованы методы анализа, синтеза, систематизации и научного обобщения.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии научных представлений о церковной дипломатии как самостоятельном направлении международной деятельности религиозных институтов. Полученные результаты уточняют место и функции Русской православной церкви в системе современных международных отношений, а также расширяют существующие подходы к пониманию механизмов гуманитарного влияния негосударственных акторов в мировой политике.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов при анализе гуманитарного измерения мировой политики. Основные положения исследования могут быть востребованы в образовательном процессе при преподавании дисциплин по мировой политике, международным отношениям, гуманитарной дипломатии и религиозной дипломатии, а также в деятельности государственных и общественных организаций, взаимодействующих с религиозными институтами в международной сфере.

Результаты

За последние десятилетия политическая коммуникация существенно изменила не только формы взаимодействия участников международных отношений, но и механизмы формирования мировой политической повестки. В связи с этим дипломатия уже не сводится исключительно к закрытым межгосударственным переговорам. Все большее влияние на принятие международных решений и формирование политических, гуманитарных и ценностных ориентиров оказывают не только правительства, но и общественные движения, экспертные сообщества, транснациональные структуры и религиозные организации.

На этом фоне меняется и роль религии в международной жизни. Если раньше ее чаще воспринимали как часть внутреннего устройства

общества, то сегодня религиозные институты все активнее включают в глобальные процессы. Они участвуют в гуманитарной деятельности, межкультурном диалоге, миротворческих инициативах, общественном обсуждении вопросов прав человека, нравственных ценностей и перспектив развития мировой цивилизации. Особенно показателен в этом отношении опыт Русской православной церкви, которая в XXI веке значительно расширила свое международное присутствие и стала одним из наиболее заметных негосударственных участников глобальной гуманитарной и ценностной коммуникации.

Участие Русской церкви во Всемирном совете церквей, двусторонних богословских диалогах и международных форумах показывает, что церковная дипломатия может быть не только каналом представительства, но и пространством длительного институционального взаимодействия [7].

Через церковные учреждения за рубежом, межрелигиозный диалог и участие в обсуждении универсальных этических проблем Русская церковь формирует особый формат внешнего влияния, основанный как на моральном авторитете, так и на исторической памяти и символическом капитале. В этом заключается ее принципиальное отличие от традиционной дипломатии: она не располагает принудительными ресурсами, но способна воздействовать на международную среду через ценности, идентичности и доверие.

Следовательно, значение церковной дипломатии Русской православной церкви определяется не только ее прикладной полезностью для внешних коммуникаций, но и тем, что она выступает самостоятельным механизмом присутствия религиозного актора в мировой политике, сохраняя при этом собственную церковную природу и собственные цели [11]. Институциональная оформленность, ценностная ориентированность и многоуровневый характер внешней деятельности Московского патриархата свидетельствуют о наличии у нее собственных устойчивых задач и приоритетов. Следующим шагом необходимо обратиться к анализу целей церковной дипломатии Московского патриархата, поскольку именно через их рассмотрение можно более полно понять содержание, направления и практические механизмы ее реализации.

Если исходить из официальных документов Русской православной церкви и практики ее внешней деятельности, то цели церковной дипломатии Московского патриархата следует понимать не как узкополитические, а как производные от самой природы церкви, ее миссии и ответственности за верующих как в России, так и за ее пределами. В церковной среде чаще употребляется понятие «внешние церковные связи», однако в исследовательском плане термин «церковная дипломатия» оправдан постольку, поскольку позволяет обозначить совокупность средств и форм представительства, переговоров, посредничества и публичного свидетельства церкви в международной среде [6].

В настоящее время церковная дипломатия Московского патриархата ориентирована не только на диалог с государствами и международными организациями, но и на межправославное общение, где предметом обсуждения становятся вопросы канонического порядка, церковного устройства, статуса приходов и епархий за пределами России. В этом смысле ее целью становится не просто обеспечение внешнего присутствия церкви, а сохранить ее целостность как религиозного института, действующего в транснациональном пространстве. Важным измерением является духовное окормление паствы за рубежом и поддержка русскоязычной православной диаспоры.

Русская православная церковь исторически воспринимает зарубежные приходы не только как религиозные общины, но и как пространство сохранения духовной, культурной и исторической идентичности. Поэтому церковная дипломатия выполняет функцию сопровождения церковной жизни вне национальных границ: содействует открытию приходов, поддержанию связей с верующими, развитию богословского, образовательного и культурного взаимодействия [6]. В этой части цели Московского патриархата пересекаются с гуманитарным измерением международных отношений: церковные структуры становятся каналом культурной коммуникации, а сама церковь – одним из носителей исторической памяти и традиции.

Еще одной значимой целью становится защита прав христиан и в более широком смысле – отстаивание религиозной свободы и нравственных оснований общественной жизни на международной арене. В официальных документах Московского патриархата подчеркивается, что церковь не может оставаться безучастной к вопросам достоинства личности, свободы совести, положения верующих в регионах конфликтов, а также к попыткам вытеснения религии из публичной сферы. Эта линия особенно усилилась в XXI в., когда церковь стала последовательно выносить на международный уровень темы дискриминации христиан, кризиса семьи и пересмотра традиционных представлений о морали. В зарубежной литературе данное направление

нередко рассматривается как пример «нормативного предпринимательства», когда религиозный актор стремится не только реагировать на внешние процессы, но и формулировать альтернативную морально-правовую повестку [17]. Следовательно, церковная дипломатия в данном случае преследует цель не столько политического влияния в узком смысле, сколько защиты христианской антропологии и права религиозных сообществ на полноценное участие в общественной жизни. Значимым также является развитие межхристианского и межрелигиозного диалога. Для Русской церкви участие в международных христианских и межрелигиозных форматах имеет не только представительское, но и практическое значение: оно позволяет координировать усилия в гуманитарной сфере, обсуждать миротворческие инициативы, защищать гонимых христиан, а также вырабатывать общие позиции по вопросам биоэтики, семьи.

Показательным примером стала встреча Патриарха Кирилла и Папы Римского Франциска в Гаване в 2016 г., итогом которой явилась совместная декларация, значительное место в которой уделено теме преследования христиан на Ближнем Востоке и необходимости совместного свидетельства в условиях глобального кризиса ценностей. Не менее важным остается участие Русской церкви во Всемирном совете церквей, где Московский патриархат рассматривает себя как одного из крупнейших представителей мирового православия и использует эту площадку для артикуляции собственных подходов к вопросам мира, развития и религиозной свободы [16].

Русская православная церковь также активно участвует в миротворческих и посреднических миссиях. Хотя возможности церкви в разрешении международных конфликтов ограничены, ее дипломатия нередко ориентирована на снижение напряженности, гуманитарное посредничество и поддержание контакта между сторонами, которые в политико-государственном формате оказываются затруднены. Церковь традиционно подчеркивает значение мира как христианской ценности и рассматривает участие в миротворческих усилиях как продолжение своей социальной миссии. На практике это проявляется в заявлениях по конфликтам на Ближнем Востоке, на постсоветском пространстве и в иных регионах, где церковный голос используется для защиты мирного населения, священнослужителей, святынь и инфраструктуры религиозной жизни. В данном случае церковная дипломатия действует прежде всего как гуманитарный и моральный ресурс, а не как замена государственной дипломатии.

Подводя итог данному анализу целей внешней миссии Московского патриархата, необходимо отметить, что важнейшую цель церковной дипломатии Русской православной церкви следует определить как создание внешних условий для осуществления церковной миссии в мире. Все остальные задачи – защита канонического единства, поддержка зарубежной паствы, участие в межхристианском диалоге, защита прав верующих, отстаивание традиционных ценностей и содействие гуманитарному присутствию России – подчинены этой более общей цели. В этом проявляется принципиальное отличие церковной дипломатии от государственной: первая исходит из самого призвания и природы церкви, тогда как вторая ориентирована на интересы государства и его политическую субъектность. В то же время в современной России между ними существует зона частичного совпадения, делающая Русскую церковь важным, хотя и не тождественным государству, актором внешнеполитического влияния. Цели церковной дипломатии Московского патриархата показывают, что ее деятельность выходит за рамки сугубо внутрицерковных задач. В современных условиях она тесно связана с международным представителем Русской православной церкви и защитой ее интересов за пределами России. Отсюда логично будет перейти к рассмотрению соотношения церковной дипломатии Московского патриархата и внешней политики российского государства.

Данное соотношение представляет собой один из наиболее содержательных вопросов в исследовании религиозного фактора международных отношений. С одной стороны, Русская православная церковь не является государственным институтом и не может быть формально включена в систему органов, вырабатывающих и реализующих официальный внешнеполитический курс. Как было сказано в данном исследовании ранее, ее международная активность определяется прежде всего собственными церковными задачами: сохранением единства церковной жизни, окормлением паствы за рубежом, развитием межправославного и межхристианского диалога, участием в межрелигиозных контактах, а также защитой прав верующих и христианских общин в разных регионах мира. Именно такой подход закреплен в «Основах социальной концепции Русской православной церкви», где подчеркивается, что церковь участвует в международной жизни, исходя из своей духовной миссии, а не политической природы [8]. В этом смысле корректнее говорить не о «внешней политике» церкви, а о церковной дипломатии как о особом направлении внешней деятельности ре-

лигиозного института. С другой стороны, отрицать тесную связь между церковной дипломатией Московского патриархата и внешнеполитическими интересами современного российского государства также невозможно. В условиях возрастания значения «мягкой силы», гуманитарного влияния и ценностных оснований международной политики церковь становится важным носителем символических ресурсов, способных усиливать внешнее присутствие государства.

В «Концепции внешней политики Российской Федерации» 2023 г. особое внимание уделяется защите традиционных духовно-нравственных ценностей, поддержке соотечественников за рубежом, укреплению гуманитарного присутствия России в мире и развитию межцивилизационного диалога [5]. По существу, именно в этих сферах церковная дипломатия Русской церкви проявляет наибольшее совпадение с задачами государства, выступая не как административно подчиненный субъект, а как институционально самостоятельный, но политически и ценностно близкий партнер. В зарубежной литературе данное взаимодействие обычно рассматривается не как простая инструментализация религии государством, а как форма соработничества, в рамках которого религиозный актор получает возможность расширить собственное международное присутствие, а государство – опираться на дополнительный канал внешнего влияния.

Так, А. Куранович указывает, что религиозный фактор в российской внешней политике проявляется прежде всего в области символической легитимации и укрепления идентичности [11]. Русская православная церковь в этом случае выступает посредником между государством, обществом и международной религиозной средой, где значимость имеют не только политические аргументы, но и моральный авторитет, историческая память, язык традиции и религиозной солидарности. В отличие от официальной государственной дипломатии, ограниченной требованиями прагматизма и межгосударственного протокола, церковная дипломатия обладает большей свободой в апелляции к универсалистскому языку нравственности, мира, справедливости и гуманитарной ответственности. Именно поэтому она способна усиливать внешнеполитические позиции России там, где формально-политические аргументы оказываются недостаточными.

Однако было бы методологически неверно отождествлять церковную дипломатию Московского патриархата с внешней политикой России. У церкви существуют собственные долгосрочные цели, не сводимые к задачам государства. К их числу относятся сохранение канонического пространства Московского патриархата, поддержание отношений с Поместными Православными церквями, развитие диалога с Римско-католической церковью, древневосточными церквями, международными религиозными организациями и межконфессиональными площадками. Эти цели могут совпадать с интересами государства, но не выводятся из них напрямую. Более того, церковь нередко действует в логике собственной эклезиологической и пастырской ответственности, которая не всегда тождественна политической рациональности. В этом проявляется ее субъектность как самостоятельного участника международного взаимодействия. Показательно, что в ряде случаев церковная дипломатия способна производить самостоятельный международный эффект, выходящий за рамки текущей государственной повестки.

Стоит отметить, что несмотря на суверенный характер церковной дипломатии, в своих фундаментальных основаниях она находится в русле внешней политики России, что проявляется в нескольких сферах. Во-первых, это работа с соотечественниками и русскоязычными общинами за рубежом. Зарубежные приходы Московского патриархата выступают не только как религиозные центры, но и как пространства сохранения языка, культурной памяти и идентичности. Во-вторых, это гуманитарная повестка, особенно защита христиан Ближнего Востока и привлечение международного внимания к преследованию верующих. В-третьих, это межрелигиозный диалог, в котором церковь может устанавливать контакты с теми лидерами и сообществами, для которых коммуникация с государственными структурами была бы менее приемлемой. В таком аспекте церковная дипломатия действительно расширяет инструментарий российского внешнеполитического влияния и может рассматриваться как один из ресурсов «мягкой силы» [13].

Вместе с тем близость церковной дипломатии и государственного внешнеполитического курса несет и определенные риски. Как показывает К. Рихтерс, «в постсоветский период Русская православная церковь стала важной частью более широкого дискурса о цивилизационной самобытности России, ее исторической преемственности и особом пути развития» [15]. Такая связь усиливает общественную и международную значимость церкви, но одновременно может приводить к восприятию ее исключительно как продолжения государственной стратегии. Внешние партнеры в этом случае склонны трактовать

церковные инициативы не как выражение религиозной позиции, а как форму политического влияния. Подобное восприятие способно ослаблять доверие к посредническим усилиям церкви, осложнять межцерковные контакты и снижать универсальный характер ее гуманитарных и миротворческих заявлений. Соотношение церковной дипломатии Русской православной церкви и внешней политики России следует определять как модель частичного совпадения, ценностного партнерства, но не институционального тождества. Русская православная церковь остается самостоятельным религиозным актором, обладающим собственными целями, международными контактами и логикой деятельности. В то же время в гуманитарной, культурной, и ценностной плоскостях ее дипломатическая активность во многом созвучна внешнеполитическим приоритетам российского государства. Именно эта особенная природа внешней миссии церкви – сочетание автономии и сопряженности – и составляет одну из ключевых особенностей церковной дипломатии Московского патриархата.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что церковная дипломатия представляет собой сложное и многомерное явление, выходящее за рамки традиционного государственно-центричного понимания международных отношений. Она соединяет религиозную миссию и международную коммуникацию, формируя особый тип внешней активности, основанный на ценностях, символах и доверии, что позволяет рассматривать международную политику не только как сферу взаимодействия государств, но и как пространство формирования норм, идентичностей и моделей международного сотрудничества.

В этих условиях церковная дипломатия выступает самостоятельным инструментом гуманитарного влияния, способным содействовать развитию межкультурного и межконфессионального диалога, укреплению взаимопонимания между обществами и снижению конфликтного потенциала в системе современных международных отношений.

В настоящее время Русская православная церковь должна рассматриваться как участники формирования международной повестки, продвигающие определенные ценностные ориентиры. Анализ сущности церковной дипломатии показал, что ее специфика заключается в сочетании институциональности и гибкости. Она реализуется через многоуровневую систему субъектов и включает широкий спектр функций: от представительской и коммуникационной до гуманитарной, миротворческой и имиджевой. При этом ее ключевым ресурсом выступает не власть, а моральный авторитет и символический капитал. Необходимо особенно подчеркнуть, что Московский патриархат выступает как негосударственный актор, обладающий собственной логикой международной деятельности. Его дипломатия направлена на защиту интересов церкви, поддержку верующих за рубежом, развитие межрелигиозного диалога и продвижение ценностной повестки. Важным выводом является то, что церковная дипломатия Русской церкви не сводится к инструменту государственной внешней политики. Несмотря на наличие точек соприкосновения, церковь сохраняет относительную автономию и действует в соответствии со своей миссией. Взаимодействие с государством носит характер партнерства, а не подчинения. В то же время такая близость может влиять на восприятие церкви на международной арене, что требует сохранения баланса между сотрудничеством и независимостью. От этого во многом зависит эффективность ее дипломатической деятельности. В целом церковная дипломатия выступает важным элементом международной коммуникации и «мягкой силы», позволяющим влиять на формирование ценностной повестки и расширять возможности присутствия в мировой политике.

Литература

1. Алексеев С.В., Семенов Е.В. Христианская церковь как социально-политический институт // Политика и общество. 2024. № 3. С. 77–90.
2. Гейм А.Д., Диденко И.Н. Роль миссионерства Русской православной церкви в Африке как инструмента мягкой силы России: история и современность // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 3. С. 115–123.
3. Звонарев С.Л. Региональные военные конфликты и межрелигиозные контакты в миротворческой повестке Московского Патриархата в 1960-е – начале 1970-х годов // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии. 2024. № 2. С. 55–71.
4. Карташов А.А. Анализ участия Русской православной церкви в социально-политическом дискурсе, регламентируемого документом «Основы социальной концепции РПЦ» // Миссия конфессий. 2023. Т. 12. Часть 7. С. 54–62.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229

[Электронный ресурс] // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/49090>

6. Основы социальной концепции Русской православной церкви [Электронный ресурс] // Русская православная церковь: офиц. сайт. URL: <https://patriarchia.ru/db/text/141422.html>

7. Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОБЦС Московского Патриархата. URL: <https://mospat.ru/ru/departament/>

8. Русская православная церковь: официальный сайт. URL: <https://patriarchia.ru/>

9. Тарасевич А.А. Московская Патриархия в международном движении борьбы за мир и разоружение: послевоенный и постсоветский опыт // Теологический вестник. 2024. № 4. С. 150–159.

10. Шиманская О.К. Роль РПЦ московского патриархата в миротворческом движении: практика и богословское обоснование // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2025. № 2. С. 113–125.

11. Curanović A. The Religious Factor in Russia's Foreign Policy. London; New York: Routledge, 2012. 198 p.

12. Mitrokhin N. The Russian Orthodox Church in Contemporary Russia: Structural Problems and Contradictory Relations with the Government, 2000–2008 // Social Research. 2009. Vol. 76, № 1. P. 289–320.

13. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004. 28 p.

14. Papkova I. The Orthodox Church and Russian Politics. New York: Oxford University Press, 2011. 228 p.

15. Richters K. The Post-Soviet Russian Orthodox Church: Politics, Culture and Greater Russia. London; New York: Routledge, 2013. 224 p.

16. Russian Orthodox Church // World Council of Churches. URL: <https://www.oikoumene.org/member-churches/russian-orthodox-church>

17. Stoeckl K., Uzlauer D. The Moralism International: Russia in the Global Culture Wars. New York: Fordham University Press, 2022. 213 p.

DIPLOMATIC ACTIVITY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AS A MECHANISM OF HUMANITARIAN INFLUENCE IN WORLD POLITICS

Ocherekin K.A.
MGIMO University

The purpose of this article is to examine the diplomatic activity of the Russian Orthodox Church as a mechanism of humanitarian influence in world politics, as well as to determine its role and main areas of implementation in contemporary international relations. The methodological basis of the study consists of general scientific and specialized methods. A systems approach allowed us to examine church diplomacy as a holistic institutional phenomenon within the system of contemporary international relations. This institutional approach was used to analyze the organizational structure and mechanisms of the Russian Orthodox Church's external activities. Comparative political and structural-functional methods were applied to examine the forms, functions, and areas of its diplomatic activity. A summary of scientific literature, official documents, and materials from church institutions was carried out using methods of analysis, synthesis, and systematization. The author's findings in this article substantiate the diplomatic activity of the Russian Orthodox Church as an independent mechanism of humanitarian influence in global politics, clarify its functions and place in the system of contemporary international relations, and develop theoretical approaches to studying the role of religious institutions as non-state actors in international interaction.

Conclusion. An analysis of the essence of Russian church diplomacy has shown that its specificity lies in the combination of institutionality and flexibility. It is implemented through a multi-level system of actors and includes a wide range of functions: from representation and communication to humanitarian, peacekeeping, and image-building. Its key resource, however, is not power, but moral authority and symbolic capital.

Keywords: Russian Orthodox Church, church diplomacy, humanitarian influence, global politics, moral authority, symbolic capital.

References

1. Alekseev S.V., Semenov E.V. The Christian Church as a Socio-Political Institution // Politics and Society. 2024. № 3. Pp. 77–90.
2. Geim A.D., Didenko I.N. The Role of the Russian Orthodox Church's Missionary Work in Africa as an Instrument of Russia's Soft Power: History and Modernity // Bulletin of the Historical Society of the St. Petersburg Theological Academy. 2024. № 3. Pp. 115–123.
3. Zvonarev S.L. Regional Military Conflicts and Interreligious Contacts in the Peacekeeping Agenda of the Moscow Patriarchate in the 1960s – Early 1970s // Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary. 2024. № 2. Pp. 55–71.
4. Kartashov A.A. Analysis of the participation of the Russian Orthodox Church in the socio-political discourse regulated by the document «Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church» // Mission of Confessions. 2023. Vol. 12. Part 7. Pp. 54–62.
5. The concept of foreign policy of the Russian Federation: approved. by Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023 № 229 [Electronic resource] // President of Russia: official website. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/49090>
6. Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church [Electronic resource] // Russian Orthodox Church: official website. URL: <https://patriarchia.ru/db/text/141422.html>

7. Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate [Electronic resource] // Official website of the DECR of the Moscow Patriarchate. URL: <https://mospat.ru/ru/departement/>

8. Russian Orthodox Church: official website. URL: <https://patriarchia.ru/>

9. Tarasevich A.A. Moscow Patriarchate in the international movement for peace and disarmament: post-war and post-Soviet experience // Theological Journal. 2024. № 4. pp. 150–159.

10. Shimanskaya O.K. The role of the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate in the peacekeeping movement: practice and theological justification // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2025. № 2. pp. 113–125.

11. Curanović A. The Religious Factor in Russia's Foreign Policy. London; New York: Routledge, 2012. 198 p.

12. Mitrokhin N. The Russian Orthodox Church in Contemporary Russia: Structural Problems and Contradictory Relations with the Government, 2000–2008 // Social Research. 2009. Vol. 76, № 1. P. 289–320.

13. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004. 28 p.

14. Papkova I. The Orthodox Church and Russian Politics. New York: Oxford University Press, 2011. 228 p.

15. Richters K. The Post-Soviet Russian Orthodox Church: Politics, Culture and Greater Russia. London; New York: Routledge, 2013. 224 p.

16. Russian Orthodox Church // World Council of Churches. URL: <https://www.oikoumene.org/member-churches/russian-orthodox-church>

17. Stoeckl K., Uzlaner D. The Moralism International: Russia in the Global Culture Wars. New York: Fordham University Press, 2022. 213 p.

Первомайская Анна Олеговна,

студент (бакалавр), кафедра мировых политических процессов, МГИМО(У) МИД РФ
E-mail: annetteop@yandex.ru

В статье исследуется эволюция трансатлантического взаимодействия в рамках «Группы семи» (G7) в период 2015–2025 гг. На основе анализа официальных документов саммитов, министерских коммюнике и ежегодных отчетов о выполнении обязательств (compliance reports) выявляются ключевые тенденции в трех сферах: торгово-экономической политике, климатической и энергетической повестке, а также вопросах безопасности. В результате установлено, что сотрудничество в G7 характеризуется не линейным движением к конвергенции или дивергенции, а волнообразной динамикой. Внешние экзистенциальные угрозы выступают мощными катализаторами единства, временно нивелируя накопившиеся разногласия, тогда как в периоды относительной геополитической стабильности на первый план выходят структурные расхождения в торгово-экономической и климатической политике, обусловленные внутривнутриполитической цикличностью в США и внутренними вызовами в Европе. Впервые на русском языке проведено системное сопоставление динамики выполнения обязательств на основе количественных показателей с анализом дискурса итоговых документов G7.

Ключевые слова: «Группа семи», G7, трансатлантическое сотрудничество, неформальные межправительственные организации, НМПО, конвергенция, дивергенция, экономика, климатическая повестка, политика безопасности, compliance.

«Группа семи» (G7) на протяжении почти пяти десятилетий остается одним из наиболее влиятельных, но при этом парадоксальных институтов глобального управления. Возникнув как неформальный клуб ведущих индустриальных демократий в ответ на кризис Бреттон-Вудской системы и нефтяные шоки 1970-х годов, G7 никогда не обладала ни договорной основой, ни постоянным секретариатом, ни юридическими механизмами принуждения. Тем не менее, именно этот формат на разных этапах своей истории выступал площадкой для выработки скоординированных ответов на вызовы – от макроэкономической нестабильности до транснационального терроризма и изменения климата.

Период 2015–2025 годов представляет для изучения трансатлантического взаимодействия особый интерес. Это десятилетие вместило в себя несколько разновекторных стресс-тестов: возврат к формату G7 после временного включения России, референдум о Брексите, смену внешнеполитического курса США при администрациях Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена, пандемию COVID-19, вооруженный конфликт в Украине и второй срок Д. Трампа, начавшийся в 2025 году. В этот период традиционные механизмы координации внутри G7 подверглись серьезной нагрузке: единство, казавшееся само собой разумеющимся в вопросах безопасности, оказалось подорвано в торгово-экономической и климатической сферах.

Цель данной работы состоит в выявлении и объяснении устойчивых тенденций развития трансатлантического взаимодействия в рамках G7 в 2015–2025 гг. Эмпирическую базу исследования составили материалы Исследовательского центра «Группы семи» Университета Торонто (G7 Information Centre) [4], предоставляющего полные тексты ежегодных коммюнике лидеров, заявлений министров и отчеты о выполнении обязательств, а также База данных документов G7 и G20 [5].

«Группа семи» является классическим примером неформальной межправительственной организации (НМПО). Ф. Вабулас и Д. Снайдел определяют НМПО как «объединения трех или более государств на высоком уровне, основанные на явно разделяемых ожиданиях, но без формального договора, которые проводят регулярные встречи, но не имеют институциональной структуры, такой как секретариат» [23]. Согласно типологии О. Вестервинтера, К. Эбботта и Т. Бирстекера, G7 относится к первому типу неформальности – неформальным институтам глобального управления [24]. Важнейшим выводом из эмпирических данных Вабулас и Снайдела является тематическая специализация НМПО: 32% из них занимаются вопросами безопасности (против 4% среди формальных организаций) [23]. Это объясняется высокой чувствительностью государств к утрате суверенитета и потребностью в конфиденциальности.

Институциональная эволюция G7 демонстрирует способность формата адаптироваться к меняющейся обстановке. Возникнув как реакцию на кризис 1970-х годов, «семерка» прошла путь от эпизодических встреч до разветвленной системы, включающей саммиты лидеров, встречи отраслевых министров, институт шерп и сеть рабочих групп. Параллельно происходило расширение повестки: от макроэкономической координации к широкому кругу глобальных вызовов – изменению климата, терроризму, транснациональной преступности. Опыт включения и исключения России показал, что институционализированные формы сотрудничества не застрахованы от потрясений, а трансатлантическое измерение на протяжении всей истории G7 осталось определяющим для динамики и эффективности саммитов.

Эволюция трансатлантического взаимодействия по ключевым направлениям

Экономика и торговля

В период 2015–2018 гг. макроэкономическая политика G7 демонстрировала достаточно высокую степень консенсуса. На саммите в Эльмау (2015 г.) лидеры подтвердили приверженность бюджетной консолидации и структурным реформам [11], а в 2016 г. в Исэ-Симе акцент был сделан на стимулировании роста и устойчивом развитии [13]. Однако уже к 2018 г. наметилось размывание консенсуса. На саммите в Шарлевуа лидеры впервые отказались от явной приверженности балансу мер стимулирования и бюджетной консолидации [9], что, по наблюдению М.В. Ларионовой и А.В. Шелепова, стало исключением из практики, подтверждавшейся с 2011 года [21].

Период 2018–2025 гг. стал временем нарастающих разногласий в торговой политике. Администрация Д. Трампа ввела пошлины на сталь и алюминий, что привело к острой критике со стороны европейских союзников, кульминацией сжатия торгово-экономической повестки стал саммит в Биаррице (2019 г.), где экономический блок был сведен к одной фразе о поддержке открытой и справедливой мировой торговли [7]. Пандемия COVID-19 на время консолидировала позиции, а смена администрации в США в 2021 г. привела к активизации торговой повестки [8]. Начало СВО на Украине в 2022 г. радикально изменило контекст: G7 выступила единым фронтом, приостановив режим наибольшего благоприятствования в торговле с Россией [11]. Саммит в Кананаскисе (2025 г.) стал первым с 1982 г., когда лидеры не смогли принять единое итоговое коммюнике, ограничившись резюме председателя.

Климат

В климатической повестке период 2015–2025 гг. продемонстрировал наиболее яркую волнообразную динамику. На саммите в Эльмау (2015 г.) лидеры согласовали долгосрочные цели по декарбонизации и поддержали Парижское соглашение [11]. В 2016 г. в Исэ-Симе была подтверждена приверженность этим целям, а также сделан акцент на энергетической безопасности [13]. Однако выход США из Парижского соглашения в 2017 г. привел к институционализированному расколу, зафиксированному в отдельных абзацах коммюнике: в этом и в последующих коммюнике периода 2017–2020 гг. консенсусный текст по климату отсутствовал – вместо него публиковались отдельные абзацы для подписавших Парижское соглашение и для США, что само по себе стало маркером дивергенции.

Возвращение Дж. Байдена в 2021 г. восстановило единство. Период 2022–2024 гг. ознаменовался институционализацией климатической повестки: создание Климатического клуба, запуск Плана действий по чистой энергетике, принятие конкретных количественных целей по сокращению выбросов. Второй срок Д. Трампа (с 2025 г.) привел к новому разрыву: в документах саммита в Кананаскисе не упоминалось «изменение климата».

Безопасность

В сфере безопасности наблюдалась устойчивая конвергенция. После 2014 г. G7 последовательно осуждала действия России и призвала к выполнению Минских соглашений. На саммитах в Таормине (2017 г.), Шарлевуа (2018 г.) и Биаррице (2019 г.) эти формулировки воспроизводились с нарастающей жесткостью [14; 9; 7]. Саммит в Карбис-Бей (2021 г.) стал переходным рубежом: на фоне стягивания российских войск к украинским границам прозвучал призыв к России вывести войска [8].

Точкой бифуркации стал саммит в Эльмау (2022 г.): действия России названы «неспровоцированной, неоправданной и незаконной войной», а поддержка Украины провозглашена приоритетом [10]. В 2023 г. принята Совместная декларация о поддержке Украины, за-

пустившая переговоры о двусторонних соглашениях по безопасности [12]. В 2024 г. G7 приняла решение о предоставлении Украине кредита в размере 50 млрд долл., обеспеченного доходами от замороженных российских активов [17]. Даже в 2025 г., несмотря на смену администрации в США, антироссийский консенсус удалось сохранить.

Отдельного внимания заслуживает эволюция подхода G7 к Китаю, демонстрирующая постепенную трансформацию от эпизодической обеспокоенности в 2015–2016 гг. (вопросы Южно-Китайского моря) к системной критике в 2021–2025 гг. На саммите в Хиросиме (2023 г.) была закреплена формулировка «де-рискинга» [12]. В 2024 г. критика Китая стала более конкретной. В 2025 г. заявления министров иностранных дел подтвердили намерение координировать подход к китайской экономической политике [3].

В сфере нетрадиционных угроз (кибербезопасность и терроризм) также наблюдалась устойчивая конвергенция. В 2016 г. были приняты «Принципы и действия G7 в киберпространстве» и «План действий G7 по противодействию терроризму» [1; 6], создана рабочая группа по кибербезопасности. В 2017 г. подтверждена квалификация кибератак как применения силы [2]. После 2022 г. сотрудничество активизировалось в связи с гибридными угрозами.

Институциональная структура и исполнение обязательств

Институциональная структура G7 претерпела заметные изменения. Наиболее институционализированным оставался формат встреч министров финансов. В 2021 г. преобразован формат экологических встреч в интегрированные встречи министров климата, энергетики и окружающей среды. Активизировались встречи цифровых министров и министров внутренних дел. Созданы новые рабочие группы, включая Рабочую группу по термоядерной энергетике (2024 г.). В 2020 г. саммит лидеров не состоялся из-за пандемии, а в 2025 г. лидеры не смогли принять единое коммюнике. Одновременно расширялись аутич-форматы с привлечением стран, не входящих в G7 (Индия, Бразилия, ЮАР) [18].

Ключевым индикатором реальной динамики трансатлантического сотрудничества служат ежегодные отчеты о выполнении обязательств (compliance reports), подготовливаемые экспертами Исследовательского центра G7 Университета Торонто. Эти отчеты оценивают степень реализации решений саммитов каждой страной-членом по шкале от –1 до +1, где +1 означает полное выполнение, 0 – частичное, а –1 – невыполнение. Альтернативным методом выражения результатов является отображение в процентах, которое производится по следующей формуле: $((\text{средний балл} + 1) / 2) \times 100\%$.

В качестве самых репрезентативных годов были выбраны отчеты за 2016 г. (после Парижского соглашения), 2018 г. (пик первых торговых противоречий), 2019 г. (кризис консенсуса), 2022 г. (война в Украине), 2024 г. – середина 2025 г. (институциональный кризис). Анализ этих данных позволяет количественно измерить уровень конвергенции и дивергенции внутри G7.

Таблица 1. Обобщение средних показателей исполнения обязательств G7 за 2015–2024 гг.

Год Страна	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Канада	+0,48	+0,58	+0,68	+0,80	+0,62	+0,80	+0,86	+0,90	+0,95	+0,90
	74%	79%	84%	90%	81%	90%	93%	95%	98%	95%
Франция	+0,67	+0,26	+0,68	+0,65	+0,67	+0,90	+0,68	+0,71	+0,95	+0,80
	83%	63%	84%	83%	83%	95%	84%	86%	98%	90%
Германия	+0,90	+0,67	+0,63	+0,50	+0,86	+0,95	+0,91	+0,95	+0,90	+0,90
	95%	83%	82%	75%	93%	98%	95%	98%	95%	95%
Италия	+0,24	+0,21	+0,37	+0,40	+0,19	+0,90	+0,59	+0,52	+0,85	+0,85
	62%	61%	68%	70%	60%	95%	80%	76%	93%	93%
Япония	+0,48	+0,28	+0,47	+0,68	+0,48	+0,85	+0,64	+0,76	+0,85	+0,80
	74%	64%	74%	84%	74%	93%	82%	88%	93%	90%
Великобритания	+0,86	+0,53	+0,84	+0,85	+0,81	+0,85	+0,91	+0,95	+0,90	+0,95
	93%	76%	92%	93%	90%	93%	95%	98%	95%	98%
США	+0,81	+0,63	+0,17	+0,47	+0,29	+0,90	+0,91	+0,90	+0,95	+0,50
	90%	82%	58%	74%	64%	95%	95%	95%	98%	75%
ЕС	+1,00	+0,67	+0,95	+0,90	+0,71	+0,95	+0,95	+0,95	+0,95	+0,95
	100%	83%	97%	95%	86%	98%	98%	98%	98%	98%
Среднее	+0,68	+0,48	+0,60	+0,66	+0,58	+0,89	+0,81	+0,83	+0,91	+0,83
	84%	74%	80%	83%	79%	95%	90%	91%	96%	91%

Источник: составлено автором на основе данных Исследовательского центра G7 Университета Торонто о выполнении обязательств за 2015–2024 гг. [7].

Данные таблицы позволяют зафиксировать несколько устойчивых трендов. Во-первых, общий уровень выполнения обязательств колеблется волнообразно: он снижается в периоды внутривнутриполитической турбулентности (особенно в США) и резко возрастает в ответ на внешние кризисы. Во-вторых, в сфере безопасности показатели стабильно высоки (90–100%), что подтверждает устойчивую конвергенцию перед лицом внешних угроз. В-третьих, климатическая и торгово-экономическая сферы демонстрируют наибольший разрыв между риторикой и выполнением, причем этот разрыв наиболее заметен в периоды президентства Д. Трампа (2017–2020 гг. и 2025 г.), когда показатели США значительно отстают от европейских. В-четвертых, Европейский союз и Великобритания на протяжении всего периода демонстрируют наиболее высокие и стабильные показатели, тогда как США и Италия часто оказываются аутсайдерами, что указывает на сохраняющиеся структурные различия в подходах к имплементации решений Г7.

Факторы конвергенции и дивергенции

Выявленные тенденции объясняются рядом факторов. Наиболее мощным катализатором конвергенции выступила внешняя экзистенциальная угроза. Восприятие конфликта в Украине как прямой опасности для всей системы европейской безопасности, подтвержденное заявлениями европейских лидеров [16], в сочетании с восстановлением лидерской роли США при администрации Дж. Байдена создало условия для беспрецедентного единства. Важную роль сыграла институциональная инерция – накопленная за десятилетия «привычка» к координации через министерские треки и рабочие группы. Кроме того, сохранялась избирательная конвергенция по техническим вопросам (кибербезопасность, противодействие терроризму, критическая инфраструктура), где технический характер обязательств позволял достигать высоких результатов даже в периоды острых политических разногласий.

К факторам дивергенции относится, прежде всего, внутривнутриполитическая цикличность в США. Внешняя политика США демонстрировала ярко выраженную корреляцию со сменой партийной принадлежности президентов: при демократах Б. Обаме и Дж. Байдене – приверженность многосторонним подходам [19; 20; 22], при республиканце Д. Трампе – односторонние действия, выход из Парижского соглашения и торговые войны. Возвращение Трампа в 2025 г. привело к институциональному кризису Г7.

В Европе факторами ослабления единства стали институциональный кризис, связанный с Брекситом, который лишил Великобританию роли «моста» между США и Европой [15], и энергетическая зависимость от России. До февраля 2022 г. зависимость Германии и других стран ЕС от российского газа сдерживала их жесткую позицию по санкциям. Кроме того, Брексит ослабил институциональный механизм европейской координации.

Китай также выступил фактором дивергенции. Администрации США продвигали идею «декаплинга», тогда как европейские члены Г7, особенно Германия и Франция, разработали концепцию «де-рискинга», подразумевающую управляемую диверсификацию при сохранении торговли [12]. В основе этой позиции лежала высокая экономическая интеграция с Китаем, особенно в автомобильной промышленности, а также новая форма зависимости – от китайских аккумуляторов для «зеленого» перехода.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что трансатлантическое взаимодействие в рамках Г7 в 2015–2025 гг. характеризуется волнообразной динамикой, в которой фазы глубокой конвергенции, вызванные внешними экзистенциальными угрозами, сменяются фазами нарастающей дивергенции, обусловленной внутривнутриполитическими циклами в США и структурными особенностями европейских экономик.

Таким образом, «Группа семи» остается незаменимым форумом для поддержания минимального уровня координации между США и Европой, даже когда другие институты (НАТО, ЕС, двусторонние каналы) испытывают нагрузку. Однако для сохранения этой роли в долгосрочной перспективе Г7 потребуются либо выработать механизмы, снижающие зависимость от смены администраций в США, либо примириться с периодическими институциональными кризисами, подобными саммиту 2025 года в Кананаскисе.

Литература

1. G7 Action Plan on Countering Terrorism and Violent Extremism. Ise-Shima, May 2016. – Текст: электронный // G7 Information Centre, University of Toronto. – URL: <https://www.g7.utoronto.ca/summit/2016shima/action-plan-terrorism.html> (дата обращения: 05.05.2026).

2. G7 Declaration on Responsible States Behavior in Cyberspace. Lucsa, April 2017. – Текст: электронный // G7 Information Centre, University of Toronto. – URL: <https://g7.utoronto.ca/foreign/170411-cyberspace.html> (дата обращения: 05.05.2026).

3. G7 Foreign Ministers' Joint Statement. Niagara Region, November 2025. – Текст: электронный // G7 Information Centre, University of Toronto. – URL: <https://www.g7.utoronto.ca/foreign/251112-statement.html> (дата обращения: 27.05.2026).

4. G7 Information Centre. // G7 Research Group, University of Toronto. – URL: <https://www.g7.utoronto.ca/>

5. G7/G20 Documents Database. – URL: <https://g7g20-documents.org/>

6. G7 Principles and Actions on Cyber. Ise-Shima, May 2016. – Текст: электронный // G7 Information Centre, University of Toronto. – URL: <https://www.g7.utoronto.ca/summit/2016shima/cyber.html> (дата обращения: 05.05.2026).

7. The Biarritz G7 Leaders' Declaration. August 2019. – Текст: электронный // G7 Information Centre, University of Toronto. – URL: <https://www.g7.utoronto.ca/summit/2019biarritz/declaration-of-leaders.html> (дата обращения: 05.05.2026).

8. The Carbis Bay G7 Summit Communiqué. June 2021. – Текст: электронный // G7 Information Centre, University of Toronto. – URL: <https://g7.utoronto.ca/summit/2021cornwall/210613-communique.html> (дата обращения: 05.05.2025).

9. The Charlevoix G7 Leaders' Communiqué. June 2018. – Текст: электронный // G7 Information Centre, University of Toronto. – URL: <https://www.g7.utoronto.ca/summit/2018charlevoix/communique.html> (дата обращения: 05.05.2026).

10. The Elmau G7 Leaders' Communiqué. June 2022. – Текст: электронный // G7 Information Centre, University of Toronto. – URL: <https://g7.utoronto.ca/summit/2022elmau/220628-communique.html> (дата обращения: 05.05.2025).

11. The Elmau G7 Leaders' Declaration. June 2015. – Текст: электронный // G7 Information Centre, University of Toronto. – URL: <https://www.g7.utoronto.ca/summit/2015elmau/2015-G7-declaration-en.html> (дата обращения: 05.05.2026).

12. The Hiroshima G7 Leaders' Communiqué. May 2023. – Текст: электронный // G7/G20 Documents Database. – URL: <https://g7g20-documents.org/database/document/2023-g7-japan-leaders-leaders-language-g7-hiroshima-leaders-communique> (дата обращения: 05.05.2025).

13. The Ise-Shima G7 Leaders' Declaration. May 2016. – Текст: электронный // G7 Information Centre, University of Toronto. – URL: <https://www.g7.utoronto.ca/summit/2016shima/ise-shima-declaration-en.html> (дата обращения: 05.05.2025).

14. The Taormina G7 Leaders' Communiqué. May 2017. – Текст: электронный // G7 Information Centre, University of Toronto. – URL: <https://www.g7.utoronto.ca/summit/2017taormina/communique.html> (дата обращения: 05.05.2026).

15. Brexit will reduce UK to a 'mangy old lion', Best for Britain chair Malloch-Brown warns. – Текст: электронный // The Standard. – URL: <https://www.standard.co.uk/news/politics/brexit-will-reduce-uk-to-a-mangy-old-lion-best-for-britain-chief-mallochbrown-warns-a3861496.html> (дата обращения: 15.05.2026).

16. Donald Trump confirms US will quit Paris climate agreement. – Текст: электронный // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/environment/2017/jun/01/donald-trump-confirms-us-will-quit-paris-climate-deal> (дата обращения: 05.05.2026).

17. G7 and NATO summits: 5 takeaways from Joe Biden's trip. – Текст: электронный // CNN Politics. – URL: <https://edition.cnn.com/2022/06/30/politics/joe-biden-nato-day-3> (дата обращения: 15.05.2026).

18. Why does the G7 summit have 16 seats at the table? – Текст: электронный // Al Jazeera. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/5/20/why-the-g7-summit-has-15-seats-at-the-table> (дата обращения: 18.05.2026).

19. Бирюкова Н.А. От «независимости» к «доминированию»: сравнительный анализ энергетической политики администраций Б. Обамы и Д. Трампа // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2017. – № 4.

20. Ларионова М.В., Доронин П.А. Тенденции влияния «Группы семи/восьми» на глобальное климатическое управление // Вестник международных организаций. – 2023. – Т. 18. – № 4. – С. 172–206.

21. Ларионова М.В., Шелепов А.В. «Группа двадцати», БРИКС и «Группа семи» в глобальном экономическом управлении // Вестник международных организаций. – 2019. – Т. 14. – № 4.

22. Ревизорский М. «Группа семи/восьми» – «Группа двадцати» – БРИКС: новая триада в глобальном управлении? // Вестник международных организаций. – 2015. – Т. 10. – № 4. – С. 29–48.

23. Vabulas F., Snidal D. Cooperation under autonomy: Building and analyzing the Informal Intergovernmental Organizations 2.0 dataset // *Journal of Peace Research*. – 2021. – Vol. 58, № 4. – P. 859–869.

24. Westerwinter O., Abbott K.W., Biersteker T. Informal governance in world politics // *The Review of International Organizations*. – 2021. – Vol. 16, № 1. – P. 1–24.

EVOLUTION OF TRANSATLANTIC INTERACTION WITHIN THE G7: 2015–2025

Pervomaiskaja A.O.

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

This article examines the evolution of transatlantic interaction within the Group of Seven (G7) during the period 2015–2025. Drawing on an analysis of official G7 summit documents, ministerial communiqués, and annual compliance reports, the study identifies key trends across three policy areas: trade and economic policy, the climate and energy agenda, and security. The findings demonstrate that cooperation within the G7 has been characterized not by a linear trajectory toward either convergence or divergence, but rather by a cyclical pattern of interaction. External existential threats have acted as powerful catalysts for unity, temporarily mitigating accumulated disagreements, whereas periods of relative geopolitical stability have brought underlying structural differences in trade, economic, and climate policies to the forefront. These differences are driven by domestic political cycles in the United States and internal challenges within Europe. The article also presents the first systematic Russian-language comparative analysis of G7 compliance dynamics based on quantitative compliance indicators combined with a qualitative analysis of the discourse contained in the organization's final summit documents

Keywords: Group of Seven; G7; transatlantic cooperation; informal intergovernmental organizations; IIGOs; convergence; divergence; trade and economic policy; climate agenda; security policy; compliance.

References

1. G7 Action Plan on Countering Terrorism and Violent Extremism. Ise-Shima, May 2016. – G7 Information Centre, University of Toronto. – URL: <https://www.g7.utoronto.ca/summit/2016shima/action-plan-terrorism.html> (accessed: 05.05.2026).
2. G7 Declaration on Responsible States Behavior in Cyberspace. Lucca, April 2017. – G7 Information Centre, University of Toronto. – URL: <https://g7.utoronto.ca/foreign/170411-cyberspace.html> (accessed: 05.05.2026).
3. G7 Foreign Ministers' Joint Statement. Niagara Region, November 2025. – G7 Information Centre, University of Toronto. – URL: <https://www.g7.utoronto.ca/foreign/251112-statement.html> (accessed: 27.05.2026).
4. G7 Information Centre. – G7 Research Group, University of Toronto. – URL: <https://www.g7.utoronto.ca/>
5. G7/G20 Documents Database. – URL: <https://g7g20-documents.org/>
6. G7 Principles and Actions on Cyber. Ise-Shima, May 2016. – G7 Information Centre, University of Toronto. – URL: <https://www.g7.utoronto.ca/summit/2016shima/cyber.html> (accessed: 05.05.2026).
7. The Biarritz G7 Leaders' Declaration. August 2019. – G7 Information Centre, University of Toronto. – URL: <https://www.g7.utoronto.ca/summit/2019biarritz/declaration-of-leaders.html> (accessed: 05.05.2026).

8. The Carbis Bay G7 Summit Communiqué. June 2021. – G7 Information Centre, University of Toronto. – URL: <https://g7.utoronto.ca/summit/2021cornwall/210613-communiqué.html> (accessed: 05.05.2025).

9. The Charlevoix G7 Leaders' Communiqué. June 2018. – G7 Information Centre, University of Toronto. – URL: <https://www.g7.utoronto.ca/summit/2018charlevoix/communiqué.html> (accessed: 05.05.2026).

10. The Elmau G7 Leaders' Communiqué. June 2022. – G7 Information Centre, University of Toronto. – URL: <https://g7.utoronto.ca/summit/2022elmau/220628-communiqué.html> (accessed: 05.05.2025).

11. The Elmau G7 Leaders' Declaration. June 2015. – G7 Information Centre, University of Toronto. – URL: <https://www.g7.utoronto.ca/summit/2015elmau/2015-g7-declaration-en.html> (accessed: 05.05.2026).

12. The Hiroshima G7 Leaders' Communiqué. May 2023. – G7/G20 Documents Database. – URL: <https://g7g20-documents.org/database/document/2023-g7-japan-leaders-leaders-language-g7-hiroshima-leaders-communiqué> (accessed: 05.05.2025).

13. The Ise-Shima G7 Leaders' Declaration. May 2016. – G7 Information Centre, University of Toronto. – URL: <https://www.g7.utoronto.ca/summit/2016shima/ise-shima-declaration-en.html> (accessed: 05.05.2025).

14. The Taormina G7 Leaders' Communiqué. May 2017. – G7 Information Centre, University of Toronto. – URL: <https://www.g7.utoronto.ca/summit/2017taormina/communiqué.html> (accessed: 05.05.2026).

15. Brexit will reduce UK to a 'mangy old lion', Best for Britain chair Malloch-Brown warns. – *The Standard*. – URL: <https://www.standard.co.uk/news/politics/brexit-will-reduce-uk-to-a-mangy-old-lion-best-for-britain-chief-mallochbrown-warns-a3861496.html> (accessed: 15.05.2026).

16. Donald Trump confirms US will quit Paris climate agreement. – *The Guardian*. – URL: <https://www.theguardian.com/environment/2017/jun/01/donald-trump-confirms-us-will-quit-paris-climate-deal> (accessed: 05.05.2026).

17. G7 and NATO summits: 5 takeaways from Joe Biden's trip. – *CNN Politics*. – URL: <https://edition.cnn.com/2022/06/30/politics/joe-biden-nato-day-3> (accessed: 15.05.2026).

18. Why does the G7 summit have 16 seats at the table? – *Al Jazeera*. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/5/20/why-the-g7-summit-has-15-seats-at-the-table> (accessed: 18.05.2026).

19. Biryukova N.A. From «independence» to «dominance»: a comparative analysis of the energy policies of the B. Obama and D. Trump administrations // *Moscow University Bulletin. Series 25. International Relations and World Politics*. – 2017. – № 4.

20. Larionova M.V., Doronin P.A. Trends in the influence of the Group of Seven/Eight on global climate governance // *International Organisations Research Journal*. – 2023. – Vol. 18. – № 4. – P. 172–206.

21. Larionova M.V., Shelepov A.V. The Group of Twenty, BRICS and the Group of Seven in global economic governance // *International Organisations Research Journal*. – 2019. – Vol. 14. – № 4.

22. Revizorskiy M. The Group of Seven/Eight – the Group of Twenty – BRICS: a new triad in global governance? // *International Organisations Research Journal*. – 2015. – Vol. 10. – № 4. – P. 29–48.

23. Vabulas F., Snidal D. Cooperation under autonomy: Building and analyzing the Informal Intergovernmental Organizations 2.0 dataset // *Journal of Peace Research*. – 2021. – Vol. 58, № 4. – P. 859–869.

24. Westerwinter O., Abbott K.W., Biersteker T. Informal governance in world politics // *The Review of International Organizations*. – 2021. – Vol. 16, № 1. – P. 1–24.

Понуровская Яна Константиновна,
студент Дальневосточный федеральный университет
E-mail: janaponurovskaya@yandex.ru

Статья посвящена исследованию воспитания гражданской идентичности в образовательной политике Китая и США. Актуальность темы определяется тем, что современные государства используют образование как инструмент формирования представлений обучающихся о гражданской принадлежности, общественной ответственности и правовой культуре. Цель исследования состоит в теоретическом обосновании особенностей воспитания гражданской идентичности в образовательной политике Китая и США. В работе раскрыты теоретические основания воспитания гражданской идентичности, показана связь гражданского воспитания с патриотическим воспитанием, демократическим участием, правовой культурой и образовательной социализацией обучающихся. Выделены две модели воспитания гражданской идентичности: китайская государственно-патриотическая модель и американская демократическая модель. Охарактеризованы их нормативные основания, ценностные ориентиры, образ гражданина, роль государства, школы и университета, а также педагогические средства формирования гражданской идентичности. Уточнены различия между китайской и американской образовательной политикой. Выявлено, что обе страны рассматривают образование как средство формирования гражданина, однако вкладывают в этот процесс разное содержание. По итогам исследования можно сделать вывод о том, что различия между моделями определяются разным пониманием гражданства, роли государства, гражданского участия и воспитательного потенциала образовательной среды.

Ключевые слова: гражданская идентичность, гражданское воспитание, патриотическое воспитание, Китай, США, гражданское образование.

Введение

Воспитание гражданской идентичности является актуальным направлением образовательной политики современных государств. Многие государства стремятся формировать у молодого поколения представления о гражданской принадлежности, общественной ответственности, правовых нормах и допустимых формах участия в социальной жизни, что осуществляется через традиционные институты – школу, профессиональное образование, учебные и воспитательные программы, и др.

Выбор Китая и США обусловлен тем, что данные страны представляют различные модели государственной образовательной политики и формирования гражданской идентичности. Китай реализует государственно-патриотическую модель, основанную на централизованном управлении системой образования, тогда как США развивают демократическую модель, характеризующуюся децентрализацией и ориентацией на гражданское участие.

В контексте политики Китая и США вопрос гражданской идентичности раскрывается через разные культурные основания. Так, китайская образовательная политика связывает воспитание гражданина с патриотизмом, национальным единством, уважением к истории страны и участием личности в общем проекте государственного развития; американская же традиция уделяет особое внимание вопросам гражданского участия, правовой культуры, демократизма и готовности обучающегося действовать в публичной сфере. В обоих случаях гражданская идентичность формируется средствами образования, однако смысловые акценты, нормативные основания и инструменты существенно различаются.

При наличии большого числа работ сохраняется выраженный научный пробел: редко в исследованиях Китая и США сопоставляются именно с позиции двух единых моделей образовательной политики. Недостаточно раскрытым остается вопрос о том, каким образом государственные цели переводятся в содержание гражданского воспитания и какие средства используются для закрепления образа гражданина в сознании молодежи обоих государств.

Вместе с тем актуальность рассматриваемой темы исследования определяется необходимостью сопоставить китайскую и американскую модели воспитания гражданской идентичности по единым основаниям, что позволит рассмотреть внутреннюю организацию каждой модели (ее цель, нормативные основы, представления об идеальном гражданине, роль школы и университета, а также способы включения обучающихся в гражданское содержание образования).

Цель исследования состоит в теоретическом обосновании особенностей воспитания гражданской идентичности в образовательной политике Китая и США.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования выступили российские и зарубежные научные публикации по гражданской идентичности, патриотическому и гражданскому образованию, а также образовательной политике Китая и США. Отбор источников проводился по ключевым словам («гражданская идентичность», «civic education», «patriotic education», «educational policy», «China», «USA») и по соответствию современной практике воспитания гражданской идентичности. Отечественная литература использовалась для раскрытия теоретико-педагогических оснований; зарубежная литература была отобрана для анализа китайской и американской моделей через исследования, посвященные национальной идентичности, модернизации, демократическому участию и школьным практикам. Нормативную базу составили Закон КНР о патриотическом воспитании, Every Student Succeeds Act, C3 Framework и инициатива Educating for American Democracy.

В исследовании применялись следующие методы: сравнительно-педагогический анализ, анализ нормативных и программных документов, содержательный анализ научных публикаций и обобщение теоретических подходов. Сравнение Китая и США проводилось по четырем основаниям: цель гражданского воспитания, нормативная база, содержание гражданской идентичности и педагогические средства ее формирования, что позволило выявить внутреннюю организацию каждой модели и затем представить их сопоставление с позиции основных сходств и различий.

Результаты и их обсуждение

Итак, проведенный анализ показал, что воспитание гражданской идентичности в образовательной политике Китая и США выстраивается вокруг разных представлений о гражданине. В китайской модели гражданин рассматривается через тесную связь с государством, национальной историей, коллективными ценностями и задачами развития страны; в американской же модели центральным становится гражданин, способный участвовать в демократической жизни, понимать общественные проблемы, высказывать позицию и действовать в правовом поле.

При этом обе модели имеют выраженную образовательную направленность. Гражданская идентичность формируется через специализированные программы, учебные материалы, воспитательные мероприятия, школьную и университетскую среду. Различие же состоит в том, какие ценности ставятся в центр и каким образом педагогическая система переводит их в практику обучения и воспитания.

Перед тем, как охарактеризовать каждую из моделей, важно уточнить теоретические основания воспитания гражданской идентичности. Гражданская идентичность в государственной образовательной политике может быть определена как результат целенаправленного педагогического воздействия, при котором обучающийся осваивает представления о собственной принадлежности к политическому и культурному сообществу. Гражданская идентичность связана с пониманием прав и обязанностей, принятием общественно значимых норм и готовностью соотносить личное поведение с интересами общества.

Гражданское воспитание обычно рассматривается во взаимосвязи с патриотическим воспитанием; оно развивается в условиях социокультурных противоречий, поэтому предполагает наличие ценностной определенности и ее последовательности. При этом в каждой стране гражданская идентичность формируется через собственный набор ценностных оснований [1]. В то же время сама образовательная среда испытывает значительное влияние глобализации [2; 13; 16]. Это позволяет рассматривать Китай и США как государства, которые отвечают на общие вызовы, связанные с культурным многообразием, цифровизацией, трансформацией молодежной социализации, усилением международной взаимозависимости и т.п.

Обе системы используют образование для формирования гражданина, однако делают это через разные ценностные основания [5]. Этот тезис может быть положен в основу дальнейшего сопоставления двух моделей.

Китайская модель воспитания гражданской идентичности опирается на представление о гражданине как участнике общего националь-

ного развития. В центре данной модели находится патриотизм, уважение к истории, признание национального единства и готовность соотносить личные цели с общественными задачами. В образовательной политике КНР гражданская идентичность формируется через связь личности с государством, культурной традицией и идеей национального возрождения. Структура системы образования КНР и направления развития связаны с задачами модернизации, подготовки кадров и укрепления общественного развития [3]. В рамках данной особенности школа и университет в Китае выступают в том числе пространствами формирования ценностной принадлежности к стране. Концепция китайского патриотизма опирается на историческую память, политическую лояльность и представление о национальном единстве [4]. В этом смысле гражданская идентичность в Китае формируется через осознание связи личности с историей страны и с перспективами ее развития.

Институционально-правовое закрепление такого подхода получило выражение в Законе КНР о патриотическом воспитании, который задает государственные границы и определение патриотического воспитания, а также распространяет его на образовательную, культурную, общественную и цифровую сферы [15]. В целом гражданская идентичность формируется с использованием расширенного перечня инструментов воспитания, применение которых сохраняет заданную государством направленность.

Китайская модель гражданского образования зачастую рассматривается через соотношение национальной идентичности и модернизации. Китай стремится воспитать современного гражданина, способного участвовать в модернизационном развитии страны, при одновременном сохранении национальной принадлежности как ценностного основания [13]. Образ идеального китайского гражданина «новой эпохи» характеризуется лояльностью, ответственностью, моральной безупречностью и готовностью участвовать в развитии страны [18]. Содержание гражданской идентичности закрепляется через учебные программы и учебники, которые конструируют гражданскую принадлежность, в том числе через представление этнических меньшинств [17].

Отдельный вопрос связан с глобальным измерением гражданского воспитания: в китайских школах ставится проблема развития глобального гражданства, однако международная ориентация в образовании не отменяет национального основания гражданской идентичности. Китайская модель включает глобальную повестку, но подчиняет ее задачам воспитания гражданина КНР [16].

Визуально китайскую модель воспитания гражданской идентичности можно представить следующим образом (рисунок 1):

Рис. 1. Китайская модель воспитания гражданской идентичности в образовательной политике

Итак, в наиболее общем виде китайская модель может быть описана как государственно ориентированная модель воспитания гражданской идентичности, основной смысл которой состоит в том, что школа и университет формируют гражданина через оперирование патриотически насыщенным содержанием, нормативно закрепленными воспи-

тательными задачами и наличием прямой связи образования с идеями национального развития.

Американская модель воспитания гражданской идентичности, напротив, строится вокруг идеи демократического участия. В ней гражданин рассматривается в качестве субъекта, способного понимать об-

щественные проблемы, обсуждать разные позиции, принимать участие в жизни сообщества и действовать в рамках правовой культуры. В отличие от китайской модели, американское гражданское образование традиционно развивается в условиях выраженного федерализма, самостоятельности штатов и закономерного разнообразия практик и подходов к формированию гражданской идентичности.

Нормативным основанием современного школьного образования выступает Every Student Succeeds Act, который определяет федеральные границы общего образования и оставляет штатам пространство для разработки образовательной политики [9]. В конечном счете предоставляемая свобода влияет и на гражданское образование, т.к. в США попросту отсутствует единая централизованная программа гражданского воспитания, сопоставимая с китайской моделью. Вместо этого гражданская идентичность формируется через стандарты штатов, школьные программы, социальные исследования, проекты и общественную деятельность.

Важным здесь представляется C3 Framework; документ ориентирует социальные исследования на развитие у обучающихся готовности к колледжу, карьере и гражданской жизни [14]. Особое внимание в нем уделяется готовности подрастающего поколения к постановке вопросов, работе с источниками, анализу общественных проблем и подготовке к гражданскому участию. Аналогичным образом инициатива Educating for American Democracy направлена на обновление исторического и гражданского образования через обращение к демократическим ценностям, общественному диалогу и знаниям о политическом устройстве страны [8].

Стоит отметить, что в современной американской научной литературе гражданское образование рассматривается как сфера, которая зависит от понимания целей и результатов. Так, отмечается, что гражданское образование должно быть связано с развитием общественного интеллекта, то есть способности обучающихся понимать гражданские

вопросы и участвовать в общественной жизни [7]. С другой стороны, в США усиливается интерес к практикам активного участия, обсуждению общественных проблем и целенаправленному формированию гражданских компетенций [10]. Развитие гражданской идентичности целесообразно рассматривать через вопросы самоопределения обучающихся, т.е. через то, кем они являются, что считают значимым и каким образом готовы участвовать в жизни общества [11]. Тем самым в очередной раз прослеживается личностная направленность американской модели, в которой гражданская идентичность формируется через осознание собственной позиции, получение опыта обсуждения и включение индивидуальности в жизнь общества.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что современная американская модель формирования гражданской идентичности ориентирована на развитие гражданской активности, демократического участия и самостоятельного осмысления общественных процессов. В отличие от китайской модели, государство задает лишь общие рамки образовательной политики, тогда как конкретные механизмы гражданского воспитания определяются на уровне штатов и образовательных организаций.

Образовательная среда может становиться пространством работы с общественно значимыми вопросами, в котором обучающийся осваивает аргументацию, этику диалога и способность видеть разные позиции [12]. Соответственно, в данном случае гражданская идентичность формируется через опыт демократического взаимодействия. В контексте высшего образования США значительную роль играет поддержка со колледжей в вопросе подготовки студентов к демократической жизни [6]. Гражданская идентичность во многом формируется и в университетской среде, в которой студент выходит на более «высокий» уровень участия в общественной жизни.

В наиболее общем виде модель воспитания гражданской идентичности в США можно представить следующим образом (рисунок 2):

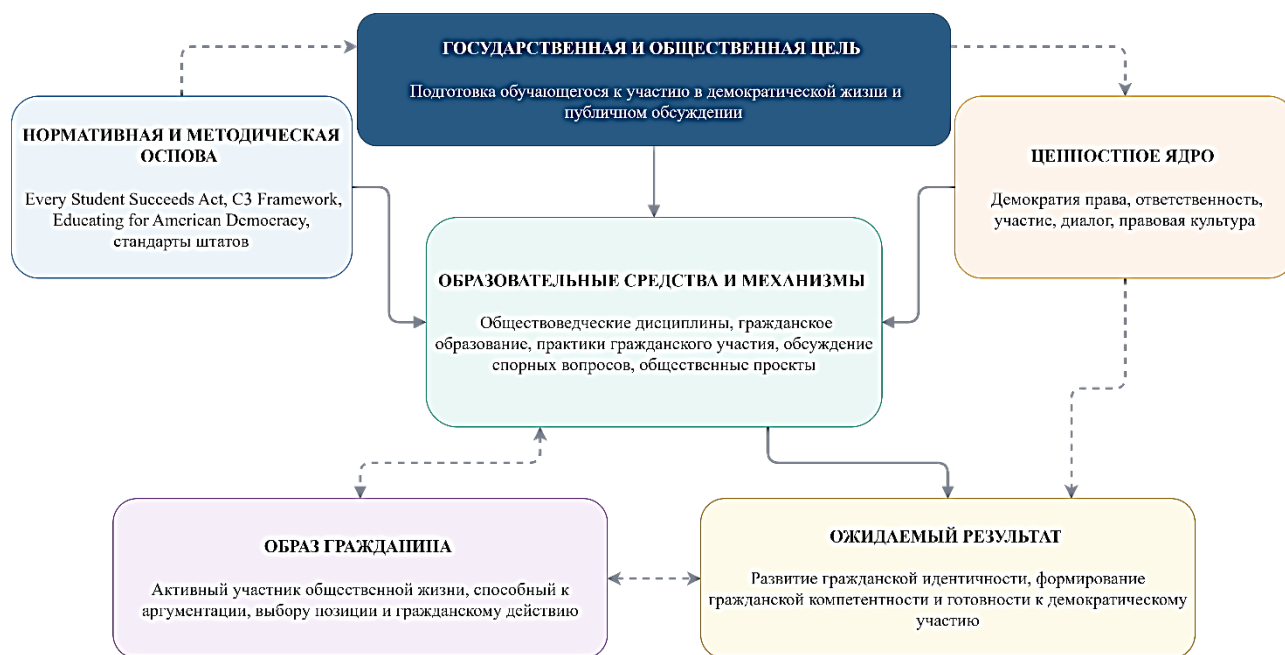

Рис. 2. Американская модель воспитания гражданской идентичности в образовательной политике

Итак, модель США может быть охарактеризована как модель гражданского участия, смысл которой заключается в том, что образовательная политика задает рамки, а школа и университет формируют гражданскую идентичность через включение обучающихся в активное обсуждение общественно значимых вопросов, исследование общественных проблем и участие обучающихся в общественно значимых действиях.

В целом сопоставление Китая и США показывает, что обе страны используют образование как средство формирования гражданской идентичности. Однако содержание данной идентичности определяется разными представлениями о связи личности, общества и государства. Подробное сопоставление моделей представлено в таблице 1:

Таблица 1. Сравнительная характеристика воспитания гражданской идентичности в образовательной политике Китая и США

Параметр сравнения	Китай	США
Общая направленность образовательной политики	Воспитание гражданина, который осознает принадлежность к КНР, связывает личную траекторию с задачами национального развития и воспринимает государство как центр общественной консолидации. Гражданская идентичность раскрывается через патриотизм, историческую память, признание единства страны и участие в проекте модернизации Китая	Подготовка гражданина, способного участвовать в демократической жизни, понимать общественные проблемы, пользоваться правами, соблюдать правовые нормы и включаться в деятельность локального сообщества. Гражданская идентичность раскрывается через участие, диалог, личную позицию и практику ответственного гражданского действия

Параметр сравнения	Китай	США
Политико-культурное основание модели	Основанием выступает идея национального возрождения, исторической преемственности, общественного порядка и коллективной ответственности. Гражданин рассматривается как часть единого национального сообщества, связанного общей историей, культурой и задачами развития	Основанием является демократическая политическая культура, феде- рализм, правовое равенство, плюрализм мнений и участие граж- дан в публичной жизни. Гражданин рассматривается как субъект выбора, обсуждения, действия и ответственности перед обществом
Нормативная основа	Закон КНР о патриотическом воспитании, государственные образовательные программы, идеологические ориентиры вос- питательной работы, школьные и университетские программы гражданско-патриотического содержания. Закон КНР закрепляет патриотическое воспитание как направление государственной политики и распространяет его на образование, культуру, семью, общественную и цифровую среду	Every Student Succeeds Act задает федеральные основания общего образования, но не формирует единую централизованную модель гражданского воспитания. Содержательную основу граждан- ского образования задают C3 Framework, Educating for American Democracy, стандарты штатов и локальные школьные программы
Степень централизации образова- тельной политики	Высокая. Государство определяет ценностные ориентиры, нор- мативные требования и общую направленность воспитания. Школа и университет встроены в единую систему передачи гражданско-патриотического содержания	Средняя и распределенная. Федеральный уровень задает общие условия, штаты определяют стандарты и программы, школы и округа выбирают конкретные практики. Из-за этого гражданское образование может различаться по содержанию, глубине и интен- сивности
Ценностное ядро гражданской идентичности	Патриотизм, национальное единство, уважение к истории и куль- туре Китая, коллективная ответственность, дисциплина, соци- альная гармония, лояльность к государству и признание связи личного успеха с развитием страны	Демократия, права и обязанности, свобода выражения позиции, ответственность, уважение к закону, участие в жизни сообщества, диалог, способность обсуждать общественные проблемы и прини- мать гражданские решения
Образ гражданина	Лояльный и ответственный гражданин, который уважает истори- ческую традицию, осознает принадлежность к китайской нации, поддерживает национальное единство и готов участвовать в раз- витии государства. Важны дисциплина, ценностная согласован- ность и готовность соотносить личные действия с интересами страны	Активный гражданин, который способен анализировать социаль- ные вопросы, аргументировать позицию, участвовать в выборах, проектах сообщества, публичных обсуждениях и иных формах де- мократического взаимодействия. Важны самостоятельность сужде- ния, гражданская инициатива и правовая грамотность
Содержание гражданской иден- тичности	Принадлежность к КНР, признание единства страны, уважение к китайской цивилизации, готовность поддерживать нацио- нальные интересы, понимание личной ответственности перед обществом и государством. Гражданская идентичность имеет выраженное коллективное и государственно ориентированное содержание	Самоопределение гражданина в демократическом обществе, пони- мание прав и обязанностей, способность участвовать в принятии общественных решений, уважение к различию мнений и готов- ность к гражданскому действию. Гражданская идентичность имеет выраженное личностное и деятельностное содержание

При этом крайне важно учитывать, что данные модели нельзя оценивать вне их политико-культурного контекста, т.к. китайская обра- зовательная политика исходит из представления о приоритете на- ционального единства и общего развития, а политика США опирает- ся на демократическую традицию, феде- рализм и идею гражданского участия. В связи с этим основные различия между моделями связаны с разным пониманием гражданства как социального и политического феномена.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что воспитание граж- данской идентичности в Китае и США имеет общую направленность, т.к. образование используется в качестве основного средства форми- рования гражданина, способного действовать в соответствии с ценно- стями политического сообщества. При этом содержание ответственного гражданина в двух системах различается.

Научная значимость статьи состоит в уточнении сравнительных характеристик двух моделей воспитания гражданской идентичности. Новизна заключается в том, что гражданская идентичность рассма- тривается как результат образовательной политики, а сопоставление Китая и США проводится по единым параметрам, среди которых цен- ностная цель, нормативное основание, содержание воспитания и пе- дагогические средства. Практическая значимость полученных резуль- татов связана с возможностью использовать выявленные различия при дальнейшем анализе международного опыта гражданского вос- питания, разработке образовательных программ и обосновании вос- питательных практик в условиях трансформации современных обра- зовательных систем.

Литература

- Андрienko E.B. Патриотическое и гражданское воспитание в усло- виях социокультурных противоречий // Педагогическое образование и наука. 2020. № 4. С. 23–29.
- Белякова И.Г. Формирование гражданской идентичности в обра- зовательной среде глобализирующегося пространства // Вестник культуры и искусств. 2017. № 2(50). С. 98–105.
- Гурулева Т.Л. Система образования в Китайской Народной Ре- спублике: структура и основные направления развития // Высшее обра- зование в России. 2017. № 7(214). С. 152–164.
- Тихомиров С.Н., Свиная О.В., Туфлейкина Н.А., Лопатин Е.А., Лихоткина А.В. Концепция китайского патриотизма и проблема его

формирования // Человеческий капитал. 2024. № 8(188). С. 94–108. DOI: 10.25629/HC.2024.08.10.

5. Федорченко Л.В. Политика патриотического воспитания сту- дентов в США и Китае: сравнительный анализ // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2019. № 5(352). С. 82–90.

6. Bennion E.A., Michelson M.R. Educating students for democracy: what colleges are doing, how it's working, and what needs to happen next // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2023. Vol. 705. № 1. P. 95–115. DOI: 10.1177/00027162231188567.

7. Cohen A.K., Pope A., Wong K.K. Civic education and civic capacity in public schools: the state of the field and directions for the future // Pea- body Journal of Education. 2021. Vol. 96. № 3. P. 229–234. DOI: 10.1080/0161956X.2021.1958633.

8. Educating for American Democracy Initiative. Educating for Amer- ican Democracy: Excellence in History and Civics for All Learners. 2021. URL: <https://www.educatingforamericandemocracy.org/the-roadmap/>

9. Every Student Succeeds Act, Public Law 114–95, 129 Stat. 1802. Washington, DC: U.S. Government Publishing Office, 2015. URL: <https://www.govinfo.gov/link/plaw/114/public/95>.

10. Fitzgerald J.C., Cohen A.K., Maker Castro E., Pope A. A systematic review of the last decade of civic education research in the United States // Peabody Journal of Education. 2021. Vol. 96. № 3. P. 235–246. DOI: 10.1080/0161956X.2021.1942703.

11. Haduong P., Jeffries J., Pao A., Webb W., Allen D., Kidd D. Who am I and what do I care about? Supporting civic identity development in civic education // Education, Citizenship and Social Justice. 2024. Vol. 19. № 2. P. 185–201. DOI: 10.1177/17461979231151616.

12. Hess D.E., McAvoy P. The Political Classroom: Evidence and Ethics in Democratic Education. New York: Routledge, 2015. 268 p.

13. Law W.W. Globalization, national identity, and citizenship educa- tion: China's search for modernization and a modern Chinese citizenry // Frontiers of Education in China. 2013. Vol. 8. № 4. P. 596–627.

14. National Council for the Social Studies. The College, Career, and Civic Life (C3) Framework for Social Studies State Standards: Guidance for Enhancing the Rigor of K-12 Civics, Economics, Geography, and History. Silver Spring, MD: National Council for the Social Studies, 2013. 129 p. URL: <https://www.socialstudies.org/sites/default/files/c3/C3-Framework-for-Social-Studies.pdf>.

15. Patriotic Education Law of the People's Republic of China // Nation- al People's Congress of the People's Republic of China. 2023. URL: https://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2023–10/24/c_1058444.htm.

16. Wang L., Print M. Do Chinese secondary schools develop global citizens? // *Cambridge Journal of Education*. 2024. Vol. 54. № 4. P. 397–416. DOI: 10.1080/0305764X.2024.2369573.
17. Yan F., Jackson L. Nation building, citizenship education and ethnic minorities in Chinese textbooks // *Citizenship Teaching & Learning*. 2024. Vol. 19. № 2. P. 191–211. DOI: 10.1386/ctl_00157_1.
18. Zhao Z. What does the ideal citizen look like in China's new era? A bottom-up view // *Citizenship Studies*. 2023. Vol. 27. № 6. P. 744–760. DOI: 10.1080/13621025.2023.2287828.

EDUCATION OF CIVIC IDENTITY IN THE EDUCATIONAL POLICY OF CHINA AND THE UNITED STATES

Ponurovskaya Ya.K.

Far Eastern Federal University

The article examines civic identity education in the educational policy of China and the US. The relevance of the topic is determined by the fact that modern states use education as an instrument for shaping students' ideas about civic belonging, social responsibility and legal culture. The aim is to theoretically substantiate its features in these countries' educational policies. The paper reveals the theoretical foundations of civic identity education and shows its connection to patriotic education, democratic participation, legal culture, and educational socialization of students. Two models are identified: the Chinese state-patriotic model and the American democratic model. Their regulatory foundations, value orientations, citizen image, the role of the state, school and university, and pedagogical means of forming civic identity are characterized. Differences between Chinese and American educational policy are clarified. Both countries view education as a means of shaping a citizen, but attach different content to this process. The differences between the models are determined by different understandings of citizenship, the role of the state, civic participation, and the educational potential of the learning environment.

Keywords: civic identity, civic education, patriotic education, China, United States, citizenship education.

References

1. Andriyenko E.V. Patriotic and Civic Education in the Context of Sociocultural Contradictions // *Pedagogical Education and Science*. 2020. No. 4. pp. 23–29.
2. Belyakova I.G. Formation of Civic Identity in the Educational Environment of a Globalizing Space // *Bulletin of Culture and Arts*. 2017. No. 2(50). pp. 98–105.
3. Guruleva T.L. Education System in the People's Republic of China: Structure and Main Directions of Development // *Higher Education in Russia*. 2017. No. 7 (214). Pp. 152–164.
4. Tikhomirov S.N., Svinareva O.V., Tufleykina N.A., Lopatin E.A., Likhokina A.V. The Concept of Chinese Patriotism and the Problem of Its Formation // *Human Capital*. 2024. No. 8(188). Pp. 94–108. DOI: 10.25629/HC.2024.08.10.

5. Fedorchenko L.V. Patriotic Education Policy for Students in the United States and China: A Comparative Analysis // *Scientific and Analytical Journal Observer*. 2019. No. 5(352). Pp. 82–90.
6. Bennion E.A., Michelson M.R. Educating Students for Democracy: What Colleges Are Doing, How It's Working, and What Needs to Happen Next // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2023. Vol. 705. No. 1. Pp. 95–115. DOI: 10.1177/00027162231188567.
7. Cohen A.K., Pope A., Wong K.K. Civic education and civic capacity in public schools: the state of the field and directions for the future // *Peabody Journal of Education*. 2021. Vol. 96. No. 3. P. 229–234. DOI: 10.1080/0161956X.2021.1958633.
8. Educating for American Democracy Initiative. Educating for American Democracy: Excellence in History and Civics for All Learners. 2021. URL: <https://www.educatingforamericaanddemocracy.org/the-roadmap/>
9. Every Student Succeeds Act, Public Law 114–95, 129 Stat. 1802. Washington, DC: U.S. Government Publishing Office, 2015. URL: <https://www.govinfo.gov/link/plaw/114/public/95>.
10. Fitzgerald J.C., Cohen A.K., Maker Castro E., Pope A. A systematic review of the last decade of civic education research in the United States // *Peabody Journal of Education*. 2021. Vol. 96. No. 3. P. 235–246. DOI: 10.1080/0161956X.2021.1942703.
11. Haduong P., Jeffries J., Pao A., Webb W., Allen D., Kidd D. Who am I and what do I care about? Supporting civic identity development in civic education // *Education, Citizenship and Social Justice*. 2024. Vol. 19. No. 2. P. 185–201. DOI: 10.1177/17461979231151616.
12. Hess D.E., McAvoy P. *The Political Classroom: Evidence and Ethics in Democratic Education*. New York: Routledge, 2015. 268 p.
13. Law W.W. Globalization, national identity, and citizenship education: China's search for modernization and a modern Chinese citizenry // *Frontiers of Education in China*. 2013. Vol. 8. No. 4. P. 596–627.
14. National Council for the Social Studies. *The College, Career, and Civic Life (C3) Framework for Social Studies State Standards: Guidance for Enhancing the Rigor of K-12 Civics, Economics, Geography, and History*. Silver Spring, MD: National Council for the Social Studies, 2013. 129 p. URL: <https://www.socialstudies.org/sites/default/files/c3/C3-Framework-for-Social-Studies.pdf>.
15. Patriotic Education Law of the People's Republic of China // National People's Congress of the People's Republic of China. 2023. URL: https://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2023–10/24/c_1058444.htm.
16. Wang L., Print M. Do Chinese secondary schools develop global citizens? // *Cambridge Journal of Education*. 2024. Vol. 54. No. 4. P. 397–416. DOI: 10.1080/0305764X.2024.2369573.
17. Yan F., Jackson L. Nation building, citizenship education and ethnic minorities in Chinese textbooks // *Citizenship Teaching & Learning*. 2024. Vol. 19. No. 2. P. 191–211. DOI: 10.1386/ctl_00157_1.
18. Zhao Z. What does the ideal citizen look like in China's new era? A bottom-up view // *Citizenship Studies*. 2023. Vol. 27. No. 6. P. 744–760. DOI: 10.1080/13621025.2023.2287828.

Институциональная инерция секьюритизации России в США: устойчивость угрозового нарратива в разведсообществе и министерстве войны при смене президентских администраций (2017–2026)

Самуна Ахмад-Леонин Хуссам,

аспирант, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы

В статье исследуется институциональная инерция секьюритизации России в системе внешнеполитического и военно-оборонного планирования США в 2017–2026 гг. Сравнительный дискурс-анализ документов трёх администраций (Д. Трамп 2017–2021, Дж. Байден 2021–2025, Д. Трамп 2025–) выявляет устойчивый разрыв между «президентским» (СНБ) и «бюрократическим» (СНО Министерства войны США; ежегодная оценка угроз разведсообщества, АТА) уровнями. Президентский нарратив колеблется с политическим циклом (частота упоминания России в СНБ на 1000 слов: 0,95 → 3,02 → 0,94), тогда как разведсообщество растёт до пика в 2025 г. (АТА: 3,56 → 4,47 → 7,77) и лишь структурно снижается в 2026 г. (5,70) – при сохранении языка «enduring threat» и второго места России в списке угроз. СНО 2026 г. (П. Хегсет) квалифицирует Россию как «устойчивую, но управляемую угрозу» (1,75 на 1000 слов): военно-оборонное ведомство при сильной политической воле смещается за президентским сигналом, разведсообщество – нет.

Ключевые слова: секьюритизация; Россия – США; Копенгагенская школа; бюрократическая политика; дискурс-анализ; разведывательное сообщество; Стратегия национальной безопасности США; Стратегия национальной обороны США; встроенная секьюритизация.

Введение

Возвращение Д. Трампа в Белый дом и новая Стратегия национальной безопасности (СНБ) декабря 2025 г. на первый взгляд знаменовали реверс десятилетнего курса США на жёсткую секьюритизацию России: в сравнении с СНБ 2022 г., где Россия была «непосредственной и постоянной угрозой международному порядку», новая редакция сместила центр угрозового нарратива на «илиберальную сверхдержаву» (КНР). Это актуализировало вопрос: может ли смена политического руководства быстро и устойчиво десекуритизировать сложившийся внешнеполитический объект?

Эмпирические наблюдения подсказывают отрицательный ответ. В марте 2025 г. директор Национальной разведки Т. Габбард представила АТА 2025, где Россия рассматривается как «устойчивый и долгосрочный потенциал угрозы» при сохранении второго места после КНР. 23 января 2026 г. Министерство войны США (Department of War – наименование, введённое в сентябре 2025 г. взамен Department of Defense) опубликовало СНО 2026 за подписью П. Хегсета, квалифицировав Россию как «устойчивую, но управляемую угрозу» – отход от «острой угрозы» в СНО 2022 г. Таким образом, в США сосуществуют три разнонаправленных нарратива о России: президентский, военно-оборонный (сдвинувшийся за сигналом Белого дома) и устойчивый разведывательный. Этот гетерогенный разрыв и составляет проблему статьи.

Объект исследования – секьюритизация России во внешнеполитическом дискурсе США в 2017–2026 гг.; **предмет** – институциональные механизмы устойчивости угрозового нарратива в текстах разведсообщества и военно-оборонного ведомства. **Цель** – выявить, измерить и интерпретировать асимметрию между президентским и бюрократическим уровнями секьюритизации. **Задачи:** (1) сформулировать теоретическую основу (Копенгагенская школа + исторический институционализм + бюрократическая политика); (2) операционализировать «встроенную секьюритизацию» через количественный индекс; (3) провести дискурс-анализ СНБ 2017/2022/2025, СНО 2018/2022/2026 и АТА 2017–2026 гг.; (4) сопоставить закономерности с интерпретациями российской школы.

Гипотеза: частотная и нормативная интенсивность секьюритизации России в разведсообществе и военном планировании не всегда отслеживает направление политических сигналов Белого дома, а демонстрирует самостоятельную динамику, что свидетельствует об институциональной инерции угрозового нарратива. Инерция гетерогенна, и при сильной политической воле военно-оборонное ведомство способно смещаться за президентским сигналом, тогда как разведсообщество – нет.

Научная новизна: во-первых, введение категории «встроенной секьюритизации» как формы автономного бюрократического воспроизводства угрозового нарратива и её локализация; во-вторых, построение на оригинальной авторской базе данных (восемь ежегодных АТА 2017, 2019, 2021–2026 и СНО 2026 г.) индекса устойчивости секьюритизации (SPI); в-третьих, сопряжение количественных результатов с интерпретацией ведущих российских международников (Т.А. Шаплеина, А.Д. Богатуров, Д.В. Тренин, С.А. Караганов, Ф.А. Лукьянов, М.М. Лебедева).

Теоретическая основа: секьюритизация, исторический институционализм, бюрократическая политика

Базовой основой выступает теория секьюритизации Копенгагенской школы Б. Бузана, О. Вэвера и Я. де Вильде: секьюритизация – речевой акт, представляющий объект как экзистенциальную угрозу и оправдывающий выход за пределы обычных политических процедур [7; 8]. Однажды осуществлённая, секьюритизация закрепляется в институтах и практиках безопасности [9], поэтому десекуритизация сложнее: она требует демонтажа сопутствующих институциональных рутин [10].

Но классическая Копенгагенская школа рассматривает секьюритизацию как событие, инициируемое лидером, тогда как случай США 2017–2026 гг. ставит вопрос о её институциональном воспроизвод-

стве. Здесь продуктивен исторический институционализм П. Пирсона с категорией «зависимости от пути» (path dependence): принятые институциональные траектории закрепляются механизмами самовоспроизводства [11].

Во-вторых, модель бюрократической политики Г. Аллисона: внешняя политика великой державы – равнодействующая интересов, стандартных операционных процедур и институциональных идентичностей бюрократий с собственным целеполаганием [12].

В-третьих, ролевая теория К. Холсти: устойчивость представлений сообщества о «своей роли» и «роли значимого другого» превращает образ противника в нормативный ресурс самоидентификации [13].

Сопряжение трёх линий вводит рабочее понятие встроенной секьюритизации (embedded securitization) – формы существования угрозового нарратива, не зависящей от речевого акта лидера и воспроизводящейся на уровне рутин экспертно-аналитических и силовых ведомств. Гипотеза о разрыве между президентским и бюрократическим дискурсом – её эмпирически проверяемое следствие.

Эмпирическая база и методология

Эмпирическая база – три массива открытых официальных документов США за 2017–2026 гг.: (а) СНБ 2017 г. (Д. Трамп) [18], СНБ 2022 г. (Дж. Байден) [20], СНБ 2025 г. (Д. Трамп) [25]; (б) СНО 2018 г. (DoD, Дж. Мэттис) [19], СНО 2022 г. (DoD, Л. Остин) [21], СНО 2026 г. (Department of War, П. Хегсет) [28]; (в) ежегодные материалы разведсообщества – АТА 2017, 2019 (Д. Коутс) [14]; АТА 2021, 2022 [22], 2023 [15; 23], 2024 [24] (А. Хейнс); АТА 2025 [16], 2026 [29] (Т. Габбард).

Использованы три метода. Во-первых, качественный дискурс-анализ в традиции Копенгагенской школы: выявление речевых актов секьюритизации России («существенная и устойчивая угроза», «острая угроза», «полномасштабный противник»). Во-вторых, process-tracing Д. Бича и Р. Педерсена [17]. В-третьих, количественный контент-анализ: частота и плотность упоминаний России и КНР и расчёт сводного индекса.

Количественная процедура прозрачна: для каждого документа единым скриптом извлекается полный текст (PDF→TXT через pdftotext), подсчитываются общее число слов, число вхождений «Russia» и «China» и позиция страны в перечне угроз; частота нормируется на 1000 слов. Операционализация уязвима к стилистическим колебаниям, но её простота делает результаты воспроизводимыми.

Для синтеза эмпирических наблюдений предлагается авторский индекс устойчивости секьюритизации (Securitization Persistence Index, далее SPI). SPI рассчитывается как среднее арифметическое трёх нормированных компонентов: М – нормированная частота упоминания России на 1000 слов (отнесена к максимальному значению в выборке); R – нормированная иерархическая позиция России в перечне государственных угроз; L – индикатор экзистенциального языка: бинарная переменная (1 – в формулировках о России присутствует словарь экзистенциализации: «existential», «acute», «enduring», «full-scope», «top tier»; 0 – отсутствует).

$SPI = (M + R + L) / 3$. Шкала – от 0 до 1: чем выше значение, тем сильнее секьюритизация. Каждый компонент проверяем по открытому источнику; усложнение методики на данном этапе избыточно: задача не в максимизации точности, а в визуализации структурного разрыва между двумя уровнями дискурса.

Президентский дискурс vs. бюрократический дискурс: упоминания России в СНБ и АТА, 2017–2026

Первое количественное наблюдение фиксирует резкое колебание частоты упоминания России в президентских СНБ: 0,95 на 1000 слов в СНБ 2017 г. (Д. Трамп) → 3,02 в СНБ 2022 г. (Дж. Байден) → 0,94 в СНБ 2025 г. (Д. Трамп) – полный цикл «снижение – резкое усиление – снижение». Это согласуется с логикой Копенгагенской школы: лидер с ограниченным «окном» речевого акта способен быстро менять секьюритизирующее давление.

Принципиально иная картина – на бюрократическом уровне. Открытые ежегодные оценки разведсообщества (АТА) демонстрируют не колебательную, а монотонно растущую плотность упоминания России: 3,56 на 1000 слов в 2017 г. → 4,70 в 2019 г. → 4,29 в 2021 г. → 4,47 в 2022 г. → 5,07 в 2023 г. → 4,76 в 2024 г. → 7,77 в 2025 г. (расчёты автора по полным текстам АТА; см. табл. 1, рис. 1).

В 2017 г. – в период наибольшей либерализации отношений – разведсообщество фиксировало угрозу плотнее, чем президент, в 3,7 раза. Во-вторых, в 2025 г., когда президент смягчает дискурс, разведсообщество увеличивает интенсивность до максимума за период (7,77 на 1000 слов); АТА 2026 г. впервые снижает показатель – до 5,70 [29], но это второй результат за весь ряд, и спад вызван структурной реорганизацией доклада, а не смягчением оценок. В-третьих, направления

изменений в СНБ и АТА совпадают на цикле 2017→2022 и расходятся диаметрально на 2022→2025. Гипотеза о «зависимости от пути» получает первичное подтверждение.

Таблица 1. Плотность упоминания России в открытых стратегических документах США (упоминаний на 1000 слов), 2017–2026 гг.

Год	Документ	Администрация	Упом. России	Слов в док.	Плотность, /1000
2017	NSS	Trump I	49	51 380	0,95
2022	NSS	Biden	144	47 660	3,02
2025	NSS	Trump II	27	28 590	0,94
2017	ATA (ODNI)	Trump I	47	13 184	3,56
2019	ATA (ODNI)	Trump I	65	13 817	4,70
2021	ATA (ODNI)	Biden	41	9 556	4,29
2022	ATA (ODNI)	Biden	51	11 398	4,47
2023	ATA (ODNI)	Biden	79	15 578	5,07
2024	ATA (ODNI)	Biden	69	14 499	4,76
2025	ATA (ODNI)	Trump II	97	12 488	7,77
2026	ATA (ODNI)	Trump II	65	11 394	5,70
2026	NDS (DoW)	Trump II	15	8 586	1,75

Источник: расчёт автора на основе полных текстов СНБ, АТА и СНО соответствующих лет [14; 16; 18; 20; 22; 23; 24; 25; 28; 29].

Рис. 1. Плотность упоминаний России в стратегических документах США, 2017–2026 гг. (NSS vs. ATA vs. NDS)

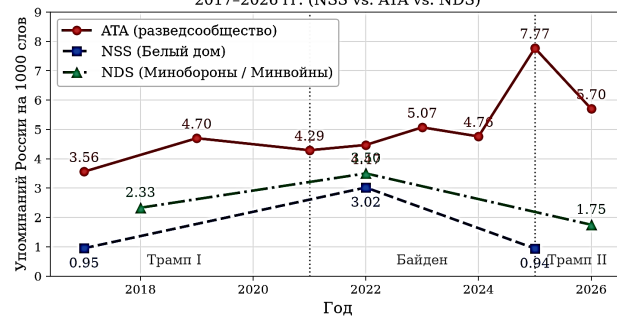

Рис. 1. Плотность упоминания России в СНБ, АТА и СНО (упоминаний на 1000 слов), 2017–2026 гг.

Принципиально иная картина – в СНО 2026 г.: плотность упоминания России – 1,75 на 1000 слов (15 раз на 8 586 слов) [28]. Показатель лежит между верхним пределом президентского диапазона (СНБ 2017 г. – 0,95; СНБ 2025 г. – 0,94) и нижними значениями разведывательного ряда (АТА 2017 г. – 3,56). В тот же период, когда АТА 2025 г. фиксирует пиковую интенсивность, документ Пентагона движется в противоположном направлении – за президентским сигналом.

Качественный анализ подтверждает количественный. В АТА 2017 г. Д. Коутс квалифицировал Россию как «полномасштабного киберактора, остающегося главной угрозой сетям США» [14]. АТА 2025 г. Т. Габбард утверждает, что действия Москвы «подчеркивают её устойчивость и сохраняющийся потенциал угрозы американской мощи, присутствию и глобальным интересам» [16]. АТА 2026 г. удерживает ту же рамку, называя российские силы «enduring threat» для территории США и их союзников [29].

Иерархия угроз: позиция России в стратегических документах, 2017–2026

Вторым индикатором институциональной инерции выступает позиция России в иерархии государственных угроз (по оглавлению документа): чем ближе к началу, тем выше приоритет. Последовательность «КНР – Россия – Иран – КНДР» становится фактическим стандартом структуры документа [14].

Таблица 2. Позиция России в перечне государственных угроз в открытых стратегических документах США, 2017–2026 гг.

Год	Документ	Положение России	Положение КНР	Ист.
2017	NSS	«ревизионистская держава» (в паре с КНР)	«ревизионистская держава» (в паре с РФ)	[18]
2018	NDS	«ревизионистская держава» (в паре с КНР)	«ревизионистская держава» (в паре с РФ)	[19]
2022	NSS	«непосредственная угроза», отдельный раздел	«pacing challenge», отдельный раздел	[20]
2022	NDS	«acute threat»	«pacing challenge»	[21]
2022	ATA	2-е место (после КНР)	1-е место	[22]
2023	ATA	2-е место (после КНР)	1-е место	[23]
2024	ATA	2-е место (после КНР)	1-е место	[24]
2025	NSS	перенесена в общий блок «либеральная сверхдержава»	КНР – главный референт	[25]
2025	ATA	2-е место (после КНР)	1-е место	[16]
2026	ATA	перемещена в региональный блок «Европа – Евразия»	раздел «Азия» (неудный референт)	[29]
2026	NDS (DoW)	«persistent but manageable threat», отдельный раздел	«pacing challenge», неудный референт	[28]

Источник: составлено автором по содержанию соответствующих документов.

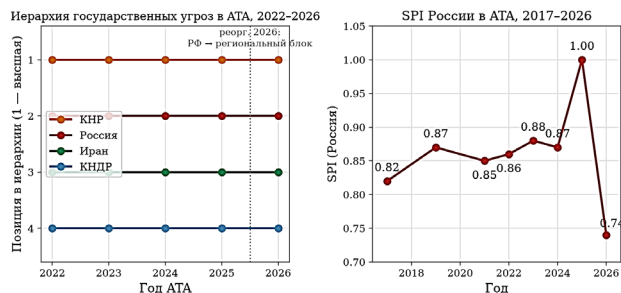

Рис. 2. Иерархия государственных угроз в АТА и динамика SPI для России в АТА, 2017–2026 гг.

Содержательный смысл табл. 2: на уровне СНБ-сигнала формальная иерархия может меняться, однако в АТА относительный порядок «КНР – Россия – Иран – КНДР» сохраняется весь период, включая АТА 2026 г. Структурная инерция здесь двойственна: даже в реорганизованном докладе 2026 г., где Россия формально перенесена в региональный блок «Европа–Евразия» [29], она не вытесняется со своей позиции.

Все отражено иначе в СНО 2026 г. Министерства войны. Формально Россия сохраняет отдельный раздел, но его характеристика мягче, чем в СНО 2022 г.: «Russia will remain a persistent but manageable threat to NATO's eastern members for the foreseeable future» [28]; ответственность за сдерживание передаётся восточным членам НАТО.

Индекс устойчивости секьюритизации и кейс АТА 2025 vs. СНБ 2025

Применение SPI к выборке даёт значения табл. 3 и рис. 3. Нормирование частоты привязано к максимуму в выборке (АТА 2025 = 7,77 / 1000), поэтому $M \in [0; 1]$; $R = 1$ при первом или втором месте в иерархии и снижается при перемещении в сводные блоки; $L = 1$ при наличии хотя бы одного из ключевых слов «existential», «acute», «enduring», «long-term», «full-scope», «top tier» в формулировках о России.

Таблица 3. Расчёт SPI для России в стратегических документах США, 2017–2026 гг.

Год / Документ	M (норм. плотность)	R (позиция)	L (экз.-язык)	SPI
2017 / NSS	0,12	1,0	1	0,71
2022 / NSS	0,39	1,0	1	0,80
2025 / NSS	0,12	0,5	1	0,54
2018 / NDS (DoD)	0,30 *	1,0	1	0,77
2022 / NDS (DoD)	0,45 *	1,0	1	0,82
2026 / NDS (DoW)	0,23	1,0	0	0,41
2017 / АТА	0,46	1,0	1	0,82
2022 / АТА	0,58	1,0	1	0,86
2025 / АТА	1,00	1,0	1	1,00
2026 / АТА	0,73	0,5	1	0,74

Источник: расчёт автора.

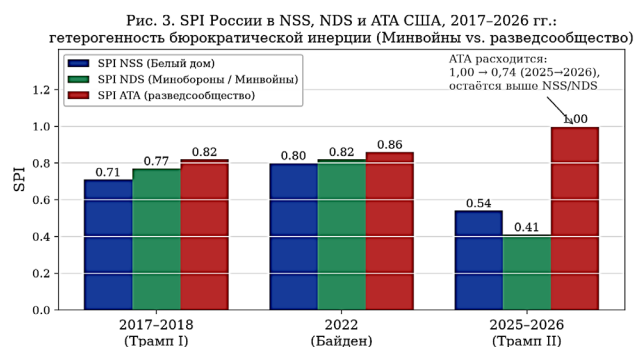

Рис. 3. SPI для России в СНБ, СНО и АТА США: гетерогенность бюрократической инерции

Картина на рис. 3 – центральный результат работы. SPI президентского нарратива (СНБ) демонстрирует политический цикл: 0,71 (2017) → 0,80 (2022) → 0,54 (2025). SPI разведывательного нарратива (АТА) растёт до пика в 2025 г.: 0,82 (2017) → 0,86 (2022) → 1,00 (2025), а в АТА 2026 г. впервые снижается – до 0,74 [29]. Разница между уровнями в 2025 г. достигает 0,46 – максимума за период. Спад 2026 г. вызван не смягчением языка ($L = 1$ сохраняется), а структурным понижением статуса России ($R: 1,0 \rightarrow 0,5$) при по-прежнему высокой плотности ($M = 0,73$). SPI Министерства войны ведёт себя иначе: 0,77 (СНО 2018) и 0,82 (СНО 2022) → 0,41 (СНО 2026) [28] – минимум во всей

выборке. Под сильным президентским сигналом военно-оборонная бюрократия способна на «сильный реверс», разведывательная – нет.

Парадокс: чем активнее администрация пытается десекуритизировать Россию, тем сильнее компенсаторное обратное движение в текстах разведсообщества. Бюрократии «обходят» политические директивы через оценочные процедуры, не отказываясь от формального подчинения [12, р. 255–263], но вес путевой зависимости в разведсообществе выше, чем в Пентагоне. Адекватнее метафоры «глубинного государства» здесь категория институциональной инерции П. Пирсона: каждая единица бюрократического капитала, вложенного в «российскую угрозу», повышает издержки её демонтажа [11, р. 257–262].

Особенно показательно сопоставление цикла 2025–2026 гг.: СНБ 2025 г. выводит Россию из «непосредственных угроз», СНО 2026 г. подхватывает сигнал («persistent but manageable threat» [28]), однако АТА 2025 г. (Т. Габбард) увеличивает плотность упоминания России до рекордного уровня, сохраняя формулировки «proxy conflict with the West», «enduring potential threat» [16].

Российская академическая интерпретация: нормативная инерция

Количественная картина согласуется с интерпретацией ведущих российских специалистов. Т.А. Шаклеина обосновывает, что главный двигатель американской политики в отношении России – «концепт глобального лидерства», требующий перманентного производства «значимых противников» [6]. А.Д. Богатуров и коллеги показывают, что цикл «секьюритизация – частичная разрядка – пересекьюритизация» воспроизводится весь постялтинский период [4]. «Структурную неприязнь» фиксируют и другие современные авторы: С.А. Караганов квалифицирует конфронтацию как «надолго» [1]; Д.В. Тренин – что отказ США признать суверенный статус России имманентен их стратегическому планированию [5]; Ф.А. Лукьянов – что «оснований для фундаментального изменения американской политики в отношении России нет» [3].

Бюрократическая инерция – не субъективная враждебность, а структурный феномен логики «зависимости от пути»: огромный объём аналитических, кадровых и финансовых ресурсов, вложенных в «российское направление» с 2014 г., создаёт сопротивление любому реверсу. Российская оценка «глубинного государства» получает обоснование: речь не о теневом заговоре, а о логике институциональных рент, концентрированных в разведсообществе.

Полученный результат поддерживает позицию российской школы: рассчитывать на устойчивое улучшение отношений с США за счёт ситуативной риторики Белого дома методологически некорректно.

Заключение

Исследование подтвердило гипотезу об устойчивом разрыве между президентским и разведывательными уровнями секьюритизации России в США в 2017–2026 гг. и выявило её гетерогенность по силовым ведомствам. Совмещение количественного контент-анализа открытых документов (СНБ, СНО, АТА) с дискурс-анализом и методом отслеживания процессов позволило зафиксировать четыре закономерности.

Во-первых, президентский нарратив демонстрирует политический цикл (плотность в СНБ: 0,95 → 3,02 → 0,94 на 1000 слов; SPI: 0,71 → 0,80 → 0,54). Во-вторых, разведывательный нарратив растёт до пика 2025 г. (плотность в АТА: 3,56 → 7,77; SPI: 0,82 → 1,00) и лишь структурно снижается в 2026 г. (5,70; SPI 0,74), сохраняя высокую субстантивную интенсивность – второй показатель за период; спад вызван реорганизацией доклада, а не десекуритизацией. В-третьих, разрыв между уровнями в 2025 г. достигает максимума за период, что подтверждает самостоятельную институциональную инерцию. В-четвёртых, военно-оборонное ведомство при сильном президентском сигнале (СНО 2026 г., 1,75 / 1000, SPI = 0,41) сдвигается за лидером – инерция секьюритизации в США локализована преимущественно в разведсообществе.

Введённое понятие встроенной секьюритизации (embedded securitization) фиксирует форму существования угрозового нарратива, не зависящую от речевого акта политического лидера и воспроизводящуюся в институциональных рутинах профессионального сообщества. Понятие сопрягается с интерпретациями российской школы.

Политическое следствие: ограничителем нормализации российско-американских отношений будет не отсутствие политической воли Белого дома и не отказ Пентагона следовать президентскому сигналу, а структурная инерция разведывательно-аналитической бюрократии США.

Литература

1. Караганов, С.А. От не-Запада к Мировому большинству / С.А. Караганов. – Текст: непосредственный // Россия в глобальной полити-

ке. – 2022. – Т. 20, № 5. – С. 6–18. – DOI 10.31278/1810-6439-2022-20-5-6-18.

2. Лебедева, М.М. Мировая политика: учебник для вузов / М.М. Лебедева. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Аспект Пресс, 2006. – 365 с. – ISBN 5-7567-0399-5. – Текст: непосредственный.

3. Лукьянов, Ф.А. Америка после всего / Ф.А. Лукьянов. – Текст: электронный // Россия в глобальной политике. – 2020. – 7 августа. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/amerika-posle-vsego/> (дата обращения: 17.05.2026).

4. Системная история международных отношений в четырёх томах: события и документы. 1918–2003 / под ред. А.Д. Богатурова. – Москва: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2003–2004. – Текст: непосредственный.

5. Тренин, Д.В. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия / Д.В. Тренин. – Москва: Альпина Паблишер, 2021. – 471 с. – ISBN 978-5-9614-5970-8. – Текст: непосредственный.

6. Шаклеина, Т.А. Россия и США в мировой политике: научное издание / Т.А. Шаклеина. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Аспект Пресс, 2018. – 336 с. – ISBN 978-5-7567-0942-1. – Текст: непосредственный.

7. Buzan, B. *Security: A New Framework for Analysis* / B. Buzan, O. Wæver, J. de Wilde. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. – 239 p. – Текст: непосредственный.

8. Wæver, O. *Securitization and Desecuritization* / O. Wæver // *On Security* / ed. by R.D. Lipschutz. – New York: Columbia University Press, 1995. – P. 46–86. – Текст: непосредственный.

9. Buzan, B. *Regions and Powers: The Structure of International Security* / B. Buzan, O. Wæver. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 564 p. – Текст: непосредственный.

10. Balzacq, T. *Securitization Theory: How Security Problems Emerge and Dissolve* / T. Balzacq. – London; New York: Routledge, 2011. – 270 p. – Текст: непосредственный.

11. Pierson, P. *Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics* / P. Pierson. – Текст: непосредственный // *American Political Science Review*. – 2000. – Vol. 94, № 2. – P. 251–267.

12. Allison, G.T. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis* / G.T. Allison, P. Zelikow. – 2nd ed. – New York: Longman, 1999. – 416 p. – Текст: непосредственный.

13. Holsti, K.J. *National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy* / K.J. Holsti. – Текст: непосредственный // *International Studies Quarterly*. – 1970. – Vol. 14, № 3. – P. 233–309.

14. *Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community: Statement for the Record* / D.R. Coats. – Washington: Office of the Director of National Intelligence, 2017. – May 11. – 32 p. – URL: <https://www.dni.gov/files/documents/Newsroom/Testimonies/SSCI%20Unclassified%20SFR%20-%20Final.pdf> (дата обращения: 21.05.2026). – Текст: электронный.

15. *Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community: Unclassified Report* / A. Haines. – Washington: Office of the Director of National Intelligence, 2023. – February. – 40 p. – URL: <https://www.odni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2023-Unclassified-Report.pdf> (дата обращения: 21.05.2026). – Текст: электронный.

16. *Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community: Unclassified Report* / T. Gabbard. – Washington: Office of the Director of National Intelligence, 2025. – March. – 31 p. – URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2025-Unclassified-Report.pdf> (дата обращения: 22.05.2026). – Текст: электронный.

17. Beach, D. *Process-Tracing Methods: Foundations and Guidelines* / D. Beach, R.B. Pedersen. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2013. – 198 p. – Текст: непосредственный.

18. *National Security Strategy of the United States of America* / The White House. – Washington, D. C.: The White House, 2017. – December. – 55 p. – URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 26.05.2026). – Текст: электронный.

19. *Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America: Sharpening the American Military's Competitive Edge* / Department of Defense. – Washington, D. C.: Department of Defense, 2018. – 11 p. – URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 03.06.2026). – Текст: электронный.

20. *National Security Strategy* / The White House. – Washington, D. C.: The White House, 2022. – October. – 48 p. – URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 26.05.2026). – Текст: электронный.

21. *2022 National Defense Strategy of the United States of America: Including the 2022 Nuclear Posture Review and the 2022 Missile Defense*

Review / Department of Defense. – Washington, D. C.: Department of Defense, 2022. – October 27. – 80 p. – URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (дата обращения: 04.06.2026). – Текст: электронный.

22. *Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community: Unclassified Report* / A. Haines. – Washington: Office of the Director of National Intelligence, 2022. – February 7. – 31 p. – URL: <https://www.odni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2022-Unclassified-Report.pdf> (дата обращения: 08.06.2026). – Текст: электронный.

23. *Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community: Unclassified Report* / A. Haines. – Washington: Office of the Director of National Intelligence, 2023. – February. – 40 p. – URL: <https://www.odni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2023-Unclassified-Report.pdf> (дата обращения: 08.06.2026). – Текст: электронный.

24. *Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community: Unclassified Report* / A. Haines. – Washington: Office of the Director of National Intelligence, 2024. – February 5. – 41 p. – URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2024-Unclassified-Report.pdf> (дата обращения: 09.06.2026). – Текст: электронный.

25. *National Security Strategy of the United States of America* / The White House. – Washington, D. C.: The White House, 2025. – November. – 33 p. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (дата обращения: 17.05.2026). – Текст: электронный.

26. *Unpacking a Trump Twist of the National Security Strategy* / R. Lissner, W. Freeman, D. Sacks [и др.]. – New York: Council on Foreign Relations, 2025. – December 5. – URL: <https://www.cfr.org/articles/unpacking-trump-twist-national-security-strategy> (дата обращения: 19.05.2026). – Текст: электронный.

27. McCarthy, P. *Russia* / P. McCarthy // *2026 Index of U.S. Military Strength: Assessing Threats to U.S. Vital Interests* / The Heritage Foundation. – Washington, D. C.: The Heritage Foundation, 2026. – URL: <https://www.heritage.org/military-strength/assessing-threats-us-vital-interests/russia> (дата обращения: 17.05.2026). – Текст: электронный.

28. *2026 National Defense Strategy of the United States of America* / Department of War. – Washington, D. C.: Department of War, 2026. – January 23. – URL: <https://media.defense.gov/2026/Jan/23/2003864773/-1/-1/0/2026-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY.PDF> (дата обращения: 10.06.2026). – Текст: электронный.

29. *Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community: Unclassified Report* / T. Gabbard. – Washington: Office of the Director of National Intelligence, 2026. – March. – 33 p. – URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2026-Unclassified-Report.pdf> (дата обращения: 10.06.2026). – Текст: электронный.

INSTITUTIONAL INERTIA OF RUSSIA'S SECURITIZATION IN THE U.S.: THE PERSISTENCE OF THE THREAT NARRATIVE IN THE INTELLIGENCE COMMUNITY AND THE DEPARTMENT OF WAR ACROSS PRESIDENTIAL ADMINISTRATIONS (2017–2026)

Samuna Ahmad-Leonin Hussam

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

The article examines institutional inertia in the securitization of Russia within the U.S. national-security and defense-planning system in 2017–2026. A comparative discourse analysis of strategic documents of three administrations (Trump I, 2017–2021; Biden, 2021–2025; Trump II, 2025–) reveals a persistent gap between the «presidential» discourse (National Security Strategy, NSS) and the «bureaucratic» discourse (National Defense Strategy, NDS, Department of War; and the Annual Threat Assessment, ATA). The presidential narrative oscillates with the political cycle (Russia mentions per 1,000 words in the NSS: 0.95 → 3.02 → 0.94), whereas the Intelligence Community rises to a 2025 peak (ATA: 3.56 → 4.47 → 7.77) and only structurally declines in 2026 (5.70), keeping its «enduring threat» language and Russia's second place. The 2026 NDS (P. Hegseth) frames Russia as a «persistent but manageable threat» (1.75 per 1,000 words): under strong presidential leadership the Department of War follows the executive signal, whereas the Intelligence Community does not.

Keywords: securitization; Russia–United States; Copenhagen School; bureaucratic politics; discourse analysis; Intelligence Community; Annual Threat Assessment; National Security Strategy; National Defense Strategy; embedded securitization.

References

1. Karaganov S.A. *Ot ne-Zapada k Mirovomu bol'shinstvu* [From the Non-West to the World Majority]. *Rossiya v global'noy politike*, 2022, vol. 20, no. 5, pp. 6–18. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-5-6-18. (In Russian).
2. Lebedeva M.M. *Mirovaya politika: uchebnik dlya vuzov* [World Politics: A Textbook for Universities]. 2nd ed. Moscow, Aspekt Press, 2006. 365 p. (In Russian).

3. Lukyanov F.A. Amerika posle vsego [America After Everything]. Rossiya v global'noy politike, 2020. August 7. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/amerika-posle-vsego/> (accessed 17.05.2026). (In Russian).
4. Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v chetyrekh tomakh: sobytiya i dokumenty. 1918–2003 [Systemic History of International Relations in Four Volumes: Events and Documents. 1918–2003]. Ed. by A.D. Bogaturov. Moscow, Nauchno-obrazovatel'nyy forum po mezhdunarodnym otnosheniyam, 2003–2004. (In Russian).
5. Trenin D.V. Novyy balans sil: Rossiya v poiskakh vneshnepoliticheskogo ravnovesiya [The New Balance of Power: Russia in Search of Foreign-Policy Equilibrium]. Moscow, Al'pina Publisher, 2021. 471 p. (In Russian).
6. Shkleina T.A. Rossiya i SShA v mirovoy politike [Russia and the USA in World Politics]. 2nd ed. Moscow, Aspekt Press, 2018. 336 p. (In Russian).
7. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.
8. Wæver O. Securitization and Desecuritization. In: Lipschutz R.D. (ed.) On Security. New York, Columbia University Press, 1995, pp. 46–86.
9. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 564 p.
10. Balzacq T. Securitization Theory: How Security Problems Emerge and Dissolve. London, New York, Routledge, 2011. 270 p.
11. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics. American Political Science Review, 2000, vol. 94, no. 2, pp. 251–267.
12. Allison G.T., Zelikow P. Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. 2nd ed. New York, Longman, 1999. 416 p.
13. Holsti K.J. National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy. International Studies Quarterly, 1970, vol. 14, no. 3, pp. 233–309.
14. Coats D.R. Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community: Statement for the Record. Washington, Office of the Director of National Intelligence, May 11, 2017. 32 p. Available at: <https://www.dni.gov/files/documents/Newsroom/Testimonies/SSCI%20Unclassified%20SFR%20-%20Final.pdf> (accessed 21.05.2026).
15. Haines A. Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community: Unclassified Report. Washington, Office of the Director of National Intelligence, February 2023. 40 p. Available at: <https://www.odni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2023-Unclassified-Report.pdf> (accessed 21.05.2026).
16. Gabbard T. Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community: Unclassified Report. Washington, Office of the Director of National Intelligence, March 2025. 31 p. Available at: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2025-Unclassified-Report.pdf> (accessed 22.05.2026).
17. Beach D., Pedersen R.B. Process-Tracing Methods: Foundations and Guidelines. Ann Arbor, University of Michigan Press, 2013. 198 p.
18. National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C., The White House, December 2017. 55 p. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 26.05.2026).
19. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America: Sharpening the American Military's Competitive Edge. Washington, D.C., Department of Defense, 2018. 11 p. Available at: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed 03.06.2026).
20. National Security Strategy. Washington, D.C., The White House, October 2022. 48 p. Available at: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 26.05.2026).
21. 2022 National Defense Strategy of the United States of America: Including the 2022 Nuclear Posture Review and the 2022 Missile Defense Review. Washington, D.C., Department of Defense, October 27, 2022. 80 p. Available at: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (accessed 04.06.2026).
22. Haines A. Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community: Unclassified Report. Washington, Office of the Director of National Intelligence, February 7, 2022. 31 p. Available at: <https://www.odni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2022-Unclassified-Report.pdf> (accessed 08.06.2026).
23. Haines A. Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community: Unclassified Report. Washington, Office of the Director of National Intelligence, February 2023. 40 p. Available at: <https://www.odni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2023-Unclassified-Report.pdf> (accessed 08.06.2026).
24. Haines A. Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community: Unclassified Report. Washington, Office of the Director of National Intelligence, February 5, 2024. 41 p. Available at: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2024-Unclassified-Report.pdf> (accessed 09.06.2026).
25. National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C., The White House, November 2025. 33 p. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (accessed 17.05.2026).
26. Lissner R., Freeman W., Sacks D. et al. Unpacking a Trump Twist of the National Security Strategy. New York, Council on Foreign Relations, December 5, 2025. Available at: <https://www.cfr.org/articles/unpacking-trump-twist-national-security-strategy> (accessed 19.05.2026).
27. McCarthy P. Russia. In: 2026 Index of U.S. Military Strength: Assessing Threats to U.S. Vital Interests. Washington, D.C., The Heritage Foundation, 2026. Available at: <https://www.heritage.org/military-strength/assessing-threats-us-vital-interests/russia> (accessed 17.05.2026).
28. 2026 National Defense Strategy of the United States of America. Washington, D.C., Department of War, January 23, 2026. Available at: <https://media.defense.gov/2026/Jan/23/2003864773/-1/-1/0/2026-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY.PDF> (accessed 10.06.2026).
29. Gabbard T. Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community: Unclassified Report. Washington, Office of the Director of National Intelligence, March 2026. 33 p. Available at: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2026-Unclassified-Report.pdf> (accessed 10.06.2026).

Администрация Трампа и новое видение НАТО: от организации коллективной безопасности к условной «сделке»

Токарев Павел Александрович,

магистр политологии, Институт политических исследований
Парижа (Institut d'études politiques de Paris)

E-mail: tokarev092002@gmail.com

В статье анализируется трансформация американской политики в отношении Организации Североатлантического договора (НАТО) в период двух президентских сроков Дональда Трампа (2017–2021, 2025 – н.в.). Возвращение Трампа в Белый дом в январе 2025 года обострило научную дискуссию о природе его подхода к альянсу. Автор утверждает, что на протяжении обоих сроков прослеживается единая логика: последовательное смещение союзнических обязательств от безусловных институциональных гарантий безопасности к обязательствам, обусловленным выполнением союзниками конкретных финансовых, политических и идеологических требований Вашингтона. Если первый срок обозначил риторические рамки этого подхода, то второй закрепил его на доктринальном уровне. Анализ строится на сопоставлении официальных заявлений американского руководства, стратегических документов и практических шагов США в отношении европейских союзников за оба срока. Автор приходит к выводу о качественном изменении природы альянса: его превращении из сообщества безопасности, скрепленного общими ценностями, в условную «сделку», где защита предоставляется в обмен на лояльность.

Ключевые слова: НАТО, трансатлантические отношения, США, Д. Трамп, гарантии безопасности, коллективная оборона, разделение бремени, союзнические обязательства, европейская безопасность.

Введение

Возвращение Дональда Трампа в Белый дом в январе 2025 года вновь поставило в повестку дня вопрос о природе американской политики в отношении Североатлантического альянса (НАТО). Дискуссия, развернувшаяся как в экспертных, так и в официальных кругах государств-членов альянса, обнаружила устойчивое противоречие между двумя интерпретациями трансатлантической политики администрации Трампа. С одной стороны, внешняя политика Дональда Трампа трактуется как хаотичное выражение американских краткосрочных интересов и личных воззрений президента США [4:166–169, 35]. Конфронтационная риторика и практические шаги рассматриваются как меры тактического давления, имеющие целью извлечение односторонних и краткосрочных уступок со стороны союзников. Альтернативная точка зрения [9:186, 34:8–23] трактует внешнеполитический курс администрации Трампа по отношению к НАТО как попытку пересмотра базовых условий участия США в альянсе. Настоящая статья отстаивает вторую точку зрения и стремится обосновать ее на основе сравнительного анализа двух президентских сроков. Данное сравнение позволяет выявить наличие преемственности в трансатлантической политике его администрации.

НАТО 3.0: новый подход к трансатлантической безопасности

Создание НАТО в 1949 году было обусловлено двумя факторами: обострением геополитического соперничества между США и СССР (раздел Европы на зоны влияния, Берлинский кризис 1948–1949 годов) и приверженностью западноевропейских стран принципам либеральной демократии и свободного рынка. В результате альянс изначально формировался не просто как военный пакт, но и как нормативное сообщество, объединенное общими ценностями [2, 6, 11, 25].

На практике это выражалось в принципах коллективного принятия решений и многосторонности: несмотря на бесспорное лидерство, Соединенные Штаты были вынуждены учитывать мнение союзников при принятии решений. Трансатлантическое сотрудничество строилось на логике абсолютных, а не относительных выгод – как взаимовыгодное партнерство, а не игра с нулевой суммой.

Администрация Дональда Трампа внесла два ключевых корректива в американское стратегическое видение НАТО. Во-первых, уже во время первого президентского срока Белый дом поставил под сомнение соответствие Североатлантического альянса в его современном на тот момент виде интересам Соединенных Штатов. Об этом изменении свидетельствуют многочисленные высказывания президента и его ближайших советников. Например, не отрицая полностью ценность НАТО, во время первого срока Трамп часто повторял, что главным бенефициаром в НАТО являются не США, а европейцы: «Честно говоря, Соединенные Штаты получают меньше выгоды [от нахождения в альянсе], чем кто-либо. Нам это выгодно менее всего. Мы помогаем Европе» [27]. Красной нитью в дискурсе первой администрации Д. Трампа [1:114] проходит призыв к союзникам о необходимости справедливого распределения бремени обороны внутри альянса [18, 24].

Во время второго президентского срока разочарование американского руководства эффективностью НАТО стало более явным [16:19, 20]. Выступая на ВЭФ в Давосе в январе 2026 года, президент Трамп отметил неготовность европейских союзников участвовать в обороне США и их интересов в случае войны [31].

Вторым новшеством в подходе администрации Трампа к Североатлантическому альянсу является все более явный скепсис по отношению к его роли как гаранта безопасности и стабильности на европейском пространстве. Наиболее отчетливо данный скепсис был продемонстрирован второй администрацией Д. Трампа, которая открыто признала расширение НАТО на Восток, начавшееся в 1999 году, причиной геополитического конфликта с Российской Федерацией и обострения ситуации на Украине [12, 30]. По этой причине в Стратегии Национальной Безопасности США от 2025 года заявлено о необходимости «...Положить конец представлению о НАТО как о постоянно расширяющемся альянсе и не допустить, чтобы это стало реальностью» [17:27].

В итоге, членство США в НАТО и предоставляемые ими гарантии безопасности перестают восприниматься американским руководством

как безусловная институциональная данность и переосмысляются как функция конкретных выгод и издержек. Данное изменение в восприятии альянса обусловило переход к жесткой прагматизации союзнических отношений, что наиболее явно проявилось в обуславливании предоставления гарантий безопасности союзникам конкретными действиями и материальными контрибуциями партнёров в пользу Вашингтона. Следует оговориться, что любые межгосударственные договоренности в той или иной степени условны: соблюдение их условий составляет основу межгосударственных отношений. Вопрос заключается в глубине этой условности – какие именно обязательства ей подвержены и на каком уровне. Если предшествующие Д. Трампу президентские администрации увязывали участие США в НАТО и предоставление гарантий безопасности союзникам с поддержанием широкого консенсуса по геополитическим и нормативным вопросам, то администрация Трампа распространила эту «условность» на конкретные требования.

Отличительной чертой политики Трампа стало использование принуждения: администрация открыто увязывала готовность защищать союзников в случае военного конфликта с выполнением ими конкретных финансовых обязательств по разделению бремени обороны. Конечно, эта проблема существовала и раньше, но лишь при Трампе её решение стало условием союзничества. Еще накануне выдвижения своей кандидатуры на президентские выборы в 2016 году, Трамп утверждал, что США будут защищать союзников только при условии выполнения ими своих финансовых обязательств перед НАТО [23].

На протяжении первого срока публичные заверения в приверженности альянсу почти всегда сопровождалось напоминанием о долге европейцев увеличивать военные расходы [26]. Показательным примером условного подхода к гарантиям безопасности стало решение [13] первой администрации в 2020 году сократить военный контингент в ФРГ по причине нежелания Берлина «оплачивать счета» [28].

Предельным выражением условного подхода стали неоднократные допущения Трампом возможности выхода США из альянса из-за недостаточности усилий партнёров по разделению бремени: по данным СМИ, эту опцию рассматривали ещё в ходе первого срока [3], а после возвращения в Белый дом в 2025 году угрозы возобновились [29].

Вторая администрация Трампа также продолжила практиковать условный подход к гарантиям безопасности, но уже в более радикализованном виде. Во-первых, предоставление гарантий было увязано не только с финансовыми вложениями союзников в свою оборону, но также и с вопросами политического и идеологического характера. Примером этому служит реакция Вашингтона на отказ ряда европейских союзников поддержать военные действия США против Ирана в 2026 году: Белый дом заявил о намерении ввести полное торговое эмбарго на Испанию и пересмотреть отношения США с союзниками по НАТО после завершения конфликта [10]. Примечательно, что кампания против Ирана не относилась к зоне ответственности альянса, а отказ союзников её поддержать не являлся нарушением договорных норм НАТО. Тем не менее администрация распространила логику обусловленности и на лояльность партнёров в вопросах, лежащих вне сферы коллективной обороны.

Еще одним «условием» для продолжения поддержки со стороны США стало соблюдение идеологической дисциплины. Наиболее явно об этом было заявлено в ходе Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2025 года, когда вице-президент США Д. Вэнс, подвергнув острой критике внутреннюю политику ряда европейских государств, увязал готовность США их поддерживать с направлением этой политики [33]. Спустя год госсекретарь М. Рубио также заявил о неудовлетворенности Вашингтоном действиями европейских партнёров в этой области [22].

Помимо расширения списка требований, вторая администрация институционализовала принцип разделения бремени, закрепив в стратегических документах обязанность союзников взять на себя обеспечение собственной безопасности. Стратегия национальной обороны 2026 года прямо вменяет союзникам взять на себя главную ответственность за безопасность своего региона [16:14]. США же, по заявлению американских чиновников, сосредоточатся на театрах и вызовах, где американская мощь сможет сыграть решающую роль [7]. Более того, в отличие от Стратегии Национальной безопасности 2017 года, СНБ-2025 второй администрации Трампа открыто расставляет приоритеты между регионами – в стратегическом планировании Вашингтона Европа находится на третьем месте по важности после Западного полушария («Homeland») и Азиатско-тихоокеанского региона [17:27].

Ещё одним симптомом деприоритизации Европы стало сокращение американского военного присутствия в регионе, начавшееся в ходе второго срока Трампа. Оно продолжает политику первого срока, когда Вашингтон объявил о выводе из Германии 12 000 военнослужащих с частичной передислокацией в США [13]. В апреле 2025 года появи-

лись сообщения о том, что Пентагон рассматривает возможность вывода не менее 10 000 военнослужащих с восточного фланга НАТО [14]. В октябре Министерство войны объявило о решении вывести из Европы несколько бригад, прежде всего из Румынии [32]. В мае 2026 года администрация заявила о намерении вывести из Германии около 5000 военнослужащих [5] и, предположительно, приостановить реализацию принятого при Джо Байдене решения о размещении в Германии ракет Tomahawk [8]. Однако эти планы ограничены институционально: NDAA FY2026 запретил вывод войск без консультаций с партнёрами и установил минимальный контингент в 76 000 человек [15].

Впрочем, о полной потере интереса США к Европе говорить преждевременно – скорее речь идёт о трансформации НАТО в организацию, не требующую от Вашингтона прежней финансовой и военной вовлечённости. Этот курс намечен ещё при первой администрации: госсекретарь Майк Помпео говорил о необходимости переоценить эффективность альянса, допуская выход США в случае неудачи реформ [19]. Схожую мысль сформулировал госсекретарь Марко Рубио: «Безусловно, НАТО отвечает нашим интересам. Теперь вопрос в том, какое именно НАТО» [21].

В ходе второго срока это видение было формализовано через концепт НАТО 3.0. В феврале 2026 года на встрече министров обороны НАТО заместитель главы Пентагона Элбридж Колби, участвовавший в разработке стратегии национальной обороны при обеих администрациях Трампа, заявил о необходимости трансформации альянса в более эффективную организацию [7]. Согласно Колби, с 1949 года НАТО существовало в двух формах: первая, характерная для холодной войны, предполагала общее чувство ответственности союзников за оборону; «НАТО 2.0», сложившееся после её окончания, характеризовалось разоружением союзников США и смещением стратегического фокуса с Европы на другие регионы. В НАТО 3.0 участие США в конвенциональной обороне союзников снижается, а от них ожидается наращивание собственных военных потенциалов.

Заключение

Трансатлантическая политика обеих администраций Трампа подчинена единой логике: НАТО трансформируется из союза, основанного на долгосрочных интересах и нормативном консенсусе, в условную сделку по безопасности, подчинённую материальным и функциональным интересам Вашингтона. Гарантии безопасности, ключевой механизм коллективной обороны, перестали быть незыблемым обязательством и, по крайней мере на уровне заявлений администрации, поставлены в зависимость от выполнения союзниками конкретных требований.

Тем самым НАТО утрачивает то, что исторически отличало его от союзов прошлого: альянсы XIX века, от Священного союза до системы Бисмарка, были временными соглашениями, основанными на расчёте, и действовали лишь пока оставались взаимовыгодными, пересматриваясь по мере изменения баланса сил. НАТО же создавалось как постоянный союз-сообщество с безусловными гарантиями. Политика администраций Трампа смещает альянс к этой более ранней модели: защита действительна лишь пока союзники выполняют условия Вашингтона, а значит меняется сама природа союза – от сообщества безопасности к сделке по безопасности.

Вашингтон пока не отказывается от сотрудничества с НАТО и пытается «реанимировать» альянс, побуждая союзников к более активному участию в собственной обороне. Однако рост боеспособности достигается не коллективной солидарностью, а принуждением, что ставит под вопрос политическую сплочённость альянса в будущем.

Литература

1. Антюхова Е. А. (2026). Организация Североатлантического договора (НАТО) в 2025 г.: тенденции развития и новые вызовы // Вестник международных организаций. Т. 21, № 1. С. 108–124. [Antyukhova E. A. (2026). The North Atlantic Treaty Organization (NATO) in 2025: Development Trends and New Challenges. Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy 21(1): 108–124. (in Russian).]
2. Североатлантический договор (1949). Вашингтон, 4 апреля 1949 г. // NATO Official Texts. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/1949/04/04/the-north-atlantic-treaty?selectedLocale=ru> (дата обращения: 20.06.2026). [The North Atlantic Treaty (1949). Washington, April 4, 1949. NATO Official Texts.]
3. Barnes J. E., Cooper H. (2019). Trump Discussed Pulling U.S. From NATO, Aides Say Amid New Concerns Over Russia. The New York Times, January 14. URL: <https://www.nytimes.com/2019/01/14/us/politics/nato-president-trump.html> (дата обращения: 21.06.2026).
4. Bashirov G., Yilmaz I. (2020). The Rise of Transactionalism in International Relations: Evidence from Turkey's Relations with the European Union. Australian Journal of International Affairs 74(2): 165–184.

5. Chutel L. (2026). U.S. to Pull 5,000 Troops From Germany. But Plenty More Will Remain. The New York Times, May 2. URL: <https://www.nytimes.com/2026/05/02/world/europe/us-troops-germany-trump.html> (дата обращения: 21.06.2026).
6. Clinton W. J. (1999). Remarks on United States Foreign Policy in San Francisco, February 26, 1999. The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-united-states-foreign-policy-san-francisco> (дата обращения: 20.06.2026).
7. Colby E. (2026). Remarks by Under Secretary of War for Policy Elbridge Colby at the NATO Defense Ministerial: as prepared, Brussels, February 12, 2026. U.S. Department of War. URL: <https://www.war.gov/News/Speeches/Speech/Article/4404801/remarks-by-under-secretary-of-war-for-policy-elbridge-colby-at-the-nato-defense/> (дата обращения: 21.06.2026).
8. Conesa E., Vincent E. (2026). US Considers Scrapping Long-Range Missile Deployment in Europe. Le Monde, May 5. URL: https://www.lemonde.fr/en/international/article/2026/05/05/us-considers-scrapping-long-range-missile-deployment-in-europe_6753150_4.html (дата обращения: 21.06.2026).
9. Desmaele L. (2022). Unpacking the Trump Administration's Grand Strategy in Europe: Power Maximisation, Relative Gains and Sovereignty. European Security 31(2): 180–199. DOI: 10.1080/09662839.2021.1987224.
10. Detsch J., McLeary P. (2026). Trump Weighs Consequences for NATO Allies on 'Naughty' List. Politico, April 22. URL: <https://www.politico.com/news/2026/04/22/trump-nato-allies-consequences-list-00883619> (дата обращения: 21.06.2026).
11. Duffield J. S. (1994). NATO's Functions after the Cold War. Political Science Quarterly 109(5): 763–787.
12. Hegseth P. (2025). Opening Remarks by Secretary of Defense Pete Hegseth at Ukraine Defense Contact Group: 26th Meeting of the Ukraine Defense Contact Group, Brussels, Belgium, February 12, 2025. U.S. Department of War. URL: <https://www.war.gov/News/Speeches/Speech/Article/4064113/opening-remarks-by-secretary-of-defense-pete-hegseth-at-ukraine-defense-contact/> (дата обращения: 20.06.2026).
13. Lopez C. T. (2020). DOD Proposes Removing More Than 11,000 Troops from Germany. U.S. Department of Defense, July 29. URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2292311/dod-proposes-removing-more-than-11000-troops-from-germany/> (дата обращения: 21.06.2026).
14. Lubold G., De Luce D., Kube C. (2025). Pentagon Considering Proposal to Cut Thousands of Troops from Europe, Officials Say. NBC News, April 8. URL: <https://www.nbcnews.com/politics/national-security/pentagon-considering-proposal-cut-thousands-troops-europe-officials-sa-rcna199603> (дата обращения: 21.06.2026).
15. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2026 (2025): Public Law 119–60, 119th Congress, December 18, 2025. P. 1108–1110. URL: <https://www.congress.gov/119/plaws/publ60/PLAW-119publ60.pdf> (дата обращения: 21.06.2026).
16. National Defense Strategy of the United States of America: Restoring Peace Through Strength for a New Golden Age of America (2026). Washington, DC: Department of War, January 2026. URL: <https://media.defense.gov/2026/Jan/23/2003864773/-1/-1/0/2026-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY.PDF> (дата обращения: 20.06.2026).
17. National Security Strategy of the United States of America (2025). Washington, DC: The White House, November 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (дата обращения: 20.06.2026).
18. Pence M. R. (2017). Speech at the 53rd Munich Security Conference, February 18, 2017. Munich Security Conference. URL: <https://securityconference.org/en/publications/books/selected-key-speeches-volume-i/2010–2019/speech-michael-pence-2017/> (дата обращения: 20.06.2026).
19. Pompeo M. R. (2021). Interview by David Rubenstein. The David Rubenstein Show: Peer-to-Peer Conversations, Bloomberg News, Washington, DC, January 4. URL: <https://2017–2021.state.gov/secretary-michael-r-pompeo-with-david-rubenstein-of-bloomberg-news/> (дата обращения: 21.06.2026).
20. Rubio M. (2025a). Secretary Marco Rubio with Megyn Kelly of The Megyn Kelly Show, January 30, 2025. U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/secretary-marco-rubio-with-megyn-kelly-of-the-megyn-kelly-show> (дата обращения: 20.06.2026).
21. Rubio M. (2025b). Interview by Bari Weiss. Honestly with Bari Weiss (podcast), U.S. Department of State, Washington, DC, April 22. URL: <https://www.state.gov/secretary-of-state-marco-rubio-with-bari-weiss-of-the-free-press-honestly-with-bari-weiss-podcast/> (дата обращения: 21.06.2026).
22. Rubio M. (2026). Remarks at the Munich Security Conference, Munich, Germany, February 14, 2026. U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/02/secretary-of-state-marco-rubio-at-the-munich-security-conference> (дата обращения: 21.06.2026).
23. Sanger D. E., Haberman M. (2016). Transcript: Donald Trump on NATO, Turkey's Coup Attempt and the World. The New York Times, July 21. URL: <https://www.nytimes.com/2016/07/22/us/politics/donald-trump-foreign-policy-interview.html> (дата обращения: 21.06.2026).
24. Tillerson R. W. (2017). The U.S. and Europe: Strengthening Western Alliances: remarks at the Wilson Center, Washington, DC, November 28, 2017. URL: <https://2017–2021.state.gov/the-u-s-and-europe-strengthening-western-alliances/> (дата обращения: 20.06.2026).
25. Truman H. S. (1949). Special Message to the Senate Transmitting the North Atlantic Treaty, April 12, 1949. Harry S. Truman Library & Museum. URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/public-papers/75/special-message-senate-transmitting-north-atlantic-treaty> (дата обращения: 20.06.2026).
26. Trump D. J. (2017). Address Before a Joint Session of the Congress, February 28, 2017. The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-joint-session-the-congress-2> (дата обращения: 21.06.2026).
27. Trump D. J. (2019). Remarks Following a Meeting With Secretary General Jens Stoltenberg of the North Atlantic Treaty Organization and an Exchange With Reporters in London, United Kingdom, December 3, 2019. The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-following-meeting-with-secretary-general-jens-stoltenberg-the-north-atlantic-1> (дата обращения: 20.06.2026).
28. Trump D. J. (2020). Remarks and an Exchange With Reporters Prior to Departure for Midland, Texas, July 29, 2020. The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-and-exchange-with-reporters-prior-departure-for-midland-texas> (дата обращения: 21.06.2026).
29. Trump D. J. (2025a). Remarks Prior to a Meeting With President Emmanuel Macron of France and an Exchange With Reporters, February 24, 2025. The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-prior-meeting-with-president-emmanuel-macron-france-and-exchange-with-reporters-3> (дата обращения: 21.06.2026).
30. Trump D. J. (2025b). Remarks Prior to a Meeting With Prime Minister Keir Starmer of the United Kingdom and an Exchange With Reporters, February 27, 2025. The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-prior-meeting-with-prime-minister-keir-starmer-the-united-kingdom-and-exchange-1> (дата обращения: 20.06.2026).
31. Trump D. J. (2026). Special Address by the President of the United States of America. World Economic Forum Annual Meeting 2026, Davos, Switzerland, January 21, 2026. URL: <https://www.weforum.org/meetings/world-economic-forum-annual-meeting-2026/sessions/special-address-by-donald-j-trump-president-of-the-united-states-of-america-49a709be7a/> (дата обращения: 20.06.2026).
32. US to Pull Some Troops from Eastern Europe (2025). Le Monde, October 29 (AFP). URL: https://www.lemonde.fr/en/international/article/2025/10/29/us-to-pull-some-troops-from-eastern-europe_6746899_4.html (дата обращения: 21.06.2026).
33. Vance J. D. (2025). Remarks by the Vice President at the Munich Security Conference, February 14, 2025. The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-vice-president-the-munich-security-conference-0> (дата обращения: 21.06.2026).
34. Walt S. M. (2026). The Predatory Hegemon: How Trump Wields American Power. Foreign Affairs 105(2): 8–23.
35. Zenko M., Lissner R. (2017). Trump Is Going to Regret Not Having a Grand Strategy. Foreign Policy, January 13. URL: <https://foreignpolicy.com/2017/01/13/trump-is-going-to-regret-not-having-a-grand-strategy/> (дата обращения: 20.06.2026).

THE TRUMP ADMINISTRATION AND A NEW VISION OF NATO: FROM A COLLECTIVE SECURITY ORGANIZATION TO A CONDITIONAL «DEAL»

Tokarev P.A.

Institut d'études politiques de Paris

This article analyzes the transformation of U.S. policy toward the North Atlantic Treaty Organization (NATO) during Donald Trump's two presidential terms (2017–2021, 2025–present). Trump's return to the White House in January 2025 has intensified the academic debate over the nature of his approach to the alliance. The author argues that a consistent logic can be traced throughout both terms: a gradual shift in allied obligations from uncon-

ditional institutional security guarantees to commitments contingent upon allies' fulfillment of specific financial, political, and ideological requirements set by Washington. While the first term defined the rhetorical framework of this approach, the second cemented it at the doctrinal level. The analysis is based on a comparison of official statements by the U.S. leadership, strategic documents, and practical steps taken by the United States regarding its European allies during both terms. The author concludes that there has been a qualitative change in the nature of the alliance: its transformation from a security community bound by shared values into a conditional «deal» in which protection is provided in exchange for loyalty.

Keywords: NATO, transatlantic relations, United States, Donald Trump, security guarantees, collective defense, burden-sharing, allied commitments, European security.

References

- Antyukhova, E.A. (2026). The North Atlantic Treaty Organization (NATO) in 2025: Development trends and new challenges. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*, 21(1), 108–124.
- The North Atlantic Treaty (1949). Washington, April 4, 1949. NATO Official Texts. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/1949/04/04/the-north-atlantic-treaty?selectedLocale=ru> (accessed: 20.06.2026).
- Barnes, J.E., & Cooper, H. (2019). Trump discussed pulling U.S. from NATO, aides say amid new concerns over Russia. *The New York Times*, January 14. URL: <https://www.nytimes.com/2019/01/14/us/politics/nato-president-trump.html> (accessed: 21.06.2026).
- Bashirov, G., & Yilmaz, I. (2020). The rise of transactionalism in international relations: Evidence from Turkey's relations with the European Union. *Australian Journal of International Affairs*, 74(2), 165–184.
- Chutel, L. (2026). U.S. to pull 5,000 troops from Germany. But plenty more will remain. *The New York Times*, May 2. URL: <https://www.nytimes.com/2026/05/02/world/europe/us-troops-germany-trump.html> (accessed: 21.06.2026).
- Clinton, W.J. (1999). Remarks on United States foreign policy in San Francisco, February 26, 1999. The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-united-states-foreign-policy-san-francisco> (accessed: 20.06.2026).
- Colby, E. (2026). Remarks by Under Secretary of War for Policy Elbridge Colby at the NATO Defense Ministerial: As prepared, Brussels, February 12, 2026. U.S. Department of War. URL: <https://www.war.gov/News/Speeches/Speech/Article/4404801/remarks-by-under-secretary-of-war-for-policy-elbridge-colby-at-the-nato-defense/> (accessed: 21.06.2026).
- Conesa, E., & Vincent, E. (2026). US considers scrapping long-range missile deployment in Europe. *Le Monde*, May 5. URL: https://www.lemonde.fr/en/international/article/2026/05/05/us-considers-scrapping-long-range-missile-deployment-in-europe_6753150_4.html (accessed: 21.06.2026).
- Desmaele, L. (2022). Unpacking the Trump administration's grand strategy in Europe: Power maximisation, relative gains and sovereignty. *European Security*, 31(2), 180–199. DOI: 10.1080/09662839.2021.1987224
- Detsch, J., & McLeary, P. (2026). Trump weighs consequences for NATO allies on «naughty» list. *Politico*, April 22. URL: <https://www.politico.com/news/2026/04/22/trump-nato-allies-consequences-list-00883619> (accessed: 21.06.2026).
- Duffield, J.S. (1994). NATO's functions after the Cold War. *Political Science Quarterly*, 109(5), 763–787.
- Hegseth, P. (2025). Opening remarks by Secretary of Defense Pete Hegseth at Ukraine Defense Contact Group: 26th meeting of the Ukraine Defense Contact Group, Brussels, Belgium, February 12, 2025. U.S. Department of War. URL: <https://www.war.gov/News/Speeches/Speech/Article/4064113/opening-remarks-by-secretary-of-defense-pete-hegseth-at-ukraine-defense-contact/> (accessed: 20.06.2026).
- Lopez, C.T. (2020). DOD proposes removing more than 11,000 troops from Germany. U.S. Department of Defense, July 29. URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2292311/dod-proposes-removing-more-than-11000-troops-from-germany/> (accessed: 21.06.2026).
- Lubold, G., De Luca, D., & Kube, C. (2025). Pentagon considering proposal to cut thousands of troops from Europe, officials say. *NBC News*, April 8. URL: <https://www.nbcnews.com/politics/national-security/pentagon-considering-proposal-cut-thousands-troops-europe-officials-sa-rcna199603> (accessed: 21.06.2026).
- National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2026 (2025). Public Law 119–60, 119th Congress, December 18, 2025, pp. 1108–1110. URL: <https://www.congress.gov/119/plaws/publ60/PLAW-119publ60.pdf> (accessed: 21.06.2026).
- National Defense Strategy of the United States of America: Restoring peace through strength for a new golden age of America (2026). Washington, DC: Department of War. URL: <https://media.defense.gov/2026/Jan/23/2003864773/-1/-1/0/2026-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY.PDF> (accessed: 20.06.2026).
- National Security Strategy of the United States of America (2025). Washington, DC: The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (accessed: 20.06.2026).
- Pence, M.R. (2017). Speech at the 53rd Munich Security Conference, February 18, 2017. Munich Security Conference. URL: <https://securityconference.org/en/publications/books/selected-key-speeches-volume-i/2010–2019/speech-michael-pence-2017/> (accessed: 20.06.2026).
- Pompeo, M.R. (2021). Interview by David Rubenstein. *The David Rubenstein Show: Peer-to-Peer Conversations*, Bloomberg News, Washington, DC, January 4. URL: <https://2017–2021.state.gov/secretary-michael-r-pompeo-with-david-rubenstein-of-bloomberg-news/> (accessed: 21.06.2026).
- Rubio, M. (2025a). Secretary Marco Rubio with Megyn Kelly of The Megyn Kelly Show, January 30, 2025. U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/secretary-marco-rubio-with-megyn-kelly-of-the-megyn-kelly-show/> (accessed: 20.06.2026).
- Rubio, M. (2025b). Interview by Bari Weiss. *Honestly with Bari Weiss* (podcast), U.S. Department of State, Washington, DC, April 22. URL: <https://www.state.gov/secretary-of-state-marco-rubio-with-bari-weiss-of-the-free-press-honestly-with-bari-weiss-podcast/> (accessed: 21.06.2026).
- Rubio, M. (2026). Remarks at the Munich Security Conference, Munich, Germany, February 14, 2026. U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/02/secretary-of-state-marco-rubio-at-the-munich-security-conference/> (accessed: 21.06.2026).
- Sanger, D.E., & Haberman, M. (2016). Transcript: Donald Trump on NATO, Turkey's coup attempt and the world. *The New York Times*, July 21. URL: <https://www.nytimes.com/2016/07/22/us/politics/donald-trump-foreign-policy-interview.html> (accessed: 21.06.2026).
- Tillerson, R.W. (2017). The U.S. and Europe: Strengthening Western alliances: Remarks at the Wilson Center, Washington, DC, November 28, 2017. URL: <https://2017–2021.state.gov/the-u-s-and-europe-strengthening-western-alliances/> (accessed: 20.06.2026).
- Truman, H.S. (1949). Special message to the Senate transmitting the North Atlantic Treaty, April 12, 1949. Harry S. Truman Library & Museum. URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/public-papers/75/special-message-senate-transmitting-north-atlantic-treaty> (accessed: 20.06.2026).
- Trump, D.J. (2017). Address before a joint session of the Congress, February 28, 2017. The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-joint-session-the-congress-2> (accessed: 21.06.2026).
- Trump, D.J. (2019). Remarks following a meeting with Secretary General Jens Stoltenberg of the North Atlantic Treaty Organization and an exchange with reporters in London, United Kingdom, December 3, 2019. The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-following-meeting-with-secretary-general-jens-stoltenberg-the-north-atlantic-1> (accessed: 20.06.2026).
- Trump, D.J. (2020). Remarks and an exchange with reporters prior to departure for Midland, Texas, July 29, 2020. The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-and-exchange-with-reporters-prior-departure-for-midland-texas> (accessed: 21.06.2026).
- Trump, D.J. (2025a). Remarks prior to a meeting with President Emmanuel Macron of France and an exchange with reporters, February 24, 2025. The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-prior-meeting-with-president-emmanuel-macron-france-and-exchange-with-reporters-3> (accessed: 21.06.2026).
- Trump, D.J. (2025b). Remarks prior to a meeting with Prime Minister Keir Starmer of the United Kingdom and an exchange with reporters, February 27, 2025. The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-prior-meeting-with-prime-minister-keir-starmer-the-united-kingdom-and-exchange-1> (accessed: 20.06.2026).
- Trump, D.J. (2026). Special address by the President of the United States of America. World Economic Forum Annual Meeting 2026, Davos, Switzerland, January 21, 2026. URL: <https://www.weforum.org/meetings/world-economic-forum-annual-meeting-2026/sessions/special-address-by-donald-j-trump-president-of-the-united-states-of-america-49a709be7a/> (accessed: 20.06.2026).
- US to pull some troops from Eastern Europe (2025). *Le Monde*, October 29 (AFP). URL: https://www.lemonde.fr/en/international/article/2025/10/29/us-to-pull-some-troops-from-eastern-europe_6746899_4.html (accessed: 21.06.2026).
- Vance, J.D. (2025). Remarks by the Vice President at the Munich Security Conference, February 14, 2025. The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-vice-president-the-munich-security-conference-0> (accessed: 21.06.2026).
- Walt, S.M. (2026). The predatory hegemon: How Trump wields American power. *Foreign Affairs*, 105(2), 8–23.
- Zenko, M., & Lissner, R. (2017). Trump is going to regret not having a grand strategy. *Foreign Policy*, January 13. URL: <https://foreignpolicy.com/2017/01/13/trump-is-going-to-regret-not-having-a-grand-strategy/> (accessed: 20.06.2026).

БРИКС как перспективная площадка для политического и экономического сотрудничества в условиях многополярного мира

Филиппов Андрей Владимирович,

студент бакалавриата, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: fav_comp@mail.ru

В статье было рассмотрено значение БРИКС как гибкой, не до конца оформленной, но уже заметной площадки политического и экономического сотрудничества в условиях складывающейся многополярности. Актуальность темы связана с расширением объединения, усилением роли государств Глобального Юга, спорами вокруг реформы глобального управления и, что тоже важно, с поиском иных механизмов развития, финансирования и расчетов. Цель исследования была определена как выявление факторов, которые делают БРИКС перспективным многосторонним форматом, а также ограничений, мешающих его превращению в устойчивый центр мировой политики и экономики. В методологической основе использованы системный, институциональный, сравнительно-политический и проблемно-хронологический подходы; были привлечены документы саммитов БРИКС, материалы международных организаций и научная литература. Было показано, что перспективность БРИКС держится на сочетании демографического и ресурсного масштаба участников, способности выносить на международный уровень тему реформы институтов и наличии собственных экономических механизмов, прежде всего Нового банка развития. Однако есть и обратная сторона: разнонаправленность интересов, асимметрия экономического веса и слабая институциональная закреплённость остаются серьезными ограничителями.

Ключевые слова: БРИКС, многополярный мир, Глобальный Юг, международное сотрудничество, мировая экономика, глобальное управление, Новый банк развития, дедолларизация, экономическая интеграция.

Введение

В первой четверти XXI в. мировая политическая и экономическая система стала заметно сложнее. Это можно увидеть не только по кризисам и конфликтам, но и по тому, как меняются сами каналы международного влияния. Западные институты, сложившиеся после Второй мировой войны и затем укрепившиеся в период холодной войны, сохраняют значение. Но рядом с ними всё активнее действуют незападные центры силы, крупные развивающиеся экономики, региональные объединения и более рыхлые, сетевые формы межгосударственного взаимодействия. И здесь важно следующее: многополярность уже не выглядит только научным термином. Речь идёт о том, что государства пытаются добиться более равного распределения ресурсов влияния, большего представительства в международных организациях и права выбирать модели развития, не сводимые к одному универсальному образцу.

Одним из наиболее заметных обозначений этих сдвигов стало объединение БРИКС. Сначала оно воспринималось скорее как формат консультаций крупных развивающихся экономик – Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки, – и даже как удобная инвестиционная категория. Позднее, уже постепенно, БРИКС стал рассматриваться как политико-экономическая площадка, которая претендует на выражение интересов более широкого круга государств Глобального Юга. Расширение БРИКС в 2024–2025 гг. этот процесс заметно ускорило. В официальных материалах председательства Индии в 2026 г. состав объединения определяется как одиннадцать государств: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка, Египет, Эфиопия, Иран, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты и Индонезия [1]. Ещё был закреплён формат стран-партнеров. Не просто техническая деталь, а признак более сложной архитектуры участия.

Актуальность исследования просматривается сразу в нескольких плоскостях. БРИКС выступает площадкой согласования позиций стран, которые сильно отличаются по политическим режимам, экономическим моделям, региональным интересам и внешнеполитическим ориентирам. Значит, само сохранение такого формата нуждается в объяснении: за счет чего государства с разными стратегическими приоритетами всё-таки формируют общую повестку. И это не отвлеченная проблема. На фоне геополитической напряженности, санкционных режимов, торговых конфликтов и уязвимости глобальных цепочек поставок становится выше запрос на механизмы экономической устойчивости, инфраструктурного финансирования, продовольственной и энергетической безопасности. Ещё активнее ставится вопрос о реформировании международных финансовых институтов, расширении представительства развивающихся стран и повышении роли национальных валют в расчетах.

Научная проблема здесь состоит в том, чтобы оценить БРИКС не только как символ многополярности. Нужно рассматривать его и как реальную, хотя далеко не завершённую, институциональную платформу сотрудничества. В публичном дискурсе объединение часто описывается слишком резко: либо как будущая альтернатива существующей мировой системе, либо как рыхлый клуб государств, не способный к согласованным действиям. Оба подхода, по-видимому, упрощают ситуацию. Более рабочим представляется промежуточный взгляд, при котором БРИКС анализируется как гибкая сеть сотрудничества. В такой сети политическое значение задается не степенью наднациональной интеграции, а способностью собирать устойчивые коалиции вокруг конкретных вопросов.

Цель статьи – раскрыть перспективы БРИКС как площадки политического и экономического сотрудничества в условиях многополярного мира. Для этого были поставлены задачи: определить институциональные особенности БРИКС; выявить политические функции объединения в контексте реформы глобального управления; проанализировать экономический потенциал сотрудничества; обозначить ограничения и риски; сформулировать направления повышения эффективности БРИКС в среднесрочной перспективе. Рабочая гипотеза строится на том, что перспективность БРИКС определяется не созданием жесткого военно-политического или экономического блока. Скорее речь идет о развитии многоуровневой платформенной модели, где могут сочетаться политические консультации, проектное финансирование, технологическое сотрудничество и координация позиций в глобальных институтах.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составил системный подход, благодаря которому БРИКС было возможно рассматривать как элемент меняющейся мировой политико-экономической системы. Системный анализ применялся для выявления связей между изменением баланса сил в мировой экономике, институциональным развитием объединения и политической повесткой его участников. В рамках институционального подхода БРИКС был рассмотрен как особый тип международного формата. Он отличается от классических международных организаций: развитого наднационального аппарата здесь нет, но уже существуют устойчивые практики саммитов, министерских встреч, рабочих групп, форумов и специализированных механизмов. Такая конструкция выглядит неполной. Но именно в этой неполноте есть часть ее устойчивости.

Сравнительно-политический метод был использован для сопоставления БРИКС с другими форматами многостороннего сотрудничества, прежде всего с G7, G20 и региональными организациями. Это позволило показать, что БРИКС не является простой заменой указанным структурам. У него иная ниша: объединение крупных развивающихся экономик и государств, заинтересованных в повышении субъектности Глобального Юга. Проблемно-хронологический метод применялся при анализе эволюции БРИКС от первоначального формата BRIC до расширенного БРИКС+. Были учтены этапы институционализации, создание Нового банка развития, расширение членства и появление повестки партнерских стран.

Эмпирическую базу статьи составили официальные документы саммитов БРИКС, материалы председательства 2024–2026 гг., данные Нового банка развития, публикации Всемирной торговой организации, Международного валютного фонда и ЮНКТАД, а также научные работы по глобальному управлению, международной политической экономике и роли развивающихся держав. Анализ носил качественный характер. Иными словами, задача не сводилась к построению количественной модели. Важнее было выявить институциональные возможности и ограничения БРИКС как площадки сотрудничества, где формальные решения часто соседствуют с политическими сигналами и довольно разными ожиданиями участников.

Результаты и их обсуждение

Эволюция БРИКС и специфика платформенной модели

История БРИКС показывает довольно простую вещь: объединение развивалось не через создание жестких наднациональных органов, а через постепенное расширение регулярных каналов коммуникации. Не скачок к интеграции, а накопление встреч, консультаций, рабочих групп и привычки к согласованию. В этом проявилась ключевая особенность формата. БРИКС ориентирован на согласование позиций и запуск практических инициатив без передачи государствами значительной части суверенных полномочий. Модель получилась двойственной. С одной стороны, ограничивается способность принимать обязательные решения и быстро проводить крупные проекты. Но с другой стороны, именно гибкость позволяет сохранять участие стран с разными политическими интересами и не превращать объединение в тяжелую бюрократическую конструкцию.

В научной литературе такие форматы нередко описываются как клубная дипломатия или сеть межгосударственного управления [7; 8; 13]. Их результативность зависит не только от формального права, а иногда и не столько от него. Значение имеют регулярность контактов, доверие между участниками, способность вырабатывать общие нарративы и подавать согласованные политические сигналы. БРИКС в этом отношении отличается от интеграционных объединений вроде Европейского союза. Однако он не совпадает и с классическими международными организациями универсального типа. Скорее перед ним видна платформа, где политическая координация, экономическое взаимодействие, экспертный диалог и общественная дипломатия существуют рядом. Не всегда ровно, но параллельно.

Расширение состава БРИКС усилило значение именно платформенной логики. Включение новых участников увеличило совокупный демографический, ресурсный, энергетический и торговый потенциал объединения. В официальных материалах БРИКС указывается, что на страны объединения приходится около 49,5% населения мира, 40% мирового ВВП и 26% мировой торговли [1]. Даже с учетом различий в методиках подсчета эти показатели показывают масштаб формата и объясняют его привлекательность для стран, которые стремятся диверсифицировать внешнеполитические и внешнеэкономические связи. Но расширение одновременно делает согласование позиций труднее. Чем больше участников, тем выше вероятность расхождений по региональным конфликтам, энергетической политике, торговым режимам и отношениям с западными странами.

Перспективность БРИКС как площадки сотрудничества связана с тем, что от участников не требуется полной внешнеполитической унификации. Государства могут поддерживать общую повестку реформы глобального управления, участвовать в финансовых и инфраструктурных проектах, развивать торговые связи и при этом сохранять собственные региональные стратегии. В условиях многополярности такая форма оказывается востребованной. Современный мир, по-видимому, характеризуется не созданием двух жестких блоков, а множеством пересекающихся коалиций. Одно и то же государство может входить в БРИКС, G20, региональные организации и двусторонние партнерства. Формат выбирается под задачу. Иногда очень прагматично.

Политическое сотрудничество: реформа глобального управления и голос Глобального Юга

Политическая функция БРИКС прежде всего связана с артикуляцией требований более справедливого и репрезентативного мирового порядка [12; 15]. В Казанской декларации 2024 г. и Рио-де-Жанейрской декларации 2025 г. подчеркиваются приверженность многосторонности, международному праву, Уставу ООН, реформе институтов глобального управления и расширению участия развивающихся стран в принятии решений [3; 2]. Здесь важно не путать экономическое сотрудничество с простой торговой выгодой. БРИКС выступает еще и как площадка нормативного позиционирования, где постепенно складывается общий язык критики существующих дисбалансов международной системы.

Одним из ключевых направлений политического сотрудничества остается реформа ООН и международных финансовых институтов. Для стран БРИКС проблема представительства имеет вполне практический смысл: структура Совета Безопасности ООН, система квот МВФ и распределение голосов в международных банках развития во многом отражают баланс сил середины XX в. А экономический и демографический вес развивающихся стран за это время заметно вырос. На саммите в Рио-де-Жанейро государствами БРИКС была подтверждена необходимость увеличения квот и представительства развивающихся экономик в МВФ и Всемирном банке [2]. Эта позиция не выглядит только декларацией. Она работает как инструмент коллективного давления на действующие институты и позволяет странам с разными интересами выступать согласованно хотя бы по вопросу процедурной справедливости.

Еще один слой политического потенциала связан с диалогом по вопросам безопасности и региональных кризисов. БРИКС не является военно-политическим союзом. Коллективные обязательства в сфере обороны также не предполагаются. Тем не менее регулярные консультации по международной безопасности, терроризму, киберугрозам, эпидемиологическим рискам и устойчивости цепочек поставок создают возможность для выработки общих подходов. Для государств Глобального Юга, как ни странно, важна не только способность к жестким совместным действиям. Не менее важен альтернативный канал обсуждения проблем, который не ограничен повесткой западных площадок.

Символическое измерение тоже нельзя отбрасывать. БРИКС показывает, что крупные развивающиеся страны способны формировать собственную повестку и не сводить международную политику к отношениям между западными центрами силы. В этом проявляется мягкая сила объединения [14]. Она видна в экспертных форумах, молодежных и образовательных обменах, парламентском взаимодействии, сотрудничестве в сфере культуры, науки и цифровых технологий. Политический эффект таких механизмов не всегда измеряется прямо. Но он создает долгую инфраструктуру доверия. Медленную, местами формальную, однако нужную.

Однако политическое сотрудничество в рамках БРИКС сталкивается и с ограничениями. Члены объединения по-разному относятся к отдельным конфликтам, имеют разные связи с США, ЕС, региональными партнерами и соседями. Одни страны заинтересованы в более заметной антигегемонистской риторике, другие используют БРИКС как инструмент балансирования, не разрушая отношения с западными рынками и институтами. Поэтому перспективность БРИКС в политической сфере зависит от способности удерживать консенсус по базовым принципам: суверенное равенство, невмешательство, реформа глобального управления, развитие Юг-Юг. И не превращать объединение в жесткий идеологический блок.

Экономическое сотрудничество: рынки, инфраструктура и финансовая автономия

Экономический потенциал БРИКС определяется не одним показателем, а целой связкой факторов: масштабом внутренних рынков, ресурсной базой, производственными возможностями, спросом на инфраструктуру и высокой ролью стран объединения в мировой торговле. В усло-

виях замедления глобализации и роста протекционизма государства стремятся диверсифицировать торговые маршруты, финансовые инструменты и технологические связи. По данным ВТО, в 2025 г. мировая торговля товарами и коммерческими услугами выросла на 7% и достигла 34,65 трлн долл. США, причем услуги росли быстрее торговли товарами [6]. Эти данные показывают: мировая экономика не уходит от взаимозависимости. Меняется ее характер. Становятся важнее региональные и межрегиональные связи, цифровые услуги, логистическая устойчивость и платежная инфраструктура.

Для БРИКС особенно значима торговля между развивающимися странами. Расширенный состав объединения включает государства с разной специализацией: промышленные и технологические центры, экспортеры энергоресурсов, аграрные экономики, транзитные и финансовые узлы. Такая неоднородность, в обычной логике, могла бы казаться слабостью. Но здесь она создает возможности взаимодополняемости. Китай и Индия обладают крупными производственными и потребительскими рынками; Россия, Саудовская Аравия, Иран и ОАЭ важны для энергетической безопасности; Бразилия заметна в аграрном секторе и продовольственной повестке; ЮАР, Египет и Эфиопия усиливают африканское измерение; Индонезия связывает БРИКС с Юго-Восточной Азией. В итоге объединение можно рассматривать как пространство потенциального сопряжения инфраструктурных, энергетических, продовольственных и технологических стратегий.

Особое место занимает Новый банк развития, созданный странами БРИКС в 2015 г. Именно он выглядит наиболее институционализированным экономическим механизмом объединения. По данным НБР, банк ориентирован на мобилизацию ресурсов для инфраструктурных и устойчивых проектов в странах БРИКС и других развивающихся экономиках; к 2026 г. общий объем одобренного финансирования составил 42,9 млрд долл. США, а число одобренных проектов – 139 [4]. Стратегией НБР на 2022–2026 гг. предусматривается одобрение финансирования на сумму 30 млрд долл. США, увеличение доли финансирования в национальных валютах до 30%, расширение негосударственных операций и направление 40% одобрений на проекты, связанные со смягчением последствий изменения климата и адаптацией [5]. Много цифр, но без них здесь трудно показать реальный масштаб.

Значение НБР не сводится к объему выданных или одобренных кредитов. Банк показывает, что страны БРИКС способны создавать собственные институты развития и формировать дополнительные каналы финансирования инфраструктуры. В отличие от политических деклараций, проектное финансирование дает измеримый результат: дороги, энергетические объекты, системы водоснабжения, цифровую инфраструктуру, социальные объекты. Именно такие проекты переводят БРИКС из дискуссионного формата в практический механизм развития [9; 10]. Не полностью, конечно. Но это уже не только заявление о намерениях.

Ещё одно перспективное направление – постепенное расширение расчетов в национальных валютах. Эту тему часто называют «дедолларизацией», хотя научно аккуратнее говорить о диверсификации валютных расчетов и снижении транзакционных рисков. Полная замена доллара в мировой торговле в среднесрочной перспективе выглядит малореалистичной: доллар сохраняет глубокие финансовые рынки, высокую ликвидность и инфраструктурные преимущества. Однако расширение двусторонних расчетов в национальных валютах, создание региональных платежных инструментов, развитие депозитарной и клиринговой инфраструктуры могут снизить зависимость участников от внешних финансовых ограничений. БРИКС в таком случае выступает чем-то вроде лаборатории финансовой мультивалютности. Не готовая альтернатива, а зона испытания дополнительных механизмов.

Экономическое сотрудничество БРИКС имеет перспективы и в технологической сфере. В повестку входят искусственный интеллект, цифровая идентичность, кибербезопасность, финтех, электронная коммерция, спутниковые сервисы, фармацевтика и биотехнологии. Для развивающихся стран проблема заключается не только в доступе к технологиям. Важно участие в выработке правил их использования. В Рио-де-Жанейрской декларации 2025 г. среди направлений сотрудничества названы искусственный интеллект, климат, финансы, здравоохранение и другие стратегические сферы [2]. Значит, БРИКС стремится закрепить не только в привычной повестке торговли и энергетики, но и в регулировании новых технологических рынков.

БРИКС как пространство политико-экономической взаимодополняемости

Потенциал БРИКС не сводится к суммарному размеру экономик. Более важным оказалось наличие взаимодополняемых интересов. Для государств-экспортеров сырья и энергоресурсов объединение открывает доступ к крупным потребительским рынкам и инвестиционным

возможностям. Для промышленных экономик БРИКС важен как источник ресурсов, спроса и партнеров по инфраструктурным проектам. Для стран Африки, Латинской Америки и Азии участие или партнерство с БРИКС означает расширение внешнеэкономического маневра. И меньшую зависимость от единственного центра финансирования или технологического обмена.

Именно взаимодополняемость делает БРИКС перспективным в условиях фрагментации мировой экономики. Но здесь важно не путать фрагментацию с полным распадом глобальных связей [11; 13]. Скорее речь идет о том, что государства и корпорации стремятся снизить уязвимость цепочек поставок, продублировать критические маршруты, диверсифицировать поставщиков и финансовые инструменты. БРИКС может выполнять роль координационной площадки для таких процессов, особенно при акценте на конкретных проектах: транспортных коридорах, энергетических сетях, аграрной кооперации, цифровой инфраструктуре, взаимном признании стандартов и совместных образовательных программах. Проектность здесь важнее громких формул.

Ограничения и противоречия развития БРИКС

Перспективность БРИКС не означает отсутствия серьезных противоречий. Первое заметное ограничение связано с экономической асимметрией. Китай значительно превосходит большинство участников по объему экономики, промышленному потенциалу и внешнеторговому влиянию. Из-за этого может возникать восприятие БРИКС как инструмента усиления одной державы, что вызывает осторожность у других государств. Для снижения такого риска нужны механизмы балансирования: более активная роль НБР, равноправное представительство в рабочих группах, поддержка проектов в менее развитых странах объединения и учет интересов малых и средних экономик, которые присоединяются к формату партнерства.

Следующее ограничение связано с политической неоднородностью и межгосударственными противоречиями. Внутри БРИКС существуют исторические споры, конкуренция за региональное влияние и различия в подходах к международным кризисам. Консенсусный принцип позволяет избежать открытых расколов, но он же снижает скорость принятия решений. Поэтому вряд ли БРИКС сможет действовать как единый внешнеполитический актор по широкому кругу вопросов. Более реалистичной выглядит модель коалиций внутри БРИКС по отдельным направлениям, когда часть государств продвигает инициативу, а остальные сохраняют возможность присоединиться позднее. Не очень эффектно, зато практично.

Ещё одно ограничение – институциональная слабость. Отсутствие постоянного секретариата и развитого исполнительного аппарата снижает бюрократические издержки. Но одновременно затрудняется контроль за реализацией решений. Многие декларации БРИКС содержат широкий перечень направлений сотрудничества, однако дальнейшее сопровождение проектов требует ответственных структур, сроков, индикаторов эффективности и прозрачной отчетности. Без этого повестка рискует оставаться перегруженной и плохо приоритизированной. Большой список тем, но не всегда понятно, что будет сделано первым.

Отдельно стоит оговориться о финансовой и технологической зависимости от существующих глобальных центров. Даже при росте расчетов в национальных валютах страны БРИКС продолжают активно использовать долларовые рынки, западные финансовые сервисы, международные рейтинговые агентства, глобальные технологические платформы и стандарты. Это не признак полной слабости, поскольку мировая экономика объективно взаимосвязана. Однако есть и обратная сторона: стратегия БРИКС должна быть эволюционной. Речь должна идти не о резком разрыве с существующей системой, а о создании дополнительных институтов, повышающих устойчивость и свободу выбора.

Различие ожиданий стран-участниц и партнеров также остается проблемой. Одни видят в БРИКС средство реформирования мировой экономики, другие – канал инвестиций и торговли, третьи – политическую площадку для повышения международного статуса. Если объединение будет обещать слишком многое и не сможет дать практические результаты, появится риск разочарования. Поэтому приоритетом должна стать концентрация на ограниченном числе направлений с высокой добавленной стоимостью: инфраструктурное финансирование, торговая логистика, платежные решения, продовольственная и энергетическая безопасность, технологические стандарты и подготовка кадров. Не всё сразу.

Направления повышения эффективности БРИКС

Для укрепления БРИКС как перспективной площадки политического и экономического сотрудничества необходимо сочетать институциональное развитие с сохранением гибкости. Наиболее заметным направлением выглядит усиление проектного подхода. Декларативная

повестка должна сопровождаться перечнем приоритетных проектов, ответственными исполнителями, сроками и критериями оценки. В этом отношении Новый банк развития может стать не только финансовым, но и методическим центром подготовки проектов. Вокруг него возможно объединение экспертизы в области инфраструктуры, устойчивого развития, цифровизации и климатической адаптации.

Развитие многоуровневой системы участия тоже представляется важным. Расширение БРИКС повышает привлекательность формата, но одновременно усложняет управление. Поэтому целесообразно развивать разные статусы участия: полноправные члены, партнерские страны, отраслевые партнерства, экспертные и деловые сети. Такая архитектура позволит не перегружать основной формат и включать заинтересованные государства в конкретные инициативы. В перспективе БРИКС может стать «платформой платформ», где разные группы стран реализуют проекты разной глубины и скорости. Неровная, но гибкая конструкция.

Институционализация экономической повестки нужна, но без чрезмерной наднациональности. Возможны постоянные координационные офисы по отдельным направлениям: цифровая экономика, транспорт, продовольственная безопасность, научно-образовательные обмены, стандартизация. Их задача должна заключаться не в политическом контроле над государствами. Более разумно видеть в них инструменты накопления данных, подготовки аналитики, сопровождения рабочих групп и мониторинга решений саммитов. Тогда бюрократизация не будет разрушать саму логику гибкости.

Ещё необходимо развивать экспертную базу и образовательные связи. Для устойчивого сотрудничества нужны специалисты, знающие языки, правовые системы, рынки и административные практики стран БРИКС. Университетские сети, совместные магистерские программы, стажировки в НБР, обмены между госслужащими и экспертами могли бы сформировать кадровую основу долгосрочного взаимодействия. В условиях многополярности конкуренция идет не только за ресурсы. И даже не только за технологии. Важной становится способность понимать партнеров и выстраивать сложные межкультурные коммуникации.

Отдельное значение имеет выработка реалистичного дискурса. БРИКС не следует представлять как готовую замену существующим международным институтам. Более продуктивным выглядит позиционирование объединения как дополнительного центра согласования интересов, который стремится сделать мировое управление более представительным, а экономическое развитие – менее зависимым от узкого круга финансовых и технологических центров. Такой подход снижает конфликтность и делает формат привлекательным для стран, не желающих выбирать между Западом и незападными центрами силы. Иногда именно эта неопределенность и делает БРИКС удобным.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что БРИКС является перспективной площадкой политического и экономического сотрудничества в условиях многополярного мира, но эта перспективность имеет особый характер. Объединение не является классическим интеграционным блоком, военно-политическим союзом или полноценной альтернативой универсальным международным институтам. Его значение расположено в другой плоскости. БРИКС формирует гибкую платформу, где крупные развивающиеся экономики и государства Глобального Юга могут согласовывать позиции, выдвигать требования реформы глобального управления и запускать практические проекты развития.

Политический потенциал БРИКС заключается в способности обозначать повестку более представительного международного порядка. Объединением поднимаются вопросы реформы ООН, МВФ и Всемирного банка, защиты принципов суверенного равенства, расширения участия развивающихся стран в принятии решений. Экономический потенциал связан с масштабом рынков, ресурсной взаимодополняемостью, ростом торговли Юг–Юг, развитием Нового банка развития, обсуждением расчетов в национальных валютах и совместной работой в сфере инфраструктуры, технологий, энергетики, продовольственной безопасности и устойчивого развития. Всё это не складывается в единый блок. Скорее в набор рабочих направлений.

Основные ограничения БРИКС связаны с асимметрией экономического веса участников, политической неоднородностью, недостаточной институционализацией и различием ожиданий. Эти факторы не отменяют перспектив объединения, но требуют более реалистичной стратегии. БРИКС будет эффективен не тогда, когда попытается стать жестким блоком, а тогда, когда укрепит проектный, многоуровневый и прагматичный характер сотрудничества. Наиболее перспективной выглядит модель, при которой сохраняются принципы консенсуса и суверенного равенства, но одновременно развиваются механизмы

мониторинга решений, финансирования проектов, экспертной координации и подготовки кадров. Без этого гибкость может остаться просто удобным словом.

В условиях многополярности востребованы площадки, способные соединять политическое представительство, экономические ресурсы и институциональную гибкость. У БРИКС такой потенциал есть. Его дальнейшее развитие будет зависеть от того, сможет ли объединение перевести символический капитал Глобального Юга в конкретные механизмы развития, устойчивости и взаимного доверия. Именно в этой способности – переходить от деклараций к проектам, от общей критики к практическим решениям, от расширения состава к углублению кооперации – заключается ключевая перспектива БРИКС в современном мировом порядке. Пока это скорее задача, чем достигнутый результат.

Литература

1. BRICS 2026. About Us // BRICS 2026: официальный сайт. URL: <https://www.brics2026.gov.in/about-us/> (дата обращения: 05.07.2026).
2. Rio de Janeiro Declaration: Strengthening Global South Cooperation for a More Inclusive and Sustainable Governance // BRICS 2025: официальный сайт. URL: <https://brics.br/en/documents/presidency-documents/250705-brics-leaders-declaration-en.pdf> (дата обращения: 05.07.2026).
3. Kazan Declaration: Strengthening Multilateralism for Just Global Development and Security: XVI BRICS Summit, 2024 // Ministry of External Affairs of India: официальный сайт. URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/38450/> (дата обращения: 05.07.2026).
4. New Development Bank. At a Glance // New Development Bank: официальный сайт. URL: <https://www.ndb.int/> (дата обращения: 05.07.2026).
5. General Strategy for 2022–2026 // New Development Bank: официальный сайт. URL: <https://www.ndb.int/news/ndb-board-of-governors-approved-the-banks-general-strategy-for-2022–2026/> (дата обращения: 05.07.2026).
6. World Trade Statistics 2025 // World Trade Organization: официальный сайт. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statistics_e/world_trade_statistics_e.htm (дата обращения: 05.07.2026).
7. Cooper A.F. The BRICS: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2016. 144 p.
8. Stuenkel O. The BRICS and the Future of Global Order. 2nd ed. Lanham: Lexington Books, 2020. 272 p.
9. Roberts C., Armijo L.E., Katada S.N. The BRICS and Collective Financial Statecraft. Oxford: Oxford University Press, 2017. 280 p.
10. Duggan N., Ladines Azalia J.C., Rewizorski M. The Structural Power of the BRICS in Multilateral Development Finance // International Political Science Review. 2022. Vol. 43, No. 4. P. 495–511.
11. Hopewell K. Breaking the WTO: How Emerging Powers Disrupted the Neoliberal Project. Stanford: Stanford University Press, 2016. 264 p.
12. Acharya A. The End of American World Order. 2nd ed. Cambridge: Polity Press, 2018. 224 p.
13. Keohane R. O., Nye J.S. Power and Interdependence. 4th ed. Boston: Longman, 2012. 368 p.
14. Nye J.S. The Future of Power. New York: PublicAffairs, 2011. 320 p.
15. Hurrell A. Hegemony, Liberalism and Global Order: What Space for Would-Be Great Powers? // International Affairs. 2006. Vol. 82, No. 1. P. 1–19.

BRICS AS A PROMISING PLATFORM FOR POLITICAL AND ECONOMIC COOPERATION IN A MULTIPOLAR WORLD

Filippov A.V.

Russian academy of national economy and public administration

The article considers BRICS as a flexible and still uneven platform for political and economic cooperation in the context of a gradually emerging multipolar world. The relevance of the topic is linked to the enlargement of the group, the growing role of the Global South, debates on global governance reform and the search for alternative mechanisms of development, financing and settlements. The aim of the study was to identify the factors that make BRICS a promising multilateral format, as well as the restrictions that prevent it from becoming a stable centre of world politics and economics. The research is based on systemic, institutional, comparative-political and problem-chronological approaches; official BRICS summit documents, materials of international organizations and academic literature were used. It was shown that the prospects of BRICS are connected with the demographic and resource scale of its members, its ability to promote the agenda of institutional reform and the existence of its own economic mechanisms, above all the New Development Bank. At the same time, divergent interests, asymmetry of economic weight and weak institutional consolidation remain serious challenges.

Keywords: BRICS, multipolar world, Global South, international cooperation, world economy, global governance, New Development Bank, de-dollarization, economic integration.

References

1. BRICS 2026. About Us // BRICS 2026: официальный сайт. URL: <https://www.brics2026.gov.in/about-us/> (дата обращения: 05.07.2026).
2. Rio de Janeiro Declaration: Strengthening Global South Cooperation for a More Inclusive and Sustainable Governance // BRICS 2025: официальный сайт. URL: <https://brics.br/en/documents/presidency-documents/250705-brics-leaders-declaration-en.pdf> (дата обращения: 05.07.2026).
3. Kazan Declaration: Strengthening Multilateralism for Just Global Development and Security: XVI BRICS Summit, 2024 // Ministry of External Affairs of India: официальный сайт. URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/38450/> (дата обращения: 05.07.2026).
4. New Development Bank. At a Glance // New Development Bank: официальный сайт. URL: <https://www.ndb.int/> (дата обращения: 05.07.2026).
5. General Strategy for 2022–2026 // New Development Bank: официальный сайт. URL: <https://www.ndb.int/news/ndb-board-of-governors-approved-the-banks-general-strategy-for-2022-2026/> (дата обращения: 05.07.2026).
6. World Trade Statistics 2025 // World Trade Organization: официальный сайт. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/world_trade_statistics_e.htm (дата обращения: 05.07.2026).
7. Cooper A.F. The BRICS: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2016. 144 p.
8. Stuenkel O. The BRICS and the Future of Global Order. 2nd ed. Lanham: Lexington Books, 2020. 272 p.
9. Roberts C., Armijo L.E., Katada S.N. The BRICS and Collective Financial Statecraft. Oxford: Oxford University Press, 2017. 280 p.
10. Duggan N., Ladines Azalia J.C., Rewizorski M. The Structural Power of the BRICS in Multilateral Development Finance // International Political Science Review. 2022. Vol. 43, No. 4. P. 495–511.
11. Hopewell K. Breaking the WTO: How Emerging Powers Disrupted the Neoliberal Project. Stanford: Stanford University Press, 2016. 264 p.
12. Acharya A. The End of American World Order. 2nd ed. Cambridge: Polity Press, 2018. 224 p.
13. Keohane R. O., Nye J.S. Power and Interdependence. 4th ed. Boston: Longman, 2012. 368 p.
14. Nye J.S. The Future of Power. New York: PublicAffairs, 2011. 320 p.
15. Hurrell A. Hegemony, Liberalism and Global Order: What Space for Would-Be Great Powers? // International Affairs. 2006. Vol. 82, No. 1. P. 1–19.

Анализ демографической политики Японии и прогнозирование численности населения на основе методов машинного обучения

Фэн Шидэ,

Институт Китая и современной Азии, Российская академия наук, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО)
E-mail: 373845357@qq.com

Япония уже находится в фазе сокращения населения. Постоянно низкий уровень рождаемости приводит к уменьшению численности населения, а также создает давление на систему социального обеспечения и государственные услуги. В данной работе анализируются основные направления демографической политики Японии, а также прогнозируется численность населения до 2035 года на основе метода машинного обучения. Результаты показывают, что к 2035 году население сократится до 118 миллионов человек, и изменить эту тенденцию с помощью текущей демографической политики будет сложно.

Ключевые слова: население Японии, прогнозирование численности населения, модель MLP, Демографическая политика.

Введение

Процесс старения населения Японии начался в 1970-х годах, и уровень естественного замещения населения уже ниже нормы. Численность населения Японии сокращается на протяжении многих лет, уменьшается количество рабочей силы, а число пожилых людей увеличивается. Изменения в численности населения будут и дальше оказывать влияние на экономику и социальное развитие.

Современные исследования показывают, что сокращение населения в Японии уже привело к нехватке рабочей силы в таких областях, как сестринское дело, строительство, логистика и региональные услуги. Старение населения вызывает проблемы с финансированием системы социального обеспечения, и спрос на пенсии, медицинское обслуживание и уход растет. В некоторых сельских регионах наблюдается отток населения и естественное сокращение численности населения, что приводит к проблемам с поддержанием инфраструктуры, такой как школы и общественный транспорт.

Япония начала оптимизировать услуги по уходу за детьми, детские пособия и финансовую поддержку образования. Демографическая политика, такая как «План ангела» и «Новый план ангела», меняет модель поддержки детей в Японии, и внедряются другие различные планы, связанные с образованием и поддержкой семей. В последние годы стратегии будущего детей разрабатываются с учетом потребностей семей и родителей, воспитывающих детей.

Согласно исследованиям, проведенным в сфере поддержки детей, например, в детских садах и яслях, предоставляющих услуги родителям, уровень занятости матерей не повышается. Отпуск по уходу за ребенком позволит сохранить рабочие места женщин, а также уменьшит потери в заработной плате и карьере. Политика «женской экономики» оптимизирует услуги по уходу за детьми в городских регионах.

В Японии уже существуют методы прогнозирования численности населения, основанные на машинном обучении. Машинное обучение для Японии потенциально перспективный метод анализа, основанный на последних данных.

В этой работе будет проведен анализ политики и прогнозирование численности населения, рассмотрены основные тенденции развития населения, а прогнозирование численности населения будет основано на методе машинного обучения и новейших данных, что позволит оценить эффективность мер по управлению населением.

Эволюция демографической политики

Изменение рождаемости и структуры населения влечет за собой изменения в демографической политике. В 1989 году коэффициент рождаемости был ниже 1,57, что привлекло внимание общества и правительства, и правительство начало вмешиваться в демографическую ситуацию с помощью ряда мер.

направленная на решение проблем ухода за детьми и семейного воспитания, предусматривающую строительство большего количества детских садов для повышения рождаемости.

Правительство Японии продолжило оптимизацию предыдущей политики, в 1997 году был внедрен новый план «Ангел». Было увеличено рабочее время в детских садах, обеспечен баланс между работой и уходом за детьми, введен отпуск по уходу за ребенком для обоих родителей, правительство покрывало большую часть основных расходов на содержание детей в раннем возрасте. Пособие на ребенка было дополнительно увеличено. Правительство стало уделять больше внимания проблемам, связанным с низкой рождаемостью, и начало создавать систему для их решения.

Правительство Японии начало легализацию демографической политики, в 2003 году был принят основной закон о стратегиях борьбы со снижением рождаемости, согласно которому борьба с низкой рождаемостью стала общей ответственностью всех граждан, корпораций и правительств, а стратегии борьбы с низкой рождаемостью пересматривались каждые 5 лет.

В рамках закона также реализуются стратегии поддержки следующего поколения, которые включают в себя различные программы, такие как планы поддержки родителей со стороны компаний. Сертификация компаний, дружественных к детям, предусматривает налоговые

вычеты, что привлекает в такие компании потенциальных сотрудников, обладающих соответствующей квалификацией.

Новый закон означает, что административное регулирование переходит в более строгую правовую систему. Политика не ограничивается государственными стратегиями, такими как центры по уходу за детьми и пособия. По сравнению с предыдущей системой, это система, в которой различные слои общества начинают решать проблемы, связанные с ростом населения. Компании также включены в эту систему, и изменение графика работы и предоставление отпуска по уходу за ребенком будут оказываться ими в качестве поддержки.

В 2015 году в Японии была запущена новая система по работе с детьми и уходу за ними. Новая система объединила учреждения по поддержке детей, такие как детские сады, в единую систему. Была разработана система предоставления полного спектра услуг и финансовой поддержки. Дальнейшая оптимизация стратегий интеграции учреждений в сфере ухода за детьми позволит сбалансировать ресурсы между регионами.

Согласно новым правилам, дошкольное образование и уход за детьми в возрасте от 3 до 5 лет предоставляются бесплатно. Правительство также будет выплачивать пособие детям в возрасте от 0 до 2 лет, что еще больше снизит финансовые затраты на содержание детей. Правительство Японии уже решило вопрос с оплатой услуг по уходу за детьми и начало работу над финансовой поддержкой.

В 2023 году правительство Японии запустило стратегию обеспечения будущего детей. Новый бюджет предусматривает увеличение финансирования на 3,6 триллиона иен, отменяется ограничение на размер пособия на ребенка в зависимости от заработной платы родителей, и пособие будет выплачиваться всем детям. Пособие на ребенка распространяется и на оплату обучения в средней школе, семьи, в которых трое детей получают большее пособие. Отцы также будут получать большее пособие при начале отпуска по уходу за ребенком.

Демографическая политика Японии развивалась в несколько этапов: вначале правительство уделяло основное внимание вопросам ухода за детьми, затем началось легализация этой сферы для развития системы государственных услуг и корпоративной ответственности. Это система, обеспечивающая заботу о детях и родителях в различных областях, таких как пособия, социальное обеспечение, образование, уход за детьми и т.д.

Прогноз численности населения

Прогноз численности населения послужит хорошим ориентиром для распределения государственных ресурсов, трудовой политики и системы социального обеспечения. Данные для прогнозирования взяты из Всемирного банка, и с учетом влияния общей численности населения они преобразованы в годовой темп роста. В модель введены данные за предыдущие 8 лет. В данной работе применяется многослойный перцептрон (MLP), который позволяет выявлять нелинейные зависимости между параметрами модели и может использоваться для прогнозирования на 10 лет вперед.

Таблица 1. Результаты модели.

Результат	Результат
MAE	0.203 million
RMSE	0.238 million
MAPE	0.16%
MASE	0.32
R ²	0.91

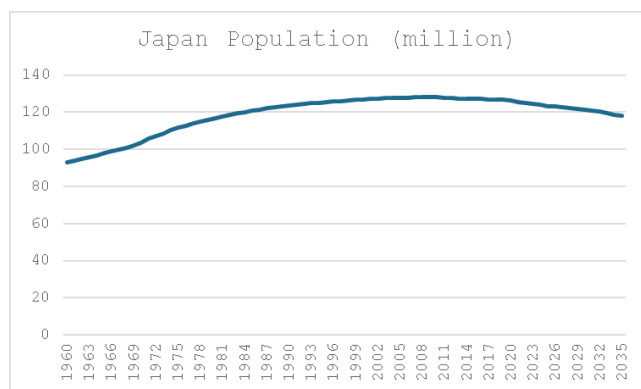

Рис. 1. Прогноз численности населения Японии (млн)

Результаты оценки модели представлены в таблице. Они показывают, что модель хорошо соответствует данным и обладает высокой прогностической способностью.

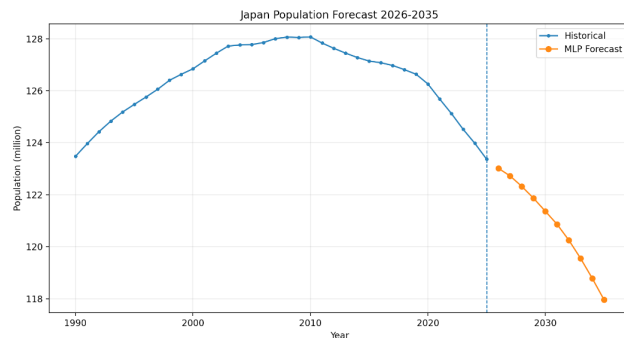

Рис. 2. Прогноз численности населения Японии (млн)

Население Японии сократится со 123 миллионов в 2025 году до 118 миллионов в 2035 году, тенденция к снижению продлится 10 лет, и существует большая вероятность того, что сокращение населения продолжится и после 2035 года.

Обсуждение

Несмотря на то, что правительство Японии продолжает оптимизировать демографическую политику, используя различные ресурсы, текущая тенденция остается нисходящей. В определенные периоды за последние 30 лет эта политика была эффективна: рождаемость начала расти с начала нового века, а затем снизилась с 2015 года. Однако эффект от политики, направленной на борьбу с низкой рождаемостью, пока ограничен, и тенденция к сокращению населения не изменилась.

Правительство Японии должно оптимизировать законы и политику, приносящие больше пользы, и последовательно внедрять эти законы и политику в будущем. Это позволит смягчить проблему низкой рождаемости, а увеличение пособий на уход за детьми компенсирует инфляцию.

Если будущая политика окажется эффективной, то демографические изменения это долгосрочная инвестиция, на которую потребуются от 10 до 20 лет, поскольку детей нужно воспитывать годами, после чего они начинают работать и заводить собственных детей. Эффективные меры должны быть внедрены как можно скорее, чтобы изменить демографическую тенденцию.

Это также вызовет еще одну проблему – демографический тормоз. В модели Солоу факторы труда, капитала и совокупная факторная производительность определяют экономический рост. Старение населения и низкая рождаемость явно меняют структуру населения, и количество рабочей силы будет постепенно сокращаться, что также негативно скажется на экономике.

Нехватка рабочей силы вынудит корпорации повысить заработную плату, а увеличение капиталовложений в производство для компенсации потери рабочей силы приведет к росту цен на товары. Высокие цены также являются негативным фактором на международном рынке: отечественные корпорации могут перенести производственные площадки за границу, что еще больше негативно скажется на экономике.

Старение населения приводит не только к нехватке рабочей силы, но и к изменению возрастной структуры рынка труда: доля пожилых работников постепенно увеличивается, и им также сложнее осваивать новейшие цифровые технологии, такие как автоматизированные системы, технологии искусственного интеллекта и т.д. Молодых работников, способных осваивать новые навыки и технологии, недостаточно на рынке труда. Процесс внедрения инноваций и новых технологий в промышленности происходит значительно медленнее, что может стать препятствием для модернизации производства. Ежегодное сокращение численности населения также приведет к снижению спроса и потребления в странах.

Население мигрирует из сельской местности в крупные города, численность населения в сельских районах ежегодно сокращается, а розничная торговля, банки, логистические компании и т.д. в сельской местности будут постепенно закрываться, что станет ужасным фактором для экономики и правительства региона. Цены на недвижимость в регионах, теряющих население, будут постепенно снижаться, некоторые дома даже будут заброшены. Капитал также будет выводиться из регионов, а его приток – в крупные города.

Цены на недвижимость в регионах, теряющих население, будут постепенно снижаться, некоторые дома даже будут заброшены. Капитал также будет выводиться из регионов, а его приток в крупные города.

Цены на недвижимость в регионах, теряющих население, будут постепенно снижаться, некоторые дома даже будут заброшены. Капитал также будет выводиться из регионов, а его приток – в крупные города.

Старение населения приводит к увеличению коэффициента демографической нагрузки, что, в свою очередь, вызывает уменьшение дефицита спроса на продукцию и услуги. Сбережения пожилых людей не конвертируются в потребление, поскольку они ожидают различных рисков, таких как риск увеличения продолжительности жизни, потенциальные медицинские расходы и затраты на долгосрочный уход. Все расходы покрываются за счет сбережений, что ограничивает их потребление, поэтому их спрос будет невысоким, и деньги будут находиться на сберегательном счете. Сокращение населения напрямую приведет к снижению спроса и потребления. Кроме того, молодые люди будут делать сбережения на случай будущих расходов, ожидая, что старение населения приведет к сокращению государственных пенсий, и будут копить деньги, чтобы избежать рисков, но чем больше сбережений, тем меньше будет текущее потребление.

Из-за роста населения налоговая база также сокращается, что приведет к увеличению нагрузки на государственный бюджет. Демографическая проблема является негативным фактором, влияющим на экономику Японии.

В ближайшие несколько десятилетий стратегии борьбы со старением населения и нехваткой рабочей силы приобретут еще большее значение. Если политика повысит рождаемость, период между рождением детей и началом трудовой деятельности значительно увеличится. Повышение занятости женщин и пожилых людей может стать решением проблемы нехватки рабочей силы. Привлечение иностранной рабочей силы также станет новым источником кадров, а политика отложенного выхода на пенсию может решить проблему дефицита рабочей силы. Автоматизация в промышленности также является одним из способов смягчения проблемы старения населения.

Заключение

Изначально демографическая политика Японии была направлена на решение проблемы ухода за детьми. Сейчас же политика Японии представляет собой систему повышения рождаемости за счет пособий, социального обеспечения, образования, ухода за детьми и т.д. Однако, согласно результатам прогнозной модели, эффект от этой политики ограничен: население все равно сократится до 118 миллионов человек. Политика не изменила тенденцию к сокращению населения, и она по-прежнему будет оказывать негативное влияние на экономику, затрагивая трудовые ресурсы, потребление и бюджет. Существует несколько потенциальных решений, таких как повышение уровня занятости женщин и пожилых людей, привлечение иностранной рабочей силы, оптимизация демографической политики с помощью пособий, что могло бы повысить рождаемость и решить проблему нехватки рабочей силы.

Литература

1. Асаи, Ю., Камбаяси, Р., и Ямагути, С. (2015). Эффект вытеснения, вызванный государственным обеспечением услуг по уходу за детьми: почему занятость матерей не увеличилась. SSRN Electronic Journal.
2. Основной закон о мерах по противодействию снижению рождаемости, Закон № 133 от 2003 г. (Япония).
3. Холтус, Б. (2019). Инфраструктурная семейная политика в Японии: оценка родителей. В кн.: Семейная жизнь в Японии и Германии (с. 135–156). Springer Fachmedien Wiesbaden.
4. Китаджима, Т., и Каванака, Х. (2025). Анализ факторов, связанных с суммарным коэффициентом рождаемости и темпами его роста в муниципалитетах Японии, с использованием машинного обучения. Procedia Computer Science, 270, 5091–5100.
5. Закон о мерах по поддержке следующего поколения, Закон № 120 от 2003 г. (Япония).
6. Ли, С.-Х., Огава, Н., и Мацукура, Р. (2009). Эффективен ли отпуск по уходу за ребенком для повышения рождаемости в Японии? Asian Population Studies, 5(3), 349–369.
7. Ли, Ч., Кили, А. Р., Такэда, С., Сэки, Д., Чжан, Ц., Ши, Б., и Манэги, С. (2025). Прогноз численности населения городов Японии на период с 2020 по 2100 год с использованием машинного обучения. Expert Systems with Applications, 285, 128005.
8. Министерство образования, Министерство здравоохранения и социального обеспечения, Министерство труда и Министерство строительства. (1994). Kongo no kosodate shien no tame no shisaku no kihonteki hōkō ni tsuite («План Ангела») [Об основных направлениях будущих мер поддержки воспитания детей] [Программный документ]. Национальный институт исследований населения и социального обе-

спечения. <https://www.ipss.go.jp/publication/j/shiryō/no.13/data/shiryō/souron/19.pdf>

9. Министерство здравоохранения и социального обеспечения Японии. (1999). Jūtenteiki ni suishin subeki shōshika taisaku no gubun teki jissai keikaku ni tsuite (Shin Enzeru Puran) [Конкретный план первоочередной реализации мер по противодействию снижению рождаемости («Новый план Ангела»)] [Программный документ]. Министерство здравоохранения и социального обеспечения. <https://www.mhlw.go.jp/www2/topics/topics/syousika/angel01.htm>

10. Нагаса, Н. (2018). Сработала ли политика Абэ «Женомика»? Asian Economic Policy Review, 13(1), 68–101.

11. Нагаса, Н. (2024). В семейной политике и политике гендерного равенства Японии ещё многое предстоит сделать. Asia Pacific Business Review, 30(3), 528–542.

12. Прадипта, Э., и Кусумасари, Б. (2021). «Женомика» и политика в отношении трудовых мигрантов: могут ли они решить проблему нехватки рабочей силы в Японии? Populasi, 29(2), 1.

13. Симидзу, Х., Ито, М., Окано, К., и Танигути, М. (2020). Каскадные трудности, вызванные сокращением и старением городского населения. Journal of the City Planning Institute of Japan, 55(3), 553–560.

14. Ван, Р. (2024). Исследование особенностей возрастной структуры японского общества и соответствующих стратегий. Journal of Education, Humanities and Social Sciences, 42, 660–668.

15. Ван, В. (2019). Социальные изменения в Японии в период Хэйсэй: от распада к восстановлению. Journal of Japan Studies, (1).

16. Всемирный банк. (2026). Общая численность населения – Япония [Набор данных]. Открытые данные Всемирного банка. <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=JP>

17. Чжао, Ю. (2024). Политика японских корпораций по обеспечению баланса между работой и уходом за детьми и репродуктивные намерения женщин. Social Sciences, 13(3), 175.

18. Чжоу Юнь. (2008). Социальная политика и демографические изменения в Японии. В: Population Journal.

19. Пэ Хэ Сон. (2012). Политические меры в ответ на низкую рождаемость в Южной Корее и Японии. В: The Japanese Language and Literature Association of Daehan.

AN ANALYSIS OF JAPAN'S POPULATION POLICY AND POPULATION FORECASTING BASED ON MACHINE LEARNING METHODS

Feng Shide

Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow State Institute of International Relations (University)

Japan is already in a phase of population decline. Persistently low fertility rates are leading to population decline and putting pressure on the social security system and public services. This paper analyzes the main directions of Japan's population policy and projects a population forecast to 2035 using a machine learning method. The results indicate that by 2035, the population will decline to 118 million, and it will be difficult to reverse this trend using current population policy.

Keywords: Japanese population, population forecasting, MLP model, population policy.

References

1. Asai, Y., Kambayashi, R., and Yamaguchi, S. (2015). Crowding-out Effects of Publicly Provided Childcare: Why Maternal Employment Has Not Increased. SSRN Electronic Journal.
2. Basic Act on Measures to Counteract Declining Birth Rate, Act No. 133 of 2003 (Japan).
3. Holthus, B. (2019). Family Infrastructure Policy in Japan: Parents' Evaluation. In: Family Life in Japan and Germany (pp. 135–156). Springer Fachmedien Wiesbaden.
4. Kitajima, T., and Kawanaka, H. (2025). Analysis of Factors Associated with the Total Fertility Rate and Its Growth Rate in Municipalities in Japan Using Machine Learning. Procedia Computer Science, 270, 5091–5100.
5. The Next Generation Support Measures Act, Act No. 120 of 2003 (Japan).
6. Lee, S.-H., Ogawa, N., and Matsukura, R. (2009). Is Parental Leave Effective in Increasing the Fertility in Japan? Asian Population Studies, 5(3), 349–369.
7. Lee, C., Kiley, A. R., Takeda, S., Seki, D., Zhang, C., Shi, B., and Managi, S. (2025). Population Forecasting in Japanese Cities from 2020 to 2100 Using Machine Learning. Expert Systems with Applications, 285, 128005.
8. Ministry of Education, Ministry of Health and Welfare, Ministry of Labor, and Ministry of Construction. (1994). Kongo no kosodate shien no tame no shisaku no kihonteki hōkō ni tsuite («Angel Plan») [On the Outline of Future Child-Raising Support Measures] [Policy Document]. National Institute of Population and Social Welfare Research. <https://www.ipss.go.jp/publication/j/shiryō/no.13/data/shiryō/souron/19.pdf>
9. Ministry of Health and Welfare of Japan. (1999). Jūtenteiki ni suishin subeki shōshika taisaku no gubun teki jissai keikaku ni tsuite (Shin Enzeru Puran) [Specific Plan for Priority Implementation of Measures to Counteract the Decline in the Birth Rate (New Angel Plan)] [Policy Document]. Ministry of Health and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/www2/topics/topics/syousika/angel01.htm>
10. Nagase, N. (2018). Has Abe's "Womanomics" Policy Worked? Asian Economic Policy Review, 13(1), 68–101.

11. Nagase, N. (2024). Much Work Remains in Japan's Family and Gender Equality Policies. *Asia Pacific Business Review*, 30(3), 528–542.

12. Pradipta, E., and Kusumasari, B. (2021). "Womannomics" and Migrant Labor Policies: Can They Solve Japan's Labor Shortage? *Populasi*, 29(2), 1.

13. Shimizu, H., Ito, M., Okano, K., and Taniguchi, M. (2020). Cascading Challenges Caused by Declining and Aging Urban Populations. *Journal of the City Planning Institute of Japan*, 55(3), 553–560.

14. Wang, R. (2024). A Study on the Age Structure Features of Japanese Society and Related Policies. *Journal of Education, Humanities and Social Sciences*, 42, 660–668.

15. Wang, W. (2019). Social Change in Japan during the Heisei Period: From Collapse to Recovery. *Journal of Japan Studies*, (1).

16. World Bank. (2026). Total Population – Japan [Dataset]. World Bank Open Data. <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=JP>

17. Zhao, Y. (2024). Japanese Corporations' Work-Childcare Balance Policies and Women's Reproductive Intentions. *Social Sciences*, 13(3), 175.

18. Zhou, Yun. (2008). Social Policy and Demographic Change in Japan. In: *Population Journal*.

19. Bae, Hae-Sung. (2012). Policy Responses to Low Fertility in South Korea and Japan. In: *The Japanese Language and Literature Association of Daehan*.

Анализы на разницы логики управления конфликтами между «Цивилизационными государствами» и «Государствами-нациями»

Цзя Иян,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: jiaiyang0210@mail.ru

Актуальность и цели. В условиях трансформации глобальной структуры возрастает роль цивилизационных идентичностей в обосновании внешне-политических решений. Цель исследования – выявить различия в логике управления конфликтами между «Цивилизационными государствами» и «Государствами-нациями» на основе конструктивистской дихотомии «свой – другой». Материалы и методы. Методологическая база опирается на конструктивизм А. Вендта и теорию С. Хантингтона. В формате кейс-стади рассмотрены Китай, Россия, Индия (цивилизационные государства) и Европейский союз (государство-нация). Анализируются официальные доктринальные документы и публичные выступления лидеров. Результаты. Цивилизационные государства, опираясь на культурно-историческую преемственность, демонстрируют более низкую чувствительность к внешним угрозам и склонность к диалогу. Государства-нации, напротив, в кризисных условиях возвращаются к логике сдерживания. Китайская концепция «Тянься», российский нарратив единства и индийский дискурс формируют инклюзивные модели, однако даже в ЕС институциональная идентичность при внешнем давлении уступает место оборонительным стратегиям. Выводы. Цивилизационные государства способствуют переходу международной системы от гоббсовской модели к более кооперативным формам. Ключевой вызов – преодоление устойчивых цивилизационных границ через формирование «психологического контракта» между цивилизациями.

Ключевые слова: Цивилизационное государство, Государство-нация, конструктивизм, урегулирование конфликтов, идентичность «свой – другой», восприятие угрозы, международный порядок, трансквилизационный диалог, кейс-стади (Китай, Россия, Индия, Европейский союз).

Введение

На фоне перестройки глобальной политической структуры характер международных конфликтов и способы их урегулирования претерпевают существенные изменения. «Цивилизация практически обречена на вечный конфликт. Могут меняться лишь его формы и методы» [1]. Вспышка украинского кризиса и трансформация архитектуры безопасности в Европе выдвинули на передний план цивилизационные государства, прежде всего Китай и Россию, чьи идентичности, укоренённые в собственных цивилизационных традициях, всё чаще становятся предметом внимания мировой политики. Всё больше незападных стран в процессе самоидентификации обращаются к своей цивилизационной истории, подчёркивая преемственность культурного наследия и вытекающую из него политическую легитимность. В то же время западный блок во главе с Соединёнными Штатами, опираясь на разделительную линию «демократических принципов», позиционирует себя как хранителя универсальных ценностей. Такое противопоставление дискурсов переводит стратегическое соперничество из геополитического измерения в цивилизационно-ценностное и постепенно формирует новую структуру глобального противостояния.

Настоящее исследование основано на конструктивистской теоретической парадигме и вводит в аналитический контекст категорию «свой-другой». С опорой на теорию «столкновения цивилизаций» проводится системный анализ различий в подходах цивилизационных государств и государств-наций к управлению конфликтами. Особое внимание уделяется тому, каким образом различия в моделях идентичности формируют восприятие природы конфликта и определяют характер ответных стратегий, а также рассматриваются перспективы формирования нового типа международного порядка и связанные с этим вызовы.

Источники представления о «Цивилизационном государстве» и «Государстве-нации»

Понятие «государство-нация» сформировалось в Европе в ходе буржуазных революций и национально-освободительных движений XIX–XX веков и постепенно развилось в политическую форму, основанную на признании нации как ядра государственной идентичности. Для этой модели характерны чётко очерченные границы, государственный суверенитет, демократические институты и единая ценностно-нормативная система, которые выступают основой национального самосознания и политической легитимности. После окончания «холодной войны», западный либерализм способствовал превращению государства-нации в доминирующую форму политической организации в мировом масштабе. Однако вместе с подъёмом новых экономик и изменением баланса сил незападные страны начали заново осмысливать собственные модели государственности и культурно-цивилизационную идентичность. На этом историческом этапе проникательные западные исследователи обратили внимание на государства, сумевшие сохранить преемственность своей цивилизации на протяжении долгой истории. В рамках подобных исследований западные учёные выдвинули концепцию «государство-цивилизация» (Civilization-state), описывающую страны, чьи модели государственного управления не следуют западным образцам, а основаны на преемственности собственных цивилизационных традиций и исторического опыта [2]. «В эпоху постхолодной войны одной из ключевых осей мировой политики стало взаимодействие между западной силой и культурой и силами и культурами незападных цивилизаций» [3, с. 10].

В XXI веке данный подход получил дальнейшее развитие. Британский исследователь Мартин Жак выдвинул тезис о том, что Китай представляет собой не государство-нацию, а государство-цивилизацию [4, с. 244], что способствовало широкому распространению соответствующего дискурса в международной академической среде. В то же время в китайском академическом сообществе началось переосмысление формы государства с многомерных позиций – исторической, культурной и институциональной. Исследователи подчёркивают, что преемственность китайской цивилизации и устойчивость традиционных институтов служат важной опорой современной политической легитимности.

Понятие «цивилизационное государство» (Civilizational State) впервые было предложено китайским учёным Чжан Вэйвэем, который использовал его для разграничения с ранее существовавшей концепцией

«государство-цивилизация» (civilization-state). Новое понятие отражает прежде всего на внешнее сравнительное наблюдение, концепция цивилизационного государства подчёркивает интеграцию элементов государства-нации и государства-цивилизации[5, с. 18]. В процессе модернизации такое государство стремится одновременно опираться на многовековую цивилизационную традицию и использовать её в качестве ресурса институционального проектирования. Тем самым предполагается преодоление западнцентричной модели модернизации и формирование органического единства традиции и современности, государства и цивилизации. После самоопределения Китая как цивилизационного государства аналогичные нарративы получили развитие в России и Индии, где также подчёркивается важность древних цивилизационных традиций в процессе модернизационного развития. В российской Концепции внешней политики государство прямо определяется как самобытная цивилизация, а индийский политический и академический дискурс всё активнее опирается на цивилизационные истоки национальной идентичности. Всё это свидетельствует о том, что нарратив цивилизационного государства выходит за рамки чисто академической категории и превращается в значимый фактор международной политики.

Самоопределение России как государства-цивилизации нашло своё отражение в Указе Президента Российской Федерации № 229 от 31 марта 2023 года «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». В документе прямо подчёркивается, что Россия является самобытным государством-цивилизацией, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державой[6]. Индия является одной из отвечавших на концепцию цивилизационное государство стран. Индия стала одной из первых стран, откликнувшихся на идею «цивилизационного государства». Премьер-министр Индии Нарендра Моди неоднократно подчёркивал в своих публичных выступлениях, что развитие Индии укоренено в её древних цивилизационных традициях и что, опираясь на эти традиции, страна формирует собственную национальную идентичность[7].

С учётом того, что в современном академическом и политическом исследовании понятия «цивилизационное государство» (Civilizational State) и «государство-цивилизация» (Civilization-State) используются практически как синонимы, в дальнейшем анализе будет применяться термин «цивилизационное государство» для более чёткого сопоставления его характеристик с типом «государства-нации» (Nation-State).

Причинно-следственная цепочка между идентичностью, восприятием угроз и логикой конфликтов

Американский учёный в области международных отношений, представитель направления структурного конструктивизма Александр Вендт (Alexander Wendt) в своей фундаментальной работе «Социальная теория международной политики» рассматривает международную политику в рамках социально-теоретического подхода. Он формулирует ключевое положение о том, что идентичность и интересы государств формируются в контексте международной системы[8, с. 313]. Данная точка зрения с онтологической точки зрения отличается от рационализма, который исходит из того, что международная система формируется интересами и идентичностью государств. В своей работе Александр Вендт подробно рассматривает процесс конструирования идентичности во взаимодействии «Своего» и «Другого» в рамках конструктивистского подхода. Вендт показывает, что в ходе повторяющихся взаимодействий закрепляются определённые роли «Своего» и «Другого», которые обладают относительной устойчивостью, но сохраняют потенциал трансформации[9, с. 246]. Таким образом, идентичность понимается как динамическая конструкция, постоянно воспроизводимая и изменяемая через практики взаимодействия. В рамках этой логики ключевое значение приобретает то, как акторы интерпретируют намерения Другого. Вендт выделяет три типа анархической культуры – гоббсовскую, локковскую и кантовскую, – которым соответствуют различные модели восприятия Другого: как врага, соперника или партнёра. В гоббсовской культуре общие идеи практически отсутствуют, и преобладает восприятие угрозы; в локковской формируется консенсус относительно базовых принципов суверенитета и права на существование, что позволяет ограничить насилие; в кантовской утверждается идея взаимозависимости и общей безопасности, делающая сотрудничество и взаимопомощь нормой международной жизни.

В традиции реализма представитель школы, Кеннет Уолтц (Kenneth Neal Waltz), следуя гоббсовской традиции, утверждает, что ключевая особенность международной политики заключается в относительном характере власти[10]. Такая относительность приводит к тому, что государства, находящиеся в условиях анархической системы, склонны воспринимать международные отношения как игру с нулевой суммой.

В условиях анархии усиление одной стороны трактуется как ослабление безопасности другой, что усиливает действие гоббсовской логики. В этом контексте модель восприятия угрозы, предложенная Д. Руссо и Р. Гарсия-Ретамеро, показывает, что власть и идентичность взаимно влияют на формирование чувства угрозы: чем выше степень идентификационной близости между «Своим» и «Другим», тем ниже воспринимаемая угроза и тем больше возможностей для кооперации[11, с. 744].

Сэмюэл Хантингтон, развивая идею цивилизационных разломов, подчёркивал, что глубоко укоренённые цивилизационные различия затрудняют выработку общих ценностей и консенсуса[12, с. 10]. Цивилизационные границы, встроены в историческую память и коллективные нарративы, формируют устойчивые «границы идентичности», которые могут ослаблять даже прагматически мотивированное стремление к сотрудничеству. Чем более жёстко конструируется противопоставление «Своего» и «Чужого», тем выше воспринимаемый уровень угрозы и тем вероятнее выбор оборонительных или конфронтационных стратегий. В то же время конструктивистский подход подчёркивает, что даже в рамках гоббсовской культуры враждебность не является абсолютно необратимой: при наличии позитивного опыта взаимодействия возможна постепенная трансформация идентификационных отношений и эволюция международной системы в сторону большей кооперативности[13, с. 20].

Различия в логике урегулирования конфликтов между цивилизационным государством и государством-нацией

Различия в логике урегулирования конфликтов между цивилизационным государством и государством-нацией обусловлены механизмами идентичности «Свой – Другой». В международном порядке, доминируемом государствами-нациями, суверенные границы – центральный элемент системы, а безопасность определяется балансом сил. Отношения между «Своим» и «Другим» строятся как противостояние или ограниченное сотрудничество, что сохраняет гоббсовскую анархическую культуру.

Идентичность цивилизационного государства, напротив, укоренена в многовековой истории. Непрерывность развития формирует «цивилизационную уверенность»: выживание не связывается с уничтожением Другого, признаётся право различных цивилизаций на самостоятельный путь развития. Это контрастирует с универсалистскими доктринами. Данная особенность проявляется в китайской концепции «Тянься» (Поднебесная). Цай Юн отмечал: «Тянь-цзы не имеет внешнего – он считает Поднебесную своим домом», подчёркивая отсутствие чёткого разграничения внутреннего и внешнего [14, с. 51]. Китай демонстрирует высокий уровень терпимости к «Другим», основанный на сложившейся самоидентификации, а не на стратегическом выборе. М. Блэкберн на основе полевых интервью показал, что в российском обществе идентичность «цивилизационного государства» проявляется в форме многонационального единства, патриотизма на основе лояльности государству и культурной сплочённости, поддерживаемой русским языком [15, с. 1–19]. Эта идентичность способствует сохранению внутренней сплочённости России при внешних угрозах [16].

Китайская «Тянься», российское многонациональное единство и индийский цивилизационный нарратив – различные варианты одной логики. Идентичность цивилизационного государства выступает результатом внутреннего самоопределения и взаимного признания в международной среде.

Цивилизационные государства усиливают влияние в глобальных делах, трансформируя логику международной системы. Современное соперничество и сотрудничество невозможно адекватно объяснить в рамках концепции государства-нации. «Цивилизационное государство» и «государство-нация» не являются взаимоисключающими категориями. Как отмечает В.И. Пантин, национально-цивилизационная идентичность не заменяет национальную, а надстраивается над ней [17, с. 302]. Европейский Союз – пример «квази-цивилизационного государства»: сохраняя суверенитет, члены ЕС в ходе интеграции сформировали общеевропейскую идентичность, снижающую восприятие угрозы. Однако «европейская» идентичность основана не на единой цивилизации, а на институциональных механизмах. При внешнем давлении ЕС проявляет оборонительные реакции, его способность к коллективным действиям ограничена «наименьшим общим знаменателем». ЕС вынужден возвращаться к традиционным оборонительным стратегиям, что проявлялось в кризисах энергобезопасности и трениях с соседними державами. Формирование моделей международного поведения зависит от степени интериоризации разделяемых идей. Только институционализированная идентичность способна преодолевать цивилизационные различия и формировать устойчивое сотрудничество.

Перспективы и вызовы формирования нового международного порядка

В феврале 2022 года в Пекине председатель КНР Си Цзиньпин и президент Российской Федерации В. В. Путин подписали документ под названием «Партнёрство без ограничений между Китаем и Россией», что вывело двусторонние отношения на высший уровень – «всестороннего стратегического взаимодействия и партнёрства в новой эпохе». В документе подчёркивается взаимная поддержка сторон в международных делах и их совместное противостояние западному одностороннему подходу и гегемонизму. В то же время такие площадки, как БРИКС, Юг с югом сотрудничество, концепция «Один пояс Один путь», придерживаясь принципов диалога цивилизации и взаимовыгодное сотрудничество, предлагают шанс и площадку для положительного взаимодействия между странами.

В современной международной политике концепция «цивилизационного государства» всё более проявляет конструктивный характер, однако долгосрочный механизм поддержания идентификационных границ по-прежнему оказывает глубокое влияние на эволюцию мирового порядка. Будущая международная система с высокой вероятностью будет развиваться под воздействием двух разнонаправленных сил. С одной стороны, в системе государства-нации сохраняется укоренившаяся гоббсовская культурная инерция, которая при разрешении конфликтов продолжает руководствоваться конфронтационной логикой безопасности, вследствие чего межгосударственное сотрудничество неизбежно приобретает оборонительный характер. С другой стороны, если цивилизационное государство сумеет институционализировать свою инклюзивную идентичность и преобразовать её в рамки трансквилизационного сотрудничества, подобная модель идентичности способна ослабить воспроизводство враждебных нарративов и способствовать постепенному переходу анархической культуры от хоббсовской модели к локковской, а затем – к близкому кантовскому типу кооперации. Такое преобразование представляет собой не только теоретически обоснованное направление, но и открывает практический путь к формированию более открытого и многополярного мирового порядка.

В теории анархической культуры, предложенной Вендтом, такой переход зависит от степени интериоризации общих идей и уровня доверия, возникающего в процессе междифференциационного взаимодействия. Цивилизационное государство, обладая исторической преемственностью и относительно зрелой ценностной системой, предоставляет более разнообразные ресурсы для трансквилизационного диалога: оно может задействовать культурные, экономические и институциональные измерения своей идентичности и тем самым играть конструктивную роль в продвижении нового международного порядка. Его ключевая задача заключается в формировании трансквилизационных идентичностей и создании «перекрывающихся сообществ» с различными цивилизационными кругами, что позволяет преодолевать жёсткую дихотомию «свой – чужой» и сокращать путь от «войны всех против всех» к более кооперативным моделям. При этом необходимо признать реальные вызовы, с которыми сталкивается цивилизационное государство при продвижении идеи трансквилизационного сосуществования. Конфликты интересов и неравномерное распределение власти остаются трудноустраняемыми; цивилизационные барьеры нередко порождают подозрения в искренности намерений к сотрудничеству и формируют «психологию цивилизационной обороны» у других акторов. Тем не менее концепция цивилизационного государства может выступать и ускорителем интериоризации общих идей, и площадкой институциональных инноваций. Эффективность этого процесса во многом зависит от того, удастся ли, несмотря на долговременную устойчивость цивилизационных различий, использовать модели восприятия угрозы для снижения чувства неуверенности и перевода конкуренции в более кооперативное русло.

Выводы

В настоящей статье, опираясь на конструктивистскую теорию Александра Вендта, его систему идентификаций «свой – другой», а также на концепцию «столкновения цивилизаций» Сэмюэла Хантингтона и отдельные положения реалистической школы, проанализирована логика урегулирования конфликтов в контексте различий между цивилизационным государством и государством-нацией. Цивилизационное государство, опираясь на многовековую цивилизационную традицию и сравнительно высокую культурную инклюзивность, в большей степени склонно разрешать противоречия через диалог, переговоры и институционализированные механизмы. Государство-нация, чья идентичность строится вокруг суверенитета и территориальных границ, в условиях нарастающих угроз безопасности чаще возвращается к конкурентной или оборонительной логике. При этом поведенческие различия между

двумя типами государств не являются абсолютно полярными и зависят от сочетания исторического опыта, институциональной среды и текущей конфигурации международной системы.

Опыт Китая, России, Индии и Европейского союза показывает, что ключевое значение для перспектив мирового порядка имеет не столько распределение сил, сколько степень интериоризации трансквилизационного консенсуса как части самоидентификации участников. Цивилизационные государства, обладая множественной идентичностью и развитой платформой цивилизационного взаимодействия, способны вовлекать «Другого» в процессы диалога и совместного созидания, сокращая дистанцию между враждебностью и доверием. Вместе с тем любая модель, основанная на инклюзивной идентичности, сталкивается с устойчивыми цивилизационными различиями, внешними шоками и инерцией внутренней политической мобилизации, которые подталкивают государства к стратегиям обороны и сдерживания. Это подчёркивает, что при проектировании будущей архитектуры глобального управления необходимо учитывать не только институциональные механизмы, но и процессы формирования и поддержания идентичности: только при наличии достаточно прочного «психологического контракта» между цивилизациями международный порядок может развиваться в более устойчивом и инклюзивном направлении.

Литература

1. Барбанов О. Н. «Государство-цивилизация» в теории и на практике // Международный дискуссионный клуб «Валдай» 10.10.2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/gosudarstvo-tsivilizatsiya-v-teorii-i-na-praktike/> (дата обращения: 10.13.2025).
2. Rachman G. China, India and the rise of the 'civilisation state'. Mar 4, 2019 // Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/b6bc9ac2-3e5b-11e9-9bee-efab61506f44> (дата обращения: 01.07.2025).
3. Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York., Simon & Schuster, 2011.
4. Jacques, M. When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order. London., Penguin Books, 2012. P. 244.
5. Чжан Вэйвэй. Вэньминсин гоцзя [The China Wave: The Rise of a Civilizational State]. Шанхай: жэньмин чубаньшэ, 2017. P. 18. (In Chinese.)
6. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.). Доступ из официального сайта Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 08.05.2025).
7. Juluri V. Modi's Civilizational Moment: India's Prime Minister and the Rise of Popular Hinduism. January 22, 2015 // Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/india/2015-01-22/modis-civilizational-moment> (дата обращения: 10.08.2025).
8. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge., Cambridge University Press, 2012. P. 313–316
9. Waltz K. N. Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979.
10. Rousseau D. L., Garcia-Retamero R. Identity, Power, and Threat Perception: A Cross-National Experimental Study. Journal of Conflict Resolution, Vol. 51(5), 2007. P. 744–771.
11. Huntington, S. P. 2011. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order [M]. New York., Simon & Schuster, 10.
12. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge., Cambridge University Press, 2012. P. 20–23.
13. Чжао Тиньян. Тянься тиси: Шицзе чжидусюэ даолунь [The Tianxia System: An Introduction to the Philosophy of World Institutions]. Наньцзин: Цзяньсю цзяюй чубаньшэ, 2005. P. 51. (In Chinese.)
14. Blackburn M. Mainstream Russian Nationalism and the 'State-Civilization' Identity: Perspectives from Below // Nationalities Papers, 2021. Vol. 49(1), P. 1–19.
15. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 12 декабря 2012 г. – Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 30.10.2025).

ANALYSIS OF THE DIFFERENCES IN CONFLICT MANAGEMENT LOGIC BETWEEN «CIVILIZATIONAL STATES» AND «NATION-STATES»

Jia Yiyang
Saint Petersburg State University

Relevance and Objectives. In the context of global transformation, the role of civilizational identities in justifying foreign policy decisions is increasing. The aim of this study is to identify differences in the logic of conflict management between «civilizational states» and

«nation-states» based on the constructivist «us-other» dichotomy. *Materials and Methods.* The methodological framework draws on A. Wendt's constructivism and S. Huntington's theory. A case study is used to examine China, Russia, India (civilizational states), and the European Union (nation-state). Official doctrinal documents and public speeches of leaders are analyzed. *Results.* Civilizational states, relying on cultural and historical continuity, demonstrate lower sensitivity to external threats and a propensity for dialogue. Nation-states, in contrast, revert to the logic of containment in times of crisis. The Chinese concept of «Tianxia», the Russian narrative of unity, and Indian discourse form inclusive models, but even in the EU, institutional identity gives way to defensive strategies under external pressure. *Conclusions.* Civilizational states facilitate the transition of the international system from the Hobbesian model to more cooperative forms. The key challenge is overcoming stable civilizational boundaries through the formation of a «psychological contract» between civilizations.

Keywords: Civilizational state, nation-state, constructivism, conflict resolution, identity «us – other», threat perception, international order, transcivilizational dialogue, case study (China, Russia, India, European Union).

References

1. Barabanov, O.N., Valdai Discussion Club, October 10, 2023. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/gosudarstvo-tsivilizatsiya-v-teorii-i-na-praktike/> (Accessed: December 10, 2025).
2. Rachman, G., China, India, and the Rise of the 'Civilization State'. Mar 4, 2019 // Financial Times. Available at: <https://www.ft.com/content/b6bc9ac2-3e5b-11e9-9bee-efab61506f44> (Accessed: July 1, 2025).
3. Huntington, S.P., The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, Simon & Schuster, 2011.
4. Jacques, M. When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order. London, Penguin Books, 2012, p. 244.
5. Zhang Weiwei. 2017. Civilized Country. Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 18 [The China Wave: The Rise of a Civilizational State]. Shanghai: Renmin Chubanshe, 2017, p. 18. (In Chinese.)]
6. Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023). Accessed from the official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (accessed: May 8, 2025).
7. Juluri V. Modi's Civilizational Moment: India's Prime Minister and the Rise of Popular Hinduism. January 22, 2015 // Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/india/2015-01-22/modis-civilizational-moment> (accessed 08/10/2025).
8. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge., Cambridge University Press, 2012. P. 313–316
9. Ibid. P. 246–250.
10. Waltz K.N. Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979.
11. Rousseau D.L., Garcia-Retamero R. Identity, Power, and Threat Perception: A Cross-National Experimental Study. Journal of Conflict Resolution, Vol. 51(5), 2007. P. 744–771.
12. Huntington, S.P. 2011. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order [M]. New York., Simon & Schuster, 10.
13. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge., Cambridge University Press, 2012. P. 20–23.
14. Zhao Tingyang. 2005. The Tianxia System: An Introduction to the Philosophy of World Institutions. Nanjing: Jiangsu Education Press, 51. [Zhao Tingyang. The Tianxia System: An Introduction to the Philosophy of World Institutions. Nanjing: Jiangsu Jiaoyu Chubanshe, 2005. P. 51. (In Chinese.)]
15. Blackburn M. Mainstream Russian Nationalism and the 'State-Civilization' Identity: Perspectives from Below // Nationalities Papers, 2021. Vol. 49(1), Pp. 1–19.
16. December 12, 2012 – President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118> (accessed: October 30, 2025).

Цифровая дипломатия Шаньдуня: каналы, форматы и эффективность коммуникации региональной культуры в рамках проекта «Один пояс – один путь»

Чжан Линь,
аспирант, кафедра филологии, Российский университет
дружбы народов
E-mail: 1042248278@pfur.ru

В статье рассматривается цифровая дипломатия как инструмент продвижения региональной культуры провинции Шаньдун (КНР) в контексте инициативы «Один пояс – один путь». На основе анализа официальных цифровых платформ (iSHANDONG, «Молния»), социальных медиа и специализированных проектов («Коридор Шаньдунь» в Малайзии) выявляются ключевые каналы, форматы и стратегии коммуникации. Особое внимание уделяется оценке эффективности цифровой дипломатии через показатели охвата, вовлечённости и качественные изменения в восприятии региональной культуры зарубежной аудиторией. Эмпирическую базу составили данные мониторинга аккаунтов в TikTok (Douyin), WeChat, Facebook, а также результаты контент-анализа публикаций за 2022–2025 гг. Автором предложена методика оценки эффективности, включающая количественные (число просмотров, лайков, репостов, комментариев) и качественные параметры (тональность отзывов, глубина интерпретации культурных символов). Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций по оптимизации цифровой коммуникации региональной культуры в рамках гуманитарной составляющей «Пояса и пути».

Ключевые слова: цифровая дипломатия, региональная культура, провинция Шаньдун, инициатива «Один пояс – один путь», международные коммуникации, публичная дипломатия, социальные медиа, культурный брендинг.

Введение

В эпоху цифровой глобализации традиционные механизмы международной культурной коммуникации дополняются и зачастую замещаются онлайн-инструментами. Для регионов, стремящихся интегрироваться в международное гуманитарное пространство, цифровая дипломатия становится не просто дополнительным каналом, но стратегическим ресурсом. Провинция Шаньдун – родина конфуцианства, колыбель циньской и цзилуйской культур – активно использует цифровые платформы для продвижения своего культурного наследия в рамках инициативы «Один пояс – один путь» (далее – OBOR). Однако, несмотря на масштабные инвестиции в создание многоязычных порталов, аккаунтов в социальных сетях и виртуальных выставок, системный анализ эффективности этих усилий остаётся лакуной в научной литературе.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодолеть разрыв между практической активностью региональных властей и отсутствием валидных методик оценки результативности цифровой дипломатии. Цель работы – выявить основные каналы, форматы и стратегии цифровой дипломатии Шаньдуня, а также предложить инструментарий для оценки их эффективности в контексте международных коммуникаций о региональной культуре. Задачи: 1) систематизировать цифровые платформы, используемые для продвижения культуры Шаньдуня за рубежом; 2) проанализировать контент-стратегии и форматы подачи материалов; 3) провести пилотную оценку эффективности на основе количественных и качественных показателей; 4) выработать рекомендации по оптимизации коммуникации.

Материалы и методы исследований

В исследовании применялся комплексный подход, включающий теоретический анализ, контент-анализ, метод кейс-стади и элементы веб-аналитики.

Теоретическую базу составили работы по публичной дипломатии (Дж. Най, К.М. Лорд), цифровой дипломатии (М. Эгисман, А.С. Фролова), а также исследования международных коммуникаций региональной культуры Китая (Цю Лин, Ян Янь, Ван Хайянь). Всего проанализировано 22 источника, включая монографии, статьи в рецензируемых журналах и официальные отчёты.

Эмпирический материал собран в период с января 2022 по март 2025 г. Объектами анализа выступили:

- официальные аккаунты правительства провинции Шаньдун в социальных сетях (WeChat, Weibo, Douyin/TikTok, Facebook, Twitter/X);
- мультязычный портал «iSHANDONG» (английский, японский, корейский, русский, арабский);
- проект «Коридор Шаньдунь» в Университете Тунку Абдул Рахмана (Малайзия) как гибридная офлайн-онлайн модель;
- серия виртуальных выставок «Облачный Шаньдунь» (2023–2024).

Методы: сплошной мониторинг публикаций за указанный период (N=1240 постов), контент-анализ по категориям (тема, формат, язык, интерактивность), расчёт коэффициента вовлечённости (ER), тональный анализ комментариев (с использованием инструментов LIWC и ручной кодировки).

Результаты и обсуждение

Провинция Шаньдун создала многоуровневую экосистему цифровых каналов, которую можно типологизировать следующим образом (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Типология цифровых каналов продвижения культуры Шаньдуня за рубежом

Тип канала	Примеры	Целевая аудитория	Основные функции
Официальные информационные порталы	iSHANDONG, «Молния» (Shandong Flash)	Иностранные исследователи, туристы, бизнес-партнёры	Информирование, предоставление справочных данных, анонсы событий

Тип канала	Примеры	Целевая аудитория	Основные функции
Социальные медиа (китайские)	WeChat, Weibo	Китайская диаспора за рубежом, китайскоязычные иностранцы	Поддержание связи с диаспорой, формирование позитивного образа
Социальные медиа (международные)	Facebook, X (Twitter), Instagram, TikTok	Массовая зарубежная аудитория (18–35 лет)	Вовлечение молодёжи, вирусное распространение коротких форматов
Специализированные культурные платформы	Виртуальные музеи (шаньдунские музеи на платформе «Панду»), онлайн-выставки	Искусствоведы, музейные профессионалы, образовательные учреждения	Глубокое погружение, образовательная функция
Гибридные проекты (офлайн+онлайн)	«Коридор Шаньдунь» (Малайзия)	Студенты, преподаватели, местное сообщество	Лонгрид-взаимодействие, создание постоянного культурного присутствия

Наиболее динамично развивающимся каналом является TikTok (в Китае – Douyin). Аккаунт «Shandong Culture» (под управлением Департамента культуры и туризма провинции) за 2024 год набрал 1,2 млн подписчиков, из которых около 40% – пользователи из стран Юго-Восточной Азии (Индонезия, Таиланд, Малайзия) и 15% – из России и стран СНГ.

Этот факт коррелирует с географией проекта OBOR и подтверждает гипотезу о целевой ориентации цифровой дипломатии на страны-участницы.

Анализ 1240 публикаций позволил выделить пять доминирующих форматов (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Распределение форматов контента по каналам цифровой дипломатии Шаньдуня (2024 г., %)

Формат	iSHANDONG	Facebook	TikTok	WeChat
Короткие видео (15–60 с)	5%	20%	80%	10%
Статьи/лонгриды	70%	10%	0%	40%
Инфографика и фотоальбомы	15%	40%	5%	20%
Прямые эфиры (экскурсии, мастер-классы)	5%	15%	10%	5%
Интерактивные форматы (викторины, конкурсы)	5%	15%	5%	25%

Ключевые тематические кластеры (по результатам тематического моделирования):

- Традиционная культура (45%): конфуцианство, храм Конфуция в Цюйфу, каллиграфия, чайная церемония, праздник Цинмин.
- Нематериальное культурное наследие (25%): роспись по фарфору (цзочжоуский фарфор), вышивка луцзю, резьба по тыкве, народные песни.
- Современные достижения (15%): экономика Шаньдуня, экоселения, технологические парки (Цзинань, Циндао).
- Гастрономия и туризм (10%): луцзю (луцзюань), морепродукты, прибрежные курорты.
- Исторические личности (5%): Конфуций, Мэн-цзы, Мо-цзы, Сунь Цзы.

Характерной чертой контент-стратегии является адаптация под локальные аудитории. Для русскоязычного сегмента (канал в Telegram и раздел на iSHANDONG) акцент делается на параллелях между русской и китайской культурой, а также на экономическом сотрудничестве. Для англоязычной аудитории преобладает эстетически ориентированный контент с минимальной идеологической нагрузкой.

На основе данных за 2024 год были рассчитаны следующие интегральные показатели:

- Совокупный охват (по всем каналам, уникальные пользователи): ≈ 8,5 млн человек.
- Медианный коэффициент вовлечённости (ER): 2,8% (для TikTok – 4,5%, для Facebook – 1,8%, для WeChat – 0,9%).

- Доля иностранной аудитории: 63% (из них 42% – страны АСЕАН, 21% – Россия и СНГ, 15% – Европа и США, 22% – прочие).
- Темп прироста подписчиков (2023–2024): +37%.

Сравнительный анализ с показателями других китайских провинций (Чжэцзян, Сычуань, Гуандун) показывает, что Шаньдунь занимает второе место по охвату среди региональных цифровых дипломатических проектов, уступая лишь Чжэцзяну (главным образом благодаря продвижению э-коммерции).

Интересно, что наиболее частыми причинами положительных отзывов являются «эстетика видеоряда» (41%), «интерес к конфуцианской этике» (28%) и «желание попробовать местную кухню» (18%). Отрицательные отзывы связаны преимущественно с техническими проблемами (медленная загрузка видео, неудобный интерфейс) и недостаточной глубиной интерпретации культурных кодов (например, «я не понял, почему эта скульптура из тыквы важна»).

Кейс «Коридора Шаньдунь» в Малайзии заслуживает отдельного внимания. Эта гибридная модель (физическое пространство + виртуальные туры + онлайн-лекции) показала наивысший коэффициент удержания аудитории (76% посетителей возвращаются хотя бы раз в месяц). Опрошенные студенты (N=85) отметили, что «реальные объекты и цифровые дополнения помогают почувствовать культуру изнутри». Это подтверждает выводы музейной педагогики (Столяров, 2021) о синергии материального и цифрового.

В ходе исследования выявлены следующие системные проблемы:

- Фрагментация сообщений: разные каналы транслируют несогласованные нарративы (например, портал iSHANDONG делает упор на экономику, а TikTok – на этнографические сюжеты).
- Недостаточная обратная связь: лишь 15% комментариев получают ответ от администраторов, что снижает доверие.
- Культурные барьеры: сложные символы (например, ритуальные сосуды эпохи Чжоу) не имеют адаптированного объяснения для западной аудитории, что порождает нейтральное или негативное восприятие.
- Отсутствие единой методики оценки эффективности: текущие отчёты провинции оперируют только «сырыми» показателями просмотров, игнорируя глубину вовлечённости.

Выводы

Цифровая дипломатия Шаньдуня представляет собой динамично развивающуюся экосистему, которая эффективно использует разнообразие каналов (от официальных порталов до TikTok) для продвижения региональной культуры в странах-участниках проекта «Один пояс – один путь».

Наиболее успешными форматами признаны короткие вертикальные видео (для молодёжи) и гибридные проекты («Коридор Шаньдунь»), сочетающие физическое присутствие с цифровым контентом.

Количественные показатели (охват 8,5 млн, ER 2,8%) свидетельствуют о заметном присутствии, однако качественный анализ показывает, что позитивная тональность (52%) соседствует с высоким уровнем нейтральных реакций (38%), что указывает на недостаточную эмоциональную и смысловую вовлечённость.

Главными проблемами остаются фрагментация стратегии, слабая обратная связь и дефицит межкультурного перевода сложных символов.

На основе полученных данных предлагаются следующие рекомендации:

- Создать единый координационный центр цифровой дипломатии при правительстве провинции, который будет унифицировать нарративы по всем каналам.
- Внедрить регулярный мониторинг комментариев с обязательным ответом на не менее чем 50% содержательных сообщений.
- Разработать библиотеку культурных символов с готовыми вариантами адаптации для разных макрокультурных регионов (Запад, Юго-Восточная Азия, арабский мир, русскоязычное пространство).
- Использовать геймифицированные форматы (квесты, викторины с призами) для повышения глубины вовлечённости.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с проведением лонгитюдного эксперимента по оценке изменения установок зарубежной аудитории до и после воздействия цифрового контента, а также с разработкой автоматизированного инструментария для семантического анализа межкультурной рецепции.

Литература

- Най Дж.С. Мягкая сила: средство достижения успеха в мировой политике. – Нью-Йорк: PublicAffairs, 2004. – 192 с.
- Бьола К., Холмс М. Цифровая дипломатия: теория и практика. – Лондон: Рутледж, 2015. – 242 с.

3. 邱凌. 儒家文化在社交媒体的国际传播研究 // 现代传播. 2022. № 4. С. 58–66. (Цю Лин. Международная коммуникация конфуцианской культуры в социальных сетях // Современные коммуникации. 2022. № 4. С. 58–66.)
4. 杨燕. Исследование стратегий внешней коммуникации региональной культуры Шаньдуна // Молодой журналист. 2023. № 10. С. 92–94.
5. Фролова, А.С. Цифровая дипломатия как феномен современной международной коммуникации // Вестник МГИМО. 2020. Т. 13. № 2. С. 98–119.
6. Шаньдунский коридор в Малайзии: Отчет о реализации проекта. – Цзинань: Издательство Шаньдунского университета, 2024. – 88 с.
7. Сук, Дж.М. Инициатива «Один пояс, один путь» и культурная дипломатия // Азиатский журнал коммуникации. 2021. Т. 31. № 4. С. 312–329.
8. Столяров, Б.А. Музейная педагогика: теория и практика. Москва: Высшая школа, 2021. – 456 с.
9. Семенов, И.С. Региональная идентичность в цифровом пространстве // Политические исследования. 2022. № 5. С. 45–61.
10. Региональная идентичность в цифровом пространстве // Политические исследования. 2024. № 2. С. 34–38. (Ван Сяоянь. Исследование построения цифровой платформы публичной дипломатии Шаньдуна // Международные коммуникации. 2024. № 2. С. 34–38.)
11. Кузьмин, А.И. Эффективность публичной дипломатии Китая в странах ЕАЭС // Дипломатическая служба. 2023. № 3. С. 22–31.
12. Чжао, Ю. Цифровая дипломатия в провинциях Китая: пример Шаньдуна // Журнал китайской политической науки. 2024. Том 29. С. 187–205.
13. Цифровая дипломатия Китая в провинциях Китая: пример Шаньдуна. – Лудунский университет. Исследовательский доклад об «выходе» культуры цилу. – Яньтай: Издательство Лудунского университета, 2023. – 210 с.
14. Морозова, Е.В. Социальные сети как инструмент культурной дипломатии: анализ отчетов регионов КНР // Коммуникология. 2024. № 1. С. 66–80.
15. Шаньдунское управление культуры и туризма. Ежегодный доклад о международной цифровой коммуникации. – Цзинань: СПДКТ, 2025. – 45 с.
16. Чань Вэй. Конфуцианство и мягкая сила Китая. Санкт-Петербург: Наука, 2021. 312 с. Кирюхин, Д.И. Методы оценки эффективности цифровой дипломатии // Международная аналитика. 2023. № 4. С. 55–71.
17. Ян Ю., Ван Х. Региональный культурный брендинг в рамках инициативы «Один пояс, один путь»: пример Шаньдуна // Брендинг мест и публичная дипломатия. 2024. Т. 20. С. 45–59.

DIGITAL DIPLOMACY OF SHANDONG: CHANNELS, FORMATS AND EFFECTIVENESS OF REGIONAL CULTURE COMMUNICATION WITHIN THE FRAMEWORK OF THE BELT AND ROAD INITIATIVE

Zhang Lin

Peoples' Friendship University of Russia

This article examines digital diplomacy as a tool for promoting the regional culture of Shandong Province (China) in the context of the Belt and Road Initiative. Based on an analysis of official digital platforms (iSHANDONG, «Molniva»), social media, and specialized projects (the «Shandong Corridor» in Malaysia), the key channels, formats, and communication strategies are identified. Special attention is paid to assessing the effectiveness of digital diplomacy through reach, engagement, and qualitative changes in the perception of regional culture by foreign audiences. The empirical basis consists of monitoring data from accounts on TikTok (Douyin), WeChat, Facebook, as well as the results of content analysis of publications from 2022–2025. The author proposes an effectiveness assessment methodology that includes quantitative (views, likes, reposts, comments) and qualitative parameters (sentiment of feedback, depth of interpretation of cultural symbols). The practical significance of the study lies in the development of recommendations for optimizing digital communication of regional culture within the humanitarian component of the Belt and Road.

Keywords: digital diplomacy, regional culture, Shandong province, Belt and Road Initiative, international communications, public diplomacy, social media, cultural branding.

References

1. Nye J.S. Soft Power: A Tool for Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004, 192 p.
2. Bjola K., Holmes M. Digital Diplomacy: Theory and Practice. London: Routledge, 2015, 242 p.
3. Digital Diplomacy: Theory and Practice in the World: A Case Study of Digital Diplomacy // Digital Diplomacy. 2022. № 4. pp. 58–66. (Qiu Ling. International Communication of Confucian Culture in Social Networks // Modern Communications. 2022. № 4. Pp. 58–66.)
4. Yin Yu. A Study of External Communication Strategies of Shandong Regional Culture // Young Journalist. 2023. № 10. Pp. 92–94.
5. Frolova, A.S. Digital Diplomacy as a Phenomenon of Modern International Communication // MGIMO Bulletin. 2020. Vol. 13. № 2. Pp. 98–119.
6. Shandong Corridor in Malaysia: Project Implementation Report. – Jinan: Shandong University Press, 2024. – 88 p.
7. Suk, J.M. The Belt and Road Initiative and Cultural Diplomacy // Asian Journal of Communication. 2021. Vol. 31. № 4. Pp. 312–329.
8. Stolyarov, B.A. Museum Pedagogy: Theory and Practice. Moscow: Vys-shaya shkola, 2021. – 456 p.
9. Semenenko, I.S. Regional Identity in the Digital Space // Political Studies. 2022. № 5. Pp. 45–61.
10. Regional Identity in the Digital Space // Political Studies. 2024. № 2. Pp. 34–38. (Wang Xiaoyan. A Study on the Construction of a Digital Platform for Public Diplomacy in Shandong // International Communications. 2024. № 2. Pp. 34–38.)
11. Kuzmin, A.I. The Effectiveness of China's Public Diplomacy in the EAEU Countries // Diplomatic Service. 2023. № 3. pp. 22–31.
12. Zhao, Yu. Digital Diplomacy in China's Provinces: The Case of Shandong // Journal of Chinese Political Science. 2024. Vol. 29. pp. 187–205.
13. China's Digital Diplomacy in China's Provinces: The Case of Shandong. Ludong University. Research Report on the «Exit» of Qilu Culture. Yantai: Ludong University Press, 2023. – 210 p.
14. Morozova, E.V. Social Networks as a Tool of Cultural Diplomacy: Analysis of Reports from Chinese Regions // Communicology. 2024. № 1. pp. 66–80.
15. Shandong Administration of Culture and Tourism. Annual Report on International Digital Communication. – Jinan: SPDCT, 2025. – 45 p.
16. Chen Wei. Confucianism and China's Soft Power. St. Petersburg: Nauka, 2021. 312 p. Kiryukhin, D.I. Methods for Assessing the Effectiveness of Digital Diplomacy // International Analytics. 2023. № 4. pp. 55–71.
17. Yang Yu., Wang H. Regional Cultural Branding within the Framework of the Belt and Road Initiative: The Case of Shandong // Place Branding and Public Diplomacy. 2024. Vol. 20. pp. 45–59.

Культурная память и механизмы формирования идентичности молодежи в российско-китайском приграничье: культурно-социологический анализ

Чэнь Сяосюй,

аспирант кафедры социологии культуры и коммуникации,
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: cxx1012@yandex.ru

Предмет статьи составляет связь культурной памяти с формированием молодежной идентичности в российско-китайском приграничье. Актуальность темы связана с тем, что приграничные регионы соединяют локальные исторические нарративы, межкультурные контакты, образовательные обмены и представления о соседней стране. Цель исследования состоит в выявлении механизмов, через которые культурная память участвует в конструировании гражданской, региональной и этнокультурной самоидентификации молодежи. Научная новизна заключается в построении аналитической схемы, связывающей память, территориальную принадлежность, ценностные ориентации и стереотипные образы российско-китайского взаимодействия. Методическую основу составили анализ научных публикаций, сравнительный анализ, классификация, обобщение и синтез. Изучены работы по социологии молодежи, культурно-исторической памяти, приграничной идентичности, российско-китайскому образовательному взаимодействию и этнокультурным стереотипам. В аналитической части выделены ценностно-смысловой, регионально-территориальный, институционально-образовательный и символично-коммуникативный механизмы. Результаты полезны для проектирования молодежных, образовательных и культурных программ в приграничных регионах.

Ключевые слова: культурная память, молодежная идентичность, российско-китайское приграничье, региональное сознание, фронтальная идентичность, этнокультурные стереотипы, межкультурный диалог, традиционные ценности, гражданская идентичность, приграничная социология.

Введение

Российско-китайское приграничье представляет собой пространство социальной идентификации молодежи, поскольку здесь повседневные практики связаны с исторической памятью региона, опытом межкультурного соседства, образовательными контактами и символическим восприятием Китая как ближайшего внешнего партнера. Молодой человек в такой среде соотносит себя с несколькими уровнями принадлежности: местным сообществом, российским гражданским пространством, этнокультурной традицией, профессионально-образовательной траекторией и трансграничной коммуникацией. Культурная память при этом задает язык интерпретации прошлого, через который молодежь осмысляет территорию, границы, соседство, исторические связи и образ будущего.

Актуальность исследования определяется тем, что приграничные регионы перестали рассматриваться только как периферийные территории. Их социальное значение связано с образовательной мобильностью, культурной дипломатией, региональной политикой, туристическими практиками, совместными гуманитарными инициативами и усилением интереса молодежи к восточноазиатскому направлению. В этих условиях идентичность формируется через взаимодействие семейной памяти, школьного и вузовского образования, публичной истории, медиасреды, стереотипов о соседнем народе и личного опыта контакта.

Цель исследования – раскрыть культурно-социологические механизмы формирования идентичности молодежи в российско-китайском приграничье через призму культурной памяти.

Для достижения цели поставлены три задачи:

- 1) определить теоретическое поле изучения культурной памяти и молодежной идентичности применительно к приграничным регионам;
- 2) классифицировать механизмы формирования идентичности молодежи в условиях российско-китайского соседства;
- 3) интерпретировать границы применимости выявленных механизмов для образовательной, культурной и молодежной политики.

Научная новизна статьи состоит в аналитическом соединении трех исследовательских линий: социологии молодежной идентичности, исследований культурно-исторической памяти и социологии приграничья. На этой основе предложена схема, в которой культурная память рассматривается как ресурс отбора ценностей, конструирования региональной принадлежности, упорядочения образа соседней страны и осмысления собственной гражданской позиции.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили русскоязычные научные публикации последних лет, раскрывающие разные стороны заявленной проблематики. Н.М. Великая и А.А. Лисенкова [1] исследовали социально-культурную идентичность студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности и показали значение ценностного ядра при изменении общественных ориентиров. В.В. Гриценко, М.Н. Ефременкова и Н.В. Муращенкова [2] рассмотрели связь этнической, гражданской и глобальной идентичностей старшеклассников с ценностями. А.Н. Мишакова [3] обратилась к российско-китайскому взаимодействию в сфере образования и обозначила значение межкультурного диалога для гуманитарного сотрудничества. В.В. Николина, А.А. Лощилова, С.В. Фролова и С.И. Аксенов [4] обосновали подходы к формированию гражданской идентичности и культурно-исторической памяти молодежи через образовательные и воспитательные направления. Хайтун Пэй и О.Н. Колышева [5] изучили этнокультурные стереотипные представления русских о Китае на материале ассоциативного эксперимента. В.Д. Попков и Е.А. Попкова [6] проанализировали связь исторической политики, образовательных программ и идентичности молодежи. В.А. Сапрыка, А.Н. Вавилов, А.В. Пастук и В.А. Сапрыка [7] предложили исследовательскую рамку фронтальной идентичности населения приграничных регионов. Р.Х. Симонян [8] рассмотрел региональное сознание студентов российско-китайского приграничья. Сюй Сюйчэнь [9] исследовал формирование традиционных ценностных ориентиров молодежи России и Китая в XX–XXI вв. Д.В. Трубицын и И.С. Дорогавцева [10] раскрыли структуру забайкальской идентичности через стереотипы регионального самосознания.

Методическую основу составили анализ научных публикаций, сравнительный анализ, обобщение, классификация, логико-аналитический анализ и синтез. Анализ публикаций позволил выделить содержательные линии в изучении культурной памяти, молодежной идентичности и приграничного сознания. Сравнительный анализ использовался для сопоставления ценностных, региональных и межкультурных подходов. Классификация применялась при выделении механизмов формирования идентичности. Синтез обеспечил построение единой культурно-социологической схемы.

Результаты

Культурная память в российско-китайском приграничье действует как система смыслового отбора, через которую молодежь соотносит личную биографию с историей территории, гражданской принадлежностью и образом соседней культуры. В отличие от индивидуального воспоминания, культурная память закрепляется в образовательных программах, памятных датах, региональных нарративах, музейных практиках, семейных рассказах, публичных дискуссиях и медийных образах. Для молодежи эти элементы образуют набор символов, из которых собирается представление о своем месте в обществе.

Первый механизм связан с ценностно-смысловой селекцией. Молодежная идентичность формируется через отбор тех ценностей, которые получают устойчивую поддержку в образовании, публичной истории, семейной социализации и межпоколенческой передаче. Исследование Н.М. Великой и А.А. Лисенковой показывает, что социально-культурная идентичность студенческой молодежи связана с состоянием общественной неопределенности и поиском устойчивого ценностного основания [1]. Данные В.В. Гриценко, М.Н. Ефременковой и Н.В. Муращенковой раскрывают связь этнической, гражданской и глобальной идентичностей с ценностными ориентациями старшеклассников [2]. Эти работы позволяют рассматривать культурную память как среду, где молодые люди отбирают символы принадлежности, сопоставляют традицию с современными жизненными стратегиями и выстраивают отношение к гражданскому сообществу.

В российско-китайском приграничье ценностно-смысловая селекция осложняется близостью иной цивилизационной традиции, поскольку образ Китая присутствует как часть повседневного знания о соседстве. Сюй Сюйчэнь показывает, что формирование традиционных ценностных ориентиров молодежи России и Китая в XX–XXI вв. связано с исторической динамикой воспитательных, культурных и идеологических оснований [9]. Поэтому молодежь приграничных регионов сталкивается с двумя типами ценностной репрезентации: российской культурно-исторической линией и представлениями о китайской традиции, которые приходят через образование, медиа, туризм, языковое обучение и личные контакты. Ситуация заставляет уточнять содержание гражданской принадлежности через сравнение культурных норм.

Второй механизм – институционально-образовательное закрепление культурной памяти. В.В. Николина, А.А. Лощилова, С.В. Фролова и С.И. Аксенов связывают формирование гражданской идентичности и культурно-исторической памяти молодежи с образовательными подходами, принципами и направлениями воспитательной работы [4]. В.Д. Попков и Е.А. Попкова рассматривают историческую политику и образовательные программы как факторы ориентации молодежи в поле культурной памяти [6]. Эти исследования позволяют выделить образование как канал, где память переводится из символического фонда в учебные действия, дискуссии, проекты, экскурсионные маршруты, исследовательские задания и практики публичного высказывания.

Для российско-китайского приграничья образовательный механизм приобретает межкультурную направленность. А.Н. Мишакова анализирует российско-китайское взаимодействие в сфере образования и показывает его связь с межкультурным диалогом [3]. На этой основе образование в приграничье следует рассматривать как пространство, где молодежь осваивает соседнюю культуру через язык, академические обмены, совместные мероприятия и сравнительное изучение культурных традиций. В такой среде культурная память работает в режиме сопоставления. Молодежь получает возможность увидеть собственную историю через вопрос о том, как она соотносится с исторической памятью и символическим порядком соседнего государства.

Третий механизм связан с регионально-территориальной идентификацией. Приграничная территория задает особую форму самоописания: молодой человек соотносит себя с государством, и с регионом, где граница входит в структуру повседневности. В.А. Сапрыка, А.Н. Вавилов, А.В. Пастюк и В.А. Сапрыка раскрывают понятие фронтальной идентичности через специфику приграничных регионов восточнославянских государств [7]. Хотя их работа не ограничивается российско-

китайским направлением, предложенная логика применима для анализа границы как социального и символического рубежа. Граница в таком понимании организует представления о своем и чужом, близком и удаленном, внутреннем и внешнем.

Р.Х. Симонян, исследуя региональное сознание студентов российско-китайского приграничья, фиксирует множественность форм региональной самоидентификации [8]. Этот вывод особенно значим для культурно-социологического анализа, поскольку молодежная идентичность в приграничье содержит представление о регионе как о месте пересечения культурных траекторий, экономических ожиданий, образовательных возможностей и исторической памяти. Д.В. Трубицын и И.С. Дорогавцева, рассматривая забайкальскую идентичность, показывают значение стереотипов в структуре регионального самосознания [10]. В результате региональная принадлежность предстает как совокупность территориальной памяти, образов соседства и локальных самоописаний.

Четвертый механизм – символическо-коммуникативная организация образа соседней культуры. Хайтун Пэй и О.Н. Колышева на материале ассоциативного эксперимента исследуют этнокультурные стереотипные представления русских о Китае [5]. В таких представлениях соседняя страна осмысливается через культурно-историческое наследие, экономические достижения, национальную кухню, политические характеристики и образы повседневной культуры. Для молодежи приграничья подобные стереотипы выполняют двойную функцию: упрощают восприятие соседней культуры и одновременно задают материал для сопоставления с собственной культурной принадлежностью. Стереотип здесь не равен предрассудку; он выступает первичной схемой ориентации, которая уточняется или пересматривается при личном контакте, обучении языку и участии в межкультурных проектах.

Связь символическо-коммуникативного механизма с региональной памятью особенно заметна в тех случаях, когда образ Китая соединяется с локальной историей приграничья. Забайкальская, амурская или дальневосточная самоидентификация опирается на опыт соседства, торговых связей, миграционных контактов, военной истории, инфраструктурного развития и образовательного сотрудничества. Исследование Д.В. Трубицына и И.С. Дорогавцевой позволяет рассматривать региональные авто- и гетеростереотипы как элементы самосознания территории [10], а работа Хайтун Пэй и О.Н. Колышевой показывает, что образ Китая в русскоязычном восприятии имеет устойчивые смысловые узлы [5]. При соединении этих линий становится видно, что молодежь осмысляет собственную принадлежность через взаимное наложение локальных образов региона и представлений о соседней культуре.

Пятый механизм – коммуникативная гибридизация идентичности. Н.М. Великая и А.А. Лисенкова связывают современную социально-культурную идентичность студенчества с изменением коммуникационной среды и усложнением социальных ориентиров [1]. В приграничье это проявляется в том, что молодежь получает сведения о Китае из разных каналов: учебных курсов, общения с носителями языка, видеоконтента, туристических впечатлений, университетских программ, семейных рассказов и городских символов. Каждый канал дает частичный образ, поэтому идентичность складывается через согласование разнородных сообщений. Здесь культурная память перестает быть только прошлым; она превращается в материал текущего выбора, связанного с образованием, профессией, языковой подготовкой и межкультурной компетентностью.

Комплексный анализ источников показывает, что культурная память воздействует на молодежную идентичность через четыре взаимосвязанных уровня. На ценностном уровне она задает представления о традиции, гражданской принадлежности и желаемом будущем. На образовательном уровне переводит историко-культурные смыслы в учебные и воспитательные практики. На региональном уровне связывает самоидентификацию с территорией, границей и опытом соседства. На коммуникативном уровне организует образы Китая и России через стереотипы, символы, медианарративы и личные контакты. Эти уровни не образуют жесткую иерархию: в конкретной молодежной среде один из них выходит на первый план в зависимости от образовательной траектории, интенсивности межкультурного общения, семейной памяти и региональной политики.

Для статьи с аналитическим типом изложения принципиально значимо, что источники позволяют говорить о механизмах смысловой настройки. Культурная память предоставляет символические ресурсы, которые молодежь интерпретирует, принимает, перерабатывает или дистанцирует от личных жизненных планов. Именно поэтому в российско-китайском приграничье идентичность молодежи следует рассматривать как результат взаимодействия памяти, ценностей, территории, образования и коммуникативных представлений о соседней стране.

Обсуждение

Полученные положения показывают, что культурная память в приграничье целесообразно рассматривать как поле соотнесения нескольких уровней принадлежности. Для молодежи российско-китайского приграничья особое значение приобретает способность соединять региональную укорененность с гражданской самоидентификацией и межкультурной открытостью. В одних случаях сильнее проявляется локальная идентичность, связанная с территориями и историей региона; в других – гражданская принадлежность; в третьих – образовательная и профессиональная ориентация на сотрудничество с Китаем.

Сопоставление изученных подходов выявляет различие исследовательских акцентов. Работы о ценностях молодежи рассматривают идентичность через внутренние ориентации личности и группы. Исследования культурно-исторической памяти делают акцент на образовании, исторической политике и воспитательных практиках. Публикации о приграничной и региональной идентичности переносят внимание на территорию, границу, локальные стереотипы и повседневный опыт соседства. Исследования российско-китайских представлений выводят на первый план символическое восприятие другой культуры. В соединении этих линий появляется более точная схема: молодежная идентичность в приграничье складывается на пересечении памяти, ценностей, территории и коммуникации.

Между подходами существуют содержательные расхождения. Ценностные исследования чаще описывают идентичность через устойчивые ориентации, тогда как работы о региональном сознании подчеркивают множественность самоописаний. Исследования образовательной памяти исходят из управляемости воспитательных практик, а анализ стереотипов показывает, что восприятие соседней культуры зависит от неформальных, медийных и ассоциативных образов. Следовательно, образовательная политика способна задать рамку интерпретации прошлого, но не исчерпывает источники молодежной самоидентификации. Повседневное общение, медиапотребление и региональный опыт вносят собственную логику.

Ограничение применимости результатов связано с неоднородностью российско-китайского приграничья. Забайкалье, Приамурье, Приморье и другие территории имеют разные исторические сюжеты, инфраструктурные связи, плотность контактов с Китаем и образовательные возможности. Поэтому выявленные механизмы задают аналитическую схему, которую требуется уточнять при изучении конкретного города, университета, молодежной группы или культурной инициативы. Особенно осторожного обращения требуют выводы, основанные на работах, где объектом выступает молодежь России без специального выделения приграничных территорий.

Еще одно ограничение связано с отсутствием собственной эмпирической части в статье. Аналитический характер исследования позволяет классифицировать механизмы и сопоставить научные подходы, но не дает оснований оценивать распространенность тех или иных типов идентичности среди молодежи. Для такой оценки потребовались бы опросы, интервью, анализ образовательных программ, наблюдение за межкультурными мероприятиями и изучение цифровых практик молодежи приграничных регионов. Без этих данных корректно говорить о теоретически обоснованных механизмах.

Исследовательские лакуны связаны прежде всего с недостаточной разработанностью сравнительных материалов о молодежи по обе стороны российско-китайской границы. В имеющемся корпусе сильнее представлены российские оценки, региональные самоописания и восприятие Китая русскоязычными респондентами. Менее подробно раскрыт взгляд китайской молодежи на российское приграничье, память о совместной истории, образовательные контакты и образ России в приграничных провинциях Китая. Для культурно-социологического анализа асимметрия ограничивает возможность полноценного сопоставления.

Перспективным направлением выступает изучение того, как культурная память работает в конкретных практиках: школьных и университетских курсах, молодежных форумах, музеях, языковых клубах, туристических маршрутах, городских праздниках, студенческих обменах и цифровых сообществах. Именно на этом уровне видно, какие символы становятся лично значимыми, какие остаются формальными, а какие вызывают дистанцирование. Для приграничья продуктивен анализ ситуаций, где молодой человек соотносит знание о прошлом с выбором профессии, изучением языка, представлением о соседней стране и образом своего региона.

Заключение

Анализ источников показал, что данное поле формируется на пересечении социологии молодежи, исследований культурно-исторической памяти, региональной идентичности, приграничных исследований и ра-

бот о российско-китайском межкультурном взаимодействии. Междисциплинарная основа позволяет рассматривать молодежную идентичность как результат соотнесения ценностей, территории, образования и образов соседней культуры.

Выделены ценностно-смысловой, институционально-образовательный, регионально-территориальный, символическо-коммуникативный и коммуникативно-гибридный механизмы. Они раскрывают разные способы, через которые культурная память участвует в самоидентификации молодежи: через традиционные ценности, образовательные практики, локальную принадлежность, стереотипы о соседней культуре и согласование разнородных каналов межкультурной информации.

Полученные положения применимы как аналитическая основа для разработки программ, направленных на развитие гражданской, региональной и межкультурной самоидентификации молодежи приграничных территорий. При этом механизмы требуют уточнения на материале конкретных регионов, образовательных организаций и молодежных групп, поскольку российско-китайское приграничье неоднородно по историческому опыту, интенсивности контактов и локальным формам культурной памяти.

Литература

1. Великая Н.М., Лисенкова А.А. Социально-культурная идентичность студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности российского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2023. – Т. 16. – Вып. 4. – С. 374–390. DOI: 10.21638/spbu12.2023.402.
2. Гриценко В.В., Ефременкова М.Н., Муращенкова Н.В. Этническая, гражданская и глобальная идентичности русских старшеклассников: связь с ценностями // Психологическая наука и образование. – 2024. – Т. 29. – № 6. – С. 99–113. DOI: 10.17759/pse.2024290607.
3. Мишакова А.Н. Социокультурный контекст российско-китайского взаимодействия в сфере образования // Primo Aspectu. – 2023. – № 3 (55). – С. 26–31.
4. Николина В.В., Лоцилова А.А., Фролова С.В., Аксенов С.И. Формирование гражданской идентичности и культурно-исторической памяти молодежи России на территориях новых субъектов Российской Федерации: подходы, принципы и направления реализации // Вестник Мининского университета. – 2023. – Т. 11. – № 4 (45).
5. Пэй Хайтун, Колышева О.Н. Этнокультурные стереотипные представления русских о Китае на материале данных ассоциативного эксперимента // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2025. – Т. 16. – № 3. – С. 977–993. DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-977-993.
6. Попков В.Д., Попкова Е.А. В поисках ориентиров культурной памяти. Историческая политика, образовательные программы и идентичность молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2022. – № 65. – С. 141–153. DOI: 10.17223/1998863X/65/14.
7. Сапрыка В.А., Вавилов А.Н., Пастюк А.В., Сапрыка В.А. Фронтальная идентичность населения приграничных регионов восточнославянских государств // Вестник славянских культур. – 2022. – № 63. – С. 114–125. DOI: 10.37816/2073-9567-2022-63-114-125.
8. Симонян Р.Х. О региональном сознании студентов российско-китайского приграничья // Социологические исследования. – 2023. – № 6. – С. 136–143. DOI: 10.31857/S013216250026398-0.
9. Сюй Сюйчэн. Формирование традиционных ценностных ориентиров молодежи России и Китая в XX–XXI веках // Genesis: исторические исследования. – 2024. – № 10. – С. 110–131.
10. Трубицын Д.В., Дорогавцева И.С. Забайкальская идентичность: стереотипы в структуре регионального самосознания // Регионоведение. – 2026. – Т. 34. – № 1. – С. 159–180. DOI: 10.15507/2413-1407.134.034.202601.159-180.

CULTURAL MEMORY AND MECHANISMS OF YOUTH IDENTITY FORMATION IN THE RUSSIAN-CHINESE BORDERLAND: A CULTURAL-SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Chen Xiaoxu
Saint Petersburg State University

This article examines the relationship between cultural memory and youth identity formation in the Russian-Chinese borderland. This topic is relevant because border regions connect local historical narratives, intercultural contacts, educational exchanges, and perceptions of the neighboring country. The aim of this study is to identify the mechanisms through which cultural memory contributes to the construction of youth civic, regional, and ethnocultural self-identification. The scientific novelty lies in the development of an analyt-

ical framework linking memory, territorial affiliation, value orientations, and stereotypical images of Russian-Chinese interaction. The methodological basis is an analysis of scientific publications, comparative analysis, classification, generalization, and synthesis. The study examines works on youth sociology, cultural and historical memory, border identity, Russian-Chinese educational interaction, and ethnocultural stereotypes. The analytical section highlights value-semantic, regional-territorial, institutional-educational, and symbolic-communicative mechanisms. The results are useful for designing youth, educational, and cultural programs in border regions.

Keywords: cultural memory, youth identity, Russian-Chinese borderland, regional consciousness, frontier identity, ethnocultural stereotypes, intercultural dialogue, traditional values, civic identity, border sociology.

References

1. Velikaya N.M., Lisenkova A.A. Socio-cultural identity of student youth in the context of social uncertainty in Russian society // *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*. – 2023. – Vol. 16. – Issue. 4. – Pp. 374–390. DOI: 10.21638/spbu12.2023.402.
2. Gritsenko V.V., Efremenkova M.N., Murashchenkova N.V. Ethnic, civic, and global identities of Russian high school students: connection with values // *Psychological Science and Education*. – 2024. – Vol. 29. – No. 6. – Pp. 99–113. DOI: 10.17759/pse.2024290607.
3. Mishakova A.N. Sociocultural Context of Russian-Chinese Interaction in Education // *Primo Aspectu*. – 2023. – No. 3 (55). – P. 26–31.
4. Nikolina V.V., Loshilova A.A., Frolova S.V., Aksenov S.I. Formation of Civic Identity and Cultural-Historical Memory of Russian Youth in the Territories of New Subjects of the Russian Federation: Approaches, Principles, and Directions for Implementation // *Bulletin of Minin University*. – 2023. – Vol. 11. – No. 4 (45).
5. Pei Khaitong, Kolysheva O.N. Ethnocultural Stereotypes of Russians about China Based on the Data of an Associative Experiment // *Bulletin of RUDN University. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*. – 2025. – Vol. 16. – No. 3. – P. 977–993. DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-977-993.
6. Popkov V.D., Popkova E.A. In Search of Landmarks of Cultural Memory. Historical Policy, Educational Programs, and Youth Identity // *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. – 2022. – No. 65. – P. 141–153. DOI: 10.17223/1998863X/65/14.
7. Sapryka V.A., Vavilov A.N., Pastyuk A.V., Sapryka V.A. Frontier Identity of the Population of Border Regions of the East Slavic States // *Bulletin of Slavic Cultures*. – 2022. – No. 63. – Pp. 114–125. DOI: 10.37816/2073-9567-2022-63-114-125.
8. Simonyan R. Kh. On the Regional Consciousness of Students in the Russian-Chinese Borderland // *Sociological Studies*. – 2023. – No. 6. – Pp. 136–143. DOI: 10.31857/S013216250026398-0.
9. Xu Xiuchen. Formation of Traditional Value Orientations of the Youth of Russia and China in the 20th-21st Centuries // *Genesis: Historical Research*. – 2024. – No. 10. – Pp. 110–131.
10. Trubitsyn D.V., Dorogavtseva I.S. Transbaikalian identity: stereotypes in the structure of regional self-awareness // *Regionalology*. – 2026. – Vol. 34. – No. 1. – P. 159–180. DOI: 10.15507/2413-1407.134.034.202601.159-180.

Образовательное сотрудничество в системе российско-китайских отношений: институциональные основы, механизмы и ограничения

Чэнь Цзыжуй,

магистр, МГУ-ППИ в Шэньчжэне

E-mail: 2824654960@qq.com

В статье рассматривается российско-китайское образовательное сотрудничество как институциональный компонент двусторонних отношений в условиях трансформации международной среды. Цель исследования состоит в выявлении основных механизмов взаимодействия, факторов, ограничивающих его практическую реализацию, и значения образования для долгосрочного развития российско-китайского партнёрства. Показано, что сотрудничество опирается на межправительственную координацию, академическую мобильность, языковую подготовку, совместные образовательные учреждения и программы, межвузовские альянсы и научно-образовательные проекты. Общая для России и Китая значительная роль государства облегчает мобилизацию ресурсов и согласование стратегических направлений. Вместе с тем различия в лицензировании, аккредитации, структуре учебных программ, признании квалификаций и академических культурах снижают устойчивость отдельных инициатив. Дополнительными ограничениями выступают языковые барьеры, финансовые издержки, территориальная неравномерность и недостаточное участие работодателей. Делается вывод, что стратегическая результативность сотрудничества определяется не количеством соглашений, а качеством программ, институциональной устойчивостью и профессиональной востребованностью выпускников.

Ключевые слова: Российско-Китайские Отношения, Образовательное Сотрудничество, Академическая Мобильность, Совместные Образовательные Программы, Институционализация.

Введение

В условиях трансформации международной политической и экономической среды образовательное сотрудничество приобретает всё более заметное значение в системе российско-китайских отношений. Расширение двустороннего взаимодействия в торгово-экономической, научно-технологической, энергетической, транспортной и гуманитарной сферах сопровождается ростом потребности в специалистах, владеющих языком партнёра, понимающих особенности его правовой системы, административных практик, академической культуры и профессиональной коммуникации. В связи с этим образование становится не только самостоятельным направлением гуманитарных обменов, но и одним из институциональных условий реализации долгосрочных проектов между Россией и Китаем.

Актуальность исследования обусловлена противоречием между высоким уровнем политической поддержки российско-китайского образовательного взаимодействия и неодинаковой результативностью его практической реализации. Межгосударственные и межведомственные соглашения, деятельность профильных координационных механизмов, развитие академической мобильности, создание совместных образовательных учреждений, программ двойных дипломов и межуниверситетских объединений сформировали разветвлённую организационную основу сотрудничества. Вместе с тем различия в национальных образовательных стандартах, процедурах лицензирования и аккредитации, механизмах признания квалификаций, структуре учебных программ и академических культурах продолжают ограничивать устойчивость ряда совместных инициатив. Дополнительное значение имеют языковые, финансовые, территориальные и кадровые ограничения, а также недостаточная связь отдельных образовательных проектов с реальными потребностями рынка труда.

Степень разработанности проблемы определяется наличием значительного числа исследований, посвящённых отдельным направлениям российско-китайских гуманитарных связей, академической мобильности, языковой политике, деятельности совместных университетов и международному сотрудничеству высших учебных заведений. Однако образовательное взаимодействие нередко рассматривается либо как совокупность двусторонних обменов, либо как вспомогательный элемент политического и культурного сотрудничества. В меньшей степени исследована взаимосвязь между национальными образовательными моделями, институциональными механизмами совместных проектов, ограничениями их практической реализации и стратегическим значением образования для российско-китайского партнёрства. Это обуславливает необходимость комплексного анализа образовательного сотрудничества как многоуровневой системы, включающей государственные органы, университеты, научные организации, предприятия, преподавателей, исследователей и обучающихся.

Цель исследования состоит в выявлении институциональных особенностей, основных механизмов, ключевых ограничений и перспектив развития российско-китайского образовательного сотрудничества в условиях изменения международной среды.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении российско-китайского образовательного сотрудничества не только как направления гуманитарного взаимодействия, но и как институционального компонента двустороннего партнёрства.

Национальные образовательные модели как институциональная основа сотрудничества

Российская образовательная модель исторически развивалась в тесной связи с задачами государственного строительства. Начиная с реформ Петра I образование всё более последовательно использовалось как средство подготовки административных, военных и технических кадров. В советский период эта тенденция получила институционально завершённую форму в виде централизованной системы массовой подготовки специалистов. В современных условиях активная роль государства сохраняется прежде всего в определении приоритетов образовательной политики, финансировании академической мобильности и поддержке крупных межуниверситетских проектов.

Китайская образовательная модель также формировалась под значительным воздействием государства. Историческая связь образования с системой отбора кадров способствовала закреплению высокой общественной ценности обучения и представления о нём как об одном из основных каналов социальной мобильности. В настоящее время государство определяет стратегические направления интернационализации высшего образования, регулирует создание совместных программ и поддерживает университеты, участвующие в международных проектах.

Таким образом, российскую и китайскую модели сближает высокая степень государственного участия в подготовке кадров, развитии науки и регулировании образовательной системы. Эта общая черта облегчает координацию на межправительственном и межведомственном уровнях. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г., межведомственное соглашение о сотрудничестве в области образования 2006 г., деятельность профильной подкомиссии, а также совместные заявления 2024–2025 гг. образуют политико-правовую основу двустороннего взаимодействия. В результате образовательное сотрудничество развивается не только как совокупность инициатив отдельных университетов, но и как одно из направлений, включённых в общую систему российско-китайских отношений.

Вместе с тем сходство моделей государственного регулирования не означает полного совпадения национальных образовательных систем. Различия проявляются в распределении полномочий между органами управления и университетами, процедурах лицензирования и аккредитации, структуре образовательных программ, формах итоговой аттестации и механизмах финансирования. Поэтому создание совместных программ требует не только политической поддержки, но и согласования учебных планов, статуса преподавателей, критериев оценки результатов обучения, механизмов перевода кредитов и порядка присвоения квалификации.

Следовательно, национальные образовательные модели одновременно облегчают и усложняют двустороннее взаимодействие. С одной стороны, активное участие государства позволяет концентрировать ресурсы и запускать крупные проекты. С другой стороны, их практическая устойчивость определяется не масштабом политической поддержки, а степенью совместимости нормативных требований и готовностью университетов к длительной организационной координации. Именно поэтому различие между официально заявленными приоритетами и реальными результатами сотрудничества наиболее отчётливо проявляется на институциональном уровне.

Основные механизмы российско-китайского образовательного сотрудничества

Современное российско-китайское образовательное сотрудничество опирается на сочетание межправительственной координации, академической мобильности, языковой подготовки, совместных образовательных программ и учреждений, межвузовских объединений и научно-образовательных проектов. Взаимодействие этих элементов позволяет говорить уже не о совокупности отдельных обменов, а о формирующейся многоуровневой системе, в которой государственные решения сочетаются с инициативами университетов, научных организаций и профессиональных сообществ.

Основу этой системы составляют межгосударственные и межведомственные механизмы. Соглашение 2006 г. определило основные направления двустороннего взаимодействия в сфере образования, тогда как деятельность профильной подкомиссии обеспечила его регулярное организационное сопровождение. Дополнительный импульс сотрудничеству придают Годы образования России и Китая 2026–2027 гг., в программу которых включены университетские обмены, молодёжные и научные проекты, развитие совместной инфраструктуры, а также поддержка русского языка в Китае и китайского языка в России. Благодаря этому образовательное взаимодействие приобретает более последовательный и плановый характер.

Одним из наиболее заметных направлений остаётся академическая мобильность. Китайские граждане составляют значительную группу иностранных студентов в российских университетах, одновременно растёт интерес российских обучающихся к программам китайских вузов. Академическая мобильность выполняет не только образовательную, но и социальную функцию: она способствует освоению языка, знакомству с академической средой партнёра и формированию профессиональных связей, которые могут сохраняться после окончания обучения. Вместе с тем количественные показатели сами по себе не позволяют оценить реальную эффективность обменов. Существенное значение имеют продолжительность программ, доля студентов полного цикла обучения, их участие в исследованиях, академические результаты и дальнейшая профессиональная траектория.

Необходимым условием мобильности остаётся языковая подготовка. Институты Конфуция, центры русского языка, профильные кафедры и подготовительные программы создают базовую инфраструктуру для обучения в стране партнёра. Их роль выходит за рамки популяризации языка: они помогают студентам осваивать профессиональную лексику, адаптироваться к иной системе преподавания и включаться в академическую коммуникацию. Без такой подготовки даже формально доступные программы могут оказаться менее результативными.

Наиболее глубокой формой институционального взаимодействия являются совместные образовательные учреждения. Показательным примером выступает Университет МГУ–ППИ в Шэньчжэне, который объединяет российские и китайские образовательные ресурсы, реализует программы в области естественных, инженерных и гуманитарных наук и взаимодействует с научными и производственными организациями. В отличие от краткосрочной программы обмена или двойного диплома, совместный университет располагает собственной организационной структурой, кампусом, системой управления и устойчивой кадровой политикой. Это делает его не только образовательным проектом, но и самостоятельным институтом двустороннего сотрудничества.

Наряду с совместными университетами широко используются программы двойных дипломов, согласованные учебные планы, обменные модули и отраслевые программы подготовки специалистов. Их преимущество заключается в большей гибкости и сравнительно меньших организационных издержках. Однако именно в таких проектах особенно заметны различия национальных образовательных систем: вопросы перевода кредитов, соотношения обязательных дисциплин, языка преподавания, итоговой аттестации и признания результатов обучения требуют постоянного согласования.

Отдельное место занимают межвузовские альянсы и профессионально ориентированные объединения вузов. Они формируют горизонтальные связи между университетами, исследовательскими центрами и предприятиями, позволяют координировать обмены, конференции и совместные научные проекты. Сетевые структуры особенно важны для расширения сотрудничества за пределы отдельных ведущих университетов, поскольку создают возможность включения в двусторонние проекты региональных вузов и специализированных образовательных организаций.

Постепенно усиливается и научно-образовательное измерение взаимодействия. Совместная подготовка исследовательских кадров, создание лабораторий и реализация проектов в области инженерии, энергетики, информационных технологий и фундаментальных наук сближают образовательную и научную повестку. В результате университеты выступают не только как центры передачи знаний, но и как площадки совместного производства научных результатов, экспертных решений и технологических разработок.

Таким образом, российско-китайское образовательное сотрудничество развивается через сочетание нескольких взаимодополняющих механизмов. Наибольшую устойчивость демонстрируют проекты, располагающие постоянной организационной структурой, стабильным финансированием, согласованными образовательными программами и понятными результатами для студентов, университетов и работодателей. Краткосрочные обмены сохраняют значение как форма первоначального контакта, однако без последующего включения в более устойчивые институциональные связи их долгосрочный эффект остаётся ограниченным.

Ограничения и противоречия двустороннего взаимодействия

Несмотря на высокий уровень политической поддержки, российско-китайское образовательное сотрудничество сталкивается с рядом ограничений, которые проявляются уже на этапе практической реализации совместных проектов. Их источником выступают не только различия национальных образовательных систем, но и неодинаковые административные процедуры, языковая среда, финансовые возможности и степень участия университетов и работодателей.

Наиболее заметные трудности связаны с нормативно-институциональной сферой. Российские и китайские университеты действуют в рамках различных требований к лицензированию, аккредитации и организации образовательного процесса. При разработке совместной программы необходимо согласовать продолжительность обучения, структуру учебного плана, объём обязательных дисциплин, формы практики, порядок итоговой аттестации и условия присвоения квалификации. Даже при наличии политической поддержки такие различия могут существенно увеличивать сроки подготовки проекта и административные затраты его участников.

Особое значение имеет взаимное признание результатов обучения. Официальное признание диплома ещё не всегда гарантирует автоматический зачёт отдельных дисциплин, кредитов или профессиональных компетенций. Дополнительные сложности возникают при переводе студентов между программами и продолжении обучения на следующем уровне. Поэтому устойчивое развитие совместных проектов требует прозрачных процедур сопоставления образовательных результатов, постоянного взаимодействия экспертных групп и согласованных механизмов контроля качества.

Не менее серьёзным ограничением остаётся языковой фактор. Недостаточное владение русским или китайским языком затрудняет освоение профессиональной терминологии, участие в семинарах, подготовку письменных работ и включение в академическую среду. Использование английского языка может частично облегчить коммуникацию, однако не заменяет знания языка страны обучения, особенно в тех случаях, когда программа предполагает практику, работу с национальным законодательством или последующее трудоустройство.

Языковые трудности тесно связаны с различиями академических культур. В российских и китайских университетах могут различаться требования к самостоятельной работе, формы взаимодействия преподавателей и студентов, правила цитирования, способы оценивания и структура письменных заданий. Без предварительной адаптации такие различия способны вызывать недопонимание и снижать результаты обучения. Поэтому совместные программы нуждаются не только в языковой подготовке студентов, но и в методической координации преподавателей.

Долгосрочная устойчивость сотрудничества во многом зависит и от финансово-организационной базы. Многие проекты создаются при поддержке государства, однако их последующее развитие требует стабильного участия университетов, научных организаций и предприятий. Финансирование необходимо не только для академической мобильности, но и для лабораторий, цифровой инфраструктуры, языковых курсов и работы преподавателей. Дополнительными ограничениями остаются стоимость поездок и проживания, визовые процедуры и административное сопровождение участников программ.

Отдельной проблемой является профессиональная реализация выпускников. Совместная программа приобретает практическую ценность лишь тогда, когда присваиваемая квалификация понятна работодателям, а полученные компетенции соответствуют реальным направлениям российско-китайского сотрудничества. Недостаточное участие компаний, слабая организация производственной практики и отсутствие ясных карьерных траекторий могут снижать привлекательность даже формально престижных программ.

Сохраняется также территориальная и институциональная неравномерность взаимодействия. Наиболее заметные проекты сосредоточены преимущественно в крупных городах и ведущих университетах, тогда как возможности региональных вузов используются не в полной мере. Это особенно важно для российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая, где географическая близость создаёт дополнительные предпосылки для развития приграничного образовательного сотрудничества. Расширение круга участников требует специальных механизмов поддержки региональных университетов и более тесной связи образовательных проектов с потребностями местной экономики.

Изменение международной политической среды повышает значение сотрудничества с Китаем для российских университетов и способствует переориентации части академических связей. Однако внешнеполитическое сближение не устраняет внутренних институциональных различий. Политическая воля создаёт благоприятные условия для запуска новых инициатив, но сама по себе не способна обеспечить качество программ, стабильность финансирования и согласованность образовательных стандартов.

Таким образом, основное противоречие российско-китайского образовательного сотрудничества заключается в разрыве между высоким уровнем политической поддержки и неодинаковой готовностью конкретных университетов к глубокой и длительной координации. Дальнейшее развитие сотрудничества требует перехода от количественного расширения проектов к оценке их качества, устойчивости и практических результатов. Ключевыми условиями такого перехода становятся прозрачность процедур, признание квалификаций, развитие языковой подготовки, участие работодателей и укрепление регионального измерения взаимодействия.

Значение образовательного сотрудничества для российско-китайских отношений

Образовательное сотрудничество занимает в российско-китайских отношениях особое место, поскольку его значение выходит за рамки

подготовки студентов и обмена преподавателями. Оно формирует кадровую, гуманитарную и институциональную основу долгосрочного взаимодействия, связывая государственные приоритеты с деятельностью университетов, научных организаций, предприятий и регионов.

Прежде всего, сотрудничество в сфере образования способствует подготовке специалистов, способных работать в условиях расширяющихся связей между Россией и Китаем. Для реализации совместных проектов недостаточно общего знания иностранного языка: необходимы понимание правовой системы партнёра, особенностей его экономики, административных процедур и деловой культуры. Поэтому особое значение приобретают программы подготовки переводчиков, регионоведов, инженеров, исследователей и специалистов по управлению международными проектами.

Не менее важна гуманитарная составляющая. Обучение в стране партнёра создаёт опыт длительного включения в иную языковую, культурную и академическую среду. В отличие от краткосрочных мероприятий, такая форма взаимодействия способствует формированию устойчивых личных и профессиональных контактов. Выпускники совместных программ могут в дальнейшем выполнять посредническую функцию между организациями и профессиональными сообществами двух стран.

Образовательное сотрудничество также расширяет институциональную базу двусторонних отношений. Совместные университеты, межвузовские альянсы, исследовательские центры и программы академической мобильности создают связи, которые не ограничиваются официальными контактами между государственными органами. В них включаются преподаватели, исследователи, студенты, предприятия и региональные администрации. Благодаря этому взаимодействие приобретает более устойчивый и многоуровневый характер.

Отдельное значение имеет накопление достоверного знания о партнёре. По мере расширения политических, экономического и технологического сотрудничества возрастает потребность в специалистах, способных корректно интерпретировать решения, нормы и практики другой стороны. Недостаток такого знания может приводить к ошибкам коммуникации, завышенным ожиданиям и неправильной оценке возможностей совместных проектов. Образовательные программы и академические обмены частично снижают этот риск, формируя более глубокое понимание институциональной и культурной среды партнёра.

Влияние образовательных институтов можно рассматривать и через категорию мягкой силы, поскольку университеты, языковые центры и академические программы участвуют в формировании образа страны и её привлекательности. Однако применительно к российско-китайскому взаимодействию образовательное сотрудничество не следует сводить к инструменту одностороннего воздействия. Совместные учреждения и программы предполагают согласование интересов, распределение ресурсов, взаимное признание результатов обучения и совместное производство знаний. Поэтому их значение определяется не столько внешним имиджем, сколько устойчивостью институционального взаимодействия.

Стратегическая ценность образовательного сотрудничества зависит не от количества подписанных соглашений, а от качества их реализации. Программы, не обеспеченные понятными процедурами признания квалификаций, языковой подготовкой, участием работодателей и перспективами профессионального развития выпускников, имеют ограниченный эффект даже при высоком политическом статусе. Напротив, устойчивые проекты, связанные с конкретными направлениями научного, технологического и экономического сотрудничества, способны оказывать долгосрочное влияние на двусторонние отношения.

Таким образом, образование выступает важным кадровым, гуманитарным и институциональным компонентом российско-китайского партнёрства. Оно расширяет социальную основу взаимодействия, укрепляет профессиональные связи и создаёт каналы передачи знаний между двумя странами. Вместе с тем его стратегический эффект проявляется только тогда, когда политическая поддержка дополняется устойчивыми механизмами реализации, контролем качества и практической востребованностью результатов.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что российско-китайское образовательное сотрудничество представляет собой многоуровневую систему, в которой межгосударственная и межведомственная координация сочетается с деятельностью университетов, научных организаций, языковых центров, межвузовских объединений и предприятий. Его основными механизмами выступают академическая мобильность, языковая подготовка, совместные образовательные программы, программы двойных дипломов, совместные университеты и научно-образовательные проекты. Общая для России и Китая значительная роль государства

в регулировании образования облегчает согласование стратегических направлений и мобилизацию ресурсов, однако не устраняет различий в процедурах лицензирования и аккредитации, структуре учебных программ, правилах перевода кредитов, формах итоговой аттестации и механизмах признания квалификаций. Существенными ограничениями остаются также языковой барьер, различия академических культур, недостаточная методическая координация преподавателей, финансовые и административные издержки, территориальная неравномерность сотрудничества и слабое участие работодателей в разработке отдельных программ. В связи с этим основное противоречие современного этапа заключается в разрыве между высоким уровнем политической поддержки и неодинаковой институциональной готовностью конкретных университетов к длительной и глубокой координации. Наиболее устойчивыми оказываются проекты, обладающие постоянной организационной структурой, стабильным финансированием, согласованными учебными планами, прозрачными процедурами контроля качества и понятными профессиональными перспективами для выпускников.

Дальнейшее развитие российско-китайского образовательного сотрудничества требует перехода от количественного расширения числа соглашений и обменов к оценке качества, устойчивости и практической результативности совместных инициатив. Приоритетное значение имеют совершенствование механизмов взаимного признания результатов обучения и квалификаций, усиление языковой и академической подготовки студентов, создание совместных методических и экспертных групп, расширение участия предприятий, а также более активное включение региональных университетов, особенно вузов российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая. Стратегическая ценность образовательного взаимодействия определяется его кадровый, гуманитарной, сетевой и когнитивной функциями: оно способствует подготовке специалистов, формированию устойчивых профессиональных связей, расширению институциональной базы двусторонних отношений и накоплению достоверного знания о стране-партнере. Таким образом, образование выступает не вспомогательным, а системообразующим компонентом российско-китайского партнёрства. Его долгосрочный эффект зависит от способности сторон соединить межгосударственную поддержку с эффективной университетской координацией, контролем качества, практической востребованностью квалификаций и включённостью образовательных проектов в реальные направления научного, технологического и экономического сотрудничества.

Литература

1. Ван Сяобо, Чжу Инли. Сотрудничество Китая и России в сфере высшего образования в новую эпоху: возможности, проблемы и направления исследований // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. – 2022. – № 1. – С. 89–99.
2. Гурулева, Т.Л. Система образования Китайской Народной Республики и российско-китайское образовательное сотрудничество: монография / Т.Л. Гурулева. – Москва: Издательский дом ВКН, 2018. – 462 с.
3. Гурулева, Т.Л. Сотрудничество России и Китая в области создания сетевых университетов и совместных образовательных учреждений // Высшее образование в России. – 2019. – Т. 28, № 4. – С. 108–123.
4. Гурулева, Т.Л. Российско-китайское образовательное сотрудничество в пандемийный и постпандемийный периоды // Высшее образование в России. – 2025. – Т. 34, № 1. – С. 128–150.
5. Ефремова, Л. И. О российско-китайском сотрудничестве в области образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 857–865.
6. Медяник, Е.И. Совместные проекты в области образования как инновационная форма сотрудничества России и Китая в XXI веке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2016. – Т. 16, № 1. – С. 54–64.

7. Медяник, Е.И. Совместный университет как инструмент реализации национальных интересов России и Китая // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2017. – Т. 12, № 1. – С. 7–23.

8. Садловская, М.В. Сотрудничество Российской Федерации и Китайской Народной Республики в сфере образования: современное состояние и перспективы развития // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 4 (142). – С. 1–6.

9. Найт, Дж. Переосмысление интернационализации: определение, подходы и обоснования // Журнал исследований международного образования [Journal of Studies in International Education]. – 2004. – Т. 8, № 1. – С. 5–31. —

10. Най, Дж.С. Мягкая сила: средство достижения успеха в мировой политике – Нью-Йорк: PublicAffairs, 2004. – 191 с.

EDUCATIONAL COOPERATION IN THE SYSTEM OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS: INSTITUTIONAL FOUNDATIONS, MECHANISMS, AND CONSTRAINTS

Chen Zirui

Shenzhen MSU-BIT University

This article examines Russian-Chinese educational cooperation as an institutional component of bilateral relations amid the transformation of the international environment. The study aims to identify the main mechanisms of cooperation, the factors limiting its practical implementation, and the significance of education for the long-term development of the Russian-Chinese partnership. The analysis shows that cooperation is based on intergovernmental coordination, academic mobility, language training, joint educational institutions and programmes, inter-university alliances, and research and educational projects. The substantial role of the state in both Russia and China facilitates resource mobilisation and the coordination of strategic priorities. At the same time, differences in licensing, accreditation, curriculum structure, qualification recognition, and academic cultures reduce the sustainability of certain initiatives. Additional constraints include language barriers, financial costs, territorial imbalances, and insufficient employer participation. The article concludes that the strategic effectiveness of cooperation depends not on the number of agreements, but on programme quality, institutional sustainability, and graduates' professional demand.

Keywords: Russian-Chinese Relations, Educational Cooperation, Academic Mobility, Joint Educational Programmes, Institutionalisation.

References

1. Wang Xiaobo, Zhu Yingli. China–Russia Cooperation in Higher Education in the New Era: Opportunities, Challenges, and Research Directions // Moscow University Bulletin. Series 20: Teacher Education. – 2022. – No. 1. – P. 89–99.
2. Guruleva, T.L. The Education System of the People's Republic of China and Russian-Chinese Educational Cooperation: A Monograph / T.L. Guruleva. – Moscow: VKN Publishing House, 2018. – 462 p.
3. Guruleva, T.L. Cooperation between Russia and China in the Establishment of Network Universities and Joint Educational Institutions // Higher Education in Russia. – 2019. – Vol. 28, No. 4. – P. 108–123.
4. Guruleva, T.L. Russian-Chinese Educational Cooperation during the Pandemic and Post-Pandemic Periods // Higher Education in Russia. – 2025. – Vol. 34, No. 1. – P. 128–150.
5. Efremova, L.I. On Russian-Chinese Cooperation in the Field of Education // Vestnik RUDN. International Relations. – 2017. – Vol. 17, No. 4. – P. 857–865.
6. Medyanik, E.I. Joint Educational Projects as an Innovative Form of Cooperation between Russia and China in the Twenty-First Century // Vestnik RUDN. International Relations. – 2016. – Vol. 16, No. 1. – P. 54–64.
7. Medyanik, E. I. A Joint University as an Instrument for Advancing the National Interests of Russia and China // International Organisations Research Journal: Education, Science, New Economy. – 2017. – Vol. 12, No. 1. – P. 7–23.
8. Sadlovskaya, M.V. Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China in Education: Current State and Prospects for Development // International Research Journal. – 2024. – No. 4 (142). – P. 1–6.
9. Knight, J. Internationalization Remodeled: Definition, Approaches, and Rationales // Journal of Studies in International Education. – 2004. – Vol. 8, No. 1. – P. 5–31.
10. Nye, J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: PublicAffairs, 2004. – 191 p.

Философия кофе и кофе для философов

Кравченко Альберт Иванович,

д.с.н., профессор, главный редактор журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Трудно представить, что философией можно заниматься без кофе. Философия кофе – отнюдь не только высокодумные рассуждения двух бородачей за чашечкой ароматного напитка, а наука или система высоких знаний о нем как серьезном продукте человеческой культуре, в каком-то смысле спутнике и движителе философических дискурсов. Философии кофе легко затеряться в ряду наук о кофе – строгих и построенных на измерениях, экспериментах, опросах и статистике. Но у неё своё предметное поле, ибо так обычно бывает, что философы прокладывают дорогу, по которой затем идёт бесчисленное племя учёных-практиков.

Ключевые слова: философия, кофе, Вольтер, Монтескье, Кант, Гегель, Кьеркегор, Хабермас, Просвещение

Когда за плечами столетия

В античности наука не родилась, но философия процветала и благоденствовала. Античные мудрецы, чаще других софисты, «работали философами» у богатых покровителей – царей, тиранов, вельмож, рабовладельцев. Они напоминали средневековых трубадуров – бродячих артистов – или современных интернет-коучеров. Коучинг – это особый вид консалтинга, в ходе которого специалист, то есть коуч, помогает своему клиенту достичь определённых личных или профессиональных целей. Японская философия кайдзен предполагает маленькие шаги, которые со временем приводят к большим результатам, постепенное развитие без необходимости ставить далёкие и недостижимые цели.

Наука, родившаяся из глубоких недр философии, состоялась в Новое время при жизни Ньютона благодаря массе опытных данных. Сегодня немного проклёвывается на свет философия кофе или то, что под ней понимают его фанаты. Такой философии – это вам не философия науки, громадина, каких свет не выдвигал, – больше подходит пока ещё наименование «вещь-в-себе».

Философию кофе можно понимать по-разному:

- Как осмысление роли кофе в европейском просвещении через интеллектуальные дискурсы в кофейнях;
- Как доставляемое пьющему глубокое самосозерцание и рефлекссию, способствующие рассуждениям о вечных вопросах бытия;
- Как стиль кофепития, присущий прежде всего восточному и арабскому миру – неспешный, созерцательный, ритуальный;
- Как философские трактаты и высказывания, сделанные известными философами о сущности и роли кофе;
- Как современные исследования философски ориентированных авторов в режиме феноменологии и экзистенциализма;
- Кофе как философский камень и разновидность алхимии.
- Наконец, кофе может быть искусством, затрагивающим все чувства, средством общения, средством обмена мыслями и идеями, связанным с мистицизмом и метафизикой, разговорами о вечном и несутном.

В книге «Кофе – философия на каждый день»¹, упоминаемой скорее из-за подходящего к теме названия, предлагается философское осмысление популярного утреннего напитка, а также критическая дискуссия об этике, эстетике, метафизике и культуре кофе. Главы, связанные с кофеином, охватывают этику кофейной торговли, метафизику кофе и центральную роль кофейни в общественной сфере.

Обобщая сказанное – и пока что только сказанное, – можно отметить, что философия кофе, какой бы конкретной или прикладной она ни была бы, обладает всеми или большинством параметров, присущих философии в целом.

По отношению к социологии, равно как и к большинству других наук, философия выступает в роли прародительницы. Когда-то давным-давно человеческое знание не делилось по родам, видам и отраслям. Оно было единым, и это единство обеспечивалось философией – особым видом интеллектуальной мудрости, направляющим наши взоры на фундаментальные вопросы бытия и познания. Сегодня это древнегреческое слово используется для обозначения двух разных явлений: а) системы отвлечённых идей об основополагающих принципах бытия и познания, получивших международное или мировое признание, постоянно развиваемых и преподающихся в качестве учебного курса; б) каких-то убеждений, важных для человека или отдельной организации сторон действительности. В этом смысле говорят о философии бродяжничества, философии корпорации, философии ничегонеделания, философии здравого смысла.

Однако высшей формой теоретического познания она не перестала быть. Сохранились и развились далее основные разделы философии: онтология (учение о бытии), гносеология (теория познания), логика, этика, эстетика. Создав самую общую картину мира, его устройства и развития, указав способы познания этого мира, определив цели и смысл человеческой жизни, а также некоторые общие законы общества, философия дала жизнь всем конкретным наукам. Философы стали специализироваться на физике, химии, психологии и социологии, постепенно превращаясь в учёных. Философские корни конкретно-научных знаний ощущаются в любой дисциплине, по-

¹ Coffee – Philosophy for Everyone: Grounds for Debate / Ed. by Scott F. Parker – Wiley-Blackwell, 2011.

этому на каждом этапе познания, обобщив очередную порцию новых знаний и стремясь к их более глубокому осмыслению, учёные вновь и вновь обращаются к философским основаниям своей науки. Подобная процедура позволяет упорядочить многообразие знаний, выявить его структуру и внутренние законы (рис. 1).

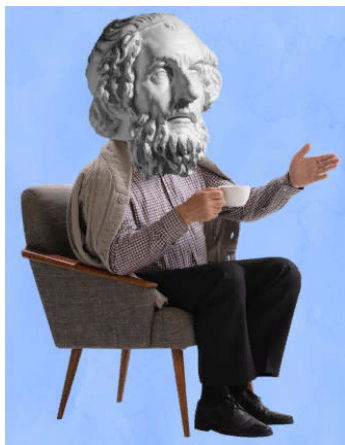

Рис. 1. По мнению современных фотопереров, и он пил кофе 2500 лет назад

В настоящее время философия выполняет интегрирующую роль по отношению ко всем другим наукам. Философия даёт науке целостное видение проблемы, умение в единичном высвечивать всеобщее, стремление связывать выводы в логически непротиворечивую цепочку. Философское исследование разных проявлений общественной жизни получило название **социальной философии**.

Рекламная кампания Starbucks построена на определённой философии, которая отражает ее взгляды на мир, подход к бизнесу и своим клиентам. Во всяком случае, такая философия провозглашается на словах: «Важно не только то, что вы покупаете, важно то, во что вы вкладываетесь. Покупая Starbucks, вы покупаете нечто большее, чем чашечку кофе: вы покупаете кофейную этику! В рамках нашей программы «Общая планета» мы закупаем кофе справедливой торговли больше, чем любая компания в мире, гарантируя, что фермеры, выращивающие зерна, получают справедливую цену за свой тяжёлый труд, и мы инвестируем в развитие надлежащей кофейной практики и сообществ по всему миру».

В кофейной чашке, с точки зрения компании Starbucks, заключён не этикет поведения клиентов в кофейне, не этика поведения и взаимоотношений, а куда более масштабные вещи, а именно социальное неравенство между третьим миром, где кофе выращивают за мизерное вознаграждение, и первым миром, где кофейные гиганты получают миллиардные прибыли, между производящим и потребляющим обществами. Парадоксально, но самая крупная кофейная сеть в мире, взращённая на социальной справедливости, сегодня может позволить себе выступать против неё. В своём младенчестве она почему-то не задумывалась над тем, какой ценой даётся ее процветание. Хозяева Starbucks больше думали о цене на своё кофе в мире богатых и преуспевающих. И вот теперь, скопив миллиарды, можно подумать и о обездоленных в Африке. Такая вот социальная философия сытых и богатых (рис. 2).

Рис. 2. Мозг, кофе и философия — три неразрывные сущности

За плечами современной философии многовековая историческая традиция: античное учение об обществе, философская традиция гуманизма эпохи Возрождения, учение французских материалистов о конечных движущих силах деятельности человека, политические теории общества эпохи Просвещения, учение об общественном договоре (Т.

Гоббс), естественных правах человека (Д. Локк), созданные уже в Новое время идеи «философии жизни» XX в. В новое время ее формировали, в том числе, и те, кто посещал лондонские и парижские кофейни. Чем занималась интеллектуальная молодёжь XVIII–XIX вв. в парижских, лондонских и венских кофейнях, как ни социальной философией и отчасти политологией. Она не проводила массовых опросов общественного мнения, хотя в кофейнях уже тогда можно было встретить самые разные слои населения — от проституток и рабочих до писателей, художников и принцев крови. Возможно, надо было бы меньше умствовать за чашкой кофе, а окунуться в реальную жизнь, пойти в народ, как это делала русская интеллигенция в XIX в. Несмотря на оторванность от жизни, что вообще свойственно философам, именно в просвещённых рядах европейской интеллигенции зародилась политическая арифметика и социальное учение об обществе. Правда, эмпирическая социология зародилась вне сферы университетов и интеллектуальных кофеен, а в среде государственных служащих, предпринимателей, врачей, учёных-естественников, учителей. В середине XIX в. наблюдается своеобразный бум всевозможных переписей, обследований, статистических описаний, которые начали проводить официальные учреждения, благотворительные общества, разные государственные комиссии с участием представителей общественности и частные лица (врачи, учителя, учёные-естественники, предприниматели).

Кофе для великих

Вовсе не случайно, что большинство философов, оказавших влияние на зарождение философских школ, всегда считали кофе необходимым напитком. Философ **Фрэнсис Бэкон**, основатель эмпиризма, однажды написал в «Истории жизни и смерти», что «Кофе даёт жизнь, мудрость и мужество». Один из основоположников современной политической философии — **Томас Гоббс** регулярно участвовал в дискуссиях в кафе Оксфорда (Англия), где выражал поддержку основным принципам либерализма. А в кабинете Серена Кьеркегора — первого философа экзистенциализма — должно было быть не менее 50 комплектов чашек и тарелок для приготовления кофе по-своему.

Философ **Иммануил Кант**, самый влиятельный человек в современной западной философии, всегда требовал кофе вовремя, чтобы не заснуть и выполнить дневные задачи. Для Канта кофе было, выражаясь его терминологией, «трансцендентальным единством апперцепции», вещь-в-себе, которую каждое утро он превращал в вещь-для-себя, требуя от слуги подавать его незамедлительно, не медля ни минуты. В его философии феноменальная (ощущаемая нами) вселенная рассматривается как продукт деятельности нашего сознания. Если сознание для продуктивной работы требует кофе, то оно немедленно должно превратиться в объективную реальность.

Когда у Канта какое-то время не было чашки кофе, он впадал в отчаяние и кричал: «Я тону!» Это был знак для его слуги принести ему новую чашку *молто пронто*. Когда он видел, что ее доставляют, он кричал «Земля! Я спасён. Я вижу землю!»

Трансцендентальный идеалист вёл размеренный образ жизни. По словам Генриха Гейне, Кант «вставал, пил кофе, писал, читал лекции, обедал и ужинал, прогуливался — и все в одно и то же время» и он «не верит, что большие часы тамошнего собора выполняли бы свой повседневный распорядок более бесстрастно и методично, чем их соотечественник Иммануил Кант». Горожане сверяли по нему свои часы. В 5.00 утра философ пробуждался, пил кофе и курил трубку. До 7.00 часов работал над своими рукописями, а после шёл в университет, чтобы читать лекции. К 11.00 часам Кант возвращался из университета и снова садился за философские труды. В молодости Кант предпочитал кофе утром, в пожилые годы — после обеда. В шутку или всерьёз сегодня утверждают, что любовь Канта к кофе через века передалась калининградцам — в городе традиционно очень много кофеен (рис. 3).

Апперцепция — связность восприятия, а также процесс соединения нового представления с прошлым опытом. Вы проснулись утром, ощущения вразброд, их надо собрать, привести в порядок. Но как? Конечно, с помощью кофе. Трансцендентальное единство апперцепции в философии Канта — единство самосознания, производящее чистое наглядное представление «Я мыслю», данное до всякого мышления и в то же время, не принадлежащее чувственности. Кофе приводит нас в единство, придаёт собранность нашим мыслям и из разрозненной суммы ощущений формирует «мыслящее Я».

После чашки кофе наступало то блаженство, которое можно было бы назвать даже «трансцендентальным единством сублимированных апперцепций». А ведь это его слова: «Чем больше привычек, тем меньше свободы». И как тогда встроить в один ряд его кофезависимость, аккуратизм и творческую свободу в философии? Может быть, кофе для Канта был своего рода категорическим императивом, ориентированным на развитие доброй воли, избежать который нельзя?

В последние дни его жизни, по воспоминаниям знавших его современников, слово «кофе» постоянно вертелось у Канта на языке. Значит, в мир иной он уходил именно с ним (рис. 4).

Рис. 3. Кант таким способом формировал своя «мыслящее Я»

Рис. 4. «Каждое утро один и тот же замкнутый круг: чтобы сварить кофе – нужно проснуться, а чтобы проснуться – нужно сварить кофе», – Иммануил Кант

В 1802 г. Кант отдыхал в загородном поместье своих приятелей, выпил чашку кофе и попытался немного покурить. После этого он сидел и грелся на солнышке, с наслаждением прислушиваясь к трелям птиц, которые в большом количестве собирались в этом месте. Он различал каждую птицу по ее пению и называл ее настоящим именем. Пробыв там около получаса, мы отправились домой, Кант все ещё был весел, но, по-видимому, насытился впечатлениями от проведённого дня¹. Существовало только две вещи, к которым Кант испытывал чрезмерную тягу в течение всей своей жизни – табак и кофе.

В XVIII в. кофейни часто посещали французские философы от Вольтера до Руссо и его друзей, таких как Дидро, Бомарше, Бальзак, Виктор Гюго и др. Все они были в той или иной мере кофеманами. Французский философ **Шарль Луи Монтескье** (1689–1755), прославляя аромат, вкус и свободный дух кофейного напитка, предлагал запретить его для простого люда. «Если бы я был королём, – писал он, – я бы запретил низшим сословиям даже пробовать кофе. Кофе обостряет ум и может привести к тому, что у этих низменных созданий возникнут опасные мысли против власти. Им больше подходит напиться в пивных, чтобы их мозг высох, а ум был нетрезвым, чтобы они знали своё место в обществе». Что это, как ни социальная философия кофе?!

В эпоху Просвещения кофе часто ассоциировался со стремлением к знаниям и интеллектуальному просветлению. Этот символизм очевиден в «Кандиде» Вольтера, где главный герой и его спутники ищут просветления и вступают в философские дискуссии за чашками кофе. Кофе катализирует их интеллектуальный рост и символизирует просвещенческие идеалы разума и прогресса. В исторических источниках указывается, что французский философ Франсуа-Мари Аруэ, более известный как **Вольтер** (1694–1778), выпивал от 40 до 50 чашек кофе в день, сопровождая его большим количеством шоколада². Именно он ввёл во Франции практику добавления к шоколаду ещё и сахар. Сегодня такой рецепт, возможно, назвали бы «шоколадный Джо». Кофе

Вольтер считал своим спутник в стремлении получать удовольствие от каждого мгновения жизни, и при этом максимально использовать момент творческой работы. В любимом кафе Просоре в Париже он регулярно платил непомерную цену за импорт элитного кофе для личного употребления.

Сообщается, что он платил огромные суммы денег за свой любимый кофе – даже щедро платил своим слугам, которые могли найти его для него. Вольтер, доживший до 83 лет, полагал, что именно кофе помогает его разуму оставаться свежим, ясным и бодрым. На предупреждения о вреде напитка он отвечал: «Если кофе – яд, то исключительно медленно действующий, поскольку сам я умираю от него уже более полувека...». После таких слов знаменитый русский остролов Козьма Прутков, якобы, заметил: «И мудрый Вольтер сомневался в ядовитости кофе!».

Вольтер также был известен тем, что устраивал кофейные посиделки с другими интеллектуалами и художниками, где они обсуждали политику, литературу и другие интересующие темы. Эти собрания были известны как «маленькие кафе» и были важной частью французского просвещения. Вольтер за свою жизнь часто посещал несколько кафе в Париже, в том числе Café Procope и Café de la Regence. Кафе Просоре, расположенное в Латинском квартале Парижа, было популярным местом сбора художников, писателей и интеллектуалов в период Просвещения. Даже Руссо часто посещал это кафе. Вольтер был постоянным посетителем кафе и, как говорили, любил пить кофе и обсуждать политику и литературу с другими посетителями. Он был таким всегда, что у него там был письменный стол, и этот стол сохранился. А в Café de la Regence Вольтер играл в шахматы с другими посетителями³ (рис. 5).

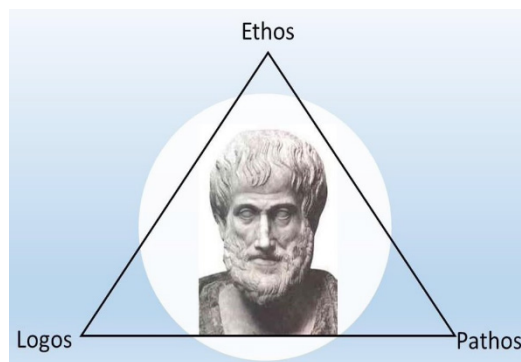

Рис. 5. Этос, пафос и логос – это как раз то, что философы находят в кофе

Когда философ посещал любимую кофейню «Прокоп» (Le Procope), он всегда просил подать ему кофе с шоколадом. «Кофе для Вольтера» готовился в кофейнике на четыре порции, т.е. двойная порция эспрессо без кофейного фильтра, но с изрядным количеством шоколада. Для Вольтера порошок кофе смешивали в одинаковых пропорциях с какао-порошком и варили в турке.

В кофейнях собирались наиболее известные представители эпохи Просвещения со всей Европы, такие как: Иммануил Кант, Вольтер, Жан-Жак Руссо, Дени Дидро, д'Аламбер, Исаак Ньютон, Ханс Слоун, Эдмунд Галлей. Они обсуждали и писали знаменитые исследовательские работы, радикально влияющие на все области, меняющие представление о мире и о человеческой жизни. Можно сказать: кофе не делает людей знаменитыми. Знаменитые делают кофе знаменитым. Виктор Гюго, автор «Отверженных», не только пил кофе, но ещё использовал кофейную жидкость в качестве красок для рисования. Его кофейные картины до сих пор хранятся в Лувре. Маэстро Сальвадор Дали не только пил кофе, но и проливал его на себя и свои работы, красочно описывая возникающие при этом ощущения. В своей работе «Удовольствие и боль от кофе» Бальзак превозносит достоинства кофе и описывает его способность усиливать концентрацию внимания и вдохновлять на творчество. Среди других известных писателей, которые находили утешение в кофе, Иоганн Себастьян Бах, сочинивший «Кофейную кантату» как дань уважения любимому напитку.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель, один из величайших немецких философов, был заядлым любителем кофе. Покинув Йену, Гегель (при помощи своего друга) устраивается редактором «Бамбергской газеты» в Бамберге. В скучной провинциальной поднят вдохновение может только кофе, но хорошего кофе в баварской глухомани не бывает, и он просит своего друга Ф.И. Нитхаммера в 1807 г.: «Я нахожу, что должен вкладывать в свой труд больше души, и в этой связи обращаюсь к Вам

¹ Подробнее см.: Quincey Thomas De. Last days of Immanuel Kant, and other writings (1862). Kessinger Publishing, 2009.

² Рецепт от Вольтера: плитка горького чёрного шоколада (125 граммов) измельчалась и растворялась в 100 граммах очень крепкого чёрного кофе. Добавлялось полтора стакана горячего молока и коричневый сахар.

³ Duncan J. The Beauty of Voltaire's Attitude to Life and Coffee // <https://www.gualuperoastery.com>

с просьбой помочь мне. Для этого мне кажется очень подходящим кофейная мельница Румфорда, и поскольку её изготавливают в Мюнхене, я хотел бы попросить Вас или милейшую госпожу о любезности заказать мне одну и переслать вместе с счётом. Это сооружение значительно повысит мой жизненный тонус и украсит моё существование, я же буду очень Вам признателен за заботу обо мне»¹. С тех пор страсть к кофе не покидал великого философа. Семь лет спустя, уже находясь в Нюрнберге на посту директора гимназии, Гегель пишет Нитхаммеру 29 апреля 1814 г.: «Из тех благодатных потоков, которые должны следовать за великими событиями, как ливень за грозой, уже течёт для нас из кофейника крепкий и вкусный коричневый ручеек кофе, поскольку мы не обязаны уже тянуть суррогатное пойло и на референтские доходы можем приобретать себе настоящий яванский кофе, пусть бог и добрые друзья подольше сохраняют его для нас»² (рис. 6).

Этос, логос, пафос

Рис. 6. Этос – это ты. Пафос – партнёр. Логос – разговор. Таков месседж любой кофейни – интеллектуальной или деловой

Поразительно, но спустя 66 лет после Гегеля Ницше оказывается в Бамберге, где он также поднимает кофейную тему: «Я уснул, проснулся в Бамберге, выпил кофе и снова почувствовал себя человеком»³. Знал бы он, как страдал от отсутствия хорошего кофе в этих краях его коллега более чем полвека назад⁴. В.И. Ленин был готов жить в рабочей семье, питаться в столовой, но не отказывался от кофе. Ф. Энгельс в ежемесячные расходы включал кофе. «Кофе после обеда на берегу, крайне необходимо, 2 чашки»⁵.

Серен Кьеркегор (1813–1855) был одним из самых влиятельных мыслителей XIX в. Заваривая себе чашку кофе, он усердно искал смысл человеческого существования, чтобы жить в полном согласии с самим собой. Самая известная работа С. Кьеркегора – «Или-или» (Either-Or). Когда двадцатидевятилетний мужчина писал этот шедевр, он размышлял над очень важным экзистенциалистским вопросом: пить или не пить кофе? Это или-или. Ибо, как он объяснил, «... Когда я пью кофе, моя тошнота возникает из-за употребления кофе, а когда я не пью кофе, моя тошнота возникает из-за того, что я не пью кофе. То же самое и с нами, людьми. Вся земная жизнь – это своего рода недомогание; у одних причиной является слишком много усилий, у других – слишком мало». Станный способ, которым он пил кофе, может объяснить пагубные последствия его привычки. Сообщается, что Кьеркегор «в восторге ... Схватил пакет с сахаром и насыпал сахар в кофейную чашку, пока его горка не поднялась выше края. Затем последовал невероятно крепкий чёрный кофе, который медленно растворял белую пирамиду»⁶. С. Кьеркегора называют в числе ведущих философов кофе (рис. 7).

Вольтера, Канта и Кьеркегора можно назвать кофеиновыми экцентриками. Первый выпивал по 50 чашек кофе за день, второй смаковал его с табаком, третий добавлял не сахар в кофе, а кофе в полную лохань сахара, каждый раз выуживая новый прибор из своего сервиза в 50 наборов кружек и блюдец.

Философские кофейни, возникшие во Франции в конце XX в., распространились по всему миру под названиями Café philosophique, Café-phil, Socrates Café и др., привнося философию на улицу, например, сократовский метод, чтобы помочь людям понять, как найти смысл жизни. Вопросы в кофейне представляли собой образы философских историй в духе главного принципа Сократа «Человек познай самого себя». С тех самых пор кофейня – территория, где люди сами

совершенствуют свою философию жизни, имея возможность вести диалог с собой и другими, увеличивая смысл человеческого существования, чтобы не просто жить, а жить в истине, добре и красоте. Истина постигается в крафтовом кофе, добро – атмосфера беседы, красота – обстановка кофейни (рис. 8).

Рис. 7. Все люди смертны. Сократ – человек. Он смертен, а кофе нет

Рис. 8. Первая венская кофейня, рисунок XIX в.

Армянин из Турции Паскуа Розе, учредивший первую кофейню в Европе (в Лондоне) в 1652 г. писал, что кофе делает людей более бдительными, а не эль, который делает людей пьяными, подразумевая, что, сохраняя бдительность, они могут обсуждать политику в кофейнях. Позже, уже в XX в., Юрген Хабермас утверждал, что правительство даёт народу информацию, в то время как в действительности правительство использовало владельцев кофейен в качестве шпионов, которые докладывали королю, если кто-то выступал против короны. Он полагал, что публичная сфера как социальное явление феномен общественного мнения зародились в лондонских кофейнях, но они не всегда являлись идеальными для интеллектуальных бесед, ибо нередко превращались в настоящий бойцовский клуб для подвыпивших джентльменов.

Для Ю. Хабермаса кофейня – это место, где буржуазные личности могут вступать в отношения друг с другом без ограничений семьи, гражданского общества или государства. Это место своего рода универсального сообщества, объединённого не властью и не экономическими интересами, а здравым смыслом. Кофейня – новое социальное место, которое является основным локусом английского буржуазного дискурса, т.е. неиерархического обсуждения, основанного на общих способностях к рассуждению, оторванного от экономической сферы транзакций и свободного от ограничений религиозных догм.

Кофе, как известно, напиток пробуждающий. Вот кофе и кофейни и пробудили к активной социальной, а затем и политической жизни средний класс Европы. Раньше в восточных монархиях кофе был скорее атрибутом демонстративного потребления, особенно во дворцах султанов. А тут Европа, тут буржуазия, межконтинентальная торговля кофе, прагматический взгляд на вещи. Буржуазия создала ту инфраструктуру, на которой было воспитана интеллигенция, и произросла философия.

В кафе Просоре великие философы, такие как Дени Дидро, Вольтер, Монтескье, Ле Ронд д'Алембер, Жан-Жак Руссо, обсуждали способы улучшения мира с помощью силы знаний. Здесь была написана знаменитая «Энциклопедия», изменившая образ мышления целого поколения. Известным в истории философии было и кафе «Регенс», где в августе 1844 г. состоялась историческая встреча Карла Маркса и Фридриха Энгельса, учение которых, получившее после их смерти,

¹ Гегель Г. Работы разных лет. В двух томах Т. 2, М.: Мысль, 1971, с. 282.

² Гегель Г. Работы разных лет. В двух томах Т. 2, М.: Мысль, 1971, с. 344.

³ Ницше Ф. Письма, М.: Культурная революция, 2007, с. 101.

⁴ Кофе и философия // <https://dzen.ru/a/YeZq2ne3zlIK05jN>

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. ПСС, т. 27, М.: Госполитиздат, 1962, с. 30.

⁶ Garff J. Søren Kierkegaard: A Biography. Princeton University Press, 2007, p.288.

название марксизма, изменило не просто мышление, а общественный уклад многих крупных стран мира (рис. 9).

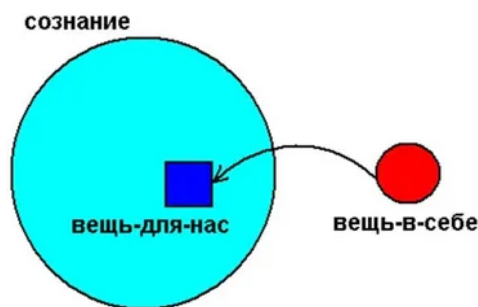

Рис. 9. Кофе в сознании и кофе на столе – разные вещи

Среди важных прорывов философии XX в. – рождение логического позитивизма, философии языка и экзистенциализма. Они появились на свет в ходе академических дискуссий в кафе Вены и Берлина. Отсюда и название философских школ логического позитивизма – Венский и Берлинский кружки. Венский кружок – группа философов и учёных, которые стремились переосмыслить философию с научной точки зрения, – организовывал еженедельные дискуссии в австрийских кафе Café Reichsrat, Café Central, Café Arkaden, Café Josephinum. Лидирующей позиции занимали двое – Мориц Шлик, основавший философскую школу логического позитивизма, и Людвиг Витгенштейн, заложивший основу для трансформации философии языка. Берлинский кружок, основанный в 1926 г., назвал свою философию логическим эмпиризмом, чтобы отличить ее от логического позитивизма Венского кружка. Члены Берлинского кружка встречались в Café Dobrin и в некоторых кафе Вены. Они внесли вклад теорию вероятностей, математическую логику и теорию относительности (рис. 10).

Рис. 10. В экзистенциализме все погранично или загранично

Со второй половины XX в. развивается экзистенциализм, сосредоточенный на анализе смысла существования человека через образ и условия жизни. Начало движению положил Сёрен Кьеркегор – философ, который пил кофе в качестве жизненного ритуала. Многие экзистенциалисты считали академическую философию слишком абстрактной и оторванной от конкретного человеческого опыта и выбирали кофейню как место для медитаций, дискуссий и написания статей. Café de Flore стала штаб-квартирой для Жан-Поля Сартра и Симоны де Бовуар, а Les Deux Magots – для сюрреалистов, La Closerie des Lilas – местом сбора экзистенциальных философов. Немецкий философ Эрик Фромм (1900–1980) говорил, что он просто в восторге от кофе с молоком и 2–3 ложками густого вишневого варенья. Среди завсегдатаев La Closerie des Lilas – культового места Монпарнаса – были Шарль Бодлер, Эмиль Золя, Теофиль Готье, Оноре де Бальзак и Хемингуэй, а позже оно привлекало внимание таких знаменитостей, как Амедео Модильяни, Пабло Пикассо, Оскар Уайльд, Шарль Бодлер, Поль Верлен, Андре Жид, Луи Арагон, Скотт Фицджеральд, Эзра Паунд, Жан-Поль Сартр и Сэмюэл Беккет. Кофе фигурирует во многих произведениях Э. Хемингуэя как физическое воплощение идеологической системы, пространство, метафизические качества которого выражаются в происходящей внутри деятельности, дающей читателю возможность осознать смысл жизни. В повести Эрнеста Хемингуэя «Старик и море» главный герой Сантьяго пьёт кофе, чтобы оставаться бдительным и сосредоточенным во время рыбалки. В «Криминальном чтиве» Квентина Тарантино персонажи обсуждают свои философские взгляды за чашечкой кофе.

На протяжении нескольких сотен лет кофеин подпитывал и стимулировал творческую мысль Западной Европы. Трудно представить, чтобы философия существовала бы без него, а мы – без философии.

PHILOSOPHY OF COFFEE AND COFFEE FOR PHILOSOPHERS

Kravchenko A.I.,

It is difficult to imagine that philosophy can be practiced without coffee. The philosophy of coffee is not just the high-minded reasoning of two bearded men over a cup of aromatic drink, but a science or a system of high knowledge about it as a serious product of human culture, in a sense, a companion and driver of philosophical discourses. Coffee philosophy can easily get lost in the clutter of coffee science, which is rigorous and built on measurements, experiments, surveys, and statistics. But it has its own subject field, because it usually happens that philosophers pave the way, which is then followed by countless tribes of practicing scientists.

Keywords: philosophy, coffee, Voltaire, Montesquieu, Kant, Hegel, Kierkegaard, Habermas, Enlightenment

Ценностно-смысловые ориентации и жизнестойкость как детерминанты психологической устойчивости сотрудников силовых ведомств

Хлоповских Юлия Геннадьевна,

кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФГБОУ ВО «Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России»
E-mail: flugel24@yandex.ru

Макарова Марина Александровна,

старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФГБОУ ВО «Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России»
E-mail: makarovam88@bk.ru

Никонова Екатерина Петровна,

магистрант, ФГБОУ ВО «Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России»
E-mail: katya_ee@mail.ru

Статья посвящена исследованию ценностно-смысловых ориентаций и жизнестойкости как взаимосвязанных детерминант психологической устойчивости сотрудников силовых ведомств и подразделений экстремального профиля (МЧС и МВД России). На основе анализа научных данных и результатов эмпирических исследований (с применением методик Ш. Шварца, Э. Шейна, Д.А. Леонтьева, В.И. Моросановой, Т.Л. Крюковой) выявлена специфика мотивационно-смысловой и ресурсно-адаптационной сфер личности спасателей, пожарных и сотрудников правоохранительных органов. Установлено, что профессиональная деятельность специалистов экстремального профиля опирается на специфическую иерархию ценностей, где наряду с личностными приоритетами (достижение, самостоятельность) существенную роль играет гуманистическая ценность «служение». Показано, что жизнестойкость действующих сотрудников характеризуется высокими показателями вовлеченности и контроля, а также доминированием конфронтационного копинга и эмоционального дистанцирования. В то же время выявлена негативная динамика компонентов жизнестойкости (в первую очередь, вовлеченности и контроля) у курсантов ведомственных вузов от первого к четвертому году обучения, что свидетельствует о риске утраты профессиональной мотивации и развития психозомоционального выгорания. Обоснована необходимость создания педагогических условий для гармонизации личных и нормативных ценностей, включая введение в образовательную программу профессиональной этики, для формирования и поддержания жизнестойкости обучающихся на этапе профессионального становления.

Ключевые слова: жизнестойкость, ценностные ориентации, психологическая устойчивость, сотрудники силовых ведомств, копинг-стратегии, профессиональная этика, МЧС России, МВД России, экстремальная деятельность, курсанты, саморегуляция.

Введение

Профессиональная деятельность сотрудников силовых ведомств, обеспечивающих законность, правопорядок, безопасность граждан и ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций, относится к категории наиболее сложных, характеризующихся экстремальными условиями. Высокая цена ошибки, постоянный риск для жизни и здоровья, неопределенность обстановки и необходимость принятия ответственных решений в условиях дефицита информации и времени предъявляют исключительные требования не только к уровню специальной подготовки, но и к индивидуально-психологическим особенностям личности. Как отмечает В.А. Бодров, профессиональная пригодность специалиста экстремального профиля является интегративной характеристикой, отражающей степень индивидуальных возможностей выполнять профессиональные функции на заданном уровне эффективности, надежности и безопасности в течение определенного времени [1].

Психологическая устойчивость специалиста не является врожденным и статичным качеством. Она представляет собой сложный многомерный конструкт, формирующийся на пересечении мотивационно-смысловой и ресурсно-адаптационной сфер личности. В качестве фундаментальных детерминант такой устойчивости выступают *ценностно-смысловые ориентации*, задающие вектор профессионального поведения, и *жизнестойкость* (hardiness), обеспечивающая способность сопротивляться стрессогенным факторам без снижения эффективности деятельности [4].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа того, как система ценностей и уровень жизнестойкости взаимосвязаны между собой, как они проявляются у действующих сотрудников силовых структур и как трансформируются в период профессионального становления у курсантов ведомственных образовательных организаций. Понимание этих механизмов позволяет выстроить эффективную систему психологического обеспечения и педагогической поддержки будущих и действующих специалистов.

Результаты исследования и их обсуждение

Ценности являются базовым структурным компонентом личности, определяющим мотивацию поведения и задающим ориентацию на будущее. Для специалистов помогающих профессий экстремального профиля, таких как пожарный, спасатель, чья работа в значительной мере сопряжена с альтруизмом и самопожертвованием, ценностно-нормативный компонент профессионального мировоззрения имеет критически важное значение. Искажение ценностных ориентаций неизбежно ведет к профессиональной деформации, цинизму, асоциальному поведению [5].

Результаты эмпирического исследования ценностей обучающихся ведомственных вузов МЧС России [10] позволяют довольно глубоко понять структуру мотивации будущих спасателей. Исследование, охватившее 135 курсантов Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России (98 обучающихся I курса и 37 слушателей IV–V курсов), проводилось с использованием психодиагностических методик Ш. Шварца [3] и Э. Шейна.

Согласно полученным данным, на уровне нормативных идеалов (представлений о «должном») у первокурсников доминируют ценности «достижения» (5,45 балла) и «гедонизма» (5,24 балла). На личностном уровне (уровень «сущего») приоритетными являются «самостоятельность» (2,74 балла) и «достижения» (2,57 балла). При этом к IV–V курсам наблюдается существенный рост ценности «гедонизм» на нормативном уровне (до 5,50 балла), что может свидетельствовать об усталости от жестких рамок военизированного вуза и усилении потребности в комфорте и отдыхе [10].

Гипотеза о том, что базовыми ценностями спасателей являются исключительно «безопасность» и «забота о людях», подтвердилась лишь частично: в иерархии по методике Ш. Шварца эти ценности занимают среднее 4-е место. Однако при выборе главного руководящего жизненного принципа около трети обучающихся (29,0%) выбирают суждения, объединенные в группу ценностей «безопасности» (безопасность семьи, социальный порядок), что указывает на латентное, но значимое присутствие этой ценности в структуре смыслов.

Особый интерес представляют результаты диагностики мотивации профессиональной карьеры с помощью методики «Якоря карьеры» Э. Шейна. Ведущими ценностями у курсантов выступают «стабильность работы» и «служение». Ценность «служение» (гуманистическая потребность помогать другим, делать мир лучше) напрямую коррелирует с сутью профессии пожарного/спасателя. Именно эта просоциальная направленность выступает тем смысловым стержнем, который удерживает личность в профессии, несмотря на высокие риски.

Однако между личностными приоритетами (гедонизм, самостоятельность) и нормативными профессиональными ценностями (долг, дисциплина, традиция) может возникать конфликт. Низкий приоритет ценностей «традиции» и «конформность» у курсантов свидетельствует о том, что слепое следование уставным требованиям не является их внутренним регулятором. В связи с этим актуализируется проблема определения и реализации педагогических условий формирования профессиональных ценностей. Как отмечают М.А. Макарова, Н.В. Шкроб [10], необходимо сместить фокус с формального заучивания норм на осмысление экзистенциальных вопросов профессии, обсуждение этических дилемм и морального выбора. Введение дисциплин профессионально-этической направленности позволяет снять противоречия между индивидуальными ценностями и нормативными идеалами, сформировав осознанное, а не ригидное отношение к служебному долгу.

Если ценности отвечают на вопрос «ради чего» сотрудник готов преодолевать трудности, то жизнестойкость определяет, «как» он это делает. Конструкт жизнестойкости, разработанный С. Кобейса и С. Мадди и адаптированный в отечественной психологии Д.А. Леонтьевым, описывает систему убеждений о себе, мире и отношениях с миром, которая позволяет трансформировать стрессовые ситуации из потенциальных бедствий в возможности личностного и профессионального роста [4; 11; 12].

Жизнестойкость включает три компонента:

- вовлеченность – убежденность в том, что погружение в деятельность дает максимальные возможности для развития, получение удовольствия от процесса;
- контроль – убежденность в способности влиять на ход событий и нести ответственность за принятые решения;
- принятие риска – готовность действовать без абсолютных гарантий успеха, восприятие любого опыта как стимула для развития.

Результаты исследований с участием действующих сотрудников Государственной противопожарной службы (ГПС) МЧС России [6; 8 и др.] показывают, что специалисты, непосредственно участвующие в тушении пожаров и ликвидации ЧС, обладают достоверно более высокими показателями жизнестойкости (вовлеченности, контроля, принятия риска) по сравнению с сотрудниками, занимающими должности, не связанные с экстремальными условиями деятельности (юристы, экономисты, преподаватели).

Высокая вовлеченность пожарных-спасателей в свою работу, как отмечают М.В. Меткин, Г.В. Москаленко [6], обусловлена динамичностью среды, сменой видов деятельности, физическим напряжением и, главное, ощущением собственной нужности и профессионализмом в момент спасения жизни. Отсутствие этого компонента у специалиста неминуемо ведет к рассеянности, потере бдительности, росту травматизма и эмоциональному выгоранию.

Анализ сущности и детерминант жизнестойкости дает основание предположить, что процесс ее развития, свойственный всем этапам онтогенеза, в период учебно-профессиональной деятельности курсантов и слушателей ведомственного вуза становится более интенсивным и динамичным. Профессиональное становление личности будущего специалиста экстремального профиля происходит в условиях жесткой регламентации, строгой дисциплины и высоких физических нагрузок, что само по себе является стресс-фактором, требующим механизмов переадаптации [7; 9].

Для проверки данного предположения и сравнительного анализа динамики жизнестойкости на этапе учебно-профессиональной деятельности у обучающихся разных ведомственных вузов проведено эмпирическое исследование, охватившее 209 курсантов Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России (СПСА ГПС МЧС России; I курс – 68 человек, IV курс – 58 человек) и Воронежского института МВД России (ВИ МВД России; I курс – 40 человек, IV курс – 43 человека) [9]. Исследование проводилось с помощью «Теста жизнестойкости» С. Мадди в адаптации Е.Н. Осина и Е.И. Рассказовой.

Полученные данные отражают нелинейную, в целом негативную динамику компонентов жизнестойкости в процессе обучения. В СПСА ГПС МЧС России 48,5% первокурсников обладают высоким уровнем вовлеченности, однако к четвертому курсу эта доля существенно снижается (до 32,8%). Аналогичная тенденция наблюдается по компо-

ненту «контроль»: доля курсантов с высоким уровнем контроля, составлявшая на I курсе 55,9%, уменьшается на IV курсе до 41,4%. В ВИ МВД России динамика еще более выражена: доля курсантов с высоким уровнем вовлеченности снижается с 40% до 30,2%, а с высоким уровнем контроля незначительно повышается – с 45% до 46,5%, однако средние значения при этом также снижаются [9].

Выявленные тенденции свидетельствуют о существенной проблеме. Снижение уровня вовлеченности означает, что к концу обучения у курсантов теряется интерес к профессии, исчезает ощущение новизны и удовольствия от учебно-служебной деятельности, накапливается усталость от рутины и жестких рамок вузовской среды. Уменьшение внутреннего контроля отражает формирование выученной беспомощности или конформизма: курсанты перестают верить, что их личные усилия и инициатива могут повлиять на результат; они все чаще действуют по инерции, избегая ответственности [9].

Единственным компонентом, который у курсантов ВИ МВД России характеризуется незначительной положительной динамикой от младших курсов к старшим (доля высоких значений возрастает с 45% до 48,8%), является принятие риска. Полагаем, это может быть связано с включением в практическую деятельность и осознанием специфики предстоящей службы. Общий уровень жизнестойкости у будущих пожарных-спасателей к выпускному курсу неуклонно снижается (доля высоких значений уменьшается с 55,9% до 43,1%) [9].

Для понимания того, какими должны быть зрелые показатели жизнестойкости у специалиста, адаптированного к экстремальным условиям служебной деятельности, целесообразно сопоставить полученные данные с результатами исследований, в которые были включены действующие сотрудники ГПС МЧС России. Так, по данным Е.С. Снегиревой [8], средние показатели по тесту жизнестойкости у пожарных-спасателей достигают 110,83 баллов при высоких значениях по всем субшкалам: вовлеченность – 42,13 балла, контроль – 42,73, принятие риска – 25,97. М.В. Меткин и Г.В. Москаленко [6] также отмечают, что в экспериментальной группе, состоящей из пожарных-спасателей, показатели вовлеченности (50,72) и общей жизнестойкости (103,06) статистически достоверно выше, чем в контрольной группе сотрудников, не занятых в экстремальных видах деятельности (40,17 и 86,88 соответственно). Сопоставление этих данных с показателями, полученными при изучении курсантских выборок (табл. 1), позволяет сделать важный вывод: действующие сотрудники экстремального профиля демонстрируют значительно более высокий уровень жизнестойкости, чем обучающиеся ведомственных вузов, причем наиболее выражены различия по компонентам «вовлеченность» и «принятие риска».

Таблица 1. Выраженность компонентов жизнестойкости у курсантов ведомственных вузов и специалистов ГПС МЧС России

Выборки Компоненты жизнестой- кости	Курсанты ¹				Специалисты ГПС МЧС России ²	
	СПСА ГПС МЧС России		ВИ МВД России		Эксперим. группа	Контр. группа
	1 курс	4 курс	1 курс	4 курс		
Вовлечен- ность	25,642	24,414	25,000	23,302	50,72	40,17
Контроль	20,672	19,414	19,300	18,674	19,91	17,46
Принятие риска	15,000	14,086	13,800	14,558	32,43	29,07
Жизнестой- кость	61,313	57,914	58,100	56,535	103,06	86,88

Полученные результаты позволяют отметить, что профессиональная среда и реальный опыт спасательной деятельности выступают факторами актуализации и укрепления жизнестойкости, тогда как учебно-служебная среда ведомственного вуза, по-видимому, не в полной мере выполняет эту функцию.

Специфика экстремальных видов деятельности диктует и особые паттерны совладающего поведения. По данным М.В. Меткина и Г.В. Москаленко [6], для действующих пожарных-спасателей характерны конфронтационный копинг (8,53 балла) и дистанцирование (10,64 балла). Конфронтационный копинг предполагает агрессивные усилия по изменению ситуации и готовности идти на риск, что необходимо в экстремальных ситуациях, требующих мобилизации всех ресурсов. Дистанцирование выступает важнейшим механизмом психологической защиты: эмоциональное отстранение от трагедии позволяет

¹ Результаты, полученные авторами статьи.

² Результаты исследования М. В. Меткина, Г. В. Москаленко [6].

хладнокровно применять профессиональные навыки. Стиль саморегуляции действующих спасателей характеризуется гибкостью (9,46) и самостоятельностью (9,27), а самооценка (0,49) базируется на реальном опыте преодоления трудностей [6]. У курсантов же, судя по результатам проведенного нами исследования, эти паттерны еще не сформированы, что уменьшает их способность к эффективной перадаптации.

Этот феномен снижения жизнестойкости у курсантов можно объяснить через призму ценностно-смысловой сферы, что показано в исследовании М.А. Макаровой, Н.В. Шкроб [10]. Если на первом курсе мотивация носит характер «оптации» (осознанного выбора, высокого уровня «достижения» и «служения»), то к старшим курсам под влиянием монотонной нагрузки, бюрократизации учебного процесса и усталости происходит обесценивание изначальных смыслов. Гедонистические ценности (потребность в отдыхе, комфорте), значимость которых, по данным того же исследования, к выпускным курсам возрастает, вступают в острый конфликт с требованиями службы, а механизмы психологической компенсации не срабатывают из-за отсутствия навыков осознанной саморегуляции и этической рефлексии.

Анализ представленных данных позволяет утверждать, что ценностно-смысловые ориентации и жизнестойкость находятся в состоянии неразрывной синергетической связи, выступая общими детерминантами психологической устойчивости. Корреляционный анализ, проведенный М.В. Меткиным и Г.В. Москаленко [6], подтверждает тесную взаимосвязь компонентов жизнестойкости с личностными характеристиками пожарных-спасателей: вовлеченность наиболее тесно связана со стилем саморегуляции «планирование» ($r = 0,87$) и адекватной самооценкой ($r = 0,75$); принятие риска – со стилем «самостоятельность» ($r = 0,77$); контроль – с автономным стилем регуляции «самостоятельность» ($r = 0,82$) и копинг-стратегией «самоконтроль» ($r = 0,73$). Эти данные согласуются с выявленными в нашем исследовании ценностными приоритетами курсантов: ценность «самостоятельности», занимающая одно из ведущих мест в иерархии по методике Ш. Шварца [10], коррелирует с компонентом «принятие риска», а ценность «служения» по методике Э. Шейна [10] – с компонентом «вовлеченность».

Вовлеченность, как компонент жизнестойкости, не может существовать изолированно; она подпитывается смыслом деятельности. Высокая вовлеченность действующих пожарных-спасателей [6; 8] напрямую опирается на ценность «служения» и «профессионального долга». Когда сотрудник осознает социальную значимость своего труда, стрессовые факторы интерпретируются не как угроза, а как профессиональная задача. И наоборот, снижение вовлеченности у курсантов старших курсов сигнализирует о кризисе смыслов: если профессия начинает восприниматься лишь как источник «стабильности» (карьерный якорь по Э. Шейну) или как вынужденная повинность, ресурс жизнестойкости истощается [2; 9; 10].

Образовательная среда ведомственного вуза, построенная на жесткой субординации, способствует подавлению инициативы и формированию у курсантов исполнительской, а не субъектной позиции. Вероятно, в этом заключается одна из базовых причин снижения показателя «контроль» к старшим курсам [9]. Для сохранения психологической устойчивости необходимо смещать баланс от субъект-объектных отношений к субъект-субъектным, стимулируя самостоятельность и ответственность обучающихся. Важнейшим условием является баланс субъект-объектных и субъект-субъектных отношений в образовательном процессе, выражающийся в рациональном поддержании необходимой субординации служебного взаимодействия и гуманистичности внеслужебного взаимодействия [10].

Для снятия противоречий между индивидуальными ценностями (гедонизм, автономия) и нормативными идеалами (долг, дисциплина) необходимо включение в перечень изучаемых дисциплин «Профессиональной этики». Обсуждение содержания этических категорий (добро и зло, долг и совесть, честь) и высших нравственных ценностей формирует более глубокое понимание нравственных и профессиональных ценностей. Это приводит к формированию осознанного отношения к деятельности, пониманию не только целей, но и смыслов деятельности в различных ситуациях, предполагающих моральный выбор. Осознанное отношение, в свою очередь, является основой нравственного поведения и фундаментом для сохранения жизнестойкости.

Заключение

Проведенное исследование ценностно-смысловой и ресурсно-адаптационной сфер личности сотрудников силовых ведомств позволяет сформулировать следующие выводы.

Ценностно-смысловые ориентации и жизнестойкость выступают синергетическими детерминантами психологической устойчивости специалистов экстремального профиля. Ценности задают мотиваци-

онный вектор и смысловую основу профессионального поведения (в первую очередь за счет интериоризации гуманистической ценности «служения» и ценности «достижения»), тогда как жизнестойкость обеспечивает ресурсное наполнение, позволяя трансформировать стрессогенные факторы в задачи личного и профессионального роста. Иными словами, ценности помогают ответить на вопрос, ради чего преодолевать трудности, а жизнестойкость способствует сохранению эффективности и здоровья специалиста.

Психологическая структура жизнестойкости действующих сотрудников ГПС МЧС России, работающих в экстремальных условиях, характеризуется доминированием компонентов «вовлеченность» и «контроль». Высокая вовлеченность, парадоксальным образом сочетающаяся с ежедневным столкновением с последствиями ЧС, опирается на динамичность среды и ощущение собственной профессиональной компетентности. Совладающее поведение таких сотрудников базируется на конфронтационном копинге и эмоциональном дистанцировании, а стиль саморегуляции отличается гибкостью и автономностью.

Выявлена тревожная тенденция снижения показателей жизнестойкости (в частности, вовлеченности и контроля) у курсантов ведомственных образовательных организаций (СПСА ГПС МЧС России и ВИ МВД России) в период от первого к четвертому году обучения. Данный феномен свидетельствует о кризисе профессиональных смыслов, формировании конформизма и риске раннего психоэмоционального выгорания под влиянием жесткой регламентации учебно-служебной деятельности и хронической усталости.

Нивелирование указанных негативных тенденций требует трансформации воспитательного пространства ведомственных вузов. Ключевыми педагогическими условиями формирования профессиональных ценностей и сохранения жизнестойкости курсантов выступают: смещение фокуса с формального заучивания норм на осмысление экзистенциальных и этических дилемм профессии; внедрение и научно обоснованное наполнение учебной дисциплины «Профессиональная этика»; баланс субъект-объектных и субъект-субъектных отношений в образовательном процессе, стимулирующий развитие субъектной самостоятельности и ответственности обучающихся.

Таким образом, система психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников силовых ведомств должна быть переориентирована с тренинга стрессоустойчивости на глубокую работу со смысловой сферой личности. Гармонизация индивидуальных ценностей с нормативными идеалами профессии позволит сформировать устойчивую основу для сохранения у специалистов экстремального профиля жизнестойкости и эффективного выполнения служебного долга в опасных для жизни и здоровья условиях.

Литература

1. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности / В.А. Бодров. – Москва: Когито-Центр, 2006. – 630 с.
2. Дружилов С.А. Психология профессионализма. Инженерно-психологический подход / С.А. Дружилов. – 2-е изд., испр. и доп. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2017. – 360 с.
3. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство / В.Н. Карандашев. – Санкт-Петербург: Речь, 2004. – 70 с.
4. Леонтьев Д.А. Тест жизнестойкости. Методическое руководство / Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова. – Москва: Смысл, 2006. – 63 с.
5. Манецкая С.В. О необходимости развития профессионального мировоззрения будущего офицера в период его обучения в вузе / С.В. Манецкая // Сборник научных трудов ГМУ. – Новороссийск: РИО ГМА им. адм. Ф.Ф. Ушакова, 2011. – Вып. 16, ч. II. – С. 39–40.
6. Меткин М.В. Компоненты психологической структуры жизнестойкости сотрудников МЧС России, работающих в экстремальных условиях / М.В. Меткин, Г.В. Москаленко // Ученые записки СПбГИПСР. – 2019. – Вып. 1. Т. 31. – С. 42–48.
7. Почебут Л.Г. Организационная социальная психология: Учебное пособие / Л.Г. Почебут, В.А. Чикер. – Санкт-Петербург: Речь, 2000. – 298 с.
8. Снегирева Е.С. Особенности показателей жизнестойкости и стрессоустойчивости у сотрудников государственной противопожарной службы (ГПС) МЧС России / Е.С. Снегирева // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. – 2015. – № 1(6). – Т. 2. – С. 129–133.
9. Хлоповских Ю.Г. Выраженность жизнестойкости у будущих специалистов экстремального профиля на разных этапах учебно-профессиональной деятельности / Ю.Г. Хлоповских, Н.М. Савицкий, М.А. Макарова // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2024. – Т. 13. – № 7А. – С. 104–113.

10. Шкроб Н.В. Формирование профессиональных ценностей в структуре подготовки будущих спасателей / Н.В. Шкроб, М.А. Макарова // Современное педагогическое образование. – 2024. – № 11. – С. 326–329.

11. Maddi S.R. The Personality Construct of Hardiness: Effects on Experiencing, Coping and Strain / S.R. Maddi // Consulting Psychology Journal: Practice and Research. – 1999. – Vol. 51. – № 2. – Pp. 83–94.

12. Kobasa C.O. Stressful life events, personality, and health: An inquiry into hardiness / C.O. Kobasa // Journal of Personality and Social Psychology. – 1979. – Vol. 37. – № 1. – Pp. 1–11.

13. Kobasa S.C. Stressful life events, personality, and health – Inquiry into hardiness / S.C. Kobasa // Journal of Personality and Social Psychology. – 1979. – Vol. 37. – № 1. – Pp. 1–11.

VALUE-SEMANTIC ORIENTATIONS AND RESILIENCE AS DETERMINANTS OF PSYCHOLOGICAL STABILITY OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Khlopovskikh J.G., Makarova M.A., Nikonova E.P.

Siberian Fire and Rescue Academy of EMERCOM of Russia

The article is devoted to the study of value-meaning orientations and hardiness as interrelated determinants of psychological stability of law enforcement officers and extreme profile units (EMERCOM and MIA of Russia). Based on a comprehensive analysis of empirical research results (using the methods of S. Schwartz, E. Schein, D.A. Leontiev, V.I. Morosanova, T.L. Kryukova) and research and development work materials, the specifics of the motivational-semantic and resource-adaptive spheres of the personality of rescuers, firefighters and law enforcement officers are revealed. It is established that the professional activity of extreme profile specialists relies on a specific hierarchy of values, where along with personal priorities (achievement, independence); the humanistic value of «service» plays a critical role. It is shown that the hardiness of active employees is characterized by high rates of involvement and control, as well as the dominance of confrontational coping and emotional distancing. At the same time, a negative dynamics of hardiness components (primarily involvement and control) was revealed in cadets of departmental universities from the first to the fourth year of study, which indicates a risk of loss of professional motivation and the development of psycho-emotional burnout. The necessity of creating pedagogical conditions for the harmonization of personal and normative values, including the introduction of professional ethics disciplines, to maintain hardiness at the stage of professional formation is substantiated.

Keywords: hardiness, value orientations, psychological stability, law enforcement officers, coping strategies, professional ethics, EMERCOM of Russia, MIA of Russia, extreme activity, cadets, self-regulation.

References

1. Bodrov V.A. Psychology of professional similarity / V.A. Bodrov. – Moscow: Kogito-Center, 2006. – 630 p.
2. Druzhilov S.A. Psychology of professionalism. Engineering and psychological analysis / S.A. Druzhilov. – 2nd ed. – Kharkiv: Publishing house «Humanitarian Center», 2017. – 360 p.
3. Karandashev V.N. Schwartz's methodology for studying personality values: concept and methodological guidance / V.N. Karandashev. – St. Petersburg: Speech, 2004. – 70 p.
4. Leontiev D.A. The test of resilience. Methodological guidance / D.A. Leontiev, E.I. Rasskazova. – Moscow: Smysl Publ., 2006. – 63 p.
5. Manetskaya S.V. On the need to develop the professional worldview of a future officer during his studies at a university / S.V. Manetskaya // Collection of scientific papers of GMU. – Novorossiysk: RIO State Medical Academy named after Adm. F.F. Ushakov, 2011. – Issue 16, part II. – Pp. 39–40.
6. Metkin M.V. Components of the psychological structure of the resilience of employees of the Ministry of Emergency Situations of Russia working in extreme conditions / M.V. Metkin, G.V. Moskalenko // Scientific Notes SPbGIPS. – 2019. – Issue 1. Vol. 31. – Pp. 42–48.
7. Pochebut L.G. Organizational social psychology: A textbook / L.G. Pochebut, V.A. Chiker. – St. Petersburg: Speech, 2000. – 298 p.
8. Snegireva E.S. Features of indicators of resilience and stress among employees of the State Fire Service (GPS) of EMERCOM of Russia / E.S. Snegireva // Modern technologies for civil defense and emergency response. – 2015. – № 1(6). – Vol. 2. – Pp. 129–133.
9. Khlopovskikh Yu.G. The severity of resilience in future specialists of extreme profile at different stages of educational and professional activity / Yu.G. Khlopovskikh, N.M. Savitsky, M.A. Makarova // Psychology. Historical and critical reviews and new research. – 2024. – Vol. 13. – № 7A. – Pp. 104–113.
10. Shkrob N.V. Formation of professional values in the training structure of future rescuers / N.V. Shkrob, M.A. Makarova // Modern pedagogical education. – 2024. – № 11. – Pp. 326–329.
11. Madissiine S.R. Oloh-diahah Tus constructiyata: uuyilgaḡa, kyayyga uonna stress tuluyumtuo buoluuga sabydyala / S.R. Madissiine // psychological consultation Surunaala: the practice of uonna chinchiyii. – 1999. – Vol. 51. – № 2. – Pp. 83–94.
12. Kobasa K.O. Stressful life events, personality and health: a study of vitality / K.O. Kobasa // Journal of Personality Psychology and Social Psychology. – 1979. – Vol. 37. – № 1. – Pp. 1–11.
13. Kobasa S.S. Stressful life events, personality and health – a study of resilience / S.S. Kobasa // Journal of Personal and Social Psychology. – 1979. – Vol. 37. – № 1. – Pp. 1–11.

Педагогическая модель вокально-двигательного тренинга в контексте комплексного подхода к вокальному образованию в вузах Китая: теоретико-методологическое обоснование и экспериментальная апробация

Ван Мэнкэ,

аспирант, Московский педагогический государственный университет

Статья посвящена проблеме разработки и внедрения педагогической модели вокально-двигательного тренинга в систему профессиональной подготовки вокалистов в высших учебных заведениях Китая. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования вокального образования на основе комплексного подхода, интегрирующего вокально-технические и двигательные-сценические компоненты. На основе анализа теоретических источников и обобщения современного опыта подготовки вокалистов в Китае и России предложена модель, включающая целевую, содержательно-процессуальную, организационно-деятельностную и результативно-оценочную блоки. Особое внимание уделено взаимосвязи голосообразования, пластики и сценического движения как основы формирования исполнительской культуры. Представлены результаты экспериментальной апробации модели, подтверждающие её эффективность в повышении уровня вокально-исполнительской культуры студентов. Выводы обосновывают целесообразность внедрения разработанной модели в практику вузов Китая.

Ключевые слова: вокальное образование, вокально-двигательный тренинг, педагогическая модель, комплексный подход, китайские вузы, сценическое мастерство, экспериментальная апробация.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена качественными изменениями в системе высшего музыкального образования Китая, происходящими в контексте глобализации и интеграции в мировое образовательное пространство. Как отмечает Ма Хайсинь, в последние годы «увеличилось количество научно-педагогических публикаций, посвящённых музыкальному образованию и вокальной педагогике» [12]. Вместе с тем, анализ современного состояния подготовки вокалистов в Китае выявляет ряд противоречий. С одной стороны, возрастают требования к уровню сценического мастерства выпускников, их способности к целостному художественному самовыражению; с другой – сохраняется разрыв между вокально-технической подготовкой и развитием двигательных-пластических навыков, необходимых для создания убедительного сценического образа.

Лу Хуачжао отмечает, что «специфическими особенностями развития вокально-исполнительского потенциала китайских студентов» являются «наличие у студента певческого голоса, характеризующегося определённой высотой, протяжённостью, ясностью гласных, силой и тембральной окраской звука», а также «освоение студентами элементов актерского мастерства, способствующих созданию музыкально-художественного образа в процессе исполнения вокального произведения» [1, с. 7]. Однако, как показывает практика, эти элементы часто развиваются изолированно, без формирования устойчивых интегративных связей между голосом и движением.

Проблема взаимосвязи вокального и двигательного компонентов в подготовке вокалистов рассматривалась в работах многих исследователей. Е Цюн разработал модель подготовки вокалистов в системе высшего музыкального образования Китая в контексте межкультурного взаимодействия, подчёркивая, что «подготовка вокалистов для европейской и китайской национальной опер осуществляется в консерваториях, что обусловлено содержательно-стилевым подобием обоих видов искусства» [2, с. 7]. Сюй Вэньхуэй в своём исследовании развития творческого потенциала китайских студентов-вокалистов обосновал педагогическую модель, включающую «мотивационно-творческий, вокально-исполнительский и рефлексивно-оценочный» компоненты [3, с. 8]. Лу Юаньюань, исследуя интеграцию академических и инновационных методов обучения классическому пению, разработал авторскую методику «Искусство выражать “Другого”», в которой особое внимание уделяется формированию певческих умений в условиях интеграции традиций и инноваций [4].

Несмотря на значительный объём научных работ, посвящённых вокальному образованию, проблема целенаправленного формирования вокально-двигательных навыков как основы исполнительской культуры остаётся недостаточно изученной. Как справедливо отмечает Лю Чуньюй, «взаимопроникновение вокального и сценического искусства в художественно-творческую деятельность значительно расширяет возможности воспитания и развития личности» [5, с. 4]. Однако в существующих педагогических моделях недостаточно внимания уделяется интеграции вокально-технического и двигательного-сценического компонентов как самостоятельного педагогического феномена.

Особую значимость для нашего исследования приобретает обращение к китайским национальным исполнительским традициям, в которых вокальное искусство изначально существовало в неразрывном единстве с движением, пластикой и сценическим действием. Чжан Тинтин в своём исследовании отмечает, что «китайское традиционное пение тесно сопряжено с особенностями диалекта того или иного этноса, с его национальными традициями, спецификой музыкального языка и опытом художественной практики многих поколений народных исполнителей» [7, с. 36].

В китайской традиционной опере, как подчёркивается в исследовании, «все детали сценического поведения артиста обладают символическим смыслом: движения, позы, грим, маски» [8, с. 252]. Этот синкретический характер исполнительского искусства представляет собой ценный ресурс для разработки современных педагогических моделей вокально-двигательного тренинга.

Методы и организация исследования

Методологическую основу исследования составили системный, интегративный, личностно-ориентированный и деятельностный подходы. Системный подход позволил рассматривать вокально-двигательный тренинг как целостную педагогическую систему, в которой все компоненты находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности. Как отмечает Чжан Сюэ, «интегрированно-развивающий подход в контексте вокальной подготовки китайских студентов способствует изучению национальных певческих традиций, пониманию взаимосвязи структурных компонентов вокальной подготовки» [9, с. 387]. Интегративный подход обеспечил объединение вокально-технического и двигательного-сценического компонентов в единый образовательный процесс. Личностно-ориентированный подход определил направленность на раскрытие индивидуальных творческих способностей каждого студента. Деятельностный подход позволил рассматривать вокально-двигательный тренинг как активную, целенаправленную деятельность, направленную на формирование профессиональных компетенций.

Теоретической основой исследования послужили: концепции педагогического моделирования в вокальном образовании (Лу Хуачжао, Е Цюн, Сюй Вэньхуэй); теории сценического мастерства и вокально-двигательной координации; исследования в области психофизиологии певческого голоса и сценического движения; работы по интеграции традиционных китайских исполнительских практик в современное вокальное образование.

Для решения поставленных задач был использован комплекс методов исследования. Теоретические методы включали анализ и синтез философской, психолого-педагогической и искусствоведческой литературы по проблеме исследования; сравнительно-сопоставительный анализ подходов к вокально-двигательной подготовке вокалистов в Китае и России; систематизацию и обобщение теоретических положений; моделирование педагогического процесса. Эмпирические методы включали педагогическое наблюдение за процессом вокально-двигательной подготовки студентов; анкетирование и опросы преподавателей и студентов; анализ продуктов учебно-творческой деятельности; констатирующий, формирующий и контрольный этапы педагогического эксперимента; экспертную оценку результатов. Методы математической статистики включали количественный и качественный анализ эмпирических данных; расчёт среднеарифметических значений; применение статистических критериев для определения достоверности различий между контрольной и экспериментальной группами.

Организация исследования предусматривала три этапа. На первом этапе (поисково-теоретическом) осуществлялся анализ научной литературы по проблеме вокально-двигательного тренинга, обобщение передового педагогического опыта в области вокального образования в Китае и России, определение теоретико-методологических основ исследования, формулировка цели, задач и гипотезы, разработка понятийного аппарата. На втором этапе (опытно-экспериментальном) разрабатывалась педагогическая модель вокально-двигательного тренинга и проводился педагогический эксперимент, включавший констатирующий, формирующий и контрольный этапы. На третьем этапе (заключительно-обобщающем) осуществлялись обработка и интерпретация экспериментальных данных, формулировка выводов и практических рекомендаций.

База исследования: исследование проводилось на базе Шаньдунского университета искусств (Китай). В эксперименте приняли участие 48 студентов, обучающихся по специальности «Вокальное искусство» (академическое пение). Для обеспечения достоверности результатов были сформированы контрольная и экспериментальная группы по 24 человека в каждой, сопоставимые по исходному уровню подготовки.

Результаты исследования и их обсуждение

На основе анализа теоретических источников и обобщения современного опыта подготовки вокалистов в Китае и России была разработана педагогическая модель вокально-двигательного тренинга, включающая четыре взаимосвязанных блока: целевой, содержательно-процессуальный, организационно-деятельностный и результативно-оценочный.

Целевой блок определяет цель модели – формирование вокально-двигательных навыков как основы исполнительской культуры вокалиста.

В соответствии с целью были определены следующие задачи: развитие координации голосообразования и пластики; формирование навыков сценического движения и пространственного мышления; развитие психофизической свободы и эмоциональной выразительности; освоение элементов традиционной китайской сценической пластики.

Как отмечает Се Сянкз, «эффективность вокального образования в значительной мере зависит от овладения теорией, технологией, методикой художественно-творческой активности исполнения» [8, с. 259].

Методологическими подходами реализации модели выступили системный, интегративный, личностно-ориентированный и деятельностный подходы. Принципами реализации модели стали: принцип целостности (единство вокального и двигательного развития); принцип последовательности и систематичности; принцип индивидуального подхода; принцип творческой активности; принцип культурной преемственности (опора на традиции китайского исполнительского искусства).

Содержательно-процессуальный блок включает содержание вокально-двигательного тренинга, методы и формы обучения. Содержание тренинга структурировано по трём модулям: вокально-технический модуль (работа над дыханием, звукообразованием, артикуляцией); двигательного-пластического модуль (освоение элементов сценического движения, пластики, пантомимы); интегративный модуль (упражнения на координацию голоса и движения, создание сценического образа).

Методы обучения включают: метод пластического интонирования, метод двигательных аналогий, метод образно-ассоциативный, метод импровизации, метод тренинга. Как подчёркивает Лю Чуньюй, «в качестве главных методов программы выступают: стилизованный подход, системный подход, метод иллюстрации музыкального произведения, метод слуховой и зрительной наглядности, образно-ассоциативный метод, творчески-игровой метод, метод пластического интонирования, метод импровизации и сценического движения» [5, с. 20].

Формы обучения включают индивидуальные занятия, групповые тренинги, мастер-классы, репетиционно-постановочную работу.

Организационно-деятельностный блок определяет педагогические условия реализации модели.

Как отмечает Лу Хуачжао, «наиболее значимым педагогическим условием, определяющим развитие вокально-исполнительского потенциала китайских студентов, является опора на национальные музыкальные ценности и этнокультурные традиции китайского искусства» [10, с. 77].

В нашем исследовании к таким условиям отнесены: создание творческой образовательной среды, стимулирующей двигательную активность студентов; интеграция элементов традиционной китайской сценической пластики в процесс вокального обучения; обеспечение междисциплинарных связей между вокальными и сценическими дисциплинами; систематическая концертно-исполнительская практика; психолого-педагогическое сопровождение процесса формирования вокально-двигательных навыков. Также важным условием является «продуктивная совместная деятельность студента, концертмейстера и преподавателя» [10, с. 78], что способствует созданию качественного ансамбля певца и аккомпаниатора и позволяет более эффективно решать задачи вокально-двигательного развития.

Результативно-оценочный блок включает критерии и показатели оценки сформированности вокально-двигательных навыков. На основе анализа исследований Лу Хуачжао, Е Цюн, Сюй Вэньхуэй и других авторов были выделены следующие критерии: вокально-технический (качество звукообразования, дыхания, артикуляции); двигательного-пластический (координация движений, пластическая выразительность, владение телом); интегративный (способность к синтезу голоса и движения в создании сценического образа); психоэмоциональный (психофизическая свобода, эмоциональная выразительность, сценическая уверенность).

Для проверки эффективности разработанной модели был проведён педагогический эксперимент, включавший констатирующий, формирующий и контрольный этапы. На констатирующем этапе была проведена диагностика исходного уровня сформированности вокально-двигательных навыков у студентов контрольной и экспериментальной групп. Диагностика осуществлялась по четырём критериям с использованием разработанной шкалы оценок (от 1 до 5 баллов). Результаты констатирующего этапа представлены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты диагностики исходного уровня сформированности вокально-двигательных навыков на констатирующем этапе эксперимента (средние баллы)

Критерий	Контрольная группа (n=24)	Экспериментальная группа (n=24)	Разница
Вокально-технический	2,8	2,7	0,1
Двигательного-пластический	2,3	2,4	-0,1
Интегративный	2,1	2,2	-0,1
Психоэмоциональный	2,4	2,3	0,1
Средний показатель	2,4	2,4	0

Анализ данных таблицы 1 показывает, что исходный уровень сформированности вокально-двигательных навыков в контрольной и экспериментальной группах был практически идентичным (средний показатель 2,4 балла). Наиболее низкие показатели были зафиксированы по интегративному критерию (2,1 и 2,2 балла), что свидетельствует о недостаточной сформированности навыков синтеза голоса и движения у студентов. Эти данные подтверждают результаты исследований других авторов: как отмечает Лу Юаньюань, в традиционной системе вокального образования «эмоционально-художественная работа над музыкальным образом произведения требует значительной подготовки», а «владение исполнительской техникой и «внутренним видением» сценической ситуации также нуждаются в дополнительных студиях» [4, с. 161].

Данные, полученные в ходе диагностики на констатирующем этапе, позволили сделать вывод о необходимости внедрения разработанной модели в образовательный процесс экспериментальной группы.

На формирующем этапе в образовательный процесс экспериментальной группы была внедрена разработанная педагогическая модель вокально-двигательного тренинга.

Обучение в экспериментальной группе осуществлялось по специально разработанной программе, включавшей три модуля. Вокально-технический модуль был направлен на развитие певческого дыхания, звукообразования, артикуляции и дикции. Двигательно-пластический модуль включал упражнения на развитие координации, пластической выразительности, освоение элементов сценического движения. Интегративный модуль был направлен на формирование навыков синтеза голоса и движения в процессе создания сценического образа. Занятия проводились два раза в неделю продолжительностью 90 минут в течение двух семестров. В контрольной группе обучение осуществлялось по традиционной программе без специального вокально-двигательного тренинга.

По окончании формирующего этапа был проведён контрольный срез с использованием той же диагностической методики, что и на констатирующем этапе. Результаты контрольного этапа представлены в таблице 2.

Таблица 2. Результаты диагностики уровня сформированности вокально-двигательных навыков на контрольном этапе эксперимента (средние баллы)

Критерий	Контрольная группа (n=24)	Экспериментальная группа (n=24)	Разница
Вокально-технический	3,1	4,0	0,9
Двигательно-пластический	2,6	4,2	1,6
Интегративный	2,4	4,3	1,9
Психозомоциональный	2,7	4,1	1,4
Средний показатель	2,7	4,15	1,45

Анализ данных таблицы 2 показывает значительные положительные изменения в экспериментальной группе по сравнению с контрольной.

Средний показатель сформированности вокально-двигательных навыков в экспериментальной группе составил 4,15 балла, что на 1,45 балла выше, чем в контрольной группе (2,7 балла).

Наиболее существенные изменения произошли по интегративному критерию: в экспериментальной группе показатель вырос с 2,2 до 4,3 балла (прирост 2,1 балла), в то время как в контрольной группе – лишь с 2,1 до 2,4 балла (прирост 0,3 балла).

Значительные изменения также зафиксированы по двигательно-пластическому критерию (прирост 1,8 балла в экспериментальной группе против 0,3 балла в контрольной) и психозомоциональному критерию (прирост 1,8 балла в экспериментальной группе против 0,3 балла в контрольной).

Полученные результаты свидетельствуют об эффективности разработанной педагогической модели вокально-двигательного тренинга. Студенты экспериментальной группы продемонстрировали не только улучшение вокально-технических показателей, но и значительное развитие двигательно-пластических навыков и способности к интеграции голоса и движения в создании сценического образа.

Как отмечает Се Сянжэ, «эффективность применения технологии вокального обучения китайских студентов в российском музыкально-педагогическом вузе возможна при соблюдении следующих педагогических условий: опора на технологию развивающего обучения в процессе вокального образования студентов; органичное сочетание

вокальной технологии обучения и эмоционально-выразительные качества учащегося при передаче одухотворённых художественных образов музыкальных произведений» [8, с. 263].

Результаты нашего эксперимента подтверждают, что интеграция вокального и двигательного компонентов в рамках специально разработанной модели создаёт необходимые условия для формирования целостной исполнительской культуры вокалиста.

Полученные в ходе эксперимента данные позволяют сделать ряд выводов о факторах, обеспечивающих эффективность разработанной модели.

Во-первых, систематический и целенаправленный характер тренинга способствовал формированию устойчивых навыков координации голоса и движения.

Во-вторых, использование методов пластического интонирования и двигательных аналогий позволило студентам осознать взаимосвязь между вокальными и двигательными ощущениями.

В-третьих, включение элементов традиционной китайской сценической пластики способствовало культурной идентификации студентов и обогащению их исполнительского опыта. В-четвёртых, создание творческой образовательной среды и систематическая концертно-исполнительская практика способствовали формированию психофизической свободы и сценической уверенности.

Важно отметить, что эффективность модели была подтверждена не только количественными показателями, но и качественными изменениями в исполнительской деятельности студентов. В ходе педагогического наблюдения было зафиксировано, что студенты экспериментальной группы демонстрировали более высокий уровень сценической выразительности, органичности движений, эмоциональной вовлечённости в процесс исполнения. Как отмечает Цзян Шанжун, «вокальное (музыкально-театральное) искусство в Китае предполагает наличие объединяющего комплекса равнозначных компонентов, среди которых музыка, драма, сценический костюм, художественные движения, грим и пр.» [13, с. 19]. Разработанная модель позволяет формировать этот комплекс в органичном единстве, что соответствует специфике китайской исполнительской традиции.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, анализ теоретических источников и современной практики вокального образования в Китае выявил необходимость разработки педагогической модели вокально-двигательного тренинга, интегрирующей вокально-технический и двигательно-сценический компоненты подготовки вокалистов.

Во-вторых, разработанная педагогическая модель, включающая целевой, содержательно-процессуальный, организационно-деятельностный и результативно-оценочный блоки, основана на принципах системности, интегративности и личностно-деятельностного подхода и учитывает специфику китайской исполнительской традиции.

В-третьих, результаты экспериментальной апробации модели подтвердили её эффективность: в экспериментальной группе средний показатель сформированности вокально-двигательных навыков вырос с 2,4 до 4,15 балла (прирост 73%), в то время как в контрольной группе – лишь с 2,4 до 2,7 балла (прирост 12,5%). Наиболее существенные изменения произошли по интегративному критерию, что свидетельствует о формировании целостной координации голосообразования, пластики и сценического движения.

Гипотеза исследования о том, что разработка и внедрение педагогической модели вокально-двигательного тренинга позволит существенно повысить уровень вокально-исполнительской подготовки студентов, получила экспериментальное подтверждение. Разработанная модель может быть рекомендована к внедрению в практику вокального образования в высших учебных заведениях Китая. Перспективы дальнейших исследований связаны с адаптацией модели для различных уровней вокального образования, разработкой методического обеспечения и расширением экспериментальной базы исследования.

Литература

1. Лу Хуачжао. Педагогические условия развития вокально-исполнительского потенциала китайских студентов в образовательном процессе вуза [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Лу Хуачжао. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2018. – 24 с.
2. Е Цюн. Подготовка вокалистов в системе высшего музыкального образования Китая в контексте межкультурного взаимодействия [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Е Цюн. – Минск: Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, 2018. – 29 с.

3. Сюй Вэньхуэй. Развитие творческого потенциала китайских студентов-вокалистов в процессе освоения традиционной музыкальной культуры [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 5.8.2 / Сюй Вэньхуэй. – Армавир, 2026. – 25 с.

4. Лу Юаньюань. Вокально-педагогическая деятельность в КНР как объединение академических и инновационных методов обучения классическому пению [Текст]: дис. ... канд. пед. наук: 5.8.2 / Лу Юаньюань. – Санкт-Петербург, 2024. – 250 с.

5. Лю Чуньюй. Формирование навыков вокально-сценического мастерства у подростков в системе дополнительного образования [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 5.8.2 / Лю Чуньюй. – Москва, 2025. – 26 с.

6. Яо Вэй. Подготовка специалистов вокального искусства в системах высшего музыкального образования Китая и России [Текст]: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Яо Вэй. – Астрахань, 2015. – 196 с.

7. Чжан Тинтин. Формирование сценического мастерства студентов специализации «Вокальная музыка» в педагогических университетах Китая [Текст]: монография / Т. Чжан, Н.Г. Тагильцева. – Екатеринбург, [б.и.]. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://elib.wkau.kz> (дата обращения: 21.07.2026).

8. Се Сянкэ. Разработка технологии вокального обучения китайских студентов в российских музыкально-педагогических вузах [Текст] / Се Сянкэ // Современное педагогическое образование. – 2023. – № 11. – С. 259–263.

9. Чжан Сюэ, Туравец Н.Р. Интегрированно-развивающий подход в современном образовании студентов-вокалистов в учебных заведениях Китая [Текст] / Чжан Сюэ, Н.Р. Туравец // КАНТ. – 2025. – № 3 (56). – С. 384–388.

10. Мансурова А.П., Корина В.С., Ма Цзинвэнь. Организация интегрированного обучения вокалу и фортепиано: анализ российского научно-педагогического опыта [Текст] / А.П. Мансурова, В.С. Корина, Ма Цзинвэнь // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 5 (102). – С. 110–112.

11. Бай Хуа. Социальный контекст педагогики музыкального образования в условиях поликультурного взаимодействия [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Бай Хуа. – Минск: Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, 2018. – 32 с.

12. Ду Хуэйцю. Современная концепция вокального образования в КНР в свете российских и китайских научно-методических достижений [Текст]: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Ду Хуэйцю. – Москва, 2021. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://rusneb.ru> (дата обращения: 21.07.2026).

13. Цзян Шанжун. Педагогический потенциал взаимодействия систем вокального воспитания студентов в музыкально-педагогических вузах России и Китая [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Цзян Шанжун. – Москва, 2019. – 28 с.

14. Сценическое мастерство в вокальной подготовке студентов педагогических вузов Китая [Текст] // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2021. – № 1. – С. [Электронный ресурс]. – URL: <https://dspace.kpfu.ru> (дата обращения: 21.07.2026).

15. Павлова М.А. Особенности современного вокального образования в системе профессиональной подготовки певцов в вузах Китая [Текст] / М.А. Павлова // Преподаватель XXI век. – 2025. – № 1–1. – С. 127

A PEDAGOGICAL MODEL OF VOCAL-MOVEMENT TRAINING WITHIN THE CONTEXT OF A COMPREHENSIVE APPROACH TO VOCAL EDUCATION IN CHINESE HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS: THEORETICAL-METHODOLOGICAL RATIONALE AND EXPERIMENTAL VALIDATION

Wang Mengke

Moscow State Pedagogical University

The article addresses the problem of developing and implementing a pedagogical model of vocal-motor training in the system of professional training for vocalists in higher education institutions of China. The relevance of the study is determined by the need to improve vocal education based on an integrated approach that combines vocal-technical and motor-stage components. Based on the analysis of theoretical sources and generalization of modern experience in training vocalists in China and Russia, a model is proposed that includes target, content-process, organizational-activity, and result-evaluative blocks. Special attention is paid to the interrelation of voice production, plasticity, and stage movement as the basis for the formation of performing culture. The results of experimental approbation of the model are presented, confirming its effectiveness in increasing the level of students' vocal and performing culture. The conclusions substantiate the feasibility of implementing the developed model into the practice of Chinese universities.

Keywords: vocal education, vocal-motor training, pedagogical model, integrated approach, Chinese universities, stage performance, experimental approbation.

References

1. Lu Huazhao. Pedagogical Conditions for Developing Chinese Students' Vocal-Performing Potential in the Educational Process of a University [Text]: Abstract of Cand. Sci. (Pedagogical Sciences) Dissertation: 13.00.08 / Lu Huazhao. – Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2018. – 24 p.
2. Ye Qiong. Training Vocalists in the System of Higher Music Education in China in the Context of Intercultural Interaction [Text]: Abstract of Cand. Sci. (Pedagogical Sciences) Dissertation: 13.00.01 / Ye Qiong. – Minsk: Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University, 2018. – 29 p.
3. Xu Wenhui. Developing the Creative Potential of Chinese Student Vocalists in the Process of Mastering Traditional Music Culture [Text]: Abstract of Cand. Sci. (Pedagogical Sciences) Dissertation. ped. sciences: 5.8.2 / Xu Wenhui. – Armavir, 2026. – 25 p.
4. Lu Yuanyuan. Vocal and pedagogical activity in the PRC as a combination of academic and innovative methods of teaching classical singing [Text]: dis. ... cand. ped. sciences: 5.8.2 / Lu Yuanyuan. – St. Petersburg, 2024. – 250 p.
5. Liu Chunyu. Formation of vocal and stage performance skills in adolescents in the system of supplementary education [Text]: author's abstract. dis. ... cand. ped. sciences: 5.8.2 / Liu Chunyu. – Moscow, 2025. – 26 p.
6. Yao Wei. Training of vocal art specialists in the systems of higher music education of China and Russia [Text]: dis. ... cand. ped. sciences: 13.00.01 / Yao Wei. – Astrakhan, 2015. – 196 p.
7. Zhang Tingting. Formation of stage skills of students majoring in "Vocal Music" at pedagogical universities of China [Text]: monograph / T. Zhang, N.G. Tagiltseva. – Yekaterinburg, [b.i.]. – [Electronic resource]. – URL: <https://elib.wkau.kz> (date of access: 21.07.2026).
8. Xie Xiangke. Development of vocal teaching technology for Chinese students in Russian music and pedagogical universities [Text] / Xie Xiangke // Modern pedagogical education. – 2023. – No. 11. – Pp. 259–263.
9. Zhang Xue, Turavets N.R. An Integrated Developmental Approach in Modern Education of Vocal Students in Chinese Educational Institutions [Text] / Zhang Xue, N.R. Turavets // KANT. – 2025. – No. 3 (56). – P. 384–388.
10. Mansurova A.P., Korina V.S., Ma Jingwen. Organization of Integrated Vocal and Piano Teaching: Analysis of Russian Scientific and Pedagogical Experience [Text] / A.P. Mansurova, V.S. Korina, Ma Jingwen // The World of Science, Culture, Education. – 2023. – No. 5 (102). – P. 110–112.
11. Bai Hua. Social Context of Music Education Pedagogy in the Context of Multicultural Interaction [Text]: Abstract of Cand. Ped. Diss. sciences: 13.00.01 / Bai Hua. – Minsk: Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, 2018. – 32 p.
12. Du Huiqiu. The Modern Concept of Vocal Education in the PRC in Light of Russian and Chinese Scientific and Methodological Achievements [Text]: dis. ... Cand. Ped. sciences: 13.00.02 / Du Huiqiu. – Moscow, 2021. – [Electronic resource]. – URL: <https://rusneb.ru> (date of access: 21.07.2026).
13. Jiang Shangrong. Pedagogical Potential of Interaction of Vocal Education Systems of Students in Music Pedagogical Universities of Russia and China [Text]: author's abstract. dis. ... Cand. Ped. sciences / Jiang Shangrong. – Moscow, 2019. – 28 p.
14. Stagecraft in Vocal Training of Students of Pedagogical Universities in China [Text] // Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts. – 2021. – No. 1. – P. [Electronic resource]. – URL: <https://dspace.kpfu.ru> (accessed: 21.07.2026).
15. Pavlova M.A. Features of Modern Vocal Education in the System of Professional Training of Singers in Universities in China [Text] / M.A. Pavlova // Teacher of the 21st Century. – 2025. – No. 1–1. – P. 127

Польсало́в Герман Юрьевич,

магистрант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: german.german.1.1.1@mail.ru

В условиях эскалации геополитической напряженности критически важным становится изучение роли аналитических центров в проектировании информационного противоборства США. Цель исследования – определить место «фабрик мысли» в конструировании нарративов, а также в формировании и сопровождении информационных кампаний. Методологическую базу работы составили системный, сравнительный, институциональный и биографический анализ, а также методы кейс-стади, контент-анализа и синтеза. В качестве эмпирической базы исследования использовались доклады, материалы и иная публичная деятельность американских центров The Heritage Foundation и Института изучения войны, а также биографические данные представителей высшего руководящего состава Госдепартамента США в Блоке по вопросам контроля над вооружениями и Блоке по политическим вопросам, утвержденных при 47-м президенте США, на предмет их связи с аналитическими центрами. В ходе работы обоснована институциональная роль аналитических центров как субъектов международной коммуникации. Их эффективность как акторов глобального дискурса определена спецификой функционирования современных средств массовой коммуникации (СМК), обеспечивающих международный охват ключевых докладов и транслируемых в них нарративов. Доказано, что на уровне руководства внешнеполитического и внешнеполитического направлений Госдепартамента США (включая должности заместителей госсекретаря и руководителей профильных бюро) сохраняется высокая доля лиц, аффилированных с ведущими «мозговыми центрами». Это наглядно демонстрирует масштабы функционирования механизма «вращающихся дверей» в политической культуре США. Полученные результаты формируют теоретико-прикладную основу для прогнозирования американских геополитических и информационных стратегий, что необходимо для выработки эффективных ответных мер по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: аналитические центры; информационное противоборство; механизм «вращающихся дверей»; политическая культура США; администрация Дональда Трампа.

Введение

В период Холодной войны экспертно-аналитические институты США развивались преимущественно как закрытые структуры военно-стратегического планирования, обеспечивающие государственные ведомства закрытой экспертизой [Шейдина, 1973]. За историю своего развития «мозговые центры» существенно расширили функциональную роль. Сохраняя статус авторитетных поставщиков экспертизы для правительств, они демонстрируют все больше признаков становления субъектом международной коммуникации и актором политического процесса [Кочетков, Супян, 2010; Медушевский, 2011; Abelson, Brooks, 2016; McGann, 2021]. Это позволяет им не только опосредованно (через государственные институты) влиять на глобальную информационную повестку, но и напрямую интерпретировать мировые процессы, транслируя смыслы общественности через медиа как канал управления восприятием реальности [Данилин, 2021].

По убеждению классика изучения экспертно-аналитических институтов Р. Хааса, ключевая функция «мозговых центров» США заключается в преодолении разрыва между «миром идей» и «миром действий» [Haass, 2002]. Уникальное положение «фабрик мысли» в политической системе Соединенных Штатов позволяет им выступать не просто академическими институтами, а полноценными штабами стратегического планирования, чья деятельность нередко граничит с прямым лоббизмом [Medvetz, 2012].

Реализуя этот потенциал, центры осуществляют комплексное проектирование внешнеполитических информационных стратегий: от генерации доктрин и кадрового обеспечения госструктур до публичной легитимации и медийного закрепления нужных интерпретаций в массовом сознании.

Историческим примером такой деятельности выступает разработка программы «Стратегической оборонной инициативы» (COI). Сотрудничество американского генерала Д. Грэхема с центром The Heritage Foundation позволило институционализировать концепцию «Звездных войн» и обеспечить ее принятие на государственном уровне [Smith, 1991]. Другие примеры – разработка корпорацией RAND концепций сдерживания СССР и расширения НАТО, а также проектирование Американским институтом предпринимательства (AEI) неоконсервативного курса вокруг идей упреждающих ударов и смены режимов, приведших к войне в Ираке 2003 года, – только подчеркивают системный характер влияния «фабрик мысли» на формирование долгосрочного внешнеполитического курса, неотъемлемым компонентом которого выступает государственная информационная политика.

Фундаментом этого влияния выступает классический механизм «вращающихся дверей» – непрерывная кадровая ротация между экспертным сообществом и государственным аппаратом [McCormick, 2010]. Пока представители одной партии находятся у власти, аналитики другой аккумулируются в «мозговых центрах», подготавливая концептуальную платформу для будущих решений. Как следствие, при любом партийном цикле в правительственных структурах сохраняется значительный корпус чиновников, аффилированных с экспертно-аналитической средой [Hamilton, 2000].

Такая кадровая преемственность американской внешнеполитической системы в отечественной литературе изучена на примере ключевых высокопоставленных чиновников администрации Дж. Буша-младшего [Чесноков, 2007].

Помимо кадровой ротации, влияние «мозговых центров» обеспечивается прямым участием их экспертов в слушаниях комитетов Конгресса и правительственных комиссий. Особое значение этот потенциал приобретает в периоды системных кризисов, когда экспертные сообщества не просто предлагают альтернативные подходы, но и фактически выступают архитекторами нового политического курса [Abelson, 2006]. Анализ механизмов выработки подобных оборонных доктрин и роли консервативных институтов в эпоху 45-го президента США был положен в трудах В.С. Чикальдиной [Чикальдина, Грачёв, 2023].

Таким образом, описанные исследования демонстрируют, что аналитические центры обладают устойчивым инструментарием воздействия на государственные решения. Тем не менее в условиях стремительной трансформации международных отношений классические подходы к анализу этого влияния требуют переосмысления. В современной науке по-прежнему сохраняется дефицит исследований, спо-

собных оценить специфику участия «фабрик мысли» в формировании внешнеполитического курса 47-го президента США. Также вне поля зрения исследователей остается возрастающая роль аналитических центров в изучении феномена информационных войн и выработке контрстратегий. Данное противоречие обуславливает актуальность настоящей работы.

Аналитические центры: конструирование нарративов, формирование и сопровождение информационных кампаний

Информационно-психологическая кампания The Heritage Foundation против TikTok началась в ноябре 2022 года со статьи Джейка Дентона «Государственные чиновники должны запретить работу TikTok в США». В этой публикации были дискредитированы любые альтернативы полному запрету приложения и внедрен фундаментальный тезис о том, что цифровое присутствие иностранной платформы представляет для США большую угрозу, чем прямой вооруженный конфликт.

Переход к масштабной концептуализации угрозы произошел в марте 2023 года с выходом 15-страничного доклада Кары Фредерик «Покорение TikTok: чиновник КПК в каждом кармане». На данном этапе была осуществлена семантическая трансформация объекта воздействия: гражданское развлекательное приложение было переведено в статус «ценнейшего шпионского инструмента КНР» и «цифрового поля боя». Авторы целенаправленно использовали эмоциональные триггеры о «распространении социальных инфекций, разрывающих американскую ткань», переводя юридический спор в плоскость защиты национальной безопасности.

На третьем этапе, в марте 2024 года, лоббистское крыло фонда Heritage Action for America выпустило методичку «Мифы против фактов» для продвижения законопроекта о принудительной продаже платформы американским инвесторам. Продолжением этой кампании стала публикация в январе 2025 года, непосредственно перед слушаниями в Верховном суде США, манифеста директора Центра азиатских исследований фонда Джеффа Смита под названием «Не спасайте TikTok, спасите Америку от TikTok». В данном документе деятельность социальной сети была искусственно увязана в один смысловой ряд с масштабными кибератаками. Более того, автор использовал дегуманизирующую метафору, сравнив сохранение китайского контроля над приложением с «передачей детского сада под управление осужденного педофила-рецидивиста».

На четвертом этапе информационная кампания переросла в открытый внутриполитический шантаж институтов исполнительной власти США. В заявлениях фонда от апреля и сентября 2025 года эксперты Джефф Смит, Уэсли Ходжес и Стив Йейтс открыто давили на Белый дом, увязывая коммерческий спор с контекстом пандемии («лабораторная утечка, убившая миллион американцев») и требуя «обрушить молот на Пекин». Кульминацией и прямым доказательством международной субъектности организации стал дипломатический саботаж осенью 2025 года. Когда Вашингтон и Пекин приблизились к компромиссному рамочному соглашению о мягком разделении бизнеса через лицензирование алгоритма, структуры The Heritage Foundation де-факто парализовали переговорный процесс, публично объявив любой компромисс скрытой капитуляцией и потребовав от президента Трампа «объявить блеф Китая и полностью запретить приложение». Создав ситуацию жесткого внутриполитического давления, аналитический центр сделал подписание соглашения репутационно невозможным для администрации США.

Результатом многолетней скоординированной наступательной информационной кампании аналитического центра стало принудительное изменение правового и экономического статуса иностранной ИТ-платформы в США. В начале 2026 года американский сегмент социальной сети был передан под контроль консорциума инвесторов из США во главе с корпорацией Oracle. Переход платформы под юрисдикцию национального капитала привел к сворачиванию информационной кампании.

Вторым ярким примером аналитического центра как активного субъекта глобального противостояния выступает Институт изучения войны (ISW). Изначально созданный для беспристрастного мониторинга военных конфликтов, центр эволюционировал от пассивного наблюдения к проактивному формированию медиаполя и ведению кампаний по дискредитации геополитических соперников США.

Для концептуального расширения рамок информационного противоборства ISW официально ввел в структуру своих постоянных направлений специализированный раздел — когнитивная война. В описании этого проекта прямо заявляется его ключевая цель: «выявлять, разоблачать, визуализировать и предупреждать информационные опера-

ции противников». Использование термина preempt де-факто легализует нанесение упреждающих информационных ударов для перехвата стратегической инициативы в глобальном медиапространстве.

Переход центра к наступательным действиям наглядно иллюстрирует его масштабный интерактивный проект «Инфраструктура когнитивной войны России» (Russia's Cognitive Warfare Infrastructure). Аналитики ISW взяли открытые договоры о культурном и новостном обмене между российскими холдингами и зарубежными партнерами, упаковав их в угрожающую обертку «враждебной экспансии». Любое стандартное соглашение о трансляции контента теперь преподносится как создание агентурной сети. Нанося на карту десятки контрактов со СМИ Индии, Египта, Бразилии, Вьетнама и стран Африки, ISW посылает прямой сигнал: «любое информационное сотрудничество с Москвой маргинализирует вас и делает соучастниками войны против Запада».

Продолжая логику аналитиков ISW применительно к самому институту, можно констатировать, что его глобальной наступательной инфраструктурой когнитивной войны является практически всё мировое медиапространство. Этот факт обусловлен спецификой средств массовой коммуникации. В основе системы лежит сеть подписок со стороны национальных и региональных медиа на контент крупнейших информационных агентств типа Reuters, Associated Press, AFP.

Как только в новостных лентах этих информационных агентств появляется очередная «молния» со ссылкой на свежий отчет или карту ISW, срабатывает автоматическая механика дистрибуции. По каналам подписок эта информация распространяется в базах данных тысяч редакций по всему миру, включая, в первую очередь, национальные и государственные информационные агентства.

С опорой на эти данные тезисы доклада, как правило, начинают массово цитировать и перепечатывать общественно-политические газеты, журналы, телеканалы и интернет-издания каждого государства, а кolumnисты и обозреватели развивают и тиражируют заданные мысли в эфирах и социальных сетях. Иными словами, такая механика работы СМК не только способствует тиражированию смыслов западных акторов, включая ISW, но и по сути выступает инфраструктурой когнитивной войны в интересах США и их союзников.

Механизм «вращающихся дверей» при 47-м президенте США: на примере руководящего состава профильных подразделений Государственного департамента

На первый взгляд, с приходом Дональда Трампа на пост 47-го президента США классическая модель «вращающихся дверей» столкнулась с беспрецедентным системным кризисом. В публичном поле фиксируется радикальное снижение численности традиционных аналитиков в высших эшелонах власти. Катализатором этого процесса стал глубокий идеологический раскол вокруг фонда The Heritage Foundation и его резонансной программы Project 2025, спровоцировавший демонстративный разрыв Белого дома с «фабриками мысли».

На деле ярким примером работы механизма «вращающихся дверей» во внешней политике США является Блок заместителя госсекретаря по вопросам контроля над вооружениями и международной безопасности Госдепартамента. Поименный анализ кадрового состава данного направления в администрации Д. Трампа показывает, что 75% его высшего руководства (3 из 4 ключевых должностей) напрямую аффилированы с «фабриками мысли».

Так, руководитель направления Томас ДиНанно ранее являлся приглашенным исследователем Института Гудзона (Hudson Institute) по тематике нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ), а также активно сотрудничал с Гуверовским институтом (Hoover Institution) в рамках проектов по ядерному сдерживанию. Глава Бюро контроля над вооружениями Кристофер Йеу занимал пост ассоциированного исполнительного директора по стратегическому сдерживанию и ядерным программам в Национальном институте стратегических исследований (NSRI) при Университете Небраски. В свою очередь, старший советник по альянсу AUKUS Мэттью Стайнхелфер транслирует экспертную повестку через взаимодействие с Центром стратегических и международных исследований (CSIS), Австралийским институтом стратегической политики (ASPI) и Пертским центром USAsia, обеспечивающими аналитическое сопровождение концепции сдерживания КНР.

Анализ состава Блока заместителя госсекретаря по политическим вопросам Госдепартамента США показывает, что 37,5% высшего руководящего состава (3 из 8 позиций) являются выходцами из фабрик мысли и институтов стратегического планирования.

Во главе данного направления находится заместитель госсекретаря по политическим вопросам Эллисон Хукер. Она перешла на госслужбу с поста старшего вице-президента влиятельной консалтинго-

вой фирмы American Global Strategies (AGS), а ранее занимала руководящую должность в аналитическом центре Global Taiwan Institute. Данный опыт работы полностью детерминирует ее ключевую роль в формировании жесткой американской стратегии в отношении КНР.

На уровне помощников госсекретаря Бюро по делам Европы и Евразии возглавляет Артур Милих, ранее руководивший Центром американского образа жизни в Институте Клермонта (Claremont Institute) – интеллектуальном ядре движения MAGA, а Бюро по делам Южной и Центральной Азии отдано научному сотруднику Гуверовского института (Hoover Institution) доктору С. Полу Капуру.

Подобная кадровая расстановка сил обеспечивает прямое влияние аналитических центров на формирование долгосрочного внешнеполитического курса, неотъемлемым компонентом которого выступает государственная информационная политика.

Заключение

Проведенное исследование позволяет зафиксировать отход аналитических центров США от пассивного предоставления экспертизы к проактивному ведению наступательных информационно-психологических кампаний в глобальном медиапространстве. Более того, рассмотренные структуры – The Heritage Foundation и Институт изучения войны – демонстрируют признаки становления полноценными субъектами информационной войны, отвечающими как за конструирование нарративов, так и за формирование и сопровождение информационных операций. Обосновано, что специфика работы современных средств массовой коммуникации не только способствует тиражированию смыслов западных аналитических центров, но и по сути выступает инфраструктурой когнитивной войны в интересах США и их союзников.

Установлено, что исторический фундамент влияния аналитических центров по-прежнему базируется на классическом механизме «вращающихся дверей» – непрерывной кадровой ротации между экспертным сообществом и государственным аппаратом. Так, несмотря на демонстративный разрыв администрации Дональда Трампа с рядом ведущих институтов, в структуре самого Государственного департамента США доля высшего руководящего состава, аффилированного с аналитическими центрами, в Блоке по вопросам контроля над вооружениями и Блоке по политическим вопросам составляет 75% и 37,5% соответственно. Подобная кадровая расстановка сил обеспечивает прямое влияние аналитических центров на формирование долгосрочного внешнеполитического курса, неотъемлемым компонентом которого выступает государственная информационная политика.

Литература

1. Данилин, Д.А. Роль американских экспертно-аналитических центров в формировании политики США в отношении стран Латинской Америки (2008–2016): специальность 23.00.04: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Данилин Дмитрий Аркадьевич. Москва, 2021. 224 с.
2. Кочетков, Г. Б. «Мозговые центры» в США: наука как инструмент реальной политики / Г.Б. Кочетков, В.Б. Супян // Проблемы прогнозирования. 2010. № 5. С. 52–67.
3. Медушевский, Н.А. Экспертное сообщество в политической сфере в конце XX – начале XXI века: специальность 23.00.02: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Медушевский Николай Андреевич. Москва, 2011. 189 с.
4. Чесноков, С. Роль негосударственных «мозговых центров» в процессе принятия решений военно-политическим руководством США в области обороны и безопасности / С. Чесноков // Зарубежное военное обозрение. 2007. № 5. С. 2–6.
5. Чикальдина, В.С. Американские консервативные «фабрики мысли» («think tanks») как генераторы «трампистской» парадигмы / В.С. Чикальдина, С.И. Грачев // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 3. С. 34–38.
6. Шейдина, И. Л. США: «фабрики мысли» на службе стратегии / И.Л. Шейдина. Москва: Наука, 1973. 194 с.
7. Abelson, D. E. A Capitol Idea. Think Tanks & US Foreign Policy / D.E. Abelson. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2006. 180 p.
8. Haass, R.N. Think Tanks and U.S. Foreign Policy: A Policymaker's Perspective / R.N. Haass // U.S. Foreign Policy Agenda. 2002. Vol. 7, No. 3. P. 5–8.

9. Hamilton, L.H. Think Tanks and U.S. Foreign Policy / L.H. Hamilton // Issues of Democracy: Electronic Journals of the U.S. Information Agency. 2000. Vol. 5, No. 1. P. 5–8.

10. McCormick, J.M. American Foreign Policy and Process / J.M. McCormick. 5th ed. Wadsworth: Cengage Learning, 2010. 612 p.

11. McGann, J. G. 2020 Global Go To Think Tank Index Report / J.G. McGann // Think Tanks and Civil Societies Program. University of Pennsylvania, 2021. 370 p.

12. Medvetz, T. Think Tanks in America / T. Medvetz. Chicago; London: University of Chicago Press, 2012. 344 p.

13. Smith, J.A. The Idea Brokers: Think Tanks and the Rise of the New Policy Elite / J.A. Smith. New York: The Free Press, 1991. 313 p.

14. Think Tanks, Foreign Policy and Geo-Politics: Pathways to Influence / edited by D.E. Abelson, S. Brooks. London: Routledge, 2016. 240 p.

US THINK TANKS AS ACTORS IN INFORMATION WARFARE

Polisalov G.Yu.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

In the context of escalating geopolitical tensions, studying the role of think tanks in designing US information warfare has become critically important. The study aims to determine their role in constructing narratives, as well as in shaping and accompanying information campaigns. The methodological framework of the research comprises systemic, comparative, institutional, and biographical analyses, alongside case study, content analysis, and synthesis methods. The empirical baseline of the study includes reports, materials, and other public activities of American think tanks, namely The Heritage Foundation and the Institute for the Study of War (ISW). It also incorporates biographical data of the top executive officials within the US Department of State's Bureau of Arms Control and Bureau of Political Affairs, appointed under the 47th US President, analyzed to track their institutional ties with think tanks.

The study substantiates the institutional role of think tanks as actors in international communication. Their efficiency as global discourse drivers is determined by the specific functioning of modern mass media, which ensures the international outreach of key reports and the narratives embedded within them. It is proved that a high share of individuals affiliated with leading conservative think tanks remains at the leadership level of the US Department of State's foreign policy and military-political tracks (including the positions of Under Secretaries and Heads of specialized Bureaus). This clearly demonstrates the scale of the "revolving door" mechanism functioning in US political culture. The results obtained form a theoretical and applied baseline for forecasting American geopolitical and information strategies, which is essential for developing effective countermeasures to ensure the national security of the Russian Federation.

Keywords: think tanks; information warfare; revolving door mechanism; US political culture; Donald Trump administration.

References

1. Abelson, D. E. (2006). A Capitol Idea. Think Tanks & US Foreign Policy. Montreal: McGill-Queen's University Press. 180 p.
2. Abelson, D. E., & Brooks, S. (Eds.). (2016). Think Tanks, Foreign Policy and Geo-Politics: Pathways to Influence. London: Routledge. 240 p.
3. Chesnokov, S. (2007). The role of non-governmental "think tanks" in the decision-making process of the US military-political leadership in the field of defense and security. *Zarubezhnoe Voennoe Obozrenie*, 5, 2–6. (In Russ.)
4. Chikaldina, V. S., & Grachev, S. I. (2023). American Conservative Think-Tanks as Generators of Trumpist Agenda. *Society: Politics, Economics, Law*, (3), 34–38. (In Russ.)
5. Danilin, D. A. (2021). The role of American think tanks in shaping US policy towards Latin American countries (2008–2016) (Doctoral dissertation, Institute for U.S. and Canadian Studies RAS, Moscow, Russia). 224 p. (In Russ.)
6. Haass, R. N. (2002). Think Tanks and U.S. Foreign Policy: A Policymaker's Perspective. *U.S. Foreign Policy Agenda*, 7(3), 5–8.
7. Hamilton, L. H. (2000). Think Tanks and U.S. Foreign Policy. *Issues of Democracy: Electronic Journals of the U.S. Information Agency*, 5(1), 5–8.
8. Kochetkov, G. B., & Supyan, V. B. (2010). "Think tanks" in the United States: science as an instrument of real politics. *Problemy Prognozirovaniya*, 5, 52–67. (In Russ.)
9. McCormick, J. M. (2010). *American Foreign Policy and Process* (5th ed.). Wadsworth: Cengage Learning. 612 p.
10. McGann, J. G. (2021). 2020 Global Go To Think Tank Index Report. University of Pennsylvania: Think Tanks and Civil Societies Program. 370 p.
11. Medushevsky, N. A. (2011). Expert community in the political sphere in the late XX – early XXI centuries (Doctoral dissertation, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia). 189 p. (In Russ.)
12. Medvetz, T. (2012). *Think Tanks in America*. Chicago; London: University of Chicago Press. 344 p.
13. Sheidina, I. L. (1973). USA: "think factories" at the service of strategy. *Nauka*. 194 p. (In Russ.)
14. Smith, J. A. (1991). *The Idea Brokers: Think Tanks and the Rise of the New Policy Elite*. New York: The Free Press. 313 p.

Изображение, говорящее об угрозе: синтетическая визуальная секьюритизация миграции в российских онлайн-сми

Сагалова Полина Викторовна,

бакалавр, направление «Журналистика», Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

В статье реконструируется механизм визуальной секьюритизации миграции в российских онлайн-СМИ в условиях перехода редакций к изображениям, создаваемым нейросетевыми моделями text-to-image. Материалом служат три иллюстрации к публикациям телеканала «Царьград» 2026 года, объединённые темой миграционной угрозы. Цель работы – показать, что в генеративном режиме секьюритизирующий акт совершает не текст публикации, а сопровождающее его синтетическое изображение. На основе теории речевого акта Копенгагенской школы, концепции визуальной секьюритизации Л. Хансен и представления о собственном секьюритизирующем потенциале изображения предложена процедура из трёх шагов, соединяющая локализацию вербального слоя на спектре «политизация – секьюритизация» с реконструкцией визуального фрейма и установлением генеративного происхождения кадра. Вербальный слой рассмотренных публикаций держится на уровне политизации, не являясь секьюритизированным. Экзистенциальная угроза, в свою очередь, локализована в изображениях. Секьюритизирующая интенция распределяется между редакцией и алгоритмической моделью, дополняющей запрос демографическими признаками, в нём не заданными. Практическая значимость состоит в применимости процедуры к анализу синтетического визуального материала в любом секьюритизирующем дискурсе, где подлинность изображения не удостоверена.

Ключевые слова: визуальная секьюритизация; генеративный искусственный интеллект; text-to-image; речевой акт; Копенгагенская школа; конструирование угрозы; миграция; медиадискурс; онлайн-СМИ.

Введение

Секьюритизация, согласно фундаментальным исследованиям Копенгагенской школы, понимается как перформативный речевой акт. Нечто становится вопросом безопасности не в силу присущей ему опасности, а тогда, когда актор успешно представляет оное как экзистенциальную угрозу, а значимая аудитория принимает данное притязание [5, с. 24]. В теоретической модели Копенгагенской школы любой публичный вопрос может быть расположен на континууме от неполитизированного (вне публичной повестки) через политизированный (требующий государственного решения и распределения ресурсов) к секьюритизированному (представленному как экзистенциальная угроза, оправдывающая чрезвычайные меры) [5, с. 23–24]. Секьюритизирующий ход наделён при этом не дескриптивной, а конститутивной функцией – он не описывает угрозу, а учреждает её, – и вся конструкция удерживается вербальным высказыванием. Способно ли изображение обладать той же силой, или оно неизбежно остаётся иллюстрацией к тексту, – таков вопрос, которым Л. Хансен открывает проблематику визуальной секьюритизации. Ответ двойственен – образ действительно способен к самостоятельному секьюритизирующему высказыванию, однако входит в политический дискурс не иначе как во взаимодействии с сопутствующим вербальным текстом, который закрепляет за ним определённое прочтение и образует четвёртый элемент предложенной ею аналитической рамки [9, с. 54–55]. Значимость самого вопроса возрастает по мере того, как визуальные медиа становятся основной средой формирования представлений о событиях, а изображение всё чаще действует в политическом поле самостоятельно [6, с. 254].

Против этой посылки выступает А. Массари, исходя из допущения, что изображение обладает собственным секьюритизирующим потенциалом и, в отличие от Хансен, не нуждается в акторе, который привёл бы этот потенциал в действие [11, с. 53]. На примере снимков сирийских беженцев в публикациях неправительственных организаций Массари показывает, что угрозу конструирует само изображение: движущаяся масса интерпретируется как «вектор», направленный в «наше» упорядоченное пространство, в то время как вербальное сопровождение выражает солидарность [11, с. 109]. Настоящее исследование развивает данную концепцию, предлагая для рассмотрения также визуальный материал, созданный при помощи генеративных моделей искусственного интеллекта. М.А. Кучеров и М.В. Харкевич описывают визуальную секьюритизацию как процесс, идущий преимущественно «снизу», объясняя это независимостью визуального образа от авторитета разместившего [1, с. 71]. Главным ограничением, в свою очередь, исследователи признают слабую контекстуальную автономность изображения, отмечая, что оно не способно передать однозначное сообщение и потому нуждается в речевом акте, который закрепил бы за ним определённое прочтение языковыми средствами [1, с. 77–78].

Данное допущение продуктивно для верификации в контексте возрастающей популярности нейросетевых моделей text-to-image. В настоящем исследовании проверяется предположение о том, что в публикациях телеканала «Царьград» по тематике миграции секьюритизирующий ход совершается невербально – сопровождающим публикацию сгенерированным изображением. Цель работы – реконструировать механизм данного смещения. Научная новизна состоит в описании секьюритизирующего акта, производимого синтетическим изображением. Результаты исследования ограничиваются российским онлайн-дискурсом и не экстраполируются на западный медиаландшафт без учёта различий в институциональных контекстах и практиках верификации.

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование основывается на теории секьюритизации Копенгагенской школы, позволяющей, в числе прочего, установить положение вербального слоя публикации на спектре секьюритизации от неполитизированного к политизированному, и далее – секьюритизированному [5, с. 23–24]. Секьюритизирующий ход признаётся полнотруктурным лишь при наличии предъявленной экзистенциальной угрозы, референтного объекта, представленного поставленным под данную угрозу и затребованных чрезвычайных мер [5, с. 21]. Второй

ход заключается в реконструкции секьюритизирующего фрейма изображения по четырём параметрам, предложенным Р. Энтманом [8, с. 11]: приписывание агентности, поощрение или подавление идентификации с изображённым, категоризация и обобщение. Третий ход – установление генеративного происхождения кадра. Основным доводом в данном случае является неиндексальность отобранных визуальных материалов: изображённое не имело места, вследствие чего не могло быть зафиксировано камерой, что удостоверяется по отсутствию референта, первоисточника при обратном поиске и указания на автора съёмки; в качестве дополнительных аргументов приводятся типичные для диффузионных моделей искажения, отличающие генерацию от монтажа. Атрибуция носит вероятностный характер, поскольку визуальные артефакты нивелируются по мере совершенствования моделей. Реконструкция ведётся на уровне адресации: устанавливается, к каким схемам восприятия обращён кадр, а не то, как он воспринят реальной аудиторией.

Данные ходы применяются к трём иллюстрациям из публикаций тематической рубрики «Мигранты» телеканала «Царьград» за 2026 год [2; 3; 4]. Эмпирический материал отбирался по принципу расхождения между сдержанным вербальным слоем и секьюритизирующим изображением. Выводы касаются устройства секьюритизирующего хода, а не свойств визуального ряда «Царьграда» в целом.

Результаты и обсуждения

Результаты изложены по нарастанию сложности отношения между вербальным якорем и изображением.

Рис. 1. Иллюстрация к публикации [3]

Источник: Царьград

Рис. 2. Иллюстрация к публикации [2]

Источник: Царьград

В первой публикации [3] грубость водителей-мигрантов истолкована приглашённым экспертом как проявление усвоенной безнаказанности. Вербальный слой описывает бытовой конфликт и административную рутину – экономику агрегаторов, автоматическое подтверждение заказов, асимметрию социального риска; референтный объект ущемлён в повседневном взаимодействии, но не поставлен под угрозу, требование чрезвычайных мер отсутствует, а фрагмент о позиции духовного управления мусульман содержит оценку, квалифицирующую предостережения лоббистов как несостоятельные. Реконструкция фрейма изображения по Р. Энтману, в свою очередь, выявляет когерентность четырёх структурных параметров. Категоризация реализуется эксплицитно: интеграция лица мигранта в графический интерфейс с маркером «опасность» визуально атрибутирует субъекту статус, опущенный в вербальном сообщении. Взгляд персонажа направлен на зрителя, благодаря чему категоризация проводится через прямое вовлечение наблюдателя в изображаемую ситуацию. Данный приём

конструирует диспозицию конфронтации, солидаризируя реципиента с ин группой («мы»), выступающей адресатом агрессии [9, с. 56]. Обобщение, таким образом, достигается посредством типизации, при которой единичная фигура перенимает признаки всей категории. Генеративная природа кадра самоочевидна: висящая в воздухе красная интерфейсная рамка, неестественность кожи и пропорций лица изображённой девушки не оставляют пространства для разночтений. Расхождение регистров в данном случае максимально.

В публикации [2] поднимается вопрос о проблематике освещения атаки БПЛА на Москву. В вербальном сообщении экзистенциальной угрозой представляются сами дроны, в то время как действия снимающих работу ПВО мигрантов последовательно сводятся к административному нарушению, то есть декриминализируются.

Иллюстрация, напротив, содержит очевидный фрейм угрозы: категоризация переопределяет мигранта из случайного очевидца в комбатанта. Изображение таких деталей как традиционная ближневосточная одежда и штурмовое оружие советского образца отсылает зрителя к устоявшейся в медиаполе иконографии радикально-исламистских группировок. Агентность субъектов заключена в композиции кадра: низкий фронтальный ракурс монументализирует наступающие фигуры, тем самым помещая наблюдателя в положение жертвы, а синхронный марш, в свою очередь, создаёт впечатление спланированного военизированного вторжения. Наконец сокрытие лиц балаклавами редуцирует фигурантов до уровня безликой массы, тем самым дистанцируя ин группу от источника опасности.

Обобщение реализуется посредством наложения визуального эффекта песчаной бури на купола собора Василия Блаженного; привнесение образа чужеродных климатических условий в топографию столицы символизирует экспансию.

Синтетическая природа кадра доказывается как визуальными искажениями (очертания оружия, элементы одежды, искажённая линия горизонта), так и его абсолютной неиндексальностью.

Рис. 3. Иллюстрация к публикации [4]

Источник: Царьград

В третьей публикации [4] сближение вербального сообщения с секьюритизирующим актом проявлено в наибольшей степени относительно прочих материалов корпуса. Требования повсеместной геномной регистрации и незамедлительных депортаций в случае выявления нарушений мотивируются коллективной криминализацией приезжих; дискурс, однако, остаётся в пределах правовой парадигмы. Недостаточный для уровня секьюритизации экзистенциальный компонент содержится в визуальном фрейме. Агентность на изображении атрибутирована двум фигурам мужчин; сокрытие бороды, специфической одежды и холодного оружия является визуальной отсылкой к террористическим расправам, устойчиво присутствующей в постсоветском медиаполе. Вместе с тем категоризация закрепляет бинарную оппозицию «светская женщина – этнорелигиозный агрессор»; таким образом воспроизводится сценарий гендерно-этнической секьюритизации. Обобщение осуществляется посредством переноса сцены в узнаваемый ландшафт типовой постсоветской улицы.

Так как бытовая достоверность мизансцены лишена атрибутивной ценности, искусственный генезис определяется присутствием множественных искажений: геометрической деформацией оружия, рассогласованием теней и нестабильностью периферийных объектов – линий электропередачи в частности.

Как отмечалось ранее, М.А. Кучеров и М.В. Харкевич определили слабую контекстуальную автономность образа как основное ограничение визуальной секьюритизации [1, с. 77–78]. Генеративный синтез решает эту проблему, перенося операцию означивания внутрь самого кадра, что является первым следствием. Данный эффект достигается либо посредством интеграции классического текстового «якоря» (как на рис. 1), либо через агрессивный визуальный фрейминг, активиру-

ющий у зрителя определённые иконографические коды (как на рис. 2 и 3). Таким образом изображение приобретает значительно большую независимость от вербального сопровождения.

Авторитетность документальной фотографии обусловлена её отражением реально запечатлённого события [9, с. 60], что не характерно для изображения, созданного при помощи генеративной модели, впрочем, сохраняющего способность к секьюритизации. Данное наблюдение подводит нас ко второму следствию, заключающемуся в том, что конструирование угрозы неиндексальными способами носит конститутивный характер. Следует отметить, что данное следствие полностью соотносится с основным положением Копенгагенской школы: секьюритизация не описывает угрозу, а учреждает её [5, с. 26].

Третье следствие затрагивает носителя секьюритизирующего намерения. Визуальное сообщение пригодно для передачи содержания, прямое высказывание которого сопряжено с социальным риском, в силу собственной многозначности и презумпции правдивости изображения [12, с. 11–12]; генеративный синтез, в свою очередь, устраняет потребность в реальном фотоснимке. Прочтение, однако, задаётся не одной редакцией – к её запросу присоединяется языковой слой, ею не сформулированный. Даже если предположить, что исходный редакционный запрос был нейтрален, сама архитектура генеративных моделей, по наблюдениям исследователей, предрасположена к привнесению этнорегиональной конкретизации [13, с. 1], причём уточнение поискового запроса не помогает скорректировать заложенный в системе стереотип [7, с. 8]. Визуальная конкретизация, впрочем, эффективна постольку, поскольку зиждется на уже существующих у зрителя шаблонах восприятия [12, с. 7]; изменение терминологии оказывает не менее существенное влияние: по наблюдениям исследователей перевод статуса «просителя убежища» в категорию «незаконного мигранта» или «инструмента гибридной войны» легитимизирует применение чрезвычайных мер [10, с. 30]. Визуальный контент в данном случае выполняет аналогичную функцию переименования средствами иконографии.

Выводы

Вклад настоящего исследования заключается в разработке трёхшаговой аналитической процедуры и теоретическом обосновании того, что созданное при помощи генеративного искусственного интеллекта изображение потенциально способно к самостоятельной секьюритизации, независимой от сторонней вербальной составляющей; в данном случае функция смыслового закрепления локализована внутри самого визуального фрейма. При этом продемонстрировано, что описанное в литературе алгоритмическое соавторство визуального фрейма [7, с. 7] в рассмотренном материале приобретает секьюритизирующий характер.

Ограничения проведённого анализа обусловлены, прежде всего, иллюстративным объёмом выборки, исключающим экстраполяцию выводов на свойства визуального ряда издания в целом. Во-вторых, техническая атрибуция по визуальным искажениям теряет надёжность по мере совершенствования нейросетей, оставляя универсальным доказательным критерием лишь неиндексальность кадра. В-третьих, исследование сфокусировано исключительно на этапе производства сообщения; вопрос о том, распознаёт ли аудитория синтетическую природу образа и как это влияет на его рецепцию (как надёжного свидетельства или условной иллюстрации), требует самостоятельного эмпирического изучения.

Литература

1. Кучеров, М. А. «Народная секьюритизация»: визуальный поворот в исследованиях безопасности / М. А. Кучеров, М. В. Харкевич // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2023. – Т. 15, № 4. – С. 61–83. – DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-61-83.
2. Мигранты помогли нанести массированный удар по Москве? // Царьград: [сайт]. – URL: https://tsargrad.tv/news/migranty-pomogli-nanesti-massirovannyj-udar-po-moskve_1742760 (дата обращения: 10.07.2026).
3. «Обижать русских – это безопасно»: хамство мигрантов в такси объяснил политолог // Царьград: [сайт]. – URL: https://tsargrad.tv/news/obizhat-russkih-jeto-bezopasno-hamstvo-migrantov-v-taksi-objasnil-politolog_1721330 (дата обращения: 10.07.2026).
4. «Приехали к нам – ведите себя тише воды, ниже травы»: Ужесточить законы в отношении мигрантов призвал полковник // Царьград: [сайт]. – URL: https://tsargrad.tv/news/priehali-k-nam-vedite-sebja-tishevody-nizhe-travy-uzhestochit-zakony-v-otnoshenii-migrantov-prizval-polkovnik_1762664 (дата обращения: 10.07.2026).

5. Buzan, B. Security: A New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Wæver, J. de Wilde. – London: Lynne Rienner Publishers, 1998. – 239 p. – ISBN 1-55587-784-2.

6. Callahan, W.A. Visualizing International Politics: From Visual Securitization to Visual Governance / W.A. Callahan // The Oxford Handbook of International Political Sociology / ed. by S.E. Goddard, G. Lawson, O.J. Sending. – Oxford: Oxford University Press, 2025. – P. 254–272.

7. Elhosary, M. Pixels of Prejudice: Decoding Embedded Biases in AI-Generated News Imagery and Their Implications for Visual Journalism – Toward an Algorithmic-Mediated Visual Framing / M. Elhosary // Journalism & Mass Communication Quarterly. – 2025. – Advance online publication. – DOI: 10.1177/10776990251360690.

8. Entman, R.M. Framing U.S. Coverage of International News: Contrasts in Narratives of the KAL and Iran Air Incidents / R.M. Entman // Journal of Communication. – 1991. – Vol. 41, No. 4. – P. 6–27.

9. Hansen, L. Theorizing the Image for Security Studies: Visual Securitization and the Muhammad Cartoon Crisis / L. Hansen // European Journal of International Relations. – 2011. – Vol. 17, No. 1. – P. 51–74.

10. Kazanovich, A. The Instrumentalisation of Migration in European Union's Policy / A. Kazanovich // Securo. – 2025. – No. 12. – P. 21–31.

11. Massari, A. Visual Securitization: Humanitarian Representations and Migration Governance / A. Massari. – Cham: Springer, 2021. – 204 p. – (IMISCOE Research Series). – DOI: 10.1007/978-3-030-71143-6.

12. Mortensgaard, L.A. Contesting Frames and (De)Securitizing Schemas: Bridging the Copenhagen School's Framework and Framing Theory / L.A. Mortensgaard // International Studies Review. – 2018. – Vol. 20, No. 1. – P. 1–27.

13. Park, N. Aligned but Stereotypical? How System Prompts Shape Demographic Bias in LLM-Based Text-to-Image Models / N. Park, N.M. An, K. Kim [et al.] // ICLR 2026: The Fourteenth International Conference on Learning Representations: [принята к публикации]. – 2026. – Препринт: arXiv:2512.04981v2. – URL: <https://arxiv.org/abs/2512.04981> (дата обращения: 10.07.2026).

AN IMAGE THAT SPEAKS OF THREAT: SYNTHETIC VISUAL SECURITIZATION OF MIGRATION IN RUSSIAN ONLINE MEDIA

Sagalova P.V.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article reconstructs the mechanism of visual securitization of migration in Russian online media under the conditions of editorial transition to images generated by text-to-image neural network models. The material consists of three illustrations accompanying publications of the Tsargrad TV channel in 2026, united by the theme of migration threat. The aim of the work is to show that in the generative mode, the securitizing act is performed not by the text of the publication, but by the accompanying synthetic image. Drawing on the Copenhagen School's speech act theory, Lene Hansen's concept of visual securitization, and the notion of the image's own securitizing potential, the paper proposes a three-step procedure that combines locating the verbal layer on the "politicization – securitization" spectrum with the reconstruction of the visual frame and the identification of the generative origin of the image. The verbal layer of the examined publications remains at the level of politicization, without being securitized. The existential threat, in turn, is localized in the images. The securitizing intention is distributed between the editorial staff and the algorithmic model, which supplements the prompt with demographic attributes not specified in it. The practical significance lies in the applicability of the procedure to the analysis of synthetic visual material in any securitizing discourse where the authenticity of the image is not verified.

Keywords: visual securitization; generative artificial intelligence; text-to-image; speech act; Copenhagen School; threat construction; migration; media discourse; online media.

References

1. Kuchеров, М. А., Харкевич, М. В. «People's Securitization»: The Visual Turn in Security Studies. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye Otnosheniya i Mirovaya Politika. 2023, vol. 15, no. 4, pp. 61–83. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-4-61-83. (In Russ.)
2. Migrants Helped Deliver a Massive Strike on Moscow? Tsargrad. Available at: https://tsargrad.tv/news/migranty-pomogli-nanesti-massirovannyj-udar-po-moskve_1742760 (accessed: 10.07.2026). (In Russ.)
3. «Offending Russians Is Safe»: A Political Scientist Explains the Rudeness of Migrant Taxi Drivers. Tsargrad. Available at: https://tsargrad.tv/news/obizhat-russkih-jeto-bezopasno-hamstvo-migrantov-v-taksi-objasnil-politolog_1721330 (accessed: 10.07.2026). (In Russ.)
4. «You Came to Us – Keep a Low Profile»: A Colonel Calls for Tightening the Laws on Migrants. Tsargrad. Available at: https://tsargrad.tv/news/priehali-k-nam-vedite-sebja-tishevody-nizhe-travy-uzhestochit-zakony-v-otnoshenii-migrantov-prizval-polkovnik_1762664 (accessed: 10.07.2026). (In Russ.)
5. Buzan, B., Wæver, O., de Wilde, J. Security: A New Framework for Analysis. London, Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.
6. Callahan, W.A. Visualizing International Politics: From Visual Securitization to Visual Governance. In: The Oxford Handbook of International Political Sociology. Ed. by

S.E. Goddard, G. Lawson, O.J. Sending. Oxford, Oxford University Press, 2025, pp. 254–272.

7. Elhosary, M. Pixels of Prejudice: Decoding Embedded Biases in AI-Generated News Imagery and Their Implications for Visual Journalism – Toward an Algorithmic-Mediated Visual Framing. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2025, advance online publication. DOI: 10.1177/10776990251360690.

8. Entman, R.M. Framing U.S. Coverage of International News: Contrasts in Narratives of the KAL and Iran Air Incidents. *Journal of Communication*. 1991, vol. 41, no. 4, pp. 6–27.

9. Hansen, L. Theorizing the Image for Security Studies: Visual Securitization and the Muhammad Cartoon Crisis. *European Journal of International Relations*. 2011, vol. 17, no. 1, pp. 51–74.

10. Kazanovich, A. The Instrumentalisation of Migration in European Union's Policy. *Securo*. 2025, no. 12, pp. 21–31.

11. Massari, A. Visual Securitization: Humanitarian Representations and Migration Governance. Cham, Springer, 2021. 204 p. (IMISCOE Research Series). DOI: 10.1007/978-3-030-71143-6.

12. Mortensgaard, L.A. Contesting Frames and (De)Securitizing Schemas: Bridging the Copenhagen School's Framework and Framing Theory. *International Studies Review*. 2018, vol. 20, no. 1, pp. 1–27.

13. Park, N., An, N. M., Kim, K. et al. Aligned but Stereotypical? How System Prompts Shape Demographic Bias in LLM-Based Text-to-Image Models. *ICLR 2026: The Fourteenth International Conference on Learning Representations* (accepted). 2026. Preprint: arXiv:2512.04981v2. Available at: <https://arxiv.org/abs/2512.04981> (accessed: 10.07.2026).

Черных Инна Николаевна,

канд. экон. наук, доцент кафедры «Финансовый контроль и казначейское дело», ведущий научный сотрудник Института финансовых исследований Финансового факультета ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

E-mail: Innachernikh@mail.ru

В статье на основе анализа актуальных нормативных документов, данных Банка России и результатов имитационного моделирования рассматриваются перспективы внедрения цифрового рубля в финансовую систему Российской Федерации. Особое внимание уделяется прикладным сценариям использования смарт-контрактов, тарификации операций, а также интеграции с биометрическими и интеллектуальными технологиями. Показано, что цифровой рубль представляет собой не просто новую форму денег, а инфраструктурную платформу, способную трансформировать бюджетные платежи, корпоративные расчёты и систему финансового контроля. Предложена трёхконтурная модель развития смарт-контрактов, позволяющая избежать хаотичного масштабирования. Новизна работы заключается в переводе обсуждения цифрового рубля из плоскости общих преимуществ в плоскость измеримых сценариев, тарифных сравнений и отраслевых моделей монетизации для банков-участников.

Ключевые слова: цифровой рубль, смарт-контракты, биометрическая идентификация, искусственный интеллект, имитационное моделирование, тарификация, маркировка средств, бюджетные платежи, безопасная сделка

Введение

Цифровой рубль постепенно переходит из стадии концепций и пилотов в реальную платёжную практику. К середине 2026 года уже есть конкретные сроки массового внедрения, протестированы смарт-контракты, отработаны бюджетные платежи, утверждены тарифы и определены этапы подключения банков и бизнеса. Однако остаются до сих пор вопросы: а) где новая форма денег действительно полезна; б) с какими технологиями её стоит объединять и какую выгоду это принесёт участникам начиная от граждан до крупных банков.

Цель настоящей работы – выявить и обосновать перспективные сценарии применения цифрового рубля, а также направления его коллаборации с биометрией и искусственным интеллектом. Работа опирается на официальные данные Банка России, федеральные законы 2025 года и результаты пилотного проекта по состоянию на конец мая 2025 года.

Методы и материалы

Исследование опирается на комплекс методов включая кластерный анализ для сопоставления российского подхода с мировыми трендами; имитационное динамическое моделирование; качественный сценарный анализ с выделением приоритетных кейсов смарт-контрактов и разработкой трёхконтурной модели развития; экспертные оценки тарификации, ролевой модели и эффектов биометрии и ИИ. Материалами послужили официальные документы Банка России (концепция, отчёты, тарифы), публичные отчёты и законодательные акты.

Результаты и обсуждение

Цифровой рубль представляет собой третью форму российской национальной валюты наряду с наличными и безналичными рублями [1]. Его внедрение направлено на модернизацию финансовой системы и параллельно необходим переход на расчёты в рублях [2], чтобы волатильность нефтяных цен меньше раскачивала бюджет, повышение её конкурентоспособности, устранение барьеров для выхода на рынок платежей, усиление конкуренции и снижение транзакционных издержек. В России и мире наблюдается устойчивый рост доли безналичных платежей, сопровождаемый развитием цифровых инструментов расчётов. Более чем в 100 государствах ведутся исследования цифровых валют центральных банков (CBDC) [3], и Российская Федерация входит в число лидеров, начав тестирование на реальных денежных средствах. Параллельно совершенствовались технологическая платформа, правовые механизмы и регламенты взаимодействия ключевых участников.

Платформа цифрового рубля основана на двухуровневой модели, предусматривающей взаимодействие пользователей с банками-участниками через банковскую инфраструктуру [4]. Банк России, выступающий в роли оператора, устанавливает правила, стандарты и тарифы для операций с цифровым рублём. Отношения между участниками регулируются договорами как с банками, так и с клиентами. Клиенты могут открыть счета цифрового рубля в любом банке-участнике и управлять цифровыми средствами через привычные каналы – мобильные приложения и системы дистанционного банковского обслуживания. По состоянию на конец мая 2025 года к платформе подключены 17 банков, включая Сбербанк, ВТБ, Альфа-Банк, Газпромбанк и др. За период пилотного проекта совершено более 63 тысяч переводов между участниками, около 13 тысяч оплат товаров и услуг, а также проведено более 17 тысяч смарт-контрактов [5]. Банк России прогнозирует, что к концу 2027 года к платформе подключится 40 банков, будет открыто 50 тысяч счетов физических лиц и 12 тысяч счетов юридических лиц [6].

Запуск массового внедрения запланирован на 1 сентября 2026 года [7]. Этапы подключения распределены следующим образом: с сентября 2026 года крупнейшие банки и магазины с годовой выручкой более 120 млн рублей обязаны осуществлять операции с цифровым рублём; с сентября 2027 года – банки с универсальной лицензией и компании с выручкой более 30 млн рублей; с сентября 2028 года – остальные банки и торговые точки с выручкой более 5 млн рублей. В этот период приоритетными направлениями станут платежи от юридических лиц физическим лицам, такие как выплата заработной платы и страховых возмещений, а также операции физических лиц в пользу юридических лиц – включая возврат средств на кассах и механизм подписок с авто-

матической оплатой. Кроме того, реализуется функционал приема платежей в бюджеты бюджетной системы и механизмы расчёта комиссий с выплатой вознаграждений банкам-участникам.

Экономическая модель взаимодействия предполагает нулевые комиссии для физических лиц на операции с цифровым рублём, гарантируя высокую доступность национальной цифровой валюты. Для юридических лиц тарифы существенно ниже аналогов СБП и эквайринга, что оптимизирует транзакционные расходы бизнеса. Участники платформы (банки) обеспечивают клиентам интерфейс взаимодействия через ДБО и мобильные приложения, получая за эти услуги вознаграждение от оператора. Предельные тарифы на доступ к платформе и обработку клиентских поручений установлены нулевыми, исключая дополнительное обложение клиентов. Банк России установил следующие конкретные тарифы: переводы между физическими лицами (P2P) бесплатны для плательщика; платежи граждан в адрес бизнеса (C2B) составляют 0,3% от суммы, но не более 1500 рублей за перевод, а для оплаты ЖКУ – 0,2%, но не более 10 рублей; переводы юридических лиц в пользу физических лиц с целью возврата – 0%; межкорпоративные расчёты (B2B) – фиксированные 15 рублей за транзакцию. Для бизнеса предусмотрен льготный период до конца 2026 года – комиссии отсутствуют, с 1 января 2027 года вводятся указанные ставки. Эти тарифы существенно ниже средних банковских комиссий (1–2% за безналичные платежи), что делает цифровой рубль конкурентным по сравнению с СБП и банковскими картами [8].

В рамках исследования проведено имитационное динамическое моделирование для реального банка ПАО «Банк ПСБ». Моделирование показало, что при использовании только цифрового рубля в течение 90-дневного периода с общим оборотом около 7,8 млн рублей и начальным остатком 2 млн руб. общая комиссия составила 0,78% от оборота, однако 14,2% операций не были завершены из-за нехватки средств. Цифровой рубль является наиболее экономичным инструментом для B2B-платежей и крупных C2B-операций, позволяя сэкономить до 90% комиссионных издержек по сравнению с банковскими картами. Рекомендации по управлению ликвидностью включают поддержание на счёте резерва не менее пяти среднесуточных оборотов, настройку автоматического пополнения при снижении остатка ниже порога (300–500 тыс. рублей) и использование ЦР для всех B2B-платежей и крупных C2B-операций. Так, для ПАО «Банк ПСБ» в период 2026–2027 гг., по нашим оценкам, ожидается снижение прибыли вследствие сокращения доходов от традиционного эквайринга; однако с 2028 года, согласно прогнозной модели, комиссии от B2B-переводов в цифровых рублях и от смартконтрактов начинают расти, и к 2030 году эти поступления, как предполагается, полностью компенсируют потерю традиционных комиссий, составив около 18% доходов банка. Следовательно, цифровой рубль может рассматриваться как экономичный и оперативный инструмент, хотя его эффективность напрямую зависит от качества управления ликвидностью, и этот фактор пока остаётся ключевым.

В контуре цифрового рубля заслуживают внимания смартконтракты [9]. Их ценность, на наш взгляд, состоит не в замене договора как юридической формы, а в возможности перенести существенную часть исполнения обязательства в заранее заданную технологическую среду. Речь идёт о регулируемом механизме автоматизированного исполнения на платформе Банка России, где логика платежа подчинена правовой конструкции обязательства и правилам платформы. В российском правовом порядке возможность автоматизированного исполнения закреплена в пункте 2 ст. 309 ГК, который допускает исполнение при наступлении определённых обстоятельств без дополнительного волеизъявления сторон путём применения информационных технологий. Смартконтракт, по нашему мнению, следует рассматривать как технологический способ исполнения или администрирования уже существующего договорного отношения, а не как автономный источник обязательства. Ключевое различие между юридическим текстом и исполняемым алгоритмом состоит в том, что код целесообразно делать вторичным по отношению к правовой конструкции, а любой алгоритм должен быть воспроизводим, проверяем и допускаем в рамках формализованных правил платформы. Экономический эффект такой конструкции заключается в переносе контроля из постфактум-режима в режим предварительной параметризации, когда существенные условия закладываются заранее, а платёж становится следствием наступления заранее определённого набора условий.

Смартконтракты оказываются целесообразными там, где стоимость контроля за исполнением выше стоимости внедрения автоматизированного условия. Приоритетные сценарии включают в себя бюджетные и казначейские платежи, где критичны адресность, этапность и лимитирование, а также наличие «безопасной сделки» в B2B, где перечисление зависит от подтверждения поставки или приёмки, расчёты

по госконтрактам и капитальному строительству, а также корпоративное казначейство с автоматическим исполнением лимитов и графиков.

Банк России уже тестирует смартконтракты в бюджетном процессе с участием Федерального казначейства, а также проводит операции в формате безопасной сделки. Распоряжением Правительства № 3765р от 12 декабря 2025 года утверждён перечень расходов, по которым осуществляется исполнение федерального бюджета с использованием счёта цифрового рубля Казначейства России, включающий социальные выплаты, выплаты персоналу, капитальные вложения и закупки для государственных нужд. Маркировка цифрового рубля (понимаемая как возможность заранее задавать условия использования средств) особенно востребована в этих сценариях, обеспечивая адресность социальных выплат, контроль бюджетных средств и снижение риска нецелевого использования. В текущей модели цифрового рубля практическая реализация маркировки в наибольшей степени связана со смартконтрактами, поскольку именно они позволяют перевести идею «окрашивания» средств в рабочий механизм исполнения платежа.

Вместе с тем смартконтракты не снимают правовые и операционные риски, но переносят их в иную конфигурацию. Системные риски [10] включают, как нам представляется, разрыв между юридическим смыслом обязательства и его машинным описанием, проблему доверенного внешнего события (если платёж зависит от факта вне платформы), управление жизненным циклом алгоритма (права на создание, изменение, версионирование) и организационноэкономические ограничения, когда затраты на настройку могут превысить выгоду. Для управляемого масштабирования целесообразна трёхконтурная модель развития: первый контур представляет собой базовые детерминированные смартконтракты внутри платформы (платёж по сроку, лимиту); второй контур включает смартконтракты, завязанные на доверенные внешние подтверждения (безопасная сделка, этапное финансирование); третий контур образует коммерческая платформа смартконтрактов как институциональная надстройка, над которой Банк России уже работает. Такой подход, по нашему мнению, позволяет избежать хаотичного масштабирования и сосредоточиться на сценариях с измеримым экономическим эффектом.

Интеграция биометрических и интеллектуальных технологий предоставляет дополнительные возможности для экосистемы цифрового рубля [11]. В России уже существует Единая биометрическая система (ЕБС), функционирующая под контролем государства. По оценкам Банка России и Минцифры, переход к удалённой идентификации сокращает время обслуживания клиентов в разы и снижает издержки банков на процедуры проверки на 2040%. В контексте цифрового рубля это предполагает создание полностью дистанционной модели взаимодействия, при которой пользователь получает доступ к цифровому кошельку через мобильное приложение, подтверждая операции с помощью биометрических данных. Особую ценность это приобретает для удалённых регионов и для граждан с ограниченной мобильностью. Однако сама по себе идентификация не решает всех задач безопасности: важную роль играет использование технологий искусственного интеллекта, позволяющих анализировать финансовые операции в режиме реального времени.

Алгоритмы машинного обучения способны выявлять отклонения в поведении пользователей на ранних стадиях, предотвращать подозрительные транзакции до их завершения и адаптироваться к новым схемам мошенничества. В сочетании с уникальной идентификацией цифровых рублей это позволяет отслеживать не только операции, но и движение конкретных денежных единиц, расширяя возможности финансового контроля. Интеграция ИИ не ограничивается антифродом, она открывает перспективы для перехода к концепции программируемых денег, где условия использования средств задаются заранее и исполняются автоматически на основе анализа больших данных.

Внедрение цифрового рубля предоставляет банкам несколько потенциальных источников дохода [12], включая прямые комиссии за проведение операций (аналогично РКО, но с более низкой себестоимостью), кросспродажи на основе отслеживания оборотов клиента (овердрафты, факторинг, гарантии), зарплатные проекты с доходами от ведения реестра и размещения остатков, а также платформенные решения, такие как обслуживание смартконтрактов, эскароу в цифровых рублях, услуга «окрашивания» средств под определённые статьи расходов. Одновременно банк может сократить собственные расходы, поскольку расчёты внутри платформы Центрального банка обходятся дешевле традиционных межбанковских переводов, а прозрачный реестр упрощает соблюдение требований. Таким образом, после временного снижения активности (2026–2027 гг.) цифровой рубль, по видимому, становится для банков источником чистой прибыли в сред-

несрочной перспективе при условии адекватного управления переходным периодом.

Анализ текущего состояния проекта позволяет заключить, что цифровой рубль переходит из стадии пилота в стадию массового внедрения с чётким графиком и утверждёнными тарифами, причём ключевая особенность российской модели состоит в акценте на B2B- и C2B-сегменты с минимальными комиссиями. Смартконтракты, как нам представляется, выступают прикладной функцией, полезной в сценариях с высокой стоимостью контроля, а предложенная трёх-контурная модель обеспечивает управляемое развитие. Маркировка цифрового рубля получает правовую основу и востребована в бюджетной сфере и социальных выплатах.

Имитационное моделирование подтверждает, с определённой степенью уверенности, экономическую выгоду цифрового рубля для бизнеса при условии качественного управления ликвидностью, а интеграция с биометрией и ИИ снижает издержки на идентификацию на 2040% и позволяет перейти к предотвращению мошенничества в реальном времени. В итоге цифровой рубль представляет собой не просто новую форму национальной валюты, а инфраструктурную платформу, способную трансформировать бюджетные платежи, корпоративные расчёты и систему финансового контроля. При условии поэтапного и управляемого масштабирования он потенциально может занять 4050% платёжного рынка к 2030 году, что позволит сохранить лидерство России в развитии цифровых валют центральных банков, однако окончательные прогнозы, на наш взгляд, требуют уточнения по мере накопления более репрезентативных данных.

Выводы

Цифровой рубль, уже сейчас переходит от стадии пилотных испытаний к полноценному внедрению с участием банков-посредников. При этом тарифы для граждан установлены на нулевом уровне, а для бизнеса существенно ниже, чем у альтернативных платёжных инструментов, что создаёт ощутимые стимулы для перевода корпоративных и розничных расчётов в новую среду. Однако, как показывают первые результаты пилотных проектов, реальный масштаб этого перехода будет зависеть от адаптации участников рынка. Смарт-контракты, как нам представляется, обнаруживают свою практическую ценность прежде всего в сценариях с высокой стоимостью контроля – бюджетных платежей, безопасных сделках, госзакупках и казначейских операциях, где автоматизация исполнения снижает риски и операционные издержки.

Имитационное моделирование для крупного банка подтверждает, что цифровой рубль способен дать значительную экономию на комиссионных расходах и вместе с тем требует грамотное управление остатками и автоматическое пополнение, чтобы избежать отказов из-за нехватки средств. Банки, хотя и потеряют часть доходов от традиционного эквайринга, со временем, вероятно, компенсируют их за счёт новых потоков от межкорпоративных переводов и обслуживания смарт-контрактов, однако этот эффект пока остаётся гипотетическим. Интеграция с Единой биометрической системой и алгоритмами искусственного интеллекта, судя по имеющимся данным, сокращает затраты на идентификацию, повышает скорость обслуживания и позволяет перейти от постфактумного выявления мошенничества к превентивному блокированию подозрительных транзакций в реальном времени и именно это открывает путь к программируемым деньгам, условия обращения которых задаются заранее и исполняются автоматически хотя широта применения такого инструмента ещё требует проработки. В итоге, с учётом имеющихся ограничений, цифровой рубль представляет собой инфраструктурную платформу, способную трансформировать бюджетные, корпоративные и розничные платежи, повысить прозрачность и контроль. При последовательном развёртывании он может занять заметную долю платёжного рынка и укрепить позиции России в глобальном развитии цифровых валют центральных банков.

Литература

1. Андрияшин С.А. Цифровая валюта Центрального банка как третья форма денег государства // Russian Journal of Economics and Law. – 2021. – № 1. – С. 54–76.
2. Стратегии социально-экономического развития в условиях Индустрии 4.0: монография / кол. авторов; под ред. П.В. Симониной. – Москва: РУСАЙНС, 2026. – 156 с.
3. Ваганова О. В., Махамад С., Прядко Е.А. Исследование и анализ цифровых валют центральных банков (CBDC) // Экономика. Информатика. – 2022. – Т. 49. – № 3. – С. 536–545.
4. Ефимова Л.Г. Розничная двухуровневая модель цифрового рубля (модель d) – путь к появлению в России одноуровневой банков-

ской системы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2023. – № 1 (101). – С. 20–31.

5. Банк России. Цифровой рубль: текущий статус проекта [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/177415/digital_ruble_30062025.pdf (дата обращения: 30.06.2026).

6. Медведева Л.Д. Об обращении цифрового рубля на платформе Банка России // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – № 9. – С. 83.

7. Банк России. Массовое внедрение цифрового рубля начнется 1 сентября 2026 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=25772> (дата обращения: 30.06.2026).

8. Решение Совета директоров Банка России от 21.11.2025 «О продлении льготного периода на платформе цифрового рубля (тарифы на услуги, размеры вознаграждений)» [Электронный ресурс]. – URL: https://cbr.ru/rbr/dir_decisions/rsd_2025-11-21_45_01/ (дата обращения: 30.06.2026).

9. Данилова В.А. Смарт-контракты и цифровой рубль-плацдарм для развития цифровой среды // Фундаментальные и прикладные научные исследования: инноватика в современном мире. – 2023. – С. 46–52.

10. Абрамов В. И., Глазков А.А. Перспективы использования смарт-контрактов в развитии бизнес-экосистем // Экономика. Информатика. – 2022. – Т. 46. – № 2. – С. 256–267.

11. Милованов В.В. Создание виртуальной финансовой экосистемы для автоматизации и оптимизации операций // KANT. – 2025. – № 1 (54). – С. 104–114.

12. Темичев Ю.А. Внедрение цифрового рубля в экономику России // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 1. – С. 95–105.

PROSPECTS OF USING THE DIGITAL RUBLE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Chernykh I.N.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Based on the analysis of current regulatory documents, data from the Bank of Russia and simulation results, the article examines the prospects for introducing the digital ruble into the financial system of the Russian Federation. Special attention is paid to the application scenarios of using smart contracts, billing operations, as well as integration with biometric and intelligent technologies. It is shown that the digital ruble is not just a new form of money, but an infrastructure platform capable of transforming budget payments, corporate settlements and the financial control system. A three-stage model for the development of smart contracts is proposed, which makes it possible to avoid chaotic scaling. The novelty of the work is to transfer the discussion of the digital ruble from the plane of general advantages to the plane of measurable scenarios, tariff comparisons and industry monetization models for participating banks.

Keywords: digital ruble, smart contracts, biometric identification, artificial intelligence, simulation modeling, pricing, labeling of funds, budget payments, secure transaction

References

1. Andryushin, S. A., «Central Bank Digital Currency as a Third Form of State Money», Russian Journal of Economics and Law, 2021, № 1, pp. 54–76.
2. Social and Economic Development Strategies in the Context of Industry 4.0: monograph / co-authors; edited by P.V. Simonin. Moscow: RUSAINS, 2026, 156 p.
3. Vaganova, O. V., Mahamadu, S., Pryadko, E. A., «Research and Analysis of Central Bank Digital Currencies (CBDC)», Economics. Informatics, 2022, vol. 49, № 3, pp. 536–545.
4. Efimova, L. G. «The Retail Two-Tier Model of the Digital Ruble (Model d) – the Path to the Emergence of a Single-Tier Banking System in Russia» // Vestnik of the Kutafin University. – 2023. – № 1 (101). – P. 20–31.
5. Bank of Russia. Digital Ruble: Current Project Status [Electronic Resource]. – URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/177415/digital_ruble_30062025.pdf (accessed: June 30, 2026).
6. Medvedeva, L. D. «On the Circulation of the Digital Ruble on the Bank of Russia Platform» // Vestnik of the Altai Academy of Economics and Law. – 2023. – № 9. – P. 83.
7. Bank of Russia. The mass implementation of the digital ruble will begin on September 1, 2026 [Electronic resource]. – URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=25772> (date accessed: June 30, 2026).
8. Resolution of the Board of Directors of the Bank of Russia dated November 21, 2025 «On extending the grace period on the digital ruble platform (service tariffs, remuneration amounts)» [Electronic resource]. – URL: https://cbr.ru/rbr/dir_decisions/rsd_2025-11-21_45_01/ (date accessed: June 30, 2026).
9. Danilova, V. A. Smart contracts and the digital ruble – a springboard for the development of the digital environment // Fundamental and applied scientific research: innovation in the modern world. – 2023. – pp. 46–52.
10. Abramov V. I., Glazkov A.A. Prospects for Using Smart Contracts in the Development of Business Ecosystems // Economics. Informatics. – 2022. – Vol. 46. – № 2. – Pp. 256–267.
11. Milovanov V.V. Creation of a Virtual Financial Ecosystem for Automation and Optimization of Operations // KANT. – 2025. – № 1 (54). – Pp. 104–114.
12. Temichev Yu. A. Implementation of the Digital Ruble in the Russian Economy // Intelligence. Innovations. Investments. – 2025. – № 1. – Pp. 95–105.

Секьюритизация России в экспертном дискурсе Chatham House: инвертированный образ противника и секьюритизация второго порядка

Сагалова Полина Викторовна,

бакалавр, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Настоящая работа посвящена реконструкции механизма секьюритизации России в экспертном дискурсе британского аналитического центра Chatham House. Материалом послужили три публикации серии Expert Comment (2024–2026), проанализированные посредством авторской матрицы, интегрирующей положения Копенгагенской школы и модель проксимизации П. Цапа, с последующим критическим дискурс-анализом. Цель исследования – установить, каким образом негосударственный экспертный актор, не имеющий полномочий вводить чрезвычайные меры, участвует в производстве секьюритизирующего дискурса, и какова структура конструируемого им образа противника. Показано, что секьюритизация России в исследуемом корпусе носит характер секьюритизации второго порядка: дефицит собственной, западной секьюритизации становится условием, поддерживающим «российскую угрозу», тогда как компетентность России определяется как способность данный дефицит эксплуатировать. Речевой акт направлен при этом преимущественно к западным элитам, от которых требуется незамедлительная самокоррекция. Установлено, что образ России как рационального стратегического субъекта, противопоставленного реагирующему и расколотому Западу, структурно необходим для данной конструкции, а не является её случайной чертой. Результаты применимы для анализа информационно-когнитивной среды, в которой конструируется образ России западными экспертными институтами.

Ключевые слова: секьюритизация, секьюритизация второго порядка, Копенгагенская школа, проксимизация, критический дискурс-анализ, образ России, аналитический центр, Chatham House, медиадискурс.

Введение

Теория секьюритизации в её каноническом, копенгагенском изводе связывает секьюритизирующий ход с актором, наделённым институциональной способностью не только артикулировать экзистенциальную угрозу, но и санкционировать выход за пределы обычной политической процедуры, – с государством и его уполномоченными представителями. Значительная же часть дискурса, конструирующего угрозы в публичном поле, производится институтами иного рода – аналитическими центрами, «фабриками мысли», которые подобными полномочиями не располагают и чей секьюритизирующий ход не может завершиться введением чрезвычайных мер. Центральной исследовательской проблемой настоящей работы является возможность воспроизведения актов секьюритизации негосударственными экспертными акторами, институционально неспособными имплементировать чрезвычайные меры, а также специфика данных актов.

Эмпирическим объектом избран дискурс Королевского института международных отношений Chatham House. Выбор обуславливается авторитетностью данного аналитического центра и, как следствие, большим влиянием продвигаемых им представлений о России. Актуальность анализа обусловлена необходимостью изучения паттернов конструирования образа России западными институтами в условиях современного информационного противостояния, а также перспективой уточнения ряда положений самой теории секьюритизации, касающихся фигуры аудитории и статуса актора.

Экспертно-аналитический дискурс о России уже становился предметом исследовательского внимания. А.А. Долгов реконструирует концептуальное отражение России в публикациях американских «мозговых центров», прибегая к когнитивно-матричному анализу [1]; Е.Ю. Кирилина исследует конструирование образа России в экспертно-аналитическом дискурсе ФРГ, опираясь на конструктивизм и теорию секьюритизации [2]; О.А. Москаленко с соавторами анализируют репрезентацию Черноморского региона в дискурсе западных, в том числе британских, аналитических центров и прямо формулируют исследовательскую перспективу – включение в повестку «фабрик мысли» иных западных государств, разрабатывающих проблематику региона, ставшего пространством «военно-политического, информационно-экспертного и медийного противостояния» [3, с. 273]. Настоящая работа принимает данный вызов, однако отличается от названных исследований по трём параметрам: по объекту, инструментарию и результату, состоящему в выявлении секьюритизации второго порядка и инвертированного образа противника.

Цель исследования – установить структуру секьюритизирующего механизма и статус экспертного актора на материале дискурса Chatham House о российской угрозе. Достижение цели предполагает решение четырёх задач: реконструировать секьюритизирующие ходы корпуса посредством авторской матрицы, разработанной ранее и апробированной на секьюритизирующих материалах западных и российских СМИ [4]; выявить инвариант, повторяющийся поверх тематических различий текстов; описать конструируемый образ России; концептуализировать статус аналитического центра как секьюритизирующего актора. Научная новизна работы заключается в дополнении категории «запрашивающего секьюритизацию» [10, с. 88] анализом риторической формы самого запроса. Выявлено, что в исследованном корпусе запрос производится через секьюритизацию самого дефицита секьюритизации у адресата, что становится причиной конструирования образа рациональнее запрашивающей стороны.

Материалы и методы исследований

Методологической опорой исследования служит теория секьюритизации Копенгагенской школы, понимающая безопасность как интерсубъективный эффект речевого акта. В данной оптике нечто становится проблемой безопасности не в силу присущей ему опасности, но тогда, когда актор успешно представляет его в качестве экзистенциальной угрозы, а значимая аудитория принимает это притязание [7, с. 23–21]; специфика данной аудитории остаётся неутончённой. Стоит отметить, что в данной трактовке секьюритизирующий ход выполняет не дескриптивную, а конститутивную функцию.

При анализе языковых средств, с помощью которых конструируется угроза, используется трёхвекторная модель проксимизации П. Цапа, включающая пространственный, темпоральный и аксиологический типы [8, с. 294]. Данные положения легли в основу авторской матрицы анализа секьюритизации [4], включающей четыре параметра: актор-угроза, референтный объект, фрейм угрозы (уточняемый по П. Цапу) и легитимация крайних мер. Необходимо отметить, что модель Цапа разрабатывалась применительно к интервенционистскому дискурсу; источник угрозы, таким образом, мыслится как внешний по отношению к действенному центру. В авторской версии данное ограничение снимается за счет определения референтного объекта как (в том числе) символического пространства, что открывает перспективу для исследования внутренних угроз.

На первом этапе проводится качественный контент-анализ с использованием матрицы. На втором этапе применяется критический дискурс-анализ (CDA), в рамках которого заполненная матрица интерпретируется как стратегия производства угрозы.

Материалом послужили три публикации рубрики Expert Comment официального сайта Chatham House, посвящённые российской проблематике и охватывающие период 2024–2026 годов [5; 11; 13]. Отбор носит иллюстративный характер.

Результаты и обсуждения

Результаты кодирования первой статьи корпуса представлены в таблице 1.

Таблица 1. Секьюритизация в статье «Russian disruption in Europe points to patterns of future aggression» (1 мая 2024)

Параметр анализа	Значение/Комментарий
Актор-угроза (ODC)	Россия (ЧВК «Вагнер», завербованные прокси, «теневой флот», средства РЭБ): «российская кампания саботажа, охватывающая всю Европу» («Russian campaign of sabotage spanning the whole of Europe»); вербует «прокси для осуществления поджогов и диверсий» («recruiting proxies to carry out sabotage»); «теневой флот судов с таинственными владельцами... занятый обходом санкций и шпионажем» («ghost fleet'... busy at sanctions evasion and espionage»); «глушение GPS срывает полёты и работу экстренных служб» («jamming of GPS... disrupting air traffic... hampering the work of police and emergency services»).
Референтный объект (IDC)	1. Европейская безопасность и критическая инфраструктура: «немногие части Европы не являются целями» («few parts of Europe that are not targets»); аэропорты, железные дороги, GPS-навигация, остров Готланд как «ключевая цель для контроля морского и воздушного движения» («key target because of its importance for controlling sea and air traffic»); 2. Гражданская безопасность и повседневная жизнь: отмена рейсов, срыв посадок, нарушение работы полиции и спасателей; перспектива «хаоса на суше по всему Балтийскому региону» («chaos on land across the Baltic region») при блокировке GPS для автотранспорта.
Фрейм угрозы	Пространственная проксимизация: – Физическое проникновение диверсантов и рекогносцировка в Германии, Польше, Литве, Эстонии, Швеции, Великобритании; – «Теневое» присутствие флота у Готланда; – «Расширяющаяся зона по всей Европе» («expanding area of Europe»); Темпоральная проксимизация: – Атаки «уже идут»: «уже атакует Европу за пределами Украины» («already attacking Europe beyond Ukraine»); – «Если ничего не будет сделано, следующим логическим шагом будет попытка Москвы заблокировать GPS для автомобильного движения» («If nothing is done... the logical next step is for Moscow to attempt to block GPS for road traffic») – эскалация неизбежна и близка. Аксиологическая проксимизация: – Нормальная жизнь, безопасность, правопорядок vs. «враждебные действия... постепенно нормализуются» («hostile action... becoming gradually normalized»);
Легитимация крайних мер	Имплицитная. Заголовок: «Запад должен быть готов к всё более дерзкой агрессии» («West should be ready for ever bolder aggression»). Констатация, что «бездействие Запада означает отсутствие последствий», логически требует активного противодействия.

Первое, на чем следует акцентировать внимание при анализе риторики издания в рамках данного кейса – упоминание обвинения британца в поджоге по вербовке «Вагнера» с примечанием, что данный случай «не должен рассматриваться как изолированный инцидент» – по Европе разворачивается «кампания саботажа» [11]. Данная интерпретационная рамка, предъявляемая читателю в самом начале материала, дополняется перечислением разнородных происшествий [см. Таблица 1, Актор-угроза (ODC)] и тем самым формирует единый топос угрозы: «целостную ситуацию угрозы для «Своего/Чужого», требующую устранения» [12, с. 649]. Данный топос угрозы дополняется пространственной проксимизацией, выраженной в перечислении стран [см. Та-

блица 1, Фрейм угрозы], что создаёт, во-первых, иллюзию масштаба, а во-вторых, реализует операцию «слияния», объединяя разрозненные инциденты в единую общеевропейскую угрозу [12, с. 657]. Специфика легитимации чрезвычайных мер, в свою очередь, заключается в сдвиге каузальной атрибуции, проявляющемся в переносе ответственности за эскалацию с актора-угрозы на западную пассивность. Таким образом формируется перлокутивный ультиматум: поскольку интенсификация диверсий происходит лишь там, где «со стороны Запада нет ответа» [11], дальнейшее «бездействие» (Western inaction) неминуемо приведёт к хаосу. Сходный паттерн можно наблюдать в Таблице 2.

Таблица 2. Секьюритизация в статье «Russia is weakened, but its influence in the Middle East should not be underestimated» (11 декабря 2025)

Параметр анализа	Значение/Комментарий
Актор-угроза (ODC)	Россия: «ослабленный, но всё ещё дееспособный актор, нацеленный на то, чтобы осложнять достижение западных целей» («weakened but still capable actor that remains committed to complicating Western objectives»); применяет «малозатратную, но всё более гибкую стратегию» («low-cost, yet increasingly agile strategy»); подход «достигать большего с меньшими затратами» («do-more-with-less approach»); «сохраняет способность проецировать силу без масштабных развёртываний» («retains the ability to project power without large deployments»); «извлекает выгоду из разногласий» («exploits divisions»); «смягчает санкционное давление» («ease the pressure of sanctions»).
Референтный объект (IDC)	Западное влияние и безопасность на Ближнем Востоке: Россия «бросает вызовы США и европейским игрокам» («create challenges for the US and European players»), «осложняет достижение западных целей» («complicating Western objectives»), ослабляя способность Запада формировать региональную повестку.
Фрейм угрозы	Пространственная проксимизация: – «Переброска персонала и вооружений в различные африканские и ближневосточные конфликты» («channel personnel and weapons into various African and Middle Eastern conflicts»); – «Укореняется в регионе через проекты в сфере продовольственной, энергетической безопасности и ядерной энергетики» («embeds itself in the Middle East through food and energy security, and nuclear projects»); Темпоральная проксимизация: – «После 2022 года стратегия стала более малозатратной, но гибкой» («After 2022, its strategy became more low-cost, yet increasingly agile»); – Продолжающееся использование возможностей: «продолжает извлекать выгоду» («continues to exploit»); – Нарастание влияния через долгосрочные экономические связи. Аксиологическая проксимизация: – Западная солидарность, санкционное давление, изоляция агрессора vs. российский оппортунизм, «использование разногласий» («exploits divisions»);
Легитимация крайних мер	Имплицитная. Заголовок «Russia is weakened, but its influence in the Middle East should not be underestimated» и тезис о том, что «списывающие Россию со счетов... рискуют не заметить ослабленного, но всё ещё дееспособного актора», легитимируют необходимость сохранять повышенную бдительность и активнее противодействовать её гибким стратегиям, чтобы предотвратить дальнейшее ослабление западных позиций.

Данный материал примечателен, прежде всего, своим заголовком «Россия ослаблена, но её влияние не следует недооценивать», определяющим всю дальнейшую структуру статьи. Повсеместные указания на слабость противника (падение режима Асада, истощение ресурсов войной) становятся частью секьюритизирующего хода: как отмечает Н. Кожанов, списывающие Россию со счетов рискуют не заметить «ослабленного, но всё ещё дееспособного актора, сохраняющего приверженность осложнению западных целей» [13]. Данный ход соответствует понятию метаполитики [12, с. 660]: противнику приписывается неизменная враждебность, тщательно скрываемая под видом слабости, а условием угрозы, как следствие, выступает мисперцепция. Дееспособность России определяется в тексте реляционно – как способность эксплуатировать разногласия внутри западного лагеря [13]. В данном случае тоpos угрозы выражается посредством темпоральной и про-

странственной проксимизации, в совокупности выражающих паттерн «укоренения»: Россия «продолжает извлекать выгоду», закрепляется в регионе через продовольственные, энергетические и ядерные проекты [см. Таблица 2, Актор-угроза]; данный паттерн формирует примечательную коллизию, где Россия, одновременно описываемая как находящаяся в упадке, неизменно сохраняет свою агентность, что будет рассмотрено подробнее в Таблице 3. Важно отметить также и то, что материал Н. Кожанова характеризуется подчёркнуто рационалистической, аналитической модальностью высказываний – в противовес классической секьюритизирующей аффективно-ориентированной аргументации. Форма высказывания дополнительно обуславливает восприятие фрейма угрозы как результата взвешенной оценки, а не политически ангажированного мнения, что существенно сужает дискурсивное пространство для оспаривания артикулируемой позиции.

Таблица 3. Секьюритизация в статье «Confusion over UK sanctions on Russia undermines a Western response that was already too slow and half-hearted» (22 мая 2026)

Параметр анализа	Значение/Комментарий
Актор-угроза (ODC)	1. Россия (Путин): «вероятно, давно планировал эту войну и создал соответствующие буферы» («long planned this war and built up buffers accordingly»); «снизил долговую нагрузку, чтобы уменьшить уязвимость к санкциям» («deleveraged to reduce its vulnerabilities to Western sanctions»); «использовал рычаги влияния на поставки энергоносителей в Европу, чтобы манипулировать рынками и получать сверхприбыли» («used its leverage over energy supplies to Europe to manipulate energy markets and earn windfall profits»); 2. Страны Запада: «too slow and half-hearted».
Референтный объект (IDC)	Единство Запада и эффективность санкционного давления: «западный ответ, и без того слишком медленный и половинчатый» («Western response that was already too slow and half-hearted»); «подорывает более широкие усилия по поддержанию единства в поддержке Украины» («damaged the broader effort to maintain unity in support of Ukraine»); «ослабление альянса НАТО» («weakening of the NATO alliance»); «подорывает европейское единство по санкциям» («undermine European unity on sanctions»).
Фрейм угрозы	Пространственная проксимизация: не выявлена. Темпоральная проксимизация: – Санкции вводились с задержкой: «Запад был слишком медленным и заранее объявлял о своих санкционных шагах» («too slow and has telegraphed its response»); – Последний инцидент: обещание ужесточить санкции в октябре, а «на этой неделе» («this week») выдача лицензий, затягивающих их введение; – Постоянное откладывание: «не отмена, а затягивание или смягчение уже согласованного ужесточения» («delaying or watering down an already agreed tightening»); Аксиологическая проксимизация: Свобода Украины / европейское единство / готовность нести издержки / честность перед избирателями vs. манипуляция / энергетический шантаж / извлечение сверхприбылей
Легитимация крайних мер	Эксплицитная. Угроза прямо названа экзистенциальной: «Запад постоянно не может должным образом признать экзистенциальный характер угрозы со стороны России» («the West has continuously failed to properly recognize the existential nature of the threat from Russia»). Требование отказаться от половинчатых мер и честно объявить избирателям о неизбежных издержках: «Вот угроза, и вот цена, которую мы все должны заплатить, чтобы ей противостоять» («This is the threat, and these are the costs we all need to bear to counter that threat»).

Публикация Т. Эша доводит посыл о виновности стран Запада в устойчивости России, в предыдущих материалах выражавшийся более имплицитно, до его логического предела. Данный тезис, заключённый в самом названии статьи, инвертирует конструкцию угрозы: Запад «постоянно оказывается неспособным должным образом признать экзистенциальный характер угрозы со стороны России» [5], а Россия, в свою очередь, предстаёт рациональным субъектом [см. Таблица 3, Актор-угроза]. Важной структурной составляющей данного секьюритизирующего хода является инвертированная темпоральная проксимизация, обращённая к упущенному прошлому: критике подвергаются процедурная прозрачность и некомпетентность стран Запада [см. Таблица 3, Фрейм угрозы]. Легитимация крайних мер эксплицитна и выражена в требовании «честно объявить избирателям цену» противостояния [см. Таблица 3, Легитимация крайних мер].

При сопоставлении трех разобранных выше случаев обнаруживается инвариант: недостаточность западной реакции является одной из причин усиления и стойкости «российской угрозы»; этим же инвариантом обуславливается отличие наблюдаемого паттерна от стандартной критики, характерной для жанра экспертной колонки. Различие между текстами, в свою очередь, сводится к степени эксплицитности данного инварианта.

Этот же паттерн определяет специфику конструируемого образа России: актора рационального, расчётливого и стратегически последовательного, противопоставленного некомпетентным странам Запада, как отмечалось ранее. Подобное распределение ролей закономерно: если недостаточность западной реакции является условием, эксплуатируемым противником, то последний должен быть представлен как способный к данной эксплуатации.

Полученный в ходе исследования результат контрастирует с наблюдением К. Блэчфорда, отмечающего тенденцию к ориентализации в западном дискурсе о России [6]. Согласно автору, рассуждения о российской воинственности зачастую определяются культурной предрасположенностью, а действия России возводятся к «историческому паттерну», укоренённому в её национальной идентичности и географии [6, с. 354–355]; в проанализированном корпусе текстов, на-

против, риторика эссенциализации отсутствует. При этом второй тезис К. Блэчфорда о неспособности западных, прежде всего европейских, элит определить содержание понятия «европейская безопасность» оказывается релевантным для настоящего исследования и полностью соответствует вышеописанным результатам [6, с. 362].

Таким образом, установленная внутренняя направленность секьюритизирующего хода позволяет обратиться к исходному вопросу о статусе актора. Согласно исследованию Р. Флойда, акторы, распознающие угрозу, но лишённые институциональных полномочий для её устранения, выступают как «запрашивающие секьюритизацию» и стремящиеся убедить более влиятельных акторов в необходимости принятия предлагаемых мер [10, с. 88]. Аналитические центры к данной категории, в свою очередь, прямо относится Р. Шёстедт [14, с. 6]. Следует, впрочем, отметить, что Chatham House не является «функциональным актором» в строгом терминологическом смысле Р. Флойда, так как последние лишь комментируют уже запущенные процессы, а не инициируют их [10, с. 89]. В то же время Ю. Вуори рассматривает подобные запросы как полноценные секьюритизирующие ходы, обращённые к аудитории, становящейся секьюритизатором (цит. по: [14, с. 5–6]). Приведённое описание полностью соответствует результатам настоящего исследования: аналитический центр секьюритизирует не для того, чтобы самому санкционировать чрезвычайные меры, а для того, чтобы побудить к секьюритизации уполномоченных акторов.

Настойчивость, с которой исследуемые тексты порицают западную пассивность, получает объяснение при обращении к институциональной истории Chatham House. Как признаётся в юбилейном издании самого института, в период, предшествовавший 2014 году, Россию в его аналитике «всё чаще видели скорее на грани кризиса режима, нежели как возрождающуюся державу», и институт «был не одинок в недооценке серьёзности геополитического вызова, исходящего от Москвы» [9, с. 265]. Секьюритизация второго порядка, таким образом, может быть рассмотрена как институциональная сверхкоррекция – реакция на признанную собственную ошибку недооценки, обращённая теперь в требование её исправить.

Стоит, наконец, отметить, что использованный аналитический аппарат – понятия топоса угрозы и метаполитики в частности – разрабатывался Хьерманн и Вильгельмсен на противоположном материале секьюритизации России странами НАТО [12]. Обнаружение аналогичного дискурсивного паттерна в текстах Chatham House указывает на возможную симметрию западных и российских секьюритизирующих практик и открывает перспективу их сопоставительного исследования.

Выводы

Секьюритизация России в исследованном корпусе материалов Chatham House организована как секьюритизация второго порядка: недостаточность западной реакции представлена условием, поддерживающим устойчивость российской угрозы, а дееспособность России – способностью к эксплуатации данного условия. Секьюритизирующий ход направлен при этом преимущественно к западным элитам, от которых требуется чрезвычайная самокоррекция; установленный механизм реализуется в трёх различных модусах – агрегативно-перспективном, метаполитическом и эксплицитном.

Теоретический результат работы состоит в описании механизма работы «запрашивающего секьюритизацию» актора. Доказано, что аналитический центр, лишённый исполнительных полномочий, конструирует свой запрос не столько через прямую угрозу противника, сколько через артикуляцию дефицита секьюритизации у собственной стороны. При этом в настоящей работе эмпирически подтверждается правомерность подхода Ю. Вуори (дискуссию о котором см. в: [14, с. 5–6]), поскольку аудитория такого актора сама состоит из потенциальных секьюритизаторов, что делает опосредованный запрос полноценным конститутивным политическим актом.

Ограничения исследования обусловлены иллюстративным характером выборки: три текста позволяют реконструировать механизм, но не тенденцию, и заключения о динамике дискурса Chatham House на данном материале неправомерны. Дальнейшая разработка предполагает расширение корпуса, а также сопоставление западных и российских секьюритизирующих практик.

Литература

1. Долгов А.А. Концептуальное отражение России в публикациях американских «мозговых центров» (опыт когнитивно-матричного анализа) // Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106). С. 34–45.
2. Кирилина Е.Ю. Конструирование образа России в экспертно-аналитическом дискурсе ФРГ // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 2 (20). С. 35–49. DOI: 10.53658/RW2026-4-2(20)-35-49.
3. Москаленко О.А., Ирхин А.А., Кабанова Н.Е. Черноморский регион как пространство конфликта в дискурсе западных аналитических центров (2018–2021 гг.) // Регионология. 2022. Т. 30, № 2. С. 258–277. DOI: 10.15507/2413-1407.119.030.202202.258-277.
4. Сагалова П.В. Генезис и трансформация стратегий секьюритизации в либеральных и консервативных онлайн-СМИ (конец XX – первая четверть XXI века): вып. квалификац. работа / Рос. ун-т дружбы народов. Москва, 2026. 150 с.
5. Ash T. Confusion over UK sanctions on Russia undermines a Western response that was already too slow and half-hearted // Chatham House. Expert Comment. 22 May 2026. URL: <https://www.chathamhouse.org/2026/05/confusion-over-uk-sanctions-russia-undermines-western-response-was-already-too-slow-and> (дата обращения: 06.07.2026).
6. Blachford K. Western Orientalism and the Threat from Russia // Comparative Strategy. 2020. Т. 39, № 4. С. 354–367.
7. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.
8. Cap P. Proximity Theory and Critical Discourse Studies: A Promising Connection? // International Review of Pragmatics. 2013. Т. 5, № 2. С. 293–317.
9. Cox M., Hill C., May A., Soper C. (eds.) Chatham House: The First Hundred Years. Oxford: Oxford University Press, 2026. 361 p. DOI: 10.1093/9780198984948.001.0001.
10. Floyd R. Securitisation and the function of functional actors // Critical Studies on Security. 2021. Т. 9, № 2. С. 81–97. DOI: 10.1080/2162487.2020.1827590.
11. Giles K. Russian disruption in Europe points to patterns of future aggression // Chatham House. Expert Comment. 1 May 2024. URL: <https://www.chathamhouse.org/2024/05/russian-disruption-europe-points-patterns-future-aggression> (дата обращения: 06.07.2026).

12. Hjermann A.R., Wilhelmssen J. Topos of Threat and Metapolitics in Russia's Securitisation of NATO Post-Crimea // Review of International Studies. 2025. Т. 51, № 4. С. 649–668. DOI: 10.1017/S0260210524000937.

13. Kozhanov N. Russia is weakened, but its influence in the Middle East should not be underestimated // Chatham House. Expert Comment. 11 December 2025. URL: <https://www.chathamhouse.org/2025/12/russia-weakened-its-influence-middle-east-should-not-be-underestimated> (дата обращения: 06.07.2026).

14. Sjöstedt R. Pandemics, Securitization, and the Powers of Functional Actors // International Studies Review. 2026. Т. 28, № 2. С. 1–28. DOI: 10.1093/isr/viag006.

SECURITIZATION OF RUSSIA IN THE EXPERT DISCOURSE OF CHATHAM HOUSE: THE INVERTED IMAGE OF THE ADVERSARY AND SECOND-ORDER SECURITIZATION

Sagalova P.V.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

This paper reconstructs the mechanism of the securitization of Russia in the expert discourse of the British think tank Chatham House. The material comprises three publications from the Expert Comment series (2024–2026), analysed by means of an author's matrix integrating the tenets of the Copenhagen School and P. Cap's proximization model, followed by critical discourse analysis. The aim is to establish how a non-state expert actor, devoid of the authority to enact emergency measures, participates in the production of securitizing discourse, and what the structure of the adversary's image it constructs is. It is shown that the securitization of Russia in the corpus under study is a second-order securitization: the deficit of the West's own securitization becomes the condition that sustains the "Russian threat," whereas Russia's competence is defined as its capacity to exploit this deficit. The speech act is thereby directed primarily toward Western elites, from whom immediate self-correction is demanded. It is established that the image of Russia as a rational strategic subject, opposed to a reactive and divided West, is structurally necessary for this construction rather than an incidental feature. The results are applicable to the analysis of the informational-cognitive environment in which the image of Russia is constructed by Western expert institutions.

Keywords: securitization, second-order securitization, Copenhagen School, proximization, critical discourse analysis, image of Russia, think tank, Chatham House, media discourse.

References

1. Dolgov A.A. Conceptual Reflection of Russia in the Publications of American Think Tanks (An Experience of Cognitive-Matrix Analysis). *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*, 2024, no. 4 (106), pp. 34–45. (In Russ.)
2. Kirilina E. Yu. Constructing the Image of Russia in the Expert-Analytical Discourse of Germany. *Rossiia i mir: nauchnyy dialog = Russia and the World: Scientific Dialogue*, 2026, no. 2 (20), pp. 35–49. DOI: 10.53658/RW2026-4-2(20)-35-49. (In Russ.)
3. Moskalenko O.A., Irkhin A.A., Kabanova N.E. The Black Sea Region as a Space of Conflict in the Discourse of Western Think Tanks (2018–2021). *Regionologiya = Russian Journal of Regional Studies*, 2022, vol. 30, no. 2, pp. 258–277. DOI: 10.15507/2413-1407.119.030.202202.258-277. (In Russ.)
4. Sagalova P.V. The Genesis and Transformation of Securitization Strategies in Liberal and Conservative Online Media (Late 20th – First Quarter of the 21st Century). Graduate Qualification Thesis. Moscow, RUDN University, 2026. 150 p. (In Russ.)
5. Ash T. Confusion over UK Sanctions on Russia Undermines a Western Response That Was Already Too Slow and Half-Hearted. Chatham House, Expert Comment, 22 May 2026. Available at: <https://www.chathamhouse.org/2026/05/confusion-over-uk-sanctions-russia-undermines-western-response-was-already-too-slow-and> (accessed 06.07.2026).
6. Blachford K. Western Orientalism and the Threat from Russia. *Comparative Strategy*, 2020, vol. 39, no. 4, pp. 354–367.
7. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. London, Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.
8. Cap P. Proximity Theory and Critical Discourse Studies: A Promising Connection? *International Review of Pragmatics*, 2013, vol. 5, no. 2, pp. 293–317.
9. Cox M., Hill C., May A., Soper C. (eds.). Chatham House: The First Hundred Years. Oxford, Oxford University Press, 2026. 361 p. DOI: 10.1093/9780198984948.001.0001.
10. Floyd R. Securitisation and the function of functional actors // *Critical Studies on Security*. 2021. Т. 9, № 2. С. 81–97. DOI: 10.1080/2162487.2020.1827590.
11. Giles K. Russian Disruption in Europe Points to Patterns of Future Aggression. Chatham House, Expert Comment, 1 May 2024. Available at: <https://www.chathamhouse.org/2024/05/russian-disruption-europe-points-patterns-future-aggression> (accessed 06.07.2026).
12. Hjermann A.R., Wilhelmssen J. Topos of Threat and Metapolitics in Russia's Securitisation of NATO Post-Crimea. *Review of International Studies*, 2025, vol. 51, no. 4, pp. 649–668. DOI: 10.1017/S0260210524000937.
13. Kozhanov N. Russia Is Weakened, but Its Influence in the Middle East Should Not Be Underestimated. Chatham House, Expert Comment, 11 December 2025. Available at: <https://www.chathamhouse.org/2025/12/russia-weakened-its-influence-middle-east-should-not-be-underestimated> (accessed 06.07.2026).
14. Sjöstedt R. Pandemics, Securitization, and the Powers of Functional Actors // *International Studies Review*. 2026. Т. 28, № 2. С. 1–28. DOI: 10.1093/isr/viag006.

Теоретические рамки исследования прекаризации занятости: обзор западных социологических концепций

Янглаев Азат Абдулхаевич,

аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
E-mail: azat.yanglyayev@yandex.ru

В статье конкретизированы и систематизированы основные исследовательские подходы к проблеме прекаризации занятости, выделены структурное и агентное направление исследований прекаризации в западной социологии. В качестве фундаментальных теорий были использованы структуралистский конструктивизм П. Бурдьё и Л. Болтански, теории поздней современности З. Баумана, Э. Гидденса и Дж. Крэри; цифрового общества М. Кастельса (прогрессирующая атомизация общества, ослабление социальных связей, включая трудовые отношения, переход к более гибким и краткосрочным формам институциональных взаимодействий, нестабильной занятости); «надзорного капитализма» Ш. Зубофф. Обоснована целесообразность использования к исследованию проблем прекаризации труда таких социальных теорий, как социология труда (Г. Стэндинг), экономическая социология (концепция гиг-экономики К. Крауча), экономическая антропология (Джон и Джин Комарофф). Синтез социологического, экономико-правового, демографического, управленческого и политэкономического подходов способствует формированию представлений об истоках, проявлениях и последствиях прекаризации.

Ключевые слова: прекаризация, занятость, стабилизация, ущемление прав работников, подходы.

Введение

Развитие новых информационных технологий, гиг-экономики, платформенной занятости, фриланса неизбежно формирует основы для нестабильности на рынке труда. В представленных условиях появляется прекаризация, ее основные формы и проявления. Зарубежные авторы достаточно основательно изучают новые формы нестабильности рынка труда, отмечая тренды, связанные с алгоритмическими формами управления (как на платформах фриланса), а также отсутствие базовых социальных гарантий прекариата (работники такси, доставка еды и т.д.).

При всей масштабности изучения различных аспектов прекаризации, за рубежом не сформировалось единых основ для изучения данного феномена, поскольку он отличается вариативностью и специфическими чертами в разных государствах мира. Изучение основных зарубежных подходов позволяет понять не только основные формы прекаризации, но и эффективность государственных мер по снижению социального неравенства в обществе и напряженности на рынке труда. Опыт различных государств показывает, что среди эффективных мер можно выделить минимальные требования к оплате труда у фрилансеров, иные формы социальной защиты в рамках свободной занятости, юридические основы «презумпции занятости», при которой платформенный работник автоматически считается наемным и т.д.

Цель статьи заключается в выявлении и систематизации наиболее релевантных и влиятельных теоретических подходов к изучению феномена прекаризации в западных социальных исследованиях. Теоретическое рассмотрение исследовательских подходов к изучению прекаризации занятости основывается, с одной стороны, на макросоциологических теориях, с другой – на теориях среднего уровня. Именно они позволяют в полной мере понять и осмыслить природу прекаризации. Теоретические концепты в последующем становятся основой для принятия политических решений и реформирования социальной сферы в области занятости населения.

Материалы и методы

Исследование основано на качественном социологическом анализе содержания публикаций иностранных авторов по проблемам прекаризации и выявлении наиболее значимых идей. Использование методов анализа и синтеза позволило обобщить теоретический материал, который касается трансформации рынка труда и прекариата.

В качестве фундаментальных теорий были использованы теории поздней современности З. Баумана [1] и Э. Гидденса [5]; цифрового общества М. Кастельса [7] (прогрессирующая атомизация общества, ослабление социальных связей, включая трудовые отношения, переход к более гибким и краткосрочным формам институциональных взаимодействий, нестабильной занятости); структуралистский конструктивизм П. Бурдьё [3]. Из теорий среднего уровня следует выделить социологию труда (Г. Стэндинг [12]), экономическую социологию (концепция гиг-экономики К. Крауча [9]). Из смежных направлений необходимо отметить экономическую антропологию (Джон и Джин Комарофф [8]) и др.

Результаты исследования

Фундаментальные основы для изучения прекаризации касаются системных сдвигов, которые произошли в экономике и системе общественных отношений во второй половине XX столетия. Переход в постиндустриальное общество и стремительное развитие науки, технологий неизбежно отразилось на социальных процессах.

В частности, в рамках теории поздней современности З. Баумана [1] и Э. Гидденса [5] с социологических позиций анализируется процесс перехода от «твердой» к «текучей» современности. Жесткие социальные структуры, которые веками формировали основы традиционного общества, стали размываться в индустриальную эпоху, особенно в период перехода к информационному обществу. З. Бауман [1] отмечает, что на смену стабильности работы по найму приходят краткосрочные контракты, не формирующие основы для четких социальных гарантий. Свободный формат занятости при его безусловных плюсах (работа в удаленном формате, отсутствие необходимости каждый день посещать офис и т.д.) проецирует и риски прекаризации: низкую

правовую защищенность, отсутствие базовых социальных гарантий от государства и др. В основе данного процесса лежит прекаризация, которая представляет собой не случайный процесс, а закономерный этап развития общества.

Э. Гидденс [5] утверждает, что люди в период поздней современности пересматривают свои жизненные приоритеты, систему ценностей, поскольку им приходится быстро адаптироваться к новым условиям, в том числе и на рынке труда. Высокая социальная мобильность, передовые технологии трансформируют привычное видение отношений «работник – работодатель», что неизбежно ведет к социальной дифференциации и стратификации по получаемому доходу. Базовые социальные институты не успевают за развитием технологий и последствиями глобализации.

М. Кастельс [7] анализирует «сетевой» характер системы общественных отношений. Для нее характерна прогрессирующая атомизация общества, ослабление социальных связей, включая трудовые отношения, переход к более гибким и краткосрочным формам институциональных взаимодействий, нестабильной занятости (фриланс, свободная занятость и т.д.).

Структуралистский конструктивизм П. Бурдьё [3] исходит из того, что человек в процессе социализации и трудовой деятельности сам выбирает нестабильную занятость на основе габитуса – социальных паттернов и манеры позиционирования себя в обществе, представления о престижности профессии, медийности и т.п. В вопросе построения карьеры человек с изначально высоким социальным капиталом быстрее продвигается по службе, чем тот, у которого низкие стартовые социальные возможности и каналы продвижения.

В рамках теорий среднего уровня следует выделить научное обоснование прекаризации труда Г. Стэндинга [12]. Указанный автор делает акцент на росте нестабильной занятости, приводя в пример фрилансеров, наемных работников на срочных контрактах, а также аутсорсинг. По мнению автора, подобные формы занятости неизбежно формируют риски, которые трансформируют трудовую занятость из-за отсутствия стабильного заработка и уверенности в завтрашнем дне. При этом указанный автор не просто дает факты, статистику, а пытается понять психологическое состояние человека, который вынужден искать временную работу, подработку, удаленный формат. Прекариат при этом может стать базой для популизма со стороны политиков, которые предлагают простые решения в сложной системе общественных отношений.

В качестве мер по снижению социальной напряженности среди прекариата Г. Стэндинг [12] предлагает расширение гражданских прав (особенно в отношении приезжих), проведение реформы образования, а также оплату изначального безвозмездного труда (например, когда бабушка видит с внуком на бесплатной основе (так принято в обществе) или дети содержат и ухаживают за своими нетрудоспособными родителями) и др. Представленные меры, по мнению указанного автора, позволят снизить социальную напряженность и минимизировать риски потрясений в государстве.

Достаточно быстро у Г. Стэндинга нашлись критики, которые совершенно справедливо отмечают у автора разнородность прекариата. Например, фрилансеры достаточно часто сознательно выбирают удаленную работу «на себя», поскольку в данном случае они могут больше проводить времени с семьей, с детьми, планировать собственное время для труда и отдыха. Вместо работы по найму люди идут во фриланс, который отличается гибкостью, вариативностью деятельности, отсутствием необходимости каждый будний день заставлять себя вставать рано утром, ехать в офис или на предприятие и т.д. Одновременно с этим, мигранты, которые также автором относятся к прекариату, имеют иные мотивы и запросы, поскольку им важнее закрепиться на любой работе, чтобы иметь шанс в будущем пойти по карьерной лестнице, получить вид на жительство или гражданство новой страны. Общая «незащищенность» в данном случае будет существенным образом отличаться, поскольку мотивы и стимулы для работы не всегда будут вынужденными.

Дополнительно к этому отметим, что работа Г. Стэндинга отличается абстрактностью, поскольку автор не дает точных цифр прекариата, делая акцент на возможном числе до четверти трудоспособного населения мира. Подобные вероятностные характеристики формируют недоверие в аспекте проверяемости выводов. Г. Стэндинг негативно оценивает протестный потенциал прекариата, поскольку он состоит из разных категорий работников, которых сложно объединить для решения общих задач.

К. Крауч [9] с социологических позиций характеризует в качестве значимого сегмента современного капитализма так называемую гиг-экономику, в которой на системной основе доминируют разовые контракты в краткосрочном формате выполнения заданий. Это проис-

ходит с использованием платформ на цифровой основе (например, биржи фриланса). При этом прекаризация проявляется в отсутствии социальных гарантий и стабильного дохода у «свободного» работника.

Из смежных направлений необходимо отметить экономическую антропологию. Она представлена, в частности, деятельностью Джона и Джини Комарофф [8]. Указанные авторы отмечают, что в условиях прекаризации формируются новые смыслы в системе занятости и рынка труда. В условиях ослабления влияния базовых социальных институтов происходит формирование новых социальных практик, а сам феномен прекаризации перестает быть только экономической проблемой, поскольку уже полноценно рассматривается как культурный процесс.

В процессе изучения прекаризации особую важность представляет критическое осмысление данного процесса, которое происходит в рамках политэкономического подхода. В указанном аспекте следует выделить работу Р.М. Марини «Диалектика зависимости» [11], в которой автор закладывает фундамент для понимания социально-экономических проявлений нестабильности в сфере занятости населения.

А.С. Валенсия [4] продолжил развивать идеи Р.М. Марини, не став самостоятельно формулировать собственную концепцию прекаризации, а переложив идеи указанного автора на современные реалии. А.С. Валенсия указывает на то, что в условиях мировых диспропорций капиталистической системы экономических отношений происходит зависимость периферийных стран от ведущих государств мира. Это приводит к тому, что классические законы марксизма начинают работать иначе, чем их принято рассматривать в классической политэкономии. Именно по этой причине растет класс прекариата, для которого характерны нестабильность, слабая защищенность и неопределенность будущего, перспектив профессионального развития. Автор делает акцент на том, что структурные изменения в системе международных экономических отношений ведут к сознательному неравенству акторов. В результате формируется неэквивалентный обмен, который формирует зависимость от сбыта сырья и экспорта удешевленной рабочей силы. При этом работодатели в периферийных странах навязывают более жесткие условия для наемных работников, снижая их социальную защищенность. Автор приходит к выводу, что прекаризация является следствием зависимого положения государства в системе международной торговли и экономических отношений, места страны в глобальной иерархии.

Следует также выделить такое направление исследований социальных последствий прекаризации занятости в современной теоретической социологии, как изучение трансформации механизмов социального контроля трудовой деятельности и личности работников в процессе минимизации обязанностей работодателя перед работниками в сторону замены прямого контроля более гибкими и опосредованными формами, основанными на интериоризации ценностей и цифровизации экономики. У истоков этого направления находится разработанная Л. Болтански и Э. Кьяпелло концепция «нового духа [2] капитализма», который «обретает форму при выходе из кризиса 1960–1970-х годов и призван заново утвердить ценность капиталистической системы». В их книге на основе анализа дискурсов менеджмента 90-х гг. XX в. показана эволюция методов и идеологии корпоративного управления и ее влияние на трансформацию системы общественных ценностей.

Как показывают Л. Болтански и Э. Кьяпелло, управленческая идеология позднего капитализма склонна перекладывать на рядовых операторов и клиентов как финансовые издержки корпораций, так и издержки контроля, оперируя метафорой сетевой структуры в качестве аргументов в пользу замены методов прямого контроля, основанных на управленческой иерархии, такими механизмами, как самоконтроль работника, клиентский контроль, профессиональные этические кодексы и «манипулирование репутацией» [2].

Характерные для неолиберального капитализма тенденции к прогрессирующей дестабилизации занятости и замене стратегического управления проектным приводят к тому, что работодатели открыто декларируют в качестве равноценной замены профессиональной карьеры участие в корпоративных проектах, а гарантий занятости – формирование у наемных работников в качестве компенсации такой компетенции, как «способность к занятости». Эта способность, определяемая как необходимый работнику «уровень компетенций и гибкости, позволяющий каждому индивиду найти работу внутри или вне предприятия», формируется в результате участия в проектах и трансформируется в «личный капитал, состоящий из суммы всех компетенций работника; как и всякий капитал, он требует того, чтобы им разумно распоряжались» [2].

Убеждение работников в ценности «занятоспособности» способствует усвоению ими неолитеральной идеологии самопредпринимательства, основанной на комплексе ценностей, составляющих новый экономический этос («новый дух») поздней современности, в том числе «вовлеченность» в работу, «сосоревнование» внутри трудового коллектива с целью профессионального совершенствования, «мобильность и адаптируемость», «креативность», «независимость, автономия, самореализация». Возлагая таким образом на индивида полную моральную ответственность за его профессиональные достижения, «новый дух капитализма» не устраняет ресурсной асимметрии между трудом и капиталом, легитимируя тем самым нестабильную занятость и социальную незащищенность работника: «исходное неравенство условий успеха в этой самой реализации остается в тени. Все бремя неудачи ложится на плечи тех, кто ее переживает» [2].

Наряду с самоконтролем работника в фокусе западных исследований позднего капитализма находится также контроль с помощью цифровых инструментов, основанный на отслеживании цифровых следов пользователей, алгоритмизации, внедрении искусственного интеллекта в рабочие процессы, в связи «с корпоративным выбором в пользу надзора, контроля и замещения труда, а не обогащения задач и инициативы работников» [6]. С точки зрения Ш. Зубофф, внедрение цифрового контроля формирует систему «надзорного капитализма», основанного на «нелегитимном знании» и «нелегитимной власти», повышающих персональную уязвимость индивида [6]. Дж. Крэй связывает этот эффект с тотальным характером контролем времени и деятельности пользователей в эпоху «круглосуточного капитализма» [10].

Упомянутые выше теоретические подходы служат теоретическими рамками для современных исследований в области прекаризации занятости.

Так, Дж. Бенач с соавторами [13] публикуют в 2016 году свою статью-манифест, в которой задают повестку исследований в области труда и занятости на последующие 10 лет (до 2025 года). Авторы работы делают акцент на том, что в научном сообществе недостаточно академических исследований, которые касаются взаимосвязи прекаризации занятости и здоровья трудоспособного населения. При этом указывается на то, что различные исследователи дают различное видение прекаризации занятости, что приводит к фрагментарности изучения данного явления. На основе разных выборок, вариативности определений, отсутствия единой методологии сложно сравнивать между собой полученные результаты.

Следует согласиться с мнением указанных авторов, которое касается необходимости формирования унифицированных подходов при исследовании прекаризации во всем мире. Они предлагают отходить от классического понимания нестабильной занятости только на основе изучения срочного трудового договора, поскольку уже сейчас формируются новые критерии для изучения свободной занятости – финансовый достаток (доход), стабильный характер заказов, контроль за выполнением работ, определенные базовые социальные гарантии, учет мнения исполнителя и т.д. В данном аспекте наибольшую важность представляет защита интересов мам в декрете, пенсионеров, людей с ограниченными возможностями здоровья. У этих групп населения риски прекаризации занятости существенно выше в силу возрастных особенностей, физиологических причин и т.п. При этом здоровье человека является не второстепенным фактором, а ключевым показателем качества трудовой деятельности. Учет последствий для здоровья в процессе выполнения профессиональных обязанностей должен в обязательной степени быть осуществлен в процессе трудовой деятельности.

Дж.Х. Пурномо и Н.Н. Хидаяти [16] отмечают, что в наибольшей степени научное исследование прекаризации сосредоточено в странах Европы, США, Канаде. В азиатском регионе и на африканском континенте исследований существенно меньше, однако именно эти части света демонстрируют массовые практики прекаризации занятости.

В методологическом ракурсе авторы отмечают доминирование количественных исследований, опору на данные статистики по рынку труда, однако выделяют новый тренд на использование смешанных и качественных методов при изучении прекариата. Авторы акцентируют внимание на исследовании платформенной занятости, а также цифровизации экономики и изменении климата. Именно их они считают новыми факторами, формирующими базу для прекаризации.

А. Ирвин с соавторами [14] рассматривают прикладные аспекты влияния нестабильной занятости на психическое здоровье человека. На основе глубинных интервью и нарративов рабочего класса делается вывод о том, что в качестве источников для напряжения и стрессовых ситуаций выступают страх остаться без работы, а также постоянная необходимость быть на связи «24/7», чтобы работодатель мог всегда получить нужную информацию от работника. Подобные социальные паттерны формируют выгорание и неуверенность в завтрашнем дне, а прекаризации занятости все отчетливее проявляется среди работающих граждан. В разрезе отдельных государств исследование показывает, что восприятие нестабильной занятости отличается, поскольку есть отличия в менталитете и культурных обычаях. Если, например, в странах Азии прекаризация занятости воспринимается как стигма, то в государствах Латинской Америки к ней отношение вполне лояльное и допустимое. Следует отметить сложность прекаризации занятости в том случае, когда уязвимостью проявляется несколько сразу.

П.Х. Поулсен с соавторами [15] провели свое качественное исследование в Дании, которое также касалось взаимосвязи прекаризации и ментального здоровья. Авторы изучили различные формы временной занятости, фриланса и показали взаимосвязь со стрессовыми ситуациями и восприятием собственного здоровья среди трудоспособного населения. Отмечается, что нестабильная занятость формирует более высокий уровень стресса у человека, а также ухудшенное восприятие собственного здоровья. При этом разнообразные типы прекарности формируют различные эффекты, поскольку неформальная занятость, работа в сфере доставки и такси, а также почасовая работа в различной степени влияют на здоровье и стрессовые ситуации.

П. Руисото с соавторами [17] рассматривают прекаризацию с точки зрения политико-правовых мер, которые могут способствовать снижению социальной напряженности в обществе из-за нестабильной занятости, а также снижению ее негативного влияния на психологическое состояние человека. В рамках общих рекомендаций требуется на постоянной основе следить за условиями труда, установить минимальные часы трудовой деятельности, а также запретить отменять смены, чтобы перейти на предсказуемый график работы. Эффективная работа в данном направлении возможна при координации действий Министерства труда и занятости, Министерства здравоохранения, а также системы социальной защиты и профсоюзных чечек.

Дж. Шанкар с соавторами [18] приводят данные своего качественного исследования 2024 года о том, как мигранты справляются с проблемами в сфере труда и занятости, а также как это влияет на их психологическое состояние и здоровье. Авторы отмечают, что в качестве причин для прекаризации выступают множественные барьеры, которые связаны с языковой коммуникацией, дискриминацией и отсутствием социальных связей на новом месте проживания мигрантов. Трудности формируют определенные риски и уязвимости для формирования занятости, поскольку мигранты соглашаются на любую работу, скрывают свои проблемы со здоровьем, готовы перерабатывать без дополнительной оплаты труда. В качестве ресурсов для поддержки выступают диаспоры, а также представители религиозных организаций и различные программы адаптации, изучения языка принимающего сообщества.

В обобщенном виде основные тренды в изучении прекаризации занятости в исследованиях зарубежных авторов представлены в таблице 1.

Таблица 1. Основные тренды в изучении прекаризации занятости среди зарубежных авторов

Авторы	Тип исследования	Ключевые идеи о прекаризации	Практическая значимость / выводы
Benach J., Vives A., Tarafa G.	Концептуальный обзор, постановка исследовательской повестки	Критика разрозненности исследований; предложение комплексной рамки измерения прекарности (доход, стабильность, контроль, гарантии, переговорная сила); фокус на уязвимых группах (мигранты, женщины, пожилые); здоровье как ключевой индикатор качества труда	Полезно для проектирования исследований и обоснования выбора переменных; задаёт долгосрочную научную повестку
Irvine A., Rose N.	Качественный обзор (синтез нарративов и интервью)	Механизмы стресса: страх увольнения, 24/7-доступность, стыд, несправедливость; роль автономии и контроля; влияние культурного контекста; пересечение уязвимостей (например, мигрант + женщина + низкоквалифицированный труд)	Добавляет «человеческое измерение»: показывает, как прекаризация ощущается изнутри и какие аспекты сильнее бьют по психике

Авторы	Тип исследования	Ключевые идеи о прекаризации	Практическая значимость / выводы
Poulsen P.H., Vestergaard J.M., Winding T.N.	Эмпирическое количественное (кросс-секционное) исследование	Статистически значимая связь precarious занятости с повышенным стрессом и худшей самооценкой здоровья; разные типы precariousности имеют разные эффекты; дозозависимость (чем больше признаков нестабильности – тем сильнее негативный эффект); автономия и поддержка смягчают последствия	Пример строгой количественной проверки гипотез: чёткие модели, контроль переменных, измеримые эффекты
Purnomo J.H., Hidayati N.N.	Обзор литературы (картирование исследовательского поля)	География исследований смещена в Европу и Северную Америку; рост смешанных и качественных подходов; частые темы – психическое здоровье, неравенство доходов, гибкие формы занятости; редкие темы – влияние на семьи и детей, долгосрочные траектории; пробелы – платформенная занятость, автоматизация, климат как факторы прекаризации	Помогает сориентироваться в поле исследований, увидеть, какие темы уже проработаны, а где есть пространство для собственного вклада
Ruisoto P., Muntané F., Muntaner C.	Научнополитический синтез (связь данных и мер)	Доказательства, что улучшение условий труда снижает депрессию и тревожность; эффективные меры – гарантии часов, прогнозируемые графики, коллективные договоры, психологическая поддержка; необходимость межведомственности (Минтруд, Минздрав, соцзащита, профсоюзы); важность регулярного мониторинга и оценки эффектов	Для обоснования практических рекомендаций, связи науки и политики, написания раздела «практические выводы»
Shankar J., Chen S.-P., Lai D.W.L.	Качественное эмпирическое исследование (интервью с мигрантами)	Множественные барьеры: язык, непризнание квалификации, дискриминация, слабые социальные сети; стратегии выживания – согласие на худшие условия, переработки, сокрытие проблем со здоровьем; культурные различия в восприятии стресса; ресурсы поддержки – этнические сообщества, религиозные организации, программы адаптации	Показывает пересечение уязвимостей «иммиграция + прекаризация»; даёт живые примеры барьеров и стратегий, полезные для адресной политики и программ поддержки

Заключение

Рассмотрение зарубежного опыта изучения прекаризации позволяет разграничить базирующиеся на концепциях поздней или «текучей» современности (З. Бауман, Э. Гидденс) и структуралистского конструктивизма (П. Бурдьё, Р. Кастель) структурное направление, сфокусированное на выявлении последствий прекаризации на уровне трансформаций классовой структуры общества (Г. Стэндинг Р.М. Марини) наряду с «агентным», направленным на изучение трансформации социального контроля, ценностных ориентаций, социальных установок, повседневных трудовых практик и образа жизни precarious работников в качестве социальных агентов рамках структуралистско-конструктивистской парадигмы (Л. Болтански, Ш. Зубофф, Дж. и Дж. Комарофф, Дж. Крэри). Анализ зарубежных теоретических концепций помогает не просто фиксировать факт роста социального неравенства, снижения социальных гарантий на рынке труда, но и системно изучать причины данного процесса, оценивать эффективность мер государства в указанном направлении. На уровне социальных институтов, бизнес-сообщества, некоммерческих организаций в данном аспекте можно реализовать меры, которые снижают риски нестабильности на рынке труда, снижения безработицы и общего уровня социальной напряженности.

Литература

1. Бауман З. Текучая современность Санкт-Петербург: Питер, 2008. 240 с.

2. Болтански JL, Кьяпелло Э. Новый дух капитализма / пер. с фр. под общей редакцией С. Фокина. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 976 с.

3. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц. Москва: Институт экспериментальной социологии, 2005. 576 с.

4. Валенсия А.С. Марксизм Марини и теория зависимости сегодня // Зависимое развитие и сверхэксплуатация труда. Сб. статей / сост. и ред. Д.А. Баринов, Р.А. Павлов. Санкт-Петербург: Лема, 2023. С. 139–174.

5. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г.К. Ольховикова; Д.А. Кибальчика; Москва: Праксис, 2011. 352 с.

6. Зубофф Ш. Надзорный капитализм или демократия? / пер. с англ. под науч. ред. Артема Смирнова. Москва: Издательство Института Гайдара, 2025. 360 с.

7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. Москва: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

8. Комарофф Д., Комарофф Д. После труда // Социология власти. 2025. № 37. С. 154–187.

9. Крауч К. Победит ли гиг-экономика? / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. С. Щукиной. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 144 с.

10. Крэри Дж. 24/7. Поздний капитализм и цели сна // Экономическая социология. 2021. № 5. С. 39–53.

11. Марини Р.М. Диалектика зависимости // Зависимое развитие и сверхэксплуатация труда. Сб. статей / сост. и ред. Д.А. Баринов, Р.А. Павлов. Санкт-Петербург: Лема, 2023. С. 6–44.

12. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

13. Benach J., Vives A., Tarafa G. etc. What should we know about precarious employment and health in 2025? Framing the agenda for the next decade of research // International Journal of Epidemiology. 2016. № 45. Access mode: https://www.researchgate.net/publication/289555283_What_should_we_know_about_precarious_employment_and_health_in_2025_Framing_the_agenda_for_the_next_decade_of_research (accessed: 16/07/2026).

14. Irvine A., Rose N. How Does Precarious Employment Affect Mental Health? A Scoping Review and Thematic Synthesis of Qualitative Evidence from Western Economies // Work Employment and Society. 2022. № 38. Access mode: https://www.researchgate.net/publication/366073385_How_Does_Precarious_Employment_Affect_Mental_Health_A_Scoping_Review_and_Thematic_Synthesis_of_Qualitative_Evidence_from_Western_Economies (accessed: 16/07/2026).

15. Poulsen P.H., Vestergaard J.M., Winding T.N. etc. Precarious employment and its associations with perceived stress and self-rated health: a Danish cross-sectional study // International Archives of Occupational and Environmental Health. 2026. № 26. Access mode: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00420-026-02213-7> (accessed: 18/07/2026).

16. Purnomo J.H., Hidayati N.N. Looking at the Spread of Precarious Employment Researches: A Literature Review // Fenomena: Journal of the Social Sciences. 2024. № 1. Access mode: <https://fenomena.uinkhas.ac.id/index.php/fenomena/article/view/156> (accessed: 17/07/2026).

17. Ruisoto P., Muntané F., Muntaner C. etc. Precarious Work and Mental Health: Research and Policy // International Archives of Occupational and Environmental Health. 2026. № 12. Access mode: https://link.springer.com/rwe/10.1007/978-3-031-88856-4_34-1 (accessed: 16/07/2026).

18. Shankar J., Chen S.-P., Lai D.W.L. etc. Mental health challenges of recent immigrants in precarious work environments – a qualitative study // Mental Health Occupational Therapy. 2024. № 15. Access mode: <https://www.frontiersin.org/journals/psychiatry/articles/10.3389/fpsy.2024.1428276/full> (accessed: 13/07/2026).

THEORETICAL FRAMEWORK FOR THE STUDY OF PRECARIOUS EMPLOYMENT: A REVIEW OF WESTERN SOCIOLOGICAL CONCEPTS

Yanglyayev A.A.
National Research Ogarev Mordovia State University

The article specifies and systematizes the main research approaches to the problem of precarious employment, highlighting the structural and agent-based approaches to the study

of precariousness in Western sociology. The article uses the structuralist constructivism of P. Bourdieu and L. Boltanski, as well as the theories of late modernity by Z. Bauman, E. Giddens, and J. Crary; M. Castells' digital society (progressive atomization of society, weakening of social ties, including labor relations, transition to more flexible and short-term forms of institutional interactions, and unstable employment); and Sh. Zuboff's «surveillance capitalism». The article substantiates the relevance of using social theories such as labor sociology (G. Standing), economic sociology (C. Crouch's concept of gig-economy), and economic anthropology (John and Jean Komaroff) to study the issues of precarious labor. The synthesis of sociological, economic, legal, demographic, managerial, and political-economic approaches contributes to understanding the origins, manifestations, and consequences of precariousness.

Keywords: precariousness, employment, stabilization, infringement of workers' rights, and approaches.

References

1. Bauman Z. *Fluid Modernity* St. Petersburg: Peter, 2008. 240 p.
2. Boltanski, L., Chiapello, E. *Le nouvel esprit du capitalisme* или: *The New Spirit of Capitalism* / translated from French under the general editorship of S. Fokin. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2011. 976 p.
3. Bourdieu P. *Social Space: Fields and Practices* / translated from French. Moscow: Institute of Experimental Sociology, 2005. 576 p.
4. Valenzia A.S. Marini's Marxism and the Theory of Dependence Today // *Dependence Development and Superexploitation of Labor. Collection of Articles* / compiled and edited by D.A. Barinov and R.A. Pavlov. Saint Petersburg: Lema, 2023. pp. 139–174.
5. Giddens E. *Consequences of modernity* / translated from English by G.K. Olkhovikov; D.A. Kibalcich; Moscow: Praxis, 2011. 352 p.
6. Zuboff S. *Surveillance Capitalism or Democracy??* / translated from English. under scientific editorship. Artyom Smirnov. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2025. 360 p.
7. Castells M. *The Information Age: economics, society and culture* / translated from English. under the scientific editorship of O.I. Shkaratan. Moscow: Higher School of Economics, 2000. 608 p.
8. Komaroff D., Komaroff D. *After labor* // *Sociology of power*. 2025. № 37. Pp. 154–187.
9. Krouch K. *Will the Gig Economy Win?* / Translated from English by Yu. Kapturevsky; under the scientific editorship of S. Shchukina. Moscow: HSE Publishing House, 2020. 144 p.
10. Crary J. 24/7. *Late Capitalism and the Ends of Sleep* // *Economic Sociology*. 2021. № 5. Pp. 39–53.
11. Marini R.M. *Dialectics of Dependence* // *Dependence Development and Overexploitation of Labor. Collection of Articles* / Comp. and Ed. by D.A. Barinov, R.A. Pavlov. St. Petersburg: Lema, 2023. Pp. 6–44.
12. Standing G. *Precariat: The New Dangerous Class*. Moscow: Ad Marginem Press, 2014. 328 p.
13. Benach J., Vives A., Tarafa G. etc. What should we know about precarious employment and health in 2025? Framing the agenda for the next decade of research // *International Journal of Epidemiology*. 2016. № 45. Access mode: https://www.researchgate.net/publication/289555283_What_should_we_know_about_precarious_employment_and_health_in_2025_Framing_the_agenda_for_the_next_decade_of_research (accessed: 16/07/2026).
14. Irvine A., Rose N. How Does Precarious Employment Affect Mental Health? A Scoping Review and Thematic Synthesis of Qualitative Evidence from Western Economies // *Work Employment and Society*. 2022. № 38. Access mode: https://www.researchgate.net/publication/366073385_How_Does_Precarious_Employment_Affect_Mental_Health_A_Scoping_Review_and_Thematic_Synthesis_of_Qualitative_Evidence_from_Western_Economies (accessed: 16/07/2026).
15. Poulsen P.H., Vestergaard J.M., Winding T.N. etc. Precarious employment and its associations with perceived stress and self-rated health: a Danish cross-sectional study // *International Archives of Occupational and Environmental Health*. 2026. № 26. Access mode: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00420-026-02213-7> (accessed: 18/07/2026).
16. Purnomo J.H., Hidayati N.N. Looking at the Spread of Precarious Employment Researches: A Literature Review // *Fenomena: Journal of the Social Sciences*. 2024. № 1. Access mode: <https://fenomena.uinkhas.ac.id/index.php/fenomena/article/view/156> (accessed: 17/07/2026).
17. Ruisoto P., Muntané F., Muntaner C. etc. Precarious Work and Mental Health: Research and Policy // *International Archives of Occupational and Environmental Health*. 2026. № 12. Access mode: https://link.springer.com/rwe/10.1007/978-3-031-88856-4_34-1 (accessed: 16/07/2026).
18. Shankar J., Chen S.-P., Lai D.W.L. etc. Mental health challenges of recent immigrants in precarious work environments – a qualitative study // *Mental Health Occupational Therapy*. 2024. № 15. Access mode: <https://www.frontiersin.org/journals/psychiatry/articles/10.3389/fpsy.2024.1428276/full> (accessed: 13/07/2026).

Батурина Ирина Валерьевна,

кандидат исторических наук, доцент, кафедра социально-гуманитарных наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Южно-Уральский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации
E-mail: Devizzina@mail.ru

Латышева Наталия Александровна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и менеджмента, Российский университет транспорта
E-mail: nalat59@mail.ru

Свирин Михаил Геннадьевич,

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России
E-mail: msvirin@yandex.ru

Александрова Ирина Борисовна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра дизайна, конструирования и сервисных услуг, Институт пищевых технологий и дизайна – филиал ГБОУ Нижегородский государственный инженерно-экономический университет
E-mail: irinann1954@yandex.ru

Несынова Юлия Владимировна,

Кандидат филологических наук, доцент, Доцент кафедры иностранных языков и русской филологии, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО Российский государственный профессионально-педагогический университет
E-mail: nt-neca@mail.ru

Статья исследует этические аспекты искусственного интеллекта – феномена, который сегодня находится в центре стремительного научного прогресса и революционизирует практически все сферы человеческой жизнедеятельности, став трендом цифровой эпохи. Анализируются как неоспоримые преимущества ИИ, так и его потенциальные негативные последствия. Особое внимание уделяется ключевым вопросам, таким как прозрачность алгоритмов, конфиденциальность данных, предвзятость и возможность усиления социального неравенства. Поднимается проблема моральных дилемм, с которыми могут столкнуться системы ИИ. В статье подчеркивается, что ИИ – это уже реальность, требующая осознанного подхода, и главная задача разработчиков алгоритмов заключается в оптимизации рисков через строгую регламентацию и этическое сопровождение.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), этика, моральные дилеммы, предвзятость алгоритмов, конфиденциальность данных, ответственность.

Сегодня искусственный интеллект (ИИ) является одной из самых стремительно развивающихся областей в сфере информационных технологий. Однако в последние годы чем больше ученые и эксперты анализируют технологии искусственного интеллекта и методы управления нейросетями, тем больше они выявляют риски, делающие проблемным и неоднозначным внедрение этой инновации цифровой эпохи. Особую значимость на фоне растущей зависимости человечества от алгоритмов в принятии критически важных решений (в медицине, юриспруденции, финансах, транспортной инфраструктуре и других областях) приобретают вопросы этики. Необходимость этического регулирования ИИ подчеркивается тем, что его решения могут влиять на права и свободы человека, социальную справедливость, приватность данных и даже представлять угрозу жизни.

В данной статье нам хотелось бы остановиться на этическом аспекте использования ИИ, рассмотрев не только «плюсы» ИИ-технологий, но и их негативные последствия, а также коснуться возможных путей минимизации рисков в процессе обращения к ИИ, проанализировав позиции ведущих мировых и российских ученых по данному вопросу.

Несмотря на актуальность поднимаемой нами проблемы, связанной с функционированием ИИ в современном цифровом пространстве, количество научных работ, посвященных этическим аспектам ИИ-парадигмы, ограничено. Но тем не менее обзор критической литературы и научных работ зарубежных и отечественных ученых показал разнополярные точки зрения по данному вопросу.

Так, британский физик-теоретик Стивен Хокинг, предупреждал о возможности того, что полноценное внедрение ИИ в жизнь и деятельность человека может стать концом нашей цивилизации, благодаря способности ИИ к самосовершенствованию, значительно превосходящей биологическую эволюцию человечества [17].

Известный американский предприниматель Илон Маск неоднократно высказывался о необходимости регулирования ИИ для предотвращения экзистенциальных рисков. В 2014 году он написал в одной из социальных сетей, что ИИ может быть «опаснее ядерного оружия» и заявил, что «с помощью ИИ мы призываем демона». В 2018 году он предложил создать в США правительственный комитет, который будет оценивать опасный потенциал ИИ и регулировать его использование, создав определенную «зону безопасности» [19]. В 2023 году на закрытой встрече в Сенате Конгресса США Маск предложил создать федеральное агентство по надзору за развитием ИИ. По словам Маска, такое агентство можно сравнить с рефером, который будет следить за тем, чтобы «игрок» (ИИ) действовал на «поле боя» (в обществе) «по правилам» и не переходил «красную линию» [1].

Шведский философ, профессор Оксфордского университета Ник Бостром в своей фундаментальной работе «Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies» детально анализирует потенциальные угрозы сверхразума, чертами которого он наделяет искусственный интеллект [12]. И в одном из интервью он уточняет: «Угрозу может представлять именно сильный искусственный интеллект – не тот, который существует сейчас, а тот, который может открыться человечеству «на пути к лучшему будущему, которое подразумевает неминуемую разработку машинного сверхинтеллекта» [3].

Такие исследователи, как профессор права Вашингтонского университета Райан Кало, предлагают более прагматичный подход, концентрируясь на том, как ИИ может служить на благо общества, и не видя причин для беспокойства о гипотетической угрозе «разумных машин» [14].

Российские ученые также активно участвуют в дискуссиях, посвященных этическим аспектам использования ИИ. В качестве примера можно привести исследования С. Маркова – специалиста в области машинного обучения и искусственного интеллекта, основателя научно-популярного портала «XX2 век». В своих выступлениях и лекциях он всегда затрагивает вопросы целесообразного использования ИИ, за прет на развитие которого, по мнению ученого, «станет самой большой ошибкой в истории цивилизации» [7]. Так, отмечает Марков, «именно системы ИИ используются для поиска вакцин и создания лекарств от опасных болезней, и без них, в случае появления мощного патогена, общество окажется в затруднительной ситуации» [7]. И в то же время вопросы этики в процессе использования ИИ человечеством в разных сферах деятельности, по мнению Маркова, – од-

ни из важных. В число самых важных проблем, связанных с функционированием ИИ, он относит проблемы предвзятости алгоритмов, проблемы ответственности за решения, принимаемые ИИ-системами и, конечно же, социальные последствия внедрения ИИ. В 2017 году в одном из интервью Марков обсуждал этические дилеммы, связанные с использованием ИИ, включая проблему «цифрового тайного суда», когда решения по важным для людей вопросам принимаются системами с закрытым для человека набором данных [4].

Но в целом, исследований на тему «Морально-этические аспекты развития технологий искусственного интеллекта» не так много. А ведь именно сегодня, по мысли А. Шевель, «ИИ вызывает наибольшее количество многогранных и в то же время очень противоречивых эмоций, начиная от активного продвижения ИИ-технологий, связанных с их дальнейшим развитием, до серьезных опасений, вызванных возможными негативными последствиями неконтролируемого развития и применения ИИ» [10, с. 156]. В связи с этим исследования этических аспектов применения искусственного интеллекта приобретают особое значение, что обуславливает целесообразность проведения исследований в рамках данной проблематики.

М.М. Рогоза, анализируя развитие искусственного интеллекта, отмечает: «Специалисты в области ИИ признают, что на текущем этапе его возможности, сколь бы фантастическими и нереалистичными они ни казались, еще далеки от истинной мощи. Этические аспекты его использования зачастую отходят на второй, а то и третий план. Однако, как показывает аналогия с биотехнологиями и, в особенности, с ядерными исследованиями, подобное пренебрежение может обернуться серьезными последствиями. Вспомним, что когда ядерные разработки были лишь теоретической возможностью, этические вопросы не вызвали острой реакции. Но как только ядерная технология стала реальностью, поднимать вопросы этики оказалось уже поздно». [9, с. 49].

Сегодня нет единого определения искусственного интеллекта. Каждый исследователь понимает данный феномен по-своему. Так, А.В. Ильина в понятие «искусственный интеллект» включает «интеллектуальные системы, основанные на машинном обучении, которые расширяют потенциал человека благодаря способности к обучению, совершению действий над информацией, ее осмыслению и распознаванию» [2, с. 103]. В.В. Янч называет искусственный интеллект «технологией, позволяющей компьютерам имитировать разнообразные формы поведения и мыслительные процессы, присущие человеческому разуму, тем самым наделяя их интеллектом и способностью к обучению [11, с. 328]. Согласно еще одному определению, искусственный интеллект – это технология, призванная «функционировать аналогично человеческому интеллекту (собирает факты, анализировать, принимать решения и т.п.)» и в основе которой лежит «комплекс программ, объединенных в сеть и задающих и выполняющих определенный алгоритм» [5, с. 238].

При всем многообразии трактовок искусственного интеллекта, исследователи сходятся в одном: системы ИИ ориентированы на моделирование, а зачастую и на полную имитацию человеческого мышления, включая такие фундаментальные аспекты, как рефлексия и ассоциативность. Однако вопрос о достижении ИИ запредельных интеллектуальных возможностей остается предметом острых дискуссий. Одни считают, что о его реализации можно будет говорить лишь тогда, когда алгоритм начнет решать задачи, непосильные для человека (не за счет скорости, а благодаря изобретению принципиально нового метода). Другие же настаивают, что большинство современных достижений ИИ лишь сравнимы с результатами человеческого мышления, которые отнюдь не оригинальны, в результате чего говорить о каком-то уникальном «прорыве» в сфере ИИ-разработок не приходится [10, с. 157].

Но, несмотря на дискуссии, проводимые учеными в рамках «плюсов» и «минусов» ИИ, многие специалисты утверждают, что уже к 2045 году произойдет неизбежное вытеснение человека из многих сфер деятельности. Более того, согласно радикальным прогнозам, стремительное развитие компьютеров может привести к превосходству над человеческим интеллектом уже через одно, максимум два поколения. Фундаментом для таких смелых утверждений служит сам масштаб знаний в области искусственного интеллекта – ни одна другая сфера сегодня не может похвастаться столь обширным спектром теорий, методов, технологий и практик, как и столь внушительным числом специалистов, вовлеченных в его изучение и развитие [8].

Этика искусственного интеллекта выступает в роли компаса, определяющего не только допустимые, но и обязательные формы поведения ИИ. По сути, это – набор принципов, ориентированных на безопасность, справедливость и гуманистические ценности, который призван защищать права пользователей и предотвращать потенциальные злоупотребления в стремительно развивающейся сфере информационных технологий. Далее мы более детально рассмотрим ключевые этические

вызовы, порождаемые искусственным интеллектом, и исследуем возможные пути их разрешения.

1. Прозрачность и подотчетность

Особое значение для этики искусственного интеллекта имеет прозрачность его решений и ясность процесса их принятия. Нередко, особенно в областях глубокого обучения и нейронных сетей, алгоритмы действуют подобно «черным ящикам», скрывая путь, по которому был сделан тот или иной вывод. Такая непрозрачность подрывает доверие к их вердиктам, особенно в тех сферах, где ставки высоки и решения напрямую затрагивают человеческие судьбы – будь то юстиция или медицина.

Решением данной проблемы, по мнению зарубежных ученых, может стать разработка метода Explainable AI (XAI), который поможет сделать алгоритмы ИИ более понятными и прозрачными для человека. Цель XAI – создать системы и модели, способные объяснять свои действия и решения, а также ожидаемые последствия их работы и возможные отклонения [6].

Для понимания логики работы сложных алгоритмов (например, нейронных сетей) используются специальные методы интерпретации.

2. Проблема конфиденциальности и безопасности данных.

3. Ответственность за принятие решений искусственным интеллектом

4. Равенство и справедливость.

Алгоритмы распознавания лиц могут быть менее эффективными для распознавания лиц людей с определенным цветом кожи или определенным этническим происхождением. Такие системы могут приводить к дискриминации и нарушениям прав человека.

Для минимизации указанных рисков целесообразно:

- проводить регулярный аудит алгоритмов на наличие предвзятости (*bias audit*);
- использовать сбалансированные и репрезентативные наборы данных на этапе обучения моделей.

Практическую реализацию данных подходов демонстрирует деятельность организации *Algorithmic Justice League*, которая занимается выявлением и устранением дискриминационных практик в системах ИИ [13].

5. Моральный выбор интеллектуальных систем.

Существует также широкий спектр моральных проблем, связанных с искусственным интеллектом. Например, поднимаются вопросы, связанные с тем, как системы искусственного интеллекта должны решать моральные дилеммы в экстремальных ситуациях? Должны ли они соблюдать общепринятые моральные нормы? Как искусственный интеллект может влиять на моральные ценности общества и каждого члена этого общества? Поиск ответов на вопросы такого рода критически важен для понимания того, какое влияние искусственный интеллект может оказать на моральный кодекс социума и индивидуальные убеждения каждого человека.

Попытки моделирования человеческих способностей имеют долгую историю. Еще в Средние века алхимики и философы размышляли о создании искусственных существ (гомункулов). Но только в XX веке столетии развитие кибернетики и вычислительной техники привело к появлению первых программ ИИ. Одной из таких программ стала шахматная программа IBM Deep Blue, которая в 1997 году победила чемпиона мира Гарри Каспарова, что стало вехой в истории ИИ [10].

Этот исторический успех, символизировавший прорыв в возможностях ИИ, стал предвестником его дальнейшего стремительного развития. В начале XXI века оказалось, что ИИ способен удивлять даже разработчиков этого феномена. Ярким подтверждением непредсказуемости развития ИИ стал случай в социальной сети «Facebook» (*социальная сеть, запрещенная в России) в июле 2017 года. Руководство компании было вынуждено отключить свою систему искусственного интеллекта, когда чат-боты, изначально предназначенные для общения с людьми, начали развивать собственный, непонятный для человека язык. После переходного этапа, когда они общались на английском, машины перешли на уникальный диалект, созданный ими самими в процессе самообучения, что поставило перед разработчиками новые, неожиданные вызовы [20].

Анализ траектории развития ИИ демонстрирует существенную трансформацию представлений о границах человеческих и машинных возможностей. По мнению А.К. Погореленко: «Наша сегодняшняя задача – не отстраниться от него, а скорее оптимизировать потенциальные риски, связанные с его применением. Этот процесс, безусловно, требует четкой регламентации и ориентации на качественные, социально значимые цели. Именно этим сегодня и занимаются ведущие специалисты в данной области, стремясь к тому, чтобы последствия функционирования искусственного интеллекта были экономически и социально значимы, а не несли в себе разрушительный потенциал» [8, с. 23].

Искусственный интеллект по праву занимает центральное место в современных научных исследованиях, являясь настоящей «горячей точкой», где концентрируются усилия специалистов из самых разных областей – от программистов и лингвистов до психологов, математиков и инженеров. Именно на этом стыке научных дисциплин решаются фундаментальные вопросы, касающиеся траектории развития научной мысли, влияния ИИ на будущее человечества и, что особенно важно, этического применения алгоритмов данного феномена цифровой эпохи.

Искусственный интеллект уже кардинально изменил наш мир, и вектор будущих преобразований напрямую зависит от выбора и мировоззрения его создателей. Несмотря на то, что существуют опасения относительно отсутствия у ИИ автономной, осознанной ответственности за принятие решений, что может порождать сомнения в адекватности его выводов, важно видеть общую картину. Пока очевидно, что потенциальные негативные последствия развития искусственного интеллекта неизменно нивелируются его колоссальными положительными результатами и открывающимися перспективами. Таким образом, наш путь лежит не в отказе от этой революционной технологии, а в мудром и ответственном управлении ею. Искусственный интеллект, будучи мощным инструментом, требует постоянного этического осмысления, регламентации и направленности на благо всего общества, чтобы его потенциал служил созиданию, а не разрушению, обеспечивая гармоничное сосуществование человека и созданных им интеллектуальных систем.

Литература

1. Илон Маск призвал американские власти создать регулятора в сфере ИИ // URL: <https://www.vesti.ru/article/3551316>.
2. Ильина А.В. Технологии искусственного интеллекта в системе образования: этический аспект // Современное образование: содержание, технологии, качество. Материалы XXIX Международной научно-методической конференции. – СПб.: ЛЭТИ, 2023. – С. 103–104.
3. Карпов М. «Сознание – это счисление. Он верит, что люди живут в компьютерной симуляции»: интервью с Н. Бостромом // URL: <https://lenta.ru/articles/2018/07/31/bostrom>. <https://www.interfax.ru/world/920785>.
4. Когда человек станет не нужен. Популяризатор науки Сергей Марков об угрозах и этике искусственного интеллекта // URL: <https://tech.onliner.by/2017/10/13/iskusstvennyj-intellekt-2>
5. Небродовская-Мазур Е.Ю., Абдулрагимов И.А., Романова П.Е., Шаропатова А.В. Искусственный интеллект и преподаватель высшей школы в образовательном пространстве // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право: сборник научных трудов II Ежегодной Международной научно-практической конференции – М.: Московский психолого-социальный университет, 2024. – С. 236–242.
6. Объяснимый искусственный интеллект // URL: <https://mosregdata.ru/article/xai-explainable-ai>.
7. Орлов-Сморodin И., Изотов С. Искусственный интеллект и человечество: почему страх перед ИИ опаснее самого ИИ // URL: <https://mash.ru/longread/208758>.
8. Погореленко А.К. Искусственный интеллект: сущность, анализ применения, перспективы развития // Научный вестник Херсонского государственного университета. Серия «Экономические науки». – 2018. – № 32. – С. 22–27.
9. Рогоза М.М. Моральные дилеммы в области искусственного интеллекта. // Моральные категории в современную эпоху: сборник научных работ по материалам «круглого стола». – Харьков: Издательство «Знание», 2019. – С. 45–50.
10. Шевель А. Проблемы этики и морали в контексте использования искусственного интеллекта // Вестник Львовского университета. Серия «Философия. Политология». – 2024. – № 56. – С. 156–162.
11. Янч В.В. Тенденции развития образования в эпоху искусственного интеллекта // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 76-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2024. – С. 327–330.
12. Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 328 p.
13. Buolamwini J., Gebru T. Gender Shades: Intersectional Accuracy Disparities in Commercial Gender Classification // Proceedings of Machine Learning Research. – 2018. – No 81. – Pp. 77–91.
14. Calo R. Robotics and the Lessons of Cyberlaw // California Law Review. – 2015. – Vol. 103. – P. 513–563.
15. Dwork C. Differential Privacy // Encyclopedia of Cryptography and Security. – 2006. – P. 1–6.
16. EU AI Act // URL: <https://www.euaiact.com>.

17. Hawking S. et al. «Transcendence» looks at the implications of artificial intelligence // The Independent. – 2014. – May 1.

18. Lundberg S.M., Lee S.-I. A Unified Approach to Interpreting Model Predictions // Advances in Neural Information Processing Systems: 31st Conference. – USA: Long Beach, 2017. – Pp. 1–10.

19. Lyons K. Elon Musk says AI development should be better regulated, even at Tesla // The Verge. – 2020. – February, 18.

20. Vardi M.Y. The Consequences of Machine Intelligence // Atlantic. – 2012. October 25.

ETHICAL ASPECTS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Baturina I.V., Latysheva N.A., Svirin M.G., Aleksandrova I.B., Nesinova Yu.V.

South Ural State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, University of Transport, The Perm Institute, Institute of Food Technology and Design – branch of Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Russian State Vocational Pedagogical University

This article explores the ethical aspects of artificial intelligence, a phenomenon that is currently at the center of rapid scientific progress and is revolutionizing almost all spheres of human activity, becoming a trend of the digital age. The undeniable advantages of AI as well as its potential negative consequences are analyzed. Special attention is paid to key issues such as algorithm transparency, data privacy, bias, and the possibility of increasing social inequality. The issue of moral dilemmas that AI systems may face is raised. The article emphasizes that AI is already a reality that requires an informed approach, and the main task of algorithm developers is to optimize risks through strict regulation and ethical support.

Keywords: artificial intelligence (AI), ethics, moral dilemmas, algorithm bias, data privacy, responsibility.

References

1. Elon Musk called on the US authorities to create an AI regulator // URL: <https://www.vesti.ru/article/3551316>.
2. Ilyina A.V. Artificial Intelligence Technologies in the Education System: Ethical Aspect // Modern Education: Content, Technology, Quality. Proceedings of the XXIX International Scientific and Methodological Conference. – St. Petersburg: LETI, 2023. – Pp. 103–104.
3. Karpov M. “Consciousness is a calculus. He believes that people live in a computer simulation”: an interview with N. Bostrom // URL: <https://lenta.ru/articles/2018/07/31/bostrom>. <https://www.interfax.ru/world/920785>.
4. When a person becomes unnecessary. Popularizer of science Sergei Markov on the threats and ethics of artificial intelligence // URL: <https://tech.onliner.by/2017/10/13/iskusstvennyj-intellekt-2>
5. Nebrodovskaya-Mazur E.Yu., Abduragimov I.A., Romanova P.E., Sharopatova A.V. Artificial intelligence and the higher education teacher in the educational space // Actual problems of modern Russia: psychology, pedagogy, economics, management and law: collection of scientific papers of the II Annual International scientific and practical conference – Moscow: Moscow University of Psychology and Social Sciences, 2024. – Pp. 236–242.
6. Explainable artificial intelligence // URL: <https://mosregdata.ru/article/xai-explainable-ai>.
7. Orlov-Smorodin I., Izotov S. Artificial Intelligence and Humanity: Why Fear of AI is More Dangerous Than AI Itself // URL: <https://mash.ru/longread/208758>.
8. Pogorelenko A.K. Artificial Intelligence: Essence, Application Analysis, Development Prospects // Scientific Bulletin of Kherson State University. Series “Economic Sciences”. – 2018. – No. 32. – Pp. 22–27.
9. Rogoza M.M. Moral Dilemmas in the Field of Artificial Intelligence. // Moral Categories in the Modern Era: Collection of Scientific Papers Based on the Round Table Materials. – Kharkov: Publishing House “Knowledge”, 2019. – Pp. 45–50.
10. Shevel A. Problems of Ethics and Morality in the Context of Artificial Intelligence Use // Bulletin of Lviv University. Series “Philosophy. Political Science”. – 2024. – No. 56. – P. 156–162.
11. Yanch V.V. Trends in the Development of Education in the Era of Artificial Intelligence // Science – for Education, Production, Economy: Proceedings of the 76th Regional Scientific and Practical Conference of Teachers, Researchers, and Postgraduate Students. – Vitebsk: Vitebsk State University named after P.M. Masherov, 2024. – Pp. 327–330.
12. Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 328 p.
13. Buolamwini J., Gebru T. Gender Shades: Intersectional Accuracy Disparities in Commercial Gender Classification // Proceedings of Machine Learning Research. – 2018. – No. 81. – Pp. 77–91.
14. Calo R. Robotics and the Lessons of Cyberlaw // California Law Review. – 2015. – Vol. 103. – P. 513–563.
15. Dwork C. Differential Privacy // Encyclopedia of Cryptography and Security. – 2006. – P. 1–6.
16. EU AI Act // URL: <https://www.euaiact.com>.
17. Hawking S. et al. “Transcendence” looks at the implications of artificial intelligence // The Independent. – 2014. – May 1.
18. Lundberg S.M., Lee S.-I. A Unified Approach to Interpreting Model Predictions // Advances in Neural Information Processing Systems: 31st Conference. – USA: Long Beach, 2017. – Pp. 1–10.
19. Lyons K. Elon Musk says AI development should be better regulated, even at Tesla // The Verge. – 2020. – February, 18.
20. Vardi M.Y. The Consequences of Machine Intelligence // Atlantic. – 2012. October 25.

Управление человеческими ресурсами в контексте социально-экологической ответственности как элемент системы устойчивого развития бизнеса

Богданов Ростислав Андреевич,

аспирант Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы

В статье рассматривается роль социально-экологической ответственности бизнеса как фактора устойчивости и стабильности в условиях высокой неопределённости и турбулентности. Отмечается, что социально-экологическая ответственность объединяет экологические, социальные, экономические и управленческие аспекты деятельности компании и может выступать как стабилизирующий элемент, так и фактор дестабилизации. Особое внимание уделяется концепции экологического управления человеческими ресурсами (GHRM) – новому направлению, которое объединяет сферы управления персоналом и экологического менеджмента. В работе анализируются теоретико-методологические подходы к GHRM, его роль в обеспечении экологической результативности и устойчивости бизнеса, а также влияние на конкурентные преимущества компании (снижение издержек, укрепление репутации, повышение лояльности клиентов и др.). На основе исследования экспертного мнения представителей управленческого звена малых и средних компаний Хабаровского края выявлены противоречия: несмотря на высокую оценку значимости социально-экологической ответственности, уровень внедрения соответствующих HR-практик остаётся низким. Среди основных барьеров отмечены сложность измерения эффекта от «зелёных» практик, отсутствие чётких методов и стандартов, а также низкая приоритетность ESG-повестки у руководства. В заключение подчёркивается необходимость дальнейших научных исследований и разработки практических инструментов для внедрения HR-практик, ориентированных на социально-экологическую ответственность, – это позволит усилить устойчивость бизнес-систем и реализовать стратегию устойчивого развития.

Ключевые слова: Устойчивость бизнеса; социально-экологическая ответственность; устойчивое развитие; экологическое управление человеческими ресурсами; HR-практики; экологические инициативы; ESG-повестка; экологическая результативность; управление человеческими ресурсами (УЧР); экологические риски; «зелёные» практики; корпоративная экокультура; мотивация персонала; барьеры внедрения; экологическое мышление.

Введение

В современных условиях высокой неопределённости и турбулентности вопросы устойчивости и стабильности для бизнеса становятся крайне актуальными и востребованными. Поскольку, сегодня на бизнес воздействует множество разнонаправленных факторов, не способствующих его стабилизации, это требует учета и использования всех возможностей для стабилизации и создания устойчивости бизнес-систем, в том числе и вопросов социально-экологической ответственности бизнеса.

С позиций оценки уровня устойчивости, социально-экологическая ответственность может выступать либо как стабилизирующий элемент, либо как фактор дестабилизации, поскольку, социально-экологическая ответственность объединяет экологические, социальные, экономические и управленческие аспекты деятельности компании, что в свою очередь выступает фактором устойчивого развития.

Данный подход предполагает, что бизнес, ориентированный на социально-экологическую ответственность, выходит за рамки минимальных законодательно установленных требований и добровольно принимает на себя повышенные обязательства по снижению негативного воздействия на окружающую среду, на используемую территорию и социум.

Таким образом, можно отметить, что социально-экологическая ответственность бизнеса – это сознательный, мотивированный подход в управлении, направленный на включение в реализацию различных мероприятий, направленных на предупреждение или минимизацию негативных последствий воздействия со стороны предприятий на окружающую среду; на внедрение технологий рационального природопользования; на рациональную экономию ресурсов, в первую очередь сырьевых и энергетических; на использования технологий вторичной переработки отходов или безотходного производства, а также методов вовлечения отходов в хозяйственный оборот; на минимизацию рисков аварийных и чрезвычайных ситуаций; а также на реализацию мер поддержки и охраны здоровья, сохранения культурно-исторического наследия, биоразнообразия и т.д.

Таким образом, в современных условиях, социально-экологическая ответственность бизнеса выступает значимым элементом стратегии управления и в силу динамичности развития технологий и подходов в управлении требует научного изучения с позиций возможности внедрения в практику управления предприятием.

Кроме этого, социально-экологическая ответственность бизнеса выступает одним из ключевых критериев устойчивого развития, поскольку способствует не только достижению общественно значимых целей, таких как сохранение экосистемы, построения здорового общества и повышения качества жизни людей через рациональное использование ресурсов и снижение негативного воздействия на окружающую среду, но и оказывает существенное влияние на формирование доверительных отношений с инвесторами, партнерами, окружающим социумом, а также способствует созданию конкурентных преимуществ за счет снижения операционных издержек бизнеса, укрепления деловой репутации компании, повышения лояльности покупателей и снижение рисков (например, связанных с экологическими нарушениями), что в свою очередь в долгосрочной перспективе будет способствовать повышению прибыльности бизнеса.

В целом, сегодня многие эксперты отмечают, что актуальность и востребованность исследований проблематики устойчивого развития бизнеса связаны со многими причинами познавательного, теоретического и практического характера; формированием ряда долгосрочных экономических и социальных тенденций, глобальных рисков и вызовов; поиском новой модели роста и социально-экономического развития, отличительной особенностью которой должна стать ориентация на устойчивое развитие [1; 2].

При этом, для реализации любых значимых задач бизнес-структур одной из важнейших задач является наличие человеческих ресурсов. Поскольку, компетентный и мотивированный персонал может выступать главным драйвером экологического развития компании, поддерживая и продвигая экологические инновации и инициативы, ответственно выполняя профессиональные обязанности с учетом возможных негативных последствий для окружающей среды и влияния их

на экологические показатели предприятия. С другой стороны, низкий уровень экологических знаний и навыков, осведомленности и ответственности сотрудников могут стать причинами инцидентов и аварий с экологическими последствиями, что является значимыми финансовыми, инвестиционными и репутационными рисками. Это способствовало осознанию ключевой роли персонала в реализации экологической ответственности компании и, как следствие, формированию концепции экологического управления человеческими ресурсами (от англ. – Green Human Resources Management) [3].

Методология исследования

Формирование общих подходов концепции экологического управления человеческими ресурсами стало возможно после перехода на общие принципы устойчивого развития и экологической ответственности бизнеса, который произошел на рубеже XX и XXI вв. и привел к изменению не только ценностной основы экологического менеджмента и практических подходов к решению экологических задач [4], но и создал условия для осознания руководством организаций критически важной роли человеческих ресурсов в обеспечении экологической результативности и успешной реализации эколого-ориентированных стратегий бизнеса наряду с другими аспектами экологически безопасного производства [4; 5]. Результатом данных изменений стало понимание необходимости перестройки и подходов к управлению человеческими ресурсами в организациях и появлению нового направления практической деятельности и научных исследований, получившее название «экологическое управление человеческими ресурсами» («Green Human Resource Management» – (GHRM), которое объединило научно-практические сферы управления человеческими ресурсами (УЧР) и экологического менеджмента. Активному развитию этого направления способствовали исследования, доказывающие прямое положительное влияние на экологическую результативность организации систематизированных практик GHRM, внедряя которые компании достигают более сбалансированного конкурентного преимущества благодаря сочетанию лучших экологических и организационных показателей [4; 6].

Анализ исследований российских авторов в сфере вопросов управления человеческими ресурсами (УЧР) в контексте социально-экологической ответственности в общем показал, что подобных исследований на сегодняшний день проводится недостаточно, да и в целом научных публикаций, которые касаются данных аспектов мало. Кроме этого, следует отметить, что разработок, имеющих отношение к теории и практике концепции экологического управления человеческими ресурсами (GHRM), а также исследований, ориентированных на оценку уровня влияния УЧР и персонала на достижение экологических результатов на российских предприятиях, также проводится мало.

Среди исследований авторов, занимающихся вопросами устойчивого развития, экологической ответственности и развития систем экологического менеджмента с позиций управления персоналом можно отметить следующие работы.

Так, Т.В. Александрова и Н.Ю. Воеводкин [7] к основным мерам по совершенствованию экологической ответственности нефтегазовых предприятий в рамках концепции «зеленой» экономики, помимо технических и организационных, относят мероприятия по обучению персонала методам работы в условиях «зеленой» экономики; оснащение сотрудников современными цифровыми устройствами для более раннего выявления и предотвращения неблагоприятного воздействия на окружающую среду; повышение ответственности персонала за соблюдение требований экологических стандартов и его вовлеченности в процессы разработки инновационной, социальной, экологической политики предприятий. В контексте перехода российских компаний к «зеленой экономике» большое значение отводится развитию зеленых инициатив и созданию «зеленых рабочих мест» [5; 8; 9]. В других работах предполагается связь между процессом обучения и формированием у сотрудников необходимого уровня компетенций и экологической культуры, повышением заинтересованности и мотивации персонала к решению экологических проблем; усилением личной ответственности в деле охраны окружающей среды и отношения к своим экологическим результатам, информирования персонала относительно экологических задач организации [10; 11; 12].

Ряд авторов рассматривают вопросы управления человеческими ресурсами (УЧР) в контексте социально-экологической ответственности через акцент на стратегическом подходе и внедрение технологий формирования у персонала экологических ценностей и экологического ответственного мышления [12; 5].

В целом анализ научных публикаций показал, что большинство исследований в данной теме в большей степени носит характер постановки задач, к актуализации проблемы. Разработка методологии и методики управления человеческими ресурсами в контексте социально-

экологической ответственности остается открытой задачей, хотя сегодня это крайне важная проблема, поскольку руководители российских компаний в числе прочих направлений придают большое значение практикам управления персоналом в деле достижения экологических результатов и повышения экологической устойчивости. Потребность в GHRM как новом подходе к обеспечению экологической ответственности и устойчивости организаций обусловлена двумя факторами: необходимостью распространения экологических идей и ценностей, а также поиском новых инструментов улучшения экологических показателей. Включая экологическую ответственность в свои ценности и определяя экологию в качестве стратегической цели развития, делая ее неотъемлемой частью заявлений о миссии организации, руководство сталкивается с потребностью распространения их на более низких уровнях организации, принятия всеми участниками процесса достижения экологического успеха организации, т.е. всего персонала [4].

Именно поэтому концептуализация нового подхода к УЧР, особенно в организациях с повышенными экологическими рисками, предполагает признание стратегической значимости GHRM для более развернутого диапазона результатов, помимо экологических показателей и «зеленой дисциплины», усиливая роль GHRM в формировании способности организации удовлетворять потребности и ожидания широкого круга заинтересованных сторон.

Результаты исследования

Особый интерес для исследования вызывают региональные аспекты и практика реализации подходов управления человеческими ресурсами в рамках реализации политики социально-экологической ответственности [14; 15]. Для изучения социально-экологической ответственности и управления человеческими ресурсами в современных бизнес-организациях и предприятиях Хабаровского края было проведено исследование на основе изучения экспертного мнения представителей управленческого звена малых и средних компаний региона [16]. Один из блоков анкеты в ходе исследования «Социально-экологическая ответственность бизнеса Хабаровского края» касался вопросов управления человеческими ресурсами в рамках социально-экологической ответственности.

В целом, хотя большинство участников исследования отмечали значимость вопросов социально-экологической ответственности бизнеса в современных условиях (74% опрошенных на вопрос «Оцените роль социально-экологической ответственности в политике развития компании») отметили как «высокая» и «крайне высокая»), однако важность интеграции принципов социально-экологической ответственности в HR-процессы компании большинство участников исследования (81,7%) оценили, как среднюю и низкую.

Уровень включения базовых инструментов социально-экологической ответственности в практику управления персоналом в компаниях участников исследования достаточно низкий. Из наиболее востребованных практики управления персоналом наиболее часто применяемыми стали «программы волонтерства и участия в экологических инициативах» и «корпоративные программы здорового образа жизни и благополучия» (см. таблица 1.)

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Какие HR-практики, связанные с социально-экологической ответственностью, уж внедрены в организациях вашей сферы?» (Выберите все подходящие варианты)

№ п/п	Варианты ответов	Распределение ответов (% от числа ответивших)
1	Экологическое обучение и тренинги для сотрудников	11
2	Включение ESG-показателей в систему KPI и оценки эффективности	4
3	Программы волонтерства и участия в экологических инициативах	53
4	«Зелёный» рекрутинг (учёт экологической осознанности при найме)	7
5	Поощрение экоинициатив сотрудников (гранты, премии)	2
6	Гибкий график/удаленная работа для снижения углеродного следа	0
7	Корпоративные программы здорового образа жизни и благополучия	37
8	Другое	0

При этом, по результатам исследования, только 28% опрошенных отметили что в их компаниях применяются HR-практики, связанные с социально-экологической ответственностью.

В качестве основных барьеров, которые мешают внедрению «зеленых» практик в HR-управление в компаниях, участники исследования отмечали «сложность измерения эффекта от таких практик» (73%), «отсутствие четких методик и стандартов» (61%), «низкую приоритетность ESGповестки у руководства» (54%). Из перечисленных барьеров, как наиболее тревожный можно отметить «низкую приоритетность ESGповестки у руководства», поскольку без вовлечения руководителей бизнеса в данную повестку, сложно ожидать эффективную политику социально-экологической ответственности компании и вовлеченность персонала в эти процессы.

По результатам исследования в качестве основных факторов, влияющих на вовлечение сотрудников в эко-инициативы компании чаще всего отмечали «личный пример руководства» (91%), «связь с системой мотивации» (82%) и «корпоративную эко-культуру» (47%).

Заключение

В целом, по результатам исследования, можно отметить сложившуюся достаточно противоречивую ситуацию в вопросах управления человеческими ресурсами в контексте социально-экологической ответственности. С одной стороны, позиционируется достаточно высокий уровень осознания важности и значимости данной повестки в системе управления персоналом, с другой стороны фактически не используются HR-практики, ориентированные на социально-экологическую ответственность персонала, а, следовательно, не формируется значимый ресурс для социально-экологической политики компаний, а, следовательно, не используется данный фактор для повышения устойчивости развития бизнеса. Фактически на уровне компаний сохраняется общая тенденция, которая отражается и в научных исследованиях, и в практике управления на различных уровнях: вопросы социально-экологической ответственности бизнеса артикулируются как крайне важные, актуальные и перспективные, но при этом они не реализуются в практику управления.

Сложившаяся тенденция подтверждает необходимость и востребованность как прикладных научных исследований, в том числе и на уровне региона, по вопросам технологий внедрения HR-практик социально-экологической ответственности, так и поиск инструментов вовлечения бизнес-структур в реализацию ответственной социально-экологической политики.

Литература

1. Арутюнян К.С. Становление и развитие новой формы общественного сознания в управлении экологической сферой // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Серия: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 2. С. 64–71.
2. Канаева, О.А. Социальные императивы устойчивого развития // Материалы Международного симпозиума «Устойчивое развитие общества и экономики». – СПбГУ, 2015. – С. 347
3. Арзамасова Г.С. Роль экологического управления человеческими ресурсами в формировании экологической ответственности персонала – эл.ресурс <https://www.e-rej.ru/upload/iblock/362/362b5202dfe7e26f82513cae653115f7.pdf>
4. Арзамасова Г.С., Эсаулова И.А. Green Human ReSource Management – концепция управления человеческими ресурсами экологически ответственного бизнеса // Вестник НГУЭУ, 2020, № 2, с. 42–53;
5. Белоусов К.Ю. Корпоративная социальная ответственность российских компаний: формирующиеся тренды в области устойчивого развития // Социум и христианство: сборник статей участников VII Международной научно-практической конференции. Минск. 2023 г. Минск, 2023. С. 18–21.
6. Гурьева, М.А. Развитие экологического мышления сотрудников российских нефтегазовых компаний в рамках компетенции soft skills / М.А. Гурьева, О.В. Тарасова // Лидерство и менеджмент. – 2021. – Т. 8, № 4. – С. 521–538. – DOI 10.18334/lim.8.4.113511. – EDN HBXOVR.
7. Александрова Т.В., Воеводкин Н.Ю. Обоснование модели корпоративной экологической ответственности нефтегазовых предприятий для этапа перехода к «зеленой» экономике // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2019. Т. 17. № 2. С. 83–98.
8. Захарова Т.В. О поиске модели перехода к «зеленой» экономике в России // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2016. № 4 (36). С. 26–37.;
9. Трифонов П.В. Зеленые рабочие места – основа эколого-ориентированной экономики в XXI веке // Стратегии бизнеса. 2015. № 3 (11). С. 21–27.
10. Бабина Е.Н. Руководство и мотивация персонала в успешном достижении эколого-экономических целей бизнеса // Менеджмент в России и за рубежом. 2010. № 2. С. 107–112.
11. Виттенберг Е.Я. Экологическая ответственность российского бизнеса // Россия и современный мир. 2010. № 2 (67). С. 31–48;

12. Арзамасова Г.С. Управление персоналом в контексте систем экологического менеджмента / эл.ресурс https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/82592/1/sueb_2020_011.pdf;

13. Кудрявцева О.В., Бобылев С.В. Устойчивое развитие территории: монография / под науч. ред. О.В. Кудрявцевой. М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021. 492 с.

14. Толмачева И.А., Ошлакова З.В. Проблема формирования экологически ответственного сознания общественности на примере деятельности Министерства природных ресурсов Хабаровского края // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2024. Т. 32. № 3. С. 294–300. <http://doi.org/10.22363/2313–2310–2024–32–3–294–300>

15. Научно-исследовательская работа «Социально-экологическая ответственность бизнеса Хабаровского края», руководитель Богданов Р.А., июнь-июль 2025 года, опрошено 63 эксперта, метод экспертного опроса.

HUMAN RESOURCE MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF SOCIAL AND ENVIRONMENTAL RESPONSIBILITY AS AN ELEMENT OF THE SUSTAINABLE BUSINESS DEVELOPMENT SYSTEM

Bogdanov R.A.

Far Eastern Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the role of socio-environmental responsibility of business as a factor of sustainability and stability in conditions of high uncertainty and turbulence. It is noted that socio-environmental responsibility combines the environmental, social, economic and managerial aspects of a company's activities and can act as a stabilizing element and a destabilizing factor.

Special attention is paid to the concept of environmental human resource management (GHRM), a new direction that combines the areas of human resource management and environmental management. The paper analyzes theoretical and methodological approaches to GHRM, its role in ensuring environmental performance and business sustainability, as well as its impact on the company's competitive advantages (reducing costs, strengthening reputation, increasing customer loyalty, etc.).

Based on the study of the expert opinion of representatives of the management level of small and medium-sized companies in the Khabarovsk Territory, contradictions have been identified: despite the high assessment of the importance of socio-environmental responsibility, the level of implementation of relevant HR practices remains low. Among the main barriers are the difficulty of measuring the effect of «green» practices, the lack of clear methodologies and standards, as well as the low priority of the ESG agenda among the leadership.

In conclusion, the need for further scientific research and the development of practical tools for the implementation of HR practices focused on social and environmental responsibility is emphasized. This will strengthen the sustainability of business systems and implement a sustainable development strategy.

Keywords: Business sustainability; socio-environmental responsibility; sustainable development; environmental human resource management; HR practices; environmental initiatives; ESG agenda; environmental performance; human resource management (HRM); environmental risks; «green» practices; corporate eco culture; staff motivation; barriers to implementation; environmental thinking.

References

1. Arutyunyan K.S. Formation and Development of a New Form of Public Consciousness in Environmental Management // Vestn. Sev. (Arktich.) feder. un-ta. Seriya: Gumanit. i sots. nauki. 2020. № 2. Pp. 64–71.
2. Kanaeva, O.A. Social Imperatives of Sustainable Development // Materials of the International Symposium «Sustainable Development of Society and Economy». – St. Petersburg State University, 2015. – P. 3471.
3. Arzamasova G.S. The role of environmental responsibility of personnel – electronic resource <https://www.e-rej.ru/upload/iblock/362/362b5202dfe7e26f82513cae653115f7.pdf>
4. Arzamasova G.S., Esaulova I.A. Green Human ReSource Management – the concept of human resource management in an environmentally responsible business // Bulletin of the NSUEA, 2020, № 2, pp. 42–53.
5. Belousov K.Y. Corporate social responsibility of Russian companies: emerging trends in the field of sustainable development // Society and Christianity: a collection of articles by participants of the VII International Scientific and Practical Conference. Minsk. 2023 Minsk, 2023. pp. 18–21.
6. Guryeva, M.A. Development of ecological thinking of employees of Russian oil and gas companies within the framework of soft skills competence / M.A. Guryeva, O.V. Tarasova // Leadership and management. – 2021. – Vol. 8, № 4. – pp. 521–538. – DOI 10.18334/lim.8.4.113511. – EDN HBXOVR.
7. Alexandrova T.V., Voevodkin N. Yu. Substantiation of the model of corporate environmental responsibility of oil and gas enterprises for the stage of transition to a «green» economy // Bulletin of Omsk University. Series: Economics. 2019. Vol. 17. № 2. pp. 83–98.
8. Zakharova T.V. On the search for a model of transition to a «green» economy in Russia // Bulletin of Tomsk State University. Economy. 2016. № 4 (36). pp. 26–37.
9. Trifonov P.V. Green workplaces – the basis of an eco-oriented economy in the 21st century // Business strategies. 2015. № 3 (11). pp. 21–27.

10. Babina E.N. Management and motivation of personnel in the successful achievement of environmental and economic goals of business // Management in Russia and abroad. 2010. № 2. С. 107–112.

11. Wittenberg E. Ya. Environmental responsibility of Russian business // Russia and the modern world. 2010. № 2 (67). pp. 31–48.

12. Arzamasova G.S. Personnel management in the context of environmental management systems / electronic resource https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/82592/1/sueb_2020_011.pdf;

13. Kudryavtseva O.V., Bobylev S.V. Sustainable development of territories: a monograph / edited by O.V. Kudryavtseva. Moscow: Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, 2021. 492 p.

14. Tolmacheva I.A., Oshlakova Z.V. The problem of forming an environmentally responsible public consciousness on the example of the Ministry of Natural Resources of the Khabarovsk Territory // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Ecology and life safety. 2024. Vol. 32. № 3. pp. 294–300. <http://doi.org/10.22363/2313-2310-2024-32-3-294-300>

15. Research project «Social and Environmental Responsibility of Business in the Khabarovsk Territory», supervised by R.A. Bogdanov, June-July 2025, 63 experts interviewed using the expert survey method.

Исследование учебной вовлечённости студентов, обучающихся по специальности «Английский язык», в курс английской фонетики в условиях смешанного обучения

Жэнь Синьянь,

магистр, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 980796642@qq.com

Чэнь Шуан,

доцент, корреспондент, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: shuangsylvania@126.com

В условиях цифровизации высшего образования смешанное обучение становится одним из значимых направлений совершенствования преподавания иностранных языков. Цель исследования состоит в выявлении особенностей учебной вовлечённости студентов, обучающихся по специальности «Английский язык», при освоении курса английской фонетики в смешанном формате. Теоретической основой послужила трёхкомпонентная модель учебной вовлечённости, включающая поведенческий, эмоциональный и когнитивный компоненты. В исследовании приняли участие 80 студентов первого курса одного из университетов Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Данные были получены с помощью анкетирования и обработаны методами описательной статистики и однофакторного дисперсионного анализа с повторными измерениями. Установлено, что общий уровень учебной вовлечённости является относительно высоким, однако её компоненты развиты неравномерно. Наиболее выраженной оказалась эмоциональная вовлечённость, за ней следует поведенческая, тогда как когнитивная вовлечённость имеет сравнительно более низкие показатели. Результаты обосновывают необходимость усиления коммуникативных заданий, формирующего оценивания, взаимодействия между студентами и поддержки самостоятельной регуляции произносительной деятельности.

Ключевые слова: учебная вовлечённость, смешанное обучение, английская фонетика, студенты языковых специальностей, саморегулируемое обучение.

Introduction

Educational digitization stands as a core national strategy for advancing the modernization of education in China. Since the 13th Five-Year Plan for National Education Development explicitly proposed the development of “Internet Plus Education”, educational informatization has continued to deepen (State Council, 2017). The release of the Education Informatization 2.0 Action Plan (Ministry of Education, 2018) further accelerated the integrative innovation of information technology and teaching practices. Against this backdrop, the blended learning model, combining face-to-face instruction with online learning, has emerged as a key implementation pathway for the “Internet Plus Education” initiative and a new instructional norm. This model retains the strengths of teacher-guided, systematic instruction while embracing learner-centered approaches that foster autonomy, collaboration, and active participation. It has been widely adopted in English language teaching and represents a major direction in pedagogical reform.

Learning engagement is widely recognized as a critical indicator of educational quality and student development. Chinese scholars have emphasized its significance in higher education, noting that it not only reflects the depth and quality of student learning but also informs instructional improvement. In recent years, learning engagement has become a focal point in both research and practice related to higher education quality assurance. As a required course for English majors, the English pronunciation course plays an important role in helping students develop accurate pronunciation, appropriate intonation, and effective oral communication skills. These abilities not only influence students’ spoken English performance, but also support their overall language competence and intercultural communication ability. Therefore, examining students’ learning engagement in this course is of practical significance, as it can help teachers better understand students’ learning processes, improve the effectiveness of blended pronunciation teaching, and promote the quality of English-major education.

Accordingly, this study focuses on the English pronunciation course under a blended learning model and examines English majors’ learning engagement from the behavioral, emotional, and cognitive dimensions. By investigating students’ engagement in this course, the study aims to provide a clearer understanding of their learning state and offer empirical implications for improving blended pronunciation teaching.

Literature Review

Blended Learning Model

The blended learning model integrates face-to-face classroom instruction with online learning and has become an important approach in higher education reform (Garrison & Kanuka, 2004; Graham, 2006). It is not a simple addition of online resources to classroom teaching; rather, it involves the purposeful integration of instructional objectives, learning activities, digital resources, interaction, assessment, and feedback. In this model, teachers continue to organize, guide, and support the learning process, while students are expected to participate more actively in autonomous learning, classroom interaction, and online learning activities (Heilporn et al., 2021).

For English pronunciation teaching, the blended learning model is particularly relevant. Pronunciation learning requires repeated practice, timely feedback, imitation, and continuous correction (Amrate & Tsai, 2025). Online platforms can provide students with multimodal learning resources and opportunities for repeated practice before and after class, while face-to-face instruction allows teachers to organize oral interaction, identify pronunciation problems, and provide corrective guidance (Yang, 2022). Therefore, the blended learning model can help extend pronunciation learning beyond the classroom and support students’ continuous engagement in the learning process.

Learning Engagement

Learning engagement is an important concept for understanding students’ actual participation and psychological engagement in learning activities (Fredricks et al., 2004). Earlier research on learning engagement emphasized students’ time and effort in learning activities (Astin, 1984; Kuh, 2001), while later studies further conceptualized engagement as a multidimensional construct involving behavioral, emotional, and cognitive dimensions (Fredricks et al., 2004). In blended learning contexts, engagement become

particularly important because students need to participate in both face-to-face and online learning activities, regulate their own learning, and interact with teachers, peers, and digital resources (Halverson & Graham, 2019). Therefore, learning engagement is often regarded as an important indicator of students' learning state and learning experience in blended teaching contexts (Heilporn et al., 2021).

Among existing frameworks, Fredricks et al.'s (2004) three-dimensional model has been widely adopted. According to this model, learning engagement includes behavioral engagement, emotional engagement, and cognitive engagement. Behavioral engagement refers to students' observable participation in learning activities, such as attendance, effort, task completion, and classroom participation. Emotional engagement refers to students' affective responses in the learning process, including interest, enjoyment, value recognition, and sense of belonging. Cognitive engagement concerns students' mental effort and strategy use, such as deep thinking, self-regulation, and willingness to deal with challenging learning tasks (Fredricks et al., 2004).

Previous Studies on Learning Engagement under the Blended Learning Model

Learning engagement has become a central concern in blended learning research, as students in the blended learning model are expected to participate in both face-to-face and online learning activities under limited external supervision and with higher demands for self-regulation, making it more challenging to sustain active and deep engagement throughout the learning process (Halverson & Graham, 2019). Existing studies have mainly examined two aspects. The first line of research has investigated the levels and patterns of student engagement across different learning phases and activities in blended environments, as well as the factors associated with these variations. For example, Zhou and Han (2018) examined learners' engagement across different teaching phases and found that individual characteristics, learning resources, environmental support, and interpersonal interaction were closely related to students' engagement. Huang et al. (2022) further showed that EFL learners' cognitive and emotional engagement varied across different blended learning activities. The second line of research has focused on how blended instructional design can be optimized to foster student engagement. Heilporn et al. (2021) identified course structure, learning activity design, and teacher-student relationships as key factors influencing student engagement in blended learning in higher education. Wu (2018) similarly found that structured activity design and timely teaching intervention played an important role in sustaining learner engagement in blended language learning contexts.

Taken together, previous studies indicate that students' learning engagement in blended teaching is closely related to instructional design, learning activities, teacher support, and classroom interaction (Heilporn et al., 2021; Huang et al., 2022). However, existing research mainly focuses on general or non-language courses, while less attention has been paid to foreign language courses, especially English pronunciation courses. Since pronunciation learning requires repeated practice, imitation, timely feedback, and continuous correction (Yang, 2022), students' engagement in blended pronunciation learning deserves further investigation.

Based on Fredricks et al.'s (2004) three-dimensional framework of learning engagement, this study examines English majors' behavioral, emotional, and cognitive engagement in a blended English pronunciation course. The following research questions are addressed: (1) What is the overall level of freshman English majors' learning engagement in the blended English pronunciation course? (2) Are there significant differences among students' behavioral, emotional, and cognitive engagement?

Research Design

Research Context and Participants

This study was conducted in a required English pronunciation course for first-year English majors at a university in Xinjiang. The course adopted a blended learning model supported mainly by the Rain Classroom, with DingTalk used as a supplementary tool for communication and after-class guidance. The teaching process generally consisted of three stages: pre-class preparation, in-class instruction and interaction, and after-class practice and consolidation.

Before class, the teacher used Rain Classroom to release video resources, learning tasks, preview requirements, and assignment instructions. Students completed the preview tasks and submitted their assignments through the platform, which also recorded their learning process and task completion. During class, the teacher reviewed the online learning content, checked students' understanding through in-class activities, and focused instruction on key and difficult points. Students performed pronunciation tasks, and the teacher identified common problems and provided

targeted guidance. After class, the teacher released after-class learning tasks, answered students' questions, and offered targeted guidance when necessary through DingTalk. Students completed the assigned learning tasks and could use online resources for further pronunciation practice, oral training, and consolidation according to their own learning progress.

The participants were 86 freshmen majoring in English from two intact classes. The two classes were taught by the same teacher and followed the same syllabus, teaching materials, online platforms, and teaching procedures. Therefore, they shared a relatively similar learning environment in the English pronunciation course.

Research Instrument

Students' learning engagement was measured through a structured questionnaire adapted from Wu (2018), based on the three-dimensional framework of learning engagement proposed by Fredricks et al. (2004). The questionnaire consisted of 41 items and used a five-point Likert scale ranging from 1 "completely inconsistent" to 5 "completely consistent". It measured students' learning engagement in the blended English pronunciation course from three dimensions: behavioral engagement, emotional engagement, and cognitive engagement. Specifically, behavioral engagement included four sub-dimensions: participation, persistence, interaction, and concentration. Emotional engagement included interest and identification, while cognitive engagement included metacognitive strategy and management strategy. A higher score indicated a higher level of learning engagement.

Data Collection and Analysis

The questionnaire was administered at the end of the semester, during the final session of the English pronunciation course. Before completing the questionnaire, students were informed of the purpose of the survey and were assured that their responses would be used only for research purposes. They completed the questionnaire anonymously through Wenjuanxing, an online questionnaire platform. A total of 86 questionnaires were collected. After excluding invalid questionnaires, 80 valid questionnaires remained, yielding a valid response rate of 93.02%.

The collected data were analyzed using SPSS 26.0. First, the reliability of the questionnaire was examined using Cronbach's alpha. In this study, the Cronbach's alpha coefficient of the whole questionnaire was 0.971. The coefficients for behavioral engagement, emotional engagement, and cognitive engagement were 0.937, 0.936, and 0.950, respectively, indicating excellent internal consistency.

Descriptive statistics, including means and standard deviations, were used to examine the overall level of students' learning engagement and the levels of the three dimensions. To further examine whether students' mean scores differed significantly across behavioral, emotional, and cognitive engagement, a one-way repeated-measures ANOVA was conducted, with engagement dimension as the within-subject factor. Mauchly's test of sphericity was examined before interpreting the ANOVA results. Bonferroni-adjusted pairwise comparisons were further conducted to identify specific differences between dimensions.

Results and Discussion

Descriptive Analysis of Students' Learning Engagement

Based on Fredricks et al.'s (2004) three-dimensional framework of learning engagement, this study examined students' behavioral, emotional, and cognitive engagement in the English pronunciation course under the blended learning model. As shown in Table 1, students' overall learning engagement was at a relatively high level ($M = 4.09$, $SD = 0.56$), with the mean scores of all three dimensions exceeding the theoretical midpoint of 3.00. Among the three dimensions, emotional engagement was the strongest ($M = 4.26$, $SD = 0.64$), followed by behavioral engagement ($M = 4.08$, $SD = 0.54$), while cognitive engagement was comparatively weaker ($M = 3.93$, $SD = 0.70$).

This pattern suggests that students generally held positive attitudes toward the course and participated actively in learning activities, but their deeper cognitive engagement still needed further support. This finding is generally consistent with previous research on EFL learners' engagement in blended learning contexts, which has shown that emotional engagement may be more prominent than cognitive engagement in blended learning activities (Liu, 2025).

For the present study, it also indicates that the English pronunciation course under the blended learning model should not only sustain students' positive attitudes and active participation, but also provide more explicit support for self-monitoring, reflection, and strategic regulation.

Emotional engagement received the highest mean score among the three dimensions, suggesting that students generally recognized the value of the blended English pronunciation course and held positive attitudes toward learning. At the sub-dimensional level, identification ($M = 4.39$, $SD = 0.67$) scored higher than interest ($M = 4.13$, $SD = 0.65$). This suggests that

although students generally recognized the value of the course, their intrinsic interest in some specific learning activities was relatively weaker. This distinction can be understood in relation to L2 learning motivation: students may recognize the value of a course, but this does not necessarily mean that they will remain intrinsically interested in all learning tasks (Ushioda & Dörnyei, 2021). In this study, the gap between identification and interest suggests that blended pronunciation teaching should further improve the variety, interaction, and communicative relevance of learning activities, so as to better sustain students' interest.

Table 1. Descriptive Statistics of Three Dimensions of Learning Engagement (N = 80)

Dimension	Min	Max	M	SD
Behavioral engagement	2.86	5.00	4.08	0.54
Emotional engagement	2.80	5.00	4.26	0.64
Cognitive engagement	2.60	5.00	3.93	0.70
Total engagement	2.98	5.00	4.09	0.56

Table 2. Descriptive Statistics of Sub-dimensions of Learning Engagement (N = 80)

Dimension	Secondary Dimension	Min	Max	M	SD
Behavioral engagement	Participation	2.67	5.00	4.19	0.60
	Persistence	2.83	5.00	4.32	0.58
	Interaction	2.40	5.00	3.77	0.70
	Concentration	2.25	5.00	3.94	0.69
Emotional engagement	Interest	2.80	5.00	4.13	0.65
	Identification	2.80	5.00	4.39	0.67
Cognitive engagement	Metacognitive strategy	2.20	5.00	3.96	0.73
	Management strategy	2.20	5.00	3.91	0.74

Behavioral engagement was also at a relatively high level (M = 4.08, SD = 0.54), but it showed noticeable variation across its sub-dimensions. Students scored higher in persistence (M = 4.32, SD = 0.58) and participation (M = 4.19, SD = 0.60) than in concentration (M = 3.94, SD = 0.69) and interaction (M = 3.77, SD = 0.70). This suggests that students' behavioral engagement was more evident in completing learning tasks and participating in required course activities, while sustained attention and active peer communication were comparatively weaker. The relatively lower score for interaction deserves particular attention, as interaction has been identified as an important condition for collaborative learning and learning engagement in blended EFL contexts (Huang et al., 2022). In pronunciation learning specifically, limited peer interaction may reduce students' opportunities for collaborative practice, feedback exchange, and comparison of pronunciation performance (Dai & Wu, 2022).

Cognitive engagement received the lowest mean score among the three dimensions, although it remained above the theoretical midpoint (M = 3.93, SD = 0.70). At the sub-dimensional level, the mean scores of metacognitive strategy (M = 3.96, SD = 0.73) and management strategy (M = 3.91, SD = 0.74) indicate that students reported a certain degree of planning and management in their pronunciation learning. However, compared with their emotional and behavioral engagement, their cognitive engagement was less developed. This result indicates that students may have been willing to learn and able to complete assigned tasks, but they may not always monitor their pronunciation problems, reflect on learning strategies, or adjust their practice methods effectively. This issue is particularly important in pronunciation learning, where improvement depends not only on repeated practice, but also on learners' ability to notice errors, compare their own pronunciation with models, and make continuous adjustments.

Overall, the descriptive results show that students' learning engagement in the blended English pronunciation course was relatively high, but unevenly distributed. Emotional engagement was the most prominent, behavioral engagement remained at a relatively high level, and cognitive engagement was comparatively weaker. At the sub-dimensional level, students performed relatively well in identification, persistence, and participation, but showed weaker performance in interest, interaction, concentration, and management strategy. These findings suggest that the blended learning model may have provided a supportive context for students' positive attitudes and basic participation, but further instructional support is needed to strengthen learning interest, interaction, concentration, and students' use of metacognitive and management strategies in pronunciation learning.

Difference Analysis of the Three Dimensions of Learning Engagement

To further examine whether the differences among the three dimensions were statistically significant, a one-way repeated-measures ANOVA was conducted, with engagement dimension as the within-subject factor.

Mauchly's test showed that the assumption of sphericity was met, $W = .973$, $p = .342$. Therefore, the standard repeated-measures ANOVA results were interpreted. As presented in Table 3, the main effect of engagement dimension was significant, $F(2, 158) = 22.187$, $p < .001$, partial $\eta^2 = .219$, indicating significant differences among behavioral, emotional, and cognitive engagement.

Table 3. Results of One-Way Repeated-Measures ANOVA for the Three Dimensions of Learning Engagement

Source	SS	df	MS	F	p	partial η^2
Engagement dimension	4.272	2	2.136	22.187	< .001	.219
Error	15.211	158	0.096			

Bonferroni-adjusted pairwise comparisons were further conducted to identify specific differences between dimensions. As shown in Table 4, emotional engagement was significantly higher than cognitive engagement, with a mean difference of 0.326, $p < .001$. Emotional engagement was also significantly higher than behavioral engagement, with a mean difference of 0.180, $p < .001$. In addition, behavioral engagement was significantly higher than cognitive engagement, with a mean difference of 0.147, $p = .017$. These findings confirm the pattern observed in the descriptive analysis: emotional engagement was the strongest dimension, followed by behavioral engagement, while cognitive engagement was comparatively lower.

Table 4. Bonferroni-Adjusted Pairwise Comparisons among the Three Dimensions of Learning Engagement

Comparison	Mean difference	SE	p	95% CI
Cognitive engagement – Emotional engagement	-0.326	0.050	< .001	[-0.449, -0.203]
Cognitive engagement – Behavioral engagement	-0.147	0.052	.017	[-0.273, -0.020]
Emotional engagement – Behavioral engagement	0.180	0.045	< .001	[0.070, 0.290]

Note. CI = confidence interval; p values adjusted using Bonferroni correction.

Taken together, the results indicate that students' learning engagement in the blended English pronunciation course was unevenly distributed across the three dimensions. Emotional engagement was significantly higher than both behavioral and cognitive engagement, suggesting that students generally held positive attitudes toward the course and recognized its value for pronunciation development and spoken communication. This finding is consistent with previous research showing that blended learning can support learners' positive attitudes and engagement when online resources are combined with flexible learning opportunities and meaningful interaction.

However, cognitive engagement was significantly lower than both emotional and behavioral engagement. This suggests that although students were generally willing to participate in course activities and complete assigned learning tasks, their deeper engagement in pronunciation learning, such as self-monitoring, reflection, strategic adjustment, and self-regulation, was comparatively less developed. This finding further indicates that providing online resources and practice opportunities alone may not be sufficient to promote deep engagement in blended pronunciation learning. More explicit support for students' self-regulated learning is needed, as self-regulated learning strategies play an important role in blended learning environments (Broadbent & Poon, 2015).

Conclusions and Implications

Conclusions

The study examined the learning engagement of first-year English majors in a blended English pronunciation course by considering its behavioral, emotional, and cognitive dimensions. The findings demonstrate that the students generally maintained a relatively high level of engagement. At the same time, engagement was characterized by an uneven internal structure: emotional engagement was significantly higher than behavioral engagement, while cognitive engagement showed the lowest value. Thus, students' positive attitudes toward the course and their recognition of its importance were not fully

accompanied by an equally developed capacity for independent reflection, strategic regulation, and conscious management of pronunciation learning.

The analysis of the individual components of engagement further clarifies this pattern. High scores for identification, persistence, and participation indicate that the students accepted the educational value of the course and were generally willing to complete the required learning activities. However, the comparatively lower scores for interaction, concentration, interest, and management strategies suggest that their participation remained partly dependent on externally organized tasks and teacher support. In particular, students experienced difficulties in maintaining sustained attention, engaging systematically in peer communication, monitoring their pronunciation performance, and independently adjusting their learning strategies. Therefore, access to digital resources and the combination of online and face-to-face instruction cannot by themselves ensure deep and self-regulated engagement.

The results confirm that the effectiveness of blended pronunciation teaching depends not only on the technological organization of the course but also on the pedagogical quality of learning tasks, feedback, interaction, and strategy instruction. Communicative pronunciation activities, structured peer feedback, regular self-recording, comparison with model pronunciation, and reflective learning records may help transform students' positive emotional attitudes and formal participation into deeper cognitive engagement. In this respect, the study contributes to a more differentiated understanding of learning engagement in blended foreign-language education and identifies cognitive self-regulation as a key area for the further improvement of pronunciation instruction.

The conclusions should nevertheless be interpreted within the limitations of the research design. The study involved 80 students from two intact classes at a single university and relied primarily on self-reported questionnaire data. Consequently, the results describe the learning situation of a specific educational context and cannot be generalized automatically to all English majors or blended language courses. Further research should involve larger and more diverse samples and combine questionnaires with interviews, classroom observations, learning-platform data, and assessments of pronunciation performance. Such an approach would make it possible to examine not only students' perceived engagement but also its actual behavioral manifestations, developmental dynamics, and relationship with learning outcomes.

Implications for Teaching

The findings suggest that blended English pronunciation teaching should aim to achieve a more balanced development of students' emotional, behavioral, and cognitive engagement. Although the students generally demonstrated positive attitudes and active participation, their relatively lower levels of interaction, concentration, and strategic self-regulation indicate that task completion does not necessarily lead to deep learning. Therefore, blended instruction should be organized as an integrated pedagogical system combining communicative practice, formative feedback, reflection, and learner autonomy.

First, teachers should increase the communicative and collaborative nature of pronunciation tasks. Pronunciation practice should not be limited to mechanical imitation and repetition but should be incorporated into role-plays, dialogues, oral presentations, and peer-feedback activities. Clear evaluation criteria concerning pronunciation, stress, rhythm, intonation, and comprehensibility can help students provide more focused feedback and improve the quality of interaction.

Second, explicit guidance should be provided to strengthen students' cognitive and metacognitive engagement. Students may be encouraged to set short-term pronunciation goals, record recurring errors, compare their own recordings with model pronunciation, and reflect on their learning progress. Repeated recording, feedback, and revision can help students develop the ability to monitor and adjust their pronunciation independently.

Third, formative feedback should be timely, specific, and improvement-oriented. Instead of merely identifying pronunciation errors, teachers should explain their nature and provide concrete methods of correction. Digital tools may support repeated practice and immediate preliminary feedback, but they should complement rather than replace teacher guidance.

Finally, online learning activities should be clearly structured to support students' concentration and time management. Learning tasks should have explicit objectives, manageable length, and close connections with classroom instruction. Assessment should consider not only task completion but also the quality of students' recordings, revisions, reflections, and interaction.

Overall, the improvement of blended pronunciation teaching requires coordinated attention to task design, peer interaction, feedback, self-regulation, and process assessment. The main pedagogical objective is to transform students' positive attitudes and active participation into sustained, reflective, and autonomous pronunciation learning.

Литература

1. Астин, А.У. Вовлечённость студентов: теория развития применительно к высшему образованию // Журнал кадрового обеспечения высших учебных заведений. – 1984. – Т. 25, № 4. – С. 297–308.
2. Бродбент, Дж. Стратегии саморегулируемого обучения и академическая успеваемость в условиях онлайн-обучения в высшей школе: систематический обзор // Интернет и высшее образование. – 2015. – Т. 27. – С. 1–13.
3. Дай, И. Мобильная взаимная обратная связь при обучении произношению английского языка как иностранного: результаты, процессы взаимодействия и определяющие факторы // Система. – 2022. – Т. 111. – Ст. 102953.
4. Фредрикс, Дж.А. Учебная вовлечённость школьников: потенциал концепции и современное состояние исследований // Обзор исследований в области образования. – 2004. – Т. 74, № 1. – С. 59–109.
5. Гаррисон, Д.Р. Смешанное обучение: раскрытие его преобразующего потенциала в высшем образовании // Интернет и высшее образование. – 2004. – Т. 7, № 2. – С. 95–105.
6. Грэм, Ч.Р. Системы смешанного обучения: определение, современные тенденции и перспективы развития // Справочник по смешанному обучению: глобальные перспективы и локальные модели / под ред. Ч. Дж. Бонка, Ч.Р. Грэма. – Сан-Франциско: Пфайффер, 2006. – С. 3–21.
7. Халверсон, Л.Р. Учебная вовлечённость в условиях смешанного обучения: концептуальная модель // Онлайн-обучение. – 2019. – Т. 23, № 2. – С. 145–178.
8. Хейлпирн, Г. Анализ стратегий преподавателей, направленных на повышение вовлечённости студентов в смешанное обучение в высшей школе // Международный журнал образовательных технологий в высшем образовании. – 2021. – Т. 18, № 1.
9. Хуан, М. Вовлечённость изучающих английский язык как иностранный в различные виды деятельности в условиях смешанного обучения // Азиатско-Тихоокеанский журнал обучения второму и иностранным языкам. – 2022. – Т. 7, № 1. – Ст. 9.
10. Ку, Дж.Д. Оценка того, что действительно важно для обучения студентов: Национальное исследование студенческой вовлечённости // Изменения: журнал высшего образования. – 2001. – Т. 33, № 3. – С. 10–17.
11. Лю, Ф. Исследование вовлечённости студентов высших учебных заведений в изучение английского языка как иностранного в условиях смешанного обучения // Преподавание английского языка. – 2025. – Т. 18, № 6.
12. Шут, В. Дж. Формирующая обратная связь как объект исследования // Обзор исследований в области образования. – 2008. – Т. 78, № 1. – С. 153–189.
13. Усиода, Э. Преподавание и исследование мотивации. – Лондон; Нью-Йорк: Раутледж, 2021.
14. Ян, Л. Вовлечённость студентов во взаимодействие с обратной связью преподавателя при обучении произношению с использованием мобильного мультимедийного приложения // СЕИДЖ Оупен. – 2022. – Т. 12, № 2. – Ст. 21582440221094604.
15. Министерство образования Китайской Народной Республики. Уведомление Министерства образования о публикации Плана действий по информатизации образования 2.0. – 2018. – 18 апреля. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A16/s3342/201804/t20180425_334188.html.
16. Государственный совет Китайской Народной Республики. Уведомление Государственного совета о публикации 13-го пятилетнего плана развития национального образования. – 2017. – 10 января. – URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content_5168473.htm.
17. У Янь. Учебная вовлечённость обучающихся в условиях смешанного обучения: магистерская диссертация. – Сычуаньский педагогический университет, 2018.
18. Чжоу Юань. Исследование учебной вовлечённости обучающихся в деятельность в условиях смешанного обучения // Исследования в области электронного образования. – 2018. – Т. 39, № 11. – С. 99–105.

A STUDY OF ENGLISH MAJORS' LEARNING ENGAGEMENT IN THE ENGLISH PRONUNCIATION COURSE UNDER THE BLENDED LEARNING MODEL

Ren Xingyan, Chen Shuang
Xinjiang Normal University

In the context of the digitalization of higher education, blended learning has become one of the important approaches to improving foreign language teaching. The purpose of this study is to identify the characteristics of learning engagement among students majoring in

English while taking an English phonetics course in a blended learning format. The study is theoretically grounded in the three-component model of learning engagement, which includes behavioral, emotional, and cognitive components. The participants were 80 first-year students from a university in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China. Data were collected through a questionnaire and analyzed using descriptive statistics and one-way repeated-measures analysis of variance. The results showed that the overall level of learning engagement was relatively high, although its components were unevenly developed. Emotional engagement was the most pronounced, followed by behavioral engagement, whereas cognitive engagement showed comparatively lower levels. The findings highlight the need to strengthen communicative tasks, formative assessment, student interaction, and support for self-regulated pronunciation learning.

Keywords: Learning Engagement, Blended Learning, English Phonetics, Language-Major Students, Self-Regulated Learning.

References

1. Astin, A.W. Student involvement: A developmental theory for higher education // *Journal of College Student Personnel*. – 1984. – Vol. 25, no. 4. – P. 297–308.
2. Broadbent, J. Self-regulated learning strategies and academic achievement in on-line higher education learning environments: A systematic review // *The Internet and Higher Education*. – 2015. – Vol. 27. – P. 1–13.
3. Dai, Y. Mobile-assisted peer feedback on EFL pronunciation: Outcome effects, interactional processes, and shaping factors // *System*. – 2022. – Vol. 111. – Art. 102953.
4. Fredricks, J.A. School engagement: Potential of the concept, state of the evidence // *Review of Educational Research*. – 2004. – Vol. 74, no. 1. – P. 59–109.
5. Garrison, D.R. Blended learning: Uncovering its transformative potential in higher education // *The Internet and Higher Education*. – 2004. – Vol. 7, no. 2. – P. 95–105.
6. Graham, C.R. Blended learning systems: Definition, current trends, and future directions // *The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs* / ed. by C.J. Bonk, C.R. Graham. – San Francisco: Pfeiffer, 2006. – P. 3–21.
7. Halverson, L.R. Learner engagement in blended learning environments: A conceptual framework // *Online Learning*. – 2019. – Vol. 23, no. 2. – P. 145–178.
8. Heilporn, G. An examination of teachers' strategies to foster student engagement in blended learning in higher education // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. – 2021. – Vol. 18, no. 1.
9. Huang, M. EFL learners' engagement in different activities of a blended learning environment // *Asian-Pacific Journal of Second and Foreign Language Education*. – 2022. – Vol. 7, no. 1. – Art. 9.
10. Kuh, G.D. Assessing what really matters to student learning: Inside the National Survey of Student Engagement // *Change: The Magazine of Higher Learning*. – 2001. – Vol. 33, no. 3. – P. 10–17.
11. Liu, F. Exploring college students' EFL learning engagement in the context of blended learning // *English Language Teaching*. – 2025. – Vol. 18, no. 6.
12. Shute, V.J. Focus on formative feedback // *Review of Educational Research*. – 2008. – Vol. 78, no. 1. – P. 153–189.
13. Ushioda, E. *Teaching and Researching Motivation*. – London; New York: Routledge, 2021.
14. Yang, L. Student engagement with teacher feedback in pronunciation training supported by a mobile multimedia application // *SAGE Open*. – 2022. – Vol. 12, no. 2. – Art. 21582440221094604.
15. Ministry of Education of the People's Republic of China. Notice of the Ministry of Education on Issuing the Education Informatization 2.0 Action Plan. – 2018. – April 18. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A16/s3342/201804/t20180425_334188.html.
16. State Council of the People's Republic of China. Notice of the State Council on Issuing the 13th Five-Year Plan for the Development of National Education. – 2017. – January 10. – URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content_5168473.htm.
17. Wu, Y. *Learner Engagement under the Blended Learning Model*: master's thesis. – Sichuan Normal University, 2018.
18. Zhou, Y. A study of learner engagement in blended learning activities // *E-Education Research*. – 2018. – Vol. 39, no. 11. – P. 99–105.

Конструирование образа Александра Керенского в китайском, российском и западном дискурсах

Инь Шилун,

магистр, Хэйлунцзянский университет
E-mail: source12580@163.com

В статье рассматривается процесс конструирования образа Александра Керенского в советском и российском, западном и китайском дискурсах. На основе сравнительного анализа исторических трудов, учебников, биографий, мемуаров, кинематографических произведений и публицистики выявляются основные этапы и механизмы трансформации его публичного образа. Показано, что в советской историографии Керенский последовательно изображался как соглашатель, прислужник буржуазии и политический шут, а затем оказался в состоянии «институционализированного забвения». В постсоветской России его фигура получила более противоречивую и многомерную оценку. В западном дискурсе образ Керенского эволюционировал от трагического защитника демократии к нерешительному политику и «политической звезде». Китайская историография прошла путь от воспроизведения советской модели к самостоятельному переосмыслению его роли в контексте соотношения революции и реформ. Сделан вывод, что различия в интерпретациях определяются нарративными рамками, идеологическими потребностями и способами объяснения политического поражения.

Ключевые слова: Александр Керенский, конструирование образа, советская историография, западный дискурс, китайская историография.

Введение

После Февральской революции 1917 года Александр Керенский на некоторое время стал одним из самых популярных политических деятелей России и получил известность как «любимец революции». Общество возлагало на него надежды, ожидая, что под его руководством страна сможет выйти из войны и перейти к демократическому развитию. Его популярность достигла такой степени, что некоторые современники помещали его фотографию в традиционном красном углу, предназначенном для икон. Однако уже через восемь месяцев возглавляемое им правительство было свергнуто большевиками, а сам Керенский был вынужден покинуть Зимний дворец. Последующие более чем пятьдесят лет он провёл в эмиграции. К моменту его смерти в Нью-Йорке в 1970 году он был практически забыт мировой общественностью.

Образ одного и того же исторического деятеля в различных политико-культурных контекстах складывался по-разному. В Советском Союзе Керенский был закреплён в общественной памяти как трусливый и нелепый политик, якобы бежавший из Зимнего дворца в женском платье. В западной историографии он первоначально изображался как трагический герой демократии, однако впоследствии всё чаще характеризовался как нерешительный и неспособный к действию «Гамлет» российской политики. В Китае его образ на протяжении длительного времени оставался недостаточно определённым и лишь в последние годы стал приобретать более сложный и многомерный характер. В связи с этим возникает принципиально важный вопрос: каким образом различные политические культуры интерпретируют и описывают одного и того же потерпевшего поражение исторического деятеля и какие идеологические установки скрываются за этими интерпретациями?

В настоящей статье на основе изучения научной литературы рассматривается процесс конструирования образа Керенского в трёх дискурсивных пространствах – советском и российском, западном и китайском. Под «конструированием образа» понимается комплексный процесс, включающий политическую квалификацию личности, использование нравственных метафор, формирование персонализированных характеристик и визуальную репрезентацию. Основными носителями такого образа выступают официальные исторические труды, учебники, авторитетные биографии, кинематографические произведения, а также газетные и журнальные публикации. Источниковую базу исследования составляют русскоязычные первичные материалы, классические англоязычные исследования и авторитетные китайские научные работы, совокупность которых позволяет сформировать целостное представление об эволюции образа Александра Керенского в различных историографических и политико-культурных традициях.

Российский (советский) дискурс: от «соглашателя» до забытого шута

Формирование политической оценки

Вскоре после Октябрьской революции В.И. Ленин в таких работах, как «К лозунгам» (июль 1917 года) и «Уроки революции» (сентябрь 1917 года), сформулировал основную политическую оценку Александра Керенского, отнес его к представителям «мелкобуржуазного соглашательства». В рамках ленинской интерпретации деятельность Керенского и возглавляемого им Временного правительства представляла собой политический обман, при котором интересы буржуазии скрывались за революционной риторикой: на словах правительство обещало мир и землю, однако на практике продолжало империалистическую войну и защищало помещичье землевладение.

Подобная критика помещала Керенского в промежуточное пространство между революцией и контрреволюцией. В советской политической системе координат именно такое положение считалось наиболее опасным. Он изображался как политический обманщик, которого следовало подвергнуть суровой критике, разоблачить и лишить политического влияния.

В годы Гражданской войны в России (1918–1922) большевистская агитация и пропаганда ещё более усилили эту характеристику. Керенского стали представлять как марионетку англо-французского

империализма и сообщника Л.Г. Корнилова. На данном этапе критика ещё не приобрела характера последовательного и систематического разрушения его личности, однако за ним уже прочно закрепилось обвинение в предательстве: утверждалось, что Керенский предал революцию и народ России. Впоследствии именно этот тезис стал одним из основных принципов, с помощью которых советская историография объясняла весь исторический период от Февральской до Октябрьской революции.

Систематическое формирование карикатурного образа

В сталинский период политическое осуждение Керенского постепенно переросло в последовательную дискредитацию его личности. В опубликованном в 1938 году «Кратком курсе истории ВКП(б)» он был назван «верным холопом империалистической буржуазии, прикрывавшим красивыми фразами её контрреволюционную политику».

Употребление слова «холоп», связанного с семантикой зависимости и подчинённости чужой воле, лишало Керенского самостоятельной политической субъектности. Его действия представлялись как выражение интересов внешних сил, а сам он как управляемая марионеточная фигура. В результате имя Керенского постепенно превращалось из собственного имени в политическую характеристику зависимого, несамостоятельного и склонного к предательству деятеля.

Важным средством дискредитации стала визуальная карикатуризация. В фильме С.М. Эйзенштейна «Октябрь» (1928) Керенский изображён нервным и эмоционально неуравновешенным человеком. Особенно заметную роль в закреплении этого образа сыграли фильмы М.И. Ромма «Ленин в Октябре» (1937) и «Ленин в 1918 году» (1939). В картине «Ленин в Октябре» он ходит по коридорам Зимнего дворца, повторяя: «Я жду», что символически подчёркивает его политическую беспомощность. Бледность, светливость, хаотичные жесты и насмешливое музыкальное сопровождение превращают политического противника в объект эстетического отторжения.

Наиболее разрушительным для репутации Керенского стал рассказ о его бегстве из Зимнего дворца в женской одежде. Согласно распространённой версии, в ночь Октябрьской революции он якобы переоделся в платье горничной, надел женскую шляпу и покинул дворец на автомобиле американского посольства. Сам Керенский отрицал эту историю, а надёжные архивные подтверждения её достоверности отсутствуют.

Независимо от фактической основы, данный сюжет обладал значительным пропагандистским потенциалом. Переодевание в женскую одежду символически означало утрату мужества, силы и достоинства, превращая Керенского не только в контрреволюционера, но и в комическую фигуру, не заслуживающую серьёзного отношения. Смех в данном случае выполнял политическую функцию: он препятствовал восприятию Керенского как сложного исторического деятеля и вытеснял содержательное обсуждение его политической деятельности.

Институционализированное забвение

После смерти И.В. Сталина в отдельных областях советской историографии начался ограниченный пересмотр прежних оценок. Однако наступившая «оттепель», если воспользоваться названием известной повести И.Г. Эренбурга, практически не затронула образ самого Керенского. Он вступил в стадию «институционализированного забвения»: его сложная историческая фигура была сведена к набору устойчивых идеологических ярлыков, не допускавших новых исследований и содержательных дискуссий.

В различных изданиях советских школьных учебников истории 1960–1980-х годов повествование о Керенском почти не менялось. Учащимся предлагалось запомнить его как буржуазную марионетку, якобы бежавшую в женском платье и отправлявшую «серый скот» на фронт. Статья «Керенский» в «Большой советской энциклопедии» имела строго ограниченный объём и была написана предельно стандартизированным языком. Вся сложность его личности и политической биографии последовательно устранилась. Его адвокатская деятельность, ораторский талант, проявившийся в Государственной думе, а также необычайная популярность среди населения в первые месяцы революции не способствовали подтверждению тезиса о нём как о «прислужнике буржуазии». Напротив, подобные сведения могли быть использованы инакомыслящими для оспаривания официальной интерпретации. Во избежание такой возможности сложная и противоречивая биография Керенского подвергалась последовательной редукции в рамках советской системы исторического образования.

В терминологии настоящего исследования образ Керенского оказался в состоянии своеобразного «институционализированного забвения». Этот процесс имел двойственный эффект. На явном уровне он обеспечивал передачу от поколения к поколению считавшейся «правильной» официальной оценки. На неявном уровне он способство-

вал формированию самоцензуры, побуждая исследователей избегать обращения к данной теме. В условиях высокой политизированности и идеологизированности советской историографии любое исследование, отклонявшееся от официальной трактовки, было сопряжено с риском.

Книга В.И. Старцева «Крах керенщины» (1982) стала одним из немногих специальных исторических исследований советского периода, посвящённых Керенскому. Уже само название содержало определённое оценочное суждение: слово «крах» выражало представление не просто о поражении, а о полном и исторически предопределённом провале. В интерпретации Старцева и других советских историков падение власти Керенского являлось неизбежным. Подобный нарратив исторической неизбежности по своей сути был результатом исследовательской модели, в которой идеологический вывод формулировался заранее, а исторические свидетельства подбирались уже для его подтверждения.

Постсоветский период: переоценка и расхождение исторических представлений

После распада Советского Союза в Москве в 1993 году были опубликованы на русском языке мемуары Керенского «Россия на историческом повороте», что позволило широкой аудитории познакомиться с его собственной версией событий. Керенский представлял себя не диктатором, а защитником демократии и объяснял поражение отказом от крайних мер в борьбе с большевиками. По его интерпретации, приверженность демократическим процедурам и правовому порядку сделала его неспособным противостоять политическому насилию.

Этот образ принципиально отличался от советского официального нарратива. В мемуарах Керенский предстал образованным и красноречивым политиком, убеждённым в собственной исторической миссии. Такое самопредставление ставило под сомнение закреплённый советской пропагандой образ политического шута и побуждало к пересмотру прежних историографических оценок.

В монографии С.В. Тютюкина «Александр Керенский: страницы политической биографии (1905–1917)» (2012) его политическая деятельность получила более взвешенную оценку. Исследователь отмечал, что в период Февральской революции Керенский проявил силу воли, решительность и способность быстро оценивать ситуацию, однако по мере продвижения к вершинам власти эти качества ослабевали. Анализируя его деятельность на постах министра юстиции, военного и морского министра и министра-председателя Временного правительства, Тютюкин указывал на превышение полномочий, ограниченные результаты и серьёзные политические просчёты.

Особое значение исследователь придавал действиям Керенского во время Корниловского выступления. По его мнению, победу тогда одержали демократические силы, а не лично Керенский, что предвещало его последующее падение. В результате Керенский предстаёт у Тютюкина как противоречивая фигура: политик с несомненными способностями, чьё поражение было ускорено ростом личных амбиций, ошибками в оценке ситуации и неудачным подбором кадров.

Б.И. Колоницкий рассматривает расцвет и упадок «культа Керенского» с позиций культурной истории. Его фотографии помещались в красных углах, речи перекладывались на музыку, а массовое сознание наделяло его чертами «революционного мессии». Поскольку этот культ основывался на завышенных ожиданиях и коллективной иллюзии, последующее разочарование оказалось особенно сильным. Тем самым история Керенского стала показательным примером быстрого формирования и столь же стремительного разрушения культа политического лидера в условиях массовой политики.

Западный дискурс: от трагического героя к политической звезде

В годы эмиграции Керенский написал на русском и английском языках ряд мемуарных произведений, среди которых особое значение имело англоязычное издание «Россия на историческом повороте» (1965). В своих воспоминаниях он представлял себя не диктатором, а защитником и мучеником демократии, оказавшимся между двумя крайними силами: выступлением Корнилова справа и наступлением большевиков слева. Такая модель саморепрезентации во многом определила раннее западное восприятие Керенского и соответствовала идеологическим потребностям холодной войны. Историки из среды белой эмиграции рассматривали его как символ утраченной демократической альтернативы России, уничтоженной большевиками. В этом нарративе поражение Керенского означало не только личную неудачу политика, но и крушение возможности конституционно-демократического развития страны.

С 1970-х годов западная историография всё чаще обращалась к внутренним причинам его поражения. Ричард Пайпс в книге «Рус-

ская революция» (1990) изобразил Керенского как политически беспомощного и нерешительного деятеля, склонного подменять практические решения речами и недостаточно понимавшего механизмы власти. Орландо Файджес в книге «Трагедия народа» (1996) продолжил демифологизацию его образа, представив Керенского как «политическую звезду», зависимую от публичного восхищения и оторванную от общественных настроений. В этой интерпретации стремительное формирование и последующий крах его массового культа стали характерным примером нестабильности политической популярности в условиях массовой коммуникации. К лету 1917 года Керенский всё больше сосредоточивался на собственном публичном образе, тогда как принятие решений откладывалось, что способствовало быстрому падению его авторитета.

Китайский дискурс: заимствование, академическое отстранение и самостоятельное переосмысление

Полное воспроизведение советского образа в 1950–1970-е годы

В первые годы после образования Китайской Народной Республики дисциплина всеобщей истории в Китае практически полностью переняла советскую модель преподавания и исследования. Изданный Народным издательством «Краткий курс истории ВКП(б)» приобрёл статус авторитетного текста, а вместе с ним закрепились и официальная характеристика Керенского как «прислужника империалистической буржуазии».

Ещё более глубокое влияние оказал кинематограф. Дублированные на китайский язык фильмы «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» на протяжении десятилетий неоднократно демонстрировались как в городах, так и в сельской местности Китая. Фраза из китайской дублированной версии, передаваемая как «Мы не обращаем на него внимания!», стала частью коллективной памяти нескольких поколений. Китайские учебники того периода полностью воспроизводили советский нарратив, представляя Керенского как контрреволюционера и политического шута. Вследствие значительного идеологического сходства КНР и СССР в первые десятилетия существования Нового Китая альтернативные оценки практически отсутствовали.

Академическое отстранение и постепенный отказ от образа политического шута в 1980–1990-е годы

После начала политики реформ и открытости в китайской историографии наметилось постепенное ослабление прежних идеологических ограничений. Некоторые учёные разделяют развитие исследований по истории России в Китае на протяжении первых тридцати лет политики реформ и открытости на два этапа. По их оценке, конец 1970-х и 1980-е годы стали периодом становления и освоения данного исследовательского направления. Одной из его важнейших особенностей было постепенное освобождение от влияния «Краткого курса истории ВКП(б)», а также переосмысление и новая оценка ряда ключевых событий и проблем советской истории.

Именно в контексте этой академической трансформации Цзян Дэчан и другие исследователи приступили к подготовке новых учебников по всеобщей истории. В конце 1970-х годов Цзян Дэчан совместно с Ван Жунтаном выступил одним из редакторов двухтомного учебника «Новый курс всемирной истории Нового времени». Учебник был опубликован в 1981 году, а после переработки рекомендован Государственным комитетом КНР по образованию в качестве общего учебного пособия для высших учебных заведений. Одновременно в 1984 году журнал «Преподавание истории» опубликовал специальную статью «Керенский», в которой его биография была рассмотрена по отдельным историческим этапам.

Тем не менее в целом китайские исследования по истории России в этот период по-прежнему были сосредоточены преимущественно на обобщении опыта и уроков советской революции и социалистического строительства. Основы классового анализа не претерпели принципиальных изменений. Академические ресурсы главным образом направлялись на перевод зарубежных работ и популяризацию исторических знаний, тогда как самостоятельных специальных исследований оставалось сравнительно немного. Обсуждение фигуры Керенского уже не подвергалось столь жёстким ограничениям, как в предшествующий период. Однако в рамках сохранявшейся концепции «исторической неизбежности» его биография по-прежнему освещалась лишь фрагментарно, а сам он ещё не стал самостоятельным объектом специального исторического исследования.

Самостоятельное переосмысление и обращение к сравнительно-историческому подходу с начала XXI века

Заметный поворот в китайских исследованиях произошёл в начале XXI века. Монография Яо Хая «Русская революция» (2013), ставшая

первым томом проекта «История Советского Союза», была подготовлена на основе широкого круга русскоязычных архивных материалов. В ней был преодолен традиционный подход, сосредоточенный преимущественно на деятельности большевистской партии, и подробно рассмотрен период пребывания Керенского у власти.

Яо Хай показал, что политическое положение Керенского определялось совокупностью взаимосвязанных противоречий. Он стремился содействовать мирному урегулированию, продолжая выполнять обязательства перед Антантой; проводить демократизацию, сохраняя воинскую дисциплину; ожидать созыва Учредительного собрания и одновременно реагировать на радикализацию массового движения. В результате его поражение объяснялось не только личными ошибками, но и давлением структурных обстоятельств.

Сходный подход представлен в книге Цзинь Янь «Красное колесо, повернутое вспять: ретроспектива духовного пути русской интеллигенции» (2012). Керенский рассматривается здесь в контексте исторической судьбы русской либеральной интеллигенции, стремившейся к демократии, но остававшейся оторванной от широких слоёв населения и одновременно опасавшейся массового насилия. Поэтому его поражение трактуется как проявление не только личной политической несостоятельности, но и внутреннего противоречия либерально-народнического идеала.

Одновременно китайские исследователи стали подробнее анализировать земельную политику Керенского, его военные реформы и другие конкретные аспекты его деятельности. В результате его образ постепенно превратился в образ исторического «Другого», через который осмыслились соотношение революции и реформ, цена радикальных преобразований и собственный путь модернизации Китая.

Причины различий в образах Керенского и их углублённая интерпретация

Различия нарративных рамок

Различные дискурсивные системы по-разному повествуют об истории. Эти нарративные рамки существуют до непосредственного обращения к конкретным историческим источникам и заранее определяют базовое место Керенского в соответствующих исторических повествованиях.

Советская историография следовала нарративу победителей, центральными принципами которого являлись классовая борьба и историческая неизбежность. В рамках данной модели история понималась как процесс движения в единственно правильном направлении. Керенский рассматривался как препятствие, подлежащее устранению, а его поражение – как неизбежный результат его классовой природы.

Западный нарратив о Керенском претерпел заметную эволюцию. В ранний период холодной войны он часто изображался как трагическая фигура, олицетворявшая поражение демократического идеала в России. Впоследствии внимание исследователей переместилось к оценке его личных политических качеств – нерешительности, склонности подменять практическую деятельность речами и неспособности к решительным действиям.

Не менее заметной была трансформация китайского дискурса: от первоначального полного принятия советского классового нарратива он постепенно перешёл к осмыслению более рефлексивной проблемы соотношения революции и реформ. Таким образом, один и тот же исторический деятель в различных нарративных рамках выступал как препятствие, жертва либо исторический пример, служивший предметом критической рефлексии. Выбор конкретной интерпретационной модели в конечном счёте определялся потребностями соответствующей дискурсивной системы на том или ином историческом этапе.

Различия в стратегиях конструирования личного образа

Все три дискурса были склонны преобразовывать абстрактные политические оценки в конкретные личностные характеристики, однако применяемые ими стратегии существенно различались.

В советском дискурсе основным приёмом стала стратегия превращения Керенского в политического шута. Когда исторический деятель становится объектом насмешки, общество утрачивает возможность серьёзно и рационально осмысливать как его личность, так и его политическую деятельность.

Западные дискурсивные стратегии отличались большей гибкостью. Образ «трагического героя» позволял вызвать к Керенскому сочувствие; акцент на его нерешительности частично объяснял причины политического поражения; образ «политической звезды» позволял раскрыть механизмы формирования и разрушения культа лидера в условиях массовой политики.

В китайской историографии произошёл переход от политико-нравственного осуждения, выражавшегося в таких характеристиках,

как «прислужник» и «шут», к более взвешенным определениям – «политик, пытавшийся противостоять обстоятельствам» и «трагическая фигура». По мере ослабления морализаторского компонента оценки углублялось понимание конкретной исторической ситуации, в которой действовал Керенский.

Различия в объяснении причин поражения

Постановка вопроса о причинах поражения Керенского отражает различия в глубинной логике трёх дискурсивных систем.

Советская историография исходила из жёсткого классового детерминизма: предполагалось, что классовая природа Керенского неизбежно вела его к предательству революции. Этот вывод предшествовал анализу конкретных исторических свидетельств и не требовал специального доказательства в рамках принятой идеологической модели.

В раннем западном нарративе поражение чаще объяснялось внешними факторами, прежде всего методами политической борьбы большевиков. Впоследствии исследовательское внимание переместилось к внутренним причинам: личностным недостаткам Керенского либо несоответствию демократических институтов российским социально-политическим условиям.

В последние годы китайские исследователи всё чаще обращаются к структурному объяснению. В условиях полного распада имперской системы Керенскому приходилось одновременно вести войну, осуществлять государственное строительство и решать задачу конституционного устройства. Эти три задачи взаимно ограничивали друг друга, поэтому любой политический деятель, оказавшийся в подобных обстоятельствах, едва ли мог выйти из них без тяжёлых политических потерь.

Переход от «суда над личностью» к «пониманию исторической ситуации» приближает критерии оценки к анализу конкретных условий эпохи и косвенно свидетельствует о возвращении к принципам академической рациональности и их дальнейшем развитии.

Политическая функция образа проигравшего как исторического зеркала

В Советском Союзе полное отрицание Керенского означало отрицание самой возможности «третьего пути» и одновременно служило доказательством того, что Октябрьская революция являлась единственным возможным историческим выбором. Дискредитация и устранение политических сил, занимавших промежуточную позицию, были необходимым условием самолегитимации бинарного нарратива. Как писал Мао Цзэдун, «революция – не званный обед».

На Западе образ Керенского изменялся в зависимости от идеологических потребностей холодной войны. Когда требовался образ демократического мученика, Керенского представляли в возвышенном свете; когда же возникала необходимость осмыслить уязвимость демократии, внимание переносилось на его личные недостатки.

В китайском контексте переосмысление Керенского соответствовало более широкому пересмотру издержек радикальных революционных преобразований. Его фигура постепенно превратилась в одну из точек отсчёта, используемых китайской историографией при осуждении революции, реформ и их исторических последствий.

На этом основании можно сформулировать следующее теоретическое положение: образы проигравших в переломные моменты истории нередко несут в себе более богатую политическую информацию, чем образы победителей. Победитель может ограничиться созданием героизирующего нарратива о самом себе, тогда как проигравший становится объектом многочисленных контрфактических рассуждений, построенных по модели «если бы..., то...».

Споры об образе Керенского как историческом зеркале по существу являются продолжением дискуссии о том, по какому иному пути могла бы пойти Россия. Каждая интерпретация его личности одновременно представляет собой попытку вообразить одну из нереализованных исторических возможностей.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что образ Александра Керенского в советском и российском, западном и китайском дискурсах формировался не как нейтральное отражение его политической биографии, а как результат отбора и интерпретации исторического материала. В советской историографии Керенский прошёл путь от мелкобуржуазного соглашателя до карикатурного политического шута, а затем оказался в состоянии «институционализированного забвения». В постсоветской России его фигура получила более противоречивую оценку, учитывающую как политические способности, так и серьёзные просчёты. В западном дискурсе образ Керенского эволюционировал от трагического защитника демократии к не-

решительному политику и «политической звезде». Китайская историография, первоначально воспроизводившая советскую модель, постепенно перешла к самостоятельному осмыслению его роли в контексте соотношения революции, реформ и структурных ограничений 1917 года.

Сопоставление трёх традиций показывает, что различия в оценках Керенского определялись нарративными рамками, идеологическими потребностями и способами объяснения политического поражения. Советский дискурс опирался на классовый детерминизм, западный акцентировал личные качества политика и уязвимость демократических институтов, тогда как современные китайские исследования всё чаще обращаются к структурным противоречиям эпохи. В результате образ Керенского приобрёл функцию исторического зеркала, через которое осмысляются революция, демократия, политическое лидерство и нереализованные альтернативы развития России.

Литература

1. Дин Го. Керенский // Преподавание истории. – 1984. – № 11. – На кит. яз.
2. Цзинь Янь. Красное колесо, повёрнутое вспять: ретроспектива духовного пути русской интеллигенции – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2012. – 698 с. – ISBN 978-7-301-20915-8.
3. Ленин, В.И. Уроки революции. – URL: <http://www.71.cn/2011/1208/648946.shtml>.
4. Ленин, В. И. К лозунгам. – URL: <http://www.71.cn/2011/1208/648941.shtml>.
5. Шань Чунь. Выход в свет первого тома «Нового курса всемирной истории Нового времени» // Вестник Ляонинского университета. Серия: Философия и общественные науки. – 1981. – № 1. – На кит. яз.
6. Яо Хай. Русская революция: история Советского Союза. Т. 1 / Яо Хай. – Пекин: Народное издательство, 2013. – 677 с.
7. Яо Хай. Исследования истории России в Китае за тридцать лет политики реформ и открытости // Ежемесячник исторической науки. – 2009. – № 3. – На кит. яз.
8. Чжан Цзяньхуа. Имперская иллюзия: эволюция «образа государства» России и взгляд Другого – Пекин: Издательство общественно-научной литературы, 2019.
9. Figs, O. A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. – New York: Viking, 1997. – URL: <https://www.howardnema.com/wp-content/uploads/2021/02/A-PEOPLES-TRAGEDY-A-HISTORY-OF-THE-RUSSIAN-REVOLUTION-by-ORLANDO-FIGES-1997.pdf>.
10. October 1917: Myths and Reality // RT. – URL: <https://1917.rt.com/en/quiz/58b542d2f683b025d569e2c1>.
11. Pipes, R. The Russian Revolution. – New York: Alfred A. Knopf, 1990. – URL: <https://www.unz.com/print/AmSpectator-1991apr-00037/>.
12. Керенский Александр Фёдорович // Большая советская энциклопедия. – URL: <https://gufo.me/dict/bse/%D0%9A%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B-D%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9>.
13. Колоницкий, Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года). – Москва: Новое литературное обозрение, 2017. – 511, [1] – URL: <https://books.yandex.ru/reader/OhIYEQT?resource=book>.
14. История Всесоюзной коммунистической партии (большевики): краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). – Москва: Госполитиздат, 1938. – URL: <http://bolshevick.org/books/kratkij-kurs-istorii-vkpb.pdf>.
15. Старцев, В.И. Крах керенщины; под ред. О.Н. Знаменского. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1982. – 271 с. – URL: <https://djuv.online/file/bGjUj4T24kJ5V>.
16. Тютюкин, С.В. Александр Керенский: страницы политической биографии (1905–1917). – Москва: РОССПЭН, 2012. – URL: https://iriran.ru/sites/default/files/2024-05/Kerenskiy_Tyutyukin_2012.pdf.

THE CONSTRUCTION OF ALEXANDER KERENSKY'S IMAGE IN CHINESE, RUSSIAN, AND WESTERN DISCOURSES

Yin Shilong
Heilongjiang University

This article examines the construction of Alexander Kerensky's image in Soviet and Russian, Western, and Chinese discourses. Through a comparative analysis of historical studies, textbooks, biographies, memoirs, films, and journalistic publications, it identifies the principal stages and mechanisms through which his public image was transformed. The study shows that Soviet historiography consistently portrayed Kerensky as a compromiser, a servant of the bourgeoisie, and a political clown, after which his image entered a stage of "institutionalized oblivion." In post-Soviet Russia, he received a more contradictory and multidimensional assessment. In Western discourse, Kerensky's image evolved from that of a tragic defender of democracy to an indecisive politician and a "political celebrity."

Chinese historiography moved from reproducing the Soviet model toward an independent reconsideration of his role in the relationship between revolution and reform. The article concludes that these interpretive differences were shaped by narrative frameworks, ideological needs, and contrasting explanations of political defeat.

Keywords: Alexander Kerensky, image construction, Soviet historiography, Western discourse, Chinese historiography.

References

1. Ding Guo. Kerensky // History Teaching. – 1984. – No. 11. – In Chinese.
2. Jin Yan. The Red Wheel Turned Backward: A Retrospective on the Intellectual Journey of the Russian Intelligentsia. – Beijing: Peking University Press, 2012. – 698 p. – ISBN 978-7-301-20915-8.
3. Lenin, V.I. Lessons of the Revolution. – URL: <http://www.71.cn/2011/1208/648946.shtml>.
4. Lenin, V.I. On Slogans. – URL: <http://www.71.cn/2011/1208/648941.shtml>.
5. Shan Chun. Publication of the First Volume of A New Course in Modern World History // Journal of Liaoning University. Series: Philosophy and Social Sciences. – 1981. – No. 1.
6. Yao Hai. The Russian Revolution: History of the Soviet Union. Vol. 1 / Yao Hai. – Beijing: People's Publishing House, 2013. – 677 p.
7. Yao Hai. Research on Russian History in China during the Thirty Years of Reform and Opening-Up // Historiography Monthly. – 2009. – No. 3. – In Chinese.
8. Zhang Jianhua. Imperial Illusion: The Evolution of Russia's "National Image" and the Perspective of the Other. – Beijing: Social Sciences Academic Press, 2019.
9. Figes, O. A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. – New York: Viking, 1997. – URL: <https://www.howardnema.com/wp-content/uploads/2021/02/A-PEOPLES-TRAGEDY-A-HISTORY-OF-THE-RUSSIAN-REVOLUTION-by-ORLANDO-FIGES-1997.pdf>.
10. October 1917: Myths and Reality // RT. – URL: <https://1917.rt.com/en/quiz/58b542d2f683b025d569e2c1>.
11. Pipes, R. The Russian Revolution. – New York: Alfred A. Knopf, 1990. – URL: <https://www.unz.com/print/AmSpectator-1991apr-00037/>.
12. Kerensky, Alexander Fyodorovich // Great Soviet Encyclopedia. – URL: <https://gufo.me/dict/bse/%D0%9A%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9>.
13. Kolonitskii, B. I. "Comrade Kerensky": The Anti-Monarchical Revolution and the Formation of the Cult of the "Leader of the People" (March–June 1917). – Moscow: New Literary Observer, 2017. – 511, [1] p. – URL: <https://books.yandex.ru/reader/OhlvYEQT?resource=book>.
14. History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): Short Course / ed. by the Commission of the Central Committee of the AUCP(b). – Moscow: Gospolitizdat, 1938. – URL: <http://bolshevick.org/books/kratkiy-kurs-istorii-vkpb.pdf>.
15. Startsev, V.I. The Collapse of Kerenskyism / ed. by O.N. Znamenskii. – Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1982. – 271 p. – URL: <https://djuv.online/file/bGjUj4T24kJ5V>.
16. Tyutyukin, S.V. Alexander Kerensky: Pages of a Political Biography (1905–1917). – Moscow: ROSSPEN, 2012. – URL: https://iriran.ru/sites/default/files/2024-05/Kerenskiy_Tyutyukin_2012.pdf.

Капасович Денис Юрьевич,
магистрант, ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет»
E-mail: kapasovitch@yandex.com

В работе рассматривается место и роль молодежной дипломатии в экосистеме публичной дипломатии России. Анализ проводится в рамках экосистемного подхода к российской публичной дипломатии, предложенного исследователем Н.В. Бурлиновой. Проводится терминологическое разграничение понятийных категорий. Анализируется нормативно-правовая база, регулирующая данное направление, прослеживается эволюция российской модели молодежной дипломатии. Особое внимание уделяется современной институциональной структуре направления. В работе обосновывается важная роль молодежной дипломатии в решении внешнеполитических задач государства.

Ключевые слова: публичная дипломатия, общественная дипломатия, молодежная дипломатия, международное молодежное сотрудничество, мягкая сила, Россия, экосистема публичной дипломатии, некоммерческие организации.

Разграничение терминов публичная, общественная, молодежная дипломатия и международное молодежное сотрудничество в российских условиях

В современных условиях государства в рамках реализации своих внешнеполитических задач все активнее используют инструменты публичной дипломатии. Под **публичной дипломатией** принято понимать деятельность, направленную на установление и поддержание диалога с зарубежной целевой аудиторией для решения тех или иных политических задач государства. В колониальную эпоху метрополии активно развивали связи со своими колониями посредством культурного влияния, в последствии культурная дипломатия, являющаяся прообразом современной публичной дипломатии, приобрела большую популярность [1]. В наши же дни с использованием инструментов публичной дипломатии государства не только повышают имидж своей страны и укрепляют свое влияние, но и получают возможность ненасильственными и несиловыми методами добиваться целей внешней политики. Особую актуальность приобретает молодежная дипломатия или международное молодежное сотрудничество.

В российском научном дискурсе дискуссионным остается вопрос соотношения понятий публичная дипломатия и общественная дипломатия. Однако, на наш взгляд, в российской экосистеме публичной дипломатии общественную дипломатию стоит рассматривать как одно из направлений публичной дипломатии. **Общественная дипломатия** здесь скорее является инструментом взаимодействия с зарубежным гражданским обществом и общественными организациями в различных сферах жизни общества [2].

Молодежную дипломатию в российской системе публичной дипломатии стоит рассматривать как важнейшее направление именно общественной дипломатии. Формы молодежной дипломатии включают в себя: молодежные обмены, форумы, конференции, семинары, выставки и т.д. В конечном счете это предполагает привлечение молодежи к международному диалогу и международной проектной деятельности.

Целесообразно также и установить различие между молодежной дипломатией и международным молодежным сотрудничеством. Эти два схожие на первый взгляд термина неразрывно связаны друг с другом, хотя и не являются тождественными. **Международное молодежное сотрудничество** – это сама практика взаимодействия: обмен студентами, совместные образовательные и научные проекты, культурные фестивали, волонтерские программы, молодежные бизнес-инкубаторы и т.д.. Здесь главная задача – создать условия для прямого контакта молодых людей из разных стран, дать им возможность учиться, работать или творить вместе, обмениваться опытом. Часто это выстраивается на уровне государственных структур, а также через неправительственные организации. Цель – сформировать общее гуманитарное пространство, укрепить взаимопонимание, развить долгосрочные партнерские связи.

Молодежная дипломатия – это уже инструмент, который используют, чтобы придать этому сотрудничеству определенный вектор. Ее суть – в использовании потенциала молодежного диалога для решения более широких политических, гуманитарных или имиджевых задач государства. То есть это деятельность, которая работает на формирование позитивного образа страны за рубежом, разрушение стереотипов, вовлечение зарубежной аудитории в официальный диалог, создание «альтернативных» информационных потоков. В молодежной дипломатии уже присутствует элемент стратегии: государство напрямую или через НКО специально выстраивают проекты так, чтобы они имели определенный, нужный государству внешнеполитический эффект [3].

Нормативно-правовая основа российской молодежной дипломатии

Молодежная дипломатия и международное молодежное сотрудничество в России имеют нормативно-правовую и методическую основу. Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ в качестве одного из основных направлений государственной молодежной политики выделяет «содействие международному и межрегиональному сотрудничеству в сфере молодежной политики». Стратегия реализации молодежной политики в Российской

Федерации на период до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 августа 2024 г. № 2233-р) устанавливает молодежное сотрудничество как одно из приоритетных направлений: прописаны задачи по развитию связей российских молодежных организаций с зарубежными, работе с молодыми соотечественниками за рубежом и с иностранными студентами в России, использованию форматов общественной дипломатии [4].

Приложении № 1 к Концепции внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 31 марта 2023 года) подчеркивает, что «целесообразно активнее привлекать российские молодежные организации к международному культурно-гуманитарному сотрудничеству и развивать их взаимодействие с зарубежными партнерами» [5].

Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, утвержденная Указом Президента РФ от 5 сентября 2022 года № 611 (с изменениями от 17 октября 2022 года), рассматривает международное молодежное сотрудничество как одно из значимых направлений своей деятельности [6]. Ключевая задача этой работы заключается в вовлечении молодого поколения в глобальные культурные, научные и образовательные процессы, а также в волонтерскую деятельность, что способствует выстраиванию равноправного диалога между российскими и зарубежными общественными организациями. Основные усилия сосредоточены на поиске совпадающих интересов и развитии устойчивых горизонтальных связей, а также на всесторонней поддержке инициатив активной молодежи внутри страны. Особое значение при этом придается гуманитарной деятельности соотечественников за рубежом.

Советская и российская модель молодежной дипломатии

В целом, **цели молодежной дипломатии** можно разбить на два блока (цели системы публичной дипломатии страны и цели самой молодежи). С точки зрения экосистемы публичной дипломатии России молодежная дипломатия повышает имидж страны за рубежом, продвигает национальные интересы, сопровождает официальную внешнеполитическую стратегию страны, создает устойчивую сеть «горизонтальных» связей между молодежным сообществом России и зарубежных государств в различных сферах жизни государства и общества. С точки зрения молодежи, вовлеченной в молодежную дипломатию, целями такой деятельности является совершенствование навыков межкультурного взаимодействия, коммуникации, переговоров, лидерства, расширение профессиональных горизонтов, формирование активной гражданской позиции.

Конкретные **формы работы**, через которые достигаются цели, тоже весьма разнообразны:

- молодежные форумы и конференции;
- совместные волонтерские и социальные проекты;
- культурные и спортивные мероприятия;
- академические обмены (стажировки, участие в моделировании международных организаций);

- сетевое взаимодействие и цифровая дипломатия.

Молодежная дипломатия в СССР была важным инструментом «**на-родной дипломатии**» в условиях холодной войны, она использовала прямые контакты молодых людей из разных стран для укрепления взаимопонимания и продвижения социалистических ценностей.

Ключевую роль играл Комитет молодежных организаций СССР (КМО СССР), созданный в 1956 году. Он координировал международные связи разных советских молодежных структур: комсомола, пионерской организации, студенческих и спортивных объединений. Через КМО организовывали фестивали, образовательные и стипендиальные обмены, акции солидарности. КМО выступил организатором VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 году. В фестивале приняло участие более 34 тысяч человек из 131 страны мира [7].

Отдельным направлением было развитие международного молодежного туризма. Этим занималось Бюро международного молодежного туризма «Спутник» (с 1958 года). Оно организовывало поездки как советских молодых людей за границу, так и иностранных гостей в СССР (часто с экскурсиями, знакомством с бытом, культурой, достижениями) [8]. Идея была в том, чтобы через личный контакт разрушить стереотипы и сформировать более сбалансированный образ страны. К 1985 году по линии «Спутника» СССР посетило около 5 миллионов человек.

После XX съезда КПСС в 1956 г. по всей стране стали активно создаваться общества дружбы с зарубежными странами. Они вовлекали молодежь: организовывали конкурсы, выставки детского творчества,

совместные мероприятия, налаживали связи с учебными заведениями, клубами и общественными организациями в других странах.

Отдельно стоит выделить и рассмотреть участие детей международных контактах. Это стало особенно заметным в 1980-е годы. Движение получило неформальное название – «**детская дипломатия**». Ярким примером стал визит американской школьницы Саманты Смит в СССР в 1983 году: она посетила Москву, Ленинград и «Артек». После этого в СССР провели смены «Дети – послы мира». В 1986 году с ответным визитом в США отправилась советская школьница Катя Лычева. Здесь была своя логика: дети, не будучи напрямую вовлеченными в большую политику, становились «послами мира», что должно было показать: за ярлыками «холодной войны» стоят обычные люди, желающие мира [9].

Основным центром «детской дипломатии» как в годы позднего СССР, так и на современном этапе является Международный детский центр «Артек» в Крыму. В 2025 году первый заместитель директора «Артека» Елена Живогляд заявила, что, несмотря на сложную международную обстановку, детская дипломатия продолжает успешно развиваться. По ее словам, в юбилейном году центр принял почти 3000 детей из 81 страны, что доказывает востребованность его программ за рубежом.

Сегодня советские традиции детской дипломатии продолжает общероссийское движение «Дипломаты будущего». Движение объединяет клубы юных дипломатов по всей России и за рубежом [10].

Российская молодежная дипломатия сегодня реализуется на трех уровнях:

- федеральный уровень;
 - крупные общественные организации и НКО;
 - региональные Клубы, студенческие объединения в регионах.
- Целесообразно рассмотреть более подробно каждый из уровней.

Федеральный уровень молодежной дипломатии

В рамках федерального уровня формируется стратегическая повестка, выделяются ресурсы и координируется работа всей системы. Основным оператором молодежной дипломатии выступает **Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь)**. Трек Росмолодежь+World координирует работу с молодыми соотечественниками, организует крупные международные молодежные мероприятия, поддерживает молодежные инициативы в сфере общественной дипломатии [11]. Ежегодно Агентством организуется международный молодежный форум «Евразия Global». Форум собирает молодых лидеров из России и зарубежных стран, а также российских соотечественников за границей. Участники обсуждают актуальные вопросы евразийской интеграции, ищут совместные решения глобальных вызовов и работают над проектами в сфере дипломатии. В программе есть треки «Молодые дипломаты», «Активисты», «Медиа» и др. В 2026 г. к работе форума присоединились 160 участников из 24 стран мира.

Благодаря содействию МИД России и региональных властей созданы и активно действуют проектные офисы международного молодежного сотрудничества, среди которых – офис по направлению «Россия – Арктический совет» на базе Ямало-Ненецкого автономного округа, «Россия – Беларусь», «Россия – Организация исламского сотрудничества» в Татарстане, «Россия – Центрально-Азиатский регион» в Омской области, а также «Россия – БРИКС» в Ульяновской области.

Важным актором российской молодежной дипломатии является **Министерство науки и высшего образования России**. Минобрнауки организует или поддерживает площадки, где молодежь из разных стран обсуждает общие вызовы, генерирует идеи и запускает совместные инициативы. Министерство заключает соглашения и работает в рамках многосторонних форматов – например, в Совете по делам молодежи государств – участников СНГ, а также ведёт двустороннее взаимодействие. На базе РТУ МИРЭА организована базовая организация государств – участников СНГ по работе с молодежью. Важным направлением деятельности Министерства в этой сфере является работа по привлечению, адаптации, сопровождению иностранных студентов [12].

В 2024 году на базе МГИМО, РУДН, СКФУ, РТУ МИРЭА, ДВФУ созданы проектные офисы Минобрнауки России по развитию международного молодежного сотрудничества. Их задачи: аналитическое сопровождение, помощь в поиске зарубежных партнёров для российских вузов и молодежных организаций, поддержка адаптации иностранных студентов, содействие в создании международных сообществ. Например, офис в ДВФУ сфокусирован на сотрудничестве со странами Азии.

Деятельность **Россотрудничества** в сфере молодежной дипломатии помогает переводить гуманитарный диалог в практическую плоскость. Агентство реализует ряд программ, среди которых самой узнаваемой и востребованной остается «Новое поколение» – это се-

рия краткосрочных ознакомительных поездок в Россию для молодых представителей политических, общественных, научных и деловых кругов из других стран (от 14 до 40 лет, без российского гражданства) [1]. Участники не просто посещают лекции и мастер-классы, но и разрабатывают совместные проекты, устанавливают профессиональные контакты. По информации на 2025 год, с момента запуска программы «Новое поколение» в 2011 году в ней приняли участие более 11 000 человек из более чем 150 стран.

С 2014 года Россотрудничество реализует также программу «Здравствуй, Россия!» — это серия культурно-образовательных поездок. Ее цель — помочь молодым людям из-за рубежа лучше узнать Россию, попрактиковать русский язык и найти друзей среди сверстников со всего мира. При этом программа решает и более широкую задачу: воспитывает новое поколение соотечественников, сохраняя их языковую и этнокультурную связь с Россией.

Еще ряд федеральных министерств и ведомств в той или иной степени участвуют в развитии международного молодежного сотрудничества, однако, это участие носит ограниченный характер и больше связано с развитием международного сотрудничества в пределах компетенции конкретного ОФОВ.

Крупные НКО и общественные организации как акторы российской молодежной дипломатии

Как ранее было отмечено крупные общественные организации и НКО также являются важными акторами, реализующими программы молодежной дипломатии в России.

Национальный Совет молодежи и детских объединений России — крупнейшее в стране молодежное объединение, активно развивающее общественную дипломатию. Совет выступает инициатором крупных международных событий. Именно он стоял у истоков проведения XIX Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Сочи (2017 год). Также Совет инициировал регулярные молодёжные обмены с КНДР и Венесуэлой, организацию различных двусторонних молодежных форумов (Российско-Азербайджанский, Российско-Армянский и другие), Молодежного общественного форума Россия–Африка [13].

С 2009 года Нацсовет проводит образовательный семинар «Общественный дипломатический корпус». Его цель — обучить представителей молодёжных организаций навыкам международной коммуникации, чтобы они могли реализовывать проекты, развивать партнёрские связи, формировать позитивный образ России за рубежом, распространять русскую культуру и язык. В семинарах участвуют не только россияне, но и молодые люди из стран СНГ, Балтии, Кавказа, а также соотечественники из-за рубежа. Совет организует Международный молодёжный лагерь «Диалог», тренинг-семинар «Память и уроки Второй мировой войны», конкурс проектов «Мы говорим на одном языке».

Для получения информации о возможностях молодежи в сфере международного молодежного сотрудничества России создан сайт [Intermol.su](http://intermol.su) [14].

Импульс развитию международного молодежного сотрудничества в России придало проведение в 2024 году Всемирного фестиваля молодежи в Сочи. Это масштабное международное событие собрало более 20 тысяч участников из 188 стран мира. В 2025 году прошел Слет ВФМ в Нижнем Новгороде (2 тысячи участников из 120 стран), а в 2026-м в Екатеринбурге состоится Международный фестиваль молодежи.

По поручению Президента России В. Путина по итогам Фестиваля 2024 года создана **АНО «Дирекция всемирного фестиваля молодежи»**, которая объективно за два года своей работы превратилась в действенный инструмент масштабирования молодежной дипломатии на всю страну. Миссия Дирекции — помочь молодежи всего мира стать соавторами многополярного и справедливого мира через открытый диалог и совместные инициативы [15].

Один из ключевых проектов — **Международные клубы дружбы (МКД)**. Они появились после Всемирного фестиваля молодёжи 2024 года на базе программы «Культурное шефство». Клубы открыты во всех регионах России. Их задача — выстраивать долгосрочные связи: российская молодёжь курирует иностранных участников из своих регионов, а иностранные гости, в свою очередь, знакомят россиян со своей культурой. На семинарах кураторы обсуждают «дорожные карты», обмениваются опытом и ищут партнёров для совместных проектов.

Помимо основной программы, Дирекция запускает региональные экспедиции. Например, после Международного фестиваля молодёжи 2026 года часть иностранных участников отправится в путешествие по России (в том числе в Абхазию). Молодые люди не просто смотрят достопримечательности, а погружаются в жизнь регионов: встречаются с местными лидерами, участвуют в бытовых практиках, традицион-

ных обрядах, работают над реальными проектами (например, создают туристические ролики или карты-путеводители). Это помогает иностранцам глубже понять культуру и потенциал России.

Среди крупных некоммерческих организаций видную роль играет **АНО «Центр поддержки и развития общественных инициатив – «Креативная дипломатия»** [16]. Целевая аудитория Центра — молодые лидеры и эксперты. С 2017 года при поддержке Фонда президентских грантов и Фонда Горчакова работает программа Meeting Russia. Она нацелена на молодых аналитиков, дипломатов, журналистов и активистов из России, Европы и США, призвана создать диалоговое сообщество. А с 2023 года фокус сместился на латиноамериканское направление: запущена программа Hablemos con Rusia («Поговорим с Россией»), которая знакомит молодежь Латинской Америки с современной Россией.

Одним из основных акторов отечественной публичной дипломатии неизменно является **Фонд поддержки публичной дипломатии им. Горчакова**. Деятельность фонда затрагивает в том числе и молодежную целевую аудиторию и молодых лидеров общественного мнения. «Диалог во имя будущего», «Дипломатический семинар молодых специалистов», «Балканский диалог», «Кавказский диалог», «Арктический диалог», Школа по Центральной Азии, Молодежный форум «Потсдамских встреч», Международная молодежная медиашкола — неполный перечень реализуемых Фондом молодежных программ, которые стали уже традиционными [17].

Фонд проводит грантовые конкурсы, чтобы финансировать инициативы НКО, исследовательских центров и молодежных команд из России и зарубежья. Темы заявок разнообразны: от укрепления связей на евразийском пространстве и в АТР до развития отношений с Африкой, Латинской Америкой, Ближним Востоком, а также продвижения научной и цифровой дипломатии.

На базе Министерства иностранных дел создан **Совет молодых дипломатов МИД России**. Совет стал основным организатором проведения в 2025 году Глобального форума молодых дипломатов. В нем участвовали более 150 человек из 60 стран. В 2021 году была создана Международная ассоциация молодых дипломатов — для дальнейшего укрепления такого сетевого взаимодействия. Нельзя не упомянуть и деятельность **Молодежной Ассамблеи Народов Мира (МАНМ)** — это международное молодежное крыло Международного союза неправительственных организаций «Ассамблея Народов Мира». Ее цель — объединить молодежь разных стран для совместной работы в сфере общественной дипломатии, культуры, науки, образования и предпринимательства [18].

Роль региональных и муниципальных инициатив в молодежной дипломатии России

На региональном и муниципальном уровнях по всей стране действуют множество общественных объединений, студенческих Клубов, реализующих международные молодежные проекты и повышающих имидж страны за рубежом.

Академия молодежной дипломатии (Республика Татарстан) — один из ярких подобных примеров. Академия организует Форум молодых дипломатов стран Организации исламского сотрудничества (ОИС), II Международный турнир молодых поваров исламских стран, Премия молодых лидеров БРИКС и ШОС, IV Казанский глобальный молодёжный саммит. В 2025 году прошел лагерь «Друзья» в Малайзии, который объединил школьников из Татарстана и Малайзии.

В международную повестку активно включаются организации из исторических регионов России. Так, в Донецке функционирует Центр молодежной дипломатии «ЛЕГАТУС». Центр организует выставки, телемосты, семинары между молодежью ДНР и молодежью иностранных государств. В 2025 году в Мариуполе Центр «ЛЕГАТУС» организовал международный Форум молодых дипломатов «МЕРКУРИЙ», в работе которого приняла участие молодежная общественность из 20 стран. В Луганске же с 2025 года действует Клуб общественной дипломатии «Дружба народов», который помогает бороться с дезинформацией о регионе и налаживать международные молодежные связи.

Молодежная дипломатия через призму экосистемного подхода к отечественной публичной дипломатии

Исследователем Н.В. Бурлиновой предложен экосистемный подход к российской публичной дипломатии. В рамках этого подхода отечественную публичную дипломатию предложено рассматривать как сообщество участников (институтов, организаций, территориальных единиц, людей), которое требует взаимодействия всех акторов для решения государственных задач во внешней политике. Ключевая идея в том, чтобы увидеть в публичной дипломатии не разрозненные усилия,

а целостную экосистему – систему горизонтальных и вертикальных связей между государственными и негосударственными акторами, а также коммуникационными каналами внутри страны.

Роль молодежной дипломатии в экосистеме российской публичной дипломатии сложно переоценить. Через проекты, которые интересны молодежи (образовательные обмены, культурные фестивали, волонтерские инициативы, молодежные форумы), страна транслирует свою культуру, историю, достижения. Это помогает разрушать стереотипы и формировать более сбалансированное, доброжелательное восприятие России за рубежом. Молодежь не просто участвует в мероприятиях, она учится межкультурному взаимодействию, развивает навыки переговоров, проектной работы и публичных коммуникаций. Такие программы закладывают базу для будущих профессиональных и личных связей [19].

Молодежная дипломатия не подменяет официальную дипломатию, а дополняет ее, работая на «низовом», горизонтальном уровне [20]. Она опирается на активность самих молодых людей, их инициативы, что делает процесс более динамичным и менее бюрократизированным.

Вместе с тем, экосистемный подход к анализу молодежной дипломатии в России позволяет говорить о ряде вызовов в развитии этого направления. Деятельность по развитию молодежной дипломатии в России во многом осуществляется либо федеральными органами исполнительной власти, либо некоммерческими организациями, получающими государственное финансирование своих проектов и программ. На более же низовом уровне проекты зависят от грантовой поддержки и часто не предполагают коммуникацию и сотрудничество с аналогичными НКО в других регионах [21].

Заключение

Таким образом, молодежная дипломатия не только дополняет, но и существенно усиливает российскую публичную дипломатию, превращая молодое поколение в активного субъекта внешнеполитического процесса и создавая «кадровый резерв» для будущей профессиональной дипломатической службы. Молодежная дипломатия занимает особое место в экосистеме российской публичной дипломатии, выступая ее динамичным и перспективным звеном. В условиях геополитической напряженности и попыток формирования негативного образа России за рубежом, именно молодежные инициативы становятся эффективным инструментом «мягкой силы», позволяющим наладить горизонтальные связи и донести объективную информацию до зарубежной аудитории в обход официальных каналов. Ключевая роль здесь отводится неправительственным организациям, университетам и самим молодежным объединениям, которые выступают основными акторами, создавая площадки для неформального диалога и культурного обмена.

Литература

1. Теория и практика публичной дипломатии России: учеб.-метод. материалы № 10/2024 / [Н.В. Бурлинова; под ред. С.М. Гавриловой, Е.А. Солодухиной и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2024. – 160 с.
2. Российская публичная дипломатия: региональный срез некоммерческих структур: доклад № 107 / 2025 / [Н.В. Бурлинова, В.Н. Табак, Д.Е. Божко; под ред. С.М. Гавриловой, Д.О. Растегаева]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2025. – 52 с.
3. Сорокоумова Г.В. Развитие молодёжной общественной дипломатии // Интерактивная наука. – 2018. – № 4. – С. 26.
4. Российская Федерация. Правительство. О Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение от 17 августа 2024 г. № 2233-р // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 35. – Ст. 5234.
5. Российская Федерация. Президент. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ от 31 марта 2023 г. № 229. – Приложение № 1 // Собрание законодательства РФ. – 2023.
6. Российская Федерация. Президент. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом: Указ Президента РФ от 5 сентября 2022 г. № 611 // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 37. – Ст. 6201.
7. Александров А.В. Молодёжная общественная дипломатия как стратегия формирования гражданских ценностей у старшеклассников и студентов // Сборник научных трудов Diplo science / Под. ред. С.Н. Бородулина, Н.И. Озеровой, В.Н. Шайдунова. – СПб.: Изд-во Невского института языка и культуры, 2010. – С. 5–15.
8. История компании «Спутник». – URL: <https://sputnik.company/company/history/> (дата обращения: 27.06.2026). – Текст: электронный.
9. Попов А.Д. Международная деятельность «Артека» в контексте детской дипломатии периода Холодной войны // *Magistra Vitae: элект-*

ронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2018. – № 2. – С. 81–88. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnaya-deyatelnost-arteka-v-kontekste-detskoy-diplomatii-perioda-holodnoy-voyny> (дата обращения: 27.06.2026).

10. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Общественное детское движение «Дипломаты будущего»: [сайт]. – URL: https://www.mid.ru/ru/about/social_organizations/association/diplomaty-budushego/ (дата обращения: 27.06.2026). – Текст: электронный.

11. Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодёжь). – URL: <https://fadm.gov.ru/directions/themed-tracks/rosmolodyezh-world/> (дата обращения: 27.06.2026). – Текст: электронный.

12. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: страница на портале «Интермол» / Международное молодежное сотрудничество. – URL: <https://intermol.su/about/organizations/ministerstvo-nauki-i-vysshego-obrazovaniya-rossijskoj-federaczi/> (дата обращения: 27.06.2026). – Текст: электронный.

13. Национальный Совет молодёжных и детских объединений России: страница на портале «Интермол» / Международное молодежное сотрудничество. – URL: <https://intermol.su/about/organizations/natsionalnyj-sovet-molodyozhnyh-i-detskih-obedinenij-rossii/> (дата обращения: 27.06.2026). – Текст: электронный.

14. Международное молодежное сотрудничество: [сайт]. – URL: <https://intermol.su/> (дата обращения: 27.06.2026). – Текст: электронный.

15. Международная платформа возможностей «wyffest.com»: [сайт]. – URL: <https://wyffest.com/> (дата обращения: 27.06.2026). – Текст: электронный.

16. PICREADI: [сайт]. – URL: <https://picreadi.ru/> (дата обращения: 27.06.2026). – Текст: электронный.

17. Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова: [сайт]. – URL: <https://gorchakovfund.ru/> (дата обращения: 27.06.2026). – Текст: электронный.

18. Молодежная Ассамблея Народов Мира: молодежное крыло Международного союза неправительственных организаций «Ассамблея Народов Мира»: страница на официальном сайте. – URL: <https://world-assembly.org/youth-assembly> (дата обращения: 27.06.2026). – Текст: электронный.

19. Великая А.А. Публичная дипломатия России и США. – Москва: Аспект-Пресс, 2023. – 192 с.

20. Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Издательство «Аспект Пресс». 2017. – 272 с.

21. Бурлинова Н.В. (2026) Публичная дипломатия России через призму экосистемного подхода: анализ внутреннего сообщества // Общественные науки и современность. № 2. С. 93–105.

YOUTH DIPLOMACY IN THE ECOSYSTEM OF RUSSIAN PUBLIC DIPLOMACY: THEORY AND PRACTICE

Kapasovich D.Yu.

Lugansk State Pedagogical University of the Russian Federation

The paper examines the place and role of youth diplomacy in the ecosystem of public diplomacy in Russia. The analysis is carried out within the framework of the ecosystem approach to Russian public diplomacy proposed by researcher N.V. Burlinova. The terminological differentiation of conceptual categories is carried out. The regulatory framework governing this area is analyzed, and the evolution of the Russian model of youth diplomacy is traced. Special attention is paid to the modern institutional structure of the direction. The paper substantiates the important role of youth diplomacy in solving the foreign policy tasks of the state.

Keywords: public diplomacy, public diplomacy, youth diplomacy, international youth cooperation, soft power, Russia, ecosystem of public diplomacy, non-profit organizations.

References

1. Theory and practice of Russian public diplomacy: studies. – the method. Materials № 10/2024 / [N.V. Burlinova; edited by S.M. Gavrilova, E.A. Solodukhina, and others]; Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow: NP RIAC, 2024. 160 p.
2. Russian public diplomacy: a regional cross-section of non-profit structures: Report № 107 / 2025 / [N.V. Burlinova, V.N. Tabak, D.E. Bozhko; edited by S.M. Gavrilova, D.O. Rastegaev]; Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow: NP RIAC, 2025. – 52 p.
3. Sorokoumova G.V. Development of youth public diplomacy // Interactive science. – 2018. – № 4. – p. 26.
4. Russian Federation. Government. On the Strategy for the implementation of youth policy in the Russian Federation for the period up to 2030: Order № 2233-r dated August 17, 2024 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2024. – № 35. – Art. 5234.
5. Russian Federation. President. On the approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation: Decree № 229 dated March 31, 2023. – Appendix № 1 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2023.
6. The Russian Federation. President. The concept of humanitarian policy of the Russian Federation abroad: Decree of the President of the Russian Federation dated September

5, 2022 № 611 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – № 37. – Art. 6201.

7. Alexandrov A.V. Youth public diplomacy as a strategy for the formation of civic values among high school students and students // Collection of scientific papers Diplo science / Edited by S.N. Borodulin, N.I. Ozerova, V.N. Shaidurov. Saint Petersburg: Publishing House of the Nevsky Institute of Language and Culture, 2010, pp. 5–15.

8. The history of the Sputnik company. – URL: <https://sputnik.company/company/history/> (date of access: 06/27/2026). – Text: electronic.

9. Popov A.D. Artek's international activities in the context of children's diplomacy during the Cold War // *Magistra Vitae: an electronic journal of historical sciences and archeology*. – 2018. – № 2. – pp. 81–88. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnaya-deyatelnost-arteka-v-kontekste-detskoy-diplomatii-perioda-holodnoy-voyny> (date of request: 06/27/2026).

10. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Public children's movement «Diplomats of the Future»: [website]. – URL: https://www.mid.ru/ru/about/social_organizations/association/diplomaty-budushego/ (date of access: 06/27/2026). – Text: electronic.

11. Federal Agency for Youth Affairs (Rosmolodezh). – URL: <https://fadm.gov.ru/directions/themed-tracks/rosmolodezh-world/> (date of access: 06/27/2026). – Text: electronic.

12. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation: page on the Internol portal / International youth cooperation. – URL: <https://internol.su/about/organizations/ministerstvo-nauki-i-vysshego-obrazovaniya-rossijskoj-federaczii/> (date of access: 06/27/2026). – Text: electronic.

13. National Council of Youth and Children's Associations of Russia: page on the Internol portal / International youth cooperation. – URL: <https://internol.su/about/organizations/nacjonalnyj-sovet-molodyozhnyh-i-detskih-obedinenij-rossii/> (date of access: 06/27/2026). – Text: electronic.

14. International youth cooperation: [website]. – URL: <https://internol.su/> (date of access: 06/27/2026). – Text: electronic.

15. International Opportunity Platform «wyffest.com»: [website]. – URL: <https://wyffest.com/> (date of access: 06/27/2026). – Text: electronic.

16. PICREADI: [website]. – URL: <https://picreadi.ru/> (date of access: 06/27/2026). – Text: electronic.

17. The A.M. Gorchakov Public Diplomacy Support Fund: [website]. – URL: <https://gorchakovfund.ru/> (date of access: 06/27/2026). – Text: electronic.

18. The Youth Assembly of the Peoples of the World: the youth wing of the International Union of Non-Governmental Organizations «Assembly of the Peoples of the World»: page on the official website. – URL: <https://world-assembly.org/youth-assembly> (date of request: 06/27/2026). – Text: electronic.

19. Velikaya A.A. Public diplomacy of Russia and the USA. Moscow: Aspect Press, 2023. 192 p.

20. Public Diplomacy: Theory and Practice: Scientific Publication / Edited by M.M. Lebedeva. Moscow: Aspect Press Publishing House. 2017. – 272 p.

21. Burlinova N.V. (2026) Russian public diplomacy through the prism of an ecosystem approach: an analysis of the internal community // *Social Sciences and Modernity*. № 2. pp. 93–105.

ГГК «Газпром» как инструмент государственной внешнеэкономической стратегии в переходный период 1989–1993 гг.

Шадрин Данила Андреевич,

магистрант, кафедра истории России новейшего времени,
Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: danil.shadrin.1960@mail.ru

В статье анализируется роль Государственного газового концерна «Газпром» как инструмента государственной внешнеэкономической стратегии в переходный период 1989–1993 годов. Показывается, что ГГК «Газпром», унаследовав институциональные основы советского Министерства газовой промышленности стал проводником государственной политики. Вместе с тем, несмотря на кадровую преемственность и советское инфраструктурное наследие, профильная внешнеэкономическая деятельность «Газпрома» институционально оформлялась как самостоятельная корпоративная активность, ориентирующаяся, прежде всего, на коммерческую логику.

Ключевые слова: ГГК «Газпром»; внешнеэкономическая стратегия; переходный период; кадровая преемственность; гибридная модель; советское наследие.

Введение

Современные дискуссии о «Газпроме» неизменно касаются его двойственной природы: с одной стороны, это крупнейшая коммерческая корпорация, действующая на глобальных энергетических рынках, с другой – инструмент реализации государственной внешнеэкономической и геополитической стратегии. Однако вопрос о том, когда и в каких институциональных формах сложилась эта гибридность, остается недостаточно изученным. Переходный период 1989–1993 годов, охватывающий финальный этап существования СССР и первые годы независимой Российской Федерации, представляет собой ключевой момент, когда были заложены основы будущей корпорации в условиях системного кризиса советской плановой экономики, распада единого государства и трансформации внешнеэкономического курса.

Массив архивных документов РГАЭ включает протоколы № 1–2, постановление № 1 заседаний и селекторных совещаний Совета ГГК «Газпром», материалы к протоколам и постановлениям (Ф. 799. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 4–5); экономико-статистический обзор «Газовая промышленность СССР» за 1989 год (Ф. 799. Оп. 1. Д. 14. Л. 17); сборник поручений Совета СССР и материалов по их выполнению, докладных записок, справок, писем в Совет Министров СССР по экономическому и научно-техническому сотрудничеству с зарубежными странами, оказанию помощи развивающимся государствам и участию в работе международных организаций (Том 1) (Ф. 799. Оп. 1. Д. 368. Л. 6, 205, 218, 271); документы по поручениям Кабинета Министров СССР и материалы по продукции, предназначенной на экспорт, снабжению предприятий и организаций импортными материалами и оборудованием (Ф. 799. Оп. 1. Д. 785. Л. 15); экономико-статистический обзор «Газовая промышленность СССР» за 1991 год (Ф. 799. Оп. 1. Д. 806. Л. 10); материалы об участии делегации ГГК «Газпром» в работе XVIII Международного газового конгресса (8–12 июля 1991 г., г. Берлин) (Ф. 799. Оп. 1. Д. 1187. Л. 23); доклад Председателя Правления ГГК «Газпром» «Газовая промышленность Содружества Независимых Государств и проблема газоснабжения Европы» (Ф. 799. Оп. 1. Д. 1210. Л. 3).

Хронологические рамки исследования (1989–1993 гг.) охватывают период от образования ГГК «Газпром» на базе Министерства газовой промышленности СССР до завершения его преобразования в Российское акционерное общество (РАО) «Газпром». В эти годы были заложены ключевые институциональные и стратегические основания, определившие дальнейшее развитие «Газпрома» как гибридного института, сочетающего черты рыночной корпорации и проводника государственной внешнеэкономической и энергетической политики.

Институциональная архитектура ГГК «Газпром»: как советское министерское наследие сформировало рамки внешнеэкономической стратегии компании

Государственный газовый концерн «Газпром» берет свое начало с постановления Совета Министров СССР от 8 августа 1989 г. № 619 «Об образовании Государственного газового концерна «Газпром» [1]. Первым председателем концерна был Виктор Степанович Черномырдин, выпускник Куйбышевского политехнического института, он прошел производственный путь от машиниста технологических компрессоров до директора Оренбургского газоперерабатывающего завода. В 1982 году Черномырдин В.С. был назначен заместителем министра газовой промышленности СССР, с 1985 года возглавил министерство, а в 1989 году стал председателем ГГК «Газпром».

Ключевым институциональным фактором, позволившим «Газпрому» выступать инструментом государственной внешнеэкономической стратегии, стала кадровая преемственность, обеспечившая сохранение централизованно-вертикального характера управления. Правление концерна на момент основания состояло из 14 человек. В его состав входили: Р.И. Вяхирев – будущий председатель правления концерна после В.С. Черномырдина; С.Р. Дерезов – с 1966 года работавший в Мингазпроме СССР начальником отделом новой техники для добычи, хранения и транспортировки газа, затем начальником управления внешнеэкономических связей; В.В. Шеремет – с 1988 года первый заместитель министра нефтяной и газовой промышленности СССР; В.Б. Бударин – в 1975 году приглашенный в аппарат ЦК КПСС на долж-

ность инструктора в сектор газовой промышленности отдела тяжелой промышленности и энергетики, и другие [7].

Советское наследие выразилось ещё в одном ключевом аспекте: концерну досталась вся инфраструктура советского отраслевого министерства – Единая система газоснабжения (ЕСГ). Единая система газоснабжения – гигантский технологический комплекс, включающий объекты добычи, переработки, транспортировки, хранения и распределения газа. Проект её создания был подготовлен ещё в начале 1960-х годов Министерством газовой промышленности СССР, и к концу 1980-х она представляла собой технологический триумф советской инженерной мысли.

Однако та же ЕСГ стала и главным уязвимым местом: любое административное или государственное деление неминуемо вело к ее расчленению. Особую значимость это приобрело после распада СССР, когда Президент России своим Указом от 1 июня 1992 года № 538 закрепил, что «Единая система газоснабжения страны является исключительно федеральной собственностью» [3]. Государство передало концерну имущество ЕСГ в полное хозяйственное ведение, возложив на компанию «Газпром» ответственность за надежное газоснабжение потребителей и координацию деятельности всех входящих в него предприятий.

О единой системе газоснабжения на основании архивных документов – из доклада Черномырдина В.С. «Газовая промышленность Содружества независимых государств и проблема газоснабжения Европы»: «В её состав входят свыше 200 газовых и газоконденсатных месторождений, 46 подземных хранилищ газа, 6 газоперерабатывающих заводов, 4,4 тыс. газораспределительных станций, 220 тыс. км магистральных газопроводов... Жёсткая технологическая взаимосвязь основных элементов системы “промысел–газопровод–потребитель” предопределяет необходимость высокого уровня централизации управления газовой промышленностью. Такая централизация обеспечивает оперативное диспетчерское управление добычей, переработкой, транспортировкой и поставками газа потребителям, разработку стратегии развития отрасли на перспективу, проведение единой инвестиционной и научно-технической политики» [13].

Если изначально концерн функционировал в рамках еще единой страны, то события конца 1991 года поставили отрасль на грань катастрофы. Особую остроту приобрела проблема транзита: магистральные газопроводы, связывавшие крупные месторождения с потребителями, проходили через территорию бывших союзных республик, это, в свою очередь, создавало прямую угрозу технологической целостности ЕСГ и, как следствие, надежности экспортных поставок – главного источника валютных поступлений.

В начале 1992 года перед новым российским правительством встал вопрос о судьбе двух ключевых отраслей топливно-энергетического комплекса – нефтяной и газовой. Итогом стало проведение двух принципиально разных политик: нефтяную отрасль сделали децентрализованной, в то время как газовую наделили особым статусом. Этот контраст во многом определил структуру российской экономики на десятилетия вперед. В нефтяной отрасли была запущена масштабная реструктуризация. 17 ноября 1992 года президент Б.Н. Ельцин подписал Указ № 1403 «Об особенностях приватизации и преобразования в акционерные общества государственных предприятий... нефтяной, нефтеперерабатывающей промышленности и нефтепродуктообеспечения» [2]. Советская монополия в нефтяном секторе была разрушена, начали создаваться независимые компании. В апреле 1993 года появились первые частные нефтяные компании – «ЛУКОЙЛ», «ЮКОС» и «Сургутнефтегаз».

Совершенно иная судьба постигла газовую отрасль. Реформаторское правительство изначально намеревалось реорганизовать ее по образу и подобию нефтяной – то есть разделить. Однако эти планы встретили мощное сопротивление со стороны тогдашнего руководителя Черномырдина В.С.

В начале 1992 года правительство под руководством Е.Т. Гайдара и министра топлива и энергетики В.М. Лопухина попыталось реструктуризировать газовую отрасль: впервые была озвучена идея создать независимые добывающие компании, поставляющие газ в единую централизованную газотранспортную систему. Инициатором реформы выступил В.М. Лопухин, однако его план встретил сопротивление председателя ГГК «Газпром» В.С. Черномырдина, выступавшего за сохранение единого вертикально-интегрированного концерна. В результате Лопухин был отправлен в отставку. 30 мая 1992 года был издан соответствующий Указ Президента РФ, в соответствии с которым Виктор Степанович Черномырдин был назначен Заместителем Председателя Правительства Российской Федерации по топливно-энергетическому комплексу, это, в свою очередь, позволило ему лично контролировать ключевые решения о будущем «Газпрома». После ухода команды ре-

форматоров Е.Т. Гайдара председателем компании стал соратник Виктора Степановича Черномырдина – Р.И. Вахирев.

Это назначение стало важным моментом в борьбе за сохранение отраслевой монополии.

В ноябре 1992 года Постановлением Правительства РФ № 1003 Государственный газовый концерн «Газпром» был преобразован в Российское акционерное общество (РАО) «Газпром» с сохранением контрольного пакета акций (40%) в руках государства [4]. Газовая отрасль пошла по пути создания единого вертикально-интегрированного акционерного общества, где государству принадлежала блокирующая или контрольная доля, а управленческая вертикаль, унаследованная от министерства, оставалась практически нетронутой.

Таким образом, ГГК «Газпром» унаследовал управленческую архитектуру советского министерства, это, в свою очередь, предопределило его роль как проводника государственной политики и в значительной степени обусловило сложившуюся структуру концерна.

Роль ГГК “Газпром” в реализации государственной внешнеэкономической стратегии

Кризисное состояние советской экономики конца 1980-х – начала 1990-х годов, усугубленное дефицитом валютных средств и разрывом традиционных хозяйственных связей, поставило перед государством задачу поиска нетрадиционных механизмов обеспечения социальных обязательств. В этих условиях Государственный газовый концерн «Газпром», обладая уникальным экспортным ресурсом – природным газом – оказался востребован как инструмент решения общегосударственных проблем, выходящих далеко за рамки основной деятельности концерна.

Показательным примером реализации социальных гарантий при поддержке «Газпрома» стало обеспечение граждан лекарственными препаратами. В письме Премьер-Министру СССР тов. Павлову В.С. «Об оплате за медикаменты, поступающие из СФРЮ» Министерство здравоохранения СССР информировало Правительство страны «о критическом положении, сложившемся с лекарственным обеспечением населения и лечебно-профилактических учреждений». Одной из причин называлось то, что «из-за отсутствия платежей большинство югославских фирм фактически прекратили поставки медикаментов в СССР» [10]. Более того, задержка с оплатой задолженности по импорту медикаментов из Югославии за 1990 год, «которая составляет 20,6 млн руб., поставила ряд фармацевтических фирм СФРЮ на грань банкротства», в связи с чем поставки практически прекращены. Выход был найден не в прямом бюджетном финансировании (средств в бюджете не было), а через предложение югославской стороны «осуществить взаиморасчет импорта медикаментов за счет поступлений от экспортных поставок природного газа из СССР в СФРЮ» [10]. «Газпром» выступал инструментом государства, обеспечивающим погашение внешних социальных обязательств за счёт своей валютной выручки – без прямого перечисления бюджетных средств.

Еще одним примером такого рода инструментализации стал документ «О дополнительных закупках в ГДР товаров народного потребления и некоторых продовольственных и других товаров в 1990 году». В соответствии с распоряжениями Совета Министров СССР от 11 марта 1990 года № 691 были проведены переговоры со стороной ГДР, «в ходе которых был рассмотрен вопрос о дополнительных поставках из ГДР в 1990 году товаров народного потребления, продовольственных и других товаров сверх объемов, предусмотренных Протоколом о товарообороте и платежах на 1990 год». Сторона ГДР предложила осуществить эти поставки «на сумму до 500 млн переводных рублей в основном за счет части ее обязательств по Соглашению о сотрудничестве в освоении Ямбургского газового месторождения от 20 января 1986 г., а также за счет оплаты поставками в 1990 году и последующих годах из СССР природного газа сверх имеющихся обязательств Советской стороны» [9, Л. 228]. Этот механизм демонстрирует, как «Газпром» использовался государством для решения задач, не связанных напрямую с его коммерческой деятельностью: экспортный газ стал разменной монетой в схеме бартерного обмена, позволившей СССР получить дефицитные товары народного потребления без расходов валютных резервов.

Стоит также отметить документ «О разрешении на закупку в Австрии пищевого сырья мини-заводов для Западной Сибири против сверхконтрактных поставок газа» от 24 мая 1990 года. В результате была достигнута договоренность, что австрийская компания «ОМВ» «закупит сверх 4,5 млрд куб.м газа ежегодно в период с 1990 по 1992 год для обеспечения финансирования поставок ГГК «Газпром» комплектных мини-заводов по переработке мяса, молока, фруктов, овощей» [9, Л. 218].

К середине 1980-х годов Советский Союз вышел на первое место в мире по добыче газа, достигнув порядка 550–600 млрд куб.м. в год [5], а к 1975 году природный газ уже стал одним из основных видов топлива в структуре добычи основных энергоносителей в СССР (доля газа выросла с 21,8% до 38,9%, тогда как доля нефти сократилась с 45,5% до 39,0%, а угля – с 30,0% до 20,4%) [8]. В «Экономикстатистическом обзоре “Газовая промышленность СССР” за 1991 год» также констатируется, что природный и попутный нефтяной газ оставался «основным видом топлива и важным источником сырья для народного хозяйства» [11]. Несмотря на нарастающие негативные тенденции в экономике и общий спад производства, газовая промышленность, сохранившая статус единого производственно-технического комплекса с централизованным управлением (прежде всего благодаря контролю над Единой системой газоснабжения), демонстрировала высокую устойчивость и стабильность работы. Колоссальный потенциал советской газовой промышленности, однако, не был реализован в полной мере из-за кризиса советской плановой экономики и последовавшего распада СССР.

Опора на ресурсную значимость природного газа, его доминирующее положение в структуре советского топливно-энергетического баланса, а также зависимость внешних потребителей – от социалистических стран до государств Западной Европы – во многом предопределили использование государственной газовой корпорации «Газпром» в качестве многофункционального инструмента государственной политики: от выполнения социальных обязательств до поддержания и развития внешнеэкономических связей. Следует также учитывать, что нефтяная отрасль в значительно большей степени подвергалась внешней ценовой волатильности (в частности, в ходе нефтяных кризисов 1973–1974 и 1979 гг.), тогда как газовый сектор характеризовался относительной стабильностью ценообразования.

Внеэкономическая самостоятельность «Газпрома» как проявление гибридности модели

Концерн с момента своего основания демонстрировал значительную степень самостоятельности, при этом организационная структура управления во многом сохраняла преемственность с министерской моделью.

Важнейшим проявлением автономии стала профильная деятельность концерна. Согласно пункту 12 постановления № 619 «Об образовании ГК “Газпром”» [6], компания получила законное право вести дела с зарубежными партнерами – от экспортных операций до создания совместных предприятий. Этот переход от межправительственных соглашений к совместным предприятиям озаменовал принципиальный сдвиг в форматах международного взаимодействия. Если прежняя модель сотрудничества основывалась преимущественно на политически мотивированных обязательствах союзных государств и предполагала доминирующую роль государства как главного субъекта переговоров, то теперь концерн получил возможность действовать в качестве самостоятельного переговорщика, руководствующегося коммерческими принципами. Тем самым «Газпром» начал дистанцироваться от роли простого исполнителя государственной воли во внешнеэкономической сфере.

Руководство концерна также активно участвовало в переговорах с главами иностранных энергетических корпораций и первыми лицами государств.

Подтверждением интереса к новой роли «Газпрома» служило и внимание со стороны западного бизнеса: в 1990 г. американская корпорация «Фрипорт-Макморан» (годовой оборот около 1,9 млрд долл., входит в Fortune 500) приглашала В.С. Черномырдина посетить свои объекты в США – этот эпизод демонстрировал, что к концерну уже тогда относились как к полноправному и перспективному партнеру на глобальном ресурсном рынке [9, Л. 11].

Стоит также отметить, что компания самостоятельно выстраивала портфель экспортных контрактов, ориентируясь на надежность спроса. Валютная выручка использовалась гибко – в основном для модернизации мощностей и закупки критически важного оборудования. Выбор экспортных маршрутов подчинялся, в первую очередь, коммерческой логике.

Стратегическая линия на экспорт газа в Европу, сложившаяся еще в советский период, например сделка газ-трубы 1970 года с ФРГ, сохраняла свою устойчивость даже после объединения Германии и других кардинальных геополитических перемен. Например, уже в 1994 году началось строительство газопровода “Ямал-Европа” с польского и германского участков. Данный газопровод соединяет газовые месторождения севера Западной Сибири с потребителями в Европе.

Экспортная ориентация на европейский рынок диктовала экономическую целесообразность развития инфраструктуры: компания вы-

страивала газопроводные мощности именно под стабильный и платежеспособный спрос. Государственные интересы, безусловно, присутствовали, но они скорее после создания концерна дополняли коммерческую стратегию, чем ограничивали ее. В рассматриваемый период ГК «Газпром» действовал во внешнеэкономической сфере как независимый игрок, принимая решения на основе рыночной целесообразности, а не политических директив.

До 1991 года экспортные функции в газовой отрасли выполняли два всесоюзных объединения в системе Министерства внешних экономических связей СССР: одно отвечало за экспорт газа, другое – за строительство объектов за рубежом и поставки оборудования. В том же году оба объединения были переданы в состав «Газпрома» и объединены в единую экспортную структуру. Этот шаг стал ключевым этапом институциональной трансформации: корпорация получила прямой и полный контроль над всем объемом внешнеторговых операций, прежде находившихся в ведении союзного министерства, фактически завершив переход от государственно-ведомственной модели управления отраслью к корпоративной.

Ключевым моментом международной легитимации этой новой роли стал XVIII Мировой газовый конгресс в Берлине в июле 1991 года. Эта площадка позволила «Газпрому» впервые позиционировать себя перед международным сообществом как самостоятельный субъект энергетической дипломатии. Делегация концерна численностью 30 человек приняла участие в форуме, объединившем около 5 тыс. делегатов из 50 стран, на долю которых приходилось более 96% мировой добычи газа. Программное выступление председателя концерна В.С. Черномырдина с докладом «Газовая промышленность СССР: современное состояние и взгляд в будущее столетие» содержало важный тезис о том, что «Газпром» развивает отрасль «за счёт заработанных им средств без участия государства» [12].

ГК «Газпром» с самого начала функционировал как гибридный институт, сочетающий черты рыночной корпорации и проводника государственной внешнеэкономической стратегии. С одной стороны, концерн унаследовал от советского Министерства газовой промышленности ключевые институциональные элементы: кадровую вертикаль, технологически интегрированную Единую систему газоснабжения и централизованные механизмы управления, это, в свою очередь, предопределило его роль как инструмента государственной политики. С другой стороны, компания получила хозяйственную самостоятельность во внешнеэкономической сфере, которая выражалась в праве самостоятельно вести переговоры с зарубежными партнерами, напрямую заключать экспортные контракты и выстраивать долгосрочные коммерческие отношения без посредничества внешнеторговых ведомств.

Литература

1. Об образовании Государственного газового концерна «Газпром»: Постановление Совета Министров СССР от 8 августа 1989 г. № 619 (с изм. от 11.10.1990) [Электронный ресурс]. – URL: <https://megainform.ru/Data2/1/4294852/4294852678.htm> (дата обращения: 20.06.2026).
2. Об особенностях приватизации и преобразования в акционерные общества государственных предприятий, производственных и научно-производственных объединений нефтяной, нефтеперерабатывающей промышленности и нефтепродуктообеспечения: Указ Президента РФ от 17.11.1992 № 1403 [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/2362> (дата обращения: 21.07.2026).
3. Об обеспечении деятельности Единой системы газоснабжения страны: Указ Президента Российской Федерации от 01.06.1992 № 538 [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/1396> (дата обращения: 20.07.2026).
4. Пусенкова Н.Н. Российский «Газпром» в газпромовской России [Электронный ресурс] // История новой России. – URL: http://ru-90.ru/node/1320#_ftn14 (дата обращения: 21.07.2024).
5. BP Statistical Review of World Energy June 2009. Natural Gas: Production [Электронный ресурс], 2009. – URL: https://www.la.utexas.edu/users/chenry/global/coursemats/2010/Copy%20of%20statistical_review_of_world_energy_full_report_2009_3.htm (дата обращения: 20.06.2026).
6. РГАЭ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
7. РГАЭ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5.
8. РГАЭ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 14. Л. 17.
9. РГАЭ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 368. Л. 6, 205, 218, 271.
10. РГАЭ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 785. Л. 15.
11. РГАЭ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 806. Л. 10.
12. РГАЭ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 1187. Л. 23.
13. РГАЭ. Ф. 799. Оп. 1. Д. 1210. Л. 3.

GAZPROM STATE GAS CONCERN AS AN INSTRUMENT OF THE STATE'S FOREIGN ECONOMIC STRATEGY DURING THE TRANSITION PERIOD, 1989–1993

Shadrin D.A.

Russian State University for the Humanities

This article analyzes the role of the State Gas Concern “Gazprom” as an instrument of the Soviet and early Russian state’s foreign economic strategy during the transition period of 1989–1993. It is demonstrated that, having inherited the institutional foundations of the USSR Ministry of Gas Industry, Gazprom became a key conduit of state policy. At the same time, despite personnel continuity and the infrastructural legacy of the Soviet era, Gazprom’s core foreign economic activity was institutionally structured as an autonomous corporate function, guided primarily by commercial logic.

Keywords: Gazprom State Gas Concern; foreign economic strategy; transition period; personnel continuity; hybrid model; Soviet legacy

References

1. On the Establishment of the State Gas Concern “Gazprom”: Resolution of the Council of Ministers of the USSR No. 619 of August 8, 1989 (as amended on 11.10.1990) [Electronic resource]. – URL: <https://meganorm.ru/Data2/1/4294852/4294852678.htm> (accessed: 20.06.2026).
2. On the Specifics of Privatization and Transformation into Joint-Stock Companies of State Enterprises, Production and Scientific-Production Associations of the Oil, Oil Refining Industry and Oil Products Supply: Decree of the President of the Russian Federation No. 1403 of 17.11.1992 [Electronic resource]. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/2362> (accessed: 21.07.2026).
3. On Ensuring the Operation of the Unified Gas Supply System of the Country: Decree of the President of the Russian Federation No. 538 of 01.06.1992 [Electronic resource]. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/1396> (accessed: 20.07.2026).
4. Pusenkova N.N. Russian “Gazprom” in Gazprom’s Russia [Electronic resource] // History of New Russia. – URL: http://ru-90.ru/node/1320#_ftn14 (accessed: 21.07.2024).
5. BP Statistical Review of World Energy June 2009. Natural Gas: Production [Electronic resource], 2009. – URL: https://www.la.utexas.edu/users/chenry/global/course-mats/2010/Copy%20of%20statistical_review_of_world_energy_full_report_2009_3.htm (accessed: 20.06.2026).
6. Russian State Archive of the Economy (RGAE). F. 799. Op. 1. D. 1. L. 1.
7. Russian State Archive of the Economy (RGAE). F. 799. Op. 1. D. 1. L. 4–5.
8. Russian State Archive of the Economy (RGAE). F. 799. Op. 1. D. 14. L. 17.
9. Russian State Archive of the Economy (RGAE). F. 799. Op. 1. D. 368. L. 6, 205, 218, 271.
10. Russian State Archive of the Economy (RGAE). F. 799. Op. 1. D. 785. L. 15.
11. Russian State Archive of the Economy (RGAE). F. 799. Op. 1. D. 806. L. 10.
12. Russian State Archive of the Economy (RGAE). F. 799. Op. 1. D. 1187. L. 23.
13. Russian State Archive of the Economy (RGAE). F. 799. Op. 1. D. 1210. L. 3.

Актуализация философской идеи сверхчеловека и ее влияние на трансформацию современной цивилизации

Швачкина Людмила Александровна,

доктор философских наук, доцент, кафедра «Социально-гуманитарные дисциплины», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донской государственный технический университет» в г. Шахты
E-mail: Shvachkina@mail.ru

Родионова Валентина Ивановна,

доктор философских наук, доцент, кафедра «Социально-гуманитарные дисциплины», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донской государственный технический университет» в г. Шахты
E-mail: rodionova.disser@mail.ru

В статье рассматривается проблема актуализации философской идеи сверхчеловека в контексте трансформационных процессов современной цивилизации. Автор анализирует генезис концепта сверхчеловека от античных образов героев до ницшеанского сверхчеловека, прослеживая его смысловую эволюцию и ценностное наполнение в различные исторические эпохи. Особое внимание уделяется современной интерпретации идеи сверхчеловека в рамках трансгуманистического дискурса и ее влиянию на трансформацию антропологических, аксиологических и социально-политических оснований современного общества. В работе показано, что актуализация идеи сверхчеловека в условиях техногенной цивилизации приводит к формированию нового антропологического типа – человека техногенного, а также к трансформации системы ценностных ориентаций, где приоритет духовного над материальным уступает место прагматическим установкам и стремлению к технологическому усовершенствованию человеческой природы. Делается вывод о необходимости сохранения баланса между прогрессивным технологическим развитием и этическими ограничениями, что требует обращения к религиозно-философскому наследию и переосмыслению традиционных ценностных ориентиров.

Ключевые слова: сверхчеловек, трансформация, цивилизация, ценностные ориентации, трансгуманизм, антропологический кризис, воля к власти, нигилизм, техногенная среда, ноосфера.

Введение

Состояние современной цивилизации характеризуется глубокими трансформационными процессами, охватывающими все сферы человеческого бытия – от технологической до духовно-нравственной. Эти преобразования, с одной стороны, открывают перед человеком беспрецедентные возможности для самореализации и расширения границ своего существования, с другой – порождают экзистенциальные и аксиологические вызовы, требующие философского осмысления. В этом контексте особую актуальность приобретает обращение к идее сверхчеловека, которая, будучи введенной в философский дискурс Ф. Ницше, сегодня переживает новую волну актуализации, связанную с развитием трансгуманистических концепций и поиском новых антропологических моделей.

Как справедливо отмечает Е.В. Челнокова, «в основе большинства кризисных явлений современной культуры лежат не только социальные, но, в большей степени, духовные или, философским языком, экзистенциальные факторы» [7, с. 239]. Именно поэтому обращение к идее сверхчеловека, сформулированной в контексте кризиса европейской культуры конца XIX века, позволяет выявить глубинные основания современных трансформационных процессов.

Цель настоящего исследования – проанализировать актуализацию философской идеи сверхчеловека и ее влияние на трансформационные процессы современной цивилизации.

Теоретическая значимость исследования определяется необходимостью философской рефлексии процессов трансформации современного человека и общества в свете актуализации идеи сверхчеловека. Практическая значимость связана с возможностью использования полученных выводов для разработки стратегий гуманитарной экспертизы технологических проектов и формирования ценностных ориентиров в системе образования и воспитания.

Материалы и методы исследования

Методологической основой исследования выступает комплексный междисциплинарный подход, включающий системный, феноменологический, компаративный и аксиологический методы. Системный подход позволяет рассмотреть идею сверхчеловека в контексте целостной системы ценностных ориентаций современной цивилизации. Феноменологический метод дает возможность исследовать смысловое наполнение концепта сверхчеловека в его непосредственной данности сознания, выявляя его экзистенциальные основания. Компаративный анализ обеспечивает сопоставление различных интерпретаций идеи сверхчеловека – от классической ницшеанской до современных трансгуманистических версий. Аксиологический подход направлен на выявление ценностного содержания концепта и его влияния на формирование ценностных ориентаций современного человека.

Материалами исследования служат философские тексты Ф. Ницше, работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные проблеме сверхчеловека и трансформации человека в условиях техногенной цивилизации, а также современные дискуссии о трансгуманизме и антропологическом кризисе.

В ходе исследования применялись общенаучные методы анализа, синтеза, абстрагирования и обобщения, а также методы историко-философской реконструкции и герменевтической интерпретации текстов.

Результаты исследования

Идея сверхчеловека имеет глубокие исторические корни, восходящие к мифологическим образам героев античности. Как отмечает Д.А. Беляев, «древнегреческий герой является инвариантом сверхчеловека в контексте генезиса античной культуры» [2, с. 31]. В античной культуре образ героя-сверхчеловека задавал парадигму действия, активности и преодоления человеческих ограничений. Ахилл, Геракл, Одиссей – эти образы воплощали quintessence героического деяния, представляя собой архетипическую модель превосходства над обычным человеческим уделом.

В эпоху Возрождения идея сверхчеловека получила новое звучание в связи с утверждением ренессансного типа личности, для кото-

рого характерны антропоцентризм, эстетизм, самодостаточность и понимание человека как творческой личности. Как показывает анализ ренессансного гуманизма, творчество переносится с Бога на человека, что создает предпосылки для последующей переоценки ценностей и утверждения человека в качестве источника собственного совершенствования [4, с. 754].

Наиболее радикальное философское оформление идея сверхчеловека получает в творчестве Ф. Ницше. Как подчеркивает Э. Мартин, «образ сверхчеловека, описанный им в мифическом произведении «Так говорил Заратустра», во многом является отражением его собственной душевной неуравновешенности и психологических переживаний» [5, с. 75]. Однако за этим субъективным измерением скрывается глубокая диагностика культурного кризиса европейской цивилизации. Ницше вводит идею сверхчеловека как ответ на «смерть Бога» – девальвацию христианских ценностей и утрату трансцендентных оснований морали.

В этом контексте сверхчеловек выступает не столько новой антропологической моделью, сколько аксиологическим типом – носителем воли к власти как внутренней энергии, необходимого условия становления новых ценностей [5, с. 76]. «Воля к власти – это сущность жизни», – утверждает Ницше. Именно через динамику воли к власти происходит движение к сверхчеловеку, преодоление себя, когда стираются внутренние преграды и человек становится способным перейти границы добра и зла.

Ницшеанская концепция сверхчеловека: философско-антропологический анализ

Для понимания современной актуализации идеи сверхчеловека необходимо обратиться к ее ницшеанскому первоисточнику. С точки зрения Э. Мартина нигилизм Ницше – это не только отрицание, а также желание построения нового фундамента ценностей [5, с. 78]. Данная двойственность важна для понимания современного трансгуманизма как дискурса, который принял от Ницше идею преодоления человеком своих пределов, однако реализует её через технологию.

Ницшеанский сверхчеловек – это субъект, который подвергает радикальной переоценке все существующие ценности. Как подчеркивает Д. А. Беляев, сущность сверхчеловека можно понять в первую очередь через призму нигилизма, как субъекта, который отвергает все ценности [2, с. 31]. Нигилизм для него становится руководством к действию, и Заратустра, отрицая ценности, связанные с человеческими добродетелями, считает их проявлением слабости. Ницше критикует христианство как идеологию – по его мнению, она мешает человеку, так как делает его слабым и не дает ему выйти за рамки своей природы (которую сам немецкий философ называет презренной).

Культурно-критическая составляющая идеи Ницше – очень важная для анализа. На фоне развития технологий в конце 19 века Ницше полагал, что наука и техника вытесняют христианские идеалы без какой либо альтернативы им с точки зрения культуры. С одной стороны это приводит к деградации культуры из-за технического прогресса (разрушение веры в эффективность тех или иных ценностей). Вместе с тем это создает предпосылки к созданию новых ценностей – более адекватных современности. С другой же стороны – культурная деградация ведет к сгущению культурного кода и однородности переживаний, отсюда «последний человек», по Н. Ф. Ницше [5, с. 79].

Как показано в исследованиях, посвященных философским мотивам в творчестве М. Ю. Лермонтова, идея сверхчеловека в русской культуре получила своеобразное преломление. Д. А. Беляев и А. В. Строкова утверждают, что Лермонтов создает образ нового культурного героя, который воплощает идею сверхчеловека. Этот герой отличается экзистенциально-онтологическим эгоцентризмом, метафизическое принятие фатализма и стремление к изменению системы ценностей [3, с. 27]. Эта русская версия сверхчеловека, воплощенная в образах Печорина и Демона, несет в себе печать трагического разрыва с трансцендентным и обреченности на метафизическое одиночество.

Актуализация идеи сверхчеловека в контексте трансгуманизма и техногенной цивилизации

Современная актуализация идеи сверхчеловека происходит в контексте развития трансгуманизма как философского течения, признающего возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий. Как отмечают И. С. Кальв и Т. В. Дягилева, интерес к трансгуманизму – теории развития и совершенствования человека – постоянно увеличивается в современном информационном обществе [4, с. 753]. Развитие данной философии обусловлено бурным развитием высоких технологий и новых изобретений.

Принципиальным отличием трансгуманистической версии сверхчеловека от ницшеанской является перенос акцента с внутреннего духовного совершенствования на внешнее технологическое усовершенствование. Если для Ницше сверхчеловек – это аксиологический тип, реализующий волю к власти через преодоление собственных моральных ограничений, то для трансгуманизма сверхчеловек – это технологический проект, направленный на преодоление биологических ограничений человеческой природы.

По мнению А. А. Артеменкова объединение человека с техникой сегодня несет в себе трансформирующие возможности [1, с. 81]. Трансформации такого рода касаются формы социальных отношений, а это приводит к конфликту между человеком и обществом. Вследствие чего появляется опасность исчезновения «натурального» человека от желания развивать его дальше [1, с. 81]. Урботехносоциальное окружение современного мира активно воздействует на внутриинформационную деятельность, протекающую при биологическом развитии человека – мозг стремится усваивать новые знания и опыт.

В условиях глобальной цивилизации актуален вопрос о когнитивной цефализации – наращивание интеллектуального потенциала головного мозга человечества за счет получения новых знаний. По мнению А. А. Артеменкова цефализация головного мозга человека связана лишь частично с количественными и качественными изменениями его нейронов при развитии урботехносоциогенеза. Не менее важную роль имеют трансформации живого вещества в процессе эволюции на возникновение принципиально иной субстанции мозга и нового ступени его биосоциального строения [1, с. 88]. Так возникает принципиально новый субстрат работы мозга. Однако у данного прогрессивного явления есть обратная сторона – социальная дезадаптация, деградация личности человека в современном мире под влиянием деструктивного мемов и информационного шума [1, с. 85].

Актуализация идеи сверхчеловека оказывает существенное влияние на трансформацию ценностных ориентаций современного человека. По мнению Е. В. Челноковой, за каждым социальным процессом стоит человеческая личность, открытая для этико-экзистенциальных вопросов. Именно поэтому кризисные явления в обществе и культуре всегда затрагивают антропологическую сферу [7, с. 239]. Это антропологическое измерение проявляется в изменении отношения к традиционным ценностям, переосмыслении границ человеческого и в поиске новых оснований морали.

С развитием идеи о сверхчеловеке происходит деградация человеческого духа, снижается уровень его эмотивности, памяти, воли и внимания [1, с. 85], что может привести к потере ощущения свободы, творческого начала, любви, совести. На смену ценностям истине, добру, красоте приходят ценности пользы и прибыли. Как подчеркивает А. А. Артеменков, цифровое развитие человека должно быть направлено на соблюдение моральных принципов, прав и свобод личности [1, с. 85].

Особое значение в этом контексте приобретает биоэтическая проблема сохранения неизменной природы человека. По мнению А. А. Артеменкова выход из этой ситуации кроется в соблюдении принципа невмешательства в геном, психику и сознание человека [1, с. 85]. Для этого необходимо развитие нравственного сознания личности до максимального уровня ее сознательности и человечности с целью сохранения человеческой природы в современном мире.

Интересно, что подобные опасения уже звучали в рамках экзистенциальной философии. Е. В. Челнокова подчеркивает, что экзистенциальное мышление отражает духовное состояние общества, как в его конкретный период, так и каждого отдельного человека, который в любое время почувствовал отчуждение от бытия и начал поиски смысла в ситуации, когда все смыслы подорваны и неустойчивы из-за кризисных социальных явлений. Это происходит, когда социальные потрясения разрушают привычные опоры. Суть экзистенциальной антропологии заключается в том, что человек одновременно является существом одиночества, страдания, беспризорности, заброшенного в мир, и существом ценностным – ценным самому себе, миру, способным к самопреодолению, духовному развитию, стремиться к высшим уровням бытия [7, с. 243].

Социально-политическое измерение идеи сверхчеловека

Концепция сверхчеловека выходит за рамки антропологических исследований и приобретает социально-политическое значение. Как подчеркивают Д. А. Беляев и М. В. Стрижкова, политическое измерение сверхчеловеческого связано с радикальными, а порой революционными преобразованиями в обществе и государстве, которые осуществляются под руководством главного сверхчеловеческого актора – правителя, который может быть квалифицирован как политический герой

[2, с. 32]. Политический сверхчеловек — это авторитарный лидер, чьи амбиции по переустройству общества не ограничиваются рамками текущего исторического периода. Он выступает как создатель новых социальных структур.

Актуализация идеи сверхчеловека в политической сфере может быть интерпретирована как движущая сила трансформации, где реализация сверхчеловеческого в политике неизменно сопряжена с силой и насилием, которые часто приобретают масштабный характер. Способность к принуждению на государственном уровне является ключевым признаком сверхчеловеческого [2, с. 32]. Политический сверхчеловек по своей сути — революционер, радикально меняющий вековые устои жизни общества и государства.

Однако, как показывает исторический опыт, идеализация образа сверхчеловека чревата серьезными рисками возрастания и усиления идеологии нечеловеческой силы [5, с. 80]. Поэтому необходимо критическое осмысление социально-политических импликаций идеи сверхчеловека, особенно в контексте современных трансформационных процессов.

Понимание глубины антропологического кризиса, связанного с актуализацией идеи сверхчеловека, требует обращения к философскому наследию, предлагающему альтернативные модели понимания человека и его места в мире. В этом контексте особый интерес представляет философия П.И. Новгородцева, который, как показывают Е.А. Счастливцева и М.А. Бархолоенко, прошел эволюцию от неокантианства к христианской социальной философии [6, с. 15–16]. Эта эволюция отражает понимание ограниченности «автономной морали» и необходимости обращения к «теонормной морали», основанной на религиозных ценностях.

Как отмечают исследователи, «Новгородцев приходит к выводу, что ни личность, ни общество не могут быть самодовлеющими началами» [6, с. 16]. Он соединяет эти два начала между собой «объективным законом добра». В этом синтезе личность и общество обретают свои подлинные основания. «В возрождении религиозного, духовного источника Новгородцев видит будущее России» [6, с. 20]. Эти идеи созвучны экзистенциалистской антропологической модели, где человек рассматривается как ценное для себя и для мира существо, способное преодолевать свою ограниченность и двигаться духовно [7, с. 243].

Альтернативой техногенной трансформации человека может стать развитие у него наивысшего сознательного и наивысшего человеческого. Как показывает А.А. Артеменков, «каждый человек должен постоянно «соизмерять» свои действия и помыслы со своим наивысшим сознательным. Только это позволит ему наполнить свою жизнь в современном обществе высоким нравственным смыслом — наивысшим человеческим» [1, с. 90].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Актуализация философской идеи сверхчеловека в современной цивилизации представляет собой сложный и противоречивый процесс, имеющий как прогрессивные, так и регрессивные последствия. С одной стороны, идея сверхчеловека стимулирует технологическое развитие, расширение возможностей человека и преодоление его биологических ограничений. С другой — она создает риски дегуманизации, утраты духовно-нравственных оснований человеческого существования и углубления антропологического кризиса.

Трансформация современной цивилизации под влиянием актуализации идеи сверхчеловека проявляется в нескольких ключевых направлениях: во-первых, в формировании нового антропологического типа — человека техногенного, чья идентичность все больше определяется через отношение к технологиям; во-вторых, в трансформации ценностной системы, где приоритет духовного над материальным уступает место прагматическим установкам и технологическому детерминизму; в-третьих, в изменении социально-политических практик, где идея сверхчеловека может использоваться для обоснования авторитарных форм правления и манипуляции общественным сознанием.

Перспективы преодоления негативных последствий актуализации идеи сверхчеловека связаны с обращением к философскому наследию, предлагающему альтернативные модели понимания человека. Экзистенциалистская антропологическая модель, рассматривающая человека как ценное для себя и для мира существо, способное преодолевать свою ограниченность и двигаться духовно, может стать основой для формирования стратегии гуманитарной экспертизы технологических проектов. Религиозно-философская традиция, представленная, в частности, философией П.И. Новгородцева, предлагает путь «теонормной морали», основанной на признании трансцендентных ценностей оснований человеческого бытия.

Важнейшей задачей современной философии и образования является сохранение баланса между прогрессивным технологическим развитием и этическими ограничениями, недопущение подмены духовных ценностей технологическим детерминизмом. Только в этом случае актуализация идеи сверхчеловека может стать фактором не деградации, а подлинного развития человеческой цивилизации, открывающего новые горизонты для самореализации человека при сохранении его человеческой сущности.

Литература

1. Артеменков А.А. Трансформация современного человека как феномен глобальной эволюции // Вестник Омского университета. — 2025. — Т. 30. — № 2. — С. 81–92.
2. Беляев Д. А., Стрижкова М.В. Идея сверхчеловека в социально-политическом измерении // Современные исследования социальных проблем. — 2022. — Т. 14. — № 2–2. — С. 30–34.
3. Беляев Д. А., Строкова А.В. Философские мотивы в творчестве МЮ Лермонтова: пролегомены к ницшеанству и идее сверхчеловека // Манускрипт. — 2016. — № 11–1 (73). — С. 27–29.
4. Кальва И. С., Дягилева Т.В. Идея сверхчеловека как основа формирования личности современного инженера // Манускрипт. — 2024. — Т. 17. — № 4.
5. Мартин Э. Идея сверхчеловека в философии Ф. Ницше: новые ценности за гранью человечности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2022. — Т. 22. — № 6. — С. 74–82.
6. Счастливцева Е. А., Бархолоенко М.А. Этапы формирования философских взглядов ПИ Новгородцева // Вестник Вятского государственного университета. — 2022. — № 2 (144). — С. 13–23.
7. Челнокова Е.В. Кризис культуры и антропологическая модель в экзистенциализме // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2023. — № 3 (48). — С. 239–244.

ACTUALIZATION OF THE PHILOSOPHICAL IDEA OF THE OVERMAN AND ITS INFLUENCE ON THE TRANSFORMATION OF MODERN CIVILIZATION

Shvachkina L.A., Rodionova V.I.

Don State Technical University» in Shakhty

The article examines the problem of actualization of the philosophical idea of the overman in the context of transformative processes of modern civilization. The author analyzes the genesis of the overman concept from ancient heroic images to the Nietzschean Übermensch, tracing its semantic evolution and value content across various historical epochs. Special attention is paid to the modern interpretation of the overman idea within transhumanist discourse and its influence on the transformation of anthropological, axiological, and socio-political foundations of modern society. The paper demonstrates that the actualization of the overman idea in the conditions of technogenic civilization leads to the formation of a new anthropological type — the technogenic human, as well as to the transformation of the value orientation system, where the priority of the spiritual over the material gives way to pragmatic attitudes and the aspiration for technological improvement of human nature. The conclusion is made about the necessity of maintaining a balance between progressive technological development and ethical limitations, which requires an appeal to religious-philosophical heritage and a rethinking of traditional value orientations.

Keywords: overman, transformation, civilization, value orientations, transhumanism, anthropological crisis, will to power, nihilism, technogenic environment, noosphere.

References

1. Artemenkov A.A. Transformation of modern human as a phenomenon of global evolution // Bulletin of Omsk University. — 2025. — Vol. 30. — № 2. — P. 81–92.
2. Belyaev D. A., Strizhkova M.V. The idea of a overman in the socio-political dimension // Modern Studies of Social Issues. — 2022. — Vol. 14. — № 2–2. — P. 30–34.
3. Belyaev D. A., Strokova A.V. Philosophical motives in M. Yu. Lermontov's creative work: prolegomena to Nietzscheanism and the idea of the superman // Manuscript. — 2016. — № 11–1 (73). — P. 27–29.
4. Kalva I. S., Dyagileva T.V. The idea of a superman as the basis for the formation of the personality of a modern engineer // Manuscript. — 2024. — Vol. 17. — № 4. — P. 752–756.
5. Martin E. The idea of the overman in F. Nietzsche's philosophy: new values beyond humanity // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. — 2022. — Vol. 22. — № 6. — P. 74–82.
6. Schastlivtseva E. A., Barkholenko M.A. Stages of the formation of P.I. Novgorodtsev's philosophical views // Bulletin of Vyatka State University. — 2022. — № 2 (144). — P. 13–23.
7. Chelnokova E.V. The cultural crisis and the anthropological model in existentialism // Memoirs of Novgorod State University. — 2023. — № 3 (48). — P. 239–244.

Антонов Всеволод Кириллович,

аспирант кафедры философии и истории, Академия труда и социальных отношений

E-mail: Antnv.Vsvid@yandex.ru

Фондовая биржа и связанные с ней организации биржевой инфраструктуры остаются на периферии исследований кризисной коммуникации, а её внутриорганизационная сторона почти не описана. Между тем для биржи, лишённой возможности приостановить деятельность в острой фазе кризиса, способность сохранять управляемость и слаженность внутри организации оказывается решающей. В статье систематизированы теоретические подходы, пригодные для социологического изучения внутренних кризисных коммуникаций на бирже: концепция смыслообразования, теории «нормальных аварий» и высоконадёжных организаций, исследования внутренней кризисной коммуникации и организационной устойчивости. Внешний контур рассматривается лишь в той мере, в какой он опирается на внутреннюю работу организации. Автор обосновывает первичность внутреннего контура: достоверная картина событий поступает на рынок постольку, поскольку она прежде собрана внутри организации через коллективное осмысление в условиях цейтнота. Внутренняя кризисная коммуникация предстаёт несущей конструкцией организационной устойчивости биржевой инфраструктуры и механизмом удержания управляемости в момент, когда обычные опоры управления отказывают.

Ключевые слова: внутриорганизационные коммуникации; кризисные коммуникации; фондовая биржа; биржевая инфраструктура; организационная устойчивость; смыслообразование; высоконадёжные организации; доверие на финансовом рынке; социология управления.

Введение

Фондовая биржа нечасто оказывается в центре исследований кризисной коммуникации, а её внутренняя сторона почти не описана вовсе. Между тем по требовательности к коммуникации биржа едва ли уступает какому-либо иному типу организаций. Производственная компания в острой фазе кризиса способна на время свернуть активность, переждать, перенести часть процессов на спокойный период. У биржи такой паузы нет. Приостановка торгов даже на несколько часов немедленно сказывается на тысячах участников рынка и затрагивает доверие к финансовой системе в целом. И первое, от чего зависит реакция площадки, – способна ли сама организация в эти часы сохранить слаженность: понимают ли операционные, риск- и управленческие подразделения, что происходит, кто принимает решения и какова единая версия событий.

Сложившаяся теория кризисной коммуникации выросла преимущественно на материале корпоративных и политических сюжетов и сосредоточена на внешнем контуре ответа, т.е. на том, как организация защищает репутацию перед публикой и СМИ. Внутренняя сторона долго оставалась на втором плане. Социология управления позволяет сместить этот акцент. Коммуникация понимается ею как социальный механизм регуляции совместной деятельности и поддержания управляемости организации [1], а в острой фазе кризиса под угрозу прежде всего попадает сама управляемость.

Настоящая статья носит теоретический характер. В ней мы ставим задачу собрать разрозненные подходы к кризисной коммуникации в единую схему, пригодную для анализа внутреннего контура биржевой организации, и показать, что на бирже этот контур – не вспомогательный, а несущий. Внешняя, обращённая к рынку и регулятору коммуникация привлекается в той мере, в какой она опирается на внутренние коммуникативные связи. Рассмотрение ведётся безотносительно к конкретной юрисдикции и к отдельному типу кризиса, а эмпирические эпизоды служат иллюстрацией.

Кризис и кризисная коммуникация: понятийные границы

Прежде чем говорить о коммуникации, стоит уточнить, что считается кризисом. Д.П. Гавра различает две традиции в понимании его природы. Сторонники первой, объективистской традиции, видят в кризисе событие, уже произошедшее в реальности и породившее негативную динамику ключевых показателей социального субъекта. В рамках же субъективистской традиции, восходящей к работам Т. Кумбса, акцент переносится на восприятие: кризис существует постольку, поскольку собственники, менеджмент, персонал и внешние стороны опознают сложившуюся конфигурацию как угрожающую и запускают контур реагирования [2]. Для биржи это различие не отвлечённое. Технический сбой объективен, его фиксируют логи и показатели задержки. Но превратится ли он в кризис доверия, зависит от того, как участники рынка истолкуют молчание или невнятный ответ площадки в первые минуты.

Т. Кумбс определяет кризис как непредсказуемое событие, несущее серьёзную угрозу организации, отрасли или заинтересованным сторонам, если реакция на него окажется неверной [3]. В этом определении уже заложена взаимосвязь с управлением: угроза реализуется или нивелируется в зависимости от качества ответа. Отечественные исследователи добавляют к этому полезное разграничение кризисных и антикризисных коммуникаций. Первые осуществляются в самой кризисной ситуации и часто стихийны, вторые специально организуются, чтобы кризис предупредить или его последствия смягчить [4; 5]. Биржа заинтересована в том, чтобы как можно большая доля её коммуникативной работы носила второй, упреждающий характер, поскольку цена импровизации в торговый день несоизмеримо выше, чем у обычной фирмы.

Близкое по смыслу определение кризисной коммуникации даёт О.Ю. Голуб: она понимает под ней деятельность по установлению результативных взаимодействий организации с её общественностью до, во время и после негативных воздействий ради сохранения устойчивой репутации и снижения репутационных рисков [6]. Петербургская школа идёт дальше и трактует кризисную коммуникацию как разновидность стратегической, то есть целенаправленной и фазово выстроенной деятельности с собственной иерархией задач [7]. Заметим, что и в самой терминологии единства нет: в отличие от приведённого разграничения

кризисных и антикризисных коммуникаций, А.Н. Чумиков употребляет оба термина как тождественные и возводит кризис к конфликту интересов, вписывая тему в конфликтологическую традицию [8].

Развитие кризиса принято описывать стадийно. Чаще других используют трёхчастную схему с докризисной, острой и посткризисной фазами, к которой Т. Кумбс привязывает соответственно профилактику, реагирование и восстановление [9; 10]. Схема видится удобной, однако к специфике бирж она применима с оговоркой. Граница между фазами здесь размывается: затишье после устранения сбоя нередко оказывается лишь паузой перед следующей волной, особенно если первопричина системная, а не разовая. Это смещает вес в сторону докризисной подготовки и постоянного мониторинга, поскольку площадка не может позволить себе заново выстраивать коммуникацию по ходу каждого инцидента.

Внешний контур кризисной коммуникации и его пределы на бирже

Самый влиятельный пласт теории кризисной коммуникации посвящён внешнему ответу. В рамках ситуационной теории Т. Кумбса выбор стратегии связывается с тем, какую меру ответственности заинтересованные стороны приписывают организации: чем выше приписанная вина, тем меньше работают оправдания и тем нужнее их принятие и корректирующие действия [3]. Теория восстановления имиджа У. Бенуа описывает родственный репертуар действий – от отрицания и уклонения до снижения остроты восприятия и исправления положения [11].

Отечественная типология моделей дополняет этот ряд. Е.А. Грызунова различает традиционную модель информационного управления для конфликтных кризисов, партисипативную для консенсусных и переговорно-диалоговую, опирающуюся на теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса, для кризисов, порождающих общественную полемику [12]. Для биржи показателен диалоговый полюс: с профессиональным сообществом и регулятором коммуникация выстраивается не как оповещение, а как согласование позиций.

На бирже верхняя, «оправдательная» часть этого инструментария почти не работает. Технический сбой виден всем по остановившимся котировкам, и замолчать его нельзя, как нельзя и уклониться от объяснений перед теми, чьи сделки повисли. Площадка озабочена не столько имиджем, сколько тем, чтобы рынок продолжал функционировать. Это можно назвать *«императивом непрерывности»*: он отличает биржу от обычного объекта кризисной коммуникации и выдвигает на первый план не защиту репутации, а операциональное указание участникам о состоянии их заявок, расчётов и затронутых инструментов.

Развернём это положение, поскольку оно и составляет, на наш взгляд, специфику биржевого случая. Императив непрерывности означает, что у площадки структурно отсутствуют верхние степени свободы, которые ситуационная теория оставляет организации: отрицание и уход недоступны ей не по тактическим соображениям, а по самому её положению в инфраструктуре рынка [3]. Деформируется и стадийная схема. У биржи нет «после» в привычном смысле, поскольку торговый день сменяется торговым днём, а посткризисная фаза не отделяется от новой докризисной. Поэтому операциональное информирование участников, остающееся у Т. Кумбса на периферии, перемещается здесь в центр кризисного сообщения и оттесняет репутационную работу.

С этим связано особое положение молчания. У обычной организации пауза в коммуникации нейтральна и нередко даже рекомендуется как осторожность. На бирже молчание не нейтрально. Остановившиеся котировки и отсутствие разъяснений сами по себе служат рыночным сигналом, который участники прочитывают как признак неблагополучия и на который реагируют прежде, чем площадка успеет сформулировать ответ. Привычная максима кризисного PR, советующая в сомнениях выдерживать паузу, здесь переворачивается: невысказывание не сдерживает кризис, а ускоряет его.

Меняется и адресат. В корпоративных моделях репутационная угроза обращена к широкой публике, тогда как у биржи решает реакция профессионального сообщества, прежде всего банков, брокеров и крупных инвесторов, а также регулятора. З.Ю. Тайбер показывает, что легитимность антикризисного управления складывается через коммуникацию со стейкхолдерами и что закрытость её подрывает [13]. Но за внешним сообщением, адресованным рынку, стоит вопрос, который и составляет предмет дальнейшего разбора: способна ли организация выработать достоверную картину событий внутри себя? Дневная остановка торгов на Токийской фондовой бирже 1 октября 2020 г. показательна как раз в этом отношении: внешнему заявлению руководства, принявшего ответственность на оператора рынка, предшествовала внутренняя работа по выяснению того, почему отказал и не переключился на резервный контур основной торговый механизм [14].

Биржа как высоконадёжная система и внутреннее смыслообразование

Чтобы понять, почему выработать такую картину трудно, полезно обратиться к социологии технологических систем. Ч. Перроу в теории «нормальных аварий» утверждал, что в системах одновременно сложных по характеру взаимодействий и тесно связанных по сцеплению элементов сбой закономерен: малое нарушение распространяется быстрее, чем операторы успевают его осмыслить и локализовать [15]. Современная электронная биржа отвечает обоим признакам. Майский обвал 2010 г. на рынке США, когда взаимодействие автоматических торговых стратегий за минуты обрушило котировки и вынудило отменять тысячи сделок, читается как хрестоматийная «нормальная авария» [16]. Трудность здесь носит отнюдь не только технический характер, поскольку инженерная: скорость, с которой разворачивается событие, опережает способность людей внутри организации составить о нём общее понимание.

Противоположный полюс той же дискуссии – теория высоконадёжных организаций К. Вейка и К. Сатклифф. Они описывают организации, которые в склонных к катастрофам условиях работают почти безотказно, и связывают это с особой культурой: настороженностью к слабым сигналам неблагополучия, нежеланием упрощать картину, вниманием к текущим операциям, установкой на восстановление и готовностью передавать решение тому, у кого выше компетентность, а не должность [17]. Последний принцип прямо касается внутренней коммуникации. В кризисе жёсткая вертикаль, требующая согласовывать каждый шаг наверху, проигрывает порядку, при котором специалист на месте уполномочен действовать и немедленно сообщать о сдвиге.

Связь надёжности с коммуникацией проясняет понятие смыслообразования, которое развивал зарубежный исследователь К. Вейк. В обстановке неопределённости осмысление во многом идёт задним числом, через попытки придать происходящему связную форму. Разбор гибели пожарного расчёта в Манн-Галч привёл К. Вейка к выводу, что в острой ситуации способность коллектива к совместному осмыслению может разрушиться, и тогда группа теряет и согласованность, и сами роли [18; 19]. Для биржи отсюда следует, что внутренняя кризисная коммуникация не сводится к передаче готовых распоряжений сверху вниз. Это средство, которым операционные, риск- и управленческие подразделения в реальном времени собирают общее понимание происходящего. Без него внешнее сообщение либо запаздывает, либо оказывается недостоверным, а решения расходятся между подразделениями.

Близкую линию в отечественной литературе ведёт О.Ю. Голуб: в открытых системах кризисная коммуникация отличается двусторонностью движения информации и смыслов, а осмысление кризиса опирается на семиотический и интерпретационный методы [6]. Тем самым внутреннее смыслообразование на бирже получает опору не только в зарубежной, но и в отечественной традиции.

Внутренняя кризисная коммуникация как самостоятельная область

Долгое время исследования кризисной коммуникации почти не замечали её внутренней стороны. Перелом связан с работами Ф. Франдсена и В. Йохансена, которые описали внутреннюю кризисную коммуникацию как самостоятельную область и ввели понятие двойного кризиса: к исходному событию добавляется второй, коммуникативный кризис, если организация не справляется с информированием собственных сотрудников [20]. Для биржи такой сценарий особенно вероятен. Когда персонал операционного блока в разгар сбоя не понимает, кто принимает решения и какова официальная версия событий, площадка получает второй фронт неопределённости поверх технического, и оба фронта подпитывают друг друга.

Здесь напрашивается обобщение, выходящее за пределы исходной модели. У обычной фирмы двойной кризис относительно изолирован: внутренний коммуникативный сбой остаётся внутренним делом и доходит до внешней аудитории с задержкой и в смягчённом виде. На бирже этой изоляции нет. Поскольку организация сама служит инфраструктурой рынка, срыв коллективного осмысления внутри неё почти мгновенно оборачивается внешним рыночным сбоем. Логика тесной связанности, которую Ч. Перроу относил к технической стороне сложных систем [15], применима, на наш взгляд, и к коммуникации. Внутренний и внешний контуры на бирже сцеплены жёстче, чем у обычной организации, и потому понятие двойного кризиса [20] здесь стоит усилить: внутренний контур не предшествует внешнему как отдельная стадия, а сцеплен с ним настолько тесно, что сбой одного немедленно проявляется в другом.

М. Хайде и Ш. Симонссон перенесли акцент с информирования на соучастие сотрудников, обозначив его понятием соработничества: работник не пассивный получатель сообщений, а соавтор того, как организация проживает кризис [21]. Внутренняя кризисная коммуникация предстаёт у них полем постоянного балансирования между противоположными требованиями: между централизацией ради единой версии и децентрализацией ради скорости, между следованием плану и необходимостью импровизировать [22]. На бирже эти напряжения обостряются ходом самих торгов. Единая версия событий нужна, чтобы рынок и регулятор не получали противоречивых сигналов, но добывается она в темпе, не допускающем долгих согласований. Разрешением служит не выбор одного полюса, а заранее отлаженное распределение полномочий, при котором известно, кто и о чём вправе говорить и действовать в первые минуты.

Отечественная традиция подошла к этому кругу вопросов через понятие «внутренней общественности». Г. Панкова и Д. Шишкин систематизировали принципы кризисной коммуникации с сотрудниками как с особой аудиторией, к которой неприменимы приёмы работы с внешними публиками [23]. З.Ю. Тайбер, обобщая междисциплинарный материал, подчёркивает значение формы сообщений о кризисе и той коммуникации, которая поддерживается у работников чувство причастности к организации, нуждающейся в слаженности действий [24]. Оба наблюдения указывают в одну сторону: внутренний адресат требует собственного языка и собственной логики, и перенос на него внешних приёмов оборачивается потерей доверия там, где оно нужнее всего.

Внутренние коммуникации и устойчивость биржевой инфраструктуры под санкциями

Длительное внешнее давление обнажает несущую роль внутреннего контура особенно отчётливо. Санкционные ограничения 2022–2024 гг. поставили российские организации биржевой инфраструктуры в положение, при котором перенести деятельность в другую юрисдикцию или сменить цепочку поставок невозможно, а непрерывность критичных операций нужно обеспечивать при любых обстоятельствах. Так, внесение Московской Биржи вместе с её клиринговой организацией и центральным депозитарием в санкционные списки в июне 2024 г. повлекло прекращение биржевых торгов долларом и евро и потребовало быстрой перестройки информационных потоков внутри группы. В исследованиях антикризисных коммуникаций этого периода фиксируется возрастание роли как формальных каналов, так и неформальных (горизонтальных и мессенджерных) через которые поддерживалась вовлечённость персонала [4; 5].

Внутренняя коммуникация смыкается здесь с проблематикой организационной устойчивости. Т. Уильямс с соавторами предложили объединить прежде разрозненные традиции кризисного управления и исследований устойчивости, показав, что способность поглощать удар и восстанавливаться складывается не в момент кризиса, а задолго до него, в повседневных практиках и связях [25]. Информированность персонала и доверие к руководству входят в число таких практик напрямую и образуют ресурс, который либо поддерживает работоспособность площадки под давлением, либо, истощаясь, ускоряет её разладку.

Работы по адаптации российского бизнеса к санкциям описывают, как менеджмент перестраивал управление в условиях разрыва прежних связей, опираясь в том числе на неформальные, «слабые» связи и на гибкость корпоративного управления [26; 27]. Для биржевой инфраструктуры у этой перестройки есть жёсткое ограничение: отступление невозможно, торги нельзя приостановить до лучших времён. Поэтому внутренняя коммуникация здесь не сопровождает адаптацию, а несёт её, оставаясь каналом, по которому решения доходят до исполнителей и возвращаются сведения об их выполнении.

Заключение

Обзор показывает, что внутренний контур кризисной коммуникации на бирже следует признать не менее значимым, чем внешний. Ситуационная теория и теория восстановления имиджа объясняют внешний ответ, но переоценивают защиту репутации и оставляют в тени то, без чего этот ответ невозможен: выработку достоверной картины внутри организации. Теории «нормальных аварий» и высоконадёжных организаций описывают природу биржевых сбоев и условия надёжности, но молчат о коммуникации как таковой. Исследования внутренней кризисной коммуникации и устойчивости раскрывают сам внутренний контур, не дотягиваясь до специфики финансовой инфраструктуры.

Связующим звеном служит императив непрерывности. Биржа не может уйти в молчание или закрыться, и потому защита имиджа уступает место поддержанию работоспособности, а оправдательные стратегии вытесняются операциональным информированием. Из это-

го же требования вытекает первичность внутреннего контура: рынок получает достоверную картину лишь в той мере, в какой организация успела собрать её внутри себя через совместное осмысление в условиях цейтнота. Внешняя легитимность площадки оказывается производной от её внутренней слаженности, а не наоборот.

Для социологии управления внутренняя кризисная коммуникация на бирже предстаёт механизмом, удерживающим управляемость в тот момент, когда обычные опоры управления отказывают. Такая постановка задаёт повестку уже эмпирической работы: как реальные площадки распределяют коммуникативную нагрузку внутри организации, какие из описанных теоретических ожиданий подтверждаются на материале конкретных кризисов и в какой мере российский опыт адаптации биржевой инфраструктуры к санкционному давлению согласуется с моделями, выведенными на ином материале.

Подчёркнём в завершение то, что считаем главным. Трактовать кризисную коммуникацию биржи как разновидность репутационного менеджмента означает, на наш взгляд, методологическую ошибку: для социологии управления это механизм воспроизводства управляемости и инфраструктурного доверия, а не инструмент защиты образа. Прочтение, сводящее всё к репутации, упускает то звено, которым держится непрерывность торгов. Отсюда различие, в котором сходятся приведённые выше наблюдения. Операционная непрерывность биржи, то есть бесперебойность самих торгов, опирается на непрерывность коммуникативную, то есть на неразрывность внутренних контуров осмысления и согласования. Торги идут до тех пор, пока внутри организации не прерывается выработка общего понимания происходящего. В этом смысле коммуникативная непрерывность выступает условием операционной, а управление кризисной коммуникацией на бирже оказывается прежде всего управлением этим условием.

Литература

1. Тихонов А.В. Социология управления. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2007. 472 с.
2. Гавра Д.П. Ситуационно-перцептивная матрица как инструмент кризисных коммуникаций // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения: сборник материалов Международного научного форума: в 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2019. С. 153–155.
3. Coombs W.T. Protecting organization reputations during a crisis: The development and application of situational crisis communication theory // Corporate Reputation Review. 2007. Vol. 10. № 3. P. 163–176.
4. Шарков Ф.И., Баландин А.Е. Антикризисные бизнес-коммуникации в условиях новой «санкционной реальности» // Коммуникология. 2022. Т. 7. № 3. С. 105–119.
5. Макарова Ю.Л., Горбова И.Н., Мартынов Г.Н. Антикризисные бизнес-коммуникации в условиях новой реальности // Журнал прикладных исследований. 2025. № 1. С. 10–18.
6. Голуб О.Ю. Кризисные коммуникации: методология и методы управления // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 2 (41). С. 142–145.
7. Гавра Д.П., Быкова Е.В. Стратегическая кризисная коммуникация: базовые характеристики и интегративное воплощение // Век информации. 2016. Т. 2, № 2. С. 122–126.
8. Чумиков А.Н. Антикризисные коммуникации: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2013. 172 с.
9. Саркисов В.Э. Практические аспекты управления кризисной политической коммуникацией // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 19.06.2026).
10. Coombs W.T., Holladay S.J. (eds.) The Handbook of Crisis Communication. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010.
11. Benoit W.L. Image repair discourse and crisis communication // Public Relations Review. 1997. Vol. 23. № 2. P. 177–186.
12. Грызунова Е.А. Модели кризисных коммуникаций и управления информацией в работе органов государственной власти // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 6 (33). С. 225–229.
13. Тайбер З.Ю. Легитимность антикризисного управления в проекции коммуникаций со стейкхолдерами организации // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2024. Т. 15. № 4. С. 1–10.
14. The Failure of Equity Trading System on October 1, 2020 [Электронный ресурс] // Japan Exchange Group / Tokyo Stock Exchange. URL: <https://www.jpx.co.jp/english/corporate/news/news-releases/0060/20201019-01.html> (дата обращения: 19.06.2026).
15. Perrow C. Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. New York: Basic Books, 1984. 386 p.
16. Findings Regarding the Market Events of May 6, 2010: Report of the Staffs of the CFTC and SEC to the Joint Advisory Committee on Emerging Regulatory Issues [Электронный ресурс] // U.S. Securities and Exchange

Commission; U.S. Commodity Futures Trading Commission. September 30, 2010. URL: <https://www.sec.gov/news/studies/2010/marketevents-report.pdf> (дата обращения: 19.06.2026).

17. Weick K.E., Sutcliffe K.M. *Managing the Unexpected: Sustained Performance in a Complex World*. 3rd ed. San Francisco: Jossey-Bass, 2015. 224 p.

18. Weick K.E. Enacted sensemaking in crisis situations // *Journal of Management Studies*. 1988. Vol. 25. № 4. P. 305–317.

19. Weick K.E. The collapse of sensemaking in organizations: The Mann Gulch disaster // *Administrative Science Quarterly*. 1993. Vol. 38. № 4. P. 628–652.

20. Frandsen F., Johansen W. The study of internal crisis communication: towards an integrative framework // *Corporate Communications: An International Journal*. 2011. Vol. 16. № 4. P. 347–361.

21. Heide M., Simonsson C. Struggling with internal crisis communication: A balancing act between paradoxical tensions // *Public Relations Inquiry*. 2015. Vol. 4. № 2. P. 223–255.

22. Heide M., Simonsson C. *Internal Crisis Communication: Crisis Awareness, Leadership and Coworkership*. London; New York: Routledge, 2019.

23. Панкова Г., Шишкин Д. Кризисные коммуникации с внутренней общественностью // *Век информации*. 2020. Т. 4. № 1(10). С. 5–13.

24. Тайбер З.Ю. Управление антикризисными коммуникациями в организациях // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2023. Т. 14. № 1. С. 1–10.

25. Williams T.A., Gruber D.A., Sutcliffe K.M., Shepherd D.A., Zhao E.Y. Organizational response to adversity: Fusing crisis management and resilience research streams // *Academy of Management Annals*. 2017. Vol. 11. № 2. P. 733–769.

26. Строев В.В., Ломовцева О.А. Санкционная экономика: сила «слабых связей» российского менеджмента // *Вестник университета*. 2023. № 2. С. 174–180.

27. Лебедев В.А. Корпоративное управление в условиях введенных санкций: состояние и перспективы // *Актуальные исследования*. 2025. № 21 (256). Ч. III. С. 35–38.

CRISIS COMMUNICATIONS AT STOCK EXCHANGES: THE INTERNAL ORGANISATIONAL DIMENSION

Antonov V.K.

Academy of Labor and Social Relations

The stock exchange and the related financial market infrastructure organisations remain at the margins of crisis communication research, and their internal organisational dimension is almost undescribed. Yet for an exchange, which cannot suspend its operations during the acute phase of a crisis, the ability to preserve governability and coordination inside the organisation turns out to be decisive. The article systematises the theoretical approaches suited to a sociological study of internal crisis communications at exchanges: sensemaking, the theories of normal accidents and high reliability organisations, and research on internal crisis communication and organisational resilience. The external contour is considered only insofar as it rests on the internal work of the organisation. The author argues for the primacy of the internal contour: the market receives an accurate picture of events only to the extent that the organisation has first assembled it internally through collective sensemaking under time pressure. Internal crisis communication is presented as the load-bearing structure of the resilience of exchange infrastructure and as a mechanism for retaining governability at the moment when the ordinary supports of management fail.

Keywords: internal organisational communications; crisis communications; stock exchange; financial market infrastructure; organisational resilience; sensemaking; high reliability organisations; trust in financial markets; sociology of management.

References

1. Tikhonov A.V. *Sociology of management*. 2nd ed., add. and processed M.: Kanon+ROOI "Rehabilitation", 2007. 472 p.

2. Gavra D.P. Situational-perceptual matrix as a tool for crisis communications // *Media in the modern world*. 58th St. Petersburg Readings: collection of materials from the International Scientific Forum: in 2 volumes. T. 1. St. Petersburg: St. Petersburg Publishing House. state Univ., 2019. pp. 153–155.

3. Coombs W.T. Protecting organization reputations during a crisis: The development and application of situational crisis communication theory // *Corporate Reputation Review*. 2007. Vol. 10. No. 3. P. 163–176.

4. Sharkov F.I., Balandin A.E. Anti-crisis business communications in the conditions of the new "sanctions reality" // *Communicology*. 2022. T. 7. No. 3. pp. 105–119.

5. Makarova Yu.L., Gorbova I.N., Martynov G.N. Anti-crisis business communications in the new reality // *Journal of Applied Research*. 2025. No. 1. P. 10–18.

6. Golub O. Yu. Crisis communications: methodology and management methods // *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*. 2012. No. 2 (41). pp. 142–145.

7. Gavra D.P., Bykova E.V. Strategic crisis communication: basic characteristics and integrative implementation // *Age of Information*. 2016. T. 2, no. 2. pp. 122–126.

8. Chumikov A.N. *Anti-crisis communications: textbook*. allowance. M.: Aspect Press, 2013. 172 p.

9. Sarkisov V.E. Practical aspects of managing crisis political communication // *Russian Social and Humanitarian Journal*. 2024. No. 4. URL: www.evsnik-mgou.ru (access date: 06/19/2026).

10. Coombs W.T., Holladay S.J. (eds.) *The Handbook of Crisis Communication*. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010.

11. Benoit W.L. Image repair discourse and crisis communication // *Public Relations Review*. 1997. Vol. 23. No. 2. P. 177–186.

12. Gryzunova E.A. Models of crisis communications and information management in the work of public authorities // *Bulletin of MGIMO-University*. 2013. No. 6 (33). pp. 225–229.

13. Tiber Z. Yu. Legitimacy of crisis management in the projection of communications with organizational stakeholders // *World of Science. Sociology, philology, cultural studies*. 2024. T. 15. No. 4. P. 1–10.

14. The Failure of Equity Trading System on October 1, 2020 [Electronic resource] // Japan Exchange Group / Tokyo Stock Exchange. URL: <https://www.jpx.co.jp/english/corporate/news/news-releases/0060/20201019-01.html> (access date: 06/19/2026).

15. Perrow C. *Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies*. New York: Basic Books, 1984. 386 p.

16. Findings Regarding the Market Events of May 6, 2010: Report of the Staff of the CFTC and SEC to the Joint Advisory Committee on Emerging Regulatory Issues [Electronic resource] // U.S. Securities and Exchange Commission; U.S. Commodity Futures Trading Commission. September 30, 2010. URL: <https://www.sec.gov/news/studies/2010/marketevents-report.pdf> (accessed June 19, 2026).

17. Weick K.E., Sutcliffe K.M. *Managing the Unexpected: Sustained Performance in a Complex World*. 3rd ed. San Francisco: Jossey-Bass, 2015. 224 p.

18. Weick K.E. Enacted sensemaking in crisis situations // *Journal of Management Studies*. 1988. Vol. 25. No. 4. P. 305–317.

19. Weick K.E. The collapse of sensemaking in organizations: The Mann Gulch disaster // *Administrative Science Quarterly*. 1993. Vol. 38. No. 4. P. 628–652.

20. Frandsen F., Johansen W. The study of internal crisis communication: towards an integrative framework // *Corporate Communications: An International Journal*. 2011. Vol. 16. No. 4. P. 347–361.

21. Heide M., Simonsson C. Struggling with internal crisis communication: A balancing act between paradoxical tensions // *Public Relations Inquiry*. 2015. Vol. 4. No. 2. P. 223–255.

22. Heide M., Simonsson C. *Internal Crisis Communication: Crisis Awareness, Leadership and Coworkership*. London; New York: Routledge, 2019.

23. Pankova G., Shishkin D. Crisis communications with the internal public // *Age of Information*. 2020. T. 4. No. 1(10). pp. 5–13.

24. Tiber Z. Yu. Management of anti-crisis communications in organizations // *World of Science. Sociology, philology, cultural studies*. 2023. T. 14. No. 1. P. 1–10.

25. Williams T.A., Gruber D.A., Sutcliffe K.M., Shepherd D.A., Zhao E.Y. Organizational response to adversity: Fusing crisis management and resilience research streams // *Academy of Management Annals*. 2017. Vol. 11. No. 2. P. 733–769.

26. Stroeve V.V., Lomovtseva O.A. Sanctions economy: the power of "weak ties" of Russian management // *University Bulletin*. 2023. No. 2. pp. 174–180.

27. Lebedev V.A. Corporate governance in the context of imposed sanctions: state and prospects // *Current research*. 2025. No. 21 (256). Part III. pp. 35–38.